This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

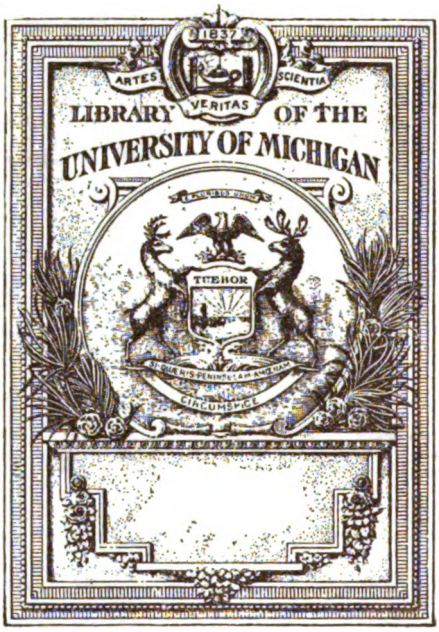
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



Digitized by Google

891.78
C52
Q6

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО
въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ III.

СОВРЕМЕННИКЪ 1857.

Критика и библіографія.—Замѣтки о журналахъ 1857 г.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Лессингъ.

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

Современникъ 1857 г.

стр.

№ 1. **Библіографія:** Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. подъ редакціею Н. В. Гербеля 1
Оды Квинта Горація Флакка. Переводъ съ латинскаго А. Фета. 6
Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. „Чудодѣй". А. Ѳ. Вельтмана 9

Замѣтки о журналахъ: Разсказы гр. Л. Толстого. — Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ, Кавелина.—Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя, изъ воспоминаній А. Тарасенкова.—„Русскій Вѣстникъ" и Тургеневъ 10

№ 2. **Критика:** Письма объ Испаніи, В. П. Боткина 25

Библіографія: Ньюкомы, романъ В. М. Теккерея 47
Записки объ уженьи рыбы, С. Аксакова.—Замѣчанія московскаго охотника на ружейную охоту съ лягавою собакою Н. Основскаго 56
Биржевыя операціи. Соч. В. Безобразова 57
Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. Томъ III 58
Новый опытъ о богатствѣ народномъ. Гавріила Каменскаго. Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Томъ II 62
Руководство къ познанію дѣйствующихъ русскихъ законовъ, составленное Ѳ. Проскуряковымъ 62

Замѣтки о журналахъ: „Отечественныя Записки" (Дудышкинъ) о Тургеневѣ.—Богданъ Хмельницкій, Костомарова.—Столичные родственники, Григоровича 63

№ 3. **Критика:** Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, издалъ Петръ Бартеневъ 71

Библіографія: Стихотворенія Н. Щербины 86
Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Сочиненіе Леопольда Ранке. Переводъ съ нѣмецкаго Петра Бартенева . . 101
Русскій библіографическій указатель за 1855 г. 111

Замѣтки о журналахъ: Экономическій Указатель. — Теорія и практика, Бабста.—Опытъ изложенія главныхъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства, Струкова. —Старая барыня, Писемскаго 112

№ 4. **Библіографія:** Стихотворенія Н. Арбузова 125
Очерки изъ крестьянскаго быта. А. Ѳ. Писемскаго 129
Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XI. — Записки Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. Книжка II 139
Столѣтіе „Московскихъ Вѣдомостей" (1756—1856). Е. Корша. 145
Для легкаго чтенія. Томъ V 147

Замѣтки о журналахъ: „Русская Бесѣда" и славянофильство.—Доходное мѣсто, Островскаго. — Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, комедія Львова.—Поярковъ, Печерскаго 148

Digitized by Google

стр.

№ 5. **Библіографія:** Сочиненія В. Жуковскаго 159
Отчетъ Правленія Одесскаго женскаго благотворительнаго общества за 1856 г. 170
Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. Статья I 179

Замѣтки о журналахъ: Славянофилы и вопросъ объ общинѣ.—Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства, Струкова 180

№ 6. **Критика:** Губернскіе очерки, Щедрина. Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ. 201

Библіографія: Труды Комиссіи при Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа 234
Хлопчатобумажная промышленность и важность ея значенія въ Россіи. Соч. Александра Шипова 242
О свободной международной торговлѣ. (Изъ путевыхъ записокъ А. Сербера-Медельгейма) 250
Путешествіе по Восточной Сибири И. Булычева 251
Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. Статья II . . . 252

Замѣтки о журналахъ: О новомъ направленіи въ полемикѣ.—Полемика между „Русскимъ Вѣстникомъ" и „Молвою" 253

№ 7. **Studien**, Гакстгаузена. 270

Замѣтки о журналахъ: О распространеніи знаній въ Россіи, Ламанскаго.—L'ancien regime, Токвиля и De l'avenir politique de l'Angleterre, Монталамбера. — Физіологія общества, Безобразова.—Объ учрежденіи въ Петербургѣ общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія. 311

№ 8. **Библіографія:** Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. П. А. Кулиша . . . 337
Мертвыя души. Окончаніе поэмы Н. В. Гоголя „Похожденія Чичикова". Ващенко-Захарченко 373
Очеркъ русскаго вексельнаго права, чтенія Д. И. Мейера . 377
О погашеніи государственныхъ долговъ, сочиненіе Александра Запасника 380

№ 9. **Современное обозрѣніе** 388

№№ 9 и 11. **О поземельной собственности.** 405

№ 10. **Критика:** О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. Рѣчь И. Бабста.—Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, Іереміи Бентама 505

Современное обозрѣніе 533

№ 11. **Современное обозрѣніе** 555

№ 12. **Современное обозрѣніе** 564

Современникъ 1856—1857 г.

(1856 г. №№ 10—12; 1857 г. №№ 1, 3—6).

Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность.

Е. Историческое значеніе нѣмецкой литературы въ послѣдней половинѣ прошедшаго вѣка.—Мѣсто, которое принадлежитъ Лессингу въ исторіи развитія нѣмецкаго народа 585

Глава первая. Причины, замедлившія соединеніе нѣмецкихъ племенъ въ одну національную державу и содѣйствовавшія распаденію Германіи на множество самостоятельныхъ государствъ. — Слѣдствіе этого распаденія.—Положеніе нѣмецкаго народа въ половинѣ XVIII вѣка по отношенію къ общимъ національнымъ интересамъ.—Характеристика государственной и частной жизни въ различныхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ 591

Глава вторая. Нѣмецкая литература до Лессинга.—Готтшедъ и саксонская школа.—Бодмеръ и швейцарская школа. — Клопштокъ. — Галлеръ.—Гагедорнъ.—Рабенеръ.—Гел-

Digitized by Google

стр.

лертъ.—Университеты и школы. — Публика.—Начала новой жизни.—Томазіусъ.—Мозеръ 621

Глава третья. Семейство Лессинга.—Происхожденіе его рода.—Дѣтство Лессинга.—Мейссенская школа.—Поздравительная рѣчь отцу.—Лейпцигскій университетъ.—Неаккуратность Лессинга въ посѣщеніи лекцій.– Дружба съ Миліусомъ. — Первыя литературныя произведенія. — Страсть къ театру. — Лессингъ пишетъ для сцены.— Неудовольствіе родныхъ. — Возвращеніе въ Каменецъ.—Переселеніе въ Берлинъ 648

Глава четвертая. Столкновеніе съ Вольтеромъ.—Дѣло съ Ланге.—Лессингъ становится выше всякихъ подозрѣній.—Онъ становится страшенъ, какъ критикъ.—Николаи.—Менделсонъ.—Отношенія Лессинга, какъ саксонца, къ пруссакамъ во время Семилѣтней войны.—Возвращеніе въ Берлинъ 674

Глава пятая. „Литературныя письма". — Основаніе ихъ сильнаго дѣйствія на нѣмецкую литературу.—Черты, ими внесенныя въ характеръ нѣмецкой мысли. — Лессингъ принимаетъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ.—Жизнь его въ Бреславлѣ. — Возвращеніе къ литературному міру. — „Миссъ Сара Сампсонъ".—„Минна фонъ Барнгельмъ".—„Лаокоонъ" 702

Глава шестая. Жизнь Лессинга въ Берлинѣ по возвращеніи изъ Бреславля.—Гамбургскій національный театръ.—„Гамбургская Драматургія".—Типографія.—Клоцъ.—„Антикварскія письма".—Жизнь Лессинга въ Гамбургѣ.— Переселеніе въ Вольфенбюттель.—Лессингъ, какъ библіотекарь.—„Эмилія Галотти". — Поэты новаго поколѣнія.—Отношенія Гёте къ Лессингу. — Лессингъ покидаетъ беллетристическую дѣятельность 722

Глава седьмая. Жизнь Лессинга въ Вольфенбюттелѣ.—Г-жа Кенигъ.— Препятствія къ браку.—Отношенія Лессинга къ Брауншвейгскому Двору.—Поѣздка въ Вѣну и путешествіе по Италіи.—Отношеніе Лессинга къ тогдашнимъ нѣмецкимъ нравамъ.—Бракъ.—Кончина супруги.—Лессингъ изнемогаетъ. — Новый періодъ его литературной дѣятельности. — „Отрывки изъ Вольфенбюттельскаго Анонима". — Борьба между обѣихъ враждующихъ между собою и съ католиками протестантскихъ партій.—Отрывки изъ полемическихъ статей.– Слѣдствія этой борьбы. — Отношенія Лессинга къ послѣдующей нѣмецкой философіи.—Отношеніе къ нравственно-политическимъ наукамъ.—„Разговоры между Эрнстомъ и Фалькомъ". — Общій характеръ дѣятельности Лессинга.—Его личный характеръ 746

Digitized by Google

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. *Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею* Н. В. Гербеля. *Часть первая, Спб. 1856.*

Когда идетъ рѣчь объ историческихъ наукахъ, о томъ, что настоящее состояніе ихъ еще очень неудовлетворительно, всѣ мы начинаемъ говорить, что матеріалы еще мало разработаны,—но хорошо было бъ, еслибъ дѣло ограничивалось только необходимостью подвергнуть матеріалы историческихъ наукъ болѣе внимательной, полной и точной разработкѣ. Нѣтъ, не въ этомъ одномъ состоитъ дѣло: самая идея каждой отрасли историческихъ наукъ понимается еще слишкомъ узко; нужно не только разработать матеріалы, нужно расширить границы содержанія науки, о какой бы отрасли историческихъ наукъ ни должна была итти рѣчь. Возьмемъ въ примѣръ хотя исторію литературы. Не будемъ говорить о томъ, что до сихъ поръ, вмѣсто исторіи литературной мысли въ обществѣ, намъ дается обыкновенно только обзоръ произведеній, замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи; вмѣсто того, чтобы говорить объ обществѣ, о націи, говорится только объ исключительныхъ явленіяхъ, каковы геніальные или, вообще, знаменитые поэты,—то есть дѣлается тоже самое, какъ если бы географія, вмѣсто описанія страны, въ которомъ равнины, болота, степи, луга занимаютъ гораздо болѣе мѣста, нежели картины горныхъ хребтовъ, давала намъ только описанія вершинъ Монблана, Сенъ-Готарда и Мон-Сени. Нѣтъ, намъ нужно знать и такія книги, которыя доставляли умственную пищу массѣ, и Ѳедотъ Кузмичовъ скажетъ намъ какова была умственная жизнь той безчисленной массы, которая не знала и не требовала другой пищи, кромѣ его произведеній.

Но оставимъ въ сторонѣ это требованіе, къ принятію котораго слишкомъ мало еще приготовлены понятія современныхъ изслѣдователей. Положимъ даже, что исторія литературы должна говорить намъ только о писателяхъ замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи, пренебрегая, какъ пренебрегаетъ теперь, книгами, доставляющими чтеніе огромнѣйшему числу грамотнаго населенія. И съ этою уступкою, все таки мы не дошли еще до того, чтобы находить удовлетворительно широкими нынѣшнія границы исторіи литературы. Теперь она почти исключительно занимается только оригинальною литературою, не обращая почти никакого вниманія на пере-

Digitized by Google

водную. Это было бы совершенно справедливо, если бы исторія литературы должна была представлять не разсказъ о развитіи литературныхъ понятій народа, а простой списокъ людей извѣстной націи, прославившихся въ литературѣ. Правда, переводчики рѣдко пріобрѣтаютъ знаменитость, а часто и вовсе не бываютъ литераторами въ настоящемъ смыслѣ слова,—но чтожъ изъ того? Никто и не проситъ исторію литературы говорить о переводчикахъ—пусть она говоритъ о переведенныхъ произведеніяхъ,—вѣдь наука имѣетъ предметомъ факты, и какой бы странѣ, какому бы народу ни принадлежалъ человѣкъ, отъ котораго ведетъ начало литературный фактъ, о фактѣ все таки должна говорить исторія того народа, на жизни или понятіяхъ котораго отразился этотъ фактъ. Вѣдь пароходы американское изобрѣтеніе, а говоритъ же о нихъ англійская статистика, потому что они перешли и въ англійскую жизнь; паровозы англійское изобрѣтеніе, а говоритъ же о нихъ французская статистика. Такъ и Байронъ, если только переводы его произведеній имѣли, положимъ, на французскую публику не менѣе вліянія, нежели, напримѣръ, произведенія Шатобріана или Ламартина, долженъ занимать собою исторію французской литературы не менѣе, нежели Ламартинъ или Шатобріанъ. Мы говоримъ не о произведеніяхъ французскихъ подражателей или послѣдователей Байрона,—нѣтъ, о самыхъ произведеніяхъ Байрона во французскомъ переводѣ.

Вообще, надобно принять за правило, что если исторія литературы должна разсказывать о развитіи общества, то ей слѣдуетъ обращать одинаковое вниманіе на факты, имѣвшіе одинаково важное значеніе для этого развитія, какой бы націи, какой бы литературѣ ни принадлежало первоначальное появленіе этихъ фактовъ.

Переводная литература у каждаго изъ новыхъ европейскихъ народовъ имѣла очень важное участіе въ развитіи народнаго самосознанія или (чтобы говорить опредѣлительнѣе, замѣнимъ другимъ выраженіемъ эту обиходную фразу, слишкомъ часто ведущую къ недоразумѣніямъ) въ развитіи просвѣщенія и эстетическаго вкуса. Потому историко-литературныя сочиненія только тогда не будутъ страдать очень невыгодною односторонностью, когда станутъ на переводную литературу обращать гораздо больше вниманія, нежели какъ это обыкновенно дѣлается теперь.

Есть нѣкоторое извиненіе для такой односторонности, когда дѣло идетъ объ исторіи литературъ очень развитыхъ, богатыхъ силами, литературъ, въ которыхъ иноземныя вліянія тотчасъ выражаются подражаніями, по своему относительному достоинству занимающими въ литературѣ, принимающей вліяніе, такое же мѣсто, какое принадлежитъ оригиналамъ этихъ подражаній въ литературѣ, отъ которой исходитъ вліяніе.

У насъ до сихъ поръ было не такъ. Участіе иностранныхъ литературъ въ развитіи нашего эстетическаго вкуса производилось преимущественно чистыми переводами. Исключеніе развѣ за однимъ байроновскимъ направленіемъ, которое отчасти въ Пушкинѣ, отчасти въ Лермонтовѣ имѣло у насъ достойныхъ представителей,—между тѣмъ, какъ самого Байрона мы знали очень мало. Можно прибавить еще, что начавшееся отъ Вальтера Скотта направленіе имѣло у насъ также представителей, заслужившихъ любовь пу-

Digitized by Google

лики,—но, тѣмъ не менѣе, романы самого Вальтера Скотта были у насъ распространены гораздо болѣе, нежели достойные вниманія оригинальные романы того же рода. Объ остальныхъ иноземныхъ писателяхъ надобно рѣшительно сказать, что если они дѣйствовали на насъ, то исключительно прямымъ, а не косвеннымъ образомъ,—дѣйствовали только переводами, рѣшительно не имѣя у насъ достойныхъ послѣдователей. Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, Шиллеръ, Гёте, Диккенсъ,—всѣ эти писатели имѣли, или имѣютъ, участіе въ нашей умственной жизни—исключительно черезъ переводы.

Огромную важность имѣетъ у насъ переводная литература. До самого Пушкина, она была несравненно важнѣе оригинальной. Да и теперь еще не такъ легко рѣшить, взяла ли надъ нею верхъ оригинальная литература. Какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе Гоголя, но мы колеблемся, можно ли сказать положительнымъ образомъ, чтобы иностранные писатели имѣли на развитіе литературной мысли въ русскомъ обществѣ менѣе вліянія, нежели творецъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь кровный, родной намъ, его содержаніе ближе къ намъ,—прелесть его разсказа непосредственнѣе чувствуется нами,—все это такъ, мы любимъ его живѣе и сильнѣе. Но содержаніе чужихъ геніальныхъ писателей,—что дѣлать, надобно сознаться,—шире; художественная форма ихъ произведеній,—и въ этомъ надобно сознаться,—совершеннѣе; они стоятъ дальше отъ насъ, но фигуры ихъ колоссальнѣе; мы не съ такою кровною любовью подчиняемся ихъ мысли, — и если на сторонѣ Гоголя наше субъективное сочувствіе, то на сторонѣ ихъ превосходство объективнаго величія и совершенства,—и на чьей сторонѣ перевѣсъ вліянія, трудно рѣшить.

Если таково отношеніе оригинальной и переводной литературы теперь, послѣ Гоголя, когда оригинальная литература получила развитіе несравненно высшее и сильнѣйшее, сравнительно съ прежнимъ, то до Гоголя, и особенно до Пушкина, когда оригинальная наша литература была еще очень слаба, переводная литература имѣла надъ нею рѣшительный перевѣсъ. Если вникнуть въ дѣло безпристрастно, то, кажется намъ, едва ли можно не прійти къ заключенію, что до Пушкина, въ исторіи нашей литературы, переводная литература почти одна только имѣетъ право считаться истинною питательницею русской мысли.

При случаѣ мы подтвердимъ это мнѣніе подробнымъ разборомъ фактовъ, а теперь укажемъ пока на одинъ примѣръ, представляемый книгою, заглавіе которой мы выписали. Поэзія Шиллера какъ будто родная намъ—а между тѣмъ у насъ не было ни одного замѣчательнаго оригинальнаго поэта въ этомъ родѣ. Произведенія Шиллера были переводимы у насъ,—и этого довольно, чтобы мы считали Шиллера своимъ поэтомъ, участникомъ въ умственномъ развитіи нашемъ. Чувство справедливой благодарности понуждаетъ насъ признаться, что этому нѣмцу наше общество обязано болѣе, неужели кому бы то ни было изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ, кромѣ Пушкина.

Благодаря переводамъ Жуковскаго, онъ сталъ нашъ поэтъ. Но Жуковскій перевелъ только меньшую половину его стихотвореній. Другая, гораздо большая половина усвоенныхъ нашему языку его стихотвореній, до сихъ поръ почти совершенно погибала для русской публики, потому что эти

Digitized by Google

пьесы были разсѣяны по старымъ журналамъ и сборникамъ стихотвореній разныхъ нашихъ поэтовъ, большею частью мало распространенныхъ въ публикѣ.

Г. Гербель рѣшился собрать эти переводы, и, дополнивъ массу ихъ новыми переводами тѣхъ стихотвореній, которыя или не были переведены, или не были удовлетворительно переведены на русскій языкъ, издать полное собраніе лирическихъ стихотвореній Шиллера въ русскомъ переводѣ.

Мысль эта прекрасна. Жаль только, что изъ нѣсколькихъ переводовъ одной пьесы выбирая лучшія г. Гербель часто ошибается въ выборѣ, и, отбрасывая лучшій, печатаетъ менѣе удовлетворительные,—но это не болѣе, какъ ошибка, а „ошибка въ фальшь не ставится"; при томъ же, онъ даетъ полный списокъ всѣхъ переводовъ, обозначая, гдѣ помѣщенъ каждый изъ нихъ,—стало быть, самъ даетъ средство исправлять ошибки своего выбора. Правда, въ обозрѣніи переводовъ Шиллера на русскій языкъ онъ положительнымъ образомъ хвалитъ переводы г. Гр. Данилевскаго, г. Алексѣева, не удостоивая (на той же страницѣ) этой чести переводы Козлова, Губера, г. К. Аксакова, г-жи Павловой, г. А. Григорьева, г. Яхонтова, которые безспорно во сто разъ лучше переводовъ г. Гр. Данилевскаго, г. Лялина и проч.,—но это опять ошибка, не болѣе. Но за то г. Гербель обнаружилъ при составленіи своего сборника много трудолюбія; отъискивая повсюду переводы пьесъ Шиллера, онъ пересмотрѣлъ почти всѣ наши журналы, альманахи и собранія стихотвореній съ 1800 года,—что, по его словамъ, составляетъ 9000 томовъ—работа обширная, и въ этомъ отношеніи нельзя не отдать полной справедливости г. Гербелю.

Онъ много трудился,—и потому, несмотря на довольно частыя его ошибки при оцѣнкѣ достоинства различныхъ переводовъ, въ его изданіи все таки собрано очень много хорошихъ переводовъ, которые погибали бы въ старыхъ журналахъ и книжкахъ стихотвореній посредственныхъ поэтовъ, если бы г. Гербель не собралъ этихъ пьесъ. Мало того. Многія пьесы Шиллера переведены,—и часто переведены хорошо,—собственно для его сборника, различными поэтами; многіе другіе переводы, уже сдѣланные прежде, но до сихъ поръ остававшіеся ненапечатанными, напечатаны у него въ первый разъ. Изъ числа послѣднихъ г. Гербель справедливо указываетъ на прекрасный переводъ „Пѣсни о колоколѣ" г. Мина, „который одинъ есть уже пріобрѣтеніе для литературы".

Такимъ образомъ, несмотря на сдѣланное нами замѣчаніе, „Сборникъ", изданный г. Гербелемъ, достоинъ всякаго вниманія.

У насъ привыкли нераздѣльно соединять Шиллера съ Жуковскимъ, и тѣ, которые находятъ, что время поэзіи Жуковскаго прошло, часто воображаютъ, что точно также прошло и время поэзіи Шиллера. Это совершенно несправедливо. Жуковскій прекрасно перевелъ многія изъ лучшихъ стихотвореній Шиллера, познакомилъ съ этимъ поэтомъ русскую публику,—но, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ переводилъ много изъ второстепенныхъ англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, произведенія которыхъ нынѣ, конечно, кажутся устарѣлыми по своему содержанію; особенно забавны теперь баллады Соути, въ которыхъ, кромѣ вѣдьмъ, чертей и колдовства, нѣтъ ничего. Рядомъ съ

Digitized by Google

этими переводами, помѣщены собственныя произведенія Жуковскаго, которыя нынѣ, послѣ Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другихъ новѣйшихъ поэтовъ, конечно, утратили большую часть своей прежней цѣны. Такимъ образомъ, стихотворенія Шиллера, въ собраніи стихотвореній Жуковскаго, какъ будто несутъ на себѣ отвѣтственность за остальныя произведенія, среди которыхъ разсѣяны.

Но Шиллера не должно смѣшивать ни съ кѣмъ. Его поэзія никогда не умретъ, -это не какой нибудь Соути или Геббель. Люди, гордящіеся своею мнимою положительностью, между тѣмъ, какъ имѣютъ только сухость сердца,—своимъ знаніемъ жизни, между тѣмъ, какъ пріобрѣли только знаніе мелочныхъ интригъ, говорятъ иногда о Шиллерѣ съ-высока, какъ объ идеалистѣ, мечтателѣ,—иногда рѣшаются даже намекать, что у него больше было сантиментальности, нежели таланта. Все это можетъ быть справедливо относительно иныхъ поэтовъ, которыхъ считаютъ у насъ сходными, по направленію, съ Шиллеромъ, но не относительно Шиллера. Характеръ своей поэзіи онъ самъ объяснилъ намъ въ „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣческаго рода“, излагая свои понятія о существенномъ значеніи поэзіи вообще. Это сочиненіе написано въ 1795 г., въ эпоху французскихъ войнъ, отъ результата которыхъ зависѣла не только политическая самостоятельность или подчиненность Германіи, но также рѣшеніе вопросовъ внутренняго быта нѣмецкихъ племенъ. Шиллеръ хотѣлъ доказать въ немъ, что путь къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ—эстетическая дѣятельность. По его мнѣнію, необходимо нравственное возрожденіе человѣка для того, чтобы измѣнить къ лучшему существующія отношенія: устройство ихъ можетъ быть усовершенствовано только тогда, когда облагородится человѣческое сердце. Средствомъ такого возрожденія должна быть эстетическая дѣятельность. Она должна давать благородное и твердое настроеніе умственной жизни. Суровые принципы душевнаго благородства пугаютъ людей, когда излагаются строгою наукою. Искусство незамѣтно внушаетъ человѣку понятія, достоинство которыхъ не хочетъ онъ оцѣнить, когда они являются ему безъ поэтической одежды. Своими идеалами приводитъ поэзія лучшую дѣйствительность: внушая благородные порывы юношѣ, готовитъ она его къ благородной практической дѣятельности.

Такова дѣйствительно поэзія Шиллера. Это вовсе не сантиментализмъ, не игра мечтательной фантазіи,—нѣтъ, паѳосъ этой поэзіи—пламенное сочувствіе всему, чѣмъ благороденъ и силенъ человѣкъ.

Мы желаемъ, чтобы изданіе г. Гербеля имѣло успѣхъ въ публикѣ. Шиллеръ много принесъ, и можетъ принести еще гораздо больше пользы нашему эстетическому развитію. Недостатки, нами замѣченные въ изданіи г. Гербеля, доказываютъ только, что дѣло могло бы быть исполнено лучше, еслибъ въ него не замѣшалась претензія. Но, все таки, само по себѣ дѣло такъ хорошо, что, несмотря на несовершенную удачность исполненія, остается прекраснымъ.

Внѣшній видъ изданія красивъ. Оно напечатано въ форматѣ „Легкаго Чтенія“, на хорошей бумагѣ. Оно будетъ состоять изъ двухъ томовъ. При второмъ г. Гербель хочетъ приложить біографію Шиллера,—отъ души желаемъ, чтобы она была написана хорошо.

Digitized by Google

Оды Квинта Горація Флакка. *Переводъ съ латинскаго,* А. Фета. *Спб. 1856*

Кромѣ очень немногихъ, слишкомъ строгихъ, или, лучше сказать, слишкомъ придирчивыхъ критиковъ, по нашему мнѣнію, несправедливыхъ къ труду г. Фета, всѣ цѣнители соглашаются, что этотъ переводъ Горація приноситъ большую честь переводчику,—это очень много значитъ, при томъ высокомъ понятіи о талантѣ г. Фета, которое имѣютъ всѣ люди съ изящнымъ вкусомъ. Произведеніе, дѣлающее честь г. Фету, должно быть превосходно. И однако же, этотъ переводъ, имѣющій такое высокое достоинство, не произвелъ ни на публику, ни на литераторовъ живого впечатлѣнія, и въ большинствѣ даже людей образованныхъ (не говоримъ уже о людяхъ, неприготовленныхъ къ наслажденію поэзіею классическаго міра) не возбудилъ того увлеченія, на которое, повидимому, должна бы давать ему право неутомимость и достоинство работы, взявшей у талантливаго переводчика столько времени, совершенной съ любовью и внимательностью. Конечно, многіе изъ людей съ наиболѣе развитымъ вкусомъ восхищались переводомъ г. Фета; но многіе другіе, одаренные такимъ же тонкимъ вкусомъ, и съ нимъ вмѣстѣ масса публики, остались довольно равнодушны къ Горацію.

Иного, впрочемъ, и не должно было ожидать. Холодность пріема, сдѣланнаго Горацію, недостаточно приписывать одной неприготовленности большинства нашей публики къ наслажденію произведеніями классической поэзіи. Гомеръ и Анакреонъ съ восхищеніемъ читаются у насъ (какъ и вездѣ) многими, не находящими особеннаго удовольствія въ Гораціевыхъ одахъ; Ювеналъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ у насъ чрезвычайно популяренъ, лишь бы только былъ хорошо переведенъ. Нѣтъ, есть особенныя причины равнодушія большинства къ Горацію.

Этотъ изящный поэтъ—чисто поэтъ формы, тонкой и тщательной отдѣлки, точнаго слога, граціознаго выраженія. Этимъ, по преимуществу, и ограничиваются его достоинства. Мы привыкли искать въ лирической поэзіи другихъ качествъ,—паѳоса, пламеннаго одушевленія, задушевнаго чувства, глубокой скорби, или страстной жизни. Ничего подобнаго нѣтъ у Горація,—паѳосъ его поэзіи выражается знаменитою одою его къ Лицинію, по переводу г. Фета:

Счастливѣй проживешь, Лицинъ, когда спѣсиво
Не станешь въ даль пучинъ прокладывать слѣдовъ,
Иль, устрашася бурь, держаться боязливо
Невѣрныхъ береговъ.

Далѣе говорится о томъ, что „золотая средина лучше всего“,—словомъ, паѳосъ поэзіи Горація—мудрое правило, внушаемое баснею Крылова „Водолазы“, изъ которыхъ одинъ, слишкомъ державшійся береговъ, едва доставалъ себѣ насущный хлѣбъ, собирая дрянныя раковины, другой, захотѣвшій искать безцѣнныхъ сокровищъ въ пучинахъ океана, утонулъ, а третій, избравшій мѣстомъ своихъ поисковъ мѣсто, гдѣ было ни глубоко, ни мелко, наловилъ множество жемчуга,—нравоученіе очень пригодное для житейскихъ дѣлъ, но вовсе не поэтическое. У Горація во всемъ почти соблю-

Digitized by Google

дается умѣренность и аккуратность. Воспѣваетъ ли онъ вино—онъ воспѣваетъ пиры умѣренные, чинные, добропорядочные, гдѣ пьютъ по разсчету, чтобы, не оставаясь трезвымъ, не быть и пьянымъ; у него нѣтъ ни разгула, ни страсти. Но кромѣ анакреонтической поэзіи можетъ быть поэзія стоицизма, поэзія суровой нравственной чистоты. Горацій—защитникъ нравственности,—но какой нравственности? умѣренной, уступчивой, снисходительной, допускающей все на свѣтѣ: и вино, и развратъ, но только въ приличномъ, благопристойномъ видѣ, на сколько вино и развратъ не вредятъ здоровью, денежнымъ дѣламъ и добропорядочному имени. Такова его поэзія во всемъ: и въ любви, и въ гражданскихъ доблестяхъ, и въ патріотизмѣ,- во всѣмъ онъ воспѣваетъ „умѣренность и аккуратность"—онъ поэтъ житейской мудрости.

Такое содержаніе не увлечетъ людей нашего вѣка, требующихъ отъ лирической поэзіи огня, страсти или глубины чувства. Латинисты восхищаются превосходною обработкою стиха у Горація, и намъ кажется, что если переводъ Горація имѣетъ цѣлью произвесть впечатлѣніе на большинство, то эта цѣль можетъ быть достигнута только однимъ путемъ: нимало не заботясь о вѣрности, переводчикъ долженъ всѣмъ,—и размѣромъ, и словами, и фразами, и, пожалуй, цѣлыми строфами жертвовать для всевозможной гладкости и легкости стиха,—безцеремонно откидывать большую часть собственныхъ именъ, миѳологическихъ и историческихъ намековъ, которыми щеголяетъ Горацій и которые темны для обыкновеннаго читателя,—словомъ, чтобы читатель не запнулся ни на чемъ и пробѣгалъ страницы Горація съ такою же легкостью, какъ страницы какого нибудь современнаго поэта. При этомъ стихъ долженъ быть совершенно легокъ и изященъ,—нигдѣ, ни одного натянутаго выраженія, ни одной принужденной разстановки словъ—пусть стихи льются, какъ вода. Что и говорить, такой переводъ будетъ варварскимъ искаженіемъ текста--будетъ Дюсисовскою или даже хуже, нежели Дюсисовскою передѣлкою. Но только такая передѣлка и можетъ сообщить переводу тѣ достоинства, которыя составляютъ очаровательность подлинника, только она можетъ придать переводу совершеннѣйшую гладкость и легкость.

Г. Фетъ, конечно, не могъ унизиться до такого варварства. Онъ хотѣлъ дать намъ переводъ, а не самоуправную передѣлку Горація. Потому его переводъ, отличающійся высокими достоинствами въ глазахъ истиннаго цѣнителя, хорошо знакомаго съ древнимъ міромъ, сдѣланъ не для большинства, а только для избранныхъ читателей и для обогащенія русской литературы. Г. Фетъ трудился серьезно и добросовѣстно, и, дѣйствительно, успѣлъ дать намъ переводъ, который долженъ быть названъ капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы.

Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. „Чудодѣй". *А. Ѳ. Вельтмана. 2 ч. Москва. 1856.*

Явись „Чудодѣй" г. Вельтмана въ ту пору, когда еще въ модѣ были романы, раздражительно дѣйствующіе на нервы читателей, онъ имѣлъ бы значительный успѣхъ; но теперь сомнительно, чтобы кто прочелъ его отъ

Digitized by Google

начала до конца, а если и найдутся такіе охотники, то сомнительно, чтобы романъ имъ понравился. Въ этомъ виновата, конечно, натуральная школа: она до такой степени испортила вкусъ публики, что теперь самый неопытный юноша, прочитавъ „Приключенія Чудодѣя“, назоветъ ихъ хитросплетеніями, почерпнутыми не изъ моря житейскаго, а изъ причудливой фантазіи автора. Полю Февалю и Дюма съ компаніею едва ли приходилось когда разсказывать такія хитрыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаться, такія скучныя вещи, какія разсказываетъ г. Вельтманъ. Тѣ какъ-то умѣютъ и небылицамъ сообщать видъ заманчивый, такъ что онѣ читаются, и читаются иногда даже безъ скуки, несмотря на всю ихъ пустоту; но увы! намъ это рѣшительно не удается, и, можетъ быть, это наше лучшее свойство, что мы не умѣемъ заманчиво разсказывать небылицы. Г. Вельтману, можетъ быть, хотѣлось представить въ лицѣ Даянова (Чудодѣй) типъ пылкаго, безпрестанно увлекающагося юноши, въ которомъ потребность любить и быть любимымъ беретъ верхъ надъ всѣми чувствами; но хотѣть и умѣть — два дѣла разныя: у г. Вельтмана этотъ типъ превратился въ такого сумасброда, которому гораздо приличнѣе было бы сидѣть подъ присмотромъ сторожей или сестеръ милосердія, нежели такъ долго обнаруживать симптомы своихъ странностей въ обществѣ.

Считаемъ не лишнимъ дать понятіе нашимъ читателямъ объ этомъ штукарѣ Даяновѣ.

„Въ затѣйливо убранномъ всею роскошью свѣтскихъ причудъ, небольшомъ кабинетѣ лежалъ на полу, навзничь, прекрасный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати... Мертвенная блѣдность покрывала его лицо...

— Ты, братецъ, умеръ, или еще нѣтъ? сказалъ наконецъ молодой мужчина.

Какъ будто гальваническій токъ пробѣжалъ по членамъ молодого человѣка, онъ встрепенулся, покатился по полу и конвульсивно застучалъ ногами; потомъ вдругъ вскочилъ съ полу и бросился къ молодому мужчинѣ, обхватилъ его и повисъ на шеѣ.

— Сдѣлай одолженіе, нельзя ли избавить отъ этихъ объятій!.. Ты съ ума сошелъ, Даяновъ!

— Не могу! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Оставь пожалуйста, что за шутки, — проговорилъ сердито молодой мужчина, освобождаясь отъ насильственныхъ объятій.

— Шутки? Ты думаешь, что это шутки? вскричалъ снова молодой человѣкъ, вскочивъ на ноги. — Ты, душа моя, не знаешь сердца человѣческаго, ты принимаешь это за шутки? Она даетъ балъ—это шутка? а? Да говори, Ранѣевъ! Ну? шутка, или серьезное это дѣло?—Софи даетъ балъ! Уууу!..

И Даяновъ взвизгнулъ, перекинулся, застучалъ ногами, схватилъ шитую подушку изъ подъ головы, бросилъ ее, какъ говорится, къ чорту; подушка ударилась въ тумбу съ мраморной вазой; ваза слетѣла на полъ, разбилась въ дребезги“.

На другой день послѣ бала Софи совершенно неожиданно дѣлается невѣстой сумасброда Даянова; но свадьба на время откладывается. Даяновъ кричитъ своему другу Ранѣеву:

„Знаешь, что̀, говоритъ,
Что она говоритъ,
Милый другъ, говоритъ,
Счастье — Glück, говоритъ,
Да не вдругъ, говоритъ:
По тебѣ, говоритъ,

Digitized by Google

Тяпъ—да—ляпъ, говоритъ,
И корабль, говоритъ;
Да нельзя, говоритъ:
Теперь постъ, говоритъ,
Сядь въ маль-постъ, говоритъ,
И ступай, говоритъ,
Въ Петербургъ, говоритъ".

. . . . . .

„Повторивъ говоритъ тысячу разъ, „говоритъ" Даяновъ вцѣпился себѣ въ волосы, бросился навзничь, прокатился по полу, вскочилъ и исчезъ, какъ привидѣніе".

Отсюда собственно начинаются затѣйливыя приключенія штукаря Даянова, но мы не беремся слѣдить за ними, потому что, при всѣхъ усиліяхъ, едва до половины дочитали первую часть ихъ.

Что это такое? Неужели это талантъ? Неужели это творческая фантазія? Нѣтъ, это просто неудачное хитросплетеніе, выдающее себя за легкость и игривость разсказа.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Декабрь 1856.

Разсказы графа Л. Н. „Толстаго. — Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ", Кавелина. — „Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя" изъ воспоминаній А. Тарасенкова.—„Русскій Вѣстникъ" и Тургеневъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, когда, по случаю изданія „Дѣтства", „Отрочества" и „Военныхъ Разсказовъ", мы выражали свое мнѣніе о тѣхъ качествахъ, которыя должны считаться отличительными чертами въ талантѣ графа Л. Н. Толстаго, мы говорили только о силахъ, которыми теперь располагаетъ его дарованіе, почти совершенно не касаясь вопроса о содержаніи, на поэтическое развитіе котораго употребляются эти силы. Между тѣмъ нельзя не помнить, что вопросъ о паѳосѣ поэта, объ идеяхъ, дающихъ жизнь его произведеніямъ,—вопросъ первостепенной важности. Нельзя также не замѣтить, что было бы очень легко опредѣлить границы этого содержанія, на сколько оно раскрылось въ произведеніяхъ бывшихъ извѣстными публикѣ въ то время, когда писалась наша статья. Но мы не сдѣлали этого, считая такое дѣло преждевременнымъ, потому что рѣчь шла о талантѣ молодомъ и свѣжемъ, до сихъ поръ быстро развивающемся. Почти въ каждомъ новомъ произведеніи онъ бралъ содержаніе своего разсказа изъ новой сферы жизни. За изображеніемъ „Дѣтства" и „Отрочества" слѣдовали картины Кавказа и Севастополя, солдатской жизни (въ „Рубкѣ лѣса"), изображеніе различныхъ типовъ офицера во время битвъ и приготовленій къ битвамъ,—потомъ глубоко-драматическій разсказъ о томъ, какъ совершается нравственное паденіе натуры благородной и сильной (въ „Запискахъ маркера"), затѣмъ, изображеніе нравовъ нашего общества въ различныя эпохи („Два Гусара"). Какъ расширяется постепенно кругъ жизни, обнимаемой произведеніями графа Толстаго, точно также постепенно развивается и самое воззрѣніе его на жизнь. Настоящія границы этого воззрѣнія было бы легко опредѣлить,—но кто поручится, что всѣ замѣчанія объ этомъ, основанныя на прежнихъ его произведеніяхъ, не окажутся односторонними и невѣрными съ появленіемъ новыхъ его разсказовъ? Въ послѣднихъ главахъ „Юности", которая напечатана въ этой книжкѣ „Современника", и читатели, конечно, замѣтили, какъ, съ расширеніемъ сферы разсказа, расширяется и взглядъ автора. Съ новыми лицами вносятся и новыя симпатіи въ его поэзію, — это видитъ каждый, припоми-

Digitized by Google

ная сцены университетской жизни Иртеньева. То же самое надобно сказать о разсказѣ графа Толстаго „Утро помѣщика“, помѣщенномъ въ декабрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Мы упоминаемъ объ этомъ разсказѣ не съ намѣреніемъ разсматривать основную идею его, — отъ этого насъ удерживаетъ увѣренность, что опредѣлять идеи, которыя будутъ выражаться произведеніями графа Толстаго, вообще было бы преждевременно. Тотъ ошибся бы, кто захотѣлъ бы опредѣлять содержаніе его севастопольскихъ разсказовъ по первому изъ этихъ очерковъ,—только въ двухъ слѣдующихъ вполнѣ раскрылась идея, которая въ первомъ являлась лишь одною своею стороною. Точно также мы должны подождать втораго, третьяго, разсказовъ изъ простонароднаго быта, чтобы опредѣлительнѣе узнать взглядъ автора на вопросы, которыхъ касается онъ въ первомъ своемъ очеркѣ сельскихъ отношеній. Теперь очень ясно для насъ только одно то, что графъ Толстой съ замѣчательнымъ мастерствомъ воспроизводитъ не только внѣшнюю обстановку быта поселянъ, но, что гораздо важнѣе, ихъ взглядъ на вещи. Онъ умѣетъ переселяться въ душу поселянина,—его мужикъ чрезвычайно вѣренъ своей натурѣ,—въ рѣчахъ его мужика нѣтъ прикрасъ, нѣтъ реторики, понятія крестьянъ передаются у графа Толстаго съ такою же правдивостью и рельефностью, какъ характеры нашихъ солдатъ.

Въ новой сферѣ его талантъ обнаружилъ столько же наблюдательности и объективности, какъ въ „Рубкѣ Лѣса“. Въ крестьянской избѣ, онъ такъ же дома, какъ въ походной палаткѣ кавказскаго солдата. Сюжетъ разсказа очень простъ: молодой помѣщикъ живетъ въ деревнѣ за тѣмъ, чтобы заниматься улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ. Для этой, какъ онъ вѣруетъ, святой и достижимой цѣли, онъ бросилъ все,—и столицу, и знакомства, и удовольствія, и честолюбивыя надежды на блестящую карьеру, — онъ хочетъ жить для блага своихъ крестьянъ,—это у него не фраза, а правдивое дѣло: онъ трудится неутомимо, онъ рвется изъ всѣхъ силъ. Каковъ же результатъ его усилій? Это мы видимъ изъ разсказа объ одномъ его „Утрѣ“, когда онъ, по обыкновенію, ходитъ по избамъ тѣхъ мужиковъ, которымъ случалось до него дѣло втеченіе предъидущей недѣли, чтобы своими глазами видѣть состояніе семейства, разобрать, основательна ли просьба, и если основательна, то съ общаго совѣта придумать способъ, какъ исполнить ее. Каковы эти консультаціи и къ чему приводятъ онѣ, читатель можетъ видѣть изъ первой сцены—въ избѣ Чуриса или Чурисенка. Мы выбираемъ этотъ отрывокъ потому, что фигура Чурисенка—одна изъ самыхъ законченныхъ, самыхъ рельефныхъ и вмѣстѣ самыхъ типичныхъ въ разсказѣ, который, вообще, представляетъ очень много страницъ, дышащихъ правдою:

— Богъ помощь! сказалъ баринъ, входя на дворъ.

„Чурисенокъ оглянулся и снова принялся за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усиліе, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только воткнулъ топоръ въ колоду, и, оправляя поясокъ, вышелъ на средину двора.

„— Съ праздникомъ, ваше сіятельство! сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая волосами.

— Спасибо любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать, съ дѣтскимъ дружелюбіемъ и застѣнчивостью сказадъ Нехлюдовъ, оглядывая одежду мужика.—Покажи-ка мнѣ, на что тебѣ сохи, которыя ты просилъ у меня на сходкѣ.

Digitized by Google

„— Сошки-то? Извѣстно, на что сошки, батюшка, ваше сіятельство. Хоть мало мальски подпереть хотѣлось, сами изволите видѣть; вотъ анадысь уголъ завалился, еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было. Все-то еле-еле виситъ, говорилъ Чурисъ, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сараи. — Теперь и стропила, и переметы только тронь: глядишь, дерева дѣльнаго не выйдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь? сами изволите знать.

„— Такъ на что жъ тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, переметы, столбы—все новое нужно, сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ знаніемъ дѣла.

„Чурисенокъ молчалъ.

— Тебѣ, стало-быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

„Вѣстимо нужно, да взять-то негдѣ: не все же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ, на счетъ дубовыхъ макушекъ, что̀ на господскомъ гумнѣ такъ, безъ дѣла лежатъ, сказалъ онъ кланяясь и переминаясь съ ноги на ногу:—такъ, може, я, которыя подмѣню, которыя порѣжу и изъ стараго какъ нибудь соорудую.

— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и гнило: нынче этотъ уголъ обвалился, завтра тотъ, послѣ завтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать все за̀-ново, чтобъ не даромъ работа пропадала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешь, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму, или нѣтъ?

— А кто ее знаетъ!

— Нѣтъ, ты какъ думаешь? завалится онъ, или нѣтъ?

Чурисъ на минуту задумался.

— Долженъ весь завалиться, сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ видишь-ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говорилъ, что тебѣ надо весь дворъ пристроить, а не однѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

— Много довольны вашей милостью, недовѣрчиво и не глядя на барина отвѣчалъ Чурисенокъ.—Мнѣ хоть бы бревна четыре, да сошекъ пожаловали, такъ я можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдетъ.

— А развѣ у тебя изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавитъ кого-нибудь, равнодушно сказалъ Чурисъ.—Намедни и то накатина съ потолка мою бабу убила!

— Какъ убила?

— Да такъ, убила, ваше сіятельство: по спинѣ какъ полыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала.

— Что-жъ прошло?

— Прошло то прошло да все хвораетъ. Она, точно, и отъ роду хворая.

— Что ты, больна? спросилъ Нехлюдовъ у бабы, продолжавшей стоять въ дверяхъ и тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

— Все вотъ тутъ не пущаетъ меня, да и шабашъ, отвѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

— Опять! съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами:—отчего же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ вамъ не оповѣщали?

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое...

Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя закопченыя стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и платьемъ, а въ красномъ буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимися около образо̀въ и лавки. Въ серединѣ этой черной, сиротной, шести-аршинной избенки, въ потолкѣ была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, казалось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушеніемъ.

Digitized by Google

— Да, изба очень плоха, сказалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенка, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

— Задавитъ насъ, и ребятишекъ задавитъ, начала слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ полатями.

— Ты не говори! строго сказалъ Чурисъ, и съ тонкой, чуть замѣтной улыбкой, обозначившейся подъ его пошевелившимися усами, обратился къ барину:—и ума не приложу, что съ ней дѣлать, ваше сіятельство, съ избой то; и подпорки, и подкладки клалъ—ничего нельзя издѣлать!

— Какъ тутъ зиму зимовать? Охъ-охъ-о! сказала баба.

— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатникъ настлать, перебилъ ее мужъ, съ спокойнымъ, дѣловымъ выраженіемъ: да кой-гдѣ переметы перемѣнить, такъ, можетъ, какъ-нибудь пробьемся зиму то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь—вотъ что; а тронь ее, такъ щепки живой не будетъ; только поколи стоитъ, доржится, заключилъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ сообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурисъ довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ, съ самаго своего пріѣзда ни разу не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобъ всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами. Онъ почувствовалъ даже нѣкоторую злобу на мужика, сердито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среды этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса, превратили его досаду въ какое-то грустное, безнадежное чувство.

— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ? съ упрекомъ замѣтилъ онъ, садясь на грязную, кривую лавку.

— Не посмѣлъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Чурисъ съ той же, чуть замѣтной улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ не посмѣлъ придти къ барину.

— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!.. начала было, всхлипывая баба.

— Ну, гуторь, снова обратился къ ней Чурисъ.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вздоръ! сказалъ Нехлюдовъ, помолчавъ нѣсколько времени. А вотъ что мы сдѣлаемъ, братецъ...

Чтобы помочь Чурисенку совершенно, а не на время, не кое-какъ, Нехлюдовъ предлагаетъ ему выселиться на новыя мѣста, на хуторъ,—тамъ онъ найдетъ себѣ готовую новую избу. Чурисенокъ не можетъ рѣшиться на это—ему дорога родная изба, дорогъ родной дворъ съ ветлами, которыя посадилъ его отецъ, да и разорительно было-бъ ему бросить свой удобренный участокъ, свой коноплянникъ, чтобы получить на хуторѣ глинистую, неудобренную землю.

Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ; онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то на Чуриса, то въ пустую, неотопленную печь.

— Что, вы ужъ обѣдали? наконецъ спросилъ онъ.

Подъ усами Чуриса обозначилась насмѣшливая улыбка, какъ будто ему смѣшно было, что баринъ дѣлаетъ такіе глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ? тяжело вздыхая, проговорила баба:—хлѣбушка поснѣдали, вотъ и обѣдъ нашъ. За снуткой нынче ходить нѣколи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, а что квасу было, такъ ребятамъ дала.

— Нынче постъ голодный, ваше сіятельство, вмѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы:—хлѣбъ да лукъ—вотъ и пища наша мужицкая. Еще, слава-ти Господи, хлѣбушка то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у нашихъ мужиковъ и хлѣба то нѣтъ. Луку нынѣ вездѣ незародъ. У Михаила огородника анадысь посылали, за пучекъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату нѣ откуда. Съ

Digitized by Google

Пасхи почитай что и въ церкву Божью не ходимъ, и свѣчку Миколѣ купить не на что.

Нехлюдовъ ужъ давно зналъ не по слухамъ, не на вѣру къ словамъ другихъ, а на дѣлѣ всю ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находились его крестьяне; но вся дѣйствительность эта была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складомъ ума и образомъ жизни, что онъ противъ воли забывалъ истину, и всякій разъ, когда ему, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердцѣ становилось невыносимо тяжело и грустно, какъ-будто воспоминаніе о какомъ-то свершенномъ, неискупленномъ преступленіи мучило его.

— Отчего вы такъ бѣдны? сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

— Да какимъ же намъ и быть батюшка, ваше сіятельство, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая—вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то, видно, прогнѣвили мы Бога, вотъ ужъ съ холеры почитай хлѣба не родитъ. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало: которые показали въ экономію, которые тоже въ барскія поля поприбрали. Дѣло мое одинокое, старое... гдѣ и радъ бы похлопоталъ—силъ моихъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рождаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хоть бы прибралъ которыхъ Богъ поскорѣе: и мнѣ бы легче было, да и имъ то лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать...

— О-охъ! громко вздохнула баба, какъ бы въ подтвержденіе словъ мужа.

— Вотъ моя подмога вся тутъ, продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго шаршаваго мальчика лѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ, который въ это время робко, тихо скрипнувъ дверью, вошелъ въ избу и, уставивъ исподлобья удивленные глаза на барина, обѣими ручонками держался за рубаху Чуриса.—Вотъ и подсобка моя вся тутъ, продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своей шершавой рукой по бѣлымъ волосамъ ребенка:—когда его дождешься? а мнѣ ужъ работа не въ мочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хоть крикомъ кричи. А вѣдь ужъ мнѣ давно съ тягла, въ старики пора. Вонъ Ермиловъ, Демкинъ, Зябревъ—всѣ моложе меня, а ужъ давно земли посложили. Ну, мнѣ сложить не на кого—вотъ бѣда моя. Кормиться надо: вотъ и бьюсь ваше сіятельство.

— Я бы радъ тебя облегчить, точно. Какъ же быть? сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо—ужъ порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусь. Только, будетъ милость ваша, на счетъ училища его увольте; а то намедни земскій приходилъ, тоже, говоритъ, и его ваше сіятельство требуетъ въ училищу. Ужъ его то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сіятельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслитъ.

— Нѣтъ, ужъ это, братъ, какъ хочешь, сказалъ баринъ:—мальчикъ твой ужъ можетъ понимать, ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуди, какъ онъ у тебя подростетъ, хозяиномъ станетъ, да будетъ грамотѣ знать и читать будетъ умѣть, и въ церкви читать—вѣдь все у тебя дома съ Божьей помощью лучше пойдетъ, говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выражаться какъ можно понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ почему то краснѣя и заминаясь.

— Неспорно, ваше сіятельство:—вы намъ худа не желаете, да дома то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ—ну, а онъ хоть и маленекъ, а все подсобляетъ, и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ и Чурисенокъ съ улыбкой взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкалъ его.

- Все-таки присылай его, когда самъ дома и когда ему время—слышишь? непремѣнно.

Чурисенокъ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

Эта сцена показалась намъ одною изъ лучшихъ въ разсказѣ. Но если бы мы захотѣли указать всѣ удачныя лица мужиковъ, всѣ правдивыя и поэтическія страницы, намъ пришлось бы представить слишкомъ длинный перечень, потому что большая часть подробностей въ „Утрѣ помѣщика“ прекрасны.

Digitized by Google

Въ декабрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ также помѣщена повѣсть гр. Толстаго „Встрѣча въ отрядѣ съ Московскимъ знакомцемъ“. Но о „Библіотекѣ для Чтенія“ мы будемъ говорить въ другой разъ, а теперь возвращаемся къ „Отечественнымъ запискамъ“, послѣдняя книжка которыхъ представляетъ, кромѣ разсказа, о которомъ мы говорили, еще двѣ замѣчательныя статьи,—одна изъ нихъ—„Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя“, изъ воспоминаній г. А. Т. Т--ва, чрезвычайно интересна по своему предмету, а другая и по ученому достоинству—это критическій разборъ книги г. Чичерина: „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“, написанный г. Кавелинымъ. Уже давно г. Кавелинъ ничего не печаталъ; блистательная роль, которую онъ игралъ въ изслѣдованіяхъ о русской исторіи, заставляла сожалѣть о томъ, что онъ покинулъ дѣятельность, столь полезную и для науки и для публики. Ему безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ между учеными, занимающимися разработкою русской исторіи; его статьи, которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно украшались „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, отличались рѣдкими достоинствами изложенія при капитальномъ значеніи для науки и пролили свѣтъ на многіе затруднительнѣйшіе вопросы ея. „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, критическіе разборы сочиненія г. Соловьева „Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова Дома“, книги г. Терещенко „Бытъ русскаго народа“, „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ и многіе другія его статьи принадлежатъ къ небольшому числу тѣхъ изысканій, на которыя опираются господствующія нынѣ понятія о ходѣ и характерѣ русской исторіи. Для внутренней исторіи быта никто изъ нынѣшнихъ нашихъ ученыхъ не сдѣлалъ болѣе, нежели г. Кавелинъ. Потеря, понесенная наукою отъ его безмолвія, продолжавшагося уже нѣсколько лѣтъ, очень велика. Мы не винимъ его за это безмолвіе, очень хорошо зная, что у него, какъ и у многихъ другихъ, могли быть на то причины очень уважительныя. Но мы не можемъ не радоваться, что наконецъ онъ рѣшился возобновить свою литературную дѣятельность. Статья, помѣщенная имъ теперь въ „Отечественныхъ Запискахъ“, очень замѣчательна по проницательному объясненію причинъ и смысла учрежденій, развившихся въ теченіе московскаго періода и отношеній этого порядка дѣлъ къ прежнему быту русской земли.

Статья г. А. Т. Т—ва драгоцѣнна для исторіи нашей литературы потому, что представляетъ довольно полное изложеніе хода загадочной болѣзни, имѣвшей своимъ слѣдствіемъ кончину Гоголя.

Была-ли это болѣзнь чисто физическая, или тѣлесное разстройство происходило отъ душевнаго разстройства? И, какова бы ни была эта болѣзнь, дѣйствительно-ли Гоголь умеръ отъ болѣзни или смерть была приведена самопроизвольною его рѣшимостью не принимать пищи? Г. А. Т--въ—докторъ, который посѣщалъ и по возможности лечилъ Гоголя въ послѣдній періодъ этой таинственной агоніи. Всѣ симптомы ея, всѣ дѣйствія Гоголя въ это время такъ странны, что авторъ не отваживается ни одного изъ этихъ предположеній отрицать рѣшительнымъ образомъ. Онъ только разсказываетъ факты, свидѣтелемъ которыхъ былъ,—это, конечно, лучшее изъ

Digitized by Google

всего, что можно сказать въ настоящее время. Но въ примѣчаніяхъ онъ склоняется къ тому мнѣнію, что психическія причины болѣе, нежели физическія страданія участвовали въ разрушеніи организма Гоголя, и что самою сильнѣйшею изъ этихъ причинъ было слишкомъ продолжительное воздержаніе отъ пищи. Конечно, мы не имѣемъ возможности съ достовѣрностью рѣшать вопросъ, которымъ затрудняется врачъ и очевидецъ. Но сколько можно судить по фактамъ, которые онъ представляетъ, надобно, кажется, считать ближайшимъ къ истинѣ то ужасное предположеніе, что Гоголь самъ уморилъ себя голодомъ,—не безсознательно, не вслѣдствіе психической болѣзни, а сознательно и, быть можетъ, даже преднамѣренно. Вотъ, по разсказу г. А. Т. Т—ва, факты, которые, кажется намъ, ведутъ къ такому заключенію:

Давно мнѣ не случалось быть въ домѣ, гдѣ жилъ Гоголь, и я не слыхалъ ничего о его болѣзни. Въ среду на первой недѣлѣ поста прислали изъ этого дома за мною и объяснили, что происходило съ Гоголемъ. Озабоченный положеніемъ больнаго, хозяинъ дома (графъ Т—ой) желалъ, чтобъ я видѣлъ и сказалъ свое мнѣніе о его болѣзни.

Однакожъ Гоголь на этотъ разъ не изъявилъ желанія меня видѣть. Наконецъ, посѣщавшій его врачъ захворалъ и уже не могъ къ нему ѣздить. Тогда графъ настоялъ на своемъ желаніи ввести меня къ нему. Гоголь сказалъ: „напрасно, но пожалуй". Тутъ только я въ первый разъ увидѣлъ его въ болѣзни. Это было въ субботу первой недѣли поста.

Увидѣвъ его, я ужаснулся. Не прошло мѣсяца, какъ я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ; онъ казался мнѣ человѣкомъ цвѣтущаго здоровья, бодрымъ, свѣжимъ, крѣпкимъ, а теперь передо мною былъ человѣкъ, какъ бы изнуренный до крайности чахоткою, или доведенный какимъ-либо продолжительнымъ истощеніемъ до необыкновеннаго изнеможенія. Все тѣло его до чрезвычайности похудѣло; глаза сдѣлались тусклы и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голосъ ослабъ, языкъ съ трудомъ шевелился, выраженіе лица стало неопредѣленное, необъяснимое. Мнѣ онъ показался мертвецомъ съ перваго взгляда. Онъ сидѣлъ протянувъ ноги, не двигаясь и даже не перемѣняя прямаго положенія лица; голова его была нѣсколько опрокинута назадъ и покоилась на спинкѣ креселъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ приподнялъ голову, но недолго могъ ее удерживать прямо, да и то съ замѣтнымъ усиліемъ. Хотя не охотно, но позволилъ онъ мнѣ пощупать пульсъ и посмотрѣть языкъ: пульсъ былъ ослабленный, языкъ чистый, но сухой; кожа имѣла натуральную теплоту. По всѣмъ соображеніямъ видно было, что у него нѣтъ горячечнаго состоянія и неупотребленіе пищи нельзя было приписать отсутствію аппетита...

Я настаивалъ, чтобъ онъ, если *не можетъ* принимать плотной пищи, то по крайней мѣрѣ непремѣнно употреблялъ бы по болѣе питья и притомъ питательнаго—молока, бульйона и т. д. „Я одну пилюлю проглотилъ, какъ *послѣднее* средство; она осталась безъ дѣйствія: развѣ надобно пить, чтобы прогнать ее", сказалъ онъ. Не обременяя его долгими разговорами, я старался ему объяснить, что питье нужно для смягченія языка и желудка, а питательность питья нужна, чтобъ укрѣпить силы, необходимыя для счастливаго окончанія болѣзни. Не отвѣчая, больной опять склонилъ голову на грудь, какъ при нашемъ входѣ; я пересталъ говорить и удалился вмѣстѣ съ графомъ наверхъ.

Испуганный, встревоженный мыслью, что *Гоголь можетъ скоро умереть*, я долженъ былъ собраться съ силами, чтобы придти въ спокойное положеніе, въ какомъ должно разговаривать съ больнымъ. Удалившись отъ графа, я почелъ обязанностью зайдти опять къ больному, чтобъ еще сильнѣе высказать ему мои убѣжденія. Чрезъ служителя я выпросилъ у него позволеніе войти къ нему еще на минуту. Мнѣ вообразилось, что онъ колеблется въ своихъ намѣреніяхъ; я не терялъ надежды, что Гоголь, привыкнувъ видѣть мою искренность, послушается меня. Подойдя къ нему, я съ видимымъ хладнокровіемъ, но съ полною теплотою сердечною употребилъ всѣ усилія, чтобъ

Digitized by Google

подѣйствовать на его волю. Я выразилъ ему мысль, что врачи въ болѣзни прибѣгаютъ къ совѣту своихъ собратій и ихъ слушаются; не врачу тѣмъ болѣе надобно слѣдовать медицинскимъ наставленіямъ, особенно преподаваемымъ съ добросовѣстностью и полнымъ убѣжденіемъ; и тотъ, кто поступаетъ иначе, дѣлаетъ преступленіе предъ самимъ собою. Говоря это, я обратилъ свое вниманіе на лицо страдальца, чтобы подсмотрѣть, что происходитъ въ его душѣ. Выраженіе его лица нисколько не измѣнилось: оно было такъ же спокойно и такъ же мрачно, какъ прежде: ни досады, ни огорченія, ни удивленія, ни сомнѣнія не показалось и тѣни. Онъ смотрѣлъ какъ человѣкъ, для котораго всѣ задачи разрѣшены, всякое чувство замолкло, всякія слова напрасны, колебаніе въ рѣшеніи невозможно. Впрочемъ, когда я пересталъ говорить, онъ въ отвѣтъ произнесъ внятно, съ разстановкой и хотя вяло, безжизненно, но со всею полнотою увѣренности: „Я знаю, врачи добры: они всегда *желаютъ* добра"; но вслѣдъ за этимъ опять наклонилъ голову, отъ слабости-ли, или въ знакъ прощанія—не знаю. Я не смѣлъ его тревожить долѣе, пожелалъ ему поскорѣе поправляться и простился съ нимъ; вбѣжалъ къ графу, чтобы сказать, что дѣло плохо, и я не предвижу ничего хорошаго, если это продолжится.

„Какъ и чѣмъ было дѣйствовать при такомъ необыкновенномъ случаѣ на эту исключительную личность? Графъ употреблялъ все, что возможно было для его исцѣленія. Совѣтовался съ духовными лицами, знакомыми своими и друзьями Гоголя, призывалъ для совѣщанія знаменитѣйшихъ московскихъ докторовъ. Одно духовное лицо подало совѣтъ убѣждать Гоголя, что его спасеніе не въ постѣ, а въ послушаніи, и просило его непрекословно исполнять назначенія врачебныя во всей полнотѣ. Духовникъ навѣщалъ его часто; приходскій священникъ являлся къ нему ежедневно. При немъ нарочно подавали тутъ же кушать саго, черносливъ и проч. Священникъ начиналъ первый и убѣждалъ его ѣсть вмѣстѣ съ нимъ.

„Неохотно, немного, но употреблялъ онъ эту пищу ежедневно; потомъ слушалъ молитвы, читаемыя священникомъ. Какія молитвы вамъ читать? спрашивалъ онъ. „Все хорошо; читайте, читайте!" Друзья старались подѣйствовать на него привѣтомъ, сердечнымъ расположеніемъ, умственнымъ вліяніемъ: но не было лица, которое могло бы взять надъ нимъ верхъ, не было лекарства, которое бы перевернуло его понятія; а у больнаго не было желанія слушать чьи-либо совѣты, глотать какія-либо лекарства. Въ воскресенье приходскій священникъ убѣдилъ больнаго принять ложку клещевиннаго масла, и въ этотъ же день онъ согласился было употребить еще одно медицинское пособіе (clysma), но это было только на словахъ, а на дѣлѣ онъ рѣшительно отказался, и во всѣ послѣдующіе дни онъ уже болѣе не слушалъ ничьихъ увѣщаній и не принималъ болѣе никакой пищи (три дня), а спрашивалъ только пить краснаго вина.

„Силы больнаго падали быстро и невозвратно. Несмотря на свое убѣжденіе, что постель будетъ для него смертнымъ одромъ (почему онъ старался оставаться въ креслахъ), въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста онъ улегся, хотя въ халатѣ и сапогахъ, и ужъ болѣе не вставалъ съ постели. Въ этотъ же день онъ приступилъ къ напутственнымъ таинствамъ покаянія, причащенія и елеосвященія.

„Спѣшить съ медицинскою помощью теперь казалось еще нужнѣе. Пріѣзжали врачи; каждый высказывалъ свое мнѣніе. Думали, судили, толковали; никто не присовѣтовалъ ничего рѣшительнаго, да и не видно еще было близкой опасности. Между тѣмъ трудно было предпринимать что-нибудь съ человѣкомъ, который въ полномъ сознаніи отвергаетъ всякое леченіе. Уже разъ спасенъ онъ былъ отъ болѣзни въ Римѣ безъ медицинскихъ пособій, онъ приписывалъ это *чуду*. И въ настоящее время сказалъ онъ одному изъ убѣждавшихъ его лечиться: „ежели будетъ угодно Богу, чтобъ я жилъ еще—буду жить"...

„Во вторникъ являюсь я и встрѣчаю гр. Т., чрезвычайно встревоженнаго сверхъ ожиданія. „Что Гоголь?"—„Плохо, лежитъ. Ступайте къ нему, теперь можно входить".

„Меня пустили прямо въ комнату больнаго, безъ затрудненія, безъ доклада. Гоголь лежалъ на широкомъ диванѣ, въ халатѣ, въ сапогахъ, отвернувшись къ стѣнѣ, на боку, съ закрытыми глазами. Противъ его лица—образъ Богоматери; въ рукахъ чотки; возлѣ него мальчикъ его и другой служитель. На мой тихій вопросъ онъ не отвѣчалъ ни слова. Мнѣ позволили его осмотрѣть, я взялъ его руку, чтобъ пощупать пульсъ.

Digitized by Google

Онъ сказалъ: „Не трогайте меня, пожалуйста“. Я отошелъ, разспросилъ подробно у окружающихъ о всѣхъ отправленіяхъ больнаго: никакихъ объективныхъ симптомовъ, которые бы указывали на важное страданіе, какъ теперь, такъ и во всѣ эти дни не обнаруживалось.

„Между тѣмъ врачи, одинъ за другимъ, пріѣзжали провѣдывать больнаго и узнавали, что съ нимъ происходитъ. Одинъ изъ почтенныхъ врачей предложилъ магнетизировать больнаго, чтобъ покорить его волю и такимъ образомъ заставить его дѣлать что нужно. На слѣдующій день положили собрать большой консиліумъ изъ опытнѣйшихъ врачей, чтобъ приступить къ мѣрамъ энергическимъ.

„Цѣлый вторникъ Гоголь лежалъ, ни съ кѣмъ не разговаривая, не обращая вниманія на всѣхъ, подходившихъ къ нему. По временамъ поворачивался онъ на другой бокъ, всегда съ закрытыми глазами, нерѣдко находился какъ бы въ дремотѣ, часто просилъ пить краснаго вина, и всякій разъ смотрѣлъ на свѣтъ, то ли ему подаютъ. Вечеромъ подмѣшали вино сперва краснымъ питьемъ, а потомъ бульйономъ. Повидимому, онъ уже неясно различалъ качество питья, потому что сказалъ только: „зачѣмъ подаешь мнѣ мутное“? однакожъ выпилъ. Съ тѣхъ поръ ему стали подавать для питья бульйонъ, когда онъ спрашивалъ пить, повторяя быстро одно и тоже слово: „подай, подай!“. Когда ему подносили питье, онъ бралъ рюмку въ руку, приподнималъ голову и выпивалъ все, что ему было подано.

„Вечеромъ этого же дня пришелъ врачъ для магнетизированія. Когда онъ положилъ свою руку больному на голову, потомъ подъ ложку, и сталъ дѣлать пассы, Гоголь сдѣлалъ движеніе тѣломъ и сказалъ: „Оставьте меня!“ Продолжать магнетизированіе было нельзя.

„На слѣдующій день, въ среду утромъ, больной находился почти въ такомъ же положеніи, какъ и наканунѣ; но слабость пульса усилилась весьма замѣтно, такъ что врачи, видѣвшіе его въ это время, полагали, что надобно будетъ прибѣгнуть къ средствамъ возбуждающимъ (moschus). Около полудня собрались вмѣстѣ приглашенные доктора (пятеро), а также нѣсколько друзей Гоголя и множество знакомыхъ. Предложенъ былъ вопросъ: оставить ли теперь больнаго безъ пособій, которыя онъ отвергаетъ самъ, или поступить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, не владѣющимъ собою? Рѣшили: лечить больнаго, несмотря на его нежеланіе лечиться.

„Всѣ врачи вошли къ больному, стали осматривать и разспрашивать. Когда давили ему животъ, который былъ такъ мягокъ и пустъ, что чрезъ него легко можно было ощупать позвонки, то Гоголь застоналъ, закричалъ. Прикосновеніе къ другимъ частямъ тѣла, вѣроятно, было для него болѣзненно, потому что также возбуждало стонъ или крикъ. На вопросы докторовъ больной или не отвѣчалъ ничего, или отвѣчалъ коротко и отрывисто „нѣтъ“, не раскрывая глазъ. Наконецъ, при продолжительномъ изслѣдованіи, онъ проговорилъ съ напряженіемъ: „не тревожьте меня, ради Бога!“

„Кромѣ исчисленныхъ явленій, ускоренный пульсъ и носовое кровотеченіе, показавшееся-было впродолженіе его болѣзни само-собою, послужили показаніемъ къ приставленію піявокъ въ незначительномъ числѣ. Было поставлено восемь піявокъ къ ноздрямъ, приложены холодныя примочки на голову, а потомъ сдѣлано обливаніе головы холодною водою въ теплой ваннѣ. Когда больнаго раздѣвали и сажали въ ванну, онъ сильно стоналъ, кричалъ, говорилъ, что это дѣлаютъ напрасно. Послѣ ванны его опять положили въ постель, обернувъ въ простыню. Видно, онъ прозябъ, потому что проговорилъ: „Покройте плечо, закройте спину!“ Во время приставленія піявокъ онъ повторялъ неоднократно: „Не надо, не надо!“ Когда онѣ были поставлены, онъ твердилъ: „снимите піявки, поднимите (ото рта) піявки!“ и стремился ихъ достать рукою, которую удержали силою. Одинъ изъ консультантовъ, пріѣхавшій позже другихъ и знавшій лично Гоголя, выслушавъ исторію его болѣзни, назвалъ болѣзнь gastrointeritis ex inanitione, объявилъ дурное предсказаніе, сказавъ, что „наврядъ ли что-либо успѣете сдѣлать съ *этимъ* больнымъ при такомъ его нежеланіи лечиться“; но другіе врачи не теряли надежды на его спасеніе, и въ шесть часовъ вечера опять собрались у больнаго.

„Гоголь лежалъ молча, какъ безчувственный, и какъ будто не обращалъ внима-

Digitized by Google

нія или не понималъ того, что́ около него происходило, несмотря на громкій разговоръ окружающихъ. Предлагали ему вопросы, называли его по имени, но не добились ни одного слова. Тутъ положили ему на голову ледъ, на руки и на ноги горчичники, поддерживали кровотеченіе изъ носа, внутрь давали лекарство. Но и эти дѣятельныя пособія не оказали благопріятнаго дѣйствія. Пульсъ дѣлался все слабѣе; дыханіе, затрудненное уже утромъ, становилось еще тяжелѣе. Вскорѣ больной пересталъ самъ поворачиваться и продолжалъ лежать смирно на одномъ боку. Когда съ нимъ ничего не дѣлали, онъ былъ покоенъ; но когда ставили или снимали горчичники и вообще тревожили его, онъ издавалъ стонъ или вскрикивалъ; по временамъ онъ явственно произносилъ: „давай пить!“ уже не разбирая, что ему подаютъ.

„Позже вечеромъ онъ, повидимому, сталъ забываться и терять память. „Давай боченокъ!“ произнесъ онъ однажды, показывая, что желаетъ пить. Ему подали прежнюю рюмку съ бульйономъ, но онъ уже не могъ самъ приподнять голову и держать рюмку; надобно было придержать и то и другое, чтобы онъ былъ въ состояніи выпить поданное.

„Еще позже онъ по временамъ бормоталъ что-то невнятно, какъ бы во снѣ, или повторялъ нѣсколько разъ „давай, давай! ну что жъ?“. Часу въ одиннадцатомъ онъ закричалъ громко: „лѣстницу, поскорѣе, „давай лѣстницу!...“ Казалось, ему хотѣлось встать. Его подняли съ постели, посадили на кресло. Въ это время онъ уже такъ ослабѣлъ, что голова его не могла держаться на шеѣ и падала машинально, какъ у новорожденнаго ребенка. Тутъ привязали ему мушку. Во все это время онъ не глядѣлъ и безпрерывно стоналъ. Когда его опять укладывали въ постель, онъ потерялъ всѣ чувства; пульсъ у него пересталъ биться, онъ захрипѣлъ, глаза его раскрылись, но представлялись безжизненными. Казалось, наступаетъ смерть, но это былъ обморокъ, который длился нѣсколько минутъ. Пульсъ возвратился вскорѣ, но сдѣлался едва примѣтнымъ.

„Послѣ этого обморока Гоголь уже не просилъ болѣе ни пить, ни поворачиваться; постоянно лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами, не произнося ни слова.

„Въ двѣнадцатомъ часу ночи стали холодѣть ноги. Я положилъ кувшинъ съ горячею водою, сталъ почаще давать проглатывать бульйонъ, и это, повидимому, его оживляло; однакожъ, вскорѣ дыханіе сдѣлалось хриплое и еще болѣе затрудненное; кожа покрылась холодною испариною, подъ глазами посинѣло, лицо опустилось, какъ у мертвеца. Въ это время пріѣхалъ докторъ, который распоряжался леченіемъ. Онъ продолжалъ почти во всю ночь давать лекарства и употреблять разныя медицинскія мѣры. Больной только стоналъ, но не произносилъ болѣе ни слова.

„На другой день, въ четвергъ 21-го февраля 1852 года, доктора не успѣли устроить новаго совѣщанія, которое предполагали возможнымъ. Пріѣхавъ въ назначенный часъ, они нашли не Гоголя, а трупъ его: уже около восьми часовъ утра прекратилось дыханіе, исчезли всѣ признаки жизни...“

Если дѣйствительно Гоголь самъ былъ причиною своей смерти, — въ чемъ, кажется намъ, трудно сомнѣваться послѣ разсказа г. А. Т. Т-ва, — если дѣйствительно онъ остался бы живъ и сдѣлался бы здоровъ, когда захотѣлъ бы о томъ позаботиться, не отвергалъ бы и пищу и медицинскія пособія, то въ самомъ безразсудствѣ, съ которымъ онъ губилъ себя, все таки обнаруживается высокая и сильная натура. Какое жалкое, дикое убѣжденіе, — но какая высокая жертва ради убѣжденія! Какое поразительное свидѣтельство съ одной стороны — слабости, съ другой стороны — высоты этого человѣка.

Мы нашли столько хорошаго въ декабрьской книжкѣ „Отечеств. Записокъ“, что намъ уже не хочется говорить объ отвѣтѣ г. Галахова (въ журналистикѣ декабрьской книжки) на замѣчанія, сдѣланныя нами на его статью противъ г. Лайбова. Да и нѣтъ надобности отвѣчать ему: отъ г. Лайбова

Digitized by Google

онъ обращаетъ свой гнѣвъ на насъ -- пусть гнѣвается, особенно, если это приноситъ ему удовольствіе; собственно за себя, мы не намѣрены вступать въ полемику ни съ кѣмъ,— тѣмъ болѣе не находимъ нужды дѣлать этого въ настоящемъ случаѣ; потому что г. Галахову не удалось сказать противъ нашихъ замѣчаній ничего такого, что заслуживало бы отвѣта.

Точно также мы не будемъ ничего отвѣчать и на „письмо къ г. Филиппову", напечатанное въ четвертой книгѣ „Русской Бесѣды", — авторъ письма выражаетъ полное свое согласіе съ мнѣніями, которыя высказаны г. Филипповымъ въ статьѣ, которая помѣщена была въ первой книжкѣ „Русской Бесѣды" и въ свое время была строго осуждена нами. Авторъ письма весьма негодуетъ на насъ за это осужденіе,—что весьма натурально въ человѣкѣ, вполнѣ раздѣляющемъ мнѣнія г. Филиппова; статья г. Филиппова безвозвратно осуждена не нами одними, а всею публикою, стало быть, возобновлять исторію о ней совершенно безполезно.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы сказали, что тѣ особенныя воззрѣнія, которыми славянофилы хотятъ отличаться отъ огромнаго большинства публики, не достигли еще ясности, и потому не имѣютъ еще особенной важности. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы сказали, что „Русская Бесѣда", независимо отъ своего направленія, заслуживаетъ вниманія по довольно значительному числу дѣльныхъ статей, — въ числѣ сотрудниковъ ея есть люди ученые и даровитые, которые судятъ очень здраво, когда рѣчь идетъ не о туманныхъ отвлеченностяхъ (которыми, къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ слишкомъ часто заняты), а такихъ вопросахъ, которые имѣютъ дѣйствительный смыслъ. Мы пользуемся выходомъ четвертой книжки „Русской Бесѣды", чтобы обозрѣть всѣ четыре книги ея, составляющія годичное изданіе, и обратить вниманіе публики на статьи, заслуживающія одобренія.

Прежде всего, мы должны назвать прекрасныя „обозрѣнія" кн. Черкасскаго: „Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ" (кн. первая), „Протоколы Парижскаго Конгресса" (кн. вторая) и „Обозрѣніе внутренняго законодательства" (кн. третья): онѣ заслуживаютъ большаго вниманія по ясности и благородству взгляда и по замѣчательной основательности; въ томъ предметѣ, которымъ занимается кн. Черкасскій, мы имѣемъ очень мало спеціалистовъ; но еслибъ у насъ было ихъ много, авторъ статей, нами названныхъ, все-таки оставался бы писателемъ замѣчательнымъ; теперь же, мы почти не можемъ указать въ этомъ родѣ ничего равнаго по достоинству его дѣльнымъ статьямъ, написаннымъ съ большимъ знаніемъ предмета. Кто хочетъ узнать „Русскую Бесѣду" съ самой выгодной стороны, долженъ прочесть эти статьи и стихотворенія г. И. Аксакова (въ первой книгѣ; въ свое время мы представили нашимъ читателямъ эти стихотворенія; къ сожалѣнію, въ трехъ слѣдующихъ книгахъ г. Аксаковъ не помѣстилъ ни одной пьесы. Неужели онъ такъ мало пишетъ?).

Очень дѣльны три статьи г. Кошелева о желѣзныхъ дорогахъ -- двѣ первыя были напечатаны въ первой книгѣ; на одну изъ нихъ, заключавшую замѣчанія противъ статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ нашего журнала, г. Журавскій написалъ въ „Современникѣ" возраженія; третья статья (въ четвертой книгѣ) служитъ отвѣтомъ на эти возраженія. Споръ этотъ са-

Digitized by Google

мымъ выгоднымъ для „Русской Бесѣды“ образомъ отличался отъ скучныхъ преній о народномъ воззрѣніи, въ которыхъ каждымъ новымъ объясненіемъ славянофилы все только больше затемняли вопросъ о томъ, чего они хотятъ. Тутъ, напротивъ, дѣло было совершенно ясно и разумно, каждый читатель очень хорошо понималъ, чего и по какимъ основаніямъ хочетъ г. Кошелевъ; мы не беремся рѣшать, на чьей сторонѣ было больше справедливости, но самый нерасположенный къ „Русской Бесѣдѣ“ читатель согласится, что г. Кошелевъ говорилъ не безъ доказательствъ, защищая мысль, что Москва должна быть центральнымъ пунктомъ всей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Съ этимъ мнѣніемъ можно соглашаться или не соглашаться, но во всякомъ случаѣ оно имѣетъ за себя многіе факты и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Правда и то, что въ немъ нѣтъ ничего спеціально славянофильскаго. Можно быть заклятымъ западникомъ и все-таки думать, что Москва, центръ мануфактурной дѣятельности и сухопутныхъ торговыхъ путей, должна быть центромъ желѣзныхъ дорогъ; можно быть заклятымъ славянофиломъ, и предпочитать въ этомъ случаѣ Москвѣ Кіевъ, или какой нибудь другой городъ.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ „Русской Бесѣды“ возбудили много толковъ статьи г. В. Григорьева о Грановскомъ. Многіе думали видѣть въ нихъ слѣды какой-то вражды противъ Грановскаго, какого-то желанія унизить его: справедливо или несправедливо такое предположеніе, во всякомъ случаѣ нельзя совершенно одобрить удалаго тона, въ которомъ написаны эти воспоминанія, и довольно частыхъ панегириковъ автора самому себѣ. Но какъ бы то ни было, статьи эти драгоцѣнны, потому что заключаютъ въ себѣ очень много интересныхъ фактовъ. Біографическая отрасль литературы у насъ еще очень слаба, и потому всякія біографическія воспоминанія, по своей рѣдкости, имѣютъ у насъ двойную цѣну.

Интересъ, возбужденный „Семейною хроникою“ г.. С. Аксакова, дѣлаетъ излишними всякія похвалы двумъ статьямъ его, помѣщеннымъ въ „Русской Бесѣдѣ“.

Чтобы заключить перечень статей „Русской Бесѣды“, имѣющихъ положительное достоинство независимо отъ славянофильскаго или неславянофильскаго своего направленія, упомянемъ извѣстія г. Гильфердинга о современной литературно-ученой жизни у нѣкоторыхъ западныхъ славянскихъ племенъ. Можно посмѣяться надъ г. Гильфердингомъ, когда онъ оплакиваетъ участь нынѣшнихъ пруссаковъ и саксонцевъ, къ величайшему своему несчастію разучившихся говорить по славянски, или доказываетъ, что персіяне—европейцы, а славяне—азіатцы; но его статьи, помѣщенныя въ „Русской Бесѣдѣ“, заключаютъ много интересныхъ фактовъ.

Этотъ перечень былъ бы гораздо длиннѣе, если бы прибавить къ нему статьи, сильнѣе пострадавшія отъ слишкомъ неумѣренной примѣси отвлеченныхъ эпизодовъ въ славянофильскомъ вкусѣ, но все таки имѣющихъ много дѣльныхъ страницъ. Вообще, кто захочетъ безпристрастно вглядѣться въ „Русскую Бесѣду“, найдетъ въ ней много хорошаго. Правда и то, что быть безпристрастнымъ въ этомъ случаѣ довольно трудно. Мы увѣрены, многимъ даже не понравится то, что мы, не ограничиваясь выставленіемъ слабыхъ сторонъ этого журнала, указываемъ и хорошее въ немъ. Нерасположеніе

Digitized by Google

противъ „Русской Бесѣды“ въ огромномъ большинствѣ публики очень сильно. Иные воображаютъ, что это нерасположеніе относится собственно къ самому славянофильскому направленію. Нѣтъ; нельзя, конечно, думать, чтобы славянофильство, въ какомъ бы видѣ ни являлось оно, могло пріобрѣсть многихъ приверженцевъ,—оно слишкомъ противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ, и положительнымъ потребностямъ русскаго общества. Но все таки, въ немъ, если разсматривать его въ лучшихъ его представителяхъ, нѣтъ ничего антипатичнаго. Оно заблужденіе, но заблужденіе, могущее имѣть очень благородный характеръ и соединяться со многими прекрасными элементами. Славянофиламъ вредитъ не то, что они славянофилы; есть другія причины предубѣжденія противъ нихъ. Придавая слишкомъ большую важность своимъ отвлеченнымъ понятіямъ о всеобъемлющемъ характерѣ русской народности, о такъ называемой односторонности и несостоятельности западной науки и жизни, они слишкомъ готовы безъ разбора восхищаться всякимъ сужденіемъ, лишь бы только оно было въ пользу народности противъ европеизма. Чтобы объяснить эту ошибку, мы воспользуемся прелестною исторіею, которая открыта была однимъ изъ сотрудниковъ „Русской Бесѣды“.

Въ „Земледѣльческой Газетѣ“ (1856 г.) № 23 и 24 помѣщена была статья г. Великосельцева „Замѣтки о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатствомъ въ крестьянскомъ быту“. Авторъ разсуждаетъ: отчего многіе изъ нашихъ крестьянъ бѣдны? Отчего многіе изъ нихъ пьютъ? И какимъ бы образомъ помочь этому дѣлу?—Вся бѣда, по мнѣнію г. Великосельцева, происходитъ оттого, что жены крестьянъ не заботятся объ артистической красотѣ своихъ позъ, не стараются имѣть красивую талію.—А помочь бѣдѣ также очень легко,—пусть крестьянскія женщины заботятся о красотѣ таліи,—и дѣло пойдетъ прекрасно. Вы не вѣрите? Но нѣтъ, г. Великосельцевъ говоритъ не въ шутку.

Возможно ли читать безъ смѣха эти предположенія, что для улучшенія быта поселянъ нужно затянуть сельскихъ дѣвушекъ въ корсеты, набить имъ головы романами, выучить ихъ танцовать французскую кадриль, а мужиковъ пріучить къ тому, чтобы они цѣловали ручки у своихъ дамъ? По мнѣнію „Русской Бесѣды“, г. Великосельцевъ—западникъ; въ самомъ дѣлѣ, подобно западникамъ, онъ толкуетъ о просвѣщеніи, объ улучшеніи быта, о смягченіи нравовъ! Спрашивается теперь, какое мнѣніе стала бы имѣть публика о западникахъ, еслибъ они, основываясь на томъ, что г. Великосельцевъ съ жаромъ говоритъ о просвѣщеніи, вздумали защищать его проекты, печатать въ своихъ журналахъ его статьи, а когда кто нибудь осмѣлился бы сказать, что напрасно они компрометируютъ себя союзомъ съ г. Великосельцевымъ, стали бы печатать въ своихъ журналахъ объявленія, что г. Великосельцевъ разсуждаетъ очень здраво и основательно? Кто былъ бы тогда виноватъ въ томъ, что публика стала бы смѣяться надъ западниками?

Величайшій вредъ славянофиламъ приноситъ, какъ мы сказали, неразборчивость въ выборѣ союзниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы „Русская Бесѣда“ остерегалась отъ статей и мнѣній, имѣющихъ такое же отношеніе къ славянофильству, какъ проекты г. Великосельцева къ западничеству, то исчезло бы предубѣжденіе противъ славянофильства. Публика ни въ какомъ

Digitized by Google

случаѣ не сдѣлалась бы послѣдовательницею славянофильскихъ теорій, но, по крайней мѣрѣ, смотрѣла бы на нихъ съ бо́льшимъ уваженіемъ.

Читатели наши знаютъ о странной выходкѣ редактора „Русскаго Вѣстника“ противъ г. Тургенева. Г. Тургеневъ отвѣчалъ на нее слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ на имя г. редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ и напечатаннымъ въ № 151 этой газеты.

Парижъ 4-го (16-го) декабря.

М. Г.,

„Я на дняхъ получилъ № Московскихъ Вѣдомостей, въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи „Русскаго Вѣстника“ въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично меня касающагося—я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

„Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю „Русскаго Вѣстника“ повѣсть подъ названіемъ „Призраки“, за которую я принялся въ то же время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями „Современника“ условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, при чемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ „Русскому Вѣстнику“. Слѣдовательно, вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ „Фаустъ“ въ № IX „Современника“, тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово—и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что непоявленіе моей повѣсти на листахъ его журнала, вѣроятно, никѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что содѣйствіе мое въ одномъ журналѣ—ни значительно способствовать его распространенію—ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ „Русскаго Вѣстника“—лучшее тому доказательство.

Примите и пр.

Иванъ Тургеневъ.

Справедливость должна бы была внушить г. Каткову, что, прежде нежели позволять себѣ оскорбительные намеки о г. Тургеневѣ, онъ долженъ былъ бы узнать отъ г. Тургенева положительнымъ образомъ, имѣютъ ли какое нибудь основаніе подозрѣнія, которыми увлекся онъ, г. Катковъ. Еслибъ не пренебрегъ онъ этимъ простымъ и прямымъ путемъ къ разсѣянію своихъ несправедливыхъ предположеній, онъ былъ бы избавленъ отъ необходимости,—конечно, непріятной для него, извиняться... Но дѣло было сдѣлано, и г. Тургеневъ вынужденъ былъ выходкой г. Каткова напечатать письмо, которое привели мы выше. Въ слѣдующемъ нумерѣ (152-мъ) „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Катковъ помѣстилъ въ свою очередь письмо къ редактору этой газеты; въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ благороднаго человѣка, которому раскрыта его ошибка, извиняется передъ г. Тургеневымъ. Вотъ подлинныя слова г. Каткова:

„Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ „Русскій Вѣстникъ“, съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ „Современникѣ“, оскорбила г.

Digitized by Google

Тургенева... Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія... Чистосердечно извиняюсь передъ г. Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ... Теперь, когда г. Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе *Призраковъ*, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ".

Въ этомъ „чистосердечномъ извиненіи" г. Каткова передъ г. Тургеневымъ заключается сущность отвѣта г. Каткова.

Digitized by Google

КРИТИКА.

Письма объ Испаніи. *В. П. Боткина. Сбп. 1857 г.*

Послѣ произведеній поэзіи, путешествія вездѣ составляютъ самую популярную часть литературы. По числу изданій и по отчетамъ публичныхъ библіотекъ видно, что и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи разсказы о путевыхъ впечатлѣніяхъ и приключеніяхъ, о природѣ чужихъ земель и нравахъ народовъ, населяющихъ эти земли, читаются съ большею жадностью, нежели какія то ни было другія книги серьезнаго содержанія. Даже изслѣдованія о политическихъ вопросахъ, даже историческія сочиненія не могутъ отнять у путешествій первенства въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, путешествіе, соединяя въ себѣ элементы исторіи, статистики, государственныхъ наукъ, естествовѣдѣнія и приближаясь къ такъ называемой легкой литературѣ своею формою, какъ разсказъ о личныхъ приключеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ отдѣльнаго человѣка, въ столкновеніяхъ его съ другими людьми,—людьми, жизнь которыхъ тѣмъ любопытнѣе для насъ, что они живутъ въ условіяхъ иной обстановки, нежели публика, для которой предназначается книга,—путешествіе совмѣщаетъ въ самой легкой формѣ самое богатое и заманчивое содержаніе. Путешествіе—это отчасти романъ, отчасти сборникъ анекдотовъ, отчасти исторія, отчасти политика, отчасти естествовѣдѣніе. Каждому читателю даетъ оно все, что только хочетъ найти онъ.

Какъ вездѣ, и у насъ путешествія изстари были любимымъ чтеніемъ. Не заходя въ старину слишкомъ далеко, вспомнимъ только, что новѣйшая русская литература началась „Письмами русскаго путешественника", которыя читались навѣрное не меньше, нежели „Бѣдная Лиза" и „Марѳа Посадница".—„Всемірный Путешествователь аббата Делапорта", несмотря на свою страшную массивность, принадлежалъ къ небольшому числу наиболѣе распространенныхъ въ публикѣ книгъ. Во времена Екатерины и Александра I, когда, сравнительно, переводилось у насъ очень много книгъ, путешествій переводимо было едва ли не больше, нежели какихъ нибудь другихъ книгъ серьезнаго содержанія.

Тѣмъ прискорбнѣе, что, когда стала у насъ сильнѣе развиваться оригинальная литература, число путешествій, особенно путешествій по Западной Европѣ, не было такъ велико, какъ можно было бы желать и ожидать. Но все таки, до послѣдняго десятилѣтія, количество этихъ книгъ было до-

Digitized by Google

вольно значительно, по сравненію съ другими отраслями серьезной литературы. Довольно много выходило даже такихъ путешествій, которыя отличались замѣчательными достоинствами. Такъ, напримѣръ, въ десять лѣтъ (1836—1846), предшествовавшія послѣднему десятилѣтію, изъ однихъ воспоминаній нашихъ путешественниковъ по различнымъ странамъ Западной Европы можно назвать „Записки и воспоминанія о путешествіи по Англіи Франціи, Бельгіи и Германіи", Симонова; „Очерки Южной Франціи и Ниццы", Жуковой; „Воспоминанія о Сициліи", г. Черткова; „Путешествіе въ Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ", г. Всеволожскаго; „Парижъ, путевыя замѣтки", г. В. Сроева; „Годъ въ чужихъ краяхъ", г. Погодина; „Замѣтки за границею", г. Ф. П. Л.; „Прогулка русскаго въ Помпеи", г. Левшина; „Четыре мѣсяца въ Черногоріи", г. Ковалевскаго. Не считаемъ различныхъ „Путевыхъ писемъ" и т. п., г. Греча.

Конечно, итогъ этотъ не великъ; можно было бы даже подивиться его скудости,—въ десять лѣтъ, девять сочиненій о всѣхъ различныхъ странахъ Западной Европы! Но когда мы сравнимъ съ этимъ количествомъ число книгъ того же рода, вышедшихъ въ слѣдующее десятилѣтіе, мы должны будемъ назвать предъидущій періодъ очень обильнымъ. Въ 1847 году вышло „Путешествіе въ Черногорію" г. Попова. Затѣмъ — до настоящаго времени не являлось ни одной хорошей книги, кромѣ „Италіи" г. В. Яковлева.

Такимъ образомъ, мы не можемъ хвалить „Писемъ объ Испаніи" г. Боткина по сравненію съ другими подобными книгами въ современной нашей литературѣ—такихъ книгъ нѣтъ, и сравнивать „Писемъ объ Испаніи" у насъ рѣшительно не съ чѣмъ *).

Но тѣмъ бо̀льшую цѣну пріобрѣтаетъ отъ этого книга г. Боткина, которая по своимъ достоинствамъ заняла бы почетное мѣсто и въ самой богатой литературѣ. Хотя въ предисловіи авторъ откровенно говоритъ, что онъ счелъ излишнимъ ссылаться на газетныя статьи, путешествія и историческія сочиненія, которыя служили ему пособіемъ при составленіи этихъ писемъ, и что многимъ изъ прочитаннаго воспользовался онъ, имѣя единственно въ виду уясненія предмета для читателей, но тѣмъ не менѣе читатели не могутъ не быть благодарны автору за то, что онъ такъ умно воспользовался прочитаннымъ и умѣлъ представить такую живую и полную картину страны, имъ описываемой. „Письма объ Испаніи" помѣщались первоначально въ „Современникѣ" (1847 и 1848 годовъ), и потому неумѣстно было бы намъ распространяться въ похвалахъ имъ,—да это и не нужно: всѣ, читавшіе нашъ журналъ въ то время, какъ онъ украшался письмами г. Боткина, слишкомъ хорошо помнятъ его блистательные очерки Испаніи. Извѣстность книги, о которой мы должны говорить, уже составлена, и намъ остается только сдѣлать обзоръ содержанія этихъ „Писемъ",

*) „Италія" г. Яковлева написана почти исключительно съ артистической точки зрѣнія; она говоритъ преимущественно о картинахъ природы и произведеніяхъ искусства, и потому, при всѣхъ достоинствахъ изложенія, принадлежитъ совершенно другому роду, нежели „Письма объ Испаніи".

Digitized by Google

какъ одного цѣльнаго сочиненія, проникнутаго строгимъ единствомъ воззрѣнія.

Никто не зналъ происхожденія первоначальныхъ обитателей Испаніи, но надобно предположить, что они пришли туда съ сѣверо-востока, черезъ Пиринеи. Финикіяне и греки находились съ ними въ сношеніяхъ и основали по морскому берегу нѣсколько городовъ, преимущественно для торговыхъ цѣлей. За тѣмъ карѳагеняне короткое время владѣли Испаніей и наконецъ римляне, подъ властію которыхъ находилась она почти пятьсотъ лѣтъ. Въ началѣ V столѣтія послѣ Р. Х. вторглись туда германскія племена,—преимущественно вестготы, владычество которыхъ пало предъ храбростію и религіознымъ энтузіазмомъ арабовъ. Только на сѣверо-восточной оконечности Испаніи сохранился небольшой остатокъ христіанскаго владычества.

Впродолженіе 780 лѣтъ (отъ 712 до 1492) была Испанія частію христіанскою, частію магометанскою страною. Разъединеніе, внутреннія междоусобія, честолюбіе дворянства и ошибочная политика—все это замедляло окончательное рѣшеніе борьбы между двумя племенами. Только женитьба Фердинанда Арагонскаго на Изабеллѣ Кастильской (1469), соединивъ до того времени раздѣльныя два государства въ одну цѣльную Испанію, дала возможность уничтожить послѣдніе остатки арабскаго владычества. Затѣмъ открытіе Америки и усмиреніе самостоятельнаго и неукротимаго феодальнаго дворянства, казалось, надолго положило прочную основу государственному могуществу Испаніи. Вскорѣ затѣмъ, при Карлѣ V, городовыя общины, бывшія препоною королевской власти, потеряли свою силу, послѣ извѣстнаго возстанія, окончившагося пораженіемъ ихъ въ битвѣ Вильяларѣ 23 апрѣля 1521 года.

Карлъ V, первый король всей Испаніи, возвелъ эту страну на вершину могущества; но вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаются уже и въ то время первоначальныя причины ея послѣдующаго упадка и постоянно возрастаютъ въ страшной постепенности. Мы припомнимъ здѣсь только самыя главныя изъ нихъ, чтобъ сдѣлать понятными позднѣйшія событія ея исторіи.

Благотворныя основанія испанскаго государственнаго права не только не имѣли никакого дальнѣйшаго развитія, но, изъ преувеличеннаго опасенія всякаго противодѣйствія, королевская власть уничтожила всѣ гарантіи прежняго общественнаго устройства. Созванія кортесовъ были совсѣмъ прекращены и они утратили все свое прежнее значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ исчезновеніемъ государственной жизни,—открытіе Америки бросило націю въ совершенно другое направленіе. Какого-то особаго рода лихорадочная дѣятельность охватила Испанію. Много героическихъ подвиговъ вызвала она,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и много самыхъ ужасныхъ варварскихъ дѣлъ. Жажда обогащенія повела за собою многочисленныя переселенія въ Америку, значительно ослабившія Испанію, чему также способствовали многія войны, предпринятыя безъ достаточныхъ причинъ, неискусно веденныя и несчастливо окончившіяся.

Нигдѣ законъ христіанской любви и милосердія не получилъ такого страннаго и суроваго извращенія, какъ въ Испаніи, и нигдѣ не служилъ

Digitized by Google

онъ предлогомъ къ такимъ звѣрскимъ жестокостямъ и преслѣдованіямъ. По своей фанатической основѣ и тиранскимъ формамъ, инквизиція имѣла самое вредоносное вліяніе и на умъ и на жизнь цѣлаго города. Она и ея ослѣпленные ревнители способствовали къ совершенно безумному, несправедливому и жестокому изгнанію мавровъ изъ Испаніи. Черезъ это въ сильнѣйшей степени уменьшилось и народонаселеніе, и образованіе, и дѣятельность, а бѣдность увеличилась до такой степени, что даже и до сихъ поръ видны страшные слѣды ея.

Все это совпало вмѣстѣ съ другимъ, безпримѣрнымъ въ исторіи несчастіемъ. Ни одинъ изъ послѣдующихъ королей Испаніи, начиная съ мрачнаго Филиппа II, не былъ сколько нибудь мудрымъ, благодѣтельнымъ властелиномъ. Напротивъ, ихъ духовная посредственность и ничтожность, можно сказать, увеличивалась съ каждымъ поколѣніемъ; и кромѣ того, не было ни одного великаго министра, который бы (какъ, напримѣръ, Ришелье во Франціи) могъ замѣнить ихъ неспособность. Нѣсколько лучше,—да и то въ ничтожной степени, были короли изъ дома Бурбоновъ; при Карлѣ III (отъ 1739 до 1788) даже были попытки нѣкотораго возрожденія. Но, несмотря на трехвѣковое, жалкое, сонное, постоянно угнетавшее управленіе, въ народѣ сохранились еще и жизненная сила и мужество къ настоящему обновленію.

Между тѣмъ, внутри самого государства держались взаимно враждебныя провинціальныя раздѣленія: Бискайскія провинціи, по происхожденію своему, языку, нравамъ и учрежденіямъ, отдѣлялись отъ прочей Испаніи; Астурія и Галиція напоминали собою средневѣковое состояніе; арагонецъ гордился своими прежними политическими правами и ни въ чемъ не хотѣлъ равняться съ кастильянцемъ; Каталонія пробовала нѣсколько разъ пріобрѣсть самостоятельность; въ Валенсіи, Гренадѣ, Кордовѣ и вообще въ Андалузіи живы были слѣды восточнаго вліянія. Всюду господствовала любовь не только къ стариннымъ, давностью освященнымъ учрежденіямъ, но вмѣстѣ съ нею и къ сохраненію всѣхъ укоренившихся вредныхъ обычаевъ; на всякое нововведеніе народъ смотрѣлъ съ недовѣрчивостію и враждебностію. И, однакожъ, впродолженіе этихъ темныхъ временъ своей исторіи,—испанцы сохранили свое врожденное вѣрное чувство всего великаго и благороднаго. Какъ ни трудно иностранцамъ сохранять безпристрастіе при обсужденіи такого совершенно особеннаго народнаго характера,—но тѣмъ не менѣе почти всѣ они согласны въ томъ, что испанецъ полонъ преданности и вѣрности въ своемъ расположеніи,—горячъ и страстенъ въ ненависти,— терпѣливъ, честенъ, надеженъ, умѣренъ, одаренъ самымъ живымъ воображеніемъ и самымъ щекотливымъ чувствомъ чести.

Всѣ эти различныя явленія исторической жизни испанскаго народа отражаются въ „Письмахъ“ г. Боткина и придаютъ особенную ясность его взгляду на характеръ и нравы народа, особенный интересъ его очеркамъ.

До г. Боткина, у насъ такъ мало было писано объ Испаніи, что бо́льшая часть русскихъ читателей воображали эту страну какимъ-то громаднымъ цвѣтникомъ, расширяя на весь полуостровъ тотъ благоухающій садъ, который цвѣлъ подъ балкономъ Лауры:

Digitized by Google

„Приди, открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ...,
(*„Каменный Гость“*).

На самомъ дѣлѣ Испанія вовсе не такова. Ея природа скорѣе напоминаетъ Африку, нежели Европу: степь, выжженная солнцемъ, угрюмая, грозная степь, среди которой разсѣяны дивно роскошные оазисы, поражающіе не столько своею граціозностью, сколько величественностью. Только очень немногія мѣстности, какъ Гренада, вполнѣ граціозны,—общій характеръ страны—величіе, часто отзывающееся печально-страстнымъ характеромъ. Г. Боткинъ мастеръ изображать природу—потому что умѣетъ сочувствовать ей, любить ее.

„Красота Испаніи давно вошла въ пословицу (говоритъ онъ); съ давнихъ поръ поэты воспѣваютъ ея апельсинныя и лимонныя рощи... увы! Это одно изъ заблужденій, существующихъ насчетъ Испаніи. Впрочемъ, можетъ статься, за нѣсколько сотъ лѣтъ оно было и иначе, теперь же ничего нельзя себѣ представить унылѣе этой природы. Но унылость эта необыкновенно величава. Представьте себѣ, что нигдѣ не встрѣчаешь дерева, по окраинамъ полей одни только кусты розмарина; изрѣдка маленькія деревни, безъ зелени, выкрашенныя темно-глинистою краскою,—и деревни эти такъ рѣдки, что, встрѣчая одну, давно забылъ уже о предшествовавшей. Глаза свободно пробѣгаютъ пространство въ 8, 10 верстъ, не встрѣчая на немъ ни одного жилья, ни одной малѣйшей рощицы оливъ, ничего, кромѣ душистыхъ кустовъ розмарина; все это объято самою прозрачною, чистѣйшею атмосферой. Вѣроятно, на этой почвѣ могли бы рости и дубъ, и липа, и каштанъ; въ Испаніи богатство лежитъ у ногъ человѣка,—стоитъ только наклониться за нимъ; но Испанцы еще не любятъ наклоняться“.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на него равнинами Кастиліи. Проѣхавъ съ сѣвера на югъ почти всю Испанію, изъ Севильи—этого города, которой мы привыкли было воображать потонувшимъ среди безконечныхъ лимонныхъ и апельсинныхъ рощъ, онъ пишетъ:

„Находясь въ самомъ сердцѣ Андалузіи, могу наконецъ положительно сказать, красота испанской природы, о которой столько наговорили намъ поэты, есть не болѣе: какъ предразсудокъ. Я разумѣю здѣсь красоту природы въ томъ смыслѣ, какъ представляютъ ее себѣ видѣвшіе Италію. Правда, на югѣ Испаніи растительность такъ величава и могущественна, что передъ ней растительность самой Сициліи кажется сѣверною, но это только рѣдкими мѣстами; африканское солнце, такъ сказать, насквозь прожигаетъ эту землю; въ Алмеріи, напримѣръ, уже три года какъ не было дождя, и жители южныхъ береговъ Испаніи безпрестанно переселяются во французскія владѣнія Африки. Здѣсь часто случается, что на три мили въ окружности невозможно найти воды. Не думайте, однакожъ, чтобъ эта пламенная природа не имѣла своей особенной, только ей одной свойственной красоты. Она здѣсь не разлита всюду, какъ въ Италіи; въ ней нѣтъ мягкихъ, ласкающихъ итальянскихъ формъ: здѣсь она или уныла и дика, или поражаетъ своею тропическою, величавою роскошью. По дорогѣ изъ Кордовы въ Севилью, напримѣръ, возлѣ иного *cortijo* *) нѣтъ ничего, кромѣ одинокаго апельсиннаго дерева; но надобно видѣть, что это за могучій стволъ, и какъ широко раскинулось оно своими густыми вѣтвями: апельсинныя деревья Сициліи покажутся передъ нимъ не болѣе, какъ отростками. Здѣсь каждую минуту чувствуешь, что имѣешь подъ ногами огненную землю, нелюбящую золотой средины, на которой или корчится отъ зноя всякое растеніе, или тамъ, гдѣ влагѣ удастся охладить жгучіе лучи солнца, ра-

*) Такъ называются здѣсь маленькія фермы (дворики).

Digitized by Google

стительность вырывается на воздухъ съ такою полнотою красоты и силы, съ такою роскошью, что здѣсь, особенно въ горахъ, эти чудные оазисы середи каменистыхъ пустынь производятъ совершенно особенное, электрическое впечатлѣніе, о которомъ не можетъ дать понятія кроткая и ровная красота Италіи. Здѣсь и пустыня (*despoplado*), и голыя, рдѣющія на солнцѣ скалы, и растительность дышатъ какою-то сосредоточенной, пламенной энергіей".

Одно только изъ нашихъ обыкновенныхъ мнѣній о характерѣ испанской природы вполнѣ подтверждается г. Боткинымъ,—мнѣніе о дивной чистотѣ ея атмосферы, объ ослѣпительности солнечнаго блеска, почти непрерывно озаряющаго горы и долины Пиринейскаго полуострова. Тамъ, гдѣ горизонтъ стѣсненъ громадными, скалистыми горами,—а бо́льшая часть Испаніи прорѣзывается горными хребтами,—тропическое солнце придаетъ новую чудную энергію пейзажу яркими тонами, въ которые одѣваются горы подъ его блескомъ:

„Для меня, жителя сѣверныхъ равнинъ, южныя горы имѣютъ какую-то необъяснимую прелесть; глаза, привыкнувъ съ младенчества свободно уходить въ смутную даль, ограниченную темною и мертвою линіею горизонта, съ какою-то ненасытною нѣгою блуждаютъ по этимъ высотамъ, на которыя каждый часъ дня кладетъ свои особенные тоны колорита. Въ равнинахъ—природа только на первомъ планѣ, такъ сказать, у ногъ; дальше—одно небо и пустое пространство, которое невольно склоняетъ къ задумчивости и грусти: отсюда, вѣроятно, и склонность къ мечтательности въ жителяхъ равнинъ. Въ горахъ надо проститься съ этою туманною безпредѣльностію: глаза всюду встрѣчаютъ не однообразную, сѣрую даль, а яркіе переливы зелени, или утесы и скалы, которымъ солнце и воздухъ сообщаютъ нѣжные радужные цвѣта. Я думаю даже, что живописецъ, живущій въ равнинахъ, едва ли будетъ хорошимъ колористомъ: только въ горахъ можно понять все очарованіе солнца и тѣни и радужную ихъ игру. Утромъ горы лежатъ въ синемъ, чуть прозрачномъ туманѣ, сквозь который едва отдѣляются ихъ очертанія; облака, застигнутыя на отлогостяхъ и въ ущеліяхъ затишьемъ вечера, раннимъ утромъ розовыя, потихоньку встаютъ и уходятъ; постепенно, какъ солнце возвышается, туманъ становится прозрачнѣе и голубѣе; вотъ начинаютъ обозначаться зеленыя отлогости, красноватыя скалы, темныя ущелія. Въ этой воздушной, радужной игрѣ цвѣтовъ и лучей есть что-то музыкальное; не живопись—передъ этими красками всѣ наши краски кажутся грязью—а симфонія, съигранная оркестромъ, можетъ только дать понятіе объ этомъ чудномъ разнообразіи и гармоническомъ сочетаніи цвѣтныхъ тоновъ. Какъ смѣлы, рѣзки и вмѣстѣ нѣжны эти переходы! Каждая неровность, каждый уступъ кладутъ свои оттѣнки, которые безпрестанно мѣняются съ движеніемъ солнца, пробѣгающія тѣни облаковъ еще болѣе разнообразятъ эту игру свѣта. Въ полдень туманъ исчезаетъ, оставивъ по себѣ лишь прозрачный голубой паръ, въ которомъ чувствуется что-то знойное и сонное. Есть въ полднѣ минута, когда солнце стоитъ на самой высотѣ горизонта и лучи его падаютъ перпендикулярно: яркость ихъ такъ сильна, что все разнообразіе горныхъ тоновъ исчезаетъ, утопая въ свѣтѣ; горы теряютъ свою массивность и становятся воздушными, словно прозрачными: въ эти минуты онѣ принимаютъ какой-то идеальный видъ.

Чѣмъ ниже опускается солнце, тѣмъ становится золотистѣе свѣтлоголубой эѳиръ, облегающій горы: снова начинаетъ выступать разнообразіе цвѣтныхъ тоновъ. Но косвенные лучи солнца уже измѣнили прежнее расположеніе ихъ: зелень, скалы и ущелья начинаютъ выступать съ новыми оттѣнками. Постепенно исчезаетъ золотистый паръ, раскрывая горы во всей ихъ осязательной массивности. Радужная дымка, лежавшая на нихъ съ самаго утра, совершенно исчезла: теперь картина горъ начинаетъ походить на заключительные, восходящіе аккорды симфоніи. Въ эти минуты чувствуешь, что то же очарованіе, которое для ушей лежитъ въ звукахъ, для глазъ заключается въ цвѣтахъ. Вотъ горы покрылись золотисто-палевымъ цвѣтомъ; но скоро начинаютъ пробѣгать по нимъ легкіе, лиловые тоны, и все сильнѣе, и все гуще, и черезъ минуту

Digitized by Google

горы облиты лиловымъ сіяніемъ; какъ нѣжатся, утомленные яркостію прежнихъ цвѣтовъ, глаза на этомъ мягкомъ, ласкающемъ цвѣтѣ, съ какимъ-то задушевнымъ стремленіемъ хочешь подолѣе насмотрѣться на него! но все больше и больше рдѣютъ лиловыя горы, и мгновенно разливается по нимъ яркій огненный пурпуръ; съ минуту стоятъ онѣ словно объятыя краснымъ пламенемъ... нѣтъ силъ смотрѣть на этотъ ослѣпительный блескъ... онъ слабѣетъ уже,—это заключительный аккордъ горной симфоніи. Послѣдніе кровавые лучи заката едва на мгновеніе обольютъ еще горы алымъ свѣтомъ, какъ уже низовыя отлогости ихъ тонутъ въ сѣромъ ночномъ туманѣ; солнце скрылось, и только легкое розовое мерцаніе догораетъ кой-гдѣ на высокихъ вершинахъ.

„И каждый день съ ненасытною нѣгою смотрю я на горы, и каждый день все мнѣ кажется, что только сейчасъ увидѣлъ ихъ. Сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что я родился и выросъ въ странѣ равнинъ и унылой природы, а не на югѣ: тогда бы мои глаза давно привыкли къ горнымъ красотамъ южной природы и не ощущали бы этого наслажденія, сердце не билось бы этимъ блаженствомъ; я не чувствовалъ бы тогда во всемъ существѣ своемъ этой нѣги, которая проникаетъ мой организмъ среди южной природы“.

Какъ въ Африкѣ, въ Испаніи—гдѣ нѣтъ обильной воды, тамъ величественная пустыня, гдѣ есть вода—тамъ чудная сила растительности; гдѣ почва орошается ручьями, только тамъ дѣйствительно вся мѣстность превращается въ исполинскій цвѣтникъ. Немного такихъ мѣстъ — зато они очаровательны, и самое очаровательное изъ нихъ Гренада:

„Въ жизнь мою не забуду того впечатлѣнія, какое испыталъ я, когда на другой день послѣ моего пріѣзда сюда пошелъ я по Гренадѣ. Представьте себѣ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ привыкнувъ видѣть около себя природу суровую, почти всюду сожженную солнцемъ, небо постоянно яркое и знойное, не находя мѣста, гдѣ бы прохладиться отъ жару—вдругъ неожиданно найти городъ, утонувшій въ густой, свѣжей зелени садовъ, гдѣ на каждомъ шагу бѣгутъ ручьи, и разносится прохлада... нѣтъ! это можно оцѣнить только здѣсь, подъ этимъ африканскимъ солнцемъ. По городу только и слышался шумъ воды и журчанье фонтановъ въ садахъ. Здѣсь первая комната въ каждомъ домѣ—садъ. Часто попадаются садики снаружи, обнесенные желѣзными рѣшотчатыми заборами и наполненные густыми купами цвѣтовъ, надъ которыми блестятъ струйки фонтановъ; цвѣты и на террасахъ и на балконахъ *); а когда я подошелъ къ холму Альгамбры, до самаго верху покрытому густою рощею, я не умѣю передать этого ощущенія. Три дня горной дороги верхомъ, подъ этимъ знойнымъ солнцемъ, просто сожгли меня; голова моя и все тѣло горѣли. Передо мной было море самой свѣжей зелени; прохлада, отраднѣйшая прохлада охватила меня. Лучи солнца не проникали сквозь гущу листьевъ; ручьи журчали со всѣхъ сторонъ; по дорожкамъ фонтаны били самою чистою, холодною водою. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ прохладнѣе становилась тѣнь. Никогда я не видалъ такого разнообразія, такой свѣжести зелени! Дикій виноградъ обвивался около дубовъ, олеандръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ тополемъ, изъ плакучей ивы весело торчали вѣтви душистаго лавра, гранаты возлѣ вязовъ, алоэ возлѣ липъ и каштановъ—всюду смѣшивалась растительность юга и сѣвера. Вотъ климатъ Гренады и вотъ одно изъ ея очарованій: это огонь и ледъ, зной и прохлада, и чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ на Сіеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи и фонтаны. Это сліяніе воды и огня дѣлаетъ климатъ Гренады единственнымъ въ мірѣ. Прибавьте къ этому, что если вѣтеръ со стороны Сіерры Невады, то, несмотря на весь зной солнца, воздухъ наполненъ прохладой. Въ этихъ гу-

*) Нигдѣ я не видалъ такой страсти къ цвѣтамъ, какъ въ Гренадѣ. Кромѣ того, что каждая женщина непремѣнно носитъ въ волосахъ свѣжіе цвѣты, здѣсь даже принадлежитъ къ хорошему тону по праздникамъ выходить изъ дому съ хорошимъ букетомъ въ рукахъ и дарить изъ него по нѣскольку цвѣтовъ встрѣчающимся знакомымъ дамамъ. По праздникамъ боченки продавцевъ воды обвиты виноградными вѣтвями, а тѣ, которые возятъ ихъ на ослѣ, даже и ословъ убираютъ виноградомъ.

Digitized by Google

стыхъ аллеяхъ рѣдко кого встрѣчаешь—самая пустынная тишина; но все вокругъ журчитъ и шелеститъ, словно роща живетъ и дышитъ. Мѣстами стоятъ скалы, покрытыя зеленымъ мхомъ; по инымъ тоненькими сверкающими ленточками бѣгутъ ключи. Это не походитъ ни на какой садъ въ Европѣ,—это задумчивость сѣвера, слитая съ влажною, сверкающею красотою юга. Я легъ на прохладный мохъ перваго попавшагося камня и долго лежалъ, вслушиваясь въ журчанье ручьевъ, словно въ какія-то неясныя, но сладкія душѣ мелодіи".

Не трудно рѣшить, отъ самыхъ ли условій климата и мѣстности зависитъ унылый и пустынный характеръ природы въ нынѣшней Испаніи, или виноватъ въ томъ народъ, населяющій эту страну. Земля, еще не заселенная людьми, можетъ имѣть цвѣтущій видъ,—она можетъ быть покрыта дѣвственными лѣсами, роскошными лугами и пажитями. Но какъ скоро человѣкъ овладѣваетъ страною, это первобытное состояніе природы уничтожается его потребностями,—онъ сжигаетъ и вырубаетъ лѣса, и какъ скоро населеніе становится многочисленнымъ, самыя поля лишаются той чистой растительности, которою очаровывали прежде, почва теряетъ влажность съ истребленіемъ лѣсовъ и обнажается или заростаетъ печальными и уродливыми травами, въ родѣ полыни, репейника, бурьяна. Только неутомимое трудолюбіе человѣка можетъ сообщить природѣ новую, высшую красоту, въ замѣнъ дикой, первобытной красоты, неудержимо исчезающей подъ его ногами. Человѣкъ долженъ ухаживать за лѣсами, стеречь ихъ, чтобы сохранить отъ истребленія часть ихъ, нужную для его матеріальныхъ потребностей и эстетическаго наслажденія, долженъ замѣнить садами другую часть; онъ долженъ одѣть землю нивами и искусственными лугами, въ замѣнъ не выносящихъ его прикосновенія первобытныхъ травъ. Гдѣ является человѣкъ, тамъ природа должна возсоздаваться трудомъ человѣка. Народъ вноситъ запустѣніе и одичалость въ свою страну, если не вноситъ въ нее культуры. И если вы видите печальной, унылой страну, имѣющую осѣдлое населеніе, не вините въ томъ природу страны, — нѣтъ, знайте, что народъ, ее населяющій, не хочетъ или не можетъ трудиться. Природа, конечно, гораздо бѣднѣе залогами красоты въ Голландіи, Гольштиніи, нежели въ какой бы то ни было другой европейской странѣ,—и однако же Голландія и Гольштинія радуютъ глазъ своими цвѣтущими полями и веселыми рощами. Есть страны, въ которыхъ не можетъ жить осѣдлое населеніе, — за ихъ красоту не отвѣчаетъ человѣкъ. Но гдѣ есть возможность провести воду,—гдѣ живутъ земледѣльцы, тамъ унылость страны свидѣтельствуетъ только, что народъ не можетъ или не хочетъ жить въ своей странѣ такъ, какъ долженъ жить счастливый народъ,—не можетъ или не хочетъ трудиться.

Мы сказали: „не можетъ или не хочетъ" — второе изъ этихъ словъ совершенно излишнее. Не хочетъ трудиться только тотъ, кто не имѣетъ возможности трудиться въ благопріятныхъ для труда условіяхъ. Не знаемъ, можно ли считать лѣность естественнымъ порокомъ даже у немногихъ отдѣльныхъ лицъ: обыкновенно, стоитъ только всмотрѣться ближе въ исторію лѣнивца, и мы убѣдимся, что не природа создала его лѣнивцемъ, а обстоятельства отняли у него охоту работать. Но если поверхностные наблюдатели могутъ еще думать, что иные отдѣльные люди отъ природы расположены къ лѣности, то совершенно нелѣпо и ненатурально воображать, чтобъ цѣлый

Digitized by Google

народъ могъ имѣть по природѣ особенное влеченіе къ этому пороку. Нѣтъ, человѣкъ по природѣ своей находитъ наслажденіе въ трудѣ, имѣетъ естественную потребность работы, томится тоскою, если не работаетъ, если бездѣйствіе не есть только отдыхъ послѣ работы, отдыхъ, вызывающій на новую работу съ свѣжими силами. Когда вы видите цѣлое населеніе цѣлаго округа, обезображенное кретинизмомъ или колтуномъ, вы не говорите, что по своей натурѣ оно должно быть уродливо,—вы приписываете его физическую болѣзненность неблагопріятному вліянію мѣстныхъ физическихъ условій его жизни. Точно также, когда вы видите цѣлое племя, предавшееся тому или другому пороку, не говорите, что въ натурѣ самого племени лежитъ этотъ порокъ: онъ развился наперекоръ натурѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Переселенные въ чистую атмосферу, кретины становятся здоровы, во второмъ или третьемъ поколѣніи становятся и красивы не менѣе другихъ счастливыхъ племенъ. Точно также, лѣнивый, пьяный, буйный ирландецъ, переселившись въ Сѣверную Америку, гдѣ трудъ его вознаграждается, становится дѣятельнымъ и трезвымъ человѣкомъ съ благородными манерами.

Есть избитая фраза: „южные народы лѣнивы; знойный климатъ разслабляетъ ихъ энергію"—это избитая фраза, и больше ничего. Пороки и добродѣтели не принадлежатъ исключительно тому или другому земному поясу;—между бурятами или самоѣдами сластолюбіе не менѣе сильно, нежели между жителями Отаити, и страсть къ наркотическимъ средствамъ вездѣ одинаково сильна,—мало разницы въ томъ, опьяняется ли человѣкъ грибомъ-мухоморомъ, или пѣнникомъ, или опіумомъ, или настоемъ того корня, которымъ угощали Кука жители Сандвичевыхъ острововъ. Подобно разврату, подобно страсти къ затемнѣнію разсудка наркотическими средствами, и лѣность развивается не вслѣдствіе климатическаго вліянія, а вслѣдствіе историческихъ отношеній, и, подобно тѣмъ порокамъ, исчезаетъ съ перемѣною обстоятельствъ народной жизни. Во времена Цезаря и Тацита, германцы, британцы, галлы были отчаяннѣйшими лѣнтяями, ничуть не хуже нынѣшнихъ киргизовъ или трухменцовъ. Римляне, конечно, не лѣнились пахать въ тѣ времена, когда Регулъ самъ обработывалъ свое маленькое поле. Всѣ привычки народа зависятъ отъ обстоятельствъ его жизни.

Теперь испанцы лѣнивы. Но г. Боткинъ замѣчаетъ, что трудно найти въ мірѣ такого хорошаго работника, какъ испанецъ, когда испанецъ, наконецъ, принимается за работу. Почему же онъ такъ рѣдко считаетъ нужнымъ приниматься за работу?—Ему нужно очень немного, говоритъ г. Боткинъ: потребности испанца очень ограничены и очень легко удовлетворяются въ его тепломъ климатѣ, при чрезвычайномъ плодородіи земли. Это совершенно справедливо. Но есть и другая причина, которую также указываетъ г. Боткинъ: праздность считается въ Испаніи гораздо почетнѣйшимъ препровожденіемъ жизни, нежели трудъ, такъ что бѣдный кавальеро скорѣе пойдетъ въ лакеи, нежели займется какимъ-нибудь ремесломъ,—будучи лакеемъ, онъ сохраняетъ свое почетное право—ровно ничего не дѣлать. Въ Испаніи дѣйствительно можно часто встрѣтить слугу, который гордится древностью и высокимъ благородствомъ своей фамиліи и гордится основа-

Digitized by Google

тельно, потому что имѣетъ въ рукахъ генеалогическіе пергаменты. Само собою разумѣется, каково служатъ эти лакеи,—вотъ случай, свидѣтельствующій о томъ, какъ успѣшно они отстаиваютъ свою привилегію—ничего не дѣлать:

„Недавно въ Гренадѣ я былъ свидѣтелемъ презабавной сцены. У меня здѣсь есть знакомый французъ, химикъ и дагеротипистъ. На дняхъ прихожу я къ нему; онъ держалъ въ рукѣ письмо и звалъ своего слугу, чтобы послать его отнесть письмо по адресу. Слуга только что воротился изъ аптеки, куда ходилъ за какимъ-то химическимъ составомъ. Онъ вошелъ въ комнату, жалуясь на жаръ, важно посмотрѣлъ на француза и рѣшительно объявилъ, что онъ теперь не можетъ идти, потому что очень жарко.

„— Но мнѣ надо непремѣнно послать это письмо! — кричалъ разгорячившійся французъ.—Ваша милость разговариваетъ какъ какой-нибудь идальго! Ужъ лучше бы вашей милости оставаться при своихъ дипломахъ!

„— А ваша милость думаетъ, что у меня нѣтъ дипломовъ?—возразилъ очень спокойно слуга:—есть, да еще такіе, какихъ нѣтъ у вашей милости.

„— Такъ зачѣмъ же ваша милость пошли въ слуги?

„— Зачѣмъ? затѣмъ, чтобъ не работать, *para no trabajar*“.

Не должно дивиться этому понятію: „благороднѣе быть ничего не дѣлающимъ лакеемъ, нежели трудящимся ремесленникомъ или купцомъ“—совершенно подобныя явленія мы встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ,—напримѣръ, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, очень многіе шляхтичи служатъ теперь лакеями, какъ прежде, во времена польской независимости, служили паразитами у магнатовъ, съ радостью подвергаясь всякимъ продѣлкамъ со стороны своихъ патроновъ, лишь бы только ѣсть даровой хлѣбъ. И если мы вспомнимъ исторію, мы увидимъ, что эти странныя понятія—естественное слѣдствіе историческихъ отношеній народа. Семьсотъ лѣтъ испанцы вели непрерывную борьбу съ маврами,—всѣ энергическіе люди цѣлой націи посвящали свои силы исключительно войнѣ, снискивали себѣ и средства для жизни и почетное имя въ обществѣ мечомъ, а не мирными промыслами, которые доставались въ удѣлъ только людямъ, не имѣвшимъ смѣлости духа, и потому естественно должны были не пользоваться особеннымъ уваженіемъ. Войны прекратились, но старое презрѣніе къ робкому труду осталось въ умахъ.

Есть и третья причина этого явленія, которая также не ускользнула отъ вниманія г. Боткина. Эта причина, быть можетъ, важнѣйшая изъ всѣхъ,—долговременное отсутствіе хорошаго управленія въ странѣ. Сами испанцы, по словамъ г. Боткина, говорятъ о своемъ управленіи такимъ образомъ. Санъ-Яго, національный святой Испаніи, по кончинѣ своей, предсталъ предъ Богомъ, который, за святость его земной жизни, обѣщалъ угоднику исполнить все, чего ни попроситъ онъ. „Санъ-Яго проситъ, чтобы Богъ даровалъ Испаніи плодотворное солнце, изобиліе во всемъ.—Будетъ, былъ отвѣтъ.—Храбрость и мужество народу, продолжалъ Санъ-Яго, славу его оружію.—Будетъ, былъ отвѣтъ.—Хорошее и мудрое правительство.—Это невозможно: если ко всему этому въ Испаніи будетъ еще хорошее правительство, то всѣ ангелы уйдутъ изъ рая въ Испанію“.

Трудолюбивыя привычки могутъ развиться или сохраниться въ народѣ только при хорошемъ управленіи, которое обезпечиваетъ каждому неприкос-

Digitized by Google

новенность собственности, пріобрѣтаемой его трудомъ, и ограждаетъ его трудъ отъ препятствій и обремененій, какимъ онъ подвергается, какъ скоро является произволъ съ безпорядками и злоупотребленіями, необходимыми своими спутниками. Ирландецъ въ своей родинѣ старается работать какъ можно меньше, потому что все выработанное долженъ будетъ отдать за наемъ земли,—испанецъ также не видитъ,—или, по крайней мѣрѣ, до недавняго времени не видѣлъ пользы для себя въ трудолюбіи, потому что не былъ обезпеченъ отъ грабительствъ.

Не будемъ много говорить о страшной неурядицѣ, господствовавшей въ Испаніи со временъ Филиппа II,—эта плачевная исторія, продолжавшаяся около трехсотъ лѣтъ, вся передается однимъ словомъ: произволъ, безграничный и вмѣстѣ безсильный произволъ тяготѣлъ надъ несчастною страною во все теченіе этого долгаго періода. Мы много начитались въ газетахъ о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, о грабежахъ и разореніяхъ, которымъ подвергалась Испанія съ того времени, какъ появились имена христиносовъ и карлистовъ, съ ихъ безконечными стычками, контрибуціями, разстрѣливаніями и т. д., и т. д.;—вся эта неурядица, какъ ни страшна и ни нелѣпа она, однако же далеко не такъ произвольна, безтолкова и гибельна, какъ порядокъ, или, вѣрнѣе сказать, безпорядокъ дѣлъ, угнетавшій Испанію до той эпохи. Какъ ни велики бѣдствія, которыми мучилась эта страна въ послѣднія десятилѣтія,—прежде было въ ней нѣчто еще худшее, еще болѣе тяжкое, которое исключительно виновно и во всѣхъ страданіяхъ настоящаго.

„Испанія полна унынія; народъ ея словно находится въ томъ тяжкомъ забытьи, какое испытываетъ человѣкъ, долго находясь на морозѣ. Не въ настоящемъ должно искать причинъ этимъ тяжкимъ политическимъ страданіямъ: они въ прошедшемъ, они далеко позади. На междоусобную войну въ Испаніи смотрѣли, какъ на событіе необыкновенное и неожиданное. Но развѣ эта война не есть результатъ золъ предшествовавшихъ? это та же самая болѣзнь, только вышедшая наружу. И прежде наваррскаго возстанія, въ Испаніи была междоусобная война, предпринятая инквизиціею противъ всякой живой, благотворной мысли, противъ всякаго развитія человѣческихъ способностей. Настоящее положеніе Испаніи есть только преобразованіе этой внутренней, душной борьбы въ борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, уготованную тремя вѣками невѣжественной, фанатической, безнравственной администраціи.

„Ни новое политическое устройство Испаніи, ни даже прежнее причиною несчастій ея. Правда, инквизиція, монахи были для нея страшнымъ зломъ; но вѣдь феодальное устройство Испаніи было общее съ Европою; отчего же оно только на Испаніи оставило такіе гибельные слѣды? Не оттого ли, что въ Европѣ при дурномъ устройствѣ было всегда правительство, которое хотя иногда было также дурно, но всегда болѣе или менѣе вращалось въ кругу идей современной себѣ цивилизаціи. Въ Испаніи ни въ какое время, ни въ какой формѣ не было правительства: былъ только одинъ произволъ со всѣми своими заблужденіями и личными страстями; никогда администрація не имѣла другихъ законовъ, кромѣ собственнаго каприза и своихъ личныхъ интересовъ. Такъ было прежде, тоже и теперь. Три вѣка правительственнаго безумства не прошли даромъ: тяжко легли они на благородной странѣ. Мудрено ли, что народъ ея теперь равнодушно смотритъ на всѣ эти конституціи, говоря про себя свое любимое *que importa* (что за нужда). Онъ знаетъ, что надъ всѣми этими конституціями есть иная высшая власть—анархія“.

При такомъ положеніи дѣлъ не могла сохраниться въ націи привычка

Digitized by Google

трудиться. Кому охота работать, когда плоды трудовъ истребляются или похищаются?

„Но, могутъ сказать, если исторія Испаніи объясняетъ развитіе привычки къ бездѣйствію, къ лежанью на-боку, то все-таки это объясненіе нимало не оправдываетъ испанцевъ:—развѣ не сами они довели себя до такого положенія, въ которомъ невозможно было имъ работать"—И на это опять надобно сказать: все зависитъ отъ обстоятельствъ,—они даютъ направленіе жизни цѣлаго народа, какъ и жизни отдѣльнаго человѣка; они столь же часто губятъ насъ посредствомъ нашихъ такъ называемыхъ добрыхъ качествъ, какъ и посредствомъ нашихъ недостатковъ,—и, наоборотъ, столь же часто обращаютъ намъ въ пользу наши недостатки, какъ и наши добрыя качества. Не судите о нравственныхъ или умственныхъ качествахъ человѣка по его счастью или несчастью въ жизни,—

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла,
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла,—
Живъ презрительный Терситъ...

И уцѣлѣлъ Терситъ именно потому, что былъ подлъ и труслив,—умеръ Патроклъ именно потому, что былъ благороденъ и силенъ душою. Несправедливо вдаваться въ крайность, и для противорѣчія бездушному правилу судить о достоинствѣ человѣка или народа по его участи, говорить, что все прекрасное обречено судьбою на погибель,—нѣтъ, прогрессъ и развитіе не пустыя слова. Но власть обстоятельствъ всесильна, и надобно ближе вникать въ обстоятельства дѣла, чтобы судить о томъ, дѣйствительно ли слабъ или силенъ, хорошъ или дуренъ страдающій или торжествующій.

Обстоятельства неблагопріятно расположились для Испаніи; они расположились такъ, что именно лучшія качества испанскаго народа обратились во вредъ ему. Укажемъ хотя одинъ примѣръ—инквизицію, которая изъ всѣхъ золъ, губившихъ Испанію, была пагубнѣйшимъ. Конечно, мы не чувствуемъ ни малѣйшаго влеченія защищать инквизицію или хвалить испанскій народъ за то, что онъ имѣлъ у себя это учрежденіе. Но, однако, въ чемъ же состоитъ сущность дѣла? Въ томъ, что испанцы, по своему глубокому и сильному характеру, серьезно, искренно приняли тотъ идеалъ, который былъ идеаломъ всѣхъ западныхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка. Другіе народы, можно сказать, только шутили, забавлялись между дѣлъ этимъ идеаломъ, не имѣя ни столько пламенной твердости въ характерѣ, ни столько преданности убѣжденію, чтобы серьезно устремить свои силы на осуществленіе этого идеала. Испанцы принялись за это дѣло серьезно,—„и погубили себя",—скажете вы. Такъ, погубили себя—но осудите ли вы человѣка, который по ошибкѣ отравилъ себя и своихъ друзей ядомъ, считая этотъ ядъ жизненнымъ бальзамомъ,—осудите ли вы его, если онъ пожертвовалъ своими сокровищами для пріобрѣтенія этого мнимаго жизненнаго бальзама?

Ослѣпленіе у испанцевъ было общее со всѣми западными народами среднихъ вѣковъ,—за это нельзя ихъ винить. Они одни дѣйствовали совершенно искренно и серьезно—въ этомъ они были выше другихъ. Они по-

Digitized by Google

губили себя, но погубили именно потому, что имѣли сильный и возвышенный характеръ.

Мы сказали объ инквизиціи, страшнѣйшемъ изъ ложныхъ принциповъ, погубившихъ Испанію. Всмотритесь въ исторію среднихъ вѣковъ, XVI и XVII столѣтій,—вы увидите, что точно также и всѣ остальные ложные принципы, содѣйствовавшіе гибели Испаніи, были общи испанцамъ съ другими тогдашними народами Западной Европы. Заблужденіе въ убѣжденіяхъ было одинаково повсюду,—но убѣжденіе было у испанцевъ искреннѣе, серьезнѣе, нежели у какого-нибудь другаго народа,—этимъ они погубили себя—но за искренность и серьезность упрекать нельзя, и тѣ же самыя качества характера, которыя обращаются во вредъ, когда служатъ къ достиженію ложныхъ цѣлей, приносятъ благо, когда посвящаются на осуществленіе истинныхъ цѣлей.

Испанія доведена была обстоятельствами до состоянія самаго жалкаго; она очень долго не могла избавиться, и теперь только начинаетъ избавляться отъ бѣдствій, угнетавшихъ ее,—и процессъ внутренняго броженія, которымъ совершается возрожденіе этого народа, такъ тяжелъ и продолжителенъ, задерживается такими частыми и прискорбными рецидивами, что естественно родится мысль: приведетъ ли все это броженіе къ чему нибудь лучшему, или Испаніи не суждено оправиться отъ своего долговременнаго униженія и страданія? Г. Боткинъ не колеблется утверждать, что Испанію ожидаетъ лучшая будущность, — и, несмотря на всю видимую безпорядочность въ исторіи послѣднихъ ея десятилѣтій, нельзя, дѣйствительно, сомнѣваться въ томъ, что многое стало нынѣ въ этой странѣ лучше, нежели было за тридцать лѣтъ, что успѣхи развитія, еще слишкомъ незначительные сравнительно съ тѣмъ, что надлежитъ совершить, уже, однако, не могутъ назваться ничтожными, и что каково бы ни было настоящее состояніе Испаніи, но эпоха возрожденія уже началась для нея. Въ этомъ убѣждаетъ постепенное распространеніе просвѣщенія, замѣтное усиленіе умственной дѣятельности въ націи, столь долго дремавшей,—всего болѣе убѣждаютъ, въ возможности возрожденія, качества, сохраненныя испанскимъ народомъ. Онъ даровитъ, благороденъ и твердъ духомъ, — и, если онъ выдержалъ трехвѣковое бѣдствіе, не утративъ душевныхъ силъ, то, конечно, способенъ возродиться, когда вліяніе неблагопріятныхъ обстоятельствъ на его судьбу ослабѣетъ.

Испанія была очень надолго задержана въ своемъ развитіи,—во многихъ отношеніяхъ даже подалась назадъ подъ гнетомъ обстоятельствъ, сравнительно съ прежней степенью своего развитія. Но эти тяжелыя обстоятельства не могли, однако, подавить врожденныхъ дарованій испанскаго народа:

„Во многихъ отношеніяхъ Испанія столько же принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ, сколько къ нашему времени; многое въ ней странно, но не безсмысленно. Она много назади, но далеко не поражена тою нравственною окаменѣлостію, которая заставляетъ отчаяваться за будущность народа.—Скорѣе должно дивиться, соображая исключительныя, роковыя обстоятельства, которыя такъ долго сдерживали политическую жизнь Испаніи, какъ она не еще болѣе назади, какъ еще успѣла она сохранить въ себѣ эти энергическія сѣмена жизни! „

„Всего болѣе заставляетъ вѣрить въ будущность Испаніи рѣдкій умъ ея народа.

Digitized by Google

Когда имѣешь дѣло съ людьми изъ простаго народа, совершенно лишенными всякаго образованія, невольно изумляешься ихъ здравому смыслу, ясному уму, легкости и свободѣ, съ какими они объясняются. Въ этомъ отношеніи, они, напримѣръ, далеко выше французскихъ крестьянъ. Въ нихъ нѣтъ ихъ грубости, ихъ умственной тяжеловатости. Умственная сфера испанца не велика, но то̀, что онъ понимаетъ, онъ понимаетъ вѣрно; и если воспитаніе и здравыя идеи разовьютъ ихъ умственныя способности, испанцы внесутъ тогда и въ высшія сферы жизни это прямодушіе, эту отчетливость, которыя, кажется, врождены имъ, и которыя теперь прилагаются у нихъ только къ самымъ мелкимъ интересамъ. Среди этихъ безчисленныхъ смутъ, раздирающихъ Испанію, чувствуешь какую-то необходимость безпрестанно оглядываться назадъ, хотя бы для того, чтобы сколько нибудь облегчить настоящее отъ ошибокъ и несчастій, завѣщанныхъ ему прошедшимъ, для того, чтобъ сохранить вѣру въ народъ, который, несмотря на три несчастныхъ вѣка, умѣлъ сберечь въ себѣ свои природныя качества, столь прекрасныя и драгоцѣнныя.

Не только живость, здравость ума сохранилась въ испанцѣ: - вѣковое униженіе и угнетеніе не могло подавить въ немъ и удивительнаго его благородства, доходящаго до самой утонченной деликатности. Единственный вѣрный признакъ невозвратнаго паденія народа—то, когда народъ мелокъ и низокъ душою, продаженъ и подлъ;—единственный прочный залогъ народной будущности - сохраненіе въ народѣ благородныхъ чувствъ. Въ этомъ отношеніи испанцы могутъ гордиться своими нравами:

„Испанецъ прежде всего *caballero*. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Мадритъ, я отъискивалъ одну улицу, гдѣ мнѣ надобно было сдѣлать визитъ. Улица была далеко, и я разспрашивалъ о ней у прохожихъ. Между прочимъ, отнесся я къ одному бѣдно одѣтому человѣку. „Если хотите, я провожу васъ туда“, отвѣчалъ онъ. Мы пошли. Дорогой вздумалъ я сдѣлать еще нѣсколько визитовъ, и, намѣреваясь заплатить этому человѣку за трудъ его, просилъ дожидаться меня на улицѣ. Визиты мои продолжались часа три; вожатый мой говоритъ мнѣ, наконецъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться со мною. Я подаю ему дуро (5 руб. асс.), благодаря его за одолженіе. „*No, senor, no, muchissima gracia.*“(Нѣтъ, сударь,—нѣтъ, покорнѣйше благодарю.) — „Но почему же вы не хотите получить за ваши труды, я отнялъ у васъ время...“—„*No, senor. gracias, soy pobre, pera soy caballero.*“ (Нѣтъ, сударь, благодарю—я бѣденъ, но я кавалеръ),—и раскланявшись, кастильянецъ ушелъ отъ меня, оставивъ меня въ замѣшательствѣ и съ деньгами въ рукѣ. Никогда не случалось мнѣ, давая за труды прислугѣ, встрѣтить недовольную мину. Если слуга испанскій очень доволенъ, это выражается только тѣмъ, что онъ прибавитъ къ своему обычному „*gracias*“ (благодарю),—*gracias*, *caballero* (благодарю, кавалеръ). Вообще чувство личнаго достоинства въ этомъ народѣ поразительно; не даромъ существуетъ у него пословица: Король можетъ дѣлать дворянами, одинъ Богъ дѣлаетъ кавалерами“.

Раздѣленіе народа на враждебныя касты бываетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій улучшенію его будущности,—въ Испаніи нѣтъ этого пагубнаго раздѣленія, нѣтъ непримиримой вражды между сословіями, изъ которыхъ каждое было бы готово пожертвовать самыми драгоцѣнными историческими пріобрѣтеніями, лишь бы только нанести вредъ другому сословію,—въ Испаніи вся нація чувствуетъ себя однимъ цѣлымъ. Эта особенность такъ необычайна среди народовъ Западной Европы, что заслуживаетъ величайшаго вниманія, и уже одна, сама по себѣ, можетъ считаться ручательствомъ за счастливую будущность страны.

„При наружности, почти совершенно сходной со всѣми неограниченными монархіями, Испанія на самомъ дѣлѣ имѣла историческое развитіе совершенно различное отъ

Digitized by Google

остальной Европы; кромѣ того, элементы, изъ которыхъ сложилось испанское общество, и по началу своему и по направленіямъ, совершенно различны отъ тѣхъ, которые лежатъ въ основѣ прочихъ европейскихъ государствъ. Посмотрите, напримѣръ, на положеніе и значеніе дворянства испанскаго. Во Франціи—странѣ равенства, народъ враждебно смотритъ на дворянство и аристократію; въ Испаніи, гдѣ чувство равенства гораздо сильнѣе, аристократія не только не возбуждаетъ противъ себя ни ненависти, ни зависти, но пользуется въ народѣ уваженіемъ. Мнѣ кажется это обстоятельство довольно любопытнымъ, и я, имѣя теперь подъ рукою нѣкоторые матеріалы, хочу воспользоваться ими, чтобъ сказать нѣсколько словъ о дворянствѣ въ Испаніи и объ отношеніи его къ народу. Мнѣ кажется, что, уяснивъ себѣ эти отношенія, мы будемъ лучше понимать современныя событія Испаніи и еще болѣе извинимъ народъ ея за его равнодушіе къ нимъ.

„Послѣ паденія римской имперіи (простите, что я начинаю такъ издалека) вся Европа была завоевана и занята варварами; племя побѣдившее и племя побѣжденное поселились на одной и той же землѣ, одни какъ властители, другіе какъ вассалы. Вѣдь исторія Франціи и Англіи есть ничто другое, какъ постепенное освобожденіе племени завоеваннаго. Казалось бы, что французская революція, провозгласивъ политическое, гражданское и религіозное равенство, должна была заглушить самое воспоминаніе о прежней взаимной борьбѣ и ненависти; но такова глубина этой ненависти, что она пережила даже и самую причину ссоры.

„Въ Испаніи не найдете вы ничего подобнаго; здѣсь дворянинъ не гордъ и не спѣсивъ, простолюдинъ къ нему не завистливъ; между ними одно только различіе—богатство, и нѣтъ никакого другаго. Здѣсь между сословіями царствуетъ совершенное равенство тона и самая деликатная короткость обращенія, и не только гражданинъ, но мужикъ, чернорабочій, водоносъ обращаются съ дворяниномъ совершенно на равной ногѣ. Если имъ открыть входъ въ домъ испанскаго гранда, они пойдутъ туда, придутъ, сядутъ и говорятъ съ своимъ благороднымъ хозяиномъ въ тонѣ совершеннѣйшаго равенства. Причина такихъ удивительныхъ для насъ отношеній должна заключаться въ самой исторіи Испаніи, и именно въ томъ, что въ Испаніи никогда не было плебейства, простонародья, что испанскій мужикъ не принадлежитъ къ племени завоеванному, а дворяне къ племени завоевательному. Новая Испанія началась съ изгнанія мавровъ; только съ этого времени здѣсь ведутъ свое начало права на владѣніе землею.—Но самое это изгнаніе показываетъ, что въ Испаніи остались одни только побѣдители. Извѣстно, какъ послѣ завоеванія маврами всей Испаніи, горсть смѣлыхъ и непреклонныхъ людей, укрѣпившихся въ горахъ Астуріи, сдѣлалась впослѣдствіи спасителемъ и знаменосцемъ національной независимости. По мѣрѣ того, какъ силы ихъ увеличивались, завоевали они постепенно провинціи Леонъ, Кастилью, Арагонъ, оттѣсняя мавровъ далѣе и далѣе, и наконецъ взятіе Гренады уничтожило политическое значеніе мавровъ въ Испаніи. Быть низкаго происхожденія, по понятіямъ испанца, значило имѣть въ своихъ жилахъ кровь арабскую, кровь племени вдвойнѣ презираемаго, какъ невѣрное и какъ побѣжденное. По той же самой причинѣ дворянство испанца состоитъ прежде всего въ томъ, чтобъ быть стариннымъ христіаниномъ; и это одно достоинство стариннаго христіанина,—если его считаетъ за своимъ родомъ самый послѣдній носильщикъ, онъ гордится имъ, и въ глазахъ его оно равняетъ его съ самыми важными лицами въ государствѣ. Между здѣшними *aquadores* (водоносцами), которые всѣ почти изъ Астуріи, много дворянъ; они знаютъ это и величаются своимъ происхожденіемъ. *Jo soy mejor que mi amo* (я больше дворянинъ, я благороднѣе моего хозяина), говоритъ *aquador*, принявъ гордый видъ и держа свое ведро воды на плечѣ. И, дѣйствительно, самыя старыя и благородныя фамиліи стараются отъискивать начало своихъ родовъ преимущественно въ Астуріи. А такъ-какъ въ прочихъ провинціяхъ всѣ равно участвовали въ изгнаніи арабовъ, то всякій гордится на свой манеръ, и всѣ обращаются между собой на равной ногѣ, потому что, повторяю, самое великое и главное событіе испанской исторіи есть борьба противъ исламизма; отъ нея ведутъ начало свое и собственность и дворянство.

„Причина того всеобщаго уваженія, которымъ всегда пользовалось въ народѣ

Digitized by Google

дворянство, заключалась въ томъ, что предки его были первоначальными освободителями Испаніи отъ ига арабовъ. Тогда какъ народъ занимался земледѣліемъ, дворянство билось съ невѣрными и расширяло границы испанскаго христіанства. Отсюда происходитъ почтеніе, оказываемое ему народомъ, но опять въ этомъ почтеніи не было ничего подданническаго, именно потому, что между дворяниномъ и самымъ послѣднимъ мужикомъ здѣсь не лежала бездна завоеванія, какъ въ остальной Европѣ, а только одна различная степень дѣятельности и храбрости. Теперь нѣсколько словъ о владѣніяхъ дворянства.

„Короли Кастильи и Арагона обыкновенно награждали за услуги, оказанныя имъ въ войнахъ противъ арабовъ, частью завоеванныхъ земель. Иногда эти маленькіе владѣтели, имѣя деньги, прикупали себѣ новые участки; случалось также, что иной *caballero* строилъ себѣ крѣпость вблизи арабской границы и держался въ ней съ своимъ гарнизономъ; крестьяне приходили селиться подъ защитою крѣпости, и когда испанская граница распространялась дальше, владѣтель крѣпости естественно становился и владѣтелемъ земли, которую онъ долго покровительствовалъ и защищалъ отъ нападеній арабовъ. Такимъ образомъ владѣнія дворянства въ источникѣ своемъ, какъ видите, ничего не имѣли ненавистнаго для народа. Майоратство, учрежденіе чисто феодальное, безпрестанно сосредоточивало и безъ того значительныя владѣнія въ однихъ лицахъ, которыя чрезъ это становились по могуществу своему почти независимыми отъ короля,— такъ-что теперь, при всемъ своемъ жалкомъ состояніи, при всей разоренности своей, дворянство испанское, послѣ уничтоженія монастырей и конфисикаціи ихъ имѣній, составляетъ въ Испаніи классъ самыхъ большихъ владѣтелей и имѣетъ въ своихъ рукахъ самыя лучшія земли.

„Но по этой же самой причинѣ; по феодальной значительности своей, дворянство испанское никогда не было въ милости у королей. Во многихъ случаяхъ, когда тяжкія войны истощали денежныя средства королей, они принимались повѣрять дарственныя грамоты своихъ предшественниковъ, по которымъ дворянство владѣло землями, и если эти грамоты оказывались неточными (а въ этомъ случаѣ придирались ко всему), ихъ объявляли недѣйствительными, и отобранныя имѣнія поступали снова въ королевскую казну. Но совершенный упадокъ испанскаго дворянства начался со вступленія на испанскій престолъ бурбоновъ. Когда, по интригамъ Людовика XIV, слабоумный Карлъ II, распорядившись Испаніею, какъ своею частною собственностію, завѣщалъ ее внуку Людовика XIV, дворянство испанское было противъ этого завѣщанія и держало сторону австрійскаго дома. Этого бурбоны, разумѣется, не забывали, и съ тѣхъ поръ прекратилось политическое значеніе дворянства въ Испаніи. Бурбоны, кромѣ упомянутыхъ повѣрокъ прежнихъ дарственныхъ грамотъ, постоянно держали дворянство вдали отъ правительства. Съ тѣхъ поръ не встрѣчается уже въ исторіи Испаніи ни одно изъ старыхъ дворянскихъ именъ, знаменитыхъ при прежней испанской монархіи; вмѣсто ихъ являются на сцену иностранцы, дворянство второстепенное или вовсе новое.

„Удаленная отъ правительства, аристократія испанская, наконецъ, постепенно утратила и свои преданія и способности. Дѣти ея, владѣя, подобно англійской аристократіи, огромными состояніями, но не имѣя передъ собою никакого поприща для политической дѣятельности, совершенно пренебрегали всякимъ основательнымъ образованіемъ и наконецъ даже въ Испаніи отличались своимъ невѣжествомъ; забавы, безпутство и расточительность были ихъ единственными занятіями. Слѣдствіемъ этого сдѣлалось то, что дворянство испанское стало еще бѣднѣе. Большая часть знатныхъ фамилій обременена долгами: и какъ большіе землевладѣльцы, они чрезвычайно пострадали въ войну за независимость, съ 1808 по 1814 годъ, а уничтоженіе майоратства теперь нанесло послѣдній ударъ и ихъ значенію большихъ земельныхъ владѣтелей.

„Я говорилъ выше о равенствѣ тона и обращенія, которое установила здѣсь между дворянствомъ и народомъ одинаковость племени; но если отъ отношеній чисто нравственныхъ перейдемъ къ интересамъ положительнымъ, матеріальнымъ, къ отношеніямъ землевладѣльца и наемщика земли, то еще становится понятнѣе, какъ это національное единство, выработанное въ Испаніи своеобразнымъ историческимъ развитіемъ, имѣло вліяніе не на одну только всеобщую вѣжливость обращенія, но и на собственность,—

Digitized by Google

этотъ общій источникъ всѣхъ политическихъ ссоръ,—такъ что и собственность здѣсь носитъ на себѣ глубокіе слѣды этого урожденнаго равенства.

„Дворянство изстари чрезвычайно кротко обращалось съ наемщиками своихъ земель; есть крестьянскія семейства, которыя въ продолженіи 200 и 300 лѣтъ имѣютъ въ наймѣ ту же землю, такъ что давность этихъ отношеній придала имъ особенный семейный характеръ. Кромѣ того, большія земельныя собственности владѣльца, продолжительность и прочность, которую майоратство вводило во взаимные интересы, часто позволяли собственнику отсрочивать плату за наемъ, что почти невозможно въ тѣхъ странахъ, гдѣ дробность и безпрестанное движеніе собственности заставляетъ всякаго скорѣе самому искать кредита, нежели давать его. Самые законы особенно покровительствовали наемщика. Хотя здѣсь въ каждой провинціи свои обычаи и законы, и можно ихъ изучать только на мѣстахъ, но есть изъ нихъ нѣкоторые, общіе всѣмъ среднимъ и южнымъ провинціямъ и которые особенно замѣчательны. Напримѣръ, если наемщикъ дурно платитъ, то владѣлецъ не можетъ принуждать его къ исправнѣйшему платежу; если онъ вовсе не платитъ, владѣлецъ можетъ отказать ему, но долженъ предувѣдомить его объ этомъ за годъ впередъ, въ иныхъ провинціяхъ за два года. Если другой наемщикъ предлагаетъ владѣльцу дороже, прежній, давши такую же цѣну, имѣетъ право остаться, даже противъ воли владѣльца. Въ Андалузіи и Эстремадурѣ наемщикъ можетъ, несмотря на заключенное условіе, требовать послѣ жатвы перецѣнки земли; а такъ какъ оцѣнщики всегда берутся изъ класса земледѣльцевъ, то наемщикъ никогда не останется въ накладѣ отъ перецѣнки. Вы видите, что если здѣсь кто и терпитъ, то уже вовсе не крестьянинъ. Кромѣ этого здѣсь еще существуетъ слѣдующаго рода наемъ: землевладѣлецъ уступаетъ свою землю на условіи ежегодной и разъ навсегда опредѣленной платы; и съ сей минуты наемщикъ, платя исправно условную сумму, пользуется землею, какъ своею полною и неограниченною собственностію; онъ можетъ на ней строить, садить,—удесятерять цѣнность земли: владѣлецъ никогда не смѣетъ требовать съ него ничего больше условной платы. Упадокъ цѣнности въ деньгахъ нисколько не измѣняетъ силу разъ навсегда сдѣланнаго условія, такъ что есть много семействъ, владѣющихъ значительнымъ количествомъ земли за самую, по теперешнимъ цѣнамъ, ничтожную плату.

„Послѣ всего этого можно ли опасаться здѣсь такихъ народныхъ движеній, какія нѣсколько разъ потрясали Германію, Англію, Францію? Можно ли бояться изверженій народнаго вулкана въ странѣ, гдѣ у самаго бѣднѣйшаго мужика есть всегда вдоволь хлѣба, вина и солнца, и гдѣ даже у нищаго есть на зиму и шерстяные штаны и шерстяной плащъ! Вотъ почему здѣсь народъ такъ равнодушно смотритъ на политическія событія. Какъ нація, онъ безъ всякаго сомнѣнія безконечно выиграетъ отъ возрожденія Испаніи, но собственно какъ народъ, въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству, къ среднему сословію—ясно, что не онъ именно здѣсь особенно нуждается въ освобожденіи. Если здѣсь что дѣйствительно страдаетъ, такъ это интересы средняго сословія—просвѣщеніе, торговля, промышленность...“

Наслышавшись о серенадахъ, шелковыхъ лѣстницахъ, и, особенно, наслушавшись „Донъ Жуана“, мы часто воображаемъ себѣ Испанію страною распущенныхъ нравовъ, цинизма, разврата,—на самомъ дѣлѣ, это вовсе не такъ. Свобода нравовъ дѣйствительно велика въ Испаніи, страсти дѣйствительно пылки,—но тамъ не знаютъ холоднаго, продажнаго разврата, который одинъ точитъ нравственныя силы народа. Теперь мы на столько знаемъ Востокъ, что не вѣримъ въ нравственность, охраняемую гаремами и евнухами. Сравнивая различныя цивилизованныя націи, мы видимъ, что именно тѣ страны, гдѣ наиболѣе допускается свобода нравовъ, отличаются наибольшею чистотою нравственности,—въ примѣръ довольно указать на Сѣверо-Американскіе Штаты. Послѣ этого мы легко повѣримъ, что Испанія есть одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ отношенія между мужчинами и женщинами наи-

Digitized by Google

болѣе чисты. Любовь и поэзія неразлучны въ Испаніи,—а гдѣ поэзія, тамъ не можетъ быть разврата; и Севилья, знаменитая своими серенадами, въ нравственномъ отношеніи стоитъ, безъ всякаго сомнѣнія, выше, нежели большіе города чопорныхъ и лицемѣрныхъ сѣверныхъ странъ. Описаніе севильскихъ нравовъ—одно изъ лучшихъ мѣстъ въ книгѣ г. Боткина:

„По вечерамъ съ 8 и 9 часовъ начинается гулянье на *alameda del Duque*. На югѣ нѣтъ нашихъ долгихъ сумерекъ: ночь наступаетъ тотчасъ по захожденіи солнца. *Alameda del Duque* небольшая площадь, обсаженная высокими, густыми акаціями и освѣщенная множествомъ фонарей; по обѣимъ сторонамъ сдѣланы скамьи, середи огромный фонтанъ, широкимъ, разсыпающимся букетомъ бросающій воду и постоянно освѣжающій удушливо-теплый воздухъ. Около площади расположены кофейныя, лавочки съ холодною водою, лимонадомъ. *Alameda del Duque* — царство черныхъ севильянокъ. Не ужасно ли, что эта поэтическая красота не показывается при дневномъ свѣтѣ, а бываетъ видима только по ночамъ. Къ счастію для меня, теперь стоятъ яркія, лунныя ночи. Что за живые разговоры, что за откровенный смѣхъ раздаются на этомъ гуляньѣ! О свободѣ, царствующей здѣсь, въ Европѣ не имѣютъ понятія: здѣсь словно каждый у себя дома. Эта непринужденность, этотъ громкій смѣхъ, эта живость разговоровъ, какъ все это не походитъ на европейскія гулянья, а тѣмъ менѣе на наши, на которыя мужчины и женщины выходятъ съ такими натянутыми, заученными лицами и манерами. Но что особенно замѣчательно—эта непринужденность, эта свобода проникнуты здѣсь самою изящною вѣжливостью; это не заученная, не условная вѣжливость, принадлежащая въ Европѣ одному только хорошему воспитанію, а, такъ сказать, врожденная; вѣжливость и деликатность чувства, а не однѣхъ внѣшнихъ формъ, какъ у насъ, и которая здѣсь равно принадлежитъ и гранду и простолюдину. Испанецъ вѣжливъ не изъ приличія, не съ одними только порядочно одѣтыми людьми, — въ этомъ отношеніи здѣсь одежда не значитъ ничего,—онъ равно вѣжливъ со всѣми, и денди здѣсь не стыдится поклониться одѣтому въ плащъ съ заплатами, или сказать, что онъ *знакомъ* вонъ съ тѣмъ лавочникомъ. У женщинъ, въ живости разговора, иногда мантилья спадетъ съ головы; эти мурильовскія головки съ нардомъ или жасминомъ въ великолѣпныхъ волосахъ, освѣщенныя луною, производятъ впечатлѣніе обаятельное; ночной запахъ цвѣтовъ, особенно нарда, страшно раздражаетъ нервы: надобно быть здѣсь, среди этой жаркой ночи, освѣжаемой фонтаномъ, ходить между этими толпами золотисто блѣдныхъ женщинъ, одинаково одѣтыхъ въ черное, одинаково покрытыхъ черными кружевными мантильями, видѣть эту яркую живость физіономій, этотъ африканскій блескъ глазъ, сверкающихъ изъ-за вѣера, наконецъ, дышать воздухомъ, напоеннымъ нардомъ и жасминомъ изъ этихъ волосъ,—словомъ, надобно испытать одну такую ночь, чтобъ понять все очарованіе Севильи.

„На *alameda* не слышно словъ *senor* и *senora*, а только *dona Dolores*, *don Fernando*, *dona Angeles*, *don Luis*; здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ средней Испаніи, слѣдуютъ обычаю звать другъ друга по именамъ. Подумаешь, что находишься на какомъ нибудь семейномъ праздникѣ. А какъ вамъ покажется слѣдующій обычай: на *alameda* можно заговорить съ своимъ сосѣдомъ или съ *сосѣдкой* на скамьѣ... не смѣйтесь надъ моими словами, не судите о Севильѣ по обычаямъ европейскимъ и не спѣшите изъ этого заключать о *легкости* севильянокъ. Здѣсь это не удивляетъ, не оскорбляетъ женщины: здѣсь это въ нравахъ. Отъ этого нѣтъ города въ Европѣ, въ которомъ было бы больше случаевъ къ знакомству и сближенію. Но, по странному противорѣчію, для дѣвушекъ здѣсь больше свободы, нежели для женщинъ. Въ Севильѣ вообще женщинъ втрое болѣе, нежели мужчинъ; слѣдствіемъ этого то, что здѣшнія дѣвушки томятся не одною только любовью, но и желаніемъ выйти замужъ, и въ андалузскихъ нравахъ каждой дѣвушкѣ имѣть своего *novio*—жениха. Если вы понравились дѣвушкѣ, она тотчасъ дастъ вамъ это замѣтить; заговорите съ ней, когда она вечеромъ прогуливается, и, хоть бы съ матерью, она отвѣтитъ вамъ и скоро позволитъ придти ночью къ ея окну. Прогулка по Севильѣ ночью особенно интересна. Безпрестанно видишь у оконъ мужчинъ въ плащахъ и андалузскихъ шляпахъ: на ноч-

Digitized by Google

ныя бесѣды у оконъ и балконовъ непремѣнно ходятъ въ простонародномъ костюмѣ. Мужчина, при вашемъ приближеніи, завертывается въ плащъ такъ, что закрываетъ имъ свое лицо; разговоръ прервался—и, проходя мимо окна, вы увидите въ сторонѣ его два сверкающихъ глаза... глаза андалузки и въ темнотѣ сверкаютъ! Но остерегайтесь по нѣскольку разъ проходить передъ окномъ, у котораго идетъ таинственная бесѣда: васъ могутъ принять за подсматривающаго соперника, а здѣсь никто не ходитъ на ночное свиданіе, не запасаясь стилетомъ или, по крайней мѣрѣ, ножомъ. Даже ночные патрули уважаютъ кавалеровъ ночи, позволяя себѣ только невинныя остроты на ихъ счетъ. Мать знаетъ, что дочь ея разговариваетъ по ночамъ у окна съ молодымъ человѣкомъ; дочь говоритъ, что это ея *novio*—женихъ. Бо́льшая часть браковъ составляется посредствомъ этихъ ночныхъ разговоровъ; случается, что иные разговариваютъ такъ по цѣлому году и послѣ женятся, видаясь только или у окна, или въ церкви. Если *novio* отсталъ, на дѣвушку это не бросаетъ ни малѣйшей тѣни, да и на его мѣсто тотчасъ же является другой. Сколько иностранцевъ, пріѣхавъ сюда на недѣлю, заживаются здѣсь по году и болѣе, между тѣмъ, какъ въ Севильѣ, кромѣ „бѣга быковъ“ и плохаго театра, нѣтъ никакихъ развлеченій. Но эти нравы имѣютъ столько романической прелести, въ этихъ чудныхъ женщинахъ столько потребности любить (здѣсь это ихъ единственное занятіе!), и я понимаю, какъ въ двадцать лѣтъ, при горячей крови, пылкомъ, увлекающемся сердцѣ, и если, при этомъ, стремленіе къ наслажденіямъ преобладаетъ надъ всѣми другими стремленіями, — я понимаю, какъ можно въ Севильѣ прожить цѣлые годы въ самомъ блаженномъ снѣ, который, право, стоитъ многихъ другихъ, *дѣловыхъ* сновъ. Но я долженъ, однакожъ, сказать, что здѣшніе молодые люди жалуются на севильскихъ дѣвушекъ, будто онѣ имѣютъ постоянною цѣлію выйти замужъ и въ своихъ сближеніяхъ съ молодыми людьми, въ своихъ ночныхъ свиданіяхъ у оконъ, слѣдуютъ совѣтамъ матерей, съ которыми будто бы заключенъ у нихъ оборонительный и наступательный союзъ. Впрочемъ, мнѣ случилось удостовѣриться и въ противномъ. Я знакомъ здѣсь съ однимъ молодымъ американцемъ изъ Новаго Орлеана: онъ пріѣхалъ взглянуть на Севилью,—и живетъ здѣсь уже восьмой мѣсяцъ. Онъ любитъ и любимъ. Мать запретила даже его любезной сидѣть по ночамъ у окна, оконная рама была задѣлана желѣзомъ, но дочь все-таки нашла средство видѣться съ нимъ... Правда, что здѣсь нѣтъ ничего легче, какъ познакомиться съ дѣвушкою и получить отъ нея свиданіе у окна, но между этого рода сближеніемъ и ея любовью—далеко. Первое есть, можетъ быть, не болѣе, какъ страшное средство раздражить чувственность и привязанность, чтобъ заставить жениться; другое... да другое не требуетъ объясненій...

Андалузка въ высшей степени кокетлива; она тотчасъ чувствуетъ на себѣ глазъ мужчины и никогда не переноситъ его равнодушно. Надобно привыкнуть къ тону севильскихъ женщинъ: въ ихъ манерѣ есть что-то рѣзкое; но это рѣзкое не отъ грубости, а отъ необыкновенной живости, стремительности чувствъ; можетъ быть, отсюда происходитъ и фамильярность здѣшнихъ женскихъ обществъ, фамильярность, исполненная самаго тонкаго, такъ сказать, внутренняго приличія, этой изящной вѣжливости, такъ не похожей на приторную церемонность сѣверныхъ обществъ (не исключая и парижскаго), которую, Богъ знаетъ почему, считаютъ за хорошій тонъ. При всеобщей одинакости чернаго платья и мантильи, севильянкамъ невозможно щеголять модными костюмами: ихъ главное щегольство въ маленькихъ ножкахъ, и, надобно сказать, что ихъ руки и ноги—формы совершеннѣйшей. Если о *породѣ* женщинъ можно судить по рукамъ, ногамъ и носу, то, безъ всякаго сомнѣнія, порода андалузокъ самая совершеннѣйшая въ Европѣ. Я думаю, щегольство маленькой ножкой заставляетъ севильянокъ даже выносить страданія: онѣ носятъ такіе башмаки, въ которыхъ нѣтъ возможности помѣститься никакой ногѣ въ мірѣ: кромѣ того, ихъ башмаки едва охватываютъ пальцы ноги. Глаза севильянокъ состоятъ изъ мрака и блеска, *mucho negro y mucha luz*,—много тьмы и много свѣта,—какъ выражается одна севильская пѣсня, и дѣйствительно, за чернымъ блескомъ ихъ не видать бѣлка, и столько въ нихъ дерзкой выразительности, что, повѣрьте, нужно обжиться здѣсь для того, чтобъ не чувствовать отъ нихъ особеннаго волненія. У испанцевъ есть особенный глаголъ — *ojear*, бросать

Digitized by Google

взглядъ, и каждая севильянка владѣетъ этимъ въ совершенствѣ. Она сначала потупляетъ глаза и, поровнявшись съ вами, вдругъ вскидываетъ ихъ: внезапный блескъ и пристальность взгляда дѣйствуютъ, какъ электричество. А это еще взглядъ равнодушный!

„Здѣсь женщины ничего не читаютъ; и это отсутствіе всякой начитанности придаетъ андалузкамъ особенную оригинальность: ихъ не коснулись книжность, вычитанныя чувства, идеальныя фантазіи, претензіи на образованность. Вѣдь остроумное невѣжество лучше книжнаго ума. Невѣжество севильянки при ея живомъ воображеніи, при огненной движимости ея чувствъ, при этой врожденной, свойственной однимъ южнымъ племенамъ тонкости ума, исполнено прелести увлекательной, передъ которою такъ называемая образованность европейскихъ дамъ кажется приторною книжностью. Нигдѣ не встрѣчалъ я такого страннаго сліянія дѣтской наивности съ дерзостью и удалью: это и ребенокъ и вакханка вмѣстѣ. Въ наружности севильянки нѣтъ и тѣни того спокойствія, которое болѣе или менѣе отличаетъ женщинъ всѣхъ націй въ Европѣ: это въ высшей степени нервическая натура, но только не въ болѣзненномъ, сѣверномъ смыслѣ этого слова. Я думаю, никакая женщина въ Европѣ не можетъ возбудить къ себѣ такого энтузіазма, какъ андалузка. Въ глазахъ ихъ нѣтъ выраженія кротости, какъ въ глазахъ сѣверныхъ женщинъ: въ ихъ глазахъ блеститъ смѣлый духъ, рѣшительность, сила характера. Того, что мы называемъ женственностью, сердечностью,— не ищите у нихъ. Въ кокетствѣ андалузки проступаетъ что-то тигровое, въ ихъ улыбкѣ есть что-то дикое; чувствуешь, что самое прекрасное лицо тотчасъ можетъ принять выраженіе свирѣпое... и чтожъ удивительнаго! эти обаятельныя головки, эти женщины съ невообразимою нѣгою движеній, эти глаза, о выразительности которыхъ невозможно имѣть понятія, не бывъ въ Андалузіи, — онѣ нынче утромъ наслаждались убійствомъ, равнодушно смотрѣли на лошадей, которыхъ внутренности влачились по землѣ, онѣ знаютъ до тонкости всѣ подробности смертныхъ судорогъ, онѣ смотрѣли на смерть съ увлеченіемъ, со страстью... а вечеромъ вы слышите здѣсь, какъ слышалъ я вчера, поздно возвращаясь къ себѣ домой, меланхолическіе аккорды гитары, и тѣ же уста задумчиво поютъ:

Mas vale trocar
Placer por dolores
Que estar sin amores...

Лучше промѣнять радость на горе, чѣмъ жить безъ любви.

Въ счастіи и умереть сладко; жить въ забвеніи—все равно, что не жить; лучше переносить страданье и печаль, чѣмъ жить безъ любви.

Жизнь безъ любви—пропащая жизнь, а умѣнье употребить жизнь важнѣе самой жизни; лучше томиться, перенося горести, чѣмъ жить безъ любви“.

Испанскій народъ сохранилъ въ себѣ плодотворные залоги быстрыхъ успѣховъ на пути развитія: живость ума, благородство характера, свѣжесть и энергію чувства. Между народами Западной Европы трудно указать такой, который стоялъ бы выше его по всѣмъ этимъ качествамъ. Напротивъ, надъ большею частью цивилизованныхъ націй испанскій народъ имѣетъ безспорное преимущество въ одномъ, чрезвычайно важномъ отношеніи: испанскія сословія не раздѣлены между собою ни закоренѣлою ненавистью, ни существенною противоположностью интересовъ; они не составляютъ кастъ, враждебныхъ одна другой, какъ то видимъ во многихъ другихъ западныхъ европейскихъ земляхъ; напротивъ, въ Испаніи всѣ сословія могутъ дружно стремиться къ одной цѣли. Одно только существенное препятствіе мѣшаетъ теперь блистательному возрожденію Испаніи,—но это препятствіе такъ гибельно, что до сихъ поръ совершенно останавливало всякій прогрессъ, — выше мы называли это препятствіе лѣностью, привычкою къ бездѣйствію,

Digitized by Google

и говорили объ историческихъ причинахъ, породившихъ эту пагубную привычку къ бездѣйствію. Теперь надобно намъ ближе опредѣлить ея характеръ и указать обстоятельства, которыми до сихъ поръ поддерживается она.

Бездѣйствіе можетъ происходить отъ безсилія или отъ беззаботности. Не знаемъ, есть ли на самомъ дѣлѣ племена безсильныя, какъ часто говорятъ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать безсильнымъ испанскаго племени. Его бездѣйствіе—слѣдствіе беззаботности. Вотъ какъ, напримѣръ, смотритъ испанецъ на государственныя дѣла своего отечества:

„Политическая Испанія есть какое-то царство призраковъ. Здѣсь никакъ не должно принимать вещи по ихъ именамъ, но всегда искать сущности подъ кажимостью, лицо подъ маскою. Сколько уже лѣтъ говорятъ въ Европѣ объ испанской конституціи, о партіяхъ, о журналистикѣ, разныхъ политическихъ доктринахъ, о волѣ народа и т. п.; все это слова, которыя въ Европѣ имѣютъ извѣстный, опредѣленный смыслъ,—приложенныя же къ Испаніи, имѣютъ свое особое значеніе. Прежде всего надо убѣдиться въ томъ, что массы, народъ здѣсь совершенно равнодушны къ политическимъ вопросамъ, которыхъ они, къ тому же, нисколько не понимаютъ. Кастильцу-простолюдину нужно работать, можетъ быть, только двѣ недѣли въ году, чтобъ вспахать свое поле и собрать хлѣбъ, да еще большею частію приходятъ жать его валенсіянцы; остальное время онъ спитъ, куритъ, ѣстъ и нисколько не заботится о всемъ томъ, что лично до него не касается.

„Испанія, удушенная тремя вѣками самой ужасной администраціи, подпавшая двумъ чужестраннымъ династіямъ, изъ которыхъ первая начала жестокостію, насиліемъ и кончила рѣшительнымъ идіотизмомъ,—другая почти безпрерывно занималась однѣми дворцовыми интригами,—бѣдная Испанія силится разбить теперь эту кору невѣжества, подъ которою столь долго томилась она. Глубоко ошибаются тѣ, которые судятъ объ Испаніи по французскимъ идеямъ, по французскому общественному движенію. Кромѣ множества радикальныхъ различій, не должно забывать, что Франція была приготовлена пятьюдесятью годами философской литературы. Въ Испаніи, послѣ писателей ея „золотаго вѣка“, въ продолженіи двухъ вѣковъ не было другой литературы, кромѣ проповѣдей духовенства, которое, конечно, всѣми силами старалось о поддержаніи стараго общественнаго устройства, въ которомъ само господствовало. Посмотрите теперь на испанскіе журналы всѣхъ партій! Меня больше всего поражаетъ въ нихъ рѣшительное отсутствіе всякой разсудительной теоріи, даже всякой практической, мысли. Идей нѣтъ,—есть одни лица и имена; ни одинъ вопросъ государственнаго устройства не подвергается анализу. Перевороты въ Испаніи не могутъ выйти изъ массъ, которыя даже не имѣютъ о нихъ понятія. Здѣсь самый бѣдный, послѣдній мужикъ всегда вдоволь имѣетъ хлѣба, вина и солнца, здѣсь у самаго нищаго есть на зиму и шерстяные панталоны и теплый шерстяной плащъ, тогда какъ французскій мужикъ, напримѣръ, и зиму и лѣто прикрывается одною тощею, холстинною блузой. Кромѣ того, этотъ народъ одаренъ удивительнымъ чувствомъ повиновенія: лучшій примѣръ—все царствованіе Фердинанда VII. Испанцу словно недоступна никакая общая идея, хотя отвлеченное понятіе объ общемъ дѣлѣ“.

Видите ли, ему нѣтъ охоты позаботиться объ этомъ, онъ махнулъ рукою на все, воображая, что эти дѣла — не его дѣла: „пусть себѣ идутъ, какъ хотятъ,—лично мнѣ ни тепло, ни холодно не будетъ отъ общаго порядка дѣлъ“.

Надобно ли говорить, что такое равнодушіе возможно только при совершенномъ невѣжествѣ? Невѣжество—вотъ коренная язва Испаніи.

Привычка довольствоваться въ жизни слишкомъ малымъ, обходиться безъ всякихъ удобствъ—вотъ другой источникъ этой беззаботности. До послѣдняго времени испанецъ не чувствовалъ надобности ни въ хорошей меблировкѣ дома, ни въ хорошихъ товарахъ, ни въ удобныхъ путяхъ со-

Digitized by Google

общенія; комнаты самыхъ богатыхъ людей были до послѣдняго времени меблированы самымъ скуднымъ образомъ, платье шилось изъ плохихъ матеріаловъ, пища соотвѣтствовала меблировкѣ и качеству матерій, и когда испанецъ пускался въ путь, онъ не чувствовалъ безпокойства, медленности и дороговизны ѣзды верхомъ на мулахъ, по убійственно дурнымъ дорогамъ— „что нибудь“ и „какъ нибудь“ совершенно удовлетворяло его, — лучшаго ничего и не воображалъ онъ себѣ.

Нашъ вѣкъ неблагопріятенъ такимъ невзыскательнымъ понятіямъ о житейскихъ удобствахъ, неблагопріятенъ и для невѣжества. Прежде люди могли успокоиваться на томъ, чтобы жить какъ нибудь, лишь бы не умереть голодною и холодною смертью. Теперь въ душѣ каждаго неизгладимо напечатлѣлась мысль о благосостояніи, по крайней мѣрѣ, въ житейскомъ быту. Испанцы уже чувствуютъ необходимость въ желѣзныхъ дорогахъ, въ дешевыхъ и хорошихъ товарахъ, въ развитіи торговли, промышленности. Этого чувства уже довольно—оно приведетъ за собою все остальное; кто началъ думать о благосостояніи, тотъ скоро пойметъ, что ни одно изъ условій благосостоянія не можетъ существовать безъ разумнаго порядка дѣлъ, которымъ бы обезпечивались пріобрѣтенія каждаго отдѣльнаго лица, скоро пойметъ, что возможность благосостоянія для отдѣльнаго лица обусловливается общимъ хорошимъ порядкомъ дѣлъ. А чтобы водворить такой порядокъ дѣлъ, нужно знаніе, и потому стремленіе къ матеріальному довольству всегда влечетъ за собою пробужденіе жажды знаній, оживленіе умственной дѣятельности въ націи. Невѣждою можетъ оставаться только тотъ, кто, находясь въ жалкомъ положеніи относительно своего житейскаго быта, не чувствуетъ неудовлетворительности этого жалкаго положенія. Потребность улучшить свой бытъ необходимо влечетъ за собою потребность умственнаго труда.

Испанія вошла уже въ такую тѣсную связь съ остальною Европою, что не можетъ оградить себя отъ сочувствія стремленіямъ вѣка. Единственные важные недостатки, которыми страдаетъ испанскій народъ, — беззаботность невѣжества и равнодушіе къ улучшенію матеріальнаго быта,—эти недостатки прямо противоположны потребностямъ и стремленіямъ нашего вѣка, и потому нѣтъ нужды въ особенной отважности, чтобы рѣшиться сказать: недостатки эти должны исчезнуть, и исчезнуть быстро.

Мы сдѣлали много выписокъ изъ книги г. Боткина, но читатели, помнящіе его „Письма объ Испаніи“, видятъ, что мы касались почти исключительно только одной стороны разнообразнаго содержанія, представляемаго его разсказами. Не одна природа и общественная жизнь Испаніи занимаютъ его вниманіе—частный бытъ, памятники искусства, историческія воспоминанія не меньше этихъ предметовъ интересовали его и являются не менѣе интересными читателю въ его описаніяхъ.

Мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія читателей на „Письма объ Испаніи“, ибо, повторяемъ, подобнаго рода путешествія, въ которыхъ серьезность взгляда соединяется вмѣстѣ съ глубокимъ поэтическимъ чувствомъ, являются не часто.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ньюкомы, исторія одной весьма достопочтенной фамиліи. *Романъ* В. М. Тёккерея *Двѣ части. Спб. 1856.*

Теккерей обладаетъ колоссальнымъ талантомъ. Изъ всѣхъ европейскихъ писателей настоящаго времени, только одинъ Диккенсъ можетъ быть поставленъ на ряду съ авторомъ „Ярмарки Тщеславія" или выше его. „Ньюкомы"—одинъ изъ тѣхъ романовъ Теккерея, которые самымъ блистательнымъ образомъ обнаруживаютъ всю громадность его дарованія. И, однакоже, „Ньюкомы", говоря по правдѣ, произведеніе не вполнѣ достойное автора. Странно такое противорѣчіе между степенью таланта, обнаруживаемаго произведеніемъ, и степенью достоинства самого произведенія. Оно такъ странно, что мы, быть можетъ, не рѣшились бы выставить его во всей рѣзкости, опасаясь за вѣрность впечатлѣнія, сдѣланнаго на насъ чтеніемъ послѣдняго романа Теккерея, еслибъ не знали, что и на другихъ онъ дѣйствовалъ такимъ же образомъ. Удивленіе къ таланту автора и вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство самимъ романомъ чувствовалось почти каждымъ, кто имѣлъ терпѣніе внимательно прочитать весь романъ; а у многихъ и не доставало на то терпѣнія. Мы знаемъ поклонниковъ Теккерея, которые въ послѣднемъ его романѣ пропускали цѣлыми десятками страницы, хотя и были увѣрены, что каждая изъ этихъ небрежно перелистываемыхъ страницъ написана превосходно. Талантъ автора возбуждаетъ удивленіе, произведеніе этого таланта вызываетъ только равнодушное пренебреженіе, — это хорошій урокъ для Теккерея, который, конечно, читаетъ по русски и чрезвычайно интересуется успѣхомъ своихъ романовъ въ русской публикѣ. Безъ сомнѣнія, авторъ „Ньюкомовъ" ожидаетъ, что скажутъ о его послѣднемъ романѣ русскіе журналы, чтобы воспользоваться ихъ замѣчаніями. Надобно предполагать, что и другіе англійскіе романисты съ интересомъ и не безъ пользы прочтутъ русскіе отзывы о писателѣ, котораго берутъ образцомъ для себя. Искренно желая успѣховъ англійской литературѣ, мы откровенно выскажемъ мысли, возбуждаемыя печальнымъ несоотвѣтствіемъ незначительнаго содержанія съ прелестнымъ разсказомъ „Ньюкомовъ".

Мы пишемъ, какъ сказали, не для русскихъ читателей, а для самого Теккерея, который конечно, помнитъ, содержаніе своего романа, по-

Digitized by Google

тому и нѣтъ надобности пересказывать его. Да и изъ нашихъ обыкновенныхъ читателей, вѣроятно, всѣ читали или, по крайней мѣрѣ, перелистывали „Ньюкомовъ“—стало быть, и для нихъ будетъ понятна наша статья. Займемся же прямо впечатлѣніями, которыя возбуждаются послѣднимъ романомъ Теккерея.

Разсказъ, какъ мы говорили, прекрасенъ. Такъ какъ мы пишемъ свою статью собственно съ тою цѣлью, чтобъ она была прочитана г. Теккереемъ, то и распространимся предварительно въ похвалахъ достоинствамъ романа, чтобы смягчить для г. Теккерея горечь замѣчаній, которыя намѣрены мы ему сдѣлать, а также и для того, чтобы г. Теккерей не вздумалъ назвать рецензента „московитскимъ медвѣдемъ, не имѣющимъ понятія о законахъ изящнаго и требующимъ отъ искусства одной грубой утилитарности“.

„Ньюкомы“ заставляютъ насъ восхищаться вашимъ талантомъ, г. Теккерей. Отъ пролога, съ чрезвычайною прелестью составленнаго изъ соединенія нѣсколькихъ басенъ и сказокъ, до эпилога, заключающаго въ себѣ граціозное напоминаніе о прологѣ, и проникнутое задушевною теплотою обращеніе автора къ творческой фантазіи и созданнымъ ею лицамъ,—каждый эпизодъ, каждая сцена вашего романа таковы, что могли быть написаны только такимъ геніальнымъ поэтомъ, какъ г. Теккерей. Всѣ лица, выведенныя въ романѣ, живые люди, очерченные превосходно. Мы не будемъ хвалить прелестнаго monsieur де-Флорака, этого неподдѣльнаго француза, сорокалѣтняго юношу, плачущаго о томъ, что огорчаетъ своею безпутною жизнью обожаемую мать,—это лицо по достоинству было уже оцѣнено и англійскими журналами, отзывы которыхъ давно уже, конечно, прочитаны г. Теккереемъ. Но еще больше восхищаютъ насъ Эсель и полковникъ Ньюкомъ. Въ обрисовкѣ этихъ лицъ видно истинное мастерство первоклассного художника. Эсель—дѣвушка вполнѣ милая, совершенно очаровательная. Въ комъ есть хотя искра поэзіи, тотъ не можетъ не полюбить ее. И, однако же,—эта дѣвушка постепенно охлаждается къ человѣку, котораго искренно любила,—охлаждается только потому, что выйти за него значило бы сдѣлать неровный бракъ: быть женою живописца Клэйва, когда можно быть женою лорда Фаринтоша—вѣдь это ужасное пожертвованіе! Эсель дѣлается невѣстою лорда Фаринтоша. Нуженъ необыкновенный талантъ, чтобъ изобразить эту перемѣну, не уничтожая очаровательности и благородства въ молодой дѣвушкѣ,—только великіе писатели умѣютъ понять и изобразить это соединеніе прекраснаго и мелочнаго въ одномъ и томъ же сердцѣ. Только г. Теккерей могъ остаться вѣренъ жизни, изображая это положеніе, могъ заставить насъ „понять и простить“ въ романическомъ лицѣ то, что даже въ живомъ лицѣ дѣйствительнаго міра понимается и извиняется только опытнѣйшими, проницательнѣйшими знатоками жизни и человѣческаго сердца. А этотъ, по истинѣ дивный, полковникъ Ньюкомъ,—этотъ идеалъ доброты, любви, благородства, этотъ старикъ, сохранившій всю нѣжность, всю чистоту, всю пылкую самоотверженность юношескихъ своихъ лѣтъ,—какъ мастерски задумано и создано это лицо! Еслибъ г. Теккерей не написалъ ничего, кромѣ сценъ, въ которыхъ является полковникъ, этихъ однѣхъ сценъ было бы достаточно для истинныхъ цѣнителей искусства, чтобы назвать г.

Digitized by Google

Теккерея великимъ поэтомъ. Да не подумаютъ читатели, что мы говоримъ подъ вліяніемъ увлеченія,—нѣтъ, мы говоримъ холодно и безпристрастно: полковникъ Ньюкомъ—лицо, достойное самого Шекспира, который умѣлъ изображать идеалъ человѣка такъ, чтобы этотъ идеалъ былъ не безцвѣтнымъ отвлеченіемъ, не риторическою фигурою, не безплотнымъ совершенствомъ, а живымъ человѣкомъ, съ румянцемъ горячей крови на щекахъ. Это дѣло, доступное только немногимъ избраннѣйшимъ геніямъ, это высочайшая степень искусства. Да, самъ Шекспиръ позавидовалъ бы Теккерею въ томъ, что Теккерей далъ намъ этого полковника Ньюкома. Мы не хотимъ послѣ этого говорить о совершенствѣ, съ которымъ обрисованы Теккереемъ всѣ второстепенныя лица романа,—Фредъ Бейамъ, Гониманъ и его сестра, другіе родственники полковника,—начиная съ честной, холодной и практически мудрой бабушки до негодяя Барнса,—не говоримъ ни о лэди Кью, ни о m-me де-Флоракъ, ни о Розѣ, первой женѣ Клэйва, ни о ея матери, этомъ драгунѣ въ юбкѣ,—всѣ эти лица прекрасны, всѣ достойны великаго художника,—такъ, мы восхищаемся ими;—но создать полковника Ньюкома - это истинный подвигъ въ искусствѣ, это почти тоже, что создать Дездемону или Офелію.

Пусть не упрекаютъ насъ въ восторженномъ тонѣ рѣчи, —да, исполинскою силою таланта обладаетъ писатель, который создалъ полковника Ньюкома. И какою благородною, симпатичною натурою долженъ быть одаренъ человѣкъ, могшій создать полковника Ньюкома! Талантъ могучъ и возвышенъ только тогда, когда соединенъ съ благородною и сильною натурою. Можно лгать довольно складно въ прозѣ,—въ поэзіи ложь невозможна, она скажется вычурною, нелѣпою риторикою; чего нѣтъ въ душѣ автора, того не будетъ въ его созданіяхъ. И дѣйствительно, какою любовью согрѣты разсказы Теккерея! у него нѣтъ ни одной холодной страницы, у него нѣтъ ни одного мертваго слова. Радостно сочувствуетъ онъ всему живому и прекрасному. И какую прелесть даетъ эта широкая, горячая симпатичность его разсказу! Не книгу читаете вы, раскрывая „Ньюкомовъ“,—нѣтъ, вы бесѣдуете съ другомъ о его и вашихъ друзьяхъ,—онъ самъ, этотъ благородный Теккерей, котораго не можете вы не любить подъ именемъ Пенденниса, хлопочетъ о нихъ, горюетъ и радуется за нихъ—и ваша дружеская бесѣда оживлена, освящена присутствіемъ, участіемъ его милой жены, его Лауры; говоря о нихъ, онъ говоритъ о ней,—вѣдь и она любила ихъ, вѣдь она являлась ангеломъ утѣшителемъ ихъ, и его дружескій разговоръ озаряется воспоминаніемъ о его собственной, вѣчной, вѣчно-счастливой любви,—и она, краснѣя, жметъ его руку...

Боже! какъ хороши бываютъ люди! Сколько любви и счастія, сколько свѣта и теплоты!

Но... но отчего же меня утомляетъ эта сладкая бесѣда съ другомъ, котораго я такъ люблю, который такъ хорошо говоритъ?

Но... отчего же, когда я дочиталъ книгу, я радъ, что наконецъ дочиталъ ее?

Будемъ говорить прямо: бесѣда ведена была о ничтожныхъ предметахъ, книга была—пуста.

Digitized by Google

Послѣ всего сказаннаго нами о лицахъ и разсказѣ „Ньюкомовъ“, надѣемся, никто не заподозритъ насъ въ желаніи не замѣчать достоинствъ этого романа; — а кого не убѣдитъ это доказательство, тотъ можетъ повѣрить, что, конечно, мы не стали бы переводить этого огромнаго романа въ нашемъ журналѣ, еслибъ не думали, что, несмотря на всѣ свои недостатки, „Ньюкомы“—одно изъ лучшихъ произведеній новой литературы. Дѣйствительно, романъ этотъ написанъ чрезвычайно хорошо,—съ этимъ согласятся всѣ наши читатели. Заговоривъ о его достоинствахъ, мы, хотя и старались, не могли удержаться отъ увлеченія,— и мы далеко не кончили всего, что могли бы сказать о его достоинствахъ—каждый читатель легко прибавитъ къ нашимъ похваламъ новыя похвалы, столь же справедливыя и важныя. Не только лица романа задуманы очень вѣрно природѣ и обрисованы очень отчетливо,—не только разсказъ согрѣтъ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ автора,—о какомъ бы чисто формальномъ требованіи художественности вы ни вздумали,—каждому такому требованію романъ удовлетворяетъ почти безукоризненно. Какая въ немъ легкость и безъискусственность рѣчи! Отъ него не пахнетъ потомъ, этимъ столь противнымъ и обыкновеннымъ запахомъ такъ называемыхъ „художественно обработанныхъ“ произведеній,—въ немъ не видно ни малѣйшей претензіи со стороны автора,—этой несносной претензіи раздувающагося самолюбія, кокетничанья своею граціозностью, своимъ знаніемъ жизни или своимъ умомъ, своимъ олимпійскимъ величіемъ—о, какъ немногіе счастливцы между поэтами умѣютъ прятать эти красныя павлиньи ноги, безобразящія надутую птицу!—а какое знаніе человѣческаго сердца, какая обширная и вѣрная житейская опытность, какое богатство и разнообразіе наблюденій, какой мудрый и безпристрастный, какой широкій и любящій, какой благородный и кроткій взглядъ на жизнь, какая непреклонная правда въ разсказѣ! И если говорить о манерѣ автора, какой тонкій и милый юморъ, какая веселая и вмѣстѣ ѣдкая иронія!

Мы опять увлекаемся въ восклицательный тонъ;—дѣйствительно, если говорить о достоинствахъ Теккереева таланта и Теккереевыхъ романовъ, то нельзя говорить равнодушно,—такъ многочисленны и велики они, и въ „Ньюкомахъ“ эти достоинства обнаруживаются не менѣе блестящимъ образомъ, нежели въ „Ярмаркѣ Тщеславія“ или „Пенденнисѣ“. Однако же, невозможно остановиться на этомъ восхищеніи; нельзя забыть того назидательнаго факта, что русская публика,—которая скорѣе пристрастна, нежели строга къ Теккерею, и во всякомъ случаѣ очень хорошо умѣетъ понимать его достоинства,—осталась равнодушна къ „Ньюкомамъ“, и вообще приготовляется, повидимому, сказать про себя: „если вы, г. Теккерей, будете продолжать писать такимъ образомъ, мы сохранимъ подобающее уваженіе къ вашему великому таланту, но—извините—отстанемъ отъ привычки читать ваши романы“.

Для Теккерея, конечно, не много горя отъ такой угрозы,—онъ, бѣдняжка, въ простотѣ души и не подозрѣваетъ, сколькихъ поклонниковъ имѣетъ на Руси и сколькіе изъ этихъ поклонниковъ готовы измѣнить ему. Но было бы хорошо, еслибъ этотъ опытъ, намъ посторонній и никому не

Digitized by Google

обидный, обратилъ на себя вниманіе русскихъ писателей,—было бы хорошо, еслибъ они подумали о томъ, нельзя ли имъ воспользоваться этимъ урокомъ.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, русская публика насилу одолѣла, протирая смыкающіяся сномъ вѣжды, „Ньюкомовъ“ и рѣшительно не одолѣетъ другаго романа Теккерея въ такомъ же родѣ? Почему не принесли никакой пользы „Ньюкомамъ“ всѣ тѣ совершенства, о которыхъ нельзя говорить безъ искренняго восторга, если только говорить о нихъ?

Не вздумайте сказать: „Ньюкомы“—слишкомъ растянуты. Это объясненіе внушается слишкомъ громаднымъ размѣромъ романа, но оно нейдетъ къ дѣлу,—во-первыхъ, потому, что оно не совсѣмъ справедливо, во-вторыхъ, и потому, что ничего не объясняло бъ, еслибъ и было справедливо.

Если кто, то уже, конечно, не мы будемъ защитниками растянутости, этой чуть ли не повальной болѣзни повѣствователей нашего вѣка. Сжатость—первѣйшее условіе силы. Драма обязана преимущественно строгой ограниченности своихъ размѣровъ тѣмъ, что многіе эстетики считаютъ ее высшею формою искусства. Каждый лишній эпизодъ, какъ бы ни былъ онъ прекрасенъ самъ по себѣ, безобразитъ художественное произведеніе. Говорите только то, о чемъ невозможно умолчать безъ вреда для общей идеи произведенія. Все это правда, и мы готовы были бы причислить къ семи греческимъ мудрецамъ почтеннаго Кошанскаго, за его златое изрѣченіе: „всякое лишнее слово есть бремя для читателя“.—Но „Ньюкомы“, если и грѣшатъ противъ этого правила, и даже очень сильно грѣшатъ, то все же не больше,—напротивъ, даже меньше, нежели почти всѣ другіе современные романы и повѣсти. Не обманывайтесь тѣмъ, что „Ньюкомы“ составили 1042 страницы журнальнаго формата въ нашемъ переводѣ,—цифра дѣйствительно ужасна, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что еслибъ, вмѣсто 1042 страницъ, Теккерей написалъ на эту тему только 142, то-есть въ семь разъ меньше, то романъ былъ бы въ семь разъ лучше,—но почему мы такъ думаемъ, скажемъ послѣ,—а теперь пока замѣтимъ, что въ томъ видѣ, какой имѣетъ его романъ, вы не можете при чтеніи пропустить пяти—шести страницъ, не потерявъ нити и связи разсказа—вамъ придется воротиться назадъ и перечитать эти пропущенныя страницы. Въ иной вѣкъ это не служило бы еще особенной честью,—а въ нашъ вѣкъ безконечныхъ разведеній водою гомеопатическихъ дозъ романнаго матеріала и то уже чуть не диво. Когда то, выведенный изъ терпѣнія укоризнами многихъ тонкихъ цѣнителей изящнаго, зато, что не читалъ пресловутой „Dame aux Camélias“, рецензентъ взялъ въ руки эту книжку,—прочиталъ страницъ десять—скучно,—перевернулъ пятьдесятъ страницъ—„не будетъ ли интереснѣе тутъ, около 60 страницы“—и къ великому удовольствію замѣтилъ, что ничего не утратилъ отъ этого скачка—на 60-й страницѣ тянулось тоже самое положеніе,—или можетъ быть и другое, но совершенно такое же, какъ и на 10-й страницѣ; прочитавъ двѣ-три страницы, опять перевернулъ тридцать—опять тоже,—и дальше, и дальше по той же системѣ, и все шло хорошо, связно, плавно, какъ будто бы непрочитанныхъ страницъ и не существовало въ книгѣ. А книжка и не велика, кажется. Вотъ это можно назвать растянутостью.

Digitized by Google

Теккерея такъ читать нельзя—какъ же винить его въ растянутости? У него очень обиленъ запасъ наблюденій и мыслей,—онъ плодовитъ, „слогъ его текущъ и обиленъ“, по терминологіи Кошанскаго,—оттого и романы его очень длинны, это порокъ еще не большой, сравнительно съ другими. „Но все-таки 1042 страницы—это ужасно!“—Нѣтъ, числомъ страницъ не опредѣлишь законнаго объема книги. „Томъ Джонсъ“ или „Пиквикскій Клубъ“ не меньше „Ньюкомовъ“, а эти обширные разсказы прочитываются такъ легко, какъ самая коротенькая повѣсть. Все дѣло въ томъ, чтобы объемъ книги соотвѣтствовалъ широтѣ и богатству ея содержанія.

Но пусть „Ньюкомы“ назовутся растянутымъ разсказомъ—это слово само по себѣ ничего не объясняетъ,—оно только указываетъ на необходимость другаго объясненія, заставляетъ вникнуть въ вопросъ не о томъ, хорошо ли вообще роману имѣть 1042 страницы журнальнаго формата,—вообще ничего опредѣлительнаго нельзя сказать объ этомъ,—почему не написать и 1042 страницы, если такого широкаго объема требуетъ содержаніе?—нѣтъ, надобно вникнуть въ вопросъ о томъ, каково содержаніе романа,—можетъ ли оно занять читателя болѣе, нежели на четверть часа? О серьезномъ предметѣ можно толковать и нѣсколько дней, и нѣсколько недѣль, если онъ такъ многосложенъ,—но если пустое дѣло растянется въ такую длинную исторію, то не лучше ли бросить его? Вѣдь игра не стоитъ свѣчъ: если пустяковъ нельзя рѣшить въ пять минутъ, лучше предоставить ихъ рѣшеніе судьбѣ, чтобы не ломать головы понапрасну.

Вотъ въ этомъ-то смыслѣ для „Ньюкомовъ“ было бы лучше имѣть вмѣсто 1042 страницъ только 142. Къ сожалѣнію, Теккерею вздумалось вести съ нами слишкомъ длинную (умную, прелестную, все это такъ, но длинную) бесѣду о пустякахъ.

Сначала, мы попробуемъ доказать это съ литературной точки зрѣнія, а потомъ и съ простой житейской точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія здраваго смысла.

Восхищаясь отъ втораго до послѣдняго всѣми лицами романа, мы не упомянули о первомъ лицѣ его, о героѣ романа—сынѣ полковника Ньюкома, Клэйвѣ Ньюкомѣ. Дѣло извѣстное, что рѣже всего удается романисту очертить главное лицо романа,—герой выходитъ безцвѣтенъ. Есть этотъ грѣхъ за бѣднымъ Клэйвомъ,—блѣдноватъ выходитъ онъ сравнительно со всѣми другими лицами, изъ которыхъ каждое имѣетъ такую выразительную физіономію. Но этотъ грѣхъ, важный въ художественномъ отношеніи, очень легко прощается читателемъ, привыкшимъ къ снисходительности относительно всякихъ первостепенныхъ личностей, даже и первостепенныхъ личностей въ романахъ. На героя,—именно зато, что онъ герой,—возлагаются самыя легкія требованія: пусть только служитъ онъ центромъ, около котораго группируются лица и событія, мы, пожалуй, и тѣмъ останемся довольны. Но тогда пусть онъ не имѣетъ и претензіи приковывать преимущественно къ себѣ наше вниманіе,—у Клэйва есть этотъ недостатокъ, онъ своею мизерною судьбою и своими жиденькими ощущеньицами отвлекаетъ наше вниманіе отъ другихъ лицъ, истинно интересныхъ,—онъ хочетъ быть не только центромъ, но и двигателемъ романа,—ну, это ему не по силамъ,—и романъ

Digitized by Google

движется—не то чтобы медленно, это бы еще ничего,—но вяло, движется къ цѣлямъ вовсе не интереснымъ. Клэйвъ хочетъ давать тонъ всему хору,—и хоръ поетъ довольно пустые мотивы, довольно безжизненнымъ, хотя и стройнымъ тономъ. Голоса хороши, но чтожъ дѣлать, если капельмейстеръ слабъ и плохъ? Полковникъ Ньюкомъ только и дѣла дѣлаетъ, что хлопочетъ объ обезпеченіи участи своего сына,—старается разбогатѣть, чтобы милый Клэйвъ могъ на досугѣ рисовать милыя картинки (Клэйвъ, видите ли, хочетъ быть живописцемъ),—хочетъ женить его на Эсели, которую Клэйвъ любитъ. Чтожъ, со стороны полковника это очень похвально; но намъ-то какое дѣло, будетъ ли однимъ посредственнымъ живописцемъ больше или меньше, и будетъ ли мистеръ Клэйвъ умѣренно-счастливъ, съ своею милою Эсельюю? Мы знаемъ, что бѣдный юноша не застрѣлится и не утопится, выслушавъ отъ Эсели, что она не хочетъ быть его женою,—куда ему застрѣлиться! онъ не выпьетъ даже лишней рюмки хересу съ горя,—мы не увѣрены даже, вырветъ ли онъ хотя волосокъ изъ своихъ прекрасныхъ локоновъ,—онъ будетъ плакать,—это его дѣло,—но вѣдь извѣстно, что слезы—вода для такихъ натуръ. Выйдетъ ли за Клэйва Эсель? и это слабо насъ интересуетъ: любовь такого человѣка пріятна, если хотите—почему же не желать хорошей дѣвушкѣ смирнаго и любящаго мужа? Дай Богъ ей всякаго счастья! Но, по нашему мнѣнію, миссъ Эсель очень невыгодно рекомендовала бы себя, еслибъ сходила съума отъ отчаянія, что отказала Клейву, или восхищалась восторгомъ до седьмаго неба, удостоиваясь наконецъ счастія быть его супругою,—къ счастію она и не дѣлаетъ этого: намъ кажется, что полковникъ Ньюкомъ имѣетъ надъ ея мыслями гораздо больше власти, нежели его прекраснокудрый сынокъ, котораго, впрочемъ, и мы любимъ отъ всей души, какъ человѣка хорошаго. Мы не имѣемъ никакого основанія не любить его. Только намъ кажется, что и Эсель любитъ его не болѣе сильною любовью, нежели мы.

Но Теккерей вздумалъ питать къ нему болѣе сильное участіе. Это ошибка со стороны мистера Пенденниса,—и мы переходимъ отъ литературной точки зрѣнія къ простымъ соображеніямъ здраваго смысла,—записные любители художественныхъ разсужденій могутъ называть эти соображенія излишними, нейдущими къ дѣлу,—но для насъ, признаемся, они важнѣе и интереснѣе всѣхъ другихъ предметовъ,—мы даже скажемъ, что они-то собственно и составляютъ цѣль нашей рецензіи,—все предъидущее написано только для того, чтобы не получить отъ Теккерея укоризны за пренебреженіе къ художественнымъ совершенствамъ и условіямъ, „пренебреженіе, достойное московитскаго медвѣдя, не имѣющаго ни чувства художественной красоты, ни понятія объ ея условіяхъ“.

Съ литературной точки зрѣнія, „Ньюкомовъ“ погубилъ герой, Клэйвъ; а съ простой точки зрѣнія, погубила этотъ романъ мысль Теккерея, что великій художникъ можетъ серьезно говорить о чемъ его душѣ угодно, хотя бы о такихъ вещахъ, какъ жизнь и приключенія мистера Клэйва Ньюкома. Видите ли, все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы разсказать хорошо,—что ни разскажи хорошо, все будетъ хорошо. Хорошо или нѣтъ, пока не станемъ разбирать,—а подумаемъ только о томъ, нуженъ ли кому нибудь, интересенъ ли кому нибудь будетъ вашъ разсказъ.

Digitized by Google

Вамъ нравится говорить о мистерѣ Клэйвѣ Ньюкомѣ, потому что вы его любите. Прекрасно. Но мнѣ онъ человѣкъ посторонній,—примите же на себя трудъ сообразить, есть ли какой нибудь объективный интересъ въ вашемъ разсказѣ, интересны ли для меня, для одного изъ толпы, ваши разсказы. Мистеръ Клэйвъ восхищается, находя въ себѣ талантъ къ живописи—очень интересно это для меня! Иное дѣло, еслибъ съ дѣломъ о живописи соединялись для Клэйва серьезные, дѣйствительные, общепонятные интересы: еслибъ вы поставили это дѣло какъ вопросъ о средствахъ къ жизни, или о борьбѣ генія съ обстоятельствами, призванія съ предубѣжденіями,—о, тогда иное дѣло,—картины и живопись были бы для васъ случаемъ говорить о человѣческой жизни, о силахъ, ею управляющихъ, о бытѣ людей,—но вашему мистеру Клэйву отъ нечего дѣлать вздумалось писать картины, которыя никому не нужны (потому что плохи), да и самому ему безполезны (потому что живетъ онъ въ довольствѣ, сначала на счетъ отца, потомъ на счетъ жены)—вы такъ и ставите это дѣло: „послушайте, какъ мистеру Клэйву вздумалось, отъ нечего дѣлать, что онъ будетъ живописцемъ“ — да что же тутъ слушать?—Далѣе, мистеру Клэйву случилось полюбить миссъ Эсель,—прекрасно; что жъ, это была истинная страсть?—Да, говорите вы.—Посмотримъ. Миссъ Эсель говоритъ ему: „бросьте вашу глупую живопись, будьте офицеромъ, адвокатомъ, купцомъ, банкиромъ, членомъ парламента, чѣмъ хотите, только не живописцемъ, и я выйду за васъ, потому что вы человѣкъ хорошій; но согласитесь, вѣдь до сихъ поръ вы не занимаете никакого положенія въ обществѣ; я не хочу быть женою ничтожнаго человѣка“.—„Не могу бросить живописи, буду рисовать свои картины, которыхъ не допускаютъ на выставку за то, что онѣ плохи“, отвѣчаетъ Клэйвъ. Ну, глубока же его страсть къ Эсели! Такія положенія и страсти годятся для водевиля, для повѣсти въ водевильномъ духѣ,—но если говорить о вздорѣ серьезно, то кому же будетъ охота слушать разсказъ?

Правда, можно брать какой угодно сюжетъ,—но если сюжетъ пустъ, онъ долженъ выкупаться богатствомъ обстановки. Пусть приключенія и ощущенія Клэйва служили бы рамою для соединенія эпизодовъ болѣе глубокаго содержанія,—тогда истинное содержаніе романа состояло бы уже не въ приключеніяхъ Клэйва, а въ эпизодахъ, чуждыхъ этому пустому сюжету, связывающему ихъ внѣшнимъ образомъ. Но нѣтъ, Теккерей хотѣлъ сдѣлать содержаніемъ своего романа именно Клэйва съ его приключеніями и его никому не нужными, ни для кого не интересными ощущеніями. Тратить свой талантъ на подобные пустяки нельзя безнаказанно. Наказаніе Теккерею было то, что „Ньюкомы“ ничего не прибавили къ его славѣ,—мы говоримъ, конечно, о славѣ его въ Англіи.

Зачѣмъ написанъ этотъ романъ? спрашиваешь себя, дочитавъ его.—Ни за чѣмъ, если не за тѣмъ, что Теккерею вздумалось изъ ничего создать романъ. Въ романѣ нѣтъ содержанія, и это убиваетъ его.

„Какъ нѣтъ содержанія? А сколько въ немъ прекрасно задуманныхъ и прекрасно очерченныхъ характеровъ?“—И кромѣ того, много другаго прекраснаго: удивительное знаніе жизни и т. д., и т. д., о чемъ смотри выше. Но именно потому и досадно читать его, что въ немъ есть всѣ эти пре-

Digitized by Google

красныя вещи. Онѣ ни къ чему не служатъ, и потому ни на что не годны. Зачѣмъ, напримѣръ, выводятся всѣ эти прекрасно обрисованные характеры? Затѣмъ, чтобы вы знали, въ какихъ отношеніяхъ были они къ герою и главнымъ событіямъ романа,—а герой и событія пусты, потому и роль всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ ничтожна. Вотъ, напримѣръ, полковникъ Ньюкомъ—онъ прекрасный человѣкъ; что жъ изъ того?—ничего, онъ прекрасный человѣкъ.—А, ну такъ мы очень рады тому, что онъ прекрасный человѣкъ, но очень жалѣемъ о томъ, что не представилось ему случая сдѣлать ничего хорошаго въ романѣ—надѣемся, въ жизни онъ дѣлалъ много хорошаго, но Теккерей не почелъ нужнымъ выставить такихъ положеній и столкновеній.

Обидно за этого бѣднаго полковника, обидно за всѣхъ другихъ лицъ романа, столь прекрасно очерченныхъ—они являлись передъ нами безъ всякаго дѣла, и, какъ ненужные намъ люди, должны были умолять насъ о благосклонномъ вниманіи, считать себя осчастливленными, если мы нехотя, съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, позволяли имъ оставаться въ нашемъ присутствіи,—бѣдные, они, кажется, каждую минуту трепетали, что читатель, наскучивъ ихъ празднословіемъ, скажетъ имъ: „извольте убираться изъ моей комнаты,—ни вамъ нѣтъ дѣла до меня, ни мнѣ нѣтъ дѣла до васъ". Жалкая судьба! въ какое странное положеніе поставлены отсутствіемъ дѣльной мысли эти люди, которые могли бы быть такими интересными, такими дорогими для насъ гостями, еслибъ пришлось имъ говорить или дѣлать что нибудь достойное вниманія.

Въ прискорбное положеніе ставитъ себя авторъ, когда является передъ читателемъ съ празднословіемъ. Вѣдь онъ хочетъ занимать своею рѣчью общество,—а въ этомъ случаѣ неизбѣженъ выборъ между двумя положеніями; если человѣкъ не имѣетъ права сказать: „вы должны меня слушать, потому что дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, нужно и важно для васъ", онъ долженъ заискивать празднаго вниманія слушателей, долженъ для ихъ забавы сдѣлаться сказочникомъ, потѣшникомъ,—а роль забавника, потѣшника ни мало не завидна.

Досадно видѣть, когда силы истрачиваются попусту, когда здоровый и умный человѣкъ,—лучше ужъ ничего не дѣлалъ бы онъ, если не хочетъ дѣлать чего нибудь нужнаго,—нѣтъ, онъ занимается толченіемъ воды, пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее,—вырѣзываніемъ изъ очень милой цвѣтной бумаги очень милыхъ лошадокъ, овечекъ, деревцевъ, даже человѣчковъ, рисованіемъ замысловатыхъ и пріятныхъ арабескъ.

„Это капризъ таланта"—кому нужны капризы?—„Это свобода творчества"—развѣ свобода состоитъ въ празднословіи?—„Это мнѣ доставляетъ удовольствіе"—жаль, если вы не находите другаго источника удовольствія, кромѣ пустяковъ, не заслуживающихъ вниманія.—„Я не нуждаюсь въ вашемъ вниманіи"—такъ зачѣмъ же напрашиваетесь на него, выставляя книгу въ окнахъ книжныхъ магазиновъ?

Такимъ-то образомъ отразились на „Ньюкомахъ" послѣдствія ошибки, порожденной или гордостью или предубѣжденьемъ: „съ моимъ талантомъ нѣтъ надобности ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣльномъ содержаніи. Отдѣлка хороша, разсказъ прекрасенъ—чего же больше?—и романъ будетъ хорошъ".

Digitized by Google

И романъ оказался имѣющимъ мало достоинства,—даже художественнагó достоинства. Великолѣпная форма находится въ нескладномъ противорѣчіи съ бѣдностью содержанія, роскошная рама съ пустымъ пейзажемъ, въ нее вставленнымъ. Въ романѣ нѣтъ единства, потому что нѣтъ мысли, которая связывала бы людей и событія; въ романѣ нѣтъ жизни, потому что нѣтъ мысли, которая оживляла бы ихъ.

Совѣтуемъ прочитать „Ньюкомовъ" тѣмъ, которые думаютъ, что для романа не важно содержаніе, если есть въ немъ блестящая отдѣлка и прекрасный разсказъ. О необходимости таланта нечего и говорить, -нечего говорить о томъ, что безсильный работникъ—не работникъ, что слѣпой—не живописецъ, что хромой—не танцоръ, что человѣкъ безъ поэтическаго таланта—не поэтъ. Но талантъ даетъ только возможность дѣйствовать. Каково будетъ достоинство дѣятельности, зависитъ уже отъ ея смысла, отъ ея содержанія. Если бы Рафаэль писалъ только арабески, птичекъ и цвѣтки—въ этихъ арабескахъ, птичкахъ и цвѣткахъ былъ бы виденъ огромный талантъ,—но скажите, останавливались ли бы въ благоговѣніи передъ этими цвѣтками и птичками, возвышало ли бы, очищало ли бы вашу душу разсматриваніе этихъ милыхъ бездѣлушекъ?—Но зачѣмъ говорить о васъ, будемъ говорить о самомъ Рафаэлѣ—былъ ли бы онъ славенъ и великъ, если бы писалъ бездѣлушки? Напротивъ, не говорили ли бы о немъ съ досадою, почти съ негодованіемъ: онъ погубилъ свой талантъ?

Въ настоящее время, изъ европейскихъ писателей никто, кромѣ Диккенса, не имѣетъ такого сильнаго таланта, какъ Теккерей. Какое богатство творчества, какая точная и тонкая наблюдательность, какое знаніе жизни, какое знаніе человѣческаго сердца, какое свѣтлое и благородное могущество любви, какое мастерство въ юморѣ, какая рельефность и точность изображеній, какая дивная прелесть разсказа!—колоссальнымъ талантомъ владѣетъ онъ!—все могущество таланта блестящимъ образомъ выразилось въ „Ньюкомахъ",—и что же? останется ли этотъ романъ въ исторіи, произвелъ ли онъ могущественное впечатлѣніе на публику, заслужилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, хотя одобреніе записныхъ цѣнителей изящнаго, которые требуютъ только художественныхъ совершенствъ отъ поэтическаго произведенія?—Ничего подобнаго не было. Равнодушно сказали цѣнители изящнаго: „въ романѣ виденъ огромный талантъ, но самъ романъ не выдерживаетъ художественной критики"; равнодушно дочитали его иные изъ большинства публики, иные и не дочитали. Не упомянетъ о немъ исторія, и для славы самого Теккерея было бы все равно, хоть бы и не писать „Ньюкомовъ".

Записки объ уженьи рыбы. *С. Аксакова. Изданіе третье, съ политипажами и примѣчаніями* К. Ф. Рулье. *Москва. 1856.*

Замѣчанія московскаго охотника на ружейную охоту съ лягавою собакою. Н. Основскаго. *Изданіе второе, дополненное лечебникомъ для собакъ. Москва. 1857.*

Съ легкой руки С. Т. Аксакова, читающая публика полюбила сочиненія объ охотѣ, и у насъ въ короткое время образовалась своя дѣльная

Digitized by Google

литература по этому предмету. Одни сочиненія, какъ книга В. Вакселя, о которой мы своевременно отдали отчетъ, говорятъ объ охотѣ вообще, другія объ охотѣ въ данной мѣстности. Дѣятелями на поприщѣ послѣдней явились господа Аксаковъ и Основскій. Труды двухъ послѣднихъ напечатаны нынѣ новыми изданіями и пополнены спеціалистомъ въ изученіи животныхъ, К. Ф. Рулье. Значитъ, есть въ нихъ и научный интересъ, который, конечно, увеличивается самыми примѣчаніями. Первое изданіе обоихъ сочиненій оцѣнено уже публикою, и потому намъ нѣтъ надобности говорить объ нихъ подробнѣй,—скажемъ только, что оба труда пополнены новыми статьями. „Записки объ уженьи"—статьей К. Ф. Рулье о ходѣ рыбы противъ теченія воды, которая кидаетъ яркій свѣтъ на одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій въ жизни рыбъ, почитаемое обыкновенно загадочнымъ и инстинктивнымъ, которое г. Аксаковъ описываетъ въ мастерской картинѣ. Приложены политипажи, изъ которыхъ нѣкоторые превосходны.

Книга г. Н. Основскаго пополнена лечебникомъ для собакъ, украшена хорошими литографіями и отличается спокойнымъ, всестороннимъ изложеніемъ естественной исторіи изображенныхъ птицъ съ особенными замѣчаніями относительно жизни ихъ въ Московской губерніи, что даетъ возможность сравнивать ихъ съ образомъ жизни тѣхъ же птицъ въ Оренбургской губерніи („Записки Оренбургской ружейной охоты" г. Аксакова), Воронежской губерніи (диссертація г. Сѣверцова), Харьковской губерніи (профессора Чернова) и Кіевской (Кесслера).

Биржевыя операціи. *Соч.* В. Безобразова. *Москва. 1856.*

Со временъ Ло, страсть къ биржевымъ операціямъ никогда не овладѣвала въ такой степени умами парижскаго населенія, какъ въ послѣдніе два—три года. Парижская биржа превратилась въ истинный игорный домъ, или „адъ", какъ называется на техническомъ языкѣ мѣсто, гдѣ ведутся запрещенныя азартныя игры. Долго радовались этому, такъ называемому „развитію духа промышленности и предпріимчивости" люди, ослѣпленные одностороннею теоріею, и ловкіе интриганты, находившіе свою выгоду въ развращеніи общественныхъ нравовъ. Наконецъ, биржевая игра достигла такихъ ужасныхъ размѣровъ, что грозила погибелью не только сотнямъ отдѣльныхъ людей,—она уже погубила тысячи, развратила десятки тысячъ людей,—но и паденіемъ всей системѣ французскихъ кредитныхъ учрежденій, банкротствомъ всей французской торговлѣ и промышленности, разореніемъ государственной казнѣ. Устрашенное этою перспективою, французское правительство увидѣло необходимость принять мѣры для обузданія пагубной страсти. Оно выразило свое неодобреніе, оно думаетъ обложить пошлиною всѣ биржевыя сдѣлки, чтобы прекратить возможность фальшивой продажи кредитныхъ бумагъ со стороны не имѣющаго ихъ, и фальшивой покупки со стороны не имѣющаго ни денегъ, ни намѣренія дѣйствительно купить ихъ.

Основной механизмъ биржевой азартной игры очень простъ. Государственные фонды и акціи промышленныхъ предпріятій постоянно колеблются въ цѣнѣ, сообразно различнымъ финансовымъ и политическимъ обстоятельствамъ. И вотъ, положимъ 20 числа, сходятся на биржѣ два человѣка,—

Digitized by Google

оба безъ большихъ наличныхъ денегъ, оба безъ всякихъ билетовъ государственнаго долга, безъ всякихъ акцій въ карманѣ, но съ желаніемъ спекулировать. Положимъ, что трехъ-процентныя облигаціи государственнаго долга (номинальная цѣна которыхъ 100 франковъ) продаются 20 числа по семидесяти франковъ—къ 1 числу слѣдующаго мѣсяца поднимутся онѣ въ цѣнѣ, или упадутъ? и если упадутъ или поднимутся, то на сколько именно? Одинъ думаетъ, что 1-го числа онѣ будутъ продаваться по 72 франка, или выше. Другой полагаетъ, что онѣ будутъ стоить тогда не болѣе 71 франка. И вотъ, эти люди заключаютъ между собою условіе: тотъ, который думаетъ, что облигаціи будутъ стоить болѣе 72 франковъ, обязывается взять у другаго, думающаго, что онѣ будутъ тогда стоить менѣе 71 франка, 1,000 облигацій по 71 франку, а этотъ обязывается продать ихъ ему. Приходитъ первое число мѣсяца. Цѣна облигацій 70 франковъ съ половиною,—и такъ, обязавшійся купить долженъ взять ихъ, по условію, пятьюдесятью сантимами дороже дѣйствительной цѣны,—онъ проигрываетъ (по $^1/_2$ франка на каждой облигаціи) 500 франковъ,—столько же выигрываетъ продающій. А если бы цѣна облигацій была 68 франковъ, проигрышъ одного и выигрышъ другаго равнялся бы 3 франкамъ на каждую облигацію,—всего, равнялся бы суммѣ въ 3,000 франковъ. Напротивъ, будь цѣна облигацій выше 71 франка, проигралъ бы продавшій, выигралъ бы купившій. Ни тотъ, ни другой не имѣютъ денегъ и намѣренія дѣйствительно покупать или продавать облигаціи,—они имѣли въ виду только этотъ выигрышъ отъ разницы между условной цѣной, по которой заключена сдѣлка, и дѣйствительной цѣной облигаціи въ назначенный срокъ, и весь разсчетъ между ими состоитъ въ томъ, что проигравшій уплачиваетъ выигравшему сумму проигрыша.

Это, какъ видимъ, не покупка и не продажа,—это не болѣе, какъ пари о томъ, какова будетъ цѣна облигацій въ назначенный срокъ.

Мы говорили объ основномъ видѣ биржевой игры,—онъ усложняется разными условіями и правилами, такъ что формы сдѣлокъ становятся чрезвычайно разнообразны, но сущность ихъ остается всегда одна и та же; всѣ онѣ—пари о томъ, какова будетъ черезъ нѣсколько времени цѣна государственныхъ облигацій или акцій какого нибудь промышленнаго предпріятія.

Огромные размѣры, которыхъ въ послѣднее время достигла игра на парижской биржѣ, вызвали всеобщее вниманіе къ этому явленію. Въ различныхъ нашихъ журналахъ за прошлый годъ явилось нѣсколько статей о биржевыхъ спекуляціяхъ и операціяхъ. Изъ этихъ статей, лучшія были написаны г. В. Безобразовымъ и напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Книжка, заглавіе которой мы привели выше,—отдѣльный оттискъ этихъ статей. Рекомендуемъ ее всѣмъ желающимъ ближе познакомиться съ биржевыми оборотами.

Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. *Томъ III. Спб. 1857.*

Изъ статей, помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ „Трудовъ русской миссіи въ Пекинѣ", первая и важнѣйшая по содержанію—„Событія въ Пекинѣ при паденіи минской династіи", г. М. Храповицкаго. Разсказъ этотъ составленъ по документамъ, сохранившимся отъ того времени.

Digitized by Google

Паденіе минской династіи совпадаетъ съ завоеваніемъ Китая манджурами, которые съ того времени господствуютъ въ Китаѣ. Эти событія совершились въ 1644 году.

Послѣднимъ государемъ Минской династіи былъ Чунъ-чжэнъ, царствовавшій уже около 17 лѣтъ, когда послѣдовалъ рѣшительный переворотъ, лишившій его престола и жизни. Причиною паденія была излишняя довѣрчивость Чунъ-чжэна къ окружающимъ его вельможамъ и бѣдствія народа, угнетаемаго ими; имперія волновалась, но Чунъ-чжэнъ ничего не зналъ о томъ въ своемъ дворцѣ:

„Возмущенія, заранѣе происходившія въ разныхъ концахъ Имперіи, требовали особенной бдительности и усилій правительства; но государь, котораго едва ли не единственнымъ недостаткомъ были излишняя доброта и кротость, слабо смотрѣлъ за окружающими его престолъ вельможами и часто не могъ видѣть дѣлъ въ настоящемъ ихъ видѣ изъ-за темнаго покрова, которымъ недостойные, но любимѣйшіе сановники закрывали ему глаза; даже въ то время, когда мятежники овладѣли областнымъ городомъ *Чжэнъ-динъ-фу* и находились отъ столицы на разстояніи только 300 кит. верстъ, всѣ молчали объ этомъ и государь уже послѣ узналъ объ этой потерѣ. Поэтому дворъ не слишкомъ безпокоился и смотрѣлъ на дѣла въ уменьшительное стекло; но тѣмъ тревожнѣе было его пробужденіе, когда надо было дѣйствовать рѣшительно и смѣло, когда опасность была передъ глазами".

Ли-дзы-чэнъ, предводитель мятежниковъ, приближался уже къ Пекину съ юга; въ тоже время взбунтовались войска, стоявшія къ сѣверу отъ Пекина,—это было въ концѣ марта 1644.

„При двойной опасности съ сѣвера и юга, жители столицы пришли въ сильное волненіе; не безпокоились, кажется, только одни главнѣйшіе сановники: они спокойно засѣдали въ своихъ Палатахъ и, какъ всегда, заняты были мыслію о своей важности; дѣла государственныя какъ будто не касались ихъ; государь былъ неспокоенъ, но не имѣлъ столько силы воли и мудрости, чтобъ рѣшительными распоряженіями заставить бояться и уважать себя, сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ въ это трудное время и стать во главѣ противодѣйствія мятежу. Онъ былъ не способенъ къ тому, напротивъ, еще боболѣе прежняго полагался на усердіе окружавшихъ его евнуховъ и другихъ сановниковъ, которые и довершили паденіе династіи. Въ столицѣ начали принимать мѣры предосторожности, но какія? Онѣ состояли въ тщательномъ дозорѣ и забираніи подъ стражу лицъ подозрительныхъ, въ усиленіи правилъ взаимнаго обезопасенія жителей, въ запрещеніи ходить ночью по улицамъ, въ свидѣтельствованіи казнохранилищъ и магазиновъ. Что касается до мятежниковъ, то только повелѣно было командующему войсками въ Чжэнь-шо наблюдать за дѣйствіями и направленіемъ ихъ".

Овладѣвая городами и укрѣпленіями, стоявшими на ихъ пути, мятежники приближались къ Пекину. Войска императора большею частью измѣняли ему; жители провинцій присоединялись къ мятежникамъ; правительство не имѣло ни денегъ, для энергическаго веденія войны, ни возможности заготовить хлѣбъ для пропитанія жителей и гарнизона столицы на время осады. Оно надѣялось на пожертвованія,—но высшіе сановники первые подавали примѣръ равнодушія къ общему дѣлу и корыстолюбія. Тогда императоръ издалъ слѣдующій манифестъ, объясняющій причины волненія и обѣщающій устраненіе этихъ причинъ на будущее время:

„Уже семнадцать лѣтъ, какъ я наслѣдовалъ великій законъ правленія; въ глубинѣ сердца помышляя о величіи Верховнаго Царя, низводящаго и возводящаго Царей,—о важности порученія, возложеннаго на меня отъ предковъ,—я трепещу днемъ

Digitized by Google

и ночью, не дерзая предаться безпечности. Между тѣмъ бѣдствія слѣдуютъ одно за другимъ, духъ мятежа день ото дня распространяется подобно пламени. Забывъ благодѣяніе воспитанія въ продолженіи столькихъ поколѣній, мятежники свирѣпствуютъ двадцать лѣтъ съ жаждою неистовства: простить ихъ—дѣлаются еще надменнѣе, приласкать—вдругъ поднимаютъ бунтъ, и, что всего гибельнѣе, заражаютъ другихъ тѣмъ же мятежнымъ духомъ, а вновь увлеченные ими вовсе забываютъ при этомъ долгъ мести бунтовщикамъ. Я—отецъ и мать народа и не могу прикрыть своихъ птенцовъ крыльями; народъ—мои дѣти и не могутъ защитить и охранить меня. Губерніи Шань-си и Хэ-нань представляютъ груды развалинъ, губерніи Цзянъ-нань и Ху-гуанъ подверглись гибели и злодѣйствамъ; если виною всего этого не я, то кто же приметъ вину на себя? По этому острыя стрѣлы, поражающія народъ, смерть его въ огнѣ и водѣ, кровь, текущая потоками, трупы, образовавшіе собою цѣлыя горы—все это моя вина. Пожертвованія корма для лошадей и продовольствія для войскъ, перевозка войска и провіанта и вспомоществованіе войску въ пути, множество прибавочныхъ налоговъ безъ средствъ къ пріобрѣтенію достоянія, обременительные займы казны на предварительное обезпеченіе будущихъ нуждъ государства—опять моя вина. Жилища народа, пустыя какъ висячій колоколъ, совершенно заброшенныя и заросшія травою поля, бѣдствія пожара безъ дверей для спасенія, вопли, вынужденные жестокостью холода и вѣтра, и въ слѣдъ за ними лишеніе жизни—опять моя вина. Постоянный ропотъ на неурожайные годы, засухи и наводненія, взаимно смѣняющіяся, безпрерывныя войны, гибель отъ заразительныхъ болѣзней, нарушеніе согласія между небомъ и землею, отсюда всеобщія жалобы—опять моя вина. Что касается до властей, занимающихъ высшія должности и не соблюдающихъ закона,—до низшихъ чиновниковъ, не знающихъ честности, до совѣтниковъ государственныхъ, которые лишь двигаютъ головою и разсуждаютъ безтолково,—до надменныхъ военачальниковъ, которые угнетаютъ слабыхъ и не совершаютъ никакихъ подвиговъ; то этому причиною то, что я въ управленіи потерялъ истинный законъ и не возбудилъ въ сердцахъ истинной благодарности. Думая объ этомъ день и ночь, я не нахожу мѣста для успокоенія. Теперь я объявляю всей имперіи, что отнынѣ я возложу на себя бо̀льшія заботы и труды, глубоко вникну въ прежнія ошибки, буду особенно заботиться о добродѣтели, хранить древніе уставы, чтобъ утолить скорбь и стенанія, идти путемъ человѣколюбія, чтобъ привлечь сердца людей, уничтожу прибавочныя повинности, чтобъ укрѣпить силы народа. Что касается до сборовъ на продовольствіе войскъ, то они вынуждены лишь необходимостью, поэтому главные правители губерній, взывая народъ къ пожертвованіямъ, не должны нарушать закона успокоенія и питанія. Если же нѣкоторые изъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ будутъ прибавлять хоть каплю къ сборамъ,—незаконно и самовольно собирать повинности, или будутъ извращать уставы о штрафахъ и несправедливо подвергать казнямъ, и такимъ образомъ доводить народъ до того, что онъ не радъ будетъ жизни, то такихъ немедленно предавать суду. Если будутъ между народомъ такіе, которые станутъ перебѣгать изъ одного мѣста въ другое, то не только освобождать ихъ отъ взысканія повинностей, но еще стараться пріютить ихъ и оказать имъ вспоможеніе, чтобъ они не были вынуждены оставить свое мѣстопребываніе. Что касается до чиновниковъ, за разныя преступленія лишенныхъ должностей, то если между ними есть честные, вѣрные, справедливые и прямодушные, некорыстолюбивые и способные, которые достойны того, чтобъ употребить ихъ на должности,—о такихъ Палаты Чиновъ и Военная должны представить, по тщательномъ изслѣдованіи, и опредѣлить. Если между лицами, вышедшими изъ незнатнаго рода, будутъ отлично храбрые, которые возьмутъ обратно какой либо городъ, то такимъ открыть доступъ къ полученію чиновъ, переходящихъ по закону къ потомкамъ; если тѣ, которые подпали общему бѣдствію и присоединились къ мятежникамъ, оставятъ ихъ, обратятся на путь законный и возвратятся, то простить имъ преступленіе и дать возможность оказать заслуги; если кто представитъ главу мятежниковъ живаго или мертваго, то такого наградить достоинствомъ *Хоу*. Вѣрность государю и любовь къ отечеству общи сердцамъ всѣхъ; при омытіи посрамленія и уничтоженіи бѣдствій, кто не раздѣлитъ общаго труда? Получивъ великія милости отъ предковъ, пусть всѣ постараются содѣйствовать великому дѣлу полнаго усмиренія государства!"

Digitized by Google

Но было уже поздно: непріятели шли прямо на столицу и „сердца людей затрепетали“.

„Государь каждый день призывалъ сановниковъ для совѣщанія, но совѣтники ограничивались самыми пустыми предложеніями, какъ было и въ прежнихъ собраніяхъ. При этомъ высшіе сановники старались удержать низшихъ отъ лишнихъ рѣчей,—желали зажать имъ ротъ,—а низшіе хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, чрезъ угожденіе высшимъ, снискать ихъ милость и имѣть надежды на хорошее будущее. Потому при всякомъ совѣщаніи низшіе чиновники, въ виду своихъ начальниковъ, только старались показать свое смиреніе, а большая часть изъ нихъ вовсе молчала. Государь ясно видѣлъ, что не было людей, желавшихъ поддержать его въ это трудное время, и, по окончаніи каждаго совѣщанія, съ горькими слезами возвращался во дворецъ“.

Мятежники подступили къ стѣнамъ столицы; гарнизонъ защищался слабо; сановники большею частью измѣняли и присоединялись къ мятежникамъ, успѣхъ которыхъ предвидѣли; наконецъ, внѣшній городъ былъ взятъ,—надежды на спасеніе не оставалось. Собственною рукою, Чунъ-чжэнъ убилъ любимую жену, потомъ другихъ женъ и дочерей своихъ, чтобы не достались онѣ на позоръ мятежникамъ,—послѣ того, лишилъ и себя жизни, кровью изъ своего пальца написавъ на верхней полѣ платья: „Уже 17 лѣтъ я „сидѣлъ на престолѣ, какъ мятежники стѣснили столицу. Правда, мои добро„дѣтели ничтожны, и я возбудилъ гнѣвъ Верховнаго Неба; но причина всего „этого въ томъ, что Чины вводили меня въ обманъ. Пусть мятежники раз„дробятъ на части мой трупъ, но не наносятъ вреда ни одному изъ на„рода“.

Между тѣмъ, мятежники овладѣли всѣми частями города. Они жгли, грабили, рѣзали, неистовствовали всячески. Множество людей, особенно женщинъ, лишали себя жизни, чтобъ избѣгнуть мученій и позора. Ли-дзы-чэнъ, предводитель инсургентовъ, принималъ самыя энергическія мѣры для укрощенія буйства своихъ солдатъ, но не могъ удержать ихъ. Тѣла Чунъ-чжэна и его первой жены были похоронены имъ со всѣми почестями. Вскорѣ начались жестокія истязанія чиновникамъ и богатымъ людямъ, чтобы вынудить ихъ къ отдачѣ денегъ въ казну Ли-дзы-чэна.

Одинъ изъ провинціальныхъ правителей, У-сань-гуй, остался вѣренъ дѣлу Минской династіи. Видя невозможность собственными силами противиться мятежникамъ, овладѣвшимъ столицею, онъ обратился за помощью къ манджурамъ. Ли-дзы-чэнъ самъ пошелъ противъ него изъ Пекина съ огромными силами, и побѣдилъ отрядъ У-сань-гуя; но манджуры уже приближались, соединились съ У-сань-гуемъ, и началась рѣшительная битва. Сильный отрядъ манджуровъ, ударивъ на правый флангъ Ли-дзы-чэна, склонилъ побѣду на сторону У-сань-гуя. Ли-дзы-чэнъ бѣжалъ въ Пекинъ; манджуры шли по его слѣдамъ. Будучи не въ силахъ удержаться въ столицѣ, Ли-дзы-чэнъ зажегъ императорскій дворецъ и велѣлъ своимъ войскамъ безпощадно рѣзать всѣхъ жителей покидаемаго города. Пекинъ съ окрестностями представлялъ одно огненное море. Говорятъ, что вопли убиваемыхъ слышались за нѣсколько десятковъ верстъ. Къ счастью для пекинцевъ, на третій день показались въ виду столицы манджуры; они явились спасителями жителей отъ неистовства грабителей и заняли городъ безъ сопротивленія. Манджурскій князь объявилъ себя правителемъ государства, пославъ У-сань-

Digitized by Google

гуя преслѣдовать бѣжавшаго Ли-дзы-чэна. Съ этого времени начинается владычество манджуровъ въ Китаѣ.

Такъ быстро и легко овладѣли манджуры громадною имперіею, воспользовавшись внутренними раздорами, ее раздиравшими.

За разсказомъ о паденіи Минской династіи, въ третьемъ томѣ „Трудовъ членовъ пекинской миссіи“ слѣдуютъ статьи о соляномъ производствѣ въ Китаѣ, іеромонаха Цвѣткова; о разведеніи китайскаго картофеля и благовоннаго пшена, г. Гошкевича; о болеутолительныхъ средствахъ и гидропатіи въ Китаѣ, г. Татаринова; „Записки китайца о Нангасаки“, іеромонаха Цвѣткова; о христіанствѣ въ Китаѣ, несторіанскомъ памятникѣ VII вѣка и о домашнихъ обрядахъ китайцевъ, его же, и проч. Всѣ онѣ довольно кратки, кромѣ послѣдней, излагающей со всѣми подробностями домашніе обряды китайцевъ, именно: обрядъ надѣванія шапки (на мальчика) и украшенія головы (дѣвушки) иглою (эти церемоніи означаютъ, что лицо, надъ которымъ онѣ совершаются, достигло совершеннолѣтія), далѣе: бракъ и похороны.

Представляя въ этой книжкѣ „Современника“ разсказы Гюка о Китаѣ, мы не будемъ дѣлать извлеченій изъ этихъ нравоописательныхъ и статистическихъ статей, и замѣтимъ только, что многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, не лишенныя интереса. Свѣдѣнія эти тѣмъ важнѣе, что почти всѣ переведены изъ китайскихъ книгъ и, слѣдовательно, должны передавать обычаи и занятія китайцевъ съ совершенною точностью.

Новый опытъ о богатствѣ народномъ. Гавріила Каменскаго, *бывшаго агента министерства финансовъ въ Лондонѣ. Спб. 1856.*

Г. Каменскій, въ предисловіи къ своей книгѣ, говоритъ о ней, какъ о самостоятельномъ сочиненіи. На самомъ же дѣлѣ, его книга только неполный переводъ извѣстнаго сочиненія Милля, какъ уже было замѣчено г. Бабстомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 11).

Сочиненія Т. Н. Грановскаго. *Томъ II. Москва. 1856.*

Въ этомъ томѣ, которымъ заключается собраніе сочиненій Грановскаго, бывшихъ напечатанными при жизни автора, помѣщены критическія статьи его, которыя являлись первоначально въ „Современникѣ“ и другихъ журналахъ, и статьи для дѣтскаго чтенія, которыя напечаталъ онъ въ „Библіотекѣ для воспитанія“. Черезъ нѣсколько времени мы надѣемся подробнѣе говорить о содержаніи этого тома.

Руководство къ познанію дѣйствующихъ русскихъ государственныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, *составленное* Ѳ. Проскуряковымъ. *Второе изданіе, съ измѣненіями и дополненіями. Спб. 1856.*

По отзывамъ юристовъ, сочиненіе г. Проскурякова—лучшая учебная книга нашего законодательства. Этотъ отзывъ подтверждается тѣмъ, что вскорѣ послѣ перваго изданія, автору надобно было сдѣлать второе. Онъ включилъ въ него вновь вышедшія постановленія и, кромѣ того, во многихъ мѣстахъ улучшилъ изложеніе.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Январь 1857 г.

„Отечественныя записки“ (Дудышкинъ) о Тургеневѣ.—„Богданъ Хмѣльницкій“, Костомарова.—„Столичные родственники“, Григоровича.

Очень много написано было въ послѣдніе годы о старыхъ нашихъ авторахъ, сочиненія которыхъ теперь служатъ болѣе памятниками прошедшаго, нежели чтеніемъ современной публики. Ломоносовъ и Сумароковъ, Тредьяковскій и Кантемиръ, Лукинъ и Княжнинъ, и проч. и проч. становились поочередно предметомъ внимательнаго изслѣдованія. Это было хорошо; но дурно было то, что, углубившись въ старину, мы забывали о настоящемъ. Почти ни одинъ изъ писателей, дѣйствующихъ нынѣ, не былъ оцѣненъ надлежащимъ образомъ. О г. Тургеневѣ, г. Григоровичѣ, г. Островскомъ, г. Писемскомъ и другихъ нашихъ современникахъ, вообще вы найдете въ журналахъ только отзывы или слишкомъ краткіе, или слишкомъ поверхностные. Пора намъ перестать довольствоваться такими бѣглыми замѣчаніями, пора заговорить съ должнымъ вниманіемъ о дѣятельности писателей, которые въ исторіи литературы занимаютъ, конечно, не менѣе важное мѣсто, нежели писатели предшествовавшихъ періодовъ, сочиненія которыхъ для насъ гораздо важнѣе, нежели все то, что писалось сорокъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и уже не читается теперь.

Съ этой точки зрѣнія, мы очень рады появленію, въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“, большой статьи г. Дудышкина о сочиненіяхъ г. Тургенева. Она еще не кончена въ этой книжкѣ,—но взглядъ критика на автора „Записокъ Охотника“ уже совершенно выразился въ той части разбора, которую прочли мы.

Г. Дудышкинъ очень справедливо считаетъ интереснѣйшимъ для критики вопросъ о томъ, какое воззрѣніе на жизнь выразилось въ произведеніяхъ писателя. Онъ считаетъ первою обязанностью критика опредѣлить отношеніе писателя къ современной идеѣ. — „Стать въ уровень съ идеею въ томъ объемѣ, какъ она выработана современною наукою, современною жизнью, въ томъ значеніи, которое она получаетъ, какъ послѣднее слово исторіи—это одна изъ первыхъ потребностей и вмѣстѣ заслугъ каждаго

Digitized by Google

писателя. Кто не имѣетъ никакого отношенія къ этой идеѣ, тотъ не имѣетъ и значенія въ современной литературѣ"—это понятіе очень справедливо.—„Но, продолжаетъ критикъ,—стать на высотѣ современной идеи нашему русскому писателю еще недостаточно, по крайней мѣрѣ, не значитъ рѣшить вопросъ окончательно. Нашъ писатель долженъ показать отношеніе идеи къ той почвѣ, на которой заставляетъ онъ идею жить, къ тому обществу, которое должно служить ей обстановкой"—и это правда; одно только выраженіе въ этихъ словахъ кажется намъ не совсѣмъ точнымъ: *„нашему русскому* писателю недостаточно... *нашъ* писатель долженъ". Почему жъ именно „нашъ" писатель, а не вообще всякій писатель, всякой націи долженъ опредѣлить отношеніе идеи къ обществу, имъ изображаемому? Эта обязанность равно лежитъ и на нѣмецкомъ, и на англійскомъ и французскомъ писателѣ, и ни одинъ изъ ихъ замѣчательныхъ писателей не уклонялся отъ нея,—если у китайцевъ или персіянъ есть въ настоящее время замѣчательные писатели, то, конечно, и они показываютъ отношеніе своихъ идеаловъ къ изображаемому ими обществу. Или, при опредѣленіи отношенія идеала къ жизни, на русскомъ писателѣ лежатъ какія-нибудь особенныя условія, которыми не обязаны стѣсняться другіе писатели? Кажется, что критикъ думаетъ такъ:—„что, если эти отношенія будутъ чисто отрицательныя, какъ тогда примирить ихъ?" продолжаетъ онъ.—„А если писатель найдетъ, что между ними можетъ быть гармонія, то въ какія формы облечетъ онъ свои идеи?"—Если не ошибаемся, въ этихъ словахъ уже выражено мнѣніе, что идеалъ непремѣнно долженъ представляться у писателя, о которомъ говоритъ критикъ, гармонирующимъ съ окружающею его жизнью. Если это условіе имѣлъ онъ въ виду, то едва ли можно назвать его мнѣніе справедливымъ. Почему жъ идеалъ необходимо долженъ представляться примиреннымъ съ дѣйствительностью? Этого примиренія въ такомъ смыслѣ, какъ понимается оно обыкновенно людьми, требующими его, нѣтъ даже у Шекспира, не только величайшаго, но и спокойнѣйшаго изъ всѣхъ поэтовъ. Ни одинъ изъ его идеаловъ не умѣетъ устроить свои дѣла такъ, чтобы жить да поживать въ довольствѣ и благополучіи. Гамлетъ и Офелія, Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона,—всѣ они надѣлали много хлопотъ и горя и себѣ и другимъ, ни одного изъ нихъ Шекспиръ не могъ поставить „въ гармонію съ обстановкою". Зачѣмъ же налагать на русскаго писателя обязанность, которой не исполнялъ самъ, это невозмутимо спокойный, геній Шекспира? Намъ кажется, что г. Дудышкинъ не совсѣмъ правъ, приготовляясь выражать неодобреніе современному писателю, у котораго не найдетъ „гармоніи идеала съ обстановкою" — ни у какого писателя, никакой націи и эпохи не найдетъ онъ этой гармоніи;—или поголовно осудитъ онъ всѣхъ поэтовъ, отъ Гомера по 1857 годъ включительно?

Опредѣливъ такимъ образомъ свои требованія, г. Дудышкинъ хочетъ опредѣлить черты идеала, изображаемаго г. Тургеневымъ, но прежде считаетъ нужнымъ объяснить, каковы были господствующіе литературные взгляды въ то время, когда явились первыя произведенія господина Тургенева. Тутъ слѣдуютъ выписки изъ „Отеч. Записокъ" 1841—1845 годовъ, и г. Дудышкинъ подсмѣивается надъ неосновательностью мнѣній, какія тогда вы-

Digitized by Google

ражались журналомъ, который теперь украшается прекрасными статьями г. Дудышкина. Журналъ съ пренебреженіемъ отзывается о своемъ прошедшемъ—это вообще было бы неловко; а когда прошедшее журнала имѣетъ неоспоримое и высокое достоинство, это и несправедливо. Неужели прошедшее „Отеч. Записокъ" такъ забавно, что сами „Отеч. Записки" не могутъ вспомнить о немъ безъ улыбки сожалѣнія? Но какое намъ дѣло до того, уважаютъ ли „Отечественныя Записки" свое прошедшее! Въ настоящемъ случаѣ жаль только, что эта насмѣшка вовлекла г. Дудышкина въ нѣкоторыя ошибки при опредѣленіи идеала, изображаемаго г. Тургеневымъ. Выписавъ изъ „Отеч. Записокъ" старыхъ головъ сужденія о герояхъ Баратынскаго и Лермонтова и посмѣявшись надъ этими сужденіями, г. Дудышкинъ рѣшаетъ, что главныя лица многихъ повѣстей г. Тургенева сходны съ героями Баратынскаго и Лермонтова, что повѣсти г. Тургенева принадлежатъ той же литературной школѣ, какъ „Герой нашего времени". — На какомъ же это основаніи?—На томъ, что всѣ ихъ главныя лица „лишніе люди", не находящіе себѣ счастія и благотворнаго труда въ жизни. Послѣ того и „Гамлетъ", вѣроятно, покажется написаннымъ подъ вліяніемъ литературной школы, къ которой принадлежалъ Лермонтовъ, — вѣдь Гамлетъ тоже лишній человѣкъ. Какимъ же образомъ явилась эта натяжка? Г. Дудышкинъ предполагаетъ, во-первыхъ, что всѣ главныя лица мужескаго пола во всѣхъ повѣстяхъ г. Тургенева, отъ „Андрея Колосова" до „Рудина"— изображаются г. Тургеневымъ, какъ идеалы;—во-вторыхъ, что всѣ эти лица списаны съ одного и того же типа. Вотъ до какихъ предубѣжденій доводитъ односторонняя теорія! Но какое же сходство между Пасынковымъ и Вязовкинымъ, между Рудинымъ и Бреттеромъ? и возможно ли сказать, что хотя одно изъ этихъ лицъ выставлено идеаломъ? Ничего подобнаго и не бывало. И какое же сходство между мыслью тѣхъ повѣстей, въ которыхъ дѣйствуютъ эти лица, и мыслью „Героя нашего времени?" Всѣ выводы эти основаны на недоразумѣніи. Г. Дудышкинъ читалъ въ старыхъ „Отечеств. Запискахъ" и въ первыхъ годахъ „Современника", что Евгеній Онѣгинъ смѣнился въ нашемъ обществѣ и литературѣ Печоринымъ, Печоринъ—Бельтовымъ,—недавно прочелъ онъ въ „Современникѣ", что за этими типами послѣдовалъ Рудинъ—онъ вздумалъ развить эту параллель,—но понялъ ее вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ она высказывалась; ему вздумалось, что Печоринъ списокъ съ Онѣгина, что Бельтовъ—списокъ съ Печорина,—естественнымъ продолженіемъ такой ошибки было, что и въ Рудинѣ ему вздумалось видѣть списокъ съ Печорина. Но параллель между ими проводилась вовсе не затѣмъ, чтобы показать ихъ единаковость—сходства между этими четырьмя людьми четырехъ разныхъ эпохъ общественнаго развитія, вовсе нѣтъ—а затѣмъ, чтобы показать различіе между характеромъ эпохъ, которымъ принадлежатъ они. Онѣгинъ скучаетъ потому, что онъ, хотя и добрый, но въ сущности пустой человѣкъ, начитавшійся Байрона и избалованный обществомъ. Чего ему хочется, о чемъ онъ тоскуетъ—онъ самъ не знаетъ,—а въ сущности онъ скучаетъ о томъ, что не о чемъ ему погоревать серьезно, о томъ, что въ головѣ у него нѣтъ сильной мысли, а сердце его износилось отъ волокитства. Печоринъ человѣкъ совершенно другаго ха-

Digitized by Google

рактера и другой степени развитія. У него душа дѣйствительно очень сильная, жаждущая страсти; воля у него дѣйствительно твердая, способная къ энергической дѣятельности,—но онъ заботился только лично о самомъ себѣ. Никакіе общіе вопросы его не занимаютъ. Надобно ли говорить, что Бельтовъ совершенно не таковъ, что личные интересы имѣютъ для него второстепенную важность? Но Бельтовъ еще не находитъ никакого сочувствія себѣ въ обществѣ, и мучится тѣмъ, что ему совершенно нѣтъ поля для дѣятельности. Всѣ эти три типа были изображены, какъ идеалы. Рудинъ изображенъ вовсе не идеаломъ—только въ концѣ повѣсти авторъ нѣсколько смягчается къ выведенному имъ типу и, думая, что уже съ достаточною силою выставилъ его недостатки, говоритъ, что было въ немъ и нѣчто хорошее,—именно, его пламенная ревность трудиться, трудиться неутомимо,—но, прибавляетъ онъ, возвращаясь къ прежней точкѣ зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на него во все продолженіе разсказа,—но эта ревность мало принесла пользы, потому что у Рудина не доставало практическаго такта, не было умѣнья взяться съ надлежащей стороны за дѣло. Вы видите разницу между Рудинымъ и Бельтовымъ: одинъ — натура созерцательная, бездѣйственная, быть можетъ потому, что еще не приходило время являться людямъ дѣятельнымъ. Другой трудится, трудится неутомимо,—но почти безплодно. Еще менѣе возможно найти сходство между Рудинымъ и Печоринымъ: одинъ —эгоистъ, не думающій ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ наслажденій; другой—энтузіастъ, совершенно забывающій о себѣ и весь поглощаемый общими интересами; одинъ живетъ для своихъ страстей, другой—для своихъ идей. Это люди различныхъ эпохъ, различныхъ натуръ, —люди, составляющіе совершенный контрастъ одинъ другому. Скорѣе вы найдете сходство между Донъ-Кихотомъ и Манфредомъ, между Фаустомъ и Донъ-Жуаномъ, нежели между Рудинымъ и Печоринымъ или Онѣгинымъ, который еще дальше отъ Рудина.

Какимъ же образомъ можно было сказать, что Рудинъ не представляетъ ничего новаго послѣ Печорина и Онѣгина? въ немъ все ново, отъ его идей до его поступковъ, отъ его характера до его привычекъ. Мы здѣсь не можемъ пересматривать всѣхъ повѣстей г. Тургенева съ ихъ дѣйствующими лицами,—но довольно и этого одного примѣра, чтобы видѣть, до какихъ странныхъ ошибокъ довело г. Дудышкина ошибочное развитіе мысли, вычитанной имъ въ старыхъ „Отеч. Запискахъ“, но не понятой имъ. Скажите, какимъ образомъ можно соединять въ одинъ типъ съ Печоринымъ, Онѣгинымъ, Бельтовымъ (которые и по себѣ представляются каждый особеннымъ типомъ) не только Рудина, но точно также и Астахова (въ „Затишьѣ“)—этого бездушнаго пошлеца, который свою низость и безчувственность прикрываетъ европейскими фразами и приличными манерами,—и Вязовкина (въ „Двухъ пріятеляхъ“), человѣка хорошаго и образованнаго, но вовсе не мечтательнаго и наклоннаго къ тихому, счастливому успокоенію среди самой будничной обстановки? Все это люди совершенно различныхъ типовъ.

Какимъ образомъ произошла эта странная ошибка, спутавшая въ одинъ портретъ черты совершенно различныхъ людей? Г. Дудышкинъ увлекся

Digitized by Google

теоріею о необходимости „примирять идеалъ съ его обстановкою“ и мыслью, впрочемъ прекрасною, о необходимости „трудиться“. Въ этомъ увлеченіи создалась у него довольно любопытная эстетическая система, которую изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Что такое значитъ „человѣкъ долженъ гармонировать съ обстановкою?“ Вотъ что: если у васъ есть тетка или бабушка, держите себя такъ, чтобы она была вами довольна; если у васъ есть начальникъ, держите себя такъ, чтобы онъ отзывался о васъ: „славный человѣкъ NN“; если у васъ есть сосѣди, живите съ ними въ пріятельскихъ отношеніяхъ; если вы еще не женаты, то женитесь на первой дѣвушкѣ, которую сосѣдскія сплетни объявятъ вашею невѣстою; иначе, тетка будетъ вами недовольна, начальникъ не дастъ вамъ повышенія, сосѣди объявятъ васъ фармазономъ, дѣвушка, на которой сосѣди вздумали женить васъ, подвергнется осужденію за то, что не умѣла удержать жениха,—всѣ будутъ вами недовольны, и будетъ ясно, какъ дважды-два четыре, что „вы не годитесь для окружающей васъ обстановки“, что вы „лишній человѣкъ“, что вы даже пустой и жалкій человѣкъ.

Что такое значитъ: „трудиться“?—трудиться значитъ быть расторопнымъ чиновникомъ, распорядительнымъ помѣщикомъ — значитъ устроивать свои дѣла такъ, чтобы вамъ было тепло и спокойно, не нарушая, однако же, при этомъ устроеніи своихъ дѣлишекъ, условія, которыя соблюдаетъ всякій порядочный и приличный человѣкъ.

Если вы недовольны такими правилами, вы не годитесь для окружающей васъ обстановки, вы не хотите трудиться, вы опять таки пустой и праздношатающійся человѣкъ.

Г. Дудышкинъ въ статьѣ, о которой мы говоримъ, такъ увлекся этою теоріею „гармоніи съ обстановкою“, что чей бы разсказъ ни попался ему подъ руку, онъ тотчасъ отъискиваетъ главное лицо мужескаго пола и спрашиваетъ его: „гармонируешь ли ты съ обстановкою?“—„трудишься ли ты?“ Герои Баратынскаго и Пушкина, Лермонтова и г. Тургенева—всѣ одинаково конфузятся отъ этихъ вопросовъ—не очевидно ли, что всѣ они люди одного и того же разряда, всѣ—портреты съ одного и того же типа. Если бы продолжить такое слѣдствіе и допросить по двумъ вышеприведеннымъ пунктамъ героевъ Шекспира и Лопе де Веги, Гете и Корнеля, Байрона и Софокла, всѣ они были бы точно также переконфужены, не умѣли ничего отвѣчать въ свою защиту, оказались бы подходящими подъ одинъ и тотъ же типъ „людей не трудящихся и не гармонирующихъ съ обстановкою“,—словомъ сказать, оказались бы ни болѣе, ни менѣе, какъ передѣлками лермонтовскаго Печорина, и вмѣстѣ съ нимъ подверглись бы строгому осужденію.

Вотъ до какихъ результатовъ доводитъ даже умнаго человѣка желаніе построить систему на основаніи не понятой имъ мысли.

Достигнувъ открытія, что главныя дѣйствующія лица г. Тургенева „не гармонируютъ съ обстановкою“, онъ не считаетъ уже нужнымъ разсматривать, дѣйствительно ли эти лица изображались г. Тургеневымъ, какъ идеалы, какъ люди безукоризненно дѣйствующіе и вполнѣ удовлетворяющіе своими поступками его воззрѣнію на жизнь,—или г. Тургеневъ изображалъ своего Вязовкина, Рудина и проч. вовсе не идеальными, а простыми людьми, имѣю-

Digitized by Google

щими и дурныя и хорошія качества, поступающими въ иныхъ случаяхъ умно и благородно, въ иныхъ ошибочно,—нѣтъ, онъ воображаетъ, что всѣ они были идеалами автора, и каждое ихъ слово принимаетъ выраженіемъ понятій самого автора.

Если не объяснять эту ошибку запутанностью понятій, до которой довела его система „гармоніи съ обстановкою", то мы не знаемъ, чѣмъ и объяснить ее. Да и вообще мы не можемъ объяснить многихъ мѣстъ въ статьѣ г. Дудышкина никакими литературными основаніями. Она производитъ самое странное впечатлѣніе,—видно, что критику хочется сказать что-то такое, чего онъ не рѣшается высказать прямо, — видно, что онъ старается какъ-нибудь примирить тѣ сужденія, которыя принадлежатъ исключительно ему, съ мнѣніемъ, которое непоколебимо утвердилось въ публикѣ о произведеніяхъ г. Тургенева. Онъ кружится около мысли, которую хотѣлъ бы, но не отваживается высказать, намекаетъ на нее,—старается особенно распространяться о тѣхъ произведеніяхъ г. Тургенева, которыя слабѣе другихъ,— о лучшихъ его произведеніяхъ онъ или старается сказать какъ можно меньше, или вовсе не говоритъ,—видно, что ему хочется пошатнуть нѣчто такое, до чего не ловко ему коснуться. Видно, что ему хотѣлось бы возобновить сужденія „Москвитянина" и „Московскихъ Сборниковъ" о талантѣ и произведеніяхъ г. Тургенева, но что онъ не рѣшается этого сдѣлать... Почему жъ бы не говорить прямо? Или опасеніе возбудить противъ себя общественное мнѣніе мѣшаетъ ему сдѣлать это? Къ счастію, у насъ есть общественное мнѣніе. Оно слабо,—но все-таки оно уже приноситъ большую пользу нашей литературѣ,—теперь никто не отважится открыто возставать противъ таланта, признаннаго общественнымъ мнѣніемъ. Великое дѣло общественное мнѣніе.

Мы не заговорили бы вовсе о январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ", если бы кромѣ вещей, которыхъ нельзя одобрить, не должны были указать въ ней другую статью, достоинства которой заставили насъ обратить вниманіе на эту книжку. Мы говоримъ о „Богданѣ Хмельницкомъ" г. Костомарова.

„Богданъ Хмельницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи"—обширное историческое сочиненіе, которое должно упрочить за ученымъ авторомъ одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими историками. Трудолюбивыхъ изслѣдователей у насъ довольно много; но мало людей, которые по всей справедливости заслуживали бы имя замѣчательныхъ ученыхъ, потому что для этого мало трудолюбія и учености,—нужна, кромѣ того, особенная сила ума, нужна широта и проницательность взгляда, нужно соединеніе слишкомъ многихъ и слишкомъ рѣдкихъ качествъ. Своимъ „Богданомъ Хмельницкимъ" г. Костомаровъ доказалъ, что принадлежитъ къ подобнымъ людямъ.

Исторія возвращенія Малороссіи къ русскому царству, представляя великій интересъ по важности предмета, съ тѣмъ вмѣстѣ требуетъ и большаго критическаго таланта, потому что ея событія дошли до насъ въ видѣ, искаженномъ пристрастіемъ поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ. Многія несправедливыя мнѣнія и о характерѣ лицъ, и о смыслѣ событій укоренились до такой степени, что трудно побѣдить въ себѣ предубѣжденія, ими

Digitized by Google

поселенныя. Г. Костомаровъ счастливо боролся съ этою трудностью, — онъ очистилъ исторію временъ Богдана Хмельницкаго отъ множества ошибочныхъ взглядовъ и ложныхъ разсказовъ. Внимательно и полно изучилъ онъ источники, изъ которыхъ многіе въ первый разъ открыты его неутомимыми изъисканіями, провѣрилъ каждый фактъ, каждое слово, обнаружилъ истинныя отношенія лицъ, сословій и племенъ, о которыхъ мы до сихъ поръ имѣли самыя сбивчивыя понятія, и, наконецъ, передалъ результаты своихъ изъисканій въ блестящемъ, истинно драматическомъ разсказѣ, совершенно объективномъ. Ученые оцѣнятъ въ его сочиненіи ученость, безпристрастіе, проницательность и вѣрность взгляда; большинство публики прочтетъ его исторію съ жадностью, по увлекательности изложенія, въ которомъ г. Костомаровъ едва ли имѣетъ себѣ соперниковъ. Мы надѣемся не одинъ разъ возвратиться къ его сочиненію, котораго только начало помѣщено въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ". Теперь мы скажемъ только, что очень давно не читали на русскомъ языкѣ ничего подобнаго.

Кромѣ „Богдана Хмельницкаго", надобно замѣтить въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" статью г. Забѣлина „Черты русской жизни въ XVII-мъ столѣтіи", отличающуюся достоинствами, которыя мы привыкли находить во всѣхъ его изслѣдованіяхъ.

Мы не могли не хохотать отъ души, читая первую часть повѣсти „Столичные родственники", которую г. Григоровичъ, исполняя свое обѣщаніе, помѣстилъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" (№ 1). — Это водевильный, шаржированный разсказъ, съ начала до конца проникнутый легкою, неподдѣльною веселостью,—разсказъ безъ всякихъ претензій, кромѣ одного желанія нарисовать нѣсколько живыхъ каррикатуръ. Промотавшіеся Фуфлыгины, съ тремя тысячами серебромъ, оставшимися послѣ продажи имѣнья, отправляются въ Петербургъ, по совѣту столичныхъ родственниковъ, въ надеждѣ поправить свои дѣла, получивъ выгодное мѣсто. И вотъ они изъ экономіи ѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ третьихъ мѣстахъ, а между тѣмъ желаютъ сохранить аристократическій тонъ, даже, если можно, показать на станціяхъ, что они ѣдутъ въ первомъ классѣ,—этимъ начинаются ихъ приключенія. Дружескій разговоръ самого Фуфлыгина съ сосѣдомъ, который кажется ему и его супругѣ столичнымъ львомъ, а оказывается лакеемъ какого-то графа,— потомъ дружба мадамъ Фуфлыгиной съ дамою, которая объясняетъ, какъ она, женщина, благородное, возвышенное созданіе, увлекалась въ жизни, и между прочимъ, жила съ извергомъ—старикомъ, который приревновалъ ее, благородное, возвышенное созданіе, къ молодому человѣку, у котораго деликатная натура,—затруднительное положеніе г-жи Фуфлыгиной въ семейномъ вагонѣ, который занятъ хорошенькою женщиною съ двумя поклонниками ея прелестей, и изгнаніе г-жи Фуфлыгиной изъ этого вагона зоркимъ кондукторомъ—всѣ эти сцены забавны, разсказаны живо и весело, — а потомъ сцены между Фуфлыгиными и юнымъ львомъ Коко, ихъ родственникомъ, развязно объясняющимъ Фуфлыгину, при его супругѣ, что г-жа Фуфлыгина очень хорошо сложена, и потомъ приглашающимъ своихъ новопріѣзжихъ родственниковъ провести вечеръ у Дюссо, куда онъ привезетъ одну очаровательную женщину,—потомъ этотъ несравненный Пигуновъ, другой род-

Digitized by Google

ственникъ Фуфлыгиныхъ, человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ и страстною любовью къ своей доброй женѣ, ангелу женѣ, съ біеніемъ себя въ грудь разсказывающій всѣмъ, какъ онъ мучится страданіями ангела жены, въ которыхъ признаетъ себя виновнымъ, при этомъ выпрашивающій у всѣхъ деньги, чтобы прокормить жену и дѣтей, и потомъ пропадающій съ деньгами, оставляя ангела жену безъ гроша, — наконецъ, третій родственникъ Фуфлыгиныхъ, практическій и благонамѣренный Мирзоевъ, объясняющій, какъ онъ самъ получилъ и какъ Фуфлыгинъ долженъ получить черезъ просьбу жены доходное мѣсто при какой-то компаніи на акціяхъ—всѣ эти сцены ведены быстро и весело, всѣ эти лица кажутся живыми, знакомыми, не смотря на то, что шаржированы. А жалкая ангелъ жена нѣжнаго Пигунова, бѣдно одѣтая, больная женщина, съ ячменемъ на глазу и голодными, оборванными дѣтьми около себя, напоминаетъ вамъ, что всякая пошлость и глупость одного изъ насъ отзывается страданіемъ на другомъ... и вы предчувствуете, что скоро придется плохо и самимъ Фуфлыгинымъ. Что-то будетъ съ этими провинціальными чудаками, среди Пигунова, Коко, Мирзоева и столичной дороговизны во всемъ?

„Столичные родственники“ — едва ли не самый удачный изъ всѣхъ шутливыхъ разсказовъ г. Григоровича.

Digitized by Google

КРИТИКА.

Собраніе писемъ Царя Алексѣя Михайловича, *съ приложеніемъ „Уложенія Сокольничья Пути“ и проч., издалъ* Петръ Бартеневъ. *Москва. 1856.*

Съ самаго начала, скажемъ прямо, что статья наша написана не о книгѣ, изданной г. Бартеневымъ, а только по поводу ея. Книга эта вовсе не такъ важна, чтобы нужно было много говорить о ней. Письма, собранныя г. Бартеневымъ, всѣ уже были напечатаны,—новаго ничего не нашелъ или не хотѣлъ искать онъ, и едва ли была особенная надобность перепечатывать матеріалы, уже напечатанные въ изданіяхъ, доступныхъ всѣмъ изслѣдователямъ, и, по правдѣ говоря, не представляющіеся слишкомъ важными для историка. Г. Бартеневъ думаетъ иначе, — онъ считаетъ изданія, въ которыхъ были напечатаны письма Алексѣя Михайловича, рѣдкими,—но съ этимъ трудно согласиться: что же за рѣдкость „Акты“ Археографической Экспедиціи и Археографической Коммиссіи (въ которыхъ напечатаны письма къ Матюшкину), „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“ (въ которомъ напечатано „Уложеніе Сокольничья Пути“), „Акты Археографической Экспедиціи“ и „Чтенія въ Обществѣ Исторіи“ (въ которыхъ напечатаны письма къ Никону), „Акты Археографической Экспедиціи“, „Москвитянинъ“ 1851 года (иное дѣло, еслибъ то былъ „Москвитянинъ“ 1856 года, составляющій, дѣйствительно, чрезвычайную рѣдкость) и „Описаніе Рукописей Румянцевскаго Музея“ (въ которыхъ напечатаны остальныя письма)—всѣ эти книги трудно считать рѣдкими. Трудно также согласиться, чтобы письма, собранныя теперь г. Бартеневымъ, имѣли слишкомъ большую важность для исторіи,—письма къ Никону, дѣйствительно, интересны по содержанію, хотя не представляютъ особенно важныхъ новыхъ фактовъ,—о большей части другихъ писемъ нельзя сказать и того, чтобъ они были даже особенно любопытны. Ни одного важнаго факта они не содержатъ, ни одной новой черты въ характерѣ царя Алексѣя Михайловича не открываютъ. Все, что мы читаемъ въ нихъ, мы знали-бъ и безъ нихъ—именно, что Алексѣй Михайловичъ былъ государь умный и правдивый, имѣлъ доброе сердце, любилъ соколиную охоту и уважалъ Никона.

Но если бы книга г. Бартенева и была такъ важна, чтобы заслуживать подробнаго разбора, теперь было бъ уже излишнимъ много говорить о

Digitized by Google

ней, послѣ того, какъ г. Забѣлинъ (въ № 1 „Отечественныхъ Записокъ" нынѣшняго года) далъ очень основательную оцѣнку ея и показалъ какъ неполноту плана, по которому составленъ этотъ сборникъ, такъ и недостатокъ критики и частую ошибочность понятій въ примѣчаніяхъ, составленныхъ къ изданнымъ въ ней письмамъ и „Уложенію Сокольничья Пути".

Мы не хотѣли писать разбора книги, а еслибъ и думали сдѣлать это, то уже опоздали бъ съ своимъ трудомъ. Но мы хотѣли воспользоваться появленіемъ книги г. Бартенева для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о томъ времени, къ которому относятся собранныя въ ней письма. Въ примѣчаніяхъ, которыми сопровождаются эти письма, сильно отразился такъ называемый славянофильскій взглядъ, видящій до-петровскую эпоху въ свѣтѣ, гораздо болѣе выгодномъ, нежели въ какомъ представляется она всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ за исключеніемъ славянофиловъ, и вызывающій жестокія опроверженія со стороны всѣхъ людей, знакомыхъ съ исторіею,— за исключеніемъ опять только славянофиловъ. Мы хотѣли сказать нѣсколько словъ о русскомъ бытѣ въ XVII вѣкѣ.

Но при этомъ мы вовсе не имѣли въ виду оспоривать мнѣнія славянофиловъ о древней Руси—мнѣнія эти находятъ себѣ такъ много противниковъ (опирающихся на тѣ книги, которыя г. Бартеневъ считаетъ рѣдкими,— на изданія Археографической Коммиссіи и „Полное Собраніе Законовъ") и такъ мало защитниковъ, что, по нашему мнѣнію, вовсе нѣтъ надобности сильно огорчаться ошибками, въ которыя впадаютъ славянофилы при этомъ случаѣ; ошибки эти безвредны, потому что не находятъ себѣ ни сочувствія въ обществѣ, ни такихъ послѣдователей, потеря которыхъ для безпристрастной разработки русской исторіи могла бы считаться прискорбною утратою для науки.

Нѣтъ, мы вовсе не считаемъ нужнымъ къ тысячѣ возраженій и опроверженій, вызванныхъ славянофильскими особенностями понятій о русской исторіи, присоединять еще новое, тысяча-первое. Мы хотимъ не для спеціалистовъ, а для большинства публики,—сказать нѣсколько словъ объ одной чрезвычайно важной отрасли свѣдѣній относительно стараго русскаго быта,— объ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей. Ученые пользуются для своихъ изслѣдованій этими источниками съ полнымъ сознаніемъ ихъ драгоцѣнности и уже, конечно, не нуждаются для этого въ чьихъ либо наставленіяхъ и указаніяхъ. Но массѣ публики матеріалы, представляемые сочиненіями иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, къ сожалѣнію, не такъ доступны, какъ бы того надлежало желать,—мы хотѣли бы обратить вниманіе на этотъ чрезвычайно чувствительный недостатокъ.

Вмѣсто того, чтобы перепечатывать матеріалы, которые давно уже напечатаны въ изданіяхъ, доступныхъ каждому, не лучше ли было бы позаботиться объ изданіи на русскомъ языкѣ важнѣйшихъ сочиненій, написанныхъ о старой Руси иноземцами? По своей драгоцѣнности для изученія нашего стариннаго быта, они важны не менѣе, нежели наши отечественные источники, быть можетъ, даже важнѣе ихъ. Герберштейнъ и Олеарій, конечно, не уступаютъ обиліемъ и драгоцѣнностью сообщаемыхъ ими фактовъ самому Кошихину, и далеко превосходятъ его наблюдательностью и проницательностью.

Digitized by Google

Говоря это, мы повторяемъ то, что думаетъ каждый изслѣдователь русской старины. Но изъ числа читателей, не занимавшихся спеціально этимъ дѣломъ, вѣроятно, найдутся нѣкоторые, готовые уже возразить: „Но иноземные путешественники большею частью смотрѣли на насъ глазами, предубѣжденными не въ нашу пользу, и слишкомъ мало знали нашъ бытъ“.

Такое предубѣжденіе противъ достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ иноземными писателями о старой Руси, совершенно несправедливо. Въ XVI, въ XVII вѣкѣ не было у Западной Европы и не могло быть никакихъ причинъ чувствовать недоброжелательство къ русскому царству или русскому народу. У насъ не было никакихъ политическихъ столкновеній съ Франціею, Австріею или Англіею; онѣ и не предчувствовали, что наше могущество или расширеніе нашихъ предѣловъ на югъ и западъ можетъ когда нибудь возбудить ихъ зависть. Напротивъ, торговыя выгоды внушали англичанамъ естественное благорасположеніе къ странѣ, сношенія съ которою доставляли имъ значительную пользу. Австрія дорожила нами, какъ своими естественными союзниками противъ турокъ. Вся Германія, посылая на службу къ намъ столько тысячъ своихъ сыновей, не могла не чувствовать расположенія къ государству, кормившему многочисленную ея колонію; всѣ остальные народы Западной Европы, имѣя болѣе или менѣе многочисленныхъ соотечественниковъ въ этой же самой московской колоніи, питали къ намъ подобное же чувство. Вражда къ намъ могла въ XVII вѣкѣ существовать только у ближайшихъ нашихъ сосѣдей—шведовъ и поляковъ,—но какое вліяніе имѣло мнѣніе этихъ народовъ на образъ мыслей Западной Европы? Ровно никакого.

Съ Петра Великаго положеніе дѣлъ измѣняется. Россія принимаетъ участіе въ европейской политикѣ и, смотря по ходу дипломатическихъ отношеній, имѣетъ каждое изъ государствъ Западной Европы то въ числѣ друзей, то въ числѣ недруговъ,—но до Петра Великаго, повторяемъ, не имѣя никакихъ столкновеній съ европейскими политическими дѣлами, не возбуждая никакихъ опасеній, она не могла ожидать и, дѣйствительно, не находила въ народахъ и правительствахъ Западной Европы никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ готовности къ благорасположенію, которое постоянно и обнаруживалось ими при всѣхъ случаяхъ. Западные послы всегда являлись къ намъ съ какими нибудь дружественными предложеніями, если не просто съ деликатными, предупредительными поздравленіями и подарками; наши послы всегда бывали принимаемы въ западныхъ государствахъ дружелюбно и ласково, какъ дорогіе гости, которыхъ всѣ правительства радушно готовы были баловать. При такихъ отношеніяхъ никакъ нельзя предполагать возможность систематической вражды къ намъ въ западныхъ путешественникахъ XVI и XVII столѣтій.

„Но они были предубѣждены, что мы народъ грубый, невѣжественный“,—это ужъ совсѣмъ иное дѣло. Мнѣніе о степени народной образованности вовсе не то, что любовь или нелюбовь къ народу. Мы не будемъ говорить о томъ, справедливо ли было общее мнѣніе Западной Европы о низкой степени нашего образованія, и замѣтимъ только, что, еслибъ даже было оно несправедливо, и тѣ понятія о нашемъ невѣжествѣ, съ которыми

Digitized by Google

иноземецъ XVII вѣка въѣзжалъ въ Россію, были совершенно неосновательны, это отразилось бы въ его путевыхъ замѣткахъ самымъ выгоднымъ для насъ образомъ. Чѣмъ меньше человѣкъ ожидаетъ найти, тѣмъ выше оцѣниваетъ онъ найденное: у кого велики ожиданія, тотъ строгъ; чѣмъ менѣе ожиданій, тѣмъ болѣе бываетъ снисходительности. Никто не восхищается, находя въ парижскомъ Институтѣ людей, хорошо знающихъ астрономію; но никто не можетъ безъ восторга говорить о курскомъ мѣщанинѣ, составлявшемъ таблицы затмѣній, потому что никто не ожидалъ найти между курскими горожанами астрономовъ. Такъ было и съ иноземными путешественниками въ Россіи XVII вѣка,—все хорошее, что они могли замѣтить, они выставляютъ на видъ сильнымъ образомъ, именно потому, что приготовились къ самымъ умѣреннымъ требованіямъ, которымъ легко удовлетворить, которыя легко превзойти. Они хвалятъ природную красоту лица русскихъ, удивляются ихъ благотворительности, восхищаются ихъ здравымъ смысломъ и проницательностью, замѣчаютъ въ нихъ сильное расположеніе къ просвѣщенію, удивляются образованности Матвѣева, благоговѣютъ передъ геніальностью и благими планами Голицына, съ умиленіемъ превозносятъ кротость царя Алексѣя Михайловича. Все, что могутъ замѣтить они хорошаго въ Россіи, возбуждаетъ въ нихъ самый живой интересъ и самое дружеское участіе.

„Но если они говорили и безпристрастно, или, скорѣе, даже съ готовностью нѣсколько выше мѣры хвалить хорошее въ насъ, то съ достаточнымъ ли знаніемъ дѣла они говорили? Иные утверждаютъ, будто они не понимали и не знали насъ“. Само собою разумѣется, что изъ нѣсколькихъ сотъ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, многіе были люди не достаточно наблюдательные или проницательные, многіе не имѣли достаточно времени, чтобы хорошо узнать описываемую страну,—но не о нихъ, конечно, идетъ рѣчь, на нихъ никто и не проситъ обращать вниманіе. Но такіе люди, какъ Герберштейнъ, Флетчеръ, Олеарій, Мейербергъ и многіе другіе, были люди замѣчательнаго ума и проницательности и имѣли довольно времени, чтобы хорошо узнать насъ.

Но лучше всего можетъ разсѣять всякія предубѣжденія противъ достовѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ важнѣйшими изъ иноземныхъ писателей о Россіи, знакомство съ этими извѣстіями, еще слишкомъ мало извѣстными у насъ людямъ, не занимающимся спеціально разработкою русской исторіи и не имѣющимъ охоты и времени отъискивать старинные фоліанты и утомлять себя чтеніемъ поддѣльной латыни и устарѣлаго нѣмецкаго или англійскаго слога. Всѣ наши домашніе источники едва ли могутъ доставить намъ столько вѣрныхъ и важныхъ замѣчаній о старинномъ русскомъ бытѣ, какъ разсказы иноземныхъ писателей.

Чтобы доказать справедливость этого мнѣнія людямъ, не имѣвшимъ случая читать въ подлинникѣ Герберштейна, Олеарія, Нёвилля, Вебера, Корба, и проч., мы сообщимъ здѣсь краткій очеркъ частнаго быта русскихъ въ XVI—XVII вѣкахъ, составленный исключительно по иноземнымъ писателямъ и заимствуемый нами изъ компиляціи знаменитаго полигистора Мейнерса,—„Vergleichung des ältern und neuern Russlandes etc. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber, von C. Meiners. Leipzig.

Digitized by Google

1798".—Само собою разумѣется, что книга о Россіи, составленная человѣкомъ, никогда не бывавшимъ въ Россіи, не можетъ не заключать въ себѣ нѣкоторыхъ мелкихъ ошибокъ и особенно опечатокъ въ собственныхъ именахъ,—но по всей справедливости надобно сказать, что, несмотря на всѣ свои опечатки и мелочныя недоразумѣнія, Мейнерсъ лучше познакомитъ своего читателя съ Россіею, нежели цѣлыя сотни русскихъ книгъ, въ которыхъ собственныя имена напечатаны безъ ошибокъ.

Впрочемъ, и то сказать, что сравнивать книгу Мейнерса въ нашей литературѣ до сихъ поръ ровно не съ чѣмъ,—вѣдь мы до сихъ поръ не имѣемъ сочиненія, которое изображало бы намъ бытъ старой Руси въ полной картинѣ,—если не считать „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ" Успенскаго, сочиненіе, которое, впрочемъ, никѣмъ и не принимается въ счетъ, когда дѣло идетъ о русской исторіи.

Предварительно замѣтимъ, что Мейнерсъ вообще очень сильно расположенъ въ пользу Россіи, и компиляцію свою составилъ онъ главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы защитить Россію искуснѣе и лучше, нежели какъ то дѣлали иные неловкіе панегиристы ея изъ западныхъ писателей, возбуждавшіе только недовѣрчивость и вызывавшіе въ разсудительныхъ читателяхъ невыгодное мнѣніе о странѣ, которую хвалили съ очевиднымъ нарушеніемъ и правды и правдоподобія. Мейнерсъ хочетъ своею компиляціею защитить Россію и отъ ея хулителей и отъ тѣхъ панегиристовъ, похвала которыхъ опаснѣе самой брани.

Мы не будемъ касаться тѣхъ главъ его книги, въ которыхъ излагаются такъ называемыя государственныя древности, — это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а ограничимся только извлеченіемъ изъ главъ, касающихся частнаго быта, — и тутъ, впрочемъ, оставляя въ сторонѣ всѣ описанія обрядовъ, — свадебъ и т. п., и обращая вниманіе исключительно на черты нравовъ.

Читатели, сравнивая факты, сообщенные иноземцами о старинѣ, съ тѣмъ, что извѣстно каждому изъ насъ, знакомому съ бытомъ сословій, не принявшихъ европейскаго образа жизни, могутъ судить, вѣрно ли изображали нашъ старинный бытъ путешественники, подобные Олеарію и другимъ названнымъ нами выше. Тѣхъ, которые вздумали бы сомнѣваться въ вѣрности того или другаго изъ дѣлаемыхъ ими замѣчаній, мы просимъ подумать о томъ, не существуютъ ли до сихъ поръ остатки указаннаго ими факта народныхъ привычекъ и понятій въ тѣхъ классахъ, которые справедливо считаются наиболѣе сохранившими старину въ своихъ нравахъ и идеяхъ.

По тѣлосложенію и чертамъ лица русскіе являлись путешественникамъ европейцами; врожденная, хотя чрезвычайно придавленная обстоятельствами. наклонность къ любознательности также убѣждала путешественниковъ, что въ Московіи живетъ народъ, близко родственный по складу ума другимъ европейцамъ. Но привычки и нравы, даже понятія русскихъ казались имъ напоминающими Азію. Теперь мы знаемъ, что это противорѣчіе формъ жизни съ характеромъ русской натуры происходило отъ обстоятельствъ историческаго развитія, что почти всѣ тѣ явленія, которымъ изумлялись европейцы,

Digitized by Google

были болѣзненными наростами въ народномъ организмѣ, образовавшимися подъ вліяніями чуждыми и враждебными славянскому характеру, между прочимъ, отъ угнетающаго сосѣдства съ кочевыми дикарями, — вліяніе этого тяжелаго сосѣдства, по мнѣнію проницательнѣйшихъ между нашими историками, не должно ограничивать однимъ фактомъ порабощенія Руси монголами,—уже раньше, вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ отъ половцевъ и ихъ предмѣстниковъ, въ народной жизни получили силу такія явленія, которыя были чужды ей и отъ которыхъ остался чистъ сѣверный край русской земли, отдаленный отъ кочевыхъ грабителей. Такъ, напримѣръ, новгородцы были люди, что называется, работящіе, промышленные, и остались совершенно чужды предразсудку, что праздность есть необходимая принадлежность знатности. Тоже надобно сказать и о многихъ другихъ чертахъ народной жизни. Азіатскаго и византійскаго въ нее вошло чрезвычайно много, такъ что народный духъ совершенно изнемогалъ подъ игомъ чуждыхъ вліяній.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ нашего сближенія съ Европою обыкновенно представляютъ вторженіе чуждыхъ элементовъ въ нашу жизнь,—это справедливо; но очень часто забываютъ прибавлять, что это вторженіе изгоняло другія, еще болѣе чуждыя нашей народной организаціи вліянія... Подчиненіемъ европейской жизни мы освобождались отъ гораздо болѣе тягостнаго подчиненія инымъ, не западно-европейскимъ и не славянскимъ народностямъ. Наша народная литература была придавлена иноземными вліяніями гораздо раньше сближенія нашего съ Западною Европою; такъ было и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни. Вѣрность старинѣ въ началѣ XVIII вѣка была просто вѣрностью болѣзненнымъ привычкамъ, навѣяннымъ на насъ предъидущими вліяніями. Сближеніе съ Европою не было отреченіемъ отъ самобытности (уже давно не существовавшей), а только переходомъ изъ одного, стѣснительнаго и безплоднаго подчиненія къ другому, плодотворному и болѣе легкому.

Но пора намъ отъ всѣхъ этихъ замѣчаній возвратиться къ Мейнерсу и его путешественникамъ. Привычки и нравы нашихъ предковъ казались имъ—и справедливо казались—чисто азіатскими. Начнемъ съ наружности. Красивая славянская организація, миловидное славянское лицо искажались, сообразно восточнымъ понятіямъ о красотѣ, такъ что русскій мужчина и русская женщина, могшіе слѣдовать требованіямъ тогдашняго хорошаго тона, придавали себѣ совершенно азіатскую наружность и совершенно монгольское безобразіе.

Подобно народамъ татарскаго и монгольскаго племенъ, русскіе считали тучность однимъ изъ главныхъ условій красоты. Когда бывалъ торжественный пріемъ иноземныхъ пословъ, во дворецъ призывались торговцы, отличавшіеся особенною полнотою тѣла, чтобы своимъ присутствіемъ усилить выгодное впечатлѣніе, производимое блескомъ двора (Петрей) *). Правдиво ли это замѣчаніе? Конечно; кто изъ насъ не слыхалъ отъ людей, не испорченныхъ западомъ, что красота мужчины въ дородствѣ; это понятіе до сихъ поръ живо въ простомъ народѣ; оно породило многія выраженія на-

*) Цитатъ мы не приводимъ,—онѣ могутъ быть найдены у Мейнерса.

Digitized by Google

одного языка, напримѣръ, „раздобрѣть“—значитъ растолстѣть. Коренное значеніе слова „дородство“—знатность; и такъ признакъ знатности—дородство. Чтобы пріобрѣсть это завидное качество, наши простодушные предки старались по больше спать послѣ обѣда, и въ томъ же соображеніи подпоясывались очень низко и слабо, чтобы поясъ не стѣснялъ живота и не мѣшалъ пищеваренію (Петрей). Простолюдины носятъ поясъ дѣйствительно очень низко и слабо, и объясняютъ этотъ способъ ношенія пояса тѣмъ, чтобы „не попять живота“ или „кишокъ“. Что послѣобѣденный сонъ содѣйствуетъ тому же результату, извѣстно у насъ каждому, обращавшемуся съ людьми, любившими этотъ способъ препровожденія времени. Итакъ, замѣчаніе иноземцевъ о главномъ условіи мужской красоты по старымъ русскимъ понятіямъ подтверждается; для женщинъ красота состояла въ томъ же качествѣ. Имѣть тонкую талію женщина считала такимъ же порокомъ, какъ и имѣть маленькія ножки (Нёвилль). Рѣдко случается слышать сужденія простаго народа о маленькихъ ножкахъ — онъ очень мало обращаетъ вниманія на этотъ предметъ, но когда заговоритъ о немъ, то дѣйствительно требуетъ полноты и прочности. Что же касается тонкости таліи, то, конечно, всякому извѣстно, что въ быту купцовъ и зажиточныхъ мѣщанъ, дѣвушка невѣста считается тѣмъ красивѣе, чѣмъ она толще; что на „поджарую“ или „сухопарую“ женихъ съ „неиспорченнымъ“ вкусомъ не польстится. Для достиженія этого совершенства женщины не щадили никакихъ жертвъ,—лежали на кровати цѣлый день, старались, если можно, и спать цѣлый день, и даже пили водку, отъ которой дѣйствительно тучнѣли (Нёвилль)—но это соблюдается до сихъ поръ; извѣстно, что еще полезнѣе простаго напитка для отучнѣнія считается настойка изъ сарсапарили, которую многія женщины и пьютъ цѣлыми стаканами ежедневно, безъ всякой нужды, кромѣ желанія быть тучными.

Извѣстно также, что пристрастіе къ безпрестанному наливанію себя чаемъ у купчихъ основывается на томъ разсчетѣ, чтобы разбухнуть отъ этого напитка, помогающаго добрѣнію, когда пьютъ его въ огромномъ количествѣ и не крѣпкій, а особенно съ прибавленіемъ рому. Такимъ образомъ и заморскіе обычаи обращены на служеніе эстетическому требованію старины. Гаме передаетъ, что часто слыхалъ отъ русскихъ женщинъ: „далъ бы Богъ быть дородной, а за красотой дѣло не станетъ“. Рексоллю говорили, что если въ женщинѣ меньше пяти пудовъ вѣса, то и красавицею нельзя назвать. Онъ прибавляетъ, что эти пятипудовыя красавицы имѣли тѣло жирное и дряблое,—это вещь извѣстная каждому, кто видывалъ красавицъ, образуемыхъ сарсапарилью, чаемъ и лежаніемъ на пуховикахъ. Не говоря о томъ, что имѣть черные зубы считалось принадлежностью хорошаго тона,—дѣйствительно, отъ бѣлилъ, употребляемыхъ нашими неиспорченными предками модницами, необходимо чернѣютъ зубы—стало быть, имѣть бѣлые зубы можетъ только женщина, не заботящаяся о своей красотѣ, не соблюдающая условій хорошаго тона; а женщины хорошаго тона румянились и чернились безъ всякой умѣренности, точно также безпощадно сурмили брови и ресницы,—даже расписывали на лицѣ жилки синей краскою,—все это и теперь можно видѣть. Веберъ (современникъ Петра Великаго) говоритъ, что

Digitized by Google

въ его время было еще въ свѣжей памяти, какъ русскія женщины расписывали себѣ лицо разными изображеніями деревьевъ, звѣрковъ и т. п. Иноземцы находили, что русскія женщины до безобразія расточительны на притиранья. Вообще путешественники съ большими похвалами отзываются о природной красотѣ русскихъ женщинъ, но говорятъ, что онѣ безобразятъ себя искусственною тучностью и безпощаднымъ раскрашиваньемъ лица. Пристрастіе къ очень частому употребленію бань было у нашихъ старинныхъ модницъ совершенно восточнымъ способомъ препровожденія времени; онѣ, какъ турецкія одалиски, очень скоро старились отъ неумѣренности въ этомъ развлеченіи.

Это пристрастіе къ банямъ не мѣшало общему восточному пороку— неопрятности, которая удивляла и смущала иноземцевъ. Мы ничего не будемъ говорить объ этомъ предметѣ, слишкомъ замѣтномъ каждому. Замѣтимъ только, что поразительнымъ явленіемъ для путешественниковъ были неизвѣстныя въ Европѣ насѣкомыя — тараканы, тогда, какъ и теперь, покрывавшіе потолки и стѣны, наполнявшіе поставцы и обѣденные столы. Путешественники разсказываютъ о нихъ съ ужасомъ, — и говорятъ, что ночью они страшно кусаются, — но русскіе изобрѣли средство приводить себя въ безопасность отъ этихъ укушеній: они клали на ночь кусочки хлѣба къ тѣмъ щелямъ, гдѣ особенно многочисленны стада таракановъ, и этою жертвою искупали свои бока. Таннеръ, который первый изъ путешественниковъ замѣтилъ этихъ враговъ, такъ надѣется заинтересовать Европу необычайностью своего открытія, что, не довольствуясь очень подробнымъ описаніемъ интереснаго насѣкомаго, срисовалъ его въ назиданіе нѣмцамъ.

Неопрятность доходила до небрежности, въ иныхъ случахъ преступной. Тотъ же Таннеръ разсказываетъ, что видѣлъ, какъ мать всовываетъ въ ротъ младенцу рожокъ съ коровьимъ соскомъ, совершенно уже почернѣвшимъ отъ того, что давнымъ давно началось его разложеніе. Когда онъ говорилъ матери, что давать младенцу такой сосокъ вредно, мать спокойно отвѣчала—„такой у насъ обычай",—что онъ сохранился доселѣ, знаютъ всѣ, имѣвшіе случай смотрѣть на кормленіе рожкомъ въ сословіяхъ, не знающихъ заморскаго слова „гигіена".

Что касается до нравственныхъ качествъ нашихъ предковъ, путешественникамъ казались русскіе самыми хитрыми людьми въ Европѣ. Рейтенфельсъ говоритъ: „русскіе хитрѣе всѣхъ европейцевъ, а москвичи хитрѣе всѣхъ русскихъ", — отчасти объясняется строгость этого замѣчанія тѣмъ, что путешественники имѣли дѣло преимущественно съ дьяками и подъячими, у которыхъ это качество было достояніемъ ремесла, и съ торговцами, которые также замѣняли плутовствомъ недостатокъ правильности, быстроты и обширности въ своихъ торговыхъ оборотахъ. Если мы будемъ имѣть въ виду это обстоятельство, то, конечно, намъ не будетъ повода сомнѣваться въ словахъ Рейтенфельса, — кто не имѣлъ случая повѣрить ихъ на дѣлѣ, вѣроятно знаетъ Гоголя, г. Островскаго и г. Щедрина; не надобно только упускать изъ виду, читая ихъ произведенія, что описываемые ими нравы и обычаи—наслѣдіе глубокой старины, въ чемъ могутъ увѣрить насъ иностранные путешественники. Тѣ путешественники, которые имѣли случай по-

Digitized by Google

знакомиться съ русскими людьми, говорятъ, что это народъ даровитый и очень легко пробуждающійся къ любознательности; и что если они оставались въ невѣжествѣ, то единственно вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Флетчеръ прибавляетъ, что поддержка невѣжества въ русскомъ народѣ была дѣломъ систематическаго плана: этимъ средствомъ бояре, подъячіе и пр. хотѣли предотвратить всякую возможность мысли о нововведеніяхъ, которыя были бы несогласны съ ихъ выгодами, — объясненіе, подтверждаемое всею исторіею XVII вѣка. Система эта имѣла двѣ стороны: такъ какъ необходимо было для различныхъ государственныхъ потребностей имѣть людей съ техническими знаніями—артиллеристовъ, инженеровъ и проч., и такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ не хотѣли допускать русскихъ къ образованію, то и держались такого плана: всѣхъ нужныхъ для государства техниковъ брать изъ-за границы, не допуская того, чтобы сами русскіе учились чему-нибудь. До Петра Великаго пріемъ иноземцевъ въ русскую службу былъ средствомъ къ предотвращенію развитія образованности между самими русскими. Подобное объясненіе находимъ и у Мейерберга. Борисъ Годуновъ и Никонъ, задумавъ нѣсколько отступить отъ этой системы, возбудили противъ себя общее неудовольствіе. Бояре, вѣрные хранители системы, находили для себя личную выгоду неуклонно поддерживать ее. Иноземцы не могли быть ихъ соперниками, а если бы явились образованные люди между русскими, то каждый бояринъ могъ опасаться, что они перебьютъ у него дорогу къ почестямъ.

Корбъ (современникъ Петра Великаго) приводитъ еще другую причину того, что до Петра Великаго не дозволяли русскимъ посѣщать Европу: бояре не хотѣли давать русскимъ возможности узнать, что въ Западной Европѣ больше благосостоянія, нежели въ Россіи. Нынѣшній царь (Петръ Великій) напротивъ желаетъ этого, прибавляетъ Корбъ, чтобъ они могли видѣть, чего имъ недостаетъ, и старались исправить свои недостатки.

Иноземцы, служившіе въ Россіи до Петра, были полезны государству, удовлетворяя его потребностямъ, но на развитіе самого народа не оказывали почти никакого вліянія, если исключить нѣкоторыя ереси, происхожденіе которыхъ приписывается вліянію лютеранъ, социніанъ или квакеровъ, но которыя находили себѣ очень мало послѣдователей, не имѣя ничего общаго съ русскимъ расколомъ. Планъ, объясняемый намъ наблюдательными иноземцами, основанъ былъ на томъ вѣрномъ разсчетѣ, что сами иноземцы, призываемые въ Россію, будутъ находить свою выгоду въ его соблюденіи: распространеніе знаній въ русскомъ народѣ прекратило бы необходимость въ иноземцахъ, и потому они дѣйствительно не имѣли ни малѣйшей охоты сообщать русскимъ свои знанія или возбуждать въ русскихъ любознательность: иноземцы, находившіеся въ русской службѣ, хранили свою образованность, какъ тайну своей касты, говорятъ о нихъ путешественники.

Изъ всѣхъ качествъ или привычекъ русскаго народа путешественники удивлялись болѣе всего терпѣливости русскихъ людей въ перенесеніи лишеній всякаго рода. Правда, смертность между взрослыми, и особенно между дѣтьми, была чрезвычайно велика, — но за то тѣ, которые оставались въ живыхъ, не боялись,—повидимому, не чувствовали—ни холода, ни внезап-

Digitized by Google

ныхъ переходовъ изъ зноя въ морозъ (не забудемъ знаменитаго обычая перевернуться въ снѣжномъ сугробѣ или окунуться въ проруби, соскочивъ съ баннаго полка—этого обычая, по мнѣнію иныхъ, даже нашихъ современниковъ, дающаго намъ право съ гордостью смотрѣть на хилое здоровье всякаго иноземца, даже англичанина или шведа, мускулы котораго сильнѣе нашихъ), не боялись и, повидимому, не чувствовали голода, могли, не морщась, кормиться самою несытною и тяжелою пищею и т. д. Чувства и желудокъ ихъ были уже привычны ко всему этому. Разсказы иноземцевъ совершенно противорѣчатъ повѣрью, которое полагаетъ, что въ старину Русь жила въ родѣ того, какъ мечтали иногда жить современные намъ простолюдины на рѣкѣ Дарьѣ, у которой берега кисельные, а вода сытовая: не говоря уже о частыхъ голодныхъ годахъ, и въ обыкновенные годы нищета была страшная. „Не думаю,—говоритъ одинъ путешественникъ,—чтобы на цѣломъ земномъ шарѣ нашелся народъ столь бѣдный, какъ жители Россіи. Множество несчастныхъ постоянно находятся тамъ въ опасности умереть съ голоду и, дѣйствительно, голодная смерть въ Россіи—ежедневный случай. Лѣтомъ многіе питаются травою и кореньями; древесною корою иногда питаются круглый годъ“. (Дженкинсонъ, въ половинѣ XVI вѣка).

„Народъ терпитъ такія притѣсненія и подвергается такимъ поборамъ,—говоритъ другой путешественникъ, посѣтившій Россію лѣтъ черезъ пятьдесятъ,—что въ каждой провинціи есть очень много совершенно запустѣвшихъ мѣстечекъ и деревень. Угнетеніе и поборы отнимаютъ у мѣщанъ и поселянъ всякую охоту заниматься своею работою съ усердіемъ. И если у какого-нибудь русскаго простолюдина есть что-нибудь цѣнное, онъ самымъ старательнымъ образомъ прячетъ эту вещь въ землю или отдаетъ въ монастырь,—какъ это бываетъ въ иныхъ земляхъ тогда, когда ждутъ непріятельскаго нашествія. Я самъ часто видѣлъ, какъ они, когда показывали намъ лучшую свою шубу или какую-нибудь другую цѣнную вещь, постоянно озирались, особенно посматривали на дверь, какъ будто каждую минуту боялись, что вотъ взойдетъ кто нибудь и отниметъ у нихъ эту вещь. Пьянство и лѣность развиваются въ русскихъ главнымъ образомъ отъ необезпеченности имущества. Они только о томъ и думаютъ, какъ бы изъ рукъ да прямо въ ротъ,—иначе, все равно, отнимутъ же у нихъ, полагаютъ они. Потому-то и всѣ русскіе продукты—сало, кожи, воскъ, медъ вывозятся за границу гораздо въ меньшихъ количествахъ, нежели вывозились бы при обезпеченности имущества“. (Флетчеръ).

Страшныя лишенія, которымъ подвергался русскій въ старину, притупляли его чувства въ перенесеніи физической боли,—но точно также притупляли въ немъ и жалость къ страданіямъ другихъ,—при всей врожденной добротѣ сердца, вообще русскіе были въ старину народъ безжалостный; помочь ближнему и заставить его страдать было для нихъ одинаково легко; первое было внушеніемъ врожденнаго качества; второе, гораздо сильнѣе и чаще выступавшее наружу, было слѣдствіемъ ожесточенія отъ скорби и лишеній.

Дурно вообще ѣли русскіе и часто терпѣли нужду — по извѣстному закону психологіи, недостатокъ вызываетъ стремленіе къ излишеству, и ха-

Digitized by Google

рактеромъ обычнаго хода жизни, подмѣченнаго Дженкинсономъ и Флетчеромъ, надобно объяснять развитіе страсти къ многоѣденію, которому русскій встарину предавался всегда, если только могъ.

Дѣло извѣстное, что наши предки любили много покушать. Герберштейнъ говоритъ, что многіе изъ людей небогатыхъ, когда бывали приглашаемы къ обѣду какого нибудь боярина, по два и по три дня передъ этимъ ничего не ѣли, чтобы плотнѣе поѣсть вкусныхъ блюдъ. Мейербергъ прибавляетъ, что даже при торжественныхъ обѣдахъ во дворцѣ, когда во всемъ соблюдался такой строгій этикетъ, бояре ѣли чрезвычайно много, до обжорства и тошноты.

Простой народъ по праздникамъ предавался тѣмъ безмѣрнѣйшему разгулу, чѣмъ болѣе терпѣлъ лишеній въ простые дни. Очень обыкновеннымъ случаемъ бывало, что, пропивъ все, даже одежду, человѣкъ выходилъ изъ кабака въ одной рубашкѣ и падалъ въ грязь (Олеарій).

Особенно предавался народъ пьянству на масляницѣ и на Свѣтлой недѣлѣ,—на масляницѣ множество несчастныхъ пьяницъ находили на улицахъ замерзшими, множество другихъ, упавшихъ на улицѣ, бывало растерзано собаками, другихъ убивали мошенники. „Прежде бывало на масляницѣ буйства больше, нежели теперь,—говоритъ патеръ Авриль (путешественникъ конца XVII вѣка),—а между тѣмъ, меня увѣряли, что и нынѣ въ одну первую ночь масляницы найдено по московскимъ улицамъ болѣе 40 человѣкъ убитыхъ,—но что простой народъ недоволенъ незначительностью этого числа: они полагаютъ, что чѣмъ больше окажется людей, убитыхъ въ эту ночь, тѣмъ урожайнѣе будетъ годъ“. Невилль увѣряетъ, что число пьяныхъ, замерзающихъ на улицахъ въ Москвѣ на масляницѣ, бываетъ отъ двухъ до трехъ сотъ,—онъ самъ видѣлъ, что каждое утро провозятъ на однѣхъ розвальняхъ десять или двѣнадцать труповъ, изъ которыхъ иные изгрызаны собаками,—„это зрѣлище довольно возмутительное“, по его мнѣнію.

Такъ какъ эта черта старины исчезла, то мы подкрѣпимъ неправдоподобныя слова очевидцевъ иноземцевъ свидѣтельствомъ Кошихина, — онъ говоритъ, правда, не о масляницѣ, но тѣмъ пріятнѣе будутъ здѣсь старинолюбцу его слова: они показываютъ умилительную неизмѣнность принципа, пользующагося всякимъ случаемъ для того, чтобы проявиться во всемъ своемъ трогательномъ постоянствѣ:

„Когда случится царю отъ сего свѣта переселитися во оный покой... горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество; а московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска полу и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ болши ста человѣкъ“.

Грабежи и разбои были повсемѣстны. Даже въ Москвѣ, по словамъ Олеарія, не проходило ночи безъ того, чтобы не было разграблено нѣсколько домовъ и не было найдено по утру на улицѣ нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Грабители были такъ смѣлы, что середи дня нападали на улицѣ на человѣка, при которомъ думали найти деньги, чтобы убить и ограбить его.

Digitized by Google

Когда ночью раздавались на улицѣ вопли убиваемаго, никто изъ жившихъ въ сосѣднихъ домахъ не смѣлъ выходить за двери, чтобы помочь ему — остатки этого обычая очень сильны до сихъ поръ, какъ то можетъ всякій узнать по опыту, если поживетъ въ провинціальномъ городѣ. Даже ночные сторожа, находившіеся при богатыхъ домахъ, не выходили на крикъ, или потому, что сами трусили грабителей, или потому, что бывали съ ними въ согласіи. Не нужно послѣ этого ничего говорить о степени безопасности дорогъ. Слова Олеарія подтверждаются Мейербергомъ, Веберомъ, Корбомъ и Брюсомъ. Мейербергъ прибавляетъ, что нищіе очень часто крали и звѣрскимъ образомъ уродовали дѣтей, чтобы собирать больше милостыни, показывали ихъ увѣчья и язвы, — изрѣдка подобные случаи повторялись, какъ всякому извѣстно, до недавняго времени.

Часто случается слышать мнѣніе, что пьянство распространяется въ народѣ. Не знаемъ, до какой степени можетъ распространяться порокъ, издавна бывшій всеобщимъ. Олеарій находилъ кабаки во всѣхъ деревняхъ. Мы знаемъ, что правительство въ XVI и XVII столѣтіяхъ пыталось иногда воспрещать продажу пѣннаго вина, чтобы удержать гибельную привычку. Но эти запрещенія оставались безсильны, говоритъ Олеарій, объясняющій и способы, которыми дѣйствіе запрещенія обезсиливалось.

Въ чувственной любви многіе предавались такимъ излишествамъ и порокамъ, что Флетчеръ замѣчаетъ: „Я не хочу говорить объ этомъ, потому что это слишкомъ гнусно, такъ что позорно и разсказывать. Вся страна наводнена всевозможными грѣхами этого рода“. Петрей, Олеарій, Рейтенфельсъ и Карлейль говорятъ, что эти пороки въ Московіи столь же часты, какъ и безнаказанны, что подобными привычками хвастаютъ, какъ дѣломъ хорошаго тона, что на улицахъ показываются райки съ маріонетками, представляющими неблагопристойныя сцены, и что на эти представленія смотрятъ молодые люди обоего пола, даже мальчики и дѣвочки. Путешественники упоминаютъ и о слѣдствіяхъ обычая женить малолѣтняго мальчика на взрослой дѣвушкѣ,—слѣдствія этого обычая бывали пріятны для свекра, и потому духовенство напрасно усиливалось препятствовать подобнымъ бракамъ. Нечего говорить о томъ, что всѣ эти гнусныя привычки имѣли чисто восточный характеръ.

Очень наивны кажутся послѣ этого предположенія, что сближеніе съ Западною Европой могло имѣть дурное вліяніе на нашу нравственность.

По крайней мѣрѣ, не изъ Западной Европы перешло къ намъ очень игривое устройство, которое до недавняго времени сохраняли въ столицахъ (а въ иныхъ провинціяхъ, говорятъ, сохраняютъ и до сей поры) торговыя бани, въ которыхъ мужчины и женщины моются вмѣстѣ, — это устройство подробно описано путешественниками, прибавляющими разсказы о различныхъ видѣнныхъ ими случаяхъ самаго наглаго цинизма со стороны женщинъ, которыя вовсе не принадлежали къ записнымъ жертвамъ порока. Кто читалъ хотя что нибудь о востокѣ, тому ясна связь этихъ фактовъ съ гаремною жизнью.

Не нужно ничего говорить о томъ, какой характеръ имѣли семейныя отношенія при подобной обстановкѣ. Не будемъ распространяться о сурово-

Digitized by Google

сти отношеній отцовъ къ дѣтямъ, хозяевъ къ домашней челяди, мужей къ женамъ,—тѣмъ болѣе, что слишкомъ ясные слѣды этихъ привычекъ сохранились до сихъ поръ. Но кстати, замѣтимъ, что у Герберштейна есть анекдотъ, подтверждающій давность знаменитаго преданья, будто, по мнѣнію русскихъ женъ, мужъ мало любитъ жену, если мало бьетъ ее. Герберштейнъ говоритъ, что у него былъ въ Москвѣ знакомый кузнецъ, нѣмецъ Йорданъ, который женился на русской. Этотъ почтенный кузнецъ однажды разсказывалъ самъ Герберштейну, что до сей поры не билъ своей жены, а теперь началъ бить. „Зачѣмъ же"? спросилъ Герберштейнъ.—„Да она все тосковала, и наконецъ сказала мнѣ, отчего тоскуетъ: думаетъ, что я не люблю ее, потому что не бью". Въ простомъ народѣ до сихъ поръ вы всегда можете услышать подобный разсказъ. Несмотря на всю неправдоподобность предположенія, что можетъ человѣкъ измѣрять степень любви силою побоевъ, невозможно сомнѣваться въ томъ, что это соразмѣреніе дѣйствительно существовало: если бы Герберштейнъ самъ выдумалъ приводимый имъ анекдотъ, то вѣдь не изъ Герберштейна же узнали о неразрывности любви супружеской съ побоями тѣ простолюдины, отъ которыхъ вы слышите подобные разсказы. Надобно также вспомнить изрѣченіе, столь часто повторяемое нашимъ народомъ „кого люблю, наказую", и пословицу „жену люби какъ душу, трепи какъ грушу" и т. д., и т. д. Кстати, бывали иногда люди, которые считали клеветою или непониманіемъ русскихъ нравовъ увѣреніе иностранныхъ писателей, что знаменитый элементъ нашихъ свадебныхъ обрядовъ—плеть, по смыслу народнаго обычая вручается мужу не для одной аллегоріи, а для серьезнаго употребленія.

О церемоніяхъ свадебнаго пира и т. д., съ ихъ циническими подробностями относительно состоянія невѣсты мы не говоримъ,—не говоримъ и вообще о церемоніяхъ и обрядахъ домашней жизни нашихъ предковъ,—восточный характеръ всего этого такъ и рѣжетъ глаза своею рѣшительною несообразностью съ основными качествами славянскаго характера. Коренной славянскій смыслъ ихъ совершенно закрывается чисто азіатскою формою, въ какую облеклись они.

Всѣ путешественники говорятъ объ удивительной недовѣрчивости русскихъ, не къ иностранцамъ только, но также и другъ къ другу—она очень натуральна была при всеобщихъ безпорядкахъ и отсутствіи безопасности,—хитрить и притворяться было дѣломъ необходимости.

О торговыхъ людяхъ Герберштейнъ говоритъ: „они очень строго требуютъ исполненія всѣхъ условій со стороны того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, но сами стараются не исполнять никакихъ обѣщаній и обманывать всячески. Разъ я попросилъ одного боярина купить мнѣ шубу,—какъ только узнали объ этомъ торговцы, тотчасъ же сбѣжались къ нему, предлагая подѣлиться съ нимъ частью барыша, если онъ устроитъ дѣло повыгоднѣе для нихъ. Вообще, русскіе торговцы запрашиваютъ за товаръ въ десять и двадцать разъ больше настоящей цѣны; но при томъ и сами такъ плохо знаютъ цѣну многихъ вещей, что часто платятъ за вещь въ десять разъ больше, нежели она стоитъ". Тоже говорятъ Петрей, Мейербергъ и Корбъ. „Русскіе, разсказываетъ Петрей, обыкновенно просятъ 10 или 12 талеровъ за вещь, ко-

Digitized by Google

торую потомъ уступятъ за полгульдена. Это они дѣлаютъ потому, что находятся незнающіе покупщики, дающіе 30 или 40 талеровъ за вещь, которая не стоитъ больше 10. Чтобы обмануть такого покупщика, сговариваются четверо или пятеро плутовъ. Только что входитъ покупщикъ, является, будто посторонній человѣкъ, одинъ изъ числа шайки, и даетъ за вещь гораздо больше цѣны, предложенной покупщикомъ,—если удастся обмануть его этою уловкою, и онъ даетъ больше, соумышленники дѣлятъ барышъ и смѣются надъ глупцомъ. Въ торговлѣ, отецъ не вѣритъ сыну, сынъ отцу". „Единственное средство не быть обмануту въ торговомъ дѣлѣ съ русскими, говоритъ Мейербергъ, состоитъ въ томъ, чтобы отдавать деньги не иначе, какъ взявъ уже вещь въ руки".—Мастеровые были похожи на торговцевъ.

Бережливость русскихъ путешественники хвалятъ; по ихъ словамъ, расточительность была неизвѣстна нашимъ предкамъ; замѣчаютъ также и ихъ щедрыя милостыни нищимъ, которыхъ отъ того развелось безчисленное множество.

О продажности суда и администраціи, о взяточничествѣ воеводъ и подъячихъ и т. д., и о томъ, что всякія строгости къ искорененію взяточничества оставались совершенно безполезны, мы ничего не говоримъ — это фактъ извѣстный, при томъ же онъ и не входитъ въ планъ нашего извлеченія, ограничивающійся одними частными отношеніями частныхъ лицъ.

Какое заключеніе слѣдуетъ изъ всего этого обзора? По нашему мнѣнію, то самое, какое дѣлаетъ Мейнерсъ:

„Какъ бы ни судили мы о настоящемъ нравственномъ состояніи русскихъ, но должно согласиться, что въ прежнія времена они были гораздо въ худшемъ состояніи; что у русскихъ теперь, и въ высшихъ сословіяхъ и въ простомъ народѣ, исчезли многія дурныя черты стараго времени и пріобрѣтены многія хорошія качества, которыхъ не доставало ихъ предкамъ. Въ будущемъ нравы конечно еще улучшатся, при улучшеніи внутренняго управленія и воспитанія и при распространеніи образованности, и мало по малу будутъ истребляться въ народѣ всѣ дурныя наклонности. Но для этого необходимо имъ не ослѣплять самихъ себя на счетъ своего состоянія". (Meiners, Vergleichung etc. I, 295—296).

— Этою единственною цитатою и закончимъ нашъ обзоръ, чтобы хотя послѣдняя строка его удовлетворяла требованіямъ формы, относительно которыхъ были такъ взыскательны наши предки. Прибавимъ только, что изданіе „Библіотеки иноземныхъ писателей о Россіи до Петра Великаго" было бы величайшею услугою для расширенія взглядовъ на смыслъ русской исторіи. Мы слышали, что планъ такого изданія существуетъ,—надобно желать, чтобы онъ былъ скорѣе приведенъ въ исполненіе. Мы слышали, будто этотъ планъ полагаетъ необходимостью издавать писателей въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, — но не хотимъ вѣрить тому. Томы русскихъ лѣтописей издавались же не въ хронологическомъ порядкѣ и изданіе ничего не потеряло отъ того,—а еслибъ Археографическая Коммиссія вздумала отлагать печатаніе готовой къ изданію „Ипатьевской Лѣтописи" до той поры, пока кончатся приготовленія къ изданію и изданіе Нестора, — мы конечно до сихъ поръ не имѣлибъ и половиннаго числа томовъ, изданныхъ теперь. Безъ дальнихъ промедленій за составленіемъ полнѣйшаго (и вѣчно нуждаю-

Digitized by Google

лагося въ дополненіяхъ новыми открытіями, вѣчно неполнаго) хронологическаго списка путешествій, лучше всего прямо взять да и начать переводить важнѣйшія сочиненія,—Герберштейна, Олеарія и т. д. — въ какомъ угодно порядкѣ, это все равно, лишь бы только дѣло шло безъ излишнихъ проволочекъ, и лишь бы только не начинать изданіемъ перевода именно тѣхъ писателей, въ переводѣ которыхъ всего менѣе надобности, какъ, напримѣръ, Приска, который почти столько же касается русской исторіи, сколько и Титъ Ливій.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія Н. Щербины. Два тома. Спб. 1857 г.

Первый, очень небольшой по объему сборникъ стихотвореній, изданн г. Щербиною, показалъ въ немъ поэта съ замѣчательнымъ талантомъ. того времени прошло семь лѣтъ. Г. Щербина въ продолженіе этихъ лѣ постоянно печаталъ свои произведенія въ разныхъ журналахъ. Многія и новыхъ пьесъ были прекрасны,—но извѣстность г. Щербины мало возв шалась до послѣдняго времени, когда начали появляться его „Ямбы". Бл городная мысль, одушевлявшая эти пьесы, живо вызывала сочувствіе кажда порядочнаго человѣка. Но если мы подумаемъ о томъ, какое громкое одобр ніе заслужили пьесы съ современнымъ содержаніемъ г. Бенедиктова, то можемъ скрыть отъ себя, что поэтъ съ такимъ талантомъ, какъ г. Ще бина, касаясь живыхъ идей, долженъ былъ бы возбудить гораздо больш восторгъ, — не можемъ защититься отъ мысли, что „Ямбы" г. Щербин хотя и не были безсильны, но не производили того дѣйствія, какого долж было бы ожидать отъ пьесъ подобнаго содержанія, писанныхъ человѣко истинно даровитымъ, какимъ не возможно не признавать г. Щербину.

Г. Щербина видитъ, и, мы увѣрены, оцѣнитъ прямоту, съ котор мы говоримъ о его стихотвореніяхъ. Еслибъ мы не были убѣждены въ с лахъ его таланта, были увѣрены, что при болѣе вѣрномъ употреблен своихъ силъ, талантъ его не можетъ явиться публикѣ въ блескѣ, несравнен болѣе высокомъ,—еслибъ мы не были увѣрены въ этомъ, мы не коснули бы щекотливаго вопроса, нами поставленнаго на видъ. Мы просто сказа бы, что г. Щербина—„одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ въ настояш время", что „его прекрасный талантъ отличается такими-то и такими- превосходными достоинствами", что „хотя, конечно, и у него, какъ у вс каго другаго, есть произведенія слабыя" (о чемъ упомянули бы толь слегка, для формы), но что „такія-то и такія-то пьесы у него истин очаровательны своею прелестью, а такія-то и такія-то очень замѣчатель своею благородною энергіею", — наговорили бы множество похвалъ эти прекраснымъ пьесамъ,—и тѣмъ кончили бы нашъ отзывъ. О недостатка пьесъ ничего, или почти ничего; о достоинствахъ—много, очень много. Та мы поступили бы, еслибъ дѣло шло о талантѣ обыкновенномъ, который пус себѣ развивается, какъ случилось, отъ котораго нельзя ожидать ничего лу

Digitized by Google

шаго, нежели тѣ прекрасныя пьесы, которыя онъ уже далъ намъ. Но талантъ г. Щербины—это дѣло совершенно другое. Вопросъ о немъ довольно важенъ для того, чтобы отбросить въ сторону всякую щекотливость, и высказать не только то, что пріятно, но и все, что нужно высказать. Такіе таланты являются не каждый день. Если такой талантъ не сдѣлаетъ всего, что можетъ сдѣлать, это будетъ уже потерею для литературы. Тутъ дѣло важнѣе всякихъ личныхъ отношеній.

Мы прямо поставили вопросъ о несоотвѣтствіи извѣстности, которую доставили г. Щербинѣ напечатанныя имъ до сихъ поръ произведенія, съ силами его таланта. И также прямо отвѣчаемъ: это несоотвѣтствіе происходитъ оттого, что г. Щербина до сихъ поръ еще не нашелъ вѣрнаго употребленія для силъ своего таланта; онъ все еще стѣсняетъ себя или принужденностью формъ или принужденностью тона, боясь отдаться естественному влеченію своего таланта.

Онъ началъ стихотвореніями, которыя самъ назвалъ „греческими", и которыя всего лучше можно охарактеризовать, сказавъ, что они очень близки по духу, а часто и по достоинству формы, къ стихотвореніямъ Шенье. Мы не знаемъ, на сколько участвовало въ ихъ происхожденіи вліяніе Шенье, на сколько личная симпатія автора къ античному міру, на сколько разныя другія вліянія или сочувствія. Если бы талантъ г. Щербины по натурѣ своей могъ удовлетвориться этимъ родомъ поэзіи, мы ничего не сказали бы противъ того,—но увидѣли бы только, что въ этомъ случаѣ капризъ природы произвелъ среди насъ человѣка, который говоритъ прекрасно, но говоритъ не нашимъ языкомъ, котораго мы можемъ понимать, но не иначе, какъ при помощи ученыхъ соображеній и искусственно возбужденнаго настроенія мыслей. Но не всѣ такъ думаютъ. Для многихъ именно то и кажется поэзіею, что удалено отъ нашей обыкновенной жизни, что понимается только посредствомъ особеннаго напряженія мысли. Люди, увлеченные этимъ предразсудкомъ, сдѣлали два предложенія: во-первыхъ, что такъ называемая античная форма есть высочайшее совершенство искусства; во-вторыхъ, что г. Щербина по натурѣ своего таланта не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ поэтомъ античной формы.

Не знаемъ, самъ ли г. Щербина проникся такимъ понятіемъ о сущности своего таланта и о достоинствахъ античной формы, или это предубѣжденіе было навѣяно на него толками, которые поднялись въ этомъ смыслѣ послѣ появленія его „Греческихъ стихотвореній", но только послѣ изданія своихъ „Греческихъ стихотвореній" онъ долго поступалъ такъ, какъ будто убѣжденъ былъ, что вообще поэтъ будетъ дѣлать прекрасно, если станетъ держаться античной формы, а ему, г. Щербинѣ, рѣшительно необходимо держаться этой формы. Онъ все писалъ въ томъ же духѣ, въ той же манерѣ, какъ были написаны его „Греческія стихотворенія".

Мы не знаемъ, собственною ошибкою или чужою виною вовлеченъ былъ онъ въ эту односторонность, но дѣло въ томъ, что эта односторонняя манера скоро оказалась искусственною и натянутою. Мы видимъ, что, по собственному ли влеченію или подъ вліяніемъ Шенье, но во всякомъ случаѣ первыя греческія стихотворенія г. Щербины были написаны безъ на-

Digitized by Google

тяжки, безъ насилованія таланта,—въ такой формѣ сами собою рождались поэтическія идеи фантазіею поэта,—а у поэта этого есть сильный талантъ,—потому эти пьесы и вышли хороши, какъ выходитъ хорошо все, что пишетъ человѣкъ съ талантомъ, не насилуя свой талантъ. Форма была тѣсна, но чтожъ за бѣда, если поэтъ еще не чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ ней?

Если бы г. Щербина могъ остаться на всегда, по свободному влеченію, вѣрнымъ античной формѣ, его стихотворенія никогда не пріобрѣли бы большаго значенія въ литературѣ, — хотя сами по себѣ могли быть прекрасны.

Это однако продолжалось очень не много времени. Скоро г. Щербина исчерпалъ содержаніе, какое естественно представляется соединеннымъ съ античною манерою, — и все-таки продолжалъ, по теоріи, писать въ античной формѣ, —стихотворенія его стали казаться уже повтореніями прежнихъ; идеи и образы, сами собою являвшіеся его воображенію въ этой формѣ, были истощены,—онъ началъ придумывать ихъ—пьесы стали имѣть характеръ искусственности, талантъ являлся стѣсненнымъ, произведенія — натянутыми.

Еслибъ онъ остановился на этомъ, мы сказали бы, что его талантъ болѣзненно остановился на первой ступени развитія, и потерялъ способность идти впередъ. Но черезъ нѣсколько времени г. Щербина перенесъ любовь свою отъ стихотвореній античнаго содержанія къ пьесамъ, въ которыхъ идея принадлежитъ или вообще новому міру, каковы „Пѣсни о природѣ“. или даже именно нашему обществу, каковы „Ямбы“. Но долгая привычка писать въ античной манерѣ не могла быть покинута сразу,—и форма очень многихъ изъ этихъ пьесъ не соотвѣтствовала идеѣ. Въ другихъ, покинувъ. повидимому, античную форму, онъ еще не оторвался отъ привычки, пріобрѣтенной вслѣдствіе искусственныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ писались его позднѣйшія античныя пьесы,—и въ формѣ замѣтна придуманность, ухищренность; а часто его мысль остается отвлеченною мыслью, потому что фантазія автора, отъ долгой привычки имѣть дѣло только съ античными образами, не находитъ еще образовъ, которые были бы живымъ поглощеніемъ новыхъ идей, вошедшихъ въ его умъ, или потому что авторъ все еще не рѣшается сойти съ треножника Пиѳіи и заговорить простымъ языкомъ, свойственнымъ поэзіи нашего времени. Онъ, по старой привычкѣ, все еще стѣсняется мыслью о живописности и величественности позъ; онъ еще не привыкъ чувствовать себя какъ дома въ нашемъ мірѣ, хотя античный міръ уже наскучилъ ему. Держитесь непринужденнѣе, говорите проще. забудьте о стѣснительныхъ претензіяхъ на величіе, не стыдитесь являться просто человѣкомъ, а не олимпійцемъ, скажемъ мы ему.

До сихъ поръ г. Щербина не рѣшился еще предаться безвозвратно, безъ оглядокъ на древній міръ, влеченію жизни и таланта. Онъ давно почувствовалъ, что въ Петербургѣ или Москвѣ неудобно и холодно носить хитонъ аѳинянина, и нельзя довольствоваться созерцаніемъ звѣздъ. лежа на роскошной зелени,—во-первыхъ, роскошной зелени у насъ нѣтъ, — во-вторыхъ, если остаться на цѣлую ночь на открытомъ воздухѣ, да еще лежа на травѣ, то поутру непремѣнно почувствуешь ревматизмъ въ боку. Г. Щербина замѣтилъ это и вошелъ въ наши сѣверныя комнаты съ двойными ра-

Digitized by Google

мами,—но онъ все еще не привыкъ непринужденно говорить о сапогахъ и двойныхъ рамахъ,—его все еще смущаетъ мысль, что это предметы не совсѣмъ благородные сравнительно съ сандаліями и перистилемъ,— объ исключительно изящныхъ предметахъ онъ наконецъ пересталъ говорить, но еще не заговорилъ о неизящныхъ, потому-то мысль въ его „Ямбахъ“ остается отвлеченною мыслью.

Не для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ нужны были доказательства (вѣроятно, каждый читатель, думавшій о стихотвореніяхъ г. Щербины, давно уже самъ замѣчалъ то же самое, что говорили мы)—но чтобы насъ нельзя было упрекнуть въ бездоказательности, мы представимъ хотя по одному примѣру тѣхъ ошибокъ, въ которыя вовлекала г. Щербину ошибочная теорія, заставлявшая его держаться античной формы послѣ того, какъ образы, ею непринужденно рождаемые, были истощены и талантъ началъ увлекать поэта къ другимъ сферамъ поэтическихъ идей.

Мы говорили объ искусственности, изысканности, которая явилась въ его античныхъ стихотвореніяхъ, когда истощились античные идеи и образы, непринужденно возникавшіе въ фантазіи автора,—примѣромъ этого пусть служитъ пьеса „Волосы Береники“.—„Береника, жена Птоломея-Эвергета, отправлявшагося въ Азію для завоеваній (объясняетъ авторъ въ примѣчаніи), дала обѣтъ богамъ отрѣзать свои волосы имъ въ жертву, если мужъ ея возвратится побѣдителемъ,—что и исполнилось. Волосы были положены въ храмъ Венеры-Зефириты; но жрецы сказали, что они исчезли ночью изъ храма, и Кононъ, знаменитый александрійскій астрономъ, вѣроятно по наущенію жрецовъ, объявилъ, что открытое имъ въ это время новое созвѣздіе—*волосы Береники*, превращенные богами въ звѣзды, подобно вѣнку Аріадны“.—Въ этомъ разсказѣ есть поэтическіе моменты: грусть любящей жены, отпускающей мужа на войну,—тоска разлуки, мучительность опасеній за его жизнь,—готовность жертвовать всѣмъ, даже лучшимъ блескомъ своей красоты, для счастья и безопасности любимаго человѣка,—наконецъ апотеоза этой любви, дающей человѣческому существу высочайшую красоту. Но въ этихъ чувствахъ и ситуаціяхъ нѣтъ ничего, спеціально античнаго,—они общи всѣмъ народамъ и вѣкамъ, въ томъ числѣ и европейцамъ и нашему вѣку, а г. Щербинѣ нужны спеціально античные образы и мотивы, — и вотъ онъ придумываетъ слѣдующіе мотивы:

„Рѣчь веду я со звѣздами,
Говорю свои имъ сны
И любуюсь волосами
Эвергетовой жены.

И они съ небесъ запѣли
Пѣсню жалобы своей;
Ихъ мелодіи летѣли
Съ неба золотомъ лучей:

„Воздіянья и обѣты
Отъ земли несутся къ намъ,
Мы величіемъ одѣты,
Жены, дѣвы и поэты
Причисляютъ насъ къ богамъ.

Digitized by Google

„Намъ въ эфирѣ неотрадно
Семизвѣздіемъ сіять,
Гдѣ сіяетъ Аріадна,
Упиваться славой жадно,
Ѳиміамы обонять.

„Съ головы холодной сталью
Мы, какъ жертва, снесены.
Береникиной печалью
И такой безмѣрной далью
Отъ нея отдалены“ и т. д.

Какъ могла прійти поэту мысль заставить насъ слушать жалобы по средствомъ „золота лучей“, воспѣваемыя отрѣзанными волосами? Не гораздо ли проще было заставить женщину плакать о своихъ утраченныхъ волосахъ? Но это была бы такая ситуація, которая можетъ случиться вездѣ и всегда не въ одномъ античномъ мірѣ, а г. Щербинѣ нужно было взглянуть на предметъ не такъ, какъ смотрятъ на него въ новомъ мірѣ, и, вмѣсто плач женщины о волосахъ, онъ придумалъ плачъ волосъ о женщинѣ. И такъ волоса Береники плачутъ о ней, жалуются на нее; положимъ, пусть они плачутъ, хотя это и неправдоподобно; послушаемъ однако, въ чемъ они винятъ ее? вѣроятно, просто въ томъ, что она не пожалѣла свои прекрасны кудри,—винятъ въ безжалостности къ самой себѣ?—Нѣтъ, въ преступлени передъ искусствомъ: „прежде, говорятъ кудри,—

Наполнялась вся палата
Благовоніемъ отъ насъ,
Оттѣняли мы когда то,
Лоснясь масломъ аромата,
Снѣгъ чела и краски (?) глазъ.

Но преступною женою
Предъ Искусствомъ стала ты,
Разлучая насъ съ собою
И разбивъ своей рукою
Стройность женской красоты,—

ради античнаго воззрѣнія, вмѣсто живой женщины, которая дѣлаетъ огорченіе себѣ, является уже статуя, которую разбить значитъ сдѣлать преступленіе не предъ идеею человѣка, даже не предъ богинею красоты, а просто передъ отвлеченнымъ понятіемъ искусства. Преклони боговъ мольбами, говорятъ Береникѣ волоса, чтобы они возвратили насъ на твою голову,—зачѣмъ же это нужно? за тѣмъ ли, чтобы ей была возвращена прежняя красота, или чтобы волоса перестали грустить? Нѣтъ, опять выдумка: волоса Береники должны быть взяты съ неба, чтобы не разлучать на небѣ два созвѣздія, которыя питаютъ любовь другъ къ другу:

„Преклони жъ боговъ слезами,
Даромъ жертвы дорогой,
Чтобъ съ падучими звѣздами
Мы скатились волосами
Надъ твоею головой;

Digitized by Google

Чтобы мы не раздѣляли
Въ небѣ любящихъ друзей;
Чтобъ какъ прежде заблистали
И свѣтить бы рядомъ стали
Оріонъ и Водолей.

— Да почему жъ мы знаемъ, что Оріонъ и Водолей —любящіе друзья? О ихъ дружбѣ даже и миѳологія ничего не говоритъ.

На такую тему, на такіе мотивы написано стихотвореніе въ 102 стиха.

Мы привели примѣръ натянутости, въ которую впадалъ господинъ Щербина, отъискивая античныя темы и придумывая античные мотивы, когда уже истощился запасъ, естественно представлявшійся его фантазіи сферою идей античной манеры. Теперь приведемъ примѣръ того, какъ вложенная античною теоріею привычка уничтожала соотвѣтствіе между идеею и формою, когда онъ, утомившись античными темами, началъ изображать явленія болѣе близкой къ намъ дѣйствительности.

Вотъ его „Нимфа вьюги“ —какимъ же образомъ *Нимфа* вьюги? были Нимфы цвѣтущихъ, благоухающихъ полей, сладко шепчущихъ ручейковъ, свѣтлыхъ рѣчекъ, текущихъ среди бархатныхъ луговъ, испещренныхъ яркими цвѣтами, подъ задумчиво пріютною, сладострастно густою тѣнью розовыхъ и миртовыхъ кустарниковъ; — но какъ можно вообразить себѣ это нѣжное, живущее солнцемъ и цвѣтами существо среди громадныхъ сугробовъ снѣжной степи, во время вьюги?—бѣдная Нимфа, она такъ легко одѣта, что смертельно простудится, если вздумаетъ явиться среди такой обстановки, когда и у старой вѣдьмы въ овчинномъ тулупѣ стучатъ зубы во время сатанинской пляски! —Но, —говоритъ г. Щербина,—

„Но классическія грезы,
Грёзы вѣчныя людей!
Васъ питаютъ и морозы
Бѣдной родины моей;
Вамъ такая же подруга
Какъ аттическая ночь,
Наша сѣверная вьюга
Дочь Гекаты, мрака дочь.
Ѣду я... передо мною
Нимфа Вьюги возстаетъ,
И надъ снѣжной пеленою
Все кружится, да поетъ

(Нѣтъ, во время вьюги даже переносливая къ холоду вѣдьма можетъ только завывать,—голосъ дрожитъ отъ мороза).

„А когда сквозь прахъ сыпучій,
Сквозь лохмотья бѣлыхъ тучъ,
На покровъ полей зыбучій
Броситъ мѣсяцъ блѣдный лучъ,—
Бѣломраморной рукою

(Нѣтъ, у ней ручка ужъ давно посинѣла отъ холода, — мы боимся даже, не отмерзла ли).

Нимфа вдаль меня манитъ

Digitized by Google

(Ну, это ужъ напрасный трудъ; не только Нимфа какая нибудь,— сама Венера Анадіомена не выманитъ меня изъ плотно застегнутой фартукомъ кибитки во время вьюги).

„И хохочетъ надо мною
И рыдаетъ, и грозитъ...
То меня охватитъ страстно,
Токомъ бури обовьетъ;—
И безчувственно—прекрасна,
Въ пляскѣ съ вихремъ отойдетъ...
Но развѣетъ шаловливо
Вѣтеръ тунику у ней,—
Нимфа спрячется стыдливо
Въ волны снѣжныя полей...
Но глядишь, на волкѣ смѣло
Нимфа скачетъ предо мной
И его по шерсти бѣлой
Гладитъ ласковой рукой.

(Левъ, благородный, великодушный властитель лѣсовъ, смирялся передъ красотою; но злобный волкъ только и смотритъ, какъ бы схватить за горло; при томъ же, онъ безобразенъ, отвратителенъ; Нимфѣ должно быть и непріятно и опасно даже издалека видѣть волка,—сѣсть на него она не рѣшится, это вѣрно).

„И улыбкой открываетъ
Рядъ роскошныхъ жемчуговъ,
Волшебствомъ ея сзываетъ
Хоръ полуночныхъ духовъ“ и т. д.

Античный образъ Нимфы, олицетворяющій вьюгу существомъ граціознымъ, нѣжнымъ, прелестнымъ,—совершенно разрушаетъ всякое соотвѣтствіе между сущностью изображаемаго явленія и его изображеніемъ.

Вотъ другой примѣръ раздора, вносимаго античнымъ представленіемъ въ созданіе, по идеѣ принадлежащее нашему міру,—эта пьеса не велика и потому выписываемъ ее вполнѣ:

ПОЭТЪ.

„На служеніе мысли высокой,
На служеніе правдѣ я взросъ;
Но кинжалъ ея спряталъ глубоко
Между вѣткою миртовъ и розъ...

И, въ рукѣ съ этой вѣткой душистой,
Какъ Гармодій я въ міръ выхожу,—
Красотой ея мирной и чистой
Я неправду и зло поражу.

Эта битва безъ крови и гнѣва,—
Наслажденіемъ дышитъ она:
Ей причастны и старецъ, и дѣва,
И младенецъ, и мужъ, и жена.

Тѣмъ велико твое назначенье
Между братій, поэтъ гражданинъ,
Что безъ терній свое поученье
Насадить ты способенъ одинъ.

Digitized by Google

И ты каждое дѣло и чувство
Обреки на добро и осмысль...
Твоя вѣтка—созданье искусства,
А кинжалъ твой—правдивая мысль.

Обратите вниманіе на двѣ первыя строфы,—какой стройный и точный образъ!—Но античная манера требуетъ невозмутимости духа, олимпійскаго спокойствія въ самой борьбѣ (то есть, по нашему обычному понятію объ античности; по греческой миѳологіи не такъ,—тамъ и самые олимпійцы страдаютъ, вопіютъ отъ ранъ и боятся Стикса; но вѣдь мы имѣемъ дѣло не съ истиннымъ греческимъ міромъ, а съ обыкновенными современными понятіями объ античности),—античность требуетъ невозмутимости, отвращается отъ наносимыхъ и претерпѣваемыхъ страданій,—и вотъ въ угоду этой теоріи, г. Щербина прибавляетъ, что битва поэта съ неправдою должна быть „безъ крови и гнѣва", и поученіе его „безъ терній", — забывая, что даже на вѣткѣ розъ, которую онъ держитъ въ рукѣ, есть шипы, иначе сказать, тернія, которыя всетаки оцарапаютъ до крови и разсердятъ, если онъ станетъ „поражать" этою вѣткою.

Поэтъ по античной теоріи долженъ быть невозмутимо спокоенъ въ своемъ служеніи искусству,—онъ смотритъ на землю съ высоты Олимпа,—поэтому-то, въ пьесѣ о волосахъ Береники, г. Щербина и говоритъ, что поэтъ долженъ, лежа на травѣ у потока, созерцать небо, не касаясь земныхъ треволненій;

„Я лежу ночной порою
У потока на травѣ,
Весь очами и душою
Въ лучезарной синевѣ.

Я на лонѣ мирной страсти,
Мысли сердца полонъ я;
Красотѣ въ объятья власти
Отдана душа моя:

Вижу яркій образъ всюду
И прекрасныя черты...
И всегда поэтомъ буду
Я любви и красоты!

Вамъ, художники другіе,
Горе дня и ложь людей,
Вамъ мечтанія больныя,
Стонъ и жалобы страстей!

То моя отвергла лира,
Что проходитъ съ каждымъ днемъ,
Что изгонится изъ міра
Вѣчной правды торжествомъ...

Вѣрьте, молча я страдаю
И больнѣй страдаю васъ,
Сокрушаюсь, наблюдаю
Каждый жизни вашей часъ;

Но того, что не достойно,
Я искусству не даю,
И въ душѣ горячкой знойной
Зло безъ образовъ таю.

Digitized by Google

Рѣчь веду я съ небесами,
Говорю свои имъ сны,
И любуюсь волосами
Эвергетовой жены"... и т. д.

Мы ужъ замѣтили, что выборъ предмета, которымъ любовался г. Щербина, неудаченъ. Но теперь не о томъ дѣло, — мы уже объяснили, какъ умѣли, неудачность результатовъ, до которыхъ доводила г. Щербину теорія античности. Надобно теперь замѣтить, что если онъ очень долго держался ея, то, наперекоръ влеченію своего таланта, насилуя свои мысли,—античность давно ужъ неудовлетворяла его, и напрасно усиливался онъ въ 1853 году (годъ, которымъ отмѣчена пьеса „Волосы Береники") запрещать своей лирѣ „пѣсни о томъ, что проходитъ съ каждымъ днемъ, что изгонится изъ міра торжествомъ правды",—онъ давно ужъ не могъ удержать себя отъ того, чтобы говорить о „страданіяхъ и горѣ", которыя, по теоріи, гордо признавалъ „предметами, недостойными искусства", — большая часть „ямбовъ", карающихъ зло, написана имъ до 1853 года, иные и въ 1853 году,—слѣдовательно, давно ужъ онъ отступилъ и въ то самое время отступалъ на дѣлѣ отъ своей антично-безстрастной теоріи, когда такъ гордо и упорно провозглашалъ ее.

Но теоретическія ошибки, когда теорія такъ упорна и горда, какъ была античная теорія у г. Щербины, не проходили даромъ. Пусть практика тайкомъ измѣняетъ теоріи,—теорія все-таки наложитъ на нее свою печать. Печать эта видна на „Ямбахъ" г. Щербины.

Его фантазія по требованію теоріи отвергала всякіе образы, кромѣ невозмутимо прекрасныхъ, античныхъ картинъ,—онъ, какъ человѣкъ, „страдалъ и сокрушался, наблюдая жизнь",—мы вѣримъ ему, что онъ страдалъ о скорбяхъ людей „больнѣе" многихъ другихъ поэтовъ, но, какъ поэтъ, онъ насильно изгонялъ образы, которые могли бы быть поэтическимъ воплощеніемъ этой человѣческой скорби, — онъ, не будучи въ состояніи изгнать изъ сердца скорбной мысли, въ угоду теоріи старался по крайней мѣрѣ отнимать у нея поэтическое воплощеніе; „я въ душѣ зло безъ образовъ таю", говорилъ онъ,—это и отразилось на его „Ямбахъ".

Мысль каждаго ямба—благородна, жива, современна; но она остается отвлеченною мыслью, не воплощаясь въ поэтическомъ образѣ,—она остается холодною сентенціею (это не противно античной теоріи,—нѣтъ: античная теорія любитъ сентенціи, — свидѣтельствомъ тому безчисленное множество изреченій и отвлеченныхъ размышленій, написанныхъ новѣйшими поэтами въ древнемъ элегическомъ размѣрѣ, и похвалы, которыми осыпались эти перемѣшанные съ пентаметрами гекзаметры), она остается внѣ области поэзіи, какъ то и усиливался сдѣлать поэтъ, по его собственному признанію.

Мы приведемъ примѣръ этой отвлеченности, этого чуждаго поэзіи отсутствія живыхъ образовъ, которыми бы воплощалась мысль:

ЖЕЛАНІЕ.

„Чуждо совершенства
Нашей жизни зданье;

Digitized by Google

Цѣль ея—блаженство,
А она – страданье.

Все въ ней пропадаетъ,
Все, что такъ прекрасно;
Только зло всплываетъ
Въ наготѣ ужасной.

Въ этомъ звучномъ морѣ
Сроднаго нѣтъ звука;
Въ сонъ всходитъ горе,
Страсти вторитъ мука.

Счастьемъ не согрѣта
Ни одна минута,
Мысли нѣтъ привѣта,
Чувству нѣтъ пріюта...

Пусть же крупкой чашей
Эта ложь прольется:
Хаосъ жизни нашей
Въ вѣчность разовьется".

Поэзія требуетъ воплощенія идеи въ событіи, картинѣ, нравственной ситуаціи, какомъ бы то ни было фактѣ психической или общественной, матеріальной или нравственной жизни. Въ пьесахъ, нами выписанныхъ, этого нѣтъ: идея остается отвлеченною мыслью, потому остается холодною, неопредѣленною, чуждою поэтическаго паѳоса...

Мы такъ много и такъ прямо говорили о недостаткахъ, которыми вообще страдала поэзія г. Щербины, отчасти уже и въ „Греческихъ стихотвореніяхъ", но гораздо больше въ послѣдующіе годы, что—чего добраго—иному можетъ показаться, будто мы находимъ особенное удовольствіе въ анализированіи этихъ слабыхъ сторонъ. Что сказать на такое предположеніе?—Да, пожалуй, мы нашли бы не только удовольствіе, но и положительную заслугу въ этой строгости, если бы г. Щербина согласился въ справедливости нашихъ замѣчаній,—тогда, рѣшительно отбросивъ теорію, его запутывавшую, и предавшись естественному влеченію своего таланта, онъ далъ бы русской литературѣ произведенія, которыя поставили бы его на ряду съ первыми нашими поэтами. Если жъ онъ не оправдаетъ нашей требовательности полнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ употребленіемъ силъ своего таланта (требовательность умѣстна только относительно человѣка сильнаго),—мы, конечно, будемъ раскаяваться въ нашей строгости, какъ въ дѣлѣ, которое не достигло своей цѣли, осталось безполезно. Во всякомъ случаѣ, мы обязаны представить доказательства тому, что имѣемъ право многаго ожидать отъ замѣчательныхъ силъ его таланта, если онъ рѣшится совершенно отбросить ошибочную теорію, до сихъ поръ сковывавшую силы его. Намъ случалось слышать сомнѣніе въ томъ, сохранилась ли сила и свѣжесть этого таланта послѣ „Греческихъ стихотвореній". Чтобы уничтожить всякое колебаніе въ отвѣтѣ на это, мы въ доказательство силы таланта г. Щербины приводимъ только такія пьесы, которыя писаны послѣ 1850 года.

Digitized by Google

ДѢВУШКА У ХАРОНА.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЬ.

— „Хорошо вамъ, горы, счастье вамъ, долины:
Вы себѣ живете безъ тоски-кручины!
Вѣчно вы цвѣтете, нѣтъ для васъ Харона!
Какъ и вы, цвѣла я, роза Киѳерона,
Любовалась также утренней зарею,
И меня скосила смерть своей косою...
Безъ меня на свѣтѣ все живетъ и дышитъ,
И меня не знаетъ, и меня не слышитъ!
Тамъ зазеленѣло Божіей весною,
И луга запахли молодой травою;
Ярко запестрѣли всѣ поля цвѣтами,
И холмы покрылись бѣлыми стадами;

„Въ густотѣ дубравы, солнцемъ не палимой,
Паликаръ гуляетъ съ дѣвушкой любимой,
И, цѣлуя жадно ей уста и плечи,
Говоритъ онъ милой золотыя рѣчи;
Мать красивой дочкѣ расточаетъ ласки,
Бабушка-старушка сказываетъ сказки...
О, когда бы можно, вѣчно бы жила я,
Какъ ребенокъ съ куклой, съ жизнію играя.
Еслибъ наши клефты въ адъ сюда попали,
Вѣрно бъ и съ Хароном въ битвѣ совладали;
Жалобною рѣчью я бъ ихъ ублажила,
И, ласкаясь къ храбрымъ, такъ бы говорила:

„Я въ жилищѣ смерти выплакала очи,
Въ холодѣ могильномъ, средь подземной ночи.
Здѣсь темно и тѣсно... Зрѣнье проситъ свѣта.
Сердце проситъ ласки, а душа—привѣта...
Клефты-паликары! убѣгу я съ вами
Въ край, гдѣ льется воздухъ свѣтлыми струями,
Гдѣ раздолье жизни, гдѣ толпятся люди,
Гдѣ любить приволье лебединой груди;
Я хочу утѣшить мать мою въ печали,
Я хочу, чтобъ сестры слезъ не проливали,
Чтобъ не горевали неутѣшно братья,
И свою Зонцу приняли бъ въ объятья“...

— „Не крушись, Зонца, по роднымъ напрасно:
Имъ живется сладко, весело и ясно!..
На землѣ, подруга, все тебя забыло!
(Такъ, вошедши, Деспа къ ней заговорила).
Отъ людей къ Харону нынче отошла я,
И тебя лишь годомъ дольше прожила я...
Видѣлась недавно я съ твоей роднею:
Всѣ они довольны, счастливы судьбою...
Братья,—да и сестры, позабывъ печали,
У сосѣда Ламбро на пиру плясали,
Бабушка болтала подъ окномъ съ кумою,
И своей хвалилась давней стариною;
Мать все хлопотала о невѣстѣ сыну:
О тебѣ жъ, бѣдняжка, не было помину“!

Digitized by Google

ПРОСЬБА ВЕСНЫ.

На-прощаньи пѣвцу говорила,
Отлетая надолго, весна:
„О, поэтъ мой, тебя я любила,
Я была и тепла и ясна.

Разстаюся я съ милой землею,
Мнѣ такъ долго ея не лобзать,
Не лелѣять своей теплотою,
И цвѣтущихъ красотъ полнотою
Мнѣ ея головы не вѣнчать!

Покидаю я женщинъ прекрасныхъ
И ласкаемыхъ мною дѣтей,
Для ночей безразсвѣтно-ненастныхъ,
Для холодныхъ, безсолнечныхъ дней...

И не будутъ, роскошными снами
Упиваясь блаженно, они
Пробуждаться и спать съ соловьями...
Покидаю я ихъ сиротами...
Замѣни имъ меня, замѣни!

Разлучаться мнѣ горько съ землею...
Но, поэтъ мой, я въ сердцѣ твоемъ
Неразлучной живу красотою,
И твоимъ пламенѣю стихомъ;

Я оставлю въ немъ звуки и краски,
И мой свѣтъ, и мою теплоту,
Вѣтерка перелётныя ласки,
И потоковъ журчащія сказки,
И луной разлитую мечту.

Какъ померкнетъ сіянье лазури,
Какъ поблекнутъ безъ жизни поля,
Да завоютъ холодныя бури,
Да одѣнется въ саванъ земля,

Мой избранникъ, людей утѣшая,
Возроди меня въ пѣсняхъ своихъ,
Чтобъ предъ ними опять разцвѣла я,
Благовонна, свѣжа, молодая,
Въ трепетаньи стиховъ золотыхъ...

Но, весеннее счастье зимою
Разливая межъ братьевъ людей,
Надѣли имъ возлюбленныхъ мною
Всѣхъ обильнѣе, женъ и дѣтей;

Чтобъ я въ пѣснѣ твоей зеленѣла,
Согрѣвая озябнувшій лѣсъ,
На снѣгахъ бы цвѣтами пестрѣла,
Наливалась въ колосья и зрѣла
И сіяла бы съ зимнихъ небесъ;

Чтобы все, забывая морозы,
Погрузилось въ знакомые сны,
Въ ароматныя майскія грезы,
Въ обаянье волшебной весны...

Digitized by Google

И подъ власть твоего вдохновенья
Все отдастся, поэтъ-чародѣй,
И, внимая словамъ пѣснопѣнья,
Отъ земли моего удаленья
Не замѣтитъ никто изъ людей.

Имъ прольюся я полною чашей
Изъ искусныхъ художника рукъ,
Имъ я буду и лучше и краше,
Облеченная въ образъ и звукъ".

ЗЕМЛЯ.

„Ты помнишь-ли случай, родная?
Когда я ребенкомъ была,
Въ саду, межъ цвѣтами летая,
Меня укусила пчела.

Какъ палецъ мнѣ жало палило,
И слезы ручьями текли,—
На палецъ ты мнѣ положила
Щепотку холодной земли...

И боль оттого унялася,
И радостно видѣла ты,
Какъ я побѣжала, рѣзвяся,
За бабочкой пестрой въ кусты...

Пора наступила иная,
И боль загорѣлася вновь...
Боюсь и признаться, родная,
Что сердце мнѣ жалитъ любовь!

Но тѣмъ же и этой порою
Ты можешь меня исцѣлить:
Холодной могильной землею—
На вѣки мнѣ сердце покрыть"...

NOTTURNO.

„На меня изъ цвѣтущаго сада
Освѣжительно вѣетъ прохлада;
Ароматы несутся въ окно,
Въ небесахъ и свѣтло и темно.
Многозвѣздная ночь окаймила
Отливнымъ серебромъ дерева,
На озерахъ горитъ синева,
И такъ страстно ночныя свѣтила
На красавицу землю глядятъ,
Будто пасть ей въ объятья хотятъ.
Опускаясь, вздымаются воды:
Онѣ кажутся грудью природы,
И біеніе сердца ея
Будто слушаетъ ухо мое.

Digitized by Google

Ко всему во мнѣ дышитъ сострастье,
И похожее что-то на счастье
И на жизнь пронеслось надо мной...
Я расцвѣлъ первобытной весной.

О, давно позабытая мною,
Ты меня позабыла давно!
Но нежданно мнѣ этой порою
Твое имя призвать суждено,
И спросить тебя съ прежнею страстью:
Что въ душѣ у тебя въ этотъ часъ?
Хоть мгновенному вѣришь ли счастью,
Что на вѣки умчалось отъ насъ?
И полна ль твоя жизнь благодатью,
Иль хоть тихимъ забвеньемъ полна,
Или все предала ты проклятью,
Чѣмъ тебя чаровала она?
Пламенѣетъ ли взоръ твой порою,
И цвѣтетъ ли румянецъ былой?..
О, скажи мнѣ, мой другъ, что съ тобою,
И душой угадай, что со мной!..

Но отъ милой не слышно отвѣта,
Все вокругъ равнодушно молчитъ;
На привѣтъ не даютъ мнѣ привѣта:
Голосъ милой моей не звучитъ.
Объ участьи молящія очи
Я къ свѣтиламъ торжественной ночи
Простодушнымъ младенцемъ вознесъ;
Но, въ потокѣ моленій и слезъ,
Я участья къ себѣ не замѣтилъ:
Былъ прекрасно, но холодно свѣтелъ
Обаятельный воздухъ ночной,
Безъ созвучья съ моею душой...
Я хотѣлъ, чтобъ суровыя бури
Помрачили сіянье лазури,
И въ гармонію, тьмой и борьбой,
Чтобъ природа слилася со мной".

Такія вещи можетъ писать только человѣкъ съ истиннымъ и сильнымъ талантомъ,—и въ томъ, что г. Щербина обладаетъ талантомъ, никогда не сомнѣвался никто изъ людей, внимательно изучавшихъ его произведенія. Во многихъ изъ его пьесъ были замѣтны ошибки, внушаемыя ошибочною теоріею; часто было видно, что его фантазія увлечена къ ложнымъ, натянутымъ цѣлямъ; но сильный талантъ былъ виденъ всегда.

Мы возвращаемся къ тому, съ чего начали. Г. Щербина, занимающій и нынѣ почетное мѣсто между поэтами, долженъ стать гораздо выше, когда рѣшится дать просторъ своимъ живымъ влеченіямъ, совершенно отбросивъ насилованіе таланта ради теоретическихъ предубѣжденій. Онъ началъ стихотвореніями въ античномъ родѣ,—этотъ родъ наименѣе способенъ возбуждать живую симпатію современнаго міра, но, къ несчастію, многіе такъ называемые цѣнители искусства, — понимающіе подъ искусствомъ искусственность,—очень дорожатъ античною манерою отчасти за то, что она трудна, отчасти за то, что она чаще всего бываетъ искусственна. Несмотря на не-

Digitized by Google

симпатичность манеры, господствовавшей въ первыхъ стихотвореніяхъ г. Щербины, они были приняты съ громкимъ одобреніемъ, потому что непринужденно возникли изъ фантазіи поэта;—вслѣдствіе субъективныхъ условій развитія, она была переполнена античными образами,—„отъ избытка сердца должны говорить уста“, и г. Щербина былъ правъ передъ своимъ талантомъ.

Любители и цѣнители искусственности истолковали успѣхъ г. Щербины такимъ образомъ: не потому онъ имѣетъ успѣхъ, что онъ человѣкъ съ талантомъ, не насилующій своего таланта, а потому, что онъ пишетъ въ античной манерѣ, которая восхитительнѣе всѣхъ другихъ манеръ; и такъ, пусть онъ, во что бы то ни стало, вѣчно продолжаетъ писать въ античной манерѣ. Самъ г. Щербина увлекся этимъ ошибочнымъ соображеніемъ.

Мы видѣли слѣдствія этой теоріи, заставлявшей г. Щербину, наперекоръ новымъ влеченіямъ своего таланта, все облекать одеждою античности,—это значило „вливать новое вино въ старый мѣхъ“, и новое вино разрывало старый мѣхъ, и то и другое,—вино и мѣхъ,—погибало. Онъ насиловалъ свой талантъ.

Но „вольному воля“, а поэтъ по преимуществу долженъ быть воленъ. Уста его должны говорить о томъ, чѣмъ переполнено его сердце. Мы видѣли, куда влечется г. Щербина новою наклонностью своего таланта,—къ современной жизни. Пусть же безбоязненно онъ погрузится въ нее. Пусть онъ пишетъ античныя стихотворенія только тогда, когда именно къ античному міру обращается его талантъ,—въ другое время, въ минуты другихъ настроеній, пусть его перо забываетъ объ античности, какъ забываетъ сердце, пусть онъ даетъ своей мысли свободно облекаться въ образы, рождаемые ея сущностью, не втискивая ея насильно въ чуждыя ей рамки.

Автономія—верховный законъ искусства. Если онъ будетъ соблюдать этотъ верховный законъ поэзіи,—„храни свободу своего таланта, поэтъ“,—что тогда будетъ онъ писать? Пока не измѣнится господствующее теперь стремленіе его таланта, онъ будетъ писать проникнутые жгучимъ сарказмомъ укоры людямъ. Но если бы расположеніе духа, которое, кажется намъ, должно вести къ подобнымъ произведеніямъ, миновалось въ г. Щербинѣ,—что тогда?—тогда, все-таки пусть пишетъ онъ въ такомъ родѣ, къ какому влечетъ его талантъ въ данное время,—хотя бы то была поэзія радости, примиренія, кто имѣетъ право требовать отъ поэта, чтобы онъ насиловалъ свой талантъ? Можно требовать только того, чтобъ онъ старался развить себя, какъ человѣка. Это развитіе человѣка въ поэтѣ составляетъ великое преимущество г. Щербины передъ многими; онъ не можетъ не быть гуманенъ, не можетъ не сочувствовать живымъ вопросамъ современности, въ какой формѣ, въ какомъ направленіи найдетъ удовлетвореніе себѣ талантъ поэта, который сталъ человѣкомъ,—должно быть рѣшаемо жизнью самого поэта. Пусть только онъ блюдетъ свободу своего таланта отъ всякихъ насилованій; пусть всею фантазіею своею предается тому, чѣмъ переполняетъ жизнь душу его: отъ избытка сердца должны говорить уста поэта, особенно поэта, одареннаго столь прекраснымъ талантомъ и столь живою натурою, какъ г. Щербина.

Digitized by Google

Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. *Сочиненіе* Леопольда Ранке. *Переводъ съ нѣмецкаго* Петра Бартенева. *Съ приложеніемъ портрета Чернаго Георгія и картою Княжества сербскаго. Москва. 1857.*

Сербы, вмѣстѣ съ болгарами, ближайшіе къ намъ по родству изъ всѣхъ славянскихъ единоплеменниковъ нашихъ, должны возбуждать въ насъ самое живое сочувствіе. И, однакоже, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было ни одного порядочнаго сочиненія о Сербіи. „Желаніе хотя сколько-нибудь восполнить такой существенный недостатокъ въ русской словесности“ побудило г. Бартенева „издать въ русскомъ переводѣ книгу о Сербіи одного изъ славныхъ современныхъ исторіографовъ, берлинскаго профессора Леопольда Ранке“. Этотъ трудъ г. Бартенева заслуживаетъ всякой признательности: перевесть хорошее сочиненіе—гораздо полезнѣе, нежели перепечатать въ одну книгу изъ разныхъ общедоступныхъ изданій документы, не принадлежащіе къ числу важнѣйшихъ для исторіи, снабдивъ ихъ пристрастными замѣчаніями. Выборъ сочиненія для перевода сдѣланъ очень удачно. Г. Бартеневъ совершенно справедливо говоритъ, что, „кромѣ занимательнаго изложенія, книга Ранке отличается изъ всѣхъ иностранныхъ сочиненій о Сербіи наибольшею точностію“. Она составлена преимущественно по разсказамъ знаменитаго собирателя сербскихъ пѣсенъ, Вука Стефановича Караджича, который самъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ дѣлѣ освобожденія Сербіи отъ турецкаго ига, и потомъ участвовалъ въ составленіи сербскихъ законовъ.

Подъ турецкимъ владычествомъ очень немногія мѣстности Сербской земли управлялись христіанскими кнезами (князьями, старшинами). Во всемъ Бѣлградскомъ пашалыкѣ, главной области сербскаго края, и почти всѣхъ другихъ округахъ деревни принадлежали спахіямъ — мусульманскимъ помѣщикамъ, которымъ раздана была вся завоеванная христіанская земля. Спахіи получали десятину отъ всѣхъ произведеній сельскаго хозяйства и подать съ каждой головы скота, кромѣ того, собирали поголовную подать (главницу)— по два піастра съ каждой супружеской четы. Въ иныхъ мѣстахъ, вмѣсто десятины и главницы, платился только оброкъ по десяти піастровъ съ супружеской четы,—и спахіи были очень довольны этимъ оброкомъ. „Спахіи „не требовали барщины и не вмѣшивались въ судебную расправу; они не „только не выгоняли самовластно своего подданнаго изъ деревни, но даже „не могли переселить его въ другое мѣсто. Имъ предоставлялось только „какъ бы наслѣдственное кормленіе, за которое они, какъ воины, были обя„заны нести военную службу“ (стр. 34). Они даже не жили въ деревняхъ. Кромѣ того, христіанское населеніе уплачивало расходы по государственному управленію. Для этого оно обязано было сначала отправлять барщину турецкому правительству (пашѣ), которая нѣкогда была очень тяжела, простираясь до ста дней въ году (два дня въ недѣлю). „Но въ концѣ прошлаго „столѣтія не было уже слышно о подобныхъ отягощеніяхъ“. Турецкіе судьи (кади, зависѣвшіе отъ бѣлградскаго муллы) брали пошлины при переходѣ имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія и съ тяжебныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

Духовное управленіе принадлежало епископамъ, которые поставлялись изъ грековъ. „Уже по самой внѣшней обстановкѣ своей, епископъ-грекъ „былъ чуждъ народу. Онъ ѣздилъ на роскошно убранной лошади, вооруженный мечомъ и буздованомъ, знаками власти“, которые давались ему отъ султана (стр. 36).

Часто между пашами, янычарами и спахіями бывали раздоры, сила турецкаго правительства тогда ослабѣвала, и райи (христіане) благоденствовали въ эти времена. Если же кто изъ сербовъ подвергался слишкомъ сильному притѣсненію, тотъ бѣжалъ въ лѣсъ и дѣлался гайдукомъ (нѣчто въ родѣ нашихъ козаковъ XVI—XVII столѣтія). Гайдуки грабили турокъ, а иногда и своихъ братьевъ христіанъ.

Спахіи-мусульмане были большею частію сербы по происхожденію, продолжавшіе говорить по сербски, но происходившіе отъ людей, принявшихъ мусульманство.

Мусульмане владычествовали, христіане—повиновались. Но нѣкоторымъ облегченіемъ въ судьбѣ христіанъ было то, что турки жили исключительно въ городахъ, между тѣмъ какъ сербы исключительно въ селахъ. Потому повседневныхъ столкновеній не могло быть между владыками и подчиненными.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Россія и Австрія начали въ 1788 году войну съ Турціею. Эти державы призвали сербовъ къ оружію. Въ австрійскихъ арміяхъ явилось много сербскихъ волонтеровъ. При заключеніи мира, Сербія оставлена была подъ турецкимъ владычествомъ, но важно было то, что нѣкоторое время сербскія области, занятыя австрійцами, пользовались свободою отъ мусульманскаго господства, и что между народомъ явилось много людей, привыкшихъ поражать турокъ. Притѣсненія теперь должны были казаться сербамъ вдвое несноснѣе, нежели когда нибудь.

А притѣсненія начались скоро, — не отъ законнаго турецкаго правительства, не отъ бѣлградскаго паши, — напротивъ, сербы называли пашу своею „матерью“ (сербска майка),—а отъ янычаръ.

Султанъ Селимъ уже задумывалъ уничтожить это буйное ополченіе, болѣе опасное султану и пашамъ, нежели врагамъ Турціи. Янычары уже догадывались о его намѣреніяхъ, и открыто враждовали противъ многихъ пашей, раздѣлявшихъ планы султана, между прочимъ, и противъ бѣлградскаго паши, который принужденъ былъ, убивъ главнаго мятежника, изгнать остальныхъ янычаръ изъ своего пашалыка. Въ этомъ помогали ему сербы. Но константинопольскій муфти принудилъ султана возвратить изгнанныхъ бѣлградскихъ янычаръ въ пашалыкъ. Скоро янычары убили пашу, захватили въ свои руки власть надъ пашалыкомъ и начали неудержимо буйствовать надъ христіанскимъ населеніемъ, грабили и оскорбляли сербовъ—не легко пришлось отъ нихъ и туркамъ. Буйные варвары, равно ненавидя и законное турецкое правительство и христіанъ, терзали страну безпощадно. Не одни христіанскіе поселяне бѣжали отъ ихъ притѣсненій,—бѣжали и мусульманскіе спахіи. Депутаты ограбленныхъ спахіевъ нашли себѣ въ Константинополѣ покровительство у султана, который послалъ сказать бѣлградскимъ янычарамъ, что „если они не уймутся, то онъ поступитъ съ ними, какъ не поступалъ ни „съ однимъ туркомъ: онъ пошлетъ противъ нихъ войско,—но не турецкое,—

Digitized by Google

„ибо *вѣрному* тяжело сражаться съ *вѣрнымъ*, а изъ другаго народа и „другой вѣры“.—Что это значитъ?—думали янычары:—султанъ не призоветъ же въ свои владѣнія австрійцевъ или русскихъ. Вѣрно, онъ говоритъ о сербахъ,—онъ хочетъ поднять ихъ противъ насъ. Надобно предупредить это, надобно истребить всѣхъ, кто можетъ быть предводителемъ возстанія. Они поѣхали по селамъ, захватывая и умерщвляя каждаго серба, который извѣстенъ былъ храбростью, умомъ или богатствомъ, умерщвляя и множество незначительныхъ людей. „Ужасъ распространился по Сербіи. Никто не „зналъ, кому именно грозила смерть; но разнеслась молва, что искоренено „будетъ все народонаселеніе, и потому самый послѣдній дрожалъ за жизнь. По „селамъ турки встрѣчали однихъ стариковъ да дѣтей; всѣ, кто были въ „силахъ—бѣжали въ горы, въ потаенныя убѣжища гайдуковъ“ (стр. 89). Это было въ началѣ 1804 года.

У несчастныхъ бѣглецовъ было сначала только одно желаніе—„возвратиться въ свои домы, и продолжать безопасно прежнюю жизнь. Но для „этого необходимо было поднять общее земское ополченіе и собственными „средствами положить конецъ наглому насилію“. Повсюду начали являться толпы вооруженыхъ сербовъ, съ цѣлью изгнать янычаръ. Въ каждомъ округѣ былъ свой предводитель. Возстаніе быстро разлилось повсюду, стало поголовнымъ. Турки спаслись въ укрѣпленные города. За исключеніемъ крѣпостей, вся страна была мгновенно очищена отъ мусульманъ. Сербы могли теперь соединиться, чтобы начать общими силами осаду крѣпостей. Въ каждой области былъ выбранъ народомъ главный предводитель. Въ Шумадіи, центральной и самой обширной изъ областей, выборъ палъ на богатаго и предпріимчиваго торговца, Георгія Чернаго, который успѣлъ уже прославиться смѣлыми подвигами и умомъ. Онъ сталъ было говорить, что не опытенъ въ управленіи. Кнезы обѣщались помогать ему совѣтами. „Но вѣдь я жестокъ, „сказалъ онъ:—и у меня крутой нравъ. Я не стану долго толковать, и на „кого разсержусь, убью на мѣстѣ“. — Теперь такой намъ и нуженъ, отвѣчали кнезы. И Георгій Черный сдѣлался „комендантомъ Сербіи“ (командант Србие),—пока, его власть ограничивалась одною Шумадіею, но скоро всѣ другіе сербскіе областные предводители подчинились ему, какъ самому даровитому и самому сильному изъ нихъ.

Георгій Петровичъ Черный правду говорилъ, что на кого разсердится, убьетъ на мѣстѣ. Пѣсня о немъ, переведенная Пушкинымъ, разсказываетъ не выдумку. Въ 1787 году, по первому слуху о русско-австрійской войнѣ съ турками, онъ рѣшился возстать противъ мусульманъ и принужденъ былъ, съ другими сообщниками, искать спасенія въ Австріи. Онъ взялъ съ собою и отца, котораго не хотѣлъ оставить на жертву туркамъ. Старикъ шелъ не охотно, и уговаривалъ сына возвратиться и покориться. Бѣглецы приближались къ рѣкѣ Савѣ.—„Лучше, пойдемъ назадъ, началъ снова говорить отецъ:—турки простятъ насъ“. Сынъ не соглашался.—„Ну, такъ иди же ты одинъ, а я отправлюсь домой“, сказалъ старикъ.—„Нѣтъ, вскричалъ Георгій:—я не потерплю, чтобъ турки тебя замучили, лучше, умри теперь отъ моей руки“!—Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ отца, и, видя, что старикъ мучится предсмертною агоніею, велѣлъ одному изъ товарищей сократить его страданія. Въ

Digitized by Google

ближайшей деревнѣ, онъ отдалъ поселянамъ стадо, которое гналъ съ собою, сказавъ: „похороните моего старика, да выпейте за упокой его души“, и переправился за Саву, въ австрійскія владѣнія. Онъ сражался потомъ, какъ австрійскій волонтеръ, съ турками, но разсердившись за то, что ему не дали медали, ушелъ къ гайдукамъ. По заключеніи мира, онъ жилъ въ Австріи лѣснымъ сторожемъ; потомъ, услышавъ о кроткомъ управленіи бѣлградскаго паши, воротился на родину, началъ торговать свиньями (это самый выгодный промыселъ въ Сербіи) и скоро сталъ однимъ изъ первыхъ сербскихъ богачей. Когда начались неистовства янычаръ, онъ гналъ на продажу въ Австрію стадо свиней,—на дорогѣ, онъ услышалъ, что турки ищутъ его, и явился предводительствовать возставшими поселянами своей волости. Достигнувъ верховной власти, онъ не оставилъ своихъ прежнихъ привычекъ, и жилъ какъ простой поселянинъ. Онъ продолжалъ носить старые свои голубые штаны, истасканный полушубокъ и старую черную шапку, самъ ѣздилъ за дровами, спускалъ воду на мельницѣ, пахалъ и косилъ, и разъ изломалъ пожалованный ему орденъ, набивая обручъ на бочку. Дочери его сами ходили за водою. Но въ битвѣ этотъ поселянинъ былъ героемъ и выказывалъ таланты необыкновеннаго полководца.

Суровость и безмѣрная вспыльчивость были всегда чертами его характера. Разсердившись, онъ убивалъ своею рукою преступника или спорщика. Кнезу Теодосію онъ былъ обязанъ своимъ выборомъ въ предводители возстанія,—но и его убилъ въ порывѣ ярости, какъ убилъ отца. Однако, опомнившись, онъ плакалъ и говорилъ: „Богъ судья тому, кто затѣялъ ссору“. Однажды простивъ врага, онъ уже не помнилъ обиды—злопамятность была чужда ему. Онъ хотѣлъ порядка въ гражданскихъ дѣлахъ, справедливости въ судѣ, и соблюдалъ законъ, сколько то позволялъ ему бѣшенный характеръ. Единственный братъ, надѣясь на него, воображалъ, что все можетъ дѣлать безнаказанно. Но когда Георгію пожаловались родственники дѣвушки, обезчещенной этимъ братомъ, говоря, что и турокъ они прогнали за такія дѣла, Георгъ велѣлъ повѣсить любимаго брата на воротахъ и запретилъ матери плакать о немъ.

Когда онъ являлся среди битвы, — а его легко было узнать по его высокому росту, сухощавому стану, широкимъ плечамъ, большому рубцу на щекѣ (—онъ хотѣлъ взять монастырскую лошадь для войны, игуменъ не давалъ ея, и, въ ссорѣ, ударилъ Георгія саблею по щекѣ,—такъ произошелъ этотъ рубецъ;—нечего и говорить, что игуменъ былъ изрубленъ на мѣстѣ),—когда онъ являлся среди сражающихся, унывали турки — побѣда считалась его спутницею.

Этотъ суровый воинъ, этотъ отцеубійца, изрубившій столько сербовъ въ припадкахъ гнѣва,—если не былъ раздраженъ, былъ добродушенъ. Трезвый, онъ былъ угрюмъ. Часто онъ просиживалъ цѣлые дни, не говоря ни слова и кусая себѣ ногти, и на всѣ вопросы только покачивая головою. Но выпивъ, онъ становился разговорчивъ и даже пускался плясать.

Таковъ былъ одинъ изъ предводителей сербскаго возстанія, скоро ставшій властелиномъ Сербіи. Другіе предводители были достойные товарищи такому вождю. Напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ, котораго звали Тюрчія,

Digitized by Google

разсказываютъ, что онъ, никогда не бравши ружья въ руки, разъ смотрѣлъ, какъ турки стрѣляютъ въ цѣль. Всѣ промахивались, — такъ далеко была цѣль. Тюрчія взялъ ружье, прицѣлился—и первой своей пулею попалъ въ цѣль. Съ того времени, говорятъ, турки стали опасаться его. Другой, гайдукъ Велько, изъ-за нѣсколькихъ піастровъ добычи всегда готовъ былъ рисковать жизнью, но добывши денегъ, тотчасъ же раздавалъ ихъ. „Коли у меня что есть—говорилъ онъ:—приходи всякій, я никому не откажу; а коли все выйдетъ, такъ пойду отымать у богатыхъ". Безъ войны онъ жить не могъ.—„Дай Богъ, чтобы сербы не мирились съ турками покамѣсть я живъ, — были его любимыя слова, — а когда я умру, дай Богъ имъ жить спокойно". Своихъ момковъ (воиновъ, составлявшихъ его постоянный конвой) онъ считалъ своими братьями, и бросилъ жену за то, что она не хотѣла за столомъ прислуживать имъ, какъ прислуживала ему.

По этимъ образцамъ можно судить, каковы были люди, поднявшіеся на защиту родины отъ янычаръ. Скоро крѣпости пали отъ ихъ натиска, и янычары были совершенно изгнаны изъ предѣловъ Сербіи.

Они возстали противъ разбойниковъ и бунтовщиковъ янычаръ, а не противъ всѣхъ турокъ, не противъ султана,—напротивъ, многіе турки приходили на помощь имъ, султанъ велѣлъ боснійскому пашѣ дѣйствовать заодно съ ними,—султану было пріятно усмиреніе янычаръ, съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ, чтобъ боснійскій паша, явившись союзникомъ, сдѣлался начальникомъ людей, воевавшихъ съ янычарами, и забралъ въ руки сербское христіанское ополченіе, помощь котораго оказалась столь полезна, но самостоятельность котораго могла сдѣлаться еще болѣе опасною для турецкаго самовластія. Паша пришелъ къ сербамъ, когда они осаждали Бѣлградъ. Янычары, увидѣвъ, что имѣютъ дѣло съ султаномъ, сдались. „Теперь ваше дѣло кончено, цѣль ваша достигнута, сказалъ паша сербамъ:—расходитесь же по домамъ". Сербы поняли, въ чемъ дѣло, и, конечно, не разошлись,—вѣдь имъ нужно же было достичь обезпеченія себя отъ возобновленія прежнихъ неистовствъ со стороны янычаръ, — они видѣли ужъ однажды, какъ изгнанные изъ Бѣлграда янычары воротились и начали свирѣпствовать надъ ними необузданнѣе, нежели когда нибудь. Притомъ же, и дѣло очищенія Сербіи отъ янычаръ было еще не кончено: въ разныхъ крѣпостяхъ они еще держались, да и бѣлградская цитадель оставалась въ рукахъ Гушанцъ-Али, предводителя кирджаліевъ (отставные турецкіе солдаты, отчасти нанимавшіеся въ службу къ пашамъ, отчасти промышлявшіе грабежемъ), союзника янычаръ, удержавшаго за собою власть наружною покорностью пашѣ.

Надобно было сербамъ принять мѣры къ обезпеченію себя. Они знали, что мусульмане не считаютъ себя обязанными соблюдать обѣщанія, сдѣланныя христіанамъ, и нарушатъ всѣ свои обязательства, если эти обязательства не будутъ поставлены подъ охраненіе сильной христіанской державы. Австрія всегда возвращала туркамъ области, отнятыя у нихъ во время войны — на нее они не надѣялись и рѣшились просить покровительства у Россіи, которая недавно (1802) вытребовала гарантіи для Молдавіи и Валахіи. Въ августѣ 1804 отправились сербскіе депутаты въ Петербургъ и (въ февралѣ 1805) воротились съ благопріятнымъ отвѣтомъ: русскій дворъ совѣтовалъ

Digitized by Google

имъ просить себѣ льготъ у султана, и обѣщалъ свое заступничество по этому дѣлу въ Константинополѣ.

Сербы отправили въ Константинополь пословъ съ просьбою позволить имъ самимъ, безъ всякихъ турецкихъ войскъ, содержать гарнизонъ во всѣхъ крѣпостяхъ Сербской земли, а съ тѣмъ вмѣстѣ положили немедленно выгнать янычаръ изъ тѣхъ крѣпостей, въ которыхъ они еще держались.

Сербы воображали, что султанъ исполнитъ ихъ просьбу — они воображали себя вѣрными воинами султана, возставшими противъ его враговъ. Дѣйствительно, это было такъ: сами турки въ сербскихъ городахъ радовались изгнанію мятежныхъ янычаръ.

Но султанъ, прежде, нежели былъ государь, былъ мусульманинъ, — мусульмане не могли допустить мысли о самостоятельности христіанъ, бывшихъ рабами ихъ. Сербскіе спахіи, изгнанные янычарами, теперь требовали возвращенія своихъ помѣстьевъ,—то есть воображали, что сербы взялись за оружіе для того, чтобы возвратить къ себѣ изгнанныхъ своихъ господъ. Султанъ посадилъ подъ стражу пріѣхавшихъ въ Константинополь сербскихъ пословъ и велѣлъ нишскому пашѣ Афизу (Нишскій пашалыкъ граничитъ съ Сербіею на юго-востокѣ) обезоружить сербскихъ христіанъ.

Одинъ изъ пословъ, Стефанъ Живковичъ, хитростью уѣхалъ изъ Константинополя въ Бѣлградъ, сказалъ истину только вождямъ, а народу объявилъ, что Афизу велѣно взять съ собою въ Бѣлградъ только 300 человѣкъ, а если онъ приведетъ больше, то султанъ не велитъ сербамъ пускать его,—народъ повѣрилъ, и когда Афизъ явился на границѣ съ войскомъ, сербы приняли его за ослушника султанской воли, друга мятежныхъ янычаръ, и, послѣ жестокой битвы, прогнали назадъ.

Послѣ пораженія второстепеннаго паши, султанъ двинулъ на Сербію (1806) могущественныхъ правителей, имѣвшихъ огромныя войска: съ сѣверозапада наступилъ на Сербію боснійскій визирь съ 30,000 войска; съ юго-востока скутарійскій паша съ 40,000-ю арміею.

Теперь сербы увидѣли, къ своему изумленію, что имѣютъ дѣло не съ мятежными янычарами, а съ султаномъ и всѣми силами турецкаго правительства. Многіе упали духомъ. „Зачѣмъ вы начали войну, — говорилъ народъ своимъ предводителямъ: —когда увѣрены были, что она не поведетъ къ добру? Вы думали, будто султанъ за насъ, а вотъ онъ теперь посылаетъ страшную силу“. Многіе изъ вождей должны были скрыться въ лѣсахъ отъ народнаго гнѣва за грозящую погибель. Но Георгій Черный не потерялъ мужества. Онъ пошелъ на боснійцевъ, разбилъ нѣсколько отрядовъ ихъ, и когда турки стянулись у Шабца, сталъ противъ нихъ съ 7,000 пѣхоты и 2,000 конницы, и, по сербскому обычаю, окопался въ лагерѣ. Турки, слишкомъ вдвое превосходившіе его числомъ, потребовали отъ него покорности и выдачи оружія. „Придите и возьмите“, отвѣчали сербы. Два дня нападали турки на окопы,—и безуспѣшно. На третій день, Георгій придумалъ рѣшительный маневръ: онъ спокойно подпустилъ ихъ къ самымъ окопамъ, безъ выстрѣла,—и вдругъ, однимъ залпомъ, сербы выстрѣлили почти въ упоръ,— ни одна пуля не пропала даромъ, — тысячи враговъ упали, ряды смѣшались, — въ эту самую минуту, конница сербская, ночью посланная въ объ-

Digitized by Google

ѣздъ, ударила на турокъ сзади,—турки бѣжали, и большая часть ихъ легла на полѣ битвы или по лѣсистымъ дорогамъ, гдѣ поджидали бѣгущихъ сербы.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ Сербіи, крѣпостца Делиградъ, героически защищаемая Добринцемъ, остановила скутарійскаго пашу, и когда Георгій, разбивъ перваго врага, обратился на него, онъ заговорилъ объ мирѣ, потому что Турціи грозилъ уже разрывъ съ Россіею (1806) и туркамъ нужно было сосредоточивать войска на востокѣ, въ дунайскихъ княжествахъ. Улемы не допустили примиренія съ невѣрными бунтовщиками, но паша скутарійскій отступилъ, пока велись переговоры, и Георгій могъ на свободѣ заняться покореніемъ тѣхъ сербскихъ крѣпостей, въ которыхъ еще сидѣли турки.

Прежде всего онъ приступилъ къ Бѣлграду, гдѣ удержался Гушанцъ-Али. Албанецъ православной вѣры, Конда, прежде служившій Гушанцу, перешелъ къ своимъ единовѣрцамъ и доставилъ имъ Бѣлградъ отважнымъ дѣломъ. Въ день байрама, взявъ съ собою шестерыхъ рослыхъ и сильныхъ сербовъ, онъ провелъ ихъ черезъ валъ, мимо карауловъ, обошелъ кругомъ по улицамъ и вдругъ бросился на стражу, охранявшую городскія ворота,—сначала выстрѣлы не встревожили подгулявшихъ турокъ, потому что въ день байрама у нихъ въ обычаѣ потѣшная стрѣльба, и никто не являлся на помощь стражѣ. Она отчаянно сопротивлялась,—четверо сербовъ были убиты, еще одинъ и Конда ранены, цѣлъ остался только одинъ — но этотъ одинъ успѣлъ отворить ворота и впустить сербскій отрядъ, — турки бросились къ воротамъ,—въ это время, Георгій Черный перешелъ въ другомъ мѣстѣ валъ, оставшійся безъ защиты, и городъ былъ взятъ; Гушанцъ-Али скрылся въ цитадель, его принудили къ сдачѣ голодомъ. Турки, сдавшіеся на капитуляцію, были перерѣзаны. Всѣ случаи войны за независимость прославляются пѣснями, но объ этой рѣзнѣ нѣтъ пѣсни, сербы сами стыдились ея. „Недоброе мы сдѣлали дѣло и поплатимся за него“, говорили старики. Скоро были заняты всѣ другія крѣпости. Ни одного турецкаго воина не оставалось въ Сербской землѣ.

Теперь и внутреннее управленіе приняло нѣсколько правильный видъ. Предводители возстанія конечно сохраняли преобладающее вліяніе на дѣла; они каждую зиму около новаго года съѣзжались на общій сеймъ, „скупштину“, для соглашенія въ планахъ дѣйствія на слѣдующій годъ. Георгій Черный обыкновенно имѣлъ рѣшительный голосъ въ этомъ собраніи. Для управленія гражданскими дѣлами составленъ былъ сенатъ изъ депутатовъ областей (нахій), которыхъ считалось двѣнадцать. Депутатовъ этихъ было также двѣнадцать, по одному изъ каждой нахіи. Приверженцы Георгія обыкновенно имѣли перевѣсъ и въ этомъ собраніи. Главными агентами его въ сенатѣ были Юговичъ и Младенъ, люди не совсѣмъ честные и впослѣдствіи погубившіе общее дѣло своими интригами.

Занятые войною съ Россіею, турки на время оставили сербовъ въ покоѣ. Георгій Черный хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы очистить отъ турокъ Герцеговину и Боснію (на западѣ отъ собственной Сербіи), которыя также имѣютъ сербское населеніе, и расширить такимъ образомъ границы независимой Сербіи на всю сѣверо-западную часть Турціи до самаго Черно-

Digitized by Google

горія. Онъ выступилъ въ походъ весною 1809 года; турки бѣжали передъ нимъ. Черногорцы уже спускались съ своихъ скалъ навстрѣчу ему; великая цѣль похода—освобожденіе всѣхъ сербовъ, соединеніе всѣхъ сербскихъ пашалыковъ въ одну независимую область, — была уже въ половину достигнута,—но въ это самое время дошло до него извѣстіе, что турки съ страшными силами ворвались въ собственную Сербію съ юго-востока. Георгій самъ былъ виноватъ въ этой бѣдѣ: прежде, юго-восточную границу геройски и всегда успѣшно берегъ отъ турокъ Добринецъ, — но, по интригамъ своего клеврета Младена, Георгій отнялъ у него власть и передалъ ее Милою, пріятелю Младена и также своему клеврету. Милой не съумѣлъ удержать турокъ и они осадили Делиградъ. Георгій долженъ былъ вернуться на защиту своихъ границъ. Но русскіе отвлекли турецкія силы на Нижній Дунай, потомъ прислали отрядъ въ помощь сербамъ. Такимъ образомъ, война продолжалась безъ потерь со стороны сербовъ до того времени, какъ въ 1812 году, заключая миръ съ Турціею, Россія вынудила у султана для сербовъ самостоятельность внутренняго управленія, въ замѣнъ платежа опредѣленной дани.

Въ это время, Георгій Черный уже безъ всякихъ соперниковъ и ограниченій владычествовалъ въ Сербіи: областные воеводы были поставлены въ полную зависимость отъ верховнаго вождя и отъ сената, въ которомъ господствовали клевреты Георгія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, первыя попытки Георгія оттѣснить отъ участія въ правительствѣ всѣхъ людей самостоятельныхъ, подвергали страшной опасности общее дѣло, когда неспособный Милой былъ поставленъ полководцемъ вмѣсто Добринца. Теперь, всѣ мѣста были заняты клевретами Георгія; готовность интриговать въ его пользу была единственною причиною ихъ возвышенія,—и когда, по примиреніи съ Россіею, Турція обратила свои силы на сербовъ, неспособность клевретовъ Георгія погубила Сербію.

Какъ только убѣдились турки, что Россія совершенно занята французскою войною, они не захотѣли соблюдать условій Бухарестскаго мира относительно Сербіи. Они потребовали сдачи всѣхъ крѣпостей, выдачи всего оружія и боевыхъ снарядовъ и возвращенія изгнанныхъ изъ Сербіи мусульманъ. Сербы не могли согласиться отдать себя безоружными на произволъ враговъ. Турки двинулись на Сербію, и осадили крѣпость Неготинъ, гдѣ заперся гайдукъ Велько, который былъ въ немилости у Георгія. Велько геройски защищался,—но Младенъ, который долженъ былъ подать ему помощь, не хотѣлъ итти на выручку. „Пусть самъ справляется! — говорилъ этотъ клевретъ Георгія: — у него на пиру по десяти гусляровъ воспѣваютъ его подвиги; онъ самъ себѣ поможетъ, на то онъ и герой“. Велько былъ убитъ и крѣпость пала, и турки пошли впередъ. Ничтожные воеводы, поставленные Младеномъ, бѣжали; Младенъ совершенно растерялся, и почти не пытался противиться; безъ сопротивленія уступалъ туркамъ и другой полководецъ Георгія, кнезъ Сима. Самъ Георгій былъ теперь окружонъ уже не героями, какъ прежде,—героевъ онъ удалилъ отъ себя или погубилъ,—а раболѣпными интригантами, которые струсили въ минуту опасности и своими робкими совѣтами навели уныніе на самого Георгія,—турки шли впередъ, онъ

Digitized by Google

почти не пытался остановить ихъ,—явился въ лагерь всего на одинъ день, и 3 октября (1813) бѣжалъ въ Австрію.

Его дарованія сильно помогли первому освобожденію Сербіи; его властолюбіе, лишившее родину способныхъ слугъ, отдавшее ее подъ господство людей низкихъ и ничтожныхъ, погубило ее.

Сенаторы, воеводы, тысячи другихъ сербовъ бѣжали въ Австрію, спасаясь отъ мести турокъ. Мщеніе было ужасно.

Изъ всѣхъ воеводъ, остался въ Сербіи одинъ Милошъ Обреновичъ. Онъ поддался туркамъ и обманулъ ихъ своею видимою покорностью. Но когда первый ужасъ народа прошелъ, уступивъ мѣсто ожесточенію отъ грабительствъ и казней, когда снова начали собираться недовольные, Милошъ явился во главѣ ихъ. Въ 1815 году, въ пятницу передъ Вербнымъ воскресеньемъ, онъ выгналъ турецкихъ чиновниковъ изъ своего округа и поднялъ оружіе. Теперь уже не въ первый разъ было сербамъ выгонять турокъ изъ своей родины,—послѣ нѣсколькихъ искусныхъ маневровъ и счастливыхъ битвъ, страна была снова освобождена.

Султанъ теперь не могъ дѣйствовать противъ сербовъ съ прежнею безпощадностью: французская война была кончена, Россія могла заступиться за православныхъ. Онъ далъ полномочіе пашѣ румелійскому, Марашли-Али, вступить въ переговоры. Съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы уступки. Турки были допущены въ Бѣлградъ; верховное управленіе Сербіею передано было пашѣ, но областными начальниками остались сербы; въ управленіе Милошу дано было нѣсколько округовъ; паша окружилъ себя совѣтомъ изъ сербовъ. Теперь христіане уже не были такъ беззащитны, какъ прежде.

Милошъ, единственный предводитель возстанія, пользовался огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ, и не щадилъ ни хитростей, ни насилія, чтобы увеличить его. Людей, которые могли быть ему соперниками, онъ губилъ безпощадно. Между прочимъ, онъ донесъ туркамъ о возвращеніи въ Сербію Георгія Чернаго, и, по требованію паши, послалъ приказаніе умертвить его. Такъ погибъ отъ предводителя втораго сербскаго возстанія предводитель перваго. Оставшись безъ соперниковъ, Милошъ былъ признанъ всѣми кнезами за верховнаго кнеза.

Онъ былъ агентомъ турецкаго правительства, отъ котораго получилъ на откупъ казенныя подати и таможни. Въ то же время, народное довѣріе ставило его главою національной партіи. Положеніе дѣлъ оставалось шатко, неопредѣленно; но сила Милоша все увеличивалась съ теченіемъ времени. Наконецъ, въ 1820 году, турецкое правительство утвердило его въ санѣ „верховнаго кнеза“ Сербіи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ возникли несогласія между имъ и бѣлградскимъ пашею. Милошъ отказалъ пашѣ въ повиновеніи и отправилъ въ Константинополь посольство, требуя исполненія всѣхъ условій Бухарестскаго мира. Послы были посажены въ темницу. Милошъ не огорчился этимъ; не подчиняясь пашѣ и не возставая противъ султана, онъ предался заботамъ объ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ Сербіи, при всѣхъ преобразованіяхъ имѣя въ виду расширеніе своей власти.

Самостоятельныхъ кнезовъ онъ замѣнилъ своими чиновниками, и мало-

Digitized by Google

по-малу сталъ управлять со всею безграничною властью, какую имѣли паши. Поборы были теперь не легче, нежели при туркахъ. Въ народѣ начался ропотъ, обнаруживались даже движенія противъ самовластія Милоша, — но онъ легко подавлялъ ихъ, потому что казался еще необходимымъ народу— на его личной власти основывалась независимость Сербіи отъ турокъ. А турки не безпокоили его, видя въ немъ человѣка, который удерживаетъ сербовъ отъ новаго возстанія.

Между тѣмъ, вспыхнуло греческое возстаніе; христіанскія державы, особенно Россія, были теперь страшнѣе султану, нежели когда нибудь, и, Аккерманскою конвенціею 1826, Порта вновь обязалась строго соблюдать условія Бухарестскаго мира относительно Сербіи. Условія были истолкованы сообразно желаніямъ сербовъ. Это было великою радостью для сербовъ. Но до самаго Адріанопольскаго мира, турки медлили привесть въ исполненіе свои обѣщанія,— побѣды русскихъ вынудили это, и въ 1830 году обнародованъ былъ султанскій хаттишерифъ, обезпечивающій самостоятельность Сербіи.

Внѣшняя безопасность теперь была пріобрѣтена народомъ: надобно было позаботиться о внутреннемъ порядкѣ,—и съ этого времени начинается борьба сербовъ противъ Милоша, который имѣлъ въ виду исключительно свои личныя выгоды.

Онъ бралъ себѣ въ собственность все, что ему нравилось, платя прежнимъ владѣльцамъ покупаемаго дома или луга такую цѣну, какую самъ хотѣлъ назначить; однажды, онъ сжегъ цѣлое предмѣстье въ Бѣлградѣ, чтобы очистить мѣсто для своихъ предполагаемыхъ зданій; онъ принуждалъ народъ даромъ исправлять сельскія работы на своихъ поляхъ; его гонцы ничего не платили за подводы и за постой; выгоднѣйшую торговлю Сербіи,—торговлю щетиною, онъ взялъ себѣ въ монополію. „Развѣ я не властитель? — говорилъ онъ:—развѣ я не могу дѣлать, что мнѣ угодно“?

Въ хаттишерифѣ было сказано, что онъ будетъ править, совѣщаясь съ старшинами,—онъ не думалъ исполнять этого, хотя бы только формальнымъ образомъ.

Общее неудовольствіе возрасло до такой степени, что даже люди, близкіе къ Милошу, говорили о необходимости ограничить его произволъ. О смѣлыхъ рѣчахъ одного изъ его любимцевъ, Милутина Петровича, донесли Милошу. Онъ призвалъ Милутина и сталъ упрекать его.—„Не я одинъ такъ „думаю, сказалъ Милутинъ:—всякій думаетъ теперь точно также!“—„Какъ „всякій“? — возразилъ Милошъ. — „Да, продолжалъ Милутинъ: — даже и „тотъ, кто стоитъ съ тобою рядомъ“ — то былъ самый вѣрный любимецъ „князя, старый служитель Милошева дома, по имени Іосифъ. Милошу еще „прежде напоминали, что своими поступками онъ подвергаетъ себя опасно„сти, ибо всѣ, рѣшительно всѣ, были имъ недовольны; но онъ презиралъ „подобными предостереженіями. — „Правду ли говоритъ Милутинъ“? спро„силъ онъ теперь стараго Іосифа.—„Правду, князь, отвѣчалъ тотъ:—люди „говорятъ, что долѣе нельзя такъ жить“.

„Одаренный быстрымъ соображеніемъ, Милошъ въ одну минуту измѣ„рилъ всю опасность, всю силу враговъ своихъ и немедленно рѣшился ос„тавить Сербію.

Digitized by Google

„Но его стали просить, чтобъ онъ не спѣшилъ отъѣздомъ; ему ска-„зали, что никто не намѣренъ посягать ни на лицо, ни на жизнь его, ни „даже самое правленіе, а желаютъ только правъ и обезпеченія“.

Между тѣмъ, вооруженныя толпы народа уже сходились отовсюду въ Крагуевацъ, чтобы требовать отъ него законности въ правленіи. Безпорядковъ не производили онѣ никакихъ, но тѣмъ страшнѣе была ихъ спокойная сила. Милошъ понялъ невозможность сопротивленія, и, созвавъ сеймъ (скупштину), обѣщалъ отказаться отъ произвольнаго правленія (1835). Обнародованъ былъ подробный органическій уставъ, учреждавшій новый порядокъ дѣлъ.

Но Милошу вовсе не хотѣлось отказаться отъ произвола; онъ поѣхалъ въ Константинополь, склонилъ на свою сторону султана Махмуда богатыми подарками, и, возвратившись, сталъ дѣйствовать еще самовластнѣе прежняго, опираясь на объявленіе султана, что въ Сербіи князь есть „единственный властелинъ“. Онъ захватилъ исключительное право торговать солью и вообще всѣмъ заграничнымъ вывозомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, на случай изгнанія, закупалъ себѣ помѣстья въ Валахіи.

Неудовольствіе возростало въ Сербіи; черезъ нѣсколько времени, разными неосторожными поступками, Милошъ возстановилъ противъ себя и Порту. Тогда недовольные сербы нашли себѣ покровительство въ Константинополѣ, и султанъ, по ихъ внушенію, издалъ фирманъ, которымъ законодательная власть въ Сербскомъ княжествѣ отдѣлялась отъ исполнительной и передавалась сенату изъ семнадцати старшинъ, а исполнительная власть князя ограничивалась назначеніемъ четырехъ отвѣтственныхъ министровъ. Милошъ притворно смирился, но подъ рукою хотѣлъ поднять возстаніе въ народѣ; это не удалось, интриги его были открыты, и люди, которыхъ прежде гналъ Милошъ и которые теперь торжествовали, рѣшили, что онъ долженъ быть удаленъ изъ Сербіи. Главою побѣдившей партіи былъ Вучичъ. Взявъ съ собою вооруженныхъ людей и вооружившись самъ, онъ вошелъ въ комнату Милоша и сказалъ ему: „Народъ не хочетъ тебя больше; если не вѣришь, я позову людей, и они подтвердятъ тебѣ слова мои“. — „Ну, хорошо, отвѣчалъ Милошъ:— если они не хотятъ меня, яимъ не навязываюсь“.

Онъ отправился въ Австрію, въ сопровожденіи конвоя (въ іюнѣ 1839). Во всю дорогу до самыхъ австрійскихъ границъ не произнесъ онъ ни одного слова.

Княземъ сдѣлался сынъ Милоша, Михаилъ Обреновичъ. Съ этой поры начинается новая эпоха для внутренней исторіи Сербіи. Законность должна еще бороться съ произволомъ, но, вообще, уже водворяется въ дѣлахъ нѣкоторый порядокъ.

Русскій библіографическій указатель за 1855 годъ. *Спб. 1856. 160.*

Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ пользѣ библіографическихъ указателей, и потому нельзя не быть признательнымъ г. Ламбину, библіотекарю Академіи Наукъ, за его „Указатель“, составленный съ полнымъ знаніемъ дѣла. Важность „Указателя“ увеличивается тѣмъ, что подъ многими книгами отмѣчены рецензіи, помѣщенныя въ разныхъ журналахъ.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Февраль 1857.

„Экономическій Указатель“.—„Теорія и практика“, Бабста.—„Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“, Струкова.—„Старая барыня“, Писемскаго.

Угодно ли вамъ, читатель, выслушать исторію о „голодѣ въ Багдадѣ при Гарунѣ-аль-Рашидѣ?“ Это исторія не изъ „Тысячи и одной ночи“, а изъ „Экономическаго Указателя“, на который хотимъ мы обратить ваше вниманіе.

Случился, видите ли, неурожай въ Багдадской области, а за неурожаемъ, по обыкновенію, послѣдовалъ голодъ,—дѣло очень натуральное, но вовсе непріятное. Созвалъ Гарунъ-аль-Рашидъ своихъ мудрыхъ совѣтниковъ, спрашиваетъ ихъ, какъ помочь горю?—„Привезти хлѣбъ изъ тѣхъ областей, гдѣ урожай былъ хорошъ“, говорятъ совѣтники. Сказать легко, а исполнить трудно, дороги въ гаруновомъ царствѣ были плохи,—будь хорошія дороги, пожалуй, подвезли бы запасъ скоро, а теперь, если и повезутъ, то нескоро довезутъ. Увидѣлъ Гарунъ-аль-Рашидъ, что надобно построить хорошія дороги,—но когда-то еще успѣешь ихъ построить, а дѣло не терпитъ отсрочки. Какъ быть? По обычаю, пошелъ ночью халифъ бродить по улицамъ Багдада, чтобы посмотрѣть, какъ живетъ народъ, послушать, что онъ говоритъ. Услышалъ онъ разговоръ старика съ молодымъ человѣкомъ.—„Бѣда! говоритъ молодой человѣкъ:—дорогъ хлѣбъ!“—„Можно бы этой бѣдѣ помочь, говоритъ старикъ:—установить, чтобы ни одинъ хлѣбопекъ не смѣлъ продавать хлѣбъ дороже прежней дешевой цѣны“. Умна показалась рѣчь старика Гаруну-аль-Рашиду; по утру онъ установилъ таксу на хлѣбъ. Прошло нѣсколько недѣль—вбѣгаетъ къ халифу визирь съ испуганнымъ видомъ и говоритъ: „Нѣтъ въ Багдадѣ ни одного зерна хлѣба на базарѣ, и народъ страдаетъ пуще прежняго. Торговцы и богачи, имѣющіе запасы, не хотятъ продавать ихъ по таксѣ и попрятали въ подвалы свой хлѣбъ“.—„Чтожъ дѣлать?“ говоритъ Гарунъ-аль-Рашидъ.—„Отмѣни таксу“, говоритъ визирь. Гарунъ-аль-Рашидъ послушался и отмѣнилъ таксу.—Теперь, пусть самъ „Экономическій Указатель“ говоритъ, что было далѣе:

Digitized by Google

„Ужаснулся народъ, узнавъ о такомъ рѣшеніи своего властелина, не понимая, что было причиною такой перемѣны. Начались опять бѣдствія, худшія, чѣмъ прежде, потому что хлѣбники подняли цѣны несравненно выше, чтобы вознаградить себя за убытки и опасности, которымъ они подвергались. Гарунъ-аль-Рашидъ зналъ, какъ страдаетъ народъ, но дѣлать было нечего: онъ ужъ опытомъ убѣдился, что, назначивъ цѣны, на мѣсто пользы, сдѣлалъ вредъ. Ужъ если изъ двухъ золъ выбирать меньшее, то пусть народъ ѣстъ мало, да какъ нибудь доживетъ до привоза припасовъ, нежели съѣстъ сегодня много, чтобы завтра быть безъ хлѣба. Такъ и случилось. Хотя народъ крѣпко бѣдствовалъ, но все же кое какъ прожилъ, и Гарунъ-аль-Рашидъ пришелъ къ тому убѣжденію, что для того, чтобы спасти народъ отъ голода, нужна не такса на предметы первой необходимости, а хорошія дороги, по которымъ можно было бы быстро перевозить съѣстные припасы съ одного мѣста на другое, и торговая предпріимчивость между купцами, которые откладывали бы изъ своихъ выгодъ сколько можно хлѣба въ дешевые года, на случай голода, а слѣдовательно и высокихъ цѣнъ“.

Мы выбрали эту незначительную статью, разборомъ которой не можетъ оскорбиться „Экономическій Указатель“, чтобы сказать наше мнѣніе о системѣ laissez-faire, которой, повидимому, „Экономическій Указатель“ не столько опасается, сколько надобно желать и для пользы русской публики, и для пользы самого журнала.

Нѣтъ въ мірѣ такой науки, которая была бы скучнѣе политической экономіи въ томъ смыслѣ, какой приданъ ей школою такъ называемыхъ французскихъ экономистовъ, иначе сказать, послѣдователей Сэ. У нихъ, политическая экономія имѣетъ страшно отвлеченный характеръ. Имъ мало дѣла до того, какіе именно вопросы имѣютъ существенную важность для той или другой страны въ извѣстное время, -такъ они заняты своею односторонней теоріею. Кстати и не кстати, вѣчно твердятъ они одно и тоже: „не стѣсняйте конкурренцію, не установляйте таксъ“—таковъ смыслъ и сказки, которую мы взяли примѣромъ для разбора этой теоріи.

Мы, русскіе, ровно ничего не выиграемъ отъ этого нравоученія. Таксы не имѣютъ важнаго значенія въ нашемъ экономическомъ бытѣ. А послѣдователи Сэ готовы вѣчно толковать о вредѣ таксъ, котораго мы, русскіе, вовсе не чувствуемъ (если только благоразумно установляемыя таксы дѣйствительно могутъ приносить вредъ, въ чемъ еще не всѣ или, лучше сказать, уже не всѣ ученые согласны). Вопросъ о таксахъ вовсе не принадлежитъ къ числу живыхъ, интересныхъ для русскаго общества. Какая же намъ будетъ охота слушать толки о немъ? Говорите намъ о способахъ улучшить наше земледѣльческое производство, говорите о способахъ расширить сбытъ фабричныхъ произведеній въ нашемъ сельскомъ населеніи, которое теперь очень мало ихъ покупаетъ. Эти вопросы для насъ важны;— но теорія послѣдователей Сэ очень мало занята ими, а вѣчно твердитъ о вредѣ таксъ. Можетъ ли она возбудить живой интересъ въ нашемъ обществѣ, имѣя страсть хлопотать о предметахъ маловажныхъ для насъ и не обращать вниманія на предметы, существенно интересующіе наше общество? Предаваться ей значило бы впередъ отказываться отъ живаго сочувствія публики.

Но мало того, что теорія Сэ мертва для насъ. Она сама по себѣ поверхностна и фальшива. Въ наукѣ это уже давно доказано. Для тѣхъ, которые не имѣли случая узнать объ успѣхахъ, сдѣланныхъ наукою со

Digitized by Google

временъ Сэ, мы покажемъ поверхностность и фальшивость его теоріи разборомъ сказки, ею порожденной и переданной нами выше со словъ „Экономическаго Указателя“.

Какой урокъ извлекаютъ жители Багдада изъ перенесеннаго ими бѣдствія?—„Надобно улучшить дороги, и не надобно установлять таксъ“. Какой бѣдный, неполный урокъ! Видно, что жители Багдада—люди, отставшіе отъ вѣка. Если бы между ними былъ человѣкъ, знакомый съ политическою экономіею не по одному Сэ, а по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, онъ повелъ бы съ ними рѣчь слѣдующимъ образомъ.

Въ Багдадѣ былъ страшный голодъ. Какъ могло это случиться?—У насъ былъ неурожай.—Но вѣдь при жестокомъ неурожаѣ сборъ хлѣба все таки равняется двумъ-третямъ обыкновеннаго сбора. Развѣ вы имѣете въ обыкновенные годы такъ мало хлѣба, что едва достаетъ вамъ на пропитаніе? иначе, если бы вы, напримѣръ, производили хлѣба въ обыкновенные годы вполтора раза болѣе, нежели нужно для вашего пропитанія, вы не терпѣли бы голодъ, когда сборъ оказался одною третью менѣе обыкновеннаго.—„Да, дѣйствительно, мы и въ обыкновенные годы кушали хлѣба меньше, нежели бы хотѣлось намъ“.—Почему же такъ? Развѣ у васъ мало земли?—„Нѣтъ, земли у насъ довольно“.—Значитъ, она неплодородна?—„Нѣтъ, земля у насъ хороша“.—Стало быть, у васъ земледѣліе въ дурномъ состояніи?—„Правда“.—Итакъ, друзья мои, старайтесь улучшить ваше земледѣліе. Это пригодится вамъ не только на случай неурожая (тогда и при неурожаѣ вы не будете слишкомъ голодны), но и въ обыкновенные годы; вы теперь едва кормитесь, а тогда будете жить въ избыткѣ. Такъ ли? Надобно вамъ улучшить ваше земледѣліе?—„Надобно“.—Такъ подумаемъ же вмѣстѣ, какъ бы вамъ приняться за это.—И онъ объяснилъ бы жителямъ Багдадской области, какія экономическія отношенія должны быть измѣнены, чтобы земледѣліе могло улучшиться.

Это нравоученіе полезнѣе и ближе къ дѣлу, нежели рѣчь о таксахъ.

„Гарунъ-аль-Рашидъ хотѣлъ купить для насъ хлѣба въ сосѣднихъ областяхъ, да перевезти его нельзя было бы скоро, потому что дороги у насъ плохи“, говорятъ багдадскіе жители своему совѣтнику.—„Какъ! у васъ нѣтъ хорошихъ дорогъ? Значитъ, вы народъ безпечный, если не позаботились давно объ этомъ важномъ дѣлѣ. Какія же причины сдѣлали васъ такими безпечными людьми? Надобно изслѣдовать это“.—И началось бы объясненіе экономическихъ отношеній, развивающихъ въ народѣ безпечность.

Это нравоученіе также полезнѣе и ближе къ дѣлу, нежели рѣчь о таксахъ.

„Мы очень бѣдствовали, и помочь было нельзя: таксы не помогли“, продолжаютъ жители Багдадской области.—Но вѣдь, кромѣ таксъ, существуетъ множество способовъ помочь народу во время голода, замѣчаетъ ихъ собесѣдникъ:—укажу вамъ хотя одинъ: во время голода, объявляютъ хлѣбникамъ, что они должны продавать фунтъ хлѣба по прежней дешевой цѣнѣ; а разницу между дорогой цѣной и обыкновенной будетъ имъ приплачивать городъ,—для этой цѣли можно сдѣлать особенный заемъ. Это средство испытанное.

Digitized by Google

„А таксы дѣйствительно безполезны или даже вредны?“ спрашиваютъ любопытные багдадцы.—Прежде такъ думали всѣ ученые, отвѣчаетъ имъ ихъ собесѣдникъ,—а теперь многіе, самые ученѣйшіе и глубокомысленнѣйшіе люди напротивъ доказываютъ, что разумная таксація—одинъ изъ лучшихъ способовъ значительно улучшить экономическій бытъ народа.—И онъ объяснилъ бы имъ теорію таксаціи, принимающей за основаніе цѣнности вещей стоимость ихъ производства.

Такимъ образомъ, онъ доказалъ бы имъ, что если Гарунъ-аль-Рашидъ не могъ установить таксу на хлѣбъ, такъ это потому, что не умѣлъ приняться за дѣло какъ слѣдуетъ; да и безъ таксъ имѣлъ бы средства помочь народу, если бы зналъ открытія, сдѣланныя наукою.

Мы обратили вниманіе на эту сказку о Гарунѣ-аль-Рашидѣ потому, что она явилась въ № 1-мъ „Экономическаго Указателя“, какъ бы предвѣстницею направленія, котораго будетъ держаться журналъ,—къ счастью, многія изъ послѣдующихъ статей не оправдываютъ этого предзнаменованія. Въ семи нумерахъ, которые мы прочли, находится не одно изслѣдованіе, касающееся предметовъ очень интересныхъ. Особенно мы замѣтимъ статьи о желѣзныхъ дорогахъ г. Вернадскаго, Гагемейстера, г. Д. Г.; „Теорія и практика“, г. Бабста и „Опытъ изложенія условій сельскаго хозяйства“, г. Струкова.

„Умный купецъ, порядочный чиновникъ чувствуютъ, ежели не у насъ, то вездѣ по крайней мѣрѣ, что безъ науки, безъ образованія каждый шагъ тяжелъ и труденъ (говоритъ г. Бабстъ).—Необходимость экономическаго образованія сознаетъ въ настоящее время въ Европѣ каждый рабочій“—надобно желать, чтобы тоже самое было и у насъ. Но распространить охоту знакомиться съ политическою экономіею нельзя отвлеченными разсужденіями о банкирскихъ операціяхъ, необходимости безграничной конкурренціи и предоставленіи экономическимъ отношеніямъ полной воли развиваться подъ вліяніемъ односторонняго принципа конкурренціи, въ зависимости отъ банкирскихъ операцій. Чтобы возбудить интересъ къ себѣ, наука должна говорить преимущественно о вопросахъ, имѣющихъ для страны наибольшую важность. Если „Экономическій Указатель“ будетъ держаться этого правила, онъ принесетъ очень большую пользу своему дѣлу,—дѣлу распространенія у насъ экономическихъ понятій. Статью г. Бабста нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы она не удовлетворяла этому требованію.

Тема его —разъясненіе побужденій, по которымъ очень многіе возстаютъ у насъ противъ политической экономіи,—тема очень живая, потому что, дѣйствительно, недостатокъ уваженія къ наукѣ—одинъ изъ главныхъ нашихъ недостатковъ. Коренною причиною вражды, чувствуемой многими къ наукѣ, онъ справедливо считаетъ то, что ея выводы противорѣчатъ эгоистическимъ и близорукимъ желаніямъ невѣждъ. Но онъ такъ добросовѣстенъ, что не умалчиваетъ и о другой причинѣ недовѣрчивости къ теоріи,—„теоретики часто вредятъ себѣ и благому дѣлу народнаго развитія своею исключительностью и неумолимостью“. Иногда они воображаютъ, что, сказавъ: „цѣна зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ“,—„конкурренція не должна быть ограничиваема ни подъ какимъ видомъ“—они

Digitized by Google

уже высказали всю истину и дали рецептъ для излеченія всѣхъ экономическихъ болѣзней,—они часто забываютъ, что безграничная конкурренція (новѣйшая форма средневѣковаго кулачнаго права) ведетъ къ монополіи, противъ которой сами же они такъ сильно возстаютъ; и что, такъ какъ человѣкъ есть не экономическая машина, а живое существо, одаренное съ одной стороны различными потребностями, а съ другой—разумомъ, то и надъ слѣпымъ, неразумнымъ и безжалостнымъ принципомъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ долженъ въ человѣческомъ обществѣ возвышаться другой принципъ—законъ удовлетворенія естественнымъ потребностямъ человѣка и разумной организаціи экономическихъ силъ. Воображая, что все наилучшимъ образомъ устроивается безъ вмѣшательства разумной воли, однимъ инстинктомъ промышленниковъ, они тѣмъ самымъ отвергаютъ необходимость теоріи и признаютъ ненарушимость практики.

Г. Бабста нельзя упрекнуть въ такой односторонности. Онъ признаетъ, что наука должна принимать въ соображеніе жизненныя потребности человѣка, и прилагаетъ это правило къ дѣлу. Статья его наполнена не алгебраическими формулами, а живыми объясненіями фактовъ нашей экономической жизни. Онъ говоритъ о состояніи нашего земледѣльческаго производства, о монопольномъ характерѣ нашей промышленности и торговли и т. д. Такихъ живыхъ статей, какъ его „Теорія и практика“, надобно желать больше.

Такого же вниманія заслуживаетъ статья г. Струкова: „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства“. Она написана не съ отвлеченной точки зрѣнія, говоритъ не о вредѣ таксъ и тому подобныхъ болѣе или менѣе безполезныхъ предположеніяхъ, а о томъ, до какой степени благопріятны для экономическаго развитія тѣ условія, въ которыхъ производится у насъ земледѣльческій трудъ. Такія изслѣдованія будутъ всегда читаться съ интересомъ и только они могутъ дѣйствительно быть полезны дѣлу распространенія здравыхъ научныхъ понятій.

О желѣзныхъ дорогахъ въ первыхъ семи нумерахъ „Экономическаго Указателя“ помѣщенъ уже цѣлый рядъ статей. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ— „Замѣтки о желѣзной дорогѣ“, г. Д. Г. Кромѣ того, замѣтимъ „Письмо г. Редактору Экономическаго Указателя“, г. Гагемейстера, и „Нѣчто о средствахъ сообщенія“, г. Вернадскаго.

Изъ разныхъ проектовъ, имѣющихъ цѣлью дополнить второстепенными линіями ту сѣть желѣзныхъ дорогъ, о построеніи которой уже заключенъ правительствомъ контрактъ, г. Вернадскій наиболѣе важнымъ и наиболѣе исполнимымъ считаетъ три линіи: 1) отъ Рыбинска къ Верхнему Волочку; 2) отъ Кіева до Одессы; 3) отъ Москвы на Моршанскъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти дороги очень важны; но чтобы доказать рѣшительное преимущество ихъ передъ всѣми другими линіями, необходимо подкрѣпить болѣе точными и подробными доводами общія соображенія, представляемыя въ ихъ пользу г. Вернадскимъ.

Г. Гагемейстеръ, въ „Письмѣ къ редактору“, доказываетъ, что едва ли можно разсчитывать на доходъ, много превышающій пять процентовъ въ первые годы по сооруженіи линій, нынѣ уступленныхъ компаніи барона

Digitized by Google

Штиглица, а потому напрасны опасенія, что иностранные акціонеры этой компаніи будутъ вывозить изъ Россіи большія богатства, — мысль, совершенно справедливая. Онъ не считаетъ основательнымъ и того опасенія, что компанія можетъ наводнить Россію иноземными рабочими,—это было бы невыгодно для самой компаніи,—и этотъ разсчетъ совершенно вѣренъ; наконецъ онъ не раздѣляетъ и того предположенія, что проценты, приносимые дорогами, будутъ очень незначительны, и правительству придется доплачивать имъ слишкомъ большія суммы. Дѣйствительно по всей вѣроятности, средній доходъ будетъ не менѣе трехъ процентовъ,—черезъ нѣсколько лѣтъ, конечно, болѣе, такъ что скоро достигнетъ до пяти процентовъ, гарантируемыхъ правительствомъ.

Что касается значенія желѣзныхъ дорогъ для Россіи, г. Гагемейстеръ, подобно автору статьи, помѣщенной въ № 2 „Современника" за прошлый годъ, полагаетъ, что желѣзныя дороги въ Россіи должны, по сравненію съ другими способами сообщенія, имѣть болѣе преимуществъ, нежели въ иныхъ земляхъ.

Вотъ его слова:

„По недостаткамъ естественныхъ путей въ Россіи, искусственные пути предназначены къ большему еще значенію, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Рѣки наши судоходны только въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, сколько отъ замерзанія ихъ зимою, столько отъ лѣтняго мелководія; а по мѣрѣ вырубки лѣсовъ—весеннія воды стекаютъ скорѣе, снѣга и дождя вообще выпадаетъ менѣе. Между прочимъ, уменьшившейся въ атмосферѣ влажности и меньшему затѣмъ приливу водъ въ Каспійское море должно отчасти приписать, что средній уровень Каспія отъ 1804 по 1853 годъ понизился на 12 футовъ. Съ этимъ сопряжено, разумѣется, соотвѣтственное пониженіе уровня всѣхъ притоковъ Каспійскаго моря, т. е. водной системы всей восточной полосы Россіи.

„Отъ этихъ климатическихъ причинъ сухопутныя сообщенія страдаютъ не менѣе водяныхъ. Снѣгъ, который часто будетъ затруднять движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ихъ пользу болѣе ощутительною въ Россіи, чѣмъ въ странахъ, пользующихся климатомъ болѣе умѣреннымъ, ибо нынѣ сообщеніе юга съ сѣверомъ Россіи возможно только въ лѣтніе мѣсяцы, а пресловутая русская зима облегчаетъ перевозку только въ сѣверной полосѣ Имперіи. По этимъ причинамъ съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ все товарное движеніе перейдетъ къ онымъ, тѣмъ болѣе, что во время осени и зимы, когда нынѣ совершенно прекращается рѣчная и отчасти затруднена сухопутная перевозка, настоитъ наибольшая надобность въ перевозкѣ произведеній, составляющихъ главное богатство Россіи. Что касается пассажировъ, то число ихъ будетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣ полагаютъ, потому что нѣтъ народа, болѣе сохранившаго при осѣдлости наклонность къ кочевой жизни, какъ великороссіяне, промышляющіе во всѣхъ концахъ Имперіи. Одно уже число косарей, отправляющихся изъ сѣверныхъ губерній въ южныя для уборки хлѣба и сѣна, дастъ немало занятія Московско-ѳеодосійской дорогѣ".

Не совсѣмъ таково мнѣніе г. Д. Г. (въ статьѣ „Замѣтки о желѣзной дорогѣ"). Онъ, само собою разумѣется, увѣренъ, что желѣзныя дороги дадутъ чрезвычайно сильное развитіе нашей экономической жизни, и, конечно, не менѣе другихъ сочувствуетъ великому дѣлу ихъ устроенія; но—говоритъ онъ—не должно увлекаться и преувеличенными ожиданіями,—надобно дать мѣсто безстрастному разсчету.

У насъ вошло въ обычай сравнивать результаты, ожидаемые отъ же-

Digitized by Google

лѣзныхъ дорогъ для Россіи, съ движеніемъ, которое производится по желѣзнымъ дорогамъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Сходство тутъ заключается въ огромности разстояній и малой плотности населенія. Но есть и важныя различія, которыхъ не должно упускать изъ виду.

Въ ту эпоху, когда начали строиться желѣзныя дороги въ Сѣверной Америкѣ, промышленная дѣятельность имѣла уже громадные размѣры; огромныя пространства земли на Западѣ ждали только желѣзныхъ дорогъ, чтобы населиться колонистами: условія производительнаго труда были очень благопріятны, характеръ народа былъ дѣятеленъ и предпріимчивъ. У насъ этихъ условій нѣтъ. Потому не должно и ожидать, чтобы въ первые годы по открытіи желѣзныхъ дорогъ движеніе товаровъ и пассажировъ приняло такіе размѣры, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Притомъ, направленіе линій въ Сѣверной Америкѣ опредѣлялось исключительно экономическими потребностями, безъ всякаго вліянія административныхъ или стратегическихъ соображеній.

Но если справедливо, что желѣзныя дороги у насъ въ первые годы не будутъ перевозить столько товаровъ, какъ въ Америкѣ, то, по нашему мнѣнію, все-таки онѣ у насъ имѣютъ еще болѣе рѣшительное превосходство надъ прежними путями сообщенія, нежели въ Америкѣ. Факты, указываемые г. Гагемейстеромъ, столь же вѣрны, какъ и тѣ, на которые указываетъ г. Д. Г. Соображая тѣ и другіе, мы должны прійти къ такому выводу. Положимъ, что промышленная дѣятельность въ Америкѣ до устроенія желѣзныхъ дорогъ была въ четыре раза больше нежели у насъ. Если съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ она удвоилась, то у насъ должна утроиться,—но, конечно, и тогда еще не сравнится своими размѣрами съ сѣверо-американскою. Сѣверо-американцы посредствомъ желѣзныхъ дорогъ возвысили свое производство отъ 4 до 8; мы возвысимъ отъ 1 до 3,—перевѣсъ абсолютной величины производства останется за Сѣверною Америкою — въ этомъ правъ г. Д. Г.; но степень усиленія производства значительнѣе для насъ, нежели для сѣверо-американцевъ,—въ этомъ правъ г. Гагемейстеръ.

Конечно, мы говоримъ объ усиленіи экономической дѣятельности только въ тѣхъ полосахъ, по которымъ пролегаютъ желѣзныя дороги; области, не охватываемыя дѣйствіемъ желѣзныхъ дорогъ, конечно, почти ничего не выиграютъ отъ нихъ, — и замѣчаніе г. Д. Г. о необходимости проведенія многочисленныхъ отраслей и соединительныхъ линій отъ главныхъ, длинныхъ путей остается совершенно справедливымъ.

Отъ всей души желаемъ, чтобы въ „Экономическомъ Указателѣ“ сдѣлалось преобладающимъ то дѣловое, живое направленіе, которымъ отличаются статьи, нами указанныя вниманію читателей. Только тогда „Экономическій Указатель“ дѣйствительно будетъ удовлетворять настоятельной потребности нашего общества въ политико-экономическомъ журналѣ.

Настоятельная потребность политико-экономическаго журнала — какой шагъ впередъ въ развитіи нашей публики обнаруживается этимъ фактомъ! Десять лѣтъ тому назадъ такой журналъ былъ бы явленіемъ почти совершенно излишнимъ; онъ не нашелъ бы десятой части тѣхъ читателей, кото-

Digitized by Google

рые теперь заинтересованы имъ; онъ былъ бы явленіемъ невозможнымъ Да, что ни говорите, а мы таки развиваемся, и чтобы ни говорили мы о нашей литературѣ, все-таки въ ней замѣтнѣе всего отражается это развитіе.

Любопытно сравнить характеръ журналовъ нашихъ за послѣднія тридцать лѣтъ,—постепенное развитіе нашей мысли очень отчетливо обнаруживается такимъ сравненіемъ.

До 1830 года оригинальная повѣсть была въ нашихъ журналахъ рѣдкостью. Говоря: оригинальная, мы, конечно, разумѣемъ только „написанная русскимъ авторомъ", вовсе не разумѣя того, чтобъ въ ней было сколько нибудь самостоятельности. Нѣсколько времени спустя „Телеграфъ" сталъ чаще прежняго украшаться оригинальными повѣстями,—но это было дѣломъ не столько времени, сколько случая: Н. А. Полевой вздумалъ быть беллетристомъ, другой причины тому не было. Какъ явленіе случайное, эта черта—частое помѣщеніе русскихъ повѣстей,—еще исключительно принадлежало одному журналу Полеваго. Другіе журналы оставались по прежнему безъ повѣстей. Въ 1834 году основалась „Библіотека для Чтенія", и однимъ изъ постоянныхъ отдѣловъ своей программы сдѣлала „Русскую Словесность", понимая подъ этимъ словомъ повѣсти, разсказы, комедіи въ прозѣ. Дѣйствительно, съ того времени постоянно въ каждой книжкѣ „Библіотеки" бывала русская повѣсть. Но это все-таки было еще не дѣломъ времени, а просто натяжкою со стороны редакціи, обязавшейся во что бы то ни стало печатать чтобы то ни было въ отдѣлѣ „Русской Словесности", — статьи, наполнявшія этотъ отдѣлъ, большею частью писались точно также, какъ статьи отдѣла „Сельское Хозяйство" — фабричнымъ образомъ, и вовсе не претендовали на литературныя достоинства. Въ другихъ тогдашнихъ журналахъ русская повѣсть все еще была явленіемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, хотя съ каждымъ годомъ становилась явленіемъ менѣе рѣдкимъ.

Ученый отдѣлъ журналовъ былъ и того бѣднѣе оригинальными статьями.

Такъ продолжалось до основанія „Отечественныхъ Записокъ" (1839). Тутъ въ первый разъ русскія повѣсти, писанныя не фабричнымъ образомъ, какъ въ „Библіотекѣ для Чтенія", стали явленіемъ обыкновеннымъ, хотя все-таки далеко не на каждую книжку доставало этихъ произведеній. Тутъ въ первый разъ и ученыя оригинальныя статьи довольно большаго объема и довольно важнаго достоинства перестали быть рѣдкостью, но все-таки ихъ было менѣе, нежели повѣстей.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ,—и русская беллетристика достигла уже такого развитія, что каждая книжка журнала непремѣнно имѣла русскую повѣсть. Это началось около того времени, какъ основался нашъ журналъ (1847). Ученый отдѣлъ все еще гораздо чаще наполнялся во всѣхъ журналахъ переводами или компиляціями. Всего только пять-шесть лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ журналахъ оригинальныя статьи серьезнаго содержанія и положительнаго достоинства начали являться постоянно.

Но если мы сравнимъ нынѣшніе журналы съ журналами лѣтъ за десять по отношенію къ ученымъ статьямъ, мы замѣтимъ разницу не только въ количествѣ, но и въ содержаніи. Публика была такъ еще нетребовательна, что статьи самаго сухаго содержанія не считались неудобными для

Digitized by Google

журнала, имѣющаго читателями всю массу публики. Какъ то съ годъ тому назадъ всѣ удивились, нашедши въ одномъ изъ хорошихъ журналовъ статью о Кириллицѣ или о Глаголицѣ, — помилуйте, да лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ такія ли статьи помѣщались лучшимъ тогдашнимъ журналомъ сплошь да рядомъ—припомните только, чего вы не видали въ журналахъ, издававшихся для всей массы публики!—статьи о музыкальныхъ гаммахъ, объ анатоміи, о русскихъ азбуковникахъ, о леченіи болѣзней искусствомъ и натурою, о тмутараканскомъ камнѣ и тому подобныхъ предметахъ.

До послѣдняго времени не предполагалось возможнымъ, чтобы могъ существовать большой журналъ, исключительно благодаря статьямъ серьезнаго содержанія. Теперь это очевидно для всякаго. Есть даже многіе, которые думаютъ, что беллетристика становится въ нашей литературѣ на второе мѣсто, — положимъ, это мнѣніе пока еще преждевременно; но каждый знаетъ, что пять-шесть лѣтъ тому назадъ статьи серьезнаго содержанія не имѣли и половины той публики, какую имѣютъ нынѣ.

До сихъ поръ единственными журналами, нужными массѣ публики, были журналы энциклопедическіе. Теперь, каждый видитъ, что начинается возможность существовать журналу, не только ограничивающемуся однѣми серьезными статьями, но и статьями, принадлежащими къ одной опредѣленной области наукъ. Никто, конечно, не усомнится нынѣ, что, кромѣ журнала политико-экономическаго (существованіе котораго есть уже фактъ), могъ бы существовать журналъ историческій.

Люди, еще не старые, пережили на своемъ вѣку всѣ эти различныя эпохи нашей журналистики. Двадцать лѣтъ тому назадъ почти не существовало въ нашихъ журналахъ русской беллетристики. Пятнадцать лѣтъ назадъ были еще очень малочисленны въ нашихъ журналахъ самостоятельныя статьи серьезнаго содержанія, имѣющія положительное достоинство или заслуживающія, по нынѣшнимъ понятіямъ, имя общеинтересныхъ статей. Еще менѣе лѣтъ прошло съ той поры, когда публика стала обращать на серьезныя статьи столько же вниманія, сколько и на беллетристику, и пріучилась быть сколько нибудь разборчивою относительно этихъ статей. Критика, правда, явилась въ нашихъ журналахъ дѣйствительно заслуживающею вниманія раньше, нежели беллетристика или ученый отдѣлъ, — но и тому прошло только съ небольшимъ тридцать лѣтъ,—до „Телеграфа“ она была ничтожна, какъ и самые журналы были незначительны.

А между тѣмъ давно ужъ публика наша читаетъ преимущественно журналы; за долго до „Телеграфа“ слышались мнѣнія, что журналы — главная отрасль нашей литературы, и повторялись слова:

„И вижу наконецъ въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной“.

Спрашивается теперь: съ давняго ли времени наша литература стала дѣйствительно замѣтнымъ элементомъ нашей народной жизни?

Часто жаловались у насъ на то, что въ прежнее время не заботились о сохраненіи матеріаловъ для біографіи нашихъ писателей, — эта небрежность, конечно, очень прискорбная для историка литературы, происходила отъ причины очень естественной и даже основательной. Литература

Digitized by Google

не была важнымъ явленіемъ народной жизни, — какая же могла представляться потребность собирать и сохранять свѣдѣнія, относящіяся до литературы и до литераторовъ? Въ послѣднее время, небрежность эта стала мало-по-малу уступать мѣсто заботливости о собираніи біографическихъ данныхъ. Такую перемѣну приписывали различнымъ причинамъ, иногда великолѣпнымъ, иногда очень незавиднымъ. По нашему мнѣнію, проще и вѣрнѣе другихъ объясненій то, что собиратели фактовъ обратили вниманіе на нашу литературу (и, слѣдовательно, на ея дѣятелей) съ того времени, какъ важность ея стала очевидна. Послѣ Пушкина и во время Гоголя пріобрѣла она важность,—съ Пушкина и Гоголя и начинается рядъ писателей, жизнь которыхъ кажется ихъ современникамъ достойною того, чтобы современники и потомство знали о ней. И прежде литераторы превозносили другъ друга,— даже гораздо усерднѣе превозносили, нежели нынѣ. Но до послѣдняго времени общество не вѣрило въ важность ихъ дѣла,—и они сами невольно, инстинктивно сомнѣвались въ его важности. Въ Пушкинѣ общество въ первый разъ признало писателя великимъ историческимъ лицомъ,— очень натурально, что о немъ стали собирать біографическія данныя, какъ и о всякомъ важномъ лицѣ въ народной исторіи. Гоголемъ серьезное вниманіе общества занялось еще сильнѣе,—о немъ пишутъ еще болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, о Гоголѣ теперь собрано ужъ едва ли не болѣе біографическихъ свѣдѣній, нежели о всѣхъ знаменитыхъ нашихъ писателяхъ до Пушкина. Г. Николай М*** издалъ два толстые тома „Записокъ“ о его жизни,—публика не утомилась этими двумя томами, — напротивъ, въ ней только пробудилось ими желаніе узнать о его жизни еще болѣе, и люди, бывшіе къ нему близкими, спѣшатъ удовлетворить этому желанію,—за одною статьею о жизни Гоголя слѣдуетъ другая. Въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ г. Тарасенковъ разсказалъ намъ, какъ медикъ, исторію послѣднихъ дней великаго писателя, — въ февральской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“—г. Анненковъ свои воспоминанія о Гоголѣ.

Г. Анненковъ былъ однимъ изъ близкихъ знакомыхъ Гоголя въ періодъ его петербургской жизни, до отъѣзда за границу въ 1836 г. Потомъ въ Римѣ, онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ нимъ. Воспоминанія такого человѣка должны были быть очень интересны, — и дѣйствительно, они очень интересны. Статья, напечатанная въ февральской книжкѣ „Библіотеки“, доводитъ разсказъ только до встрѣчи г. Анненкова съ Гоголемъ въ Римѣ въ 1841 и, конечно, будетъ имѣть продолженіе. Теперь мы скажемъ только, что факты, сообщаемые г. Анненковымъ, значительно объясняютъ намъ Гоголя, какъ человѣка, и что вообще взглядъ г. Анненкова на его характеръ кажется едва ли не справедливѣйшимъ изъ всѣхъ, какіе только высказывались до сихъ поръ. Г. Анненковъ не усиливается, въ противность правдѣ и правдоподобію, воображать или изображать Гоголя человѣкомъ безъ всякихъ слабостей, безъ всякихъ недостатковъ, какъ то дѣлали другіе; онъ откровенно признается, что въ Гоголѣ была частица притворства, частица искательства, частица хитрости,—но, понимая эти недостатки, г. Анненковъ понимаетъ также, что они съ избыткомъ вознаграждались другими качествами его натуры, прекрасными и благородными. Онъ

Digitized by Google

не дѣлаетъ нашего великаго писателя идеаломъ всевозможныхъ добродѣтелей, но видитъ въ немъ человѣка, котораго трудно было не полюбить, сошедшись съ нимъ, и нельзя было не уважать, понявъ его, — и читатель вѣритъ тому. Это не панегирикъ и не апологія,—это просто правдивый разсказъ, который для доброй славы человѣка бываетъ лучше всякихъ панегириковъ и апологій.

Г. Анненковъ, кажется, хочетъ представить намъ цѣлый рядъ воспоминаній и біографическихъ этюдовъ о замѣчательныхъ людяхъ русской литературы послѣднихъ десятилѣтій,—въ то самое время, какъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ печатаетъ онъ свой разсказъ о Гоголѣ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 3-ій) является первая часть написанной имъ біографіи Н. В. Станкевича, этого юноши, объ очаровательно-возвышенной личности котораго не могутъ безъ умиленія вспоминать люди, имѣвшіе счастье знать его, о чрезвычайно сильномъ и благотворномъ вліяніи котораго на развитіе избраннѣйшихъ нашихъ писателей вѣчно будетъ съ признательностью говорить исторія нашей литературы.

Въ примѣчаніи къ этому этюду г. Анненковъ увѣдомляетъ насъ, что письма Станкевича, послужившія ему главнымъ матеріаломъ для составленія біографіи, приготовляются къ изданію. Этюдъ г. Анненкова, вмѣстѣ съ этими письмами, познакомитъ русскаго читателя съ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ важныхъ эпизодовъ исторіи умственной жизни нашей родины. Мы надѣемся возвратиться къ этому предмету.

Нельзя не желать, чтобы г. Анненковъ, который болѣе, нежели кто нибудь, имѣетъ средствъ для обогащенія нашей литературы такими трудами, какъ его „Матеріалы для біографіи Пушкина“, „Воспоминанія о Гоголѣ“ и біографія Станкевича, неутомимо посвящалъ свои силы этой прекрасной дѣятельности, которая доставила ему уже столько правъ на благодарность русской публики. Послѣ славы быть Пушкинымъ или Гоголемъ прочнѣйшая извѣстность—быть историкомъ такихъ людей.

Наши замѣтки о журналахъ за прошедшій мѣсяцъ были бы неполны, еслибъ мы не упомянули о прекрасной повѣсти г. Писемскаго „Старая барыня“ („Библіотека для чтенія“, № 2). Старая барыня—гофъ-интендантша Катерина Евграфовна Пасмурова, дѣйствительно барыня старыхъ временъ, и притомъ большая, богатая, для своей губерніи даже знатная барыня. Какимъ почетомъ пользуется она въ губерніи! Когда начальникъ губерніи поѣдетъ по своей области, онъ долгомъ своимъ считаетъ заѣхать къ ней засвидѣтельствовать свое уваженіе,—с мелюзгѣ и говорить нечего: исправники и засѣдатели говорятъ съ нею чуть не на колѣнахъ стоя. Она требуетъ и умѣетъ внушить почтеніе къ своей высокой особѣ. Зато, и сама она знаетъ, какъ съ кѣмъ должно обходиться. Ѣдетъ новый губернаторъ,—она шлетъ своего дворецкаго съ поклономъ къ нему, подноситъ дворецкій самолучшихъ мѣрныхъ стерлядей въ серебряной лохани и говоритъ, что „такъ и такъ, госпожа его, гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама пріѣхать не можетъ, но за-очно дѣлаетъ ему поздравленіе съ пріѣздомъ и, какъ обывательница здѣшняя, кланяется ему, вмѣсто хлѣба-соли, рыбой въ лохани“.

Digitized by Google

Почетъ почетомъ, но и выгода въ почетѣ. Когда продается имѣнье съ торговъ, и пришелъ на торги ея повѣренный, никто ужъ изъ покупателей не сунется, всякъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ.

То ли она еще дѣлала! Разъ дворянина въ очередь вмѣсто своего мужика въ рекруты сдала,—конечно, не по неволѣ, волею пошелъ, таковъ ужъ былъ у нея повѣренный, Яковъ Ивановъ дворецкій,—всякое дѣло умѣлъ устроить.

Этотъ самый Яковъ Ивановъ, теперь уже девяносто-семилѣтній старикъ, обѣднѣвшій, слѣпой, ведетъ рѣчь о своей старой барынѣ, „которая была, можетъ, наипервая особа въ Россіи; только званіе имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умнѣйшаго ума были дама“.

Разсказъ ведется на постояломъ дворѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ женщинѣ по женскому слабому понятію говорить приличнѣе, Яковъ Ивановъ позволяетъ или приказываетъ говорить женѣ; въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ Яковъ Ивановъ, лицемѣря не только передъ другими, но и передъ собою, но лицемѣря съ достоинствомъ человѣка, говорящаго правду (такъ привыкъ онъ чтить госпожу), хочетъ прикрыть все, что было не ладно, перебиваетъ его содержательница постоялаго двора, которая не раздѣляетъ благоговѣнія Якова Иванова къ его госпожѣ,—„каменнаго сердца госпожа была“,—и напрямки доказываетъ, какія безбожныя дѣла его госпожа дѣлала, какъ людей губила ради своей гордости, —да и сына-то, можетъ быть, черезъ это погубила—а онъ во всемъ ей слугою или еще и подъуститеемъ былъ, точно Бога они съ госпожею не имѣли.

Сюжетъ повѣсти немногосложенъ. Любимая, единственная внука гофъ-интендантши, на которую не надышалась старуха, полюбила бѣднаго офицера, сына сосѣдки помѣщицы, которая велѣла ему выйти въ отставку,—можно себѣ представить, какъ приняла гофъ-интендантша сватовство: выгнала мать жениха, осмѣлившуюся говорить ей такія дерзкія рѣчи,—быть можетъ, что и внучку свою по щечкѣ ударить изволила, какъ полагаетъ жена Якова Иванова,—внука бѣжала и повѣнчалась съ офицеромъ,—страшную нужду терпѣли они: онъ искалъ мѣста, никто не давалъ мѣста, потому что гофъ-интендантша не желала. Мало того, когда началъ бѣднякъ съ горя выпивать, Яковъ Ивановъ устроилъ такъ, что жена убѣдилась въ измѣнѣ мужа (она не даромъ была внука гофъ-интендантши), бросила его и воротилась къ бабушкѣ, которая приняла ее, какъ будто и не было вражды между ними,—но съ мужемъ видѣться не позволила. Не выдержалъ мужъ, перерядился разбойникомъ и увезъ жену. Но измучившаяся женщина не перенесла страшнаго испуга. А бабушка надъ нею памятникъ поставила.

Разсказъ превосходенъ. Одинъ только недостатокъ можемъ мы замѣтить въ немъ—Грачиха, содержательница постоялаго двора, нѣсколько разъ вмѣшивается въ разсказъ, который, по намѣренію Якова Иванова, долженъ прекратиться,—вмѣшательство Грачихи каждый разъ поддерживаетъ его. Это связываніе обрывающейся нити не всегда введено съ достаточною естественностью,—вмѣшательство Грачихи и возобновленіе рѣчи Якова Иванова иногда не мотивировано и, кажется, будто разсказъ продолжается не по-

Digitized by Google

тому, чтобы могъ въ самомъ дѣлѣ продолжаться, а только по намѣре автора дослушать его насильно натягивается его продолженіе,—да и авт по всегда скрываетъ, что онъ не столько слушаетъ разсказъ, сколько нятъ мыслью: „а вѣдь я перескажу его публикѣ“. Писатель не довол скрылся въ слушателѣ.

Еще замѣчаніе, соглашаться или не соглашаться съ которымъ мы готовы предоставить на произволъ автора, потому что оно основано на шей догадкѣ, а угадали-ль мы намѣреніе автора въ этомъ случаѣ, не з емъ. Яковъ Ивановъ на постояломъ дворѣ за тѣмъ, что провожаетъ вн въ рекрутское присутствіе, внукъ промотыжничался и нанялся въ рекру въ этой погибели виноватъ дѣдъ,—пропиталась его душа правилами инт дантши, и на его любимцѣ отразились эти правила тою же судьбою, к на внукѣ гофъ-интендантши, и онъ на старости лѣтъ понесъ ту же ка ту же скорбь, какъ она. Но отношенія дѣда къ внуку не выставлены достаточною опредѣленностью. Намъ кажется, должно было сдѣлать о изъ двухъ: или хотя двумя-тремя словами опредѣлить характеръ уча Якова Иванова въ погибели внука, или измѣнить нѣсколько фразъ, ставляющихъ видѣть такое отношеніе, между тѣмъ какъ нельзя знать, чемъ же именно состояло оно.

Намъ кажется также, что характеръ мужа гофъ-интендантской вн не обрисованъ съ такою отчетливостью, чтобы его развратъ и потомъ в вращеніе къ женѣ были достаточно мотивированы,—но это лицо второ пенное,—мы можемъ догадываться, что это былъ одинъ изъ тѣхъ „ рошихъ“ людей, о которыхъ говорятъ „ни рыба, ни мясо“—потому этимъ недостаткомъ мы не гонимся.

За то какъ хороша гофъ-интендантша, какъ хорошъ вѣрный с Яковъ Ивановъ и въ какомъ эффектномъ свѣтѣ является онъ девяно семилѣтнимъ старикомъ, слѣпымъ, но совершенно крѣпкимъ душою, „ка наго сердца человѣкомъ“, съ однимъ старымъ чувствомъ,—фамильной достью родоваго слуги своею госпожею,—это фанатикъ челядинства; к хороша его жена, какъ эффектно его мужское владычество надъ бабою старость не смягчила суровости этого господства, какъ обыкновенно смягча его въ другихъ супружествахъ простолюдиновъ—она и не должна смягч его: таковъ закаленный правилами госпожи характеръ этого человѣка. А кая правда въ самомъ разсказѣ! Какъ соблюденъ характеръ старины и языкѣ и въ понятіяхъ!—„Старая барыня“ принадлежитъ къ лучшимъ п изведеніямъ талантливаго автора, а по художественной отдѣлкѣ—эта вѣсть, безспорно, выше всего, что доселѣ издано г. Писемскимъ.

— ———

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія Н. Арбузова. *Спб. 1856 г.*

Очень выгодно положеніе того писателя, который является передъ публикою не предшествуемый толпою слишкомъ услужливыхъ друзей и не увѣнчанный преждевременными лаврами по приговору слишкомъ самоувѣренныхъ покровителей. Книга его выходитъ скромно, тихо, безъ всякихъ особенныхъ претензій, не подавая никому основанія къ слишкомъ высокимъ ожиданіямъ, не представляя повода къ строгимъ сужденіямъ. Непредупрежденный и непредубѣжденный читатель тѣмъ съ большею готовностью и радостью оцѣнитъ въ ней все хорошее, если неожиданно найдетъ что нибудь хорошее. А если и не найдетъ ничего такого, бѣда не велика для книги: не ожидая ничего особеннаго, читатель не имѣетъ основанія досадовать или сердиться, онъ спокойнымъ, снисходительнымъ, мягкимъ тономъ говоритъ: „книга такъ—себѣ, если не слишкомъ хороша, то и не слишкомъ дурна“.

Таково именно положеніе книги г. Арбузова. Если бъ онъ самъ или кто нибудь другой требовалъ, чтобы г. Арбузовъ былъ признанъ особенно даровитымъ поэтомъ, пришлось бы доказывать, что такое требованіе неосновательно. Но книга г. Арбузова явилась скромно, безъ всякаго шума, безъ всякихъ претензій, и мы спокойно можемъ смотрѣть на нее съ настоящей точки зрѣнія, не имѣя нужды возставать противъ какихъ нибудь преувеличеній самолюбія или пристрастія.

Книга г. Арбузова имѣетъ очень почтенный объемъ; она заключаетъ до девяноста пьесъ, занимающихъ болѣе 400 страницъ печати. Если бы г. Арбузовъ имѣлъ сильное дарованіе, оно, конечно, отразилось бы хотя на нѣсколькихъ изъ этихъ многочисленныхъ пьесъ и страницъ; но мы нигдѣ не замѣтили особенно сильнаго дарованія, потому и заключаемъ, что его нѣтъ у г. Арбузова. Стихъ вообще у него довольно хорошъ, смыслъ рѣчи вообще благороденъ, оборотъ рѣчи иногда не лишенъ нѣкоторой граціи,—и мы находимъ, что г. Арбузовъ—одинъ изъ тѣхъ диллетантовъ поэзіи, которые, не обладая особеннымъ талантомъ, умѣютъ писать иногда довольно звучные, гладкіе и пріятные стихи. Чтобы читатели могли видѣть это, приводимъ двѣ—три пьесы изъ тѣхъ, которыя показались намъ наиболѣе удачны.

Digitized by Google

NOCTURNO.

„Сходятъ на поляны
Тѣнь и тишина;
Робко сквозь туманы
Крадется луна.

Звѣзды заблистали
Въ безднѣ вышины;
Въ окнахъ замелькали
Мирные огни.

Съ сѣнокоса вѣетъ
Теплый ароматъ;
Вѣтерокъ не смѣетъ
Листьевъ колыхать;

Слышно лишь, какъ звонко
Катится ручей,
Да какъ въ рощѣ громко
Свищетъ соловей;

И лежитъ дорога
Въ сонной тишинѣ...
Другъ мой! ради Бога
Выдь сюда ко мнѣ.

Потуши ка свѣчку,
Ужъ не до труда;
Подойди къ крылечку,
Посмотри сюда.

Ночь какая встала
Посреди небесъ!
А земля устала,
Спитъ среди чудесъ.

Знать одно ей дѣло—
Цѣль свершить одну:
Накормить лишь тѣло
Наше—и ко сну.

Ночь же... ночь приноситъ
Пищу для души;
Сердце громче проситъ
Пищи той въ тиши.

Ночью размышленьемъ
Мысли обнови,
Сердце —наслажденьемъ
Радостной любви.

Ночью сбрось тревогу,
Духомъ укрѣпись,
Помыслами къ Богу
Тайно обратись.

Ночью не напрасно
Звѣздъ сіяетъ хоръ:
Онъ манитъ всечасно
Мысли, какъ и взоръ.

Digitized by Google

Ночью не случайно
Умолкаетъ шумъ:
Міровая тайна
Занимаетъ умъ.

Мудрый въ ночь не дремлетъ,
Но еще живѣй
Чувствуетъ и внемлетъ
Мыслію своей.

Ночь зоветъ насъ къ миру
Отъ дневныхъ тревогъ,
Ночь живому міру
Тайно шепчетъ: Богъ!

Чу! вотъ часъ полночи
Колоколъ пробилъ...
Милый другъ, ужъ очи
Сонъ тебѣ смежилъ,

Клонитъ станъ твой гибкой
И уста твои
Оковалъ улыбкой
Мирною любви.

И средь ихъ коралла
Замеръ поцѣлуй.
О любовь! сначала
Ты восторжествуй!"

Если бы намъ нужно было непремѣнно смотрѣть на эту пьесу, какъ на произведеніе поэта, мы сказали бы, что талантъ этого поэта не великъ, пьеса слаба. Но теперь намъ нѣтъ этой необходимости; мы смотримъ на пьесу, какъ на произведеніе диллетанта, не предполагая въ ней никакихъ особенныхъ протензій на поэтическое достоинство, мы можемъ не спрашивать о ней того, удовлетворяетъ ли она художественнымъ требованіямъ, а просто смотрѣть, нѣтъ ли въ ней чего нибудь хорошаго—и находимъ, что стихи въ ней вообще гладки и легки, а иные даже довольно милы, что авторъ могъ не стыдясь написать ее въ какой нибудь альбомъ, что если бы какой нибудь изъ нашихъ композиторовъ. нашедши ее въ этомъ альбомѣ, вздумалъ бы сочинить къ ней музыку, то „Nocturno. Романсъ. Слова Н. Арбузова, музыка NN" могъ бы нравиться многимъ дѣвицамъ, поющимъ романсы—чего же больше? мы довольны, и хвалимъ пьесу. За этой пьесою слѣдуетъ въ книгѣ г. Арбузова другая, которая даже нѣсколько лучше первой:

ВЕСНА.

„Въ лазури небеснаго свода
Съ улыбкой глядится весна:
Ликуетъ и блещетъ природа!
Ледъ синій взломала волна,
И рѣзво помчалась, и въ морѣ
Гуляетъ на вольномъ просторѣ.

Digitized by Google

Роскошнымъ зеленымъ покровомъ
Одѣлись и поле и лѣсъ;
Надъ ними, въ румянцѣ багровомъ,
По темному своду небесъ,
Катится дневное свѣтило—
И золотомъ долъ окропило.

Опять по лугамъ оживленнымъ
Раздался пастушечій рогъ;
Опять по волнамъ позлащеннымъ
Рыбачій помчался челнокъ;
И въ рощѣ, какъ смолкнутъ свирѣли,
Звучатъ соловьиныя трели.

Веселой, цвѣтущей долиной
Красавица снова съ своей
Соломенной вышла корзиной
За первою данью полей,
И долго стоитъ надъ водою,
Стыдливо любуясь собою.

Въ тѣни, подъ ракитою зыбкой,
Предъ ней отражаетъ волна
Уста ея съ милой улыбкой,
И робко мечтаетъ она:
„Кто жъ первый, счастливецъ, ликуя,
Зажжетъ въ нихъ огонь поцѣлуя?“

Ни особеннаго таланта, ни поэзіи мы не обязаны требовать отъ г. Арбузова: ни самъ онъ, никто другой не давалъ намъ повода къ такимъ высокимъ притязаніямъ; но стихи, воля ваша, недурны, и есть въ нихъ даже нѣчто граціозное. Итакъ, г. Арбузовъ одаренъ способностью писать легкіе, иногда звучные и милые стихи—ужъ и это вѣдь такое качество, котораго иные не имѣютъ, качество, скорѣе заслуживающее похвалу, нежели осужденіе. Но кромѣ того, г. Арбузовъ человѣкъ съ честными и благородными чувствами—это ужъ рѣшительно заслуживаетъ полнаго одобренія. Не будемъ приводить пьесъ въ этомъ родѣ,—читатель легко отъищетъ ихъ, если ему попадется въ руки книга г. Арбузова, и не откажетъ въ своемъ уваженіи автору какъ человѣку, если и не назоветъ его поэтомъ. Скажемъ только, что такихъ пьесъ у г. Арбузова довольно много, и что по всей вѣроятности, когда г. Арбузовъ писалъ свою „молитву“:

МОЛИТВА.

Одну молитву отъ себя
Я шлю къ престолу Провидѣнья:
Пусть сберегу до гроба я
Въ борьбѣ земнаго бытія
Души высокія движенья!

Изъ устъ моихъ—какъ предо мной
Свой мракъ откроетъ ужъ могила—
Да не услышитъ вѣкъ младой
Упрека старости слѣпой
Къ восходу новаго свѣтила.

Digitized by Google

И хоть угаснетъ въ тишинѣ
Для творчества мой слабый геній,
Но пусть всегда живетъ во мнѣ
Любовь къ разумной новизнѣ
И къ мысли новыхъ поколѣній!"

Когда онъ писалъ это, по всей вѣроятности, онъ говорилъ не пустую, мимолетную фразу, а выражалъ чувство, сроднившееся съ его жизнью, проникающее его до глубины души.

Изданіе „Стихотвореній" г. Арбузова превосходно, особенно хороша сатинированная бумага—едва ли какой изъ русскихъ поэтовъ издавалъ свои произведенія такъ изящно.

Очерки изъ крестьянскаго быта. *А. Ѳ. Писемскаго. Спб. 1856.*

Давно извѣстно, что написать хорошее произведеніе можно только тогда, когда пишешь о предметѣ, хорошо извѣстномъ. При отсутствіи же знакомства съ дѣломъ, не спасетъ ни талантъ, ни умъ: произведеніе будетъ имѣть развѣ риторическую красоту, но не будетъ имѣть ни поэтическаго достоинства, если вы поэтъ или беллетристъ, ни ученой цѣны, если вы хотѣли написать что нибудь въ ученомъ родѣ. За примѣрами ходить не далеко. Напримѣръ, г. Писемскій пишетъ прекрасные разсказы изъ простонароднаго русскаго быта—это потому, что онъ хорошо знаетъ простонародный русскій бытъ. А если бы тотъ же г. Писемскій вздумалъ написать повѣсть изъ быта готтентотовъ или бразильцевъ, повѣсть, при всемъ его талантѣ, была бы дурна, потому что бытъ готтентотовъ или бразильцевъ извѣстенъ ему только по чужимъ слухамъ, которые не могутъ замѣнить собственнаго знанія. Впрочемъ, какъ человѣкъ очень умный, г. Писемскій никогда и не вздумаетъ писать разсказы изъ бразильской жизни, въ этомъ, конечно, можно быть увѣрену.

Когда видишь какой нибудь прекрасный примѣръ, невольно думаешь: почему не всѣ подражаютъ ему? Почему, напримѣръ, всѣ не пишутъ только о томъ, что знаютъ? Особенно навязчиво приходитъ на умъ такой вопросъ, когда видишь, что именно прекрасный примѣръ подаетъ кому нибудь случай поступать вовсе не по тому правилу, благодаря которому возникъ этотъ прекрасный примѣръ. Хотя бы вотъ именно „Очерки изъ крестьянскаго быта", написанные съ большимъ знаніемъ дѣла, подаютъ случай къ сочиненію статей, написанныхъ вовсе безъ знанія того дѣла, котораго касаются. Напримѣръ, что хорошаго было бы, если бы вы, читатель, никогда не изучавшій плотничнаго дѣла, вздумали написать по поводу „Плотничьей артели" разсужденіе о плотничномъ дѣлѣ?

О плотничномъ дѣлѣ, конечно, никому не прійдетъ въ голову писать, не зная его: предметъ не заманчивый, не блистательный. Но есть предметы болѣе заманчивые—и объ нихъ-то безъ всякаго знанія написаны цѣлыя статьи по поводу книги г. Писемскаго.

Digitized by Google

Есть на свѣтѣ наука, называемая эстетикою. Хорошія книги по этой наукѣ написаны на нѣмецкомъ языкѣ. Ни на французскомъ, ни на англійскомъ языкахъ хорошихъ трактатовъ объ этой наукѣ нѣтъ. Предположимъ теперь, что вы не пріобрѣли привычки читать нѣмецкія книги — преступнаго тутъ ничего нѣтъ, но согласитесь сами, что если бы вы захотѣли слѣдовать прекрасному примѣру г. Писемскаго, пишущаго только о томъ, что онъ хорошо знаетъ, вы не стали бы писать объ эстетикѣ, которой не можете знать хорошо, не читавъ нѣмецкихъ трактатовъ объ этой наукѣ.

Предположимъ теперь, что наперекоръ прекрасному правилу, соблюдаемому г. Писемскимъ, вы вздумали именно по поводу его книги разсуждать объ эстетикѣ, съ которой мало знакомы,—что было бы тутъ хорошаго?

Сдѣлаемъ еще другое предположеніе. Чтобы опредѣлить значеніе г. Писемскаго въ развитіи русской литературы, надобно хорошо знать исторію русской литературы. Предположимъ, что вы ее не совсѣмъ знаете, а между тѣмъ вздумали опредѣлять значеніе г. Писемскаго въ развитіи русской литературы— опять, вы нарушили бы прекрасное правило, о которомъ говорено выше, и не сдѣлали бы ничего хорошаго.

Не только для васъ, но и для г. Писемскаго, книгою котораго вы пользуетесь для развитія вашихъ соображеній объ эстетикѣ и русской литературѣ, нарушеніе вами прекраснаго правила, упомянутаго выше, имѣло бы неблагопріятныя слѣдствія. Его повѣстями вы оправдываете ваши ошибочныя понятія о вопросахъ искусства — какое заключеніе можетъ иной читатель вывести изъ гармоніи, находимой вами между вашими понятіями и повѣстями г. Писемскаго? „Фактъ, оправдываемый ошибочною теоріею или оправдывающій ее, самъ ошибоченъ“. Вы назначаете г. Писемскому въ развитіи литературы мѣсто, которое до него уже занято было другими — какое заключеніе можетъ вывести изъ этого иной читатель? То, что г. Писемскій вовсе не занимаетъ никакого мѣста въ развитіи нашей литературы. И вотъ, по прочтеніи вашей статьи, у многихъ читателей родятся мысли, неблагопріятныя для произведеній г. Писемскаго.

Впрочемъ, по всей вѣроятности, вы еще не захотѣли признаться, что эстетика и исторія русской литературы не совсѣмъ хорошо знакомы вамъ. Именно поэтому вы не замѣчаете, что каждое ваше слово о нихъ заключаетъ въ себѣ ошибку. Надобно доказать вамъ это. Мы уже предположили, что вами написана, по поводу книги г. Писемскаго, статья, касающаяся эстетическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ. Просмотримъ эту предполагаемую статью.

Статья говоритъ, напримѣръ, будто въ сороковыхъ годахъ русская критика проповѣдывала, что искусство должно имѣть дидактическую цѣль. Статья ошибается. Критика положительно говорила, что сочиненіе, написанное съ дидактическою цѣлью, никакъ не можетъ назваться произведеніемъ поэзіи. Она всѣми силами гнала изъ искусства дидактику.

Статья говоритъ, далѣе, что критика сороковыхъ годовъ учила художниковъ преднамѣренно чернить дѣйствительность. Статья ошибается. Критика сороковыхъ годовъ положительно говорила: 1) что преднамѣренность губитъ поэзію; 2) что не должно ни чернить, ни бѣлить дѣйствительность, а на-

Digitized by Google

добно стараться изображать ее въ истинномъ ея видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и безъ всякой клеветы*).

Статья рѣшительно не такъ понимаетъ критику, противъ которой вооружается.

Далѣе, предположимъ, что статья говоритъ, будто критика сороковыхъ годовъ не хотѣла печатать стихотвореній въ тѣхъ журналахъ, которые подчинялись ей, и что едва голосъ этой критики замолкъ, какъ стихотворенія снова появились въ журналахъ. Статья ошибается. Дѣло было какъ разъ наоборотъ: стихи печатались въ журналахъ въ теченіи всего того времени, когда, по мнѣнію статьи, журналы не печатали ихъ; стихи перестали печататься въ журналахъ именно тогда, когда по мнѣнію статьи начали ихъ печатать,— именно въ 1848 году. Пусть авторъ предполагаемой статьи справится съ тогдашними журналами.

До „Питерщика", говоритъ предполагаемая статья, простонародныя лица, выводимыя нашими беллетристами, были однообразны; всѣ они были безсильны передъ житейской случайностью. Статья ошибается. До „Питерщика" было уже выведено множество самыхъ разнообразныхъ типовъ изъ простонародья, между прочимъ, множество мужиковъ, бойкихъ, изворотливыхъ, энергическихъ. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ разсказы изъ простонароднаго быта, написанные гг. Тургеневымъ и Григоровичемъ до 1850 года. Напримѣръ „Записки охотника" начинаются портретомъ Хоря и его дѣтей;—семейство это все состоитъ изъ людей веселыхъ, бойкихъ и здоровыхъ.

Предполагаемая статья говоритъ, что до появленія „Питерщика" число людей, писавшихъ разсказы изъ простонароднаго быта, было очень велико—

---

*) Авторъ предлагаемой статьи, вѣроятно, удивится, если мы укажемъ ему, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ статьи Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Лермонтова:

„Какая цѣль поэзіи?—вопросъ, который для людей, обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль. Какъ красота, такъ и поэзія, выразительница и жрица красоты,—сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка, настроиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ — это уже не цѣль ея, а дѣйствіе, это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта" и т. д.—Изъ этого можно видѣть, расположенъ ли былъ Бѣлинскій внушать поэтамъ какія нибудь дидактическія цѣли.

„Для поэта (продолжаетъ онъ) всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ (въ объясненіе этихъ словъ, безъ сомнѣнія, темныхъ человѣку, не привыкшему къ терминологіи той науки, о которой судитъ и рядитъ, замѣтимъ для автора статьи, что выраженіе „предметъ, существующій самъ по себѣ" на языкѣ науки означаетъ: предметъ, существованіе котораго не имѣетъ какой-либо внѣшней цѣли, который существуетъ только для того, чтобы, такъ сказать, наслаждаться своимъ бытіемъ). Онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнью и съ любовью лелѣетъ ихъ на своей груди, такъ какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности" и т. д.—Изъ этого можно видѣть, расположенъ ли былъ Бѣлинскій учить поэтовъ тому, чтобъ они чернили изображаемую ими жизнь.

Мысли, нами выписанныя, г. противникъ Бѣлинскаго найдетъ въ XIV томѣ „Отеч. Зап."—въ отдѣлѣ „Критика"—на какой страницѣ, мы не скажемъ, чтобы онъ, отъискивая выписанныя нами строки, имѣлъ случай просмотрѣть хотя нѣсколько страницъ, написанныхъ тѣмъ человѣкомъ, на котораго онъ нападаетъ, и такимъ образомъ убѣдиться, что до сихъ поръ имѣлъ самое невѣрное понятіе о духѣ критики Бѣлинскаго.

До сихъ поръ вѣдь онъ и не воображалъ, что Бѣлинскій говорилъ: „поэзія есть сама себѣ цѣль и не имѣетъ внѣшней цѣли" и т. д. А Бѣлинскій никогда не говорилъ ничего иного.

Digitized by Google

напротивъ, тогда ихъ было мало; въ послѣдующіе годы число такихъ людей значительно увеличилось.

Такимъ образомъ, предполагаемая статья не помнитъ самыхъ осязательныхъ фактовъ въ исторіи литературы даже послѣднихъ десяти лѣтъ,— фактовъ, извѣстныхъ каждому.

Предполагаемая статья не только не знаетъ той эстетической теоріи, противъ которой возстаетъ, не только спутываетъ историко-литературные факты, о которыхъ очень легко бы навести справки, если ужъ измѣняетъ ей память,—она (вѣроятно, преднамѣренно) не даетъ себѣ отчетливаго понятія о смыслѣ тѣхъ самыхъ разсказовъ, по поводу которыхъ входитъ въ теоретическія и историко-литературныя сообщенія. А тутъ, казалось бы, даже и справокъ наводить не нужно — стоитъ только заглянуть въ книгу, которая, конечно, лежала на томъ столѣ, на которомъ писалась статья о ней.

Въ самомъ дѣлѣ, статья воображаетъ, что существенная особенность разсказовъ г. Писемскаго изъ простонароднаго быта — примирительное, отрадное впечатлѣніе, ими производимое. Посмотримъ, каково на самомъ дѣлѣ это впечатлѣніе.

Раскрываемъ „Питерщика". Питерщикъ возвратился изъ Петербурга, кончивъ ремесленное ученіе — мать хочетъ его женить и отправляется къ барину просить невѣсту для парня.

„— У кого же вы думаете взять?—спрашиваетъ помѣщикъ.

„— У кого ваше приказанье будетъ,—отвѣчаетъ мать" (стр. 9).

Какъ живутъ питерщики (поселяне, промышляющіе ремеслами въ Питерѣ)? На это отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ слѣдующимъ образомъ:

„— Не по всѣмъ же мастерствамъ дается жалованье равное"?— спрашиваетъ у своего хозяина авторъ.

„— Жалованье идетъ разное, про это кто говоритъ, только въ карманѣ выходитъ одно и то же. На что ужъ, кажись, по жалованью лучше кузнечнаго дѣла! послѣдній работникъ получаетъ четыреста рублей ассигнаціями въ годъ, а который поискуснѣе, такъ и четыреста на серебро хватитъ—а много ли богачей? Ни одного! Отъ малаго до большаго, что въ недѣлю заработалъ, то на праздникѣ въ харчевнѣ и спустилъ" (стр. 16).

Изъ той деревни, о которой ведется рѣчь въ разсказѣ, всѣ мужики живутъ въ Питерѣ. Дома остались только бабы. Бабы и пашутъ (стр. 26) и даже десятскими служатъ (стр. 11 и 26). Каково ведутъ себя ихъ мужья въ Петербургѣ? — если есть у мужика въ Питерѣ деньги, онъ непремѣнно содержитъ любовницу, „вѣстимо, ужъ безъ того не бываетъ", говоритъ десятскій Марья (стр. 28). Зато, если кому изъ мужиковъ случилось по какимъ нибудь обстоятельствамъ жить въ деревнѣ, то эта же самая десятскій Марья, имѣющая мужа въ Питерѣ, заводитъ съ нимъ связь (стр. 29). А вѣдь у мужика этого есть жена,—правда и то, что онъ женатъ на ней безъ собственной воли. „За глаза меня, сударь, сговорили, да помолвили на дѣвушкѣ изъ макарьевскаго имѣнья, я и не разсмотрѣлъ хорошенько, наканунѣ только свадьбы и въ рожу-то увидалъ невѣсту. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобы многаго не разсмотрѣлъ (говоритъ онъ самъ). Опомнился отъ ихъ угощенья, какъ домой пріѣхалъ, и только всплеснулъ

Digitized by Google

руками. Затаилъ я, сударь, все на сердцѣ, и черезъ недѣлю же послѣ свадьбы махнулъ въ Питеръ“ (стр. 34)—тамъ, конечно, обзавелся любовницею.

Какъ вамъ нравится быть, обрисованный первою изъ трехъ повѣстей, находящихся въ книгѣ г. Писемскаго? Отрадное и примирительное дѣйствіе производитъ на васъ онъ,—не правда ли?

Сюжетъ повѣсти—разсказъ о томъ, какъ питерщикъ, убѣжавшій въ Питеръ отъ жены, обзавелся въ Питерѣ любовницею, и какъ эта любовница со своею теткою обобрали его кругомъ. Эти женщины, обирающія мужика, „званіе имѣютъ офицерское“ (стр. 40). Тетка насильно принуждала къ этому дѣлу свою племянницу, которая отъ того „здоровье потеряла“ (стр. 52); бѣдняжка гибнетъ отъ чахотки, а мужикъ, имѣвшій прежде нѣсколько тысячъ капиталу, дошелъ, какъ самъ говоритъ, до того, что, „какъ появится въ карманѣ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсѣмъ не ѣмши былъ, одежда—словно рубище. сапоги только одно званіе. Стыдно признаться, а грѣхъ потаить: бывали такіе случаи, что Христа ради просилъ“ (стр. 54).

По мнѣнію статьи, этотъ разсказъ составляетъ рѣшительную противоположность „мрачнымъ картинамъ дѣйствительности“, тѣмъ же качествомъ отличаются и слѣдующіе два разсказа, которые также интересно разсмотрѣть по отношенію ихъ къ предполагаемому статьею отрадному ихъ впечатлѣнію.

„Лѣшій“, второй разсказъ, вѣроятно, памятенъ читателямъ нашего журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ три года тому назадъ. Они, конечно, помнятъ, что разсказъ ведется отъ лица кокинскаго исправника, который честенъ, какъ Аристидъ, дѣятеленъ, какъ Цезарь, искусенъ въ веденіи дѣлъ, какъ Чичиковъ. У него въ земскомъ судѣ дѣла идутъ живо и исправно. Какимъ же способомъ поддерживается у него такой порядокъ? Онъ самъ говоритъ: „приказную братью эту запру въ судѣ, да и не выпускаю, пока не приведутъ всего въ порядокъ“ (стр. 61). Разсказъ идетъ о продѣлкахъ марковскаго управляющаго, отъявленнаго негодяя, который разоряетъ мужиковъ и барина, за что и наказывается въ концѣ разсказа. Этотъ Егоръ Парменовъ постоянно мошенничаетъ самымъ наглымъ образомъ, дерзость его доходитъ до того, что даже исправнику осмѣливается онъ давать подводы не изъ отличныхъ барскихъ лошадей, а изъ мужицкихъ, которыя едва ноги таскаютъ (62), и даже не считаетъ нужнымъ выходить изъ своей комнаты къ исправнику, такъ что исправникъ принужденъ былъ послать за нимъ (стр. 69) — наглость необычайная, почти безпримѣрная, особенно когда мы подумаемъ, что исправникъ лично находится въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ и постоянной перепискѣ съ марковскимъ помѣщикомъ и даже получилъ отъ него довѣрительное письмо, по которому можетъ смѣнить Егора Парменова, какъ только захочетъ (стр. 75)—если такъ нагло поступаетъ Егоръ Парменовъ съ человѣкомъ, въ руки котораго отдана его участь, то какъ же онъ долженъ поступать со всѣми другими? Онъ долженъ быть не мошенникомъ, а, просто, разбойникомъ. И, однако же, Аристидъ-исправникъ, при всей своей ловкости и опытности, цѣлые четыре года ведетъ съ нимъ напрасную войну, цѣлые пять лѣтъ не можетъ ни уличить

Digitized by Google

его въ какомъ нибудь преступленіи, чтобы наказать его по закону, ни обнаружить его продѣлки такъ, чтобы убѣдить помѣщика. — „Игралъ я съ нимъ эту игру года четыре“, говоритъ самъ исправникъ (стр. 76), „пять лѣтъ я не зналъ его главной продѣлки“, продолжаетъ онъ (стр. та же 76). И такъ, самому честному и ловкому надсмотрщику нужно было не менѣе пяти лѣтъ, чтобы поймать и уничтожить наглѣйшаго разбойника. Что же должно происходить въ уѣздахъ, не имѣющихъ такихъ рѣдкихъ исправниковъ? Наконецъ, на пятомъ году, Егоръ Парменовъ уличенъ въ томъ, что погубилъ дѣвушку, обманомъ напоивъ ее до безчувствія (стр. 113)—вѣдь это по закону уголовное преступленіе; чѣмъ же онъ поплатился за него? Его смѣняютъ съ должности управителя, и только,—хорошо наказаніе! Да по закону этого молодца слѣдовало бы въ каторжную работу отправить. А исправникъ и авторъ думаютъ, что наказаніе отрѣшеніемъ отъ должности еще слишкомъ тяжело для него: „Два совершенно противоположныя чувствованія овладѣли мною: я и былъ радъ униженію, которымъ наказанъ Егоръ Парменовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣка, жаль его было. Иванъ Семенычъ (исправникъ-Аристидъ) тоже былъ мраченъ. Я откровенно высказалъ ему свои мысли.—Я самъ то же чувствую-съ, отвѣчалъ онъ“ (стр. 129). По правдѣ говоря, мы сами замѣчаемъ въ себѣ наклонность раздѣлять съ исправникомъ и авторомъ это преступное состраданіе — такъ пріучены мы, что потворство преступнику, оставшемуся почти безнаказаннымъ, кажется намъ чувствомъ естественнымъ. Но это сочувствіе можетъ ли быть выгоднымъ для нравовъ общества?

Почему же Егоръ Парменовъ попалъ въ управители? — потому что, „бывши камердинеромъ господина, вступилъ въ законный бракъ съ мамзелью, исправлявшею нѣкоторое время при господинѣ должность мадамы“ (стр. 64).

Мареуша, дѣвушка, надъ которою совершилъ Егоръ Парменовъ преступленіе, наказанное столь легко, имѣла къ нему любовь, а между тѣмъ, у этого человѣка, растолстѣвшаго до безобразія, была „скверная сальная рожа“ (стр. 110)—бѣдняжка прельстилась его казинетовымъ пальто, жилетомъ пике и часами на золотой цѣпочкѣ (стр. 66) — неужели же самому скверному лицомъ человѣку довольно щеголять въ нѣмецкомъ платьѣ, чтобы побѣждать нашихъ поселянокъ?

Дѣвушка похищена изъ дому; возвратившись, она не смѣетъ открыть своего стыда и, по наущенію Егора Парменова, сваливаетъ вину на лѣшаго—„лѣшій, говоритъ, ее къ себѣ таскалъ“—и вся деревня, весь околотокъ вѣритъ ея разсказу (стр. 80) — неужели наши поселяне такъ просты и тупы? Неужели въ цѣломъ приходѣ не нашлось ни одного такого, который догадался бы, что лихой человѣкъ чаще бѣса бываетъ виноватъ въ нашихъ бѣдахъ?

Можно было бы извлечь сотни такихъ замѣчаній изъ этого разсказа г. Писемскаго; не менѣе богатъ подобными матеріалами и третій разсказъ—„Плотничья артель“. Пузичъ, хозяинъ артели, самая отвратительная и зловредная гадина — онъ подлъ, безжалостенъ, льстецъ и наглецъ, не имѣющій понятія ни о чемъ, кромѣ мошенничества. Всѣ работники — въ совер

Digitized by Google

шенной, безвыходной зависимости отъ этого плута, — онъ ихъ, просто, въ кабалѣ держитъ; онъ искусно пользуется тѣмъ, когда кому изъ поселянъ понадобились деньги для какой нибудь необходимой уплаты—даетъ нѣсколько цѣлковыхъ въ займы, потомъ беретъ должника къ себѣ въ артель зарабатывать долгъ, и платитъ ему за работу сколько самъ хочетъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Сергѣичъ, одинъ изъ трехъ рабочихъ, поставленныхъ Пузичемъ на постройку риги тому помѣщику, отъ имени котораго ведется разсказъ.

„— Сударь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вотъ хоть бы этотъ Митюшка, дурашный, дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить“ (стр. 168). Самъ Сергѣичъ также въ кабалѣ у него, занявъ денегъ на уплату за сына двухъ-сотъ рублей мірскихъ денегъ, которыя сынъ прогулялъ, бывши добросовѣстнымъ при волостной конторѣ (стр. 162)—теперь зато и получаетъ вмѣсто одного цѣлковаго—два съ полтиной ассигнаціями. А пора бы отдохнуть Сергѣичу—ему ужъ седьмой десятокъ, и глаза слѣпнуть стали. Но онъ долженъ расплачиваться съ міромъ. Петруха, который всѣмъ мастерствомъ въ артели заправляетъ, и безъ котораго Пузичъ бревна положить не съумѣетъ, тоже работаетъ Пузичу за пол-цѣны, взявъ у него триста рублей, когда два года лежалъ больной (стр. 164). Исторія этого Петра и есть настоящій сюжетъ разсказа; но прежде, нежели мы обратимся къ ней, замѣтимъ, какъ хорошо молодымъ бабамъ работать, по словамъ Петра. Старосту Семена называетъ онъ волокитою; Семенъ обидѣлся такимъ намекомъ, сдѣланномъ при баринѣ—„ты молчи, клинья борода, говоритъ Петръ;—не серди меня, а то обличу“.—„Не въ чемъ, братъ, обличать меня“, проговорилъ кротко, но не совсѣмъ искренно Семенъ“. — Не въ чемъ? А ну-ка, сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь? Что? потупился? Самъ, вѣдь, я своими глазами видѣлъ: какъ, голова, молодой бабѣ мѣрять десятину, все коловъ на двадцать, на тридцать, проститъ, а она и помни это: получка послѣ будетъ“! (стр. 173).

Начинается исторія Петра. Его заѣла и загубила мачиха — это еще не диво, мачихѣ натурально быть недоброжелательной къ пасынку, но любопытна причина, за которую она взъѣлась на пасынка — она хотѣла слюбиться съ нимъ, а онъ не хотѣлъ обидѣть отца, да и дѣвушка у него была на примѣтѣ (стр. 179). Неужели исторія Федры свойственна нравамъ нашихъ простолюдиновъ?

Хитрая и развратная женщина сначала старается поссорить Петра съ женою, и хотя Петръ женился на дѣвушкѣ, которую любилъ, однако же, по наговорамъ мачихи, каждый день либо бранилъ свою Катюшку, либо давалъ ей зуботычину (стр. 180). Однажды, крѣпко побивши жену, Петръ пожалѣлъ ее, увидѣвъ, что билъ понапрасну, и въ утѣшеніе купилъ ей ситцу на сарафанъ—сестры Петра и мачиха за то обозлились на Катюшку (стр. 181), пожаловались отцу Петра, и тотъ, отнявъ у снохи подарки (купленные ей мужемъ не на отцовскія, а на заработанныя сыномъ деньги), отдалъ ихъ своей женѣ и дочерямъ (стр. 181). Свекоръ, по наговору до-

Digitized by Google

черей, совсѣмъ заморилъ работою сноху; между прочимъ, въ послѣднее время беременности, заставлялъ ее взваливать бревна на телѣгу. Сынъ сталъ говорить отцу, что ей теперь такой работы дѣлать нельзя. Отецъ за шиворотъ стащилъ его къ бурмистру, который побилъ его (стр. 184). Даже ѣсть не давала семья Петру съ женою, хотя онъ своею работою всю семью содержалъ. Наконецъ, сантиментальная барыня упросила барина отдѣлить Петра отъ отца; Петръ отошелъ почти нищимъ, вскорѣ занемогъ, два года былъ боленъ и задолжалъ Пузичу, у котораго теперь работаетъ, будто въ кабалѣ. Пришелъ Успеньевъ день. Народъ весь сошелся въ село, въ церковь. Пузичъ сидитъ въ кабакѣ пьяный; отъ нечего дѣлать, колотитъ одного изъ своихъ работниковъ, безотвѣтнаго парня Митюшку. На крикъ Митюшки пришелъ Петръ, сталъ отымать парня у Пузича. Пузичъ накинулся на него, впился зубами ему въ плечо и поплатился жизнью. Какъ Петруха-то оборанивался, да какъ ухватитъ его за поперегъ, на аршинъ приподнялъ да и хрясь о землю—только и проохнулъ" (стр. 225) — убилъ Петруха подрядчика на мѣстѣ. Петруху связали и препроводили въ судъ, откуда препроводятъ въ Сибирь. Тѣмъ кончается третій и послѣдній очеркъ изъ крестьянскаго быта.

Мы все разсказывали, по возможности, словами автора, и ни въ одномъ мѣстѣ не употребили ни одного выраженія, болѣе рѣзкаго, нежели какое стоитъ въ книгѣ; напротивъ, въ большей части мѣстъ смягчали выраженія.

Какъ же нравятся вамъ, читатель, нравы и бытъ, которые изобразилъ г. Писемскій? Производятъ ли на васъ эти картины отрадное, веселое впечатлѣніе? Мы говоримъ пока не о томъ, вѣрны ли дѣйствительности, или не вѣрны эти картины, а только о томъ, каковъ оттѣнокъ колорита, въ нихъ господствующаго?

На основаніи этихъ-то самыхъ очерковъ, предполагаемая статья, о которой мы надолго позабыли для просмотра книги, ею разбираемой,—на основаніи этихъ картинъ беззаконія и разврата, преступленій и плутней, — благодушная эта статья рѣшаетъ, что г. Писемскій „нанесъ смертный ударъ повѣствовательной рутинѣ, явно увлекавшей русское искусство къ узкой и во что бы то ни стало мизантропической дѣятельности"; что разсказы г. Писемскаго существенно противоположны прежнимъ разсказамъ „погрязавшимъ въ темной сторонѣ жизни". Между тѣмъ, кажется, должно быть ясно для всякаго, что дѣло вовсе не таково; что никто изъ русскихъ беллетристовъ не изображалъ простонароднаго быта красками болѣе темными, нежели г. Писемскій; что если о комъ нибудь, то именно о немъ надобно сказать, что изъ подъ пера его выходятъ „мрачныя картины преднамѣренно зачерненной дѣйствительности", что въ немъ мы имѣемъ самаго энергическаго дѣятеля „узкой мизантропической тенденціи".

Предполагаемая статья не хочетъ ничего видѣть. Таково ли признаніе писателя? долженъ ли языкъ писателя быть выразителемъ до такой степени ошибочныхъ мыслей, имѣетъ ли онъ право добровольно закрывать глаза и уши на факты, которые такъ и бросаются въ глаза, такъ и гремятъ въ

Digitized by Google

уши? Такое самоослѣпленіе можетъ быть сравнено только съ самоослѣпленіемъ тѣхъ лицепріятныхъ судей, которымъ говоритъ Державинъ:

„Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать несильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.

Не внемлютъ! видятъ и не знаютъ;
Покрыты мздою очеса...

Отъ ошибокъ, порожденныхъ въ предполагаемой статьѣ слабымъ знакомствомъ съ эстетикою и сильною самоувѣренностью, могъ бы подвергнуться опасности г. Писемскій. По незнакомству съ цѣломъ, статья назначаетъ господину Писемскому такое мѣсто въ развитіи русской литературы, котораго онъ не можетъ занимать. Каждому, знакомому съ ходомъ русской беллетристики, извѣстно, что никакихъ перемѣнъ въ ея направленіи г. Писемскій не производилъ, по очень простой причинѣ — такихъ перемѣнъ во всѣ послѣднія десять лѣтъ не было, и литература болѣе или менѣе успѣшно шла однимъ путемъ,—тѣмъ путемъ, который проложилъ Гоголь; да и надобности въ измѣненіи направленія не было, потому что избранное направленіе хорошо и вѣрно. Послѣ этого, иной читатель, какъ мы сказали, можетъ остановиться на отрицательномъ выводѣ: „такого значенія, какое приписываетъ ему статья, г. Писемскій не имѣлъ; его произведенія своимъ направленіемъ не отличаются отъ произведеній, написанныхъ раньше его другими даровитыми писателями; стало быть, въ его произведеніяхъ нѣтъ ничего особенно новаго или оригинальнаго“.

Но такое отрицательное заключеніе было бы столь же ошибочно, какъ и разсужденія предполагаемой статьи, приводящей къ нему своими ошибочными понятіями о развитіи русской литературы. Надобно просто сказать, что, приписавъ г. Писемскому роль, которая вовсе не принадлежала ни ему, ни кому другому изъ современныхъ даровитыхъ писателей,—роль спасителя литературы отъ воображаемыхъ предполагаемою статьею опасностей,— опасностей, никогда не существовавшихъ на самомъ дѣлѣ,—предполагаемая статья не хотѣла понять и опредѣлить его истинной роли въ нашей литературѣ. А между тѣмъ, сдѣлать это было очень легко: роль г. Писемскаго на столько блистательна, характеръ его произведеній на столько опредѣлителенъ и оригиналенъ, что при малѣйшемъ знаніи предмета бросаются въ глаза черты, которыми его повѣсти и разсказы отличаются отъ произведеній всѣхъ другихъ нашихъ даровитыхъ беллетристовъ.

Мы теперь должны говорить только объ „Очеркахъ изъ крестьянскаго быта“, а не о всей дѣятельности г. Писемскаго. Но тѣ особенности, которыя замѣчаются въ его „Очеркахъ“ при сравненіи этихъ разсказовъ съ другими лучшими разсказами изъ сельскаго быта, находятся также во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ г. Писемскаго и отличаютъ его отъ всѣхъ тѣхъ беллетристовъ, которые раздѣляютъ съ авторомъ „Тюфяка“ вниманіе публики.

Въ своей критической статьѣ о Гоголѣ, г. Писемскій выражалъ мнѣніе, что талантъ Гоголя чуждъ лиризма. Про Гоголя, какъ намъ кажется,

Digitized by Google

этого сказать нельзя, но, кажется намъ, въ талантѣ самого г. Писемскаго отсутствіе лиризма составляетъ самую рѣзкую черту. Онъ рѣдко говоритъ о чемъ нибудь съ жаромъ, надъ порывами чувства у него постоянно преобладаетъ спокойный, такъ называемый эпическій тонъ. Достоинство это, или недостатокъ, вообще мы не беремся рѣшить; но конечно г. Писемскій не думалъ порицать Гоголя за отсутствіе лиризма, и намъ кажется, что у г. Писемскаго отсутствіе лиризма скорѣе составляетъ достоинство, нежели недостатокъ; намъ кажется, что хладнокровный разсказъ его дѣйствуетъ на читателя очень живо и сильно, и потому полагаемъ, что это спокойствіе есть сдержанность силы, а не слабость. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ, обманываясь этимъ спокойствіемъ, говорили, что г. Писемскій равнодушенъ къ своимъ лицамъ, не дѣлаетъ между ними никакой разницы, что въ его произведеніяхъ нѣтъ любви и т. д. — но это совершенная ошибка. Любить умѣетъ не только тотъ, кто любитъ кричать о своей любви: у иного чувство выражается и словомъ и дѣломъ, у иного только дѣломъ, и, быть можетъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ молчаливѣе. Довольно припомнить хотя бы „Очерки изъ крестьянскаго быта", чтобы убѣдиться въ томъ, что у г. Писемскаго спокойствіе не есть равнодушіе. Онъ очевидно имѣетъ сильное расположеніе къ своему питерщику Клементію, который въ самомъ дѣлѣ стоитъ расположенія; онъ очевидно очарованъ сильною и благородною личностью своего Петра и, если бы могъ, стеръ бы съ лица земли, какъ гнусную гадину, Пузича (въ „Плотничьей Артели") или Егора Парменова (въ „Лѣшемъ")—какое тутъ равнодушіе, помилуйте! - на чьей сторонѣ горячее сочувствіе автора, вы ни разу не усомнитесь, перечитывая всѣ произведенія г. Писемскаго. Но чувство у него выражается не лирическими отступленіями, а смысломъ цѣлаго произведенія. Онъ излагаетъ дѣло съ видимымъ безстрастіемъ докладчика, — но равнодушный тонъ докладчика вовсе не доказываетъ, чтобы онъ не желалъ рѣшенія въ пользу той или другой стороны, напротивъ, весь докладъ такъ составленъ, что рѣшеніе должно склониться въ пользу той стороны, которая кажется правою докладчику.

Въ „Очеркахъ изъ крестьянскаго быта" г. Писемскій тѣмъ легче сохраняетъ спокойствіе тона, что, переселившись въ эту жизнь, не принесъ съ собой раціональной теоріи о томъ, какимъ бы образомъ должна была устроиться жизнь людей въ этой сферѣ. Его воззрѣніе на этотъ бытъ не подготовлено наукою — ему извѣстна только практика, и онъ такъ сроднился съ нею, что его чувство волнуется только уклоненіями отъ того порядка, который считается обыкновеннымъ въ этой сферѣ жизни, а не самымъ порядкомъ. Если курная изба крѣпка и тепла, для него совершенно довольно; онъ не считаетъ нужнымъ безпокоиться изъ-за того, что она курная. Съ извѣстной точки зрѣнія, онъ въ этомъ ближе къ настоящимъ понятіямъ и желаніямъ исправнаго поселянина, нежели другіе писатели, касавшіеся этого быта. Они готовы спорить съ поселяниномъ, доказывать исправному мужику, что лучше жить въ бѣлой избѣ, нежели въ курной, готовы толковать ему о средствахъ, которыми можетъ его бытъ улучшиться на столько, чтобы вмѣсто печи, сбитой изъ глины, могла у него быть изразцовая. Г. Писемскій не таковъ. Онъ соглашается съ Сидоромъ Пантелеевымъ, что лучше того,

Digitized by Google

чѣмъ живетъ сосѣдъ Сидора, Парамонъ Тимоѳеевъ, и жить мужику не приходится,—желать лучшаго было бы только Бога гнѣвить,—и пожалѣетъ о Сидорѣ только тогда, когда у Сидора не хватаетъ хлѣба на годъ, — согласно тому, что и самъ Сидоръ находитъ свое житье плохимъ только въ этомъ крайнемъ случаѣ. Онъ не хлопочетъ о томъ, чтобы существующая система сельскаго хозяйства замѣнилась другою, приносящею болѣе обильныя жатвы; онъ жалѣетъ только о томъ, когда бываетъ неурожай. Онъ не судитъ существующаго.

Поэтому-то инымъ и могло показаться, что въ его „Очеркахъ изъ крестьянской жизни“ должно быть болѣе отраднаго, нежели въ разсказахъ подобнаго рода, написанныхъ людьми, болѣе требовательными,—людьми, которые возмущаются не тѣми только случаями нарушенія существующихъ обычаевъ, но и многими изъ самыхъ обычаевъ какъ слишкомъ грубыми и вредными. Но на дѣлѣ выходитъ едва ли не иначе: онъ былъ бы доволенъ, если бы соблюдался обычай; но обычай нарушается, по его словамъ, такъ часто и такимъ вопіющимъ образомъ, что вы, читая со вниманіемъ его разсказы, получаете о дѣйствительномъ бытѣ понятіе еще менѣе пріятное, нежели читая разсказы, написанные людьми менѣе уступчивыми. Впрочемъ, для человѣка внимательнаго и мыслящаго, почти всегда такъ бываетъ, если только писатель добросовѣстенъ. Одинъ, положимъ, доказываетъ, что взяточничество есть преступленіе, гибель для народа и т. д.; другой говоритъ: „это бы еще ничего — взяточничество —обычай самъ по себѣ извинительный и безобидный, жаль только, что этимъ обычаемъ слишкомъ часто злоупотребляютъ люди безсовѣстные“; — понятія перваго справедливѣе, но слова втораго показываютъ дѣйствительность въ свѣтѣ, гораздо болѣе темномъ. Тутъ возмущаются даже люди, нимало не возстающіе противъ умѣреннаго взяточничества, признаваемаго обычаемъ.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. *Книжка XI. Издана подъ редакціею В. Г. Ерофѣева. Спб. 1856.*

Записки Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. *Книжка II, изданная подъ редакціею секретаря Общества, Е. И. Ламанскаго. Спб. 1856.*

Одиннадцатая книжка „Записокъ Географическаго Общества“ составлена преимущественно изъ статей совершенно спеціальныхъ, каковы „Геогностическое изслѣдованіе девонской полосы средней Россіи, отъ рѣки Западной Двины до рѣки Воронежа“, академика Гельмерсена; „Геогностическое изслѣдованіе, произведенное въ губерніяхъ Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской, отъ Воронежа до Самары“, г. Пахта,—и „Таблицы показанія времени лунныхъ и солнечныхъ затмѣній съ 1840 по 2001 годъ, на московскомъ меридіанѣ“, вычисленныя и составленныя г. Ѳ. Семеновымъ. Большинству читателей доступны статьи: академика Бэра—„Ученыя Замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ“, и г. Маркевича — „Рѣки Полтавской губерніи“. Статьи, вошедшія въ составъ второй книжки „Записокъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“, всѣ могутъ быть

Digitized by Google

прочитаны каждымъ образованнымъ человѣкомъ, хотя также почти всѣ н
сятъ въ науку новые факты. Кромѣ „Лѣтописи Общества“ и разнообр
ной „Смѣси“, мы замѣтимъ въ этой книжкѣ „Путевой журналъ плава
по рѣкѣ Амуръ, отъ Усть-Стрѣлочнаго Караула до впаденія ея въ Тат
скій проливъ“, г. Пермикина; „Объ открытіи и проложеніи путей к
гомъ Байкала“, г. Мордвинова; описанія древнихъ памятниковъ и чте
надписей на нихъ, г. Юренскаго, г. Д. Давыдова и архимандрита Ав
кума; наконецъ „Замѣчанія о золотыхъ пріискахъ Нерчинскаго округ
гг. Аносова и Версилова.

Вопросъ о геологической судьбѣ Каспійскаго моря принадлежитъ
числу самыхъ загадочныхъ въ наукѣ. Несомнѣнные геогностическіе фа
(нахожденіе морскихъ раковинъ, солончаки, песчаные бугры, форма и
ставъ которыхъ изобличаетъ, что они могли быть образованы только м
скими теченіями, а никакъ не вѣтрами) доказываютъ, что степи, нынѣ п
стирающіяся по лѣвому берегу Волжскаго Понизовья, были еще покр
водами Каспійскаго моря, когда уже давно поднялись изъ моря всѣ
почти всѣ другія части нынѣшнихъ материковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, замѣ
нія старожиловъ и сравненіе старыхъ географическихъ картъ съ нынѣшни
доказываютъ, что во многихъ мѣстахъ воды Каспійскаго моря отступа
назадъ; особенно быстро это совершается въ устьяхъ большихъ рѣкъ
Волги, Урала и Терека. Соединяя эти наблюденія съ геологическими ф
тами, многіе полагали, что объемъ Каспійскаго моря уменьшался постепен
и до сихъ поръ оно продолжаетъ высыхать. Нѣкоторые, основываясь на с
вахъ Приска, что скиѳы приходили съ сѣвера на Персію по болотамъ
IV вѣкѣ послѣ Р. Х.), предполагаютъ даже, что назадъ тому полторы
сячи лѣтъ полоса земли, отдѣляющая Каспійское море отъ Чернаго,
не просохла, и, стало быть, еще не за долго передъ тѣмъ, оба моря
единялись между собою. Нашъ знаменитый естествоиспытатель, г. Б
считаетъ всѣ эти предположенія несправедливыми. Онъ доказываетъ,
уменьшеніе объема Каспійскаго моря совершилось внезапно, вслѣдствіе мг
веннаго геологическаго переворота, что уменьшеніе это относится къ вре
намъ доисторическимъ, что съ того времени Каспійское море не измѣнил
значительнымъ образомъ въ объемѣ, и что наносныя дельты рѣкъ, въ н
впадающихъ, имѣютъ гораздо меньшіе объемы, нежели обыкновенно пред
лагается.

Болота, по которымъ проходили скиѳы черезъ восемьсотъ лѣтъ по
Геродота, невозможно считать неуспѣвшимъ еще высохнуть дномъ Касп
скаго моря, говоритъ онъ, потому что размѣры Каспійскаго моря во вре
Геродота были уже совершенно таковы же, какъ и теперь; болота, по
торымъ проходили скиѳы,—донынѣ существующія болота вокругъ Азовск
моря или вокругъ устья Маныча. Кромѣ того, разсмотрѣніе нижняго те
нія Волги и Урала доказываетъ, что для образованія нынѣшняго ру
этихъ рѣкъ нуженъ былъ періодъ времени, гораздо продолжительнѣйш
нежели какія нибудь полторы или двѣ тысячи лѣтъ. У Каменнаго Я
теченіе Волги должно было сгладить слой довольно твердаго сланца; вы
Царицына русло Волги прорыто въ довольно твердыхъ породахъ, — а

Digitized by Google

русло прорыто слишкомъ на десять саженъ ниже слоя морскихъ раковинъ (у Чернаго Яра) и, однакоже, теченіе воды, прорывшее столь углубленное русло, уже совершенно сгладило его, такъ что на Волгѣ не только теперь нѣтъ пороговъ или быстринъ, но и въ лѣтописяхъ не упоминается о ихъ существованіи.

Какимъ образомъ совершилось это измѣненіе въ объемѣ Каспійскаго моря? Оно совершилось внезапно; главнымъ доказательствомъ тому служатъ холмы, составленные изъ плотнаго степнаго солонцеватаго грунта и идущіе по берегу Каспійскаго моря отъ Волги до Терека, — они образованы быстрымъ стокомъ огромной массы морской воды. Тоже доказываетъ, по мнѣнію г. Бэра, толстый слой смѣшаннаго съ пескомъ волжскаго ила, лежащій нѣсколькими десятками футовъ выше нынѣшняго уровня Волги на слоѣ морскихъ раковинъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣющій до нѣсколькихъ аршинъ толстоты,—это не накопленіе множества постепенно образовавшихся тонкихъ слоевъ, потому что въ немъ вовсе не замѣтно подраздѣленія мелкой прослойки, а одновременно, вдругъ осадившійся толстый слой ила, — онъ указываетъ на увлекавшее въ себѣ огромную примѣсь земли, чрезвычайно быстрое теченіе, которое должно было образоваться на Волгѣ при внезапномъ пониженіи уровня каспійскихъ водъ на нѣсколько десятковъ футовъ.

„Описаніе рѣкъ Полтавской губерніи“ г. Маркевича — трудъ, очень полезный для статистическихъ соображеній, и, сколько можно судить, не провѣривъ его на мѣстѣ, составленный отчетливо и добросовѣстно. Всѣхъ большихъ и мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ въ Полтавской губерніи онъ насчитываетъ 242, кромѣ Днѣпра, въ который всѣ онѣ впадаютъ. Ихъ общее протяженіе около 7,000 (6,832) верстъ; а съ частью Днѣпра, омывающею границу Полтавской губерніи, болѣе 7,000 (7,172) верстъ. И однакоже, надъ рѣками и рѣчками живетъ, по вычисленію г. Маркевича, только $^2/_3$ населенія Полтавской губерніи (1,108,448 душъ); остальная треть (556,882 души) живетъ не на проточныхъ водахъ, а надъ прудами и колодцами. Рѣкъ, имѣющихъ болѣе 200 верстъ длины, г. Маркевичъ насчитываетъ 6 (кромѣ Днѣпра); 19 другихъ рѣкъ имѣютъ отъ 130 до 50 верстъ длины. Однако же, ни по одной изъ нихъ, кромѣ Днѣпра, нѣтъ судоходства; безполезны для торговаго движенія остаются даже такія значительныя рѣки, какъ Сула (въ Полтавской губерніи 12 — 73 сажени ширины, отъ 1 до 3 сажень глубины), Псёлъ (въ Полтавской губерніи 25- 60 сажень ширины, $1^1/_2$ до 3 сажень глубины), Орель (400 верстъ длины, 20—50 сажень ширины, отъ 3 до $3^1/_2$ сажень глубины). Въ старину, по многимъ изъ полтавскихъ рѣкъ было судоходство, но теперь всѣ онѣ перегорожены плотинами. По оффиціальнымъ показаніямъ, въ Полтавской губерніи находится 356 плотинъ,—въ дѣйствительности, число ихъ, по мнѣнію г. Маркевича, гораздо больше; почти всѣ онѣ построены для того, чтобы поставить на нихъ мельницы, — но многія такъ и остаются безъ мельницъ, совершенно безъ всякаго дѣла задерживая рѣку; да и изъ мельницъ, по мнѣнію г. Маркевича, двѣ трети совершенно безполезны, потому что всего на двѣ, на три недѣли имѣютъ работу, а весь остальной годъ стоятъ за-да-

Digitized by Google

ромъ. Эти безполезныя плотины уничтожаютъ возможность судоходства,—но не въ томъ еще главное зло отъ нихъ. Онѣ наполняютъ прибрежья рѣкъ гнилыми болотами и затонами, отнимая огромное количество земли у жителей и заражая воздухъ. Чтобы опредѣлить степень этого вреда, г. Маркевичъ беретъ въ примѣръ рѣчку Удай, имѣющую 208 верстъ длины и впадающую въ Сулу. Подъ русломъ Удая находится 780 десятинъ; подъ его болотами 39,780 десятинъ, погибшихъ для земледѣлія и скотоводства. На этой рѣкѣ живетъ 21,183 души населенія. Если бы уничтожить безполезныя плотины (которыхъ числомъ 19), болота высохли бы, и на каждую душу населенія прибавилось бы почти по двѣ десятины удобной земли, естественное богатство края увеличилось бы слишкомъ на половину (теперь приходится менѣе $3^1/_2$ десятинъ на душу) и здоровье мѣстныхъ жителей улучшилось бы, съ очищеніемъ атмосферы отъ зловредныхъ испареній; да вѣроятно и вода въ рѣкахъ была бы тогда чище и здоровѣе. Не говоримъ уже о томъ, что тогда по рѣкѣ Удаю можно бы сплавлять черезъ Сулу въ Днѣпръ земледѣльческія произведенія, которыя теперь возятся къ рынкамъ сухимъ путемъ, то есть почти не имѣютъ сбыта. Спрашивается, говоритъ г. Маркевичъ, приносятъ ли удайскія мельницы, изъ которыхъ половина стоитъ безъ дѣла, столько пользы, сколько принесло бы уничтоженіе плотинъ, для нихъ построенныхъ? „Но- я не правъ продол-„жаетъ онъ): измѣнить то, къ чему привыкли столѣтія, и не легко, и (безраз-„судно. Можно ли мѣнять статью доходовъ извѣстную, старинную, прадѣ-„довскую, хотя бы она была весьма посредственна, на статью, быть мо-„жетъ, по разсчетамъ и полезную, но неизвѣстную, новую? Не рѣдко, видя, „какъ вѣютъ рожь машиною, я мысленно ругаю Бутнопа: то ли дѣло, ко-„гда я былъ во младенчествѣ! — невольно въ душу вкрадываются сладкія „воспоминанія. Прихожу на токъ, ложитъ зерно не перевѣянное, мужички „стоятъ, опершись на лопаты: они въ раздумьи о томъ, что вѣтеръ вдругъ „затихъ. И вотъ начинается тихое посвистыванье вѣяльщиковъ: это они „манятъ вѣтеръ, а заколдованный вѣтеръ отъ этого свиста чародѣйскаго на-„чинаетъ разгуливаться. Какое наслажденіе“!

Переходимъ къ „Запискамъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“. Важнѣйшая изъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемой нами книжкѣ—„Путевой журналъ плаванія по Амуру“, г. Пермикина. Экспедиція, къ которой причисленъ былъ г. Пермикинъ, прибыла по рѣкѣ Шилкѣ 17 мая 1854 года къ Усть-Стрѣлочному Караулу, расположенному при сліяніи Шилки съ Аргунью—съ этого мѣста, рѣка, образующаяся ихъ соединеніемъ, называется Амуромъ. Она становится уже удобна для плаванія большихъ судовъ и пароходовъ. Г. Пермикинъ занимался преимущественно геогностическимъ обозрѣніемъ береговъ Амура; но его журналъ представляетъ, кромѣ геогностическихъ подробностей, довольно много географическихъ и этнографическихъ данныхъ, которыя мы и извлекаемъ изъ него. 18-го мая, экспедиція поплыла внизъ по рѣкѣ, держась болѣе къ лѣвому берегу, и 20-го мая прибыла къ устью рѣки Албазихи или Эмури, впадающей въ Амуръ съ правой стороны. Въ устьѣ Албазихи образовался низменный островъ версты въ двѣ длиною. Противъ него, на лѣвомъ берегу

Digitized by Google

Амура, стоялъ Албазинскій острогъ. На сѣверной сторонѣ острова остались еще слѣды батареи, устроенной китайцами для осады Албазина. На мѣстности, которую занималъ острогъ, еще видны остатки вала, печей и колодца, обломки кирпичей, глиняной посуды и проч. Въ одномъ мѣстѣ, подъ пластомъ земляной насыпи, нашелся даже слой почернѣвшихъ отъ огня хлѣбныхъ зеренъ. Проплывъ до Албазина по Амуру, экспедиція поняла, почему именно это мѣсто было избрано козаками для поселенія. Прибрежья Шилки, по которой спускалась партія удальцовъ, и потомъ берега Амура до самаго устья Албазихи такъ гористы, что не представляютъ удобнаго мѣста для поселенія, здѣсь же горы понизились, береговые луга покрыты тучною травою и мѣстами видѣнъ лѣсъ, такъ что по направленію отъ Нерчинска, изъ котораго шли козаки, это первая мѣстность, удобная для постояннаго жительства. Съ устья Албазихи начинается по берегамъ Амура мѣстность открытая; характеръ растительности измѣняется: вмѣсто прежнихъ лиственницъ, экспедиція стала встрѣчать при дальнѣйшемъ плаваніи дубъ, орѣшникъ, ясень и дикую розу. На берегу видѣла она нѣсколько юртъ тунгусовъ изъ племени манегри. Удивительно было равнодушіе этихъ дикарей къ невиданнымъ судамъ и людямъ, плывшимъ мимо ихъ по рѣкѣ— они мимоходомъ посматривали на пароходъ, но не обнаруживали любопытства, и спокойно продолжали свои занятія или уходили въ юрты. Мѣстность прибрежья, начиная съ устья Албазихи, постоянно казалась благопріятною для хлѣбопашества и осѣдлыхъ поселеній. 24 мая экспедиція плыла мимо песчаной горы Цагаянъ. Одинъ изъ туземцевъ, юрты которыхъ изрѣдка разбросаны по берегамъ, объяснилъ черезъ переводчика г. Пермикину, что эта гора имѣетъ чудесное свойство: отъ приближенія къ ней человѣка, она испускаетъ дымъ; но когда человѣкъ уходитъ, гора перестаетъ дымиться.— Но какъ же было можно узнать, что она, оставаясь безъ людей, не дымится, если люди всегда видятъ на ней дымъ?—Туземецъ не затруднился этимъ вопросомъ и сказалъ, что однажды его товарищъ подкрался съ другаго берега рѣки, ползкомъ въ травѣ, такъ что гора его не замѣтила, и не выпускала дыму, но лишь только онъ всталъ на ноги, тотчасъ задымилась. Какъ и слѣдуетъ, манегри поклоняются такой чудной горѣ. — Чѣмъ далѣе внизъ по Амуру, тѣмъ болѣе расширяются обширныя долины по обѣимъ сторонамъ ея, и отлогія горы уже виднѣются только на дальнемъ горизонтѣ. Луга покрыты прекрасною травою, и могли бы кормить огромныя стада; но лишь изрѣдка виднѣются юрты очень немногочисленныхъ манегри. Страна остается совершенно пустынною.

27 мая, въ 800 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки, экспедиція увидѣла первую деревню на Амурѣ. Поселеніе это, называющееся Амба-Сахалянъ и состоящее изъ 23 домовъ, стоитъ на правомъ берегу рѣки. Жители, манджуры, скрылись въ ближайшій городъ, узнавъ о приближеніи русскихъ; въ деревнѣ остались только четыре старика, двѣ старухи и трое молодыхъ людей. Жилища этой деревни—мазанки; при каждой мазанкѣ есть садикъ и огородъ.

Нѣсколько далѣе, впадаетъ въ Амуръ съ лѣвой стороны большая рѣка Зея, долина которой нѣкогда была занята русскими, подобно Албазинской

Digitized by Google

мѣстности. По Зеѣ, текущей почти на тысячу верстъ, выстроены были козаками четыре острожка; вся долина ея очень плодородна.

Въ 30 верстахъ отъ устья Зеи, построенъ, на правой сторонѣ Амура, городъ Сахалянъ-ула-Хотонь, единственный городъ на всемъ теченіи Амура. Отъ Зеи до города тянутся частныя поселенія, каждое изъ нѣсколькихъ домовъ, очень широко раскинутыхъ другъ отъ друга, какъ и всегда у амурскихъ тунгусовъ. Экспедиція достигла Сахаляна 28 мая. Часть экипажа отправилась въ городъ. Начальникъ принялъ русскихъ дружелюбно, но на берегу была собрана вся его военная сила—1,000 человѣкъ. Солдаты эти держали длинныя колья съ заостренными концами, такъ что могли считать себя имѣющими пики. У иныхъ кольевъ острые концы были вычернены, для совершеннаго сходства съ желѣзнымъ наконечникомъ пики; кромѣ кольевъ, вооруженіе составляли луки. У немногихъ были неуклюжія сабли и ружья. Кромѣ того, было вывезено на берегъ десять пушекъ, и при каждой стоялъ солдатъ съ чѣмъ-то длиннымъ, имѣвшимъ форму фитиля, — но, дѣйствительно ли то были фитили, или просто палки, за отдаленностью пушекъ нельзя было разсмотрѣть. Въ городъ нашихъ просили не ходить, потому что за допущеніе иноземцевъ начальникъ былъ бы наказанъ правительствомъ. Въ гавани стояло до 35 большихъ лодокъ. На 30 верстъ ниже города по берегу тянутся села, въ томъ числѣ одно большое. Однако, и тутъ берегъ населенъ слабо, а въ другихъ мѣстахъ совершенно пустыненъ.

Ниже Сахаляна, характеръ растительности напоминаетъ среднюю полосу Европейской Россіи. Почва—богатый черноземъ.

Ниже устья Буреи (впадающей въ Амуръ съ лѣвой стороны, въ 1,084 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки), горы снова подходятъ къ рѣкѣ, и оканчиваютъ собою равнинное прибрежье, тянувшееся слишкомъ на 300 верстъ; наконецъ, онѣ стѣсняютъ самое русло рѣки, такъ что Амуръ, имѣвшій прежде 2—3 версты ширины, съуживается до 300 саженъ и течетъ какъ бы по корридору изъ горъ. Мѣстность эта чрезвычайно живописна. Горы покрыты роскошною растительностью. По берегамъ, изрѣдка стоятъ юрты тунгусскаго племени гольдинцевъ. На 120 верстъ тянутся горы, потомъ опять разстилаются по берегамъ обширныя равнины, до устья огромной рѣки Сунгари (козаки звали ее Шингаломъ), которая едва ли не больше самого Амура,— по крайней мѣрѣ, китайцы называютъ Сунгари главною рѣкою, а Амуръ ея притокомъ. До Сунгари отъ Усть-Стрѣлки 1,425 верстъ. Страна, по которой протекаетъ эта рѣка, очень плодородна, и поселившіеся на Амурѣ добывали хлѣбъ грабежемъ у населенія, жившаго по Сунгари. Это было главною причиною возстанія, уничтожившаго козацкія поселенія.

Близъ устьѣ Сунгари, рѣка опять сжимается горами; далѣе на 185 верстъ тянется широкая плодородная долина. Русло рѣки дробится на нѣсколько рукавовъ частыми островами.

При устьѣ Усури, большой и глубокой рѣки, чрезвычано богатой рыбою и впадающей въ Амуръ съ правой стороны, опять подходятъ къ рѣкѣ горы. Далѣе, снова тянется до краевъ горизонта долина. Тутъ, 7 іюня, лодка съ баржею, на которой плылъ г. Пермикинъ, увлечена была быстротою теченія въ одинъ изъ рукавовъ, образуемыхъ островами, между тѣмъ,

Digitized by Google

какъ пароходъ съ остальными лодками пошелъ по другому руслу, такъ что г. Пермикинъ присоединился къ пароходу уже на другой день, въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ рукава соединяются въ одно русло. Сильная буря, которую онъ выдержалъ 7 іюня, заставляетъ его предполагать, что осенью Амуръ долженъ быть очень буренъ, если и лѣтомъ подвергается такимъ вѣтрамъ. Ночь онъ провелъ въ довольно большой деревнѣ гольдовъ, которые показались ему добродушными и чрезвычайно честными: у ихъ амбаровъ нѣтъ ни замковъ, ни запоровъ—видно, что они не имѣютъ понятія о воровствѣ. Далѣе живутъ мангунцы, другое племя тунгусовъ.

15 іюня экспедиція достигла Маріинскаго поста, въ 2,399 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки. Въ этихъ мѣстахъ берегъ гористъ. Ниже Маріинскаго поста живутъ гиляки, которые, подобно мангунцамъ, кормятся звѣроловствомъ и рыболовствомъ.

Изобиліе рыбы въ нижней и отчасти средней части Амура удивительное. Берега рѣки въ нижней части ея теченія гористы и покрыты лѣсомъ.

Въ „Лѣтописи“ Сибирскаго Отдѣла напечатаны отчеты о его состояніи и дѣйствіяхъ съ 21 мая 1852 года по то же число 1853 и съ 21 мая 1853 по то же число 1854 года. Къ 21 мая 1854 года, членовъ Сибирскаго Отдѣла считалось 102; изъ нихъ 42 жили въ Иркутскѣ, остальные по различнымъ мѣстамъ Восточной Сибири. Движеніе денежныхъ суммъ Отдѣла было:

	въ 1852—1853 г.				1853—1854 г.			
Остатокъ отъ предъидущаго года	1,901	руб.	54¼	коп.	3,648	руб.	91¼	коп.
Пособіе отъ казны . . .	2,000	„	—	„	2,000	„	—	„
Взносы членовъ	881	„	—	„	509	„	60	„
Всего	4,782	руб.	54¼	коп.	6,158	руб.	51¼	коп.
Израсходовано на выписку книгъ, покупку инструментовъ и проч.	809	руб.	44	коп.	141	руб.	55	коп.
На канцелярскіе расходы	344	„	19	„	460	„	64	„
На Вилюйскую экспедицію	—	„	—	„	4,887	„	22	„
Всего	1,153	руб.	63	коп.	5,499	руб.	41	коп.

Библіотека Сибирскаго Отдѣла къ 21 мая 1854 года состояла изъ 742 томовъ. Географическихъ атласовъ она имѣла 40 нумеровъ. Кромѣ того, было уже положено основаніе Археологическому музею (102 нумера свитковъ и старинныхъ дѣлъ), Этнографическому музею (20 рисунковъ) и Физикоматематическому кабинету (35 инструментовъ).

Столѣтіе „Московскихъ Вѣдомостей“. *(1756—1856).* Е. Корша. *Москва. 1857.*

Послѣ „Академическихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ „Московскія Вѣдомости“ — старѣйшее изъ русскихъ періодическихъ изданій. Съ давняго

Digitized by Google

времени (конечно, съ Новикова) онѣ изъ всѣхъ нашихъ изданій самое распространенное въ провинціяхъ, лежащихъ около Москвы и за Москвою. Въ средней и южной полосѣ Россіи есть много уѣздовъ, которые почерпаютъ пищу для своей умственной жизни исключительно изъ „Московскихъ Вѣдомостей". Точныя цифры печатаемыхъ экземпляровъ того или другаго журнала, той или другой газеты, конечно, никому неизвѣстны, кромѣ нѣсколькихъ людей, принадлежащихъ къ редакціи или конторѣ этого изданія— у насъ ужъ такая привычка, что мы все стараемся покрыть непроницаемымъ туманомъ,—мы воображаемъ, что облекать все тайною—очень полезное дѣло. Но приблизительная цифра экземпляровъ каждаго періодическаго изданія можетъ быть, несмотря на весь этотъ туманъ, легко угадана. Въ настоящее время, не дѣлая большой ошибки, можно сказать, что „С.-Петербургскія Вѣдомости" расходятся въ числѣ экземпляровъ, почти вдвое бо̀льшемъ, нежели самые распространенные въ публикѣ изъ нашихъ журналовъ, а „Московскихъ Вѣдомостей" расходится почти вдвое больше, нежели С.-Петербургскихъ. До послѣдней войны, „Московскихъ Вѣдомостей" выписывалось около 11 или 12 тысячъ экземпляровъ; во время войны, цифра эта приближалась, говорятъ, къ 20 тысячамъ; по заключеніи мира, она должна была уменьшиться, не опускаясь однако же до цифры, бывшей передъ войною, такъ что можно полагать ее въ 15,000. Если мы будемъ держаться этого счета, въ которомъ вѣроятная ошибка не можетъ превышать 20%, мы получимъ слѣдующія числа для послѣднихъ двухъ лѣтъ, когда, надобно замѣтить, умственная жизнь и потребность чтенія возбуждена въ гораздо сильнѣйшей степени, нежели прежде:

4 литературные журнала („Библіотека для Чтенія", „Отечественныя Записки", „Русскій Вѣстникъ", „Современникъ", каждый отъ 3,000 до 4,500 экземпляровъ), всѣ вмѣстѣ	15,000 экз.
4 газеты („Русскій Инвалидъ", „Сѣверная Пчела", „С.-Петербургскія Вѣдомости",—каждая газета отъ 6,000 до 9,000 экз., и „Московскія Вѣдомости", около 15,000 экз.) всѣ вмѣстѣ	35,000 экз.
Итого	50,000 экз.

Считая на каждый экземпляръ по 10 читателей (такъ принято для подобныхъ разсчетовъ въ заграничной книжной статистикѣ), мы на 50,000,000 жителей Русской Имперіи, для которыхъ русскій языкъ есть родной языкъ, получимъ 500,000 людей читающихъ,—и увидимъ, что въ полтораста лѣтъ, со временъ Петра, одинъ изъ ста нашихъ соотечественниковъ уже перешелъ въ число людей болѣе или менѣе образованныхъ.

Конечно, кромѣ изданій, вошедшихъ въ нашу таблицу, существуютъ многія другія; но очень многіе изъ читателей, напримѣръ, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" въ то же время и читатели „Отечественныхъ Записокъ" или „Современника", даже нѣкоторые изъ читателей „Сѣверной Пчелы" въ то же время читатели „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" и т. д., и значительное уменьшеніе общей цифры, происходящее отъ такого соеди-

Digitized by Google

ненія, какъ мы полагаемъ, едва ли съ большимъ избыткомъ вознаграждается зачетомъ въ общій итогъ всѣхъ тѣхъ людей, которые, не читая ни одного изъ названныхъ нами изданій, читаютъ какой нибудь другой журналъ, напримѣръ, „Морской Сборникъ“ или „Русскую Бесѣду“. Число такихъ людей не очень значительно.

Чтобы опредѣлительнѣе судить о значеніи представленнаго нами итога, сравнимъ его хотя съ итогомъ, представляемымъ Франціею. Тамъ на 35,000,000 людей расходится не менѣе 250,000 экземпляровъ большихъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ и соотвѣтствующихъ своимъ положеніемъ въ литературѣ тѣмъ изданіямъ, которыя вошли въ нашу таблицу. 250,000 экземпляровъ—даютъ 2,500.000, то есть 7 читателей на 100 человѣкъ населенія. Въ Германіи и Англіи пропорція читателей еще значительнѣе.

Но статистика читателей въ Россіи не есть исторія „Московскихъ Вѣдомостей“,—конечно, скажемъ же нѣсколько словъ о брошюрѣ, заглавіе которой привели выше. Исторія „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ наиболѣе распространеннаго у насъ періодическаго изданія, была бы очень интересна. Но брошюра обнимаетъ только первыя семь лѣтъ изданія (1756—1762)—періодъ самый бѣдный и незначительный. „Московскія Вѣдомости“ въ то время не имѣли ни оригинальныхъ статей, ни вообще литературнаго или ученаго отдѣла,—онѣ состояли исключительно изъ оффиціальныхъ документовъ и иностранныхъ извѣстій; даже объявленій было мало, и тѣ вовсе не характеричны. Большая часть брошюры наполнена исторіею Семилѣтней войны, составленною по извѣстіямъ „Московскихъ Вѣдомостей“, то есть по тогдашнимъ русскимъ реляціямъ и переводамъ извѣстій изъ нѣмецкихъ газетъ. Газета становится болѣе важною только со времени Новикова.

Для Легкаго Чтенія. *Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и драмы современныхъ русскихъ писателей. Томъ V.*

Въ этомъ томѣ „Легкаго Чтенія“ помѣщены: повѣсть г. Григоровича „Неудавшаяся жизнь“; „Нянюшка“, сцены г. М. Михайлова; „Недосказанная фраза“, разсказъ И. А. П—ва; „Рыбная ловля“, поэма г. Майкова; „Идеалистъ“, повѣсть г. Станкевича; „Труженикъ, признанія новѣйшаго Фальстафа“, стихотвореніе г. Н***. Особеннаго вниманія читателей заслуживаетъ первое изъ этихъ произведеній, которое до сихъ поръ еще не было напечатано, и является на свѣтъ въ первый разъ въ „Легкомъ Чтеніи“. Шестой томъ этого изданія, который скоро выйдетъ, будетъ заключать [illegible] лучшеніи, себѣ: повѣсть И. И. Панаева „Прекрасный человѣкъ“; разсказ[illegible] таки почли бы горовича „Смедовская долина“; повѣсть Н. Н. Стани[illegible] что дѣйствительныя комедію И. С. Тургенева „Провинціалка“; [illegible]ѣе всякихъ отвлеченныхъ „Груня“; разсказъ г. А. Печерскаго [illegible]тдаленнаго прошедшаго. Только А. А. Фета и семь стихотвореній Н. В[illegible]знь и смыслъ своей партіи, по-

[illegible]рить, оставляя безъ вниманія людей,

[illegible]развитія, по отсталости или по увле-

[illegible]бы одинаково ничтожны или вредны,

[illegible]яхъ народности къ общечеловѣчности.

Digitized by Google

Лучшіе люди славянофильской партіи—люди съ горячею преданностью своимъ убѣжденіямъ; ужъ этимъ однимъ они полезны въ нашемъ обществѣ, самый общій недостатокъ въ которомъ не какія нибудь ошибочныя понятія, а отсутствіе всякихъ понятій, не какія нибудь ложныя увлеченія, а слабость всякихъ умственныхъ и нравственныхъ влеченій. Прежде, нежели желать того, чтобы всѣ твердо держались образа мыслей, который кажется кому нибудь изъ насъ справедливѣйшимъ, надобно признавать настоятельнѣйшею потребностью русскаго общества пробужденіе въ немъ мысли и способности къ принятію какихъ либо умственныхъ убѣжденій, какихъ либо нравственныхъ влеченій, какихъ либо общественныхъ интересовъ. А исполненію этого дѣла славянофилы стараются содѣйствовать всѣми силами, и, какъ люди горячихъ убѣжденій, очень полезнымъ образомъ дѣйствуютъ на пробужденіе умовъ, доступныхъ ихъ вліянію.

Этого права ихъ считаться людьми полезными для общества никто, кажется, не отрицаетъ; но многіе думаютъ, что польза, приносимая ими дѣлу пробужденія мысли въ русскомъ обществѣ, далеко превышается вредомъ, какой они приносятъ успѣхамъ общества, наполняя мысль человѣка, ими пробуждающагося къ жизни, совершенно ложнымъ содержаніемъ, стремясь дать ей направленіе, совершенно превратное.

Не оправдывая всего того, что говорятъ даже лучшіе представители славянофильства, человѣкъ, любящій родину и принимающій выводы науки на Западѣ, долженъ, однако же, сказать, что столь общее отрицаніе всякой справедливости въ славянофильствѣ неосновательно, долженъ признать, что изъ элементовъ, входящихъ въ систему этого образа мыслей, многіе положительно одинаковы съ идеями, до которыхъ достигла наука или къ которымъ привелъ лучшихъ людей историческій опытъ въ Западной Европѣ.

Начнемъ хотя съ тѣхъ враждебныхъ чувствъ къ нынѣшней Европѣ, въ которыхъ обыкновенно обвиняются славянофилы. Конечно, грубо понимаемое, такое обвиненіе будетъ совершенною клеветою на нихъ,—всему дѣйствительно великому и хорошему въ Западной Европѣ они сочувствуютъ не менѣе самыхъ заклятыхъ западниковъ, и, конечно, никому не уступятъ ни въ уваженіи къ такимъ людямъ, какъ Робертъ Пиль или Диккенсъ, Штейнъ или Гегель,—ни въ искренности желанія какъ можно ближе и полнѣе познакомить русскихъ съ благотворными плодами западнаго просвѣщенія. (Просимъ не забывать, что мы говоримъ о лучшихъ представителяхъ славянофильства, а не о тѣхъ людяхъ между ними, прегрѣшенія которыхъ противъ западной цивилизаціи легко прощаются, какъ грѣхи невѣдѣнія). Безпристрастный человѣкъ долженъ назвать предубѣжденіемъ мнѣніе, будто они враждебны европейскому просвѣщенію. Но то правда, и въ томъ признаются они сами, что они не считаютъ слишкомъ завиднымъ нынѣшнее положеніе народной жизни въ западной Европѣ. За эту строгость нельзя ихъ винить. Не даромъ путешественники, отправляющіеся въ западную Европу съ ожиданіемъ найти тамъ земной рай, возвращаются разочарованными, если ищутъ, напримѣръ, въ Парижѣ чего нибудь кромѣ пале-рояльскихъ удовольствій и модныхъ портныхъ. Масса народа и въ Западной Европѣ еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и нищетѣ; потому, она еще не

Digitized by Google

принимаетъ разумнаго и постояннаго участія ни въ успѣхахъ, дѣлаемыхъ жизнью достаточнаго класса людей, ни въ умственныхъ его интересахъ. Не опираясь на неизмѣнное сочувствіе народной массы, зажиточный и развитой классъ населенія, поставленный между страхомъ вулканическихъ силъ ея и происками интригантовъ, пользующихся рутиною и невѣжествомъ, предается своекорыстнымъ стремленіямъ, по невозможности осуществить свой идеалъ, или бросается въ излишества всякаго рода, чтобы заглушить свою тоску. Многіе изъ лучшихъ людей въ Европѣ до того опечалены этимъ зломъ, что отказываются отъ всякихъ надеждъ на будущее; другіе доказываютъ, что съ теченіемъ времени зло не уменьшается, а возрастаетъ. Первые, конечно, не правы, но вторые говорятъ правду. Дѣйствительно, язва пролетаріата все расширяется, даже физическая организація племенъ слабѣетъ, такъ что, вообще говоря, даже средній ростъ уменьшается. Всего прискорбнѣе здѣсь то, что главнымъ источникомъ нищеты и бѣдствій въ Западной Европѣ надобно считать не недостаточность средствъ къ быстрому и коренному улучшенію народнаго быта, а дурное и несправедливое распредѣленіе этихъ средствъ или недоброжелательство къ улучшенію народнаго быта со стороны людей, держащихъ въ рукахъ эти средства, и, по своекорыстному разсчету, не примѣняющихъ ихъ къ дѣлу. Мы представимъ только одинъ случай для примѣра. Положительный разсчетъ показываетъ, что если бы во Франціи поля воздѣлывались при помощи средствъ, предлагаемыхъ естественными науками и механикою, и по системѣ, указываемой политическою экономіею (общинное воздѣлываніе земли при помощи улучшенныхъ машинъ), жатва болѣе, нежели удвоилась бы. А между тѣмъ во Франціи недостаетъ хлѣба. Если бы земледѣлецъ во Франціи пользовался самъ плодами своихъ трудовъ, онъ жилъ бы безбѣдно,—а онъ терпитъ нужду. Еще безотраднѣе положеніе фабричныхъ и заводскихъ работниковъ, которымъ еще легче было бы имѣть изобиліе во всемъ, нужномъ для жизни. Но весь трудъ во французскомъ обществѣ производится подъ гнетомъ своекорыстныхъ эксплуататоровъ, которые могутъ быть прекрасными людьми, но которые, какъ всякій человѣкъ, заботятся о собственныхъ, а не о чужихъ выгодахъ, думаютъ объ увеличеніи своихъ доходовъ, а не объ улучшеніи участи зависимаго отъ нихъ рабочаго населенія. Точно таковъ же порядокъ экономическихъ отношеній и во всей остальной Западной Европѣ. Это фактъ, обнаруженный лучшими людьми самой Западной Европы и принуждающій ихъ негодовать на дѣйствительность, ихъ окружающую.

Таково же и положеніе умственной жизни на Западѣ. Правда, наука сдѣлала великіе успѣхи, но еще слишкомъ мало имѣетъ вліянія на жизнь. Большинство не только народа, но даже образованныхъ классовъ, погружено еще въ дикія понятія, свойственныя скорѣе временамъ кулачнаго права, нежели вѣку цивилизаціи. Когда лучшіе люди въ Западной Европѣ сравниваютъ образъ мыслей огромнаго большинства своихъ согражданъ съ гуманными идеями современной науки, они приходятъ въ отчаяніе, видя, что несомнѣннѣйшія умственныя и нравственныя истины ея, достовѣрныя, какъ аксіомы геометріи, ясныя, кажется, какъ свѣтъ дневной, остаются еще невѣдомы или непоняты никѣмъ, кромѣ горсти немногихъ избранниковъ, еще

Digitized by Google

безсильныхъ надъ нравами и стремленіями общества, по своей малочисленности. Приведемъ опять хотя одинъ примѣръ. При нынѣшнемъ развитіи государственнаго порядка, когда масса побѣждающаго народа уже не грабитъ и не обращаетъ въ личное рабство своимъ сочленамъ всю массу побѣжденнаго народа (какъ то было при завоеваніи германцами провинцій Римской Имперіи), разумна и полезна только та война, которая ведется народомъ для защиты своихъ границъ. Всякая война, имѣющая цѣлью завоеваніе или перевѣсъ надъ другими націями, не только безнравственна и безчеловѣчна, но также положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успѣхами ни сопровождалась, къ какимъ выгоднымъ, повидимому, результатамъ ни приводила. Это достовѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$. А между тѣмъ, и во Франціи, и въ Англіи люди, говорившіе это во время послѣдней войны съ Россіею, были предметомъ общаго посмѣянія или негодованія.

Злоупотребленія, недостатки и бѣдствія въ матеріальной и умственной жизни народовъ Западной Европы—это предметъ неистощимый. Изъ тысячи обвинительныхъ пунктовъ противъ западно-европейской дѣйствительности мы коснулись, и то слегка, безъ всякихъ подробностей, лишь двухъ-трехъ. Страшную картину современнаго быта своей родины представляетъ каждый изъ западно-европейскихъ писателей, если только онъ добросовѣстенъ и стоитъ по мысли въ уровень съ гуманными идеями вѣка. Это прискорбное разнорѣчіе дѣйствительности съ потребностями и идеалами современной мысли съ-году на-годъ становится тяжеле въ Западной Европѣ.

Что удивительнаго, что преступнаго, если это самообличеніе Европы лучшими изъ ея дѣтей находитъ отголосокъ и у насъ? Всякая ложь вредна. Зачѣмъ намъ оставаться въ фантастической увѣренности, будто бы Западная Европа - земной рай, когда на самомъ дѣлѣ положеніе народовъ ея вовсе не таково? Не одни славянофилы стараются вывесть насъ изъ этого легкомысленнаго обольщенія,—немногіе, истинно серьезные мыслители, которыхъ мы имѣли или имѣемъ, выставляли намъ недостатки западно-европейской дѣйствительности въ самомъ рѣзкомъ видѣ. Пусть славянофилы, когда говорятъ объ этомъ предметѣ, во многомъ ошибаются, принимая иное хорошее за дурное, или наоборотъ,—эти частныя ошибки не мѣшаютъ справедливости общей идеи, повторяемой ими, но принадлежащей вовсе не имъ, а всѣмъ лучшимъ людямъ Запада, отъ которыхъ они и узнали о ней,—не мѣшаютъ справедливости этой общей идеи: Западная Европа вовсе не рай.

А когда мы подумаемъ о томъ, до какой степени у многихъ изъ такъ называемыхъ западниковъ темны еще понятія о томъ, что хорошо и что дурно въ Европѣ, и какъ до сихъ поръ очень многимъ кажется лучшимъ именно то самое, что есть худшаго въ Европѣ, то должны будемъ признаться, что критика европейскаго быта, которую славянофилы, прямо или черезъ вторыя руки, заимствуютъ изъ лучшихъ современныхъ мыслителей, далеко не безполезна для очищенія нашихъ понятій о Европѣ. Конечно, эта критика соединяется, проходя черезъ уста славянофиловъ, съ примѣсями, чуждыми, иногда прямо враждебными ея духу,—но мы на столько увѣрены въ здравомъ смыслѣ русскаго племени, мало расположеннаго къ отвлеченнымъ фантазіямъ, что эти примѣси внушаютъ намъ довольно мало опасенія.

Digitized by Google

Здравый смыслъ и тактъ дѣйствительности, которымъ очень сильны русскіе, довольно легко отличаетъ фантастическую примѣсь отъ фактовъ. Притомъ же, примѣси, особенно любимыя многими изъ славянофиловъ, выбраны ими изъ круга чувствъ, которыя очень антипатичны русскому характеру. Ни заоблачныя мечтанія, ни самохвальство не въ характерѣ у русскаго человѣка.

Мало вѣроятности, чтобы заблужденія, противныя племенному характеру, распространились въ націи. Но еслибъ это и было вѣроятно, все-таки надобно было бы сказать, что опасности для народнаго развитія, представляемыя этими примѣсями, менѣе важны, нежели выгоды, соединенныя съ нѣкоторыми твердыми убѣжденіями славянофиловъ, о чемъ постараемся мы поговорить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Однакоже, вмѣсто общихъ размышленій о славянофильствѣ, къ выраженію которыхъ были мы ободрены благопріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на публику первою книгою „Русской Бесѣды“ за нынѣшній годъ, пора намъ заняться обозрѣніемъ содержанія этой книги, очень замѣчательной.

О статьяхъ г. Самарина, на которыя мы хотѣли бы особенно обратить вниманіе каждаго изъ нашихъ читателей, мы ничего не будемъ говорить; одна изъ нихъ, написанная по поводу книги графа Орлова „Очерки похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году“, должна быть прочтена каждымъ живымъ человѣкомъ, и о ней ничего нельзя сказать, кромѣ похвалъ, которыя мы уже сказали. Другая—„Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина“, конечно, оставляетъ мѣсто нѣкоторымъ очень серьезнымъ возраженіямъ, но самъ г. Чичеринъ, вѣроятно, не останется въ долгу у достойнаго противника, котораго наконецъ нашелъ себѣ. По нашему мнѣнію, замѣчанія г. Самарина таковы, что каждое изъ нихъ заслуживаетъ серьезнаго разсмотрѣнія, а нѣкоторыя должны быть признаны справедливыми,— напримѣръ, мысль о необходимости дополнить свидѣтельства юридическихъ актовъ, собранныя у автора, фактами, встрѣчаемыми въ другихъ источникахъ исторіи (въ иноземныхъ писателяхъ о Россіи, въ лѣтописяхъ, народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ) и представляемыми изученіемъ современнаго быта; но мы сильно сомнѣваемся, чтобы отъ расширенія границъ картины просвѣтлѣли ея краски, какъ на то, повидимому, надѣется г. Самаринъ. Замѣтимъ также, что отвѣтомъ на параллели русской системѣ кормленія, находимыя г. Самаринымъ въ исторіи западныхъ государствъ, должно быть не отрицаніе сходства между сравниваемыми явленіями, а признаніе этихъ явленій одинаково невыгодными для государственнаго благоустройства; съ прибавленіемъ того, что въ исторіи западныхъ государствъ дѣйствіе принципа, сходнаго съ нашимъ кормленіемъ, до нѣкоторой степени уравновѣшивалось вліяніемъ другихъ началъ, чего у насъ почти не было.

Г. Чичеринъ, кажется, служитъ кошмаромъ „Русской Бесѣды“, которая въ каждой изъ пяти вышедшихъ до сихъ поръ книгъ посвящала обширныя статьи опроверженію его мнѣній. И въ обозрѣваемой нами книгѣ, кромѣ статьи г. Самарина, занимается этимъ дѣломъ еще другая, болѣе обширная статья: „Критическія замѣчанія на сочиненіе г. Чичерина: „Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ“, г. Н. И. Крылова. Конечно,

Digitized by Google

эти замѣчанія написаны съ ученостью и умомъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ ученаго, имѣющаго громкую извѣстность. Но, по мѣткости и силѣ возраженій, статью г. Самарина надобно поставить выше. Притомъ же, г. Крыловъ говоритъ слишкомъ докторальнымъ тономъ,—онъ слишкомъ проникнутъ мыслью, что имѣетъ дѣло съ бывшимъ своимъ студентомъ. Такъ нѣкогда поучалъ г. Погодинъ гг. Соловьева и Кавелина, которые, однако, справедливо говорили, что извлекаютъ очень мало пользы изъ его назидательныхъ бесѣдъ.

Чрезвычайно интересна по предмету, но суха и отчасти темна по изложенію статья г. П. Р—на: „Объ устройствѣ земледѣльческаго сословія въ Австріи". Гораздо яснѣе, хотя и короче, изложено это дѣло г. Е. Ламанскимъ въ „Экономическомъ, Указателѣ" (№ 13). Важно по множеству новыхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ источниковъ сочиненіе г. А. Попова, „Исторія возмущенія Стеньки Разина". Сколько можно судить по первой части его, напечатанной въ обозрѣваемой нами книгѣ „Русской Бесѣды", авторъ хочетъ ограничиться изложеніемъ свѣдѣній, представляемыхъ его источниками; онъ избралъ себѣ цѣль скромную, но полезную, и за извлеченіе фактовъ изъ-подъ архивнаго спуда онъ заслуживаетъ полной признательности.

Вмѣстѣ съ замѣчательно прекрасными статьями г. Самарина привлекла къ „Русской Бесѣдѣ" вниманіе публики комедія г. Островскаго „Доходное мѣсто",—сильнымъ и благороднымъ направленіемъ она напоминаетъ ту пьесу, которой онъ обязанъ большею частью своей извѣстности,—комедію „Свои люди,—сочтемся". Замѣчательна эта новая пьеса и въ томъ отношеніи, что тутъ г. Островскій изображаетъ кругъ, не имѣющій ничего общаго съ купеческимъ бытомъ, нравами котораго до сихъ поръ онъ почти исключительно занимался. Жадовъ, молодой человѣкъ, получившій университетское образованіе и проникнутый строгими, высокими понятіями о жизни, вступаетъ въ жизнь при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для того, чтобы составить себѣ карьеру; его дядя—высшій начальникъ того мѣста, при которомъ начинаетъ служить онъ. Онъ страстно любитъ дѣвушку, которая такъ еще молода, и кажется ему такою благородною, по натурѣ, что онъ надѣется воспитать ее. Но правила, которыхъ молодой человѣкъ держится, оказываются несовмѣстными съ человѣческимъ счастіемъ не только на службѣ, но даже и въ семействѣ. Дядя не долюбливаетъ его за „фанаберію", о которой такъ хорошо умѣютъ разсуждать люди, живущіе безгрѣшными доходами. Агентъ дяди по безгрѣшнымъ доходамъ, Юсовъ, управляющій дядею и непосредственный начальникъ Жадова, ненавидитъ молодаго человѣка за ту же „фанаберію". Жадовъ, рѣшившись жениться на любимой дѣвушкѣ, является къ дядѣ просить вакантную должность столоначальника, чтобъ имѣть возможность содержать жену. Онъ, конечно, достойнѣе всякаго другаго занять эту должность. Но дядя такъ недоволенъ „фанаберіею" племянника и до того возстановленъ противъ него Юсовымъ, что отказываетъ Жадову, совѣтуетъ ему пріискать себѣ службу въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ и отдаетъ столоначальническую должность Бѣлогубову, истому приказному, который понятія не имѣетъ ни о какой фанаберіи. Тѣмъ кончается

Digitized by Google

первый актъ. Во второмъ дѣйствіи мы знакомимся съ вдовою, коллежскою ассесоршею Кукушкиной, матерью той дѣвушки, на которой думаетъ жениться Жадовъ, и съ двумя ея дочерьми. Жадовъ сватаетъ Полину, Бѣлогубовъ другую сестру, Юлиньку. Почтенная мать прямо говоритъ дочерямъ что онѣ такой товаръ, который она хочетъ, какъ можно поскорѣе, сбыть съ рукъ, что она тяготится ими, что чѣмъ скорѣе онѣ найдутъ себѣ мужей, тѣмъ лучше. Дѣвушки сами думаютъ также, что чѣмъ скорѣе разстаться съ матушкою, тѣмъ лучше, потому что житье подъ ея властью вовсе не масляница. Полинѣ нравится ея женихъ, Жадовъ,—конечно, это молодой человѣкъ съ прекраснымъ лицомъ, съ изящными манерами; Юлинька признается сестрѣ, что считаетъ своего жениха ужасной дрянью,—конечно такъ, Бѣлогубовъ долженъ быть плюгавый юноша, съ канцелярскими ухватками.—„Что же ты не скажешь матушкѣ?“ говоритъ сестрѣ Полина.—„Вотъ еще! сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы изъ дому-то вырваться“, отвѣчаетъ Юлинька.—„Да, правда твоя! замѣчаетъ Полина:—не попадись и мнѣ Василій Николаичъ, кажется, рада бы первому встрѣчному на шею броситься: хоть бы плохенькій какой, только бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взялъ!“ Боже мой, исторія сколькихъ замужествъ разсказана этими словами! Обыкновенно романисты, скорбя объ участи тѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыхъ отдаютъ замужъ противъ воли, и негодуя на тѣхъ, которыя выходятъ замужъ, чтобы надѣть чепецъ и имѣть право выѣзжать безъ всякихъ надзирательницъ, тетушекъ и гувернантокъ,—забываютъ о тѣхъ дѣвицахъ, которыя, чтобы избавиться отъ несносныхъ притѣсненій, выходятъ за перваго встрѣтившагося жениха,—а число такихъ замужествъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, нежели насильственныхъ отдачъ замужъ. Но возвращаемся къ комедіи г. Островскаго. Сестры невѣсты толкуютъ между собою о томъ, каково имъ будетъ жить въ замужествѣ. Юлинька увѣрена въ своемъ Бѣлогубовѣ,—онъ доставитъ ей средства щеголять, онъ говорилъ, что купцы дарятъ ему много всякихъ матерій и даютъ много денегъ; Полина не слышала отъ своего жениха о такихъ доходахъ, и груститъ. Но потомъ, ободренная сестрою, понимаетъ, что жена должна требовать и можетъ вытребовать у мужа и платья, и деньги;—мужъ обязанъ доставлять женѣ удовольствія; не кухаркой же ей жить, въ самомъ дѣлѣ.—Третье дѣйствіе. Жадовъ сидитъ въ гостинницѣ съ старымъ университетскимъ товарищемъ, и разсказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Онъ женатъ уже годъ, работаетъ съ утра до ночи. Живетъ довольно скудно. Жена его очень мила, но—вѣдь ей хочется же жить не хуже другихъ: имѣть шляпки, платья... словомъ сказать, исторія его коротка, какъ онъ самъ говоритъ пріятелю: „Исторія моя коротка; я женился по любви, какъ ты знаешь; взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и почти всѣ наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ ужъ годъ женатъ“...—„И что же?“—„Разумѣется, ничего; воспитывать ее мнѣ некогда, да и не умѣю я приняться за это дѣло. Она таки осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нечѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня, просто, не счи-

Digitized by Google

таетъ за человѣка умнаго. По ихъ понятію, умный человѣкъ непремѣнно долженъ быть богатъ"... Да, это случай очень и очень нерѣдкій,—вотъ вамъ и мечты о семейномъ счастіи, о перевоспитаніи, и тому подобныхъ химерахъ. „Ты говоришь, что ты умный человѣкъ. Да въ чемъ же твой умъ, если ты денегъ достать не умѣешь, новаго платья подарить женѣ не можешь?"—Бѣлогубовъ—о, вотъ онъ, конечно, умный человѣкъ. Онъ является въ гостинницу съ Юсовымъ и двумя товарищами чиновниками,—онъ угощаетъ ихъ послѣ изряднаго полученія денегъ. У него довольно денегъ, имъ жена безъ сомнѣнія довольна. Бѣлогубовъ добрый и хорошій человѣкъ,—въ самомъ дѣлѣ, развѣ взяточникъ не можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ?—Онъ человѣкъ простой, и, увидѣвъ Жадова, проситъ „брата" закусить и выпить шампанскаго вмѣстѣ съ нимъ, хотя думаетъ, что Жадовъ на него сердится. Жадовъ отказывается,—человѣкъ не съ добрымъ сердцемъ обидѣлся бы на мѣстѣ Бѣлогубова, но Бѣлогубовъ истинно хорошій родственникъ,—онъ все упрашиваетъ Жадова выпить шампанскаго и жить съ нимъ по родственному. Жадовъ, по прежнему проникнутый „фанаберіею", говоритъ: „нельзя намъ съ вами жить по родственному", разумѣя подъ этимъ, что не можетъ ужиться съ взяточникомъ, грязнымъ и низкимъ. Но Бѣлогубовъ не понимаетъ такихъ тонкостей.—„Отчего же-съ?" добродушно спрашиваетъ онъ.—„Не пара мы".—Бѣлогубовъ понимаетъ это по своему.—Да, конечно, какая кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть, вамъ деньги нужны, не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолженье не почту. Что за счеты между родными!"—„Съ чего вы вздумали предлагать мнѣ деньги?"—„Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велитъ помогать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность".—„Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня!"—„Какъ угодно, я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женою вашей", съ родственнымъ участіемъ говоритъ добрый Бѣлогубовъ, прощая обиды родственнику.—Дѣйствительно, Бѣлогубовъ добрый человѣкъ и не помнитъ зла. Онъ и его жена потихоньку отъ Жадова даютъ деньги и дарятъ наряды его женѣ. Юлинька счастлива своимъ мужемъ—домъ у нихъ полная чаша, нарядовъ у ней гибель. Полина любитъ мужа, но несчастлива съ нимъ,—у нея мало нарядовъ. Изъ желанія добра сестрѣ, Юлинька учитъ Полину требовать отъ Жадова, чтобъ онъ поступалъ по примѣру Бѣлогубова,—тогда у Полины будутъ и лошади, и наряды, и хорошая квартира. То же самое говоритъ и мать. Когда Жадовъ возвращается домой, Полинька пристаетъ къ нему съ своими требованіями. Мать, которая сидитъ тутъ же, поддерживаетъ ее. Онъ глупецъ и безчестный человѣкъ, если не можетъ доставить женѣ средствъ жить, какъ прилично барынѣ. Жадовъ выходитъ изъ себя, ссорится съ тещей. Жена, однакоже, научена уже, какъ сломить его глупую „фанаберію". Она объявляетъ, что не хочетъ жить съ нимъ, если онъ заставляетъ ее терпѣть нужду, и уходитъ изъ дому. Сестра прокормитъ ее, не дастъ ей терпѣть нужды.—Жадовъ побѣжденъ. Онъ ворочаетъ жену, говоритъ, что готовъ на все. Онъ будетъ служить, какъ Бѣлогубовъ, и отправляется просить у дяди извиненія въ своей „фанаберіи", отказаться отъ

Digitized by Google

своихъ глупыхъ правилъ, просить доходнаго мѣста.—Ну, и прекрасно. Полина, бѣдняжка, перестанетъ страдать—она много терпѣла: не говоря уже о томъ, что у ней не было столько нарядовъ, какъ у счастливой сестры, развѣ ей легко было ссориться съ мужемъ? вѣдь она его любитъ.

Комедія была бы, намъ кажется, цѣльнѣе и полнѣе въ художественномъ отношеніи, если бы оканчивалась этимъ кризисомъ,—пятый актъ прибавленъ авторомъ, чтобы спасти Жадова отъ нравственнаго паденія. Жадовъ съ женою являются къ Вышневскому, но ужъ поздно, просить у него милостей. Его безгрѣшныя продѣлки для полученія безгрѣшныхъ доходовъ открылись, онъ падаетъ съ своего возвышеннаго и очень доходнаго мѣста. Катастрофа, при которой присутствуетъ Полина, вразумляетъ ее: она понимаетъ, что принуждала мужа сдѣлаться преступникомъ, покрыть себя безславіемъ въ глазахъ честныхъ людей. Она бросается въ объятія мужа,—она теперь достойная жена его, они останутся честными людьми.

По нашему изложенію, слишкомъ еще не полному, читатели уже могутъ видѣть, сколько правды и благородства въ новомъ произведеніи г. Островскаго, сколько въ пьесѣ драматическихъ положеній и сильныхъ мѣстъ. Прибавимъ, что многія сцены ведены превосходно и обнаруживаютъ, какими богатыми силами и средствами владѣетъ авторъ, и что лучшими характерами въ пьесѣ показались намъ Бѣлогубовъ и особенно его жена и теща, г-жа Кукушкина.

Очень много замѣчательнаго и прекраснаго нашли мы въ первой книгѣ „Русской Бесѣды"—если бы слѣдующія книги походили на первую, журналъ славянофиловъ очень много поднялся бы въ общемъ мнѣніи, которое и теперь уже значительно смягчено въ его пользу. Надобно желать только, чтобы тѣ люди, которые въ славянофильской партіи должны считаться истинными представителями просвѣщенныхъ и достойныхъ сочувствія идей, были осторожны въ выборѣ сподвижниковъ и не принимали съ распростертыми объятіями каждаго, кто вопіетъ о русской народности и о вредоносности западной цивилизаціи. Пусть только они помнятъ, что прежде всего писатель долженъ быть человѣкомъ просвѣщеннымъ и разумнымъ, и что никакія, ни ультра-славянофильскія, ни ультра-западническія мнѣнія не могутъ вознаграждать въ писателѣ отсутствія этихъ необходимыхъ качествъ. Что хорошаго было бы, еслибъ журналы западниковъ стали помѣщать статьи г. Анаевскаго за то, что онъ доселѣ держался мнѣній западнаго писателя аббата Миллота? Точно также не принесло бы особенной пользы и славянофильскому журналу помѣщеніе „Лимонаря", надъ которымъ, какъ слышно, нынѣ трудится г. Анаевскій, и который, судя по заглавію, будетъ протестомъ противъ западной цивилизаціи. Намъ казалось бы, что къ какой бы партіи ни принадлежали люди, подобные г. Анаевскому, все-таки ихъ сочиненій не долженъ печатать никакой журналъ.

Въ другихъ журналахъ мы замѣтимъ: комедію г. Львова „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей" (въ № 3 „Отечественныхъ Записокъ") и разсказъ г. Печерскаго „Поярковъ" (въ № 4 „Русскаго Вѣстника").

Комедія г. Львова написана въ томъ духѣ, который сталъ входить въ моду съ тяжелой руки г. Щедрина. Намъ нѣтъ надобности много говорить о своемъ полномъ сочувствіи къ этому прекрасному, истинно дѣльному на-

Digitized by Google

правленію, которое съ восторгомъ принято всею публикою. Очевидно также, что комедія г. Львова находится въ близкой связи съ комедіею графа Соллогуба „Чиновникъ“—она разоблачаетъ типъ праздныхъ, ни къ чему не способныхъ и однако же способныхъ на многое дурное людей, которые самодовольно твердятъ: „я оказываю честь и услугу моему отечеству тѣмъ, что служу. Я человѣкъ безкорыстный; я не нуждаюсь въ жалованьѣ; я служу затѣмъ, что, еслибъ я не служилъ, мое мѣсто занималъ бы взяточникъ“ и и т. д., и т. д. Михайло Васильичъ Лисицкій—это Надимовъ, сведенный съ своего пьедестала, показанный благосклонному зрителю въ собственной своей кожѣ, безъ прикрасъ, въ которыя рядится онъ собственнымъ краснорѣчіемъ. Лисицкій, подобно Надимову, жертвуетъ собою на пользу отечества: „Возьмите вы долгъ гражданина, говоритъ онъ:—человѣка, преданнаго вполнѣ своему отечеству, и скажите самъ, могъ ли я не служить? Я жертвую всѣмъ затѣмъ, чтобы достигнуть того положенія, въ которомъ я буду въ состояніи приносить дѣйствительную пользу обществу, содѣйствіемъ моимъ къ искорененію подлаго взяточничества между чиновниками, водворенію правды въ судахъ, улучшенію быта крестьянъ“... Вы не подумайте, что онъ просто проматываетъ деньги въ Петербургѣ,—нѣтъ, онъ дѣйствительно жертвуетъ всѣмъ своей высокой цѣли: и крестьянами своими, которыхъ разоряетъ, и честью своею, которую компрометируетъ разными продѣлками для полученія денегъ и обманываніемъ своихъ кредиторовъ. Въ служебныхъ дѣлахъ онъ ничего не смыслитъ, получаетъ награды за проекты, писанные для него бѣднякомъ, которому онъ не платитъ вознагражденія, обѣщаннаго ему за трудъ, и жену котораго хочетъ соблазнить, онъ обѣщаетъ хлопотать за негодяя, который далъ ему взаймы денегъ и т. д.. и т. д.

„Поярковъ“ по своему направленію также сходенъ съ разсказами г. Щедрина, но это не подражаніе „Губернскимъ Очеркамъ“,—напротивъ, г. Печерскій обладаетъ талантомъ, болѣе значительнымъ, нежели г. Щедринъ, и по всей справедливости долженъ быть причисленъ къ даровитѣйшимъ нашимъ разсказчикамъ. Его „Семейство Красильниковыхъ“ произвело сильное впечатлѣніе своими чисто литературными достоинствами, независимо отъ направленія. Въ „Поярковѣ“ талантъ его обнаружился не менѣе замѣчательнымъ образомъ. По художественному достоинству, этотъ разсказъ останется однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей литературы за настоящій годъ. Людей, которые могутъ писать очень дѣльные и благородные разсказы, довольно много; людей, которые могутъ писать произведенія, отличающіяся чисто литературными достоинствами, также довольно много. Но такихъ, которые бы соединяли значительный литературный талантъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такимъ энергическимъ направленіемъ, какъ г. Печерскій, очень мало. Надобно жалѣть о томъ, что онъ пять или шесть лѣтъ молчалъ, напечатавъ своихъ „Красильниковыхъ“. Если онъ опять вздумаетъ поступить также послѣ „Пояркова“, на немъ будетъ тяжкая вина, которой не проститъ ему никто изъ его почитателей,—онъ долженъ писать. Содержаніе „Пояркова“ мы не разсказываемъ, предполагая, что каждому изъ читателей уже извѣстенъ этотъ превосходный очеркъ служебныхъ дѣлъ и скитскаго быта.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Апрѣль 1857.

Сочиненія В. Жуковскаго. *Изданіе пятое. Томы X, XI, XII и XIII. Спб. 1857.*

Художественное и историческое значеніе поэтическихъ произведеній Жуковскаго давно опредѣлено съ достаточною точностью. Но нельзя того же сказать о двухъ другихъ, не менѣе важныхъ сторонахъ его дѣятельности. Первая изъ этихъ еще мало изслѣдованныхъ сторонъ—вліяніе Жуковскаго, какъ человѣка съ даннымъ настроеніемъ души и образомъ мыслей, на характеръ произведеній нѣкоторыхъ нашихъ замѣчательныхъ писателей, находившихся съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, особенно на Пушкина и на Гоголя, въ послѣдніе годы ихъ жизни. Четыре дополнительные тома его сочиненій, напечатанные нынѣ по Высочайшему повелѣнію, представляютъ довольно многочисленные, хотя, конечно, далеко еще не всѣ, матеріалы для точнѣйшаго опредѣленія этой стороны его исторической дѣятельности, и тѣмъ однимъ уже заслуживали бы великаго вниманія, если бы даже и не заключали въ себѣ многихъ поэтическихъ его трудовъ, или не бывшихъ до сихъ поръ напечатанными, или бывшихъ разсѣянными въ старинныхъ журналахъ. Нѣтъ надобности говорить, что каждая строка, написанная такимъ историческимъ дѣятелемъ, какъ Жуковскій, становится драгоцѣнною для современниковъ и потомства, и что „друзья и почитатели В. А. Жуковскаго", издавшіе эти четыре дополнительные тома, заслуживаютъ величайшей благодарности. Надобно теперь желать того, чтобы въ возможной полнотѣ издана была корреспонденція Жуковскаго и составлена была по возможности полная его біографія. По отношеніямъ его, какъ человѣка, къ дѣятельности другихъ нашихъ поэтовъ и къ историческимъ событіямъ, его жизнь и переписка должны представлять множество фактовъ, драгоцѣнныхъ для исторіи.

Изъ четырехъ изданныхъ нынѣ томовъ первый (десятый полнаго изданія) заключаетъ посмертныя поэтическія произведенія Жуковскаго. Изъ нихъ нѣкоторыя, --напримѣръ, два отрывка изъ перевода „Иліады", „Четыре сына Франціи" и „Царскосельскій лебедь" уже извѣстны публикѣ, бывши напе-

Digitized by Google

чатаны въ различныхъ сборникахъ и въ журналахъ. Другія, изъ которыхъ важнѣйшее—отрывокъ поэмы „Агасверъ, вѣчный жидъ", до сихъ поръ оставались въ рукописи и потому, при обзорѣ десятаго тома, наше вниманіе должно сосредоточиться на „Агасверѣ".

Идея поэмы и художественно-религіозныя достоинства ея отрывка, оставшагося намъ послѣ смерти Жуковскаго, превосходно изложены въ краткомъ предисловіи къ этому отрывку, подписанному буквами Д. Бл., въ которыхъ читатель угадаетъ имя одного изъ друзей Жуковскаго и сподвижниковъ Сперанскаго. Вотъ это предисловіе:

„Всѣмъ извѣстна, болѣе или менѣе, легенда о странствующемъ вѣчномъ жидѣ. Вѣроятно, что вначалѣ хотѣли въ немъ представить судьбу всѣхъ Евреевъ, не обратившихся въ Христіанство, и, такъ сказать, олицетворить въ одномъ человѣкѣ остатки народа Іудейскаго, разсѣянные по всѣмъ странамъ свѣта, часто гонимые, повидимому, обреченные на истребленіе, но не исчезающіе и сохраняющіе упорно свои особенныя свойства, характеръ, вѣрованія и самый внѣшній образъ. Мало по малу сіе аллегорическое первобытное значеніе легенды потерялось: она обратилась въ обыкновенную сказку, и принесенная въ Европу, какъ кажется, въ началѣ тринадцатаго столѣтія, переходя изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, была безпрестанно дополняема, украшаема, или обезображиваема новыми преданіями и выдумками. Въ близкія къ намъ времена и въ наше время странствующій жидъ былъ также предметомъ многихъ повѣстей, романовъ и драматическихъ сочиненій. Каждый авторъ изображалъ сіе таинственное Лицо и судьбу его, согласно съ своими видами, съ дѣйствіемъ, которое онъ желалъ произвести на читателей, или зрителей. Большею частью однакожъ вездѣ сохраняются главныя его черты. Странствующій жидъ не только не умираетъ, но какъ будто и не измѣняется, оставаясь вопреки теченію вѣковъ, даже вопреки очевидности, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ минуту своего преступленія, со всѣми прежними заблужденіями, ненавистью, злобою. Но нашъ незабвенный Жуковскій представляетъ его въ своемъ Агасверѣ совсѣмъ инымъ, преображеннымъ благодатію существомъ. Цѣлію Поэта, основною идеею его творенія, было, какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлать родъ апоѳеоза страданій и несчастія, показавъ, какъ оно благотворно дѣйствуетъ на душу, довольно твердую, чтобы не упасть подъ бременемъ золъ, и особливо не зараженную неизлечимымъ чувствомъ гордости.

„Все здѣсь на пользу, и радость, и горесть, хвала жизнодавцу Зевесу"!
сказалъ Жуковскій въ другой маленькой поэмѣ, и сія мысль, сія истина, благодаря ученію Евангельскому, еще сильнѣе представлена и, такъ сказать, развита въ его Агасверѣ, который нашелъ блаженство въ страданіяхъ, продолжающихся почти два тысящелѣтія. Долго волнуемый самыми буйными, какъ бы воюющими съ небомъ страстями, лишенный всего драгоцѣннаго въ жизни, оставивъ за собой могилы семейства своего, внуковъ и правнуковъ, онъ повсюду ищетъ, проситъ, требуетъ смерти; наконецъ увѣряется, что лишенъ и сей послѣдней надежды несчастныхъ, и вдругъ, во глубинѣ бездны отчаянія, онъ озаренъ Божественнымъ свѣтомъ вѣры. При видѣ умирающихъ святыхъ мучениковъ, взглядомъ любви одного изъ нихъ, душа его потрясена, проникнута..... онъ Христіанинъ. И съ тѣхъ поръ его судьба, не переставая для другихъ быть тою-жъ какъ прежде, для него измѣняется совершенно, отъ перемѣны чувствъ сердца. Утвержденный въ вѣрѣ возлюбленнымъ ученикомъ Спасителя, онъ позналъ великую совершающуюся съ нимъ тайну, знаетъ, что произнесенный надъ нимъ грозный приговоръ есть дѣйствіе непостижимаго милосердія, и хотя, какъ дотолѣ, чуждый всему въ мірѣ и осужденный вѣчно жить въ семъ мірѣ, онъ уже не ненавидитъ, а любитъ его и людей. Самое непрерывающееся воспоминаніе о ужасномъ преступленіи,—участіи въ Богоубійствѣ,—уже не тяготитъ души его, но, терзая, умиляетъ ее. Въ семъ состояніи Агасверъ, въ въ поэмѣ Жуковскаго, является предъ другое, почти столь-же чрезвычайное историческое Лицо, предъ того, который равно изумлялъ вселенную возвышеніемъ своимъ и паденіемъ,—Императора Наполеона I-го. Онъ является въ минуту, когда великій Сэнтъ-элен-

Digitized by Google

скій узникъ, изнемогая подъ двойнымъ бременемъ своего блистательнаго прошедшаго и безнадежнаго будущаго, бременемъ уже невыносимымъ для однѣхъ человѣческихъ силъ, готовъ положить конецъ тоскѣ вмѣстѣ съ жизнію. Чѣмъ Агасверъ, какъ должны полагать, удержалъ его отъ самоубійства? Повѣствованіемъ о судьбѣ своей, ни съ чѣмъ несравнимой, описаніемъ бывшихъ и настоящихъ чувствъ своихъ, объясненіемъ, чрезъ собственный разительный примѣръ, загадки нашихъ земныхъ странствій и обязанности продолжать ихъ, обязанности жить. Къ сожалѣнію, сей разсказъ его безъ конца, и одно изъ самыхъ замѣчательныхъ твореній Жуковскаго остается не довершеннымъ.— Но и въ семъ видѣ, какъ намъ кажется, оно заслуживаетъ общаго вниманія, особливо по своему нравоучительному и религіозному характеру. О достоинствѣ чисто литературномъ сей поэмы мы не будемъ распространяться. Отдаемъ ее смѣло на судъ всѣхъ умѣющихъ цѣнить истинно изящное. Замѣтимъ только, что талантъ Жуковскаго, въ семъ послѣднемъ его произведеніи, имѣетъ нѣчто отличное отъ того, чѣмъ мы привыкли плѣняться въ другихъ его сочиненіяхъ. Вмѣсто изобилующаго образами и сравненіями, цвѣтущаго, почти роскошнаго поэтическаго слога, въ Агасверѣ мы находимъ сію строгую, величественную простоту, которую по справедливости называютъ классическою. Стихи его напоминаютъ намъ слова Ривароля о стихахъ Данте: „каждый изъ нихъ, „безъ всякихъ постороннихъ украшеній, держится, такъ сказать, самъ собою, одною „силою мысли или чувства, и вѣрностію, какъ будто безъискусственною, выраженія“.

Мы не имѣемъ прибавить ничего лучшаго къ словамъ г. Д. Бл. Въ высочайшей степени оригинальна мысль сопоставить Вѣчнаго жида съ Наполеономъ, котораго отчаяніе долженъ превратить онъ въ покорность Промыслу поучительнымъ разсказомъ о своихъ безконечныхъ страданіяхъ и источникѣ отрады, имъ вкушаемой. Люди, воображавшіе, что Жуковскій, хотѣвшій обыкновенно довольствоваться менѣе блистательною, но не менѣе полезною ролью переводчика поэта, не могъ быть по своей натурѣ оригинальнымъ творцомъ-поэтомъ, въ этой одной концепціи его поэмы увидятъ разительное доказательство того, до какой самобытности могъ возвышаться Жуковскій, если хотѣлъ того. Духъ поэмы—высоко христіанскій, исполненный смиренія передъ путями правосудно карающаго Провидѣнія, непостижимыми гордому уму, но постигаемыми во всей благотворности своей сердцу, смиренному страданіемъ и просвѣтленному поученіемъ христіанскимъ. Вотъ отрывокъ изъ первой части поэмы, по которому читатели могутъ судить о поэтическихъ красотахъ ея. Наполеонъ, узникъ острова св. Елены, сидитъ на скалѣ, омываемой моремъ; онъ погруженъ въ раздумье о минувшей славѣ и могуществѣ, о долгихъ мучительныхъ годахъ предстоящей ему неволи:

„.....И онъ затрепеталъ,
И всю ему проникло душу отвращенье
Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
Смотрѣлъ на море, и оно его
Къ себѣ, какъ будто, звало и къ нему
Въ своихъ ползущихъ на скалу волнахъ
Безчисленныя руки простирало.
И ужъ его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила.....

Въ этотъ мигъ, его
Глазамъ, какъ будто изъ земли рожденный,
На западѣ скалы, огромной тѣнью

Digitized by Google

Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,
Явился нѣкто,—и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: „куда, Наполеонъ!“ При этомъ зовѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Оцѣпенѣлъ: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ
Глаза, и чувствовалъ, съ какимъ-то страннымъ
Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
Пришелецъ для него и для всего
Созданія чужой; но онъ невольно
Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ непостижимымъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ... Къ нему шелъ человѣкъ,
Въ которомъ все нечеловѣчье было:
Онъ былъ живой, но жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ было
Давнишнее, когда-то вдругъ, подобно
Созданьямъ допотопнымъ, въ камень
Неумирающій и неживущій
Преобращенное; въ его глазахъ
День внѣшній не сіялъ, но въ нихъ глубоко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сіянья;
Вкругъ головы сѣдые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылиты; чело его
И щеки, блѣдныя какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на-крестъ были
Изрѣзаны; одежда, въ складкахъ тяжкихъ,
Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
До пятъ недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ бы въ нее
Не упираясь.—Пришлецъ, приближась,
На узника скалы вперилъ свои
Провзительныя очи и сказалъ:
Куда ты шелъ? и гдѣ бъ ты былъ, когда бъ
Мой голосъ во-время тебя не назвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя.
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ;
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, голосъ
Безъ отзыва... Врачемъ твоей души
Хочу я быть, и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала.
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было, и нѣтъ, и быть
Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
Проклятью преданный, лишенный смерти
И съ смертью жизни, вѣчно по землѣ

Digitized by Google

Бродить приговоренный и всему
Земному чуждый, памятью о прошломъ
Терзаемый, и въ области живыхъ живой
Мертвецъ, имъ страшный и противный,
Не именующій здѣсь никого
Своимъ, и, что когда любилъ на свѣтѣ,
Все пережившій, все похоронившій,
Все пережить и все похоронить
Опредѣленный; нѣтъ мнѣ на землѣ
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настаетъ, ночь настаетъ—они
Безъ смѣны для меня; жизнь не проходитъ,
Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
Окаменившая живое время;
И посреди собратій бытія,
Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
Любящихъ, иль изъ жизни уводимыхъ
Упокоительной рукою смерти,
На этой братской трапезѣ созданій
Мнѣ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
Голодный, жаждущій—меня они
Не замѣчаютъ; стражду, какъ никто
Въ семъ мірѣ не страдалъ; мое жъ страданье
Для нихъ не быль, а вымыселъ давнишній,
Давно разсказанная дѣтямъ сказка.
Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
Съ презрѣньемъ спросишь у меня: зачѣмъ же
Сюда пришелъ я, чтобъ такой
Безумной басней надъ тобой ругаться?
Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
Васъ, близорукихъ жителей земли.
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполнѣ открою... Слушай".

Второй дополнительный томъ (XI-й полнаго изданія) заключаетъ въ себѣ „Посмертныя сочиненія въ прозѣ". Изъ нихъ, если не ошибаемся, только статьи „О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи" и „Нѣчто о привидѣніяхъ" были до сихъ поръ напечатаны; остальныя въ первый разъ дѣлаются извѣстными публикѣ настоящимъ изданіемъ. Изъ нихъ мы обратимъ вниманіе на тѣ, которыя особенно характеризуютъ Жуковскаго въ послѣднія два десятилѣтія его жизни, когда онъ, какъ человѣкъ, имѣлъ сильное вліяніе сначала на Пушкина, а потомъ еще сильнѣйшее на Гоголя.

„Размышленія и замѣчанія" — помѣщенныя на 1 — 84 страницахъ одиннадцатаго тома—краткія, задушевныя замѣтки о мысляхъ, занимавшихъ умъ и сердце Жуковскаго, какъ человѣка. Въ нихъ онъ бесѣдуетъ съ читателемъ не только какъ наставникъ, но и какъ другъ. Всѣ онѣ внушены настроеніемъ души къ божественному и небесному, всѣ проникнуты христіанскимъ воззрѣніемъ, разсматривающимъ каждое явленіе по отношенію его къ идеѣ Всеблагаго и Премудраго Промысла Божественнаго. Всѣхъ этихъ „размышленій и замѣчаній", напечатанныхъ нынѣ, двадцать-одна статья. Изъ нихъ мы приводимъ вторую и третью, тѣсно связанныя между собою. При

Digitized by Google

всей своей краткости, онѣ вполнѣ могутъ служить высокими образцами благочестивой прозорливости, осѣнявшей душу мудраго старца, просвѣтленнаго непоколебимымъ упованіемъ на Всеблагій Промыселъ Божій.

„Я читалъ въ „Journal des Débats“ описаніе несчастія, случившагося съ ребенкомъ. Онъ прыгалъ съ копны сѣна; внизу въ сѣнѣ торчали вилы; ребенокъ ихъ не замѣтилъ, прыгнулъ и наткнулся на вилы, которыя прокололи его внутренность. Спасти его было нельзя, ибо зубца вилъ нельзя было вынуть изъ тѣла, онъ былъ съ заворотомъ на подобіе острія удочки; ребенокъ былъ долженъ умереть въ жесточайшемъ мученіи.—Какъ изъяснить это ужасное событіе въ смыслѣ провидѣнія? Для ребенка оно положительное зло, безъ всякихъ благихъ послѣдствій: онъ долженъ былъ прострадать нѣсколько часовъ, а можетъ быть нѣсколько дней, и все тутъ; и жизнь его, не развитая ничѣмъ человѣческимъ, кончилась вдругъ страдальческимъ перерывомъ. Какъ согласить это съ мыслію, что бѣды житейскія должны быть намъ въ пользу? Кому здѣсь польза отъ сего страшнаго мученія, обратившаго минуты въ годы и постигшаго душу, не имѣющую ни силъ для его перенесенія, ни способности для извлеченія изъ него высокой нравственной пользы? Гдѣ же благость Промысла? Можно ли обрѣсти ее въ этомъ страданіи, посланномъ безъ видимой цѣли и пользы, и падшемъ на созданіе непорочное, безсильное, не приготовленное ни снести его, ни благословлять въ немъ Того, Кѣмъ оно послано? Отвѣтъ на все это простой. Мы должны не по событіямъ судить Промыселъ Божій, а событія по Промыслу Божію. Въ однихъ онъ намъ является во всей своей благости, въ другихъ мы не видимъ своими слѣпыми глазами этой благости. Въ обоихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, мы должны смиряться. Но живой Богъ существуетъ; Онъ дѣйствуетъ самобытно и вполнѣ во всякое мгновеніе времени, во всякомъ атомѣ и для всякаго атома въ пространствѣ, дѣйствуетъ безъ раздѣла, вполнѣ, всевластно, слѣдовательно во благо—слѣдовательно во всемъ должны мы видѣть благо, не потому, что это благо намъ явно, а потому, что все истекаетъ отъ Бога, и явное благо, называемое нами добромъ, и неявное, которое намъ кажется зломъ.

„Счастливъ тотъ, кому Господь пошлетъ рано, а не поздно, тяжкія испытанія. Онъ заранѣе узнаетъ свои силы и свое безсиліе; и въ обоихъ случаяхъ окрѣпнетъ, научась опытомъ дѣйствовать по волѣ Божіей. Единственное, чему мы должны и чему можемъ въ совершенствѣ здѣсь научиться, есть *добровольное повиновеніе*. Въ этомъ добровольномъ повиновеніи заключается все человѣческое достоинство и вся его свобода. Мы сами никакого добра себѣ дать и никакого добра творить не можемъ: всякое добро намъ дается; но быть покорными Богу, творцу, источнику и подателю добра, во всякое время (съ блаженнымъ ли чувствомъ любви, или безъ ощущенія сего блаженства, по влеченію ли воли, или противъ влеченія воли), намъ возможно, это *единое наше*. Счастливъ тотъ, кого жизнь заранѣе пріучала къ покорности, кто въ младенчествѣ получилъ привычку принимать съ благоговѣніемъ волю родителей и ей предаваться безусловно, кто мало-по-малу могъ понять все благо ея спасительной строгости, и кто изъ дѣтскихъ лѣтъ перенесъ въ юношескія лѣта эту привычку признавать неотрицаемость верховной власти, которая изъ образовательной, приготовительной, отеческой обращается въ спасительную, искупительную, Божію, въ то время, когда онъ вступитъ на дорогу самостоятельной, дѣятельной жизни, для страшныхъ встрѣчъ и тяжелыхъ бореній. И вдвое счастливъ онъ, если эти встрѣчи и боренія начнутся для него въ началѣ дороги, когда еще его силы свѣжи и когда еще не вкоренилось въ немъ никакихъ вредныхъ на счетъ себя самого заблужденій, а не при концѣ ея, когда силы изсякли и когда такъ ужасно, такъ безполезно вдругъ очнуться изъ заблужденій, столь усыпительно его баловавшихъ во все продолженіе лѣнивой, никакими тревогами не приводимой въ движеніе, жизни“.

Тѣмъ же духомъ христіанскаго прозорливаго благочестія исполнены и три письма къ Гоголю, напечатанныя на 123—176 страницахъ этого тома. Въ первомъ Жуковскій извиняется, что не прислалъ еще обѣщанныхъ за-

Digitized by Google

мѣчаній на книгу Гоголя,—онъ былъ разстроенъ близкою сердцу утратою, потому и не могъ писать. Но онъ, говоритъ, нашелъ сладкое утѣшеніе въ упованіи на милость Промысла,—и, какъ христіанинъ, уповающій на Промыселъ, находитъ причину духовной радости въ томъ, что казалось бы горькимъ ударомъ сердцу, не укрѣпленному вѣрою, что мнимыя бѣдствія наши и ближнихъ нашихъ только кажутся бѣдствіями неразумному, но являются источникомъ смиреннаго радованія для мудраго христіанина.

„Пока мы сами еще не испытали никакой болѣзненной утраты, мы съ умиленіемъ слушаемъ голосъ Спасителя, исходящій намъ изъ Евангелія, и можемъ мыслію постигать великое значеніе человѣческой жизни. Но когда надъ нами самими совершается ударъ свыше, сколь болѣе дѣлается тогда понятенъ сердцу этотъ Евангельскій голосъ! уже не въ листахъ книги мы ищемъ тогда Спасителя, Онъ самъ насъ находитъ, Онъ самъ становится къ намъ лицомъ къ лицу; цѣною бѣдствія покупаемъ мы лицезрѣніе Бога. Но дорога ли эта цѣна въ сравненіи съ тѣмъ сокровищемъ, которое мы за нее пріобрѣтаемъ? Все это я прежде думалъ; теперь я это видѣлъ, и опытъ близкаго мнѣ сердца сдѣлался моимъ собственнымъ опытомъ. Я видѣлъ и слышалъ отца въ ту минуту, когда закрылись глаза его любимой дочери, отца Христіанина. Но здѣсь всего простѣе повторить его слова, сказанныя имъ своей семьѣ въ первую минуту горькой утраты: „Великое дѣло милости Божіей надъ нами совершилось; мы *своими глазами „видѣли*, какъ наша милая дочь перешла къ Небесному Отцу своему; она принесла „Ему чистую, ничѣмъ житейскимъ непотревоженную и съ нимъ примиренную душу. И „теперь мы знаемъ, что ей дано все то, чего бы никакою силою нашей любви мы не „могли ни дать, ни сохранить ей въ здѣшней жизни. Мы знаемъ, что это данное на„всегда ей останется, что превратности жизни для нея миновались, что для нея уже „нѣтъ ничего невѣрнаго: ни страха въ настоящемъ, ни тревоги за будущее. Мы можемъ „только благодарить и славить. И послѣ такого яснаго узнанія милости неизреченной, не „позволимъ себѣ никогда ни пожалѣть, что она отъ насъ взята, ни пожелать, чтобы „она была съ нами. Будемъ смирны, и чтобы наше горе никогда не пересилило на„шей теперешней радости, за себя будемъ покорны, за нее радостны и благодарны“.

Во второмъ письмѣ Жуковскій начинаетъ дѣлать обѣщанныя замѣчанія на книгу Гоголя (дѣло идетъ о второмъ изданіи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ съ извѣстнымъ предисловіемъ и о „Перепискѣ съ друзьями“) и между прочимъ говоритъ, что напрасно не посовѣтовалъ Гоголю уничтожить „Завѣщаніе“ и передѣлать „предисловіе“.

„Тебѣ крѣпко досталось отъ нашихъ строгихъ критиковъ, и я, признаться, попенялъ самому себѣ за то, что въ одномъ случаѣ не предохранилъ тебя отъ ихъ ударовъ, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, что они подѣломъ тебѣ достались; виню себя въ томъ, что не присовѣтовалъ тебѣ уничтожить твое *завѣщаніе* и многое переправить въ твоемъ *предисловіи*. Когда ты мнѣ читалъ то и другое, имѣя тебя самого передъ глазами, я былъ занятъ твоею личностью и, зная, какъ все мною слышанное было искреннимъ выраженіемъ тебя самого, зная, какъ ты далекъ отъ всякаго самохвальства, отъ всякаго смѣшнаго самобоготворенія, я находилъ привлекательнымъ то, что послѣ, когда (вмѣсто самого автора) явилась передо мною мертвая печатная книга и воображенію моему представилась наша читающая публика, сидящая *чиномъ на креслахъ и стульяхъ* кругомъ чтеца, и въ арріергардѣ фаланга журналистовъ, вооруженныхъ дреколіемъ порицанія и крючьями придирки, то многое, мнѣ прежде показавшееся столь привлекательно оригинальнымъ, представилось страннымъ и неприличнымъ“.

Но скоро отъ этихъ замѣчаній Жуковскій переходитъ къ благочестивымъ размышленіямъ о силѣ и дѣйствіи молитвы, которыя и составляютъ главное содержаніе длиннаго письма. Въ третьемъ письмѣ Жуковскій раз-

Digitized by Google

суждаетъ о значеніи поэтическаго слова, какъ провозвѣстника мудрости Божіей, и поэтѣ, какъ служителѣ истины, откровенной Богомъ.

Читатели безъ труда видятъ, какъ тѣсно связано направленіе души, господствовавшее у Жуковскаго и выразившееся между прочимъ этими размышленіями и письмами, съ тѣмъ назидательнымъ настроеніемъ души, которое въ послѣднее время жизни обладало Гоголемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бесѣды, письма и совѣты Жуковскаго, который былъ ближайшимъ къ Гоголю человѣкомъ въ долгіе годы, проведенные Гоголемъ за границею,— Жуковскаго, мнѣнія и совѣты котораго Гоголь высоко цѣнилъ уже и потому, что Жуковскій былъ посредникомъ между имъ и высшими сферами жизни, и потому, что Жуковскій заслуженно пользовался высокимъ уваженіемъ отъ всѣхъ, чьими чувствами дорожилъ Гоголь, и потому, наконецъ, что Жуковскій былъ образованнѣе его,—нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что бесѣды, письма и совѣты Жуковскаго имѣли очень сильное участіе въ развитіи созерцательно-христіанскаго направленія, которому предался Гоголь.

Но Жуковскій никогда не дѣлалъ такихъ странныхъ промаховъ, какъ Гоголь, котораго можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, его ученикомъ. Гоголь издалъ книгу, которая привела всѣхъ въ изумленіе, очень неблагопріятное для автора,—Жуковскій при жизни никогда не печаталъ ничего такого, что не было бы встрѣчаемо похвалами. Одною изъ причинъ этой разницы между учителемъ и послѣдователемъ была образованность Жуковскаго, удерживавшая его отъ такихъ выводовъ, которые могли бы не понравиться образованнымъ людямъ. Образованность имѣетъ чрезвычайно благотворное вліяніе на всѣ направленія сердца,—она улучшаетъ хорошее, она дѣлаетъ менѣе дурнымъ дурное. Другая причина разницы, еще болѣе важная, заключалась въ самыхъ темпераментахъ этихъ двухъ людей. Жуковскій, хотя идеалистъ, отличался вообще мягкостью, можно сказать, умѣренностью характера, не допускавшею его ни до какихъ крайностей и неловкостей. Гоголь по натурѣ своей былъ энтузіастъ, не отступавшій ни передъ чѣмъ въ эпоху увлеченія.

Вообще, мы довольно мало знаемъ объ отношеніяхъ замѣчательныхъ людей нашей изящной литературы къ общественнымъ вопросамъ, имѣемъ очень мало свѣдѣній о томъ, какъ смотрѣли они на современныя имъ стремленія; почти единственными матеріалами въ этомъ случаѣ служатъ намъ ихъ поэтическія произведенія,—источникъ односторонній и большею частью скудный, почти всегда недостаточно опредѣлительный, потому что поэтическая форма обыкновенно обобщаетъ и идеализируетъ воззрѣніе. Тѣмъ драгоцѣннѣе становятся сочиненія поэтовъ прежняго времени, которыя прямымъ и положительнымъ образомъ знакомятъ насъ съ ихъ образомъ мыслей. Въ XI-мъ томѣ, мы находимъ нѣсколько такихъ статей; изъ нихъ важнѣйшія: „О смертной казни“, „Письмо къ графу Ш. о происшествіяхъ 1848 года“, „Іосифъ Радовицъ, біографическій очеркъ“. Статья „О смертной казни“ показываетъ, какъ хорошо умѣлъ примирять Жуковскій требованія строгаго человѣческаго правосудія съ высшими требованіями христіанской любви. Она полна воззрѣнія величественнаго и обнаруживаетъ замѣчательную силу логики вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ потребностей общественнаго быта. Какъ

Digitized by Google

прекрасное свидѣтельство того, что идеализмъ и возвышенность чувствъ не мѣшаютъ практической основательности, мы приводимъ ее здѣсь вполнѣ. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что пять или шесть лѣтъ тому назадъ, казнь преступниковъ Маннинговъ въ Лондонѣ подала случай англійскимъ филантропамъ, отличающимся болѣе эксцентричностью, нежели практичностью своихъ идей, съ удвоенною силою возобновить старинныя возраженія противъ смертной казни, возраженія, убѣдившія Императрицу Елисавету Петровну отмѣнить смертную казнь за уголовныя преступленія. Жуковскій, какъ глубокій мыслитель, оцѣниваетъ по достоинству эти возраженія и предлагаетъ средство устранить ихъ, не уничтожая смертную казнь, которую признаетъ грустною необходимостью, а измѣняя приличнымъ образомъ способъ ея исполненія:

„Конечно, никто не читалъ безъ ужаса подробнаго описанія казни, совершившейся въ Лондонѣ надъ Маннингами, мужемъ и женою. По поводу этой казни были самыя отвратительныя сцены разврата и скотства въ безчисленной толпѣ всякаго народа, собравшагося полюбоваться зрѣлищемъ конвульсій, съ какими кончили жизнь на висѣлицѣ злодѣи. Эти сцены подали поводъ нѣкоторымъ филантропамъ для новыхъ декламацій противъ смертной казни. И вмѣсто того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное *совершеніе* казни, начали нападать на самую *казнь*, которая не иное что, какъ представитель строгой правды, преслѣдующей зло и спасающей отъ него порядокъ общественный, установленный Самимъ Богомъ. Говорятъ: „смертная казнь безполезна, ибо она никого *не пугаетъ*, никого не воздерживаетъ отъ злодѣйства, не исправляетъ злодѣя неоткрытаго, а злодѣя осужденнаго лишаетъ возможности исправленія“.—Смертная казнь, какъ *угрожающая* вдали своимъ мечемъ Немезида, какъ страхъ возможной погибели, какъ *привидѣніе*, преслѣдующее преступника, ужасна своимъ невидимымъ присутствіемъ, и мысль о ней, конечно, воздерживаетъ многихъ отъ злодѣйства. Но *зрѣлище* смертной казни — такое зрѣлище, какимъ обыкновенно забавляютъ (это слово здѣсь у мѣста) праздный народъ, столь жадно ищущій сильныхъ, чувственныхъ потрясеній, отвратительно само по себѣ, безнравственно по своему впечатлѣнію, и не только не исполняетъ своей цѣли, то есть, не ужасаетъ, не остерегаетъ, не пробуждаетъ совѣсти преступника тайнаго и не воздерживаетъ человѣка, способнаго на явное преступленіе, напротивъ, дѣлаетъ, такъ сказать, привлекательною потѣхою ужасъ казни, которая для зрителей получаетъ занимательность трагедіи, а для казнимаго уничтожаетъ спасительное дѣйствіе на душу послѣдней его минуты, заставляя его кокетствовать передъ людьми своею фальшивою неустрашимостію и отвлекая его отъ мысли о Богѣ, передъ судилище Котораго онъ долженъ явиться такъ скоро. И здѣсь, какъ и во всемъ, причина зла заключается въ отсутствіи *святаго*, то есть, въ отсутствіи того животворнаго элемента, безъ котораго все земное не иное что, какъ минутное, мимопроходящее и, наконецъ, совершенно исчезающее физическое явленіе. Эшафотъ, на которомъ совершается смертная казнь, есть мѣсто, гдѣ неумолимое *земное правосудіе* казнитъ преступленіе, а *Божіе милосердіе* принимаетъ въ свое лоно кающуюся душу. Отлучите *послѣднее* отъ *перваго*, и спасительно-грозный, величественный актъ земной казнящей правды, жертва всенародно приносимая правдѣ небесной, обращается въ отвратительную оргію толпы. Изъ тысячи охотниковъ, сбѣжавшихся на публичный праздникъ казни, конечно не болѣе десяти (и именно такихъ, для которыхъ подобное зрѣлище менѣе нужно, ибо они менѣе другихъ способны на злодѣйства) возвращается съ растроганнымъ сердцемъ, съ высокою мыслію о жизни, правдѣ и смерти; на всѣхъ остальныхъ зрѣлище производитъ дѣйствіе болѣе или менѣе безнравственное и вредное. И оно не можетъ быть иначе. Что отвратительнѣе этой висѣлицы, на которой нѣсколько минутъ бьется въ конвульсіяхъ живой человѣкъ и на которую глядитъ толпа, съ любопытствомъ ожидая, какъ этотъ живой движущійся сдѣлается мертвецомъ неподвижнымъ. Еще отвратительнѣе французская гильотина: тутъ все поражающее душу исчезаетъ; человѣкъ, созданіе Бо-

Digitized by Google

жіе, отдается во власть машины, которая безжалостно, какъ представитель неумолимаго, безчувственнаго фатума, рѣжетъ ему голову; нѣсколько палачей, рабовъ машины, укладываютъ ея работу въ коробъ, смываютъ съ нея кровь, которой ручьи, пробираясь по камнямъ мостовой, мало-по-малу втекаютъ въ каналы, мѣшаются тамъ съ грязью,— и все кончено; толпа расходится, и каждый равнодушно принимается за свою ежедневную работу. Гдѣ въ этихъ зрѣлищахъ святое? Гдѣ тутъ Богъ, Его правда, святыня власти, Имъ установленной, величіе и сила закона? Все уничтожается матеріальностію самаго акта, котораго ужасъ производитъ даже какое-то пріятное, чувственное раздраженіе, будучи общимъ пиромъ многочисленной толпы. Что же дѣлать, спросите вы? Уничтожить казнь? Нѣтъ! *Страхъ* казни есть то же въ цѣломъ народѣ, что *совѣсть* въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно. Не уничтожайте казни, но дайте ей образъ величественный, глубоко трогающій и ужасающій душу; удалите отъ ея совершенія все чувственное; дайте этому совершенію характеръ таинства, чтобы при этомъ совершеніи всякій глубоко понималъ, что здѣсь происходитъ нѣчто принадлежащее къ высшему разряду, а не варварскій убой человѣка, какъ быка на бойнѣ; сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ механическимъ дѣйствіемъ общественной машины, или просто ариѳметическимъ вычитаніемъ одной цифры изъ общей суммы; сдѣлайте, чтобы казнь была не однимъ актомъ правосудія *гражданскаго*, но и актомъ любви *Христіанской*; чтобы она, уничтожая преступника, врага *гражданъ*, возбуждала состраданіе къ судьбѣ его въ сердцахъ его *братьевъ*, чтобы его земная погибель была общимъ горемъ, чтобы всякій видѣлъ, что неумолимое правосудіе, заботясь о сохраненіи порядка общественнаго уничтоженіемъ его возмутителя, не менѣе заботится о спасеніи души осужденнаго; наконецъ, главное, сохраните для вѣчности душу несчастнаго, котораго законъ вашъ убиваетъ во времени, давъ ему возможность взглянуть съ умиленіемъ въ глаза неизбѣжной смерти, и помогите смягчиться душѣ его для покорности и покаянія. Но какъ это сдѣлать? Средство простое. Совершеніе казни не должно быть зрѣлищемъ публичнымъ; оно должно быть окружено таинственностію страха Божія. Мѣсто, на которомъ совершается казнь, должно быть навсегда недоступно толпѣ; за стѣною, окружающее это мѣсто, толпа должна видѣть только крестъ, подымающійся на главѣ церкви, воздвигнутой Богу милосердія въ виду человѣческой плахи. Эта неприступность будетъ дѣйствовать на душу зрителя (ничего невидящаго, но все воображающаго) гораздо сильнѣе, и въ тоже время гораздо спасительнѣе и нравственнѣе всѣхъ конвульсій висѣлицы и криковъ колесованья. Съ той минуты, какъ преступникъ осужденъ и принялъ свой приговоръ отъ суда человѣческаго, онъ долженъ считаться принадлежащимъ одному суду Божію; его послѣднія минуты, какъ для спасенія души его, покидающей землю, такъ и для благотворнаго поученія на землѣ остающимся, должны быть освящены религіею. Смягчится ли его сердце или нѣтъ—это въ рукѣ Божіей; но человѣческій законъ долженъ оправдать совершаемое имъ человѣкоубійство всѣми заботами о небесной судьбѣ своей земной жертвы; черезъ это и самая казнь получитъ знаменованіе высокое—праведнаго воздаянія, иначе она не иное что, какъ безжалостное кровопролитіе. Казнь преступника должна возбудить въ ея свидѣтеляхъ не одинъ страхъ наказанія (котораго впрочемъ она не возбуждаетъ въ своемъ теперешнемъ отвратительномъ видѣ); она должна возбудить всѣ высокія чувства души человѣческой: вѣру, благоговѣніе передъ правдою, состраданіе, любовь Христіанскую. Разсмотримъ ближе нашъ предметъ: преступникъ осужденъ на смерть, и день, въ который онъ долженъ покинуть землю, объявленъ ему; этотъ день возвѣщенъ и народу. Пускай наканунѣ этого дня призовутъ Христіанъ на молитву по церквамъ о душѣ умирающаго брата, пускай во всѣхъ церквахъ слышится голосъ Христіанъ, умоляющихъ Бога, чтобы грѣшникъ, приступая къ концу своему, съ нимъ примиренный, принялъ смерть съ покаяніемъ на очищеніе души своей и чтобы милосердіе Божіе не отвергло души его. Такое призваніе на молитву конечно будетъ сильно и нравственно дѣйствовать, ибо тутъ молитва не просто богослужебный обрядъ, но и глубоко потрясающее душу приготовленіе къ важному событію, которое должно на другой день совершиться; не можетъ быть, чтобы она кѣмъ нибудь или по крайней мѣрѣ большинствомъ не была услышана, не была произнесена съ тѣмъ чувствомъ, которое оставляетъ неизгладимые слѣды на

Digitized by Google

сердцѣ. Между тѣмъ внутри темницы, и позже, на мѣстѣ казни все должно имѣть характеръ примирительно Христіанскій. Осужденный знаетъ, что онъ не будетъ преданъ на поруганіе любопытной толпы, что онъ изъ уединенной темницы перейдетъ черезъ церковь въ уединеніе гроба; эта тревога, столь многихъ приводящая къ отчаянію и къ самоубійству, не раздражаетъ души его; онъ оставленъ на произволъ собственнаго размышленія, которое лучше всего приготовитъ его къ присутствію Божію на послѣдней исповѣди. Если же онъ и не смягчится въ эти первыя минуты, въ которыя надобно ему вдругъ познакомиться съ непонятною, приводящею въ ужасъ, въ оцѣпенѣніе мыслію о скоромъ и неизбѣжномъ концѣ жизни, то, вѣроятно, при переходѣ отъ тюрьмы къ церкви, гдѣ встрѣтитъ его чаша примиренія, произойдетъ въ немъ этотъ спасительный, душевный переломъ скорѣе и рѣшительнѣе, нежели въ присутствіи толпы, развлекающей, стыдящей и окаменяющей душу своимъ оскорбительнымъ любопытствомъ; на пути отъ церкви къ мѣсту казни онъ будетъ провожаемъ пѣніемъ, выражающимъ молитву о его душѣ, и это пѣніе не прежде умолкнетъ, какъ въ минуту его смерти. И когда это будетъ совершаться внутри ограды, вокругъ которой конечно будутъ собраны толпы народа, двери этой ограды будутъ заперты: изъ-за нее будетъ слышно только одно умоляющее пѣніе. Не будетъ кроваваго зрѣлища для глазъ; но будетъ таинственное, полное страха Божія и состраданія человѣческаго для души. И какое зрѣлище! Никакими глазами не увидишь того, что въ одну такую минуту можетъ показать душѣ воображеніе. А когда пѣніе вдругъ замолчитъ — что представитъ себѣ это растроганное воображеніе? И съ какимъ впечатлѣніемъ разойдется толпа, которая видѣла передъ собою наказующую смерть во всей таинственности ея ужаса и не была развлечена никакимъ всенароднымъ представленіемъ, всегда увеселительнымъ, сколь бы оно ни было ужасно? Такой образъ смертной казни будетъ въ одно время и величественнымъ актомъ человѣческаго правосудія и убѣдительною проповѣдью для нравственности народной".

Но, какъ человѣкъ образованный и недозволявшій себѣ вдаваться въ крайности, Жуковскій умѣлъ дѣлать уступки въ частныхъ случаяхъ тѣмъ требованіямъ времени, которымъ противиться было бы неблагоразумно по его мнѣнію. Такъ, напримѣръ, въ 1850 году, онъ считалъ нужнымъ для нѣмецкихъ правительствъ сдѣлать нѣкоторыя пожертвованія въ пользу германскаго единства, хотя, конечно, это единство было противно его общему убѣжденію о неприкосновенности тѣхъ правъ, часть которыхъ была бы пожертвована для достиженія этого требованія, казавшагося тогда еще непреодолимымъ.

Въ XII томѣ собраны мелкія стихотворенія и басни, напечатанныя въ разныя времена Жуковскимъ, но не внесенныя имъ въ „Полное собраніе сочиненій", изданное при жизни. Мы замѣтимъ переводы лирическихъ пьесъ изъ Гете, которые могли бы, намъ кажется, съ честью стоять подлѣ переводовъ, принятыхъ въ „Собраніе" его сочиненій.

Въ XIII томѣ (четвертомъ дополнительномъ) помѣщены различныя статьи въ прозѣ, напечатанныя Жуковскимъ при жизни, но также не внесенныя имъ въ „Собраніе сочиненій".

За тѣмъ остаются еще нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго изъ первой поры его дѣятельности (1797 — 1811), которыя поэтъ впослѣдствіи считалъ, повидимому, недостойными своего таланта. Издатели перечисляютъ ихъ въ предисловіи, но не захотѣли внести въ изданные теперь четыре тома. Они обѣщаются сдѣлать это при слѣдующемъ изданіи, которое будетъ расположено ими въ хронологическомъ порядкѣ. Нельзя не согласиться съ ними, что такъ и надлежитъ сдѣлать: самъ Жуковскій могъ цѣнить одни,

Digitized by Google

могъ не цѣнить другія изъ своихъ произведеній, но исторія литературы должна дорожить каждою строкою, имъ написанною.

Нельзя не радоваться тому, что друзья Жуковскаго не словами, но и на дѣлѣ чтутъ память своего покойнаго друга, и нельзя не благодарить ихъ за заботливость, съ которою они собирали и издали его произведенія.

Отчетъ правленія одесскаго женскаго благотворительнаго общества за 1856 годъ. *Одесса 1857.*

Одесское женское благотворительное общество располагало въ 1856 году, какъ видимъ изъ его отчета, довольно значительными суммами. При остаткѣ отъ 1855 года въ 6,307 руб. 8 коп., оно имѣло дохода 26,794 руб 66½ коп., всего до 31,281 руб. 74½ коп. Главными источниками дохода были:

Плата за лавки, принадлежащія обществу .	3,004 руб.
Продажа игральныхъ картъ	2,019 —
Пожертвованія денегъ и исковъ	1,879 —
Ежегодный взносъ отъ членовъ общества .	969 —
Маскарадный балъ	1,393 —
Пожертвованіе и другіе доходы особеннаго комитета для вспомоществованія бѣднымъ жителямъ Одессы	10,760 — *).

Израсходовано было въ 1856 году 20,852 руб. 27¾ коп. и, судя по отчету, деньги эти были израсходованы не понапрасну, не пропали между рукъ, на канцелярскіе расходы и т. п., какъ то иногда бываетъ съ другими благотворительными обществами. Именно, на эти деньги содержались втеченіе года: сиротскій домъ, въ которомъ 1 января 1856 г. было 90 воспитанницъ, а къ 1 января 1857 года—93 воспитанницы. и кромѣ, того, 15 младенцевъ, и домъ призрѣнія престарѣлыхъ, въ которомъ 1 января 1856 г. было 15, а къ 1 января 1857 года — 18 престарѣлыхъ вдовъ и увѣчныхъ дѣвицъ. Кромѣ того, вновь учрежденный комитетъ „Попеченія о бѣдныхъ", начавшій свои дѣйствія съ 1 ноября 1856 года, втеченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ года оказывалъ пособіе 1,423 семействамъ. именно: хлѣбомъ продовольствовалъ комитетъ всѣ эти семейства, сверхъ того, изъ числа ихъ отопленіемъ—410; горячею пищею—69, теплымъ помѣщеніемъ и ночлегомъ—56, теплымъ одѣяньемъ и обувью — 143 семейства; медицинскимъ пособіемъ оказана была помощь 25 семействамъ или лицамъ; отправленьемъ на родину—6, уплатою долговъ за квартиры — 9, временною денежною выдачею—8, помѣщеньемъ въ сиротское заведеніе—4. задѣльною платою—175, поденною работою на участкѣ сиротскаго дома—56 семействамъ или лицамъ.

Эти цифры, особенно для начала, прекрасны; одесскія дамы могутъ гордиться ими. Рѣдкій изъ нашихъ городовъ можетъ выставить такіе отрад-

*) Доходы этого вновь учредившагося комитета составились изъ пожертвованій (между которыми важнѣйшими были: отъ княгини Е. К. Воронцовой 1,466 руб. 58 коп. и отъ неизвѣстнаго 1,000 р. сер.) и отъ спектаклей въ пользу бѣдныхъ.

Digitized by Google

ные факты. Дай Богъ, чтобы благое начинаніе возростало и впредь, какъ возростало въ прошедшемъ году.

Мыслью объ этомъ возростаніи хотимъ мы воспользоваться, чтобы сказать нѣсколько словъ о различныхъ способахъ благотворительности.

Изъ различныхъ способовъ, существующихъ для облегченія нуждъ бѣднаго класса, у насъ въ Россіи употребительны очень многіе. Издавна предки наши славились тѣмъ, что подавали щедрую милостыню нищимъ. Этотъ патріархальный способъ вспомоществованія вышелъ или почти вышелъ изъ употребленія между людьми, живущими на европейскую ногу, но у людей, сохраняющихъ старинные обычаи, удержанъ, можно сказать, во всей силѣ. Тюремные замки наши постоянно снабжаются обильными пожертвованіями съѣстныхъ припасовъ и даже бѣлья, преимущественно отъ купцовъ.—Вмѣсто прямаго подаянія по грошу каждому просящему подъ окнами и у дверей, люди высшаго тона устроиваютъ балы, музыкальные вечера, спектакли, лотереи въ пользу бѣдныхъ, какъ на Западѣ, а потомъ раздаютъ оставшіяся за расходомъ праздника деньги въ видѣ единовременныхъ пособій цѣлыми рублями, даже цѣлыми десятками рублей нуждающимся. Существуютъ, наконецъ у насъ въ нѣкоторыхъ (если не ошибаемся, еще немногихъ) городахъ и постоянныя благотворительныя общества, которыя, кромѣ единовременныхъ пособій, или даже пенсій нуждающимся, содержатъ на свой счетъ училища для сиротъ, богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, больницы.

Все это прекрасно, но всего этого еще слишкомъ мало. Благотворительныя общества у насъ еще слишкомъ малочисленны и располагаютъ еще слишкомъ малозначительными средствами.

Притомъ, многія отрасли общественной благотворительности совершенно еще не употребительны. Въ Западной Европѣ поступаютъ не такъ. Тамъ вспоможенія обращаются не только на людей обнищавшихъ и голодныхъ, но также и на то, чтобы предотвращать, по возможности, обнищаніе и голодность Человѣкъ, не дошедшій до нищенства, имѣющій средство добывать своимъ трудомъ хотя сколько нибудь денегъ, не долженъ искать пособій въ родѣ тѣхъ, какія замѣнили старинную милостыню; но онъ часто нуждается столько же, какъ и настоящій нищій, — и общество можетъ облегчить его положеніе весьма значительнымъ образомъ, нисколько не затрогивая его благородной гордости, не принося съ своей стороны почти никакихъ жертвъ для облегченія его участи. Онъ не хочетъ принимать вспоможеній, онъ хочетъ довольствоваться тѣмъ, что пріобрѣтаетъ честными трудами своими,— но общество можетъ очень легкимъ, почти безубыточнымъ для себя образомъ доставить ему средство улучшить свой бытъ, сдѣлавъ экономію въ необходимѣйшихъ его расходахъ.

Въ жизни бѣдняка въ нашемъ климатѣ четыре главные расхода: на квартиру, на отопленіе, на пищу и на платье; бѣдняки южныхъ странъ почти не знаютъ одной изъ этихъ тяжелыхъ статей, меньше чувствуютъ и тяжесть другихъ: имъ гораздо меньше нужно отопленія, имъ нѣтъ такой нужды въ теплой одеждѣ, имъ нѣтъ такой нужды и въ уютной квартирѣ— они гораздо больше времени могутъ проводить на воздухѣ,—имъ наконецъ и пищи нужно меньше, нежели въ нашемъ климатѣ. Все это доказываетъ,

Digitized by Google

что наши бѣдняки болѣе нуждаются въ заботливости общества, нежели бѣдняки другихъ странъ.

Но мы начали говорить о тѣхъ средствахъ предупрежденія нищеты, которыя, будучи очень употребительны на Западѣ, почти вовсе неизвѣстны у насъ. Мы имѣли при этомъ въ виду дѣйствія благотворительныхъ обществъ, которыя ограничиваются почти исключительно городами, — потому говоримъ о нуждахъ городскаго населенія.

Кромѣ болѣе или менѣе значительнаго числа людей, рѣшительно не имѣющихъ силы кормиться собственнымъ трудомъ и потому безъ униженія для себя и для общества могущихъ получать прямыя пособія благотворительности, существуетъ другой, гораздо болѣе многочисленный классъ людей, которые имѣютъ силу и охоту добывать пропитаніе собственнымъ трудомъ, но нуждаются не менѣе, нежели настоящіе нищіе. Въ Западной Европѣ это происходитъ отъ такъ называемаго недостатка работы; у насъ, человѣкъ, желающій найти работу, рѣдко не находитъ ея, но вознагражденіе за многія изъ работъ, занимающихъ наибольшее число рукъ, слишкомъ мало для того, чтобы предохранить отъ нужды: доходы такихъ людей не соотвѣтствуютъ расходамъ для безбѣднаго содержанія. Увеличивать ихъ доходы прямыми вспоможеніями было бы унизительно для нихъ и слишкомъ убыточно для общества. Потому общественная заботливость должна избрать себѣ относительно этого класса людей другую цѣль: сокращеніе ихъ расходовъ безъ прямыхъ пожертвованій на то со стороны общества. Эта цѣль достигается очень легко.

Четыре главныя статьи расхода у семейства бѣдняковъ, какъ мы видѣли: квартира, отопленіе, пища и одежда. При нашихъ нравахъ, какъ и въ Западной Европѣ, отопленіе, пища и одежда покупаются людьми бѣдными у мелочныхъ торговцевъ, которые незначительность своего торговаго оборота по необходимости вознаграждаютъ высокимъ процентомъ барыша. Притомъ, и у мелочныхъ торговцевъ бѣдняки покупаютъ нужные имъ предметы самыми мелкими количествами—дрова по одному возу, муку—половинами пудовъ, десятками фунтовъ; мясо зимою, когда въ провинціяхъ каждый зажиточный человѣкъ закупаетъ его на нѣсколько мѣсяцевъ по очень сходнымъ цѣнамъ, также фунтами; точно также покупается и всякая провизія, которая у зажиточныхъ людей заготовляется на круглый годъ, большими дешевыми партіями въ дешевое время года. Точно также пріобрѣтается и одежда—покупками на „толкучихъ рынкахъ“ стараго платья, старой обуви, ношеніе которой вообще обходится гораздо убыточнѣе, нежели ношеніе одежды, заготовленной изъ новыхъ матеріаловъ. А когда матеріалы покупаются и новые, то опять-таки у мелочныхъ торговцевъ и мелочными кусками,—то есть по очень дорогой розничной цѣнѣ. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что въ мелочной торговлѣ товары обыкновенно бываютъ дурнаго качества и продаются съ обманомъ и въ качествѣ и въ количествѣ.

Что можетъ сдѣлать общественная заботливость для нуждающагося класса, добывающаго деньги своимъ трудомъ и страждущаго не отъ недостатка работы или силъ и охоты къ работѣ, а отъ несоразмѣрности дохо-

Digitized by Google

довъ съ расходами? Расходы этого класса на отопленіе, пищу и одежду производятся не экономическимъ образомъ,—общественная заботливость должна доставить этимъ людямъ возможность покупать эти товары и продукты по возможно дешевымъ цѣнамъ, и возможно хорошаго качества, — сдѣлать источникомъ ихъ продовольствія не мелочную, а оптовую торговлю. Выигрышъ того въ расходахъ бѣдняковъ будетъ не менѣе 50%, въ многихъ случаяхъ—100% и болѣе.

Средствъ для достиженія этой цѣли два: то или другое можетъ быть предпочитаемо, смотря по мѣстному удобству.

Вотъ первое средство. Общество благотворительности само производитъ оптовыя закупки, и продаетъ закупленные товары по мелочи, но по той цѣнѣ, въ какую обошлись они ему, безъ всякаго убытка, но и безъ всякаго барыша себѣ.

Для того нужно содержать обществу особеннаго агента и устроить собственные магазины.

Но агентомъ этимъ можетъ быть избранъ какой нибудь оптовый торговецъ, разумѣется, достойный довѣрія своею добросовѣстностью и порядкомъ въ веденіи своихъ дѣлъ. Тогда онъ устроиваетъ мелочную продажу по оптовымъ цѣнамъ при своемъ оптовомъ магазинѣ. Общество заключаетъ съ нимъ контрактъ объ этомъ. Такимъ образомъ общество освобождается отъ всякихъ хлопотъ и затратъ по покупкѣ товаровъ и расходовъ на содержаніе собственныхъ магазиновъ; но само собою разумѣется, что за исполненіемъ контракта оно должно наблюдать неутомимо и чрезвычайно строго. Это второе средство.

При хорошемъ веденіи дѣлъ, выгода, доставляемая такимъ образомъ для бѣдныхъ покупателей, сократитъ расходы бѣднаго класса на покупку отопленія, одежды и пищи по крайней мѣрѣ на 50%, а во многихъ случаяхъ и болѣе.

Само собою разумѣется, что, получая чрезъ общество возможность пользоваться выгодами оптовой торговли, бѣдные покупатели не должны быть лишены одного изъ важнѣйшихъ преимуществъ оптоваго покупщика — кредита. Передъ оптовымъ торговцемъ этотъ кредитъ обезпечивается ручательствомъ благотворительнаго общества, заключившаго съ нимъ контрактъ; обществу обезпечивается онъ взаимнымъ ручательствомъ бѣдныхъ, но честныхъ и добропорядочныхъ людей, другъ за друга, — словомъ, дѣло производится вообще по кредитивному обычаю тѣхъ мѣстъ, только приложенному къ единицамъ и десяткамъ рублей, вмѣсто тысячъ рублей. Вообще, опытомъ дознано, что масса бѣдняковъ добросовѣстнѣе въ исполненіи своихъ кредитныхъ обязательствъ, нежели классъ, обыкновенно пользующійся широкимъ кредитомъ. Въ губернскомъ, въ уѣздномъ городѣ, одинъ бѣднякъ занимаетъ у другаго бѣдняка десять рублей—для нихъ эта сумма важнѣе, нежели тысяча рублей для купца или помѣщика средней руки, считающихъ необходимость въ такихъ случаяхъ брать сохранныя записи, векселя и т. д. и увѣренныхъ, что безъ такого документа уплата данной суммы неправдоподобна. Бѣдняки не считаютъ нужными между собою никакихъ росписокъ, ни даже „честныхъ словъ“—они увѣрены, что уплата будетъ произведена

Digitized by Google

при первой возможности, и одна физическая невозможность въ состо
воспрепятствовать должнику расплатиться.

И такъ, люди недостаточные, по удостовѣреніи членовъ благотво
тельнаго общества въ томъ, что эти люди имѣютъ право на заботливо
общества, получаютъ билеты (на годичный срокъ), дающіе имъ право по
пать по таксѣ, установленной обществомъ, въ магазинахъ общества. В
взаимномъ ручательствѣ такихъ покупателей другъ за друга, общество
крываетъ имъ кредитъ въ своихъ магазинахъ. Кредитъ простирается до
вѣстной суммы, опредѣляемой съ одной стороны среднею цифрою покуп
бѣдняка между сроками, въ которые онъ получаетъ свои доходы, и меж
ежегодными періодами дешевыхъ цѣнъ на товары, съ другой стороны с
мою взаимнаго ручательства.

Убытокъ обществу можетъ быть въ этомъ дѣлѣ только одинъ: неупл
по данному кредиту. Если дѣла общества ведутся осмотрительно и безъ
добросовѣстнаго патронатства со стороны членовъ своимъ прислужникамъ,
убытки эти будутъ совершенно ничтожны.

Чрезвычайно значительное сокращеніе расходовъ нуждающагося кла
на отопленіе, пищу и одежду, можетъ быть произведено Благотворительны
Обществомъ или безъ всякихъ затратъ (при контрактѣ съ оптовымъ т
говцемъ), или съ незначительною затратою капитала, если общество пред
чтетъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, имѣть свои собственные магази
затрата капитала въ 10,000 руб. сер. легко даетъ обществу отъ оптовы
торговцевъ кредитъ на 20,000 руб. сер.; если этотъ капиталъ сдѣла
только два оборота въ годъ (предположеніе слишкомъ умѣренное, при кр
кости сроковъ, на которые совершается закупка большей части продаваемы
бѣднякамъ товаровъ,—напримѣръ, обуви и платья, муки и т. д.; толь
мясо можетъ быть заготовляемо въ зимнюю пору на три-четыре мѣсяца,
нѣкоторыя овощи — свекла, капуста, огурцы — на девять мѣсяце
въ концѣ осени, и дрова также на нѣсколько мѣсяцевъ во вре
прихода ихъ по рѣкѣ и въ пору хорошаго извоза),—то при двухъ обо
тахъ въ годъ, общество, затративъ 10,000 руб., которые возвращаю
безъ утраты въ концѣ года, снабдитъ нуждающійся классъ товарами
60,000 руб. сер. въ годъ; и такъ какъ при этой покупкѣ покупатели в
игрываютъ, по крайней мѣрѣ, 50 процентовъ, то экономія въ расходах
доставляемая нуждающемуся классу, простирается въ годъ, по крайней мѣ
до 30,000 руб. сер.,—иначе сказать, Общество, не теряя ничего изъ у
требленнаго на это дѣло капитала, доставляетъ косвеннаго ежегоднаго вс
моженія нуждающемуся классу на сумму въ три раза большую, нежели у
требленный капиталъ.

Заботливость облегчить четвертую статью расходовъ нуждающаго
класса (квартира) вообще требуетъ для полнаго своего дѣйствія бо
значительныхъ затратъ, нежели три первыя, хотя также совершенно бе
убыточныхъ затратъ. Но и тутъ могутъ быть случаи, когда улучшеніе бы
возможно только одной заботливостью общества, безъ всякихъ затратъ к
питала. Есть также способы, въ случаѣ недостатка суммъ для соверше
этого дѣла въ полныхъ его размѣрахъ, сдѣлать все-таки очень много х

Digitized by Google

рошаго безъ всякихъ затратъ, однимъ именемъ и кредитомъ благотворительнаго общества. Мы также кратко изложимъ это дѣло.

Квартиры бѣдняковъ не только гораздо хуже, но, пропорціонально своей величинѣ, и значительно дороже, нежели большія и хорошо устроенныя квартиры людей зажиточныхъ. Относительно Петербурга, это положительнымъ образомъ доказано, напримѣръ, въ прекрасной статьѣ г. К. С. Веселовскаго „О недвижимыхъ имуществахъ въ Петербургѣ“ („Отечественныя Записки“ 1848 года, № 3). Въ провинціальныхъ городахъ, эта разница въ невыгоду бѣдняковъ должна быть еще значительнѣе, какъ увидятъ читатели. Причины сравнительной дороговизны бѣдныхъ квартиръ двоякаго происхожденія: однѣ соотвѣтствуютъ разницѣ между оптовою и розничною цѣною, другія зависятъ отъ степени довѣрія домохозяина къ нанимателю и отъ отношенія между предложеніемъ и запросомъ.

Какъ купецъ охотно дѣлаетъ вамъ уступку, если вы берете вмѣсто одного куска матеріи десять кусковъ, и напротивъ прибавляетъ цѣну на каждый аршинъ, если вы вмѣсто цѣлаго куска берете одинъ аршинъ матеріи, точно также домохозяинъ охотнѣе соглашается получать большими кушами менѣе высокій процентъ отъ большихъ квартиръ. Если мы предположимъ, что у него есть квартира помѣстительностью въ 50 квадратныхъ саженъ, и что ему было пріятно получать за нее по 1,000 р. сер. въ годъ, то по раздѣленіи этой квартиры на 10 мелкихъ квартиръ помѣстительностью по 5 квадратныхъ саженъ, онъ не согласится взять за каждую менѣе 120 р., даже при равной обезпеченности платежа отъ нанимателей, — въ первомъ случаѣ, онъ будетъ получать отъ нанимателя уплату сотнями рублей—„это деньги, такими деньгами можно распорядиться выгоднымъ образомъ, на нихъ можно сдѣлать оборотъ“,—во второмъ случаѣ, онъ получаетъ деньги нынѣ и завтра, пятками и много если десятками рублей—„какія это деньги? эти деньги не видно какъ сквозь руки пробѣгутъ, выгоды вовсе нѣтъ отъ такого полученія“. Эту невыгоду онъ долженъ вознаграждать повышеніемъ цѣнъ.

Вотъ уже 20% разницы отъ вліянія одной причины. Но есть и другія, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Мы говорили, что съ большаго дома, раздѣленнаго на мелкія квартиры, домохозяинъ считаетъ необходимымъ получать большій доходъ, нежели отъ такого же дома, раздѣленнаго на большія квартиры. Но этотъ случай, когда бѣдняки живутъ въ большихъ домахъ, кромѣ Петербурга, въ Россіи очень рѣдокъ. Обыкновенно, въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, бѣдняки живутъ въ маленькихъ домикахъ. Въ провинціяхъ господствуетъ такой способъ постройки: большой домъ строится для большой квартиры, для мелкихъ квартиръ строятся маленькіе флигельки и домики. Постройка одного двухъ-этажнаго дома въ 10 саженъ длины и 6 саженъ ширины, имѣющаго помѣстительность въ 120 квадратныхъ саженъ, обходится гораздо дешевле, нежели постройка двадцати одноэтажныхъ домиковъ, каждый въ 3 сажени длины и въ 2 сажени ширины,—а эти домики всѣ вмѣстѣ имѣютъ также только 120 квадратныхъ саженъ помѣстительности. И такъ постройка мелкихъ квартиръ обходится домохозяину пропорціонально дороже, нежели постройка большихъ.

Digitized by Google

Тоже надобно сказать и о ремонтѣ. Новая причина, еще значительнѣе увеличивающая сравнительную дороговизну мелкихъ квартиръ.

Мало того, что постройка жилища для бѣдняка въ нашихъ провинціальныхъ городахъ стоитъ, пропорціонально, дороже хозяину, нежели постройка жилища для зажиточнаго нанимателя,—самъ домохозяинъ маленькаго домишка находится обыкновенно въ такомъ положеніи, что не можетъ довольствоваться тѣми процентами, какъ хозяинъ большаго дома. Одинъ, два, три маленькіе флигеля, отдаваемые въ наймы, составляютъ обыкновенно все его состояніе, и онъ долженъ, чтобы имѣть возможность какъ нибудь перебиваться, получать съ своего домика или своихъ домиковъ гораздо высшій процентъ, нежели зажиточный владѣлецъ большаго дома. Въ Петербургѣ считается хорошимъ доходомъ, когда домъ приноситъ 8% своей цѣны; въ провинціяхъ, вы можете за 200 руб. купить флигель, который отдается въ годъ за 40 р. сер. — это значитъ, что онъ даетъ 20% дохода.

Конечно, такую высокую цѣну не были-бъ въ состояніи поддержать домохозяева, если бы она не поддерживалась тѣмъ, что требованія на мелкія квартиры всегда гораздо больше, нежели на большія. Въ провинціи, когда очистилась квартира въ 500 р. с., часто въ цѣломъ городѣ не найдется человѣка, который бы искалъ квартиру въ такую цѣну, и она стоитъ пуста не потому только, что хозяинъ не сходится въ цѣнѣ съ нанимателями,—нѣтъ, просто потому, что вовсе нѣтъ нанимателей. Не то съ мелкими квартирами въ 20, 30, 40 р. сер.—тутъ нанимателей десятки и десятки готовы каждый день набивать другъ передъ другомъ цѣну.

Прибавимъ ко всему этому, что зажиточный человѣкъ, нанимающій большую квартиру, всегда кажется домохозяину плательщикомъ болѣе состоятельнымъ и исправнымъ, нежели бѣднякъ, нанимающій маленькую. Не то въ самомъ дѣлѣ, чтобы дѣйствительно первые были аккуратнѣе вторыхъ въ расплатѣ,—о, вовсе нѣтъ, спросите у всѣхъ провинціальныхъ торговцевъ, каково давать въ кредитъ людямъ, живущимъ въ провинціи на широкую ногу, — они въ одинъ голосъ скажутъ, что ихъ приказчики обили всѣ пороги у такихъ людей, навѣщая ихъ для полученія долговъ. Но—но все-таки, человѣку, живущему богато, каждый вѣритъ охотнѣе, нежели бѣдняку, хотя каждый и знаетъ, что бѣднякъ вообще бываетъ вѣрнѣе въ расплатѣ.

Если соединимъ дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ, мы поймемъ какъ причины, почему квартиры бѣдняковъ, сообразно помѣстительности, повсюду вдвое или даже втрое дороже, нежели большія квартиры, такъ и средства устранить это невыгодное для бѣдняковъ различіе.

Самымъ кореннымъ средствомъ для доставленія бѣднякамъ квартиръ, по возможности дешевыхъ, признано построеніе благотворительными обществами большихъ домовъ, раздѣленныхъ на маленькія квартиры для бѣдняковъ. Квартиры эти отдаются по такой цѣнѣ, которая давала бы не болѣе, какъ обыкновенный процентъ съ капитала, платимый вкладчикамъ банковыми учрежденіями. У насъ этотъ процентъ въ настоящее время, какъ извѣстно, 4 на 100. Въ другихъ земляхъ онъ нѣсколько менѣе; за то и

Digitized by Google

процентъ, доставляемый тамъ отдачею въ наймы квартиръ, менѣе, нежели у насъ, такъ что разницу между этими двумя цифрами у насъ и во Франціи или въ Англіи можно считать за равную; и если въ домахъ, построенныхъ по указанному нами способу, квартиры въ Англіи и Франціи доставляютъ бѣднякамъ за цѣну вдвое и даже втрое меньшую противъ той, какую платятъ они за подобныя квартиры частнымъ домохозяевамъ, то никакъ нельзя ожидать, чтобъ и у насъ пониженіе цѣны квартиръ въ такихъ нарочно устроенныхъ домахъ могло быть менѣе значительно.

При этомъ надобно замѣтить, что въ подобныхъ домахъ, строимыхъ безъ всякой роскоши, со всевозможною экономіею, но прочно, добросовѣстно, съ соблюденіемъ удобствъ, съ хорошими печами и т. д., чего никогда не бываетъ въ мелкихъ квартирахъ у обыкновенныхъ домохозяевъ, здоровье жильцовъ бываетъ гораздо лучше, и на отопленіе хорошо устроенной печи, конечно, требуется несравненно менѣе дровъ, нежели на ту нелѣпо-прожорливую печь, какая вообще бываетъ у насъ въ провинціяхъ (да и въ столицахъ) въ мелкихъ квартирахъ.

Убытка отъ такихъ построекъ строители не терпятъ ни малѣйшаго: капиталъ приноситъ проценты точно такіе же, какъ бы лежалъ въ банкѣ. Но, надобно сказать: капиталы требуются значительные, чтобы постройки имѣли размѣръ, довольно значительный по пропорціи къ бѣдному населенію города. Но трудно достать этотъ капиталъ, потому надобно сказать о средствахъ къ уменьшенію расхода бѣдняковъ на квартиры безъ всякихъ затратъ со стороны благотворительнаго общества, единственно силою заботливости благотворительнаго общества.

При малочисленности нанимателей для самыхъ большихъ домовъ въ провинціальныхъ городахъ, благотворительное общество почти всегда можетъ найти нѣсколькихъ домохозяевъ, согласныхъ, по заключеніи съ обществомъ контракта на продолжительное число лѣтъ, передѣлать свои большіе дома на маленькія квартиры съ удобствами, какихъ обыкновенно не имѣютъ такія квартиры, и съ хорошими печами, и уступать эти дома въ наемъ обществу по цѣнѣ, не превышающей тѣхъ цѣнъ, по какимъ эти дома отдавались богатымъ нанимателямъ. Общество само будетъ уже раздавать квартиры по цѣнѣ, какая опредѣлится раскладкою общей суммы найма по числу и помѣстительности мелкихъ квартиръ. При разсчетливомъ со стороны общества наблюденіи за выгодностью заключаемыхъ контрактовъ и исполненіемъ условленныхъ передѣлокъ, оно увидитъ себя въ состояніи отдавать поступившія въ его распоряженіе мелкія квартиры по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ процентовъ дешевле обыкновенныхъ цѣнъ для квартиръ равной помѣстительности. Кромѣ того, отъ хорошаго устройства печей, которое очень рѣдко встрѣчается въ обыкновенныхъ мелкихъ квартирахъ, жильцы будутъ выигрывать отъ двадцатипяти до пятидесяти процентовъ на отопленіе. При такихъ выгодахъ, квартиры никогда не будутъ оставаться пусты,—напротивъ, на каждую очистившуюся тотчасъ же будутъ являться десятки нанимателей, и затрудненіе можетъ быть лишь въ томъ, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе.

При томъ и другомъ способѣ дѣйствій, если только число квартиръ, находящихся въ распоряженіи общества, будетъ значительно, необходимо

Digitized by Google

послѣдуетъ значительное пониженіе въ цѣнѣ всѣхъ другихъ мелкихъ квартиръ города; причинъ тому двѣ: съ одной стороны, соперничество дешевыхъ квартиръ общества сбиваетъ цѣну всѣхъ другихъ подобныхъ квартиръ; съ другой стороны, отъ прибыли въ числѣ квартиръ, назначенныхъ для недостаточнаго класса, уменьшается соперничество между бѣдными людьми при наймѣ квартиръ.

Подобнаго дѣйствія необходимо ожидать отъ дѣйствій благотворительнаго общества и отъ учрежденія магазиновъ для розничной продажи по оптовымъ цѣнамъ съ кредитомъ для людей недостаточныхъ. Чтобы сколько нибудь удержать за собою этотъ классъ покупателей, всѣ торговцы, занимающіеся розничною продажею, должны будутъ значительнымъ образомъ спускать прежнія цѣны.

Но возвращаемся къ способамъ доставленія дешевыхъ квартиръ бѣдному классу. Даже при невозможности производить постройки для этой цѣли на свой счетъ (или, что тоже, покупать по выгодной цѣнѣ большіе дома — случаи къ тому часты въ провинціальныхъ городахъ, при малочисленности людей, готовыхъ на покупки такихъ домовъ,—и потомъ передѣлывать ихъ собственными средствами на мелкія квартиры) и при отсутствіи домовъ, удобныхъ для найма, и домохозяевъ, согласныхъ на отдачу ихъ по контрактамъ, о которыхъ говорено выше, общество все-таки имѣетъ еще возможность доставлять посредствомъ одного своего заступничества людямъ недостаточнымъ квартиры по цѣнѣ, значительно умѣреннѣйшей противъ обыкновенныхъ цѣнъ. Оно, становясь посредникомъ между нанимателемъ и домохозяиномъ, отстраняетъ дѣйствія двухъ изъ числа причинъ, поддерживающихъ эти квартиры въ несоразмѣрно высокой цѣнѣ: во-первыхъ, оно ручается за точную уплату найма со стороны добропорядочнаго бѣдняка (а обществу гарантируется уплата со стороны бѣдняка взаимнымъ ручательствомъ нѣсколькихъ бѣдняковъ)—этимъ удаляется та часть дороговизны, которая имѣетъ причиною недовѣріе домохозяина къ бѣдному нанимателю; во-вторыхъ, общество можетъ принимать на себя уплату по годичнымъ срокамъ впередъ всей условленной цѣны, принимая уже на себя получать отъ нанимателя мелкими взносами сумму, впередъ за него уплаченную вдругъ,— этимъ доставляется бѣдняку выгода дисконта (уступки въ требуемой суммѣ, за платежъ денегъ до срока), кромѣ того, удаляется чрезъ это та часть дороговизны, которая зависитъ отъ разницы между полученіемъ денегъ мелкими и болѣе крупными взносами. Такимъ образомъ, даже и при этомъ самомъ ограниченномъ способѣ дѣйствованія, общество доставитъ бѣднымъ людямъ сокращеніе расходовъ на квартиру, по крайней мѣрѣ, въ двадцать-пять процентовъ.

Когда мы сообразимъ всѣ различные способы изложеннаго нами безубыточнаго дѣйствованія благотворительныхъ обществъ,—мы увидимъ, что при возможности располагать значительнымъ капиталомъ съ уплатою за него четырехъ процентовъ кредиторамъ своимъ (если капиталы эти не принадлежатъ обществу) или съ пріобрѣтеніемъ въ свою кассу тѣхъ же четырехъ процентовъ (если эти капиталы принадлежатъ обществу),—общество можетъ одною силою капитала и кредита, не теряя ни одной копѣйки, доставить

Digitized by Google

бѣдному классу сокращеніе на сто процентовъ или даже на сто двадцать-пять процентовъ по всѣмъ четыремъ главнымъ статьямъ расхода бѣдняковъ, именно, по расходамъ на квартиру, отопленіе, одежду и пищу.

Въ обыкновенныхъ уѣздныхъ городахъ средства эти гораздо менѣе значительны, за то и населеніе такихъ городовъ незначительно, и огромныхъ капиталовъ тамъ не нужно, чтобы производить громадное, пропорціонально объему города, дѣйствіе. А большіе, то есть торговые уѣздные города, располагаютъ капиталами, пропорціонально населенію, болѣе значительными, нежели губернскіе города; потому что въ значительныхъ уѣздныхъ городахъ обороты торговли значительнѣе, нежели въ губернскихъ, имѣющихъ равное населеніе.

Но само собою разумѣется, что чѣмъ скромнѣе надежды, тѣмъ онѣ вѣрнѣе. Предположимъ же, что благотворительныя общества не получатъ въ свое распоряженіе ни одной копѣйки капитала на ту отрасль дѣятельности, которая указывается примѣромъ подобныхъ учрежденій Западной Европы. Все-таки, одно ихъ посредничество можетъ доставить на двадцать-пять процентовъ экономіи нуждающемуся классу горожанъ по четыремъ важнѣйшимъ статьямъ расхода бѣдняковъ.

Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. *Статья I. Описаніе Архангельской губерніи. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1857.*

Покойный Иванъ Ѳедоровичъ Штукенбергъ былъ однимъ изъ неутомимѣйшихъ и почтеннѣйшихъ тружениковъ по русской географіи и статистикѣ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, какъ Миллеръ и Бакмейстеръ, которые должны служить для насъ примѣрами ученой добросовѣстности и трудолюбія. Его „Гидрографія“ капитальное, классическое сочиненіе, какихъ не много написано о Россіи.

Окончивъ свою огромную „Гидрографію“, покойный ученый занялся собираніемъ матеріаловъ для другаго сочиненія, которое было задумано имъ въ объемѣ, еще болѣе обширномъ,—онъ составлялъ „описаніе Россіи въ отношеніи къ обилію почвы и ея разработкѣ, къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ“. Государь Императоръ, цѣня ученыя заслуги Штукенберга и важность начатаго имъ труда, благоволилъ пожаловать автору (за годъ до его смерти) добавочное жалованье и средства къ изданію новаго его сочиненія.

Когда И. Ѳ. Штукенбергъ скончался, въ его бумагахъ нашлось уже оконченное описаніе 38 губерній, изъ которыхъ шесть были приготовлены къ выпуску въ свѣтъ.

Сынъ покойнаго, подполковникъ Корпуса Инженеровъ Путей сообщенія, А. Штукенбергъ, прекрасно сдѣлалъ, рѣшившись издать неоконченный сборникъ, о которомъ покойный авторъ справедливо говорилъ, что посредствомъ его мы подвинемся на шагъ впередъ въ познаніи нашего отечества. Было бы грѣшно оставлять неизданнымъ это богатое собраніе фактовъ. Сочиненіе было написано покойнымъ авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ; сынъ издаетъ его въ русскомъ переводѣ.

Желаемъ безостановочнаго продолженія этому изданію, которое оставляетъ далеко за собою все, что было напечатано у насъ въ подобномъ родѣ.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Апрѣль 1857.

Славянофилы и вопросъ объ общинѣ. — „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства", Струкова.

Просимъ гг. читателей и всѣхъ вообще гг. литераторовъ и ученыхъ обратить особенное вниманіе на записку В. И. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи", напечатанную въ этой книжкѣ „Современника". Въ рукописи, этотъ проэктъ былъ прочитанъ многими изъ ученыхъ и литераторовъ обѣихъ нашихъ столицъ, и въ каждомъ изъ читавшихъ, основная мысль проэкта возбуждала живое участіе и полное одобреніе, какъ своею вѣрностью, такъ и полезностью.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, по поводу прекрасныхъ статей г. Самарина въ первой книгѣ „Русской Бесѣды" нынѣшняго года, заговоривъ о томъ, что можетъ быть одобрено въ славянофильствѣ, мы сказали только половину того, что хотѣли сказать. Мы слегка коснулись тѣхъ сторонъ западно-европейской жизни, которыя въ каждомъ благомыслящемъ человѣкѣ, какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ, возбуждаютъ скорбное чувство и заставляютъ лучшихъ мыслителей Западной Европы признавать настоящую степень развитія западно-европейской жизни состояніемъ еще чрезвычайно неудовлетворительнымъ. Сотни такихъ сторонъ представляются въ настоящее время западно-европейскою жизнью; изъ нихъ, мы назвали только двѣ—три, и однако же, уже довольно было фактовъ, совершенно оправдывающихъ строгое сужденіе передовыхъ людей Западной Европы о нынѣшнемъ бытѣ ихъ странъ. Мы говорили, что это мнѣніе, раздѣляемое и у насъ всѣми серьезными людьми, составляетъ одну изъ справедливыхъ основъ такъ-называемаго славянофильства, и хотя облекается въ немъ различными произвольными туманами, значительно уменьшающими чистую его справедливость, но ни у кого изъ образованныхъ людей между славянофилами не искажается до того, чтобы эти любимыя туманныя примѣси совершенно искажали его цѣнность для развитія гуманныхъ идей. Мы говорили также, что даже со всѣми этими примѣсями, оно все-таки гуманнѣе и полезнѣе для нашего развитія, нежели мнѣнія многихъ изъ такъ-называемыхъ западниковъ,

Digitized by Google

именно, всѣхъ тѣхъ, которые воображаютъ, что, напримѣръ, Англія или Франція въ настоящее время – очень счастливыя земли, и, восхищаясь ихъ благоденствіемъ, часто не въ попадъ превозносятъ именно то, что въ этихъ странахъ очень дурно, — напримѣръ, страшное развитіе искусственныхъ потребностей и роскоши. Этою зловредною мишурою ослѣпляются очень многіе, — и если ужъ выбирать между ними и славянофилами, то, конечно, надобно отдать предпочтеніе славянофиламъ.

Тутъ мы противопоставляемъ славянофиловъ классу людей, хотя и очень многочисленному, но пустому; имѣть превосходство надъ нимъ не есть еще особенная заслуга, а качество, необходимо принадлежащее каждому человѣку серьезнаго образа мыслей; и въ славянофилахъ, какъ мы сказали, достоинство этого качества даже уменьшается произвольными фантазіями, въ которыя слишкомъ многіе изъ нихъ облекаютъ здравыя сужденія о недостаткахъ современнаго западно-европейскаго быта, занятыя ими изъ западныхъ источниковъ. Особеннаго сочувствія къ нимъ питать тутъ еще не за что: выгодно отличаясь серьезнымъ взглядомъ на западную Европу отъ пустыхъ ея панегиристовъ, они отъ каждаго серьезнаго западника отличаются въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что, къ своей невыгодѣ, вмѣшиваютъ въ серьезный взглядъ много фантазій, которыми навлекаютъ на себя насмѣшки отъ всѣхъ, и негодованіе отъ тѣхъ, которые опасаются, что эти фантазіи могутъ распространиться въ нашемъ обществѣ.

Но, говорили мы въ прошедшій разъ, есть въ славянофильствѣ другая сторона, которая ставитъ славянофиловъ выше многихъ изъ самыхъ серьезныхъ западниковъ. Мы обѣщались поговорить о ней въ нынѣшній разъ, и постараемся выставить ее какъ можно яснѣе на одномъ стремленіи, которое, появившись на Западѣ, до сихъ поръ остается тамъ теоріею; между тѣмъ искони существуетъ у насъ въ сельскомъ бытѣ порядокъ, къ которому ведетъ оно, и благовременное усвоеніе здраваго понятія о немъ съ одной лучшей его стороны (общиннаго пользованія крестьянами землею) составляетъ для насъ дѣло великой важности. Во Франціи вопросъ о новомъ экономическомъ устройствѣ прошелъ уже нѣсколько кризисовъ: кто хочетъ убѣдиться, что тоже совершается и въ Англіи, можетъ прочесть — хотя бы „Тяжелыя времена“ Диккенса (романъ этотъ переведенъ и на русскій языкъ), если не хочетъ читать монографій о Хартизмѣ. Но въ будущемъ этимъ странамъ предстоятъ еще болѣе продолжительныя, еще болѣе тяжелыя страданія. Отечество наше въ сторонѣ, благодаря нашимъ кореннымъ экономическимъ началамъ, сохраненіе которыхъ необходимо для огражденія нашего національнаго благосостоянія отъ этихъ испытаній.

Обезпеченіе частныхъ правъ отдѣльной личности было существеннымъ содержаніемъ западно-европейской исторіи въ послѣднія столѣтія. Совершеннаго ничего нѣтъ на землѣ, но въ чрезвычайно высокой степени цѣль эта достигнута на Западѣ. Право собственности почти исключительно перешло тамъ въ руки отдѣльнаго лица и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантіями. Юридическая независимость и неприкосновенность отдѣльнаго лица повсюду освящены и законами и обычаями. Не только англичанинъ, гордый своею личною независимостью, но и нѣмецъ и

Digitized by Google

французъ можетъ справедливо сказать, что пока не нарушаетъ законовъ, онъ не боится ничего на землѣ, что личность его недоступна никакимъ посягательствамъ *). Но, какъ всякое одностороннее стремленіе, и этотъ идеалъ исключительныхъ правъ отдѣльнаго лица имѣетъ свои невыгоды, которыя стали обнаруживаться чрезвычайно тяжелымъ образомъ, едва онъ приблизился къ осуществленію съ забвеніемъ или сокрушеніемъ другихъ не менѣе важныхъ условій человѣческаго счастія, которыя казались несовмѣстны съ его безграничнымъ примѣненіемъ къ дѣлу. Одинаково тяжело для народнаго благоденствія легли эти вредныя слѣдствія на обоихъ великихъ источникахъ народнаго благосостоянія, на земледѣліи и промышленности. Отдѣльный человѣкъ, ставши независимымъ, оставленъ былъ безпомощнымъ. При переходѣ всей почти земли въ собственность частныхъ лицъ, явилось множество людей, не имѣющихъ недвижимой собственности; такимъ образомъ, возникло пролетаріатство. Владѣльцы мелкихъ участковъ, на которые распалась земля во Франціи, не имѣютъ возможности примѣнить къ дѣлу сильнѣйшихъ средствъ для улучшенія своихъ полей и увеличенія жатвъ, потому что эти средства требуютъ капиталовъ и примѣнимы только въ большихъ размѣрахъ. Они обременены долгами. Въ Англіи фермеры имѣютъ капиталы, но за то безъ значительнаго капитала невозможно въ Англіи и думать о заведеніи фермы, а люди, имѣющіе значительный запасъ наличныхъ денегъ, всегда немногочисленны пропорціонально массѣ народа, и потому большинство сельскаго населенія въ Англіи — батраки, положеніе которыхъ очень печально. Въ заводско-фабричной промышленности вся выгода сосредоточивается въ рукахъ капиталиста, и на каждаго капиталиста приходятся сотни работниковъ-пролетаріевъ, существованіе которыхъ бѣдственно. Наконецъ, и земледѣліе и заводско-фабричная промышленность находятся подъ властью безграничнаго соперничества отдѣльныхъ личностей; чѣмъ обширнѣе размѣры производства, тѣмъ дешевле стоимость произведеній, потому большіе капиталисты подавляютъ мелкихъ, которые мало по малу уступаютъ имъ мѣсто переходя въ разрядъ ихъ наемныхъ людей; а соперничествомъ между наемными работниками все болѣе и болѣе понижается заработная плата. Такимъ образомъ, съ одной стороны возникли въ Англіи и Франціи тысячи богачей, съ другой—милліоны бѣдняковъ. По роковому закону безграничнаго соперничества, богатство первыхъ должно все возрастать, сосредоточиваясь все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, а положеніе бѣдняковъ должно становиться все тяжеле и тяжеле. Но и въ на-

*) Вѣроятно, почти каждый изъ нашихъ читателей понимаетъ различіе частныхъ правъ отъ государственныхъ. Для избѣжанія всякой возможной ошибки, мы опредѣлимъ здѣсь это различіе. Во Франціи въ нынѣшнемъ вѣкѣ девять разъ измѣнялась форма правленія (консульство, первая имперія, Бурбоны, сто дней, снова Бурбоны, іюльская монархія, республика безъ президента, республика съ президентомъ, вторая имперія) и каждый разъ измѣнялись соотвѣтственно тому государственныя или политическія права гражданъ, то есть степень ихъ участія въ государственномъ управленіи и т. д. Но со времени изданія наполеоновыхъ кодексовъ, не измѣнялись частныя права, то есть законы объ отношеніяхъ между отдѣльными гражданами по собственности, по семейному праву и отношенія ихъ къ гражданскому и уголовному суду не измѣнялись ни въ чемъ существенномъ. Гражданскіе и уголовные законы во всей Западной Европѣ имѣютъ гораздо болѣе общаго, нежели государственное устройство.

Digitized by Google

стоящемъ положеніе дѣлъ такъ противоестественно и тяжело для девяти десятыхъ частей англійскаго и французскаго населенія, что необходимо должны были явиться новыя стремленія, которыми отстранялись бы невыгоды прежняго односторонняго идеала. Подлѣ понятія о правахъ отдѣльной личности возникла идея о союзномъ пользованіи и производствѣ между людьми. Въ земледѣліи оно должно выразиться переходомъ земли въ общинное пользованіе.

Это новое стремленіе къ союзному пользованію и производству является продолженіемъ, расширеніемъ, дополненіемъ прежняго стремленія къ обезпеченію частныхъ правъ отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, не надобно забывать, что человѣкъ не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, въ жизни и счастіи котораго матеріальная сторона (экономическій бытъ) имѣетъ великую важность; и что потому, если должны быть для его счастья обезпечены его юридическія права, то не менѣе нужно обезпеченіе и матеріальной стороны его быта. Даже юридическія права на самомъ дѣлѣ обезпечиваются только исполненіемъ этого послѣдняго условія, потому что человѣкъ, зависимый въ матеріальныхъ средствахъ существованія, не можетъ быть независимымъ человѣкомъ на дѣлѣ, хотя бы по буквѣ закона и провозглашалась его независимость.

Но введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затруднено въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ юридическихъ правъ отдѣльной личности. Братья въ соединеніи живутъ гораздо съ большимъ благосостояніемъ, нежели могли бы жить раздѣлившись, — истина, извѣстная у насъ каждому поселянину („раздѣлъ семьи на отдѣльныя хозяйства разоряетъ семью“ — это знаетъ каждый у насъ), но, живучи вмѣстѣ, каждый изъ братьевъ долженъ жертвовать частью своего полновластія родовому союзу, ограничивать свои капризы, противные общей (и въ томъ числѣ его собственной) пользѣ. Но не легко отказываться хотя бы даже отъ незначительной части того, чѣмъ уже привыкъ пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности частныхъ правъ. Пользѣ и необходимости взаимныхъ уступокъ можетъ научить только долгій горькій опытъ и продолжительное размышленіе. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединенъ съ пожертвованіями, и потому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселянина.

У французскаго поселянина одно стремленіе въ жизни — прикупать побольше и побольше земли къ своему участку; у англійскаго фермера одно стремленіе—возвысивъ по возможности доходъ съ своей фермы, забирать и забирать сосѣдніе участки въ наемъ, для увеличенія своей фермы; у его работника одна мечта — сдѣлаться фермеромъ. Для нихъ всѣхъ мысль объ улучшеніи своего состоянія срослась съ мыслью о полной власти надъ землею, которую онъ обработываетъ. Нѣсколько иначе, но та же самая мысль о безотчетномъ распоряженіи своею дѣятельностью давно проникла англійскаго и французскаго фабричнаго работника. Для введенія союзнаго производства въ этихъ земляхъ, надобно въ цѣломъ народѣ, огромнѣйшая масса котораго еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и не привыкла къ размы-

Digitized by Google

шленію о своихъ обычаяхъ, вселить новое убѣжденіе, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобъ оно взяло верхъ надъ обычаями и привычками, которыя чрезвычайно сроднились со всѣмъ образомъ жизни тѣхъ племенъ,—надобно путемъ разумнаго убѣжденія перевоспитать цѣлые народы. Какой гигантскій трудъ для этого требуется — вполнѣ понимаетъ только тотъ, кто перевоспитывалъ себя.

То, что представляется утопіею въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ. Утопіею кажется для французскаго мыслителя необходимое условіе народнаго благоденствія во Франціи, какъ и повсюду—сознательное благоговѣніе народа передъ закономъ и его органами, отъ министерства до послѣдняго полицейскаго служителя, однимъ своимъ появленіемъ вводящаго въ границы закона безчисленную толпу, разгоряченную политическими страстями,—эта черта быта, кажущаяся утопіею во Франціи, существуетъ въ Англіи, какъ народный обычай. Точно такъ, тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуютъ у русскаго какъ фактъ его народной жизни. У насъ есть землевладѣльцы съ юридическимъ полновластіемъ англійскаго или французскаго землевладѣльца (помѣщики, купцы и разночинцы, купившіе себѣ землю, однодворцы, нѣсколько тысячъ крестьянъ, владѣющія собственною землею),—но они составляютъ, сравнительно съ массою народа, еще очень немногочисленный классъ, понятія котораго о полновластной собственности отдѣльнаго лица надъ землею еще не проникли въ сознаніе массы нашего племени. По праву полновластной собственности обработываются у насъ уже милльоны десятинъ (всѣ земли, обработываемыя въ пользу людей, непринадлежащихъ къ сельской общинѣ,—именно земли купцовъ землевладѣльцевъ и разночинцевъ-землевладѣльцевъ; участки, оставляемые для собственнаго хозяйства помѣщиками, не могутъ быть причисляемы сюда, потому что и границы и различіе между этими и общинными участками не одинаковы,—различіе то возникаетъ, то исчезаетъ, смотря по тому, учреждается ли въ селѣ оброкъ, или барщина, да и при барщинѣ разграниченіе участка помѣщика и участка его крестьянъ измѣнчиво), — но всѣ эти милльоны десятинъ составляютъ еще незначительную, быть можетъ, пятнадцатую, быть можетъ, двадцатую часть въ общей массѣ обработываемыхъ земель, которыя или распредѣляются для обработки или пользованія по общинному началу (почти всѣ земли, воздѣлываемыя на себя помѣщичьими и государственными крестьянами, и всѣ земли, воздѣлываемыя на помѣщика барщиною, такъ же какъ и мірскія запашки въ казенныхъ селеніяхъ), или принадлежатъ государству, т. е. всей націи (оброчныя статьи). Масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, или пользованіе ими подъ общинною обработкою, такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полновластную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ, незначительна. Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта. Существовалъ нѣкогда онъ и на Западѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ стра-

Digitized by Google

нахъ Запада, но утраченъ тамъ въ одностороннемъ стремленіи къ полновластной собственности отдѣльнаго лица.

Мы видимъ, какія печальныя слѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ. Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ по преимуществу земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельско-хозяйственнаго производства.

Но того нельзя скрывать отъ себя, что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него, и нашъ бытъ, доселѣ остававшійся почти чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые обнаруживаютъ свое могущество только при усиленіи экономической и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ. Скоро и мы, можетъ быть, вовлечемся въ сферу полнаго дѣйствія закона конкурренціи.

Въ настоящее время мы владѣемъ спасительнымъ учрежденіемъ, въ осуществленіи котораго западныя племена начинаютъ видѣть избавленіе своихъ земледѣльческихъ классовъ отъ бѣдности и бездомности. Но, при новой эпохѣ усиленнаго производства, въ которую вступаетъ Россія, многія изъ прежнихъ экономическихъ отношеній, конечно, измѣнятся сообразно потребностямъ времени. Вообще мы думаемъ, что менѣе всѣхъ подверженъ опасности ошибиться въ разсчетахъ тотъ, кто менѣе всѣхъ поддается надеждамъ, что чѣмъ скромнѣе воображать будущность, тѣмъ лучше. Возьмите самую скромную оцѣнку результатовъ начинающагося промышленнаго движенія въ Россіи для близкаго будущаго,—мы готовы для прочнѣйшей безопасности отъ преувеличенныхъ ожиданій сократить ее еще вдвое, втрое. Черезъ десять лѣтъ мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ тридцать лѣтъ, по самому скромному разсчету, тридцать тысячъ верстъ, мы спустимся на цифру вдвое меньшую,—положимъ, что мы будемъ имѣть черезъ тридцать лѣтъ только пятнадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи. По самому скромному разсчету, сельская цѣна хлѣба въ замосковскихъ губерніяхъ, прорѣзываемыхъ желѣзными дорогами, возрастетъ вдвое,—мы согласны принять, для большей скромности разсчета, возвышеніе цѣны только на пятьдесятъ процентовъ. Самые скромные разсчеты предсказываютъ, что черезъ тридцать лѣтъ наша внѣшняя торговля утроится,—мы, вмѣсто двухсотъ процентовъ увеличенія, возьмемъ для большей осторожности только сто процентовъ, и будемъ полагать, что она только удвоится. Точно также будемъ умѣрять наши надежды и относительно всѣхъ другихъ измѣненій въ нашемъ экономическомъ бытѣ,—будемъ умѣрять ихъ ниже самыхъ осторожныхъ разсчетовъ. Все-таки величина измѣненій будетъ очень чувствительна. Удвоеніе капиталовъ, удвоеніе промышленной и торговой дѣятельности втеченіе очень немногихъ лѣтъ, прежде, чѣмъ наши дѣти смѣнятъ насъ,—это слишкомъ скромный разсчетъ, а удвоеніе капиталовъ, торговли и производства есть

Digitized by Google

уже необыкновенно важный переворотъ въ бытѣ, и многое въ нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ должно измѣниться вслѣдствіе его. Мы хотимъ всѣмъ этимъ сказать, что при самой величайшей наклонности вводить свои ожиданія и предположенія въ самую тѣсную мѣрку нѣтъ возможности не сознаться, что мы живемъ въ эпоху значительныхъ экономическихъ преобразованій.

Достовѣрно, что развитіе экономическаго движенія, замѣтнымъ образомъ начинающееся у насъ пробужденіемъ духа торговой и промышленной предпріимчивости, построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, учрежденіемъ компаній пароходства и т. д., необходимо измѣнитъ нашъ экономическій бытъ, до сихъ поръ довольствовавшійся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею, мы должны будемъ въ матеріальномъ бытѣ жить, какъ живутъ другіе цивилизованные народы. До сихъ поръ, семейство нашихъ поселянъ покупало только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и проч., и проч.,—все остальное производилось домашнимъ хозяйствомъ: и сукно, и ткань для женскаго платья и для бѣлья, и обувь, мебель, и самая изба съ печью. Скоро будетъ не то: домашнее сукно смѣнится на поселянинѣ покупнымъ фабричнымъ (мы не знаемъ, будетъ ли онъ покупать фабричное сукно лучшаго сорта, нежели покупаетъ теперь, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что его жена разучится ткать сукно),—льняныя и посконныя ткани домашняго издѣлія смѣнятся хлопчатобумажными (которыя, очень можетъ быть, будутъ не выше ихъ добротою, но все-таки вытѣснятъ ихъ своею дешевизною) и т. д., и т. д. Все это совершится еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ, какъ до сихъ поръ совершилось только въ большихъ городахъ. Мы говоримъ это только для примѣра, чтобы разъяснить мысль о томъ, что неизбѣжны перемѣны въ экономическомъ нашемъ бытѣ, не рѣшая того, каковы именно будутъ онѣ. Но каковы бы ни были эти преобразованія, да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ,—да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями,—на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы. Ихъ примѣръ да будетъ намъ урокомъ.

Истина медленно распространяется не только въ убѣжденіяхъ массы,—она медленно принимается и учеными. Рутина сильна. Араго долго отвергалъ и возможность и пользу желѣзныхъ дорогъ. Астрономы и математики отвергали законъ тяготѣнія, врачи—обращеніе крови въ жилахъ, долго послѣ того, какъ эти истины были провозглашены Ньютономъ и Гарвеемъ. Такъ до сихъ поръ большинство экономистовъ привыкло потворять слова, бывшія одностороннимъ девизомъ прежнихъ стремленій: „свобода торговли“,—„свобода труда“,—„свободное установленіе цѣнъ“,—„свобода употребленія капиталовъ“ и т. д., и т. д. Въ большей части экономическихъ сочиненій все еще повторяется, какъ единственная истина, рутинный, односторонній лозунгъ. Принять его намъ было бы вдвойнѣ пагубно: онъ не только помѣшалъ бы вѣрному направленію нашего собственнаго производства,—онъ возбудилъ бы насъ къ разрушенію благотворнаго учрежденія, завѣщаннаго намъ

Digitized by Google

вѣками. А многіе изъ нашихъ экономистовъ, не принявъ этого въ соображеніе, или увлекшись тѣми временными и односторонними выгодами, какія принципъ безграничной поземельной собственности отдѣльнаго лица обѣщаетъ увеличенію производства, слишкомъ довѣрчиво повторяютъ мнѣнія объ этомъ предметѣ, находимыя въ большей части западно-европейскихъ экономическихъ сочиненій. Чтобы не оставить этого общаго сужденія безъ подтвержденій примѣрами и чтобы показать, какія выгоды обѣщаетъ оно, мы обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторыя мѣста въ статьѣ г. Струкова „Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства" („Экономич. Указ." №№ 5, 7, 9 и 10), говорить о достоинствѣ которой мы ужъ имѣли случай. Однимъ изъ препятствій успѣшному развитію сельскаго хозяйства авторъ считаетъ „общественное пользованіе землями". Авторъ, по примѣру очень многихъ экономистовъ Западной Европы, находитъ общинное владѣніе землями столь безнадежно вреднымъ, что даже о слабыхъ остаткахъ его во Франціи считаетъ нужнымъ упомянуть непріязненно: „Общественное пользо-„ваніе землями, безъ раздѣла на семейные участки (говоритъ онъ), сохрани-„лось еще мѣстами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ европейскаго материка и „особенно восточной Европѣ. Во Франціи и въ Бельгіи, между прочимъ, „земли общественнаго пользованія были или естественно безплодныя или исто-„щенныя безпорядочнымъ пользованіемъ, и оставленныя подъ общественный „выгонъ и рѣдко подъ пастбища; лучшія земли по различнымъ случаямъ пере-„шли въ частную собственность. Во Франціи насчитываютъ до 1,000,000 гекта-„ровъ городскихъ и сельскихъ общественныхъ земель. Общины не знаютъ, „что съ ними дѣлать, ибо никто не хочетъ брать ихъ въ оброкъ, а между „тѣмъ общины не имѣютъ права отчуждать ихъ въ частную собственность и „должны платить за нихъ поземельную подать. Пользуются же ими только „бѣднѣйшіе жители безъ всякой платы, для пастбищъ".

Дѣло выставлено въ очень невыгодномъ видѣ. Кажется, этимъ примѣромъ безвозвратно осуждается общинное владѣніе—общины тяготятся своими землями, не знаютъ, что съ ними сдѣлать; но вникнемъ въ подробности этого очерка, и увидимъ, что одна изъ нихъ подрываетъ справедливость другой, и ни одна не относится къ самому принципу общиннаго владѣнія, а развѣ только къ мѣстнымъ злоупотребленіямъ городской и сельской администраціи во Франціи. „Въ общинномъ владѣніи сохранились только земли безплодныя или истощенныя",—„лучшія земли", бывшія въ общинномъ владѣніи, „перешли въ частную собственность по разнымъ случаямъ",—а между тѣмъ законъ воспрещаетъ „отчужденіе общинныхъ земель въ частную собственность"—какъ же могли лучшіе участки быть отчуждены? Ясное дѣло, въ противность закону, злоупотребленіемъ мѣстной администраціи. Можно ли ожидать, чтобы люди, которые нарушаютъ законъ до того, что продаютъ, или отдаютъ то, чего не имѣютъ права отдавать или продавать, хорошо управляли тѣмъ, чего не успѣли противозаконнымъ образомъ промотать? Ясно, что виноватъ во всемъ не принципъ общиннаго владѣнія, а дурная, злонамѣренная администрація, которая одинаково погубитъ и частное и общинное владѣніе. Идемъ далѣе, и находимъ новое доказательство тому: „земли эти истощены безпорядочнымъ пользованіемъ"—

Digitized by Google

ясно ли, въ чемъ дѣло? Не въ общинности, а въ „безпорядкѣ“, который бываетъ и въ частныхъ помѣстьяхъ. Или ужъ въ общинѣ не можетъ быть порядка? „Общины не знаютъ, что дѣлать съ своими землями, ибо никто не хочетъ брать ихъ въ оброкъ“ — это невѣроятно; у насъ землею не такъ дорожатъ, какъ во Франціи, однако же, городскія земли находятъ себѣ нанимателей, а во Франціи не находятъ; это невозможно; вѣрно, тутъ скрываются страшныя злоупотребленія. Вѣрно, люди, которые завѣдуютъ отдачею общинныхъ земель въ наймы, составляютъ фальшивые протоколы о томъ, что нанимателей не явилось, и потому земли остались пусты, — а сами въ тихомолку пользуются ими, — не это ли и есть „безпорядочное пользованіе“, о которомъ говорилось выше? Но не всѣ общинныя земли предназначены къ отдачѣ въ наймы—иныя „оставлены подъ общественный выгонъ“ — что жъ, эти земли въ тягость общинамъ?—Да, общины „не знаютъ, что съ ними дѣлать“.—Какъ? развѣ никому не приносятъ онѣ пользы?—Нѣтъ, ими „пользуются бѣднѣйшіе жители безъ всякой платы, для пастбищъ“ — а, теперь понимаемъ: до бѣднѣйшихъ жителей никому нѣтъ дѣла во Франціи; притомъ же они пользуются выгономъ „безъ всякой платы“ — стало быть, отъ общинныхъ выгоновъ не поступаетъ въ городскую или сельскую кассу доходовъ, которыми распорядились бы по своему люди, завѣдующіе кассою— скажите, какая имъ выгода оттого, что теперь у „бѣднѣйшихъ жителей“ есть возможность содержать какую нибудь корову или козу? Какая польза Парижу отъ того, что тысячи старухъ кормятся, продавая молоко коровъ, которыхъ каждая изъ нихъ содержитъ по одной, благодаря общественному выгону?—Напротивъ, это положительный вредъ. Во-первыхъ, эти коровы дурной породы; у извѣстнаго сельскаго хозяина г. Пурсоньяка коровы даютъ молоко гораздо лучшаго качества; во-вторыхъ, эти старухи сами даромъ бременятъ землю—пора бы имъ и честь знать, пора бы костямъ на мѣсто, а то онѣ только безобразятъ парижскія улицы своими лохмотьями,— выгоды и чести отъ нихъ городу нѣтъ ни на сантимъ, а иная, пожалуй, поступитъ еще на городской счетъ въ богадѣльню, когда у ней падетъ ея дрянная корова,—ну, и содержитъ городъ старую вѣдьму—первое, тутъ прямой убытокъ; второе—увеличивается цифра нищихъ, что непріятно въ статистическихъ таблицахъ. То ли дѣло, еслибъ на мѣстѣ общественнаго выгона построилось пять великолѣпныхъ дачъ, именно дача г. Мареса, дача г. Фульда, дача доктора Верона, дача г-жи Армансъ (вы ее знаете, премилая женщина) и дача г. Мишеля Шевалье, бывшаго сенъ-симониста, а нынѣ, если не ошибаемся, сенатора. Они давно ужъ пріискиваютъ подгородныхъ участковъ для дачъ. Проклятый законъ, не позволяющій продать общественнаго выгона!

Факты относительно общиннаго владѣнія излагаются экономистами старой школы пристрастнымъ образомъ, и довѣрчиво принимать составляемыя ими картины значитъ впадать въ постоянныя ошибки. Мы винимъ въ ошибкахъ, нами указанныхъ, гораздо болѣе тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ г. Струковъ почерпалъ свои свѣдѣнія о французскомъ общинномъ владѣніи, нежели г. Струкова, — конечно, ему не было случая провѣрить на мѣстѣ ихъ показанія; но все-таки онъ могъ бы замѣтить внутреннюю несообразность этихъ

Digitized by Google

показаній, если бы предостереженъ былъ относительно пристрастнаго взгляда старой экономической школы въ этомъ случаѣ. Онъ провѣрилъ бы ихъ другими источниками, и тогда, вѣроятно, пересталъ бы такъ рѣшительно утверждать, что общинныя земли не приносятъ пользы благосостоянію французскаго народа. Разберемъ же тотъ взглядъ на общинное владѣніе, который слишкомъ довѣрчиво принимается отъ экономистовъ старой школы многими изъ нашихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ г. Струковымъ. Прежде всего посмотримъ, ясно ли понимаютъ они явленіе, противъ котораго возстаютъ,—какъ они опредѣляютъ его?

„Общинное пользованіе (говоритъ г. Струковъ, отчасти со словъ за„падныхъ экономистовъ старой школы, отчасти по фактамъ русскаго быта) „существуетъ преимущественно въ двухъ видахъ: одно, въ которомъ луга „и поля раздѣляются ежегодно или въ самые краткіе сроки, съ общаго со„гласія, по числу наличныхъ и въ томъ числѣ прибылыхъ хозяевъ, равно„мѣрно или соотвѣтственно повинностямъ и оброкамъ, при чемъ выгоны, „пастбища, лѣса и неудобныя земли остаются общими, нѣкоторыя же угодья „или выгоны обращаются въ мірскія оброчныя статьи; и другое, въ кото„ромъ, по взаимному согласію или распоряженію собственника, члены обще„ства раздѣляютъ полевыя земли между наличнымъ числомъ хозяевъ на се„мейные участки безсрочно или на продолжительный срокъ (по участку въ „каждомъ полѣ, безъ участія въ полевыхъ земляхъ прибылыхъ хозяевъ), „продолжая затѣмъ дѣлить луга ежегодно, пользоваться выгонами и другими „удобствами общественно или образовать изъ нѣкоторыхъ угодій и удобствъ „оброчныя статьи“.

„Въ обоихъ случаяхъ ни земли правительства, ни земли владѣльцевъ „не могутъ переходить въ собственность постороннюю по произволу членовъ „общества или самой общины. Даже когда община владѣетъ землею, какъ „собственностью, случаи отчужденія, если они не ограничены закономъ, бы„ваютъ весьма рѣдки, завися отъ общаго согласія, которое чаще дается на „пріобрѣтеніе новыхъ земель и иногда на обмѣнъ старыхъ, нежели на от„чужденіе“.

О чемъ тутъ идетъ дѣло?—въ началѣ, очевидно, о способахъ общиннаго пользованія землею; въ концѣ, очевидно, о принципѣ общиннаго владѣнія,—это два понятія совершенно различныя; если они смѣшиваются, доказательства противъ общиннаго владѣнія теряютъ всякую силу; положимъ, что способъ пользованія вещью дуренъ—слѣдуетъ ли изъ того, чтобы вещь была сама по себѣ дурна? Вовсе еще нѣтъ; докажите прежде, что не можетъ быть инаго, лучшаго способа пользованія ею. Положимъ, что доказательства, которыя представитъ г. Струковъ, будутъ рѣшительно доказывать вредъ обоихъ способовъ пользованія, имъ указанныхъ—изъ того слѣдуетъ только, что эти способы должны быть замѣнены другими, лучшими, но ни мало не слѣдуетъ, чтобы самъ принципъ былъ дуренъ. Иначе можно доказывать (и многіе уже доказывали) вредъ просвѣщенія, фабрикъ, машинъ, улучшенныхъ путей сообщенія, мира, благосостоянія,—словомъ, какого угодно благого принципа, потому что каждымъ принципомъ можно дурно пользоваться.

Digitized by Google

При такомъ смѣшеніи понятій, которое мы нашли въ самомъ опредѣленіи явленія, выставляемаго препятствіемъ къ развитію сельскаго хозяйства, едва ли можно ожидать такихъ возраженій противъ этого явленія, которыя выдержали бы критику. Просмотримъ однако ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они излагаются у г. Струкова.

„Общественная поземельная собственность или общественное поземельное пользованіе—говоритъ онъ—остатки кочеваго состоянія племенъ, когда нѣтъ побужденій для личной поземельной собственности; при развитіи сельскаго хозяйства и размноженіи населенія, являются въ этомъ порядкѣ дѣлъ неудобства, заставляющія желать его прекращенія. Но 1) при еще большемъ развитіи населенія и сельскаго хозяйства (когда прилагаются къ нему улучшенные способы производства, когда возникаютъ пароходы, паровозы и усиленная торговля) являются вновь необходимыя причины желать его возвращенія, какъ доказываетъ примѣръ Запада. Итакъ: первый періодъ развитія—удобнѣе общинное пользованіе; второй періодъ—оно имѣетъ свои неудобства; третій, совершеннѣйшій періодъ (въ который вступаетъ Западная Европа), общинное пользованіе вновь становится необходимостью. 2) Дѣйствительно ли даже во второмъ періодѣ благія слѣдствія общиннаго пользованія перевѣшиваются его невыгодами? Если и согласны, что при развитіи населенія и хозяйства являются не существовавшія прежде удобства на сторонѣ полновластной личной собственности, то исчезаютъ ли всѣ выгоды со стороны общиннаго пользованія? Ни мало. Оно обезпечиваетъ каждому члену общины право на участіе въ пользованіи; оно обезпечиваетъ существованіе каждаго отдѣльнаго члена общины, доставляя ему право на землю. Безъ него, большинство населенія лишается недвижимой собственности и замѣняющаго ее права пользованія недвижимою собственностью, а положеніе массы пролетаріевъ всегда бѣдственно, — потому надобно еще взвѣсить, который изъ двухъ порядковъ болѣе благопріятенъ благосостоянію всего общества—степень этого благосостоянія зависитъ не только отъ массы производимыхъ цѣнностей, но и отъ ихъ распредѣленія. Беремъ два участка, каждый въ 5,000 десятинъ земли (одна квадратная миля). На каждый участокъ приходится по 2,000 человѣкъ населенія. Одинъ раздѣленъ на тридцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода; каждая десятина даетъ въ общей сложности 20 рублей дохода; изъ нихъ 5 рублей идутъ на арендную плату землевладѣльцу, 6 рублей на уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермера. На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало менѣе успѣховъ, и десятина даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ пользованіи землею. Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ участкѣ. . . . . 5,000×20=100,000 руб.

Общая цѣнность производства на второмъ участкѣ. . . . . 5,000×12= 60,000 „

По общей цѣнности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обра-

Digitized by Google

ися къ состоянію людей, населяющихъ эти участки. Считаемъ по семьямъ, полагая въ каждой семьѣ пять человѣкъ.

Участокъ съ фермами:

1 семья (землевладѣлецъ) получаетъ 5×5,000 . 25,000 р.
30 семей (фермеры) получаютъ по 9×5,000=45,000
или каждая семья по . . . . . 3,000 „
369 семей (наемные земледѣльцы) получаютъ 6×5,000=
=30,000 или каждая семья по . . . . . 81 „ 25 к.

Участокъ съ общимъ пользованіемъ:

200 семей получаютъ 12×5,000=60,000 или
семья по. . . . . 150 „ — „

Выводъ ясенъ: на второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ.

Что кому милѣе, тотъ тому и отдаетъ предпочтеніе: Мишелю Шевалье усиленіе производства—альфа и омега экономической мудрости; онъ предпочитаетъ участокъ съ общиннымъ пользованіемъ обратить въ участокъ съ фермами. Намъ кажется, что это было бы разорительно для огромнаго большинства населенія (для 369 семействъ, служа въ пользу только 31 семейства), потому общинное пользованіе мы считаемъ выгоднымъ для націи сохранить на второмъ участкѣ даже во время того періода, когда оно задерживаетъ успѣхи производства.

Мы сдѣлали старой школѣ экономистовъ уступку, предполагая, что общинное пользованіе дѣйствительно само по себѣ невыгодно для успѣховъ сельскаго хозяйства во второмъ періодѣ, который продолжался для Европы до конца наполеоновскихъ войнъ. Дѣлая эту уступку, мы положили въ своемъ примѣрномъ разсчетѣ, что общинное пользованіе само по себѣ значительно уменьшаетъ массу производства. Но дѣйствительно ли это такъ? Надобно внимательнѣе разсмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ такъ велики его невыгоды, какъ увѣряетъ старая школа экономистовъ, въ самомъ ли дѣлѣ эти невыгоды проистекаютъ изъ самого принципа общинности или даже хотя бы тѣхъ способовъ общиннаго пользованія, которые употребительны у насъ, и зависятъ вообще отъ безпорядка и безпечности, — качествъ, равно встрѣчающихся и при пользованіи по принципу полновластной личной собственности. Просматривая статью г. Струкова, каждый не предубѣжденный читатель удивится тому, какимъ образомъ на общинное пользованіе складываетъ онъ всѣ злоупотребленія, происходящія равно въ тѣхъ участкахъ, пользованіе которыми подчинено принципу исключительной и полновластной личной собственности.

Такъ, напримѣръ, единственно общинному пользованію ставитъ онъ въ вину истребленіе лѣсовъ (какъ будто землевладѣльцы не рубятъ безъ всякой предусмотрительности лично имъ принадлежащихъ лѣсовъ для чугун-

Digitized by Google

ныхъ, свекло-сахарныхъ, винокуренныхъ и всякихъ другихъ заводовъ и фабрикъ, не продаютъ ихъ на срубъ, на сидку смолы и т. д., и т. д.) — ему исключительно въ вину ставитъ онъ деревянныя избы, неопрятность домашней жизни и т. д., и т. д.)—это невѣроятно, и потому приводимъ отрывокъ изъ его діатрибы. Оставалось свалить на общинное пользованіе землею и безграмотность, и суевѣріе, и пьянство, и грубость нравовъ, и всѣ прочіе недостатки, встрѣчаемые въ быту поселянъ. Въ случаѣ нужды, мы ручаемся, что по той же методѣ, какъ у г. Струкова, можно вывести всѣ эти пороки и недостатки не изъ чего иного, какъ именно изъ общиннаго пользованія землею; и даже приписать исключительно общинному пользованію землею мозоли на рукахъ, частыя бѣльма на глазахъ и загорѣлый цвѣтъ шеи нашихъ поселянъ.

Намъ кажется, что истребленіе лѣсовъ и курныя избы надобно приписать не тому или другому способу пользованія, а просто безпечности о будущемъ, непредусмотрительности, привычкѣ къ безпорядочной жизни вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, и что во всемъ этомъ общинное пользованіе столько же виновато, сколько и въ безграмотности нашихъ поселянъ.

И такъ, представляемъ здѣсь два эпизода:

Эпизодъ первый, съ замѣчаніями.

„Общественное пользованіе землями, при обиліи свѣжихъ мало-лѣсныхъ „и безлѣсныхъ земель, сопровождается, обыкновенно, безпорядочнымъ раздѣ„леніемъ земель на выгоны, сѣнокосы, пастбища и поля и распашкою луч„шихъ участковъ въ разбросъ“. (Но развѣ общинность виновата въ безпорядкѣ? — нѣтъ, самъ авторъ упомянулъ истинную причину: „обиліе земель“—при изобиліи кому охота стѣсняться предусмотрительною экономіею? Кто знаетъ разсказы о порядкѣ земледѣлія лѣтъ семьдесятъ тому назадъ въ нижнихъ поволжскихъ губерніяхъ, знаетъ, что помѣщикъ свои запашки и проч. производилъ въ такой же разбросанности, какъ и община его крестьянъ; когда много земли, кто же не станетъ выбирать для распашки только лучшихъ участковъ? Полновластный собственникъ поступалъ бы и дѣйствительно поступалъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ община. Общинное начало столь же виновато въ этой широкой непредусмотрительности, какъ и въ томъ, что не засѣвалось тогда кормовыхъ травъ, когда въ изобиліи находились естественные луга). „Лѣса, если есть, продолжаютъ рости „безъ всякаго надзора и нерѣдко служатъ пастбищемъ для скота“. (Когда ихъ изобильно, ихъ не бережетъ ни общинникъ, ни полновластный собственникъ—примѣръ послѣдняго представляетъ исторія лѣсистыхъ странъ Западной Европы въ XVI — XVII столѣтіяхъ). „Въ мѣстахъ, обильныхъ лѣ„сами, новое заселеніе земледѣльцевъ начинается съ занятія полянъ и вы„рубки лѣса для усадебныхъ мѣстъ, потомъ для выгона, и наконецъ для „полей, которыя, при различныхъ удобствахъ легчайшей распашки лѣсныхъ „дачъ, являются въ разбросъ. Постепенно однако же, съ умноженіемъ на„родонаселенія, лѣсныя распашки увеличиваются, соединяясь въ общія поля „и быстро истребляя лѣсную растительность“. (Да развѣ не точно также

Digitized by Google

бываетъ и въ лѣсистыхъ областяхъ Америки при ихъ заселеніи по принципу личной полновластной собственности западно-европейскими колонистами и сѣверо-американцами? Лѣсъ въ изобиліи, мѣстъ для распашки мало, ну, и рубятъ или жгутъ лѣсъ, который кажется не богатствомъ, а помѣхою богатству). „Въ то же время скотъ, пасущійся въ лѣсахъ, съ своей сто„роны уничтожаетъ древесную поросль и подготовляетъ окончательное ис„требленіе лѣса“. (Любопытно было бы узнать, существуютъ ли лѣсныя изгороди въ тѣхъ новозаселяемыхъ лѣсныхъ странахъ Америки, о которыхъ упомянуто выше? И тамъ скотъ „гуляетъ по лѣсу, уничтожая“ и проч., хотя тамъ нѣтъ общиннаго пользованія). „Работы, въ томъ и другомъ хо„зяйствѣ (то есть лѣсномъ и степномъ) производимыя, поглощаютъ много „тяжкаго труда; но, къ сожалѣнію, представители этого труда, возбуждаемые „только необходимостью обезпечить себя и семейство отъ враждебныхъ влія„ній и недостатковъ въ предметахъ первой необходимости“ (а чѣмъ же другимъ возбуждались бы они и безъ общиннаго принципа? или сѣверо-американскій колонистъ трудится для осуществленія теорій Жана Батиста Сэ, а не для обезпеченія себя и своего семейства?) „и не „просвѣтленные понятіемъ объ исключительной собственности, не дорожатъ „общественною землею“ (— да развѣ потому не дорожатъ, что „не просвѣтлены понятіемъ“ и т. д.? Вѣдь и сѣверо-американскій колонистъ не дорожитъ землею, и часто три четыре раза въ свою жизнь переселяется все на новыя мѣста, хотя и „просвѣтленъ“ и т. д. Не дорожатъ тѣмъ, что находятъ въ избыткѣ,—вотъ и все объясненіе дѣлу, а не общинность или исключительная собственность. Когда не остается избытка въ землѣ при увеличеніи населенія, община дорожитъ ею не меньше, нежели отдѣльный полновластный собственникъ,—напротивъ, даже гораздо больше,—вѣдь община почти никогда не продаетъ земли, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Струковъ при опредѣленіи понятія общинности, а отдѣльный собственникъ часто и очень таки часто продаетъ ее) „и пріучаются къ безпорядоч„ному пользованію“ (опять прежняя исторія; повторимъ и мы: пріучаются къ безпорядочному пользованію потому, что не дорожатъ землею по избытку ея, все равно, будутъ ли они общники или полновластные собственники), „не „заботясь ни о сохраненіи плодородія земли“ (а полновластный собственникъ развѣ удобряетъ истощенную землю, когда стоитъ ему перенести плугъ за версту, чтобы найти свѣжую землю?), „ни о порядкѣ въ домашнемъ своемъ „быту“ (ну вотъ, и въ безпорядкахъ по домашнему быту виновата общинность) „и въ исправленіи нравственныхъ обязанностей“. (О, да и въ безнравственности тоже! не она ли виновата и въ томъ, что сибирскіе инородцы ѣдятъ или курятъ или ядовитый мухоморъ, а хивинцы и трухменцы разбойничаютъ? Не моетъ баба посуды—виновато общинное пользованіе землями; дѣти у ней ходятъ грязныя — виновато общинное пользованіе землями; подралась она съ мужемъ—виновато,—ну, вы ужъ доскажете сами, читатель: разумѣется все тоже общинное пользованіе землями. Да въ томъ ли только оно виновато?—оно виновато и въ томъ, что у насъ по селамъ деревянныя избы, а не каменныя. Слушайте:) „Жилыя и хозяйственныя зда„нія возводятся изъ самыхъ „нецѣнныхъ матеріаловъ“ (да кто же станетъ

Digitized by Google

строить избу изъ дорогихъ матеріаловъ, когда есть для того дешевые или даровые подъ руками?), „находящихся подъ руками, и“...

и такъ далѣе. Но намъ кажется, что при всей многочисленности тяжкихъ обвиненій, взведенныхъ на общинную собственность г. Струковымъ, списокъ ихъ въ его статьѣ все еще не полонъ, и мы, какъ обѣщались, дополнимъ его по той же методѣ.

Эпизодъ второй, безъ замѣчаній.

Пріученные къ безпорядочной жизни общиннымъ пользованіемъ землею, поселяне не имѣютъ привычки мыть рукъ мыломъ и потому часто имѣютъ руки, покрытыя пылью и землей; принужденные общиннымъ пользованіемъ много трудиться, они пріобрѣтаютъ на рукахъ мозоли, и трудясь на солнцѣ вслѣдствіе общиннаго пользованія, безъ галстуха и притомъ въ наклоненномъ положеніи надъ плугомъ или сохою, чрезъ что задняя часть шеи прямо подвергается дѣйствію палящихъ лучей солнца, они имѣютъ шеи загорѣлыя, а имѣя, вслѣдствіе того же общиннаго пользованія, въ избахъ своихъ печи изъ нецѣнныхъ матеріаловъ, о чемъ смотри въ концѣ перваго эпизода, именно, печи, сбитыя изъ глины, не удобной для возведенія трубъ и потому безъ трубъ, а также сидя во время полевыхъ работъ у огня, разводимаго вслѣдствіе общиннаго пользованія землею для сваренія кашицы или пустыхъ щей, они постоянно имѣютъ свои глаза подверженными ѣдкому и вредному дѣйствію дыма, отчего и подвергаются особенно часто болѣзнямъ глазъ, какъ-то куриной слѣпотѣ, бѣльмамъ и наконецъ совершенной слѣпотѣ. Во всемъ этомъ очевидно виновато общинное пользованіе землею.

Послѣ этихъ двухъ эпизодовъ, вы согласитесь, читатель, нельзя не сказать вмѣстѣ съ г. Струковымъ, что общинное пользованіе землею есть „зловредная язва“, которая достойна всякихъ проклятій.

И, основываясь на такой логикѣ, рѣшаютъ вопросъ, отъ котораго зависитъ судьба нашего племени на много поколѣній!

Неужели же нѣтъ въ статьѣ г. Струкова и такихъ возраженій противъ общиннаго пользованія землями, которыя бы хотя сколько нибудь шли къ дѣлу? Есть,—но ихъ очень немного, и мы выберемъ всѣ ихъ изъ массы разсужденій, подобныхъ приведеннымъ выше. Вотъ они:

1) Когда земли настолько истощены, что нуждаются въ удобреніи, то при частомъ передѣлѣ участковъ поселянину нѣтъ охоты удобрять съ особеннымъ стараніемъ участокъ, могущій достаться другому черезъ годъ, черезъ два.—Это относится только къ первому способу пользованія, съ ежегоднымъ передѣломъ, а самъ г. Струковъ указываетъ другой, съ продолжительными сроками. И такъ: гдѣ не нужно еще удобренія, можетъ быть, безъ особенныхъ неудобствъ, ежегодный передѣлъ земли; гдѣ нужно удобреніе, сроки должны быть продолжительны. У насъ еще не Англія, мы не можемъ, при какомъ угодно хозяйствѣ, затрачивать сотни рублей на удобреніе одной десятины. Потому и сроки пользованія не имѣютъ надобности быть столь продолжительными, какъ въ Англіи. Но передѣлъ земли долженъ измѣнять расположеніе участковъ только по мѣрѣ нужды—такъ и дѣ-

Digitized by Google

лается тамъ, гдѣ есть удобреніе. При перемежеваніи участка, вынуждаемомъ только крайнею необходимостью, община должна вознаграждать за потерю прежняго хозяина, если онъ получаетъ участокъ земли менѣе удобренный, нежели его прежній. Этимъ совершенно устраняется неудобство передѣла для заботливости поселянина объ увеличеніи плодородія своего участка.

2) При общинномъ пользованіи, не допускающемъ заботливости объ удобреніи, расширеніе производства возможно только посредствомъ увеличенія запашекъ.— Мы видѣли, что причина легко устраняется; потому и слѣдствіе, изъ нея выводимое, устраняется также легко. Улучшеніе земли, а слѣдовательно и увеличеніе производства безъ увеличенія запашекъ очень возможно при общинномъ пользованіи.

3) При общинномъ пользованіи, не допускающемъ удобренія, возможна только трехъ-польная система хозяйства, основанная на отдыхѣ земли подъ паромъ, безъ удобренія. Отвѣтъ тотъ же: удобреніе земли возможно, и потому вмѣсто трехъ-польнаго хозяйства возможно плодопеременное.

4) Привыкши подчиняться въ своихъ дѣлахъ общинѣ, поселянинъ отвыкаетъ отъ самостоятельности, теряетъ личность, теряетъ предпріимчивость и т. д., и т. д. — Ну, это ужъ вопросъ не сельско-хозяйственный, а нравственно-историческій. Исторія и нравственныя науки говорятъ не то: разъединенность обезсиливаетъ и деморализируетъ людей, союзъ укрѣпляетъ ихъ нравственныя и умственныя силы и ободряетъ ихъ волю. Русскій народъ, хотя и не знаетъ ни исторіи, ни психологіи, знаетъ эту истину изъ ежедневнаго опыта и выразилъ ее поговорками: „одинъ воинъ въ полѣ не рать“, „одинъ умъ хорошо, а два лучше“ и „на людяхъ и смерть красна“.

Неужели только эти возраженія и имѣются въ статьѣ г. Струкова противъ общиннаго пользованія? Только. И не только другихъ нѣтъ, но и не можетъ быть. Все, что было говорено объ этомъ у западныхъ экономистовъ старой школы и ихъ русскихъ послѣдователей, сводится къ двумъ мыслямъ:

Общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли (на этой гипотезѣ основаны два другія возраженія г. Струкова).

Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ.

Кромѣ этихъ двухъ избитыхъ и давно опровергнутыхъ мыслей, вы ничего не найдете сказать противъ принципа общиннаго пользованія землею, хотя насыпаны по этому поводу цѣлыя горы возраженій экономистами старой школы,—всѣ эти горы заключаютъ въ себѣ, кромѣ названныхъ нами двухъ мыслей, только болѣе или менѣе блестящій, болѣе или менѣе пыльный песокъ праздныхъ словъ, не связанный никакою логикою, и не только легко отбрасываемый рукою, но разлетающійся отъ одного дуновенія.

Изъ двухъ мыслей, попавшихъ въ эти горы фразъ, одна:

„Общинное пользованіе не допускаетъ удобренія и улучшенія земли“— касается только одного способа общиннаго пользованія съ ежегоднымъ передѣломъ земли, и ни мало не касается другаго способа – общиннаго пользованія съ продолжительными сроками.

Еще менѣе касается она самаго принципа общиннаго пользованія зе-

Digitized by Google

млею, допускающаго и третій способъ пользованія, кромѣ двухъ названныхъ, именно: общинное пользованіе землею безъ передѣла земли между членами общины.

Наконецъ, принципъ общинной собственности на землю не входитъ даже въ объемъ этой мысли, относящейся единственно къ понятію пользованія, а не къ существенно отличному отъ него понятію собственности.

Не говоримъ уже о томъ, что ей чуждо различіе между понятіями полновластной и ограниченной собственности.

Другая мысль:

„Община убиваетъ энергію въ человѣкѣ“—

относится не къ сферѣ экономическихъ, а къ сферѣ нравственно-историческихъ наукъ и рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ исторіи и психологіи, доказывающимъ, напротивъ, что въ союзѣ укрѣпляется умъ и воля человѣка.

Мы хвалили и хвалимъ статью г. Струкова, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя говорятъ объ отношеніяхъ общиннаго пользованія землею къ успѣхамъ сельскаго хозяйства. Потому именно и остановили мы на ней вниманіе, что она хороша. И если эта часть ея, которая говоритъ объ общинномъ пользованіи, не выдерживаетъ критики, вина въ томъ не за г. Струковымъ, а за теоріею, которой вздумалъ онъ держаться въ этомъ случаѣ,— за этой односторонней теоріей laissez faire, laissez passer, безусловно отдающей человѣка на жертву неразумнымъ принципамъ матеріальнаго производства и воспрещающей ему направлять ихъ дѣйствіе сообразно потребностямъ своей натуры и по законамъ своего разума. Въ частности, г. Струкова наши замѣчанія почти вовсе на касаются, они относятся только къ теоріи, изъ которой слишкомъ довѣрчиво взялъ онъ мнѣнія объ отношеніяхъ общиннаго пользованія къ успѣхамъ сельскаго хозяйства; если въ чемъ можно упрекнуть его, то развѣ въ этой излишней довѣрчивости къ мнѣніямъ, которыя провозглашены многими авторитетами политической экономіи. Эти мнѣнія общи всей старой школѣ экономистовъ, и мы хотимъ предполагать, что эта излишняя довѣрчивость была дѣломъ случайнымъ со стороны г. Струкова, и источникомъ ея было только то, что онъ не имѣлъ случая вникнуть въ основанія системы, которой держится старая школа.

Но есть у насъ много людей, которые сознательно держатся основаній этой системы и девизъ ея: laissez faire, laissez passer, считаютъ верховною, непреложною истиною экономической науки. Нашъ „Экономическій Указатель“ объявляетъ себя приверженцемъ этой школы. Не всѣ статьи журнала написаны въ ея исключительномъ духѣ,—о, далеко не всѣ, — но общее направленіе журнала таково. Обыкновенно, послѣдователи системы laisser faire, laissez passez, бываютъ противниками общиннаго начала. Мы желали бы знать, что думаетъ о немъ „Экономическій Указатель“, и потому просимъ его или признать справедливыми или опровергнуть научнымъ образомъ слѣдующія положенія, составляющія сущность вышеизложенныхъ замѣчаній.

1) Принципъ общиннаго пользованія землею самъ по себѣ не можетъ быть признанъ несовмѣстнымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства.

Digitized by Google

2) Напротивъ, по достиженіи государствомъ извѣстной степени экономическаго развитія, опредѣляемой сильнымъ развитіемъ торговли и устройствомъ улучшенныхъ путей сообщенія (пароходства и желѣзныхъ дорогъ), общинное пользованіе землею представляется единственнымъ средствомъ избавить огромное большинство земледѣльческаго населенія отъ бѣдствій, соединенныхъ съ батрачествомъ и нищетою, необходимымъ слѣдствіемъ батрачества.

3) Англія и Франція вступили уже въ этотъ періодъ.

4) Даже и въ предшествующее время, когда при слабомъ развитіи торговли и путей сообщенія, дѣйствія закона безграничной конкурренціи не были бы еще такъ ощутительны, мнимыя неудобства общиннаго пользованія землею для усиленія производства далеко превышаются выгодными слѣдствіями общиннаго пользованія для благосостоянія массы земледѣльческаго населенія.

5) Потому и въ настоящее время благо государства, тождественное съ благомъ большинства земледѣльческаго населенія, требуетъ сохраненія общиннаго пользованія землею.

6) Всѣ возраженія противъ общиннаго пользованія землею не касаются его принципа, а относятся только къ одному изъ способовъ этого пользованія (ежегодному передѣлу земель) и легко устраняются при другихъ способахъ, между прочимъ, при передѣлѣ на продолжительные сроки съ вознагражденіемъ, отъ общины, прежняго обработывателя за улучшеніе земли, если по передѣлу участокъ или клинъ участка переходитъ къ другому члену общины.

Послѣднее положеніе въ сущности является только развитіемъ перваго, и такимъ образомъ весь рядъ положеній представляется одною цѣльною системою, жизненное значеніе которой сосредоточивается въ пятомъ положеніи. Мы согласны признать всю систему опровергнутою, если будетъ научными доказательствами опровергнуто хотя одно изъ составляющихъ ее положеній.

Вопросъ такъ важенъ, что „Экономическій Указатель“, служащій теперь главнымъ органомъ распространенія у насъ политико-экономическихъ понятій, долженъ опредѣлительно высказать свое мнѣніе. Повторять, кстати и не кстати, выходки противъ общиннаго начала, давно опровергнутыя наукою, легко. Но такой методъ несправедливъ и не ведетъ ни къ чему полезному. Кто хочетъ сказать, что принципъ общиннаго пользованія землями долженъ быть брошенъ нами, какъ невыгодный для государственнаго благосостоянія, тотъ долженъ серьезными научными доводами доказать, что ни при какомъ способѣ общинный принципъ не можетъ быть полезнѣйшимъ для государственнаго благосостоянія. Кто не можетъ доказать этого, тотъ не имѣетъ научнаго права говорить противъ общиннаго принципа пользованія землею. И потому, молчаніе со стороны „Экономическаго Указателя“ мы должны будемъ принять или какъ выраженіе согласія съ высказаннымъ нами убѣжденіемъ относительно общиннаго пользованія землями, или какъ слѣдствіе безсилія опровергнуть научнымъ образомъ это убѣжденіе.

Читатель видитъ, что мы предлагаемъ людямъ, думающимъ не оди-

Digitized by Google

наково съ нами объ общинномъ принципѣ, или признаться въ своемъ безсиліи опровергнуть убѣжденіе, которое, намъ кажется, неоспоримо доказано наукою экономическаго быта, или начать пренія, какія постоянно ведутся въ Западной Европѣ. Читатель видитъ, что въ этомъ преніи мы уступаемъ всѣ выгоды тѣмъ, которымъ предлагаемъ преніе. Мы первые выставляемъ положенія, кажущіяся намъ справедливыми, и предлагаемъ опровергнуть ихъ, - такимъ образомъ, мы становимся въ положеніе оборонительное, которое вообще признается менѣе выгоднымъ, нежели наступательное. Мало того: мы такъ убѣждены въ непоколебимости научной истины, нами защищаемой, что согласны признать себя побѣжденными не только въ томъ случаѣ, когда будутъ опровергнуты всѣ основанія, на которыхъ опирается она, но даже если будетъ опровергнуто хотя одно изъ этихъ основаній. Всѣ возможныя выгоды пренія предоставляются нами противникамъ общиннаго пользованія землею, — и если при такихъ выгодахъ они откажутся принять предлагаемое преніе или не выдержатъ его, это будетъ очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ безмѣрной слабости научныхъ возраженій противъ общиннаго начала, и равно очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ научной непоколебимости его.

Но мы забыли о славянофилахъ, съ которыхъ начали рѣчь?—Напротивъ, теперь именно и дѣлается понятнымъ то, почему они заслуживаютъ симпатіи отъ людей, умѣющихъ ставить существенно важные вопросы жизни выше мелкихъ несогласій въ отвлеченныхъ теоріяхъ о Востокѣ и Западѣ. Мы старались представить во всей его важности одинъ изъ такихъ вопросовъ, стоящихъ выше мелочныхъ, или туманныхъ пунктовъ раздѣленія между славянофилами и неславянофилами. И если теперь мы скажемъ, что объ этомъ вопросѣ славянофилы, какъ намъ кажется, думаютъ основательнѣе, нежели большая часть людей, готовыхъ подсмѣиваться надъ промахами и пристрастіями славянофиловъ, то, конечно, читатели легко объяснятъ себѣ, почему мы, несмотря на частые промахи нѣкоторыхъ ея послѣдователей, — промахи, осуждаемые нами не менѣе, нежели кѣмъ нибудь другимъ, — несмотря на всѣ теоретическія заблужденія очень многихъ послѣдователей этой партіи, — заблужденія, несостоятельность которыхъ чувствительна для насъ не менѣе, нежели для кого нибудь другаго, — все-таки продолжаемъ считать эту дѣятельность полезною для нашего общества. Возвращаемся же къ вопросу, выставленному нами въ примѣръ превосходства, какое, по существеннымъ для жизни стремленіямъ, славянофилы имѣютъ надъ многими изъ тѣхъ людей, которыхъ имъ угодно сливать въ одну партію западниковъ, хотя между этими людьми нѣтъ ровно ничего общаго, кромѣ недовольства спеціально славянофильскими особенностями.

Важность распространенія здравыхъ понятій о вопросѣ, касательно необходимости для національнаго благосостоянія сохранить господствующее у насъ общинное пользованіе землею, чрезвычайно велика. Но примѣръ западнаго населенія, бѣдствующаго отъ утраты этого принципа, не имѣетъ надъ большинствомъ нашихъ экономистовъ такой силы, какъ лишенныя всякихъ дѣльныхъ основаній изрѣченія тѣхъ политико-экономическихъ авторитетовъ, которыхъ они привыкли держаться. Славянофилы въ этомъ случаѣ

Digitized by Google

не таковы. Они знаютъ смыслъ урока, представляемаго намъ участью англійскихъ и французскихъ земледѣльцевъ, и хотятъ, чтобы мы воспользовались этимъ урокомъ. Они считаютъ общинное пользованіе землями, существующее нынѣ, важнѣйшимъ залогомъ, необходимѣйшимъ условіемъ благоденствія земледѣльческаго класса. Въ этомъ случаѣ, они высоко стоятъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ, которые почерпаютъ свои убѣжденія въ устарѣлыхъ системахъ, принадлежащихъ по духу своему минувшему періоду односторонняго увлеченія частными правами отдѣльной личности, и которые необдуманно готовы возставать противъ нашего драгоцѣннаго обычая, какъ несовмѣстнаго съ требованіями этихъ системъ, несостоятельность которыхъ уже обнаружена наукою и опытомъ западно-европейскихъ народовъ. Всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія слафянофиловъ съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ селъ должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ.

Мы представили одинъ примѣръ превосходства славянофиловъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ. Число этихъ примѣровъ легко было бы умножить еще тремя, четырьмя очень важными. Но довольно и одного, по нашему мнѣнію, важнѣйшаго, который указали мы, чтобы съ уваженіемъ смотрѣть на нихъ, какъ на дѣятелей полезныхъ.

Читатели, зная нашъ образъ мыслей, не могутъ, конечно, предполагать въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсямъ славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи и съ идеями, выработанными современною наукою, и съ характеромъ нашего племени. Но мы повторяемъ, что выше этихъ заблужденій есть въ славянофильствѣ элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія. И если уже должно дѣлать выборъ, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицаніе современныхъ убѣжденій, которое часто прикрывается эгидою вѣрности западной цивилизаціи, причемъ подъ западною цивилизаціею понимаются чаще всего системы, уже отвергнутыя западною наукою, и факты, наиболѣе прискорбные въ западной дѣйствительности,—не говоря ужъ о замѣненіи общинной поземельной собственности полновластною, личною.

Говоря о славянофилахъ, необходимо вспомнить, что въ Москвѣ явилась новая еженедѣльная газета „Молва“, которая, какъ съ перваго взгляда видно, дѣйствительно есть органъ славянофиловъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части ихъ. Мы прочли до сихъ поръ три нумера этой газеты и желаемъ, чтобы слѣдующіе были лучше, чего и хотимъ надѣяться. Больше сказать о „Молвѣ“ пока нечего; развѣ, какъ одно изъ необходимыхъ условій улучшенія, замѣтить ей, что защищать дѣла, безвозвратно проигранныя, безполезно, а если проигранное дѣло было притомъ еще дурно, то защищать его не только безполезно, но и вредно для собственной доброй славы. Дѣло г. В. Григорьева, написавшаго дурныя статьи о покойномъ Грановскомъ, было дурно; г. В. Григорьевъ былъ недавно наказанъ за то въ № 6-мъ „Русскаго Вѣстника“. Наказаніе это жестоко, но совершенно справедливо. Защитить г. Григорьева никакимъ образомъ нельзя. А „Молва“ пробуетъ защищать его. Это совершенно напрасное самопожертвованіе. Но

Digitized by Google

что же дѣлать славянофиламъ послѣ жестокаго урока, даннаго имъ за г. В. Григорьева? Остерегаться впредь помѣщенія статей, заслуживающихъ такіе жестокіе уроки. „Надобно быть осторожнѣе въ выборѣ друзей“— кромѣ этой мудрой сентенціи, славянофилы не могутъ ничего извлечь изъ дѣла о г. В. Григорьевѣ. Мы опасаемся, что защищеніе дѣла г. И. Крылова столь же напрасно.

Digitized by Google

КРИТИКА.

Губернскіе очерки. Изъ записокъ отставнаго надворнаго совѣтника *Щедрина.* Собралъ и издалъ *М. Е. Салтыковъ.* Два тома. *Москва. 1857.*

Давно уже не являлось въ русской литературѣ разсказовъ, которые возбуждали бы такой общій интересъ, какъ „Губернскіе очерки" Щедрина, изданные г. Салтыковымъ. Главная причина громаднаго успѣха этихъ разсказовъ очевидна каждому. Въ нихъ очень много правды,— очень живой и очень важной.

Мы не будемъ говорить и о томъ, какъ много чести приноситъ русскому обществу то, что правда принята имъ съ такимъ одобреніемъ и участіемъ. Не будемъ говорить и о томъ, какъ отрадно каждому, любящему свое отечество, это общее чувство, служащее свидѣтельствомъ господства честной мысли въ нашемъ обществѣ. Это понимается каждымъ.

Не будемъ много говорить и о томъ замѣчательномъ обстоятельствѣ, что правда, высказываемая надворнымъ совѣтникомъ Щедринымъ, правда, часто очень горькая, не вызвала со стороны немногихъ, которымъ она должна быть непріятна, тѣхъ ожесточенныхъ нападеній, какими двадцать и пятнадцать лѣтъ тому назадъ встрѣчены были „Ревизоръ" и „Мертвыя Души". Значитъ, не даромъ прошелъ для насъ опытъ жизни; значитъ, или исчезли, или чувствуютъ себя нынѣ безсильными люди, которые осмѣливались говорить, что правда можетъ быть вредна. Это ослабленіе голосовъ, враждебныхъ правдѣ, не есть обстоятельство случайное, обнаружившееся только въ послѣдніе годы, не есть явленіе непрочное по своей случайности: годъ за годомъ можно слѣдить, какъ уменьшалась сила и самодѣятельность литературныхъ аристарховъ, находившихъ выгоднѣйшимъ для себя поддерживать незнаніе. Кромѣ друзей Пушкина, представителемъ которыхъ въ критикѣ былъ князь Вяземскій, и нѣсколькихъ молодыхъ людей, писавшихъ въ „Телескопѣ", всѣ журналы негодовали на „Ревизора". Черезъ пять лѣтъ пользовался уже безспорнымъ превосходствомъ въ мнѣніи публики тотъ журналъ, который съ восторгомъ встрѣтилъ „Мертвыя Души". Но большинство нашей журналистики снова осудило Гоголя. Прошло еще пять лѣтъ, и не только большинство публики, но уже и большинство литераторовъ крѣпко стояло за г. Тургенева, когда онъ печаталъ „Бурмистра", „Контору", „Малиновую воду", „Бирюка" и проч. Но все еще очень многіе и очень

Digitized by Google

громкіе голоса возставали противъ разсказовъ г. Тургенева. Теперь, если кто хотѣлъ, то никто не рѣшился сказать что нибудь противъ духа правды, оживляющаго „Очерки“ г. Щедрина. Когда десять лѣтъ тому назадъ была напечатана „Деревня“ г. Григоровича, сколькимъ упрекамъ подвергся авторъ! Но уже очень немногіе рѣшились выразить свое недовольство его „Рыбаками“, которые явились черезъ семь лѣтъ послѣ того, а когда еще черезъ три года, въ прошедшемъ году, онъ написалъ „Переселенцевъ“, никто не отважился и сказать, что не слѣдуетъ писать о переселенцахъ или можно писать иначе. Этихъ примѣровъ довольно, чтобы засвидѣтельствовать постепенное усиліе той стороны въ нашемъ обществѣ и между нашими писателями, которая хочетъ правды, и постепенное изнеможеніе тѣхъ людей, которымъ противна правда. Кому интересно, тотъ можетъ, припоминая сужденія публики журналовъ о каждомъ замѣчательномъ явленіи нашей беллетристики, прослѣдить, какъ съ каждымъ новымъ годомъ возрастало убѣжденіе въ необходимости истины.

Мы только упоминаемъ объ этомъ замѣчательномъ фактѣ, но не останавливаемся на немъ, потому что въ настоящее время онъ очевиденъ для каждаго. Безполезно доказывать то, въ чемъ никто не сомнѣвается.

Но если для всѣхъ уже очевидно теперь, что необходимо для насъ знать о себѣ правду, если большинство, одобряющее писателей, выказывающихъ ее, такъ огромно, что бывшіе противники ея или сознаются въ томъ, что прежняя вражда ихъ была несправедлива, или лишились отважности защищать свое несправедливое дѣло, то далеко еще не всѣ согласны въ томъ, какой существенный смыслъ имѣютъ сочиненія, одобряемыя всѣми за правдивость. Всѣ согласны въ томъ, что факты, изображаемые Гоголемъ, г. Тургеневымъ, г. Григоровичемъ, Щедринымъ, изображаются ими вѣрно и для пользы нашего общества должны быть приводимы передъ судъ общественнаго мнѣнія. Но сущность беллетристической формы, чуждой силлогическаго построенія, чуждой выводовъ въ видѣ опредѣлительныхъ моральныхъ сентенцій, оставляетъ въ умѣ многихъ читателей сомнѣніе о томъ, съ какимъ чувствомъ надобно смотрѣть на лица, представляемыя нашему изученію произведеніями писателей, идущихъ по пути, проложенному Гоголемъ; сомнѣніе о томъ, должно ли ненавидѣть или жалѣть этихъ Порфиріевъ Петровичей, Ивановъ Петровичей, Фейеровъ, Пересѣчкиныхъ, Ижбурдиныхъ и т. д.; надобно ли считать ихъ людьми дурными по своей натурѣ, или полагать, что дурныя ихъ качества развились вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ, независимо отъ ихъ воли. Сколько можно заключать изъ журнальныхъ отзывовъ и изъ разговоровъ, которые каждый изъ насъ много разъ имѣлъ случай слышать въ обществѣ по поводу произведеній, подобныхъ „Губернскимъ очеркамъ“ Щедрина, надобно думать, что очень значительная часть, —быть можетъ, большинство публики, склоняется на сторону перваго мнѣнія. Подъячій, разсказывающій надворному совѣтнику Щедрину о „прошлыхъ временахъ“, восхищается тѣмъ, что въ эти „прошлыя времена“ все было шито и крыто, взяточники не опасались никакихъ преслѣдованій и наживались очень спокойнымъ образомъ; онъ восхищается безсовѣстными продѣлками Ивана Петровича и съ нѣкоторою гор-

Digitized by Google

достью вспоминаетъ, что самъ былъ не послѣднимъ сподвижникомъ этого удивительно изобрѣтательнаго взяточника. Продѣлки, отчасти одобряемыя, отчасти совершенныя подъячимъ-разсказчикомъ, каждому образованому и честному человѣку кажутся вредными для общества, гнусными, преступными; чувство негодованія, ими возбуждаемое, очень легко переходитъ въ чувство нравственнаго безпощаднаго осужденія человѣку, совершившему или одобряющему эти дѣла, и очень многіе изъ людей, восхищающихся „Губернскими очерками", объявляютъ его человѣкомъ очень дурнымъ, совершенно безсовѣстнымъ. Иные, пожалуй, скажутъ, что этотъ подъячій даже находитъ положительное удовольствіе въ совершеніи мошенническихъ продѣлокъ и низкихъ преступленій; что онъ влечется къ нимъ не одною только выгодою, но и душевнымъ расположеніемъ. Онъ самъ подаетъ основаніе къ такому понятію о себѣ; онъ прямо говоритъ, что въ его времена люди, которыхъ онъ хвалитъ, главное удовольствіе свое находили не просто въ томъ, что много получаютъ денегъ, а въ томъ, что получаютъ ихъ хитрымъ мошенничествомъ. „Вотъ-съ какіе люди бывали въ наше время, говоритъ онъ:—это не то, что грубые взяточники или съ большой дороги грабители; нѣтъ, все народъ--аматеръ былъ. Намъ и денегъ, бывало, ненадобно, коли сами въ карманъ лѣзутъ; нѣтъ, ты подумай, да прожектъ составь, а потомъ и пользуйся, пожалуй". Одного изъ своихъ сослуживцевъ, который не былъ аматеромъ мошенничества, а просто изъ любви къ деньгамъ бралъ взятки, подъячій этотъ просто осуждалъ, какъ профана, не понимающаго высшихъ наслажденій мошенничества. „Мы, чиновники, этого Фейера не любили, говоритъ онъ:—у него все это какъ-то ужъ больно просто выходило,—такъ, ломитъ нахрапомъ съ-плеча, да и все. Что жъ и за удовольствіе этакъ-то служить!" Не правда ли, онъ самъ выставляетъ себя бѣсомъ, любящимъ зло не только изъ выгодъ, доставляемыхъ зломъ, но и для самого зла? Возьмемъ другой примѣръ: Палахвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ, коммерческіе люди, разсуждаютъ о своихъ дѣлахъ. Они прямо говорятъ, что коммерческій разсчетъ долженъ состоять въ мошенничествѣ. Они жалуются на медленность и расходы, соединенные съ доставкою хлѣба въ Петербургъ водянымъ путемъ; но на замѣчаніе, что желѣзныя дороги избавятъ нашу торговлю отъ этихъ тяжелыхъ затрудненій, они прямо отвѣчаютъ: „для насъ чугунки все равно, что раззореніе. Это (устроивать желѣзныя дороги) для насъ было бы все единственно, что въ петлю лѣзть. Это все враги нашего отечества выдумали, чтобъ насъ какъ ни-на есть, съ колеи сбить. Основательный торговецъ никогда въ экое дѣло не пойдетъ, даже и разговаривать-то объ немъ не будетъ, по той причинѣ, что это все одно, что противъ себя говорить". Почему же такъ? Потому что при перевозкѣ товаровъ по желѣзной дорогѣ нѣтъ возможности ни обсчитывать рабочихъ въ разсчетѣ, ни нарушать контракты на поставку товаровъ, сваливая вину на Волгу, потопившую или задержавшую суда. Торговлѣ будетъ придано гораздо болѣе живости и обширности, она будетъ доставлять болѣе выгодъ,—нужды нѣтъ; все-таки желѣзныя дороги не нравятся Ижбурдину и его товарищамъ, потому что прекращаютъ возможность мошенничества. Не ясно ли, что эти люди не просто корыстолюбивые, а любящіе зло для са-

Digitized by Google

мого зла,—любящіе зло, хотя бы оно было даже вредно для нихъ самихъ? Почти такія же черты можно отъискать почти во всѣхъ другихъ людяхъ, изображаемыхъ Щедринымъ. Почти всѣ они могутъ представляться, и дѣйствительно представляются многимъ изъ читателей, изъѣденными нравственною порчею до глубины души, не сохранившими въ себѣ никакого человѣческаго чувства.

Такой взглядъ на людей, изображаемыхъ Гоголемъ и его послѣдователями, внушается негодованіемъ, источникъ котораго, конечно, благороденъ. Но тѣмъ не менѣе надобно сказать, что подобный взглядъ поверхностенъ, что если мы внимательнѣе всмотримся въ большинство людей, выводимыхъ Гоголемъ и его послѣдователями, то должны будемъ отказаться отъ слишкомъ строгаго приговора противъ этихъ людей. Мы не найдемъ возможности называть ихъ людьми добродѣтельными: въ самомъ дѣлѣ, они совершаютъ очень много дурныхъ поступковъ, имѣютъ много дурныхъ привычекъ, держатся многихъ дурныхъ правилъ, но все-таки нельзя сказать, чтобы большинство этихъ людей не имѣло въ себѣ также многихъ хорошихъ чувствъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, попробуемъ внимательнѣе посмотрѣть на людей, встрѣчающихся намъ въ разсказахъ Щедрина. Мы беремъ его „Губернскіе очерки“ для этого испытанія, потому что ни у кого изъ предшествовавшихъ Щедрину писателей, картины нашего быта не рисовались красками, болѣе мрачными. Никто (если употреблять громкія выраженія) не каралъ нашихъ общественныхъ пороковъ словомъ, болѣе горькимъ, не выставлялъ передъ нами нашихъ общественныхъ язвъ съ большею безпощадностію. У него нѣтъ ни одного веселаго или легкаго выраженія, не только цѣлаго очерка,—у него нѣтъ не только цѣлаго разсказа, похожаго на „Коляску“, или на „Тяжбу“, или на „Лакейскую“ Гоголя, — нѣтъ двухъ строкъ, которыя бы ни были пропитаны грустнымъ чувствомъ. Онъ писатель, по преимуществу грустный и негодующій, Если кто изъ нашихъ беллетристовъ, то, конечно, онъ приводитъ васъ къ самымъ тяжелымъ мыслямъ, къ самымъ безотраднымъ заключеніямъ. Посмотримъ же, однако, каковы будутъ выводы о большинствѣ людей, имъ изображаемыхъ, если мы пристальнѣе всмотримся въ жизнь этихъ людей.

Въ каждомъ обществѣ есть люди съ дурнымъ сердцемъ, съ душою рѣшительно низкою. И въ древнемъ Римѣ, отечествѣ героевъ, были трусы, и въ Германіи, классической странѣ честности, есть люди коварные, недоброжелательные. Есть они и во Франціи, и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Есть такіе люди и въ нашемъ обществѣ. Попадаются они и въ числѣ лицъ, выводимыхъ Щедринымъ. Таковъ, напримѣръ, Порфирій Петровичъ, принадлежащій къ семейству Чичиковыхъ, но отличающійся отъ Павла Ивановича Чичикова тѣмъ, что не имѣетъ его мягкихъ и добропорядочныхъ формъ, и болѣе Павла Ивановича покрытъ грязью всякаго рода; такова, напримѣръ, мать пріятнаго семейства, Марья Ивановна Размановская; таковы два-три изъ числа преступниковъ, находимыхъ Щедринымъ въ городской тюрьмѣ; таковъ особенно безъименный господинъ, элегантный и просвѣщенный, монологъ котораго мы читаемъ въ очеркѣ, имѣющемъ заглавіе „Озорники“, — гнуснѣе этого человѣка читатель не находитъ во

Digitized by Google

всей книгѣ Щедрина. Этихъ людей защищать нельзя. Они дѣйствительно злы и ненавистны. Но въ толпѣ лицъ, выводимыхъ Щедринымъ, они составляютъ очень малочисленное меньшинство, какъ дѣйствительно составляютъ меньшинство довольно малочисленное и въ нашемъ обществѣ. Другіе люди не таковы: въ нихъ вы откроете подлѣ дурныхъ качествъ и нѣкоторыя черты, примиряющія васъ съ ихъ личностью. Дурные поступки и привычки ихъ извиняются обстоятельствами ихъ жизни и нравственною близорукостью, навѣянною на нихъ туманной средой, въ которой развились и живутъ они. Они часто не замѣчаютъ разницу между хорошимъ и дурнымъ, не умѣютъ понимать дурноты многаго дурнаго; но тѣхъ-то дѣлъ, дурноту которыхъ они понимаютъ, они стараются не дѣлать; они отвращаются отъ такихъ дѣлъ, гнушаются ими; если же, по слабости характера, или по ошибкѣ, или по тяжелому стеченію обстоятельствъ, случится имъ сдѣлать поступокъ, дурныя стороны котораго они понимаютъ, то они осуждаютъ себя за этотъ поступокъ и осуждаютъ искренно. Такихъ людей нельзя назвать дурными по сердцу. Кромѣ того, они даже не лишены нѣкоторыхъ возвышенныхъ и безкорыстныхъ стремленій. „Какъ? въ подъячемъ, разсказывающемъ о прошлыхъ временахъ, или въ Ижбурдинѣ съ товарищами, вы находите, вмѣстѣ съ дурными чертами, и нѣкоторыя качества, заслуживающія извиненія?“ замѣтитъ иной читатель, безусловно ихъ осудившій:—„вы находите, что эти люди могутъ дѣлаться людьми честными и, чего добраго,—вы пожалуй скажете, могутъ сдѣлаться даже людьми добродѣтельными: не слишкомъ ли много этимъ сказано?“ Это мы посмотримъ. Но прежде всего напомнимъ, что не оправдывать или извинять ихъ пороки мы хотимъ, а говоримъ только, что даже и въ этихъ порочныхъ людяхъ человѣческій образъ не совершенно погибъ, и, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы и эти люди отстать отъ своихъ дурныхъ привычекъ.

Вотъ, напримѣръ, разберемъ поближе обстоятельства и жизнь подъячаго, разсказывающаго о прошлыхъ временахъ, и, быть можетъ, мы увидимъ, что онъ въ сущности не такой безсовѣстный и бездушный человѣкъ, какъ можетъ представляться на первый взглядъ. Если мы вздумаемъ судить по понятіямъ отвлеченнымъ отъ жизни, то, конечно, надобно будетъ сказать, что онъ могъ найти въ различныхъ честныхъ промыслахъ средство пріобрѣтать недостающія ему деньги. Онъ могъ заняться какимъ нибудь ремесломъ. Такъ; но всѣ эти занятія считаются неблагородными, и общество строго осудило бы засѣдателя. Можно ли порицать человѣка за то, что онъ, по своимъ понятіямъ, не выше того общества, въ которомъ выросъ и живетъ, или не имѣетъ такой энергіи характера, чтобы пойти наперекоръ общественнымъ предразсудкамъ?—Но одни ли предразсудки удерживали подъячаго отъ другихъ занятій? Нѣтъ, такія занятія были бы для него опасны: они повредили бы его службѣ. О немъ подумали бы, что онъ службою занимается только для формы, пренебрегаетъ ею для своего ремесла, и онъ скоро прослылъ бы неисправнымъ, нерадивымъ человѣкомъ. Это помѣшало бы его повышенію по службѣ, а можетъ быть повлекло бы за собою и потерю того мѣста, которое онъ уже занималъ. Какъ бы то ни было, этотъ человѣкъ прежде всего чиновникъ и больше всего долженъ дорожить своею служебною

Digitized by Google

карьерою. Можно ли осуждать его за то, что онъ не рѣшается заняться дѣломъ, которое было бы вредно его служебной карьерѣ? Кромѣ того дѣйствительно ли была ему возможность заняться какимъ нибудь ремесломъ? Нечего говорить о томъ, что ремесло требуетъ изученія, а онъ не наученъ ничему. Но возьмемъ другое условіе. Производителю нужны покупщики, а гдѣ бы онъ нашелъ ихъ? Существующему запросу на товары уже удовлетворяютъ цеховые ремесленники и торговцы. Онъ не нашелъ бы покупщиковъ для своихъ произведеній или долженъ былъ бы продавать въ убытокъ. И такъ засѣдателю Земскаго суда неприлично предъ обществомъ, вредно по службѣ, убыточно въ экономическомъ отношеніи и, наконецъ, невозможно по личной его неприготовленности, искать пособій для своего существованія въ какомъ нибудь торговомъ или промышленномъ занятіи. Но почему бы не заняться ему ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ? Опять-таки практическая невозможность. Ходатайствовать по мелкимъ дѣламъ вовсе невыгодно, какъ видимъ по образу жизни отставныхъ уѣздныхъ чиновниковъ въ родѣ Ризположенскаго (въ комедіи г. Островскаго „Свои люди—сочтемся") и Перегоренскаго (въ „Губернскихъ Очеркахъ"). Единственное вознагражденіе, на которое они могутъ разсчитывать,—нѣсколько рюмокъ или стакановъ водки: домашній бытъ ходатая по дѣламъ не улучшится отъ такихъ вознагражденій. А ходатайство по важнымъ дѣламъ нашему разсказчику о прошлыхъ временахъ не поручатъ; для того выберутъ агента поважнѣе, нежели уѣздный чиновникъ или столоначальникъ губернскаго мѣста. Но самое важное обстоятельство здѣсь та привычка, которую мы очень хорошо знаемъ изъ Гоголя и его послѣдователей. Люди, заинтересованные въ какомъ нибудь дѣлѣ, находятъ, что гораздо удобнѣе для нихъ обращаться съ своими желаніями прямо къ тѣмъ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится производство ихъ дѣлъ, и считаютъ вовсе невыгоднымъ для себя имѣть какихъ либо другихъ ходатаевъ по дѣламъ. При нашихъ провинціальныхъ нравахъ адвокаты совершенно излишни. Ихъ совѣты совершенно замѣняются усердіемъ чиновниковъ, производящихъ дѣло, которые всегда готовы помочь добрымъ совѣтомъ тяжущемуся: они объяснятъ ему, какъ начать дѣло, какое направленіе давать ему, на какіе законы опираться, какія средства употребить для направленія дѣла въ его пользу, — къ чему же тутъ еще ходатай по дѣламъ, изъ людей постороннихъ производству дѣла.

Такимъ образомъ, постороннихъ средствъ къ увеличенію своихъ доходовъ для нашего подъячаго не существовало. Онъ долженъ былъ извлекать всѣ свои доходы единственно изъ своихъ должностныхъ занятій. Онъ видѣлъ, какъ поступаютъ другіе, и видѣлъ для самого себя необходимость поступить такимъ же образомъ. Слѣдовать примѣру, дѣло очень натуральное, и никто не долженъ обременять какими либо упреками человѣка, поступающаго такъ, какъ поступаютъ всѣ. Хороша ли, дурна ли общая привычка, во всякомъ случаѣ они уничтожаютъ всякую заслугу или вину въ человѣкѣ, ея держащемся. Но довольно ли сказать, что общая привычка только *извиняетъ* отдѣльнаго человѣка, ей слѣдующаго? Обычай никогда не возникаетъ безъ причины; онъ всегда создается необходимою силою историческихъ обстоятельствъ. Если товарищи нашего разсказчика о прошлыхъ вре-

Digitized by Google

менахъ и ихъ предшественники съ незапамятныхъ временъ подчинялись той же самой дурной привычкѣ, какъ и онъ,—надобно думать, что были какія нибудь обстоятельства, недопускавшія ихъ измѣнить этой привычкѣ. Одно изъ этихъ обстоятельствъ указываетъ намъ самъ подъячій-разсказчикъ: „Жили мы какъ у Христа за пазушкой, говоритъ онъ. Съѣздишь, бывало, въ годъ разъ въ губернскій городъ, поклонишься чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ, и знать больше ничего не хочешь". Въ другомъ мѣстѣ, начиная разсказывать о городничемъ Фейерѣ, онъ замѣчаетъ: „Начальство наше все къ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно онъ изъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: иди, говоритъ, въ грязь—онъ и въ грязь идетъ, въ невозможности возможность найдетъ, изъ песку веревку совьетъ, да ею же кого слѣдуетъ и удавитъ". Иначе сказать: каждое общественное положеніе, давая человѣку извѣстныя права. вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на него и извѣстныя обязанности. Кто не хочетъ или не можетъ исполнять обязанностей, возлагаемыхъ на него положеніемъ, въ которое онъ поставленъ, тотъ долженъ лишиться и занятаго имъ положенія. Въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго.

Возвратимся же къ нашему разсказчику о прошлыхъ временахъ. Мы заговорили о томъ, что онъ былъ бы не совсѣмъ правъ, если бы не подчинялся общепринятымъ привычкамъ. Мы надѣемся, что наши слова не будутъ поняты читателями въ ложномъ смыслѣ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что многія привычки, бываютъ соединены съ нѣкоторыми невыгодами и нуждаются въ благоразумныхъ измѣненіяхъ. Мы хотимъ только сказать, что не всякому прилично дѣйствовать въ противность общепринятымъ обычаямъ. Возьмемъ примѣръ незначительный — наши моды. Фракъ—костюмъ неудобный и неприличный. Надобно было бы желать, чтобы онъ былъ замѣненъ сюртукомъ, пальто или какимъ нибудь другимъ подобнымъ костюмомъ. Если бы знаменитые люди въ исторіи модъ, д'Орсе или Бруммель, вздумали рѣшительно возстать противъ фрака и начали бы являться на балы въ сюртукахъ, очень вѣроятно, что ихъ дѣло осталось бы не безъ вліянія на моду. Но каковы будутъ результаты, если это захочетъ сдѣлать какой нибудь г. Ивановъ, Петровъ или Шапошниковъ, и безъ того допускаемый въ такъ называемое лучшее общество почти только изъ милости? Пусть онъ попробуетъ явиться на балъ въ сюртукѣ или пальто,—его всѣ назовутъ невѣжею; знакомые его деликатно намекнутъ ему, чтобы онъ удалился изъ общества, куда явился въ неприличномъ костюмѣ и, если онъ не послушается этихъ дружескихъ замѣчаній, сдѣланныхъ ему шопотомъ, то они будутъ повторены уже вовсе не дружескимъ тономъ другими людьми. Произойдетъ сцена, непріятная для хозяина дома, непріятная для всего собравшагося общества, а болѣе всѣхъ непріятная для самого г. Иванова, Петрова или Шапошникова. Какъ бы ни были разумны и блестящи оправданія съ его стороны, какъ бы ни были хороши его намѣренія, онъ всетаки принужденъ будетъ удалиться изъ общества, нравы котораго оскорбилъ, спокойствіе котораго возмутилъ. Не легко будетъ потомъ ему возвратить къ себѣ снисходительное вниманіе, которымъ его до сихъ поръ удостоивали, не легко будетъ снова получить доступъ въ лучшее общество, хотя бы онъ

Digitized by Google

искренно раскаялся въ своемъ неблагоразумномъ поступкѣ. Если же онъ будетъ упорствовать въ своей рѣшимости — являться въ сюртукѣ тамъ, гдѣ всѣ во фракахъ, то, конечно, онъ будетъ навсегда изгнанъ изъ такихъ собраній, и общественное мнѣніе, по всей справедливости, объявитъ его человѣкомъ, котораго нельзя принимать ни въ какое порядочное общество. Вѣроятно, нѣтъ надобности прибавлять, что примѣръ, поданный такъ неудачно и неприлично г. Ивановымъ или Петровымъ, не найдетъ ни одного подражателя; что пока памятенъ будетъ этотъ примѣръ, каждый изъ людей, подобныхъ этому Петрову и Иванову по своему положенію въ обществѣ, будетъ ужасаться при одной мысли возстать противъ фрака.

Мы взяли такое дѣло, исполненію котораго нѣтъ рѣшительно никакихъ препятствій, кромѣ привычки. Но только въ такихъ ничтожныхъ, чисто формальныхъ вещахъ, какъ вопросъ о фракѣ и сюртукѣ, привычка не имѣетъ важныхъ фактическихъ основаній. Какъ скоро житейскій вопросъ имѣетъ хотя малѣйшій хорошій или дурной смыслъ, общее привычное рѣшеніе его бываетъ непремѣнно основано на какихъ нибудь важныхъ житейскихъ фактахъ. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы дѣло о нашей старинной привычкѣ пускаться въ дорогу, набравъ съ собою многое множество всякой провизіи. Тарантасъ заваленъ булками, хлѣбами, жареными гусями и тому подобнымъ. Неудобства возникаютъ чувствительныя: сѣсть не ловко, поворотиться нельзя стѣсненному путнику; вздумалъ онъ опереться,—подъ локтемъ трещатъ банки съ вареньемъ или солеными огурцами; вздумалъ протянуть ногу — грязный сапогъ втиснулся въ индюшку или въ сдобный пирогъ. Черезъ день, зимою—всѣ припасы замерзли и потеряли вкусъ, лѣтомъ — начали портиться и непріятно отзываются на нервы обонянія. Все это справедливо,—но чтожъ дѣлать? Какъ было не брать съ собою всѣхъ этихъ припасовъ, когда по дорогамъ не было возможности достать кусокъ бѣлаго хлѣба, не вездѣ можно было найти хотя бы десятокъ яицъ или крынку молока?

Вы видите, что недостаточно было объяснять нашему путнику неудобства, которымъ его подвергаетъ старая привычка. Быть можетъ, онъ самъ не хуже насъ, и безъ васъ, понималъ всѣ эти неудобства; быть можетъ, онъ даже посмѣялся бы надъ вашею охотою доказывать и раскрывать неудобства, и безъ того всѣмъ извѣстныя и очевидныя. Тутъ надобно было сдѣлать нѣчто другое. Это нѣчто другое уже и сдѣлано на многихъ дорогахъ: устроены порядочныя гостинницы; и, какъ видите, на этихъ дорогахъ безъ всякихъ толковъ со стороны поэтовъ, романистовъ, философовъ и филантроповъ, или быстро исчезаетъ, или уже совершенно исчезла привычка забирать съ собою изъ дому грузъ съѣстныхъ припасовъ. Можно прибавить еще одно замѣчаніе. Гостинницы не вездѣ возникли по щучьему велѣнью, по Иванову прошенью: во многихъ мѣстахъ онѣ заведены мудрою предусмотрительностію администраціи, и благое содѣйствіе, ею оказанное, было основаніемъ всѣхъ улучшеній въ способахъ и привычкахъ нашихъ разъѣздовъ по родинѣ.

Мы не имѣемъ особенной наклонности защищать предразсудки, но нельзя не сказать, что такъ называемые люди безъ предразсудковъ не

Digitized by Google

всегда съ достаточной внимательностью разсматриваютъ основанія, изъ которыхъ возникъ обычай, кажущійся предразсудкомъ. Вотъ хотя бы и въ настоящемъ случаѣ. Надобно ожидать, что многіе, имѣвшіе терпѣніе дочитать нашу статью до настоящей страницы, скажутъ: „Подъячаго все-таки нельзя оправдать. Если ему нельзя было соединить своей карьеры съ исполненіемъ непреклонныхъ нравственныхъ убѣжденій, то зачѣмъ онъ избралъ эту карьеру? Есть на свѣтѣ много другихъ честныхъ занятій, не оставляющихъ честнаго человѣка безъ средствъ къ довольству въ жизни. Онъ увлекся предразсудкомъ, заставляющимъ предпочитать службу всякому другому роду занятій". Предразсудокъ этотъ существуетъ не у насъ однихъ. Онъ очень силенъ также во Франціи и въ Германіи. И въ тѣхъ странахъ постоянно слышатся очень раціональныя и многословныя доказательства противъ него. Помнится, когда-то Тьеръ въ очень длинной и блестящей рѣчи доказывалъ, что напрасно молодые люди во Франціи непремѣнно хотятъ быть чиновниками: „будьте купцами, будьте ремесленниками, будьте земледѣльцами, —говорилъ онъ своимъ юнымъ соотечественникамъ.—Повѣрьте, что этотъ родъ занятій будетъ и выгоднѣе для васъ, и полезнѣе для вашей родины". Затѣмъ онъ обращался къ отцамъ и матерямъ и заклиналъ ихъ всѣмъ священнымъ на землѣ и на небѣ: любовью къ отечеству, любовью къ дѣтямъ, не допускать къ себѣ и мысли о томъ, чтобы воспитывать дѣтей для чиновничества, и ни подъ какимъ видомъ не дозволять этимъ неопытнымъ птенцамъ совращаться съ полезнаго и почтеннаго поприща земледѣльческаго, промышленнаго и т. п. Не оказали ни малѣйшаго дѣйствія эти благонамѣренныя увѣщанія. Вѣроятно потому, что факты не уступаютъ никакимъ увѣщаніямъ, а подчиняются только силѣ другихъ фактовъ. Поэтому надобно думать, что во Франціи и Германіи предпочтеніе чиновнической карьеры всякому другому роду занятій не есть только предразсудокъ, а основывается на какихъ нибудь фактахъ. И не трудно отъискать эти факты. Во Франціи, напримѣръ, еще не очень давно, только личность тѣхъ людей, которые занимались государственной службой, была ограждена отъ оскорбленій и униженій всякаго рода. Какой нибудь интендантъ могъ ни за что, ни про что посадить въ тюрьму самаго почтеннаго и богатаго негоціанта и постоянно третировалъ его почти также, какъ своего лакея. На интенданта нельзя и сердиться за то. У него и его подчиненныхъ была въ рукахъ рѣшительно вся власть, и очень натурально было ему, человѣку, облеченному властію, смотрѣть на людей, не имѣвшихъ никакой власти, какъ на людей другой, низшей породы. А какъ скоро образовалось такое понятіе о различіи породъ, ходъ дѣла извѣстенъ. Съ людьми низшей породы, конечно, не будутъ обращаться такъ, какъ съ подобными себѣ. Примѣръ тому мы видимъ въ отношеніяхъ между различными расами въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: бѣлый съ бѣлымъ тамъ чрезвычайно деликатенъ, но съ чернымъ обращается онъ совершенно иначе. — Нѣкогда было предпочтеніе службы всѣмъ другимъ занятіямъ и въ Англіи. Тамъ оно основывалось на другой причинѣ, извѣстной нашимъ читателямъ изъ разсказовъ Маколея. Съ служебными должностями были соединены огромные доходы. Въ концѣ XVII вѣка не было въ Англіи ни одного негоціанта, ни даже землевладѣльца,

Digitized by Google

который доходами своими равнялся бы лорду намѣстнику Ирландіи или лорду президенту. Мало было землевладѣльцевъ или негоціантовъ, которые получали бы по пяти тысячъ фунтовъ; но въ государственной службѣ было много такихъ мѣстъ, которыя доставляли по 5,000 фунтовъ дохода. Въ Англіи факты, на которыхъ основывалось предпочтеніе службы всякому другому занятію, давно исчезли. Вслѣдъ за ними исчезло и пренебреженіе всякою другою карьерою для служебной. Во Франціи, тѣ отношенія, о которыхъ упомянули мы, не совсѣмъ еще исчезли. Потому еще продолжаетъ существовать во французскомъ обществѣ и предпочтеніе службы всѣмъ другимъ занятіямъ. Вообще надобно сказать, что общественныя предупрежденія и пристрастія быстро исчезаютъ изъ нравовъ народа, какъ скоро уничтожаются факты, которыми они поддерживались. Если же какой нибудь обычай, повидимому, неразумный и невыгодный, упорно держится въ народныхъ нравахъ, то не спѣшите называть его просто слѣдствіемъ предупрежденій. Надобно прежде поискать, не опирается ли онъ на какихъ нибудь фактахъ? Осуждать національные обычаи очень легко, но за то и совершенно безполезно. Упреками дѣлу не поможешь. Надобно отъискать причины, на которыхъ основывается непріятное намъ явленіе общественнаго быта, и противъ нихъ обратить свою ревность. Основное правило медицины: „отстраните причину, тогда пройдетъ и болѣзнь“, — sublata causa, tollitur morbus.

Мы не расположены осуждать подъячаго прошлыхъ временъ за его пристрастіе къ службѣ, уже и потому, что если бы онъ оставилъ службу, его мѣсто было бы занято другимъ, который находился бы точно въ такомъ же положеніи. Слѣдовательно, тутъ измѣненіе могло бы быть только въ фамиліи лица, а не въ сущности дѣла.

Мы опять далеко уклонились отъ нашего подъячаго прошлыхъ временъ, вовсе не подозрѣвавшаго, что кто нибудь можетъ сказать ему: зачѣмъ ты предпочелъ службу какому нибудь ремеслу? Навѣрное, онъ нашелъ бы такой вопросъ нелѣпымъ, и весь тотъ городокъ, въ которомъ онъ служилъ, также въ одинъ голосъ объявилъ бы этотъ нелѣпый вопросъ дѣйствительно нелѣпымъ. Такъ или иначе, нашъ подъячій служилъ и не могъ не сообразоваться на службѣ съ общепринятыми правилами. Посмотримъ же теперь, какова была его служба и справедливо ли было бы сказать, что онъ дѣйствовалъ на службѣ противъ своей совѣсти или оскорбилъ чѣмъ нибудь общее мнѣніе, которымъ воспитался и руководился. Онъ человѣкъ не безъ грѣховъ; но чтожъ въ томъ особеннаго? Всѣ мы смертны и грѣшны. Героевъ добродѣтели во всѣ времена и у всѣхъ народовъ очень мало. Онъ бралъ взятки, это правда. Но его товарищи дѣлали тоже самое, и даже тѣ люди, съ которыхъ онъ бралъ взятки, были убѣждены, что безъ благодарности ни одно дѣло ни кѣмъ не дѣлается. Всѣ они осуждали только такихъ взяточниковъ, которые, взявъ деньги, не исполняютъ дѣло, за которое получена взятка, или прибѣгаютъ къ особенному обману, или къ особеннымъ жестокостямъ. Онъ ничего такого не дѣлалъ: разсмотримъ его похожденія. Онъ пріѣхалъ въ Шарковскую область для собранія подати. Поселяне знаютъ, что подать нужно заплатить, но они просятъ его подождать до того времени, пока они продадутъ новый хлѣбъ. Согласиться или

Digitized by Google

несогласиться на эту просьбу—въ его власти: онъ имѣетъ право требовать подати теперь же. За каждую добровольную уступку человѣкъ можетъ ожидать вознагражденія отъ тѣхъ, въ пользу кого дѣлается уступка. Такъ думаютъ поселяне, такъ думаетъ и онъ. Потому обѣимъ сторонамъ кажется очень естественнымъ требованіе нашего подъячаго прежнихъ временъ, чтобы ему за его снисходительность дали приличное вознагражденіе. Конечно, какъ и при всякой сдѣлкѣ, тутъ происходятъ споры о цифрѣ. Конечно, сторона, дающая вознагражденіе, не совсѣмъ охотно разстается съ деньгами; но и тутъ нѣтъ ничего особеннаго: сама по себѣ уплата ни для кого ни въ какомъ случаѣ не есть что либо пріятное.

Противъ такого понятія читатель замѣтитъ, что точка зрѣнія, съ которой смотрятъ на изложенное нами дѣло подъячій и поселяне, совершенно фальшива. Конечно, эти люди ошибаются въ своихъ понятіяхъ, но дѣло не въ томъ. При обсужденіи вопроса: честно или безчестно поступаетъ человѣкъ, должно смотрѣть не на то, справедливы ли его убѣжденія, а на то, дѣйствительно ли онъ поступаетъ сообразно своимъ убѣжденіямъ.

Перечитавъ разсказы подъячаго прошлыхъ временъ, мы видимъ, что онъ во всѣхъ дѣлахъ поступалъ согласно своему убѣжденію о сущности своего званія, своихъ правъ и своихъ обязанностей, и что это убѣжденіе раздѣлялось тѣми людьми, съ которыми онъ заключалъ свои сдѣлки. Потому образъ его дѣйствій вообще не заслуживалъ особеннаго порицанія.

Какъ человѣкъ, не отличавшійся ни геніальнымъ умомъ, ни желѣзнымъ характеромъ, онъ иногда подчинялся вліянію людей, натура которыхъ была сильнѣе его натуры,—и въ томъ нѣтъ ничего, особенно безчестнаго. Когда эти сильнѣйшія натуры бывали дурны, нашъ подъячій вовлекался въ такіе поступки, которыхъ не сдѣлалъ бы самъ по себѣ. Однакожъ и тутъ мы не видимъ, чтобы онъ слишкомъ далеко уклонялся отъ правилъ, внушаемыхъ ему его убѣжденіями. Разберемъ самое дурное изъ этихъ дѣлъ. Чтобы читатель не могъ предполагать укрывательства какихъ нибудь обстоятельствъ изъ пристрастія къ нашему подъячему, мы вполнѣ выпишемъ весь этотъ эпизодъ.

„Жилъ у насъ въ уѣздѣ купчина мильонщикъ, фабрику имѣлъ кумачную, большія дѣла велъ. Ну, хоть что хочешь, нѣтъ намъ отъ него прибыли, да и только! такъ держитъ ухо востро, что-на-поди. Развѣ только иногда чайкомъ поподчуетъ, да бутылочку холодненькаго разопьетъ съ нами—вотъ и вся корысть. Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло натравить — не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ, равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ.

„Чтоже бы вы думали? Ѣдемъ мы однажды съ Иваномъ Петровичемъ на слѣдствіе: мертвое тѣло нашли неподалеку отъ фабрики. Ѣдемъ мы это мимо фабрики и разговариваемъ межъ себя, что вотъ, подлецъ, дескать, ни на какую штуку не лѣзетъ. Смотрю я, однако, мой Иванъ Петровичъ задумался, и какъ я въ него вѣру большую имѣлъ, такъ и думаю: выдумываетъ онъ что нибудь, право, выдумываетъ. Ну, и выдумалъ. На другой день, сидимъ мы это утромъ и опохмѣляемся.

„— А что, говоритъ:—дашь половину, коли купецъ тебѣ тысячи двѣ отвалитъ?

„— Да что ты, Иванъ Петровичъ, въ умѣ ли? двѣ тысячи!

„— А вотъ увидишь; садись и пиши:

„Свиногорскому 1-й гильдіи купцу, Платону Степанову Троекурову. Вѣдѣніе.

Digitized by Google

По указаніямъ такихъ-то и такихъ-то поселянъ (валяй больше) вышепоименованное мертвое тѣло, по подозрѣнію въ насильственномъ убитіи съ таковыми же признаками безчеловѣчныхъ побоевъ, и притомъ рукою нѣкоего злодѣя, въ предшедшую предъ симъ ночь, скрылось въ фабричномъ вашемъ прудѣ. А посему благоволите въ оный для обыска допустить".

„— Да помилуй, Иванъ Петровичъ, вѣдь тѣло-то въ шалашѣ на дорогѣ лежитъ!

„— Ужъ дѣлай что говорятъ.

„Да только засвисталъ свою любимую: „*При дороженькѣ стояла*", а какъ былъ чувствителенъ, и не могъ эту пѣсню безъ слезъ слышать, то и прослезился немного. Послѣ я узналъ, что онъ и впрямь велѣлъ сотскимъ тѣло-то на время въ оврагъ куда-то спрятать.

„Прочиталъ борода наше вѣдѣніе, да такъ и обомлѣлъ. А между тѣмъ и мы слѣдомъ на дворъ. Встрѣчаетъ насъ, блѣдный весь.

„— Не угодно ли, молъ, чаю откушать?

„— Какой, братъ, тутъ чай!—говоритъ Иванъ Петровичъ:—тутъ нечего чаю. а ты прудъ спущать вели.

„— Помилуйте, отцы родные, за что разорять хотите?

„— Какъ разорять! видишь, слѣдствіе пріѣхали дѣлать,—указъ есть.

„Слово за словомъ, купецъ видитъ, что шутки тутъ плохія, хоть и впрямь прудъ спущай; заплатилъ три тысячи,—ну, и дѣло покончили. Послѣ мы по пруду-то маленько поѣздили, крючьями въ водѣ потыкали, и тѣла, разумѣется, никакого не нашли. Только я вамъ скажу, на угощеньи, когда ужъ были мы всѣ выпивши, и разскажи Иванъ Петровичъ купцу, какъ все дѣло было; вѣрите ли, такъ обозлилась борода, что даже закоченѣлъ весь!

Дѣло очень дурное, скажетъ читатель, и мы скажемъ вмѣстѣ съ нимъ, только прибавимъ: очень дурное по нашимъ понятіямъ, но не по мнѣнію людей. въ немъ участвовавшихъ: съ ихъ точки зрѣнія также было въ этомъ дѣлѣ обстоятельство, не совсѣмъ похвальное; но каково это обстоятельство, мы узнаемъ отъ нихъ самихъ. Чиновникамъ не было прибыли отъ богатаго фабриканта. Чиновники считали фабриканта дурнымъ человѣкомъ за то, что онъ не исполняетъ своихъ обязанностей, относительно къ нимъ (нашъ подъячій прямо называетъ его подлецомъ); самъ фабрикантъ смотрѣлъ на себя, не какъ на человѣка, отклоняющаго несправедливыя притязанія, а какъ на человѣка, который, по своему уму и своей ловкости, умѣетъ отклоняться отъ исполненія невыгодныхъ для него обязанностей. Чиновники обижены, купецъ гордится своимъ торжествомъ надъ ними. („Думали мы, думали, какъ бы намъ этого подлеца-купчишку на дѣло натравить—не идетъ, да и все тутъ, даже зло взяло. А купецъ видитъ это, смѣяться не смѣется, а такъ, равнодушествуетъ, будто не замѣчаетъ"). Наконецъ чиновники перехитрили купца и получили отъ него прибыль. Купецъ озлобился; но за что? За то ли, что съ него взяли деньги? Нѣтъ. Хотя ему непріятно было платить, но онъ полагалъ, что обязанъ заплатить. Отдавши деньги, онъ начинаетъ пировать вмѣстѣ съ чиновниками и вмѣстѣ съ ними напивается пьянъ. Этого онъ не сдѣлалъ бы, если бы считалъ себя обиженнымъ. Какъ человѣкъ гордый. онъ ушелъ бы изъ-за стола, еслибъ чувствовалъ себя обиженнымъ; какъ человѣкъ хитрый, онъ бы нашелъ благовидный предлогъ уйти. Но этого не было. Какъ видимъ, до сихъ поръ обѣ стороны остаются довольны полюбовною сдѣлкою. Но когда всѣ были на-веселѣ, Иванъ Петровичъ разсказалъ фабриканту свою хитрую выдумку—похвастался тѣмъ, что перехи-

Digitized by Google

трилъ его. Тутъ фабрикантъ обидѣлся, разсердился. За что же разсердился? Очевидно за то, что нашелся человѣкъ хитрѣе его и хвастается въ глаза ему тѣмъ, что перехитрилъ его. Мы съ самаго начала сказали, что между людьми, выводимыми въ „Очеркахъ“ Щедрина, есть люди дурные, достойные порицанія, что Иванъ Петровичъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, что мы не хотимъ защищать его. Иванъ Петровичъ дѣйствительно былъ виноватъ и въ этомъ случаѣ; однако въ чемъ же состоитъ его проступокъ въ этомъ дѣлѣ? Онъ похвастался, онъ затронулъ амбицію человѣка,—это неделикатно. Но осуждая неделикатность Ивана Петровича, не забудемъ, что онъ началъ хвастаться, когда былъ уже на-веселѣ. Пока онъ былъ трезвъ, онъ былъ скроменъ. И тутъ, какъ во многихъ случаяхъ, лишняя чарка испортила дѣло.

За пристрастье къ чаркѣ осуждаетъ Ивана Петровича и нашъ подъячій, какъ осуждали, конечно, всѣ благомыслящіе люди. Если бы вы увидѣли тѣ пирушки, въ которыхъ участвовалъ нашъ подъячій, эти пирушки показались бы вамъ, безъ сомнѣнія, грязны и гадки. Но это потому, что вы человѣкъ другого воспитанія, другихъ привычекъ. Не будьте слишкомъ строги къ людямъ, не имѣвшимъ случая пріобрѣсть изящныя манеры и тонъ лучшаго общества. Вѣдь вы не осуждаете вашего пріятеля, когда онъ за обѣдомъ выпиваетъ стаканъ бургонскаго или шампанскаго? Вы находите дурнымъ только то, если вашъ пріятель пьетъ неумѣренно. Точно также судитъ и нашъ подъячій. Онъ строго осуждаетъ Ивана Петровича за подобный порокъ „былъ въ Иванѣ Петровичѣ грѣхъ“, говоритъ подъячій, „къ напитку имѣлъ не то что пристрастіе, а такъ какое-то остервенѣніе. Конечно, и всѣ мы этого придерживались, да все же въ мѣру: сидишь себѣ да благодушествуешь, и много-много что въ подпитіи; ну, а онъ, я вамъ доложу, мѣру не зналъ, напивался даже до безобразія лица“. Видите-ль, нашъ подъячій не только не пьяница, онъ гнушается пьяницами. Видите ли, — если случилось ему въ дружеской бесѣдѣ выпить нѣсколько рюмокъ, то никогда не напивался онъ до-пьяна. Ни одинъ изъ друзей, ни мать, ни жена, конечно, не осуждали его за то, что онъ не отказывается отъ рюмки водки.

Взятка, по мнѣнію подъячаго прошлыхъ временъ, есть полюбовная сдѣлка. Онъ никогда не прибѣгалъ для заключенія сдѣлки къ мѣрамъ, которыя бы казались насильственными въ глазахъ его и общества, среди котораго онъ жилъ („истязаній и вымогательствъ“ онъ не употреблялъ самъ и не одобрялъ въ Иванѣ Петровичѣ). Мало того, свои желанія онъ выражалъ деликатнымъ и ласковымъ образомъ. („И все это ласковымъ словомъ“, говоритъ онъ самъ). И такъ, онъ былъ человѣкъ мягкаго характера. За уступки и льготы, которыя давалъ онъ поселянамъ, получалъ онъ вознагражденье—это правда, но какимъ образомъ получалъ его? Пріѣдетъ онъ въ село по какому нибудь дѣлу; поселяне просятъ, чтобы онъ скорѣе отпустилъ ихъ. „Тутъ и смекаешь: коли ребяты сговорчивы, отчегожъ имъ и удовольствіе не сдѣлать? а коли больно много артачиться станутъ, ну, и еще погодятъ денекъ, другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ, что человѣкъ-

Digitized by Google

то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ шалишь! по три пятака, дешевле не моги и думать".

Такимъ образомъ, самый предубѣжденный противъ нашего подъячаго читатель долженъ согласиться, что въ общественной дѣятельности этого подъячаго не было ничего, считавшагося дурнымъ или нечестнымъ во мнѣніи какъ этого подъячаго съ его товарищами, такъ и тѣхъ людей, которые имѣли съ ними дѣло. Напротивъ, были черты, свидѣтельствовавшія о мягкости, добротѣ характера, о благорасположеніи ко всякому хорошему человѣку, о желаніи каждому принести пользу. Поступки, совершаемые подъячимъ, дурны. Люди съ подобными ему понятіями вредны для общества. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сами по себѣ эти люди непремѣнно были дурными людьми. Повторяемъ то, что уже нѣсколько разъ говорили выше. Хвалить и бранить можно только людей эксцентрическихъ, поступающихъ не такъ, какъ поступаетъ огромное большинство людей въ ихъ время и въ ихъ положеніи. Привычки и правила, руководящія обществомъ, возникаютъ и сохраняются вслѣдствіе какихъ нибудь фактовъ, независимыхъ отъ воли человѣка, имъ слѣдующаго; на нихъ надобно смотрѣть непремѣнно съ исторической точки зрѣнія. Въ каждомъ классѣ общества, какой бы странѣ, какому бы времени ни принадлежало это общество, каковы бы ни были понятія и привычки, имъ пріобрѣтенныя вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, огромное большинство людей всегда имѣетъ наклонность къ доброжелательству и правдѣ.

Нѣтъ надобности доказывать, что нашъ подъячій старыхъ временъ былъ хорошимъ семьяниномъ. Съ этой стороны онъ очень точно обрисованъ г. Островскимъ въ послѣдней его комедіи. Бѣлогубовъ—большой руки взяточникъ; но посмотрите на него въ домашнемъ быту, и вы убѣдитесь, что онъ человѣкъ очень добрый, и въ родственныхъ отношеніяхъ даже благородный. Тотъ, кто щедро помогаетъ своей бѣдной тещѣ, при всей несносной сварливости ея характера, кто не жалѣетъ ничего, чтобы помочь бѣдной свояченицѣ и ея мужу, хотя этотъ мужъ постоянно оскорблялъ и оскорбляетъ его самымъ чувствительнымъ образомъ, тотъ, воля ваша, не есть дурной человѣкъ.

Мы очень долго останавливались на разсказахъ подъячаго о прошлыхъ временахъ. Не знаемъ, нужно ли было такъ подробно доказывать нашу мысль, справедливость которой очевидна для каждаго, опытомъ извѣдавшаго жизнь и людей, и не остановившагося на безплодномъ чувствѣ разочарованности, чувствѣ, приличномъ неопытному юношѣ, воображающему себя и всѣхъ на свѣтѣ героями и красавцами, но нелѣпо въ человѣкѣ, который уже привыкъ смотрѣть на свѣтъ глазами безпристрастнаго наблюдателя. Лично намъ казалось бы даже скучно толковать о такихъ несомнѣнныхъ вещахъ.

Было бы утомительно и безполезно столь же долго останавливаться на другихъ типахъ взяточниковъ, выводимыхъ Щедринымъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, дурныхъ по сердцу людей, на которыхъ мы указали въ началѣ статьи и которые могутъ служить для рельефности картины, но по своей малочисленности не могутъ имѣть особенной важности въ общественныхъ вопро-

Digitized by Google

сахъ: о каждомъ изъ остальныхъ взяточниковъ надобно сказать почти тоже самое, что о подъячемъ прошлыхъ временъ. Сходства между ними гораздо больше, нежели разницы, которая вообще ограничивается только различіемъ темпераментовъ: у одного характеръ вспыльчивый, у другаго—спокойный; у одного—прямой, у другаго—скрытный; у одного—веселый, у другаго печальный или скучный; у одного — смѣлый, у другаго боязливый. Съ точки зрѣнія, на которую мы стали, эта разница не имѣетъ первостепенной важности. Извѣстно, что различіе темпераментовъ не мѣшаетъ почти одинаковому подчиненію всѣхъ людей общественнымъ привычкамъ и понятіямъ и неотразимому вліянію общихъ историческихъ фактовъ. Вмѣсто того, чтобы о каждомъ изъ этихъ людей повторять почти тоже самое, что мы должны были сказать о подъячемъ прошлыхъ временъ, мы взглянемъ на представителей другого класса людей, послушаемъ бесѣду трехъ негоціантовъ о томъ, „что такое коммерція?“ Мы уже замѣчали, что, подобно подъячему прошлыхъ временъ, Палахвостовъ, Ижбурдинъ и Сокуровъ могутъ представляться поверхностному взгляду людьми, лишенными всякаго понятія о честности, „аматерами“ зла, по выраженію подъячаго прошлыхъ временъ. Каждый изъ нихъ совершенно хладнокровно и даже съ похвальбою говоритъ о своихъ мошенничествахъ. Каждый думаетъ только о томъ, какъ бы придумать обманъ похитрѣе. Но когда мы безпристрастно выслушаемъ ихъ показанія о причинахъ, принуждающихъ ихъ вести свои дѣла подобнымъ образомъ, то придемъ къ заключенію такому же, какое сдѣлали о подъячемъ прошлыхъ временъ.

Людямъ, составляющимъ огромное большинство публики, частный бытъ нашихъ купцовъ менѣе извѣстенъ по опыту, нежели бытъ чиновниковъ. Почти каждый изъ насъ имѣетъ въ числѣ своихъ близкихъ знакомыхъ нѣсколько провинціальныхъ чиновниковъ. Это составляетъ важную выгоду для отверженія предразсудковъ противъ нравственныхъ качествъ чиновничьяго класса. Находя въ числѣ своихъ знакомыхъ чиновниковъ людей достойныхъ полнаго уваженія въ частномъ быту, каждый изъ насъ уже до нѣкоторой степени расположенъ выслушать апологію чиновничьяго класса вообще. Не таково отношеніе большинства публики къ классу купцовъ. Быть можетъ, половина нашихъ читателей не имѣла съ купцами никакихъ другихъ сношеній, кромѣ дѣловыхъ. Сошлемся же на свидѣтельство тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые имѣли случай близко сходиться съ купцами, какъ добрые знакомые, бывали въ купеческихъ семействахъ, подобно Щедрину, домашними людьми. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не откажется согласиться съ Щедринымъ, выводящимъ въ разсказѣ „Христосъ воскресъ“ свѣтлыя личности этого сословія. Мы ни мало не расположены считать купеческій, или мѣщанскій, или крестьянскій бытъ идеаломъ русской жизни, мы совершенно признаемъ вѣрность тѣхъ красокъ, какими рисуются купцы въ „Ревизорѣ“ и „Женитьбѣ“ Гоголя, въ комедіи г. Островскаго „Свои люди — сочтемся“ и въ сценѣ Щедрина „Что такое коммерція?“ Но безпристрастіе обязываетъ насъ сказать, что люди, подобные Подхалюзину (въ комедіи г. Островскаго), должны быть отнесены къ исключеніямъ, довольно малочисленнымъ. Всѣ тѣ добрыя качества, которыми любитъ гордиться русскій на-

Digitized by Google

родъ, принадлежатъ также огромному большинству нашихъ купцовъ. Каковы бы ни были ихъ нравы и привычки, но вообще они люди не только доброжелательные, но и положительно добрые. Готовность помочь и услужить сильна почти въ каждомъ изъ нихъ. Дай Богъ, чтобы въ другихъ классахъ нашего народа и въ людяхъ другихъ земель было такъ сильно развито сознаніе обязанности—дать средства къ пріобрѣтенію независимаго положенія тѣмъ людямъ, доброй службѣ которыхъ обязанъ бываетъ человѣкъ своимъ собственнымъ благосостояніемъ: рѣдкій изъ нашихъ провинціальныхъ купцовъ, если имѣетъ вѣрнаго прикащика, не заботится о томъ, чтобы вывесть его въ люди, поставить на ноги, сдѣлать его самого купцомъ. Каковы бы ни были отношенія обыкновеннаго купеческаго образа мыслей къ понятію гуманности, но должно сказать, что съ прислугою своею купцы обращаются очень гуманно. Каждый, кто знакомъ съ нравами купцовъ, легко увеличитъ этотъ слишкомъ краткій эпизодъ еще многими чертами, внушающими уваженіе къ добрымъ качествамъ нашего купеческаго сословія въ частной жизни.

Если мы обратимся къ изученію картины дѣлового, общественнаго быта нашихъ купцовъ, представляемой сценою Щедрина „Что такое коммерція?“, прежде всего мы увидимъ зависимость купеческихъ дѣлъ отъ чиновниковъ. Очень многіе изъ нашихъ купцовъ занимаются подрядами и поставками. Въ большей части провинцій таково главное занятіе большей части значительнѣйшихъ купцовъ. По общему закону торговли во всѣхъ странахъ, образъ веденія коммерческихъ дѣлъ опредѣляется тѣмъ порядкомъ, какимъ ведутъ ихъ первостепенные торговцы. Кромѣ того, каждый торговый человѣкъ имѣетъ по своимъ дѣламъ ежедневную надобность въ полицейскомъ управленіи и судебномъ покровительствѣ. Такимъ образомъ привычки, издавна пріобрѣтенныя чиновничьимъ классомъ, опредѣляютъ своимъ характеромъ и порядокъ нашей торговли. Послѣ этого важнѣйшаго обстоятельства надобно принять въ соображеніе медленность и невѣрность торговыхъ оборотовъ, происходящую отъ употребительныхъ доселѣ средствъ сообщенія. Хлѣбная операція до сихъ поръ требовала у насъ цѣлаго года времени, иногда почти двухъ лѣтъ. При такомъ продолжительномъ срокѣ оборотовъ всѣ шансы могутъ измѣниться. Почти таково же положеніе двухъ другихъ важнѣйшихъ послѣ хлѣба отраслей нашей торговли— торговли саломъ и льномъ. Удивительно ли, что подъ вліяніемъ двухъ столь важныхъ обстоятельствъ, купечество наше принуждено было прибѣгать къ оборотамъ, чуждымъ правильной торговлѣ? Не забудемъ и того обстоятельства, на которое часто съ прискорбіемъ указываютъ политико-экономисты. У насъ нѣтъ старинныхъ большихъ торговыхъ домовъ. Обыкновенно, богатые наши торговцы бываютъ люди, не наслѣдовавшіе никакого капитала, а бывшіе въ молодости торговцами очень бѣдными. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они сохраняютъ привычки мелочной торговли и тогда, когда посредствомъ оборотовъ, ей свойственныхъ, пріобрѣли значительный капиталъ. Дѣти ихъ обыкновенно спѣшатъ промѣнять торговую дѣятельность на служебную. Эта привычка сильно осуждается многими. Но мы уже видѣли, что обычай всегда проистекаетъ изъ фактовъ быта. Осуждать людей за то, что они подчиняются вліянію фактовъ, не-

Digitized by Google

возможно. Справедливо только то, что нѣкоторые факты имѣютъ вліяніе, невыгодное для общества. Отъ перехода разбогатѣвшихъ купеческихъ родовъ къ другимъ занятіямъ, вся внутренняя торговля наша находится въ рукахъ людей, которые или не имѣютъ значительныхъ капиталовъ, или сохранили привычку вести свои дѣла тѣмъ порядкомъ, какимъ ведутъ ихъ люди, неимѣющіе капиталовъ. При недостаткѣ капиталовъ торговецъ не можетъ вести своихъ дѣлъ правильнымъ образомъ. Необходимость заставляетъ прибѣгать его къ изворотливости. Значительные торговцы въ другихъ странахъ, противодѣйствующіе такому порядку своимъ примѣромъ и торговымъ вліяніемъ, у насъ почти всегда сами слѣдуютъ той системѣ, какой держатся незначительные торговцы. Если мы сообразимъ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, то не будемъ понапрасну обвинять личный характеръ людей торговаго класса. Мы опять прибѣгнемъ къ сравненію, заимствованному отъ одежды и путешествій. Если вамъ придется въ январѣ мѣсяцѣ ѣхать изъ Казани въ Москву въ обыкновенныхъ нашихъ саняхъ, я не имѣю права предполагать въ васъ недостатка вкуса за то, что вы надѣваете безобразные мѣховые сапоги. Быть можетъ, вы человѣкъ, отличающійся чрезвычайною любовью къ изяществу, во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что вы не хуже моего чувствуете тяжесть мѣховыхъ сапогъ и неудобство ходить въ нихъ. Но что же вамъ дѣлать? Возможно ли вамъ отправляться въ вашу дорогу безъ этихъ неуклюжихъ и тяжелыхъ сапогъ? Я не имѣю даже права осуждать васъ, если вы презрительно посмѣетесь надъ моими выходками противъ вашихъ мѣховыхъ сапогъ. Но лучше не сердитесь на меня, а спокойно отвѣчайте, что когда у васъ будетъ теплый возокъ и медвѣжье одѣяло для ногъ, то вы безъ всякихъ указаній съ моей стороны будете путешествовать зимою въ тѣхъ самыхъ легкихъ, удобныхъ и красивыхъ сапогахъ, которые носите дома.

Купцы, выводимые Щедринымъ, сами указываютъ намъ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ установились привычки ихъ торговли. Мы заимствуемъ изъ ихъ разговоровъ двѣ—три страницы. Палахвостовъ, старикъ, начавшій съ гроша и наторговавшій себѣ большое состояніе, съ нѣкоторою насмѣшкою замѣчаетъ Ижбурдину, человѣку среднихъ лѣтъ, только еще стремящемуся къ цѣли, ужъ достигнутой Палахвостовымъ, что онъ, Ижбурдинъ, мечется во всѣ стороны, хватается за всѣ отрасли торговли, а не торгуетъ однимъ предметомъ, какъ, напримѣръ, хлѣбомъ. Подлѣ этихъ двухъ главныхъ лицъ сидятъ: Сокуровъ, юноша, мечтающій о томъ, какъ онъ будетъ жить на благородную ногу, когда получитъ наслѣдство послѣ старика Сокурова, купца мильонера, и Праздношатающійся, нѣчто въ родѣ фельетониста съ европейскими понятіями обо всемъ, между прочимъ и о торговлѣ. Ижбурдинъ отвѣчаетъ на замѣчаніе Палахвостова указаніемъ невозможности заниматься одною отраслью торговли человѣку, не имѣющему большаго капитала:

„Да куда же я съ однимъ-то предметомъ сунусь! Ноньче, вонъ, пошли вездѣ выдумки—ничего и сообразить-то нельзя. Цѣна-то сегодня полтина, а завтра она рубль; ты думаешь, какъ бы тебѣ польза, анъ выходитъ, что тебѣ же шею наколотятъ; вотъ и торгуй! Теперича, примѣрно, кожевенный товаръ въ ходу, сукно тоже требуется, —

Digitized by Google

ну мы и сукно по малости скупаемъ, и кожи продаемъ: все это нашей совѣсти дѣло-съ. Намеднись, доложу я вамъ, былъ я въ Лежневѣ на ярмаркѣ,—и что-что тамъ коммиссинеровъ наѣхало, ровно звѣздъ небесныхъ: все сапожный товаръ покупать. Конечно-съ ихнее дѣло простое. Казна имъ, примѣрно, хоть рубль отпущаетъ, такъ ему надо, чтобъ у него полтина или тамъ сорокъ копѣекъ пользы осталось. А съ мужикомъ ему дѣло имѣть не сподручно. Этотъ хоть, можетъ, и больше пользы дастъ, да оно не спокойно: неровенъ часъ, слѣдствіе или другая напасть—всѣмъ ротъ-отъ не зажмешь. Опять же и за отчетностью они запутаны; поди да каждаго расписываться заставляй, да урезонивай, чтобы онъ тебѣ, вмѣсто полтины, рубль написалъ. А какъ съ опытнымъ-то дѣло заведешь, оно и шито и крыто; первое дѣло, что хлопотъ никакихъ нѣтъ, а второе, что предательству тутъ быть невозможно, почему, какъ купецъ всякій знаетъ, что за такую механику и ему за одно съ коммиссинеромъ не сдобровать. Эта штука для насъ самая выгодная; тутъ, можно сказать, не токмо что за трудъ, а больше за честь пользу получаешь.

„Сокуровъ (*важничая*). Да; съ казной дѣло имѣть выгоднѣе всего; она, можно сказать, всѣмъ намъ кормилица... (*наливаетъ вино въ бокалы. Къ Праздношатающемуся*). Не прикажете ли, не имѣемъ счастія знать по имени и по отечеству...

„Праздношатающійся. Съ охотою. (*Пьетъ*). А гдѣ вы это, господа, такой здѣсь тенерифъ достаете... отличный! И жжетъ и першитъ... славно! точно водка.

„Ижвурдинъ. Изъ Архангельска-съ; мы тоже и тамотка дѣла имѣемъ-съ.

„Праздношатающійся. (*Къ Сокурову*). Вотъ-съ вы изволили выразиться, что съ казною дѣло имѣть выгодно. Не позволите ли узнать, почему вы такъ заключаете?

„Сокуровъ. Да-съ, это точно-съ, сами изволите знать... казна... выгодно.

„Палахвостовъ. Во то-то, молодецъ! брешешь! выгодно, а почему—объяснить не умѣешь.

„Ижвурдинъ. А вотъ позвольте... вы, вѣрно, коммиссинеръ?

„Праздношатающійся (*обижаясь*). Почему же коммиссіонеръ?... Я просто, для своего удовольствія... Желательно, знаете, этакъ, по торговой части заняться...

„Ижвурдинъ. Такъ вы приказный? Понимаемъ-съ. Это точно, что нонче приказные много насчетъ торговли займуются—капиталы завелись... Такъ вотъ изволите ли видѣть, съ казной потому намъ дѣло имѣть естественнѣе, что тутъ, можно сказать, риску совсѣмъ не бываетъ. Въ срокъ ли, не въ срокъ ли,—казна все инетъ. Конечно-съ, тутъ не безъ расходовъ, да за то и цѣны совсѣмъ другія, не супротивъ обыкновенныхъ-съ. Ну, и опять-таки отъ того для насъ это дѣло сподручно, что принимаютъ тамъ все, можно сказать, по Божески. Намеднись, вонъ я полушубки въ казну ставилъ; только развѣ что кислятиной отъ нихъ пахнетъ, а по прочему и званія-то полушубка нѣтъ—тѣсто тѣстомъ; поди-ка я съ этими полушубками не токмо что къ торговцу хорошему, а на рынокъ—на смѣхъ бы подняли! Ну, а въ казнѣ все изойдетъ, по той причинѣ, что потребленіе тамъ большое. Вотъ тоже случилось мнѣ однажды муку въ казну ставить. Я, было, въ тѣ-поры и барки ужъ нагрузилъ: сплыть бы только, да и вся не долга. Анъ тутъ подвернулся прикащикъ отъ купцовъ заграничныхъ—цѣну даетъ славную. Думалъ я, думалъ, да перекрестившись, и отдалъ весь хлѣбъ прикащику.

„Праздношатающійся. А какже съ казной-то?

„Ижвурдинъ. Съ казной-то? А вотъ какъ: пошелъ я, запродавши хлѣбъ-отъ, къ писарю становаго, такъ онъ мнѣ, за четвертакъ, такое свидѣтельство написалъ, что я даже самъ подивился. И наводненіе, и мелководіе тутъ; только нашествія непріятельскаго не было. (*Всѣ смѣются*). Такъ оно и доподлинно скажешь, что казна матушка всѣмъ намъ кормилица... Это точно-съ. По той причинѣ, что если бъ не казна, куда же бы намъ съ торговлей-то дѣваться? Это все единственно, что деньги въ ломбардъ положить, да и сидѣть самому на печи, сложа руки.

„Праздношатающійся. (*глубокомысленно*). Да, это такъ... недостатокъ предпріимчивости... Это, такъ сказать, болѣзнь русскаго купечества... Это знаете... (*Палахвостовъ улыбается*). Вы смѣетесь? Но скажите, отчего же? Отчего же англичане, напримѣръ, французы...

Digitized by Google

„Ижбурдинъ. А оттого это, батюшка, что на все свой резонъ есть-съ. Положимъ, вотъ хоть я предпріимчивый человѣкъ. Снарядилъ я примѣрно, корабь, или тамъ подрядился къ какому ни на-есть иностранцу выставить столько-то тысячъ кулей муки. Вотъ-съ, и искупилъ я муку, искупилъ дешево—нече сказать, это все въ нашихъ рукахъ—погрузилъ ее въ барки... Ну-съ, а потомъ-то куда жъ я съ ней дѣнусь?

„Праздношатающійся. Какъ куда?

„Ижвурдинъ. Да точно такъ-съ. Позвольте полюбопытствовать, изволили вы по Волгѣ плавать? Нѣтъ-съ? Такъ это точно, что вы на этотъ счетъ сумнѣнье имѣть можете; а вотъ какъ мы въ эвтомъ дѣлѣ, можно сказать, съ младенчества произошли, такъ и знаемъ, какъ это рѣка-съ. Это рѣка, доложу я вамъ, съ позволенія сказать-съ. Сегодня она вонъ здѣсь, а на другой, сударь, годъ, на эвтомъ мѣстѣ ужъ песокъ, и она во-куда побѣгла. Никакъ тутъ и не сообразишь. Тащишься-тащишься этта съ грузомъ-то, индо злость тебя одолѣетъ. До Питера-то изъ нашихъ мѣстъ года въ два не доѣдешь, да и то еще Бога благодари, коли угодники тебя доѣхать допустятъ. А то вотъ не хочешь ли на мели посидѣть, или совсѣмъ затонуть; или вотъ рабочіе у тебя съ барокъ поубѣгутъ—ну, и плати за все въ три-дорога. Какая же тутъ, сударь, цѣна? Могу ли я теперича досконально себя въ эвтакомъ дѣлѣ разсчитать? Что вотъ, молъ, купилъ я по томъ-то, провозъ будетъ стоить столько-то, продамъ по такой-то цѣнѣ? А неустойка? Вѣдь англичанинъ-то не казна-съ; у него нѣтъ этихъ ни мелководій, ни мировыхъ повѣтріевъ; ему вынь да положь. Нѣтъ-съ; наша торговля еще, можно сказать, въ рукахъ Божьихъ находится. Вывезетъ Волга-матушка—ну, и съ капиталомъ; не вывезетъ—зубы на полку клади“.

Если вы не прислушивались внимательно къ откровеннымъ разговорамъ Ижбурдина и его товарищей, вы, пожалуй, предположите, судя по его привычкамъ, что онъ держится своего порядка коммерческихъ оборотовъ по личной наклонности къ такому порядку. Если вы не знакомы съ нимъ ни по какимъ другимъ дѣламъ кромѣ коммерціи, вы можете вообразить, что онъ человѣкъ безъ души и совѣсти. Но когда, узнавъ его поближе, какъ человѣка, вы найдете въ немъ очень много хорошихъ качествъ и еще больше прекрасныхъ зародышей, остающихся неразвитыми и ожидающихъ только благопріятной поры для своего развитія, вы, быть можетъ, посовѣститесь думать о немъ такъ презрительно, какъ привыкли думать. Быть можетъ вы признаетесь, что вы поступили бы подобно ему, если бы находились въ его положеніи; быть можетъ даже, вы сказали бы, что этотъ человѣкъ, каковы бы ни были въ настоящее время его коммерческіе обороты, не только человѣкъ положительно добрый въ душѣ, но и способный совершенно переродиться.

А быть можетъ, вы человѣкъ, привыкшій осуждать и хвалить поступки людей, не принимая въ соображеніе силу обстоятельствъ, при которыхъ невозможно образоваться въ обществѣ благороднымъ привычкамъ, или не возможно отстать отъ дурныхъ привычекъ. Въ такомъ случаѣ вы прямо назовите пустяками мнѣніе, высказанное нами. На такой рѣшительный приговоръ позвольте отвѣчать вамъ разсказомъ о дѣйствительномъ случаѣ. Разсказъ этотъ умѣстенъ здѣсь. Онъ познакомитъ читателей съ чертою изъ жизни человѣка, всѣ силы котораго были посвящены благу его родины.

Дмитрій Ивановичъ Мейеръ, скончавшійся въ Петербургѣ въ началѣ прошлаго года, профессоромъ здѣшняго Университета, около десяти лѣтъ занималъ каѳедру гражданскихъ законовъ въ Казанскомъ Университетѣ. Постоянною мыслію его было улучшеніе нашего юридическаго быта силою

Digitized by Google

знанія и чести. Здѣсь не мѣсто говорить о его трудахъ по званію профессора, о его чрезвычайно сильномъ благотворномъ вліяніи на слушателей, которые всѣ на всю жизнь сохранили благоговѣніе къ его памяти. Цѣль нашего разсказа требуетъ только замѣтить, что задушевнымъ его стремленіемъ было соединеніе юридической науки съ юридической практикой. Онъ устроилъ при своихъ лекціяхъ въ Университетѣ консультаціи и самъ занимался веденіемъ судебныхъ дѣлъ, разумѣется, безъ всякаго вознагражденія (это былъ человѣкъ героическаго самоотверженія), съ цѣлью показать своимъ воспитанникамъ на практикѣ, какъ надобно вести судебныя дѣла. Одно изъ такихъ дѣлъ и будетъ предметомъ нашего разсказа.

Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Мейеръ, былъ купецъ, разъ или два съ большою пользою для себя совершавшій продѣлку, на которую рѣшается Большаковъ (въ комедіи г. Островскаго). Пріобрѣтя опытность въ этомъ выгодномъ упражненіи, онъ вздумалъ еще разъ объявить себя банкротомъ и предложилъ своимъ кредиторамъ получить по пяти или по десяти копѣекъ за рубль. Прежнія продѣлки такого рода удачно сходили ему съ рукъ. Никто не могъ или не хотѣлъ уличить его въ злостномъ банкротствѣ. Онъ думалъ, что и теперь дѣло кончится по прежнимъ примѣрамъ. Но Мейеръ сказалъ кредиторамъ, что готовъ взять на себя управленіе дѣлами конкурса. Вице-губернаторомъ былъ тогда человѣкъ благонамѣренный, и Мейеръ могъ вести дѣло строгимъ законнымъ порядкомъ. Долгаго времени, большого труда стоило ему привести въ порядокъ счеты торговца, веденные, по общему обычаю, безалабернымъ образомъ и, сверхъ того, умышленно запутанные и наполненные фальшивыми цифрами. Всѣ средства подкупа, обмана и промедленія были употреблены должникомъ и его партизанами. Все напрасно. Мейера нельзя было ни запугать, ни обольстить, ни обмануть. Онъ сидѣлъ надъ счетными книгами и записками и, наконецъ, привелъ дѣло въ ясность. Онъ доказалъ злостность банкротства, и банкротъ былъ арестованъ. Мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ въ извѣстныхъ переговорахъ между банкротомъ и его партизанами. Всѣ ихъ усилія оказывались напрасными. Банкротъ сидѣлъ подъ арестомъ, Мейеръ былъ непоколебимъ. Такъ прошло около года. Наконецъ банкротъ убѣдился, что не можетъ ни обольстить Мейера, ни пересилить его. Онъ заплатилъ долги своимъ кредиторамъ, и былъ выпущенъ изъ-подъ ареста. И прямо изъ-подъ ареста явился въ квартиру Мейера. Какъ вы думаете, съ какими словами? „Благодарю тебя, уважаю тебя“, сказалъ онъ своему бывшему сопернику: „на твоемъ примѣрѣ увидѣлъ я, что значитъ быть честнымъ. Черезъ тебя я узналъ, что я поступалъ дурно. У насъ такъ принято дѣлать, какъ дѣлалъ я. Ты мнѣ раскрылъ глаза. Теперь я понимаю, что дурно и что хорошо. Изъ всѣхъ людей, съ которыми имѣлъ я дѣло, я вѣрю тебѣ одному. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ я буду слушаться тебя, а ты не оставь меня своимъ совѣтомъ“.

Фактъ, нами разсказанный, могутъ засвидѣтельствовать всѣ, жившіе тогда въ томъ городѣ, гдѣ находился Мейеръ и производилось дѣло. Обратите же вниманіе на этого банкрота, вы, которые не вѣрите въ коренное благородство, во врожденную любовь и уваженіе къ правдѣ въ душахъ, повидимому, самыхъ загрубѣлыхъ и испорченныхъ. Въ лицѣ этого банкрота сое-

Digitized by Google

динены были всѣ тѣ признаки, которыми можетъ доказываться совершенная испорченность сердца, совершенная неспособность виновнаго обновиться для честной жизни; соединились всѣ обстоятельства и побужденія, которыя могутъ сдѣлать признаніе правды противнымъ самолюбію и эгоизму человѣка. Злостное банкротство есть одно изъ тѣхъ преступленій, которыя требуютъ наибольшей ожесточенности сердца. Оно совершается не въ минуту гнѣва или увлеченія, оно совершается хладнокровно, обдуманно. Обдуманная рѣшимость погубить многихъ людей должна господствовать въ сердцѣ преступника не нѣсколько часовъ или дней, а цѣлые мѣсяцы, быть можетъ, цѣлые годы; потому что для исполненія его преступной мысли нужно ему очень долго хлопотать, чтобы, съ одной стороны, получить всѣ деньги отъ своихъ должниковъ, съ другой стороны—задолжать, какъ можно болѣе, своимъ кредиторамъ и, не роняя своего кредита, значительно уменьшить наличный запасъ товаровъ въ своихъ магазинахъ. Привести къ желаемому концу эти различныя операціи, изъ которыхъ одна препятствуетъ другой, очень затруднительно для торговца. Наконецъ, когда цѣль достигнута, когда въ магазинахъ нѣтъ товаровъ, когда получены всѣ деньги съ должниковъ и роздано множество векселей, начинаются новыя, труднѣйшія испытанія, противъ которыхъ устоитъ только самая черствая душа. Преступникъ объявляетъ себя банкротомъ, и съ этой минуты каждый день долженъ выдерживать самыя возмутительныя сцены. Къ нему являются люди, имъ разоряемые, они плачутъ передъ нимъ, умоляютъ его, осыпаютъ его проклятіями,—онъ долженъ оставаться хладнокровнымъ и непоколебимымъ въ своей рѣшимости. Самый закоснѣлый разбойникъ, совершившій десятки убійствъ, содрогается сердцемъ отъ мольбы своихъ жертвъ и говоритъ, что если бы сцена убійства не была дѣломъ минуты, онъ не могъ бы выдержать ее. Для банкрота подобныя сцены непрерывно тянутся въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ, и онъ непреклонно выдерживаетъ свой характеръ. Въ этомъ страшномъ дѣлѣ нашъ банкротъ былъ не новичокъ. Не въ первый разъ занялся онъ имъ, когда встрѣтилъ противникомъ себѣ Мейера. Возвысить такого человѣка до любви къ справедливости и добру было, кажется, дѣломъ гораздо болѣе неправдоподобнымъ, нежели обратить шайку разбойниковъ въ героевъ добродѣтели. И въ чьемъ лицѣ приходилось этому банкроту полюбить справедливость и доброту? Въ лицѣ того человѣка, котораго изъ всѣхъ людей въ мірѣ онъ долженъ наиболѣе ненавидѣть. Нашъ банкротъ считалъ себя непобѣдимымъ хитрецомъ—Мейеръ, раскрывъ всѣ его уловки, жесточайшимъ образомъ оскорбилъ его самолюбіе; Мейеръ разорилъ его, надолго лишилъ его свободы, подвергъ жестокимъ страданіямъ продолжительнаго ареста—и этого жесточайшаго гонителя и врага своего долженъ былъ полюбить человѣкъ съ закоснѣлою душею, имъ оскорбленный, разоренный, измученный. Дѣло совершенно неправдоподобное для тѣхъ поверхностныхъ наблюдателей, которые не знаютъ, какъ много остатковъ и зародышей добра и благородства таится въ душѣ самаго дурнаго изъ дурныхъ людей, которые забываютъ, что самый закоснѣлый злодѣй все-таки человѣкъ, т. е. существо, по натурѣ своей, наклонное уважать и любить правду и добро и гнушаться всѣмъ дурнымъ, существо, могущее нарушать законы

Digitized by Google

добра и правды только по незнанію, заблужденію или по вліянію обстоятельствъ сильнѣйшихъ, нежели его характеръ и разумъ, но никогда не могущее, добровольно и свободно, предпочесть зло добру. Отстраните пагубныя обстоятельства, и быстро просвѣтлѣетъ умъ человѣка и облагородится его характеръ.

Такіе люди, какъ Мейеръ, составляютъ рѣдкое исключеніе во всякомъ обществѣ въ каждое время. Ихъ примѣръ, конечно, самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствуетъ на каждаго, кто вступаетъ въ близкія отношенія съ ними. Сила ихъ личности такова, что для человѣка, вовлеченнаго въ сферу ея дѣйствія, уравновѣшивается, часто даже превозмогается вліяніемъ ея вліяніе всѣхъ другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ въ противномъ направленіи. Но число баярдовъ, людей „безъ страха и упрека", какъ Мейеръ, всегда и вездѣ было такъ не велико, что сила ихъ личнаго вліянія могла отражаться лишь на незначительной части общества, которому они принадлежали. Примѣръ жизни отдѣльнаго героя добродѣтели увлекаетъ лишь нѣсколькихъ отдѣльныхъ людей, но не цѣлыя общества. Напрасно успокоивать себя мечтою: пусть явятся добродѣтельные люди, и примѣръ ихъ исправитъ общество. Въ исторіи обществъ примѣръ не можетъ имѣть такой силы. Онъ важенъ, если указываетъ практическій способъ достичь цѣли, которой и безъ того каждому хотѣлось уже достигнуть, имѣя на то средства. Васко-де-Гама обогнулъ мысъ Доброй-Надежды, и тысячи кораблей устремились вслѣдъ за нимъ. Но это потому только, что уже и безъ Васко-де-Гамы, и прежде него всѣмъ хотѣлось доходить моремъ до Индіи, а корабли были уже готовы. Но никогда въ исторіи не можетъ имѣть примѣръ такой силы, чтобы имъ устранялось дѣйствіе закона причинности, по которому нравы народа сообразуются съ обстановкою народной жизни. Десятки тысячъ гордыхъ своимъ достоинствомъ и дѣятельныхъ англичанъ живутъ въ Индіи среди народа, обстоятельства жизни котораго сложились такъ, что главными чертами нравовъ его стала низость и лѣность. Обстоятельства эти до сихъ поръ не устранены и, какъ видимъ, индѣйцы по прежнему остаются низки и лѣнивы, хотя имѣютъ передъ глазами множество примѣровъ противныхъ качествъ въ англичанахъ. Но пусть англичане позаботятся объ отстраненіи тѣхъ фактовъ, вліяніемъ которыхъ развратились и унизились индѣйцы: тогда не много нужно будетъ лѣтъ для того, чтобы воскресли въ индѣйскомъ народѣ трудолюбіе, уваженіе передъ закономъ, любовь къ справедливости и чувство человѣческаго достоинства.

Но оставимъ Остъ-Индію и англичанъ. Пусть они воображаютъ, что лучшее средство имъ утвердиться въ Остъ-Индіи не пріобрѣтеніе преданности отъ индѣйцевъ, а пріобрѣтеніе Герата и Кандагара. Пусть они забываютъ, что если Великобританія съ своими тридцатью мильонами населенія не опасается никакого иноземнаго нашествія, то Индія съ своими полутораста мильонами населенія не нуждалась бы, конечно, ни въ какихъ Гератахъ, если бы признавала пользу защищать учрежденія, которыми была бы обязана англичанамъ. Это дѣло однихъ предположеній, которыя мы сами готовы назвать праздными. И какое намъ дѣло до всѣхъ этихъ азіятцевъ? Пусть себѣ лѣнятся. У нихъ такой благодатный климатъ, что имъ очень

Digitized by Google

можно лѣниться. Если бы, напримѣръ, г. Буеракинъ жилъ въ Остъ-Индіи, его нравы чрезвычайно хорошо пришлись бы къ тропическому климату, и мы не сказали бы ни слова противъ его образа жизни. Онъ мечтаетъ. Это было бы очень удобно и прилично на берегахъ Нербудды, подъ тѣнью банановъ. Но мы думаемъ, что ему очень скучно мечтать въ селѣ Заовражьѣ, и что, раньше или позже, соскучившись мечтать, онъ, подобно Ижбурдину и Подъячему прошлыхъ временъ, вздумаетъ заняться дѣломъ. Конечно, онъ будетъ поступать не такъ, какъ эти невѣжды. Онъ человѣкъ благородный и просвѣщенный. Онъ захочетъ перенести въ жизнь свои гуманныя убѣжденія. О людяхъ съ гуманными убѣжденіями существуетъ у насъ повѣрье, будто они люди вовсе не практическіе и, принявшись за дѣло, сочинятъ такую путаницу, что для замѣшаннаго въ нее народа будетъ тяжелѣе, нежели когда бы попался онъ въ руки Подъячему прошлыхъ временъ или даже самому Ивану Петровичу. Въ литературѣ было очень много заслуженныхъ насмѣшекъ надъ такими людьми; и Щедринъ, подобно другимъ нашимъ старикамъ, очень строго и справедливо уличаетъ представителя непрактическихъ людей съ возвышенными стремленіями въ очеркѣ „Неумѣлые". Но Буеракинъ не таковъ. Онъ человѣкъ проницательный. Если онъ захочетъ взяться за дѣло, онъ съумѣетъ повести дѣло, какъ нужно по его мнѣнію.

До сихъ поръ мы очень мало касались воззрѣній самого Щедрина на людей, имъ изображаемыхъ. Типы и факты, о которыхъ мы говорили, такъ просты, что между порядочными людьми не можетъ быть никакого личнаго различія въ понятіяхъ о нихъ. Никто не станетъ восхищаться Подъячимъ прошлыхъ временъ и Ижбурдинымъ съ товарищами. Но на людей, подобныхъ Буеракину, можно смотрѣть различно. Слова его гуманны. Людямъ, зависящимъ отъ него, приходится жить очень плохо. Очень многіе, не колеблясь, скажутъ, что онъ человѣкъ дурной, говорящій одно, дѣлающій другое, лжецъ и лицемѣръ. Мнѣніе очень натуральное. Но Щедринъ не раздѣляетъ его, и въ томъ надобно видѣть одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ рѣдкаго знанія жизни и умѣнья цѣнить людей. У Щедрина Буеракинъ вовсе не лицемѣръ. Онъ не только говоритъ о благѣ общемъ, онъ дѣйствительно желаетъ его, на сколько понимаетъ. Скажемъ больше: въ томъ кругу жизни, который зависитъ отъ него, онъ приводитъ въ исполненіе тѣ мысли, которыя кажутся ему справедливыми. Справедливо самъ Буеракинъ называетъ себя человѣкомъ отмѣнно добрымъ. Весь тонъ разсказа свидѣтельствуетъ, что Щедринъ раздѣляетъ это мнѣніе. Какъ честный докладчикъ, Щедринъ нимало не скрывалъ тѣхъ дурныхъ вещей, которыя допускаются или даже дѣлаются Буеракиными. Объ этихъ вещахъ говоритъ онъ съ справедливымъ негодованіемъ, и, однако же, все таки видно, что онъ расположенъ къ Буеракину, хотя за многое строго осуждаетъ его. Щедринъ не могъ бы имѣть „добрымъ пріятелемъ" человѣка дурнаго.

Какимъ же образомъ человѣкъ добрый и хорошій, человѣкъ съ очень просвѣщеннымъ образомъ мыслей и проницательнымъ умомъ можетъ дозволять дѣлать такія дурныя вещи, какъ Буеракинъ? Многіе скажутъ: это потому, что онъ человѣкъ безхарактерный, слабый, излѣнившійся. Самъ Буеракинъ отчасти намекаетъ на такое объясненіе, конечно выгоднѣйшее для

Digitized by Google

его добраго имени. Онъ, видите ли, представляетъ себя чѣмъ-то въ родѣ Гамлета, человѣка сильнаго только въ безплодной рефлексіи, но слабаго на дѣло, по причинѣ отсутствія воли. Это ужъ не первый Гамлетъ является въ нашей литературѣ,—одинъ изъ нихъ даже такъ и назвалъ себя прямо по имени „Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда"; а нашъ Буеракинъ, по всему видно, хочетъ быть „Гамлетомъ Крутогорской губерніи". Видно, не мало у насъ Гамлетовъ въ обществѣ, когда они такъ часто являются въ литературѣ,— въ рѣдкой повѣсти вы не встрѣтите одного изъ нихъ, если только повѣсть касается жизни людей съ такъ называемыми благородными убѣжденіями.

Однакожь мы не остановимся на одномъ прозваніи такихъ людей; намъ мало имени, мы хотимъ знать дѣло,—мы хотимъ знать, почему Гамлетъ— Гамлетъ, то есть человѣкъ, при всѣхъ прекрасныхъ качествахъ своей души дѣлающійся мученіемъ для самого себя и причиною погибели для тѣхъ, судьба которыхъ отъ него зависитъ, и которымъ онъ очень искренно желаетъ добра,—напримѣръ, причиною погибели Офеліи и Лаэрта. Одною слабостью характера при силѣ ума, наклоннаго къ рефлексіи, этого дѣла не объяснишь: мало ли людей съ слабымъ характеромъ, сильнымъ умомъ и наклонностью къ рефлексіи, проживаютъ свой вѣкъ очень счастливо для себя и для близкихъ къ себѣ? Есть тутъ другое обстоятельство: Гамлетъ находится въ фальшивомъ или, проще сказать, ненатуральномъ положеніи. Онъ, какъ сынъ, долженъ былъ бы любить свою мать, и однакоже долженъ ненавидѣть ее, какъ убійцу своего отца. Онъ искренно и очень горячо любитъ Офелію—и однакоже не считаетъ приличнымъ для себя жениться на ней. Положеніе обоихъ дѣлъ такъ противоестественно, что можетъ надѣлать чепухи въ головѣ человѣка и не имѣющаго наклонности къ рефлексіи, можетъ вывести къ поступкамъ нелѣпо непослѣдовательнымъ и пагубнымъ для него самого и для другихъ даже такого человѣка, который не отличается особенною слабостью воли. Только немногіе негодяи, одаренные очень рѣдкою безсовѣстностью, или еще менѣе многочисленные счастливцы, одаренные желѣзнымъ стоицизмомъ, могли бы поступать благоразумно и быть счастливы на мѣстѣ Гамлета. Изъ ста человѣкъ девяносто-девять, будучи въ его положеніи, точно также мучились бы, надѣлали бы точно такихъ же бѣдъ и себѣ и другимъ. Различіе темпераментовъ относительно такихъ дѣлъ имѣетъ мало важности. Въ томъ и заключается всемірное значеніе драмы Шекспира, что въ Гамлетѣ вы видите самихъ себя въ данномъ положеніи, каковъ бы ни былъ вашъ темпераментъ.

Взглянемъ же съ этой точки зрѣнія на нашего Буеракина. Оставимъ на время психологическія особенности его характера.—Всмотримся только въ его положеніе, и для васъ будетъ ясно, почему онъ, говоря такъ хорошо, поступаетъ такъ дурно. Отношенія его къ людямъ, судьба которыхъ отъ него зависитъ, также не натуральны, какъ отношенія Гамлета къ Офеліи. Любить женщину и не желать назвать ее своею женою, желать добра людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ брать у нихъ необходимое имъ, для удовлетворенія своимъ прихотямъ,—которое изъ этихъ двухъ положеній кажется вамъ менѣе противоестественно, менѣе фальшиво? На наши глаза оба они равно не натуральны, равно дурны.

Digitized by Google

Многіе обвиняютъ Буеракина въ невѣрности своимъ убѣжденіямъ; быть можетъ, и вы, читатель, назвали его лицемѣромъ? Въ такомъ случаѣ вы высказались неосторожно и неосновательно. Измѣна убѣжденіямъ! Мизантропы говорятъ, что это нравственное преступленіе совершается людьми гораздо рѣже, нежели какъ кажется; что человѣкъ, сознательно измѣняющій своимъ основнымъ убѣжденіямъ, человѣкъ, у котораго мысль раздвоилась съ желаніемъ, такое же рѣдкое явленіе, какъ человѣкъ, у котораго правая половина лица не похожа на лѣвую. Берне, — кажется, онъ не слишкомъ высоко думалъ о людяхъ и достаточно бранилъ ихъ, — Берне прямо говоритъ, что едва ли когда нибудь хотя одинъ человѣкъ измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. Едва ли не придется согласиться съ Берне, если только не будешь обольщаться общими фразами, принимающими различные оттѣнки смысла въ различныхъ устахъ, и станешь внимательно присматриваться къ самому содержанію убѣжденій. Часто самъ человѣкъ не замѣчаетъ истиннаго содержанія своихъ убѣжденій, воображаетъ, что онъ думаетъ вовсе не то, что въ самомъ дѣлѣ онъ думаетъ,—вотъ хотя бы напримѣръ Буеракинъ. Онъ отъ искренней души называетъ себя „негоднымъ“ человѣкомъ, т. е. негоднымъ для жизни и для принесенія пользы ближнему, и воображаетъ, что въ самомъ дѣлѣ считаетъ себя человѣкомъ негоднымъ. А на самомъ дѣлѣ неужели таково его убѣжденіе о себѣ? Постороннему человѣку это виднѣе, нежели ему самому. Послушайте только, что онъ отвѣчаетъ черезъ сколько строкъ Щедрину на вопросъ о его лѣности и бездѣйствіи. Щедринъ говоритъ:—вы ничего не дѣлаете и воображаете, что ничего полезнаго нельзя сдѣлать.

„—Угадали, говоритъ Буеракинъ:—угадали. Но отъ васъ ускользнули нѣкоторыя подробности, которыя я и постараюсь объяснить вамъ. Первое дѣло, которымъ я занимаюсь,—это мое искреннее желаніе быть благодѣтельнымъ помѣщикомъ. Это дѣло трудное, и я достигаю достаточно удовлетворительныхъ результатовъ, коль скоро могу можно менѣе вмѣшиваюсь въ дѣла управленія. Вы однакожъ не думайте, чтобъ я поступалъ такимъ образомъ изъ безпечности или преступной лѣности. Нѣтъ, у меня есть глубокое убѣжденіе въ совершенной ненужности вмѣшательства, что и управляющій мой дѣйствуетъ только для вида, для очистки совѣсти, чтобъ не сказали, что овцы безъ пастыря ходятъ... Поняли вы меня“?

„—Ну, тутъ еще не много работы“...

„— Больше, нежели вы предполагаете“...

Конечно въ этомъ монологѣ есть оттѣнокъ ироніи, но подъ ироніею чувствуется положительно доброе мнѣніе о своей дѣятельности. Да и каковъ смыслъ самой ироніи? Онъ очень ясенъ. „Правда, я дѣлаю кое-что хорошаго, но столько ли еще хорошаго способенъ былъ бы я сдѣлать, еслибъ мнѣ было мнѣ болѣе обширное поприще дѣятельности!“ — „А какъ же онъ назвалъ себя, за минуту, называлъ „негоднымъ“ человѣкомъ? — Это ничего. Когда человѣкъ, не переводя духа, говоритъ о себѣ: „Правда я дрянь, но зато я хорошій человѣкъ“—въ этой фразѣ нѣтъ нисколько противорѣчія. Не много нужно проницательности, чтобы видѣть, какое именно слово изъ повидимому, противорѣчивой фразы положительно выражаетъ мнѣніе говорящаго. Это слово:—„я хорошій человѣкъ“. Предъидущая половина фразы нисколько ему не противорѣчитъ; напротивъ, она только усиливаетъ его зна-

Digitized by Google

ченіе, имѣя такой смыслъ: „Нынѣ обстоятельства не даютъ обнаружиться моему превосходству во всемъ его объемѣ. Я не могу дѣлать ничего достойнаго моихъ великихъ качествъ. Теперь вы смотрите на меня, какъ на человѣка замѣчательнаго: но какъ вы удивились бы моей геніальности и моему благородству, если бы обстоятельства когда нибудь позволили проявиться всему богатству моей натуры!“ Въ сущности Буеракинъ вовсе не считаетъ себя человѣкомъ не дѣятельнымъ и безполезнымъ. Напротивъ, мысль о противорѣчіи его поступковъ его убѣжденіямъ не приходитъ ему и въ голову. Напротивъ, онъ гордится своимъ образомъ дѣйствій, какъ совершенно сообразнымъ съ его убѣжденіями. Приведенная нами выписка убѣдитъ каждаго, что наружность лѣнивца дѣйствительно не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ дѣятельнымъ. Внимательное разсмотрѣніе его убѣжденій докажетъ, что какова бы ни была его дѣятельность, но она сообразна съ его убѣжденіями.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе человѣка имѣетъ рѣшительное вліяніе на характеръ его убѣжденій. Чрезъ всю исторію можно прослѣдить тотъ неизмѣнный фактъ, что при переходѣ человѣка изъ наблюдательнаго, теоретическаго положенія къ практической дѣятельности, онъ обыкновенно очень во многомъ начиналъ слѣдовать примѣру своихъ предмѣстниковъ въ этомъ практическомъ положеніи, хотя прежде осуждалъ ихъ образъ дѣйствій. Односторонніе и поверхностные теоретики называютъ это недобросовѣстностью. Но фактъ, столь всеобщій, не можетъ зависѣть отъ личныхъ слабостей или пороковъ отдѣльныхъ людей. Онъ долженъ необходимо имѣть какія нибудь основанія въ самой необходимости вещей. Дѣло въ томъ, что съ каждой новой точки зрѣнія перспектива измѣняется. Какому нибудь французскому публицисту очень легко было осуждать англійскихъ министровъ за то, что они, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вели войну съ Китаемъ для поддержанія торговли опіумомъ. Съ своей точки зрѣнія публицистъ былъ правъ. Но еслибъ ему самому случилось сдѣлаться англійскимъ министромъ, онъ, по всей вѣроятности, продолжалъ бы войну за опіумъ, которую прежде такъ строго осуждалъ. Онъ сказалъ бы: „конечно, торговля опіумомъ безнравственна, но она уже существуетъ и не можетъ быть искоренена моими усиліями, потому что сами китайцы ее хотятъ поддерживать. Еслибъ англичане перестали продавать китайцамъ опіумъ, китайцы нашли бы себѣ другихъ продавцевъ—американцевъ, французовъ, португальцевъ. При томъ же, честь англійскаго флага была оскорблена китайцами. Этого нельзя оставить безъ наказанія. Наконецъ, война ведется вовсе не за опіумъ, а за то, что китайцы нарушили договоры, съ нами заключенные“. И опять, съ своей точки зрѣнія, этотъ человѣкъ былъ бы правъ. Добросовѣстность его въ обоихъ случаяхъ одинакова, различенъ только его взглядъ на вещи, и различіе этого взгляда зависитъ отъ разности положеній. Въ первомъ случаѣ, какъ французскій публицистъ, онъ не имѣлъ ни охоты, ни нужды принимать особенно близко къ сердцу частные интересы Англіи. Онъ рѣшалъ дѣло единственно на основаніи идеи справедливости. Во второмъ случаѣ, какъ англійскій министръ, онъ долженъ заботиться объ этихъ интересахъ. Если они не близки къ его сердцу, тогда именно онъ былъ бы человѣкомъ недобросовѣстнымъ и дурнымъ. Его прежніе товарищи, французскіе журналисты, скажутъ: „онъ измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ“! Онъ будетъ

Digitized by Google

отвѣчать имъ: „Не мало не измѣнялъ. По прежнему я думаю, что справедливость выше всего. Но, вы согласитесь, справедливость требуетъ, чтобы англійскій министръ принималъ въ соображеніе интересы Англіи. Торговля опіумомъ несправедлива. Но нелѣпо было бы англичанамъ передать эту торговлю въ руки своихъ соперниковъ. Если бы она могла быть прекращена, мы отказались бы отъ нея. Но прекратиться она не можетъ. Ее поддерживаютъ сами китайцы. Они повсюду ищутъ опіума. Или вы хотите, чтобы мы завоевали Китай для истребленія въ китайцахъ насильственными мѣрами привычки къ куренію опіума? Завоеванія Китая нами было бы единственнымъ средствомъ прекратить торговлю опіумомъ. Видите ли, въ какое противорѣчіе вы впадаете? Для прекращенія нашей войны съ Китаемъ вы требуете, чтобы мы завоевали Китай. Вы не хотите понимать настоящаго положенія дѣлъ и требуете вещей несообразныхъ и невозможныхъ,—вещей болѣе несправедливыхъ, нежели самая война за опіумъ. Прежде я, подобно вамъ, не зналъ фактовъ, судилъ по отвлеченной теоріи. Я ни мало не измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Справедливость выше всего. Но въ чемъ же справедливость?—вотъ вопросъ. Чтобы разрѣшить его, нужно знать факты. Прежде я, подобно вамъ, не зналъ ихъ; теперь знаю. Вотъ вся разница между вами и мною“. Съ своей точки зрѣнія, онъ будетъ совершенно правъ.

Итакъ, два различныя положенія необходимо ведутъ къ двумъ различнымъ взглядамъ на вещи. Съ измѣненіемъ положенія человѣка измѣняется его точка зрѣнія, измѣняется и характеръ его убѣжденій. Но къ чему намъ говорить объ Англіи и англичанахъ? Иной можетъ сказать, что въ наше время люди дурны, что въ наше время нѣтъ твердости убѣжденій. Лучше мы сошлемся на другой примѣръ, заимствуемый изъ міра непоколебимыхъ убѣжденій и непреклонныхъ характеровъ, изъ міра Римскаго. Лѣтъ тысячи за двѣ до нашего времени Цицеронъ надѣлалъ страшнаго шума, нападая на гнусные, по его мнѣнію, поступки Верреса въ Сициліи. Страшно дурнымъ человѣкомъ выставилъ онъ несчастнаго Верреса: нарушителемъ всѣхъ законовъ, нарушителемъ всякой правды и совѣсти, грабителемъ, убійцей и т. д., и т. д. По словамъ Цицерона, оказывалось, что никогда еще въ мірѣ не бывало негодяя и злодѣя, подобнаго Верресу. Верресъ струсилъ и бѣжалъ изъ Рима, не защищаясь. Совершенно напрасно. Почему бы ему не защищаться? Развѣ не было у него оправданій? Онъ могъ бы сказать Цицерону, напримѣръ, слѣдующее: „Мой другъ! вы не были пропреторомъ въ Сициліи. Вы не знаете этихъ людей. Войдите въ мое положеніе. Я желалъ бы знать, что вы сами стали бы дѣлать на моемъ мѣстѣ? Вы говорите объ уваженіи къ законамъ. Я самъ уважаю ихъ не меньше, нежели вы. Я былъ въ Римѣ Praetor Urbanus. Скажите, нарушалъ ли я тогда законы? Допускалъ ли я подкупъ и клятвопреступленіе въ судѣ? Нѣтъ. Вы этого не можете сказать. Вы видите, въ городѣ, гдѣ возможно правосудіе и законность, я строго держался этихъ священныхъ принциповъ. Но знаете ли вы Сицилію?—Въ этой странѣ нѣтъ понятія о честности, о законности. Если бы вы, мой другъ, вздумали тамъ рѣшать какую нибудь тяжбу по римскимъ законамъ, говорящимъ, что приговоръ долженъ быть основанъ на документахъ и на показа-

Digitized by Google

ніяхъ свидѣтелей, вы, мой другъ, ни одного дѣла не рѣшили бы справедливо: вамъ представили бы фальшивые документы, облеченные въ строго-легальную форму; вамъ представили бы ложныхъ свидѣтелей, показанія которыхъ были бы неопровержимы по правиламъ легальности; знаете ли вы, мой другъ, что въ Сициліи за какіе нибудь десять сестерціевъ составятъ вамъ какой угодно фальшивый документъ, что вы на рынкѣ найдете тысячи людей, готовыхъ дать какое угодно показаніе въ вашу пользу за пять сестерціевъ? Пропреторъ Сициліи имѣетъ подчиненныхъ ему судей и администраторовъ—всѣ они продажные плуты; вы можете сколько угодно смѣнять и наказывать этихъ людей,—преемники ихъ будутъ точно таковы же. Таковы, mon cher (какъ говорятъ въ Галліи), нравы сициліанцевъ. Васъ обманывали бы на каждомъ шагу. Если бы вы возстановили противъ себя этихъ людей, васъ поймали бы въ такую ловушку, что вы лишились бы и своего пропреторства и головы. Теперь вы обвиняете меня въ административныхъ злоупотребленіяхъ—наказаніемъ можетъ мнѣ за то служить только изгнаніе изъ вашего города Рима (въ которомъ я и жить не хочу — мнѣ гораздо пріятнѣе жить въ Аѳинахъ, между образованными людьми, нежели въ вашемъ полудикомъ Римѣ)—а если бы я возстановилъ противъ себя людей, съ которыми я имѣлъ дѣло въ Сициліи, этихъ взяточниковъ и плутовъ, они обвиняли бы меня въ измѣнѣ Риму, и я, mon cher, рисковалъ бы головою. И какой полезной цѣли я достигъ бы, возстановляя противъ себя всѣхъ и каждаго въ Сициліи? Неужели мнѣ удалось бы въ самомъ дѣлѣ водворить вашу законность и справедливость? Знакомы ли вы, mon cher, съ иберійцемъ Сервантесомъ? Вы хотите, чтобы я разыгрывалъ въ Сициліи роль Донъ-Кихота. Carissime! глупо сражаться съ вѣтряными мельницами. Повѣрьте: не намъ съ вами остановить могущественное дѣйствіе крыльевъ, движимыхъ силами стихій. Благоразумному человѣку лучше всего быть мельникомъ, и брать за свой трудъ по горсти отъ медимна, доставляемаго на обработку въ его мельницы".

Мы не знаемъ, что могъ бы отвѣчать Цицеронъ на эти возраженія? Юлій Цезарь, конечно, не смутился бы ими. Онъ просто сказалъ бы: „Надобно съ Сициліей поступить такъ, какъ я поступилъ съ Транспаданскою Галліею. Я далъ жителямъ ея право римскаго гражданства. Теперь траспаданцы управляются собственными сановниками. Нѣтъ у нихъ ни пропреторовъ, ни тѣхъ порядковъ или безпорядковъ, которые существовали до моего времени". Но Цицеронъ былъ врагъ Юлія Цезаря и его благотворныхъ для римскаго государства дѣйствій. Онъ осуждалъ Юлія Цезаря, какъ врага римской республики; онъ старался запутать Юлія Цезаря въ дѣло Катилины. Онъ хотѣлъ задушить Юлія Цезаря рукою палача, какъ задушилъ Лентула. Онъ не могъ бы согласиться съ мнѣніемъ Юлія Цезаря о дѣлѣ Верреса и сициліанцевъ.

Вотъ, въ этомъ дѣлѣ мы имѣемъ трехъ людей, занимающихъ различныя положенія. Верресъ—пропреторъ, Цицеронъ—юристъ, очень благонамѣренный, но ровно ничего не понимающій въ историческомъ ходѣ событій своего времени; Юлій Цезарь—государственный человѣкъ. Сообразно различію своихъ положеній, каждый изъ нихъ смотритъ на дѣло совершенно различными

Digitized by Google

глазами. Верресъ думаетъ: „Сициліанцами нельзя управлять съ соблюденіемъ законности и справедливости. Но между тѣмъ, нужно же какъ нибудь управлять ими. Я поставленъ въ необходимость управлять ими такъ, какъ я управляю". У него исходный пунктъ—нравы сициліанцевъ. Цицеронъ говоритъ: „Законы должны быть уважаемы. Кто нарушаетъ ихъ, тотъ злодѣй, и долженъ быть наказанъ. Ты, Верресъ, нарушалъ законы, ты злодѣй, и долженъ быть наказанъ". У него исходная точка — буква закона. Обстоятельствъ онъ не принимаетъ въ соображеніе. Съ своей точки зрѣнія каждый изъ нихъ правъ. Но и тотъ и другой поставлены своимъ положеніемъ на одностороннюю точку зрѣнія. И оба, могущіе быть равно добросовѣстными, равно гибельные люди для Сициліи. Верресъ управляетъ Сициліею беззаконно, но думаетъ, что иначе управлять ею нельзя. Цицеронъ хочетъ, чтобы Сицилія управлялась по законамъ, но не понимаетъ, что это невозможно при томъ состояніи и на тѣхъ условіяхъ, въ какихъ поручена Сицилія Верресу. Но есть третья точка зрѣнія, принадлежащая Юлію Цезарю, государственному человѣку, положеніе котораго внушаетъ ему принимать въ соображеніе какъ требованія легальности, которыми исключительно занятъ юристъ Цицеронъ, такъ и обстоятельства дѣлъ, которыми исключительно занятъ администраторъ Верресъ. Юлій Цезарь говоритъ: „Въ настоящемъ положеніи дѣлъ Сициліею нельзя управлять законно и справедливо. Въ этомъ правъ Верресъ. Но беззаконное управленіе пагубно и несправедливо: въ этомъ правъ Цицеронъ. Итакъ, нужно измѣнить положеніе дѣлъ въ Сициліи. Средства къ тому я ужъ показалъ, давъ транспаданской Галліи права римскаго гражданства. Этимъ я улучшилъ нравы транспаданцевъ и водворилъ въ транспаданской Галліи законный порядокъ, котораго прежде не существовало въ ней".

Все это мы говорили къ тому, чтобы показать, какъ различныя точки зрѣнія на предметъ необходимо вытекаютъ изъ различныхъ положеній человѣка. Различіе темперамента, даже (страшно сказать) различіе въ нравственныхъ качествахъ человѣка ничтожно бываетъ передъ вліяніемъ его положенія на образъ его мыслей. Верресъ былъ дурной человѣкъ (положимъ, хотя на то нѣтъ неопровержимыхъ доказательствъ), но подобно ему въ его положеніи дѣйствовали и всѣ другіе римскіе проквесторы, пропреторы и проконсулы,—и Катонъ, и Брутъ, и самъ Цицеронъ, когда былъ проконсуломъ,—Цицеронъ былъ хорошій человѣкъ (положимъ, хотя многіе въ томъ сомнѣваются),—въ такомъ случаѣ Гортензій, выступившій ему противникомъ въ тяжбѣ Верреса, былъ вѣроятно дурной человѣкъ. Но Цицеронъ и Гортензій оба въ совершенно одинаковомъ духѣ обрабатывали Римское Право. И конечно, никто не скажетъ, чтобы нравственные недостатки юриста когда нибудь отражались въ духѣ законовъ, имъ составляемыхъ. Хотя бы юристъ былъ убійца и разбойникъ, онъ никогда не напишетъ законовъ, покровительствующихъ убійству и разбою. Джеффреёзъ, съ которымъ наши читатели знакомы изъ Маколея, былъ величайшій въ мірѣ злодѣй и негодяй. Каждое его дѣйствіе было преступно; но однакоже истолкованія закона, которыя составлялъ онъ, по обязанности канцлера, составлены совершенно вѣрно духу англійскаго законодательства и до сихъ поръ уважаются англій-

Digitized by Google

скими юристами. — Въ нравственномъ отношеніи Юлій Цезарь былъ, конечно, ниже Цицерона; по всей вѣроятности, былъ ниже Верреса. По крайней мѣрѣ Верреса не ловили переодѣтаго въ женское платье въ комнатахъ женъ его пріятелей, какъ ловили Цезаря; Верресъ не поступалъ съ своими товарищами по преторству такъ нагло и безсовѣстно, какъ Цезарь съ своимъ товарищемъ по консульству, Бибуломъ. Но онъ былъ истинно государственный человѣкъ, и этого было довольно. Каковъ бы ни былъ онъ самъ, но его правленіе было мудро и благодѣтельно для государства. Цицеронъ пробовалъ браться за правленіе, и, при всей своей честности, каждый разъ дѣлалъ страшную бѣду своему отечеству, только потому, что не могъ становиться на точку зрѣнія государственнаго человѣка.

Если положеніе человѣка имѣетъ столь рѣшительную силу надъ его дѣятельностію, надъ міромъ фактовъ столь твердыхъ, опредѣлительныхъ, неуступчивыхъ, то конечно не меньше силы должно оно оказывать надъ его убѣжденіями, предметомъ столь общимъ, гибкимъ, измѣнчивымъ. Утопить или вытащить изъ воды человѣка—вотъ факты: въ нихъ нѣтъ двусмыслія, въ нихъ невозможна ошибка. Я топлю человѣка:—я не могу ошибаться въ смыслѣ своего дѣйствія. Я никакъ не могу скрыть отъ себя, что я лишаю его жизни. Я вытаскиваю его изъ воды—опять для меня невозможны никакія недоразумѣнія. Я совершенно опредѣлительно знаю, что я спасаю ему жизнь. Таковы ли отношенія человѣка къ общимъ мыслямъ, къ отвлеченнымъ понятіямъ? Каждое слово, входящее въ формулу моихъ убѣжденій, допускаетъ столько различныхъ оттѣнковъ смысла, принимаетъ столько истолкованій! Тутъ очень легки непроизвольныя недоразумѣнія предъ самимъ собой; тутъ открыто, при всей добросовѣстности человѣка, самое широкое поле заблужденія передъ самимъ собой. У трехъ людей въ различныхъ положеніяхъ на устахъ одна и та же фраза, о которой каждый изъ нихъ говоритъ, что она выражаетъ основное его убѣжденіе: „я хочу справедливости“, говорятъ и Верресъ, и Цицеронъ, и Юлій Цезарь. Значитъ ли это, что они сходятся въ своихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ? Не торопитесь объявлять ихъ людьми одинаковаго образа мыслей. Прежде разберите, въ какомъ смыслѣ представляется эта фраза каждому изъ нихъ. Говоря „я хочу справедливости“, Верресъ говоритъ: „я хочу, чтобы меня оправдали за мое управленіе Сициліею. Несправедливо было бы наказать человѣка за то, что онъ не соблюдалъ формальностей, соблюденіе которыхъ было для него физически невозможно“. Тою же самою фразою „я хочу справедливости“ Цицеронъ говоритъ совершенно иное: „я хочу, чтобы наказанъ былъ Верресъ. Справедливость требуетъ, чтобы человѣкъ, нарушившій законы, былъ наказанъ по законамъ“. Опять тою же самою фразою „я хочу справедливости“, Юлій Цезарь говоритъ совершенно иное: „я хочу низвергнуть Помпея и Цицерона. Справедливость требуетъ, чтобы государство было управляемо сообразно съ своими потребностями. Помпей и Цицеронъ совершенно не понимаютъ этихъ потребностей и вводятъ Римъ въ безконечныя бѣдствія. Справедливость требуетъ, чтобы они удалились отъ дѣлъ, заниматься которыми не способны, и чтобы эти дѣла поручены были человѣку, который одинъ въ цѣломъ Римѣ способенъ вести ихъ надлежащимъ

Digitized by Google

образомъ съ выгодою для государства, то есть поручены были мнѣ. А что касается до тяжбы Цицерона съ Верресомъ, это нелѣпость, основанная на тупоумныхъ односторонностяхъ той и другой партіи. Справедливость требовала бы объявить торжественно на форумѣ и Цицерона и Верреса глупцами; но такъ какъ это дѣло пустое, то лучше его бросить". — Да: очень различенъ бываетъ смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ въ различныхъ устахъ.

Весь этотъ эпизодъ, быть можетъ, слишкомъ длинный, клонится къ тому, чтобы извинить Буеракина, давно нами покинутаго подъ тяжестью обвиненія, будто бы его дѣйствія противорѣчатъ его убѣжденіямъ. Намъ кажется, что обвиненіе противъ него взведено совершенно напрасно. Если вы, читатель, пренебрегаете Буеракинымъ, какъ человѣкомъ двуличнымъ, какъ эгоистомъ, жертвующимъ своими убѣжденіями своей лѣности или выгодѣ, вы введены въ совершенное заблужденіе, и притомъ очень грубое заблужденіе, поверхностнымъ предположеніемъ, будто бы Буеракинъ смотритъ на вещи такими же глазами, какъ вы (я предполагаю, что вы смотрите на вещи такими же глазами, какъ я,—предположеніе также, быть можетъ, ошибочное); вы введены въ ошибку тѣмъ, что онъ употребляетъ фразы, которыя употребляете вы, что онъ любитъ слова, входящія въ составъ этихъ фразъ, точно также, какъ и вы. Но съ чего же взяли вы, что подъ этими словами онъ понимаетъ тоже самое, что понимаете вы? Вникните хорошенько въ выраженія, которыми онъ окружаетъ свои слова, одинаковыя съ вашими словами, и вы убѣдитесь, что въ сущности онъ придаетъ этимъ словамъ тотъ самый смыслъ, о какомъ свидѣтельствуютъ его поступки; вы увидите, что теоретическая сторона жизни этого человѣка совершенно соотвѣтствуетъ практической; вы увидите, что Буеракинъ человѣкъ, вѣрный въ жизни своимъ убѣжденіямъ. Ключъ къ убѣжденіямъ Буеракина находится въ тѣхъ фразахъ, которыя произноситъ онъ по случаю ссоры между Абрамомъ Семенычемъ и Ѳедоромъ Карлычемъ. По его мнѣнію, Ѳедоръ Карлычъ правъ, и сверхъ того, безъ Ѳедора Карлыча плохо пришлось бы самому Абраму Семенычу и его товарищамъ, какъ людямъ непривычнымъ и неспособнымъ къ порядочной жизни. Кромѣ того Буеракинъ совершенно убѣжденъ, что можетъ положиться на Ѳедора Карлыча, который вѣрно соблюдатъ выгоды его, Буеракина. Въ этихъ убѣжденіяхъ разгадка всей личности Буеракина, всего образа его мыслей и всей его жизни. Если вы убѣдитесь въ томъ, вамъ трудно будетъ не признать полной добросовѣстности Буеракина. Вамъ могутъ не нравиться его убѣжденія, но вы не откажете ни убѣжденіямъ этимъ въ искренности, ни лицу его въ строгой честности и благонамѣренности.

Мы много разъ упоминали о томъ, что различіе темпераментовъ и личныхъ наклонностей не имѣетъ столь важнаго вліянія на образъ жизни и дѣятельность людей, какъ многіе предполагаютъ. У Владиміра Константиныча Буеракина есть родственникъ, съ которымъ знакомитъ насъ Щедринъ въ монологѣ, имѣющемъ эпиграфъ: „vir bonus, dicendi peritus". Темпераментомъ этотъ родственникъ совершенно отличается отъ Владиміра Константиныча. У Владиміра Константиныча есть наклонность къ созерцательной жизни. У его кузена, напротивъ, чрезвычайно развита практичность. Тотъ—Платонъ, этотъ—

Digitized by Google

Аристотель или даже Ѳемистоклъ. Такъ мы ихъ и будемъ называть въ нашей параллели, отчасти изъ подражанія Плутарху, отчасти для краткости. Платонъ живетъ дикаремъ въ деревнѣ, Ѳемистоклъ—душа общества въ губернскомъ городѣ. Платонъ, какъ мы положительно знаемъ, человѣкъ холостой и любитъ волочиться. Ѳемистоклъ, по всей вѣроятности, женатъ, очень любитъ свою жену и совершенно вѣренъ ей (точно также, какъ подругѣ, которую имѣетъ, конечно, независимо отъ жены). У Платона нѣтъ дѣтей; а еслибъ и были, то, безъ сомнѣнія, пошли бы по міру нищими. У Ѳемистокла, безъ сомнѣнія, есть очень миленькія дѣти, и отецъ такъ заботится о нихъ, что хотя и достанется имъ наслѣдство послѣ ихъ родственника Платона, но отецъ, не жалѣя своихъ силъ, старается еще болѣе обезпечить ихъ будущность. Платона всѣ считаютъ злоязычникомъ и избѣгаютъ встрѣчи съ нимъ, хотя въ душѣ, а часто и на словахъ, всѣ надъ нимъ смѣются и никто его не боится, всѣ напротивъ помыкаютъ имъ. Ѳемистоклъ чрезвычайно любезенъ и остороженъ въ обращеніи, всѣ находятъ удовольствіе быть съ нимъ въ обществѣ, но всѣ боятся его. Одну только общую точку можно отъискать въ личностяхъ Платона и Ѳемистокла: оба они чрезвычайно обходительны съ людьми, низшими ихъ по званію, и вообще очень гуманны въ своемъ обращеніи. Словомъ сказать — трудно найти контрастъ болѣе полный и рѣзкій, нежели контрастъ между Платономъ и Ѳемистокломъ, но однакоже, при всемъ безконечномъ различіи въ темпераментахъ и наклонностяхъ, рѣчь Ѳемистокла могла бы служить продолженіемъ и во всякомъ случаѣ должна служить дополненіемъ къ рѣчамъ Платона. Чтобы убѣдить въ томъ читателя, мы приведемъ начало этой мастерской рѣчи, одной изъ лучшихъ въ книгѣ Щедрина:

„Если вы думаете, что мы имѣемъ дѣло съ этою грязью, avec cette canaille, то весьма ошибаетесь. На это есть писаря, ну, и другіе тамъ; это ихъ обязанность, они такъ и созданы... Мы всѣ слишкомъ хорошо воспитаны, мы обучились разнымъ наукамъ, мы мечтаемъ о томъ, чтобы у насъ все было чисто, у насъ такіе опрятные взгляды на администрацію... согласитесь сами, что даже самое сотше il faut запрещаетъ намъ мараться въ грязи. Какой нибудь Иванъ Петровичъ или Фейеръ —это понятно: они тамъ родились, тамъ и выросли; ну, а мы совсѣмъ другое. Мы желаемъ, чтобы и формуляръ нашъ былъ чистъ, и репутація не запятнана—vous comprenez?

„Повторяю вамъ, вы очень ошибаетесь, если думаете, что вотъ я призову мужика, да такъ и начну его собственными руками обдирать... Фи! Вы забыли, что отъ него тамъ, Богъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ... да и не хочу я совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ. Я, просто, призываю писаря, или тамъ другаго, et je lui dis „mon cher, tu me dois tant et tant“—ну, и дѣло съ концомъ. Какъ ужъ онъ тамъ дѣлаетъ — это до меня не относится.

„Я самъ терпѣть не могу взяточничества—фуй, мерзость! Взятки опять-таки берутъ только Фейеры да Трясучкины, а у насъ на это совсѣмъ другой взглядъ. У насъ не взятки, а администрація; я требую только *должнаго*, а какъ оно тамъ изъ нихъ выходитъ, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Моя обязанность, только исчислить статьи: гоньба тамъ что ли, дорожная повинность, рекрутство... Tout cela doit rapporter“.

Много матеріаловъ для размышленія представляетъ книга, „собранная и изданная г. М. Е. Салтыковымъ“. Изъ двухъ или трехъ сотъ типовъ, представляемыхъ записками его Щедрина, мы разсмотрѣли только три. Изъ двадцати трехъ статей, составляющихъ „Губернскіе очерки“, мы коснулись

Digitized by Google

только нѣкоторыхъ страницъ изъ пяти очерковъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы осудить все замѣчательное и важное въ „Запискахъ“ Щедрина, долженъ былъ бы къ двумъ томикамъ его „Губернскихъ очерковъ“ прибавить двадцать огромныхъ томовъ комментарій. Работа,—читатель, вѣроятно, ожидаетъ, что мы скажемъ: громадная или утомительная? Нѣтъ—работа легкая и до такой степени заманчивая для пишущаго, что трудно намъ теперь сказать себѣ: „довольно, довольно: и безъ того статья уже длинна, вѣроятно, слишкомъ длинна“.

Читатели, по всей вѣроятности, совершенно разочарованы въ своихъ предположеніяхъ содержаніемъ нашей статьи. Читатели, вѣроятно, ожидали, что, по поводу книги Щедрина, мы будемъ говорить объ общественныхъ вопросахъ, которые возбуждаются „Губернскими очерками“. Другіе, быть можетъ, думали, что мы коснемся художественныхъ вопросовъ, ими возбуждаемыхъ. Первая задача дѣйствительно имѣетъ значительную привлекательность. Но, пусть простятъ насъ читатели. Гораздо интереснѣе показалось намъ сосредоточить все наше вниманіе исключительно на чисто-психологической сторонѣ типовъ, представляемыхъ Щедринымъ. Мы охотно признаемся, что этотъ личный нашъ вкусъ, быть можетъ, ошибоченъ; но чтожъ дѣлать?—У каждаго человѣка есть свои любимыя пристрастія, есть свои любимыя теоріи, есть свои любимыя мысли, о которыхъ онъ готовъ говорить кстати и не кстати. У насъ два такихъ пристрастія: во-первыхъ, наклонность къ разрѣшенію чисто психологическихъ задачъ, во-вторыхъ, наклонность къ извиненію человѣческихъ слабостей. Намъ показалось, что, защищая людей, мы не защищали злоупотребленій. Намъ казалось, что можно сочувствовать человѣку, поставленному въ фальшивое положеніе, даже не одобряя всѣхъ его привычекъ, всѣхъ его поступковъ. Удалось ли намъ провести эту мысль съ достаточной точностью, пусть судятъ другіе.

Что же касается литературныхъ достоинствъ книги, изданной г. Салтыковымъ,—о нихъ также пусть судятъ другіе. „Губернскіе очерки“ мы считаемъ не только прекраснымъ литературнымъ явленіемъ,—эта благородная и превосходная книга принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ русской жизни.

„Губернскими очерками“ гордится и долго будетъ гордиться наша литература. Въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ русской земли Щедринъ имѣетъ глубокаго почитателя. Честно имя его между лучшими, и полезнѣйшими, и даровитѣйшими дѣтьми нашей родины. Онъ найдетъ себѣ многихъ панегиристовъ, и всѣхъ панегириковъ достоинъ онъ. Какъ бы ни были высоки тѣ похвалы его таланту и знанію, его честности и проницательности, которыми поспѣшатъ прославлять его наши собратія по журналистикѣ, мы впередъ говоримъ, что всѣ эти похвалы не будутъ превышать достоинствъ книги, имъ написанной.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды Коммиссіи, Высочайше учрежденной при Императорском Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаг Округа. *Томъ третій. Кіевъ. 1855.*

Статьи, вошедшія въ составъ этого тома „Трудовъ Коммиссіи для опи санія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа", были написаны въ различно время; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ видно по цензурнымъ числамъ, были одо брены къ печати еще въ 1853 году, другія принадлежатъ уже 1856 году Не знаемъ, когда явился этотъ томъ въ Кіевѣ, но въ Петербургѣ онъ по лученъ только въ послѣднее время: несмотря на 1855 годъ, выставленны на его оберткѣ, онъ новость для большей части нашей публики и для нас

Статьи, помѣщенныя въ немъ, принадлежатъ четыремъ различнымъ от дѣламъ науки; 1) къ естествознанію относятся: г. Траутфеттера „Историче скія изслѣдованія флоры" и г. Роговича „Обозрѣніе сосудистыхъ и полу сосудистыхъ растеній" губерній Кіевскаго Учебнаго Округа; 2) къ сельском хозяйству и промышленности: гг. Тарновскаго и Ходецкаго „Программа сельско-хозяйственнаго описанія" и г. Бунге „О желѣзной промышленности губерній Кіевскаго Учебнаго Округа"; г. Базинера „Изслѣдованіе о табач ной промышленности въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской"; г. Понятовскаго „Практическія замѣчанія о свекло-сахарной промышленности в Юго-Западныхъ губерніяхъ"; кромѣ того, свѣдѣнія, сообщенныя разными лицами „о гусеницѣ, истреблявшей сахарную свекловицу въ 1855 году" и „объ известковомъ камнѣ". 3) Статистикѣ принадлежатъ изслѣдованія г. Маркевича „О народонаселеніи Полтавской губерніи" и покойнаго Журавскаго „О кредитныхъ сдѣлкахъ въ Кіевской губерніи". 4) По этнографіи помѣщена „Программа для этнографическаго описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа", составленная кн. Дабижею и г. Метлинскимъ.

Предоставляя спеціальнымъ журналамъ оцѣнить достоинство статей, относящихся къ естественнымъ наукамъ и сельскому хозяйству, мы обратимъ свое вниманіе исключительно на тѣ статьи третьяго тома „Трудовъ", которыя принадлежатъ статистикѣ.

Г. Маркевичъ не почелъ нужнымъ ограничить свою статью предѣлами статистики: онъ пускается въ историческія расчисленія и размышленія, споритъ съ Валласомъ, Петавіемъ и Монтескье о томъ, дѣйствительно ли во

Digitized by Google

времена Юлія Цезаря населеніе земнаго шара простиралось до 30,000 милліоновъ душъ, дѣйствительно ли городъ Ѳивы имѣлъ 70,000,000 жителей, дѣйствительно ли за 4,000 лѣтъ до Р. Х. было на землѣ 700,000 милліоновъ жителей,—и, надобно отдать ему справедливость, полагаетъ, что эти цифры неправдоподобны. Споритъ онъ также съ какимъ-то „русскимъ писателемъ“ о томъ, можно ли по русски говорить „милькаре“, какъ по французски говорится mille carée, — и опять таки справедливость на его сторонѣ: дѣйствительно, по русски не годится говорить „милькаре“. Люди, любящіе ограничивать ученыя изслѣдованія слишкомъ точными предѣлами, могутъ сказать, что эти эпизоды излишни; нѣчто подобное найдутъ они и въ нѣкоторыхъ изъ таблицъ, составляющихъ существенную часть статьи г. Маркевича. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, они принесутъ ему благодарность за трудолюбіе, съ которымъ собралъ онъ чрезвычайно многочисленный и богатый запасъ цифръ относительно населенія Полтавской губерніи. Не совершенно слѣдуя общепринятымъ рубрикамъ въ своихъ таблицахъ, г. Маркевичъ однако же представилъ много данныхъ интересныхъ и важныхъ. Не всегда его разсчеты о постепенномъ возрастаніи или уменьшеніи населенія въ Полтавской губерніи произведены согласно требованіямъ науки, но всегда они сопровождаются положительными данными, на основаніи которыхъ легко могутъ быть провѣрены.

Относительно обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ приращеніе населенія, г. Маркевичъ, сравнивая цифры, приходитъ къ слѣдующимъ справедливымъ выводамъ:

Число дворянъ въ Полтавской губерніи съ 1843 по 1848 годъ увеличивалось ежегодно на 2,80%.

Число мѣщанъ—на 2,71%.

Крестьянъ различныхъ наименованій—на 1,81%.

Эта разница цифръ получитъ еще больше значенія, когда мы сообразимъ, что по естественному порядку, смертность въ городахъ, гдѣ сосредоточены мѣщане и большая часть дворянъ, должна была бы быть гораздо значительнѣе, нежели въ селахъ. Но неблагопріятное вліяніе городской жизни, какъ видимъ, далеко превозмогается вліяніемъ различія сословій.

„И такъ, заключаетъ г. Маркевичъ, мы видимъ, что прибыль народонаселенія увеличивается по мѣрѣ богатства и привилегій сословія“.

Разсматривая числа смертности отъ различныхъ болѣзней и находя, что большинство людей въ Полтавской губерніи умираетъ отъ болѣзней, которыя, собственно говоря, должны называться ничтожными, потому что легко уступаютъ самымъ легкимъ медицинскимъ средствамъ, г. Маркевичъ приходитъ къ заключенію, что недостатокъ этихъ пособій долженъ считаться одною изъ причинъ большой смертности, какую обнаруживаютъ у насъ статистическія таблицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ Полтавской губерніи приходится одинъ медикъ на 21,628 душъ и одна аптека на 92,512 душъ.

„Если бы ближайшіе между собою сосѣди (продолжаетъ г. Маркевичъ), которыхъ имѣнія составляютъ, взятыя вмѣстѣ, отъ 500 до 1,000 душъ, имѣли медика на общій счетъ, это дѣло было бы не только христіанское, но выгодное по разсчету. Напрасно, опровергая важность исполненія моей

Digitized by Google

„мысли, скажутъ, что при докторѣ должны быть больница, фельдшера, при-„слуга, аптека и повивальная бабка, и что это повлечетъ къ издержкамъ „не по силамъ: если докторъ сбережетъ три на сто (изъ числа больныхъ) „въ годъ, такъ издержка покрыта. Повторяю: у насъ весьма много людей „гибнетъ отъ того, что не была подана помощь немедленно, или не была „подана вовсе".

Далѣе, г. Маркевичъ разсматриваетъ вліяніе на здоровье, производимое крестьянскими избами съ соломенными крышами и тому подобными принадлежностями, и, разумѣется, замѣчаетъ, что это вліяніе пагубно. — „Но такъ привыкли жить поселяне", слышится ему возраженіе такъ называемыхъ практическихъ людей. Онъ отвѣчаетъ съ прекраснымъ негодованіемъ:

„Скажутъ, что привычка—вторая натура?—Ложь! привыкнуть къ по-„стоянно-вредному—дѣло невозможное. Растеніе мыса Доброй Надежды ра-„стетъ и цвѣтетъ хило и блѣдно въ теплицѣ,—какъ же привыкнуть къ та-„кой избѣ?—Должно отдать малороссіянкамъ справедливость: онѣ опрятны, „въ избѣ любятъ чистоту, къ днямъ праздничнымъ обмазываютъ на-ново, „бѣлятъ избу, моютъ скамьи и столы; себя содержатъ въ опрятности; счи-„таютъ стыдомъ явиться съ грязными ногами; но о здоровьѣ мало забо-„тятся, жертвуя онымъ въ пользу скота. Ихъ нельзя обвинять, скотъ со-„ставляетъ ихъ достояніе. Но тѣ, для которыхъ книги пишутся, не могутъ „ли, хотя нѣсколько, бѣдѣ пособить"?

Извѣстно, какъ необходима человѣку работающему мясная пища. Изъ людей, знающихъ Малороссію по наслышкѣ, многіе воображаютъ, будто обыкновенная пища малорусскаго поселянина—борщъ съ свининою и сало. Г. Маркевичъ совершенно опровергаетъ относительно Полтавской губерніи это предубѣжденіе. Знаменитый малорусскій борщъ вовсе не нуждается въ свининѣ и салѣ, онъ довольствуется капустною и свекольною приправою, „— „то есть, говоритъ г. Маркевичъ,—пища народная состоитъ только изъ ве-„ществъ мучныхъ и растительныхъ; изрѣдка свиное сало и баранина". Изъ этого мы видимъ, что поселяне Полтавской губерніи относительно количества потребляемаго ими мяса не отличаются отъ поселянъ великорусскихъ губерній.

Долгъ защищать отечество есть первая и священнѣйшая обязанность гражданина. Пропорція людей, посвящающихъ себя этой обязанности, къ числу всего взрослаго мужскаго населенія, способнаго къ тягловой работѣ, въ Смоленской губерніи опредѣляется какъ 28 къ 100,—то есть, изъ тысячи мужчинъ, способныхъ къ работѣ, 280 человѣкъ посвящаютъ себя защитѣ отечества *). Кіевская губернія, въ 16 лѣтъ, отъ 1835 по 1850 г. включительно, по показанію г. Маркевича, „выдала государству защитни-„ковъ, охраняющихъ его неприкосновенность, 45,833, не считая евреевъ „м вщанъ",—то есть эта цифра рекрутъ относится къ одному сельскому рабочему населенію. По приблизительному разсчету, принимая среднее число мужскаго сельскаго населенія за эти годы въ 800,000 душъ, и считая

*) См. „Русскій Вѣстникъ" 1857 г., № 9, статью г. Неелова „Раціональное сельское хозяйство", стр. 122.

Digitized by Google

число мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ (отъ 18 до 58 лѣтъ) равнымъ половинѣ общаго числа мужчинъ, то есть, для всей губерніи 400,000 сельскихъ работниковъ, мы получимъ, что въ 16 лѣтъ изъ 1,000 работниковъ поступили въ военную службу 115 человѣкъ; а такъ какъ это число поступило въ продолженіе 16 лѣтъ, весь же періодъ рабочей жизни простирается до 40 лѣтъ, то по пропорціи 16:40 или 4:10, въ Полтавской губерніи изъ 1,000 рабочихъ сельскаго населенія посвящаютъ себя воинской службѣ 287 человѣкъ. Въ Кіевской губерніи *), по расчисленію за 11-ть лѣтъ (1836—1846 включительно) поступало въ рекруты ежегодно 2,458 человѣкъ, при среднемъ приблизительномъ числѣ 790,000 душъ мужескаго пола; считая въ томъ числѣ сословія, отправляющія рекрутскую повинность 91% **), мы получимъ, что среднее число душъ, съ которыхъ брались рекруты, въ тотъ періодъ въ Кіевской губерніи было 719,000; изъ нихъ, рабочаго народа было около 359,500 душъ; въ теченіе 40-лѣтняго періода, ежегодная цифра 2,458 рекрутъ составитъ 98,380 душъ,—а эта послѣдняя цифра относится къ общему числу работниковъ (359,500) какъ 272 къ 1,000. Сличая эти числа по тремъ губерніямъ, мы находимъ, что распредѣленіе рекрутской повинности по губерніямъ происходитъ очень уравнительно, не только по числу ревизскихъ душъ, но и по числу наличныхъ работниковъ, именно:

Губерніи.	Изъ 1,000 взрослыхъ мужчинъ отправляютъ воинскую обязанность приблизительно:
Смоленская . . .	280 (по цифрамъ г. Я. Соловьева).
Полтавская . . .	287 (по цифрамъ г. Маркевича).
Кіевская. . . .	272 (по цифрамъ гг. Фундуклея или Журавскаго).

Средняя цифра по тремъ губерніямъ 279²/₃.

Отъ соображеній, уже выведенныхъ г. Маркевичемъ изъ представляемыхъ имъ таблицъ, переходя къ другимъ выводамъ, представляемымъ цифрами, которыя собралъ онъ въ многочисленныхъ таблицахъ, мы остановимся прежде всего на таблицѣ № 8, „Распредѣленіе земель на ревизскую душу“. Общій итогъ, ею представляемый, таковъ:

	Въ имѣніяхъ дворянскихъ.	Въ имѣніяхъ государствен.
Число ревизскихъ душъ.	328,816	413,211
Число десятинъ земли	2,694,869	1,037,365
Средняя пропорція десят. на ревиз. душу . . .	8,33	2,53

Таково отношеніе и въ другихъ губерніяхъ: повсюду, гдѣ есть дворянскія имѣнія, населеніе въ нихъ гораздо рѣже, нежели въ имѣніяхъ государственныхъ. Это конечно надобно объяснить отчасти тѣмъ, что въ отдаленныя времена, пока не было правильнаго размежеванія, помѣщики распахивали государственныя земли, которыя потомъ и остались за ними по праву

*) См. „Описаніе Кіевской губерніи“, составленное подъ редакціею покойнаго Журавскаго и изданное г. Фундуклеемъ, томъ I, стр. 165.

**) Эти приблизительныя цифры получаются изъ таблицъ, представленныхъ въ „Описаніи Кіевской губерніи“. Т. I, на стр. 139—141 и 177.

Digitized by Google

давности владѣнія, отчасти другимъ, законнымъ способомъ пріобрѣтенія, какъ-то покупкою и полученіемъ въ пожалованіе, отчасти наконецъ тѣмъ, что населеніе въ имѣніяхъ государственныхъ возрастаетъ быстрѣе, нежели въ дворянскихъ.

Въ Полтавской губерніи только въ двухъ уѣздахъ дворянскія имѣнія обладаютъ пропорціею земли нѣсколько менѣе, нежели въ два раза превышающею количество земли, приходящейся въ тѣхъ же уѣздахъ на ревизскую душу въ государственныхъ имѣніяхъ (Миргородскій уѣздъ двор. им. $3^3/_4$ дес. на душу, госуд. им. $2^1/_2$ дес., пропорція$=1^1/_2$; Гадячскій уѣздъ $4^1/_2$ и $2^1/_2$ десят., пропорція $= 1^4/_5$); въ одномъ уѣздѣ пропорція $= 2$ (Роменскій уѣздъ двор. им. $3^1/_4$, госуд. им. $1^3/_4$ дес.); во всѣхъ остальныхъ 12-ти уѣздахъ пропорція земли въ дворянскихъ имѣніяхъ болѣе, нежели двойная, сравнительно съ государственными имѣніями; въ нѣкоторыхъ она простирается слишкомъ до 4-хъ десятинъ противъ одной десятины (Лубенскій уѣздъ, двор. им. $11^1/_2$, госуд. им. $2^1/_4$ десят. на душу, пропорція$=5^1/_9$; Золотоношскій уѣздъ, двор. им. $11^3/_4$, госуд. им. $2^1/_4$ дес. на душу, пропорція$=5^2/_9$; въ Кобелякскомъ уѣздѣ дворянскія имѣнія владѣютъ $13^3/_4$ десят., а государственныя $2^3/_4$ десятины на ревизскую душу,— пропорція$=5$); а въ Зиньковскомъ уѣздѣ приходится на ревизскую душу даже по 7 десятинъ въ дворянскихъ противъ 1 десятины въ государственныхъ имѣніяхъ ($12^1/_4$ десят. на рев. душу въ двор., и $1^3/_4$ десят. въ госуд. имѣніяхъ).

Таблица № 17 представляетъ цифры населенія городовъ Полтавской губерніи въ 1835 и 1850 годахъ. Во всѣхъ 15-ти городахъ въ 1835 году считалось 114,500 жителей обоего пола, въ 1850 году—110,728 жителей; и такъ, съ 1835 по 1850 годъ число городскаго населенія въ Полтавской губерніи уменьшилось на 3,322 души, или на $3^0/_0$; разсматривая цифры по каждому городу въ отдѣльности, находимъ, что въ пяти городахъ населеніе нѣсколько увеличилось, хотя незначительнымъ образомъ (болѣе всего въ Прилукѣ: 1835 г. 6,941 жителей, въ 1850 году — 8,769 жителей), а въ остальныхъ десяти городахъ уменьшилось.

Изъ таблицъ №№ 38 и 39 („Движеніе населенія въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и государственныхъ"), составленныхъ на основаніи метрическихъ книгъ нѣсколькихъ приходовъ за 16 лѣтъ (1835 — 1850), заимствуемъ итоги. Чтобы результаты сравненія были очевиднѣе, г. Маркевичъ производилъ исчисленія надъ одинаковымъ по возможности количествомъ душъ въ тѣхъ и другихъ имѣніяхъ, — именно, для сравненія онъ взялъ помѣщичьи селенія съ 100,094 душъ населенія, и государственныя селенія съ 100,033 душъ населенія по 8-й ревизіи.

Количество рождающихся зависитъ, какъ извѣстно, не отъ степени благосостоянія жителей, а отъ степени плотности населенія: чѣмъ больше земли приходится на душу, тѣмъ болѣе бываетъ число рожденій. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Полтавской губерніи, какъ мы знаемъ, гораздо болѣе земли, нежели въ государственныхъ, потому и перевѣсъ рожденій на ихъ сторонѣ: число родившихся въ теченіе 16 лѣтъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ простиралось до 106,601 младенца обоего пола, между тѣмъ какъ въ государственныхъ имѣніяхъ только до 92,755 душъ.

Digitized by Google

Но степень смертности находится, какъ извѣстно, въ совершенной зависимости отъ степени благосостоянія. Чѣмъ выше благосостояніе, тѣмъ менѣе смертности въ населеніи. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ теченіе 16 лѣтъ умерло 85,245 душъ обоего пола, въ государственныхъ только 72,202.

Наконецъ, очень любопытна таблица № 52 „Приращеніе народонаселенія въ селахъ, имѣющихъ пособіе медицины и лишенныхъ онаго". Въ восьми селахъ, имѣющихъ постояннаго медика или постоянно посѣщаемыхъ медикомъ въ условные дни, и въ десяти селахъ, не имѣющихъ медицинскаго пособія, г. Маркевичъ нашелъ слѣдующія цифры по движенію населенія за 16 лѣтъ:

	Села съ медиками:		Безъ медиковъ:
Населеніе по 8-й ревизіи . .	15,013	—	15,687
Число родившихся	16,636	—	15,787
Число умершихъ	12,215	—	13,433
Прибыль населенія	4,421	—	2,350

Итакъ, при населеніи, почти равномъ, число родившихся въ первыхъ селахъ значительнѣе, а число умирающихъ менѣе, нежели въ послѣднихъ. Прибыль населенія въ селахъ, пользующихся медицинскими пособіями, равняется въ 16 лѣтъ 29%, а въ селахъ, не пользующихся этими пособіями, только 15%,—иначе сказать, изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что при медицинскихъ пособіяхъ населеніе возрастаетъ почти вдвое быстрѣе, нежели безъ медицинскихъ пособій.

Статья покойнаго Д. П. Журавскаго „О кредитныхъ сдѣлкахъ въ Кіевской губерніи" имѣетъ, какъ и всѣ изслѣдованія этого замѣчательнаго ученаго, большое научное достоинство. Прежде всего заслуживаетъ особеннаго вниманія счастливая и чрезвычайно вѣрная мысль Журавскаго, что не только крѣпостныя и явочныя книги Гражданскихъ Палатъ и Уѣздныхъ Судовъ, но также и маклерскія книги, о которыхъ почти не вспоминаютъ при изслѣдованіи движенія цѣнностей и кредитныхъ сдѣлокъ, должны служить важнѣйшими матеріалами для изученія этого предмета. „Все это еще „не тронуто, продолжаетъ Журавскій:—но надобно полагать, что наступитъ „наконецъ время, когда вопросы общественные получатъ интересъ и важность „для публики; тогда польза ученыхъ изслѣдованій и извлеченій фактовъ изъ „сказанныхъ матеріаловъ будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнена". (Грустно подумать, что смерть похитила у насъ Журавскаго именно при самомъ пробужденіи того интереса, о недостаткѣ котораго жалѣлъ, похитила этого благороднаго, неутомимаго и высоко-даровитаго ученаго именно въ то время, когда начиналась настоящая и полезнѣйшая пора для его дѣятельности). „Между тѣмъ, говоритъ онъ, подготовка сихъ послѣднихъ (т. е. матеріаловъ) „для будущихъ трудовъ была бы не безполезна и нынѣ; тѣмъ болѣе, что „по однообразію учрежденій, она доступна у насъ всякому, занимающемуся „статистикою, во всѣхъ пунктахъ Государства. Нужно только слѣдовать ка„кимъ либо общимъ формамъ въ статистической обработкѣ матеріаловъ, по „отдѣльному предмету или по одному мѣсту, чтобы послѣ могъ быть сдѣланъ „сводъ изъ частныхъ обработокъ одного предмета. Въ этомъ смыслѣ мы „взяли для примѣра малѣйшую частицу здѣшнихъ матеріаловъ о движеніи

Digitized by Google

„частныхъ имуществъ, — ссуды и займы, совершенные у кіевскихъ маклеровъ и нотаріусовъ за одинъ годъ, и представляемъ ихъ въ статистическихъ формахъ". Способъ исполненія этой работы Журавскимъ дѣйствительно долженъ остаться образцомъ для послѣдующихъ трудовъ по этой части, а результаты, имъ полученные, такъ интересны, что ободрятъ другихъ людей къ совершенію подобныхъ работъ по своимъ мѣстностямъ.

Мы приведемъ только главнѣйшія цифры о томъ, какъ распредѣлялась въ 1848 году (къ которому относятся данныя, собранныя Журавскимъ) между различными классами населенія сумма займовъ, записанныхъ въ книгахъ маклеровъ города Кіева:

	Дали въ заемъ:	Взяли въ заемъ:
Купцы.	478,323 р.	292,721 р.
Мѣщане	44,058 —	74,128 —
Дворяне (безпомѣстные). . . .	126,994 —	79,249 —
Помѣщики	277,923 —	472,259 —
Гражданскіе чиновники	188,633 —	220,158 —
Военные (генералы и офицеры) .	108,514 —	81,104 —

Эти цифры требуютъ объясненій. Странно можетъ казаться, что купцы, которымъ нужнѣе имѣть наличныя деньги для своихъ торговыхъ оборотовъ, нежели получать проценты за отдачу своихъ капиталовъ въ чужія руки, болѣе дали въ заемъ, нежели взяли, — но, дѣло въ томъ, что къ классу купцовъ причисляются здѣсь банкиры. Большая часть суммъ, данныхъ въ заемъ людьми купеческаго званія, дана банкирами, а не собственно негоціантами, которые, напротивъ, составляютъ всю массу людей купеческаго званія, бравшихъ деньги въ заемъ. Относительно класса помѣщиковъ цифры являются въ пропорціи, очень естественной: натурально, что очень многіе изъ нихъ занимаютъ деньги,—иные, для роскошной жизни, иные—для покупки имѣній или улучшенія ихъ.

Не менѣе натурально и то, что другія лица того же класса располагаютъ значительными суммами наличныхъ денегъ, которыя отдаютъ въ заемъ: „О происхожденіи капиталовъ, выданныхъ помѣщиками, замѣчаетъ „Журавскій, нечего и говорить; имущества ихъ — явныя и самыя значительныя противъ всѣхъ другихъ классовъ. Нельзя того же сказать о классѣ „служащихъ и отставныхъ гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ офицеровъ, хотя кредитныя сдѣлки ихъ весьма значительны. Мы затруднялись „было объяснить себѣ это обстоятельство: откуда можетъ быть столько свободныхъ денегъ въ оборотѣ у людей, большая часть которыхъ ничего не „имѣетъ, кромѣ получаемаго на службѣ жалованья; но, надобно взять въ „соображеніе, что многіе изъ нихъ принадлежатъ также къ помѣстному дворянству и владѣютъ недвижимыми имѣніями. Если прибавить къ этому „казенное содержаніе, денежныя награды и пенсіи, и если допустить, что „въ образѣ жизни этихъ классовъ соблюдается строгая экономія и отсутствіе „роскоши, то можно бы, кажется, объяснить существованіе излишнихъ капиталовъ у чиновниковъ и офицеровъ, не доискиваясь другихъ источниковъ".

Интересенъ вопросъ: въ какой степени быстро возрастаетъ количество капиталовъ и сумма кредитныхъ сдѣлокъ? Нѣкоторымъ пособіемъ къ этому

Digitized by Google

можетъ служить сумма дохода, получаемаго за гербовую бумагу, на которой пишутся сдѣлки такого рода. Журавскій собралъ цифры объ этомъ относительно Кіевской губерніи за три трехлѣтія, раздѣленныя между собою промежутками: второе отъ перваго 12-ти лѣтъ, третье отъ втораго 22-хъ лѣтъ:

	1808—1810:	1822—1824:	1846—1848:
Среднее число употребленныхъ ежегодно на заемныя письма и векселя листовъ	3,998	5,029	23,011
Гербовый съ нихъ сборъ . . .	2,423	13,041	23,042

Сравнивая второе трехлѣтіе съ первымъ, видимъ, что не столь значительно возвысилось число кредитныхъ сдѣлокъ, сколько размѣръ ихъ (цѣна гербоваго листа соотвѣтствуетъ величинѣ суммы, на которую заключается сдѣлка); сравнивая третье трехлѣтіе съ вторымъ, видимъ, что не столь значительно увеличился размѣръ суммы сдѣлокъ, сколько число ихъ. Сравнивая наконецъ третье трехлѣтіе съ первымъ, видимъ, что въ Кіевской губерніи, втеченіе 40 лѣтъ, съ 1808 по 1848 годъ, число кредитныхъ сдѣлокъ увеличилось почти въ семь разъ, а количество капиталовъ, въ нихъ обращающихся, возрасло почти въ десять разъ.

Кромѣ оборотовъ, совершаемыхъ чрезъ посредство маклеровъ, капиталы обращаются также на вклады въ государственныя кредитныя учрежденія. Журавскій, въ дополненіе къ своимъ извлеченіямъ изъ маклерскихъ книгъ, извлекъ также цифры вкладовъ за 1849 годъ изъ книги Кіевскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія:

Сословія вкладчиковъ:	Сумма вкладовъ:
Купцы	9,237
Мѣщане	13,943
Дворяне (безпомѣстные)	16,970
Помѣщики	56,096
Гражданскіе чиновники.	198,890
Военные (генералы и офицеры)	132,842
Лица, не объявившія своего званія, и билеты на имя неизвѣстнаго.	271,728

Сравнивая эти цифры съ капиталами, выданными въ займы чрезъ посредство маклеровъ, мы видимъ, что классъ чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ предпочитаетъ помѣщеніе капиталовъ въ кредитныя учрежденія, и видимъ также, что главнѣйшая часть вкладовъ въ эти учрежденія принадлежитъ классу служащему; когда мы соединимъ цифры капиталовъ, отданныхъ въ заемъ чрезъ маклеровъ и помѣщенныхъ въ кредитныя учрежденія, то увидимъ, что большая часть наличныхъ капиталовъ въ Кіевской губерніи принадлежитъ служащему сословію. Именно, сумма капиталовъ, отданныхъ въ заемъ чрезъ посредство маклеровъ и помѣщенныхъ въ кредитныя учрежденія, составляла по тѣмъ источникамъ, которыми пользовался Журавскій, въ 1848—1849 годахъ:

Digitized by Google

Сословія.	Сумма капиталовъ.
Купцы	492,430 руб. сер.
Мѣщане	58,001 — —
Дворяне (безпомѣстные)	143,064 — —
Помѣщики	334,019 — —
Гражданскіе и военные чиновники . . .	628,888 — —

Къ послѣдней суммѣ надобно присоединить 325,079 руб. сер., принадлежащихъ служащимъ другихъ вѣдомствъ; кромѣ того, бо̀льшую часть изъ суммы 271,728 руб. сер., внесенныхъ на имя неизвѣстныхъ или лицами, не объявившими своего званія, и также бо̀льшую часть суммы 143,064 руб. сер., принадлежавшей дворянамъ безпомѣстнымъ, которые должны по преимуществу считаться отставными или даже и состоящими на службѣ чиновниками; распредѣляя за тѣмъ по другимъ сословіямъ остатокъ суммъ, внесенныхъ въ кредитныя учрежденія на имя неизвѣстныхъ, мы получимъ слѣдующія приблизительныя цифры:

Сословія.	Суммы капиталовъ.
Купцы.	500.000 руб. сер.
Мѣщане	60,000 — —
Помѣщики. . . .	350,000 — —
Чиновники. . . .	1,300,000 — —

Конечно, для того, чтобы разсчетъ былъ совершенно точенъ, нужно присоединить къ этимъ цифрамъ цифры вкладовъ, помѣщенныхъ жителями Кіевской губерніи въ другія кредитныя учрежденія кромѣ Кіевскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, и цифры займовъ по книгамъ уѣздныхъ маклеровъ Кіевской губерніи; но и въ настоящемъ своемъ видѣ таблица, составленная трудами покойнаго Журавскаго, имѣетъ уже очень значительный интересъ для людей, занимающихся изученіемъ нашего экономическаго быта.

Хлопчато-бумажная промышленность и важность ея значенія въ Россіи. *Соч. Александра Шипова. Отдѣлъ I. Москва. 1857.*

Брошюра эта написана въ защиту хлопчато-бумажной фабрикаціи въ Россіи и направлена противъ ученія о безграничной свободѣ торговли, пользующагося очень значительною популярностью между нашими экономистами. Нѣтъ сомнѣнія, что она вызоветъ опроверженія; и дѣйствительно, очень многое въ ней легко можетъ послужить поводомъ къ очень блестящимъ опроверженіямъ; особенно способъ изложенія, доказывающій, что авторъ болѣе знакомъ съ русскими статьями о свободной торговлѣ, нежели съ капитальными иностранными сочиненіями объ этомъ предметѣ: изъ большихъ и основательныхъ трактатовъ политико-экономическаго содержанія ему извѣстно, кажется, только сочиненіе гр. Тенгоборскаго. Теоретическія соображенія такого противника конечно не трудно будетъ опровергать защитникамъ свободной торговли, имѣющимъ подъ руками сотни иностранныхъ книгъ, неизвѣстныхъ автору брошюры; но если теоретическая часть его брошюры слаба, то много интереснаго заключается въ его практическихъ замѣчаніяхъ: г. Шиповъ, какъ видно, имѣетъ много знаній относительно главнаго и существеннаго вопроса въ дѣлѣ о судьбѣ хлопчато-бумажной промышленности въ

Digitized by Google

Россіи,—именно, относительно состоянія и вліянія на нашъ экономическій быть нашихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ. На эти-то замѣчанія и должно быть обращено главное вниманіе при оцѣнкѣ его брошюры и сужденіи о степени основательности его мнѣнія. Практическія наблюденія его много могутъ содѣйствовать проясненію вопроса. Надобно только желать, чтобы ученые, которые будутъ судить о брошюрѣ г. Шипова, разсматривали его мнѣніе съ чисто-ученой точки зрѣнія, не ограничивая своихъ возраженій ни одними общими мѣстами, ни одними общими осужденіями г. Шипова за то, что онъ держится протекціонной системы. Но большею частью у насъ дѣлается иначе: „вы протекціонистъ? — этого довольно; мы осуждаемъ васъ безусловно".

У насъ вообще очень мало развита терпимость мнѣній. Такъ, напримѣръ, по вопросу о свободной торговлѣ, изъ ученыхъ, держащихся мнѣнія, что протекціонная система невыгодна, многіе воображаютъ, что противное мнѣніе могутъ защищать только люди, имѣющіе въ виду свой личный интересъ, а не общую пользу; они даже готовы все человѣчество и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи дѣлить на двѣ половины ради одного того, какъ думаютъ люди о свободной торговлѣ: одна половина человѣчества люди честные, умные, ученые, это всѣ тѣ, которые думаютъ, что тарифъ долженъ быть пониженъ; другая половина—невѣжды, корыстолюбцы—это всѣ тѣ, которые думаютъ, что должны быть охраняемы тарифомъ наши мануфактуры. Тутъ присоединяется еще другая привычка: лишь только вы сказали, что не всѣ протекціонисты невѣжды и корыстолюбцы, и что въ протекціонной системѣ есть, при всѣхъ ея ошибочныхъ сторонахъ, элементъ, не заслуживающій осужденія, и напротивъ не все въ системѣ людей, защищающихъ свободную торговлю, заслуживаетъ безусловнаго сочувствія, тотчасъ же защитники свободной торговли объявляютъ васъ протекціонистомъ, а протекціонисты восклицаютъ, что вы наконецъ сдѣлались протекціонистомъ, хотя бы вы положительно говорили, что защитники свободной торговли по вашему мнѣнію имѣютъ на своей сторонѣ гораздо болѣе справедливости, нежели протекціонисты.

Съ нами на дняхъ случилось нѣчто подобное по вопросу о славянофильствѣ. Много разъ мы очень ясно повторяли въ тѣхъ статьяхъ, которыя касались славянофильства, что ни мало не раздѣляемъ и не видимъ для себя никакой возможности когда либо раздѣлять тѣ особенныя мнѣнія, на основаніи которыхъ славянофилы отдѣляютъ себя отъ такъ называемыхъ западниковъ, и на основаніи которыхъ многіе западники безусловно осуждаютъ славянофиловъ, воображая, что въ славянофилахъ нѣтъ ничего иного, кромѣ этихъ странныхъ заблужденій. Мы положительно говорили, что о всѣхъ этихъ спорныхъ между славянофилами и западниками пунктахъ мы думаемъ точно также, какъ самые ревностные западники. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы говорили, что, кромѣ этихъ ошибочныхъ мнѣній, о которыхъ идетъ споръ между славянофилами и западниками, есть у лучшихъ между славянофилами и другія убѣжденія, гораздо болѣе важныя для жизни, въ которыхъ есть сторона справедливая и о которыхъ подобно имъ думаетъ большая часть лучшихъ людей между такъ называемыми западниками. Одно изъ такихъ

Digitized by Google

убѣжденій мы указали въ предъидущей книжкѣ, прибавляя, что это убѣжденіе принадлежитъ не исключительно славянофиламъ, а принадлежитъ современной наукѣ, и что славянофилы заслуживаютъ похвалы за то, что въ этомъ важномъ дѣлѣ поняли требованія современной науки, хотя (повторяли мы безчисленное множество разъ) они вовсе не заслуживаютъ одобренія за тѣ ошибочныя свои мнѣнія, изъ за которыхъ ведется споръ между ими и западниками, и въ которыхъ мы совершенно согласны съ западниками.

Что же произошло? „Молва" вообразила, что мы сдѣлались или готовы сдѣлаться славянофилами! Вотъ подлинныя ея слова:

„Въ 5 № Соврем. прочли мы статью „Замѣтки о журналахъ". Отзывъ Современника объ Молвѣ нелестенъ. Правъ ли Современникъ въ своемъ мнѣніи, не намъ судить: никто въ своемъ дѣлѣ судьею быть не можетъ. Мы же съ своей стороны отъ души радуемся этой статьѣ и привѣтствуемъ ее какъ явленіе доброе и утѣшительное. Журналъ, въ которомъ постоянно участвуютъ писатели съ истиннымъ, всѣми признаваемымъ дарованіемъ, обратилъ вниманіе серьезное и добросовѣстное на тѣ мнѣнія, которыя у насъ въ первый разъ выражены были славянофилами, на тѣ мнѣнія, которыми отличается ихъ направленіе. Онъ призналъ, что взглядъ ихъ на жизнь народной общины ставитъ ихъ выше противоположной имъ школы и содержитъ въ себѣ начало плодотворное по преимуществу. Радуемся отъ души. Тотъ, кто призналъ это основное начало, уже сталъ на прямомъ пути, на добромъ пути къ дальнѣйшему развитію всякой разумной мысли. Богъ помочь! скажемъ мы. Впередъ! что бы вы ни говорили о Молвѣ. Вопросъ личный для насъ никакого значенія не имѣетъ.

„Дѣло начато; и мы вѣримъ отъ души, что оно не остановится. Современникъ вникнетъ еще глубже во мнѣнія славянофиловъ: онъ увидитъ, что то великое начало, ими поставленное, и которому онъ сочувствуетъ, есть еще только внѣшняя основа. Глубже, глубже коренятся другія еще высшія начала, изъ которыхъ выросло самое пониманіе общины, и мы надѣемся, Современникъ ихъ пойметъ и будетъ имъ сочувствовать".

Къ сожалѣнію, надежды эти неосновательны. Мы очень положительно и много разъ выражали свое мнѣніе о тѣхъ „высшихъ" началахъ, изъ которыхъ, по мнѣнію „Молвы", „выросло пониманіе общины", и каждый разъ говорили, что относительно этихъ туманныхъ началъ держимся такихъ же мнѣній, какъ самые ревностные западники; то убѣжденіе, о которомъ шла рѣчь въ прошломъ нумерѣ „Современника", мы считаемъ справедливымъ потому, что справедливость его доказана западною наукою, а все то, въ чемъ славянофилы противорѣчатъ западной наукѣ, нами положительно и рѣшительно отвергается, потому что рѣшительно не выдерживаетъ научной критики и противорѣчитъ историческимъ фактамъ.

Взглядъ на общину, который мы защищаемъ, принадлежитъ западной наукѣ, а не славянофиламъ; мы полагаемъ, что славянофилы раздѣляютъ его, и говоримъ, что въ такомъ случаѣ они справедливы на столько, на сколько соглашаются съ истинами, доказанными западною наукою, ни больше, ни меньше.

Если славянофилы хвалятъ насъ за то, что мы одобряемъ ихъ мнѣнія о предметахъ, о которыхъ они думаютъ согласно съ западною наукою, мы очень были бы благодарны за такую похвалу. Если же они полагаютъ, что мы имъ сочувствуемъ или можемъ когда нибудь сочувствовать въ чемъ нибудь отвергаемомъ западною наукою, или опровергаемомъ фактами нашей исторіи или нашего быта, они совершенно ошибаются. Это мы говоримъ,

Digitized by Google

вообще относясь къ славянофиламъ. Что же касается до того, что насъ вздумала похвалить „Молва“, мы чрезвычайно огорчены тѣмъ, что прочитали похвалу себѣ въ газетѣ, допускающей на свои страницы неприличныя выходки противъ партіи, гораздо болѣе нами уважаемой, нежели партія славянофиловъ, и оскорбительную брань на людей, ученыя или литературныя заслуги и благородство мнѣній которыхъ мы высоко, очень высоко цѣнимъ, какъ, напримѣръ, брань на гг. Забѣлина, Каткова, Леонтьева, Павлова, Соловьева, Чичерина и другихъ. Похвалу себѣ отъ такой газеты мы принимаемъ за величайшую непріятность, какой только можетъ подвергнуться человѣкъ или журналъ, и покорнѣйше просимъ „Молву“ пощадить насъ отъ своихъ похвалъ, пока не измѣнитъ она своего тона на столько, чтобы можно было принимать ея похвалы безъ стыда.

Но это было постороннее. Возвратимся къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ находить справедливость на сторонѣ протекціонистовъ, вовсе не будучи протекціонистомъ, или находить у нѣкоторыхъ славянофиловъ справедливыя убѣжденія относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, ни мало не будучи славянофиломъ?

Относительно вопроса о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ мы сошлемся на примѣръ покойнаго Журавскаго и приведемъ отрывокъ изъ составленнаго подъ его редакціею „Описанія Кіевской губерніи“,—отрывокъ, который мы уже приводили въ разборѣ этой превосходной книги („Современникъ“ 1856 г. № 8). Исчисливъ цѣнность фабрично-заводскихъ произведеній Кіевской губерніи и количество работниковъ, занятыхъ этимъ производствомъ, Журавскій продолжаетъ:

„Это исчисленіе еще далеко отъ точности, нужной для положительныхъ заключеній; но навѣрное можно сказать, что оно ниже дѣйствительнаго числа мастеровыхъ рабочихъ, употребленныхъ на здѣшнихъ фабрикахъ и заводахъ, даже и въ такомъ случаѣ, если считать наемныхъ 5,000 и крѣпостныхъ 16,000, всего 21,000. Это весьма любопытныя числа, собраніе которыхъ рекомендуемъ статистическимъ изыскателямъ, ибо они имѣютъ близкую связь съ нѣкоторыми экономическими вопросами, и между прочимъ съ новѣйшимъ вопросомъ о свободной торговлѣ. По нашему мнѣнію, примѣняя его теоретически къ нашему отечеству, надобно болѣе имѣть въ виду пользу значительнаго класса промышленниковъ, интересованныхъ въ сохраненіи и процвѣтаніи отечественныхъ фабрикъ, нежели выгоды потребителей фабричныхъ произведеній, составляющихъ самый малочисленный, а вмѣстѣ и достаточный классъ нашего населенія. Изъ приведеннаго исчисленія видимъ, что для фабричнаго производства одной губерніи нужно до 21,000 рабочихъ; пріобрѣтаемая каждымъ изъ нихъ плата имѣетъ прямое вліяніе на благосостояніе какъ самихъ работающихъ, такъ и семействъ ихъ; слѣдовательно, полагая среднимъ числомъ до 5 душъ семейство на каждаго работающаго, можно заключить, что до 100,000 душъ интересовано въ фабричномъ производствѣ одной губерніи. Предположивши теперь, что, вслѣдствіе свободнаго привоза заграничныхъ фабричныхъ издѣлій дешевыхъ, прочныхъ и красивыхъ, подобныя же издѣлія здѣшнихъ фабрикъ будутъ вытѣснены изъ торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ закроются и самыя фабрики; тогда, конечно, многіе изъ питающихся теперь отъ фабрикъ лишились бы куска хлѣба, ничего не выигравши отъ свободнаго привоза, ибо простой народъ почти вовсе не потребляетъ фабричныхъ издѣлій; вся выгода была бы на сторонѣ достаточныхъ классовъ. Но это могло бы случиться тогда только, когда всѣ руки, употребляемыя на фабрикахъ, работали бы по вольному найму и безъ раздѣла заработковъ; въ настоящемъ же положеніи здѣшней фабричной промышленности, почти три четверти рабочихъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ не интересованы въ сохраненіи помѣщичьихъ

Digitized by Google

фабрикъ, на которыхъ работа по большей части не выгодна и тягостна, подрывъ и уничтоженіе этихъ фабрикъ было бы, можетъ быть, благомъ для работающихъ по неволѣ. Такъ сложны и отличны отъ другихъ народовъ наши экономическіе интересы въ настоящее время! и нельзя не пожелать, чтобы наши ученые, примѣняя къ нимъ вопросы современной науки, не теряли изъ виду этихъ особенностей, а напротивъ, усиливались бы привести ихъ въ самую точную извѣстность наблюденіями и статистическими изысканіями".

Изъ этого очень ясно видно, что Журавскій вообще не хотѣлъ быть ни безусловнымъ приверженцемъ свободной торговли, ни протекціонистомъ. Почему же такъ? Это очевидно. Онъ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія, гораздо болѣе высокой, нежели основаніе, по которому раздѣляются приверженцы той и другой системы. Протекціонисты говорятъ: „во что бы то ни стало, покровительствуйте фабрикамъ". Приверженцы свободной торговли говорятъ: „во что бы то ни стало, увеличивайте цифру заграничной торговли". Журавскій ни того, ни другаго принципа не принималъ основнымъ правиломъ экономической науки. Онъ говоритъ: „прежде всего и больше всего надобно думать о народномъ благосостояніи. Все, что содѣйствуетъ ему, я защищаю. Все, что вредитъ ему, я отвергаю. Если въ данной странѣ, въ данное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, фабрики нужнѣе для благосостоянія народа, нежели увеличеніе цифры заграничной торговли и дешевизна фабричныхъ продуктовъ, я защищаю фабрики въ этой странѣ и готовъ быть протекціонистомъ на этотъ разъ. Если же фабрики въ данной странѣ, въ данное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ невыгодны для народнаго благосостоянія, то я противникъ этихъ фабрикъ въ этой странѣ и защищаю свободную торговлю, которая уничтожитъ эти фабрики".

„Но въ такомъ случаѣ, скажете вы, Журавскій не имѣлъ точно опредѣленнаго, совершенно самосостоятельнаго взгляда на вопросъ о томъ, какова должна быть національная промышленность, если онъ готовъ былъ въ иныхъ случаяхъ признавать справедливость протекціонистовъ, въ другихъ—соглашаясь съ защитниками свободной торговли". Онъ не хотѣлъ ни того, что хотятъ одни, ни того, что хотятъ другіе; что же онъ хотѣлъ? Онъ хотѣлъ совершенно иного, и если вы желаете узнать, чего именно хотѣлъ онъ, то прочтите слѣдующій отрывокъ изъ „Описанія Кіевской губерніи".

„Какъ въ сельскомъ хозяйствѣ важное мѣсто занимаетъ вопросъ о преимуществахъ большихъ или малыхъ хозяйствъ, такъ и въ фабричной промышленности представляется тотъ же вопросъ: какая фабрикація, большая или малая, полезнѣе для производителей и для потребителей? Здѣсь прежде всего надобно опредѣлить, что разумѣть большою фабрикаціею и что малою? Первая, конечно, та, которая для производства соединяетъ въ одно цѣлое работу многихъ рукъ, распредѣляя между ними части издѣлія, или замѣняетъ большую часть рукъ машинами; таковы всѣ заведенія, называемыя фабриками, мануфактурами, заводами, требующими болѣе или менѣе значительныхъ капиталовъ, вкладочныхъ и оборотныхъ. Малая фабрикація состоитъ въ ручной выдѣлкѣ, при пособіи нѣкоторыхъ простыхъ машинъ и снарядовъ, одного или нѣсколькихъ рабочихъ, а чаще и вовсе безъ нихъ, однимъ семействомъ, низшихъ сортовъ нѣкоторыхъ издѣлій, производимыхъ настоящими фабриками. Такъ, напримѣръ, сукно, полотно, тесемки, пряжа, шляпы, кожи, свѣчи, посуда, кирпичъ, черепица и т. п. выдѣлываются большими массами, лучшихъ сортовъ на фабрикахъ, и тѣже самыя издѣлія производятся безъ всякаго почти капитала крестьянскими семействами и разными мелкими промышленниками для собственнаго употребленія и для продажи. Разумѣется,

Digitized by Google

издѣлія послѣднихъ весьма не совершенны и не могутъ достигать тонкости и чистоты отдѣлки, возможной теперь только на фабрикахъ; но это надобно приписать болѣе несовершенству употребляемыхъ ими машинъ и снарядовъ и низкой степени искусства у большей части мелкихъ фабрикантовъ. Несомнѣнно, что подобныя произведенія могутъ достигать высокой степени достоинства, чему примѣромъ служатъ: полотна Костромскихъ крестьянъ, издѣлія нѣкоторыхъ Тульскихъ оружейниковъ, Ліонскія шелковыя издѣлія, выработываемыя не на фабрикахъ, а мастеровыми въ своихъ жилищахъ, при пособіи семейства и наемныхъ рабочихъ, Голландскія кружева и т. п. Все это произведенія домашней фабрикаціи, показывающія, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ ловкость человѣческихъ рукъ, и при самыхъ простыхъ снарядахъ, можетъ съ выгодою соперничествовать съ многосложными и дорогими машинами большихъ фабрикъ. И если ручное производство по сю пору такъ мало облегчено и распространено, такъ мало сдѣлало успѣховъ въ искусственномъ отношеніи, то это оттого, что всѣ усилія ума ученыхъ и техническихъ нашего времени направлены на изобрѣтенія и улучшенія большихъ машинъ, служащихъ для фабричнаго производства. На мелкихъ фабрикантовъ никто изъ нихъ не удостоиваетъ обратить вниманія, никто не подумаетъ, какими бы средствами сократить ручную работу, улучшить употребительные донынѣ снаряды и машины, ввести новые, сдѣлать доступною, для каждаго семейства, въ маломъ размѣрѣ, выработку предметовъ, возможную донынѣ только для большихъ фабрикъ. Между тѣмъ этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, по огромному числу интересованныхъ въ немъ семействъ и представляетъ обширное поле изобрѣтательности первоклассныхъ умовъ; изобрѣтенія, подобныя самопрялкѣ, сдѣлавшейся общеупотребительною у простаго народа, могутъ быть важнѣе всякихъ усовершенствованій фабричныхъ машинъ. По крайней мѣрѣ, это справедливо относительно нашего отечества, гдѣ большая фабрикація по сю пору обращается въ пользу достаточнаго класса производителей капиталистовъ и не менѣе достаточнаго класса потребителей ихъ произведеній, какъ-то: сахара, тонкихъ суконъ и полотенъ, столоваго бѣлья, шелковыхъ издѣлій, табаку и сигаръ и т. п.; всѣ эти предметы или не нужны, или не доступны по цѣнѣ нашему простому народу, т. е. болѣе $^3/_4$ всего населенія Государства. При нынѣшнихъ нравахъ, бытѣ и состояніи этой огромной массы народа, заключающей въ себѣ не менѣе 45 мильоновъ душъ, они имѣютъ и долго еще будутъ имѣть потребности, различныя отъ потребностей высшихъ классовъ, неудовлетворяемыя большою фабрикаціей. Для нихъ-то и необходимы улучшенія въ малой фабрикаціи, которая могла бы съ одной стороны снабжать простой народъ прочными, хорошо обработанными и дешевыми издѣліями, а съ другой водворять довольство въ семействахъ производителей, особенно необезпеченныхъ въ пропитаніи хлѣбопашествомъ. Впрочемъ, мы вовсе не разумѣемъ, чтобы мелкая фабрикація могла замѣнить большую; обѣ они могутъ итти рядомъ, развиваться и усовершенствоваться одновременно, по различію состоянія потребителей произведеній той и другой; только первая, какъ значительно отставшая отъ послѣдней, болѣе требуетъ теперь, по нашему мнѣнію, поощренія и вниманія ученыхъ и правительства, особенно это важно въ видахъ улучшенія нравовъ и охраненія отъ порчи простаго народа.

„Мелкая фабрикація, какъ мы сказали, требуетъ для производства болѣе или менѣе простыхъ машинъ и снарядовъ; для ткачей станки, для кожевенниковъ чаны, для свѣчниковъ разная посуда, литейныя формы и т. д. Этими принадлежностями мастерства она отличается отъ ремеслъ, требующихъ для производства ручныхъ инструментовъ, которыхъ замѣна машинами по большей части или неудобна, или невозможна. Если угодно, и ремесло, производимое въ большомъ размѣрѣ, можетъ стать на степень фабрики, вслѣдствіе дѣленія труда. Такъ, напримѣръ, въ большой мастерской портнаго, гдѣ работаетъ человѣкъ двадцать, одни исключительно занимаются кройкою, другіе обдѣлкою петлицъ и бортовъ; третьи—тровицами и т. д. Изъ соединенія всѣхъ этихъ частей выходитъ цѣлое платье. Но, съ другой стороны, и изъ малыхъ фабричныхъ мастерствъ можетъ образоваться большое фабричное производство, съ сохраненіемъ домашняго характера фабрикаціи. Каждый фабрикантъ можетъ заниматься дома одною какою либо степенью производства, и издѣліе, переходя изъ однѣхъ рукъ въ

Digitized by Google

другія, сдѣлается наконецъ настоящимъ фабричнымъ издѣліемъ. Такого рода выдѣлка фабричныхъ суконъ и полотенъ низшихъ сортовъ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской губерніи, и въ большемъ противъ прочихъ размѣрѣ—въ м. Коростышевѣ Радомысльскаго уѣзда. Лѣтъ двадцать тому, нѣсколько семействъ иностранцевъ, выходцевъ изъ Царства Польскаго, поселились въ этомъ мѣстечкѣ и занялись почти исключительно выдѣлкою сукна и полотна.—Неизвѣстно, отъ нихъ ли переняли Коростышевскіе жители это мастерство, или еще прежде занимались имъ; только въ настоящее время считается тамъ 16 мастерскихъ этого рода, изъ числа которыхъ въ десяти приготовляютъ пряжу и ткутъ, въ двухъ—красятъ, въ двухъ ткутъ холстъ, а иногда и шерсть, и въ двухъ стригутъ и ворсуютъ сукно; хозяева двухъ послѣднихъ мастерствъ сами разводятъ ворсильныя шишки. Во всѣхъ этихъ мастерскихъ дѣйствуетъ слѣдующее число машинъ: прядильныхъ—15, ворсовальныхъ—17, постригальныхъ—2, волчковъ—17, ткацкихъ станковъ: для сукна 18, и для полотна 26; изъ послѣднихъ—6 принадлежатъ иностранцамъ, всѣ прочіе—мѣстнымъ жителямъ. Каждая штука сукна выдѣлывается соединенными силами нѣсколькихъ фабрикантовъ и переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія до окончательной отдѣлки. Шерсть, краски и другіе матеріалы покупаются въ Бердичевѣ, или получаются отъ купцовъ въ обмѣнъ на сукно. Выдѣлывается ежегодно до 320 штукъ сукна, на сумму до 2,600 р. серебр. Многія изъ значительныхъ статей расхода, свойственныхъ большимъ суконнымъ фабрикамъ, какъ-то: на жалованье и содержаніе мастеровъ, рабочихъ и оффиціалистовъ, на многіе матеріалы, нужные для выдѣлки высшихъ сортовъ, на доставку этихъ матеріаловъ, на проценты съ огромныхъ вкладочныхъ капиталовъ, и тому подобное; всѣ эти статьи не существуютъ въ малой фабрикаціи Коростышевскихъ суконъ, и весь ея расходъ не превышаетъ половины выручки, т. е. въ чистый доходъ фабрикантамъ остается около 1,300 р. сер., что составитъ, среднимъ числомъ, до 80 р. сер. на семейство, не считая прибыли отъ выдѣлки полотна. Высшая цѣна выдѣлываемыхъ ими суконъ до 2 р. сер. за аршинъ; но такого сорта дѣлаютъ очень мало, а обыкновенно цѣною въ 1 р. 50 к. и въ 1 р. 30 к. сер. аршинъ. Если оказывается надобность въ высшемъ сортѣ, то для окраски и окончательной отдѣлки такихъ штукъ посылаютъ ихъ на Хабенскую суконную фабрику.

„Другой подобный примѣръ выдѣлки полотенъ мы привели въ описаніи колоніи меноннистовъ въ бердичевскомъ уѣздѣ (см. Ч. II, Отд. V). Ткачество составляетъ у нихъ принадлежность каждаго хозяйства, и этимъ искусствомъ они вырабатываютъ впродолженіе зимы холста: изъ собственнаго матеріала на сумму до 500 р. сер., изъ посторонняго по заказамъ—до 800 р. сер.; и это—чистая ихъ прибыль, не считая холста, употребленнаго на собственныя надобности.

„Сукна и полотна, выдѣлываемыя въ означенныхъ мѣстахъ, хотя далеко ниже добротою и цѣною противъ подобныхъ же издѣлій большихъ фабрикъ, однако и они далеко превышаютъ средства самой большей части потребителей, т. е. крестьянъ, которые не въ состояніи платить по 1 р. 30 к. и 1 р. 50 к. сер. за аршинъ сукна себѣ на платье, или по 30 к. сер. за аршинъ полотна на бѣлье. Для нихъ возможно только самое простое сукно, котораго цѣна здѣсь отъ 25 до 30 к. сер. арш., а холстъ отъ 6 до 8 к. сер. аршинъ. Выдѣлкою какъ этихъ предметовъ, такъ и многихъ другихъ, нужныхъ для одежды и хозяйства сельскихъ жителей, занимаются въ селеніяхъ по большей части крестьяне, не находящіе въ хлѣбопашествѣ достаточныхъ средствъ къ пропитанію, также состоящіе при господскихъ дворахъ мастеровыми, въ свободное отъ господской работы время, разныхъ званій вольноживущіе въ селеніяхъ и въ мѣстечкахъ. Ихъ произведенія, какъ-то: простое сукно и шитье изъ него: армяки или свиты, грубый холстъ, выдѣланныя овчины и готовые тулупы, шапки и шляпы, сапоги, плахты, запаски, глиняная посуда, телѣжныя части и множество другихъ предметовъ, выставляются на продажу на всѣхъ ярмаркахъ и базарахъ, въ мѣстечкахъ и селеніяхъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить подробностей касательно способовъ выдѣлки этихъ товаровъ“.

Изъ этого мы довольно ясно видимъ, что у Журавскаго былъ свой

Digitized by Google

самостоятельный, независимый отъ споровъ между протекціонистами и приверженцами свободной торговли и очень опредѣлительный взглядъ на отношенія фабричнаго производства къ потребностямъ страны. Онъ не колебался между двумя спорившими партіями. Онъ твердо стоялъ на своей точкѣ зрѣнія, съ которой могъ безпристрастно обсуждать желанія обѣихъ партій. Каждую изъ враждующихъ между собою партій онъ одобрялъ за то, что въ ея желаніяхъ сообразно съ народнымъ благосостояніемъ. :Быть можетъ, и очень даже вѣроятно, онъ жалѣлъ, зачѣмъ такіе дѣятельные споры ведутся съ точки зрѣнія не довольно возвышенной. Быть можетъ, и очень даже вѣроятно, что онъ жалѣлъ, зачѣмъ протекціонисты и защитники свободной торговли, поднимая такой сильный споръ изъ за вопроса о фабрикахъ, такъ легко забываютъ въ пылу своего увлеченія, что существуютъ въ наукѣ точки зрѣнія болѣе возвышенныя, нежели увеличеніе фабричнаго производства или заграничной торговли; забываютъ такъ часто и такъ легко, что вопросы, о которыхъ они спорятъ, имѣютъ существенную важность только по своимъ отношеніямъ къ высочайшему вопросу науки, вопросу о народномъ благосостояніи, и только на основаніи этихъ отношеній должны быть разрѣшаемы такъ или иначе.

Признаемся, что въ вопросѣ о свободной торговлѣ и національномъ фабричномъ производствѣ мнѣніе Журавскаго кажется намъ совершенно справедливо. Признаемся, что мы въ этомъ случаѣ всегда готовы стать на сторонѣ той партіи, которая успѣетъ доказать, что ея рѣшеніе вопроса сообразнѣе съ народнымъ благосостояніемъ. Признаемся также, что до сихъ поръ не видимъ, чтобы та или другая партія успѣла положительнымъ образомъ доказать это, потому что ни та, ни другая не заботилась достаточно о доказательствахъ подобнаго рода. Признаемся также, что рѣшеніямъ той и другой партіи мы предпочитаемъ совершенно иное рѣшеніе, предложенное Журавскимъ въ послѣднемъ изъ приводимыхъ нами отрывковъ. Смыслъ этого отрывка таковъ: больше, нежели о возрастаніи фабричнаго производства, больше, нежели объ увеличеніи заграничной торговли, надобно заботиться о развитіи домашней выдѣлки фабричныхъ издѣлій. Для этой выдѣлки надобно желать прямаго покровительства. Что же касается до вопроса о томъ, полезно ли прямое покровительство фабрикамъ, то при разрѣшеніи его надобно было бы имѣть въ виду не столько отношеніе нашихъ фабрикъ къ заграничному производству подобныхъ товаровъ, сколько отношеніе ихъ къ благосостоянію класса людей, находящихъ на нихъ работу, и еще болѣе, отношеніе фабрикъ къ домашней выдѣлкѣ фабричныхъ издѣлій.

Нѣчто подобное всегда было и, надѣемся, будетъ въ нашемъ взглядѣ на споры, раздѣляющіе славянофиловъ отъ западниковъ. Много разъ мы говорили, что не придаемъ первостепенной важности тѣмъ вопросамъ, изъ-за которыхъ славянофилы вздумали раздѣлять себя отъ западниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросы эти имѣютъ нѣкоторую и даже довольно значительную важность для науки и для жизни. Но гораздо важнѣй ихъ многіе другіе вопросы, которые стоятъ выше почти точки дѣленія между славянофилами и западниками, какъ, напримѣръ, вопросъ о необходимости просвѣщенія, о необходимости всевозможнаго содѣйствія успѣхамъ литературы, наконецъ во-

Digitized by Google

просъ о народномъ благосостояніи. Тутъ нѣтъ раздѣла на славянофиловъ и западниковъ; тутъ люди раздѣляются по степени своего сочувствія къ народному благу и къ рѣшеніямъ этого вопроса, даваемымъ современною наукою. По нашему мнѣнію, хотя бы я былъ самымъ ревностнѣйшимъ западникомъ, я всетаки не буду заслуживать ни малѣйшаго сочувствія отъ достойныхъ уваженія людей, если подъ моимъ западничествомъ скрывается обскурантизмъ или апатія; хотя бы я былъ самымъ эксцентрическимъ славянофиломъ и хотя бы я даже носилъ тѣ желтые сапожки, надъ которыми столько смѣялись, я все таки заслуживалъ бы самаго сильнаго сочувствія со стороны достойныхъ уваженія западниковъ, если бы я, съ тою же энергіею, какъ они, желалъ распространенія просвѣщенію, успѣховъ литературѣ и особенно разрѣшалъ бы въ такомъ же смыслѣ, какъ они, вопросы, прямо касающіеся народнаго благосостоянія. Если бы я имѣлъ совершенно ложный взглядъ на древнюю Русь, если бы я не только воображалъ, что въ XV или XIII вѣкѣ между нашими предками было много людей, въ совершенствѣ знавшихъ греческій языкъ и постигавшихъ Платона и Аристотеля лучше, нежели западные ихъ современники; но даже если бы я воображалъ, что въ тѣ времена Русь имѣла множество желѣзныхъ дорогъ, всѣ эти заблужденія можно было бы извинить мнѣ, если только въ настоящее время я считаю полезнымъ изученіе Платона и Аристотеля съ ихъ преемниками и проведеніе желѣзныхъ дорогъ.

О свободной международной торговлѣ. (Изъ путевыхъ записокъ А. Сербера-Медельгейма). *Москва 1857.*

Г. П. Андреевъ, переводчикъ этой главы изъ „Путевыхъ записокъ" Сербера-Медельгейма, въ предисловіи увѣряетъ насъ, будто бы этотъ авторъ чрезвычайно основательно и хорошо разсматриваетъ вопросъ о необходимости протекціонной системы для Франціи и будто бы онъ очень убѣдительно доказываетъ пагубность низкаго тарифа для Франціи. Мы, къ сожалѣнію, не нашли ни убѣдительности, ни основательности въ отрывкѣ, переведенномъ трудами г. П. Андреева. Слишкомъ горячіе приверженцы свободной торговли могутъ, пожалуй, заподозрить насъ въ сильной наклонности къ протекціонной системѣ, прочитавъ нашу статью о книжкѣ г. Шипова. Но намъ кажется, что люди безпристрастные увидятъ въ ней взглядъ, совершенно различный отъ тѣхъ мнѣній, которыя могутъ нравиться протекціонистамъ. Здѣсь надобно прибавить, что вообще протекціонисты защищаютъ свое дѣло съ такой узкой точки зрѣнія чисто фабричныхъ интересовъ, которая едва ли кому нибудь, кромѣ фабрикантовъ, можетъ казаться удовлетворительною, и взводятъ на систему свободной торговли такія обвиненія, которыя по меньшей мѣрѣ забавны. Вотъ хотя бы Серберъ-Медельгеймъ воображаетъ, будто бы англичане, установляя у себя низкій тарифъ, имѣли цѣлію погубить Францію, а Франція будто бы такая земля, которая можетъ производить въ избыткѣ все, нужное для ея жителей, въ томъ числѣ вѣроятно кофе и хлопчатую бумагу. Каждый, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о дѣлѣ, видитъ нелѣпость такихъ странныхъ увѣреній. Каждый знаетъ, что англичане понизили свой тарифъ потому, что это для нихъ самихъ

Digitized by Google

было выгодно, а вовсе не для того, чтобы губить Францію или огорчать Серберъ-Медельгейма. Каждый знаетъ также, что если кто нибудь вредитъ Франціи, то конечно не англичане, а французы, подобные Серберъ-Медельгейму, который, чтобы поддержать высокую цѣну на желѣзо своего завода, готовъ былъ бы не только запретить ввозъ во Францію англійскаго желѣза, совершенно для нея необходимаго, но, пожалуй, радъ былъ бы окружить Францію китайскою стѣною. Само собою разумѣется, что уже если бы пришлось выбирать между французскими желѣзно-заводчиками и французскими защитниками свободной торговли, то надобно было бы согласиться, что на сторонѣ послѣднихъ вообще гораздо больше справедливости, а въ частности, по вопросу о томъ, нужно ли понизить пошлину во Франціи на привозное желѣзо, надобно сказать, что справедливость рѣшительно вся на сторонѣ французскихъ приверженцевъ свободной торговли. Дешевизна желѣза могущественно содѣйствуетъ улучшенію народнаго быта. Англія производитъ желѣзо по цѣнѣ гораздо болѣе дешевой, нежели Франція. Несправедливо задерживать развитіе народнаго благосостоянія во Франціи запрещеніемъ или высокими пошлинами на англійское желѣзо для того, чтобы французскіе желѣзно-заводчики могли продавать свое желѣзо по высокой цѣнѣ, обременительной для французской націи. Но Серберъ-Медельгеймъ защищаетъ свой частный интересъ, противный общему національному интересу. Человѣку, защищающему несправедливое дѣло, или должны представляться вещи въ ложномъ свѣтѣ (если онъ не понимаетъ своей несправедливости), или (если онъ понимаетъ несправедливость дѣла и однако же защищаетъ его) должно быть равно пріятны и не справедливыя средства, лишь бы только защититься. Потому-то Серберъ-Медельгеймъ и доходитъ до такой крайности, что превозноситъ даже знаменитую континентальную систему Наполеона,—систему, которая не только была разорительна для Европы, въ томъ числѣ и для Франціи, но была одною изъ главныхъ причинъ паденія и самого Наполеона. Мнѣнія такихъ людей, какъ Серберъ-Медельгеймъ, защищать невозможно, и опираться на ихъ помощь для защиты своихъ мнѣній—совершенная ошибка.

Путешествіе по Восточной Сибири И. Булычева, *Императорскаго Географическаго Общества Дѣйствительнаго Члена. Часть I. Якутская Область, Охотскій край. С.-Пбургъ. 1856.*

Не каждый годъ издаются у насъ частными людьми такія великолѣпныя вещи, какъ атласъ рисунковъ, приложенный къ книгѣ г. Булычева. Атласъ состоитъ изъ шестидесяти-пяти большихъ листовъ, изображающихъ виды городовъ Восточной Сибири, между прочимъ, Якутска, Олекминска, Охотска, Петропавловскаго Порта, виды различныхъ замѣчательнѣйшихъ зданій и остатковъ древностей въ Восточной Сибири, виды различныхъ мѣстностей, жилища и домашній или кочевой бытъ различныхъ инородцевъ, населяющихъ Восточную Сибирь, ихъ одежду и прочее. Литографированы рисунки прекрасно. Многіе изъ нихъ раскрашены также прекрасно. По отзывамъ людей, знающихъ Восточную Сибирь, они очень удовлетворительно и вѣрно знакомятъ насъ съ этою страною и бытомъ ея жителей. Изданіе такихъ роскошныхъ атласовъ у насъ въ Россіи требуетъ очень значитель-

Digitized by Google

ныхъ денежныхъ пожертвованій со стороны издателя, и, конечно, г. Булычеву приноситъ большую честь, что онъ предпринялъ такое прекрасное дѣло. Текстъ книги надобно разсматривать главнымъ образомъ, какъ объясненіе великолѣпнаго атласа. Онъ заключаетъ въ себѣ краткое обозрѣніе исторіи Сибирскаго края и путевыя замѣтки, веденныя г. Булычевымъ во время его многочисленныхъ разъѣздовъ по Сибири и дополненныя отчасти обозрѣніемъ сибирскихъ архивовъ, отчасти извлеченіями изъ другихъ источниковъ свѣдѣній нашихъ объ Восточной Сибири.

Статистическіе Труды И. Ѳ. Штукенберга. *Статья II. Описаніе Оренбургской губерніи съ Уральско-Оренбургскою линіею. Статья III. Описаніе Ставропольской губерніи съ землею Черноморскихъ козаковъ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пбургъ. 1857.*

Мы помѣщаемъ здѣсь заглавія двухъ вновь вышедшихъ книжекъ почтеннаго изданія, о началѣ котораго недавно говорили, для того, чтобы наша замѣтка замѣняла объявленіе о продолженіи изданія, достоинства котораго уже признаны всѣми людьми, занимающимися у насъ изученіемъ Россіи въ географическомъ, статистическомъ, сельско-хозяйственномъ или промышленномъ отношеніи.

Издатель, сынъ покойнаго Ивана Ѳедоровича Штукенберга, ко второй статьѣ приложилъ краткую біографію своего отца, которая первоначально была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ этой краткой біографіи мы находимъ извѣстія объ автобіографіи, доведенной И. Ѳ. Штукенбергомъ до 1845 г. Надобно желать, чтобы эта автобіографія была издана. Жизнь такихъ честныхъ, энергическихъ и полезныхъ людей, какъ Штукенбергъ, всегда имѣетъ интересъ. Потому надобно желать также, чтобы издана была и подробная біографія его, написанная его сыномъ, переводчикомъ и издателемъ его „Статистическихъ Трудовъ“.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

май 1857.

О новомъ направленіи въ полемикѣ.—Полемика между „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Молвою“.

Съ того времени, какъ вновь оживилась русская литература, интересъ споровъ, возбуждавшихся въ ней, заключался преимущественно въ идеяхъ, о которыхъ различными партіями высказывались различныя мнѣнія. Вопросы о вредѣ, который приноситъ государственному организму взяточничество, и средствахъ къ искорененію этого дурнаго обычая, о преимуществахъ низкаго тарифа надъ высокимъ, о направленіи желѣзныхъ дорогъ, о выгодахъ, какихъ можно ожидать отъ нихъ, о различныхъ преобразованіяхъ въ нашемъ сельско-хозяйственномъ бытѣ, и множество другихъ подобныхъ тому вопросовъ,—всѣ они имѣли интересъ, совершенно независимый отъ вопроса о личномъ достоинствѣ людей, которыми велись эти споры. Кому, напримѣръ, была какая нибудь надобность знать степень учености г. Бланка, кому было любопытно узнать, по какимъ именно побужденіямъ написалъ онъ статейку, подавшую поводъ къ блистательнымъ возраженіямъ гг. Безобразова и Чичерина, обратившимъ на себя общее вниманіе? Личностью г. Бланка не интересовался ровно никто изъ читателей. Всѣ были заняты единственно идеями, о которыхъ шелъ споръ. Даже въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ „Русскою Бесѣдою“ о народномъ воззрѣніи, о достоинствахъ и недостаткахъ стариннаго русскаго быта, дѣло шло о научной достовѣрности того или другаго воззрѣнія, а не о качествахъ людей, защищавшихъ то или другое мнѣніе. Если тотъ или другой изъ людей, защищавшихъ извѣстное мнѣніе, подвергался порицанію отъ своихъ противниковъ, то единственно за неосновательность мнѣній или нелогичность тѣхъ выводовъ, которыхъ онъ держался вмѣстѣ съ своею партіею, но не за личные свои недостатки. Если кому нибудь случалось дѣлать ошибку, принадлежащую лично ему, но не всей той партіи, представителемъ или защитникомъ которой онъ являлся, то эта ошибка легко забывалась, какъ неважная для сущности дѣла. Это понятно. Дѣло шло объ основательности мнѣній цѣлой партіи, а не о достоинствахъ или недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ.

Digitized by Google

Съ нѣкотораго времени обнаружилось иное направленіе въ нашей полемикѣ: ведутся споры о томъ, каковы права на ученый авторитетъ у г. В. Григорьева (въ статьѣ г. Павлова и слѣдовавшихъ за нею), у г. И. Крылова (въ письмахъ Байбороды и слѣдовавшихъ за ними статьяхъ), у г. Лебедева (въ письмахъ Военнаго Байбороды). Въ послѣдніе полтора или два мѣсяца именно эти споры объ авторитетахъ отдѣльныхъ лицъ наиболѣе занимали публику, по крайней мѣрѣ здѣсь и въ Москвѣ. (Впечатлѣнія, произведеннаго этимъ новымъ родомъ полемики на читателей въ провинціяхъ, мы еще не знаемъ опредѣлительно. Но есть вѣроятность предполагать, что провинціи менѣе столицъ заинтересованы этими новыми спорами, и, признавая литературное достоинство въ письмахъ Байбороды, Челышевскаго и Ярослава, не находятъ особенно любопытнымъ ихъ содержаніе, хотя и считаютъ его справедливымъ). Такое вниманіе, обращенное на полемику, имѣющую предметомъ лица, а не идеи, нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ читателей не совсѣмъ нравилось. Мы имѣли случай встрѣчаться съ людьми вполнѣ достойными уваженія, которые, признавая, напримѣръ (какъ и требуетъ справедливость), что въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ гг. Григорьевымъ и Крыловымъ и ихъ партизанами, не только литературное и ученое превосходство, но и вся правда дѣла находится на сторонѣ „Русскаго Вѣстника“, не совсѣмъ довольны однакожъ были тѣмъ, что споры эти приняли довольно широкій размѣръ, ведутся съ большимъ одушевленіемъ, и растянулись уже на нѣсколько книжекъ журнала, высоко уважаемаго этими людьми, какъ и всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи. Не то, чтобы дѣло „Русскаго Вѣстника“ казалось несправедливо людямъ, въ противность своему обыкновенію порицающимъ его въ этомъ случаѣ; но они жалѣютъ о томъ, что подобные личные споры развлекаютъ вниманіе журналистики и публики, отвлекаютъ вниманіе отъ вопросовъ болѣе серьезныхъ, отъ споровъ болѣе полезныхъ по ихъ мнѣнію. „Какая польза доставлена обществу (говорятъ эти люди) тѣмъ, что мы узнали степень уваженія, какого заслуживаетъ ученый авторитетъ гг. В. Григорьева и И. Крылова,—авторитетъ, о которомъ немногіе изъ насъ и слыхивали до той поры, какъ немногіе изъ насъ слыхивали о какой нибудь Санунъ-горѣ, пріобрѣтшей извѣстность, единственно благодаря тѣмъ выстрѣламъ, которые были съ успѣхомъ на нее направлены? Какой изъ вопросовъ науки или жизни хотя на шагъ подвинулся впередъ всѣми этими „Изобличительными письмами“, которыя впрочемъ написаны съ большимъ талантомъ? Мы узнали только, что г. И. Крыловъ, о которомъ мы прежде ровно ничего не знали, не долженъ быть признаваемъ нами за знатока римскихъ древностей и латинскаго языка. Нечего сказать,—важное пріобрѣтеніе для насъ такое новое свѣдѣніе! А между тѣмъ время, потраченное на это людьми, какъ видно дѣйствительно учеными и талантливыми, могло быть съ пользою употреблено на разъясненіе какого нибудь дѣйствительно важнаго вопроса науки или жизни. Жаль, что въ этихъ случаяхъ полемика наша по какому-то капризу уклонилась на дорогу, нимало не нужную, и ни къ чему, истинно полезному, не ведущую“.

Такія порицанія намъ кажутся совершенно ошибочными. Наше мнѣніе объ этомъ предметѣ не можетъ ни кѣмъ быть заподозрѣно въ какой нибудь

Digitized by Google

пристрастности. Мы не принимали никакого участія въ той полемикѣ новаго рода, о которой идетъ рѣчь, и до настоящаго времени не видимъ никакихъ причинъ, которыя могли бы побудить насъ принять участіе въ спорахъ „Русскаго Вѣстника“ съ партизанами г. И. Крылова, г. В. Григорьева и прочихъ. Въ этихъ спорахъ мы до сихъ поръ оставались, и намѣрены остаться людьми, совершенно посторонними. Стало быть, и мнѣніе наше чуждо всякихъ личныхъ отношеній и основано только на сущности самого дѣла.

Прежде всего надобно замѣтить, что напрасно было бы считать новый оборотъ, принятый литературными спорами, дѣломъ случайности или прихоти со стороны „Русскаго Вѣстника“. Таковъ неизбѣжный ходъ дѣла. Начинается споръ о какомъ нибудь ученомъ вопросѣ. Сначала онъ ведется съ той и другой стороны доказательствами чисто учеными;—одна изъ ведущихъ споръ партій скоро замѣчаетъ, что доказательства ея слабы; тогда она, по необходимости, должна искать другихъ пособій, чтобы поддержать свое дѣло. Ближайшимъ и совершенно законнымъ средствомъ защиты представляется ей ссылка на авторитетъ. Не будучи въ состояніи доказать прямымъ образомъ, что наука свидѣтельствуетъ въ ея пользу, ослабѣвающая сторона старается доказывать, что вотъ такіе-то и такіе-то великіе ученые свидѣтельствуютъ въ ея пользу. Этотъ оборотъ, сказали мы, совершенно законенъ. Ничто не можетъ быть естественнѣе и справедливѣе желанія подтвердить свое мнѣніе мнѣніями ученыхъ. Спрашивается теперь: можетъ ли другая партія отказаться отъ необходимости слѣдовать за своими противниками на этотъ новый путь? Никакъ не можетъ, еслибъ и хотѣла того. Честь и совѣсть обязываютъ ее продолжать преніе на новыхъ основаніяхъ, выставленныхъ противниками. Наука не существуетъ въ отвлеченности. Она выражается въ произведеніяхъ людей, признаваемыхъ ея представителями. Истина въ наукѣ въ данное время есть то, что признается за истину передовыми людьми этой науки въ данное время. Огромное большинство публики, для пользы котораго всегда должна существовать литература, состоитъ не изъ спеціалистовъ, гордящихся самостоятельностію своихъ воззрѣній, а изъ людей, которые скромно говорятъ: „болѣе, нежели собственному суду, мы довѣряемъ мнѣніямъ великихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ“. И такъ, въ какое положеніе ставитъ своихъ противниковъ партія, начинающая ссылаться на авторитеты? Она говоритъ публикѣ: „Наши противники искажаютъ науку, заставляя ее говорить въ свою пользу. Наука говоритъ въ нашу пользу, потому что вотъ такіе-то и такіе-то великіе ученые говорятъ тоже самое, что и мы“. Если бы эти слова были оставлены безъ возраженій, дѣло было бы проиграно во мнѣніи публики тѣми людьми, которые теперь обвиняются въ противорѣчіи съ авторитетами науки. Большинство публики, недовѣряя собственному сужденію, положилось бы на мнѣніе людей, выставляемыхъ ему какъ авторитеты науки, и согласилось бы съ мнѣніемъ партіи, сославшейся на эти авторитеты. Между тѣмъ, противная партія убѣждена, что это мнѣніе есть заблужденіе. И такъ, она считала бы себя отступницею отъ дѣла истины, если бы не подвергла критикѣ передъ глазами публики тѣхъ основаній, по которымъ ея противники заставляютъ вѣрить себѣ публику. И такъ, выставленные авторитеты должны быть подвергнуты критикѣ,—и вотъ,

Digitized by Google

по необходимости, начинается споръ о томъ, дѣйствительно ли такой-то ученый, выставляемый представителемъ науки, есть великій ученый, и дѣйствительно ли онъ долженъ считаться представителемъ науки? Вы видите, что отъ общихъ вопросовъ объ идеяхъ споръ перешелъ къ вопросу объ ученыхъ заслугахъ такого-то или такого-то человѣка. Вы видите, что это не могло быть иначе. Каждый шагъ, дѣлаемый преніемъ, необходимъ и совершенно законенъ. Кто говоритъ: „пусть ведутся споры объ ученыхъ предметахъ, но не переходятъ въ споры объ ученыхъ качествахъ отдѣльныхъ лицъ“, тотъ говоритъ: „я не хочу, чтобы люди, ведущіе ученый споръ, пользовались совершенно законными и необходимыми средствами для защиты того мнѣнія, которое кажется имъ истиною. Я хочу, чтобы люди, желающіе защищать истину, соглашались безотвѣтно видѣть торжество заблужденія. Я хочу, чтобы всякая ревность къ защитѣ истины служила только для торжества заблужденій“. По нашему мнѣнію, такой человѣкъ поступилъ бы лучше, если бы откровенно сказалъ: „я не хочу, чтобъ была защищаема истина. Я хочу, чтобы умъ публики дремалъ, чтобы ученые молчали“. Такія слова были бы, по крайней мѣрѣ, искренни. Въ искренности есть что-то благородное и привлекательное. Признаемся, желаніе, столь откровенно выраженное, показалось бы намъ обольстительно по своей прямотѣ, и мы были бы расположены даже сочувствовать ему, если бы успѣли убѣдиться въ томъ, что оно удобоисполнимо. Въ самомъ дѣлѣ, какая пріятная перспектива открывается этимъ желаніемъ! Публика не тревожится никакими мыслями, безмятежно наслаждается своимъ житейскимъ, семейнымъ и общественнымъ счастіемъ. Солнце такъ кротко и ясно свѣтитъ на поля и города. Деревья зеленѣютъ, и подъ каждымъ деревомъ мирно сидитъ доброе и счастливое семейство, ведя пріятный и мирный разговоръ о томъ, какъ хороша погода, о томъ, каковъ будетъ нынѣ урожай хлѣбовъ, и тому подобныхъ, пріятныхъ и безобидныхъ предметахъ. Мы любители всякихъ идиллій. Необходимымъ условіемъ каждой идилліи предполагается то, чтобы не было ни журнальной полемики, ни толковъ о журналахъ или книгахъ, ни даже мысли о нихъ. О, какъ были бы мы счастливы, если бы могли обратиться въ Меналковъ и Тирсисовъ! Мы играли бы на свирѣляхъ, мы пасли бы нашихъ овечекъ, и мы сами были бы похожи на кроткихъ овечекъ. Усладительная, обольстительная картина! Не только журнальной полемикой, всѣми журналами можно бы пожертвовать, если бы такой цѣной возможно было купить подобное счастіе.

Къ сожалѣнію, нельзя его купить принесеньемъ въ жертву не только журнальной полемики или журналовъ, не только всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, но даже и всѣхъ грамотныхъ людей. Люди, преданные литературѣ и наукѣ, слишкомъ преувеличиваютъ силу науки и литературы надъ народнымъ сознаніемъ. Ученые и литераторы вовсе не имѣютъ такой власти надъ развитіемъ общества, чтобы слова ихъ могли разбудить его, если оно спитъ, чтобы молчаніе ихъ могло усыпить его, если оно проснулось. Не книгами, не журналами, не газетами пробуждается духъ націи, — онъ пробуждается событіями. Не шумные толки французскихъ журналовъ погубили Наполеона,— при немъ и не было никакихъ толковъ. Его погубилъ походъ 1812 года.

Digitized by Google

Не русскіе журналы пробудили къ новой жизни русскую націю,—ее пробудили славныя опасности 1812 года. О, если бы на землѣ былъ человѣкъ, который могъ бы управлять по произволу ходомъ историческихъ событій, тогда, быть можетъ, могла бы осуществиться наша идиллія о Тирсисахъ и Меналкахъ! Но этотъ человѣкъ долженъ былъ бы властвовать, по крайней мѣрѣ, надъ всею Европою и Америкою;—да и того мало: если бы оставался хотя гдѣ нибудь клочокъ земли, неподвластный ему, на этомъ клочкѣ могли бы возникнуть столкновенія, которыя повели бы къ результатамъ и непредвидѣннымъ, и неотвратимымъ. Думалъ ли лордъ Пальмерстонъ, столь гордо повелѣвающій морями, что какой нибудь ничтожный мандаринъ Ихъ, который не можетъ выслать на море эскадры, способной противиться хотя четверть часа, хотя одному слабѣйшему всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ кораблей, какими повелѣваетъ Пальмерстонъ,—думалъ ли, говоримъ мы, лордъ Пальмерстонъ, что этотъ ничтожный мандаринъ Ихъ принудитъ его измѣнить свою политику, принудитъ его соглашаться на законы, которымъ семьдесятъ лѣтъ противился Пальмерстонъ, принудитъ его кланяться своему врагу Росселю, лишитъ его, быть можетъ, его сана? Конечно, Пальмерстону и во снѣ не снилось того, однакожъ такъ случилось. Вздумалъ Ихъ обидѣть какихъ-то англичанъ; вздумалъ Пальмерстонъ наказать за то Иха, и не могъ не наказывать его, потому что иначе осудила бы Пальмерстона вся Англія; вздумалъ Парламентъ разсмотрѣть, какія мѣры принялъ Пальмерстонъ для наказанія Иха, и вздумалъ выразить, что недоволенъ этими мѣрами. Силенъ былъ Пальмерстонъ; не покорился онъ Парламенту, а распустилъ его и созвалъ новый Парламентъ,—и успѣшно, повидимому, было это дѣло для Пальмерстона. Много усилилось въ сравненіи съ прежнимъ число его приверженцевъ въ Парламентѣ, и одобрилъ новый Парламентъ мѣры, принятыя Пальмерстономъ противъ Иха. Только того и нужно было Пальмерстону; теперь онъ считалъ себя всемогущимъ; но не то вышло на дѣлѣ. Благопріятны были парламентскіе выборы для Пальмерстона, но уже черезчуръ благопріятны. Усилились люди, поддерживавшіе его политику, но усилились до того, что перестали опасаться своихъ противниковъ, перестали, слѣдовательно, и нуждаться въ Пальмерстонѣ и безъ церемоніи сказали ему: „если ты хочешь удержаться на своемъ мѣстѣ, то слушайся насъ и исполняй всѣ наши требованія; а мы требуемъ, между прочимъ, чтобы ты сталъ защитникомъ парламентской реформы, улучшеній въ судопроизводствѣ, улучшеній въ администраціи,—словомъ, чтобы ты защищалъ все то, противъ чего боролся ты цѣлыя семьдесятъ лѣтъ. До сихъ поръ былъ ты властелиномъ надъ Англіей, а теперь будь ты нашимъ покорнѣйшимъ слугой; а иначе прогонимъ мы тебя съ твоего мѣста и посадимъ на это мѣсто твоего врага, а нашего друга и предводителя лорда Джона Росселя, который намъ нравится гораздо болѣе, нежели ты“. А Джонъ Россель прибавилъ: „пока вы, милордъ Пальмерстонъ, будете служить мнѣ вѣрой и правдой, я, по своей снисходительности, не буду сгонять васъ съ вашего мѣста; а при первомъ ослушаніи вашемъ принужденъ буду, прогнавъ васъ, занять ваше мѣсто. Извольте же кланяться мнѣ, какъ можно пониже, и исполнять мои приказанія“. И пришлось Пальмерстону изъ господина сдѣлаться слугою.

Digitized by Google

Такую штуку съигралъ надъ нимъ ничтожный мандаринъ Ихъ. Спра вается теперь: много ли пользы принесло Пальмерстону то, что англійс журналистика была на его сторонѣ, и много ли вреда принесло Дж Росселю то, что англійская журналистика была на сторонѣ его вра Спрашивается также: много ли выигралъ бы лордъ Пальмерстонъ, если не было въ Англіи ни одной газеты, пока остается на свѣтѣ мандаринъ И

Въ послѣднее время, когда появилось въ нашихъ журналахъ нѣскол дѣльныхъ мыслей, нѣсколько интересныхъ статей, появились также у н люди, вообразившіе, будто журналистика имѣетъ какую-то чрезвыча огромную силу, такъ что развѣ только горъ не можетъ сдвигать съ мѣ да и то развѣ только ужъ слишкомъ большихъ, а людьми и умами можетъ ворочать по своему произволу. Многіе простодушные люди оч обрадовались такому открытію, а иные, еще болѣе простодушные, сил перепугались, сильнѣе, нежели при извѣстіи, что 13 іюля текущаго наскочитъ на землю какая-то комета и перевернетъ всю землю вверхъ дно „Если вся земля перевернется отъ кометы вверхъ дномъ, это еще нич думаютъ они:—будемъ какъ нибудь жить и на перевернутой землѣ; но в бѣда, если въ самомъ дѣлѣ у каждаго изъ насъ въ головѣ все переверне вверхъ дномъ отъ журналистики. Что тогда будетъ? Сумятица страшн Взяточники сдѣлаются героями честности, трусы героями, герои труса бараны волками, волки баранами: что тогда будетъ? А вѣдь это все мож сдѣлать журналистика. Какъ бы намъ предотвратить такое Столпотворе Вавилонское?“

Добрые люди! успокойтесь. Не въ силахъ журналистика поднять н остановить новое Столпотвореніе Вавилонское, да и первое Столпотворе Вавилонское не отъ нея произошло. Вспомните: вѣдь Немвродъ съ свои товарищами не читали ни газетъ, ни журналовъ, да и читать-то вовсе умѣли. Не въ силахъ журналистика возбуждать или удерживать движе народовъ. Оно возбуждается или останавливается силою событій, которыя отъ васъ съ нами, добрые люди, зависятъ. Не всегда зависятъ даже, ка вы видите, и отъ лорда Пальмерстона. Оставьте всѣ ваши золотыя мечты чрезвычайной силѣ журналистики. Мечты эти столь же были бы пріятны намъ, какъ онѣ пріятны вамъ; но,—увы! — мечты эти — совершенное са обольщеніе, предаваться которому значитъ гусиное перо принимать локомотивъ или за одинъ изъ тѣхъ кораблей, которыхъ такъ много у лор Пальмерстона.

Иные изъ людей, преданныхъ интересамъ просвѣщенія, науки, литер туры, могутъ сказать, что мы очень неудовлетворительно думаемъ о си литературы. Но что же дѣлать? Истина, хотя бы и невыгодная, луч самаго пріятнаго самообольщенія. Къ сожалѣнію, надобно признаться, ч типографскій станокъ не можетъ ни дѣятельностью своей пробудить наро ный духъ, ни бездѣйствіемъ своимъ усыпить его. То и другое зависитъ о событій. Печатный листъ имѣетъ совершенно другое значеніе. Онъ придае мирный и разумный характеръ мысли, пробуждаемой событіями. Онъ не силахъ не только пробуждать ее, онъ не въ силахъ даже, когда она пр будилась, сообщить ей то или другое направленіе, привлечь ее къ тѣмъ и

Digitized by Google

другимъ стремленіямъ. Все это зависитъ отъ событій, надъ которыми не властенъ не только журнальный листъ или слабая рука, его писавшая, но не властны и сильнѣйшіе люди на землѣ. Одна только сила принадлежитъ литературѣ: сообщать разумный и мирный характеръ тѣмъ стремленіямъ, которыя и рождаются, и укрѣпляются, и исчезаютъ по власти событій. Зато въ этомъ дѣлѣ помощь литературы не замѣнима ничѣмъ. Представимъ себѣ хотя такой примѣръ. Вслѣдствіе справедливыхъ требованій Россіи, Западныя Державы соединились съ нею для наложенія на Турцію обязательства сравнять христіанскихъ подданныхъ султана въ правахъ съ его мусульманскими подданными. Это справедливое требованіе, во что бы то ни стало, должно быть исполнено турецкимъ правительствомъ. Могущество трехъ державъ, наложившихъ эту обязанность, ручается за непремѣнное ея выполненіе. Надобно прибавить, что только исполненіе этой обязанности можетъ спасти Турцію отъ внутренняго распаденія и совершенной погибели по внутреннимъ неурядицамъ. Но исполненіе этой обязанности соединено для турецкаго правительства съ затрудненіями очень тяжелыми. Мусульманскій фанатизмъ и османская національная надменность одинаково возстаютъ при мысли о дарованіи турецкимъ христіанамъ правъ, равныхъ съ правами мусульманъ. Читатели знаютъ изъ газетъ, сколько страшныхъ и гнусныхъ сценъ производится мусульманскимъ населеніемъ при обнародованіи и исполненіи мѣръ, ведущихъ къ этой цѣли. Само собою разумѣется, что всѣ эти звѣрскія сцены, производимыя мусульманами, не доставятъ имъ успѣха. Турція не можетъ не исполнить договора, исполненіе котораго требуется тремя державами, изъ которыхъ каждая въ десять разъ сильнѣе Турціи. Многимъ обидамъ подвергаются и будутъ подвергаться турецкіе христіане, но за каждую изъ этихъ обидъ налагается турецкимъ правительствомъ тяжелое мщеніе на преступниковъ мусульманъ. Какъ ни упорно сопротивленіе съ ихъ стороны, но дѣло, которому они противятся, совершается и будетъ совершено, хотя бы тысячи христіанъ были побиты фанатическими османами, хотя бы десятки и сотни тысячъ этихъ фанатиковъ, въ наказаніе за свои мятежи противъ христіанъ, погибли. Таково положеніе страны, въ которой народъ не привыкъ совѣтоваться съ печатнымъ листомъ о своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ. Предположимъ теперь, что въ Турціи въ настоящее время существовала бы журналистика, какъ у насъ, и турецкіе мусульмане имѣли бы привычку читать журналы,—что было бы тогда? Люди, приписывающіе печатному листу ту силу, какой онъ не имѣетъ, воображающіе, что онъ можетъ поднимать или заглушать народныя стремленія, скажутъ, пожалуй, что литература истребила бы въ турецкихъ мусульманахъ ихъ мусульманскій фанатизмъ и ихъ нелѣпую османскую національную гордость, и что османы съ радостію приняли бы издаваемые теперь ихъ правительствомъ законы о вѣротерпимости и уравненіи христіанъ въ правахъ съ ними, османами.

Мы уже сказали, что вовсе не раздѣляемъ подобныхъ мечтаній, кажущихся намъ грустными или забавными, смотря по тому, пагубны или только смѣшны бываютъ послѣдствія ошибокъ, въ которыя вовлекаются люди этими мечтаніями, но во всякомъ случаѣ кажущихся намъ одинаково нелѣпыми. Нѣтъ, ни фанатизма мусульманскаго, ни нелѣпыхъ мусульманскихъ

Digitized by Google

предразсудковъ не истребила бы турецкая журналистика. Народныя привычки измѣняются только событіями народной жизни. Турецкіе журналы, защищающіе вѣротерпимость и уваженіе къ національностямъ, стали бы читаться только тѣми немногими изъ османовъ, которые и безъ того уже расположены къ вѣротерпимости и уваженію національностей. Все остальное безчисленное османское населеніе читало бы журналы согласные съ его убѣжденіями, то-есть журналы, проникнутые духомъ мусульманскаго фанатизма и османской исключительной національности. Но дѣло въ томъ, что каждый изъ фанатиковъ османской журналистики былъ бы знакомъ съ содержаніемъ Парижскаго трактата, имѣлъ бы нѣкоторое понятіе о силахъ Россіи, Англіи и Франціи и потому видѣлъ бы неизбѣжность того дѣла, которое ненавистно его сердцу. Потому, при всемъ своемъ фанатизмѣ, онъ убѣждалъ бы своихъ читателей согласиться, что султанъ дѣйствуетъ не по капризу, давая права христіанамъ, что сопротивленіе волѣ султана совершенно напрасно, потому что воля эта никакъ не можетъ измѣниться, что сопротивленіе законамъ султана, по необходимости, навлечетъ погибель на сопротивляющихся, и что потому благоразуміе требуетъ покорности предъ силою неизбѣжной необходимости. Для всякаго очевидно, что этими совѣтами со стороны турецкой журналистики значительно, чрезвычайно значительно облегчилось бы дѣло, предпринятое теперь турецкимъ правительствомъ. По всей вѣроятности, не произошло бы тогда и сотой части тѣхъ мятежей, какіе нынѣ совершенно безполезно волнуютъ османское населеніе, сохранилась бы жизнь сотнямъ несчастныхъ христіанъ, убиваемыхъ нынѣ мусульманами, и десяткамъ тысячъ мусульманъ, казнимыхъ нынѣ за эти убійства.

Стремленія человѣка и потребности человѣка существуютъ независимо отъ литературы. Ни возбудить, ни усыпить, ни усилить, ни ослабить ихъ она не можетъ. Не можетъ она поставить человѣку новыхъ цѣлей, къ которымъ бы не стремился онъ и безъ нея. Надъ всѣмъ этимъ безсильна ея власть, надъ всѣмъ этимъ исключительно владычествуетъ сила событій, одинаково дѣйствующихъ на молчаливаго и разговорчиваго, на читающаго и не читающаго журналы. Но внести въ эти независимыя отъ литературы стремленія осмотрительность и благоразуміе—это сдѣлать можетъ только литература. Только привычка совѣтоваться съ печатнымъ листомъ можетъ предохранить общество отъ опрометчивости. Итакъ, весь вопросъ состоитъ въ томъ, что лучше, опрометчивость или разсудительность при одномъ и томъ же стремленіи? При одинаковости событій не можетъ быть произведено никакого различія въ силѣ или направленіи мыслей общества тѣмъ обстоятельствомъ, будетъ или не будетъ имѣть оно литературу. Отъ этого обстоятельства зависитъ только то, опрометчива или благоразумна, тревожна или спокойна будетъ эта мысль.

Все это было сказано нами для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ надобно смотрѣть на вопросъ о журналистикѣ и журнальной полемикѣ. Кто дорожитъ спокойствіемъ, благоразуміемъ въ мысляхъ общества, только тотъ долженъ желать успѣховъ литературѣ; всѣ другія надежды на нее, всѣ другія опасенія отъ нея совершенно неосновательны. Если вы желаете сохраненія въ обществѣ прежнихъ обычаевъ, не бойтесь литературы,—

Digitized by Google

она не внесетъ въ общество никакихъ желаній, которыхъ бы и безъ нея не было въ обществѣ. Если вы желаете возбудить въ обществѣ какія нибудь новыя стремленія или измѣнить прежніе обычаи, не надѣйтесь на литературу,—она ни на волосъ не поможетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Всѣ фразы о томъ, что литература служитъ распространительницею новыхъ стремленій въ обществѣ, фразы столь отрадныя, столь громкія—всѣ эти фразы, къ сожалѣнію, пустая мечта.

Многіе изъ нашихъ собратовъ готовы будутъ упрекнуть насъ за невѣріе въ литературу ради этихъ послѣднихъ словъ, высказываемыхъ нами не безъ горькаго сожалѣнія о безсиліи печатнаго листа надъ направленіемъ общественныхъ стремленій, и высказываемыхъ только по глубокому убѣжденію въ несомнѣнности этой прискорбной правды. Да, къ сожалѣнію, литература безсильна возбуждать, ослаблять или измѣнять народныя стремленія. Посмотрите на Англію. Со временъ Мильтона всѣ великіе поэты и мыслители, которыми такъ богата была Англія, говорили въ пользу вѣротерпимости; а давно ли было въ Англіи гоненіе со стороны всего общества противъ католиковъ? Давно ли кардиналъ Уайзмэнъ долженъ былъ искать за границею спасенія отъ ненависти англійской націи за то, что онъ католическій архіепископъ? Двѣсти лѣтъ постоянныхъ усилій со стороны журналистики и литературы, могущественнѣйшей въ мірѣ,— и въ результатѣ этихъ усилій—преслѣдованіе всею англійскою націею католическаго архіепископа! Хотите ли другой примѣръ? Съ той поры, какъ Шекспиръ высочайшею въ мірѣ похвалою могущественнѣйшему и лучшему изъ людей призналъ слова: „человѣкъ былъ онъ“, вся литература Англіи неумолкаемо твердила о неприкосновенныхъ правахъ, врожденныхъ человѣку; и однакоже до сихъ поръ во всей силѣ сохраняется въ Англіи безчеловѣчный обычай, по которому, въ противность родительской любви, въ противность братской любви, всѣ дѣти приносятся въ жертву старшему сыну. Изъ человѣческихъ правъ, какое можетъ быть священнѣе, нежели право дѣтей на равенство передъ отцомъ, право отца равно желать добра всѣмъ своимъ дѣтямъ? Оно не признается обычаемъ Англіи ни относительно дочерей, ни относительно всѣхъ младшихъ сыновей. Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ неумолкаемой проповѣди о достоинствѣ человѣка, и въ результатѣ—ничтожество человѣка сравнительно съ преимуществами старшаго сына!

Говорите послѣ этого о силѣ литературы надъ народными стремленіями,—ваши слова будутъ прекрасны, возвышенны, но, къ сожалѣнію, они—пустыя слова. Не даетъ литература народу новыхъ стремленій; безсильна она въ этомъ дѣлѣ, надъ которымъ владычествуетъ могущество событій.

Но какъ безсильна литература въ томъ дѣлѣ, относительно котораго существуетъ различіе партій и интересовъ, котораго желаютъ одни, которому противятся другіе, въ дѣлѣ измѣненія народныхъ обычаевъ и стремленій; точно также сильно и незамѣнимо ничѣмъ ея вліяніе въ томъ дѣлѣ, относительно котораго никогда не бываетъ разнорѣчія между благоразумными и благонамѣренными людьми,—въ дѣлѣ сообщенія національному характеру и національнымъ стремленіямъ хода благоразумнаго и осмотрительнаго. Потому вопросъ о литературѣ не есть дѣло партій; подобно вопросу о на-

Digitized by Google

ціональной чести, о національномъ могуществѣ, о національномъ благосостояніи, это дѣло патріотизма вообще. Можно спорить о томъ, какія именно стремленія въ данное время наиболѣе полезны для націи, какія изъ потребностей ея требуютъ удовлетворенія и какими способами могутъ быть удовлетворены онѣ. Но невозможно для каждаго благоразумнаго человѣка, каковы бы ни были его мнѣнія объ этихъ частныхъ вопросахъ, не соглашаться со всѣми остальными благоразумными людьми въ желаніи успѣховъ литературѣ—это значило бы сомнѣваться въ необходимости благоразумія и осмотрительности. Невозможно ему, каковы бы ни были остальныя его цѣли, не помогать всѣмъ другимъ благоразумнымъ людямъ во всяческомъ содѣйствіи развитію литературы,—поступать иначе могъ бы только безумецъ, желающій преобладанія безразсудства и опрометчивости въ національномъ характерѣ. Степень благоразумія въ націи соразмѣряется съ степенью развитія литературы, потому что совершенно и исключительно зависитъ отъ нея.

Надобно ли теперь говорить о томъ, въ чемъ состоитъ необходимая и неизбѣжная сущность всякой литературы? Въ томъ, что она служитъ выразительницею различныхъ мыслей о тѣхъ вопросахъ, которые и безъ нея уже сильно занимаютъ націю и которые различными людьми разрѣшаются различно. Это понятіе о литературѣ такъ просто, и такъ необходимо принимается каждымъ хотя сколько нибудь знакомымъ хотя съ какими нибудь литературными явленіями, что казалось бы не нужно и говорить о немъ. Но тѣ замѣчанія, изложеніемъ которыхъ началась наша статья, замѣчанія, слышанныя нами отъ людей совершенно благонамѣренныхъ и искреннихъ, доказываютъ, къ сожалѣнію, что не всѣмъ еще благонамѣреннымъ людямъ, разсуждающимъ у насъ о литературѣ, знакомо само понятіе литературы. Остановимся же на немъ и разъяснимъ необходимость каждаго его термина.

„Вопросы, о которыхъ разсуждаетъ литература, и безъ литературы уже сильно занимаютъ національное сознаніе“.—Еслибъ они еще не занимали націю въ то время, когда литература только еще начинаетъ говорить о нихъ, то въ такомъ случаѣ ни у кого не было бы охоты читать эти разсужденія, и литература исчезла бы отъ равнодушія и пренебреженія публики. Кому охота слушать о томъ, что его не интересовало уже въ то время, когда начинался разсказъ? Съ первыхъ же словъ понявъ, что дѣло идетъ о предметѣ для него не интересномъ, онъ отвернулся бы и ушелъ.

„Вопросы эти занимаютъ націю не потому, что литература говоритъ о нихъ, напротивъ, литература говоритъ о нихъ только потому, что они безъ нея и прежде нея уже занимали народную мысль“. Таково отношеніе всякихъ бесѣдъ: изустныхъ, письменныхъ и печатныхъ, къ предметамъ ихъ. Не потому собесѣдники заняты предметомъ, что бесѣдуютъ о немъ, напротивъ, бесѣдуютъ о немъ только потому, что уже заняты имъ. Думать иначе можетъ только идіотъ, надъ тупоуміемъ котораго обязанъ отъ души посмѣяться или отъ души пожалѣть каждый человѣкъ, въ которомъ есть хотя искра здраваго смысла. Предположимъ: я вхожу въ общество и слышу, что бесѣда идетъ о псовой охотѣ. Я долженъ понять, если я не совершенный идіотъ, что собесѣдники—люди очень любящіе псовую охоту, что каждый

Digitized by Google

изъ нихъ или имѣетъ, или желаетъ имѣть стаю гончихъ, что каждый изъ нихъ много разъ побывалъ уже и много разъ желалъ побывать въ отъѣзжемъ полѣ, преслѣдуя несчастныхъ зайцевъ. Если же я предположу, что собесѣдники до начала своей бесѣды не имѣли ни понятія о псовой охотѣ, ни расположенія къ ней, то я окажусь человѣкомъ, совершенно лишеннымъ здраваго смысла, человѣкомъ, въ которомъ разсудка меньше, нежели въ самомъ трусливомъ и глупомъ зайцѣ. Идемъ далѣе и предполагаемъ, что я узнаю о существованіи періодическаго изданія, называющагося „Журналъ Коннозаводства и Охоты". По прежнему, если есть во мнѣ хотя искра здраваго смысла, я долженъ понять, что люди, начинающіе читать этотъ журналъ, уже прежде, нежели начнутъ его читать, сильно заняты мыслями о коннозаводствѣ и охотѣ.

„Литература разсуждаетъ, изъ предметовъ, сильно занимающихъ общественную мысль, только о такихъ предметахъ, о которыхъ уже существуютъ и безъ литературы различныя мнѣнія". Общее и необходимое качество всякихъ бесѣдъ: печатныхъ, письменныхъ или изустныхъ, состоитъ въ томъ, что онѣ ведутся о такихъ вопросахъ, относительно которыхъ существуютъ между собесѣдниками различныя мнѣнія. Возьмемъ опять прежній нашъ примѣръ. Разсуждаютъ ли охотники между собою о томъ, что у каждой лошади и у каждаго зайца бываетъ по четыре ноги? Въ этихъ вопросахъ всѣ согласны, и потому говорить о нихъ есть признакъ идіотства. Всякая бесѣда необходимо имѣетъ своимъ источникомъ желаніе разъяснить предметъ. Если предметъ ясенъ для всѣхъ собесѣдниковъ до начала бесѣды, то начинать бесѣду или слушать ее есть оскорбленіе для человѣческаго разума. Такихъ бесѣдъ никогда никто не начинаетъ и не слушаетъ; онѣ противны человѣческой натурѣ, и если бы когда нибудь кто нибудь вздумалъ бесѣдовать или слушать бесѣду о предметѣ, для всѣхъ совершенно ясномъ, то былъ бы наказанъ за такое оскорбленіе законовъ человѣческой природы невыносимою скукою и получилъ бы неотъемлемое право носить имя идіота.

Опасаясь подвергнуться такой горькой и обидной участи, мы никакъ не отважились бы вести бесѣду о такомъ, повидимому, ясномъ и простомъ предметѣ, какъ понятіе о неизбѣжныхъ качествахъ литературы, если бы тѣ порицанія, о которыхъ упомянули мы въ началѣ статьи, не давали намъ прискорбнаго основанія предполагать совершенное незнакомство порицателей съ первыми понятіями о предметѣ, о которомъ они судятъ такъ ошибочно, хотя, мы увѣрены, и благонамѣренно. Мало того, что желаешь добра, нужно также хотя нѣсколько знать сущность того дѣла, о которомъ принимаешься судить.

Теперь, мы надѣемся, довольно легко будетъ каждому изъ людей, порицавшихъ „Русскій Вѣстникъ" за полемическій тонъ нѣкоторыхъ статей его, разсудить, до какой степени справедливо было это порицаніе? Сущность литературы, какъ мы видѣли, заключается въ изложеніи различныхъ мыслей о предметахъ, относительно которыхъ уже существуетъ разнорѣчіе въ обществѣ. Отвергать это значитъ быть идіотомъ. Если же мы допустимъ, что въ литературѣ не только могутъ, но и по необходимости должны выра-

Digitized by Google

жаться различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же вопросѣ, то уже мы допустили тѣмъ самымъ необходимость всѣхъ тѣхъ статей „Русскаго Вѣстника“, о полемическомъ характерѣ которыхъ завели мы рѣчь. Какъ скоро излагаются объ одномъ и томъ же вопросѣ различныя мнѣнія, то само собою разумѣется, что эти мнѣнія различны, и вотъ мы уже имѣемъ полемику. Сказать: „вы можете держаться различныхъ мнѣній и можете излагать ихъ, но эти различныя мнѣнія не должны противорѣчить одно другому“,— сказать такую вопіющую несообразность было бы посрамленіемъ разсудку и здравому смыслу. Точно также, сказать: „мы допускаемъ полемику, но не хотимъ, чтобы въ эту полемику были замѣшаны люди; мы допускаемъ, чтобы былъ споръ, но не хотимъ того, чтобы были люди, спорящіе другъ противъ друга“, значило бы сказать нелѣпость, точно также унизительную для здраваго смысла. Кому не нравится литературный споръ однихъ людей противъ другихъ, тотъ можетъ найти только одинъ способъ выраженія, неунизительный для его собственнаго разсудка. Онъ долженъ откровенно сказать: „мнѣ не нравится, что существуетъ литература“. Выше мы уже признались, что прямота и откровенность этой мысли очаровываетъ насъ; но къ величайшему нашему прискорбію должны были признаться, что эта идиллическая мысль неудобоисполнима, какъ неудобоисполнимо многое прекрасное на землѣ. Не будемъ утопистами, мечтателями и прежде, нежели обольстимся какою нибудь прекрасною мыслью, подумаемъ хорошенько о томъ, допускается ли исполненіе ея силой событій, ни возвратить, ни измѣнить которыхъ не властенъ человѣкъ. Покоримся горькой необходимости, признаемъ въ нашихъ согражданахъ совершенную неспособность быть аркадскими пастушками въ такомъ вѣкѣ, когда уже и потомки аркадскихъ пастушковъ не могутъ жить безъ литературы.

Довольно разсуждали мы о первомъ изъ основаній, выставляемыхъ людьми, порицающими „Русскій Вѣстникъ“ за его полемическія статьи. Мы убѣдились, что въ нашъ вѣкъ литература, къ сожалѣнію, необходима. Убѣдившись въ этой прискорбной истинѣ, мы уже легко и безъ всякаго огорченія должны были признаться, что какъ скоро существуетъ литература, то необходимы и неизбѣжны въ ней споры людей другъ противъ друга. Мы убѣдились, что статьи, подобныя тѣмъ, по случаю которыхъ завели мы рѣчь о „Русскомъ Вѣстникѣ“, являются въ литературѣ не вслѣдствіе человѣческаго произвола, а вслѣдствіе неизбѣжной необходимости, и что потому осаждать „Русскій Вѣстникъ“ за помѣщеніе такихъ статей также несправедливо и нелѣпо, какъ осуждать его за то, что онъ печатается на типографскомъ станкѣ, за то, что книжки его сшиваются переплетчикомъ и имѣютъ обертку и т. д., и т. д. Всѣ эти вещи ни мало не зависятъ отъ чьего бы то ни было произвола, и быть иначе не можетъ. Теперь разсмотримъ вторую мысль, находимую нами въ тѣхъ порицаніяхъ, которыя приведены въ началѣ статьи,—мысль о безполезности полемики, относящейся не къ идеямъ, а къ лицамъ. „Положимъ, говорили намъ порицатели „Русскаго Вѣстника“, что „Русскій Вѣстникъ“ не могъ избѣжать этой полемики, положимъ, что она необходима и совершенно законна; но все-таки надобно согласиться, что она безполезна“. Нѣтъ; не только надобно согласиться, что она спра-

Digitized by Google

ведлива, необходимость и очевидность не позволяютъ усомниться также и въ томъ, что такого рода полемика положительно полезна. Мы уже должны были признать, что литература не только необходима, но и полезна. Одно изъ условій существованія литературы есть существованіе такой полемики, которая относится къ лицамъ; здравый разсудокъ говоритъ, что вещи, необходимыя для существованія какого нибудь полезнаго дѣла, должны быть признаваемы полезными. Пояснимъ эту мысль примѣромъ. Хлѣбопашество есть дѣло полезное. Хлѣбопашество не можетъ существовать безъ кузницъ. Лично вамъ или мнѣ кузница можетъ казаться вещью непріятною или даже дурною. Намъ можетъ не нравиться то, что на кузницѣ очень много стуку, очень много дыму, и что вообще кузница—вещь довольно безпокойная и черная. Если мы будемъ разсуждать, какъ аркадскіе пастухи, мы можемъ даже сочинить идиллію, въ которой безпокойную кузницу противопоставимъ мирному хлѣбопашеству, и будемъ говорить своимъ согражданамъ, напримѣръ, слѣдующую рѣчь: „О, милые сограждане! занимайтесь хлѣбопашествомъ, дѣломъ мирнымъ и спокойнымъ, и уничтожьте ненавистныя каждому мирному гражданину, оскорбляющія слухъ его, оскорбляющія глазъ его, шумныя и черныя кузницы“. Рѣчь наша будетъ чрезвычайно трогательна и благонамѣренна; но, къ сожалѣнію, она будетъ очень наивна и тупоумна. Наши сограждане-хлѣбопашцы, люди мирные и нелюбящіе шуму, будутъ отвѣчать намъ: „о, добродушный Меналкъ! вы забываете, что въ кузницахъ приготовляются необходимыя орудія хлѣбопашества. Если бы мы, по вашему совѣту, уничтожили кузницы, мы остались бы безъ плуговъ и сохъ, безъ телѣгъ и упряжи, и не могли бы распахать ни одной десятины нашихъ полей и умерли бы съ голода. Къ сожалѣнію, любезный Меналкъ, кузницы для насъ совершенно необходимы. Эти закопченныя дымомъ, наполненныя стукомъ зданія приносятъ намъ неоцѣненную пользу. О, любезный Меналкъ! ваша идиллія свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ благородствѣ души вашей, но, къ сожалѣнію, вы совершенно не понимаете дѣла, о которомъ судите“.

Но мало сказать того, что статьи, подобныя полемическимъ статьямъ „Русскаго Вѣстника“, неизбѣжны въ литературѣ и полезны, какъ одна изъ необходимыхъ принадлежностей литературы, которая не имѣетъ такихъ статей только тогда, когда доведена до совершеннаго изнеможенія. Само по себѣ, независимо отъ своей неизбѣжности въ литературѣ, полемика о лицахъ почтенна и полезна потому, что имѣетъ своею цѣлью разъясненіе истины. Для человѣка, желающаго знать истину, важенъ вопросъ не только о томъ, что говорится, но и вопросъ о томъ, кѣмъ говорится. Истины и вообще мысли, отвлеченной отъ людей, нѣтъ. Мысль неразлучно связана съ человѣкомъ, и качества мысли неразлучно связаны съ его качествами. Кто не хочетъ знать людей, тотъ не хочетъ знать истины, тотъ не хочетъ мыслить. Было бы нелѣпо сказать: „Мнѣ нравится, когда говорятъ о Коперниковой системѣ, но не нравится когда говорятъ о Коперникѣ. Я желаю, чтобы вы изложили свое мнѣніе о системѣ іезуитовъ, но я не хочу, чтобы при этомъ вы касались Игнатія Лойолы, основателя іезуитской системы. Вы можете говорить о Политической Экономіи, но я не желаю, чтобы вы раз-

Digitized by Google

сматривали степень учености и добросовѣстности Адама Смита, основателя Политической Экономіи". Вопросъ о мысляхъ не можетъ быть проясненъ безъ разъясненія вопроса о людяхъ, излагающихъ эти мысли. Знаніе людей составляетъ одну изъ важныхъ сторонъ истины. Утверждать противное можетъ только человѣкъ, не имѣющій понятія ни о качествахъ истины, ни о томъ, что истину нельзя дѣлить и обрѣзывать по произволу. Кому непріятна какая нибудь сторона истины, тотъ пусть не унижаетъ своего разсудка нелѣпымъ раздѣломъ истины на полезную и безполезную. Пусть онъ прямо скажетъ, что истина вся безъ исключенія кажется ему безполезна или вредна. Читатель ожидаетъ, быть можетъ, что мы прибавимъ: отвергать пользу истины не рѣшится никто. Нѣтъ, мы не скажемъ этого. Кому угодно, почему же и не отвергать тому пользу истины? Кому истина кажется вредною, почемужъ не можетъ тотъ и сказать, что истина кажется ему вредною? Мы такъ умѣренны, что не требуемъ даже и уваженія къ истинѣ отъ тѣхъ людей, которые не захотѣли бы уважать ее; мы требуемъ отъ нихъ только здраваго смысла. Пусть кому угодно отвергаетъ истину; пусть только сообразитъ онъ, къ чему приведетъ его такое желаніе? Оно приводитъ къ требованію идіотства. Какимъ путемъ? Очень простымъ и короткимъ.

Натура мысли состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ истинѣ. При ограниченности человѣческихъ силъ, мысль не всегда достигаетъ этой цѣли, останавливается иногда на односторонностяхъ, но всегда стремится она къ истинѣ. Кто хочетъ отнять у мысли это стремленіе, тотъ хочетъ убить ея дѣятельность. Человѣкъ, въ которомъ убита дѣятельность мысли, можетъ сдѣлаться хитрецомъ, плутомъ, но во всякомъ случаѣ остается тупоумнымъ. Хитрость, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ замѣнить собою ума. Часто встрѣчаются хитрецы не только между идіотами, даже между съумасшедшими. Нѣкоторыя породы четвероногихъ животныхъ также отличаются значительною степенью хитрости. Если бы они могли замѣнить собою человѣка, обладающаго разсудкомъ, очень легко бы обойтись безъ людей съ разсудкомъ, который укрѣпляется только дѣятельностію мысли, иначе сказать, только стремленіемъ къ истинѣ. Тогда легко можно было бы и отрицать необходимость истины. Но, къ сожалѣнію, лисица точно также неспособна къ отправленію человѣческихъ дѣлъ, какъ и оселъ, хотя она гораздо хитрѣе осла. Къ сожалѣнію, хитрый идіотъ точно также неспособенъ къ разсудительнымъ поступкамъ, какъ и просто добродушный идіотъ. Потому горькая необходимость принуждаетъ сказать, что разсудокъ въ человѣкѣ необходимъ для существованія гражданскаго общества, которое очень быстро разрушается, какъ скоро въ націи ослабѣваетъ сила разсудка. Быть противникомъ разсудка, иначе сказать, желать ослабить дѣятельность мысли, иначе сказать, мѣшать ея стремленію къ истинѣ,—стремленію, безъ котораго нѣтъ дѣятельности мысли, нѣтъ и разсудка, можетъ только человѣкъ, или самъ не понимающій, чего онъ желаетъ, или желающій разрушенія гражданскаго общества и превращенія своей страны въ землю Троглодитовъ—Пигмеевъ, которыхъ били не только люди, но и журавли.

Но довольно о томъ, можно ли отдѣлять вопросъ о мысляхъ отъ вопроса о людяхъ, и полезны ли споры между людьми. Остается намъ раз-

Digitized by Google

смотрѣть третье и послѣднее изъ тѣхъ основаній, которыя выставляются людьми, порицающими оборотъ, принятый въ послѣднее время полемикою „Русскаго Вѣстника“ и его противниковъ. Намъ говорятъ: „полемика, относящаяся къ лицамъ, заслуживаетъ порицанія потому, что отвлекаетъ вниманіе публики и литераторовъ отъ вопросовъ объ идеяхъ,—вопросовъ, гораздо важнѣйшихъ“. Это возраженіе, по всей справедливости, могли бы мы оставить безъ всякаго вниманія, какъ совершенно неумѣстное. Каждый самъ лучше другихъ чувствуетъ, что для него важно, и если бываютъ случаи, въ которыхъ основательные писатели считаютъ дѣломъ нужнымъ, а образованные читатели—дѣломъ для себя интереснымъ споръ о лицахъ, то, по всей вѣроятности, можемъ мы предположить, что не совершенно безразсудно думаютъ въ этихъ случаяхъ люди, которые во всѣхъ другихъ случаяхъ оказываются людьми умными и основательными. У насъ, къ сожалѣнію, очень сильна несчастная привычка предполагать, не разобравъ хорошенько дѣла, что человѣкъ, который поступаетъ не совсѣмъ такъ, какъ именно мнѣ нравилось бы, непремѣнно ошибается; а того не хочу я подумать, что дѣло, которымъ этотъ человѣкъ занимается, ему, быть можетъ, знакомѣе, нежели мнѣ, да и самъ онъ, быть можетъ, умнѣе, и быть можетъ, даже и честнѣе меня. Не приходитъ обыкновенно мнѣ въ голову подумать, что прежде, нежели порицать его, я могъ бы посовѣтоваться съ нимъ, и быть можетъ совѣтъ его не только удержалъ бы меня отъ порицанія, направленнаго противъ него,—порицанія, которымъ обнаруживается лишь мое собственное невѣжество, но и помогъ бы мнѣ въ собственныхъ моихъ дѣлахъ, быть можетъ, довольно запутанныхъ и, быть можетъ, нуждающихся въ пособіи добрымъ совѣтомъ со стороны людей умныхъ. Всѣ эти соображенія, говоримъ мы, могли бы служить достаточною причиною оставить безъ всякаго отвѣта тотъ упрекъ, на которомъ мы остановились. Но такъ какъ мы уже приняли на себя обязанность доказать порицателямъ новаго оборота, принятаго полемикою „Русскаго Вѣстника“ и его противниковъ, что сомнѣнія, ими питаемыя объ этомъ дѣлѣ, возникли у нихъ единственно отъ незнанія дѣла, то скажемъ два, три слова о томъ, почему личные споры не могутъ отвлечь вниманія отъ споровъ за идеи. Для этого довольно будетъ вспомнить, какимъ образомъ обыкновенно возникаютъ споры о лицахъ. Они возникаютъ, какъ мы сказали, и притомъ возникаютъ необходимо, изъ споровъ за идеи, какъ дополненіе споровъ за идеи, имѣющее цѣлью окончательно разъяснить и утвердить результаты, доставленные предшествующимъ споромъ объ идеяхъ. Служа такимъ образомъ только необходимымъ средствомъ для достиженія цѣли, споръ о лицахъ прекращается самъ собою, какъ скоро цѣль достигнута, и во все то время, пока продолжается, не ослабляетъ, а поддерживаетъ вниманіе, обращенное на источникъ и главный предметъ спора, именно, на первоначальный вопросъ объ идеяхъ. Обыкновенно изслѣдованіе идеи принимаетъ въ это время даже особенную глубину, потому что не всѣ же силы партіи заняты бываютъ споромъ противъ лицъ, и такъ какъ интересъ къ предмету спора достигаетъ въ это время особеннаго развитія, то силы, остающіяся свободными, съ удвоенною ревностію обращаются къ изслѣдованію идеи.

Digitized by Google

Такъ, напримѣръ, въ то самое время, когда одна часть сотрудниковъ „Русскаго Вѣстника“ занята была споромъ противъ лицъ, другая часть сотрудниковъ этого журнала съ большею ревностію, нежели когда нибудь, занималась разъясненіемъ основныхъ идей, подавшихъ поводъ къ спору,—и результатомъ такихъ изслѣдованій явились двѣ превосходныя статьи гг. Соловьева и Забѣлина,—статьи, которыя, по своему ученому достоинству, имѣютъ высокую цѣну и независимо отъ своихъ полемическихъ отношеній. Онѣ могутъ, кажется, послужить очень достаточнымъ доказательствомъ, что споръ о лицахъ ни мало не повредилъ изслѣдованію идей, а, напротивъ, усилилъ его энергію и добросовѣстность.

Статья г. Соловьева „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“, разсматривая сужденія нѣкоторыхъ славянофильскихъ писателей о замѣчательнѣйшихъ людяхъ допетровской Руси, доказываетъ, что всѣ эти люди должны быть названы представителями того же самаго направленія, которое нынѣ славянофилы называютъ западническимъ и отрицательнымъ, что Посошковъ, митрополитъ Макарій, Геннадій, Максимъ Грекъ, бояринъ Матвѣевъ, Нащокинъ, митрополитъ Кипріанъ и наконецъ тѣ новгородцы, которые призвали Рюрика, должны быть названы людьми отрицательнаго направленія въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимается отрицательность славянофилами, потому что всѣ они или жаловались на чрезвычайную неудовлетворительность той степени развитія, на которой стояла Русь въ ихъ время, или своею дѣятельностію обнаруживали недостатки тогдашняго быта.— Г. Забѣлинъ въ статьѣ „Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ“ чрезвычайно основательно раскрываетъ понятія, которыми опредѣлялось въ старинной русской жизни общественное положеніе человѣка, и доказываетъ, что единственнымъ правомъ на уваженіе считалась тогда порода, передъ которою совершенно ничтожны казались личныя достоинства или недостатки человѣка. Находя повтореніе тѣхъ же самыхъ понятій въ семейственныхъ отношеніяхъ, онъ показываетъ, какъ жалко и грубо было мнѣніе старинной Руси о женщинѣ, и какъ унизительна и тяжела была судьба женщины въ тѣ времена. Старинный русскій человѣкъ, подъ вліяніемъ фальшивыхъ понятій, опредѣлявшихъ его развитіе, дошелъ до того, что считалъ женщину существомъ по натурѣ своей злымъ, назначеннымъ отъ природы быть вмѣстилищемъ всѣхъ низкихъ пороковъ и преступленій, считалъ обязанностію своею презирать отъ глубины души и всячески стѣснять женщину. Множество интересныхъ выписокъ изъ неизданныхъ старинныхъ рукописей придаетъ новую важность прекрасной статьѣ, которая, между прочимъ, знакомитъ насъ съ содержаніемъ знаменитой старинной „Книги о злыхъ женахъ“. Какъ всѣ превосходныя изслѣдованія г. Забѣлина, его новая статья отличается рѣдкимъ у насъ достоинствомъ изложенія. Нѣтъ надобности говорить, что, подобно всѣмъ другимъ изслѣдованіямъ г. Забѣлина, эта новая статья останется капитальнѣйшимъ трудомъ по своему предмету. Новая статья г. Соловьева о Шлецерѣ также принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ между его небольшими трактатами о частныхъ вопросахъ Русской Исторіи.—Такія важныя пріобрѣтенія для науки, обязанныя своимъ возникновеніемъ полемикѣ „Русскаго Вѣстника“ съ славянофилами и появив-

Digitized by Google

шіяся именно въ то самое время, когда къ спору объ идеяхъ присоединился и споръ объ лицахъ, должны, кажется, быть почтены совершенно убѣдительными доказательствами того, что споръ объ именахъ ни мало не мѣшаетъ изслѣдованію идей, напротивъ, придаетъ ему особенную живость и основательность.

Само собою разумѣется, что всѣ тѣ права спора и защиты, которыя мы признаемъ совершенно законно и несомнѣнно принадлежащими „Русскому Вѣстнику", точно въ такой же степени мы считаемъ неотъемлемо принадлежащими и той партіи, которая ведетъ споры съ „Русскимъ Вѣстникомъ". Мы думаемъ, что какъ „Русскій Вѣстникъ" имѣетъ полное право и находится въ совершенной необходимости разсматривать степень ученыхъ заслугъ, степень познаній и степень добросовѣстности, какія обнаруживаются статьями г. В. Григорьева, г. И. Крылова и проч., точно также и точно въ такой же полной мѣрѣ должно быть признано и за писателями противной партіи право разсматривать степень ученыхъ заслугъ, степень познаній и степень добросовѣстности, какія обнаруживаются статьями г. Павлова, г. Соловьева, г. Забѣлина и проч. Мы желали бы сказать, что партизаны г. В. Григорьева и г. И. Крылова пользуются этимъ своимъ несомнѣннымъ правомъ съ такимъ же мастерствомъ и такою же основательностію, какъ ихъ противники; но, къ сожалѣнію, этого не только не можемъ сказать мы, этого не рѣшаются сказать о партизанахъ гг. В. Григорьева и И. Крылова даже тѣ люди, которые совершенно раздѣляютъ ихъ образъ мыслей. Имѣть право и имѣть способность пользоваться своимъ правомъ съ выгодою для себя—двѣ вещи, совершенно различныя. Всѣ сознаются, что „Русскій Вѣстникъ" обнаруживаетъ въ своей полемикѣ очень замѣчательную основательность знаній, замѣчательный тактъ, и что полемическія статьи его отличаются прекрасными достоинствами мастерскаго изложенія. Въ полемическихъ статьяхъ, написанныхъ противниками „Русскаго Вѣстника", до сихъ поръ, къ прискорбію всѣхъ, замѣтно было только отсутствіе этихъ качествъ. Складочное мѣсто полемическихъ статей и замѣтокъ противъ „Русскаго Вѣстника", „Молва", до сихъ поръ доказала несомнѣнную способность только къ одному роду полемики, роду, болѣе свойственному изустнымъ бесѣдамъ между праздными и малообразованными людьми, нежели литературной полемикѣ, именно „Молва", до сихъ поръ съ похвальнымъ усердіемъ и замѣчательнымъ талантомъ занималась только сплетнями, а во всемъ остальномъ была слаба. Своею безтактностію довела она себя до того, что „Русскій Вѣстникъ" справедливо не хочетъ находить въ ней ничего общаго съ „Русскою Бесѣдою", которую признаетъ журналомъ, заслуживающимъ уваженія.

Digitized by Google

STUDIEN

über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von August Freiherrn von Haxthausen.

(Изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденіяхъ Россіи. Барона Августа Гакстгаузена).

Два мѣсяца тому назадъ *), мы вздумали предложить „Экономическому Указателю", служащему теперь спеціальнымъ органомъ распространенія экономическихъ понятій въ нашей публикѣ, чтобы онъ положительнымъ образомъ высказалъ свое мнѣніе о томъ, долженъ ли остаться неприкосновеннымъ среди перемѣнъ въ нашемъ экономическомъ бытѣ тотъ принципъ, по которому владѣетъ участками земли огромное большинство русскаго населенія. Намъ казалось необходимо возбудить людей, руководящихъ образованіемъ общественнаго мнѣнія о вопросахъ экономическаго быта, къ основательному обсужденію этого важнаго дѣла, и наше мнѣніе о необходимости такого обсужденія основывалось на соображеніи двухъ обстоятельствъ.

Съ одной стороны, каждому очевидно, что, съ окончаніемъ нашей послѣдней войны, начинается для Россіи болѣе дѣятельное, нежели когда либо, участіе въ общемъ европейскомъ экономическомъ движеніи. Каждый видитъ, что наша промышленная дѣятельность начинаетъ очень быстро усиливаться. Наши собственные капиталы нравственные и матеріальные выходятъ изъ своего летаргическаго бездѣйствія; иноземные капиталы начинаютъ находить у насъ выгодное и безопасное помѣщеніе, и отчасти уже перенеслись въ нашу страну очень значительной массой, отчасти готовятся въ скоромъ времени перенестись къ намъ въ массахъ еще гораздо болѣе значительныхъ. Послѣдствія такого движенія не могутъ подлежать сомнѣнію. До сихъ поръ большая часть нашего экономическаго производства совершалась средствами и методами, почти патріархальными. Не говоримъ уже о земледѣліи, относительно котораго напрасно и доказывать эту истину; наибольшая часть нашей внутренней торговли и даже значительнѣйшая часть производства по обработкѣ сырыхъ продуктовъ совершалась порядкомъ, болѣе свойственнымъ XVII, нежели XIX вѣку. Это немного уже лѣтъ будетъ продолжаться. Приложеніемъ капиталовъ къ производству не только увеличиваются массы продуктовъ, но

*) Современникъ 1857 г. № 5 „Замѣтки о журналахъ". См. стр. 187 и слѣд. настоящаго тома.

Digitized by Google

измѣняется и самый порядокъ производства. Различіе между хворостомъ или кизякомъ и каменнымъ углемъ, между проселочною и желѣзною дорогою не болѣе значительно, нежели различіе между порядкомъ патріархальной экономической дѣятельности и дѣятельности, совершающейся силою машинъ, капиталовъ и другихъ экономическихъ отношеній и двигателей, свойственныхъ новѣйшему времени. Различіе между черемисомъ и англичаниномъ не болѣе значительно, нежели различіе между земледѣльческими методами, по которымъ обработываются поля того и другаго.

Россія вступаетъ въ тотъ періодъ экономическаго развитія, когда къ экономическому производству прилагаются капиталы. Характеръ дѣятельности производящихъ классовъ и самый бытъ ихъ необходимо долженъ подвергнуться отъ того великимъ измѣненіямъ. Мы уже видимъ, какъ огромны будутъ эти измѣненія въ характерѣ передвиженія людей и продуктовъ. Вмѣсто обозовъ и патріархальныхъ судовъ различнаго рода, мы имѣемъ нѣсколько, и скоро будемъ имѣть очень много, локомотивовъ и пароходовъ, такъ что вскорѣ почти совершенно исчезнутъ привычные нашему глазу обозы, мокшаны, тихвинки, барки и такъ далѣе. Въ характерѣ торговли отчасти уже происходитъ, и скоро совершенно исполнится, измѣненіе не менѣе значительное. Съ устраненіемъ тѣхъ страшныхъ неудобствъ и невѣрностей, которыми до нашего времени стѣснялась она, у насъ явятся честность и предпріимчивость, свойственныя нашему народу не менѣе, нежели другимъ европейцамъ. Но всего значительнѣе будутъ измѣненія той экономической дѣятельности, которая составляетъ основную силу нашей страны и служитъ средствомъ существованія для значительнѣйшей части нашего народа, — именно въ земледѣліи. До сихъ поръ оно оставалось въ положеніи еще болѣе патріархальномъ, нежели какая либо другая экономическая наша дѣятельность. Одинаково признавая неизбѣжность и благотворность великихъ измѣненій, ожидаемыхъ этою отраслью нашего производства, не всѣ образованные люди согласны въ томъ, должны ли эти измѣненія оставить неприкосновеннымъ тотъ принципъ, по которому раздѣляется нынѣ пользованіе землею между нашими земледѣльцами; а вопросъ этотъ очень важенъ, потому что относится къ такому обычаю, который служитъ основаніемъ всего нашего общественнаго быта.

Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію та истина, что формы патріархальнаго быта несовмѣстимы съ высокою степенью цивилизаціи; потому у огромнаго большинства образованныхъ людей развивается стремленіе отвергать все то, что существуетъ въ патріархальномъ бытѣ, и отъ отрицанія формъ переходить къ отрицанію всѣхъ принциповъ, имѣющихъ корень въ этомъ бытѣ. Такой участи подвергается со стороны очень многихъ людей, руководящихъ общественнымъ мнѣніемъ, и тотъ принципъ, на которомъ основано распредѣленіе пользованія землею между огромнымъ большинствомъ нашего народа. О другой причинѣ, утверждающей многихъ въ этомъ чувствѣ, — объ излишнемъ довѣріи къ нѣкоторымъ устарѣлымъ системамъ политической экономіи, — системамъ, односторонность которыхъ уже доказана послѣдующимъ развитіемъ науки, мы уже говорили. Такимъ образомъ, многіе изъ людей, имѣющихъ вліяніе на общественное мнѣніе, жестоко возстаютъ противъ до-

Digitized by Google

селѣ существующаго у насъ принципа общинной поземельной собственности.

Намъ казалось, что такое предубѣжденіе происходитъ болѣе отъ недостатка серьезныхъ обсужденій этого вопроса, и что многіе изъ людей, нынѣ возстающихъ противъ принципа общиннаго поземельнаго владѣнія, примирятся съ нимъ или даже сдѣлаются его жаркими защитниками, когда имъ представится случай глубже вникнуть въ сущность дѣла, о которомъ до сихъ поръ говорили у насъ безъ серьезнаго изслѣдованія, или руководясь единственно смутными симпатіями и антипатіями, или слѣпо вѣря устарѣвшимъ одностороннимъ системамъ, или просто на-обумъ.

Потому-то мы и вызвали „Экономическій Указатель" положительнымъ образомъ выразить свое обдуманное и зрѣлое мнѣніе объ этомъ вопросѣ. Рѣшительнымъ образомъ выражая твердое свое убѣжденіе, что интересъ національнаго благосостоянія требуетъ, при всѣхъ великихъ и благотворныхъ перемѣнахъ, предстоящихъ нашимъ экономическимъ отношеніямъ, сохранить принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія, мы прибавляли, что если „Экономическій Указатель" несогласенъ съ такимъ мнѣніемъ, то долженъ опровергнуть его.

„Экономическій Указатель" принялъ этотъ вызовъ и началъ печатать подробное опроверженіе нашей статейки, защищавшей принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія. Возраженія эти еще не кончены, и потому было бы несправедливо съ нашей стороны подвергать ихъ разбору въ настоящее время: быть можетъ, „Экономическій Указатель" въ слѣдующихъ статьяхъ своего отвѣта представитъ какія нибудь доказательства тѣмъ изъ своихъ положеній, которыя пока представляются бездоказательными, ограничитъ какими нибудь оговорками и условіями тѣ, которыя на первый разъ представились ему безусловными, и т. д.,—словомъ сказать, очень можетъ быть, что окончаніе статей, вызванныхъ нашимъ запросомъ въ „Экономическомъ Указателѣ", будетъ написано основательнѣе, нежели тѣ статьи, которыя мы съ удовольствіемъ прочли въ №№ 21, 22, 24 и 25-мъ.—„Какъ съ удовольствіемъ? Въ этихъ статьяхъ авторъ замѣчаній, сдѣланныхъ „Современникомъ" о необходимости сохранить принципъ общиннаго владѣнія, многократно называется невѣждою; если его невѣжество доказано „Экономическимъ Указателемъ", то онъ долженъ чувствовать себя огорченнымъ, если же такое поносное имя дается ему несправедливо, то онъ долженъ чувствовать себя оскорбленнымъ, — въ томъ и другомъ случаѣ, онъ при чтеніи этихъ статей долженъ чувствовать нѣчто, ни мало не похожее на удовольствіе". Такъ; еслибъ авторъ замѣчаній о необходимости сохранить общинное владѣніе землею писалъ эту статейку съ цѣлью блеснуть ученостью, онъ былъ бы чувствителенъ къ благопріятному отзыву о степени своей учености. Но такъ какъ замѣчанія эти написаны имъ единственно съ цѣлью защитить учрежденіе, очень выгодное для національнаго благосостоянія, то, конечно, онъ долженъ желать только того, чтобы противники общиннаго владѣнія остались побѣжденными въ глазахъ большинства публики, а какое мнѣніе будутъ они имѣть о его учености, для него конечно все равно; онъ долженъ даже находить прямую выгоду для защищаемаго имъ дѣла въ томъ, когда против-

Digitized by Google

ники называютъ его невѣждою, а себя провозглашаютъ людьми великой учености: чѣмъ слабѣе адвокатъ оправдываемой стороны и чѣмъ сильнѣе адвокатъ проигрывающей стороны, тѣмъ менѣе у свидѣтелей побѣды слабаго адвоката надъ сильнымъ остается сомнѣній въ правотѣ торжествующаго дѣла. „Вотъ, человѣкъ, котораго называютъ невѣждою, опровергъ людей, которые считаютъ себя гораздо болѣе учеными, нежели онъ. Значитъ, очень сильно дѣло, имъ защищаемое". Такимъ образомъ, мы съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ увидѣли, что „Экономическій Указатель" вздумалъ присвоивать намъ такое положеніе, при которомъ наиболѣе сильно должно быть впечатлѣніе результата нашихъ споровъ съ нимъ. Мы совершенно принимаемъ увѣренія „Экономическаго Указателя", что его знанія въ экономической наукѣ гораздо обширнѣе нашихъ, и просимъ читателей предполагать, согласно желанію „Экономическаго Указателя", что авторъ статей этого журнала, служащихъ отвѣтомъ на нашъ вызовъ, есть великій ученый, а статьи „Современника" въ защиту общиннаго владѣнія написаны человѣкомъ, который далеко не равняется ученостію своему сопернику. Чѣмъ слабѣе мы лично, тѣмъ очевиднѣе и несомнѣннѣе будетъ, что побѣдою надъ нашимъ противникомъ мы будемъ обязаны не личному своему превосходству, а единственно непреоборимой справедливости мнѣнія, нами защищаемаго.

„Но (можетъ подумать иной читатель) съ какою увѣренностію говоритъ авторъ настоящей статьи о томъ, что побѣда въ спорѣ останется непремѣнно за нимъ! Не надобно ли эту увѣренность считать излишнею, или, по крайней мѣрѣ, неловкою самоувѣренностію?"—Ни мало. Въ каждой наукѣ есть такія истины, защищая которыя невозможно не быть увѣреннымъ въ своемъ торжествѣ, какъ бы ни былъ ученъ и силенъ противникъ. Неужели каждый изъ насъ, какъ бы ни было скромно его мнѣніе о своихъ силахъ и познаніяхъ, не увѣренъ въ томъ, что можетъ совершенно побѣдоносно опровергнуть величайшаго астронома въ мірѣ, если этотъ астрономъ вздумаетъ сомнѣваться въ обращеніи земли около солнца? Гротъ въ настоящее время есть величайшій знатокъ греческой исторіи; этому Гроту вздумалось доказывать, что Александръ Македонскій былъ чуждъ греческой цивилизаціи, не имѣлъ въ своихъ жилахъ ни капли греческой крови. Кто изъ васъ не въ состояніи доказать, что Гротъ ошибается? Для этого вовсе не надобно быть особеннымъ знатокомъ Греческой Исторіи: каждому извѣстно, что учителемъ Александра Македонскаго былъ Аристотель, что роднымъ языкомъ Александра Македонскаго былъ греческій языкъ, а не какой нибудь другой, что изъ числа предковъ Александра Македонскаго по женской линіи многіе были греки. Этихъ фактовъ, извѣстныхъ даже человѣку мало образованному, не въ состояніи опровергнуть никакая ученость, никакая тонкость ума. Намъ скажутъ, что общественныя науки до сихъ поръ еще очень мало обработаны и что потому едва ли могутъ быть въ нихъ столь несомнѣнныя аксіомы, какъ въ астрономіи. Нѣтъ, при всемъ несовершенствѣ нынѣшней обработки общественныхъ наукъ, въ нихъ есть уже аксіомы, справедливость которыхъ достигла математической несомнѣнности. Напримѣръ, никакою ученостію не можетъ быть опровергнута аксіома: „производство усиливается приложеніемъ капитала".

Digitized by Google

Такихъ несомнѣнныхъ истинъ въ экономической наукѣ уже довольно много. Къ числу ихъ принадлежитъ и положеніе о томъ, что при настоящемъ состояніи общества только общинное владѣніе можетъ предохранить массу земледѣльцевъ отъ пролетаріатства; къ числу ихъ принадлежитъ также и та истина, что земледѣліе въ Западной Европѣ уже вступаетъ, и у насъ со временемъ вступитъ, на ту степень развитія, когда производство усиливается введеніемъ машинъ и приложеніемъ другихъ способовъ, требующихъ значительнаго размѣра въ хозяйствѣ, къ которому они прилагаются. Кто захочетъ спорить противъ этихъ истинъ, тотъ неминуемо подвергаетъ себя пораженію, какъ бы ни были велики его знанія. А кто защищаетъ ихъ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что результатомъ споровъ будетъ обнаруженіе справедливости мнѣнія, имъ защищаемаго, какъ бы ни было скромно мнѣніе этого человѣка о своихъ знаніяхъ.

И такъ, будучи совершенно увѣрены, что мнѣніе, нами защищаемое, восторжествуетъ, какъ бы ни были малы наши знанія въ сравненіи съ ученостію „Экономическаго Указателя", мы не имѣемъ никакого основанія огорчаться тѣмъ презрѣніемъ къ нашимъ свѣдѣніямъ, какое угодно высказывать „Экономическому Указателю". Напротивъ, мы находимъ очень благопріятнымъ для дѣйствія несомнѣнной побѣды нашего мнѣнія то не равенство въ силахъ, которымъ угодно хвалиться „Экономическому Указателю"; и мы желали бы, чтобы читатели наши предполагали въ насъ какъ можно менѣе, а въ „Экономическомъ Указателѣ" какъ можно болѣе учености. Словомъ сказать, мы съ совершенною радостью принимаемъ всѣ тѣ презрительные эпитеты, которыми хочетъ унизить насъ „Экономическій Указатель". Мы просимъ читателя предполагать, что настоящая статья и тѣ статьи, въ которыхъ (по окончаніи возраженія въ „Экономическомъ Указателѣ") мы будемъ опровергать возраженія „Экономическаго Указателя", написаны человѣкомъ, у котораго очень мало учености, или даже совершеннымъ невѣждою.

„Невѣжда" — это слово означаетъ человѣка, который имѣетъ мало свѣдѣній, но оно не значитъ, чтобы этотъ человѣкъ не желалъ пріобрѣтать свѣдѣній. Это желаніе свойственно каждому человѣку, какъ бы ни было велико его невѣжество. И такъ: если мы ничего не знаемъ, то въ насъ есть нѣкоторое желаніе учиться. Руководителемъ своимъ въ занятіяхъ мы избираемъ прекрасный и ученый журналъ,—„Экономическій Указатель". Мы начинаемъ изучать этотъ журналъ. Мысли наши постоянно заняты вопросомъ объ общинномъ владѣніи землею. Перечитывая одинъ за другимъ нумера „Экономическаго Указателя", мы ищемъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ бы сочиненіи могли мы найти основательный трактатъ объ общинномъ владѣніи. „Экономическій Указатель" говоритъ намъ, что основательнѣйшее сочиненіе объ экономическихъ отношеніяхъ русскаго государства написано графомъ Тенгоборскимъ и называется „Etudes sur les forces productives de la Russie". Съ жадностію беремся мы за это сочиненіе и съ трепетомъ сердца читаемъ его, желая узнать мнѣніе этого великаго (по словамъ „Экономическаго Указателя") ученаго относительно вопроса, который насъ занимаетъ. На страницѣ 320 и слѣдующихъ 1-го тома мы находимъ разсужденіе „О причинахъ, которымъ надобно приписывать неудовлетворитель-

Digitized by Google

ное состояніе земледѣлія въ Россіи", а на 339 и слѣдующихъ страницахъ того же тома разсужденіе „О раздѣлѣ земли между поселянами по тягламъ и о вліяніи этой системы раздѣла на успѣхи земледѣлія". Посмотримъ, какъ думаетъ объ этихъ предметахъ писатель, рекомендованный намъ „Экономическимъ Указателемъ".

„Часто (говоритъ графъ Тенгоборскій) слышатся жалобы, что земледѣліе находится у насъ въ жалкомъ состояніи и что оно держится чрезвычайно отсталыхъ агрономическихъ методовъ. Жалобы эти слышатся также во многихъ другихъ странахъ и особенно во Франціи, въ Австріи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Что касается нашего отечества, эти жалобы, конечно, не лишены основанія, но должно также сказать, что очень часто онѣ доводятся до нѣкотораго преувеличенія. Чаще всего до сихъ поръ слышатся болѣе или менѣе ошибочныя сужденія о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія нашего земледѣлія. Многія изъ этихъ причинъ такъ очевидны, что не могутъ подлежать сомнѣнію, но очень легко ошибиться относительно степени ихъ истинной важности, если мы не сообразимъ вообще всего положенія нашего сельскаго хозяйства и всѣхъ физическихъ и нравственныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ оно зависитъ.

„Трехпольному хозяйству нѣкоторые отечественные и заграничные агрономы приписываютъ большую неравномѣрность, оказывающуюся въ сборѣ нашихъ жатвъ, и частые неурожаи. Это сужденіе намъ кажется сомнительно, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Главными причинами неравенства въ нашихъ жатвахъ и частыхъ неурожаевъ должны прежде всего считаться географическое положеніе страны и образованіе ея почвы и, въ нѣкоторыхъ областяхъ, мѣстныя атмосферическія вліянія. Россія — одна изъ обширнѣйшихъ равнинъ Европы, часто подвергающаяся сильному дѣйствію восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ; какъ слѣдствіе засухи, такъ и слѣдствія излишнихъ дождей, въ одно и то же время одинаково чувствуются въ ней на гораздо большомъ пространствѣ и гораздо равномѣрнѣйшимъ образомъ, нежели въ странѣ, природа которой разнообразна, гдѣ атмосферическія вліянія бываютъ различны въ разныхъ областяхъ, гдѣ долины, защищенныя горами отъ дѣйствія сухихъ вѣтровъ, менѣе боятся недостатка дождей и гдѣ, наоборотъ, горныя мѣстности менѣе подвержены вреду отъ излишнихъ дождей, легче освобождаясь отъ избытка воды быстрымъ ея потокомъ. Именно отъ частыхъ засухъ и страдаетъ наиболѣе наше земледѣліе *). Земледѣльческія улучшенія не могутъ совершенно отвратить вліяніе этого географическаго положенія. Конечно, надобно желать этихъ улучшеній, но тѣмъ не менѣе не должно скрывать отъ себя, что трехпольное хозяйство при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ несовершенствахъ наиболѣе соотвѣтствуетъ настоящему земледѣльческому положенію и останется, по крайней мѣрѣ, еще надолго господствующимъ въ Россіи, преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ много земли и мало рукъ. Эта система, требующая менѣе труда и менѣе капиталовъ, нежели системы, болѣе раціональныя, слишкомъ еще свойственна не только привычкамъ нашего народа, но также и условіямъ, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство, такъ что не можетъ скоро подвергнуться общему измѣненію. Есть даже области, какъ, напримѣръ, большая часть южныхъ степей, въ которыхъ, по мнѣнію очень опытныхъ агрономовъ, изучавшихъ втеченіе очень долгихъ лѣтъ особенности почвы и климата этихъ областей, раціональное хозяйство невозможно по той причинѣ, что почва не допускаетъ тамъ разнообразія воздѣлываемыхъ растеній. Кромѣ того, издавна замѣченъ тотъ фактъ, что всѣ славянскія племена имѣютъ особенное расположеніе къ системѣ трехпольнаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, въ Австріи, въ нѣмецкихъ провинціяхъ эта система съ года на годъ исчезаетъ, между тѣмъ, какъ во всѣхъ славянскихъ провинціяхъ она еще господствуетъ, точно также, какъ и въ Венгріи, гдѣ

*) По метеорологическимъ наблюденіямъ открывается, что въ Россіи падаетъ гораздо менѣе воды въ видѣ дождя и снѣга, нежели въ большей части другихъ странъ, именно вдвое менѣе, нежели въ Германіи и Франціи, и слишкомъ вдвое менѣе, нежели въ Англіи.

Digitized by Google

славянская система земледѣлія послужила образцемъ для мадьяровъ". („Etudes"; 2-е изд., томъ 1-й, стр. 320 и слѣд.).

Исчисливъ различныя другія препятствія успѣхамъ земледѣлія въ Россіи, графъ Тенгоборскій продолжаетъ:

„Вся та земля, пользованіе которой уступается поселянамъ какой нибудь деревни, раздѣляется на столько участковъ, сколько находится въ селѣ тяголъ или семей. Такъ какъ вся община отвѣчаетъ за исполненіе налоговъ и повинностей, лежащихъ на каждомъ изъ ея членовъ, то она и производитъ этотъ дѣлежъ. Объемъ участковъ пропорціоналенъ числу членовъ каждой семьи, по соображенію съ ея нуждами и количествомъ рукъ, которыми она располагаетъ для обработки достающагося ей участка. Когда сынъ женится при жизни отца, онъ получаетъ право на особенный участокъ. Тамъ, гдѣ есть чувствительное неравенство въ плодородіи разныхъ полосъ дачи, уравниваютъ дѣлежъ, давая каждому часть земли каждаго достоинства. Когда пространство земли превосходитъ нужду ея населенія, то есть нормальную пропорцію, какая считается необходимой для прокормленія каждой семьи, излишняя земля отдается зажиточнѣйшимъ изъ поселянъ, которые располагаютъ наибольшимъ числомъ рабочихъ рукъ, имѣютъ болѣе скота и вообще болѣе средствъ для обработки, и часто эти земли отдаются имъ даже противъ воли и они пропорціонально своимъ участкамъ несутъ налоги и повинности общины. Этотъ дѣлежъ производится обыкновенно съ большою справедливостію и осмотрительностью. Земли, остающіяся въ излишкѣ послѣ такого дѣлежа, образуютъ съ тѣмъ вмѣстѣ резервъ для будущихъ дѣлежей, которые могутъ сдѣлаться необходимыми при увеличеніи населенія. Когда, напротивъ того, недостаетъ земли для выдѣла каждому семейству участка, соразмѣрнаго его потребностямъ, излишекъ населенія уходитъ въ сосѣднія волости или губерніи, а иногда даже въ чрезвычайно отдаленныя провинціи, чтобы заработывать тамъ себѣ хлѣбъ.

„Какъ ни законна и гуманна такая система дѣлежа, но легко видѣть, какое раздробленіе земли и какія частыя перемѣны въ пользованіи участками должны происходить при ней по мѣрѣ того, какъ увеличивается, или уменьшается населеніе и число тяголъ деревни, что, конечно, не можетъ быть выгодно въ агрономическомъ отношеніи; потому что 1) неувѣренность сохранить надолго и передать по наслѣдству своимъ дѣтямъ обработанную землю дѣлаетъ поселянина равнодушнымъ ко всякому улучшенію, выгоды отъ котораго могутъ быть получены имъ только въ болѣе или менѣе отдаленномъ времени; 2) раздробленіе участка поселянина на нѣсколько мелкихъ частичекъ, разбросанныхъ по нѣсколькимъ полямъ для уравненія производительной цѣнности участковъ, также чрезвычайно невыгодно для обработки. Но должно сказать, что чрезвычайно трудно устранить эти неудобства, потому что такая система дѣлежа связана съ патріархальнымъ устройствомъ нашихъ общинъ, касаться котораго было бы опасно. Эта система дѣлежа основана на коренной идеѣ о единствѣ общины и равномъ правѣ каждаго изъ ея членовъ на пропорціональный участокъ земли, принадлежащей общинѣ. Такимъ образомъ, она утверждаетъ и укрѣпляетъ общинный духъ, который надобно считать однимъ изъ самыхъ консервативныхъ элементовъ общественной организаціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ это одно изъ лучшихъ предохранительныхъ средствъ противъ вторженія пролетаріатства и коммунистическихъ идей, которыя должны имѣть мало привлекательности для земледѣльцевъ, уже пользующихся сообща, посредствомъ справедливаго распредѣленія, плодами земель, ими обработываемыхъ. Нельзя не замѣтить того здраваго смысла и практическаго духа, съ которымъ наши поселяне часто сами, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, видоизмѣняютъ тѣ подробности системы, которыя могутъ имѣть неудобныя слѣдствія; нельзя не замѣтить той легкости, съ которой они сглаживаются между собою для соразмѣренія неравностей, возникающихъ отъ различія почвы и ея плодородія; нельзя, наконецъ, не замѣтить того довѣрія, съ которымъ каждый изъ нихъ подчиняется рѣшеніямъ общины, хотя бы они противорѣчили его личнымъ видамъ или удобствамъ. Казалось, надобно бы было ожидать, что эти часто возобновляемые дѣлежи земель должны служить источникомъ многочисленныхъ споровъ, но, напротивъ, поселяне очень рѣдко обращаются ко вмѣшательству начальства для

Digitized by Google

исправленія этихъ раздѣловъ. Такой фактъ, чрезвычайно удивительный самъ по себѣ, объясняется одною причиною. Именно, эта система, какъ бы ни была она дурна по другимъ отношеніямъ, до такой степени отожествилась съ нравами и понятіями нашихъ поселянъ, что они безъ недовольства переносятъ всѣ ея неудобства. Въ этомъ случаѣ намъ лучше всего сослаться на г-на Гакстгаузена. Изъ его интереснаго сочиненія о Россіи мы приведемъ только два примѣра, чрезвычайно замѣчательные и доказывающіе, что эта система дѣлежа, до сихъ поръ, несмотря на всѣ свои несовершенства, есть именно такая система, которая, при настоящемъ положеніи дѣлъ, наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ не только нравамъ нашего сельскаго населенія, но также и его дѣйствительнымъ потребностямъ.

„Пріѣхавъ въ деревню Гору Пятницкую *), въ Ярославской губерніи, г. Гакстгаузенъ собралъ на мѣстѣ слѣдующія свѣдѣнія объ экономическихъ отношеніяхъ этой общины. Эта деревня, состоящая изъ 23 семей съ 82 душами мужскаго пола, принадлежала прежде князю Козловскому. Крестьяне выкупились на волю, заплативъ помѣщику 14,280 рублей серебромъ. Три пятыхъ части этой суммы были выплачены наличными деньгами, а уплата остальныхъ денегъ была разложена на семь лѣтъ. Земли была раздѣлена между поселянами не по общему обычаю, то-есть не по числу работниковъ и семей, но по пропорціи суммы, внесенной каждымъ домохозяиномъ при выкупѣ. Такой порядокъ казался и справедливъ, и натураленъ, однако же, крестьяне нашли его столь неудобнымъ, и столь несообразнымъ съ своими привычками, что рѣшились потомъ раздѣлить между собою сумму выкупной платы, какъ простой общинный **) долгъ, и произвесть дѣлежъ земель по обыкновенной системѣ. Второй примѣръ еще болѣе поразителенъ.

„Нѣмецкіе колонисты, поселившіеся въ Саратовской губерніи, принесли съ собою принципъ передачи поземельной собственности по праву наслѣдства, сообразно обычаямъ и законамъ, принятымъ на ихъ родинѣ. Правительство не только дозволило соблюденіе этого принципа, но даже приняло его, какъ обязательный для колонистовъ, въ статутъ о ихъ общинномъ устройствѣ. Что же? черезъ нѣсколько лѣтъ они стали просить и долго просили перемѣны этого пункта въ статутѣ и позволенія принять систему дѣлежа, употребительную у русскихъ поселянъ,—до такой степени показался имъ выгоденъ русскій способъ для сохраненія ихъ благосостоянія, и это позволеніе было наконецъ имъ дано.

„Все это доказываетъ, что было бы неблагоразумно рѣзко преобразовывать порядокъ вещей, столь тѣсно слившійся и съ мѣстными преданіями, и съ нравами и потребностями нашего сельскаго населенія, какъ бы неоспоримы, впрочемъ, ни казались неудобства, могущія возникать изъ него относительно успѣховъ земледѣлія.

„Есть, однако же, измѣненіе, которое, намъ кажется, можно было бы мало-помалу ввести въ эту систему, оставляя неприкосновеннымъ принципъ равнаго дѣлежа по тягламъ; именно, можно было бы соразмѣрять величину каждаго участка съ степенью плодородія его почвы, вмѣсто того, чтобы назначать каждой семьѣ частичку каждаго клочка дачи, раздробленной по качествамъ почвы. Тѣ, которые оказались бы невыгодно надѣленными по этому способу, могли бы получать соразмѣрное облегченіе въ общинныхъ податяхъ и повинностяхъ, а всѣ имѣли бы ту выгоду, что каждый владѣлъ бы въ одномъ кускѣ ему доставшимся участкомъ,—это принесло бы значительное удобство при обработкѣ. Само собою разумѣется, этого не слѣдовало бы производить принудительнымъ образомъ и въ видѣ общей мѣры, но способомъ ободренія и вліяніемъ от-

*) Тутъ у Тенгоборскаго вкралась небольшая ошибка отъ недосмотра. Гакстгаузенъ разсказываетъ это не о селѣ Гора Пятницкая (принадлежавшемъ тогда г. Карповичу),—о Горѣ Пятницкой будетъ еще впереди у Гакстгаузена,—а объ одной изъ деревень, черезъ которыя проѣзжалъ Гакстгаузенъ по дорогѣ изъ Ярославля въ Гору Пятницкую.

**) У Гакстгаузена сказано точнѣе: какъ личный долгъ;—но смыслъ одинъ и тотъ же: каждый поселянинъ остался долженъ общинѣ, или община осталась ему, смотря по тому, болѣе или менѣе онъ заплатилъ, нежели причиталось на его долю по разсчету душъ.

Digitized by Google

дѣльныхъ примѣровъ. Тутъ правительство могло бы даже, вѣроятно, оказывать нѣкоторое вліяніе, уступая пустопорожнія государственныя земли съ нѣкоторыми условіями которыми ограничивалось бы раздробленіе воздѣлываемыхъ земель на мелкія частички" (Etudes, томъ 1, стр. 339).

Невѣжество наше такъ глубоко, что мы не знали даже о существованіи русскаго перевода книги графа Тенгоборскаго и потому должны были переводить мѣста, представляемыя читателю. Уже потомъ изъ „Экономическаго Указателя" мы узнали, что первый томъ графа Тенгоборскаго давно переведенъ г. Вернадскимъ — вотъ вредъ невѣжества: оно заставило насъ трудиться надъ тѣмъ, что уже сдѣлано другими *)! То же самое невѣжество было причиною и другой ошибки, отнявшей у насъ гораздо болѣе времени. Еслибъ мы были люди ученые, еслибъ мы знали предшествовавшія сочиненія графа Тенгоборскаго, быть можетъ, мы не потратили бы нѣсколькихъ дней на чтеніе его книги о производительныхъ силахъ Россіи. Мы съ самаго начала догадались бы, что она драгоцѣнна, какъ сборникъ фактовъ, какъ справочная книга, но что авторъ ея не принадлежитъ къ числу людей, мнѣнія которыхъ должны быть считаемы законами науки, что часто онъ въ своихъ умозаключеніяхъ дѣлаетъ ошибки, очевидныя и для насъ при всемъ нашемъ невѣжествѣ (въ примѣръ мы укажемъ на страницу 333 и слѣдующія 1 тома,—интересно было бы знать, какъ думаетъ объ этихъ страницахъ „Экономическій Указатель", приверженецъ системы laisser-faire, laissez-passer?). Словомъ сказать, мнѣнія Тенгоборскаго мы ни мало не намѣрены выставлять имѣющими особенный авторитетъ для насъ. И въ настоящемъ случаѣ намъ кажется, что онъ преувеличиваетъ неудобства общиннаго владѣнія, до странности уменьшая вредныя слѣдствія другихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ успѣхи нашего земледѣлія. Намъ кажется даже, что онъ не совершенно отчетливо знаетъ различные порядки, по которымъ дѣлится у насъ земля. Онъ воображаетъ, что раздѣлъ по тягламъ совпадаетъ съ раздѣломъ по ревизскимъ душамъ. Это ошибка. Въ однихъ селахъ земля дѣлится по тягламъ, въ другихъ по ревизскимъ душамъ. Ниже мы увидимъ причины такого различія, ихъ объяснитъ намъ Гакстгаузенъ. Далѣе Тенгоборскій воображаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда излишняя земля навязывается зажиточнымъ семьямъ противъ ихъ воли, община находится въ нормальномъ положеніи. Онъ не замѣчаетъ, что странно говорить, будто бы человѣкъ можетъ считать невыгодою обширность своей земли, и по его разсказу выходитъ, будто наши поселяне обременяются излишествомъ своихъ земель и сами не знаютъ, что дѣлать съ такимъ бременемъ. Ниже, Гакстгаузенъ объяснитъ намъ, въ какихъ случаяхъ и на какомъ основаніи происходятъ эти ненормальныя явленія, ненормальность которыхъ не замѣчается Тенгоборскимъ. Еще далѣе, Тенгоборскій, забывъ, что нѣсколькими страницами выше, онъ доказывалъ невозможность покинуть трехпольное хозяйство, воображаетъ, будто бы наше земледѣліе находится въ такомъ положеніи, что безъ общиннаго владѣнія было бы выгодно примѣнять къ улучшенію

*) Впрочемъ, мы не раскаиваемся въ томъ, что представили читателю переводъ, не во всемъ согласный съ переводомъ г. Вернадскаго.

Digitized by Google

земли такія средства, дѣйствіе которыхъ обнаруживается только черезъ нѣсколько лѣтъ, — еслибъ онъ не воображалъ этого, онъ не поставилъ бы общинное владѣніе препятствіемъ къ такимъ улучшеніямъ, которыя и безъ общиннаго владѣнія были бы невозможны. Ниже, Гакстгаузенъ объяснитъ намъ, что затрата капиталовъ на улучшеніе земли (препятствіемъ къ которой Тенгоборскій считаетъ общинное владѣніе) невозможна ни при какомъ способѣ владѣнія землею въ настоящее время и останется невозможною, пока не измѣнятся условія нашего земледѣльческаго быта, а когда они измѣнятся (именно, когда возвысится цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ и т. д. и т. д.), то капиталы будутъ затрачиваться на улучшеніе земли и при сохраненіи общиннаго владѣнія. Ко всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ надобно прибавить неточность, замѣченную нами въ выпискахъ, сдѣланныхъ Тенгоборскимъ изъ Гакстгаузена, и „Экономическому Указателю“ будетъ понятно, почему Тенгоборскій не кажется намъ великимъ авторитетомъ въ своихъ разсужденіяхъ. Но, по мнѣнію „Экономическаго Указателя“, г. Тенгоборскій есть великій авторитетъ, и мы, по своему невѣжеству, должны предпочесть мнѣніе столь ученаго журнала нашимъ собственнымъ соображеніямъ. И такъ, мы послушно признаемъ Тенгоборскаго великимъ экономическимъ мыслителемъ. Каково же мнѣніе этого мыслителя объ общинномъ владѣніи? Онъ признаетъ такой порядокъ вещей очень неудобнымъ, но полагаетъ, что его отмѣненіе повлекло бы за собою бѣдствія, гораздо болѣе значительныя, нежели тѣ неудобства, какія представляются его сохраненіемъ, и что потому общинный порядокъ владѣнія долженъ быть сохраненъ. Опять, мы не можемъ совершенно согласиться съ Тенгоборскимъ во взглядѣ на выгоды, представляемыя по его мнѣнію сохраненіемъ общиннаго владѣнія. Нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, кажущихся ему выгодными, для насъ казались бы невыгодными; но, къ счастію, мы полагаемъ, что Тенгоборскій преувеличиваетъ послѣдствія, которыхъ ждетъ отъ сохраненія общиннаго порядка, какъ преувеличиваетъ его неудобства. Этотъ порядокъ обезпечиваетъ огромному большинству поселянъ пользованіе землею. Онъ предотвращаетъ излишнее неравенство состояній между членами общины:—этихъ выгодъ на нашъ взглядъ совершенно достаточно для предпочтенія общиннаго владѣнія всякому другому. Мнѣніе Тенгоборскаго о другихъ выгодахъ, будто бы приносимыхъ этимъ порядкомъ, намъ кажется слѣдствіемъ малаго знакомства автора съ русскою исторіею. Земледѣльческій классъ, хотя и всегда пользовался у насъ землею по общинному порядку, не всегда являлся въ русской исторіи съ тѣмъ неподвижнымъ характеромъ, каковой воображаетъ видѣть въ немъ Тенгоборскій, слишкомъ довѣрившись общей обычной фразѣ о неподвижности, свойственной земледѣльцу въ западной Европѣ, и примѣнивъ эту бездоказательную фразу къ русскому поселянину. Намъ здѣсь нѣтъ нужды толковать о томъ, каковъ характеръ западнаго европейскаго поселянина. Напомнимъ только о томъ, что козаки были большею частію изъ поселянъ, и что съ начала XVII вѣка почти всѣ драматическіе эпизоды въ исторіи русскаго народа были совершены энергіею земледѣльческаго населенія.

Мы далеко не во всемъ соглашаемся съ Тенгоборскимъ въ мнѣніи какъ о неудобствахъ, такъ и о выгодахъ общиннаго владѣнія; за чѣмъ же мы

Digitized by Google

привели его сужденіе объ этомъ предметѣ? Единственно за тѣмъ, чтобы показать тотъ путь, которымъ начинаютъ развиваться наши свѣдѣнія объ экономической наукѣ. Вотъ мы уже знакомы съ Тенгоборскимъ и воображаемъ даже, что можемъ замѣчать его ошибки, чувствуемъ даже (о, какъ велика бываетъ самоувѣренность невѣжды!), что предметъ, о которомъ идетъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, именно: выгоды и невыгоды общиннаго владѣнія, понимается нами лучше, нежели Тенгоборскимъ. Словомъ, Тенгоборскій неудовлетворяетъ насъ и мы хотимъ искать сочиненія, въ которомъ вопросъ, занимающій насъ, разсматривался бы съ большею основательностію. Хлопоты объ этомъ не отнимаютъ у насъ много времени: самъ Тенгоборскій указываетъ намъ на какого-то Гакстгаузена, написавшаго будто бы интересное сочиненіе о сельско-хозяйственныхъ вопросахъ Россіи. Что это за Гакстгаузенъ? посмотримъ, что такое онъ говоритъ. Начинаемъ читать Гакстгаузена и видимъ, что мнѣнія Тенгоборскаго объ общинномъ владѣніи,—и не только мнѣнія, но и рѣшительно всѣ свѣдѣнія объ общинномъ владѣніи, заимствованы Тенгоборскимъ изъ Гакстгаузена, впрочемъ заимствованы, по обычаю всѣхъ компиляторовъ, не безъ нѣкоторыхъ промаховъ и недоразумѣній. Это замѣчаніе служитъ для насъ поводомъ къ такому умозаключенію: если Тенгоборскій, великій ученый по мнѣнію „Экономическаго Указателя", находилъ совершенно достаточными для поддержанія своей ученой славы свѣдѣнія, почерпнутыя изъ Гакстгаузена, то и насъ теперь, когда мы познакомились съ Гакстгаузеномъ, никто не можетъ не признать людьми замѣчательной учености. Мы имѣемъ у себя на столѣ книгу Гакстгаузена, слѣдовательно, по вопросу объ общинномъ владѣніи, обладаемъ всѣми тѣми средствами учености, какими владѣлъ Тенгоборскій. И такъ, въ этомъ дѣлѣ мы перестаемъ быть невѣждами, напротивъ становимся, подобно Тенгоборскому, великими учеными. Читатель! что вы найдете прочнаго въ наше время? Нѣкогда очень прочною вещью было невѣжество; бывало, человѣкъ, воображавшій себя ученымъ, воображалъ себя раздѣленнымъ непроходимой пропастью отъ людей, которыхъ не угодно было ему считать учеными. Увы! теперь и эта монополія шатается. Нынѣ, лишь была бы охота, каждому доступны средства пріобрѣсти обширныя знанія въ предметѣ, который его интересуетъ. Вотъ, хотя бы и нашъ примѣръ. Давно ли „Экономическій Указатель" находилъ въ нашихъ замѣчаніяхъ объ общинномъ владѣніи доказательства невѣжества, а вотъ теперь мы уже знаемъ объ этомъ предметѣ ни на волосъ не меньше, нежели зналъ самъ Тенгоборскій, котораго даже „Экономическій Указатель" признаетъ великимъ ученымъ. Въ грустное время живемъ мы съ вами, читатель! Нынѣ нельзя гордиться передъ своими сотоварищами не только какимъ нибудь другимъ, менѣе достойнымъ уваженія преимуществомъ, но нельзя гордиться даже ученостью: къ великому сожалѣнію нашему, знаніе сдѣлалось нынѣ доступно не однимъ цеховымъ ученымъ, но рѣшительно каждому, имѣющему охоту, или чувствующему потребность пріобрѣсть знаніе. Грустное время, когда мы повсюду вокругъ себя видимъ исполненіе могущественныхъ словъ, произносимыхъ духомъ нашего вѣка: „Возстань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ!"

Но довольно объ этомъ грустномъ предметѣ. Пора намъ заняться

Digitized by Google

Гакстгаузеномъ. Книга его, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще извѣстна у насъ, хотя первые два тома ея вышли уже десять лѣтъ тому назадъ. Въ свое время „Современникъ“ указывалъ русской публикѣ на это замѣчательное сочиненіе и представлялъ нѣкоторыя извлеченія изъ него („Современникъ“, томы V и VI, Смѣсь). Мы прежде всего воспользуемся общими замѣчаніями, которыя были тогда сдѣланы нашимъ журналомъ о происхожденіи и характерѣ книги Гакстгаузена.

„Г. Гакстгаузенъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что „онъ уже давно посвятилъ себя изученію сельскихъ учрежденій во всемъ ихъ объемѣ, во всемъ, что касается до устройства общинъ, до состоянія земледѣльцевъ, до отношенія ихъ къ семейству, владѣльцу земли (тамъ, гдѣ крестьяне находятся въ зависимости), къ общинѣ и къ государству,—что онъ старался изучать и наблюдать непосредственно собственными глазами жизнь такъ называемыхъ низшихъ сословій“ и проч. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прусское правительство дало г. Гакстгаузену средства для его ученыхъ розысканій, поручивъ ему изслѣдованія сельскаго устройства въ прусской монархіи. Съ 1830 года по 1838 годъ, онъ объѣздилъ съ этою цѣлію всѣ прусскія провинціи. Разбирая историческое развитіе нѣкоторыхъ сельскихъ учрежденій въ Пруссіи, г. Гакстгаузенъ нашелъ въ нихъ различныя отношенія, нисколько необъяснимыя чисто германскимъ народнымъ бытомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, съ XI до XII вѣка, обитали славянскія племена, впослѣдствіи истребленныя или огерманизированныя; этотъ исчезнувшій славянскій народный бытъ могъ служить источникомъ тѣхъ сохранившихся загадочныхъ и особенныхъ сельскихъ отношеній. Авторъ, желая объяснить себѣ этотъ предметъ, счелъ необходимымъ ближе познакомиться съ славянскими народами, особенно съ тѣми, которые живутъ на своихъ первобытныхъ мѣстахъ и самобытно, безпримѣсно развиваютъ свою народную жизнь. Въ прусскихъ провинціяхъ, до сихъ поръ обитаемыхъ славянскими племенами: кашубами, мазурами, верхними силезцами, поляками, сельскія учрежденія не могли сохраниться въ своей первобытной чистотѣ; они развивались подъ вліяніемъ сосѣдственныхъ германскихъ племенъ; что осталось въ нихъ своего славянскаго, что пріобрѣли они отъ германскаго племени, отличить очень затруднительно. Для этого г. Гакстгаузенъ предпринялъ путешествія въ славянскія земли: въ южныя провинціи Австріи, Сербію, Болгарію и преимущественно въ Россію. Въ Россіи онъ нашелъ полное пособіе для своихъ ученыхъ изслѣдованій: онъ не только былъ порученъ правительствомъ вниманію и покровительству мѣстныхъ начальствъ, но ему еще были сообщены документы изъ архивовъ и правительственныхъ мѣстъ.

„Г. Гакстгаузенъ началъ свое *аграрное* путешествіе по Россіи весной 1843 года. Сперва онъ отправился на сѣверъ, осмотрѣлъ часть обширнаго лѣснаго пояса Россіи, потомъ объѣхалъ губерніи Казанскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую, Екатеринославскую и изъ Керчи предпринялъ небольшое путешествіе въ южно-кавказскія земли, объѣхалъ Крымъ и берегомъ достигъ Одессы. Изъ Одессы онъ отправился въ Подолію и Волынію, доѣхалъ до Кіева и черезъ Черниговъ, Орелъ и Тулу возвратился въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москву. Изданные имъ теперь два тома заключаютъ въ себѣ часть наблюденій и обильныхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ въ Россіи“. („Современникъ“, томъ V, Смѣсь, стр. 247).

„Обиліе документовъ (замѣчаетъ „Современникъ“ въ другомъ мѣстѣ) о нашемъ общественномъ бытѣ и особенно обо всемъ, что касается до сельскихъ учрежденій, собранныхъ авторомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, придаетъ особенную важность книгѣ барона Гакстгаузена. Самъ баронъ Гакстгаузенъ, по понятіямъ, убѣжденіямъ, образу мыслей и занятіямъ—нѣмецкій дворянинъ, католикъ и агрономъ. („Современникъ“, томъ VI, Смѣсь, стр. 38).

Прежде нежели начнемъ мы дѣлать извлеченія изъ Гакстгаузена, мы считаемъ неизлишнимъ нѣсколько подробнѣе развить замѣчаніе, представленное нами выше изъ VI тома „Современника“ относительно убѣжденій, ко-

Digitized by Google

торыми руководился нѣмецкій агрономъ въ своихъ сужденіяхъ объ общественныхъ дѣлахъ.

Во-первыхъ надобно сказать, что Гакстгаузенъ по своимъ политическимъ мнѣніямъ не только не республиканецъ или хотя бы либералъ, но даже не просто консерваторъ, а такой реакціонеръ, какіе въ Германіи могутъ быть встрѣчаемы только между помѣщиками нѣкоторыхъ прусскихъ провинцій. Онъ видитъ единственное спасеніе для Пруссіи въ возстановленіи прежней неограниченной власти короля и считаетъ совершенной погибелью для этого королевства не только конституціонное устройство, введенное въ Пруссіи событіями 1848 года, но и предшествовавшее тому учрежденіе Общаго Собранія Сословій королевства въ 1847 году. Онъ считаетъ врагомъ Бога и родины каждаго нѣмца или француза, не признающаго самодержавной власти необходимостію для Германіи или Франціи. Онъ не только желаетъ возстановленія самодержавной власти въ тѣхъ странахъ западной Европы, гдѣ идетъ борьба между самодержавіемъ и конституціоннымъ устройствомъ, но желалъ бы ввести самодержавную монархію даже въ Сѣверной Америкѣ, которую ставитъ, относительно политическаго устройства, гораздо ниже Россіи.

Такой человѣкъ, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ особенномъ сочувствіи къ соціализму или коммунизму; и дѣйствительно, Гакстгаузенъ гнушается этими системами и прямо называетъ ихъ порожденіемъ дьявола.

Объ этихъ мнѣніяхъ Гакстгаузена каждый изъ его западноевропейскихъ читателей, конечно, судитъ сообразно своему взгляду на политическіе вопросы: одному можетъ нравиться, другому не нравиться политическій образъ мыслей Гакстгаузена. Но всѣ отдаютъ ему полную справедливость въ томъ отношеніи, что онъ хорошій агрономъ и основательно знаетъ сельско-хозяйственныя учрежденія всѣхъ странъ Западной Европы, а въ особенности Германіи, которую изучилъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи превосходно; и не только хорошо знаетъ онъ эти учрежденія, но и судитъ о нихъ вообще справедливо. Онъ человѣкъ въ высокой степени практическій, относительно тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ можетъ имѣть самостоятельное мнѣніе по близкому знакомству съ ними. Политикою онъ не занимался; разсуждая о политическихъ вопросахъ, онъ по преданію принимаетъ понятія, господствующія въ сословіи, среди котораго онъ воспитался и живетъ. Но какъ скоро рѣчь пойдетъ о какомъ нибудь сельско-хозяйственномъ вопросѣ, Гакстгаузенъ является уже не прусскимъ помѣщикомъ, а просвѣщеннымъ, опытнымъ и проницательнымъ сельскимъ хозяиномъ. Тутъ ему нѣтъ уже никакого дѣла до того, какъ думаетъ объ этомъ вопросѣ та или другая политическая партія. Онъ смотритъ только на то, каковы сельско-хозяйственныя и вообще экономическія послѣдствія этого учрежденія. Онъ отвергнетъ учрежденіе, нравящееся его политической партіи, если это учрежденіе найдетъ невыгоднымъ или неудобнымъ для народнаго хозяйства. Онъ будетъ защищать сельско-хозяйственное учрежденіе, не нравящееся его политическимъ друзьямъ, если найдетъ, что это учрежденіе полезно для національнаго хозяйства. Онъ прямо скажетъ: „экономическая область должна быть чужда политическихъ предубѣжденій или пристрастій:

Digitized by Google

вопросы о національномъ благосостояніи выше споровъ о формахъ политическаго устройства. При томъ же, экономическіе вопросы не имѣютъ необходимой связи съ политическими".

Въ этомъ состоитъ сильная сторона книги Гакстгаузена. Онъ разсматриваетъ сельско-хозяйственныя учрежденія съ точки зрѣнія чисто экономической, не увлекаясь никакими политическими пристрастіями, и за то заслуживаетъ полнаго одобренія. Въ самомъ дѣлѣ: какая нужда намъ до того, какъ называются люди, благопріятствующіе или неблагопріятствующіе какому нибудь практическому учрежденію? Намъ нужно обращать вниманіе только на то, полезно ли это учрежденіе. До прозваній и системъ практическому человѣку нѣтъ никакого дѣла; мы должны держаться въ практическихъ вопросахъ исключительно того критеріума, который выставленъ прекрасными словами: „по плодамъ дерева судите о деревѣ". Это правило мы поясним слѣдующимъ примѣромъ, взятымъ изъ Гакстгаузена.

„22 іюня (говоритъ онъ), мы пріѣхали въ Татарское село Епанашино (Казанской губерніи). Въ этомъ селѣ нѣтъ школы, но вообще по татарскимъ деревнямъ много школъ. Эти училища устроены по системѣ взаимнаго обученія, какъ во многихъ восточныхъ странахъ. Іезуиты нашли эту методу у индусовъ и ввели ее во многихъ изъ своихъ школъ. Белль-ланкастерская метода вовсе не новое изобрѣтеніе!" (Гакстгаузенъ, томъ I, страница 492).

Какое намъ дѣло до того, что система взаимнаго обученія принята іезуитами, которыхъ мы ненавидимъ? Какое намъ дѣло до того, что она издавна существуетъ у татаръ, грубыхъ и невѣжественныхъ? Какое намъ дѣло до того, что она принята у индусовъ, гнусное суевѣріе и пагубные національные обычаи которыхъ могутъ намъ казаться отвратительными? Сама по себѣ система взаимнаго обученія хороша, и мы не будемъ останавливаться на томъ, что она явилась на свѣтъ съ дурными рекомендаціями. Мы смотримъ на достоинство самой вещи, а не на ярлычекъ, къ ней прицѣпленный.

Но довольно, слишкомъ довольно всѣхъ этихъ объясненій и предисловій. Мы хотимъ въ настоящей статьѣ познакомить читателя съ тѣми свѣдѣніями о рускомъ обычаѣ общиннаго владѣнія землею, которыя собраны у Гакстгаузена полнѣе и основательнѣе, нежели у какого либо другаго писателя, изучавшаго этотъ чрезвычайно важный предметъ. Пора намъ начать наши извлеченія изъ этого изслѣдователя, дѣйствительно замѣчательнаго и основательнаго, съ мнѣніями котораго не всегда можно соглашаться, но неутомимое трудолюбіе и обширность знаній котораго нельзя не уважать. Мы начнемъ наши извлеченія тѣми страницами его книги, которыя заключаютъ общій сводъ сообщенныхъ ему свѣдѣній о порядкѣ общиннаго владѣнія въ Россіи.

„О раздѣлѣ земли въ русскихъ сельскихъ общинахъ были сообщены намъ (говоритъ Гакстгаузенъ) слѣдующія извѣстія: по принципу, все населеніе сельской общины разсматривается, какъ единица, которой принадлежитъ вся дача деревни: поля, луга, пастбища, лѣса, ручьи, пруды и проч. Каждый мужчина, находящійся въ живыхъ, имѣетъ право на совершенно равное участіе во всякомъ пользованіи землею. Потому участокъ каждаго поселянина по принципу постоянно подлежитъ измѣненію, такъ какъ каждый новый мужчина, рождающійся въ общинѣ, является съ новымъ правомъ и требуетъ своего участка; въ замѣнъ того, и участокъ каждаго умершаго возвращается въ

Digitized by Google

общину. Лѣса и пастбища, права на охоту и на рыболовство остаются нераздѣльн и каждый съ равнымъ правомъ участвуетъ въ пользованіи ими. Поля и луга, на тивъ, раздѣляются между всѣми мужчинами равномѣрно, по своей внутренней цѣнн Это равномѣрное раздѣленіе, конечно, очень трудно. Дача деревни состоитъ изъ ш шихъ, изъ посредственныхъ, изъ дурныхъ полосъ; однѣ полосы лежатъ близко, д далеко, и оттого пользованіе различными полосами не одинаково удобно. Какъ ввести уравненіе? Трудность велика, но русскіе легко одолѣваютъ ее: въ каждой щинѣ есть искусные землемѣры, научившіеся своему дѣлу по преданіямъ и испол ніе его съ ловкостью и ко всеобщему удовольствію. Министръ государственныхъ ществъ, г. Киселевъ, приказалъ въ различныхъ мѣстностяхъ Воронежской губерніи известь оцѣнку общинныхъ участковъ ученымъ землемѣрамъ и таксаторамъ, и сра ніе показало, что размежеваніе и оцѣнка, произведенная деревенскими межевщик отступаетъ отъ оцѣнки, совершенной научнымъ образомъ, только на три и четыре цента,—и кто знаетъ еще, на чьей сторонѣ точность! Сначала дача раздѣляется полосы, смотря по отдаленности или близости, по качеству земли и по степени ея с жести или удобренности, такъ что каждая полоса бываетъ кускомъ совершенно од роднымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Потомъ каждая изъ этихъ полосъ раздѣляется столько участковъ, сколько находится въ общинѣ людей, имѣющихъ участіе въ лежѣ, и участки разбираются ими по жеребью. При этомъ дѣлежѣ и метаніи жере обыкновенно присутствуетъ цѣлая община, въ томъ числѣ даже женщины и дѣти. при томъ господствуетъ величайшій порядокъ и тишина; господствуетъ также велич шая справедливость, и никогда не бываетъ раздора. Когда думаютъ, что кому нибу достался участокъ менѣе цѣнный, то вознаграждаютъ его изъ запасныхъ земель. Т ковъ общій порядокъ; но въ каждой области, въ иныхъ мѣстахъ въ каждой общи установились мѣстные обычаи, которыми онъ видоизмѣняется. Очень интересно было изслѣдовать всѣ эти особенности. Напримѣръ, въ Ярославской губерніи существу во многихъ общинахъ особенные, чрезвычайно чтимые, землемѣрные жезлы. Длина п соотвѣтствуетъ достокачественности различныхъ почвъ, такъ что, напримѣръ, жезлъ самой лучшей земли—самый короткій; для земли нѣсколько похуже—жезлъ нѣсколь подлиннѣе; и наконецъ, для самой худшей земли—жезлъ самый длинный. И такъ этихъ общинахъ различные участки неравны величиной, но именно тѣмъ самымъ ура мены въ своей цѣнности *).

„Мы имѣли здѣсь въ виду свободную русскую общину, которой дача принад житъ въ собственность. Такихъ свободныхъ общинъ, дѣйствительно, много существу въ Россіи. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ казацкія общины. Но въ принципѣ производитъ никакой разницы то обстоятельство, принадлежитъ ли дача въ собств ность общинѣ, или она отдана общинѣ только во владѣніе, какъ у государственны крестьянъ, или даже только въ пользованіе, какъ у крѣпостныхъ крестьянъ.

„Принципъ равнаго дѣленія по душамъ—первобытный славянскій принципъ: о происходитъ изъ древнѣйшаго принципа славянскаго права, принципа о нераздѣльно общемъ владѣніи всѣмъ родомъ. Такой дѣлежъ земель находился, быть можетъ, у всѣ славянскихъ народовъ, и теперь, можетъ быть, находится въ Сербіи, Кроаціи, Славон и проч., гдѣ не повсюду происходитъ даже годичное раздѣленіе земель, а въ ины мѣстахъ обработка земли производится вообще всею общиною подъ управленіемъ ста шинъ, и только уже жатва поровну раздѣляется членами общины.

„Принципъ раздѣла земли по душамъ въ Россіи сохранился даже у крѣпостны крестьянъ, находящихся на оброчномъ положеніи, которое прежде было единственны употребительнымъ. Но у тѣхъ, которые отправляютъ барщину, мы находимъ слѣду щее видоизмѣненіе принципа. При оброчномъ положеніи, какъ мы сказали, кажд мужская душа получаетъ равный участокъ земли, но зато каждая мужская душа (ретъ на себя и равную часть въ оброкѣ. Когда же введена въ деревнѣ барщина, конечно, малолѣтки и старики, не могущіе работать, не несутъ барщинной повинно

*) Изъ словъ Гакстгаузена очевидно, что въ этихъ общинахъ дача не дроби предварительно на полосы одной доброкачественности, и что каждый участок стоитъ изъ одного куска, а не изъ мелкихъ разбросанныхъ частицъ.

Digitized by Google

потому не могутъ имѣть они и притязанія на участки земли, раздаваемой крестьянамъ въ замѣнъ барщинной работы. Потому въ селахъ, имѣющихъ барщину, появилось другое основаніе дѣлежа земель, именно: земля дѣлится не по душамъ, а по тягламъ.

„Указанныя здѣсь отношенія составляютъ основаніи русскаго общиннаго устройства, одного изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ государственныхъ учрежденій какія только существуютъ въ мірѣ. Оно несомнѣнно представляетъ неизмѣримыя выгоды для внутренняго общественнаго состоянія. Въ русской общинѣ есть органическая связь, въ ней лежитъ столь крѣпкая общественная сила и порядокъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ. Описанный порядокъ доставляетъ Россіи ту неизмѣримую выгоду, что въ этой странѣ до сихъ поръ нѣтъ, и не можетъ образоваться пролетаріата, пока существуетъ такое общинное устройство. Человѣкъ можетъ обѣднѣть, можетъ лично промотать все свое имущество,—это не вредитъ его дѣтямъ: они, все-таки, удерживаютъ, или вновь получаютъ свой участокъ по общинному праву, потому что на участокъ этотъ имѣютъ они право, не какъ наслѣдники своего отца, а какъ члены своей общины; дѣти не наслѣдуютъ въ русской общинѣ нищеты отца.

„Но, съ другой стороны, надобно сознаться, что въ основаніи этого общиннаго устройства (въ ежегодномъ дѣлежѣ земли) не лежитъ условій успѣховъ сельскаго хозяйства, или, по крайней мѣрѣ, эти успѣхи очень затрудняютъ такимъ порядкомъ дѣлъ. Хлѣбопашество и всѣ отрасли сельскаго хозяйства, быть можетъ, подвергнутся когда нибудь опасности быть удержаны этимъ принципомъ на низкой ступени. Останется ли такое устройство, когда умственное образованіе сдѣлаетъ значительные успѣхи между русскими поселянами? Кто можетъ рѣшить это! Опытные и образованные сельскіе хозяева, какъ напримѣръ, г. Карновичъ, отзываются объ этомъ порядкѣ невыгодно и думаютъ, что земледѣліе не можетъ идти впередъ, когда такой принципъ примѣняется во всей своей строгости. Но въ томъ и дѣло, что уже давно этотъ принципъ не примѣняется во всей своей строгой послѣдовательности. Онъ нигдѣ не покинутъ, но онъ подлежитъ естественнымъ, удобнымъ и выгоднымъ видоизмѣненіямъ. Русскіе поселяне въ своей массѣ не имѣютъ ни малѣйшаго недостатка въ здравомъ, практическомъ пониманіи того, что относится къ дѣйствительнымъ интересамъ. Въ нихъ этого качества, можетъ быть, больше, нежели въ другихъ народахъ. Они давно увидѣли, какія невыгоды и неудобства приноситъ строгое доведеніе системы равнаго дѣлежа до крайнихъ послѣдствій. Когда я предлагалъ г. Карновичу вопросы, дѣйствительно ли гдѣ нибудь земля ежегодно вновь передѣляется между членами общины, то онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ на это отрицательно, и его отвѣтъ подтверждаемъ былъ мнѣ многими другими людьми и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ я предлагалъ этотъ вопросъ. Въ различныхъ частяхъ Россіи встрѣчаются многоразличныя видоизмѣненія общаго обычая. Въ здѣшнихъ мѣстностяхъ (около Ярославля) и, вѣроятно, въ цѣлой Ярославской губерніи поступаютъ слѣдующимъ образомъ.

„Какъ извѣстно, въ опредѣленные сроки производятся въ Россіи народныя переписи для распредѣленія подушной подати и рекрутской повинности. Эти переписи называются ревизіями и со временъ Петра I, стало быть, въ теченіе 130 лѣтъ, было ихъ восемь *). Относительно этихъ сроковъ принято за правило, что въ годъ ревизіи *долженъ* быть производимъ въ общинахъ новый передѣлъ земли. Еслибъ это не было предписано, то поселяне, по крайней мѣрѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ **), даже и въ ревизіонный годъ не стали бы предпринимать новаго передѣла, потому что, какъ неудобенъ для нихъ этотъ передѣлъ, столь невыгоднымъ онъ для нихъ кажется, обнаруживается уже изъ прозванія, которое они даютъ ему—именно, они называютъ его *черный передѣлъ*, то есть, die schwarze, böse Theilung (черный, злой дѣлежъ) ***).

*) Первыя двѣ части сочиненія Гакстгаузена вышли въ 1847 году.

**) Гакстгаузенъ очевидно говоритъ о той мѣстности Ярославской губерніи, въ которой лежитъ помѣстье г. Карновича, на свидѣтельствѣ котораго главнымъ образомъ основываются свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ на этихъ страницахъ; то есть, дѣло идетъ о той части Ярославской губерніи, которая сопредѣльна съ губернскимъ городомъ.

***) Гакстгаузенъ введенъ въ ошибку относительно смысла слова *черный* въ этомъ выраженіи; оно очевидно имѣетъ тоже значеніе, какъ въ выраженіяхъ: *черная*

Digitized by Google

„При послѣдней ревизіи въ здѣшней мѣстности поступали слѣдующимъ образомъ и, конечно, подобнымъ же образомъ поступали въ значительной части Россіи:

„Прежде всего общинная дача размѣривается и оцѣняется по качествамъ почвы деревенскими межевщиками и каждая полоса дѣлится на извѣстное число участковъ. Въ государственныхъ имѣніяхъ количество этихъ участковъ разсчитывается приблизительно по числу ревизскихъ душъ, а въ удѣльныхъ и крѣпостныхъ имѣніяхъ по числу тяголъ; но на случай приращенія въ населеніи, нарѣзывается нѣсколько лишнихъ участковъ, которые и составляютъ резервъ для общины. Слишкомъ неправильныя фигуры, образуемыя дорогами, рвами, берегами и проч., трудно измѣримыя, обрѣзываются такъ, чтобы выдѣлялись изъ нихъ учатки правильной формы, и остающіяся такимъ образомъ за границами участковъ полосы, концы и углы также причисляются къ резервнымъ землямъ и служатъ для уравненій между участками, если который нибудь окажется малоцѣннѣе другихъ. Эти углы и концы называются заполоски. Послѣ того каждому выдается участокъ, доставшійся ему по жребію, а резервныя земли община или отдаетъ въ наемъ, или какъ нибудь иначе пользуется ими. Когда теперь въ послѣдствіи времени родится мальчикъ, или образуется новое тягло, то изъ резервныхъ земель выдѣляется и дается ему новый участокъ. Когда кто умираетъ, то его участокъ присоединяется къ резервнымъ землямъ. Но вообще сколько возможно соблюдается то, чтобы, напримѣръ, участокъ, принадлежавшій умершему отцу, вновь былъ отданъ его сыну, такъ, чтобы существующія земледѣльческія хозяйства сколь возможно менѣе нарушались въ своемъ существованіи. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается причина и того, почему семьи охотно остаются безъ раздѣла въ хозяйствѣ *). Когда умираетъ отецъ, то часто старшій братъ заступаетъ его мѣсто какъ глава семьи, пользуясь совершенно всей его властью, и хозяйство остается нераздѣльнымъ.

„Изъ этого видно, что дѣлежъ земель на практикѣ вовсе не такъ пагубенъ, какъ можно бы полагать судя по его принципу. На это могутъ сказать, что когда человѣкъ не есть собственникъ земли, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ твердой обезпеченности, что будетъ пользоваться ею въ продолженіи многихъ лѣтъ до опредѣленнаго срока, то не будетъ онъ предпринимать никакихъ улучшеній, не будетъ влагать въ землю капиталовъ, чтобы сообщить ей высшую обработку—но мы уже показали, что каждый членъ общины достаточно обезпеченъ въ томъ, что сохранитъ владѣніе своимъ участкомъ, по крайней мѣрѣ, отъ одной ревизіи до другой, то есть на періодъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Кромѣ того надобно сказать, что до сихъ поръ, вообще къ Россіи очень мало могутъ примѣняться западно-европейскія средства и потребности относительно приложенія капиталовъ къ землѣ и улучшеній сельскаго хозяйства. Напримѣръ, въ Западной Европѣ и въ Германіи сама по себѣ земля составляетъ не болѣе какъ двѣ трети цѣнности всего хозяйства, а остальная треть цѣнности состоитъ въ скотѣ, орудіяхъ, произведенныхъ работахъ для улучшенія почвы. Потому въ Западной Европѣ, если я не увѣренъ, что удержу землю, по крайней мѣрѣ, на извѣстное число лѣтъ, и по окончаніи ихъ не получу вознагражденія за работы, улучшившія почву, то я могу потерять одну треть моего состоянія, именно, при перемѣнѣ я совершенно потерялъ бы удобреніе и засѣвъ, мой скотъ подвергся бы неудобствамъ отъ пе-

земля, черные люди, черная сотня, то есть тягловая, или податная, въ противуположность бѣлой, то есть освобожденной отъ тягла или оброка, податей и барщины. Итакъ *черный передѣлъ* значитъ просто передѣлъ податныхъ земель, или передѣлъ земли между людьми податнаго сословія. Ошибка, въ которую введенъ былъ Гакстгаузенъ, произошла отъ того, что люди, на словахъ которыхъ онъ основывался, съ одной стороны не знали кореннаго смысла слова черный, несомнѣннаго для каждаго знакомаго съ старинными грамотами, а, съ другой стороны, эти люди, сами представляя себѣ передѣлъ земли невыгоднымъ для хозяйства, внесли въ непонятное для нихъ народное выраженіе тотъ смыслъ, какой для нихъ самихъ могъ казаться натуральнымъ при ихъ взглядѣ на этотъ предметъ. На этомъ ошибочномъ толкованіи построенное предположеніе о чувствахъ поселянъ вовсе не убѣдительно.

*) Гакстгаузенъ опять введенъ въ ошибку. Нелюбовь поселянъ къ раздѣлу семьи на отдѣльныя хозяйства происходитъ отъ другой причины, именно отъ того, что чѣмъ больше работниковъ въ одномъ хозяйствѣ, тѣмъ богаче оно; одинокій мужикъ не можетъ хорошенько управиться съ полевыми работами.

Digitized by Google

ремѣны, а мои орудія могли бы стать отчасти не нужными для меня. Если, напримѣръ, въ Германіи, я покупаю 1 іюня помѣстье въ 500 моргеновъ пахотной земли при ста моргенахъ луговъ и десяти моргенахъ сада, то покупная цѣна распредѣлится по статьямъ цѣнности помѣстья слѣдующимъ образомъ:

1) Пахотная земля	20,000	талер.
2) Луга	9,000	„
3) Садъ	1,000	„
4) Удобреніе и посѣвъ	3,000	„
5) Работы для улучшенія луговъ	500	„
6) Работы и орудія для сада	500	„
7) Скотъ и земледѣльческія орудія	6,000	„
8) Усадьба	6,000	„
	46,000	талер.

„Теперь, если статьи 1, 2 и 3, имѣющія вмѣстѣ цѣнность 30,000 талеровъ, даютъ мнѣ только на время и могутъ быть ежеминутно переданы другому, то при этой передачѣ я рискую совершенно потерять статьи 4, 5 и 6, имѣющія цѣнность 4,000 талеровъ; а по статьямъ 7 и 8, имѣющимъ цѣнность 12,000 талеровъ, понести убытокъ, размѣръ котораго не могу впередъ опредѣлить.

„Такія соображенія не прилагаются къ Россіи. Въ средней полосѣ Имперіи, въ области чернозема, плодородіе такъ велико, что земля не удобряется, пашется только одинъ разъ, да и то слегка, потому удобреніе и работа запашки вовсе не входятъ въ разсчетъ; да и цѣна сѣмянъ окажется незначительна, когда мы вспомнимъ, что шеффель ржи въ дешевые годы продается по 12 зильберъ-грошей (четверикъ 20 коп. сер.). Искусственныхъ луговъ и садовъ почти нигдѣ нѣтъ. Овчарни существуютъ у крестьянъ чрезвычайно рѣдко. Обзаведеніе рогатымъ скотомъ у нихъ незначительно; лошади дешевы. Если мы подумаемъ, что въ Ярославской губерніи обыкновенная цѣна хорошей крестьянской лошади 50—60 рублей ассигнаціями, то легко намъ сообразить, какъ ничтоженъ капиталъ, затрачиваемый на обработку земли. Изба русскому поселянину почти ничего не стоитъ. Бревна на постройку получаетъ онъ даромъ изъ общественнаго лѣса и самъ строитъ себѣ жилище изъ этихъ бревенъ, такъ что расходы его наличными деньгами на постройку дома не доходятъ и до пяти талеровъ. И такъ, если въ Германіи при оцѣнкѣ поземельнаго участка принимается въ разсчетъ, кромѣ самой земли, значительный капиталъ, образуемый хозяйственнымъ инвентаріемъ и искусственными улучшеніями почвы, то въ большей части Россіи такой разсчетъ почти совершенно непримѣнимъ къ дѣлу, оттого для Россіи постоянство въ пользованіи землею далеко не имѣетъ того значенія, какъ для остальной Европы.

„Вообще въ наибольшей части Россіи земля имѣетъ незначительную цѣнность; она только почва для человѣческаго труда; потому еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ купчія крѣпости, дарственныя записи и завѣщанія говорили только о душахъ. Продавали, дѣлили и т. п., въ селѣ N столько-то и столько-то душъ крестьянъ. Земля была только прибавкою къ людямъ!

„Будетъ ли увеличиваться цѣнность земли, иначе сказать, будетъ ли итти впередъ земледѣліе, достигнетъ ли оно цвѣтущаго состоянія—это вопросъ будущаго для Россіи; но я боюсь, что въ ближайшемъ будущемъ вопросъ этотъ поставится невыгоднымъ образомъ *). Я уже указывалъ, что въ Россіи земледѣліе и фабричная промышленность находится въ ненормальномъ отношеніи. Земледѣліе не будетъ никогда процвѣтать, пока чистый доходъ отъ него будетъ такъ незначителенъ какъ въ настоящее время. А чистый доходъ отъ земледѣлія будетъ незначителенъ до той поры, пока не будетъ возвращена въ естественныя границы искусственно порожденная фабричная

*) Къ счастію, опасенія Гакстгаузена опровергнуты мудростью нашего правительства: тарифы 1850 и 1857 года постепенно приводятъ фабричную промышленность въ тѣ нормальныя отношенія къ земледѣлію, которыя нужны для процвѣтанія сельскаго хозяйства.

Digitized by Google

промышленность, или пока народонаселеніе не возрастетъ на столько, что окажется излишекъ рабочихъ рукъ. Въ остальной Европѣ фабриками заняты только тѣ рабочія силы, которыя уже не могутъ быть обращены на земледѣліе по излишеству рукъ для этого занятія. Въ Россіи напротивъ обращаются на земледѣліе только тѣ рабочія силы, которыя излишни для фабричной и ремесленной промышленности, или отвергнуты ею, какъ негодныя.

„Потому русское равномѣрное раздѣленіе земли между членами общины, по нашему мнѣнію, совершенно соотвѣтствуютъ настоящему общему соціальному положенію страны, а также и настоящей степени развитія хлѣбопашества въ Россіи. И надобно прибавить, что оно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго успѣхамъ сельскаго хозяйства. Пусть только не вводятъ никакихъ насильственныхъ мѣръ въ примѣненіи къ дѣлу этого принципа: поселяне сами лучше всѣхъ знаютъ, что для нихъ полезно; они сами собою ввели уже въ этотъ принципъ понадобившіяся видоизмѣненія и впослѣдствіи сами введутъ другія видоизмѣненія, какія понадобятся. Если въ чемъ, то именно въ этомъ дѣлѣ надобно остерегаться принудительнаго вмѣшательства.

„Относительно владѣнія землею видимъ мы въ Европѣ владычествующими одновременно въ разныхъ странахъ три принципа. Они рѣзко развились въ трехъ державахъ, а въ другихъ государствахъ существуютъ въ различныхъ степеняхъ взаимнаго ограниченія и смѣшенія.

„Въ Англіи владычествуетъ такой принципъ: земля должна быть дѣлима какъ можно менѣе и земледѣлію должно быть посвящено только то количество рукъ, какое совершенно необходимо. Только тогда можно сильно двигать впередъ и сохранять въ цвѣтущемъ состояніи земледѣліе; потому вся эта страна воздѣлывается большими, хотя не чрезмѣрно большими, хозяйствами. Въ нихъ та выгода, что всѣмъ занятымъ при нихъ рукамъ они даютъ работу впродолженіе круглаго года, и оттого нѣтъ потери въ рабочемъ капиталѣ человѣческихъ силъ. Только въ большихъ хозяйствахъ могутъ съ удобствомъ и съ выгодою вводиться и поддерживаться улучшенія,

„Результатъ этой системы таковъ, что, говоря пропорціонально, нигдѣ не доведено земледѣліе до такой высокой степени совершенства, какъ въ Англіи; нигдѣ нѣтъ пропорціонально такого обширнаго скотоводства; нигдѣ слѣдовательно не производится столько навоза и не могутъ быть возводимы поля до такой высокой обработки, какъ въ Англіи. Зато не составляютъ между англійскимъ населеніемъ и десятой части тѣ люди, которые имѣли бы, не говоримъ уже, свою землю, хотя бы свое жилище. И такъ, девять десятыхъ частей населенія въ Англіи стали пролетаріями. Кто станетъ отрицать опасности, которыми грозитъ такое отношеніе общественному положенію Англіи?

„Представительницею втораго принципа служитъ Франція. Онъ развился и установился въ ней только вслѣдствіе громаднаго переворота. Основное правило здѣсь таково: земледѣліе, подобно другимъ занятіямъ, отдается на личную волю отдѣльныхъ людей, потому всѣ земли должны быть доступны раздробленію; каждый можетъ свободно покидать и продавать землю, другими словами: земля должна быть товаромъ; она должна, какъ размѣнная монета, переходить изъ рукъ въ руки. Вслѣдствіе того, земля разбилась на безчисленныя мелкія хозяйства. Считая въ Англіи около 400,000 земледѣльческихъ хозяйствъ, во Франціи, пропорціонально географической величинѣ, должно бы быть около 1.400,000 такихъ хозяйствъ. Но въ 1831 году ихъ было не менѣе 10.404,121. Относительно результатовъ такой системы приведу я анекдотъ, разсказываемый англійскимъ путешественникомъ Артуромъ Юнгомъ. Встрѣтился ему во Франціи на дорогѣ поселянинъ, который несъ четырехъ куръ, и на вопросъ, куда онъ идетъ? отвѣчалъ, что идетъ въ городъ, лежащій за четыре лье (16 верстъ), чтобы продать своихъ куръ. Юнгъ спрашиваетъ далѣе, сколько онъ надѣется получить за нихъ; отвѣтъ: хорошо, если бы 24 су (30 коп. сер.); вопросъ: а сколько платы получаешь ты въ день, если наймешься работать? отвѣтъ: тоже 24 су. Вопросъ: зачѣмъ же не остался ты лучше въ своей деревнѣ, гдѣ получилъ бы ты 24 су и сохранилъ бы у себя своихъ куръ, стоющихъ 24 су, и могъ бы самъ съѣсть этихъ куръ? Отвѣтъ: конечно, я получаю 24 су въ день, когда найду работу, но я не нахожу работы: въ нашемъ селѣ у каждаго свой домъ, свой садъ, свой кусокъ земли: работы

Digitized by Google

эти занимаютъ у насъ едва три мѣсяца въ году; другія дѣла у насъ незначительны и потому нанимать работниковъ никому не нужно.—Этотъ анекдотъ даетъ намъ понятіе о состояніи Франціи. Земледѣліе, раздробленное на слишкомъ мелкія хозяйства не представляетъ достаточныхъ занятій на цѣлый годъ, и потому значительная часть рабочихъ силъ остается безъ употребленія. Слишкомъ мелочное раздробленіе не даетъ также средствъ для значительныхъ и прочныхъ улучшеній; скота мало, слѣдовательно мало и удобренія, служащаго основаніемъ всѣхъ успѣховъ земледѣлія; потому Артуръ Юнгъ очень справедливо замѣчаетъ: во Франціи хорошая почва воздѣлывается превосходно, посредственная мало, а дурная вовсе не воздѣлывается; потому, хотя Франція вообще имѣетъ лучшую почву, чѣмъ Англія, но никакъ не можетъ равняться съ ней по развитію земледѣлія.

„По совершенству земледѣлія, Англія стоитъ гораздо выше Франціи, но Франція имѣетъ гораздо меньше пролетаріевъ.

„Германія занимаетъ средину между Англіей и Франціей. Въ ней нѣтъ ни системы совершенной неподвижности и недѣлимости поземельной собственности, какъ въ Англіи, ни совершенной свободы въ переходѣ изъ рукъ въ руки и неограниченной дѣлимости всего количества земель, какъ во Франціи. Большія помѣстья въ Германіи почти всѣ нераздробимы, отчасти по закону, отчасти по обычаю. Состояніе мелкой поземельной собственности въ различныхъ областяхъ—различно. Въ нѣкоторыхъ областяхъ мелкія владѣнія также безгранично продаются и дробятся, какъ во Франціи; въ иныхъ они дробятся только между членами общины; въ другихъ часть земель можетъ быть дробима, а часть, при такъ называемыхъ нераздѣльныхъ крестьянскихъ дворахъ, не подлежитъ раздѣлу: а наконецъ въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ областяхъ, вся поземельная собственность состоитъ изъ нераздробимыхъ владѣній. Древніе обычаи, различіе законовъ въ различныхъ германскихъ государствахъ, различіе почвы, различіе характерѣ воздѣлыванія, естественные и постепенно развивающіеся интересы породили это разнообразіе, и въ цѣломъ оно должно быть названо состояніемъ благопріятнымъ для страны. Сельское хозяйство не стоитъ во всей Германіи на столь равномѣрно высокой степени, какъ въ Англіи, но все-таки гораздо выше, нежели во Франціи. Пролетаріи находятся только въ городахъ, а въ селахъ ихъ немного.

„Представительницею третьяго принципа служитъ Россія. Франція провозгласила тотъ принципъ, что земля можетъ дѣлиться; Россія идетъ гораздо далѣе; она постоянно дѣлитъ землю. Франція провозгласила принципъ неограниченной конкуренціи: она хочетъ считать землю товаромъ, который можетъ быть каждымъ лицомъ пріобрѣтаемъ за деньги. Россія каждому изъ своихъ дѣтей даетъ право пользованія, даетъ участіе въ пользованіи землею и, притомъ, въ каждой общинѣ всѣмъ дѣтямъ ея совершенно равное. Во Франціи земля просто частная собственность отдѣльнаго лица. Въ Россіи земля—собственность націи и общины, служащей повтореніемъ націи въ маломъ размѣрѣ; отдѣльное лицо имѣетъ только право на пользованіе подобно всѣмъ другимъ лицамъ. Что при такой системѣ недостижима столь высокая степень обработки почвы, какъ въ Англіи или даже въ Германіи, съ тѣмъ надобно согласиться. Но напротивъ та степень, которой достигла Франція, можетъ быть, по нашему мнѣнію, достижима для Россіи, если будутъ устранены нѣкоторыя изъ (чуждыхъ русскому общинному принципу) препятствій успѣхамъ земледѣлія; препятствія эти указаны нами въ другомъ мѣстѣ. (Гакстгаузенъ, томъ I, стр. 124 и слѣд.).

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о содержаніи представленнаго нами отрывка. Прежде всего очевидно, что Гакстгаузенъ ни мало не скрываетъ отъ себя неудобствъ, существующихъ при общинномъ владѣніи землею; очевидно, что разумнѣйшею системою издавна привыкъ онъ считать систему наслѣдственной поземельной собственности, среди которой онъ родился и воспитывался, которая срослась со всѣми его понятіями; очевидно, что если отдаетъ онъ преимущество русской системѣ общиннаго владѣнія передъ западно-европейскими, то дѣлаетъ это вслѣдствіе того, что факты

Digitized by Google

найденные имъ въ Россіи, слишкомъ ясно доказали ему, что общинное владѣніе землею имѣетъ свои выгоды, которыхъ лишена система наслѣдственной поземельной собственности, и что эти выгоды чрезвычайно важны. Онъ судья честный, но взявшійся за дѣло съ предубѣжденіемъ противъ общиннаго владѣнія. Если его предубѣжденіе побѣждено ближайшимъ изученіемъ дѣла, это конечно приноситъ большую честь его добросовѣстности, но съ тѣмъ вмѣстѣ доказываетъ и чрезвычайную силу тѣхъ фактовъ, которые представились ему при изученіи нашего поземельнаго порядка. Видно, что преимущества этого порядка слишкомъ велики, если ими разсѣяны всѣ соображенія и сомнѣнія, которыя долженъ имѣть противъ нихъ человѣкъ, подобно Гакстгаузену, привыкшій считать наслѣдственную поземельную собственность необходимостію. Послѣ этого общаго сдѣлаемъ нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Прежде всего обратимъ вниманіе на слова Гакстгаузена, что порядокъ раздѣла земли въ разныхъ областяхъ и разныхъ общинахъ различенъ. Иначе и не должно быть при чрезвычайномъ разнообразіи въ положеніи различныхъ нашихъ областей. Никто изъ образованныхъ людей въ настоящее время не требуетъ монотоннаго регламентированія: пусть въ каждомъ мѣстѣ люди живутъ и ведутъ свои дѣла такъ, какъ удобнѣе для того мѣста. Важно только то, чтобы общій духъ учрежденій былъ одинаковъ во всѣхъ мѣстахъ единоплеменнаго народа; да и это важно только потому, что самому народу такая общность духа сродна и мила.

Единственнымъ полезнымъ измѣненіемъ въ порядкѣ общиннаго владѣнія Тенгоборскій, какъ мы видѣли, признаетъ постепенное уничтоженіе привычки составлять каждый участокъ изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ клочковъ земли. Гакстгаузенъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самъ народъ уже ввелъ это улучшеніе и уравниваетъ неодинаковость почвы въ разныхъ полосахъ дачи тѣмъ, что объемъ участка увеличивается, или уменьшается, смотря по качеству почвы.

Какъ мнѣніе о томъ, что общиннымъ владѣніемъ предупреждается пролетаріатство, такъ и приговоръ о томъ, что этимъ порядкомъ затрудняются успѣхи сельскаго хозяйства, Тенгоборскій занялъ у Гакстгаузена. Но онъ не замѣтилъ того важнаго обстоятельства, что выраженіе „такимъ порядкомъ дѣлъ очень затрудняются успѣхи сельскаго хозяйства“ относится у Гакстгаузена только къ одному изъ многихъ способовъ раздѣла общинной земли, именно къ ежегодному передѣлу, или по крайней мѣрѣ къ передѣлу всей общины каждый разъ, какъ только является новый домохозяинъ. „Очень затрудняется“ — эти слова Гакстгаузена вовсе не относятся къ другимъ усовершенствованнымъ способамъ передѣла земель; именно, Гакстгаузенъ прямо противополагаетъ ежегодному передѣлу, который считаетъ очень затруднительнымъ, передѣлъ на продолжительные сроки, передѣлъ по ревизіямъ, къ которому у Гакстгаузена вовсе не относится эпитетъ „затруднительный“ или „невыгодный“, а напротивъ того. такой способъ признается у Гакстгаузена удобнымъ и выгоднымъ. Вообще Гакстгаузенъ убѣдился, что „здравый, практическій смыслъ“ русскаго народа давно придумалъ мѣры къ отстраненію тѣхъ неудобствъ, какія могутъ представляться передѣлами земли при настоящемъ положеніи земледѣлія въ Россіи. Къ этому можно прибавить, что

Digitized by Google

если во многихъ мѣстахъ порядокъ раздѣла не соотвѣтствуетъ еще требованіямъ раціональнаго хозяйства, то конечно этотъ нераціональный порядокъ держится не по невозможности улучшить приложеніе принципа, а потому только, что на практикѣ не сопровождается еще слишкомъ чувствительными неудобствами; когда же эти неудобства сдѣлаются чувствительными для поселянъ, то конечно у поселянъ достанетъ здраваго смысла, чтобы ввести въ свой обычай нужныя видоизмѣненія по примѣру того, какъ они введены уже поселянами тѣхъ мѣстъ, гдѣ оказались нужными.

Какъ человѣкъ практическій, Гакстгаузенъ справедливо замѣчаетъ, что если бы общинное владѣніе и дѣйствительно было по теоріи препятствіемъ къ приложенію капиталовъ для возвышенія земледѣльческаго производства по примѣру Западной Европы, то и безъ общиннаго владѣнія такое приложеніе капиталовъ въ дѣйствительности еще не возможно въ Россіи. Потому, говоритъ онъ, въ Россіи пока еще не существуетъ тѣхъ выгодъ на сторонѣ наслѣдственной поземельной собственности, какія существуютъ въ Западной Европѣ; онъ доказываетъ это сравнительнымъ разсчетомъ, обнаруживающимъ ничтожность дѣйствительной потери для русскаго хозяйства отъ перенесенія этого хозяйства съ одного участка на другой. Если бы кто нибудь вздумалъ оспаривать разсчетъ, сдѣланный Гакстгаузеномъ, какъ слишкомъ низкій, то мы легко могли бы доказать такому недовольному, что пропорція потери, принимаемая Гакстгаузеномъ, не только не ниже, а напротивъ выше дѣйствительныхъ потерь при подобныхъ перемѣнахъ, какъ въ разсчетѣ для западно-европейскаго хозяйства, такъ и въ разсчетѣ для русскаго хозяйства. Если это можетъ принести удовольствіе „Экономическому Указателю", мы готовы подробною смѣтою доказать, что Гакстгаузенъ преувеличиваетъ потерю нѣмецкаго хозяина при перенесеніи хозяйства съ одного участка на другой, и готовы представить подобное же доказательство и относительно русскаго хозяйства.

Далѣе встрѣчаемъ мы у Гакстгаузена мудрую и благотворную мысль, съ которой совершенно согласенъ и Тенгоборскій: кто хочетъ успѣховъ нашему сельскому хозяйству, тотъ не долженъ желать никакихъ принудительныхъ измѣненій въ порядкѣ общиннаго владѣнія. Довѣримся здравому смыслу нашихъ поселянъ; они сами съумѣютъ ввести въ обычай раздѣла всѣ тѣ улучшенія, какія окажутся нужными при дальнѣйшихъ успѣхахъ нашего земледѣлія. Менѣе, нежели кто нибудь, расположены мы считать непогрѣшительнымъ кого нибудь, изъ живущихъ на землѣ вообще, или русскаго поселянина въ особенности, но неприлично и несправедливо кажется намъ доходить до другой крайности, въ которую увлекаются очень многіе между нами, такъ называемыми образованными людьми, и воображать, будто поселянинъ (русскій или иностранный, все равно) надѣленъ здравымъ смысломъ въ меньшей степени, нежели мы. Почему знать,—быть можетъ, онъ способенъ такъ же, какъ и мы, понимать свои выгоды и довольно благоразумно вести свои житейскія дѣла? Быть можетъ даже, излишнее наше вмѣшательство въ его дѣла приноситъ иногда ему больше вреда, нежели выгоды. Если уже мы такъ заботливы о его выгодахъ, то можемъ мы ограничиться только совѣтами, какъ ограничиваемся этимъ средствомъ въ сно-

Digitized by Google

шеніяхъ другъ съ другомъ. Захочетъ онъ послушать нашего совѣта — хорошо; не послушаетъ—подумаемъ о томъ, хорошъ ли былъ нашъ совѣтъ. Для тѣхъ изъ читателей, которые слѣдили постоянно за „Современникомъ", нѣтъ надобности въ этой оговоркѣ, чтобы увѣриться въ нашемъ образѣ мыслей о подобныхъ предметахъ. Они знаютъ очень хорошо, что доброе согласіе со стороны человѣка, судьбу котораго надобно улучшить, мы считаемъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы судьба его дѣйствительно улучшалась. Безъ доброй воли и добровольнаго согласія человѣка, невозможно сдѣлать ничего истинно полезнаго для него. Мы почли нужнымъ упомянуть здѣсь объ этомъ нашемъ убѣжденіи, только потому, что имѣли случай слышать отъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ нами ученыхъ сомнѣніе относительно того, какими средствами считаемъ мы полезнымъ поддерживать общинное владѣніе, защитниками котораго являемся. Если когда нибудь было употреблено нами объ этомъ предметѣ выраженіе, подававшее поводъ къ какому нибудь сомнѣнію, мы ни мало не постыдимся сказать, что это выраженіе не точно или ошибочно передавало нашу мысль, и если нужно, готовы взять его назадъ. Менѣе, нежели кто нибудь, мы расположены сочувствовать такимъ теоріямъ, которыя не ставятъ всей надежды своей на успѣхъ единственно въ разумномъ и совершенно добровольномъ предварительномъ убѣжденіи тѣхъ людей, польза которыхъ имѣется въ виду.

Но возвращаемся къ разсмотрѣнію отрывка, приведеннаго нами изъ книги Гакстгаузена. Сравнивая Германію, въ различныхъ областяхъ которой существуютъ разнообразные порядки относительно владѣнія землею, съ Англіею, въ которой господствуетъ исключительный принципъ неприкосновенности наслѣдственнаго нераздробимаго владѣнія, и Франціею, въ которой господствуетъ также исключительный принципъ неограниченной перепродажи и раздробленія земли, Гакстгаузенъ находитъ, что разно-образіе, существующее въ Германіи, выгоднѣе для національнаго благосостоянія, нежели исключительность французской и англійской системъ. Мы прибавимъ, что когда безъ нарушенія различныхъ порядковъ владѣнія землею устранятся препятствія, мѣшающія нынѣ успѣхамъ нашего земледѣлія и не имѣющія ни малѣйшей связи съ принципами общиннаго владѣнія землею или частной поземельной собственности, то положеніе Россіи будетъ еще разнообразнѣе, нежели положеніе Германіи.

Гакстгаузенъ, при своемъ обозрѣніи результатовъ, производимыхъ англійскимъ, французскимъ и русскимъ принципами поземельнаго владѣнія, упускаетъ изъ виду это огромное количество земель, состоящихъ у насъ не въ государственной собственности и не въ общинномъ владѣніи, а въ полной собственности отдѣльныхъ лицъ. Еслибъ онъ не забылъ о нихъ, то, конечно, онъ сказалъ бы, что для Россіи при сохраненіи общиннаго владѣнія въ настоящихъ его предѣлахъ возможно достигнуть (на сколько то позволяется климатомъ) совершеннѣйшей обработки земли, какая только допускается принципомъ частной собственности. Примѣръ частныхъ собственниковъ, когда они будутъ въ состояніи выгоднымъ образомъ затрачивать капиталы на улучшеніе своихъ земель, конечно, выведетъ на дорогу искусственнаго улучшенія земли и сельскія общины, лишь только эта дорога сдѣлается выгодною.

Digitized by Google

Далѣе Гакстгаузенъ начинаетъ разсуждать о сенсимонизмѣ и такъ называемыхъ коммунистическихъ системахъ. Собственно говоря, намъ не было бы никакого дѣла до этихъ системъ и до мнѣній Гакстгаузена о ихъ значеніи для Западной Европы, если бы чувство самолюбія (конечно, ни мало не похвальное) не побуждало насъ замѣтить „Экономическому Указателю", что Гакстгаузенъ при этихъ разсужденіяхъ дѣлаетъ ту же самую ошибку, къ которой обнаруживается наклонность и въ „Экономическомъ Указателѣ". Именно: Гакстгаузенъ воображаетъ, будто бы въ 1847 году, когда была издана его книга, вопросъ о сенсимонизмѣ и тому подобныхъ мечтахъ все еще оставался современнымъ вопросомъ и будто бы еще находились тогда серьезные люди, державшіеся системы Сенъ-Симона. Добрякъ не замѣчалъ, что времена этой системы, дѣйствительно мечтательной и неосуществимой, прошли за долго до 1847 года, и что въ этомъ году развѣ какая нибудь невинная старая дѣвушка держалась во Франціи системы Сенъ-Симона. Эта ошибка со стороны Гакстгаузена довольно груба; но еще страннѣе, что въ 1857 году, то есть десятью годами позднѣе Гакстгаузена, „Экономическій Указатель" все еще воображаетъ видѣть передъ собою какихъ-то утопистовъ. Смѣемъ увѣрить его, что такія опасенія столь же приличны нашему вѣку, какъ, напримѣръ, споры противъ какого нибудь Вольтера: люди, подобные Вольтеру и Сенъ-Симону, давнымъ давно сошли съ историческаго поприща, и безпокоиться о нихъ совершенно напрасно. Если память насъ не обманываетъ, знаменитый Бастіа, служащій авторитетомъ для „Экономическаго Указателя", спорилъ противъ людей, которые гораздо удачнѣе его смѣялись надъ сенсимонистскими мечтаніями и которые, каковы бы ни были ихъ недостатки, уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы мечтателями. Положительный и холодный разсчетъ не имѣетъ ничего общаго съ поэтическими грезами.

Мы не привели изъ Гакстгаузена эпизода, относящагося къ сенсимонистамъ: Гакстгаузенъ, по сердечной простотѣ, перепутываетъ вопросъ о пролетаріатѣ съ сенсимонистскою системою; но мы предупреждаемъ читателей, что въ наше время говорить о сенсимонизмѣ то же самое, что говорить о какой нибудь системѣ физіократовъ или меркантилистовъ; все это дѣла давно минувшихъ дней, дѣла „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма".

Какъ человѣкъ, не слишкомъ-то близко знакомый съ характеромъ современныхъ ему стремленій, Гакстгаузенъ воображалъ, что люди, въ 1847 году грозившіе переворотомъ Западной Европѣ, держались мнѣній Сенъ-Симона. Это заблужденіе доказываетъ завидную невинность его души. Но, какъ человѣкъ практическій, онъ очень вѣрно предугадывалъ въ 1847 году близость страшнаго взрыва со стороны пролетаріевъ Западной Европы; и нельзя не согласиться съ нимъ, что благодѣтеленъ принципъ общиннаго владѣнія, который ограждаетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріатства въ сельскомъ населеніи.

Кончивъ наши замѣчанія относительно общаго свода свѣдѣній, представляемыхъ Гакстгаузеномъ о нашемъ общинномъ владѣніи, мы перейдемъ къ другимъ мѣстамъ его книги, поясняющимъ ту или другую подробность въ этомъ общемъ обзорѣ.

Въ каждомъ селѣ, черезъ которое проѣзжалъ Гакстгаузенъ, распраши-

Digitized by Google

валъ онъ о порядкѣ, по какому крестьяне этого села дѣлятъ между собою участки, и все его сочиненіе наполнено этого рода свѣдѣніями. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы ближе познакомиться съ тѣмъ, какіе порядки должны назваться господствующими въ великорусскихъ областяхъ и какія отступленія встрѣчаются въ различныхъ мѣстностяхъ. Прежде всего приведемъ мы отрывокъ, объясняющій, при какихъ обстоятельствахъ встрѣчается то надѣленіе излишнею землею зажиточныхъ поселянъ, которое упоминается у Тенгоборскаго, будто бы нормальный фактъ.

„Вечеромъ 17 мая пріѣхали мы въ мѣстечко Великое Село, имѣющее полторы высячи ревизскихъ душъ или три тысячи жителей обоего пола. Село принадлежитъ семи помѣщицамъ сестрамъ, которыя сами не живутъ въ немъ и берутъ съ своихъ крестьянъ оброкъ; но наложенъ ими этотъ оброкъ не на отдѣльныя тягла, а общею суммою на цѣлое село. Объ общественномъ устройствѣ и раздѣлѣ земли узнали мы слѣдующее: часть жителей пріобрѣла посредствомъ хлопчато-бумажной фабрикаціи значительное состояніе и ведетъ значительные торговые обороты, другая часть занимается земледѣліемъ, а нѣкоторые ремеслами. При назначеніи оброка было обращено вниманіе на эти торговыя и фабричныя дѣла и потому наложенъ быль оброкъ болѣе высокій, нежели какой могло бы платить чисто земледѣльческое село. Если бы по обыкновенному способу требовалась равная плата съ каждаго работника, то бѣднымъ было бы чрезвычайно тяжело, между тѣмъ какъ богатые пропорціонально платили бы мало. Сами помѣщицы не жили въ селѣ, и потому имъ было трудно наложить на каждаго оброкъ по его состоянію; потому онѣ предпочли наложить круглую сумму на цѣлую общину, и предоставили самой общинѣ разложеніе оброка по семействамъ. Община поступаетъ вслѣдствіе того очень оригинальнымъ образомъ. Она разложила всю сумму оброка на землю, раздаетъ членамъ своимъ эту землю по не равнымъ участкамъ и заставляетъ болѣе зажиточныхъ людей брать болѣе земли, нежели имъ нужно и нежели пришлось бы имъ при равномъ дѣлежѣ. Дѣло въ томъ, что на каждый участокъ приходится болѣе оброка, нежели приноситъ выгоды обработываніе этого участка. Тѣ жители, которые не занимаются хлѣбопашествомъ, конечно, ничего не могутъ сами дѣлать съ своей землей и отдаютъ ее настоящимъ земледѣльцамъ за незначительную плату, которая далеко не равняется взносимому за землю оброку. Мы повсюду видимъ власть руской общины и повиновеніе, встрѣчаемое ею у своихъ членовъ, и будемъ имѣть еще много случаевъ познакомиться съ этою особенностію русскихъ селъ“. (Томъ I, стр. 112 и слѣд.).

Въ другомъ мѣстѣ (именно, около города Вологды) Гакстгаузенъ замѣтилъ совершенное нарушеніе общиннаго принципа по какимъ-то мѣстнымъ обстоятельствамъ, оставшимся для него неизвѣстными:

„Проѣзжая мимо полей нѣсколькихъ маленькихъ деревушекъ, замѣтилъ я, чего никогда не видалъ на поляхъ большихъ деревень, именно: что послѣ каждыхъ пяти или восьми полосъ идетъ невспаханная полоса шириною четверти въ три, служащая раздѣломъ между маленькими загонами. Когда я спросилъ о томъ, то услышалъ, что въ этихъ очень маленькихъ деревняхъ не существуетъ ежегодный или временный раздѣлъ полей по общему обычаю, но что поле разъ навсегда раздѣлено и предоставлено каждому дому; и вотъ между этими-то вѣчными участками и проходятъ раздѣльныя полосы. Это почти единственное встрѣченное мною исключеніе изъ обычнаго въ русскомъ народѣ дѣлежа полей и вѣроятно оно основано на какихъ нибудь непреоборимыхъ причинахъ“. (I, 240).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣсныхъ сѣверныхъ губерній Гакстгаузенъ встрѣтилъ другой примѣръ образованія частной поземельной собственности между поселянами:

„Въ Никольскомъ уѣздѣ, который проѣхали мы во всю длину, господствуетъ обычай, о которомъ я не слыхалъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ, и на которомъ основы-

Digitized by Google

вается родъ поземельной собственности, или по крайней мѣрѣ наслѣдственное пользованіе землею. Общинамъ государственныхъ крестьянъ уступлены въ пользованіе большіе лѣса, которые по своей обширности далеко превышаютъ ихъ надобность въ строевомъ матеріалѣ и въ топливѣ. Теперь, если какой нибудь поселянинъ вздумаетъ поселиться въ этихъ пустынныхъ лѣсахъ, онъ проситъ на то позволенія у общины. Она никогда не отказываетъ ему въ такомъ разрѣшеніи. Но конечно. заселеніе производится не тамъ, гдѣ надобно бы сжечь для того строевой, или вообще хорошій лѣсъ, а на такихъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ, или уже вырубленъ, или мелокъ. Выжегши себѣ участокъ для поселенія, поселянинъ получаетъ наслѣдственное право пользоваться этимъ участкомъ, и община всегда уважаетъ это право". (I, 262).

Но вообще такіе случаи отступленія отъ кореннаго принципа, порождаемые исключительными мѣстными обстоятельствами, очень рѣдки по замѣчанію Гакстгаузена, такъ что могутъ назваться совершенно ничтожными въ общей массѣ селеній, слѣдующихъ общинному принципу. Каждый разъ, какъ случается ученому наблюдателю упоминать о порядкѣ дѣлежа общинной земли, онъ замѣчаетъ, что раздѣлъ этотъ всегда производится совершенно удовлетворительнымъ для всѣхъ образомъ и никогда не подаетъ причинъ къ раздорамъ; въ примѣръ представимъ слѣдующій отрывокъ, подобныхъ которому можно набрать десятки въ его книгѣ.

„Удѣльное сельцо Дьяконское состоитъ изъ девяти дворовъ или семей съ 24 душами мужескаго пола. Оно имѣетъ 59 десятинъ пахотныхъ полей, 11 десятинъ сѣнокоса и 2 десятины выгона. При каждомъ домѣ есть садъ, не входящій въ передѣлы, а передѣлъ земли производится при каждой ревизіи, въ случаяхъ же большой прибыли или убыли числа душъ, и раньше. Они это дѣло улаживаютъ промежду собою; а если бы случилось несогласіе, чего впрочемъ еще не бывало на людской памяти, то споръ перешелъ бы на рѣшеніе головы". (I, 303).

Наклонность жителей одного села оставлять въ одномъ общинномъ владѣніи всѣ земли, принадлежащія этому селу, такъ сильна, что даже тогда, когда сами они уже раздѣлены по различнымъ вѣдомствамъ, они оставляютъ, если только то позволяется имъ, свои земли въ одной общей дачѣ, не размежевывая ихъ по различію своихъ вѣдомствъ и своихъ податей,—и пользуются равными участками даже при неравенствѣ въ податяхъ:

„Вторая станція отъ Николаева было Березово, большое село, состоящее изъ удѣльныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ государственными. Первыхъ было въ селѣ 423 души, послѣднихъ 640 душъ. Такое соединеніе часто находится въ здѣшнихъ мѣстахъ, и мы встрѣчали его въ большей части деревень до самаго Саратова. Тутъ государственные и удѣльные крестьяне имѣютъ не двѣ различныя дачи, а образуютъ одну общину и дѣлятъ землю по русскому обычаю по душамъ или, какъ выразился въ этомъ селѣ старикъ, котораго мы распрашивали, по жеребьямъ изъ одной шапки. А надобно замѣтить, что ихъ подати не одинаковы. Удѣльные крестьяне платятъ 29 руб. 20 коп. ассигн., а государственные только 16 руб. 48 коп.

„Кучумъ, куда мы пріѣхали 29 іюня, также село, состоящее вмѣстѣ изъ удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ. Удѣльныхъ считается 235, а государственныхъ 121 душа. Тѣ и другіе не имѣютъ двухъ различныхъ дачъ, но образуютъ одну общину". (II, 30).

У Тенгоборскаго мы уже видѣли заимствованный изъ Гакстгаузена примѣръ того, какъ любовь къ равнымъ участкамъ для всѣхъ членовъ общины беретъ верхъ даже надъ совершенною неравномѣрностью взносовъ, сдѣланныхъ различными семьями для общиннаго дѣла. Вотъ другой примѣръ въ томъ же родѣ:

Digitized by Google

„Въ слѣдующемъ селѣ (въ Заволжскомъ Краѣ) нашли мы снова поразительное свидѣтельство силы русскаго общиннаго устройства. Сельцо это, по имени Маянье, принадлежало прежде князю Вяземскому, который переселилъ сюда крестьянъ своихъ изъ Рязанской губерніи въ началѣ нынѣшняго вѣка. За неуплату долга въ Заемный Банкъ, сельцо это назначено было въ продажу, и на аукціонѣ крестьяне откупились за 129,000 рублей ассигн. Но вмѣсто того, чтобы навсегда раздѣлить между собою землю въ частную собственность по пропорціи частей, взнесенныхъ на выкупъ, поселяне остались при русскомъ общинномъ дѣлежѣ земли по душамъ, и отчасти взнесли, отчасти продолжаютъ взносить причитающіяся на каждаго выкупныя деньги по душамъ. Я нашелъ здѣсь еще одну особенность, до сихъ поръ не встрѣчавшуюся мнѣ. Поселяне эти дѣлятъ ежегодно между собою паровое поле, такъ что у каждаго остается одинъ и тотъ же участокъ только въ теченіе двухъ лѣтъ. Отъ такого порядка не далекъ былъ бы уже переходъ и къ первобытному славянскому дѣлежу, когда каждый годъ дѣлится на полѣ жатва—обычай, еще существующій въ нѣкоторыхъ общинахъ Сербіи и Боснія. Когда въ 1827 году откупилось это сельцо, въ немъ было 287 душъ, теперь число ихъ увеличилось до 350 душъ. Какъ запутались бы чрезъ то права на собственность и степень участія въ платежѣ выкупныхъ денегъ, если бы приложить сюда наши юридическія понятія“! (II, 33).

Это село лежитъ въ черноземной полосѣ, гдѣ нѣтъ удобренія, потому и трехлѣтній срокъ передѣла не представляетъ неудобствъ. Такъ рязанцы бросили свои рязанскіе продолжительные сроки передѣла, когда переселились на такую землю, гдѣ возможны болѣе частые передѣлы,—любовь къ болѣе точному выполненію общиннаго принципа, при первой возможности, взяла верхъ надъ старою привычкой, нѣсколько ограничивавшей быстроту въ возстановленіи уравнительности. Такова натура русскаго поселянина.

Впрочемъ, мы совершенно ошиблись бы, если бы вздумали считать наклонность къ общинному уравнительному владѣнію въ нашихъ поселянахъ какою нибудь таинственною чертою исключительной національной организаціи славянскаго вообще, или въ частности великорусскаго племени. Дѣло просто въ томъ, что сохраненіе уравнительнаго права на общинный участокъ чрезвычайно выгодно для общаго благосостоянія крестьянъ. Поселяне, чуждые русскому племени, когда видятъ вокругъ себя русскихъ поселянъ, мало по малу убѣждаются въ преимуществахъ общиннаго владѣнія и принимаютъ его. Въ отрывкѣ, представленномъ нами изъ Тенгоборскаго, читатель видѣлъ, что нѣмецкіе колонисты въ Саратовской губерніи ввели у себя общинное владѣніе, убѣдившись въ томъ, что оно для благосостоянія цѣлой общины выгоднѣе, нежели принесенный этими колонистами изъ Германіи законъ частной поземельной собственности. Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ у Тенгоборскаго, мы прибавимъ, что Гакстгаузенъ прямо указываетъ причину, заставившую нѣмецкихъ колонистовъ предпочесть нашъ порядокъ своему: при наслѣдственной собственности и при правѣ продавать землю, очень многіе изъ нихъ скоро увидѣли себя обѣднѣвшими, и тогда всѣ колонисты, опасаясь каждый для себя или для своихъ дѣтей подобной же участи, приняли русскій обычай, и этотъ обычай возстановилъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ цвѣтущее благосостояніе. Далѣе мы увидимъ, что тотъ же обычай, съ тѣми же счастливыми результатами былъ принятъ меннонистами въ Новороссійскомъ Краѣ. Въ нѣсколькихъ татарскихъ селахъ, Гакстгаузенъ слышалъ тоже самое. Татары, подобно нѣмцамъ, усвоиваютъ себѣ русскій порядокъ, какъ вы-

Digitized by Google

годнѣйшій для сохраненія общаго благосостоянія. Въ нѣкоторыхъ селахъ они пользуются нѣкоторою частью своей земли въ видѣ участка общинной собственности по вновь принятому ими русскому обычаю, а другою частью какъ полною частною собственностію по своему прежнему обычаю. Вотъ примѣръ:

„8 іюля прибыли мы въ большое татарское село Муссалинъ, имѣющее 728 душъ. При Петрѣ Великомъ, ихъ предкамъ, въ числѣ 55 взрослыхъ мужчинъ, была отведена земля въ наслѣдственную собственность и наслѣдственно передавалась отъ отца къ сыновьямъ. Потому и неравенство между владѣніями отдѣльныхъ поселянъ чрезвычайно велико. Но кромѣ этихъ наслѣдствъ владѣетъ деревня еще 1,500 десятинъ, которыя дѣлятся по русскому правилу по душамъ, такъ что приходится около 2 десятинъ на душу. Эта земля досталась имъ слѣдующимъ образомъ: рядомъ съ ихъ наслѣдственными землями лежали помѣстья нѣсколькихъ татарскихъ мурзъ, населенныя русскими крѣпостными крестьянами. Когда изданъ былъ Указъ о томъ, что нехристіане не могутъ владѣть крѣпостными людьми христіанской вѣры, то эти мурзы, не захотѣвъ принять христіанство, должны были лишиться своихъ крѣпостныхъ людей. По западно-европейскимъ понятіямъ можно было бы подумать, что мурзы, отпустивъ своихъ крестьянъ, будутъ сами обработывать свои земли, нанимая работниковъ, или поселивъ татаръ. Но тутъ оказалась сила идеи, общей всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ въ Россіи: я принадлежу барину, а земля принадлежитъ мнѣ. Крестьяне остались на землѣ, а мурзы должны были вмѣстѣ съ крестьянами оставить и землю. Чрезъ семь лѣтъ эти крестьяне были подарены Екатериною II генералу Шепелеву, который переселилъ ихъ на другія мѣста, а самъ захватывалъ пастбища, принадлежавшія сосѣднимъ татарамъ. Татары начали съ нимъ процессъ, успѣли оттягать у него 1,500 десятинъ и рѣшили владѣть этою землею по русскому общинному праву, то есть, дѣлить ее по душамъ". (II, 68).

Кому угодно знать, каковы бываютъ для поселянъ послѣдствія, когда земля поступаетъ къ нимъ въ полную частную собственность, тотъ можетъ видѣть это между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра:

„Рано утромъ 17 іюля прибыли мы въ село Черемушное, которое нынѣ населено большею частью однодворцами. Однодворцевъ этихъ считается 211 душъ въ 40 дворахъ. Сохранилось у нихъ преданіе, что предки ихъ, лѣтъ сто или двѣсти тому назадъ, переселились сюда изъ Рязанской губерніи въ совершенно пустую страну, и отведенную имъ землю получили въ полную собственность. Тогда было ихъ 27 семей и землю раздѣлили они между собою на вѣчно такъ, что каждой семьѣ пришлось по 60 десятинъ. И такъ, они не приняли русскаго общиннаго принципа; натурально, очень скоро появилось неравенство во владѣніи, значительная часть земли перешла въ чужія руки отчасти продажею, отчасти за долги, такъ что нынѣ изъ первоначальныхъ 1.620 десятинъ владѣютъ они только 540 десятинами. Остальная земля перешла въ руки сосѣднихъ помѣщиковъ". (II, 115).

Нѣкоторые воображаютъ, будто-бы введеніе многопольнаго хозяйства задерживается въ Россіи не тѣмъ, что многопольное хозяйство у насъ до сихъ поръ убыточно по обстоятельствамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ общинному или частному владѣнію, а именно будто-бы тѣмъ, что у насъ существуетъ обычай общиннаго владѣнія. Изъ слѣдующаго примѣра могутъ эти люди убѣдиться, что при общинномъ владѣніи можно завести хозяйство насколько угодно полей, лишь-бы только по мѣстнымъ обстоятельствамъ какая нибудь многопольная система оказалась выгоднѣе, нежели трехпольная. „Экономическій Указатель" изъ этого примѣра убѣдится, какъ напрасны тѣ сомнѣнія, по которымъ онъ воображаетъ отъ простоты души будто-бы при

Digitized by Google

общинномъ владѣніи невозможно ввести такихъ усовершенствованій, какъ п частной поземельной собственности; онъ увидитъ, что при общинномъ вл дѣніи возможно не только сохраненіе, но даже разведеніе лѣсовъ; возмож также и искусственное луговодство.

„Земледѣліе у Меннонистскихъ колонистовъ устроено слѣдующимъ образомъ: зем купленная отдѣльными колонистами частнымъ образомъ, остается въ совершенно по номъ распоряженіи у этихъ отдѣльныхъ лицъ. Общее количество этой частной собстве ности составляетъ 48,446 десятинъ. Напротивъ того, отведенная правительствомъ зем въ количествѣ 65 десятинъ на дворъ, всего 68,052 десятины, находится въ общинно распоряженіи и подлежитъ общинному порядку. Съ 1838 года правильно устроилось установилось у колонистовъ, существовавшее уже и прежде, четырехпольное хозяйст Изъ 65 десятинъ 25 обращены на хлѣбопашество, и эта часть раздѣляется такъ: т поля засѣиваются хлѣбомъ, одно поле остается подъ паромъ и только шестая час этого пароваго поля засѣивается картофелемъ. Луга или покосы въ различныхъ дере няхъ различны по величинѣ, и потому на каждый дворъ приходится ихъ отъ 6 10 десятинъ. Относительно покосовъ на долю каждаго хозяина предоставлено: польз ваться ли ими, какъ лугами, или какъ своими частными пастбищами, или пахать их Остальная часть территоріи служитъ общимъ пастбищемъ для каждой деревни, п чемъ опредѣлено число скота, которое каждый хозяинъ можетъ выгонять на э общинное пастбище.

„Въ пользованіи землею господствуетъ у этихъ меннонистовъ большое благораз міе и обдуманность. Они не придерживаются устарѣлой рутины, но по внимательном испытаніи вводятъ всевозможныя улучшенія. Когда они прибыли сюда, назадъ то 40 лѣтъ, во всей странѣ не нашли они ни одного дерева и вмѣсто топлива должн были употреблять солому, камышъ, бурьянъ и кизякъ; въ настоящее время посѣянны и вырощенный ими лѣсъ доставляетъ имъ уже часть топлива.

„Они начали даже заводить искусственные луга посредствомъ орошенія,— единственные искусственные луга, какіе видѣлъ я въ Россіи,—въ Россіи, которая, п моему твердому убѣжденію, можетъ сдѣлать искусственнымъ луговодствомъ единственны важный шагъ впередъ, къ какому способно ея настоящее сельское хозяйство. Я назы ваю искусственное луговодство единственнымъ важнымъ для Россіи улучшеніем потому, что только одно оно принесетъ не убытокъ русскому хозяйству, а выгоду" (II, 190).

И такъ, Гакстгаузенъ, обозрѣвшій сотни помѣщичьихъ хозяйствъ, за веденныхъ по праву полной частной собственности, единственный случа серьезнаго улучшенія хозяйства въ Россіи встрѣтилъ въ поселеніяхъ, поль зующихся землями по принципу общиннаго владѣнія.

У насъ многіе воображаютъ, что хозяйство на западно-европейскій манеръ будетъ возможно въ Россіи тотчасъ, лишь-бы только уничтожилос общинное владѣніе. Гакстгаузенъ положительнымъ разсчетомъ разрушаетъ эту мечту. Разсчетъ сдѣланъ для Ярославской губерніи, но его легко примѣнить и ко всякой другой губерніи, сообразивъ періодъ отъ запашки яроваго до запашки озимаго хлѣба, — онъ примѣняется совершенно къ цѣлой половинѣ великорусской земли, и съ небольшимъ измѣненіемъ къ большей части изъ остальной половины: едва-ли шестая часть земли, населенной русскимъ племенемъ, пользуется семью мѣсяцами полевыхъ работъ.

„Почва этой губерніи (Ярославской) недостаточно плодородна, урожай считаютъ вообще самъ—3. Конечно, естественное неплодородіе могло бы быть совершенно испра влено увеличеніемъ удобренія и обращеніемъ усиленнѣйшаго труда на обработку земли, но ничего такого здѣсь не дѣлается. Примѣръ нѣсколькихъ помѣщиковъ, подобныхъ

Digitized by Google

г. Карновичу, находитъ мало подражателей между помѣщиками, а между поселянами почти вовсе не находитъ. Причина тому, какъ мы уже говорили, очевидна. Промышленность и торговля даютъ здѣсь достаточное вознагражденіе, а земледѣліе не приноситъ достаточныхъ процентовъ на затраченные для него капиталы. Впрочемъ вообще нельзя судить о здѣшнихъ отношеніяхъ по тому масштабу, къ которому мы привыкли въ земляхъ, лежащихъ далѣе на югъ и на западъ, во Франціи, Англіи и средней Германіи.

„Въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ, земледѣліе требуетъ гораздо большей траты человѣческихъ и животныхъ рабочихъ силъ, и потому приноситъ менѣе чистаго дохода, нежели въ странахъ Западной Европы. Важнѣйшая часть земледѣлія—запашка и уборка хлѣбнаго поля, въ Западной Европѣ распредѣляется на періодъ времени, гораздо болѣе значительный; слѣдовательно обходится значительно дешевле, нежели здѣсь. Эти работы, напримѣръ, около Орлеана, около Майнца, при Дунаѣ, раздѣляются на семь мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ здѣсь, по причинѣ короткости лѣта, должны быть исполнены только въ четыре мѣсяца. И такъ то, что я могу тамъ сдѣлать на полѣ равной величины и равнаго плодородія работою четырехъ человѣкъ и четырехъ лошадей, на то мнѣ нужно здѣсь семь человѣкъ и семь лошадей. Если бы я имѣлъ около Майнца помѣстье въ 1000 моргеновъ запашки и луговъ, то для обработки его мнѣ понадобилось бы четыре пары лошадей, восемь работниковъ и шесть работницъ, кромѣ того понадобилось бы еще принанять временныхъ рабочихъ на полторы тысячи дней. Наемъ и содержаніе всѣхъ этихъ людей и рабочаго скота стоили бы мнѣ около 3,500 талеровъ. Помѣстье приносило бы мнѣ валоваго дохода около 8,500 талеровъ, и за вычетомъ расходовъ оставалось бы мнѣ чистаго дохода около 5000 талеровъ. Но еслибы помѣстье такой же величины и съ землею такого же качества лежало на сѣверъ отъ Волги, то, предполагая даже равенство въ цѣнности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и во всѣхъ другихъ условіяхъ, уже только по причинѣ климата понадобилось бы мнѣ для обработки этого помѣстья семь паръ лошадей, четырнадцать работниковъ, десять работницъ и 2,100 дней работы временныхъ наемщиковъ, и потому чистый доходъ простирался бы вмѣсто 5000 талеровъ только до 2,600 талеровъ. Конечно, еслибы на ту пору, когда нѣтъ полевыхъ работъ, мнѣ удавалось бы освобождаться отъ рабочаго скота и содержанія работниковъ, то издержки уравнялись бы, оттого что все равно, содержать ли четыре пары лошадей втеченіе семи мѣсяцевъ или семь паръ лошадей втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Потому, еслибы можно былъ продавать рабочій скотъ и отпускать работниковъ близъ Майнца на пять мѣсяцевъ, а близъ Ярославля на восемь мѣсяцевъ, то доходъ въ обѣихъ мѣстностяхъ былъ бы одинаковъ. Но это очень трудно и для одного какого-нибудь хозяйства, а для сельско-хозяйственныхъ отношеній цѣлой страны рѣшительно невозможно. А при этой невозможности, условія Майнцскаго помѣстья оказываются несравненно выгоднѣйшими, нежели Ярославскаго помѣстья. На одномъ и томъ же пространствѣ земли, Майнцское помѣстье втеченіе зимы должно прокормить только 4/7 того числа работниковъ и скота, какое должно прокормить Ярославское помѣстье; Майнцское помѣстье должно кормить ихъ только пять мѣсяцевъ, а Ярославское восемь. Но кромѣ того: Майнцское помѣстье можетъ во время зимы занять ихъ несравненно большимъ количествомъ разныхъ полезныхъ для хозяйства и слѣдовательно въ результатѣ доходныхъ работъ, нежели Ярославское. Зима около Майнца не такъ сурова, не такъ постоянна, чтобы покрывать землю непроницаемымъ замерзлымъ слоемъ и снѣгомъ. Прокармливаемыхъ работниковъ и скотъ можно употреблять на всяческія работы: они будутъ возить навозъ, мергель, известь на поля для удобренія, не считая того, что привозятъ дрова и лѣсъ на цѣлый годъ и отвозятъ на рынокъ продукты; въ тѣ дни, когда земля не мерзнетъ, они будутъ заниматься различными полевыми работами: проводить канавы, орошать луга. Словомъ сказать, всѣ пять зимнихъ мѣсяцевъ, люди и скотъ будутъ заняты сельско-хозяйственными работами, и окажется, что развѣ только двѣ лошади и одинъ работникъ могли бы быть отпущены изъ хозяйства. Но и того не окажется нужнымъ. Въ странѣ очень населенной они всегда найдутъ себѣ работу, такъ что, строго говоря, хозяйство помѣстья, находящагося около Майнца, зимою не терпитъ

Digitized by Google

никакой потери отъ недостатка занятія;—совершенно иначе оказывается это отношеніе для Ярославскаго помѣстья; тутъ на цѣлую зиму не находится никакого сельско-хозяйственнаго занятія, кромѣ ѣзды за дровами и отвоза продуктовъ на рынокъ, а эти работы можно бы исполнить всѣ одною парою лошадей и однимъ работникомъ. И такъ, зима продолжается цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, и я даромъ кормлю почти вдвое большее число рабочихъ и скота. Если мы примемъ еще въ разсчетъ сравнительно низкія цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, отдаленность рынковъ, малую населенность страны, и потому высокость наемной платы, наконецъ то, что французскія и нѣмецкія лошади гораздо сильнѣе и переносливѣе въ работѣ, также, что русскихъ работниковъ нельзя сравнить съ нѣмецкими, то очевидно будетъ, что всѣми этими невыгодными условіями будетъ поглощена наибольшая часть даже и того чистаго дохода, который вычисленъ выше. А притомъ мы еще принимали, что Ярославское помѣстье имѣетъ столь же плодоносную землю, какъ майнцскія равнины: но майнцскія равнины родятъ хлѣбъ самъ—6 и самъ—7, а ярославская земля даетъ едва самъ—3.

„Изъ этого воображаемаго разсчета очень ясно можно видѣть, что еслибы кому нибудь предлагали въ Ярославлѣ помѣстье подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ хозяйство въ такомъ же видѣ и по такому же порядку, какъ въ Западной Европѣ, то онъ долженъ былъ бы, поблагодаривъ за такое предложеніе, рѣшительно отказаться отъ него: онъ не получилъ бы отъ такого хозяйства не только никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый годъ въ значительномъ убыткѣ“. (I, 173).

И такъ, вовсе не общинное владѣніе служитъ препятствіемъ къ заведенію въ Россіи такихъ хозяйствъ, какія существуютъ въ Западной Европѣ: причина тутъ совершенно другая. Сельское хозяйство доставляетъ въ Россіи слишкомъ мало чистаго дохода. Впрочемъ, мы вовсе не думаемъ, чтобы Гакстгаузенъ имѣлъ основаніе дѣлать изъ приведеннаго нами разсчета тотъ выводъ, какой онъ дѣлаетъ на слѣдующихъ страницахъ,—будто-бы въ Ярославской губерніи невозможно хозяйство съ наемными работниками. Намъ кажется, что Тенгоборскій совершенно напрасно принимаетъ это мнѣніе Гакстгаузена, который самъ опровергаетъ себя въ одной изъ слѣдующихъ главъ, представляя примѣры успѣшнаго хозяйства, основаннаго на наймѣ работниковъ, въ климатѣ гораздо болѣе суровомъ, нежели въ Ярославской губерніи, именно въ Вологодской губерніи:

„Въ деревнѣ Ворониной (говоритъ Гакстгаузенъ) должны мы были остановиться на нѣсколько часовъ для починки экипажа. Насъ попросилъ къ себѣ богачъ изъ тамошнихъ жителей, Григорій Квашнинъ: онъ былъ человѣкъ умный, и охотно давалъ намъ подробные отвѣты на наши вопросы. Въ дачѣ этой деревни часть земли принадлежитъ общинѣ, или вѣрнѣе сказать, государству; и по русскому обычаю она дѣлится по числу душъ въ семьѣ между членами общины. Другая гораздо большая часть земли, лежащая, впрочемъ, разбросанными участками между общинною землею, была издавна въ наслѣдственной собственности, то-есть, принадлежала первоначально дворянамъ и горожанамъ сосѣднихъ городовъ, и хозяева раздавали ее жителямъ деревни на правахъ половниковъ. Дѣдъ нашего хозяина обработывалъ большую часть этой земли, какъ половникъ, и разбогатѣлъ тѣмъ. Онъ переѣхалъ въ Устюгъ, вписался тамъ въ купцы и пріобрѣлъ тѣмъ право владѣть наслѣдственною землею. Воспользовавшись этимъ правомъ, онъ въ 1811 году купилъ ту землю, которую обработывалъ какъ половникъ, и послѣ него перешла она по наслѣдству къ его дѣтямъ, а отъ нихъ ко внучатамъ. Нашъ хозяинъ имѣлъ въ своей собственности восьмую часть всей этой земли и, кромѣ того, бралъ въ наймы еще нѣкоторые участки. Теперь онъ могъ бы выйти изъ своей общины и былъ бы тогда, какъ говорится у насъ въ Западной Европѣ, независимымъ, самостоятельнымъ владѣльцемъ. Но въ Россіи, каждый, кто не дворянинъ, или, лучше сказать, кто не чиновникъ и не духовный, долженъ принадлежать къ ка-

Digitized by Google

кой нибудь общинѣ, иначе онъ не имѣетъ прочнаго положенія въ обществѣ. Потому нашъ хозяинъ остался членомъ своей общины, дѣлая для того даже немаловажныя пожертвованія. Почему такъ, мы не могли понять, онъ не хотѣлъ объясниться; но довольно того, что онъ взялъ на себя платежъ оброка за восемь душъ и, стало быть, имѣлъ бы право требовать отъ общины восемь подушныхъ участковъ; но отъ нихъ онъ отказался и обработывалъ только свою наслѣдственную землю. У него большое хозяйство. Обработываемая имъ земля равняется третьей части всей общинной земли. У него восемь наемныхъ работниковъ, изъ которыхъ четыре остаются на цѣлый годъ, а другіе четыре только на лѣто, получая, кромѣ пищи, пятьдесятъ рублей ассигнаціями и одежду. А годовые работники получаютъ, кромѣ пищи, семьдесятъ пять рублей ассигнаціями. Эти цѣны немногимъ выше, нежели у насъ въ Вестфаліи. Такое хозяйство было мнѣ очень интересно, потому что въ немъ встрѣтился мнѣ первый примѣръ хлѣбопашества, производимаго наемными работниками. Притомъ хозяинъ не былъ какой нибудь агрономъ, а просто умный мужикъ. Надобно еще сказать, что съ такимъ порядкомъ въ хозяйствѣ былъ онъ не одинокимъ исключеніемъ, а напротивъ, существовало въ тѣхъ мѣстахъ много хозяйствъ, устроенныхъ на томъ же основаніи, какъ у него, и вообще они, какъ меня увѣряли, находились въ такомъ же цвѣтущемъ положеніи, какъ и хозяйство, нами осмотрѣнное". (I, стр. 260).

Если можетъ приносить выгоду въ Вологодской губерніи воздѣлываніе земли посредствомъ наемныхъ работниковъ, то еще гораздо возможнѣе должно быть оно въ провинціяхъ, лежащихъ на югъ отъ Вологды, какъ напримѣръ, въ Ярославлѣ. Гакстгаузенъ очевидно увлекся своею темою и преувеличилъ затруднительность хозяйства наемными силами въ нашемъ климатѣ. Впрочемъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что наша продолжительная зима оставляетъ слишкомъ много празднаго времени въ году поселянина, который занимался бы исключительно только земледѣльческими работами; но выводъ изъ этого долженъ быть вовсе не таковъ, какъ дѣлаетъ Гакстгаузенъ, вовсе не признаніе неизбѣжности того отношенія, въ какомъ нынѣ находятся работники къ землевладѣльцу, — этимъ отношеніемъ только безплодно уменьшается рабочая сила. Напротивъ, есть очень легкій выходъ изъ климатическаго неудобства, которое кажется столь ужаснымъ Гакстгаузену; наши поселяне давно нашли этотъ выходъ, употребляя зиму на какія нибудь другія занятія и промыслы, кромѣ земледѣльческихъ работъ. Краткость лѣта и продолжительность зимы служитъ причиною, что въ нашемъ климатѣ одно и то же семейство должно быть и земледѣльцемъ, и промышленнымъ. Лѣтомъ, когда земледѣльческія работы требуютъ какъ можно больше рукъ, каждый членъ общины становится земледѣльцемъ; зимою, когда сельское хозяйство не доставляетъ никакой работы, каждый поселянинъ можетъ имѣть домашнее занятіе въ какомъ нибудь ремеслѣ или вообще промышленномъ производствѣ. Такимъ образомъ постоянно всѣ руки будутъ заняты, и зима будетъ временемъ, столь-же производительнымъ, какъ и лѣто. Несмотря на всѣ несовершенства нашего экономическаго быта, въ немъ уже замѣтенъ этотъ порядокъ соединенія работъ, свойственный нашему климату и отвращающій невзгоды, наносимыя намъ продолжительностью нашей зимы. Вещь извѣстная, что у насъ очень сильна въ народѣ наклонность соединять въ селѣ земледѣльческія занятія съ какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ фактѣ, слишкомъ хорошо знакомомъ каждому читателю, — вѣроятно, даже и „Экономическому Указателю". Замѣтимъ только,

Digitized by Google

что въ сельскихъ промыслахъ обнаруживается чрезвычайно сильная наклонность нашего народа къ общинному производству: у насъ есть цѣлыя деревни ткачей, колесниковъ, гончаровъ, швецовъ, кузнецовъ и т. д. Этотъ предметъ чуждъ цѣли нашей статьи, потому, не останавливаясь на немъ, изъ множества мѣстъ, относящихся къ нему у Гакстгаузена, мы приведемъ только одно.

„Въ Западной Европѣ (говоритъ Гакстгаузенъ) есть обычай у поселянъ оставлять на время родину и уходить въ другія области большею частію для какого нибудь извѣстнаго опредѣленнаго ремесла; такъ, напримѣръ, андалузцы приходятъ быть водоносами въ Мадритѣ, такъ оверицы и савояры приходятъ въ Парижъ. Но всѣ они занимаются въ такихъ случаяхъ какими нибудь исключительными ремеслами, не свойственными другимъ областямъ. При томъ же и число такихъ людей не велико. Но чтобы люди, занимающіеся самыми обыкновенными, повсюду обычными промыслами, какъ напримѣръ плотники, каменьщики, портные, толпами отправлялись странствовать, этого не случается въ Западной Европѣ“.

„Странствующій русскій промышленникъ даже вовсе не ограничивается въ своихъ средствахъ снискивать хлѣбъ однимъ какимъ нибудь промысломъ, онъ знаетъ всѣ промыслы, по крайней мѣрѣ много промысловъ, пробуетъ тотъ, другой, третій и останавливается наконецъ на томъ, который обѣщаетъ ему больше удачи. Въ Западной Европѣ встрѣчаются отдѣльные люди, которые, какъ говорится, пускаются бродить по свѣту, отъискивая своего счастія. Но въ Западной Европѣ такіе люди составляютъ рѣдкое исключеніе, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи такой образъ жизни составляетъ какъ бы общее правило. Болѣе нежели восьмая часть населенія Ярославской губерніи странствуетъ подобнымъ образомъ по всѣмъ дорогамъ государства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такихъ людей считалось въ Ярославской губерніи отъ 120 до 130,000. Многіе изъ нихъ, конечно, возвращаются черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, или черезъ годъ, побывать на роднинѣ, но многіе остаются на чужой сторонѣ по нѣсколько лѣтъ и даже на всю жизнь, хотя и продолжаютъ числиться въ своихъ общинахъ. Къ послѣднему классу принадлежатъ навѣрное болѣе 50,000 человѣкъ въ Ярославской губерніи“.

„Эти странствующіе люди, когда занимаются извѣстнымъ ремесломъ, напримѣръ плотничествомъ, или каменной работой, собираясь въ большихъ городахъ, образуютъ ремесленныя артели. Способнѣйшіе изъ нихъ принимаются за подряды по своему дѣлу. Если, напримѣръ, въ Петербургѣ нужно мнѣ построить домъ, хотя бы очень большой, то я ищу себѣ подрядчика, показываю ему свои планы, торгуюсь съ нимъ, наконецъ онъ беретъ на себя постройку за извѣстную сумму. Потомъ онъ идетъ къ своимъ товарищамъ, объясняетъ имъ дѣло и уговаривается съ ними объ участіи въ выгодахъ. Потомъ онъ отправляется одинъ, если подрядъ не слишкомъ великъ, или съ нѣсколькими товарищами, на родину и ищетъ тамъ нужныхъ ему денегъ, потому что часть договорной платы получаетъ онъ отъ строителя дома только по исполненіи части работъ. Его земляки на роднинѣ, также участвующіе въ выгодахъ его предпріятій, удивительно скоро собираютъ для него деньги. Все это дѣлается на слово и не слышно, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко слышно объ обманахъ въ подобныхъ случаяхъ.—Русскихъ упрекаютъ за недобросовѣстность въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ; но надобно сказать, что есть извѣстныя дѣла и случаи, въ которыхъ они никогда не обманываютъ и соблюдаютъ честность самымъ строжайшимъ образомъ.—Подрядчики есть и въ Западной Европѣ, но тамъ подрядчики—люди изъ высшаго или по крайней мѣрѣ изъ богатаго сословія и nota bene, въ Западной Европѣ подрядчикъ исключительно самъ пользуется выгодою отъ предпріятія, а работникамъ своимъ даетъ только поденную или поштучную плату. А въ Россіи, напротивъ того, подрядчики необразованные простолюдины, едва умѣющіе читать и писать, но одаренные техническимъ талантомъ, и отъ предпріятія выгодами пользуется не одинъ подрядчикъ, а честно дѣлится съ работниками своей артели“. (I, 204).

Мы, какъ сказали, не будемъ останавливаться на этихъ фактахъ. Впрочемъ, если кому нибудь непонятенъ смыслъ ихъ, напримѣръ, если

Digitized by Google

„Экономическій Указатель“ пожелаетъ узнать его, то мы съ удовольствіемъ готовы будемъ объяснить, почему правъ Гакстгаузенъ, называя русскій народъ чрезвычайно расположеннымъ къ общинному порядку экономическаго производства. Теперь-же мы возвратимся опять-таки къ главному предмету нашихъ извлеченій, къ сельско-хозяйственнымъ работамъ, и замѣтимъ, что въ совершеніи ихъ Гакстгаузенъ находитъ у насъ болѣе сильный общинный духъ, нежели у западныхъ поселянъ.

„При полевыхъ работахъ (говоритъ онъ) соблюдается почти военный порядокъ. Въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ часъ всѣ вмѣстѣ отправляются пахать, боронить и т. п., въ одинъ и тотъ же часъ возвращаются всѣ съ поля. Это дѣлается не по какому нибудь распоряженію, не по приказанію старостъ или старшинъ—нѣтъ, это дѣлается само собою. Русское стремленіе къ общинной дѣятельности, могущество общиннаго порядка на всемъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе“. (I, 157).

Этотъ общинный духъ мы вовсе не расположены считать какимъ-нибудь таинственнымъ качествомъ, исключительно свойственнымъ славянской или великорусской натурѣ. Мы просто полагаемъ, что вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, на долго задержавшихъ Россію въ состояніи, близкомъ къ патріархальному быту, онъ сохранился у насъ довольно неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ давно исчезъ изъ обычаевъ тѣхъ племенъ Западной Европы, которыя болѣе нашего участвовали въ историческомъ движеніи. Итакъ, сохраненіе его у насъ есть слѣдствіе невыгодныхъ обстоятельствъ нашего историческаго развитія. Но какъ самыя хорошія вещи имѣютъ свою дурную сторону, такъ и самыя дурныя вещи свою хорошую. Наша историческая неподвижность послужила источникомъ многихъ бѣдствій и въ нашемъ прошедшемъ и отчасти въ настоящемъ; она причина нашей малой образованности, нашей бѣдности, нашей лѣни и т. д. Но среди всѣхъ этихъ пагубныхъ слѣдствій нашей неподвижности, есть также нѣчто иное, и прежде бывшее не безполезнымъ, но при настоящемъ развитіи экономическаго движенія въ Западной Европѣ,—движенія, въ которомъ начинаемъ принимать участіе и мы, становящееся чрезвычайно важнымъ и полезнымъ. Экономическое движеніе въ Западной Европѣ породило страданія пролетаріата. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что эти страданія будутъ исцѣлены, что эта болѣзнь „не къ смерти, а къ здоровью“, но переноситъ настоящія свои страданія для Западной Европы все-таки тяжело, и врачеваніе этихъ страданій требуетъ долгаго времени и великихъ усилій. У насъ, принимающихъ нынѣ участіе въ экономическомъ движеніи Европы, сохранилось противоядіе отъ болѣзни, соединенной съ этимъ движеніемъ на Западѣ, и мы поступили-бы очень неразсчетливо, если-бы по нелюбви къ патріархальности вздумали отступиться отъ него въ такое время, когда оно оказывается чрезвычайно пригоднымъ для предохраненія насъ отъ страданій, видимыхъ нами на Западѣ.

До сихъ поръ мы говорили только о томъ способѣ общиннаго владѣнія поземельною собственностью, при которомъ земля раздѣляется на участки, обработываемые каждымъ хозяйствомъ совершенно независимо отъ другихъ хозяйствъ. Есть другой способъ пользованія землею, свойственный временамъ еще болѣе первобытнымъ, — именно самое воздѣлываніе земли можетъ производиться общиннымъ порядкомъ безъ раздробленія на отдѣльные участки.

Digitized by Google

Древность сельско-хозяйственныхъ формъ нашего быта такова, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ глубинѣ лѣсовъ сѣверныхъ губерній, существуютъ общины, воздѣлывающія землю по этому способу; онъ такъ противоположенъ всему нынѣшнему западно-европейскому порядку дѣлъ, что уже изъ одного любопытства стоитъ ознакомиться съ нимъ поближе, чтобы убѣдиться, какъ далеко дѣйствительность превосходитъ самыя, повидимому, невозможныя выдумки воображенія чрезвычайной странностію своихъ явленій. Вѣроятно не всѣмъ нашимъ читателямъ коротко извѣстно сельско-хозяйственное устройство Уральскихъ казаковъ, и мы думаемъ, что тѣ, которымъ оно не было близко знакомо, не безъ любопытства прочтутъ слѣдующее извлеченіе изъ книги Гакстгаузена:

„Я уже замѣчалъ (говоритъ Гакстгаузенъ), что въ сѣверныхъ лѣсахъ Россіи есть еще земледѣльческія общины съ общиннымъ полемъ, безъ раздѣла на участки. Но есть даже цѣлыя огромныя области, въ которыхъ наибольшая часть земли не раздѣлена даже между отдѣльными сельскими общинами, а остается въ общинномъ владѣніи, въ нераздѣльномъ пользованіи цѣлаго населенія всей области, составляющаго одну общину. Мы хотимъ здѣсь поближе разсмотрѣть одну изъ такихъ огромныхъ областныхъ общинъ и выбираемъ для этого изображенія устройство Уральскихъ казаковъ, такого племени, у котораго, по всей вѣроятности, старый русскій характеръ и старые русскіе обычаи сохранились въ наибольшей свѣжести и здравости.

„*Община Уральскихъ Казаковъ*“.

„Уральскіе казаки, происходящіе, конечно, отъ великорусскаго племени, живутъ вдоль по рѣкѣ Уралу, по границѣ Киргизской степи. Они поселены по правому берегу Урала въ защиту отъ Киргизскихъ ордъ. Только въ двухъ мѣстахъ имѣютъ они нѣсколько селеній и на лѣвомъ берегу. Линія, населенная ими, начинается верстахъ въ 50 отъ Оренбурга и идетъ болѣе чѣмъ на 700 верстъ до устья Урала. Они живутъ въ станицахъ, то есть въ селахъ, имѣющихъ отъ 100 до 200 домовъ, и лежащихъ верстахъ въ 15 или 20 одно отъ другаго. Рѣка течетъ по необозримой степи, почва которой совершенно безплодный солончакъ. Только низменности по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Уралъ, и въ особенности самого Урала, имѣютъ почву плодородную, большею частію луговую. Земледѣліемъ казаки занимаются мало, выше Уральска не занимаются вовсе, а ниже Уральска только мѣстами. Живутъ они преимущественно скотоводствомъ и рыболовствомъ. Первоначально поселились они на этихъ мѣстахъ совершенно добровольно. Первыми изъ нихъ были пришельцы съ Дона, къ которымъ потомъ присоединилось много бѣглыхъ стрѣльцовъ. Сначала, вполнѣ организовались они сами собою и только впослѣдствіи правительство придало имъ большее единство нѣкоторыми постановленіями. Народъ они здоровый, красивый, живой, дѣльный, послушливый, храбрый, добродушный, гостепріимный, неутомимый и умный. По своему общественному порядку, нравамъ и образу жизни, представляются они намъ истинной старинной Русью. Отправлять службу должны они были бы всѣ поочередно, но зажиточные между ними нанимаютъ вмѣсто себя другихъ на службу, и правительство мудро рѣшило вовсе не вмѣшиваться въ эти дѣла, такъ что отношенія эти развиваются сами собою натурально и безъ обремененія. Потому всѣ приказанія идутъ къ цѣлой общинѣ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ, и оттого никакая милиція не выступаетъ въ походъ съ такою быстротою и въ такомъ полномъ составѣ, какъ эти казаки. Мужскаго населенія у нихъ 24 или 25 тысячъ душъ, изъ того числа, служащихъ казаковъ, отъ 18 до 55 лѣтъ, насчитывается 10 или 12 тысячъ. Въ 1837 году изъ этихъ послѣднихъ оставалось дома всего около 3,300 человѣкъ, остальные были на службѣ. Внезапно потребовалось снарядить четыре полка, каждый изъ 550 человѣкъ, стало быть должны были выступить въ походъ двѣ-трети изъ остававшихся въ той области взрослыхъ мужчинъ. Черезъ три недѣли они были уже всѣ совершенно снаряжены къ походу, на сборномъ мѣстѣ въ Уральскѣ. Изъ общины въ

Digitized by Google

Одну приходило приказаніе собираться въ Уральскъ. Выѣзжалъ войсковой старшина въ толпѣ народа и кричалъ, держа надъ шапкой царскій указъ: „Атаманы, велѣно вамъ идти въ походъ и выставить четыре полка"; потомъ онъ снималъ шапку, читалъ имъ указъ и говорилъ, куда имъ идти и гдѣ собраться. Тѣмъ и кончалось все дѣло со стороны начальства. Тутъ же на площади собирается въ такихъ случаяхъ большая часть всей, годныхъ къ службѣ. Обыкновенно, сходятся они по семьямъ. Если сказано: отъ семьи или отъ пяти человѣкъ надобно идти одному, ближайшіе родные совѣщаются, кому изъ нихъ удобнѣе или кому больше охоты идти въ походъ; остальные даютъ ему плату, снаряжаютъ его, содержатъ его семейство; если онъ пьяница, то деньги даютъ не ему, а его семьѣ; наемная цѣна повышается и понижается, смотря по обстоятельствамъ. Если снаряжается небольшая партія, то каждый, идущій въ походъ за другихъ, получаетъ много, потому что онъ снаряжается въ походъ многими. Иной разъ, восемь или десять человѣкъ снаряжаютъ одного, и тогда каждому легко дать сто, двѣсти рублей ассигнаціями. Это происходитъ такимъ порядкомъ: одинъ говоритъ: „я даю двѣсти рублей, чтобы идти", другой говоритъ: „я даю триста", третій: „я триста пятьдесятъ"; такъ они торгуются, пока одинъ скажетъ: „ну, столько я не могу дать, я пойду"; тогда онъ получаетъ отъ остальныхъ плату, которую согласились они внести, чтобы остаться дома.

„Въ тотъ разъ, о которомъ я говорю, въ 1837 году, изъ трехъ человѣкъ должны были идти въ походъ двое. Плата была отъ 900 до 2,000 рублей, и она дѣлилась между обоими, идущими въ походъ. На четвертый день послѣ прочтенія указа, всѣ казаки сошлись опять на площади Уральска. Для каждаго изъ четырехъ полковъ было отведено особое мѣсто, на немъ стояли офицеры этого полка. Туда подходили сговаривающіяся партіи. Тотъ, который оставался дома, подводилъ двухъ идущихъ, спрашивалъ, на какой цѣнѣ они поладили; они хлопали по рукамъ, офицеръ разнималъ ихъ, и договоръ былъ заключенъ и имѣлъ законную силу. Затѣмъ всѣ шли по домамъ, и черезъ четырнадцать дней полки собирались совершенно готовые къ бою. И что это за войско! Каждый пошелъ съ охотой, съ радостью, потому что онъ пошелъ по своей волѣ и получилъ выгоду. Семья его обезпечена, онъ хорошо вооруженъ и экипированъ, а правительству все вооруженіе не стоитъ ни гроша. Лучше такого порядка быть не можетъ. И отъ души похохоталъ я, когда, воротившись въ Пруссію, слышалъ отъ нашихъ плацъ-парадныхъ педантовъ мнѣніе, что лучше было бы ввести какіе порядка въ эти сборы. Скоро дождались бы вы тогда полковъ и хорошо были бы они вооружены!

„Вся область уральскихъ казаковъ составляетъ одну общину и въ хозяйственномъ, въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи; центръ этой общины—Уральскъ; глава ея—атаманъ. Отдѣльныя села—станицы—вовсе не имѣютъ отдѣльнаго общиннаго хозяйства, но вся казацкая община имѣетъ одно общее хозяйство.

„Хозяйственныя отношенія этихъ казаковъ чрезвычайно замѣчательны. Основаніемъ всякаго права на владѣніе служитъ та же самая русская семья, о которой мы столько разъ говорили, ея развитіе—община и общее владѣніе, ей принадлежащее. Почему здѣсь нѣтъ никакого частнаго поземельнаго владѣнія, а на пространствѣ 700 или 800 верстъ, все составляетъ общее достояніе 50,000 человѣкъ. Интересенъ въ этомъ отношеніи преимущественно сѣнокосъ. Не только отдѣльные казаки не имѣютъ отдѣльныхъ владѣній, но и села ихъ не имѣютъ отдѣльныхъ луговъ; а всѣ луга остаются искони въ общемъ владѣніи цѣлой великой казацкой общины. Покосъ состоитъ подъ надзоромъ атамана, его помощниковъ и станичныхъ офицеровъ.

„Атаманъ назначаетъ день, когда долженъ начаться покосъ, большею частію осенью. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть значительные луга, присутствуетъ офицеръ, какъ надзиратель. Каждый служащій казакъ идетъ, куда хочетъ, и выбираетъ себѣ мѣсто, которое хочетъ косить и траву котораго онъ хочетъ себѣ присвоить. Въ ночь наканунѣ того дня они всѣ уже на своихъ мѣстахъ. Съ восходомъ солнца офицеръ даетъ знакъ, и каждый начинаетъ косить свое мѣсто. Но въ тотъ день онъ коситъ только кругъ около этого мѣста, *обкашиваетъ*, какъ это у нихъ называется. Что лежитъ внутри круга, становится черезъ это обкашиваніе его собственностію. Онъ можетъ потомъ на слѣдующіе дни спокойно выкашивать все въ этомъ кругѣ при помощи своей семьи.

Digitized by Google

Много разсчета и сноровки нужно, чтобы взять кругъ въ настоящую мѣру. Если ка разойдется слишкомъ широко, то сосѣдніе косцы вкосятся въ ту сторону круга, к рую онъ не успѣлъ еще обкосить. И такъ задача въ томъ, чтобы обкосить возмо большій кругъ и въ концѣ придти прямо къ началу его. Онъ работаетъ съ неимов нымъ напряженіемъ силъ; едва отрывается отъ работы, чтобы выпить глотокъ во потому что къ закату солнца дѣло уже кончается, и каждый долженъ взять во вла ніе свой участокъ обкоскою его. До 1 іюня никто не можетъ выкосить ни малѣйш мѣстечка въ лугахъ, ни у кого даже не должна быть навязана на ручку коса: ина онъ лишается своего участка въ покосѣ.

„И рыболовство дѣлается по такимъ же правиламъ. Оно распредѣлено по изв нымъ временамъ: на зиму, на весну, на осень. Кто осмѣлится прежде поймать х одну рыбу, тотъ также лишается на годъ своей части. Зимою назначается атаман день рыболовства, и начало ему дѣлается въ 8 верстахъ отъ Уральска. Тамъ собр ются за-ночь наканунѣ всѣ служащіе казаки, каждый съ длиннымъ багромъ и пешн у каждаго есть лошадь и сани подъ присмотромъ кого-нибудь изъ семьи, но этотъ гонщикъ не смѣетъ участвовать въ самой ловлѣ. Казаки стоятъ у берега, каж уже выбралъ себѣ мѣсто и ждетъ знака. Раньше, чѣмъ данъ знакъ, никто не см ступить на ледъ, иначе теряетъ на день право ловли. Дается сигналъ выстрѣломъ пушки, и въ тотъ мигъ все бросается стремглавъ на рѣку; каждый отыскиваетъ мѣсто, пробиваетъ пешнею прорубь и бьетъ багромъ рыбу. Она лежитъ въ рѣкѣ т плотно, что въ хорошемъ мѣстѣ каждый ударъ бываетъ удаченъ. Семья казака, ост ясь на берегу, перетаскиваетъ пойманную рыбу на сани, помогаетъ ему сколько мож но на ледъ ходитъ только служащій казакъ. Послѣ того каждый день впродолж трехъ недѣль спускаются все ниже и ниже по рѣкѣ, на 400 и 500 верстъ, продол ловлю въ такомъ же порядкѣ. Лѣтняя и осенняя ловля продолжается каждая по н недѣль на лодкахъ и начинается также по сигналу.

„На замѣчанія, какія слышалъ я въ Пруссіи, относительно этихъ оригинальн обычаевъ, столь рѣзко противорѣчащихъ нашимъ западнымъ европейскимъ, я долж сказать, что правительство русское справедливо соблюдаетъ величайшую осторожн не измѣняя всего этого устройства. Если бы въ угодность прусскимъ педантамъ нач вводить у Уральскихъ казаковъ порядокъ службы, свойственный регулярнымъ войска напримѣръ: отмѣнить добровольное соглашеніе о томъ, кому идти въ походъ, и т подобное, этимъ было бы начато жесточайшее притѣсненіе и совершенное разруш естественныхъ отношеній ихъ быта. Если бы въ угодность прусскимъ педантамъ нач вводить другіе гражданскіе обычаи, напримѣръ: раздѣлить навсегда поля по отдѣльн общинамъ, или по отдѣльнымъ лицамъ, педантически организовать рыбную лов тому подобное, то этимъ совершенно былъ бы убитъ превосходный общій духъ несравненное на своемъ мѣстѣ устройство цѣлой области. Тогда пришлось бы т состоящихъ на жалованьѣ чиновниковъ, открылось бы широкое поле злоупотребле притѣсненіямъ взяточничеству, между тѣмъ, какъ теперь управленіе легко, чрезвыча дешево и не вовлекаетъ ни въ какія запутанности, и при этомъ никакое племя не н носитъ правительству такъ много пользы и услугъ, какъ племя и область уральск казаковъ; потому-то и примѣню къ нимъ я въ заключеніе извѣстный афоризмъ: „Sin sint aut non sint“—пусть будетъ, какъ есть, или ничего не будетъ“. (III, 152.)

Тутъ опять необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній, отчасти для у дупрежденія недоразумѣній относительно нашего взгляда на вещи, отча для объясненія истиннаго смысла подробностей, представляемыхъ разсказ Гакстгаузена.

Прежде всего скажемъ, что мы не считаемъ устройства Уральской обла идеаломъ человѣческихъ обществъ и нимало не намѣрены обращать француз или нѣмцевъ въ уральскихъ казаковъ пусть себѣ живутъ, какъ хотятъ, они сами лучше насъ могутъ знать, какъ имъ лучше жить. Мы даже огорчаемся и тѣмъ, что жители Орловской или Курской губерніи, пре

Digitized by Google

которыхъ вѣроятно хозяйничали на манеръ Уральскихъ казаковъ, бросили этотъ способъ хозяйства,—показалось имъ, что лучше бросить его,—ну, и прекрасно: вѣроятно, они сами знали, что для нихъ лучше. Мы только хотимъ показать, что при различныхъ обстоятельствахъ условія экономическія бываютъ очень различны, и что не годится никому изъ насъ говорить съ высоты своего величія: „это невозможно; это мечта!“ — Мы хотимъ также показать, что обычаи, безполезные или даже вредные при однихъ обстоятельствахъ, могутъ быть выгодными при другихъ.

Вотъ, напримѣръ, если уральцы доживутъ въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ до того времени, когда введены будутъ въ хлѣбопашество машины, подобныя по силѣ своего дѣйствія ткацкимъ машинамъ (какъ введены уже машины подобнаго рода для молотьбы хлѣба и для обращенія зерна въ муку,—„Экономическій Указатель“ вѣроятно не будетъ отрицать ни молотилокъ, ни водяныхъ мельницъ), — когда будутъ введены подобныя очень сильныя машины для хлѣбопашества, то уральцы будутъ тогда очень рады, что сохранилось у нихъ устройство, допускающее употребленіе такихъ машинъ, требующихъ хозяйства въ огромныхъ размѣрахъ, на сотняхъ десятинъ. Въ настоящее время приноситъ имъ, быть можетъ, не очень много положительной пользы то, что они не дѣлятъ землю на участки, а тогда окажется очень выгоднымъ для нихъ то обстоятельство, что они не пріобрѣли обычая, препятствующаго во Франціи соединенію мелкихъ земледѣльцевъ для общинной обработки земли, которая во Франціи уже оказывается очень выгодною, но не вводится потому, что французы пріобрѣли очень сильную привычку къ другому способу пользованія землею, — способу, въ свое время бывшему очень выгоднымъ, а въ настоящее время оказывающемуся менѣе выгоднымъ, нежели заведеніе большихъ хозяйствъ. Но тутъ мы все разсуждаемъ, только для примѣра, о томъ, какъ будутъ думать Уральскіе казаки въ будущее время, которое еще неизвѣстно, когда прійдетъ (хотя успѣхи механики и технологіи несомнѣнно доказываютъ, что такое время прійдетъ)—до слишкомъ отдаленнаго будущаго времени намъ нѣтъ дѣла: наши пра-пра-пра-внуки вѣроятно съумѣютъ прожить на свѣтѣ и своимъ умомъ, безъ нашихъ заботъ — довольно будетъ того, если мы станемъ заботиться о себѣ и своихъ дѣтяхъ,—обратимся же отъ этого предположенія о будущемъ Уральскихъ казаковъ, имѣющаго цѣлью только пояснить, какъ съ измѣненіемъ обстоятельствъ могутъ мѣняться потребности, полезное можетъ дѣлаться вреднымъ, безполезное полезнымъ, — обратимся отъ этого предположенія о будущемъ къ настоящему, и настоящему не однихъ Уральскихъ казаковъ, а всего русскаго населенія.

Было время, когда общинное владѣніе могло казаться не представляющимъ особенныхъ выгодъ, какъ теперь представляется не имѣющимъ особенныхъ выгодъ обычай уральскихъ казаковъ не дѣлить землю на участки. Но какъ могутъ прійти обстоятельства, когда этотъ обычай уральскихъ казаковъ сдѣлается выгоднымъ для ихъ благосостоянія, такъ уже пришли обстоятельства, въ которыхъ общинное владѣніе оказывается очень выгоднымъ для благосостоянія русскаго народа. Эти обстоятельства, какъ мы уже много разъ говорили, заключаются въ характерѣ, принимаемомъ экономическимъ

Digitized by Google

развитіемъ. Въ Западной Европѣ уже оказалось, что если при новѣйше
развитіи силы капитала вся земля, принадлежащая націи, обращена въ ч
стную собственность, переходящую изъ рукъ въ руки по закону безграни
ной конкурренціи капиталовъ, то большинство земледѣльцевъ превращает
въ пролетаріевъ, то есть, переставая имѣть собственное хозяйство, дѣлает
сословіемъ батраковъ, выходъ изъ котораго чрезвычайно труденъ даже д
отдѣльныхъ лицъ, не только для цѣлаго сословія.

Но возвратимся къ Уральскимъ казакамъ. Не для этой параллели и
обычая не дѣлить землю съ общимъ обычаемъ другихъ областей дѣлить з
млю, привели мы эпизодъ о нихъ—нѣтъ, главная цѣль наша была выст
вить на видъ другое обстоятельство. Не сельско-хозяйственными обычая
уральцевъ мы восхищаемся — эти обычаи сами по себѣ не кажутся нам
ни вредными, ни особенно благотворными въ настоящее время, благотво
ность ихъ еще въ отдаленномъ будущемъ, о которомъ не намъ заботиться
а нашимъ потомкамъ,—нѣтъ, есть другая сторона въ томъ порядкѣ жизн
изъ котораго возникли ихъ сельско-хозяйственные обычаи, и эта сторо
справедливо очаровываетъ Гакстгаузена. Мы говоримъ о мудрой систе
которой держится наше правительство относительно ихъ, предоставляя д
машнія дѣла ихъ собственной заботѣ: „пусть себѣ сами улаживаются, ка
имъ удобнѣе“, говоритъ наше правительство, и мы просимъ читателя обр
тить вниманіе на блистательные, поразительные результаты, производим
этою мудрою системою нашего правительства: какъ дешево обходится п
вительству управленіе уральскими казаками по такой системѣ! Какъ бы
и исправно исполняютъ они при этой системѣ обязанности, которыхъ не
можно было бы исполнить ни при какой другой системѣ!

Мудрость правительства есть великое счастіе и для народа и для
мого правительства.

Выше мы говорили только о благотворности общиннаго владѣнія
млею, котораго потребность ощущается въ настоящее время повсюду въ Р
сіи чрезвычайно сильнымъ образомъ; ни вчерашнимъ, ни завтрашнимъ н
сытъ не будешь: мы заботимся о настоящихъ потребностяхъ, а не о то
что было нужно триста лѣтъ тому назадъ, или будетъ нужно черезъ т
ста лѣтъ впередъ. Потому мы ничего не говорили о общинномъ союзѣ
производства работъ, потребность котораго, конечно, со временемъ буд
чрезвычайно сильна въ Россіи, какъ теперь уже чрезвычайно сильна
Западной Европѣ. Теперь эта потребность чувствуется въ Россіи еще
повсюду; но общинный духъ, сохранившійся у насъ благодаря общинн
владѣнію землею, такъ свѣжъ и силенъ, что общинное производство
боты, это дѣло столь трудно исполнимое на Западѣ, у насъ безъ всяк
хлопотъ дѣлается тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда становится нужно. Н
примѣръ изъ Гакстгаузена:

„Пашутъ здѣсь (въ селѣ Падовкѣ, въ заволжской части Саратовской, ны
Самарской губерніи) тяжелымъ плугомъ, въ который запрягаются большею частію в
двѣ или три пары; а когда поднимается новь, то пять паръ. Натурально, не въ
ждомъ хозяйствѣ есть десять воловъ, потому крестьяне пашутъ сообща, и плуг
волы считаются, такъ сказать, общинной собственностью цѣлой деревни, такъ что ра

Digitized by Google

[illegible] пахать на всѣхъ. Прежде деревня имѣла 24 плуга съ полной упряжью и 240 [illegible]. Неурожаи уменьшили число скота, и нынѣ остается только 100 воловъ". [illegible] 23).

Неистощимую, вѣчно живую и свѣжую почву всѣхъ возможныхъ улучшеній представляетъ наше общинное владѣніе землею; неистощимый запасъ національнаго благосостоянія и государственнаго процвѣтанія находится въ [illegible]. Одно только нужно, чтобы началось для нашего царства время невиданное на землѣ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, въ такомъ стройномъ порядкѣ общаго благоденствія великой Державы и всѣхъ дѣтей ея: нужно только одно то, чего желалъ нѣкогда Шторхъ, о чемъ говорилъ онъ нѣкогда своимъ Державнымъ Воспитанникамъ: да идетъ наша держава по пути экономическихъ улучшеній *), и да совершитъ Александръ II дѣло, начатое Александромъ I и Николаемъ I.

Заключимъ наши извлеченія изъ Гакстгаузена тѣми размышленіями, которыми заключаетъ онъ свой трактатъ о сельскохозяйственныхъ учрежденіяхъ Россіи.

„Русское общинное устройство, описанное нами выше, безконечно важно для Россіи, особенно въ настоящее время, въ государственномъ отношеніи. Всѣ западно-европейскія государства страдаютъ одною болѣзнью, исцѣленіе которой доселѣ остается неразрѣшимою задачею—они страдаютъ пауперизмомъ-пролетаріатствомъ. Россія не знаетъ этого бѣдствія; она предохраняется отъ него своимъ общиннымъ устройствомъ. Каждый русскій имѣетъ и родную землю и право на участокъ ея. И если самъ онъ лично откажется отъ этого участка, или потеряетъ его, то за дѣтьми его остается право въ качествѣ членовъ общины самостоятельно требовать себѣ участка. Принципъ такого устройства одинаковъ по всей Россіи, потому что онъ самъ собою, безъ всякихъ внѣшнихъ мѣръ развился изъ основнаго характера русской націи. Я выражу слабо свою мысль, если скажу, что считаю не болѣе, какъ опаснымъ дѣломъ всякую попытку разрушить или хотя бы измѣнить въ чемъ нибудь существенномъ этотъ принципъ. Государственное достоинство русскаго поземельнаго принципа до такой степени превосходитъ своею важностью всѣ его невыгоды, что никакимъ образомъ невозможно и сравнить съ ними этого преимущества. При томъ я думаю, что невыгодныя слѣдствія этого принципа могутъ быть устранены многими способами, не касаясь самого принципа. Напримѣръ, они могли бы быть, вѣроятно, устранены тѣмъ, если бы употреблено было вниманіе на то, чтобы возстановить, особенно въ маленькихъ общинахъ, или посредствомъ раздѣленія большихъ общинъ на маленькіе союзы, первобытный способъ, какъ уничтоженіе дѣлежа земли и возстановленіе общаго труда при хлѣбопашествѣ. Я считаю это возможнымъ у народа, столь привыкшаго слѣдовать духу общинной власти. Что при такомъ общемъ воздѣлываніи земли хлѣбопашество можетъ быть произведено гораздо лучше и раціональнѣе, и что никто не потерпитъ обиды отъ того, что раздѣлъ земли замѣнился бы раздѣломъ жатвы на полѣ, кажется мнѣ несомнѣнно" **). (III, 151).

---

*) Storch, Russland unter Alexander I. Томъ 5-й, XIV книжка, стр. 90.

**) Это мнѣніе Гакстгаузена, человѣка совершенно далекаго отъ всякой мечтательности и всѣми силами души ненавидящаго то, что называетъ онъ коммунистическими бреднями, такъ важно, что мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь подлинныя слова его, чтобы никто не могъ предположить, что мы хотя сколько нибудь измѣнили ихъ точный и опредѣлительный смыслъ: „Auch glaube ich, dass man die [illegible] Folgen noch auf mehrere andere Weisen aufleben oder modificieren könnte, ohne das Princip zu zerstören, z. B. vielleichteben dadurch, dass man den ursprünglichen Zustand namentlich bei kleinen Gemeinden, oder Abtheilungen grösserer wieder herzustellen, suchte, nämlich durch Aufhebung der Landtheilungen und Wiedereinführung des gemeinsamen Ackerbaues. Ich halte dies bei einem Volke für möglich, das

Digitized by Google

Но это послѣднее улучшеніе—дѣло будущаго. Нынѣ лежатъ на на другія дѣла, и при совершеніи ихъ надобно помнить одно: тѣ измѣнен которыя необходимо должны произойти вслѣдствіе начинающагося участія н шей страны въ экономическомъ движеніи Западной Европы, должны пр зойти такъ, чтобы наши поселяне, сохраняя свое общинное владѣніе, бы предоставлены собственному разсудку въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣл

so gewöhnt ist der Autorität zu folgen. Dass bei einemsolchen gemeinsamen Ack derselbe viel besser und rationeller betrieben werden könnte und dass Niemand leiden würde, wenn statt der Theilung des Landes eine Theilung der Ernte au Felde einträte, scheint mir nicht zweifelhaft.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ О ЖУРНАЛАХЪ.

Іюнь 1857.

„О распространеніи знаній въ Россіи“, Ламанскаго.— „L'ancien régime“, Токвиля и „De l'avenir politique de L'Angleterre“, Монталамбера. — „Физіологія общества“, Безобразова.—Объ учрежденіи въ Петербургѣ общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.

По поводу статьи г. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи“, мы получили нѣсколько писемъ отъ нашихъ читателей. Всѣ отдаютъ полную справедливость прекрасной основной мысли г. Ламанскаго и выражаютъ сочувствіе къ дѣлу, необходимость и великую пользу котораго онъ показываетъ. Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ дѣлаются, болѣе или менѣе основательныя, замѣчанія о подробностяхъ проекта, составленнаго г. Ламанскимъ, который, сообразивъ эти мысли съ замѣчаніями, выраженными въ журналахъ, намѣренъ сказать свое мнѣніе о томъ, какія изъ предлагаемыхъ дополненій его проекта кажутся ему дѣйствительно полезными и возможными. А между тѣмъ мы печатаемъ одно изъ присланныхъ намъ писемъ.

Сказавъ въ началѣ, что дѣло, указываемое г. Ламанскимъ, чрезвычайно важно и благотворно, авторъ письма продолжаетъ:

„Г. Ламанскій не коснулся тѣхъ отношеній, въ которыя, для пользы литературы, Общество Распространенія Знаній должно поставить себя къ изданіямъ, предпринимаемымъ частными людьми, — конечно, онъ не говорилъ объ этихъ отношеніяхъ потому только, что считалъ ихъ слишкомъ ясными. Но, вѣроятно, полезно было бы съ самаго начала опредѣлить ихъ положительнымъ образомъ.

„Если устроится Общество Распространенія Знаній, то во всякомъ случаѣ дѣятельность его будетъ гораздо обширнѣе, а средства его гораздо значительнѣе, нежели средства и дѣятельность частныхъ лицъ, занимающихся нынѣ изданіемъ книгъ въ томъ родѣ, какія будетъ издавать Общество. Если бы оно при своихъ дѣйствіяхъ не обращало вниманія на предпріятія частныхъ людей, то конечно могло бы своимъ соперничествомъ ослабить ихъ дѣятельность. А частная предпріимчивость по литературному дѣлу до сихъ поръ еще такъ слаба у насъ, что легко повредить ей. И такъ какъ дѣя-

Digitized by Google

тельность Общества не можетъ избѣжать соприкосновеній съ частными изданіями, то и необходимо для пользы литературы, чтобы со стороны сильнѣйшаго дѣятеля, каково Общество, эти соприкосновенія были оживлены духомъ всевозможной готовности помогать и содѣйствовать,—только въ такомъ случаѣ дѣятельностью Общества не ослабится, а усилится и ободрится частная предпріимчивость и охота къ труду.

„Нельзя сказать, что у насъ слишкомъ мало людей, желающихъ трудиться или уже трудящихся надъ переводами ученыхъ или популярныхъ иностранныхъ сочиненій, или надъ оригинальными сочиненіями по разнымъ отраслямъ науки: г. Ламанскій справедливо указываетъ на то, что много трудовъ въ этомъ родѣ совершается гораздо болѣе, нежели издается: по недостатку средствъ къ изданію у автора, или по недостатку предпріимчивыхъ издателей, гораздо болѣе такихъ трудовъ безплодно остается въ рукописи, нежели появляется въ печати. Изъ людей, трудящихся такимъ образомъ, многіе бываютъ готовы даже безъ всякаго вознагражденія отдать свою рукопись издателю, лишь бы только принести публикѣ пользу своимъ трудомъ, но и на такомъ слишкомъ выгодномъ для издателя условіи часто не находятъ издателя. Частная предпріимчивость у насъ слишкомъ робка, по недостатку увѣренности въ томъ, что распродажею изданія окупятся издержки печати.

„Общество должно отвратить это препятствіе, принимая на себя или обезпеченіе распродажи извѣстнаго количества экземпляровъ тѣхъ частныхъ изданій, которыя найдетъ полезными для публики, или даже услуги по издательству.

„Конечно, многіе изъ писателей найдутъ удобнѣйшимъ для себя или трудиться по порученію Общества, или прямо уступать ему свои рукописи за приличное вознагражденіе. Но многіе, вѣроятно, предпочтутъ сами быть издателями своихъ переводовъ или сочиненій—и Общество должно оказывать имъ всевозможную помощь.

„Изданіе рукописи авторомъ, переводчикомъ или книгопродавцемъ обыкновенно затрудняется сомнѣніями въ томъ, будутъ ли въ скоромъ времени покрыты издержки печатанія распродажею книги—Общество должно въ этомъ случаѣ принимать на себя такое обезпеченіе. Нужно только, чтобы книга, предполагаемая къ изданію, была полезна, а писатель или книгопродавецъ, желающій напечатать ее, внушалъ Обществу довѣріе, что удовлетворительнымъ образомъ исполнитъ предпріятіе, за которое берется. Удостовѣриться въ первомъ очень легко—программа книги уже достаточно обнаруживаетъ, какой пользы можно ожидать отъ книги; во второмъ удостовѣриться можно также легко: имя писателя, пользующагося извѣстностью дѣльнаго человѣка по тому предмету, за который онъ берется, и извѣстность книгопродавца, какъ издателя частнаго и аккуратнаго, уже достаточно обезпечиваетъ Общество.

„И такъ, когда какой либо писатель или переводчикъ, обладающій, по общему мнѣнію публики, качествами, нужными для удовлетворительности предпринимаемаго имъ полезнаго труда, объявляетъ Обществу, что желаетъ предпринять такой-то трудъ, если Общество возьметъ у него извѣстное чи-

Digitized by Google

сло экземпляровъ издаваемой имъ книги, — Общество со всею готовностью приметъ на себя это обязательство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло, по своей особенной полезности, заслуживаетъ особеннаго одобренія, Общество можетъ даже впередъ выдавать заимообразно писателю или переводчику часть суммы, нужной для напечатанія книги, или принимать на себя передъ типографщикомъ обязательство въ уплатѣ этой суммы по напечатаніи книги.

„Можетъ быть отношеніе еще болѣе тѣсное. Только для людей, живущихъ въ столицахъ, да и то для немногихъ, только уже привыкшихъ имѣть сношенія съ типографіями и книгопродавцами, удобно бываетъ печатать книгу на свой счетъ. Люди, живущіе въ провинціяхъ, вовсе лишены удобства сами заняться изданіемъ своихъ книгъ. Общество можетъ принимать на себя эту обязанность.

„Въ томъ и другомъ случаѣ, беретъ ли на себя Общество извѣстное число экземпляровъ книги, издаваемой частнымъ лицомъ, или беретъ на себя самое изданіе книги, авторъ или переводчикъ которой желаетъ удержать за собою полную собственность на это изданіе; — въ томъ и другомъ случаѣ условія, на которыхъ Общество оказываетъ содѣйствіе этому частному предпріятію, должны быть таковы, чтобы человѣку, пользующемуся содѣйствіемъ Общества, вполнѣ предоставлялись всѣ тѣ выгоды, какія можетъ принести изданіе; Общество въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ въ виду единственно содѣйствіе развитію литературы и не ищетъ въ нихъ никакой денежной прибыли для себя, такъ что при своихъ разсчетахъ не полагаетъ даже никакого процента на затрачиваемый капиталъ. При покупкѣ экземпляровъ оно уплачиваетъ автору или переводчику ту самую цѣну, по которой должна продаваться его книга (то есть не беретъ такъ называемыхъ книгопродавческихъ процентовъ за коммиссію); при выдачѣ заимообразно денегъ на напечатаніе книги, принимаетъ уплату по произволу автора или деньгами безъ всякихъ процентовъ, или экземплярами изданной книги по продажной ихъ цѣнѣ: наконецъ, при напечатаніи книги на счетъ Общества, Общество полагаетъ тѣ самыя цѣны, какія авторъ долженъ былъ бы заплатить въ типографію, если бы печаталъ книгу не въ долгъ, а на наличныя деньги.

„Конечно, слѣдуя такому принципу, Общество терпитъ нѣкоторый убытокъ (отчасти на расходы по веденію того дѣла, въ которомъ становится посредникомъ, отчасти на процентахъ съ затрачиваемаго капитала); но эти убытки незначительны: они по приблизительному разчисленію не могутъ простираться и до 5 процентовъ съ употребленныхъ Обществомъ на эти дѣла суммъ. Такая незначительная потеря въ общемъ движеніи суммъ Общества покрывается выгодами, которыя приносятъ ему собственныя его изданія, и въ тысячу разъ вознаграждается тою пользою, какую приноситъ это совершенно безкорыстное участіе въ частныхъ предпріятіяхъ развитію литературы, ободряя и вызывая частную предпріимчивость.

„Такъ какъ экземпляры принимаются Обществомъ по ихъ продажной цѣнѣ безъ всякихъ процентовъ за коммиссію, то автору не приноситъ ни малѣйшаго стѣсненія единственное условіе, которое нужно для возвращенія Обществу денегъ, выданныхъ въ заемъ или заплаченныхъ въ типографіи, именно то условіе, что экземпляры, купленные или взятые въ уплату долга

Digitized by Google

Обществомъ, первые поступаютъ въ продажу, и экземпляры, остающіеся у автора, поступаютъ въ продажу уже тогда, когда распроданы экземпляры, взятые Обществомъ. Это условіе, принимаемое основаніемъ всякой продажи значительнаго числа экземпляровъ при сдѣлкахъ между авторомъ и частнымъ книгопродавцемъ, не будетъ служить ни малѣйшимъ стѣсненіемъ, а, напротивъ, будетъ приносить прямую выгоду автору, потому что Общество беретъ у него экземпляры безъ вычета процентовъ и, слѣдовательно, платитъ ему дороже, нежели книгопродавцы.

„Но какъ велики суммы, нужныя Обществу для такого содѣйствія частнымъ предпріятіямъ?—Публикѣ вообще мало извѣстны цѣны, которыхъ стоитъ самое изданіе книги, и многіе, быть можетъ, вообразятъ, что пособіе изданію частныхъ трудовъ потребуетъ слишкомъ большихъ затратъ со стороны Общества. Изъ слѣдующаго приблизительнаго разсчета можно видѣть, что капиталъ, достаточный для очень сильнаго содѣйствія издательству книгъ частными лицами, вовсе не такъ значителенъ, какъ можетъ казаться людямъ, незнакомымъ съ типографскими цѣнами. Вотъ приблизительная смѣта расходовъ на изданіе одного тома въ 25 печатныхъ листовъ (400 страницъ) въ форматѣ „Отечественныхъ Записокъ“, „Русскаго Вѣстника“ или „Современника“, по петербургскимъ цѣнамъ, въ количествѣ A) 1,200 экземпляровъ, B) 2,400 экземпляровъ и C) 9,600 экземпляровъ.

A) *Изданіе въ 1,200 экземпляровъ.*

1)	Наборъ и печатаніе по 12 руб. за листъ . . .	300 р.—к.
2)	Бумага по 3 руб. за стопу (эта бумага достоинствомъ своимъ близка къ бумагѣ, на которой печатаются журналы), всего 62½ стопы . .	187 „ 50 „
3)	Чтеніе корректуры по 1 руб. за листъ . . .	25 „ — „
4)	Обертка для 1,200 экз. около	7 „ 50 „
5)	Брошюровка по 2½ коп.	30 „ — „
	Итого . . .	550 р.—к.

B) *Изданіе въ 2,400 экземпляровъ.*

1)	Наборъ и печатаніе по 16 руб. за листъ. . . .	400 р.
2)	Бумага 125 стопъ.	375 „
3)	Чтеніе корректуры.	25 „
4)	Обертка.	10 „
5)	Брошюровка	60 „
	Итого. . .	870 „

C) *Изданіе въ 9,600 экземпляровъ.*

1)	Наборъ и печатаніе по 35 р.	875 р.
2)	Бумага 500 стопъ	1,500 „

Digitized by Google

3) Чтеніе корректуры.	25 р.
4) Обертка.	33 „
5) Брошюровка.	192 „
Итого . .	2,625 р.

„Московскія цѣны нѣсколько дешевле петербургскихъ.

„Въ числѣ 2,400 экземпляровъ печатаются уже только такія книги, которыя, какъ говорится, расходятся очень сильно; изданіе въ 9,600 экземпляровъ дѣлаются только для учебныхъ книгъ, принимаемыхъ не только въ гимназіи, но и въ уѣздныя училища, или для книгъ въ родѣ „Сельскаго чтенія". Ни Гоголь, ни Пушкинъ, не издавались въ такомъ числѣ экземпляровъ, тѣмъ менѣе достигала его какая нибудь ученая книга. И такъ, предположивъ, что Общество издастъ или дастъ деньги на изданіе въ теченіе года 50 томовъ по 400 страницъ (или большаго числа книгъ меньшаго объема), мы должны считать, что изъ нихъ развѣ 13 нужно будетъ печатать въ 2,400 экземплярахъ и развѣ 2 въ 9,600 экземплярахъ, а остальныя 35 не понадобится на первый разъ издавать болѣе, нежели въ 1,200 экземплярахъ, и общая сумма расходовъ будетъ такова:

1) 35 томовъ въ 1,200 экземпляровъ. . .	19,250 р.
2) 13 томовъ въ 2,400 экземпляровъ. . .	11,310 „
3) 2 тома въ 9,600 экземпляровъ. . . .	5,250 „
Итого . .	35,810 р.

„Предположивъ, что уплата денегъ со стороны Общества потребуется въ пропорціи двухъ третей этой суммы, и что Общество будетъ дѣйствовать на половину наличными деньгами и на половину кредитомъ, мы увидимъ, что содѣйствовать изданію 50 томовъ, довольно толстыхъ и большаго формата, Общество можетъ, употребивъ отъ 12 до 13 тысячъ рублей, которые возвратятся ему втеченіе того же года съ потерею никакъ не болѣе 5%, т. е. 650 руб.

„Если форматъ книги менѣе журнальнаго (какъ обыкновенно бываетъ), расходы изданія конечно менѣе.

„Но для такой операціи необходимо, чтобы книги, издаваемыя Обществомъ, имѣли быстрый и вѣрный расходъ. Да и вообще польза, приносимая Обществомъ, зависитъ не только отъ количества и достоинства издаваемыхъ имъ книгъ, но также и отъ быстраго и обширнаго ихъ распространенія въ публикѣ. Каждый знакомый съ положеніемъ нашей книжной торговли очень хорошо знаетъ, что въ настоящее время тѣ средства, которыми она располагаетъ, ни мало не соотвѣтствуютъ обширности нашего государства и распредѣленію по его пространству людей, читающихъ или желающихъ читать. Только столицы и очень немногіе изъ другихъ губернскихъ городовъ имѣютъ въ настоящее время такіе книжные магазины, въ которыхъ мѣстные жители могли бы безъ замедленія видѣть и покупать вновь выходящія порядочныя книги. Жители всѣхъ остальныхъ провинцій принуждены съ большими издержками и съ большимъ промедленіемъ выпи-

Digitized by Google

сывать для себя книги изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ; потому, число книгъ, расходящихся въ провинціи, далеко не соотвѣтствуетъ числу людей, которые охотно стали бы покупать книги, еслибъ имѣли ихъ подъ руками. Судя по пропорціи, какая замѣчается между числомъ экземпляровъ журналовъ, получаемыхъ въ столицахъ, и тѣмъ числомъ, какое расходится по провинціямъ, надобно считать, что болѣе нежели двѣ трети людей, для которыхъ чтеніе стало уже потребностію, живутъ въ провинціяхъ. Но пропорція книгъ, расходящихся по провинціямъ, гораздо менѣе, нежели двѣ трети всего числа продаваемыхъ книгъ,—конечно потому, что для жителей провинцій затруднительно знакомиться съ новыми книгами и покупать ихъ.

„Г. К. Аксаковъ въ замѣчаніяхъ на статью г. Ламанскаго говоритъ: „Если дѣло пойдетъ,—чего надобно ожидать, то количество членовъ будетъ огромно и распространено по всей Россіи. Въ такомъ случаѣ, какъ будутъ рѣшать они о достоинствѣ сочиненій? — Съѣзжаться для этого будетъ невозможно, а между тѣмъ, члены, находящіеся внѣ Москвы, могутъ имѣть и желаніе и право рѣшать о достоинствѣ сочиненій. Итакъ, намъ кажется всего лучшимъ, чтобы въ каждомъ русскомъ городѣ, гдѣ только будутъ находиться члены, они могли назначать отъ себя выборнаго, одного или двухъ (безъ ограниченія числа), избраннаго изъ ихъ среды, или изъ людей, находящихся въ Москвѣ“. Въ этихъ словахъ несомнѣнно то, что если образуется Общество распространенія Знаній, то дѣйствительно въ каждомъ губернскомъ и въ каждомъ значительномъ уѣздномъ городѣ будетъ находиться по нѣскольку членовъ или даже по нѣскольку десятковъ членовъ Общества. При каждомъ изъ такихъ отдѣловъ очень легко будетъ устроить агентство для продажи книгъ, издаваемыхъ и купленныхъ Обществомъ. Расходовъ не повлечетъ это за собою никакихъ (кромѣ транспортныхъ расходовъ), потому что между торговыми людьми въ каждомъ городѣ можно найти честнаго и вмѣстѣ разсчетливаго человѣка, который сообразитъ, что помѣстить въ своей лавкѣ шкапъ съ книгами будетъ для него выгодно. Само собою разумѣется, что Общество, имѣя одною изъ прямыхъ своихъ цѣлей всяческое содѣйствіе развитію книжной торговли, съ готовностію сдѣлаетъ своимъ агентомъ каждаго, кто уже имѣетъ или найдетъ возможнымъ имѣть книжную лавку въ провинціальномъ городѣ. И конечно, этимъ покровительствомъ значительно облегчится появленіе книжныхъ лавокъ въ такихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ не представлялось къ тому выгодъ.

„Считая 60 губернскихъ и областныхъ и кромѣ того 40 значительныхъ уѣздныхъ городовъ, мы получимъ 100 такихъ пунктовъ, гдѣ будетъ производиться по провинціямъ продажа книгъ, которыми располагаетъ Общество. Полагая среднимъ числомъ расходъ по 5 экземпляровъ въ каждомъ изъ такихъ агентствъ или магазиновъ втеченіе года, мы получимъ, что Общество будетъ имѣть въ провинціяхъ вѣрный сбытъ до 500 экземпляровъ каждой изданной или продаваемый имъ книги. Конечно, въ нѣкоторыхъ агентствахъ продажа будетъ менѣе принимаемой нами средней цифры, но за то въ 30 или 40 значительныхъ провинціальныхъ городахъ, имѣющихъ болѣе 20,000 жителей, продажа будетъ въ пять и болѣе разъ значительнѣе принимаемой нами цифры. Полагая для столицъ расходъ въ половину

Digitized by Google

отивъ сбыта въ провинціяхъ, мы найдемъ, что Общество можетъ навѣр-
е разсчитывать на распродажу втеченіе года 750 экземпляровъ каждой
данной или пріобрѣтенной имъ книги. Эта цифра есть minimum распро-
жи. Даже и въ настоящее время, при всей недостаточности средствъ на-
ей книжной торговли, продажа 1000 экземпляровъ втеченіе года не счи-
ется продажею сильною. При увеличеніи же удобствъ къ пріобрѣтенію книгъ
ы жителей провинцій, такая распродажа конечно будетъ относиться только
ъ книгамъ наименѣе интереснымъ для большинства публики; а каждая
нга, имѣющая хотя сколько нибудь общаго интереса, будетъ расходиться
нѣе, нежели въ годъ, въ количествѣ болѣе значительномъ.

„Положимъ теперь, что Общество будетъ помогать изданію книгъ, на-
ченныхъ въ продажу по цѣнѣ самой умѣренной, именно: за томъ ори-
нальнаго сочиненія въ 25 листовъ журнальнаго формата (или 30 листовъ—
50 страницъ —обыкновеннаго книжнаго формата въ 8-ую долю листа)—
руб. 50 коп. сер., а за переводный томъ такой же величины—1 руб.
р. Въ такомъ случаѣ для возвращенія Обществу всѣхъ издержекъ на из-
ніе потребуется продать: 550 экземпляровъ переводной книги, изданной
числѣ 1200 экземпляровъ, и 870 экземпляровъ переводной книги, на-
чатанной въ числѣ 2400 экземпляровъ; 370 экземпляровъ оригиналь-
го сочиненія, изданнаго въ количествѣ 1200 экземпляровъ, и 580 эк-
пляровъ, если сочиненіе издано въ числѣ 2400 экземпляровъ. Нѣтъ со-
нѣнія, что годичная продажа будетъ гораздо значительнѣе этой цифры, и
ким образомъ до истеченія года Общество не только возвратитъ всю
му, затраченную на изданіе, но и можетъ, если то будетъ угодно ав-
ру или переводчику, купить у него по распродажѣ долговыхъ экземпля-
въ значительное количество экземпляровъ съ уплатою ему наличными день-
ми полной продажной цѣны.

„Отъ этихъ коммерческихъ разсчетовъ, къ которымъ привела насъ мысль
необходимости, чтобы Общество Распространенія Знаній помогло развитію
ной, независимой отъ него литературной дѣятельности, обратимся къ
ложеніямъ о дѣйствіяхъ самого Общества.

„Едва ли нужно говорить, что всевозможнымъ содѣйствіемъ и ободре-
ніемъ развитія независимой отъ Общества литературной дѣятельности, ни-
ко не стѣснится кругъ дѣйствій самого Общества. Задача, предстоящая
му, такъ велика, что всякое новое содѣйствіе со стороны независимыхъ
ныхъ лицъ можетъ только усилить Общество и увеличить пользу, имъ
ствляемую.

„Нѣкоторые думаютъ даже, что задача, поставляемая Обществу г. Ла-
скимъ, слишкомъ широка, что можно было бы ограничить кругъ дѣя-
ности его или однимъ изданіемъ оригинальныхъ популярныхъ руководствъ,
ли однимъ переводомъ иностранныхъ классическихъ сочиненій; но то и
рое дѣло такъ тѣсно между собою связаны, что раздѣленіе ихъ послу-
ло бы только источникомъ неудобствъ и затрудненій. Предположимъ, что
Общество хотѣло бы издать хорошее популярное сочиненіе, напримѣръ, объ
исторіи Рима или Англіи; русскихъ сочиненій такого рода по всей вѣроят-
ности не найдется готовыхъ, между тѣмъ какъ въ иностранныхъ литера-

Digitized by Google

турахъ есть уже много книгъ, удовлетворяющихъ этой потребности, и что нужно только выбрать лучшія изъ нихъ. И такъ, если Общество д ствительно имѣетъ своею цѣлію распространеніе знаній, то главнымъ ср ствомъ для того, оно необходимо должно почесть переводъ иностранн произведеній. Если бы оно отказалось отъ переводовъ, то чрезвычайно труднило и замедлило бы свою дѣятельность. Но если представляется ществу русская рукопись, хорошо излагающая предметъ, о которомъ о ству нужно издать сочиненіе, то неужели Обществу надобно было бы отк гать эту рукопись только потому, что она есть оригинальное сочинен не переводъ? Цѣль Общества—распространеніе знаній, а потому для н должны быть равно драгоцѣнны всѣ средства, ведущія къ этой цѣли, и одно изъ этихъ средствъ не должно быть имъ исключено изъ своей програм

„Задача Общества многосложна, и потому дѣйствительно необход организація Общества по отдѣламъ. Мнѣ кажется, что главная черта д дѣленія, принятая г. Ламанскимъ, проведена вѣрно: науки физико-мат тическія и науки нравственныя дѣйствительно составляютъ двѣ гла группы знаній: но, кажется мнѣ, внутренняя организація каждаго изъ двухъ отдѣловъ должна быть опредѣлена съ большею точностію, нежели г. Ламанскаго. Я не берусь судить объ отдѣлѣ физико-математическ но скажу нѣсколько словъ объ отдѣлѣ наукъ нравственныхъ. Г. Лам предлагаетъ раздѣленіе его на два разряда: философскій и историче Историческій дѣлится у него на четыре класса; конечно такое раздѣл необходимо и въ разрядѣ философскомъ. Законовѣдѣніе, о которомъ упо наетъ г. Ламанскій при исчисленіи занятій этого разряда, различается собственной философіи не менѣе, нежели древняя исторія отъ славя кромѣ того, г. Ламанскій не назвалъ нѣкоторыхъ другихъ наукъ, ве щихъ для нашего времени не меньше значенія, нежели логика или пс логія; таковы, напримѣръ, статистика, политическая экономія,—онѣ дол составить особый классъ. Нѣкоторыя находятъ, что въ разрядѣ наукъ торическихъ г. Ламанскій напрасно отдѣлилъ русскую исторію отъ зап европейской, но съ этимъ порицаніемъ, конечно, не должно соглаша Можно только замѣтить, что исторія другихъ славянскихъ племенъ не имѣетъ для нашей публики той важности, какъ исторія Западной роны и Сѣверной Америки; она должна оставаться не болѣе какъ вс гательнымъ средствомъ для разъясненія русской исторіи. Видно, впро что авторъ спеціально занимается исторіею славянскихъ племенъ, и его страстіе къ этому предмету, объясняемое такимъ образомъ, представля совершенно естественнымъ. Излишняго увлеченія по этому направленію с ли можно ожидать отъ Общества: кромѣ славянистовъ въ немъ бу и другіе ученые по всѣмъ возможнымъ отраслямъ наукъ, и ихъ специ ныя увлеченія, конечно, будутъ уравновѣшиваться одно другимъ; а б шинство членовъ Общества будетъ, конечно, свободно отъ всякихъ изл нихъ пристрастій къ той или другой спеціальности и во всякомъ случаѣ дастъ дѣятельности Общества уклониться отъ прямой своей цѣли. Об ство не будетъ служителемъ какого нибудь частнаго увлеченія, но о нется органомъ потребностей нашихъ, и дѣятельность свою будетъ со

Digitized by Google

доточивать на тѣхъ отрасляхъ знаній, которыя имѣютъ для всей публики наибольшую важность. Такими предметами вообще представляются нынѣ русская исторія, исторія Западной Европы, изученіе русскаго быта и изученіе современнаго западно-европейскаго быта во всѣхъ его проявленіяхъ, политическая экономія и вообще государственныя науки.

„Г. Ламанскій предполагаетъ, что Общество Распространенія Знаній должно быть образовано непремѣнно въ Москвѣ. Если подъ этимъ надобно разумѣть то, что центральный комитетъ Общества долженъ быть въ Москвѣ, то противъ мысли г. Ламанскаго нельзя сказать ничего основательнаго. Независимо отъ соображеній, изложенныхъ г. Ламанскимъ, важно уже то обстоятельство, что Москва находится приблизительно въ центрѣ Европейской Россіи, потому, для большей части провинцій, сношенія съ Москвою удобнѣе нежели съ Петербургомъ, и разсылка изданій Общества по провинціямъ изъ Москвы легче и короче, нежели изъ Петербурга.

„Но если Географическое Общество, кромѣ центральнаго пункта своихъ собраній, имѣетъ еще два мѣстныхъ комитета, то въ Обществѣ Распространенія Знаній число такихъ филіальныхъ учрежденій должно быть еще гораздо значительнѣе. Г. К. Аксаковъ совершенно правъ въ этомъ случаѣ. Въ каждомъ городѣ, имѣющемъ значительное число членовъ Общества, удобно быть мѣстному отдѣленію Общества. Кромѣ Петербурга, всѣ университетскіе города и нѣкоторые изъ другихъ губернскихъ городовъ будутъ имѣть очень важное участіе въ трудахъ Общества.

„Но соглашаясь въ этомъ случаѣ съ господиномъ К. Аксаковымъ, можно кажется оспорить ту его мысль, что члены Общества не должны получать никакого вознагражденія за деньги, уплачиваемыя ими въ кассу Общества. Почему бы не имѣли они права получать на такую же сумму книгъ, издаваемыхъ Обществомъ (по собственному выбору)? При этомъ условіи, я увѣренъ, что число членовъ будетъ въ пять разъ болѣе. Общество не останется отъ того въ убыткѣ: продажная цѣна книги по необходимости всегда бываетъ гораздо выше, нежели издержки на печатаніе лишняго экземпляра книги. Если напечатается 3,000 лишнихъ экземпляровъ книги цѣною въ 1 рубль за экземпляръ, то издержки на эту прибавку не будутъ превышать 15—20 коп. на экземпляръ. Такимъ образомъ вознагражденіе членовъ изданіями Общества на сумму равную платѣ, взносимой каждымъ членомъ, значительно увеличивая число людей, дѣлающихся членами Общества, и съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличивая число книгъ, обращающихся въ рукахъ публики, увеличитъ также и денежныя средства Общества, и даже чистый доходъ его, который, конечно, будетъ оно постоянно употреблять на расширеніе своей дѣятельности, а отчасти можетъ употреблять и на безденежную раздачу учебныхъ руководствъ бѣднымъ ученикамъ общественныхъ школъ, а также различныхъ элементарныхъ книгъ грамотнымъ и недостаточнымъ простолюдинамъ.

„Г. К. Аксаковъ думаетъ, что сумма, взносимая членами Общества, должна быть положена самая умѣренная, и опредѣляетъ ее въ три рубля серебромъ ежегодно. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ умѣреннѣе эта сумма, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ больше будетъ число членовъ Общества.

Digitized by Google

„Нѣкоторымъ не нравится слово „матица“. Въ самомъ дѣлѣ, на русскомъ языкѣ оно не имѣетъ того смысла, какъ на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и я не вижу особенной надобности употреблять его. Но пусть это учрежденіе называется „Матицею“, или какимъ нибудь другимъ именемъ болѣе понятнымъ,—изъ-за имени можно и не спорить, лишь бы только учрежденіе было основано на разумныхъ принципахъ и приносило пользу.

„Для печатанія своихъ книгъ Общество, вѣроятно, найдетъ выгоднымъ имѣть собственную типографію, когда расширеніе его средствъ позволитъ обратить часть капитала на устройство этого заведенія.

„Для распродажи книгъ оно, конечно, учредитъ въ Москвѣ центральное депо, чтобы по возможности избѣжать потерь отъ уступки процентовъ за коммиссію“.

Очень часто книга производитъ впечатлѣніе ни мало не соразмѣрное своимъ ученымъ достоинствамъ, благодаря тому, что въ ней разсматривается вопросъ, близкій къ интересамъ публики; въ прошедшемъ году, таковъ былъ успѣхъ сочиненій Токвиля „L'ancien régime“ и Монталамбера „De l'avenir politique de l'Angleterre“. Князь Черкасскій, написавшій объ этихъ книгахъ замѣчательную статью (Р. Бесѣда, томъ 2-й), смотритъ на нихъ именно съ этой точки зрѣнія.

Статья начинается замѣчаніями о современномъ положеніи Франціи, тѣмъ болѣе необходимыми, что у насъ многіе имѣютъ объ этомъ предметѣ понятіе не совсѣмъ правильное.

„Читая обѣ книги и говоря о нихъ (замѣчаетъ князь Черкасскій), невозможно не предпослать всякому о нихъ разсужденію нѣкоторыхъ первоначальныхъ общихъ замѣчаній, касающихся современнаго состоянія Франціи. Прежде всего насъ поражаетъ свободное, безпрепятственное появленіе и печатаніе во Франціи двухъ такихъ капитальныхъ сочиненій, явно направленныхъ противъ существующаго въ ней нынѣ порядка вещей... Такъ велика уже во Франціи и такъ укрѣпилась въ ней свобода мысли и свобода жизни, которую она добыла себѣ тридцатилѣтнимъ періодомъ правленія Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома, что подобное литературное явленіе, даже въ эпоху настоящей диктатуры, проходитъ какъ бы незамѣченнымъ внѣшнею властью, не возбуждая особеннаго полицейскаго ея вниманія. Это явленіе можетъ, конечно, служить замѣчательнымъ признакомъ созрѣвающей общественной жизни во Франціи, каковы бы, впрочемъ, ни были судьбы ея въ невѣдомомъ для насъ грядущемъ. Этимъ первоначальными пріобрѣтеніями своими общественная жизнь Франціи не можетъ еще удовлетвориться: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно намъ будетъ привести незаподозримое свидѣтельство одного изъ замѣчательныхъ первоначальныхъ дѣятелей настоящаго наполеоновскаго періода, доктора Верона, въ томъ видѣ, какъ передается намъ газетою Le Nord, раскрывшей столбцы свои отрывкамъ изъ одного новаго его произведенія: „Четыре года правленія Наполеона III“. Вотъ подлинныя слова доктора Верона: „Добровольно отказавшись отъ мнимой поддержки, находимой будто бы во всеобщемъ одѣмѣніи, императоръ (т. е. Наполеонъ III) ясно докажетъ и внутреннимъ политическимъ партіямъ и въ особенности иностранцамъ, какъ велика его сила и увѣренность въ ней. Гдѣ не допускается свободное обсужденіе, гдѣ не позволенъ спортъ, тамъ и похвала теряетъ все значеніе свое, а между дѣйствіями четырехлѣтняго правленія императора встрѣчается многое, что по совѣсти можно бы похвалить. Къ тому же этотъ строгій законъ молчанія, наложенный на печать туземную, порождаетъ въ публикѣ лишь живѣйшее сочувствіе и любопытство къ газетамъ иностраннымъ, въ

Digitized by Google

торыхъ духъ злобы и непріязни доходитъ до клеветы. Я понимаю, что критика, даже благоразумная и умѣренная, можетъ казаться непріятною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые окружаютъ престолъ, и, утопая въ спокойствіи власти безотчетной, крѣпко стоятъ за то, чтобы никакой шумъ, никакой свободный звукъ извнѣ, не пришелъ бы ихъ смутить. Но во всякомъ случаѣ, налагаемое на журналы и газеты молчаніе, къ сожалѣнію, всегда кидаетъ нравственную тѣнь на личность самого государственнаго вождя". (Р. Бесѣда, Крит. стр. 24).

Въ словахъ Верона есть много справедливаго, хотя самъ Веронъ не принадлежитъ къ людямъ особенно правдивымъ. Дѣйствительно путь, избранный Наполеономъ III, не совершенно выгоденъ для блеска его имени во Франціи: похваламъ, какія читаютъ ему въ своихъ нынѣшнихъ газетахъ, французы вовсе не вѣрятъ, напротивъ охотно вѣрятъ всѣмъ дурнымъ слухамъ, которые съ чрезвычайною быстротою расходятся изустно по Франціи, увеличиваясь при переходѣ изъ департамента въ департаментъ, изъ города въ городъ; изъ этихъ слуховъ очень многіе совершенная клевета—но кто опровергнетъ эту клевету, когда она, хотя всѣмъ извѣстная, укрывается однако отъ гласности? А когда французскія газеты и опровергаютъ тотъ или другой невыгодный для Наполеона III разсказъ, никто имъ не вѣритъ, зная, что онѣ не могли бы назвать этой молвы справедливою, еслибъ она была справедлива. Такимъ образомъ, во французскомъ обществѣ все увеличивается и усиливается невыгодное мнѣніе о Наполеонѣ III, и онъ, хотя имѣетъ на своей сторонѣ справедливость во многихъ случаяхъ, не можетъ разрушить ни одного изъ предубѣжденій, образовавшихся противъ него, потому что лишилъ себя единственнаго средства къ защитѣ своей чести, стѣснивъ гласность во Франціи. Этимъ не ограничивается вредъ, который терпитъ отъ того его имя. Слухи, изустно распространяющіеся во Франціи, переходятъ за границу и появляются въ иностранныхъ газетахъ съ печатью неопровержимой истины: „во Франціи всѣмъ это извѣстно",—говорятъ иностранныя газеты—онѣ проникаютъ во Францію и служатъ для француза новымъ доказательствомъ неоспоримой справедливости того, о чемъ онъ самъ прежде слышалъ и разсказывалъ знакомымъ: „ну вотъ, объ этомъ говорятъ ужъ и за границею, какъ о дѣлѣ извѣстномъ каждому во Франціи; стало быть, это правда". Наполеонъ III очень хорошо знаетъ, какъ много проигралъ онъ относительно добраго мнѣнія о себѣ у каждаго француза, стѣснивъ газеты; онъ знаетъ, что теперь французы считаютъ его человѣкомъ въ десять разъ худшимъ, нежели каковъ онъ на самомъ дѣлѣ и какимъ считали бы его, если бы газеты могли говорить о немъ также свободно, какъ въ свое время говорили о Людовикѣ Филиппѣ, — но ему гораздо интереснѣе имѣть власть, нежели пользоваться выгоднымъ мнѣніемъ о себѣ; ему кажется, что газетныя и парламентскія пренія стѣснили бы его власть или даже подвергли бы его опасности, и потому онъ по возможности стѣснилъ ихъ. Но въ этомъ случаѣ онъ ошибается: его власть вовсе не расширилась отъ того, что онъ стѣснилъ газетныя и парламентскія пренія, и если что сохраняетъ прочность занятаго имъ положенія, такъ именно то, что въ сущности личность его имѣетъ вовсе не такъ много власти во Франціи, какъ можетъ казаться ему и кажется всѣмъ, судящимъ о ходѣ событій по формамъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются вопросы, а не по духу, въ кото-

Digitized by Google

ромъ они рѣшаются. Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ мы противорѣчимъ обыкновенному взгляду, но, быть можетъ, читатель согласится, что мы правы, когда прочтетъ слѣдующія строки.

Людовикъ Филиппъ управлялъ Франціею при безграничномъ просторѣ газетныхъ и парламентскихъ преній, и однако же, если хорошенько всмотрѣться въ событія его правленія, мы увидимъ, что его личная воля имѣла больше вліянія на ходъ французскихъ государственныхъ дѣлъ, нежели воля Наполеона III. При Людовикѣ Филиппѣ, французы нѣсколько разъ сильно желали войны съ Англіею,—Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ войны, и войны не было. Французы не хотѣли подчиненія французской политики въ иностранныхъ дѣлахъ англійскому вліянію,—Людовикъ Филиппъ хотѣлъ того, и дѣйствительно, французская политика въ иностранныхъ дѣлахъ подчинялась вліянію англійской. Французы хотѣли расширенія права избирательства въ Палату Депутатовъ,—Людовикъ Филиппъ не хотѣлъ того, и право избирательства не расширялось. Словомъ сказать, какой бы важный государственный вопросъ мы ни взяли изъ французской исторіи въ правленіе Людовика Филиппа, мы увидимъ, что желаніе французовъ было противоположно мнѣнію Людовика Филиппа, и что дѣло всегда было ведено и разрѣшалось именно такъ, какъ хотѣлъ Людовикъ Филиппъ. До сихъ поръ, ни въ одномъ важномъ случаѣ. Наполеонъ III не рѣшался и не могъ поступить такъ противно общему желанію французской націи, какъ Людовикъ Филиппъ. Людовикъ Филиппъ проводилъ всегда свою волю наперекоръ мнѣнію націи, Наполеонъ III до сихъ поръ постоянно долженъ былъ подчиняться этому мнѣнію, и всѣ важныя событія его правленія сообразны съ мнѣніемъ націи. Нація имѣла вражду противъ Англіи за господство Англіи надъ Франціею при Людовикѣ Филиппѣ, и Наполеонъ III первымъ дѣломъ своимъ почелъ грозить войною Англіи. Французская нація имѣла желаніе прославиться на войнѣ и возстановить свое вліяніе на Востокѣ—Наполеонъ III поспѣшилъ, въ союзѣ съ Англіею (которую лично онъ не любитъ), начать войну противъ Россіи (которой лично онъ сочувствуетъ). Точно такъ онъ былъ слугою національной воли во всѣхъ важныхъ событіяхъ своего правленія, между тѣмъ какъ во всѣхъ случаяхъ Людовикъ Филиппъ поступалъ наперекоръ этой волѣ. „Но, быть можетъ, Наполеонъ III самъ лично былъ во всемъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и не желалъ никогда идти наперекоръ ему?“—Вовсе нѣтъ; во многихъ случаяхъ его личное мнѣніе было противно общему мнѣнію, и въ каждомъ изъ такихъ случаевъ онъ уступалъ, и дѣлалъ наперекоръ себѣ. Напримѣръ, Наполеонъ III—приверженецъ системы свободной торговли; но во Франціи до сихъ поръ господствуютъ протекціонисты—и Наполеонъ III принужденъ былъ отступиться отъ своего желанія значительнымъ образомъ понизить французскій тарифъ. Такихъ случаевъ было много, и ни въ одномъ изъ нихъ личная воля Наполеона III не исполнялась, между тѣмъ какъ личная воля Людовика Филиппа постоянно торжествовала. Итакъ, хотя по формѣ Наполеонъ III имѣетъ гораздо больше власти, нежели Людовикъ Филиппъ, но въ сущности онъ имѣетъ гораздо меньше власти, нежели Людовикъ Филиппъ. Уступая націи конституціонную форму, Людовикъ Филиппъ на самомъ дѣлѣ совершенно самовластно упра-

Digitized by Google

влялъ Франціею; отнявъ у Франціи эту форму, Наполеонъ III поставилъ себя въ такое шаткое положеніе, что ни въ чемъ важномъ не отваживается поступить самовластно и во всемъ подчиняется власти націи. Одинъ имѣлъ сущность неограниченной власти безъ формы неограниченной власти, другой, погнавшись за формою, утратилъ существенную власть надъ дѣлами.

Такимъ образомъ, если Наполеонъ III, стѣсняя газетныя и парламентскія пренія во Франціи, хотѣлъ пріобрѣсти болѣе сильное личное вліяніе на государственныя дѣла, онъ обманулся и остался въ проигрышѣ: сравнительно съ Людовикомъ Филиппомъ, конституціоннымъ королемъ, Наполеонъ III пользуется лишь незначительнымъ вліяніемъ на дѣла своего государства. „Но по крайней мѣрѣ ему въ самомъ дѣлѣ удалось стѣснить парламентскія и газетныя пренія?“ Нѣтъ; болѣе кажется, что удалось, нежели въ самомъ дѣлѣ удалось: по формѣ, онъ стѣснилъ ихъ, въ сущности—вовсе не могъ стѣснить. Его Законодательное Собраніе кажется просто безмолвнымъ орудіемъ для внесенія въ протоколы засѣданій тѣхъ законовъ, какіе предлагаются этому собранію,—на самомъ же дѣлѣ, это по видимому безмолвное орудіе воли Наполеона ни мало не уступаетъ своею силою шумной Палатѣ Депутатовъ, при Людовикѣ Филиппѣ; что мы говоримъ, не уступаетъ?—мало того, она на дѣлѣ сильнѣе, нежели Палата Депутатовъ. Когда при Людовикѣ Филиппѣ министерство вносило въ Палату Депутатовъ проэктъ какого нибудь важнаго закона, почти не бывало примѣра, чтобы Палата отвергла этотъ проэктъ; а между тѣмъ министровъ, составлявшихъ проэктъ, Людовикъ Филиппъ назначалъ въ сущности по своему выбору, они во всемъ подчинялись его волѣ и составляли проэкты въ томъ духѣ, какъ угодно было Людовику Филиппу. А при Наполеонѣ III Законодательное Собраніе безъ всякихъ шумныхъ преній отвергло довольно много важныхъ проэктовъ, составленныхъ министрами. Да и въ выборѣ министровъ онъ стѣсненъ гораздо больше, нежели Людовикъ Филиппъ. Онъ имѣетъ всю внѣшность власти, но въ сущности власть его ограниченнѣе, нежели власть Людовика Филиппа. Это относительно парламентской силы; а что касается газетныхъ преній, тоже нельзя не видѣть, что газеты, подвергаясь всевозможнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, умѣютъ однакоже говорить все то, что хотятъ сказать: если не могутъ сказать прямо, онѣ объясняютъ свою мысль примѣромъ, историческимъ обзоромъ, сличеніемъ цифръ, намекомъ, наконецъ молчаніемъ,—и читатель очень хорошо понимаетъ все, что хотятъ ему объяснить, и въ большей части французскихъ газетъ на каждой страницѣ видимъ осужденіе Наполеона III. А если мы вспомнимъ, что въ послѣднее время начали издаваться французскія газеты за границами Франціи, что эти заграничныя газеты читаются во Франціи съ большею жадностью, нежели парижскія, и что онѣ пишутся съ большею прямотою, нежели когда нибудь писались парижскія газеты при Людовикѣ Филиппѣ, то мы совершенно убѣдимся, что Наполеонъ III, всячески стараясь стѣснить газеты, могъ нѣсколько стѣснить ихъ только по формѣ, а въ сущности опять-таки вовсе не успѣлъ прекратить въ нихъ постояннаго порицанія противъ своей политики и своего лица,—напротивъ, только раздражалъ, усилилъ это порицаніе и сдѣлалъ его привлекательнѣйшимъ для французской публики, принудивъ его быть хитрымъ,

Digitized by Google

остроумнымъ, или принудивъ его перенестись за границу, гдѣ отбрасываетъ оно всѣ тѣ условія. которыя должно было соблюдать при Людовикѣ Филиппѣ.

Да, когда всмотришься въ сущность дѣла, то видишь, что Наполеонъ III, стремясь къ тому, чтобы стѣснить парламентскія и газетныя пренія во Франціи, достигъ этой цѣли только по формѣ, а вовсе не на дѣлѣ,— а между тѣмъ, стремясь къ ней, упустилъ изъ рукъ сущность власти, которою пользовался Людовикъ Филиппъ.

Конечно, Наполеону III непріятно то, что стѣсненіе парламентскихъ и газетныхъ преній не расширило его власти; непріятно и то, что даже формальное стѣсненіе этихъ независимыхъ силъ не могло быть имъ доведено до такой степени, какъ ему хотѣлось бы: ему хотѣлось бы совершенно уничтожить формы, напоминающія о временахъ Орлеанской династіи; но въ этомъ случаѣ, онъ ошибается, изъ пристрастія къ формамъ забывая объ условіяхъ прочности власти. Ненавистные ему остатки учрежденій, существовавшихъ при Людовикѣ Филиппѣ, служатъ единственнымъ надежнымъ огражденіемъ прочности правленія даже Наполеона III, который преслѣдуетъ ихъ. Возьмемъ хотя бы недавній случай— выборы въ Законодательное Собраніе. Около половины избирателей не захотѣли подавать голоса и тѣмъ протестовали противъ формъ управленія, введенныхъ Наполеономъ; изъ остальныхъ, почти столько же голосовъ оказалось въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ, сколько и въ пользу кандидатовъ правительства, – итакъ, немногимъ болѣе нежели одна четвертая часть французскаго населенія поддерживаетъ форму правленія, введенную Наполеономъ III, и почти три четверти населенія враждебно смотрятъ на эту форму. Кажется, такой результатъ не очень благопріятенъ;—и однако же, Наполеонъ III получилъ значительную нравственную поддержку своей власти даже отъ такого результата: до выборовъ, всѣ готовы были предполагать, что не изъ четырехъ человѣкъ, а развѣ изъ ста человѣкъ во Франціи одинъ одобряетъ Наполеона, что правительство Наполеона вовсе не имѣетъ искреннихъ приверженцевъ и держится единственно насиліемъ,—для него очень выгодно уже и то, что хотя четвертая часть населенія оказалась въ его пользу; и такимъ образомъ выборы, повидимому чрезвычайно неблагопріятные для Наполеона, на самомъ дѣлѣ значительно утвердили его власть. Безъ выборовъ она была бы гораздо слабѣе и гораздо болѣе подвержена опаснымъ случайностямъ, нежели въ настоящее время. Точно то же надобно сказать и о другихъ остаткахъ системы, существовавшей при Людовикѣ Филиппѣ, уцѣлѣвшихъ при Наполеонѣ: каждая изъ этихъ формъ служитъ опорою для Наполеона; и если проницательные люди полагаютъ, что власть его не совсѣмъ прочна, то именно потому только, что онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, увлекшись своею антипатіею къ нимъ.

Онъ слишкомъ стѣснилъ эти формы, сравнительно съ тою широтою, въ какой дѣйствовали онѣ при Людовикѣ Филиппѣ; но совершенною ошибкою было бы думать, что стѣсненіе, даже видимое, такъ велико, какъ увѣряютъ въ томъ французы, недовольные Наполеономъ III. Человѣкъ жалующійся всегда расположенъ преувеличивать важность фактовъ, приводящихъ его въ нетерпѣніе. Появленіе такихъ книгъ, какъ сочиненія Токвилля и Монталамбера вовсе не есть дѣло рѣдкое или случайное: можно сказать, что боль-

Digitized by Google

шая часть сочиненій, выходящихъ во Франціи по историческимъ, юридическимъ и тѣмъ болѣе по политическимъ наукамъ, написаны также въ духѣ, противномъ системѣ управленія, введенной Наполеономъ III, и никто не думаетъ, что эти сочиненія могутъ подвергнуться какому нибудь преслѣдованію отъ его правительства. Но книги во всѣхъ странахъ Западной Европы менѣе подлежатъ стѣсненію, нежели газеты, — посмотримъ же, каково нынѣ положеніе газетъ во Франціи. „Journal des Débats" прямо называетъ себя органомъ Орлеанской партіи и конституціонной монархіи; „Siècle" столь же прямо и рѣшительно называетъ себя органомъ республиканцевъ,—и каждая изъ этихъ газетъ въ каждой статьѣ доказываетъ превосходство того принципа, котораго держится.—„Въ чемъ же послѣ того стѣсненіе, на которое жалуются онѣ?"—Просто въ томъ, что онѣ не имѣютъ права прямо отрицать добросовѣстность французскаго правительства или прямо порицать личныя качества Наполеона III; онѣ могутъ какъ угодно судить о каждомъ въ отдѣльности поступкѣ правительства или о каждомъ законѣ, предлагаемомъ правительствомъ; могутъ доказывать, что законъ этотъ несправедливъ или не соотвѣтствуетъ своей цѣли, — и дѣйствительно, онѣ каждый день пользуются этимъ правомъ; но онѣ не могутъ прибавлять положительнаго увѣренія, что Наполеонъ III имѣетъ въ виду дурныя цѣли, предлагая или одобряя этотъ законъ; онѣ не должны оскорблять личности Наполеона III, приписывая ему намѣренія, гибельныя для Франціи; онѣ могутъ только доказывать, что онъ ошибается. Для большей опредѣлительности, возьмемъ какое нибудь опредѣленное дѣло. Въ концѣ 1855 года разносится слухъ, что Франція начала переговоры съ Россіею, въ началѣ 1856 года извѣстно становится, что въ Парижѣ собирается конгрессъ для заключенія мира. Французскія газеты могли доказывать, что миръ этотъ преждевременъ и невыгоденъ для Франціи, что надобно продолжать войну; онѣ могли также доказывать, что войны противъ Россіи вовсе не слѣдовало и начинать, что она была невыгодна для Франціи. Онѣ не могли только говорить, что Наполеонъ III началъ эту войну или прекращаетъ ее по какимъ нибудь личнымъ видамъ, противнымъ интересу Франціи,—онѣ должны были предполагать, что его дѣйствія, невыгодныя для Франціи, происходятъ не отъ злаго умысла, а просто отъ ошибки. Другой случай: Законодательному Собранію предложенъ государственный бюджетъ. Газеты могутъ находить, что армія во Франціи слишкомъ многочисленна, и содержаніе ея слишкомъ обременительно для націи, могутъ говорить, что полезно было бы сократить ее и сократить именно въ такой-то пропорціи, такими-то средствами; онѣ могутъ доказывать также такимъ образомъ, что каждая другая отрасль французскаго управленія организована неудовлетворительнымъ образомъ, и что расходы на нее слишкомъ велики или слишкомъ малы. Могутъ также доказывать, если угодно, что каждый изъ существующихъ налоговъ дуренъ и долженъ быть измѣненъ или замѣненъ другимъ. Когда такимъ образомъ обсуждаютъ французскія газеты государственный бюджетъ, то нѣтъ надобности говорить, могутъ ли онѣ прямо выражать свое мнѣніе о другихъ законахъ: бюджетъ есть важнѣйшее дѣло между всѣми вопросами внутренней политики, и когда о немъ французскія газеты могутъ судить свободно, то тѣмъ болѣе могутъ

Digitized by Google

судить о каждомъ другомъ законѣ. Газеты не должны говорить только одного: не приписывать недостатковъ закона злому умыслу со стороны правительства, не приписывать злоупотребленій личному желанію Наполеона III.— все остальное подлежитъ ихъ критикѣ: и всѣ законы, и всѣ дѣйствія правительственныхъ лицъ, отъ министровъ до архіепископовъ. И такое положеніе газетъ называется во Франціи стѣснительнымъ, и англійскія газеты увѣряютъ, что французы живутъ подъ тяжелымъ и гибельнымъ игомъ.—какое странное преувеличеніе! Надобно ли послѣ такихъ фактовъ удивляться тому, что безпрепятственно появляются во Франціи книги, подобныя сочиненіямъ Токвилля и Монталамбера? Тутъ вовсе нечему удивляться; во французскихъ газетахъ ежедневно печатаются совершенно подобныя статьи.

Монталамберъ менѣе всѣхъ другихъ французовъ имѣлъ бы права возвышать свой голосъ противъ порядка дѣлъ, введеннаго во Франціи Наполеономъ III: знаменитый предводитель умѣренныхъ іезуитовъ напрягалъ нѣкогда всѣ свои силы къ тому, чтобы дать Наполеону III возможность ввести этотъ порядокъ. Когда французы отправили свою экспедицію для взятія Рима, и былъ положенъ желанный конецъ отвратительной анархіи и гнусному возстанію противъ Папы, начатому по наущеніямъ злодѣя Мадзини, Монталамберъ съ восторгомъ доказывалъ необходимость совершить подобное же дѣло въ самой Франціи, принять всевозможныя, насильственныя и ненасильственныя, законныя и незаконныя мѣры для подавленія французскихъ республиканцевъ и либераловъ: „надобно, говорилъ онъ, сдѣлать второй римскій походъ въ самой Франціи для возстановленія порядка“. Его желаніе было исполнено Наполеономъ III.—и вотъ, Монталамберъ уже недоволенъ, вотъ онъ ужъ самъ либеральничаетъ и возстаетъ противъ законнаго порядка—это очень дурно, это совершенно неизвинительно ему, это едва ли даже честно съ его стороны. Но среди различныхъ неосновательныхъ выходокъ, среди умышленнаго и не умышленнаго искаженія фактовъ, встрѣчаются иногда въ его книгѣ страницы, не лишенныя нѣкоторой справедливости. Такъ, напримѣръ, онъ доказываетъ, что въ Англіи гораздо болѣе порядка, нежели во Франціи, и доказываетъ, что англичане умѣютъ извлекать выгоды и для своего государства и для частныхъ лицъ изъ своихъ учрежденій, которыя могутъ казаться слишкомъ шумными для человѣка.

„издавна пріобыкшаго къ однообразному томленію родной страны (Монталамберъ намекаетъ на Францію), гдѣ нѣтъ ни борьбы, ни упорнаго труда, ни самородной и самобытной дѣятельности, гдѣ все и всегда носитъ оффиціальный ярлыкъ, имѣетъ себѣ неизмѣнное мѣсто, разставлено по угламъ, согласно щепетильной попечительности внѣшней власти, всегда готовой избавить гражданина отъ всякаго безпокойства и снять съ него всякую отвѣтственность въ общемъ дѣлѣ, но тѣмъ самымъ нещадно умерщвляющей въ немъ духъ отчизнолюбія и самопожертвованія, разслабляющей людскую породу и осуждающей народъ на безъисходное несовершеннолѣтіе“ (Р. Б. Крит. стр. 30).

Конечно, на это можно возразить: на какомъ-же основаніи Монталамберъ помогалъ Наполеону III, когда Наполеонъ III стремился къ введенію во Франціи тѣхъ формъ, которыя теперь такъ мало нравятся Монталамберу? Или Монталамберъ тогда не зналъ, чего самъ хочетъ? Въ другомъ мѣстѣ

Digitized by Google

въ разсуждаетъ о причинахъ, по которымъ до сихъ поръ удержалось въ Англіи сильное вліяніе аристократіи.

„Пусть другіе, говоритъ Монталамберъ, восхваляютъ ея великолѣпіе, мужество, краснорѣчіе и политическую мудрость: они будутъ вполнѣ правы. Но я хвалю, благословляю ее выше всего за то, что она умѣла, прежде всей остальной Европы, внять голосу справедливости въ установленіи отношеній своихъ къ своимъ подданнымъ, что и вступила въ правомѣрный союзъ съ ними, не будучи къ тому вынуждена ни тяжкою властью, ни возстаніями. Тотъ, кто возьмется прослѣдить сквозь теченіе многихъ вѣковъ отношенія крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ къ ихъ фермерамъ и замѣнить ихъ съ пагубными раздорами дворянства и земледѣльческаго народонаселенія на материкѣ Западной Европы, тотъ конечно напишетъ одну изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ страницъ исторіи всемірной. Достовѣрно только то, что еще за два столѣтія до сего времени, какъ дворянство французское, принесши въ жертву Людовику XIV свое достоинство и независимость, упорно старалось еще поддержать обветшалое и возмутительное зданіе своихъ феодальныхъ правъ, которому суждено было вдругъ съ шумомъ обрушиться въ памятную ночь 4-го августа 1789 года, дворянство англійское уже освободило своихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавило себя отъ смертоноснаго ига этихъ историческихъ анахронизмовъ“ (Р. Б. Крит. стр. 42).

Монталамберъ восхищается устройствомъ англійскихъ университетовъ; князь Черкасскій справедливо замѣчаетъ, что такое устройство непримѣнимо и къ какой другой странѣ,—

„Но (прибавляетъ онъ) вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сказать, что только цѣною предоставленія университетамъ полной свободы развитія, значительной степени независимости отъ внѣшней власти и прочнаго усвоенія ихъ управленію начала избирательнаго, могутъ быть сообщены имъ тѣ необходимыя условія внутренней энергіи, жизненной упругости и серьезнаго корпоративнаго характера, внѣ которыхъ нѣтъ искренняго тяготѣнія общества къ учрежденію, нѣтъ прочнаго воздѣйствія образовательной среды на юношество, нѣтъ наконецъ для нея возможности воспитать для отечества своего гражданина съ привычкою равно уважать и себя, и существующій законъ“ (Р. Б. Крит. стр. 55).

У Монталамбера встрѣчаются отдѣльныя справедливыя мысли, но совершенно ложна основная тенденція его книги: внушить французамъ необходимость введенія во Франціи тѣхъ аристократическихъ учрежденій, которыя потеряли свое могущество и въ Англіи, сохраняя только старинный блескъ безъ старинной силы. У Токвилля, напротивъ, и основная мысль книги не лишена справедливости, хотя выражена нѣсколько одностороннимъ образомъ и доведена до чрезвычайнаго преувеличенія.

Причиною всѣхъ политическихъ волненій, постигшихъ Францію въ концѣ прошедшаго вѣка и продолжающихъ доселѣ господствовать въ этой странѣ, Токвилль считаетъ централизацію, доведенную до чрезвычайной крайности со временъ Ришелье и Людовика XIV. Онъ такъ увлекается этою мыслью, что упускаетъ изъ виду всѣ другія причины къ общему неудовольствію, постепенно все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшему французскою націею въ теченіе XVIII вѣка,—а причинъ этихъ было много и кромѣ централизаціи. Надобно также замѣтить, что едва-ли правильно употребляетъ онъ слово „централизація“ для обозначенія того порядка вещей, которому приписываетъ всѣ бѣдствія Франціи. „Централизація“ предполагаетъ одинаковость учрежденій во всѣхъ областяхъ государства и очень малую степень власти област-

Digitized by Google

ныхъ правителей, — этого не было во Франціи до 1789 года. Въ каждой провинціи существовала какая-нибудь особенность, подати и налоги между ними распредѣлены были неуравнительно, отношенія сословій были неодинаковы и т. д. Такой порядокъ дѣлъ вовсе не централизація, и сходенъ съ нею былъ онъ только тѣмъ, что вообще французская администрація и фискъ совершенно самовластно управляли всею общественною жизнью и самовластно распоряжались частною жизнью, не признавая никакихъ преградъ и ограниченій своему произволу ни въ чьихъ правахъ. Это не централизація, это просто система произвольнаго управленія,—та самая система, которая возобновлена Наполеономъ III; страданія и бѣдствія, нанесенныя ею Франціи въ теченіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ, были неимовѣрно велики, и этимъ объясняется увлеченіе Токвилля. Только не многія провинціи, такъ называвшіяся pays d'états, находили хотя слабую защиту отъ произвола интендантовъ (областныхъ правителей) и министровъ въ своихъ областныхъ учрежденіяхъ, случайно сохранившихся до нѣкоторой степени. Изъ всѣхъ французскихъ областей, наибольшимъ благосостояніемъ пользовался Лангедокъ: обременительное отправленіе феодальныхъ обязанностей натурою, существовавшее въ другихъ провинціяхъ, было тамъ замѣнено денежною платою; дороги и каналы находились въ отличномъ состояніи; финансы области были въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что она могла дѣлать государству очень значительныя ссуды.

„Чѣмъ объяснить такое неслыханное въ древней Франціи процвѣтаніе отдѣльной области (продолжаетъ князь Черкасскій)? Токвилль видитъ въ немъ естественное и необходимое послѣдствіе существованія въ Лангедокѣ независимыхъ провинціальныхъ учрежденій и предоставленія центральною властью всѣхъ дѣлъ мѣстнаго управленія, всей внутренней раскладки податей и надзора за общественными предпріятіями областнымъ лангедокскимъ штатамъ, состоявшимъ изъ 92 членовъ, изъ которыхъ 46 депутатовъ средняго сословія, 23 епископа и 23 депутата отъ дворянства. Способъ собиранія ихъ и дѣлопроизводство, даже самый ихъ составъ—все было въ нихъ далеко неудовлетворительно, и должно признаться, королевская власть мало заботилась объ совершенствованіи ихъ, всегда видя въ областныхъ учрежденіяхъ орудіе докучливое и недовольно гибкое въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Но уже и этого несовершеннаго учрежденія, этого всегда присущаго и озаряющаго пути мѣстнаго интенданта—*свѣтоноснаго фокуса*, какъ называетъ его Токвилль, было достаточно, чтобы спасти Лангедокъ отъ многихъ невольныхъ промаховъ и предотвратить или исправить многія ошибочныя дѣйствія центральной французской администраціи“ (Р. Б. Крит. стр. 79).

„Областныя учрежденія (прекрасно заключаетъ свою статью князь Черкасскій, говоря о формахъ, которыхъ не можетъ ввести Наполеонъ по всему не нормальному положенію) являются въ настоящее время лучшею точкою опоры для правительства во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ еще сохранились для возсозданія ихъ какіе либо живые элементы. Только съ ихъ помощью, при благотворномъ ихъ воздѣйствіи и вліяніи на мѣстное управленіе, можетъ принести какую либо пользу сознательно и безсознательно нынѣ требуемое вездѣ и всѣми отмѣненіе административной централизаціи. Но подобный подвигъ возвышенной и безкорыстной политики можетъ совершить лишь Государь, рожденный на престолѣ, отъ самой колыбели окруженный любовью своего народа и столько же увѣренный въ немъ, сколько искренно и горячо его любящій. Возможность совершить подобный подвигъ сберегается скупою рукою Исторіи лишь для немногихъ ей особенно сочувственныхъ любимцевъ“ (Р. Б. Крит., стр. 28).

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 11) надобно замѣтить статью г. Безобразова „Физіологія Общества“, объясняющую современный взглядъ на отно-

Digitized by Google

шеніе политическихъ вопросовъ къ общественнымъ: г. Безобразовъ справедливо говоритъ, что нынѣ политическіе вопросы разсматриваются преимущественно только какъ одежда общественныхъ вопросовъ, или какъ пути для удовлетворенія общественныхъ потребностей:

„Смотря на государство (говоритъ г. Безобразовъ) какъ на внѣшнее, необходимое обезпеченіе органическаго развитія общества, общественная физіологія не налагаетъ на государственную дѣятельность никакихъ произвольныхъ обязанностей, не исходящихъ изъ внутреннихъ потребностей того общества, которое государство призвано защищать отъ внутренняго и внѣшняго насилія, не предпосылаетъ ему никакихъ заранѣе приготовленныхъ формъ, не обусловленныхъ самими интересами народной жизни. Безъ защиты государства, никакое общество не можетъ достигнуть свободнаго развитія силъ своихъ; но и безъ общества, свободно развивающагося подъ защитою государства, послѣднее не имѣетъ никакого значенія. Государственная форма, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, даетъ гарантіи тѣмъ сдѣлкамъ, въ которыя вступаютъ общественные интересы между собою. Задача его не болѣе, но и не менѣе. Какъ только государство при охраненіи общественныхъ интересовъ задумываетъ устраивать при этомъ свои собственныя дѣла, такъ тотчасъ оно выходитъ изъ предѣловъ своего естественнаго назначенія; общественные интересы рано или поздно выходятъ изъ-подъ опеки, съ помощью которой хотѣли усыпить ихъ, и государственныя дѣла, не разрѣшающія никакого общественнаго дѣла, теряютъ всякое значеніе, всякій кредитъ для общества. Искусственный государственный порядокъ поражается всеобщею параличіею. Понятно, что съ этой точки зрѣнія государственныя формы не могутъ быть построены по какимъ нибудь отвлеченнымъ принципамъ: онѣ всегда должны обусловливаться положеніемъ того общества, которое ими охраняется. Потому-то и характеръ и идея государственной дѣятельности разныхъ временъ и народовъ различны, что мы дѣйствительно и видимъ въ исторіи. Такъ начинаютъ смотрѣть на государство всѣ новѣйшіе изслѣдователи, совершенно оставившіе ту почву, на которой возникали политическія воззрѣнія прежняго времени и еще возникаютъ отсталыя воззрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ писателей; въ мнѣніи послѣднихъ, всякое государство должно осуществлять одну идею, стремиться къ одной цѣли. Если можно найти эту одну общую идею и цѣль, то можно выразить ихъ развѣ только такъ, что государство обязано обезпечивать свободное развитіе общественныхъ интересовъ. Такой общій смыслъ для государства можно принять. Въ этомъ смыслѣ государственная дѣятельность получаетъ свой особенный характеръ, отличный отъ всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности. Оно охраняетъ, даетъ опредѣленную, прочную форму сдѣлкамъ, въ которыя безпрестанно вступаютъ между собою разные противоположные интересы въ обществѣ. Но эта форма должна быть такова, чтобы въ ней были всегда открыты двери къ новымъ компромиссамъ, безпрестанно разнообразящимся въ безконечномъ развитіи общества. Существующіе въ обществѣ интересы безконечно разнообразны: интересы собственности и нищеты, капиталовъ, земли и работы, религіи и нравственности, труда и нищеты, образованности и невѣжества, движенія и застоя; но всѣ эти интересы, каковы бы они ни были, въ силу исторической давности, въ силу времени и общества, давшихъ имъ разъ жизнь, имѣютъ неотъемлемое право на уваженіе, на защиту отъ всякаго насилія. Общество дало жизнь тому или другому интересу, питало его иногда очень долго, но оно не можетъ уничтожить его однимъ ударомъ, какъ бы ни были священны новые интересы, выступившіе въ антагонизмъ съ старыми. Общество обязано дать движеніе новымъ интересамъ, но также обязано дать вознагражденіе старымъ. Государство и опредѣляетъ мѣру этого вознагражденія, равно какъ и мѣсто, уступаемое новымъ интересамъ. Этимъ только путемъ могутъ быть обезпечены въ обществѣ порядокъ и движеніе" („Р. Вѣстникъ", № 11, стр. 344).

Конечно, послѣднія строки имѣютъ слишкомъ безусловный смыслъ: неужели общество, развивающееся не всегда въ нормальныхъ обстоятельствахъ, не порождаетъ иногда интересовъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго снис-

Digitized by Google

хожденія и долженствующихъ считать себя счастливыми уже тогда, когда при первой возможности уничтожаются безнаказанно? Когда въ XIII вѣкѣ Рудольфъ Габсбургскій уничтожалъ разбойничьи феодальные замки на берегахъ Рейна и въ Швабіи, разбойники, втеченіи ста или двухъ сотъ лѣтъ потомственно грабившіе всѣхъ проѣзжихъ и всѣхъ сосѣдовъ, неужели могли требовать вознагражденія, ссылаясь на право давности? Вѣдь они лишались части своихъ доходовъ. Но какое дѣло было до того Рудольфу Габсбургскому? Вотъ, иное дѣло, еслибъ эти люди, не дожидаясь, пока общее чувство возстанетъ противъ нихъ и смиритъ ихъ противъ ихъ воли, прежде того времени и добровольно выразили готовность отказаться отъ привычки жить чужимъ добромъ, насильственно отнимаемымъ,—ну, тогда швабы и жители рейнскихъ береговъ подумали бы, не требуетъ ли благоразуміе купить у этихъ грабителей добровольное оставленіе прежняго обычая; по юридическому же правилу, грабитель не заслуживаетъ ровно никакого вознагражденія за то, что отказывается отъ грабежа—онъ счастливъ долженъ быть уже тѣмъ, когда не взыскиваютъ съ него денегъ, заграбленныхъ имъ. Надобно также прибавить, что общественные компромиссы только тогда производятся на справедливыхъ основаніяхъ, когда дѣло рѣшается вмѣстѣ представителями обѣихъ сторонъ,—иначе, если оно рѣшается людьми, принадлежащими къ одной только изъ двухъ партій, интересы которыхъ должны быть соглашены компромиссомъ, другая партія непремѣнно будетъ обижена. Такъ, напримѣръ, англійскій Парламентъ могъ очень справедливо и (какъ показали послѣдствія) очень выгодно для обѣихъ сторонъ рѣшить вопросъ о хлѣбной торговлѣ, потому что въ Парламентѣ были представители какъ протекціонистовъ (тори), такъ и приверженцевъ свободной торговли (виги); но онъ не можетъ при настоящемъ своемъ составѣ справедливо рѣшить вопросъ, напримѣръ, о такъ называемыхъ Strike'ахъ или взаимныхъ отношеніяхъ фабриканта къ работникамъ, потому что въ англійскомъ парламентѣ находятся представители только одной изъ этихъ двухъ сторонъ. Въ такихъ случаяхъ дѣла рѣшались гораздо основательнѣе и справедливѣе такъ называемыми французскими промышленными третейскими совѣтами (conseil des prudhommes), въ которыхъ было равное число членовъ изъ обѣихъ партій: при такомъ составѣ, самые затруднительные случаи распутывались очень легко, ко взаимной выгодѣ и къ общему удовольствію всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Въ русскомъ законодательствѣ находятся постановленія, истекшія изъ этого благотворнаго принципа. Такъ напримѣръ, если къ дѣлу прикосновененъ купецъ, дѣло производится не иначе, какъ при депутатѣ купеческаго званія; если къ дѣлу прикосновенно лицо изъ военнаго званія—не иначе, какъ при депутатѣ изъ военнаго званія и т. д. Этотъ прекрасный и справедливый принципъ поставляется нашимъ законодательствомъ, какъ необходимое условіе всякаго слѣдствія, всякой тяжбы, и при случаѣ компромиссовъ между тяжущимися партіями онъ долженъ по духу нашего законодательства обезпечивать справедливость размѣра, какой дается присуждаемому вознагражденію.

Въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ помѣщено очень важное и отрадное извѣстіе объ учрежденіи въ Петербургѣ Общества для доста-

Digitized by Google

вленія дешевыхъ и удобныхъ квартиръ людямъ рабочаго сословія. Согласно высокому желанію, выраженному Его Высочествомъ Герцогомъ Георгіемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, благоволившимъ принять на себя главное попечительство надъ Обществомъ, мы помѣщаемъ здѣсь это объявленіе, радуясь начинающемуся осуществленію столь прекрасной и благотворной мысли.

Объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.

„Мысль объ улучшеніи помѣщеній рабочаго населенія обратила на себя въ послѣднее десятилѣтіе вниманіе многихъ Правительствъ, въ томъ числѣ и нашего. О состояніи сихъ помѣщеній въ С.-Петербургѣ собраны уже въ разное время весьма любопытныя свѣдѣнія. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ обширныя изысканія, произведенныя двумя Коммиссіями, въ 1840 и 1847 годахъ, и обнаружившія во всей подробности, въ какихъ неопрятныхъ, сырыхъ и холодныхъ квартирахъ размѣщаются здѣшніе рабочіе. При незначительномъ числѣ домовъ, приспособленныхъ, и то весьма дурно, для жилья сихъ людей, они должны поневолѣ довольствоваться квартирами, какія попадутся, приплачиваясь нерѣдко за то здоровьемъ. Какъ мало соотвѣтствуетъ число подобныхъ помѣщеній настоящей въ оныхъ потребности, это показываютъ слѣдующія цифры, извлеченныя изъ дѣлъ Министерства и которыя отчасти были уже напечатаны въ прежнее время въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества *).

Рабочее населеніе С.-Петербурга составляетъ до . . .	250,000	чел.
Изъ нихъ: проживающихъ въ городѣ *постоянно* . . .	150,000	„
Приходящихъ на *лѣто*, для заработковъ.	100,000	„

„Конечно не вся эта масса населенія нуждается въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Изъ числа рабочихъ, *постоянно* проживающихъ въ С.-Петербургѣ, надобно исключить тѣхъ, кои, находясь въ домашнемъ услуженіи, или при торговыхъ заведеніяхъ, или на работѣ у цеховыхъ мастеровъ и т. п., помѣщаются у самихъ же хозяевъ. Людей сего рода считается круглыми цифрами:

Купеческихъ приказчиковъ до	1,500
Лавочныхъ сидѣльцевъ и разныхъ служителей по торговлѣ до	5,000
Рабочихъ по цехамъ до	26,000
Собственно домашней прислуги разныхъ родовъ и чернорабочихъ при домахъ до	100,000
Итого . .	132,500

„Если изъ числа приходящихъ на лѣто исключить даже 3/4, кои могутъ помѣщаться въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся работы, то останется: *постоянно* живущихъ до 18,000 и *временно* прибывающихъ

*) Книжка III. Статистика недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ.

Digitized by Google

до 25,000, а всего до 43,000 человѣкъ, нуждающихся въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Какое же имѣется число помѣщеній для сего населенія? При оцѣнкѣ всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ, произведенной въ сороковыхъ годахъ, описывались въ каждомъ домѣ всѣ отдѣльныя помѣщенія, т. е. каждая квартира, имѣющая особый входъ, хотя бы она не отдавалась въ наемъ, а употреблялась самимъ домовладѣльцемъ для людей, находящихся въ услуженіи при домѣ. Изъ описей этихъ видно, что подобныхъ, особыхъ квартиръ, за которыя кажется плата могла бы составлять до 30 р. въ годъ, считается въ С.-Петербургѣ не болѣе 2,000, и изъ нихъ большая часть дажо не отдается въ наемъ, а, какъ сказано, предназначается для дворниковъ и другихъ служителей при домахъ. Собственно для найма рабочихъ остается какихъ нибудь двѣ, три сотни подваловъ, да небольшое число домовъ, исключительно предназначенныхъ владѣльцами для впуска чернаго народа, и то преимущественно *на ночлеги*. Дома сего рода доставляютъ, какъ извѣстно, значительные доходы, но тѣмъ не менѣе, при недостаткѣ совмѣстничества, содержатся весьма дурно. Между тѣмъ, при такой значительной массѣ жильцевъ, нуждающихся въ помѣщеніи, еслибы употребить нѣсколько заботливости для содержанія подобныхъ домовъ, можно было бы получать съ нихъ весьма порядочную прибыль, не разстроивая здоровья рабочихъ. Но, чтобы была заботливость, нужно соперничество. Этого невозможно достигнуть иначе, какъ при содѣйствіи частной предпріимчивости, которая, стремясь съ одной стороны къ справедливому извлеченію денежныхъ для себя выгодъ, съ другой стороны заботилась бы о доставленіи жильцамъ наибольшихъ по возможности удобствъ; однимъ словомъ, не имѣла бы цѣлью наживаться на счетъ рабочихъ и ко вреду ихъ здоровья, а согласовать ихъ пользу съ собственными выгодами, увеличивая сіи послѣднія бережливостью, благоразумною распорядительностью, привлеченіемъ наибольшаго числа жильцовъ и другими тому подобными средствами, обезпечивающими во всѣхъ промышленныхъ дѣлахъ самые блистательные успѣхи и прочные барыши. На эти средства указали, между прочимъ, и Коммиссіи, наряженныя правительствомъ въ разное время для осмотра жилищъ рабочихъ въ здѣшней столицѣ.

„Какой пользы можно достигнуть въ семъ отношеніи, дѣйствуя посредствомъ частныхъ обществъ, это показываютъ наилучше примѣры подобныхъ предпріятій въ Англіи, Франціи и Пруссіи. Все, что представляло почти непреодолимыя препятствія для дѣйствій *исключительно правительственныхъ*, удалось тамъ исполнить легко и скоро, при совокупномъ дѣйствіи правительствъ и частной предпріимчивости. Частныя общества собирали необходимыя средства посредствомъ подписокъ, акцій, иногда даже пожертвованій; имена высокихъ покровителей,—королевы Викторіи, принца Альберта, императора французовъ, принца Прусскаго, служили залогомъ ихъ успѣха, такъ что весьма рѣдко оказывалась необходимость въ непосредственномъ денежномъ вспомоществованіи симъ обществамъ со стороны правительства. Впрочемъ, сими обществами нигдѣ не руководили виды частной спекуляціи. Напротивъ, при учрежденіи каждаго общества принято въ основаніе, что участники ограничиваются нѣкоторымъ, впрочемъ, достаточ-

Digitized by Google

нымъ процентомъ дохода, прибыли же свыше онаго обращались на пониженіе цѣнъ за квартиры рабочихъ. Несмотря на то, учрежденіе обществъ не только не остановилось нигдѣ, за недостаткомъ участниковъ, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивается, и кругъ ихъ дѣйствій распространяется. Въ Англіи число подобныхъ обществъ доходитъ нынѣ до невѣроятной почти цифры, 12,000, паи коихъ, доставляющіе небольшіе, но постоянные и вѣрные дивиденды, предпочитаются многими акціямъ болѣе блистательныхъ, но и болѣе измѣнчивыхъ въ своихъ результатахъ предпріятій. Основываясь на этихъ фактахъ, легко дать себѣ отчетъ въ побудительныхъ причинахъ къ учрежденію помянутыхъ обществъ. Если въ числѣ ихъ была съ одной стороны нѣкоторая весьма справедливая и благоразумная разсчетливость капиталистовъ,—то съ другой нельзя не указать и на болѣе возвышенныя чувства истиннаго патріотизма и глубокой любви къ ближнему, понимающей, какое вліяніе имѣетъ помѣщеніе не только на здоровье, но и на нравственность рабочаго.

„Въ странахъ, гдѣ статистическія данныя собираются съ особенною тщательностью, дознано, что смертность въ дурныхъ помѣщеніяхъ 66 процентами больше той, какая существуетъ въ жильяхъ, удовлетворяющихъ необходимымъ гигіеническимъ условіямъ. Нѣтъ словъ выразительнѣе этой цифры. Столь же поразительные факты обнаруживаетъ повсюду вліяніе подобныхъ помѣщеній и на нравственность. „Откройте списки рожденій въ „г. Брюсселѣ“—говоритъ Дюкпесьо (Ducpetiaux) въ одномъ изъ многочисленныхъ сочиненій своихъ, посвященныхъ сему предмету *)—„откройте эти „списки и увидите, что въ общей массѣ, на 100 рожденій приходится около „36 незаконнорожденныхъ; въ частности же, между поденщиками и поден„щицами, ихъ 88,—число почти невѣроятное“.—Слишкомъ далеко увлекло бы насъ исчисленіе подобныхъ результатовъ по другимъ многолюднымъ городамъ; да и не принесло бы оно особенной пользы, такъ какъ приведенныя пропорціи повторяются повсюду съ небольшими измѣненіями. Въ замѣнъ сего, приведемъ изъ того же сочиненія еще нѣсколько строкъ, отличающихся столько же живымъ сочувствіемъ къ положенію бѣднаго работника, сколько и правдивостію изображенія, которое, по этому самому, можетъ быть примѣнено, болѣе или менѣе, къ каждой странѣ, къ каждой многолюдной мѣстности. — „Тѣснота въ размѣщеніи столь же вредна для здо„ровья, какъ и для нравственности народа. Дѣйствительно, представимъ „себѣ комнату въ нѣсколько-квадратныхъ футовъ, которая служитъ, въ „одно и тоже время, мастерской, кухней, столовой и спальней. Какой спер„тый воздухъ, какія міазмы должны наполнять ее! Вообразимъ себѣ ночью „стоящія одна подлѣ другой койки, на которыхъ дѣти лежатъ возлѣ взрос„лыхъ, молодая дѣвушка подлѣ мальчика. Можно ли надѣяться, чтобы чув„ство стыдливости долго противостояло соблазну? Понятно, что при такомъ „сближеніи людей разныхъ половъ, порокъ и безпорядочное поведеніе раз„виваются съ самаго ранняго дѣтства. Болѣзни и общее разслабленіе еще

*) Projet d'association financière pour l'amélioration des habitations et l'assainissement des quartiers habités par la classe ouvrière à Bruxelles. 1846.

Digitized by Google

„болѣе увеличиваются. Но и когда смерть посѣщаетъ жилище бѣднаго ра-„ботника, картина, представляемая этимъ жилищемъ, превосходитъ все, что „воображеніе могло бы создать самаго грустнаго и ужаснаго. До погребе-„нія мертвое тѣло по необходимости стоитъ возлѣ стола, на которомъ ѣдятъ, „и возлѣ кровати, на которой спятъ. И это не отдѣльный, не исключи-„тельный примѣръ; это фактъ, постоянно повторяющійся, которому мы не „разъ бывали свидѣтелями и который каждый можетъ провѣрить. Жалкое „положеніе, въ коемъ находится большая часть работниковъ и неимущихъ, „самая безпорядочная ихъ жизнь и невоздержаніе не происходитъ ли ча-„стію отъ дурнаго состоянія помѣщеній, ими занимаемыхъ? Послѣ трудо-„ваго дня, что находитъ работникъ въ своей темной, сырой, пустой и грязь-„ной комнатѣ? Такое жилище не можетъ удерживать его дома, и онъ „въ кабакѣ ищетъ, если не наслажденія, то, по крайней мѣрѣ, самозабве-„нія. Жена и дѣти напоминаютъ ему, по большей части, лишь тѣ лише-„нія, которыя его угнетаютъ. Онъ старается укрыться отъ ихъ жалобъ и „упрековъ, и чтобы избѣжать угрызеній совѣсти, не знаетъ другаго сред-„ства, кромѣ минутнаго одуренія, производимаго крѣпкими напитками".

„Какіе возгласы несутся изъ грязныхъ и вонючихъ закоулковъ, гдѣ „гнѣздятся маленькія существа, покрытыя лохмотьями? Это дикіе крики, „грубыя пѣсни, подъ-часъ — стенанія. А гдѣ же семья? Она въ разбродѣ: „отецъ въ кабакѣ, мать у сосѣдки, ребенокъ на улицѣ. Семья существу-„етъ лишь на случай лишеній и страданій; для труда, для удовольствія „ея нѣтъ. Хотите ли возстановить и соединить эту разрозненную семью? „Дайте ей жилище, которое бы оправдывало свое назначеніе, дайте ей воз-„духа, свѣта, солнца! Возбудите въ работникѣ привязанность къ его жи-„лищу, чтобъ облагородить его и улучшить положеніе. Время настало, по „тому что домашній очагъ, въ смыслѣ мирнаго семейнаго пріюта, становится „рѣже и рѣже. Союзъ между мужчиной и женщиной не признается союзомъ „священнымъ, и еслибы младенецъ умѣлъ произносить проклятія, онъ сталъ „бы часто проклинать и тотъ день, въ который родился".

„Конечно, положеніе нашего рабочаго не представляется еще въ столь мрачномъ свѣтѣ. Основанія семейной жизни не потрясены такъ глубоко въ нашемъ простомъ народѣ, и должно стараться не допустить его до сей крайности. Но, отбросивъ нѣкоторыя подробности, нельзя не признать, къ несчастію, что нѣкоторыя изъ описанныхъ недостатковъ существуютъ и у насъ. Сличая содержаніе ихъ съ данными, обнаруженными Коммиссіями, бывшими въ нашей столицѣ въ 1840 и 1847 годахъ, окажется нѣчто похожее:

„Квартиры, предназначенныя для простаго народа,—говоритъ первая изъ сихъ Коммиссій, — отдаются домовладѣльцами въ наемъ особымъ про-„мышленникамъ, которые отъ себя уже пускаютъ въ нихъ рабочихъ, на „разные сроки, а всего чаще на *ночлегъ*. Народонаселеніе, пользующееся „сими квартирами, состоитъ изъ поденщиковъ небольшихъ артелей, прибы-„вающихъ въ столицу для пріисканія работъ, и другаго класса людей (ме-„жду прочимъ даже чиновниковъ). За *мѣсто* платится отъ 2 до 5 руб. „асс. въ мѣсяцъ, или отъ 7 до 10 коп. асс. за ночлегъ. Большая часть

Digitized by Google

...хъ квартиръ содержится чрезвычайно дурно; въ нѣкоторыхъ зимою не ...ало двойныхъ оконныхъ рамъ; отопленіе самое недостаточное и, сколько ...жно было замѣтить, квартиры сего рода *нагрѣваются однимъ скопи...мъ людей*; стѣны напитаны сыростію, форточекъ для очищенія воздуха ...ть и *неопрятность превышаетъ всякое вѣроятіе*; помойныя ямы ...роены внутри жилья: иногда изъ пятаго этажа всякія нечистоты проте...ть черезъ всѣ нижніе этажи и даже по корридору; въ одномъ домѣ, ...ъ которомъ помѣщается до 700 рабочихъ (а лѣтомъ еще болѣе), найдено, ...ъ болѣе 7 лѣтъ не очищали и не перекрашивали стѣнъ, а полы совер...нно сгнили. Хозяева, нанимающіе эти квартиры отъ домовладѣльцевъ, ...елая извлечь наибольшія выгоды, пускаютъ для ночлега такое число лю...й, сколько можетъ вмѣститься, для чего дѣлаютъ нары въ три и болѣе ...русовъ, *почти до потолка*, люди мѣстятся еще сверхъ наръ на полу, ...скамейкахъ, однимъ словомъ, гдѣ есть только мѣсто, такъ, что въ квар...рахъ, имѣющихъ не болѣе 3 саж. въ длину и ширину, найдено было, ...осмотрѣ, ночующихъ и постоянно живущихъ до 50 человѣкъ обоего ...ла: тамъ же малолѣтныя дѣти и, среди сего скопища людей, нѣсколько ...ловѣкъ, одержанныхъ прилипчивыми болѣзнями". Подобныхъ примѣровъ ...ведено въ изысканіяхъ Коммиссіи множество. Покойный Генералъ-Адъю...нтъ Графъ Бенкендорфъ, сводя всѣ эти факты, выразилъ убѣжденіе, что ...рытые безпорядки происходятъ наиболѣе отъ промышленниковъ, кои, по...лая за ежегодныя квартиры выгодную плату, ни мало не заботятся объ ...ъ содержаніи.

„Въ 1847 году новая Коммиссія осмотрѣла до пятисотъ помѣщеній ...бочихъ и описала ихъ съ особенною подробностью.

„Рабочій народъ, объясняетъ Коммиссія, помѣщается въ тѣхъ самыхъ ...брикахъ и заведеніяхъ, гдѣ работаетъ, или въ особыхъ квартирахъ, на...маемыхъ подрядчиками, артелями или самыми рабочими, по-одиночно. Наиболѣе выгодъ для рабочаго представляетъ размѣщеніе перваго рода, за ...ключеніемъ болѣе бѣдныхъ ремесленниковъ, кои, кромѣ мастерскихъ, не ...мѣютъ особыхъ помѣщеній для своихъ работниковъ. Въ мастерскихъ сего ...слѣдняго рода или отгораживается для кроватей какой нибудь темный, ...шный уголъ, или рабочіе спятъ на полу и верстакахъ, даже на сто...лахъ, на которыхъ днемъ валяютъ тѣсто. Обыкновенною подстилкою слу...житъ дрянной, тонкій войлокъ, или еще чаще, простая рогожка; часто ...же не бываетъ и вовсе никакой подстилки: спятъ прямо на доскахъ. Но ...удобно войти въ квартиры собственно *наемныя*, и въ особенности въ ...лакія, гдѣ хозяинъ имѣетъ дѣло не съ подрядчикомъ, а прямо съ артелью, ...ли рабочими по-одиночно, чтобы узнать, до какой степени можетъ дойти ...тѣснота, духота, сырость, однимъ словомъ, все, что разрушаетъ здоровье ...ловѣка".

„Послѣ фактовъ, приведенныхъ выше изъ отчетовъ первой Коммиссіи, ...ы вошли бы лишь въ излишнія повторенія, если бы захотѣли прописывать ...ѣсь и замѣчанія послѣдней. Какъ въ 1840, такъ и въ 1847 году обнаружено совершенно одно и тоже. Обѣ Коммиссіи пришли къ убѣжденію, что въ видахъ народнаго здравія, общественной нравственности и даже по-

Digitized by Google

лицейскаго порядка, не говоря о человѣколюбіи, необходимо принять рѣ-
тельныя мѣры къ улучшенію означенныхъ помѣщеній, и вторая Комми-
выразила при этомъ твердое убѣжденіе, что всѣ въ этомъ отношеніи м
правительства могутъ привести къ положительнымъ послѣдствіямъ лишь
содѣйствіи частныхъ благотворительныхъ и другихъ обществъ.

„Убѣжденіе это наконецъ нынѣ осуществляется. Лица, пользующ
извѣстностью, общественнымъ положеніемъ, одушевленныя просвѣщенны
усердіемъ ко благу человѣчества, располагающія и благодѣтельнымъ влія
емъ и матеріальными средствами, предположили составить общество на
ціяхъ для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго населенія и
обще людей недостаточнаго состоянія. Лица сіи суть: вдова полковника А.
Карамзина, гофмейстеръ сенаторъ Хрущовъ, С.-Петербургскій губерн
предводитель дворянства графъ Шуваловъ, членъ Совѣта Общества жел
ныхъ дорогъ въ Россіи Абаза, флигель-адъютантъ графъ Бобринскій, п
дворный банкиръ баронъ Штиглицъ и инженеръ-полковникъ Палибинъ.

„Главное попечительство надъ будущимъ обществомъ принялъ на
Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелиц
Супругъ Государыни Великой Княгини Екатерины Михаиловны.

„Государь Императоръ, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣл
семъ предположеніи, изволилъ вполнѣ оное одобрить и Высочайше повелѣ
согласно ходатайству Его Великогерцогскаго Высочества, предоставить уч
дителямъ произвести необходимыя предварительныя изысканія и, состав
для общества проектъ подробнаго устава, представить оный въ свое вр
на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

„О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи, со стороны Министерства Вн
треннихъ Дѣлъ увѣдомленъ С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губер
торъ, съ тѣмъ, чтобы со стороны городскаго, какъ общественнаго, так
полицейскаго управленія, оказываемо было учредителямъ, въ случаѣ над
ности, всевозможное содѣйствіе.

„Учредители намѣреваются прежде всего предложить конкурсъ для
ставленія возможно совершеннаго плана такого дома, который соединялъ
въ себѣ и всѣ удобства будущихъ жильцовъ и выгоды акціонеровъ, в
можную дешевизну постройки со всѣми условіями помѣщенія теплаго, ч
стаго, свѣтлаго, словомъ, снабженнаго всѣмъ, что для человѣка трудова
составляетъ не роскошь, но лишь справедливую потребность.

„Объ условіяхъ и требованіяхъ конкурса будетъ объявлено особо
публичныхъ вѣдомостяхъ.

„Въ этомъ важномъ для общественнаго блага дѣлѣ, Правительст
остается желать полнаго и скораго успѣха просвѣщеннымъ учредителям
столь полезнаго и давно ожидаемаго предпріятія“.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. изданіе *П. А. Кулиша.* шесть томовъ. спб. 1857.

Очень долго наша критика, при каждомъ новомъ изданіи сочиненій того или другаго знаменитаго писателя, должна была жаловаться на неполноту и неудовлетворительность этого изданія. Наконецъ дожили мы до хорошихъ изданій, составленныхъ внимательно людьми знающими. Изданіе сочиненій Гоголя, сдѣланное г. Кулишемъ, конечно, не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Многіе изъ нихъ уже указаны г. Лонгиновымъ, другіе, вѣроятно, будутъ указаны другими нашими библіографами. Но всѣ эти недостатки—опущеніе нѣкоторыхъ, впрочемъ вовсе неважныхъ, мелкихъ статеекъ, нѣкоторыя отступленія отъ хронологической системы, нѣкоторыя опечатки и т. п.—совершенно незначительны въ сравненіи съ достоинствами изданія, за которое нельзя не благодарить г. Кулиша. Оно уже извѣстно большей части нашихъ читателей и нѣтъ надобности описывать его. Читатель знаетъ, что въ четырехъ первыхъ томахъ собраны сочиненія, бывшія до сихъ поръ разсѣянными въ одиннадцати книгахъ (шесть томовъ сочиненій въ изданіи г. Трушковскаго, два тома „Мертвыхъ Душъ", два тома „Арабесковъ" и „Переписка съ друзьями"); два послѣдніе тома составились изъ писемъ Гоголя, и о нихъ то мы преимущественно будемъ говорить въ этой статьѣ, замѣтивъ только, что г. Кулишъ сдѣлалъ очень хорошо, помѣстивъ въ обѣихъ редакціяхъ тѣ сочиненія Гоголя, которыя были въ значительной степени передѣланы авторомъ, именно: „Тараса Бульбу", „Портретъ" и сохранившійся отрывокъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ". „Тарасъ Бульба" и „Портретъ" равно извѣстны публикѣ, какъ въ первоначальномъ, такъ и въ исправленномъ своемъ видѣ; но отрывокъ „Мертвыхъ Душъ" въ первый разъ является теперь въ двухъ редакціяхъ, сравненіе которыхъ чрезвычайно интересно. Оно показываетъ, какимъ образомъ Гоголь давалъ все больше и больше развитія тому, что называлъ въ послѣдніе годы своей жизни высокимъ лирическимъ порывомъ и что казалось довольно неловкою напыщенностію людямъ, сожалѣвшимъ о томъ болѣзненномъ направленіи Гоголя, изъ котораго возникла „Переписка съ друзьями" и „Развязка Ревизора".

Неумѣстный и неловкій идеализмъ, столь сильно отразившійся на второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" и бывшій главной причиной не только по-

Digitized by Google

тери Гоголя для искусства, но и преждевременной кончины его, до сихъ поръ составляетъ интереснѣйшій вопросъ въ біографіи нашего великаго поэта. „Записки о жизни Гоголя“, изданныя въ прошедшемъ году, доставили людямъ, не знавшимъ лично Гоголя, первые матеріалы для того, чтобы судить о причинахъ и характерѣ этого направленія, столь прискорбнымъ образомъ изумившаго публику при изданіи „Переписки съ друзьями“. „Письмами Гоголя“, нынѣ изданными, число этихъ матеріаловъ значительно увеличивается, но и въ настоящее время публика далеко еще не имѣетъ всѣхъ біографическихъ данныхъ, нужныхъ для совершенно точнаго рѣшенія сомнѣній и подозрѣній, возбужденныхъ тѣмъ настроеніемъ, какое обнаруживалъ Гоголь въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни. Воспоминаній о Гоголѣ напечатано довольно много, но всѣ они объясняютъ только второстепенныя черты въ многосложномъ и чрезвычайно оригинальномъ характерѣ геніальнаго писателя. Мы знаемъ теперь изъ этихъ воспоминаній, что въ молодости онъ былъ большимъ забавникомъ и балагуромъ; мы знаемъ, что уже и въ молодости онъ не любилъ говорить о мысляхъ и чувствахъ, наиболѣе занимавшихъ его душу, стараясь шутками придать разговору легкое, смѣшное направленіе, отклонить разговоръ отъ такихъ предметовъ, говорить о которыхъ не могъ бы безъ волненія; мы знаемъ, что въ молодости онъ любилъ франтить и франтилъ очень неудачно; мы знаемъ, что въ молодости онъ два или три раза испытывалъ чувство страстной любви, въ способности къ которому иногда отказывали ему до изданія записокъ о его жизни; мы знаемъ, что болѣзненность его происходила главнымъ образомъ отъ геморроидальнаго расположенія и отъ хроническаго разстройства желудка. Всѣ эти свѣдѣнія, конечно, не совершенно ничтожны, но они совершенно недостаточны для разрѣшенія вопросовъ, имѣющихъ наиболѣе важности въ нравственной исторіи Гоголя. „Писемъ Гоголя“ напечатано г. Кулишемъ уже очень много. Корреспонденція самого Пушкина, собранная полнѣе, нежели переписка какого бы то ни было другаго русскаго литератора, далеко уступаетъ своимъ объемомъ собранію „Писемъ Гоголя“, напечатанному въ нынѣшнемъ изданіи. Но эти письма, во многихъ случаяхъ остаются еще непонятными отчасти потому, что мы все еще очень мало знаемъ факты жизни Гоголя, отчасти потому, что отвѣты его друзей, долженствующіе служить необходимымъ дополненіемъ къ его собственнымъ письмамъ, остаются до сихъ поръ и, вѣроятно, довольно долго еще останутся ненапечатанными; отчасти, наконецъ, потому, что эти письма напечатаны по необходимости очень не полно: въ изданіи пропущены многіе отрывки, изъ которыхъ иные должны быть интереснѣе всего напечатаннаго, — пропущены, кажется, и нѣкоторыя письма. Надобно также прибавить, что о людяхъ, бывшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, кромѣ одного Пушкина, не напечатано до сихъ поръ почти ничего; почти ничего не напечатано до сихъ поръ и объ общемъ характерѣ тѣхъ кружковъ, къ которымъ принадлежалъ Гоголь, и тѣхъ условій, среди которыхъ онъ жилъ. Такимъ образомъ матеріалы для біографіи Гоголя, хотя и имѣютъ объемъ очень обширный, далеко недостаточны. Публика до сихъ поръ почти ничего прямымъ образомъ не знаетъ о томъ, какими именно стремленіями руководился Гоголь. „Желаніе изобличать обще-

Digitized by Google

ственныя раны",—по выраженію, осмѣянному самимъ Гоголемъ, это желаніе слишкомъ неопредѣлительно. Тутъ нужно бы знать, что именно казалось Гоголю дурнымъ въ современномъ обществѣ. „Но, кажется, мы это очень хорошо знаемъ: ему казалось дурно, что у насъ существуетъ взяточничество и неправосудіе, апатія, развлекаемая только сплетнями и преферансомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе". Все это такъ, но изъ всего этого еще ничего не слѣдуетъ. На взяточничество и тому подобные пороки нападалъ не одинъ Гоголь, нападали чуть ли не всѣ наши писатели отъ Державина (чтобъ не заходить слишкомъ далеко въ древность) до г. Бенедиктова. Щедрину и графу Соллогубу одинаково непріятно, что у насъ существуетъ взяточничество. Оба они нападаютъ на этотъ порокъ, но между тѣмъ какъ Щедрина всѣ прославляютъ, надъ графомъ Соллогубомъ всѣ посмѣялись: почему такъ? потому, что вражда противъ взяточничества возникаетъ у этихъ двухъ писателей изъ убѣжденій совершенно различныхъ; потому что порокъ, на который нападаютъ эти писатели, понимаютъ они совершенно различно. Мало того, чтобы знать, что нравится, или что не нравится писателю,—важно также знать, на основаніи какихъ убѣжденій этотъ предметъ ему нравится или не нравится; нужно знать, отъ какихъ причинъ производитъ онъ недостатокъ, на который нападаетъ, какими средствами считаетъ онъ возможнымъ истребить злоупотребленіе и чѣмъ предполагаетъ онъ замѣнить то, что хочетъ искоренить. Нужно знать образъ мыслей писателя. Каждый знаетъ образъ мыслей Пушкина, Жуковскаго; но образъ мыслей Гоголя до сихъ поръ еще недостаточно извѣстенъ. „Какъ не извѣстенъ? по крайней мѣрѣ, очень хорошо извѣстно то направленіе, какое получила его мысль въ послѣдніе годы. Аскетизмъ подавилъ въ немъ всякія другія начала". Будто и довольно знать это? повторимъ: все это слишкомъ неопредѣлительно; аскетизмъ выраженіе слишкомъ общее; аскетическое направленіе имѣетъ совершенно различный смыслъ, смотря потому, изъ какихъ идей и стремленій вытекаетъ. Аскетизмъ проповѣдывалъ Іоаннъ Златоустъ, и каждый благомыслящій человѣкъ отдаетъ полную справедливость здравости его проповѣди, возникавшей изъ благороднаго негодованія на развратную и пустую роскошь тѣхъ людей, къ которымъ была обращена она. Этимъ людямъ, губившимъ родину и тиранившимъ свой народъ для удовлетворенія своихъ пошлыхъ страстей, дѣйствительно нужно было напоминаніе о власяницѣ и чорствомъ хлѣбѣ. Аскетизмъ проповѣдывалъ также Массильонъ при дворѣ Людовика XIV, и каждый согласится, что проповѣдь Массильона была благородна и справедлива: дѣйствительно нужно было говорить этимъ развратнымъ и жестокосерднымъ вельможамъ объ огнѣ вѣчномъ и скрежетѣ зубовъ. Такихъ проповѣдниковъ аскетизма нельзя смѣшивать съ какими нибудь іезуитами, у которыхъ цѣль проповѣди объ аскетизмѣ состоитъ въ пріученіи несчастныхъ и голодныхъ къ мысли, что они вѣчно должны быть голодны и должны радоваться тому, что такова ихъ судьба. Вы сказали „аскетизмъ" и думаете, что этимъ уже все рѣшено. Одно слово само по себѣ ничего не значитъ. Скрываются часто самыя пагубныя стремленія подъ самымъ прекраснымъ словомъ. Прочитайте рѣчи южныхъ ораторовъ Сѣверной Америки: они отвергали выборъ Фримонта во имя законности, во имя отцовской любви,

Digitized by Google

во имя просвѣщенія. Впрочемъ, къ чему намъ ходить далеко? Такіе случаи бываютъ вездѣ и всегда. Съ другой стороны, еще чаще стремленія благородныя и дѣйствительно полезныя были въ глазахъ многихъ унижаемы тѣми неблаговидными словами, къ которымъ защитники этихъ стремленій прибѣгали, или по одностороннему увлеченію, или по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Какъ часто говорили объ ожесточенной враждѣ и кровавыхъ распряхъ и насильственныхъ переворотахъ люди, всей цѣлью жизни которыхъ было всеобщее примиреніе, любовь и тишина! Слова еще ничего не значатъ: нужно знать, изъ какихъ стремленій возникаютъ слова.

„Письма Гоголя" и напечатанныя до сихъ поръ воспоминанія о немъ людей къ нему близкихъ не знакомятъ насъ съ его образомъ мыслей на столько, чтобы можно было прямымъ образомъ рѣшить по нимъ, каковъ именно былъ этотъ человѣкъ, одаренный характеромъ, исполненный, повидимому, противорѣчій, какою общею идеею была проникнута его нравственная жизнь, представляющаяся на первый взглядъ столь нелогическою, безсвязною и даже нелѣпою. Мы хотимъ попробовать, нельзя ли за недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ сколько нибудь приблизиться къ рѣшенію вопроса о нравственной жизни Гоголя путемъ соображеній.

Догадки и соображенія никогда не должны имѣть притязанія на безусловную основательность. Гипотеза остается гипотезою, пока факты не подтвердятъ ее, и надобно сказать, рѣдко гипотеза подтверждается фактами во всѣхъ своихъ подробностяхъ, такъ, чтобы не измѣниться при переходѣ въ достовѣрную фактическую истину. Довольно уже и того, если она близка къ истинѣ.

За недостаткомъ прямыхъ свѣдѣній о нравственной жизни Гоголя, мы прежде всего постараемся отгадать, съ какими вліяніями могъ онъ встрѣчаться въ тѣхъ обществахъ, среди которыхъ жилъ.

Мы не будемъ много говорить о жизни Гоголя до самаго переселенія въ Петербургъ. Онъ скоро вышелъ изъ-подъ вліяній, которыми окруженъ былъ въ домашнемъ быту и потомъ въ школѣ. Переѣхавъ въ Петербургъ, онъ съ самаго начала, какъ человѣкъ совершенно темный, не нашелъ близкихъ знакомыхъ ни въ комъ, кромѣ нѣсколькихъ бывшихъ сотоварищей по школѣ и знакомой съ ними вообще молодежи, бѣдной и безвѣстной. Этотъ кружокъ юношей, оживленныхъ веселостью среди житейскихъ недостатковъ, жившихъ на распашку, былъ безъ сомнѣнія наилучшимъ изъ всѣхъ тѣхъ кружковъ, къ которымъ впослѣдствіи примыкалъ Гоголь. Но кромѣ веселости, соединенной съ молодостью, едва ли могъ найти что нибудь Гоголь между этими людьми.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ, десятью годами позже того, въ петербургской молодежи было одушевленіе такъ называемыми возвышенными идеями. Около 1830 года ничего такого не оказывалось. Молодежь восхищалась Пушкинымъ, да и то безъ прежняго энтузіазма; кромѣ восхищенія Пушкинымъ, едва ли можно было найти въ ней какія нибудь стремленія, переходившія за границу молодыхъ развлеченій. Въ Москвѣ молодежь съ жадностію читала „Телеграфъ", въ Петербургѣ вмѣсто „Телеграфа" были „Сынъ Отечества" и „Отечественныя Записки" Свиньина. Было время, когда и

Digitized by Google

„Сынъ Отечества“ имѣлъ въ себѣ живую струю, но это время кончилось задолго до 1829 года, и „Сынъ Отечества“ былъ пустъ и бездушенъ. „Отечественныя Записки“ Свиньина съ самаго начала до самаго конца были бездушны. Таково было чтеніе, болѣе или менѣе удовлетворявшее тогдашнюю петербургскую молодежь. Нельзя было услышать въ кругу ея ни одного изъ тѣхъ громкихъ словъ, надъ которыми такъ легко смѣяться, но безъ увлеченія которыми бѣдно и пусто сердце юноши. Конечно, и тогдашняя молодежь не была бы враждебна къ заоблачнымъ мыслямъ о судьбахъ человѣчества, о міровыхъ вопросахъ, о благѣ Россіи и т. п., еслибъ что нибудь услышала объ этихъ идеяхъ. Но дѣло въ томъ, что не откуда и не отъ кого было ей слышать о подобныхъ предметахъ. Она знала только, что Пушкинъ прежде писалъ превосходныя поэмы въ родѣ „Кавказскаго Плѣнника“, а теперь пишетъ поэмы въ родѣ „Графа Нулина“, которымъ нельзя такъ восхищаться, но что впрочемъ тотъ, кто не восхищается и теперь Пушкинымъ, есть презрѣнный зоилъ. Она думала также, что Языковъ, Баратынскій, Дельвигъ и т. д. и т. д., пишутъ стихи ни чуть не хуже Пушкина, но знала также, что они не должны быть считаемы такими великими поэтами, какъ онъ, хотя и они также великіе поэты. Что хорошаго въ стихахъ Пушкина, кромѣ звучности и легкости, этого никто въ Петербургѣ и не зналъ около 1830 года; прежде находили въ немъ какой-то романтизмъ, который во времена критики Марлинскаго объяснялся какъ что-то живое; но къ 1830 году въ Петербургѣ забыли даже о критикѣ Марлинскаго, и романтизмъ казался чуть ли не просто причудливостію. Если таковы были литературныя понятія тогдашней петербургской молодежи, легко себѣ вообразить, каково было ея отношеніе къ другимъ живымъ идеямъ: она, бѣдная, и не подозрѣвала ихъ существованія.

Скоро Гоголь сдѣлался литераторомъ, и случайность, которая до сихъ поръ называется необыкновенно счастливой и благотворной для развитія творческихъ силъ Гоголя, ввела его въ кружокъ, состоявшій изъ избраннѣйшихъ писателей тогдашняго Петербурга. Первымъ былъ въ этомъ кружкѣ человѣкъ съ талантомъ дѣйствительно великимъ, съ умомъ дѣйствительно очень быстрымъ, съ характеромъ дѣйствительно очень благороднымъ въ частной жизни. Пушкинъ ободрялъ молодаго писателя и внушалъ ему, какимъ путемъ надобно идти къ поэтической славѣ. Но каковъ могъ быть характеръ этихъ внушеній? Извѣстенъ образъ мыслей, вполнѣ развившійся въ Пушкинѣ, когда прежніе его руководители смѣнились новыми друзьями и прежняя непріятная обстановка замѣнилась благосклонностью со стороны людей, третировавшихъ Пушкина нѣкогда, какъ дерзкаго мальчишку. До конца жизни Пушкинъ оставался благороднымъ человѣкомъ въ частной жизни: человѣкомъ современныхъ убѣжденій онъ никогда не былъ; прежде, подъ вліяніями, о которыхъ вспоминаетъ въ Аріонѣ,—казался, а теперь даже и не казался. Онъ могъ говорить объ искусствѣ съ художественной стороны, ссылаясь на глубокомысленнаго Катенина; могъ прочитать молодому Гоголю прекрасное стихотвореніе „Поэтъ и Чернь“ съ знаменитыми стихами:

„Не для житейскаго волненья,
„Не для корысти, не для битвъ и т. д.:

Digitized by Google

могъ сказать Гоголю, что Полевой—пустой и вздорный крикунъ; могъ похвалить непритворную веселость „Вечеровъ на Хуторѣ“. Все это, пожалуй, и хорошо, но всего этого мало; а по правдѣ говоря, не все это и хорошо.

Если мы предположимъ, что въ общество, занятое исключительно разсужденіями объ артистическихъ красотахъ, вошелъ человѣкъ молодой, до того времени не имѣвшій случая составить себѣ твердый и систематическій образъ мыслей, человѣкъ, не получившій хорошаго образованія, должны ли мы будемъ удивляться, когда онъ не пріобрѣтетъ здравыхъ понятій о метафизическихъ вопросахъ и не будетъ приготовленъ къ выбору между различными взглядами на государственныя дѣла?

Привычки, утвердившіяся въ обществѣ, имѣютъ чрезвычайную силу надъ дѣйствіями почти каждаго изъ насъ. У насъ еще очень сильно то мелкое честолюбіе, которое мѣшаетъ человѣку находить удовольствіе въ средѣ людей менѣе высокаго ранга, какъ скоро открывается ему доступъ въ кружокъ, принадлежащій къ болѣе высокому классу общества. Гоголь былъ похожъ почти на каждаго изъ насъ, когда пересталъ находить удовольствіе въ обществѣ своихъ прежнихъ молодыхъ друзей, вошедши въ кружокъ Пушкина. Пушкинъ и его друзья съ такимъ добродушіемъ заботились о Гоголѣ, что онъ былъ бы человѣкомъ неблагодарнымъ, если бы не привязался къ нимъ какъ къ людямъ. „Но можно имѣть расположеніе къ людямъ и не поддаваться ихъ образу мыслей“. Конечно, но только тогда, когда я самъ уже имѣю твердыя и приведенныя въ систему убѣжденія: иначе откуда же я возьму основаніе отвергать мысли, которыя внушаются мнѣ цѣлымъ обществомъ людей, пользующихся высокимъ уваженіемъ въ цѣлой публикѣ,—людей, изъ которыхъ каждый гораздо образованнѣе меня? Очень натурально, что если я, человѣкъ мало образованный, нахожу этихъ людей честными и благородными, то мало-по-малу привыкну я и убѣжденія ихъ считать благородными и справедливыми.

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что до того времени, когда начало въ Гоголѣ развиваться такъ называемое аскетическое направленіе, онъ не имѣлъ случая пріобрѣсти ни твердыхъ убѣжденій, ни опредѣленнаго образа мыслей. Онъ былъ похожъ на большинство полуобразованныхъ людей, встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ. Объ отдѣльныхъ случаяхъ, о фактахъ, попадающихся имъ на глаза, судятъ они такъ, какъ велитъ имъ инстинктъ ихъ натуры. Такъ и Гоголь, отъ природы имѣвшій расположеніе къ болѣе серьезному взгляду на факты, нежели другіе писатели тогдашняго времени, написалъ „Ревизора“, повинуясь единственно инстинктивному внушенію своей натуры: его поражало безобразіе фактовъ и онъ выражалъ свое негодованіе противъ нихъ; о томъ, изъ какихъ источниковъ возникаютъ эти факты, какая связь находится между тою отраслью жизни, въ которой встрѣчаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, онъ не размышлялъ много. Напримѣръ, конечно рѣдко случалось ему думать о томъ, есть ли какая-нибудь связь между взяточничествомъ и невѣжествомъ, есть ли какая-нибудь связь между невѣжествомъ и организаціей различныхъ гражданскихъ отношеній. Когда ему представлялся случай взяточничества, въ его умѣ возбуждалось только понятіе о взяточниче-

Digitized by Google

ствѣ и больше ничего: ему не приходило въ голову понятіе безправность, и т. п. Изображая своего городничаго, онъ, конечно, и не воображалъ думать о томъ, находятся ли въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ чиновники, кругъ власти которыхъ соотвѣтствуетъ кругу власти городничаго и контроль надъ которыми состоитъ въ такихъ же формахъ, какъ контроль надъ городничимъ. Когда онъ писалъ заглавіе своей комедіи „Ревизоръ", ему вѣрно и въ голову не приходило подумать о томъ, есть ли въ другихъ странахъ привычка посылать ревизоровъ; тѣмъ менѣе могъ онъ думать о томъ, изъ какихъ формъ вытекаетъ потребность посылать въ провинціи ревизоровъ. Мы смѣло предполагаемъ, что ни о чемъ подобномъ онъ и не думалъ, потому что ничего подобнаго не могъ онъ и слышать въ томъ обществѣ, которое такъ радушно и благородно пріютило его, а еще менѣе могъ слышать прежде, нежели познакомился съ Пушкинымъ. Теперь, напримѣръ, Щедринъ вовсе не такъ инстинктивно смотритъ на взяточничество — прочтите его разсказы: „Неумѣлые" и „Озорники", и вы убѣдитесь, что онъ очень хорошо понимаетъ, откуда возникаетъ взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено. У Гоголя вы не найдете ничего подобнаго мыслямъ, проникающимъ эти разсказы. Онъ видитъ только частный фактъ, справедливо негодуетъ на него, и тѣмъ кончается дѣло. Связь этого отдѣльнаго факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращаетъ на себя его вниманія.

Виноватъ ли онъ въ этой тѣснотѣ своего горизонта? Мы не вздумаемъ оправдывать его избитою фразою, что онъ дескать былъ художникъ, а не мыслитель: не далеко уйдетъ тотъ художникъ, который не получилъ отъ природы ума, достаточнаго для того, чтобы сдѣлаться и мыслителемъ. На одномъ талантѣ въ наше время не далеко уѣдешь; а дѣятельность Гоголя была, кажется, довольно блистательна и, вѣроятно, было у него хотя столько ума, сколько найдется у каждаго изъ насъ, такъ прекрасно разсуждающихъ о вещахъ, на которыхъ запнулся Гоголь. Дѣло въ томъ, что мы съ вами, читатель, воспитались въ обществѣ гораздо болѣе развитомъ, нежели Гоголь. Вспомните, было ли въ вашей жизни время, когда не знакомо было вамъ, напримѣръ, хотя бы слово „принципъ?" А Гоголь, въ то время, когда писалъ „Ревизора", по всей вѣроятности, и не слыхивалъ этого слова, хотя былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ и съ Пушкинымъ и со многими другими знаменитыми людьми тогдашняго времени. Или другой примѣръ: вѣроятно съ незапамятныхъ лѣтъ, вы, читатель, наслышались, что префектъ во Франціи не имѣетъ никакого участія въ судебной власти, а имѣетъ только административную; а Гоголь, когда писалъ „Ревизора", очень можетъ быть, и не слышалъ о существованіи французскихъ префектовъ, а если и слышалъ, то, вѣроятно, предполагалъ, что кругъ власти префекта тотъ же самый, какъ кругъ власти губернатора; а не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что онъ рѣшительно не зналъ о такъ называемой теоріи раздѣленія судебной власти отъ административной. Слышали ли вы о трудолюбивомъ и почтенномъ нашемъ историкѣ Ертовѣ? Онъ написалъ Всеобщую Исторію во множествѣ томовъ, руководствуясь исключительно русскими источниками. Факты изложены у него точно такъ же, какъ и у всякаго другаго историка. И у него римляне

Digitized by Google

разоряютъ Карѳагенъ, а не карѳагеняне Римъ, и у него трогательными красками описанъ героическій патріотизмъ карѳагенянъ во время осады. И все это очень подробно и вѣрно. Но есть у него цѣлые періоды, оставшіеся какъ будто бы пробѣломъ—чтожъ дѣлать, онъ не виноватъ: не нашлось для этихъ періодовъ матеріаловъ въ русскихъ книгахъ. Но интереснѣе всего его разсужденія о причинахъ и послѣдствіяхъ событій; мало онъ говоритъ объ этомъ, за то чрезвычайно оригинально. Тутъ вы у него найдете такія соображенія, отъ которыхъ не поздоровилось бы ни Маколею, ни Шлоссеру: путаница невообразимая. А между тѣмъ, какъ по всему видно, самъ по себѣ Ертовъ былъ ни чуть не глупѣе многихъ французскихъ или нѣмецкихъ историковъ: но чтожъ желать, когда у него подъ руками не было сносныхъ мыслей о причинахъ и послѣдствіяхъ историческихъ событій, и когда начитался онъ въ единственныхъ доступныхъ ему книгахъ такого вздора, котораго не въ состояніи былъ бы распутать и самъ Нибуръ.

„Но какимъ же образомъ Гоголь, при своемъ геніальномъ умѣ, могъ останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ, не возводя ихъ къ общему устройству жизни? Какимъ образомъ могъ онъ удовлетвориться вздорными и поверхностными объясненіями, какія мимоходомъ удавалось ему слышать? Наконецъ, какимъ образомъ не сошелся онъ съ людьми, серьезность взгляда которыхъ, повидимому, болѣе гармонировала съ его собственною натурою?"

На послѣдній вопросъ было бъ очень затруднительно отвѣчать, еслибъ во время своей молодости Гоголь могъ знать какихъ нибудь людей, имѣвшихъ образъ мыслей, болѣе соотвѣтствовавшій инстинктивному направленію его натуры, нежели взгляды, господствовавшіе въ пушкинскомъ кружкѣ; но въ томъ и дѣло, что около 1827 — 1834 годовъ (когда Гоголю было 18 – 25 лѣтъ), никто и не слышалъ въ Петербургѣ о существованіи такихъ людей, да, вѣроятно, ихъ и не существовало. Въ Москвѣ былъ, правда, Полевой; но Полевой тогда находился въ разладѣ съ Пушкинымъ, и надобно по всему заключать, что въ кругу Пушкина считался онъ человѣкомъ очень дурнымъ и по своимъ личнымъ качествамъ и по образу мыслей, такъ что Гоголь съ самаго начала проникся нерасположеніемъ къ нему; правда, былъ тогда въ Москвѣ Надеждинъ, но Надеждинъ выступилъ злымъ критикомъ Пушкина и долго внушалъ негодованіе всему пушкинскому кружку. Если бы Полевой и Надеждинъ жили въ одномъ городѣ съ юношею Гоголемъ, быть можетъ, въ личныхъ сношеніяхъ онъ научился бы цѣнить ихъ личности и научился бы сочувствовать ихъ понятіямъ. Но онъ зналъ ихъ въ то время только по статьямъ, которыя каждый день пріучался считать нелѣпыми и отвратительными.

Черезъ много лѣтъ,—въ тѣ годы, когда уже готовъ былъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ" (1840—1841), сдѣлались извѣстны массѣ публики, — вѣроятно, только теперь сдѣлались извѣстны и Гоголю,—люди другого направленія; но въ то время Гоголю было уже тридцать лѣтъ; въ то время онъ былъ окруженъ ореоломъ собственнаго величія, былъ уже великимъ учителемъ русской публики, — ему поздно было учиться у людей, нѣсколько младшихъ его по лѣтамъ, стоявшихъ въ тысячу разъ ниже его и по общественному положенію и по литературному авторитету. Еслибъ даже Гоголь

Digitized by Google

не примыкалъ къ пушкинскому кружку, онъ не сталъ бы заботиться о сближеніи съ ними; а для человѣка, принадлежавшаго къ пушкинскому кружку, это было рѣшительно невозможно.

Но главное, съ 1836 года, почти постоянно Гоголь жилъ за границею и, конечно, могъ только продолжать сношенія съ тѣми людьми въ Россіи, съ которыми былъ уже знакомъ прежде.

„Какъ онъ могъ, при сильномъ умѣ, останавливаться на частныхъ явленіяхъ, не отыскивая ихъ связи съ общею системою жизни? Какъ могъ довольствоваться объясненіями, ходившими въ кругу, среди котораго онъ жилъ въ Петербургѣ?“ Но вспомнимъ, что когда Гоголь переселился за границу (1836), ему не было еще двадцати семи лѣтъ, а жилъ онъ въ этомъ кругу съ 20-лѣтняго возраста. Удивительно ли, что какъ ни геніаленъ и проницателенъ юноша, вступающій въ кругъ знаменитыхъ людей, далеко превосходящихъ его образованностью, онъ на нѣкоторое время остается при томъ мнѣніи, что эти люди, признанные всѣмъ образованнымъ обществомъ своей страны за передовыхъ людей вѣка, дѣйствительно передовые люди, и что образъ ихъ мыслей соотвѣтствуетъ требованіямъ современности? Даже люди, получившіе философское образованіе, не въ 20—25 лѣтъ дѣлаются самостоятельными мыслителями; даже люди, наиболѣе расположенные отъ природы пренебрегать частными фактами изъ любви къ общимъ принципамъ, не въ 20 — 25 лѣтъ самобытно возводятъ къ общимъ принципамъ впечатлѣнія, производимыя на нихъ отдѣльными фактами. Юность — время жизни, а не теорій; потребность теоріи чувствуется уже позднѣе, когда прошло первое, поглощающее всю энергію мысли увлеченіе свѣжими ощущеніями жизни.

Но вотъ Гоголь за границею; вотъ онъ уже близокъ къ тридцатому году жизни, изъ молодаго человѣка онъ становится мужемъ, чувствуетъ потребность не только жить и чувствовать, но и мыслить: ему нужна уже теорія, нужны общія основанія, чтобы привести въ систематическій взглядъ на жизнь тѣ ощущенія, которыя влагаются въ него инстинктивными внушеніями природы и отдѣльными фактами. Каково-то будетъ его сознательное міросозерцаніе?

Мы говорили, что эту часть нашей статьи читатель можетъ считать, пожалуй, гипотезою; но эта гипотеза очень точно сходится съ тѣми свидѣтельствами, которыя оставилъ о себѣ Гоголь въ „Авторской Исповѣди“. Мы приведемъ изъ этой статьи одно мѣсто.

„Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія...“ (Изд. П. А. Кулиша, томъ III. стр. 500).

Гоголь тутъ воображаетъ, что разсказываетъ о себѣ что-то необыкновенное, неправдоподобное; а на самомъ дѣлѣ комическіе писатели большею

Digitized by Google

частью были люди съ грустнымъ настроеніемъ духа: въ примѣръ ука на Мольера. Они прибѣгали къ шуткѣ, къ насмѣшкѣ, чтобы забыться, глушить тоску, какъ другіе заглушаютъ ее житейскимъ разгуломъ. приписать свою тоску, Гоголь не знаетъ; болѣзнь самъ онъ считаетъ ясненіемъ недостаточнымъ. Не ясно ли ужъ изъ одного этого, что онъ былъ похожъ на людей нынѣшняго времени, очень хорошо понимающ причину своей грусти? Онъ, создавшій Чичикова, Сквозника-Дмухановс и Акакія Акакіевича, не знаетъ, что грусть на душу благороднаго чело навѣвается зрѣлищемъ Чичиковыхъ и Акакіевъ Акакіевичей! Это стр для насъ, привыкшихъ думать о связи отдѣльныхъ фактовъ съ общес становкою нашей жизни; но Гоголь не подозрѣвалъ этой связи.

„... выдумывать цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, для это и кому отъ этого произойдетъ какая польза. Молодость, во время к рой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала“.

Нѣкоторые вздумали говорить, что Гоголь самъ не понималъ см своихъ произведеній, — это нелѣпость, слишкомъ очевидная; но то спра ливо, что, негодуя на взяточничество и самоуправство провинціальн чиновниковъ въ своемъ „Ревизорѣ“, Гоголь не предвидѣлъ, куда пове это негодованіе: ему казалось, что все дѣло ограничивается желаніемъ чтожить взяточничество; связь этого явленія съ другими явленіями не ему ясна. Нельзя не вѣрить ему, когда онъ говоритъ, что испугался. дѣвъ, какія далекія слѣдствія выводятся изъ его нападеній на плутни винціальныхъ чиновниковъ.

Стройныя и сознательныя убѣжденія развиваются въ человѣкѣ не ин какъ или подъ вліяніемъ общества, или при помощи литературы. Кто шенъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, тотъ обыкновенно на всю жи остается при отрывочныхъ мнѣніяхъ объ отдѣльныхъ фактахъ, не чувст потребности придать имъ сознательное единство. Такіе люди до сихъ п составляютъ большинство у насъ даже между тѣми, которые получили т называемое основательное образованіе. Объ отдѣльныхъ случаяхъ они суд болѣе или менѣе справедливо, но вы бываете поражены безсвязностію внутреннею разладицею ихъ сужденій, какъ скоро рѣчь пойдетъ о как нибудь общихъ и обширныхъ вопросахъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ пр ставлялось еще гораздо меньше средствъ и внѣшнихъ побужденій выйти этого состоянія. Литература въ то время представляла гораздо меньше. жели нынѣ, для развитія стройнаго образа мыслей; мнѣнія лучшихъ писа лей оказывались вообще очень шаткими, какъ скоро дѣло доходило до щихъ вопросовъ, о которыхъ говорили вообще на удачу. Читая, напр прозаическія статьи Пушкина, вы удивляетесь тому, какъ одинъ и тотъ человѣкъ могъ на двухъ, трехъ страницахъ соединить такъ много разно чащихъ мыслей. Въ обществѣ тогда было очень мало наклонностей къ р мышленію: это доказывается уже чрезвычайнымъ успѣхомъ „Библіотеки Чтенія“, не имѣвшей никакого образа мыслей. Очень извинительно было Гоголю, если бы онъ остался навсегда на той ступени умственныхъ потр ностей, на какой оставались во всю жизнь почти всѣ писатели, бывш

Digitized by Google

насъ двадцать лѣтъ назадъ. Но онъ едва пережилъ первую пору молодости, какъ уже почувствовалъ непреодолимую потребность пріобрѣсти опредѣленный взглядъ на человѣческую жизнь, пріобрѣсти прочныя убѣжденія, неудовлетворяясь отрывочными впечатлѣніями и легкими безсвязными мнѣніями, которыми довольствовались другіе. Это свидѣтельствуетъ о высокости его натуры. Но одного инстинкта натуры мало для того, чтобы пойти вѣрнымъ путемъ къ справедливому рѣшенію глубочайшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ науки; для этого нужно также или имѣть научное приготовленіе къ тому, или надежныхъ руководителей. Припомнимъ же теперь, въ какомъ положеніи находился Гоголь, когда былъ застигнутъ потребностію создать себѣ прочный образъ мыслей.

Въ обществѣ, среди котораго онъ жилъ, пока оставался въ Россіи, онъ не находилъ заботы размышлять о тѣхъ задачахъ, которыя теперь занимали его. О нихъ говорилось такъ мало, что онъ не имѣлъ даже случая узнать, къ какимъ книгамъ слѣдуетъ ему обратиться при изслѣдованіи вопросовъ современной жизни; онъ не зналъ даже того, что какъ бы ни были достойны уваженія люди, жившіе за полторы тысячи лѣтъ до насъ, они не могутъ быть руководителями нашими, потому что потребности общества въ ихъ время были совершенно не таковы, какъ нынѣ, ихъ цивилизація была вовсе не похожа на нашу. Общество оставило его подъ вліяніемъ уроковъ и рекомендацій, какіе слышалъ онъ въ дѣтствѣ, потому что это общество никогда не занималось тѣми высокими нравственными вопросами, о которыхъ слышалъ нѣкогда ребенокъ отъ своей матери. И вотъ теперь, когда двадцати-семилѣтній человѣкъ вздумалъ искать въ книгахъ рѣшенія задачъ, его мучившихъ, онъ не зналъ, къ какимъ книгамъ обратиться ему, кромѣ тѣхъ, какія нѣкогда совѣтовали ему читать въ родительскомъ домѣ. Положеніе странное, неправдоподобное, но оно дѣйствительно было такъ. Много лѣтъ спустя, когда случилось Гоголю, по поводу своей „Переписки съ друзьями", вступить въ споръ съ человѣкомъ иного образа мыслей, онъ наивно ссылался на авторитеты, завѣщанные ему дѣтствомъ, никакъ не предполагая, чтобы его противникъ, или кто бы то ни былъ въ мірѣ, могъ иначе думать о нихъ, или идти къ истинѣ не при исключительномъ ихъ руководствѣ. Еще позднѣе, когда онъ писалъ свою „Авторскую Исповѣдь", онъ столь же наивно оправдывался отъ обвиненій въ заблужденіяхъ опять-таки ссылками на эти авторитеты и воображалъ, что несомнѣнно убѣдитъ всѣхъ въ истинности своего пути, какъ скоро объяснитъ, какими авторитетами онъ руководился: ясно видишь, когда читаешь „Авторскую Исповѣдь", что Гоголю не приходитъ и въ голову мысль о возможности такого возраженія: „Ты читалъ не тѣ книги, какія нужно было тебѣ читать". Онъ воображаетъ, что всѣ будутъ согласны съ нимъ, когда онъ утверждаетъ, что нѣтъ иной истины, кромѣ истины, заключающейся въ книгахъ, завѣщанныхъ ему дѣтскими воспоминаніями.

Въ настоящее время такая умственная безпомощность едва ли была бы возможна; но двадцать лѣтъ тому назадъ многое было иначе. Теперь наша литература, какова бы она ни была, проникнута мыслію. Около 1835—37 года этого не было; теперь въ обществѣ вы очень часто слы-

Digitized by Google

шите разговоры „о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе“, тогда это случалось несравненно рѣже. Но кому покажется слишкомъ невѣроятной наивность Гоголя, тотъ можетъ присмотрѣться къ своимъ знакомымъ, и тогда повѣритъ ей: какъ часто и теперь вы встрѣчаете людей, которые и русскіе журналы и даже иностранныя газеты читаютъ, а между тѣмъ въ сомнительныхъ случаяхъ обращаются за справкою къ своимъ школьнымъ урокамъ! Разница между ними и Гоголемъ не слишкомъ значительна.

Если бы Гоголь жилъ въ Россіи, вѣроятно, онъ встрѣчалъ бы людей, противорѣчащихъ ему во мнѣніи о методѣ, имъ избранной, хотя и тутъ едва ли могло бы вліяніе этихъ людей устоять противъ громкихъ именъ, одобрявшихъ путь, на который сталъ онъ. Но онъ жилъ за границею въ обществѣ трехъ, четырехъ людей, имѣвшихъ одинакія съ нимъ понятія объ авторитетахъ, которыми вздумалъ онъ руководствоваться. Какъ видно изъ его писемъ, ближайшими его друзьями были Жуковскій и Языковъ. Тонъ писемъ показываетъ, что эти два знаменитые писателя могли только усиливать наклонность, развивавшуюся въ Гоголѣ. Тотъ и другой далеко превосходили Гоголя своею образованностію; тотъ и другой въ частной жизни были людьми, внушавшими къ себѣ уваженіе и довѣріе. Кромѣ того, Языковъ имѣлъ много случаевъ оказывать Гоголю важныя услуги; еще больше добра сдѣлалъ Гоголю Жуковскій; человѣкъ всегда бываетъ расположенъ съ особенною симпатіею принимать мнѣнія людей, которыхъ считаетъ хорошими людьми въ частной жизни.

Изъ друзей, оставшихся въ Россіи, довѣреннѣйшимъ лицомъ Гоголя былъ г. Шевыревъ. Сочиненія этого ученаго доказываютъ, что онъ долженъ былъ ободрять наклонности, которыя овладѣвали умственной жизнію Гоголя.

Этимъ знакомствамъ надобно приписывать сильное участіе въ образованіи у Гоголя того взгляда на жизнь, который выразился „Перепискою съ друзьями“. По всѣмъ соображеніямъ, особенно сильно должно было быть въ этомъ случаѣ вліяніе Жуковскаго.

Направленіе, принятое мыслями Гоголя, давно охарактеризовано словомъ: „аскетизмъ“. Въ благородной душѣ наклонность къ аскетизму развивается скорѣе всего при зрѣлищѣ праздной роскоши. Именно въ этомъ случаѣ получаетъ справедливый смыслъ проповѣдь о воздержаніи, о борьбѣ съ прихотями и страстями. Гоголь за границею былъ именно въ такомъ положеніи. Еще въ Петербургѣ, благодаря посредничеству литературныхъ друзей, началось его сближеніе съ людьми высшаго общества. За границею онъ почти исключительно встрѣчалъ русскихъ путешественниковъ изъ высшаго круга. Говорить имъ о необходимости отреченія отъ ветхаго человѣка, значило говорить о сочувствіи къ бѣднымъ и страждущимъ, и если мы будемъ помнить, къ какому классу принадлежали люди, которымъ старался внушить Гоголь презрѣніе земныхъ благъ, то многія изъ его рѣчей пріобрѣтутъ смыслъ болѣе разумный, нежели какъ могло бы показаться, если бы мы забыли, что рѣчи эти порождены были сношеніями съ счастливцами земли. Проповѣдывать умѣренность бѣдняку, и безъ того уже лишенному всякихъ излишествъ—дѣло безсмысленное, внушаемое холоднымъ сердцемъ. Но говорить о смиреніи и состраданіи людямъ знатнымъ и сильнымъ чувствуетъ наклонность каждый, желающій блага обществу.

Digitized by Google

Гоголя обвиняли за то, что онъ въ послѣдніе годы жизни сближался почти исключительно съ людьми знатными и богатыми. Почти каждому изъ насъ легче упрекать въ этомъ другихъ, нежели оправдать себя. Нелѣпою клеветою было бы думать, что въ характерѣ русскаго человѣка отъ природы лежитъ черта, столько разъ осмѣянная Гоголемъ. Но описавъ Петрушку и Селифана, Гоголь не даромъ замѣчаетъ, что „весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній". Дѣйствительно, эта страсть до того распространена въ обществѣ, что обвинять за нее того или другаго отдѣльнаго человѣка почти также несправедливо, какъ негодовать на даму, прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ, за то, что она носила корсетъ. Быть можетъ, носить корсеты вредная привычка; быть можетъ, имѣть страсть къ знатнымъ знакомствамъ—дурная привычка. Но какъ осуждать отдѣльнаго человѣка за то, въ чемъ виновато все общество?

Была въ характерѣ Гоголя другая черта, имѣющая довольно тѣсное отношеніе съ наклонностію къ знатному кругу и также несообразная съ идеаломъ человѣческаго характера. Тѣ, которые говорили о Гоголѣ дурно, называли его человѣкомъ подобострастнымъ, искательнымъ. Безпристрастный судья едва ли согласится на такой рѣзкій отзывъ. Но то справедливо, что замѣтна въ Гоголѣ какая-то гибкость, какое-то излишнее желаніе избѣгать противорѣчій, говорить съ каждымъ въ его тонѣ, вообще принаровляться къ людямъ болѣе, нежели слѣдовало бы. Но и эта слабость принадлежитъ не отдѣльному человѣку, а всему обществу. Избитая латинская поговорка Saeculi vitia, non hominis,—„пороки эпохи, а не человѣка",—эта поговорка можетъ быть очень полезна не только для оправданія личностей, но, что гораздо важнѣе, для исправленія нравовъ общества. Совершенно напрасно подражать тому, который, увидѣвъ своего знакомаго, имѣющаго часть любезности и оборотливости Павла Ивановича „толкнетъ (по выраженію Гоголя) подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри, вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!" и потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ-догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: „Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!" Вмѣсто этого напраснаго глумленія, Гоголь предлагаетъ каждому изъ насъ посмотрѣть на себя съ запросомъ: „А нѣтъ ли и во мнѣ какой нибудь части Чичикова?" Это дѣло, конечно, очень хорошее, но, опять, едва ли не безполезное: пока не измѣнятся понятія и привычки общества, едва ли удастся кому нибудь изъ насъ, при всѣхъ возможныхъ анализахъ собственной души, измѣнить и собственныя привычки: онѣ поддерживаются требованіями общества, обстановкою нашей жизни; отказаться отъ дурныхъ привычекъ, господствующихъ въ обществѣ, точно также трудно, какъ и нарушать хорошія привычки, утвердившіяся въ обществѣ. Никто изъ насъ не рѣшится отравить своего непріятеля, какъ отравляли въ старину; едва ли многіе изъ насъ въ состояніи много превзойти Гоголя стоицизмомъ въ обра-

Digitized by Google

щеніи съ людьми, пока общество не будетъ требовать благородной прямоты въ обращеніи. И такъ, лучше всего подумать о томъ, какими обстоятельствами и отношеніями порождены и поддерживаются въ нашемъ обществѣ пороки, которыми мы недовольны, и какимъ образомъ можно было бы отстранить эти обстоятельства и улучшить эти отношенія.

Какъ развитіемъ всѣхъ хорошихъ своихъ качествъ человѣкъ бываетъ обязанъ обществу, точно такъ и развитіемъ всѣхъ своихъ дурныхъ качествъ. На удѣлъ человѣка достается только наслаждаться или мучиться тѣмъ, что даетъ ему общество. Съ этой точки мы должны смотрѣть и на Гоголя. Напрасно было бы отрицать его недостатки: они слишкомъ очевидны: но они были только отраженіемъ русскаго общества. Лично ему принадлежитъ только мучительное недовольство собой и своимъ характеромъ, недовольство, въ искренности котораго невозможно сомнѣваться, перечитавъ его „Авторскую исповѣдь“ и письма; это мученіе, ускорившее его кончину, свидѣтельствуетъ, что по натурѣ своей онъ былъ расположенъ къ чему-то гораздо лучшему, нежели то, чѣмъ сдѣлало его наше общество. Лично ему принадлежитъ также чрезвычайное энергическое желаніе пособить общественнымъ недостаткамъ и своимъ собственнымъ слабостямъ. Исполненію этого дѣла онъ посвятилъ всю свою жизнь. Не его вина въ томъ, что онъ схватился за ложныя средства: общество не дало ему возможности узнать во время о существованіи другихъ средствъ.

Мало мы знаемъ о нашихъ геніальныхъ людяхъ прошлыхъ поколѣній, но вообще все, что мы знаемъ о нихъ, наполняетъ насъ какимъ-то неудовольствіемъ. Ни одному изъ нихъ не доставалось счастія, такъ часто замѣчаемаго въ исторіи людей другихъ странъ: соединить безукоризненность частнаго характера съ великими заслугами обществу, и тѣ недостатки, которые прискорбнѣе всего въ характерѣ Гоголя, принадлежали почти всѣмъ другимъ геніальнымъ людямъ прошлыхъ поколѣній. Примѣромъ этого пусть служитъ Суворовъ: въ немъ также слишкомъ много было гибкости характера. Мы не хотимъ приводить другихъ примѣровъ, но ихъ можно набрать десятки. Только въ самое послѣднее время стали являться у насъ между людьми, замѣчательными по уму, такіе, которые не дѣлаютъ уступокъ въ своихъ словахъ, которые говорятъ всегда дѣйствительно то, что думаютъ, безъ всякихъ умолчаній и хитрыхъ оговорокъ. До послѣдняго времени въ устахъ умнаго человѣка „да“ значило у насъ не то, что значитъ во всей остальной Европѣ: „Я въ душѣ согласенъ съ вами“, это слово значило только: „Я не считаю приличнымъ, или удобнымъ, противорѣчить вамъ“.

Общность этого недостатка прямоты доказываетъ, что были какія-то общія обстоятельства, подчинявшія своему вліянію всѣ личности, за очень немногими исключеніями.

Но мы далеко уклонились отъ рѣчи объ аскетизмѣ, которому предался Гоголь. Людямъ того поколѣнія, которое пріобрѣло господство въ нашей литературѣ послѣ отъѣзда Гоголя за границу, аскетизмъ этотъ казался такъ несообразенъ съ ихъ понятіемъ о слѣдствіяхъ, естественно вытекающихъ изъ прежнихъ сочиненій Гоголя, что вообще распространилась мысль, будто Гоголь „Перепиской съ друзьями“ отказывается отъ своей прежней дѣятельности и

Digitized by Google

даже долженъ осуждать тотъ огонь негодованія противъ общественныхъ пороковъ, который давалъ жизнь „Ревизору“ и первому тому „Мертвыхъ Душъ“. Многія неловкія выраженія о прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, со стороны самого Гоголя, подтверждали эту догадку. Но чтеніе писемъ, теперь изданныхъ, заставляетъ насъ согласиться съ увѣреніями Гоголя, что новое направленіе не помѣшало ему сохранить свои прежнія мнѣнія о тѣхъ предметахъ, которыхъ касался онъ въ „Ревизорѣ“ и первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“. Сущность перемѣны, происшедшей съ Гоголемъ, состояла въ томъ, что прежде у него не было опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, а были только частныя мнѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ; теперь онъ построилъ себѣ систему общихъ убѣжденій. При этомъ дѣлѣ человѣкъ обыкновенно сохраняетъ тѣ частныя мнѣнія, какія имѣлъ прежде, и если они логически не подходятъ подъ общій принципъ, имъ вновь принимаемый, онъ скорѣе обманетъ себя, допуститъ логическую непослѣдовательность, допуститъ очевидное противорѣчіе, нежели найдетъ нужнымъ отказаться отъ прежнихъ мнѣній. Съ такъ называемыми нравственными обращеніями почти такая-же исторія, что съ промѣномъ одного языка на другой. Эльзасскій нѣмецъ вздумалъ быть французомъ, и дѣйствительно употребляетъ французскія слова, но выговоръ остался у него прежній, весь складъ рѣчи прежній, и по одной фразѣ, по одному слову, вы тотчасъ узнаете, что передъ вами все-таки нѣмецъ, а не французъ. Идолопоклонники — китайцы вздумали быть буддистами, и по общимъ фразамъ ихъ кажется, будто они стали монотеистами; но они сохранили всѣхъ своихъ идоловъ и всѣ свои прежнія понятія.

Съ того времени, какъ Гоголемъ овладѣло аскетическое направленіе, письма его наполнены разсужденіями о такихъ предметахъ, которыми прежде онъ мало занимался. Но если вы, преодолѣвъ скуку, наводимую однообразіемъ этихъ писемъ, всмотритесь въ нихъ ближе и точнѣе, сравните ихъ съ письмами прежнихъ годовъ, вы увидите, что во второмъ періодѣ сохранилось, кромѣ молодой веселости, все то, что было въ письмахъ перваго періода, и наоборотъ въ письмахъ перваго періода вы найдете уже тѣ черты, которыя, повидимому, должны были-бы принадлежать второму періоду. Это убѣжденіе намъ самимъ долго казалось сомнительно; предполагая, что оно можетъ показаться сомнительно и читателю, мы считаемъ нужнымъ подтвердить его выписками довольно многочисленными. Если читатель найдетъ ихъ излишними, тѣмъ лучше: значитъ онъ уже убѣжденъ, что Гоголь, если и заблуждался, то не измѣнялъ себѣ, и что если мы можемъ жалѣть о его судьбѣ, то не имѣемъ права не уважать его.

Одною изъ самыхъ странныхъ особенностей, которыми поразила „Переписка съ друзьями“ и предисловіе ко второму изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, была просьба, съ которою обращался Гоголь къ своимъ читателямъ: присылать ему замѣчанія о русскихъ нравахъ. Это желаніе казалось такъ странно, что многіе сомнѣвались въ его искренности. Но послѣ изданія писемъ она не подлежитъ сомнѣнію: всѣхъ своихъ друзей Гоголь заклинаетъ доставлять ему замѣчанія о русской жизни. Иногда предметъ требованій страненъ до невѣроятности; такъ, напримѣръ, одну даму, жившую въ провинціи, онъ проситъ составить для него записку о раскольникахъ той

Digitized by Google

губерніи, совершенно забывая, что дама эта совершенно не имѣетъ понятія о дѣлѣ, которое на нее возлагается. И мы ошиблись-бы, если-бы приписали только послѣднему періоду жизни Гоголя требованіе матеріаловъ для своихъ сочиненій. Эта привычка была у него съ самаго начала и только развилась въ послѣдствіи. Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ письма къ матери, посланнаго еще въ 1829 г., при самомъ началѣ литературной карьеры Гоголя, когда онъ приготовлялъ „Вечера на Хуторѣ".

1829 г. апрѣля 30.

„Теперь, почтеннѣйшая маменька, мой добрый ангелъ-хранитель, теперь васъ прошу въ свою очередь сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ разспросить старожиловъ: я думаю, Анна Матвѣевна, или Агаѳія Матвѣевна много знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ. Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна (кажется, такъ его зовутъ, прозванія не помню), котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, повидимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ, и проч. и пр. и пр. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно. На этотъ случай и чтобы вамъ не было тягостно, великодушная, добрая моя маменька, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ вашего повѣта. Александра Ѳедоровна, которой смѣтливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ и въ этомъ случаѣ оказать вамъ очень большую помощь". (Томъ V, стран. 81).

Въ этомъ отрывкѣ тотъ-же патетическій тонъ, какъ и въ просьбахъ о „Мертвыхъ Душахъ", будто-бы дѣло идетъ о предметѣ первой необходимости, будто безъ присылки замѣчаній отъ матери Гоголь не въ состояніи описывать малорусскую жизнь. Таже самая странность и въ томъ, что свѣдѣнія, требуемыя Гоголемъ, кажутся иногда излишними не только человѣку, проведшему все дѣтство въ Малороссіи, но прожившему хотя недѣлю въ этой странѣ. Напримѣръ, неужели Гоголь могъ не знать „полнаго наряда сельскаго дьячка"? Наконецъ та-же самая обширность обязанностей, налагаемыхъ Гоголемъ: онъ проситъ мать набрать особенныхъ корреспондентовъ по разнымъ мѣстамъ, для доставленія ему свѣдѣній. Разница только въ одномъ: пока Гоголь думаетъ, что достоинство его сочиненій важно только для людей близкихъ къ нему, онъ обращается съ просьбою только къ людямъ близкимъ; потомъ онъ проситъ безъ различія всѣхъ своихъ читателей,—но за то вѣдь онъ уже полагаетъ, что достоинство его сочиненій важно для каждаго читателя.

Странною чертою въ „Перепискѣ съ друзьями" казалось увѣреніе, что нужно только укрѣпиться въ вѣрѣ, и тогда легко будетъ переносить самыя

Digitized by Google

прискорбныя утраты. Это было принято даже за лицемѣріе, по пословицѣ „чужую бѣду по пальцамъ разведу“. Но вотъ что пишетъ Гоголь на семнадцатомъ году жизни, получивъ извѣстіе о смерти отца.

1825 г. апрѣля 23 дня.

„Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожь не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись-же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему“. (Томъ V, стр. 19).

Затѣмъ Гоголь продолжаетъ разсуждать, что „благословляетъ священную вѣру, въ которой находитъ утоленіе своей горести“, такъ что теперь онъ спокоенъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не былъ опечаленъ шестнадцатилѣтній мальчикъ смертію отца?—Странна казалась въ „Перепискѣ“ манера утверждать, что самыя тяжелыя потери надобно считать за радостныя событія, потому что ими очищается душа и доказывается благоволеніе Промысла. Но что это не было притворствомъ, а дѣйствительнымъ убѣжденіемъ Гоголя, видимъ изъ письма къ матери, по случаю жестокой горести, поразившей одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя.

1838 г. мая 16.

„Я получилъ ваше письмо и уже хотѣлъ было отвѣчать на него, какъ вдругъ мнѣ принесли еще одно ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете о смерти Татьяны Ивановны. Мнѣ было тоже прискорбно объ этомъ слышать. Мнѣ еще болѣе было жаль, что мой добрый Данилевскій не со мною въ это время, чтобы я могъ сколько-нибудь облегчить участіемъ его потерю и утѣшить его въ ней. Я, однакожь, написалъ ему объ этомъ въ Парижъ, гдѣ онъ теперь находится и гдѣ, можетъ быть, уже получилъ это печальное извѣстіе безъ меня. Частыя потери наконецъ такъ пріучаютъ сердце и умъ къ мысли о смерти, что она наконецъ не имѣетъ для насъ ничего ужаснаго. Истинный христіанинъ радуется смерти близкаго своему сердцу. Онъ, правда, разлучается съ нимъ, онъ не видитъ уже его, но онъ утѣшенъ мыслію, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести, уже ничто не смущаетъ его; и въ этомъ то состоитъ глубокое самоотверженіе, какое можетъ только быть, и какое можетъ только внушить одна христіанская религія“. (Томъ V, стр. 325).

Въ письмѣ къ матери о постороннемъ человѣкѣ Гоголю не было нужды надѣвать маску; поэтому можно вѣрить искренности его мнѣнія, когда онъ въ письмѣ къ самому А. С. Данилевскому толкуетъ, что, „можетъ быть, горесть, постигшая тебя, есть переломъ, который высшія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души“. А надобно замѣтить, что эти письма относятся къ 1838 году, когда Гоголь еще не предавался аскетическому направленію.

Чертою лицемѣрной гордости, подъ маскою смиренія, казались разсужденія Гоголя о томъ, что въ каждомъ событіи своей жизни видитъ онъ руку Промысла; но вотъ отрывокъ изъ письма его къ матери, оно ни мало не уступитъ „Перепискѣ съ друзьями“, хотя относится еще къ 1829 г.

1829 г. іюля 24.

Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отчего перо дрожитъ въ рукѣ моей; мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой

Digitized by Google

мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться передъ вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго; но какъ ужасно это наказаніе. Безумный! я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственной разсѣянностію свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобъ я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда-бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!

Не смотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что-бы то ни стало; но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть. Не явный-ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій? Не явно-ли Онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что-жь? я и тутъ упорствовалъ, ожидалъ цѣлые мѣсяцы, не получу-ли чего. Наконецъ... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать... Маменька, дражайшая маменька! я знаю, вы однѣ истинный другъ мнѣ. Повѣрите-ли? и теперь, когда мысли мои уже не тѣмъ заняты, и теперь при напоминаніи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однѣмъ вамъ я только могу сказать... Вы знаете, что я былъ одаренъ твердостію, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ... Кто-бы могъ ожидать отъ меня подобной слабости? Но я видѣлъ ее.. нѣтъ, не назову ее... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня... Лицо, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣется въ сердцѣ; глаза, быстро пронизывающіе душу; но ихъ сіянія жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, если бы вы посмотрѣли на меня тогда!.. правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся-ли отъ себя? Адская тоска, съ возможными муками, кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшникамъ уготованъ адъ, то онъ не такъ мучителенъ. Нѣтъ, это не любовь была... Я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я... Взглянуть на нее еще разъ — вотъ бывало одно единственное желаніе, возраставшее сильнѣе и сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски. Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ умиленіи, я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначенный путь мнѣ. Нѣтъ, это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шаткосозданный міръ мой, не была женщина. Если-бы она была женщина, она-бы всею силою своихъ очарованій не могла произвесть такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній... Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени. Она слишкомъ высока, высока. (Томъ V. стр. 84—86).

Въ этомъ открывкѣ тотъ-же самый мистическій тонъ, какъ и въ письмахъ аскетическаго періода.

Высокомѣрнымъ ханжествомъ казались требованія Гоголя, чтобы каждый непремѣнно читалъ его „Переписку съ друзьями“ для душевной пользы

Digitized by Google

своей, и предписанія, какъ именно читать ее, и приказанія передавать ее для чтенія другимъ. Каковы-бы ни были эти совѣты и требованія, но Гоголь давалъ ихъ отъ чистаго сердца, по твердому убѣжденію въ ихъ великой пользѣ; это доказывается письмами къ матери, изъ которыхъ вотъ отрывокъ одного:

1843 г. 1 октября.

„Письма ваши и вмѣстѣ съ ними письма сестеръ моихъ я получилъ. Сказать по истинѣ, всѣ они вообще меня нѣсколько изумили, изумили меня именно въ слѣдующемъ отношеніи: я не ожидалъ ничего болѣе насчетъ моего письма, какъ только одного простаго увѣдомленія, что оно получено. Вмѣсто того, получилъ я цѣлыя страницы объясненій и оправданій, точно какъ будто-бы я обвинялъ кого-нибудь. Если кто ощущаетъ желаніе оправдаться въ чемъ-либо, пусть оправдывается передъ своею совѣстью, или передъ духовникомъ своимъ. А я не могу и не хочу быть обвинителемъ никого. Многіе даже позабыли, что все до послѣдняго слова въ письмѣ слѣдуетъ взять на свой счетъ, а не одно то, что болѣе забираетъ за живое. Другимъ вообразилось, что я вслѣдствіе неудовольствія написалъ это письмо. На это скажу вамъ, что ни одно письмо не было къ вамъ въ духѣ такой душевной любви, какъ это письмо. Но оставимъ объ этомъ всякія изъясненія. Исполните теперь мою просьбу, о которой васъ буду просить: оставьте мое письмо, не читайте его, не заговаривайте о немъ, даже между собою, до самаго Великаго поста. Но зато дайте мнѣ всѣ слово во все продолженіе первой недѣли Великаго поста (мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы говѣли на первой недѣлѣ) читать мое письмо, перечитывая всякій день по одному разу и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступенъ съ перваго разу. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить. Послѣ этого времени, то-есть послѣ говѣнія, если кому нибудь придетъ душевное желаніе писать ко мнѣ по поводу этого письма, тогда онъ можетъ писать и объяснять все, что ни подскажетъ ему душа его.

„Теперь я долженъ еще вамъ сдѣлать замѣчанія насчетъ двухъ выраженій въ письмѣ вашемъ. Въ одномъ вы говорите, что я теперь истинный христіанинъ. Прежде всего — это неправда. Я отъ этого имени далѣе, чѣмъ кто-либо изъ васъ, и всѣ эти упреки, которые каждая нашла въ письмѣ моемъ, какъ направленные собственно на все, всѣ эти упреки, собравъ вмѣстѣ, можно сдѣлать одному мнѣ, и такое дѣйствіе будетъ справедливо вполнѣ. Въ другомъ мѣстѣ вы говорите, что рѣдкій братъ сдѣлалъ столько для сестеръ, какъ я. На это я вамъ скажу искренно: истинно полезнаго я не сдѣлалъ ничего для моихъ сестеръ. Одно только я сдѣлалъ истинно полезное дѣло, написавши это письмо. Но и тутъ не мой подвигъ: безъ помощи иной, я бы не могъ этого сдѣлать. Къ тому-же это письмо, въ истинномъ смыслѣ своемъ, осталось не понятно. Стало быть я ничего не сдѣлалъ. Но ни слова больше объ этомъ предметѣ, какъ-бы не зашевелился у кого-нибудь языкъ заговорить о немъ. Только этими словами отвѣчайте на письмо это: *Просьба насчетъ письма будетъ исполнена*, и ничего болѣе. Предметовъ у васъ, вѣрно, найдется поговорить, и кромѣ этого письма“. (Томъ VI, стр. 27—28).

Удивительны распоряженія о томъ, какъ читать письмо; не менѣе удивительно и чрезвычайно высокое мнѣніе о необыкновенномъ благодѣяніи, которое онъ оказываетъ матери и сестрамъ этимъ письмомъ. Для родныхъ своихъ, Гоголь сдѣлалъ, въ самомъ дѣлѣ, много: онъ воспиталъ своихъ сестеръ, онъ уступилъ имъ свое имѣнье, мать хвалитъ его за это. „Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, это все пустяки, а вотъ за письмо это, вы дѣйствительно можете считать меня своимъ благодѣтелемъ, но я не горжусь тѣмъ: не самъ собою, а по внушенію высшей силы написалъ я это, да и не можетъ человѣкъ сотворить такого великаго дѣла безъ помощи высшей силы“.

Много у Гоголя во второмъ періодѣ писемъ, производящихъ очень

Digitized by Google

невыгодное впечатлѣніе; но изъ всѣхъ самое тяжелое чувство наводится тѣми, въ которыхъ онъ своей матери проповѣдуетъ правила жизни хозяйственной и даже нравственной. Мы защищаемъ добрую славу великаго писателя, но не будемъ молчать о фактахъ, даже наиболѣе способныхъ поколебать довѣріе къ его сердцу. Вотъ отрывки изъ этихъ писемъ, передъ которыми очень слабымъ свидѣтельствомъ противъ Гоголя кажутся всѣ остальныя его слова и поступки:

1847 г. января 25.

„Пишу къ вамъ вновь, по поводу вашихъ писемъ, перечитавши ихъ снова. Сначала мнѣ было очень непріятно, что письмо мое, пришедши не вмѣстѣ съ книгой, ввело васъ въ заблужденіе и тревожное состояніе духа. Теперь я вижу, что случилось это не безъ воли Божіей. Письмо мое нечаяннымъ образомъ послужило пробою вашего состоянія душевнаго и обнаружило предо мною, на какой степени любви и вѣры и вообще на какой степени христіанскихъ познаній и добродѣтелей находитесь вы всѣ, тѣмъ болѣе, что по письмамъ, писаннымъ по пріѣздѣ изъ Кіева, мнѣ уже было показалось, что сестры мои поняли, что такое христіанство и чѣмъ оно необходимо въ дѣлахъ жизни. Я обманулся. Духовное распоряженіе, которое я сдѣлалъ во время тяжкой болѣзни, отъ которой меня Богъ Своею милостію избавилъ, — распоряженіе, которое дѣлаетъ въ такія минуты всякъ,—распоряженіе, которое, по настоящему, всякъ христіанинъ долженъ сдѣлать заблаговременно, и безъ болѣзни, хотя бы надѣялся на свои силы и совершенное здоровье, потому что не мы правимъ днями своими—человѣкъ сегодня живъ, а завтра его нѣтъ,—это самое распоряженіе сдѣлало такое впечатлѣніе на васъ всѣхъ, кромѣ одной Ольги, какъ бы я уже умеръ, и меня нѣтъ на свѣтѣ. Я изумился только тому, какъ могутъ упасть духомъ тѣ, которые только молятся Богу, а не живутъ въ Немъ, какъ Богъ наказываетъ ихъ помраченіемъ разсудка; потому что такъ перетолковать строки письма моего можетъ одинъ тотъ, у котораго въ затмеціи разсудокъ. (Томъ VI, стр. 330—331).

1847 г. февраля 16.

„Повторяю вамъ всѣмъ вновь, что, относительно денежныхъ расходовъ, нужно, болѣе, чѣмъ когда либо, наблюдать бережливость и благоразуміе, чтобы умѣть не только содержать самихъ себя, но еще прійти въ возможность помогать другимъ, потому что теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, нуждающихся. Если вамъ вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаете совершенно такъ, какъ слѣдуетъ истинно хорошимъ хозяйкамъ, и достигнули уже такой мудрости, что умѣете, чувствовать границу между излишнимъ и необходимымъ, и не издерживаете ни на что, какъ только на самое нужное, то знайте, что духъ гордости овладѣлъ вами и самъ сатана подсказываетъ вамъ такія рѣчи, потому что и наопытнѣйшій хозяинъ и наумнѣйшій человѣкъ дѣлаетъ ошибки. Счастливъ тотъ, кто видитъ свои ошибки и перебираетъ въ мысляхъ всѣ сдѣланныя дѣла свои именно затѣмъ, чтобы отъискать въ нихъ ошибки: онъ достигнетъ совершенства и во всемъ успѣетъ. Горе тому, кто самоувѣренъ и не разсматриваетъ прежнихъ поступковъ, въ убѣжденіи, что они всѣ умны: ему никогда не добыть разума; Богъ его оставитъ. (Томъ VI, стр. 342).

1847 г. февраля 16.

„Пишу къ вамъ такъ часто теперь потому, что мнѣ улучилось имѣть свободное время, и потому, что вижу надобность хоть сколько нибудь васъ укрѣпить въ *дѣлѣ жизни*. Я никогда не думалъ до сихъ поръ, чтобы вы были такъ мало христіанки. Я думалъ, что вы все-таки хоть сколько-нибудь понимаете существо христіанства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку, да ударить лишній поклонъ въ землю. А на практикѣ и въ дѣлѣ, гдѣ нужно именно показать человѣку, что онъ живетъ точно во Христѣ, вы, какъ говорится, *на понятный дворъ*. Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма, нынѣшнее и предъидущее, еще не получивши отвѣта на прежнія, чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ. Но теперь, въ продолженіе цѣлаго года,

Digitized by Google

не будете отъ меня получать писемъ, кромѣ развѣ изрѣдка самыхъ маленькихъ, съ ...ніемъ, что, слава Богу, живъ, потому что у меня есть дѣло, которымъ слѣдуетъ ...ться, и которое важнѣй нашей переписки. А потому совѣтую вамъ почаще пере...вать мои прежнія письма во все продолженіе года, такъ какъ бы новыя". (Томъ VI, ...344).

При чтеніи такихъ писемъ трудно было бы удержаться отъ негодова..., если бы самая неумѣстность и неприличность ихъ не свидѣтельствовала ...мъ, что они порождены совершенно особеннымъ настроеніемъ духа: ...зъ тутъ доходитъ до совершеннаго самоослѣпленія, весь проникнутый ...о томъ, что „всякъ человѣкъ есть ложь", нуждается въ обличеніяхъ ...ризнахъ нравственныхъ, Гоголь забываетъ для идеи, его ослѣпляющей, ...ственныхъ отношеніяхъ сына къ матери, о томъ, что какъ бы то ни ..., и что бы то ни было, не сыну быть обличителемъ матери... Состояніе ...е, нечеловѣческое... Но въ чемъ заключается особенность, которою ...тяжело дѣйствуютъ эти письма? Въ томъ ли, что сынъ оскорбляетъ ...? Нѣтъ, примѣръ тому такъ много видимъ мы на свѣтѣ, что они не ...ляютъ насъ; если бы Гоголь только оскорблялъ мать, мы сказали бы, ...нъ былъ дурной сынъ, и вниманіе наше не остановилось бы на этомъ ...номъ замѣчаніи: мало ли на свѣтѣ дурныхъ сыновей? Ужасно здѣсь что Гоголь вовсе не думаетъ нарушать своихъ обязанностей относительно ...ри: напротивъ, онъ воображаетъ, что исполняетъ ихъ самымъ доблестнымъ ...ломъ: видите ли, онъ воображаетъ, что заботится о спасеніи души ея, ...ведетъ ее къ вратамъ Царства Небеснаго. Слышали ли вы когда нибудь ...нкѣ пѣсню убогихъ слѣпцовъ о томъ сынѣ, который скрылся изъ ...скаго дома, пришелъ назадъ одѣтый во вретище и поселился, какъ ...емый нищій, въ конурѣ подъ порогомъ родительскаго дома, и каждый ...слышалъ вздохи отца, стоны матери о погибшемъ возлюбленномъ сынѣ, и ...ляясь духомъ молчалъ, и только чрезъ много лѣтъ, въ минуту смерти, от...ся имъ, что онъ сынъ ихъ? Читали ль вы недавно въ нашихъ газетахъ ...казъ о томъ, какъ одна мать зарѣзала двухъ своихъ дѣтей, зарѣзала ...бовью, съ ласкою, чтобы сдѣлать двухъ мучениковъ и самой спасти душу спа...мъ двухъ душъ отъ земнаго соблазна? Въ аскетическихъ письмахъ Гоголя ...тотъ же самый духъ ослѣпленнаго экстаза.—духъ, побуждавшій ...ла сибирскихъ раскольниковъ сожигаться добровольно въ домахъ своихъ, ...ворженными гимнами о спасеніи, ими пріобрѣтаемомъ чрезъ муки ...тыя? Страшно именно это изувѣрство въ письмахъ, отрывки изъ кото...ъ привели мы. Невозможно не удивляться силѣ души этихъ сожигавшихъ ...изувѣровъ, этой несчастной женщины убійцы дѣтей своихъ; но не ...жно и не проклинать лжеученія, давшаго такое противоестественное, ...пагубное направленіе энергіи, которая могла бы совершить столько ...аснаго и великаго, если бы направлена была къ разумнымъ цѣлямъ. ...юди, сожигавшіе себя, имѣли въ себѣ всѣ качества души, которыми ...авляли себя и спасали отечество Муцій Сцевола и Децій Мусъ или ...страдальцы новой цивилизаціи, которые погибали, прививая къ себѣ чуму ...спытанія средствъ спасать людей отъ чумы, которые поражаемы бывали ...устроивая громоотводы. И не вздумайте говорить, что Гоголь

Digitized by Google

только другихъ училъ страдать, не прилагая къ себѣ своихъ изувѣрскихъ ученій; послѣ описанія его предсмертной болѣзни, напечатанной докторомъ, его лечившимъ *), невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ уморилъ себя. Въ одномъ человѣкѣ, какія несообразныя крайности! Человѣкъ мучитъ себя и моритъ, какъ дикій изувѣръ Брынскихъ лѣсовъ!—Да, пришли годы, въ которые человѣкъ, вмѣсто инстинкта природы, долженъ принять своимъ руководителемъ разумъ, когда пришло время разуму овладѣть инстинктомъ, когда по настоящему должна была-бы начаться плодотворнѣйшая эпоха его дѣятельности, — оказалось, о горе, о стыдъ намъ! — оказалось, что жизнь среди насъ исказила свѣтлый даръ его разума такъ, что онъ послужилъ только на погибель ему! Страшна и нелѣпа эта жизнь!

И не вздумайте сказать, что примѣръ Гоголя—одинокое явленіе; нѣтъ. Правда, ни въ комъ не было столько энергіи, какъ въ немъ, потому ничья погибель и не была такъ страшна, какъ его погибель. Но лучшіе люди, такъ или иначе, изнемогали подъ тяжестью жизни, когда пришла имъ пора, опомнившись отъ страстнаго увлеченія свѣжею молодостью, обозрѣть проницательнымъ взглядомъ мужа жизнь. Легокъ и веселъ былъ характеръ Пушкина, а на тридцатомъ году, подобно Гоголю, изнемогаетъ онъ нравственно, и умираетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Лермонтовъ? — Лермонтовъ радъ былъ разстаться поскорѣе съ жизнью:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцалуя,
За ложь враговъ и клевету друзей;
За *жаръ души, растраченный въ пустынѣ*,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Не долго я еще благодарилъ...

Какъ вы думаете, напрашивался ли бы онъ на ссоры и дуэли, если бы легче казалась ему жизнь, нежели смерть? А Кольцовъ? — О, у этого судьба была заботлива, она хотѣла избавить его отъ желанія смерти, предупредивъ всякія желанія: желѣзнаго здоровья былъ человѣкъ, а не хватило его желѣзнаго здоровья больше, чѣмъ на тридцать два года; — заботлива была судьба, хотѣла предупредить его желанія, а все-таки не успѣла:

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.
Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма судьба,

*) Докторъ этотъ, г. А. Т. Тарасенковъ, находитъ (Моск. Вѣд. № 89), что мы „вывели изъ его разсказа заключенія, чрезвычайно далекія отъ выводовъ, какіе бы должно сдѣлать, когда сказали въ январской книжкѣ нынѣшняго года („Замѣтки о Журналахъ"), что изъ фактовъ, представленныхъ имъ, слѣдуетъ: „Гоголь уморилъ себя голодомъ". По мнѣнію г. Тарасенкова слѣдуетъ сказать: „причиною смерти Гоголя было пощеніе"—эти слова дѣйствительно гораздо точнѣе, нежели выраженіе, нами употребленное.

Digitized by Google

Только силу мою
Сокрушила борьба... (и т. д.)
Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя!

Не вспомнить-ли еще Полежаева, который, по всему видно, былъ не хуже другихъ, но

Не расцвѣлъ, и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Но долго-бы было вспоминать всѣхъ: кого ни вспомнишь изъ сильныхъ душою людей, всѣ они годятся въ этотъ списокъ. Что-же вы, милостивый государь, претендуете на Гоголя за то, что былъ

Жизнью измятъ онъ...

Такова была ужъ его натура: не ему одному, всѣмъ была такая участь: нравственное изнеможеніе, ведущее за собою преждевременную, почти умышленную, во всякомъ случаѣ, желанную смерть. Миръ тебѣ, человѣкъ слишкомъ высокихъ и слишкомъ сильныхъ стремленій.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эреба!.
Ты своею силой палъ...

Но мы уклонились отъ предмета; мы хотѣли сказать, что если нарушалъ Гоголь законы благоразумія и гуманности въ своемъ аскетизмѣ, то и не даромъ обходились ему эти нарушенія. Вотъ, напримѣръ,—едва-ли онъ былъ злымъ и безчувственнымъ сыномъ, это по всему видно, даже по тѣмъ изувѣрскимъ письмамъ, въ которыхъ онъ такъ жестоко оскорбляетъ чувство сыновней почтительной любви своими назиданіями матери, — скажите-же, легко-ли было ему потомъ опомниться, видѣть вдругъ, какую дикую сумятицу надѣлалъ онъ, какъ грубо и неумѣстно онъ проступился,— увидѣть все это изъ жалобъ, которыя ему на него справедливо принесла огорченная имъ мать.

1847 г. 3 мая.

„Я получилъ письмо ваше отъ 12 марта, исполненное упрековъ. Простите меня: я передъ вами виноватъ. Виноватъ также и передъ моими добрыми сестрами, которыя меня искренно и нелицемѣрно любятъ, и которымъ я показалъ, какъ бы вовсе не замѣчаю любви ихъ. У меня былъ нѣкоторый свой умыселъ: получая самъ отовсюду упреки и находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ (даже и несправедливыхъ), я хотѣлъ попрекнуть васъ, и особенно сестеръ, съ тѣмъ, чтобы уже никогда ни въ чемъ не попрекать. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить ихъ. Повѣрьте, что я совсѣмъ не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ безтолковъ въ дѣлахъ жизни. Если бы я вамъ сказалъ откровенно, что я о каждой изъ васъ думаю, то слова мои могли бы даже оскорбить вашу скромность. Скажу вамъ откровенно, что я горжусь вами: вами горжусь, что вы мать моя, сестрами — что онѣ сестры мои. Но, зная по себѣ, какъ способны мы задремать, когда окружающіе насъ люди говорятъ намъ объ однихъ только нашихъ достоинствахъ и ни слова не упоминаютъ о недостаткахъ нашихъ, я принялъ на себя, на время, мнѣ не принадлежащую должность, видя, что никто другой, кромѣ меня, не отважился бы взять ее. Упрекъ мой въ распоряженіяхъ и расходахъ экономическихъ былъ совершенно несправедливъ. Это я увидѣлъ ясно изъ вашего письма, гдѣ вы означили обстоятельно, на какія именно потребности забираются

Digitized by Google

товары у разносчиковъ и въ лавкахъ. Я имѣлъ въ виду не столько попрекнуть сестеръ за сдѣланное дѣло, сколько напомнить вообще объ аккуратности впредь, которой вообще у всѣхъ насъ, грѣшныхъ русскихъ людей, очень мало, начиная съ меня. Еще разъ прошу прощенія, какъ у васъ, маменька, такъ равно и у всѣхъ сестеръ. Отнынѣ, не только вы, которой, какъ матери, я не имѣю права давать упрековъ, но даже никто изъ моихъ сестеръ не получитъ отъ меня ни за что выговора. И скажу вамъ искренно, что я очень радъ, сложивши съ себя, наконецъ, эту непріятную и мнѣ не принадлежащую должность. Не сердитесь же на меня. Помните только то, что передъ вами вновь стоитъ благодарный и признательный сынъ вашъ. Вновь повторяю вамъ, если вы думаете, что я увѣренъ въ совершенствѣ моемъ и въ томъ, что я могу учить другихъ, вы впадете въ то же самое заблужденіе, въ которое впали и другіе. Никогда еще я не чувствовалъ такъ живо, что я ученикъ, что мнѣ нужно многому учиться, и никогда еще не страдалъ я такимъ желаніемъ учиться. Письмо ваше исполненное мнѣ выговоровъ, я принялъ съ благодарностью. Говорю вамъ это искренно, и перечитываю его нѣсколько разъ, потому что мнѣ это очень нужно. Не сердитесь же на меня. Меня это очень огорчитъ, тѣмъ болѣе, что я и безъ того неспокоенъ. Я чувствую уже и безъ того упреки совѣсти на душѣ своей...“ (Томъ VI, стран. 387—9).

Иной скажетъ: „Это притворство, Гоголь вовсе не чувствуетъ раскаянія, онъ только притворяется смирившимся“? Положимъ; но если онъ считалъ себя правымъ, тѣмъ тяжеле была ему необходимость принять на себя унизительную роль провинившагося въ нарушеніи самыхъ первыхъ обязанностей; чѣмъ меньше искренности въ просьбѣ о прощеніи, тѣмъ тяжеле просить его. Но читая письма Гоголя изъ аскетическаго періода, мало-помалу отвергаешь мысль, что тутъ говоритъ лицемѣръ (какъ ни вѣроятно кажется такое предположеніе сначала), и убѣждаешься, что онъ большею частью писалъ въ состояніи увлеченія, не говоря уже о томъ, что въ самомъ тонѣ слышится часто что-то задушевное, чтобы быть притворнымъ; все свидѣтельствуетъ о томъ, совершенное забвеніе ловкости и условныхъ приличій, о которыхъ никогда не забываетъ лицемѣръ, нелогичность объясненій и оправданій и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное повтореніе одной и той же, неловкой и неизмѣнной мысли въ десяткахъ писемъ къ разнымъ лицамъ: выдумщикъ говорилъ-бы связнѣе и правдоподобнѣе, и не оставался бы такъ однообразенъ въ своихъ выдумкахъ, даже самыхъ неловкихъ. Нѣтъ, видно, что въ головѣ Гоголя дѣйствительно слишкомъ упорно засѣли мысли, имъ выражаемыя.

Не относительно родныхъ только нарушалъ онъ въ своемъ аскетическомъ назиданіи всякія условія житейской осмотрительности: всѣмъ писалъ онъ такія вещи, которыми оскорблялся каждый его корреспондентъ; со всѣми своими друзьями ссорился онъ изъ-за назиданій, слишкомъ безцеремонно раздаваемыхъ отъ него всѣмъ и каждому; всѣ его пріятели бывали вынуждаемы или напоминать ему, что онъ нарушаетъ въ своемъ проповѣдничествѣ правила скромности и приличія, или прекращать сношенія съ нимъ, — и каждый разъ онъ скорбѣлъ о малодушныхъ и маловѣрныхъ, и удивлялся, что его нравственныя обличенія принимаются какъ оскорбленія. Вотъ одно небольшое письмо, которое, кажется намъ, внушено уже никакъ не притворствомъ,—въ немъ, дѣйствительно, говоритъ душевная скорбь:

1849 г.

„Какія странныя мнѣ привезъ отъ васъ Аксаковъ слова! Вы потому ко мнѣ не пишете, что не въ силахъ принять отъ меня совѣтовъ. Другъ мой, N. F., еслибъ вы

Digitized by Google

знали, какъ я далекъ отъ того, чтобы съумѣть кому либо дать умный совѣтъ! Я весь изстрадался. Я такъ боленъ, и душой я тѣломъ такъ расколебался весь, что одна сострадущая строчка вашего добраго участія могла бы быть мнѣ освѣжающей каплей; а вы вмѣсто (того) приказали передать мнѣ такія слова, точно какъ бы въ насмѣшку надо мной. Добрый другъ мой я боленъ...“ (Томъ VI, стр. 498).

Но какъ-же принималъ Гоголь тѣ оскорбленія, которымъ подвергался самъ. Конечно, каковы-бы ни были его убѣжденія, человѣкъ не можетъ совершенно заглушить въ себѣ самолюбія; особенно невозможно было это Гоголю, справедливо думавшему о себѣ очень высоко. Но очевидно, онъ и самъ старался подчинить свои чувства тѣмъ правиламъ смиренія, которыя внушалъ другимъ, старался принимать оскорбленія какъ справедливыя наказанія или какъ очистительныя страданія; часто ему, кажется, удавалось это. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма его къ Жуковскому, послѣ того, какъ онъ узналъ о строгой критикѣ, которою была встрѣчена его „Переписка съ друзьями“:

1847 г. 6 марта.

„Письмо отъ 6/18 февраля, пущенное изъ Франкфурта тобою съ извѣстіемъ о книгѣ моей, получено мною только третьяго дня, то есть 4 марта. Появленіе книги моей разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее. Но тѣмъ не менѣе, книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться для того, чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ“. (Томъ VI, стр. 350).

Эта манера рѣзкимъ образомъ отзываться о самомъ себѣ не можетъ быть сочтена ханжествомъ уже и потому, что съ самой молодости Гоголь имѣлъ привычку выражаться о себѣ подобнымъ языкомъ. Свою неудачу на университетской каѳедрѣ онъ излагалъ одному изъ своихъ друзей такъ:

1835 г. декабря 6.

„Я разстался съ Университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Не узнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесные гости, наводившіе на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч... Я тебѣ одному говорю это, другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!“ (Томъ V, стр. 246—7).

Тутъ (1835 г.) уже перемѣшаны презрительныя и гордыя выраженія о себѣ точно такимъ-же образомъ, какъ въ письмахъ по поводу „безславія“, нанесеннаго впослѣдствіи „Перепискою съ друзьями“.

Въ „Перепискѣ“ изумительно показалось то неуваженіе, съ которымъ Гоголь говоритъ о своихъ сочиненіяхъ — эта черта была вовсе не новостью въ его характерѣ. Изумительно въ „Перепискѣ“ показалось и то, что не-

Digitized by Google

справедливыя и вовсе неприличныя нападенія нѣкоторыхъ журнальныхъ враговъ на „Ревизора“ и „Мертвыя Души“ называетъ онъ не лишенными основательности и т. д. — все это говорилъ онъ и гораздо прежде. Въ 1838 году, за два или три года до развитія аскетическаго направленія, онъ уже писалъ своей матери:

1838 г. декабря 10.

„Мнѣ было точно пріятно читать, что вы встрѣтили тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ и, какъ кажется, провели время не скучно. Мнѣ даже было смѣшно нѣсколько, когда я добрался до того мѣста вашего письма, гдѣ поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятелями. Пожалуйста, вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ вы будете отвѣчать: „я не могу быть судьею его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что онъ добрый, меня любящій сынъ, и съ меня довольно“. И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ усугубится и къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ матери есть лучшая репутація человѣку, какую только онъ можетъ имѣть... Я объ этомъ потому заикнулся, что въ моихъ сочиненіяхъ очень, очень много грѣховъ, и тѣ, которые съ вами спорятъ, иногда бываютъ очень, очень справедливы. Я вамъ совѣтую иногда прочесть разборы въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и „Сѣверной Пчелѣ“ о моихъ сочиненіяхъ, и вы увидите, что ихъ вовсе не такъ хвалятъ, какъ вы объ нихъ думаете, и почти всегда эти замѣчанія справедливы. Но когда нибудь въ другое время поговоримъ объ этой статьѣ“. (Томъ V, стр. 350—51).

Странно также показалось въ „Перепискѣ“ увѣреніе Гоголя, что его литературныя заслуги достойны гораздо меньшаго уваженія, нежели какого были-бы достойны хорошія нравственныя качества, еслибъ имѣлъ ихъ. Но и это говорилъ онъ издавна: такъ, еще въ 1835 году, онъ писалъ матери:

1835 г. апрѣля 12.

„...Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня добраго, простаго человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, и называть геніемъ! Нѣтъ, маменька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его; иначе у насъ столько геніевъ, что и не протолпиться. И такъ я васъ прошу, маменька, не называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь. Не изъявляйте никакого мнѣнія о моихъ сочиненіяхъ и не распространяйтесь о моихъ качествахъ. Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте нѣсколько разъ. Это для меня лучшая похвала“. (Томъ V, стр. 239).

Кстати о сочиненіяхъ Гоголя. Есть люди, воображающіе, будто онъ, когда писалъ „Ревизора“, вовсе не имѣлъ въ виду нападать на взяточничество,—онъ, будто-бы, просто хотѣлъ написать смѣшную комедію. Это нелѣпая выдумка почти не стоитъ того, чтобы и опровергать ее; приведемъ, однако-же, нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, въ которыхъ Гоголь говоритъ о „Ревизорѣ“—изъ нихъ не видно, не только хотѣлъ-ли смѣшить или заставить содрогнуться публику „Ревизоромъ“, но также и то, что онъ хотѣлъ бы, если-бы позволяли ему обстоятельства, брать предметами своихъ горькихъ произведеній предметы болѣе важные, нежели мелкія плутни провинціальныхъ художниковъ:

„Я не написалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ

Digitized by Google

поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-й степени“, и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился—что изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она—какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу не оконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости!„ (Томъ V, стр. 173—174).

1836 г. апрѣля 29.

„...Я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на Московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ либо... Мочи нѣтъ. Дѣлайте что хотите съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью“. (Томъ V, стр. 254).

1836 г. мая 10.

„Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай—за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ, трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: „Мы не плуты“. Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе“. (Томъ V, стр. 255—6).

1836 г. мая 15.

„Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалковъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него————и кто же говоритъ? Что говорятъ————опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя

Digitized by Google

слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны; но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества, а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту—значитъ, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами,—утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ видѣнъ нигдѣ у меня, что, наконецъ... но не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня". (Томъ V, стр. 260—1).

Да, мы видимъ изъ этого, что Гоголь не только понималъ необходимость быть грознымъ сатирикомъ, понималъ также, что слаба еще и мелка та сатира, которою онъ долженъ былъ ограничиться въ „Ревизорѣ". Въ этой, оставшейся неудовлетворенною, потребности расширить границы своей сатиры надобно видѣть одну изъ причинъ недовольства его своими произведеніями. Въ періодъ аскетизма, это недовольство высказывалъ онъ страннымъ языкомъ, объясняя странными источниками; но та причина, которая высказана въ приведенныхъ нами отрывкахъ, обнаруживаетъ въ Гоголѣ то глубокое пониманіе обязанностей и предметовъ сатиры, которое только теперь начинаетъ переходить въ общее убѣжденіе.

Не знаемъ, нужно-ли было въ настоящее время доказывать, что Гоголь, каковы ни были его заблужденія въ послѣдній періодъ жизни, никогда не былъ отступникомъ отъ стремленій, внушившихъ ему „Ревизора"; доказывать, что какъ-бы ни были странны многія мнѣнія и поступки его съ 1840 г., онъ дѣйствовалъ вообще не по разсчетливому лицемѣрству—если въ этомъ уже были убѣждены всѣ наши читатели, тѣмъ лучше, хотя въ такомъ случаѣ статья наша лишилась-бы всякаго значенія. Но взявшись за изложеніе объ этомъ предметѣ мнѣній, давно уже подтверждавшихся „Авторскою Исповѣдью" и отрывками корреспонденціи, помѣщенными въ „Запискахъ о жизни Гоголя", и нынѣ еще болѣе подтверждаемыхъ изданіемъ его писемъ, мы должны привести изъ этихъ писемъ еще нѣсколько отрывковъ, кажущихся намъ интересными.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголя всѣ друзья увидѣли въ немъ меланхолика, между тѣмъ какъ прежде этого не думалъ о немъ никто. Мы уже привели изъ „Авторской Исповѣди" свидѣтельство самого Гоголя о томъ, что всегда, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ былъ человѣкомъ грустнаго характера. Но быть можетъ воспоминаніе обманывало его? Неужели въ самомъ дѣлѣ только судорожною шутливостью его обманывались друзья,

Digitized by Google

принимавшіе его нѣкогда за человѣка съ веселымъ характеромъ? Да, они обманывались. На 18 году, онъ уже былъ задумчивъ и печаленъ; ему уже нужно было увѣрять своихъ родныхъ, что онъ вовсе не такъ печаленъ, какъ кажется; но—среди этихъ увѣреній о веселости своего характера, онъ самъ выдаетъ себя, замѣчая, что часто думаетъ о томъ, какъ быть веселымъ. Плоха веселость этого юноши, который видитъ уже надобность придумывать, какъ-бы ему стать веселымъ.

1827 г. февраля 26.

„...Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости (разумѣется не буйной), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли, или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ". (Томъ V, стр. 47).

Не надобно дивиться тому, что слишкомъ много было ошибочныхъ сужденій о характерѣ Гоголя — этотъ характеръ былъ такъ многосложенъ, что еще въ ранней молодости уже казался загадочнымъ. По выходѣ изъ Нѣжинскаго Лицея, онъ писалъ матери:

1828 г. марта 1.

„Я не говорилъ никогда, что утерялъ цѣлыя 6 лѣтъ даромъ; скажу только, что нужно удивляться, что я могъ столько узнать еще. Вы изъявили сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что бы изъ этого было? Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія. Если не совершенно достигъ того, что мнѣ нужно, у меня не было другихъ путеводителей, кромѣ меня самого; а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много; силы и старанія имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало, напротивъ, они не другимъ чѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій.

Что же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обижался, что мало былъ принимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли что я внутренно самъ смѣялся надъ собой вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, началомъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ—уменъ, у другихъ—глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня не называйте мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на вѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ

Digitized by Google

состоянія заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно обтерся, ежели кому всякій разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій". (Томъ V. стр. 70—71).

Многосложенъ былъ характеръ Гоголя. Напримѣръ, неоспоримо то, что въ немъ сильно развилась уклончивость, столь неизбѣжно поселяемая почти въ каждомъ изъ насъ обстановкой нашей жизни; но въ тоже самое время онъ часто дѣйствовалъ съ прямотою, рѣдкою въ нашемъ обществѣ; изъ множества примѣровъ этого, приведемъ только одинъ. У многихъ-ли достало-бы прямодушія такъ откровенно объясняться съ друзьями, которые имѣли причину быть недовольными.

1847 г. 28 августа.

„Въ любви вашей ко мнѣ я никогда не сомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳѣевичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея,—тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права: я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ, Константинъ Сергѣевичъ. Въ противность составившейся обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, то есть, люблю угожденія и похвалы какихъ-то знатныхъ Маниловыхъ, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало. Обольстили меня не похвалы другихъ, но я самъ обольстилъ себя, какъ обольщаемъ себя мы всѣ; какъ обольщаетъ себя всякъ, кто сколько нибудь имѣетъ свой собственный образъ мыслей и слышитъ въ чемъ нибудь свое превосходство, какъ обольщаетъ себя въ великодушныхъ мечтахъ своихъ и любезный сынъ вашъ Костантинъ Сергѣевичъ, какъ обольщаемъ мы себя всѣ до единаго, грѣшные люди; и чѣмъ кто больше получалъ даровъ и талантовъ, тѣмъ больше себя обольщаетъ. А демонъ излишества, который теперь подталкиваетъ всѣхъ, раздуетъ такъ наше слово, что и смыслъ, въ которомъ оно сказано, не поймется". (Томъ VI, стр. 418—419).

Гоголь предался направленію, которое обыкновенно дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ къ бѣдности другихъ. Но именно въ то время, какъ предался ему, онъ сдѣлался человѣкомъ болѣе заботливымъ и сострадательнымъ, нежели когда-нибудь. Не говоримъ ни о его пожертвованіи своимъ наслѣдствомъ, ни о его намѣреніи положить въ банкъ сумму для поддержанія талантливыхъ молодыхъ людей, — эти факты знакомы каждому; приведемъ два случая, изъ менѣе извѣстныхъ. Въ 1847 году, въ эпоху „Переписки съ друзьями", онъ пишетъ одному изъ московскихъ литераторовъ, который былъ его казначеемъ.

1847 г., сентября 2.

„Еще прошу особенно тебя наблюдать за тѣми изъ юношей, которые уже выступили на литературное поприще. Въ ихъ положеніе хозяйственное стоитъ, право, взойти. Они принуждены бываютъ весьма часто изъ-за дневнаго пропитанія брать работы не по силамъ, и не по здоровью. Цѣна пять рублей серебромъ за печатный листъ, просто, безчеловѣчная. Сколько ночей онъ долженъ просидѣть, чтобъ выработать себѣ нужныя деньги. Особенно, если онъ при этомъ сколько нибудь совѣстливъ и думаетъ о своемъ добромъ имени. Не позабудь также принять въ соображеніе и то, что нынѣшнее молодое поколѣніе и безъ того болѣзненно, разстроено нервами и всякими недугами. Придумай, какъ бы прибавлять имъ отъ имени журналистовъ плату, которые будто бы не хотѣли сдѣлать это гласно, словомъ—какъ легче и лучше придумается. Это твое дѣло. Твоя добрая душа найдетъ, какъ это сдѣлать, отклоня всякую догадку и подозрѣніе о нашемъ съ тобою тепломъ личномъ участіи въ этихъ дѣлахъ". (Томъ VI, стр. 424).

Digitized by Google

Вотъ одно изъ его писемъ 1849 года:

1849 г. мая 12.

„Посылаю, добрая матушка, полтораста рублей сер. не для васъ собственно, но для раздачи тѣмъ бѣднымъ мужичкамъ нашимъ, которые больше всѣхъ другихъ нуждаются, на обзаведеніе и возможность производить работу въ текущемъ году, и особенно тѣмъ, у которыхъ передохъ весь скотъ. Авось они помолятся обо мнѣ. Молитвы теперь очень нужны. Я скорблю и болѣю, не только тѣломъ, но и душею. Много нанесъ я оскорбленій. Ради Бога, помолитесь обо мнѣ. О, помолитесь также о примиреніи со мною тѣхъ, которыхъ наиболѣе любитъ душа моя. На слѣдующей недѣлѣ буду писать къ вамъ...“ (Томъ VI, стр. 585).

Эти факты не нуждаются въ коментаріяхъ. Тотъ, кто, сдѣлавшись аскетомъ, продолжаетъ быть человѣкомъ сострадательнымъ, никогда не только не былъ, но и не могъ быть дурнымъ человѣкомъ.

Сомнѣвались въ его искренности и намѣреніяхъ, ради странности его заблужденій (возвращаемся въ послѣдній разъ къ этому предмету), — но возможно-ли это сомнѣніе послѣ такихъ писемъ, какъ, напримѣръ, слѣдующее:

1847 г. 25 мая.

„Статья Павлова говоритъ въ пользу Павлова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу моей книги. Я бы очень желалъ видѣть продолженіе этихъ писемъ: любопытствую чрезмѣрно знать, къ какому результату приведутъ Павлова его послѣднія письма. Покуда, для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ-же критикъ говоритъ, что онъ пишетъ письма свои затѣмъ, чтобы привести себя въ то самое чувство, въ какомъ онъ былъ предъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга (въ которой, по его мнѣнію, ничего нѣтъ новаго, а что и есть новаго, то ложь) сбила, однако-же, его совершенно съ прежняго его положенія (какъ онъ называетъ) *нормальнаго*. Хороше же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видитъ теперь, что этотъ возвратъ уже для него невозможенъ, и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ самъ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ *трехъ послѣднихъ повѣстяхъ*. Пожалуйста, этого явленія не пропусти изъ виду, когда возчувствуешь желаніе сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги“. (Томъ VI, стр. 401).

Читатель помнитъ превосходныя письма г. Павлова; онъ знаетъ, возможно-ли человѣку, хотя сколько-нибудь понимающему точку зрѣнія, съ которой разбираетъ „Переписку“ критикъ, полагать, что „Переписка“ можетъ принести какое-нибудь назиданіе г. Павлову? Развѣ не очевидно, что она кажется ему и не можетъ не казаться наборомъ пустыхъ общихъ мѣстъ, лживость которыхъ равняется только ихъ напыщенности? Каждому, сколько нибудь понимающему образъ мыслей критика, очевидно это.—Гоголю это не приходитъ и въ голову, напротивъ, ему воображается, будто „Переписка“, которая въ критикѣ вызвала только скорбь о заблужденіяхъ автора, чему-то очень многому, и очень полезному научила этого критика! Наивность этой мечты поразительна; то, что Гоголю могла прійти въ голову подобная мысль, уже одно можетъ совершенно доказать, что заблужденія Гоголя никакъ не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ воспоминаній, оставленныхъ въ немъ дѣтскими уроками. Онъ, какъ видимъ, совершенно не понималъ, что могутъ быть для убѣжденій иныя основанія, кромѣ тѣхъ, которыя были вложены въ него уроками дѣтства.

Часто говорятъ: Гоголь погибъ для искусства, предавшись направленію

Digitized by Google

„Переписки съ друзьями“. Если это понимать въ томъ смыслѣ, что и умственные и нравственные интересы, выраженные „Перепискою“, отвле его дѣятельность отъ сочиненія драмъ, повѣстей и т. п., въ этомъ мн есть часть истины: дѣйствительно, при новыхъ заботахъ у него оста менѣе времени и силы заниматься художественною дѣятельностью: кр того, и органическое изнеможеніе ускорялось новымъ направленіемъ. когда предположеніемъ о несовмѣстимости его новаго образа мыслей съ женіемъ искусству хотятъ сказать, что онъ въ художественныхъ св произведеніяхъ измѣнилъ-бы своей прежней сатирической идеѣ, то со шенно ошибаются. Хотя въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ втораго тома „Мертв Душъ“ встрѣчаются попытки на созданіе идеальныхъ лицъ, но общее правленіе этого тома очевидно таково-же, какъ и направленіе перваго т какъ мы уже имѣли случай замѣтить при появленіи 2-го тома, два тому назадъ. Кромѣ того, надо вспомнить, что когда явился первый т „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь уже гораздо болѣе года, быть можетъ, два, былъ преданъ аскетическому направленію — это обнаруживается п мами, — однакожь, оно не помѣшало ему познакомить свѣтъ съ Чичиков и его свитою.

Если этихъ доказательствъ мало, вотъ прямое свидѣтельство са Гоголя о томъ, что онъ въ эпоху „Переписки“ не видѣлъ возможн измѣнять въ художественныхъ произведеніяхъ своему прежнему направле Странныя требованія и ожиданія относительно присылки ему замѣчаний „Переписку съ друзьями“ убѣждаютъ, что эти строки писаны во вр самаго преувеличеннаго увлеченія ошибочными мечтами „Переписки“ „Завѣщанія“, — и тѣмъ большую цѣну пріобрѣтаютъ слова Гоголя о не можности изобразить въ художественномъ произведеніи жизнь съ прим тельной точки зрѣнія.

1847 г. 27 апрѣля.

„Появленіе моей книги, не смотря на всю ея чудовищность, есть для меня сл комъ важный шагъ. Книга имѣетъ свойства пробнаго камня: повѣрь, что на ней вс буешь какъ разъ нынѣшняго человѣка. Въ сужденіяхъ о ней непремѣнно высказ человѣкъ со всѣми своими помышленіями, даже тѣми, которыя онъ осторожно т отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія стоитъ. Вотъ почему мнѣ такъ хочется собрать всѣ толки всѣхъ о моей книгѣ. Хор бы прилагать при всякомъ мнѣніи портретъ того лица, которому мнѣніе принадлеж если лицо мнѣ незнакомо. Повѣрь, что мнѣ нужно основательно и радикально по пать общество, а не взглянуть на него во время бала, или гулянья: иначе у м долго еще будетъ все не въ попадъ, хотя-бы и возрасла способность творить. А эт вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую, дирающую книгу, которая заставила-бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что русск человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! Какъ будто можно *выдумать* это примир щее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно возьметъ теперь вліянія, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около котор ворочается нынѣшнее общество, и если въ немъ не выставлены тѣ люди, которые на нужны теперь и въ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого — его убьетъ пер романъ, какой ни появится изъ фабрики Дюма. Слова твои о томъ, какъ чорта выс вить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями. Уже съ давнихъ по

Digitized by Google

только и хлопочу о томъ, чтобъ послѣ моего сочиненія насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чортомъ". (Томъ VI, стр. 375—6).

Мы кончили наши извлеченія изъ „Писемъ" Гоголя,—уже слишкомъ много приведено нами выписокъ, большею частью утомительныхъ своею монотонностью и тяжелою странностью мыслей, но показавшихся намъ не лишенными важности для того, чтобы хотя нѣсколько разъяснить вопросъ о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ. Чтеніе писемъ его съ 1840 г. чрезвычайно утомительно и очень непріятно; но мнѣніе, внушаемое ими о Гоголѣ, выгодно, насколько можетъ быть выгодно мнѣніе о человѣкѣ, вдавшемся въ заблужденія, пагубныя для него самого, грустныя для всѣхъ поклонниковъ его великаго таланта и ума. Мы уже сказали, что свѣдѣнія, до сихъ поръ обнародованныя, слишкомъ еще не полны и вовсе недостаточны для того, чтобы составить о характерѣ и развитіи Гоголя, какъ человѣка, точное понятіе безъ опасности ошибиться. Но насколько мы можемъ судить о Гоголѣ по этимъ недостаточнымъ матеріаламъ, мы думаемъ, что наиболѣе близкое къ истинѣ мнѣніе будетъ слѣдующее.

Родившись среди общества, лишеннаго всякихъ прочныхъ убѣжденій, кромѣ нѣкоторыхъ аскетическихъ мнѣній, дошедшихъ до этого общества по преданію старины и ни мало неприлагающихся этимъ обществомъ къ жизни, Гоголь ни отъ воспитанія, ни даже отъ дружескаго кружка своихъ сверстниковъ не получилъ никакого содѣйствія и побужденія къ развитію въ себѣ стройнаго образа мыслей, нужнаго для каждаго человѣка съ энергическимъ умомъ, тѣмъ болѣе для общественнаго дѣятеля. Потомъ, проведя свою молодость въ кругу петербургскихъ литераторовъ, онъ могъ получить отъ нихъ много хорошаго для развитія формальной стороны своего таланта, но для развитія глубокихъ и стройныхъ воззрѣній на жизнь и это общество не доставило ему никакой пищи. Между тѣмъ, инстинктъ благородной и энергической натуры обратилъ его къ изображенію общественной жизни съ той стороны, которая одна могла въ то время вдохновлять истиннаго поэта, поэта идеи, а не только формы. Литературная извѣстность сблизила его съ нѣкоторыми литераторами, непринадлежащими къ петербургскому кружку, въ которомъ онъ жилъ, но пользовавшимися въ этомъ кружкѣ репутаціею замѣчательныхъ ученыхъ и мыслителей. Въ то время, Гоголь еще мало заботился объ общихъ теоріяхъ, и знакомство съ этими мыслителями пока еще не оказывало на него особеннаго вліянія: его мало занимали мысли, занимавшія ихъ; онѣ только западали, болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, въ его память, въ которой хранились нѣкоторое время безъ всякаго развитія и употребленія. Какъ мнѣніе петербургскаго литературнаго кружка, въ которомъ жилъ Гоголь, содѣйствовало сближенію его съ этими учеными, такъ оно воспрепятствовало сближенію его съ другими тогдашними литераторами, которые одни могли-бы имѣть полезное вліяніе на его умственное развитіе: Полевой и Надеждинъ не пользовались уваженіемъ людей, среди которыхъ жилъ Гоголь.

Юноша поглощенъ явленіями жизни; ему не время чувствовать потребность общихъ теорій, если эта потребность не развита въ немъ воспитаніемъ или обществомъ. Гоголь писалъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя волновали его

Digitized by Google

благородную натуру, и довольствовался тѣмъ, что разоблачаетъ эти вредныя явленія; о томъ, откуда возникли эти явленія, каково ихъ отношеніе къ общимъ принципамъ нашей жизни, никто ему не говорилъ, а самому ему еще рано было для такихъ отвлеченностей отрываться отъ непосредственнаго сосерцанія жизни. Собственно говоря, онъ не имѣлъ тогда никакого образа мыслей, какъ не имѣли его въ то время никто изъ нашихъ литераторовъ. Онъ писалъ такъ, какъ разсуждаетъ большая часть изъ насъ теперь, какъ судили и писали тогда почти всѣ: единственно по внушенію впечатлѣнія. Но впечатлѣніе, производимое безобразными явленіями жизни на его высокую и сильную натуру было такъ сильно, что произведенія его оживлены были энергіею негодованія, о которой не имѣли понятія люди, бывшіе его учителями и друзьями. Это живое негодованіе было внѣ круга ихъ понятій и чувствъ — они смотрѣли на него довольно индифферентно, не ободряя и не осуждая его мыслей слишкомъ рѣшительно, но совершенно сочувствуя формальной сторонѣ таланта Гоголя, которымъ дорожили за живость его картинъ, за вѣрность его языка, наконецъ за уморительность его комизма.

Слабость здоровья, огорченія, навлеченныя „Ревизоромъ“, и, быть можетъ, другія причины, остающіяся пока неизвѣстными, заставили Гоголя уѣхать за-границу и оставаться тамъ много лѣтъ, почти до конца жизни, посѣщая Россію только изрѣдка, и только на короткое время. Вскорѣ послѣ отъѣзда за-границу, начался для молодаго человѣка переходъ къ зрѣлому мужеству.

При развитіи, подобномъ тому, какое получилъ Гоголь, только для очень немногихъ, самыхъ сильныхъ умомъ людей настаетъ пора умственной возмужалости, та пора, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему недостаточно основываться въ своей дѣятельности только на отрывочныхъ сужденіяхъ, вызываемыхъ отдѣльными фактами, а необходимо имѣть систему убѣжденій. Въ Гоголѣ пробуждалась эта потребность.

Какими матеріалами снабдило его воспитаніе и общество для утоленія этой потребности? Въ немъ ничего не нашлось изъ нужныхъ для того данныхъ, кромѣ преданій дѣтства; тѣ умственныя вліянія, о которыхъ вспоминалъ онъ и съ которыми встрѣчался онъ въ заграничной жизни, всѣ склоняли его къ развитію этихъ преданій, къ утвержденію въ нихъ. Онъ даже не зналъ о томъ, что могутъ существовать иныя основанія для убѣжденій, могутъ быть иныя точки воззрѣнія на міръ.

Такъ развивался въ немъ образъ мыслей, обнаружившійся передъ публикою изданіемъ „Переписки съ друзьями“, передъ друзьями гораздо ранѣе, до изданія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“.

Въ статьѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго, мы говорили объ одномъ изъ тѣхъ людей, вмѣстѣ съ которыми, отчасти подъ руководствомъ которыхъ, жилъ теперь Гоголь. Теоретическія основанія были однѣ и тѣ-же у нихъ, но результаты, произведенные этою теоріею, вовсе не одинаково отразились и на нравственной, и на литературной, и даже на органической жизни Гоголя и его сотоварищей—учителей, потому что его натура была различна отъ ихъ натуръ. То, что оставалось спокойнымъ, ничему не мѣшающимъ и даже незамѣтнымъ во внѣшности у нихъ, стало у него бурнымъ, все одо-

Digitized by Google

лѣвающимъ, неудобнымъ для житейской и литературной дѣятельности и невыносимымъ для организма. Въ этомъ отношеніи, всѣ другіе, кромѣ Гоголя, были сходны съ Жуковскимъ, котораго мы и беремъ для сравненія съ Гоголемъ, ссылаясь на нашу статейку о сочиненіяхъ Жуковскаго, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году.

Умѣренность и житейская мудрость—вотъ отличительныя черты натуры Жуковскаго по вопросу о примѣненіи теоріи къ жизни. При такихъ качествахъ, теорія оказывалась содѣйствующею у Жуковскаго мудрому устроенію своей внутренней жизни, мирныхъ отношеній къ людямъ, ни мало не стѣсняющею силъ и дѣятельности таланта.

У Гоголя было не то. Многосложенъ его характеръ и до сихъ поръ загадочны многія черты его. Но то очевидно съ перваго взгляда, что отличительнымъ качествомъ его натуры была энергія, сила, страсть; это былъ одинъ изъ тѣхъ энтузіастовъ отъ природы, которымъ нѣтъ средины: или дремать, или кипѣть жизнью; увлеченіе радостнымъ чувствомъ жизни или страданіемъ, а если нѣтъ ни того, ни другаго—тяжелая тоска.

Такимъ людямъ не всегда опасны бываютъ вещи, которыя всѣмъ другимъ легко сходятъ съ рукъ. Кто изъ мужчинъ не волочится, кто изъ женщинъ не кокетничаетъ? Но есть натуры, съ которыми нельзя шутить любовью: стоитъ имъ полюбить, онѣ не отступятъ, и не побоятся ни разрыва прежнихъ отношеній, ни потери общественнаго положенія. Тоже бываетъ и въ отношеніи идей.—Человѣкъ „разумной середины“ можетъ держаться какихъ угодно теорій, и все-таки проживетъ свой вѣкъ мирно и счастливо. Но Гоголь былъ не таковъ. Съ нимъ нельзя было шутить идеями. Воспитаніе и общество, случай и друзья поставили его на путь, по которому безопасно шли эти друзья, — что онъ надѣлалъ съ собою, ставъ на этотъ путь, каждый изъ насъ знаетъ.

Но все-таки, что-же за человѣкъ былъ онъ въ послѣднее время своей жизни? Чему вѣрилъ онъ, это мы знаемъ; но чего теперь хотѣлъ онъ въ жизни для тѣхъ меньшихъ братій своихъ, которыхъ такъ благородно защищалъ прежде? — Этого мы до сихъ поръ не знаемъ положительно. Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что „Переписка съ друзьями“ замѣнитъ Акакію Акакіевичу шинель? Или „Переписка“ эта была у него только средствомъ внушить тѣмъ, которые не знали того прежде, что Акакій Акакіевичъ, которому нужна шинель, есть братъ ихъ? Положительныхъ свидѣтельствъ тутъ нѣтъ. Каждый рѣшитъ это по своему мнѣнію о людяхъ. Намъ кажется, что человѣкъ, такъ сильно любившій правду и ненавидѣвшій беззаконіе, какъ авторъ „Шинели“ и „Ревизора“, неспособенъ былъ никогда, ни при какихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ окаменѣть сердцемъ для страданій своихъ ближнихъ. Мы привели выше нѣкоторые факты, кажущіеся намъ доказательствами того. Но—кто поручится за человѣка, живущаго въ нашемъ обществѣ? Кто поручится, что самое горячее сердце не остынетъ, самое благородное не испортится? Мы имѣемъ сильную вѣроятность думать, что Гоголь 1850 г. заслуживалъ такого-же уваженія, какъ и Гоголь 1835 г.; но положительно мы знаемъ только то, что во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ глубокаго скорбнаго сочувствія:

Digitized by Google

„Спасите меня: возьмите меня!.. Домъ-ли то мой синѣетъ вдали, мать-ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Посмотри, какъ измучили они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ!“

— То, что у Алжирскаго Бея подъ самымъ носомъ шишка, вы, вѣроятно, знаете; но, быть можетъ, вы еще не читали окончанія „Повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ“? Оно помѣщено въ новомъ изданіи. Прочтемъ-же эти страницы: согласитесь, не годится кончать грустью воспоминанія о Гоголѣ.

„Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя! Въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, примѣра, чтобы какой-нибудь Копейкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ! „Грубіянъ!“—закричалъ онъ. „Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!“ А фельдъ-егерь уже тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужчина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, словомъ — дантистъ эдакой... Вотъ его, раба Божія, въ телѣжку, да съ фельдъ-егеремъ. „Ну, — Копейкинъ думаетъ,—по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо“, говоритъ, „вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ-бы; „хорошо“, говоритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого не извѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. И такъ куда дѣлся Копейкинъ, не извѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копейкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ, нѣкоторымъ образомъ, банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны. Все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь—копейка, забубенъ вездѣ такой—хоть трава не рости. Словомъ, судырь мой, у него, просто, армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если пріѣзжающій по какой-нибудь своей надобности, спросятъ только, зачѣмъ, да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный, провіантъ, или деньги, словомъ — все, что носитъ, такъ сказать, имя казны, — спуска никакого! Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышитъ-ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ,—онъ ужъ тамъ. Тотъ-же часъ требуетъ къ себѣ старосту: „Подавай, братъ, казенные оброки и подати!“ Ну, мужикъ видитъ — такой безногій чортъ, на воротникѣ-то у него, понимаете, жаръ-птица, красное сукно, пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой... „На, батюшка! вотъ тебѣ, отвяжись только!“ Думаетъ: „Ужь вѣрно, какой-нибудь капитанъ — исправникъ, а, можетъ, еще и хуже“. Только, судырь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ-же крестьянамъ пишетъ росписку, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, оправдать ихъ, что деньги точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, и принялъ вотъ такой-то капитанъ Копейкинъ, еще даже и печать свою приложитъ. Словомъ, судырь мой, грабитъ да и полно. Посылали было нѣсколько ротъ команды изловить его, но Копейкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались все такіе... Но, наконецъ, можетъ быть, испугавшись, самъ видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него собрался капиталецъ порядочный, онъ, судырь мой, за границу, и за границу-то, судырь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты! и пишетъ оттуда, судырь мой, письмо къ Государю, краснорѣчивѣйшее, какъ только можете себѣ вообразить. Въ древности Платоны и Демосѳены какіе-нибудь, все это, можно сказать, тряпка, дьячекъ въ сравненіи съ нимъ:

Digitized by Google

„Не подумай, Государь“, говоритъ, „чтобы я того и того... (круглоту періодовъ запустилъ такую)... Необходимость, говоритъ, была причиною моего поступка. Проливая кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ-бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй, говоритъ, моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мной; а окажи лучше Монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы, примѣромъ, за ними эдакое, можете себѣ представить, смотрѣніе...“ Словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно, его Монаршему сердцу было прискорбно... Хотя онъ точно былъ преступникъ и достоинъ, въ нѣкоторома родѣ, смертнаго наказанія, но видя, такъ сказать, какъ можетъ невинно иногда произойти подобное упущеніе... Да и невозможно, впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было возможно вдругъ устроить. Одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ. Словомъ, судырь мой, Государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе, повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ, исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть раненыхъ. И вотъ, судырь мой, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ, вотъ кто, судырь мой, этотъ капитанъ Копейкинъ. Теперь, я полагаю, вотъ что. Въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ-нибудь попробовать—не удастся-ли, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе...“

Да, какъ-бы то ни было, а великаго ума и высокой натуры человѣкъ былъ тотъ, кто первый представилъ насъ намъ въ настоящемъ нашемъ видѣ, кто первый научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ими. И что-бы напослѣдокъ ни сдѣлала изъ этого человѣка жизнь, не онъ былъ виноватъ въ томъ. И если чѣмъ смутилъ насъ онъ, все это миновалось, а безсмертны остаются заслуги его.

Мертвыя Души. *Окончаніе поэмы Н. В. Гоголя „Похожденія Чичикова“. Ващенко-Захарченко. Кіевъ. 1857.*

Что это за поддѣлка, являющаяся такъ нагло? Что это за г. Ващенко-Захарченко, такъ дерзко заимствующій для своего издѣлія заглавіе книги и имя Гоголя, чтобы доставить сбытъ ни-куда-негодному товару.

Г. Ващенко-Захарченко не какой-нибудь несчастный, доводимый до всякихъ продѣлокъ необходимостью; -- это не то, что А. А. Орловъ или Сиговъ, которымъ когда-то лавочники Толкучаго рынка, торгующіе бумажнымъ товаромъ, заказывали книжечки въ два-три листа, печатавшіяся подъ заглавіемъ романовъ, имѣвшихъ успѣхъ, напримѣръ „Графиня Рославлева или супруга-героиня, отличившаяся въ знаменитую войну 1812 г.“ — эти поддѣлки хотя сколько-нибудь извиняются крайнимъ невѣжествомъ поддѣльщика.

Но книга г. Ващенко-Захарченко приводитъ къ другимъ мыслямъ. Это довольно большой томъ, напечатанный на порядочной бумагѣ, довольно сноснымъ шрифтомъ,—видно, что г. Ващенко-Захарченко имѣетъ нѣкоторое понятіе о томъ, каковы бываютъ порядочныя книги; что всего хуже, видно, что онъ человѣкъ, имѣвшій случай посѣщать порядочное общество: онъ

Digitized by Google

знаетъ, по какому порядку происходятъ дворянскіе выборы, какія кушанья подаются на столъ у богатыкъ помѣщиковъ, онъ, кажется, имѣетъ даже нѣкоторое понятіе объ университетскомъ образованіи. Какъ-же онъ, человѣкъ, имѣющій, вѣроятно, нѣкоторое понятіе о томъ, что такое литература, отважился на пошлое дѣло.

Разсчетъ г. Ващенко-Захарченко былъ не совсѣмъ ошибоченъ: мы слышали уже отъ двухъ-трехъ человѣкъ вопросъ о томъ, какова его книга; вѣроятно, найдутся такіе ловкіе продавцы, которые будутъ пытаться высылать ее въ провинціи, какъ сочиненіе Гоголя. Журналы должны предупредить этотъ обманъ, и потому мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о книгѣ, написанной г. Ващенко-Захарченко.

Вотъ предисловіе, по которому читатель можетъ видѣть, что г. Ващенко-Захарченко воображаетъ владѣть юмористическимъ словомъ:

„Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, узнавъ о смерти Н. В. Гоголя и о томъ, что его поэма „Мертвыя Души“ осталась неоконченною, вздохнулъ тяжело и, давъ рукамъ и головѣ приличное обстоятельству положеніе, съ свойственною ему одному манерою, сказалъ: похожденія мои—произведеніе колоссальное касательно нашего обширнаго отечества, мануфактуръ, торговли, нравовъ и обычаевъ. Окончить его съ успѣхомъ могъ одинъ только Гоголь. Родственники генерала Бетрищева просили меня письменно уговорить васъ окончить „Мертвыя Души“. Изъ моихъ разсказовъ (т. е. *„съ моихъ разсказовъ“, „по моимъ разсказамъ“ — г. Ващенко-Захарченко могъ бы выучиться употребленію русскихъ предлоговъ прежде, чѣмъ писать окончаніе „Мертвыхъ Душъ“*) вамъ легко будетъ писать, а какъ я вдвое старѣе васъ, то вы вѣрно будете видѣть, чѣмъ кончится мое земное поприще. Исполните же просьбу генерала Бетрищева и его родныхъ. Я знаю, что они первые будутъ ругать васъ; но я утѣшу васъ мыслію, что окончаніе „Мертвыхъ Душъ“ будетъ не только пріятно, но и полезно въ геморроидальномъ отношеніи. А. Ващенко-Захарченко“.

Господинъ А. Ващенко-Захарченко такъ восхищенъ своею остроумною выдумкою, что на оборотѣ заглавнаго листа, подъ цензорскимъ разрѣшеніемъ печатать книгу, приложилъ свою подпись, обведенную кольцомъ въ видѣ печати. Онъ не ошибся: дѣйствительно, интересно видѣть почеркъ, интересно было-бы видѣть и лицо человѣка, отважившагося на такой подлогъ.

Книга написана съ остроуміемъ и смысломъ сочиненій г. Анаевскаго; разница только въ томъ, что г. Анаевскій не ошибается въ употребленіи предлоговъ и буквы *ы*, а г. Ващенко-Захарченко пишетъ „изъ моихъ разсказовъ“ вмѣсто: „по моимъ разсказамъ“, „барння“, „баришня“: „рижій“; „порижѣть“.

Смысла въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго; но если вы хотите знать, о чемъ въ ней говорится безъ смысла, то знайте, что остроумный г. Ващенко-Захарченко разсказываетъ, какъ Чичиковъ, освободившись изъ острога, куда его посадили, неизвѣстно зачѣмъ и по какому дѣлу, ѣдетъ навѣстить родственниковъ генерала Бетрищева, продаетъ свои мертвыя души на выводъ какому-то скупцу Мѣдяникову, получаетъ за нихъ до 60.000 р. серебромъ, женится на богатой помѣщицѣ и умираетъ, поглупѣвъ отъ старости. На каждой страницѣ есть нѣсколько фразъ, безграмотнымъ и безсмысленнымъ образомъ вытащенныхъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ и прикрашенныхъ остроуміемъ самого г. Ващенко-Захарченко. Такъ напримѣръ, безпрестанно упоминается о фракѣ цвѣта наваринскаго дыма съ пламенемъ, на каждой стра-

Digitized by Google

ницѣ Чичиковъ говоритъ, что онъ ѣздитъ по Россіи, навѣщая родственниковъ генерала Бетрищева и отъискивая климатъ удобный въ геморроидальномъ отношеніи; кромѣ того, авторъ отъ себя придумываетъ разныя варіаціи на фразу, что Чичиковъ кланяется съ ловкостью военнаго человѣка, — „Чичиковъ поклонился съ ловкостью танцмейстера", „Чичиковъ поклонился съ ловкостью гусара" и т. д. — въ этихъ фразахъ и состоитъ остроуміе г. Ващенко-Захарченко. Для образца таланта и смысла его, мы беремъ наудачу слѣдующій отрывокъ, исправляя грамматическія ошибки, — которыя очевидно принадлежатъ не корректору, а самому г. Ващенко-Захарченко.

„Чичиковъ приказалъ везть себя къ Распузину.

„Распузинъ былъ не богатъ, но тароватъ, и умѣлъ копѣйку на ребро ставить. Выписывалъ онъ всѣ русскіе журналы и не только читалъ ихъ съ удовольствіемъ, но ссужалъ даже ими тѣхъ, которые брали книги и газеты для тона, а не имѣли охоты заняться новостями политики и литературы, бывъ погружены въ животный сонъ и разговоры о хозяйствѣ и скотномъ дворѣ (*Что за безсмыслица? зачѣмъ же они брали книги, если не имѣли охоты читать ихъ?)* Сосѣди Распузина были два брата, богатые люди, вдовцы, толстяки, скупцы, безъ всякаго образованія и желаній. У нихъ было одно въ головѣ: какъ бы побольше уничтожить свою и покупную въ овощной лавкѣ провизію. Кулебяки и буженина были у нихъ настольными яствами. Объемистые и эластическіе ихъ желудки были постоянно полны въ противоположность головѣ, вѣчно пустой.

„— Не люблю этихъ животныхъ, ненавижу ихъ: не умѣютъ дѣтей воспитать. Это скоты и невѣжды. Такъ говорилъ Распузинъ гостю, сидѣвшему противъ него и перелистывавшему иллюстрированное изданіе.

„— Ну, ты не зналъ ихъ женъ. Умора просто, да и конецъ. Одна изъ супругъ ходила вѣчно въ перчаткахъ, ее называли М-ше Чесотье, сказалъ, положа книгу, пріятель Распузина:—а другая была зла, какъ пантера, и, къ счастію всего деревенскаго народонаселенія, все свое время свободное употребляла она на драку съ мужемъ. Прислугу оставляла въ покоѣ, а все этого барина безпокоила. Вѣчно у него были подбиты глаза, исцарапана рожа и руки.

„— Я не могу ихъ двухъ равнодушно видѣть. Не мое дѣло, конечно, но я не утерпѣлъ, и въ разговорѣ, подошедшемъ кстати, сказалъ, что пора уже намъ стряхнуть съ себя невѣжество, а если мы въ немъ загрубѣли, окаменѣли, то станемъ воспитывать дѣтей нашихъ такъ, чтобы они сдѣлались полезными гражданами государству и человѣчеству. Поняли ли они? Я думаю, что нѣтъ.

„— Они не поняли, но были тамъ и тѣ, которые отлично все постигаютъ, но притворяются и скрываютъ свои мысли подъ видомъ простоты. А! обратился хозяинъ къ вошедшему господину, довольно серьезной наружности: collega! — Тутъ Распузинъ пожалъ гостю руку и сказалъ, обратясь къ прежнему: рекомендую тебѣ магистра, Петра Иваныча Кулисновикова, моего товарища по естественному факультету. Ориктогнозію и ботаническую систематику мы слушали вмѣстѣ. Я былъ своекоштнымъ и учился плохо; а онъ былъ казеннымъ студентомъ и не даромъ носилъ это имя.

„Хозяинъ взглянулъ въ окно, и увидѣлъ въѣзжавшаго на парѣ, во дворъ, Чичикова. Селифанъ какъ то не ловко правилъ парой, и Петрушка тоже немного конфузился, сидя на козлахъ.

„— Ѣдетъ ко мнѣ еще кто то, да не знакомый долженъ быть. Добро пожаловать! прошу покорно сюда! кричалъ хозяинъ вошедшему Павлу Ивановичу, который скидалъ галоши и шинель, и вмѣстѣ съ этимъ ловко раскланивался.

„— Я Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, сказалъ новый гость, вошедши въ столовую, гдѣ были всѣ, и, пожимая хозяину руки, прибавилъ:—ѣзжу я уже не одинъ годъ по пространной Россіи, какъ для посѣщенія родныхъ моего друга, генералъ-лейтенанта Бетрищева, такъ и для наблюденій надъ тѣмъ воздухомъ, который благорастворенѣе въ геморроидальномъ отношеніи.

Digitized by Google

„— Покорнѣйше прошу садиться, очень радъ, очень радъ, сказалъ хозяинъ, и давъ знакъ магистру глазами, чтобъ онъ занялъ новаго гостя, самъ вышелъ.

„— Должно быть вы, окончивши курсъ, еще нѣсколько лѣтъ занимались естественными науками, спросилъ прежній гость магистра: — и въ нихъ далеко подвинули всѣ новыя открытія?

„— Конечно, я былъ посыланъ на счетъ университетскихъ суммъ за границу, и обогатилъ естественныя науки важными открытіями.

„Вотъ куда я попалъ, подумалъ Павелъ Ивановичъ:—вотъ здѣсь узнаю я многое, и многому научусь полезному и даже необходимому". Чичиковъ съ явнымъ предпочтеніемъ смотрѣлъ на магистра, бывшаго на казенный счетъ за границей.

„— Я право не припомню, сказалъ магистръ, обратясь къ Чичикову:—мнѣ послышалось, что и вы наблюдали что то, такъ позвольте узнать, не съ собратомъ ли я имѣю честь познакомиться? Не вы ли трудились *(т. е. вы не трудились ли,— г. Ващенко-Захарченко не выучился и словъ располагать сообразно грамматическому смыслу)* на поприщѣ естествоиспытанія? Вы, вѣроятно, занимались...

„— Отчасти занимался, и всѣмъ по немногу, сказалъ озадаченный Чичиковъ, но, къ сожалѣнію, не знаю новѣйшихъ открытій; а вотъ вы, только что пріѣхали изъ за границы, вѣроятно сообщите намъ результаты вашей поѣздки.

„— Съ удовольствіемъ. Первые три года я наблюдалъ жизнь и строеніе мховъ въ понтійскихъ болотахъ. Трудъ мой былъ напечатанъ на суммы университета. Другіе три года я посвятилъ зоологіи. Сочиненіе мое „Зоотомія улитокъ" заслужило первую премію, и бросило особенный взглядъ на жизнь этихъ тварей. Теперь я тружусь надъ зоологіей щупальцевыхъ насѣкомыхъ, думая обратить все вниманіе на таракановъ и тому подобныхъ домашнихъ насѣкомыхъ. Наука будетъ обогащена новыми по этой части открытіями. Магистръ важно понюхалъ табаку и утерся платкомъ.

„Толкуетъ онъ о мхахъ, а на кой чортъ они мнѣ? Мхи, тараканы, улитки и... много онъ пользы принесетъ поѣздкой за границу! Билъ вѣрно баклуши! Лучше бы тамъ мнѣ этакую зоотомію пеньки представилъ, или орнитогнозію льну. Мхи, мхи! На кой чортъ они намъ твои мхи, хоть они и понтійскіе!" — Павелъ Ивановичъ, выслушавъ рѣчи магистра, разсердился не на шутку, купилъ у хозяина гнѣдую упряжную лошадь, далъ ей имя засѣдатель, въ воспоминаніе павшаго коня, попрощался *(т. е. простился)* съ Распузинымъ, и поѣхалъ въ городъ, очень недовольный свѣтомъ и людьми.

„Гдѣ счастье обитаетъ? Гдѣ его можно найти? Вотъ, слава Богу, и деньги есть, и слава Богу, я здоровъ; но все чего то недостаетъ, а недостаетъ счастья. Буду его искать? Только бы оно не бѣжало по свойственной ему гадкой привычкѣ. И жениться пора мнѣ не только пришла, но даже проходитъ. Испытаю, можетъ быть это и есть подлинное счастье: хорошенькая, кругленькая дѣвочка, невинная какъ ангелъ, съ приличными красотами тѣла, съ пріятными глазками и ротикомъ, манящимъ поцалуй. Приволокнуться развѣ при удобномъ случаѣ? Человѣкъ я солидный, довольно сносной наружности, все, что нужно для супружескаго спокойствія, у меня есть, отчего же не составить приличной партіи? Даю себѣ слово, при первомъ случаѣ, не откладывать, а приступить рѣшительно къ дѣлу. Миѳологія говоритъ о Гименеѣ, какъ о добромъ божествѣ, а о злыхъ богахъ супружества умалчиваетъ. Можетъ быть тогда на счетъ спокойствія семейной жизни были совсѣмъ другія правила, и эти непріятели общаго благоразумія были содержаны въ заперти, и вотъ причина тогдашняго кроткаго удовольствія, которое заключало супружество. Злые люди, въ особенности холостяки, завидуя счастію женатыхъ друзей и пріятелей, видя, какъ жены ухаживаютъ за ними, хлопочатъ, чтобы имъ былъ поданъ супъ съ пирожками, соусы, жаркія и малина со сливками, густыми какъ сметана,—позавидовали. Не питая сами надеждъ надѣть цѣпи супружества, они хлопотали у боговъ, и тѣ послушали и выпустили: моду, фасонъ, волокитство и другіе, симъ подобные бичи семейнаго благополучія". Павелъ Ивановичъ, давно достигнувъ средствъ содержать себя и семейство прилично, ту минуту женился бы, но Неонилла Ивановна сдѣлала его поосторожнѣе и прохолодила (Неонилла

Digitized by Google

Ивановна дѣвица, на которой г. Ващенко-Захарченко собирался женить Чичикова, и которая хотѣла его высѣчь передъ самымъ отправленіемъ подъ вѣнецъ. — Эта сцена очень остроумна у г. Ващенко-Захарченко). „Терпѣлъ ты, пузантикъ, думалъ Павелъ Ивановичъ, долго плылъ ты по бурному океану жизни, видна гавань, какъ бы не разбиться о подводные камни. Осторожность была матерью всѣхъ счастливо оканчивающихся предпріятій, она одна полезна во многихъ отношеніяхъ, не исключая и геморроидальнаго".

Не говоримъ о томъ, есть-ли хотя искра таланта у автора,—конечно, человѣкъ хотя съ малѣйшимъ признакомъ таланта не подумалъ-бы о пошлой продѣлкѣ, къ которой прибѣгъ г. Ващенко-Захарченко; не говоримъ о томъ, понимаетъ-ли онъ сколько-нибудь мысль творенія, заглавіе котораго ставитъ на заглавномъ листѣ своей книги, или характеръ лица, приключенія котораго хочетъ досказывать,—разумѣется, напрасно и говорить о томъ: если-бы г. Ващенко-Захарченко сколько-нибудь понималъ „Мертвыя Души" и Чичикова, онъ не рѣшился-бы выкинуть штуку, которая въ своемъ родѣ не лучше продѣлокъ Чичикова, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что Чичиковъ свои продѣлки велъ какъ человѣкъ умный, а г. Ващенко-Захарченко— вовсе не такъ. Нѣтъ, мы хотимъ спросить не о томъ, можетъ-ли быть какое-нибудь литературное достоинство въ книгѣ, состоящей изъ отрывковъ, подобныхъ приведенному нами, а только о томъ, есть-ли хотя малѣйшій смыслъ въ нелѣпыхъ страницахъ, нами выписанныхъ?

Если имя „Ващенко-Захарченко" не настоящая фамилія автора поддѣлки, отъ которой мы предостерегли читателя, — если это не истинная фамилія, а псевдонимъ, мы очень рады тому: авторъ продѣлки или раскаивается уже, или скоро будетъ раскаиваться въ своей наглости, — если „Ващенко-Захарченко" псевдонимъ, авторъ, быть можетъ, успѣетъ укрыться отъ посрамленія, переселиться куда-нибудь въ такой уголокъ, гдѣ не знаютъ подлинной фамиліи, скрывшейся подъ псевдонимомъ; если-же „Ващенко-Захарченко" — не псевдонимъ, а подлинное имя человѣка, сдѣлавшаго эту недостойную дерзость, мы искренно сожалѣемъ о его судьбѣ: онъ своею безразсудной наглостью навѣкъ испортилъ свою репутацію.

Очеркъ русскаго вексельнаго права, *чтенія Д. И. Мейера въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, изданныя по запискамъ слушателей, подъ редакціею А. Вицына. Казань. 1857.*

Большинству русской публики все еще слишкомъ мало извѣстно имя покойнаго Мейера, одного изъ тѣхъ героевъ гражданской жизни, всѣ силы которыхъ посвящены осуществленію идей правды и добра; тѣхъ героевъ, о которыхъ не вспоминаетъ безъ благоговѣнія ни одинъ знавшій ихъ человѣкъ, на какое-бы поприще дѣятельности ни поставила ихъ судьба. Есть люди, которые способны совершать подвиги доблести только тогда, когда наградою за то служитъ слава, которыхъ энергія не выноситъ безвѣстности. Мейеръ былъ не таковъ. Казанскій Университетъ, въ которомъ находился онъ профессоромъ, не могъ обращать на себя вниманія всей Россіи; знаменитость, въ немъ пріобрѣтаемая, не простиралась далѣе тѣснаго круга воспитанниковъ его: для Мейера было все равно, и онъ работалъ съ такою-же энер-

Digitized by Google

гіею, какъ если-бы занималъ каѳедру въ Сорбоннѣ или Берлинѣ; съ такою же энергіею работалъ-бы онъ и тогда, если-бы былъ не профессоромъ университета, а темнымъ учителемъ какого-нибудь приходскаго училища. Часто мы говоримъ: исполняйте ваши обязанности, какъ-бы ни былъ тѣсенъ кругъ вашего дѣйствія; но только очень немногіе изъ насъ имѣютъ силу исполнять это правило. Мейеръ былъ однимъ изъ такихъ исключеній. Но и между этими малочисленными исключеніями онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Обыкновенно люди, неутомимо трудящіеся на скромномъ поприщѣ, почерпаютъ свою энергію отчасти въ недостаткѣ дарованій для дѣятельности на поприщѣ болѣе широкомъ; только очень немногіе изъ нихъ съ доблестнымъ стремленіемъ соединяютъ такіе таланты, что по плечу имъ пришлось-бы исполненіе только самыхъ высокихъ обязанностей. Вашингтонъ — рѣдкое явленіе не только по своей непреклонной честности и великимъ талантамъ, но и потому, что одинаково ревностно исполнялъ свою обязанность въ самыхъ неважныхъ положеніяхъ, между тѣмъ какъ собственно былъ созданъ только для верховнаго управленія дѣлами цѣлой націи. Онъ, великій полководецъ и правитель, былъ нѣкогда столь-же примѣрнымъ офицеромъ маленькаго отряда, столь-же примѣрнымъ управителемъ имѣнія. До насъ дошли съ поэтическими украшеніями характеры древнихъ героевъ—Регуловъ и Цинциннатовъ, которые пахали землю своего маленькаго участка съ такимъ-же усердіемъ, какъ и трудились для спасенія отечества,—мы не вѣримъ, чтобы они въ дѣйствительности были таковы. Но среди насъ встрѣчаются подобныя натуры. Объ одномъ изъ такихъ людей, покойномъ Д. П. Журавскомъ, недавно сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній г. Самаринъ („Русская Бесѣда", 1857, № 2). Другой такой человѣкъ былъ Мейеръ. Жаль, что нація узнаетъ этихъ людей обыкновенно уже послѣ ихъ смерти.

Высокій умъ и героическое служеніе своимъ идеямъ соединялось въ Мейерѣ съ непреклонною честностью въ личныхъ дѣлахъ,—съ тою честностью, которая уже одна сама по себѣ могла-бы сдѣлать человѣка достойнымъ славы. Добрыхъ людей и благородныхъ людей много на свѣтѣ, но мало такихъ, которые-бы доходили до совершенства, какимъ украшается Эпаминондъ въ разсказѣ Плутарха, — „Эпаминондъ", „не шутившій никогда, потому что шутку считалъ уже нарушеніемъ правды". Мы не вѣримъ разсказу Плутарха, но среди насъ встрѣчаются подобные люди. Отъ строгой правды ничто, никогда, ни на волосъ не могло отвратить Мейера. Не только каждый его поступокъ, каждое его слово находилось въ такомъ-же строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что внушало ему зрѣлое убѣжденіе, какъ каждое слово въ приговорѣ справедливаго судьи.

Непреклонная честность чаще всего соединяется съ нѣкоторою суровостью сердца, -но каковъ былъ въ этомъ отношеніи Мейеръ, лучше всего покажетъ одинъ случай его жизни. Переведенный въ Петербургскій Университетъ, Мейеръ вскорѣ по пріѣздѣ былъ уже при дверяхъ гроба: въ немъ развилась чахотка. Онъ не выходилъ изъ комнаты; но знакомые еще не теряли надежды. У одного изъ его друзей было важное дѣло, въ рѣшеніи котораго участвовалъ-бы Мейеръ, еслибъ былъ здоровъ. Но онъ лежалъ въ изнеможеніи смертельной болѣзни. Его пріятель началъ свое дѣло—оно

Digitized by Google

пошло неудачно; оскорбленный искатель хотѣлъ прекратить свой искъ и занемогъ отъ оскорбленія. Мейеръ узналъ о томъ. Искъ его друга казался ему справедливымъ; выигрышъ дѣла былъ слишкомъ важенъ для этого человѣка. Мейеръ велѣлъ одѣть себя, его вывели или вынесли и положили на сани—дѣло было зимою—его покрыли шубами, и онъ поѣхалъ, черезъ весь Петербургъ, къ своему другу, жившему на другомъ концѣ города. „Твое дѣло право; ты долженъ собрать послѣднія физическія силы и явиться въ среду въ то засѣданіе, гдѣ рѣшается твоя участь. Я буду тамъ". Пріятель уговаривалъ его не подвергать себя смерти новымъ путешествіемъ по зимнему воздуху и волненіемъ, которое было-бы неизбѣжно для Мейера при защитѣ его. Но Мейеръ былъ непреклоненъ. „Будешь ты, или не будешь тамъ въ среду, а я буду. Не заставь-же меня ждать тамъ тебя понапрасну". Тогда пріятель, видя, что отказаться нельзя, сталъ говорить, что надобно отсрочить дѣло до субботы: „Я еще очень слабъ, говорилъ онъ:—если ты не жалѣешь себя, то дай мнѣ нѣсколько оправиться отъ болѣзни". Мейеръ не соглашался на отсрочку, пріятель съ своей стороны доказывалъ необходимость ея для себя. Долго убѣждалъ его Мейеръ, — тотъ рѣшительно не соглашался на среду и требовалъ срока до субботы. „Ты наконецъ заставляешь меня сказать то, чего я не хотѣлъ говорить: видишь-ли, въ среду я навѣрное могу быть въ засѣданіи, потому что буду еще живъ. А за субботу не ручаюсь". Въ среду Мейеръ и его другъ явились въ засѣданіе, дѣло друга было выиграно, благодаря энергіи Мейера. Въ субботу Мейеръ уже не былъ въ живыхъ.

Да, такой человѣкъ дѣйствительно достоинъ имени человѣка.

Вы говорите о герояхъ — есть они и между нами. Да, есть у насъ люди, которыми можетъ гордиться земля наша.

Но... зачѣмъ они погибаютъ обыкновенно такъ рано? И по какому печальному совпаденію обстоятельствъ слишкомъ часто погибаютъ они именно въ то время, когда всего болѣе становились полезными?

Изъ темной Казани, Мейеръ переведенъ въ Петербургъ. Вотъ теперь-то на всю страну нашу расширится вліяніе его дѣятельности, теперь-то быстро прославится онъ, доселѣ почти безвѣстный... скоро, быть можетъ, призовутъ его отъ каѳедры къ участію въ государственной дѣятельности, какъ призывали его предшественника по каѳедрѣ.

Мейеръ умираетъ.

Съ нимъ-ли однимъ такъ было? То-же было съ Журавскимъ, то-же было съ Жиряевымъ; то-же было, если вѣрны слухи о высокомъ назначеніи, готовившемся Грановскому, и съ Грановскимъ. И съ многими другими такъ было на нашихъ глазахъ.

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла!

И скажите, что за странность, что мы не боимся хвалить по достоинству только тѣхъ добрыхъ, которыхъ уже сокрыла могила? Отчего мы такъ мало и такъ робко говоримъ о достоинствѣ живыхъ? Отчего мы такъ медлимъ указывать другъ другу тѣхъ живыхъ, которымъ должно принадлежать высокое мѣсто между нами по ихъ дарованіямъ, соединеннымъ съ граждан-

Digitized by Google

скою доблестью? Усопшимъ—честь; но отъ уваженія къ живымъ, достойнымъ чести, должны мы ждать блага.

Впрочемъ, хорошо и то, что мы начали думать хотя о возданіи чести усопшимъ. Почитатели Мейера заботятся о томъ, чтобы составлена была его біографія. Другіе почитатели его взялись за изданіе его лекцій.

Книга, напечатанная теперь подъ редакціею г. Вицына, должна быть считаема частью послѣдняго изданія.

О погашеніи государственныхъ долговъ, *сочиненіе Александра Запасника. Спб. 1857.*

Разсужденіе г. Запасника заключаетъ довольно подробный обзоръ выгодъ и невыгодъ, представляемыхъ различными средствами для погашенія государственныхъ долговъ. Изложеніе не отличается особенными достоинствами, но составлено вообще внимательно. Мы не знаемъ только, зачѣмъ авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія предметъ, почти вовсе не имѣющій связи ни съ однимъ изъ тѣхъ живыхъ вопросовъ, которыми такъ богата политическая экономія. Не говоря уже о другихъ частяхъ политической экономіи, въ томъ одномъ отдѣлѣ этой науки, который относится къ государственнымъ финансамъ, легко было-бы ему найти десятки вопросовъ гораздо болѣе привлекательныхъ своимъ живымъ интересомъ; напримѣръ, въ дѣлѣ государственныхъ доходовъ представляются вопросы о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ, о прогрессивномъ налогѣ, о тарифѣ, о повинностяхъ, отправляемыхъ натурою и т. д. и т. д.

Слѣдуя въ своихъ сужденіяхъ мнѣніямъ, принимаемымъ учеными, которые считаются авторитетами политической экономіи, г. Запасникъ не говоритъ почти ничего рѣзкаго, такъ что почти всегда его слова могутъ быть одобрены во имя авторитетовъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ въ его книгѣ почти ничего свѣжаго, и не возбуждаетъ она никакой охоты къ порицанію или похваламъ. Одну только странность можно въ ней замѣтить, но и та, вѣроятно, объясняется отношеніями автора: довольно странно читать перечни авторитетовъ, составленные, напримѣръ, такимъ образомъ. — Сказавъ, что многіе экономы заблуждались въ сужденіяхъ своихъ о вліяніи государственнаго долга на общественное благосостояніе, г. Запасникъ продолжаетъ: „Нѣкоторые изъ государственныхъ экономовъ, какъ: Д. Юмъ, А. Смитъ, Ж. Б. Сэ, Сисмонди, Небеніусъ, проф. Горловъ, А. Бутовскій и проф. Бунге, критически разобрали мнѣнія сихъ писателей или способствовали развитію правильнаго понятія о вліяніи государственныхъ долговъ“. Г. Бутовскій и г. Горловъ могутъ имѣть великія ученыя достоинства, но до сихъ поръ едва-ли кто-нибудь произносилъ ихъ имена вслѣдъ за именами Юма, Адама Смита, Сэ и Сисмонди.

Можно еще замѣтить, что г. Запасникъ, повидимому, мало обращаетъ вниманія на мнѣнія нѣкоторыхъ новыхъ писателей, во многомъ исправившихъ понятія, развитыя учеными предшествовавшихъ школъ. Чтобы обратить его вниманіе на этотъ предметъ, мы разсмотримъ мнѣніе, повторяемое имъ со словъ старой школы о выгодахъ погашенія государственныхъ долговъ

Digitized by Google

продажею государственныхъ имуществъ. Эти страницы въ книгѣ г. Запасника едва-ли не единственныя, имѣющія живой интересъ. Вотъ что говоритъ онъ:

„Правительство извлекаетъ доходъ отъ государственныхъ доменъ или посредствомъ казеннаго и административнаго ихъ управленія, или отдавая ихъ въ арендное содержаніе. Но управляющіе, администраторы и арендаторы, не имѣя такихъ внутреннихъ побужденій, какъ частные владѣльцы имуществъ, и стѣсняемые надзоромъ и контролемъ правительства, не могутъ пользоваться въ возможной степени благопріятными обстоятельствами. Посему количество произведеній и валовой доходъ, получаемые отъ государственныхъ доменъ, бываютъ всегда меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы домены эти находились въ частномъ владѣніи. Съ другой стороны, при необходимости содержанія значительнаго числа лицъ для взаимнаго надзора, издержки управленія государственными доменами значительнѣе, чѣмъ въ частныхъ имуществахъ, и съ обширностію имуществъ этихъ, возрастаютъ прогрессивно.

„И такъ относительно меньшій валовой доходъ и болѣе значительныя издержки управленія, а также злоупотребленія финансовыхъ агентовъ оказываютъ вліяніе на относительное уменьшеніе чистаго дохода. А такъ какъ доходъ, получаемый въ государствѣ отъ сельской промышленности, зависитъ отъ количества сельскихъ произведеній, то существованіе государственныхъ доменъ причиняетъ относительныя потери всему государству. Такъ напримѣръ, если чистый доходъ, получаемый правительствомъ отъ государственныхъ доменъ, состоя изъ 1/8 количества получаемыхъ отъ нихъ произведеній, простирается до 40 мил., и если, при лучшемъ пользованіи ими, количество получаемыхъ отъ нихъ произведеній можетъ удвоиться, то, чрезъ удержаніе государственныхъ доменъ въ рукахъ правительства, народъ теряетъ чистаго дохода 40 мил., а произведеніями 120 мил.; чрезъ отчужденіе же доменъ народъ получилъ бы пропорціональную пользу.

„Кромѣ того, такъ какъ въ настоящее время чистый доходъ, получаемый правительствами отъ государственныхъ доменъ, относительно ниже процентовъ, платимыхъ государственнымъ заимодавцамъ, то продажа доменъ этихъ на погашеніе государственныхъ долговъ должна произвести ежегодное сбереженіе въ финансахъ. Напримѣръ, доходъ въ 30 мил. руб., получаемый отъ государственныхъ доменъ, составляетъ 3 процента представляемаго ими капитала, а проценты, платимые государственнымъ заимодавцамъ, могутъ быть пять. Въ такомъ случаѣ, если капиталъ доменъ этихъ равняется суммѣ долговаго капитала, то продажа государственныхъ доменъ на погашеніе государственныхъ долговъ доставитъ правительству ежегодно сбереженія въ 20 мил. руб.

„Слѣдовательно, продажа государственныхъ доменъ на погашеніе государственныхъ долговъ,

1) увеличивая количество сельскихъ произведеній, увеличитъ народный поземельный доходъ, народное благосостояніе и населеніе;

2) увеличивая поземельный доходъ и населеніе, увеличитъ произведеніе поземельной подати и налоговъ съ потребленія;

3) освобождая правительство отъ его долговъ, произведетъ въ финансахъ ежегодное сбереженіе, которое, вмѣстѣ съ излишкомъ поземельной подати и налоговъ съ потребленія, произведетъ перевѣсъ въ государственныхъ доходахъ надъ расходами; этотъ перевѣсъ возстановитъ финансовое равновѣсіе, или дастъ возможность уменьшить окладъ налоговъ.

„Не смотря на благотворное вліяніе отчужденія государственныхъ доменъ, мѣра эта имѣетъ своихъ противниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный публицистъ Роттекъ. Къ защитникамъ ея принадлежатъ: А. Смитъ, Ж. Б. Сэ, Пр. Горловъ, и, съ нѣкоторыми ограниченіями, Шмальцъ, Лотцъ и Рау.

„Роттекъ, порицая отчужденіе государственныхъ доменъ, говоритъ: „Благосостояніе государства не можетъ быть измѣряемо цѣнностію имущества, въ немъ находящагося, или ежегоднаго производства, которое дѣйствительно увеличивается чрезъ переходъ государственныхъ доменъ въ частныя руки. Необходимо отличать богатство цѣлаго на-

Digitized by Google

рода отъ частнаго богатства гражданъ, взятыхъ въ отдѣльности. Главная цѣль—благосостояніе сихъ послѣднихъ, а благосостояніе государства есть только средство для этой цѣли. Очевидно, что гражданинъ того государства, которое не имѣетъ государственныхъ доменъ и должно дѣлать всѣ расходы на счетъ податныхъ сословій, менѣе богатъ, чѣмъ подданный другаго государства, которое изъ доходовъ своихъ государственныхъ доменъ удовлетворяетъ значительную часть общественныхъ нуждъ. Вообще, чѣмъ выше налогъ, тѣмъ значительнѣе уменьшается имущество частныхъ лицъ, ибо оно тѣмъ болѣе обременяется долгомъ, податями... Кромѣ того, государственныя домены въ чрезвычайныхъ случаяхъ могутъ служить залогомъ и представлять послѣднюю, весьма важную опору кредита".

Въ этихъ идеяхъ нельзя не замѣтить важныхъ заблужденій.

1) Роттекъ оставилъ безъ вниманія то назначеніе, которое должны получить суммы, вырученныя отъ продажи государственныхъ доменъ. Если суммы эти будутъ употреблены на погашеніе государственныхъ долговъ, то въ финансахъ, какъ мы замѣтили выше, произойдетъ благотворный переворотъ; если же на удовлетвореніе государственнымъ потребностямъ, то и это освободитъ подданныхъ отъ дополнительныхъ налоговъ, а правительство отъ заключенія новыхъ займовъ. Наконецъ, если эти суммы будутъ употреблены правительствомъ расточительнымъ образомъ, тогда расточительность, а не система, будетъ причиною потерь.

2) Мнѣніе Роттека, что государственныя имущества должны быть удержаны Правительствомъ на томъ основаніи, что они служатъ опорою кредита, не имѣетъ раціональнаго основанія. Если вырученныя отъ продажи государственныхъ доменъ суммы будутъ употреблены на погашеніе государственныхъ долговъ, то съ одной стороны, въ финансахъ образуется излишекъ государственныхъ доходовъ надъ расходами, слѣдовательно должно увеличиться довѣріе къ средствамъ правительства, съ другой же стороны уменьшится предложеніе государственныхъ облигацій, которое, при прежнемъ требованіи, произведетъ возвышеніе ихъ курса. А потому, государственный кредитъ долженъ возвыситься, не смотря на отчужденіе государственныхъ доменъ. Примѣръ Франціи и Англіи, имѣющихъ незначительныя государственныя домены, а пользующихся цвѣтущимъ кредитомъ, служитъ очевиднымъ тому доказательствомъ".

Положимъ, что Роттекъ совершенно ошибается: но онъ въ настоящее время далеко не единственный защитникъ государственныхъ имуществъ въ Германіи, Франціи и даже Англіи. У другихъ писателей, оставляемыхъ безъ вниманія г. Запасника, находятся объ этомъ предметѣ мысли болѣе широкія и, кажется намъ, болѣе основательныя.

Недвижимыя имущества въ рукахъ государства приносятъ гораздо меньшій доходъ, нежели въ рукахъ частныхъ людей, говоритъ старая школа. Но тутъ нужно принять въ соображеніе, что въ различныхъ государствахъ духъ управленія различенъ. Возьмемъ въ примѣръ двѣ сосѣдственныя державы, Англію и Францію. Во Франціи, и при Бурбонахъ, и при Орлеанской династіи, администрація была произвольна и пристрастна; она готова была и могла дѣлать вовсе не экономическія уступки людямъ, въ которыхъ нуждалась или которыхъ боялась; она могла мучить придирками людей, къ которымъ не благоволила; во всѣхъ своихъ дѣлахъ она руководилась не столько экономическими выгодами, сколько политическими разсчетами и пристрастіями; подкупы и злоупотребленія всякаго рода были однимъ изъ средствъ къ сохраненію власти. Очень натурально, что при такомъ управленіи государственныя имущества во Франціи не приносили того дохода, какъ имущества частныхъ лицъ. Но англійское правительство въ денежныхъ дѣлахъ поступаетъ вовсе не такъ: тамъ невозможны ни подкупы, ни противузаконныя льготы, ни притѣсненія. Потому нѣтъ никакой причины, которая бы

Digitized by Google

могла помѣшать въ Англіи полученію государствомъ за землю, отдаваемую въ аренду, точно такой же ренты, какъ рента, которую получилъ бы за эти земли частный собственникъ: въ самомъ дѣлѣ, если фермеръ знаетъ, что съ государствомъ не будетъ имѣть онъ никакихъ непріятностей, то нѣтъ ему причинъ предпочитать аренду частныхъ земель арендѣ государственныхъ. Стало быть, тутъ все дѣло въ томъ, чтобы администрація добросовѣстно соблюдала интересы государства и не могла дѣлать злоупотребленій. Что такая администрація возможна, доказываетъ примѣръ многихъ державъ, въ томъ числѣ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Пруссіи.

„Но арендаторы государственныхъ имуществъ стѣсняются контролемъ правительствъ", говорятъ экономисты старой школы. А частный собственникъ развѣ не имѣетъ контроля надъ своими арендаторами? Если администрація добросовѣстна, ея контроль гораздо болѣе благопріятенъ для арендатора, потому что при обширности своихъ средствъ, государство можетъ легче, нежели частный человѣкъ, дѣлать отсрочки, часто требуемыя взаимною выгодою. Иное дѣло, если бы экономисты старой школы вообще доказывали невыгоду всякой аренды, какъ частнаго, такъ и государственнаго имущества, если бы они говорили, что выгоднѣйшее положеніе національнаго хозяйства бываетъ тогда, когда рента не уплачивается земледѣльцемъ постороннему лицу, а остается въ его собственныхъ рукахъ. Но они говорятъ не о томъ. Они воображаютъ, что администрація никогда не можетъ быть добросовѣстна и экономна, а частный собственникъ всегда добросовѣстенъ и экономенъ. Это заблужденіе, извиняемое только тѣмъ, что во Франціи, откуда поднимались самые сильнѣйшіе крики противъ государственныхъ имуществъ, администрація была дѣйствительно дурна.

Но если администрація дурна, если она не соблюдаетъ національныхъ выгодъ при отдачѣ государственныхъ земель въ аренду, должно ли и въ такомъ случаѣ находить выгоднымъ отчужденіе государственныхъ имуществъ? Продажа совершилась бы въ томъ же самомъ духѣ, какъ дѣлается отдача въ аренду: если, сохраняя свои имущества, государство теряетъ, положимъ, половину ренты отъ злоупотребленій, то при продажѣ оно точно также потеряло бы половину капитала отъ тѣхъ же самыхъ злоупотребленій. Половину?—Нѣтъ, даже больше. Многіе, которые не хотѣли марать рукъ изъ-за мелкихъ выгодъ, представляемыхъ подкупами при арендѣ, соблазнились бы огромными суммами, представляемыми подкупомъ при продажѣ. Этотъ разсчетъ очень простъ. Читатель помнитъ процессъ Кюбьера во Франціи. Тестъ, тогдашній министръ, вѣроятно, не польстился бы 5.000 франковъ, которые предложили бы ему за временный контрактъ арендаторы государственныхъ рудниковъ; но дѣло шло объ уступкѣ рудниковъ въ вѣчное владѣніе, и Кюбьеръ предложилъ 100,000 — противъ такой суммы Тестъ не устоялъ.

Мы говоримъ вообще о продажѣ государственныхъ имуществъ; но если взять частный случай, о которомъ говоритъ г. Запасникъ, продажу ихъ для погашенія долга, то потеря государства будетъ еще значительнѣе. Для погашенія долга вдругъ должны быть назначены въ продажу огромныя массы имуществъ; отъ громадности предложенія естественно должна упасть цѣнность такихъ имуществъ.

Digitized by Google

Но оставимъ въ сторонѣ все это. Пусть имущества, не приносящія полнаго дохода отъ злоупотребленій администраціи, будутъ проданы по какому-то чуду безъ всякихъ злоупотребленій и безъ убытка цѣны отъ излишка въ предложеніи; выгодно ли было бы продать ихъ даже и въ такомъ случаѣ?— „Они приносятъ три процента; за свой долгъ государство платитъ пять процентовъ; и такъ, обративъ капиталъ, вырученный продажею имуществъ, на уплату долга; государство выигрываетъ два процента", такъ говоритъ старая школа; но она забываетъ расходы по продажѣ и расходы по выкупу долга: ужъ эти одни расходы значительно уменьшаютъ предполагаемую выгоду. Впрочемъ, гораздо важнѣе другія соображенія, также забываемыя старою школою. Капиталъ отъ продажи имуществъ предполагается обратить на уплату долга: дѣйствительно ли это будетъ такъ? Причина продажи—дурное веденіе государственнаго хозяйства; при такомъ хозяйствѣ деньги никогда не употребляются на тотъ предметъ, для котораго назначаются; бо́льшая часть ихъ пойдетъ на непредвидѣнные расходы и тому подобныя вещи; капиталъ будетъ растраченъ, а государственные долги останутся неуплаченными. Развѣ мало тому бывало примѣровъ? При введеніи реформаціи въ Германіи и Англіи были конфискованы, и потомъ отчуждены правительствами, громадныя массы имуществъ: много ли выгоды получили отъ того государства? Часть земель разошлась по рукамъ любимцевъ; деньги, вырученныя за другую часть, пошли на праздники, парады, дипломатическія интриги и войны, которыхъ, можетъ быть, и не начали бы, еслибъ не получили вдругъ денегъ, а еслибъ и начали, то прекратили бы гораздо скорѣе; на полезное употребленіе была обращена только ничтожная часть пріобрѣтенныхъ продажею суммъ.

Экономисты старой школы слишкомъ щедро раздаютъ имя утопистовъ ученымъ, съ ними несогласнымъ; но они сами страшные утописты. Когда они говорятъ противъ порядка дѣлъ, имъ непріятнаго, они берутъ дѣйствительность со всѣми ея злоупотребленіями; а когда описываютъ выгоды дѣла, ими требуемаго, вѣчно предполагаютъ, что оно будетъ исполнено идеальнымъ образомъ, безъ всякихъ упущеній и злоупотребленій.

Они, напримѣръ, воображаютъ, что если въ какомъ нибудь государствѣ подати очень высоки, и часть этихъ податей идетъ на проценты государственнаго долга, то послѣ выкупа этого долга подати будутъ понижены, потому что расходы сократятся. А дѣйствительно ли сократятся расходы? почему знать, что не окажется надобность оказавшійся излишекъ доходовъ обратить на армію, на Дворъ, на какую нибудь войну? Хозяйства бываютъ двоякаго рода. Въ однихъ государствахъ стараются брать какъ можно меньше, въ другихъ какъ можно больше; въ однихъ расходы не увеличиваются, потому что не нужно ихъ увеличивать, а въ другихъ только потому, что нѣтъ физической возможности увеличить ихъ. Въ первыхъ государствахъ дѣла идутъ хорошо, и нѣтъ надобности прибѣгать къ продажѣ имущества для уплаты долговъ; во вторыхъ долги никогда не будутъ уменьшаться: выкупятся однѣ облигаціи, немедленно выпускаются другія. Мы сошлемся на Францію. При Бурбонахъ и при Орлеанской династіи правительству вѣчно хотѣлось бы имѣть въ своихъ рукахъ вдвое и втрое противъ того, что оно имѣло; еслибы какой нибудь волшебникъ каждый годъ давалъ французскому

Digitized by Google

казначейству по мильярду франковъ, дефициты ни разу не уменьшались бы ни на одинъ сантимъ, и еслибы по избытку усердія министръ финансовъ погашалъ бы старые долги, напримѣръ, въ 1835 году, то въ 1836 его товарищи заставили бы его сдѣлать вдвое больше новыхъ долговъ.

Экономисты старой школы слишкомъ идиллически воображаютъ вещи для нихъ пріятныя, напримѣръ: неистощимость кредита. Они воображаютъ, что кредитъ не можетъ служить источникомъ безразсудствъ. А когда хладнокровно посмотришь на житейскія дѣла, то видишь часто, что государство избавляется отъ великихъ бѣдствій только безденежьемъ правительства; мы опять сошлемся на примѣръ Франціи. Еслибы французское правительство не начало чувствовать крайній недостатокъ въ деньгахъ, еслибы оно не знало, что предшествовавшими займами уже истощенъ его кредитъ, оно не заключило бы мира съ Россіею въ началѣ 1856 года, а готово было бы тянуть эту войну еще нѣсколько лѣтъ—война льстила его желанію прославиться. А, между тѣмъ, для государственнаго блага Франціи ни мало не была нужна ни Крымская экспедиція, ни осада Севастополя. И такъ предположимъ, что около 1852 года, Франція погасила весь свой государственный долгъ, сдѣлавъ для того громадныя пожертвованія; государственный кредитъ находился въ баснословно-цвѣтущемъ положеніи; она могла бы сдѣлать займовъ, пожалуй, хоть на десять, на пятнадцать мильярдовъ. Въ 1854 году начинается война; теперь, при цвѣтущемъ положеніи кредита, французское правительство можетъ тянуть ее на десять лѣтъ. Что же оказывается въ результатѣ? Благодаря цвѣтущему состоянію французскаго кредита, война тянется не два года, а десять лѣтъ, она стоитъ Франціи не пять, а двадцать-пять мильярдовъ франковъ, французовъ гибнетъ въ ней не 150,000, а 750,000 человѣкъ, и т. д., и при концѣ войны кредитъ Франціи все-таки истощенъ, и долговъ надѣлано вдвое больше, нежели сколько ихъ было до выкупа передъ войною.

Это мы все говоримъ къ тому, что экономисты старой школы, совѣтуя продажу государственныхъ имуществъ, желаютъ вывести изъ финансоваго затрудненія дурную администрацію; а такой администраціи не выведутъ изъ финансовыхъ затрудненій никакія продажи, никакое увеличеніе государственныхъ доходовъ. Сколько ни давайте ей, все-таки будетъ мало. Если же администрація хороша, она найдетъ средства и безъ продажи государственныхъ имуществъ уничтожить дефицитъ и уменьшить тяжесть государственнаго долга.

Но оставимъ эти соображенія, выходящія за предѣлы бухгалтерства; взглянемъ на дѣло хотя исключительно съ бухгалтерской точки, на которой стоятъ экономисты старой школы. Положимъ, что дѣйствительно какое нибудь государство, уплативъ старый долгъ продажею государственныхъ имуществъ, не войдетъ въ новые долги, положимъ, что продажа совершилась безъ всякихъ потерь на капиталѣ, положимъ въ удовольствіе старой школѣ, что уплачены долги пятипроцентные, а проданныя имущества приносили только 3%: дѣйствительно ли государство отъ того выиграло? Для ясности мы беремъ цыфры, представляемыя англійскою финансовою исторіею, и ограничимъ свои разсчеты хотя пятидесятилѣтнимъ періодомъ. Положимъ, что въ 1820 году

Digitized by Google

Англія имѣла на 100 мильоновъ фунтовъ государственныхъ земель, о которыхъ государство получало 3 мильона доходу; земли эти проданы. в куплено 100 мильоновъ пятипроцентнаго долга—выигрышъ въ 2 мильо фунтовъ очевиденъ. Но посмотримъ, что далѣе. Въ 1822 году открывает возможность понизить проценты долга съ 5 до 4: въ 1830 году откр вается возможность понизить проценты съ 4 на $3^1/_2$. Между тѣмъ 1830 году цѣнность земли среднимъ числомъ увеличилась на 25% сравн тельно съ 1820 годомъ; въ 1840 году еще на 25%, тоже въ 1850 год и наконецъ въ 1860 цѣнность земли вдвое болѣе, нежели въ 1820 год На этомъ мы остановимся, дальнѣйшаго увеличенія цѣнности не буде предполагать, а вѣдь оно будетъ. Сдѣлаемъ же теперь разсчетъ за 50 лѣт

1) Сумма выплачиваемыхъ процентовъ со 100 мильоновъ долга:

За 2 года (1821—1822) по 5%	10,000,000
За 8 лѣтъ (1823—1830) по 4%	32,000,000
За 40 лѣтъ (1831—1870) по $3^1/_2$% . . .	140,000,000
Итого	182,000,000

2) Сумма доходовъ (по 3%) съ земель, цѣнность которыхъ 1820 году равнялась 100 мильонамъ:

1820—1830; первоначальная цѣна земли; со 100 мильоновъ по 3 милью въ годъ; всего	30,000,00
1830—1840; цѣнность земель увеличилась до 125 мильоновъ. ежегодный 3-процентный доходъ до 3,750,000; всего	37,500,00
1840—1850; цѣнность земель 150 мильоновъ, доходъ 4,500,000; всего	45,000,00
1850—1860; цѣнность 175 мильон., доходъ 5,250,000; всего	52,500,00
1860—1870; цѣнность 200; доходъ 6 мильоновъ; всего .	60,000,00
Итого	225,000,00

Изъ этого баланса видимъ, что если бы въ 1820 году Англія пр дала на 100 мильоновъ государственныхъ земель, приносящихъ 3%, выкупа 5%-наго долга, то черезъ эту операцію, которая на первые го казалась выгодною, втеченіе 50-лѣтняго періода, государство потеряло 43 мильона. Оно освободилось бы отъ уплаты 182 мильоновъ, но лишило бы доходовъ на 225 мильоновъ. Это потеря за 50 лѣтъ; въ каждый сл дующій годъ прибавлялось бы еще $2^1/_2$ мильона, если бы даже цѣнно земли перестала возвышаться послѣ 1860 года. „Но государство выигра бы отъ увеличенія производства въ частныхъ рукахъ и соединеннаго съ ни увеличенія податей и пошлинъ“, говорятъ экономисты старой школы. П смотримъ, какъ великъ этотъ выигрышъ. Положимъ, что пошлины и н логи берутъ 20% дохода: эта цифра уже чрезвычайно высока. Положим что по волшебному слову „частный собственникъ“ доходы увеличивают на 50%—предположеніе это дѣлается единственно въ угодность утоп стамъ старой школы: на самомъ дѣлѣ, если государственная администра

Digitized by Google

хороша, то арендаторъ не можетъ заплатить частному собственнику ни одною копѣйкою больше, нежели платитъ государству: вѣдь отъ перемѣны имени не увеличится плодородіе земли и не улучшится климатъ. 50% на 225 мильоновъ составятъ $112^1/_2$ мильоновъ,—вотъ излишекъ производства, образованный переходомъ земли къ частнымъ собственникамъ; 20% съ этого излишка составитъ 25 мильоновъ; за вычетомъ ихъ изъ 43 мильоновъ, полученныхъ нами выше, остается все-таки 18 мильоновъ чистаго убытка государству отъ произведенной имъ продажи. А собственно говоря, ровно никакого вычета и не должно дѣлать, потому что при хорошей администраціи государственныя земли непремѣнно должны отдаваться въ аренду по той же самой цѣнѣ, какъ и частныя земли.

Если мы къ этимъ чисто казначейскимъ разсчетамъ прибавимъ соображенія о томъ, какую выгоду для народнаго благосостоянія представляетъ то обстоятельство, что государство при хорошей администраціи управляетъ своими имуществами непремѣнно въ видахъ общественнаго благосостоянія, что невозможно для частнаго собственника, обязаннаго заботиться прежде всего о собственныхъ выгодахъ, которыя далеко не всегда одинаковы съ общественными; если мы сообразимъ, что государственныя земли всегда готовы бываютъ для принятія переселеній, которыхъ можетъ и не принимать на свои земли частный собственникъ; если мы сообразимъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ государству полезно бываетъ имѣть въ своемъ непосредственномъ распоряженіи землю, то, конечно, въ насъ уничтожится всякое желаніе видѣть отчужденіе государственныхъ земель въ какой бы то ни было державѣ для уплаты долговъ.

Конечно, все это относится къ обыкновенному теченію дѣлъ. Могутъ встрѣчаться особенные случаи, когда государству дѣйствительно необходимо бываетъ продавать свои земли. Но къ этимъ случаямъ никакъ не можетъ принадлежать погашеніе прежнихъ долговъ. Быть можетъ, Англія поступила бы не безразсудно, если бы вздумала продать часть тѣхъ земель, которыя будутъ конфискованы у остъ-индскихъ мятежниковъ, чтобы вырученную сумму употребить для облегченія участи нисшихъ кастъ, воины которыхъ остаются вѣрными защитниками англійскаго правительства. Но это дѣло совершенно иного рода, нежели погашеніе долговъ, сдѣланныхъ во время войнъ съ Франціею. Противъ этихъ долговъ справедливо только одно средство: они порождены неумѣренностью; эта ошибка прежнихъ временъ должна загладиться сохраненіемъ всевозможной экономіи въ настоящее время.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшій Указъ о пониженіи процентовъ по ссудамъ и вкладамъ Государственныхъ кредитныхъ учрежденій.—Отчетъ г. министра Финансовъ о Государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, за 1856 г.—Статья г. Бабста о новомъ тарифѣ.—Прекращеніе порто-франко въ Одессѣ.—Торговая конвенція съ Франціею.—Общество для приготовленія продовольственныхъ и животныхъ веществъ и торговли ими.—Общество Сампсоніевской мануфактуры.—Пароходы г. Шипова, построенные русскими машинистами.—Пароходство въ Сибири.—Пинскій каналъ.—Правила о службѣ молодыхъ людей изъ козаковъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—*Литературныя замѣтки.*—„Новѣйшіе публицисты. Токвилль", г. Чичерина.—Примѣръ гласности.

— Предметомъ одной изъ самыхъ общихъ жалобъ со стороны людей, желающихъ развитія матеріальныхъ силъ нашихъ, издавна была господствующая у насъ привычка оставлять свои капиталы безъ всякаго движенія. Всѣ мы смѣемся надъ старымъ обычаемъ зажиточныхъ поселянъ прятать деньги въ кубышку и зарывать эту кубышку въ землю. Но до послѣдняго времени почти каждый изъ смѣющихся надъ этимъ обычаемъ, какъ только удавалось ему увидѣть себя денежнымъ человѣкомъ, считалъ самымъ лучшимъ дѣломъ внести свои деньги въ такъ называемый ломбардъ и оставлять ихъ тамъ на вѣки вѣчные, для приращенія банковыми процентами. Количество вкладовъ въ нашихъ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ изумляетъ своею страшною громадностію. Въ отчетѣ г. министра финансовъ о движеніи суммъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ за прошлый годъ находится слѣдующая цифра: вкладовъ, внесенныхъ для приращенія процентами, состояло къ 1 января 1857 г.:

1.002.639.068 рублей серебромъ.

Чтобы оцѣнить странную огромность этой цифры, вспомнимъ, что въ англійскомъ банкѣ цифра вкладовъ не многимъ превышаетъ 65.000.000 р. серебромъ, да и изъ тѣхъ самая большая часть принадлежитъ не частнымъ лицамъ, неподвижно оставляющимъ деньги для приращенія процентами, а банкирскимъ конторамъ, имѣющимъ ежедневные коммерческіе разсчеты съ англійскимъ банкомъ.

Государственныя кредитныя учрежденія существуютъ вовсе не для того, чтобы принимать кредитъ: ихъ цѣль давать кредитъ; ихъ цѣль содѣйствовать развитію экономическаго движенія облегченіемъ и регулированіемъ торговыхъ оборотовъ, а не служить подвалами для доставленія неподвижнаго лежанія всѣмъ тѣмъ капиталамъ, которые лѣнятся вступать въ обращеніе, которые ищутъ подземной кубышки, въ которую могли-бы спрятаться. Государство учреждаетъ свои заемные и коммерческіе банки для того, чтобы

Digitized by Google

открывать легчайшую возможность дисконта коммерческихъ цѣнностей, превращенія недвижимыхъ имуществъ въ торговые капиталы, для того, чтобы легче было и землевладѣльцу, и фабриканту, и негоціанту, и вообще всякому капиталисту получать подъ залогъ своихъ денегъ, фабрикъ, товаровъ и векселей, деньги для расплатъ по текущимъ своимъ коммерческимъ счетамъ, для расширенія своихъ промышленныхъ дѣлъ, для основанія новыхъ общеполезныхъ предпріятій, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы выдавать подъ названіемъ процентовъ награду такимъ людямъ, которые хотятъ прятать въ кубышку свои деньги. Есть только два случая, въ которыхъ государство находитъ полезнымъ принимать на сохраненіе недвижимые капиталы: это или тогда, когда капиталы эти принадлежатъ людямъ малолѣтнимъ, находящимся подъ опекою, или тогда, когда эти капиталы такъ малы, что не могутъ быть употреблены ни на какое коммерческое предпріятіе. Вы опекунъ, вы не хотите и не должны принимать на себя риска въ капиталѣ, принадлежащемъ порученному вамъ дитяти; съ другой стороны это дитя должно быть обезпечено въ томъ, что его деньги сохранятся до его совершеннолѣтія, не будутъ потеряны отъ какой-нибудь вашей ошибки; чтобы снять съ васъ всякую отвѣтственность за чужія деньги, чтобы обезпечить дитя отъ всякихъ потерь, государство принимаетъ капиталы, находящіеся подъ опекою; таково истинное назначеніе Опекунскихъ Совѣтовъ. Вы человѣкъ бѣдный, но, соблюдая экономію, достигаете того, что въ мѣсяцъ, быть можетъ, въ недѣлю остается у васъ лишній цѣлковый. На этотъ цѣлковый вы не можете начать никакого промышленнаго предпріятія, не можете купить никакой акціи. Государство желаетъ помочь вамъ къ полученію прибыли съ этого маленькаго капитала, который вы не можете пустить въ оборотъ безъ помощи государства, не потому, чтобы вы были лѣнивы, а только потому, что вашъ капиталъ еще слишкомъ малъ; оно хочетъ помочь вамъ сохранить этотъ капиталъ, который вамъ безъ его помощи такъ трудно удержать въ рукахъ опять-таки не потому, что-бы вы были расточительны, а потому, что капиталъ слишкомъ еще малъ; оно принимаетъ вашъ маленькій капиталъ и, чтобы поощрить васъ къ продолженію вашей экономіи, немедленно даетъ вамъ прибыль, которую иначе вы не могли-бы получить по незначительности вашего капитала,—таково назначеніе сберегательныхъ кассъ. Но какъ скоро вашъ капиталецъ, сберегаемый вами только благодаря помощи государства, достигаетъ такой величины, что вы уже можете пустить его въ коммерческій оборотъ, дать его взаймы частному промышленнику, или купить на него акцію, государство уже не хочетъ оставлять въ своихъ рукахъ этого капитала: вы можете пріискать ему какое-нибудь употребленіе болѣе полезное для общества, болѣе выгодное и для васъ, потому что промышленность даетъ болѣе процентовъ, нежели сберегательная касса; сберегательная касса отказывается принимать или удерживать всякій капиталъ, достигшій величины въ нѣсколько сотъ рублей (въ Россіи 750 р., во Франціи 1,500 фр.), — онъ уже годенъ для коммерческихъ оборотовъ; удерживать его долѣе отъ этихъ оборотовъ значило-бы и лишать промышленность вашего капитала, и лишать васъ той болѣе высокой прибыли, которую обѣщаетъ вамъ промышленность, и поощрять васъ къ бездѣйствію. Это о сберегательныхъ кассахъ.

Digitized by Google

Опекунскій Совѣтъ также вовсе не желаетъ удерживать капиталъ дитяти, какъ скоро ребенокъ достигъ совершеннолѣтія. Юноша или взрослая дѣвушка сами уже могутъ позаботиться о себѣ; помощь опекуна стала не нужна для нихъ; стала не нужна и та помощь, которую государство оказывало имъ и ихъ опекуну посредничествомъ въ опекѣ. Если этотъ юноша оставляетъ свой капиталъ въ государственномъ кредитномъ заведеніи, онъ становится уже несправедливъ къ государству, требуя, чтобы государство продолжало кормить его по прежнему молочною кашкою съ ложечки, между тѣмъ какъ онъ уже теперь, слава Богу, могъ-бы ѣсть и безъ няньки.

Въ тѣ времена, когда отсутствіе твердаго гражданскаго порядка и выгодныхъ и благонадежныхъ помѣщеній для капиталистовъ дѣлало необходимостію прятаніе этихъ капиталовъ въ кубышки, закапываемыя глубоко въ землю, въ тѣ времена государство имѣло надобность и право предложить свою помощь къ сохраненію этихъ капиталовъ. Когда Екатерина II привлекала капиталы для храненія въ государственныя кредитныя учрежденія, то было шагомъ впередъ, извлеченіемъ капиталовъ изъ совершенной неподвижности къ поступленію въ оборотъ, правда, слишкомъ еще тѣсный и безжизненный, но все-таки привлеченіемъ капиталовъ въ оборотъ. Помѣщеній для капиталовъ вовсе не существовало до тѣхъ поръ, пока упроченіе гражданскаго порядка и развитіе частной промышленности дастъ капиталамъ ихъ истинное помѣщеніе; государство должно было принять на себя какъ-бы роль опекуна, завѣдывающаго чужими дѣлами, пока находящійся подъ опекою не пріобрѣтетъ возможности располагать ими по собственному усмотрѣнію. Такой періодъ въ жизни государства неизбѣженъ, но онъ есть только переходный періодъ. По несомнѣннымъ признакамъ правительство наше убѣдилось, что этотъ періодъ кончился, что миновалась для правительства хлопотливая и убыточная необходимость быть опекуномъ надъ частными капиталами, что для этихъ капиталовъ пришла уже пора обращаться самобытнымъ образомъ, что поддерживать привычку нашу оставлять всѣ хлопоты о нашихъ дѣлахъ на заботу правительства, значило бы для правительства принимать на себя излишніе убытки, не приносящіе и частнымъ лицамъ ничего кромѣ убытка. У васъ есть 100,000 рублей, и вы блаженствуете въ совершенномъ бездѣйствіи умственномъ и физическомъ, таская въ карманѣ ломбардный билетъ и требуя отъ правительства ежегодно 4,000 рублей за то, что вы не хотите ничего дѣлать, кромѣ какъ носить этотъ билетъ въ вашемъ карманѣ, не хотите ни о чемъ подумать, кромѣ того, что государство обязано давать вамъ проценты за ваше бездѣйствіе, обязано быть вашимъ опекуномъ и кормить васъ съ ложечки молочною кашкою. Слава Богу, у государства много хлопотъ и кромѣ заботы варить для васъ кашку; да и вамъ не пора ли самому позаботиться о своемъ обѣдѣ, вѣдь вы уже человѣкъ взрослый. За какое благо государство станетъ платить вамъ въ теченіе всей вашей жизни, надѣемся долголѣтней, пенсію? Пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ вы хотите получать отъ государства по 4,000 рублей и черезъ шестьдесятъ лѣтъ, взявъ съ государства 150,000 рублей, все еще хотите быть кредиторомъ государства на 100,000 рублей? за что такой убытокъ государству? да и вамъ какая выгода отъ того, что государство расходуется на васъ?

Digitized by Google

купили бы вы на свои 100.000 рублей акцій какой-нибудь компаніи, компанія выдавала бы вамъ не 4 процента, а по крайней мѣрѣ 6 процентовъ, а можетъ быть и 10 процентовъ, или даже и 20 процентовъ; вашъ доходъ былъ бы вдвое или втрое больше той пенсіи, которую берете вы съ государства; а между тѣмъ общество было бы благодарно вамъ: вашимъ капиталомъ произведено было бы какое-нибудь общеполезное дѣло, была бы проложена дорога, была бы основана фабрика, построены и движимы пароходы, и въ результатѣ, если бы вамъ понадобилось взять обратно вашъ капиталъ, компанія бы уплатила вамъ не 100.000, какъ платитъ государство, а 150.000 или 200,000, потому что акціи каждой солидной компаніи поднимаются въ цѣнѣ. Видите-ли, заставляя государство няньчиться съ вашимъ капиталомъ и содержать васъ на пенсіи, вы и дохода получали гораздо меньше, да и на капиталѣ лишились значительной прибыли только отъ того, что не хотѣли сами ни о чемъ подумать. Вамъ не хотѣлось поразмыслить о томъ, напримѣръ, въ 1827 году, что Первое Страховое Общество, учреждавшееся тогда, представляетъ совершенно безопасное помѣщеніе для вашего капитала; оттого, что вы полѣнились вникнуть въ условія оборотовъ, предпринимаемыхъ этимъ обществомъ, вы махнули рукой, сказавъ: „Э, кто ихъ знаетъ, быть можетъ дивидендъ будетъ малъ и акціи упадутъ въ цѣнѣ; рисковать не хочу; поступлю лучше на пенсію къ государству". И вы навязали ломбарду вовсе ненужныя ему ваши 100.000, а не взяли акцій Перваго Страховаго Общества. Чтожъ изъ того вышло? Въ тридцать лѣтъ, прошедшіе съ того времени, вы получали по 4,000 рублей, между тѣмъ, какъ Первое Страховое Общество выдавало каждый годъ по 10 и болѣе процентовъ (напримѣръ, въ 1852 году дивидендъ былъ $11^1/_4$ процентовъ, въ 1855—$12^1/_2$ процентовъ, да и во всѣхъ другихъ годахъ то же самое), то есть получали бы вы отъ него каждый годъ по 10,000 и болѣе; и капиталъ вашъ былъ бы теперь вдвое больше: акціи, которыя предлагались вамъ въ 1827 году по 400 р. с., теперь стоютъ 810 р. с.; разсчитите же теперь, сколько убытковъ надѣлало и государству и вамъ ваше нежеланіе подумать о томъ, солидно ли основывавшееся тогда общество, совершенно ли обезпеченъ былъ бы въ немъ вашъ капиталъ и велики ли будутъ доходы общества.

Чтобы не затягивать счета, положимъ, что круглымъ числомъ Первое Страховое Общество давало по 11 процентовъ (а оно давало и больше). Въ тридцать лѣтъ вы отъ него получили бы по 11.000 р. с. въ годъ, итого . . . . . 330.000 р. с.

А вашъ капиталъ, состоящій изъ 250 акцій, купленныхъ вами въ 1827 году по 400 р. с., а теперь продающихся по 810 р. с., составлялъ бы теперь . . . . 202.500 „ „

Итого . 532.500 р. с.

Вотъ сколько вы могли бы имѣть; а сколько вы теперь имѣли?

Изъ ломбарда по 4 процента вы получили въ тридцать лѣтъ . . . . . 120.000 р. с.

И капиталъ вашъ остался какъ былъ . . . . . 100.000 „ „

Итого . 220.000 р. с.

Digitized by Google

И оказывается, что, заставивъ государство израсходовать на пенсію вашей умственной лѣни 120,000 р. с., вы потеряли на капиталѣ и процентахъ 312,500 р. с.

Вы не хотѣли рисковать? Да если бы вамъ не лѣнь было подумать, вы увидѣли бы, что риска не было совершенно никакого, что Первое Страховое Общество непремѣнно должно было давать большой дивидендъ, что акціи его непремѣнно должны были подняться въ цѣнѣ.

А во сколько оцѣнить убытки того, кто въ 1799 году положилъ свои 100,000 въ ломбардъ, вмѣсто того, чтобы взять акціи Россійско-Американской Компаніи? Тутъ уже пахнетъ мильонами.

Такъ вы не хотѣли и не хотите рисковать? посмотрите въ газетныхъ объявленіяхъ цѣну акцій и величину дивиденда нашихъ акціонерныхъ компаній, и вы увидите, что о Второмъ Страховомъ Обществѣ, Обществѣ освѣщенія газомъ, Бумягопрядильной Мануфактурѣ, Застрахованія доходовъ, Саламандрѣ, всѣхъ пароходныхъ обществахъ, Обществѣ Царскосельской желѣзной дороги и многихъ другихъ надобно сказать тоже самое, что объ Американской Компаніи и Первомъ Страховомъ Обществѣ: акціи ихъ поднялись и конечно всегда будутъ держаться выше первоначальной цѣны; о томъ, что дивидендъ ихъ былъ и будетъ всегда гораздо выше 4 процентовъ, не нужно и упоминать: даже такія общества, акціи которыхъ стоятъ нѣсколько ниже первоначальной цѣны, даютъ болѣе 4 процентовъ.

Умственная лѣнь, заставляющая насъ предпочитать отдачу денегъ въ ломбардъ, которому вовсе не нужны ваши деньги, покупкѣ акцій и основанію коммерческихъ и фабричныхъ предріятій, слишкомъ дорого обходилась государству, слишкомъ убыточна была и намъ.

Правительство увидѣло, что пришла пора принять мѣры противъ такого нелѣпаго положенія вещей, которымъ задерживается всякое промышленное развитіе, отъ котораго терпитъ огромные убытки само правительство, и еще болѣе убытковъ терпитъ общество, и больше всего тѣ самые люди, умственное бездѣйствіе которыхъ предпочитаетъ праздную пенсію изъ ломбарда столь же вѣрнымъ и гораздо болѣе значительнымъ доходамъ, даваемымъ промышленностію. Надобно было положить преграду развитію лѣнивой привычки. Рѣшительный шагъ этому сдѣланъ Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату, отъ 20-го іюля нынѣшняго года. Чтобы предотвратить излишнее накопленіе вкладовъ въ государственныя банковыя установленія, накопленіе быстро возраставшее, и указать капиталамъ, нынѣ съ убыткомъ для государства обременяющимъ бездѣйственно банковыя учрежденія, другое направленіе, болѣе соотвѣтственное государственнымъ пользамъ, правительство понизило банковый процентъ, выдаваемый частнымъ лицамъ за вклады, съ 4 процентовъ на 3.

Въ самомъ дѣлѣ накопленіе бездѣйственныхъ капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ быстро возрастало. Еще не далѣе какъ четыре года тому назадъ, къ 1 января 1853 года, цифра вкладовъ во всѣхъ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ простиралась только до 806,083,233 р. с., а по отчету г. Министра Финансовъ за 1856 годъ, къ 1 января нынѣшняго года количество вкладовъ увеличилось, какъ мы видѣли, уже до

Digitized by Google

1,002,639,068 р. с. Проценты на эту послѣднюю цифру составляли по прежнему уставу слишкомъ 40,000,000 р. с. Государство выиграетъ болѣе 10,000,000 р. с. уже отъ одного того, что, вмѣсто прежнихъ 4 процентовъ, будетъ платить теперь частнымъ лицамъ по 3 процента. Еще гораздо большій выигрышъ состоитъ въ томъ, что теперь несомнѣнно пріостановится возрастаніе суммы вкладовъ, и такимъ образомъ государство будетъ избавлено отъ тѣхъ расходовъ, въ которые вовлекло бы его увеличеніе цифры вкладовъ. Но самая значительная выгода для государства, какъ и для частныхъ лицъ, состоитъ, конечно, въ томъ, что при множествѣ помѣщеній, представляемыхъ нынѣ капиталамъ потребностями промышленности, тѣ деньги, которыя безъ Указа 20 іюля пошли бы на бездѣйственное погребеніе въ ломбардахъ, будутъ обращены теперь на промышленныя предпріятія. Серьезная и какъ нельзя болѣе благовременная мѣра, принятая правительствомъ, очень ясно и убѣдительно говоритъ намъ, что пора нашимъ капиталамъ начать двигаться самостоятельно, что довольно уже времени мы обременяли правительство своею апатическою привычкою всѣ свои дѣла предоставлять его попеченію, что пора намъ начать самимъ заботиться о своихъ дѣлахъ. Это будетъ выгоднѣе и для государства, и для насъ самихъ.

Пониженіе процентовъ съ 4 процентовъ на 3 процента есть важнѣйшее событіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Высочайшій указъ объ этомъ, конечно, прочитанъ всѣми, и намъ нѣтъ нужды повторять здѣсь подробности, опредѣляющія способъ приведенія въ дѣйствіе мѣры столь благоразумной; но важность основныхъ мѣръ такова, что не мѣшаетъ вникнуть въ послѣдствія, изъ нея вытекающія.

Цѣль распоряженія двоякая: „съ одной стороны, по словамъ Высочайшаго Указа, устранить ущербъ, предвидимый для банковыхъ установленій отъ накопленія вкладовъ, съ другой—дать праздным капиталамъ направленіе, болѣе соотвѣтственное пользамъ государства“.

Для достиженія первой цѣли, Указъ 20 іюля, сверхъ пониженія процентовъ на частные вклады, весьма логично понижаетъ въ степени еще болѣе значительной проценты на вклады казенныхъ вѣдомствъ; именно, между тѣмъ, какъ на частные вклады банки будутъ выдавать 3 процента, вклады казенныхъ вѣдомствъ будутъ получать только $1^1/_2$ процента приращенія. Это весьма справедливо; въ послѣднемъ случаѣ государство производитъ платежъ процентовъ само себѣ, слѣдовательно тутъ нѣтъ ни прибыли, ни ущерба для государства, а есть только передвиженіе суммъ изъ одного вѣдомства въ другое. Весьма разумно Указомъ 20 іюля полагаются тѣсные предѣлы этому передвиженію, потому что съ одной стороны, чѣмъ болѣе сокращается оно, тѣмъ болѣе сокращаются взаимные разсчеты между вѣдомствами, а съ другой стороны совершенно уничтожать этихъ разсчетовъ не должно, потому что полученіемъ процентовъ на экономическія суммы поддерживается въ каждомъ вѣдомствѣ убѣжденіе въ выгодахъ экономіи.

Что же касается второй цѣли, предполагаемой правительствомъ, нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ достигнута превосходнымъ образомъ. Если мы предположимъ, что дѣйствіе Высочайшаго Указа отъ 20 іюля ограничится даже только тѣмъ, что сумма вкладовъ уже не будетъ возрастать, какъ возра-

Digitized by Google

стала до сихъ поръ, то очевидно, что втеченіе четырехъ лѣтъ обратится на оживленіе промышленныхъ предпріятій, по крайней мѣрѣ, 200,000,000 р. с., которые иначе нашли бы себѣ неподвижность въ Банкахъ: изъ сравненія цифръ по отчетамъ г. Министра Финансовъ за 1852 и 1856 годы, мы видимъ, что втеченіе четырехъ лѣтъ масса вкладовъ увеличилась почти на 200,000,000, или, среднимъ числомъ, почти на 50,000,000 руб. сер. ежегодно. (Этотъ размѣръ ежегоднаго увеличенія указывается и самымъ отчетомъ г. Министра Финансовъ за 1856 годъ, показывающимъ, что излишекъ въ поступленіи вкладовъ передъ ихъ востребованіемъ простирался въ прошедшемъ году до 47,503,094 руб. сер.). Этой послѣдней цифры достаточно для построенія 1,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ; ея достаточно для образованія нѣсколькихъ могущественнѣйшихъ обществъ морскаго пароходства; для образованія многихъ громаднѣйшихъ мануфактурныхъ или заводскихъ акціонерныхъ компаній. Чтобы вполнѣ понять, какое громадное движеніе въ промышленности должно быть произведено обращеніемъ на нее вновь не болѣе, какъ одной ежегодной суммы, вносившейся до сихъ поръ въ банковыя учрежденія, мы скажемъ, что основный капиталъ всѣхъ пятнадцати акціонерныхъ обществъ, показанныхъ въ „Мѣсяцословѣ" на 1857 годъ, составляетъ въ сложности менѣе, нежели 20,000,000 р. с. *).

Теперь можно вообразить, какое гигантское развитіе должна получить наша промышленность, когда на ея оживленіе будутъ ежегодно обращаться тѣ 50,000,000 руб. сер., которые до сихъ поръ вносились въ ломбарды, чтобы лежать тамъ.

Этимъ еще не ограничиваются выгодныя слѣдствія мѣры, постановленной Высочайшимъ Указомъ 20 іюля. Пониженіе процентовъ, уплачиваемыхъ кредитными учрежденіями, дало правительству возможность, по выраженію Высочайшаго Указа, „уменьшить въ соразмѣрности проценты по ссудамъ изъ Банковыхъ Установленій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и даровать заемщикамъ возможное въ платежѣ таковыхъ ссудъ облегченіе". Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ 6 проц., отнынѣ будетъ взиматься государственными кредитными учрежденіями по ссудамъ 4 проц., по займамъ подъ залогъ населенныхъ имѣній также по 4 проц. и подъ залогъ домовъ 5 процентовъ. Нѣтъ надобности говорить, какъ благодѣтельно и огромно прямое облегченіе, даруемое этимъ пониженіемъ чрезвычайно многочисленному разряду лицъ, получавшихъ ссуды и займы изъ кредитныхъ учрежденій: но не должно также забывать о другомъ, еще болѣе широкомъ дѣйствіи такого пониженія,—мы говоримъ о томъ косвенномъ вліяніи, которое по необходимости должно оно произвести на процентъ по займамъ между част-

*) 1) Россійско-Американская Компанія, 2) Первое Страховое Общество, 3) Второе Страховое Общество, 4) Страховое Товарищество „Саламандра", 5) Коммерческая Компанія „Надежда", 6) Общество застрахованія пожизненныхъ доходовъ, 7) Общество Царскосельской Желѣзной Дороги, 8) Общество пароходства по Волгѣ, 1843 года, 9) Общество Пароходства „Меркурій", 10) Камско-Волжское Пароходное Общество, 11) Общество Пароходства „Польза", 12) Общество С.-Петербургской Бумагопрядильной Мануфактуры, 13) Товарищество Суксунскихъ Горныхъ Заводовъ, 14) Компанія Царевской Мануфактуры, 15) Общество заводской обработки животныхъ продуктовъ. Основные капиталы всѣхъ этихъ пятнадцати обществъ составляютъ въ сложности 19,500,000 р. с.

Digitized by Google

ными лицами. Хотя нѣкоторые односторонніе политико-экономы и полагаютъ, будто частный кредитъ находится внѣ зависимости отъ правительственныхъ мѣръ, но такое мнѣніе отвергается здравой теоріей. Конечно, нельзя декретировать процента для сдѣлокъ между частными людьми: онъ находитъ средство ускользать отъ всякаго контроля составленіемъ векселей и другихъ обязательствъ на фиктивныя суммы. Но тѣмъ не менѣе въ рукахъ правительства находится могущественное средство косвеннымъ образомъ дѣйствовать на этотъ процентъ, ускользающій отъ прямой зависимости. Процентъ опредѣляется, какъ и все на свѣтѣ, отношеніемъ предложенія къ запросу, и потому очевидно, что когда огромная масса капиталовъ, которыми располагаютъ государственныя кредитныя учрежденія, предлагается по проценту менѣе высокому, нежели прежде, то это пониженіе должно отразиться и на процентѣ, получаемомъ частными кредиторами. Оптовый торговецъ хотя и не имѣетъ возможности прямымъ образомъ удержать мелкихъ торгашей отъ требованія за ихъ товаръ той суммы, какую имъ угодно требовать, но тѣмъ не менѣе, онъ всегда заставляетъ ихъ понижать цѣну, когда самъ понижаетъ цѣну на свои огромные запасы товаровъ; точно также и государство, которое передъ частными капиталистами то же самое, что баронъ Штиглицъ передъ купцами 3-й гильдіи, всегда можетъ имѣть хотя косвенное, но тѣмъ не менѣе очень сильное вліяніе на процентъ займовъ у частныхъ кредиторовъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что настоящее пониженіе процентовъ по займамъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій замѣтнымъ образомъ отзовется и въ пониженіи обыкновенныхъ процентовъ по займамъ частныхъ капиталовъ. Нѣтъ надобности говорить, какъ полезно будетъ это косвенное дѣйствіе для успѣха нашей торговли и промышленности, развитію которыхъ однимъ изъ главныхъ препятствій представлялось до сихъ поръ чрезмѣрная высота процентовъ, требующихся у насъ частными капиталами. Чѣмъ ниже процентъ на капиталъ, тѣмъ болѣе необходимости капиталу заботиться о быстротѣ своего обращенія, тѣмъ менѣе ему возможности дремать и бездѣйствовать.

Высочайшій Указъ отъ 20 іюля будетъ имѣть сильное и благотворное вліяніе на возбужденіе нашей промышленной дѣятельности.

Разсматривая отчетъ г. министра финансовъ о дѣйствіяхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій за прошедшій годъ, мы замѣтимъ слѣдующіе факты и цифры:

Временные выпуски государственныхъ билетовъ, производившіеся по Высочайшему Указу 10 января 1855 года, для покрытія военныхъ издержекъ, прекращены Указомъ 5 апрѣля текущаго года.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 10 іюля 1857 года, увеличенъ размѣръ ссудъ изъ Коммерческаго Банка подъ залогъ билетовъ различныхъ кредитныхъ установленій. Вмѣсто пропорціи 60—90 проц. разрѣшено выдавать въ заемъ 70—95 проц., смотря по различію въ наименованіи билетовъ.

Къ 1 января 1857 года, государственныхъ долговъ, срочныхъ и безсрочныхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, состояло . . . . . 521,987,810 р. с.

Digitized by Google

Государственный Коммерческій Банкъ.

Подъ учетъ векселей, залогъ товаровъ, банковыхъ билетовъ, квитанцій Алтайскаго и Уральскаго Горныхъ Правленій, выдано	29,500,475 р. с.

Экспедиція Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ.

Въ 1856 году выпущено въ народное обращеніе государственныхъ кредитныхъ билетовъ: за вклады, внесенные звонкою монетою и слитками, за 50-ти рублевые билеты Сохранныхъ Казенъ и Заемнаго Банка выпуска 1841 г. и въ подкрѣпленіе Государственнаго Казначейства	287,640,658 р. с.
Къ 1 января 1857 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ народномъ обращеніи	689,269,844 р. с.

Сберегательныя Кассы.

Къ 1 января состояло вкладовъ:

1856 г.	1857 г.
2,827,420	3,377,541

Увеличеніе вкладовъ въ Сберегательныхъ Кассахъ, свидѣтельствуя о развитіи привычки къ экономіи между людьми мало зажиточными, составляетъ, какъ извѣстно, фактъ отрадный.

Общая сумма капиталовъ, обращавшихся во всѣхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, составляла

Къ 1 января:	1856 г.	1857 г.
Вклады . . .	924,681,639	1,002,639,068
Ссуды . . .	1,039,592,255	1,010,270,781

— Развитіе, а не стѣсненіе нашей промышленности, было цѣлью и новаго тарифа, столь значительно понизившаго пошлину на многія статьи, обложенныя почти запретительною пошлиной по прежнему тарифу, отмѣнившаго запрещеніе многихъ продуктовъ, запрещенныхъ прежде. Теперь уже поздно намъ вводить въ наши замѣтки разсужденія объ этой мѣрѣ, послѣдовавшей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и мы заговорили о новомъ тарифѣ только для того, чтобы обратить вниманіе читателей на прекрасную статью о немъ, помѣщенную г. Бабстомъ въ №№ 96 и 97 „Московскихъ Вѣдомостей". Обыкновенно люди, защищающіе пониженіе пошлинъ, обманываются предразсудками многихъ фабрикантовъ, возстающихъ противъ этого, и склоняются ихъ необдуманными протестами къ той мысли, что, въ самомъ дѣлѣ, стѣсняются фабрики, что низкій тарифъ, выгодный для потребителя, по необходимости не выгоденъ бываетъ фабриканту. Г. Бабстъ очень вѣрно и ясно доказываетъ, что это совершенное заблужденіе; что благоразумное пониженіе пошлинъ и фабриканту бываетъ столь-же выгодно, какъ и потребителю; что высокія покровительственныя пошлины, доставляя вѣрный сбытъ

Digitized by Google

дурнымъ товарамъ плохихъ фабрикъ, мѣшаютъ увеличенію сбыта товаровъ хорошей фабрики, которая соперничествомъ иностранной фабрикаціи если и будетъ принуждена понизить цѣну своихъ товаровъ, то найдетъ за то вознагражденіе въ расширеніи круга потребителей и въ результатѣ выиграетъ, а не проиграетъ черезъ уничтоженіе покровительственной опеки, которая, если отстраняетъ полезное соперничество иностранной фабрикаціи, за то вызываетъ противъ хорошаго фабриканта соперничество дурныхъ фабрикантовъ, которые для него гораздо опаснѣе. Съ иностранными фабрикантами онъ можетъ бороться безъ потерь, потому что средства борьбы у нихъ одинаковы: знаніе, дѣятельность, капиталъ, честность. Но гораздо затруднительнѣе для хорошаго фабриканта совмѣстничество людей, которые недостатокъ знанія и дѣятельности стараются замѣнить обманами въ качествѣ и недобросовѣстными продѣлками въ сбытѣ товаровъ. Этихъ-то враговъ всякаго хорошаго производителя поддерживаетъ покровительственная система. Потому-то, говоритъ г. Бабстъ, пониженіе пошлинъ бываетъ для солидныхъ фабрикъ не менѣе выгодно, нежели для потребителей, и эти справедливыя соображенія заключаетъ слѣдующими словами:

„Никогда не должно упускать изъ виду одной изъ главныхъ экономическихъ истинъ, что самые вѣрные и высокіе барыши не столько зависятъ отъ высокихъ цѣнъ на товары, сколько отъ величины и обширности сбыта; не должны также забывать наши производители, что ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами всѣхъ остальныхъ слоевъ потребляющаго народонаселенія, что цвѣтущее состояніе и обширные размѣры всѣхъ отраслей мануфактурной промышленности обусловливаются степенью благосостоянія и зажиточности всего вообще народонаселенія. Фабриканты—первые должны поднимать голосъ въ пользу всякаго рода экономическихъ преобразованій, первые должны понять, какъ сильно стѣсняютъ развитіе производительныхъ силъ настоящія условія народнаго труда, и громко указывать на это грустное явленіе, парализирующее развитіе отечественной мануфактурной промышленности; они первые должны стараться и заботиться о томъ, чтобы сняты были всѣ внутреннія таможни, которыхъ такъ много, т. е. всѣ стѣсненія, всѣ преграды, опутывающія свободный обмѣнъ цѣнностей и самостоятельность народнаго труда. Производители должны прежде всего заботиться, чтобы на внутреннемъ рынкѣ ни одинъ Ардальонъ Михайловичъ, никакой Александръ Михѣичъ не смѣлъ-бы показать къ нимъ носу ни на фабрику, ни на заводъ, чтобы товаръ поспѣвалъ и дешево и во время, а не по благоусмотрѣнію попечительнаго дистанціоннаго начальника, чтобы земля, купленная подъ фабрику за 90, напр., рублей, не обходилась фабриканту, благодаря заботливости извѣстныхъ людей, въ 300 р. и т. д.,— вотъ о чемъ не мѣшало-бы заботиться нашимъ производителямъ для блага своего и для блага цѣлаго края, вотъ отъ чего дороги наши товары, вотъ что задерживаетъ развитіе отечественной промышленности. Отъ уничтоженія всѣхъ подобныхъ заставъ и пошлинъ можно только ожидать широкаго развитія производительныхъ силъ, а не отъ боязливаго охраненія себя высокимъ тарифомъ. Въ первомъ случаѣ выигрываетъ цѣлый край, оживится все промышленное народонаселеніе, въ послѣднемъ видна только эгоистическая забота узкихъ интересовъ производящаго меньшинства упрочить за собой монополію къ явному ущербу цѣлаго края. Заговори фабриканты дружно о первомъ, и имъ откликнутся радостно всѣ, кому только дорого процвѣтаніе родного края“.

Изъ другихъ правительственныхъ мѣръ, касающихся нашей промышленности, замѣтимъ прекращеніе порто-франко въ Одессѣ (съ 15 августа) и заключеніе торговой конвенціи съ Франціею. По этому „Трактату о торговлѣ и мореплаваніи“, русскимъ во Франціи и французамъ въ Россіи предоставляются въ торговлѣ и промышленности всѣ тѣ привиллегіи, льготы и прочія

Digitized by Google

преимущества, которыя нынѣ предоставлены или впредь предоставлены будутъ туземнымъ подданнымъ (статья 1). Французскія суда во всѣхъ портахъ Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго не платятъ никакихъ пошлинъ и сборовъ, кромѣ тѣхъ, какія платятся русскими судами (статья 3). Франція, съ своей стороны, даетъ подобныя-же льготы нашимъ судамъ во французскихъ и алжирскихъ портахъ (статья 4). Договаривающіяся правительства, желая упрочить полное покровительство мануфактурной промышленности обоюдныхъ подданныхъ, согласились, что всякая поддѣлка въ одномъ изъ обоихъ государствъ фабричныхъ знаковъ, прилагаемыхъ въ другомъ государствѣ къ товарамъ для доказательства ихъ происхожденія и качества, будетъ строго воспрещена и преслѣдуема (статья 22). Обѣ высокія договаривающіяся стороны предоставляютъ себѣ опредѣлить особою конвенціею способы для взаимнаго обезпеченія литературной и художественной собственности ихъ обоюдныхъ государствъ (статья 23). Трактатъ этотъ заключается на шесть лѣтъ (статья 24).

Мѣры, обѣщаемыя 23-ею статьею этого трактата для взаимнаго обезпеченія литературной собственности, имѣютъ въ настоящее время для русскихъ литераторовъ уже не меньшій интересъ, нежели для французскихъ. Право перевода своихъ сочиненій, которымъ прежде могли интересоваться только французскіе писатели, въ настоящее время становится важно уже и для русскихъ, потому что русскихъ книгъ во Франціи переводится не многимъ меньше, нежели французскихъ въ Россіи, и, конечно, эти переводы расходятся во Франціи больше, нежели оригинальныя сочиненія у насъ.

То оживленіе русской промышленной дѣятельности, которое составляетъ цѣль распоряженій правительства, изложенныхъ нами выше, началось учрежденіемъ знаменитой компаніи для постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ отъ Нижняго-Новагорода и Ѳеодосіи до прусской границы и Либавы. Послѣ того важнѣйшимъ промышленнымъ фактомъ было образованіе Русскаго Общества торговли и пароходства на Черномъ морѣ. Теперь образуется третье общество, имѣющее не менѣе блестящіе виды въ будущемъ. Сообразно докладу Комитета гг. Министровъ, отъ 25-го іюля, Государь Императоръ Высочайше утвердилъ уставъ акціонернаго общества, учреждающагося преимущественно на югѣ Россіи для приготовленія продовольственныхъ веществъ и торговли ими. Учредители Общества — гг. Байковъ, фонъ-Дезинъ, Бенардаки, Кокоревъ и французскій подданный Шолле. Общество это предполагаетъ заниматься приготовленіемъ мяса впрокъ и обработкою животныхъ продуктовъ съ торговлею ими. Для того оно устроитъ, преимущественно на югѣ Россіи, бойни, заведенія для приготовленія мяса впрокъ и солонины, салотопные заводы, кожевенные заводы, заведенія для приготовленія костянаго порошка и желатины, для приготовленія въ продажу роговъ и копытъ, для обработки жилъ и проч. Независимо отъ того, Общество предоставляетъ себѣ право открывать и другіе промыслы, относящіеся къ главной его цѣли. Капиталъ Общества опредѣляется въ 3.000,000 руб. сер., раздѣленныхъ на 24,000 акцій по 125 р. с. каждая. Капиталъ составляется посредствомъ четырехъ выпусковъ акцій, каждый разъ по 6,000 акцій на сумму 750,000 р. сер. Два первые выпуска поступаютъ въ продажу немедленно по утвержденіи

Digitized by Google

устава Общества, слѣдующіе два по опредѣленію общаго собранія акціонеровъ; учредители обязываются взять не менѣе одной шестой части акцій. Изъ чистой годовой прибыли, учредителямъ отдѣляется въ теченіе 12 лѣтъ половина той прибыли, которая будетъ превышать десять процентовъ на капиталъ, потомъ еще въ теченіе шести лѣтъ третья часть этой прибыли свыше десяти процентовъ. Если Общество найдетъ нужнымъ для консервовъ выписывать жесть или жестянки изъ-за границы, то при вывозѣ этихъ жестянокъ съ консервами за границу, взятая съ нихъ при ввозѣ пошлина возвращается обществу.

По распродажѣ акцій на 300,000 р. с., учредители немедленно созываютъ общее собраніе акціонеровъ для выбора директоровъ. Число директоровъ назначается шесть, въ томъ числѣ четыре русскихъ и два французскихъ, въ случаѣ, если число акцій, взятыхъ во Франціи, будетъ составлять одну треть всѣхъ акцій. Правленіе и главная контора Общества находятся въ С.-Петербургѣ. Кромѣ того, по мѣрѣ надобности, учреждаются другія конторы въ Россіи и за-границею.

Нѣтъ сомнѣнія, что этому Обществу, главнымъ предметомъ дѣйствій котораго будетъ, какъ видно, торговля приготовленными ими животными продуктами и мясомъ съ Франціею, предстоитъ блистательный успѣхъ. Несомнѣнно также и то, что кругъ дѣйствій его будетъ очень широкъ: въ этомъ увѣряютъ имена учредителей, изъ которыхъ нѣкоторые занимаютъ первыя мѣста между русскими капиталистами.

Замѣчательнѣйшею чертою новаго Общества надобно считать то, что оно, какъ видно изъ статьи устава о соединеніи въ правленіи Общества русскихъ директоровъ съ французскими, учреждается при взаимномъ участіи русскихъ и французскихъ капиталистовъ, съ преобладаніемъ первыхъ. Послѣ Главнаго Общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ, это второй примѣръ столь тѣснаго соединенія промышленныхъ силъ обѣихъ націй для одного дѣла. Но въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ главное участіе и въ капиталахъ и въ руководительствѣ исполненіемъ предпріятія принадлежитъ французамъ, а въ новомъ обществѣ—русскимъ.

Другое обширное акціонерное Общество, вновь образованное—Общество Сампсоніевской Мануфактуры, Высочайше утвержденное по докладамъ Комитета гг. Министровъ отъ 2 и 16 іюля. Сампсоніевская механическая мануфактура, поступающая въ собственность Общества, будетъ заниматься изготовленіемъ винтовыхъ и колесныхъ пароходовъ, чугуннымъ и мѣднымъ литьемъ, крупною желѣзною ковкою и производствомъ всякихъ механическихъ издѣлій для желѣзныхъ дорогъ. Первоначальный капиталъ Общества назначается въ 1.500,000 р. сер. съ раздѣленіемъ на 15,000 акцій по 100 рублей. По усмотрѣнію Общества капиталъ можетъ быть умноженъ выпускомъ добавочныхъ акцій еще на 1.500,000 р. сер. Учредитель, с.-петербургскій купецъ г. Нобель, которому до сихъ поръ принадлежала сампсоніевская механическая мануфактура, обязывается пріобрѣсть акцій не менѣе какъ на 100.000 р. сер. Обществу предоставляется право для построенія пароходовъ устраивать верфи. Изготовленные Обществомъ пароходы до продажи могутъ быть употребляемы для перевозки клади и пассажировъ.

Digitized by Google

Кстати о пароходахъ. Въ іюлѣ, въ Костромѣ спущенъ на воду первый пассажирскій пароходъ „Алексѣй“, съ верфи механическаго завода г. Шипова. Онъ построенъ русскими механиками гг. Везинскимъ и Цыгановымъ. „Алексѣй“ назначенъ для перевозки пассажировъ. Машина его въ тридцать-пять силъ. Съ полнымъ грузомъ, то есть, имѣя сто двадцать пять человѣкъ пассажировъ и запасшись дровами, онъ сидитъ въ водѣ только семнадцать дюймовъ, такъ что можетъ ходить по всему мелководному верховью Волги не опасаясь мелей. Пробный рейсъ „Алексѣя“ доказалъ искусство русскихъ его строителей. При давленіи $2^1/_3$ атмосферъ и при тридцати шести до тридцати девяти оборотахъ колеса въ минуту, онъ ходитъ семнадцать верстъ въ часъ противъ теченія и вѣтра. Теперь готовится къ спуску съ верфи г. Шипова другой пароходъ „Владиміръ“ въ шестьдесятъ силъ. Къ слѣдующей веснѣ, будутъ на этой верфи построены еще четыре парохода, каждый въ сто двадцать силъ. „Нельзя умолчать, прибавляетъ авторъ статьи въ „Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, что г. Шиповъ первый въ Россіи рискнулъ пожертвовать огромный капиталъ на устройство своего механическаго заведенія, ввѣривъ его не иностранцамъ, а русскимъ технологамъ, которые, впрочемъ, вполнѣ оправдали его довѣренность какъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, такъ и своею старательностію и неутомительностію въ трудахъ“.

Въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена любопытная статья о развитіи пароходства въ Сибири. Въ настоящее время четыре буксирные парохода совершаютъ рейсы по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, проходя мимо Тобольска, гдѣ соединяются Иртышъ съ Тоболомъ, и села Самарова, въ двадцати пяти верстахъ отъ котораго вливается Иртышъ въ Обь. Два парохода, во сто силъ каждый, совершаютъ въ лѣто шесть рейсовъ отъ Томска до Тюмени, провозя каждый до 100.000 пудовъ клади. Два другіе имѣютъ шестьдесятъ и сорокъ силъ.

Послѣдняя война, слишкомъ ясно доказавъ необходимость въ улучшеніи нашихъ сообщеній, дала, надобно признаться, главный толчекъ той дѣятельности, которая теперь обнаруживается по этой части. Но убѣжденіемъ въ необходимости желѣзныхъ дорогъ не ограничиваются полезныя указанія опыта нашего въ 1854—1855 годахъ. Блокада Черноморскихъ и Балтійскихъ портовъ, принудившая насъ обратиться къ способу отправленія товаровъ въ Западную Европу черезъ прусскую границу, открыла для торговли нашихъ юго-западныхъ губерній новый путь, обѣщающій большія удобства для сбыта къ Данцигскому порту. Нынѣ открытъ Пинскій каналъ, соединяющій Западный Бугъ, впадающій въ Вислу, съ Припетью, впадающею въ Днѣпръ. Это сообщеніе очень важно для Украйны. Авторъ статьи въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, предполагаетъ, что вся та солонина, которую нынѣ Англія покупаетъ въ Америкѣ, можетъ быть доставляема изъ нашихъ юго-западныхъ губерній по Пинскому каналу. Этотъ разсчетъ, быть можетъ, ошибоченъ. Степныя губерніи, которыя могутъ съ выгодою торговать мясомъ, лежатъ къ Черному морю ближе, нежели не только къ Данцигу, но и къ Кіеву. Отправленіе ихъ продуктовъ не только во Францію, но и въ Англію чрезъ черноморскіе порты будетъ

Digitized by Google

дешевле, нежели провозка вверхъ по Днѣпру и Припети черезъ Пинскій каналъ. Но этотъ послѣдній путь можетъ оживить южную часть Минской, сѣверную часть Каменецъ-Подольской и, можетъ быть, прилежащія части Черниговской и Могилевской губерній, которыя чрезъ него найдутъ сбытъ для своей пеньки и льнянаго сѣмени.

Желаніе оживить народную жизнь, столь ясно замѣчаемое въ постановленіяхъ и мѣрахъ правительства, относящихся къ промышленной дѣятельности, внушаетъ ему мѣры для отстраненія стѣсненій и тяжестей, которыми связывалась народная жизнь въ другихъ сферахъ и отношеніяхъ. Ничто не можетъ быть почтеннѣе того принципа, на которомъ основано устройство козацкихъ племенъ. Каждый мужчина изъ козацкаго племени соединяетъ въ себѣ воина съ мирнымъ гражданиномъ. Онъ привыкъ владѣть оружіемъ и сражается не хуже регулярнаго солдата, но въ то же время онъ земледѣлецъ или промышленникъ. Воинская служба не есть источникъ его содержанія: онъ живетъ самобытными, мирными занятіями. За оружіе онъ берется не потому, что кормится имъ, а только для того, чтобы защищать родину. Принципъ этотъ превосходенъ. Но для того, чтобы быть дѣйствительно необременительнымъ, онъ, конечно, долженъ въ своихъ примѣненіяхъ сообразоваться съ потребностями матеріальной и гражданской жизни. Одно изъ неудобствъ, существовавшихъ отъ слишкомъ тѣснаго пониманія воинскихъ обязанностей козака, отстранено Высочайше утвержденнымъ 8 іюня представленіемъ Департамента Военныхъ Поселеній. Молодые люди, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, иногда принуждались служить строевыми козаками, между тѣмъ какъ при своихъ знаніяхъ могли-бы принести козацкому обществу гораздо больше пользы, да и себя чувствовали-бы гораздо счастливѣе, еслибъ имъ позволялось оставаться при тѣхъ спеціальныхъ занятіяхъ, къ которымъ они себя приготовили. Это разрѣшено новыми правилами, составленными Департаментомъ Военныхъ Поселеній, по вопросу, возбужденному г. министромъ Народнаго Просвѣщенія:

„1. Молодыхъ людей, изъ козачьяго сословія, окончившихъ курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ и выпущенныхъ изъ оныхъ съ чинами гражданскими, или съ правами на сіи чины, опредѣлять, по ихъ желанію, въ должности по учебной части козачьихъ войскъ, къ коимъ они принадлежатъ, если имѣются вакансіи таковыхъ должностей.

„2. При опредѣленіи въ означенныя должности, зачислять ихъ урядниками, и за тѣмъ, не считая ихъ въ строевомъ составѣ войскъ, производить въ хорунжіе: выпущенныхъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній съ чиномъ коллежскаго регистратора, или съ правомъ на этотъ чинъ, черезъ одинъ годъ со дня опредѣленія въ службу; выпущенныхъ-же изъ высшихъ учебныхъ заведеній съ чиномъ, или правомъ на чинъ 12-го класса, черезъ шесть мѣсяцевъ, а съ чиномъ, или правомъ на чинъ 10-го и 9-го классовъ, черезъ три мѣсяца со дня опредѣленія въ службу.

„3. Дальнѣйшее производство въ чины училищныхъ чиновниковъ козачьихъ войскъ установить согласно правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 9 декабря 1856 г.: изъ хорунжихъ въ сотники черезъ три года, изъ сотниковъ въ есаулы черезъ шесть лѣтъ, изъ есауловъ въ войсковые старшины черезъ три года, изъ войсковыхъ старшинъ въ подполковники черезъ четыре года и изъ подполковниковъ въ полковники черезъ четыре года“.

Интересна также въ августовской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“

Digitized by Google

статья г. Чичерина о книгѣ Токвилля. Отъ многихъ изъ людей, восхищавшихся прежде статьями г. Чичерина, мы слышали недовольство этимъ послѣднимъ его произведеніемъ, и должны сказать, что съ ихъ стороны такое недовольство едва-ли основательно: основная мысль въ статьѣ о Токвиллѣ таже самая, какъ и въ „Областныхъ учрежденіяхъ": здѣсь г. Чичеринъ говоритъ въ пользу централизаціи, и тамъ говорилъ также въ пользу централизаціи. Въ то время мы считали справедливымъ замѣтить, что едва-ли предметъ его сочувствія заслуживаетъ особеннаго сочувствія, но тѣмъ не менѣе книга казалась намъ проникнута взглядомъ очень благороднымъ, — тоже надобно сказать и относительно статьи о Токвиллѣ. Предубѣжденные неблагопріятными отзывами объ этой статьѣ, мы начали читать ее съ недовѣріемъ,—но увидѣли, что г. Чичеринъ остался совершенно вѣренъ самому себѣ, и надобно сказать, что во многихъ случаяхъ, онъ нападаетъ на Токвилля совершенно справедливо. Конечно, нельзя не пожалѣть о томъ, что любовь свою къ централизаціи доводитъ онъ до осужденія всѣхъ принциповъ, которые были низвергнуты ею во Франціи. Стремленія горожанъ были основаны на началахъ, болѣе высокихъ, нежели стремленія, одушевлявшія представителей централизаціи во Франціи, и, чтобы ни говорилъ г. Чичеринъ, у этихъ горожанъ не было недостатка въ любви къ отечеству, они не забывали Францію для Парижа и Ліона. Вся вина ихъ состояла только въ томъ, что они были слабѣе, какъ централизаторовъ, такъ и феодаловъ. Слабѣйшій не всегда есть худшій, и не всегда въ исторіи прогрессъ совершался, если можно такъ выразиться, путемъ строгой экономіи, путемъ торжества именно наилучшихъ элементовъ. Часто, напротивъ, торжествовалъ узкій эгоизмъ, опирающійся на слѣпомъ невѣжествѣ или на излишней довѣренности тѣхъ, помощью которыхъ онъ пользовался. Развѣ, напримѣръ, альбигойцы не были гораздо лучше доминиканскихъ полчищъ Симона Монфортскаго? И развѣ Колиньи не былъ лучше герцоговъ Гизовъ? Тоже надобно сказать и о французскихъ горожанахъ. Неужели же въ самомъ дѣлѣ побѣда есть несомнѣнный признакъ справедливости, непремѣнное право на сочувствіе историка? Можно сильно сомнѣваться въ томъ, до какой степени Ришельё и Мазарини были благодѣтелями Франціи. Можно сильно сомнѣваться и въ томъ, что торжество Этьена Марселя было бы гибельно для Франціи. Ясно, по крайней мѣрѣ, то, что Жанна Д'Аркъ вышла не изъ круга тѣхъ людей, которые хлопотали о централизаціи. Но сдѣлавъ всѣ эти оговорки, надобно сказать и то, что если уже выбирать между Токвиллемъ и г. Чичеринымъ, то г. Чичеринъ гораздо больше правъ, нежели Токвилль, который изъ нелюбви къ централизаціи безъ разбора восхищается всѣмъ, что только боролось противъ этого принципа, не разбирая того, что если горожане были во сто разъ лучше централизаторовъ, то централизаторы были въ тысячу разъ лучше феодаловъ. Если бы г. Чичеринъ ограничивался тѣмъ, чтобы ставить централизаторовъ выше феодаловъ, онъ былъ бы совершенно правъ. Еще одно замѣчаніе: зачѣмъ онъ начинаетъ свою статью осужденіемъ тѣхъ историковъ, которые пишутъ подъ вліяніемъ своего взгляда на потребности настоящаго времени? Иныхъ историковъ никогда не было и быть не можетъ: каждый излагаетъ факты сообразно своимъ убѣжденіямъ, а убѣжденія влагаются въ человѣка настоя-

Digitized by Google

щимъ временемъ и его потребностями. Historia scribitur ad narrandum, non ad probandum—одна изъ тѣхъ фразъ, которыя всѣми повторяются и никѣмъ не исполняются. Такъ, напримѣръ, и самъ г. Чичеринъ въ своихъ „Областныхъ Учрежденіяхъ“ вовсе не былъ человѣкомъ безстрастнымъ. Онъ писалъ свое сочиненіе противъ славянофиловъ,—это дѣло ясное. А вѣдь онъ былъ тогда правъ. Дѣло не въ томъ, чтобъ историкъ писалъ безъ идеи подтвердить свои убѣжденія обзоромъ прошедшаго — дѣло въ томъ, каковы его убѣжденія. Если они дѣйствительно широки и благородны, онъ будетъ безпристрастенъ: правое дѣло не нуждается ни въ натяжкахъ, ни въ утайкахъ, ни въ искаженіяхъ фактовъ. Токвилль не тѣмъ виноватъ, что пишетъ подъ вліяніемъ своихъ убѣжденій: безъ убѣжденій онъ былъ бы Гранье де-Кассаньякомъ, то есть историкомъ во сто разъ худшимъ и пристрастнѣйшимъ, нежели теперь. Это хорошо, что у него есть убѣжденія. Но убѣжденія его узки и нелогичны—вотъ это жаль. Не въ томъ бѣда, что Токвилль человѣкъ партіи: по закону Солона считался вреднымъ для отечества человѣкомъ аѳинянинъ, не принимающій ни чьей стороны во время борьбы партій;—бѣда въ томъ, что та партія, которую выбралъ Токвилль, далеко не совсѣмъ справедлива, да и не совсѣмъ чиста. Будь адвокатомъ каждый кто можетъ, но будь адвокатомъ праваго дѣла. Таковъ г. Чичеринъ; и потому, несмотря на его пристрастіе къ централизаціи, онъ все-таки пишетъ статьи и книги, достойныя всякаго уваженія.

Наконецъ, мы должны обратить вниманіе читателей на тотъ благородный примѣръ обращенія со стороны публичнаго лица къ гласности для оправданія оффиціальныхъ дѣйствій, который недавно поданъ господиномъ исправляющимъ должность С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора, Н. М. Муравьевымъ. Въ № 152 „С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей“, г. Рыбкинъ, говоря о причинахъ дороговизны хлѣба въ Петербургѣ, замѣтилъ между прочимъ, что городское начальство продолжаетъ взимать сборъ по двѣ копѣйки серебромъ съ куля, назначенный на устройство хлѣбной пристани, хотя эта пристань давно уже устроена. Слова эти были несправедливы, и г. Муравьевъ, въ качествѣ управляющаго губерніею имѣющій надзоръ за дѣйствіями городскаго начальства, не могъ не обратить на нихъ вниманія, при существующемъ въ нѣкоторой части публики мнѣніи, что дороговизна хлѣба происходитъ до извѣстной степени отъ пошлинъ, взимаемыхъ городомъ. Какъ же поступилъ г. Муравьевъ въ этомъ случаѣ? Именно такъ, какъ долженъ былъ поступить, какъ могъ поступить, имѣя справедливость на сторонѣ подвѣдомственнаго ему городскаго управленія. Онъ прислалъ къ г. редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ слѣдующее оффиціальное отношеніе:

„М. г. Въ № 152 издаваемыхъ вами „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ напечатана статья, за подписью Ф. Рыбкина, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о временномъ повышеніи цѣнъ на хлѣбъ и другіе товары“.

„Въ статьѣ этой, исчисляя всѣ расходы, съ коими сопряжена доставка хлѣба въ Санктпетербургъ, авторъ упоминаетъ и о взимаемомъ въ здѣшней столицѣ особомъ сборѣ на устройство хлѣбной пристани, которая, какъ говоритъ онъ, давно уже выстроена.

„Разсужденіе это оказывается совершенно несправедливымъ, въ чемъ вы можете убѣдиться изъ прилагаемой къ сему статьи, составленной по приказанію моему, на

Digitized by Google

основаніи оффиціальныхъ данныхъ, заключающихся въ дѣлахъ ввѣреннаго мнѣ управленія.

„Не разбирая причинъ, побудившихъ автора вовлечься въ таковую погрѣшность, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, распорядиться напечатаніемъ въ ближайшемъ № Вѣдомостей прилагаемой статьи, служащей опроверженіемъ статьи г-на Рыбкина.

„Исполненіемъ настоящаго требованія редакція выкупитъ передъ публикой ошибку свою, конечно невольную, и выполнитъ свой долгъ передъ правительствомъ, котораго распоряженія если и могутъ сдѣлаться предметомъ оцѣнки, то однако благонамѣренной и безъ искаженія истины.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою“.

При отношеніи была приложена статья, которая вмѣстѣ съ нимъ напечатана въ № 161 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Она фактами и указаніями на рѣшенія Комитета гг. Министровъ подробно объясняетъ, что 1) постройка хлѣбной пристани въ Петербургѣ еще не совсѣмъ кончена; 2) двухъ-копѣечный сборъ съ куля предназначенъ не на одну только постройку этой пристани, но имѣетъ также и другія назначенія, именно служитъ къ вознагражденію за постройку хлѣбныхъ магазиновъ Александро-Невской Лавры, которая и получаетъ половину его, между тѣмъ какъ другая половина должна, кромѣ постройки пристани, обращаться на ремонтъ ея и на усиленіе общихъ городскихъ доходовъ.

Надобно признаться, что объясненія, данныя этою статьею, не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ справедливости сбора, и что образъ дѣйствія, принятый въ этомъ дѣлѣ г. Муравьевымъ, конечно есть единственный полезный способъ отвѣчать на указанія злоупотребленій. Если указаніе вѣрно, прямое признаніе фактовъ со стороны лица, принимающаго контроль надъ дѣйствіями людей, допустившихъ злоупотребленіе, конечно, скорѣе всего способно заставить вѣрить въ его искреннее желаніе уничтожить злоупотребленіе и возстановить нарушенную законность. Если же, какъ въ настоящемъ случаѣ, указаніе ошибочно, опять таки прямой отвѣтъ съ изложеніемъ фактовъ представляется единственнымъ средствомъ вывести публику изъ ошибки,— публику, говоримъ мы, потому что журнальная статья всегда основывается на мнѣніи, уже существующемъ въ публикѣ независимо отъ статьи. Писатель не придумываетъ это мнѣніе, а только выражаетъ его, и появленіе его статьи во всякомъ случаѣ есть обстоятельство выгодное для контроля, потому что даетъ ему возможность уничтожить ложное мнѣніе.

Digitized by Google

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Критику „Современника". Статьи г. И. В—скаго: „Экономическій Указатель" №№ 22, 25, 27 и 29.

I.

„Мнѣнія г. Мальтуса такъ бездоказательны, что по правдѣ говоря, я могъ бы изложить свой предметъ, и не обращая вниманія на г. Мальтуса. Но я знаю, что вниманіе наибольшаго числа читателей живѣе поддерживается, когда мысль представляется имъ въ формѣ пренія. Еслибъ я изложилъ свои соображенія не въ формѣ спора, то вѣроятно изслѣдованіе этого вопроса не возбудило бы интереса въ той степени, до какой могу я надѣяться привлечь его теперь, если дѣйствительно мнѣ удалось пояснить изслѣдуемый предметъ.

„Пониманіе многихъ предметовъ, чрезвычайно важныхъ для счастія людей, основывается на свѣдѣніяхъ столь простыхъ, что этими свѣдѣніями пренебрегаютъ люди опрометчивые и презираютъ ихъ люди поверхностные".

Годвинъ. „Изслѣдованіе о народонаселеніи".

Возраженія „Экономическаго Указателя" на ту статью, въ которой мы выразили мнѣніе о необходимости сохранить общинное владѣніе землею въ Россіи, кончены. Теперь намъ должно отвѣчать на эти возраженія,—дѣло съ одной стороны очень легкое, съ другой нѣсколько затруднительное. Легко оно по своему содержанію, затрудняетъ насъ его форма. Возраженія „Экономическаго Указателя" такъ слабы, такъ непослѣдовательны въ теоретическомъ отношеніи, такъ мало соотвѣтствуютъ статистическимъ даннымъ въ практическомъ отношеніи, что показать ихъ неосновательность — очень немудрено. Но затруднительно рѣшить намъ, въ какомъ тонѣ надобно держать нашъ отвѣтъ. На первый взглядъ, казалось бы, что приличнѣе всего отвѣчать точно такимъ же тономъ, какимъ написаны возраженія „Экономическаго Указателя",—тономъ рѣзкимъ. Противникъ, нецеремонившійся относительно деликатности своихъ словъ, даетъ право отвѣчать ему такимъ же образомъ; обратить на него оружіе насмѣшки, за которое неосторожно взялся онъ, было бы тѣмъ законнѣе, что шаткость его понятій и малое знакомство съ фактами по вопросу, о которомъ такъ самоувѣренно онъ говоритъ, неволь-

Digitized by Google

нымъ образомъ вызываетъ улыбку. Мы такъ и хотѣли отвѣчать ему, пока не дочли послѣдней статьи его возраженій. Но въ концѣ этой самоувѣренной статьи мы увидѣли—кто бы могъ ожидать этого?—строки, совершенно измѣнившія наше прежнее намѣреніе, строки, проникнутыя столь яснымъ сознаніемъ „Экономическаго Указателя“ въ неприготовленности своей къ спору о предметѣ, разсуждать о которомъ принялся онъ такъ смѣло—строки, внушенныя такимъ похвальнымъ смиреніемъ, что послѣ нихъ становится невозможнымъ ироническій тонъ съ нашей стороны: „Для продолженія спора“, говоритъ „Экономическій Указатель“ въ заключеніе всѣхъ возраженій противъ нашего мнѣнія,—„для продолженія спора мы считали бы полезнымъ подождать тѣхъ данныхъ, которыя должны явиться объ этомъ предметѣ вслѣдствіе задачи, предложенной на конкурсъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. На вызовъ его, безъ всякаго сомнѣнія, явятся труды, въ которыхъ представлены будутъ и факты и разсчеты практиковъ. Тогда только, имѣя въ виду эти отзывы, можно будетъ подробно, точно и ясно оцѣнить относительную пользу разнаго владѣнія и взглянуть на этотъ предметъ, интересный во многихъ отношеніяхъ. Правда, и эти данныя не будутъ обнимать всѣхъ сторонъ изслѣдованія, по необходимости ограничиваясь только нашимъ отечествомъ; но и такое частное изслѣдованіе должно значительно объяснить намъ положеніе дѣла и облегчить выводы касательно самаго начала общиннаго владѣнія“. („Экономическій Указатель“ № 29).

Что можетъ быть похвальнѣе такого сознанія „Экономическаго Указателя“ въ недостаточности настоящихъ его свѣдѣній? Онъ „считаетъ полезнымъ подождать тѣхъ данныхъ, которыя явятся вслѣдствіе задачи, предложенной на конкурсъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ“; тогда по его мнѣнію „явятся труды, въ которыхъ будутъ представлены и факты и разсчеты практиковъ“,—„Экономическій Указатель“ хочетъ ждать ихъ, значитъ, въ настоящее время не имѣетъ еще ни данныхъ, ни фактовъ, ни разсчетовъ практиковъ, чтобы судить объ общинномъ владѣніи; но тогда, въ концѣ 1859 года, „тогда только, имѣя въ виду эти отзывы“, онъ будетъ въ состояніи „точно и ясно оцѣнить“ относительную пользу общинной и частной поземельной собственности,—а теперь онъ еще не можетъ точно и ясно оцѣнить, которая изъ нихъ должна быть предпочтена; мало того, что онъ не можетъ точно и ясно судить объ этомъ предметѣ, „интересномъ во многихъ отношеніяхъ“, онъ не можетъ еще и „взглянуть на него“,—„взглянуть“ можно будетъ только тогда, когда явятся изслѣдованія, вызываемыя конкурсомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; до того времени судить объ этомъ предметѣ „Экономическій Указатель“ рѣшительно не можетъ; но даже и тогда „Экономическій Указатель“ не надѣется пріобрѣсть достаточныя знанія объ общинномъ владѣніи: свѣдѣнія, которыя получитъ онъ черезъ два года, „не будутъ обнимать всѣхъ сторонъ изслѣдованія“, они будутъ „ограничиваться только нашимъ отечествомъ“; о выгодахъ и невыгодахъ общиннаго владѣнія въ другихъ странахъ, „Экономическій Указатель“ и тогда не пріобрѣтетъ нужныхъ свѣдѣній, онъ получитъ понятіе только о выгодахъ общиннаго владѣнія въ Россіи, которыхъ теперь не знаетъ: но и „такое частное изслѣдованіе“, по его мнѣнію, „должно значительно объяс-

Digitized by Google

нить“ ему „положеніе дѣла и облегчить“ ему „выводы касательно самаго начала общиннаго владѣнія“, а теперь, какъ видно изъ этихъ самыхъ словъ, положеніе дѣла не ясно для „Экономическаго Указателя“, и дѣлать выводы касательно начала общиннаго владѣнія для него трудно.

Такое откровенное сознаніе въ недостаточности своихъ свѣдѣній объ общинномъ владѣніи дѣлаетъ большую честь добросовѣстности г. И. В-скаго (этими буквами подписаны статьи „Экономическаго Указателя“). Мы желали бы удовлетвориться этимъ признаніемъ, но по закону собственное признаніе считается достовѣрнымъ только тогда, когда подтверждено уликами; безъ фактическихъ уликъ оно не имѣетъ законной силы и не принимается судомъ за достаточное основаніе для приговора. Такъ гласитъ законъ, а девизъ „Экономическаго Указателя“: „La loi c'est ma force“, и мы, конечно, удовлетворимъ задушевной потребности г. И. В-скаго, если, сообразно девизу его журнала и требованію закона, придадимъ несомнѣнную силу откровенному признанію г. И. В-скаго, представивъ фактическія доказательства въ подтвержденіе этого прекраснаго признанія.

Доказательствъ этихъ находится такая богатая сокровищница въ статьяхъ, написанныхъ г. И. В-скимъ противъ нашего мнѣнія объ общинномъ владѣніи, что мы не знаемъ, съ котораго изъ нихъ и начинать. Начнемъ хотя съ тѣхъ, которыя представляются послѣднею статьею его возраженій, статьею, помѣщенною въ № 29 „Экономическаго Указателя“ и написанною уже послѣ того, какъ въ 7 № „Современника“ представили мы извлеченія изъ книги Гакстгаузена. Упоминая объ этихъ извлеченіяхъ, г. И. В-скій вздумалъ сказать нѣсколько словъ о Гакстгаузенѣ, и начинаетъ свой эпизодъ о немъ такою характеристикою убѣжденій этого писателя: „Гакстгаузенъ“, говоритъ г. И. В-скій, „по своимъ убѣжденіямъ, принадлежитъ къ тѣмъ, которые не признаютъ святости личной воли и необходимости свободной самодѣятельности человѣка, какъ въ сферѣ политической, такъ и въ экономическихъ его дѣйствіяхъ“. Что за странность? Гакстгаузенъ не признаетъ святости личной воли и необходимости свободныхъ дѣйствій человѣка въ экономической сферѣ! Кто прочелъ хотя одну главу въ книгѣ Гакстгаузена, очень хорошо долженъ видѣть, что эта характеристика вовсе нейдетъ къ Гакстгаузену, который чрезвычайно энергически возстаетъ противъ всякихъ административныхъ бюрократическихъ и экономическихъ опекъ, который говоритъ объ этихъ опекахъ съ негодованіемъ, достойнымъ самаго отъявленнаго послѣдователя системы laissez faire, laissez passer. Откуда взялось у г. И. В-скаго удивительное мнѣніе о Гакстгаузенѣ, какъ противникѣ личной воли? Намъ помнится, что мы, въ началѣ своихъ извлеченій изъ Гакстгаузена, назвали его реакціонеромъ, противникомъ либерализма. Ужъ не изъ этихъ ли словъ вывелъ г. И. В-скій свое мнѣніе, будто онъ противникъ свободной самодѣятельности человѣка? Оно очень можетъ быть: каждому, прочитавшему хотя одинъ нумеръ „Journal des Débats“ или „Journal des Economistes“, извѣстно, что реакціонерами называются люди враждебные свободѣ, какъ въ политической, такъ и въ экономической сферахъ. Понятіе справедливое, но примѣняющееся только къ одной партіи реакціонеровъ; есть другая партія, которая именно потому и возстаетъ про-

Digitized by Google

тивъ либерализма школы Тьера и ему подобныхъ, что этотъ либерализмъ предоставляетъ слишкомъ мало свободной самодѣятельности человѣка, восхищаясь централизаціею и бюрократіею. Либералы, противъ которыхъ возстаетъ Гакстгаузенъ, разрушили въ Германіи старинныя учрежденія только для того, чтобы замѣнить ихъ бюрократіею, убивающей всякую самодѣятельность. Вотъ этого-то и не зналъ г. И. В-скій. Виноваты, мы ввели его въ ошибку; предположивъ, что ему довольно знакомы мнѣнія Гакстгаузена, мы не думали, что наша статья о Гакстгаузенѣ будетъ служить ему единственнымъ источникомъ заключеній объ этомъ писателѣ; еслибъ мы это знали, мы тогда же сказали бы то, что говоримъ теперь, и г. И. В-скій не сталъ бы обвинять бѣднаго Гакстгаузена въ отверженіи личной воли и тому подобныхъ прекрасныхъ вещей. Виноваты, кругомъ виноваты. Мы писали для публики, которой не нужны всякія мелочи, не ожидая, что наши извлеченія послужатъ для нашего ученаго противника единственнымъ арсеналомъ свѣдѣній о содержаніи и духѣ капитальнѣйшаго сочиненія по тому предмету, спорить о которомъ онъ взялся; еслибъ мы знали это, мы присоединили бы къ своимъ общимъ замѣчаніямъ тѣ подробности, которыя не нужны для публики, но знаніе которыхъ необходимо для ученаго, желающаго дѣлать многозначительные выводы въ серьёзномъ спорѣ. Но дѣйствительно ли именно мы виноваты въ ошибкѣ г. И. В-скаго? Дѣйствительно ли недомолвка нашей статьи ввела его въ ошибку? Дѣйствительно ли только изъ нашей статьи познакомился онъ съ книгою, знать которую необходимо человѣку, вступающему въ споръ объ общинномъ владѣніи? Мы не хотѣли бы видѣть себя виновниками заблужденій; мы желали бы усомниться въ томъ, что свои ошибочныя понятія о Гакстгаузенѣ взялъ г. И. В-скій изъ нашей статьи. Но увы! каждое слово г. И. В-скаго служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ тому. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ старается онъ заподозрить достовѣрность извѣстій, сообщаемыхъ Гакстгаузеномъ о нашемъ общинномъ устройствѣ: „Онъ не зналъ языка страны, а потому не могъ слѣдить за дѣйствительнымъ примѣненіемъ описываемыхъ имъ началъ. Онъ видѣлъ только, и притомъ бѣгло, внѣшность, и видѣлъ ее такъ, какъ ему представляли ее люди, служившіе посредниками между имъ и поселянами, и которые быть можетъ сами не могли устоять противъ искушенія представить свой товаръ лицомъ; а не весь товаръ таковъ, какъ казовый конецъ“. („Экономическій Указатель“, тамъ же).

Что за удивительное дѣло? Люди, служившіе посредниками между Гакстгаузеномъ и поселянами, показывали ему общинное владѣніе землею съ казоваго конца, поддавались искушенію продавать свой товаръ лицомъ, то есть выставлять одни выгоды общиннаго владѣнія, скрывая его невыгоды! Они старались внушить Гакстгаузену выгодное понятіе о результатахъ общиннаго устройства! Откуда такія удивительныя свѣдѣнія? Ужъ, навѣрное, не изъ книги Гакстгаузена; онъ постоянно говоритъ, чуть не на каждой страницѣ говоритъ, что тѣ агрономы и администраторы, изъ разговоровъ съ которыми заимствовалъ онъ свѣдѣнія объ общинномъ нашемъ устройствѣ, которые служили посредниками между имъ и поселянами, враждебно смотрѣли на общинное устройство, считали его невыгоднымъ для улучшеній земле-

Digitized by Google

дѣлія и проч. и проч.,—словомъ, думали объ общинномъ устройствѣ совершенно такъ же, какъ и г. И. В-скій. Очень часто онъ даже сначала излагаетъ ихъ мнѣнія, безусловно осуждающія общинное владѣніе землей, и только потомъ уже, разобравъ эти мнѣнія и доказавъ ихъ ошибочность, выражаетъ свое сужденіе, благопріятное общинному устройству. Откуда же взялъ г. И. В-скій, будто бы люди, служившіе посредниками между Гакстгаузеномъ и поселянами, продавали ему товаръ лицомъ? На какомъ основаніи г. И. В-скій взводитъ на всѣхъ этихъ людей обвиненіе въ продѣлкахъ кваснаго самохвальства? Увы! опять мы во всемъ виноваты, все это дѣлаетъ онъ на основаніи нашей статьи. Въ одномъ мѣстѣ, объясняя, что Гакстгаузенъ влагаетъ ложный смыслъ въ народное выраженіе „черный передѣлъ", мы замѣтили, что смыслъ этотъ сообщенъ ему не поселянами, съ которыми самъ онъ не могъ говорить по русски, а людьми, которые служили ему переводчиками и руководителями; при этомъ, мы замѣтили также, что взглядъ этихъ людей вовсе не есть еще взглядъ русскихъ поселянъ. Вотъ изъ этихъ-то, сказанныхъ вскользь замѣчаній, и построилъ г. И. В-скій свою теорію о томъ, что наши агрономы и администраторы продавали Гакстгаузену товаръ лицомъ. Теорія построена очень логично: каждый любитъ хвалить свое; руководители Гакстгаузена были русскіе; общинное устройство есть русское учрежденіе, слѣдовательно они хвалили общинное устройство. Далѣе: люди, бывшіе руководителями Гакстгаузена, ошиблись въ толкованіи слова: черный передѣлъ; стало быть эти люди ошибались, а такъ какъ предполагается, что они хвалили общинное устройство, то и слѣдуетъ заключить, что общинное устройство—дурно. Догадка эта очень логична и приноситъ большую честь сообразительности г. И. В-скаго; жаль только, что она обнаруживаетъ, что онъ о Гакстгаузенѣ и его книгѣ судитъ и рядитъ, основываясь единственно на тѣхъ, по необходимости, очень не полныхъ извлеченіяхъ, какія могли мы сдѣлать въ журнальной статьѣ изъ много-томнаго сочиненія. Но мы все еще не захотимъ признавать себя виноватыми въ заблужденіяхъ г. И. В-скаго; читаемъ далѣе его слова о Гакстгаузенѣ, чтобы найдти хотя какую нибудь возможность отпереться отъ этой вины. Напрасно, съ каждымъ новымъ словомъ его, наша вина становится очевиднѣе. Сказавъ о казовомъ концѣ, которымъ выставляли товаръ Гакстгаузену, онъ продолжаетъ: „но и въ отзывахъ Гакстгаузена легко замѣтить, что онъ далеко не согласенъ съ „Современникомъ" (замѣтить это очень легко, потому что мы, послѣ каждой выписки изъ Гакстгаузена, говорили, что далеко не во всемъ согласны съ нимъ, и, по мѣрѣ нашихъ силъ, старались исправлять его ошибки). „Онъ постоянно смотритъ на теперешнія формы общиннаго владѣнія землею только какъ на формы преходящія, хотя и первобытныя. Старинныя формы эти годны были въ извѣстномъ положеніи страны и въ извѣстное время; онѣ не могутъ считаться формами наиболѣе совершенными" („Экон. Указ." тамъ же). Что такое? что такое? Какія же формы поземельнаго владѣнія считаетъ Гакстгаузенъ болѣе совершенными? Какимъ формамъ, по его мнѣнію, должно уступить мѣсто наше общинное владѣніе? Прямо не говоритъ этого г. И. В-скій, но далѣе онъ толкуетъ о частной поземельной собственности; читающій его статью принужденъ думать, что, по

Digitized by Google

мнѣнію Гакстгаузена, общинное владѣніе должно уступить мѣсто частной собственности. Ничего этого не бывало. Гакстгаузенъ думаетъ напротивъ, что общинное владѣніе должно остаться неприкосновеннымъ, а преходящая форма нашего общиннаго устройства состоитъ, по мнѣнію Гакстгаузена, въ томъ, что теперь каждый домохозяинъ получаетъ отдѣльный участокъ и обработываетъ его отдѣльно отъ другихъ собственными силами; а впослѣдствіе времени будетъ выгоднѣе (и, по мнѣнію Гакстгаузена, уже и въ настоящее время выгоднѣе) нѣсколькимъ хозяевамъ соединяться въ одну артель для общинной обработки своихъ участковъ, такъ чтобы раздѣлъ земли между ними замѣнился раздѣломъ жатвы. Это въ нашей статьѣ было выписано, и потому прямо высказать противоположную догадку о мнѣніи Гакстгаузена нельзя было г. И. В-скому. Но онъ все-таки думалъ: вѣроятно, выписанное въ „Современникѣ“ мѣсто есть единственное мѣсто у Гакстгаузена. говорящее о раздѣлѣ жатвы вмѣсто раздѣла земли; а въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, Гакстгаузенъ говоритъ, что частная собственность можетъ съ выгодою для государства замѣнить общинное владѣніе,—вѣдь говоритъ же онъ (это видно изъ „Современника“), что лично ему частная собственность приходится болѣе по сердцу, нежели общинное владѣніе. Сдѣлавъ такую догадку, г. И. В-скій идетъ далѣе, и предполагаетъ обратить въ свою пользу замѣчаніе Гакстгаузена о меннонитскомъ хозяйствѣ. Въ нашей выпискѣ сказано, что меннониты ввели у себя тѣ земледѣльческія усовершенствованія, которыхъ Гакстгаузенъ не находилъ въ Россіи нигдѣ, кромѣ какъ въ меннонитскихъ колоніяхъ; именно: искусственное луговодство, разведеніе лѣсовъ, плодоперемѣнное хозяйство. Тутъ же Гакстгаузенъ говоритъ, что у меннонитовъ,кромѣ земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, есть значительные участки, находящіеся у нихъ въ полной собственности. Г. И. В-скій тотчасъ же сообразилъ, что вотъ именно на этихъ-то послѣднихъ участкахъ и заведены, по преимуществу, тѣ земледѣльческія улучшенія, о которыхъ говоритъ Гакстгаузенъ. На основаніи такого умозаключенія онъ и выражается слѣдующимъ образомъ: „Замѣтимъ, что всѣ почти факты мѣстнаго благосостоянія, приводимые имъ, основываются на данныхъ не исключительно общественной собственности, а подмѣчены имъ тамъ, гдѣ частная, личная собственность существуетъ о бокъ общинной, иногда даже въ значительномъ развитіи. Мы въ этомъ ограничимся самыми выписками „Современника“. Такъ, у меннонитовъ, гдѣ замѣчены Гакстгаузеномъ значительныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, количество земли, принадлежащее колонистамъ на правѣ частной собственности, достигаетъ почти 50,000 десятинъ, то есть около половины всей общинной земли“. (Тамъ-же).

Не сказалъ бы этого г. И. В-скій, еслибъ читалъ книгу Гакстгаузена. Во-первыхъ, о томъ, какъ обработываютъ и даже вообще обработываютъ ли какъ нибудь, или просто оставляютъ подъ пастбищами меннониты ту землю, которая у нихъ въ частной собственности, Гакстгаузенъ ничего не говоритъ; стало быть нельзя видѣть изъ его книги, какое вліяніе имѣетъ частная поземельная собственность меннонитовъ на обработку ихъ общинной земли. Во-вторыхъ, невѣрно выраженіе: „почти всѣ факты мѣстнаго благосостоянія подмѣчены Гакстгаузеномъ тамъ, гдѣ частная, личная собственность существуетъ о бокъ

Digitized by Google

общиннаго владѣнія". Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, подлѣ общиннаго владѣнія, не существовала бы частная собственность, Гакстгаузенъ не былъ, и если бы г. И. В-скій или зналъ книгу Гакстгаузена, или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ бы понятіе о распредѣленіи частной собственности и общиннаго владѣнія по разнымъ областямъ нашего государства, онъ не могъ бы сказать „почти всѣ", а сказалъ бы „всѣ". Гакстгаузенъ не видѣлъ такого общиннаго владѣнія, близъ котораго бы не было частной собственности. Но и это еще не все: ошибка во-первыхъ, ошибка во-вторыхъ, ошибка есть еще и въ третьихъ. Что разумѣть подъ словами: „факты мѣстнаго благосостоянія?" —просто ли зажиточность мужиковъ? очевидно не то хочетъ сказать г. И. В-скій; для поясненія своихъ словъ онъ выбралъ въ примѣръ, не какое нибудь село Лысково или Иваново, въ которыхъ мужики гораздо богаче меннонитовъ; нѣтъ, онъ прямо указалъ на меннонитовъ, у которыхъ есть улучшенія въ земледѣліи; видно, что онъ хочетъ сказать о цвѣтущемъ состояніи земледѣлія, объ улучшенныхъ системахъ обработки. Этотъ смыслъ вытекаетъ изъ всего содержанія его статей, принимающихъ, что благосостояніе земледѣльцевъ зависитъ прямо отъ введенія улучшенныхъ системъ и орудій обработки, такъ что благосостояніе и плодоперемѣнная система для него понятія тождественныя. Но вотъ въ чемъ бѣда: г. И. В-скій не знаетъ того, что меннонитское поселеніе у Гакстгаузена единственный хорошій примѣръ улучшеннаго земледѣлія, и что никакихъ другихъ случаевъ въ этомъ родѣ Гакстгаузенъ не подмѣчалъ; а г. И. В-скій, какъ видно, подумалъ: въ трехъ толстыхъ томахъ агрономическаго путешествія, навѣрное есть цѣлые десятки описаній хозяйствъ съ плодоперемѣнной системой,—хозяйствъ, идущихъ отлично, разливающихъ вокругъ себя благосостояніе и поощряющихъ сосѣднія села къ подражанію: вѣдь извѣстно, что каждый агрономъ все толкуетъ о плодоперемѣнной системѣ и улучшенныхъ хозяйствахъ, превознося ихъ выгоды. Увы! г. И. В-скій ошибся: правда, встрѣчались иногда Гакстгаузену у помѣщиковъ хозяйства съ различными агрономическими улучшеніями, и говоритъ онъ о нихъ вскользь, но, къ сожалѣнію, всегда прибавляя, что эти улучшенія приносятъ, по его замѣчанію, не выгоду, а чистый убытокъ. Единственный примѣръ противнаго встрѣтилъ онъ у меннонитовъ при общинномъ владѣніи, а всѣ улучшенныя хозяйства, заведенныя частными собственниками, находилъ онъ раззорительными. Если бы г. И. В-скій зналъ это, то, вѣроятно, не сослался бы онъ на Гакстгаузена въ доказательство благотворнаго вліянія, оказываемаго частной собственностью, и, во всякомъ случаѣ, не сталъ бы говорить о „всѣхъ почти фактахъ", а сказалъ бы просто—о „единственномъ фактѣ".

Нѣтъ, никакъ невозможно намъ отстранить отъ себя той вины, что мы ввели въ ошибки г. И. В—скаго, что единственно на основаніи нашей статьи возникли у него всѣ тѣ неудачныя догадки, которыми онъ хочетъ замѣнить недостатокъ свѣдѣній о книгѣ Гакстгаузена. Но если вина наша неоспорима, то она не такъ тяжела, какъ можетъ казаться на первый взглядъ: если мы виноваты передъ г. И. В—скимъ въ томъ, что не могли для его надобности перевести всей книги Гакстгаузена въ цѣломъ ея объемѣ и тѣмъ отнять у него возможность къ ошибочнымъ заключеніямъ о содержаніи и духѣ этого сочиненія, то все же и онъ не совсѣмъ правъ. Если

Digitized by Google

многихъ ошибокъ онъ могъ бы избѣжать только тогда, когда прочиталъ бы книгу Гакстгаузена, то отъ многихъ другихъ могла бы предохранить его даже наша статья, когда бы онъ или прочелъ ее внимательнѣе, или постарался бы понять смыслъ техническихъ терминовъ, нами употребленныхъ; но мы не хотимъ думать, чтобы г. И. В—скій не былъ знакомъ съ терминами, относящимися къ оброчному положенію и къ передѣлу общинной земли между поселянами: если онъ не понялъ нѣкоторыхъ мѣстъ нашей статьи и впалъ отъ этого въ странныя ошибки, мы хотимъ думать, что это произошло единственно отъ разсѣянности. Въ примѣръ мы приведемъ одно мѣсто. Объясняя смыслъ тѣхъ случаевъ, когда поселяне тяготятся уплатою оброка, лежащаго на землѣ, мы говорили, что это бываетъ тогда, когда оброкъ далеко превышаетъ арендную цѣну земли, уступленной во владѣніе этимъ общинамъ; но г. И. В—скій все-таки не можетъ понять, отчего происходитъ ненормальность такого положенія, и обвиняетъ въ ней общинное начало; вотъ его слова: „Мы оттого не сочувствуемъ общинному владѣнію землею, что, по признанію самого „Современника", при немъ община иногда *заставляетъ* болѣе зажиточныхъ людей брать болѣе земли, *нежели имъ нужно* и пришлось бы имъ при равномъ дѣлежѣ". Попробуемъ еще разъ объяснить эти случаи; если и теперь г. И. В—скій будетъ продолжать видѣть вину общиннаго владѣнія землею въ этомъ дѣлѣ, то уже очевидно будетъ, что ошибка его произошла не отъ случайной разсѣянности или невнимательности, а просто отъ темноты для него тѣхъ понятій, которыя ясны при малѣйшемъ знакомствѣ съ русскимъ сельскимъ бытомъ. Производится раскладка податей; каждый желалъ бы платить податей какъ можно менѣе; но администрація заставляетъ каждаго платить сообразно съ его средствами, —такъ бываетъ не въ однихъ русскихъ селахъ, такъ бываетъ и въ Парижѣ, и въ Бостонѣ, и въ Ріо-Жанейро. Въ извѣстномъ селѣ оброкъ положенъ на землю. Если онъ выше того дохода, который приноситъ земля, конечно никому не хочется брать землю; но село *должно* уплатить оброкъ, и принуждаетъ каждаго изъ своихъ членовъ брать на себя ту часть оброка, какая сообразна съ его средствами, а такъ какъ уплата оброка соединена съ пользованіемъ извѣстной частью земли, то человѣкъ, который *обязанъ* заплатить извѣстную сумму оброка, получаетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, извѣстный участокъ земли. Спрашивается: къ чему тутъ принуждаетъ община? Къ уплатѣ оброка. Спрашивается: община ли виновата въ томъ, что каждый членъ ея долженъ платить оброкъ?—Нѣтъ, община тутъ играетъ чисто пассивную роль, она не создаетъ обязанности, а только исполняетъ наложенную на нее обязанность; словомъ сказать, тутъ въ общинѣ происходитъ тоже самое, что въ городѣ, на который наложена контрибуція. Вотъ, въ Гамбургѣ, во время наполеоновскаго владычества, и не было общиннаго владѣнія землею, а все-таки городская администрація принуждена была насильно принуждать богатаго горожанина къ уплатѣ пропорціональной его средствамъ части контрибуціи. Но г. И. В—скій никакъ не понимаетъ этого; онъ воображаетъ, будто поселянинъ въ этомъ ненормальномъ случаѣ уклоняется не отъ уплаты оброка, а отъ пользованія землею, будто община принуждаетъ его не къ уплатѣ оброка, а къ пользованію землею. Это смѣшно. Ну, а если-бы Иванъ

Digitized by Google

Сидоровъ, о которомъ вы жалѣете не потому, что онъ принужденъ платить слишкомъ высокій оброкъ, а потому, что его заставляютъ брать землю, еслибъ этотъ Иванъ Сидоровъ сказалъ общинѣ: „триста рублей оброка, который вы на меня налагаете, я буду платить, а того участка земли, пользованіе которымъ соединено съ уплатой этого оброка, я не хочу брать и оставляю вамъ“,—какъ вы думаете: стала бы община принуждать брать его эту землю? Нѣтъ, община была бы очень благодарна за такое безкорыстіе; и навѣрное этотъ Иванъ Сидоровъ всегда можетъ не брать себѣ ни клочка общинной земли, лишь бы только платилъ тотъ оброкъ, который слѣдуетъ ему платить по соразмѣрности его средствъ, и величина котораго ни мало не зависитъ отъ общины. Къ счастію, случаи такого ненормальнаго положенія встрѣчаются рѣдко.

Человѣкъ, который такъ хорошо знаетъ и понимаетъ факты общиннаго владѣнія землею, конечно, очень легко можетъ доказать превосходство частной собственности и неудобства общиннаго владѣнія; дѣйствительно г. И. В—скій находитъ въ № 29-мъ „Экономическаго Указателя“ не менѣе шестнадцати однѣхъ только „главнѣйшихъ неудобныхъ сторонъ общиннаго владѣнія“, прибавляя, что есть еще очень много другихъ такихъ сторонъ; кромѣ того, въ предъидущихъ статьяхъ своего возраженія приводитъ еще множество причинъ отвергать общинное владѣніе. Но, несмотря на все это множество причинъ осуждать общинное пользованіе, онъ простираетъ свое великодушіе до того, что вдругъ дѣлаетъ заключеніе такого рода: „На это положеніе вещей (общинное владѣніе) должно смотрѣть какъ на могущее быть выгоднымъ и полезнымъ для большинства“. (№ 29, стр. 679). Иначе сказать, онъ соглашается въ существенномъ на наше требованіе не разрушать общиннаго владѣнія въ Россіи въ настоящее время. Слава Богу; споръ, кажется, кончается согласіемъ! Но нѣтъ, затѣмъ опять идетъ упомянутый рядъ шестнадцати причинъ, несомнѣнно доказывающихъ, что принципъ общиннаго владѣнія пагубенъ и убыточенъ. Что же это, споръ возобновляется? Будемъ спорить. Нѣтъ, за этимъ рядомъ шестнадцати „главнѣйшихъ“ пагубныхъ сторонъ общиннаго владѣнія слѣдуетъ то признаніе въ недостаточности своихъ свѣдѣній, указаніемъ на которое начали мы этотъ отвѣтъ, слѣдуетъ выраженіе желанія отложить споръ на два слишкомъ года; г. И. В—скій объявляетъ, что онъ „оставляетъ перо“, потому что „желаетъ истины и преклоняется предъ логическими выводами“, и, наконецъ,—что онъ говоритъ наконецъ, это, признаемся, долго оставалось для насъ загадкою; вотъ что онъ говоритъ наконецъ:

„Въ ожиданіи этихъ-то изслѣдованій, мы и оставляемъ перо, не же„лая плодить словопренія. Мы желаемъ истины, а не удовлетворенія ме„лочному самолюбію, преклоняемся передъ логическими выводами, а не пе„редъ вкусомъ нѣкоторыхъ, которыхъ слишкомъ уважаемъ для того, чтобы „считать ихъ способными увлечься одними блестками фразъ и остроумія“.

Это заключительныя слова статьи, написанной противъ насъ г. И. В—скимъ. Въ первыхъ фразахъ все ясно: нашъ противникъ оставляетъ перо въ ожиданіи изслѣдованій, которыя будутъ представлены сочиненіями на задачу Министерства Государственныхъ Имуществъ; до того времени онъ

Digitized by Google

хочетъ молчать, чтобы не плодить словопренія; это ясно: нужныхъ для дѣльнаго спора свѣдѣній онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи и потому справедливо думаетъ, что продолжать споръ съ его стороны, при недостаткѣ этихъ свѣдѣній, значило бы „плодить словопреніе". Онъ желаетъ истины,— и это прекрасно и понятно. Но далѣе уже нѣсколько темновато: онъ желаетъ истины, а не „удовлетворенія мелочному самолюбію"—какъ понимать эти слова? Неужели надобно понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что онъ жертвуетъ своимъ самолюбіемъ, прекращая споръ? По грамматической связи фразъ выходитъ такъ. Но что-жь это? неужели онъ въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, что его самолюбіе, еслибъ онъ былъ самолюбивъ, не было бы удовлетворено тѣмъ положеніемъ, въ какомъ стоитъ вопросъ послѣ нашей статьи о Гакстгаузенѣ и его возраженій на наши статьи? Неужели въ самомъ дѣлѣ тутъ высказалось чувство неудовлетворенности силою собственныхъ доказательствъ? Сомнѣніе въ своемъ торжествѣ? Но далѣе,—далѣе мы рѣшительно не знали, какъ понимать, къ кому относить послѣднія строки. Кто эти „нѣкоторые", которыхъ г. И. В—скій уважаетъ? Уважаетъ до того, что считаетъ ихъ выше увлеченія фразами и остроуміемъ? По смыслу рѣчи, кажется, эти слова намъ надобно принять на свой счетъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ?—нѣтъ, этого не можетъ быть; подумаемъ, не могутъ ли относиться къ кому нибудь другому эти лестныя слова. Къ публикѣ? Но публика не „нѣкоторые", а всѣ; при томъ же дѣло ясное, что этимъ нѣкоторымъ приписывается какой-то личный вкусъ, передъ которымъ не можетъ преклониться г. И. В—скій, при всемъ уваженіи къ нимъ; этотъ „личный вкусъ", очевидно, есть выгодное мнѣніе объ общинномъ владѣніи,—нѣтъ, эти „нѣкоторые"—не публика: г. И. В—скій не имѣетъ никакихъ причинъ приписывать публикѣ исключительное пристрастіе къ общинному владѣнію, публика еще не высказала своего рѣшительнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ. Или эти „нѣкоторые"—другіе писатели, кромѣ насъ? Но никто не вмѣшивался въ нашъ споръ съ г. И. В—скимъ для защиты общиннаго владѣнія. Если „нѣкоторые" не публика, то некого разумѣть подъ этимъ словомъ, кромѣ насъ. Да, да, нельзя не принять намъ лестныхъ заключительныхъ выраженій г. И. В—скаго на свой счетъ. Ни къ кому, кромѣ насъ, не могутъ они относиться.

Какой сюрпризъ! Какой неожиданный, какой пріятный сюрпризъ! тѣмъ болѣе пріятный, чѣмъ болѣе былъ онъ неожиданъ! Статьи, начавшіяся такими презрительными колкостями противъ насъ, кончаются нѣжнымъ комплиментомъ.

Теперь читатель видитъ, по какимъ многочисленнымъ и трогательнымъ причинамъ должны мы были отказаться отъ рѣзкости и ироніи въ тонѣ нашего отвѣта. Нашъ противникъ признается въ томъ, что не знаетъ фактовъ, что не можетъ „ясно и точно" судить о предметѣ, о которомъ онъ начиналъ спорить, обнаруживаетъ, что съ капитальнѣйшимъ сочиненіемъ объ общинномъ владѣніи въ Россіи онъ знакомъ только по выпискамъ, представленнымъ нами въ „Современникѣ"; онъ отказывается отъ продолженія спора. Оканчивая его, онъ самъ не знаетъ, что ему дѣлать, чѣмъ ему заключить: отъ безчисленныхъ доказательствъ противъ нашего мнѣнія переходитъ онъ къ признанію полезности и выгодности общиннаго владѣнія для большинства, потомъ опять хватается за наборъ новыхъ доказательствъ противъ этого

Digitized by Google

мнѣнія, и вдругъ кончаетъ признаніемъ въ томъ, что надѣется „точно и ясно“ понять это дѣло не раньше, какъ черезъ два года; и все это завершается лестнымъ комплиментомъ, который не только относится къ намъ, но и не можетъ относиться ни къ кому, кромѣ насъ.

Послѣ такой нѣжности нашего противника къ намъ, при видѣ его растерянности, по выслушаніи собственнаго признанья его въ безпомощности его положенія,—скажите, можетъ ли остаться въ нашемъ сердцѣ мѣсто для желанія отплатить ему насмѣшками за прежнія насмѣшки? О, нѣтъ, безпомощность противника налагаетъ обязанность оставить всякую мысль о враждебномъ или огорчительномъ для него словѣ.

Но оставить вражду, когда видишь противника въ безпомощномъ состояніи — не болѣе, какъ долгъ, исполняемый почти каждымъ изъ людей, живущихъ на бѣломъ свѣтѣ. Это добродѣтель доступная толпѣ. Мы теперь не можемъ смѣшивать себя съ толпою, мы отличены отъ нея лестнымъ выраженіемъ г. И. В—скаго: онъ сказалъ, что уважаетъ насъ. Мы должны поддержать въ немъ это лестное для насъ чувство; мы должны своимъ образомъ дѣйствій доказать, что мы достойны этого уваженія, мы должны теперь держать себя такъ, чтобы г. И. В—скій могъ во всеуслышаніе сказать: „эти нѣкоторые, которыхъ я уважаю, дѣйствительно, заслуживаютъ почтенія рѣдкою, удивительною возвышенностью своихъ правилъ“. А возвышенность правилъ состоитъ въ томъ, чтобы не только оставить вражду къ противнику, попавшему въ затруднительное, безвыходное положеніе, но и помочь ему выйти изъ затрудненія. Для исполненія этой высокой нравственной обязанности, налагаемой на насъ публичнымъ изъявленіемъ уваженія къ намъ г. И. В—скаго, мы должны извлечь его изъ ошибокъ, которыми дошелъ онъ до такой безвыходности, и указать прямой путь, который выведетъ его изъ бѣды.

Наша добродѣтель не ограничится оказаніемъ ему пособія; мы знаемъ, какую деликатную осторожность соблюдаютъ люди съ возвышенными чувствами при оказываніи пособій, чтобы не оскорбить, не унизить въ собственныхъ глазахъ того, кому оказывается помощь. Они соблюдаютъ при этомъ всевозможную мягкость въ выраженіяхъ, они стараются даже придать дѣлу такой видъ, чтобы казалось, будто вспомоществуемый вовсе не получаетъ отъ нихъ никакого одолженія, а напротивъ, оказываетъ имъ величайшее одолженіе, пользуясь тѣмъ, что ему предлагается; они даже благодарятъ его за услугу, которую онъ имъ оказываетъ, вступая въ сношенія съ ними, такъ что онъ самъ и всѣ окружающіе дѣйствительно думаютъ, что тутъ происходитъ не вспомоществованіе, а просто обмѣнъ взаимныхъ услугъ. До такой добродѣтели возвысимся и мы. Если въ васъ, читатель, есть хоть искра чувства, вы душевно умилитесь отъ той деликатности, съ которою мы будемъ исправлять ошибки г. И. В—скаго: мы не будемъ даже называть ихъ ошибками, — это слово грубое и непріятное, — напротивъ, мы будемъ благодарить его за драгоцѣнныя и рѣдкія свѣдѣнія, за полезныя указанія и т. д.; словомъ, когда вы дочтете до конца эту статью, вы будете проливать слезы радостнаго умиленія отъ нашей кротости. „Да, скажете вы, не напрасно выразилъ г. И. В—скій свое уваженіе къ таинственнымъ нѣкоторымъ“.

Digitized by Google

О, священная добродѣтель! вложи въ сердце наше нѣжную деликатность Манилова и очаровательную обходительность Чичикова. Мы начинаемъ нашъ высокій нравственный подвигъ. Читатели, учитесь у насъ деликатности въ спорахъ, и слушайте.

Ни одного изъ драгоцѣнныхъ указаній, сообщаемыхъ намъ нашимъ бывшимъ противникомъ, нынѣ уже уважающимъ насъ и глубоко уважаемымъ нами г. И. В—скимъ, мы не оставимъ безъ вниманія; отъ самаго начала до самаго конца, мы прослѣдимъ съ чувствомъ глубокой признательности его статьи о поземельной собственности, стараясь научиться изъ каждаго факта, съ благодарностью принимая каждый совѣтъ, тщательно обдумывая каждое его возраженіе.

Статьи г. И. В--скаго начинаются слѣдующими словами:

„Современникъ“ прямо вызвалъ насъ къ спору, который мы не счи-„таемъ ни современнымъ, ни столько важнымъ, сколько онъ можетъ пока-„заться тревожному воображенію диллетантовъ въ наукѣ, для которыхъ ново „то, чего они не знали“. („Экономическій Указатель“, № 25, стр. 506).

Вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи общиннаго владѣнія не кажется важнымъ г. И. В—скому; онъ даже не почелъ бы его достойнымъ обратить на себя его мысль, получить объясненіе отъ его ученаго пера, еслибъ нашъ прямой вызовъ не принудилъ его къ тому. Но ради нашего вызова онъ пишетъ о немъ длинную, прекрасную статью, какая обязательность, какая готовность жертвовать своимъ временемъ, своими трудами, и для чего же?— не для пользы науки, не для блага общества—„вопросъ этотъ не важонъ“— нѣтъ, для вразумленія насъ, ничтожныхъ передъ нимъ диллетантовъ, и не въ надеждѣ доставить намъ существенную пользу этимъ вразумленіемъ— „вопросъ не важенъ“—нѣтъ, просто, для удовлетворенія нашему тревожному любопытству. О, какая доброта, о, для насъ какая честь: г. И. В—скій такъ добръ, что рѣшается бесѣдовать съ нами для нашего вразумленія.

„Quel honneur, quel bonheur,
Ah, monsieur le Conseiller d'Etat“ *).

Притомъ же вы, г. И. В—скій, не только С. С., вы также „Д-ръ ист. н., пол. эк. и стат.“ **),—и вы удостоиваете своей бесѣды простаго смертнаго, которому, при всей вашей любезности, вы не можете дать никакого другого титула, какъ скромное названіе диллетанта въ наукѣ, который можетъ быть не выдержалъ экзамена не только на доктора, даже на магистра, быть можетъ, не дослужился даже до чина коллежскаго регистратора! Какая похвальная снисходительность! Она обязываетъ насъ внимательнѣйшимъ образомъ вслушиваться и вдумываться въ каждое ваше слово, обращаясь къ вамъ съ почтительною просьбою о разрѣшеніи всѣхъ недоумѣній нашихъ,—вы такъ снисходительны, что мы надѣемся на вашу готовность удовлетворять нашему „тревожному любопытству“; вы такъ учены, что, конечно, на всѣ наши сомнѣнія легко для васъ отвѣчать точнымъ образомъ.

---

*) См. подпись г. редактора подъ № 1 „Экономическаго Указателя: „Редактоpъ д-ръ И. Вернадскій, С. С.“

**) См. подпись г. редактора на послѣднихъ №№ „Экономическаго Указателя“.

Digitized by Google

Вопросъ о сохраненіи или уничтоженіи общиннаго владѣнія вы не считаете ни современнымъ, ни слишкомъ важнымъ. Но мильоны людей въ Россіи пользуются землею по праву общиннаго владѣнія; если французы считаютъ важнѣйшимъ историческимъ пріобрѣтеніемъ своимъ законъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между дѣтьми, то какъ же не важенъ вопросъ о правѣ владѣнія? Наслѣдство каждому изъ французовъ когда-то еще придется получить, и многимъ ли придется получить его, а правомъ общиннаго владѣнія непосредственно и постоянно заинтересованъ каждый изъ пятидесяти мильоновъ русскихъ, пользующихся землею по этому праву. Наслѣдство важный фактъ національной жизни, но оно только частный случай права собственности, отъ наслѣдства зависитъ много, но не все въ экономической жизни; отъ собственности зависитъ рѣшительно все. Этотъ вопросъ „несовременъ“ — но развѣ не всѣ толкуютъ объ экономическихъ преобразованіяхъ, развѣ не готовится къ нимъ, и не готовитъ ихъ по мѣрѣ силъ своихъ, каждый изъ насъ? Развѣ сами вы, и многіе изъ вашихъ сотрудниковъ, не наполняли „Экономическаго Указателя“ возгласами противъ общиннаго поземельнаго владѣнія прежде, нежели мы рѣшились замолвить слово въ защиту его? Скажите, что же важнѣе и современнѣе экономическихъ преобразованій земледѣльческаго быта? Таможенныя реформы? да, къ нимъ по преимуществу лежитъ ваше сердце. Мы не отвергаемъ ни ихъ важности, ни ихъ современности: но пошлинами и фабричнымъ производствомъ прямо заинтересованы только сотни тысячъ, а поземельнымъ владѣніемъ прямо заинтересованы мильоны. Вашъ Тенгоборскій (виноваты, теперь уже не вашъ, теперь просто Тенгоборскій, какъ увидимъ ниже) оцѣниваетъ всю сумму нашего промышленнаго производства менѣе, чѣмъ въ пятьсотъ мильоновъ рублей, изъ которыхъ почти триста мильоновъ производится промышленностями, судьба которыхъ ни мало не зависитъ отъ нашего тарифа *), и только съ небольшимъ двѣсти мильоновъ производится тою промышленностью, которая зависитъ отъ нашихъ низкихъ или высокихъ пошлинъ. А цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, по Тенгоборскому, превышаетъ двѣ тысячи мильоновъ. Или положеніе русскаго земледѣлія менѣе нуждается въ реформахъ, нежели положеніе фабричной промышленности и заграничной торговли въ пониженіи пошлинъ? Чѣмъ больше думаешь объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаешся, что вопросы, отъ которыхъ зависитъ судьба земледѣлія, несравненно важнѣе даже таможенныхъ дѣлъ, какъ ни велика важность этихъ послѣднихъ. Почему же г. И. В—скому одинъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ земледѣльческаго быта кажется и не важнымъ, и не современнымъ? Пусть онъ просвѣтитъ насъ въ этомъ недоумѣніи.

Сказавъ, что обращается къ этому неважному и несовременному вопросу о земледѣльческомъ бытѣ единственно вслѣдствіе нашего вызова, г. И. В—скій продолжаетъ, что прежде, нежели станетъ отвѣчать на наши вопросы, считаетъ онъ не лишнимъ сдѣлать намъ нѣсколько замѣчаній. Прекрасно;

*) Таковы: между-прочимъ, льняная и пеньковая промышленность, кожевенное производство, винокуреніе, мыльное производство, кирпичное производство. Кирпичи и нефть, канаты и сальныя свѣчи, конечно, не имѣютъ связи съ покровительственными пошлинами.

Digitized by Google

слушаемъ эти замѣчанія. Вотъ первое изъ нихъ. Въ нашей первой статьѣ была фраза: „при переходѣ всей почти земли (въ Западной Европѣ, особенно въ Англіи и Франціи) въ собственность частныхъ лицъ, явилось множество людей, не имѣющихъ недвижимой собственности, такимъ образомъ возникло пролетаріатство“. Противъ этого г. И. В—скій замѣчаетъ, что во Франціи „множество пролетаріевъ имѣетъ недвижимую собственность“. Мы осмѣливаемся спросить, какимъ же образомъ могла произойти такая странность? Сколько намъ случалось читать экономистовъ, пролетарій всегда означаетъ у нихъ человѣка, неимѣющаго собственности; это вовсе не то, что просто бѣднякъ; да, экономисты строго различаютъ эти понятія: бѣднякъ просто человѣкъ, у котораго средства къ жизни скудны, а пролетарій человѣкъ, не имѣющій собственности. Бѣднякъ противопоставляется богачу, пролетарій— собственнику. Французскій поселянинъ, имѣющій пять гектаровъ земли, можетъ жить очень скудно, если земля его дурна или семейство его слишкомъ многочисленно, но все-таки онъ не пролетарій; напротивъ, какой-нибудь парижскій или ліонскій мастеровой работникъ можетъ жить въ болѣе теплой и удобной комнатѣ, можетъ ѣсть вкуснѣе и одѣваться лучше, нежели этотъ поселянинъ, но все-таки онъ будетъ пролетаріемъ, если у него нѣтъ ни недвижимой собственности, ни капитала, и судьба его исключительно зависитъ отъ заработной платы. Г. И. В—скій будетъ, вѣроятно, такъ добръ, что объяснитъ намъ, позволительно ли „Д—ру пол. экон. и стат.“ забывать различіе между словами: бѣднякъ и пролетарій; онъ скажетъ намъ, какую степень знакомства съ вопросами о пролетаріатѣ и недвижимой собственности обнаруживаетъ тотъ человѣкъ, который выражается такимъ образомъ: „во Франціи множество пролетаріевъ имѣютъ недвижимую собственность“. („Экон. Указ.“ стр. 506). Намъ, диллетантамъ въ наукѣ, эта фраза кажется столь же странною, какъ напримѣръ, казалась бы фраза: „во Франціи множество слѣпыхъ имѣютъ прекрасное зрѣніе“. Но быть можетъ, люди, болѣе насъ привыкшіе къ употребленію техническихъ терминовъ науки, какъ напримѣръ, г. И. В—скій, не согласятся съ этимъ.

Но согласится или нѣтъ г. И. В—скій на нашу покорнѣйшую просьбу сказать намъ, можно ли говорить о слѣпыхъ, что они имѣютъ зрѣніе, или о пролетаріяхъ, что они имѣютъ недвижимую собственность,—во всякомъ случаѣ, мы уже благодарны ему за то, что онъ, своимъ прекраснымъ замѣчаніемъ о недвижимой собственности французскихъ пролетаріевъ, указалъ намъ необходимость упомянуть о томъ, почему пролетаріатство считается всѣми безъ исключенія экономистами за язву, болѣе тяжелую для народной жизни, нежели простая бѣдность. Поселянинъ французскій, имѣющій пять гектаровъ (назовемъ его Жакомъ), живетъ бѣдно. Жакъ человѣкъ одинокій: онъ достигаетъ 60—70 лѣтъ, работать онъ уже не можетъ. Пришлось ли ему умирать съ голоду? Нѣтъ, онъ или отдаетъ свою землю сосѣду, на условіяхъ половничества, или нанимаетъ себѣ работника, и все-таки имѣетъ средства какъ-нибудь жить. Положимъ теперь, что Жакъ человѣкъ семейный и умираетъ въ молодости, оставляя жену съ маленькими дѣтьми. Жена его все-таки имѣетъ средства, хотя бѣдно, жить. Посмотримъ теперь на работника пролетарія (котораго назовемъ Пьеромъ). Онъ живетъ заработной

Digitized by Google

платой. Когда въ 60 лѣтъ Пьеръ станетъ неспособенъ къ работѣ, кто станетъ давать ему заработную плату и чѣмъ станетъ онъ жить? а если онъ умретъ, не достигши старости, какими средствами будетъ кормиться и кормить дѣтей его жена? Но что старость, что смерть? то и другое бываетъ разъ въ жизни; посмотримъ на Пьера при случаяхъ болѣе легкихъ и болѣе частыхъ. Онъ занемогъ, болѣзнь его длится два, три мѣсяца. Онъ лишился мѣста, онъ задолжалъ, его дѣла стали такъ дурны, что хоть въ рѣку бросайся. А Жаку, если и случится пролежать въ постелѣ два, три мѣсяца, это бѣда для него конечно убыточная, но все же не раззорительная: всталъ онъ съ постели, сталъ по прежнему работать на своемъ полѣ и живетъ по прежнему. Что болѣзнь? болѣзнь уже особенное посѣщеніе Божіе, возьмемъ случай еще болѣе легкій. Изъ Лондона ушло много звонкой монеты въ Остъ-Индію; Лондонскій банкъ повысилъ учетный процентъ; произошелъ застой въ торговлѣ, отразился этотъ застой изъ Англіи и на Францію; фабрикантъ, у котораго работаетъ Пьеръ, получаетъ заказовъ меньше прежняго и распускаетъ работниковъ, ставшихъ ему лишними, въ томъ числѣ и Пьера. Остался Пьеръ опять-таки безъ куска хлѣба, а Жакъ и ухомъ не ведетъ и живетъ себѣ спокойно по прежнему. „Но бываютъ и у Жака бѣды, которыхъ не знаетъ Пьеръ, напримѣръ, неурожай. Жакъ вывезъ на рынокъ вмѣсто десяти гектолитровъ хлѣба, быть можетъ, всего два гектолитра, и хотя продалъ ихъ дороже обыкновеннаго, но все же денегъ получилъ мало и тяжелъ ему этотъ годъ; а Пьеръ получаетъ себѣ плату не меньше прежняго и знать не хочетъ объ неурожаѣ, какъ не хотѣлъ знать Жакъ о торговомъ кризисѣ". Вы такъ думаете, въ самомъ дѣлѣ знать не хочетъ? напротивъ, ему пришлось тяжеле, нежели Жаку; во-первыхъ, съ неурожаемъ всегда соединенъ торговый кризисъ, и Пьеръ чуть ли не остался безъ мѣста, а во-вторыхъ, хлѣбъ вздорожалъ втрое, да и мясо тоже. У Жака мало денегъ и ѣстъ онъ хуже обыкновеннаго, но все-таки сытъ своимъ хлѣбомъ, а Пьеръ вовсе голодаетъ. Вотъ немногіе изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ всѣ безъ исключенія экономисты находятъ, что положеніе пролетарія Пьера гораздо менѣе обезпечено и гораздо болѣе тяжело, нежели положеніе бѣдняка Жака. Всего этого, вѣроятно, ни для кого изъ нашихъ читателей объяснять не нужно; они могли бы не читать этого, потому что это писано только для того, чтобы г. И. В—скій, не понимающій разницы между бѣднякомъ и пролетаріемъ, вразумилъ насъ, какимъ образомъ пролетаріи во Франціи имѣютъ недвижимую собственность *).

Но мы не кончили еще дѣло о несчастныхъ французскихъ пролета-

*) Сравненіе Жака и Пьера написано собственно для прочтенія одному г. И. В-скому и никому другому; напротивъ, это примѣчаніе написано собственно для всѣхъ нашихъ читателей, кромѣ г. И. В-скаго, который лучше сдѣлаетъ, если не станетъ читать его. Оно было бы огорчительно для него, а мы хотимъ предохранить его отъ всякихъ огорченій.

Пусть не обвиняетъ насъ читатель, что мы входимъ въ объясненія такихъ элементарныхъ понятій. Пусть читатель поставитъ себя на наше мѣсто и скажетъ: какимъ же образомъ можно иначе сдѣлать свои мысли вразумительными для г. не диллетанта въ наукѣ, забывающаго смыслъ даже такихъ основныхъ понятій, какъ пролетаріатство. Тутъ одно средство: приходится объяснять ему все, даже то, что предполагается извѣстнымъ каждому другому читателю.

Digitized by Google

ріяхъ, не имѣющихъ собственности, по нашему мнѣнію, и имѣющихъ недв
жимую собственность, по мнѣнію г. И. В—скаго, вѣроятно, справедливо
Сдѣлавъ открытіе этой недвижимой собственности у французскихъ проле
ріевъ, онъ замѣчаетъ, что если во Франціи многіе не имѣютъ недвижим
собственности, то у насъ не имѣетъ ея ни одинъ изъ всѣхъ поселянъ. в
цѣющихъ землею по общинному праву. Слѣдующихъ объясненій также
жетъ не читать никто, кромѣ г. И. В—скаго: они писаны опять исклю
тельно для него; другимъ всѣмъ, вѣроятно, и безъ нашихъ объясненій
нятно различіе между полной и ограниченной извѣстными условіями собств
ностію; а васъ, г. И. В—кій, мы просимъ разрѣшить наше недоумѣ
о слѣдующемъ дѣлѣ.

Учредилось акціонерное общество для морскаго пароходства съ ка
таломъ въ 10 мильоновъ и завело оно пятьдесятъ пароходовъ. Г. Иван
взялъ акцій на 200,000 и былъ однимъ изъ учредителей общества и
бранъ однимъ изъ его директоровъ. По уставу общества, учредитель
директоръ обязанъ имѣть акцій на 200.000 рублей и ни продать,
заложить ихъ не можетъ. У г. Иванова, кромѣ 200.000, употребленны
на покупку акцій, не было никакого состоянія. Я васъ спрашиваю тепе
лишился ли своей собственности г. Ивановъ, сдѣлавшись акціонеромъ? с
лался ли онъ пролетаріемъ? Вѣдь ни продать своей собственности, ни
ложить ея онъ не можетъ.

Вдругъ одному изъ его пріятелей, смущенному мыслію о томъ.
г.Ивановъ, сдѣлавшись обладателемъ акцій общества пароходства, перест
имѣть собственность, потому что не можетъ ничего ни продать, ни заложить
вдругъ, говоримъ, его пріятелю пришла въ голову блистательная мысль
весть г. Иванова изъ столь бѣдственнаго положенія, изъ пролетарія сдѣл
его снова капиталистомъ. „Мой другъ, сказалъ онъ ему, по числу нахо
щихся у тебя акцій, имѣешь ты право брать одну пятидесятую часть в
дохода вашего общества, то есть, получать весь доходъ съ одного изъ
пароходовъ, которыми владѣетъ общество; этими доходами ты можешь р
полагать, какъ тебѣ угодно; почему-жь бы тебѣ не получить права рас
лагать и тѣмъ имуществомъ, съ котораго получается твой доходъ, то
однимъ изъ пароходовъ вашего общества? Иди и потребуй, чтобы тебя
именовали полнымъ владѣльцемъ парохода „Стрѣла“, такъ чтобы ты
и продать и заложить его“. Но когда г. Ивановъ явился съ этимъ тр
ваніемъ въ правленіе своего общества, товарищи ему сказали: „согласит
на вашу просьбу мы никакъ не можемъ; если каждый изъ нашихъ чле
будетъ по произволу располагать пароходами, цѣнность которыхъ равня
количеству находящихся у него акцій, разстроится всякая обезпеченност
гармонія въ дѣйствіяхъ нашего общества, и дѣло кончится банкротств
общества и банкротствомъ всѣхъ акціонеровъ, въ томъ числѣ и васъ
михъ. Для вашей и нашей общей пользы, мы не можемъ согласиться
вашу прихоть. Доходъ вы получаете и можете располагать имъ какъ уго
а имущества, приносящаго этотъ доходъ, общество не можетъ выпус
изъ своихъ рукъ“. Мы покорнѣйше просимъ г. И. В—скаго сказать, з
ненъ ли и разуменъ ли былъ отвѣтъ общества?

Digitized by Google

Г. Иванова такой отвѣтъ не слишкомъ бы огорчилъ, еслибъ не было у него заботливаго пріятеля; пріятель пришелъ въ ужасъ: „Какая гнусная и оскорбительная вещь!—заговорилъ пріятель:—членъ вашего общества не можетъ по своей волѣ располагать имуществомъ, съ котораго получаетъ доходъ! Какое стѣсненіе! Какое тиранство со стороны общества! Твоя участь достойна сожалѣнія“! Г. Ивановъ увидѣлъ, что его участь дѣйствительно очень печальна, потому что не можетъ онъ ни продать, ни заложить имущества, съ котораго получаетъ доходъ. И бѣдный г. Ивановъ горько заплакалъ.

Долго онъ плакалъ, наконецъ пріятелю пришла въ голову мысль еще болѣе блистательная, нежели прежде; онъ сказалъ: „Они не хотятъ отдавать тебѣ въ полную собственность парохода, доходами съ котораго ты пользуешься; скажи же имъ, что ты не хочешь этого терпѣть, что ты не хочешь болѣе оставаться членомъ ихъ общества, что ты берешь назадъ свои деньги, возвращая имъ акціи. На эти деньги ты купишь свой пароходъ и будешь полнымъ его хозяиномъ“. Тутъ г. Ивановъ отеръ слезы, на другой же день взялъ деньги изъ общества и черезъ два дня купилъ себѣ пароходъ, надъ которымъ онъ былъ уже полнымъ хозяиномъ, и которому далъ онъ имя „Леонъ Фоше“, въ честь экономиста, своими мудрыми разсужденіями внушившаго его пріятелю мудрые совѣты. Пароходъ этотъ стоилъ 195,000 рублей; а 5,000 рублей остались въ карманѣ у г. Иванова. Гордо отплылъ его „Леонъ Фоше“ и счастливо совершилъ два-три рейса; г. Ивановъ восхищался мыслью, что онъ теперь полный, независимый ни отъ кого хозяинъ прекраснаго парохода. Но на четвертомъ рейсѣ случилось прекрасному пароходу,—столкнуться ли съ другимъ пароходомъ, наткнуться ли на какую-то скалу, или во время бури захлебнуться водой, этого мы не знаемъ, только „Леонъ Фоше“ пошелъ ко дну, и остался нашъ г. Ивановъ безъ парохода. За то, впрочемъ, сколько радости доставляла ему въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ его полновластная собственность надъ пароходомъ. Плохо пришлось ему теперь, за то былъ же и свѣтлый періодъ въ его жизни, когда онъ гордо говорилъ: „Я полный собственникъ моего парохода“! и вслѣдъ за пріятелемъ повторялъ: „Proprietas est jus utendi et abutendi“— „собственникъ съ своею собственностью что хочетъ, то и дѣлаетъ, никто и ничто ему не помѣха“.

Впрочемъ и теперь о немъ нечего жалѣть, по мнѣнію его остроумнаго пріятеля. Прежде онъ при десяти процентахъ дивиденда получалъ, правда, двадцать тысячъ въ годъ, но за то онъ, по объясненію пріятеля, не имѣлъ никакой собственности, потому что не могъ ничего ни продать, ни заложить; а теперь у него всѣ средства къ жизни ограничиваются, правда, только маленькимъ деревяннымъ домикомъ, купленнымъ за пять тысячъ рублей, оставшихся послѣ покупки парохода; въ одной половинѣ домика живетъ онъ самъ, другую отдаетъ за сто-восемьдесятъ рублей въ годъ, и эти сто-восемьдесятъ рублей единственный доходъ его нынѣ; все это такъ, но пріятель г. Иванова утѣшаетъ его мыслію, что теперь, дескать, ты, братецъ, полный хозяинъ надъ своимъ домомъ, можешь и продать и заложить его, а прежде, когда ты былъ членомъ общества, дохода ты имѣлъ, правда,

Digitized by Google

больше, но за то ни продать, ни заложить ровно ничего не могъ; ты, братецъ, тогда не имѣлъ собственности, ты былъ тогда пролетаріемъ, и только моему благому совѣту обязанъ ты тѣмъ, что теперь имѣешь хотя небольшую, но все-таки вполнѣ тебѣ принадлежащую собственность.

Какъ теперь судить намъ, г. И. В—скій, о пріятелѣ г. Иванова и его понятіяхъ относительно собственности? Намъ казалось бы, что онъ ошибался, говоря, будто-бы г. Ивановъ не имѣлъ собственности, когда былъ членомъ общества, потому что не могъ ни продать, ни заложить того парохода, доходами съ котораго пользовался. Намъ кажется, будто этотъ пріятель не имѣетъ понятія о томъ, что, кромѣ собственности безграничной, существуетъ еще собственность, подверженная нѣкоторымъ ограниченіямъ, и что эта собственность, называющаяся общинною, принадлежитъ каждому участнику общины (акціонернаго общества, нашей сельской общины и т. п.) въ той мѣрѣ, въ какой онъ пользуется доходами отъ этой собственности.

Намъ казалось бы, что положеніе какого нибудь Карпа, получающаго доходъ съ участка земли, даваемой ему по праву общиннаго владѣнія, точно таково же, каково было положеніе г. Иванова, когда г. Ивановъ состоялъ членомъ пароходнаго общества. Карпъ и г. Ивановъ одинаково пользуются доходами съ имущества, одинаково не имѣютъ они власти ни продать, ни заложить то имущество, доходами съ котораго пользуются. Намъ кажется, что если г. Ивановъ не могъ считаться пролетаріемъ въ то время, то не можетъ считаться пролетаріемъ и Карпъ. Разница въ томъ, что г. Ивановъ былъ богатъ, а Карпъ бѣденъ, если участокъ его земли не плодороденъ, или обремененъ слишкомъ тяжелыми повинностями; но Карпъ и г. Ивановъ одинаково собственники, и оба одинаково собственники по праву ограниченной, а не полной собственности.

Вы можете сказать: г. Ивановъ имѣлъ то преимущество, что могъ выйти изъ членовъ пароходнаго общества. Что-жь изъ того, развѣ Карпъ не можетъ выйти изъ своей сельской общины, когда ему угодно? (мы предполагаемъ, что Карпъ государственный крестьянинъ). Развѣ онъ не можетъ приписаться въ мѣщане, купцы, цеховые? Неужели вы воображаете, что община станетъ его удерживать? навѣрное она всегда ему скажетъ: „что намъ тебя держать, батюшка, ступай куда угодно“.—Но г. Ивановъ получилъ обратно свои деньги, когда вышелъ изъ членовъ пароходнаго общества, а Карпъ не получитъ отъ общины никакихъ денегъ, если вздумаетъ выйти изъ общины, отказавшись отъ своего участка? Но вѣдь участокъ этотъ принадлежалъ не Карпу, а общинѣ; Карпъ получилъ его отъ общины, а не вносилъ его въ общину. Если-бы г. Ивановъ пользовался частію доходовъ пароходнаго общества безъ взноса всякаго капитала съ своей стороны, онъ, конечно, также не получилъ бы ничего отъ общества, когда вздумалъ выйти изъ него.

Г. Ивановъ и Карпъ одинаково собственники; разница только въ томъ, что одинъ изъ нихъ явился въ общество съ капиталомъ, а Карпъ пользуется доходами съ капитала, котораго не вносилъ въ общину. Теперь, г. И. В—скій, разрѣшите наше недоумѣніе: на какомъ основаніи называете вы Карпа пролетаріемъ? На какомъ основаніи утверждаете вы, что у насъ

Digitized by Google

есть цѣлыя сельскія общины, состоящія изъ пролетаріевъ? Объясните намъ смыслъ слѣдующаго вашего обращенія къ намъ: „Неужели г. критикъ не знаетъ, что иногда цѣлыя общины съ его любимымъ правомъ пользованія землею принадлежатъ къ тѣмъ же пролетаріямъ?“ Признаемся, мы этого не знаемъ. Есть у насъ общины чрезвычайно бѣдныя, но нѣтъ сельской общины, не имѣющей земли.

Виноваты, мы напрасно предлагаемъ вамъ этотъ вопросъ; мы забыли, что по вашему мнѣнію „множество французскихъ пролетаріевъ имѣютъ недвижимую собственность“.

Мы кругомъ виноваты; мы предположили, когда писали первую нашу статью, что вступаемъ въ споръ съ противникомъ, и безъ нашихъ объясненій умѣющимъ различать пролетаріатство отъ бѣдности; потому не объяснили мы разницу между этими понятіями и не показали причинъ, по которымъ пролетарій страдаетъ болѣе всякаго другаго бѣдняка; такимъ образомъ мы невольно подали г. И. В—скому возможность возражать намъ указаніемъ на французскихъ пролетаріевъ, имѣющихъ (по его указанію) недвижимую собственность, и на русскія сельскія общины, принадлежащія (также по его указанію) къ пролетаріямъ, то есть не имѣющія въ пользованіи или владѣніи никакихъ земель. За эту вину мы наказаны необходимостью дѣлать теперь такія обширныя объясненія для исправленія прискорбныхъ послѣдствій, отъ этого нашего упущенія оказавшихся въ прекрасной статьѣ г. И. В—скаго. Но если мы и пострадали отъ того, то не безъ пользы: сколько мыслей внушено намъ разсмотрѣніемъ перваго указанія, даваемаго намъ г. И. В—скимъ! Уже одно то чего стоитъ, что это глубокомысленное замѣчаніе дало намъ нравственную силу такъ подробно и обстоятельно изложить одно изъ самыхъ элементарнѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ каждому образованному человѣку понятій, въ „Современникѣ“! Безъ этого указанія у насъ недостало бы рѣшимости такъ подробно говорить объ этомъ въ журналѣ, читатели котораго хотя, быть можетъ, и не болѣе, какъ только диллетанты въ наукѣ, люди все-таки образованные,—не рѣшились бы мы на это, какъ не рѣшимся безъ новыхъ указаній г. И. В—скаго объяснять, что, напримѣръ, Парижъ—столица Франціи, а жители Парижа (пролетаріи и не пролетаріи)—французы.

Не менѣе полезно для насъ было бы столь же подробное обдумываніе и слѣдующихъ замѣчаній г. И. В—скаго; но это отняло бы слишкомъ много времени, а главное, читатели могутъ судить теперь, легко ли намъ было бы, подробно разсуждая о слѣдующихъ указаніяхъ и совѣтахъ г. И. В—скаго, своею вѣрностью совершенно подобныхъ первому, выдержать наше намѣреніе не употреблять слова „ошибка“ и другихъ, столь же непріятныхъ для нашего признательнаго къ нему сердца, выраженій. Потому мы и изложимъ слѣдующія его указанія кратко, съ краткими же просьбами къ нему о разрѣшеніи нашихъ недоумѣній.

Мы въ первой статьѣ говорили, что фермеры англійскіе, богатѣя, заботятся объ увеличеніи своего хозяйства. Онъ говоритъ: это несправедливо. „Ферма въ Великобританіи почти не можетъ съ выгодою расширить своихъ предѣловъ, безъ ущерба доходности“. Мы спрашиваемъ: прикажетъ ли онъ

Digitized by Google

намъ привесть цитаты изъ англійскихъ агрономовъ въ доказательство того, что фермеръ, сначала имѣвшій, положимъ, тридцать экровъ въ своемъ хозяйствѣ, имѣетъ потомъ, когда разбогатѣетъ, ферму гораздо большаго размѣра? Нужно ли доказывать это цитатами, или и безъ цитатъ любезность г. И. В—скаго уступитъ эту возможность англійскому фермеру? За что подвергать его такому стѣсненію, что сколько экровъ сначала было, столько и до конца вѣка должно остаться въ его хозяйствѣ?

Желая приблизительнымъ образомъ сказать, до какой степени огромно у насъ преобладаніе земель, являющихся общиннымъ достояніемъ, надъ землями, выдѣлившимися окончательно изъ этого разряда, мы сказали, что, по сравненію съ первыми, послѣднія составляютъ, „можетъ быть, пятнадцатую, можетъ быть, двадцатую часть". По этому случаю г. И. В—скій дѣлаетъ слѣдующій тонкій намекъ, что надлежало бы намъ справиться о точной цифрѣ, не довольствуясь приблизительною. Вы хотите проводить новое убѣжденіе, говоритъ онъ,—„впрочемъ сомнительно, чтобы можно было привести „въ убѣжденіе (не говоримъ о фантазіи) такую мысль, которую подкрѣ„пляютъ голословнымъ предположеніемъ, что вотъ-де такъ-то обдѣлывается „у насъ можетъ быть пятнадцатая, можетъ быть двадцатая часть (а мо„жетъ быть и десятая, а можетъ быть и тридцатая). „Какъ жаль, что древ„нихъ я не читывалъ..." Какая вѣрная метода доказательства!"—Мы осмѣлимся спросить, думаетъ ли въ самомъ дѣлѣ г. И. В—скій, что въ какихъ либо книгахъ, или даже хотя бы въ архивахъ, собраны были данныя, достаточныя для точнаго, а не приблизительнаго опредѣленія количества частныхъ земель, обработываемыхъ въ Россіи по способу вольнаго найма (земли купцовъ и проч.) или (безъ найма и обязательнаго труда) собственнымъ трудомъ мелкихъ частныхъ собственниковъ? Онъ очень обяжетъ насъ, если укажетъ, гдѣ можно найти точныя цифры объ этомъ предметѣ. А намъ казалось, что статистическія свѣдѣнія объ этомъ до сихъ поръ еще не собраны. Мы осмѣлимся выразить мнѣніе, что не обо всемъ въ мірѣ можно найти такія точныя цифры, какъ о числѣ народонаселенія или количествѣ привезенныхъ изъ-за границы товаровъ. Напримѣръ, неизвѣстна *никому въ мірѣ* въ настоящее время и не можетъ быть никому извѣстна точная цифра, какъ велико въ настоящее время число людей въ Россіи, умѣющихъ читать и писать, или сколько находится вдовъ и вдовцовъ, или сколько мяса употребляется въ пищу въ теченіе года во всей Имперіи. Въ этихъ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ случаевъ мы можемъ достигать только приблизительнаго вычисленія. Или за недостаткомъ точныхъ цифръ не позволительно дѣлать приблизительныя вычисленія?

Что же касается до „голословности" нашего вычисленія, то мы увѣрены, что если бы г. И. В—скій потрудился провѣрить нашъ выводъ (по методѣ, указанной въ нашей первой статьѣ перечнемъ различныхъ поименованій земли), то, вѣроятно, нашелъ бы, что нашъ разсчетъ не голословенъ. Пусть онъ подведетъ итоги, и онъ увидитъ, что приблизительная пропорція, дѣйствительно, такова, какъ сказано у насъ: пятнадцатая или двадцатая часть, но никакъ не десятая (это слишкомъ много), и не тридцатая (это слишкомъ мало).

Digitized by Google

Скажите же намъ, въ какой книгѣ, или, даже, въ какомъ архивѣ можно было бы отъискать тѣ точныя цифры, за неотъисканіе которыхъ такъ упрекаете вы насъ, г. И. В—скій?

Не предположилъ ли „нѣкто, нами уважаемый", что собраны и напечатаны гдѣ нибудь свѣдѣнія, которыя никогда не собирались и нигдѣ не напечатаны?

Не внушаются ли такимъ его предположеніемъ нѣкоторыя размышленія о близости его знакомства съ источниками нашихъ статистическихъ свѣдѣній?

„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ..." Прекрасно; но если бы я сталъ кого нибудь упрекать за то, что онъ не можетъ представить точной цифры населенія древней Скиѳіи, не обнаружилъ ли бы я тѣмъ, что я не имѣю понятія ни о скиѳахъ, ни о древнихъ?

Кто читалъ древнихъ, тотъ зналъ бы, что у скиѳовъ не было народныхъ переписей; что ни въ какомъ древнемъ писателѣ нѣтъ и не могло быть точныхъ цифръ населенія Скиѳіи; кто знакомъ съ нашею статистикою, тотъ не сказалъ бы того, что выписано нами выше изъ вашей статьи, г. И. В--скій. Правда ли?

„Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ"... Не правда ли, г. И. В—скій?

„Неужели „Современникъ" въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что Западъ стремится къ общинной поземельной собственности (замѣчаетъ г. И. В—скій)? Въ чемъ, въ какихъ учрежденіяхъ, въ какихъ рѣшеніяхъ, и гдѣ это видитъ г. критикъ?"—Мы заплатимъ вопросомъ за вопросъ: пусть г. И. В—скій назоветъ намъ какой ему угодно курсъ политической экономіи, хотя бы изъ школы Сэ, и мы въ этомъ курсѣ укажемъ ему факты и мнѣнія, которыми подтверждаются наши слова. Условіе тутъ одно: эта книга должна принадлежать послѣднимъ пятнадцати годамъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, о поземельныхъ ассоціаціяхъ дѣйствительно мало думали; у самого Сэ или у Шторха вы мало найдете фактовъ и понятій, сюда относящихся. Съ начала прошлаго десятилѣтія уже не то. Напримѣръ: Росси одинъ изъ самыхъ отсталыхъ и антипатичныхъ людей въ школѣ Сэ; почти всѣ другіе политико-экономы этой отсталой школы далеко гуманнѣе и современнѣе, нежели Росси; однако, что говоритъ Росси? Помните ли вы это, г. И. В—скій? „Dictionnaire de l'Economie Politique" Коклена и Гильйомена составленъ въ духѣ самой крайней реакціи противъ гуманныхъ стремленій новаго времени; помните ли вы, что даже Теодоръ Фиксъ, даже Бланки осуждаются въ этомъ словарѣ, какъ люди слишкомъ гуманные? Однако, что думаетъ о земледѣльческихъ потребностяхъ Франціи фаланга писателей, построившихъ арсеналъ своихъ мнѣній въ этомъ словарѣ,—фаланга писателей такой безукоризненной въ вашихъ глазахъ репутаціи, какъ Шербюлье, Мишель Шевалье, Леонъ Фоше, Жозефъ Гарнье, Луи Ребо съ братіею? Справьтесь-ка съ этимъ словаремъ. Онъ дуренъ, но все-таки въ немъ найдется кое-что хорошее, чего вы не ожидаете. Мы не хотимъ утомлять читателей слишкомъ большимъ количествомъ цитатъ, потому приведемъ всего нѣсколько строкъ изъ статьи „Succession".

„Нельзя не признаться, что крайнее раздробленіе поземельной соб-

Digitized by Google

ственности (во Франціи, по закону о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между всѣми дѣтьми) имѣетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, извѣстныя неудобства. Для отвращенія этихъ неудобствъ, г. Росси совѣтовалъ поселянамъ вступать въ ассоціаціи; до сихъ поръ этотъ совѣтъ не имѣлъ всеобщаго успѣха; но, напримѣръ, въ огородничествѣ департамента Юры онъ употребляется. И со временемъ этотъ принципъ, быть можетъ, долженъ произвести превосходныя слѣдствія". — „Dict. de l'éc. polit." Томъ II, стр. 676.

Вотъ что говорятъ Росси и Коклено-Гильйоменовская фаланга.

Если г. И. В—скому мало этой одной цитаты, онъ можетъ въ какой нибудь часъ времени подыскать по сноскамъ и цитатамъ указанной нами статьи десятки мѣстъ въ этомъ словарѣ, и сотни книгъ, подтверждающихъ наше мнѣніе. Если же ему угодно будетъ возложить на насъ эту вовсе не трудную работу, мы исполнимъ ее къ его удовольствію.

Для доставленія ему особенной пріятности, мы обязываемся подтверждать наше мнѣніе свидѣтельствами исключительно тѣхъ писателей, которые принадлежатъ къ одной школѣ съ г. И. В—скимъ. Но онъ, вѣроятно, избавитъ себя отъ этого удовольствія, согласившись съ нашимъ мнѣніемъ, что въ Западной Европѣ существуетъ потребность ассоціаціи между земледѣльцами.

Для облегченія ему этого согласія, напомнимъ, что статьи въ „Словарѣ" Коклена и Гильйомена служатъ выраженіемъ не особенныхъ мнѣній того или другаго писателя, а цѣлой школы, — той самой школы, къ которой принадлежитъ г. И. В—скій.

А быть можетъ онъ, видя, что даже эта школа, враждебная всѣмъ новымъ стремленіямъ, свидѣтельствуетъ о потребности земледѣльческой ассоціаціи въ Западной Европѣ, откажется отъ мнѣній этой школы, отречется отъ своихъ нынѣшнихъ сотоварищей по убѣжденію, Мишеля Шевалье, Луи Ребо, Леона Фоше, Жозефа Гарнье? Это былъ бы очень трудный подвигъ: но вѣдь совершилъ же онъ еще болѣе трудный подвигъ, отрекся же, изъ любезности къ намъ, какъ увидимъ послѣ, отъ Тенгоборскаго. Дай Богъ ему успѣховъ на этомъ пути.

Противники общиннаго владѣнія утверждаютъ, что при немъ десятина земли не можетъ давать такого большаго дохода, какъ при фермерскомъ хозяйствѣ. Мы въ первой статьѣ говорили, что если-бы это неосновательное предубѣжденіе и было основательно, все-таки для большинства земледѣльцевъ выгоднѣе общинное владѣніе, потому что при фермерскомъ хозяйствѣ большинство земледѣльцевъ обращается въ наемныхъ работниковъ, и потому, хотя бы при фермерскомъ хозяйствѣ масса производимыхъ цѣнностей была значительнѣе, положеніе большинства земледѣльческаго класса все-таки лучше при общинномъ хозяйствѣ. Въ объясненіе этого мы привели примѣрный разсчетъ. Этимъ разсчетомъ очень недоволенъ г. И. В—скій.

„Сказать, не значитъ доказать, говоритъ онъ. Не всѣ же повѣрятъ „на слово, даже уважая произвольные разсчеты, въ которыхъ, увы! не видно „никакой тѣни счета, основаннаго на чемъ нибудь, кромѣ фантазіи, недо„пускаемой даже при самыхъ отчаянныхъ статистическихъ соображеніяхъ... „Общинное хозяйство рѣдко достигаетъ даже того общаго дохода, который

Digitized by Google

„указанъ „Современникомъ“ и имѣетъ очень невысокій максимумъ. А уча-„стокъ собственника можетъ достигнуть почти безконечной цѣнности; слѣдо-„вательно отношеніе между обоими доходами не то, которое воображаетъ „себѣ ученый критикъ. Вообще, для того, чтобы убѣдиться въ поспѣшности „его заключеній, достаточно упомянуть, что у него представлено при общин-„номъ хозяйствѣ на одномъ и томъ же пространствѣ вдесятеро болѣе на-„селенія, нежели при частной собственности, а на самомъ дѣлѣ вездѣ вы-„ходитъ напротивъ; а отчего? На это ясно отвѣчаетъ наука, только не „новая, а обыкновенная, прежняя, къ которой и можетъ обратиться изъ „любопытства „Современникъ“, если улучитъ время отъ изысканій въ но-„вомъ родѣ“.

Боже, какъ прогнѣвилъ нашъ разсчетъ г. И. В—скаго! Чѣмъ же? Онъ произволенъ и ошибоченъ. Въ чемъ же произволъ и ошибка? 1) Въ томъ, что мы слишкомъ высоко оцѣнили доходъ при общинномъ владѣніи по сравненію съ хозяйствомъ при частной собственности,—на самомъ дѣлѣ пропорція при частномъ хозяйствѣ гораздо выше, нежели мы положили. 2) Мы положили при общинномъ владѣніи населеніе въ десять разъ большее, нежели при частной собственности. Неужели мы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали такія ошибки? Припомнимъ, что мы говорили въ этомъ разсчетѣ, имѣвшемъ несчастіе не понравиться г. И. В—скому. Вотъ буквально это мѣсто изъ нашей первой статьи:

„Веремъ два участка въ 5,000 десятинъ земли (одна квадратная миля). На каждый участокъ приходится по 2,000 человѣкъ населенія. Одинъ раздѣленъ на тридцать фермъ съ улучшеннымъ хозяйствомъ втораго періода (того періода, въ который частная собственность, повидимому, выгодна); каждая десятина даетъ въ общей сложности 20 р. дохода. Изъ нихъ 5 рублей идутъ на арендную плату землевладѣльцу, 6 рублей на уплату и содержаніе работникамъ, 9 рублей остаются въ пользу фермы. На другомъ участкѣ, по причинѣ общиннаго пользованія, сельское хозяйство сдѣлало менѣе успѣховъ, и десятина даетъ только по 12 рублей дохода, но этотъ доходъ весь остается въ пользу домохозяевъ, которые всѣ по общинному началу участвуютъ въ пользованіи землею. Сравнимъ же эти участки.

Общая цѣнность производства на первомъ участкѣ 5,000×20=100,000
„ „ „ на второмъ „ 5,000×12= 60,000

„По общей цѣнности производства, участокъ съ фермами гораздо выше участка съ общиннымъ пользованіемъ. Но отъ состоянія производства обратимся къ состоянію людей, населяющихъ эти участки. Считаемъ по семьямъ, полагая въ каждой семьѣ пять человѣкъ.

Участокъ съ фермами.

1 семья (землевладѣлецъ) получаетъ . . . . 5×5000=25,000 р.
30 семей (фермеры) получаютъ 9×5000=45,000 или
каждая семья по . . . . . 1,500 р.
369 семей (наемные земледѣльцы) получаютъ 6×5000=
30,000 или каждая семья по . . . . . 81 р. 25 к.

Участокъ съ общиннымъ пользованіемъ.

400 семей получаютъ 12×5000=60,000 или каждая
семья по. . . . . 150 р.

„Выводъ ясенъ. На второмъ участкѣ масса населенія пользуется почти вдвое большимъ благосостояніемъ, хотя масса производимыхъ цѣнностей почти вдвое больше на первомъ участкѣ“.

Digitized by Google

Позвольте же спросить, г. И. В—скій, откуда взялась у васъ мысль, будто въ нашемъ разсчетѣ на одинаковомъ пространствѣ земли полагается при общинномъ владѣніи населеніе въ десять разъ больше, нежели при частной собственности? Развѣ мы не сказали прямо въ самомъ началѣ разсчета, что на каждый участокъ приходится по 2,000 человѣкъ населенія? Развѣ темны эти слова? И развѣ не соблюдена эта одинаковость населенія въ самыхъ разсчетахъ? Неужели мы должны думать, что „нѣкто, уважаемый нами", увѣряетъ своихъ читателей, будто мы говоримъ „въ десять разъ больше", тогда какъ самъ видитъ, что мы говоримъ „равно?". Мысль эта для насъ огорчительна, потому что въ такомъ случаѣ „нѣкто, уважаемый нами", по необходимости лишился бы нѣкоторой части того уваженія, которое мы хотѣли бы сохранить къ нему.

„Нѣкто, уважаемый нами", говоритъ также, будто въ нашемъ примѣрномъ разсчетѣ мы слишкомъ высоко оцѣнили доходъ общиннаго участка,— онъ говоритъ, что этотъ доходъ никогда не можетъ равняться даже тремъ пятымъ частямъ дохода отъ частной собственности, какъ мы положили. „Нѣкто, уважаемый нами", уважалъ нѣкогда Тенгоборскаго—обратимся къ Тенгоборскому за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія.

Тенгоборскій на 201 страницѣ перваго тома своей книги „О производительныхъ силахъ Россіи" (парижское изданіе 1854 года) представляетъ слѣдующую сравнительную таблицу средняго сбора хлѣба съ десятины пахотной земли въ четырехъ главнѣйшихъ государствахъ европейскаго материка:

Франція . . .	5,13	четвертей.
Австрія . . .	4,56	„
Пруссія . . .	3,82	„
Россія	3,47	„

Нужно ли вамъ объяснять, г. И. В—скій, что въ Россіи только незначительная часть пахотной земли выдѣлилась изъ общиннаго владѣнія, или пользованія, или общинной обработки, такъ что эта незначительная часть не могла имѣть замѣтнаго вліянія на общій выводъ? Итакъ, сборъ хлѣба въ Россіи—сборъ съ земли при общинномъ владѣніи, или пользованіи, или обработкѣ. Вѣроятно, вы не усомнитесь въ томъ, что въ трехъ другихъ государствахъ этотъ сборъ принадлежитъ землѣ, находящейся въ частной собственности. Посмотримъ же, какова пропорція.

Вотъ она, по словамъ Тенгоборскаго (тамъ же).

„Сборъ хлѣба съ одной десятины въ трехъ западныхъ государствахъ по сравненію съ Россіею:

Россія	100
Пруссія	110
Австрія	130
Франція. . . .	140

Видите ли, высшая пропорція для частной собственности выходитъ 100:140; а мы предположили 12:20, то есть 100:166,—видите ли, что въ примѣрномъ разсчетѣ мы оцѣнили преимущества частной собственности выше, нежели оказывается по самымъ высшимъ фактамъ на материкѣ Европы? На какомъ же основаніи вы жаловались, г. И. В—скій, будто

Digitized by Google

наша примѣрная оцѣнка несправедлива? Да, милостивый государь, мы были несправедливы—къ тому дѣлу, которое защищаемъ, мы оцѣнили его выгоды слишкомъ низко. Вы потребовали справедливости. Извольте; мы изъ области примѣрныхъ разсчетовъ, слишкомъ снисходительныхъ къ вашему любимому фермерству, перейдемъ къ точнымъ цифрамъ — порадуйтесь, милостивый государь. Вмѣсто снисходительности, вы будете имѣть отъ насъ справедливость.

Вамъ нравится англійское фермерство? Прекрасно. Знаете ли вы, какой процентъ изъ общаго дохода достается работникамъ на англійской фермѣ? Это вы можете узнать отъ г. Д. Д. Неелова („Русск. Вѣстн." 1857 г., № 9, стр. 111).

Изъ 100 процентовъ общаго дохода идетъ въ руки:

Землевладѣльцу (рента, изъ которой 1/4 поглощаетъ налогъ) . .	40 проц.
Фермеру (проценты съ оборотнаго капитала и чистый доходъ)	36 „
Плата и содержаніе работнику	24 „

Какъ вамъ нравится это распредѣленіе, г. любитель фермерства? Не правда ли, оно сильнѣе свидѣтельствуетъ въ вашу пользу, нежели наше примѣрное распредѣленіе? Мы полагали долю англійскаго работника гораздо значительнѣе, 6 рублей изъ 20, то есть 30 процентовъ; долю землевладѣльца только въ 5 рублей изъ 20, то есть въ 25 проц., то есть слишкомъ въ полтора раза меньше настоящей цифры. Видите ли, мы не хотѣли выставлять любимаго вами англійскаго фермерства во всей его чернотѣ; но вы насъ вызвали на это,—и не гнѣвайтесь, если, вмѣсто нашего примѣрнаго разсчета, мы вамъ представимъ *три дѣйствительные* разсчета, для Австріи, Франціи и Пруссіи. Мы предполагаемъ, что въ каждомъ изъ этихъ государствъ по два участка, величиною каждый въ одну квадратную милю, отдѣляются, одинъ участокъ для фермъ съ англійскимъ распредѣленіемъ доходовъ, другой участокъ для водворенія жителей по праву общиннаго владѣнія, какъ у насъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Во всѣхъ трехъ государствахъ земля воздѣлывается уже по системѣ частной собственности, слѣдовательно со всѣми улучшеніями, возможными при настоящемъ положеніи каждаго государства; потому учрежденіе фермъ не возвыситъ общаго дохода,—онъ останется тотъ самый, какой показанъ у Тенгоборскаго. Но въ угодность г. И. В—скому, мы положимъ, что при введеніи общиннаго владѣнія этотъ сборъ хлѣба въ каждомъ изъ трехъ западныхъ государствъ понизится до такой цифры, какую представляетъ Россія (понижаться ему вовсе нѣтъ необходимости, но г. И. В—скій желаетъ, чтобы онъ понизился—сдѣлаемъ ему эту уступку, хотя, по окончаніи нашего отвѣта, читатель увидитъ, что мы вовсе не обязаны были ее дѣлать: г. И. В—скій не могъ привести ни одного доказательства въ пользу возвышенія дохода при частной собственности и пониженія его при общинномъ владѣніи). Цифру населенія, сборъ хлѣба съ десятины, цѣну хлѣба мы будемъ вездѣ выставлять по Тенгоборскому. Величину фермъ оставимъ прежнюю, какая была въ нашемъ примѣрномъ разсчетѣ, — именно на 5,000 десятинъ 30 фермъ. Итакъ, посмотримъ, что было бы выгоднѣе для большинства земледѣльческаго населенія во Франціи, Австріи и Пруссіи—заведеніе ли англій-

Digitized by Google

скихъ фермъ съ сохраненіемъ высшихъ сборовъ хлѣба или введеніе русскаго общиннаго устройства даже съ низшими сборами хлѣба.

А. Франція.

Населеніе—3750 душъ или 750 семей на квадратной милѣ; цѣна хлѣба 5 р. 46 коп. за четверть. Сборъ: при системѣ фермъ 5.13 четвертей, при русской системѣ 3.47 четвертей. (Тенгоб. Томъ I, стр. 107, 201 и 211).

	Съ десятины:	Со всего участка:
При системѣ фермъ 5.13 четвертей ×5 р. 46 к.=	28 руб. 1 коп.	140,050 руб.
При системѣ общиннаго владѣнія 3.47 четвертей×5 руб. 46 коп.=	18 „ 95 „	94,750 „

Итакъ, общая цѣнность продуктовъ при англійской системѣ почти въ полтора раза болѣе, нежели при русской.

Распредѣленіе благосостоянія въ народонаселеніи. При англійской системѣ изъ общаго дохода 140.050 р. получаютъ:

1 семья (землевладѣлецъ) 40 процентовъ . . .	56,020 руб. — коп.
30 семей (фермеры) 36 проц. или всѣ вмѣстѣ 50,418 руб., а каждая семья по	1,680 „ 60 „
719 семей (работники) 24 проц. или всѣ вмѣстѣ 33,612 руб., а каждая семья по	46 „ 70 „
При общинной системѣ общій доходъ 94,750 руб., раздѣленный на 750 семей, даетъ на каждую семью по	126 „ 30 „

Итакъ, во Франціи 719 семей изъ 750 семей (то есть 96 человѣкъ изъ 100) при системѣ фермъ получали бы въ два съ половиною раза менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія, а выгодна была бы система фермъ только 31 семьѣ, то есть одной двадцать-третьей части населенія: остальнымъ двадцати-двумъ частямъ была бы выгоднѣе система общиннаго владѣнія.

В. Австрія.

Населеніе 3,200 душъ или 640 семей; цѣна хлѣба 4 р. 30 коп. четверть. Сборъ хлѣба при системѣ фермъ 4,56 четв., при общинномъ владѣніи 3,47 четв. Общій доходъ:

	Съ десятины:	Со всего участка:
При фермахъ	19 руб. 60 коп.	98,000 руб.
При общинномъ владѣніи .	14 „ 92 „	74,600 „

Итакъ, общая цѣнность продуктовъ при системѣ фермъ на двѣ седьмыхъ части болѣе, нежели при общинномъ владѣніи.

Распредѣленіе благосостоянія въ народонаселеніи. При системѣ фермъ изъ общаго дохода 98,000 р., получаютъ:

1 семья 40 процентовъ	39,200 руб.
30 семей 36 проц., всѣ вмѣстѣ 35,280 р., а каждая семья по	1,176 „
609 семей 24 проц., всѣ вмѣстѣ 23,520 р., а каждая семья по	38 „ 60 коп.

Digitized by Google

При системѣ общиннаго владѣнія доходъ 74,600 р. раздѣлится на 640 семей, и каждая семья получитъ по. . . . . 116 руб. 50 коп.

Итакъ, въ Австріи при системѣ фермъ 609 семей изъ 640 (то есть 95 человѣкъ изъ 100), получали бы втрое менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія. Выгодна была бы система фермъ только для одной двадцатой части населенія.

С. Пруссія.

Населеніе 3,300 человѣкъ или 660 семей. Цѣна хлѣба 4 р. 15 к. Сборъ при системѣ фермъ 3,82 четв., при общинномъ владѣніи 3,47 четв. Общій доходъ:

	Съ десятины:	Со всего участка:
При системѣ фермъ . .	15 руб. 80 коп.	79,300 руб.
При общинномъ владѣніи .	14 „ 40 „	72,000 „

Итакъ, при системѣ фермъ сумма продуктовъ на одну десятую часть больше, нежели при системѣ общиннаго владѣнія.

Распредѣленіе благосостоянія въ народонаселеніи. При системѣ фермъ изъ общаго дохода 79,300 р., получаютъ:

1 семья 40 проц.	31,720 руб.
30 семей всѣ вмѣстѣ 36 проц. или 28,548 руб., а каждая семья по	951 „ 60 коп.
629 семей всѣ вмѣстѣ 24 проц. или 19,032 руб., каждая семья по	30 „ 25 „
При системѣ общиннаго владѣнія общій доходъ 72,000 руб., раздѣлившись на 660 семей, на каждую семью даетъ по	109 „ 10 „

Итакъ, въ Пруссіи при системѣ фермъ 629 семей изъ 660 (то есть 95 изъ 100), получали бы въ три съ половиною раза менѣе, нежели при системѣ общиннаго владѣнія.

Для обыкновеннаго читателя эти подробные разсчеты утомительны и излишни: для него было бы нужно представить только основныя данныя и окончательные результаты. Производство самаго разсчета такъ просто, что каждый читатель, который захотѣлъ бы провѣрить наши выводы, конечно, могъ бы самъ произвесть разсчеты. Но здѣсь они приведены собственно для г. И. В—скаго, который не захочетъ и не съумѣетъ сдѣлать разсчетовъ, а потомъ будетъ на насъ же сердиться за то, что не хотѣлъ и не умѣлъ сдѣлать этого—и закричитъ: „эти выводы невѣрны, фантастичны и преувеличены!“

Вы кричали, г. И. В—скій, что нашъ примѣрный разсчетъ выгодъ общиннаго владѣнія для большинства сельскаго населенія невѣренъ и фантастиченъ. Извольте же теперь сравнить наши тогдашніе примѣрные выводы съ нынѣшними выводами изъ положительныхъ разсчетовъ. Разсчеты эти у васъ передъ глазами. Извольте ихъ провѣрить. Они основаны на цифрахъ, представляемыхъ вашимъ авторитетомъ, Тенгоборскимъ. Полюбуйтесь же, какіе выгодные для васъ результаты получаются изъ этихъ разсчетовъ — извольте-ка прислушать:

Мы дѣлаемъ вамъ удовольствіе, предполагаемъ, что общинное владѣніе

Digitized by Google

задерживаетъ успѣхи земледѣлія, и полагаемъ даже, что все превосходство въ количествѣ хлѣба, собираемаго съ десятины въ Западной Европѣ, сравнительно съ Россіею, порождается единственно отъ частной собственности. Потому мы считаемъ, что въ Австріи, Пруссіи, Франціи десятина земли при общинномъ владѣніи дала бы хлѣба не болѣе, нежели даетъ въ Россіи. Это уступка излишняя съ нашей стороны: главную роль тутъ играетъ не форма владѣнія, а климатъ и другія обстоятельства. Во Франціи, Австріи, Пруссіи средняя температура выше, дождя больше, нежели у насъ,—потому тамъ и хлѣба больше родится, это вамъ скажетъ и вашъ Тенгоборскій. Но пусть вся разница зависитъ отъ формы владѣнія,—легче ли вамъ будетъ отъ этого?

	Нашъ прежній примѣр. разсчетъ.	Точные разсчеты. Франція.	Австрія.	Пруссія.
Выгода частной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ относительно увеличенія валоваго дохода.	66%	48%	31%	10%
Сумма дохода, получаемаго съ десятины при системѣ общиннаго владѣнія	12 р.	18 р. 95 к.	14 р. 92 к.	14 р. 40 к.
Сколькимъ изъ ста человѣкъ населенія невыгодна система фермъ .	90	96	95	95
На сколько процентовъ доходъ всей этой массы земледѣльцевъ былъ бы при общинномъ владѣніи, со всѣми его неудобствами (предполагаемыми), выше, нежели при системѣ фермъ .	84%	170%	202%	263%

Извольте же теперь, г. И. В—скій, сравнить цифры нашего примѣрнаго разсчета, которымъ вы были недовольны, какъ невѣрнымъ и преувеличеннымъ, извольте же сравнить ихъ съ цифрами точныхъ разсчетовъ, основанныхъ на вашемъ Тенгоборскомъ — какъ вамъ понравится это сравненіе? Вы бранили насъ за то, будто бы мы дали слишкомъ мало выгодъ системѣ фермъ передъ общиннымъ владѣніемъ относительно цѣнности получаемыхъ продуктовъ,—мы дали 66 процентовъ, а на самомъ дѣлѣ эти выгоды оказываются гораздо меньше даже для Франціи, вдвое меньше для Австріи, въ шесть съ половиною разъ меньше для Пруссіи. И если вы хотите вѣрный отвѣтъ, то цифра, оказывающаяся по разсчету для Пруссіи, и должна быть принята настоящею цифрою,—въ Австріи и Франціи разница происходитъ главнымъ образомъ отъ болѣе теплаго и благорастворенного климата и т. д., а не отъ превосходства системы частной собственности. Изъ трехъ западныхъ государствъ только Пруссія не слишкомъ многимъ теплѣе Россіи, съ нею и надобно сравнивать Россію, чтобы оцѣнить, насколько частная собственность благопріятнѣе для увеличенія цѣнности продуктовъ,—въ другихъ двухъ державахъ климатъ слишкомъ многимъ лучше нашего. А какъ въ Пруссіи, между прочимъ, климатъ немногимъ лучше, то вы видите, что и масса продуктовъ только немногимъ больше. Да и въ этой незначительной разницѣ, въ этихъ ничтожныхъ 10%, все-таки большая часть дана Пруссіи превосходствомъ климата, а не превосходствомъ частной собственности надъ общиннымъ владѣніемъ; не вздумайте возражать, что дескать въ Пруссіи

Digitized by Google

климатъ хуже, — пожалуйста не дѣлайте этого, метеорологическія таблицы говорятъ объ этомъ очень ясно.

Вы вздумали быть недовольны примѣрнымъ нашимъ разсчетомъ за то, что мы будто бы оцѣнили слишкомъ высоко массу продуктовъ, при общинномъ владѣніи,—вы видите, что мы напротивъ оцѣнили ее слишкомъ низко: для Франціи она слишкомъ въ полтора раза больше нашей оцѣнки, для Австріи и Пруссіи на 25% и на 20% выше нашей оцѣнки, — вѣдь это есть у Тенгоборскаго, какъ не знали этого вы, переводчикъ Тенгоборскаго? Да знаете ли, почему мы положили въ примѣрномъ нашемъ разсчетѣ именно 12 руб. съ десятины общиннаго владѣнія? Именно потому, что эта цифра очень близка къ цифрѣ дохода съ десятины въ Россіи—справьтесь съ Тенгоборскимъ, вы тамъ найдете это — если хотите, мы вамъ и укажемъ. На страницѣ 205 перваго тома парижскаго изданія 1854 года вы увидите, что среднюю цѣну хлѣба въ Россіи Тенгоборскій принимаетъ въ 3 р. 50 к., а на стр. 201 вы увидите, что средній урожай съ десятины онъ считаетъ въ 3,47 четверти, — перемножьте эти цифры, — и вы увидите, что... или, нѣтъ: мы сами перемножимъ ихъ, а то мы боимся, что вы или не захотите или не съумѣете перемножить, да потомъ и закричите, что у насъ фантастическій разсчетъ. Итакъ, производимъ для васъ умноженіе (см. Ариѳметика Буссе, умноженіе десятичныхъ дробей).

```
   3,47
 ×3,50
 ------
  17350
 10410
 ------
 12,1450
```

Ну, вотъ видите ли?—и выходитъ по Тенгоборскому средній доходъ съ десятины въ Россіи (считая только зерно, не считая солому)=12 руб. 14½ коп. сер.—довольны ли вы теперь? Видите ли, вы кричали на насъ, будто такого дохода никогда почти и не бываетъ, а штука въ томъ, что это средній доходъ нашихъ русскихъ земель,—да и на томъ мы вамъ еще сдѣлали уступку въ 14½ коп. сер. А если-бы считать цѣну соломы, то пришлось бы накинуть еще по крайней мѣрѣ 1 руб. 50 коп., и вышелъ бы доходъ съ десятины 13 руб. 64¼ коп.—но солому подарили мы вамъ уже безъ всякихъ счетовъ.

Однако, заслуживъ вашу признательность за подарокъ соломы и за уступку 14½ коп. на хлѣбѣ, возвратимся къ выводамъ изъ нашихъ счетовъ.

Въ примѣрномъ разсчетѣ мы полагали, что фермы выгодны для одной десятой части населенія, — по положительному разсчету оказываются онѣ выгодны менѣе нежели для одной двадцатой (въ Пруссіи и Австріи) и для одной двадцать пятой (во Франціи) части земледѣльческаго населенія.

Въ примѣрномъ разсчетѣ мы полагали, что вся остальная масса, отъ перехода изъ общиннаго владѣнія къ системѣ фермъ, потеряла бы только на 84 процента, то есть менѣе, нежели на половину; на самомъ дѣлѣ оказывается, что потеря была бы слишкомъ въ три и слишкомъ въ четыре раза болѣе. Во Франціи масса населенія теряла бы болѣе нежели три пя-

Digitized by Google

тыхъ части, въ Австріи болѣе нежели двѣ трети, въ Пруссіи (которая ближе всѣхъ государствъ къ намъ по условіямъ природы для земледѣлія) почти три четверти доходовъ, которые доставляло бы ей общинное владѣніе.

И это страшное разореніе для десятковъ мильоновъ людей вамъ кажется достожелательно ради той надежды, что цѣнность продуктовъ увеличится на одну десятую долю.

Нѣтъ, милостивый государь, предметъ слишкомъ важенъ для того, чтобы трактовать о немъ такъ поверхностно, какъ изволите трактовать вы. Подумайте: изъ-за одного лишняго гарнца съ десятины для заграничнаго вывоза вы готовы были вводить къ намъ систему фермъ, которая отниметъ почти три четверти дохода у нашихъ земледѣльцевъ! Подумайте объ этомъ хорошенько.

Правда, что вамъ думать объ этомъ? Вы уже обдумали все, вы уже все рѣшили, вы уже опровергли насъ, — вы уже въ самомъ началѣ нашего спора хохотали надъ тѣмъ, что мы осмѣливаемся вступать съ вами въ споръ.

Боже мой, съ какимъ запасомъ свѣдѣній судили и рядили вы, г. И. В—скій, о томъ, что надобно передѣлать, необходимо надобно передѣлать систему, съ судьбою которой связана судьба мильоновъ людей, — разрушали и передѣлывали, не потрудившись даже справиться въ переведенной вами книгѣ, сколько хлѣба родится на десятинѣ у русскаго мужика!

Но нѣтъ, напрасно мы негодуемъ, на васъ нельзя сердиться: вѣдь не по злому умыслу вы это дѣлали, а по недостатку свѣдѣній.

Постарайтесь расширить кругъ вашихъ свѣдѣній, если вы хотите говорить объ общинномъ владѣніи и частной собственности. Прочтите хоть въ словарѣ Коклена и Гильйомена статьи, относящіяся къ земледѣльческому быту.

Кстати, о знаніяхъ. Напрасно вы хвалитесь тѣмъ, что не знаете ученій той экономической школы, противъ которой направленъ словарь Коклена и Гильйомена, противъ которой писалъ вашъ сотрудникъ Мишель Шевалье. Мы прежде не вѣрили вашей похвальбѣ, что вы въ самомъ дѣлѣ незнакомы съ нею. Теперь мы вѣримъ этому. А не мѣшало бы прочесть сочиненія тѣхъ людей, о которыхъ вы имѣете самыя поверхностныя понятія, заимствованныя изъ каррикатуриста Луи Ребо. Прочтите хоть книгу Штейна. Знаніе есть сила. Незнаніемъ никогда не слѣдуетъ хвалиться: незнаніе есть безсиліе. Довольно доказательствъ тому нашли мы въ вашей статьѣ. Найдемъ и еще, и гораздо больше.

Вотъ, отъ незнанія фактовъ вы насъ вызвали къ тому, чтобы вмѣсто примѣрнаго разсчета представить точные, основанные на дѣйствительныхъ цифрахъ. Еслибъ вы знали эти цифры, вы не стали бы накликать на себя такого пораженія, — вы рады были бы, что мы по излишней снисходительности къ вамъ говорили только: „хотя частная собственность почти вдвое увеличиваетъ массу продуктовъ, но благосостояніе большинства земледѣльцевъ при системѣ общиннаго владѣнія почти вдвое выше“, — мы должны были бы сказать: частная собственность увеличиваетъ массу продуктовъ никакъ не болѣе нежели на десять процентовъ, а общинное владѣніе возвышаетъ благосостояніе земледѣльцевъ въ три раза.

Что сказать о другихъ вашихъ возраженіяхъ противъ нашего примѣр-

Digitized by Google

наго разсчета? Они приводятъ насъ въ еще большее изумленіе. Положимъ, вы могли не знать самыхъ основныхъ фактовъ, относящихся къ земледѣльческому быту,—вы не тѣми отдѣлами политической экономіи занимались; вы дѣйствительно хорошо знаете вопросы о монетной системѣ, о кредитѣ и торговлѣ; но вопросами о собственности и распредѣленіи богатствъ слишкомъ поверхностно занималась вся та школа, къ которой вы принадлежите, и очень натурально, что, заговоривъ о нихъ, вы надѣлали ошибокъ. Это понятно. Вы не знаете и не хотите узнать даже такихъ элементарныхъ фактовъ, какъ цифра сбора хлѣба съ десятины въ Россіи; вы не знаете, чѣмъ пролетарій отличается отъ простаго бѣдняка; такого феноменальнаго незнанія, признаемся, мы не ожидали встрѣтить въ васъ, но все-таки теперь, когда вы противъ нашего ожиданія обнаружили его, этотъ неожиданный фактъ не кажется неправдоподобнымъ, мы понимаемъ его возможность. Но скажите, какимъ образомъ возможно экономисту и статистику забывать о значеніи самыхъ первоначальныхъ, самыхъ общихъ пріемовъ статистики, тѣхъ пріемовъ, съ употребленіемъ которыхъ онъ ежеминутно встрѣчается, какою бы отраслью своей науки ни занимался? Какъ возможно ему забывать, что такое средняя величина, что такое круглое число? А вы, возражая противъ нашего примѣрнаго разсчета, кромѣ возраженій, основанныхъ на незнакомствѣ съ фактами, приводите еще такія возраженія, которыя очевидно основаны единственно только на пренебреженіи къ значенію среднихъ величинъ, среднихъ чиселъ. Чтобы на примѣрѣ, входящемъ въ кругъ вашихъ обыкновенныхъ занятій и стало быть понятномъ для васъ, могли вы видѣть, какого рода возраженія дѣлаете вы противъ нашего разсчета, мы приведемъ точно такія же возраженія противъ какого нибудь разсчета, относящагося къ торговому движенію,—ну, хотя бы противъ оцѣнки капиталовъ и доходовъ русскаго купечества, дѣлаемой вашимъ Тенгоборскимъ, — на дняхъ мы очень кстати получили отъ одного изъ вашихъ сотрудниковъ, г. В. И—скаго, очень замѣчательный разборъ слѣдующаго мѣста изъ книги Тенгоборскаго:

„По приблизительному исчисленію (говоритъ Тенгоборскій) торговый капиталъ купца 1-й гильдіи надобно положить не менѣе какъ въ 100,000 рублей, купца 2-й гильдіи—въ 40,000 рублей, 3-й гильдіи—въ 6,000 рублей; капиталъ по торговому билету четвертаго рода для крестьянина—въ 1,000 рублей.

„Это приблизительное вычисленіе, примѣненное къ торговымъ свидѣтельствамъ, выданнымъ въ 1857 году, даетъ слѣдующій результатъ:

1,000	свидѣтельствъ	1-й гильдіи,	по	100,000 р.	100.000.000
2,461	„	2-й „	„	40,000 „	98.440.000
45,522	„	3-й „	„	6,000 „	273.132,000
4,171	свидѣтельство	четвертаго рода	по	1,000 „	4.171.000
					475.743,000

„Положивъ, что этотъ капиталъ приноситъ десять процентовъ, или 47.574,000 р., мы получимъ, при числѣ 53,254 торговцевъ, доходъ въ 912 рублей на каждаго торговца“. (Тенг. Томъ III пар. изд. 1853 г. стр. 301 и 302).

Скажите, г. И. В—скій, какія мысли возбудятся въ васъ слѣдующими возраженіями противъ этого разсчета, полученными нами отъ одного изъ вашихъ сотрудниковъ:

Digitized by Google

„У нашего автора своя метода воззрѣнія, какъ и разбора. Мы желали бы указать на его умозаключенія, не находящіяся въ печатныхъ логикахъ общечеловѣческаго (а не мальтусіанскаго) ума; но къ несчастію, мы едва имѣемъ время пробѣжать разсчетъ торговыхъ капиталовъ и доходовъ нашего купечества. Г. Тенгоборскій разсчитываетъ эти капиталы и доходы, но разсчитываетъ ихъ произвольно; ибо 1) при одинаковыхъ гильдейскихъ свидѣтельствахъ не всѣ одинаково пользуются своими капиталами, не всѣ одинаково ихъ пускаютъ въ оборотъ, и не всѣ купцы одной гильдіи имѣютъ одинаковое количество капиталовъ, въ особенности при разнообразіи торговыхъ дарованій, промышленныхъ силъ и другихъ торговыхъ отношеній; 2) при гильдейскомъ свидѣтельствѣ возможно быть не самостоятельнымъ торговцемъ, а просто агентомъ или приказчикомъ другаго купца,—и между людьми, имѣющими купеческія свидѣтельства, существуютъ приказчики и люди бѣдные, иногда и совершенно обнищавшіе (это фактъ); 3) и между купцами возможно фермерство своего рода, являющееся въ содержаніи лавокъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній подъ чужою фирмою. 4) Торговый классъ имѣетъ своего господина, именно этотъ господинъ есть городское общество, къ которому приписанъ купецъ,—городъ всегда имѣетъ свои доходы и издержки, которыя должны быть вычтены изъ суммы счета“.

Скажите, какія мысли возбудились бы въ васъ, г. И. В—скій, при чтеніи такихъ возраженій? Неправда ли, вы сказали бы, что человѣкъ, дѣлающій ихъ, не имѣетъ понятія о значеніи среднихъ цифръ и круглыхъ числъ? И какъ вы думаете, опровергался ли бы этими возраженіями хотя на волосъ разсчетъ Тенгоборскаго?—Нѣтъ, ими обнаруживалось бы только, что возражающій хочетъ дѣлать возраженія, но не умѣетъ взяться за это дѣло и вмѣсто ошибокъ противника обнаруживаетъ только, что самъ не хочетъ имѣть понятія о самыхъ основныхъ пріемахъ и законахъ всякаго статистическаго разсчета.

Скажите же теперь, какія мысли въ каждомъ читателѣ, имѣющемъ понятіе о среднихъ цифрахъ и другихъ элементарныхъ правилахъ и пріемахъ статистическаго разсчета, должны пробуждаться слѣдующими вашими возраженіями противъ нашего примѣрнаго разсчета:

„У нашего критика своя метода воззрѣнія, какъ и разбора. Мы бы желали указать на его умозаключенія, не находящіяся въ печатныхъ логикахъ частнаго (а не общиннаго) ума; но къ несчастію, мы едва имѣемъ время пробѣжать параллель хозяйства фермерскаго и хозяйства общиннаго. „Современникъ“ противополагаетъ эти хозяйства одно другому, но противополагаетъ ихъ произвольно; ибо 1) при общинной поземельной собственности не всѣ пользуются одинаково своими землями, не всѣ ихъ одинаково воздѣлываютъ и не всѣмъ дается одинаковое количество земли, въ особенности при разнообразномъ составѣ семействъ, рабочихъ силъ и другихъ хозяйственныхъ отношеній: 2) и въ общинномъ хозяйствѣ возможно и батрачество и нищенство; 3) и въ общинномъ хозяйствѣ возможно фермерство своего рода, являющееся въ кортомѣ общинныхъ угодій; 4) и при общинномъ хозяйствѣ есть землевладѣлецъ, именно — община, міръ, имѣющій свой доходъ и свои издержки, которыя должны быть вычтены изъ второго счета“ (т. е. счета доходовъ общиннаго участка).

Затѣмъ слѣдуетъ претензія на то, что цѣнность продуктовъ общинной земли оцѣнена была у насъ слишкомъ высоко,—эту претензію мы уже разсмотрѣли, а теперь посмотримъ на предшествующія ей возраженія, сейчасъ нами выписанныя.

Мы въ статьѣ о Гакстгаузенѣ сказали, что не считаемъ Тенгоборскаго великимъ авторитетомъ - и были такъ счастливы, что вы, г. И. В—скій, приняли наше мнѣніе; но какъ бы то ни было, мы все-таки должны защи-

Digitized by Google

тить его отъ странныхъ замѣчаній вашего сотрудника, г. В. И скаго, тѣмъ болѣе, что поводъ къ этимъ замѣчаніямъ подалъ нашъ споръ съ вами: г. В. И—скій очевидно примѣнилъ ваши возраженія противъ насъ къ Тенгоборскому. Мы обязаны защитить Тенгоборскаго: безъ насъ, то есть безъ вашей статьи противъ насъ, очевидно не было бы и возраженій г. В. И—скаго. Но какъ они скопированы съ вашихъ возраженій, то мы должны коснуться и этихъ послѣднихъ. По странному капризу случая, дѣло, какъ видите, расположилось такъ, что на насъ, имѣющихъ чрезвычайно мало наклонности восхищаться Тенгоборскимъ, легла нравственная обязанность защищать Тенгоборскаго,—отъ кого же? отъ сотрудниковъ и подражателей г. И. В—скаго, великаго почитателя Тенгоборскаго; мало того, этотъ капризъ случая перепуталъ съ дѣломъ Тенгоборскаго наше общественное дѣло такъ, что мы не иначе можемъ защищать Тенгоборскаго, какъ разсмотрѣвъ такія возраженія г. И. В—скаго противъ нашей статьи, которыхъ мы вовсе не хотѣли разсматривать, потому что желали бы пощадить сколько нибудь нашего бывшаго противника, ныне уже говорящаго намъ комплименты. Да, странно играетъ судьба дѣлами человѣческими! Могли ли мы ожидать, что сдѣлаемся защитниками Тенгоборскаго и этою защитою будемъ огорчать уважащаго насъ и уважаемаго нами г. И. В—скаго?

Но дѣлать нечего. Надобно защищать Тенгоборскаго, при всемъ нежеланіи нашемъ огорчать г. И. В—скаго.

„Купцы неодинаково располагаютъ своими капиталами"—ну, да; и общинники неодинаково воздѣлываютъ свои участки, и частные собственники тоже,—но развѣ это мѣшаетъ выводу средней цифры? Одинъ купецъ получаетъ на свой капиталъ 11 процентовъ, другой 9 процентовъ; а въ среднемъ выводѣ, все-таки, оказывается 10 процентовъ. Тенгоборскій правъ. Ни при одномъ выводѣ средней цифры не предполагается, что частныя цифры, изъ которыхъ она выводится, одинаковы; напротивъ, именно потому она и выводится, что онѣ неодинаковы; иначе, не зачѣмъ было бы и называть ее среднею цифрою, показывающею ту величину, около которой колеблются частные случаи.

„Не всѣ купцы одной гильдіи имѣютъ одинаковый капиталъ" — конечно,—что-жъ изъ того? и въ селѣ съ общиннымъ устройствомъ также не всѣ семьи получаютъ совершенно равные участки. Тутъ опять выводится средняя цифра. Одинъ купецъ второй гильдіи торгуетъ на 50,000, другой на 30,000, а средняя цифра, все-таки, 40,000, Тенгоборскій опять правъ.

„У купцовъ различны дарованія", и т. д. — вы видите, что опять прежняя исторія, опять правъ Тенгоборскій.

„И между купцами второй гильдіи существуютъ люди бѣдные"—что-жъ такое? и между общинниками встрѣчаются люди, которые бываютъ бѣднѣе иного батрака; точно такъ, иной купецъ второй гильдіи бываетъ бѣднѣе иного мѣщанина, а все-таки, купцы второй гильдіи, какъ сословіе, гораздо богаче мѣщанъ, какъ сословія. Противникъ Тенгоборскаго опять возстаетъ противъ средней цифры, а безъ средней цифры невозможна никакая статистическая—не говоримъ уже книга или статья—невозможна даже ни одна фраза. Напримѣръ: „англійскіе работники сильнѣе французскихъ"—конечно,

Digitized by Google

не всѣ до одного, иной французъ сильнѣе иного англичанина. Да и не только статистическая, но и никакая мысль невозможна, если мы будемъ обращать вниманіе не на массу, не на среднюю, нормальную величину, а на исключенія. „Человѣкъ имѣетъ на головѣ волоса“ — а развѣ мало на землѣ лысыхъ людей? „Растенія растутъ вершиною къ небу, а корнемъ внизъ“ — а развѣ не случается иногда своду пещеры покрываться мхомъ? въ этомъ случаѣ корень растенія—вверхъ къ небу, а вершина его—къ землѣ, книзу. Да, все-таки, Тенгоборскій правъ.

„Многіе купцы не имѣютъ самостоятельныхъ капиталовъ, а служатъ приказчиками у другихъ — что-жъ изъ того? и между общинниками иные служатъ наемщиками у другихъ домохозяевъ, не имѣя своего хозяйства.— а все-таки, приказчикъ купецъ остается купцомъ, и пока имѣетъ гильдейское свидѣтельство, можетъ начать свою самостоятельную торговлю, лишь только найдетъ возможность къ тому,—это все равно, что членъ общины. хотя и поступилъ въ батраки, все же сохраняетъ свой участокъ, отдаетъ его въ наемъ, значитъ, кромѣ жалованья, имѣетъ нѣкоторый независимый доходъ, значитъ и менѣе порабощенъ хозяину, да и пользуется большимъ благосостояніемъ, нежели работникъ, неимѣющій своего участка; притомъ же, онъ легче, какъ только позволятъ ему обстоятельства, можетъ самъ сдѣлаться хозяиномъ—у него есть уже участокъ для хозяйства; а батракъ, неимѣющій своего участка, долженъ еще купить или нанять участокъ — очевидно, для послѣдняго труднѣе перейти отъ батрачества къ самостоятельности.

„Въ купечествѣ возможно свое фермерство“—ну да, точно также, какъ между членами общины, но это исключенія изъ правила. Вообще говоря, все-таки, каждый купецъ торгуетъ подъ своею фирмою, точно также, какъ общинникъ воздѣлываетъ свой участокъ. А если общинникъ достигъ такого благосостоянія, что можетъ снимать на кортому государственныя земли, или купецъ до того, что, кромѣ своихъ торговыхъ дѣлъ, можетъ основывать фабрики и заводы. тѣмъ лучше; дай Богъ всякому, чтобы онъ богатѣлъ и расширялъ кругъ своихъ оборотовъ. Но богатѣть— все-таки участь немногихъ счастливцевъ. Благосостояніе массы возвышается медленно. и, вообще говоря, купецъ занимается торговлею подъ своею фирмою, а общинникъ—воздѣлываніемъ своего участка.

„Торговый классъ имѣетъ своего господина; это городское общество. имѣющее свои доходы“—ну, это не совсѣмъ такъ; вѣдь и общинники платятъ также часть дохода для покрытія мірскихъ издержекъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они имѣли своего землевладѣльца; разница тутъ. видите ли. въ чемъ: мірскія издержки покрываются двумя или тремя процентами дохода, а англійскій лордъ беретъ себѣ 40 проц.; кромѣ того. отъ самыхъ общинниковъ зависитъ сократить мірскія издержки, а уменьшеніе арендной платы не зависитъ отъ воли фермера и его работниковъ: милордъ беретъ за свою землю какъ можно больше. и никакая сила въ мірѣ не заставитъ его уступить, хотя копѣйку. Наконецъ, и частный собственникъ. милордъ, несетъ мірскія издержки—общинникъ платитъ на содержаніе волостнаго, и т. д. управленія. а милордъ платитъ на расходы по управленію своего графства: стало быть, если изъ счета общинныхъ доходовъ

Digitized by Google

вычесть мірскія издержки, то изъ доходовъ фермерскаго участка надобно тоже ихъ скинуть; но такъ какъ процентъ здѣсь и тамъ надобно принять одинаковый, то и въ пропорціи между этими доходами разницы не произойдетъ, напримѣръ, 100,000 за вычетомъ 5 процентовъ = 95,000; 60,000 за вычетомъ 5 процентовъ=57,000; сравнивайте первое и третье, или второе и четвертое числа, выводъ будетъ одинъ и тотъ же. Потому-то и не производили мы этого вычета, онъ только растянулъ бы счетъ, не имѣя никакого вліянія на выводъ. Точно такъ и изъ купеческаго дохода Тенгоборскій не вычиталъ городскихъ расходовъ—не одни купцы, а всѣ сословія платятъ налоги и акцизы, стало быть, дѣлать эти вычеты—совершенно лишнее дѣло, когда говорится о сравнительномъ благосостояніи сословій. Тенгоборскій опять таки правъ.

Какъ ни прискорбно намъ сказать что нибудь непріятное г. В. И—скому, который почтилъ насъ своею довѣренностью, приславъ намъ свои замѣчанія на разсчетъ купеческихъ капиталовъ у Тенгоборскаго, но мы должны сказать ему, что эти замѣчанія обнаруживаютъ крайнее пренебреженіе ихъ составителя къ самымъ простымъ и основнымъ статистическимъ понятіямъ и пріемамъ, пренебреженіе, которое можно объяснить только незнаніемъ. Мы совѣтуемъ г. В. И—скому, приславшему намъ замѣчанія на Тенгоборскаго, поучиться у г. И. В—скаго, который, конечно, шутилъ, когда писалъ приведенныя выше замѣчанія противъ насъ, —замѣчанія, отвергающія употребленіе среднихъ чиселъ; г. В. И—скій ошибся, принявъ эту шутку г. И. В—скаго за серьезное разсужденіе. Но какъ шутка, замѣчанія г. И. В—скаго очень милы, и мы просимъ его почаще дѣлать такія шутки въ спорахъ съ нами: тогда съ репутаціею ученаго соединитъ онъ и славу остроумца; притомъ же, вызывать его на споры будетъ очень пріятно: вмѣсто того, чтобы спорить, надобно будетъ смѣяться.

Благодаримъ его за веселыя минуты, которыя онъ доставилъ намъ своими прекрасными шутками.

Выписывая прекрасную шутку г. И. В—скаго, мы въ началѣ выпустили изъ нея двѣ строки, не менѣе шутливыя. Вотъ онѣ: „У критика своя метода воззрѣнія, какъ и разбора. Одинъ изъ нашихъ подписчиковъ указалъ уже на его періоды, не искомые въ историческихъ руководствахъ; мы бы желали указать и на умозаключенія“ и т. д.—Въ „Письмѣ къ редактору“ (въ № 21 „Эконом. Указ.“) г. К. А. дѣйствительно уже возставалъ противъ „изобрѣтеннаго Современникомъ“ дѣленія народной жизни на три періода: періодъ, гдѣ общинное пользованіе землею удобнѣе, періодъ, гдѣ оно имѣетъ свои неудобства, періодъ, гдѣ оно вновь становится необходимостью. Возраженіе противъ этого дѣленія, какъ видимъ, состоитъ въ томъ, что г. К. А. и г. И. В—скій не нашли такого дѣленія въ курсахъ политической экономіи имъ извѣстныхъ, и потому находятъ его непонятнымъ, неосновательнымъ и неопредѣленнымъ. Объ этихъ періодахъ мы будемъ говорить ниже, и тогда увидимъ, что два первые есть въ каждомъ курсѣ политической экономіи, *въ каждомъ курсѣ безъ исключенія*; а третій періодъ указывается *рѣшительно каждымъ трактатомъ* объ агрономіи, и каждымъ изъ тѣхъ новыхъ политико-экономическихъ

Digitized by Google

сочиненій, которыхъ такъ не любитъ г. И. В—скій; это мы увидимъ послѣ: а теперь объяснимъ г. И. В—скому, по какому случаю не нашелъ онъ въ „печатныхъ руководствахъ“ этихъ періодовъ. Онъ, какъ видно, искалъ по оглавленіямъ, да на первыхъ страницахъ, гдѣ показывается общее раздѣленіе науки, думая, что вся наука можетъ дѣлиться на періоды по различнымъ историческимъ положеніямъ одного частнаго вопроса. Нѣтъ, такъ не бываетъ: какъ ни важенъ вопросъ о поземельной собственности, онъ все-таки частный вопросъ и не можетъ служить основаніемъ для дѣленія всей науки; это мы пояснимъ г. И. В—скому примѣрами. Хлопчатобумажное производство имѣетъ два періода: до изобрѣтенія бумаго-прядильныхъ машинъ, и со времени ихъ изобрѣтенія. Раздѣломъ между этими періодами служатъ 1770-тые годы. Исторія благородныхъ металловъ имѣетъ три періода: 1) до открытія Америки; 2) до открытія калифорнійскихъ и австралійскихъ розсыпей; 3) періодъ, начинающійся въ наше время открытіемъ этихъ розсыпей. Нѣтъ ни одного „печатнаго руководства“, въ которомъ не были бы означены эти періоды; но какъ найти страницу руководства, на которой находится это дѣленіе? Человѣкъ незнающій вообразитъ, пожалуй, что это должно быть въ предисловіи, гдѣ показывается общее дѣленіе науки —а тамъ этого нѣтъ. Забавно здѣсь то, что неудача поисковъ произошла единственно отъ неумѣнья искать въ надлежащемъ мѣстѣ. Умѣйте найти тѣ страницы, на которыхъ говорится о частномъ вопросѣ, для васъ нужномъ, и тамъ вы найдете дѣленіе его исторіи на періоды. Бѣда имѣть дѣло съ людьми, которые не знаютъ даже, какъ найти въ книгѣ ту главу, на которую ссылаешься, говоря съ ними. Мы покорнѣйше просимъ г. И. В—скаго указать намъ хотя одинъ какой-либо трактатъ о политической экономіи, въ которомъ въ главѣ, говорящей о поземельной собственности, не были бы изложены слѣдующія мысли: „Прежде, нежели сдѣлался земледѣльческимъ и осѣдлымъ, каждый народъ былъ кочевымъ племенемъ охотниковъ и пастуховъ. Тогда была невозможна, и была бы разорительна для этого племени, частная поземельная собственность, потому что она отняла бы возможность къ прокормленію стадъ. Потомъ, когда народъ занялся хлѣбопашествомъ, и когда черезъ нѣсколько времени истощенныя предъидущими посѣвами земли стали нуждаться въ удобреніи, частная поземельная собственность стала представлять выгоды передъ общиннымъ владѣніемъ, потому что право навсегда сохранять пользованіе улучшеніями, произведенными на удобряемомъ участкѣ, конечно, ободряетъ земледѣльца къ произведенію улучшеній“.

Мы просимъ г. И. В—скаго указать намъ какой ему угодно трактатъ о политической экономіи, и мы непремѣнно найдемъ тамъ для его удовольствія эти мысли; такимъ образомъ онъ убѣдится, что если бы онъ умѣлъ искать, то рѣшительно въ каждомъ трактатѣ нашелъ бы два первые изъ тѣхъ трехъ періодовъ, которыхъ „не могъ отъискать ни въ одномъ печатномъ руководствѣ“ единственно по той же причинѣ, по которой иной человѣкъ не можетъ на картѣ Россіи отъискать рѣку Волгу.

Первые два періода въ параллельной исторіи общиннаго владѣнія и поземельной собственности признавались, какъ мы сказали, рѣшительно всѣми безъ исключенія политико-экономическими писателями съ 1776 года, когда

Digitized by Google

вышло знаменитое сочиненіе Адама Смита „О богатствѣ народовъ“, до 25 мая (ст. стиля) 1857 года, когда въ № 21 „Экономическаго Указателя“ г. К. А. объявилъ, что не принимаетъ этихъ періодовъ. До 1 іюня того же года, онъ оставался единственнымъ человѣкомъ на земномъ шарѣ, отвергающимъ эти періоды, а 1 іюня, въ № 22 „Экономическаго Указателя“, присоединился къ мнѣнію, столь счастливо изобрѣтенному г-мъ К. А., г-нъ И. В—скій. Другихъ прозелитовъ новое ученіе еще не пріобрѣло; но тѣмъ похвальнѣе, тѣмъ благороднѣе и умилительнѣе высокое мужество, съ которымъ гг. К. А. и И. В—скій противятся общему заблужденію всѣхъ своихъ товарищей по наукѣ, въ томъ числѣ даже столь знаменитыхъ по ихъ мнѣнію ученыхъ, какъ Луи Ребо и Жозефъ Гарнье съ братіею.

Относительно существованія двухъ первыхъ періодовъ, всѣ писатели до 25 мая 1857 года были согласны. Не то относительно третьяго періода. Тутъ есть цѣлая школа, именно та школа, къ которой принадлежали бы г. К. А. и г. И. В—скій, если бы умѣли въ политико-экономическихъ трактатахъ пріискивать страницы объ исторіи земледѣлія,—есть цѣлая обширная школа, думающая, что не настали еще ни въ одной изъ европейскихъ странъ и никогда не могутъ настать такія обстоятельства, при которыхъ общинное владѣніе стало бы для успѣховъ земледѣлія выгоднѣе, нежели частная собственность. Другіе политико-экономы, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе ученые, гораздо болѣе даровитые и несравненно болѣе добросовѣстные, думаютъ напротивъ, что такія обстоятельства настали для западныхъ государствъ, и начался третій періодъ, въ которомъ не только для благосостоянія большинства земледѣльцевъ, но и для успѣховъ самого земледѣлія, общинное владѣніе было бы выгоднѣе частной поземельной собственности. Каждый можетъ изъ этихъ двухъ мнѣній держаться того, которое считаетъ справедливымъ; и если бы г. И. В—скій отвергалъ, подобно многимъ французскимъ экономистамъ, только третій періодъ, мы видѣли бы только, что онъ не согласенъ съ нами, но не принуждены были бы думать, что это несогласіе происходитъ отъ совершеннаго незнакомства съ предметомъ, какъ принуждены думать теперь, когда онъ отвергаетъ и два первые періода, между тѣмъ какъ для него было бы выгоднѣе отвергать только третій, защищая второй, который признается благопріятнымъ для частной собственности,—это показываетъ, что въ своихъ возраженіяхъ намъ онъ не руководится даже пониманіемъ собственныхъ выгодъ. При томъ же, еслибъ онъ хотя сколько нибудь зналъ положеніе дѣла, онъ не рѣшился бы отвергать историческихъ фактовъ, столь же несомнѣнныхъ, какъ существованіе кочевыхъ татаръ при Чингисъ-ханѣ и существованіе въ настоящее время осѣдлыхъ казанскихъ татаръ, ихъ потомковъ. Чему уподобить то положеніе, которое онъ принимаетъ въ спорѣ съ нами? Переносимся въ область фантазіи и придумываемъ слѣдующій анекдотъ:

Г-нъ А. выразилъ мнѣніе, что древніе греки были народъ земледѣльческій, въ доказательство сослался на спартанцевъ и аѳинянъ, и попросилъ г-на Б. сказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ; г-нъ Б. съ благороднымъ негодованіемъ возразилъ, что ни спартанцевъ, ни афинянъ и никакихъ древнихъ грековъ никогда не бывало на свѣтѣ и что все это нелѣпыя вы-

Digitized by Google

думки г.-на А. Что теперь подумать о г-нѣ Б.? Можно ли сказать о нем хотя то, что онъ въ своемъ отвѣтѣ руководился желаніемъ опровергну г-на А. и ради этого желанія вздумалъ отвергать несомнѣнные факты? Нѣт очевидно, что положеніе дѣла совершенно не таково: если бы г-нъ Б. желал только опровергнуть г-на А., ему было бы не для чего отвергать существ ваніе аѳинянъ; напротивъ, аѳинянами могъ бы онъ воспользоваться для во раженій своему противнику: аѳиняне были народъ, по преимуществу, торг вый, а не земледѣльческій. Для г-на Б. было бы достаточно отвергат спартанцевъ; собственная выгода Б. требовала отъ него не отвергать сущ ствованія аѳинянъ. Очевидно, въ своемъ отрицаніи онъ руководился не к кимъ нибудь мелочнымъ желаніемъ говорить наперекоръ противнику. оч видно, его отвѣтъ внушенъ ему искреннимъ убѣжденіемъ, что въ самом дѣлѣ ни спартанцевъ, ни аѳинянъ и никакихъ древнихъ грековъ на свѣт не существовало. Мы можемъ сомнѣваться въ справедливости этого отвѣт но должны „преклониться“ (по выраженію г. И. В—скаго) передъ искрен ностью чувства, внушившаго г. Б. его замѣчательный отвѣтъ.

Ключъ къ пониманію возможности такого отвѣта только одинъ: г-ну Б до встрѣчи его съ г-мъ А., не случалось слышать о существованіи др внихъ грековъ; а между тѣмъ этотъ г-нъ Б. привыкъ думать о себѣ та какъ думаетъ, въ одной изъ комедій Фонъ-Физина, одна мать о своем сынѣ: „чего Митрофанушка не знаетъ, то все пустяки“.—„Чего я, г-нъ Б не знаю, то все вздоръ и выдумки“.

Итакъ, мы можемъ оставить безъ всякой защиты два первые изъ при нимаемыхъ нами періодовъ: защиту ихъ можетъ найти г. И. В—скій в параграфахъ о земледѣліи или земельной собственности въ любомъ изъ тѣх „печатныхъ руководствъ“, въ которыхъ до сихъ поръ напрасно искалъ эт защиты: поиски его были неудачны единственно отъ незнанія, въ каких параграфахъ искать нужныхъ ему мѣстъ. Если же и послѣ сдѣланнаго нам указанія онъ не съумѣетъ найти этихъ мѣстъ, мы готовы помочь ему: пус только назоветъ онъ трактатъ, въ которомъ желалъ бы видѣть подтвержд ніе несомнѣннаго факта, что за періодомъ пастушества, когда частная по земельная собственность была не нужна и невозможна, насталъ періодъ зем ледѣльческаго быта и что, когда съ истощеніемъ почвы понадобилось удо рять ниву, частная поземельная собственность явилась учрежденіемъ, выго нымъ для успѣховъ земледѣлія. Но нами овладѣваетъ новое сомнѣніе: н что, если г. И. В—скій не только не зналъ, на какихъ страницахъ кни ему искать, но и не зналъ, въ какихъ книгахъ ему искать? что, если он затруднится указать намъ какой бы то ни было трактатъ о политическо экономіи, по незнакомству съ литературою этой науки? Мы готовы преду предить это затрудненіе. Общіе трактаты о политической экономіи писал между прочимъ: Адамъ Смитъ, Жанъ Батистъ Сэ, Рикардо, и многіе дру гіе, о которыхъ смотри въ объявленіяхъ отъ книжнаго магазина Гильйомен того самаго Гильйомена, у котораго принимается въ Парижѣ подписка н „Экономическій Указатель“. У каждаго изъ этихъ писателей мы можем для удовольствія г. И. В—скаго, найти нужныя ему мѣста о двухъ пер выхъ періодахъ исторіи общиннаго владѣнія и поземельной собственности.

Digitized by Google

Остается сказать о третьемъ періодѣ, который въ самомъ дѣлѣ отвергается довольно многими отсталыми писателями, хотя и изъ самыхъ отсталыхъ писателей нѣкоторые уже принимаютъ его, какъ видѣлъ г. И. В—скій изъ той выписки о совѣтѣ Росси французскимъ земледѣльцамъ, которую привели мы выше. Дѣйствительно, не смотря на многіе примѣры подобныхъ случаевъ что писатели школы Сэ принимали третій періодъ, защитниками его считаются преимущественно экономисты новой школы, и мы должны изложить нѣкоторыя изъ соображеній, по которымъ ихъ мнѣніе кажется намъ справедливо.

Для большей опредѣлительности, мы будемъ говорить о положеніи французскаго земледѣлія.

Въ 1835 году считалось во Франціи болѣе 11 милліоновъ участковъ земли въ частной собственности; изъ этихъ участковъ многіе принадлежатъ одному и тому же владѣльцу, но такъ какъ лежатъ они въ различныхъ мѣстахъ, то обработка каждаго должна производиться отдѣльно. Число собственниковъ, имѣющихъ землю, простиралось во Франціи до 4.100.000 человѣкъ, такъ что почти на каждаго собственника приходилось по три разбросанныхъ участка. Такимъ образомъ, если въ общинномъ владѣніи представляется та невыгода, что во многихъ мѣстахъ наши поселяне дробятъ землю на нѣсколько частей по качеству почвы и потомъ дѣлятъ каждую изъ этихъ частей особо, такъ что у каждаго домохозяина, вмѣсто одного большаго участка, бываетъ нѣсколько мелкихъ (что, конечно, невыгодно при извѣстныхъ условіяхъ для успѣховъ земледѣлія), то примѣръ Франціи намъ указываетъ, что частная собственность страдаетъ тѣмъ же самымъ неудобствомъ. И не думайте г. И. В—скій, что неудобство это существуетъ во Франціи только въ той степени, какъ выходитъ изъ первой приведенной нами цифры: 11 милліоновъ участковъ во Франціи считается только по спискамъ сборщиковъ податей, а на самомъ дѣлѣ почти каждый записанный у нихъ участокъ (côte) состоитъ въ свою очередь изъ нѣсколькихъ клочковъ (parcelle). Такихъ клочковъ во Франціи считается болѣе 120 милліоновъ, такъ что круглымъ числомъ каждый изъ нихъ имѣетъ величину менѣе нежели въ 1000 квадратныхъ саженъ, немногимъ болѣе, нежели одну третью часть нашей десятины. На каждаго собственника приходится по тридцати такихъ клочковъ. Вѣроятно, самъ г. И. В—скій не скажетъ, чтобы у насъ, при всемъ возможномъ дробленіи полей по качеству земли, приходилось поселянину получать по тридцати разбросанныхъ клочковъ земли.

Таковы-то оказываются на дѣлѣ и почти всѣ другія преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ. Очень легко придумать теорію, что, дескать, каждый частный собственникъ можетъ имѣть всю свою землю въ одномъ участкѣ, а взглянешь на дѣйствительность,— оказывается, что при самомъ безтолковомъ дѣлежѣ общинная земля не можетъ раздробиться на столько клочковъ, на сколько дробится при частной собственности.

Но величина участковъ и клочковъ неравномѣрна; быть можетъ, всѣ эти десятки милліоновъ клочковъ слагаются изъ ничтожнѣйшихъ, аршинныхъ частичекъ, занимающихъ немного мѣста, не смотря на свою многочислен-

Digitized by Google

ность, а масса поземельныхъ собственниковъ все-таки владѣетъ довольно округленными участками, довольно значительными для того, чтобы можно было воздѣлывать ихъ плугомъ? И того нѣтъ. Не будемъ уже говорить о клочкахъ (parcelle)—никакая статистика не въ силахъ была обнять и классифицировать этой страшной цифры сто двадцать милліоновъ; французская статистика могла обнять и распредѣлить по величинѣ только участки (côte). Посмотримъ на цифры, представляемыя этими распредѣленіями. Основою классификаціи избрана сумма поземельнаго налога, лежащаго на каждомъ участкѣ. Но такъ какъ извѣстна средняя величина налога, лежащаго на гектарѣ (немного менѣе десятины) земли, то и легко изъ величины налога вывесть среднюю величину участковъ. Гектаръ земли уплачиваетъ во Франціи среднимъ числомъ 5 франковъ. Основываясь на этомъ, мы будемъ выводить среднюю величину участковъ.

Изъ одиннадцати слишкомъ милліоновъ участковъ, только 100,000 участковъ платятъ налогъ въ 300 франковъ или болѣе, то-есть имѣютъ величину въ 60 гектаровъ (около 50 десятинъ), — считая по 11 участковъ на 4 собственника, мы получимъ, что только 36,000 домохозяевъ во Франціи могутъ пользоваться тѣми усовершенствованіями земледѣлія, которыя требуютъ значительнаго размѣра обработываемыхъ полей,—напримѣръ, усовершенствованными плугами и т. п.; само собою разумѣется, что если въ хозяйствѣ менѣе 50 десятинъ, то-есть менѣе 16 десятинъ посѣва (во Франціи пахотныя земли составляютъ нѣсколько менѣе половины всей поверхности земли, и господствуетъ трехпольная система хозяйства, потому изъ 24 десятинъ пахотной земли, 8 десятинъ лежатъ подъ паромъ) — если въ хозяйствѣ менѣе 17 десятинъ посѣва, то у хозяина нѣтъ средствъ, не можетъ быть выгоды въ заведеніи усовершенствованныхъ орудій, которыя дѣйствуютъ выгодно только въ широкихъ размѣрахъ.

Изъ 11 милліоновъ участковъ, $8^1/_2$ милліоновъ платятъ менѣе 20 фр. налога, то-есть имѣютъ менѣе 4 гектаровъ (гораздо менѣе 4 десятинъ земли)— то-есть менѣе двухъ десятинъ запашки во всѣхъ трехъ поляхъ вмѣстѣ. Выгодно ли содержать даже лошадь или пару воловъ для земледѣльческихъ работъ при такомъ размѣрѣ хозяйства? Считая по 11 участковъ на 4 собственниковъ, мы находимъ, поэтому, что изъ 4.100,000 земледѣльцевъ Франціи, болѣе нежели три милліона не имѣютъ выгоды содержать даже лошадь или пару для своего земледѣльческаго хозяйства. Эта выгода принадлежитъ только одному милліону семей изъ шести милліоновъ семействъ французскихъ землевладѣльцевъ.

Изъ этихъ $8^1/_2$ милліоновъ участковъ, $5^1/_4$ милліоновъ платятъ менѣе 5 франковъ налога, то-есть имѣютъ менѣе одного гектара — гораздо менѣе одной десятины. Возможно ли содержать крупный скотъ, возможно ли имѣть хотя соху при такомъ размѣрѣ хозяйства? Итакъ (по 11 уч. на 4 собств.) изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ Франціи, почти половина, болѣе 2.000,000, лишена возможности содержать крупный скотъ и обработывать землю, хотя бы сохою. Хорошо это для успѣховъ земледѣлія?

При этомъ разсчетѣ мы предполагали еще, что каждый финансовый участокъ (côte) составляетъ въ самомъ дѣлѣ одинъ участокъ земли,—а на

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ онъ разбитъ на клочки, среднимъ числомъ на 11 клочковъ (parcelles). Но, повторяемъ, не будемъ заниматься этими клочками, съ которыми уже не можетъ совладѣть статистика. Принимая даже цѣльность участковъ (côte), что мы получаемъ? Изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ только 36,000, или изъ 110 человѣкъ одинъ, могутъ выгодно заниматься земледѣліемъ, имѣя столько земли въ своемъ хозяйствѣ, сколько нужно для хорошаго плуга или доброй пары рабочихъ лошадей *).

За то болѣе нежели три четверти изъ общаго числа поземельныхъ собственниковъ не могутъ держать и одной лошади для земледѣльческихъ работъ, и половина собственниковъ не могутъ ни держать крупнаго скота, ни вообще заниматься хлѣбопашествомъ на своей землѣ.

Хороша ли картина?

Въ довершеніе ея пріятности остается сообразить, что даже при той страшной степени раздробленности, до какой дошло распаденіе поземельной собственности во Франціи, оно все еще не достигло той степени, чтобы дать каждому земледѣльческому семейству кусокъ земли. Напротивъ, изъ 26.000,000 человѣкъ земледѣльческаго населенія, только 16.000,000 имѣютъ или принадлежатъ къ семьямъ, имѣющимъ поземельную собственность. 10,000,000 человѣкъ земледѣльческаго населенія не имѣютъ никакого участія въ поземельной собственности. Если бы мы захотѣли узнать, до какой степени должна раздробиться земля, чтобы эти пролетаріи земледѣлія могли получить участіе въ землѣ своей родины, землѣ, воздѣлываемой трудами, орошенной потомъ ихъ, мы нашли бы, что это возможно было бы только тогда, когда число участковъ достигло бы 30,000,000, а число клочковъ (parcelles) 330,000,000, — то есть, когда частная собственность во Франціи раздробилась бы на участки, средняя величина которыхъ была бы только $1^1/_2$ гектара (менѣе $1^1/_2$ десятины), и на клочки величиною менѣе, нежели въ одну седьмую часть гектара или около 300 квадратныхъ саженъ. При такой степени раздробленія конечно оказалось бы еще менѣе участковъ, способныхъ вознаградить своею разработкою содержаніе лошади.

Это исчисленіе не лишено интереса для людей, желающихъ, чтобы по возможности уменьшалось во всѣхъ странахъ число пролетаріевъ; а для г. И. В—скаго, не думающаго, чтобы вообще положеніе собственника или домохозяина было выгоднѣе, нежели положеніе наемнаго работника, оно не представляетъ интереса.

Но при всемъ желаніи нашемъ пользоваться его прекрасными указаніями, мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ: оно опровергается всѣми французскими и германскими экономистами, да изъ англійскихъ всѣми тѣми, которые не держатся человѣкоубійственной системы Мальтуса. Кромѣ этихъ немногихъ людей, достойныхъ ненависти, если они въ глубинѣ души

---

*) Собственно говоря, для пары лошадей во Франціи нуженъ участокъ не менѣе какъ въ 60 десятинъ: рабочая пора тамъ продолжительнѣе, нежели у насъ. Потому мы берем слишкомъ низкую оцѣнку величины участка для конной обработки, когда считаемъ его величину въ 50 десятинъ: число собственниковъ во Франціи, имѣющихъ выгоду отъ заведенія хорошихъ лошадей, хорошихъ плуговъ, въ дѣйствительности еще менѣе значительно, нежели число, нами принимаемое.

Digitized by Google

удовлетворяются своими теоріями о необходимости порока и нищеты въ массѣ для счастія избранниковъ судьбы, „нашедшихъ себѣ мѣсто на пиру жизни“,— достойныхъ сожалѣнія, если они, мучась своими человѣкоубійственными мыслями, держатся ихъ потому, что, заблуждаясь, воображаютъ, будто не опровергнута давнымъ давно система Мальтуса,—итакъ, говоримъ мы, кромѣ нѣкоторыхъ англійскихъ мальтусіанцевъ, людей осталыхъ отъ движенія науки, всѣ другіе политико-экономы (даже фаланга послѣдователей Сэ, мнѣнія которой раздѣляются г. И. В—скимъ) думаютъ, что чѣмъ болѣе собственниковъ находится въ государствѣ, тѣмъ болѣе благоденствуетъ и государство и большинство населенія; что положеніе собственника гораздо выгоднѣе, нежели положеніе пролетарія; что потому система французскихъ законовъ собственности и наслѣдства, допускающая къ полученію недвижимой собственности наибольшее число людей, есть величайшее благо изъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыми обязана Франція своей новой исторіи; наконецъ, что положеніе массы земледѣльцевъ во Франціи лучше, нежели въ Англіи.

Потому мы оказываемъ большую снисходительность къ г. И. В—скому, когда для примѣра и доказательства своихъ мнѣній выбираемъ Францію, а не Англію, изъ двухъ западныхъ государствъ, о которыхъ мы говорили въ нашей первой статьѣ, что для нихъ насталъ уже третій періодъ поземельной собственности, что уже живо чувствуется въ нихъ потребность общинной обработки земли. Если г. И. В—скій, съ обычнымъ своимъ искусствомъ выражать недовольство нашими примѣрами и разсчетами, чтобы получить взамѣнъ прежнихъ снисходительныхъ, новые, гораздо лучше свидѣтельствующіе въ пользу нашего мнѣнія (мы уже замѣтили, что онъ собственно только для шутки говоритъ, будто хочетъ опровергать наше мнѣніе, а въ самомъ дѣлѣ заботится о его подтвержденіи, —иначе его возраженія не были бы придуманы такъ, что каждое изъ нихъ оказывается источникомъ новыхъ и сильнѣйшихъ доказательствъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія), если г. И. В - скій требуетъ, чтобы мы вмѣсто Франціи заговорили объ Англіи, положеніе землевладѣльцевъ въ которой гораздо сильнѣе свидѣтельствуетъ въ нашу пользу, то мы для его удовольствія поговоримъ и объ Англіи. Но обиліе и сила доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія таковы, что совершенно достаточную опору представляютъ уже и наименѣе рѣзкія изъ нихъ, и мы хотимъ ограничиваться этими наименѣе рѣзкими, приберегая еще болѣе сильныя на тотъ случай, если бы пришлось намъ вести борьбу съ противникомъ болѣе свѣдущимъ и логичнымъ, нежели г. И. В—скій.

Итакъ, мы ограничиваемся Франціею, и представленнымъ выше цифрамъ о величинѣ участковъ, на которые раздробилась частная собственность въ рукахъ огромнѣйшаго большинства землевладѣльцевъ, противопоставляемъ напоминаніе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ уже нынѣ техника для производства земледѣльческихъ работъ и удобренія земли.

Хлѣбопашественный процессъ распадается на пять слѣдующихъ главныхъ частей (не начнетъ ли и противъ этого кричать г. И. В—скій — вѣдь и этихъ фактовъ нѣтъ въ оглавленіяхъ и предисловіяхъ политико-экономическихъ трактатовъ, — они могутъ быть отъисканы только въ самыхъ книгахъ, а не на заглавныхъ листкахъ)—

Digitized by Google

1. Орошеніе и осушеніе земли.
2. Удобреніе земли.
3. Пашня и посѣвъ.
4. Жатва и уборка.
5. Молотьба.

Посмотримъ теперь, какой размѣръ полей требуется для того, чтобы земледѣлецъ могъ воспользоваться средствами, какія предлагаетъ ему современная техника для усовершенствованнаго производства. Мы будемъ говорить только о размѣрѣ полей, а не о капиталахъ — дѣло извѣстное, что безъ капиталовъ невозможно улучшеніе, и что мелкій землевладѣлецъ не можетъ имѣть порядочнаго капитала; но и съ капиталами невозможно улучшенное производство при маломъ размѣрѣ хозяйства, какъ видимъ изъ слѣдующаго:

1) Работы по орошенію и осушенію почвы могутъ производиться только въ большихъ размѣрахъ, на сотняхъ, или, ужъ тѣсно, тѣсно на десяткахъ, а не на единицахъ и дробяхъ десятины.

2) Удобреніе земли требуетъ усиленнаго скотоводства, которое невозможно безъ искусственнаго луговодства,—а это въ свою очередь необходимо требуетъ работъ для орошенія почвы.

3) Жатва и уборка хлѣба.—Экономично производится она нынѣ уже не руками человѣка, а жатвенными машинами, — въ ихъ существованіи и выгодности не сомнѣвается даже г. И. В—скій. А жатвенная машина требуетъ для своего дѣйствія сотни десятинъ, иначе не стоитъ заводить ее: на какихъ нибудь двадцати десятинахъ, разумѣется, не окупятся издержки покупки и содержанія.

4) Молотильныхъ машинъ тоже не отвергаетъ г. И. В—скій; онѣ также требуютъ сотни возовъ хлѣба, то есть многіе десятки десятинъ для своего дѣйствія.

5) Наконецъ важнѣйшая и труднѣйшая операція всего процесса — паханіе земли, нынѣ самымъ экономическимъ образомъ производится уже не сохою, которой нужны единицы, даже не плугомъ съ лошадьми или волами, которому нужны однако же уже не единицы,—нѣтъ, техника пароваго плуга усовершенствована уже до того, что онъ и въ настоящемъ своемъ видѣ есть не только самое благотворное для послѣдующаго сбора (по глубинѣ пропашки), но и самое экономическое (для Западной Европы) средство пахотной работы. Этого нововведенія, которое уже одно само по себѣ должно столь же радикально измѣнить характеръ хлѣбопашественнаго хозяйства, какъ желѣзныя дороги измѣняютъ характеръ сухопутнаго движенія,—и не подозрѣваетъ г. И. В—скій. Мы предвидимъ, что онъ уже готовъ закричать на насъ: „паровой плугъ - это мечта, это вздоръ, это фантазія необузданнаго вашего воображенія!“—Поэтому мы для отвращенія отъ себя его гнѣва предлагаемъ слѣдующія выписки изъ „Земледѣльческой Газеты“ нынѣшняго года:

„Не смотря на то, что переносныя паровыя машины (для паханія земли) находятся, можно сказать, еще въ дѣтствѣ, онѣ нашли уже множество примѣненій въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи. Къ числу важнѣйшихъ изъ такихъ примѣненій принадлежатъ переносная, перевозимая въ родѣ локомотивовъ машина Виллиса (Willis), Бойделя

Digitized by Google

(Boydell), паровой плугъ Эсхера (Usher), разныя орудія для обработки земли и наконецъ паровыя молотильныя и другія машины. Переходъ отъ употребленія животной рабочей силы къ машинамъ, равно какъ и постепенныя усовершенствованія и успѣхи, начиная отъ употребленія въ работу лошадей до примѣненія паровъ, составляютъ не только важный, но и весьма любопытный предметъ. Способы, предлагаемые механиками для примѣненія силы паровъ къ обработкѣ земли, весьма разнообразны. Одни пробовали приводить машиною въ вращательное движеніе рядъ ножей, имѣющихъ форму плужныхъ лемеховъ и насаженныхъ на барабанъ; другіе пытались двигать ею опредѣленное число лопатъ или другихъ подобныхъ орудій сперва въ вертикальномъ направленіи, при чемъ послѣднія проникаютъ на извѣстную глубину въ почву, и вслѣдъ за тѣмъ придавать имъ боковое движеніе, которымъ земля откидывалась бы въ сторону или назадъ; наконецъ приспособили переносную машину къ передвиженію съ одного мѣста на другое, на подобіе локомотивовъ, словомъ, сдѣлали ее локомобильною и прицѣпили къ ней извѣстное число плуговъ и боронъ. Паровой плугъ Фоулера (Fouler), благодаря неутомимымъ стараніямъ изобрѣтателя, постоянно трудящагося надъ усовершенствованіемъ отдѣльныхъ частей машины, пріобрѣтаетъ, мало-по-малу, мѣсто въ сельско-хозяйственной практикѣ. При произведенномъ недавно опытѣ, вспахано машиною въ 8—9 лошадиныхъ силъ въ продолженіе короткаго зимняго дня $1^1/_4$ дес. Длина проволочнаго каната была $^1/_2$ англ. мили; машины приводили въ дѣйствіе одновременно 3 плуга, управленіемъ которыхъ были заняты пять человѣкъ; кромѣ того необходимъ еще одинъ работникъ съ лошадью для постояннаго подвоза воды. Паханіе пространства въ $^1/_4$ десятины на глубину $5^1/_2$ дюймовъ обходится при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и очень тяжелой почвѣ въ 2 р. 25 к., включая сюда и расходъ на поправку и передвиженіе машины, которое необходимо по прошествіи каждыхъ четырехъ дней. При благопріятныхъ условіяхъ эта же работа обходится, по словамъ Фоулера, на тяжелой почвѣ въ 1 р. 20 к., а на легкой въ 90 к. На одной изъ фермъ принца Альберта этотъ плугъ вспахалъ такое же пространство на 10 дюймовъ глубины за 45 к. сер. Почти въ такую же цѣну обходится и паханіе лошадьми, но работа пароваго плуга, по словамъ очевидцевъ, выходитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удовлетворительнѣе. Такъ какъ изобрѣтеніе это еще находится въ дѣтствѣ, то съ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ цѣны эти, безъ всякаго сомнѣнія, еще болѣе понизятся". („Земледѣльческая Газета" № 35, стр. 274).

Вотъ другое извѣстіе о плугѣ Фоулера:

„Хотя испытаніе жатвенныхъ машинъ было главною цѣлію этого торжества (конкурса для машинъ въ Чельмсфордѣ), но проба пароваго плуга составляла любопытнѣйшую часть программы и привлекла наибольшее участіе зрителей. Фишеръ Гоббсъ обѣщалъ, что одно изъ его полей, на которомъ утромъ, 14 августа, волновалась превосходная пшеница, будетъ къ вечеру сжато, вспахано, взбороненовано, удобрено и засѣяно. Это обѣщаніе было дѣйствительно исполнено. Пшеница была срѣзана жатвенными машинами, убрана въ скирды, часть ея вымолочена, провѣяна, перемолота въ муку, изъ которой спеченъ хлѣбъ, поданный собранію присяжныхъ и гостей въ тотъ же вечеръ; въ тотъ же день это поле было вспахано паровымъ плугомъ, взбороновано и засѣяно. Паровой плугъ Фоулера дѣйствовалъ такъ удачно, что сельскіе хозяева, которыхъ мнѣніе имѣетъ рѣшительный вѣсъ въ Англіи, объявили, что для нихъ задача обработки земли посредствомъ пара—рѣшена. Разсматривая это превосходное изобрѣтеніе, присутствовавшіе при опытахъ не знали, чему болѣе удивляться — простотѣ машины или превосходству и правильности произведенной ею работы; она движется такою силою, которая дѣлаетъ доступною глубокую вспашку; притомъ работа идетъ быстро ($^1/_2$ десятины въ часъ) и обходится дешево, ибо часовая работа 20 лошадей замѣняется 3 пудами каменнаго угля. Все это въ высшей степени заслуживаетъ вниманія сельскихъ хозяевъ". („Земледѣльческая Газета" № 8, стр. 60).

И не надобно думать, что это все еще ученые опыты, а практика въ обширныхъ размѣрахъ когда то еще начнется—она уже начинается:

Digitized by Google

„Изобрѣтатели пароваго плуга, братья Барратъ, учредили недавно въ Парижѣ обще тво съ капиталомъ въ мильонъ франковъ (250,000 руб. серебромъ). Это „Общество паровыхъ земледѣльческихъ работъ“ будетъ заниматься разработкою земель въ большомъ видѣ и на большихъ пространствахъ; нѣтъ сомнѣнія, что при хорошемъ устройствѣ и организаціи оно принесетъ немаловажную пользу какъ Франціи, такъ и Англіи. Одно, что заставляетъ бояться за успѣхъ общества—это недостатокъ въ рѣшимости участія въ немъ капиталовъ, а потому медленное составленіе ихъ. Къ несчастію, во Франціи неохотно пускаютъ капиталы въ земледѣліе, предпочитая легкіе биржевые обороты или фабричныя производства, и хотя жизненные припасы есть важнѣйшая потребность человѣческаго существованія, и потребленіе ихъ увеличивается все болѣе и болѣе, но способы воздѣлыванія остаются безъ развитія. А потому весьма желательно, чтобы „Общество паровой обработки земли“ имѣло успѣхъ въ своемъ предпріятіи. Тутъ идетъ дѣло объ общемъ интересѣ, вслѣдствіе чего оно имѣло всегда за себя всѣхъ агрономическихъ писателей и лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. Такъ на одномъ изъ послѣднихъ собраній Общества сельскаго хозяйства въ Парижѣ, президентъ его, г. Дарблей старшій, объявляя присутствующимъ объ образованіи братьями Барратъ Общества паровой обработки земли, изъявилъ свое горячее участіе и желаніе въ успѣхѣ этого предпріятія“. („Земледѣльческая Газета“ № 13. стр. 97).

Будетъ ли это общество имѣть коммерческій успѣхъ или не будетъ, все равно: если не получитъ успѣха, причиною тому будетъ пренебреженіе капиталистовъ къ земледѣлію, ради биржевыхъ спекуляцій, а не неустойка со стороны агрономической техники: паровой плугъ уже доказалъ, что онъ и лучше и экономичнѣе другихъ способовъ паханія для Франціи и Англіи. Впрочемъ, и пренебреженіе капиталистовъ не въ силахъ задержать надолго его успѣхи: паровыя машины для паханія земли уже входятъ въ употребленіе во Франціи:

„Небольшія подвижныя паровыя машины, употребленныя для сельскихъ работъ первоначально англійскими помѣщиками, нынѣ значительно распространились за границею во Франціи и Германіи и между небогатыми фермерами. Сосредоточеніе въ небольшомъ пространствѣ значительной силы и удобность переносить движитель туда, гдѣ предстоитъ въ немъ надобность, суть главныя преимущества этихъ машинъ, въ особенности важно послѣднее, допускающее пользоваться паровою силою и тѣмъ изъ земледѣльцевъ, которые или не въ состояніи обзавестись машиною, или, по незначительности работъ въ своемъ хозяйствѣ, не находятъ это обзаведеніе для себя выгоднымъ. Во Франціи, въ особенности въ западныхъ департаментахъ, нынѣ часто встрѣчаются промышленники, которые, купивъ подвижную паровую машину, разъѣзжаютъ съ нею по деревнямъ, предлагая работу ея земледѣльцамъ за умѣренную плату.

„Касательно введенія у насъ паровыхъ машинъ для исполненія сельскихъ работъ, можно замѣтить, что наше земледѣліе не достигло еще той степени развитія или усовершенствованія, при которой употребленіе ихъ становится выгоднымъ и даже необходимымъ. Есть конечно и другія причины, препятствующія или ограничивающія употребленіе паровыхъ машинъ для сельскихъ работъ въ настоящее время; но ни эти причины, ни теперешнее положеніе нашего сельскаго хозяйства не будутъ же существовать вѣчно. Напротивъ, съ постояннымъ улучшеніемъ путей сообщенія, а въ особенности по устроеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ, надо ожидать, что существующіе способы производства сельскихъ работъ, вслѣдствіе ускоренія торговыхъ сношеній, измѣнятся. Ручное производство этихъ работъ, или исполненіе ихъ животною силою—лошадьми или волами, рано или поздно, должны будутъ уступить паровой силѣ и исполнительнымъ машинамъ, единственно вслѣдствіе медленности совершаемыхъ ими работъ.

„Напоминая настоящею статьею многимъ изъ читателей „Земледѣльческой Газеты“ о распространеніи подвижныхъ паровыхъ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ за границею, а другихъ знакомя съ этими машинами, мы должны сказать, что машины

Digitized by Google

эти у насъ почти неизвѣстны, а потому не можемъ привести сравненіе выгодности или невыгодности напримѣръ, предъ работою животными. Замѣтимъ, что если покупка такой машины не можетъ окупиться при небольшомъ хозяйствѣ, то въ большомъ имѣніи, намъ кажется, и въ настоящее время паровая машина не причинитъ убытка". („Земледѣльческая Газета" № 58, стр. 457—468).

Вы сомнѣваетесь за Францію—видите, не то что во Франціи, и у насъ можно бы приняться за паровые плуги. Здѣсь мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе: мы уже много разъ должны были совѣтовать г. И. В—скому расширить кругъ своего чтенія; и теперь повторимъ тоже: вотъ и не Богъ знаетъ какой недоступный журналъ „Земледѣльческая Газета", а видно, что г. И. В—скій не знакомъ съ этимъ изданіемъ. А это знакомство уже одно само по себѣ предохранило бы его отъ многихъ заблужденій. Не говоримъ уже о томъ, что онъ тогда не отвергалъ бы потребности общиннаго владѣнія землею во Франціи; онъ, вѣроятно, не утверждалъ бы тогда, что лѣса вырубаются только въ Россіи, потому, дескать, что находятся въ общинномъ владѣніи (будто мало въ Россіи частныхъ лѣсовъ, и будто не вырубаются они гораздо быстрѣе и безразсчетнѣе общинныхъ или казенныхъ). Чтобы сколько нибудь оживить разнообразіемъ свою статью и чтобы расширить лѣсохозяйственныя свѣдѣнія г. И. В—скаго, мы приведемъ изъ „Земледѣльческой Газеты" свидѣтельство о томъ, что, напримѣръ, въ Пруссіи частные земледѣльцы вырубаютъ свои лѣса точно также, какъ и наши помѣщики.

„Прусское правительство сочло нужнымъ предложить на обсужденіе сельско-хозяйственныхъ обществъ вопросъ: необходимо ли принятіе законодательныхъ мѣръ для засаживанія сыпучихъ песковъ и для уменьшенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ дурнаго лѣснаго хозяйства. Замѣчено, что въ послѣднее время во многихъ частяхъ государства число лѣсовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, стало уменьшаться съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличилось и пространство земель, состоящихъ изъ сыпучихъ песковъ". („Земледѣльческая Газета" 1857 г. № 45, стр. 356).

Укротите же вашъ гнѣвъ противъ общиннаго владѣнія, г. И. В—скій: вовсе не оно источникъ тѣхъ бѣдъ, о которыхъ вы сожалѣете; знаете ли даже? вѣдь и фермерство не спасаетъ отъ нихъ: и въ Англіи, при совершеннѣйшемъ развитіи частной поземельной собственности, и при системѣ фермъ, водятся такіе землевладѣльцы, которые вырубаютъ лѣса, какъ вы убѣдитесь, взглянувъ на 58 страницу „Земледѣльческой Газеты". Тамъ вы прочтете слѣдующее:

„Въ Англіи и Шотландіи находятся большія пространства земель, когда-то покрытыя густымъ лѣсомъ, въ настоящее же время опустошенныя и не приносящія никакого дохода..."

О, ужасъ! На кого, скажите, можно положиться въ нынѣшнемъ вѣкѣ? Мы надѣялись было на англо-шотландскаго лорда, съ его майоратомъ: вотъ, мы думали, почтенный частный собственникъ, возлюбленный сердца нашего! Онъ бережетъ свои лѣса, воздѣлываетъ землю, какъ нельзя лучше, при помощи своихъ фермеровъ,—онъ вводитъ всевозможныя улучшенія,—и что же?—о, какая измѣна! Онъ, безстыдникъ, продаетъ на вырубку свои рощи! А что касается до его заботливости объ улучшеніи земель, мы не знаемъ, на сколько сохранилось бы у васъ, г. И. В—скій, расположенія къ англій-

Digitized by Google

скому лорду, если-бы вы знакомы были съ Адамомъ Смитомъ. Какъ вамъ понравится, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ Адама Смита:

„Большой землевладѣлецъ (говоритъ онъ объ англійскихъ лордахъ) рѣдко бываетъ большой улучшатель земли. Въ средніе вѣка, большой землевладѣлецъ былъ занятъ исключительно заботою расширить свои владѣнія и защищаться противъ сосѣдей. Ему недосугъ было подумать объ улучшеніяхъ земли. Когда водвореніе порядка и законности дало ему этотъ досугъ, рѣдко была у него къ тому охота, и почти никогда не было качествъ, нужныхъ для такого занятія. Его личные и домашніе расходы поглощали или даже превышали его доходъ,—чаще всего бывало послѣднее,—и гдѣ же при этомъ нашелся бы у него капиталъ, нужный для улучшеній? Если характеръ у него былъ экономный, онъ вообще находилъ выгоднѣйшимъ употреблять свои избытки на пріобрѣтеніе новыхъ земель, нежели на улучшеніе старинныхъ владѣній. Чтобы съ выгодою заниматься земледѣльческими оборотами, нужна, какъ при всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, величайшая заботливость о малѣйшихъ выгодахъ и малѣйшихъ сбереженіяхъ, а къ этому рѣдко бываетъ способенъ человѣкъ, рожденный въ богатствѣ, хотя бы имѣлъ по натурѣ наклонность къ экономіи. Положеніе такого человѣка скорѣе располагаетъ его заняться украшеніями, льстящими его фантазіи, нежели думать о барышахъ,—вѣдь онъ не нуждается въ деньгахъ. Богатство костюма, квартиры, экипажа, меблировки—вотъ предметы, о которыхъ съ дѣтства привыкъ онъ заботиться. Замашка, которую пріобрѣли его мысли отъ такой привычки, оказывается и управляетъ имъ и тогда, когда онъ пріймется улучшать свои земли. Онъ украситъ, быть можетъ, 400 или 500 акровъ около своего дома, израсходовавъ на то въ десять разъ больше, чѣмъ будетъ послѣ того стоить участокъ этотъ со всѣми своими украшеніями, и видитъ, что если-бы вздумалъ онъ производить такое улучшеніе на всемъ пространствѣ своихъ земель, то обанкрутился бы прежде, нежели исполнилъ бы десятую часть такого предпріятія. Есть до сихъ поръ въ Англіи большія помѣстья, со временъ феодальной анархіи непрерывно остававшіяся въ рукахъ одной фамиліи. Надобно только сравнить настоящее положеніе этихъ помѣстій съ участками мелкихъ сосѣднихъ собственниковъ, чтобы безъ всякихъ другихъ доказательствъ уже оцѣнить, какъ мало благопріятствуютъ успѣхамъ земледѣлія обширныя владѣнія“.

Мы боимся, что Адамъ Смитъ подвергнется сильному окрику отъ г. И. В—скаго. Вы невѣжда, вы не имѣете понятія о политической экономіи, г. Смитъ, прикрикнетъ на бѣдняка г. И. В—скій: понимаете ли вы, что вы дѣлаете? Вы даете оружіе противъ частной поземельной собственности приверженцамъ общиннаго владѣнія!

Но мы успокоимъ гнѣвъ г. И. В—скаго противъ Адама Смита замѣчаніемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Адамъ Смитъ, англійскіе лорды измѣнились довольно значительно къ лучшему: многіе изъ нихъ заботятся объ агрономическихъ улучшеніяхъ, иные даже знаютъ и толкъ въ этомъ дѣлѣ. Потому г. И. В—скій можетъ не лишать ихъ своей благосклонности. Но въ замѣнъ того, пусть онъ не считаетъ и общинниковъ людьми неисправимыми: было время, лорды собственники не улучшали земель; пришла надобность и возможность улучшеній—стали улучшать. Точно такъ и наши общинники (подобно нашимъ частнымъ собственникамъ-помѣщикамъ) не заботятся о такихъ улучшеніяхъ, какъ англійскіе фермеры,—прійдетъ время, и будутъ заботиться. Тутъ разница между Россіею и Англіею зависитъ вовсе не отъ общиннаго владѣнія, а совершенно отъ другихъ обстоятельствъ. Доказательство тому у каждаго изъ насъ на глазахъ: хлѣбопашественныя хозяйства по принципу частной собственности идутъ у насъ ни на волосъ не лучше (напротивъ, хуже, если принять въ соображеніе пропорцію средствъ),

Digitized by Google

нежели хозяйства общинниковъ, и дѣльныхъ улучшеній въ первыхъ вы увидите ни чуть не больше, нежели въ послѣднихъ.

Ужели въ самомъ дѣлѣ такъ? А какъ же бы вы думали,—справьтесь только съ „Экономическимъ Указателемъ", и узнаете это. Вотъ вамъ и примѣръ.—Г. И. В—скій воображаетъ, что плодосмѣнная система—единственная раціональная система, что она повсюду введена въ Западной Европѣ, что трехпольное хозяйство остается только въ Россіи, и единственно только общинное владѣніе землею мѣшаетъ у насъ водворенію плодосмѣнной системы; по этой причинѣ онъ преимущественно и нападаетъ на него: неудобно, говоритъ онъ, разводить вику и сорго при общинномъ владѣніи, а вика и сорго для насъ важнѣе пшеницы и овса, который сѣютъ безтолковые общинники, не понимая необходимость замѣнить пшеницу турнепсами, овесъ соргомъ, а рожь чуть ли не георгинами. Да, г. И. В—скій особенно жестокъ къ общинному владѣнію за то, что имъ замедляется введеніе плодоперемѣннаго хозяйства; у частныхъ собственниковъ, говоритъ онъ, не такъ: плодоперемѣнная система вводится въ ихъ хозяйствахъ безъ всякихъ задержекъ и замедленій. Прекрасно. Послушаемъ же теперь, что говоритъ въ „Экономическомъ Указателѣ" одинъ изъ сотрудниковъ г. И. В—скаго. Этотъ корреспондентъ, живущій въ Подоліи, г. Гейсманъ, одинаково съ г. И. В—скимъ плодоперемѣнную систему считаетъ единственнымъ порядочнымъ способомъ хозяйства и радъ былъ бы стереть съ лица земли трехпольное хозяйство:

„Подъ именемъ прогресса (говоритъ онъ) я разумѣю постепенное, но безостановочное устраненіе убійственной для земли и неблагопріятной по своимъ результатамъ трехпольной системы и замѣненіе ея плодосмѣнною. Что вы думаете, какъ далеко Подолія ушла до сихъ поръ на этомъ поприщѣ? Повѣрите ли, что здѣсь существуетъ всего, на 2000 помѣщичьихъ имѣній—ну, угадайте сколько? 100, 50, 20, ну пять? нѣтъ; ну два? нѣтъ—однимъ одно плодосмѣнное хозяйство. Виноватъ, дѣйствительно два, принадлежащія двумъ помѣщикамъ; но дѣло въ томъ (и очень характеристическое дѣло), что одинъ помѣщикъ завелъ его въ имѣніи своего сосѣда безъ его вѣдома и въ его отсутствіе. Маіоръ Калокиръ Сулѣтицкій есть первый, и покамѣстъ единственный въ здѣшней губерніи славянинъ, который завелъ въ своемъ имѣніи Хржановкѣ плодосмѣнное хозяйство. („Эконом. Указат." № 3, стр. 56)".

Ну, что же хорошаго будетъ, если мы уничтожимъ общинное владѣніе, потому что оно мѣшаетъ намъ сѣять вику, а потомъ и окажется, что бывшіе общинники, ставъ частными собственниками, получили ровно столько же охоты къ сѣянію вики, сколько этой охоты у подольскихъ частныхъ собственниковъ? Изъ двухъ тысячъ частныхъ собственниковъ, въ кои-то вѣки одинъ завелъ плодосмѣнное хозяйство, а остальные 1,999 частныхъ собственниковъ смѣются надъ нимъ,—прекрасно, давайте же кричать, что надобно уничтожать общинное владѣніе, потому что, дескать, общинники не сѣютъ кормоваго горошка, а частные собственники сѣютъ! Милостивый государь, изъ 2,000 общинниковъ также вѣроятно найдется хотя одинъ такой, который сѣетъ вашъ любимый кормовой горошекъ.

Если-бы г. И. В—скій читалъ иностранныя книги, онъ избавился бы многихъ ошибокъ, сказали мы сначала; потомъ увидѣли, что еслибъ онъ даже не читалъ иностранныя книги, а умѣлъ только справляться съ ними, и то избавился бы отъ многихъ ошибокъ; потомъ увидѣли мы, что не

Digitized by Google

зачѣмъ ужъ говорить объ иностранныхъ книгахъ,—еслибъ онъ читалъ хотя „Земледѣльческую Газету“, и то было бы для него ужъ большое спасенье; теперь видимъ, что куда ужъ говорить о чужихъ журналахъ,—если-бъ онъ зналъ хотя то, что печатается въ его собственномъ журналѣ, въ „Экономическомъ Указателѣ“, и въ переведенныхъ имъ книгахъ Тенгоборскаго, и то ужъ было бы для него большимъ выигрышемъ. Вотъ, еслибъ онъ зналъ, что говоритъ его подольскій корреспондентъ въ „Экономическомъ Указателѣ“, онъ не сталъ бы думать, будто введеніе плодосмѣннаго хозяйства хотя на волосъ замедляется общиннымъ владѣніемъ. А еслибъ онъ помнилъ, что говоритъ переведенный имъ Тенгоборскій о трехпольномъ хозяйствѣ во Франціи (гдѣ господствуетъ исключительно частная собственность въ хлѣбопашествѣ), онъ не сталъ бы воображать, что частная собственность можетъ хотя на волосъ ускорить распространеніе плодосмѣнной системы:

У Тенгоборскаго, на стр. 50-й перваго тома парижскаго изд. 1854 г., есть слѣдующая таблица воздѣлываемыхъ земель во Франціи:

1) Засѣянныя хлѣбомъ поля	13,900,262	гектара.
2) Виноградники	1,972,340	„
3) Различныя другія растенія	3,442,139	„
4) Паромъ.	6,763,281	„

Замѣчаете ли вы хотя теперь, г. И. В—скій, какое употребленіе хотимъ мы сдѣлать изъ этой таблицы?

Предчувствуемъ, судя по размѣру свѣдѣній о земледѣліи, уже доказанному нами, что еще не замѣчаете.

Ну, такъ вотъ вамъ и разгадка, г. И. В—скій:

При трехпольномъ хозяйствѣ, на каждый гектаръ, лежащій подъ паромъ, приходятся два гектара подъ посѣвомъ. Теперь, потрудитесь вычесть двойную 4-ю цифру таблицы изъ 1-й цифры,—или нѣтъ, лучше мы сдѣлаемъ это, чтобы не утруждать васъ такими мудреными задачами.

$$\begin{array}{r} 6,763,281 \\ \times\ 2 \\ \hline 13,526,562 \end{array}$$

эта послѣдняя цифра и есть цифра гектаровъ, принадлежащихъ трехпольному хозяйству въ засѣянныхъ поляхъ. Вычтемъ же ее изъ первой цифры:

$$\begin{array}{r} 13,900,262 \\ -\ 13,526,562 \\ \hline 373,700 \end{array}$$

остатокъ — 373,700 гектаровъ — и есть все количество, воздѣлываемое во Франціи не по системѣ трехпольнаго хозяйства. Каковъ сюрпризъ для васъ? Попросите, г. И. В—скій, кого нибудь провѣрить этотъ разсчетъ—а то вы опять закричите, что онъ фантастиченъ и голословенъ.

Провѣрили? вѣрно? Да, вѣрно.

И такъ: въ теченіе многихъ вѣковъ преобладая во Франціи, система частной собственности имѣла результатомъ введеніе плодосмѣнной системы

Digitized by Google

на 373,700 гектарахъ изъ 20,663,543 гектаровъ, иначе сказать: благотворное вліяніе частной поземельной собственности на введеніе плодосмѣнной системы таково, что въ теченіе пяти или шести вѣковъ плодосмѣнная система распространяется на одну пятьдесятъ-пятую часть распахиваемыхъ земель, а на остальныхъ пятидесяти-четырехъ изъ пятидесяти-пяти частей продолжаетъ себѣ преспокойно упражняться трехпольное хозяйство.

Послѣ этого вы можете утверждать, что у насъ, еслибъ не общинное владѣніе, быстро расширилась бы по всѣмъ пашнямъ плодосмѣнная система. Дѣйствительно, судя по примѣру Франціи, мы непремѣнно должны уничтожить общинное владѣніе, и тогда вѣрно насладимся прелестями плодосмѣнной системы, по такому прогрессу: уничтожаемъ (въ сентябрѣ 1857 г.) общинное владѣніе и—о, радость, о восторгъ!—черезъ 500 лѣтъ, въ сентябрѣ 2357 года—будемъ имѣть по примѣру Франціи одну пятьдесятъ пятую часть своей пахотной земли съ плодосмѣннымъ хозяйствомъ! à bas общинное владѣніе! vive частная собственность! Она подвинетъ насъ въ 500 лѣтъ на одну пятьдесятъ пятую часть черепашьина шага ближе къ великой цѣли!

Если-бы вы знали или понимали цифры, находящіяся въ переведенной вами книгѣ Тенгоборскаго, вы не стали бы воображать, что именно частная поземельная собственность развиваетъ плодоперемѣнную систему или что общиннымъ владѣніемъ поддерживается трехпольная система. Развитіе одной, закоснѣлость въ другой зависятъ отъ причинъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ тому или другому принципу поземельнаго владѣнія. Сравните Англію и Францію—тамъ и здѣсь владычествуетъ частная собственность; откуда же въ Англіи успѣхи земледѣлія, которыхъ нѣтъ во Франціи? Въ Англіи прочный законный порядокъ, котораго никто не осмѣливается и никто не желаетъ нарушать, потому что мирнымъ путемъ законнаго требованія и пренія торжествуетъ всякая сознанная обществомъ потребность; во Франціи этого нѣтъ, тамъ какъ ни ясно сознавай общество, какъ ни разумно доказывай оно необходимость реформы, реформа достигается только насильственнымъ путемъ,—вотъ главное различіе. Изъ него проистекаютъ всѣ остальныя. Не одна плодоперемѣнная система порождена въ Англіи мирнымъ владычествомъ закона и справедливости—имъ порождено и внѣшнее могущество Англіи, и честность отдѣльнаго лица въ каждомъ званіи, отъ министра до мелкаго лавочника, отъ герцога до поденьщика; и неутомимое трудолюбіе (никто не отниметъ трудоваго достоянія), и прочное довѣріе къ своимъ силамъ, основа всякой предпріимчивости (никто не терпитъ обидъ. никто никого не боится: всѣ уважаютъ другъ въ другѣ права и законъ и ожидаютъ другъ отъ друга такого же уваженія), отсюда же и развитіе городовъ, и фабрики, и торговля. и вслѣдствіе всего этого, возможность съ выгодою прилагать капиталъ къ земледѣлію. Вотъ въ чемъ секретъ плодоперемѣнной системы, а не въ уничтоженіи общиннаго владѣнія.

Но мы заговорили съ г. И. В—скимъ патетическимъ тономъ, а элементарные уроки должны быть чужды патетизма: ихъ достоинство—наивозможная простота языка. Начнемъ же опять говорить какъ можно проще. Бесѣда съ г. И. В—скимъ шла у насъ на послѣднихъ страницахъ о Тен-

Digitized by Google

гоборскомъ, а прежде объ „Экономическомъ Указателѣ"; продолжать рѣчь о Тенгоборскомъ дѣло излишнее: уже достаточнымъ числомъ примѣровъ внушили мы г. И. В—скому, что не мѣшало бы, начиная споръ съ нами, узнать факты, излагаемые въ переведенной имъ книгѣ; теперь для его пользы надобно подтвердить ту же истину относительно издаваемаго имъ журнала и доказать, что также хорошо было бы ему знать то, что написано въ „Экономическомъ Указателѣ".

Вотъ, напримѣръ, въ первой статьѣ мы сказали, что возникновеніе пролетаріата произвело много государственныхъ бѣдствій и въ Англіи и Франціи, и грозитъ этимъ странамъ новыми смутами, жесточайшими прежнихъ, потому что съ одной стороны требованія пролетаріевъ остаются все еще неудовлетворенными, а съ другой стороны, число пролетаріевъ все увеличивается и, главное, возрастаетъ ихъ сознаніе о своихъ силахъ и проясняется ихъ понятіе о своихъ потребностяхъ. Это кажется вздоромъ г. И. В—скому: въ пролетаріяхъ нѣтъ никакой закваски смутъ, говоритъ онъ: они ничего особеннаго не требуютъ и совершенно успокоились. Ахъ, если-бы это было такъ, если-бъ Англіи и Франціи вашими устами медъ пить, г. И. В—скій!— но какъ примирить ваше мнѣніе о безмятежномъ счастіи мирнаго и скромнаго пролетаріата съ слѣдующими фактами, сообщенными вашимъ прекраснымъ журналомъ:

„Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ (въ Англіи) замѣтно волненіе рабочаго класса: по новымъ извѣстіямъ болѣе 2,500 ткачей оставили свои мастерскія въ Дрогедѣ; ливерпульскіе каменщики также оставили свою работу, требуя возвышенія заработной платы до высоты ея въ Лондонѣ и Манчестерѣ; тоже самое сдѣлали тамошніе плотники; нѣкоторые получили уже такую плату, какую они желали. На континентѣ часто появляются подобныя же попытки; а изъ Берлина пишутъ, что тамъ напали на слѣдъ формальнаго заговора, по которому работники должны были въ одинъ и тотъ же день бросить работу во всѣхъ промыслахъ, въ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи. Полиція приняла противъ этого мѣры, но къ счастію до сихъ поръ ничто не показываетъ опасности, и подобное намѣреніе едва ли сдѣлается повсемѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе нужда можетъ понудить ко многимъ поступкамъ, какъ она понуждаетъ къ переселенію, хотя не вездѣ равно удачному". („Эконом. Указ." № 24, стр. 552).

„Городское населеніе при излишней густотѣ своей подвергается иногда невыгодамъ и неудобствамъ волненія, примѣръ котораго мы видимъ въ настоящее время въ сходкахъ рабочихъ въ Англіи. Мы говорили о нѣкоторыхъ изъ нихъ. 7-го февраля въ Кларкуелѣ (Лондонѣ), въ залѣ умѣренности (Temperance hale) происходила новая сходка подъ предсѣдательствомъ Н. Портера. Несчастное положеніе этого класса народа представлено въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Причиною нынѣшнихъ страданій ораторы представляли „давній застой въ плотничьей и другихъ работахъ". Единственная надежда тѣхъ, которые не могутъ найти себѣ работы, остается переселеніе въ Австралію, Новую Зеландію и Канаду; въ этомъ духѣ готовятся прошенія въ обѣ Палаты Парламента, къ которымъ рабочіе обращаются съ просьбою—доставить имъ даровый проѣздъ въ колоніи. По всей вѣроятности, эта просьба будетъ уважена.—9 февраля была новая сходка рабочихъ безъ мѣста въ Смитфильдѣ (Лондонѣ). Предложенія, принятыя ими, сопровождались большимъ волненіемъ и состояли въ томъ, чтобы обратиться съ просьбою о помощи въ приходамъ. По окончаніи сходки они дѣйствительно отправились отдѣльными толпами со знаменами, на которыхъ были написаны имена ихъ приходовъ. Большею частію впрочемъ они получили отказъ въ помощи; но въ частныхъ случаяхъ не разъ рабочіе получаютъ требуемое ими удовлетвореніе, какъ напр. въ Сильверделѣ (Сѣверостаффорскомъ графствѣ), работники на копяхъ получили прибавку къ ихъ заработной платѣ,

Digitized by Google

отказавшись въ числѣ 150 отъ работы до исполненія ихъ требованія, основаннаго на повышеніи цѣны желѣза". („Экономич. Указат." № 7, стр. 147).

„Въ Лондонѣ на прошлой недѣлѣ, съ дозволенія городскаго начальства, происходило собраніе рабочихъ безъ мѣста на одной изъ рыночныхъ площадей города (Смитфильдской) подъ открытымъ небомъ. Число собравшихся такимъ образомъ рабочихъ простиралась до 5,000 и, несмотря на то, въ этой толпѣ не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Главная цѣль собранія состояла въ томъ, чтобы обратить вниманіе публики на жалкое положеніе мастеровыхъ, лишившихся работы. Много краснорѣчивыхъ выраженій и энергическихъ мыслей было высказано здѣсь рабочими, которые вообще показали болѣе образованія, нежели можно было ожидать отъ нихъ. Главная идея состояла въ примѣненіи началъ товарищества къ рабочему классу. Эта въ основаніи своемъ правильная идея, впрочемъ, не всегда ясно представлялась уму говоруновъ сходки; одно только рѣзко и опредѣленно высказывалось всѣми, это — нападки на законы, стѣсняющіе переходъ земли изъ рукъ въ руки. Вообще, начинающееся движеніе напоминаетъ нѣсколько лигу противъ хлѣбныхъ законовъ, хотя здѣсь еще пока не видно достойныхъ коноводовъ. Государственная ошибка прежняго времени, допустившая такъ называемые *законы о бѣдныхъ*, можетъ окупиться Великобританія очень дорого, тѣмъ болѣе, что масса людей, имѣющихъ право на пользованіе подобнымъ доходомъ, очень велика. По показаніямъ „Національнаго Великобританскаго общества людей безъ мѣста", въ настоящее время въ Лондонѣ считается 35,000 такихъ бѣдняковъ, изъ которыхъ наиболѣе каменщиковъ (15,000) и плотниковъ (2.000). Сходка подобнаго рода уже не первая и не послѣдняя, и всѣ участники обращаются обыкновенно къ помощи приходовъ, и безъ того очень обремененныхъ. Кромѣ того, въ ихъ рѣшеніяхъ все рѣзче и рѣзче обозначается мысль работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ, образецъ которыхъ отчасти представляютъ рабочіе дома самой Великобританіи. („Эконом. Указат." № 4, стр. 75).

„Трудъ, этотъ главный, или—лучше сказать—единственный источникъ народнаго богатства, въ своемъ развитіи подвергается многимъ случайностямъ, видоизмѣняющимъ его проявленія и поставляющимъ его въ различныя положенія въ отношеніи къ общественной власти. Одною изъ такихъ случайностей есть умышленная остановка въ работѣ, большею частію происходящая отъ недостаточной за нее платы. Эта остановка рѣдко достигаетъ своей цѣли, выказывая большею частію безсиліе рабочаго сословія, лишеннаго капитала и разнообразныхъ знаній, какими обладаетъ сословіе предпринимателей фабрикантовъ. Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ Швейцаріи коалиціи рабочихъ всякаго званія, имѣющія цѣлію требовать возвышенія заработной платы, принимаютъ серьезный характеръ. Многіе хозяева и подрядчики почти лишились черезъ это всѣхъ своихъ работниковъ.

„Безъ всякаго сомнѣнія, это лишеніе только временное, и рабочіе возвратятся къ своимъ занятіямъ, какъ это мы видимъ въ близкихъ мѣстахъ Германіи. Такъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ цирюльники безусловно возвратились къ своимъ занятіямъ, но портные подмастерья, какъ одинъ человѣкъ, *оставили мастерскія*, требуя отъ хозяевъ увеличенія жалованья на $^1/_3$.

„Подобное же рѣшеніе приняли сапожники и кожевники города Майнца, хотя чрезъ это и подверглись полицейскому вмѣшательству, опредѣленному въ такихъ случаяхъ мѣстными законами. Это вмѣшательство, впрочемъ, едва ли можетъ быть оправдано, съ точки зрѣнія науки, въ дѣлахъ, касающихся труда, который для полной производительности своей долженъ быть стѣсняемъ возможно менѣе". (Эконом. Указ." стр. 552).

Видите ли: вашъ журналъ чрезвычайно мало занятъ фактами о бытѣ низшихъ классовъ; онъ обнаруживаетъ къ намъ самое холодное и пренебрежительное невниманіе; однакожь посмотрите, сколько фактовъ, подтверждающихъ наше мнѣніе, имѣли громкій отзывъ въ Западной Европѣ въ теченіе менѣе нежели одного полудня, —имѣли такой громкій отзывъ, что даже вашъ

Digitized by Google

столь невнимательный къ нимъ, столь ихъ чуждающійся журналъ долженъ былъ занести ихъ на свои страницы. А сколько фактовъ набралось бы, если-бы вы хотя нѣсколько внимательно слѣдили за этою отраслью экономическаго движенія!—Да и въ „Экономическомъ Указателѣ", при всей его невнимательности, собрано больше фактовъ этого рода, нежели приведено у васъ—нельзя же намъ было выписывать всего, слишкомъ длинны были бы выписки. Но ограничиваясь единственно тѣми фактами, которые замѣчены у васъ въ журналѣ, — мало того, изъ этихъ фактовъ ограничиваясь тѣми, которые выписаны у насъ, какую мы можемъ составить картину для вашего назиданія? Мы будемъ говорить подлинными словами вашего журнала:

„Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ (Западной Европы) замѣтно волненіе рабочаго класса; рабочіе оставляютъ свои мастерскія, требуя повышенія заработной платы; въ Берлинѣ открытъ даже формальный заговоръ, по которому работники въ одинъ и тотъ же день должны были бросить работу во всѣхъ промыслахъ, въ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи. Вообще начинающееся движеніе напоминаетъ лигу противъ хлѣбныхъ законовъ. У нихъ бываютъ многочисленныя сходки, сопровождаемыя большимъ волненіемъ; на этихъ сходкахъ несчастное положеніе этого класса людей выставляется въ самомъ яркомъ свѣтѣ; они требуютъ помощи и большею частью получаютъ отказъ. Главная идея рабочихъ при этомъ волненіи, примѣненіе начала товарищества къ рабочему классу. Кромѣ того, въ ихъ рѣшеніяхъ все рѣзче обозначается мысль работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ. Правительства Западной Европы прибѣгаютъ къ полицейскимъ мѣрамъ противъ этого движенія, принимающаго серьезный характеръ. Такое вмѣшательство едва ли впрочемъ можетъ быть оправдано".

Эта характеристика составлена изъ подлинныхъ словъ вашего журнала. Помнили ли вы, что говоритъ вашъ журналъ, и если помнили, понимали ли? „Рабочій классъ въ Западной Европѣ волнуется, требуя примѣненія началъ товарищества къ своему труду, все рѣзче и рѣзче провозглашая потребность работы отъ правительства и общихъ мастерскихъ" — ясенъ или нѣтъ смыслъ движенія? Что сказано этимъ? сказано то, что въ рабочемъ классѣ Западной Европы все болѣе и болѣе разливается убѣжденіе въ необходимости droit au travail, ateliers nationaux, разливается идея Люксанбургскихъ конференцій. Ясно ли это для васъ, г. И. В—скій? Но какова сила этого движенія? „Открытъ заговоръ, обнимающій всю восточную половину Западной Европы, простирающійся отъ Берлина до Бельгіи и Швейцаріи"—не безпримѣрно ли по громадности такое явленіе? Да что тутъ говорить, вы сами сравниваете его съ „лигою противъ хлѣбныхъ законовъ"— то есть съ могущественнѣйшимъ и разумнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ изъ всѣхъ стремленій Англіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Вы въ своемъ журналѣ придаете такую силу и глубокость этому движенію, что характеристика, доставляемая вами, далеко превосходитъ рѣзкостью тѣ слова, которыми выражались мы объ этомъ движеніи. Мы говорили объ Англіи и Франціи, — вы прибавили сюда Бельгію, Швейцарію, Германію. Мы говорили, что это стремленіе сильно, — вы сравнили его въ настоящее время по силѣ съ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ событій и стремленій новѣйшей англійской исторіи и прибавили, что это еще только зародышъ, который развивается, а когда онъ разовьется, такъ еще не то будетъ.

Digitized by Google

Вашъ журналъ далеко превосходитъ насъ, относительно оцѣнки силы и глубины этого движенія.

Не потому ли вы и спорите противъ насъ, что наши убѣжденія кажутся вамъ слишкомъ еще блѣдными, слишкомъ умѣренными? Вы, по всему видно, относитесь къ намъ такъ, какъ напримѣръ Щедринъ относится къ прежнимъ сатирикамъ. Мы говоримъ „частная собственность имѣетъ *значительныя* выгоды, но выгоды общиннаго владѣнія *болѣе* значительны: стремленіе къ общинному началу *довольно* сильно въ Западной Европѣ". Вы возражаете: это пустяки; мы обращаемся къ переведенной вами книгѣ, къ издаваемому вами журналу, чтобы понять смыслъ вашего неудовольствія, чтобы увидѣть, въ чемъ заключается наша ошибка, — и оказывается что-же?—оказывается изъ переведенной вами книги и издаваемаго вами журнала, что мы должны были сказать: „частная собственность имѣетъ *очень* незначительныя выгоды; а выгоды общиннаго владѣнія *несравненно болѣе* значительны; стремленіе къ общинному принципу *чрезвычайно* сильно въ Западной Европѣ". Дѣйствительно, передъ столь сильными выводами, слѣдующими изъ фактовъ, доставленныхъ намъ вами, наши прежнія слова кажутся слабыми, блѣдными.

Но, скажетъ намъ читатель, мы забыли о французскихъ земледѣльцахъ, выписки изъ „Экон. Указ." относятся къ Англіи, Германіи, Бельгіи и Швейцаріи, а не къ Франціи, о которой шло дѣло. О, что касается до Франціи, то тутъ ненужно много говорить: въ возраженіяхъ намъ г. И. В—скій соглашается, что движеніе въ пользу общиннаго начала во Франціи сильнѣе, нежели въ Англіи,—а если въ Англіи оно, какъ видно изъ „Экон. Указ.", чрезвычайно сильно, то какова же должна быть его сила во Франціи?

„Но это все говорится о пролетаріяхъ вообще, а не въ частности о земледѣльцахъ во Франціи, скажетъ читатель; г. И. В—скій въ своихъ возраженіяхъ говоритъ, что положеніе земледѣльцевъ во Франціи прекрасно и безъ общиннаго начала". Но вѣдь извѣстно, что лучшее блюдо надобно оставлять на закуску,—мы такъ и сдѣлали. Каково состояніе земледѣльцевъ и земледѣлія во Франціи, можетъ г. И. В—скій видѣть изъ слѣдующихъ словъ своего журнала:

„На всемъ пространствѣ отъ Арраса до Пиринеевъ, отъ Гавра до Тулона, вы не встрѣтите тѣхъ прекрасныхъ сельскихъ картинъ, которыя поражаютъ васъ въ Англіи. Окрестъ красивыхъ и бойкихъ городовъ, не разъ встрѣтите вы полуразвалившуюся хижину, и рѣдко глазъ вашъ отдыхаетъ на видѣ прекраснаго скота, какимъ славятся устья Рейна или Швейцарія. Правда, взамѣнъ того красуются на выставкахъ ліонскія ткани, валансьенскія кружева, дорогая бронза и тонкія сукна, но этотъ блескъ и роскошное производство не заѣдаютъ ли средства тѣхъ бѣдныхъ поселянъ, которые влачатъ скудную жизнь свою среди дорогой обстановки, постоянно тревожимые видомъ нестерпимыхъ для нихъ благъ, и постоянно стѣсняемые въ безпрепятственномъ пользованіи своимъ трудомъ? Отчего же эта безотрадная картина въ прекрасной странѣ?" („Экономическій Указатель" № 3, стр. 52).

По обыкновенію вездѣ и во всемъ видѣть единственно таможенный вопросъ, „Экон. Указ." извлекаетъ изъ этой грустной картины свое вѣчное нравоученіе: вся бѣда происходитъ отъ тарифа. Легко сообразить, достаточно ли такое объясненіе. Причины бѣдствія гораздо глубже: мы видѣли, что для

Digitized by Google

огромнаго большинства французскихъ земледѣльцевъ (поселянъ) невозможны не только никакія улучшенія почвы и улучшенныя орудія производства, но невозможно даже содержаніе ни одной лошади для земледѣльческихъ работъ. Что же касается цвѣтущаго положенія полей въ Англіи, изъ этого еще напрасно заключать о благоденствіи работниковъ: поля въ Англіи лучше французскихъ, а земледѣльцы работники терпятъ болѣе нужды нежели во Франціи. Съ этимъ не будетъ, вѣроятно, спорить даже г. И. В—скій.

Положеніе французскаго земледѣльца вообще таково, что онъ можетъ воспользоваться для усовершенствованія своего хлѣбопашества только ничтожною частью тѣхъ средствъ, которыя уже найдены наукою, и потому въ гораздо меньшей степени, нежели слѣдовало бы, наслаждаться тѣми удобствами, которыя имѣетъ въ своемъ распоряженіи промышленность.

Изъ пяти французскихъ поселянъ, у трехъ есть свои участки. Это хорошо, но недостаточно: надобно, чтобы каждый земледѣлецъ могъ трудиться для собственной пользы, а не для чужой пользы. Надобно, чтобы остальные два изъ пяти земледѣльцевъ также пріобрѣли поземельное достояніе.

Между тѣмъ, раздробленіе земель уже таково, что большая половина поземельныхъ владѣльцевъ не можетъ даже дѣйствовать сохою на своемъ участкѣ и содержать лошадь для земледѣльческихъ работъ.

А техника предлагаетъ бросить соху; орошать и осушать поля; имѣть улучшенныя породы скота и производить надъ землею усиленныя удобренія; жать и молотить машинами, наконецъ даже пахать паровымъ плугомъ — все это доступно только хозяйству огромнаго размѣра, располагающему значительными капиталами.

Изъ 4.100,000 землевладѣльцевъ Франціи, только 36,000 имѣютъ эти средства.

Ясно ли теперь положеніе остальныхъ 4.064,000 землевладѣльцевъ? Они или должны отказаться отъ воздѣлыванія своихъ участковъ, или соединиться въ общество для обработки земель. Иначе производство для нихъ раззорительно; одинъ изъ самыхъ основныхъ законовъ всякаго производства таковъ: какъ скоро существуетъ улучшенный способъ, всѣ, кто производитъ не по этому улучшенному способу, остаются въ убыткѣ.

Потому-то теперь каждый разсудительный французскій экономистъ, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ онъ, видитъ выгоду земледѣльческихъ союзовъ во Франціи.

Но что мы говоримъ о Франціи? Мы далеко отстали отъ Франціи въ экономическомъ движеніи, и, однако-же, практическіе люди думаютъ, что даже у насъ настало время, когда земледѣльческія товарищества были бы не лишены выгоды. Два мѣсяца тому назадъ, мы приводили мнѣніе Гакстгаузена, совѣтующаго позаботиться объ устройствѣ земледѣльческихъ союзовъ между поселянами; вотъ мнѣніе другаго человѣка — онъ идетъ уже далѣе и совѣтуетъ даже мелькимъ помѣщикамъ вступать въ союзъ для земледѣльческаго производства:

„Желательно бы, чтобы между мелкомѣстными помѣщиками, вообще между жителями одного селенія и даже между сосѣдними селеніями, было побольше общественности. Помѣщики одного селенія могутъ имѣть одну общую ригу и молотильню, одну жатвенную

Digitized by Google

машину, соломорѣзку и т. д., точно также, какъ они имѣютъ одинъ выгонъ, одного пастуха. Нѣсколько сосѣднихъ селеній могутъ сообща заводить больницы, сельскія школы, библіотеки. Мы все дожидаемся, чтобы насъ принуждали и объ насъ заботились; между тѣмъ какъ надобно умѣть самимъ намъ заботиться о своей пользѣ". („Земледѣльческая Газета", № 19 стр. 146. Александръ Смирновъ изъ сельца Никитинское).

Если у насъ, гдѣ такъ незначительна еще возможность приложенія капитала къ земледѣлію, выгодно было бы вступать въ земледѣльческіе союзы, – и кому же? помѣщикамъ, хозяйство которыхъ у каждаго во всякомъ случаѣ имѣетъ нѣсколько десятковъ десятинъ, то есть ли логическая возможность сомнѣваться въ потребности подобныхъ союзовъ во Франціи, гдѣ необходимость приложенія капитала къ земледѣлію гораздо ближе чувствуется каждымъ и гдѣ развѣ одинъ изъ ста землевладѣльцевъ имѣетъ участокъ земли, достаточный для дѣйствія хотя бы простаго и не усовершенствованнаго плуга?

Вѣроятно, теперь не будетъ отрицать этого самъ г. И. В—скій; вѣроятно, онъ, по прочтеніи этой статьи, не будетъ отрицать многаго изъ того, что отрицалъ, начиная свои возраженія. Да и вообще мы не знаемъ, будетъ ли онъ отрицать что-нибудь въ нашихъ мнѣніяхъ, которыя казались ему совершенно нелѣпыми, когда онъ, три мѣсяца тому назадъ, начиналъ свои возраженія. Мы согласны съ нимъ, что, собственно говоря, онъ началъ спорить противъ насъ единственно по недоразумѣнію: ему, видите ли, сначала показалось, будто въ тѣхъ шести положеніяхъ, которыя мы просили его принять или опровергнуть, заключается нѣчто нелѣпое и страшное, а потомъ онъ увидѣлъ, что наши мысли ограничиваются „очень скромными утвержденіями" —это правда; мы уже сдѣлали догадку, что г. И. В—скій споритъ противъ насъ только потому, что идетъ гораздо дальше насъ въ признаніи общиннаго принципа; и дѣйствительно, въ его послѣдней статьѣ („Экон. Указ." № 29) есть мѣста, послѣ которыхъ наши „утвержденія" должны показаться „очень скромны".

Напримѣръ: читатель помнитъ описаніе устройства уральцевъ въ нашихъ извлеченіяхъ изъ Гакстгаузена. Вся ихъ область составляетъ одно цѣлое, не раздробленное ни на какіе участки и принадлежащее нераздѣльно всему племени. Каждый взрослый мужчина (казакъ) изъ этого племени участвуетъ въ пользованіи всѣми угодьями этого общаго достоянія. Кажется, это общинное владѣніе? Кажется, тутъ есть-таки довольно очевидное примѣненіе общиннаго начала? А г. И. В—скій, разсказавъ, по нашему переводу, объ устройствѣ уральцевъ, восклицаетъ: „и вы считаете это, г. критикъ, примѣненіемъ общиннаго начала? Едва ли. Можно увѣрить, что общинное начало здѣсь не существуетъ". Почему же? Вѣдь здѣсь есть общинная собственность? „Но здѣсь нѣтъ общаго устройства труда".—Дѣйствительно нѣтъ. „Другое дѣло, при пахотѣ въ Падовкѣ, гдѣ пашутъ все поле общинными плугами". А, такъ вотъ что! г. И. В—скому мало общинной собственности; ему нуженъ еще общинный земледѣльческій трудъ,—иначе сказать, организація земледѣльческаго труда, l'organisation du travail champêtre.

Но дѣйствительно ли г. И. В—скій желаетъ общиннаго земледѣльческаго производства?—Да, онъ, дѣйствительно, считаетъ его полезнымъ. Объяснивъ, что работать съобща удобнѣе по его мнѣнію, нежели владѣть землею съобща, онъ продолжаетъ:

Digitized by Google

„Мы считали долгомъ высказать все это для того, чтобы не видѣли въ насъ противника общественнаго владѣнія во всѣхъ его формахъ; напротивъ, многія изъ нихъ мы считаемъ въ высшей степени полезными и плодотворными для народнаго хозяйства: наши артели, западныя промышленныя товарищества, толоки, шептели, и т. п., мы считаемъ весьма раціональными. Но между этими формами труда и общественнымъ пользованіемъ *(т. е. общиннымъ владѣніемъ?)* землею разница неизмѣримая".

Дѣйствительно, между общиннымъ владѣніемъ безъ общиннаго производства и общиннымъ владѣніемъ съ общиннымъ производствомъ, разница неизмѣримая. Первое только предотвращаетъ пролетаріатъ, второе кромѣ того и содѣйствуетъ возвышенію производства.

Вѣдь извѣстно, что общинное производство основывается на общинномъ владѣніи, и что согласіе на общинное производство гораздо затруднительнѣе, нежели согласіе на общинное владѣніе. Вѣдь извѣстно, что фактическія степени тутъ таковы:

1. Общинная собственность или владѣніе безъ общиннаго производства и потребленія. Напримѣръ, двумъ братьямъ достается по наслѣдству домъ. Они владѣютъ имъ нераздѣльно, но каждый можетъ жить при этомъ особеннымъ хозяйствомъ и занимается своимъ особеннымъ промысломъ. Они дѣлятъ доходы.

2. Они могутъ имѣть общую мастерскую, но жить все-таки отдѣльными хозяйствами. Они по прежнему дѣлятъ доходы.

3. Они могутъ имѣть одно хозяйство. Тогда они уже не считаются деньгами. Одинъ купитъ фунтъ чаю, другой вмѣстѣ съ нимъ пьетъ его. „У насъ деньги общія".

Уладиться имъ въ первомъ гораздо легче, нежели согласиться на второе. Уладиться во-второмъ имъ гораздо легче, нежели согласиться на третье.

Точно таковы же и логическія степени:

1. Признаніе возможности и выгодности общиннаго владѣнія, но съ отверженіемъ возможности общиннаго производства и общиннаго владѣнія: доходъ съ собственности легко высчитать, и чтобы не ссориться за него, не нужно даже ровно никакой добросовѣстности, а нужна только забота о собственной выгодѣ. Тоже самое надобно сказать и о ремонтѣ или улучшеніи собственности: доходъ съ дома легко высчитать до послѣдней копѣйки; расходы по управленію и ремонту тоже; также только забота о собственной выгодѣ нужна для того, чтобы рѣшить, какія пристройки нужно сдѣлать.

2. Гораздо труднѣе условіе для допущенія общиннаго производства. Контролировать употребленіе и усердіе труда нельзя—это не внѣшній осязательный фактъ, его нельзя доказать или опровергнуть юридическимъ образомъ. Тутъ нужно довѣріе другъ къ другу. Многіе отвергаютъ возможность успѣшнаго общиннаго производства: тутъ де человѣкъ всегда будетъ лѣниться, потому что не вся выгода отъ его труда достается ему, и притомъ ему достается часть выгоды отъ чужаго труда: „пусть де другіе надсаждаются — работаютъ, а я буду себѣ лѣниться".

3. Еще труднѣе допустить возможность общиннаго потребленія. Мало

Digitized by Google

тутъ условій, достаточныхъ для успѣшности общиннаго производства, мало довѣрія къ взаимной честности, мало и нравственнаго убѣжденія въ выгодности дѣла;—тутъ нужны другія пружины, чтобы я захотѣлъ жить не такъ, какъ лично мнѣ приходитъ фантазія жить, а какъ требуетъ жить разумъ и экономическій разсчетъ, чтобы я захотѣлъ отказаться отъ многихъ своихъ прихотей. Такія побужденія существуютъ въ семействѣ, но чрезвычайно многіе сомнѣваются въ томъ, возможны ли они внѣ семейнаго круга.

Но объ этихъ мнѣніяхъ надѣемся поговорить послѣ. Здѣсь намъ довольно доказать, что вторая степень (общинное производство), принимаемая г. И. В—скимъ, невозможна логически безъ признанія, а фактически безъ существованія первой степени, именно общиннаго владѣнія, отвергаемаго имъ.

Впрочемъ, доказывать это почти лишнее дѣло, послѣ анекдота о пароходномъ обществѣ и г. Ивановѣ, разсказаннаго нами выше. Пароходы и касса этого пароходнаго общества находились въ общинномъ владѣніи всѣхъ акціонеровъ,—и кассиръ общества справедливо сказалъ г. Иванову, что безъ этого условія—безъ общиннаго владѣнія всѣмъ принадлежащимъ обществу—невозможно никакое акціонерное общество.

Возьмите какой хотите примѣръ общиннаго производства—вы увидите, что оно невозможно безъ общиннаго владѣнія какою-либо недвижимою собственностью, по крайней мѣрѣ въ Европѣ—объ островахъ Тихаго Океана мы не говоримъ; тамъ, говорятъ, не нужно никакого труда и никакой собственности, повсюду растутъ хлѣбныя деревья и на нихъ висятъ готовыя печеныя булки съ миндалемъ и безъ миндаля, по вкусу каждаго. Этотъ разсказъ объ островахъ Тихаго Океана—утопія, скажетъ г. И. В—скій. А развѣ вы не вѣрите утопіямъ? скажемъ мы ему въ свою очередь и докажемъ ему въ слѣдующей статьѣ, что онъ величайшій утопистъ, какой только существовалъ со временъ Томаса Моруса, выдумавшаго первую утопію. Но то будетъ еще послѣ, а теперь намъ нужно только доказать, что въ Европѣ общинное производство не можетъ существовать безъ общиннаго недвижимаго владѣнія.—Петръ и Иванъ хотятъ вмѣстѣ заняться дѣланіемъ папиросокъ на продажу—кажется, трудно придумать производство, которое требовало бы меньше мѣста и меньше затраты капиталовъ на движимое или недвижимое имущество. Купили они четвертку табаку, сотню гильсовъ,—и всѣ приготовленія кончены; нужно взять имъ только по палочкѣ для набивки табаку, да достать клочокъ ваты; продадутъ сдѣланную сотню съ барышемъ, купятъ двѣ четверки табаку, сдѣлаютъ двѣ сотни папиросокъ и т. д. А позвольте спросить, гдѣ они будутъ заниматься набивкою папиросъ? не на улицѣ же, не на лѣстницѣ же. Цѣлой комнаты для этого дѣла, положимъ, много, но все же нужно имѣть хотя одинъ изъ тѣхъ „угловъ“, которые описывалъ между прочимъ покойный Бутковъ. Этотъ уголъ—для чего онъ нанятъ? Для того, чтобы было гдѣ присѣсть Петру и Ивану для выдѣлки папиросъ. Въ чьемъ же онъ владѣніи? Въ общинномъ владѣніи вышереченныхъ Петра и Ивана. Вотъ вамъ и есть недвижимое имущество въ общинномъ владѣніи. Возьмите какой хотите другой случай общиннаго производства, вы увидите, что основаніемъ его должно быть общинное владѣніе чѣмъ нибудь недвижимымъ. Напримѣръ: Петръ и Иванъ, бросивъ выдѣлку папиросъ, вздумали быть носильщиками.

Digitized by Google

Тутъ нужно еще меньше припасовъ, нежели для папиросъ—веревка для обвязыванія переносимыхъ вещей,—вотъ и вся исторія. Какъ бы не вся исторія! Купили они веревку, и носятъ цѣлый день мебель съ рынка къ покупщикамъ. Кажется, нѣтъ на свѣтѣ ничего имѣющаго менѣе связи съ недвижимостью, нежели ремесло носильщика? Погодите. Пришла ночь. Неужели бросить на ночь веревку на лѣстницѣ квартиры? Нѣтъ, она пропадетъ; нужно ее спрятать въ чуланъ; мѣста нужно для того мало, хозяйка даромъ дала веревкѣ мѣсто въ своемъ чуланѣ—но вѣдь все-таки веревка заняла хотя вершокъ мѣста въ чуланѣ или подъ кроватью Ивана,—я васъ спрашиваю: чѣмъ занятъ этотъ вершокъ мѣста? Общинною собственностью Петра и Ивана, веревкою. Я васъ спрашиваю: въ чьемъ же владѣніи теперь этотъ вершокъ мѣста? Въ общинномъ владѣніи Петра и Ивана. Я васъ спрашиваю: движимое или недвижимое имущество этотъ чуланъ и каждый вершокъ его пола? Недвижимое. Теперь скажите: есть или нѣтъ у Петра и Ивана въ общинномъ владѣніи недвижимое имущество?

Вотъ видите ли, какая странность: носильщики, дѣлатели папиросъ, не могутъ обойтись безъ общиннаго владѣнія хотя какою нибудь недвижимостью, а г. И. В—скій допускаетъ возможность общиннаго производства въ земледѣліи безъ общиннаго владѣнія.

Какъ могъ произойти такой странный случай? Какъ могъ онъ произойти, побесѣдуемъ съ вами, читатель, въ слѣдующей статьѣ, въ которой разсмотримъ, между прочимъ, возраженія г. И. В—скаго противъ общиннаго поземельнаго владѣнія—и тамъ, между прочимъ, увидимъ, что иныя изъ нихъ не имѣютъ и не могутъ имѣть ровно никакого примѣненія не только къ общинному поземельному владѣнію, но и ровно ни къ чему на свѣтѣ, а всѣ тѣ, которыя имѣютъ хотя малѣйшее значеніе, относятся вовсе не къ общинному владѣнію, отвергаемому г. И. В — скимъ, а къ общинному производству, имъ принимаемому, и въ гораздо большей степени, нежели къ земледѣльческому союзу, примѣняются къ акціонернымъ компаніямъ, такъ что, если бы они, въ самомъ дѣлѣ, были значительны, то давно обанкротились бы всѣ компаніи на акціяхъ.

Тутъ же, между прочимъ, мы разрѣшимъ интересный вопросъ объ отреченіи г. И. В—скаго отъ Тенгоборскаго и о комплиментѣ, которымъ оканчиваются его статьи, начавшіяся столь грозно, а также и о ближайшихъ причинахъ его прискорбнаго намѣренія „оставить перо“ и не „продолжать словопренія“.

Но пока мы будемъ писать разборъ его возраженій противъ шести положеній, которыми оканчивалась наша первая статья, чѣмъ же займется онъ? Оставить его въ праздности на цѣлый мѣсяцъ было бы противно правиламъ экономіи, политической и всякой: праздность вредна, а время капиталъ, котораго нельзя оставлять безъ приличной ему дѣятельности. Поэтому, пока мы будемъ писать разборъ его „шестнадцати главнѣйшихъ вредныхъ сторонъ общиннаго владѣнія“, онъ можетъ заняться разборомъ слѣдующихъ шестнадцати нашихъ новыхъ положеній, извлеченныхъ изъ нашей настоящей статьи, въ честь отысканныхъ имъ „шестнадцати главнѣйшихъ вредныхъ сторонъ общиннаго владѣнія“.

Digitized by Google

1) Ученому, желающему выказать основательныя знанія по вопро объ общинномъ поземельномъ владѣніи въ Россіи, вовсе не нужно знать одного сочиненія объ этомъ предметѣ; довольно прочесть извлеченіе и книги Гакстгаузена, сдѣланное въ „Современникѣ“.

2) Множество французскихъ пролетаріевъ имѣютъ недвижимую со ственность.

3) Средняя цифра есть совершенный вздоръ; среднюю цифру выд малъ „Современникъ“.

4) Сборъ продуктовъ съ земель, находящихся въ общинномъ влад ніи, никогда не достигаетъ цѣнности даже 12 руб. сер. съ десятины.

5) Батракомъ быть лучше, нежели собственникомъ.

6) Адамъ Смитъ достоинъ порицанія.

7) Пастушескихъ народовъ не существовало на свѣтѣ—это все в думки „Современника“.

8) Знать, сколько хлѣба съ десятины собирается во Франціи, и скол въ Россіи, вовсе не нужно при спорѣ о земледѣльческихъ вопросахъ.

9) Общинное производство возможно безъ общиннаго владѣнія.

10) Кто перевелъ Тенгоборскаго, тотъ вовсе не обязанъ знать его.

11) Отреченіе отъ „Экономическаго Указателя“ представляетъ нѣк торыя выгоды.

12) Кто пишетъ безъ справокъ, впадаетъ иногда въ невѣроят ошибки.

13) Bien rira qui rira le dernier.

14) Если г. И. В—скому угодно, чтобы мы не продолжали разб его статей противъ насъ, мы готовы это сдѣлать, подъ тѣмъ условіем чтобы „Экономическій Указатель“ пересталъ нападать на общинное влад землею. На размышленіе объ этомъ, мы можемъ предоставить г. И. В—ско болѣе двухъ недѣль; именно, его согласія на наши шесть положеній, которыхъ начался споръ, мы будемъ ждать до 21 сентября, то есть, д выхода № 38 „Экономическаго Указателя“.

15) Если г. И. В—скій сдѣлаетъ то, что мы ему предлагаемъ, о можетъ быть увѣренъ, что мы не позволимъ себѣ ни малѣйшей тѣни н смѣшки надъ этимъ. Притомъ же онъ можетъ выразить свое согласіе какой ему угодно формѣ, хотя бы и въ обидной лично для насъ; ли было бы можно намъ видѣть, что онъ обѣщается не нападать на общинн владѣніе землею.

16) Нѣкоторыя изъ вышеизложенныхъ пятнадцати положеній г. В—скій, безъ сомнѣнія, отвергнетъ. Но его выгода требовала бы, что онъ согласился на положеніе № 14.

Такъ какъ его статьи противъ насъ подписаны, то и мы считае обязанностью выставить здѣсь свою фамилію.

Н. Чернышевскій.

II.

Статья, написанная нами два мѣсяца тому назадъ, излагала единств элементарные факты и понятія; тонъ ея съ начала до конца былъ полем

Digitized by Google

ческій. Характеръ настоящей статьи вовсе не таковъ. Передавая мнѣнія, кажущіяся намъ справедливыми, мы теперь уже не стѣсняемъ себя задачею не выходить изъ предѣловъ политико-экономической азбуки. О г. И. В--скомъ мы упоминаемъ только на первыхъ строкахъ и потомъ оставляемъ полемику противъ него.

Полемику мы оставляемъ потому, что она уже достигла своей цѣли. Та услуга, которой мы требовали отъ нея эпиграфомъ къ предъидущей статьѣ, оказана ею: формою будто бы жаркаго спора возбужденъ интересъ общества къ вопросу, которымъ оно гораздо меньше занялось бы, если-бы дѣло было изложено безъ полемической приправы.

Притомъ же, мы видимъ теперь г. И. В—скаго въ такомъ положеніи, при которомъ совѣстно было бы продолжать нападенія на него. Цѣлымъ мѣсяцемъ долѣе назначеннаго срока ждали мы, не оправится ли онъ послѣ ушибовъ, понесенныхъ имъ отъ паденій въ ямы, которыхъ такое множество онъ самъ вырылъ себѣ,—но онъ все еще не оправился. Смутиться до такой степени, что не найти ни одного слова въ оправданіе себѣ: оробѣть такъ, что не почувствовать отваги хотя бы изподтишка, хотя бы косвеннымъ намекомъ задѣть того, кому хотѣлъ бы заплатить ударомъ за каждый ударъ,— это самое жалкое положеніе въ мірѣ. Та школа, къ которой принадлежалъ г. И. В—скій, когда еще могъ возвышать свой голосъ, любитъ нападать на несчастныхъ. Мы принадлежимъ къ школѣ, которая обезоруживается видомъ злополучія, хотя бы злополучію подвергся человѣкъ вслѣдствіе собственныхъ своихъ ошибокъ.

Мы оставляемъ полемику, но хотимъ докончить изложеніе нашихъ мнѣній. Потому уже, безъ всякаго отношенія къ мнѣніямъ г. И. В—скаго, мы должны разсмотрѣть во всей строгости единственное кажущееся сильнымъ возраженіе противъ общиннаго владѣнія. Экономисты старой школы полагаютъ, что оно можетъ препятствовать успѣхамъ сельскаго хозяйства. Это единственный пунктъ, который заслуживаетъ серьезнаго разбора— всѣ другіе ихъ доводы противъ общиннаго владѣнія далеко не такъ важны.

„Личная выгода (говорятъ экономисты старой школы)—могущественнѣйшая двигательница всѣхъ улучшеній. Собственникъ навѣки пользуется всѣми выгодами отъ производимыхъ улучшеній; общинникъ не на вѣки, потому что его участокъ не наслѣдственъ, даже не пожизненъ. Потому, очевидно, у собственника больше интереса производить такія улучшенія, слѣдствія которыхъ долговѣчны, то есть самыя важныя улучшенія“.

Прекрасно. Если-бы дѣйствительно принципъ частной поземельной собственности предоставлялъ лицу, производящему прочныя, долговременныя улучшенія, всю выгоду отъ этихъ улучшеній, онъ, дѣйствительно, имѣлъ бы преимущество въ этомъ отношеніи надъ общиннымъ владѣніемъ, по крайней мѣрѣ, во второмъ періодѣ національной жизни (отъ начала господства осѣдлости и земледѣльческихъ занятій, до начала приложенія капиталовъ въ огромныхъ размѣрахъ къ земледѣлію). Но въ самомъ ли дѣлѣ онъ производитъ такой порядокъ вещей? Взглянемъ сначала на факты быта двухъ наиболѣе развитыхъ націй Европы, англичанъ и французовъ.

Въ Англіи господствуетъ система фермерства, по контрактамъ, заклю-

Digitized by Google

чаемымъ обыкновенно на 7—14 лѣтъ. Болѣе продолжительные контракты слишкомъ неудобны и для фермы, и для собственника. Собственникъ уже не участвуетъ въ обработкѣ земли; она въ рукахъ у фермера. Если фермеръ произвелъ улучшеніе долговременное, какую имѣетъ онъ перспективу? до окончанія контракта, онъ пользуется увеличеніемъ дохода,—но это время непродолжительно; а при заключеніи новаго контракта онъ долженъ будетъ повысить плату собственнику на столько, на сколько увеличилась доходность земли отъ произведеннаго улучшенія. Итакъ, онъ употребилъ на улучшеніе трудъ и капиталъ,—въ вознагражденіе за то черезъ нѣсколько лѣтъ ему приходится платить больше, нежели прежде. Ясно, что ему невыгодно дѣлать прочныя улучшенія.

Во Франціи большая часть земли обработывается или по системѣ фермерства или по системѣ половничества, которое можетъ существовать только при неразвитости экономическихъ отношеній (слѣдовательно, при состояніи, въ которомъ невозможны улучшенныя системы производства), а при сильнѣйшемъ развитіи экономической дѣятельности необходимо переходитъ въ фермерство. Стало быть, на большей половинѣ французской земли положеніе людей, трудомъ и капиталомъ которыхъ должны совершаться улучшенія, также дѣлаетъ для нихъ невыгоднымъ дѣломъ введеніе прочныхъ улучшеній.

Меньшая часть французской земли обработывается собственниками,—тутъ было бы выгодно производить всякія улучшенія; но дѣло въ томъ, что эти собственники, обходящіеся безъ фермеровъ, владѣютъ только тѣми ничтожными клочками, о которыхъ мы говорили, и не имѣютъ средствъ не только вводить улучшенія, но и содержать лошадь или воловъ для обработки своего поля.

Таковы факты. Спрашивается теперь: въ лучшее ли положеніе, относительно выгодъ, доставляемыхъ прочными улучшеніями человѣку, производящему ихъ, поставлена принципомъ частной собственности англійская и французская земля, нежели земля, находящаяся въ общинномъ владѣніи? Нѣтъ, общинникъ, положимъ, теряя при передѣлѣ часть своего участка, теряетъ часть произведенныхъ на участкѣ прочныхъ улучшеній; но фермеръ, съ истеченіемъ контракта теряетъ всѣ улучшенія. Итакъ, при общинномъ владѣніи, человѣкъ, производящій прочныя улучшенія, имѣетъ болѣе интереса производить ихъ, нежели фермеръ: оба они совершенно обезпечены въ пользованіи ими только на извѣстное число лѣтъ, одинакое для обоихъ или даже болѣе продолжительное для общинника; съ окончаніемъ этихъ лѣтъ (при передѣлѣ и при новомъ контрактѣ) общинникъ *можетъ* потерять *часть* произведенныхъ улучшеній; фермеръ теряетъ *непремѣнно всю сумму* ихъ.

Это воззрѣніе для многихъ изъ нашихъ читателей покажется новымъ. Поэтому, чтобы уяснить его, мы въ приложеніи А развиваемъ его въ болѣе строгой формѣ.

Но, быть можетъ, собственнику удобнѣе производить эти прочныя улучшенія? Вѣдь ему въ руки переходитъ большая половина прибыли отъ нихъ, даже и тогда, когда они производятся фермеромъ, — тѣмъ значительнѣе будетъ прибыль собственника, если онъ затратитъ на нихъ собственный капиталъ? Выгодно ему это, или нѣтъ, но это невозможно для него. Во-пер-

Digitized by Google

выхъ, земля его не въ его распоряженіи, а въ распоряженіи фермера, стало быть, онъ не можетъ ничего съ нею сдѣлать безъ фермера. Согласіе фермера онъ долженъ получить или съ тѣмъ, чтобы настоящій контрактъ остался неизмѣненъ, — въ такомъ случаѣ собственникъ остается въ убыткѣ, — онъ затратилъ капиталъ, а арендная плата не повысилась; или съ тѣмъ, что контрактъ измѣняется, — въ такомъ случаѣ, убытокъ фермеру, — прибылъ фермера прежняя, а арендная плата повысилась. Итакъ, перваго не захочетъ собственникъ, втораго фермеръ. Согласіе между ними невозможно, если они разсчетливые люди, потому что выгоды одного тутъ противны выгодамъ другаго. Но, положимъ, они согласились. Въ такомъ случаѣ работы по улучшеніямъ производятся на капиталъ собственника, надъ пространствомъ, находящимся въ полномъ управленіи фермера, — ясно ли, каково пойдутъ эти работы? Конечно, съ нарушеніемъ всякой экономіи, расточительнымъ образомъ. Наконецъ, надобно сказать, что собственникъ, при фермерской системѣ имѣющій средства и охоту съ знаніемъ производить прочныя улучшенія,—явленіе рѣдкое до того, что становится почти мечтою. Охоты и знанія у него нѣтъ, потому что онъ отдаленъ фермеромъ отъ непосредственныхъ дѣлъ сельскаго хозяйства,—онъ вообще не сельскій хозяинъ, а скорѣе рентьеръ; средствъ у него нѣтъ, потому что, вообще говоря, онъ проживаетъ все, что получаетъ. Если эти мысли покажутся кому нибудь новыми, требующими подтвержденія, подтвержденіе найдется въ приложеніи В.

То, что фермерство чрезвычайно противно всякимъ прочнымъ ул учшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, не подлежитъ спору. Теперь надобно посмотрѣть, какова тенденція частной поземельной собственности,—какая система сельскаго хозяйства является необходимымъ слѣдствіемъ частной поземельной собственности, какъ скоро нація достигаетъ значительнаго развитія экономическихъ отношеній.

Судя по фактамъ, фермерство. Мы видимъ, что его развитіе въ различныхъ странахъ Западной Европы соразмѣрно экономическому развитію каждой страны. Три степени экономическаго развитія представляютъ Англія, Франція, Испанія. Въ Англіи, наиболѣе ушедшей впередъ, владычествуетъ фермерство. Въ Испаніи, наиболѣе оставшейся позади, владычествуютъ патріархальныя формы, предшествующія фермерству; во Франціи онѣ уже начинаютъ уступать фермерству *).

Теорія говоритъ, что это и не можетъ быть иначе. Какъ скоро у собственника есть такой участокъ земли, который даетъ ренту, достаточную для праздной жизни въ довольствѣ, для него система фермерства привлекательнѣе и выгоднѣе всякой другой системы свободнаго труда. Самому заниматься хозяйствомъ ему нѣтъ нужды; притомъ же, при той степени развитія, на которой является фермерство, хозяйство требуетъ значительнаго оборотнаго капитала, котораго онъ обыкновенно не имѣетъ, по своимъ роскошнымъ привычкамъ; хлопотать ему непріятно, если онъ можетъ получать

*) По Шатовьё, изъ 43,000,000 гектаровъ воздѣлываемой земли во Франціи, около 1840 года, 20 милліоновъ воздѣлывалось хозяйствомъ собственниковъ (это преимущественно мельчайшіе участки, о судьбѣ которыхъ мы будемъ говорить ниже), 14½ мил. по системѣ половничества, 8½ мил. уже по системѣ фермерства.

Digitized by Google

почти столько же безъ хлопотъ; итакъ, онъ непремѣнно предпочтетъ отдавать свою землю въ пользованіе за вознагражденіе. А изъ всѣхъ способовъ отдачи въ пользованіе фермерство—самый выгодный для него. Это мы точнѣе показываемъ въ приложеніи С.

Теперь намъ остается только показать, каково общее направленіе естественнаго движенія частной поземельной собственности; стремится ли она, подъ вліяніемъ принциповъ, ею движущихъ нормальнымъ путемъ, принциповъ наслѣдства, приданаго, дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, къ сосредоточенію въ большія массы, или можетъ остаться распредѣленною на участки средней величины, понимая подъ участками средней величины такіе, обладаніе которыми даетъ безбѣдныя средства для жизни человѣку, ихъ обработывающему, но не доставитъ ему ренты, достаточной для праздной жизни; или, наконецъ, она стремится къ раздробленію по всему населенію страны?

Смотря на дѣйствіе наслѣдства, приданаго и т. д., каждый замѣчаетъ, что оба крайнія стремленія,—сосредоточеніе и раздробленіе,—безпрестанно обнаруживаютъ свои дѣйствія на частной поземельной собственности, такъ что въ два поколѣнія ни одинъ клочекъ земли во всей странѣ не избѣгнетъ этого дѣйствія,—онъ или соединится съ другими, или раздробится *). Какое изъ этихъ двухъ стремленій преобладаетъ, или они уравновѣшиваются? Мы всѣ знаемъ, что „имѣющему прибавится, а у неимѣющаго отнимается и то, что онъ имѣетъ",—это постоянно мы видимъ и на опытѣ.

Такъ агрономы замѣчаютъ, что во Франціи пространства, обнимаемыя большою собственностью, расширяются.

Но есть экономисты, которымъ угодно утверждать, что сосредоточеніе и раздробленіе взаимно уравновѣшиваются, что въ общей массѣ распредѣленіе поземельной собственности не становится съ каждымъ поколѣніемъ неравномѣрнѣе, а остается въ прежнемъ положеніи, или даже постепенно уравнивается. Это мнѣніе, противорѣчащее наглядному опыту каждаго наблюдательнаго человѣка, основывается не на какихъ нибудь, хотя бы одностороннимъ образомъ подмѣченныхъ, фактахъ, а просто на знаменитой метафорѣ, что каждый экономическій принципъ, подобно копью Ахиллеса, самъ же исцѣляетъ и раны, имъ наносимыя. Для того, чтобы противорѣчить наглядности, были бы нужны основанія болѣе твердыя,—напримѣръ, точныя статистическія изслѣдованія, но о нихъ не заботились противники нагляднаго опыта. Всѣ выставляемые противъ нихъ примѣры они отвергаютъ тѣмъ, что это частные ненормальные случаи. Напротивъ, нужно только точнѣе изслѣдовать сущность самыхъ принциповъ, и мы увидимъ, что существенное ихъ природѣ стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, раздробляя до крайности поземельную собственность, съ другой, гораздо въ сильнѣйшей мѣрѣ, сосредоточивать ее, такъ что равновѣсія нѣтъ нигдѣ, а есть чрезмѣр-

*) Мы, конечно, говоримъ о тѣхъ странахъ, въ которыхъ частная поземельная собственность управляется разумными обычаями и законами, а не о тѣхъ странахъ, гдѣ есть право первородства, субституціи, и т. п. учрежденія, очевидно вредныя въ экономическомъ отношеніи. Мы беремъ страны, гдѣ наслѣдство дѣлится поровну между дѣтьми, и гдѣ дочь получаетъ въ приданое часть отцовской земли. Гдѣ нѣтъ этого обычая, тамъ состояніе поземельной собственности гораздо хуже.

Digitized by Google

ное уклоненіе нѣкоторой части отъ равновѣсія въ одну сторону, съ еще болѣе чрезмѣрнымъ уклоненіемъ другой, гораздо значительнѣйшей части, въ другую сторону. и что эти оба уклоненія возрастаютъ прогрессивно съ каждымъ поколѣніемъ. Изъ дѣланныхъ нами анализовъ, дающихъ этотъ выводъ, мы приводимъ одинъ въ приложеніи Д. Онъ относится къ дѣйствію принципа наслѣдственности, сила котораго преобладаетъ надъ всѣми другими обыкновенными двигателями частной собственности.

Изъ этого очевидно, въ какое положеніе постоянно приводится частная поземельная собственность дѣйствіемъ принциповъ, ею управляющихъ. Большая часть (до двухъ третей) всей территоріи соединяется непрерывно въ обширные участки, рента которыхъ достаточна для праздной жизни и которые необходимо идутъ подъ фермерство, какъ скоро развивается экономическій бытъ до той степени, на которой патріархальныя отношенія замѣняются коммерческими. Изъ остальной, меньшей части, половина (около пятой или шестой части всей воздѣлываемой территоріи) дробится на мелкіе клочки, хлѣбопашествомъ на которыхъ не могутъ существовать владѣльцы, и только другая половина (также пятая или шестая часть всей территоріи, остается въ участкахъ, которые не нуждаются въ фермерствѣ, но могутъ кормить своего владѣльца.

По извѣстному закону, что какъ скоро большая половина производства совершается способами большихъ хозяйствъ, мелкіе производители не могутъ выдерживать соперничества съ крупными, земледѣльцы-собственники мелкихъ и среднихъ участковъ должны работать въ убытокъ себѣ или отчуждать свои участки, когда настаетъ эпоха фермерства.

Мы уже много разъ говорили о томъ, какъ невыгодна система фермерства для огромнаго большинства земледѣльцевъ *), и думали бы, что этотъ пунктъ не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Однако же, зная, что для многихъ изъ русскихъ читателей, не имѣющихъ у себя подъ глазами фермъ, сильна привычка забывать объ участи массы земледѣльческаго населенія при фермерствѣ, мы приводимъ въ приложеніи Е отрывки изъ Сисмонди объ этомъ предметѣ. Кстати, мы пользуемся этимъ случаемъ для замѣчанія, что основа мыслей, нами здѣсь излагаемыхъ, принадлежитъ Сисмонди,—читатели, близко знакомые съ политическою экономіею, конечно, замѣтили это.

Здѣсь, оставляя въ сторонѣ выгодность фермерства для земледѣльческаго населенія, мы говорили только о томъ, выгодно ли оно для тѣхъ успѣховъ земледѣлія, которые основаны на прочныхъ долголѣтнихъ улучшеніяхъ, и намъ кажется, что отвѣтъ на это не можетъ подлежать сомнѣнію послѣ объясненій, сдѣланныхъ нами.

Нѣтъ такой системы земледѣлія, которая менѣе фермерства удовлетворяла бы условіямъ, нужнымъ для прочныхъ, долговременныхъ улучшеній. Мы видѣли, что при немъ только самая меньшая часть прибыли, даваемой

*) Въ Англіи считается:
38,000 богатыхъ поземельныхъ собственниковъ.
250,000 фермеровъ, зажиточныхъ капиталистовъ.
3,000,000 земледѣльческихъ работниковъ, находящихся въ положеніи болѣе тяжеломъ, нежели даже фабричные рабочіе.

Digitized by Google

этими улучшеніями, получается человѣкомъ, произведшимъ улучшеніе, а несравненно большая часть идетъ въ руки человѣка, нимало не содѣйствовавшаго улучшенію ни мыслію, ни трудомъ, ни капиталомъ.

Важность этихъ улучшеній невозможно отрицать, мы скорѣе готовы согласиться съ тѣми, которые наиболѣе возвышаютъ ее. Отъ такихъ работъ, какъ разведеніе и сохраненіе лѣсовъ, осушеніе и орошеніе почвы, и т. д. зависитъ очень многое, съ помощью ихъ можно до нѣкоторой степени пересоздать природу страны,—подобнымъ образомъ пересоздана природа Шотландіи, Гольштейна, Голландіи. Нельзя не замѣтить, что у насъ для подобныхъ улучшеній еще не пришло время, и что рано еще намъ слишкомъ хлопотать о томъ, какая система владѣнія для нихъ выгоднѣе, когда еще нѣтъ коммерческой выгоды совершать ихъ при какой бы то ни было системѣ владѣнія. Но чѣмъ болѣе мы желаемъ, чѣмъ скорѣе мы ожидаемъ наступленія эпохи подобныхъ улучшеній въ Россіи, тѣмъ жарче должны мы защищать систему общиннаго поземельнаго владѣнія, потому она болѣе всѣхъ способовъ, какими существуетъ воздѣлываніе при частной собственности, благопріятна производству этихъ прочныхъ улучшеній.

„При частной собственности болѣе выгоды производить эти улучшенія, потому что вся выгода отъ нихъ достается тому, кто произвелъ ихъ“—о, идиллія, достойная Тирсисовъ и Палемоновъ, не имѣвшихъ понятія о статистикѣ и о наукѣ Адама Смита! — Эта милая идиллія основана на томъ наивномъ предположеніи, что при частной поземельной собственности интересы всѣхъ трехъ факторовъ земледѣлія (собственность земли, оборотный капиталъ съ администраціею работы и трудъ) соединяются въ одномъ лицѣ, и это лицо производитъ улучшенія,—эта идиллія годится только на тотъ случай, когда собственникъ земли своими руками, безъ наемныхъ работниковъ воздѣлываетъ ее,—тогда, конечно, вся выгода и производства и всякихъ улучшеній остается въ его рукахъ.

Но увы, идилліямъ мало пріюта въ нашемъ желѣзномъ вѣкѣ, и мы очень хорошо знаемъ, что таково бываетъ при частной собственности положеніе только меньшей половины воздѣлываемаго пространства, и что собственники этихъ небольшихъ участковъ, какъ скоро начинается коммерческая возможность дѣлать прочныя улучшенія, бываютъ подавляемы соперничествомъ крупныхъ хозяйствъ такъ, что имъ уже не до улучшеній, а лишь бы только какъ нибудь быть сытыми со дня на день. А гораздо большая половина земли находится въ большихъ участкахъ, на которыхъ моменты собственности, оборотнаго капитала и труда распадаются на три разные класса людей, и возникаетъ относительно прочныхъ улучшеній слѣдующее положеніе дѣлъ:

1) Собственникъ, не участвующій ничѣмъ въ улучшеніяхъ, пользуется большею частью выгодъ отъ нихъ;

2) Фермеръ, производящій улучшенія своимъ капиталомъ, пользуется только меньшею половиною выгодъ отъ нихъ;

3) Работники, не имѣющіе ровно никакого интереса въ успѣхѣ или неудачѣ предпріятія, производятъ все, что требуетъ заботливой внимательности,—а такова большая часть улучшеній.

Digitized by Google

Фермерство возникаетъ изъ общественныхъ отношеній, разъединяющихъ собственность отъ оборотнаго капитала, капиталъ отъ труда, знаніе отъ обладанія;— оно возникаетъ ради разъединенія ренты отъ всякой нужды умственнаго и физическаго труда. Корень этого учрежденія въ интересахъ праздной ренты и помѣщенія избыточествующихъ капиталовъ, а вовсе не въ интересахъ успѣховъ сельскаго хозяйства.

Своему назначенію: съ одной стороны давать праздную ренту, съ другой—давать помѣщеніе капиталамъ, оно очень точно удовлетворяетъ: но съ точки зрѣнія сельско-хозяйственныхъ успѣховъ, это самое неудобное учрежденіе.

Такихъ учрежденій мы находимъ много во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Возникая изъ стремленій, чуждыхъ интересамъ той области, которая захватывается ими, они держатся не сообразностью своею съ здравыми понятіями, а соотвѣтственностью своею съ выгодами такъ или иначе установившагося общественнаго порядка. Майораты, продажа военныхъ чиновъ, безчисленныя синекуры, неравномѣрность представительства разныхъ элементовъ въ правительствѣ (т. е. парламентѣ, дающемъ правительство странѣ), неогражденность положенія жены относительно не только личности, но и имущества *), и т. д. — все это развѣ основано на здравыхъ понятіяхъ?

Нѣтъ, все это возникло изъ общаго соціальнаго устройства, которое быть можетъ хорошо или дурно, но которое создано вовсе не по руководству Адама Смита и не по теоріямъ Либиха, а потому и не всегда рождаетъ явленія, сообразныя съ требованіями науки.

„Но все-таки, англійское сельское хозяйство находится въ хорошемъ положеніи",—да, точно такъ же, какъ англійская армія все-таки одерживаетъ блистательныя побѣды, англійскій парламентъ все-таки издаетъ хорошіе законы, англійскіе мужья все-таки хорошо живутъ съ женами—это вовсе не свидѣтельствуетъ въ пользу неравномѣрности представительства, продажности офицерскихъ чиновъ и неогражденности имущества женъ, а говоритъ только, что житейская необходимость въ правосудіи, въ мужествѣ, въ семейномъ согласіи сглаживаетъ вредныя послѣдствія частныхъ неразумныхъ учрежденій, когда общій духъ націи окрѣпъ подъ вліяніемъ общаго хорошаго законодательства, подъ сѣнью законности и твердыхъ правъ. Продажа чиновъ портитъ организацію англійской арміи, — но англичанинъ привыкъ быть смѣлъ, энергиченъ, любитъ родину, — и потому англійская армія все-таки лучше неаполитанской, въ которой нѣтъ продажности чиновъ. Но если бы неаполитанцы вздумали ввести у себя продажность чиновъ, сообразивъ, что въ ней-то и есть залогъ военныхъ успѣховъ, — скажите, что было бы съ неаполитанскою арміею? — если теперь она плоха, тогда стала бы еще въ тысячу разъ хуже.

Успѣхи каждой отрасли національной жизни зависятъ прежде всего

*) Законы Англіи гораздо менѣе ограждаютъ имущество жены, нежели, напр., русскіе и французскіе. По русскимъ законамъ мужъ не имѣетъ власти распоряжаться приданымъ или наслѣдствомъ жены,—по англійскимъ, онъ полный и безотчетный распорядитель его, будто своей собственности.

Digitized by Google

отъ общаго духа націи и отъ обстоятельствъ національнаго быта. Земли въ Англіи мало, пути сообщенія хороши, требованіе на сельскіе продукты чрезмѣрно велико, вслѣдствіе громаднаго развитія городовъ — и вотъ одна сторона положенія, изъ котораго возникаетъ тщательная обработка полей. И у насъ близъ большихъ городовъ и по близости хорошихъ путей сообщенія земля обработывается лучше, и тѣмъ лучше обработывается, чѣмъ гуще населеніе. Принципъ владѣнія землею въ Псковской губерніи и въ Московскомъ уѣздѣ одинъ и тотъ же—но есть ли какое нибудь сравненіе между этими мѣстностями по качеству обработки земли и количеству положенныхъ на нее улучшеній и оборотнаго земледѣльческаго капитала? Въ приложеніи F мы точнѣе развиваемъ эту мысль съ приложеніемъ цифръ.

Это одна сторона дѣла, матеріальная. Не менѣе, если не болѣе, важна сторона нравственная. Духъ гражданскихъ учрежденій, отношенія сословій, порядокъ администраціи, — все это гораздо ближе касается каждой отрасли матеріальныхъ успѣховъ, нежели думаютъ многіе.

Если бы частная поземельная собственность когда нибудь, при какой бы то ни было системѣ наслѣдства, приданаго и продажи, могла быть устроена въ Европѣ такъ, чтобы обезпечивать большинству земледѣльческаго населенія обладаніе достаточными для безбѣдной жизни (близкими къ средней величинѣ, происходящей отъ раздѣленія воздѣлываемаго пространства на число семей) поземельными владѣніями, ее можно было бы защищать съ точки зрѣнія національнаго благосостоянія. Если бы она могла когда-нибудь привести въ Европѣ къ такому результату, чтобы большая половина воздѣлываемой земли воздѣлывалась хозяйствомъ собственниковъ, ее можно было бы защищать съ точки зрѣнія успѣховъ сельскаго хозяйства. Но какъ историческо-статистическіе факты, такъ и анализъ необходимыхъ дѣйствій самого принципа поземельной наслѣдственности равно доказываютъ, что обѣ эти цѣли не соотвѣтствуютъ самой природѣ частной поземельной собственности. Она постоянно распредѣляетъ территорію націи такъ, что большинство земледѣльческаго населенія или вовсе исключается изъ участія въ поземельномъ владѣніи, или получаетъ на свою долю ничтожные, гомеопатическіе клочки, владѣльцы которыхъ не обезпечены въ существованіи воздѣлываніемъ ихъ. Потому общинное владѣніе, обезпечивающее каждому земледѣльцу обладаніе землею, гораздо лучше частной собственности упрочиваетъ національное благосостояніе. Частная земледѣльческая собственность необходимо ведетъ къ тому, что большая половина воздѣлываемаго пространства воздѣлывается не собственниками, имѣющими прямой интересъ въ улучшеніяхъ, а другими людьми, которые, производя прочныя улучшенія, доставляютъ тѣмъ выгоду не себѣ, а инымъ людямъ, и слѣдовательно приводятся къ наивозможно меньшему интересу въ производствѣ улучшеній. Потому общинное владѣніе, обезпечивающее воздѣлывателю несравненно большую долю выгоды отъ прочныхъ улучшеній, болѣе благопріятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, нежели частная поземельная собственность.

Мы думаемъ, что достаточно раскрыли теоретическую неизбѣжность такого вывода. Въ приложеніи С мы объясняемъ, что онъ подтверждается даже тѣми немногими частными фактами, которые выставляются легкомы-

Digitized by Google

сліемъ въ опроверженіе общихъ, повсемѣстныхъ указаній исторіи и статистики, свидѣтельствующихъ о вѣрности защищаемаго нами взгляда.

Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успѣховъ сельскаго хозяйства, которая соединяетъ собственника, хозяина и работника въ одномъ лицѣ. Государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ изъ всѣхъ формъ собственности наиболѣе подходитъ къ этому идеалу.

При настоящемъ порядкѣ (безъ вознагражденія, съ 10—15-лѣтними передѣлами) общинное владѣніе даетъ лицу, производящему прочныя улучшенія, почти въ два раза болѣе выгодъ, нежели система половничества, и въ четыре раза болѣе выгодъ, нежели система фермерства.

А при частной собственности большая половина пространства, по превозможеніи феодальныхъ формъ, необходимо воздѣлывается по системѣ фермерства при развитости экономическаго быта.

Потому система общиннаго владѣнія представляетъ неоспоримое преимущество надъ обѣими этими единственными преобладающими формами частной собственности (мы не говоримъ о формахъ феодальныхъ, которыхъ никто не рѣшится защищать) со стороны благопріятности для успѣховъ сельскаго хозяйства.

„Но если государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ есть изъ всѣхъ формъ поземельной собственности самая благопріятная для прочныхъ улучшеній въ земледѣліи, то почему же наше земледѣліе такъ мало приняло изъ улучшеній, существующихъ въ Англіи, Голландіи, Гольштейнѣ и такъ далѣе? Почему у насъ до сихъ поръ держится трехпольное хозяйство, плохія породы малочисленнаго скота, плохія первобытныя орудія обработки, такъ плохо удобряется земля, и такъ далѣе?“ Послѣ нашихъ прежнихъ статей, едва ли нужно долго останавливаться на этомъ, отвѣтъ ясенъ. Тутъ дѣло не въ формѣ поземельной собственности, а въ томъ, что нѣтъ еще надобности, иначе сказать, коммерческаго разсчета, затрачивать капиталы на введеніе сильныхъ удобреній, улучшенныхъ орудій и такъ далѣе. Сельскіе хозяева очень хорошо знаютъ это, и потому держатся той системы, которая требуетъ наименѣе затратъ. И въ Англіи при майоратахъ, субституціяхъ, при фермерствѣ и высочайшемъ развитіи частной поземельной собственности въ XVI вѣкѣ, земледѣліе оставалось въ такомъ же положеніи, какъ нынѣ въ Россіи. Внутренній запросъ на хлѣбъ былъ малъ, по слабому развитію городскаго населенія; внѣшній сбытъ былъ малъ, по неудобству путей сообщенія; земли было много, рукъ мало, по слабой населенности Англіи; законность и правосудіе были въ жалкомъ состояніи, потому капиталы прятались; въ націи было мало предпріимчивости и энергіи въ трудѣ,—таково было состояніе англійской націи въ XVI—XVII вѣкахъ, и какая бы форма поземельнаго владѣнія ни существовала въ ней тогда, все равно, земледѣліе не могло дѣлать успѣховъ, потому что не было ни потребности, ни выгодности дѣлать улучшенія. Производство усиливается улучшеніями, — въ какомъ нибудь уѣздѣ Воронежской или Харьковской губерніи, имѣющемъ нынѣ мильонъ четвертей сбора при среднемъ урожаѣ, будетъ два мильона четвертей при такомъ же урожаѣ, если улучшится способъ обработки. Превосходно; эти два мильона бываютъ и нынѣ при чрезвычайныхъ урожаяхъ,—

Digitized by Google

чтожъ тогда случается? Сбыта нѣтъ, хлѣбъ страшно падаетъ въ цѣнѣ и лежитъ непроданный, производители сидятъ безъ денегъ, говоря: перерод хуже недорода. Скажите теперь, какая имъ надобность хлопотать ради двухъ мильоновъ сбора, когда они не знаютъ, какъ быть и куда дѣваться, если эти два мильона родятся по счастливому случаю? Какая тутъ возможность улучшеній? Еще вопросъ: у меня есть оборотный капиталъ; я могу или затратить его на улучшеніе земли, или расширить запашку, прикупивъ или принанявъ земли; послѣднее помѣщеніе гораздо выгоднѣе, по причинѣ многоземельности; — неужели же я буду такой идеалистъ, что по улучшенному способу, ради любви къ улучшеніямъ, захочу съ удвоенными хлопотами получать менѣе выгодъ, нежели получаю посредствомъ простаго расширенія запашки, безъ всякихъ хлопотъ?

Форма владѣнія можетъ благопріятствовать или неблагопріятствовать улучшеніямъ. Но они являются тогда только, когда затрата капиталовъ становится выгодна. Для этого нужно земледѣлію: развитіе рынковъ и извѣстная густота населенія. У насъ ни того ни другаго нѣтъ, потому и улучшенія не являются. Пока не было сильнаго запроса и густоты населенія, не было улучшеній и въ Англіи. А когда явилась и потребность и выгодность, явились и улучшенія, необходимость преодолѣваетъ все, она преодолѣла и неудобства фермерской системы. У насъ, когда явится потребность и выгодность улучшеній, явятся и улучшенія, какова бы ни была форма владѣнія, хотя бы водворилось и неблагопріятное для нихъ фермерство. Но если до того времени сохранится благопріятнѣйшая для нихъ система общиннаго владѣнія, улучшенія возникнутъ легче и расширятся быстрѣе.

Когда явится это время? Условія того ясны: когда населеніе будетъ гуще, когда пути сообщенія будутъ легки. Производство расширяется съ расширеніемъ рынковъ, а улучшенные способы являются только тогда, когда необходимы для увеличенія производства. Раньше явиться въ земледѣліи они не могутъ, потому что они дороже первобытныхъ способовъ земледѣлія, которые всегда и держатся до того времени, пока уже не въ состояніи будутъ давать столько предуктовъ, сколько требуется расширеніемъ запроса.

Цѣлую обширную статью мы употребили на разсмотрѣніе одного возраженія противъ общиннаго владѣнія, сколько же мѣста должно занять разсмотрѣніе другихъ возраженій? Гораздо меньше, потому что всѣ вмѣстѣ они гораздо маловажнѣе этого; оно одно требуетъ долгихъ и точныхъ объясненій не потому, чтобъ имѣло хотя малѣйшую долю основательности или хотя бы затруднительности, а просто потому, что у насъ, незнакомыхъ по опыту съ фермерствомъ, образовалось мнѣніе, будто фермерство само по себѣ есть нѣчто благопріятное успѣхамъ сельскаго хозяйства,—это предубѣжденіе возникло только изъ незнакомства съ дѣломъ и изъ запутанности понятій. Начнутъ съ идеала, въ которомъ нѣтъ ни фермера, ни работника, а предполагается зажиточный поселянинъ землевладѣлецъ, обработывающій землю собственными руками,—и расхваливши до небесъ это дѣйствительно очень хорошее состояніе, вдругъ заключаютъ: „и такъ частная собственность выше общиннаго владѣнія“,—а читатель и думаетъ, будто она то и даетъ этотъ идеалъ, онъ вотируетъ въ пользу частной поземельной собственности ради

Digitized by Google

этого идеала, а того и не сказали ему, что именно при ней этотъ идеалъ наименѣе возможенъ, именно при ней наименѣе возможности удержаться во владѣніи землею человѣку, воздѣлывающему ее своими руками, и вмѣсто прекраснаго идеала, котораго желалъ, обманутый прозелитъ видитъ себя среди фермерства, которое вовсе не похоже на идеалъ.

Мы заговорили объ идеалахъ. Мы защищаемъ фактъ, у насъ существующій,—государственную собственность съ общиннымъ владѣніемъ, именно потому, что она всего ближе всѣхъ другихъ формъ собственности подходитъ къ идеалу поземельной собственности.

Вся выгода отъ улучшеній и отъ труда должна принадлежать лицу, трудящемуся и улучшающему.

Каждый земледѣлецъ долженъ быть землевладѣльцемъ.

Первая черта идеала относится къ успѣхамъ сельскаго хозяйства, вторая къ національному благосостоянію. Чѣмъ полнѣе осуществляются онѣ въ дѣйствительности, тѣмъ при равныхъ условіяхъ быстрѣе успѣхи сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія. Но форма владѣнія не есть единственное основаніе того и другаго: нужны другія условія, о нихъ-то и должны хлопотать въ каждой землѣ люди, желающіе успѣховъ сельскому хозяйству. Изъ этихъ условій отъ человѣческой воли зависитъ водвореніе законности, справедливости и правосудія, водвореніе хорошей администраціи, предоставленіе каждому простора для законной дѣятельности.

За осуществленіемъ этихъ условій слѣдуетъ и все остальное, нужное для успѣховъ земледѣлія: пробужденіе промышленной дѣятельности, развитіе городовъ, увеличеніе удобствъ сообщенія производителей съ рынкомъ.

Мы защищаемъ фактъ, у насъ сохранившійся, потому что онъ изъ всѣхъ возможныхъ на землѣ формъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ идеалу поземельной собственности.

Но фактъ самъ по себѣ есть уже всегда до нѣкоторой степени уклоненіе отъ идеала и нуждается постоянно въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и исправленіяхъ для соотвѣтствія съ нимъ. Потому, защищая принципъ факта, мы должны съ другой стороны сказать и о томъ, до какой степени дѣйствительныя подробности факта удовлетворительны, какія нѣтъ.

Нація имѣетъ два интереса:

1) Люди особенно даровитые, особенно счастливые или особенно дѣятельные, которые могутъ успѣшно выдерживать конкуренцію, любятъ рисковать.

2) Люди обыкновенные желаютъ жить безбѣдно и обезпеченно.

Для первыхъ существуетъ огромное поприще частной собственности, въ которой все предоставлено счастію, дарованію, силѣ или ловкости. Вторымъ нужно обезпеченное достояніе, независимое отъ превратностей счастія, такъ чтобы трудящійся всегда имѣлъ средства къ труду.

Это дается государственною поземельною собственностью съ общиннымъ владѣніемъ.

Я сынъ моей родины — этого довольно, родина поступаетъ со мною какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться,—я получаю участокъ изъ государственной собственности.

Digitized by Google

Всѣ дѣти равно милы ей,—я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому гражданину, — они не ропщутъ на то, потому что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ такимъ же образомъ,—мое право есть ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ прійдется, въ свою очередь, потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ, - ихъ право есть мое право.

Но я хочу и имѣю средства искать чего нибудь лучшаго, нежели безбѣдная жизнь, я надѣюсь на особенныя свои силы, я имѣю особенныя наклонности,—прекрасно, это ужъ мое дѣло, мой рискъ. Значитъ, я уже отказываюсь отъ обезпеченности, мѣняя вѣрный, но скромный жребій на путь, могущій быть болѣе выгоднымъ или пріятнымъ мнѣ, но могущій и быть неудачнымъ. Я отказываюсь отъ участія въ государственной землѣ, я ищу себѣ личной, частной собственности.

Изъ этого ясны отношенія общиннаго владѣнія и частной поземельной собственности по объему.

Государственная поземельная собственность должна имѣть, по крайней мѣрѣ, такой объемъ, чтобы каждый изъ подушныхъ участковъ давалъ безбѣдныя средства для жизни землевладѣльцу.

Она будетъ имѣть такой объемъ, если къ ней причислить всѣ тѣ земли, которыя воздѣлываются для самихъ себя земледѣльцами. Если же нѣтъ, если различать наименованія, и изъ земель, находящихся въ общинномъ владѣніи или пользованіи, считать только тѣ неизъемлемыми изъ общаго государственнаго поземельнаго капитала, которыя называются нынѣ государственными;— если полагать, что тѣ земли, которыя носятъ имя частной собственности, но распредѣляются между поселянами по общинному праву, должны отойти въ ихъ или чью нибудь частную собственность, объемъ общаго государственнаго фонда окажется совершенно недостаточнымъ.

Отходить имъ изъ него нѣтъ основанія ни въ обычаѣ, ни въ правѣ.

Въ обычаѣ нѣтъ основанія потому, что онѣ распредѣляются въ пользованіе все-таки на основаніи общинномъ, и земледѣльцы, ихъ населяющіе, не видятъ въ этомъ отношеніи различія между собою и другими земледѣльцами.

Само собою разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ областяхъ имперіи, въ которыхъ общинное владѣніе есть обычай. Гдѣ обычай — частная собственность, вводить общинное владѣніе было бы слишкомъ сильнымъ потрясеніемъ обычая. Этой цѣли надобно достигать постепенно, и притомъ преимущественно объясненіями поселянамъ выгодъ общиннаго владѣнія и наглядными примѣрами по сосѣдству. Мѣры должны идти вслѣдъ за убѣжденіемъ большинства, а не предшествовать ему.

Въ правѣ нѣтъ основанія выпускать изъ государственнаго фонда земли, хотя бы и носящія имя частной собственности, но состоящія въ пользованіи у земледѣльцевъ по общинному принципу, потому что основаніе всѣхъ частныхъ правъ по имуществу — государственнаго благо, и слѣдовательно нѣтъ юридическаго основанія уменьшать, въ противность ему, государственный

Digitized by Google

фондъ изъ-за различія въ словахъ и названіяхъ, когда сущность владѣнія всѣхъ земледѣльцевъ одна и та же и по внѣшнему факту, и по обычаю, и по сознанію земледѣльцевъ—общинный принципъ.

И такъ: все, чѣмъ владѣютъ или что воздѣлываютъ для себя поселяне по общинному праву, должно быть государственною собственностью въ въ общинномъ владѣніи.

Затѣмъ, земли, которыя не только называются частною собственностью (одного имени мало), но также и воздѣлываются по принципу частной собственности, должны быть частною собственностью, потому что фактически только онѣ выдѣлились изъ общиннаго владѣнія. Тѣ участки, которыхъ земледѣлецъ, ихъ для себя воздѣлывающій, не имѣетъ нынѣ права продать или завѣщать по произволу, не есть фактически частная собственность, хотя бы и носили это имя: они распредѣляются по общинному праву, слѣдовательно находятся въ немъ, а не въ частной собственности.

Во многихъ мѣстностяхъ господствуютъ способы примѣненія общиннаго принципа, носящіе печать умственной неразвитости и неразсчетливости. Напримѣръ, дѣлятъ поля на множество полосъ по качеству грунта и въ каждой полосѣ нарѣзываютъ клочокъ для каждаго подушнаго или потягольнаго участка. Есть привычка винить въ томъ общинное владѣніе, — но вовсе не оно тутъ виновато. Видѣли ль вы, какъ размежевываются дачи помѣщиковъ изъ черезполоснаго владѣнія? Очень часто такимъ же образомъ: дѣлятъ дачу на полосы, и въ каждой полосѣ каждый беретъ себѣ кусокъ, вмѣсто того, чтобы взять всю землю въ одномъ мѣстѣ. Это просто неумѣнье вознаградить количествомъ за качество. Само собою, этотъ обычай исчезнетъ, какъ скоро объяснится его невыгодность, и повсюду будетъ уравнительность участковъ производиться, какъ и теперь производится во многихъ мѣстахъ, тѣмъ, что участокъ лучшей земли будетъ меньше, участокъ худшей—больше.

О срокахъ передѣла мы уже говорили, что они опредѣляются характеромъ обработки: гдѣ земля не удобряется, почему не дѣлить и каждый годъ, если есть охота? Гдѣ удобряется, сроки передѣла болѣе продолжительны, и относительно прочности участокъ общинника ни мало не уступаетъ фермѣ.

Когда улучшенія сдѣлаются болѣе значительны, когда затрата капиталовъ на землю будетъ возможна, безъ сомнѣнія, войдетъ въ обычай вознаграждать отъ общины за потраченный на участокъ капиталъ, если этотъ участокъ переходитъ отъ одного къ другому. Это дѣло вовсе не затруднительно и не потребуетъ большихъ суммъ, потому что, какъ скоро улучшеніе дѣйствительно выгодно, оно быстро вводится всѣми, а пока этого нѣтъ, почти никто не вводитъ его. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, община приплачиваетъ очень немногимъ, потому что неравномѣрность улучшеній и затратъ незначительна или по качествамъ или по объему.

Мы не считали этого вознагражденія, когда дѣлали разсчетъ о томъ, сколько выгоды имѣетъ общинникъ отъ прочныхъ улучшеній, и много ли достается выгоды постороннимъ людямъ въ слѣдствіе передѣловъ. Но если взять вознагражденіе, то *рѣшительно вся* выгода остается въ рукахъ производящаго улучшеніе, и общинное владѣніе, и безъ того далеко превос-

Digitized by Google

ходящее въ этомъ отношеніи фермерскую систему, совершенно сравнится съ тѣмъ идеаломъ, во имя котораго исключительные защитники частной собственности вооружаются противъ общиннаго владѣнія, не соображая, что ихъ требованія существующими порядками частной собственности исполняются гораздо менѣе, нежели общинное владѣніе удовлетворяетъ верховному условію всякихъ улучшеній.

Личный интересъ есть двигатель улучшеній.

Только общинное владѣніе распредѣляетъ землею такимъ образомъ, что рента, проценты оборотнаго капитала и трудъ соединяются въ одномъ лицѣ, которое потому имѣетъ всю выгоду и трудиться наилучшимъ образомъ, и затрачивать наибольшее количество капитала на оживленіе труда улучшеніями, и по возможности увеличивать ренту.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. *Сравненіе выгодности прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера.*

1. Общинники.

Передѣлы черезъ 15 лѣтъ.

При передѣлахъ за каждою семьею оставляютъ прежній участокъ, или, если участокъ долженъ уменьшиться, оставляютъ семьѣ слѣдующую ей часть прежняго участка,—таковъ господствующій у насъ обычай вездѣ, гдѣ земля сколько нибудь удобряется.

Если число душъ въ семьѣ возрастаетъ сообразно общему возрастанію душъ въ селѣ, она сохраняетъ прежній участокъ въ прежнемъ объемѣ, слѣдовательно ничего не теряетъ изъ капитала, затраченнаго на этотъ участокъ. Тоже самое, когда она возрастаетъ быстрѣе общей пропорціи, — участокъ остается прежній; къ нему прирѣзывается еще кусокъ, какой слѣдуетъ.

Итакъ, потеря возможна только тогда, когда число душъ въ семьѣ увеличивается менѣе, нежели общее число душъ въ селѣ. Беремъ очень невыгодный случай: число душъ въ семьѣ вовсе не увеличивается, между тѣмъ какъ общее число душъ въ селѣ быстро возрастаетъ, напримѣръ на 25% въ каждые 15 лѣтъ,—эта быстрота почти безпримѣрная, и потому потери семьи вслѣдствіе уменьшенія участка также необычайно велики. Посмотримъ однако, каковы онѣ.

Село имѣетъ 320 душъ муж. пола, съ 3,200 десятинъ земли, или по 10 десят. на душу.

Семья Перфильевыхъ состоитъ изъ 4 душъ; ей дается участокъ въ 40 десятинъ. Она для его улучшенія затрачиваетъ капиталъ въ 20 р. сер. на десятину, всего на участокъ 800 р. Отъ этого улучшенія, дѣйствіе котораго продолжается на 57 лѣтъ, ежегодный доходъ съ десятины увеличивается на 2 р. 50 коп.

На работы, нужныя для этихъ улучшеній, требуется 3 года. Потому увеличеніе дохода начинается только съ 4-го года.

Digitized by Google

Весь періодъ работъ и приносимой ими пользы составляютъ 60 лѣтъ.

Посмотримъ же теперь, каковы выгоды или потери Перфильевыхъ отъ обращенія этого капитала на землю.

Первыя пятнадцать лѣтъ. Съ четвертаго года, 40 десятинъ даютъ по 2 р. 50 коп., всего 100 р. въ годъ или въ 12 лѣтъ 1200 р.

Вторыя 15 лѣтъ. Передѣлъ. Число душъ въ селѣ возрасло до 400. На душу приходится по 8 дес.; у Перфильевыхъ (4 души) остается только 32 десятины, остальныя 8 отрѣзываются для надѣленія другихъ семей. Съ 32 десят. избытокъ дохода (по 2 р. 50)—80 р., въ 15 лѣтъ—1200 р.

Третьи 15 лѣтъ. Передѣлъ. Число душъ возрасло до 500. На душу приходится до 6,4 десятины. Участокъ Перфильевыхъ (4 души) уменьшается до 25,6 десятинъ. Съ нихъ избытокъ дохода ежегодно 64 р., въ 15 лѣтъ 960 р.

Четвертыя 15 лѣтъ. Число душъ возрасло до 625. На душу приходится по 5,12 десят. Участокъ Перфильевыхъ (4 души) уменьшается до 20,48 десят. Съ нихъ избытокъ дохода 51 р. 20 коп., всего въ 15 лѣтъ 768 р.

Съ истеченіемъ послѣдняго срока, сила произведеннаго удобренія или улучшенія истощилась. Семья Перфильевыхъ отъ 800 р., употребленныхъ на улучшеніе, получила:

весь избытокъ дохода

1200
1200
960
768
———
4128

Таковъ доходъ ихъ. Теперь надобно сосчитать, сколько дохода отъ произведеннаго улучшенія перешло въ чужія руки, вслѣдствіе передѣловъ. Удобренныя 40 десятинъ ежегодно даютъ по 100 р., всего въ теченіе 57 лѣтъ—5700 р.; изъ нихъ только 4128 досталось семьѣ, которая произвела улучшеніе; значитъ, 1572 р. отошло въ чужія руки вслѣдствіе передѣловъ.

2. Фермеръ.

Срокъ контракта мы полагаемъ такой же, какъ срокъ передѣла, 15 лѣтъ; величину фермы — равную величинѣ участка, улучшеннаго Перфильевыми; величину затраченнаго капитала, силу и продолжительность дѣйствій улучшенія—такія же. Счетъ составляется очень просто.

До окончанія контракта фермеръ имѣетъ ежегодно 100 р. выгоды (по 2 р. 50 коп. съ десятины), всего по истеченіи 12 лѣтъ — 1200 р.

Контрактъ кончился. До сихъ поръ фермеръ платилъ 500 р. сер. арендной платы; теперь собственникъ говоритъ ему: давай мнѣ 600 р. или я найду другаго фермера, который дастъ эту сумму,— вѣдь ферма теперь

Digitized by Google

приноситъ болѣе дохода, нежели тогда, когда мы съ тобою заключали прежній контрактъ. Итакъ, въ остальныя 45 лѣтъ, на которыя продолжается дѣйствіе произведеннаго улучшенія, фермеръ, произведшій это улучшеніе, не пользуется отъ него ни на копѣйку; выгода его ограничивается только срокомъ перваго контракта. 1200 р.—вотъ весь доходъ человѣка, произведшаго улучшеніе; 4500 р. сер. идутъ въ чужія руки. Фермеръ находитъ и это выгоднымъ,—вѣдь онъ все таки, затративъ 800 р., получилъ 1200 р., то есть 400 р. чистой прибыли; спрашивается: какъ-же не найдетъ выгоднымъ подобную же затрату капитала семья общинниковъ, которые получатъ на тѣ же 800 р.—4128 р., то есть 3328 р. чистой прибыли?

Фермеръ получилъ 50% прибыли,—это для него достаточно привлекательный интересъ; а для семьи общинниковъ не будутъ имѣть достаточной привлекательности 416%?

Изъ прибыли, произведенной трудомъ и капиталомъ общинниковъ, менѣе, нежели одна треть идетъ въ чужія руки,—этимъ доказывается несообразность общиннаго владѣнія съ здравыми принципами употребленія капиталовъ; а изъ прибыли, производимой трудомъ и капиталомъ фермера, болѣе нежели девять-десятыхъ идутъ въ чужія руки,—это сообразно съ здравыми принципами?

Само собою разумѣется, цифра 12½% прибыли отъ капитала, приложеннаго къ прочному улучшенію, взята примѣрно; но возьмите какую угодно другую цифру—3%, 30%, все равно, пропорція между результатами фермерскаго и общиннаго счета выйдетъ одинаковая.

Само собою разумѣется также, что и цифра 57-лѣтняго періода дѣйствій улучшенія только примѣрная. Но опять-таки сущность дѣла остается та же самая, какую бы цифру ни взять: все-таки, если общинникъ пользуется полною прибылью отъ своего улучшенія только до передѣла земли, то и фермеръ только до возобновленія контракта,—стало быть тутъ не имѣетъ ни малѣйшаго преимущества передъ общинниками; напротивъ, сроки контракта въ Англіи 7—14 лѣтъ, и продолжительнѣе быть имъ неудобно, иначе это будетъ уже не фермерскій контрактъ, а какая-нибудь форма низшей степени развитія, болѣе стѣснительная для обѣихъ сторонъ, и для собственника и для арендатора,—а срокамъ передѣла не нужно быть менѣе 10—15 лѣтъ, если только земля стала удобряться порядочнымъ образомъ (если она не удобряется, это другое дѣло, тутъ хотя каждый годъ передѣлъ, никто ничего не теряетъ, потому что ничего не затрачено на землю)—менѣе нежели въ 10 лѣтъ не произойдутъ значительныя перемѣны въ общемъ составѣ населенія.

Итакъ, на первые годы, число которыхъ у фермера нѣсколько меньше, нежели у общинника, оба они имѣютъ одинаково полную выгоду отъ улучшеній. Но относительно тѣхъ лѣтъ, которыя выходятъ далѣе, выгода вся уже на сторонѣ общинника: онъ теряетъ что нибудь только въ одномъ изъ трехъ шансовъ,—если его семья возрастаетъ менѣе, нежели въ средней пропорціи; да и въ томъ случаѣ онъ никакъ и никогда не потеряетъ свою прибыль, а теряетъ только часть ея; напротивъ, фермеръ теряетъ непремѣнно и всегда всю прибыль. И чѣмъ продолжительнѣе періодъ дѣй-

Digitized by Google

ствій произведеннаго улучшенія, тѣмъ болѣе склоняется преимущество на сторону общинника. Напримѣръ:

Предположимъ, что строится деревянная водоподъемная машина для орошенія луговъ. Дѣйствуетъ она 20 лѣтъ. Прибыль отъ нея съ десятины 2 р. 50 коп.; фермеръ получилъ полную прибыль только съ 14 лѣтъ своего контракта, а общинникъ полную прибыль за 15 лѣтъ, и еще или полную прибыль или большую часть прибыли за остальныя пять лѣтъ. Счетъ таковъ: съ 40 дес. фермеръ получаетъ 1400 р.; общинникъ 1500 до передѣла, 250 въ слѣдующія пять лѣтъ, полагая, что участокъ его уменьшится послѣ передѣла даже на половину—разница 350 р. въ пользу общинника; она значительна, но еще не громадна.

Но положимъ, что вмѣсто деревянной водоподъемной машины дѣлается каменный водопроводъ — онъ простоитъ 500 лѣтъ,—тогда сообразите всю сумму прибыли для рода общинниковъ, хотя бы этотъ родъ удерживалъ за собою, среднимъ числомъ, только половину первоначальнаго участка. Вотъ счеты: фермеръ за 14 лѣтъ отъ 40 дес. (по 2 р. 50 коп.) — 1400 р. Родъ общинниковъ Перфильевыхъ за 15 лѣтъ отъ 40 дес.—1500, и за 485 лѣтъ отъ 20 десятинъ, то есть по 50 р. въ годъ, 24250 р., — всего 25,750 р. То есть, чѣмъ прочнѣе улучшеніе, тѣмъ громаднѣе становятся выгоды общинника стремиться къ этому улучшенію, сравнительно съ выгодами фермера.

Того, кто возьметъ на себя трудъ подумать серьезно, подобные примѣры могутъ, кажется, убѣдить, что мысль, будто общинное владѣніе менѣе другихъ способовъ владѣнія благопріятно для прочныхъ улучшеній,—это мнѣніе рѣшительно противорѣчитъ здравому анализу фактовъ. Теперь мы доказали, что общинникъ имѣетъ въ прочныхъ улучшеніяхъ гораздо болѣе интереса, нежели фермеръ. Ниже мы увидимъ, что онъ имѣетъ въ нихъ больше интереса, нежели самый собственникъ, если брать собственника не идеальнаго, а такого, какимъ мы видѣли его въ дѣйствительности.

При этомъ надобно замѣтить, что мы брали такую форму общиннаго владѣнія, какая существуетъ на фактѣ; безъ всякихъ исправленій. А въ Россіи мало еще развитъ экономическій бытъ, и потому конечно формы общиннаго владѣнія развились еще мало, и усовершенствуются при большемъ экономическомъ развитіи.

В. *О возможности прочныхъ улучшеній при фермерской системѣ со стороны собственника.*

Даже тогда, когда прочныя улучшенія производитъ фермеръ, большая часть прибыли идетъ въ руки собственника. Не выгодно ли по этому производить подобныя улучшенія самому собственнику?

Теоретически тутъ возможны два пути: или собственникъ прекращаетъ контрактъ и беретъ землю подъ свое управленіе на время работъ; или оставляетъ ее въ распоряженіи фермера. Но практически первый путь невозможенъ, потому что сопряженъ съ потерями, слишкомъ громадными: фермерское хозяйство могутъ продолжать только фермеры; собственникъ, взявшись за него, понесетъ огромные убытки.

Digitized by Google

Остается второй способъ: фермеръ продолжаетъ хозяйничать на землѣ, на которой производятся собственникомъ улучшенія.

Хозяйничаетъ одинъ, производитъ затраты другой—тутъ являются всѣ тѣ затрудненія, которыя приводятся противъ административнаго коммунизма. Старая школа экономистовъ признаетъ эти затрудненія непреоборимыми (не замѣчая того, что этотъ административный коммунизмъ вездѣ, гдѣ трудится одинъ, управляетъ работою другой, а расходы идутъ изъ денегъ третьяго). Пусть онѣ будутъ и побѣдимы, во всякомъ случаѣ онѣ влекутъ напрасное увеличеніе расходовъ въ сильномъ размѣрѣ. Оцѣнимъ его хотя въ 50 процентовъ,—цифра слишкомъ умѣренная.

Контрактъ существуетъ. До окончанія его срока остается среднимъ числомъ 5 лѣтъ (средняя продолжительность контракта при предѣлахъ 7—14 лѣтъ 10 лѣтъ; половина этой цифры даетъ среднюю продолжительность времени, остающагося отъ начала работъ до окончанія его срока,—потому что работы въ общей массѣ національнаго хозяйства равно распадаются на всѣ годы, и для нормальнаго разсчета надобно принимать среднюю цифру между всѣми отдѣльными случаями, распадающимися на всѣ годы, отъ перваго до послѣдняго).

Возьмемъ прежній случай, служившій нормою разсчета въ приложеніи А, то-есть, затрату по 20 руб. сер. на десятину для улучшенія, дающаго прибыль по $12^1/_2\%$ на 57 лѣтъ.

Для фермера было выгодно производить такую затрату. Посмотримъ, можетъ ли сдѣлать ее собственникъ. Ферма имѣетъ 40 десятинъ и даетъ ренты 400 р.; отъ затраты 800 р. (экономическимъ образомъ), она будетъ втеченіе 57 лѣтъ давать по 100 руб. лишнихъ.

Собственникъ говоритъ фермеру: я произвожу улучшеніе, возвышающее доходность фермы на 100 р.,—согласенъ ли ты въ 5 лѣтъ, остающіяся до окончанія контракта, платить мнѣ по 100 руб. лишнихъ?

Фермеръ не можетъ согласиться. Прежде онъ, платя 400 р. ренты, имѣлъ дохода въ остаткѣ 200 р.; теперь онъ будетъ платить по 500 р., а въ остаткѣ будетъ имѣть по прежнему 200 р.; прежде оборотный капиталъ (400 р.) давалъ ему 50%, теперь (500 р.) будетъ давать только 40%—ясно, что перемѣна для него убыточна.

Съ него требуютъ 100 р. въ годъ,—зачѣмъ же ему платить ихъ безъ всякой выгоды для себя? Они могутъ давать ему проценты; платить ихъ задаромъ—значитъ терпѣть убытокъ.

Фермеръ не согласится измѣнить контрактъ. Собственникъ, если хочетъ сдѣлать улучшеніе, выгоду отъ него до окончанія контракта долженъ оставить въ рукахъ фермера.

Итакъ, пять лѣтъ онъ не получаетъ прибыли. Посмотримъ теперь его счетъ.

Работы производятся, какъ мы видѣли, расточительнымъ образомъ; вмѣсто 800 р., у собственника выходитъ на нихъ 1200 р. Пять лѣтъ они не приносятъ ему пользы,—а если-бы онъ купилъ на нихъ акцій, дающихъ только по $7^1/_2\%$, онъ получилъ бы по 90 руб. въ годъ, то есть въ 5 лѣтъ капиталъ возросъ бы до 1722 р. 50 коп.; съ этой суммы въ акціонерномъ

Digitized by Google

обществѣ онъ получалъ бы (по $7^1/_2$%) ежегодно 9 руб. 19 коп., а улучшеніе даетъ ему только 100. Притомъ, въ акціонерномъ доходѣ не заключается погашеніе его капитала,—доходъ остается вѣченъ, а улучшеніе теряетъ свою силу черезъ 57 лѣтъ, и за вычетомъ 5 лѣтъ, прошедшихъ до конца перваго контракта, онъ пользуется доходомъ только 52 года,—стало быть, изъ дохода съ улучшенія надобно вычитать погашеніе капитала около 1% въ годъ, или на 1722 р. около 16 р., и чистый доходъ остается только 83 р.

Само собою разумѣется, цифры 57 лѣтъ, $7^1/_2$ и $12^1/_2$% взяты примѣрно. Но какія бы цифры ни были взяты, сущность дѣла остается таже: собственнику вообще выгоднѣе помѣстить свой капиталъ въ какое нибудь другое промышленное предпріятіе, нежели обратить его на улучшеніе своихъ земель при фермерской системѣ. Земледѣльческое улучшеніе только тогда должно представляться ему выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, когда дастъ вдвое или даже втрое болѣе процентовъ, нежели всякая другая промышленность,—случай конечно ненормальный.

Но мы говоримъ о случаѣ очень рѣдкомъ при системѣ фермерства, полагая, что у собственника есть охота, знаніе дѣла и капиталъ для земледѣльческихъ улучшеній. Соединеніе въ немъ такихъ условій—случай также ненормальный.

Онъ отдаленъ отъ сельскаго хозяйства фермеромъ—онъ не хозяинъ, онъ просто получаетъ отъ фермера нѣчто въ родѣ пенсіи или подати подъ именемъ арендной платы; хозяйственнаго знанія у него нѣтъ. Охота къ труду въ немъ давнымъ давно погасла.

Онъ пользуется синекурою. Синекура всегда развиваетъ страсть къ празднымъ и роскошнымъ привычкамъ. Потому, вообще говоря, хорошо уже и то, когда сходятся у него концы съ концами. Обыкновенно, онъ чувствуетъ влеченіе жить выше своихъ средствъ.

Присмотрѣвшись къ англійскому быту, мы видимъ подтвержденіе этой теоріи. Все сословіе англійскихъ собственниковъ страшно обременено долгами; на англійскихъ помѣстьяхъ лежитъ долгъ, составляющій 50% всей ихъ цѣнности. Это въ 4 раза больше, нежели во Франціи. Но стоитъ только развиться во Франціи системѣ фермерства, и тамъ помѣстья гораздо ниже нынѣшняго погрузятся въ долги.

До затратъ ли на экономическія улучшенія человѣку, у котораго на помѣстьяхъ лежитъ долгъ, равняющійся половинѣ всей ихъ цѣнности?

С. *Необходимость замѣненія фермерствомъ всѣхъ другихъ способовъ производства на участкахъ, дающихъ ренту, достаточную для праздной жизни, какъ скоро является возможность прилагать къ земледѣлію значительный капиталъ.*

Въ извѣстной мѣстности, положимъ въ департаментѣ Луары, десятина земли, воздѣлываемая простыми старинными способами, даетъ 20 р. сер. валоваго дохода, причемъ оборотнаго капитала на обработку требуется только 10 р. сер. Этимъ капиталомъ обладаютъ половники.

Но если ввести улучшенные способы, для чего потребуется еще по

Digitized by Google

50 р. сер. оборотнаго капитала на десятину (всего съ прежнимъ 60 р.), валовой доходъ съ десятины увеличится до 40 р., а чистый до 25 р.

Цѣнность земли 180 р. десятина.

Monsieur Жако имѣетъ 400 десятинъ земли. Спрашивается теперь, что ему выгоднѣе: оставить свои земли по прежнему, подъ системою половничества, или завести собственное хозяйство, или согласиться на фермерскую систему?

Половники изъ 20 р. валоваго дохода даютъ ему 10 р., всего съ 400 десятинъ 4,000 р.

Если онъ введетъ улучшенное хозяйство и самъ займется имъ, ему понадобится капиталъ въ 60 р. на десятину. Ему надобно занять эту сумму или продать часть земли, чтобы получить капиталъ для обработки остальной земли. Въ сущности, продажа выгоднѣе займа, и онъ продаетъ 100 десятинъ, за которыя получаетъ 18,000 р.; на этотъ капиталъ, по 60 р. на десятину, онъ обработываетъ остальныя 300 десятинъ; валоваго дохода получается по 40 р. съ десятины, а чистаго дохода по 25 р., всего съ 300 десятинъ чистаго дохода 7,500 р.

Но сколько онъ получитъ ренты отъ фермера? На свои 60 р. оборотнаго капитала фермеру довольно получать по 10 процентовъ. Итакъ, онъ, изъ чистаго своего дохода 25 р., считаетъ выгоднымъ удерживать у себя даже только 6 р., а остальныя 19 р. согласится отдать, какъ ренту. Если Жако отдастъ свои земли фермеру, онъ не имѣетъ нужды ни въ какомъ капиталѣ и сохраняетъ всѣ свои земли. Съ 400 десятинъ по 19 рублей, фермеры платятъ ему всего 7,600 р.

Итакъ, Жако, если онъ не имѣетъ капитала, получитъ болѣе выгоды, когда отдастъ свою землю фермерамъ, нежели когда самъ будетъ обработывать ее.

А капитала у него нѣтъ, потому что онъ можетъ жить не трудясь, а такая возможность всегда приводитъ къ празднымъ и роскошнымъ привычкамъ.

Если же у него есть капиталъ, нужный для обработки его земель, то есть 24,000 р. (на 400 десятинъ), тогда онъ, конечно, получитъ, самъ занимаясь хозяйствомъ, 10,000 р. чистаго дохода.

Но все-таки онъ предпочтетъ сдѣлать изъ своего капитала другое употребленіе, а землю отдать фермерамъ; купивъ на него акцій, приносящихъ хотя по 6 процентовъ, онъ получитъ отъ своего капитала 1,440 р.; да отъ фермеровъ 7,600, итого будетъ имѣть 9,040 р., ровно ничего не дѣлая, ровно ни о чемъ не заботясь; а собственное хозяйство дастъ ему 10,000 р. Неужели каждый не предпочтетъ имѣть 9,000 р., вовсе не трудясь, нежели 10,000 р., обременяя себя хлопотами? Пенсія въ 900 р. каждому пріятнѣе, нежели хлопотливое мѣсто съ 1,000 р. дохода.

D. *Матеріалъ для опредѣленія, каково нормальное дѣйствіе принципа наслѣдственности въ распредѣленіи поземельной собственности.*

Изумительна та легкость, съ которою старая школа экономистовъ отвергаетъ наглядные факты двумя-тремя силлогизмами.

Digitized by Google

Точно такимъ образомъ рѣшается старою школою и вопросъ о дѣйствіи принциповъ, управляющихъ движеніемъ поземельной собственности. „Каждый экономическій принципъ самъ въ себѣ носитъ исцѣленіе своимъ вреднымъ дѣйствіямъ“,—этимъ все сказано, больше не о чемъ хлопотать. А факты говорятъ не то.

Мы приведемъ одинъ примѣръ относительно принципа поземельнаго наслѣдства. Другіе принципы далеко не имѣютъ такой силы; притомъ же ихъ дѣйствія очевиднѣе, какъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Чтобы узнать направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ поземельная наслѣдственность, возьмемъ для примѣра хотя нѣсколько генеалогическихъ таблицъ и посмотримъ, какъ развѣтвлялись роды втеченіе нѣсколькихъ поколѣній. Для этого мы беремъ 4-ю часть „Россійской родословной книги“, кн. П. Долгорукова.

Группы родственниковъ разнообразны и по числу лицъ и по близости родственныхъ отношеній въ каждой группѣ. Для удовлетворенія этимъ условіямъ, существующимъ въ дѣйствительности, мы возьмемъ нѣсколько родовъ, изъ каждаго рода возьмемъ какое нибудь изъ среднихъ поколѣній, отъ VII до X. Такимъ образомъ, въ каждой группѣ будутъ разнообразныя степени родства.

Фамиліи мы беремъ наудачу, поколѣнія также.

Фамилій мы набираемъ столько, чтобы въ поколѣніяхъ, нами взятыхъ, насчиталось до 250 мужчинъ.

Вотъ фамиліи и поколѣнія, наудачу взятыя нами изъ „Родословной книги“ кн. Долгорукова:

Арсеньевы VIII; Бахметьевы IX; Вельяминовы-Зерновы X; Воейковы X; Жеребцовы IX; Игнатьевы IX; Квашнины VII; Колычевы VII; Орловы-Давыдовы VII; Шишковы X.

Всѣ вмѣстѣ, эти поколѣнія всѣхъ десяти родовъ имѣютъ 251 мужчину.

И такъ мы имѣемъ 251 лицо мужескаго пола. Эти лица соединены между собою родствомъ въ нѣсколько группъ, и въ каждой группѣ есть разнообразныя степени родства. Словомъ, генеалогическія отношенія въ нашемъ примѣрѣ совершенно соотвѣтствуютъ условіямъ дѣйствительности.

Будемъ же, анализируя родословныя этихъ лицъ, изучать дѣйствіе принципа наслѣдственной собственности. Для того, чтобы характеристическія особенности этого принципа выставлялись яснѣе, мы не забудемъ сравнивать ихъ съ результатами, къ какимъ приводитъ принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія.

Посмотримъ сначала, какъ развѣтвились родственныя группы въ четвертомъ поколѣніи отъ того, съ котораго начался нашъ счетъ, иначе сказать, сколько въ каждой группѣ явилось правнуковъ.

	Прадѣды, число мужчинъ.	Правнуки, число мужчинъ.
№ 1 Арсеньевы	10	54
— 2 Бахметьевы	9	37
— 3 Вельяминовы-Зерновы	28	30
— 4 Воейковы	62	98
— 5 Жеребцовы	11	40

Digitized by Google

№ 6 Игнатьевы	16	33
— 7 Квашнины	23	21
— 8 Колычевы	47	18
— 9 Орловы-Давыдовы	25	24
— 10 Шишковы	20	33
Итого . . .	251	388

Итакъ, при смѣнѣ трехъ поколѣній, число лицъ увеличилось почти въ полтора раза.

При прадѣдахъ было въ селѣ общинное владѣніе, и на каждую душу мужескаго пола приходилось 12 десятинъ.

Если общинное владѣніе сохранилось при правнукахъ, каждая мужская душа имѣетъ около $7^3/_4$ десятинъ. Каково же будетъ благосостояніе правнуковъ сравнительно съ прадѣдами?

Въ теченіе вѣка земледѣліе сдѣлало нѣкоторые успѣхи; развилась торговля хлѣбомъ съ близь лежащими городами и съ оптовыми торговцами, отправляющими хлѣбъ въ столицы и за границу.

Вслѣдствіе улучшеній въ земледѣліи каждая десятина даетъ среднимъ числомъ на 50% болѣе сбора, нежели при прадѣдахъ *).

Благодаря увеличенію запроса (отъ возрастанія населенія и развитія торговли) и пониженію цѣны мануфактурныхъ издѣлій (отъ усовершенствованій въ технологіи и механикѣ) цѣнность хлѣба поднялась въ теченіе вѣка, сравнительно съ другими продуктами, тоже на 50% **).

Посмотримъ же теперь, каково при сохраненіи общиннаго владѣнія благосостояніе правнуковъ сравнительно съ благосостояніемъ прадѣдовъ.

---

*) Это число очень умѣренно: тутъ надобно принять въ разсчетъ: 1) разработку земель, прежде лежавшихъ пустыми—прадѣды распахивали изъ 3,012 десятинъ, только 1,200, правнуки распахиваютъ, вслѣдствіе увеличенія числа рукъ, 1,800. Это одно уже увеличиваетъ средній доходъ съ десятины на 50%. 2) Расширеніе культуры растеній, дающихъ обильный сборъ, напримѣръ свекловицы и картофеля. Если на нихъ обращено 200 десятинъ у правнуковъ вмѣсто 100 десятинъ при прадѣдахъ, это одно увеличитъ средній сборъ съ десятины на 10%; 3) улучшенія въ обработкѣ земли и ея удобреніи, положимъ хотя на 10% въ теченіе вѣка,—это слишкомъ умѣренно. Итакъ мы имѣемъ $1,50 \times 1,\ 1 \times 1,1 = 1815$; то есть, при самыхъ ничтожныхъ улучшеніяхъ, сборъ хлѣба увеличился на $81^1/_2$%, а мы приняли только 50%.

**) Это также слишкомъ умѣренно. Читатель замѣтитъ, что мы беремъ не цѣну хлѣба, выраженную въ звонкой монетѣ—она можетъ возрастать или уменьшаться, смотря по обилію благородныхъ металловъ и замѣняющаго ихъ кредита, а также быстротѣ размѣнныхъ оборотовъ,—нѣтъ, мы беремъ относительную цѣнность хлѣба по сравненію съ другими продуктами. Напримѣръ, если при прадѣдахъ четверть ржи стоитъ 2 р., а пудъ сахару 10 р., и аршинъ ситцу 20 коп., а при правнукахъ четверть ржи стоитъ 2 р. 40 коп., но пудъ сахару стоитъ 6 р., а аршинъ ситцу только 12 коп., то за четверть ржи земледѣлецъ получаетъ:

При прадѣдахъ 8 фунтовъ сахару или 10 аршинъ ситца
„ правнукахъ 16 „ „ „ 20 „ „

—полагая, что цѣна покупаемыхъ земледѣльцами продуктовъ понизилась такъ же, какъ цѣна сахару и ситцу, мы получимъ, что цѣнность хлѣба увеличилась по сравненію съ другими продуктами на 100%, хотя по отношенію къ звонкой монетѣ цѣна его увеличилась только на 20%.

Каждый скажетъ, что мы принимаемъ слишкомъ малый прогрессъ, если скажемъ, что въ теченіе вѣка мануфактурныя издѣлія и такъ далѣе, становятся только на $^1/_3$ обильнѣе, нежели были сто лѣтъ тому назадъ,—а этого уже достаточно, чтобы земледѣлецъ за свой хлѣбъ получалъ разныхъ издѣлій и удобствъ на 50% болѣе, нежели его прадѣдъ получалъ за сто лѣтъ до него.

Digitized by Google

Если десятина земли давала прадѣду житейскихъ удобствъ на 4, то правнуку она даетъ тѣхъ же удобствъ на 9 *).

Но прадѣдъ получалъ доходъ съ 12 десятинъ, а правнукъ только съ 8 десятинъ. Итакъ:

Благосостояніе прадѣда $4 \times 12 = 48$

„ „ правнука $9 \times 7^3/_4 = 69^3/_4$.

Итакъ, въ теченіе вѣка, при сохраненіи общиннаго владѣнія. благосостояніе земледѣльцевъ увеличилось на 40%, хотя число населенія и возрасло въ полтора раза.

Теперь посмотримъ, что будетъ съ этими правнуками при уничтоженіи общиннаго владѣнія землею.

У прадѣда Захара было два сына, Иванъ и Петръ; отъ Ивана произошло десять внуковъ, отъ Петра только одинъ; послѣднему достается въ десять разъ больше, нежели каждому изъ его троюродныхъ братьевъ; мало того: трое прадѣдовъ: Сидоръ, Карпъ и Ѳедоръ были родные братья; изъ нихъ только у одного Сидора остался правнукъ,—ясно, что этотъ правнукъ Сидора будетъ одинъ имѣть втрое болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ потомки Захара, будетъ имѣть въ шесть разъ больше, нежели внукъ Петра, которому досталась половина Захарова имущества, и въ 30 разъ болѣе, нежели каждый изъ десяти внучатъ Ивана, между которыми раздѣлилась другая половина Захарова имущества.

Кто прослѣдитъ такимъ образомъ генеалогію, напримѣръ, группы № 8 (Колычевы, поколѣніе VII), тотъ увидитъ, что изъ 18 ихъ правнуковъ (X поколѣніе Колычевыхъ) двое будутъ имѣть каждый по 138 десятинъ, а 6 человѣкъ только по 6, и 3 человѣка даже только по 4 десятины, то есть по дѣйствію наслѣдства между людьми одной родственной группы, въ которой прадѣды имѣли одинаковое благосостояніе, явятся черезъ три поколѣнія такіе люди, которые будутъ имѣть въ двадцать и даже въ тридцать разъ менѣе своихъ родственниковъ. Тоже самое и во всѣхъ другихъ группахъ.

Спрашивается теперь: каковы будутъ чувства между этими людьми? Будутъ или нѣтъ бѣдняки завидовать своему недальнему родственнику, который имѣетъ больше ихъ въ 30 разъ, между тѣмъ какъ еще прадѣды ихъ жили одинаково, и въ семьяхъ сохранилась о томъ свѣжая память? Не замѣнится ли злобою съ одной стороны, презрѣніемъ и опасеніемъ съ другой, чувство благорасположенія, которому такъ легко было существовать между одинаково благосостоятельными прадѣдами?

Но все это только отдѣльные примѣры; посмотримъ, каковъ общій ходъ дѣлъ, какъ распредѣлились всѣ жители нашего села дѣйствіемъ наслѣдства черезъ три поколѣнія послѣ того, какъ уничтожилось общинное владѣніе.

Мы представляемъ общую таблицу; кто захочетъ провѣрить выводы,

---

*) Второе число выводится изъ перваго такимъ образомъ: $4 \times 1{,}5$ (вслѣдствіе увеличенія сбора) $\times 1{,}5$ (вслѣдствіе возвышенія цѣны) $= 9$.

Это пропорція вообще самая умѣренная; если мы возьмемъ хотя цифры, указанныя въ примѣчаніяхъ, впрочемъ также слишкомъ низко оцѣнивающія вѣроятный прогрессъ торговли и промышленности въ теченіе вѣка, мы получимъ $4 \times 1{,}815 \times 2 = 14{,}46$.

Digitized by Google

нами составленные, можетъ сдѣлать это по „Родословной книгѣ“ князя Долгорукова. Вотъ распредѣленіе земли по праву поземельнаго наслѣдства въ четвертомъ поколѣніи *) отъ людей, при которыхъ уничтожается общинное владѣніе.

Распредѣленіе земли по праву наслѣдства между 388 правнуками людей, въ числѣ 251 человѣка, владѣвшихъ общинною землею въ количествѣ 3,012 десятинъ и при уничтоженіи общиннаго владѣнія получившихъ каждый по 12 десятинъ въ наслѣдственную собственность.

Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.
2	138	3	6,666
1	108	2	6,375
2	63	3	6,20
1	60	24	6
2	54	6	5,40
1	40	9	5
4	36	6	4,5
3	30,66	22	4
5	30	4	3,75
2	27	3	3,60
4	25,50	6	3,33
2	24	4	3,15
2	21	26	3
2	20,50	6	2,7
2	20	6	2,66
3	18	5	2,40
3	17	34	2
3	16	3	1,66
8	15	36	1,50
4	13,50	7	1,428
3	12,75	8	1,33
2	12,60	5	1,20
12	12	5	1,08
4	10,80	18	1
6	10,5	6	0,9
7	10	6	0,833
6	9	2	0,75
1	8	10	0,666
6	7	6	0,444
		4	0,375

Прежде всего, въ этой таблицѣ поражаетъ громадное различіе состояній, произведенное вліяніемъ наслѣдства: между правнуками людей, имѣвшихъ каждый по 12 десятинъ, явились люди, получившіе по наслѣдству болѣе ста десятинъ; за то другимъ досталось только по одной десятинѣ и менѣе десятины; есть даже такіе, которымъ досталось только по $^4/_9$ или даже только по $^3/_8$ десятины. Два крайніе предѣла наслѣдственныхъ иму-

*) Арсеньевы поколѣніе XI; Бахметьевы—XII; Вельяминовы-Зерновы—XIII Воейковы—XIII; Жеребцовы—XII; Игнатьевы—XII; Квашнины—X; Колычевы—X; Орловы-Давыдовы—X; Шишковы—XIII.

Digitized by Google

ществъ относятся между собою какъ 368 къ 1. Такъ громадна неравномѣрность, произведенная наслѣдствомъ только въ теченіе трехъ поколѣній. Съ каждымъ поколѣніемъ она увеличивалась по нашимъ генеалогическимъ таблицамъ, и если взять вмѣсто 4-го поколѣнія пятое, она будетъ еще огромнѣе, въ 6-мъ поколѣніи еще громаднѣе и т. д.

Но сравнивать крайніе предѣлы, значитъ только говорить о счастіи и несчастіи немногихъ отдѣльныхъ личностей. Чтобы понять дѣйствіе общаго принципа на массу населенія, надобно подвести отдѣльные случаи подъ общіе разряды.

Разряды составятся у насъ слѣдующимъ образомъ. Средній доходъ съ десятины при правнукахъ мы будемъ считать въ 27 рублей *). Нормальную цифру для безбѣдной жизни земледѣльца мы пріймемъ въ 100 руб. сер. дохода. Имѣющій въ шесть разъ болѣе будетъ въ роскоши. Имѣющій отъ 300 до 600 руб. будетъ жить въ изобиліи. Имѣющій 140—300 будетъ зажиточнымъ человѣкомъ. Имѣющій 85—140 рублей живетъ безбѣдно. Имѣющій 66—85 руб. нуждается. Имѣющій 33—66 рублей часто голодаетъ. Имѣющій менѣе 33 руб. не имѣетъ въ своемъ имуществѣ средствъ къ поддержанію жизни.

По этимъ группамъ, правнуки, вслѣдствіе неравномѣрности своихъ наслѣдствъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ	или рублей дохода.
А. Роскошь	29	24 —138	648 —3,726
Б. Изобиліе	44	12 — 21	324 —567
В. Зажиточность . .	68	5,4 —10,8	$145^{4}/_{5}$ —$291^{3}/_{5}$
Г. Безбѣдность . . .	54	3,15— 5	$85^{1}/_{20}$ —135
Д. Нужда.	38	2,66— 3	72 — 81
Е. Крайняя нужда .	98	1,2 — 2,4	$32^{2}/_{5}$ — $64^{4}/_{5}$
Ж. Нищета	57	0,375— 1,08	$10^{1}/_{6}$ —$29^{3}/_{20}$

Итакъ: изъ 388 человѣкъ, только 141 (А, Б, В) имѣютъ средства къ жизни болѣе, нежели безбѣдныя; еще 54 не терпятъ нужды. За то 193 человѣка—то есть ровно половина населенія, нуждается; изъ нихъ 155 человѣкъ близко знакомы съ голодомъ и холодомъ.

А что будетъ, если общинное владѣніе останется неприкосновенно? Изъ 3,012 десятинъ, принадлежащихъ селу, каждому изъ 388 мужчинъ будетъ принадлежать участокъ нѣсколько болѣе, нежели въ $7^{3}/_{4}$ (7,76) десятинъ; съ этого участка получается 209 руб. 50 коп. дохода.

Итакъ: при сохраненіи общиннаго владѣнія все населеніе будетъ жить очень зажиточно; каждый изъ 388 правнуковъ будетъ пользоваться такимъ довольствомъ, которое при уничтоженіи общиннаго владѣнія достается на долю только 97 изъ правнуковъ.

---

*) Цифра дохода въ 27 рублей составляется у насъ слѣдующимъ образомъ: Прадѣдовъ мы принимаемъ нашими современниками, доходъ ихъ съ десятины полагаемъ въ 12 руб. сер. Удобства, доставляемыя правнуку сборомъ хлѣба съ десятины, относятся къ этому числу какъ 9 къ 4,—это отношеніе даетъ для десятины, при правнукѣ, 27 рублей.

Digitized by Google

Потому, предоставленіе земли въ наслѣдственную собственность было выгодно только одной четвертой части правнуковъ; остальныя три четвертыхъ остались обдѣлены случайностями наслѣдованія; изъ того числа 212, то есть большая половина населенія, обдѣлены этими случайностями такъ, что не получили по праву наслѣдства и половины того, что досталось бы имъ по праву общиннаго владѣнія; изъ того числа 167 человѣкъ, то есть почти половина населенія, обдѣлены такъ, что не имѣютъ и третьей части того, что имѣли бы при общинномъ владѣніи.

Таково положеніе правнуковъ по теоріи. На практикѣ оно измѣняется тѣмъ, что люди, слишкомъ обдѣленные случайностями наслѣдства, должны жить не обработкою своихъ мелкихъ клочковъ, дающихъ слишкомъ мало дохода, а заработною платою. Большею частью, они продадутъ свои участки. Если-же не продадутъ, поступятъ неразсчетливо: ничтожный клочокъ земли будетъ только мѣшать имъ наниматься въ работники на круглый годъ, и отрываясь отъ батрачества для ничтожной работы на немъ, они не выигрываютъ, а теряютъ.

Итакъ, существованіе ихъ зависитъ отъ заработной платы. Посмотримъ, каково будетъ положеніе заработной платы.

При 388 душахъ на 3,012 десятинахъ, на каждую душу приходится по $7^{3}/_{4}$ десятины.

Сообразимъ теперь, какъ распредѣлена собственность земли между различными группами.

	Число людей.	Количество земли, принадлежащей всѣмъ имъ вмѣстѣ.	Средняя пропорція на каждаго.
А.	29	1306	45
Б.	44	657,45	15
В.	68	508,15	$7^{3}/_{5}$
Г.	54	218,40	4
Д.	38	110,20	$2^{9}/_{10}$
Е.	98	165,666	$1^{3}/_{4}$
Ж.	57	46,1333	$^{4}/_{5}$

Изъ этого мы видимъ, что группа В, имѣющая по $7^{3}/_{5}$ десятинъ на душу, не нуждается въ наймѣ работниковъ и не имѣетъ нужды наниматься — въ ней на мужчину приходится именно столько земель для обработки, сколько приходится обработывать каждому мужчинѣ.

За то группа Б, имѣя вдвое болѣе земли на душу, нежели приходится на обработку мужчинѣ, должна нанять около 40 работниковъ; она ихъ съ излишкомъ найдетъ въ группѣ Г, которая, имѣя по 4 десятины, считаетъ у себя около 25 работниковъ лишнихъ, и въ группѣ Д, которая, имѣя менѣе нежели по 3 десятины на душу, считаетъ 22 работника лишнихъ. Тутъ еще могла бы удержаться цѣна найма, выгодная для работниковъ, потому что группы Г и Д имѣютъ средства существовать работою на собственныхъ поляхъ, и если у нихъ остается излишнее время, то онѣ могли бы торговаться, нанимаясь въ работники, потому что не крайность принуждаетъ ихъ искать работы во что бы то ни стало, за какую бы то ни

Digitized by Google

было плату,—нѣтъ, онѣ дѣйствительно ищутъ выгоднаго употребленія своихъ силъ.

Но совсѣмъ не таково положеніе группы Е и группы Ж. Участки ихъ такъ мелки, что на нихъ онѣ могутъ употреблять только незначительную часть своего времени—группа Е одну четверть, группа Ж—одну десятую своего времени; продукты, доставляемые этими участками, недостаточны для жизни. Этимъ людямъ во что бы то ни стало нужно найти работу.

Работу себѣ находятъ они у группы А.

Земли группы А требуютъ для своей обработки около 150 воздѣлывателей; изъ нихъ 29—сами владѣльцы; затѣмъ нужно имъ нанять только 120 работниковъ.

А группы Е и Ж предлагаютъ имъ 155 работниковъ.

Что изъ этого слѣдуетъ?

Работы предлагается гораздо больше, нежели требуется. Результатъ ясенъ: цѣна работы падаетъ.

До какого же предѣла простирается ея паденіе? До того предѣла, за которымъ она перестаетъ быть достаточною для прокормленія работниковъ. Тогда только работники скажутъ: намъ все равно приходится голодать, работая или не работая; будемъ же лучше голодать не работая — и только тогда уменьшится предложеніе.

А до этого предѣла нѣтъ выбора работнику между работою за какую нибудь плату и отказомъ отъ работы: отказываясь, онъ голодаетъ; работая, онъ кормится. Ясно, что онъ не отстанетъ отъ работы, пока она кормитъ его.

Итакъ: заработная плата падаетъ до той степени, чтобы только работникъ не умиралъ съ голоду.

Цѣна, по которой пускается въ продажу главная масса товара, опредѣляетъ цѣну, по которой будутъ продаваться и мелкія партіи товара. 160 работниковъ изъ группъ Е и Ж, сбивающіе взаимнымъ соперничествомъ цѣну работы до послѣдней крайности, заставятъ и остальныхъ 47 работниковъ изъ группъ Г и Д довольствоваться такою же платою, оставляя имъ только одинъ выборъ,—или сидѣть сложа руки, или наниматься по цѣнѣ, устанавливаемой группами Е и Ж. Разумѣется, что послѣ того имъ будетъ казаться выгодно наниматься хотя за эту цѣну—все же лучше, нежели сидѣть сложа руки, не получая ничего.

Такимъ то образомъ, изъ 388 человѣкъ, 205 работаютъ по цѣнѣ, едва достаточной для самаго скуднаго ихъ прокормленія.

Мы надѣемся, что не нужно отвѣчать на вопросъ: „не найдутъ ли они болѣе выгодныхъ условій въ другихъ селахъ?“ — въ другихъ селахъ тоже самое,—вездѣ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же принципъ, и результаты его одинаковы повсюду: повсюду работа предлагается въ большемъ количествѣ, нежели требуется.

Мы надѣемся также, что не нужно отвѣчать на вопросъ: „не найдутъ ли они болѣе выгодныхъ условій въ другихъ промыслахъ?“ Во-первыхъ, всѣ промыслы занимаютъ слишкомъ ничтожное число рукъ по сравненію съ земледѣліемъ, во-вторыхъ—и другіе промыслы организовались подъ вліяніемъ того же принципа.

Digitized by Google

Итакъ, во всѣхъ промыслахъ тоже, что въ земледѣліи, и во всѣхъ земледѣльческихъ селахъ тоже, что въ нашемъ селѣ; вездѣ и повсюду, вслѣдствіе излишества предложенія работы надъ запросомъ, цѣна ея падаетъ до послѣдней крайности.

Это вещь извѣстная. Но теперь мы можемъ видѣть, выдерживаетъ ли критику извѣстный припѣвъ мальтусіанцевъ: „излишество предложенія происходитъ отъ излишняго размноженія населенія; излишекъ населенія виною всѣмъ бѣдамъ; ни люди, ни учрежденія тутъ не виноваты,—народу расплодилось слишкомъ много, вотъ отчего бѣдность и нищета на свѣтѣ“.

Будто въ самомъ дѣлѣ оттого?

Въ нашемъ селѣ приходится почти по 8 десятинъ на душу — стало быть населеніе все-еще очень малочисленно сравнительно съ пространствомъ, а все-таки существуетъ излишекъ предложенія работы надъ запросомъ, все-таки большинство населенія сбиваетъ цѣну работы до послѣдней крайности, и изъ 388 человѣкъ 205 работаютъ, можно сказать, за корку хлѣба, и въ томъ числѣ 160 человѣкъ колотятся какъ рыба объ ледъ.

Отчего это? Отвѣтъ ясенъ послѣ нашихъ таблицъ.

Оттого, что большинство крайне обдѣлено случайностями наслѣдства.

На самомъ дѣлѣ, рукъ мало;— это видно изъ того, что далеко не вся еще земля разработана, — изъ 3,102 десятинъ 1,212 лежатъ подъ выгонами и т. д., да изъ распахиваемыхъ 1,800 десятинъ, 600 лежатъ подъ паромъ—итого только 1,200 даютъ плодъ, 1812 лежатъ себѣ чуть не задаромъ: люди не успѣваютъ ихъ обработывать, —да, рукъ мало для работы. Но село наше организовалось такъ, что все-таки оказывается „излишекъ предложенія надъ запросомъ“, и вслѣдствіе того большинство населенія терпитъ нужду.

Что за нелѣпость?—Да, дѣйствительно нелѣпость—и чтобы убѣдиться въ нелѣпости такой нужды, надобно только сравнить это положеніе съ положеніемъ, которое дается сохраненіемъ общиннаго владѣнія.

При случайностяхъ поземельнаго наслѣдства, 388 человѣкъ не могутъ жить на 3,012 десятинахъ безъ того, чтобы большая половина ихъ не видѣла себя въ постоянной скудости.

А при общинномъ владѣніи, какъ мы видѣли въ началѣ этого изслѣдованія, на долю каждаго приходилось бы по 216 рублей,—иначе сказать, каждый жилъ бы въ такомъ изобиліи, которое при случайностяхъ поземельнаго наслѣдства досталось на долю только одной четвертой части населенія.

Мы сами первые замѣтимъ, что наша небольшая работа только первый шагъ къ статистическому опредѣленію стремленій, лежащихъ въ натурѣ наслѣдства. Важность вопроса такова, что можно и должно для возможно точнаго отвѣта на него разобрать генеалогію не 250 человѣкъ, а 250,000 человѣкъ, всѣхъ временъ, странъ и сословій. Но это расширеніе объема изслѣдованій нужно только для строжайшаго опредѣленія границъ дѣйствія двухъ противоположныхъ стремленій наслѣдства; основной же законъ ихъ дѣйствія и огромное преобладаніе одной тенденціи надъ другой достаточно указывается уже и таблицею, нами представленною. Выводы изъ нея таковы:

Digitized by Google

Дѣйствіе наслѣдственности относительно поземельной собственности состоитъ въ томъ, что при смѣнѣ каждаго поколѣнія другимъ, большая половина земли (около двухъ третей) сосредоточивается въ меньшемъ (на половину меньшемъ) числѣ рукъ, нежели была при предъидущемъ поколѣніи.

Изъ остальной, меньшей половины, одна часть (около одной шестой всего пространства земли) остается во владѣніи у такого же числа людей, какъ при прежнемъ поколѣніи.

Другая часть (также около одной шестой всего пространства) раздробляется между гораздо большимъ количествомъ владѣльцевъ, нежели прежде.

Это раздробленіе очень быстро достигаетъ крайнихъ предѣловъ физической возможности дѣленія земли, и части, подлежавшія раздробленію, должны переходить продажею въ чужія руки.

Болѣе обширныя изслѣдованія точнѣе опредѣлятъ цифру каждой изъ этихъ трехъ частей. Но предѣлы, между которыми колеблются эти цифры, не могутъ отступать далеко отъ показанныхъ нами приблизительныхъ величинъ, потому что сумма случаевъ, взятыхъ нами (250), довольно значительна. Самый же законъ, управляющій этими величинами, совершенно непоколебимъ, именно:

Быстрое сосредоточеніе значительной части земли въ немногихъ рукахъ, и столь же быстрое раздробленіе гораздо менѣе значительной части.

Очевидно, что, такъ какъ при смѣнѣ каждаго поколѣнія слѣдующимъ принципъ дѣйствуетъ одинаково, то дѣйствіемъ каждой новой смѣны усиливается дѣйствіе предъидущей, иначе сказать:

Сосредоточеніе съ каждымъ поколѣніемъ охватываетъ все большую и большую часть всего пространства территоріи, оставляя въ умѣренныхъ участкахъ и для раздробленія на мелкія части все меньше и меньше пространства.

Мы представили незначительный по объему, но все же не лишенный значенія анализъ фактовъ, для опредѣленія дѣйствій принципа наслѣдственности.

Не онъ одинъ управляетъ движеніемъ собственности. Но мы выбрали его съ одной стороны потому, что объемъ его дѣйствія шире, нежели объемъ всѣхъ другихъ содѣйствующихъ ему принциповъ; съ другой стороны потому, что тенденція другихъ принциповъ представляетъ менѣе нужды въ математическихъ доказательствахъ.

Количество поземельной собственности, переходящей въ извѣстное время (напримѣръ въ годъ) изъ рукъ въ руки по принципамъ приданаго, духовнаго завѣщанія, даренія, вовсе не такъ значительно, какъ количество, переходящее по принципу наслѣдства. Потому, еслибъ даже они не имѣли одинаковой съ нимъ тенденціи, его дѣйствіемъ далеко перевѣшивались бы всѣ уклоненія отъ его тенденціи, производимыя тенденціею другихъ началъ.

Но очевидно, что эти другіе принципы дѣйствуютъ по той же тенденціи сосредоточенія, какъ и наслѣдство, и дѣйствуютъ еще быстрѣе и одностороннѣе.

Приданое есть принадлежность брака. Вообще говоря, браки бываютъ ровные,—богатые женятся на богатыхъ, бѣдные на бѣдныхъ. Исключенія

Digitized by Google

чаще случаются въ романахъ, нежели въ дѣйствительности, и, конечно, не составляютъ одной десятой части всѣхъ браковъ. И такъ, совершенно преобладающее дѣйствіе приданаго состоитъ въ томъ, что человѣкъ богатый пріобрѣтаетъ за женою новое богатство.

Этимъ ускоряется сосредоточивающее дѣйствіе наслѣдства. Безъ приданаго (и наслѣдства, достающагося роду по женской линіи), имѣнье угасающаго рода иногда переходит къ дальнимъ роднымъ, которые, изъ шести случаевъ въ пяти случаяхъ, бѣдны. Эти шансы прекращаются наслѣдствомъ по женской линіи, которое обыкновенно достается отъ угасающаго рода другому роду, одинаково съ нимъ стоящему на лѣстницѣ имущества; то есть, имущество богатыхъ, при содѣйствіи приданаго и наслѣдства по женской линіи, чаще достается богатымъ, нежели было бы безъ того.

Дарственныя записи и духовныя завѣщанія обыкновенно передаютъ имѣніе какому нибудь любимому лицу. Надобно ли говорить, что у каждаго близкіе люди обыкновенно принадлежатъ къ одному съ нимъ общественному классу, и потому богатый обыкновенно завѣщаетъ или даритъ свое имѣніе богатому?

Этимъ опять уменьшаются шансы раздробленія и увеличиваются шансы сосредоточенія.

Остается еще одинъ принципъ—принципъ продажи и покупки. Въ различныя эпохи государственной жизни онъ дѣйствуетъ различно,—иногда большія недвижимыя имущества распродаются по мелкимъ частямъ, иногда малыя скупаются въ одну массу. Надобно замѣтить, впрочемъ, что преобладаніе ломки большихъ имуществъ посредствомъ распродажи свойственно только эпохамъ экономическихъ кризисовъ—оно является не иначе, какъ принадлежностью или коммерческаго, или общественнаго банкротства класса большихъ землевладѣльцевъ. Въ періоды нормальнаго, спокойнаго хода дѣлъ. преобладаетъ въ продажѣ и покупкѣ стремленіе къ соединенію мелкихъ кусковъ въ большія массы. Это обычный путь, по которому раздробившіеся клочки превращаются въ крупныя массы. Итакъ, кромѣ ненормальнаго случая экономическихъ кризисовъ, принципъ продажи и покупки дѣйствуетъ по одному направленію съ наслѣдствомъ.

Общимъ результатомъ всего сказаннаго является несомнѣнность слѣдующаго правила:

Принципъ наслѣдственности постоянно и быстро влечетъ поземельную собственность къ сосредоточенію все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, все болѣе и болѣе громадными массами. Дѣйствіе этой преобладающей силы ускоряется дѣйствіемъ имѣющихъ одинаковое съ нею направленіе принциповъ приданаго, даренія и завѣщанія. Въ нормальномъ ходѣ экономическихъ отношеній, по тому же направленію дѣйствуетъ принципъ покупки и продажи, чѣмъ еще болѣе ускоряется ходъ сосредоточенія.

Таковъ законъ самобытнаго дѣйствія экономическихъ принциповъ, управляющихъ движеніемъ частной поземельной собственности. Быстрота и интенсивность ихъ стремленія къ ея сосредоточенію такъ велики, что смѣны немногихъ поколѣній достаточно было бы для соединенія почти всей поземельной собственности цѣлой страны въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, еслибъ эти законы дѣйствовали безпрепятственно.

Digitized by Google

Но препятствія, лежащія внѣ сферы исчисленныхъ нами экономическихъ принциповъ, нарушаютъ непрерывность ихъ дѣйствія, вдругъ разламывая на куски постоянно созидаемыя этими принципами массы громадныхъ поземельныхъ владѣній.

Эти коррективныя средства противъ абсолютнаго соединенія поземельной собственности тѣ самыя, которыя, по мнѣнію Мальтуса, необходимы для поддержанія равновѣсія между средствами существованія и народонаселеніемъ, именно: война и насиліе, пороки и болѣзни. Мы думаемъ, что для равновѣсія между населеніемъ и средствами существованія эти средства вовсе не неизбѣжны; но противъ агломераціи они неизбѣжны.

Порокъ и болѣзнь дѣйствуютъ неослабно. За богатствомъ идетъ роскошь, за роскошью развратъ и болѣзни. Это путь неизбѣжный, и каждый пресыщаемый случайностями наслѣдства и т. д. родъ проходитъ быстро до конца это поприще, ведущее или къ вымиранію фамиліи или къ ея разоренію.

Эти коррективныя средства, очевидно, начинаютъ дѣйствовать уже только тогда, когда накопленіе недвижимой собственности достигаетъ крайняго предѣла, начинаетъ подавлять своею огромностью физическія и нравственныя силы того, на чью долю выпадаетъ.

Другое коррективное средство, какъ извѣстно, начинаетъ дѣйствовать тогда, когда порча общественнаго организма, вслѣдствіе чрезвычайной неравномѣрности имуществъ и ея послѣдствій, указанныхъ выше, достигаетъ размѣровъ, несовмѣстныхъ съ сохраненіемъ общественнаго порядка. Тогда то частные кризисы, сливаясь въ одинъ общій кризисъ, начинаютъ потрясать общественное тѣло, и этотъ кризисъ продолжается до тѣхъ поръ, пока его потрясеніями не будутъ разбросаны чрезмѣрно агломерировавшіяся массы.

Силою этихъ-то коррективныхъ способовъ постоянно разрушается агломерація въ тотъ самый моментъ, когда достигаетъ своего апогея, достигаетъ чрезмѣрности, превышающей человѣческія силы. Реакція происходитъ съ двухъ сторонъ: и посредствомъ изнеможенія подавленныхъ излишнею агломераціею, и посредствомъ гнѣва со стороны обдѣленныхъ расширеніемъ этой агломераціи.

Кризисы эти, на языкѣ нѣкоторыхъ ученыхъ называемые ликвидаціями общества, очень тяжелы и для ликвидирующихъ, и для ликвидируемыхъ, и нельзя не сказать, что драгоцѣнны тѣ учрежденія, которыя предотвращаютъ нужду въ подобныхъ ликвидаціяхъ, неизбѣжныхъ тогда, когда все отдано во власть роковаго сосредоточивающаго стремленія слѣпыхъ принциповъ, исчисленныхъ нами выше.

Нѣкоторые ученые доходятъ до того, что начинаютъ находить завидными даже феодальныя учрежденія, ради того, что они удерживали въ извѣстныхъ границахъ дѣйствіе этихъ началъ. Такое мнѣніе, конечно, несправедливо, потому что феодальныя учрежденія, будучи основаны на притѣсненіи, приносили вреда въ мильонъ разъ болѣе, нежели пользы.

Но тѣмъ драгоцѣннѣе такія учрежденія, которыя, не имѣя стѣснительности, представляютъ гарантію противъ безграничнаго дѣйствія принциповъ агломерирующихъ.

Digitized by Google

Таково общинное устройство поземельной собственности. Въ Западной Европѣ оно погибло гораздо прежде разрушенія феодальныхъ учрежденій; преимущественно эти учрежденія и убили общинное устройство. У насъ соотвѣтствующія феодализму Западной Европы учрежденія не коснулись общиннаго устройства поземельной собственности, и надобно желать, чтобы оно пережило ихъ. Оно и переживетъ ихъ, если мы сами, безъ всякой нужды и въ противность всякому здравому разсчету, не будемъ хлопотать объ его уничтоженіи.

Е. *О хозяйствѣ по фермерскому контракту.*

(Sismondi, Nouveaux Principes, Paris, 1827).

„У націй, наиболѣе богатыхъ, хозяйство по фермерскому контракту почти совершенно замѣнило всѣ другія договорныя отношенія, возникшія изъ уничтоженія рабства *). Оно болѣе всѣхъ другихъ формъ хозяйства удостоилось вниманія экономистовъ, и вообще оно считается необходимымъ и повсюду являющимся слѣдствіемъ успѣховъ цивилизаціи.

„По фермерскому контракту, собственникъ передаетъ воздѣлывателю свою землю, безъ всякихъ хозяйственныхъ принадлежностей, и получаетъ отъ него за землю ежегодно одинаковый доходъ; а фермеръ уже самъ по себѣ, безъ отношенія къ собственнику, управляетъ работами и совершаетъ ихъ своимъ собственнымъ скотомъ, своими земледѣльческими орудіями и капиталами **), самъ продаетъ продукты и платитъ подати. Фермеръ беретъ на себя всѣ заботы и шансы земледѣлія; онъ ведетъ это дѣло, какъ коммерческую спекуляцію, отъ которой ожидаетъ прибыли, сообразной своему употребляемому на то капиталу.

„Сначала фермеры были простые земледѣльцы-работники, своими руками исполнявшіе большую часть хозяйственныхъ работъ, не имѣвшіе почти никогда поденщиковъ, а только постоянныхъ работниковъ, которые составляли съ ними одинъ и тотъ же классъ...

„Но въ Англіи фермеры, участвуя въ прогрессѣ общаго благосостоянія и въ накопленіи капиталовъ, перешли въ сословіе высшее, нежели работники. Для помѣщенія своихъ капиталовъ, они берутъ фермы значительнаго размѣра; обладая знаніями, они возводятъ земледѣліе на степень науки. Они примѣнили къ нему многія важныя изобрѣтенія химіи и другихъ естественныхъ наукъ. Надежда на большую выгоду заставила ихъ дѣлать болѣе значительныя затраты.

„Съ той поры они перестали быть земледѣльцами-работниками, и по необходимости образовался ниже ихъ классъ рабочихъ людей, которые, питая своимъ трудомъ всю націю, и есть истинные поселяне.

---

*) То есть, систему половничества, систему обязательнаго труда и систему оброка. Само собою разумѣется, что каково бы ни было фермерство, но оно въ тысячи и милліоны разъ выше и лучше этихъ формъ.

**) Эту черту замѣчаетъ Сисмонди въ противоположность половничеству, при которомъ скотъ, орудія и т. д. доставляются обработывателю собственникомъ.

Digitized by Google

„Писатели, сравнивавшіе системы малаго и большаго хозяйства *), мало думали о томъ, что большія фермы, отнимая собственное хозяйство у поселянъ, приводятъ ихъ въ положеніе худшее, нежели при всѣхъ почти другихъ способахъ обработки. Въ самомъ дѣлѣ, поденщики, исполняющіе всю работу на большихъ фермахъ, находятся въ состояніи болѣе зависимомъ, нежели половники... Эти работники не имѣютъ никакого участія въ собственности, не трудятся для будущаго... живутъ со дня на день недѣльной платою **).

„Если-бы даже работникъ успѣлъ сберечь нѣсколько денегъ ***), онъ не можетъ воспользоваться этимъ капиталомъ, потому что исчезли всѣ посредствующія степени между общественными классами. Отъ его положенія до состоянія большаго фермера такъ далеко, что онъ не можетъ перешагнуть этой бездны,—тутъ нѣтъ того, какъ при половничествѣ, гдѣ постепенно можно увеличивать ему свое благосостояніе и наконецъ сдѣлаться собственникомъ ****).

„Нѣтъ равновѣсія въ силахъ между работникомъ, который остается голоденъ безъ работы, и фермеромъ, который даже не теряетъ дохода съ части своихъ земель, сокративъ нѣкоторыя изъ работъ. Потому результатъ борьбы между этими двумя классами,—всегда жертвоприношеніе класса бѣднѣйшаго, многочисленнѣйшаго и имѣющаго наиболѣе правъ на покровительство законодателя.

„А между тѣмъ, какъ скоро начала вводиться система большихъ фермъ, мелкіе фермеры *****) не могутъ выдержать ихъ соперничества; даже мелкіе собственники доводятся до разоренія соперниками, работа которыхъ совершается болѣе экономическимъ образомъ и которые продаютъ свои продукты въ болѣе выгодное время“ ******).

Въ Англіи замѣчаютъ, что мелкіе собственники, сами занимающіеся хозяйствомъ (free-holders), вообще бѣдствуютъ. Такимъ образомъ система, приводящая въ бѣдность массу населенія, по врожденной своей силѣ, стремится подавить всѣ другія.

Причины ея торжества легко открыть *******)... Выгоднѣе, нежели мелкій

*) Сисмонди говоритъ объ англійскихъ агрономахъ и экономистахъ, слѣдовавшихъ мнѣнію знаменитаго Артура Юнга, который говорилъ, что большое англійское фермерское хозяйство, съ фермерами въ 180—2,000 десятинъ земли, лучше малаго (французскаго) хозяйства, имѣющаго объемъ земли, съ обработкою котораго справится одинъ плугъ. Во Франціи есть мелкія фермы, какъ были нѣкогда въ Англіи, но о нихъ не стоитъ и говорить, потому что это форма переходная, ведущая къ большимъ фермамъ и существующая только до тѣхъ поръ, пока улучшенные способы обработки невозможны по малому развитію экономическаго быта.

**) Далѣе Сисмонди говоритъ о томъ, что эти работники страшно нуждаются, деморализируются и т. д.,—это уже было говорено нами.

***) Прежде, Сисмонди объяснилъ, что это почти невозможно при большихъ фермахъ.

****) Далѣе, Сисмонди говоритъ, какъ опасно для націи такое состояніе, въ которомъ большинство населенія лишено надеждъ на улучшеніе своего быта, и говоритъ, что иначе быть не можетъ при большихъ фермахъ, понижающихъ заработную плату до послѣдней крайности.

*****) Тѣмъ менѣе половники.

******) Потому что, имѣя капиталъ, не нуждаются торопиться продажею.

*******) Сисмонди объясняетъ, какъ необходимо понижается при большихъ фермахъ заработная плата и т. д.—продукты большимъ фермеромъ продаются по болѣе выгодной цѣнѣ, все это бѣдственно для массы населенія, но выгодно для капиталиста и собственника.

Digitized by Google

фермеръ, продавъ свои продукты и менѣе употребивъ на содержаніе рабо никовъ, фермеръ, взявшій 1,000 экровъ земли, въ состояніи к нечно будетъ заплатить собственнику больше аренды, нежели пятьдесятъ ме кихъ фермеровъ, которыхъ онъ вытѣснилъ. Онъ начнетъ этимъ вытѣсненіем сломаетъ ихъ домики, не нужные ему, распашетъ садики и огороды, дост влявшіе приправу къ пищѣ и радость мелкимъ хозяйствамъ, и заведетъ своихъ тысячѣ экрахъ однoформенный оборотъ хлѣбопашества. Но тог пусть собственникъ пожелаетъ возвратиться къ мелкимъ хозяйствамъ, — з ужъ невозможно: для того понадобилась бы новая, значительная затрата к питаловъ. Большая ферма пригодна только большому фермеру. Снять ее м жетъ только капиталистъ, имѣющій оборотный капиталъ на тысячу экров

„Такимъ-то образомъ система большихъ фермъ, приходя въ столкн веніе съ малыми хозяйствами, подавляетъ ихъ, если они не ограждены з конами“.

„О томъ, какія опасности угрожаютъ странѣ, предающейся систе большихъ фермъ, можно судить по состоянію, до котораго довела она Ри скую Равнину (Campagna di Roma)—такъ называется мѣстность отъ Витер ской горы до Террачины, отъ моря до Сабинскихъ горъ. Въ этой облас имѣющей 90 миль въ длину и 25 миль въ ширину, или 2,250 квадратны миль, нынѣ считается всего около 40 этихъ фермеровъ. Правда, они называютъ себя фермерами, пренебрегая именемъ, — они называются mercan di tenute „сельско-хозяйственные негоціанты“, — на свой промыселъ о употребляютъ громадные капиталы и чрезвычайнымъ своимъ богатствомъ о тѣсняютъ всякихъ соперниковъ. Но ихъ способъ извлекать доходъ и земли — и нѣтъ спора, способъ самый выгодный для нихъ — состоитъ томъ, чтобы всевозможно сокращать издержки на человѣческій трудъ, довол ствоваться тѣмъ, что родитъ сама земля, имѣть цѣлью только пастбища постепенно удалять населеніе. Въ этой Римской Области, столь дивно плод носной, гдѣ двухъ десятинъ было довольно семейству, гдѣ нивы осѣяли оливковыми и смоковничными рощами и виноградниками, гдѣ собиралось три и по четыре жатвы въ годъ,—въ этой области мало по малу исчез отдѣльные домики, деревни, ихъ жители, исчезали межи и изгороди, вин градники, оливы и всѣ продукты, требующіе постояннаго вниманія, труда особенно, привязанности человѣка,—и все это исчезло; на мѣстѣ всего яв лись обширныя нивы, и mercanti di tenute нашли выгоднѣйшимъ засѣв и убирать ихъ толпами работниковъ, каждый годъ сходящими съ Сабинск горъ; эти люди, привыкшіе питаться кускомъ хлѣба, спать подъ росо голой землѣ, каждое лѣто сотнями погибаютъ отъ лихорадки maremmane идутъ на эту гибель изъ-за ничтожнѣйшей платы. Чтобы Campagna Roma сохранила туземное населеніе, было невыгодно для фермеровъ, и населеніе совершенно исчезло. Остается еще изрѣдка городъ среди обширны нивъ, принадлежащихъ одному господину; но въ Рончильйоне и Непи с стро уменьшается число жителей, отчужденныхъ отъ земли, которая дол бы кормить ихъ, и можно впередъ высчитать эпоху, когда плугъ пройд по мѣсту ихъ домовъ, какъ онъ прошелъ уже по развалинамъ Сенъ-Лорен Вико, Браччіано и самого Рима. Въ свою очередь нивы уступаютъ мѣ

Digitized by Google

стбищамъ, и на пастбищахъ каждый день шире разростается репейникъ и рьянъ...

„Сословіе поселянъ быстро исчезаетъ въ Англіи, въ Campagna di ma оно уже исчезло...“

Англія такъ умножила свои богатства, такъ далеко ушла въ приложе- и естественныхъ наукъ къ земледѣлію, въ улучшеніи породъ домашняго ота, въ плодоперемѣнной системѣ, въ усовершенствованіи земледѣльческихъ удій, что не каждый съ перваго взгляда замѣчаетъ невыгоды, ей нано- мыя большими фермами. Но дивясь ея полямъ, столь обработаннымъ, на- бно смотрѣть и на воздѣлывающее ихъ населеніе. Оно въ половину мало- еленнѣе того, какое жило бы во Франціи на такомъ же пространствѣ земли. ъ глазахъ нѣкоторыхъ экономистовъ это выигрышъ, въ моихъ — потеря. о населеніе, менѣе густое, въ то же время гораздо болѣе бѣдно. Англій- ій земледѣльческій работникъ, cottager, имѣетъ менѣе удобствъ, нежели селянинъ почти всѣхъ другихъ земель Европы.

О матеріальныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ сильнѣйшее вліяніе на успѣхи сельскаго хозяйства.

Пустословность соображеній, изъ которыхъ возникаетъ отверженіе об- шнаго поземельнаго владѣнія старою школою политической экономіи, пре- шаетъ всякое вѣроятіе.

„Общинное владѣніе—чрезвычайно сильное препятствіе успѣхамъ сель- аго хозяйства“. Превосходно: на чемъ это основано? „Въ тѣхъ странахъ, ѣ владычествуетъ частная поземельная собственность, десятина даетъ не- авненно больше хлѣба, нежели въ Россіи“. — Восхитительно; однако-же, къ велико это *несравненно больше?* Напримѣръ, хотя бы въ Пруссіи?— Въ Россіи десятина даетъ 3,47 четвертей, а въ Пруссіи—3,82“.—Вотъ ъ лучше всего! „Несравненно больше“ значитъ 10%! Итакъ, если у васъ 1 рублей, а у меня 10, то вы „несравненно богаче“ меня, — по моему, ı съ вами оба довольно равно бѣдны.

10%!—Этихъ ужасныхъ 10% ужъ нельзя приписать никакимъ дру- мъ невыгодамъ, и непремѣнно надобно взвалить грѣхъ на общинное вла- ніе. Да развернемте хотя „Statistique de la France“, изданную фран- зскимъ правительствомъ, и сравнимте въ разныхъ департаментахъ сборъ ъницы (съ гектара, въ гектолитрахъ).

Seine	21,59	Lot.	6,78
Nord	20,74	Nièvre	9,44
Seine et Oise .	19,05	Loire et Chère. .	9,51
Puys de Dôme .	15,38	Lozère	7,30

Какова разница, сравнительно съ знаменитыми 10% разницы между ссіею и Пруссіею? Въ департаментѣ Сены 21,59, а въ департаментѣ ot —6,78 —это ужъ не 10%, а слишкомъ 200%. Не виновато ли об- инное владѣніе въ этой разницѣ.

Въ сборѣ и цѣнности другихъ родовъ хлѣба (напримѣръ, овса) раз- ıа еще значительнѣе, —она доходитъ до четырехъ сотъ процентовъ.

Digitized by Google

Не отъ различія ли въ почвѣ такая разница? Конечно, отчасти: н не совсѣмъ. Вотъ и доказательства.

	Вся величина департамента.	Изъ этого числа богатой почвы.
Bouches du Rhône . . .	512,000	16,600 гектаровъ.
Seine et Oise	560,000	15,000 —
Puys de Dôme.	797,000	15,280 —
Aude	606,000	77,218 —
Lot et Chère	625,000	98,000 —

— Ясно, что почва двухъ послѣднихъ департаментовъ сама по себѣ гораз лучше, нежели трехъ первыхъ; между тѣмъ, Bouches du Rhône, Seine Oise, Puys de Dôme даютъ сборы на 100%, на 140%, на 200% больш нежели Aude и Loire et Chère.

Дѣло въ томъ, что обработка земли въ этихъ департаментахъ оче различна,—а отъ чего она различна? ужъ конечно не отъ общиннаго вл дѣнія, а отъ какихъ нибудь другихъ обстоятельствъ, — и указать ихъ н трудно.

Кромѣ разницы климата, примите въ соображеніе состояніе путей с общенія, густоту населенія, близость большихъ центровъ потребленія и т. д и т. д., словомъ тѣ обстоятельства, которыя такъ прекрасно умѣютъ выст влять экономисты старой школы, когда объясняютъ условія усиленія земл дѣльческаго производства вообще, и такъ восхитительно забываютъ, ког нужно за какіе нибудь 10% разницы между Россіею и Пруссіею проклина общинное владѣніе.

Неужели различіе по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ между Россіею Пруссіею въ десять разъ больше, нежели между различными французск департаментами?

Но сравнивая департаменты, мы брали крайности, проявляющіяся округахъ не слишкомъ большихъ. Мы въ этомъ случаѣ подражали проти никамъ общиннаго владѣнія, которые любятъ эффектъ и любятъ отдѣльны исключительными случаями замѣнять незнаніе среднихъ чиселъ. Будемъ то нѣе,—сравнимъ цѣлыя обширныя страны одного государства съ ихъ сре ними цифрами. „Statistique de la France“ даетъ матеріалы для того, ра дѣляя Францію на четыре почти равныя части линіями, пересѣкающими крестъ на крестъ.

	Франція, какъ цѣлое.	Части: Сѣверо-западн.	Сѣверо-восточ.	Юго-восточ.	Юго-запад.
Населеніе, на квадратномъ миріаметрѣ.	6,424	8,247	6,654	5,548	5.36
Сборъ пшеницы съ гектара, въ гектолитрахъ . . .	12,47	14,98	13,55	11,27	9.71

Здѣсь одинъ приведенъ только факторъ, для объясненія неравномѣ ности сборовъ, — густота населенія. Посмотрите же, какъ правильно отр жается его дѣйствіе на количествѣ сбора,—чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ вы сборъ. Разница между сѣверо-западною и юго-западною частью по насел

Digitized by Google

ности равняется почти 50%—этого довольно, чтобы понять разницу въ сборѣ также почти на 50%.

Сравните населенность Европейской Россіи и Пруссіи—не гораздо ли больше она? Не достаточно ли было бы ужъ одного для объясненія ничтожной разницы сбора въ 10%?

Прибавьте различіе по пропорціи городскаго населенія, по удобству путей сообщенія, по близости къ колоссальнѣйшему рынку для хлѣба, къ Англіи; прибавьте еще значительнѣйшее различіе по климату;—все это не въ выгоду Россіи; прибавьте различіе по формамъ труда между Россіею и Западною Европою, и подумайте послѣ этого, нужно ли примѣшивать еще общинное владѣніе ради этихъ 10%? будто не съ избыткомъ объясняются эти 10% вліяніями, сила которыхъ несомнѣнно не въ выгоду Россіи? Не противно ли здравому смыслу забывать всѣ ихъ и толковать о невыгодномъ будто бы вліяніи такого факта, о дѣйствіи котораго вы говорите совершенно на обумъ?

G. *Примѣръ Франціи и Сѣверной Америки свидѣтельствуетъ не противъ, а въ пользу раскрытой у насъ теоріи дѣйствій принципа частной поземельной собственности.*

Повсюду и всегда, когда и гдѣ ни господствовала частная поземельная собственность, большинство земледѣльческаго населенія воздѣлывало чужую землю въ чужую, а не въ свою пользу; повсюду, большая половина территоріи принадлежала не тѣмъ, которые воздѣлывали ее, и интересъ человѣка, отъ котораго зависѣло производство улучшеній, былъ ослабляемъ въ производствѣ этихъ улучшеній тѣмъ, что выгода отъ нихъ доставалась не ему, а шла въ чужія руки. Таково же и нынѣ положеніе частной поземельной собственности повсюду, гдѣ могутъ обнаружиться дѣйствія принциповъ, управляющихъ ея движеніемъ.

Римъ (во всѣ эпохи, когда ager publicus былъ захватываемъ частною собственностью), всѣ государства, основанныя германцами въ средніе вѣка, нынѣ вся часть Европы, занятая романскими и германскими народами, служитъ тому доказательствомъ. Но исключеніями являются, по видимому, нынѣшняя Франція и Сѣверная Америка. Люди, поверхностно смотрящіе на эти два единственные факта, думаютъ, будто бы Франція можетъ служить свидѣтельствомъ, что частная поземельная собственность можетъ естественнымъ путемъ распредѣляться по населенію довольно равномѣрно, а Америка—что благосостояніе поселянъ можетъ существовать безъ преобладанія государственной поземельной собственности. Но точный разборъ дѣла доказываетъ противное.

„Во Франціи большинство земледѣльцевъ имѣетъ недвижимую собственность“ — такъ, но, во-первыхъ, гомеопатическими клочками; большая половина пространства все-таки сосредоточена въ рукахъ меньшинства,—по Шатовье, общее число 46,000,000 гектаровъ, находящихся въ частной собственности, распредѣляется такъ:

	Число владѣльцевъ.	Общая сумма принадлежащей имъ земли.
Большія помѣстья. . . .	200,000	17,328,000 гектар.
Владѣнія средней величины.	700,000	14,420,000 „
Мелкіе клочки.	3,900,000	14,252,000 „

Digitized by Google

И такъ, болѣе нежели двѣ трети территоріи все-таки сосредоточены рукахъ одной пятой части собственниковъ; остальнымъ четыремъ пятымъ стались только ничтожные клочки остальной трети. Но цифры Шатовье всей вѣроятности ниже дѣйствительнаго сосредоточенія. Пріймемъ однако и чтобы не утруждать читателей анализомъ цифръ, которыхъ и безъ того слишкомъ много у насъ; что же оказывается изъ этихъ цифръ? Общее сло земледѣльческихъ семействъ по Шатовье — 7,000,000 *); изъ ни одна треть лишена участія въ собственности; четыре седьмыхъ имѣютъ чтожное участіе; одной восьмой части сельскаго населенія принадлеж болѣе чѣмъ двѣ трети земли.

Но и это положеніе какимъ образомъ произошло? Конфискаціею и р продажею по мелкимъ участкамъ во время революціи. Какимъ образомъ поддержалось? Непрерывными войнами втеченіе первыхъ двадцати пяти л и двумя общественными переворотами втеченіе слѣдующихъ сорока лѣ Итакъ, только 65 лѣтъ существуетъ этотъ порядокъ, и только 40 л мирно дѣйствуютъ принципы частной собственности, и въ эти годы два р насильственно низверглась значительная часть произведенной ими аггломе ціи, и основаніемъ всему послужило страшное насильственное раздробленіе и все-таки поземельная собственность очень сильно сосредоточена.

Франція служитъ свидѣтельствомъ чрезвычайной живучести и интенс ности стремленія къ аггломераціи въ частной собственности. Сѣверная А рика служитъ поразительнѣйшимъ свидѣтельствомъ того, какъ важно, чт государственная поземельная собственность преобладала надъ частною.

Во-первыхъ, тутъ надобно замѣтить изумительную противоположн между южными и сѣверными штатами, по характеру и дѣятельности бѣл населенія. Въ южныхъ штатахъ поземельная собственность аггломерирова большинство бѣлаго населенія почти лишено ея; за то оно лѣниво, невѣ ственно, болѣе походитъ на итальянцевъ или ирландцевъ, нежели на а риканцевъ. Южные штаты не свидѣтельствуютъ въ пользу аггломераціи не ихъ имѣютъ въ виду, когда указываютъ на Сѣверную Америку.

Въ чемъ же состоитъ отличіе сѣверныхъ и западныхъ штатовъ Европы? Въ томъ, что каждый, обдѣленный поземельнымъ наслѣдствомъ. ретъ участокъ въ 25 десятинъ изъ государственныхъ земель, которы каждаго подъ руками (благодаря чрезвычайнымъ удобствамъ путей сообще и которыхъ находится еще въ запасѣ на десятки мильоновъ семей. О, такомъ случаѣ, если частная собственность составляетъ еще только ма часть территоріи, если для каждаго очень легко прійти и поселиться на сударственной землѣ,—въ такомъ случаѣ частная поземельная собственн ничему не мѣшаетъ: вѣдь еще не оказываетъ вліянія на національную жи характеръ которой опредѣляется раздачею всѣмъ и каждому желающему статочнаго для безбѣдной жизни участка.

*) Въ предъидущей статьѣ, мы, по „Statistique de la France", прини 6,000,000; Шатовьё считаетъ иначе, и поэтому намъ кажутся его цифры нуждающ мися въ исправленіи — онъ кладетъ слишкомъ мало душъ на семью, или счит мужа и жену, отца и сыновей разными собственниками, хотя они живутъ одн хозяйствомъ; оттого и сосредоточеніе у него менѣе дѣйствительнаго.

Digitized by Google

Сѣверные штаты изъ всѣхъ странъ, въ которыхъ экономическій бытъ высоко развитъ, ближе всего подходятъ къ тому положенію, для достиженія котораго служитъ общинное владѣніе. За то и безпримѣрно благосостояніе ихъ населенія.

Что слѣдуетъ изъ примѣра ихъ? Очевидно слѣдуетъ: каждый земледѣлецъ долженъ воздѣлывать свой, а не чужой участокъ. Какимъ образомъ возможенъ такой бытъ?—При чрезвычайномъ обиліи незаселенныхъ и плодоносныхъ государственныхъ земель, онъ можетъ достигаться раздачею ихъ всѣхъ и каждому желающему—при этомъ необходимо также, чтобы каждому было очень легко дойти отъ мѣста своей родины до этихъ земель. Ясно ли, въ чемъ дѣло, отъ чего зависитъ характеръ сѣверо-американскаго земледѣльческаго быта? Отъ огромнаго перевѣса государственныхъ земель надъ землями, выдѣлившимися въ частную собственность.

Итакъ, что свидѣтельствуютъ Сѣверо-Американскіе Штаты? „Государственныя земли должны преобладать въ странѣ надъ выдѣленными въ частную собственность".

Если бы во Франціи, Англіи, Германіи были подъ руками у каждаго громадныя пространства незаселенныхъ государственныхъ земель, не о чемъ было-бы и толковать: съ незначительною частью національнаго капитала можно дѣлать что угодно, и благосостояніе націи все-таки не потерпитъ значительно. Если населенныя земли еще ничтожны передъ государственными незаселенными и плодоносными, мы не хотѣли бы и думать о нихъ—пусть онѣ аггломерируются или дробятся, пусть будутъ въ частной или какой вамъ угодно собственности, все равно.

Надобно-ли говорить, что положеніе Европы не таково?

Надобно-ли говорить, что и въ Россіи нѣтъ 150,000 квадратныхъ географическихъ миль плодоносной и незаселенной государственной земли? Надобно ли говорить, что если изъ Нью-Йорка легко переселиться въ Иллинойсъ, гдѣ въ волю земли готовой для всякаго, то изъ Тулы переселиться въ Саратовъ или Самару—была бы очень дорогая и длинная исторія; да и нашлось ли бы тамъ незаселенныхъ плодоносныхъ земель для сотенъ тысячъ семей? У насъ плодоносныя незаселенныя государственныя земли, доступныя переселенцамъ изъ другихъ губерній, уже составляютъ ничтожную часть сравнительно съ населенными землями. Почти весь годный въ дѣло поземельный капиталъ націи уже обнятъ населеніемъ.

Европейская Россія, правда, страна еще многоземельная, но обиліе земель не должно смѣшивать съ ихъ незаселенностью. Кромѣ мѣстъ, неудобныхъ по климату или по составу почвы, почти вся поверхность Европейской Россіи уже населена, то-есть каждый участокъ земли уже состоитъ или въ частной собственности или занятъ населеніемъ, живущимъ на государственной землѣ. Почти единственныя государственныя земли незаселенныя и вмѣстѣ плодородныя,—это такъ называемыя оброчныя статьи. Нѣкоторыя изъ нихъ нужны для населенія сосѣднихъ общинъ, уже нуждающихся въ землѣ. Остальныя составляютъ уже только незначительное пространство. Земли у насъ много, это правда, но несравненно меньше у насъ, нежели многіе думаютъ, незаселенной плодородной государственной земли.

Digitized by Google

Что же остается дѣлать, чтобы сохранить преобладаніе государственной плодородной земли надъ частною, по примѣру Америки? Ясно, что: не выпускать изъ государственной собственности въ частную того пространства, которое населено по принципу общиннаго владѣнія. Американцы не хлопочутъ о населенномъ пространствѣ, потому что у нихъ остается, чѣмъ замѣнять выдѣляемыя въ частную собственность земли; а у насъ замѣнить населеннаго пространства нечѣмъ.

Параллель съ Америкою доказываетъ, какъ видимъ, необходимость сохраненія у насъ общиннаго владѣнія на всемъ пространствѣ, нынѣ имъ обнимаемомъ. Только этимъ сохраненіемъ удержится основная черта, общая намъ съ Америкою: преобладаніе государственныхъ плодородныхъ земель надъ частною поземельною собственностью.

Digitized by Google

КРИТИКА.

О нѣкоторыхъ условіяхъ, *способствующихъ умноженію народнаго капитала. Рѣчь* И. Бабста. *Москва 1857 г.*

Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, *сочиненіе англійскаго юрисконсульта* Іереміа Бентама, *переведенное* Михайломъ Михайловымъ. По Высочайшему повелѣнію. *Три тома. Спб. 1805 г.*

Въ послѣдніе два года многіе писатели пріобрѣли громкую и совершенно заслуженную репутацію. Одно изъ самыхъ прекрасныхъ именъ въ этомъ ряду—г. Бабстъ. Спеціалисты давно уже высоко цѣнили его, какъ ученаго очень основательнаго. Публика давно уже отличала въ журналахъ его статьи отъ другихъ статей политико-экономическаго содержанія по живости содержанія и достоинствамъ изложенія. Но въ тѣ времена, большинство читателей еще недостаточно интересовалось этою наукою, не сознавая того чрезвычайно живаго отношенія, какое могутъ имѣть къ нашему быту истины, извлеченныя изъ наблюденія экономическихъ фактовъ учеными въ Западной Европѣ. Конечно, при большей внимательности, легко можно было найти эту связь и тогда, когда она еще не указывалась точнымъ образомъ: но кто обязанъ дѣлать догадки? Большинство не хотѣло утруждать себя этими хлопотами, и читая, напримѣръ, книгу г. Бабста о Джонѣ Ло или статьи покойнаго В. Милютина (въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Современникѣ" 1847—48 г.), многіе изъ насъ хладнокровно останавливались на мысли: все это хорошо, но какое намъ дѣло до спекуляторовъ временъ регентства, до манчестерскихъ ткачей и бирмингамскихъ кузнецовъ? Сочиненія эти читались потому, что написаны были хорошо, и тѣмъ кончалось дѣло. Конечно, теперь каждому изъ насъ легко видѣть, какъ ошибался онъ тогда, думая, что эти предметы не касаются прямымъ образомъ его собственнаго быта. Но съ другой стороны надобно сказать, что не совершенно исполняла свою задачу и наука, представляя общія истины и иноземныя дѣла безъ всякихъ указаній на ихъ отношенія къ нашимъ собственнымъ дѣламъ. Какъ-бы то ни было, до послѣдняго времени казалось невозможно ученому, занимающемуся политическою экономіею, пріобрѣсть то горячее сочувствіе всего общества, какимъ награждались, напримѣръ, труды по русской исторіи или по исторіи русской литературы.

Г. Бабстъ блистательнымъ образомъ разрѣшилъ эту задачу, которая ка-

Digitized by Google

залась невозможною. Его рѣчь, по поводу которой мы пишемъ эту статью, была однимъ изъ самыхъ громкихъ литературныхъ событій прошедшаго года, когда являлось и въ наукѣ, и въ беллетристикѣ такъ много произведеній, привлекавшихъ къ себѣ общее вниманіе. Ни одно изъ нихъ не доставило своему автору больше сочувствія, нежели рѣчь г. Бабста. Отчего же такая разница въ успѣхѣ этой рѣчи по сравненію съ участью политико-экономическихъ статей, до того времени являвшихся у насъ? г. Бабстъ прямымъ образомъ показалъ примѣненіе политико-экономическихъ истинъ къ фактамъ нашего быта; онъ первый рѣшился сказать, какимъ образомъ относятся условія нашего экономическаго быта къ тому порядку, который признаетъ наука благопріятнымъ для экономической дѣятельности. Горячее сочувствіе публики было ему наградою за это дѣло: его „Рѣчь" имѣла успѣхъ необыкновенный; его имя стало также близко къ сердцу каждаго изъ насъ, какъ имена самыхъ популярныхъ между нашими историками, беллетристами, поэтами и журналистами, которые до тѣхъ поръ одни пользовались привиллегіею популярности.

При первомъ появленіи „Рѣчи", мы познакомили читателей съ ея содержаніемъ посредствомъ обширныхъ выписокъ. Теперь, пользуясь вторымъ изданіемъ этой брошюры, котораго давно желала публика, мы не имѣемъ надобности ни пересказывать ея содержанія, ни прибѣгать къ выпискамъ.— читатели довольно знакомы съ истинами, въ ней изложенными, и намъ остается только развить нѣкоторыя мысли, ею внушаемыя.

Надобно сказать, что если прекрасна идея, которой одушевлена рѣчь г. Бабста, если превосходно изложеніе этой рѣчи, то и предметъ рѣчи избранъ чрезвычайно удачно. Умноженіе народнаго капитала—это то же самое, что возвышеніе народнаго благосостоянія, если понимать слово „капиталъ" въ его истинномъ смыслѣ, какой и дается ему г. Бабстомъ. Въ послѣднее время много краснорѣчивыхъ голосовъ въ Западной Европѣ возставало противъ капитала, и надобно сказать, что всѣ нападенія на него справедливы, когда это слово понимается въ томъ узкомъ смыслѣ, какой имѣетъ оно на языкѣ спекуляторовъ парижской биржи и ихъ друзей между экономистами. Смѣясь надъ меркантилистами, поставлявшими народное богатство въ обладаніи большою массою звонкой монеты, они сами впадаютъ въ такую же ошибку, когда, превознося необходимость капитала для экономической дѣятельности, разумѣютъ подъ словомъ „капиталъ" исключительно запасъ звонкой монеты, кредитныхъ знаковъ и матеріальныхъ вещей, которыми торгуютъ на биржахъ и которыя передаются по купчимъ крѣпостямъ. Фабрики съ ихъ машинами, пакгаузы съ ихъ товарами, дома съ ихъ мебелью, кипы акцій и облигацій, груды золота и серебра—все это капиталъ; но совершенно ошибаются люди, воображающіе, что только такого рода капиталъ нуженъ для возвышенія производительности національнаго труда, и что ему именно должна доставаться значительнѣйшая часть производимыхъ трудомъ богатствъ, потому что будто бы ему именно и исключительно должно приписывать успѣшность и энергію труда. Ошибка эта имѣла самыя печальныя слѣдствія, какъ для науки, развитіе которой надолго замедлилось и извратилось узкостью понятій, такъ и для общественнаго быта, вдавшагося въ гибельную односторонность, по вопросу

Digitized by Google

о распредѣленіи плодовъ труда между трудящимся классомъ и капиталистами и при заботѣ объ умноженіи національнаго капитала. Если капиталъ только деньги и матеріальныя вещи, то разумѣется, надобно признавать справедливымъ, когда почти всѣ производимыя богатства обращаются въ пользу капиталистовъ, а для трудящагося класса предоставляется только ничтожная часть, не больше того, сколько нужно для скуднаго поддержанія жизни. „Безъ капитала трудъ не успѣшенъ—успѣхъ придается ему капиталомъ, потому и плоды успѣшности труда принадлежатъ не самому труду, а оживляющему его капиталу, говорила эта односторонняя теорія. И такъ какъ успѣшность труду придается исключительно содѣйствіемъ матеріальныхъ капиталовъ, денегъ и замѣняющаго ихъ кредита, машинъ и проч., продолжаетъ она, то очевидно, что на увеличеніе этихъ матеріальныхъ капиталовъ и должна быть обращена вся забота, а самый трудъ, безсильный безъ нихъ, не заслуживаетъ особеннаго вниманія“. Но дѣло въ томъ, что тутъ есть важный недосмотръ. Какое бы опредѣленіе капитала мы ни взяли, все-таки окажется, что кромѣ матеріальнаго капитала, существующаго въ видѣ зданій, машинъ и денегъ или кредитныхъ знаковъ, существуетъ другой капиталъ, сливающійся съ организмомъ работника, и что этотъ капиталъ, который можно назвать нравственнымъ, гораздо важнѣе матеріальнаго. Этотъ важнѣйшій національный капиталъ есть запасъ нравственныхъ силъ и умственной развитости въ народѣ. Англія богата отъ того, что въ ней много, Испанія бѣдна отъ того, что въ ней мало капиталовъ, говорятъ экономисты. Такъ; но это изобиліе или недостатокъ относится ли къ однимъ денежнымъ или вообще матеріальнымъ запасамъ? Если два корабля, одинъ съ англійскими, другой съ испанскими пассажирами, разобьются у двухъ сосѣднихъ островов, одинаково пустынныхъ и одинаково плодоносныхъ, и пассажиры того и другаго корабля одинаково будутъ выброшены на берегъ, подобно Робинзону Крузо, не имѣя ровно ничего при себѣ или на себѣ, кромѣ платья и нѣсколькихъ складныхъ ножей, участь того и другаго поселенія будетъ ли одинакова? Нѣтъ. Посѣтивъ черезъ десять лѣтъ островъ англичанъ, вы найдете у нихъ удобныя и прочныя жилища, изобильно снабженныя всѣми вещами, необходимыми для комфорта; найдете обширныя и хорошо воздѣланныя поля съ богатыми жатвами; словомъ, найдете благосостояніе и даже избытокъ. На испанскомъ островѣ вы не увидите ничего подобнаго. Его жители представятся вамъ бѣдняками, живущими въ жалкихъ лачугахъ, часто голодающими и не имѣющими ничего, кромѣ своихъ старыхъ плащей, уже обратившихся въ лохмотья. Отчего же такая разница? оттого, что англичане, хотя и выброшены были на берегъ, подобно испанцамъ, безъ всякаго запаса денегъ и другихъ вещественныхъ капиталовъ, имѣли въ своихъ привычкахъ и знаніяхъ нравственный капиталъ, несравненно важнѣйшій, нежели всѣ тѣ громады товаровъ, тысячи фабрикъ и паровыхъ машинъ, которыми владѣетъ ихъ родина. Они имѣли съ собою трудолюбіе и бережливость, имѣли техническія знанія, наконецъ, основаніе всему остальному, они имѣли развитыя головы; съ убѣжденіемъ, что человѣку слѣдуетъ жить въ довольствѣ, и крѣпкою увѣренностью въ своихъ силахъ. Всего этого лишены были испанцы. А въ этомъ нравственномъ капиталѣ и заключается источникъ всего матеріальнаго капитала. Если

Digitized by Google

бы въ одну ночь сгорѣли Лондонъ, Манчестеръ и Ливерпуль, со всѣми своими казначействами, банками и конторами, доками, флотами и пакгаузами, это былъ бы тяжелый, но вовсе не смертельный ударъ для ихъ населенія. Черезъ пятнадцать, много двадцать лѣтъ, на прежнихъ мѣстахъ стояли бы новыя конторы и пакгаузы, заваленные еще большимъ количествомъ товаровъ, и гавани были бы наполнены флотами, многочисленнѣйшими прежнихъ, съ грузами, драгоцѣннѣйшими прежнихъ. Но, къ чему дѣлать предположенія, когда есть факты, къ чему противопоставлять одинъ другому два народа, когда въ исторіи одного и того же найдутся примѣры достаточно ясные? Сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, удалились изъ Франціи десятки тысячъ людей послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Сто лѣтъ спустя, снова удалились изъ Франціи десятки тысячъ людей послѣ взятія Бастиліи. Вещественныхъ капиталовъ гугеноты унесли съ собою заграницу въ тысячу разъ менѣе, нежели эмигранты временъ революціи. То были большею частью простые ремесленники и мастеровые, а эмигранты были богатые землевладѣльцы, и многіе изъ нихъ считали свои вывезенные богатства мильонами франковъ. Но черезъ пять лѣтъ гугеноты не только сами пользовались довольствомъ въ новыхъ своихъ поселеніяхъ, но и удвоили богатства тѣхъ странъ, въ которыхъ поселились; черезъ пять лѣтъ эмигранты не только сами нищенствовали, но и были причиною обѣдненія странъ, которыя ихъ приняли. Надобно ли говорить, отчего произошла такая разница? Гугеноты, кромѣ своихъ техническихъ знаній, имѣли съ собою твердыя нравственныя правила, неуклонную любовь къ законности, привычку къ энергической дѣятельности, развитую мыслительную способность. Эмигранты, кромѣ невѣжества, вывезли съ собою презрѣніе къ закону, поклоненіе грубой силѣ своего крика и своихъ шпагъ, легкомысліе и неспособность ни къ какой серьезной мысли, ни къ какому дѣльному труду. Да, нравственный капиталъ—источникъ всѣхъ вещественныхъ капиталовъ, которые безъ него не могутъ ни возникнуть, ни сохраниться, тѣмъ менѣе могутъ возрастать безъ его возрастанія. Часто забываютъ объ этомъ люди, провозглашающіе безграничное уваженіе къ капиталу, и имѣютъ въ виду только матеріальное богатство, когда говорятъ, что капиталъ долженъ владычествовать надъ экономическою дѣятельностью народа. Нельзя найти довольно сильныя выраженія для протеста противъ такого поклоненія золотому тельцу. Онъ ведетъ къ пренебреженію матеріальнымъ благосостояніемъ народа ради развитія богатства немногихъ отдѣльныхъ лицъ, къ пренебреженію нравственными потребностями народа ради возвышенія коммерческихъ оборотовъ. Но если понимать подъ капиталомъ весь запасъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ богатствъ, пріобрѣтенныхъ націею вслѣдствіе предшествовавшихъ ея трудовъ, то мы, избѣжавъ односторонности понятій, предохранимся и отъ опасности жертвовать участью массы народа ради выгодъ людей, располагающихъ матеріальными капиталами. Тогда, если мы скажемъ: „необходимо народу всѣми средствами заботиться объ увеличеніи своего капитала",—мы не будемъ уже думать, что эта потребность удовлетворяется, какъ скоро возрастаетъ богатство богатыхъ людей; если мы скажемъ: „капиталъ необходимъ для успѣшности народнаго труда", мы не будемъ думать, что одни матеріальныя средства капи-

Digitized by Google

талиста могутъ произвести что нибудь безъ запаса нравственныхъ силъ въ его работникахъ.

Испанія не дальше отъ Америки, нежели Англія; почему жъ бы какому нибудь Броуну или Джемсу не завести хлопчато-бумажную фабрику въ Испаніи? Вѣдь и въ Испаніи есть каменный уголь; привозъ хлопка въ какую нибудь сѣверо-западную гавань Испаніи сталъ бы не дороже привоза въ Ливерпуль, а заработная плата въ Испаніи ниже, чѣмъ въ Англіи, да и испанскіе рынки для хлопчато-бумажныхъ издѣлій ближе были бы тогда къ фабрикѣ Джемса. Нѣтъ, онъ все-таки основываетъ фабрику въ Манчестерѣ. Почему же? Изъ любви къ родинѣ? Но матеріальные капиталы не имѣютъ привязанности къ родинѣ; они стремятся туда, гдѣ находятъ болѣе выгодное помѣщеніе. Почему же Джемсъ не находитъ выгоды фабриковать свои назначенныя для Испаніи ткани въ самой Испаніи, гдѣ нашлись бы всѣ матеріальныя удобства для фабрикаціи?—Потому что онъ можетъ перенести въ Испанію только вещественный капиталъ, но не найдетъ въ ея населеніи нравственнаго матеріала, содѣйствіе котораго необходимо для успѣха предпріятія, не найдетъ въ Испаніи такихъ работниковъ, какихъ имѣетъ Англія. Джемсу или надобно перевоспитать испанцевъ, или привезти въ Испанію англійскихъ работниковъ.

Если мы не станемъ забывать, что изъ капиталовъ, необходимыхъ для успѣшности національнаго труда и для развитія государственнаго богатства, нравственные капиталы, заключающіеся въ трудолюбіи и честности, въ разсчетливости и благоразуміи, въ умственной развитости и предпріимчивости работающаго сословія, гораздо важнѣе матеріальныхъ капиталовъ, не могущихъ ни возрастать, ни сохраняться безъ ихъ содѣйствія, что нравственный капиталъ не только служитъ источникомъ матеріальнаго, но и постоянно превосходитъ его своею цѣнностью, мы безопасно можемъ говорить о всемогущей силѣ капитала, о необходимости его для успѣховъ національнаго труда, о томъ, что всевозможная заботливость должна быть обращена на условія, содѣйствующія его возрастанію. Тогда мы не захотимъ жертвовать обезпеченностью работника для выгодъ капиталиста или землевладѣльца. Мы будемъ помнить, что если манчестерскій фабрикантъ выигрываетъ тысячи, понижая заработную плату, то Англія теряетъ на каждую изъ этихъ тысячъ мильонъ, чрезъ ослабленіе нравственнаго капитала въ его работникахъ; что если манчестерскіе работники дойдутъ чрезъ матеріальныя лишенія и необезпеченность до апатичнаго состоянія души, если потеряютъ любовь къ законности и надежду на законы своей родины, то всѣ богатства Англіи исчезнутъ очень быстро. Важнѣйшій капиталъ націи—нравственныя качества народа.

Г. Бабстъ всею своею рѣчью подтверждаетъ это понятіе. „Все, что „содѣйствуетъ народному производству (говоритъ онъ): орудія, машины, строе„нія, пути сообщенія, почва, суровье, средства для содержанія рабочихъ, „деньги, кредитные знаки, нравственныя качества народонаселенія, его обра„зованность, изобрѣтательность,—все это мы вправѣ назвать народнымъ ка„питаломъ, безъ котораго невозможна ни одна хозяйственная дѣятельность, „и для умноженія, для усиленія котораго должны быть употреблены всѣ „силы и стремленія народа.... Чѣмъ болѣе надежды у рабочаго улучшить,

Digitized by Google

„благодаря своему труду, свое благосостояніе, тѣмъ производительнѣе его „трудъ.... Для лѣниваго, для безпечнаго народа капиталы эти (матеріаль„ные)—мертвыя силы“ (стр. 20). Кто такъ широко и вѣрно понимаетъ капиталъ, условія его производительности и возрастанія, тотъ имѣетъ полное право,—и только тотъ вообще имѣетъ право говорить о благодѣтельномъ его вліяніи на трудъ и благосостояніе націи.

О вещественныхъ капиталахъ твердитъ каждый экономистъ; далеко не всѣ помнятъ, какъ помнитъ г. Бабстъ, о нравственномъ капиталѣ; потому-то, между прочимъ, и занялъ г. Бабстъ такое почетное мѣсто между нашими экономистами. „Стройте желѣзныя дороги, пароходы и машины, основывайте банки и промышленныя компаніи и увеличивайте торговлю“ — это умѣетъ твердить каждый; но далеко не каждый понимаетъ, какъ понимаетъ г. Бабстъ, что всѣ эти матеріальныя улучшенія возможны только съ появленіемъ условій, благопріятствующихъ возрастанію нравственнаго капитала націи. Объ этомъ важнѣйшемъ родѣ капитала, о которомъ такъ часто забываютъ, мы и будемъ преимущественно говорить вслѣдъ за г. Бабстомъ.

Сравнивая хозяйственныя привычки и нравственныя качества различныхъ народовъ, какъ они представляются намъ въ настоящее время, мы бываемъ до такой степени поражены ихъ чрезвычайнымъ различіемъ, что чрезвычайно любопытенъ становится вопросъ о причинахъ этой великой разности. Испанецъ, итальянецъ, французъ, нѣмецъ и англичанинъ такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что невольно приходитъ въ голову мысль: возможно ли когда нибудь итальянцу сдѣлаться способнымъ къ той трудолюбивой жизни и къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя составляютъ гордость англичанина? Двѣ главныя политическія школы, представителями которыхъ въ политической экономіи можемъ мы назвать Мальтуса и Годвина, отвѣчаютъ на вопросъ о причинахъ національнаго различія также несогласно, какъ и на всѣ вопросы, кромѣ развѣ однихъ астрономическихъ. Одни говорятъ: коренное основаніе различія между народами заключается въ племенныхъ особенностяхъ организма. Лѣнивъ, безпеченъ, фанатиченъ испанецъ отъ природы, и какъ бы ни измѣнялась его судьба, онъ никогда не можетъ сравняться съ англичаниномъ по трудолюбію и разсчетливости, какъ серна никогда не можетъ получить качествъ лошади и навсегда останется неспособной ни къ труду, ни къ правильной жизни. Но очевидна неосновательность такого предположенія. Европейскіе народы, за очень незначительными исключеніями, всѣ принадлежатъ къ одной и той же расѣ *). Испанцы, французы, нѣмцы, англичане и славяне такъ мало различаются между собою по органическому

*) Читатель видитъ, что мы говоримъ только о народахъ кавказской или арійской (индо-европейской) расы, оставляя на этотъ разъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, существуетъ ли между различными расами, напримѣръ, нашею и африканскою, отъ природы какое нибудь чувствительное различіе въ степени умственныхъ и нравственныхъ дарованій. Этотъ вопросъ гораздо сомнительнѣе, нежели дѣло о племенныхъ природныхъ качествахъ народовъ одной и той же расы. Мы убѣждены, что и негръ отличается отъ англичанина своими качествами исключительно въ слѣдствіе исторической судьбы своей, а не вслѣдствіе органическихъ особенностей. Но все-таки это дѣло—подлежащее спору, а въ вопросѣ о народахъ одной расы сомнѣніе невозможно. Для предмета настоящей статьи, достаточно говорить о народахъ одной расы,—до краснокожихъ и негровъ намъ нѣтъ дѣла, когда мы разсматриваемъ экономическій бытъ европейскихъ странъ.

Digitized by Google

устройству, что разсудительный наблюдатель долженъ признаться: на физическихъ особенностяхъ европейскихъ народовъ вовсе не можетъ опираться то чрезвычайное разнообразіе быта и привычекъ, которымъ полагается столь громадная разница и въ настоящемъ благосостояніи и въ надеждахъ на будущее у англичанина и славянина, у француза и испанца. Чтобы начать съ наружнаго вида, замѣтимъ, что французъ и англичанинъ не болѣе различны между собою по физіономіи, нежели ярославецъ и воронежецъ; что часто два родные брата, имѣющіе одного отца и одну мать, разнятся по физіономіи больше, нежели итальянецъ и нѣмецъ. Мы по ежедневнымъ встрѣчамъ такъ щепетильно изучили національныя различія своихъ сосѣдей, что ничтожнѣйшія черты этого различія сильно врѣзались у насъ въ памяти; мы похожи въ этомъ случаѣ на опытнаго типографщика, который легко находитъ разницу между двумя экземплярами одной и той же книги; на игрока, который замѣчаетъ разницу въ крапѣ двухъ картъ одной и той же колоды, между тѣмъ, какъ для взгляда, неприготовленнаго къ этимъ тонкостямъ, разница не замѣтна. Такъ точно китаецъ не можетъ различить англичанина и француза, тотъ и другой для него совершенно одинаковы на видъ, какъ для насъ совершенно одинаковы на видъ всѣ негры, хотя плантаторы и различаютъ между неграми множество племенъ, столь же разновидныхъ для ихъ глаза, какъ разновидны для нашего глаза англичанинъ и итальянецъ. Но дѣйствительно ли и для нашего глаза такъ замѣтна эта послѣдняя разница? Да, если подъ словомъ „мы“ разумѣть насъ съ вами, читатель, людей, которые начитались историческихъ и географическихъ книгъ. Для народа, физическое зрѣніе котораго не подготовлено книгами и ученьемъ къ замѣчанію этихъ различій, итальянецъ представляется точно такимъ же нѣмцемъ, какъ англичанинъ. Ни одинъ мужикъ не сочтетъ нѣмцемъ негра, одѣтаго въ европейскій костюмъ,—тутъ разница физіономій дѣйствительно велика; но если вы умѣете различать нѣмца отъ француза, то почему я знаю, быть можетъ, вы умѣете различать и гасконца отъ нормандца?—по крайней мѣрѣ, разницы между ними никакъ не меньше: одинъ приземистый, съ черными, курчавыми волосами, другой высокій, съ длиннымъ лицемъ и бѣлокурыми волосами. Говорятъ о различіяхъ въ фигурѣ черепа и величинѣ такъ называемаго лицеваго угла; у англичанина, говорятъ, развитъ по преимуществу лобъ, у француза болѣе затылокъ. Сравните въ этомъ отношеніи различныя сословія одного и того же народа, и вы увидите разницу несравненно болѣе значительную. Высшія сословія всегда отличаются отъ нисшихъ большимъ развитіемъ лба; это зависитъ единственно отъ образа жизни и занятій. Дѣло извѣстное, что въ третьемъ, или много въ четвертомъ поколѣніи, потомство людей, вышедшихъ изъ простонародья въ знать, пріобрѣтаетъ ту аристократическую структуру тѣла и между прочимъ черепа, которой лишенъ былъ предокъ. Тутъ дѣло въ томъ же родѣ, какъ относительно нѣжности кожи. Конечно, у того, кто до пятидесяти лѣтъ пахалъ землю и косилъ сѣно подъ жгучимъ солнцемъ, останется темноватый цвѣтъ и нѣкоторая жесткость кожи, хотя бы онъ потомъ двадцать лѣтъ ѣздилъ въ каретѣ; но у его сына и особенно внука, не видавшаго черной работы и воспитаннаго въ батистовыхъ пеленкахъ, цвѣтъ кожи удовлетворитъ самаго взыскательнаго знатока аристо-

Digitized by Google

кратическихъ признаковъ породы. Говорятъ о различіи въ объемѣ мозга и упругости его фибръ. Тутъ разница между европейскими народностями опять ограничивается сотыми и тысячными дробями единицы, и несравненно значительнѣйшая разность находится между сословіями одного и того же народа. И знаете ли, какъ просто объясняетъ физіологія всѣ эти различія? У простаго народа лобъ менѣе высокъ, челюсти болѣе развиты, нежели у высшихъ сословій. Отчего это? Человѣкъ высшаго сословія ѣстъ кушанья питательныя, хорошо приготовленныя, его зубы во время обѣда трудятся очень мало; неужели вашъ хлѣбъ черствъ, или вашъ бифштексъ похожъ на подошву, неужели ваша редиска похожа на деревянистую рѣдьку? Ваша пища такъ легко пережевывается, что ваши сосѣди за обѣдомъ не замѣчаютъ даже, если у васъ зубы вставные. Не такова пища простолюдина. Она груба и жестка; она мало питательна, потому и пережевывать ее гораздо труднѣе, и количество ея гораздо значительнѣе. Не гордитесь же тѣмъ, что вашъ лицевой уголъ больше, что скулы у васъ менѣе выдались,—это зависитъ просто отъ того, что пережевывать приходится вамъ гораздо меньшее количество гораздо менѣе грубыхъ съѣстныхъ матеріаловъ. Болонка вашей супруги также имѣетъ болѣе крутой лобъ и гораздо менѣе развитыя челюсти, нежели дворняшка.

Совершенною нелѣпостію было бы принимать чѣмъ нибудь важнымъ коренное различіе, будто бы отъ природы существующее между европейскими народами, когда мы видимъ, что съ измѣненіемъ образа жизни и обстановки происходятъ въ тысячу разъ большія измѣненія въ структурѣ и характерѣ животныхъ. Изъ неукротимой породы испанскихъ быковъ, между которыми одинъ, какъ ничтожную собаченку, распоролъ тигра, когда его вздумали свести на аренѣ съ тигромъ,—изъ этой породы, съ волнистыми очертаніями спины, съ прекрасными рогами, съ выпуклымъ лбомъ, можно произвести англійскую безрогую, неподвижную, робкую породу, съ плоской спиной и плоскимъ лбомъ. Неужели наши домашніе гуси произошли не отъ дикихъ гусей? И можетъ ли быть найдена, не говоримъ уже между европейскими народами, но хотя бы между древними греками, съ ихъ безпримѣрно большимъ лицевымъ угломъ, и неграми, хотя сотая часть той разницы въ структурѣ тѣла, какая отдѣляетъ простаго быка отъ его недавняго потомка—Девонширскаго быка?

Зоологическія сравненія и физіологическія соображенія доказываютъ, со всею тою несомнѣнностью, какая только возможна при доказательствахъ, основанныхъ на умозаключеніи и аналогіи, что племенныя особенности европейскихъ народовъ не могутъ служить основаніемъ различія въ ихъ бытѣ и привычкахъ; что эти различія слишкомъ ничтожны для произведенія такого великаго разнообразія; что, наконецъ, въ каждомъ народѣ есть между людьми различныхъ областей или различныхъ сословій органическія различія, болѣе рѣзкія, нежели тѣ черты, которыми организмъ одной націи отличается отъ организма другой; что потому, когда эти, болѣе значительныя различія произведены въ одинаковомъ основномъ національномъ типѣ единственно различіемъ исторической судьбы, то, конечно, и менѣе рѣзкія особенности, которыми одинъ національный типъ отличается отъ другаго, не нуждаются для

Digitized by Google

своего объясненія въ предположеніи первобытнаго различія племенъ, а совершенно достаточную причину должны имѣть въ различіи исторической судьбы различныхъ народовъ Европы. Положительными фактами подтверждаетъ эти выводы сравнительная филологія. Она съ математическою несомнѣнностью доказываетъ, что никакого первобытнаго различія между итальянцами, французами, англичанами, нѣмцами и славянами не существовало; что всѣ эти народы произошли изъ одного народа, говорившаго однимъ языкомъ, жившаго совершенно одинаковымъ бытомъ, съ одними понятіями, привычками, физическими и нравственными качествами. Эта истина доказана фактами сравнительной филологіи съ математической достовѣрностью.

Но сравнительная филологія наука новая; факты, ею открытые, не успѣли еще стать каждому извѣстны на столько, чтобы онъ всегда соображался съ ними въ своихъ сужденіяхъ. Многіе ученые еще толкуютъ о племенномъ различіи организма европейскихъ народовъ, какъ будто гипотеза объ этомъ различіи еще можетъ поддерживаться послѣ открытій сравнительной филологіи. Но даже и между этими отсталыми людьми разсудительные наблюдатели замѣчаютъ, что объяснять различіе въ бытѣ народовъ племенными особенностями ихъ организма, значитъ объяснять все обиліе воды въ Волгѣ многоводностью Селигеровскаго пруда, изъ котораго беретъ она начало. Очевидно, что не этому бѣдненькому озерочку обязана она своимъ величіемъ; очевидно, что отъ другихъ рѣкъ, и самыхъ ничтожныхъ рѣчекъ, имѣющихъ не менѣе ширины въ своемъ источникѣ, становится она различна только тѣмъ, что на дальнѣйшемъ пути ея встрѣчаются притоки, которыхъ не достаетъ другимъ рѣкамъ.

Видя недостаточность племеннаго различія отъ природы для объясненія нынѣшняго различія въ привычкахъ и качествахъ европейскихъ народовъ, почти всѣ ученые обращаются за этимъ объясненіемъ къ исторической жизни этихъ народовъ. Но на этомъ пути нѣкоторые останавливаются при самыхъ первыхъ фактахъ развитія и хотятъ все объяснять вліяніемъ окружающей природы, тѣми удобствами или затрудненіями, какія представляетъ она для образованія въ народѣ извѣстныхъ занятій, и вліяніями, какія извѣстный климатъ можетъ имѣть на образованіе темперамента. Тутъ начинаются толки о томъ, какъ подъ небомъ Іоніи должны были родиться пѣсни Гомера, какъ дивное растяженіе морскихъ береговъ, множество заливовъ и гаваней, возвысили предпріимчивость грековъ, какъ суровая природа Скандинавіи воспитала безстрашную отвагу нормановъ и т. п. Гордость, свойственная всякой новой отрасли знанія, восхищеніе, овладѣвающее умами при всякой вновь сознанной истинѣ, сообщаетъ большую привлекательность этому способу объясненія, составляющему существенный смыслъ сравнительной географіи. Развѣ слѣпой можетъ отвергать огромное вліяніе, обнаруживаемое характеромъ и положеніемъ страны на характеръ народа, въ ней поселяющагося. Особенно въ началѣ народной жизни географическая обстановка обнаруживаетъ всю свою силу надъ народными занятіями. Но въ послѣдствіи является даже въ этихъ занятіяхъ, не говоря ужъ объ обычаяхъ народа, перемѣна, необъяснимая ни природою страны, ни географическимъ ея положеніемъ. Много вѣковъ не существовало купеческихъ флотовъ у народа, продолжавшаго жить

Digitized by Google

въ Аѳинахъ и Коринѳѣ; финикійскія и карѳагенскія прибрежья до сихъ поръ лишены торговой дѣятельности; благодатныя земли Вавилоніи не имѣютъ ни садовъ, ни нивъ; Сицилія, центральный и удобнѣйшій пунктъ для торговли между тремя частями Стараго Свѣта, страна невообразимо богатой почвы, не имѣетъ торговли, почти лишилась земледѣлія. Съ другой стороны, въ Сѣверной Америкѣ принимаютъ самое живое участіе въ морской торговлѣ и тѣ штаты, которые лежатъ очень далеко отъ моря. Никакими географическими условіями невозможно объяснить, почему бы Бразильская страна могла такъ далеко отстать отъ Сѣверо-Американской: чѣмъ хуже сѣверо-американскихъ бразильскіе берега? чѣмъ Амазонская рѣка хуже, нежели Мисиссипи? Развѣ почва и климатъ въ Сициліи не гораздо болѣе благопріятствуютъ успѣхамъ земледѣлія, нежели въ Англіи? Изъ такихъ примѣровъ, сотнями представляющихся и въ исторіи и въ современной статистикѣ, мы видимъ, что природа и климатъ страны имѣютъ рѣшительное вліяніе надъ народомъ только при началѣ его жизни, а въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи гражданскаго общества, географическое и климатическое вліяніе страны отодвигается уже на второй планъ, и характеръ народныхъ занятій уже начинаетъ въ гораздо большей степени зависѣть отъ какихъ-то другихъ вліяній. Это относительно занятій народа. Что же касается его темперамента, тутъ, конечно, климатъ страны постоянно сохраняетъ большую, почти всегда преобладающую силу. Жители дождливой и прохладной Англіи, конечно, не могутъ имѣть холерическаго темперамента итальянцевъ. Голландецъ, конечно, отъ природы своей страны болѣе флегматиченъ, нежели грекъ. Но если темпераментъ имѣетъ большое значеніе въ пріятельскихъ бесѣдахъ и семейномъ кругу, то едва ли можно приписать какую нибудь существенную цѣну различію темпераментовъ относительно дѣловой, практической жизни. У многихъ есть привычка холодному темпераменту англичанъ приписывать ихъ благоразуміе и непреклонность въ достиженіи своихъ цѣлей. Римляне ни чуть не уступали этими качествами англичанамъ, хотя по темпераменту ни чуть не отличались отъ нынѣшнихъ итальянцевъ. Нынѣшніе сирійскіе лѣнивцы сохранили темпераментъ неутомимыхъ финикіянъ. Обратилось уже въ обычай противопоставлять французское легкомысліе и опрометчивость англійской осмотрительности и благоразумію. Но неужели въ самомъ дѣлѣ англичанинъ менѣе француза способенъ увлекаться, дѣлать безразсудства, рисковать жизнью и состояніемъ? Надобно бы хотя припомнить, что эксцентричность англичанъ вошла въ пословицу. Хитрецы и простяки, энтузіасты и эгоисты равно встрѣчаются во всѣхъ темпераментахъ. Флегматики имѣютъ точно такія же страсти, какъ и холерики; разница только въ томъ, что одинъ любитъ больше болтать о томъ, что онъ дѣлаетъ, другой менѣе, а дѣлаютъ они одно и тоже. Если французъ любитъ пить шампанское съ криками и пѣснями, то и англичанинъ пьетъ шампанскаго не меньше, хотя не кричитъ при этомъ. Молчаливость многіе считаютъ неотъемлемымъ признакомъ практичности, говорливость—вывѣскою пустоты. Но если молчаливый Вильгельмъ Оранскій былъ хорошій дипломатъ, то не менѣе искусенъ въ дипломатикѣ былъ говорунъ Талейранъ. Если угрюмый и молчаливый Валленштейнъ умѣлъ хорошо вести войну, то не менѣе хорошо велъ ее шутникъ и говорунъ Су-

Digitized by Google

воровъ. Говоруны и люди молчаливые, весельчаки и люди угрюмые, равно встрѣчаются между людьми дѣльными и людьми пустыми. Темпераментомъ опредѣляется характеръ отдыха. Съ человѣкомъ веселаго темперамента пріятнѣе обѣдать, нежели съ человѣкомъ угрюмымъ. Но который изъ нихъ лучше, усерднѣе и успѣшнѣе работаетъ, это зависитъ вовсе не отъ темперамента. Англичане покорили Остъ-Индію; такъ, но греки, на которыхъ французы походятъ болѣе, нежели другіе нынѣшніе народы, точно также покорили Персію. Монголы были флегматики, арабы были холерики, но завоеванія тѣхъ и другихъ одинаково блистательны. Арабы—холерики, тунгузцы — флегматики, но и тѣ и другіе одинаково лѣнивы. А было время, когда и арабы отличались дѣятельностью не меньше нынѣшнихъ англичанъ. И, наоборотъ, было время, когда предки нынѣшнихъ англичанъ и нѣмцевъ, британцы и германцы, были лѣнивѣйшими существами въ мірѣ. Дѣло тутъ, какъ видимъ, вовсе не въ темпераментѣ.

Такимъ образомъ, ни природа, ни порождаемый ею темпераментъ народа, вовсе недостаточны для объясненія народныхъ занятій и быта, какъ скоро народъ выходитъ на поприще историческаго развитія. Чѣмъ же объяснить различіе національныхъ качествъ и быта въ различныхъ европейскихъ народахъ? Для этого нужно только, не останавливаясь на первоначальномъ фактѣ ихъ жизни, на отношеніи ихъ къ природѣ странъ, съ такимъ же вниманіемъ наблюдать и вліяніе другихъ отношеній, среди которыхъ проходила и проходитъ ихъ жизнь. Отношенія эти опредѣляются гражданскимъ устройствомъ народовъ. Только недавно понято, какую чрезвычайно важную роль играли эти отношенія въ всемірной исторіи. Сколько, бывало, набирали причинъ для объясненія паденія древней Греціи и потомъ Рима!—и все таки не могли понять, почему погибли Аѳины, погибла Римская Имперія. Но едва вникли въ гражданскія отношенія этихъ государствъ, все стало ясно. Главная причина въ обоихъ государствахъ одна и таже—невольничество. Пока граждане сами воздѣлывали свои поля, сами были матросами на своихъ корабляхъ, государство возвышалось; но когда политическое могущество доставило ему данниковъ и невольниковъ, когда граждане, то есть классъ населенія, управлявшій государствомъ, привыкли жить трудами этихъ данниковъ и невольниковъ и отвыкли отъ неутомимой заботы о своемъ пропитаніи, которое получали уже за-даромъ, государство стало разрушаться. Трудолюбіе полезно, а праздность вредна — эта поговорка давно извѣстна; такъ, но разумна становится она только тогда, когда мы поймемъ, что праздность и трудолюбіе возникаютъ или ослабѣваютъ въ человѣкѣ просто вслѣдствіе гражданскихъ его отношеній; что изъ этого же самаго основанія возникаютъ и всѣ другія достоинства или недостатки народа.

Вотъ, напримѣръ, хотя бы повести рѣчь объ увеличеніи народнаго капитала, о тѣхъ привычкахъ и обстоятельствахъ, которыя содѣйствуютъ или препятствуютъ этому дѣлу. Прежде всего тутъ каждому приходитъ на мысль война. Нечего и говорить о томъ, что война есть дѣло жестокое и дурное въ нравственномъ отношеніи, — въ этомъ всѣ согласны; но моральное осужденіе мало дѣйствуетъ на человѣка, пока не пойметъ онъ, что дѣло дурное есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣло убыточное для него. Съ этой послѣдней,

Digitized by Google

практической точки зрѣнія преимущественно и нападаютъ теперь на войну. Недавно ученые успѣли согласиться въ томъ, что война для народовъ, имѣющихъ осѣдлость, дѣло убыточное; но и до сихъ поръ еще далеко не каждый вполнѣ понимаетъ, до какой громадной степени простирается убытокъ, наносимый привычкою европейскихъ народовъ къ войнѣ.

Чтобы понять его, начнемъ не съ самой войны, не съ этого экстраординарнаго расхода людей и денегъ, а того нормальнаго положенія дѣлъ, въ которое поставлены европейскіе народы своими воинственными понятіями.

Зачѣмъ содержатся такія сильныя арміи въ каждомъ европейскомъ государствѣ? Отвѣтъ готовъ: затѣмъ, чтобы быть готову на случай войны. Не сомнѣвайтесь въ силѣ этого отвѣта, не вздумайте предполагать, что въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ, въ Австріи и Франціи, правительство держитъ войска, какъ опору противъ враговъ не столько внѣшнихъ, сколько внутреннихъ. Быть можетъ, это и такъ, но дѣло въ томъ, что никакой государственный фактъ не можетъ существовать безъ благовиднаго основанія, а единственное такое основаніе для сильныхъ армій въ мирное время—необходимость быть готову къ войнѣ. Еслибъ не было этой причины или этого предлога, неужели, вы думаете, что была бы нравственная возможность удержать фактъ? Какая нація согласилась бы содержать армію, если бы не вѣрила, что армія нужна противъ внѣшнихъ враговъ? Каждый знаетъ, что для охраненія внутренняго порядка существуетъ совершенно иное учрежденіе—полиція; что если есть въ государствѣ порядокъ, то и одной полиціи достаточно для его поддержанія. Конечно, когда явленіе вызвано къ жизни, то можно пользоваться имъ и для другихъ цѣлей, кромѣ его прямаго назначенія; но только прямое назначеніе общественнаго учрежденія даетъ ему силу и возникать и сохраняться. Прямое назначеніе арміи—война, и исключительно война оправдываетъ и поддерживаетъ существованіе армій. Посмотримъ же, сколько стоитъ война Европѣ въ то время, когда Европа наслаждается совершеннымъ миромъ.

Число войска всѣхъ европейскихъ государствъ въ сложности простирается въ мирное время до 4,000,000 человѣкъ. Издержки на ихъ содержаніе надобно полагать не менѣе какъ въ 500,000,000 р. сер. Къ этой суммѣ прямаго расхода надобно прибавить ту потерю, какая производится отнятіемъ столь огромнаго числа рабочихъ рукъ отъ земледѣльческихъ, ремесленныхъ и другихъ производительныхъ занятій. Мы будемъ не далеки отъ истины, если положимъ, что, чрезъ отнятіе каждаго солдата отъ мирныхъ занятій, теряется цѣнность продуктовъ въ Англіи на 345 р. сер., во Франціи на 225 р. сер., вообще въ Европѣ среднимъ числомъ на 165 р. сер. Помножая послѣднюю цифру на 4,000,000 европейцевъ, занятыхъ военною службою, мы видимъ, что отнятіе ихъ отъ мирнаго труда ежегодно лишаетъ Европу суммы продуктовъ, которую нельзя оцѣнить менѣе какъ въ 660,000,000 р. сер. Присоединивъ къ этому числу 500 мильоновъ р. сер. прямаго ежегоднаго расхода на войско, мы видимъ, что содержаніе армій поглощаетъ ежегодно сумму болѣе, нежели въ 1,150,000,000 р. сер.: соединенные бюджеты трехъ великихъ европейскихъ державъ: Россіи, Англіи и Франціи, едва равняются этой суммѣ. Она составляетъ почти половину

Digitized by Google

всѣхъ цѣнностей, производимыхъ годичнымъ трудомъ цѣлаго русскаго, или цѣлаго французскаго народа.

Не нужно говорить о томъ, въ какой огромной пропорціи возрастаютъ эти потери и издержки во время войны. Войны съ Франціею въ концѣ прошлаго вѣка и началѣ нынѣшняго, до низверженія Наполеона, одной Англіи стоили по умѣренному вычисленію не менѣе какъ 6,500 мильоновъ рублей серебромъ. Какова же будетъ цифра, если прибавить къ этому расходы самой Франціи и государствъ, бывшихъ въ союзѣ съ Англіею? Но и эта страшная растрата не такъ еще значительна, какъ та потеря, которая произошла въ людяхъ. Смерть мужчины молодыхъ или среднихъ лѣтъ уменьшаетъ народный капиталъ въ Европѣ среднимъ числомъ не менѣе, какъ на 1,500 рублей серебромъ. Число убитыхъ во время наполеоновскихъ войнъ превышало два мильона. Конечно, втрое большее число людей сдѣлались неспособны къ работѣ отъ полученныхъ ранъ и должны также считаться потерянными для національнаго труда. Прибавимъ къ этому еще гораздо значительнѣйшую потерю чрезъ отнятіе рукъ отъ мирнаго труда, и цифра возрастетъ въ нѣсколько разъ. Если мы положимъ, что наполеоновскія войны стоили Франціи столько же, сколько Англіи, и что расходы всѣхъ остальныхъ государствъ, участвовавшихъ въ этихъ войнахъ, вмѣстѣ равнялись расходамъ Англіи, то мы получимъ слѣдующія цифры: прямой расходъ Европы на веденіе войнъ съ 1792 до 1815 года 19,500 мильоновъ руб. сер.; потеря въ убитыхъ и раненыхъ 12,000 мильоновъ р. сер.; потеря черезъ отнятіе рукъ отъ мирнаго труда 26.000 мильоновъ р. сер.; общая сумма всѣхъ потерь Европы отъ войнъ 1792 до 1815 года, 57,000 мильоновъ р. сер.,—то есть такая сумма цѣнностей, которая далеко превышаетъ всю цѣнность европейской земли. Быть можетъ этотъ выводъ станетъ понятнѣе, если мы выразимъ его, вмѣсто прежней отрицательной, въ положительной формѣ: если бы та сумма труда и капитала, какая потрачена была въ эти годы Европою на войну, употреблена была на земледѣліе, то Европа была бы вдвое богаче, нежели теперь; тѣ, которые нынѣ едва имѣютъ средства ѣсть мясо только въ большіе праздники, могли бы каждый день имѣть не только мясо, но чай и кофе.

Этими прямыми и косвенными расходами не ограничиваются убытки, нанесенные войнами вещественному капиталу европейскихъ народовъ. Послѣ расходовъ на содержаніе военной силы, огромнѣйшую тяжесть для государственнаго бюджета вообще составляетъ государственный долгъ. Если прямые расходы на войну простираются почти до третьей части доходовъ всѣхъ европейскихъ государствъ, то немногимъ менѣе составляютъ и проценты долга. А почти весь этотъ долгъ произошелъ также вслѣдствіе войнъ. Такимъ образомъ, война и ея послѣдствія поглощаютъ въ мирное время почти двѣ трети всѣхъ государственныхъ доходовъ европейскихъ державъ; въ военное время эти потери увеличиваются въ три и четыре раза.

Какъ ни велики тяжести, которыми уменьшаетъ война вещественный капиталъ націй, но тѣ потери, которыя наноситъ она нравственному капиталу образованныхъ народовъ, должны считаться еще болѣе значительными. Основаніемъ всякаго благоустройства, необходимѣйшимъ условіемъ возникно-

Digitized by Google

венія и возрастанія въ народахъ любви къ труду и привычки къ экономіи, надобно назвать господство закона, увѣренность въ силѣ законности, въ преобладаніи права надъ грубою силою. Война является опроверженіемъ этого порядка и этихъ убѣжденій. Она разрушаетъ всякую экономію, она убиваетъ любовь къ труду, отнимаетъ право пользоваться плодами труда и экономіи. Владычество военной силы, предпочтеніе, оказываемое государствомъ сословію воиновъ предъ мирными сословіями, конечно, не можетъ дѣйствовать благопріятно на развитіе мирныхъ занятій. Даже въ Англіи, наименѣе воинственной изъ всѣхъ странъ Европы, величайшею знаменитостію, популярнѣйшимъ человѣкомъ XIX вѣка, былъ Веллингтонъ,—изъ этого уже можно видѣть, какъ сильны наклонности, свойственныя войнѣ, до какой степени берутъ онѣ перевѣсъ надъ идеями экономіи, даже въ Англіи. Не менѣе прискорбный примѣръ того же самаго былъ доставленъ послѣдними выборами въ Англійскій Парламентъ, когда Кобденъ и Брайтъ, пользовавшіеся до Крымской кампаніи чрезвычайною популярностію, были отвергнуты своими избирателями за то, что доказывали совершенную ненужность для Англіи и страшную разорительность войны съ Россіею.

Въ самомъ дѣлѣ, не только Англія въ 1854 году не стала бы начинать войны съ Россіею, если бы держалась здравыхъ экономическихъ понятій, но и вообще очень мало въ исторіи найдется такихъ войнъ, которыя были начаты по причинамъ удовлетворительнымъ въ глазахъ экономиста. Общество друзей мира составило перечень войнъ, веденныхъ въ Европѣ со временъ Константина до 1849 года. Что же оказывается? изъ 286 войнъ, 44 были начаты для завоеванія областей; 22 изъ желанія собирать военныя контрибуціи; 24 изъ мщенія за прежнія войны; 8 изъ-за споровъ о титулахъ; 6 изъ-за спора за обладаніе какими-нибудь округами; 41 изъ-за престолонаслѣдія; 30 подъ предлогомъ помощи союзнику; 28 изъ-за дипломатическаго соперничества; 28 изъ-за религіозныхъ раздоровъ. Затѣмъ остаются 60 войнъ, начатыхъ по несогласіямъ относительно гражданскаго быта и торговыхъ дѣлъ. Съ экономической точки зрѣнія, только для послѣднихъ могли существовать основательныя причины, только ихъ выгодное окончаніе могло приносить дѣйствительную пользу націямъ, начинавшимъ ихъ, въ томъ случаѣ, если предметъ спора былъ достаточно важенъ для того, чтобы оправдывать столь громадныя пожертвованія. Но и тутъ чаще всего оказывается, что игра далеко не стоила свѣчъ. Что же касается до 226 другихъ войнъ, то очевидно, что онѣ начались единственно въ слѣдствіе предубѣжденій или эгоизма, неимѣвшаго никакой связи съ истинными національными интересами.

Остъ-индское возмущеніе, которымъ теперь такъ сильно занята вся Европа, представляетъ намъ удобный случай разсмотрѣть, приносятъ ли обыкновенно пользу для націи даже самыя счастливыя войны, даже тогда, когда такъ называемый національный интересъ требуетъ ихъ. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что англичане побѣдятъ своихъ противниковъ; мы не сомнѣваемся и въ томъ, что всѣ англичане единодушно желаютъ самаго энергическаго веденія войны и почли бы для себя невыносимымъ позоромъ покинуть Остъ-Индію, господствованіе въ которой представляется имъ столь выгоднымъ. Но какую въ самомъ дѣлѣ выгоду англійская нація получитъ

Digitized by Google

отъ возстановленія англійскаго владычества въ Остъ-Индіи? Очень основателенъ былъ разсчетъ каждаго изъ свирѣпыхъ воиновъ, устремившихся на Англію подъ знаменами Вильгельма Завоевателя: покоривъ ему новое государство, каждый изъ его солдатъ получилъ отъ него владѣніе въ Англіи; вся страна была раздѣлена между воинами; отъ главнаго предводителя до послѣдняго латника, каждый завоевалъ себѣ помѣстье. Но получитъ ли въ Остъ-Индіи помѣстье хотя одинъ изъ англійскихъ солдатъ, отправляющихся на завоеваніе этой страны? Увеличится ли хотя на одинъ шиллингъ благосостояніе какого-нибудь капрала 63 полка службы ея великобританскаго величества, когда этотъ полкъ будетъ стоять гарнизономъ въ Дели, вмѣсто того, что прежде стоялъ гарнизономъ въ Оксфордѣ? Нѣтъ, капралъ будетъ получать прежнее свое жалованье, и только. Изъ-за какихъ же благъ онъ сражается? „Я сражаюсь, скажетъ онъ, за выгоды не свои личныя, а цѣлой англійской націи". Въ этомъ еще меньше можно ему повѣрить. Даже при Вильгельмѣ Завоевателѣ, когда каждый солдатъ получилъ огромную прямую выгоду отъ завоеванія, населеніе Нормандіи ни на одинъ су не выиграло отъ того, что Англія была завоевана Нормандіею. Развѣ нормандскому земледѣльцу подарено было что-нибудь изъ добычи? развѣ даны были англійскія лошади для его плуга или англійскія деревья для перестройки его хижины? Кто былъ на войнѣ, тотъ выигралъ; кто оставался дома, не получилъ ровно ничего. Напротивъ, онъ потерялъ, потому что на его счетъ была снаряжена экспедиція Вильгельма. „Не выиграли отдѣльные люди, но выиграла цѣлая страна". Что же она выиграла? развѣ уменьшились подати? развѣ улучшилась администрація въ Нормандіи отъ того, что къ ней присоединилась Англія? Вовсе нѣтъ. Администрація стала хуже прежней, потому что у нормандскаго герцога явились новыя заботы, когда онъ завоевалъ Англію, и часть того вниманія, съ которымъ онъ прежде занимался нормандскими дѣлами, была отнята у Нормандіи Англіей. Администрація стала хуже— вотъ весь выигрышъ Нормандіи отъ блистательнаго завоеванія. Точно таковъ же и для Англіи выигрышъ отъ обладанія Остъ-Индіею. Вотъ теперь, напримѣръ, отложены въ Англіи всѣ заботы о внутреннихъ улучшеніяхъ, не до нихъ теперь англійскому правительству: оно занято исключительно остъ-индскими дѣлами. Таже исторія повторялась безпрестанно и до сихъ поръ: нужно воевать то съ сейками, то съ афганами, то съ персіянами, то съ китайцами, то хлопотать о присоединеніи Аудскаго королевства и разбирать претензіи этого эксвладѣльца, и вѣчно таки все некогда хорошенько и безотлагательно подумать объ англійскихъ дѣлахъ англійскому правительству: всѣ мысли его заняты Остъ-Индіею; некогда подумать о своихъ дѣлахъ и англійскому народу,—онъ тоже безпрестанно отрывается отъ своихъ дѣлъ заботами объ остъ-индскихъ дѣлахъ. Владѣніе Остъ-Индіею отвлекаетъ Англію отъ заботы о своихъ домашнихъ дѣлахъ, вотъ вся выгода для Англіи отъ этого владычества. Для Остъ-Индіи, быть можетъ, очень полезно, что она находится подъ властью англичанъ; быть можетъ, англичане просвѣщаютъ ее, улучшаютъ ея администрацію, облегчаютъ налоги, введенные моголами съ ихъ субабами и набабами,—мы даже увѣрены въ этомъ, не смотря на завистливые толки объ эгоизмѣ и бездушіи англійскаго владыче-

Digitized by Google

ства въ Остъ-Индіи,—толки, расходящіеся по свѣту отъ Варреновъ и тому подобныхъ французовъ, которымъ очень жаль, что не они, а англичане завоевали Индію. Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что англійское владычество приноситъ пользу Индіи; но во-первыхъ, для филантропической заботливости о чужомъ благѣ есть много средствъ кромѣ владычества, поддерживающагося исключительно штыкомъ и штуцеромъ,—можно даже полагать, что дружескія мирныя сношенія приносятъ больше пользы просвѣщаемому народу, нежели насильственное наложеніе просвѣщенія; вовторыхъ, разстроивать свои дѣла для поправленія чужихъ,—это прекрасно, но вовсе не благоразумно, а таково положеніе, въ которое ставитъ Англію къ Индіи владычество вооруженной рукою. Для Остъ-Индіи оно выгодно, для Англіи убыточно. „Какъ убыточно? а торговыя выгоды? Англія своимъ господствомъ обезпечиваетъ сбытъ своимъ товарамъ въ Индію; безъ того, другія націи оттѣснили бы ее изъ остъ-индской торговли". Все это хорошо было говорить сто лѣтъ тому назадъ, а теперь каждый знаетъ, что для веденія торговыхъ дѣлъ насиліе очень плохой способъ. Продаютъ же англичане сѣверо-американцамъ гораздо больше своихъ товаровъ, нежели индѣйцамъ, хотя въ Остъ-Индіи въ шесть разъ больше населенія, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ, и хотя другіе народы также продаютъ сѣверо-американцамъ чрезвычайно много своихъ товаровъ. Тутъ все зависитъ отъ благосостоянія покупающей націи, а не отъ господства надъ нею. Нынѣ уже доказано, что война изъ-за торговыхъ интересовъ или насильственное господство—самое убыточное дѣло для торговли. Если бы въ своихъ отношеніяхъ къ Остъ-Индіи англичане руководились коммерческими выгодами, они давнымъ давно отказались бы отъ управленія ею: независимый народъ всегда покупаетъ болѣе товаровъ, нежели зависимый. Примѣръ тому представленъ Соединенными Штатами: только съ того времени, когда они отторглись отъ Англіи, стала въ громадныхъ размѣрахъ возростать ихъ торговля съ Англіею. Ни англійская нація, ни даже англійскіе негоціанты и фабриканты не получаютъ отъ владычества англичанъ въ Остъ-Индіи ничего, кромѣ убытковъ.

Однако, должно же быть оно кому нибудь выгодно въ Англіи, если она такъ хлопотала о его созданіи и теперь хлопочетъ о его возстановленіи? Разумѣется, кому нибудь въ Англіи оно полезно, и даже не трудно отъискать, кому именно. Въ Остъ-Индіи по гражданскому и военному управленію существуетъ множество очень выгодныхъ должностей; должности эти замѣщаются родственниками и друзьями людей, управляющихъ Англіею. Для націи война убыточна, но для того класса людей, который управляетъ Англіею, она очень выгодна; для націи господство надъ Остъ-Индіею безполезно, но могущество англійскаго министерства и Парламента, его значеніе между другими европейскими правительствами увеличивается господствомъ надъ Остъ Индіею.

Если таковы прямыя выгоды, доставляемыя счастливымъ исходомъ даже столь справедливой войны, какъ нынѣшняя Остъ-Индская, то легко сдѣлать заключеніе, кому могли быть полезны другія войны, веденныя Англіею, — войны, далеко не столь справедливыя.

Digitized by Google

Человѣку трудящемуся разорительна всякая война; полезна для него только та война, которая ведется для отраженія враговъ отъ предѣловъ отечества. Совсѣмъ не таковы выгоды англійскаго министерства и людей, раздѣляющихъ съ нимъ управленіе англійскими дѣлами: они живутъ не плодами собственной работы; интересы труда имѣютъ для нихъ только незначительную важность; напротивъ, для нихъ прямымъ образомъ выгодно все то, что увеличиваетъ внѣшнее могущество Англіи; при томъ же, какъ люди, съ избыткомъ обезпеченные въ жизни, они находятъ свое удовольствіе въ блескѣ и шумѣ: человѣкъ трудящійся думаетъ о средствахъ добыть хлѣбъ, они думаютъ о средствахъ пріобрѣсть блистательную славу.

Ихъ интересы часто бываютъ противоположны истиннымъ интересамъ англійской націи; но человѣкъ всегда склоненъ считать полезнымъ для своей родины то, что полезно лично для него, и они искренно утверждаютъ, что для Англіи мало внутренняго благосостоянія, а нужно внѣшнее могущество.

Они стоятъ во главѣ націи, она привыкла слѣдовать за ними, вѣрить имъ,—и вотъ, она вѣритъ имъ, что въ дѣлахъ, которыя совершенно чужды интересамъ англійскаго труда, замѣшана національная честь или благосостояніе.

Недавно, съ образованіемъ манчестерской партіи, въ лицѣ Кобдена и его друзей, получили голосъ среди англійскаго Парламента интересы фабрикантовъ, и мы видимъ, что Кобденъ совершенно не такъ думаетъ о вопросахъ внѣшней политики: онъ прямо утверждалъ, что, собственно говоря, Англіи нѣтъ никакой нужды вмѣшиваться въ отношенія Россіи къ Турціи. Это казалось парадоксомъ, потому что противорѣчило укоренившимся предубѣжденіямъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый принципъ будетъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться участіе англійскихъ фабрикантовъ въ англійскомъ правленіи.

Конечно, еще значительнѣе то измѣненіе, которое будетъ внесено въ эти дѣла прямыми интересами трудящагося класса,—манчестерская школа не есть еще полная ихъ представительница. Когда трудящійся классъ пріобрѣтетъ рѣшительное вліяніе на англійскія дѣла и образуется опытностью въ нихъ настолько, что будетъ судить сообразно интересамъ труда, а не внушеніемъ людей, чуждыхъ этимъ интересамъ, Англія совершенно откажется отъ всякихъ войнъ внѣ предѣловъ своихъ. Когда таково же будетъ положеніе другихъ европейскихъ странъ, исчезнетъ всякая возможность войны между ними.

Но до того времени войны неизбѣжны, хотя совершенно противны прямымъ интересамъ каждой изъ воюющихъ націй; до того времени, Веллингтоны и Наполеоны будутъ популярнѣйшими людьми между своими согражданами, хотя подвиги ихъ не принесли этимъ согражданамъ ничего, кромѣ потерь.

Мы видимъ теперь, отъ чего зависитъ свойственная всѣмъ европейскимъ народамъ наклонность къ воинственности: она зависитъ отъ гражданскаго устройства этихъ обществъ. Если наклонность, столь неестественная въ людяхъ трудящихся и однако же до сихъ поръ владычествующая надъ европейскимъ бытомъ, развилась и поддерживается вслѣдствіе гражданскаго

Digitized by Google

устройства этихъ націй, то легко можно заключить, достаточно ли этой причины для объясненія того, почему вообще въ той или другой націи развились тѣ или другія наклонности, несообразныя съ интересами національнаго благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы внимательно прослѣдимъ исторію каждой изъ европейскихъ націй, мы увидимъ, что весь ея современный бытъ, всѣ ея наклонности объясняются вліяніемъ тѣхъ гражданскихъ учрежденій, подъ вліяніемъ которыхъ она жила и живетъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ событій появлялись въ гражданскомъ обществѣ различныя учрежденія, потомъ создавались законы, сообразные съ этими учрежденіями. Нація измѣняла свои привычки сообразно духу этихъ учрежденій и законовъ. Событія и учрежденія въ различныхъ странахъ были различны, потому и націи, начавшія свою жизнь совершенно съ одинаковыми привычками и наклонностями, являются въ настоящее время совершенно различными.

Возьмемъ въ примѣръ три націи, занимающія самый западный край Европы,—испанскую, французскую и англійскую. Припомнимъ только важнѣйшіе факты ихъ жизни,—ужъ и этого будетъ довольно для убѣжденія въ томъ, что всѣ наклонности каждаго народа, оставившаго за собою періодъ младенческой зависимости отъ внѣшней природы, создались и поддерживаются его учрежденіями и законами.

Вестъ-готы, франки и англо-саксы ни на волосъ не отличались другъ отъ друга своими наклонностями и обычаями; завоеванныя ими страны также были населены народами, получившими одинаковыя качества подъ вліяніемъ римскаго владычества.

Но въ Испаніи начинается упорная семисотлѣтняя борьба противъ мусульманъ-мавровъ; вслѣдствіе этого, испанцы предаются католическому фанатизму; у нихъ является инквизиція, первоначально направленная противъ мавровъ. Привыкнувъ считать католичество основною драгоцѣнностью своей жизни, они отдаются въ полное распоряженіе доминиканцамъ, а потомъ іезуитамъ. Это сковываетъ ихъ мысль. Подъ покровительствомъ инквизиціи, опираясь на католическій фанатизмъ, макіавелліевская политика разрушаетъ всѣ тѣ учрежденія, которыми держалась самодѣятельность народа, и испанцы становятся націею, лишенною всякой умственной и гражданской жизни. Они погружаются въ летаргію и невѣжество. Вторженіе французовъ пробуждаетъ ихъ къ жизни. Но они такъ долго спали, что отвыкли отъ умѣнья вести свои дѣла; они такъ пропитались предубѣжденіями и формализмомъ невѣжества, что являются людьми совершенно отвыкшими ясно понимать вещи; потому исторія ихъ, со времени французскаго вторженія, есть безпорядочная борьба между всевозможными ошибками неопытности и увлеченіями умственнаго дѣтства. Они къ чему то стремятся, но къ чему именно, это еще не ясно, это еще только начинаетъ проясняться для нихъ; и какія средства нужно употреблять имъ для достиженія цѣли?—этого они еще не знаютъ, они еще только пробуютъ. Законности у нихъ давно не было, потому они не уважаютъ закона; собственность и личность очень долго лишены были всякихъ гарантій, потому они лѣнивы, и энергія ихъ умѣетъ проявляться еще только судорожнымъ, лихорадочнымъ образомъ, и за стре-

Digitized by Google

мительнымъ порывомъ, внушаемымъ настоящими потребностями, слѣдуетъ долгій припадокъ апатическаго бездѣйствія. У нихъ есть славное прошедшее, потому они горды; но ихъ настоящее вовсе не блистательно—потому они угрюмы.

Во Франціи, послѣ того хаоса, который былъ во всѣхъ западныхъ странахъ, вслѣдствіе переселенія народовъ, и за которымъ у испанцевъ слѣдовала борьба съ маврами, является распаденіе страны на нѣсколько сильныхъ областныхъ владѣній; идетъ борьба между этими владѣтелями и королемъ, но въ тоже время идетъ война съ внѣшнимъ врагомъ—англичанами. Король, являясь представителемъ національной независимости, получаетъ возможность завести регулярное войско. Опираясь на это войско, онъ мало-по-малу подавляетъ всѣ противныя ему силы,—феодаловъ и горожанъ. Во Франціи образуется придворное управленіе. Всѣ привычки націи образуются сообразно духу придворнаго управленія. Дальнѣйшая исторія Франціи слишкомъ извѣстна. Но важенъ этотъ фактъ— долговременное придворное управленіе, опирающееся на войскѣ. Всѣ черты, которыми обрисовываютъ характеръ француза въ противоположность англичанину, могутъ быть выведены изъ одного этого факта. Относительно чувства законности и опытности въ гражданскихъ дѣлахъ, французъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ испанцемъ, потому что, подобно ему, долго лишенъ былъ гарантій закона и участія въ дѣлахъ,—но не такъ долго и полно было это отстраненіе, притомъ же, у него инквизиція не владычествовала надъ жизнью (оттого, что не было семисотъ-лѣтней борьбы противъ невѣрныхъ), потому мысль его гораздо лучше умѣетъ понимать сущность дѣла и находить средства къ его исполненію.

О настоящемъ характерѣ англичанъ мы не будемъ говорить, потому что всѣмъ извѣстно, какъ тѣсно связанъ онъ съ англійскими учрежденіями; надобно замѣтить только, что прежде, нежели теченіемъ долгаго времени, силою привычки утвердились эти учрежденія и измѣнили характеръ народа сообразно своему духу, характеръ англичанина вовсе не былъ такъ спокоенъ и твердъ въ чувствѣ любви къ закону и сознанія своихъ правъ, не было въ немъ ни той энергіи, ни того формализма, который въ немъ поражаетъ нынѣ иностранца. Уваженія къ законамъ было въ немъ не больше, нежели въ нынѣшнемъ испанцѣ. Изъ этого видно, что не изъ особенностей характера его возникли его учрежденія, а подъ вліяніемъ особенныхъ учрежденій, созданныхъ историческими обстоятельствами, образовался его характеръ.

Мы выбрали въ исторіи каждаго народа только по два, по три важнѣйшіе факта, указали только на два, на три важнѣйшія учрежденія,—и этихъ фактовъ уже достаточно для объясненія всѣхъ существенныхъ особенностей въ наклонностяхъ и привычкахъ испанца, француза и англичанина. Стоитъ только расширить границы этого историческаго очерка, и мы будемъ поражены тою точностью, съ какою каждая черта національнаго типа объясняется гражданскими учрежденіями народа. А въ приведенныхъ нами примѣрахъ особенно интересно то, что исторія застаетъ еще всѣ три націи съ совершенно одинаковыми наклонностями; что онѣ остаются совершенно одинаковы впродолженіе всего того времени, пока не устанавливается, вслѣд-

Digitized by Google

ствіе различныхъ историческихъ событій, различіе въ ихъ гражданскихъ учрежденіяхъ. Возьмемъ исторію какихъ угодно другихъ націй, и мы увидимъ то же самое.

Такимъ образомъ, если мы замѣчаемъ въ привычкахъ и бытѣ извѣстнаго народа особенности, благопріятствующія возрастанію его капитала, иначе сказать, возрастанію его благосостоянія, мы должны знать, что благодарить за то онъ долженъ не племенныя особенности своего организма, не климатъ страны, а просто, гражданскія свои учрежденія; и, наоборотъ, если мы видимъ, что въ народѣ развились привычки, препятствующія возрастанію національнаго капитала, мы должны знать, что и тутъ основаніе лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ націи. Вліяніе всѣхъ другихъ причинъ, содѣйствующихъ или препятствующихъ національному благосостоянію, совершенно незначительно по сравненію съ вліяніемъ гражданскихъ учрежденій. Г. Бабстъ прекрасно выражаетъ эту мысль:

„Трудно себѣ представить (говоритъ онъ), до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ гибельно на бережливость, накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на умноженіе народнаго капитала. Междоусобныя войны, борьба политическихъ партій, нашествія, моръ, голодъ не могутъ имѣть того гибельнаго вліянія на народное богатство, какъ деспотическое и произвольное управленіе. Чего не перенесли благословенныя страны Малой Азіи, какихъ не испытали онѣ переворотовъ,—и постоянно вновь обращались въ земной рай, покуда не скрутила ихъ турецкая администрація. Что было съ Франціей въ XVIII столѣтіи, когда надъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ тяготѣла безобразная система налоговъ и когда, въ добавокъ еще, подъ видами послѣднихъ, каждый чиновникъ могъ смѣло и безнаказанно грабить? Противъ воровъ и разбойниковъ есть управа, но что же дѣлать съ органами и служителями верховной власти, считающими свое мѣсто доходнымъ производствомъ? Тутъ изсякаетъ всякая энергія труда, всякая забота о будущемъ, объ улучшеніи своего быта. Безопасность, полная возможность пользоваться плодами своей бережливости—вотъ главныя, значитъ, условія накопленія капиталовъ“. (Стр. 26—27).

Мы не знаемъ, до какой степени нужно подтверждать эту мысль, столь очевидную; но вотъ, на всякій случай, подобное мѣсто изъ Бентама „О гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ“, котораго мы цитируемъ въ переводѣ, сдѣланномъ по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I.

„Средства пропитанія зависятъ отъ законовъ, удостовѣряющихъ *(обезпечивающихъ)* трудящемуся плоды труда его... Если я отчаяваюсь удостовѣрить себѣ произведеніе труда моего, то помышляю только, какъ бы прожить отъ одного дня до другаго, не хочу предаваться заботамъ, плодомъ которыхъ могли бы воспользоваться только мои непріятели. Сверхъ того, одной воли еще недостаточно для возбужденія трудолюбія, къ сему потребно также имѣть въ обладаніи своемъ средства. Въ ожиданіи плода, надлежитъ имѣть надежное пропитаніе. Одна потеря можетъ поставить меня въ невозможность къ дѣйствованію, не смотря на то, что она не потушитъ во мнѣ духа промышленности, не уничтожитъ воли моей предаваться труду. И такъ это бѣдствіе приводитъ человѣка въ состояніе онѣмѣнія, дѣлаетъ его совершенно неключимымъ для промышленности. Нарушеніе чьего либо права собственности производитъ безпокойство во всякомъ владѣльцѣ. Сіе чувство боязни сообщается отъ одного къ другому и разливается наконецъ на цѣлое гражданское общество. Для распространенія *(развитія)* промышленности потребно совокупное дѣйствіе возможности и воли. Воля зависитъ отъ ободреній, возможность—отъ средствъ. Средства сіи состоятъ въ томъ, что въ политической экономіи разумѣется подъ именемъ капитала, обращеніемъ своимъ прибытка

Digitized by Google

производящаго. Что касается до одного лица, то капиталъ его (*вещественный*) можетъ уничтожиться одною потерею, между тѣмъ какъ духъ промышленности въ немъ ни потушенъ ни ослабленъ чрезъ то не будетъ. Въ разсужденіи же цѣлаго народа, уничтоженіе (*вещественнаго*) капитала его невозможно; но гораздо прежде наступленія сей пагубной минуты зло можетъ сильно подѣйствовать на волю, духъ промышленности можетъ погрузить въ плачевное уныніе посреди естественныхъ средствъ, представляемыхъ богатою и плодоносною почвою. Между тѣмъ на волю дѣйствуетъ обыкновенно толикое множество побудительныхъ средствъ, что она долгое время сопротивляется всѣмъ потерямъ, всѣмъ случаямъ, приводящимъ въ оскудѣніе бодрость ея. Бѣдствіе преходящее, какъ бы велико оно ни было, не умерщвляетъ духа промышленности. Онъ возрождается послѣ разрушительной войны, приведшей народъ въ бѣдность, возрождается подобно мощному дубу, поврежденному бурею, который въ немногіе годы паки покрывается новыми вѣтвями и возрастаетъ въ силѣ своей. Для умерщвленія духа промышленности потребна сила внутренней и постоянно дѣйствующей причины; таковы, напримѣръ, правленіе, не стѣсняющееся законами, вредные законы.

„Самое первое дѣйствіе насилія неминуемо произведетъ уже нѣкоторую степень опасенія, неминуемо лишитъ бодрости нѣкоторые робкіе умы. Насилія, за первымъ слѣдующія, болѣе и болѣе распространяютъ всеобщее безпокойство. Осторожнѣйшіе начинаютъ ограничивать, стѣснять свои предпріятія и мало по малу оставляютъ ненадежное поприще промышленности. По мѣрѣ усугубленія насилій и угнетеній, боязнь и уныніе распространяются все болѣе и болѣе; никто не заступаетъ мѣсто удалившихся, оставшіеся впадаютъ въ недѣйственность. Такимъ то образомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени (*черезъ нѣсколько времени*) поле промышленности, подверженное таковымъ бурямъ, содѣлывается безплодною пустынею.

„Малая Азія, Греція, Египетъ, берега Африки, столь процвѣтавшіе землепашествомъ, торговлею, населеніемъ въ счастливыя времена Имперіи Римской, что содѣлались подъ невѣжественнымъ деспотизмомъ турецкаго правленія? Богатые чертоги превратились въ хижины, и города въ малыя села. Сіе правительство, ненавистное для всякаго мыслящаго человѣка, всегда основывало владычество свое на двухъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ истощать народъ и повергать его въ невѣжество. И прекраснѣйшія страны земныя содѣлались въ рукахъ сихъ варваровъ скудными, безплодными и лишились самыхъ признаковъ прежняго ихъ благосостоянія. Не надлежитъ сихъ признаковъ приписывать причинамъ отдаленнымъ: междоусобныя войны, нашествія непріятельскія и всѣ подобныя бѣдствія могли бы разорить запасы богатства, изгнать искусства и художества, истребить города; но источники богатства паки могутъ открыться, пресѣченныя сообщенія паки могутъ быть возстановлены, разоренные города возникаютъ изъ подъ развалинъ ихъ, и всѣ опустошенія вознаграждаются со временемъ, если люди сохраняютъ достоинство человѣковъ. Въ сихъ же несчастныхъ странахъ достоинство сіе унижено, и отчаяніе, медленное, но гибельное дѣйствіе отсутствія безопасности, уничтожило дѣятельныя способности духа“. (Бентамъ, переводъ Михайлова, томъ II, стр. 56—61).

Слѣдствіе не можетъ исчезнуть, пока продолжаетъ существовать причина. Привычки націи измѣняются измѣненіемъ ея гражданскихъ учрежденій; и, желая видѣть улучшеніе въ характерѣ націи, напрасно стали бы мы искать для этого дѣла опоры въ чемъ нибудь другомъ, кромѣ законодательства, которое одно можетъ произвести ее. Въ наше время, часто случается встрѣчать преувеличенныя понятія о силѣ общественнаго мнѣнія надъ характеромъ быта; многіе говорятъ: пусть только общественное мнѣніе сдѣлается строго къ извѣстному пороку или преступленію, и онъ исчезнетъ. Нѣтъ, общественнаго мнѣнія тутъ мало. Къ разбою, къ поджогамъ оно очень строго,—но если бы нація не защищалась отъ этихъ преступленій законодательствомъ, по десяти разъ въ годъ выгоралъ бы отъ поджоговъ каждый

Digitized by Google

городъ, сотни убійствъ совершалисъ бы каждую ночь. Общественное мнѣніе указываетъ только зло и средства къ его искорененію; но если эти средства не приводятся въ дѣйствіе, зло остается неприкосновенно. Всѣ общественныя явленія зависятъ отъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Говорятъ: „надъ нравами безсильны законы", vanae leges sine moribus. Да, законъ бываетъ безсиленъ, но только тогда, когда обращается единственно противъ симптомовъ болѣзни; но онъ всесиленъ, когда, постигнувъ истинную причину зла, законодатель измѣняетъ учрежденія, производящія это зло. Поговорка о безсиліи закона основана на примѣрахъ, подобныхъ тому, какъ римскіе императоры издавали законы противъ роскоши и безбрачія, соединеннаго съ развратомъ. Конечно, эти законы оставались безсильны; но почему?—потому что и роскошь и развратъ были только слѣдствіями учрежденій, повергавшихъ массу итальянскаго населенія въ нищету и доставлявшихъ громадныя богатства немногимъ избраннымъ. Римъ безотчетно управлялъ провинціями; правители провинцій возвращались въ Римъ съ награбленными мильонами; эти богачи скупили или захватили въ свои руки всю поземельную собственность; завели тысячи невольниковъ-мастеровыхъ и хлѣбопашцевъ; въ селахъ исчезло сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ; въ городахъ исчезло трудящееся сословіе свободныхъ людей: тѣ и другіе замѣнились невольниками; для свободнаго человѣка остался одинъ способъ пропитанія—жить милостынею богачей, захватившихъ въ свои руки и землю, и ремесла. При такомъ состояніи дѣлъ возможно ли истребить роскошь и развратъ? Истинными мѣрами противъ этихъ слѣдствій было бы: дать провинціямъ болѣе самостоятельности; измѣнить систему администраціи, прекратить порядокъ дѣлъ, по которому весь міръ былъ данникомъ празднаго Рима. Съ прекращеніемъ грабежа, изсякъ бы источникъ роскоши; съ исчезновеніемъ роскоши, исчезла бы нищета; вновь явилась бы и необходимость и возможность трудиться; а при отсутствіи роскоши и нищеты, вмѣстѣ съ возрожденіемъ общаго благосостоянія, возвратилась бы и чистота старинныхъ нравовъ. Нравы создаются гражданскими учрежденіями. Безсильны надъ нравами законы, не измѣняющіе гражданскихъ учрежденій. Но за измѣненіемъ гражданскихъ учрежденій, необходимо измѣняются и нравы народа.

Обыкновенный путь къ измѣненію гражданскихъ учрежденій націи—историческія событія. Такъ, мы говорили, вслѣдствіе войнъ съ маврами учредилась въ Испаніи инквизиція, которая уничтожена французскимъ завоеваніемъ. Подобнымъ путемъ всегда измѣнялись гражданскія учрежденія во Франціи; до конца XVII вѣка имъ измѣнялись они и въ Англіи. Но этотъ способъ слишкомъ дорого обходится государству, и счастлива нація, когда прозорливость ея законодателя предупреждаетъ ходъ событій. Облегчить дѣйствованіе этимъ способомъ было цѣлью всѣхъ мыслителей, занимавшихся наукою о государствѣ. Такова была цѣль и Бентама. Выжидать событій свойственно вѣкамъ не просвѣщеннымъ и непредусмотрительнымъ, говоритъ онъ: въ наше время надобно предупреждать ихъ:

„При хорошей методѣ (въ законодательствѣ), вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за происшествіями, ихъ можно предварять. Вмѣсто того, чтобъ быть игралищемъ ихъ, надлежитъ надъ ними господствовать. Законодатель ограниченный и робкій ожидает

Digitized by Google

порожденія частныхъ бѣдствій, чтобы пріуготовить имъ врачеваніе. Законодатель просвѣщенный умѣетъ предвидѣть и предупреждать ихъ всеобщими предосторожностями и распоряженіями общими. Конечно, приступать къ составленію законовъ надлежало (*первоначально умѣли*) не иначе, какъ по мѣрѣ обстоятельствъ, дававшихъ чувствовать въ нихъ необходимость. Сдѣланные проломы закиданы трупами несчастныхъ жертвъ. Но въ вѣкъ просвѣщенный не должно итти по слѣдамъ (*слѣдовать этому методу*) вѣковъ варварскихъ." (Бентамъ, I, 506).

Очень жаль, что сочиненіе, изъ котораго мы дѣлаемъ выписки, такъ мало извѣстно у насъ: не даромъ оно было переведено по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I, благоволившаго принять и посвященіе его своему Августѣйшему Имени; не даромъ и самъ Бентамъ пользовался благоволеніемъ Александра I. Одинъ изъ ученѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ мыслителей своего вѣка, Бентамъ всю свою жизнь посвятилъ тому, чтобы просвѣтить націи относительно наилучшаго способа къ достиженію благосостоянія, и его сочиненія тѣмъ драгоцѣннѣе, что, занимаясь исключительно гражданскими учрежденіями, онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросы о формахъ политическаго устройства. Другіе мыслители, писавшіе о государственныхъ вопросахъ, очень часто давали совѣты, исполненіе которыхъ непремѣнно требовало ту или другую форму политическаго устройства. У Бентама этого нѣтъ: онъ даетъ только такіе совѣты, которые исполнить одинаково легко въ каждомъ государствѣ, какова бы ни была его правительственная форма. Англія и Австрія, Пруссія и Сѣверо-Американскіе штаты одинаково подходятъ подъ его программу. Объ этомъ прекрасно говоритъ его другъ Дюмонъ, издатель его „Трактатовъ о законодательствѣ".

„Г. Бентамъ, ища причинъ (*находя причины*) большей части бѣдствій народныхъ въ порокахъ законовъ ихъ, имѣлъ предметомъ удаленіе одного изъ величайшихъ бѣдствій, состоящаго въ ниспроверженіи властей. Всякое существующее правленіе составляетъ самое то орудіе, посредствомъ коего старается онъ дѣйствовать, и, открывая всѣмъ правительствамъ средства къ улучшенію ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ имъ и средства продолжить и утвердить ихъ существованіе. Выводимыя имъ правила могутъ быть приложены какъ къ монархіямъ, такъ и къ республикамъ. Онъ не говоритъ народамъ: „возобладайте властію, перемѣните образъ правленія". Онъ говоритъ правительствамъ: „познавайте болѣзни, васъ ослабляющія, изыскивайте средства къ врачеванію оныхъ. Постановляйте законы, сообразные нуждамъ и степени просвѣщенія вашего вѣка. Старайтесь издавать хорошіе гражданскіе и уголовные законы. Учреждайте судебныя мѣста такъ, чтобы они способны были внушить довѣренность общественную. Образуйте судопроизводство на правилахъ прочнѣйшихъ. Не всѣ ли вы можете надѣяться одинаковой пользы отъ усовершенія сихъ вѣтвей управленія? Старайтесь удерживать распространеніе опасныхъ мнѣній въ народахъ вашихъ, прилагая попеченіе о благоденствіи ихъ. Вы обладаете властію предписывать законы, а сіе одно право, съ благоразуміемъ въ дѣйствіе приводимое, можетъ служить охраненіемъ всѣхъ другихъ правъ. Открывая-то путь къ надеждамъ законнымъ, положите вы преграды исканіямъ беззаконнымъ.

„Итакъ, кто сталъ бы искать въ семъ сочиненіи правилъ исключительно для какого либо образа правленія, тотъ обманулся бы въ своемъ чаяніи. Читатели, любящіе критику, восклицанія, не найдутъ здѣсь ничего для себя удовлетворительнаго. Сохранять, поправляя; изучать обстоятельства; щадить владычествующіе и даже безразсудные предразсудки; пріуготовлять новыя введенія издалека, такъ чтобы они не имѣли даже вида новыхъ введеній; истреблять злоупотребленія, не вредя пользамъ настоящимъ: таковъ есть непремѣняющійся духъ всего творенія". (Бентамъ, предисловіе, стр. XXI—XXIII).

Digitized by Google

Дѣйствительно, этимъ духомъ, столь же мудрымъ, какъ и умѣренны проникнуты всѣ сочиненія Бентама, и такое направленіе, соединяющее о рожность съ рѣшительностью, было одною изъ причинъ, внушившихъ Им ратору Александру I мысль познакомить своихъ подданныхъ съ „Трак томъ о законодательствѣ". Съ этой точки зрѣнія смотря на книгу, столь служивающую извѣстности, мы думаемъ, что читатель одобритъ наше на реніе напомнить о ней нѣсколькими выписками, которыя наиболѣе соотв ствуютъ предмету настоящей статьи. Пусть Бентамъ укажетъ намъ средс которыми необходимо водворяется въ странѣ безопасность личности и тру это первѣйшее изъ всѣхъ условій, нужныхъ для умноженія народнаго ка тала, то есть національнаго благосостоянія.

Безопасность личности и труда нарушается преступленіями (говор Бентамъ), и охраненіе общества отъ преступленій есть одна изъ важнѣйш заботъ законодателя. Заботами этими внушаются постановленія двоякаго р наказанія за преступленія, уже совершенныя, и мѣры, которыми предуп ждались бы преступленія.

Однихъ наказаній для охраненія безопасности не достаточно, потому наказаніемъ постигается только зло, уже происшедшее, и само наказа есть зло; кромѣ того, многія преступленія ускользаютъ отъ наказаній. Отто то законодатель и прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ для охраненія общес отъ преступленій. Нѣкоторые думаютъ, что можно предупреждать преступ нія, препятствуя пріобрѣтенію знаній, которыя могли бы быть обращаемы совершеніе зла людьми злыми. Это средство напрасно и ненадежно, говор Бентамъ: для того, чтобы совершить преступленіе, вовсе не нужно никак знаній; круглый невѣжда найдетъ для того не менѣе средствъ, нежели ч вѣкъ образованный, а если знаніе и употребляется во зло людьми злы то единственное средство уничтожить это зло есть распространеніе знані

„Еслибы (говоритъ Бентамъ) добрые и злые составляли два отличитель рода людей, каковы, напримѣръ, роды людей бѣлыхъ и черныхъ, то можно бы п свѣщать однихъ и удерживать въ невѣжествѣ другихъ. Но при невозможности отлич однихъ отъ другихъ, при частыхъ перемѣнахъ добрыхъ и худыхъ расположеній въ нихъ и тѣхъ же людяхъ, потребенъ одинъ законъ для всѣхъ. Общее просвѣщеніе общее невѣжество – нѣтъ средней мѣры.

„Между тѣмъ, врачеваніе проистекаетъ изъ нѣдръ самого зла. Знанія могли тогда только доставить выгоды злымъ, когда бы они исключительно обладали оны Сѣть, ставъ извѣстною, перестаетъ быть сѣтію. Народы самые невѣжественные ум напоять ядомъ остріе стрѣлъ ихъ; но народамъ образованнымъ только предостав было познать всѣ яды и найти отъ нихъ приличныя противоядія.

„Всѣ люди способны къ произведенію дѣяній вредныхъ; но однимъ только л дямъ просвѣщеннымъ свойственно изобрѣтать законы, могущіе предупреждать сіи дѣя Чѣмъ болѣе ограниченъ человѣкъ, тѣмъ болѣе способенъ проницать связь личныхъ по своихъ съ пользами общими.

„Пройдите исторію: вѣки наиболѣе варварскіе представятъ вамъ совокуп всѣхъ злодѣяній, и злодѣяній насильственныхъ и злодѣяній хищренныхъ. Груб чувствъ производитъ пороки и не изъемлетъ ни одного изъ нихъ. Когда умножи наипаче лживыя присвоенія правъ и достояній? Тогда, когда одно духовенство у читать, когда по превосходству знаній его оно почитало людей почти столько, ск почитаемъ мы нынѣ лошадей, на коихъ не можно бы уже было налагать узду, е умственныя ихъ способности увеличились. Почему въ тѣ же времена имѣли прибѣг

Digitized by Google

къ судебнымъ поединкамъ, къ искушеніямъ огнемъ и водою, ко всему, что называлось *Судомъ Небеснымъ?* Потому что при тогдашнемъ дѣтствѣ ума человѣческаго не было началъ къ положенію различія между свидѣтельствомъ истиннымъ и свидѣтельствомъ ложнымъ.

„Сравни Правленія, кои стѣсняли обнародованіе мыслей, съ Правленіями, кои давали имъ свободное теченіе. Съ одной стороны представится тебѣ Испанія, Португалія, Италія, съ другой Англія, Голландія, Сѣверная Америка. Гдѣ болѣе процвѣтаетъ нравственность и благосостояніе? гдѣ чаще злодѣянія? гдѣ общежительность пріятнѣе и надежнѣе?

„Неимовѣрнымъ образомъ были прославляемы установленія, коими начальствующіе въ обществѣ дѣлали монополію всѣхъ познаній человѣческихъ. Таковы были жрецы въ древнемъ Египтѣ, брамины въ Индостанѣ, іезуиты въ Парагваѣ. Здѣсь можно сдѣлать два замѣчанія: *первое*, что если поведеніе ихъ достойно хвалы, то въ отношеніи къ выгодамъ изобрѣтшихъ образъ Правленія, а не въ отношеніи къ пользамъ подвластныхъ имъ человѣковъ. Я соглашаюсь, что народы были покорны и спокойны подъ начальствомъ сихъ правителей; но были ли они счастливы? Не думаю, по крайней мѣрѣ, если жестокое рабство, суетныя боязни, тщетныя обязанности, тягостныя лишенія и пощенія, печальныя мысли, суть препятствія къ состоянію счастливому.—*Второе* замѣчаніе состоитъ въ томъ, что они достигали цѣли своей не столько потому, что удерживали народъ въ естественномъ его невѣжествѣ, сколько потому, что распространяли предразсудки и заблужденія. Такіе начальствующіе сами содѣлывались наконецъ жертвами слабой и малодушной его политики. Народы, кои непрестанно были удерживаемы въ состояніи уничиженія установленіями, противными успѣхамъ всякаго рода, содѣлывались добычею народовъ, имѣвшихъ передъ ними сравнительное превосходство. Состарѣваясь въ дѣтствѣ, подъ властію опекуновъ, старавшихся продлить ихъ несмысленность для удобнѣйшаго ими управленія, они представили всѣ удобности къ порабощенію“. (Бентамъ, томъ III, стр. 22—25).

Ограждая частное имущество, государство не можетъ оставить на произволъ расхитителей и свою, государственную, собственность. Для предупрежденія этихъ беззаконныхъ похищеній служатъ отчеты объ издержкахъ:

„Когда (говоритъ Бентамъ) въ извѣстное время даются отчеты нѣкоторому ограниченному числу лицъ, когда лица сіи избраны будутъ непосредственно тѣмъ, кто отчетъ даетъ, или же по его вліянію, и потомъ отчеты остаются уже безъ всякой ревизіи: тогда самыя важныя ошибки могутъ упускаемы быть безъ исправленія. Но когда отчеты обнародываемы, когда подлежатъ они ревизіи общественной, тогда не можетъ быть недостатка ни въ свидѣтеляхъ, ни въ судьяхъ, тогда всякая погрѣшность будетъ усмотрѣна, доказана и обнаружена.

„Такой-то расходъ былъ ли нуженъ? Не сдѣланъ ли онъ подъ какимъ либо ложнымъ предлогомъ? Общество или казна не дороже ли заплатили за такой-то предметъ, нежели платятъ частные люди? Не дано ли первенство какому либо подрядчику исключительно въ ущербъ казны? Не доставлено ли скрытнымъ образомъ выгоды какому либо любимцу? Не выдано ли ему чего подъ ложными предложеніями? Не употреблено ли какихъ ухищреній къ удаленію соперничества совмѣстниковъ? Нѣтъ ли чего скрытнаго въ счетахъ? Можетъ быть множество сего рода вопросовъ, въ которыхъ нельзя удостовѣриться ясными доказательствами, если отчеты не будутъ представлены глазамъ публики. Въ частномъ комитетѣ, въ однихъ членахъ можетъ не доставать правдивости, въ другихъ познаній: умъ медлительный въ дѣйствіяхъ упускаетъ то, что для него непонятно, боясь обнаруживать свою неспособность; умъ живой не вникаетъ въ подробности; всякъ предоставляетъ другимъ тягость труда. Но всѣ сіи качества, въ коихъ можетъ имѣть недостатокъ сословіе малочисленное, сыщутся, конечно, въ цѣлой публикѣ. Въ сей разнородной и несогласной въ частяхъ ея массѣ самыя дурныя начала, не менѣе началъ самыхъ добрыхъ, поведутъ къ надлежащей цѣли: зависть, ненависть, злоба будутъ дѣйствовать какъ бы духъ любви общественной, и страсти сіи, по ихъ дѣятельности и по твердости въ ихъ направленіи, изслѣдуютъ еще съ вящею подробностью

Digitized by Google

всѣ части и повѣрять предметы самые мелкіе. Такимъ образомъ тѣ, для коихъ единственнымъ обузданіемъ служить можетъ общее къ нимъ почтеніе, удержатся въ границахъ долга ихъ боязнію стыда и желаніемъ снискать доброе мнѣніе о ихъ безкорыстіи". (Бентамъ, томъ III, стр. 114—116).

Укрѣпленіе честности въ націи также содѣйствуетъ огражденію безопасности:

„Усилить чувство чести и направить дѣйствія его на предметы полезные, должно быть однимъ изъ главныхъ попеченій правительства.

„Дѣйствительность общаго мнѣнія находится въ сложномъ содержаніи пространства и силы его: пространство сіе зависитъ отъ количества одобрительныхъ голосовъ; сила отъ степени одобренія или охужденія.

„Изъ числа многихъ средствъ, могущихъ служить къ тому, чтобъ дѣйствію общаго мнѣнія дать большее пространство, главнѣйшія суть: обнародованіе судебныхъ дѣлъ, обнародованіе счетовъ, обнародованіе государственныхъ совѣщаній, не подлежащихъ по какимъ либо особеннымъ причинамъ тайнѣ. Просвѣщенная публика — хранительница законовъ чести, управительница нравственнаго возмездія, составляетъ высшее судилище, полагающее судъ о всѣхъ дѣлахъ, о всѣхъ лицахъ. Обнародованіемъ дѣлъ судилище сіе поставляется въ возможность собирать доказательства и полагать сужденіе; и потомъ печатно произносить и приводить въ дѣйство свои сужденія". (Бентамъ, томъ III, стр. 164—165).

Важно также приготовлять націю къ правительственнымъ мѣрамъ предварительными объясненіями ихъ:

„Правительство не вездѣ должно дѣйствовать властію: въ распоряженіи власти только руки; распространять владычество на умы должно оно не иначе, какъ мудростію. Повелѣвая, оно принуждаетъ подданныхъ повиноваться, но просвѣщая, оно внушаетъ въ нихъ душевное къ повиновенію побужденіе, никогда не ослабляющееся. Наилучшее средство къ просвѣщенію состоитъ въ простомъ обнародованіи дѣйствій; но иногда полезно также вспомоществовать народу составлять сужденіе о сихъ самыхъ дѣйствіяхъ.

„Когда видишь, что наилучшія сами по себѣ мѣры правительства не имѣютъ успѣха, по сопротивленію имъ народа невѣжественнаго, тогда чувствуешь въ себѣ негодованіе противу сей грубой толпы, тогда отвращаешься труда искать блага общественнаго. Но когда болѣе углубляешься въ предметъ сей, когда открываешь, что сіе сопротивленіе удобно было предвидѣть и что правительство не сдѣлало ни одного шагу для пріуготовленія умовъ, для разсѣянія предразсудковъ, должно обратиться отъ народа невѣжественнаго къ его правителямъ.

„Опытъ доказалъ, противу всякаго ожиданія, что бумаги и сочиненія, издаваемыя въ народъ, суть вѣрнѣйшія средства къ направленію мнѣнія общаго, къ успокоенію лихорадочныхъ его движеній, къ изглажденію лживыхъ понятій, къ уничтоженію лукаваго ропота, коимъ враги правительства испытываютъ вредныя ихъ намѣренія. Въ сихъ сочиненіяхъ наставленіе можетъ нисходить отъ правительства къ народу, или восходить отъ народа къ правительству: чѣмъ болѣе простора въ изъясненіяхъ мыслей, тѣмъ удобнѣе судить можно о движеніяхъ общаго мнѣнія, тѣмъ надежнѣе правительство можетъ дѣйствовать". (Бентамъ, томъ III, стр. 184—185).

„Слушай всѣ совѣты, хуже отъ того не будетъ, а лучше быть можетъ, вотъ что говоритъ простой здравый смыслъ. Правда, во многихъ случаяхъ сужденіе публики можетъ быть выслушано не прежде, чѣмъ принята мѣра, но тогда уже, когда приведена она въ дѣйство. Между тѣмъ сіе сужденіе можетъ всегда имѣть свою пользу, въ отношеніи ли къ мѣрамъ законодательства, кои могутъ быть преобразованы; въ отношеніи ли къ мѣрамъ управленія, кои могутъ повстрѣчаться вторично. Наилучшее мнѣніе, представленное министру частнымъ образомъ, можетъ быть оставлено безъ всякаго дѣйствія: но хорошее мнѣніе, представленное публикѣ, если не полезно одному, то можетъ быть полезно другому; если не полезно въ настоящее время, можетъ сдѣлаться полезнымъ въ послѣдствіи; если оно представлено въ неприличномъ видѣ однимъ, можетъ другимъ быть украшено и тогда преклонитъ къ себѣ вниманіе. Наставленіе есть сѣмя, которое

Digitized by Google

для опыта должно быть посѣваемо на земляхъ различнаго рода, которое должно быть возвращаемо съ терпѣніемъ, поелику не скоро приноситъ оно плодъ.

„Мѣра сія предпочтительнѣе свѣдѣній, кои можетъ почерпать государь при дозволенной свободѣ подачи просьбъ. Какова бъ ни была проницательность его въ избраніи министровъ своихъ, выборъ всегда ограничиться долженъ небольшимъ числомъ кандидатовъ, которыхъ представляетъ случай рожденія или счастія. И такъ государь всегда основательно полагать можетъ, что есть другіе люди просвѣщеннѣйшіе сихъ; и тѣмъ болѣе распространяетъ возможность знать и слышать, тѣмъ болѣе увеличиваетъ власть и независимость свою.

„Но въ образѣ подачи мнѣній можетъ примѣшиваться негодованіе и дерзость: вмѣсто того, чтобъ ограничиться разсмотрѣніемъ пріемлемыхъ мѣръ, обращаются къ лицамъ, ихъ предпріемлющимъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое потребно искусство для соблюденія различія между сими двумя дѣйствіями сужденія! Какимъ образомъ осуждать мѣру, не осуждая въ нѣкоторой степени свойствъ ума или душевныхъ расположеній предложившаго оную? Вотъ камень преткновенія: вотъ причина, по которой сей способъ совѣтованія столь рѣдко бываетъ допускаемъ, не смотря на очевидную пользу его. Противъ него возстаютъ всѣ страхи самолюбія. Не смотря, однакожь, на то, Іосифъ II, Фридерикъ II, введеніемъ его ознаменовали свои царствованія. Онъ существуетъ въ Швеціи; онъ существуетъ въ Англіи; онъ можетъ существовать повсюду съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя бы предупреждали важныя злоупотребленія онаго.

„Если по введенному въ правительствѣ обыкновенію, или по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, государь не можетъ дозволить сужденія объ актахъ правительства, то онъ долженъ по крайней мѣрѣ дозволить сужденіе о законахъ. Онъ можетъ предоставить сужденію общему все, что составляетъ науку, начала права, судопроизводство, управленіе низшей степени.

„Въ прежнемъ французскомъ правительствѣ всякая философическая книга, напечатанная въ Парижѣ, рождала уже тѣмъ самымъ противъ себя предубѣжденіе. Наказъ Императрицы Екатерины II во Франціи былъ запрещенъ. Слогъ и мысли сего творенія казались столь смѣлыми, что признано было невозможнымъ потерпѣть его въ монархіи французской.

„Правда, во Франціи нерадѣніе и вѣтренность покрывали зло. Чужестранное изданіе служило паспортомъ генію. Строгость служила только къ тому, что торговля книгами переходила къ другимъ народамъ, и что сатиры, къ предупрежденію коихъ была она предназначена, дѣлались еще паче ѣдкими“. (Бентамъ, томъ III, стр. 220—224).

Очень полезно также, по мнѣнію Бентама, при обнародованіи узаконеній объяснять и побужденія, которыми внушены эти узаконенія.

„Въ семъ заключается необходимо нужное звено въ цѣли политики великодушной и благомыслящей; симъ правительство должно самому себѣ. Небрежа извѣщать народъ о побудительныхъ причинахъ дѣйствій его въ случаяхъ важныхъ, оно обнаруживаетъ, что всѣмъ хочетъ обязано быть силѣ, и въ ничто вмѣняетъ мнѣніе подданныхъ.

„Не такъ думаетъ приверженный къ своему владычію. Онъ не хочетъ, чтобъ народъ былъ просвѣщаемъ, и презираетъ его потому, что онъ не просвѣщенъ. Вы неспособны судить, говоритъ онъ, поелику вы въ невѣжествѣ, и васъ будутъ удерживать въ немъ, чтобъ вы не были способны судить. Вотъ вѣчный кругъ умствованій, коимъ онъ ограждается. Каково же слѣдствіе? Рождается и мало по малу возрастаетъ всеобщее неудовольствіе, основанное иногда на ложныхъ и увеличенныхъ порицаніяхъ, коимъ дается вѣра; ибо они не подвержены изслѣдованію и разсмотрѣнію. Министръ жалуется на несправедливость публики, не помышляя о томъ, что онъ не далъ ей средствъ быть справедливою, и что ложныя толкованія поведенія его суть неминуемое слѣдствіе той таинственности, коею покрываетъ онъ свои дѣйствія. Двоякій только образъ дѣйствованія правительства можетъ имѣть мѣсто: совершенная скрытность, или совершенная откровенность. Должно, чтобъ народъ или ни малѣйшаго не имѣлъ о дѣлахъ свѣдѣнія и познанія, или чтобъ онъ зналъ о нихъ во всемъ пространствѣ; должно или поставить ему преграды имѣть о нихъ какое либо понятіе, или дать ему возможность дѣлать сужденія самыя просвѣщенныя; должно поступать съ нимъ или какъ съ ребенкомъ, или

Digitized by Google

какъ съ человѣкомъ возмужалымъ; вотъ два плана дѣйствованія, изъ коихъ долженъ быть избранъ одинъ.

„Первому изъ нихъ послѣдовали жрецы въ древнемъ Египтѣ, брамины въ Индостанѣ, іезуиты въ Парагваѣ; второй введенъ въ Англіи временемъ и обычаемъ; но основанъ на законѣ въ однихъ только Соединенныхъ областяхъ. Большая часть европейскихъ правительствъ ни пріемлютъ, ни отвергаютъ ни того, ни другаго, не имѣя твердости духа принять исключительно который либо одинъ. Они не перестаютъ быть во всегдашнемъ между собою противорѣчіи, бывъ съ одной стороны одушевляемы желаніемъ имѣть подданныхъ промышленныхъ и просвѣщенныхъ, съ другой колеблемы страхомъ ободрять духъ изслѣдованія". (Бентамъ, томъ III, стр. 224—226).

Всѣ эти мѣры Бентамъ считаетъ особенно полезными потому, что онѣ содѣйствуютъ прочности и силѣ правительства; онъ полагаетъ, что чѣмъ больше занято общество государственными дѣлами, тѣмъ прочнѣе бываетъ правительство:

„Изъявленіе мнѣній сословіями, по мнѣнію моему, не только не можетъ производить мятежей, но напротивъ будетъ служить охраненіемъ отъ бѣдствій сего рода. Мятежи суть судорожныя движенія слабости, обрѣтающей силу въ минутномъ отчаяніи. Они суть усилія людей, коимъ не дозволяется обнаруживать чувствованій ихъ, и коихъ преднамѣренія не могли бы имѣть успѣха, еслибъ были извѣстны. Намѣренія, противныя общему чувствованію народа, могутъ быть успѣшны по одной только нечаянности и насилію. Имѣющіе таковыя намѣренія могутъ достигнуть оныхъ токмо силою. Но люди, могущіе полагать, что народъ на ихъ сторонѣ, могущіе льститься восторжествовать силою мнѣнія общаго, почто стали бы употреблять насиліе? Почто подверглись бы они очевидной опасности безъ всякой пользы?—И такъ я увѣренъ, что люди, имѣющіе полную свободу составлять сословія, люди, составляющіе оныя подъ покровительствомъ закона, никогда не посягнутъ на мятежи.

„Я думаю даже, что составленіе сообщества могло бы быть дозволено, могло бы быть однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ правительства во всякой монархіи. Въ монархіяхъ мятежи и возмущенія наиболѣе опасны. Они производятся движеніями печальными и неожиданными. Сообщества предупредили бы сіи безпорядки. Еслибъ въ Имперіи Римской было въ обыкновеніи составлять сообщества, имперія и жизни императоровъ не были бы непрестанно продаваемы съ публичнаго торгу тѣлохранителями преторіанскими.

„Я знаю, что есть степень невѣжества, которое бы могло сдѣлать сообщества опасными: но сіе доказываетъ, что невѣжество есть великое зло; а не то, чтобъ сообщества не были весьма полезны. Сверхъ сего, самая сія мѣра можетъ служить противодѣемъ вреднымъ ея дѣйствіямъ. Въ соразмѣрности, какъ сообщество, образовавшись въ безопасности, дѣлается обширнѣйшимъ, всѣ его основанія бываютъ обдумываемы, публика просвѣщается, а между тѣмъ правительство располагаетъ всѣми средствами разсѣвать заблужденія событіями.

„Я не вижу, почему бы введеніе сего права могло породить въ правительствѣ безпокойства. Нѣтъ правительства, которое бы не признавало нужнымъ совѣтоваться съ народомъ и приноровляться къ его мнѣніямъ: Правительства наиболѣе самовластныя суть наиболѣе робкія. Какой султанъ управляетъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою надежностію, какъ король англійскій? Янычары и чернь приводятъ въ трепетъ сераль, между тѣмъ какъ сераль заставляетъ трепетать янычаръ и чернь. Въ Лондонѣ народъ возвѣщаетъ волю законною подачею голоса: въ Константинополѣ мятежами и опустошеніями". (Бентамъ, томъ III, стр. 233—236).

Мы сообщили эти выписки преимущественно съ цѣлью доказать, что Бентамъ для достиженія національнаго благосостоянія считаетъ достаточными такія мѣры, которыя могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ странахъ, при всякой формѣ государственнаго устройства,—въ этой мудрой умѣренности его мнѣній и надобно, какъ мы сказали, искать причины, по которой Императоръ Александръ I пожелалъ познакомить своихъ подданныхъ съ его „Разсужденіемъ о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи".

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

четъ г. министра Народнаго Просвѣщенія за 1857 годъ.—Рѣчь г. Пирогова на ть Ришельевскаго Лицея.—Статья „Земледѣльческой Газеты" о народномъ образованіи, о тѣлесныхъ наказаніяхъ и о семейныхъ нравахъ простолюдиновъ.—Права содержанія ремесленныхъ учениковъ.—Средства къ прекращенію взяточничества.—Движеніе промышленности.—Товарищество Кренгольмской мануфактуры.—Повышеніе цѣнъ акцій вслѣдствіе новаго постановленія о банковыхъ процентахъ.—Необходимость новыхъ промышленныхъ предпріятій для помѣщенія капиталовъ.—Пароходство на Волгѣ.—Условія для развитія антрацитовыхъ копей донскаго бассейна.—Варшавская промышленная выставка.

Едва ли какое нибудь другое европейское государство имѣетъ столь сильную потребность въ дѣятельнѣйшихъ заботахъ о распространеніи просвѣщенія, какъ Россія. Конечно, и въ Англіи, и во Франціи, и въ самой Пруссіи остается еще очень, очень многаго желать по этому дѣлу. И въ этихъ государствахъ, еще не всѣ дѣти получаютъ хотя бы первоначальное образованіе, а изъ юношей только меньшинство посѣщаетъ высшіе классы гимназій, реальныхъ школъ, коллегіумовъ и проч.; а еще несоразмѣрнѣе съ числомъ населенія число людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ и соотвѣтствующихъ имъ учебныхъ заведеніяхъ. Но если эти государства еще далеки отъ достиженія идеала въ дѣлѣ народнаго образованія, то Россія и съ ними сравнится только тогда, когда въ двадцать разъ увеличится число ея школъ, въ сорокъ разъ умножится число учащихся въ этихъ школахъ. Во Франціи, изъ 100 человѣкъ, только 40 не умѣютъ читать и писать; въ Англіи, изъ 100 только 25; въ Пруссіи почти не найдется уже такихъ людей, которые не умѣли бы читать и писать. У насъ на 100 человѣкъ навѣрное не прійдется и пяти человѣкъ грамотныхъ; на 15,000 человѣкъ придется только одинъ, слушающій курсы въ университетѣ или лицеѣ.

Но если намъ надобно пройти еще очень много пути, чтобы сравниться хотя съ Франціею, не говоря уже о Шотландіи, Швейцаріи или Сѣверной Германіи, то надобно сказать, что у насъ не представляется для успѣховъ на этомъ пути тѣхъ препятствій, съ которыми должны бороться западныя правительства въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи. Во Франціи и Бельгіи, да и во всѣхъ другихъ католическихъ странахъ, правительство имѣетъ противъ себя въ дѣлѣ народнаго образованія очень сильную, чрезвычайно дѣятельную и хитрую партію ультра-монтанцевъ; она прикрывается именемъ католичества при своемъ упорномъ сопротивленіи мѣрамъ правитель-

Digitized by Google

ства на пользу просвѣщенія и очень часто успѣваетъ возбуждать противъ нихъ невѣріе въ непросвѣщенной массѣ. Почти таково же положеніе дѣла и въ Англіи, съ тою только разницею, что въ заботахъ о просвѣщеніи мѣсто правительства заступаютъ тутъ союзы частныхъ лицъ, а враги просвѣщенія называются не ультра-монтанцами, а „строгими англиканцами" (High Church Party),—эти обскуранты успѣли даже до сихъ поръ удержать въ своихъ рукахъ знаменитѣйшія и привилегированныя учебныя учрежденія Англіи, университеты Кембриджскій и Оксфордскій, въ которыхъ могутъ процвѣтать многія спеціальныя науки, но духъ преподаванія болѣе свойственъ XVII, нежели XIX вѣку. Даже въ Пруссіи правительство въ дѣлѣ просвѣщенія должно выдерживать очень тяжелую борьбу съ лютеранскими догматиками.

Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Не говоря уже объ открытомъ противодѣйствіи мѣрамъ правительства на пользу просвѣщенія, мы не можемъ отъискать никакой партіи или секты, которая хотя тайными желаніями не благопріятствовала бы каждому усилію правительства въ этомъ дѣлѣ. У насъ, развѣ грубый невѣжда можетъ быть противникомъ этихъ мѣръ, да и то только тогда, когда съ невѣжествомъ соединяется въ немъ злонамѣренность. Къ счастью, число людей злонамѣренныхъ въ каждой націи очень невелико, и не должны бы они имѣть нигдѣ ни малѣйшаго вліянія уже по одному тому, что зло само по себѣ безсильно, если не можетъ прикрываться предлогами добра,—а въ дѣлѣ просвѣщенія самые хитрые изъ злонамѣренныхъ людей не могутъ у насъ отъискать никакой благовидной причины къ совѣтамъ помедлить, повременить или отступить назадъ. Каждая мѣра правительства къ распространенію просвѣщенія встрѣчается у насъ такимъ единодушнымъ восторгомъ всѣхъ сословій общества, какъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Разнорѣчіе о подобныхъ мѣрахъ существуетъ въ Англіи, Франціи, Германіи, —у насъ нѣтъ и тѣни его. У насъ, даже взяточникъ посылаетъ сына въ университетъ; даже раскольникъ радуется заведенію училища въ его городкѣ.

Безпримѣрно выгодно въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ благомъ дѣлѣ, положеніе русскаго правительства.

Съ этою мыслью мы прочли Отчетъ г. министра Народнаго Просвѣщенія за прошедшій годъ; читатель согласится съ нами, если вникнетъ въ слѣдующіе цифры и факты, заимствуемые изъ этого отчета.

Общее число учебныхъ заведеній въ Имперіи, и подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, было:

Въ 1855 году	3,872
— 1856 —	3,789

число учащихся въ нихъ

Въ 1855 году	194,490
— 1856 —	196,689

Столь значительное увеличеніе числа учащихся въ 1856 году по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, конечно, должно назваться фактомъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Втеченіе одного года, какъ видимъ, число учащихся въ русской имперіи увеличилось слишкомъ на 2,000 человѣкъ.

Digitized by Google

Изъ общаго числа училищъ (1856 г.) на долю Царства Польскаго, съ 4½ мильоновъ жителей, приходится 1455; остальная имперія съ 60 мильонами жителей имѣетъ 2,334 училища, такъ что на каждыя 25,000 жителей приходится одно училище. Число учащихся распредѣляется такимъ образомъ:

Имперія	125,577
Царство Польское . . .	71,112

О состояніи литературы представляются слѣдующіе факты и цифры:

„Главное управленіе цензуры, слѣдя постоянно за духомъ и направленіемъ литературной дѣятельности въ Россіи и наблюдая, какъ посредственно, такъ и при пособіи опредѣленныхъ къ нему чиновниковъ особыхъ порученій, за точнымъ исполненіемъ правилъ цензурнаго устава, разрѣшало возникавшіе въ кругу дѣйствій подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ недоумѣнія и вопросы, и вообще руководствовало цензоровъ въ сомнительныхъ случаяхъ.

„Въ 3 день декабря послѣдовало Высочайшее соизволеніе: по многосложности обязанностей, лежащихъ на Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, возложить на товарища его, тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, переписку по текущимъ цензурнымъ дѣламъ и непосредственное наблюденіе за дѣйствіями цензурныхъ учрежденій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (кромѣ еврейскихъ).

„Съ учрежденіемъ Ученаго комитета Главнаго правленія училищъ, существованіе Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ (Высочайше учрежденнаго 13 марта 1850 г.) прекращено, и цензурныя его обязанности отошли къ цензурѣ, а часть педагогическая и учебная сосредоточены въ Ученомъ комитетѣ.

„Число вышедшихъ въ свѣтъ въ 1856 году сочиненій оригинальныхъ простирается до 1,405, переводныхъ до 131; всего 1,536.

„Въ 1855 году издавалось, подъ наблюденіемъ внутренней цензуры вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, журналовъ и газетъ 104. Въ 1856 г. начали выходить въ свѣтъ, на основаніи Высочайшихъ соизволеній: „Художественный Журналъ для Юношества“, „Музыкальный и Театральный Вѣстникъ“, „Живописная Русская Библіотека“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русская Бесѣда“ и „Сынъ Отечества“, возобновленное періодическое изданіе, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе двадцатидвухъ періодическихъ изданій.

„Число оригинальныхъ сочиненій 1856 г. ученаго и учебнаго содержанія, сравнительно съ 1855 годомъ, значительно увеличилось, какъ по числу названій, такъ и по объему. Сличеніе частныхъ итоговъ по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній показываетъ, что въ 1856 году особенно увеличился объемъ сочиненій по части географіи, этнографіи и путешествій; по грамматикамъ и другимъ пособіямъ къ изученію языковъ; по теоріи и исторіи словесности и изящныхъ искусствъ; по наукамъ юридическимъ и государственнымъ, естественнымъ, математическимъ, военнымъ и медицинскимъ; уменьшился же по сельскому хозяйству и технологіи, а также по исторіи всеобщей и иностранныхъ государствъ. Между оригинальными сочиненіями собственно литературнаго содержанія, сравнительно съ 1855 годомъ, оказывается увеличеніе въ романахъ и повѣстяхъ, въ книгахъ для дѣтскаго чтенія и въ собраніяхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ; уменьшеніе же усмотрѣно въ энциклопедическихъ словаряхъ, альманахахъ и сборникахъ, въ стихотвореніяхъ лирическихъ и въ драматическихъ сочиненіяхъ.

„Общее число ввезенныхъ изъ-за границы въ Россію въ 1856 году книгъ составляло 1,282,240 томовъ. Въ 1855 году число это простиралось до 1,191,745 томовъ. Посему привозъ иностранныхъ книгъ въ 1856 году увеличился 90,295 томами“.

Послѣдняя цифра доказываетъ съ одной стороны, какъ сильно развитіе у насъ потребности въ чтеніи, съ другой, что русская литература еще далеко не достигла такого положенія, въ которомъ бы могла удовлетворительнымъ образомъ соотвѣтствовать этой потребности.

Digitized by Google

Извлеченіе изъ „Отчета“, напечатанное въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, заключается слѣдующими словами:

„Изъ всеподданнѣйше представляемаго отчета, Ваше Императорское Величество соизволите усмотрѣть, что Высочайше ввѣренное мнѣ министерство, какъ осмѣливаюсь надѣяться, не смотря на крайне стѣсненныя матеріальныя средства свои, слѣдуетъ неуклонно къ Высочайше указанной ему цѣли. Просвѣщеніе, которое почерпаютъ юноши въ заведеніяхъ сего министерства, есть просвѣщеніе не поверхностное, а прочное, основанное на чистыхъ началахъ нашей народной жизни, уваженія къ святости вѣры, безпредѣльной готовности жертвовать всѣмъ для блага отечества и полной преданности своему Государю. Жажда пріобрѣтенія познаній, нужныхъ для пользы общественной, повсемѣстна. Удовлетвореніе этому благородному стремленію составляетъ существенную потребность настоящаго времени. По этому одна изъ главнѣйшихъ моихъ заботъ состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, поддержать это общее стремленіе къ образованію, а съ другой — сообразить дѣйствующіе нынѣ уставы учебныхъ заведеній съ дѣйствительными потребностями государства и времени и съ современнымъ состояніемъ наукъ.

„Съ этою цѣлію я лично ознакомился съ состояніемъ ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній и собралъ на мѣстѣ нужныя для предлежащаго труда данныя.

„Замѣченные въ устройствѣ университетскихъ факультетовъ недостатки исправляются отдѣльными распоряженіями, для замѣщенія каѳедръ достойными преподавателями приготовляются молодые люди, которые для полноты образованія посылаются за границу.

„Устройство среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ первыхъ разсадниковъ воспитанія, составляетъ также предметъ особенныхъ попеченій министерства. Оно, наблюдая постоянно за успѣхами ученія въ сихъ заведеніяхъ, и затѣмъ дѣлая выводы, въ какой степени они соотвѣтствуютъ какъ требованіямъ общаго образованія, такъ и мѣстнымъ нуждамъ, обусловливающимъ благосостояніе народное, собрало достаточныя данныя, на основаніи которыхъ, руководимое указаніями Вашего Императорскаго Величества, можетъ нынѣ обновить полную систему народнаго образованія, очистить ее отъ тѣхъ частныхъ положеній, которыя вошли въ нее разновременно и не составляютъ съ нею ничего органическаго цѣлаго, и, напротивъ, дополнивъ тѣмъ, на что указываетъ настоящее положеніе вещей и современный взглядъ на воспитаніе, дать ей надлежащее единство въ цѣломъ и необходимую гармонію въ отдѣльныхъ частяхъ.

„Къ этому главному вопросу присоединяются другіе, частные—изданіе новыхъ учебниковъ, соглашеніе испытанія преподавателей для учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ со значеніемъ сихъ должностей и начертаніе для того правилъ, по возможности единообразныхъ, какъ едино и само истинное образованіе, при всемъ многоразличіи его частныхъ явленій.

„Этими вопросами занятъ въ настоящее время Ученый комитетъ и изготовляетъ ихъ для обсужденія въ Главномъ правленіи училищъ, и потому истекшій годъ, посвященный, такъ сказать, приготовленію къ работѣ, не представляетъ еще особенныхъ распоряженій; съ тѣмъ вмѣстѣ начала, въ немъ положенныя благотворными указаніями Вашего Величества, зрѣютъ и въ свое время должны принести полезные плоды; но для этого нужно время и устраненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ затруднять достиженіе предположенной цѣли.

„Съ преобразованіемъ училищъ необходимо дать имъ и новые штаты. Я уже имѣлъ случай всеподданнѣйше докладывать Вашему Императорскому Величеству, какъ о крайне стѣсненномъ, во всемъ пространствѣ этого слова, положеніи большей части настоящихъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія (учителей среднихъ и низшихъ заведеній) такъ и вообще о чрезвычайно ограниченныхъ матеріальныхъ способахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и Ваше Величество изволили убѣдиться въ необходимости помочь со временемъ министерству.

„Въ дѣлѣ объ учрежденіи заведеній для образованія дѣтей женскаго пола, министерство. положивъ на мѣру общія черты предпринятаго дѣла, встрѣтило надобность создать и средства. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріѣ Александровнѣ благоугодно было положить первое тому основаніе отъ своихъ щедротъ, а нынѣ министерство должно вызвать къ содѣйствію въ настоящемъ дѣлѣ мѣстное дворянство и

Digitized by Google

городскія сословія, на что уже послѣдовало Высочайшее Вашего Величества соизволеніе.

„Я твердо увѣренъ, Всемилостивѣйшій Государь, что съ помощію Божіею, при томъ ближайшемъ участіи, которое Вашему Величеству благоугодно было принять въ дѣлахъ министерства, и при пламенномъ усердіи какъ членовъ ввѣреннаго мнѣ управленія, такъ и воспитывающагося юношества, о чемъ святымъ долгомъ поставляю себѣ свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, дѣло образованія пойдетъ вѣрнымъ путемъ во благо нашего возлюбленнаго отечества".

Потребность новой жизни въ просвѣщеніи Россіи прекрасно выражена въ рѣчи, которую на торжественномъ актѣ Ришельевскаго Лицея, происходившемъ 1 сентября въ новомъ зданіи Лицея, произнесъ знаменитый нашъ ученый Н. И. Пироговъ, попечитель Одесскаго Учебнаго Округа. „Не даромъ существуетъ обычай праздновать новоселье", говоритъ Н. И. Пироговъ:

„Мы празднуемъ переходъ въ новое зданіе.

„Но съ какою цѣлью сооружено оно?

„Назначается ли оно только замѣнить ветхія стѣны стараго Лицея новыми?

„Своды ли, мраморъ ли и паркетъ половъ должны отличать новый лицей отъ стараго?

„Если одно это, то основная мысль нашего торжества была бы въ сущности не выше, и даже ниже той, которою вѣроятно руководствуются номады, перемѣняя кочевье.

„Перемѣна кочевья есть необходимое условіе жизни цѣлаго народа. Перемѣна ветхихъ стѣнъ на новыя есть только удобство нѣсколькихъ людей.

„Нѣтъ, мы не для этого празднуемъ новоселье лицея. Не одна ветхость стѣнъ, не одно удобство и прихоть побудили правительство замѣнить старое новымъ.

„Въ нашемъ новосельѣ обнаруживаются *двѣ* высокія мысли.

„Оно, *во первыхъ*, доказываетъ, что старый Лицей съ честью отжилъ свое время.

„Онъ и родился во-время, когда потребность къ просвѣщенію въ краѣ начала только что проявляться, и то только въ высшихъ слояхъ общества.

„Онъ такъ успѣшно дѣйствовалъ на поприщѣ просвѣщенія, что поставленные учредителемъ предѣлы образованію сдѣлались узки. Ихъ не разъ уже измѣняли и расширяли. Но они всетаки оказываются узкими.

„Больше ничего не нужно приводить въ доказательство успѣшной дѣятельности стараго Лицея. Этого одного довольно для безпристрастныхъ.

„*Во вторыхъ*, праздникъ нашего новоселья, останавливая невольно нашъ взглядъ на новомъ зданіи, заставляетъ думать, что не понапрасну же увеличенъ объемъ его стѣнъ, не понапрасну увеличено помѣщеніе для учащихся, кабинетовъ, лабораторій.

„Не напрасно пекущееся правительство, вмѣсто огромныхъ издержекъ на меблировку новаго зданія, обратило значительную сумму на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

„Все это ясно говоритъ, что съ новосельемъ должна начаться и новая жизнь Лицея, новый періодъ его дѣятельности, и новый Лицей дѣйствительно долженъ сдѣлаться новымъ для Новороссіи.

„Вотъ, мм. гг., почему мы празднуемъ день нашего новоселья".

Настаетъ новая эпоха для просвѣщенія, и сообразно съ потребностями времени, храмъ его необходимо расширяется.

Необходимость его расширенія, необходимость принять мѣры къ распространенію образованія въ массѣ нашего населенія очень основательно доказана рядомъ интересныхъ статей въ „Земледѣльческой Газетѣ". Въ этомъ обсужденіи участвовали многіе. Когда г. А. З., помѣщикъ Холмскаго уѣзда, учредившій школу въ своемъ имѣньѣ и самъ уже нѣсколько лѣтъ занимающійся преподаваніемъ въ этой школѣ, первый заговорилъ въ „Земледѣль-

Digitized by Google

ческой Газетѣ“ о распространеніи грамотности между поселянами, онъ встрѣтилъ многихъ противниковъ, но скоро нашлись ему союзники, и потомъ стали говорить въ пользу грамотности даже тѣ, которые сначала были противъ нея. Тогда вопросъ измѣнилъ свое положеніе: вмѣсто того, чтобы спорить о пользѣ грамотности, стали разсуждать уже о томъ, какія средства необходимо принять для образованія поселянъ, и достаточно ли для поселянъ одной грамотности, или кругъ ихъ ученія долженъ быть болѣе обширенъ.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ любопытныхъ совѣщаній между образованными и благонамѣренными помѣщиками. Прежде всего посмотримъ, какими неотразимыми доводами г. А. З. объясняетъ необходимость грамотности для поселянъ:

„Крестьянинъ—человѣкъ, а не машина; онъ имѣетъ право на нравственное и умственное развитіе. Онъ земледѣлецъ,—надобно желать, чтобы трудъ его былъ сознателенъ, чтобы онъ не дичился улучшеній, чтобы онъ самъ старался изыскивать новые, лучшіе пріемы въ работѣ, для облегченія труда и сбереженія времени. А для этого надобно развить ему голову, надобно ему образованіе, которое начинается съ грамоты.

Крестьянинъ не только земледѣлецъ, но и торговецъ; онъ продаетъ избытки своихъ произведеній и покупаетъ для себя нужное, а иногда ведетъ и большой торгъ. Крестьянинъ, кромѣ того, человѣкъ общественный: онъ отправляетъ и натуральныя, и денежныя, и государственныя, и общественныя повинности; онъ же идетъ пополнять ряды нашего храбраго войска. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и обстоятельствахъ его жизни—нужно ли ему образованіе?—Нужно. А оно начинается съ грамоты.

Крестьянина надуваютъ, обираютъ, обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ,—спросите вы его: зачѣмъ онъ поддается? „гдѣ же намъ, батюшка! намъ—кто въ синемъ, тотъ и баринъ. Мы люди темные!...“

„— Зачѣмъ ты недавно возилъ въ городъ какого-то пьянаго писаря? спрашиваете вы его.—„А какъ же не везти, батюшка? Въѣхалъ въ деревню: „давай, кричитъ, подводу скорѣе!“ и бумагу показываетъ—„приказъ, говоритъ, изъ суда съ вашей деревни подводу взять“. И печать приложена; а объ томъ ли приказъ—кто его вѣдаетъ! Наше дѣло темное. Къ вашей милости десять верстъ—бѣжать далеко, а онъ торопитъ. Пока телѣгу ладилъ, да лошаденку запрягалъ, не одинъ подзатыльникъ отъ него, проклятаго, съѣлъ... Дѣло, вишь, говоритъ, спѣшное, а ты, каналья, копаешься. Десятскихъ, говоритъ, кликну, связать тебя велю, коли будешь разговаривать! Тамъ тебѣ, говоритъ, такую баню за ослушку зададутъ, что не опомнишься!“—„Прогоны далъ?“—„Какіе прогоны, батюшка, этого мы никогда не видимъ! Треуховъ-то много дорогой давалъ: вези, вишь, скорѣе! Да ужь Богъ съ нимъ! А вотъ лошаденку — пусто бъ ему было—измучилъ совсѣмъ; чай въ мѣсяцъ не оправится! Держи ее теперь на стойлѣ, а пора рабочая!“—„Чтожь ты въ городѣ не пожаловался на него?“—„Въ судъ-то идти? на него жаловаться? Не, баринъ, спасибо!... Ну, иной крѣпокъ; что больше мошенникъ, то крѣпче. Бей его, не бей, а онъ все свое: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Ну, а что честнѣе, то слабѣй; особливо, коли приведутъ изъ-далека—людей не видывалъ, въ лѣсу живетъ, ну, а тутъ городъ, судъ, — тотчасъ и сробѣетъ! Такъ и валится въ ноги: виноватъ, значитъ, тутъ тотчасъ свидѣтели и запишутъ. Гдѣ намъ, баринъ, съ судами знаться! не приведи Господи! наше дѣло темное“.

„Будь же крестьянинъ образованъ, знай онъ твердо свои обязанности и свои отношенія къ начальству,—съ нимъ бы подобныхъ случаевъ не было. А образованіе начинается грамотностію.

„Крестьянинъ беретъ подряды, заключаетъ контракты не словесные, а письменные,—если онъ безграмотенъ, плати и за написаніе, и за подписаніе вмѣсто него, и, пожалуй, за прочтеніе. Крестьянинъ несетъ на почту какой нибудь потомъ добытый цѣлковый послать его сыну, брату или иному сроднику; въ полученіи почтовой квитанціи ему надобно росписаться—плати онъ 3, 5, а иногда и болѣе копѣекъ серебромъ за росписку, если онъ безграмотный; а ему и одна копѣйка дорога.

Digitized by Google

„Приходитъ крестьянинъ въ казначейство платить подати.

„— Ты что? спрашиваетъ его вышедшій изъ канцеляріи приказный.

„— Подущину принесъ заплатить, батюшка, за такую-то вотчину.

„— Сколько у тебя?

„— Столько-то, батюшка! сдѣлайте божескую милость, не задержите, примите!

„— Хорошо, говоритъ приказный:—подай объявленіе!

„Крестьянину и въ голову не приходитъ, что законъ не обязываетъ, а только позволяетъ представлять подати при объявленіи.

„— Мы люди темные, батюшка, ужъ коли что написать надо, такъ будьте милостивы, напишите!

„— Хорошо, отвѣчаетъ дѣловымъ тономъ приказный:—давай цѣлковый!

„— Не дорогонько ли будетъ, ваше благородіе?... осмѣливается замѣтить крестьянинъ, переминаясь.

„Приказный скрывается. Проходитъ не мало времени. Мужикъ стоитъ вздыхая.

„— Любезный, служба", наконецъ говоритъ онъ, обращаясь къ присяжному,— „доложи, Бога ради, тому, что былъ тутъ: долголь мнѣ маяться! пусть цѣлковый возьметъ; скажи, молъ, глупостью повладали".—Является приказный, беретъ отъ мужика цѣлковый и ведетъ его къ казначею. Мужикъ отсчитываетъ деньги, низко кланяется и возвращается въ прихожую ждать квитанціи... Жди, пожди, проходитъ еще не мало времени—является тотъ же приказный.

„— Что стоишь? спрашиваетъ онъ у своей жертвы. — „Квитанціи дожидаюсь, батюшка!"—Приходи завтра.—„Батюшка, будь батька родной, отпусти сегодня! Фатера, сбоpмъ лошади, за сто верстъ пріѣхалъ... Я бы ужъ вашей милости еще полтинникомъ поклонился..."—Дуракъ, за сколько душъ платилъ, а хочешь полтинничкомъ отдѣлаться... Ну, да ужъ куда ни шло—давай!—Мужикъ отдаетъ полтинникъ съ низкимъ поклономъ. Проходитъ еще нѣсколько времени. Приказный снова является. „Готова квитанція, говоритъ онъ, ступай, распишись въ полученіи.

„— Да я не грамотный, батюшка! ужъ будьте милостивы.

„— Дуракъ, развѣ за тебя обязанъ писать кто нибудь даромъ?

„— Сколько жъ надо, батюшка?

„— Двугривенникъ, отрывисто отвѣчаетъ приказный, дешевле не возьмутъ. — Мужикъ отдаетъ двугривенникъ и получаетъ наконецъ квитанцію.

„— Слава-те, Господи, думаетъ онъ, въ одинъ день развязался!..."

„Пріѣзжаетъ мужикъ домой; является къ барину.—Заплатилъ подущину?—„Заплатилъ, батюшка".

„— Покажи квитанцію.—Мужикъ подаетъ.—Отчего недоимка? спрашиваетъ помѣщикъ.—„Не вѣдаю, батюшка, я всѣ заплатилъ".—Какъ не вѣдаешь? пять цѣлковыхъ съ копѣйками въ недоимкѣ показано... Сколько ты денегъ внесъ?—„Казначею отдалъ столько-то..."—Какъ столько-то? въ квитанціи показано пятью цѣлковыми меньше противъ того, что ты говоришь казначею отдалъ? ты укралъ? пропилъ?—„Дай, Господи, мнѣ съ мѣста этого не сойти, дѣтей моихъ не обозрѣть, начинаетъ клясться мужикъ, творя крестныя знаменія, коли я хоть грошъ себѣ взялъ! Какъ передъ Богомъ говорю вашей милости—всѣ отдалъ: что они тамъ въ квитанціи пишутъ—Богъ ихъ вѣдаетъ! Наше дѣло темное!..."

„И точно, тутъ дѣло темное. Если и мужикъ смошенничалъ, то какъ вы уличите его? А отговорки „темнотою" не было бы, если бы онъ былъ грамотный.

„Крестьянина отдаютъ въ солдаты. Много ли у него надежды дослужиться до унтеръ-офицерскаго званія, если онъ безграмотный?

„Сдача каждаго рекрута, чрезъ безграмотнаго отдатчика, обходится помѣщику отъ тридцати-пяти до сорока рублей серебромъ!.. Тутъ въ счетѣ вы увидите Богъ знаетъ какія вещи. Словомъ, тутъ отдатчикъ, какъ говорится въ одной свадебной пѣснѣ, „съ денежки на денежку ступалъ, а полтиною вороты отпиралъ"...

„Подобныхъ случаевъ и обстоятельствъ въ быту крестьянъ можно бы представить цѣлыя сотни; многія изъ нихъ могли бы быть и сильнѣе и разительнѣе вышеприведенныхъ, но довольно и этихъ, чтобы показать, что *грамота нужна крестья-*

Digitized by Google

нину не только въ нравственномъ, но и въ матеріяльномъ отношеніи, и что *съ нея, а не съ чего другаго надобно начать его образованіе*". („Земледѣльческая Газета", № 9).

Г. Смирновъ, бывшій преподавателемъ въ одной изъ земледѣльческихъ школъ, свидѣтельствуетъ, что поселяне и ихъ дѣти очень хорошо понимаютъ пользу ученія.

„Я имѣлъ честь преподавать русскій языкъ въ Московской Земледѣльческой школѣ и на опытѣ видѣлъ, съ какимъ увлеченіемъ, съ какимъ восторгомъ воспитанники изъ крестьянъ представляютъ себѣ то новое душевное состояніе, въ которое они поставлены пріобрѣтеніемъ знаній. Благодарность къ помѣщику, который ихъ отдалъ въ школу, и благодарность къ основателю школы были искренни, нелицемѣрны. Почти ни въ одномъ классномъ сочиненіи воспитанникъ школы не обойдется безъ того, чтобы не коснуться этого самаго чувствительнаго для него предмета. И въ деревнѣ, гдѣ одною изъ первыхъ заботъ моихъ было ученіе мальчиковъ грамотѣ, съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что грамотность сообщаетъ крестьянскимъ мальчикамъ какую-то мягкость и освобождаетъ ихъ отъ той загрубѣлой коры, которая лежитъ на крестьянинѣ.

„И такъ, грамотность и правомѣрное общественное положеніе—вотъ главныя средства къ нравственному усовершенствованію крестьянъ". („Землед. Газета" № 24).

Послѣ того, г. Критскій, принимая вопросъ о необходимости образованія для поселянъ какъ поставленный уже внѣ всякаго сомнѣнія, разсматриваетъ, каковы должны быть учители въ сельскихъ школахъ и какими средствами учредить эти школы.

„Мнѣ кажется, что для распространенія грамотности между крестьянами въ нашемъ отечествѣ, которое по преимуществу есть государство земледѣльческое, нужны школы земледѣльческія, школы, въ которыхъ, кромѣ обученія крестьянъ грамотѣ, показывалась бы имъ вся польза отъ нея. Научивши крестьянина читать не по церковнымъ книгамъ, а по руководствамъ, нарочно для того составленнымъ, съ земледѣльческимъ направленіемъ, надо ознакомить его сперва съ техническими названіями сельскаго хозяйства, съ земледѣльческими орудіями, ихъ строеніемъ, и потомъ показать практически примѣненіе прочитаннаго къ дѣлу. Надо стараться доказать ему, что грамота есть краеугольный камень его благосостоянія, что если неграмотный, обработывающій землю по примѣру своего отца и дѣда, соберетъ съ своего участка продуктовъ на десять рублей, то грамотный, узнавъ, какъ такой же участокъ можетъ быть лучше обработанъ, соберетъ съ него продуктовъ на пятнадцать и двадцать рублей.

„Не разъ случалось мнѣ слышать на это слѣдующія возраженія: къ чему крестьянину грамота? Довольно будетъ, если помѣщикъ, получившій образованіе, будетъ совершенствовать свое хозяйство, тогда крестьяне по примѣру помѣщика улучшатъ и свое... Другіе прибавляли къ тому, что и сельскіе священники могутъ примѣромъ своимъ довести своихъ прихожанъ до тѣхъ же результатовъ.

„Справедливо ли это?

„По моему мнѣнію—нѣтъ. Мнѣ кажется, что довольно разсмотрѣть, кто эти помѣщики и священники, имѣютъ ли они необходимыя свѣдѣнія, образованіе ихъ приспособлено ли къ тому и всѣ ли они имѣли средства получить тѣ знанія?

„Возьмемъ помѣщиковъ.

„Меньшая часть ихъ—люди богатые. Объ нихъ и говорить нечего,—они всегда могутъ достигнуть желаемаго,—было бы желаніе.

„Другая часть, тоже небольшая, получившіе образованіе въ университетахъ, слушавшіе лекціи факультетовъ естественныхъ наукъ. Казалось, что эти люди и должны бы быть посвящены въ тайны агрономіи; но что часто случается? что они, не видавъ примѣненія выученнаго къ дѣлу, не могутъ достичь желаемыхъ результатовъ. Притомъ всѣ они, или почти всѣ, окончивъ воспитаніе въ университетахъ, поступаютъ на государственную службу и въ служебныхъ занятіяхъ часто забываютъ выученное.

Digitized by Google

„Третьи, если не всѣ остальные, съ малолѣтства посвященные на службу гражданскую или военную, воспитываясь въ учрежденныхъ для того заведеніяхъ, не получаютъ никакого почти понятія объ агрономіи. Окончивъ свое служебное поприще, они поселяются въ своихъ имѣніяхъ, не знаютъ даже, какъ взяться за хозяйство, и по неволѣ хозяйничаютъ такъ, какъ указываетъ имъ опытъ крестьянина или управляющаго, не обладающихъ большими свѣдѣніями. И выходитъ, что не помѣщикъ руководитель крестьянъ, а самъ руководимъ ими.

„А священники?

„Они по моему мнѣнію еще меньше помѣщиковъ воспитаніемъ приспособлены къ тому, чтобы быть руководителями крестьянъ въ дѣлѣ агрономіи.

„Такимъ образомъ я полагаю, что для распространенія грамотности между крестьянами необходимо учредить земледѣльческія школы, если не во всѣхъ селахъ, мѣстечкахъ и городахъ, потому что для того нужны средства, какими не всякій помѣщикъ обладаетъ, то по крайней мѣрѣ въ уѣздныхъ городахъ, въ чемъ слѣдуетъ обратиться съ просьбою о помощи къ нашему благодѣтельному правительству.

„Пусть учредятся въ каждомъ уѣздномъ городѣ земледѣльческія школы, въ которыхъ бы, кромѣ грамоты, ученики обучались бы и наукѣ сельскаго хозяйства; гдѣ бы ученикъ, подъ руководствомъ дѣльнаго преподавателя, учился бы и читать, и писать, и понимать прочитанное, и примѣнять его практически къ естественнымъ занятіямъ своимъ, и потому видѣлъ бы на дѣлѣ всю пользу грамотности.

„Пусть помѣщики, сочувствуя общему благу, дадутъ матеріальныя средства на учрежденіе и преуспѣяніе земледѣльческихъ школъ, пожертвовавъ самою незначительною частію своего дохода, хотя бы по три или даже по пяти копѣекъ серебромъ съ души, и по учрежденіи школъ, помѣщая въ нихъ мальчиковъ, представляли бы на нихъ и одежду и пищу.

„Такъ при такомъ общемъ стремленіи, мнѣ кажется, дѣло пошло бы на ладъ, и черезъ какихъ нибудь десять или пятнадцать лѣтъ мы бы не такъ удивлялись успѣхамъ земледѣлія въ прочихъ европейскихъ государствахъ, у насъ бы земля, обработанная по новой улучшенной системѣ, приносила бы такіе же проценты, какіе приноситъ за границею.

„Куда бы дѣвалась лѣнь!

„Какъ бы смягчились нравы крестьянъ! Да и не перечесть всего добраго, которое проистекло бы отъ того“.

Г. Гиберъ-фонъ-Грейфенфельсъ говоритъ еще рѣшительнѣе: къ учрежденію этихъ школъ должны быть помѣщики обязаны правительствомъ:

„Просвѣщенные сельскіе хозяева согласны въ томъ, что для улучшенія нравственнаго и матеріальнаго быта нашихъ крестьянъ нужна *грамотность*. Въ послѣднее время высказаны во многихъ умныхъ, назидательныхъ статьяхъ „Земледѣльческой Газеты“ мнѣнія и предположенія сельскихъ хозяевъ касательно этого предмета. Но какъ водворить грамотность въ крестьянское сословіе при разныхъ мѣстныхъ неудобствахъ при настоящемъ невѣжествѣ самыхъ крестьянъ, при недостаткѣ учителей и средствъ къ устройству школъ?

„Будемъ говорить правду: уставъ для сельскихъ училищъ изданъ въ 1828 году, а много ли помѣщиковъ открыли съ тѣхъ поръ школы въ своихъ имѣніяхъ? Правда, нѣкоторые владѣльцы принялись съ рвеніемъ за это полезное дѣло, ожидая неминуемой пользы (я также устроилъ въ двухъ имѣніяхъ своихъ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ), но общаго сочувствія не было, по той причинѣ, что у насъ ничего предпринять невозможно, если оно не *повсемѣстно*, если нѣтъ безпрерывной *настойчивости*, а главное, если нѣтъ увѣренности, что это воля правительства;—для темнаго народа нужна всегда сильная побудительная причина, а потому лишь однѣ правительственныя мѣры могутъ окончательно разрѣшить вопросъ о всеобщихъ народныхъ училищахъ. „Земледѣл. Газета“ № 42).

Тогда г. А. З., которому принадлежитъ честь возбужденія этого изслѣ-

Digitized by Google

дованія въ „Земледѣльческой Газетѣ“, присылаетъ полный проэктъ, показывающій, какимъ образомъ надобно основать эти школы, откуда взять для нихъ учителей и учительницъ въ достаточномъ числѣ, и какіе предметы необходимо ввести въ кругъ преподаванія. Вотъ существенныя черты этого проэкта:

„Я того мнѣнія, что ужъ если дѣлать великое дѣло, то дѣлать его не въ половину и не какъ-нибудь, а дѣлать вполнѣ, широко и какъ слѣдуетъ. Предпринимая такія дѣла, отъ которыхъ можно ждать *вѣковѣчно-благодѣтельныхъ* результатовъ, не слѣдуетъ ограничиваться и удовлетворяться полумѣрами. Строить ли, напримѣръ, желѣзныя дороги, то строить не одну или двѣ, а цѣлыя сѣти, и не конныя, а паровыя, и не въ одинъ, а въ два пути,—въ четыре рельса. Начать ли образованіе массъ простаго народа, то не ограничиваться одною грамотностію, а дать народу образованіе полное, прочное, благотворное и плодотворное; школы заводить—не кой-гдѣ, а повсемѣстно, не для однихъ мальчиковъ, но и для дѣвочекъ, и не по выбору, а *для всѣхъ* крестьянскихъ дѣтей безъ исключенія; учителей въ школы—не какихъ-нибудь, а хорошо образованныхъ.

„Съ этимъ, пожалуй, и согласятся, но могутъ спросить: гдѣ средства? откуда учителей взять?

„По этому предмету смѣю предложить слѣдующія мои соображенія, при изъявленіи искреннѣйшаго моего желанія, чтобы они были подвергнуты всѣми, кого предметъ интересуетъ, наистрожайшей критикѣ.

„Брать въ школы отъ семействъ всѣхъ крестьянскихъ дѣтей отъ 8-ми до 12-ти и даже до 14-ти лѣтняго возраста на семь зимнихъ мѣсяцевъ (съ 1 октября по 1 мая)—не составитъ обремененія ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ: дѣти означеннаго возраста не состоятъ въ тяглѣ помѣщиковъ и не составляютъ (въ зимніе мѣсяцы) для семействъ необходимой помощи. Пищу и одежду дадутъ семейства, которыя все равно—въ школѣ или не въ школѣ—должны бы были ихъ одѣвать и продовольствовать. Постройка особаго флигеля для помѣщенія въ учебное время учащихся: комната (изба, пожалуй) для жилья и другая для класса, а также столы, скамейки и т. п. классныя принадлежности—не Богъ знаетъ чего стоятъ; это пожертвованіе—будетъ ли оно отъ помѣщика или отъ самихъ крестьянъ — ничтожное. Десятокъ-другой азбучекъ (по 3 коп. сер.), двѣ-три стопы сѣрой бумаги въ зиму и т. п. — вещи не дорогія и по средствамъ каждому. Такимъ образомъ: помѣщеніе, классныя принадлежности, одежда и продовольствіе дѣтямъ—готовы.

„Откуда учителей взять? еслибъ и нашлись они—кто и изъ какихъ суммъ будетъ платить имъ жалованье?

„Учителей предлагаю образовать изъ тѣхъ же крестьянъ и крестьянокъ и обязать ихъ учить безъ жалованья, за одно обезпеченіе ихъ пищею, одеждою и квартирою и за нѣкоторыя другія льготы, и—вотъ какимъ образомъ:

„Подобно тому, какъ въ прежнее время помѣщичьи имѣнія разбивались на рекрутскіе участки, разбить всѣ такія имѣнія на *участки учебные*, полагая въ каждомъ участкѣ, примѣрно, по 200 ревизскихъ душъ мужескаго пола.

„Съ каждаго учебнаго участка выбрать по три мальчика (10—12-ти лѣтняго возраста) и по три дѣвочки (8—10-ти лѣтнихъ) съ лучшими способностями, для образованія изъ первыхъ—учителей старшихъ классовъ, изъ вторыхъ — учительницъ младшихъ классовъ.—Ну, вотъ ужь это значительное пожертвованіе: съ 200 душъ шесть дѣтей... Но, мм. гг., безъ нѣкоторыхъ пожертвованій — невозможно! Мы же ставимъ рекрутъ, взрослыхъ и здоровыхъ работниковъ — и не ропщемъ и не должны роптать, потому что интересы государственные важнѣе интересовъ частныхъ; въ исторической жизни народовъ есть эпохи, когда временныя пожертвованія необходимы и по настоятельной въ нихъ надобности и въ видахъ будущаго благоденствія.

„Собранныхъ такимъ образомъ мальчиковъ и дѣвочекъ отдать въ существующія уже въ каждомъ уѣздномъ городѣ училища, гдѣ они могутъ пройти курсъ уѣздныхъ училищъ въ 4 года. Во время этого курса квартиру, пищу, одежду для нихъ—должны

Digitized by Google

доставлять участки; преподаваніе, какъ извѣстно, даромъ. Дѣвочки должны составить особый классъ отъ мальчиковъ.

„По окончаніи курса въ городскихъ училищахъ, мальчики—переводятся въ существующія въ губернскихъ городахъ гимназіи, и еще шесть лѣтъ слушаютъ курсъ гимназическій; необходимо, значитъ, расширить гимназіи и увеличить комплектъ учителей въ нихъ. Въ гимназіяхъ же учредить каѳедры: сельскаго хозяйства, землемѣрія, законовѣдѣнія (преимущественно законовъ, касающихся крестьянскаго быта, и въ подробности *законы о договорахъ*) и ветеринаріи, лекціи которыхъ обязать слушать крестьянъ гимназистовъ (вмѣсто лекцій иностранныхъ языковъ, которыхъ, конечно, крестьянамъ изучать не надобно)".

„Пока приготовляются такимъ образомъ сельскіе учителя и учительницы, участки строятъ для школъ помѣщенія въ одномъ изъ селеній участка, по удобности, и *за три года* до выхода крестьянъ-учителей изъ гимназій открываютъ повсемѣстно сельскія училища *всѣхъ крестьянскихъ дѣтей обоего пола*, 8—10-тилѣтняго возраста. Кончившія въ уѣздныхъ училищахъ курсы дѣвочки начинаютъ въ школахъ учить грамотѣ, подъ наблюденіемъ помѣщиковъ и чѣстнаго училищнаго начальства. Сельскіе священники безмездно преподаютъ Законъ Божій.

„Послѣ трехъ учебныхъ зимъ у учительницъ, въ младшихъ классахъ, учащіеся переходятъ въ *старшій* классъ, къ вышедшимъ уже изъ гимназіи учителямъ,—а для младшихъ классовъ дѣлается уже новый наборъ малолѣтныхъ-учащихся и такъ далѣе. Въ старшемъ классѣ всѣ крестьянскія дѣти проводятъ еще *три* зимы, такъ что полный курсъ сельскихъ школъ составилъ бы *шесть* зимъ; ученикъ, поступившій восьми лѣтъ, вышелъ бы изъ школы четырнадцати лѣтъ.

„Сельскіе учителя, обучившіеся въ гимназіяхъ, знали бы, кромѣ наукъ общегимназическихъ (за исключеніемъ языковъ), — агрономію, землемѣріе, законовѣдѣніе и ветеринарію, значитъ это были бы учителя не какіе-нибудь, и, вышедшіе изъ среды народа, они хорошо бы знали нравы, обычаи, нужды и потребности учениковъ и ученицъ своихъ.

„Какъ учителя, такъ и учительницы исполняли бы свои педагогическія обязанности въ теченіе, примѣрно, двѣнадцати лѣтъ *безмездно*, ибо уже самое образованіе, данное имъ и выдвинувшее ихъ изъ среды низшаго класса народа на ступень высшую, нравственное и умственное развитіе ими полученныя, должны быть достаточнымъ для нихъ вознагражденіемъ; но участки обязаны доставлять имъ все необходимое: жилище, одежду и пищу (крестьянскія) и сверхъ того, они, учителя и учительницы, можно свободны и, по прошествіи обязательнаго двѣнадцатилѣтняго термина, могутъ отказаться отъ безмездныхъ педагогическихъ занятій, сохраняя во всякомъ случаѣ право на полное пожизненное обезпеченіе отъ участка.

„Въ лѣтнее, свободное отъ классныхъ занятій время, учительницы живутъ при своихъ семействахъ, а учителя не остаются праздными: для ихъ дѣятельности открывается новое великое поприще, занятіе величайшей важности, къ которому они должны быть подготовлены въ гимназіяхъ:

„Нечего распространяться какъ, было бы полезно, (а въ будущемъ сдѣлается необходимостью) привести наши обширныя земли въ кадастровую извѣстность. Сельскіе учителя, образованные вышесказаннымъ образомъ, могутъ въ лѣтнее время заняться этимъ чрезвычайно полезнымъ и важнымъ дѣломъ, при помощи свѣдущихъ помѣщиковъ и уѣздныхъ землемѣровъ, каждые въ своихъ участкахъ. Такимъ образомъ одни и тѣ же люди и образовали бы массу народа, и привели бы въ извѣстность земли наши—два великія дѣла, совершеніе которыхъ принесло бы неисчислимыя блага нашему отечеству....

„Въ устроенныхъ же по предлагаемому плану всенародныхъ сельскихъ школахъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, преподавать, кромѣ необходимыхъ предметовъ: *чтенія*, *письма*, *Закона Божія* и первыхъ четырехъ правилъ *ариѳметики*, еще слѣдующіе: а) *исторію*, б) *географію* (всеобщія кратко, отечественныя подробно), в) *русскій языкъ*, г) *сельское хозяйство*, д) *законы*, касающіеся крестьянскаго быта, и законы *о договорахъ*, е) *землемѣрную часть* и ж) *ветеринарію*. Такой курсъ въ продолженіе шести учебныхъ зимъ легко пройти можно, и только при та-

Digitized by Google

комъ курсѣ грамотность окажетъ на наше сельское сословіе неоспоримо-благодѣтельное вліяніе.

„Я убѣжденъ, что если бы вышесказанныя мною предположенія мои могли осуществиться, то чрезъ какія нибудь двадцать или тридцать лѣтъ Россія, при извѣстныхъ всякому бойкости и смышлености ея населенія, не только догнала бы, но оставила бы за собою на пути цивилизаціи народы Западной Европы, на которыхъ теперь мы справедливо смотримъ какъ на старшихъ братій нашихъ въ дѣлѣ просвѣщенія. А кто бы изъ русскихъ не желалъ этого?...

„Издержки на расширеніе городскихъ училищъ и гимназій и на увеличеніе комплекта учителей въ нихъ —издержки *единовременныя*. Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ приготовилась бы только *первая* партія учителей и учительницъ; слѣдующія образовались бы уже въ самыхъ сельскихъ школахъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ воспитанниковъ. Эти *единовременныя* издержки приняли бы на себя: правительство и помѣщики *пополамъ*, напримѣръ. Впрочемъ это только предположеніе: входить же по этому предмету въ подробныя изслѣдованія я, какъ частный человѣкъ, не имѣю ни средствъ, ни возможности....

„Заключу тѣмъ же, чѣмъ началъ: ужъ если дѣлать великое дѣло, то дѣлать его въ обширныхъ, какъ сама Русь наша, размѣрахъ, не полумѣрами, не какъ нибудь, не робкими шагами, а цѣликомъ, смѣло и прочно, въ размѣрахъ грандіозныхъ, и если сравнить вѣковѣчно-неисчислимо-благодѣтельныя послѣдствія такого дѣла съ количествомъ временныхъ пожертвованій, то эти послѣднія окажутся совершенно ничтожными.“ („Земледѣльч. Газета“, № 58).

Въ этомъ прекрасномъ проэктѣ мы находимъ только одну черту, которая можетъ быть измѣнена къ лучшему: г. А. З. для возможнаго сокращенія расходовъ предполагаетъ, чтобы въ теченіе извѣстнаго срока учители и учительницы сельскихъ школъ преподавали безмездно, за одно помѣщеніе и содержаніе. Недостаточность такого вознагражденія очевидна. Въ дополненіе къ нему необходимо жалованье отъ помѣщиковъ или деньгами или хлѣбнымъ сборомъ (послѣднее есть у нѣмецкихъ колонистовъ). Что касается житья обучаемыхъ мальчиковъ въ самой школѣ, а не въ родительскихъ семьяхъ, эта мысль, конечно, прилагается авторомъ только къ мѣстностямъ, гдѣ поселяне живутъ очень мелкими и очень разбросанными деревушками, какъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ,—не приходить же мальчику въ школу зимою за десять и за пятнадцать верстъ. Но въ большей части русскихъ губерній поселяне живутъ большими деревнями, и тутъ разумѣется ученики должны оставаться въ своихъ семьяхъ, не жить въ школьномъ домѣ, а только приходить на уроки. Это лучше для семейнаго быта, да и дешевле, потому что не потребуется ни большаго зданія для школы, ни налога провизіею для содержанія учащихся.

Не по одному вопросу о средствахъ распространить образованіе между поселянами встрѣчаются въ „Земледѣльческой Газетѣ“ очень любопытныя статьи. Мы укажемъ еще на рядъ статей о томъ, возможно-ли, при настоящихъ сельскихъ учрежденіяхъ, совершенно изгнать тѣлесное наказаніе изъ способовъ сельской администраціи. Это изслѣдованіе возбудилъ также г. А. З. своею статьею „Сельско-административный вопросъ“ въ № 16 „Земледѣльческой Газеты“. Охотниковъ отвѣчать нашлось много. Многіе пришли въ негодованіе при мысли, что имъ предлагаютъ отказаться отъ тѣлеснаго наказанія. Но гуманные и образованные помѣщики отвѣчали, что они находятъ возможность замѣнять тѣлесное наказаніе другими, столь же дѣйствитель-

Digitized by Google

ными, но не унизительными для человѣческаго достоинства и наказываемыхъ и еще болѣе наказывающихъ. Такъ г. Каргопольцевъ говоритъ:

„Мнѣ кажется, что человѣку, который пожелаетъ избавиться отъ непріятности наказывать тѣлесно своихъ крестьянъ, надобно прежде всего изучить ихъ быть, ихъ слабости, однимъ словомъ знать ихъ такъ хорошо, какъ мы знаемъ все намъ близкое, съ чѣмъ ежедневно встрѣчаемся въ жизни. Изучивши этотъ предметъ, помѣщикъ будетъ знать и все то, что его крестьяне любятъ, чего боятся, словомъ сказать, будетъ знать всѣ слабыя и чувствительныя стороны ихъ жизни. Между крестьянами весьма часто встрѣчаются такіе, которые тѣлеснымъ наказаніемъ болѣе ожесточаются; они не только не исправляются отъ наказаній, но начинаютъ ненавидѣть своего господина, считаютъ его тираномъ; особенно если хоть одинъ разъ крестьянинъ чувствуетъ, что наказанъ несправедливо, этого онъ уже не забудетъ; изъ десяти разъ, за которые одинъ разъ былъ только наказанъ несправедливо, и всѣ остальные девять, по свойственной человѣку, весьма естественной слабости, онъ будетъ стараться внутренно убѣждать себя, что не виноватъ былъ, и стараться свалить вину если не на самого барина, то на сосѣда или на сосѣдку, даже хотя и на какой ни есть неодушевленный предметъ. Частыя наказанія, особенно тѣлесныя, ведутъ къ тому, что человѣкъ, какъ ко всему дурному и хорошему привыкаетъ, такъ привыкнетъ и къ розгамъ, а тогда все, что хотите, дѣлайте съ нимъ, ему ни почемъ, его не исправишь. Я знаю такихъ крестьянъ, которые, проживъ полвѣка, не бывали никогда наказаны розгами и потому только боятся этого наказанія, называя его уродствомъ, и потому никогда не скажутъ: не высѣкъ бы баринъ, а не изуродывалъ бы. Пусть это чувство всегда живетъ въ нихъ, и долгъ помѣщика, по моему мнѣнію, стараться вести крестьянъ такъ, чтобы боязнь наказанія не сдѣлалась дѣйствительностію, потому что страхъ ожиданія наказанія для человѣка, никогда ему не подвергшагося, тяжелѣе самаго наказанія. Я сказалъ, что помѣщику необходимо нужно знать всѣ достоинства, всѣ пороки своихъ крестьянъ; зная ихъ, вы будете знать, чего они боятся, чего не любятъ, что считаютъ стыдомъ для себя; этими-то средствами, лучше, чѣмъ розгами, можно исправлять впавшихъ въ проступки. Если вашъ оброчный крестьянинъ впалъ въ проступокъ, разъ, другой, вы знаете, что онъ боится барщины, поставьте его на барщину, на недѣлю, на двѣ, на мѣсяцъ, и это покажется ему больнѣе розогъ, если онъ крестьянинъ усердный и не лѣнтяй,—лѣнтяя этимъ не исправишь; конечно этимъ вы отнимете у него много времени для собственныхъ работъ, но за то дадите ему урокъ, который онъ долго будетъ помнить. Если онъ самолюбивъ, любитъ погулять, пощеголять въ праздники на гуляньѣ, заставьте его въ праздникъ у себя на глазахъ поработать, но такъ, чтобъ и другіе это видѣли,—на дворѣ рубить дрова и тому подобное. Я пишу это по собственному опыту: вотъ уже болѣе семи лѣтъ, какъ я управляю своимъ имѣньемъ, и въ теченіе этого времени я не наказалъ ни одного человѣка, ни большаго, ни малаго; не скажу, чтобы мои крестьяне были люди безукоризненные; они имѣютъ много слабостей и попадаются, чтобы не сказать часто, но и нерѣдко, такъ что въ годъ раза два, три придется того или другаго наказать, но никогда тѣлесно, и благодаря Бога, они всѣ наказанія помнятъ.“ („Земледѣльческая Газета“, № 28).

Отвѣтъ г. Болтина замѣчателенъ по своей краткости, дышащей негодованіемъ противъ сомнѣнія въ возможности управлять человѣкомъ безъ жестокихъ средствъ:

Г. помѣщикъ предложилъ хозяйственно-административный вопросъ: „нѣтъ ли какого средства замѣнить тѣлесное наказаніе чѣмъ нибудь другимъ, столь же дѣйствительнымъ?“ Этотъ вопросъ наводитъ на многія размышленія, порождаетъ многіе вопросы, между прочимъ, такой: если домашнихъ животныхъ: лошадь, собаку, кроткими мѣрами и терпѣніемъ мы доводимъ до совершеннаго себѣ послушанія, то ужели тѣмъ же способомъ нельзя довести до того же и человѣка? Помѣщикъ П. Болтинъ.“ („Земледѣльческая Газета“, № 31.)

Digitized by Google

Это благородно и превосходно. Но намъ кажется, что г. Каргопо цевъ и г. Болтинъ не совершенно точно разгадали мысль, внушив г. А. З. сельско-административный вопросъ. Они обходятся безъ тѣлесны наказаній, но изъ ихъ собственныхъ отвѣтовъ видно, что они обладал качествами исключительными, слишкомъ рѣдко соединяющимися въ одн лицѣ: внимательностью къ своимъ подчиненнымъ и рѣдкимъ умѣньемъ о щаться съ людьми, кротостью и настойчивостью. При такихъ качеств личность правителя заглаждаетъ недостатокъ учрежденій. Но много найдется людей подобныхъ г. Каргопольцеву? Еслибы таковы были все нужно было бы никому никакихъ гарантій,—такіе люди не способны н притѣсненіямъ, ни къ злоупотребленіямъ. Но большинство не таково. только узаконеніями удерживается отъ искушеній прибѣгать къ физичес силѣ и суровымъ мѣрамъ. Очевидно, что г. А. З. имѣлъ въ виду большинство, а не рѣдкихъ людей, подобныхъ г. Каргопольцеву. Возмож ли при настоящихъ сельскихъ отношеніяхъ этому большинству удержива отъ тѣлесныхъ наказаній? Вотъ въ чемъ вопросъ. По нашему мнѣн г. А. З. совершенно справедливъ, находя, что ожидать этого невозможн что потому надобно пріискать такія юридическія отношенія, при котор употребленіе тѣлесныхъ наказаній ни для кого не служило бы однимъ и административныхъ средствъ.

Укажемъ еще третій вопросъ, возбужденный въ „Земледѣльческой Г зетѣ"—вопросъ о средствахъ смягчить семейные нравы нашихъ посел Онъ поставленъ опять г-мъ А. З.:

О ЖЕСТОКОМЪ ОБРАЩЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ИХЪ ЖЕНАМИ.

Что то за хрѣнъ, что не горекъ,
Что то за мужъ, что не грозенъ.
Коли мужъ жены не бьетъ,
Такъ и милъ не живетъ.
(Народныя поговорки).

Твой ревнивый мужъ
За шелкову плеть принимается,
Ай люли, люли, принимается.
Плетка свистнула, а я вскрикнула,
Ай люли, люли, а я вскрикнула.
Свекру батюшкѣ возмолилася,
Ай люли и проч.
„Свекоръ-батюшка, отведи меня!"
Ай люли и проч.
Свекоръ-батюшка велитъ больше бить...
Ай люли и проч.
(Народная пѣсня).

„Помѣщенныя въ №№ 2 и 14 „Земледѣльческой Газеты" сего года стать жестокомъ обращеніи съ домашними животными" навели меня на мысль сказа сколько словъ о предметѣ не меньшей важности—о жестокомъ обращеніи кресть ихъ женами.

„Пословица—не мимо молвится", а народныя поговорки, взятыя мною фами къ настоящей статьѣ, имѣютъ, къ несчастію, до сихъ поръ полное практ примѣненіе въ жизни нашего простаго народа. Варварскій обычай бить женъ имѣет

Digitized by Google

ень въ нашей допетровской исторіи. Извѣстно, въ какомъ положеніи были у насъ жен-
ы до Петра Великаго, да и до сихъ поръ, нечего грѣха таить, — говоря вообще,
уважаемъ и почитаемъ женщинъ больше въ изящныхъ произведеніяхъ словесности.
ели въ дѣйствительной жизни. Петербургъ, столица, но и въ немъ, къ стыду на-
у, молодой женщинѣ, а тѣмъ паче дѣвушкѣ невозможно даже днемъ показаться
провожатаго на улицѣ изъ опасенія получить оскорбленіе.., фактическое доказа-
ство невѣжества и грубости нашихъ нравовъ въ настоящее время. А про простой
дъ и говорить нечего: реформа Петра не коснулась его нисколько въ этомъ отно-
ія: простолюдинъ и до сихъ поръ смотритъ на женщину, какъ смотрѣли на нее
предки. Высочайшее наслажденіе для крестьянина—напиться пьянымъ; а высочай-
наслажденіе пьянаго крестьянина—бить жену. Но это бы еще было съ полъ-горя,
бы крестьяне били своихъ женъ только „подъ пьяную руку"; худо то, что для
и въ трезвомъ видѣ прибить жену считается ни-по-чемъ. Въ остервенѣніи своемъ
тьянинъ даже не разбираетъ: беременна его жена или нѣтъ. Для него это все
, и я съ достовѣрностію полагаю, что большая часть выкидышей случается у
тянокъ отъ варварскаго обращенія съ ними мужей ихъ.

„Я владѣлецъ небольшаго имѣнія; но и въ этомъ небольшомъ имѣніи, въ первое
я моего управленія, рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ того, чтобы я не былъ выну-
ъ прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, мѣрамъ, къ коимъ я самъ питаю глубокое
щеніе, для усмиренія мужей, истязующихъ женъ своихъ; хотя едва-ли только де-
я часть случаевъ доходила до меня, ибо жена (да и то не всякая) тогда только
ается идти къ помѣщику жаловаться на жестокость мужа, когда она терпитъ отъ
а совершенную напраслину.

„Одинъ мужикъ запрегъ въ соху жену свою, и не шутя прооралъ съ полъупряжки
мкому песчанику, по причинѣ болѣзни его лошади. Другой мужъ, не довольствуясь
кими побоями, привязалъ жену свою къ *грядкѣ* *) для того, чтобы удобнѣе
о наказывать ее. Третій сдѣлалъ съ тою же цѣлью тоже самое, только вмѣсто из-
ой грядки избралъ гуменную балку.

„Однажды пришла ко мнѣ женщина вся въ крови, худая, блѣдная, избитая, съ
ешивѣвшею головою и принесла ко мнѣ въ собственной рукѣ своей всю свою не
ѣзанную, а вырванную мужемъ косу.... Вина, за которую мужъ такъ истязалъ ее
теперь уже нѣтъ въ живыхъ), на этотъ разъ состояла въ слѣдующемъ: подымая
лю на удаленной отъ деревни нивѣ, ему вздумалось нарочно забросить въ лѣсъ
ти и, придя домой босикомъ, приказать женѣ идти отыскать ихъ. Жена пошла,
скала лаптей цѣлую упряжку и, возвратясь домой, объявила мужу, что, несмотря на
свои старанія, она не могла найти ихъ. Вины женъ, которыхъ мужья привязы-
и, для удобства наказанія, за перекладины, были такого же рода. Еще чаще слу-
тся, что мужья жестоко бьютъ женъ своихъ за собственныя вины свои, особенно
и жены, видя, какъ *добро* изъ ихъ дома переходитъ въ чужія руки, осмѣливаются
екнуть мужей въ невѣрности.

„Замѣтьте, что всѣ вышеуказанные случаи дѣлались въ собственномъ моемъ не-
льшомъ имѣніи; думаете ли вы, что въ другихъ этого не дѣлалось и не дѣлается?

„Я не посылалъ виноватыхъ въ судъ: законъ слишкомъ мягокъ для такихъ из-
одовъ... Да они, если хотите, и не изверги; они *по своему* также любятъ женъ
ояхъ, а—„обычай не клѣтка, не переставишь". Виноваты ли они, что съ самаго
жнаго возраста видѣли передъ собою подобные примѣры; привыкли къ нимъ и при-
кли думать, что такъ и быть должно, иначе и быть не можетъ, что на то мужъ,
бъ жену въ рукахъ держать, что на то жена, чтобъ бояться мужа и быть у него
полномъ, безусловномъ повиновеніи? —Стремленіе къ господству въ той или другой
рмѣ лежитъ въ природѣ человѣческой; крестьянину не надъ кѣмъ больше господ-
вовать кромѣ жены и лошади (дѣтей онъ очень любитъ, дурное обращеніе отца съ

*) Грядка—перекладина, идущая отъ верхней части печки къ стѣнѣ избы въ
ьшомъ отъ потолка разстояніи; назначеніе грядки—укрѣпить сбитую изъ глины
на нее же вѣшаютъ крестьяне мокрыя оборы, онучи и т. п. для просушки.

Digitized by Google

дѣтьми—рѣдкое исключеніе), и онъ господствуетъ надъ ними сообразно своимъ понятіямъ и издавна укоренившемуся обычаю.

„Однако же къ искорененію зла въ своей вотчинѣ я принялъ сначала мѣры, хотя временныя, но рѣшительныя. Послѣ борьбы и муки, сильно разстроивавшихъ весь организмъ мой, я рѣшился на крутыя мѣры. Затрепетали истязатели — мужья въ моей вотчинѣ, и увидѣли, что я „шутки шучу не хорошія“: то того накажу, что называется, любо дорого, то другаго на мѣсяцъ на замѣру въ канаву поставлю, тотъ въ солдаты пошелъ, отъ другаго жена взята и къ родителямъ отправлена, и дѣти съ нею, а мужъ доставляй содержаніе.... „Экой варваръ помѣщикъ!“ могъ бы подумать иной кабинетный филантропъ, увидя проѣздомъ, или услыша стороной о такихъ дѣйствіяхъ.

„—Желаю вамъ, милостивый государь, добраго здоровья, крѣпкаго сна и хорошаго аппетита; у васъ, я вижу, въ рукахъ какія-то книжки по части кабинетной филантропіи; вы сидите въ гамбсовыхъ креслахъ, курите гаванскую сигару и приказываете заложить карету, чтобъ ѣхать въ театръ слушать „Лучію“. Это должно быть очень пріятно. Мы сами когда-то вкушали часть этихъ наслажденій, и теперь съ неизъяснимымъ восторгомъ промѣняли бы идиллическую жизнь помѣщика на тревожную жизнь столичнаго филантропа, отплясывающаго на балахъ и слушающаго концерты. Тогда мы были и здоровы, и веселы; а теперь посмотрите на меня: видите ли, я—захолустный помѣщикъ, и изсохъ въ щепку? Горный деревенскій воздухъ на меня не дѣйствуетъ; „хлѣбъ полей воздѣланныхъ...“ нейдетъ въ прокъ мнѣ; что такое хорошій аппетитъ, крѣпкій сонъ — я не знаю... А что у меня кошки сердце скребутъ — про это вы не знаете.

„Но искусъ продолжался недолго: не прошло и года, какъ все стихло, все успокоилось: мужья смирились. Честные крестьяне мои и бабы повеселѣли, и стали за меня, что называется, „Богу молить“.

„Однако, думаю, что такая система не годится. Она хороша и даже необходима, какъ мѣра временная, но не болѣе. Пока я или подобный мнѣ — она держится; не стань меня—она тотчасъ же рушится, и опять все войдетъ въ старую колею. Всѣ системы, основанныя на чувствѣ страха,—системы никуда не годныя. Онѣ слишкомъ непрочны и слишкомъ тяжелы для обѣихъ сторонъ.

„Переходныя эпохи—эпохи тяжелыя. Не знаешь, какъ быть. Ни роль преслѣдователя, ни роль патріарха—какъ то не къ лицу современному помѣщику. Первая роль возмутительна, вторая анахронизмъ. Надобно придумать что нибудь болѣе раціональное.

„Что жъ бы это такое могло быть болѣе раціональное?

„Одинъ отвѣтъ: смягчающее нравы образованіе! Школы, школы и школы для молодаго поколѣнія! Но школы не какія-нибудь и, главное, не съ какими нибудь, а *непремѣнно* съ хорошими учителями и наставниками.... („Зем. Газ.“ № 30).

Средство, предлагаемое г-мъ А. З., дѣйствительно, очень полезно и для смягченія семейныхъ нравовъ, какъ полезно оно для всего хорошаго. Но съ тѣмъ вмѣстѣ надобно прибавить, что хотя просвѣщеніе есть корень всякаго блага, но не всегда оно само по себѣ уже бываетъ достаточно для исцѣленія зла; часто требуются также и другія, болѣе прямыя средства, потому что зло не всегда бываетъ основано непосредственнымъ образомъ на одномъ только невѣжествѣ — иногда оно поддерживается и другими обстоятельствами, которыя, конечно, въ свою очередь порождены невѣжествомъ, но бываютъ такого свойства, что до уничтоженія ихъ невозможно и распространеніе просвѣщенія. Чтобы дѣло было яснѣе, взглянемъ на состояніе индѣйскихъ паріевъ. Они невѣжды, нравы ихъ грубы. Это такъ. Какія же прямѣйшія средства для смягченія ихъ нравовъ? Просвѣщеніе? Но могутъ-ли когда паріи просвѣтиться? Этому полагается непреоборимое препятствіе самымъ ихъ положеніемъ. Во-первыхъ, они такъ угнетены нуждою, что имъ

Digitized by Google

очень трудно найти время и средства для ученія; во-вторыхъ, брамины и кшатріи никакъ не допустятъ серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи парій, потому что всѣ привиллегіи браминовъ и кшатрій, всѣ выгоды, ими извлекаемыя изъ касты парій, основываются на невѣжествѣ парій. Потому, чтобы дать возможность паріямъ смягчить свои нравы образованіемъ, прежде всего должно измѣнить положеніе парій въ индѣйскомъ обществѣ; они должны изъ парій сдѣланы быть просто подданными правительства, а не браминовъ и кшатрій.

Нѣчто подобное можно сказать и о смягченіи нравовъ поселянъ. Тутъ на одно просвѣщеніе нельзя надѣяться. Грубость нравовъ поселянина основана не на одномъ его невѣжествѣ, а также и на характерѣ того обращенія, какое испытываетъ онъ и его семья отъ другихъ. Пока самъ поселянинъ подвергается грубому обращенію со стороны другихъ, нравы его не могутъ смягчиться. Пока мы имѣемъ полную возможность быть грубы съ женою поселянина, бранить ее и дать ей пинька, поселянинъ не можетъ наблюдать въ обращеніи съ нею особенной деликатности. Почему мы уважаемъ своихъ женъ? Потому что и посторонніе люди не смѣютъ сказать грубость дамѣ. Каково общественное положеніе женщины, таково и обращеніе съ нею мужа. Только тогда, когда „баба“, жена мужика, будетъ также ограждена противъ всякихъ обидъ отъ постороннихъ людей, какъ ограждена „дама“, моя жена, только тогда мужикъ измѣнитъ свое обращеніе съ своею женою.

Улучшеніе общественнаго и матеріальнаго положенія, вотъ необходимѣйшее предварительное средство для возможности распространяться просвѣщенію и улучшаться нравамъ. Потому съ живѣйшею признательностью мы должны принимать такія мѣры, какъ покровительство, оказываемое правительствомъ „Обществу для улучшенія помѣщеній рабочаго класса въ С.-Петербургѣ“ (объ этомъ обществѣ мы надѣемся поговорить въ слѣдующій разъ, и тогда воспользуемся радушнымъ приглашеніемъ „Жур. Минист. Внут. Дѣлъ“, предлагающаго въ распоряженіе всѣмъ періодическимъ изданіямъ напечатанную въ немъ статью объ этомъ предметѣ), или правила о содержаніи ремесленныхъ учениковъ и ученицъ. Эти бѣдныя дѣти дѣйствительно очень, очень нуждались въ самыхъ строгихъ огражденіяхъ своего здоровья, своей жизни отъ безумно-жадной небрежности. Каждому жителю Петербурга хорошо знакома фигура мальчика, зимою, при десяти или пятнадцати градусахъ стужи, бѣгущаго по улицѣ въ ветхомъ лѣтнемъ халатикѣ, съ полураскрытою отъ прорѣхъ грудью, часто безъ шапки на головѣ, еще чаще безъ обуви на ногахъ. Можно вообразить, какими удобствами въ домашней жизни пользуется этотъ мальчикъ, когда въ такой костюмировкѣ бываетъ посылаемъ по улицѣ. По собственнымъ наблюденіямъ, почти каждому изъ насъ извѣстно, что у многихъ мастеровъ ученики ведутъ самую ужасную жизнь, — холодаютъ и голодаютъ несказанно, подвергаясь безпрестаннымъ истязаніямъ; не рѣдкость, что пьяный портной тычетъ ученика горячимъ утюгомъ; о томъ, коротко ли знакомы съ сапожною колодкою головы учениковъ сапожника, нечего и говорить. Да, эти бѣдняжки очень, очень нуждались въ заботливости закона.

Нынѣ изданными правилами постановляется, что ремесленный мастеръ

Digitized by Google

долженъ заботиться о хорошемъ помѣщеніи, здоровой пищѣ и доброй нравственности своихъ подмастерьевъ, учениковъ и ученицъ (статья 1). Рабочія и спальныя комнаты ихъ должны быть просторны, опрятны и сухи. Спальныя для мальчиковъ и дѣвочекъ должны быть отдѣльныя (статья 2). Зимою въ ихъ комнатахъ должны быть двойныя рамы съ форточками (статья 3). Стирка бѣлья и просушка мокрой одежды и обуви въ этихъ комнатахъ воспрещается (статья 4). Класть учениковъ спать на полу воспрещается; воспрещаются также нары въ два яруса; воспрещается класть ихъ на кроватяхъ попарно; на нарахъ спальное мѣсто одного отъ мѣста другихъ должно быть отдѣлено перегородками (статья 5). Хозяинъ не долженъ отпускать или посылать куда либо учениковъ лѣтомъ безъ обуви, зимою безъ теплаго верхняго платья и проч. (статья 7). Хозяинъ обязанъ посылать учениковъ въ баню не рѣже какъ два раза въ мѣсяцъ, еженедѣльно давать имъ перемѣнять бѣлье и пр. (статья 8). Наблюденіе за исполненіемъ этихъ правилъ составляетъ обязанность ремесленнаго старшины и цеховаго управленія (статья 11 и слѣдующая).

Правила превосходны. Надобно желать только, чтобы надзоръ за ихъ исполненіемъ былъ неутомимъ и дѣйствителенъ; и конечно каждый честный человѣкъ обязанъ помогать оффиціальнымъ властямъ въ этомъ дѣлѣ, неукоснительно доводя до ихъ свѣдѣнія о всѣхъ замѣчаемыхъ ими уклоненіяхъ отъ законныхъ правилъ. Содѣйствіе это легко для каждаго изъ насъ. Кому изъ насъ не случается бывать въ мастерскихъ, къ кому изъ насъ не бываютъ присылаемы ученики съ заказанными вещами? Надобно намъ помнить, что успѣхъ всѣхъ правительственныхъ мѣръ зависитъ отъ содѣйствія, оказываемаго обществомъ надзору за ихъ исполненіемъ. Если мы не покинемъ свою вовсе негражданскую привычку смотрѣть на все апатически, никогда ни что не исполнится такъ, какъ того хочетъ законъ. Мы должны помнить, что законъ въ своемъ исполненіи опирается на бдительное содѣйствіе общества. Дѣло закона есть дѣло каждаго изъ насъ. „Какое намъ дѣло до ремесленныхъ учениковъ?“ — Если говорить такъ, то общество скажетъ и каждому: а какое мнѣ дѣло и до твоихъ дѣлъ? — Такъ издавна говорило оно, то есть говоритъ каждый изъ насъ другъ о другѣ, — но хорошо-ли было отъ того каждому честному человѣку изъ насъ? Пора намъ оставить эту узкую апатію. Дѣла каждаго честнаго человѣка могутъ идти только тогда, когда за исполненіемъ покровительствующаго ему закона наблюдаетъ каждый честный человѣкъ.

Мы совершенно отвыкли отъ понятія о солидарности, о круговой порукѣ, которою связано положеніе личныхъ дѣлъ каждаго изъ насъ съ дѣлами всѣхъ другихъ. Отъ этой неопытности происходитъ то, что когда мы начинаемъ разсуждать о предметахъ, хотя на вершокъ выходящихъ изъ круга личныхъ дѣлъ отдѣльнаго человѣка, мы теряемъ тактъ дѣйствительности, воображаемъ причины небывалыя или, по крайней мѣрѣ, недостаточныя для объясненія дѣла, предаемся желаніямъ вовсе не нужнымъ, или, по крайней мѣрѣ, такимъ, исполненіе которыхъ не принесло бы никакой существенной пользы дѣлу, — воображаемъ, напримѣръ, что стоитъ только сказать о ворѣ: „онъ воръ“, и онъ будто бы устыдится, перестанетъ красть, сдѣлается

Digitized by Google

имѣрнымъ гражданиномъ;—не шутя, мы чуть ли не всѣ предавались этой деждѣ. Забавно даже вспомнить, какъ почти всѣ мы восхищались мыслью: усть литература преслѣдуетъ взяточничество, и взяточничество исчезнетъ". и вообразили, будто мы ужъ и въ самомъ дѣлѣ исцѣляемъ общественныя ны, когда всѣ хоромъ начали разсуждать

„Котъ Васька плутъ, котъ Васька воръ..."

Но вотъ наконецъ мы увидѣли, что „кара общественнаго мнѣнія" и розный бичъ сатиры" не слишкомъ-то дѣйствительное лекарство,—увили, что

„Васька слушаетъ да ѣстъ",

-и многіе изъ насъ были удивлены этимъ открытіемъ: „какъ? онъ не исзвился?" и мы начали придумывать, какими бы средствами его исправить. ѣдства эти иными придумываются очень удачно,—вотъ, напримѣръ, въ зсказѣ „Исправникъ" (въ № 17 „Русскаго Вѣстника"), предлагается ѣдство, которое совершенно удовлетворительнымъ образомъ уврачуетъ бознь. Мы заговорили объ этомъ разсказѣ не потому, чтобы онъ былъ самъ себѣ нехорошъ или особенно хорошъ,—разсказъ подобенъ всѣмъ разскамъ, написаннымъ въ подражаніе г. Щедрину, и мы не думали было горить о немъ. Но мы получили отъ одного не-литератора письмо, которое, поводу этого разсказа, высказываетъ мысли очень дѣльныя,—и такъ какъ югіе раздѣляютъ понятіе автора разсказа о причинахъ взяточничества и ѣжду на предлагаемое имъ лекарство, то мы помѣщаемъ это письмо:

„Что это за несчастная исторія стала теперь нерѣдко повторяться в нашей литературѣ? (говоритъ нашъ корреспондентъ). Вотъ, напримѣръ, зсказъ „Исправникъ" въ 17 книжкѣ „Русскаго Вѣстника". Надо же было тору испортить разсказъ заключеніемъ, которое вовсе не практично. Исравникъ разсказываетъ автору разнаго рода мошенничества, которыя приодилось ему дѣлать во время долговременной службы, и заключаетъ свои зсказы тѣмъ, что взятки брать необходимо, потому-де, что ему, исправику, мало жалованья! Но, скажите, ради Бога, гдѣ же предѣлъ увеличенію алованья? Если исправнику, получающему въ годъ болѣе 1,000 руб. сер.—ало этого жалованья, то что же долженъ сказать писецъ канцеляріи Земскаго Суда, получающій въ годъ около 25 руб. сер.? Вотъ этому послѣднему ѣйствительно мало жалованья и ему можно извинить, что онъ беретъ, гдѣ ожно, четвертаки и двугривенные, для того, чтобы избавиться отъ голода холода,—а какимъ образомъ исправнику сдѣлалось мало жалованья? Наонецъ, допустимте эту лже-теорію, что взятки берутъ будто бы оттого, что ало жалованья, и что будто бы съ прибавкою жалованья взяточничество лабѣетъ,—но я васъ спрашиваю: неужели честность состоитъ въ томъ, побы не брать взятокъ, когда сидишь по горло въ деньгахъ?—Есть деньги—е беру, нѣтъ денегъ—беру. Не могу имѣть за столомъ бутылки вина—еру на вино, захотѣлъ имѣть четвертое блюдо за столомъ—беру на четвертое блюдо; есть пара лошадей, хочу имѣть четверку—беру на недостающихъ двухъ лошадей; у жены шолковая шляпка, она хочетъ имѣть бархатную—беру на бархатную, и т. п. Словомъ—нѣтъ особенной нужды—не

Digitized by Google

краду, а захотѣлось чего нибудь, чего на жалованье нельзя пріобрѣсти — украду. Эту ли нравственность хотятъ проповѣдывать господа, оправдывающіе взятки недостаткомъ жалованья? Хороша нравственность! Чего недостаетъ тебѣ и чего хочется, то укради! Жалованьемъ ты имѣешь возможность жить безбѣдно, но скромно, а тебѣ хочется жить роскошно—воруй! Помилуйте, что это такое? Какъ не стыдно проповѣдывать ложь и безнравственность, оправдывать воровство невозможностію удовлетворять прихотямъ? Послѣ этого мужички наши, трудящіеся, конечно, не меньше какого нибудь исправника и не имѣющіе не только никакихъ прихотей, но часто необходимаго,—имѣютъ полное право грабить всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, и исправники, на основаніи своей логики, не должны смѣть останавливать ихъ! Я, впрочемъ, полагаю, что люди, оправдывающіе воровство недостаткомъ законныхъ средствъ удовлетворять прихотямъ,—дѣлаютъ это просто по недоразумѣнію. Вотъ хоть бы въ „Исправникѣ“—по разсказу видно, что авторъ его человѣкъ прекрасный и благородно-мыслящій, а между тѣмъ дѣлаетъ снисхожденіе ворамъ во имя недостатка жалованья.... не такого недостатка, который лишаетъ человѣка возможности удовлетворять первымъ потребностямъ, а недостатка, не позволяющаго давать разгула прихотямъ. Какого послѣ этого сожалѣнія заслуживаютъ бѣдные, но честные труженики: они просто глупы—бьются Богъ знаетъ изъ за чего, тогда какъ есть прекрасное средство безъ большаго труда не только обезпечить себѣ средство существованія, но и разбогатѣть—это воровать“.

Все это такъ; но если не только литературныя обличенія, но и прибавка жалованья — недостаточное лекарство, въ чемъ же надобно искать лекарства? Вопросъ этотъ оставленъ нашимъ корреспондентомъ безъ отвѣта.

Мы сѣтуемъ о своихъ недостаткахъ, изобличаемъ свои пороки, все это прекрасно; только не должно увлекаться этимъ направленіемъ до такой степени, чтобы не находить въ своемъ обществѣ ничего хорошаго. Есть въ другихъ странахъ бѣдствія, отъ которыхъ избавлены мы, напримѣръ, биржевая игра, свирѣпствующая во Франціи, разоряющая ежедневно тысячи семей, грозящая разореніемъ всему государству. Французы не могутъ никакъ придумать средства къ искорененію этого зла, а средство есть очень простое,—издать такой законъ, какой существуетъ у насъ: продажа акцій допускается на биржѣ только на наличныя деньги,—какое простое, но какое дѣйствительное средство! Но французы еще не догадались въ этомъ случаѣ, что средство противъ общественныхъ золъ — законы, и потому то всѣ желанія избавиться отъ биржевой игры остаются пока напрасными.

Заговоривъ объ акціяхъ, мы уже подошли къ новостямъ изъ области промышленнаго движенія. Читателямъ извѣстно, что участокъ Варшавской желѣзной дороги отъ Гатчина до Луги уже готовъ; что участокъ отъ Луги до Пскова будетъ готовъ къ ноябрю; такимъ образомъ Главное Общество Желѣзныхъ Дорогъ ведетъ свое предпріятіе столь дѣятельно и успѣшно, что въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ исполнило почти половину работъ, которыя по договору обязано исполнить въ три года. Это подаетъ основательную надежду, что уступленныя Обществу дороги будутъ построены гораздо ранѣе, нежели въ десять лѣтъ.

Digitized by Google

Число акціонерныхъ обществъ у насъ продолжаетъ возрастать. По журналамъ Комитета гг. Министровъ, отъ 19 и 23 іюля, Высочайше утвержденъ Уставъ Товарищества для заведенія при нарвскомъ водопадѣ мануфактуры бумажныхъ издѣлій. Основатель этого предпріятія, получающаго имя „Товарищества Кренгольмской Мануфактуры", нарвскій купецъ г. Кнопъ. Капиталъ общества опредѣленъ въ 2,000,000 р. сер., раздѣленные на 400 паевъ, по 5,000 р. сер. Въ случаѣ надобности, онъ можетъ быть выпускомъ 200 дополнительныхъ паевъ увеличенъ до 3,000,000 р. с. Правленіе Общества состоитъ изъ трехъ директоровъ, не получающихъ никакого вознагражденія. Однимъ изъ директоровъ будетъ учредитель Общества, два другіе избираются общимъ собраніемъ владѣльцевъ паевъ, которому правленіе обязано представлять ежегодно отчеты. Кромѣ того, общее собраніе имѣетъ во всякое время право подвергать Правленіе ревизіи посредствомъ избираемыхъ для того изъ среды своей трехъ депутатовъ.

Настоящее время чрезвычайно благопріятно для основанія новыхъ промышленныхъ предпріятій. Дѣйствіе закона, понизившаго банковые проценты, уже замѣтнымъ образомъ обнаруживается въ приливѣ капиталовъ къ оживленію промышленности. Цѣны акцій всѣхъ прочныхъ обществъ повысились въ послѣдніе два мѣсяца на десять и болѣе процентовъ. Эта высокая цѣна, уже не представляющая для капиталовъ слишкомъ выгоднаго помѣщенія, а еще болѣе недостаточность числа акцій существующихъ компаній для удовлетворенія быстро возрастающему запросу на нихъ, чрезвычайно облегчаетъ возникновеніе новыхъ коммерческихъ, фабричныхъ и заводскихъ предпріятій, въ которыхъ такъ нуждается нашъ экономическій бытъ.

Одно учрежденіе пароходовъ по всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ нашимъ представляетъ уже помѣщеніе для многихъ мильоновъ рублей. Настоящее развитіе пароходства у насъ еще очень недостаточно. Такъ, напримѣръ, на Волгѣ, главной дорогѣ всѣхъ экономическихъ оборотовъ восточной половины Россіи, въ настоящее время ходятъ еще не болѣе шестидесяти пароходовъ, считая даже и тѣ мелкія паровыя суда, которыя употребляются только для завозки якорей при конныхъ машинахъ. Правильная пароходная перевозка пассажировъ существуетъ еще только въ верхней части Волги; и въ верхнихъ и въ нижнихъ частяхъ, товарныхъ пароходовъ недостаетъ для перевозки и десятой части товаровъ, нуждающихся въ ихъ содѣйствіи.

Развитіе пароходства и самыхъ фабрикъ, при быстро исчезающемъ запасѣ лѣсовъ въ Средней Россіи, при безлѣсности Южной Россіи, зависитъ отъ развитія каменно-угольныхъ копей, которыя у насъ до сихъ поръ остаются въ ничтожествѣ, даже при такомъ богатствѣ, какое представляетъ Донской каменноугольный бассейнъ. Добываніе донскаго антрацита на мѣстѣ обходится очень дешево—около 5 коп. за пудъ при патріархальныхъ способахъ, и не болѣе 2 коп. при введеніи улучшенныхъ способовъ. Но сбыта въ торговые и промышленные пункты южнаго края антрацитъ не находитъ, потому что вытѣсняется англійскимъ каменнымъ углемъ, продающимся дешевле. Нѣкоторые предлагаютъ помочь сбыту антрацита наложеніемъ пошлины на англійскій уголь,—но очевидно, что эта мѣра была бы противна здравому экономическому разсчету. Въ чемъ состоитъ нужда промышленности?

Digitized by Google

Въ дешевизнѣ топлива для паровыхъ машинъ. Какимъ же образомъ помочь ей, изгоняя болѣе дешевое топливо для доставленія сбыта болѣе дорогому? Ясно, что наложеніе пошлины на англійскій уголь только стѣснитъ промышленность, вовсе не помогая антрациту. Это въ родѣ того, какъ если бы для доставленія сбыта дорогому сукну мы обложили высокою пошлиною дешевое сукно—сбытъ дорогихъ суконъ оттого не увеличился бы, а суконное производство чрезвычайно уменьшилось бы, и погибло бы овцеводство. Здравый смыслъ говоритъ, что единственный полезный для промышленности способъ доставить сбытъ антрациту: забота объ устраненіи затрудненій перевозки, возвышающихъ его цѣну, расчищеніе устьевъ Дона и проложеніе желѣзной дороги отъ антрацитовыхъ копей къ этой рѣкѣ.

Важнымъ явленіемъ въ нашей промышленности была Варшавская выставка. Число экспонентовъ (333) на ней было вдвое менѣе, нежели на Московской (1853 г.) и Петербургской промышленныхъ выставкахъ. Стоимость выставленныхъ товаровъ оцѣнена въ 200,000 руб. сер., втрое менѣе, нежели на Московской выставкѣ. Спеціалисты, вникавшіе въ дѣло, объясняютъ это уменьшеніе необходимостью экспонентамъ представлять засвидѣтельствованныя оффиціальнымъ порядкомъ статистическія свѣдѣнія о своемъ производствѣ. Но хотя продукты явились на выставку въ меньшемъ количествѣ, нежели прежде, утѣшительнымъ фактомъ надобно считать то, что качество ихъ вообще улучшилось, сравнительно съ бывшими на Московской выставкѣ товарами тѣхъ же экспонентовъ, такъ что, не смотря на малость своего размѣра, выставка свидѣтельствуетъ о довольно значительныхъ успѣхахъ нашей промышленности втеченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Посредники между Европою и Россіею.—„Подручныя средства“ для излеченія всякихъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ и дѣйствительность этихъ средствъ.—Мнѣніе практическихъ людей о томъ, возможенъ ли и нуженъ ли прогрессъ, напримѣръ, полезно ли отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, какъ административной пружины.—Оптимизмъ.—Буксирное пароходство по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ.—Выставки: сельскихъ произведеній въ Кіевѣ и льняныхъ издѣлій въ селѣ Великомъ.—Училище для дѣвицъ въ Костромѣ.—Стипендія Грановскаго.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ у насъ жалобъ на Западную Европу состоитъ въ томъ, будто Западная Европа слишкомъ довѣрчиво принимаетъ всѣ пустые слухи, всѣ вздорные разсказы о насъ, какіе вздумаетъ разглашать какой нибудь поверхностный туристъ, проживщій въ Петербургѣ, какъ говорится, безъ году недѣлю, не знающій нашего языка, не понимающій нашихъ обычаевъ, не видавшій своими глазами ничего, кромѣ Невскаго проспекта да нѣсколькихъ безцвѣтныхъ салоновъ. Не знаемъ, на сколько есть основательности въ этой жалобѣ, противъ которой можно сказать, что книги дѣльныя о Россіи, какъ и обо всемъ на свѣтѣ, предпочитаются въ Западной Европѣ вздорнымъ книгамъ, которыя пишутся не объ одной Россіи, а также обо всемъ на свѣтѣ; что число такихъ дѣльныхъ книгъ о Россіи, написанныхъ нѣмцами, французами, англичанами, очень велико; что по этимъ сочиненіямъ человѣкъ, живущій на Рейнѣ или на Луарѣ, можетъ познакомиться съ Россіею (и знакомится, если онъ человѣкъ основательный) также хорошо, какъ если бы жилъ на Окѣ или на Днѣпрѣ. Мы не знаемъ, на сколько есть справедливости во мнѣніи, будто бы дѣльные люди въ Западной Европѣ имѣютъ о Россіи невѣрное понятіе. Но если есть въ этой жалобѣ хотя капля справедливости, виноваты въ заблужденіяхъ Европы не поверхностные туристы, которымъ никто не вѣритъ, видя ихъ пустоту уже по однимъ несомнѣннымъ внѣшнимъ признакамъ легкомыслія и незнанія, а мы сами, которые очень таки часто разсказываемъ о себѣ Европѣ сущія небылицы, съ важностью и видимою основательностью, да еще притомъ съ прибавленіями, что мы-де одни только и можемъ сказать Европѣ правду, потому что мы одни хорошо знаемъ дѣло, потому что мы всю жизнь прожили въ Россіи, сами русскаго рода, знаемъ все, что у насъ дѣлается, какъ свои пять пальцевъ, и въ добавокъ еще опираемся на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, и что однихъ насъ Европа должна считать за истинныхъ представителей и истолкователей Россіи. Смотритъ Европа,—фамилія у человѣка русская, и дѣйствительно онъ весь вѣкъ прожилъ въ Россіи, да и нынѣ живетъ все въ Россіи же, и всѣхъ мало-мальски важныхъ людей въ Пе-

Digitized by Google

тербургѣ и Москвѣ по имени и отчеству знаетъ, и пріятель съ ними со всѣми—всѣ внѣшніе признаки достовѣрности есть,—какъ же не вѣрить? А попробуй Европа повѣрить намъ, такихъ турусъ на колесахъ разскажемъ, что только руками разведетъ Европа, слушая. Примѣровъ тому можно бы набрать не мало.

Впрочемъ, какъ насъ осуждать за то, что мы Европу иногда желаемъ морочить, когда мы и сами себя морочимъ очень часто. Напримѣръ, развѣ мы не увѣряли себя въ томъ, что г. Щедринъ всѣ наши язвы исцѣлилъ,—или если еще не совсѣмъ исцѣлилъ, такъ исцѣлитъ, нужно только еще третій томикъ „Губернскихъ Очерковъ" написать, и обратятся на путь добродѣтели и безкорыстія тѣ немногіе грѣшники, которые не покаялись и не исправились отъ двухъ первыхъ томиковъ? Такъ и кажется, будто слышишь слова Плюшкина: „Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь". У насъ есть привычка, всѣ вопросы разрѣшать такимъ образомъ, всѣ недостатки исправлять словами, всѣ обязанности взваливать на общественное мнѣніе, которое будто бы всему поможетъ разговорами. Въ прошломъ мѣсяцѣ, напримѣръ, въ двухъ или трехъ изданіяхъ разбиралось дѣло о томъ, почему у насъ всѣ живутъ выше своихъ средствъ, объяснялось, какъ это дурно,—и пріискалась какая же тому причина? — видите ли, опять виновато общественное мнѣніе, зачѣмъ-де оно не преслѣдуетъ людей, которые по уши лѣзутъ въ неоплатные долги, или для сведенія концовъ съ концами прибѣгаютъ къ дурнымъ средствамъ для увеличенія доходовъ? Но, что это за наивность! Человѣкъ, который живетъ богато, во всякомъ обществѣ, не у насъ однихъ, пользуется большимъ уваженіемъ, нежели живущій бѣдно, такова ужъ человѣческая натура. Еще нашли причину и лекарство: это, дескать, все происходитъ отъ тщеславія, отъ суетности, отъ желанія показать, что и я не хуже другихъ,—надобно вамъ, живущимъ выше своихъ средствъ, исправляться отъ тщеславія и суетности, — тоже хорошее средство, жаль только опять, что подавлять въ себѣ тщеславіе каждому изъ насъ гораздо труднѣе, нежели давать ему просторъ,—если бы подавлять въ себѣ слабости было легко человѣку, и предметовъ для моральныхъ разсужденій давно не было бы на свѣтѣ, никакихъ ни слабостей ни пороковъ не существовало бы на землѣ, и каждый вокругъ себя видѣлъ бы все однихъ только Цинциннатовъ. Нашлось и еще средство: зачѣмъ де богатые живутъ роскошно?—Это все ихъ примѣръ вводитъ въ грѣхъ, все за ними тянутся люди, живущіе не по средствамъ. Пусть богатые подадутъ примѣръ скромнаго образа жизни, и все пойдетъ хорошо. Да, не дурно; жаль только, что богатому нѣтъ ровно никакой пріятности не пользоваться своими средствами для доставленія себѣ богатствъ и развлеченій. У васъ есть средства ѣздить въ каретѣ,—что жь вамъ за радость ѣздить на дрянныхъ извощичьихъ дрожкахъ? И сидѣть неудобно, и простудиться можно, и вѣтеръ и дождь бьютъ въ лицо, и платье портится. И притомъ, ужъ если на то пошло, лучше роскошничать, нежели быть Плюшкинымъ. Да и чтожъ вы дурнаго дѣлаете, если вы, богатый человѣкъ, живете богато? Вѣдь вы живете по своимъ средствамъ, и я вовсе не слѣдую вашему примѣру, если я, человѣкъ бѣдный, роскошничаю,—я

Digitized by Google

мотъ, а вы не мотъ, и обвинять васъ за меня несправедливо.—Не лучше ли было бы посмотрѣть, чѣмъ поддерживается слабость, на которую мы жалуемся. Человѣкъ живетъ выше своихъ средствъ дли удовлетворенія своему тщеславію,—но вѣдь беретъ же онъ откуда нибудь деньги?—Онъ ихъ или занимаетъ и не платитъ долговъ, или грабитъ. Вотъ въ этомъ то и корень зла. Если грабить будетъ нельзя, да и увертываться отъ уплаты долговъ или отъ тюрьмы тоже, тогда и не на что будетъ жить выше своихъ средствъ. И откуда является расточительность? Изъ незнанія цѣны деньгамъ,—а кто не знаетъ цѣны имъ? Тотъ, кто получаетъ ихъ за даромъ, безъ труда,—трудовая копѣйка не пойдетъ никогда на мотовство. Такъ не лучше ли, вмѣсто разсужденій о тщеславіи и общественномъ мнѣніи, говорить о томъ, какимъ бы образомъ устроить, чтобы доходъ каждаго былъ вознагражденіемъ за его труды, а не плыли къ нему въ руки тысячи ни за что, ни про что; какимъ бы образомъ никто не могъ отвиливать отъ законныхъ взысканій. Вотъ это вещи дѣйствительно удобоисполнимыя и дѣйствительно полезныя, а моральныя разсужденія о томъ, что „противъ душеспасительнаго слова не устоишь“ и что общественное мнѣніе должно пренебрегать богатствами,—всѣ они превосходны, но ровно ни къ чему не ведутъ. Тѣ самые, которые разсуждаютъ въ нравственномъ тонѣ, иногда сознаютъ недостаточность предлагаемыхъ ими средствъ. Напримѣръ, по поводу статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ „о томъ, отчего всякій желаетъ жить выше своихъ средствъ“, г. А. Р—скій въ „Кавказѣ“ говоритъ:

„Общество сильно сознаетъ свои недостатки; вездѣ проявляется потребность воздуха, свѣта, правды и уничтоженія предразсудковъ и тьмы. Казалось бы, что прямымъ послѣдствіемъ такого сознанія должно быть то, что общество вдругъ откажется отъ всѣхъ своихъ дознанныхъ недостатковъ и будетъ жить новою лучшею жизнію; но ничуть не бывало: ему, какъ и каждому отдѣльно взятому лицу, не смотря на твердое убѣжденіе въ противозаконности и гнусности своихъ поступковъ, трудно отказаться отъ нихъ, потому что они въ сердцѣ общества глубоко пустили свои корни и сроднились съ нимъ. А потому, когда такое общество, сознавая вполнѣ всѣ свои слабости и недостатки, не думаетъ бросать ихъ, то для искорененія этого всеобщаго недуга, этихъ недостатковъ, необходима борьба, напряженное и продолжительное усиліе благородныхъ умовъ, дабы совладать съ невѣжествомъ и предразсудкомъ; необходимо всѣ слабости и пороки общественные, говоря словами одного извѣстнаго нашего литератора, „уловлять въ извѣстную данную минуту и казнить ихъ, предавая на всеобщее посмѣяніе, на всеобщій позоръ, прочувствовавъ ихъ скорбнымъ сердцемъ, такъ, чтобы въ смѣхѣ автора, какъ прекрасно выразился Гоголь, *слышались слезы*“. Вотъ одно изъ подручныхъ средствъ къ исправленію общества отъ тѣхъ черныхъ пятенъ, которыя оно, по собственному произволу, носитъ на себѣ и по настоящее время. Это трудъ не маловажный; его покончить съ-разу и какъ нибудь нельзя. Тутъ нужны таланты, которые бы своими убѣжденіями сильно подѣйствовали на общественное мнѣніе, и чтобы эти убѣжденія ихъ получили полное значеніе въ обществѣ. Геніальному нашему поэту художнику, который „вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко“, много оставалось еще исчерпывать у общества вредные его соки: смерть прекратила благородные, добровольно предпринятые имъ труды на пользу общества. Нашлись, впрочемъ, благодаря судьбѣ, ревностные и даровитые его послѣдователи, которые всему вредному стараются дать публичность, гласность, чтобы мало по малу укрѣпить *общественное мнѣніе*, навесть его на прямой, истинный путь и „дать ему ту необходимую мощь и наконецъ то единственное оружіе, которыми оно будетъ вооружаться и преслѣдовать все нечистое, злое, враждебное духу добра и истины. И тогда только мы будемъ на дорогѣ къ свѣту и истинѣ, пока оди-

Digitized by Google

нокій чей нибудь голосъ не сольется съ голосомъ цѣлаго общества. Да, мы отъ ду желаемъ и ждемъ переворота къ лучшему въ настоящей общественной нашей жизн ждемъ наконецъ того времени, когда исчезнетъ это пагубное соревнованіе въ роскош это желаніе не отставать отъ общества, потому что такъ, говорятъ, *принято*;— рестное соревнованіе, разстроивающее благосостояніе семействъ".

Хорошо, но съ чего начинаетъ самъ авторъ?—съ того, что общест уже въ настоящее время сильно сознаетъ свои недостатки, и однако же, отказывается отъ нихъ. Если такъ, литературные ли таланты тутъ нужн Что они могутъ сдѣлать своими произведеніями? пробудить обществен сознаніе; но вѣдь оно уже сильно пробуждено, стало быть такъ называем „усилія благородныхъ умовъ" уже сдѣлали свою долю дѣла, и если дѣ еще не совершилось, то не за „усиліями благородныхъ умовъ" останов не отъ нихъ уже зависитъ продолженіе и совершеніе предпринятаго им всетаки, вы думаете, что однихъ этихъ усилій достаточно, всетаки, ниче не желаете, кромѣ появленія „талантовъ, которые предавали бы на всеоб щій позоръ" и т. д.—да это вѣдь ужь сдѣлано, и не произвело никако измѣненія въ слабостяхъ и порокахъ; какое же основаніе вы имѣете только „желать" (желать всего хорошаго—какъ не желать, всякій желает но и „ждать" измѣненія „къ лучшему въ нашей общественной жизни Развѣ жизнь въ словахъ, а не въ дѣлахъ? Инстинктивно чувствуетъ э самъ авторъ: онъ ждетъ, и чувствуетъ, что не имѣетъ основанія ждат пока основаніемъ надеждъ служатъ только „усилія благородныхъ умовъ". есть, „талантовъ, послѣдовавшихъ за Гоголемъ", и потому то, какъ бы д мали вы, чѣмъ заключается его статья? Вотъ чѣмъ:

„Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ этого счастливаго времени, прогресса въ общ ственной жизни; но врядъ ли прогрессъ этотъ совершитъ скоро свой окончательн путь, и, кажется, нужно будетъ при этомъ сказать слова маршала Сильвена:

„Dormons jusqu'au bon temps,
Nous dormirons longtemps".....

Разумѣется, если прогрессъ будетъ зависѣть только отъ того „по ручнаго средства", на которое вы указываете, не скоро дождешься прогрес въ общественной жизни.

Какой тутъ, въ самомъ дѣлѣ, прогрессъ, если, по мнѣнію опытных людей, нельзя и не должно ничѣмъ замѣнять даже тѣлеснаго наказанія. Ч татель помнитъ, что въ „Земледѣльческой Газетѣ" это дѣло было посл влено на обсужденіе, подъ именемъ „хозяйственно-административнаго в проса", и что нѣкоторые просвѣщенные филантропы утверждали, что сел скому хозяину можно обходиться безъ помощи тѣлесныхъ наказаній. М думали, что такая надежда едва ли основательна; что люди съ исключ тельнымъ характеромъ, какъ г. Болтинъ и г. Каргопольцевъ, конечно м гутъ управлять такъ, что тѣлесныя наказанія не оказываются нужными в ихъ хозяйствѣ, но что исключеніе не есть правило, и что люди съ обыкн веннымъ характеромъ, находясь въ положеніи гг. Болтина и Каргопольцев не могутъ найти удобнымъ слѣдовать ихъ примѣру. Это мнѣніе подтве ждается (въ № 86-мъ „Земледѣльческой Газеты") словами г. П. Давыдов корреспондента Вольнаго Экономическаго Общества.

Digitized by Google

„При опредѣленіи мѣры наказанія (говоритъ г. Давыдовъ) со стороны наказывающаго требуется полное спокойствіе духа и разсудительность. Я говорю это потому, что есть проступки, которые взволновываютъ горячіе темпераменты до нѣкоторой забывчивости. Къ числу такихъ-то проступковъ принадлежатъ грубости и грубіянство прислуги. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что не за всякую вину должно сѣчь крестьянина, и притомъ часто за одну и ту же вину двумъ разнымъ лицамъ не слѣдуетъ назначать тѣлесное наказаніе, если они имѣютъ между собою разницу въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Въ человѣкѣ, въ которомъ не вполнѣ развиты нравственныя правила и въ которомъ они не вполнѣ укоренились, управляютъ болѣе побужденія сердца, подъ вліяніемъ страстей; привлекательныя картины, въ которыхъ являются такимъ натурамъ задуманные поступки, заставляютъ ихъ забывать правила честности и другія не укоренившіяся нравственныя качества. Они въ это время похожи на дѣтей, которымъ говорятъ „стыдно, стыдно“ и которыя, не усвоивая понятія стыда, не перестаютъ упрямиться до тѣхъ поръ, пока не покажутъ малымъ буку, а большимъ розгу; розга не говоритъ стыдно, но дитя въ послѣдствіи, при словахъ стыдно, уже скорѣй понимаетъ это слово. Отъ чего же наказываютъ дѣтей? Оттого, что въ нихъ дѣйствуетъ физическая натура, а не умъ. Точно такъ же и въ человѣкѣ съ неразвитою духовною субстанціею дѣйствуетъ физическая его натура, не обуздываемая сознаніемъ разсудка, почему и слѣдуетъ противудѣйствовать этой натурѣ физически. По всѣмъ этимъ доводамъ, я какъ то смѣлѣе могу высказать мнѣніе мое, что нѣтъ надобности изобрѣтать новыя наказанія, а лучше заботиться о томъ, чтобы не впадать въ крайности: употребляя старыя наказанія, не превращать въ месть, не сѣчь того, кому слѣдуетъ буку показать, и не показывать буку тому, котораго надо высѣчь, не назначать наказанія тотчасъ по открытіи проступка, потому что самъ назначающій можетъ быть взволнованъ и впасть въ крайность, и постоянно помнить слова Спасителя: „будьте милостивы, помилованы будете“.

Мнѣніе г. П. Давыдова очень практично. Гуманность г. П. Давыдова выразилась въ томъ, что при наказаніи онъ считаетъ нужнымъ полное спокойствіе духа и разсудительность въ наказывающемъ, и осуждаетъ „забывчивость горячихъ темпераментовъ“, хотя и признаетъ, что „грубости и грубіянство прислуги“ вызываютъ на такую забывчивость. Дѣйствительно, человѣкъ, которому прислуга говоритъ грубости, очень достоинъ сожалѣнія; но странно то, что только у нѣкоторыхъ изъ насъ бываетъ такая прислуга. Въ Англіи и Франціи дѣло неслыханное, чтобы слуга былъ грубъ, онъ всегда деликатенъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда отвѣчаетъ оскорбленіемъ на оскорбленіе, но вѣдь это уже не грубость, а самозащищеніе. Мы рѣдко слышали, чтобы и у насъ люди, имѣющіе наемныхъ служителей, жаловались на ихъ грубость, — слуги ихъ иногда плутуютъ, иногда лѣнятся, иногда придерживаются чарки (слабости, свойственныя не однимъ слугамъ); но грубость рѣдкій порокъ въ наемныхъ служителяхъ, а если онъ встрѣтится, то не подаетъ господину никакого повода къ мучительному волненію, доходящему до „забывчивости“: при первомъ неучтивомъ словѣ, господинъ говоритъ: „Тебѣ, вѣроятно, не угодно у меня служить, такъ чтожъ? Иди себѣ, я тебя отпускаю“. И грубостей не бываетъ. Потому надобно думать, что если какой нибудь господинъ „волнуется“ отъ „грубіянства“ своей прислуги, то напрасно онъ „волнуется“—дѣло можно поправить безъ „забывчивости“. пусть грубіянъ слуга идетъ себѣ куда хочетъ, а баринъ пусть найметъ себѣ слугу, и навѣрное избавится отъ „грубіянства“. Это средство, повидимому, неизвѣстно г. П. Давыдову; но тѣмъ не менѣе, г. П. Давыдовъ человѣкъ очень гуманный: онъ прямо говоритъ, что „не за всякую вину должно сѣчь

Digitized by Google

крестьянина", и съ нимъ нельзя не согласиться. Напримѣръ, крестьянин десятью минутами опоздалъ на поле, — вѣдь это, если хотите, ужъ вина; беременная баба сжала десятью снопами меньше другихъ, небеременных бабъ,—это опять неисправность, а неисправность есть вина; но г. П. Давыдовъ такъ гуманенъ, что, вѣроятно, не считаетъ приличнымъ сѣчь за такія вины. Тутъ довольно побранить и наложить лишній урокъ. Иное дѣло, если эта баба на справедливый упрекъ и „душеспасительное слово" отвѣтитъ грубо—ну, тогда другое дѣло, тутъ хорошо ужъ и то, если не „взъярнуешься до забывчивости", и съ спокойствіемъ духа исполнишь наказаніе.

Да и въ самомъ дѣлѣ, съ чего взяли эти филантропы, будто тѣлесное наказаніе не совсѣмъ похвальная административная мѣра? Что такое наш крестьянинъ?—Это человѣкъ, въ которомъ еще „не вполнѣ развиты нравственныя чувства",—то есть въ немъ еще „неразвита духовная субстанція", потому въ немъ дѣйствуетъ не сознаніе, а „физическая натура", и стало быть очевидно, что этой натурѣ „слѣдуетъ противодѣйствовать физически" — это совершенно справедливо и очень хорошо; жаль только одного: зачѣмъ г. П. Давыдовъ думаетъ, что чувство стыда, чувство чести укрѣпляется тѣлеснымъ наказаніемъ? Въ томъ, что оно „физически противодѣйствуетъ натурѣ", никто не усомнится; но каждый, знакомый съ природою человѣка, знаетъ, что оно убиваетъ чувство чести и совѣсти, отнимая у человѣка благородную гордость человѣческимъ достоинствомъ, унижая человѣка въ собственныхъ глазахъ. Человѣкъ, такъ или иначе побитый, считаетъ свою честь утраченною, ему уже нечего терять: драгоцѣннѣйшее, что было у него, отнято у него, ему ужъ нечѣмъ больше дорожить; отъ дальнѣйшихъ проступковъ онъ удерживается уже не чувствомъ совѣстливости, какъ прежде, не опасеніемъ унизить свое человѣческое достоинство, — нѣтъ, только страхомъ физической боли,—вы сами поступили съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ животнымъ, и кто же виноватъ, если онъ будетъ теперь дѣйствовать какъ звѣрь? Чувство физической боли вы дѣлаете единственною уздою для него, подумайте же, выигрываетъ ли отъ того ваше спокойствіе и общая безопасность? Вѣдь эта узда могла быть еще сколько нибудь дѣйствительна тогда, когда существовали пытки, ломаніе членовъ, отрубаніе рукъ и ногъ, выкалываніе глазъ, —это вещи дѣйствительно страшныя, но вѣдь согласитесь, теперь онѣ уже не въ нашемъ распоряженіи; вы можете пугать только „сѣченіемъ"—а это развѣ такъ страшно? Нервы ребенка не имѣютъ той крѣпости, какъ нервы взрослаго, воля ребенка боязливѣе и мягче; однакоже каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, какъ скоро ребенокъ, котораго воспитываютъ розгою, перестаетъ бояться розги, какъ скоро доходитъ онъ до того, что гордится упрямымъ равнодушіемъ подъ розгою, начинаетъ даже самъ съ ожесточеніемъ напрашиваться на нее, находя въ упрямомъ перенесеніи ударовъ больше удовольствія, нежели страданія. Это ребенокъ, существо робкое, слабое, а вы думаете удержать розгою закаленнаго физическими лишеніями, зноемъ и холодомъ, взрослаго мужика?— Ему эта боль шутка, онъ боится только стыда; но прикосновеніе розги убиваетъ въ немъ стыдъ, и чѣмъ вы тогда его удержите?

И о такихъ вещахъ надобно еще спорить! Говорите же о прогрессѣ!

Digitized by Google

ли эти споры прогрессъ, то прогрессъ достойный монгольскихъ степей, а Европейской Россіи; временъ какого нибудь Тимуръ-Култука, а не IX вѣка.

А прогрессъ всетаки есть, хотя и усомнишься въ немъ на нѣсколько нутъ, прочитавъ статейку въ родѣ написанной г. П. Давыдовымъ, хотя адаешь на нѣсколько минутъ въ наклонность отрицать даже возможность , прочитавъ проэкты о томъ, какіе „подручные способы" достаточны для правленія общественныхъ недостатковъ; о томъ, что если написано нѣолько статей, „казнящихъ" тотъ или другой порокъ, то и сдѣлано уже нужное для его уничтоженія; что если общественное мнѣніе осуждаетъ вѣстные поступки, то и желать уже нечего: все пойдетъ прекрасно. Та узкія и поверхностныя надежды отнимаютъ на время всякую увѣренсть въ прогрессѣ. Думаешь: какими же силами онъ будетъ совершаться, ли люди, его желающіе, считаютъ достаточными для его совершенія стаіки въ журналахъ?

Но посмотрите, съ другой стороны, какъ онъ, независимо отъ воли, ершается даже тѣми людьми, которые вовсе не думаютъ о немъ, или, и думаютъ, то развѣ за тѣмъ, чтобы пріискивать средства задержать его,— снова укрѣпляется убѣжденіе въ его неизбѣжности. Одинъ хлопочетъ объ овлетвореніи своего корыстолюбія, другой объ удовлетвореніи своего тщеавія,—и всѣми ихъ хлопотами пользуется исторія, чтобы извлечь что нибь доброе изъ дѣйствій, направляемыхъ вовсе не заботою о добрѣ, а сто эгоизмомъ, иногда и очень грубымъ, извлечь какую нибудь пользу же изъ тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли цѣлью вредъ. Напримѣръ, коечно не изъ особенной любви къ Россіи послали Людовикъ-Наполеонъ и льмерстонъ свои войска къ Севастополю,—напротивъ, они хотѣли нанести какъ можно больше вреда, — и дѣйствительно, много нанесли вреда, а мерь всѣ мы видимъ, что война принесла довольно значительную пользу ссіи. Правда, такой путь прогресса и тяжелъ и медлителенъ, но чтожъ лать, когда онъ всетаки самый надежный путь. Благородный мечтатель жетъ жалѣть о томъ, что почти все добро, дѣлающееся на землѣ, дѣется непреднамѣренно, не по доброй волѣ людей, а силою обстоятельствъ; ъ можетъ мечтать о томъ, какъ несравненно больше добра произвели бы ловѣческія усилія, если бы направлены были прямо къ добру, а не къ лямъ пустымъ или эгоистичнымъ. Но когда находишь въ себѣ спокойствіе смотрѣть на настоящее, какъ на историческую эпоху, а не какъ на источкъ собственныхъ надеждъ и разочарованій, тогда видишь, что и въ наящемъ дѣйствуютъ тѣ же законы, по которымъ вѣчно совершалось двиніе впередъ; и переставая надѣяться при своей жизни дождаться исполнія хотя сотой части того, что желалъ бы видѣть исполнившимся, тѣмъ ѣпче увѣряешься, что всетаки кое-какъ и кое-что улучшается, развиется. Исторія, если хотите, разочаровываетъ человѣка, но съ тѣмъ вмѣстѣ лаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ оптимистомъ. Многаго не ждешь ни отъ го, за то отъ всего ждешь хотя немногаго. Да, будемъ оптимистами.

Это тѣмъ легче, что въ наше время главная движущая сила жизни, ромышленное направленіе, все таки гораздо разумнѣе, нежели тенденціи

Digitized by Google

многихъ прошлыхъ эпохъ. Начать хотя съ того, что это стремленіе дѣльное, а не праздное; стремленіе, вовсе не имѣющее въ виду ни чьей погибели—правда, оно губитъ многихъ, но только мимоходомъ, нечаянно, а не по умыслу, какъ многія изъ прежнихъ стремленій. Если войны, дипломатическія соперничества приносили свою пользу, если даже уничтоженіе Нантскаго эдикта принесло свою пользу, какъ открывается при точномъ изслѣдованіи, какъ же не принесетъ пользы мирное и трудолюбивое промышленное направленіе нашего вѣка? Быть можетъ, инымъ изъ насъ пріятнѣе было бы господство какого нибудь болѣе возвышеннаго стремленія,—но чего нѣтъ, того нѣтъ, а изъ того, что есть, болѣе всего добра приноситъ промышленное направленіе. Изъ него выходитъ и нѣкоторое содѣйствіе просвѣщенію, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; изъ него выходитъ и нѣкоторая забота о законности и правосудіи, потому что промышленности нужна безопасность; изъ него выходитъ и нѣкоторая забота о просторѣ для личности, потому что для промышленности нужно безпрепятственное обращеніе капиталовъ и людей. Побѣды Наполеона въ Испаніи и Германіи принесли нѣкоторую пользу этимъ странамъ, какъ же не принесутъ нѣкоторой пользы побѣды фабрикантовъ и инженеровъ, купцовъ и технологовъ?

Когда развивается промышленность, прогрессъ обезпеченъ. Съ этой точки, мы преимущественно и радуемся усиленію промышленнаго движенія у насъ. Съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ намъ приходится записывать новые факты этого возрастанія. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время объемъ нашего пароходства опять расширился разрѣшеніемъ гварліи капитану г. Львову учредить буксирное и пассажирское пароходство по рѣкѣ Москвѣ, отъ города Москвы до впаденія рѣки въ Оку, по Окѣ отъ Орла и по Волгѣ отъ Твери до Симбирска и до Нижняго Новгорода. Пароходы будутъ съ очень малою осадкою, чтобы мелководіе не задерживало ихъ: волжскіе и окскіе будутъ сидѣть въ водѣ только на 10 вершковъ, а москворѣцкіе только на 8 вершковъ.

10-го октября открыта была въ Кіевѣ выставка сельскихъ произведеній, на которой, по словамъ г. Ходецкаго (въ статьѣ Кіевскихъ губернскихъ Вѣдомостей), находилось до 1,500 предметовъ, и особеннымъ богатствомъ отличалось отдѣленіе земледѣлія. Интересъ выставки возвышается тѣмъ, что большая часть экспонентовъ—государственные крестьяне, которые представили много замѣчательныхъ продуктовъ своихъ маленькихъ хозяйствъ. Нѣсколько раньше, 1 сентября, открыта была въ селѣ Великомъ (Ярославской губерніи, Ярославскаго уѣзда) выставка льняныхъ произведеній, на которой число нумеровъ представленныхъ издѣлій простиралось до 165. Большинство экспонентовъ были крестьяне села Великаго.

Кромѣ этихъ двухъ промышленныхъ извѣстій, изъ провинціальныхъ новостей заслуживаетъ вниманія открытіе женскаго училища въ Костромѣ.

— Долго не умѣли мы цѣнить заслуги людей, бывшихъ просвѣтителями нашего общества, по крайней мѣрѣ не умѣли ни чѣмъ выразить, что мы цѣнили ихъ заслуги. Едва ли не первый примѣръ того, что миновалось это время темной забывчивости или холоднаго равнодушія, предста-

Digitized by Google

вляетъ учрежденіе стипендіи въ память Грановскаго. Товарищи и ученики покойнаго собрали на учрежденіе этой стипендіи 7.010 р. сер., и 27-го августа проэктъ устава стипендіи удостоился Высочайшаго утвержденія. Она учреждается при Московскомъ Университетѣ и дается по выбору Историко-филологическаго факультета молодому человѣку, кончившему курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и желающему держать экзаменъ на высшую ученую степень при Московскомъ Университетѣ по историко-филологическому факультету, — дѣйствительному студенту, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень кандидата, кандидату, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень магистра, или магистру, изъявившему желаніе держать экзаменъ на степень доктора. Стипендія дается на два года. Такъ какъ позволяются дальнѣйшія пожертвованія на усиленіе стипендіи, то, когда сумма процентовъ съ пожертвованнаго капитала будетъ превосходить 300 р., отъ факультета будетъ зависѣть, назначить ли ее одному или раздѣлить двумъ лицамъ.

Память Грановскаго почтена достойнымъ образомъ. Теперь было бы время вспомнить о долгѣ нашемъ къ другимъ, о которыхъ каждый изъ насъ вспоминаетъ съ тѣмъ же чувствомъ признательности, какъ о Грановскомъ его многочисленные воспитанники. Пушкинъ, Бѣлинскій, Гоголь еще ждутъ того, чѣмъ справедливо почтенъ Грановскій: публичнаго выраженія памяти нашей о ихъ заслугахъ дѣлу русскаго развитія.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По обычаю, недавно возобновленному въ нашей литературѣ, съ приближеніемъ Новаго года основываются новые журналы. Изъ нихъ одинъ долженъ обратить на себя особенное вниманіе публики, долженъ быть встрѣченъ съ особеннымъ сочувствіемъ, потому что безъ всякаго сомнѣнія составитъ важное пріобрѣтеніе для дѣла нашего просвѣщенія. Читатель, конечно, угадываетъ, что мы говоримъ объ „Атенеѣ". Предсказывать ему такую прекрасную роль мы имѣемъ много основаній. Еще ни одинъ изъ нашихъ новыхъ журналовъ при своемъ возникновеніи не опредѣлялъ такъ ясно и точно цѣли, для осуществленія которой онъ появляется, и ни одинъ не говоритъ такъ благородно и скромно о средствахъ, которыми располагаетъ, о достоинствахъ, которыя надѣется имѣть; съ тѣмъ вмѣстѣ, рѣдко когда средства бывали такъ обширны, рѣдко когда цѣль избиралась такъ удачно. Уже однихъ этихъ качествъ было бы достаточно, для пробужденія увѣренности въ томъ, что новый журналъ будетъ отличаться высокими достоинствами. Для удовлетворенія какимъ потребностямъ какого именно круга читателей будетъ служить журналъ,—это обыкновенно прояснялось для самой редакціи вновь основываемаго журнала только уже въ продолженіе изданія, обыкновенно только вслѣдствіе случайнаго накопленія статей извѣстнаго рода и указаній со стороны читателей; мы помнимъ, какъ иногда журналъ, положимъ и прекрасный, бывалъ совершенно безхарактернымъ при своемъ началѣ, и только благодаря появленію двухъ — трехъ сотрудниковъ, которые почти безъ вѣдома, во всякомъ случаѣ, безъ заботъ со стороны редактора оживили его изданіе, принималъ опредѣленный характеръ, склонялся къ извѣстному направленію, положимъ и прекрасному, но приданному извнѣ, первоначально чуждому соображеній редактора. „Атеней" будетъ не таковъ. Интересомъ своихъ стремленій онъ будетъ обязанъ не случаю, а сознательной заботливости своей редакціи; изъ его программы уже видно, что съ перваго же нумера онъ пойдетъ твердымъ, вѣрнымъ шагомъ по пути, зрѣло обдуманному.

Это важное достоинство, которымъ обладаютъ очень немногіе даже изъ журналовъ, успѣвшихъ занять первыя мѣста въ нашей литературѣ. Каждый видитъ, что „Атеней" будетъ имѣть его въ замѣчательной степени, но самъ „Атеней" не выставляетъ его,—онъ очень умѣренъ, — по мнѣнію нѣкоторыхъ—слишкомъ умѣренъ въ своихъ обѣщаніяхъ, но это служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ замѣчательныхъ достоинствъ, которыми будетъ отли-

Digitized by Google

чаться онъ. Умѣренность въ обѣщаніяхъ—лучшее ручательство внутренней силы, самоуваженія и уваженія къ публикѣ. Въ одномъ только случаѣ извѣщеніе объ изданіи „Атенея“, чуждое всякаго стремленія къ произведенію внѣшняго эффекта, представляется и по наружности блистательнымъ, — это въ спискѣ литераторовъ, сочувствіе и содѣйствіе которыхъ пріобрѣтено журналомъ. Бывали иногда представляемы списки сотрудниковъ, гораздо болѣе длинные, но едва ли когда редакція русскаго журнала имѣла при самомъ началѣ изданія такое число такихъ замѣчательныхъ людей соучастниками своихъ трудовъ, едва ли когда какая редакція имѣла такой избранный кругъ сподвижниковъ. Легко набрать полтораста, если угодно триста именъ,—иные такъ и дѣлали,—но въ этой многочисленной толпѣ, изъ десяти именъ девять всегда, бывало, возбуждали въ читателѣ съ самостоятельнымъ мнѣніемъ только недоумѣніе, по какому счастію могутъ быть они полезны для достоинства журнала. Въ „Атенеѣ“ не то,—онъ насчитываетъ всего около тридцати именъ, за то въ этомъ ряду мы находимъ почти исключительно такихъ людей, какъ гг. Анненковъ, Бабстъ, Безобразовъ, Буслаевъ, Галаховъ, Ѳ. Дмитріевъ, Ешевскій, Забѣлинъ, Кавелинъ, Каченовскій, Кетчеръ. В. Коршъ, Лонгиновъ, Н. Павловъ, Соловьевъ, Тихонравовъ, Чичеринъ, Щедринъ,—посредственность не найдетъ себѣ мѣста въ „Атенеѣ“; каждый изъ его сотрудниковъ хорошо извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ людей въ нашей литературѣ; это общество замѣчательныхъ писателей собралось вокругъ г. Е. Корша, и дѣйствительно, г. Е. Коршъ могъ быть умѣреннымъ въ обѣщаніяхъ, потому что безъ всякихъ обѣщаній читателю очевидно, какихъ прекрасныхъ достоинствъ надобно ожидать отъ „Атенея“.

Все это чувствуется каждымъ прочитавшимъ извѣщеніе объ основаніи „Атенея“. Но люди, близкіе къ литературному міру, знаютъ многое другое, еще болѣе подтверждающее ихъ увѣренность въ достоинствахъ новаго журнала. Мы не думаемъ, что нарушимъ принятые обычаи, если выскажемъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, до сихъ поръ остававшихся неизвѣстными для большинства читателей, далекихъ отъ личнаго соприкосновенія съ дѣятелями литературы. Е. Ѳ. Коршъ пользуется въ публикѣ почетною извѣстностью, какъ бывшій редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя при немъ сдѣлались лучшею изъ нашихъ газетъ, не смотря на то, что средства, предоставленныя ему для веденія этого изданія, были незначительны въ сравненіи съ средствами, которыми располагали другія газеты,—не смотря на то, что онъ долженъ былъ бороться со множествомъ затрудненій, отъ которыхъ избавлены были другіе редакторы, стоявшіе въ положеніи, болѣе независимомъ отъ постороннихъ вмѣшательствъ, препятствующихъ улучшеніямъ. Но не однѣ „Московскія Вѣдомости“ обязаны ему большею частью своего успѣха. Литераторамъ хорошо извѣстно, до какой степени его участіе содѣйствовало заслуженному успѣху многихъ другихъ періодическихъ изданій. „Библіотека для Чтенія“ въ лучшіе свои годы отъ него пріобрѣтала значительную часть своихъ истинныхъ достоинствъ, между тѣмъ, какъ недостатки ея вносились въ нее противъ его воли, и по возможности уменьшались его противодѣйствіемъ. „Современникъ“ долженъ быть признателенъ къ его высоко полезному участію, и пользуется настоящимъ

Digitized by Google

случаемъ, чтобы публично выразить ему свою благодарность. „Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ былъ нѣсколько лѣтъ веденъ имъ. Оставивъ эту должность для участія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, Е. Ѳ. Коршъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, принесъ много пользы не только этому журналу, но и оживленію всей русской литературы въ послѣдніе два года. Мы не считаемъ удобнымъ излагать свое мнѣніе о ходѣ дѣлъ, принадлежащихъ еще столь недавнему времени, но должны сказать, что Е. Ѳ. Коршъ, какъ одинъ изъ соучастниковъ редакціи „Русскаго Вѣстника“, оказалъ русской литературѣ важныя услуги, и усилія его въ это время не будутъ забыты исторіею нашей журналистики. Словомъ, если для каждаго читателя имя Е. Ѳ. Корша служитъ вѣрнымъ ручательствомъ въ достоинствахъ предпринимаемаго имъ журнала, то у людей, обращающихся между писателями, эта увѣренность еще гораздо сильнѣе, нежели въ массѣ публики, не столь близко знакомой съ подробностями литературныхъ дѣлъ.

Отъ личныхъ качествъ редактора обращаясь къ характеру участія, принимаемаго въ его журналѣ тѣмъ избраннымъ кругомъ сотрудниковъ, о которомъ говорили мы выше, мы находимъ возможнымъ указать читателямъ одинъ очень важный фактъ. Извѣстно, какими хлопотами со стороны редакціи основывающагося журнала, иногда пріобрѣтается сотрудничество писателей, которыми дорожатъ журналы, — тутъ не бываетъ недостатка въ просьбахъ, въ убѣжденіяхъ, иногда въ заискиваніяхъ. Ничего подобнаго не было при основаніи „Атенея“: каждый сотрудникъ только потому участвуетъ въ этомъ изданіи, что самъ нашелъ честью или долгомъ для себя содѣйствовать своими трудами редактору, котораго уважаетъ, и журналу, цѣли и направленію котораго вполнѣ сочувствуетъ. „Атеней“ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ журналовъ, основаніе которыхъ было слѣдствіемъ не личныхъ соображеній одного издателя, а потребностью многихъ лучшихъ людей въ нашей литературѣ, горячо преданныхъ новому органу ихъ идей, предмету ихъ глубокихъ симпатій. Нѣтъ надобности говорить, какая разница между сотрудничествомъ, выпрошеннымъ или навязаннымъ и сотрудничествомъ, возникающимъ изъ живаго сочувствія къ общему дѣлу. Надобно сказать только одно: именно самые извѣстные и самые талантливые между сотрудниками „Атенея“ съ наибольшимъ жаромъ преданы ему. Мы не считаемъ себя въ правѣ указывать ихъ, чтобы не оскорбить скромности ихъ и редактора, да это и не нужно: ихъ угадаетъ самъ читатель. Пусть только онъ выберетъ изъ именъ, перечисленныхъ нами выше, тѣ, которымъ наиболѣе сочувствуетъ лучшая часть публики, и онъ безъ ошибки узнаетъ самыхъ дѣятельныхъ и ревностныхъ между сподвижниками Е. Ѳ. Корша.

Въ одно время съ „Атенеемъ“ основывается въ Москвѣ другое предпріятіе, также заслуживающее всѣхъ добрыхъ желаній успѣха и процвѣтанія, также имѣющее несомнѣнную вѣроятность успѣха и процвѣтанія. Въ послѣднихъ числахъ ноября открытъ въ Москвѣ книжный магазинъ Н. М. Щепкина и Комп.

Кстати о матеріальныхъ отношеніяхъ нашей литературы. Въ ноябрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ напечатана превосходная статья: „Нѣсколько предложеній по устройству русскаго литературнаго фонда для

Digitized by Google

пособія нуждающимся лицамъ ученаго и литературнаго круга". Мы рекомендуемъ вниманію читателя эти мысли, и желали бы, чтобы онѣ скорѣе приведены были въ исполненіе. Авторъ, скрывшій свое имя подъ буквою N., начинаетъ скромнымъ увѣреніемъ, что его статья только представляетъ „результатъ и сводъ всего, что говорилось и говорится при немъ по поводу „дѣла, которое, какъ ему кажется, должно имѣть самое благотворное влія„ніе на судьбы русской литературы" и которое „въ исходѣ прошлаго и началѣ настоящаго года было предметомъ многихъ разсужденій въ литературныхъ и нелитературныхъ кругахъ"; что этою статьею онъ „только ставитъ вопросъ предъ глаза людей, болѣе свѣдущихъ", и излагаетъ лишь одни бѣглыя и, такъ сказать, „черновыя предположенія объ устройствѣ русскаго „Литературнаго Фонда", доходы котораго, подъ наблюденіемъ небольшаго числа „лицъ, особенно сочувствующихъ интересамъ родной словесности, распредѣ„лялись бы между писателями, отъ болѣзни, старости и другихъ подобныхъ „причинъ нуждающимися въ постоянномъ или временномъ пособіи". Мы должны прибавить, что авторъ былъ и остается самымъ ревностнымъ распространителемъ благородной идеи, развитію которой посвящена его статья.

„Литературный Фондъ" существуетъ въ Англіи подъ управленіемъ такихъ людей, какъ Диккенсъ, Тэккерей, Маколей; онъ располагаетъ очень значительными средствами и каждый годъ облегчаетъ участь многихъ достойныхъ ученыхъ и литераторовъ, подвергшихся тяжелымъ случайностямъ судьбы. Авторъ предлагаетъ способы устроить и у насъ нѣчто подобное, и дѣлаетъ приблизительную оцѣнку доходовъ, на которые могло бы надѣяться такое учрежденіе въ Россіи. Способы эти, кромѣ единовременныхъ добровольныхъ пожертвованій, изъ которыхъ составился бы основной неприкосновенный капиталъ: добровольная уступка извѣстной части доходовъ, доставляемыхъ литературными предпріятіями писателямъ и издателямъ, публичныя чтенія, изданіе сборниковъ изъ статей, отдаваемыхъ „Литературному Фонду" для этой цѣли, и т. д. Характеръ всѣхъ этихъ пожертвованій и услугъ долженъ быть непремѣнно вполнѣ добровольный; пусть только общественное мнѣніе и собственное сознаніе каждаго писателя о его обязанности побуждаютъ къ этому содѣйствію осуществленію доброй цѣли. Это такъ, иначе и быть не должно.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что еслибы мысль основать литературный фондъ была принята, почти не нашлось бы между писателями и журналистами людей, которые уклонились бы отъ добровольнаго участія въ такомъ благородномъ дѣлѣ, и мы думаемъ, что ихъ собственное желаніе доставило бы „Литературному Фонду" средства гораздо болѣе значительныя, нежели на какія разсчитываетъ авторъ, который хочетъ ограничиться самыми умѣреннѣйшими надеждами. Возьмемъ одинъ только изъ указываемыхъ имъ источниковъ — нашу журналистику. Авторъ говоритъ, что издатели журналовъ и газетъ, и писатели, участвующіе въ періодическихъ изданіяхъ, могутъ быть приглашены „Литературнымъ Фондомъ" только къ такимъ пожертвованіямъ, которыя были бы для нихъ ни мало не обременительны, почти не чувствительны. Уступка „Литературному Фонду" издателями по полу-проценту съ рубля подписной суммы, а писателями по одному проценту

Digitized by Google

съ гонорарія, кажется намъ крайнимъ предѣломъ умѣренности, кажется пожертвованіемъ совершенно нечувствительнымъ. Между тѣмъ, это одно уже доставитъ нѣсколько тысячъ рублей. Общій оборотъ суммъ, пускаемыхъ въ оборотъ подпискою на литературные журналы и газеты (спеціальныхъ періодическихъ изданій мы не считаемъ), простирается во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ до 600,000 руб.—по всей вѣроятности, цифра эта значительно больше. Полупроцентъ съ этого количества подписныхъ денегъ дастъ 3,000 руб. Изъ 600,000 руб., поступающихъ въ конторы періодическихъ изданій, около одной четвертой части получается писателями, какъ гонорарій за статьи—одинъ процентъ съ этихъ 150,000 руб. доставитъ 1,500. Вотъ уже 4,500 р. отъ одной отрасли литературы. Изданіемъ отдѣльныхъ книгъ пускается въ оборотъ сумма, едва ли меньшая, нежели періодическими изданіями. Если только третья часть издателей и писателей будетъ участвовать въ дѣлѣ „Литературнаго Фонда", по примѣру издателей и сотрудниковъ періодическихъ изданій, вотъ еще 1,500 руб.,—всего 6,000 руб. ежегодно отъ одного только изъ источниковъ, указываемыхъ авторомъ статьи. Нѣкоторыя типографіи, нѣкоторыя бумажныя фабрики, вѣроятно, согласятся на уступку полупроцента изъ платы, получаемой отъ періодическихъ изданій,—итогъ увеличивается; но не будемъ считать этого увеличенія, потому что оно только предположеніе, для своего осуществленія нуждающееся въ особенныхъ хлопотахъ со стороны издателей. Затѣмъ остаются еще публичныя лекціи и изданія въ пользу литературнаго фонда,—о послѣднихъ не будемъ говорить, потому что они опять требуютъ особенныхъ хлопотъ (за то, при надлежащемъ устройствѣ дѣла, этотъ источникъ можетъ сдѣлаться чрезвычайно обильнымъ),—скажемъ только, что публичныя чтенія въ однѣхъ только столицахъ должны приносить несравненно болѣе, нежели надѣется авторъ; можно поручиться, что едва ли кто изъ людей, способныхъ привлечь публику своимъ чтеніемъ, откажется отъ этого дѣла, которое слѣдуетъ назвать скорѣе наслажденіемъ для читающаго, нежели пожертвованіемъ,—по 2,000 р. въ Петербургѣ и въ Москвѣ за всю зиму — это слишкомъ малая оцѣнка суммы, которую должны принести публичныя чтенія. Вотъ набралось уже 10,000 руб. сер. въ годъ,—на эти деньги можно дѣйствительно помочь многимъ людямъ. А мы еще не считали ни спектаклей, ни процентовъ съ единовременныхъ пожертвованій,—не хотѣли принять въ счетъ даже изданій „Литературнаго Фонда",—отъ этихъ и многихъ другихъ источниковъ, которые отыщутся по указанію обстоятельствъ, средства „Литературнаго Фонда" легко возвысятся далеко за предѣлы суммы, выставленной здѣсь. Словомъ сказать, если только учредится „Литературный Фондъ", онъ безъ сомнѣнія будетъ имѣть способы ежегодно помогать не одному десятку дѣятелей науки и литературы, и мысль о его учрежденіи, какъ видимъ, дѣйствительно стоитъ того, чтобы позаботиться объ ея осуществленіи. Неужели же и эта мысль, подобно столькимъ другимъ прекраснымъ мыслямъ, высказывавшимся въ послѣднее время, вызоветъ только устныя и печатныя похвалы себѣ, а не вызоветъ дѣла? А между тѣмъ, осуществиться ей, повидимому, такъ легко. Стоитъ нѣсколькимъ изъ людей, занимающихъ важнѣйшія мѣста въ нашей литературѣ, рѣшиться на учрежденіе „Литератур-

Digitized by Google

наго Фонда", и сила примѣра, поддерживаемаго общественнымъ мнѣніемъ, привлечетъ всѣхъ къ участію въ этомъ учрежденіи. Укажемъ прямо на первый шагъ, нужный для его исполненія: пусть редакціи журналовъ выразятъ свою готовность участвовать въ немъ. Затѣмъ, нужно будетъ только испросить разрѣшеніе правительства. Основаніе „Литературнаго Фонда" имѣло бы своимъ добрымъ послѣдствіемъ не одно то дѣло, къ исполненію котораго онъ прямо назначается: авторъ статьи въ „Библіотекѣ для Чтенія" прекрасно объясняетъ то благотворное вліяніе, которое „Литературный Фондъ" имѣлъ бы на сближеніе между всѣми органами и дѣятелями науки и литературы; мы желали бы, чтобы столь же справедливо было его мнѣніе о томъ, что въ настоящихъ отношеніяхъ между ними нѣтъ никакихъ препятствій къ соединенію для общаго добраго дѣла. Но если и существуютъ какія нибудь угловатости, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ скоро сгладились бы, когда явилась бы возможность союзной дѣятельности, какъ это мы видимъ во всѣхъ литературахъ Европы, гдѣ даже различіе въ направленіяхъ, не говоря уже о личныхъ чувствахъ другъ къ другу, ни мало не мѣшаетъ соединенію всѣхъ литераторовъ въ одно цѣлое, какъ скоро то нужно для достиженія цѣлей, полезныхъ всей литературѣ:

„Англійскій литературный міръ гордится своимъ Фондомъ и имѣетъ право имъ гордиться. Это учрежденіе, поощряемое правительствомъ и всѣми государственными людьми, кромѣ цѣлей благотворительныхъ и христіанскихъ, имѣетъ еще одно великое значеніе. Оно служитъ центромъ единодушной дѣятельности для людей, разрозненныхъ убѣжденіями и интересами, но служащихъ одному великому дѣлу просвѣщенія, при которомъ всѣ несогласія забываются. Оно связуетъ, и благородно связуетъ всѣхъ передовыхъ людей Англіи, безпрерывно напоминаетъ имъ о чемъ-то высшемъ всѣхъ мірскихъ соображеній. Подъ его вліяніемъ, вигъ сходится съ торіемъ, радикалъ подаетъ руку президенту Верхней Палаты, государственный человѣкъ выслушиваетъ мнѣніе бѣднаго чердачнаго поэта и вмѣстѣ съ нимъ обдумываетъ, какъ бы обезпечить участь другаго поэта, еще бѣднѣйшаго. Нерѣдко, при недостаткѣ средствъ, сильные члены комитета входятъ съ представленіемъ къ министрамъ и даютъ мѣста честнымъ труженикамъ, нуждающимся въ работѣ; нерѣдко королева и члены ея фамиліи, по ходатайству лицъ, къ нимъ приближенныхъ, ассигнуютъ суммы на какое нибудь полезное литературное предпріятіе, на пособіе вдовамъ и семьямъ инвалидовъ науки. Въ засѣданіяхъ комитета о фондѣ, на лекціяхъ и представленіяхъ въ его пользу, всѣ друзья просвѣщенія сходятся въ одну дружественную массу. Здѣсь Бульверъ сидитъ подлѣ своего гонителя и насмѣшника Теккерея, д'Израэли бесѣдуетъ съ лордомъ Росселемъ, Карлейль сходится съ Пальмерстономъ, поэтъ Теннисонъ—съ историкомъ Маколеемъ. По нѣскольку разъ въ годъ, люди, совершенно отдѣльные другъ отъ друга, радушно соединяются на одну христіанскую цѣль, и короткія эти сближенія живутъ въ памяти у каждаго до новой сходки, до новыхъ совѣщаній по поводу общаго дѣла.

„Давно уже сказано: перенимать все хорошее не стыдно, даже у самого непріятеля. Мысль объ учрежденіи Литературнаго Фонда взята у англичанъ; но не слѣдуетъ думать, чтобы люди, нынѣ занимающіеся этой мыслью у насъ въ Россіи, имѣли намѣреніе слѣпо подражать англичанамъ. Различія между нашимъ и англійскимъ обществомъ обусловливаютъ собою необходимыя различія въ самомъ учрежденіи. Съ одной стороны, наше общество не такъ богато и не такъ тѣсно слито съ литературными интересами, чтобы отъ него можно было требовать слишкомъ большихъ пожертвованій на нуждающихся писателей; съ другой, нашъ учено-литературно-артистическій кругъ менѣе нуждается въ матеріальныхъ пособіяхъ, нежели тотъ же кругъ въ Англіи. У насъ, благодареніе Богу, почти нѣтъ литературныхъ пролетаріевъ, даровитыхъ людей, умирающихъ съ голоду, сильныхъ талантовъ, кончающихъ жизнь, какъ Отвай или Севеджъ,

Digitized by Google

отъ нужды и общей холодности. Огромная часть нашихъ ученыхъ и писателей обезпечена и пособіями правительства, и службой, и платой за трудъ, почти ежегодно возвышающейся, и собственнымъ своимъ достаткомъ. Въ Англіи—журналисты и издатели книгъ ухаживаютъ лишь за первоклассными дѣятелями науки и словесности; у насъ всякій писатель, едва перевысившій уровень посредственности, надолго можетъ считать свой талантъ хорошимъ капиталомъ. Въ Лондонѣ, сотрудникъ изданія, и сотрудникъ самый полезный, боится отлучиться изъ столицы, чтобъ редакція не замѣнила его другимъ сотрудникомъ, еще болѣе талантливымъ; у насъ, какъ отъ недавно сказалъ кто-то, періодическихъ изданій болѣе, чѣмъ сотрудниковъ. Послѣ всего, сейчасъ сказаннаго, легко понять, что литературный фондъ въ Россіи для своего учрежденія не требуетъ ни тѣхъ пожертвованій, ни тѣхъ усилій, съ какимъ сопряжено его существованіе въ Англіи. Для пособія небольшому числу лицъ учено-литературнаго круга, нуждающихся въ поддержкѣ и помощи, намъ не нужны ни огромные капиталы, ни многочисленные комитеты для надзора за капиталомъ и распредѣленія пособій. Мы можемъ обойтись безъ театральныхъ представленій и митинговъ въ раззолоченныхъ залахъ, безъ всей клубной роскоши при собраніи членовъ комитета, безъ обременительной переписки, безъ непрестаннаго изъисканія средствъ къ новымъ доходамъ Фонда. Намъ не для чего набиваться къ капиталистамъ, дѣлать парадные обѣды для всѣхъ участниковъ предпріятія, говорить рѣчи на этихъ обѣдахъ и такъ далѣе. Русскій литературный Фондъ можетъ быть основанъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, пятью и десятью человѣками достаточнаго состоянія, съ постояннымъ пособіемъ всѣхъ ученыхъ и литераторовъ, нынѣ проживающихъ въ Россіи. Изъ числа главныхъ вкладчиковъ-писателей, особенно сочувствующихъ дѣлу, должны быть выбраны шесть или восемь человѣкъ, распорядителей Фонда, которые собирались бы два или три раза въ годъ для повѣрки суммъ, распредѣленія пособій и изъисканія новыхъ источниковъ доходовъ. Для ихъ совѣщаній не требуется никакой торжественности—торжественностью не прельстишь русскаго человѣка; да и распорядители, о которыхъ говорится, не имѣютъ надобности прельщать кого бы то ни было. Ни народныхъ сходокъ, ни величавыхъ рѣчей во всемъ дѣлѣ не требуется, тѣмъ болѣе не требуется, что пособія изъ доходовъ Фонда должны производиться, по русскому обычаю, тихо и дружественно, безъ обиднаго высокомѣрія, безъ формальностей, такъ тягостныхъ для человѣка, нуждающагося въ помощи. Чѣмъ болѣе такія пособія будутъ имѣть характеръ простой и, такъ сказать, *товарищескій*, тѣмъ благотворнѣе окажется ихъ значеніе, тѣмъ менѣе хлопотъ потребуется они для ихъ выполненія.

„Для осуществленія идеи о литературномъ фондѣ и пособіяхъ, изъ него проистекающихъ, мы не имѣемъ препятствія ни въ духѣ партій, ни въ разъединеніи между людьми, сочувствующими дѣлу просвѣщенія. Въ Россіи нѣтъ ни виговъ, ни торіевъ; между русскими литераторами не существуетъ никакихъ преградъ къ дружному дѣйствію на общую пользу: мало того, огромная и самая даровитая ихъ часть тѣсно связана между собою и годами труда, и одинаковымъ стремленіемъ къ доброй цѣли. Есть у насъ круги, особенно тѣсно слившіеся вслѣдствіе однородныхъ взглядовъ, живущіе въ одномъ городѣ, общаго труда въ одномъ и томъ же изданіи; но эти круги въ сущности нисколько не враждебны другимъ кругамъ литературнаго русскаго міра. Лучшее доказательство всего, нами сейчасъ сказаннаго, находимъ мы хотя бы въ русской журналистикѣ, которая въ настоящее время сосредоточиваетъ въ себѣ всю литературу. Всѣ главные органы нашей журналистики ведутся съ одинаковымъ чувствомъ достоинства, всѣ чужды духа исключительности или дерзкой нетерпимости, и это чувство привилось такъ сильно съ нѣкотораго времени, что малѣйшее отъ него отклоненіе, малѣйшая журнальная побранка, поднятая изъ корыстныхъ цѣлей, всюду встрѣчается съ негодованіемъ, мало того, съ презрѣніемъ. Въ мелкихъ или отсталыхъ изданіяхъ иногда встрѣчается противное, но какой авторитетъ, какой кредитъ имѣютъ въ нашей литературѣ изданія подобнаго рода? Мало того, духъ дружелюбія и согласія—такъ необходимый русскимъ просвѣщеннымъ людямъ—начинаетъ проникать въ круги самыхъ незначительныхъ тружениковъ, оказываться во всемъ направленіи ихъ дѣятельности, во всей сущности ихъ взглядовъ. Повторяемъ еще разъ, русская современная лите-

Digitized by Google

тура находится въ самомъ счастливомъ положеніи относительно того предпріятія, о которомъ мы теперь бесѣдуемъ съ читателемъ".

Дай Богъ, чтобы это было такъ. Но во всякомъ случаѣ, мелкія личныя несогласія должны быть отброшены въ сторону, когда представляется возможность соединиться для дѣла, которое принесетъ пользу не однимъ нуждающимся литераторамъ, но и можетъ возвысить положеніе всей литературы, выказавъ ея дѣятелей съ безукоризненно благородной стороны передъ глазами многочисленныхъ хулителей литературы и всѣхъ ея сподвижниковъ, давъ этимъ столь много оскорбляемымъ людямъ хотя какую нибудь опору для дружнаго противодѣйствія нападеніямъ, равно вредящимъ каждому изъ насъ. Напрасно мы стали бы успокоивать себя надеждою, что въ самомъ дѣлѣ всѣ думаютъ о русскихъ литераторахъ такъ, какъ справедливо думаетъ о нихъ авторъ статьи, изъ которой мы дѣлаемъ выписки,—доказывая, что комитетъ, который бы распоряжался суммами „Литературнаго Фонда", легко составить изъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, онъ говоритъ:

„Въ свѣтѣ самомъ изящномъ мы безпрестанно видимъ людей, о нравственности которыхъ никто не можетъ сдѣлать вѣрнаго заключенія: такъ неясна репутація этихъ людей, такъ изобилуютъ противорѣчіями самые безпристрастные о нихъ отзывы. И въ большихъ городахъ, и въ отдаленныхъ уѣздахъ Россіи, мы безъ удивленія видимъ хорошихъ людей, сжившихся и ужившихся съ людьми нравственно безобразными, видимъ благородныя личности, противъ которыхъ идетъ общій отзывъ, и особъ порочнаго свойства, пользующихся ото всѣхъ непритворнымъ уваженіемъ. Въ кругахъ, составляющихъ настоящее литературное общество Петербурга и Москвы, не встрѣтимъ мы ничего, подобнаго. По гласности, которая неразлучна съ положеніемъ извѣстнаго писателя, по участію, которое принимаютъ въ его личности люди проницательнаго ума и тонкаго развитія, этотъ писатель постоянно подвергается общему суду своего круга, и укрыться отъ такого суда онъ не въ состояніи. Онъ поневолѣ напоминаетъ римлянина, желавшаго жить въ стеклянномъ домѣ, съ той только разницей, что онъ можетъ быть и не желаетъ, но *обязанъ* жить въ такомъ домѣ, благодаря своей извѣстности. Жизнь подобнаго рода не всегда легка, и многіе люди ея не выдерживаютъ, но за то писатель, ее выдержавшій съ честью, выдержитъ какой угодно судъ, какое угодно искушеніе. Кругъ его товарищей можетъ мѣнять свое мнѣніе о литературномъ его значеніи; но мнѣніе, составленное о немъ какъ о человѣкѣ, не измѣнится до той поры, пока онъ самъ не дастъ къ тому повода. Общій судъ нашихъ лучшихъ учено-артистическихъ круговъ (мы не говоримъ о кругахъ подземныхъ и всѣми признаваемыхъ такими) строгъ, взыскателенъ, но справедливъ какъ нельзя болѣе. Всѣ дѣйствія лица, ему подлежащаго, дѣйствія самыя сокровенныя, давно извѣстны, обсужены и сведены къ одному знаменателю. Кого этотъ судъ призналъ дурнымъ человѣкомъ, тотъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ нехорошій; кого онъ призналъ шаткимъ и ненадежнымъ, тотъ ненадеженъ въ самомъ дѣлѣ, хотя бы десятки свѣтскихъ круговъ приходили въ восторгъ отъ его достоинствъ. Кого призналъ онъ за честнаго и правдиваго человѣка, тотъ ужъ не обманетъ ничьей довѣренности, и всегда будетъ истиннымъ рыцаремъ во всѣхъ дѣлахъ своей жизни. Такихъ-то людей великой честности и долженъ держаться распорядительный комитетъ Литературнаго Фонда, ихъ совѣтомъ и содѣйствіемъ должны дорожить учредители предпріятія. Безъ всякаго преувеличенія мы можемъ сказать, что подобныхъ лицъ не трудно отъискать въ литературномъ кругѣ обѣихъ столицъ, стоитъ только прислушаться къ общему суду литераторовъ и затѣмъ ввѣриться ему съ полной готовностью".

Довѣріемъ должны пользоваться писатели, которыхъ уважаетъ публика, имѣющая полную возможность хорошо знать, каковы мысли и правила этихъ

Digitized by Google

людей—что можетъ быть очевиднѣе этой простой истины, а между тѣмъ, какъ часто встрѣчаешь людей, никакъ не желающихъ допустить, что писатели имѣютъ право на довѣріе, если внушаютъ его тысячамъ и десяткамъ тысячъ образованнѣйшихъ и проницательнѣйшихъ людей. И сколько хорошаго было бы сдѣлано очень легко, сколько зла было бы предотвращено, если бы эта истина не отвергалась по такому странному предубѣжденію. Но есть люди, которые готовы довѣрять кому угодно, только не человѣку, заслужившему уваженіе и довѣріе всѣхъ порядочныхъ людей въ своемъ отечествѣ. Удивительно сложились понятія нѣкоторыхъ людей: они воображаютъ въ своемъ простодушіи, что если земля до сихъ поръ еще не перевернулась вверхъ дномъ, такъ единственно благодаря тому, что они не вѣрятъ въ писателѣ ни прямодушію, ни желанію добра, ни знанію средствъ къ достиженію добра. Бѣдные, они вѣчно воображаютъ себя въ страшной опасности; они думаютъ, что мысль, просвѣщеніе непремѣнно должны быть враждебны имъ! Впрочемъ нельзя и претендовать на нихъ за такую странную ошибку: человѣкъ натурально предполагаетъ, что тотъ, кого онъ не любитъ, тому старается вредить, и самъ платитъ ему за вражду враждою. Бѣдные, гдѣ жъ имъ, при ихъ неразвитости, понять, что просвѣщеніе стремится къ цѣлямъ гораздо высшимъ, нежели вопросы о личностяхъ; что оно стремится принесть добро равно и врагамъ, какъ друзьямъ своимъ, что писатель говоритъ о злоупотребленіяхъ только для того, чтобы предостеречь отъ вреда, приносимаго злоупотребленіями не тому одному, кто терпитъ отъ нихъ, но еще больше тому, кто ихъ дѣлаетъ или терпитъ, по слабости или незнанію. Взяточники умнѣе этихъ людей и лучше ихъ понимаютъ въ чемъ дѣло. Они не думаютъ, что, напримѣръ, г. Щедринъ хочетъ ихъ личной погибели, хочетъ, чтобы они, какъ люди, потерпѣли какой нибудь вредъ; они знаютъ, что когда исчезнутъ злоупотребленія, то не только людямъ, съ которыхъ прежде брались взятки, но и имъ, бывшимъ взяточникамъ, лучше, привольнѣе и спокойнѣе будетъ жить на свѣтѣ, нежели нынѣ, когда они берутъ взятки. Да, классъ людей, обвиняемый во взяточничествѣ, знаетъ, что его собственная выгода, какъ выгода всѣхъ другихъ классовъ общества, требовала бы уничтоженія возможности или надобности брать взятки; зачѣмъ же оскорбляются и тревожатся его разсказами люди, о которыхъ даже и не упоминаетъ онъ, которыхъ онъ не касается не только словомъ, даже мыслью? Причина, какъ мы сказали, въ невѣжествѣ этихъ людей, въ незнаніи того, что извѣстно даже Подъячему старыхъ временъ: они такъ мало развиты, что не въ состояніи отличить рѣчи о дѣлѣ отъ рѣчи о личности, не въ состояніи понять, что есть разница между злоупотребленіемъ и порядкомъ, что при уничтоженіи злоупотребленія люди могутъ оставаться неприкосновенны,—они никакъ не могутъ понять, что можно желать чего нибудь хорошаго, не желая вреда лично имъ. Жалкіе люди! Жалкіе потому, что напрасно мучатъ себя страхами, ровно ни на чемъ неоснованными, кромѣ ихъ собственнаго незнанія; жалкіе потому, что выбиваются изъ силъ, стараясь спастись отъ опасностей, которыя существуютъ только въ ихъ ребячески пугливомъ воображеніи. Скажите, какое чувство возбуждается видомъ человѣка, который принимаетъ медика за отравителя, принимаетъ людей,

Digitized by Google

желающихъ ему здоровья, заботящихся о его счастіи, за враговъ, жаждущихъ его погибели, который въ своемъ семействѣ робко наблюдаетъ за каждымъ жестомъ, ежеминутно ожидая какого-то предательскаго удара, который въ каждой чашкѣ чаю боится выпить ядъ, — въ такую странную галлюцинацію впадаютъ нѣкоторые при словѣ „литература". Галлюцинація— вотъ истинное опредѣленіе противоестественнаго настроенія ихъ духа. Жалкіе люди!—быть можетъ, они вредятъ другимъ, но еще болѣе вредятъ они самимъ себѣ.

Впрочемъ, и то сказать, какъ не приходить многимъ въ нѣчто подобное гидрофобіи при словѣ „литература", когда есть люди, которыхъ приводитъ въ подобный трепетъ даже слово „грамотность"? Въ этой книжкѣ „Современника" читатель видѣлъ статью г. Карновича противъ мнѣній, впасть въ которыя имѣлъ несчастіе г. Даль. Грустно думать, что человѣкъ, умѣющій говорить на нарѣчіи чуть ли не каждаго уѣзда Русской Имперіи, какъ истый туземецъ, собравшій отъ народа чуть ли не 40,000 пословицъ, такъ мало знаетъ нужды нашего народа. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то единодушіе, съ которымъ десятки голосовъ раздались противъ его опаснаго заблужденія. Какъ новое свидѣтельство неудовольствія, возбужденнаго во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ мнѣніями г. Даля объ этомъ предметѣ, мы помѣщаемъ здѣсь небольшое письмо, полученное нами на дняхъ. Статья г. Карновича не нуждается въ дополненіяхъ, да это письмо и не можетъ назваться дополненіемъ къ ней,—оно даже и написано вовсе не для печати,—оно просто прислано къ пріятелю отъ пріятеля, возмущеннаго чтеніемъ статейки г. Даля, и тотъ, къ кому оно было адресовано, переслалъ его намъ съ своею замѣткою, вызванною тѣмъ же чувствомъ. Оно кажется намъ интересно, какъ одно изъ безчисленныхъ доказательствъ, что не въ одной печати ведутся жаркіе толки о вопросахъ, занимающихъ собою литераторовъ.

Письмо къ г. А. С. З. по поводу „Замѣтки о грамотности", г. Даля, напечатанной въ 245 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

„Разсуждать о пользѣ грамотности вообще и о томъ—пора ли заботиться о распространеніи ея между нашими крестьянами, я считаю излишнимъ: то и другое въ настоящее время осязательно для каждаго. Не стану также говорить о несвоевременности появленія статей противъ грамотности—мраколюбцевъ у насъ еще много. Но долгомъ считаю выразить мое удивленіе, что подобныя статьи появляются съ подписью г. Даля, и притомъ, какъ видно изъ собственныхъ словъ его, вслѣдствіе искренняго убѣжденія. Послѣднее обстоятельство невольно, безъ всякаго желанія оскорбить г. Даля, возбуждаетъ вопросъ: съ котораго времени и подъ какими вліяніями могли развиться у него такія убѣжденія? Факты, приводимые имъ, слишкомъ шатки и ничтожны: они не только не могутъ служить основаніемъ убѣжденій, но даже сами собой опровергаются. Не пишутъ у насъ ничего, доступнаго крестьянскимъ понятіямъ, не потому, что нечего писать, а потому, что не кому читать. Не предметы потребленія возбуждаютъ потребности, а потребности раждаютъ предметы потребленія. Истина эта такъ стара, что было бы странно предполагать незнаніе ея въ такомъ писателѣ, какъ г. Даль, и гораздо естественнѣе, что онъ почему-то не хочетъ знать ея. Лишать же средства къ просвѣщенію умственному и нравственному, которое рѣшительно невозможно безъ грамотности (такъ какъ примѣры никогда и никого не научили и способны только къ развращенію), потому только, что средствомъ этимъ могутъ злоупотреблять, было

Digitized by Google

бы просто безразсудно: послѣ этого можно будетъ, пожалуй, сказать, что намъ рано еще имѣть и законы,—вѣдь злоупотребляютъ же ими подъячіе!.. Наконецъ и послѣдній, самый неопровержимый, по мнѣнію г. Даля, фактъ, что въ теченіе десяти лѣтъ изъ 500 крестьянъ, выучившихся грамотѣ въ девяти сельскихъ школахъ, „находящихся у него подъ рукою", 200 человѣкъ сдѣлались извѣстными негодяями, также ничего не доказываетъ: г. Даль не пояснилъ намъ, дѣйствительно ли грамотность была причиною ихъ развращенія, и не кроется ли причина развращенія ихъ въ неудовлетворительномъ устройствѣ школъ или въ дурномъ надзорѣ за обучающимися? Не мѣшало бы г. Далю поглубже вникнуть въ этотъ вопросъ и объяснить публикѣ приводимый имъ фактъ.

„Г. Карновичъ въ своей статьѣ: „Нужно ли распространять грамотность въ русскомъ народѣ", такъ ясно доказалъ г. Далю (иные и нуждались въ этихъ доказательствахъ) необходимость грамоты для крестьянъ, что всякія разглагольствованія о неумѣстности ея становятся рѣшительно невозможными; упорство же г. Даля невольно заставляетъ вспомнить слова покойнаго Гоголя: „иной и почтенный, и государственный человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубитъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь, сколько не представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны.

А. Сапожниковъ".

Г. Холмъ, 1857 г., ноября 20 дня.

Замѣчаніе, сдѣланное на этомъ письмѣ лицомъ, къ которому оно адресовано.

„Едва ли кто либо изъ русскихъ грамотныхъ людей злоупотреблялъ грамотностію болѣе того, чѣмъ злоупотребилъ ею г. Даль (выученный грамотѣ, какъ онъ самъ говоритъ, *къ сожалѣнію* (!)) въ печатныхъ своихъ возгласахъ противъ грамотности. Но и такое образцовое злоупотребленіе грамотностію все-таки, вопреки мнѣнію г. Даля, безвредно, потому что несправедливость странныхъ убѣжденій г. Даля очевидна для всякаго.

А. С. З."

Вотъ въ такихъ-то и тому подобныхъ разсужденіяхъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, прошелъ для публики и для литературы годъ, съ которымъ теперь прощаемся. Превосходно прошелъ этотъ годъ! Говорено было много о многихъ важныхъ дѣлахъ: объ административныхъ и судебныхъ злоупотребленіяхъ, о гласности, о тарифѣ, о различныхъ другихъ экономическихъ преобразованіяхъ, и т. д. Публика восхищалась собою за то, что ее интересуютъ такіе серьёзные вопросы; она чуть ли не готова была сама себѣ присудить римскій дубовый вѣнокъ, coronam civilem, въ награду такой доблести,—и какъ въ самомъ дѣлѣ не присудить было ей дубоваго вѣнка своей доблести?—вѣдь она толковала и читала съ неутомимостью, превышающею всякія похвалы, радовалась прочитанному съ восторгомъ, превышающимъ всякую мѣру. Участь литературы и писателей была не менѣе прекрасна: если уже публика, эта взыскательная публика, была довольна литературою, какъ же было литературѣ не чувствовать довольства своими подвигами? Сладко было жить писателю: будь онъ только хотя мало-мальски порядочнымъ, постоянно онъ слышалъ разговоръ о себѣ, и разговоръ вѣчно ободрительный и одобрительный; даже и безъ этого условія, часто ему случалось испытывать такое наслажденіе; изъ людей, что нибудь писавшихъ

Digitized by Google

въ прошломъ году, ни одинъ, кромѣ развѣ г. Бланка, не остался безъ лестнаго поощренія; да и самъ г. Бланкъ, вѣроятно, слышалъ отъ кого нибудь похвалы себѣ.

Да, завидно положеніе русской литературы, завидна судьба писателя: цѣлый годъ быть предметомъ общаго вниманія и общихъ похвалъ, и имѣть въ перспективѣ продолженіе такого наслажденія и въ наступающемъ году. Такъ; но полнаго, невозмутимаго блаженства нѣтъ на землѣ, и среди умственныхъ и нравственныхъ удовольствій, которыми наслаждалась публика, литература и писатели, приходилось имъ испытывать и нѣкоторыя огорченія,— правда, мимолетныя,—правда, ничтожныя, но все-таки огорченія. Источникомъ этихъ огорченій были мнѣнія нѣкоторыхъ ипохондриковъ, — правда, очень малочисленныхъ,—правда, совершенно заблуждавшихся, но все-таки на минуту смущавшихъ иногда общее удовольствіе. По своему болѣзненному настроенію духа, не раздѣляя общаго оптимизма, они отваживались выражать недовольство и публикою, и литературою, и — о, ужасъ! — осмѣливались говорить, будто бы публика, восхищаясь подвигами литературы, находится въ странномъ ослѣпленіи.

Почему же?—въ отвѣтѣ на это ипохондрики раздѣлялись на двѣ противоположныя партіи.

Одни говорили, что литература заходитъ слишкомъ далеко, забываетъ о скромности и смирности, которыми украшается все на свѣтѣ; что она должна говорить только о вещахъ, не имѣющихъ никакого соотношенія съ современною жизнью, а толковать о злоупотребленіяхъ и улучшеніяхъ вовсе не дѣло литературы. Другіе говорили, что она говоритъ объ этихъ вещахъ все еще слишкомъ мало, слишкомъ неопредѣлительно, и, по настоящему, только кажется, будто она говоритъ что нибудь полезное, а на самомъ дѣлѣ вовсе не говоритъ ничего истинно полезнаго.

Благоразумный читатель, конечно, видитъ совершенную неосновательность того и другаго упрека уже изъ того, что одинъ прямо противорѣчитъ другому: когда немногіе говорятъ: „слишкомъ свѣтло горитъ лампа“; немногіе другіе: „слишкомъ тускло горитъ лампа“,—очевидно, что тѣ и другіе ошибаются, и что справедливо огромное большинство, находящее, что лампа свѣтитъ именно въ надлежащую мѣру. Такъ, публика совершенно права, восхищаясь свѣтомъ, проливающимся отъ нашей литературы на общество. Но въ одномъ она, кажется намъ, нѣсколько несправедлива: она слишкомъ уже безпощадно караетъ ипохондриковъ, не раздѣляющихъ ея довольства; они, какъ люди больные, заслуживали бы, намъ кажется, нѣкотораго снисхожденія; скажемъ болѣе: не отворачиваться надобно отъ больныхъ, а стараться излечить ихъ болѣзнь; заблуждающихся не надобно осыпать горькими упреками, а должно постараться разсѣять ихъ заблужденія; для этого надобно спокойно выслушать ихъ, показать имъ, какія стороны предмета они упускаютъ изъ виду, объяснить имъ, какія ошибки вкрались въ ихъ силлогизмы. Попробуемъ сдѣлать это. Сначала хладнокровно выслушаемъ и потомъ опровергнемъ людей, думающихъ, что литература берется не за свое дѣло, когда, вмѣсто отвлеченностей или фантазій, занимается современными вопросами; покончивъ дѣло съ ними, такимъ же образомъ

Digitized by Google

переговоримъ и съ людьми, думающими, что до сихъ поръ она слишкомъ недостаточно занималась этими вопросами.

„Напрасно литература обольщается мечтами, будто можетъ она преобразовать нравы, говорятъ ипохондрики, недовольные литературою за то, что она, по ихъ мнѣнію, слишкомъ много говоритъ объ общественныхъ интересахъ. Это внѣ ея власти. Нравы измѣняются вслѣдствіе измѣненія обстоятельствъ національной жизни. Измѣненія эти производятся вліяніемъ историческихъ событій, преобразующихъ отношенія классовъ, условія труда, гражданскія учрежденія націи. Посмотрите на исторію, — когда преобразованія общественнаго быта совершались силою литературы?—никогда, никогда; ни одного такого примѣра нѣтъ въ жизни. Испанцы завоевали Америку, у испанцевъ введена инквизиція, испанцы лишились своихъ прежнихъ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій,—вотъ историческія событія,— они-то сдѣлали испанцевъ такими, какими теперь мы ихъ видимъ; но укажите, сдвинулась ли хоть соломинка въ общественномъ зданіи испанскаго быта отъ того, что Сервантесъ написалъ Донъ-Кихота? Ирландцы стали страшны англичанамъ, когда избытокъ угнетенія и страданій довелъ ихъ до отчаяннаго соединенія въ одну фалангу подъ предводительствомъ Даніэля о'Коннеля, и его „рипиль", угроза отторгнуться отъ Англіи, сдѣлалъ свое дѣло. Но скажите, какую пользу принесло ирландцамъ то, что Мильтонъ писалъ столь краснорѣчиво въ защиту религіозной терпимости, и что полтораста лѣтъ англичане учили наизусть его творенія? Мильтона они читали и превозносили, а ирландцамъ все-таки не было оттого ни на волосъ легче. Ждите событій, пользуйтесь событіями, если хотите улучшеній въ бытѣ и нравахъ,— а литература этого дѣла не совершитъ вамъ. Измѣненіе быта и нравовъ!— да стоитъ ли и говорить о безсиліи литературы надъ этими дѣлами, когда она не можетъ даже управлять мнѣніемъ общества. Всѣ порядочные писатели во Франціи уже около ста лѣтъ твердятъ французамъ: уважайте англичанъ; не считайте ихъ своими врагами, они лучшіе союзники вамъ во всемъ добромъ и полезномъ; и что-же?—все-таки французы не любятъ англичанъ, воображаютъ, что англичане хотятъ вредить имъ, сами желаютъ имъ всякихъ бѣдъ; да, такъ сильно это нелѣпое чувство вражды, что когда, напримѣръ, Бастіа хлопоталъ о пониженіи французскаго тарифа, онъ всего больше остерегался показаться другомъ англичанъ: это, онъ зналъ, погубило бы его дѣло; а когда въ нынѣшнемъ году дѣла англичанъ въ Остъ-Индіи казались плохи, „Journal des Débats" долженъ былъ скрыть свою симпатію къ англичанамъ и принужденъ былъ говорить, что они кругомъ виноваты по остъ-индскому возмущенію,—это было ему необходимо, иначе онъ лишился бы своихъ читателей. Вотъ вамъ и степень вліянія литературы на мнѣнія націи: сто лѣтъ самаго сильнаго и дѣльнаго старанія сблизить французовъ съ англичанами,—а въ результатѣ все-таки продолженіе нелѣпой вражды противъ англичанъ во французахъ. Общественное мнѣніе, даже и то, какъ видите, почти не зависитъ отъ литературы, —куда же ей тянуться въ преобразовательницы національнаго быта? Она безсильна даже надъ мыслью, которая составляетъ только одинъ изъ многихъ дѣятелей жизни, между которыми есть много сильнѣйшихъ, нежели мысль; куда же литературѣ претендовать на власть надъ жизнью?"

Digitized by Google

Огорчительны эти слова, но признаемся, мы не умѣемъ найти фактовъ, ыми опровергалось бы это воззрѣніе. Исторія и наблюденіе современ- національной жизни, дѣйствительно подтверждаетъ грустныя мысли ипо- риковъ о безсиліи литературы надъ жизнью. Если бы ипохондрики по- ли сообразно этимъ понятіямъ, которыя они же сами проповѣдуютъ, въ нихъ ничего дѣльнаго нельзя было бы сказать. Но, на бѣду лите- ы въ практикѣ и на счастіе защитниковъ ея важности въ бумажномъ . слова этихъ теоретиковъ о безсиліи литературы повторяются прак- и. не знающими ни исторіи, ни жизни; и эти практики, по своему нію, опровергаютъ теорію, которая безъ того была бы неопровержима. ратура безсильна и ничтожна, положимъ. Что же изъ того логически етъ?—то, что не стоитъ обращать вниманіе на нее; пусть она себѣ тся и хлопочетъ сколько ей угодно и о чемъ ей угодно, — бояться вечего: вѣдь она безсильна. Но нѣтъ, этого никакъ не могутъ на дѣлѣ жать практики, о которыхъ идетъ рѣчь: чуть литература слово ска- не совсѣмъ по ихъ желанію, тотчасъ они поднимаютъ крики, что она ь. практиковъ, и все на свѣтѣ погубитъ; а если могутъ, то подни- , они и суматоху, будто спасаются отъ смерти, и рѣзкими, необдуман- движеніями, какія внушаются только слѣпымъ ужасомъ, начинаютъ ить все, или, вѣрнѣе сказать, колотиться обо все, что попадается имъ аза и подъ руки,—свѣтъ погибни, лишь бы только избавиться отъ страшной опасности: pereat mundus, taceat литература. Свѣта, поло- , они не погубятъ,—это не въ человѣческой власти,—и литературу ть не заставятъ,—этого тоже не въ состояніи сдѣлать человѣческая потому что литература движется историческими событіями, отъ ихъ я то возвышаетъ, то понижаетъ голосъ, а не отъ произвола нѣсколь- людей,—но руки себѣ часто они обколачиваютъ до сильнаго лома въ ть, такъ что и жалко и отвратительно смотрѣть на нихъ: жалко по- что бьются люди совершенно понапрасну; отвратительно потому, что азны ихъ движенія.

Чтожъ тутъ толковать о безсиліи литературы, когда она возбуждаетъ страхи? Что сдѣлалось съ гордой теоріею о ея ничтожествѣ?—А что лось съ этою теоріею, можемъ узнать, вслушавшись въ крики, выры- ся у бѣдныхъ испуганныхъ практиковъ въ порывахъ чувствуемаго мертельнаго безпокойства: въ порывахъ страсти высказываются заду- я мысли человѣка. „Литература безсильна, — да, она безсильна на , но зла она можетъ много сдѣлать; улучшеній быта она не произве- но можетъ возбудить безпорядочныя и безразсудныя стремленія къ ѣнамъ; добрыхъ убѣжденій она не распространитъ, но подорвать ува- къ порядку и нравственности она можетъ“, такъ вопіютъ практики, хивая руками направо и налѣво. А, вотъ какъ уже перевернулась тео- литература, значитъ, не безсильная игра въ слова; нѣтъ, вамъ она тавляется чѣмъ-то въ родѣ чумы, холеры. Но если такъ, почему же дѣйствуете сообразно такому мнѣнію? Дурное и вредное надобно лять; объявите же прямо, что надобно стараться объ истребленіи лите- ы. Пріятно было бы услышать такое прямодушное сознаніе; пріятно

Digitized by Google

во-первыхъ потому, что всегда отрадно видѣть человѣка излагающимъ свои мнѣнія съ благородною откровенностью; во-вторыхъ потому, что мы тогда знали бы по крайней мѣрѣ, что надобно дѣлать для угожденія вамъ. Но нѣтъ, никто не отваживается сказать, что желаетъ уничтоженія литературы,— ее каждый объявляетъ предметомъ своего уваженія, любви, заботливости; практики говорятъ только, что желаютъ уничтожить злоупотребленія литературы, а самую литературу желаютъ видѣть процвѣтающею. Тутъ нѣтъ здраваго смысла: кто же говоритъ, что онъ уважаетъ и любитъ чуму или холеру, и желаетъ имъ процвѣтать, а возстаетъ только противъ злоупотребленій холеры и чумы? Притомъ же, и самый способъ уничтоженія этихъ, будто бы, злоупотребленій, избирается вовсе нелогическій: литературою недовольны за то, что слышатъ отъ нея непріятности себѣ; что нужно сдѣлать, когда слышишь отъ человѣка непріятное? Надобно постараться задобрить, смягчить человѣка, внушить ему расположеніе къ себѣ; а если я въ отвѣтъ на сказанное имъ непріятное для меня слово вздумаю его бранить и преслѣдовать, достигну ли я своей цѣли? Напротивъ, чѣмъ больше я буду возставать противъ него, чѣмъ больше успѣю надѣлать ему бѣдъ, тѣмъ больше возстановлю его противъ себя, и вмѣсто случайно попавшагося въ его рѣчь непріятнаго слова, доведу его до постояннаго ожесточенія противъ меня. Я наживу себѣ врага, и только. Тутъ не должно быть середины: или старайтесь пріобрѣсть дружбу, или прямо поражайте на смерть: всякими средними мѣрами только увеличатся ваши непріятности. Въ отвѣтъ на это практики опять говорятъ уже не то, что̀ слышали мы отъ нихъ прежде.

„Но кто же хочетъ возстановлять противъ себя литературу? — говорятъ практики.—Мы очень хорошо знаемъ выгоду, доставляемую союзомъ съ нею; именно того мы и хотимъ достичь, чтобы она была въ союзѣ съ нами“.—Вотъ какъ! они вѣроятно думаютъ, что имѣютъ въ виду полезныя цѣли (кто же не думаетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ благонамѣренномъ?), и однако же находятъ, что союзъ съ литературою былъ бы для нихъ полезенъ,—значитъ, литература уже признается не безсильною на добро. Какъ это пріятно для литературы, но съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ это далеко отъ гордыхъ теорій о ничтожности литературы, которыми они начали! И такъ, союзъ съ литературою. Но и тутъ практики никакъ не могутъ сообразить своихъ дѣйствій съ своими же собственными желаніями. Чтобы союзникъ могъ быть полезенъ, надобно предоставлять ему его независимость, — безъ этого условія союзъ не только не приведетъ ни къ чему хорошему, онъ просто невозможенъ. Когда одинъ изъ союзниковъ хочетъ отнять у другаго независимость, это будетъ уже не союзъ, а покореніе, завоеваніе, – покореніе совершается не иначе какъ войною, одна изъ воюющихъ сторонъ покоряется другой не иначе, какъ только будучи доведена до совершеннаго истощенія силъ,—какую же пользу можетъ потомъ принести ея содѣйствіе, если она совершенно обезсилена? Она будетъ только въ тягость побѣдителю. Да и возможна ли побѣда, когда человѣкъ, заговорившій тономъ вражды и совершеннаго презрѣнія, кончаетъ увѣреніемъ въ томъ, что онъ желаетъ союза,—не высказывается ли въ этомъ увѣреніи его сознаніе о невозможности дойти враждою до желаннаго имъ результата?

Digitized by Google

Читатель видитъ, что практики, недовольные литературою за то, будто бы она беретъ на себя слишкомъ много, не заслуживаютъ гнѣва: они просто достойны сожалѣнія, какъ люди, которые сами не знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ, которыхъ поступки противорѣчатъ ихъ собственнымъ желаніямъ: имъ слѣдуетъ привести въ порядокъ свои мысли; ихъ слѣдуетъ убѣждать въ томъ, чтобы они болѣе заботились о здравомъ пониманіи вещей, — это принесетъ имъ большую пользу, не только по отношенію къ ихъ дѣйствіямъ, касающимся литературы, но и по всѣмъ другимъ отношеніямъ. Имъ недостаетъ логики; мыслительныя способности ихъ мало развиты,—въ томъ вся бѣда; имъ нужно побольше учиться и побольше думать. Добрая воля и сила есть у нихъ; невѣжество—вотъ корень всѣхъ ихъ ошибокъ. Ахъ, если бы они были хотя сколько нибудь образованными людьми! Тогда они видѣли бы, что нужно имъ держаться одного чего нибудь: или считать литературу безсильной, безполезной и безвредной, — и предоставить ей жить и быть, какъ ей угодно; или считать ее вредной,—и заботиться объ ея уничтоженіи; или считать ее полезною и предоставить ей независимость, потому что только независимость даетъ ей и охоту и силу быть полезною ихъ союзницею. Но всѣ эти три несовмѣстныя понятія страннымъ образомъ совмѣстились въ ихъ головѣ, и они сами не знаютъ, какъ имъ быть, что имъ дѣлать,—и они не замѣчаютъ гибельнаго противорѣчія въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ, потому что недостаточно образованы для того, чтобы могли мыслить логически, недостаточно понимаютъ сами, что дѣлаютъ, для того, чтобы могли поступать благоразумно и сообразно своимъ собственнымъ цѣлямъ. Читатель, вы быть можетъ отворачивались отъ этихъ людей съ негодованіемъ, какъ отъ людей злонамѣренныхъ,—о, нѣтъ, они желаютъ добра, какъ и вы, они только не знаютъ, въ чемъ добро и какъ достичь его; потому, когда вамъ встрѣчается въ жизни такой человѣкъ, старайтесь просвѣтить и вразумить его: не гнѣва, а состраданія и пособія онъ достоинъ. Самое недовольство его литературою такъ наивно, что своею ребяческою недальновидностью невольно смягчаетъ ваше сердце.

Совсѣмъ иное дѣло недовольство нашею литературою въ ипохондрикахъ, осуждающихъ ее за то, что она дѣлаетъ слишкомъ мало. Это люди, чуть ли не въ самомъ дѣлѣ злые. Почему и на что они злы, хорошенько не разберешь. Но съ перваго взгляда на нихъ, съ перваго слова ихъ, приходитъ вамъ подозрѣніе, что они злы. Практики, съ которыми мы разсуждали прежде, почти все люди, живущіе въ комфортѣ, пользующіеся или хорошимъ здоровьемъ, или изящными недугами, какъ то подагрою, гастритомъ; ипохондрики, съ которыми мы теперь начинаемъ разсуждать, люди большею частью худощавые, съ жолчнымъ или по крайней мѣрѣ геморроидальнымъ цвѣтомъ лица; хорошимъ здоровьемъ ни одинъ изъ нихъ не пользуется, не пользуется даже подагрою или гастритомъ — куда имъ до такихъ комфортабельныхъ страданій! У нихъ преобладаютъ болѣзни, болѣзни сердца, груди и головы. Звукъ ихъ голоса отзывается чѣмъ-то ядовитымъ; они, не имѣя права никому говорить назидательно-увѣщательнымъ тономъ, составляющимъ привилегію практиковъ, стараются вознаградить себя за то язвительностью; ипохондрику такого рода высшее наслажденіе въ жизни—уколоть того, съ кѣмъ говоритъ, и осыпать насмѣшками того и то, о комъ и о чемъ говоритъ.

Digitized by Google

„Вы радуетесь на вашу литературу, говорить такой человѣкъ:—будто бы она въ самомъ дѣлѣ занимается чѣмъ нибудь полезнымъ—желаю вамъ радоваться. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не восхищаться: удивительно, на сколько впередъ подвинула она нашъ бытъ, сколькими улучшеніями мы ей обязаны. Составилась компанія и взяла на откупъ постройку желѣзныхъ дорогъ, — вы, господа русскіе журналисты, публицисты и писатели, немедленно принялись доказывать пользу желѣзныхъ дорогъ, ихъ необходимость для Россіи, какъ это своевременно, какъ это полезно! Сдѣлано дѣло, вы тотчасъ же принимаетесь доказывать, что его нужно было сдѣлать. Составленъ пониженный тарифъ, вы тотчасъ неутомимо начинаете доказывать, что низкій тарифъ лучше высокаго; вы статью за статьею разбираете новый тарифъ и объясняете совершенно справедливо, что каждая статья его назначаетъ пошлину на товаръ именно въ такомъ размѣрѣ, который необходимъ для выгодъ нашей промышленности. Превосходно, слова нѣтъ, но позвольте васъ спросить, не запоздали ли ваши превосходныя рѣчи? Когда дѣло сдѣлано, не поздно ли доказывать его надобность? Вѣдь она гораздо яснѣе, нежели словами, доказана уже тѣмъ самымъ, что оно сдѣлано. Я не вижу въ вашей литературѣ ни малѣйшаго сходства съ Эгеріею, мудрые совѣты которой принесли столько пользы Риму; она скорѣе похожа на нимфу Эхо, о которой я не слыхивалъ, чтобы ей приписывалась какая-нибудь польза: миѳологи говорятъ, что она занимается повтореніемъ чужихъ словъ для развлеченія себя отъ скуки. По совѣсти говоря, признайтесь, что вы занимаетесь повтореніемъ задовъ для развлеченія отъ собственной скуки и для развлеченія скуки читателей, и только. Вы удивительно точно и ясно объясняете то, что давно признано полезнымъ и что уже исполнено; вы, какъ говорятъ французы, отлично отворяете уже отворенную дверь, или, говоря по русски, толчете воду. Не то съ вопросами, которые въ самомъ дѣлѣ требуютъ объясненія,—вы или совершенно умалчиваете о нихъ, или говорите въ такихъ общихъ фразахъ, изъ которыхъ совершенно нельзя понять, какимъ же образомъ сдѣлать это дѣло, если оно признано полезнымъ, или почему полезно это дѣло, котораго польза еще не всѣми признана. Возьмемъ хотя бы вопросъ о взяточничествѣ. Никто не защищаетъ взяточничества, всѣ признаютъ его обычаемъ дурнымъ и вреднымъ,—и вы, по своему похвальному правилу, обрадовавшись тому, что всѣ объ этомъ говорятъ, заговорили тоже самое, что и безъ васъ всѣ говорили,—именно, начали утверждать, что взяточничество—дурной и вредный обычай. Друзья мои, въ этихъ ли разсужденіяхъ надобность? Нужно было бы показать средства, какъ намъ избавиться отъ взяточничества,—вотъ это не для всѣхъ ясно, вотъ объ этомъ стоитъ говорить литературѣ. Сказала ли она хотя слово объ этомъ? Сказала, съ гордостью возражаете вы: она указала на гласность, какъ на средство противъ взяточничества. О, горькая необходимость разрушать мечты юности! Да развѣ съ этимъ словомъ соединено какое нибудь ясное понятіе въ вашихъ указаніяхъ? Мало ли что называется гласностью? — и повѣсти, которыхъ такъ много напечатано въ вашихъ журналахъ, по вашему гласность; и та статейка въ какой-то газетѣ, гдѣ нѣкто, очень почтенный человѣкъ, съ паѳосомъ и торжественностью берется за оружіе гласности, чтобы изобличить буфетчика,

Digitized by Google

подавшаго ему дурно приготовленную котлетку въ какомъ-то трактирѣ,—и тонкій намекъ о томъ, что неизвѣстно когда и неизвѣстно гдѣ, неизвѣстно кто, неизвѣстно съ кѣмъ, поступилъ не то несправедливо, не то неучтиво. а что то и гдѣ то было не совсѣмъ понравившееся вамъ. Это гласность! Друзья мои, вы, сколько мнѣ кажется, принимаете муху за слона. Да, я и забылъ: вы еще съ восторгомъ и гордостью намекнули, что взяточничество происходитъ отъ произвола,—но какой это произволъ, чей это произволъ, осталось неизвѣстно; еще менѣе извѣстно, существуютъ ли какія нибудь средства противъ этого таинственнаго произвола. Да, опять чуть было не забылъ: средство противъ него вами указано,—таже самая гласность, то есть объявленіе въ фельетонной статейкѣ о котлеткѣ, дурно приготовленной. По правдѣ говоря, читая эти превращенія мухи въ слона, думаешь, что едва ли не лучше было бы вовсе не писать объ этомъ,—тогда по крайней мѣрѣ не было бы профанировано великое имя гласности. Какую пользу можно извлечь изъ вашихъ смутныхъ разсужденій, искажающихъ до микроскопическаго размѣра все, чего касается ваша рѣчь? Одно тутъ можетъ быть вліяніе: мельчаютъ понятія, мельчаютъ и желанія и надежды тѣхъ, кто вздумаетъ искать въ вашихъ разсужденіяхъ отвѣта на занимающіе его вопросы. А вѣдь вопросъ о взяточничествѣ разобранъ вами все таки гораздо полнѣе и точнѣе другихъ вопросовъ,—если чѣмъ нибудь, то именно имъ должна гордиться ваша такъ называемая гласность. Хорошо же объяснила она другіе вопросы, если о томъ, который объяснила она лучше всѣхъ другихъ, въ результатѣ сказала она только ту прекрасную мысль, что въ трактирахъ не слѣдуетъ подавать плохихъ котлетокъ.

„Не напоминаетъ ли вся ваша литература того русскаго путешественника, который, обозрѣвъ всю Европу, замѣтилъ только, что въ Гамбургѣ хороши сигары? Нечего сказать, стоило ѣздить по Европѣ только для такого открытія; стоило и вамъ толковать о гласности и о прочемъ, чтобы изобличить какую-то котлетку.—Я чувствую, что вы негодуете на меня за эту котлетку. Но что же мнѣ дѣлать? Надъ нею совершился важнѣйшій подвигъ вашей литературы за тотъ годъ, которымъ вы восхищались и который теперь оканчивается.

„Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имѣютъ понятія о томъ, что такое литература, достойная этого имени. Истинно заслуживаетъ имени своего литература только тогда, когда говоритъ обо всемъ, что важнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи происходитъ въ обществѣ, разсматриваетъ всѣ эти факты со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, объясняетъ, отъ какихъ причинъ происходитъ каждый фактъ, чѣмъ онъ поддерживается, какія явленія должны быть вызваны къ жизни для его усиленія, если онъ благотворенъ, или для его ослабленія, если онъ вреденъ. Такая литература руководитъ мнѣніемъ общества, приготовляетъ и облегчаетъ улучшенія въ національной жизни, предотвращаетъ своими указаніями и совѣтами ошибки и бѣдствія.

„Есть ли въ вашей литературѣ что нибудь подобное? Она не руководитъ мнѣніемъ общества. — Куда ей до такого вліянія!—Она рада, рада ужъ, если ей удастся иногда сдѣлаться слабымъ, блѣднымъ отраженіемъ той

Digitized by Google

или другой изъ мыслей, овладѣвшихъ обществомъ безъ ея посредничества; кто захотѣлъ бы слѣдить по ней за тѣмъ, что происходитъ въ нашей жизни, тотъ зналъ бы развѣ одинъ, да и то самый ничтожный, изъ тысячи фактовъ, о которыхъ будетъ говорить исторія, да и этотъ фактъ показываетъ литература вамъ въ искаженномъ видѣ. Восхищайтесь же подвигами вашей литературы, если вы не знаете ни круга дѣйствій, ни обязанностей, принадлежащихъ литературѣ, достойной своего имени. А человѣку, понимающему, чѣмъ должна быть литература, жалко смотрѣть на вашу литературу и забавно видѣть ваше довольство ею".

Что сказать на эти горькія слова жолчныхъ ипохондриковъ? Отвѣтъ вовсе не затруднителенъ намъ теперь, когда мы знаемъ мнѣнія цвѣтущихъ здоровьемъ или пользующихся подагрою практиковъ. Мы только противопоставимъ горькимъ укоризнамъ назидательную теорію о безсиліи литературы, и упреки разсѣятся сами собою. Литература наша не руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, не управляетъ событіями—что жь изъ того? — такихъ претензій и не должна имѣть литература; событія приготовляются событіями, а не словами; общественное мнѣніе воспитывается опытомъ жизни и фактами, такъ или иначе отражающимися на состояніи общества, а не журнальными статьями или книгами. Потому о ходѣ исторіи намъ нечего заботиться,—онъ развивается и безъ помощи литературы; вѣдь начались же у насъ безъ ея содѣйствія строиться желѣзныя дороги,—такъ явится и все, чему явиться прійдетъ пора. А наша литература, если и не дѣлаетъ всего, что слѣдовало бы ей дѣлать, дѣлаетъ все, что можетъ; да и чего инаго желали бы жолчные ипохондрики? Они просто больны и раздражительны, на ихъ слова не слѣдовало бы обращать никакого вниманія, и если мы дали имъ изложить ихъ мнѣніе, то единственно съ цѣлью показать читателямъ, какъ нелѣпы бываютъ мнѣнія и желанія людей болѣзненно раздражительныхъ.

Насъ просили помѣстить въ „Современникѣ" слѣдующее извѣщеніе объ открытіи въ Петербургѣ учебнаго заведенія для дѣвицъ, основаннаго на началахъ совершенно новыхъ у насъ; мы съ удовольствіемъ исполняемъ это желаніе, ожидая много хорошаго отъ мысли, руководившей учрежденіемъ курсовъ, слушательницы которыхъ не будутъ отвлекаемы отъ жизни въ своемъ семейномъ кругу.

„Давно уже общимъ мнѣніемъ признаны нѣкоторые недостатки женскаго воспитанія у насъ въ Россіи. Недостатки эти происходятъ главнымъ образомъ оттого, что воспитаніе дѣвочекъ мало соображается съ особенностями ихъ женской природы и съ будущимъ ихъ назначеніемъ. Возможно лучшее образованіе дается у насъ дѣвицамъ въ различныхъ женскихъ институтахъ. Но всѣ эти институты суть заведенія закрытыя, т. е. дѣвицы, получающія здѣсь свое образованіе, тутъ же должны и *воспитываться*, т. е. во все время курса жить въ заведеніи, отчуждаясь такимъ образомъ отъ семейной жизни. Это обстоятельство не совсѣмъ благопріятно дѣйствуетъ и на развитіе мальчиковъ, по общему убѣжденію людей, спеціально занимавшихся вопросами объ общественномъ воспитаніи. Тѣмъ болѣе для дѣвочки гибельно отчужденіе отъ семьи въ ранніе годы ея жизни. Кругъ, въ которомъ, при современномъ положеніи и устройствѣ общества, должна женщина дѣйствовать,— есть именно кругъ семейный. Поэтому нужно

Digitized by Google

заранѣе, съ малыхъ лѣтъ пріучать ее къ жизни въ семействѣ, не подвергая тому холодному формализму, который неизбѣженъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ при многочисленности воспитанницъ и при отсутствіи постояннаго *роднаго* надзора, при которомъ дисциплина замѣняется дѣтской любовью. Но весьма немногія матери въ состояніи сами воспитывать дочерей своихъ и давать имъ полное и современное образованіе. Равнымъ образомъ не всѣ могутъ имѣть для дѣтей своихъ хорошихъ учителей, особенно такихъ, которымъ можно бы было поручить образованіе дѣвочекъ. А между тѣмъ для дѣвочекъ нѣтъ у насъ открытыхъ учебныхъ заведеній, куда бы онѣ могли приходить только для слушанія уроковъ, возвращаясь послѣ класса домой. Женскіе пансіоны наши также большею частію занимаются не однимъ обученіемъ, но и воспитаніемъ дѣвицъ, принимая ихъ совсѣмъ на житье изъ родительскаго дома. Кромѣ того, въ нашихъ заведеніяхъ вообще при обученіи дѣвочекъ слѣдуютъ обыкновенному способу, принятому и для мальчиковъ, т. е. заставляютъ ихъ заучивать правила, научныя опредѣленія, запоминать общія, отвлеченныя положенія, для нихъ едва понятныя. Такой методъ преподаванія и для мальчиковъ довольно затруднителенъ и безплоденъ, для дѣвочекъ же онъ неудобенъ еще болѣе, потому что онѣ, отличаясь, какъ извѣстно, по самой природѣ своей, большею мягкостью и большимъ развитіемъ чувства и воображенія, требуютъ и въ самыхъ урокахъ болѣе одушевленія и конкретности въ представленіи предметовъ. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ еще не было заведенія, которое имѣло бы въ виду удовлетвореніе всѣмъ изложеннымъ нами условіямъ, и матери, желавшія развить умъ своихъ дочерей и дать имъ солидное образованіе, весьма рѣдко могли удовлетворить своему желанію....

„Съ цѣлію устранить, по возможности, указанные недостатки и облегчить затрудненія матерей семейства въ образованіи дочерей своихъ, открываются нынѣ въ Петербургѣ „курсы ученія для дѣвицъ, воспитывающихся въ своихъ семействахъ“ (Athénée des familles), подъ управленіемъ г-жи Труба, бывшей наставницы Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны. По своей основной мысли и направленію, это заведеніе совершенно отлично отъ всѣхъ, доселѣ у насъ бывшихъ пансіоновъ. Для того, чтобы пользоваться курсами въ заведеніи г-жи Труба, дѣвицамъ нѣтъ надобности выходить изъ круга семейной жизни; онѣ должны только пріѣзжать сюда для слушанія лекцій, а потомъ отправляются домой, гдѣ приготовляютъ свои уроки къ слѣдующему классу. Главная цѣль курсовъ—развить умственныя способности дѣвицъ и сообщить имъ знанія прочныя и основательныя. Поэтому принято—во всѣхъ урокахъ избѣгать школьнаго педантизма и механическаго заучиванья наизусть, и, напротивъ, прилагать всѣ возможныя старанія, чтобы дѣвицы сами пріучались соображать, разсуждать, находить связь и отношенія между предметами и пр. Всѣ работы, какія раздаются ученицамъ на домъ, приспособлены къ той же цѣли, т. е. чтобы въ исполненіи ихъ участвовала не одна память, а вмѣстѣ и самостоятельная дѣятельность разсудка и воображенія. Этимъ способомъ достигается во-первыхъ то, что дѣти пріучаются лучше, легче и основательнѣе мыслить, а во-вторыхъ то, что самыя свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя ими, не будутъ имъ стоить такого мучительнаго и часто безплоднаго труда, какъ при заучиваніи наизусть, а между тѣмъ будутъ живѣе, полнѣе и тверже.

„Заведеніе находящееся подъ управленіемъ госпожи Труба, основано въ обширныхъ размѣрахъ. Въ немъ учреждено пять курсовъ: элементарный, въ который поступаютъ дѣвочки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, второй—отъ двѣнадцати до шестнадцати, высшій—отъ пятнадцати до шестнадцати, дополнительный—отъ шестнадцати, и наконецъ, спеціальный для образованія наставницъ. Въ этихъ курсахъ заключаются всѣ необходимыя для общаго образованія отрасли знанія: Законъ Божій, чтеніе, грамматика, ариѳметика, географія, всеобщая исторія, исторія русская, русская словесность, сравнительная словесность, космографія, естественныя науки. Кромѣ общаго курса, для тѣхъ, кто желалъ бы усовершенствоваться въ одномъ какомъ нибудь предметѣ, назначаются отдѣльные курсы дополнительные. Такимъ образомъ можно записываться, напримѣръ, отдѣльно на курсы какого нибудь изъ новыхъ языковъ, на курсы изящныхъ искусствъ, музыки, пѣнія, рисованія, и проч. По каждому предмету приглашены учредительницею курсовъ знающіе наставники большею частію уже соста-

Digitized by Google

вившіе себѣ извѣстность въ педагогической практикѣ. Кромѣ того, при урокахъ постоянно присутствуютъ репетиторши, которыя, слѣдя за объясненіями учителя, могутъ потомъ помогать матерямъ въ направленіи ученія дѣтей и въ изъясненіи какихъ либо трудностей. Для этой цѣли, по желанію родителей, онѣ могутъ быть отпускаемы къ нимъ на домъ, получая по рублю серебромъ за двухъ-часовой урокъ.

„Всѣ эти удобства предоставляются родителямъ за плату весьма умѣренную, если сравнить ее съ тѣми издержками, какія дѣлаются въ хорошихъ семействахъ на плату за уроки различнымъ учителямъ. Въ заведеніи г-жи Труба можно записываться не иначе, какъ на все продолженіе курсовъ, съ платою по третямъ года: за полный ученый курсъ—элементарный и второй—46 р. сер., курсъ высшій—60 р., курсъ для образованія наставницъ—40 р. въ треть. Курсъ дополнительный состоитъ изъ спеціальныхъ курсовъ, за которые плата полагается въ мѣсяцъ, за каждый отдѣльно. Курсы наукъ имѣютъ по одному уроку въ недѣлю, и плата за нихъ простирается отъ 4 до 10 р. въ мѣсяцъ, по каждому предмету. Курсы новыхъ языковъ и изящныхъ искусствъ, по два урока въ недѣлю—отъ 6 до 12 р. въ мѣсяцъ. Въ числѣ этихъ предметовъ есть такіе, которые у насъ не входятъ обыкновенно въ курсъ домашняго воспитанія, напримѣръ, естественныя науки въ размѣрахъ довольно обширныхъ,—исторія изящныхъ искусствъ. Кромѣ новыхъ языковъ есть еще отдѣльные курсы словесности—французской, нѣмецкой и англійской. Каждый урокъ, во всѣхъ курсахъ, и по всѣмъ предметамъ, продолжается два часа.

„Заведеніе, основанное г-жею Труба, совсѣмъ уже сформировано, и 3 декабря начинаются курсы. Полное число воспитанницъ предположено: въ курсахъ наукъ—отъ 20 до 25, въ курсахъ иностранныхъ языковъ, въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ—отъ 14 до 15, а въ третьемъ (литература) отъ 20 до 25, въ курсахъ музыки, пѣнія и танцевъ—8, въ курсахъ рисованія и живописи—отъ 12 до 15.

„Каждый день, съ 1 до 5 часовъ, можно записываться на курсы у г-жи Труба, на углу Итальянской улицы и Екатерининскаго канала, въ домѣ княгини Енгалычевой (бывшемъ Модена), квартира № 2“.

Намъ пріятно также сообщить читателямъ о появленіи справочной книги, которою значительно облегчаются изслѣдованія по вопросу, имѣющему первостепенную важность въ русской жизни.

Помощникъ библіотекаря въ Дрезденѣ, докторъ философіи Безикъ, составилъ по порученію нѣсколькихъ соотечественниковъ нашихъ каталогъ разныхъ сочиненій и статей подъ заглавіемъ: „Systematisches Verzeichniss von „Büchern, Zeitschriften, zerstreuten Abhandlungen und einzelnen Auf„sätzen betreffend die Literatur und Geschichte der Privatunterthansver„hältnisse, von der aeltesten bis auf die neueste Zeit, so wie ihrer „Aufhebung in den verschiedenen Ländern Europa's, verfasst von D-r F. „L. Boesick“. Каталогъ этотъ напечатанъ въ Дрезденѣ въ нынѣшнемъ году въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и продается въ Петербургѣ у книгопродавцевъ Клюзеля, Давыдова и въ конторѣ Коммиссіонерства Языкова и Комп., а въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Щепкина по 50 коп.—Обращаемъ на этотъ трудъ вниманіе лицъ, занимающихся историческими и юридическими изслѣдованіями отношеній между разными сословіями, какъ на весьма важное пособіе для ученыхъ трудовъ ихъ.

Digitized by Google

ЛЕССИНГЪ,

ЕГО ВРЕМЯ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческое значеніе нѣмецкой литературы въ послѣдней половинѣ прошедшаго вѣка.—Мѣсто, которое принадлежитъ Лессингу въ исторіи развитія нѣмецкаго народа.

Объясняя жизнь, служа посредницею между чистою отвлеченною наукою и массою публики, доставляя человѣку облагораживающее эстетическое наслажденіе, пробуждая умъ къ дѣятельности, литература всегда имѣетъ большее или меньшее вліяніе на развитіе народовъ, всегда играетъ болѣе или менѣе важную роль въ историческомъ движеніи.

Но какъ ни очевидно ея участіе въ исторіи, надобно согласиться, что очень рѣдки въ жизни человѣчества тѣ случаи, когда литература, въ строгомъ смыслѣ слова, какъ мы здѣсь его употребляемъ—то есть поэзія и ученыя сочиненія, писанныя такъ, что читаются всею массою публики, а не одними спеціалистами—рѣдки тѣ случаи, когда литература бывала въ историческомъ движеніи главною, преобладающею силою. Почти всегда литературныя вліянія оттѣснялись, въ развитіи народной жизни, на второй планъ другими, болѣе пылкими чувствами или матеріальными, практическими побужденіями: соперничествомъ племенъ и державъ, религіею, политическими, юридическими и экономическими отношеніями и т. д. Точно такова же была почти всегда и судьба науки. Но чрезвычайная важность науки въ жизни и исторіи нимало не теряется черезъ это скромное положеніе: творя тихо и медленно, она творитъ все; создаваемое ею знаніе ложится въ основаніе всѣхъ понятій и потомъ всей дѣятельности человѣчества, даетъ направленіе всѣмъ его стремленіямъ, силу всѣмъ его способностямъ. Наука—чернорабочій, не играющій блистательной роли въ обществѣ; но трудами этого чернорабочаго живетъ все: и государство и семейство, и политика и промышленность; только оплодотворенныя знаніемъ стремленія человѣка получаютъ характеръ, совмѣстный съ общимъ и частнымъ благомъ, силы человѣка производятъ полезное дѣйствіе. Литература не имѣетъ этого права считаться первою виновницею всякаго прогресса. Она не общая мать всѣхъ другихъ дѣятельностей человѣка: она сама такая же спеціальная, частная дѣятельность, какъ и все остальное въ человѣческой жизни, кромѣ знанія.

Digitized by Google

Когда преобладаніе литературы въ историческомъ движеніи не очевидно, то и на самомъ дѣлѣ она не играетъ въ немъ главной роли. Вѣдь она не создаетъ машинъ и инструментовъ, юридическихъ понятій и нравственныхъ отношеній, государственной власти и промышленной дѣятельности, какъ создаетъ ихъ знаніе. Пусть политика и промышленность шумно движутся на первомъ планѣ въ исторіи, исторія все-таки свидѣтельствуетъ, что знаніе — основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное въ человѣческой жизни. А до литературы нѣтъ историку дѣла, если она насильно не вынуждаетъ у него признанія своего историческаго могущества: чѣмъ не овладѣетъ она сама, въ томъ никто не уступитъ ей доли.

И, надобно признаться, доля литературы въ историческомъ процессѣ, никогда не бывая совершенно маловажна, обыкновенно бывала и вовсе не такъ значительна, чтобы заслуживать особеннаго вниманія. Дѣствительно, литература почти всегда имѣла для развитія человѣческой жизни только второстепенное значеніе. Такъ напримѣръ, въ древнемъ мірѣ мы не замѣчаемъ ни одной эпохи, въ которой историческое движеніе совершалось бы подъ преобладающимъ вліяніемъ литературы. Несмотря на все пристрастіе грековъ къ поэзіи, ходъ ихъ жизни обусловливался не литературными вліяніями, а религіозными, племенными и военными стремленіями, впослѣдствіи, кромѣ того, политическими и экономическими вопросами. Литература была, подобно искусству, лучшимъ украшеніемъ, но только украшеніемъ, а не основною пружиною, не главною двигательницею ихъ жизни. Римская жизнь развивалась военною и политическою борьбою и опредѣленіемъ юридическихъ отношеній; литература была для римлянъ только благороднымъ отдыхомъ отъ политической дѣятельности. Въ блестящій вѣкъ Италіи, когда она имѣла Данте, Аріосто и Тассо, также не литература была основнымъ началомъ жизни, а борьба политическихъ партій и экономическія отношенія: эти интересы, а не вліяніе Данте, рѣшали судьбу его родины и при немъ и послѣ него. Въ Англіи, гордящейся величайшимъ поэтомъ христіанскаго міра и такимъ числомъ первостепенныхъ писателей, какого не найдется, быть можетъ, въ литературахъ всей остальной Европы, вмѣстѣ взятыхъ, — въ Англіи отъ литературы никогда не зависѣла судьба націи, опредѣлявшаяся религіозными, политическими и экономическими отношеніями, парламентскими преніями и газетною полемикою: собственно такъ называемая литература всегда имѣла только второстепенное вліяніе на историческое развитіе этой страны. Таково же было положеніе литературы почти всегда, почти у всѣхъ историческихъ народовъ.

Исключеній изъ этого обыкновеннаго порядка случаевъ, когда литература являлась дѣйствительно главною двигательницею историческаго развитія, очень немного. Нѣмецкая литература послѣдней половины прошедшаго и первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка есть одно изъ самыхъ важныхъ между этими рѣдкими явленіями. Отъ начала дѣятельности Лессинга до смерти Шиллера (до завоеванія западной Германіи Наполеономъ, законодательства Штейна въ Пруссіи и до распространенія философіи — явленій, которыя овладѣваютъ послѣдующимъ развитіемъ нѣмецкаго народа), втеченіе пяти-

Digitized by Google

десяти лѣтъ, развитіе одной изъ величайшихъ между европейскими націями, будущность странъ отъ Балтійскаго до Средиземнаго моря, отъ Рейна до Одера опредѣлялась литературнымъ движеніемъ. Участіе всѣхъ остальныхъ общественныхъ силъ и событій въ національномъ развитіи должно назвать незначительнымъ сравнительно съ вліяніемъ литературы. Ничто не помогало въ то время ея благотворному дѣйствію на судьбу нѣмецкой націи; напротивъ, почти всѣ другія отношенія и условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь, не благопріятствовали развитію народа. Литература одна вела его впередъ, борясь съ безчисленными препятствіями.

Каковы же были результаты этого пятидесятилѣтія?

Въ пятьдесятъ лѣтъ литература совершила для прочнаго блага нѣмецкаго народа болѣе, нежели когда нибудь было совершено всѣми другими общественными силами для какого нибудь народа во сто, въ двѣсти лѣтъ. Нѣмецкая литература застала свой народъ ничтожнымъ, презрѣннымъ отъ всѣхъ и презирающимъ себя, не имѣющимъ даже никакого сознанія о своемъ существованіи, грубымъ до средневѣковаго варварства въ однихъ слояхъ, развращеннымъ до нравовъ временъ Регентства въ другихъ слояхъ, ничего не желающимъ, ничего не надѣющимся, безжизненнымъ. Она дала ему сознаніе о національномъ единствѣ, пробудила въ немъ чувство законности и честности, вложила въ него энергическія стремленія, благородную увѣренность въ своихъ силахъ. Въ половинѣ XVIII вѣка нѣмцы, во всѣхъ отношеніяхъ, были двумя вѣками позади англичанъ и французовъ. Въ началѣ XIX вѣка они во многихъ отношеніяхъ стояли уже выше всѣхъ народовъ. Въ половинѣ XVIII вѣка нѣмецкій народъ казался дряхлымъ, отжившимъ свой вѣкъ, не имѣющимъ будущности. Въ началѣ XIX вѣка нѣмцы явились народомъ, полнымъ могучихъ силъ,—народомъ, которому предстоитъ великая и счастливая будущность,—народомъ, готовымъ дать начала обновленія для всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, если бы тотъ или другой изъ нихъ нуждался въ посторонней помощи для своего обновленія. Все это совершила литература, наперекоръ безчисленнымъ препятствіямъ, безъ всякой посторонней помощи, и Шиллеръ имѣлъ полное право прославить нѣмецкую поэзію за то, что ею возвеличенъ нѣмецкій народъ, и никто не дѣлитъ славы этой съ нѣмецкими писателями.

„Не было у нашей литературы ни Августовъ, ни Медичи, не ободрялъ и не поддерживалъ ея никто. Съ отрадною гордостью можетъ сказать нѣмецъ, что самому себѣ обязанъ онъ всѣмъ, въ чемъ нынѣ честь его“.

Rein Augustisch' Alter blühte,
Keines Mediceers Güte
Lächelte der deutschen Kunst;
. . . . . .
Rühmend darf's der Deutsche sagen,
Höher darf das Herz ihm schlagen:
Selbst erschuf er sich den Werth!

Потому то нѣмецкая литература въ періодъ времени отъ половины прошлаго до начала нынѣшняго вѣка есть явленіе величайшей исторической

Digitized by Google

важности, какой не имѣютъ многія другія эпохи литературной дѣятельности у другихъ народовъ, блиставшія писателями, которые по поэтическому генію были не ниже или даже и выше корифеевъ нѣмецкой литературы. Суворовъ, конечно, былъ геніальнѣе Кутузова и Барклая-де-Толли; но дѣло, совершенное Барклаемъ и Кутузовымъ, безконечно превышаетъ своимъ историческимъ значеніемъ всѣ дивные подвиги Суворова. Такъ Мильтонъ и Данте, по поэтическому генію, быть можетъ, выше Гёте и Шиллера; но въ исторіи человѣчества Гете и Шиллеръ занимаютъ гораздо болѣе значительное мѣсто. То—люди, высокіе въ своей спеціальности; это—двигатели историческаго развитія, имѣвшіе прямое вліяніе на судьбу человѣчества, стоящіе въ ряду великихъ правителей націй, въ одномъ ряду съ Ришелье, Штейномъ, Робертомъ Пилемъ *).

Если бы не вышелъ изъ моды старый и въ сущности вовсе не безполезный обычай объяснять въ предисловіяхъ къ сочиненіямъ, трактующимъ объ ученыхъ предметахъ, какую пользу приноситъ вообще знаніе, какую пользу въ частности приноситъ знаніе того предмета, о которомъ трактуется въ этомъ сочиненіи, и какую пользу въ особенности принесетъ знаніе этого предмета тѣмъ читателямъ, для которыхъ назначается это сочиненіе,—если бы не вышелъ изъ моды этотъ старый добрый обычай, мы должны были бы сказать что нибудь о той особенной пользѣ, какую можемъ извлечь мы, русскіе, изъ знакомства съ судьбами нѣмецкой литературы временъ Лессинга, Шиллера и Гете.

Если бы не вышелъ также изъ моды другой старый добрый обычай—проводить параллели между сходными явленіями въ исторіи различныхъ народовъ, мы могли бы также отыскать нѣкоторыя занимательныя аналогіи между положеніемъ нѣмецкой литературы того времени и положеніемъ нѣкоторыхъ другихъ литературъ въ другія времена.

Наконецъ, если бы не вышли изъ моды „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, мы могли бы выставить Лессинга, разговаривающаго, напримѣръ, съ Пушкинымъ и Гоголемъ въ Елисейскихъ поляхъ: Лессингъ распрашивалъ бы Пушкина и Гоголя о русской литературѣ и, въ свою очередь, сообщалъ бы имъ различныя замѣчанія о литературѣ вообще.

Но „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, историческія параллели въ родѣ Плутарха, предисловія о пользѣ наукъ,—все это рѣшительно вышло изъ моды, и мы, не желая прослыть людьми, отставшими отъ вѣка, отказываемся и отъ разсужденій о пользѣ изученія судьбы нѣмецкой литературы для русской литературы, и отъ идеи вывести Лессинга, разговаривающаго съ Пушкинымъ и Гоголемъ, и повторимъ только, что важнѣйшею стороною нѣмецкой литературы отъ Лессинга до Шиллера надобно считать вліяніе ея на историческую жизнь нѣмецкаго народа. Потому особенно интересно разсматривать ее не въ отдѣльности отъ другихъ сторонъ жизни, какъ чисто художественную дѣятельность, а въ связи съ общею исторіею народа, какъ силу, властвовавшую надъ умами, нравами и жизненными стремленіями и приготовлявшую событія,—словомъ, смотрѣть на нее не какъ на исключи-

*) Гервинусъ, см. особенно предисловіе къ 1-му и 4-му томамъ изданія 1853 года.

Digitized by Google

тельное достояніе искусства, а какъ на одинъ изъ великихъ фазисовъ общей исторіи народа.

Лессингъ былъ главнымъ въ первомъ поколѣніи тѣхъ дѣятелей, которыхъ историческая необходимость вызвала для оживленія его родины. Онъ былъ отцомъ новой нѣмецкой литературы. Онъ владычествовалъ надъ нею съ диктаторскимъ могуществомъ. Всѣ значительнѣйшіе изъ послѣдующихъ нѣмецкихъ писателей, даже Шиллеръ, даже самъ Гете въ лучшую эпоху своей дѣятельности, были учениками его; оставались учениками его даже тогда, когда возставали противъ него или по одностороннему увлеченію, какъ писатели „періода бурныхъ стремленій" (Sturm- und Drang-Periode), или по тайной зависти, какъ Гердеръ и Гете. Нынѣ, когда литература въ Германіи утратила свою преобладающую силу надъ развитіемъ общественной жизни, и безусловное восхищеніе литературными знаменитостями прежняго времени уступило мѣсто другимъ симпатіямъ, величіе Лессинга возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается авторитетъ писателей, смѣнившихъ его, и по мѣрѣ того, какъ очевиднѣе убѣждаются наши современники въ односторонности понятій, которыми еще недавно были удовлетворяемы, все болѣе и болѣе научаются они цѣнить Лессинга. Онъ ближе къ нашему вѣку, нежели самъ Гете, взглядъ его проницательнѣе и глубже, понятія его шире и гуманнѣе. Только еще недавно стали постигать почти безпримѣрную геніальность его ума, удивительную вѣрность его идей обо всемъ, чего ни касался онъ. Слава Лессинга все возрастаетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ возрастать. Но и теперь стало уже ясно для всѣхъ, что только очень немногіе изъ людей XVIII вѣка, столь богатаго геніальными людьми и сильными историческими дѣятелями, могутъ быть поставлены на ряду съ нимъ по геніальности и огромному историческому значенію. Между своими соотечественниками онъ рѣшительно не находитъ соперниковъ въ своемъ вѣкѣ; самъ Фридрихъ II не имѣлъ такого сильнаго вліянія на развитіе нѣмецкаго народа, какъ Лессингъ*).

Мы уже сказали, что нѣмецкую литературу послѣдней половины прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка надобно разсматривать преимущественно со стороны ея вліянія на жизнь нѣмецкаго народа. Дѣятельность Лессинга, которая будетъ предметомъ нашихъ статей, заключаетъ въ себѣ начала всего того, чѣмъ сильна и благотворна для своего народа была эта литература; всему основаніе было положено Лессингомъ: подвигъ его преемниковъ былъ только осуществленіемъ его мысли, и наибольшую часть того, что считалъ онъ нужнымъ совершить, успѣлъ совершить онъ самъ, оставивъ своимъ преемникамъ только меньшую и легчайшую половину труда; въ великой борьбѣ, цѣлью которой было возрожденіе нѣмецкаго народа, не только планъ битвы принадлежитъ ему, но и побѣда была одержана имъ, —Гете и Шиллеръ только довершали то, что уже было сдѣлано Лессингомъ,—ихъ слушали, потому что Лессингъ заставилъ слушать; имъ сочувствовали, потому что Лессингъ заставилъ сочувствовать идеямъ, которыя выражали они,—и все, что было здороваго въ ихъ идеяхъ, было имъ внушено Лессингомъ.

*) Шлоссеръ, Гервинусъ, Гиллебрандъ и проч.

Digitized by Google

Въ немъ или черезъ него и отъ него вся новая нѣмецкая литература до смерти Шиллера и до конца плодотворной эпохи въ дѣятельности Гете.

Мы хотимъ разсказать, что и какъ сдѣлалъ Лессингъ для историческаго развитія Германіи,—и намъ надобно начать съ того, чтобы взглянуть, въ какомъ положеніи засталъ онъ Германію.

Читатель не найдетъ страннымъ, что изложеніе дѣятельности писателя начинается обозрѣніемъ состоянія его родины не въ одномъ литературномъ или умственномъ отношеніи, но и въ государственномъ: писатель этотъ имѣлъ могущественнѣйшее вліяніе не на одну литературу, а на всю общественную жизнь Германіи; результатомъ его дѣятельности было не возрожденіе одной литературы, а возрожденіе націи. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи засталъ онъ свой народъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Причины, замедлившія соединеніе нѣмецкихъ племенъ въ одну національную державу и содѣйствовавшія распаденію Германіи на множество самостоятельныхъ государствъ — Слѣдствія этого распаденія. — Положеніе нѣмецкаго народа въ половинѣ XVIII вѣка по отношенію къ общимъ національнымъ интересамъ.—Характеристика государственной и частной жизни въ различныхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ.

Русскіе, англичане, французы часто осуждаютъ нѣмцевъ за то, что они до сихъ поръ не составили изъ себя одной великой державы, каковы Россія, Англія, Франція. Многіе заходятъ въ этомъ осужденіи такъ далеко, что объявляютъ нѣмцевъ народомъ неспособнымъ къ высшей государственной жизни. Эти люди забываютъ, что судьба народа зависитъ не отъ однѣхъ его способностей, но также и отъ обстоятельствъ. Здѣсь не мѣсто разсматривать, до какой степени извиняются обстоятельствами предки нынѣшнихъ нѣмцевъ, за то, что въ XV — XVII вѣкахъ не успѣли образовать одной державы, какъ успѣли достичь государственнаго единства французы и англичане. Но при внимательномъ разборѣ оказывается, что препятствія, съ которыми нѣмцы должны были бороться въ этомъ дѣлѣ, были гораздо значительнѣе, нежели тѣ затрудненія, которыми задерживались другіе народы. Въ Англіи, напримѣръ, вся страна была занята однимъ и тѣмъ же племенемъ, во Франціи были только два племени, изъ которыхъ сѣверное съ самаго начала было гораздо могущественнѣе южнаго, такъ что безъ особеннаго труда получило рѣшительный перевѣсъ надъ нимъ,—въ Германіи было нѣсколько племенъ, одинаково сильныхъ или защищенныхъ географическими условіями отъ преобладанія другъ надъ другомъ,—фризы, саксы, тюрингцы, аллеманы, баварцы не такъ скоро могли слиться между собою въ одно цѣлое, какъ франки Шампани съ франками Анжу и Берри. По своему географическому положенію, нѣмцы имѣли сосѣдями иноплеменниковъ и на западѣ, и на югѣ, и на востокѣ, между тѣмъ, какъ французы имѣли чужихъ сосѣдовъ только съ одной восточной стороны (на югѣ горы отдѣляли ихъ отъ другихъ народовъ твердою границею), англичане только на сѣверной границѣ встрѣчались съ малочисленными шотландцами,—и если Англія окончательно слилась съ Шотландіей только въ началѣ XVIII вѣка, то можно ли дивиться, что сліяніе пяти или шести равносильныхъ нѣмецкихъ племенъ замедлилось? Во Франціи стремленіе народа къ единству не было развлекаемо дѣломъ покоренія сосѣднихъ племенъ характеру французской національности, въ Англіи борьба за обладаніе Франціею началась уже по соединеніи всѣхъ англійскихъ областей въ одно государство. Въ той и другой странѣ, до утвержденія государственнаго единства, всѣ усилія и народа и верховной

Digitized by Google

власти были устремлены къ созданію и упроченію этого единства. Въ Германіи, напротивъ того, на югѣ и востокѣ нѣмецкое племя было занято упорною борьбою съ иноплеменниками и расширеніемъ границъ своей національности. Представитель верховной власти, императоръ, въ качествѣ главы всего католическаго міра, занятъ былъ не столько утвержденіемъ строгаго государственнаго единства въ Германіи, сколько завоеваніемъ Италіи и борьбой съ папою, а народъ—расширеніемъ предѣловъ своихъ на востокъ. Такимъ образомъ, при значительнѣйшихъ внутреннихъ препятствіяхъ къ основанію государственнаго единства, существовали въ Германіи историческія отношенія, не позволявшія силамъ народа и усиліямъ правительства сосредоточиваться на одномъ стремленіи къ созданію одного національнаго государства, между тѣмъ, какъ въ Англіи и Франціи не существовало этихъ отношеній, неблагопріятныхъ, стремленію къ государственному единству.

Этими особенными обстоятельствами и отношеніями уже достаточно объясняется, почему исторія Германіи, по вопросу о государственномъ единствѣ одноплеменнаго народа, представляетъ противоположность, напримѣръ, французской исторіи; и нѣтъ надобности предполагать въ нѣмцахъ менѣе способности къ составленію одного національнаго государства, нежели въ какомъ нибудь другомъ изъ европейскихъ народовъ, ранѣе нѣмецкаго народа достигшихъ этой цѣли потому только, что имъ на пути встрѣчалось менѣе препятствій, нежели нѣмцамъ.

Нельзя осуждать нѣмцевъ за то, что они еще не слились въ одну державу: не народъ нѣмецкій виноватъ въ томъ, а географическія и историческія отношенія. Но дѣйствительно, подъ вліяніемъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, исторія Германіи, по отношенію къ государственному единству, представляетъ, съ XIII или XIV вѣка, совершенную противоположность тому, что мы видимъ во Франціи. Начало развитія въ обѣихъ странахъ было одно: имперія Карла Великаго постепенно распалась на мелкія государства, которыя и по объему, и даже по характеру управленія, скорѣе можно сравнить съ частными владѣніями, нежели съ національными державами. Королевская власть во Франціи, императорская въ Германіи была очень слабою связью между раздробленными частями одного народа. Но во Франціи эта центральная власть постепенно усиливается и наконецъ даетъ народу политическое единство; въ Германіи она все больше и больше ослабѣваетъ, такъ что въ XVIII вѣкѣ существуетъ только по имени, а отдѣльные князья, сначала бывшіе подданными императора, становятся независимыми государями, которые только на бумагѣ называются членами одной конфедераціи, на самомъ же дѣлѣ не хотятъ ни думать о національныхъ интересахъ, ни подчиняться имперскому сейму. Каждое великое событіе, театромъ котораго была Германія, подвигало судьбу націи къ этому результату. Чтобы не заходить въ слишкомъ отдаленныя времена, припомнимъ ходъ событій съ Реформаціи. Она раздѣлила Германію на двѣ враждебныя половины, и раздѣленіе это не было слѣдствіемъ какого нибудь разнорѣчія между стремленіями народа въ южной и сѣверной Германіи, а только слѣдствіемъ того, что католикъ-императоръ, папа и баварскіе іезуиты успѣли удержать въ религіозномъ повиновеніи области, ближайшія къ центру ихъ

Digitized by Google

могущества, и насильственно подавить реформацію въ южной Германіи, чего не успѣли сдѣлать въ земляхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Рима, Вѣны и Мюнхена. Изъ двухъ враждебныхъ партій, протестантская напрягала всѣ силы для ослабленія непріязненной центральной власти, католическая находила себѣ главную опору не въ императорѣ, а въ герцогахъ баварскихъ. Власть императора упала, власть отдѣльныхъ князей возвысилась. Имперскій сеймъ сталъ уже не органомъ союза, хотя и слабаго, но все-таки общаго національнаго союза, какъ то было прежде, а конгрессомъ двухъ враждебныхъ коалицій, послѣднее слово которыхъ всегда — угроза войною. Католики и самъ императоръ ищутъ покровительства Испаніи, протестанты — Англіи, Даніи, Швеціи; поочередно тѣ и другіе — покровительства Франціи; тѣ и другіе одинаково находятся подъ вліяніемъ иноземцевъ, которые становятся покровителями нѣмецкимъ державамъ противъ нѣмецкихъ же державъ. Мало по малу, съ ослабленіемъ религіознаго энтузіазма, ослабѣла и та связь, которая соединяла протестантовъ съ протестантами, католиковъ съ католиками: прежнія крѣпкія коалиціи исчезаютъ; послѣ Тридцати-лѣтней войны нѣтъ прочнаго союза ни между протестантами, ни между католиками; вмѣсто духа партій водворяется духъ полнаго эгоизма. Благодаря чужеземному вмѣшательству, отдѣльные князья становятся, по вестфальскому миру, совершенно самостоятельными, изъ непокорныхъ вассаловъ дѣлаются независимыми отъ императора государями. На сеймѣ каждый руководится только своими частными выгодами; сеймъ безсиленъ, а если имѣетъ еще нѣкоторую тѣнь вліянія, то вліяніе это уже открытымъ и законнымъ образомъ находится въ рукахъ чужеземцевъ: Франція, Швеція, Данія имѣютъ голосъ въ совѣщаніяхъ. Самъ германскій императоръ заботился исключительно о выгодахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, чуждыхъ общимъ интересамъ нѣмецкаго народа: онъ дѣйствовалъ, какъ государь Венгріи, разныхъ славянскихъ и итальянскихъ земель, лежавшихъ внѣ границъ Германіи. Таково же было положеніе сильнѣйшихъ князей, курфирстовъ саксонскихъ, бывшихъ королями польскими; духовные князья-архіепископы майнцскій, кельнскій и трирскій не имѣли даже и династическаго интереса: они руководились исключительно личными выгодами. Не будемъ уже говорить о раздѣленности интересовъ по вопросамъ внутренней политики: какъ бы ни была безпощадна борьба партій, раздѣляющихъ народъ во времена мира, но при внѣшней опасности со стороны чужеземцевъ всѣ области страны, всѣ партіи народа имѣютъ одинъ общій интересъ и соединяются для защиты. Послѣ вестфальскаго мира не было и этого въ Германіи: съ половины XVII вѣка, не было ни одной войны, въ которой Германская имперія являлась бы какъ одно цѣлое: каждый разъ, какъ только вспыхивала въ Западной Европѣ война, одни изъ германскихъ владѣтелей сражались за одну, другіе за другую изъ враждующихъ сторонъ, хотя обыкновенно Германіи не было собственно никакой нужды вмѣшиваться въ войну. Да и могло ли быть иначе? кромѣ вліянія иноземцевъ, нѣмецкія области вовлекались въ чуждыя имъ распри и потому, что сильнѣйшіе изъ нѣмецкихъ князей владѣли государствами или провинціями внѣ Германіи: саксонскіе курфирсты были также польскими королями, курфирсты бранденбургскіе владѣли Пруссіею; такимъ образомъ, Бранденбургъ

Digitized by Google

запутывался во всѣ распри, касавшіяся Прусской области, и въ XVII вѣкѣ былъ государствомъ наполовину чуждымъ Германіи, а Саксонія еще больше страдала отъ соединенія съ Польшею. Помераніею владѣла Швеція, Ганноверомъ—Англія, и обѣ эти державы пользовались силами Ганновера и Помераніи, конечно, не для выгоды этихъ областей, а только по своимъ собственнымъ разсчетамъ. Баварія послѣ вестфальскаго мира постоянно искала у Франціи помощи противъ Австріи. Въ эти чуждыя національнымъ интересамъ, чуждыя всякому помышленію объ общемъ отечествѣ интриги и отношенія сильнѣйшихъ германскихъ державъ вовлекались, какъ ихъ кліенты, десятки второстепенныхъ и сотни третьестепенныхъ князей и князьковъ, пользовавшихся правами политической независимости графовъ, бароновъ и рыцарей, архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ и имперскихъ городовъ.

Таково было положеніе Германіи въ началѣ XVIII вѣка, таково же оставалось оно и черезъ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, — даже сдѣлалось еще безнадежнѣе и позорнѣе.

Общія выраженія слишкомъ слабы и блѣдны,—надобно припомнить событія нѣмецкой исторіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, чтобы имѣть точное представленіе о томъ, какъ далекъ былъ нѣмецкій народъ отъ всякой идеи о единствѣ, когда вліяніе литературы начало противодѣйствовать совершенному расторженію членовъ одной націи.

Ограничиваясь событіями XVIII вѣка, мы не будемъ говорить ни о томъ, какія постыдныя измѣны общему дѣлу со стороны многихъ нѣмецкихъ владѣтелей Германіи были причиною успѣховъ Людовика XIV въ первыхъ его войнахъ; не будемъ говорить о томъ, съ какимъ позорнымъ равнодушіемъ, съ какою жалкою трусостью сеймъ позволялъ ему захватывать во время мира нѣмецкіе области и города. Мы начинаемъ свой обзоръ прямо съ войны за наслѣдство испанскаго престола *).

Въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола Англія и Голландія начали борьбу съ Франціею за свои жизненные интересы. Не говоря ужъ о соперничествѣ въ морской торговлѣ и другихъ важныхъ дѣлахъ, вспомнимъ только, что Людовикъ XIV хотѣлъ завоевать Голландію и вооруженною рукою возвратить въ Англію Стюартовъ, которые были его вассалами и правленіе которыхъ грозило погибелью всему, что было священно для англичанина, отъ протестантской религіи до гражданскихъ законовъ. Австрія имѣла въ войнѣ съ Франціею очень важный интересъ, если не народный, то, по крайней мѣрѣ, государственный; дѣло шло о томъ, австрійскому или французскому вліянію первенствовать въ Западной Европѣ, господствовать въ Испаніи, Италіи, испанскихъ Нидерландахъ. Эти вопросы были совершенно чужды интересамъ Германіи; она не могла ничего выиграть въ этой распрѣ, каковъ бы ни былъ конецъ, и не имѣла причинъ вмѣшиваться въ войну. Германскій сеймъ сначала объявилъ, что будетъ соблюдать нейтралитетъ. Но съ одной стороны подкупалъ германскихъ князей Людовикъ XIV субсидіями, съ другой—императоръ, обѣщаніями повышеній въ титулахъ.

*) Обзоръ состоянія Германіи и событій ея исторіи составленъ почти исключительно по Шлоссеру.

Digitized by Google

Потому въ Готѣ и Вольфенбюттелѣ начали вербовать войска для французскаго короля, что было запрещено рѣшеніемъ сейма относительно нейтралитета. Ганноверскія войска заняли непокорныя области. При посредничествѣ бранденбургскаго курфирста, войска, навербованныя для французовъ, отданы были въ распоряженіе императора. Сеймъ мало-по-малу склонился на австрійскую сторону. Но курфирсты баварскій и кельнскій остались союзниками французовъ и на деньги, данныя Людовикомъ, вербовали войска, чтобы вмѣстѣ съ французами двинуться на Вѣну. Сеймъ опредѣлилъ выставить армію для защиты границъ имперіи,—онъ рѣшился наконецъ вести войну, но только оборонительную, а не наступательную. Между тѣмъ, курфирстъ баварскій собралъ на французскія деньги 20,000 войска, пошелъ противъ имперской арміи, которая отступила, и двинулся на Рейнъ; курфирстъ кельнскій, съ французскими и собственными войсками, также вступилъ въ германскія области, жегъ, грабилъ и хвалился, что на двадцать миль отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояла его главная квартира, не осталось ни одного поселянина, — и, однако же, четыре года провелъ сеймъ въ совѣщаніяхъ, должно ли этихъ двухъ князей признать врагами германскаго союза. Имперское войско терпѣло во всемъ совершенный недостатокъ; князья выставили едва пятую часть контингента, который обѣщались дать. При такихъ условіяхъ имперская армія, конечно, терпѣла повсюду неудачи и во все продолженіе войны играла самую жалкую роль, между тѣмъ, какъ австрійцы и англичане покрывались славою. Людвигъ Баденскій, назначенный предводителемъ имперской арміи, не могъ сдѣлать ничего, потому что генералами ему даны были люди неспособные, безпечные, которые изъ мелкой зависти старались нарочно мѣшать успѣху его плановъ. Имперскій сеймъ не обращалъ вниманія на его требованія, занимаясь только разборомъ нескончаемыхъ жалобъ различныхъ князей и городовъ на то, что контингенты, на нихъ возложенные, слишкомъ велики. Пренія о каждомъ пустѣйшемъ дѣлѣ тянулись мѣсяцы и годы. Каковы были жалобы, можно судить по слѣдующему примѣру. Одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ, Франкфуртъ, въ 1706 году утверждалъ, что наложенный на него денежный контингентъ не можетъ быть уплаченъ безъ раззоренія города. Какъ же великъ былъ контингентъ?—800 гульденовъ (500 руб. сер.). Франкфуртъ просилъ, чтобы „эта сумма были уменьшена до 300 гульденовъ, сложеніемъ 500 гульденовъ, хотя, по мнѣнію города, справедливо было бы уменьшить ее до 266 гульденовъ и 40 крейцеровъ, сложеніемъ двухъ-третей, именно 533 гульденовъ и 20 крейцеровъ“. Король прусскій предложилъ свое заступничество столь жестоко угнетеннымъ франкфуртцамъ подъ условіемъ, что въ ихъ лютеранскомъ городѣ будетъ дано реформатамъ позволеніе отправлять богослуженіе по обряду своей церкви. Можно судить, съ какою поспѣшностью, въ какой полнотѣ и въ какомъ видѣ столь ревностные патріоты выставляли свои войска, и какъ аккуратно уплачивали они наложенныя сеймомъ военныя подати. Когда въ 1706 году коллегія курфирстовъ, послѣ четырехлѣтнихъ требованій со стороны императора, объявила наконецъ врагами союза курфирстовъ баварскаго и кельнскаго, съ 1702 года опустошавшихъ, въ союзѣ съ французами, юго-западную Германію, коллегія князей начала изъ-

Digitized by Google

являть претензіи за то, что это сдѣлано безъ ея согласія. А, между тѣмъ, на словахъ, члены союза кипѣли ненавистью къ французамъ. Графъ фонъ-Тюнгенъ, при крещеніи своихъ дѣтей, формулу „отреченія отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его“ измѣнялъ даже слѣдующимъ прибавленіемъ: „отрекаешься ли сатаны и французовъ и всѣхъ дѣлъ ихъ“.

Когда умеръ Людвигъ Баденскій, начались споры о томъ, католикъ или протестантъ долженъ начальствовать имперскимъ войскомъ; наконецъ, противъ воли императора, сеймъ назначилъ главнокомандующимъ маркграфа Эрнста Аншпахъ-Байрейтскаго, и тутъ оказалось, что Людвигъ Баденскій былъ великимъ полководцемъ, если могъ еще хотя какъ нибудь держаться съ своимъ войскомъ, никуда негоднымъ. Новый полководецъ былъ тотчасъ же разбитъ французами на голову, такъ что потерялъ всю артиллерію и весь обозъ. Французы хлынули на юго-западную Германію и опустошили всю страну на огромное пространство. Кое-какъ убѣдили маркграфа сложить съ себя команду, и новый предводитель имперской арміи, курфирстъ ганноверскій, рѣшился обороняться отъ французовъ, по системѣ Людвига Баденскаго, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Онъ постоянно долженъ былъ жаловаться сейму на дурное состояніе войска, недостатокъ провіанта и аммуниціи и на то, что въ солдатахъ нѣтъ никакого патріотизма; князья, по прежнему, не исполняли обязанностей, возложенныхъ на нихъ сеймомъ. Англійскія и голландскія газеты наполнены были насмѣшками надъ медленностью сейма, неисправностью нѣмецкихъ князей; голландскіе уполномоченные упрекали въ своихъ нотахъ сеймъ самымъ жосткимъ языкомъ за то, что „нѣмецкимъ князьямъ деньги дороже собственной чести“. Во все продолженіе войны сеймъ и его армія были посмѣшищемъ Европы. Самъ Евгеній Савойскій, такъ блистательно поражавшій французовъ съ австрійскими войсками, не могъ ничего сдѣлать съ имперскою арміею, когда она поступала въ его распоряженіе, долженъ былъ отступать и смотрѣть, какъ французы въ его глазахъ брали одну крѣпость за другою. Сеймъ разсуждалъ, велъ жаркія пренія, писалъ длинныя инструкціи и дедукціи, но никто не платилъ денегъ по его назначенію, армія не имѣла ни хлѣба, ни аммуниціи. Зато и при заключеніи мира съ Франціею въ Раштадтѣ никто не спрашивалъ согласія у сейма: Австрія подписала трактатъ безъ его уполномоченныхъ, и уже потомъ, въ Баденѣ, начались новые переговоры между французскими и имперскими посланниками. Разумѣется, это была чистая комедія; но имперскіе педанты важно и долго трактовали о томъ, что уже давно было рѣшено въ Раштадтѣ безъ ихъ согласія, и чему они принуждены были безусловно покориться. Само собою разумѣется также, что Баварія и Кельнъ, союзники французовъ, получили полное извиненіе въ томъ, что воевали противъ имперіи, членами которой считались.

Въ то время, какъ юго-западная Германія страдала отъ войны, участвовать въ которой не имѣла никакой нужды, сѣверо-восточная Германія еще больше страдала отъ другой войны, еще болѣе чуждой ея интересамъ. Честолюбивые замыслы короля польскаго навлекли на Польшу страшное мщеніе Карла XII; но король польскій былъ вмѣстѣ курфирстомъ саксонскимъ, и Саксонія подверглась той же участи, какъ Польша. Бѣдствія на-

Digitized by Google

чались съ того, что саксонскія войска были истреблены шведами въ остзейскихъ провинціяхъ и Польшѣ, куда, безъ всякаго вниманія къ пользамъ Саксоніи, завелъ ихъ Августъ II. Потомъ Карлъ, преслѣдуя Августа, пошелъ въ Саксонію черезъ Силезію, которая тогда принадлежала императору,—императоръ не дерзнулъ выразить неудовольствіе за то, что иноземцы самовольно проходятъ по его областямъ, напротивъ, даровалъ различныя льготы силезскимъ протестантамъ, чтобы только пріобрѣсть благосклонность шведскаго короля. Саксонія не могла и не думала защищаться: Карлъ занялъ ее безъ битвы и, однако же, систематически раззорялъ эту страну, чтобы лишить своего врага средствъ къ продолженію войны. Потери, которыя понесла Саксонія только въ первыя пять лѣтъ Сѣверной войны отъ наборовъ и поборовъ Августа, еще до занятія шведами Саксоніи, оцѣниваются въ 88,000,000 талеровъ —сумма, равняющаяся, при тогдашней рѣдкости денегъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ, двумстамъ милліонамъ по нынѣшней цѣнности денегъ; изъ саксонскихъ войскъ погибло до 36,648 человѣкъ — потери страшныя для страны, которая имѣла всего какихъ нибудь два милліона жителей. Всю эту погибель навлекъ Августъ на свою родину только для того, чтобы получать субсидіи отъ Петра Великаго и тотчасъ же растрачивать эти субсидіи на свои роскошныя увеселенія. Русскимъ хорошо извѣстна жалкая роль двоедушнаго измѣнника, которую принялъ на себя Августъ, выдавъ Карлу русскаго посланника Паткуля на колесованіе, въ то самое время, какъ увѣрялъ Петра Великаго въ своей дружбѣ; извѣстно и то, какъ горько отомстилъ ему за измѣну Меньшиковъ, заставивъ его, уже заключившаго миръ съ Карломъ, сражаться подлѣ русскихъ въ битвѣ при Калишѣ, гдѣ были поражены шведы. Августъ, униженно прося за то прощенія у Карла, хвалился передъ нимъ, что тайкомъ отъ Меньшикова извѣщалъ шведскихъ генераловъ о движеніяхъ Меньшикова, а сражался только изъ страха и какъ нельзя хуже. Съ тѣмъ вмѣстѣ Августъ отдалъ подъ судъ, наказалъ денежными штрафами и заключеніемъ въ крѣпости тѣхъ сановниковъ, которые по его приказанію заключали миръ съ Карломъ: „они должны были догадаться—говорилъ онъ—что я только хочу обмануть шведовъ“. Между тѣмъ шведы хозяйничали въ Саксоніи такъ своевольно, что изнѣжились отъ роскошной жизни и отвыкли отъ прежней строгой дисциплины. Кромѣ квартиры и пищи, они получали отъ жителей добавочныя деньги къ жалованью. Саксонцамъ пришлось такъ тяжело, что, по выраженію, употребленному въ оффиціальномъ представленіи саксонскаго Ландтага, „различные обыватели отъ слишкомъ большаго утѣсненія и недостатка пропитанія впали въ меланхолію, отчаяніе и даже самоубійство, потому что немилосердно отнимали у нихъ скотину и домашній скарбъ и продавали набравшимся въ Саксонію жидамъ, а солдату въ день должны они были давать два фунта мяса съ овощами и двѣ кружки пива“. Пышность саксонскаго двора не уменьшалась въ это бѣдственное время, и сборщики контрибуціи, простиравшейся до 500,000 талеровъ въ мѣсяцъ, пользовались случаемъ, чтобы еще почти столько же отнимать у народа въ собственную пользу. Такое несносное состояніе продолжалось цѣлый годъ, пока Карлъ вышелъ изъ раззоренной земли. Между тѣмъ онъ вербовалъ въ свои войска не только въ Саксоніи,

Digitized by Google

но во всѣхъ имперскихъ городахъ, въ Бранденбургѣ, Пруссіи, даже въ Силезіи, несмотря на запрещеніе императора. Когда, послѣ пораженія Карла подъ Полтавою, Данія и Польша возобновили непріязненныя дѣйствія противъ шведовъ, вся тяжесть войны обрушилась на нѣмецкія провинціи; русскіе опустошили шведскую Померанію, въ отмщеніе за то Стенбокъ разорялъ Гольстинію, съ такою свирѣпостью, какой мало бывало примѣровъ: цѣлью его, по собственному его объявленію, было „выжечь въ Гольстиніи столько же городовъ и селъ, сколько выжгли русскіе въ Помераніи". Между прочимъ, онъ велѣлъ сжечь городъ Альтону; Гамбургъ, лежащій по сосѣдству, не пустилъ несчастныхъ изгнанниковъ переночевать, и они должны были, среди жестокой зимы, ночевать въ полѣ, передъ запертыми для нихъ воротами Гамбурга; многіе замерзли въ эту ужасную ночь. Переходя изъ рукъ въ руки, Мекленбургъ, Померанія и Гольстинія были совершенно опустошены шведами, саксонцами, датчанами и русскими; Данцигъ, Гамбургъ, Любекъ и другіе города платили страшныя контрибуціи, села были разрушены.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Испанія, въ союзѣ съ Франціею, вздумала отнять у Австріи итальянскія провинціи, а въ Польшѣ произошли смуты по случаю избранія короля, Германія въ 1733—1734 годахъ опять съ двухъ сторонъ была наводнена врагами, опять подверглась раззоренію изъ-за споровъ, которые были совершенно чужды ея прямымъ интересамъ, и опять многіе германскіе князья явились союзниками иноземцевъ противъ своей родины, и опять имперское войско покрыто было позоромъ. Французы вступили въ юго-западную Германію, прогнали имперскія войска, ограбили прирейнскія области. Потомъ вступили во Франконію пруссаки, посланные на помощь императору, и также грабили эту страну, между прочимъ, за то, что франконцы не позволяли курфирсту, страшно любившему высокихъ солдатъ, насильно брать въ свою службу чужихъ подданныхъ, имѣвшихъ несчастіе родиться высокорослыми. Баварскій курфирстъ продалъ себя французамъ и сталъ на французскія деньги собирать войско противъ имперіи, но, къ счастію, набралъ его немного, потому что большую часть полученныхъ субсидій истратилъ на своихъ фаворитокъ. Пфальцъ и Майнцъ также были въ союзѣ съ французами; кельнскій курфирстъ также продалъ себя французамъ. Курфирсты ганноверскій и бранденбургскій перессорились такъ, что грозили другъ другу войною, и первый вызывалъ втораго на дуэль. Три французскія арміи уже давно раззоряли Швабію, Франконію и Лотарингію, а сеймъ все еще не объявлялъ войны; наконецъ объявилъ,—и начался споръ о томъ, кому предводительствовать имперскою арміею, существовавшею, впрочемъ, только еще на бумагѣ. Единственнымъ средствомъ покончить этотъ споръ было то, что команду принялъ Евгеній Савойскій, хотя былъ уже дряхлъ. При всей своей геніальности, онъ могъ только отступать передъ французами; да и то было верхомъ искусства, что онъ успѣлъ отступить съ такою жалкою арміею, не потерявъ ея. На защиту нѣмцевъ должны были явиться русскія войска. Война кончилась тѣмъ, что имперія потеряла Лотарингію.

На другомъ концѣ Германіи, въ войнѣ за польскій престолъ, всего

Digitized by Google

болѣе пострадали опять-таки нѣмецкія провинціи, и, напримѣръ, Данцигъ долженъ былъ заплатить 2,000,000 талеровъ контрибуціи, изъ которыхъ, впрочемъ, половина была потомъ прощена ему, по невозможности уплаты.

Со времени вступленія Фридриха II на прусскій престолъ, сила и достоинство Пруссіи въ кругу европейскихъ державъ быстро увеличиваются. Но это возвышеніе нѣмецкой державы было едва ли не самымъ пагубнымъ ударомъ упадавшему, уже почти павшему единству Нѣмецкой имперіи. Пруссія стала такъ сильна, что рѣшительно не захотѣла ни въ чемъ подчиняться даже формальной зависимости отъ сейма; но, съ другой стороны, она вовсе не была ни такъ могущественна, ни такъ общительна въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ нѣмецкимъ государствамъ, чтобы сдѣлаться центромъ новаго единства для Германіи. Она только оторвалась отъ союза, не представляя новыхъ залоговъ единства въ замѣнъ окончательно разорванныхъ прежнихъ узъ. И не только государственныя связи различныхъ частей Германіи потерпѣли отъ ея возвышенія: оно въ самомъ народѣ поселило непріязненныя чувства, основанныя, съ одной стороны, на зависти, съ другой—на гордости. До Фридриха II ни одно изъ нѣмецкихъ племенъ не могло хвалиться особенно славными подвигами, не имѣло знамени, которое могло бы съ честью быть выставлено противъ общаго національнаго знамени. Послѣ блистательныхъ побѣдъ Фридриха жители прусской державы стали гордиться и хвалиться тѣмъ, что они пруссаки, и стали съ презрѣніемъ смотрѣть на жителей другихъ нѣмецкихъ областей, уже не хотѣли даже считать себя нѣмцами. До того времени они мало думали объ отечествѣ, но когда думали, то все-таки отечествомъ представлялась имъ Германія; теперь отечествомъ они стали считать Пруссію, равнодушно и нагло отзываясь о Германіи, до которой не хотѣли имѣть никакого дѣла. Вмѣсто прежняго, хотя слабаго, чувства національнаго единства, въ значительной и сильнѣйшей части нѣмецкаго народа явилось положительное отчужденіе отъ общаго отечества, въ другихъ племенахъ — вражда къ этому отчуждающемуся, соединенная съ унизительнымъ сознаніемъ собственнаго безсилія.

Фридрихъ II съ самаго начала сталъ дѣйствовать, какъ глава государства, совершенно независимаго отъ союза. Онъ, оставивъ юридическій путь, которому всегда слѣдовали нѣмецкіе князья, и въ томъ числѣ его предки, при столкновеніяхъ своихъ съ другими нѣмецкими князьями, рѣшилъ споръ свой съ епископомъ Люттихскимъ, занявъ войсками округи, о правахъ на которые шло дѣло. Точно также принудилъ онъ курфирста майнцскаго уступить Румпенгеймъ ландграфу гессенскому, объявивъ безъ всякой церемоніи, что вышлетъ войско противъ Майнца, если курфирстъ не покорится волѣ прусскаго короля. Послѣ этого очевидно было, къ какимъ средствамъ прибѣгнетъ онъ для завладѣнія нѣсколькими округами Силезіи и Юлихъ-Клеве-Бергомъ, на обладаніе которыми Пруссія имѣла притязанія. Важность дѣла состоитъ не столько въ справедливости или несправедливости притязаній, сколько въ томъ, что Фридрихъ рѣшалъ несогласіе единственно военною силою, какъ бы споръ веденъ былъ съ державами, совершенно чуждыми, и какъ бы германскаго вовсе не существовало, даже и на бумагѣ.

Около того самаго времени, какъ явился на прусскомъ престолѣ Фрид-

Digitized by Google

рихъ II, умеръ императоръ Карлъ VI, оставивъ императорскую корону своей дочери, Маріи-Терезіи. Завѣщаніе это оспаривали многіе государи, въ томъ числѣ одинъ изъ нѣмецкихъ князей, курфирстъ баварскій, Карлъ-Альбертъ, рѣшившійся войною отнять у Маріи-Терезіи императорскій титулъ и ея германскія владѣнія (Австрію, Богемію и Тироль); но у самого Карла-Альберта не было ни денегъ, ни арміи. Отецъ оставилъ ему 30,000,000 долгу и безчисленную толпу голодной придворной челяди, для содержанія которой число войска было уменьшено до 10,000; французскія субсидіи, выдававшіяся на усиленіе арміи, поглощались придворными праздниками, фаворитками и іезуитами. Вся надежда Карла-Альберта была на новую помощь отъ Франціи,—и онъ, государь, принявшій титулъ германскаго императора, высшій титулъ во всемъ европейскомъ мірѣ,—обращался съ самыми униженными просьбами не только къ французскому королю, но и къ кардиналу Флери, управлявшему дѣлами: онъ писалъ къ Флери въ такомъ тонѣ, какого постыдился бы даже вельможа французскаго двора, просящій какой нибудь должности. Вотъ отрывокъ одного изъ этихъ писемъ, съ негодованіемъ приводимый Шлоссеромъ:

„Увѣренный въ милостяхъ его величества (короля французскаго), исполненный надежды на дружбу вашего высокопреосвященства (кардинала Флери), я питаю убѣжденіе, что первымъ дѣломъ моимъ должно быть — броситься въ объятія его величества, въ которомъ я вѣчно буду видѣть единственную мою опору и единственную мою помощь, и высказать вашему высокопреосвященству мысль мою, что настоящія обстоятельства могутъ быть источникомъ величайшей славы для вашего министерства, такъ какъ вы можете преувеличить могущество короля, уменьшивъ могущество династіи, издавна съ нимъ соперничествующей, и съ тѣмъ вмѣстѣ вознаградить вѣрность союзника, котораго постоянная преданность французскому дому извѣстна вамъ. На замѣчаніе вашего высокопреосвященства я признаюсь, что вѣра моя въ короля не была ошибочна, потому что первыя мысли его величества обратились на меня, съ выраженіемъ желанія его величества возвести меня, если то возможно, на императорскій престолъ...“

И такъ далѣе, въ томъ же униженномъ тонѣ. Флери, какъ и слѣдовало, отвѣчалъ на эти презрѣнныя мольбы сухо и сомнительно, читалъ назиданія претенденту, безъ церемоніи говорилъ ему, что если французскій король помогаетъ ему, то онъ долженъ считать это за величайшую милость, не обѣщалъ ему ничего вѣрнаго, заставляя его снова умолять и унижаться, наконецъ послалъ къ нему своего агента, который распоряжался въ Мюнхенѣ такъ, какъ римскіе проконсулы распоряжались во владѣніяхъ союзныхъ Риму царей пергамскихъ или египетскихъ. Карлъ-Альбертъ продолжалъ умолять Флери и дѣлать на депешахъ, къ нему отправляемыхъ, собственноручныя приписки такого рода:

„Приблизилась минута, которая должна рѣшить судьбу вѣрнѣйшаго изъ союзниковъ короля и увѣковѣчить славу его царствованія, давъ ему случай доставить императорскую корону князю, который, по признательности и преданности, поставитъ всегдашнею своею обязанностью соединять интересы Имперіи съ интересами Франціи; и такъ какъ это будетъ вашимъ дѣломъ, то я возлагаю всю мою надежду на васъ, котораго я всегда любилъ и почиталъ, какъ истиннаго своего отца...“

Пока тянулись эти просьбы, Фридрихъ II безъ всякой церемоніи объявилъ войну австрійской императрицѣ, какъ независимый отъ нея государь.

Digitized by Google

точно такъ, какъ Англія объявляла войну Франціи или Австрія Турціи.

Ободренный успѣхами Фридриха, кардиналъ Флери рѣшился также начать войну съ Австріею, склонился на мольбы Карла-Альберта и попытался сдѣлать его императоромъ. Заключенъ былъ трактатъ, по которому Карлъ-Альбертъ ставилъ себя въ полную зависимость отъ Франціи и обѣщался, когда будетъ возведенъ на императорскій престолъ, безпрекословно предоставить Франціи всѣ тѣ германскія области, которыя успѣетъ она занять своими войсками, помогая ему. Онъ обязывался никогда не требовать возвращенія Германскому союзу этихъ областей и городовъ.

При избраніи императора, на императорскомъ сеймѣ всѣмъ управлялъ французскій посланникъ, будто въ странѣ, уже завоеванной. Ему было уступлено первое мѣсто во всѣхъ церемоніяхъ; нѣмецкіе князья уже составляли только его свиту. Всѣ курфирсты, повинуясь его приказаніямъ, объявили императоромъ Карла-Альберта.

Но Марія-Терезія выслала противъ кліента французовъ свои славянскія и венгерскія войска: они опустошили всю Баварію, которую, впрочемъ, не щадили и союзники Карла-Альберта; остальныя части юго-западной Германіи были раззоряемы французами; самая Богемія, переходившая изъ рукъ въ руки, много потерпѣла. Когда Фридрихъ, овладѣвъ Силезіею, помирился съ Австріею и англичане выслали противъ французовъ на Рейнъ сильное войско, состоявшее большею частью изъ наемныхъ солдатъ тѣхъ самыхъ германскихъ князей, которые признавали Карла-Альберта императоромъ, когда умеръ Карлъ-Альбертъ, сынъ его, взявъ 8,000,000 на свои придворные расходы, призналъ императоромъ мужа Маріи-Терезіи.

Результатомъ войны было усиленіе Пруссіи и пріобрѣтеніе Фридрихомъ славы великаго полководца; но слава эта была пріобрѣтена междоусобною войною, пораженіемъ нѣмецкихъ войскъ нѣмецкими же войсками. Пріобрѣли славу также славянскія и венгерскія войска, защищая германскую императрицу противъ германскихъ государей. Саксонія, Силезія, Богемія, Баварія и вся западная Германія были опустошены, потому что одному изъ нѣмецкихъ князей хотѣлось быть вассаломъ французскаго короля и предать Франціи Германію; а другому члену Германской имперіи угодно было не признавать за собою никакихъ обязанностей относительно Германіи. О безпощадности, съ какою нѣмецкія области раззорялись нѣмецкими же государями, можно судить уже изъ того, что Лейпцигъ, кромѣ всѣхъ контрибуцій, взятыхъ съ него пруссаками во время Второй Силезской войны, долженъ былъ, по мирному трактату, заплатить Фридриху еще милліонъ талеровъ.

Семилѣтняя война, начатая Фридрихомъ черезъ нѣсколько времени, была славна для Фридриха и для пруссаковъ; быть можетъ, она принесла пользу всей Европѣ, доказавъ силу новыхъ началъ государственнаго управленія, представителемъ которыхъ являлся Фридрихъ. Строгая экономія, веденная королемъ прусскимъ въ расходахъ, дала ему возможность чрезвычайно хорошо приготовиться къ войнѣ и съ честью выдержать ее; нелицепріятное правосудіе, неусыпная заботливость о благосостояніи народа, отмѣненіе отяготительной формалистики въ судопроизводствѣ и администраціи,—

Digitized by Google

все это пріобрѣло ему неизмѣнную любовь подданныхъ и возбудило въ нихъ энергическое желаніе защищать государя и государство. Всѣ эти качества порядка дѣлъ, введеннаго въ Пруссіи Фридрихомъ, не только были чужды администраціи другихъ державъ въ то время, но и служили главнымъ основаніемъ ненависти, какую питали къ Фридриху фавориты, фаворитки и ханжи, владычествовавшіе почти повсюду. Фридрихъ, могущественный своею экономіею и патріотизмомъ подданныхъ, устоялъ противъ соединенныхъ усилій почти всей Европы, хотя владѣлъ только небольшимъ государствомъ, имѣвшимъ менѣе семи милліоновъ жителей. Расточительность и дурная администрація, которою страдали Франція и германскія державы, кромѣ Пруссіи, была наказана постыдными пораженіями. Общественное мнѣніе было возбуждено противъ казнокрадства и беззаботности въ администраціи. Для Европы вообще Семилѣтняя война была полезнымъ урокомъ. Но для единства нѣмецкаго народа она была гибельнѣйшимъ событіемъ. Страшное раззореніе, которому подверглись отъ пруссаковъ Саксонія и многія другія нѣмецкія владѣнія, а прусскія области—отъ австрійскихъ армій, поселило глубокую ненависть между подданными Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствъ. Надменность пруссаковъ, гордыхъ своими побѣдами, дошла до крайняго презрѣнія ко всѣмъ остальнымъ нѣмецкимъ племенамъ.

До Семилѣтней войны многіе члены Германскаго союза вступали въ сообщество съ иноземцами противъ Германіи; но то были второстепенныя государства, ихъ поступки имѣли характеръ измѣны, беззаконнаго возстанія противъ имперскаго сейма. Сеймъ и глава его, императоръ, всегда объявляли себя противъ иноземцевъ. Теперь Австрія и германскій сеймъ просили помощи иноземцевъ противъ германскаго государя, призывали ихъ на Германію и хотѣли дѣлить съ иноземцами нѣмецкія области. Это было вдвойнѣ ужасно для патріота: законная власть, союзъ, чтобы смирить одного изъ своихъ членовъ, отдавалъ Германію подъ чужое иго и тѣмъ публично высказывалъ не только недостатокъ патріотизма, но и безсиліе свое.

Сеймъ объявилъ войну Пруссіи. Но сѣверные князья, которымъ выгоднѣе было продавать свои войска Англіи, нежели даромъ отдавать ихъ въ распоряженіе союзной власти, протестовали противъ рѣшенія сейма: Липпе, Вальдекъ, Гессенъ, Брауншвейгъ, Ганноверъ, Гота вступили въ союзъ съ англичанами, защитниками Пруссіи.

Было бы напрасно въ подробности говорить о страшномъ раззореніи, которому подверглись всѣ германскія области во время Семилѣтней войны. Французскія арміи, вторгавшіяся съ запада, болѣе походили, по сознанію самихъ французскихъ генераловъ, на огромныя шайки мародеровъ, нежели на регулярныя войска. Такъ, за нѣсколько времени до Росбахской битвы, начальникъ штаба въ арміи Ришлье, генералъ Мальбуа, доносилъ военному министру: „войска наши совершаютъ всевозможныя неистовства и больше любятъ грабить, нежели сражаться“. Опустошеніе восточныхъ прусскихъ провинцій русскими долго было памятно Европѣ; Австрійскіе кроаты не уступали свирѣпостью башкирамъ и татарамъ; имперскія войска грабили не хуже французовъ, съ которыми раздѣлили и безпримѣрный позоръ росбахскаго пораженія. Шведское правительство, посылая войско въ Германію, не

Digitized by Google

давало ему ни жалованья, ни провіанта, прямо объявляя командующему генералу, что онъ долженъ содержать свой отрядъ грабежемъ и контрибуціями. Фридрихъ дѣйствовалъ такимъ же образомъ. Не говоря уже о Саксоніи, контрибуціи съ которой составляли главный источникъ доходовъ Фридриха во всю войну*), и страшное раззореніе которой лежитъ самымъ чернымъ пятномъ на славѣ Фридриха, довольно сказать, что съ бѣднаго и пустыннаго Мекленбурга успѣлъ онъ вынудить болѣе 17,000,000 талеровъ контрибуціи. Но когда французы и австрійцы отнимали Саксонію у пруссаковъ, саксонцамъ приходилось еще тяжеле, такъ что они молились о возвращеніи пруссаковъ. Франконія, Вестфалія, Гессенъ, Бранденбургъ, Силезія, Богемія, Ганноверъ, вообще вся сѣверная половина и, кромѣ того, всѣ западныя области Германіи были опустошены. Отъ пагубныхъ нашествій уцѣлѣли только южныя части австрійско-германскихъ владѣній и Баварія. Все народонаселеніе—земледѣльцы и землевладѣльцы, работники и промышленники—всѣ классы народа были раззорены, кромѣ одного класса: чиновниковъ, которые разбогатѣли во время неурядицы, во время усиленныхъ наборовъ и поборовъ, поставокъ и контрибуцій. Разбогатѣли и придворные, потому что вездѣ, кромѣ Пруссіи, большая часть собранныхъ для войны денегъ переходила въ ихъ карманы или растрачивалась для ихъ увеселенія.

На Семилѣтней войнѣ остановимся, потому что слѣдующіе годы принадлежатъ другому періоду—періоду оживленія Германіи. Много принесли тяжкихъ испытаній нѣмецкому народу и эти послѣдующіе годы, особенно эпоха наполеоновскаго владычества; но эти испытанія были уже плодотворны, потому что пробуждена была мысль народа.

Мы видѣли, какой рядъ событій, пагубныхъ для нѣмецкаго народа, былъ слѣдствіемъ политическаго раздробленія Германіи. Каждый разъ, какъ только вспыхивала война въ Европѣ, враждебныя арміи устремлялись на нѣмецкую землю, опустошали ея поля, сожигали ея села, раззоряли контрибуціями ея города. Чаще, нежели какая нибудь другая страна Западной Европы, несчастная, беззащитная Германская имперія подвергалась ужасамъ военнаго грабежа, и подвергалась имъ единственно вслѣдствіе своей раздробленности и беззащитности, потому что причины всѣхъ войнъ были, собственно говоря, чужды ея интересамъ,—и, однако же, она въ каждой войнѣ принимала участіе, чтобы быть добычею обѣихъ враждующихъ партій. Франція, Англія, Австрія вели войны за свои государственные интересы. Положимъ, что часто и правительствамъ и народамъ этихъ державъ казалось дѣломъ государственной потребности и чести то, что въ сущности было безполезно или даже вредно для народнаго благосостоянія; положимъ, что они ослѣплялись ложными понятіями о славѣ расширять границы своихъ владѣній, суетными желаніями выказать свою силу, достичь ненужнаго преобла-

*) Приведемъ одинъ примѣръ. Въ 1760 году, послѣ четырехлѣтняго раззоренія, были наложены на истощенную область слѣдующія огромныя контрибуціи: Эрфуртъ долженъ былъ дать пруссакамъ 100,000 талеровъ, 500 лошадей, 400 рекрутовъ, Наумбургъ 200,000 талеровъ, Тюрингенскій округъ 1,375,000 талеровъ, Мерзебургъ 120,000 талеровъ, 377 рекрутовъ, 254 служителей и 420 лошадей, Цвикау 8,000 талеровъ, Хемницъ 215,000 талеровъ, Маріенбургъ 9,000 талеровъ, Аннабергъ 15,000 талеровъ, Лейпцигскій округъ 2,000,000 талеровъ, городъ Лейпцигъ 1,100,000 талеровъ.

Digitized by Google

нія надъ другими державами; пусть отъ войны за испанское наслѣдство до Семилѣтней войны всѣ кровавыя распри въ Западной Европѣ возникали только по ошибочнымъ понятіямъ о высшихъ цѣляхъ государственной жизни: но все-таки австрійское, англійское, французское правительства всегда знали, за что и зачѣмъ ведутъ они войну, стремились къ достиженію цѣлей, сообразныхъ съ понятіями и желаніями подвластныхъ имъ народовъ (исключеніе одно: участіе Франціи въ Семилѣтней войнѣ), все-таки для француза, англичанина, даже для подданнаго Австріи каждая изъ большихъ войнъ, начинаемыхъ его правительствомъ, была дѣломъ патріотическимъ. Одна Германія, постоянно страдая отъ всѣхъ этихъ войнъ, и страдая каждый разъ больше, нежели какая нибудь другая страна, никогда не имѣла, даже въ предразсудкахъ, никакихъ основаній сочувствовать той или другой изъ враждующихъ партій или надѣяться какой нибудь, хотя бы даже мнимой выгоды, на чью бы сторону ни склонилась побѣда.

Войска всѣхъ державъ выигрывали славныя побѣды,—австрійскія—при Евгеніѣ Савойскомъ, Даунѣ и Лаудонѣ, англійскія—при Мальборо, французскія—при знаменитыхъ полководцахъ Людовика XIV и Маршалѣ Саксонскомъ; однѣ только имперскія арміи постоянно покрывались самымъ жалкимъ позоромъ: кто бы ни былъ непріятель, онѣ всегда бѣгали передъ нимъ, или были разбиваемы на голову, когда не успѣвали убѣжать.

Какъ ни велики бѣдствія, какія терпѣла Германія отъ войнъ, эти временныя бѣдствія незначительны въ сравненіи съ постояннымъ внутреннимъ зломъ, тяготѣвшимъ надъ нѣмецкимъ народомъ. Дурное управленіе, беззаконность, расточительность и насиліе—вотъ слова, которыми еще слишкомъ слабо характеризуется германскій государственный бытъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Послѣ Тридцатилѣтней войны, которая нанесла страшные удары и благосостоянію и образованности Германіи, нравы огрубѣли, Германія стала полуварварскою землею. Когда въ концѣ XVIII вѣка, побѣды Людовика XIV, его могущество, его блескъ ослѣпили Европу, и подражаніе французамъ стало общею модою, роскошь и утонченный развратъ, заимствованные изъ Франціи, самымъ дикимъ образомъ соединились при нѣмецкихъ дворахъ съ прирожденною грубостью. Изъ этого сочетанія произошелъ порядокъ вещей, болѣе нелѣпый и пагубный, нежели все то, что угнетало Германію до XVIII вѣка.

При грубости нравовъ до французскаго вліянія въ привычкахъ высшихъ классовъ существовала простота, и потребности вельможъ были ограничены. Теперь каждый баронъ маленькаго нѣмецкаго двора хотѣлъ блистать подобно французскимъ аристократамъ; каждый князь, имѣвшій подъ своею властью кусокъ земли, едва равнявшійся одной французской провинціи, хотѣлъ соперничать великолѣпіемъ съ французскимъ королемъ, хотѣлъ имѣть свой Версаль, свой Parc aux cerfs, и его фаворитки хотѣли не уступать роскошью фавориткамъ французскаго двора. Если прихоти Людовика XIV раззорили Францію, большое и богатое государство, легко вообразить, каковы были слѣдствія подобныхъ претензій для маленькаго Касселя или Вольфенбюттеля, для Саксоніи или Баваріи. Предавшись всѣми мыслями же-

Digitized by Google

ланію блистать, находя единственное наслажденіе въ чувственныхъ удовольствіяхъ и пышныхъ праздникахъ, нѣмецкіе владѣтели перестали обращать всякое вниманіе на порядокъ управленія и рѣшительно не занимались дѣлами. При каждомъ былъ фаворитъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы развлекать князя и всѣми правдами и неправдами добывать деньги для придворныхъ расходовъ. Онъ безотчетно распоряжался всѣмъ, и не было границъ его самовластію, лишь бы только доставлялъ онъ двору средства для роскошныхъ развлеченій. Только немногіе князья, оставшіеся чужды новому французскому образованію, сами занимались государственными дѣлами. Они подвергались всеобщимъ насмѣшкамъ со стороны придворныхъ и князей, увлеченныхъ версальскою модою. Къ чести этихъ немногихъ государей, сохранившихъ старо-нѣмецкіе нравы, надобно сказать, что они были единственными германскими владѣльцами, заботившимися о собственной чести и благѣ подданныхъ. Но хотя они были лучшими изъ германскихъ государей своего времени, въ ихъ личныхъ привычкахъ и въ системѣ ихъ управленія было чрезвычайно много грубаго, тяжелаго, жестокаго. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ шли дѣла въ государствахъ, гдѣ дворъ слѣдовалъ французской модѣ, и въ государствахъ, гдѣ князья остались вѣрны старымъ нѣмецкимъ обычаямъ. Лучшимъ образцомъ государей грубыхъ, но честныхъ и дѣятельныхъ, былъ въ первой половинѣ XVIII вѣка отецъ Фридриха Великаго, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ. Самыми блистательными представителями господствующаго направленія, состоявшаго въ подражаніи версальскому двору, были саксонскіе курфирсты.

Начнемъ нашъ обзоръ положеніемъ дѣлъ въ Саксоніи, при Августѣ II и Августѣ III и любимцахъ ихъ Флемингѣ и Брюлѣ.

Мы говорили о страшныхъ бѣдствіяхъ, которымъ подверглась Саксонія, будучи запутана Августомъ II въ войну Россіи и Польши съ Карломъ XII. Эти бѣдствія нимало не мѣшали придворнымъ забавамъ; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась нищета въ Саксоніи, возвышался блескъ двора Августа II, увеличивались его расходы на праздники, на фаворитовъ, фаворитокъ и побочныхъ дѣтей. Когда шведы отняли у него польскій престолъ, всю тяжесть этихъ расходовъ на поддержаніе королевскаго великолѣпія и гвардіи, составленной изъ дворянъ, должны были нести одни саксонцы. Были придуманы и истощены всевозможныя позволительныя и непозволительныя средства; государственные долги быстро возростали, хотя ландтагъ налагалъ на бѣдныхъ саксонцевъ все новыя подати, пошлины и акцизы, хотя въ мирное время продолжалось взиманіе военныхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ податей. Король заложилъ Борнскій округъ Саксенъ-Готѣ, Грефенгайнъ княгинѣ Дессауской, свой участокъ Мансфельда Ганноверу, Фортскій округъ Саксенъ-Веймару. Полученныхъ за то денегъ едва достало на одинъ карнавалъ; однако же, съ каждымъ годомъ праздники становились великолѣпнѣе. Такъ, напримѣръ, при бракосочетаніи наслѣднаго принца съ австрійскою принцессою, нѣсколько недѣль сряду давались во дворцѣ балы, оперы, маскарады. На одномъ маскарадѣ король явился въ такомъ костюмѣ, который стоилъ нѣсколькихъ милліоновъ талеровъ. Вслѣдъ затѣмъ начались торжества по случаю встрѣчи турецкаго посла. Король, принимая его, былъ одѣтъ въ

Digitized by Google

бархатный фіолетовый костюмъ съ брильянтовыми пуговицами, которыя однѣ стоили милліонъ талеровъ, не считая столь же богатой шпаги и другихъ не менѣе драгоцѣнныхъ принадлежностей. Въ біографіи Августа, написанной Фассманомъ, описаніе торжества по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца наполняетъ не менѣе семидесяти-восьми страницъ. „Мы упоминаемъ о всѣхъ этихъ вещахъ—говоритъ Шлоссеръ—желая показать, какими разсказами во время нашихъ отцовъ занималась нѣмецкая публика, и каковы были историческія книги, которыми назидался народъ". Фассманъ приводитъ и причину, по которой описываетъ пиры Августа II такъ подробно: „Надобно въ точности знать всѣ эти церемоніи и пиршества, потому что ими обнаруживается высокій умъ и превосходный вкусъ короля Августа, который самъ занимался устройствомъ праздниковъ". Они продолжались нѣсколько недѣль: итальянскія и французскія оперы и комедіи смѣнялись охотами и фейерверками, конные и пѣшіе турниры—каруселями и маскарадами, маскированные базары всѣхъ націй—балами и танцами. Надобно замѣтить, что въ то самое время свирѣпствовалъ въ Саксоніи голодъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1725 году, отъ 7 января до 13 февраля, праздновались карнавальныя торжества, которыя, по словамъ Фассмана, помрачили своимъ блескомъ всѣ прежніе праздники. Въ іюнѣ того же года начался новый рядъ праздниковъ, опять тянувшійся нѣсколько недѣль: поводомъ было то, что одна изъ побочныхъ дочерей короля выходила за графа Фризена. Каждый годъ подобныя исторіи повторялись по нѣскольку разъ. О расходахъ можно судить изъ того, что въ 1719 году одна лоттерея для дамъ стоила 60,000 талеровъ, а лоттерея эта была только второстепенною принадлежностью одного изъ многихъ баловъ. Для покрытія расходовъ, города и округи отдавались въ залогъ, и не только сосѣднимъ владѣтельнымъ князьямъ, но и жидамъ-ростовщикамъ; и такъ какъ суммы, взятыя дворомъ, не уплачивались, то ростовщики дѣлались настоящими владѣльцами частей государства,—напримѣръ, жидъ Леманнъ владѣлъ городами Лиссою и Рейссеномъ.

Нравы Августа II были достойны временъ регентства. Фаворитки его оффиціально занимали на придворныхъ праздникахъ болѣе почетныя мѣста, нежели его супруга; такъ, напримѣръ, когда, по удаленіи шведовъ, посѣтилъ Августа датскій король, и раззоренная страна должна была давать подати на дивныя торжества въ честь высокаго гостя, высокій гость былъ на балахъ и каруселяхъ кавалеромъ не супруги хозяина, королевы, а графини Козель. Этого примѣра довольно, чтобы судить о нравахъ двора Августа II. Нѣмецкіе подражатели французской распущенности нравовъ пошли въ цинизмѣ далѣе своихъ учителей: не только Людовикъ XIV, но и регентъ, принцъ Орлеанскій, не позволили бы себѣ такого нарушенія всѣхъ приличій, какое было обнаружено въ случаѣ, который мы указали. Не останавливаясь на множествѣ другихъ примѣровъ разврата, представляемыхъ саксонскимъ дворомъ въ XVIII вѣкѣ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ поступкахъ Августа II и его придворныхъ, которые относятся къ государственной жизни. Пиры и любовницы до такой степени заставляли Августа пренебрегать всѣмъ остальнымъ, что въ то самое время, какъ шведы вторгались въ его владѣнія, онъ продавалъ свои войска Ни-

Digitized by Google

дерландамъ, которые вели тогда войну съ Людовикомъ XIV: ему важнѣе было давать балы и награждать фаворитокъ, нежели защищаться отъ врага. Безцеремонность курфирста саксонскаго была такъ велика, что даже у простыхъ солдатъ онъ удерживалъ подъ разными предлогами половину жалованья, которое должны были они получать отъ голландцевъ. По удаленіи шведовъ, онъ опять, собравъ новое войско, продалъ его голландцамъ и англичанамъ. Исполнять свои обѣщанія онъ вообще не имѣлъ привычки и даже самъ открыто признавался въ томъ: такъ, напримѣръ, онъ формально говорилъ, что заключаетъ миръ съ Карломъ XII только для того, чтобы обмануть его, и наказалъ своихъ уполномоченныхъ за то, что они исполнили его инструкцію, которою онъ велѣлъ имъ руководиться при переговорахъ: они должни были знать, по его выраженію, что эта инструкція дается только для обмана. Русскіе читатели знаютъ безпримѣрное вѣроломство, съ какимъ выдалъ онъ на мучительную казнь Карлу XII Паткуля, бывшаго русскимъ посланникомъ при немъ, между тѣмъ, какъ увѣрялъ Петра Великаго въ неизмѣнной своей дружбѣ.

Флемингъ, управлявшій дѣлами при Августѣ II, будучи дурнымъ правителемъ, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, репутацію хорошаго генерала. Брюль, который правилъ Саксоніею при Августѣ III, былъ лишенъ всякихъ достоинствъ, кромѣ тѣхъ качествъ, которыя нужны временщику расточительнаго князя. Онъ устроивалъ пиры и праздники, доставалъ деньги на придворные балы—этого было довольно для Августа III, и Брюль совершенно безотчетно самовластвовалъ въ Саксоніи. Король не зналъ и не хотѣлъ знать, что такое дѣлалось въ его государствѣ. Эта небрежность доходила до такой степени, что когда однажды какому то полковнику удалось, имѣя случай говорить съ королемъ наединѣ, открыть ему, что саксонская армія уже двадцать-шестой мѣсяцъ не получаетъ жалованья, Августъ необыкновенно изумился и душевно огорчился отъ такого неожиданнаго обстоятельства. Но Брюль успокоилъ его, объяснивъ, что полковникъ личный врагъ его, Брюля, и оклеветалъ его, и полковникъ былъ предоставленъ мщенію оскорбленнаго министра, какъ низкій клеветникъ, хотя каждый житель Саксоніи зналъ, что слова этого несчастнаго были совершенно справедливы. Подобные случаи могли у каждаго отнять охоту мѣшаться не въ свое дѣло, то есть говорить громко противъ грабежей и расточительности Брюля. И не только подданные, сама наслѣдная принцесса, сама королева не смѣли сказать королю слова противъ Брюля, какъ ни возмущало ихъ безуміе этого временщика. Въ похвалу Брюля надобно сказать, что онъ былъ человѣкъ мягкаго характера, не любившій кровавыхъ наказаній: смертью не казнилъ онъ недовольныхъ; только Зонненштейнъ, Кенигштейнъ и Плейсенбургъ были втеченіе двадцати-четырехъ лѣтъ его самовластія постоянно наполнены людьми, имѣвшими непріятность возбуждать въ немъ опасенія. И если саксонская армія голодала, люди, преданные Брюлю, не имѣли причинъ на него жаловаться: адъютанты и чиновники, состоявшіе при временщикѣ, всегда исправно получали жалованье чистыми деньгами, между тѣмъ, какъ офицеры королевской арміи, если не хотѣли умереть съ голоду, должны были брать вмѣсто денежнаго жалованья пошлинныя квитанціи (Steuerscheine), которыя при

Digitized by Google

размѣнѣ на звонкую монету отдавались только за четвертую или даже за восьмую часть своей номинальной цѣны, по какой получались изъ казначейства офицерами.

Когда, по прекращеніи одной изъ боковыхъ линій саксонскаго дома, княжество Кверфуртское перешло во владѣніе старшей, курфиршеской линіи, Брюль тотчасъ же, при помощи услужливыхъ юристовъ, объявилъ недѣйствительными продажи и контракты, совершенные прежними князьями: всѣ помѣстья, всѣ регаліи, законнымъ образомъ перешедшія изъ удѣльнаго имущества въ частныя руки, были конфискованы, и множество семействъ, изстари пользовавшихся этими имуществами безспорнымъ и законнымъ образомъ, совершенно раззорились. Вотъ одинъ случай, показывающій, какъ все дѣлалось тогда въ Саксоніи. Между прочимъ, Брюль отнялъ у города Вейсензе изстари отмежеванныя ему казною земли, безъ которыхъ цѣлый городъ умеръ бы съ голоду. Несчастные горожане обратились къ королю,— это не помогло; тогда они заключили съ Брюлемъ сдѣлку, по которой въ замѣнъ отнимаемыхъ земель обязались уплатить 20,000 талеровъ и, дѣйствительно, уплатили, но сдѣлались совершенными нищими, потому что сумма платежа далеко превышала ихъ средства. Они снова обратились съ просьбами къ королю: онъ сжалился и велѣлъ изъ 20,000 выдать имъ обратно восемь тысячъ. Брюль поставилъ въ отчетѣ, что онъ выдалъ раззореннымъ эту сумму звонкою монетою, а горожанамъ далъ пошлинныя квитанціи, которыя не стоили и тысячи талеровъ.

Подати были возвышены до такого страшнаго размѣра, что въ многихъ имѣніяхъ моргенъ земли, котораго нельзя было отдать въ наемъ дороже полутора талера, платилъ два талера подати. При такомъ порядкѣ дѣлъ, недоимки, конечно, возрастали съ каждымъ годомъ и простирались наконецъ до громадной суммы тридцати милліоновъ талеровъ. Безпечность Брюля простиралась до того, что, когда Саксонія должна была готовиться къ войнѣ съ Пруссіею, составъ арміи былъ уменьшенъ, для увеличенія придворныхъ расходовъ.

Саксонскіе правители формально не заботились ни о чемъ, кромѣ увеличенія налоговъ, кромѣ придворныхъ интригъ и удовольствій. Въ Баваріи при вступленіи на престолъ Максимиліана-Іосифа явилась было у министровъ мысль позаботиться нѣсколько и о народномъ благосостояніи; но тутъ выказалось только безсиліе подражателей французамъ сдѣлать что нибудь дѣйствительно полезное, и результатомъ слабыхъ попытокъ было только новое угнетеніе. Кромѣ всѣхъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ Саксоніею, Баварія страдала еще отъ зла, не касавшагося протестантскихъ земель: въ Баваріи, какъ во всѣхъ почти тогдашнихъ католическихъ государствахъ, господствовали іезуиты. Они, въ союзѣ съ вельможами, старавшимися о сохраненіи своихъ феодальныхъ правъ, упорно поддерживали— и успѣли поддержать—злоупотребленія, беззаконность, апатію и невѣжество. Да и самыя преобразованія дѣлались въ такомъ духѣ, что могли только еще больше испортить дѣло, а не помочь ему. Напримѣръ, чтобы уменьшить число преступленій и смягчить нравы, преобразователи усилили жестокость уголовныхъ законовъ, которые и прежде были безчеловѣчны. Смертная

Digitized by Google

казнь, пытка, колесованіе явились на каждой страницѣ уголовнаго кодекса. Нравы стали еще грубѣе прежняго, и число преступленій возрасло. Курфирстъ хотѣлъ улучшить земледѣліе; но онъ страстно любилъ охоту и потому усилилъ законы, воспрещавшіе простолюдинамъ бить дикихъ животныхъ—хищные звѣри размножились и опустошали поля. Множество денегъ и заботъ было употреблено, чтобы развесть шелковичныя плантаціи въ холодномъ горномъ климатѣ, гдѣ шелководство невозможно; между тѣмъ, о дѣйствительно важныхъ отрасляхъ сельской промышленности не заботились. То же было съ ремеслами и фабриками. Напримѣръ, въ Баваріи не было порядочныхъ слесарей—преобразователи не думали о томъ, а старались распространить ювелирное искусство. Точно также заводили фабрики, не имѣвшія возможности существовать, и для того разоряли поселянъ различными стѣсненіями въ покупкѣ товаровъ. Хотѣли уничтожить нищенство, а, между тѣмъ, размножали нищенствующіе монашескіе ордена и раздачею имъ щедрыхъ подаяній создали цѣлыя арміи бродягъ. Іезуиты продолжали господствовать и распоряжаться всѣми дѣлами. Само собою разумѣется, что всѣ попытки улучшеній, совершаемыя въ странѣ, управляемой іезуитами, должны были остаться безплодны; но и безъ содѣйствія іезуитовъ онѣ, конечно, не принесли бы ничего, кромѣ вреда, потому что преобразователи не имѣли понятія ни о потребностяхъ страны, ни о средствахъ привести въ исполненіе свои планы. Но даже и такія нелѣпыя и неудачныя попытки улучшеній были рѣдки въ Германіи; почти постоянно и почти во всѣхъ владѣніяхъ дѣла шли такъ, какъ шли они въ Саксоніи при Флемингѣ и Брюлѣ. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ укажемъ только одинъ—виртембергское управленіе при герцогахъ Эбергардѣ-Людвигѣ и Карлѣ-Александрѣ, и, въ заключеніе этой части очерка, приведемъ изъ „Записокъ“ Фридриха II о бранденбургскомъ домѣ тѣ страницы, въ которыхъ этотъ великій монархъ дѣлаетъ общія замѣчанія о личныхъ качествахъ и характерѣ правленія своего предка, Фридриха I, перваго короля прусскаго.

Эбергардъ-Людвигъ, герцогъ виртембергскій, въ 1708 году сблизился съ дѣвицею Гревеницъ и женился на ней, хотя его законная супруга была еще жива. Черезъ нѣсколько времени, вслѣдствіе угрозъ императора, онъ развелся съ своею фавориткою и отдалъ ее за графа Вюрбена, чтобы тѣмъ безопаснѣе продолжать свою связь. Графиня Вюрбенъ самовластно управляла дѣлами: она сдѣлала министрами своего брата и племянника и оффиціально предсѣдательствовала въ совѣтѣ министровъ. Всѣ должности продавались фавориткою; дворъ наполнился ея креатурами; она великолѣпно украшала свой любимый Людвигсбургъ, хотя государство не имѣло ни денегъ, ни кредита. Графиня страстно любила игру и проигрывала огромныя суммы; жадность къ деньгамъ и жажда удовольствій равно владычествовали надъ нею. Имя ея было бы внесено въ молитвы общественнаго богослуженія, если бы тому не воспротивился прелатъ Озіандеръ, отвергнувшій это предложеніе отвѣтомъ, что и безъ того уже каждый разъ, когда читаютъ „Отче нашъ“, упоминаютъ о графинѣ Вюрбенъ словами: „избави насъ отъ лукаваго“. Наслѣдникъ Эбергарда, Карлъ, также думалъ только объ удовольствіяхъ и великолѣпіи: деньги на то, при истощеніи всѣхъ источниковъ,

Digitized by Google

доставлялъ жидъ Іозефъ Зюссъ, которому была дана власть распоряжаться по усмотрѣнію всею администраціею, лишь бы только добывать побольше денегъ, и который раздавалъ мѣста посредствомъ аукціоннаго торга. Гревеницы, фавориты прежняго герцога, были арестованы. Графиня Вюрбенъ должна была удалиться въ Маннгеймъ, а ея помѣстья были конфискованы. Но у ней было много денегъ: она скоро пріобрѣла могущественныхъ друзей въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, подкупила и жида; такимъ образомъ, дѣло наконецъ уладилось безъ большихъ потерь для графини и родственниковъ ея. Но множество другихъ виновныхъ и невинныхъ лицъ были замѣшаны въ процессъ и должны были откупаться, торгуясь съ жидомъ, который былъ предсѣдателемъ судной коммиссіи. Этимъ и тому подобными средствами получилъ онъ въ два года болѣе 450,000 гульденовъ. Продажа должностей въ три года доставила ему болѣе милліона гульденовъ. Суммы эти употреблялись на содержаніе великолѣпной охоты, на дивныя празднества, на пѣвицъ и танцовщицъ. Для княжескихъ охотъ, дикимъ животнымъ предоставили полную свободу размножаться, и, дѣйствительно, они расплодились подъ защитою администраціи до такой степени, что въ 1737 году было затравлено герцогомъ Карломъ 3,500 оленей, до 5,000 кабановъ и проч.— убыль, впрочемъ, нечувствительная для покровительствуемаго населенія лѣсовъ, потому что въ слѣдующемъ году вредъ, нанесенный хищными звѣрями и дикими животными скоту и посѣвамъ, былъ оцѣненъ не менѣе, какъ въ 500,000 гульденовъ. Воинственныя увеселенія охоты нимало не мѣшали карнаваламъ, маскарадамъ и т. д. Какъ щедро награждались артистки, достаточно покажетъ слѣдующій примѣръ: когда по смерти герцога Карла начались преслѣдованія его кліентовъ и кліентокъ, у одной изъ пѣвицъ нашлось до полутораста карманныхъ часовъ. Чувствуя упадокъ силъ, герцогъ хотѣлъ ѣхать лечиться въ Данцигъ, но не могъ оторваться отъ блестящихъ удовольствій приближающагося карнавала—и умеръ, посѣщая балы, спектакли и маскарады. По вскрытіи его тѣла оказалось—какъ сказано въ оффиціальномъ протоколѣ—слѣдующее: „сердце, голова и всѣ другіе органы найдены совершенно здоровыми, но легкія такъ наполнены пылью и душными испареніями карнавала и оперы, что необходимо воспослѣдовало „suffocatio sanguinis“.

Вотъ отрывокъ изъ „Записокъ“ Фридриха Великаго:

„Мы обозрѣли событія жизни Фридриха I; остается бросить общій взглядъ на его личность и характеръ. Онъ былъ малъ ростомъ и дурно сложенъ; физіономія его имѣла выраженіе надменное и вмѣстѣ пошлое. Душа его была похожа на зеркало, отражающее каждый предметъ, безъ всякаго разбора. Онъ подчинялся каждому впечатлѣнію, какое хотѣли на него произвести. Люди, успѣвшіе пріобрѣсть надъ нимъ нѣкоторое вліяніе, могли по произволу раздражать или успокоивать его умъ, по тупости мягкій, но безхарактерный, по капризу вспыльчивый. Онъ не зналъ различія между пустяками и истиннымъ величіемъ, былъ болѣе привязанъ къ блеску, нежели къ пользѣ. Въ войнахъ императора (германскаго) и его союзниковъ онъ пожертвовалъ тридцатью тысячами своихъ подданныхъ, чтобы добиться королевскаго титула, котораго желалъ только для удовлетворенія своей любви къ церемоніямъ и для оправданія благовидными предлогами своего пристрастія къ пышности.

„Онъ былъ роскошенъ и расточителенъ; но какой цѣною покупалъ онъ удовольствіе удовлетворять свою страсть! Онъ продавалъ англичанамъ и голландцамъ кровь

Digitized by Google

своихъ подданныхъ, какъ продаютъ кочевые татары свои стада на убой подольскимъ мясникамъ. Пріѣхавъ въ Голландію для полученія наслѣдства послѣ короля Вильгельма, онъ хотѣлъ вывесть свои войска изъ Фландріи; но ему дали большой брильянтъ, и пятнадцать тысячъ человѣкъ были убиты на службѣ союзникамъ *).

„Предразсудки толпы благопріятны роскоши государей; но расточительность государя не то, что расточительность частнаго человѣка. Государь—первый слуга и первый чиновникъ государства. Онъ обязанъ государству отчетомъ въ употребленіи налоговъ; онъ собираетъ ихъ для содержанія войскъ на защиту государства, для поддержанія чести своего сана, для вознагражденія службы и заслугъ, для возстановленія нѣкотораго равновѣсія между богатыми и бѣдными, для помощи несчастнымъ всякаго рода, наконецъ для поддержанія величія во всемъ, что касается государства вообще. Государь, одаренный просвѣщеннымъ умомъ и честнымъ сердцемъ, будетъ направлять всѣ свои расходы къ пользѣ общей и благу своихъ народовъ.

„Великолѣпіе, которое любилъ Фридрихъ, было не такого рода: это скорѣе была расточительность суетнаго и расточительнаго государя. Дворъ его былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ. Онъ отнималъ послѣдній грошъ у бѣдныхъ, чтобы пресыщать богатыхъ; фавориты его получали богатыя пенсіи, между тѣмъ, какъ народъ его погрязалъ въ нищетѣ: его постройки были роскошны, его праздники пышны; его конюшни и кухня поражали болѣе азіятскою пышностью, нежели европейскимъ вкусомъ.

„Его щедрыя награды кажутся скорѣе дѣломъ случая, нежели разсудительнаго выбора. Прислужники и придворные его обогащались, вытерпливая первые взрывы его горячности. Онъ далъ помѣстье въ 40,000 талеровъ псарю, съ которымъ затравилъ большерогаго оленя. Онъ хотѣлъ заложить голландцамъ свои владѣнія въ Гальберштадтскомъ княжествѣ, чтобы купить знаменитый брильянтъ Питтъ, пріобрѣтенный послѣ во время Регентства Людовикомъ XV; продавалъ 20,000 человѣкъ солдатъ союзникамъ, чтобы хвастаться тѣмъ, что содержитъ 30,000 солдатъ.

„Дворъ его былъ большая рѣка, поглощающая всѣ ручейки. Любимцы его обогатились, разжирѣли отъ его щедрыхъ наградъ, роскошь его стоила ежедневно огромныхъ суммъ, а Пруссія была отдана въ жертву голоду и заразительнымъ болѣзнямъ, безъ помощи отъ щедраго монарха“.

Къ этой характеристикѣ можно прибавить слѣдующій анекдотъ, который также разсказанъ въ „Запискахъ“ Фридриха Великаго. Софія-Шарлотта, супруга Фридриха I, лежала при смерти. Одна изъ ея статсъ-дамъ плакала о своей доброй и умной государынѣ.

„Не плачьте—сказала ей умирающая,—я иду узнать то, что не могъ объяснить мнѣ Лейбницъ **); а для короля, моего супруга, я приготовляю церемонію похоронъ, которая доставитъ ему новый случай выказать свое великолѣпіе“. И, дѣйствительно—прибавляетъ Фридрихъ Великій—мужъ ея утѣшился великолѣпіемъ похоронъ.

О расточительности Фридриха I можно судить изъ того, что, когда онъ, вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, поѣхалъ въ герцогство Пруссію, то по всей дорогѣ отъ Берлина до Кенигсберга на каждыхъ десяти миляхъ были выставлены для перевозки его свиты по 1,000 лошадей, и

*) По смерти Вильгельма III, владѣвшаго, между прочимъ, княжествомъ Оранскимъ, Фридрихъ изъявилъ притязаніе на эту землю, какъ дальній родственникъ Вильгельма по женѣ; но Вильгельмъ, завѣщая княжество герцогу Нассаускому, назначилъ душеприкащиками голландскіе чины, которые хотѣли передать наслѣдство лицу, означенному въ завѣщаніи. Фридрихъ разсердился и грозилъ вывести свои войска изъ Фландріи, гдѣ они сражались за голландцевъ, противъ французовъ. Тогда голландцы послали ему большой брильянтъ изъ наслѣдства Вильгельма. Фридрихъ смягчился, согласился удовольствоваться частью земель, на которыя изъявлялъ требованія, и остался вѣрнымъ союзникомъ голландцевъ.

**) Софія-Шарлотта была ученица Лейбница.

Digitized by Google

на каждой изъ такихъ станцій былъ построенъ, для его отдыха, особенный домъ, расположенный и украшенный совершенно такъ, какъ занимаемый Фридрихомъ аппартаментъ берлинскаго дворца. Выдавая дочь за наслѣднаго принца гессенъ-кассельскаго, Фридрихъ купилъ ей въ приданое брильянтовъ и другихъ нарядовъ на 4,000,000 талеровъ (весь годичный доходъ Прусскаго королевства простирался едва до трехъ милліоновъ). Себѣ онъ сдѣлалъ корону, которая стоила нѣсколькихъ милліоновъ талеровъ; брильянты его супруги стоили до 3,000,000 талеровъ. Страна была совершенно изнурена податями и поборами.

Совершенный контрастъ Фридриху I составляетъ его преемникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ I, котораго надобно считать лучшимъ представителемъ немногихъ нѣмецкихъ государей, не подчинившихся французскому вліянію. Это былъ характеръ твердый и честный, но суровый; нравы Фридриха были чисты, но грубы. Дѣятельность его неутомима и проникнута стремленіемъ къ народному благу; но средства, какія онъ, при своемъ невѣжествѣ, выбиралъ для достиженія этой цѣли, часто бывали произвольны, жестоки и вели къ невыгоднымъ для государственнаго благосостоянія результатамъ. Дѣти, которыхъ онъ угнеталъ, и люди, жившіе по французской модѣ, которыхъ онъ не терпѣлъ, осмѣяли его память, выставили его тираномъ и чудовищемъ. Онъ не былъ таковъ, онъ былъ лучшимъ изъ нѣмецкихъ государей своего времени; но, дѣйствительно, и въ личныхъ его привычкахъ и въ способѣ его управленія было много варварскаго.

Фридрихъ-Вильгельмъ I манерами и всѣми привычками походилъ на зажиточнаго простолюдина, у котораго главная забота—копить деньги. Экономія его доходила до скряжничества; но скряжничество было похвально въ сравненіи съ безумною расточительностью другихъ нѣмецкихъ дворовъ. Онъ презиралъ науку, потому что она являлась ему или въ видѣ нѣмецкаго гелертера, безжизненнаго педанта, или въ видѣ развратнаго и легкомысленнаго французскаго болтуна. Онъ былъ искренно преданъ религіи; но піэтизмъ его доходилъ до нетерпимости, и фанатики заставляли его преслѣдовать всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе заслужить ихъ нерасположеніе. Болѣе всего извѣстенъ Фридрихъ-Вильгельмъ своею страстью имѣть высокорослыхъ солдатъ. Вербовщики его были разсылаемы по всей Германіи, и ни одинъ нѣмецъ высокаго роста, хотя бы жилъ въ Баваріи или Виртембергѣ, не могъ считать себя безопаснымъ отъ ихъ преслѣдованій: даже изъ иностранныхъ государствъ силою похищали они великановъ на службу прусскому королю. А когда можно было купить высокорослаго солдата, онъ не жалѣлъ никакихъ денегъ: у него были гренадеры, купленные за пять, за шесть, за восемь тысячъ талеровъ. Эта прихоть стоила ему страшныхъ суммъ: разсчитываютъ, что въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ для своего войска на покупку иностранцевъ-великановъ истратилъ онъ до 12,000,000 талеровъ. Это въ нѣсколько разъ превышаетъ весь тогдашній годичный доходъ Прусскаго королевства. Управленіе Фридриха-Вильгельма имѣло характеръ величайшаго произвола.

Сначала онъ хотѣлъ, чтобы въ Пруссіи не существовало ни одной газеты. Когда началась война со шведами, было разрѣшено издавать газеты,

Digitized by Google

чтобы знакомить публику съ подвигами его воиновъ. Онъ презиралъ многоученыхъ законовѣдовъ своего времени, которые безконечно растягивали процессы формальностями и тонкостями римскаго права. Онъ справедливо замѣчалъ, что смѣшно, при тяжбѣ между двумя померанскими поселянами изъ-за клочка земли, справляться, какъ думали о подобныхъ случаяхъ различные законовѣды временъ Юстиніана. Когда спрошенный педантъ начиналъ ему исчислять мнѣнія прежнихъ ученыхъ, онъ грубо прерывалъ его словами: „я хочу знать не то, что думали когда-то другіе, а что думаешь ты". Часто онъ нарушалъ своимъ вмѣшательствомъ правильный ходъ судопроизводства. Въ случаѣ преступленій противъ нравственности, которую онъ старался всячески поддерживать, онъ опредѣлялъ самыя тяжелыя наказанія, произвольно преступая и гражданскіе и уголовные законы. Пытки и казни при немъ были неимовѣрно жестоки. Людей, которые чѣмъ нибудь ему не понравились, онъ безъ церемоніи колотилъ своею палкою или, просто, кулакомъ, такъ что каждый дрожалъ, когда долженъ былъ представляться королю. Праздность и роскошь были ненавистны ему. Прогуливаясь по улицѣ, пѣшкомъ или въ экипажѣ, онъ часто останавливалъ прохожихъ, разспрашивалъ, какого они званія, чѣмъ занимаются, и, если отвѣты казались ему подозрительны, тутъ же колотилъ палкою празднолюбцевъ и вертопраховъ. Если наказываемый пускался бѣжать отъ справедливой палки, Фридрихъ-Вильгельмъ посылалъ въ догонку своего адъютанта или слугу бить по спинѣ бѣглеца. Дамы особенно боялись встрѣчъ съ нимъ, потому что строгость Фридриха-Вильгельма не разбирала ни пола, ни возраста. Полиція при Фридрихѣ-Вильгельмѣ была невыносима: она вмѣшивалась во все. Заботясь о равномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, онъ не щадилъ вредныхъ для государства, обременительныхъ для горожанъ и простонародья привилегій, которыми повсюду пользовались юнкеры—владѣльцы такъ называемыхъ „рыцарскихъ (дворянскихъ) помѣстій", многочисленное сословіе, присвоившее себѣ множество правъ и льготъ. Повсюду въ Германіи эти юнкеры жили на счетъ другихъ сословій, не принося государству никакой пользы и надменно обращаясь со всѣми не принадлежавшими къ ихъ классу. Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ обуздать ихъ заносчивость въ частной жизни, а въ государственномъ отношеніи заставить раздѣлять съ горожанами и поселянами тягость налоговъ. Юнкеры негодовали; но Фридриха-Вильгельма нельзя было бы остановить и основательнымъ ропотомъ. Когда, однажды, по случаю переложенія части поземельнаго налога съ имуществъ простолюдиновъ на помѣстья юнкеровъ, графъ Дона, предсѣдатель чиновъ Восточно-Прусской провинціи, представилъ ему отъ имени чиновъ, т. е. юнкеровъ, протестацію противъ этой мѣры, написанную, по свѣтскому обычаю, на французскомъ языкѣ и оканчивавшуюся словами: „tout le pays sera ruiné", король далъ чинамъ слѣдующій лаконическій отвѣтъ, въ насмѣшку надъ французскимъ краснорѣчіемъ юнкеровъ, составленный изъ тарабарской смѣси нѣмецкихъ словъ съ латинскими и французскими: „Tout le pays sera ruiné?—Nihil credo; aber das credo, dass die Junkers ihre Auttorität wird ruinirt werden. Ich stabilire die Souverainität wie einen Rocher von Bronze".—„Все государство погибнетъ? Не вѣрю; а то вѣрно, что вліяніе юнкеровъ погибнетъ. Какъ

Digitized by Google

мѣдный утесъ, стоитъ надъ ними моя верховная власть". Юнкеры должны были повиноваться, и многія феодальныя права, отяготительныя для народа, были у нихъ отняты. Строгое правосудіе короля не щадило преступника за знатность рода. Онъ доказалъ это, когда фонъ-Шлюбхутъ, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, былъ уличенъ въ утайкѣ 14,000 талеровъ изъ суммы, которая была дана ему, какъ члену одного изъ правительственныхъ мѣстъ, для раздачи переселенцамъ. Судъ приговорилъ фонъ-Шлюбхута къ заключенію въ крѣпость. Осужденный обратился къ королю съ жалобою на чрезмѣрную строгость приговора и предлагалъ возвратить казнѣ украденныя деньги. „Не хочу я твоихъ мошенническихъ денегъ!" (dein schlemisches Geld) грозно сказалъ король и велѣлъ его повѣсить на висѣлицѣ, поставленной у крыльца того присутственнаго мѣста, гдѣ служилъ преступникъ, чтобы товарищи его тверже помнили законъ. Не только подданныхъ, какъ бы знатны они не были, но и сына своего не хотѣлъ онъ щадить въ случаѣ вины: извѣстно, что наслѣдный принцъ Фридрихъ, впослѣдствіи названный Великимъ, не избѣжалъ строгаго наказанія и едва избѣжалъ смертной казни, прогнѣвавъ родителя и государя своимъ непослушаніемъ. Но правосудіе и произволъ имѣли равное вліяніе на его дѣйствія. До какой мелочной придирчивости и грубости доходило самовластіе Фридриха-Вильгельма, видно изъ одного уже того, что онъ колотилъ и бранилъ дамъ, которыхъ встрѣчалъ одѣтыми не по его вкусу. Онъ издавалъ декреты, которыми опредѣлялъ моды для своихъ подданныхъ: такъ, напримѣръ, никто въ Берлинѣ не смѣлъ носить матерій съ пестрыми узорами. Онъ не терпѣлъ хлопчатобумажныхъ тканей и вздумалъ запретить ихъ: повсюду начались домовые обыски, чтобы конфисковать ситецъ и каленкоръ. Вдругъ Фридриху-Вильгельму показалось, что полиція дѣйствуетъ въ этихъ обыскахъ безъ надлежащей строгости,—и онъ назначилъ генералъ-фискаломъ одного изъ своихъ гренадеровъ. Сдѣлавшись начальникомъ полиціи, гренадеръ этотъ сталъ дѣйствовать совершенно по-солдатски, и Фридрихъ-Вильгельмъ былъ совершенно доволенъ ревностью, съ какою производились по всему королевству домовые обыски, съ цѣлію открыть и уничтожить всякій клочекъ хлопчатобумажной ткани.

Впрочемъ, совершенно такой же грубый произволъ полицейско-фискальнаго управленія существовалъ и въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, въ которыхъ придворные подражали французскимъ модамъ.

Глубоко презирая титулы, Фридрихъ-Вильгельмъ открыто продавалъ ихъ: нужно было только внести опредѣленную сумму въ казну, и желающему выдавался патентъ. Это, конечно, не могло никому дѣлать вреда. Но точно такимъ же образомъ Фридрихъ-Вильгельмъ продавалъ и административныя должности. Впрочемъ, опять надобно прибавить, что обычай этотъ существовалъ тогда во многихъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ система продажи развита была до такого совершенства, что продавалась не только должность, но и право быть кандидатомъ на эту должность, въ ожиданіи смерти или перемѣщенія чиновника, которымъ занято мѣсто.

Фридрихъ Великій, какъ человѣкъ геніальный, дѣйствовалъ блистательнѣе своего отца; но система управленія при немъ оставалась та же самая,

Digitized by Google

и только немного смягчалась тамъ, гдѣ онъ являлся самъ, съ его французскими манерами. Эта система, знавшая только фискальныя и полицейскія средства, сама по себѣ была крайне недостаточна для упроченія народнаго благосостоянія. Ея полезныя дѣйствія при Фридрихѣ-Вильгельмѣ и Фридрихѣ II зависѣли единственно отъ тѣхъ рѣдкихъ достоинствъ, какими были одарены эти люди: честная и неутомимая дѣятельность отдѣльнаго человѣка можетъ, до нѣкоторой степени, давать хорошее направленіе самому дурному механизму; но какъ скоро отнимается отъ этого механизма твердая рука, его двигавшая, онъ перестаетъ дѣйствовать или дѣйствуетъ дурно. Прочно только то благо, которое не зависитъ отъ случайно являющихся личностей, а основывается на самостоятельныхъ учрежденіяхъ и на самостоятельной дѣятельности націи. Объ этомъ не думали ни Фридрихъ-Вильгельмъ, ни его сынъ. Они не заботились пробудить духъ своего народа или дать государству прочныя учрежденія, потому съ ними исчезли и тѣ блага, которыми давали они пользоваться прусскому народу: исчезли порядокъ и быстрота въ администраціи, справедливость въ судѣ. Учрежденій, которыми обезпечивались бы эти качества, Пруссія не имѣла, какъ не имѣли ихъ и другія нѣмецкія государства. Все зависѣло отъ произвола. Каковъ былъ этотъ произволъ въ большей части случаевъ, мы видѣли. Фридрихъ-Вильгельмъ и Фридрихъ II являются рѣдкими, почти единственными исключеніями изъ общаго правила.

Но и при нихъ въ Пруссіи, какъ постоянно во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, единственнымъ участвовавшимъ въ государственной жизни классомъ были чиновники; за то этотъ классъ былъ совершенно полновластенъ.

Правда, въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ существовали ландтаги; но они были совершенно безсильны, и совѣщанія ихъ нельзя назвать иначе, какъ жалкою комедіею. Послѣ Тридцатилѣтней войны они потеряли всякую важность, во многихъ государствахъ совершенно были уничтожены, въ другихъ— только записывали въ свои протоколы приказанія, отдаваемыя княжескими коммиссарами. Мозеръ, писавшій около половины XVIII вѣка, описываетъ ландтаги съ ироніею совершенно безнадежною:

„Въ различныхъ нѣмецкихъ провинціяхъ—говоритъ онъ—имѣлъ я случай вблизи насмотрѣться на дѣятельность нашихъ сеймовъ. По словамъ княжескихъ коммиссаровъ, у князя разрывается сердце отъ горести, что онъ долженъ требовать новыхъ налоговъ,—онъ, который былъ бы счастливъ только тогда, когда бы могъ обогатить и осчастливить своихъ подданныхъ. Одно утѣшаетъ его, что къ отягощенію страны новыми налогами вынуждаютъ его неотвратимыя и ниспосылаемыя Провидѣніемъ обстоятельства. Послѣ этой шарлатанской рѣчи начинаются переговоры. Наслѣдный маршалъ, комитеты прелатовъ, рыцарей и горожанъ и проч. начинаютъ кушать на пирахъ, слушать ласки и угрозы, потомъ выражаютъ свое согласіе, и рѣшается необходимость новаго кровопусканія для любезной родины. Тогда сеймъ закрывается рѣчью, столь же ученою, какъ надгробное слово, и министръ съ своими маклерами, поварами и погребщиками возвращается въ тріумфѣ ко двору; жизнь и блаженство вливаются снова въ сердца фаворитовъ и фаворитокъ; псари, при радостной вѣсти о благополучномъ результатѣ сейма, весело трубятъ въ роги; примадонна, уже тринадцать мѣсяцевъ не получавшая жалованья, снова возлетаетъ въ руладахъ къ небу, подобно жаворонку; конюшня и псарня, которымъ уже грозили погибелью кредиторы, оглашаются бодрымъ лаемъ и ржаньемъ, и всѣ титулованные и нетитулованные тунеядцы уже пробираются

Digitized by Google

къ новооткрытой золотой розсыпи. Изъ денегъ, вытребованныхъ у сейма, предполагалось заплатить просроченное жалованье войскамъ, уплатить просроченные государственные займы,—все это письменно, съ приложеніемъ печатей, клятвенно и присяжно было обѣщано при требованіи налоговъ. Боже сохрани, чтобъ на дѣлѣ хотя одна буква изъ этихъ обѣщаній была исполнена"!

Всѣмъ управлялъ въ Германіи совершенный произволъ. Приведя нѣсколько примѣровъ, мы можемъ теперь сдѣлать общую характеристику нѣмецкаго быта въ первой половинѣ XVIII вѣка, не опасаясь того, что она покажется утрированной.

Французское вліяніе на Германію ограничивалось тѣмъ, что при дворахъ и въ аристократическомъ кругу развилась непомѣрная страсть къ блеску. При безвкусіи, блескъ этотъ измѣрялся только грубою пышностью, которая достигала нелѣпыхъ размѣровъ и требовала тѣмъ бо̀льшихъ расходовъ. Такъ, напримѣръ, число служителей было неправдоподобно велико. При значительныхъ дворахъ они считались не тысячами, а десятками тысячъ. Чтобы не утомлять читателей, приведемъ только два или три случая. Когда, въ 1702 году, во время войны за испанское наслѣдство, Іосифъ I, бывшій еще наслѣдникомъ австрійскаго престола и королемъ римскимъ, поѣхалъ изъ Вѣны предводительствовать арміею, свита его состояла изъ 232 лицъ придворнаго вѣдомства. Тутъ были, между прочимъ, начальникъ рыболовства короля римскаго, три садовника, начальникъ птичьей охоты, три погребщика и вице-лейбповаръ съ двадцатью помощниками, не считая капелланов съ вице-капелланами, духовника съ вице-духовникомъ и двѣнадцати камергеровъ. Впрочемъ, на русскомъ языкѣ нѣтъ возможности точно передать титулы этихъ господъ, и потому не лишимъ читателя пріятности знать ихъ въ подлинномъ видѣ *). Въ обозѣ были фуры для птицы, для походныхъ печей, для различныхъ сортовъ поварскихъ принадлежностей, для садовничества и т. д. **). Королева, сопровождавшая своего супруга, имѣла въ своей свитѣ 170 персонъ, съ 63 каретами (Chaise) и 14 колясками (Kalesche), для которыхъ требовалось 192 упряжныхъ лошади (Wagenpferd), не считая 14 верховыхъ лошадей. Жалкій комизмъ этихъ громадныхъ свитъ, требовавшихъ страшнаго расхода, довершается тѣмъ, что венгерскіе государственные чины назначили на весь походъ только 100,000, а чины эрцгерцогства Австрійскаго—40,000 гульд. (60,000 и 25,000 руб. сер.).

Если походная свита наслѣдника престола состояла изъ такого страшнаго числа людей, легко повѣрить, что число всѣхъ придворныхъ служителей въ постоянныхъ резиденціяхъ австрійскаго дома равнялось цѣлой арміи: въ самомъ дѣлѣ, иногда оно достигало до 40,000 человѣкъ. Но и

*) 1 Fischmeister, 3 Ziergärtner, 1 Geflügelmaier, 3 Kellerdiener, 2 Kellerbinder, 1 Mundbäcker, 1 Vicemundkoch, 20 Meisterköche und Unterköche, 1 Oberst-Kuchelmeister, 12 Kämmerer, 1 Unter-Silberkämmerer, 1 Mundschenk, 1 Vorschneider, 1 Truchsess, 1 Beichtvater und 1 socius, 1 Hofprediger, 2 Hofcapellane, 4 Zusätzer, 4 Träger, 3 Kesselreiber и т. д. У каждаго изъ этихъ чиновъ и служителей были свои помощники: Gehülfen, ordinarii und extraordinarii Jungen и пр.

**) 2 Geflügelwagen, 1 Kammerheizerzeltwagen, 1 Tafeldeckerzeltwagen, 3 Mundkuchelwagen, 2 grosse Bagage-Kuchelwagen, 1 Speisefeldtafelwagen, 2 Ziergartenbagagewagen, 1 Tafeldeckerbagagewagen, 1 Kammerfourierbagagewagen, 6 Kellerwagen, 21 Rüstwagen (каждая на 6 волахъ) и пр.

Digitized by Google

владѣтели, гораздо менѣе значительные, мало уступали австрійскому дому обширностью придворнаго штата. Такъ, напримѣръ, кельнскій епископъ въ началѣ XVIII вѣка имѣлъ 150 камергеровъ. Часто свиты владѣтельныхъ особъ бывали даже многочисленнѣе той, какая сопровождала римскаго короля. Напримѣръ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій женился на дочери Георга Ганноверскаго, свита, сопровождавшая невѣсту, была такъ велика, что поѣздъ состоялъ изъ 520 лошадей. Навстрѣчу невѣстѣ изъ Бранденбурга выѣхала свита жениха на 350 лошадяхъ. Отецъ жениха, Фридрихъ, первый король прусскій, въ своихъ путешествіяхъ имѣлъ свиту, требовавшую до 1,000 лошадей. Въ конюшнѣ курфирста баварскаго находилось до 1,400 лошадей.

Каждый вельможа, слѣдуя примѣру князя, также окружалъ себя придворнымъ штатомъ и, наполняя свой домъ безчисленною прислугою, недостатокъ вкуса замѣнялъ страшною расточительностью и нелѣпою пышностью. Такъ, напримѣръ, за столомъ у саксонскаго министра Брюля никогда не подавалось менѣе 30 блюдъ; на малыхъ парадныхъ обѣдахъ число блюдъ доходило до 50, а на большихъ до 120. Прислуга Брюля состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ 12 камердинеровъ, 12 пажей, 4 метрдотелей, 12 поваровъ и 12 ихъ помощниковъ и проч., такъ что вообще въ кухонномъ его штатѣ находилось болѣе 30 человѣкъ. Ливрейныхъ лакеевъ было у него сто человѣкъ. Не только башмаки сотнями и парики дюжинами выписывалъ онъ для себя изъ Парижа, но даже пастеты присылались ему также изъ Парижа съ нарочными курьерами. Вообще въ домѣ его рѣшительно все было выписное изъ-за границы. Даже во время войны, когда Саксонія была истощена и разорена, онъ продолжалъ жить съ королевскимъ великолѣпіемъ,—и, несмотря на свою чрезвычайную расточительность, онъ оставилъ послѣ себя огромное состояніе.

Безумная пышность была для тогдашнихъ вельможъ единственнымъ средствомъ отличиться отъ простонародья, потому что нравы ихъ были чрезвычайно грубы. Чтобы судить объ этомъ, достаточно одного примѣра.

Несмотря на то, что у Георга II Ганноверскаго было множество фаворитокъ, супруга его, королева Каролина, пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла. Одинъ изъ придворныхъ, фонъ-демъ-Бушъ, подаривъ ей десять акцій горнозаводскаго общества, приносившихъ 20,000 талеровъ ежегоднаго дохода, пріобрѣлъ право самовластвовать въ Ганноверѣ, какъ ему хотѣлось. Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ онъ держалъ себя даже съ людьми, которыхъ удостоивалъ приглашенія къ своему столу, довольно знать, что онъ самъ сидѣлъ на своихъ парадныхъ обѣдахъ со шляпою на головѣ, заставлялъ гостей переодѣваться, когда былъ недоволенъ ихъ костюмомъ (между прочимъ, онъ не терпѣлъ голубаго цвѣта и манжетокъ), нѣсколько разъ впродолженіе обѣда приказывалъ тому или другому пересѣсть съ одного стула на другой, и т. д. Разскажемъ два, три анекдота о подобныхъ случаяхъ. Однажды пришелъ обѣдать къ нему совѣтникъ горнаго управленія Бютемейстеръ. Лишь только вошелъ гость въ столовую, какъ министръ бросился вонъ изъ комнаты, съ крикомъ: „камердинеръ! камердинеръ!“ Явился въ столовую камердинеръ и объяснилъ гостю, что г. министру не понра-

Digitized by Google

вился костюмъ г. горнаго совѣтника, и потому не угодно ли будетъ г. Бютемейстеру выбрать себѣ въ гардеробной другое платье. Гость послушался, хотя предвидѣлъ, что одежда высокаго и худощаваго фонъ-демъ-Буша будетъ не совсѣмъ хорошо сидѣть на немъ, толстомъ человѣкѣ, маленькаго роста, и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ столовую совершеннымъ шутомъ. За то хозяинъ былъ съ нимъ очень любезенъ во все продолженіе обѣда. Съ непокорными гостями бывало не такъ: фонъ-демъ-Бушъ безъ церемоніи ругалъ ихъ. Однажды, напримѣръ, телятина въ окрошкѣ показалась ему ягнятиною,—одинъ изъ гостей, нѣкто Гейлигеръ, замѣтилъ, что г. министръ, вѣроятно, ошибся, потому что окрошка сдѣлана изъ телятины; фонъ-демъ-Бушъ закричалъ, чтобы привели повара. Предупрежденный о положеніи вопроса, поваръ подтвердилъ мнѣніе своего господина.

— Ну, что, г. Гейлигеръ! такъ вы ѣдите телятину? а, братецъ Гейлигеръ, что скажешь?

— Ваше превосходительство, это телятина; поваръ называетъ ее ягнятиною только изъ угожденія вамъ, отвѣчалъ непреклонный гость.

Министръ разгнѣвался и сказалъ: „ты, любезный, видно, никогда у себя дома не ѣдалъ такой окрошки, ты толкуешь о вещахъ, которыхъ не смыслишь. Замолчи, пожалуйста, не говори глупостей“.

Гейлигеръ, однако, защищалъ свое мнѣніе; но другіе гости прекратили споръ, всѣ согласившись, что окрошка, дѣйствительно, сдѣлана изъ ягнятины, и упросилъ Гейлигера замолчать. Однако, фонъ-демъ-Бушъ все продолжалъ кричать: ну, такъ что же, г. Гейлигеръ, по вашему, это телятина?— Наконецъ Гейлигеръ надѣлъ шляпу и ушелъ изъ-за стола.

Еще случай въ томъ же родѣ. Фонъ-демъ-Бушу въ серединѣ обѣда вздумалось, чтобъ одинъ изъ гостей, графъ фонъ-Ойнгаузенъ, пересѣлъ съ одного мѣста на другое. Ойнгаузенъ послушался. Но черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ опять велѣлъ ему перемѣнить мѣсто.

Тогда графъ отвѣчалъ:

— Разъ я послушался каприза вашего превосходительства, а въ другой разъ—слуга покорный. Еслибъ не скверная ваша привычка обѣдать такъ поздно, я ушелъ бы въ гостиницу Лондонъ; но тамъ ужъ я не найду обѣда, потому нечего дѣлать, поѣмъ здѣсь. Но впередъ говорю, что съ этихъ поръ вы не приглашайте меня къ себѣ обѣдать—не поѣду.

Министръ замолчалъ; графъ, по окончаніи стола, ушелъ, не простясь съ хозяиномъ.

При многихъ дворахъ въ первой четверти XVIII вѣка держали еще шутовъ. Послѣдній шутъ при саксонскомъ дворѣ, Кяу (Kiau), умеръ въ 1733 году. У Фридриха-Вильгельма Прусскаго также былъ шутъ; при Маннгеймскомъ дворѣ существовали шуты еще въ 1744 году, хотя этотъ дворъ, подобно саксонскому, хотѣлъ соперничать съ версальскимъ.

Неимовѣрная грубость нравовъ Саксонскаго двора соединялась съ утонченнѣйшимъ развратомъ. Регентъ французскій, принцъ Орлеанскій, прославился буйнымъ и безграничнымъ цинизмомъ въ развратѣ; но нравы версальскаго двора при немъ должны быть названы скромными сравнительно съ тѣмъ, что позволяли себѣ дѣлать въ Саксоніи его подражатели. Тутъ было

Digitized by Google

уже полное безчинство развращенныхъ дикарей, не имѣющихъ понятія даже о внѣшнемъ приличіи.

Можно легко повѣрить, что подобные люди не знали никакой разборчивости въ средствахъ для добыванія денегъ: они прибѣгали къ мѣрамъ, которыхъ устыдился бы не только регентъ, но даже итальянскіе тираны XV вѣка, устыдились бы Александръ VI и Цезарь Борджія. Не будемъ говорить ни о податяхъ, ни о взяткахъ, ни о нарушеніи частныхъ контрактовъ и государственныхъ договоровъ: всему этому можно найти примѣры и въ исторіи другихъ народовъ Западной Европы, хотя нигдѣ и никогда грабительство не достигало, кажется, такого полнаго и безсовѣстнаго развитія. Укажемъ только двѣ привычки, встрѣчаемыя постоянно въ Германіи XVIII вѣка и не казавшіяся никому дѣломъ безчестнымъ: продажность правительствъ иноземцамъ и обычай продавать войска.

Во время смутъ, иногда бывали и въ другихъ странахъ, кромѣ Германіи, примѣры того, что партіи искали помощи у иноземцевъ: такъ, французскіе гугеноты обращались за помощію къ нѣмецкимъ и англійскимъ протестантамъ, французскіе католики—къ Филиппу II Испанскому; но все-таки эти партіи призывали иноземцевъ и брали отъ нихъ деньги за тѣмъ, что *сами* хотѣли господствовать въ своемъ отечествѣ: онѣ хотѣли, чтобы иноземцы имъ помогали, а не владычествовали надъ ними; онѣ были увлекаемы фанатизмомъ, властолюбіемъ, ненавистью, но не безсовѣстною подлостью,—онѣ искали союзниковъ, а не покупщиковъ. Германскіе князья XVIII вѣка хладнокровно, безъ всякихъ увлеченій продавали себя всякому, кто только платилъ имъ деньги. Мы уже видѣли тому нѣсколько примѣровъ,—приведемъ еще общее обозрѣніе продажности Германіи французамъ въ половинѣ XVIII вѣка, во время отъ Второй Силезской до конца Семилѣтней войны. Маркграфу аншпахскому французы давали пособіе только до 1757 года, всего около 100,000 ливровъ; маркграфу байретскому давались субсидіи постоянно; сумма пособій составляетъ 1,100,000 ливровъ. Герцогъ вюртембергскій получилъ до войны полтора милліона, во время войны семь съ половиною милліоновъ; курфирстъ пфальцскій—до войны пять съ половиною, во время войны—около одиннадцати съ половиною милліоновъ; курфирстъ кельнскій въ 1751—1761 гг.—около семи съ половиною милліоновъ; Баварія до 1768 г.—болѣе восьми съ половиною; герцогъ цвейбрюкенскій до 1772 г.—около четырехъ съ половиною милліоновъ; маркграфъ гессенъ-дармштадтскій въ 1750 г.—100,000; курфирсту майнцскому дано въ разные годы до 500.000, нѣсколькимъ другимъ князьямъ—всего до 3,000,000; Саксонія въ 1750—1761 гг. получила восемь съ половиною милліоновъ. Австрія также получала пособія во время войны; но то были, дѣйствительно, военныя субсидіи, полученныя отъ союзника. Деньги, получаемыя другими нѣмецкими государствами отъ французовъ, были, просто, цѣною продажи этихъ государствъ французамъ. Плата имъ была, какъ видимъ, не высока: отъ слишкомъ сильнаго желанія продавать себя продавцы уронили цѣну, и французы безъ церемоніи то давали, то отнимали свои субсидіи—всякая подачка всегда принималась съ нижайшею благодарностью.

Мы видѣли и примѣры того, какъ продавались иноземцамъ войска на

Digitized by Google

время войны,—прибавимъ еще нѣсколько такихъ случаевъ къ тѣмъ, которые встрѣчались въ прежнемъ разсказѣ. Въ войну за австрійское наслѣдство 6,000 гессенцевъ были проданы одной изъ воюющихъ сторонъ, англичанамъ и голландцамъ, другіе 6,000 другой сторонѣ, баварскому претенденту и французамъ. Во Вторую Силезскую войну саксонскія войска были проданы австрійцамъ, а когда по заключеніи мира стали не нужны Маріи-Терезіи, были перепроданы голландцамъ. Фридрихъ Гессенскій торговалъ своими солдатами съ такимъ успѣхомъ, что только до 1750 года отъ однихъ англичанъ получилъ болѣе 15,000,000 гульденовъ; а онъ продавалъ солдатъ не однимъ англичанамъ, а всякому желающему. Проданные солдаты обыкновенно ставились на самыя убійственныя мѣста. Нанимающимъ было оттого мало потери: выбывшіе изъ строя замѣнялись, по контракту, свѣжими людьми; а продавцы имѣли даже въ томъ прямую выгоду, получая особенную условленную плату за каждаго убитаго и раненаго.

Таковъ былъ порядокъ дѣлъ въ Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Зная его, не нужно много говорить о томъ, каково было состояніе среднихъ классовъ и простаго народа: оно угадывается само собою. Довольно будетъ сдѣлать два-три краткія замѣчанія.

Различные классы населенія были до того раздѣлены предразсудками, гордостью сверху и раболѣпствомъ снизу, что представлялись какими то египетскими кастами. Въ каждомъ классѣ существовало множество подраздѣленій, изъ которыхъ каждое презирало всѣ низшія, будучи, въ свою очередь, презираемо высшими. Такъ, напримѣръ, въ дворянствѣ, за членами владѣтельныхъ фамилій слѣдовалъ Grafenstand, потомъ Reichsritterschaft, потомъ различные сорты жалованныхъ дворянъ, между которыми опять было различіе, смотря по тому, отъ самого ли императора, или отъ другаго владѣтеля даны имъ были титулы.

Чиновники раздѣлялись другъ отъ друга такими же китайскими стѣнами. Любовь къ чинамъ и титуламъ была безмѣрна и послѣ привычки къ грабительству составляла сильнѣйшую пружину всей жизни.

Даже торговый классъ не былъ свободенъ отъ этой заразы: гильдіи и цехи считались старшинствомъ между собою и были раздѣлены взаимнымъ презрѣніемъ и надменностью.

Дворянинъ презиралъ чиновника, и былъ презираемъ придворными; чиновникъ, раболѣпно преклоняясь передъ родовымъ дворянствомъ, презиралъ купца; купецъ презиралъ ремесленника; наконецъ народъ, презираемый всѣми, презиралъ самого себя.

Для курьеза можно замѣтить еще, что профессоръ рангомъ своимъ равнялся лейбъ-кучеру, и что ученое сословіе вообще стояло такъ низко, что никогда не считалось достойнымъ награды ни однимъ изъ безчисленныхъ орденовъ. Когда знаменитый Михаэлисъ получилъ орденъ, всѣ тому дивились, какъ неслыханной рѣдкости; да и ему орденъ былъ данъ не нѣмецкимъ, а иноземнымъ государемъ.

Офицерское званіе даже при Фридрихѣ II, этомъ другѣ французскихъ философовъ, было доступно исключительно только однимъ родовымъ дворянамъ.

Digitized by Google

Торговля и промышленность вообще упадали, города постоянно бѣднѣли. Только одинъ Гамбургъ составлялъ исключеніе изъ общаго правила: онъ богатѣлъ отъ заграничной торговли. Другіе города, даже служившіе центрами торговой дѣятельности, напримѣръ, Бременъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Аугсбургъ, счастливы были уже тѣмъ, что сохраняли остатки прежняго благосостоянія, постепенно, впрочемъ, уменьшавшагося. Всѣ другіе города падали.

Участью поселянъ была нищета. Домикъ со свѣтлыми окнами составлялъ рѣдкость, которую далеко не во всякомъ селѣ можно было найти; верхнее платье изъ грубаго сукна имѣли только немногіе поселяне; огромное большинство жило въ низенькихъ, мрачныхъ избушкахъ, довольствуясь холщевою одеждою и скудною пищею.

Остается сказать еще одно только, чтобы завершить картину состоянія Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Невѣжественный фанатизмъ былъ такъ силенъ, что не только католики чуждались протестантовъ и протестанты католиковъ, но и между протестантами лютеране и реформаторы преслѣдовали другъ друга. Въ лютеранскихъ городахъ не было терпимо реформатское богослуженіе, и наоборотъ. Религіозныя преслѣдованія вообще были господствующею чертою того вѣка. Рѣдкая область была свободна отъ гоненій за вѣру. Такъ, даже Марія-Терезія преслѣдовала въ своихъ владѣніяхъ протестантовъ. Когда въ началѣ XVIII вѣка усилились гоненія на протестантовъ въ Палатинатѣ, то въ Бранденбургѣ и Ганноверѣ, въ отмщеніе за то, начались гоненія противъ католиковъ. Архіепископъ зальцбургскій, около 1730 г., рѣшился очистить свою область отъ еретиковъ. Протестанты, доведенные до крайности жестокими притѣсненіями, стали жаловаться—ихъ объявили возмутителями, и Карлъ VI Австрійскій выслалъ армію для примѣрнаго ихъ наказанія. Болѣе 30,000 человѣкъ были изгнаны изъ зальцбургскихъ владѣній. Въ лютеранскихъ земляхъ попеременно то подвергались преслѣдованіямъ піэтисты, то сами преслѣдовали своихъ прежнихъ гонителей. Реформаторы и лютеране смертельно ненавидѣли другъ друга. Въ Гамбургѣ, гдѣ господствовало лютеранское исповѣданіе, лютеранскіе пасторы писали сочиненія, въ которыхъ приписывали реформатамъ гнуснѣйшіе пороки. Франкфуртъ-на-Майнѣ, также лютеранскій городъ, несмотря на всѣ просьбы прусскаго короля, не позволялъ въ своей области отправлять реформатское богослуженіе. Лютеранскій Виттенбергскій Университетъ не давалъ ученыхъ степеней реформатамъ.

Невѣжество было такъ велико, что въ концѣ XVII вѣка Томазіусъ едва не былъ объявленъ еретикомъ за то, что возсталъ противъ обычая сожигать колдуновъ и волшебницъ; еще въ 1749 году сожжена была въ Вюрцбургѣ за колдовство монахиня, а въ 1750 году, въ Ландсгутѣ, тринадцатилѣтняя дѣвочка.

Таково было состояніе Германіи въ половинѣ XVIII вѣка. Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находились тогда тѣ силы, отъ которыхъ нація могла ожидать себѣ избавленія: взглянемъ на состояніе нѣмецкой науки и литературы и на расположеніе умовъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нѣмецкая литература до Лессинга. — Готтшедъ и саксонская школа. — Бодмеръ и швейцарская школа. — Клопштокъ.—Галлеръ. — Гагедорнъ.—Рабенеръ.—Геллертъ.— Университеты и школы.—Публика.—Начала новой жизни.—Томазіусъ.—Мозеръ.

Трудно представить себѣ что нибудь печальнѣе и безнадежнѣе того порядка вещей, жертвой котораго была Германія въ первой половинѣ XVIII вѣка. Французскіе историки не находятъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы характеризовать состояніе Франціи въ послѣдніе годы правленія Людовика XIV, во времена Регента и Людовика XV. Но всѣ тѣ бѣдствія, которыя терпѣлъ французскій народъ въ эту эпоху, правда, очень тяжелыя, незначительны, можно сказать, въ сравненіи съ тѣми ужасными страданіями, какія терпѣлъ нѣмецкій народъ,—именно, терпѣлъ, потому что не было въ немъ даже ропота, недовольства своимъ положеніемъ, не было мысли о чемъ нибудь лучшемъ. Тяжесть, угнетавшая людей, была такъ велика, что даже надежды и стремленія были въ нихъ подавлены. Они отупѣли ко всему, стали равнодушны даже къ своей судьбѣ. Германія была чѣмъ-то подобнымъ чудовищному шильйонскому подземелью; нѣмецкій народъ, томившійся въ этомъ удушливомъ мракѣ втеченіе цѣлаго столѣтія, походилъ, наконецъ, на Боннивара, который свыкся съ своимъ подземельемъ такъ, что потерялъ даже скорбь о себѣ и впалъ въ холодную, безсмысленную апатію. Подобно ему, нѣмецкій народъ могъ бы сказать, вспоминая свое состояніе послѣ Тридцатилѣтней войны:

....Что потомъ сбылось со мной,
Не помню: свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ: воздухъ исчезалъ;
Въ оцѣпенѣніи стоялъ
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я,
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ смутную слилося тѣнь.
То не было ни ночь, ни день....
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, солнца и свѣтилъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть,—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Подавленный тяжелой мглой,
Недвижный, хладный и нѣмой....

Digitized by Google

Послѣдніе отголоски умирающей народной жизни слышатся въ литературѣ, первыя надежды, первыя требованія народа обыкновенно высказываются устами его поэтовъ и литераторовъ. Народъ, потерявшій или еще не получившій силы дѣйствовать, по крайней мѣрѣ, говоритъ, ищетъ свѣта въ въ словѣ, если не находитъ его въ жизни, жадно слушаетъ воодушевленныхъ негодованіемъ и надеждами своихъ поэтовъ. Даже и этого не было въ Германіи. Писали чрезвычайно много, читали не такъ много, но все-таки очень много. Стихотворцевъ, литераторовъ и ученыхъ Германія въ первой половинѣ прошлаго вѣка имѣла тысячи, читателей—десятки тысячъ; но изъ этихъ тысячъ писателей едва пять-шесть человѣкъ говорили о чемъ нибудь заслуживающемъ вниманія, да и тѣхъ никому не было охоты слушать. Всѣ остальные сочиняли торжественныя оды, идилліи, безсмысленныя басни и безсмысленные панегирики, безжизненные эпопеи, писали мертвыя диссертаціи о мертвыхъ предметахъ,—и ихъ читали, ими восхищались, и они сами собою восхищались. Перья скрипѣли, литературныя самолюбія надувались, часто бранились, но чаще взаимно воспѣвали свое величіе. Во всемъ этомъ не было ни смысла, ни жизни; но публика была совершенно довольна и счастлива: она воображала, что имѣетъ литературу, не предчувствуя даже, что языкъ данъ человѣку не для стихотворнаго или педантическаго пустословія.

Быть можетъ, даже русская публика, несмотря на свою чрезвычайную малочисленность, болѣе способна служить опорою и почвою для сильнаго литературнаго развитія, нежели нѣмецкая въ прошломъ вѣкѣ: у насъ читаютъ немногіе; но изъ этихъ немногихъ половина ищетъ въ книгѣ смысла и своимъ разумнымъ голосомъ заставляетъ иногда смиряться невѣжественные толки, заставляетъ задумываться тупую апатію, своею симпатіею поддерживаетъ святой жаръ въ благородныхъ писателяхъ. Мы восхищаемся Гоголемъ, не хотимъ знать о другихъ писателяхъ (быть можетъ, и талантливыхъ, но какое намъ до того дѣло), которые толкутъ воду и занимаются пересыпаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Наша литература очень слаба и блѣдна, наша публика — горсть людей; но эта литература, каково бы ни было ея достоинство, все-таки стремится къ жизни и свѣту, эта публика, каково бы ни было ея число, все-таки требуетъ отъ литературы мысли и жизни. Въ Германіи предъ эпохою появленія Лессинга и того не было: Лисковъ прошелъ незамѣченнымъ, а Готтшедъ, Бодмеръ, Рабенеръ, Геллертъ, Галлеръ, Клопштокъ имѣли толпы подражателей и легіоны почитателей.

Сама по себѣ, нѣмецкая литература до Лессинга представляетъ очень мало интереса, какъ явленіе тунеядное и безжизненное. Но для людей, занимающихся исторіею русской литературы, ея изученіе должно имѣть большую важность, потому что всѣ мертвые стихотворцы-педанты и прозаики-педанты, которыми восхищались нѣмцы въ половинѣ прошлаго вѣка, были переводимы на русскій языкъ и, вѣроятно, восхищали немногочисленныхъ нашихъ грамотныхъ людей въ ту пору или нѣсколько позднѣе и служили образцами подражанія для сыновъ россійскихъ музъ. Въ каталогѣ Смирдина мы находимъ, кромѣ множества другихъ нѣмецкихъ писателей того же разряда, Вейссе, Галлера (девять сочиненій), Геллерта (шестнадцать сочиненій),

Digitized by Google

Гесснера (девять сочиненій), Готтшеда, Клопштока, Крамера (пятнадцать сочиненій), Мейера, Рабенера (одиннадцать сочиненій). Читатели замѣтятъ, что особенно пустымъ и сухимъ писателямъ наиболѣе было счастья въ русской литературѣ, и Геллертъ, въ шестнадцати видахъ поучавшій русскую публику, далеко оставляетъ за собою геніальнаго Клопштока, давшаго русской литературѣ только три книги, и благороднаго Мозера, изъ котораго было переведено только два сочиненія. Надобно сказать, что и впослѣдствіи эта прекрасная пропорція не была нарушаема, какъ не нарушается она и теперь въ нашей переводной литературѣ, гигантами которой, изъ всѣхъ европейскихъ писателей, являются Поль-де-Кокъ и знаменитый авторъ „Монте Кристо“ и „Трехъ Мушкатеровъ“. Утѣшительно видѣть постоянство въ чемъ бы то ни было: постоянство—прекрасное качество во всѣхъ сферахъ жизни, а особенно въ умственной жизни, которая, къ сожалѣнію, у иныхъ народовъ въ иныя времена такъ подвержена бываетъ безпокойнымъ треволненіямъ. Насъ успокоиваютъ на этотъ счетъ воспоминанія о прошедшемъ и настоящія явленія: надъ всѣми русскими и иностранными писателями возвышается у насъ мирный гражданинъ Коцебу, на величественномъ подножіи, состоящемъ изъ 143 (сто-сорокъ-три: эта цифра не опечатка) твореній, которыми позаимствовалась у него русская литература. Утѣшительно видѣть, какъ искусство наше умѣетъ находить неистощимое умственное богатство въ самыхъ заплесневѣлыхъ лужахъ.

Никогда — даже въ то время, когда вслѣдъ за Жуковскимъ принялись у насъ переводить великаго Шиллера, ни послѣ, когда энтузіасты-юноши чуть не сходили съ ума отъ олимпійца Гете — никогда нѣмецкая словесность не имѣла такого вліянія на нашу литературу, какъ въ то время, когда она сама была пуста, мертва и ничтожна. Лишь только стала она оживляться, какъ уже и начала уменьшаться наша любовь къ ней, и мы обратились къ болѣе сроднымъ нашему уму источникамъ умственнаго удовольствія, отъисканнымъ, къ великому нашему восхищенію, у Мармонтеля и мадамъ Жанлисъ. Эпоха Лессинга совершенно охладила нашу любовь къ нѣмецкой литературѣ. Однако же, мы не возлюбили не всѣхъ нѣмецкихъ писателей поголовно: нѣтъ! тѣ, которые сохранили въ своихъ сочиненіяхъ милыя для насъ черты старой, до-лессинговской литературы, продолжали пользоваться нашимъ благосклоннымъ вниманіемъ: любили мы поразмыслить надъ глубокомысленными твореніями Юнга-Штиллинга и Эккартсгаузена, любили позабавиться прелестными въ простоуміи своемъ романами Фанъдеръ-Фельде и Августа Лафонтена (сорокъ-девять разъ являлись различныя его творенія на русскомъ языкѣ для нашего удовольствія), а больше всѣхъ любили мы, какъ выше показано, добраго и честнаго Коцебу, пострадавшаго за правду, которую такъ безразсудно отвергало суетное нѣмецкое юношество *).

---

*) Пушкинъ справедливо замѣчаетъ о французскомъ вліяніи на русскую литературу въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка:

„Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. „Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи; но бездарные „писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаршъ, „m-me Жанлисъ, овладѣваютъ русской словесностью“.

Совершенно таково же было, нѣсколько ранѣе, и отношеніе нашей словесности

Digitized by Google

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы показать причину краткости обзора нѣмецкой литературы до Лессинга, который должны представить въ этой главѣ. Нѣкоторые изъ читателей, знающихъ огромное вліяніе ея на русскую литературу, могли бы полагать, что интересно знать подробно дѣятельность писателей, которыхъ у насъ переводили и которымъ подражали съ такою любовью, достойною лучшаго предмета. Нѣтъ, это навело бы только безполезную скуку. Людямъ, которые разработываютъ исторію нашей словесности прошедшаго вѣка, необходимо основательно изучать всѣхъ этихъ Крамеровъ, Бодмеровъ, Геснеровъ съ братіею, потому что многія русскія сочиненія прошлаго вѣка, притворяющіяся оригинальными произведеніями русскаго ума, въ сущности не болѣе, какъ передѣлки сочиненій того или другаго изъ забытыхъ нынѣ нѣмецкихъ писателей. Какъ все касающееся родной исторіи интересно для насъ, то и изслѣдованіе нѣмецкой до-лессинговской литературы, съ цѣлью объяснить развитіе русской литературы, имѣетъ свою важность. Но сами по себѣ писатели, славившіеся тогда въ Германіи, не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Если тотъ или другой изъ нихъ и памятенъ еще самимъ нѣмцамъ, то почти всегда потому только, что Лессингъ обезсмертилъ его имя, такъ или иначе упомянувъ о немъ. Сами по себѣ сохранились въ благодарной памяти своихъ соотечественниковъ очень немногіе, да и то почти исключительно изъ тѣхъ, которые не пользовались громкою извѣстностью въ свое время. У нѣмцевъ Лискова, какъ у насъ Кантемира, оцѣнили только уже много лѣтъ спустя послѣ его смерти: они въ свое время не имѣли вліянія. Подробно говорить о другихъ значило бы понапрасну терять время, и мы ограничимся только немногими указаніями на значительнѣйшія имена до Лессинга. Нѣсколькихъ страницъ слишкомъ достаточно будетъ для характеристики того состоянія, въ какомъ нашелъ нѣмецкую литературу ея великій преобразователь.

Каково было состояніе нѣмецкой литературы въ началѣ XVIII вѣка, можно судить по одному тому, что Шлоссеръ, въ предисловіи къ своей „Исторіи XVIII вѣка“, обозрѣвая, вмѣстѣ съ политическою, и литературную жизнь европейскихъ народовъ въ это время и говоря о французской, англійской, итальянской литературѣ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о нѣмецкой, какъ будто бы она вовсе и не существовала.

Въ самомъ дѣлѣ, она существовала на столько же, на сколько существовала русская литература въ ту эпоху, когда вся состояла изъ напыщенныхъ одъ и эпопей, да изъ дубоватыхъ анакреонтическихъ стихотвореній. Немногимъ лучше была она и черезъ сорокъ лѣтъ. Правда, на мѣсто прежнихъ знаменитостей явились новыя громкія имена; правда, оптимистъ можетъ замѣтить, что новыя знаменитости были нѣсколько лучше прежнихъ,

---

къ нѣмецкой литературѣ. Интересно видѣть, какъ нѣмцы понимаютъ свою литературу до Лессинга, какъ французы (конечно, только тѣ, которые не изъ числа безсмысленныхъ болтуновъ) понимаютъ своихъ Мармонтелей и тому подобныхъ мудрецовъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ прилично смотрѣть и на нашу литературу прошедшаго вѣка. Послѣдовать этому совѣту будетъ не безполезно, между прочимъ, для г. Галахова, который, вѣроятно, не написалъ бы возраженій на статью г. Лайбова, помѣщенную въ „Современникѣ“, если бы хотя нѣсколько сообразилъ смыслъ своихъ словъ.

Digitized by Google

что Готтшедъ, при всей своей бездарности и недобросовѣстности, лучше какого-нибудь напыщеннаго Лоэнштейна или Гюнтера, потому что писалъ, по крайней мѣрѣ, вразумительнымъ языкомъ; оптимистъ, видящій повсюду прогрессъ, можетъ видѣть его и въ періодѣ нѣмецкой литературы отъ 1700 до 1750 года. Но прогрессъ этотъ совершался до излишества сообразно правилу Октавіана: „спѣши медлительно", и въ половинѣ XVIII вѣка положеніе нѣмецкой литературы было до крайности жалко или презрительно. Она еще оставалась рабскимъ подражаніемъ всему, что было мертваго и пустаго въ литературахъ французской и англійской, она оставалась совершенно чужда народной жизни, въ ней владычествовали такіе люди, какъ Готтшедъ и Бодмеръ, въ ней прославлялись, какъ величайшіе поэты вселенной, какъ нѣмецкіе Гомеры, Мильтоны и Гораціи, такіе поэты, какъ Рабенеръ, Геллертъ и имъ подобные.

Французская псевдо-классическая литература достаточно ославлена у насъ; довольно сказать: „нѣмцы благоговѣли передъ Буало", и всякія объясненія о степени плодотворности французскаго вліянія на нѣмецкую литературу становятся излишними. Но надобно сказать нѣсколько словъ о томъ, каковы были англійскіе писатели, раздѣлявшіе съ Буало владычество надъ умами германскихъ писателей. Эти писатели были Аддисонъ, Стиль, Попъ и Томсонъ. Всѣ они стоили другъ друга по безжизненности и фальшивости направленія, хотя и отличались одинъ отъ другаго большею или меньшею степенью таланта, и, говоря безпристрастно, надобно признаться, что Буало былъ ничѣмъ не хуже ихъ. Чтобы это сужденіе не показалось излишне суровымъ, приведемъ слова Шлоссера о Попѣ и Аддисонѣ: читатели повѣрятъ намъ на слово, что мнѣніе наше о достоинствахъ Стиля и Томсона могло бы быть подтверждено такими же цитатами.

„Поэзія Попа болѣе всего щеголяетъ пріятностью и гладкою формою. Его стихъ превосходенъ, слогъ прекрасенъ, языкъ правиленъ; но у него нѣтъ ни поэтическаго творчества, ни оригинальности, ни силы. Человѣкъ съ такою холодною, слабою и тщеславною натурою, какъ Попъ, который съ необыкновеннымъ усердіемъ старался льнуть къ каждому лорду и суетливо хлопоталъ о томъ, чтобы образовать вокругъ себя нѣчто въ родѣ двора и нѣчто въ родѣ аристократической комфортабельности, этотъ человѣкъ, жадный къ славѣ и деньгамъ, былъ какъ бы созданъ природою затѣмъ, чтобы быть проповѣдникомъ фальшиваго и софистическаго направленія въ образованіи. Онъ былъ католикъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ученикъ и другъ кощуна Болингброка, утверждалъ, что всегда оставался вѣренъ догматамъ своей церкви, и съ тѣмъ вмѣстѣ провозглашалъ эгоизмъ. Онъ умѣлъ изворачиваться такъ ловко, что обѣ враждовавшія тогда партіи, приверженцы старины и друзья прогресса, считали его своимъ союзникомъ. Тотъ самый трудъ, который доставилъ Попу славу и независимое состояніе, знаменитый переводъ „Иліады", служитъ свидѣтельствомъ искусственности его направленія. Поэтъ, который понималъ бы духъ Гомера, почелъ бы недостойнымъ дѣломъ переводить „Иліаду", не зная по гречески, и прикрашивать ее мишурными блестками. Сравнивая переводъ съ подлинникомъ, мы можемъ только изумляться изнѣженности и испорченности вкуса, реторичности и ненатуральности переводчика, прославленнаго Джонсономъ, оракуломъ свѣтскихъ салоновъ. Три другія произведенія Попа, на которыхъ вмѣстѣ съ переводомъ „Иліады" основалась его слава, еще яснѣе показываютъ и содержаніемъ и формою, до мельчайшихъ подробностей жизненныхъ и литературныхъ, что поэзія Попа была только порожденіемъ духа, господствовавшаго при Версальскомъ дворѣ, и служила только проповѣдницею искусственной, сладострастной, пустой салонной жизни. Это об

Digitized by Google

наруживаетъ относительно литературы „Опытъ о критикѣ“, относительно жизни—поэма „Похищенный Локонъ“, относительно религіозныхъ и нравственныхъ правилъ—„Опытъ о человѣкѣ“. „Опытъ о критикѣ“ излагаетъ теорію той поэтической школы, къ которой принадлежали Драйденъ и Попъ. Подобно Буало, Попъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о творческомъ вдохновеніи, которое создаетъ художественную форму вмѣстѣ съ идеею: за то у него излагаются очень хитрыя правила для сочиненія стихотворныхъ произведеній въ любомъ родѣ. Чтобы показать характеръ этихъ наставленій, припомнимъ только знаменитое правило о необходимости украшать природу, чтобы придать ей модный покрой, какъ придается онъ фраку или жилету. Потому то Вида, авторъ извѣстной реторики, безъ церемоніи ставится Попомъ наряду съ Гомеромъ и Виргиліемъ. „Похищеніе Локона“—шутливая поэма въ духѣ совершенной распущенности нравовъ, бывшей тогда модною, написана въ подражаніе одной изъ поэмъ Буало. Содержаніе поэмы составляютъ модные обычаи свѣтскаго круга, уваженіемъ къ которому проникнутъ авторъ. „Опытъ о человѣкѣ“, по сознанію самого Попа, есть переложеніе въ стихи философіи Болингброка, ставившей цѣлью человѣческой—удовольствіе. Собственнаго образа мыслей Попъ не имѣлъ, какъ доказываютъ его письма.

„Аддисонъ и его друзья хотѣли подчинить англійскую литературу холодной правильности, господствовавшей у французовъ, которымъ форма казалась важнѣе содержанія. По ихъ мнѣнію, не вдохновеніе дѣлаетъ великимъ писателя, а разсчитанность, остроумничанье и искусственность. Превозносимыя достоинства этихъ стилистовъ основываются на томъ, что они хотѣли только занимать, а не вести впередъ публику, хотѣли слегка щекотать, а не глубоко потрясать умы,—основаны на пошлости и реторикѣ. Реторика и софизмы были главными качествами нравственныхъ лицемѣровъ, во главѣ которыхъ стоялъ Аддисонъ. Онъ, по злому капризу судьбы, былъ государственнымъ секретаремъ, хотя не былъ въ состояніи ни говорить въ Парламентѣ, ни писать дѣловыхъ бумагъ, потому что отъ чрезвычайной заботливости о красотѣ слога и реторическихъ фигурахъ не могъ справиться съ депешею, если принимался сочинять ее—фактъ, какъ нельзя лучше характеризующій подобныхъ ему писателей: реторы отъ созданія міра всегда были тщеславны и никуда не годны для практической жизни. Зато сочинялъ онъ множество назидательныхъ трактатовъ. На вопросъ: какимъ образомъ эти сухіе прозаики, въ которыхъ не было ни искры поэзіи, могли предписывать своему и послѣдующему времени законы вкуса и достичь славы, которою еще продолжаютъ пользоваться, хотя едва ли кто нынѣ читаетъ или въ состояніи прочесть ихъ выглаженныя и прикрашенныя, вялыя и сухія работы?—на этотъ вопросъ отвѣчать легко. Дворъ и знать ввели моду считать реторику за поэзію, а многорѣчивованье—за литературу. Вильгельмъ III, Анна и ихъ министры прославили и возвеличили Аддисона. У этихъ людей не было ни вкуса, ни понятія о чемъ либо, кромѣ дѣловыхъ занятій или интригъ; потому плоская и многоглаголивая прикрашенность необходимо должна была нравиться имъ лучше истинной поэзіи или сильной прозы. Попъ содѣйствовалъ прославленію Аддисона, потому что съ проницательностью, свойственною людямъ его разбора, предчувствовалъ, что Аддисонъ никогда не помрачитъ его самого. Каковъ былъ модный вкусъ, которому Аддисонъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ и распространенію котораго потомъ содѣйствовалъ онъ, ясно видно изъ исторіи этого писателя. Онъ началъ съ латинскихъ стихотвореній, которыя поднесъ Буало. Буало вообще находилъ, что нелѣпо писать стихи на мертвомъ языкѣ, но отвѣчалъ комплиментами на почтительное приношеніе англичанина. Похвала эта составила славу Аддисона. Послѣ того воспѣвалъ онъ Рисвикскій миръ и Гохштедтскую битву и описывалъ Италію въ поэмѣ, которую можно было написать, не выѣзжая изъ Англіи. Потомъ трагедія его „Катонъ“ произвела такой шумъ, заслужила такое всеобщее одобреніе, что можно было спросить себя: не измѣняла ли себѣ въ этомъ случаѣ нація, имѣвшая Шекспира и столькихъ другихъ вдохновенныхъ драматурговъ, а теперь восхищавшаяся сухою правильностью и пустою реторикою? но тутъ все зависѣло не отъ характера націи, а отъ моды аристократическихъ салоновъ. „Катонъ“ сочиненъ по правиламъ Буало, съ соблюденіемъ трехъ единствъ, съ примѣсью любовныхъ сценъ, и герой пьесы въ шлафрокѣ читаетъ Федона. Въ знаменитомъ журналѣ Аддисона „Зритель“ господствуютъ реторическая проза, выглаженное, искусствен-

Digitized by Google

ное стихотворство; все было написано по правиламъ реторики и піитики, но ни въ чемъ не было ни искры генія, ни слѣда одушевленія, ни нравственнаго здоровья, ни силы. Въ „Зрителѣ“ проповѣдуется прикрашенность соблюдающей внѣшнія приличія испорченности нравовъ, которая владычествовала тогда въ высшемъ англійскомъ обществѣ, проповѣдуется система жизни, подобная развратному лицемѣрію французскаго двора при Людовикѣ XIV и кардиналѣ Флери. Аддисонъ съ педантическою точностью рисовалъ нравы и характеры; но о немъ можно сказать то же самое, что говорили объ учителѣ его, Буало: отъ его сочиненій пахнетъ масломъ ночной лампады, при свѣтѣ которой неутомимо обдѣлывалъ онъ свой слогъ. Онъ восхищалъ высшее общество тѣмъ, что давалъ ему въ украшенномъ видѣ изображеніе его собственныхъ нравовъ, представляемыхъ, какъ образецъ для подражанія другимъ классамъ. Мораль Аддисона основана на ханжествѣ, а истина передѣлывается такъ, что никого не можетъ оскорбить или испугать. Мораль у Аддисона главное дѣло во всѣхъ разсказахъ и аллегоріяхъ; но, чтобы никого не оттолкнула она, нравственныя требованія смягчаются до того, что все, льстящее моднымъ обычаямъ, представляется добродѣтелью“.

Трудно не соглашаться съ этими сужденіями, какъ и вообще рѣдки тѣ случаи, въ которыхъ здравомыслящій человѣкъ не найдетъ справедливымъ понятія Шлоссера, котораго по внутреннему достоинству его твореній надобно признать первымъ историкомъ нашего вѣка.

Если таковы были писатели, служившіе оракулами для нѣмецкихъ литераторовъ первой половины XVIII вѣка, легко себѣ вообразить, много ли жизни, много ли поэтическаго достоинства, много ли справедливыхъ литературныхъ понятій можно найти у знаменитостей нѣмецкой литературы того времени. Для нашей цѣли—объясненія, въ какомъ состояніи нашелъ ее Лессингъ—довольно будетъ сказать по нѣскольку словъ о людяхъ, пользовавшихся особенною славою или вліяніемъ во второй четверти XVIII вѣка.

Около 1730-хъ годовъ сильнѣйшимъ лицомъ въ нѣмецкой литературѣ былъ Готтшедъ; черезъ нѣсколько лѣтъ выступили противъ него и его послѣдователей (саксонской школы) Бодмеръ и его друзья (швейцарская школа). Борьба этихъ двухъ школъ ведена была обѣими враждующими партіями съ величайшимъ ожесточеніемъ и страшнымъ шумомъ, безъ малѣйшаго соблюденія какихъ бы то ни было приличій. Споръ этотъ составляетъ важнѣйшій фактъ въ нѣмецкой литературѣ 1740-хъ годовъ. Посмотримъ же, каковы были противники и о какихъ предметахъ шелъ споръ *).

Готтшедъ былъ послѣдователь Буало и поклонникъ французскаго псевдо-классическаго направленія.

Значительнаго положенія въ нѣмецкой литературѣ достигъ онъ ловкою разсчитанностью своего образа дѣйствій. Поселясь въ Лейпцигѣ, онъ сначала льстилъ людямъ, которые имѣли въ рукахъ средства помочь ему, потомъ, когда, благодаря имъ, пріобрѣлъ громкій голосъ въ литературныхъ дѣлахъ, сталъ превозносить каждаго, кто, въ свою очередь, соглашался быть его льстецомъ. Этимъ путемъ ему удалось получить владычество въ учено-литературномъ обществѣ, которое существовало въ Лейпцигѣ. Единственною

*) Мнѣнія, которыя кажутся автору справедливыми, почти всѣ высказаны у Шлоссера. Факты, здѣсь приводимые, такъ общеизвѣстны, что не нуждаются въ подтвержденіи цитатами, которыя, впрочемъ, желающій найдетъ у Гервинуса, Гиллебранда, Шефера, и другихъ историковъ нѣмецкой литературы XVIII вѣка. Во многихъ мѣстахъ мы, конечно, просто переводимъ того или другаго изъ этихъ писателей.

Digitized by Google

цѣлью его дѣятельности былъ личный интересъ, и только для увеличенія своей славы и власти онъ старался пробудить участіе къ нѣмецкой литературѣ въ публикѣ. Вкусъ публики былъ такъ грубъ, невѣжество ея такъ велико, что сочиненія Готтшеда, человѣка хитраго, но лишеннаго литературныхъ талантовъ, и кліентовъ его, людей большею частію совершенно бездарныхъ, удовлетворяли общему требованію: Готтшедъ безсовѣстно прославлялъ своихъ послѣдователей, они, въ свою очередь, прославляли его, и публика, оглушенная этимъ крикомъ, еще не способная имѣть самостоятельнаго мнѣнія, вѣрила всѣмъ этимъ своекорыстнымъ похваламъ и считала наглаго шарлатана съ его креатурами за великихъ писателей. Готтшедъ написалъ грамматику, піитику, реторику, издавалъ критическій журналъ и считался законодателемъ языка и вкуса. Правда, сужденія его о писателяхъ были пристрастны и недобросовѣстны, понятія его о литературѣ мелочны и пошлы, но они приходились по вкусу тогдашней публики. Посредствомъ лейпцигскаго „Нѣмецкаго Общества“ Готтшедъ вошелъ въ сношенія съ безчисленными другими литературными обществами, которыя существовали въ каждомъ городѣ и городкѣ. Онъ льстилъ тщеславію, которое обыкновенно бываетъ главнымъ качествомъ литературныхъ корпорацій; онъ льстилъ всѣмъ лицамъ, занимавшимъ важныя оффиціальныя положенія въ университетахъ, еще болѣе льстилъ тѣмъ придворнымъ и аристократамъ, которые имѣли претензію быть меценатами. Титулованнымъ поэтамъ, какъ бы ни были они бездарны, Готтшедъ подобострастнѣйшимъ образомъ курилъ ѳиміамъ: такъ, напримѣръ, онъ превозносилъ до небесъ жалкій переводъ Горація, изданный безъ имени переводчика, узнавъ, что переводчикъ—графъ фонъ-Зольмсъ; а барона Шенайха, сочинителя нелѣпѣйшей поэмы „Терезіада“, ставилъ онъ выше Клопштока, называлъ величайшимъ изъ эпическихъ поэтовъ вселенной и торжественно вѣнчалъ лавровымъ вѣнкомъ. Личность Готтшеда вполнѣ обрисовывается передъ нами однимъ анекдотомъ, который разсказанъ въ автобіографіи Гете (Wahrheit und Dichtung). Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, молодой человѣкъ съ нѣкоторыми другими юношами отправился на поклоненіе свѣтилу нѣмецкой словесности:

„Слуга ввелъ насъ въ большую комнату и сказалъ, что г. Готтшедъ сейчасъ выйдетъ. При этомъ показалось намъ, что онъ жестомъ показалъ на сосѣднюю комнату, въ знакъ того, что мы должны итти туда. Не знаю, ошиблись ли мы, понявъ его движеніе въ этомъ смыслѣ, но, отворивъ дверь, мы очутились зрителями странной сцены: въ тотъ самый мигъ, изъ противоположной двери явился Готтшедъ, плечистый мужчина гигантскаго роста, въ зеленомъ дамасовомъ шлафрокѣ, подбитомъ красною тафтою, и съ безпредѣльною лысиною на громадной головѣ. Послѣдней бѣдѣ готовилась быстрая помощь: изъ третьей двери выскочилъ слуга, держа въ рукѣ парикъ, и, съ испугомъ на лицѣ, кинулся къ барину. Готтшедъ, совершенно хладнокровно, не обнаруживая ни малѣйшей досады, лѣвою рукою взялъ у лакея парикъ и, очень искусно сажая его на голову, правою рукою далъ лакею такую пощечину, что бѣдняга, будто играя роль въ водевилѣ, кубаремъ вылетѣлъ за дверь, послѣ чего достопочтенный хозяинъ очень важно попросилъ насъ садиться и, не переводя духа, проговорилъ довольно длинное и очень милое привѣтствіе“.

Digitized by Google

Восхитительно это невозмутимое спокойствіе, съ которымъ знаменитый хозяинъ, одною рукою поправляя парикъ, другой даетъ крѣпкую пощечину слугѣ и вслѣдъ за тѣмъ съ совершеннымъ апломбомъ начинаетъ говорить заранѣе обдуманныя любезности гостямъ. Очевидно, что почтенный Готтшедъ былъ недоступенъ волненіямъ сердца—онъ неизмѣнно дѣйствовалъ по правилу, которое разъ навсегда поставилъ себѣ: „проступки должны быть наказываемы, а всѣмъ, кого нѣтъ надобности наказывать, должно говорить любезности". Точно также разсчитанно и холодно дѣйствовалъ онъ и въ литературѣ: безпощадно бранилъ всякаго, кто сдѣлалъ ему какую нибудь непріятность, безстыдно превозносилъ каждаго, отъ кого слышалъ лесть себѣ или могъ ожидать какихъ нибудь услугъ. Литературныя достоинства или недостатки произведенія тутъ нимало не принимались въ соображеніе, — притомъ же, Готтшедъ и не имѣлъ способности замѣчать ихъ; весь вопросъ состоялъ исключительно въ личныхъ отношеніяхъ автора къ Готтшеду. Безсовѣстность такого самовластителя въ литературѣ вызвала наконецъ нѣкоторыхъ изъ обиженныхъ имъ писателей на борьбу противъ него. Предводителемъ этой партіи, враждебной лейпцигскому диктатору, явился швейцарецъ Бодмеръ, уже имѣвшій въ Цюрихѣ и окрестныхъ городахъ толпу кліентовъ.

Въ противоположность Готтшеду, Бодмеръ былъ человѣкъ честный, но, подобно Готтшеду, онъ былъ лишенъ и вкуса и таланта, а, между тѣмъ, хотѣлъ быть судьею въ поэзіи и считалъ себя великимъ поэтомъ. Поклонниковъ у него находилось очень много, даже между людьми, имѣвшими образованіе или поэтическую славу. Они говорили, что эпическая поэма Бодмера „Ной" выше мильтонова „Потеряннаго Рая" и самой „Иліады". До старости Бодмеръ сохранилъ ребяческую впечатлительность и опрометчивость, вмѣстѣ съ безмѣрнымъ и чрезвычайно раздражительнымъ самолюбіемъ. Оракуломъ въ литературныхъ мнѣніяхъ служилъ ему Аддисонъ. „Зрителю" котораго самодовольно подражалъ журналъ Бодмера „Бесѣды Живописцевъ", далеко уступавшія „Зрителю", хотя и англійскій журналъ, какъ мы видѣли, имѣлъ не слишкомъ много положительнаго достоинства.

Готтшедъ и Бодмеръ сначала были въ хорошихъ отношеніяхъ между собою: одинъ помѣщалъ свои стихотворенія въ журналѣ другаго, тотъ хвалилъ его произведенія и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, въ образѣ понятій не было между этими людьми значительной разницы: одинъ вѣровалъ въ Буало, другой въ Аддисона, ученика Буало. Но оба были люди тщеславные, оба проникнуты суетнымъ желаніемъ не встрѣчать противорѣчія. Скоро Готтшедъ сталъ считать партію Бодмера вредною для себя: она мѣшала его единовластію въ литературѣ. Швейцарцы осмѣлились даже издавать руководства къ піитикѣ, какъ будто бы не издано было такое руководство Готтшедомъ! Значитъ, они посягали на его права: кто смѣлъ предписывать законы поэзіи, когда они даны уже имъ, великимъ Готтшедомъ? Онъ началъ бранить Бодмера и его друга Брейтингера, эти, разумѣется, отвѣчали ему въ такомъ же тонѣ, пасквили посыпались градомъ съ обѣихъ сторонъ, и загорѣлась непримиримая война.

Споръ шелъ о предметахъ мелочныхъ и ничтожныхъ, лишенъ былъ всякаго живаго содержанія, какъ и должно было ожидать: какіе важные

Digitized by Google

недостатки могъ открыть въ понятіяхъ или произведеніяхъ послѣдователей Аддисона ученикъ Буало, или въ понятіяхъ и произведеніяхъ приверженцевъ Буало ученикъ Аддисона? Спорили о словахъ, о достоинствѣ того или другаго выраженія и т. д.; но этотъ пустой споръ былъ крикливъ и задоренъ, потому что дѣло велось собственно изъ-за оскорбленій личнаго самолюбія; считаться ли Бодмеру нѣмецкимъ Гомеромъ и Виргиліемъ, или бездарнымъ писакою? считаться ли Готтшеду нѣмецкимъ Корнелемъ и Расиномъ, или его драмы достойны осмѣянія? Кому изъ двухъ противниковъ быть нѣмецкимъ Гораціемъ, законодателемъ въ области поэзіи? Кто изъ нихъ Аристархъ и кто Зоилъ? Точно таковы же были отношенія и всѣхъ другихъ саксонцевъ, стоявшихъ подъ знаменами Готтшеда, и швейцарцевъ, стоявшихъ подъ знаменами Бодмера: каждый изъ нихъ кричалъ, защищая славу, которою пользовался въ своей партіи, и браня противниковъ за то, что они не признавали его великимъ писателемъ.

Полемика была пуста, но не была безплодна; громкій шумъ привлекъ вниманіе общества: оно стало поневолѣ думать о литературѣ, когда изъ литературныхъ лагерей стали неумолкаемо раздаваться неистовые крики. Научить эти крики не могли пока еще ровно ничему; но хорошо было уже и то, что прежняя усыпительная монотонность нелѣпыхъ панегириковъ замѣнилась бойкимъ, задирающимъ споромъ, пробуждающимъ любопытство. Не безполезна была эта неистовая полемика и потому, что заставила публику нѣсколько недовѣрчивѣе прежняго смотрѣть на авторитеты, нѣсколько самостоятельнѣе прежняго судить о достоинствѣ писателей и сочиненій: до того времени публика тупо вѣрила всему, что ей говорили; теперь по необходимости надобно было каждому рѣшать, кто изъ спорившихъ справедливѣе. Борьба была упорна; но черезъ нѣсколько лѣтъ побѣда стала склоняться на сторону швейцарцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя они вообще не отличались ни вкусомъ, ни дарованіями, но въ партіи Готтшеда было еще больше безвкусія и бездарности; хотя швейцарцы держались понятій педантическихъ и безжизненныхъ, но въ школѣ Готтшеда педантизмъ былъ еще безжизненнѣе; хотя они были чистые формалисты, но у готтшедіанцевъ формализмъ былъ еще болѣе сухъ и мелоченъ. Такъ, напримѣръ, въ спорахъ о языкѣ швейцарцы защищали употребленіе оригинальныхъ выраженій, Готтшедъ былъ пуристомъ и осуждалъ каждый новый терминъ, каждое выраженіе, не освященное долговременнымъ употребленіемъ, и доходилъ въ этомъ случаѣ до очевиднѣйшей тупости; онъ нападалъ на такія слова, какъ меланхолія, симпатія, сцена, фантазія; нелѣпыми нововведеніями казались ему и такія слова, какъ, напримѣръ, das Entlocken, das Grosse, unbewusst, unentwickelt, die Mitternacht, das Lächeln,—слова, столь же невинныя и понятныя на нѣмецкомъ языкѣ, какъ на русскомъ понятны и невинны соотвѣтствующія имъ слова: похищеніе, величіе, безсознательно, неразвитый, полночь, улыбка. Въ спорѣ о теоріи словесности швейцарцы защищали права, если не творческой фантазіи (о которой ни та, ни другая партія не имѣла понятія, подобно своимъ иноземнымъ оракуламъ), то, по крайней мѣрѣ, права лирическаго чувства, а Готтшедъ училъ писать стихотворенія при помощи однихъ только разсчитанныхъ по пальцамъ правилъ и осуждалъ піитику

Digitized by Google

Брейтингера за то, что по ней не научишься писать эпопей, драмъ, одъ.— между тѣмъ (говорилъ онъ), моя піитика учитъ „безошибочнымъ образомъ изготовлять стихотворныя произведенія во всевозможныхъ родахъ“. Изъ этихъ словъ можно уже съ достовѣрностью заключать, что піитика Брейтингера была нѣсколько лучше готтшедовой, хотя она написана также въ духѣ сухаго формализма.

Когда люди, подобные Готтшеду и Бодмеру, спорили о владычествѣ надъ литературою, конечно, не могло быть истинно замѣчательныхъ дарованій между знаменитостями этой литературы, и сама литература не могла имѣть живаго содержанія; иначе, хитрая или тупоумная посредственность и не имѣла бы средствъ овладѣвать до такой степени законодательствомъ въ области изящнаго. Мы уже сказали, что нѣтъ надобности перечислять всѣхъ писателей, которые считались тогда славными и которые были забыты, какъ только оживилась литература. Довольно будетъ назвать три-четыре имени, пользовавшіяся или особеннымъ уваженіемъ, или особенною любовью публики. Къ такимъ писателямъ принадлежатъ Галлеръ, Рабенеръ и Геллертъ.

Дидактическія поэмы Буало и особенно Попа имѣли рѣшительное вліяніе на Галлера, который былъ великимъ ученымъ, но самъ сознавался, что лишенъ поэтическаго таланта, — и не только таланта не было у него, но и вкуса, потому что Вейсе, очень посредственнаго драматурга, который подражалъ то французамъ, то англичанамъ, ставилъ онъ выше Шекспира, а приторный Геснеръ нравился ему больше Ѳеокрита. Собственныя произведенія Галлера, особенно знаменитыя его поэмы „Альпы“ и „О происхожденіи зла“, могутъ имѣть ученое достоинство, но чужды поэтическаго одушевленія. Стремясь къ возвышенности, онъ достигаетъ только суровой сухости; стремясь къ теплотѣ и трогательности картинъ, даетъ онъ только холодныя и скучныя описанія. Въ „Альпахъ“ описываются красоты горной природы и изображаются въ идиллическомъ видѣ нравы горныхъ жителей, которые, не зная о жадности и любостяжаніи, сохранили у себя блаженство золотаго вѣка. Поэма „О происхожденіи зла“ объясняетъ, что человѣку дана свободная воля, что Богу угодно было предоставить людямъ выборъ между добромъ и зломъ; потомъ изображается состояніе первыхъ людей до грѣхопаденія, паденіе діаволовъ и прегрѣшеніе первыхъ людей — это подробный разсказъ библейскаго преданія, съ примѣсью различныхъ философскихъ замѣчаній. Поэма „О происхожденіи зла“ имѣла большой успѣхъ и породила сотни подражаній. Многочисленные послѣдователи Галлера безъ всякой заботы о требованіяхъ поэзіи цѣликомъ перелагали на стихотворный языкъ философскіе трактаты, сохраняя даже ученую систематическую форму въ своихъ виршахъ, — они просто перефразировали Лейбница и Вольфа, прикрашивая ихъ заимствованіями изъ Попа и Томсона,—сочиняли стихотворныя разсужденія о намѣреніяхъ Божіихъ при созданіи вселенной, о законахъ разума, о прививаніи коровьей оспы, объ искусственномъ орошеніи полей, о пользѣ математическихъ наукъ для поэта, о томъ, что произрастаніемъ травы доказывается существованіе Божіе, и т. д.

Кромѣ дидактическихъ и описательныхъ поэмъ, Галлеръ писалъ сатиры; но эти сатиры лучше всего остальнаго показываютъ, какъ чужда была

Digitized by Google

всякаго живаго содержанія нѣмецкая литература того времени. Онѣ направлены не противъ пороковъ или смѣшныхъ слабостей нѣмецкаго общества, а противъ парижскихъ философовъ. Самъ Галлеръ объявляетъ, что не имѣетъ охоты заниматься современными нравами своей родины, потому что это безполезно, да и не нужно.

Несмотря на чрезвычайное уваженіе къ эпической поэзіи, которая считалась верховнымъ родомъ искусства, Галлера читали довольно мало, а его послѣдователей еще меньше,—но каждый чувствовалъ на себѣ обязанность превозносить эти поэмы. Галлера называли нѣмецкимъ Виргиліемъ. Титулы, которыми украшались Рабенеръ и Геллертъ, были скромнѣе: Рабенеръ считался не болѣе, какъ нѣмецкимъ Ювеналомъ, а Геллертъ—нѣмецкимъ Лафонтеномъ, но за скромность этихъ титуловъ Геллертъ и Рабенеръ вознаграждались тѣмъ, что ихъ сочиненія были любимѣйшимъ чтеніемъ нѣмецкой публики. Для насъ, которые часто слышимъ преувеличенныя сужденія о глубинѣ и серьезности содержанія тѣхъ писателей, которые считаются представителями сатирическаго направленія въ русской литературѣ, не безполезно будетъ знать, какъ нѣмцы нынѣ судятъ о Рабенерѣ, котораго можно сравнить съ нашими писателями по обширности круга, которымъ занята его иронія, и по смѣлости, съ какою обличаетъ онъ недостатки своей народной жизни. Это сравненіе можетъ привести насъ къ сомнѣнію въ томъ, дѣйствительно ли есть серьезное содержаніе даже въ тѣхъ произведеніяхъ нашей литературы, которыя особенно извѣстны безпощаднымъ (будто бы) сарказмомъ, съ которымъ разоблачаютъ передъ нами важнѣйшіе (будто бы) наши недостатки. Безъ сомнѣнія, у насъ есть писатели, гораздо болѣе даровитые, нежели Рабенеръ, и произведенія, имѣющія гораздо болѣе художественнаго достоинства, нежели его сатиры. Но мы здѣсь говоримъ о границахъ содержанія, доступнаго ироніи. Мы находимъ, что у насъ есть произведенія, безпощадно карающія важнѣйшіе общественные пороки,—такъ говорили и нѣмцы добраго стараго времени о сатирахъ Рабенера. Интересно знать, какъ думаютъ нынѣ о Рабенерѣ въ Германіи, уже имѣя понятіе о томъ, какова бываетъ истинная сатира. Потому приведемъ сужденіе Гервинуса объ этомъ писателѣ.

„Рамлеръ, въ предисловіи къ переводу Бате (говоритъ Гервинусъ), хвалитъ Рабенера, называя его улыбающимся сатирикомъ, писателемъ мужественно прекраснымъ, упреки котораго поучительны, воображеніе котораго неистощимо, въ сочиненіяхъ котораго представленъ цѣлый рядъ картинъ и характеровъ. У кого достало бы охоты перечитать сатиры Рабенера, тотъ увидѣлъ бы, что надобно сказать о немъ совершенно противное. Что касается неистощимости воображенія, надобно признаться, что эти сатиры совершенно чужды всякой поэзіи: творческой фантазіи нѣтъ въ нихъ ни капли. Его произведенія — чистая проза. Смѣлости и рѣзкости онъ совершенно лишенъ; онъ робокъ и скученъ. Для нынѣшнихъ читателей довольно взглянуть на заглавія его сатиръ, чтобы убѣдиться въ томъ: „О поздравленіяхъ съ праздникомъ“, „Похвала постельнымъ собачкамъ“, „О несчастныхъ мужьяхъ“—вотъ каковы поучительныя задачи рабенеровой сатиры. Сатирическія посланія его превозносились какъ нѣчто удивительное—въ какомъ же кругу вращается тутъ остроуміе сатирика? — Невѣжда-помѣщикъ ищетъ себѣ дешеваго учителя,—горничная рекомендуетъ на это мѣсто человѣка, который ей нравится; вдова пастора пріискиваетъ себѣ жениха; проситель подкупаетъ судью, и т. д. Правда, эти недостатки существовали въ обществѣ; правда, сатира, карая по-

Digitized by Google

роки, можетъ для разнообразія касаться и мелочныхъ слабостей. Но сатирикъ обнаруживаетъ незнакомство свое съ жизнью, когда, думая объ исправленіи великаго общественнаго зданія, занимается подчисткою подобныхъ незначительныхъ шероховатостей въ мелкихъ уголкахъ. Рабенеръ, Цахаріэ и Геллертъ не истребили мелочныхъ недостатковъ, надъ которыми изощряли свое остроуміе: но всѣ эти мелочи упали сами собою, когда молодое поколѣніе въ 1770-тыхъ годахъ потрясло своими ударами все зданіе, къ которому принадлежали эти ничтожныя подробности. Рабенеръ могъ бы оставить безъ вниманія пустяки, которыми занимался, еслибъ обратилъ свою сатиру противъ великихъ недостатковъ, порожденныхъ жизнью его народа въ его время и препятствовавшихъ прогрессу; а онъ бился противъ маловажныхъ и существующихъ вездѣ и повсюду привычекъ. Предметы, которыми занимается его насмѣшка, слишкомъ мелки. Онъ самъ признается, что въ Германіи объ учителѣ деревенской школы нельзя говорить той правды, которую въ Англіи говорятъ о первыхъ сановникахъ королевства. Самъ Геллертъ—человѣкъ не слишкомъ смѣлый—понимаетъ, что сатира слишкомъ стѣснена, если говорить только о порокахъ частной жизни: описывая вельможъ, она, по его словамъ, бываетъ краснорѣчивѣе, нежели издѣваясь надъ мелкими людьми. Рабенеръ не дерзаетъ приближаться съ своею насмѣшкою къ великолѣпнымъ палатамъ: онъ прямо отказывается говорить о предметахъ, въ которыхъ замѣшаны „превосходительные люди". Разумѣется, можно находить и оправданія для Рабенера: вѣдь и его сатиры возбуждали неудовольствіе".

Сужденіе Гервинуса не должно считать слишкомъ суровымъ,—подобно ему думаютъ о робкой сатирѣ Рабенера всѣ. Въ подтвержденіе этихъ словъ приведемъ сужденія Шлоссера:

„Можно ли отъ Рабенера, человѣка, занимавшаго должность сборщика податей при саксонскомъ министрѣ Брюлѣ, стало быть, составившаго себѣ карьеру самымъ печальнымъ образомъ въ самыя печальныя времена,—можно ли ожидать отъ такого человѣка смѣлыхъ мыслей? А безъ смѣлости возможна ли сатира? Сатирѣ не должно быть дѣла до тѣхъ пороковъ, которые гнѣздятся въ ничтожныхъ людяхъ—нравы толпы исправляются не поэзіею, а другими путями—она должна разоблачать пышныя личины, ослѣпляющія простаковъ, она должна рѣзко изобличать пустоту и лицемѣріе, соединенное съ ложнымъ блескомъ. Сатира Рабенера щадитъ (очень благоразумно) истинныхъ враговъ человѣчества и родины, щадитъ людей, которые безстыдно презираютъ общественное мнѣніе, она занимается только бабьими сплетнями. Она не понимаетъ, что мелкихъ купцовъ и мелкихъ чиновниковъ не исправишь насмѣшками; они бьются изъ-за куска насущнаго хлѣба, ихъ недостатки происходятъ не отъ злой воли, а отъ нужды".

Еще слабѣе и ничтожнѣе Рабенера былъ по своему направленію Геллертъ, пользовавшійся, однакожъ, огромною популярностью. Онъ отъ природы былъ трусливъ и суетенъ,—обстоятельства развили въ немъ эти качества. Какъ жалка и безцвѣтна была его натура, можно судить по слѣдующему разсказу, который помѣщенъ въ англійскомъ „Годичномъ указателѣ" событій и новостей (The Annual Register) за 1762 годъ. Разсказъ этотъ слишкомъ хорошо характеризуетъ вообще всѣхъ знаменитыхъ нѣмецкихъ писателей той эпохи, которой принадлежитъ Геллертъ, потому помѣщаемъ его вполнѣ. Онъ лицомъ къ лицу ставитъ передъ нами этихъ жалкихъ педантовъ, вѣчно занятыхъ только одною мыслью о томъ, хороши ли ихъ собственныя сочиненія, — заботою о томъ, чтобы стихи были гладки, языкъ чистъ и правиленъ и всѣ правила піитики и реторики были строго соблюдены,—этихъ жалкихъ людей, ждавшихъ себѣ чести, а литературѣ пользы отъ милости меценатовъ, людей, не знавшихъ жизни, не имѣвшихъ

Digitized by Google

понятія о томъ, что писатель долженъ быть органомъ желаній своего народа, его руководителемъ и защитникомъ.

„Подлинный разговоръ между королемъ прусскимъ и талантливымъ Геллертомъ, профессоромъ изящной словесности при Лейпцигскомъ университетѣ, заимствованный изъ письма изъ города Лейпцига, отъ 27 января 1761 года.

18 минувшаго октября, въ третьемъ часу вечера, когда профессоръ Геллертъ, чувствуя себя нѣсколько нездоровымъ, сидѣлъ въ шлафрокѣ, за своимъ письменнымъ столомъ, кто-то постучался въ дверь его квартиры.

— Милости просимъ, войдите, сударь! сказалъ Геллертъ.

— Честь имѣю рекомендоваться, сказалъ вошедшій: — имя мое Квинтусъ Ициліусъ; мнѣ очень пріятно познакомиться съ человѣкомъ, столь славнымъ въ литературномъ мірѣ. Впрочемъ, я пришелъ къ вамъ не отъ себя, а по приказанію его величества, короля прусскаго, который желаетъ васъ видѣть и приказалъ мнѣ проводить васъ къ нему.

Геллертъ извинялся своимъ нездоровьемъ, но согласился слѣдовать за майоромъ Квинтусомъ, который ввелъ его въ кабинетъ его величества, гдѣ и произошелъ между королемъ и этими двумя писателями слѣдующій разговоръ:

Король. Вы профессоръ Геллертъ?

Геллертъ. Точно такъ, ваше величество!

Король. Англійскій посланникъ говорилъ мнѣ о васъ, какъ о человѣкѣ высокихъ достоинствъ. Откуда вы родомъ?

Геллертъ. Изъ Ганихена, что близъ Фрейберга.

Король. Какая причина, что у насъ нѣтъ хорошихъ нѣмецкихъ писателей?

Майоръ Квинтусъ. Предъ лицомъ вашего величества стоитъ превосходный нѣмецкій писатель, сочиненія котораго французы почли достойными перевода и котораго называютъ они германскимъ Лафонтеномъ.

Король. Это, г. Геллертъ, конечно, служитъ сильнымъ доказательствомъ вашихъ достоинствъ. Скажите, читали вы Лафонтена?

Геллертъ. Читалъ, государь, но не подражалъ ему. Я стараюсь быть оригинальнымъ въ своемъ родѣ.

Король. И прекрасно дѣлаете. Но скажите, какая причина тому, что у насъ въ Германіи не много писателей такихъ хорошихъ, какъ вы?

Геллертъ. Ваше величество, кажется, предубѣждены противъ нѣмцевъ.

Король. Нимало.

Геллертъ. Или, по крайней мѣрѣ, противъ нѣмецкихъ писателей.

Король. Это быть можетъ; въ самомъ дѣлѣ, я не высокаго мнѣнія о нихъ. Отчего происходитъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ историковъ?

Геллертъ. У насъ есть, государь, нѣсколько хорошихъ историковъ, — между прочимъ, Крамеръ, продолжатель Боссюэта, и ученый Масковъ.

Король. Нѣмецъ продолжалъ „Всемірную Исторію“ Боссюэта! возможно ли?

Геллертъ. Не только продолжалъ, но и совершилъ это трудное дѣло съ величайшимъ успѣхомъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ въ областяхъ вашего величества провозгласилъ это продолженіе равняющимся боссюэтовой исторіи по краснорѣчію и превосходящимъ ее по точности.

Король. Отчего же происходитъ, что у насъ нѣтъ хорошаго перевода Тацита на нѣмецкій языкъ?

Геллертъ. Этотъ авторъ чрезвычайно труденъ для перевода, и французскіе переводы, какіе нынѣ существуютъ, совершенно лишены всякаго достоинства.

Король. Съ этимъ я согласенъ.

Геллертъ. Много есть различныхъ причинъ, препятствовавшихъ доселѣ нѣмцамъ сдѣлаться знаменитыми въ различныхъ отрасляхъ литературы. Когда науки и искусства процвѣтали между греками, римляне занимались только губительнымъ искусствомъ войны. Не можемъ ли мы считать настоящаго времени воинскимъ вѣкомъ Гер-

Digitized by Google

маніи? Не могу ли также я прибавить, что наши соотечественники не были одушевляемы такими покровителями наукъ, какъ Августъ и Людовикъ XIV?

Король. Да вѣдь у васъ въ Саксоніи было цѣлыхъ два Августа *).

Геллертъ. Правда, государь, и потому въ нашей странѣ явились хорошіе начатки.

Король. Какимъ образомъ можете вы ожидать Августа въ Германіи, столь раздробленной?

Геллертъ. Я сказалъ не въ томъ смыслѣ, государь: я желаю только, чтобы каждый государь ободрялъ въ своихъ областяхъ людей съ истиннымъ талантомъ.

Король. Вы никогда не выѣзжали изъ Саксоніи?

Геллертъ. Однажды я былъ въ Берлинѣ.

Король. Вамъ нужно бы путешествовать.

Геллертъ. Государь, я не имѣю никакой наклонности къ путешествіямъ; а если бы и имѣлъ, мои обстоятельства не позволили бы мнѣ путешествовать.

Король. Скажите, какой болѣзнью вы страдаете? я предполагаю, болѣзнью ученыхъ?

Геллертъ. Назову ее такъ, когда вашему величеству угодно почтить меня этимъ именемъ, котораго, безъ величайшаго тщеславія, не могъ бы я дать самъ себѣ.

Король. Я, подобно вамъ, страдалъ этою болѣзнью и, кажется, могу излечить васъ: дѣлайте только моціонъ, ѣздите гулять верхомъ каждый день и разъ въ недѣлю принимайте ревеню.

Геллертъ. Это лекарство, государь, могло бы для меня быть хуже самой болѣзни: если моя лошадь была бы здоровѣе и бодрѣе меня, я не смѣлъ бы сѣсть на нее; а если она хуже меня, немного пользы было бы мнѣ отъ прогулки верхомъ на ней.

Король. Ну, такъ ѣздите гулять въ экипажѣ.

Геллертъ. Я не такъ богатъ, чтобъ имѣть на то средства.

Король. А, вотъ этимъ-то обстоятельствомъ обыкновенно и больны нѣмецкіе литераторы. Правда, худыя нынѣ времена.

Геллертъ. Худыя, ваше величество! Но если бы благость вашего величества дала миръ Германіи...

Король. Да развѣ отъ меня это зависитъ? Развѣ вы не слышали, что противъ меня соединились три державы?

Геллертъ. Знанія мои, государь, преимущественно заключаются въ древней исторіи; новую изучалъ я гораздо менѣе.

Король. Изъ эпическихъ поэтовъ кого вы предпочитаете—Гомера или Виргилія?

Геллертъ. Безъ сомнѣнія, Гомеръ, какъ оригинальный геній, заслуживаетъ предпочтенія.

Король. Но Виргилій, однако же, писатель болѣе изящный.

Геллертъ. Мы живемъ во времена, слишкомъ отдаленныя отъ гомеровыхъ, и не можемъ составить себѣ опредѣлительнаго сужденія о языкѣ и нравахъ того древняго періода: потому я полагаюсь на сужденіе Квинтиліана, который отдаетъ преимущество Гомеру.

Король. Но мы, однако же, не должны съ рабскимъ подобострастіемъ подчиняться сужденіямъ древнихъ.

Геллертъ. Я и не подчиняюсь имъ слѣпо. Я только принимаю ихъ мнѣнія, когда древность облекаетъ предметъ такимъ туманомъ, который не даетъ мнѣ различить его черты и, слѣдовательно, отнимаетъ возможность собственнаго сужденія.

Король. Вы, какъ я слышалъ, написали басни, замѣчательныя по изяществу и остроумію. Можете вы прочитать мнѣ одну изъ нихъ?

Геллертъ. Не умѣю вамъ сказать, государь, могу ли: память моя далеко не хороша.

---

*) То есть Августъ III, тогда царствовавшій, и Августъ II, бывшій его предшественникомъ.

Digitized by Google

Король. Постарайтесь; я пока пройдусь по комнатѣ и дамъ вамъ время собраться съ мыслями... (*Черезъ нѣсколько минутъ*). Можете теперь исполнить мое желаніе?

Геллертъ. Могу, государь!

„Аѳинскій живописецъ, занимавшійся своимъ искусствомъ болѣе изъ желанія славы, нежели изъ любви къ прибытку, спросилъ у знатока живописи мнѣнія о своей картинѣ, представлявшей бога Марса. Знатокъ не скрылъ отъ него, что находитъ картину неудовлетворительною. Живописецъ защищалъ свое произведеніе. Критикъ отвѣчалъ на его возраженія, но не могъ убѣдить его. Въ это время подходитъ невѣжда, бросаетъ взглядъ на картину и, не подумавъ ни минуты, съ восторгомъ восклицаетъ: „Боже! какое мастерское произведеніе! Марсъ живой дышетъ на этомъ полотнѣ! Какія прекрасныя ноги! Какой вкусъ, какое величіе въ этомъ шлемѣ, въ этомъ щитѣ, во всемъ вооруженіи ужаснаго бога“! Живописецъ покраснѣлъ, взглянулъ на знатока съ видомъ смущенія, признанія въ своихъ ошибкахъ и сказалъ: „Теперь я убѣдился, что ваше сужденіе основательно“. Невѣжда удалился, и живописецъ истребилъ свою картину“.

Король. Какой же смыслъ въ этой баснѣ?

Геллертъ. Нравоученіе таково: „когда сочиненія писателя не удовлетворяютъ вкусу хорошаго судьи, это даетъ сильное основаніе думать о нихъ неблагопріятно; но когда они бываютъ превозносимы глупцомъ, не колеблясь должно бросить ихъ въ огонь“.

Король. Прекрасно, г. Геллертъ! Стихотвореніе ваше превосходно, и въ изобрѣтеніи басни есть какое-то изящество. Я понимаю красоту и достоинство этого произведенія. Но когда Готтшедъ читалъ мнѣ переводъ „Ифигеніи“, у меня передъ глазами былъ французскій оригиналъ, и я не понялъ ни слова изъ того, что онъ читалъ. Если я останусь здѣсь дольше, вы почаще приходите ко мнѣ и читайте мнѣ ваши басни.

Геллертъ. Не знаю, государь, долженъ ли я отваживаться на чтеніе: я привыкъ говорить нараспѣвъ, какъ говорятъ у насъ въ горахъ.

Король. Ну да, по силезскому акценту. Нѣтъ, все-таки вы должны читать ваши басни: иначе, онѣ много потеряютъ. Навѣстите же меня еще, и поскорѣе.

Когда г. Геллертъ ушелъ, король сказалъ:

— Это совершенно не такой человѣкъ, какъ Готтшедъ. А на слѣдующій день, за столомъ, онъ сказалъ, что „изъ всѣхъ ученыхъ нѣмцевъ Геллертъ самый умный и разсудительный“.

Весь тонъ разсказа свидѣтельствуетъ, что онъ написанъ безъ всякой иронической цѣли. Хроника, въ которой онъ помѣщенъ, хочетъ показать, что король Фридрихъ II умѣлъ цѣнить таланты; а между тѣмъ, какою горькою насмѣшкою надъ Геллертомъ кажется этотъ анекдотъ! Какъ пошло и глупо каждое его слово, какъ тупы его понятія о литературѣ! — Отчего она въ незавидномъ положеніи? спрашиваетъ Фридрихъ, — „оттого, что у насъ нѣтъ Августовъ и меценатовъ“, очень добродушно отвѣчаетъ Геллертъ, не зная, что именно меценатство съ одной стороны, подобострастіе съ другой губятъ литературу. Отчего вы блѣдны? спрашиваетъ король. — Оттого, что все сижу въ своемъ кабинетѣ за книгою, отвѣчаетъ Геллертъ, какъ истинный Вагнеръ, не имѣя даже предчувствія о томъ, что поэту быть въ кругу людей полезнѣе, нежели читать Буало, Готтшеда и Бодмера. И какъ робѣетъ этотъ бѣднякъ! Онъ запинается, онъ теряется; ему нужно дать время образумиться, чтобы онъ могъ припомнить какую нибудь изъ своихъ басенъ. И какую же басню выбираетъ онъ для чтенія передъ Фридрихомъ — полководцемъ, законодателемъ, человѣкомъ жизни и дѣятельности? басню,

Digitized by Google

заключающую наставленіе для жалкихъ Вагнеровъ, подобныхъ самому баснописцу! Видно, что никакъ не можетъ онъ выйти изъ узкаго круга пустых вопросовъ о гладкости слога и литературныхъ красотахъ, о критикѣ и антикритикѣ, видно, что жизнь и міръ для него ограничиваются сочиненіемъ стишковъ и полученіемъ заслуженныхъ похвалъ отъ Готтшеда или Бодмера, да милостиваго покровительства отъ Брюля за благонамѣренност стремленій и красоту слога!

Въ такомъ жалкомъ состояніи находилась нѣмецкая литература около половины XVIII вѣка. Она совершенно оправдывала собою извѣстную аксіому что литература есть выраженіе общества. Германія находилась въ нравственной зависимости отъ чужеземцевъ, литература ея была рабскимъ подражаніемъ англійской и французской литературамъ; нравственное единство народа, вслѣдствіе продолжительнаго политическаго раздробленія, было утрачено—нѣмецкая литература также утратила свое единство: Лейпцигъ был центромъ саксонской школы, Цюрихъ—швейцарской, въ Берлинѣ была своя школа, въ Гамбургѣ своя, въ Кенигсбергѣ своя; направленіе, которому будетъ слѣдовать писатель, опредѣлялось не столько влеченіемъ его таланта сколько принадлежностью его къ той или другой области: саксонецъ дѣлался послѣдователемъ Готтшеда, южный германецъ ученикомъ Бодмера, сѣверный германецъ подражателемъ Галлера. Въ жизни нѣмецкаго народа господствовали апатія, пустота, — та же самая пустота господствовала и въ литературѣ; подобострастный формализмъ сковывалъ жизнь общества, — онъ же сковывалъ и литературные таланты; общество было робко, безпрекословно отдавалось въ добычу каждому, кто хотѣлъ грабить его,—также и литература подчинялась каждому шарлатану съ громкимъ голосомъ, который хотѣлъ господствовать въ ней.

Неудивительно послѣ этого, что высшіе классы общества пренебрегали родною литературою и читали исключительно французскія книги: въ нѣмецкихъ нашли бы они только повтореніе того, что гораздо лучше было высказано французскими писателями временъ Людовика XIV.

Виновницею жалкаго состоянія литературы всегда бываетъ публика если публика многочисленна и проникнута живыми стремленіями, нѣтъ въ мірѣ силы, которая могла бы остановить развитіе литературы, нѣтъ затрудненій, которыя не были бы побѣждены требованіями общества. Степень умственнаго развитія въ массѣ нѣмецкой публики совершенно соотвѣтствовала общему состоянію литературы. Педантизмъ, робость, подобострастіе и предразсудки всякаго рода владычествовали въ обществѣ. Мы говорили, что оно раздѣлялось на касты, чуждавшіяся одна другой; главною двигательною силою жизни въ каждой кастѣ было мелочное тщеславіе, преклоненіе передъ высшими, презрѣніе къ низшимъ. Религіозное одушевленіе исчезло послѣ Тридцатилѣтней войны, но осталась вражда различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: католики, лютеране, кальвинисты ненавидѣли другъ друга; религіозныя и нравственныя понятія были суровы и грубы; вообще, умственная жизнь была стѣснена предразсудками и предубѣжденіями.

Наука, которая должна была бы противодѣйствовать этимъ несчастнымъ для народнаго развитія отношеніямъ и вести націю впередъ,

Digitized by Google

распространившейся привычкѣ къ педантству и формализму, получила такой видъ, что сама служила однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій прогрессу умственной и общественной жизни. Университеты и школы, вообще говоря, не просвѣщали, а только еще болѣе затуманивали умы. Всѣ науки преподавались съ каѳедръ и разработывались въ кабинетахъ, въ самой сухой и мертвой формѣ. Ученый обыкновенно былъ педантомъ и формалистомъ, слѣпо вѣрившимъ тому, чему научился отъ своего бывшаго наставника; онъ безъ всякой критики компилировалъ факты, не отъискивая въ нихъ смысла, заботясь только о систематичности и внѣшней ученой формѣ. Мертвый догматизмъ владычествовалъ во всѣхъ отрасляхъ науки, отъ философіи до изученія древнихъ языковъ, отъ законовѣдѣнія до теоріи словесности. Параграфы, аксіомы, теоремы, леммы, королларіи, подраздѣленія заставляли забывать о живомъ содержаніи въ нравственныхъ и юридическихъ наукахъ, которыя излагались съ такою же сухостью, какъ алгебра или геометрія. Въ исторіи больше всего занимались хронологическими и генеалогическими таблицами и мелочными подробностями, не обращая вниманія на смыслъ фактовъ и связь событій; въ законовѣдѣніи господствовалъ взглядъ совершенно отвлеченный и односторонній, такъ что примѣненіе его къ жизни было страшнымъ бѣдствіемъ для всего народонаселенія: юристы были истинными мучителями для Германіи; въ богословіи сохранялись понятія, свойственныя среднимъ вѣкамъ, и самый протестантизмъ сталъ неподвиженъ и безжизненъ если не больше, то не меньше католицизма. Книги вообще писались такъ сухо и тяжело, что только записные ученые рѣшались читать ихъ. Еще въ 1765 году Зульцеръ говорилъ:

„Книги остаются исключительно въ рукахъ однихъ профессоровъ, студентовъ и журналистовъ, и мнѣ кажется, что писать для настоящаго поколѣнія—дѣло, едва ли стоющее труда. Если въ Германіи существуетъ читающая публика внѣ круга людей, по ремеслу своему обязанныхъ обращаться съ книгами, то я долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ—я не знаю о существованіи такой публики. Я вижу за книгами только студентовъ, кандидатовъ, тамъ и сямъ одинокаго профессора, изрѣдка проповѣдника. Общество, въ которомъ эти читатели составляютъ незамѣтную—дѣйствительно, совершенно незамѣтную—частицу, не имѣетъ и понятія, что такое литература, философія, что такое разумно нравственныя убѣжденія и вкусъ“.

Картина, составляющаяся изъ фактовъ, нами исчисленныхъ, очень мрачна; но никто изъ знакомыхъ съ политическимъ и умственнымъ состояніемъ Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка не скажетъ, чтобы можно было представлять себѣ это состояніе въ иномъ свѣтѣ. „Гнуснѣйшее варварство“ (die hässlichste Barbarei)—вотъ выраженіе, которымъ характеризуетъ положеніе своего отечества около 1750 года Гервинусъ; а Гервинусъ принадлежитъ къ числу людей очень умѣренныхъ, даже слишкомъ умѣренныхъ въ своемъ образѣ мыслей: онъ патріотъ, иногда даже слишкомъ пристрастный къ родной старинѣ.

Но пришло время, когда ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не могъ оставаться въ закоснѣлости своихъ недостатковъ и предубѣжденій, когда

Digitized by Google

каждая нація почувствовала потребность новой, лучшей жизни,—и Германія пробудилась изъ своей нелѣпой и тяжелой летаргіи.

Свѣжимъ воздухомъ вѣяло на нее изъ Франціи, изъ Англіи, — лучи новаго свѣта стремились на нее изъ этихъ странъ, опередившихъ ее въ XVII вѣкѣ. Крѣпокъ былъ сонъ, долго медлила Германія пробудиться отъ него; густъ былъ мракъ, тяготѣвшій надъ нею, но свѣтъ таки восторжествовалъ надъ мракомъ, и открылись наконецъ глаза, отягощенные мертвою дремотою.

Мы видѣли, что подражаніе французамъ въ жизни, подражаніе французамъ и англичанамъ въ литературѣ не имѣло для Германіи никакихъ слѣдствій, кромѣ дурныхъ,—это потому, что подражаніе всегда бываетъ внѣшнимъ формализмомъ, убивающимъ духъ, а подражателями бываютъ только люди ограниченные, лишенные мысли, лишенные собственнаго содержанія. Но кромѣ внѣшняго формалистическаго вліянія одного народа на другой есть другое вліяніе, живое и плодотворное, состоящее въ томъ, что успѣхи народа, стоящаго на высшей степени развитія, служатъ предметомъ размышленія для живыхъ людей другаго народа, отставшаго на пути развитія. Эти люди, занятые мыслью о средствахъ помочь своему народу, находятъ въ жизни другихъ націй примѣры, которыми облегчаются ихъ собственныя соображенія, находятъ факты, которыми пользуются они, какъ доказательствами для убѣжденія массы въ необходимости и возможности улучшеній, требуемыхъ положеніемъ націи. Всѣ народы, двигаясь впередъ при помощи успѣховъ, совершенныхъ болѣе счастливыми ихъ собратами, всегда сначала подчинялись формалистическому вліянію, потому что форма понятнѣе содержанія для неразвитаго человѣка; но потомъ, когда умственныя сношенія становились тѣснѣе, благодаря формалистическому сближенію, начиналась возможность вдумываться и въ содержаніе цивилизованной жизни, формы которой были уже извѣстны. Тогда иноземное вліяніе переставало быть противоположно народной жизни, — напротивъ, при помощи уроковъ и истинъ, выработанныхъ жизнью собратій, народная жизнь быстро развивалась,— развивалась сообразно собственнымъ потребностямъ и условіямъ, то есть вполнѣ самостоятельно, такъ что исчезалъ всякій слѣдъ умственной зависимости отъ другихъ народовъ именно въ то время, когда сближеніе съ ними начинало приносить обильнѣйшіе плоды.

Такъ было и съ нѣмецкимъ народомъ. Англія и Франція во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше Германіи въ концѣ XVII вѣка. Вліяніе ихъ на Германію было неизбѣжно. Оно отразилось во всѣхъ сферахъ жизни, сначала чисто формалистическимъ образомъ,—и на первый разъ слѣдствія сближенія казались неблагопріятными для Германіи: мы видѣли, какъ сначала были развращены французскимъ вліяніемъ высшіе классы, какъ обезсмыслена была литература подражаніемъ французской и англійской. Но это было только неизбѣжное временное зло, предшествующее прочному благу и несущее въ себѣ сѣмена его. Да и само по себѣ это зло было зломъ только по сравненію съ идеаломъ народной жизни въ будущемъ, а вовсе не по сравненію съ предшествующимъ ея состояніемъ. Какова бы ни была подражательная нѣмецкая литература, все жъ это была литература, принадлежа-

Digitized by Google

щая періоду цивилизаціи, какой прежде не имѣла Германія. Каковы бы ни были пороки и злоупотребленія, введенные въ государственную жизнь подражаніемъ французскому двору, бѣдствія, отъ нихъ происходившія, были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое происходило отъ учрежденій и обычаевъ, развитыхъ самою германскою жизнью: корнемъ зла былъ произволъ съ одной стороны, подобострастіе и апатія съ другой; а эти отношенія не были занесены изъ Франціи: они выросли на нѣмецкой почвѣ.

Рано появились въ Германіи мыслящіе люди, которые, не останавливаясь на временномъ злѣ, какое можетъ приносить сближеніе малообразованнаго народа съ болѣе образованнымъ, всѣми силами старались о сближеніи нѣмцевъ съ французами, — не для одного заимствованія внѣшнихъ формъ, но для развитія нѣмецкой образованности. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ истинно великій дѣятель нѣмецкаго просвѣщенія, Христіанъ Томазіусъ (въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка), — Томазіусъ, о которомъ Шлецеръ говорилъ, что онъ принесъ человѣчеству болѣе пользы, нежели всѣ греческіе философы и поэты. Здѣсь не мѣсто подробно говорить о всей неутомимой дѣятельности этого благодѣтеля своей родины, не мѣсто излагать исторію его борьбы противъ юридическихъ предразсудковъ и беззаконій (Христіанъ Томазіусъ былъ профессоромъ законовѣдѣнія сначала въ Лейпцигскомъ университетѣ, потомъ, когда защитники грубаго невѣжества и педантства заставили его удалиться изъ Лейпцига, онъ получилъ каѳедру въ Галле, гдѣ уже пользовался сильнымъ вліяніемъ), не мѣсто здѣсь говорить о борьбѣ его противъ варварскаго законодательства, противъ пытокъ и жестокихъ наказаній, не мѣсто разсказывать, какъ онъ успѣлъ доказать, что нелѣпо вѣрить въ вѣдьмъ и жечь бѣдныхъ старухъ: мы здѣсь должны обратить вниманіе только на одну сторону его дѣятельности, касавшуюся общаго образованія нѣмецкаго народа.

Въ то время, какъ Томазіусъ получилъ каѳедру въ Лейпцигѣ, всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ; нѣмецкій языкъ былъ презираемъ учеными. Томазіусъ жестоко нападалъ на жалкую школьную латынь и совѣтовалъ нѣмцамъ то время, которое пропадаетъ у нихъ въ сочиненіи латинскихъ гекзаметровъ, употребить на изученіе французскаго языка и литературы и по примѣру французовъ полюбить свой родной языкъ. Онъ доказывалъ, что отъ привычки писать всѣ учебныя и ученыя книги, не только по спеціальнымъ наукамъ или богословію, но даже по физикѣ, естественной исторіи, географіи, и отъ обыкновенія, по которому во всѣхъ школахъ всѣ предметы преподавались на латинскомъ языкѣ, масса публики лишается всякихъ средствъ къ образованію. Да и самыя науки, уединясь отъ жизни, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ записныхъ ученыхъ, приняли совершенно педантическую форму, забыли о всякомъ соотношеніи съ жизнью и требованіями здраваго разсудка. Въ 1688 году смѣлый противникъ школьной латыни изумилъ всѣхъ, объявивъ, что будетъ на нѣмецкомъ языкѣ читать лекціи о томъ, какъ по примѣру французовъ можно сблизить науку съ жизнью. Это привело въ ужасъ всю тьмочисленную толпу почтенныхъ педантовъ: тысячи голосовъ поднялись противъ дерзкаго латынеотступника; но Томазіусъ одержалъ побѣду, хотя не скоро: лѣтъ черезъ двадцать или двад-

Digitized by Google

цать-пять въ Лейпцигскомъ университетѣ уже многіе профессоры читали лекціи по нѣмецки. Крики противниковъ не устрашили Томазіуса; онъ только увидѣлъ необходимость сдѣлать судьею въ вопросѣ о доступности науки для публики всю публику, а не однихъ педантовъ, которые единодушно возстали на него: въ томъ же году (1688) Томазіусъ началъ издавать учено-критическій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ—дѣло неслыханное до того времени. Изъ самаго заглавія, хитросплетеннаго на латинскій ладъ, мы можемъ судить о достоинствѣ нѣмецкаго слога въ этомъ журналѣ: онъ назывался сначала „Забавныя и серьезныя, разумныя и простодушныя мысли о всякаго рода полезныхъ книгахъ и вопросахъ", а потомъ: „Вольныя, веселыя и серьезныя, но разсудительныя и законосообразныя мысли, или ежемѣсячные разговоры обо всемъ, преимущественно же о новыхъ книгахъ" *). Но дѣло не въ томъ, каковы показались бы наивныя статейки этого журнала нынѣшнему читателю: дѣло въ томъ, что это былъ первый журналъ, издававшійся на родномъ языкѣ, доступный каждому нѣмцу, а не однимъ школьнымъ латинистамъ. Надобно прибавить, что по характеру своему онъ разнился отъ безчисленныхъ тогдашнихъ латинскихъ журналовъ, какъ небо отъ земли: въ латинскихъ журналахъ господствовалъ мракъ педантизма, проповѣдывались всѣ дубовые предразсудки, укоренившіеся въ одичавшихъ за пустыми преніями головахъ,—въ журналѣ Томазіуса слышался голосъ здравомыслящаго человѣка, думающаго не о томъ, чтобы затуманить читателямъ глаза мелочнымъ гелертерствомъ, а о томъ, чтобы прояснить ихъ понятія, сдѣлать ихъ также людьми здравомыслящими.

Философія и тогда, какъ въ средніе вѣка, продолжала въ Германіи быть основною наукою всѣхъ наукъ. Томазіусъ хотѣлъ излагать ее на нѣмецкомъ языкѣ; но это намѣреніе показалось ученому люду столь дерзкимъ и опаснымъ, что нѣмецкое руководство Томазіуса къ философіи не было разрѣшено къ печатанію, какъ оскорбительное для достоинства науки. Только черезъ много лѣтъ, въ Галле, гдѣ Томазіусъ успѣлъ пріобрѣсть себѣ нѣсколькихъ приверженцевъ, удалось ему издать эту книгу.

Каковы были въ то время люди, которыхъ Томазіусъ хотѣлъ изъ латинскихъ схоластиковъ сдѣлать нѣмецкими писателями, показываетъ ужъ то одно обстоятельство, что этотъ знаменитый юристъ долженъ былъ читать лекціи о нѣмецкомъ слогѣ, заставлять своихъ слушателей подавать ему маленькія упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, поправлять слогъ этихъ упражненій, даже заставлять молодыхъ людей читать передъ собою въ слухъ по нѣмецки, — словомъ, дѣлать то самое, что дѣлаютъ нынѣ учители грамматики въ приходскихъ училищахъ.

Онъ постоянно указывалъ своимъ слушателямъ и читателямъ на французовъ, объясняя, до какой степени этотъ народъ выше французовъ по своему умственному развитію и гуманности своихъ обычаевъ. Самая мысль о необходимости писать для нѣмцевъ по нѣмецки, а не по латыни, была

*) Scherz-und ernsthafte, vernünftige und einfältige Gedanken über aleerhand nützliche Bücher und Fragen. Позднѣе: Freimüthige, lustige und ernsthafte, jedoch Vernunft-und Gesetzmässige Gedanken oder Monatsgespräche über allerhand, vornehmlich aber neue Bücher.

Digitized by Google

утверждена въ Томазіусѣ примѣромъ французовъ. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы его слушатели учились французскому языку, читали французскія книги: вы тогда научитесь презирать мертвое педантство — говорилъ онъ—нравы ваши смягчатся, сближеніе съ французской образованностью разовьетъ вашъ умъ.

Нѣмцы не были еще въ то время приготовлены вполнѣ воспользоваться этою частью его наставленій: французское вліяніе на массу долго еще ограничивалось чисто формальнымъ подражаніемъ. Но и тогда уже являлись отдѣльныя личности, развитію которыхъ французская литература приносила существенную пользу; число такихъ личностей съ теченіемъ времени увеличивалось, они оказывали полезное вліяніе на окружающую ихъ среду. Наконецъ на прусскомъ престолѣ явился ученикъ новой французской литературы и справедливо былъ названъ великимъ, не за одну свою геніальность, но и за тѣ блага, которыми наслаждались подъ его правленіемъ его подданные, за свою заботливость о народномъ благѣ, за свои возвышенныя понятія объ обязанностяхъ правителя.

Но другая цѣль, къ которой стремится Томазіусъ, была имъ достигнута вполнѣ: онъ успѣлъ убѣдить своихъ современниковъ въ необходимости замѣнить педантскую латынь понятнымъ для народа роднымъ языкомъ. По примѣру его „Ежемѣсячныхъ Разговоровъ“ возникло множество нѣмецкихъ журналовъ; скоро историки, юристы, потомъ и философы, стали предпочитать нѣмецкій языкъ латинскому въ своихъ сочиненіяхъ; число профессоровъ, читавшихъ лекціи по нѣмецки, быстро увеличивалось; въ гимназіяхъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ распространилось еще быстрѣе.

Сближеніе съ образованнѣйшими странами, Франціею, Англіею, Голландіею не было еще такъ тѣсно, чтобы оказывать прямое благодѣтельное вліяніе на всю массу общества. Но являлись уже между спеціальными учеными люди, стоявшіе въ уровень съ требованіями вѣка. Правда, число ихъ было очень незначительно, они оставались еще рѣдкими исключеніями изъ общаго правила,—но все-таки явленіе ихъ доказывало возможность нѣмцу быть человѣкомъ, стоящимъ наравнѣ съ образованными людьми народовъ, опередившихъ въ развитіи его націю. Являлись даже великіе ученые, двигавшіе науку впередъ, между тѣмъ, какъ прежде педанты тратили свое время на безплодныя схоластическія пренія. Первымъ изъ этихъ людей былъ Лейбницъ. Современникомъ Лессинга былъ Винкельманъ, нѣсколько старше его былъ Гейне, обновившій изученіе древнихъ языковъ, сдѣлавшій классическую филологію наукою о древнемъ мірѣ, изъ науки, руководившей единственно къ педантической болтовнѣ на искаженномъ латинскомъ языкѣ. Шпальдингъ, Землеръ, Михаэлисъ, трудами которыхъ началась новая эпоха въ протестантской теологіи, были современники Лессинга. Реймарусъ былъ нѣсколько старше его. Шлецеръ, знаменитый въ исторіи нѣмецкаго просвѣщенія не менѣе, нежели въ русской исторіографіи, былъ нѣсколько моложе Лессинга. Его имя у насъ достаточно знакомо, и мы скажемъ только, что журналъ, который этотъ благородный и безстрашный человѣкъ сталъ, по возвращеніи изъ Россіи, издавать въ Германіи, былъ грозою всѣхъ беззаконниковъ, терзавшихъ Германію. Но мы должны остановиться на другомъ писателѣ, со-

Digitized by Google

временномъ Лессингу, Мозерѣ, имя котораго у насъ мало извѣстно, хотя въ старину было у насъ переведено его знаменитое сочиненіе „Владыка и Служитель". Подобно Шлецеру, онъ имѣлъ сильное вліяніе на пробужденіе нѣмецкой публики изъ ея вѣковой апатіи, и его имя не должно быть опускаемо, когда говорится о возрожденіи Германіи.

По своему слогу и вообще по всему характеру изложенія, Мозеръ принадлежитъ къ писателямъ прежней эпохи: онъ оставался чуждъ близкихъ литературныхъ сношеній съ Лессингомъ и его сподвижниками, и, говоря о дѣятельности Лессинга, мы не будемъ имѣть случая упоминать о немъ. Потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ здѣсь. Мозеръ писалъ устарѣлымъ и дурнымъ слогомъ, потому указываемъ на старинный русскій переводъ знаменитѣйшей изъ его книгъ „Владыка и служитель", чтобы познакомить съ характеромъ его сочиненій читателей, не имѣвшихъ случая познакомиться съ ними въ подлинникѣ. Переводъ этотъ, изданный въ 1766 г., посвященъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Русскій слогъ почтеннаго переводчика до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ нѣмецкому слогу автора. Содержаніе сочиненія писатели новой школы уже и въ то время находили не совершенно удовлетворительнымъ: средства, которыми Мозеръ хочетъ помочь описываемымъ злоупотребленіямъ — совѣты и нравственныя сентенціи — считали они недостаточными, или, лучше сказать, совершенно безсильными; нѣмецкіе историки литературы находятъ, что и критическая часть книги написана очень робко, намеки на порядокъ дѣлъ въ томъ или другомъ нѣмецкомъ владѣніи слишкомъ общи и темны. Но въ свое время она, подобно другимъ сочиненіямъ Мозера, принесла пользу развитію той части публики, для которой слишкомъ высоки были сочиненія, написанныя лучшимъ языкомъ. Мозеръ не удовлетворялъ людей образованныхъ, но для людей, не болѣе какъ только знавшихъ грамотѣ, онъ былъ хорошимъ писателемъ.

Въ собственно такъ называемой литературѣ около половины XVIII вѣка также начали являться писатели— поэты и критики—новаго направленія, съ дѣльными понятіями о литературѣ, съ живымъ содержаніемъ,—сюда относятся особенно Вейсе, Рамлеръ, Николаи, Клейстъ. Всѣ они были или сподвижниками, или учениками Лессинга, и мы часто будемъ встрѣчать ихъ имена въ его біографіи, и тогда ближе познакомимся съ ихъ направленіемъ и силами.

Всѣ эти явленія показываютъ, что преобразованіе и оживленіе нѣмецкой литературы было неизбѣжно. Сближеніе нѣмцевъ съ образованнѣйшими націями было уже такъ тѣсно, что слѣдствія знакомства не могли ограничиваться однимъ пустымъ формальнымъ подражаніемъ: умственная жизнь должна была подвергнуться рѣшительнымъ перемѣнамъ; но—какъ и когда произойдетъ эта реформа, въ какихъ границахъ и съ какою силою совершится она? Это было рѣшено появленіемъ Лессинга.

Ходъ великихъ міровыхъ событій неизбѣженъ и неотвратимъ, какъ теченіе великой рѣки: никакая скала, никакая пропасть не удержитъ ея, не говоря уже о плотинахъ, произвольно устроиваемыхъ: плотиною ничья сила не пересыплетъ Рейна или Волги, и всесильная рѣка однимъ напоромъ выброситъ на берегъ всѣ сваи и весь мусоръ, которымъ дерзкая рука безумца

Digitized by Google

хотѣла преградить ея теченіе; единственнымъ результатомъ безразсудной попытки будетъ только то, что берегъ, который спокойно напоялся бы рѣкою и зеленѣлъ роскошнымъ лугомъ, будетъ на время истерзанъ и обезображенъ гнѣвомъ оскорбленной волны,—а рѣка пойдетъ-таки своимъ путемъ, зальетъ всѣ пропасти, пророетъ хребты горъ и достигнетъ океана, къ которому стремится. Совершеніе великихъ міровыхъ событій не зависитъ ни отъ чьей воли, ни отъ какой личности. Они совершаются по закону столько же непреложному, какъ законъ тяготѣнія или органическаго возрастанія. Но скорѣе или медленнѣе совершается міровое событіе, тѣмъ или другимъ способомъ совершится оно—это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть и опредѣлить напередъ. Важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ—появленіе сильныхъ личностей, которыя характеромъ своей дѣятельности даютъ тотъ или другой характеръ неизмѣнному направленію событій, ускоряютъ или замедляютъ его ходъ и сообщаютъ своею преобладающею силою правильность хаотическому волненію силъ, приводящихъ въ движеніе массы.

Не отъ появленія Лессинга, какъ мы видѣли, зависѣло то, оживится ли, или будетъ погрязать въ прежней мертвой апатіи нѣмецкій народъ. Великое событіе приближалось неотвратимо и неизбѣжно. Но безъ него медленно, безпорядочно совершилось бы то, что при его помощи совершилось быстро, рѣшительно и гармонически. Не было силы въ мірѣ, которая могла бы ослѣпить и оглушить нѣмцевъ такъ, чтобы они не видѣли того, что дѣлается, не слышали того, что говорится въ Англіи, Франціи, Голландіи. Не было силы въ мірѣ, которая могла бы удержать ихъ отъ сближенія съ болѣе образованными и болѣе счастливыми націями; не было силы въ мірѣ, которая могла бы уничтожить необходимость рѣшительнаго измѣненія въ жизни нѣмецкаго народа, когда онъ довольно познакомился съ новымъ и лучшимъ порядкомъ жизни у другихъ націй. Роковое событіе не зависѣло отъ присутствія или отсутствія личности Лессинга.

Но какимъ путемъ, какою силою совершится оно? Силою ли военныхъ событій, законодательныхъ и административныхъ мѣръ, силою ли чистой науки или вліяніемъ литературы? Фридрихъ Великій, мудрый правитель, геніальный полководецъ, сидѣлъ на престолѣ одного изъ сильнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ; черезъ нѣсколько времени, главою имперіи явился одинъ изъ благороднѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей въ исторіи, человѣкъ, единственною мыслью котораго было благо подвластныхъ ему народовъ, государь, какого не видѣла земля, быть можетъ, со временъ Марка Аврелія. Казалось, возрожденіе націи должно совершиться черезъ этихъ государей, путемъ завоеванія и административныхъ реформъ при Фридрихѣ, путемъ законодательныхъ реформъ при Іосифѣ II—и, однако же, оно не совершилось этими путями, — почему не совершилось ими, не мѣсто здѣсь говорить о томъ,—быть можетъ, потому, что въ новой исторіи вообще оказываются безсильными тѣ личности, которыя, слишкомъ полагаясь на свою силу, не ищутъ помощи своему начинанію въ самостоятельной дѣятельности всей массы народа. Оставалось для возрожденія два пути: путь науки и путь литературы. Наука начала совершать свое дѣло, но она дѣйствуетъ медленно; нѣсколько поколѣній должны были бы смѣниться, пока чистое знаніе проникло бы въ жизнь.

Digitized by Google

Ускорится ли совершеніе этого дѣла вмѣшательствомъ литературы, этой быстрой посредницы между знаніемъ и жизнью? Тутъ уже все зависѣло отъ того, явятся ли въ литературѣ геніальные дѣятели, которые вѣрною и сильною рукою поведутъ и направятъ литературу къ исполненію великаго дѣла, совершеніе котораго предоставлялось ей безсиліемъ военныхъ, законодательныхъ и административныхъ попытокъ возрожденія.

Явился въ Германіи поэтъ съ великимъ талантомъ — Клопштокъ. Всему благородному, повидимому, сочувствовалъ онъ, всего великаго и прекраснаго хотѣлъ онъ; но — вина ли то воспитанія, вина ли суетныхъ заботъ о собственномъ безсмертіи, вина ли его болѣзненной организаціи, вина ли его разсудка, не довольно проницательнаго и свѣтлаго—онъ, снискавъ чистую и громкую славу своему имени, не могъ ничего сдѣлать для своего народа. Передъ нимъ всѣ преклонились; но только немногіе читали его, и изъ читавшихъ никто ничему не научился отъ него, или, вѣрнѣе сказать, кто читалъ его, тотъ или осуждалъ его направленіе, или увлекался на ложный путь, впадалъ въ безплодную сантиментальность, въ туманныя грезы, и дѣлался человѣкомъ, чуждымъ жизни, вреднымъ въ жизни. Мы встрѣтимся въ біографіи Лессинга съ Клопштокомъ и его послѣдователями, или союзниками, и тамъ найдемъ доказательства этому печальному сужденію. Итакъ, отъ Клопштока нѣмецкій народъ не могъ ожидать ничего, кромѣ суетнаго удовольствія считать у себя одною знаменитостью больше.

Оставались люди, бывшіе впослѣдствіи очень полезными, какъ сотрудники Лессинга; но мы увидимъ, что это были люди второстепенныхъ дарованій, съ хорошими стремленіями, но безъ яснаго сознанія, какъ и что нужно дѣлать, — люди съ хорошими убѣжденіями, но безъ вѣрнаго такта, безъ твердаго и послѣдовательнаго образа мыслей,—люди, которыхъ дѣятельность, во всякомъ случаѣ, была бы не безполезна, но которые не имѣли силы совершить ничего великаго, и содѣйствовать совершенію чего нибудь важнаго могли только подъ руководствомъ геніальнаго человѣка, который указывалъ бы имъ дорогу, соединялъ бы и направлялъ ихъ усилія.

Кромѣ Лессинга не было въ нѣмецкой литературѣ человѣка, который могъ бы дать ей рѣшительное и плодотворное вліяніе на судьбу нѣмецкаго народа. Будетъ или не будетъ нѣмецкая литература сильнѣйшею двигательницею народной жизни, ускорится ли ея вмѣшательствомъ развитіе народа, или предоставлено будетъ только медленному дѣйствію чистой науки—разрѣшеніе этого вопроса совершенно зависѣло отъ того, будетъ ли между нѣмецкими литераторами Лессингъ, т. е. будетъ ли геніальный человѣкъ, который вѣрно пойметъ положеніе и потребности своего народа, постигнетъ всю важность, которую должна имѣть литература для его жизни, твердо и рѣшительно укажетъ литературѣ, что и какъ должна она дѣлать, который, руководя дѣятельностью другихъ, самъ геніальными произведеніями доставитъ литературѣ преобладающую важность между предметами, возбуждающими интересъ въ своемъ народѣ, сдѣлаетъ литературу средоточіемъ національной жизни.

Въ совершеніи этого дѣла величіе Лессинга.

Онъ доставилъ нѣмецкой литературѣ силу быть средоточіемъ народ-

Digitized by Google

ной жизни и указалъ ей прямой путь, онъ ускорилъ тѣмъ развитіе своего народа.

Это опредѣленіе границъ историческаго значенія Лессинга необходимо для того, чтобы предохранить себя отъ безграничнаго превознесенія его: въ самомъ дѣлѣ, личность этого человѣка такъ благородна, величественна и вмѣстѣ такъ симпатична и прекрасна, дѣятельность его такъ чиста и сильна, вліяніе его такъ громадно, что чѣмъ болѣе всматриваешься въ черты этого человѣка, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе проникаешься безусловнымъ уваженіемъ и любовью къ нему. Геніальный умъ, благороднѣйшій характеръ, твердость воли, пылкость и нѣжность души, сердце, открытое сочувствію ко всему, что прекрасно въ мірѣ, сильныя, но чистыя страсти, жизнь безъ тѣни порока или упрека, полная борьбы и дѣятельности,—все, чѣмъ можетъ быть прекрасенъ и великъ человѣкъ, соединялось въ немъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Семейство Лессинга. — Происхожденіе его рода.—Дѣтство Лессинга. — Мейссенская школа.—Поздравительная рѣчь отцу.—Лейпцигскій Университетъ.— Неаккуратность Лессинга въ посѣщеніи лекцій.—Дружба съ Миліусомъ.—Первыя литературныя произведенія.—Страсть къ театру.—Лессингъ пишетъ для сцены.—Неудовольствіе родныхъ.—Возвращеніе въ Каменецъ.—Переселеніе въ Берлинъ *).

1729—1752.

Въ Верхне-Лужицкомъ округѣ Саксонскаго курфиршества, въ небольшомъ городкѣ Каменцѣ, должность первенствующаго пастора (pastor primarius) занималъ во второй четверти прошедшаго столѣтія Іоганнъ-Готтфридъ Лессингъ, человѣкъ, пользовавшійся пріязнью многихъ знаменитыхъ богослововъ того времени за свои теологическіе труды, общимъ уваженіемъ за непоколебимую честность своихъ правилъ, любовью каменецкихъ бѣдняковъ за свою благотворительность. Мѣсто первенствующаго пастора получилъ онъ, какъ бы по наслѣдству, послѣ тестя своего Феллера, съ дочерью котораго, Юстиною Саломіею, жилъ онъ долго, тихо и счастливо. Богъ благословилъ этотъ бракъ: у Готтфрида и Юстины Лессингъ было двѣ дочери и десятеро сыновей. Изъ сыновей, старшій, Готтгольдъ-Эфраимъ, родившійся 22 января 1729 года, прославилъ имя Лессинговъ, много и честно послуживъ своими великими талантами на благо своего народа.

Фамилія „Лессингъ“ имѣетъ нѣмецкое окончаніе, но не объясняется нѣмецкимъ языкомъ; напротивъ, каждому славянину легко увидѣть корень ея въ общеславянскомъ словѣ „лѣсъ“. Городъ Каменецъ, родина Лессинга, хотя имѣлъ уже тогда нѣмецкую физіономію, носитъ чисто славянское имя и лежитъ нынѣ на границѣ земли, населяемой остатками многочисленнаго въ древности племени лужицкихъ славянъ. Число ихъ и объемъ земли лужицкаго нарѣчія постепенно уменьшались до послѣдняго времени, и сто лѣтъ тому назадъ Каменецъ, вѣроятно, со всѣхъ сторонъ былъ еще окруженъ населеніемъ, говорившимъ по-славянски: всѣ эти данныя возбудили въ западныхъ славянскихъ ученыхъ рѣшимость назвать Лессинга нашимъ соплеменникомъ. Не мѣшаетъ вѣроятности этого притязанія ни нѣмецкое

*) Біографія Готтгольда-Эфраима Лессинга написана его братомъ Карломъ Лессингомъ. Вездѣ, гдѣ то возможно, мы слѣдуемъ этому безъискусственному разсказу и очень часто переводимъ его буквально.—Новѣйшая и очень полная біографія Лессинга начата Данцелемъ и, по смерти его, докончена Гурауэромъ (G. E. Lessing. von Th. W. Danzel. I Band. 1850. — II. ter Bd. von G. E. Guhrauer 1854). Относительно взгляда на характеръ и произведенія Лессинга мы почти постоянно слѣдуемъ сужденіямъ Шлоссера.

Digitized by Google

окончаніе фамиліи — „Лессингъ“ легко можетъ быть сочтено только измѣненіемъ слова „лѣсникъ“, по обычаю нѣмецкаго выговора—ни тотъ фактъ, что въ лужицкомъ Каменцѣ поселился только дѣдъ Эфраима, Теофилъ, а предки его жили въ другихъ сторонахъ Саксоніи, —именно первый изъ Лессинговъ, имя котораго сохранилось въ актахъ, Клеменсъ (Климентъ) Лессингъ, былъ пасторомъ въ одномъ изъ приходовъ Хемницкаго округа въ Саксонскомъ курфиршествѣ,—это не мѣшаетъ вѣроятности славянскаго происхожденія фамиліи Лессинговъ: всѣ саксонскія земли были первоначально населены славянами. Но съ того времени, какъ извѣстна эта фамилія по актамъ, съ 1580 года, когда Клеменсъ Лессингъ подписалъ, въ числѣ другихъ пасторовъ, лютеранскій символъ, Лессинги являются уже чистыми нѣмцами, и нѣмцу Готтгольду-Эфраиму славянская національность была столько же чужда, какъ француженкѣ Аврорѣ Дюдеванъ чужда нѣмецкая національность, хотя предкомъ этой писательницы и былъ Августъ, курфирстъ Саксонскій.

Изъ потомковъ Клеменса Лессинга одни были пасторами, другіе купцами въ разныхъ маленькихъ городахъ или арендаторами. Родъ великаго писателя, какъ видимъ, не отличался ни знатностью, ни богатствомъ. Отецъ Готтгольда-Эфраима былъ даже человѣкомъ положительно бѣднымъ. Мѣсто первенствующаго пастора считалось довольно почетнымъ уѣздному масштабу, Іоганнъ-Готтфридъ былъ первымъ лицомъ въ каменецкомъ обществѣ (если можно говорить о каменецкомъ обществѣ), но доходы съ этого почетнаго мѣста оказывались, при всей бережливости родителей, недостаточными для поддержанія ихъ многочисленнаго семейства въ благосостояніи. Однакожь, несмотря на скудость средствъ, каменецкій пасторъ, бывшій самъ человѣкомъ ученымъ, въ молодости даже разсчитывавшій сдѣлаться профессоромъ въ Виттенбергскомъ Университетѣ, непремѣнно хотѣлъ, чтобъ и дѣти его были учеными людьми: „онъ совершенно пожертвовалъ собою для того, чтобы дать хорошее ученое образованіе сыновьямъ (говоритъ Карлъ Лессингъ), и, чтобы содержать ихъ въ училищахъ и университетахъ, отказывалъ себѣ въ удобствахъ жизни, которыми пользуется бѣднѣйшій ремесленникъ. Денегъ недоставало, и онъ ограничивалъ себя во всемъ, и хотя былъ темперамента довольно вспыльчиваго, но никогда не скучалъ этими лишеніями, развѣ-развѣ когда скажетъ: нашему брату, пастору, нынѣ трудно жить, особенно тому, у котораго много дѣтей. Онъ отдавалъ дѣтямъ, можно сказать, послѣдній свой грошъ, и отдавалъ съ готовностію, какой мало найдется примѣровъ на свѣтѣ“. Эту готовность жертвовать всѣмъ для дѣтей раздѣляла и жена его, женщина, не отличавшаяся блестящими качествами, но добрая. Когда Готтгольдъ-Эфраимъ передъ свадьбою описывалъ сестрѣ свою невѣсту, онъ не нашелъ ничего лучшаго сказать въ похвалу ея характеру, какъ то, что она будетъ, конечно, жить съ нимъ такъ, какъ мать его жила съ его отцомъ. Нравы въ семействѣ были чисто патріархальные; одинъ день шелъ за другимъ тихо и монотонно.

Воспитаніе Готтгольда-Эфраима въ родительскомъ домѣ также было патріархальное, въ духѣ строгаго лютеранства. Какъ только ребенокъ началъ лепетать, его ужъ учили повторять молитвы вслѣдъ за старшими. На

Digitized by Google

четвертомъ году онъ уже хорошо зналъ основные догматы лютеранскаго исповѣданія, читалъ библію и лютеровъ катехизисъ. Семья каждое утро и каждый вечеръ собиралась на общую молитву, и мальчикъ рано выучилъ на память множество духовныхъ гимновъ, входящихъ въ составъ лютеранскаго молитвенника.

По семейнымъ преданіямъ, въ немъ рано раскрылась страсть къ книгамъ и ученью. Говорятъ, что, когда одному знакомому живописцу вздумалось снять портретъ съ пятилѣтняго ребенка и написать его съ клѣткою въ рукѣ, малютка съ досадою сказалъ: „нарисуйте меня съ большою, большою кучею книгъ, или вовсе не рисуйте". Живописецъ согласился, и анекдотъ о необыкновенной просьбѣ маленькаго Эфраима долго былъ разсказываемъ его отцомъ и матерью каждому новому гостю и остался навсегда однимъ изъ семейныхъ воспоминаній. Родители также часто разсказывали младшимъ своимъ дѣтямъ, что Готтгольдъ-Эфраимъ учился съ большою охотою и очень легко все понималъ, и что самою любимою его забавою было возиться съ книгами.

Отецъ самъ училъ его; но нѣкоторое время давалъ ему, кромѣ того, уроки нѣкто Миліусъ, съ братомъ котораго Лессингъ впослѣдствіи очень подружился. Чѣмъ больше росъ мальчикъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживались въ немъ дарованія и любознательность. Это много-много утѣшало родителей, говоритъ его братъ: на двѣнадцатомъ году они рѣшились отдать его въ Мейссенскую княжескую школу, нѣчто соотвѣтствующее тѣмъ изъ нашихъ гимназій, въ которыхъ всѣ ученики должны жить въ пансіонѣ. Въ выборѣ Мейссенской школы отецъ и мать руководились какъ хорошею славою этого заведенія въ ученомъ отношеніи, такъ и необходимостью воспитывать сына на казенномъ содержаніи, при недостаточности собственныхъ средствъ. Но въ школу не принимали дѣтей ранѣе тринадцатилѣтняго возраста, и потому Лессингъ былъ показанъ годомъ старше, нежели сколько было ему на самомъ дѣлѣ.

Интересно познакомиться съ устройствомъ этой школы, считавшейся образцовою, чтобы видѣть, въ какомъ состояніи находилось школьное образованіе въ Германіи лѣтъ сто-двадцать тому назадъ. Это описаніе какъ бы переноситъ насъ изъ XVIII столѣтія въ XVI. Братъ Лессинга съ обычнымъ своимъ добродушіемъ смотритъ на школу съ наивыгоднѣйшей точки зрѣнія и старается убѣдить насъ, что дѣло образованія велось въ ней очень недурно.

„Княжеская школа (говоритъ онъ) не была свободна отъ недостатковъ, общихъ училищамъ того времени. Но гдѣ вы найдете училище, въ которомъ не было бы замѣтно недостатковъ? Важнѣе и лучше всего было въ ней то, что воспитанники не развлекались заботами о своемъ содержаніи; дѣти знатныхъ и простолюдиновъ, богатыхъ и бѣдныхъ пользовались въ Мейссенской школѣ одинаковою пищею, одинаковыми удобствами помѣщенія, уроками однихъ и тѣхъ же воспитателей; сто двадцать юношей беззаботно жили вмѣстѣ, и скоро между учениками водворялась короткость. Въ школѣ ни слуху, ни помину не было о тѣхъ разсѣяніяхъ, которыя такъ много вреда наносятъ пылкой и неопытной молодежи въ большихъ городахъ; въ нее не проникали мелочныя дрязги высшаго или низшаго общества. Въ

Digitized by Google

школѣ занимались Элладою и Лаціумомъ болѣе, нежели Саксоніею; по-латыни говорили лучше, нежели по французски; молились очень много, но ханжили очень мало. Прилежный, даровитый, добрый ученикъ былъ почти всегда цѣнимъ своими товарищами,—не всегда учителями, которыхъ, впрочемъ, никто не обвинялъ за то въ пристрастіи. Воспитанники только гордились про себя, что превзошли учителей проницательностью. На первый взглядъ казалось, что въ Мейссенской школѣ нельзя было выучиться ничему, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ; но кто ближе знакомъ съ устройствомъ ея, найдетъ упрекъ этотъ несправедливымъ. Если латинскимъ и греческимъ языками занимались слишкомъ много и при объясненіи греческихъ и римскихъ писателей обращали болѣе вниманія на слова, чѣмъ на мысли, то это была случайность, зависѣвшая не отъ правилъ школы, но отъ невнанія или предубѣжденія того или другаго учителя, который не хотѣлъ соединять съ словами смысла. Даже философскими и математическими науками занимались въ школѣ серьезно; учили французскому и итальянскому языкамъ, рисованью, музыкѣ и танцованью. Если и было закономъ, или, скорѣе, обычаемъ, уроки изъ послѣднихъ предметовъ давать только въ рекреаціонные часы, то развѣ только очень немногіе изъ учителей считали эти предметы пустыми; другіе хотѣли только, чтобы древніе языки сохраняли, такъ сказать, преимущество надъ французскимъ и надъ изящными искусствами. Въ этой монастырской школѣ Лессингъ провелъ цѣлыя пять лѣтъ и, какъ часто говаривалъ, ей одной былъ обязанъ тѣмъ, если пріобрѣлъ какую-нибудь ученость и основательность".

Посмотримъ же ближе на эту школу, которая въ то время считалась одною изъ лучшихъ.

Ученики были подчинены другъ другу строгимъ чино-начальствомъ *). Въ каждомъ нумерѣ жило четыре воспитанника: одинъ изъ старшаго класса (primanus) былъ комнатнымъ надзирателемъ за своими товарищами; помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ другой, изъ втораго класса (secundanus); два остальные изъ младшихъ классовъ, третьяго и четвертаго, ни за чѣмъ уже не надзирали, а были только предметами надзора. Когда ученики переходили изъ своихъ комнатъ въ классныя залы, они подчинялись новому чиноначалію: на каждой скамьѣ былъ декуріонъ, наблюдавшій за остальными товарищами, сидѣвшими на этой скамьѣ. Двѣнадцать первыхъ учениковъ старшаго класса наблюдали за товарищами во время стола и на прогулкахъ, нося титулы столовыхъ и дворовыхъ наблюдателей. Этого не довольно: каждый изъ учителей поочередно жилъ недѣлю въ школѣ, исправляя должность гебдомадарія,—недѣльнаго надзирателя за всею ученическою іерархіею,—и въ свой чередъ доносилъ обо всемъ конференціи преподавателей, собиравшейся разъ въ недѣлю.

Строгое благочестіе блюлось порядкомъ школы. На молитву было назначено болѣе трехъ часовъ въ день,—всего втеченіе недѣли 25 часовъ. Во время обѣда одинъ изъ учениковъ читалъ отрывки изъ Ветхаго Завѣта.

Школа имѣла два отдѣленія: старшее и младшее; каждое отдѣленіе

*) Данцель.

Digitized by Google

дѣлилось на два класса, которые слушали уроки вмѣстѣ, кромѣ только „эмендаціи“—классовъ, посвященныхъ на исправленіе латинскихъ и греческихъ сочиненій учениковъ: тутъ у каждаго класса были свои особенныя задачи и лекціи. Въ младшемъ отдѣленіи уроки распредѣлялись такимъ образомъ: законъ Божій 5 часовъ; латинскій 15 часовъ; греческій — 4; французскій языкъ, математика, исторія и географія—по часу или по два, всего 7 часовъ. Въ старшемъ одѣленіи также 5 часовъ были заняты закономъ Божіимъ, 15 латинскимъ и 4 часа греческимъ языкомъ; съ латинскими уроками соединялись уроки (латинской) реторики и просодіи. Три часа занималъ еврейскій языкъ, по два часа математика и исторія, одинъ часъ географія. Такимъ образомъ, большая половина времени употреблялась на латинскій языкъ; всѣ остальные предметы, кромѣ закона Божія и греческаго языка, считались ничтожными сравнительно съ этимъ главнымъ. Въ преподаваніи же латинскаго языка важнѣйшимъ дѣломъ считалось не чтеніе древнихъ писателей, а упражненіе въ сочиненіяхъ на заданныя темы, исправленію которыхъ учитель и посвящалъ большую часть уроковъ. Только за успѣхи въ латинскихъ сочиненіяхъ ученикъ цѣнился школьнымъ начальствомъ,—и оно гордилось тѣмъ, что изъ школы выходило много людей, умѣвшихъ писать латинскіе стихи. Родной языкъ былъ въ совершенномъ пренебреженіи: ему, какъ видимъ, не было дано ни одного часа ни въ одномъ классѣ школы; чтеніе нѣмецкихъ книгъ считалось предосудительнымъ для воспитанниковъ, потому что могло повредить исключительному занятію ихъ латынью.

Полный курсъ школы обнималъ шесть лѣтъ, такъ что въ каждомъ отдѣленіи ученики обыкновенно проводили по три года, и если кто изъ нихъ успѣвалъ, переходя каждый семестръ изъ одной декуріи въ другую, старшую, изъ одного класса въ другой, достичь высшаго класса и прослушать весь курсъ ранѣе опредѣленныхъ шести лѣтъ, то все-таки оставался въ школѣ и продолжалъ слушать уроки до истеченія шестилѣтняго срока. О томъ, что эта задержка нимало не нужна ему, никто не заботился: пусть утвердится въ хорошемъ латинскомъ слогѣ, говорили начальники школы, и родители совершенно соглашались съ такимъ полезнымъ правиломъ.

Словомъ сказать, Мейссенская княжеская школа, подобно всѣмъ другимъ нѣмецкимъ школамъ того времени, была исключительно школою средневѣковаго латинскаго педантства. Образъ жизни, порядокъ и духъ преподаванія, распредѣленіе классныхъ занятій, — все въ ней сохранилось по образу и подобію среднихъ вѣковъ.

Не въ натурѣ Лессинга было удовлетвориться и проникнуться этимъ направленіемъ: двѣнадцатилѣтній мальчикъ сначала поддался было ему и пріобрѣлъ любовь учителей, быстро переходилъ изъ класса въ классъ, считался превосходнѣйшимъ ученикомъ, — но свѣтлый умъ рано развился въ немъ, онъ увидѣлъ пустоту латинской стилистики, тѣмъ болѣе, что скоро постигъ всѣ ея мудрости, сталъ заниматься самостоятельно, пренебрегая латинскими темами, писать которыя было ему уже легко,—и тогда начальство стало жалѣть о томъ, что юноша съ такими быстрыми способностями губитъ свое время и погубитъ себя. „Этому коню нужно задавать двойную порцію корма“, говорили начальники: „онъ ужъ научился у насъ всему.

Digitized by Google

чему можетъ научить наша школа", прибавляли они — и все-таки жалѣли о томъ, что онъ занимается другими предметами, кромѣ латинскаго языка, и все-таки настаивали на томъ, чтобъ онъ досидѣлъ на школьной скамьѣ опредѣленный шестилѣтній терминъ, хотя всѣ курсы были уже давно пройдены имъ.

Лессингъ поступилъ въ Мейссенскую школу 21 іюня 1741 года, и черезъ сто лѣтъ, въ 1841 году, школа торжествовала юбилей дня, когда вступилъ въ нее ученикъ, прославившій мѣсто своего воспитанія, но не успѣвшій, по мнѣнію тогдашнихъ своихъ наставниковъ, кончить курсъ, какъ слѣдуетъ хорошему ученику.

Сначала, однако же, какъ мы говорили, дѣло шло хорошо. Во второмъ классѣ Лессингъ былъ первымъ ученикомъ и черезъ полгода, на семнадцатомъ году, переведенъ былъ въ слѣдующій, послѣдній классъ; но тутъ — увы! онъ рѣшительно началъ губить себя во мнѣніи мудрыхъ преподавателей. „Пока Лессингъ все свободное время употреблялъ исключительно на чтеніе классиковъ и на сочиненіе латинскихъ разсужденій и стиховъ (говоритъ его братъ), онъ оставался любимцемъ конректора Гёре, который уважалъ только филологію и теологію. Но какъ скоро этотъ ученый мужъ узналъ, что Лессингъ началъ заниматься также новыми языками и математикою, онъ сталъ считать его разсѣяннымъ юношей, изъ котораго не выйдетъ проку".

Ученикъ, переросшій головою своихъ учителей, чувствовалъ, что ему нечего дѣлать въ школѣ, и настоятельно упрашивалъ отца позволить ему выйти изъ школы, говоря, что давно уже онъ достаточно приготовленъ къ слушанію университетскихъ лекцій; но, по правилу шестигодичнаго термина, ему оставалось пробыть въ школѣ еще года полтора, и отецъ медлилъ согласіемъ. Но тутъ произошло столкновеніе, въ сущности вздорное, однако же, помогшее Лессингу побѣдить нерѣшительность отца, хотя и вовсе непріятнымъ для родительскаго сердца образомъ.

Въ школѣ, какъ мы уже знаемъ, было правиломъ, чтобы каждый изъ наставниковъ поочередно дежурилъ недѣлю въ комнатахъ воспитанниковъ, или, какъ тогда называли это, былъ hebdomadarius'омъ. По воскресеньямъ *) всѣ наставники собирались для совѣщанія объ училищныхъ дѣлахъ. Въ эту конференцію призывались лучшіе двѣнадцать учениковъ, надзиравшіе за товарищами, inspectores; они отдавали отчетъ за прошедшую недѣлю и выслушивали распоряженія на будущую недѣлю, — это называлось censura. Въ числѣ inspectores былъ и Лессингъ. Въ одну изъ такихъ censуръ, ректоръ спросилъ, почему ученики на прошедшей недѣлѣ, когда hebdomadarius былъ конректоръ Гёре, поздно приходили на молитву. Всѣ inspectores молчали, а Лессингъ шепнулъ на ухо стоявшему подлѣ него товарищу: „Я знаю, почему". Ректоръ, разслышавшій эти слова, приказалъ Лессингу сказать громко, что жъ онъ знаетъ, Лессингъ не хотѣлъ говорить, но его заставили, и онъ сказалъ: „Г. Конректоръ опаздываетъ, потому и ученики думаютъ, что незачѣмъ приходить рано". Конректоръ не нашелся

*) Біографія, написанная братомъ Лессинга.

Digitized by Google

ничего возразить и проговорилъ только: Admirabler Lessing: „дивный Лессингъ!“ прозваніе, съ той поры оставшееся за ученикомъ между его товарищами. Но простить ученику этой улики Гёре не могъ: онъ былъ глубоко оскорбленъ, такъ что, когда черезъ нѣсколько лѣтъ привезли въ школу одного изъ младшихъ братьевъ Лессинга, Гёре, принимая его, сказалъ: „Ну, съ Богомъ, учись прилежно, только не умничай, какъ братъ“.

Послѣ неожиданной ссоры съ начальникомъ, Лессингъ сталъ еще настоятельнѣе просить отца о томъ, чтобы перейти изъ школы въ университетъ. Отецъ, вѣроятно, видѣлъ, что сыну, въ самомъ дѣлѣ, тяжело оставаться въ Мейссенѣ; какъ бы то ни было, но вскорѣ, 8 іюня 1746 года Лессингу было, по просьбѣ отца, разрѣшено высшимъ училищнымъ начальствомъ курфиршества выйти изъ школы слишкомъ годомъ ранѣе обыкновеннаго срока, но съ аттестатомъ объ окончаніи курса.

Какъ любопытный примѣръ того, до какой нелѣпой крайности доходилъ тогда въ Германіи бюрократическій порядокъ, по которому всѣ дѣла, даже самыя пустѣйшія и ничтожнѣйшія, производились не иначе, какъ съ разрѣшенія и усмотрѣнія высшей власти, замѣтимъ, что дѣло объ увольненіи гимназиста изъ гимназіи требовало курфиршескаго рескрипта.

„Мы, Фридрихъ Августъ, курфирстъ и проч.

„Разсмотрѣвъ просьбу Pastoris primarii въ Каменцѣ, Іог.-Готтфр. Лессинга (и т. д.), повелѣваемъ (и т. д.), почему и выдать ему (и т. д.)...

„Быть по сему.

„Дано въ Дрезденѣ, 8 іюня 1746 года“.

Наивный Гёре былъ недоволенъ пренебреженіемъ Лессинга къ латинскому языку; а, между тѣмъ, Лессингъ, который впослѣдствіи, конечно, вовсе не занимался упражненіями въ латинскомъ слогѣ, всегда писалъ по латыни съ чрезвычайною легкостью и изяществомъ, рѣдкимъ даже въ тѣ времена великихъ мужей латинской схоластики. Не говоримъ уже о томъ, что темныя мѣста латинскихъ классиковъ, до него необъясненныя еще никѣмъ, разъяснялъ онъ съ проницательностью знатока, котораго мнѣнія были авторитетомъ для самого Гейне, величайшаго изъ латинистовъ XVIII вѣка. Но въ послѣднее время своей мейссенской жизни Лессингъ, какъ мы говорили, занимался не столько латинскимъ языкомъ, сколько другими предметами, и, какъ по всему замѣтно, уже въ то время пріобрѣлъ страшную начитанность. О времени, проведенномъ въ школѣ, онъ вспоминалъ всегда съ удовольствіемъ, какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, съ выходомъ изъ школы начались уже для него суровыя испытанія нужды и непріятностей всякаго рода,—испытанія, не покидавшія его до самой смерти.

Но онъ вспоминалъ съ удовольствіемъ объ этомъ времени только потому, что оно прошло тихо и беззаботно, а не потому, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, обязанъ былъ какою-нибудь пользою собственно школьному преподаванію. Онъ чувствовалъ, какъ почти всѣ слишкомъ даровитые люди, что въ школѣ учили его пустякамъ и понапрасну губили его время; какъ у многихъ проницательныхъ людей, у него даже осталось навсегда недовѣріе къ тѣмъ людямъ, успѣхами и прилежаніемъ которыхъ гордятся учители: ему ка-

Digitized by Google

залось, что эти юноши обыкновенно идутъ по прямому пути къ тому, чтобы сдѣлаться тупыми педантами или надутыми верхоглядами. И когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, отецъ съ восторгомъ писалъ ему о томъ, какъ хорошо отзывается начальство Мейссенской школы объ успѣхахъ его младшаго брата, Теофила (того самаго которому Гёре давалъ наставленіе не умничать, какъ умничалъ старшій братъ), Лессингъ почувствовалъ опасеніе за дѣльность головы превозносимаго ученика—предчувствіе, которое оправдалось впослѣдствіи: прославляемый ученикъ на всю жизнь остался способенъ только перелагать клопштокову „Мессіаду" въ латинскіе гекзаметры.

„Мнѣ очень пріятно, что вы такъ довольны успѣхами Теофила (отвѣчалъ Лессингъ отцу на радостное извѣщеніе). Если бы у меня была такая натура, какъ у него, вы были бы довольны и мною. Онъ учится прилежно, говорите вы: интересно было бы знать, чему и какъ онъ учится. Я, когда еще былъ въ этой школѣ, уже полагалъ, что тамъ учатъ многому такому, что ровно никуда не годится, а теперь вижу это еще яснѣе прежняго".

Два или три раза возвращается онъ къ этому предмету, намекая отцу, чтобы онъ совѣтовалъ Теофилу не такъ неразборчиво увлекаться всѣмъ, что выдается за глубокую мудрость педантами Мейссенской школы.

Самостоятельность сужденій очень быстро развилась въ Лессингѣ, какъ видно по единственному сочиненію, которое сохранилось изъ его школьныхъ упражненій. Это „Рѣчь", посланная имъ „на новый 1743 годъ" въ поздравленіе отцу. Она замѣчательна, какъ раннее свидѣтельство силы ума и стремленія говорить именно о тѣхъ вопросахъ, которыми живо заинтересованы люди, для которыхъ онъ пишетъ. Отецъ съ матерью безпрестанно толковали, что нынѣ худыя времена, что чѣмъ дальше, тѣмъ хуже становится жить на свѣтѣ,—мысли, очень натуральныя у пожилыхъ людей, находящихся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Несправедливы эти мысли, говоритъ Лессингъ въ своей рѣчи: на свѣтѣ не становится хуже, чѣмъ было прежде, и доказываетъ эту мысль учеными и житейскими соображеніями. Видно, что цѣлью автора было разсѣять предразсудокъ, наводившій уныніе на его родныхъ. Такимъ образомъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ уже обнаруживаетъ въ себѣ направленіе, которое дало потомъ такую великую цѣну его дѣятельности: его мысль имѣетъ самую близкую связь съ интересами людей, для которыхъ онъ пишетъ. Онъ хочетъ благотворно дѣйствовать на ихъ жизнь; онъ возмущается предразсудками, которые мѣшаютъ ихъ счастію. Логика и сила выраженія въ его ученическомъ сочиненіи уже такова, что и изъ зрѣлыхъ людей многіе могли бы позавидовать ей, а сжатость слога уже предсказываетъ въ мальчикѣ будущаго мастера *).

*) Вотъ, для примѣра, начало этой рѣчи: „Почти всѣ древніе поэты и философы, высокопочитаемый батюшка, думали, что міръ съ году на годъ становится хуже и ниспадаетъ въ состояніе, все болѣе и болѣе далекое отъ совершенства. Вспомнимъ только, какъ Гезіодъ, Платонъ, Вергилій, Овидій, Сенека, Саллюстій и Страбонъ писали о четырехъ вѣкахъ вселенной, какъ они самыми живыми красками изображали золотое время Сатурна, серебряное время Юпитера, мѣдный вѣкъ полубоговъ и желѣзный вѣкъ нынѣшняго человѣческаго поколѣнія. Трудно указать настоящій источникъ этого поэтическаго вымысла; но вѣрно то, что весь этотъ разсказъ, при всей своей благовидности, неоснователенъ, почти нелѣпъ,—мало сказать:

Digitized by Google

По окончаніи курса Лессингъ возвратился мѣсяца на два въ отцовскій домъ. Теперь надобно было рѣшить, къ какому званію долженъ предназначить себя молодой человѣкъ, какой факультетъ ему выбрать, сообразно этому, и въ какой университетъ ѣхать.

Отецъ, а особенно мать, желали сначала, чтобы сынъ шелъ по богословскому факультету и готовился быть пасторомъ. Но онъ самъ никакъ не соглашался на то и говорилъ, что у него и голосъ вовсе не такой, какой нуженъ пастору, да и мысли совсѣмъ не расположены къ этому званію. Отецъ утѣшился, разсчитывая, что сынъ можетъ занять мѣсто получше пасторскаго, если будетъ въ Лейпцигѣ: именно отецъ надѣялся, что ему удастся быть профессоромъ въ Геттингенскомъ Университетѣ, который только что устроивался и, по предположенію старика, могъ и черезъ нѣсколько лѣтъ еще нуждаться въ профессорахъ. Сыну этотъ планъ, повидимому, нравился. Изъ двухъ саксонскихъ университетовъ, Виттенбергскаго и Лейпцигскаго, послѣдній представлялъ ту выгоду, что имѣлъ много стипендій для студентовъ, съ успѣхомъ кончившихъ курсъ въ княжескихъ школахъ. Рѣшено было, что Лессингъ поѣдетъ въ Лейпцигъ и будетъ слушать тамъ лекціи по богословскому факультету. 20 сентября 1746 года Лессингъ вступилъ въ число студентовъ Лейпцигскаго Университета и получилъ стипендію; но тѣмъ и кончились, по мнѣнію родныхъ Лессинга, успѣхи его въ университетѣ. Скоро начали доходить до нихъ недобрыя извѣстія о сынѣ. Родительское сердце встревожилось, и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ письма Лессинга къ роднымъ состоятъ единственно въ томъ, что онъ оправдывается, старается доказать, что опасенія родителей неосновательны, что онъ еще не погибшій человѣкъ, что ему не въ чемъ раскаяваться, — словомъ, что родители его должны успокоиться за его нравственность и судьбу и не должны осыпать его несправедливыми укоризнами. А, между тѣмъ, надобно по правдѣ сказать, слухи, доходившіе до родителей, были такого рода, что могли внушать имъ серьезныя опасенія: сынъ ихъ вовсе не хотѣлъ быть тѣмъ, что называется „хорошій студентъ". Лейпцигскій Университетъ считался въ то время однимъ изъ лучшихъ въ Германіи; онъ имѣлъ множество знаменитыхъ профессоровъ: напримѣръ, философскій факультетъ блисталъ именами Готтшеда, Криста, Іохера, Винклера, Эрнести. Не менѣе блистательны были, по тогдашнимъ понятіямъ, и другіе факультеты. Но Лессингъ былъ не такой человѣкъ, чтобы ему могъ понравиться какой нибудь нѣмецкій университетъ того времени. Взглянемъ поближе на состояніе Лейпцигскаго Университета, и мы оправдаемъ Лессинга за то, что онъ не былъ прилежнымъ студентомъ.

Университетъ былъ устроенъ на подобіе какого нибудь ремесленнаго цеха *). Все въ немъ дѣлалось по заказу, по разсчету, не по призванію. Довольно указать на одинъ обычай. Каѳедры каждаго факультета распредѣлялись по извѣстному порядку почетности. Профессоръ такого-то предмета

совершенно неправдоподобенъ", и т. д. Лессингъ отвергаетъ его доводами, заимствованными изъ богословія, философіи, естественныхъ наукъ и т. д., и очень остроумно доказываетъ противную мысль столь же учеными соображеніями.

*) Данцель.

Digitized by Google

считался старшимъ, другаго—вторымъ, третьяго — третьимъ по достоинству мѣста и т. д.; когда почетнѣйшая каѳедра становилась вакантною, профессоры факультета перемѣняли каѳедры, подымаясь ступенью выше по іерархическому порядку, нужды нѣтъ, хотя бы черезъ это попадали на каѳедру предмета, совершенно чуждаго имъ. Можно вообразить, какой ералашъ происходилъ оттого въ ихъ занятіяхъ и каково были многіе знакомы съ тѣми науками, лекціи о которыхъ читали. Впрочемъ, потеря для достоинства лекцій была оттого незначительна: почти всѣ профессоры читали по учебникамъ, только немногіе составляли сами записки, которыхъ буквально держались. Въ духѣ преподаванія господствовали вообще непроходимый педантизмъ, формализмъ и страшная сухость. Словомъ, направленіе преподаванія было вовсе непривлекательно для юноши съ свѣтлою головою, студенты выносили изъ аудиторій понятія, которыя могли быть хороши развѣ для XVI вѣка.

Неудивительно, что лекціи очень скоро наскучили такому даровитому юношѣ, какъ Лессингъ, — юношѣ съ пылкимъ характеромъ, съ нетерпѣливымъ желаніемъ углубляться въ основные вопросы каждой науки, а не жить чужою головою, какъ то было принято въ тогдашнихъ нѣмецкихъ университетахъ. Отецъ, ожидавшій, что онъ будетъ прилежнымъ слушателемъ теологическихъ курсовъ, скоро узналъ, что сынъ вовсе не сообразуется съ его желаніемъ. Съ перваго же разу Лессингъ оставилъ богословскій факультетъ и объявилъ, что хочетъ посѣщать курсы медицинскихъ наукъ. Дѣйствительно, богословіе въ Лейпцигѣ преподавалось въ совершенно устарѣвшемъ духѣ Лютера и Меланхтона. Эта отсталая система рѣшительно отталкивала живаго юношу, который уже имѣлъ на столько начитанности, чтобы чувствовать ея несостоятельность. Но и съ медицинскими занятіями дѣло пошло не лучше, нежели съ богословскими: по правдѣ говоря, Лессингъ только для формы поступилъ въ медицинскій факультетъ — нужно же было хотя сколько нибудь успокоить отца относительно своей карьеры и насущнаго хлѣба въ будущемъ. На самомъ же дѣлѣ онъ занимался всѣмъ, что только привлекало его вниманіе, между прочимъ, занимался и медициною, и богословіемъ, но самъ по себѣ, какъ ему хотѣлось, а не оффиціальнымъ порядкомъ, и медицинскихъ курсовъ не посѣщалъ точно такъ же, какъ и богословскихъ. Шутя, онъ говорилъ послѣ, что во всю свою жизнь былъ только на одной медицинской лекціи, именно на лекціи акушерства, которое почелъ было интереснѣйшею отраслью медицинскихъ наукъ.

Очень мало посѣщалъ онъ и лекціи другихъ факультетовъ, хотя у очень многихъ профессоровъ побывалъ на лекціяхъ, для пробы, по два, по три раза. Почти ни одинъ изъ профессоровъ не удовлетворялъ его. Чаще другихъ посѣщалъ онъ въ одно полугодіе знаменитаго филолога Эрнести, но и у того не выслушалъ полугодичнаго курса.

Что жь онъ думаетъ дѣлать съ собою, до такой степени неглижируя университетскими занятіями? Было надъ чѣмъ призадуматься отцу, погоревать матери. Правда, не посѣщая лекцій, сынъ ихъ самостоятельными занятіями пріобрѣлъ во сто разъ больше знаній, нежели имѣли ихъ аккуратнѣйшіе студенты и, быть можетъ, знаменитѣйшіе лейпцигскіе ученые; но кто же повѣрилъ бы, что молодой человѣкъ, не посѣщая лекцій, не теря-

Digitized by Google

выигрываетъ время для пріобрѣтенія глубокихъ и обширныхъ знаній? Отецъ и мать не могли быть увѣрены въ его домашнихъ занятіяхъ; они знали навѣрное только то, что онъ не посѣщаетъ лекцій.

Мало того, что сынъ не посѣщаетъ лекцій: до родителей доходили слухи, еще болѣе огорчительные: съ какими людьми онъ знается! — не съ профессорами, не съ прилежными и добропорядочными юношами, а съ бездомными гуляками; задушевнѣйшій пріятель и руководитель его—неумытый, небритый Миліусъ, который ходитъ въ сапогахъ безъ подошвъ, въ дырявомъ платьѣ съ голыми локтями—тотъ самый Миліусъ, котораго прозвали „вольнодумцемъ", о которомъ съ негодованіемъ говоритъ весь Каменецъ, осмѣянный имъ въ наглой сатирѣ, который лично оскорбилъ въ этой сатирѣ двумя ѣдкими стихами самого первенствующаго пастора! — и съ этимъ побродягою-пасквилянтомъ сдружился теперь погибающій юноша, слушается его во всемъ, вѣроятно, уже выучился у него и смѣяться надъ отцомъ и кощунствовать надъ Лютеромъ—это ужасно!

Миліусъ, вся жизнь котораго прошла въ борьбѣ съ нищетою и въ увлеченіи излишествами, и который умеръ слишкомъ рано для того, чтобы упрочить себѣ въ наукѣ славу, на которую имѣлъ право по своимъ дарованіямъ и учености,—этотъ Миліусъ былъ, дѣйствительно, ближайшимъ изъ друзей Лессинга въ первой порѣ его дѣятельности и, какъ человѣкъ, нѣкоторое время имѣвшій на него вліяніе, заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Сынъ бѣднаго пастора изъ деревни, сосѣдней съ Каменцомъ, въ малолѣтствѣ оставшійся сиротой, Миліусъ былъ дальній родственникъ семейству Лессинговъ. Вѣроятно, знакомство его съ Эфраимомъ началось еще съ дѣтства: братъ Миліуса былъ нѣсколько времени учителемъ Лессинга до поступленія его въ Мейссенскую школу. Будучи нѣсколькими годами старше Лессинга, Миліусъ уѣхалъ въ университетъ около того времени, какъ Лессингъ отданъ былъ въ Мейссенъ. Въ университетѣ они скоро сошлись. Миліусъ въ то время уже выдержалъ экзамены и жилъ въ страшной нуждѣ, занимаясь естественными науками и астрономіею и добывая скудный кусокъ хлѣба переводами, рецензіями, театральными пьесами, всякаго рода литературными работами, какія заказывали ему Готтшедъ или актеры, игравшіе въ Лейпцигѣ, или какой нибудь книгопродавецъ. Да и тѣ небольшія деньги, какія попадались ему въ руки, не держались у него: Миліусъ любилъ кутнуть, чтобы забыться отъ своихъ бѣдъ. Въ Лейпцигѣ, чинномъ и чопорномъ, ходила про него очень невыгодная слава. Онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, циникъ и неряха; говорятъ также, что онъ не отличался и деликатностію относительно людей, дѣлавшихъ ему услуги: если кто изъ студентовъ, видя его нужду, предлагалъ ему поселиться на время въ своей комнатѣ, Миліусъ начиналъ распоряжаться въ ней какъ полный хозяинъ и настоящаго хозяина третировалъ совершенно безцеремонно. Неостороженъ былъ онъ и на языкъ, нимало не соблюдая умѣренности въ своихъ жолчныхъ выходкахъ противъ людей, ему не нравившихся. Въ Лейпцигѣ почтенные люди страшились его, какъ „вольнодумца" (Freigeist), за то, что онъ издавалъ журналъ подъ этимъ заглавіемъ, и это прозвище, по тогдашнимъ понятіямъ позорное и

Digitized by Google

страшное, преслѣдовало Миліуса во всю жизнь, хотя во всемъ его „Вольнодумцѣ“ при самомъ внимательномъ разборѣ нельзя отыскать ни одной вольнодумной строки, а напротивъ о христіанствѣ говорится вездѣ съ уваженіемъ, и есть даже нѣсколько назидательныхъ статей. Очевидно, заглавіе было дано журналу въ шутку, по капризу; но эта шутка болѣе повредила Миліусу, нежели повредили бы дѣйствительныя преступленія. Такова была его слава въ Лейпцигѣ, а въ Каменцѣ была еще хуже: тамъ уже прежде онъ былъ присужденъ къ наказанію оффиціальнымъ порядкомъ за свою сатиру. Случай этотъ, характеризующій обычаи того вѣка, стоитъ разсказать подробно.

Въ 1743 году, ректоръ городской каменецкой школы, Гейницъ, человѣкъ, достойный уваженія за свой просвѣщенный умъ и педагогическія дарованія, долженъ былъ оставить свое мѣсто и перейти ректоромъ школы въ другой городокъ, Лебау, по разнымъ непріятностямъ съ каменецкими городскими властями. Кажется, почтенные граждане были недовольны тѣмъ, что воспитатель ихъ дѣтей не педантъ и не схоластикъ. Миліусъ, бывшій тогда студентомъ въ Лейпцигѣ, напечаталъ по этому случаю стихотвореніе, въ которомъ говорилъ Гейницу: „Нечего и жалѣть тебя, что ты разстаешься съ городомъ, котораго жители невѣжды и не взлюбили тебя за твое просвѣщеніе“. Кромѣ упрека вообще горожанамъ Каменца за ихъ невѣжество, въ стихотвореніи были очерчены два лица, въ которыхъ узнали себя бургомистръ и первенствующій пасторъ. Къ отцу Лессинга относились стихи, смыслъ которыхъ таковъ: „Въ собраніи, гдѣ на лицѣ каждаго написано фарисейство, стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ человѣкъ и громко, съ напряженіемъ кричитъ: „грѣховно сердце нашей молодежи! не внимаетъ она слову Божію! Да и можно ли ожидать чего инаго, когда тотъ, кто долженъ былъ бы научать ее, подаетъ ей дурной примѣръ“! Никто не былъ названъ по имени въ этой сатирѣ, не упоминалось даже имя города, разсказу была придана форма сновидѣнія. Но всѣ тотчасъ догадались, что дѣло идетъ о Гейницѣ и его каменецкихъ недоброжелателяхъ: лица, на которыя намекала сатира, были узнаны, и весь уѣздный муравейникъ взволновался. Миліусъ былъ арестованъ, подвергнутъ суду и приговоренъ публично просить извиненія у оскорбленныхъ имъ людей, уплатить судебныя издержки и, кромѣ того, просидѣть недѣлю въ тюрьмѣ или заплатить двадцать талеровъ штрафа. Тупоумное жеманство дикихъ невѣждъ выказалось въ этомъ дѣлѣ; но съ тѣмъ вмѣстѣ выказалась и черта добродушія, свойственнаго нѣмецкому характеру, въ благородномъ поступкѣ бургомистра, который принялъ на себя уплату штрафа, хотя самъ былъ однимъ изъ двухъ лицъ, наиболѣе оскорбленныхъ сатирою.

Но этотъ нищій циникъ, Миліусъ, былъ назначенъ природою сдѣлаться замѣчательнымъ естествоиспытателемъ: еще ребенкомъ онъ находилъ свое удовольствіе въ томъ, чтобы наблюдать звѣзды, и однажды цѣлый годъ велъ метеорологическія наблюденія, записывая состояніе термометра черезъ каждые три часа. Въ Лейпцигѣ, при всей своей нищетѣ, онъ составилъ себѣ минералогическій, ботаническій и зоологическій кабинеты; статьи по естественнымъ наукамъ пріобрѣли уже ему нѣкоторую извѣстность; его со-

Digitized by Google

чиненіе на тему, предложенную Берлинской Академіей, „объяснить, какова была бы система вѣтровъ, если бы вся поверхность земли была покрыта глубокимъ моремъ“, удостоилось чести быть напечатано рядомъ съ сочиненіями Даламбера и Барнульи на ту же тему. Послѣ того Миліуса начали уважать нѣкоторые люди, пользовавшіеся почетнымъ положеніемъ въ нѣмецкомъ обществѣ, и натуралисты обратили на него вниманіе. Наконецъ, Галлеръ и Зульцеръ, составивъ проэктъ ученой экспедиціи въ Америку, выбрали Миліуса для этого путешествія. Деньги, нужныя для снаряженія экспедиціи, собирались общественною подпискою. Капиталъ составился довольно значительный, и Миліусъ отправился въ путь; но въ Англіи онъ занемогъ и умеръ. Умершій въ очень молодыхъ лѣтахъ, Миліусъ не успѣлъ почти ничего сдѣлать для своей спеціальной науки, будучи принужденъ тратить свое время на стихи и беллетристику для куска хлѣба; но можно ли обвинять его за эту прискорбную растрату силъ, въ которой виновата была его несчастная судьба? „Не надобно дивиться тому, что въ Германіи очень многіе геніальные люди умираютъ преждевременно“, говоритъ Лессингъ въ письмахъ, служащихъ предисловіемъ къ собранію сочиненій Миліуса, изданному имъ послѣ смерти автора: „легко найти причину этому; она такъ ясна, что развѣ не желающій видѣть не видитъ ея. Предположите, милостивый государь, что геніальный человѣкъ родится въ сословіи, если не самомъ нищемъ, то слишкомъ скудномъ житейскими средствами: вы знаете, что природа находитъ, кажется, какое-то удовольствіе выводить геніевъ изъ этого сословія чаще, нежели изъ какого нибудь другаго. Подумайте же, какія препятствія долженъ побѣдить этотъ геній въ странѣ, подобной Германіи, гдѣ почти неизвѣстно, что такое называется ободреніемъ таланту. Онъ то задерживается недостаткомъ необходимѣйшихъ средствъ и пособій, то преслѣдуется завистью, которая хочетъ въ самой колыбели подавить дарованіе, то утрачиваетъ силы въ тяжелыхъ и недостойныхъ его занятіяхъ. Удивительно ли, что онъ, истощивъ запасъ молодаго здоровья, сокрушается порывомъ бури? Удивительно ли, что бѣдность, непріятности, оскорбленія, презрѣніе наконецъ побѣждаютъ его тѣло, и безъ того уже не слишкомъ крѣпкое, потому что вѣдь не такіе же у него нервы, какъ у дровосѣка. Повѣрьте же, милостивый государь, такова была судьба нашего Миліуса. Онъ родился въ деревнѣ, гдѣ скоро захотѣлъ учиться тому, чему не могли тамъ научить его. Онъ родился въ семействѣ, состояніе котораго не позволяло допускать его учиться съ какою нибудь другою цѣлью, кромѣ той, чтобъ онъ наскоро познакомясь съ какою нибудь кормовою наукою (такъ мы рѣшаемся перевесть извѣстное нѣмецкое выраженіе Brodwissenschaft), могъ добывать себѣ хлѣбъ, по примѣру своихъ отцовъ. А потомъ онъ долженъ былъ безъ отдыху писать для куска хлѣба. Такова, милостивый государь, была его жизнь, и, повѣрьте, при такой жизни, смерть не есть особенное бѣдствіе“.

Мы привели это описаніе потому, что оно хорошо обрисовываетъ положеніе всей молодежи, занимавшейся тогда въ Германіи литературою, и очень близко подходитъ къ судьбѣ самого Лессинга.

Нельзя осуждать Миліуса за то, что онъ не успѣлъ ничего сдѣлать для науки, какъ нельзя строго винить его и за то, что многими поступ-

Digitized by Google

ками и всѣмъ образомъ своей жизни подавалъ поводъ къ упрекамъ, со стороны такъ называемыхъ добропорядочныхъ людей: въ томъ и другомъ одинаково были виноваты обстоятельства; и изъ упрековъ, которымъ подвергался онъ, нельзя еще заключать, что онъ былъ дурной человѣкъ—тотъ случай, который особенно чернилъ его въ глазахъ каменецкихъ горожанъ, даже свидѣтельствуетъ въ его пользу: своею сатирою онъ мстилъ узкимъ предразсудкамъ за непріятности, которыя терпѣлъ отъ нихъ человѣкъ просвѣщенный и достойный уваженія.

По всей вѣроятности, Миліусъ нравился Лессингу, какъ человѣкъ обширнаго и оригинальнаго ума. Скоро этотъ чудакъ сталъ оказывать своему молодому пріятелю услуги по сближенію съ книгопродавцами и доставлялъ стипендіату литературную работу. Такимъ образомъ, и удовольствіе, приносимое его живымъ разговоромъ, и денежныя дѣла тѣсно связывали съ нимъ Лессинга, который иногда выбивался изъ затруднительныхъ обстоятельствъ только при помощи переводовъ и т. п., случай къ которымъ доставлялъ Миліусъ. Но родные Лессинга, рѣшительно не понимая этого, смотрѣли на ихъ знакомство чрезвычайно подозрительно и опасались отъ него совершенной погибели сына и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ.

Доходили до нихъ слухи еще о другомъ вредномъ и отвратительномъ знакомствѣ сына—о дружбѣ его съ актерами. Въ самомъ дѣлѣ, юноша вскорѣ по пріѣздѣ въ Лейпцигъ пристрастился къ театру. Въ Лейпцигѣ играла тогда труппа г-жи Нейбергъ, геніальной актрисы, какой долго послѣ того не бывало на нѣмецкой сценѣ, женщины замѣчательнаго ума и тонкаго вкуса. Кромѣ самой директрисы, въ труппѣ было много прекрасныхъ актеровъ. Лессингъ скоро познакомился съ артистами: веселое общество ихъ понравилось пылкому юношѣ, онъ получилъ доступъ за кулисы, подружился съ самою г-жею Нейбергъ. Носились слухи, что онъ даже влюбленъ въ нее, и любовь его не остается безъ отвѣта. Братъ считаетъ нужнымъ защитить перваго изъ нѣмецкихъ драматурговъ отъ этого подозрѣнія тѣмъ, что Лессингъ съ одинаковою привѣтливостью былъ встрѣчаемъ въ домахъ всѣхъ актрисъ, которымъ, думаетъ онъ, не было бы удовольствія видѣть у себя человѣка, влюбленнаго въ другую женщину. Не совсѣмъ убѣждаемся мы этимъ доводомъ; но какъ бы то ни было, хотя бы Лессингъ ухаживалъ не за одною г-жею Нейбергъ, а равно за всѣми хорошенькими актрисами, что и дѣйствительно вѣроятнѣе, въ томъ и другомъ случаѣ мало было утѣшенія его роднымъ. Потомъ дошли до родныхъ извѣстія, что Лессингъ самъ принялся писать пьесы для театра, что онъ даже хочетъ сдѣлаться актеромъ. Послѣдняго намѣренія онъ, вѣроятно, не имѣлъ: но всѣ другія огорчительныя извѣстія не были выдумкою.

Можно вообразить себѣ огорченіе почтеннаго первенствующаго пастора и набожной пасторши отъ такихъ вѣстей! Какъ, ихъ сынъ, котораго надѣялись они видѣть благочестивымъ пасторомъ или ученымъ профессоромъ, не занимается своимъ дѣломъ, кутитъ съ такими людьми, какъ Миліусъ, дружится съ актрисами, пишетъ для театра! Упреки градомъ сыпались на заблудшаго сына отъ отца, мать плакала о немъ. Сыну казалось все это совершенно неумѣстнымъ и напраснымъ. Онъ въ отвѣтахъ своихъ жало-

Digitized by Google

вался на несправедливость обвиненій, доказывалъ неосновательность опасеній, защищая свое поведеніе. Письма его изъ Лейпцига къ роднымъ не сохранились; но по всему разсказу брата его видно, что они были таковы же, какія потомъ писались имъ изъ Берлина: упреки и оправданія оставались тѣ же, да и относились на половину къ его прежней, лейпцигской жизни. Говоря о берлинской жизни Лессинга, намъ прійдется разсказывать многое другое, потому приведемъ отрывки изъ этихъ писемъ здѣсь.

„Я не сталъ бы такъ долго медлить письмомъ къ вамъ—пишетъ Лессингъ матери, вскорѣ по переѣздѣ въ Берлинъ—еслибъ имѣлъ сообщить что нибудь пріятное. А читать просьбы и жалобы, вѣроятно, и вамъ такъ же наскучило, какъ мнѣ писать въ этомъ духѣ. Но въ этихъ строкахъ не найдете вы ничего подобнаго (т. е. ни жалобъ на недостатокъ денегъ, ни просьбъ о присылкѣ ихъ). Я страшусь только того, чтобы вы не заподозрили меня въ недостаткѣ любви и уваженія къ вамъ; я страшусь только того, чтобы вы не подумали, будто я веду свой нынѣшній образъ жизни по непослушанію и испорченности сердца. Это опасеніе безпокоитъ меня. Если оно не напрасно, то я чувствую огорченіе тѣмъ живѣе, чѣмъ менѣе вины знаю за собою. Позвольте же мнѣ поэтому, въ немногихъ чертахъ, описать вамъ всю мою университетскую жизнь, и я увѣренъ, что вы снисходительнѣе будете судить обо мнѣ. Я пріѣжаю въ университетъ мальчикомъ съ школьной скамьи, твердо увѣренный въ томъ, что все счастіе въ книгахъ. Я пріѣзжаю въ Лейпцигъ, въ такой городъ, въ которомъ совмѣщается въ миньятюрѣ цѣлый міръ. Первые мѣсяцы я прожилъ такъ уединенно, какъ не жилъ и въ Мейссенѣ. Вѣчно за книгами, я рѣдко даже и думалъ о людяхъ. Но это продолжалось немного времени: скоро открылись мои глаза—надобно ли сказать, „къ счастію“ или „къ несчастію“?—это рѣшитъ будущность. Я понялъ, что книги сдѣлаютъ меня ученымъ, но никакъ не сдѣлаютъ меня человѣкомъ. И я рѣшился выйти изъ комнаты, показаться въ общество подобныхъ мнѣ. Но—Боже мой!—ни малѣйшаго подобія не было во мнѣ съ другими людьми. Мужицкая застѣнчивость, неряшество и неуклюжесть, совершенное невѣжество въ томъ, какъ держать себя между людьми, нелѣпыя замашки и взгляды, которыми оскорблялся всякій, какъ выражающими презрѣніе къ нему—таковы-то были достоинства, замѣченныя мною въ себѣ. Слѣдствіемъ этого была твердая рѣшимость, во что бы то ни стало, исправиться отъ своихъ недостатковъ. Вы знаете, какъ я принялся за это дѣло. Я сталъ учиться танцамъ, фехтованію, верховой ѣздѣ. Я откровенно сознаю въ этомъ письмѣ свои ошибки, стало быть могу говорить и о томъ, что хорошо во мнѣ. Танцовать, фехтовать, ѣздить верхомъ я выучился такъ, что даже люди, напередъ рѣшавшіе, что я неспособенъ ни къ чему такому, можно сказать, удивлялись мнѣ. Успѣхъ этотъ сильно ободрилъ меня. Я сталъ развязенъ, ловокъ и вошелъ въ общество, чтобы научиться жизни. На время отложилъ я въ сторону серьезныя книги, чтобы познакомиться съ другими книгами, болѣе заманчивыми, но не менѣе полезными. Прежде всего попались мнѣ подъ руку комедіи. Пусть не вѣритъ, кто не хочетъ, но мнѣ оказали онѣ очень важныя услуги. Я понялъ изъ нихъ разницу между пріятностью и принужденностью манеръ, между грубостью и естественностью. Онѣ показали мнѣ, что такое лживая и что такое истинная добродѣтель, научили меня избѣгать порока столько же потому, что онъ смѣшонъ, сколько и потому, что онъ гнусенъ. Но я чуть не забылъ главнѣйшей пользы, какую принесли мнѣ комедіи. Онѣ научили меня знать самого себя, и съ той поры, вѣрно, ни надъ кѣмъ не смѣялся и не издѣвался я столько, какъ надъ самимъ собою. Вдругъ, какой-то пустой случай навелъ меня на мысль самому приняться за сочиненіе комедій. Я попытался, и когда мои комедіи были даны на сценѣ, меня стали увѣрять, что комедіи эти недурны. Надобно только похвалить меня въ чемъ нибудь, и ужъ я такъ созданъ, что пріймусь за дѣло еще горячѣе. И вотъ я сталъ день и ночь думать, какъ бы выказать свой талантъ въ дѣлѣ, въ которомъ ни одинъ нѣмецъ не могъ похвалиться особеннымъ успѣхомъ. Вслѣдствіе болѣзни и другихъ обстоятельствъ, о которыхъ пока умолчу, я задолжалъ болѣе, нежели на три мѣсяца моихъ стипендій,—и я долженъ былъ переѣхать

Digitized by Google

въ Берлинъ, гдѣ и живу теперь,—въ какомъ положеніи, знаете вы сами. *Я давно сталъ бы на ноги, если бы могъ имѣть приличное платье* (эти слова подчеркнуты Лессингомъ); оно необходимо въ городѣ, гдѣ о людяхъ больше всего судятъ по наружности. Вы были такъ добры, что еще въ прошломъ году обѣщали сдѣлать мнѣ новую пару платья. Изъ этого вы можете заключить, безразсудна ли была моя просьба въ предъидущемъ письмѣ (видно также, прибавимъ мы, что и годъ тому назадъ платье было уже порядкомъ поношено; видно также, что въ прошломъ письмѣ Лессингъ просилъ выслать ему денегъ на платье). Вы отказываете мнѣ, между прочимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаете, ради кого или чего живу я въ Берлинѣ. (Видно, что мать намекала на Миліуса). Я угадываю, что ваше предубѣжденіе противъ человѣка, который оказываетъ мнѣ услуги теперь, когда я чрезвычайно нуждаюсь въ нихъ,—угадываю, что это предубѣжденіе—главная причина вашего несогласія съ моими поступками. Кажется, вы считаете его (т. е. Миліуса) извергомъ рода человѣческаго. Не слишкомъ ли увлекаетесь вы враждою? Я утѣшаюсь тѣмъ, что вижу въ Берлинѣ очень многихъ прекрасныхъ и знатныхъ людей („знатные" очевидно явились тутъ затѣмъ, чтобы произвести эффектъ на провинціалку), которые уважаютъ его столько же, сколько и я".

Вотъ другое письмо, посланное Лессингомъ мѣсяца черезъ три, къ отцу:

„Вы требуете, чтобы я возвратился домой. Вы опасаетесь, что я уѣду въ Вѣну, чтобы тамъ сдѣлаться писателемъ комедій. Вы увѣрены, что здѣсь я работаю, какъ негръ, для г. Рюдигера (берлинскаго книгопродавца) и терплю голодъ и непріятности (видно, что отецъ писалъ ему: ты пошелъ по дорогѣ, которая приведетъ къ голодной смерти). Вы прямо говорите мнѣ, что все, написанное мною вамъ о видахъ моихъ на улучшеніе моихъ обстоятельствъ, чистая ложь. (Видно, что онъ успокоивалъ отца разными надеждами на то, что скоро будетъ пріобрѣтать литературою большія деньги). Умоляю васъ: поставьте себя на мое мѣсто и подумайте, какъ огорчительны должны быть такія несправедливыя укоризны, неосновательность которыхъ очевидна для васъ, если вы хотя сколько-нибудь знаете меня. Но удивительнѣе всего для меня то, что вы возобновляете прежнія укоризны по поводу комедій. Переписка моя съ комедіянтами вовсе не такова, какъ вы думаете. Въ Вѣну писалъ я къ барону Зейлеру, директору всѣхъ австрійскихъ театровъ, человѣку, знакомство котораго никакъ не можетъ мнѣ быть стыдомъ, а, напротивъ, можетъ принести большую пользу. Съ подобными людьми велась у меня переписка и въ Данцигѣ и въ Ганноверѣ; и не можетъ мнѣ быть упрекомъ то, что меня знаютъ не въ одномъ Каменцѣ... Подождите нѣсколько мѣсяцевъ, и вы убѣдитесь, что я въ Берлинѣ живу не безъ дѣла и работаю не для другихъ. Я знаю, отъ кого доходятъ до васъ обо мнѣ такіе слухи. Я знаю, кому и сколько разъ вы писали обо мнѣ въ Берлинѣ. Эти распросы, конечно, подали дурное понятіе обо мнѣ людямъ, къ которымъ вы обращались съ ними. Но я вѣрю, что вы хотѣли мнѣ пользы, а не вреда и непріятностей, которые были для меня слѣдствіемъ этихъ развѣдываній... Позвольте мнѣ напомнить вамъ стихи Плавта:

Qui nihil aliud, nisi quod sibi soli placet,
Consulit adversum filium, nugas agit

(неблагоразумно поступаетъ отецъ, который хочетъ распоряжаться всѣми поступками сына).—Эта мысль такъ разсудительна, что, вѣроятно, вы съ нею согласны. Къ чему матушкѣ такъ горевать обо мнѣ? Не все ли равно для нея, такъ или иначе составлю я себѣ счастіе, лишь бы составилъ, въ чемъ я увѣренъ. И какъ могли вы вообразить, что если бы я даже поѣхалъ въ Вѣну, то принялъ бы тамъ католичество? Изъ этого я вижу, какъ она предубѣждена противъ меня".

Черезъ мѣсяцъ Лессингъ, получивъ отъ отца книги, которыя оставлены были имъ дома, благодаритъ за присылку ихъ и продолжаетъ:

„Я написалъ бы вамъ о своей благодарности еще больше, если бы не видѣлъ, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ вашихъ писемъ очень ясно, что васъ давно склоняютъ, и вы

Digitized by Google

давно склонились подозрѣвать во мнѣ самыя низкія, самыя постыдныя черты. Благодарность человѣка, о которомъ вы имѣете такое выгодное мнѣніе, конечно, должна показаться вамъ неискреннею. Но что же мнѣ дѣлать? Время будетъ моимъ защитникомъ. Оно покажетъ, дѣйствительно ли я непочтительный сынъ и безнравственный человѣкъ.

„Когда вы перестанете упрекать меня за Миліуса? Sed facile ex Tuis querelis querelas matris agnosco (слѣдуетъ довольно длинная латинская тирада, которую мы отмѣчаемъ курсивомъ). *Но я очень хорошо вижу, что эти упреки внушены вамъ матушкою: она добра и прямодушна, но въ этомъ случаѣ слишкомъ увлекается враждою. Наша дружба съ Миліусомъ никогда не была и не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ сотрудничествомъ въ занятіяхъ—можно ли винить за то? Я съ нимъ очень рѣдко, или, лучше сказать, вовсе никогда не говорю ни о родныхъ и моихъ обязанностяхъ къ роднымъ, ни о моемъ образѣ жизни, такъ что вы никакъ не можете считать его моимъ соблазнителемъ и совѣтникомъ на дурное. Не увлекайтесь, батюшка, женскими наговорами. Простите, что я написалъ это по латыни, чтобы не оскорбить матушку, глубоко мною любимую*“.

Этихъ отрывковъ будетъ достаточно, чтобы видѣть, каковы были предположенія родныхъ о сынѣ, когда онъ жилъ въ Лейпцигѣ и потомъ въ Берлинѣ. Они считали сына идущимъ къ временной и вѣчной погибели. Письма ихъ къ нему за это время не сохранились; но легко угадать изъ отвѣтовъ Лессинга, какими горькими опасеніями, какими оскорбительными подозрѣніями были наполнены эти письма. Такъ прошло полтора года университетской жизни; наконецъ, однажды, получилъ лейпцигскій студентъ отъ отца письмо, въ которомъ всѣ упреки и подозрѣнія, особенно относительно актеровъ и театра, выражены были совершенно прямо и рѣзко. Молодой человѣкъ вспыхнулъ и потерялъ терпѣніе. Раздосадованный, побѣжалъ онъ къ одному изъ своихъ пріятелей и товарищей по занятіямъ литературою, Вейссе, и, съ сердцемъ бросая письмо на столъ, сказалъ: „Вотъ, прочитайте-ка, какое письмецо получилъ я отъ батюшки!“ Въ пылу досады онъ хотѣлъ отвѣчать на упреки, разославъ всѣмъ почетнымъ людямъ каменецкаго общества по экземпляру афиши, которая объявляла о первомъ представленіи его комедіи „Молодой Ученый“, приписавъ подъ заглавіемъ этой пьесы, дававшейся безъ означенія имени автора: „сочиненіе Готтгольда-Эфраима Лессинга“. Вейссе удалось удержать своего друга отъ этой выходки, и чрезвычайный успѣхъ пьесы на сценѣ заставилъ бы молодаго драматурга забыть о семейной непріятности, навлеченной на него расположеніемъ къ театру, если бы за первою бѣдою не послѣдовала вторая.

Въ Саксоніи былъ (а можетъ быть, и донынѣ сохранился) обычай, что мать на Рождество печетъ для каждаго изъ своихъ дѣтей сдобный сладкій пирогъ. Надобно было случиться, что въ этомъ (1747) году на самое Рождество одинъ изъ знакомыхъ семейства Лессинговъ отправился изъ Каменца въ Лейпцигъ. Мать Готтгольда-Эфраима просила этого знакомца отвезти отъ нея сыну патріархальный пирогъ и при этой оказіи, конечно, просила его также посмотрѣть и передать ей, какъ живетъ этотъ сынъ, возбуждающій въ родителяхъ столько безпокойства неосновательностью своего поведенія. Знакомецъ возвратился въ Каменецъ съ ужаснымъ извѣстіемъ, что сладкій пирогъ матери скушанъ сыномъ въ обществѣ комедіянтовъ

Digitized by Google

(и—чего добраго!—даже комедіянтокъ, быть можетъ) и запить доброю бутылкою вина.

Бѣдные родители не могли теперь сомнѣваться въ глубокомъ нравственномъ паденіи блуднаго сына. Мать горько плакала; отецъ увидѣлъ необходимость прибѣгнуть къ рѣшительному средству для исхищенія сына изъ бездны адской: надобно было возвратить его для душевнаго исцѣленія подъ родительскій кровъ. Но послушается ли родительскаго приказанія непокорный юноша? Нѣтъ, нужно придумать другія средства, подняться на хитрости,—и лейпцигскій студентъ получилъ письмо, увѣдомлявшее его, что мать лежитъ при смерти, и что онъ долженъ спѣшить въ Каменецъ, не теряя ни минуты, если хочетъ проститься съ нею.

Между тѣмъ, наступили сильные холода. Мать стала уже раскаяваться въ своей хитрости: какъ поѣдетъ бѣдный мальчикъ (не забудемъ, что Лессингу было только восемнадцать лѣтъ) въ такую погоду? Вѣдь у него нѣтъ теплаго дорожнаго платья, а въ дорогѣ надобно пробыть нѣсколько сутокъ. Нѣтъ, лучше ужъ кутилъ бы онъ съ ненавистнымъ Миліусомъ и актрисами, чѣмъ замерзнуть на дорогѣ. Напрасно его вызывали! Или, быть можетъ, онъ догадается, что извѣстіе о ея болѣзни—выдумка, и не поѣдетъ? Да, лучше онъ сдѣлаетъ, если не поѣдетъ. Въ такихъ мысляхъ сидѣла семья, какъ отворилась дверь, и вошелъ въ комнату, дрожа отъ холода, полузамерзшій сынъ. — „Какъ, ты поѣхалъ въ такой холодъ?“ спрашиваетъ мать.—„Я зналъ, что вы здоровы, весело отвѣчаетъ студентъ; но вамъ было угодно, чтобъ я пріѣхалъ,—и я пріѣхалъ“.—Словомъ сказать, вмѣсто строгаго выговора, который готовился для него, его встрѣтили съ радостью, что онъ, послушный сынъ, доѣхалъ благополучно.

Отецъ сталъ испытывать его знанія разговорами; оказалось, что сынъ сталъ человѣкомъ ученымъ, несмотря на Миліуса и актеровъ; оказалось, что и по латыни знаетъ онъ очень хорошо, не смотря на то, что занимался, по доходившимъ слухамъ, вовсе не латынью. Мало того: въ удовольствіе первенствующему пастору, сынъ сочинилъ проповѣдь—и проповѣдь оказалась хороша. Гнѣвъ отца утишился. Онъ оставилъ студента пожить дома, чтобы своими глазами убѣдиться, дѣйствительно ли онъ не такой дурной человѣкъ, не такой пьяница и буянъ, какъ шла молва о немъ. Сынъ держалъ себя, въ самомъ дѣлѣ, какъ порядочный юноша—не пьянствовалъ и не буйствовалъ.

Три мѣсяца продолжалось это испытаніе. Наконецъ родные убѣдились, что можно согласиться на его просьбу и снова отпустить его въ Лейпцигъ, съ наставленіями держать себя хорошо.

Но лишь только воротился онъ въ Лейпцигъ, какъ пошли о немъ прежніе слухи. По прежнему онъ не ходилъ на лекціи, водилъ компанію съ Миліусомъ и актерами, писалъ комедіи;—и черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ рѣшительный шагъ, который болѣе всего прежняго огорчилъ заботливыхъ родныхъ.

Около этого времени разстроилась труппа г-жи Нейбергъ, и многіе актеры уѣхали изъ Лейпцига, иные не расплатясь съ долгами. Лессингъ былъ поручителемъ въ нѣсколькихъ изъ этихъ векселей; кредиторы не давали

Digitized by Google

ему покоя. Средства его для уплаты долговъ были ничтожны въ Лейпцигѣ. Онъ рѣшился искать этихъ средствъ въ Берлинѣ, при помощи Миліуса, который уже поселился тамъ, имѣлъ уже нѣкоторыя связи и черезъ два-три мѣсяца сдѣлался сотрудникомъ одной изъ берлинскихъ газетъ, издававшейся книгопродавцемъ Рюдигеромъ, и вскорѣ перешедшей къ зятю Рюдигера, Фоссу, съ фамиліею котораго она существовала до послѣдняго времени (Vossische Zeitung). Мысль эта была исполнена Лессингомъ съ независимостью, свойственною его характеру: ни съ кѣмъ онъ не совѣтовался, никому не говорилъ о своемъ намѣреніи переселиться въ Берлинъ. Одинъ изъ ближайшихъ его друзей, Вейссе, зашедшій черезъ нѣсколько дней къ своему пріятелю по его отъѣздѣ, услышалъ только, что онъ уѣхалъ изъ Лейпцига на недѣлю. Но это не было бѣгство отъ кредиторовъ: они были предувѣдомлены и успокоены Лессингомъ, потому что не тревожили ни университетъ, ни каменецкаго пастора своими опасеніями. И, дѣйствительно, Лессингъ скоро расплатился съ ними.

На дорогѣ, въ Виттенбергѣ, онъ тяжело занемогъ—одинъ, безъ друзей, безъ знакомыхъ. Положеніе было отчаянное, и Лессингъ не могъ потомъ вспоминать о немъ безъ ужаса. Но молодая натура скоро побѣдила болѣзнь. Между тѣмъ, Миліусъ уѣхалъ изъ Берлина. Лессингъ рѣшился было остаться на зиму въ Виттенбергѣ слушать лекціи и написалъ о томъ роднымъ. Но Миліусъ опять явился въ Берлинъ, получилъ постоянную работу при рюдигеровой газетѣ, и Лессингъ около Рождества могъ переселиться въ Берлинъ съ увѣренностью, что найдетъ тамъ средства для жизни.

Говорятъ, впрочемъ, будто изъ Виттенберга уѣхалъ онъ не съ цѣлью попасть въ Берлинъ,— напротивъ, если вѣрить слухамъ, онъ прежде всего поскакалъ въ Вѣну, увлеченный страстью къ хорошенькой актрисѣ Лоренцы и уже изъ Вѣны, по невозможности найти тамъ средства для жизни и разочаровавшись въ своей возлюбленной, переѣхалъ въ Берлинъ. Этотъ эпизодъ очень правдоподобенъ; но не осталось доказательствъ, которыми можно было бы подтвердить его.

Во всякомъ случаѣ, два ли только, или три раза юноша втеченіи полугода такъ независимо отъ родныхъ измѣнялъ намѣренія относительно своей будущности,— ограничились ли его странствованія только переселеніемъ изъ Лейпцига въ Виттенбергъ и изъ Виттенберга въ Берлинъ, или надобно прибавить сюда еще поѣздку изъ Виттенберга въ Вѣну,—во всякомъ случаѣ Лессингъ, въ это полугодіе, надѣлалъ довольно, чтобы снова погубить у родныхъ всякое довѣріе къ себѣ, чтобы явиться въ ихъ глазахъ человѣкомъ, болѣе близкимъ къ погибели, нежели когда нибудь. „Онъ замотался, онъ потерялъ голову, сталъ игрушкою негоднаго Миліуса, сталъ авантюристомъ, которому предстоитъ сидѣть въ тюрьмѣ за долги, быть стыдомъ своему семейству, влачить презрѣнную жизнь развратнаго и оборванца, пьяницы, быть убитымъ въ пьяной дракѣ, замерзнуть на улицѣ или умереть голодною смертью въ подвалѣ“. Такъ должны были думать родные, переписка ихъ съ сыномъ продолжалась въ прежнемъ тонѣ: горькіе упреки съ одной стороны, гордыя оправданія съ другой.

И дѣйствительно, довольно долго прошло, пока устроилось сколь-

Digitized by Google

нибудь порядочнымъ образомъ денежное положеніе сына, пока его извѣстность, потомъ слава заставили родныхъ его покинуть свои оскорбительныя подозрѣнія.

Если и въ наше время семнадцати-девятнадцатилѣтній юноша поступаетъ подобно Лессингу: вмѣсто того, чтобы посѣщать лекціи, сводитъ дружбу съ людьми, извѣстными неумѣренностью своего образа жизни; бросая такъ называемое порядочное общество, водитъ компанію съ весельчаками, проводитъ вечера за кулисами, а ночи въ шумныхъ пирушкахъ съ актрисами,—если и въ наше время молодой человѣкъ становится на эту дорогу, его родные имѣютъ очень основательную боязнь за будущность сына. Сто лѣтъ тому назадъ, въ Германіи, подобный образъ жизни казался еще ужаснѣе для патріархальныхъ провинціаловъ и, въ самомъ дѣлѣ, отнималъ почти всякую надежду на юношу, увлекающагося въ такія излишества. Лессингъ пренебрегалъ единственнымъ путемъ къ обезпеченію своей будущности, пренебрегая университетомъ: нынѣ понятно, что можно жить на свѣтѣ, не занимая мѣста на службѣ; тогда, если человѣкъ не былъ ремесленникомъ, купцомъ или помѣщикомъ, онъ могъ жить только жалованьемъ и доходами отъ общественной должности. Литература не доставляла никакого обезпеченія. Всѣ литераторы были или богатые диллетанты, или профессоры, учители и пасторы: безъ этихъ источниковъ дохода они ходили бы съ голыми локтями подобно Миліусу. Лессингъ, пренебрегая дипломомъ, который доставилъ бы ему мѣсто пастора, медика или профессора, обрекалъ себя на вѣчную нищету.—Нынѣ актеры не считаются людьми отверженными; тогда на нихъ смотрѣли, какъ на цыганъ. Нынѣ понимаютъ, что юноша долженъ быть юношею; тогда съ двѣнадцати лѣтъ мальчикъ долженъ былъ дѣлаться педантомъ: иначе, онъ ужъ не имѣлъ никакихъ шансовъ проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ.

Чтобы однимъ примѣромъ указать всю разницу между нынѣшнимъ и тогдашнимъ взглядомъ на человѣка, поступающаго подобно Лессингу, скажемъ, что студенты, его товарищи, считали его человѣкомъ, идущимъ къ собственной погибели. Нынѣ, конечно, молодежь не осудитъ сверстника за любовь къ театру, особенно, когда видитъ, что дома, самостоятельными занятіями, онъ съ избыткомъ вознаграждаетъ неаккуратность въ посѣщеніи лекцій, когда видитъ, что любитель театра съ тѣмъ вмѣстѣ превосходитъ обширностью знаній товарищей студентовъ,—нынѣ любовь къ литературѣ и театру не помѣшала бы глубоко уважать такого товарища; тогда,—что думали тогда студенты о своемъ геніальномъ товарищѣ, мы узнаемъ изъ любопытнаго анекдота, сохранившагося въ запискахъ извѣстнаго литератора и музыканта Рохлица. Въ Лейпцигѣ Лессингъ жилъ нѣсколько времени въ одной комнатѣ съ другимъ студентомъ, Іоганномъ-Фридрихомъ Фишеромъ. Много лѣтъ спустя, когда Лессингъ былъ уже авторомъ „Эмиліи Галотти“ „Гамбургской Драматургіи“. Фишеръ занималъ должность ректора въ одной изъ школъ, соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ. Рохлицъ учился въ этой школѣ. Ректоръ замѣтилъ въ ученикѣ литературныя наклонности, призвалъ его къ себѣ и преподалъ слѣдующее назиданіе изъ собственныхъ воспоминаній: „Говорилъ ужъ я тебѣ, чтобы бросилъ свои нѣмецкія книги; но

Digitized by Google

спрашиваю, исполнилъ ли ты мой совѣтъ, а только скажу тебѣ: исполни его, брось нѣмецкія книги, не вводи себя въ погибель, потому что къ погибели онѣ ведутъ. Тѣмъ больше огорчаешь ты меня, что этими вредными наклонностями припоминается мнѣ такой примѣръ,—примѣръ изъ молодости,—отъ котораго и теперь болитъ мое сердце. Разскажу тебѣ, какъ это было. Пріѣхавъ изъ Кобурга въ здѣшній университетъ, поселился я вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ, который уже годъ числился студентомъ. Онъ былъ сынъ хорошихъ людей: отецъ его былъ пасторомъ въ Лаузицѣ. Жили мы съ нимъ на Верхней улицѣ, у Старыхъ Бань. Какія способности далъ Богъ этому человѣку! Какъ онъ зналъ по гречески и по латыни! Мы съ нимъ слушали Эрнести, знаменитаго тогдашняго филолога,—то есть, нечего намъ было и слушать у него! Читать Ѳукидида было для насъ просто развлеченіемъ. Ахъ, какой человѣкъ могъ бы изъ него выйти! Но пошелъ онъ по такой дорогѣ! Ужъ прежде онъ много читалъ по нѣмецки,—ну, сталъ и писать самъ по нѣмецки, сочинять нѣмецкіе стихи. И пошелъ, и пошелъ, и никакъ нельзя было его остановить. Онъ былъ мой лучшій другъ, мой единственный другъ въ цѣломъ университетѣ; но я отсторонился отъ него—не могъ выносить этого. Началъ онъ даже писать комедіи. Ну, вотъ... вотъ... дальше да дальше, и сдѣлался онъ... нѣтъ, и сказать грустно, что изъ него вышло. Ну, да самъ спроси у людей, скажутъ тебѣ: этого человѣка звали Лессингъ".

Этотъ урокъ молодому человѣку, это предостереженіе: „смотри, если станешь продолжать, какъ началъ: то будешь ты ничѣмъ инымъ, какъ развѣ Лессингомъ",—эта искренняя, глубокая грусть добродушнаго друга о томъ, что Лессингъ погубилъ свои прекрасныя дарованія и самого себя, вся эта рѣчь почтеннаго ректора представляется намъ теперь чѣмъ-то нелѣпо наивнымъ до забавной оригинальности. Это нѣчто нелѣпѣйшее, нежели ученыя разсужденія Фамусова и Скалозуба, что-то напоминающее сужденія обитателей Брынскихъ скитовъ, понятія какого-то дикаго Никиты Пустосвята. Если студентъ, горячо любившій Лессинга, очень близко знавшій его—вѣдь они жили въ одной комнатѣ—такъ огорчался уже одною любовью его къ нѣмецкой литературѣ, этою, повидимому, самою невинною чертою изъ всѣхъ противорѣчій его жизни общепринятому порядку, то можно вообразить, каковы были у людей пожилыхъ, наклонныхъ къ строгости въ нравственныхъ понятіяхъ и въ требованіяхъ отъ молодаго человѣка соблюденія приличій,—каковы были понятія всѣхъ добропорядочныхъ людей о будущности, которую готовитъ себѣ Лессингъ, когда они соображали всѣ ужасныя черты его образа жизни—не только сочинительство его на нѣмецкомъ языкѣ, но, что гораздо ужаснѣе, его дружбу съ Миліусомъ и ночныя пирушки въ обществѣ этого оборваннаго кощуна, его панибратство съ актерами и актрисами, обществомъ которыхъ гнушался даже Вейссе, студентъ, сочинявшій для нихъ комедіи.

Дикимъ кажется намъ теперь все это. Но если присмотрѣться къ дѣлу ближе, съ житейской точки зрѣнія, то, право, подумаешь: не разсчетливѣе ли, не лучше ли для отдѣльнаго человѣка устроивать свою жизнь сообразно съ понятіями большинства? не былъ ли, въ самомъ дѣлѣ, правъ добрый

Digitized by Google

ректоръ Іоганнъ Фишеръ, съ грустью вспоминая о томъ, какъ Лессингъ губилъ себя? да, если онъ думалъ о житейскомъ благоденствіи своего друга, то, безъ сомнѣнія, былъ правъ.

А надобно сознаться, что изъ сотни людей, одержимыхъ въ молодости различными возвышенными стремленіями, развѣ одинъ не станетъ впослѣдствіи раскаяваться, если эти порывы стоили ему какихъ нибудь пожертвованій житейскимъ благосостояніемъ; и надобно еще то сказать, что, въ самомъ дѣлѣ, у очень многихъ людей всѣ эти порывы имѣютъ слѣдствіемъ единственно только порожденіе чепухи, различнаго рода, смотря по характеру порывовъ. Друзья и родные должны были, въ самомъ дѣлѣ, опасаться за Лессинга, потому что только при концѣ молодаго разгула обнаруживается, имѣлъ ли человѣкъ силу безвредно пройти его, только послѣдующая энергическая дѣятельность доказываетъ, что человѣкъ не напрасно пренебрегалъ торною дорогою, стремясь къ славѣ.

Но теперь, когда славная дѣятельность Лессинга показала намъ его натуру, мы можемъ видѣть, что и въ увлеченіяхъ молодости онъ не измѣнилъ ни своему призванію, ни своему характеру. Мы не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ характерѣ, — пусть онъ самъ собою раскрывается передъ читателями впродолженіе біографіи, — но скажемъ только, что основною чертою его натуры были рѣдкая полнота и всесторонность. У него были сильныя страсти, и онъ повременамъ беззавѣтно отдавался той или другой изъ нихъ; но никогда ни одна изъ нихъ не могла поработить его себѣ, именно потому, что натура его была слишкомъ чужда всякой односторонности. На пирушкахъ съ Миліусомъ онъ, быть можетъ, пилъ больше самого Миліуса; у него было много интригъ, и, конечно, онъ любилъ страстно; но никогда не было минуты, въ которую не могла его натура свергнуть съ себя эти страсти. Онъ былъ подобенъ древнему бойцу, который съ увлеченіемъ шелъ на битву, но и въ самомъ разгарѣ битвы не терялъ ни разумнаго самообладанія, ни свѣтлаго взгляда, ни спокойствія на ясномъ челѣ. Онъ, среди другихъ людей, былъ не по одному уму, но и по характеру, по всей своей натурѣ Милонъ Кротонскій, который могъ идти съ ними, когда хотѣлъ, могъ принимать участіе въ ихъ трудахъ, если то ему казалось нужно, но котораго ничья сила не могла поколебать, если онъ хотѣлъ остановиться, который, какъ безсильныхъ дѣтей, схватывалъ и увлекалъ за собою или легкимъ движеніемъ руки отстранялъ тѣхъ, кто хотѣлъ удержать его или увлечь за собою. Въ жизни онъ былъ нѣчто подобное тому, что Шекспиръ въ своей поэзіи: на всѣ чувства привѣтно откликается поэзія Шекспира, но не подчиняется она ни одному изъ нихъ — она страстнѣе, нежели анакреонтическія пѣсни юга, она грустнѣе, нежели самыя грустныя легенды сѣвера, она веселѣе, нежели веселыя пѣсни Франціи; но ни грусть, ни веселье, ни страсть не сдѣлаютъ ея своею рабою, съ величественнымъ гомерическимъ самообладаніемъ владычествуетъ она равно надъ своимъ восторгомъ и надъ своимъ страданіемъ.

Быть можетъ, мы слишкомъ рано указали эту основную черту характера Лессинга въ такомъ величественномъ свѣтѣ: вѣдь мы говоримъ еще только о двадцатилѣтнемъ юношѣ; быть можетъ, умѣстнѣе было бы это срав-

Digitized by Google

ненiе съ героями древности тогда, когда онъ явился бы намъ авторомъ „Натана Мудраго“ и противникомъ Геце. Но и въ юношѣ эта основная черта уже обнаруживается поразительнымъ образомъ.

Уже въ тѣхъ отношенiяхъ къ роднымъ, о которыхъ мы говорили выше, въ тѣхъ письмахъ къ отцу и матери, отрывки изъ которыхъ мы привели, ярко видна она. Его осыпаютъ оскорбительнѣйшими укоризнами и обвиненiями; но онъ чувствуетъ, что онъ совершенно правъ. Иной, на его мѣстѣ, гнѣвно прекратилъ бы всякiя сношенiя съ родными, сказавъ, что не хочетъ оправдываться передъ людьми, слишкомъ мало понимающими его; другой, сознавая, что вся внѣшность обвиняетъ его, что его образъ жизни, положенiе, усвоиваемое имъ себѣ въ обществѣ, свидѣтельствуютъ противъ него, сталъ бы просить извиненiя своимъ проступкамъ, сталъ бы говорить скромно и покорно. Лессингъ дѣлаетъ не такъ. Онъ говоритъ отцу спокойнымъ, самоувѣреннымъ и вмѣстѣ почтительнымъ тономъ. Онъ объясняетъ роднымъ, какъ надобно смотрѣть на людей, на обстоятельства; онъ ни въ чемъ не дѣлаетъ уступки ихъ мнѣнiямъ, выставляетъ себя совершенно правымъ и, однако же, не говоритъ имъ ни одного слова, которое неумѣстно было бы въ устахъ сына; онъ какъ будто читаетъ имъ проповѣди, облеченныя тономъ сыновняго уваженiя. И не только письма, но и дѣйствительныя отношенiя его къ роднымъ имѣютъ совершенно особенный характеръ, какого не могъ бы выдержать въ подобныхъ обстоятельствахъ никто другой. Ни въ чемъ онъ не подчиняется роднымъ—и, однако же, не перестаетъ быть почтительнымъ сыномъ; родные негодуютъ на него, скорбятъ о немъ—его чувства къ нимъ остаются рѣшительно неизмѣнны, какъ бы никакихъ непрiятностей не бывало между ними, и, до конца жизни, онъ остается вѣрнымъ, любящимъ членомъ семейнаго кружка, совершенно отстраняя его влiянiе отъ своей жизни, но постоянно дѣлая для родныхъ все, что только возможно.

Точно съ такимъ же спокойнымъ чувствомъ своей совершенной справедливости выслушивалъ онъ тогда и впослѣдствiи всевозможныя обвиненiя своихъ враговъ, всевозможныя замѣчанiя друзей. Онъ дѣлалъ то, что находилъ нужнымъ, и никакiя ободренiя или просьбы не могли заставить его сказать больше, никакiя осужденiя не могли заставить его сказать меньше. Нельзя не вспомнить здѣсь и страннаго отношенiя къ нему его бiографовъ и историковъ нѣмецкой литературы. Только немногiе изъ этихъ людей могутъ возвыситься до того, чтобы въ самомъ дѣлѣ раздѣлять образъ мыслей Лессинга. Когда вы присмотритесь къ ихъ собственнымъ мнѣнiямъ, вы ожидаете, что они должны осуждать Лессинга, какъ человѣка слишкомъ рѣзкаго, слишкомъ безцеремоннаго въ выраженiи своихъ мыслей, слишкомъ далеко двинувшагося впередъ въ образѣ своихъ понятiй; а, между тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ даже не воображаетъ, что о Лессингѣ можно говорить такъ, какъ говорится о Гете или Шиллерѣ, можно хвалить въ немъ одно, осуждать другое: нѣтъ! передъ всѣми его приговорами всѣ они совершенно смиряются, будто все еще ждутъ, что онъ можетъ встать изъ гроба и поразить людей, отважившихся сдѣлать ему самое легкое замѣчанiе, какъ поразилъ Клоца. Мы опять должны прибѣгнуть къ сравненiю, употребленному выше: мнѣнiя Лессинга внушаютъ всѣмъ какое-то благоговѣнiе, какъ

Digitized by Google

поэзія Шекспира: „Это такъ: это иначе невозможно; онъ правъ“, говоритъ каждый о „Гамбургской Драматургіи“ или „Лаокоонѣ“, какъ говоритъ о „Гамлетѣ“ или „Отелло“. Въ области мысли до сихъ поръ Лессингъ представляется для нѣмецкихъ историковъ литературы такимъ же непогрѣшительнымъ авторитетомъ, какъ Шекспиръ въ области поэзіи. Можно продолжить эту аналогію и въ отрицательномъ смыслѣ: почти никто изъ поэтовъ не слѣдуетъ урокамъ, какіе даетъ поэзія Шекспира, почти никто изъ критиковъ и философовъ не исполняетъ принциповъ Лессинга; но не подчиняться вліянію того и другаго возможно, только забывая о нихъ, а какъ скоро являются они передъ нашимъ воспоминаніемъ, никто не чувствуетъ въ себѣ рѣшимости противорѣчить имъ. Превосходство ихъ слишкомъ велико; поэзія одного, мысль другаго по своей натурѣ таковы, что не оставляютъ мѣста никакому разнорѣчію въ сужденіяхъ. Да, сильная это была натура, и очень щедро одаренная природою. Мы довели свой разсказъ до начала литературной дѣятельности Лессинга,—началась она поэтическими произведеніями, и тутъ можно уже видѣть, на сколько былъ онъ выше обыкновенной мѣрки.

Лессингъ самъ о себѣ сказалъ, что не имѣетъ врожденнаго поэтическаго таланта, что его произведенія не созданія независимаго отъ мысли творчества, а только осуществленія сознательной мысли. „Я не поэтъ—говоритъ онъ въ послѣднемъ нумерѣ своей „Драматургіи“.—Мнѣ часто оказывали честь, признавая меня поэтомъ; но это значило не знать меня, не признавать особенностей моей натуры. Не надобно было выводить такого высокаго заключенія изъ нѣсколькихъ драматическихъ опытовъ, на которые я отваживался. Не всякаго, кто беретъ въ руки кисть и пестритъ полотно красками, можно назвать живописцемъ. Первые изъ этихъ опытовъ написаны мною еще въ такихъ лѣтахъ, когда охоту и способность легко писать принимаютъ за геній. А относительно всего, что только есть сноснаго въ моихъ послѣдующихъ драмахъ, я очень твердо знаю, что всѣмъ этимъ я обязанъ исключительно собственному критическому размышленію. Я не чувствую въ себѣ живаго источника, который бьетъ черезъ край собственной силой, собственною силою рвется на свѣтъ богатыми, свѣжими, чистыми струями. Я долженъ все выжимать, вытягивать изъ себя усиліемъ. Я былъ бы совершенно бѣденъ, холоденъ, если бы не научился, такъ сказать, пользоваться чужими сокровищами, согрѣваться у чужаго огня и изощрять мое зрѣніе очками критики. Потому-то я всегда стыдился или досадовалъ, когда читалъ или слышалъ что нибудь въ осужденіе критики, когда слышалъ, что она убиваетъ геній,—вѣдь я, напротивъ, льстилъ себя мыслью, что она даетъ мнѣ нѣчто очень близкое къ генію. Я хромой, которому нельзя угодить пасквилемъ на клюку. Но хотя и правда, что клюка помогаетъ хромому ходить, скороходомъ она никогда не сдѣлаетъ его. Такъ и критика. Если я при помощи ея произвожу нѣчто лучшее, нежели произвелъ бы человѣкъ съ моими талантами безъ критики, то, надобно прибавить, это стоитъ мнѣ труда, я долженъ быть совершенно свободенъ отъ другихъ дѣлъ, не долженъ разсѣяваться непроизвольными развлеченіями, долженъ на каждомъ шагу соображать всѣ свои наблюденія надъ характерами и страстями“.

Digitized by Google

Мы впослѣдствіи увидимъ, что эти слова, сказанныя съ цѣлью объяснить, почему онъ не писалъ каждый годъ по нѣскольку драмъ, какъ было ему хотѣлось при основаніи „Драматургіи“,—увидимъ, что эти слова имѣютъ вовсе не такой смыслъ, чтобы отнимать у Лессинга поэтическій талантъ: поэтическаго таланта, безъ сомнѣнія, было у него не меньше, нежели у кого нибудь изъ нѣмецкихъ поэтовъ, кромѣ Гёте и Шиллера, далеко превосходившихъ его въ этомъ отношеніи,—онъ только хотѣлъ сказать, что натура его вовсе не такова, какъ натура людей, созданныхъ исключительно быть поэтами, подобно Шекспиру или Байрону; что у него творчество слишкомъ слабо въ сравненіи съ силою вкуса и мысли и дѣйствуетъ не самопроизвольно, какъ у Шекспира или въ народной поэзіи, а только по внушенію и подъ вліяніемъ обсуждающаго ума. Но то остается безспорно, что поэтическій талантъ не былъ у Лессинга преобладающимъ даромъ натуры и вообще самъ по себѣ не могъ бы поставить его на ряду съ истинно великими поэтами. Словомъ, поэзія не была сильнѣйшимъ изъ его талантовъ.

А, между тѣмъ, и эта способность, имѣвшая только второстепенное значеніе въ его натурѣ, была достаточно велика, чтобы самыя первыя, можно сказать, ребяческія произведенія Лессинга тотчасъ же были замѣчены всѣми и пріобрѣли ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ тогдашней нѣмецкой литературѣ, въ противность обыкновенному порядку, по которому почетное имя и уваженіе критики пріобрѣталось только многолѣтнимъ трудомъ, вмѣстѣ съ сѣдинами и важными мѣстами въ гражданскомъ обществѣ. То была пора, отчасти подобная нравамъ русскаго литературнаго міра до Пушкина. Молодой человѣкъ старался попасть подъ покровительство заслуженнаго литератора,—тотъ вводилъ его въ общество писателей, уже двадцать-тридцать лѣтъ пользовавшихся славою нѣмецкихъ Гомеровъ, Корнелей и Анакреоновъ. Эти съ важнымъ видомъ слушали произведенія новичка, поправляли ихъ, одобряли ихъ, такъ продолжалось десять, пятнадцать лѣтъ, и только состарѣвшись, въ свою очередь, бывшій новичокъ дѣлался знаменитымъ писателемъ.

Лессингъ, двадцатилѣтній юноша, не примыкавшій ни къ какому литературному обществу, не считавшій нужнымъ познакомиться ни съ однимъ изъ знаменитыхъ тогдашнихъ поэтовъ или критиковъ, съ перваго же раза пріобрѣлъ громкую извѣстность своими анакреонтическими одами и комедіями. Пѣсни его печатались въ журналахъ, издававшихся Миліусомъ: „Развлеченіе“ (Ermunterungen) и „Натуралистъ“ (Naturforscher); пьесы были написаны для труппы г-жи Нейбергъ, потомъ перешли и на другія нѣмецкія сцены. Мы не будемъ перечислять ни этихъ пѣсенъ, ни даже этихъ комедій: онѣ теперь, по всей справедливости, не читаются почти никѣмъ, кромѣ людей, занимающихся исторіею литературы, хотя въ свое время надѣлали шуму и были единогласно превозносимы всѣми критиками, какъ лучшія въ своемъ родѣ произведенія нѣмецкой литературы.

Такъ, напримѣръ, знаменитый профессоръ Михаэлисъ, тогда писавшій въ „Гёттингенскихъ Ученыхъ Извѣстіяхъ“, одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ критическихъ журналовъ, говорилъ объ анакреонтическихъ пѣсняхъ Лессинга: „Если чьи нибудь лирическія пьесы были читаны нами съ восхищеніемъ, то, конечно, лессинговы. Рецензентъ не бываетъ наклоненъ къ

Digitized by Google

увлеченію, но онѣ заставили насъ забыть обо всемъ, бросить всякую другую работу"... и т. д. „Іенскія Ученыя Извѣстія" объявляли, что эти пѣсни должны быть поставлены на ряду съ первоклассными созданіями всѣхъ литературъ. То же самое говорили и объ его пьесахъ. Даже за границу проникла его слава: итальянскіе и французскіе журналы, когда случалось имъ перечислять лучшихъ нѣмецкихъ писателей, непремѣнно упоминали и о Лессингѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Столкновеніе съ Вольтеромъ.—Дѣло съ Ланге.—Дѣло съ Іохеромъ.—Vademecum для г. Ланге.—Лессингъ становится выше всякихъ подозрѣній.—Онъ становится страшенъ, какъ критикъ.—Николаи.—Мендельсонъ.—Отношенія Лессинга, какъ саксонца, къ пруссакамъ во время Семилѣтней войны.—Возвращеніе въ Берлинъ.

Житейское положеніе Лессинга въ Берлинѣ сначала было очень незавидно,—мы видѣли, какъ онъ жалуется на недостатокъ порядочнаго платья; въ другомъ письмѣ, онъ говоритъ, что имѣетъ обѣдъ въ полтора гроша (6 коп. сер.)—при всей возможной дешевизнѣ тогдашняго Берлина, обѣдъ не могъ быть роскошенъ. Предложеніе заняться исправленіемъ латинскаго перевода огромной д'Эрблотовой „Восточной Библіотеки" за 200 талеровъ въ вознагражденіе этой работы, требовавшей годичнаго труда, онъ выставляетъ въ письмахъ къ отцу предложеніемъ выгоднымъ для себя; оно и дѣйствительно было выгодно по его тогдашнимъ обстоятельствамъ: въ другихъ случаяхъ, какъ видно изъ писемъ, дѣло шло о талерахъ и десяткахъ талеровъ, никакъ не болѣе. Тѣмъ не менѣе, берлинская жизнь была пріятна ему, при всѣхъ недостаткахъ. Онъ пріобрѣлъ довольно много знакомствъ, сблизился съ людьми, которые могли быть полезны ему въ будущемъ, надѣялся на литературные успѣхи, ожидалъ, что дѣла его скоро поправятся. Но отецъ и мать настаивали, чтобъ онъ продолжалъ ученую карьеру: ученому пастору было обидно за сына, который все еще имѣетъ званіе только кандидата медицины, было грустно думать о томъ, что у него нѣтъ никакихъ вѣрныхъ средствъ къ обезпеченію своего существованія,—литературу старикъ справедливо считалъ очень небогатымъ и вовсе недостаточнымъ источникомъ доходовъ. Не знаемъ, послушался ли бъ Лессингъ убѣжденій отца держать экзаменъ на высшія ученыя степени, съ цѣлью получить университетскую каѳедру, — но встрѣтилось обстоятельство, которое неожиданнымъ и нимало не пріятнымъ образомъ помогло исполненію отцовскаго желанія.

Однимъ изъ первыхъ знакомыхъ Лессинга въ Берлинѣ былъ французъ Ришье де-Лувенъ, человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, если не съ геніальнымъ умомъ *). Положеніе обоихъ было почти одинаково, по лѣтамъ они были сверстники, и скоро стали близкими друзьями. Правда, часто сердился Ришье на Лессинга, когда тотъ не курилъ ѳиміама французской литературѣ, не хотѣлъ называть Лафонтена величайшимъ баснописцемъ, а Корнеля и Расина

*) Разсказъ Карла Лессинга.

Digitized by Google

величайшими трагиками въ мірѣ; но все-таки оставались они добрыми пріятелями, и изъ дружескихъ разговоровъ Ришье на столько познакомился съ нѣмецкою литературою, что въ обществѣ могъ являться защитникомъ нѣмецкой литературы,—что всего забавнѣе, противъ нѣмцевъ.

Въ 1750 году, Ришье, прежде жившій уроками французскаго языка, сдѣлался секретаремъ у Вольтера, и черезъ три-четыре недѣли имѣлъ случай рекомендовать своего пріятеля знаменитому писателю. Случай этотъ былъ такого рода: Вольтеръ искалъ человѣка, который бы могъ переводить на нѣмецкій языкъ меморіалы, которые писалъ Вольтеръ противъ еврея Гирша, по поводу своего извѣстнаго процесса съ этимъ жидомъ изъ-за квитанцій саксонскихъ налоговъ, которыми торговали тогда, какъ нынѣ акціями торговыхъ компаній. Кто былъ правъ, кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ, разбирать мы не будемъ, довольно сказать, что процессъ надѣлалъ въ то время много шуму, раздражительный Вольтеръ велъ его съ ожесточеніемъ, и чрезвычайно хлопоталъ объ успѣхѣ. Какъ писатель, Лессингъ, конечно, былъ ему вовсе неизвѣстенъ,—но какъ переводчикъ его меморіаловъ противъ Гирша, онъ сталъ для него человѣкомъ очень интереснымъ, и Вольтеръ пригласилъ молодаго человѣка обѣдать у него каждый день; они говорили о литературѣ и наукахъ, но Вольтеръ сохранялъ при этомъ всегда такой сдержанный и серьезный тонъ, что собесѣдникамъ было мало возможности обнаруживать свой умъ: только при знатныхъ Вольтеръ давалъ просторъ своему острому языку, какъ тѣ музыканты, которые даютъ концерты при дворахъ и въ аристократическихъ залахъ, и не находятъ нужды играть передъ своими собратами. Такъ продолжалось нѣсколько недѣль. Въ февралѣ 1751 года, процессъ кончился и Вольтеръ уѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ и кончилъ „Siècle de Louis XIV“. Когда въ декабрѣ возвратился онъ въ Берлинъ, Лессингъ снова посѣтилъ своего друга Ришье, и засталъ его въ хлопотахъ съ этимъ только-что отпечатаннымъ сочиненіемъ. Вольтеръ хотѣлъ поднесть королевской фамиліи двадцать-четыре экземпляра своей книги, прежде, нежели поступитъ она въ продажу. Конечно, для подарка нужно было отобрать лучшіе экземпляры, и услышавъ, что это дѣло не терпитъ задержки, Лессингъ сталъ помогать своему пріятелю въ подборѣ лучшихъ оттисковъ. Ришье, въ благодарность за услугу, обѣщался дать ему на нѣсколько дней для прочтенія первую часть сочиненія, если онъ успѣетъ собрать ее изъ дефектныхъ листовъ. Составивъ нужные для Вольтера экземпляры, успѣли друзья собрать изъ дефектныхъ листовъ для Лессинга всю первую часть, за исключеніемъ одного листа, который Лессингъ прочиталъ тутъ же по другому экземпляру, а найденные листы взялъ съ собою, давъ слово, что не покажетъ ихъ никому и возвратитъ черезъ три дня. На другой день, когда вся первая часть была уже прочитана Лессингомъ, навѣстилъ его нѣкто Дрексель, молодой человѣкъ, родомъ также изъ Саксоніи, служившій гувернеромъ у Шуленбурга, и выпросилъ книгу на нѣсколько часовъ себѣ. На бѣду, въ это самое время пріѣхала съ визитомъ къ г-жѣ Шуленбургъ графиня Бентинкъ, пользовавшаяся особенною дружбою Вольтера. Хотѣлъ ли Дрексель щегольнуть передъ дамами литературною новостью, или дамы сами, зашедши въ его комнату, увидѣли книгу, какъ бы то ни было, онѣ увидѣли книгу. А

Digitized by Google

графиня Бентинкъ уже просила у Вольтера экземпляръ его новаго сочиненія, но Вольтеръ отказалъ ей, говоря, что прежде долженъ поднести его королевской фамиліи. Тотчасъ же поѣхала она къ Вольтеру, и разсказала ему, что книга уже есть у Дрекселя, который получилъ ее отъ Лессинга. Вольтеръ вышелъ изъ себя отъ гнѣва, позвалъ своего секретаря, началъ бранить его, и тотчасъ же отправилъ его къ Лессингу взять назадъ книгу,— книга была уже возвращена Дрекселемъ Лессингу, но, къ несчастью, Лессинга не было дома, когда пріѣхалъ къ нему Ришье. Бѣдный секретарь воротился въ уныніи, извиняясь этимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Вольтеръ не хотѣлъ ничего слушать, бѣсился и бранился, крича на Ришье, что онъ и Лессингъ украли у него полный экземпляръ (хотя по счету видно было, что Ришье отдалъ только дефектные листы одной первой части), что они хотятъ сдѣлать перепечатку его сочиненія, или издать его нѣмецкій переводъ, право на который было уже продано книгопродавцу Геннингу. Жестоко браня своего секретаря, онъ заставилъ его подъ свою диктовку написать къ Лессингу письмо, наполненное грубыми или ядовитыми выходками и несправедливыми подозрѣніями, какъ видно, по отвѣту Лессинга,— это письмо затеряно, но отвѣтъ Лессинга, написанный по-французски, сохранился. Лессингъ понялъ, что письмо Ришье продиктовано раздраженнымъ Вольтеромъ, и потому, возвращая книгу, безъ всякихъ колкостей въ отвѣтъ на грубости письма, доказывалъ только, что никогда не имѣлъ намѣренія употребить во зло довѣрчивости своего друга, котораго оправдывалъ совершенно, принимая всю неловкость поступка исключительно на себя: онъ зналъ, что это письмо будетъ прочтено Вольтеромъ, и хотѣлъ помочь своему пріятелю, котораго своею неосторожностью поставилъ въ невыгодное положеніе. Но уже поздно было помогать злополучному секретарю знаменитаго автора: Вольтеръ тотчасъ же, какъ Ришье написалъ письмо, прогналъ его отъ себя, и въ нетерпѣніи написалъ самъ Лессингу другое письмо, въ которомъ, льстя Лессингу различными обѣщаніями, лишь бы только выманить изъ его рукъ драгоцѣнную книгу, называлъ своего секретаря плутомъ, воромъ и т. п., негодяемъ, который обманулъ Лессинга, выставивъ ему позволительнымъ дѣломъ переводъ или перепечатку, выгодами которой, конечно, хотѣлъ воспользоваться самъ, употребляя Лессинга только орудіемъ своей продѣлки. Книга, съ прежнимъ отвѣтомъ на имя Ришье, была уже отправлена Лессингомъ въ домъ Вольтера, когда получено имъ было это второе письмо. Теперь, видя, что дѣло Ришье уже потеряно, Лессингъ не имѣлъ надобности щадить Вольтера, и написалъ прямо на его имя другой отвѣтъ, на латинскомъ языкѣ, которымъ выражался онъ свободнѣе, нежели французскимъ,—отвѣтъ былъ такого рода, что, по выраженію самого Лессинга, Вольтеръ не сталъ бы „выставлять его у окна на показъ“,— къ сожалѣнію, отвѣтъ этотъ не сохранился, и неизвѣстно даже, дошелъ ли онъ до Вольтера, который сберегъ только первый, французскій отвѣтъ, а о второмъ не упоминаетъ.

Ришье мало проигралъ, потерявъ мѣсто у Вольтера: онъ нашелъ себѣ другую, болѣе выгодную должность,— изъ этого надобно заключить, что его репутація не пострадала отъ нелѣпаго подозрѣнія Вольтера: въ самомъ дѣлѣ, даже тѣ люди, которые считали предположеніе Вольтера о переводѣ

Digitized by Google

или перепечаткѣ его книги справедливымъ, могли приписывать такое намѣреніе только Лессингу, а никакъ не Ришье. И, дѣйствительно, многіе обвиняли Лессинга. Вольтеръ поднялъ страшный шумъ,—Вольтеръ, пользовавшійся милостью Фридриха II, глава французской литературы, обожаемый тогда всѣми свѣтскими людьми въ Германіи, конечно, скорѣе заслуживалъ довѣрія, нежели нищій кандидатъ медицины. Въ Берлинѣ распространились толки, нимало не выгодные для Лессинга,—и, подъ вліяніемъ этой непріятности, онъ рѣшился послушаться отцовскаго желанія,—уѣхать въ Виттенбергъ, чтобы держать тамъ экзаменъ на магистра*).

Тамъ ожидали его новыя непріятности. Къ бѣдности онъ уже привыкъ; но все-таки въ Виттенбергѣ было ему очень тяжело: въ Берлинѣ онъ успѣлъ уже нѣсколько опредѣлить свое положеніе и составить нѣкоторыя, хотя еще незначительныя связи съ книгопродавцами, отъ которыхъ тогда совершенно зависѣла судьба нѣмецкихъ писателей,—тамъ онъ если и нуждался, порою очень нуждался, то, по крайней мѣрѣ, имѣлъ каждый день обѣдъ,—правда и то, что обѣдъ былъ не роскошенъ. Но въ Виттенбергѣ часто и того не бывало,—иной день обходился, судя по словамъ брата, и безъ всякаго обѣда, роскошнаго или нероскошнаго. А между тѣмъ, Лессингъ работалъ страшно много,—не для приготовленія къ магистерскому экзамену, что, конечно, не требовало со стороны его особеннаго труда, а для того, чтобъ имѣть насущный кусокъ хлѣба: онъ по прежнему переводилъ, писалъ статьи во всевозможныхъ родахъ, издавалъ (т. е. продавалъ книгопродавцамъ за

---

*) Представимъ здѣсь примѣръ того, какъ велико было безпристрастіе Лессинга въ его критической дѣятельности. Оскорбленіе, нанесенное Лессингу подозрѣніемъ Вольтера, было очень велико: Вольтеръ на нѣкоторое время запятналъ его честность во мнѣніи многихъ,—заставилъ его,—что всего мучительнѣе для благороднаго человѣка,—считать себя причиною непріятности, отъ которой пострадалъ его другъ. Удаленіе изъ Берлина, конечно, разстроило многіе планы и надежды Лессинга. Черезъ годъ, вскорѣ по возвращеніи Лессинга въ Берлинъ изъ Виттенберга, гдѣ онъ, по милости Вольтера, терпѣлъ страшную нужду, пришлось Лессингу писать рецензію о драмѣ Вольтера,—и вотъ какова эта рецензія:

„Amalie, ou le Duc de Fois, tragédie de m-r de Voltaire etc. Хвалить Вольтера такъ же излишне, какъ бранить Ганке (а). Генію дана власть все, что пишетъ онъ, писать превосходно:

Was ihn bewegt, bewegt, was ihm gefällt, gefällt.
Sein glücklicher Geschmack ist der Geschmack der Welt.

(Что трогаетъ его, трогаетъ всѣхъ; что нравится ему, нравится всѣмъ. Его счастливый вкусъ—вкусъ всей публики). О, какой это поэтъ! И въ старости сохранилъ онъ весь жаръ юности, какъ въ юности онъ, кажется, впередъ пріобрѣлъ себѣ всю мудрость старости.

„Сюжетъ пьесы взятъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ,—не будемъ пересказывать его, потому что не хотимъ отнимать у читателей наслажденія, которое доставляется въ чтеніи неизвѣстностью развязки, и замѣтимъ только, что „Амалія"—драма безъ кровопролитія; она можетъ служить поучительнымъ примѣромъ того, что трагическое состоитъ не въ одной только рѣзнѣ. Какія ситуаціи, какой драматизмъ въ чувствахъ! Скажемъ смѣло, въ этой трагедіи авторъ превзошелъ самого себя".

Такъ говорилъ Лессингъ о произведеніи писателя, который, какъ человѣкъ, грубо и пошло оскорбилъ его, какъ человѣка. Тутъ нѣтъ никакого слѣда личной непріятности, которою былъ оскорбленъ авторомъ критикъ. Одного этого примѣра было бы достаточно, чтобы судить о томъ, какая безконечная разница была между критикою Лессинга и рецензіями, пасквилями и панегириками готтшедіанцевъ и бодмеріанцевъ, гдѣ сущность дѣла исключительно состояла въ томъ, чтобы тѣшить собственное самолюбіе.

(а) Плохой поэтъ Готтшедовой школы.

Digitized by Google

нѣсколько талеровъ) различные сборники своихъ статей и т. д. Той цѣли, о которой наименѣе заботился, Лессингъ достигъ безъ затрудненій,—онъ сдѣлался магистромъ, и тѣмъ отчасти утѣшилъ отца,—но другую задачу, самую настоятельную,—задачу объ обѣдѣ, онъ никакъ не могъ рѣшить въ Виттенбергѣ удовлетворительнымъ образомъ,—хотя бы не для вкуса, по крайней мѣрѣ, для желудка,—потому, пробывъ около года въ Виттенбергѣ, онъ возвратился (въ концѣ 1752 года) въ Берлинъ, гдѣ сталъ снова писать рецензіи для Фоссовой газеты,—дѣло, которымъ онъ обезпечивалъ свой скудный столъ и до отъѣзда въ Виттенбергъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, принялся онъ и за изданіе собранія своихъ сочиненій, которыхъ въ теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ (1753 и 1754) вышли четыре части. Изданіе это было принято, какъ мы видѣли, независимыми отъ Готтшеда журналами съ большимъ одобреніемъ, публикою съ живымъ сочувствіемъ,—лирическія стихотворенія и драматическія пьесы Лессинга были немедленно причислены къ „лучшимъ украшеніямъ германскаго Парнасса“, и авторъ ихъ признанъ „однимъ изъ писателей, приносящихъ славу своему отечеству“. Для другаго это значило бы очень много: мы уже говорили, какою необыкновенною честью должно считаться, что публика и журнальные аристархи, привыкшіе преклоняться только передъ литературною престарѣлостью, съ перваго раза почувствовали необходимость сравнять юношу (Лессингу было тогда 24 года) съ ветеранами литературной славы. Но для Лессинга этотъ успѣхъ былъ бы очень ничтоженъ,—да и для нѣмецкой литературы было бы немного сдѣлано Лессингомъ, если бы онъ сталъ пользоваться только честью „быть однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени“—мы видѣли во второй статьѣ, каковы были эти тогдашніе „лучшіе писатели“. Но въ то же время, какъ они признавали Лессинга равнымъ себѣ, думая тѣмъ оказывать ему необыкновенную честь, онъ дѣлалъ для нѣмецкой литературы нѣчто болѣе важное, нежели его пѣсни и первыя пьесы, и пріобрѣталъ извѣстность болѣе громкую, нежели тѣ писатели, имена которыхъ были наиболѣе славны: онъ далъ новую жизнь нѣмецкой критикѣ, и, обнаруживъ недостаточность того, чѣмъ довольствовались публика и литераторы до него, возбуждалъ въ публикѣ потребность лучшей литературы, указывалъ литераторамъ необходимость быть иными людьми, нежели каковы были они до сихъ поръ, писать не то, и не такъ, что и какъ писали они до сихъ поръ.

Съ самаго начала сужденія Лессинга были независимы отъ духа партій, которыя безплодно ссорились изъ-за удовлетворенія личнымъ тщеславіямъ. Бодмеръ и Готтшедъ были равны въ его глазахъ, и если онъ возставалъ противъ Готтшеда чаще, нежели противъ Бодмера, причиною тому было не предпочтеніе швейцарцевъ саксонцамъ, а то обстоятельство, что Готтшедъ, по своему личному характеру, болѣе заслуживалъ негодованія, безстыднѣе интриговалъ въ литературѣ, нежели Бодмеръ, и пошлымъ образомъ возставалъ противъ всего даровитаго въ литературѣ, особенно противъ Клопштока, котораго достоинства признавались швейцарцами. Но и швейцарцы не были нимало щадимы Лессингомъ. Скоро поднялись противъ новаго критика вопли отъ всѣхъ тщеславныхъ писателей, пустоту славы которыхъ онъ разоблачалъ. Но вся полемика, ими поднятая противъ Лессинга,

Digitized by Google

послужила только къ увеличенію его извѣстности. Мы разскажемъ изъ этихъ случаевъ только два, надѣлавшіе особеннаго шума.

Въ Галле находился кружокъ литераторовъ, состоявшихъ въ союзѣ съ Бодмеромъ противъ Готтшеда; главою этого кружка,—такъ называемой галлесской школы, былъ Ланге, пользовавшійся громкою славою за свои „Гораціанскія Оды"—анакреонтическія стихотворенія, написанныя въ подражаніе Горацію. За исключеніемъ готтшедіанцевъ, находившихся во враждѣ съ этою литературною партіею, всѣ чтили Ланге, какъ одно изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ на горизонтѣ нѣмецкой поэзіи. На самомъ же дѣлѣ, онъ, подобно другимъ тогдашнимъ свѣтиламъ, былъ человѣкъ съ довольно-ограниченнымъ умомъ, посредственнымъ талантомъ, безмѣрнымъ самопоклоненіемъ, и въ добавокъ, точно также, какъ остальные члены его школы—Мейеръ, Глеймъ, Вазеръ, Зульцеръ, Гирцель и его другъ Пира, развилъ въ себѣ сладостнѣйшую приторность въ дружбѣ, то есть въ дѣлахъ взаимнаго восхваленія. Всѣ они плакали отъ дружескаго восторга при свиданьяхъ, цаловались лично и письменно безчисленное множество разъ, и вообще имѣли чувства, совершенно маниловскія. Стихотворенія Пиры и Ланге были даже соединены Бодмеромъ (безъ вѣдома авторовъ—сладкій дружескій сюрпризъ) въ одну книжку (символъ единства ихъ сердецъ), подъ трогательнымъ заглавіемъ „Дружественныя пѣсни Тирсиса и Дамона" *). Эти пѣсни также пользовались большою славою. Пира ставилъ своего друга на ряду съ Мильтономъ. По смерти Пиры, онъ, ставъ единственнымъ корифеемъ школы, сдѣлался предметомъ еще безпредѣльнѣйшаго восхваленія. Жена его, которой дали въ поэтическомъ кругу имя Дорины, прославилась уже тѣмъ, что писала подражанія стихотвореніямъ мужа. Превознесенный за подражанія Горацію, Ланге вздумалъ наконецъ перевесть его оды; объявленія о томъ, что великій поэтъ предпринялъ этотъ прекрасный трудъ, были сдѣланы заранѣе, а въ 1752 году напечатанъ былъ и переводъ. Тутъ постигла его неожиданная бѣда.

Во второй части своихъ сочиненій Лессингъ напечаталъ рядъ писемъ, содержаніемъ которыхъ были изслѣдованія о старинной литературѣ, разборы нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и т. д. Въ двадцать четвертомъ письмѣ дѣло шло о переводѣ гораціевыхъ одъ Ланге, и сужденіе критика было очень неблагопріятно для знаменитаго автора.

„Вы, безъ сомнѣнія, помните,—говорилъ Лессингъ въ своемъ письмѣ какому-то г-ну Ф., на имя котораго было оно адресовано, — какъ высоко уважалъ я всегда „Гораціанскія оды" и ихъ автора, г. Ланге. Я всегда считалъ его однимъ изъ главнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго имъ перевода Горація. Наконецъ, переводъ явился, и я, можно сказать, не прочиталъ, а проглотилъ его. До сихъ поръ не могу еще оправиться отъ изумленія, въ которое онъ меня при-

*) Мы не прикрашиваемъ заглавія: Thirsis und Damons freundschaftliche Lieder (1745)—это восхитительно, но мы можемъ противоставить иноземному прекрасному свое, не менѣе прелестное: „Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца", Рындовскаго (1809); „Вздохи сердца" (1728), къ сожалѣнію, безъ имени автора, „Цвѣты Грацій" князя Шаликова—(1802) и извѣстные „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона" и „Бытіе моего сердца".—„Прелести дѣтства и удовольствія матерніа любви" Андрея Стахіева, къ несчастію, не могутъ быть предметомъ нашей гордости, потому что переведены съ французскаго.

Digitized by Google

велъ. Но — увы! изумленіе мое было вовсе не такого рода, какъ я надѣялся, — не изумленіе отъ чрезвычайныхъ красотъ, а изумленіе отъ чрезвычайныхъ ошибокъ. Первый же взглядъ, упавшій на четырнадцатую оду пятой книги, — на этомъ мѣстѣ раскрылся переводъ,—привелъ меня въ ужасъ".

Дѣло въ томъ, что Ланге часто не понималъ подлинника, и, напримѣръ, въ этой одѣ pocula somnum ducentia—„чаши, наводящія сонъ"— переводитъ „двѣсти чашъ сна" — воображая, что ducentia (наводящія) все равно, что ducenta (двѣсти).

Въ самомъ дѣлѣ, ошибка эта чрезвычайно груба.

„Просмотрѣвъ книгу, продолжаетъ Лессингъ, я на каждой страницѣ замѣтилъ подобные промахи, и результатъ этихъ замѣтокъ былъ таковъ: г. Ланге, утверждающій, что девять лѣтъ занимался этимъ трудомъ, потерялъ девять лѣтъ; и совершенно непостижимо, какимъ образомъ могъ онъ счастливо подражать Горацію, не понимая его. Въ подтвержденіе такого сужденія, критикъ приводитъ десятка полтора другихъ грубыхъ промаховъ переводчика, и оканчиваетъ: „Благодарите меня, что я не наскучаю вамъ гораздо большимъ числомъ такихъ вещицъ. Но и этихъ довольно, чтобы покачать головою надъ словами человѣка, хвалящагося въ предисловіи тѣмъ, что хотѣлъ дать буквальный и вѣрный переводъ. Силенъ ли, поэтиченъ ли, гладокъ ли, обладаетъ ли какимъ нибудь другимъ достоинствомъ этотъ переводъ, пусть рѣшаютъ другіе, а я не знаю, какъ искать въ немъ какого нибудь достоинства".

Можно вообразить себѣ гнѣвъ знаменитаго поэта!—онъ отвѣчалъ критику,—но, къ своему величайшему несчастію, хотѣлъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, и, не ограничиваясь опроверженіемъ замѣчаній Лессинга, набросить тѣнь на его характеръ, выставивъ, что строгость Лессинга — слѣдствіе неудачи его своекорыстныхъ ожиданій. Письмо Лессинга было перепечатано въ „Гамбургскомъ Корреспондентѣ", и Ланге напечаталъ „Письмо къ автору статьи о переводѣ Горація, помѣщенной въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ". Тутъ говорилось, что черезъ одного общаго знакомаго Лессингъ предлагалъ Ланге не печатать замѣчаній, если Ланге дастъ ему за то извѣстную сумму, но что Ланге не согласился платить дань журнальному крикуну, и за то Лессингъ озлобился противъ него.

На самомъ дѣлѣ, случай, который Ланге выставлялъ въ такомъ дурномъ видѣ, произошелъ слѣдующимъ образомъ. Въ мартѣ 1752 года, когда жилъ въ Виттенбергѣ, Лессингъ познакомился съ галлесскимъ профессоромъ Николаи *), который проѣздомъ посѣтилъ Виттенбергъ. По возвращеніи Николаи въ Галле, они стали переписываться между собою. Въ первомъ же письмѣ, Лессингъ говорилъ, между прочимъ, что прочелъ переводъ Горація, сдѣланный Ланге, нашелъ въ немъ большія ошибки, и хочетъ указать ихъ въ какой нибудь газетѣ. Николаи, бывшій близкимъ другомъ Ланге, заботясь о литературной славѣ своего друга, отвѣчалъ Лессингу: „Я не совѣтовалъ бы никому, намѣревающемуся жить въ прусскихъ владѣніяхъ, нападать на г. Ланге, потому что онъ пользуется силою при дворѣ. Но я знаю его за человѣка, который слушается добрыхъ совѣтовъ, когда ему хорошенько объяснятъ дѣло. Потому надобно бы объяснить ему эти ошибки. Я

*) Этого галлесскаго Николаи не должно смѣшивать съ извѣстнымъ берлинскимъ писателемъ—книгопродавцемъ Николаи, съ которымъ Лессингъ познакомился черезъ два года.

Digitized by Google

думаю, не предложить ли ему самому быть издателемъ написанныхъ вами противъ него замѣчаній, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ воспользоваться вашими поправками при новомъ изданіи своей книги, или отдѣльно напечатать ихъ. Конечно, онъ долженъ при этомъ заплатить автору ихъ гонорарій, какъ вообще издатель платитъ автору за рукопись". Въ своемъ отвѣтѣ, Лессингъ деликатнымъ образомъ отклонялъ предложеніе Николаи быть посредникомъ между нимъ и Ланге; ему непріятно было, что Николаи считаетъ его такимъ корыстолюбивымъ человѣкомъ, который за деньги откажется отъ намѣренія печатать статью — онъ хотѣлъ, чтобы Николаи не навязывался болѣе съ своимъ посредничествомъ, котораго Лессингъ вовсе не желалъ, и, дѣйствительно, онъ не послалъ своихъ замѣчаній въ рукописи ни къ Ланге, ни къ Николаи — ясное доказательство того, что онъ вовсе не намѣренъ былъ имѣть сношеній съ Ланге и не хотѣлъ пользоваться предложеніемъ Николаи. Но Николаи сообщилъ Ланге о томъ, что писалъ ему Лессингъ, и о своемъ предложеніи Лессингу, замѣчая впрочемъ, что ни въ какомъ случаѣ Лессингъ не откажется напечатать своихъ замѣчаній.

Этимъ случаемъ воспользовался Ланге, чтобы, отвѣчая на замѣчанія Лессинга, прибавить, что онъ продажный Зоилъ, заставляющій авторовъ откупаться деньгами отъ его нападеній.

Лессингъ вознегодовалъ, прочитавъ гнусное обвиненіе, возведенное на него Ланге, и рѣшился отвѣчать ему такъ, чтобы надолго остался памятенъ въ литературѣ этотъ отвѣтъ; — рѣшеніе это не было только слѣдствіемъ оскорбленнаго чувства,—позднѣе, во время полемики съ Клоцемъ, Лессингъ говорилъ о своихъ страшныхъ возраженіяхъ: „много горячихъ словъ я употребилъ, но ни одного изъ нихъ не сказалъ только по увлеченію—нѣтъ, именно каждое изъ нихъ надобно было сказать, и каждое оставлено на своемъ мѣстѣ по холодному, безпристрастному убѣжденію, что польза литературы и справедливость того требуютъ". Такъ было и теперь. Лессингу необходимо было безпощаднымъ образомъ доказать совершенную основательность своего прежняго приговора о переводѣ Ланге, чтобы не оставалось ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не увлекался какими нибудь личными отношеніями, объявляя этотъ переводъ плохимъ; онъ долженъ былъ неумолимо наказать человѣка, взводившаго подозрѣнія на чистоту его характера, чтобъ отнять у другихъ охоту слѣдовать примѣру Ланге, — это было тѣмъ необходимѣе, что ужь не въ первый разъ литературныя замѣчанія его подавали поводъ къ подобной клеветѣ, совершенно такой же случай былъ съ нимъ по поводу замѣчаній на словарь Йохера.

„Словарь Ученыхъ" (Gelehrtenlexicon) Йохера—произведеніе громадной учености и ужасающаго трудолюбія,— работа, по достоинству и громадности подобная греческому словарю Генриха Стефана, словарямъ средневѣковаго латинскаго и средневѣковаго греческаго языка Дюканжа, латинской и греческой библіотекамъ Фабриція, библіографическимъ словарямъ Эберта и Керара. Страшно и подумать о томъ, сколько жизни и знанія, сколько терпѣнія и труда нужно было употреблять каждому изъ этихъ знаменитыхъ ученыхъ, чтобы дать наконецъ наукѣ „сокровище", какъ и назвалъ свой словарь Генрихъ Стефанъ. За то дѣйствительно можно назвать подобныя

Digitized by Google

работы „сокровищами науки“ — онѣ навѣки остаются необходимыми справочными книгами для всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей. И когда, съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ новыхъ фактовъ, необходимы бываютъ новыя дополненныя изданія подобныхъ трудовъ, цѣлыя общества ученыхъ соединяются для совершенія столь исполинскаго дѣла,—такъ недавно дѣлалось сотрудничествомъ почти всѣхъ филологовъ западной Европы новое изданіе греческаго словаря Генриха Стефана.

Странно, неправдоподобно дѣло, предпринятое Лессингомъ, когда явился „Словарь Ученыхъ“ Йохера. Разсматривая его, онъ вздумалъ издать пополненія и поправки къ этому гигантскому труду, — работа, требующая столько же учености и труда, какъ и самое составленіе „Словаря“. Лессингъ былъ въ то время двадцати-трехлѣтнимъ юношею; послѣднія четыре или пять лѣтъ, юноша провелъ въ томъ, что писалъ комедіи, стихотворенія, журнальныя статьи для своего пропитанія,—онъ былъ литературнымъ поденщикомъ,—не для науки, а для куска хлѣба онъ работалъ, — не о расширеніи знаній, а о томъ, какъ бы заработать себѣ полтора гроша на обѣдъ, надобно было ему думать,—ему ли быть приготовленнымъ къ совершенію труда, за который онъ брался? Когда онъ успѣлъ пріобрѣсти громадныя знанія, нужныя для того? Когда ему, нищему и полуголодному газетному чернорабочему, пишущему на срокъ статьи, переводящему французскія, испанскія англійскія книги для того, чтобы получить отъ книгопродавца по двадцати или тридцати талеровъ за переводъ тома, —когда ему писать эти дополненія и поправки, въ которыхъ каждая строка—результатъ разъисканій, въ которыхъ для одной цифры, для одного слова нужно часто перерыть цѣлую библіотеку?

Когда и какъ онъ успѣлъ это сдѣлать, когда успѣлъ пріобрѣсть громадную ученость, когда находилъ время для справокъ и изслѣдованій,—это было ужъ его дѣло; но какъ бы то ни было, двадцати-трехлѣтній юноша объявилъ о своемъ намѣреніи издать поправки и дополненія къ „Словарю Ученыхъ“ Йохера и при объявленіи, какъ образецъ своего труда, напечаталъ первые три листа его, обнимавшіе имена отъ Abaris до Acciajoli.

Йохеръ, прочитавъ эти поправки и дополненія, увидѣлъ, что въ своемъ молодомъ критикѣ имѣетъ достойнаго продолжателя, получилъ высокое уваженіе къ его учености и дружески просилъ Лессинга, вмѣсто того, чтобы печатать этотъ трудъ отдѣльно, сообщить свои матеріалы ему, Йохеру, который воспользуется ими при новомъ изданіи „Словаря Ученыхъ“, объяснивъ въ предисловіи участіе Лессинга въ улучшеніи этого труда. Лессингъ согласился на это предложеніе, передалъ Йохеру собранные имъ матеріалы, и получилъ за нихъ отъ книгопродавца, издававшаго „Словарь“, вознагражденіе, на которое имѣлъ право, какъ сотрудникъ Йохера въ приготовленіи новаго изданія *).

Отношенія Йохера къ Лессингу были дружелюбны и почетны для Лессинга. Своими замѣчаніями, онъ пріобрѣлъ глубокое уваженіе ученаго автора, трудъ котораго исправлялъ. Но въ кругу виттенбергскихъ недоброжелателей

*) По смерти Йохера эти матеріалы погибли.

Digitized by Google

Лессинга (сношенія съ Йохеромъ о матеріалахъ для исправленія его „Словаря" происходили въ то время, какъ Лессингъ жилъ въ Виттенбергѣ) распространилась нелѣпая молва, что Лессингъ хотѣлъ запугать Йохера своею критикою, чтобы взять съ него деньги. Надобно припомнить еще исторію съ Вольтеромъ, принявшую также очень двусмысленный колоритъ по раздражительному крику знаменитаго философа, и мы поймемъ, какъ необходимо было Лессингу положить конецъ подобнымъ толкамъ, касавшимся его чести, когда Ланге вздумалъ кричать о низкомъ его своекорыстіи.

Въ дѣлѣ съ Вольтеромъ, Лессингъ не платилъ оскорбителю печатными возраженіями, чувствуя, что своею неосторожностью, дѣйствительно, подалъ ему поводъ къ подозрѣніямъ,—онъ, какъ бы въ наказаніе себѣ за эту неосторожность, рѣшился молчать,—его строгость къ самому себѣ вполнѣ проявилась этимъ молчаніемъ. Въ дѣлѣ Йохера, клевета ограничивалась изустными толками, не выражаясь печатно, и Лессингу не было еще возможности печатно опровергать ее. Но Ланге обвинялъ его печатно, относительно Ланге онъ не могъ винить себя ровно ни въ чемъ, ни даже въ какомъ нибудь мелочномъ формальномъ проступкѣ, и онъ отвѣчалъ Ланге. Отвѣтъ былъ страшенъ, онъ сдѣлалъ дерзкаго клеветника посмѣшищемъ въ нѣмецкой литературѣ, и до сихъ поръ считается образцомъ ѣдкой полемики.

Рецензіи „Фоссовой газеты" не подписывались именами авторовъ; но когда былъ напечатанъ пасквиль Ланге, Лессингъ, увѣдомляя о появленіи этой клеветы, подписалъ свое извѣщеніе о брошюрѣ полнымъ своимъ именемъ:

„Сейчасъ получилъ я (сказано было въ „Фоссовой газетѣ" 27 декабря 1753 г.) брошюру въ два печатныхъ листа, въ 8 д., подъ заглавіемъ: „*Письмо Самуэля Готтгольда Ланге къ редактору ученаго отдѣла Гамбургскаго Корреспондента, по поводу рецензіи перевода Горація, напечатанной въ №№ 178 и 179 этой газеты*". Тутъ г. Ланге дѣлаетъ мнѣ честь, отвѣчая на мою критику, а себѣ безчестье, отвѣчая на нее невообразимо пошлымъ образомъ. Желая оправдать свои прежнія ошибки, онъ, что ни слово, дѣлаетъ новыя. Онѣ, кажется, состязаются о томъ, которая изъ нихъ сдѣлаетъ его болѣе смѣшнымъ, и достигаютъ своей цѣли такъ удачно, что нужно мнѣ подумать нѣсколько дней, чтобъ рѣшить, которой отдать пальму первенства. Но относительно одного пункта я поспѣшаю отвѣчать ему: чего я никогда не ожидалъ услышать отъ разумнаго человѣка, слышу отъ него, уже не въ первый разъ превосходящаго мои ожиданія своими подвигами. Онъ касается моего нравственнаго характера, до котораго, кажется, не нужно бы касаться въ дѣлѣ о грамматическихъ ошибкахъ. На 25-й страницѣ, онъ выставляетъ меня въ отвратительномъ свѣтѣ, выставляетъ меня критическимъ бандитомъ, который вынуждаетъ писателей откупаться отъ его ударовъ. Я могу отвѣчать на это только тѣмъ, что объявляю г. Ланге злостнымъ клеветникомъ, если онъ не представитъ доказательствъ обвиненію, взведенному на меня этою страницею. Пусть онъ докажетъ истину своихъ словъ—впрочемъ, я требую отъ него невозможнаго, а мнѣ слишкомъ не трудно доказать его лживость, и именно письмомъ того самаго „посредника", на котораго онъ ссылается. Въ своемъ соотвѣтѣ, я представлю это письмо публикѣ, и тогда увидятъ, что предполагаемая г-мъ Ланге низость никогда не приходила мнѣ въ голову. А до того времени, остаюсь его покорнѣйшимъ слугою.

„Готтгольдъ Эфраимъ Лессингъ".

Черезъ три недѣли, появилось знаменитое „Vademecum для г. Ланге", имѣющее форму письма къ Ланге. „Милостивый государь (такъ начинаетъ

Digitized by Google

Лессингъ), не знаю, нужно ли мнѣ извиняться, что я безъ всякихъ околичностей обращаюсь съ своимъ отвѣтомъ прямо къ Вамъ. Но ужь у меня такая привычка. Когда я долженъ сказать что нибудь человѣку, то прямо и говорю это ему самому, хотя бы онъ и сердился за то. Эта привычка, какъ меня увѣряли, не дурна. Потому я и держусь ея.

„Отъ глубины сердца я стыжусь, что встрѣтилъ себѣ въ васъ жалкаго противника. Что Вы дѣйствительно жалкій противникъ, докажу я Вамъ въ первой части моего письма. А вторая часть докажетъ Вамъ, что, кромѣ незнанія, обнаружили Вы своей антикритикою очень пошлыя правила, яснѣе сказать, что Вы клеветникъ. Первая часть будетъ имѣть два подраздѣленія. Сначала я докажу, что защищаемыхъ Вами отъ моего осужденія мѣстъ Вашего перевода Вы не успѣли защитить, да и нельзя ихъ защитить. А потомъ я буду имѣть удовольствіе услужить Вамъ указаніемъ нѣкотораго количества новыхъ ошибокъ въ вашемъ переводѣ.

„Чтобы нѣсколько успокоить волненіе кипящей крови, милостивый государь, очень полезно Вамъ будетъ выпить стаканъ свѣжей ключевой воды, прежде нежели мы займемся дѣломъ. Такъ. Выпейте еще стаканъ. Теперь, начнемъ“.

Каламбуры, остроты всякаго рода сыплются на бѣднаго Ланге при разборѣ тѣхъ мѣстъ перевода, которыя онъ захотѣлъ защитить отъ упрека въ невѣрности. Ѣдкость насмѣшки постоянно соединена съ самою искреннею веселостью, —видно, что въ самомъ дѣлѣ борьба съ Ланге слишкомъ легка, не болѣе какъ забавна для его критика. О рѣзкости тона можно судить по началу. Но уже и тутъ замѣтна манера, которой впослѣдствіи постоянно слѣдовалъ Лессингъ: онъ умѣетъ, начиная съ какого нибудь неважнаго спора о значеніи латинскаго слова, придавать этому спору важность для науки, переходя эпизодически къ объясненію того или другаго серьезнаго вопроса науки, и его споръ съ Ланге усѣянъ замѣчаніями; которыя важны для классической филологіи, для латинскихъ и греческихъ древностей, для исторіи или философіи *).

Уничтоживъ всѣ возраженія Ланге, доказавъ, что ошибки, указанныя имъ въ прежней рецензіи, дѣйствительно грубыя ошибки, Лессингъ перехо-

---

*) Укажемъ хотя одинъ примѣръ: „Priscus Cato“ (кн. 3, ода 21) Ланге переводитъ „Прискъ Катонъ“, принимая прилагательное priscus—старинный—за собственное имя:

(Недаромъ говорятъ, что и Катонъ старинный
Нерѣдко доблести подогрѣвалъ виномъ.
Переводъ г. Фета).

Это ошибка самая грубая, очевидная для всякаго, совершенно безспорная, въ родѣ того, какъ у насъ французское заглавіе книги Гельвеція:

De l'Esprit, par Helvetius, fermier-général
(О духѣ, соч. генеральнаго откупщика Гельвеція),

было, говорятъ, когда-то переведено: „Сочиненіе швейцарскаго генерала Ферміера“. Лессингъ не ограничивается насмѣшками надъ грубостью ошибки—нѣтъ, пользуясь случаемъ, онъ вставляетъ генеалогическое изслѣдованіе о родѣ Катоновъ и объясняетъ мѣсто въ плутарховомъ жизнеописаніи старшаго Катона, остававшееся до того времени темнымъ. Въ литературномъ отношеніи, ученыя сочиненія Лессинга пріобрѣтаютъ, отъ этой почти фельетонной манеры эпизодичности, чрезвычайную живость и разнообразіе, такъ, что напримѣръ, его „Письма антикварскаго содержанія“, главный предметъ которыхъ—изслѣдованіе о камеяхъ и рѣзныхъ драгоцѣнныхъ каменьяхъ у древнихъ, читаются очень легко.

Digitized by Google

ить ко второму подраздѣленію первой части своего отвѣта—подбору новыхъ, еще грубѣйшихъ ошибокъ, такимъ образомъ:

„Довольно, слишкомъ довольно,—а впрочемъ, для такого человѣка, какъ Вы, милостивый государь, все еще будетъ мало, потому что труднѣе всего на свѣтѣ учить стараго высокомѣрнаго игноранта. Впрочемъ, я самъ до нѣкоторой степени виноватъ, что надѣлалъ себѣ скуки—зачѣмъ я не приводилъ въ рецензіи все только такихъ примѣровъ, какъ ducentia? *).

„Но, чего я не сдѣлалъ тогда, сдѣлаю теперь,—пора заняться подборомъ новыхъ ошибокъ въ Вашемъ переводѣ, при чемъ я прошу вашего позволенія пересмотрѣть съ Вами одну первую книгу одъ. Нарочно говорю: одну первую, потому что мнѣ некогда пересматривать остальныхъ,—у меня есть дѣла болѣе важныя, нежели исправленіе Вашихъ упражненій въ латинскомъ языкѣ. И впередъ обѣщаю Вамъ въ каждой одѣ этой книги показать по крайней мѣрѣ одну непростительную ошибку. Я тороплюсь, и всѣхъ,—даже первостепенныхъ,—конечно не успѣю подмѣтить,—потому, мое молчаніе о многихъ ошибкахъ, да не будетъ почтено предосудительнымъ для нихъ: онѣ таки пусть станутся ошибками полнаго достоинства, все равно какъ бы и упомянуты были мною. Но примемся за дѣло“.

II. дѣйствительно, проходя по порядку изъ 38 одъ первой книги всѣ 37 одъ, кромѣ послѣдней, въ каждой изъ нихъ Лессингъ указываетъ грубую ошибку,—и, наконецъ, для разнообразія, о послѣдней одѣ говоритъ:

„Въ ней нѣтъ грубыхъ ошибокъ—за то она и состоитъ всего изъ восьми стиховъ—нужды нѣтъ, она искупаетъ собою всѣ прежнія: Ende gut, Alles gut,—конецъ дѣло краситъ“.

„Вотъ мы кончили. Я Вамъ отвѣчалъ, и больше отвѣчать не стану, хотя бы десять разъ принимались Вы за оправданія,—я стану только ждать, что будетъ говорить публика. Она ужь начинаетъ принимать мою сторону, и я еще надѣюсь дожить до того времени, когда едва будутъ вспоминать, что нѣмецкій поэтъ Ланге перевелъ Горація. И мою критику тогда забудутъ,—чего я и желаю, потому что гордиться ею мнѣ нельзя. Вы не такой противникъ, въ борьбѣ съ которымъ была бы возможность обнаружить силу. Мнѣ бы съ самаго начала слѣдовало пренебречь Вами,—и я, навѣрное, пренебрегъ бы, если бы не вынуждала у меня истины Ваша гордость и предубѣжденіе публики, что Вы замѣчательный поэтъ. Я показалъ Вамъ, что Вы не знаете ни языка, ни филологической критики, ни древностей, ни исторіи, не знаете ровно ничего,—чего жь еще требовать отъ меня?

„Все это, милостивый государь, было бы еще не большимъ позоромъ для Васъ, если бы я не долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружить передъ публикою, что Ваши нравила очень низки, и что, просто говоря, Вы клеветникъ. Въ этомъ должна состоять вторая часть моего письма, которая будетъ гораздо короче, зато и гораздо сильнѣе первой.

„Споръ между нами, милостивый государь, шелъ о грамматическихъ дѣлахъ, то есть о мелочахъ, мелочнѣе которыхъ не можетъ быть ничего на свѣтѣ. Никогда бы я не вообразилъ себѣ, что разумный человѣкъ можетъ принять оскорбленіемъ себѣ упрекъ въ этомъ незнаніи,—принять оскорбленіемъ, за которое надобно мстить не одною грамматической, но и злостной ложью. Я упрекалъ Васъ въ ученическихъ промахахъ—Вы старались обратить эти упреки на меня,—и тѣмъ, кажется, могли бы удовольствоваться. Нѣтъ, Вамъ было мало ограничиться возраженіями,—Вы захотѣли сдѣлать меня человѣкомъ отвратительнымъ, гнуснымъ въ глазахъ честныхъ людей. Каковы нравила! Но каково и ослѣпленіе—взводить на меня обвиненіе, котораго во вѣки вѣковъ не только не можете Вы доказать,—не можете даже сдѣлать правдоподобнымъ!

*) См. выше,—„двѣсти чашъ сна“ вмѣсто „снотворныя чаши“—этой ошибки Ланге не защищалъ.

Digitized by Google

„Вы говорите, будто бы я Вамъ предлагалъ деньгами откупаться отъ моей критики. Я? вамъ? откупаться деньгами? Несчастье было бы для меня, еслибъ я могъ возразить Вамъ только требованіемъ доказать справедливость этого обвиненія, — требованіемъ, невозможность исполнить которое обличила бы Васъ,—нѣтъ, къ счастію, я имѣю въ рукахъ средства положительнымъ образомъ обличить Васъ.

„Тотъ посредникъ, черезъ котораго, какъ Вы говорите, я дѣлалъ Вамъ низкое предложеніе, долженъ быть не кто иной, какъ г. Н., о которомъ вы упоминаете въ 21 страницѣ, потому что онъ единственный человѣкъ, лично знакомый и съ Вами и вмѣстѣ со мною, и единственный человѣкъ, которому я говорилъ о моемъ разборѣ Вашего „Горація", прежде, нежели этотъ разборъ былъ напечатанъ. Слушайте же.

„Въ мартѣ 1752 года, этотъ г. Н. проѣзжалъ черезъ Виттенбергъ, когда я жилъ тамъ, и почтилъ меня тамъ своимъ посѣщеніемъ. Я его до того времени никогда не видывалъ и зналъ только по его сочиненіямъ. Съ Вами же онъ связанъ былъ многолѣтней, тѣсной дружбой. По возвращеніи его въ Галле, мы стали перепискою продолжать начавшіяся между нами дружественныя отношенія".

Слѣдуетъ разсказъ, приведенный нами выше. Представивъ читателямъ подлинное письмо Николаи, заключающее предложеніе сдѣлки съ Ланге и сообщенное нами выше, Лессингъ продолжаетъ:

„Повторяю, это писалъ человѣкъ, съ которымъ я въ цѣлую свою жизнь видѣлся только однажды, а Вы были давно друзьями. У меня нѣтъ желанія уподобляться Вамъ, взводя на людей низкія обвиненія,—иначе, мнѣ легко было бы обратить Ваше обвиненіе противъ Васъ и придать правдоподобность мысли, что Вы сами руководили предложеніями Вашего друга. Но, какъ это ни правдоподобно, я не вѣрю тому, зная добродушный характеръ этого посредника, безъ сомнѣнія, дѣйствовавшаго по собственной мысли. Я радъ, если онъ сохранилъ мои отвѣты ему, и хотя не припомню въ точности, какъ именно отвѣчалъ я на его предложеніе, но достовѣрно знаю, что я ни слова не говорилъ ни о деньгахъ, ни о вознагражденіи. Признаюсь, мнѣ было нѣсколько досадно, что г. Н. считалъ меня такимъ жаднымъ на деньги человѣкомъ. Согласившись даже, что по моей житейской обстановкѣ онъ заключилъ, что деньги у меня не слишкомъ много, я не могу понять, какимъ образомъ онъ могъ предположить, что для меня равны всякія средства къ ихъ пріобрѣтенію. Во всякомъ случаѣ, уже одно самое обстоятельство, что я не послалъ ему рукопись своей рецензіи, онъ долженъ былъ бы считать молчаливымъ неодобреніемъ своего предложенія, хотя бы я могъ принять это предложеніе безъ нарушенія моихъ правилъ, потому что оно дѣлалось безъ малѣйшаго содѣйствія съ моей стороны.

„Что Вы теперь будете отвѣчать?—Вѣроятно, Вы постыдитесь за себя. Но нѣтъ, клеветники выше чувства стыда.

„Впрочемъ, на свое несчастіе Вы были злостны: увѣряю Васъ, что безъ той лжи, о которой я говорю, Вашъ отвѣтъ не заставилъ бы меня взяться за перо. Я легко перенесъ бы, что Вы, senex ABC darius (старый школьникъ), называете меня молодымъ, наглымъ критикомъ и т. п., что Вы говорите, будто бы вся моя ученость взята изъ Бэля, и т. д.,—легко перенесъ бы я подобные пустяки, на которые и не отвѣчаю. Объ учености или неучености моей позволительно каждому судить, какъ угодно. Но чернить мою честность я никому не позволю безнаказанно, и буду всегда называть вашу фамилію, когда случится мнѣ надобность указывать примѣръ мстительнаго лжеца.

„Этимъ увѣреніемъ заключаю мое письмо. Имѣю честь быть вашимъ... Нѣтъ, этого не нужно. Я вижу, что мое письмо обратилось въ цѣлую статью. Зачеркните же слова „милостивый государь" въ его началѣ. Остается мнѣ теперь только напечатать его въ 12 долю листа, чтобы оно соотвѣтствовало вашему замѣчанію по поводу формата моихъ сочиненій *), чтобы оно было для васъ дѣйствительно „Vademecum",

*) Лессингъ любилъ маленькій форматъ, въ 12 долю, и его сочиненія были напечатаны въ этомъ форматѣ, тогда еще мало употребительномъ въ Германіи. Ланге придумалъ грязную шутку объ этомъ форматѣ сочиненій своего критика.

Digitized by Google

который совѣтую вамъ чаще перечитывать, для улучшенія вашего ума и характера; я переплету эту брошюру въ обертку, какая употребляется для азбукъ, и съ приличнымъ посвященіемъ пришлю вамъ. Желаю, чтобы подарокъ принесъ вамъ пользу".

Ланге пытался возражать, но его уже никто не слушалъ; нѣкоторые изъ литературныхъ враговъ Лессинга или кліэнтовъ Ланге—впрочемъ, немногіе,—хотѣли было защищать Ланге,—напрасно, всѣ смѣялись надъ ихъ слабыми усиліями. Поэтическая слава несчастнаго Ланге была совершенно уничтожена: публика и всѣ независимые писатели приняли сторону Лессинга, имя его получило чрезвычайно громкую извѣстность.

Нѣтъ надобности говорить, что главная цѣль, которую имѣлъ онъ въ виду—очищеніе своей литературной репутаціи отъ всякихъ нареканій, была совершенно достигнута. Съ этого времени, что бы ни говорили его литературные враги, онъ былъ уже безопасенъ въ своей чести. Публика съ негодованіемъ отвергала, какъ низкую ложь, всякое нападеніе на чистоту его образа мыслей и намѣреній, непоколебимо вѣря, что каждый его поступокъ внушенъ благороднѣйшими цѣлями.

Исторія Ланге можетъ служить однимъ изъ доказательствъ пользы, какую полная гласность приноситъ безупречности добраго имени тѣхъ людей, которые могутъ назваться благородными; можетъ служить доказательствомъ того, что честному человѣку нѣтъ нужды бояться кривыхъ толковъ, какъ только достигаютъ они гласности. Страшна клевета только тогда, когда она укрывается во мракѣ. Не вздумай Ланге печатно называть Лессинга продажнымъ человѣкомъ, быть можетъ, или, лучше сказать, безъ всякаго сомнѣнія, на добромъ имени Лессинга до сихъ поръ лежало бы пятно: втихомолку, отъ одного изъ знакомыхъ Ланге къ другому, отъ другаго къ третьему, распространялся бы слухъ о томъ, какъ Лессингъ хотѣлъ взять съ Ланге деньги и ожесточился противъ него только за то, что не успѣлъ взять денегъ. Эта молва достигла бы до слѣдующаго поколѣнія, которое ужь не имѣло бъ средствъ провѣрить фактовъ и должно было бы вѣрить разсказу въ томъ видѣ, какой дала ему раздражительная подозрительность Ланге.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказъ этотъ долженъ былъ бы показаться правдоподобнымъ. Лессингъ страшно нуждался въ деньгахъ, когда писалъ и потомъ печаталъ разборъ Ланге; Николаи писалъ Ланге, что Лессингъ согласенъ продать ему рукопись своей рецензіи, очень ѣдко написанной. Чего же больше? Дѣло ясное, Лессингъ хотѣлъ, чтобы Ланге откупился отъ его нападеній.

Эти факты придавали правдоподобность обвиненію; было и другое обстоятельство, еще болѣе затруднявшее защиту: Лессингъ, не сохранивъ у себя копій съ писемъ своихъ по этому дѣлу, не помнилъ въ точности, какъ именно отвѣчалъ онъ на предложеніе Николаи: письма были въ рукахъ противной партіи,—при малѣйшей и самой ничтожной неточности въ изложеніи дѣла, Ланге могъ обвинить Лессинга въ искаженіи фактовъ, въ лжи и тѣмъ придать новую правдоподобность прежнему обвиненію.

Лессингъ не считалъ нужнымъ прикрывать эти затрудненія: онъ прямо говорилъ: „я нуждался въ деньгахъ; предложеніе было выгодно; я не помню въ точности, какъ именно я отвѣчалъ на него"—онъ, какъ видимъ, совершенно пренебрегалъ всякими уловками,—и рѣшительно выигралъ дѣло во

Digitized by Google

мнѣніи всѣхъ; прямота замѣнила для него всѣ другія средства увѣрен
Сознаніе нравственнаго и умственнаго превосходства надъ всѣми противн
ками, никогда не измѣнявшее Лессингу, и здѣсь выразилось съ таков
лою, что не осталось возможности сомнѣваться въ справедливости его слов

Вообще, съ самаго начала критической дѣятельности, Лессингъ пост
янно чувствовалъ себя сильнѣйшимъ; вступая въ полемику, онъ всегда бы
увѣренъ, что противникъ покажется публикѣ слабъ, тупъ и вялъ въ ср
неніи съ нимъ; всегда былъ впередъ увѣренъ, что споръ не можетъ ко
читься иначе, какъ совершеннымъ пораженіемъ его противника. Онъ бы
чуждъ сомнѣнія въ своемъ торжествѣ, чуждъ всякихъ опасеній за се
Потому его полемика, чрезвычайно энергическая, въ то же время отличает
рѣдкимъ самообладаніемъ, ясность его взгляда, веселость его шутки, к
онъ хочетъ шутить, не возмущается ничѣмъ, и укоризны его противни
никогда не переходятъ границъ самой строгой справедливости,—онъ вы
жается рѣзко, но мысль, выраженная безпощадно, всегда выдержива
провѣрку самаго строгаго безпристрастія.

До какой степени онъ сохранялъ чувство превосходства надъ свои
противниками, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Готтшедіанцы, на
которыми онъ жестоко смѣялся, вздумали отвѣчать ему особеннымъ па
флетомъ, который называли „Possen"—„Шутки въ карманномъ форматѣ"
послѣднія слова заключали намекъ на маленькій форматъ, въ которомъ п
чатались сочиненія Лессинга. Съ тѣмъ вмѣстѣ, готтшедіанцы прислали
редакцію Фоссовой газеты (въ которой писалъ Лессингъ) рецензію эт
брошюры. Что жь сдѣлалъ Лессингъ?—Вотъ его статья:

„На дняхъ явилась брошюра изъ двухъ печатныхъ листовъ, въ 12-ю долю
ста, подъ заглавіемъ: „Шутки въ карманномъ форматѣ". Авторъ, или одинъ изъ п
ятелей автора, имѣлъ предусмотрительность прислать въ редакцію нашей газеты сл
дующую рецензію (слѣдуетъ присланная рецензія, написанная въ похвалу брошюр
Понимаемъ, г. панегиристъ. И, чтобы поняли вы всѣ, скажемъ прямо, что эти шут
которыя

ipse
Non sani esse hominis, non sanus juret Orestes

(самъ безумный Орестъ назоветъ написанными безумцемъ),—что эти „Шутки", по вс
вѣроятію, должны быть насмѣшкою надъ форматомъ и внѣшнею формою сочин
Лессинга. Онѣ стоятъ три гроша. Но и трехъ грошей никто не дастъ ради шут
Какимъ же образомъ помочь брошюрѣ распространиться въ публикѣ? Наша газета р
шилась сдѣлать все возможное для достиженія этой цѣли. Именно, мы перепечатали
брошюру и назначили ей для продажи цѣну, какой она стоитъ, т. е. нуль. Кто хоч
имѣть ее даромъ, можетъ получить въ книжномъ магазинѣ Фосса".

Само собою разумѣется, какое впечатлѣніе должна была производ
подобная увѣренность и на публику и на самыхъ противниковъ — съ
смѣшливою улыбкою заботиться самому о распространеніи въ публикѣ бр
шюры, которая выдавала себя за злую сатиру лессинговыхъ сочиненій
это могъ сдѣлать только Лессингъ. Конечно, читая объявленіе, что брошю
написанная противъ Лессинга, перепечатана самимъ Лессингомъ и даро
у его книгопродавца раздается всѣмъ, желающимъ имѣть ее, каждый дума

Digitized by Google

вѣроятно, сатира очень пуста и неудачна, вѣроятно, онъ гораздо выше своихъ противниковъ, если такъ играетъ ихъ нападеніями.

Въ самомъ дѣлѣ, очень скоро Лессингъ пріобрѣлъ въ нѣмецкой критикѣ рѣшительный голосъ; готтшедіанцы, бодмеріанцы и другія старыя партіи были совершенно уничтожены имъ во мнѣніи публики, лишились всякаго вліянія на литературу, сдѣлались предметомъ общихъ насмѣшекъ. Критическія статьи въ первыхъ четырехъ частяхъ его „Сочиненій", и рецензіи, которыя онъ помѣщалъ въ „Фоссовой газетѣ", положили начало преобразованію литературныхъ понятій; „Литературныя письма" довершили это дѣло. Съ „Литературныхъ писемъ" (1759—1760), которыя началъ онъ издавать при содѣйствіи Николаи и Мендельсона, начинается для нѣмецкой литературы новая эпоха.

Мендельсонъ и Николаи, съ которыми Лессингъ сошелся вскорѣ послѣ своего вторичнаго возвращенія въ Берлинъ, въ 1754 году, остались навсегда ближайшими его друзьями въ жизни и долго были истолкователями его мыслей въ литературѣ. То и другое обстоятельство заставляютъ насъ ближе познакомиться съ этими обоими литераторами.

Николаи пережилъ Лессинга тридцатью годами и, въ послѣднее время своей литературной дѣятельности, находился, какъ человѣкъ старыхъ понятій, въ жестокой враждѣ съ представителями новой эпохи; Кантъ и Фихте, Гете и Шиллеръ съ одинаковою суровостью были осуждаемы имъ и, въ свою очередь, отвѣчали устарѣлому критику не менѣе жестокимъ образомъ. Въ этой неравной борьбѣ, сильно пострадала литературная слава Николаи. Особенно жестокій ударъ нанесли ему во мнѣніи публики и большинства писателей знаменитыя „Ксеніи" Гете и Шиллера — эти безпощадныя эпиграммы, которыми геніальные друзья на смерть поразили своихъ литературныхъ противниковъ и въ которыхъ главнымъ предметомъ насмѣшки былъ поставленъ Николаи. Долго послѣ того, забывая прежнія его услуги литературѣ и просвѣщенію, смотрѣли на Николаи, какъ на поверхностнаго и злобнаго Зоила, который хотѣлъ задержать развитіе нѣмецкой литературы, чтобы сохранить свою власть въ критикѣ, и нелѣпымъ образомъ ратовалъ противъ всего истинно-глубокаго и прекраснаго, что было выше его узкихъ одностороннихъ и поверхностныхъ понятій. Теперь, когда увлеченіе прошло, историки литературы признали, что и въ послѣднюю эпоху своей дѣятельности, Николаи оставался человѣкомъ честнымъ и добросовѣстнымъ, писателемъ умнымъ и здравомыслящимъ; признали, что, ратуя противъ новыхъ стремленій, онъ часто бывалъ правъ,—если не въ нападеніяхъ на такихъ людей, какъ Шиллеръ, Кантъ, Фихте и Гете, которые дѣйствительно понимали истину глубже и шире, нежели онъ, то въ спорахъ съ Лафатеромъ, Юнгомъ, Штиллингомъ, Якоби, романтиками и т. д., — такъ что даже и въ эти годы, когда онъ навлекалъ на себя вражду лучшихъ людей нѣмецкой литературы, онъ былъ не безполезенъ въ борьбѣ съ обскурантами и мистиками. Еще гораздо больше пользы принесъ онъ литературѣ въ прежнее время, когда дѣйствовалъ по внушенію и подъ руководствомъ Лессинга, моложе котораго былъ онъ четырьмя годами (род. 1733).

Сынъ берлинскаго книгопродавца, Николаи былъ почти совершенно са-

Digitized by Google

моучка, потому что посѣщалъ только гимназическіе классы и мальчикомъ еще отданъ былъ отцомъ въ книжную лавку одного изъ отцовскихъ товарищей по ремеслу, во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Тутъ онъ много имѣлъ свободнаго времени и съ жадностью читалъ всѣ книги, какія только попадались ему въ руки. Въ 1752 году, когда отецъ взялъ его въ свою лавку, въ Берлинѣ, Николаи былъ уже образованнымъ человѣкомъ, завелъ знакомство съ лучшими берлинскими литераторами,—Клейстомъ, Зульцеромъ, Рамлеромъ, и въ слѣдующемъ году издалъ брошюру, направленную противъ Готтшеда и надѣлавшую довольно радости бодмеристамъ, довольно огорченія готтшедіанцамъ. Но радость швейцарцевъ была непродолжительна: въ слѣдующемъ году Николаи напечаталъ „Письма о нынѣшнемъ состояніи изящной литературы въ Германіи", въ которыхъ нападалъ на обѣ партіи съ равною ѣдкостью. Это сочиненіе внушено было молодому книгопродавцу изученіемъ лессинговыхъ статей, и написано совершенно въ духѣ Лессинга, только съ тѣмъ различіемъ, что Николаи не чувствуетъ въ себѣ смѣлости судить о стародавнихъ знаменитостяхъ, напримѣръ, Бодмерѣ, такъ рѣзко, какъ Лессингъ, и, осуждая послѣдователей, щадитъ учителей. „Изъ двухъ партій, раздѣляющихъ господство надъ литературою, имѣетъ ли та или другая право ожидать, чтобы къ ней присталъ человѣкъ, одаренный вкусомъ? говоритъ Николаи: — нѣтъ, недостатки той и другой слишкомъ очевидны. Намъ необходима строжайшая критика, если мы хотимъ имѣть произведенія, которыя дошли бы до потомства; тѣмъ необходимѣе она, если справедливо то, что мы еще не умѣемъ отличать мишурныхъ прикрасъ отъ истинной красоты, если справедливо, что наши таланты считаютъ излишнимъ дѣломъ серьезность и обдуманность, а трудолюбивымъ нашимъ писателямъ недостаетъ таланта".

„Письма" эти доставили Николаи случай лично познакомиться съ Лессингомъ, которому попался въ руки одинъ изъ оттисковъ первыхъ листовъ книги, разосланныхъ по книжнымъ лавкамъ вмѣсто объявленій. Онъ увидѣлъ въ Николаи даровитаго послѣдователя своихъ мнѣній, и сдѣлался его руководителемъ, такъ что въ концѣ книги замѣтны уже слѣды личныхъ разговоровъ Николаи съ Лессингомъ.

Николаи былъ человѣкъ съ практическимъ направленіемъ, человѣкъ съ сильнымъ здравымъ смысломъ, съ дѣятельнымъ, твердымъ характеромъ, обладавшій знаніемъ людей, умѣньемъ обращаться съ ними и искусствомъ разсчетливо вести свои денежныя дѣла. Онъ былъ рожденъ для того, чтобы сдѣлаться журналистомъ, и, дѣйствительно, нѣсколько десятковъ лѣтъ сохранялъ онъ первенствующее положеніе въ нѣмецкой журналистикѣ. Его „Библіотека изящныхъ искусствъ", начатая подъ вліяніемъ Лессинга и предшествовавшая „Литературнымъ письмамъ", была, въ свое время, очень полезнымъ критическимъ журналомъ. „Всеобщая нѣмецкая Библіотека", основанная послѣ „Литературныхъ писемъ" и продолжавшаяся болѣе сорока лѣтъ, была самымъ важнымъ изъ нѣмецкихъ журналовъ по своему огромному вліянію на публику, въ которой „Всеобщая нѣмецкая библіотека" распространила массу новыхъ свѣтлыхъ понятій. То, что составляло достоинство этого журнала, было, можно сказать, только повтореніемъ и развитіемъ идей,

Digitized by Google

которыми одушевилъ Лессингъ первые томы „Литературныхъ писемъ“, навсегда оставшіеся образцомъ нѣмецкихъ критическихъ журналовъ.

Лучшими своими качествами, журналы, которые издавалъ Николаи, были обязаны Лессингу; образъ мыслей самого Николаи развился совершенно подъ его вліяніемъ. Еще прямѣе было участіе Лессинга въ развитіи Мендельсона,—человѣка, игравшаго также важную и чрезвычайно благородную роль, какъ въ развитіи нѣмецкой литературы, такъ и въ развитіи того племени, къ которому онъ принадлежалъ *).

Сынъ бѣднаго еврея, учителя въ сельской еврейской школѣ, Мозесъ Мендельсонъ былъ воспитанъ отцомъ на Талмудѣ, хитрыя и суевѣрныя ученія котораго надобно считать одною изъ главныхъ причинъ недостатковъ, которыми страждетъ характеръ евреевъ во многихъ странахъ. Во времена Мендельсона, нѣмецкіе евреи находились въ такомъ же положеніи, какъ нынѣ польскіе и русскіе. Они были слѣпыми поклонниками талмудическихъ бредней, занимались почти исключительно не совсѣмъ чистыми промыслами, были въ общемъ презрѣніи не только у простолюдиновъ, но и у людей образованныхъ, которые считали это племя безвозвратно испорченнымъ въ нравственномъ отношеніи. Мендельсону, больше, нежели кому нибудь другому, его соплеменники обязаны тѣмъ, что и сами во многомъ избавились отъ своихъ прежнихъ недостатковъ, и тѣмъ, что предубѣжденіе, отдалявшее отъ нихъ людей другихъ исповѣданій, ослабѣло. Любознательность рано пробудилась въ Мендельсонѣ, который на семнадцатомъ году пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобъ искать тамъ средствъ для жизни, и долгое время терпѣлъ страшную нужду, не мѣшавшую ему, однако же, сильно заниматься древними языками и философіею. Черезъ нѣсколько времени юноша нашелъ себѣ покровителя въ своемъ соплеменникѣ, докторѣ Гумперцѣ, потомъ поступилъ учителемъ дѣтей къ другому еврею, богатому фабриканту Бернгарду, у котораго былъ потомъ бухгалтеромъ, и который передалъ ему, наконецъ, свою фирму. Благородный, кроткій характеръ и возвышенный образъ мыслей пріобрѣтали Мендельсону уваженіе всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался. Лессингу онъ былъ рекомендованъ Гумперцемъ, какъ хорошій шахматный игрокъ, и они сблизились за шахматною доскою, около того самаго времени, какъ сблизился съ Лессингомъ Николаи. Лессингъ давно отбросилъ всякое предубѣжденіе противъ характера евреевъ. Уже лѣтъ пять тому назадъ написалъ онъ пьесу „Евреи“, съ цѣлью выставить благородный типъ въ этомъ презираемомъ племени. Въ художественномъ отношеніи, пьеса слаба, и потому ничего не скажемъ о ней: но статейки, написанныя по ея поводу, хорошо показываютъ положеніе вопроса о евреяхъ въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ, и мы въ выноскѣ представимъ извлеченія изъ нихъ **).

---

*) Изъ сочиненій Мендельсона, въ старину у насъ были переведены два, принадлежащія къ числу важнѣйшихъ: „Разсужденіе о духовномъ свойствѣ души человѣческой“, перев Я. Толмачева, М. 1806 и „Федонъ или о безсмертіи души“. М 1808 г. „Федонъ“ недавно вышелъ вторымъ изданіемъ, въ другомъ новомъ переводѣ.

**) „Геттингенскія Ученыя Вѣдомости“, съ большою похвалою отзываясь о четвертой части сочиненій Лессинга, въ которой помѣщена комедія „Евреи“, сдѣлали, по поводу этой пьесы, слѣдующее замѣчаніе:

Digitized by Google

Замѣчанія Михаэлиса, приводимыя нами въ выноскѣ, показываютъ, съ какимъ пренебреженіемъ смотрѣли на евреевъ самые просвѣщенные и гуманные люди въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, евреи оставались совершенно чужды умственной жизни того племени, по землямъ котораго были разсѣяны. Погруженные въ талмудическія дикія суевѣрія, безусловно руководимые въ своихъ понятіяхъ дикими фанатиками раввинами, подавляемые общимъ презрѣніемъ, отвращеніемъ и преслѣдованіями, они сами

„Цѣль пьесы—серьезный нравственный урокъ,—именно, обнаруженіе неосновательности того презрѣнія и отвращенія, съ которыми обыкновенно мы смотримъ на евреевъ. Но, при чтеніи, наслажденію нашему мѣшаетъ какое-то недовольство, которое мы укажемъ для разрѣшенія сомнѣній, или для того, чтобы впослѣдствіи подобныя произведенія избѣгали этого недостатка. Путешественникъ еврей слишкомъ добръ и благороденъ, слишкомъ заботится, чтобы не нанести вреда ближнему или не оскорбить его несправедливымъ подозрѣніемъ,—однимъ словомъ, если не совершенно невозможно, то, по крайней мѣрѣ, слишкомъ неправдоподобно, чтобы такой благородный характеръ, какъ бы наперекоръ всему, могъ развиться при тѣхъ правилахъ, образѣ жизни и воспитаніи, какія мы видимъ у еврейскаго племени, и при дурномъ обращеніи съ ними. Это неправдоподобіе тѣмъ больше мѣшаетъ нашему удовольствію при чтеніи пьесы, чѣмъ пріятнѣе было бы намъ найти истину и натуру въ прекрасномъ и благородномъ образѣ. Даже посредственная доброта и честность очень рѣдко встрѣчаются между евреями, такъ, что немногіе примѣры не могутъ въ значительной степени смягчать ненависти къ этому народу. При тѣхъ моральныхъ правилахъ, которыхъ держится, если не каждый еврей, то огромное большинство евреевъ, невозможна честность между ними, особенно, когда мы вспомнимъ, что весь этотъ народъ живетъ торговлею,—промысломъ, который больше всякаго другаго промысла представляетъ случаевъ и покушеній къ обману".

Это писалъ въ 1754 году знаменитый Михаэлисъ, который въ Англіи научился смотрѣть на все лучше, свѣтлѣе и гуманнѣе, нежели смотрѣли остальные его соотечественники. И, однако же, этотъ человѣкъ, съ котораго начинается новая эпоха въ разработкѣ еврейскихъ древностей, хваля Лессинга за все остальное, что заключалось въ собраніи его сочиненій, осуждалъ его за снисходительное понятіе, что и между евреями могутъ быть очень хорошіе люди.

Лессингъ не имѣлъ привычки вступаться за литературныя достоинства своихъ сочиненій; онъ всего въ своей жизни не болѣе четырехъ разъ отвѣчалъ на замѣчанія своихъ критиковъ,—но на это сужденіе о „Евреяхъ" ему необходимо показалось отвѣчать. Три остальные спора—съ Ланге, Клоцомъ и Геце—были ведены безпощадно, потому что противники заслуживали негодованія и литературной казни. Михаэлису, который высказывалъ свои замѣчанія въ благородномъ тонѣ, Лессингъ отвѣчалъ также мягко, и съ деликатнымъ письмомъ послалъ ему ту часть „Театральной Библіотеки", въ которой былъ помѣщенъ отвѣтъ.

„Замѣчанія „Геттингенскихъ Вѣдомостей" касаются двухъ пунктовъ, говорилъ Лессингъ въ своемъ отвѣтѣ: „Во первыхъ, критикъ утверждаетъ, что честный и благородный еврей самъ по себѣ нѣчто неправдоподобное; во вторыхъ, что въ моей пьесѣ онъ выставленъ неправдоподобнымъ образомъ. Собственно меня касается только второе замѣчаніе, и только на него я долженъ былъ бы отвѣчать, если бы гуманность не была для меня выше литературной моей славы, и еслибъ мнѣ потому уступить въ послѣднемъ случаѣ не было легче, нежели во второмъ. Однако же, надобно мнѣ начать со втораго замѣчанія". Объяснивъ, что при той обстановкѣ, въ которой является у него еврей, честность его очень натуральна и правдоподобна съ художественной точки зрѣнія, Лессингъ продолжаетъ: „Надобно отвѣчать теперь на первое замѣчаніе: не говоря о художественныхъ требованіяхъ, правдоподобно ли, чтобъ еврей могъ быть честенъ? Встрѣчаются ли въ жизни евреи честнаго характера? Но пусть за меня говоритъ другой, которому это было ближе къ сердцу, потому что самъ онъ еврей. Я знаю его такъ хорошо, что могу рѣшительно сказать: онъ человѣкъ столь же умный и ученый, какъ и честный. Письмо, которое я привожу далѣе, онъ написалъ къ одному изъ своихъ соплеменниковъ, прочитавъ замѣчаніе „Геттингенскихъ Вѣдомостей". Знаю впередъ, что письмо это готовы будутъ считать выдумкою, скажутъ, что я самъ написалъ его,—но тѣмъ, кому будетъ интересно удостовѣриться въ его подлинности, я могу представить неопровержимыя доказательства, что оно дѣйствительно написано евреемъ".

Затѣмъ слѣдуетъ письмо, написанное Мендельсономъ, по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ „Геттингенскими Вѣдомостями" о характерѣ евреевъ. Мендельсонъ горячо и умно защищаетъ своихъ единоплеменниковъ.

Digitized by Google

презирали себя. Мендельсонъ былъ первымъ и могущественнѣйшимъ изъ людей, которые своимъ примѣромъ и совѣтами указывали имъ иной путь жизни. Оставаясь евреемъ, онъ пріобрѣлъ уваженіе знаменитѣйшихъ ученыхъ и важнѣйшихъ вельможъ Германіи,—онъ сталъ на ряду съ классическими писателями нѣмецкаго народа, христіане превозносили его и изъ-за него стали съ большимъ уваженіемъ смотрѣть и на его племя. Евреи поднялись въ собственныхъ глазахъ, у нихъ теперь былъ свой идеалъ, былъ примѣръ подражанія, былъ живой свидѣтель, что еврею возможно занять почетное мѣсто между образованными христіанами, возможно даже достигнуть славы. Съ тѣмъ вмѣстѣ, соразмѣрно уменьшенію предубѣжденія христіанъ противъ евреевъ, уменьшилось и предубѣжденіе евреевъ противъ христіанъ: единовѣрцы Мендельсона убѣдились его примѣромъ, что христіане не отказываютъ ни въ уваженіи, ни въ пріязни тѣмъ изъ нихъ, которые пріобрѣтутъ на то права. Достигнувъ обезпеченнаго состоянія, Мендельсонъ, своимъ покровительствомъ и щедрыми пособіями, помогалъ молодымъ евреямъ приготовляться къ ученому, литературному или художественному поприщу. Часть своей литературной дѣятельности онъ также посвятилъ исключительно дѣлу просвѣщенія своихъ единовѣрцевъ, и заслуги его въ этомъ отношеніи также огромны. Нѣмецкіе евреи говорили безобразнымъ діалектомъ, составленнымъ изъ смѣшенія еврейскаго съ нѣмецкимъ,—не понимая чистаго еврейскаго языка, они не могли также ни писать по-нѣмецки, ни слушать лекцій. Мендельсонъ положилъ начало распространенію чистаго нѣмецкаго языка между ними, напечатавъ для нихъ переводъ Моисеевыхъ книгъ на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ; — съ того времени, этотъ переводъ сдѣлался книгою, по которой учатся читать дѣти германскихъ евреевъ, и чрезъ то съ дѣтства становятся равными нѣмцамъ по своему языку. Кромѣ того, онъ издалъ переводъ на нѣмецкій языкъ „Псалмовъ“ и „Пѣсни пѣсней“ для своихъ единовѣрцевъ и написалъ для нихъ нѣсколько религіозныхъ книгъ, строго держась догматовъ чистаго ветхозавѣтнаго іудейства, но удаливъ всѣ талмудическія бредни. Книги эти проникнуты чистою нравственностью, благородною терпимостью, чувствомъ любви къ другимъ племенамъ, и имѣли огромное вліяніе на развитіе германскихъ евреевъ. Мендельсонъ былъ просвѣтителемъ своихъ единовѣрцевъ.

Благородная натура Мендельсона развилась болѣе всего подъ вліяніемъ Лессинга, съ которымъ они были сверстники по годамъ (Мендельсонъ родился, какъ и Лессингъ, въ 1729 г.), но который былъ уже великимъ ученымъ, человѣкомъ съ установившимся образомъ мыслей, однимъ изъ знаменитыхъ писателей, въ то время, какъ самоучка еврей съ неимовѣрными трудами только еще начиналъ побѣждать ужасныя затрудненія, какія противопоставлялись его развитію и національностью и бѣдностью. Когда Мендельсонъ познакомился съ Лессингомъ, онъ только еще привыкалъ владѣть правильнымъ нѣмецкимъ языкомъ и не могъ писать безъ ошибокъ на этомъ языкѣ, литературу котораго впослѣдствіи обогатилъ произведеніями, классическими по изяществу и благородству выраженія. Но Лессингъ постигъ, какія рѣдкія качества ума скрываются въ этомъ человѣкѣ, рыцарски безпорочный, женственно кроткій характеръ Мендельсона обворожилъ его, и скоро Мендель-

Digitized by Google

сонъ сдѣлался ближайшимъ, лучшимъ другомъ его на всю жизнь. Онъ помогалъ развитію талантливаго еврея своими бесѣдами и совѣтами, указывая ему, чѣмъ и какъ долженъ онъ заниматься; по внушенію и указанію Лессинга, отчасти даже при непосредственномъ сотрудничествѣ Лессинга, написаны были первые труды Мендельсона *). Что всего важнѣе, твердый, безбоязненный, рѣзкій Лессингъ мужественностью своего направленія ободрялъ и поддерживалъ Мендельсона, дивная кротость котораго въ жизни была бы, безъ вліянія со стороны Лессинга, излишнею мягкостью, безхарактерностью, слабостью въ литературѣ. Мендельсонъ, всею силою своей любящей натуры, привязался къ другу, благодѣтельному вліянію котораго обязанъ былъ такъ многимъ, передъ геніальнымъ превосходствомъ котораго благоговѣлъ.

Это былъ одинъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ примѣровъ безграничной дружбы; самая кончина Мендельсона была послѣднее и величайшее свидѣтельство его чувствъ къ Лессингу. Когда, послѣ смерти Лессинга, Якоби вздумалъ, въ одномъ изъ своихъ философскихъ сочиненій, приписывать Лессингу метафизическія воззрѣнія, отъ которыхъ самъ Лессингъ, вѣроятно, не отказался бы, но которыя Мендельсонъ, уже лишенный опоры, какую прежде доставляла ему непоколебимая рѣшительность друга, считалъ слишкомъ рѣзкими, благодушный авторъ „Федона“ возмутился мыслью, что Якоби возбуждаетъ гоненіе противъ памяти Лессинга: онъ былъ въ это время слабъ здоровьемъ, но, не обращая вниманія на свою болѣзнь, съ чрезвычайнымъ жаромъ сталъ тотчасъ же писать возраженіе Якоби;—онъ успѣлъ кончить это защищеніе памяти своего друга,—но работа такъ истощила его силы, огорченіе такъ изнурительно волновало его, что онъ чрезъ нѣсколько дней умеръ жертвою своей любви къ покойному другу.

Таковы-то были люди, съ которыми сблизился Лессингъ въ 1754 году и которые должны быть названы его непосредственными учениками. Характеры ихъ были различны, различенъ и тонъ ихъ сочиненій. Практическій, довольно сухой, проницательный и отчасти насмѣшливый, Николаи дѣйствовалъ насмѣшкою, преслѣдовалъ все, что ему казалось вреднымъ въ жизни, затемняющимъ понятія, замедляющимъ дѣятельность, отвлекающимъ человѣка отъ заботы объ улучшеніи своего положенія. Мендельсонъ, который больше, нежели кто нибудь изъ новыхъ философовъ, напоминаетъ Платона, если не геніальностью, то чистымъ стремленіемъ къ идеалу,—излагалъ въ философской формѣ тѣ возвышенныя понятія и чувства, которымъ впослѣдствіи давалъ поэтическую одежду Шиллеръ. Но оба, Николаи и Мендельсонъ, сходились въ томъ, что съ благоговѣніемъ внимали Лессингу, и, въ сущности, все, что было прочнаго и истинно плодотворнаго въ ихъ дѣятельности, развилось подъ вліяніемъ Лессинга.

Мы назвали ихъ его учениками. Это слово, въ настоящемъ случаѣ, не можетъ, однако, имѣть того смысла, въ какомъ обыкновенно употребляютъ его, понимая, что ученикъ только повторяетъ, такъ или иначе, мысли учителя.

*) По совѣту Лессинга, Мендельсонъ перевелъ одно изъ разсужденій Руссо—этотъ переводъ былъ для него упражненіемъ въ нѣмецкомъ слогѣ. Вмѣстѣ съ Лессингомъ, они написали знаменитый отвѣтъ на тему Берлинской Академіи „О философіи Попе“: духъ отвѣта очень остроумно выраженъ восклицательнымъ знакомъ, поставленнымъ въ заглавіи: „Попе—метафизикъ!“

Digitized by Google

и, въ сравненіи съ нимъ, является человѣкомъ не самостоятельнымъ. Въ такомъ смыслѣ, у Лессинга не было и не могло быть учениковъ. Натура этого человѣка образовалась такъ, что и положительныя и отрицательныя его качества были именно таковы, какія требовались для возможно благотворнѣйшаго вліянія на нѣмецкую литературу. Бываютъ времена, когда необходимѣйшее условіе успѣшнаго развитія есть научная дисциплина; въ ту пору, у нѣмецкой литературы была другая, противоположная потребность. Въ націи и въ литературѣ, въ людяхъ и писателяхъ германскихъ господствовала педантическая привычка подчиненія авторитетамъ,—литературные тузы повторяли слова иноземныхъ авторитетовъ: Готтшедъ повторялъ Буало, Рамлеръ—Батте, Геллертъ—Лафонтена, Бодмеръ—Аддисона, Клопштокъ—Оссіана и Мильтона, Берлинская Академія—временемъ Вольтера, временемъ Попе,—мелкіе писатели повторяли слова доморощенныхъ литературныхъ магнатовъ. Не было иниціативы въ литераторахъ, не было самобытности мышленія, смѣлой привычки думать своей головой. Лессингъ и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, былъ именно такой человѣкъ, въ какомъ нуждалась эпоха.

Геніальный человѣкъ, развивая нашу мысль, въ то же время обыкновенно порабощаетъ ее себѣ,—все равно, начитались ли вы Байрона или Платона, Гете или Руссо, Жоржа Санда или Аристотеля—вы становитесь въ какое-то зависимое положеніе отъ вашего путеводнаго генія,—вы на все смотрите его глазами, чувствуете, что вамъ нельзя иначе думать—не потому только, что истина его мыслей для васъ очевидна,—нѣтъ, и потому также, что онъ положилъ границы вашему воззрѣнію, какъ бы независимо отъ вашей воли, отъ вашего самостоятельнаго разсудка, подчинилъ васъ себѣ,—словомъ, вы дѣлаетесь то, что называется ученикъ, послѣдователь, отчасти рабъ этого человѣка. Потому-то обыкновенно самые благотворные авторитеты имѣютъ и свою вредную сторону —развивая мысль, они въ то же время отчасти сковываютъ ее. Когда въ націи пробужденъ духъ самостоятельной пытливости, эта вредная сторона не имѣетъ важныхъ слѣдствій,—вы подчинились одному авторитету, другой—другому, сотни другихъ не хотятъ признавать ни чьей безусловной власти надъ своей мыслью,—такъ, напримѣръ, въ Германіи, въ одно время, въ одной философской области теперь существуетъ безчисленное множество различныхъ самостоятельныхъ мнѣній, всѣ допытываются истины, никто не успокоивается готовыми результатами, всѣ самодѣятельно стремятся впередъ и впередъ, и Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, несмотря на всю обаятельную силу своихъ системъ, не могли ни на одну минуту задержать дальнѣйшаго развитія мысли,—каждый изъ нихъ повелъ ее шагомъ дальше, и каждый разъ, сдѣлавъ этотъ шагъ, она устремлялась впередъ, покидая прежняго учителя, даже низвергая его, если онъ хотѣлъ остановить ее.

Такъ и должно быть. Не добытый результатъ важенъ: всѣ добытые человѣчествомъ результаты, во всѣхъ областяхъ жизни и мысли, какъ бы ни казались они блестящи по сравненію съ прошедшимъ, все еще ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что должно быть пріобрѣтено мыслью и трудомъ для обезпеченія матеріальной жизни, для проясненія знаній и помощи

Digitized by Google

Важнѣе всѣхъ добытыхъ результатовъ—стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ лучшихъ; важнѣе всего пытливость мысли, дѣятельность силъ. Немногіе изъ геніальныхъ людей такъ полно воплощали въ себѣ эту пытливость, не успокоивающуюся ни на чемъ, эту дѣятельность, вѣчно стремящуюся къ достиженію новыхъ результатовъ, полнѣйшихъ всего прежняго,—немногіе изъ геніальныхъ людей, говоримъ мы, были такъ проникнуты не какимъ нибудь опредѣленнымъ, и потому ограниченнымъ стремленіемъ къ какому нибудь опредѣленному, ограниченному результату, а жаждою итти все дальше и дальше, впередъ и впередъ,—чтобы добытые ими результаты каждому уму служили только опорою, только возбужденіемъ къ дальнѣйшему самостоятельному изслѣдованію. Въ области поэзіи, нѣчто подобное представляетъ Шекспиръ. Мы опять обращаемся къ этому примѣру, чтобы прояснить наше понятіе. Кто пойметъ Шекспира, передъ тѣмъ исчезаютъ всякіе другіе авторитеты въ поэзіи—онъ выше всѣхъ,—а, между тѣмъ, преклоненіе передъ Шекспиромъ становитъ ли поэта въ такое зависимое отъ него положеніе, какъ поклоненіе Байрону или Мильтону?—нѣтъ, кто поклоняется этимъ поэтамъ, чувствуетъ непреоборимую наклонность подражать имъ, и истинно талантливые люди дѣлались мильтонистами или байронистами,— но, понимать Шекспира—значитъ чувствовать въ себѣ непреодолимый позывъ къ самостоятельному творчеству,—быть чуждымъ всякой мысли о подражаніи кому бы то ни было, хотя бы и самому Шекспиру*). Изъ области поэзіи переходя въ область мысли, можно указать нѣсколько людей, оказывающихъ подобное же вліяніе,—таковъ напримѣръ Монтань, таковы многіе скептики,—но всѣ они занимаютъ въ исторіи развитія мысли только второстепенное мѣсто, и никто изъ нихъ не имѣлъ преобладающаго вліянія на развитіе цѣлой эпохи. Лессингъ не имѣлъ ничего общаго съ Монтанемъ или другими скептиками,—напротивъ, его убѣжденія очень опредѣлительны и тверды, онъ, можно сказать, ни въ чемъ не сомнѣвается,—ни въ человѣкѣ, ни въ законахъ вселенной,—онъ положительно говоритъ: „это мы знаемъ; въ этомъ нечего сомнѣваться“—но—какое бы убѣжденіе ни высказывалъ, какъ бы твердо ни высказывалъ его, какими бы неопровержимыми доказательствами ни подтверждалъ его,—все-таки онъ въ концѣ ставитъ новый вопросъ, все-таки заключаетъ тѣмъ, что говоритъ: „то, что мы теперь знаемъ, только начало знанія; нужно заняться теперь дальнѣйшими изслѣдованіями, при которыхъ и прежняя истина явится, быть можетъ, въ новомъ видѣ“; каждое его изслѣдованіе представляется какъ будто только одною частью, отрывкомъ, который долженъ читатель дополнить уже самъ. Въ главнѣйшихъ его ученыхъ сочиненіяхъ—„Лаокоонѣ“ и „Драматургіи“, эта необходимость дальнѣйшаго самостоятельнаго изслѣдованія выражается даже внѣшнимъ образомъ: заключая „Лаокоона“, онъ обѣщаетъ современемъ прибавить вторую часть

*) Въ гораздо меньшихъ размѣрахъ можно почти то же сказать о Гоголѣ, если приводить примѣры изъ нашей литературы. Пушкину подражали талантливые люди, но подражаніе Гоголю замѣтно только у писателей мало талантливыхъ. Нынѣшніе даровитые писатели произошли отъ Гоголя,—а, между тѣмъ, ни въ чемъ не подражаютъ ему,—не напоминаютъ его ни чѣмъ, кромѣ какъ только тѣмъ, что, благодаря ему, стали самостоятельны, изучая его, пріучились понимать жизнь и поэзію, думать своею, а не чужою головою, писать своимъ, а не чужимъ перомъ.

Digitized by Google

къ этому изслѣдованію, которое положительно называетъ только первою частью; въ „Драматургіи“ также нѣсколько разъ говорится, что вся она только первый отдѣлъ труда, который долженъ имѣть продолженіе; „Листки противъ Геце“ прекращены, можно сказать, въ самомъ началѣ. Въ каждой частности слышится тотъ же вызовъ читателю на дальнѣйшее обсужденіе дѣла. Можно сказать, что и общее направленіе дѣятельности Лессинга не имѣетъ такой общей темы, которую не смѣнила бы другая тема, если то потребуется развитіемъ мысли,—онъ началъ, какъ литературный критикъ, а кончилъ теологическими изслѣдованіями, которыя, навѣрное, оставилъ бы для другихъ изъисканій, если бы прожилъ долѣе.

Но мы слишкомъ давно забыли о біографической нити разсказа. Возвратимся же къ отношеніямъ Лессинга съ Мендельсономъ и Николаи, на которыхъ остановились. Весь характеръ дѣятельности Лессинга былъ таковъ, что вліяніе его рождало не учениковъ, а самостоятельныхъ дѣятелей. Позднѣе, это обнаружилось всѣмъ ходомъ нѣмецкой литературы и науки, которыя, въ эпоху, порожденную Лессингомъ, отличаются чрезвычайно энергическимъ стремленіемъ къ самостоятельности. Но, прежде всего, это обнаружилось на ближайшихъ друзьяхъ и непосредственныхъ воспитанникахъ Лессинга,—на Мендельсонѣ и Николаи. Они хотѣли быть его учениками, хотѣли составить школу, главою которой былъ бы Лессингъ.—Онъ не захотѣлъ того, и когда увидѣлъ ихъ имѣющими уже довольно силъ, тотчасъ же предоставилъ имъ дѣйствовать, какъ они хотятъ. Внѣшнимъ образомъ это выразилось въ томъ, что онъ не хотѣлъ быть постояннымъ сотрудникомъ журналовъ, ими издаваемыхъ;—существеннымъ слѣдствіемъ заботы Лессинга не о пріобрѣтеніи себѣ учениковъ, а, напротивъ, о пробужденіи самостоятельности въ каждомъ, было то, что Николаи и Мендельсонъ сохранили, какъ мыслители, полную оригинальность своихъ различныхъ натуръ, и напоминаютъ Лессинга не содержаніемъ своихъ ученій, а только тѣмъ, что въ немъ имѣли нравственную поддержку, и безъ этой поддержки дѣйствовали бы не такъ смѣло и самостоятельно.

Въ самомъ дѣлѣ, Лессингъ такъ мало хотѣлъ сдѣлаться главою партіи, что вскорѣ послѣ того, какъ сошелся съ Николаи и Мендельсономъ, уѣхалъ изъ Берлина, съ намѣреніемъ нѣсколько лѣтъ ничего не печатать. Уже семь лѣтъ онъ жилъ литературною работою,—успѣлъ, наконецъ, составить себѣ очень громкое имя,—не только какъ критикъ, но и какъ поэтъ сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ во мнѣніи лучшей части публики: за первыми одами и комедіями его, которыя заслужили ему имя одного изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ въ тогдашней литературѣ, послѣдовала трагедія „Миссъ Сара Сампсонъ“, которая съ перваго же раза была признана явленіемъ, какихъ еще не бывало въ нѣмецкой литературѣ, и поставила Лессинга, какъ драматурга, выше всѣхъ соперниковъ*). Но трудъ упорный и

*) Замѣчательнѣйшія произведенія Лессинга—именно драматическія пьесы „Миссъ Сара Сампсонъ“, „Минна фонъ Барнгельмъ“, „Эмилія Галотти“ и „Натанъ Мудрый“: также „Литературныя письма“ въ связи съ другими критическими статьями, „Лаокоонъ“ и „Гамбургская Драматургія“ и, отчасти, полемическія статьи противъ Гёце будутъ нами разсмотрѣны послѣ, чтобы не прерывать біографію слишкомъ длинными эпизодами и анализами.

Digitized by Google

счастливый въ литературномъ отношеніи, едва доставлялъ Лессингу средства для жизни,—въ его перепискѣ рѣчь идетъ всегда о талерахъ, много о десяткахъ талеровъ. Безконечная работа, соединенная съ матеріальными лишеніями, утомила Лессинга. Онъ сталъ искать себѣ какого нибудь занятія, легче, нежели литература, обезпечивающаго жизнь. Судьба едва не увлекла его на нашу родину, которой столько пользы принесли его соотечественники своими занятіями. Вотъ что писалъ онъ къ отцу весною 1755 года, въ отвѣтъ на настойчивыя просьбы старика, чтобъ сынъ позаботился опредѣлиться на службу..

„О моемъ опредѣленіи на службу, мои знакомые хлопочутъ больше меня, а я мало думаю объ этомъ. Въ послѣднее время сильно уговаривали меня ѣхать въ Москву, гдѣ, какъ вы знаете, конечно, по газетамъ, основывается университетъ. Изъ всѣхъ подобныхъ предположеній, это скорѣе всего можетъ осуществиться".

Но предположеніе не исполнилось: вмѣсто Лессинга, поѣхалъ въ Москву готтшедіанецъ Рейхель *).

Когда разстроился планъ получить мѣсто въ Москвѣ, Лессингъ, не сказавшись, по своему обыкновенію, никому изъ своихъ пріятелей, исчезъ изъ Берлина и очутился въ Лейпцигѣ. Какъ и зачѣмъ онъ переѣхалъ изъ Берлина въ Лейпцигъ—совершенно неизвѣстно; надобно полагать только, что онъ имѣлъ въ виду какъ нибудь избавиться отъ необходимости зарабатывать себѣ хлѣбъ литературнымъ трудомъ, утомительнымъ и неблагодарнымъ, надѣясь найти себѣ какія нибудь иныя средства для жизни. Дѣйствительно, скоро сошелся онъ въ Лейпцигѣ съ молодымъ богатымъ купцомъ Винклеромъ, который хотѣлъ нѣсколько лѣтъ употребить на путешествіе по различнымъ европейскимъ странамъ, для довершенія своего образованія, и предложилъ Лессингу быть ему спутникомъ, въ качествѣ, отчасти, товарища, отчасти наставника, съ жалованьемъ по 300 талеровъ (около 275 р. сер.) въ годъ. Путешествіе должно было продолжаться года три. Триста талеровъ въ годъ, на всемъ готовомъ содержаніи, и, притомъ, съ возможностью объѣхать всю Европу!—это было великимъ счастіемъ для Лессинга. Въ письмѣ къ Мендельсону (декабрь 1755), разсказавъ, какія сочиненія и изданія онъ готовитъ къ Пасхальному сроку слѣдующаго года **), Лессингъ продолжаетъ:

---

*) Кстати, говоря о Россіи, скажемъ, что въ Императорской Публичной Библіотекѣ должно быть довольно много книгъ, принадлежавшихъ Лессингу. Когда, при переселеніи изъ Берлина въ Гамбургъ, Лессингъ распродалъ свою обширную библіотеку, собранную имъ въ Бреславлѣ, много книгъ было куплено для Варшавской библіотеки графа Залускаго, которая потомъ, какъ извѣстно, перевезена была въ Петербургъ и послужила основаніемъ нынѣшней Публичной Библіотеки. Изъ книгъ, которыя находились въ библіотекѣ Лессинга и были проданы съ аукціона, находились „Journal des Savants", полный экземпляръ до 1764 года, составляющій 254 тома; „Acta Eruditorum": „Années littéraires" Фрерона;—кромѣ того говорится вообще, что у него было много первоначальныхъ изданій (editio princeps) греческихъ и латинскихъ классиковъ. По этимъ указаніямъ, быть можетъ, не напрасно было бы сдѣлать поиски въ Публичной Библіотекѣ. См. Данцель и Гурауэръ, первая половина 2-го тома, стр. 136.

**) Извѣстно, что и до сихъ поръ въ Германіи книжная торговля имѣетъ два важнѣйшіе полугодичные термина, къ которымъ все готовится, отъ которыхъ зави-

Digitized by Google

„Ну, что вы скажете? Не слишкомъ ли много? Если публика осудитъ меня за излишнее усердіе въ угощеніи ея моими произведеніями, то въ извиненіе себѣ скажу одно: съ слѣдующей Пасхи, цѣлые три года не услышитъ она обо мнѣ. Caestus artemque repono. Даю покой рукамъ и ремеслу.

„Какимъ это образомъ? навѣрное спросите вы. Слушайте же важнѣйшую изъ всѣхъ новостей, какія только могу сообщить о себѣ. Не въ дурной часъ выѣхалъ я изъ Берлина. Нашлось мнѣ очень выгодное дѣло"...

И онъ съ восторгомъ разсказываетъ о предложеніи Винклера. Заключенъ былъ формальный контрактъ на три года. Срокомъ отъѣзда назначена весна 1756 года, около Пасхи. Въ маѣ, путешественники дѣйствительно пустились въ свое странствованіе, и, черезъ Магдебургъ, Брауншвейгъ, Гамбургъ, Гренингенъ, къ началу августа пріѣхали въ Амстердамъ. Осмотрѣвъ замѣчательные города Голландіи, хотѣли они въ октябрѣ отправиться въ Англію, — но страшная новость принудила Винклера скорѣе возвратиться домой.

Въ августѣ 1756 года, внезапнымъ нападеніемъ на Саксонію, Фридрихъ II началъ войну, которая теперь извѣстна подъ именемъ Семилѣтней. Лейпцигъ былъ занятъ пруссаками. Смятеніе въ городѣ, ужасъ жителей были безмѣрны: нѣкоторые умирали отъ страха, наводимаго ожиданіемъ наступающихъ бѣдствій. Винклеру надобно было возвратиться, чтобы спасать свое имущество: въ Лейпцигѣ былъ у него домъ. Такимъ образомъ, начатое путешествіе пришлось отложить,— но только отложить: обезопасивъ свой домъ отъ контрибуцій и конфискацій, Винклеръ хотѣлъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, снова пуститься въ странствованія, и потому Лессингъ, по контракту, оставался жить у него. Но скоро они поссорились, и Лессингъ опять увидѣлъ себя въ томъ самомъ положеніи, отъ котораго хотѣлъ избавиться, уѣзжая изъ Берлина.

Причина ссоры очень характеристична для личности Лессинга. Онъ былъ родомъ изъ Саксоніи. Саксонцы теперь проклинали пруссаковъ, угнетавшихъ несчастную Саксонію поборами и наборами, контрибуціями и реквизиціями. Но,—справедливо или несправедливо,—остальныя германскія племена смотрѣли на Фридриха II, какъ на героя-защитника нѣмецкой національности противъ вліянія иноземцевъ. Справедливо или нѣтъ, но образованные люди во всей Германіи считали его защитникомъ просвѣщенія и поборникомъ благотворныхъ реформъ.

Есть въ раздробленной Германіи чувство, которое, къ счастію, неизвѣстно у народовъ, успѣвшихъ соединиться въ одно государство,—это партикуляризмъ, предпочтеніе мѣстнаго патріотизма—гессенскаго, баденскаго, виртембергскаго, саксонскаго, прусскаго—общему нѣмецкому патріотизму. Благодаря вліянію литературы, начавшемуся съ Лессинга, это мелочное чувство ослабѣло, теперь оно не имѣетъ и десятой части того могущества, которымъ обладало за сто лѣтъ. Но и до сихъ поръ оно еще сильно, доказательствомъ тому служатъ событія послѣднихъ годовъ.

ситъ весь ходъ литературныхъ занятій, продажъ, заказовъ и т. д.—это двѣ Лейпцигскія книжныя ярмарки — Михайловская и Пасхальная. Сто лѣтъ тому назадъ, значеніе этихъ сроковъ было еще важнѣе.

Digitized by Google

Какъ ни силенъ теперь въ Германіи партикуляризмъ, все-таки теперь это чувство, отжившее свой вѣкъ, остатокъ старины, не больше какъ рутина, привычка. Сто лѣтъ тому назадъ было не такъ. Саксонецъ считалъ себя только саксонцемъ, пруссакъ только пруссакомъ, а не нѣмцемъ; вся его національная гордость, всѣ его патріотическія чувства были прикованы исключительно къ провинціальному племени, въ которомъ онъ родился,—для чувствъ тогдашняго нѣмца существовала только Саксонія, Пруссія, Баварія, но не Германія: Германія исчезала, какъ скоро являлся поводъ къ пробужденію партикуляризма.

Лессингъ и въ этомъ, какъ въ остальномъ, былъ выше своего вѣка,—употребляемъ выраженіе, которое рѣдко можетъ примѣняться къ дѣлу, почти всегда будучи пустою фразою, но совершенно примѣняется къ Лессингу,—потому что, если кто нибудь бывалъ на столѣтіе впереди своего вѣка, то именно онъ.

Какъ стоялъ онъ выше литературныхъ партій, такъ точно стоялъ онъ и выше провинціальныхъ, племенныхъ подраздѣленій. Онъ думалъ только о Германіи,—Саксонія, Пруссія, Австрія были для него ничто предъ Германіею. Подданные и солдаты Фридриха II были нѣмцы,—арміи, съ которыми онъ сражался, состояли изъ венгровъ, кроатовъ, французовъ, русскихъ. Фридрихъ былъ хорошимъ администраторомъ, а въ Саксоніи самовластвовалъ Брюль,—выборъ былъ ясенъ для Лессинга, и онъ принялъ сторону Фридриха II.

Вмѣстѣ съ Винклеромъ, онъ обѣдалъ за table d'hôte, гдѣ всегда было большое общество, преимущественно состоявшее изъ купцовъ. Всѣ проклинали пруссаковъ и Фридриха, Лессингъ защищалъ ихъ.

Изъ прусскихъ офицеровъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Лейпцигѣ, со многими Лессингъ подружился, особенно съ поэтомъ Клейстомъ, майоромъ прусской службы, черезъ нѣсколько времени раненымъ на смерть при Кунерсдорфѣ. Талантъ Клейста не былъ великъ; но его прекрасный характеръ, соединявшій въ себѣ задумчивость съ воинственною энергіею, и его преданность Лессингу привязали къ нему Лессинга. Онъ приводилъ Клейста и другихъ пруссаковъ за table d'hôte, гдѣ самъ обѣдалъ, и такимъ образомъ, явилась тамъ, кромѣ саксонской партіи, прусская.

Саксонцы негодовали на непрошенныхъ собесѣдниковъ, и многіе изъ прежнихъ постоянныхъ посѣтителей перестали обѣдать въ этомъ ресторанѣ. Хозяйка ресторана, оставшаяся въ убыткѣ, стала говорить Винклеру, что проситъ его и Лессинга, съ его пріятелями, не бывать въ ея ресторанѣ, потому что прусскіе мундиры лишаютъ ее другихъ, болѣе многочисленныхъ гостей. Винклеръ, уже прежде нѣсколько разъ имѣвшій мелочныя ссоры съ Лессингомъ,—вѣроятно, также главнымъ образомъ по поводу его любви къ пруссакамъ, написалъ ему теперь невѣжливую записку, и Лессингъ долженъ былъ прекратить съ нимъ всякія сношенія.

Такимъ образомъ, остался онъ въ Лейпцигѣ опять безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ литературной работы; а доставать деньги литературной работою, все-таки было для него удобнѣе въ Берлинѣ, нежели гдѣ-нибудь, и въ 1759 году возвратился онъ въ Берлинъ. Тамъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его Николаи.

Digitized by Google

Вскорѣ послѣ того, какъ сблизился съ Лессингомъ, и потомъ, черезъ Лессинга, съ Мендельсономъ, Николаи сталъ думать о томъ, какъ бы основать критическій журналъ. Когда Лессингъ возвратился въ Лейпцигъ изъ поѣздки съ Винклеромъ, Николаи просилъ его принять на себя хлопоты найти въ Лейпцигѣ книгопродавца, который бы согласился издавать этотъ предполагаемый журналъ, которому Николаи хотѣлъ дать названіе „Библіотека изящныхъ искусствъ и словесности". Издатель, послѣ многихъ напрасныхъ поисковъ, былъ наконецъ найденъ Лессингомъ; статьи, присылаемыя изъ Берлина Николаи, Мендельсономъ и ихъ друзьями, передавались въ типографію черезъ Лессинга, который иногда, въ случаѣ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, дѣлалъ необходимыя измѣненія по редакціонной части, но, вообще, не желалъ имѣть вліянія на духъ и направленіе журнала, редакторомъ котораго былъ Николаи, при содѣйствіи Мендельсона *).

Когда Лессингъ возвратился въ Берлинъ, коммерческое положеніе Николаи измѣнилось. До сихъ поръ, книжный магазинъ принадлежалъ его отцу, потомъ, по смерти отца, брату,—писатель Николаи, младшій братъ, былъ просто прикащикомъ въ магазинѣ и получалъ отъ брата небольшую часть годичной прибыли. Теперь, по смерти брата, онъ самъ сдѣлался хозяиномъ книжнаго магазина; продолжать писать для журнала, издаваемаго другимъ книгопродавцемъ, ему было уже не выгодно. Онъ передалъ „Библіотеку изящныхъ искусствъ" другой редакціи, и основалъ новый журналъ „Литературныя письма". Душою этого журнала былъ Лессингъ, изъ статей котораго почти исключительно составлены были первыя книжки „Литературныхъ писемъ".

---

*) Николаи сообщаетъ любопытный фактъ о томъ, какъ вознаграждался тогда литературный трудъ книгопродавцами-издателями. Николаи и его сотрудники получали отъ своего книгопродавца по двадцати-пяти талеровъ за цѣлый нумеръ „Библіотеки", состоявшій изъ пятнадцати печатныхъ листовъ, то есть по 1 руб. 50 коп. сер. за печатный листъ,—почти то, что надобно заплатить писцу за переписку статьи. Положимъ, что форматъ листа былъ невеликъ, положимъ, что плата, по замѣчанію Николаи, была и для того времени очень умѣренною, и въ другихъ случаяхъ писатели получали нѣсколько болѣе, но все-таки—эта цифра одна уже поясняетъ намъ, каково было тогда въ Германіи матеріальное положеніе писателя, который жилъ литературной работой, не имѣя другихъ источниковъ дохода.—Впрочемъ, какъ мы говорили, такихъ писателей было очень мало.—Напримѣръ, изъ тѣхъ, которыхъ мы назвали въ этой статьѣ,—Ланге и Глеймъ были пасторы, Клейстъ—офицеръ, Зульцеръ—профессоръ, Николаи—книгопродавецъ, Мендельсонъ—бухгалтеръ въ торговомъ домѣ,—одинъ Лессингъ былъ писатель и больше ничего.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„Литературныя письма". — Основаніе ихъ сильнаго дѣйствія на нѣмецкую литературу.—Черты, ими внесенныя въ характеръ нѣмецкой мысли.—Лессингъ принимаетъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ.—Жизнь его въ Бреславлѣ.—Возвращеніе къ литературному міру.—„Миссъ Сара Сампсонъ".—„Минна фонъ-Барнгельмъ".—„Лаокоонъ".

(1759—1767).

„Библіотека изящныхъ искусствъ", которую издавалъ Николаи при содѣйствіи Мендельсона, была лучшимъ критическимъ журналомъ своего времени. Она стояла выше мелочныхъ интригъ, самолюбивою суетою замедлявшихъ успѣхи нѣмецкой мысли; основанія критики ея надобно назвать справедливыми, ея сужденія—вообще здравыми и благородными, умными и безпристрастными. И однако же, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, „Библіотека изящныхъ искусствъ" осталась безъ замѣтнаго вліянія на литературу; она приноситъ большую честь дарованіямъ и добросовѣстности своихъ соучастниковъ, но мало принесла пользы нѣмецкой публикѣ.

„Литературныя письма", по многимъ существеннымъ чертамъ характера, были сходны съ „Библіотекою изящныхъ искусствъ". Ужъ однѣ внѣшнія примѣты достаточно показываютъ степень близости этихъ двухъ журналовъ. Николаи, редакторъ „Библіотеки", былъ редакторомъ и издателемъ „Литературныхъ писемъ"; Мендельсонъ, главный его сотрудникъ въ „Библіотекѣ", принималъ не менѣе дѣятельное участіе и въ „Литературныхъ письмахъ". Столь же рѣшительны и факты внутренняго родства обоихъ журналовъ. Николаи и Мендельсонъ развились, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ Лессинга; „Библіотека" была по преимуществу выраженіемъ мыслей, въ первый разъ высказанныхъ имъ; Николаи и Мендельсонъ съ восторгомъ приняли его сотрудничество при изданіи „Литературныхъ писемъ" главнымъ образомъ потому, что видѣли въ немъ человѣка, думающаго одинаково съ ними о всѣхъ существенно важныхъ вопросахъ, и не обманулись, ожидая совершенной гармоніи между его и своими статьями: впослѣдствіи, Лессингъ ушелъ далеко впередъ отъ своихъ друзей, и они уже не могли понимать его, но до конца изданія „Литературныхъ писемъ" не замѣчалось разницы между его и ихъ воззрѣніями,—не замѣчалось до такой степени, что и публика и писатели, не только противныхъ партій, но даже изъ друзей Лессинга, всѣ, непосвященные въ тайны редакціи, не умѣли отличить, кому изъ трехъ главныхъ лицъ такъ называвшейся тогда Берлинской или Николаитской школы принадлежитъ та или другая статья. Лессингу приписывались многія рецензіи въ „Библіотекѣ", въ которой онъ не участвовалъ; и

Digitized by Google

наоборотъ, многія статьи въ „Литературныхъ письмахъ", принадлежавшія Лессингу, приписывались Мендельсону или Николаи. Иныя рецензіи были написаны Лессингомъ вмѣстѣ съ Мендельсономъ, какъ прежде, разсужденіе о метафизикѣ Попа; другія служатъ развитіемъ статей „Библіотеки"—словомъ, сходство этихъ двухъ журналовъ такъ очевидно, что многими „Литературныя письма" считались за продолженіе „Библіотеки". И однако же, при всей видимой одинаковости направленія, „Литературныя письма" произвели совершенный переворотъ въ нѣмецкой литературѣ, между тѣмъ, какъ „Библіотека" не имѣла особенной важности въ исторіи нѣмецкаго развитія.

Эту разницу въ значеніи двухъ журналовъ, бывшихъ выраженіемъ одной мысли, надобно, конечно, приписывать исключительно участію Лессинга въ „Литературныхъ письмахъ". Въ самомъ дѣлѣ, громадное дѣйствіе производилось именно его статьями; когда онъ оставилъ „Литературныя письма", нумера этого журнала утратили большую часть той электрической силы, которая приводила въ движеніе умы читателей и волновала литературный міръ, и если онъ продолжалъ еще пользоваться значительнымъ вліяніемъ, то почти исключительно благодаря репутаціи, пріобрѣтенной первыми, лессинговскими нумерами. Тайну этого превосходства нельзя вполнѣ объяснить ни славою Лессинга, ни даже огромнымъ перевѣсомъ его таланта надъ силами другихъ его сподвижниковъ.

Что касается таланта, Николаи и Мендельсонъ, какъ ни далеко уступали Лессингу, все же были писатели великихъ дарованій, стало быть и они могли бы имѣть сильное вліяніе, еслибъ для того нужно было только хорошо изложить справедливыя мысли. Притомъ же, мы видѣли, что публика и литература не умѣли отличать въ журналѣ статей Лессинга отъ статей, написанныхъ другими, стало быть, мало еще были способны оцѣнить превосходство его мастерскаго изложенія. Что же касается славы, Лессингъ, конечно, уже пользовался громкою, даже очень громкою извѣстностью въ публикѣ, но все-таки далеко еще не достигъ той общепризнанной репутаціи великаго, геніальнаго писателя, которая увлекаетъ толпу однимъ авторитетомъ имени. Такое положеніе дается только временемъ, привычкою; авторитетъ пріобрѣтается не такъ быстро, какъ слава, а Лессингъ еще и славою не равнялся съ Клопштокомъ, Галлеромъ и нѣкоторыми другими тогдашними знаменитостями. Люди, особенно проницательные, конечно, уже видѣли въ немъ перваго нѣмецкаго писателя,—но число такихъ людей было очень невелико; у каждой литературной партіи были еще свои авторитеты, внушавшіе болѣе уваженія, нежели чуждый всѣмъ котеріямъ Лессингъ; а публика еще не успѣла отвыкнуть отъ поклоненія старымъ свѣтиламъ. Лессингъ не только не имѣлъ первенствующаго положенія во всей нѣмецкой литературѣ,—онъ не считался даже главою и той школы, къ которой его причисляли. Николаи былъ редакторомъ журналовъ этой школы, онъ считался и ея главою; всѣ говорили о Николаитахъ, никому и въ голову не приходило называть ихъ Лессингіанцами.

Правда, въ одномъ отношеніи никто уже не находилъ соперниковъ Лессингу—именно, въ жестокости нападеній. Со времени своей полемики съ Ланге онъ считался самымъ злымъ спорщикомъ, человѣкомъ безпокой-

Digitized by Google

нѣйшаго литературнаго характера, писателемъ, находящимъ лучшее свое удовольствіе въ безпощадномъ терзаніи всѣхъ и каждаго, кто только подвернется ему подъ руку. „Лессингъ душитъ всѣхъ, чтобы самому было просторнѣе жить“, писалъ въ 1759 году близкій пріятель Лессинга, Рамлеръ, другому близкому его и своему пріятелю, Глейму: „Отъ этого ужъ нельзя его исправить: такова его натура“. Если такъ говорили между собою о Лессингѣ его друзья, то можно вообразить, каково было мнѣніе о его критической свирѣпости у всѣхъ другихъ писателей и читателей. Онъ представлялся литераторамъ и публикѣ какимъ-то людоѣдомъ. Онъ самъ зналъ, что самая яркая черта его репутаціи—его безпощадная строгость въ критикѣ, его страшная рѣзкость въ полемикѣ, и онъ указываетъ на это общее мнѣніе о себѣ шуткою, отвѣчая на вопросъ Николаи о томъ, какой девизъ написать подъ его портретомъ (Николаи, когда былъ редакторомъ „Библіотеки изящныхъ искусствъ“, вздумалъ приложить къ своему журналу портреты нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ и Лессинга). „Чтобы не думать долго—говоритъ Лессингъ—выставьте подъ моимъ портретомъ:

„Hic niger est, hunc tu, Romane, caveto“ *),

„Или, пожалуй:

„Quid immerentes hospites vexas, canis“? **)

Кажется, трудно было прославиться безпощадностью полемики въ тотъ вѣкъ ожесточеннѣйшей, нескончаемой, не знавшей никакихъ границъ, забывавшей всѣ законы приличій полемики,—когда литературныя партіи преслѣдовали одна другую самою плоскою и циническою бранью, съ безконечными антикритиками, рекритиками, отвѣтами на рекритики и отвѣтами на отвѣты на рекритики. Но Лессингу эта непривлекательная слава считаться жесточайшимъ изъ всѣхъ жестокихъ зоиловъ досталась очень легко. Въ самомъ дѣлѣ, его критики должны были раздражать самолюбіе тогдашнихъ писателей сильнѣе, нежели чьи бы то ни было. Если Бодмеръ бранилъ Готтшеда,—Готтшеду казалось это очень натурально,—вѣдь онъ самъ бранилъ Бодмера,—для того и другаго одинаково ясно было, что противникъ бранитъ его только изъ-за оскорбленнаго самолюбія,—они оба уже были приготовлены къ тому, чтобы не ждать другъ отъ друга ничего, кромѣ грубѣйшей брани. Каждая изъ враждующихъ партій считала всѣхъ людей противнаго лагеря глупцами и негодяями — утѣшеніемъ каждому служило то, что его бранятъ глупцы и невѣжды,—которыхъ онъ и его друзья много разъ выводили на свѣжую воду, уничтожали и бранили. Но, кромѣ этихъ заклятыхъ враговъ всего талантливаго и умнаго (то есть, принадлежащаго къ его партіи), отъ всѣхъ другихъ критиковъ каждый писатель слышалъ только похвалы и комплименты, а всѣ люди съ умомъ и вкусомъ (то есть люди его собственной партіи) превозносили его до небесъ. Брань отъ записныхъ противниковъ,

*) „Это злой человѣкъ, берегись его“. — Изъ извѣстнаго прорицанія о рѣкѣ Нигерѣ, Лессингъ дѣлаетъ тутъ каламбуръ, ставя вмѣсто Niger (имя рѣки) — niger (черный, злобный).

**) „Что ты, собака, кидаешься на людей, которые тебя не трогаютъ?“

Digitized by Google

если и бываетъ груба, все таки въ сущности довольно легко переносится самолюбіемъ. И вдругъ—явился человѣкъ, который осуждалъ, напримѣръ, Готтшеда не потому, что былъ поклонникомъ Бодмера,—напротивъ, онъ не менѣе строго осуждалъ и Бодмера,—это было уже нарушеніемъ обычая,—это было уже непонятнымъ, непредвидѣннымъ нападеніемъ. „За что жъ онъ осуждаетъ меня,—думалъ Готтшедъ: — если онъ не хочетъ мстить мнѣ за Бодмера? По какому праву? На какомъ основаніи? Дѣло другое, еслибъ онъ хвалилъ Бодмера,—тогда это было бы натурально. А теперь видно, что онъ человѣкъ безъ всякихъ правилъ, злобный человѣкъ, который бранится не потому, что мы съ нимъ принадлежимъ къ враждующимъ лагерямъ, а просто потому, что онъ любитъ мучить людей. Это не аѳинянинъ, поражающій спартанца потому, что Аѳины и Спарта ведутъ войну, а просто душегубецъ, которому одинаково пріятно рѣзать и аѳинянъ и спартанцевъ, это не воинъ, а разбойникъ“.

Мы видѣли, что подъ вліяніемъ Лессинга образовались въ нѣмецкой литературѣ писатели, подобно ему, не сочувствовавшіе ни одной изъ враждовавшихъ партій,—критики, которые, подобно ему, должны были возбуждать къ себѣ одинаковую нелюбовь во всѣхъ партіяхъ. Ихъ органомъ была „Библіотека изящныхъ искусствъ“. Но мнѣнія этихъ людей были заимствованныя, навѣянныя, не превратившіяся еще въ ихъ собственную плоть и кровь,—потому довольно блѣдныя, довольно снисходительныя. Эти ученики еще не такъ сильно прониклись новыми понятіями, чтобы совершенно оторваться отъ прежнихъ,—не на столько были сильны, чтобы логически провести свой новый принципъ по всей системѣ своихъ убѣжденій,—это были люди того характера убѣжденій, который нынѣ принято въ критикѣ называть „умѣреннымъ образомъ мыслей“. Они могутъ быть очень благородны, очень благоразумны,—но не имъ увлекать вслѣдъ за собою большинство; они могутъ быть очень почтенны, но они вовсе не эффектны, если можно такъ выразиться.

Ихъ учитель былъ не таковъ. Онъ говорилъ то, что глубоко обдумалъ и сильно прочувствовалъ,—его убѣжденія имѣли уже логическую стройность и полноту, — онъ уже не могъ дѣлать уступокъ явленіямъ, которыя не оправдывались его принципомъ,—онъ обсудилъ и безвозвратно осудилъ всѣ устарѣлыя понятія,—словомъ сказать, онъ былъ то, что теперь называется человѣкъ неумолимой логики, человѣкъ убѣжденій.

Бываютъ эпохи въ литературѣ, когда нужны обществу люди умѣренныхъ мнѣній, люди примиренія, люди уступокъ,—они бываютъ очень полезны въ концѣ борьбы, когда нужно дать пощаду признавшимся въ своемъ безсиліи побѣжденнымъ. Но—начало борьбы, какова была во время Лессинга, имѣетъ другія условія,—тутъ нужна была энергія. Когда вводился въ жизнь новый принципъ, правъ котораго еще не хотѣли признавать, онъ долженъ былъ со всею силою предъявлять всѣ свои права, долженъ былъ не колеблясь обнаруживать всѣ слабыя стороны явленій, неудовлетворительность которыхъ дѣлала появленіе этого новаго принципа историческою необходимостью.

Мы не будемъ здѣсь излагать содержанія лессингова журнала, — это

Digitized by Google

мы сдѣлаемъ въ особенной главѣ, а теперь скажемъ только нѣсколько словъ объ его общемъ дѣйствіи, о тѣхъ чертахъ, которыми, со времени „Литературныхъ писемъ“, рѣзко запечатлѣлась вся жизнь нѣмецкой націи.

Мы видѣли, какую репутацію имѣлъ Лессингъ и за что онъ имѣлъ ее. Человѣкъ энергическаго ума и смѣлаго характера, онъ ненавидѣлъ то, что называется „половинчатостью“ (Halbheit); чего онъ хотѣлъ, того хотѣлъ не шутя, что говорилъ, то говорилъ вполнѣ, до конца,—если онъ не видѣлъ возможности или не находилъ надобности выражать свою мысль во всей ея силѣ, онъ лучше вовсе не выражалъ ея. Поэтому, первое впечатлѣніе, произведенное „Литературными письмами“, было впечатлѣніе страшной рѣзкости сужденій. Видя необходимость для нѣмецкой литературы въ совершенномъ разрывѣ съ прежними вздорными формалистическими стремленьицами, онъ безъ всякихъ церемоній и безъ малѣйшихъ уступокъ доказывалъ, что всѣ произведенія, нравившіяся до той поры публикѣ и превозносимыя рецензентами, никуда не годятся, а самыя великія литературныя знаменитости—или люди безталанные, или погубившіе свой талантъ (послѣднее говорилъ онъ о Клопштокѣ, первое—о всѣхъ остальныхъ знаменитостяхъ), что всѣ прежнія литературныя понятія—чистый вздоръ. Никакихъ уступокъ не дѣлалъ онъ заблужденію, и безусловно отрицалъ всякое достоинство въ явленіяхъ, важнаго значенія которыхъ не смѣли отвергать даже люди, принадлежавшіе къ его школѣ. Въ этомъ состоитъ очевиднѣйшее отличіе „Литературныхъ писемъ“ отъ „Библіотеки изящныхъ искусствъ“. Примѣромъ его пусть служитъ знаменитая фраза о Готтшедѣ, какъ драматургѣ: „Никто не будетъ отрицать,—говорила „Библіотека“,—что нѣмецкій театръ въ значительной степени обязанъ своимъ первымъ усовершенствованіемъ г. профессору Готтшеду“. — „Я этотъ никто, — говорилъ Лессингъ, цитуя слова эти въ XVII-мъ письмѣ— я совершенно отрицаю это“.

Рѣзкость сужденій была первымъ условіемъ сильнаго вліянія „Литературныхъ писемъ“ на публику и писателей. Нѣмецкая мысль была тогда одержима такою вялою дремотою, что только самые сильные толчки могли пробудить ее. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, Лессингъ былъ именно человѣкъ, въ какомъ нуждалось то время. Только безпощадная діалектика, не оставлявшая ни одного уступчиваго слова для успокоенія, могла заставить публику и писателей признаться въ томъ, что литературныя дѣла ихъ дѣйствительно въ плохомъ состояніи, и пробудить въ нихъ потребность исправленія безжалостно раскрытыхъ недостатковъ.

Теперь, мысли, возбуждавшія изумленіе, когда явились въ „Литературныхъ письмахъ“, стали общими мѣстами, сужденія о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, возбуждавшія негодованіе, смѣшанное съ удивленіемъ, когда являлись въ „Литературныхъ письмахъ“, повторяются въ каждомъ учебникѣ, — стало быть, энергія выводовъ и выраженія не заводила Лессинга въ несправедливую односторонность; но не въ томъ только дѣло, что онъ былъ правъ, осуждая Клопштока и Крамера, Готтшеда и Бодмера: но много бы выиграли нѣмцы, если бы научились изъ „Литературныхъ писемъ“ только вѣрному взгляду на факты, обсуждавшіеся въ этомъ журналѣ—факты были вообще не слишкомъ важны. и, по правдѣ сказать, не стоило бы труда во-

Digitized by Google

все и говорить о нихъ, еслибъ нѣмцы были приготовлены къ тому, чтобъ слушать и понимать сужденія о чемъ нибудь важнѣйшемъ, нежели произведенія Готтшеда съ его союзниками и противниками. Важно было не столько пріобрѣтеніе нѣмецкимъ обществомъ сужденій о литературныхъ явленіяхъ, сколько то, что вмѣстѣ съ содержаніемъ сужденій перешелъ въ нѣмецкую мысль ихъ духъ,—духъ строгой, неостанавливающейся ни передъ какими выводами логики, не признающей за заблужденіемъ права на уступки, ищущей только чистой истины, какова бы ни была отъ того судьба нашихъ личныхъ предубѣжденій и поползновеній.

Нелѣпо было бы намъ, людямъ постороннимъ, быть безусловными поклонниками нѣмцевъ и ставить ихъ поэтовъ и мыслителей идеалами, передъ которыми ничтожны, напримѣръ, поэты и мыслители англійскіе и французскіе,—сами нѣмцы не впадаютъ въ такую ошибку, тѣмъ нелѣпѣе была бы она у насъ. Но безпристрастные люди всѣхъ націй согласны въ томъ, что если, вообще говоря, французскіе или англійскіе писатели имѣютъ во многихъ отношеніяхъ превосходство надъ нѣмцами *), то, по смѣлости взгляда и логичности выводовъ, нѣмцы стоятъ далеко выше ихъ. Французы съ парадоксальнымъ экстазомъ провозглашаютъ, сами изумляясь своей смѣлости, такія мысли, наивность которыхъ кажется прѣсною для нѣмца; англичане пресерьезно доказываютъ справедливость понятій, нелѣпость которыхъ очевидна для нѣмца съ перваго взгляда, — кромѣ того, они слишкомъ плохіе діалектики сравнительно съ нѣмцами. Широта и безпристрастіе взгляда чаще встрѣчаются у нѣмца, нежели у кого нибудь. Несправедливо было бы считать это достоинство особеннымъ качествомъ нѣмецкой національности—логическая сила есть общее достояніе человѣческаго ума; но то несомнѣнно, что вслѣдствіе привычки къ глубокому и безпристрастному мышленію, это драгоцѣнное качество сильнѣе развито въ настоящее время въ нѣмецкой, нежели въ какой бы то ни было другой націи. Нельзя приписывать, конечно, развитіе этой привычки исключительно или преимущественно вліянію одного какого нибудь человѣка, — оно было слѣдствіемъ общаго состоянія Германіи въ половинѣ прошлаго вѣка и свойства тѣхъ вопросовъ, на которые первоначально устремились умственныя силы нѣмецкаго народа. Съ одной стороны, факты его жизни были такъ незавидны, что не могли порождать особеннаго пристрастія къ себѣ: у нѣмцевъ не было ни блестящей національной исторіи, ни блестящихъ періодовъ литературы, какъ у французовъ и англичанъ, ни причинъ гордиться устройствомъ своего внутренняго быта, какъ у англичанъ, или умственнымъ владычествомъ надъ Европою, какъ у французовъ. Они не имѣли поводовъ быть пристрастными—не къ чему было пристраститься; не имѣли поводовъ быть робкими въ выводахъ изъ опасенія коснуться отрицаніемъ чего нибудь драгоцѣннаго, — имъ было нечего беречь и щадить. Съ другой стороны, первоначальною школою, въ которой воспитывалась ихъ мысль, было обсужденіе вопросовъ, болѣе или

*) Мы, конечно, говоримъ вообще о характерѣ литературъ, а не о немногихъ писателяхъ, составляющихъ рѣдкія исключенія; Гизо, напримѣръ, въ своей „Исторіи цивилизаціи“ французъ только по изложенію, а по духу—нѣмецъ; Гейне—чистый французъ; Мальтусъ—нѣмецъ по неуклонной логичности выводовъ.

Digitized by Google

менѣе отвлеченныхъ,—литературы, науки,—въ этихъ сферахъ, привыкнуть къ смѣлости и безпристрастію выводовъ легче, нежели въ сферѣ бытовыхъ и общественныхъ вопросовъ, гдѣ отъ положительнаго или отрицательнаго рѣшенія непосредственно зависитъ все матеріальное и общественное положеніе человѣка. И самая натура вопросовъ, къ которымъ первоначально обратилась пробуждавшаяся нѣмецкая мысль, и обстоятельства, въ которыхъ пробудилась она, развивали въ ней наклонность и потомъ привычку къ логичности выводовъ и широтѣ взгляда. Но того нельзя отрицать, что на сколько отдѣльный фактъ можетъ имѣть вліяніе на развитіе въ обществѣ извѣстныхъ стремленій, на столько „Литературныя письма" содѣйствовали образованію въ нѣмецкой мысли того драгоцѣннаго качества, о которомъ говорили мы. Эти письма были первымъ и чрезвычайно блестящимъ указаніемъ пути, по которому пошла нѣмецкая мысль. Дѣйствіе, произведенное ими, было очень сильно: всѣ могли учиться изъ этого примѣра, всѣ почувствовали желаніе идти по дорогѣ, въ первый разъ проложенной Лессингомъ.

По своей натурѣ, чрезвычайно живой и пылкой, Лессингъ вообще былъ расположенъ работать именно только надъ тѣмъ, что не могло быть совершено другими; въ немъ жило инстинктивное влеченіе геніальныхъ людей устремлять свое силы только на существеннѣйшую часть дѣла, предоставляя другимъ второстепеннымъ людямъ то, что уже по силамъ для нихъ—именно, разработку поставленной руководителемъ задачи и пользованіе доставленными имъ къ тому средствами; кромѣ того, онъ, какъ мы видѣли, имѣлъ ту особенность, что не любилъ держать въ зависимости отъ себя волю и умъ другихъ,—ему было противно завидное для столь многихъ положеніе главы школы, окруженнаго послѣдователями,—главною его задачею было возбужденіе самостоятельной дѣятельности въ другихъ, какъ скоро истинный путь былъ указанъ, дѣятельность возбуждена, онъ чувствовалъ свое дѣло совершеннымъ, ему скучно и противно было участвовать въ немъ долѣе, стѣсняя своимъ превосходствомъ развитіе другихъ,—онъ чувствовалъ уже влеченіе обратиться къ рѣшенію другихъ задачъ, еще не тронутыхъ. Именно такой характеръ и былъ тогда нуженъ для возрожденія нѣмецкой мысли въ мыслителѣ, который былъ бы предводителемъ новаго движенія. Характеръ Лессинга, какъ человѣка, соотвѣтствовалъ потребности Германіи въ такомъ писателѣ, который возбуждалъ бы къ дѣятельности, не отнимая работы у пробужденныхъ умовъ своимъ неотступнымъ участіемъ, который научалъ бы, не подчиняя. Ему скучно было долго оставаться на одномъ мѣстѣ или въ одинаковыхъ отношеніяхъ,—ему нужна была перемѣна обстановки, разнообразіе занятій.

Участіе его въ „Литературныхъ письмахъ" было очень непродолжительно,—оно длилось не болѣе того, сколько нужно было, чтобы возбудить напряженное вниманіе общества къ новому критическому направленію и образовать его дѣятелей, поставить, такъ сказать, на ноги людей, которые могли бы итти по указанному направленію. „Литературныя письма" начались съ началомъ 1759 года, они выходили маленькими еженедѣльными тетрадками,—первыя восемь тетрадокъ были написаны почти исключительно Лессингомъ (изъ девятнадцати „Писемъ", которыя составляютъ ихъ, только одно пе-

Digitized by Google

стое написано не Лессингомъ,—всѣ остальныя восемнадцать и общее введеніе принадлежатъ ему),—потомъ онъ писалъ много,—около третьей доли всѣхъ статей,—до конца октября 1759 года,—потомъ его статьи стали являться уже очень рѣдко, почти случайно,—потомъ и вовсе прекратилось его участіе, и онъ только пишетъ наконецъ заключительное (332-е) письмо, которымъ въ 1764 году оканчивается изданіе журнала, для котораго онъ въ первые два мѣсяца работалъ одинъ, потомъ нѣсколько болѣе полугода былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ, но послѣ, втеченіе четырехъ съ половиною лѣтъ, уже не считалъ нужнымъ принимать участіе, когда новое, начатое имъ направленіе, получило уже возможность продолжаться безъ его помощи.

Внѣшнею причиною прекращенія постоянной работы Лессинга для „Литературныхъ писемъ" было то, что онъ, проживъ около двухъ лѣтъ въ Берлинѣ, уѣхалъ изъ этого города,—отчасти соскучившись жить въ немъ, отчасти наскучивъ добывать себѣ пропитаніе литературною работою и подумавъ о томъ, чтобы обезпечить нѣсколько свое существованіе, отчасти наконецъ и то, что ему стало скучно общество берлинскихъ друзей.

Вообще, Лессингъ не встрѣчалъ въ жизни такихъ людей, дружба которыхъ долго сохраняла бы силу надъ его душевными стремленіями. Онъ былъ слишкомъ многимъ выше самыхъ лучшихъ изъ тѣхъ, съ которыми сводило его взаимное расположеніе и уваженіе. Слишкомъ короткія сношенія съ кѣмъ бы то ни было скоро становились для него отчасти скучными, отчасти стѣснительными, и онъ чувствовалъ потребность измѣнить свою обстановку, чтобы дружескія отношенія не разорвались его утомленіемъ. Эту черту мы замѣчаемъ во многихъ геніальныхъ людяхъ,—можно сказать, во всѣхъ тѣхъ изъ числа ихъ, которые не были подвержены пороку мелкой суетности, находящей удовольствіе въ порабощеніи себѣ кружка поклонниковъ, который воскурялъ бы имъ ѳиміамъ. Это надобно отличить отъ холодности или эгоизма. Почти каждый испытывалъ нѣчто подобное, когда случалось ему жить въ постоянномъ общеніи съ людьми, стоявшими по уму и развитію ниже его,—какъ бы сильно ни любилъ онъ этихъ людей, общество ихъ мало по малу становилось для него скучно, и онъ, сохраняя готовность дѣлать для нихъ все возможное, начиналъ думать, что свиданія съ ними были бы пріятнѣе, если бы сдѣлались рѣже. Чувство, испытываемое случайно, временно многими изъ насъ, почти постоянно испытывается геніальными людьми. Надолго могутъ быть пріятны постоянныя, ежедневныя бесѣды только между людьми, равными между собою. А такихъ людей почти не приходится встрѣчать человѣку, который самъ составляетъ рѣдкое исключеніе. Отсюда наклонность къ уединенію, овладѣвающая тѣми изъ людей геніальныхъ, которые могутъ довольствоваться уединеніемъ.

Лессингъ былъ не таковъ. Онъ не могъ жить безъ людей, однако же, всякій кружокъ скоро утомлялъ его,—отсюда у него происходило стремленіе къ перемѣнѣ кружковъ,—и самымъ легкимъ средствомъ къ достиженію этого были переѣзды съ одного мѣста на другое. Ни къ одному изъ своихъ друзей не охладѣвалъ онъ, но нигдѣ не могъ ужиться долго, и тѣмъ задушевнѣе были возвращенія его на нѣкоторое время въ тотъ или другой кру-

Digitized by Google

жокъ, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ отсутствія, въ продолженіе котораго так поддерживались самыя дружескія отношенія перепискою. Одинъ только дру не наскучилъ ему во всю жизнь,—правда и то, что этотъ единственный н замѣнимый другъ была женщина, мадамъ Кёнигъ, сдѣлавшаяся его жено когда, послѣ пяти-лѣтнихъ мучительныхъ хлопотъ объ обезпеченіи сво положенія для семейной жизни, онъ увидѣлъ наконецъ возможность ввес въ свой домъ ту, которая уже пять лѣтъ была его невѣстою. Тогда Л сингъ поселился въ Вольфенбюттелѣ,—а теперь, ему не для кого еще бы слишкомъ долго оставаться въ Берлинѣ. Тѣмъ съ большею радостью пок нулъ онъ Берлинъ, что жилъ тамъ единственно литературною работою. этотъ способъ добывать хлѣбъ тяжелъ казался Лессингу; да и дѣйствитель былъ тогда самымъ скуднымъ обезпеченіемъ. Случайно представилась е возможность занять мѣсто секретаря при генералѣ Тауэнцинѣ, бреславско губернаторѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ завѣдывавшемъ чеканкою монеты. Генера былъ любимцемъ Фридриха, преданный всею душею своему государю и поководцу. Лессингъ давно уже хлопоталъ, чтобы найти себѣ какое нибу мѣсто. Онъ хотѣлъ принять даже должность квартирмейстера при одно изъ прежнихъ полковъ,—мало того, носились слухи, что онъ готовъ да поступить офицеромъ въ одинъ изъ милиціонныхъ батальоновъ. Тѣмъ большею радостью принялъ онъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ,—мѣсто хорошимъ жалованьемъ, простиравшимся чуть ли не до тысячи талеровъ, мѣсто, обѣщавшее самую разнообразную и живую обстановку, потому Бреславль былъ однимъ изъ главныхъ центровъ военнаго управленія в то время,—время Семилѣтней войны, -кипѣлъ жизнью; —быть можетъ, Л сингъ разсчитывалъ и на лагерную жизнь, которую дѣйствительно пришл ему испытать черезъ нѣсколько времени, когда Тауэнцинъ велъ осаду кр пости Швейдница.

По обыкновенію, Лессингъ ни съ кѣмъ не совѣтовался въ этомъ с чаѣ; по обыкновенію, даже не предупредилъ друзей о своемъ отъѣздѣ, внезапно исчезъ изъ Берлина, какъ прежде исчезалъ изъ Лейпцига, Виттенберга и т. д.,—Николаи съ Мендельсономъ только могли покач головою при этомъ сюрпризѣ, какъ прежде качалъ головою Вейссе, нео данно нашедши опустѣвшей квартиру своего друга.

Ускакавъ изъ Берлина въ концѣ 1760 года, Лессингъ былъ снач въ восторгѣ отъ перемѣны своего положенія. Но скоро восторгъ прош Сухія должностныя обязанности отнимали слишкомъ много времени у нов секретаря,—онъ думалъ, что эта механическая работа будетъ служить отдыхомъ отъ его ученыхъ и поэтическихъ трудовъ,—но онъ тосковал томъ времени, когда могъ располагать всѣми часами дня по своему про волу. Служебныя свои обязанности онъ исполнялъ, какъ надобно дум очень внимательно, потому что оставался на этомъ мѣстѣ болѣе четыр лѣтъ, и Тауэнцинъ просилъ его остаться, когда онъ рѣшился возвратит въ Берлинъ,—но онѣ были скучны для него. Въ матеріальномъ отнош служба при Тауэнцинѣ была самымъ лучшимъ періодомъ въ жизни Л синга. Получая значительное (сравнительно съ своими привычками) жа ванье, онъ былъ далекъ отъ нужды, напротивъ, имѣлъ даже избытокъ.

Digitized by Google

торый употребилъ на составленіе прекрасной библіотеки. Не менѣе пріятны были и его отношенія къ бреславскому обществу. Не стѣсненный денежными недостатками, онъ могъ имѣть всѣ развлеченія, и, какъ слѣдовало ожидать отъ его характера, пользовался ими вполнѣ. Почти каждый вечеръ, окруженный толпою пріятелей, онъ бывалъ въ театрѣ,—потомъ вечеръ заканчивался дружескими ужинами у самого Лессинга или у кого нибудь изъ его пріятелей. Но интереснѣе ужина и даже веселыхъ или ученыхъ бесѣдъ, было для Лессинга другое препровожденіе времени, къ которому онъ пристрастился въ Бреславлѣ,—это карты. Лессингъ велъ большую игру,—въ результатѣ, онъ не проигрался и не разбогатѣлъ, но выигрыши и проигрыши его часто бывали очень значительны. Любовь къ картамъ онъ сохранилъ до конца жизни, хотя впослѣдствіи игралъ уже не такъ часто, и будучи менѣе обезпеченъ, долженъ былъ вести игру осторожнѣе и умѣреннѣе. Въ Бреславлѣ же, онъ скоро прослылъ однимъ изъ самыхъ отважныхъ и страстныхъ игроковъ. Старые берлинскіе друзья, да и изъ бреславскихъ тѣ, которые были близки къ нему, сильно упрекали его за эту страсть,—но Лессингъ шутливо отвѣчалъ имъ цѣлыми длинными рѣчами, въ которыхъ доказывалъ тысячами самыхъ основательныхъ доводовъ, что азартная игра—занятіе не только привлекательное, но истинно полезное для души и тѣла. Для примѣра, вотъ одно изъ этихъ доказательствъ. По словамъ Лессинга карты—превосходное гигіеническое средство. Этимъ онъ опровергалъ извѣстное замѣчаніе, что, не говоря о раззорительности для кармана, надобно удерживаться отъ большой игры уже и потому, что ея волненія разрушительны для организма. „Напротивъ, говорилъ онъ:—я играю именно для здоровья. Волненіе оживляетъ мой организмъ; онъ возвышаетъ энергію всѣхъ физіологическихъ отправленій, разгоняетъ всѣ накопляющіеся дурные соки и т. д. Вы говорите съ ужасомъ о потѣ, который выступаетъ у меня на лбу при большихъ ставкахъ—именно этотъ потъ и есть прекрасное лекарство. Вспотѣвъ хорошенько, человѣкъ исцѣляется отъ всякихъ болѣзней“. На подобныя выдумки въ защиту своего любимаго развлеченія онъ былъ неистощимъ.

Не однимъ тѣмъ, что онъ пристрастился къ игрѣ, были недовольны его старые друзья—они упрекали его въ томъ, что онъ для картъ и должностныхъ бумагъ бросилъ литературу. Въ самомъ дѣлѣ, во весь періодъ своей бреславльской жизни, Лессингъ ничего не напечаталъ; цѣлыя пять лѣтъ нѣмецкая публика не читала ни одной новой строки, имъ написанной. Это въ самомъ дѣлѣ казалось непростительнымъ погребеніемъ таланта въ землю. Словеснымъ и письменнымъ укоризнамъ не было конца. Выведенный изъ терпѣнія, Мендельсонъ (съ которымъ онъ былъ ближе, нежели съ кѣмъ нибудь) не удовольствовался даже и этими способами обличенія. Издавая въ 1763 году собраніе своихъ „Философскихъ сочиненій“, онъ при нѣсколькихъ экземплярахъ этой книги,—изъ которыхъ одинъ былъ посланъ къ Лессингу, а другіе розданы общимъ ихъ друзьямъ,—припечаталъ слѣдующее полушутливое, полусерьезное

ПОСВЯЩЕНІЕ СТРАННОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Digitized by Google

„Писатели, поклоняющіеся публикѣ, жалуются на глухоту этой богини: она требуетъ, чтобы ее чтили и умоляли, говорятъ они, отъ утра до полудня они взываютъ къ ней—и нѣтъ ни гласа, ни отвѣта на всѣ мольбы. Я приношу мою книгу къ стопамъ идола, имѣющаго упрямство быть столь же глухимъ къ мольбѣ. Я взывалъ къ нему, и онъ не отвѣчаетъ. Теперь обвиняю его передъ глухимъ судьею, публикою,—судьею, очень часто изрекающимъ справедливые приговоры, ничего не слыша.

„Насмѣшники говорятъ: Взывай громогласно! онъ пишетъ драмы, онъ занятъ дѣлами, онъ уѣхалъ въ путь или быть можетъ онъ спитъ, да пробудится онъ!—О, нѣтъ! писать драмы онъ можетъ, но—увы! не хочетъ; пуститься въ путешествіе онъ захотѣлъ бы, но не можетъ; спать?—для этого слишкомъ бодръ его духъ; заниматься дѣломъ?—для этого онъ слишкомъ лѣнивъ. Нѣкогда серьезная рѣчь его была оракуломъ для мудрецовъ, насмѣшка его—бичомъ для глупцовъ; но теперь замолкъ оракулъ, и безнаказанно буйствуютъ глупцы. Онъ передалъ свой бичъ другимъ, но они бьютъ слишкомъ слабо, потому что боятся видѣть кровь;—а онъ—если онъ не слышитъ и не говоритъ, не чувствуетъ и не видитъ—чтожь онъ дѣлаетъ?—играетъ!

„Wenn er nicht hört, noch spricht, nicht fühlt,
Noch sieht, was thut er denn?—Er spielt“.

Но не трогался Лессингъ никакими упреками,—онъ дѣйствительно былъ глухъ и нѣмъ,—ничего не печаталъ и игралъ въ карты. Сколько ужъ лѣтъ, работая какъ почтовая лошадь, онъ мечталъ о такомъ положеніи, въ которомъ не былъ бы принужденъ писать и писать, чтобы не умереть съ голоду! Принужденная литературная работа тяжелѣе и прискорбнѣе всякой другой принужденной работы,—отдыхъ послѣ нея кажется отраднѣе всякаго другаго. Лессингъ наслаждался имъ. Но не пропали для него, какъ писателя, эти годы, въ которые, какъ казалось постороннему зрителю, онъ покидалъ свой секретарскій столъ только для того, чтобы перейти къ карточному столу, изъ-за оффиціальнаго обѣда у своего начальника вставалъ только за тѣмъ, чтобы ѣхать въ театръ или на вечеръ (кстати, надобно замѣтить, что Лессингъ былъ отличный танцоръ) и потомъ сѣсть за шумный ужинъ,—не безполезно прошли эти годы. Онъ находилъ время для ученыхъ занятій, очень разнообразныхъ и серьезныхъ,—въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ для себя теперь больше, нежели когда нибудь. Онъ читалъ, по обыкновенію, страшно много, и постоянно переходилъ отъ одной отрасли науки къ другой, отъ одного ученаго изысканія къ другому. Богословіе, философія, эстетика, исторія, законовѣдѣніе, естественныя науки по очередно были изучаемы имъ вновь. Не пропали и часы, проведенные въ обществѣ—напротивъ, они были для него, какъ литератора, полезнѣе, нежели вся его прежняя жизнь. Обыкновенно, литературная или ученая карьера какъ то мало-по-малу отдаляетъ человѣка отъ непосредственной жизни въ такъ называемыхъ прозаическихъ общественныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ эти отношенія составляютъ основной элементъ жизни, ту почву, на которой развивается вся умственная, нравственная, эстетическая и т. п. и т. п. жизнь,—почву, безъ непосредственнаго изученія которой всѣ такъ называемыя высшія направленія и стремленія будутъ представляться въ фальшивомъ свѣтѣ. Писатель или ученый, если онъ принадлежитъ только цеху своего спеціальнаго занятія, мало-помалу пріучается смотрѣть на жизнь съ своей цеховой точки зрѣнія; а смотрѣть на міръ съ цеховой точки вредно для мысли, какому бы цеху ни принад-

Digitized by Google

лежала эта точка,—высокому или низкому, пошлому или идеальному. Поэтъ, разсматривающій людей въ артистическомъ отношеніи, не менѣе одностороненъ и, по правдѣ говоря, не менѣе пошлъ, нежели сапожникъ, разсматривающій ихъ въ отношеніи къ сапожному производству. Потому великое счастіе для литератора, если онъ испыталъ жизнь не только какъ литераторъ, а также какъ человѣкъ многоразличныхъ положеній, въ которыя ставитъ человѣка прозаическая карьера,—тогда легче ему оторваться отъ односторонности, понять жизнь во всей ея правдѣ. На послѣдующихъ драмахъ Лессинга отразилось то, что онъ долго имѣлъ сношенія съ людьми не какъ литераторъ, а какъ секретарь, черезъ руки котораго проходили и военныя, и гражданскія, и финансовыя дѣла.

Всѣми критиками это замѣчено на драмѣ, докончивъ которую, онъ оставилъ мѣсто при Тауэнцинѣ,—знаменитой „Миннѣ фонъ-Барнгельмъ".

Изъ того, что Лессингъ ничего не печаталъ, пока жилъ въ Бреславлѣ, напрасно заключали его недовѣрчивые друзья, что онъ бросилъ литературный трудъ. Напротивъ, лишь только отдохнулъ онъ отъ истощающей нравственныя и физическія силы срочной работы, какъ съ новымъ жаромъ и гораздо большею сосредоточенностью, нежели когда нибудь, принялся за литературу. Отдыхъ отъ срочной и мелкой работы послужилъ ему для созданія капитальныхъ произведеній, изъ которыхъ однимъ положилъ онъ начало истинно національной поэтической литературѣ въ Германіи, другимъ основалъ новую теорію искусства, принципы которой остались навсегда непреложными. Въ Бреславлѣ написалъ онъ драму „Минна фонъ-Барнгельмъ" и изслѣдованіе о характеристическихъ отличіяхъ поэзіи отъ другихъ искусствъ, „Лаокоонъ".

Въ пять лѣтъ ему страшно наскучили оффиціальныя обязанности, тоска по литературной жизни развивалась все сильнѣе и сильнѣе. Онъ долго оставался на мѣстѣ, которымъ скучалъ,— это потому, что ему хотѣлось возстановить отдыхомъ свое здоровье и сбереженіями изъ жалованья нѣсколько обезпечить себѣ на первое время средства къ жизни. Наконецъ, эти цѣли были достигнуты,—здоровье поправилось; денегъ онъ сберегъ, правда, немного,—всего нѣсколько сотъ талеровъ,—но онъ видѣлъ, что при своей беззаботности о деньгахъ, больше онъ не соберетъ. Оставаться долѣе въ Бреславлѣ было не зачѣмъ, и онъ рѣшился покинуть мѣсто секретаря. Въ матеріальномъ отношеніи, промѣнъ службы на литературу былъ не выгоденъ,—это зналъ онъ самъ, это говорили ему и родные, уже надѣявшіеся было, что онъ навсегда останется на служебной дорогѣ, обѣщавшей много выгодъ, и сожалѣвшіе теперь, что онъ разрушалъ ихъ мечты о его будущемъ высокомъ рангѣ, богатствѣ и т. д.,—но ему стало несносно долѣе тратить часть времени на сухія оффиціальныя обязанности, ему до крайности опротивѣло быть въ оффиціальной зависимости. „Большую половину своей жизни я прожилъ,—писалъ онъ отцу, какъ бы предчувствуя, что не доживетъ до старости (тогда ему было 34 года)—и не знаю, зачѣмъ было бы мнѣ отравлять зависимостью меньшую остающуюся мнѣ половину ея. Пишу (и долженъ писать) вамъ это, батюшка, чтобы вамъ не показалось странно, когда я вдругъ (и это будетъ скоро) откажусь отъ в

Digitized by Google

деждъ и притязаній на такъ называемое прочное счастье. Теперь я тверже, чѣмъ когда нибудь, рѣшился не принимать никакого должностнаго мѣста, если оно не будетъ совершенно по моему вкусу". Въ самомъ дѣлѣ, видно, что очень надоѣли ему оффиціальныя обязанности: ему предлагали каѳедру словесности въ Кёнигсбергскомъ университетѣ, но онъ отказался и явился въ Берлинъ (въ маѣ 1765) снова литературнымъ бобылемъ.

Именно, бобылемъ, потому что, когда онъ обзавелся хозяйствомъ, онъ увидѣлъ, что изъ небольшой суммы, сбереженной въ Бреславлѣ, не остается у него ровно ничего. Часть денегъ,—болѣе, нежели могъ,—онъ, по обыкновенію, отдалъ роднымъ, которыхъ постоянно поддерживалъ, не смотря на собственную нужду,—обзаведеніе хозяйствомъ обошлось дороже, нежели онъ разсчитывалъ,—провозъ библіотеки стоилъ дорого,—помогъ истощенію его кошелька и непредвидѣнный случай: слуга, съ которымъ обращался онъ чрезвычайно ласково и гуманно, „скорѣе, какъ съ братомъ, нежели какъ съ слугою", — и котораго онъ отправилъ раньше себя въ Берлинъ съ платьемъ и вещами, по пріѣздѣ въ Берлинъ вздумалъ дѣйствительно разъиграть роль безцеремоннаго брата: одѣлся въ платье Лессинга, нанялъ квартиру „для себя и своего брата", въ качествѣ брата воспользовался кредитомъ, который имѣлъ Лессингъ, набралъ себѣ денегъ на его имя, потомъ удалился изъ Берлина съ платьемъ, вещами и деньгами. Такимъ образомъ, пришлось Лессингу не только дѣлать себѣ платье (въ чемъ онъ думалъ долго не имѣть нужды), но и платить долги. Огорчился и разсердился онъ, нашедши въ Берлинѣ такой сюрпризъ,—особенно потому, что теперь долженъ былъ пріостановиться на нѣкоторое время исполненіемъ разныхъ обѣщаній сестрѣ, которой хотѣлъ послать подарки, и брату, которому хотѣлъ дать денегъ—но лишь только прошла первая вспышка досады, врожденное добродушіе взяло верхъ, и онъ не хотѣлъ даже подать жалобы на вора. И когда ему сказали, что бреславльскій его слуга купилъ въ какомъ-то городкѣ домикъ и открылъ кофейную, онъ замѣтилъ только: „А, ну такъ значитъ, мои деньги пошли ему въ прокъ".

Много было ему хлопотъ и нужды, — пришлось отказаться и отъ обольстительнаго проэкта посѣтить Италію, и особенно Грецію, чего ему очень хотѣлось,—пришлось отказаться и отъ мечты не торопиться срочною литературною работою для денегъ, а работать только надъ капитальными произведеніями.

Онъ хотѣлъ было ограничиться одною, двумя любимыми отраслями знанія (говоритъ его братъ, котораго онъ взялъ къ себѣ, переѣхавъ въ Берлинъ). Этого неудалось, тяжело ему было безвыходно сидѣть за письменнымъ столомъ въ душномъ кабинетномъ воздухѣ,—что ему представлялось такою пріятною перспективою въ Бреславлѣ. Тяжело было и работать не такъ, какъ хотѣлось, а по требованію оригинала въ типографію. Вотъ онъ погрузился въ работу—кругъ его мысли расширяется, надобно сдѣлать новыя изслѣдованія, внести въ сочиненіе новые взгляды—какое открытіе! какъ проясняется предметъ! Вопросъ представляется въ новомъ свѣтѣ!— Но стучится въ дверь разсыльный изъ типографіи, и требуетъ продолженія рукописи, которая печатается.—Листы для отсылки въ типографію были го-

Digitized by Google

товы, надобно было только просмотрѣть ихъ,—поэтому онъ всталъ рано, и сѣлъ просматривать поскорѣе,—но ему пришли новыя мысли,—онъ сталъ писать, рукопись осталась не просмотрѣна,—„зайди черезъ два, три часа, будетъ готово“—„ахъ, какъ развлеклись мысли, трудно съ вниманіемъ просматривать прежнюю рукопись“,—но онъ не встанетъ съ мѣста, пока не приготовитъ для типографіи,—приходитъ разсыльный въ назначенное время,—та же исторія, то же мученье.

„Онъ ходилъ по комнатѣ, садился за столъ, вставалъ, бросался на кровать,—опять садился.—„Нѣтъ, лучше все, что угодно, чѣмъ прочитывать къ типографскому сроку свою работу! Братъ!—говорилъ онъ:—быть писателемъ отвратительнѣйшее, пошлѣйшее дѣло! Мой примѣръ тебѣ урокъ“!

Но такъ или иначе, печатать было нужно, чтобы не быть безъ гроша денегъ,—и эта необходимость заставила его неутомимѣе трудиться надъ окончательною обработкою „Минны фонъ-Барнгельмъ“ и „Лаокоона“.

Имя Лессинга, какъ драматурга, было уже прославлено драмою „Миссъ Сара Сампсонъ“, которая явилась въ 1755. Мы не будемъ разсказывать здѣсь содержаніе пьесы,—это мы сдѣлаемъ послѣ; теперь довольно сказать нѣсколько словъ о ея значеніи въ искусствѣ. Извѣстенъ переворотъ, произведенный во французской драмѣ теоріею Дидро о томъ, что драмѣ пора начать, вмѣсто героевъ и полководцевъ, изображать человѣка такого, какъ мы всѣ, въ такой обстановкѣ и такихъ коллизіяхъ, которыя знакомы всѣмъ намъ изъ собственнаго опыта, по собственной радости и скорби, а не изъ Тита Ливія и Плутарха; извѣстно громадное дѣйствіе драмъ, написанныхъ Дидро по этому принципу. Дидро опирался въ этомъ на англійскихъ драматурговъ,—Лессингъ, изучившій Дидро (котораго онъ переводилъ) и англійскую драму, проникся тою же теоріею, и „Миссъ Сара Сампсонъ“ была слѣдствіемъ этого настроенія.

Въ теоріи первенство остается безспорно за Дидро. Лессингъ самъ говоритъ, что учился у него; но оправдать на дѣлѣ теорію,—значитъ, вполнѣ прояснить ее для себя, Лессингъ успѣлъ раньше, нежели самъ изобрѣтатель теоріи. Первая драма Дидро изъ быта среднихъ классовъ (tragédie bourgeoise, drame bourgeois) явилась двумя годами послѣ „Сары Сампсонъ“. Дидро написалъ разборъ ея въ „Journal étranger“, и, конечно, восхищается блистательнымъ приложеніемъ своей теоріи къ дѣлу. Въ общей исторіи литературы, Дидро, предупредившій Лессинга въ одномъ отношеніи, былъ предупрежденъ имъ въ другомъ. Въ исторіи нѣмецкой литературы „Сара Сампсонъ“ занимаетъ такое же мѣсто и произвела такое же дѣйствіе, какъ драмы Дидро во французской. Тутъ въ первый разъ холодный блескъ и пустозвонное величіе внѣшности уступило мѣсто истинному патетизму, театральный герой съ картоннымъ мечомъ — дѣйствительному человѣку. Дидро справедливо заключаетъ свою рецензію драмы Лессинга словами:

„Быть можетъ, искусству нужно еще усовершенствоваться въ Германіи; но германскій геній уже обратился [illegible] да идетъ онъ по этому пути“.

Искусству дѣйствительно остал[illegible]

Digitized by Google

сколько шаговъ, чтобы создавать истинно великое,—чрезъ всѣ эти ступени провелъ его Лессингъ послѣдующими своими драмами. Первое требованіе, которому надобно было удовлетворить послѣ того, какъ „Сарою Сампсонъ“ введена была въ искусство натура, введенъ былъ человѣкъ и истинный паѳосъ, —первое требованіе далѣе было введеніе въ искусство національнаго и современнаго содержанія. Это было исполнено Лессингомъ въ драмѣ „Минна фонъ-Барнгельмъ“.

Мы уже говорили, что Лессингъ былъ первымъ сильнымъ представителемъ въ нѣмецкой литературѣ того плодотворнаго вліянія иноземной высшей цивилизаціи, когда народъ отъ слѣпаго подражанія внѣшней формѣ переходитъ къ пониманію и воспріятію духа цивилизаціи. „Миссъ Сара Сампсонъ“ была произведеніемъ этого періода. Теорія Дидро и практическій примѣръ, указанный англійскими драматургами, произвели эту пьесу. Мы видѣли уже, что Дидро узналъ въ ней плодъ своей мысли; еще болѣе очевидно въ ней вліяніе англійскихъ образцовъ, которое отразилось на самомъ сюжетѣ, выбранномъ для пьесы. Дѣйствующія лица въ ней—англичане; вся обстановка дѣйствія—англійская. Нѣмецъ видѣлъ въ ней человѣка, но еще не видѣлъ въ ней себя. У насъ нѣтъ оригинальнаго произведенія, съ которымъ можно было бы сравнить „Сару Сампсонъ“ по отношеніямъ ея къ прежней подражательной формалистической и послѣдующей самобытной литературѣ съ національнымъ содержаніемъ,—наши русскія оригинальныя произведенія соотвѣтствующей степени историческаго развитія слишкомъ ничтожны.—Но, хотя посредствомъ другаго способа, въ другой отрасли поэзіи, въ гораздо тѣснѣйшей односторонности содержанія, сдѣлалъ для русской литературы нѣчто подобное Жуковскій своими переводами и подражаніями. Онъ познакомилъ насъ въ поэзіи съ человѣческими (вообще человѣческими, не нашими именно) чувствами, черезъ него мы узнали, что истинная поэзія не въ пышныхъ сюжетахъ и пустозвонной реторикѣ одъ, не въ изображеніи героевъ, которые

Ступятъ на горы—горы трещатъ,
Лягутъ на бездны—воды кипятъ,

которые берутъ приступомъ города и, не удовлетворяясь этимъ,

Башни за облакъ рукою кидаютъ,—

а въ доступныхъ каждому изъ насъ, болѣе или менѣе знакомыхъ каждому изъ насъ чувствахъ дѣвушки, у которой убитъ милый („Ленора“), юноши, бросающагося на неизбѣжную почти смерть, чтобы получить руку любимой и любящей дѣвушки („Кубокъ“), въ ревности мужа, тоскливыхъ страданіяхъ жены, полюбившей другаго („Замокъ Смальгольмъ“)—это еще не мы, какъ русскіе, но мы, какъ люди.

Внѣшность явленій, нами сближаемыхъ, совершенно различна: у Лессинга—драма, у Жуковскаго—лирическія стихотворенія; у Лессинга—оригинальное созданіе, у Жуковскаго переводы; у Жуковскаго во всемъ примѣсь болѣзненнаго романтизма, у Лессинга—здравое пониманіе свѣжей жизни,—сами по себѣ, сближенныя нами явленія не имѣютъ ни малѣйшаго сход-

Digitized by Google

ства; нелѣпо было бы находить и какое нибудь подобіе между ними по внутреннему достоинству. Но въ цѣпи развитія литературной мысли, но по дѣйствію на публику, дѣятельность Жуковскаго соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени тому, что сдѣлалъ для нѣмецкой литературы Лессингъ своею „Сарою Сампсонъ“. Это соотвѣтствіе состоитъ въ томъ, что въ поэзію введенъ былъ человѣкъ, истинно человѣческій паѳосъ, вмѣсто подражательной формалистики и холоднаго блеска обстановки,—но еще не введено было національное содержаніе. Введеніе его должно было составить новый фазисъ литературнаго развитія.

Это сдѣлано для нѣмецкой литературы Лессингомъ въ слѣдующей драмѣ, „Минна фонъ-Барнгельмъ“. Тутъ въ первый разъ увидали нѣмцы себя и свою жизнь предметомъ художественнаго воспроизведенія.

По принятому плану, мы разскажемъ содержаніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“ въ отдѣльномъ эскизѣ, а здѣсь довольно будетъ замѣтить, что сюжетъ пьесы таковъ: майоръ фонъ-Телльгеймъ, храбрый прусскій офицеръ, при уменьшеніи состава арміи послѣ Семилѣтней войны, уволенъ въ отставку. У него была невѣста, дѣвушка изъ богатой саксонской фамиліи (Минна фонъ-Барнгельмъ). Они любятъ другъ друга. Но, оставшись безъ куска хлѣба и безъ значенія въ обществѣ, Телльгеймъ думаетъ, что безчестно было бы ему теперь не освободить отъ всякихъ обязательствъ относительно его дѣвушку, которая дала ему слово при другихъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ невѣста съ дядею своимъ пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ живетъ онъ,—такъ было условлено прежде. Но женихъ рѣшился скрыться отъ невѣсты,—случайно встрѣчаетъ она его въ гостинницѣ, въ которой остановилась,—онъ говоритъ: „я теперь долженъ отказаться отъ васъ, я вамъ не партія“; дѣло кончается, конечно, свадьбою, вслѣдствіе различныхъ коллизій, которыхъ не нужно здѣсь разсказывать въ подробности,—читатели уже видятъ, что содержаніе пьесы взято цѣликомъ изъ нѣмецкой жизни и должно касаться живыхъ тогда современныхъ вопросовъ,—дѣйствительно, оно касается ихъ до такой степени, что въ Берлинѣ сначала запретили было представленіе пьесы, но тотчасъ одумались. Судьба многихъ храбрыхъ офицеровъ, оставшихся по окончаніи войны безъ куска хлѣба, подобно Телльгейму, возбуждала въ Пруссіи живое участіе (это было вскорѣ по заключеніи мира). Сюжетъ пьесы заимствованъ, по признанію самого Лессинга, изъ дѣйствительнаго случая, бывшаго въ Бреславлѣ. Лица и нравы въ пьесѣ—чисто нѣмецкіе. Наконецъ, читатели замѣтятъ истинно національную тенденцію пьесы,—любовь саксонки Барнгельмъ и пруссака Телльгейма служитъ какъ бы символомъ примиренія разорванныхъ нѣмецкихъ племенъ, соединенія ихъ въ одномъ національномъ чувствѣ, и вся пьеса является протестомъ противъ племенной вражды, воззваніемъ къ примиренію, забвенію прошлыхъ обидъ,—воззваніемъ къ національному единству.

Въ первый разъ являлось все это въ нѣмецкой поэзіи,—эта народность лицъ и сюжета, идеи и обстановки. Чтобы живѣе понять значеніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“ въ развитіи нѣмецкой мысли, мы можемъ припомнить значеніе „Евгенія Онѣгина“ въ нашей литературѣ. Сравненіе этихъ произведеній въ художественномъ отношеніи [illegible] равленію [illegible]

Digitized by Google

было бы нелѣпо. Но они сходны въ томъ, что составляетъ ихъ главное значеніе: оба они были, каждое въ своей литературѣ, первыми произведеніями съ содержаніемъ, взятымъ изъ національной жизни, и какъ „Онѣгинымъ“ въ русской, такъ „Минною фонъ-Барнгельмъ“ въ нѣмецкой литературѣ вводится новый элементъ, начинается новый фазисъ развитія.

Вспомнивъ громадный успѣхъ „Онѣгина“, мы легко можемъ вообразить себѣ, каково было впечатлѣніе, произведенное „Минною фонъ-Барнгельмъ“. Оно было огромно. По нѣскольку мѣсяцевъ каждый день давалась эта пьеса на театрахъ,—впродолженіе десятковъ слѣдующихъ лѣтъ число ея представленій на каждомъ изъ нѣмецкихъ театровъ надобно считать едва ли не тысячами. Вся литература быстро измѣнила характеръ,—количество пьесъ, написанныхъ подъ вліяніемъ „Минны фонъ-Барнгельмъ“, было неимовѣрно. Эти подражанія и передѣлки, по общей судьбѣ подражаній, мало обогатили нѣмецкую литературу; но открылся литературѣ новый міръ,—міръ родной жизни,—быстро развилась въ ней самобытность, окрылились этимъ направленіемъ самобытные геніи, и черезъ шесть-семь лѣтъ послѣ „Минны фонъ-Барнгельмъ“ является уже „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ и „Вертеръ“.

Послѣ краткихъ указаній на содержаніе „Минны фонъ-Барнгельмъ“, нѣтъ надобности говорить, даромъ ли прошли для Лессинга, какъ поэта, годы, которые прожилъ онъ секретаремъ у Тауэнцина,—вся пьеса возникла изъ той жизни, свидѣтелемъ и участникомъ которой Лессингъ былъ въ Бреславлѣ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ „Миссъ Сары Сампсонъ“—„Минна фонъ-Барнгельмъ“ *),—какой огромный шагъ впередъ! Эти пьесы раздѣлены одна отъ другой тою бездною, какая раздѣляетъ, напримѣръ, „Свѣтлану“ или „Людмилу“ отъ пьесы Пушкина „Женихъ“,—беремъ для сравненія мелкіе примѣры, за отсутствіемъ болѣе значительныхъ, но вообще, отношеніе Лессинга, какъ автора „Сары“, къ Лессингу, какъ автору „Минны“, таково же, какъ отношеніе Жуковскаго къ Пушкину **).

До того періода, который начался появленіемъ „Минны фонъ-Барнгельмъ“, нѣмецкая поэзія страдала безжизненностью. Этотъ недостатокъ былъ общимъ характеромъ и всѣхъ тѣхъ періодовъ различныхъ литературъ, которыя въ первой половинѣ XVIII вѣка считались періодами высочайшаго развитія поэзіи,—безжизненностью страдала поэзія римлянъ и особенно Виргилія, который былъ идеаломъ для итальянскихъ поэтовъ XVI вѣка и французскихъ поэтовъ XVII вѣка; безжизненностью страдали и эти поэты, въ свою очередь; холодная формалистика, изъ Италіи покорившая Францію, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка изъ Франціи распространилась не только на едва возникавшую литературу Германіи, но овладѣла даже и модною англійскою литературою, подавила преданія, завѣщанныя Шекспи-

*) Эта драма напечатана въ 1767 году, но написана въ 1763.

**) Конечно, мы сравниваемъ не таланты поэтовъ, а мѣста, занимаемыя ими въ развитіи той и другой литературы; не достоинство произведеній, а элементы жизни, ими обнимаемые. Само собою разумѣется, что и въ послѣднемъ смыслѣ, подобіе не есть равенство. Преемственность фазисовъ развитія одинакова; но по степени силы и полноты, съ которыми охватывается данный элементъ содержанія, между параллельными фазисами различныхъ литературъ можетъ существовать безконечное различіе.

Digitized by Google

ромъ и Мильтономъ. При такомъ всеобщемъ владычествѣ, недостатокъ былъ возведенъ въ теорію, безжизненность, губившая искусство, была поставлена верховнымъ закономъ его. Неподвижность, отсутствіе дѣйствія въ поэзіи проповѣдывались теоріею, лозунгомъ которой были знаменитыя слова Горація: „Ut pictura poësis"—слова, понимавшіяся въ самомъ утрированномъ смыслѣ: „пусть поэзія превратится въ живопись, пусть она подражаетъ живописи". Всѣмъ поэтамъ было заповѣдано стараться превзойти другъ друга длиннотою и мелочностью всякихъ описаній, разсматривающихъ предметъ какъ неподвижный, бездѣйственный. Описательная поэзія была повсюду любимымъ родомъ; во всѣхъ другихъ родахъ поэзіи рисовались безчисленные длиннѣйшіе ландшафты, портреты красавицъ и героевъ съ описаніемъ каждаго волоска; изъ-за ландшафтовъ поэтъ забывалъ о дѣйствующихъ лицахъ, изъ-за портретовъ дѣйствующихъ лицъ забывалъ о ихъ жизни.

Все это дѣлалось по теоріи. Теорія имѣетъ очень сильное вліяніе на практику. Не довольно было для оживленія нѣмецкой поэзіи практически ввести въ поэзію жизнь: чтобы поданный примѣръ оказалъ полное вліяніе на дѣятелей литературы, надобно было также теоретически разрушить теоретическіе предразсудки, сбивавшіе съ толку поэтовъ. Не довольно было проложить прямой путь,—надобно было также объяснить, что этотъ путь единственный прямой путь, что кривые пути, казавшіеся прямыми сбившимся съ толку людямъ, дѣйствительно кривы. Нужно было создать новую теорію поэзіи, разрушивъ ошибочныя теоріи, на которыя опиралась формалистика и безжизненность.

Это сдѣлалъ Лессингъ своимъ „Лаокооном". Мы не будемъ излагать здѣсь содержаніе этого изслѣдованія о верховномъ принципѣ поэзіи, отлагая подробный обзоръ его до другаго мѣста,—теперь надобно только сказать о томъ общемъ принципѣ, который оставилъ Лессингъ въ „Лаокоонѣ" существеннымъ характеромъ поэзіи, въ отличіе отъ другихъ искусствъ, особенно отъ живописи, которой прежняя безжизненная теорія подчиняла и тѣмъ обезсиливала поэзію, требуя отъ нея того, чего не можетъ она дать, и заставляя ее забывать о томъ, чѣмъ она сильна. Предметъ поэзіи—дѣйствіе, сказалъ Лессингъ. Не тѣло, не природу должна она описывать,—въ этомъ она безсильна, это область живописи, недоступная для поэзіи,—она можетъ давать намъ понятіе только о дѣйствіи. Живопись изображаетъ самые предметы, поэзія изображаетъ дѣйствіе предметовъ на человѣка,—ей никогда не удастся изобразить пейзажъ такъ отчетливо, какъ то дѣлаетъ живопись,—но дѣйствіе этого пейзажа на душу человѣку изобразитъ она со всею точностью и живостью,—дѣло, невозможное для живописи,—а зная дѣйствіе предмета, мы узнаемъ и самый предметъ. Передайте мнѣ впечатлѣніе, производимое пейзажемъ, и пейзажъ живъ и отчетливъ возсоздается моимъ воображеніемъ, хоть онъ и не описанъ у васъ. Не описывайте мнѣ въ стихахъ красоту,—описаніе будетъ блѣдно и смутно, но покажите дѣйствіе красоты на людей, и она живо, живѣе, быть можетъ, чѣмъ на картинѣ, обрисуется моимъ воображеніемъ. И такъ, дѣйствіе, дѣйствіе—вотъ что составляетъ силу поэзіи, [illegible] ...ть.

Такимъ образомъ, чел[illegible] ...ственнымъ

Digitized by Google

кореннымъ предметомъ, единственнымъ существеннымъ содержаніемъ поэзіи. драматическій элементъ признавался основною силою ея. Ничего неподвижнаго, ничего мертваго и отвлеченнаго не должно быть въ поэзіи. Она разсказываетъ только, какимъ образомъ дѣйствуетъ обстановка на человѣка, и человѣкъ дѣйствуетъ на окружающій его міръ. Поэзія есть драма жизни*).

Со временъ Аристотеля, никто не понималъ сущность поэзіи такъ вѣрно и глубоко, какъ Лессингъ. Его „Лаокооном“, въ первый разъ втеченіе двухъ тысячъ лѣтъ, были объяснены и оправданы намеки Аристотеля, остававшіеся непонятными до той поры.

Дѣйствіе, произведенное „Лаокооном“ на развитіе нѣмецкой литературы, было также огромно, какъ дѣйствіе „Литературныхъ писемъ“ и „Минны фонъ-Барнгельмъ“. Гете и потомъ Шиллеръ воспитались этою теоріею. Самъ Гете, который не любитъ Лессинга, говоритъ въ своей автобіографіи: „Надобно быть юношею, чтобы вообразить себѣ, какое дѣйствіе оказалъ на насъ лессинговъ Лаокоонъ (Гете было тогда лѣтъ восемнадцать),—онъ поднялъ насъ изъ бѣдной сферы внѣшнихъ очертаній въ свободную область мысли. Разомъ было низвергнуто искаженное понятіе о томъ, что поэзія должна подражать живописи. Мы были озарены, какъ молніею, отбросили всѣ прежнія понятія, какъ ветхую рухлядь, намъ казалось, что мы спасены теперь отъ всякаго зла“.

Вліяніе „Лаокоона“ на главныхъ поэтическихъ дѣятелей слѣдующаго періода нѣмецкой литературы было такъ рѣшительно, что даже второстепенныя, мелочныя замѣчанія Лессинга были строго соблюдаемы ими. Укажемъ два примѣра. Лессингъ, разбирая мѣста, которыя считались примѣрами поэтической живописи у Гомера (онъ первый сказалъ, что если есть руководители въ искусствѣ, то этими руководителями должны считаться Гомеръ и Шекспиръ, и въ написанной части „Лаокоона“ всѣ свои выводы основываетъ преимущественно на анализѣ Гомера), объясняетъ, что это не описанія предметовъ, а разсказы о происхожденіи и судьбѣ этихъ предметовъ,—Гомеръ не описываетъ корабля, а разсказываетъ, какимъ образомъ былъ построенъ корабль. Этимъ примѣромъ подтверждаетъ онъ свою мысль, что, если поэту нужно обрисовать части и принадлежности предмета, приличнѣе всего ему не прямо изображать ихъ въ неподвижномъ ихъ состояніи, готовыми, какъ то дѣлаетъ живописецъ, а все-таки разсказывать для этой цѣли о движеніи, перемѣнахъ дѣйствія. У Гете постоянно соблюдается этотъ пріемъ. Далѣе, Лессингъ замѣчаетъ, что у Гомера нѣтъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ—онъ не говоритъ намъ даже, какого роста и какого характера красоты была Елена—а между тѣмъ всѣ черты лица Елены очень ясны и живы для его читателя,—это потому, что онъ разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, которыя производило это лицо на видѣвшихъ его,—и это опять соблюдается у Гете: у него нѣтъ портретовъ, есть только разсказы о

*) Драматическій элементъ, конечно, не должно смѣшивать съ драматическою формою. По теоріи Лессинга, форма разсказа, воспроизводящая всѣ элементы дѣйствія полнѣе и свободнѣе, нежели односторонняя діалогическая форма драматическихъ сочиненій, есть самая совершенная изъ поэтическихъ формъ. Въ ней болѣе истиннаго драматизма, нежели въ узкой діалогической формѣ.

Digitized by Google

впечатлѣніяхъ, производимыхъ лицами. Послѣ такихъ примѣровъ ясно, до какой степени „Лаокоонъ“ воспиталъ поэзію Гете: Гете, конечно, никто не станетъ воображать человѣкомъ, который могъ останавливаться на внѣшней зависимости отъ мелочныхъ правилъ,—если эти детали лессинговой системы отразились на немъ, то, конечно, только потому, что онъ слишкомъ глубоко проникся духомъ, изъ котораго возникала необходимость такихъ деталей.

Послѣ „Литературныхъ писемъ“ Лессингъ началъ считаться первымъ критикомъ Германіи; послѣ „Лаокоона“ утвердилась его репутація, какъ великаго мыслителя и великаго ученаго; послѣ „Минны фонъ-Барнгельмъ“ онъ былъ признанъ знаменитѣйшимъ изъ поэтовъ. Теперь всѣ видѣли, что онъ стоитъ во главѣ нѣмецкой литературы.

Онъ былъ оракуломъ молодаго поколѣнія. Гёте, Гердеръ, Меркъ, изучая его, готовились выступать на дорогу, имъ открытую. Какое живительное вліяніе производило прикосновеніе его мысли и на людей, которые были старше его лѣтами и ученою славою, но не отжили еще свой вѣкъ въ умственномъ отношеніи, показываетъ случайно сохранившійся анекдотъ о свиданіи его съ Михаэлисомъ. Около того времени, о которомъ мы говорили въ концѣ статьи, Лессингъ ѣздилъ изъ Берлина въ Пирмонтъ, отчасти для развлеченія, отчасти для поправленія здоровья. На возвратномъ пути, онъ заѣхалъ въ Гёттингенъ, гдѣ жилъ Михаэлисъ, основатель новой экзегетики. Михаэлисъ былъ, какъ мы упоминали, знаменитый человѣкъ еще въ то время, когда Лессингъ только еще начиналъ писать, и своею похвалою ободрялъ юношу. Лессингъ чувствовалъ къ нему признательность и навѣстилъ его. Разговоръ склонился на теологическія науки, въ которыхъ Михаэлисъ по справедливости считался тогда первымъ спеціалистомъ. Лессингъ замѣтилъ вообще, что наука въ Германіи остается до сихъ поръ доступна только записнымъ ученымъ, которые не заботятся о томъ, чтобы распространять въ массѣ читателей ея результаты. Напримѣръ, говорилъ онъ, переводъ Библіи Лютера конечно уже могъ бы быть замѣненъ лучшимъ и точнѣйшимъ—этого никто не сдѣлалъ, а надобно было бы сдѣлать это, и издать новый переводъ съ пояснительными историческими и археологическими примѣчаніями, которыя, имѣя ученое достоинство, были бы написаны не для однихъ спеціалистовъ, а для всей массы читателей. Михаэлисъ до того времени и не думалъ объ этомъ—теперь мысль заронилась въ его умъ,—и слѣдствіемъ визита, сдѣланнаго ему Лессингомъ, было появленіе знаменитаго Михаэлисова нѣмецкаго перевода Библіи, по плану, изложенному Лессингомъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Жизнь Лессинга въ Берлинѣ по возвращеніи изъ Вреславля. — Гамбургскій національный театръ.—„Гамбургская Драматургія".—Типографія.—Клоцъ.—„Антикварскія письма".—Жизнь Лессинга въ Гамбургѣ.—Переселеніе въ Вольфенбюттель.—Лессингъ, какъ библіотекарь.—„Эмилія Галотти".—Поэты новаго поколѣнія.—Отношенія Гёте къ Лессингу.—Лессингъ покидаетъ беллетристическую дѣятельность.

(1767—1774).

Оставивъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ, около двухъ лѣтъ прожилъ Лессингъ въ Берлинѣ, постоянно чувствуя необходимость измѣнить свое тяжелое положеніе, но не имѣя въ виду ничего лучшаго. Никакая нужда не могла заставить его заняться тѣмъ, что называется „пріискивать себѣ мѣсто": ни разу въ жизни не поклонился онъ никому, не сдѣлалъ ни одного шагу къ сближенію съ такъ называемыми „нужными и полезными людьми".— „Кто думаетъ, что я могъ быть полезенъ на какомъ-нибудь мѣстѣ, пусть самъ придетъ ко мнѣ и предложитъ его"— отъ этого правила не отступалъ онъ никогда. Конечно, ему долго приходилось ждать такихъ предложеній. Когда, наконецъ, приходили и предлагали ему мѣсто, опять-таки трудно было угодить ему. Не то, чтобъ онъ хотѣлъ непремѣнно важнаго мѣста или мѣста съ большимъ жалованьемъ, — напротивъ, онъ съ радостью готовъ былъ принять самую скромную должность, но только тогда, если она удовлетворяла двумъ условіямъ: не вовлекать его ни въ какія партіи, ни въ какія интриги и не возлагать на него обязанностей, несообразныхъ съ его убѣжденіями. Эти два требованія не позволяли ему принимать именно тѣхъ должностей, которыя чаще всего предлагались ему,—именно, профессорскихъ мѣстъ. Тогдашніе нѣмецкіе университеты казались Лессингу ремесленными заведеніями, въ которыхъ господствуетъ педантство, въ которыхъ все дѣлается по интригамъ мелкихъ партій, и могутъ имѣть вѣсъ только льстецы и шарлатаны или обскуранты. Сдѣлавшись профессоромъ, онъ долженъ былъ бы принимать участіе въ интригахъ, долженъ былъ бы отказаться отъ независимости мнѣній, потому онъ всегда на-отрѣзъ отказывался отъ предложеній занять каѳедру въ томъ или другомъ университетѣ. Скорѣе онъ готовъ былъ опять взять должность по гражданской службѣ, но такихъ случаевъ ему не представлялось. Такъ прошло два года. Наконецъ дождался Лессингъ предложенія, которое могъ принять: его пригласили быть „драматургомъ" при театрѣ, который устроивался въ Гамбургѣ подъ громкимъ именемъ „національнаго" и во многихъ пробуждалъ великолѣпнѣйшія надежды.

Digitized by Google

Образованные любители театра не могли не видѣть, что сценическое искусство въ Германіи находится въ жалкомъ положеніи сравнительно съ тѣмъ, что представляли парижскіе и лондонскіе театры. Германія имѣла нѣсколько превосходныхъ артистовъ и артистокъ,—напримѣръ, въ это время (1765—1770) Экгофа, г-жу Экгофъ, Шульцъ-мать, Бёка, г-жу Гензель, г-жу Мекуръ; но ни одинъ городъ не имѣлъ постояннаго театра, обстановка пьесъ была плоха. Главною причиною этого недостатка считалось то, что всѣ труппы содержимы были частными антрепренерами, не имѣвшими большихъ средствъ, заботившимися исключительно о своихъ выгодахъ, и потому переѣзжавшими изъ одного города въ другой, смотря по тому, гдѣ надѣялись получить больше прибыли. Мысль о необходимости основать въ большихъ городахъ постоянные театры, содержимые на общественный счетъ, естественно представлялась каждому, кто думалъ объ этомъ положеніи дѣлъ. Около 1765 года нельзя еще было надѣяться, чтобы какое-нибудь изъ германскихъ правительствъ приняло на себя эту заботу. Дворы хотѣли имѣть только французскій театръ или итальянскую оперу, о нѣмецкомъ театрѣ и не думали вельможи, всѣ мысли которыхъ были заняты версальскими модами.

Изъ городовъ, богатѣйшимъ,—можно сказать единственнымъ, дѣйствительно очень богатымъ, былъ тогда Гамбургъ. На немъ прежде всѣхъ другихъ лежала обязанность помочь усовершенствованію нѣмецкаго театра, отъ котораго отказывались Дворы. Нѣкто Лёвенъ, жена котораго, урожденная Шенеманъ, была прекрасною актрисою, и который самъ, занимая довольно хорошее положеніе въ обществѣ, очень любилъ писать для театра, началъ около 1766 года сильно хлопотать о томъ, чтобы составить изъ гамбургскаго купечества общество меценатовъ, которое основало бы въ Гамбургѣ постоянный театръ, съ богатыми средствами. Случайныя обстоятельства помогли его хлопотамъ; составилось общество, душою котораго былъ Левенъ, и которое располагало значительнымъ капиталомъ. Общество это взяло у прежняго содержателя гамбургской труппы на аренду зданіе театра, и пригласило, къ бывшей уже труппѣ, многихъ хорошихъ актеровъ изъ другихъ труппъ. Левенъ былъ назначенъ директоромъ театра. По его мысли, дирекція должна была всѣми силами заботиться о развитіи вкуса и образованности въ актерахъ. Самъ Левенъ хотѣлъ читать имъ лекціи о сценическомъ искусствѣ. Кромѣ того, при театрѣ долженъ былъ находиться „драматургъ“. По мнѣнію Левена, Лессингъ былъ первымъ драматическимъ писателемъ Германіи, потому Лессингу и было предложено мѣсто „драматурга“. Жалованья ему назначалось 800 талеровъ.

Лессингъ принялъ это приглашеніе. „Когда, съ годъ тому назадъ (говоритъ онъ въ концѣ своей „Драматургіи“), нѣкоторымъ почтеннымъ людямъ вздумалось попробовать, нельзя ли поднять нѣмецкій театръ, взявъ его изъ власти антрепренеровъ,—не знаю, какимъ образомъ вздумалось этимъ добрымъ людямъ вспомнить и обо мнѣ и вообразить, что я могу быть полезенъ этому дѣлу. А я въ то время стоялъ на рынкѣ безъ работы; никто не хотѣлъ меня нанять, безъ сомнѣнія потому, что я никому ни на что не годился,—только эти друзья предложили мнѣ работу. Всякое заня-

Digitized by Google

тіе было для меня равно въ жизни. Никогда я не напрашивался ни на что, но никогда и не отказывался отъ самаго ничтожнаго дѣла, если только мнѣ казалось, что его мнѣ предлагаютъ потому, что считаютъ меня годнымъ къ этому дѣлу. Потому нечего было мнѣ и задумываться надъ вопросомъ: принять ли мнѣ участіе въ этомъ дѣлѣ? Надобно было подумать только о томъ, могу ли, и чѣмъ именно могу я быть полезенъ для основывавшагося въ Гамбургѣ театра?" Послѣ этихъ словъ, Лессингъ говоритъ, что сочиненіемъ драматическихъ пьесъ онъ не могъ оказать новому театру большой пользы, потому что неспособенъ писать по тринадцати драмъ или комедій въ годъ, какъ Гольдони; „я долго обдумываю пьесу, и если написалъ что-нибудь порядочное, то единственно потому, что самъ очень подробно и внимательно критиковалъ свой планъ и всѣ его подробности, говоритъ онъ: только посредствомъ критики производилъ я поэтическія созданія, оттого и не могу писать ихъ скоро, какъ дѣлаютъ другіе".—„Наконецъ придумали, что именно то самое качество, которое дѣлаетъ меня такимъ медленнымъ, или, по мнѣнію моихъ друзей, одаренныхъ болѣе живымъ талантомъ, такимъ лѣнивымъ работникомъ,—что это самое качество, критику, можно обратить въ пользу для театра. Такимъ-то образомъ явилась мысль объ этихъ листкахъ" („Гамбургской Драматургіи").—„Чѣмъ должны были быть эти листки, я говорилъ въ объявленіи о нихъ (продолжаетъ Лессингъ): они должны были слѣдить за каждымъ шагомъ искусства на здѣшнемъ театрѣ, какъ относительно достоинства самыхъ пьесъ, такъ и игры актеровъ".

Зачѣмъ приглашаемъ былъ Лессингъ въ Гамбургъ, этого, кажется, не не понималъ хорошенько самъ Левенъ, пригласившій его; ему казалось вообще полезнымъ, чтобы при театрѣ, отъ котораго ожидали такихъ великихъ послѣдствій, находился и первый драматическій писатель Германіи; — онъ думалъ, что Лессингъ будетъ писать пьесы для театра; думалъ и то, что онъ будетъ давать совѣты относительно выбора пьесъ; думалъ, вѣроятно, и то, что онъ будетъ участвовать въ ихъ постановкѣ; наконецъ, быть можетъ, думалъ и то, что Лессингъ будетъ театральнымъ критикомъ.

Лессингъ, пріѣхавъ въ Гамбургъ, тотчасъ же рѣшилъ, что будетъ издавать театральный листокъ, въ которомъ станетъ съ равнымъ вниманіемъ разбирать и пьесы, игранныя на театрѣ, и игру актеровъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ могъ быть совершенно независимъ, между тѣмъ, какъ въ выборѣ пьесъ, кажется, онъ вовсе не участвовалъ,—такое рѣшеніе было сообразно съ его характеромъ: онъ не принимался за дѣло, котораго не могъ вести, какъ ему казалось нужнымъ. Отъ сочиненія пьесъ для театра онъ вовсе отказался. Такимъ образомъ онъ, подъ именемъ „драматурга", принялъ на себя обязанность театральнаго критика.

Скоро, однако, онъ увидѣлъ, что и этого дѣла нельзя исполнять такъ, какъ ему сначала хотѣлось: актеры и особенно актрисы обижались его замѣчаніями объ ихъ игрѣ; одна изъ первыхъ актрисъ, г-жа Мекуръ, съ самаго начала требовала, чтобъ о ея игрѣ въ лессинговыхъ листкахъ не говорилось совершенно ничего. Эти стѣсненія и претензіи тотчасъ же надоѣли Лессингу, и онъ бросилъ разборъ игры актеровъ, ограничившись разборомъ самыхъ пьесъ.

Digitized by Google

„Разбирать игру актеровъ скоро мнѣ наскучило (продолжаетъ Лессингъ въ послѣднемъ нумерѣ „Драматургіи“, послѣ выписаннаго у насъ отрывка). Актеры обидчивы. Сколько не хвали ихъ, имъ все кажется мало; каждое замѣчаніе кажется имъ уже чрезмѣрною строгостью“.

По своему характеру, Лессингъ не любилъ ничего дѣлать на половину: онъ бросилъ, какъ мы сказали, заботу объ актерахъ и занялся исключительно пьесами.

Сначала нумера „Драматургіи“ выходили дѣйствительно отдѣльными листками, по два раза въ недѣлю. Но черезъ нѣсколько времени, Лессингъ узналъ, что они перепечатываются какимъ-то недобросовѣстнымъ книгопродавцемъ, и, чтобы прекратить эту кражу, онъ издалъ продолженіе своей „Драматургіи“ ужъ цѣлою книгою, сохранивъ въ ней только счетъ нумеровъ и обозначеніе числа и мѣсяца, когда долженъ былъ выйти каждый нумеръ. По этому счету (104 нумера, отъ 22 апрѣля 1767 до 19 апрѣля 1768 г.) изданіе журнала продолжалось ровно годъ.

Не многимъ дольше продолжалось и существованіе „національнаго театра“. Актеры и потомъ основатели театра начали ссориться между собою; публика плохо поддерживала великолѣпное предпріятіе, расходы котораго были такъ велики, что не могли покрываться обыкновенными сборами. Театръ былъ открытъ въ концѣ апрѣля 1767 года; въ декабрѣ дирекція увидѣла уже необходимость на зиму перевести труппу въ Ганноверъ, съ тѣмъ, чтобы весною снова начать представленія въ Гамбургѣ, то есть сдѣлать то же самое, что дѣлали антрепренеры, переносившіе свои представленія изъ города въ городъ, потому что одинъ городъ не могъ долго давать полныхъ сборовъ. Весною труппа дѣйствительно возобновила свои представленія въ Гамбургѣ, но денежныя дѣла дирекціи запутывались все больше и больше, и въ ноябрѣ громадный замыселъ кончился банкротствомъ. Акерманъ, который прежде содержалъ въ Гамбургѣ театръ и изъ труппы котораго были лучшіе актеры въ труппѣ „національнаго театра“, снова сдѣлался антрепренеромъ, и гамбургцы были очень рады, что театръ ихъ возвратился къ тому самому положенію, въ какомъ былъ за два года.

Единственнымъ результатомъ пышной, но преждевременной и дурно обдуманной въ своихъ подробностяхъ и средствахъ попытки Левена остался театральный журналъ Лессинга, знаменитая „Гамбургская Драматургія“. Въ томъ, что Лессингу, вмѣсто безплодныхъ и мелочныхъ заботъ режиссера, вздумалось принять на себя обязанность театральнаго критика, Левенъ былъ вовсе не виноватъ,—онъ и не думалъ объ этомъ, какъ по всему видно. Мысль издавать театральный журналъ принадлежала одному Лессингу; ни во что другое Лессингъ не вмѣшивался,—и единственное дѣло, возникшее въ этомъ предпріятіи по его мысли и исполненное имъ, осталось единственною важною стороною предпріятія. Правда и то, что это дѣло своею важностію далеко превысило всѣ надежды, какія возлагались на „гамбургскій національный театръ“.

„Литературными письмами“ Лессингъ доказалъ ничтожность прежней нѣмецкой литературы и очистилъ мѣсто для новаго зданія, сломавъ хилыя и гнилыя лачуги, отбросивъ далеко всю гниль, которою покрывали он

Digitized by Google

землю. „Лаокооном“ онъ указалъ вообще, въ чемъ долженъ состоять духъ истинной поэзіи. „Гамбургская Драматургія“ объяснила, въ чемъ должны состоять существенныя качества того рода поэзіи, который долженъ былъ господствовать въ начинающемся съ Лессинга періодѣ нѣмецкой литературы, — далъ теорію драмы.

Въ наше время, когда господствующій родъ поэзіи есть разсказъ, повѣсть, романъ, трудно понять, почему когда нибудь драматическая форма могла быть важнѣйшею формою поэзіи *). Признаемся, что мы не умѣемъ сказать, почему въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи драма могла имѣть живое и законное право на господство въ поэзіи, почему Шиллеръ и прежде его Гете были драматургами, а не романистами, если не объяснять этого пристрастія къ драматической формѣ просто тѣмъ, что поэзія новой исторіи еще не успѣла въ то время выработать себѣ соотвѣтствующей формы, какую выработала теперь въ повѣсти и романѣ, еще не успѣла понять, что придворная (какъ у Шекспира, Корнеля или Расина) или праздничная (какъ у греческихъ драматурговъ) одежда сценическаго искусства недостаточна для нея, будничной подруги каждаго изъ насъ. Господство драматической формы въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи кажется намъ просто дѣломъ преданія, отпечаткомъ исторической связи новой поэзіи съ старинною. Но это наше личное мнѣніе, котораго мы не хотимъ навязывать читателямъ. А другія объясненія этого факта—превосходствомъ драматической формы надъ эпическою или необычайно важнымъ значеніемъ театра для нѣмецкой жизни въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка—рѣшительно не выдерживаютъ критики. Книга тогда для нѣмцевъ была настолько же важнѣе сцены, на-

*) Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ съ читателемъ, который судитъ о вещахъ такъ, какъ понимаетъ ихъ самъ, а не съ устарѣлыми теоріями, предпочитающими драматическую форму формѣ разсказа. Конечно, сценическое представленіе есть нѣчто болѣе живое и сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка, нежели чтеніе книги. Но не должно забывать, что театръ существуетъ для немногихъ городовъ, и въ этихъ городахъ—для немногихъ опредѣленныхъ часовъ.—Книга—проникаетъ повсюду, готова для каждаго вездѣ и во всякій часъ. Театръ—рѣдкій праздникъ для горожанъ; книга—постоянное достояніе всего народа. Сценическое представленіе, конечно, есть нѣчто высшее, нежели читаемая поэзія; но оно не принадлежитъ исключительно поэзіи, какъ отдѣльному искусству, а само должно считаться особенною формою искусства, соединяющею въ себѣ силы, которыми каждою въ отдѣльности владѣютъ другія искусства, — скульптура (и даже архитектура, въ декораціяхъ), живопись, музыка, поэзія—все соединяется въ сценической формѣ искусства. Печатный текстъ трагедіи или комедіи въ драматическомъ спектаклѣ играетъ роль немногимъ важнѣе той, какъ либретто въ оперѣ,—онъ только одинъ изъ элементовъ цѣлаго. А если мы возьмемъ этотъ элементъ (печатную драматическую пьесу), какъ нѣчто, предназначенное для чтенія, и сравнимъ съ произведеніемъ поэзіи, имѣющимъ форму разсказа (повѣсть, романъ), то будемъ поражены оборванностью, угловатостью, блѣдностью, натянутостью этой несчастной печатной драмы. Сценическое искусство, принимая въ себя словесный текстъ, страшно обрѣзываетъ и уродуетъ его, чтобы втиснуть въ рамку діалога всѣ моменты жизни. Театръ безжалостенъ къ поэту.

При настоящемъ состояніи общества, когда нація не есть одинъ городъ, какъ было въ Аѳинскомъ государствѣ: когда поэзія нужна намъ не два раза въ годъ, какъ аѳинянамъ, слишкомъ занятымъ другими дѣлами, а каждый день,—когда для націи книга въ тысячу разъ нужнѣе и важнѣе театральнаго спектакля,—истинный поэтъ не долженъ бы писать для театра: пусть люди второстепенные, пусть таланты, которые способны только къ арранжировкѣ, передѣлываютъ его разсказы для сценическихъ представленій. Изъ „Ламмермурской Невѣсты“ трагедію сдѣлать также легко, какъ и либретто. Превращеніе романовъ въ драматическія пьесы могло бы быть предоставлено тѣмъ же людямъ, которые превращаютъ романы въ либретто.

Digitized by Google

сколько важнѣе она теперь для нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, русскихъ. А въ превосходствѣ драматической формы надъ разсказомъ не увѣришь читателя нашего времени. Не желая навязывать читателю своего объясненія, быть можетъ ошибочнаго, не желая обманывать его и себя другими объясненіями, безъ всякаго сомнѣнія ошибочными, мы лучше хотимъ просто указать голый фактъ: въ цвѣтущій періодъ нѣмецкой поэзіи, драмѣ суждено было господствовать надъ поэзіею.

Въ произведеніяхъ Лессинга, какъ поэта, кромѣ лирическихъ стихотвореній, мы находимъ только драмы; всѣ поэты слѣдующаго періода „бурныхъ стремленій" (Sturm-und Drang-Periode) также, кромѣ лирическихъ стихотвореній, писали почти только драмы; Гете написалъ только одинъ удачный романъ („Вертеръ")—всѣ остальныя его произведенія въ эпической формѣ неудачны; у Шиллера нѣтъ ни одного такого произведенія; слава обоихъ поэтовъ основана (кромѣ лирическихъ стихотвореній) на драмахъ.

Отъ чего бы это ни происходило, но, во всякомъ случаѣ, вопросъ о драмѣ былъ самымъ важнымъ для нѣмецкой поэзіи въ ея цвѣтущій періодъ. Съ Лессинга начинается господство драматической формы, которое продолжалось до самаго упадка нѣмецкой поэзіи, и которое отчасти должно быть приписано, кромѣ вліянія Шекспира, примѣру, поданному Лессингомъ, но основаніе которому лежало, конечно, въ духѣ времени. Надобно было дать и образцы и теорію этой формы искусства,—то и другое сдѣлалъ Лессингъ. „Минна фонъ Барнгельмъ" уже была написана, и производила огромное дѣйствіе; вскорѣ за нею должна была послѣдовать „Эмилія Галотти", вліяніе которой было не менѣе сильно. Теперь, по поводу гамбургскаго театра, Лессингъ далъ теорію драмы въ своей „Драматургіи". Нѣтъ надобности повторять то, что мы уже сказали по случаю „Лаокоона" о важности теоріи для практики; нѣтъ надобности говорить въ частности о томъ, какое великое значеніе имѣла для послѣдующаго развитія нѣмецкой поэзіи „Драматургія", объяснившая теорію важнѣйшей формы этой поэзіи. „Гамбургская Драматургія" была кодексомъ, на основаніи котораго возникли „Гецъ фонъ Берлихингенъ" и „Фаустъ", „Разбойники" и „Вильгельмъ Телль". „Лаокооновъ" былъ воспитанъ общій духъ поэзіи Гете и Шиллера; „Гамбургскою Драматургіею" даны законы ихъ трагедіямъ.

Есть въ „Драматургіи" другая сторона, имѣвшая не менѣе значенія для нѣмецкой поэзіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ простершая свое вліяніе далеко за предѣлы искусства, на всю умственную жизнь германскаго народа. Чтобы очистить мѣсто для истинной теоріи драмы, Лессингъ долженъ былъ разрушить прежнюю ложную теорію, показать, что и правила псевдо-классической теоріи, и произведенія, написанныя по этимъ правиламъ, не выдерживаютъ критики. Такимъ образомъ, пришлось ему имѣть непосредственное дѣло съ французскими драматургами, которые считались величайшими геніями по своей части,—съ Корнелемъ, Расиномъ и Вольтеромъ. Нечего и говорить о томъ, съ какою безпощадною рѣзкостью разбиралъ онъ ихъ произведенія, — они были истерзаны и одерганы до того, что человѣкъ, прочитавшій „Гамбургскую Драматургію", не могъ безъ нѣкотораго презрѣнія подумать о писателяхъ, нелѣпость произведеній которыхъ доказана такъ ясно и язвительно.

Digitized by Google

Эта безжалостность была необходима для разрушенія закоснѣлаго предубѣжденія, чрезвычайно упорнаго и наглаго. Она достигла своей цѣли, — не только нѣмцы, но всѣ люди другихъ націй, знакомые съ германскою литературою, до послѣдняго времени не могли вспоминать о классической французской драмѣ безъ презрительной усмѣшки. Напрасно Шиллеръ и Гете, лѣтъ черезъ тридцать послѣ „Драматургіи", по общему уговору, переводили французскія драмы, думая, что уже настала пора отдать справедливость тому, что было въ нихъ хорошаго. Лессингова насмѣшка отзывалась въ памяти всѣхъ, и великіе поэты только подвергались осужденію за то, что занялись произведеніями, недостойными ихъ таланта. „Гамбургская Драматургія" разомъ похоронила псевдоклассицизмъ.

Эта полемическая сторона не составляетъ главнаго въ ней,—Лессингъ занимается отверженіемъ псевдоклассической драмы только для того, чтобы очистить мѣсто для новыхъ идей, изложеніе которыхъ и было его существенною цѣлью. Но владычество псевдоклассической драмы было такъ сильно, что борьба съ нею всего сильнѣе заинтересовала на первый разъ умы читателей. Они не могли сомнѣваться въ томъ, что Корнель и Вольтеръ (какъ драматургъ) совершенно уничтожены Лессингомъ. Какъ, нѣмецъ поразилъ на смерть величайшіе французскіе авторитеты, передъ которыми преклонилась вся Европа! Эта побѣда чрезвычайно ободрительно подѣйствовала на нѣмецкій умъ. Это не то, что пустая похвала своей національности,—нѣтъ, это положительное доказательство того, что нѣмцы могутъ выйти изъ подъ умственной зависимости отъ иноземцевъ—мало того, что нѣмцы могутъ теперь въ свой чередъ имѣть рѣшительный голосъ въ умственной жизни Европы, что Германія должна стать центромъ умственнаго движенія новой эпохи. Дѣйствительно, съ той поры совершенно измѣняется характеръ понятія, какое нѣмцы имѣютъ о значеніи своемъ между другими народами. „Намъ нечего ждать чужихъ рѣшеній,—у насъ есть головы, какихъ нѣтъ нигдѣ; ужъ если прислушиваться къ чьему нибудь мнѣнію, то прислушаемся къ тому, что говорятъ въ Гамбургѣ, въ Вольфенбюттелѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Берлинѣ, въ Веймарѣ, въ Іенѣ", — за Лессингомъ выступаютъ Кантъ, Гёте, Шиллеръ, Фихте,—у всѣхъ этихъ людей одно общее чувство: сознаніе великаго своего превосходства надъ иноземцами, дѣйствующими на одномъ съ ними поприщѣ; одинъ общій тонъ въ голосѣ: тонъ человѣка, сознающаго, что онъ идетъ во главѣ умственнаго движенія своего времени, что онъ трудится не для одного своего народа, а для всего цивилизованнаго свѣта, потому что народъ, которому онъ говоритъ, долженъ вести за собою всѣ народы. Это сознаніе проникаетъ всю націю. И скоро всѣ остальныя націи дѣйствительно начинаютъ говорить: „намъ нужно учиться у нѣмцевъ: кто не хочетъ быть отсталымъ человѣкомъ, долженъ пройти школу нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей".

У насъ, которые этому сознанію превосходства нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей не могли противопоставить воспоминаній о какомъ нибудь прежнемъ умственномъ владычествѣ нашемъ надъ Европою, нѣмецкое вліяніе утвердилось очень быстро. У англичанъ и французовъ. которые имѣютъ въ этомъ случаѣ очень блистательныя воспоминанія, борьба узкаго національ-

Digitized by Google

наго пристрастія съ требованіями справедливости должна была быть гораздо упорнѣе. Она ведется до сихъ поръ, и съ каждымъ годомъ усиливается въ Англіи и Франціи вліяніе мыслей, выработанныхъ на нѣмецкой почвѣ. Между тѣмъ, какъ сами нѣмцы, уже достигнувъ результатовъ, которыхъ искали въ области эстетическихъ чувствъ и философскихъ понятій, уже охладѣваютъ къ своимъ прежнимъ поэтамъ и философамъ, и переносятъ свои стремленія къ другимъ сферамъ жизни, въ которыхъ чувствуютъ себя отсталыми, — въ это время французы и англичане все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ необходимости усвоить себѣ то, что уже пріобрѣтено нѣмцами, и замѣнить своего Декарта или Локка Кантомъ и Гегелемъ.

Странно подумать о томъ, къ какимъ сферамъ часто принадлежатъ факты, оказывающіе рѣшительное вліяніе на развитіе народнаго сознанія, и на какія дороги часто становятся историческими отношеніями люди, дѣятельностью которыхъ измѣняется понятіе цѣлаго народа о самомъ себѣ. Вопросъ о теоріи драмы былъ важнѣйшимъ случаемъ, изъ котораго нѣмцы получили гордое сознаніе своихъ силъ,—а между тѣмъ, казалось бы здравому смыслу, что можетъ быть для исторической жизни народа маловажнѣе такого спора? Но, когда внимательно посмотришь на ходъ историческаго развитія, почти всегда видишь, что оно шло по какимъ то узкимъ и извилистымъ путямъ, тамъ, гдѣ прямая и естественная дорога была загромождена непреоборимыми препятствіями.

Надобно замѣтить одну черту Лессинга, о которой умѣстнѣе всего сказать по случаю „Гамбургской драматургіи", произведенія, начинающаго собою эпоху справедливаго уваженія нѣмецкаго народа къ самому себѣ. Писатель, дѣятельность котораго пробудила въ Германіи патріотическую гордость и самое чувство національности, былъ рѣшительный космополитъ и стоялъ въ отрицательномъ отношеніи къ понятію національности.

Послѣ того, какъ разрушилось предпріятіе, подавшее поводъ къ изданію „Гамбургской Драматургіи", Лессингъ вновь увидѣлъ себя въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда онъ переѣзжалъ въ Гамбургъ, онъ имѣлъ въ виду, кромѣ мѣста при „національномъ театрѣ", еще другое занятіе, которымъ надѣялся обезпечить свою будущность. Нѣкто Боде, довольно извѣстный писатель того времени, вздумалъ основать въ Гамбургѣ типографію, и предложилъ Лессингу, съ которымъ былъ хорошъ, сдѣлаться его компаньономъ. Лессингъ собралъ нѣсколько сотъ талеровъ, продавъ съ аукціона въ Берлинѣ свою обширную библіотеку, которую составилъ, когда служилъ въ Бреславлѣ, и принялся вмѣстѣ съ Боде за типографское дѣло,— но дѣло пошло неудачно, главнымъ образомъ потому, что у основателей типографіи было гораздо меньше денегъ, нежели было нужно. Отчасти повредило предпріятію и то, что Боде и особенно Лессингъ жертвовали коммерческимъ разсчетомъ желанію ввести въ типографское дѣло разныя усовершенствованія, которыя были не подъ силу имъ и отвергались книгопродавцами. Типографія принесла только убытокъ и Лессингу и его товарищу.

Давно уже Лессингъ не принималъ участія въ нѣмецкой [illegible] духъ партій и котерій былъ невыносимъ для него; считать [illegible] нибудь школы казалось ему несообразнымъ съ дух[illegible]

Digitized by Google

которой требовалъ онъ для себя и которую всегда хотѣлъ онъ внушить другимъ. Съ первыхъ томовъ „Литературныхъ писемъ“ пересталъ онъ писать рецензіи, какъ только показалось ему, что онъ уже достаточно указалъ дорогу для новаго критическаго направленія. Когда, послѣ „Литературныхъ писемъ“, Николаи основалъ (1765) „Всеобщую нѣмецкую библіотеку“ (Allgemeine Deutsche Bibliothek), Лессингъ не принялъ никакого участія въ новомъ журналѣ, какъ давно уже пересталъ участвовать и въ „Литературныхъ письмахъ“. Журналы эти, благодаря тому, что первый изъ нихъ получилъ направленіе отъ Лессинга, сохраняли господство въ литературѣ, тѣмъ болѣе, что масса публики все еще предполагала его участіе не только въ „Литературныхъ письмахъ“ до конца ихъ изданія, но и во „Всеобщей библіотекѣ“. Однако же, не напрасно жаловался Мендельсонъ *), что „безнаказанно стали снова буйствовать глупцы“, съ тѣхъ поръ, какъ Лессингъ покинулъ „Литературныя письма“. Въ самомъ дѣлѣ, противники, смирившіеся передъ Лессингомъ, почувствовали, что „другіе, которымъ онъ передалъ свой бичъ“, „бьютъ слишкомъ слабо“, и ободрившись, снова попробовали поднять голову. Тѣ люди, которые подверглись ударамъ Лессинга, уже не могли возстановить своего авторитета, но явились новые люди, вздумавшіе дѣйствовать въ духѣ прежнихъ партій. Самымъ сильнымъ изъ этихъ людей былъ Клоцъ, въ короткое время достигшій значительности тѣми же самыми средствами, какія нѣкогда доставили литературное могущество Готтшеду. Клоцъ былъ безспорно человѣкъ очень даровитый, но недобросовѣстный. Ученая и литературная дѣятельность была для него только средствомъ возвысить свое положеніе въ обществѣ. Льстивый и наглый, онъ, сдѣлавшись профессоромъ въ Галле, скоро, посредствомъ интригъ и шарлатанства, получилъ значеніе не только въ своемъ университетѣ, но и во многихъ другихъ. Людей, которые покровительствовали или служили ему, онъ превозносилъ безъ всякой совѣсти и умѣлъ оказывать имъ услуги. Стоило только молодому человѣку примкнуть къ нему, и Клоцъ навѣрное доставлялъ ему каѳедру въ томъ или другомъ университетѣ. Онъ основалъ два критическіе журнала, — одинъ на латинскомъ языкѣ, чтобы задавать тонъ педантамъ, другой на нѣмецкомъ, чтобы распространять вліяніе издателя на массу. Кумовство и личныя отношенія были единственными правилами критики Клоца и его клевретовъ. Писателей, искавшихъ его покровительства, Клоцъ хвалилъ безъ всякой мѣры; писателей, заслужившихъ его немилость, онъ не только бранилъ безстыдно, но и чернилъ передъ публикою, выставляя ихъ частную жизнь въ грязномъ видѣ. Никто не былъ безопасенъ отъ его вражды. Особенно преслѣдовалъ онъ „Всеобщую нѣмецкую библіотеку“ Николаи, изъ корыстнаго соперничества.

Клоцъ былъ человѣкъ очень даровитый; онъ писалъ прекрасно, умѣлъ выказать себя великимъ ученымъ, былъ въ самомъ дѣлѣ богатъ знаніями, и еще богаче былъ шарлатанскими уловками, владѣлъ сарказмомъ съ большою ловкостью, въ борьбѣ за своихъ кліентовъ или противъ своихъ враговъ не пренебрегалъ никакими средствами, имѣя очень сильныя связи въ лите-

*) Въ посвященіи своихъ сочиненій, которое привели мы въ предъидущей главѣ.

Digitized by Google

ратурѣ и въ обществѣ,—зато, онъ былъ оракуломъ всѣхъ простаковъ, покровителемъ всѣхъ самолюбивыхъ людей, которые превозносили его отъ души, получая отъ него плату тою же монетою, и внушалъ страхъ всѣмъ безъ исключенія. Самые ученѣйшіе люди писали панегирики его учености, самые знаменитые поэты возвышали до небесъ его критическій талантъ. Такого блестящаго положенія онъ успѣлъ достичь очень быстро, — ему было всего еще только двадцать девять лѣтъ. Наглецовъ и шарлатановъ много, но рѣдко кто изъ нихъ такъ рано достигаетъ своей цѣли. Клоцъ былъ человѣкъ, далеко возвышавшійся своими способностями надъ обыкновеннымъ уровнемъ.

Клоца боялись всѣ; самъ онъ достигъ уже такого положенія, что смотрѣлъ на всѣхъ свысока, и чувствовалъ инстинктивный страхъ только къ одному Лессингу. Когда явился „Лаокоонъ“, галлесскій диктаторъ написалъ къ Лессингу льстивое письмо, въ которомъ, осыпая его похвалами, просилъ позволенія разобрать эту книгу въ своемъ журналѣ. Лессингъ отвѣчалъ ему очень учтиво, но подъ деликатными фразами проницательный Клоцъ замѣтилъ что-то похожее на презрѣніе, и былъ жестоко оскорбленъ. Всякому другому онъ далъ бы почувствовать свой гнѣвъ безцеремонною печатною бранью, но съ Лессингомъ онъ не хотѣлъ ссориться, и скрылъ свое чувство,—почелъ даже нужнымъ вновь заискивать его расположенія новымъ, чрезвычайнымъ доказательствомъ своего уваженія. Клоцу вздумалось сдѣлать извлеченіе изъ огромной „Всеобщей исторіи“, составленной обществомъ англійскихъ ученыхъ. Одинъ изъ друзей совѣтовалъ ему не браться за это дѣло. Клоцъ поручилъ этому пріятелю, отправлявшемуся въ Берлинъ (тогда Лессингъ жилъ еще въ Берлинѣ), спросить, что думаетъ Лессингъ. Лессингъ сказалъ, что не совѣтуетъ Клоцу браться за дѣло, которое ему не по силамъ,—и Клоцъ послушался. Написавъ разборъ „Лаокоона“, Клоцъ послалъ эту статью Лессингу при льстивомъ письмѣ. Рецензія проникнута чувствомъ восторга; въ нѣкоторыхъ вопросахъ рецензентъ высказываетъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ автора, но эти вопросы неважны, замѣчанія изложены самымъ почтительнымъ образомъ, и въ первомъ своемъ письмѣ Клоцъ уже просилъ позволенія сдѣлать ихъ; они служатъ только къ тому, чтобы еще болѣе возвысить книгу и автора, которому Клоцъ рѣшительно отдаетъ первое мѣсто между всѣми знаменитостями Германіи — cui dudum principem inter Germaniae ornamenta locum Musae tribuerunt, говоритъ онъ о Лессингѣ (рецензія помѣщена была въ латинскомъ журналѣ Клоца)—„его давно уже музы сдѣлали первымъ изъ людей, которыми гордится Германія“.— Бѣдный Клоцъ! всегда онъ дѣйствовалъ по разсчету, хвалилъ не по убѣжденію, а изъ выгоды, тутъ только въ самомъ дѣлѣ говорилъ отъ чистой души,—въ письмѣ къ одному изъ пріятелей, гдѣ не было ему нужды притворяться, онъ также говорилъ, что Лессингъ, какъ знатокъ древностей, выше самого Винкельмана по учености, и обладаетъ божественнымъ гені[illegible] быть можетъ, въ первый разъ онъ отдавалъ добросовѣстно, [illegible] убѣжденію справедливость чужимъ заслугамъ,—и могъ ли [illegible] награду за то безжалостнѣйшаго преслѣдованія отъ ед[illegible] котораго искренно уважалъ! Глеймъ, пріятель Лессин[illegible]

Digitized by Google

Клоца, пришелъ въ восторгъ отъ рецензіи и воображалъ, что она вос
титъ Лессинга. А еслибъ онъ прочелъ письмо, при которомъ она была п
слана къ Лессингу, онъ восхитился бы еще вдвое больше.

Лессингъ не отвѣчалъ ни слова на его письмо.

Теперь очевидно стало для Клоца, что никакими заискиваніями
войдетъ онъ въ милость къ Лессингу, что Лессингъ не хочетъ имѣть
нимъ сношеній, презираетъ его. Это было въ 1766 году.

Лессингъ еще не презиралъ Клоца, потому что не зналъ литерату
ныхъ продѣлокъ галлесскаго оракула, который велъ свои интриги оч
хитро,—ему просто не нравился льстивый тонъ его писемъ. Но въ 17
году Клоцъ основалъ свой нѣмецкій критическій журналъ, и развернул
въ немъ совершенно безцеремонно, — Лессингъ убѣдился изъ многихъ р
цензій, что знаменитый ученый и критикъ — человѣкъ недобросовѣстн
весною этого года, Лессингу случилась надобность быть на лейпцигск
пасхальной ярмаркѣ, куда собирались не одни книгопродавцы, но и ли
раторы; тутъ онъ узналъ вполнѣ всѣ безсовѣстныя продѣлки Клоца, и
ротился въ Гамбургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сбить спѣсь съ эт
наглеца. „Наслушался я объ этомъ человѣкѣ, — пишетъ Лессингъ къ Н
колаи, возвратившись въ Гамбургъ:—онъ слишкомъ подымаетъ носъ. Заг
ните же въ слѣдующіе листки здѣшней „Новой Газеты". Но это еще п
стяки. Я ему готовлю салютъ гораздо погромче"... Въ „Новой Гамбур
ской Газетѣ" начали печататься „Письма антикварскаго содержанія".

Ближайшимъ поводомъ къ изданію этихъ писемъ было то, что въ о
номъ изъ своихъ новыхъ сочиненій, книгѣ „О рѣзныхъ камняхъ у др
нихъ", Клоцъ сдѣлалъ три замѣчанія на „Лаокоона", въ которомъ бо
шую часть примѣровъ и доказательствъ беретъ Лессингъ изъ исторіи др
няго искусства. Замѣчанія эти выражены въ формѣ деликатной, такъ ч
сами по себѣ никакъ не могли бы разсердить Лессинга, который вообще
охотникъ былъ ни оскорбляться критическими замѣчаніями, ни возраж
на нихъ. Но Лессингъ только искалъ случая, чтобы уничтожить Клоца.
громъ разразился надъ несчастнымъ интригантомъ, который при всей не
висти, какую питалъ къ Лессингу за предугадываемое его презрѣні
себѣ, все-таки, въ противность своей привычкѣ, не смѣлъ говорить о не
непочтительно.

Лессингъ какъ будто находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы терза
Клоца,—на три-четыре вѣжливыя строки, онъ отвѣчалъ тремя книгами.
правда, небольшими, но все-таки тремя книгами *). Рѣзкость тона въ эти
книгахъ чрезвычайна. Клоцъ, и прежде боявшійся Лессинга, теперь сов
шенно убѣдился, что ему не подъ силу бороться съ такимъ противник
и, какъ человѣкъ благоразумный, разсчиталъ, что ему слѣдуетъ отмолчаться.
о первой части „Антикварскихъ писемъ" онъ написалъ въ своемъ журн
очень смиренную рецензію, говоря, что рѣшительно не понимаетъ, чѣ
могъ огорчить Лессинга. Но Лессингъ не укротился этимъ смиреніемъ.
продолжалъ писать „Антикварскія письма"; Лессингъ разбиралъ въ ни

*) Двумя частями „Антикварскихъ писемъ" и изслѣдованіемъ „О томъ, п
древніе изображали смерть".

Digitized by Google

его антикварскія сочиненія, доказывая, что онъ поверхностно знаетъ древности,—Клоцъ говорилъ друзьямъ, что перестанетъ писать о древностяхъ и займется другими предметами,—и это не должно было спасти его: „Пусть онъ берется за что угодно, говорилъ Лессингъ своимъ пріятелямъ; — разъ принявшись за него, не покину я его: хотя бы онъ ушелъ въ римское право, я и туда пойду за нимъ“.

Независимые ученые и литераторы, боявшіеся, но неуважавшіе Клоца, сначала радовались тому, что Лессингъ началъ школить этого наглеца, но черезъ нѣсколько времени имъ стало уже казаться, что Лессингъ довольно терзалъ его, что пора прекратить это истязаніе, имъ стало жаль бѣднаго Клоца, они стали прямо говорить Лессингу, что чрезмѣрная ожесточенность и продолжительность полемики вредитъ его собственной репутаціи, заставляя считать его человѣкомъ злобнаго характера. Мендельсонъ и Николаи, которые особенно страдали прежде отъ нападеній Клоца, особенно радовались первымъ „Антикварскимъ письмамъ“, — но потомъ не только Мендельсонъ, человѣкъ мягкаго характера, но и Николаи, суровый и мстительный, жалѣли Клоца, осуждали Лессинга и совѣтовали ему прекратить эту полемику. Публика, принявшая первую часть „Антикварскихъ писемъ“ съ интересомъ, мало покупала вторую часть *), — ей ужъ наскучило это дѣло. Ничто не останавливало Лессинга, и онъ съ какимъ-то страннымъ пристрастіемъ работалъ надъ продолженіемъ „Антикварскихъ писемъ“, оставивъ для этого другія занятія, которыя должны были бы казаться ему гораздо важнѣе и привлекательнѣе. Третья часть „Антикварскихъ писемъ“ приготовлялась къ изданію, когда внезапно умеръ Клоцъ — только этимъ могло прекратиться ожесточенное преслѣдованіе со стороны Лессинга. „Умнѣе онъ поступилъ, нежели я ожидалъ отъ него, — онъ умеръ“, написалъ Лессингъ, получивъ неожиданное извѣстіе:—„не забавно ли? Нѣтъ, впрочемъ, вовсе не забавно, не могу теперь смѣяться“.

Это неумолимое преслѣдованіе, которое было прекращено только смертью Клоца, которое казалось слишкомъ продолжительно и жестоко даже друзьямъ Лессинга и врагамъ Клоца, которое наконецъ заставило почти всѣхъ осуждать непримиримую сварливость Лессинга,—было ведено Лессингомъ не въ увлеченіи досадою, не въ горячемъ расположеніи духа, которое, казалось, одно только могло бы служить извиненіемъ ожесточенію,—нѣтъ, совершенно обдуманно, по хладнокровному соображенію.

„Г. Клоцъ предполагаетъ (въ рецензіи о первой части „Антикварскихъ писемъ“), что я вооруженъ противъ него“,—говоритъ Лессингъ въ концѣ второй части этихъ „Писемъ“:—„вооруженъ ли я противъ него, могу ли казаться вооруженнымъ, этого я не знаю. Знаю только, что подъ вліяніемъ какихъ бы побужденій я ни писалъ, пишу очень хладнокровно. Не горячность, не увлеченіе заставило меня принять тонъ, которымъ я говорю съ г. Клоцемъ. Каждое слово противъ него пишу я съ самою спокойною преднамѣренностью, съ самою внимательною обдуманностью. Встрѣчая у меня какое нибудь насмѣшливое, горькое, жосткое слово, пусть не думаютъ, что оно только сорвалось у меня съ языка. Я по всевозможномъ обсужденіи рѣшилъ, что съ г. Клоцемъ

*) Только первыя письма были помѣщены Лессингомъ въ „Новой Гамбургской Газетѣ“ продолженіе ихъ сталъ издавать Лессингъ отдѣльными книгами.

Digitized by Google

нужна насмѣшливая, горькая, жосткая рѣчь, что ни отъ одного такого слова изъ написанныхъ мною я не могу пощадить его, не становясь предателемъ дѣлу, которое защищаю противъ него“:

„Чѣмъ былъ г. Клоцъ? Чѣмъ захотѣлъ онъ стать? Чѣмъ онъ сталъ?“

Отвѣчая на этотъ тройной вопросъ, знаменитый въ исторіи нѣмецкой полемики, Лессингъ чрезвычайно язвительно доказываетъ фактами, что Клоцъ былъ льстецомъ, интригантомъ и пасквилятомъ; что онъ хотѣлъ быть верховнымъ судьею въ литературѣ, не имѣя на то права; что онъ сдѣлался страшилищемъ всѣхъ честныхъ и независимыхъ людей, сталъ предводителемъ шайки безсовѣстныхъ литературныхъ бандитовъ. „Какъ же нужно поступать съ такимъ человѣкомъ?—спрашиваетъ онъ дальше.—Такъ, какъ поступаютъ съ нимъ „Антикварскія письма“.

Послѣдствія дѣйствительно оправдали способъ дѣйствія и тонъ, избранный Лессингомъ. Надобно было разъ навсегда положить конецъ вліянію интригантовъ и наглецовъ на литературу, надобно было вырвать съ корнемъ всякую возможность возрожденія того порядка дѣлъ, какой существовалъ во времена Готтшеда и Бодмера. „Антикварскія письма“ сдѣлали это: Уничтожая Клоца, они уничтожили и ту систему, тотъ духъ, въ которомъ дѣйствовалъ этотъ послѣдній и самый блестящій представитель гнилаго и безстыднаго тщеславія, которое прежде управляло нѣмецкою литературою.

Новые люди, проникнутые инымъ направленіемъ, были навсегда освобождены „Антикварскими письмами“ отъ опеки людей, подобныхъ прежнимъ авторитетамъ. Гердеръ, Меркъ и Гете (какъ рецензентъ) почувствовали себя самостоятельными, и непосредственно послѣ „Антикварскихъ писемъ“ получили рѣшительный голосъ въ критикѣ. Старая привычка поддаваться авторитету интригантовъ и наглецовъ была очень сильна. Не говоря уже о писателяхъ прежняго поколѣнія, бывшихъ по времени своего литературнаго воспитанія сверстниками Лессинга,—напримѣръ о Гагедорнѣ, Глеймѣ, даже писатели новаго поколѣнія, воспитанные уже „Литературными письмами“ Лессинга, все еще не освободились отъ вліянія старой привычки, поддерживаемой всѣми прежними поэтами и учеными. До „Антикварскихъ писемъ“, самъ Гердеръ, первый изъ людей поколѣнія, слѣдовавшаго за Лессингомъ, восхищался знаменитымъ Клоцемъ,—а потомъ, тотъ же Гердеръ жалѣлъ, что Лессингъ тратилъ время на борьбу противъ „такого ничтожнаго человѣка“, какъ Клоцъ, и на занятіе „такими незначительными предметами“, какъ изслѣдованіе о рѣзныхъ камняхъ у древнихъ. Онъ забылъ, что самъ отбросилъ вредное чувство уваженія къ такимъ „ничтожнымъ“ (armselig) людямъ только благодаря лессинговой полемикѣ противъ Клоца.

Не только противникъ, но и предметъ спора казался черезъ нѣсколько лѣтъ Гердеру недостойнымъ Лессинга. Въ самомъ дѣлѣ, главное содержаніе „Антикварскихъ писемъ“ — изъисканія о рѣзныхъ камняхъ у древнихъ, предметъ незначительный, способный скорѣе занимать сухаго спеціалиста, нежели великаго двигателя національной исторіи. Но, чтожь дѣлать? Только диллетанты занимаются тѣмъ, что кажется важно именно для нихъ самихъ: предметы занятій историческаго человѣка опредѣляются духомъ времени и потребностями окружающей его среды. Мы видѣли, что уничтожить Клоца

Digitized by Google

было дѣломъ нужнымъ. Не любя ничего дѣлать на половину, Лессингъ взялся за свою задачу оригинальнымъ, но совершенно вѣрнымъ образомъ. Слава Клоца основывалась на его учености; ученость Клоца состояла главнѣйшимъ образомъ въ знаніи антиковъ. „Клоцъ и Винкельманъ“ — было въ то время обыкновенною фразою. Взявшись за уничтоженіе авторитета Клоца, Лессингъ видѣлъ, что не довольно оборвать вѣтви,—надобно вырубить самый корень этого вреднаго дерева; не довольно было доказать, что Клоцъ плохой критикъ; силлогизмъ, на которомъ основывалась его репутація, былъ таковъ: „онъ великій знатокъ древностей, — онъ великій ученый; а великаго ученаго надобно слушать съ почтеніемъ“,—надобно было доказать, что онъ плохой знатокъ древности, и, съ уничтоженіемъ этого корня, падали невозвратно всѣ вѣтви его славы. Репутацію, укоренившуюся прочно, нельзя убить во мнѣніи большинства нѣсколькими замѣчаніями, какъ бы мѣтки и рѣшительны ни были они; указать шесть-семь промаховъ Клоца, какъ бы грубы они ни были, было недостачно: масса литераторовъ и публики, разъ проникнувшаяся вѣрою въ его ученость, все таки продолжала бы говорить: „ну, да; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ ошибался; но все-таки онъ великій ученый; и на солнцѣ есть пятна“... Надобно было просмотрѣть весь дискъ этого мнимаго солнца, и доказать, что нѣтъ на немъ ни одного мѣста, которое не было бы пятномъ. Такъ и сдѣлалъ Лессингъ: взялъ книгу Клоца, просмотрѣлъ ее съ начала до конца, показалъ, что вся она — непрерывный рядъ шарлатанскихъ заимствованій и промаховъ. Уничтоживъ основаніе славы Клоца, Лессингъ не имѣлъ уже нужды подробно доказывать ничтожество другихъ его притязаній,—„если онъ, какъ это теперь уже доказано, плохо знаетъ даже то, въ чемъ вы предполагали его особенно сильнымъ, то легко вы поймете, какъ слабъ онъ во всемъ остальномъ“ — нужно было доказать тезисъ, а выводъ слѣдствій былъ уже несомнителенъ для каждаго.

Впрочемъ, разъ мы уже замѣтили, по поводу „Вадемекума для г. Ланге“, привычку Лессинга постоянно вплетать въ основной ходъ изслѣдованія эпизодическія изъисканія, предметъ которыхъ часто бываетъ важнѣе общей темы сочиненія,—та же метода соблюдена и здѣсь. Многія изъ „Антикварскихъ писемъ“ имѣютъ до сихъ поръ живой интересъ, а изслѣдованіе „о томъ, какъ изображалась у древнихъ смерть“, возникшее также изъ „Антикварскихъ писемъ“, есть одинъ изъ тѣхъ трактатовъ, которые всего болѣе способствовали утвержденію истиннаго взгляда на систему греческихъ вѣрованій.

„Лаокоонъ“ и „Минна фонъ-Барнгельмъ“ поставили Лессинга выше всѣхъ знаменитостей Германіи; „Гамбургская драматургія“ еще болѣе упрочила его славу. Но по прежнему, слава не давала ему хотя бы скромныхъ средствъ къ жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ упалъ „національный театръ“, постоянною мечтою Лессинга снова сдѣлалось путешествіе въ Италію, о которомъ думалъ онъ еще въ Бреславлѣ; раза три-четыре въ годъ назначалъ онъ сроки, когда сядетъ на корабль или въ почтовую карету, чтобы скакать или плыть къ желанному югу,— но каждый срокъ проходилъ, и мечта все еще оказывалась неисполнимою. Напрасно продавалъ онъ книги, которыя удержалъ было какъ необходимѣйшія для себя, когда разставался

Digitized by Google

съ своею библіотекою,—денегъ все-таки у него недоставало не только для путешествія, но и для жизни въ Гамбургѣ". „Положеніе мое таково, что я долженъ продать всѣ книги и вещи, которыя еще остаются у меня",—писалъ онъ, въ іюлѣ 1769 года, къ брату, жившему въ Берлинѣ. „Сердце у меня обливается кровью, когда я подумаю о томъ, что не могу теперь послать денегъ роднымъ въ Каменецъ: но въ настоящую минуту я бѣднѣе всѣхъ своихъ родныхъ; они по крайней мѣрѣ не обременены долгами, а я, при частыхъ недостаткахъ въ необходимѣйшемъ, по уши въ долгу. Какъ и помочь этому, не знаю". Долги, изъ которыхъ онъ не надѣется выпутаться, состояли всего въ нѣсколькихъ стахъ талерахъ,—но для Лессинга и эта сумма была огромна.

Но отъ своего правила: не искать мѣстъ, и не принимать предлагаемыхъ мѣстъ, если они ему не по сердцу, Лессингъ не отступался. Весною 1769 года ему предлагали мѣсто драматурга при вѣнскомъ театрѣ съ 3,000 гульденовъ (около 2,000 рублей сер.) жалованья,—но Лессингъ отказался, потому что, присмотрѣвшись въ Гамбургѣ къ театральнымъ интригамъ, не хотѣлъ уже имѣть никакого дѣла съ театрами. Когда же ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было предложено мѣсто библіотекаря при знаменитой библіотекѣ въ Вольфенбюттелѣ, съ 600 талеровъ (550 руб. сер.) жалованья, онъ съ восторгомъ принялъ это приглашеніе, которое дѣйствительно спасало его отъ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ.

Мѣсто это было предложено ему отъ имени наслѣднаго принца Фердинанда Брауншвейгскаго, который ждалъ его пріѣзда съ нетерпѣніемъ. Но болѣе четырехъ мѣсяцевъ прошло прежде, нежели Лессингъ выѣхалъ изъ Гамбурга. Профессоръ Эбертъ, черезъ котораго наслѣдный принцъ сдѣлалъ приглашеніе, рѣшительно недоумѣвалъ, какія остановки могли такъ долго задержать его; Лессингъ извинялъ свое промедленіе то болѣзнью, то неудобствомъ погоды, то различными другими предлогами; но истинная причина была совершенно другая—Лессингъ продавалъ свои остальныя вещи, чтобы собрать небольшую сумму денегъ, какая нужна для переѣзда изъ Гамбурга въ Брауншвейгъ. Наконецъ, кое какъ дѣла были устроены, и въ апрѣлѣ 1770 года Лессингъ пріѣхалъ въ Брауншвейгъ, былъ представленъ ко Двору, и въ маѣ отправился къ своему библіотекарскому мѣсту въ Вольфенбюттель.

Первое время новой жизни прошло для Лессинга очень пріятно: библіотека очаровала его своимъ богатствомъ, сотнями тысячъ книгъ и огромною коллекціею рукописей, въ числѣ которыхъ многія были очень важны для науки и совершенно еще неизвѣстны. Лессингъ вступилъ въ должность съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все возможное для открытія и обнародованія скрывавшихся въ ней сокровищъ, и поиски его были очень счастливы. Въ первые же дни по пріѣздѣ, онъ нашелъ очень важное для церковной исторіи XI вѣка сочиненіе извѣстнаго богослова Беренгарія Турскаго, до той поры считавшееся утраченнымъ, и немедленно издалъ обширное историко-теологическое изслѣдованіе о немъ съ обзоромъ его содержанія. За тѣмъ быстро слѣдовали другія важныя открытія и изслѣдованія. Къ каждому издаваемому отрывку или сочиненію, Лессингъ писалъ предисловіе, которое

Digitized by Google

бывало обыкновенно еще важнѣе самого сочиненія, объясненіемъ которому служило.

Но Лессингъ былъ не такой человѣкъ, котораго могли бы надолго удовлетворить старыя книги и рукописи. Не прекращая занятій ими, онъ скоро принялся за обработку давно задуманной трагедіи, которая изображала бы среди новаго міра коллизію, подобную той, которая извѣстна всѣмъ изъ римской легенды о судьбѣ Виргиніи. Въ 1772 году явилась „Эмилія Галотти". Мы не будемъ говорить объ успѣхѣ, который имѣла эта пьеса, —замѣтимъ только, что въ даровитой молодежи произвела она фуроръ. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, вспоминая о дѣйствіи „Эмиліи Галотти" на тогдашнюю литературу, Гете сравниваетъ нѣмецкую поэзію съ Латоною, которая, гонимая гнѣвомъ Геры, долго и напрасно искала себѣ пріюта, и говоритъ: „наконецъ послѣ долгой, многолѣтней борьбы, возникла эта пьеса, „какъ островъ Делосъ, изъ пучины готтшедо-геллерто-вейссевскаго наводненія, „чтобы пріютно успокоить странствующую богиню. „Эмилія Галотти" обо„дрила насъ, молодыхъ людей; мы были очень много обязаны Лессингу". Сравненіе нѣмецкой музы съ Латоною, а „Эмиліи Галотти" съ островомъ Делосомъ, слишкомъ кудревато, но оно довольно ясно показываетъ, что Гете (которому было тогда 23 года, и который въ слѣдующемъ году издалъ своего „Геца") и его литературнымъ друзьямъ „Эмилія Галотти" представилась, какъ явленіе, до той поры небывалое, безпримѣрное въ нѣмецкой поэзіи, какъ достиженіе цѣли, къ которой стремилось все многолѣтнее развитіе нѣмецкой поэзіи, что на поэтовъ молодаго поколѣнія (и въ томъ числѣ Гете) эта трагедія имѣла сильнѣйшее вліяніе. Замѣтимъ здѣсь кстати слова: „она ободрила насъ, молодыхъ людей"—они напомнятъ читателю то, что мы говорили о существенномъ характерѣ вліянія Лессинга: оно развязывало руки талантливымъ людямъ, оно вызывало на самостоятельную дѣятельность,—рѣдкое, какъ мы уже говорили, исключеніе изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ, по которому геній, возвышая васъ до себя, съ тѣмъ вмѣстѣ порабощаетъ васъ себѣ. У Лессинга была не такая натура: независимость была его задушевнымъ желаніемъ для себя и для другихъ; подчинять себѣ другихъ было ему также противно, какъ и подчиняться другимъ. Черта, отличавшая характеръ человѣка, отразилась на духѣ и дѣйствіи его произведеній.

Гете и его друзья 1770-тыхъ годовъ не ошибались, видя въ „Эмиліи Галотти" явленіе, небывалое до той поры. Этою трагедіею начинается новый періодъ нѣмецкой поэзіи. Мы видѣли, что уже черезъ два фазиса развитія провелъ нѣмецкую поэзію Лессингъ своими двумя прежними драмами: „Сара Сампсонъ" ввела въ поэзію патетизмъ и человѣка, вмѣсто прежней пустозвонной шумихи и деревянныхъ героевъ; „Минна фонъ-Барнгельмъ" ввела въ нѣмецкую поэзію національный элементъ. Оставалось поэзіи совершить еще одинъ шагъ, чтобы занять положеніе, приличное ей въ національной жизни,—оставалось ей принять въ себя такое содержаніе, которое ставило ея произведенія въ гармонію съ великими историческими интересами національнаго развитія. Примѣръ тому, „ободрившій насъ, молодыхъ людей", какъ признается за себя и своихъ друзей Гете, былъ показанъ „Эмиліею Галотти".

Digitized by Google

Мы не будемъ пересказывать здѣсь сюжетъ „Эмиліи Галотти“, отлагая это до другаго мѣста. Довольно замѣтить, что эта трагедія—исторія Виргиніи, совершающаяся при итальянскомъ Дворѣ въ XVI, или, пожалуй, XVII, или, еще вѣрнѣе, въ XVIII вѣкѣ. Просимъ читателей вспомнить, что мы говорили о Германіи XVIII вѣка въ нашей первой главѣ, и для нихъ будетъ ясно, какое отношеніе имѣлъ такой сюжетъ къ фактамъ, совершавшимся въ глазахъ тогдашней нѣмецкой публики. „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“, „Эгмонтъ“, „Разбойники“, „Донъ Карлосъ“, „Коварство и Любовь“, „Вильгельмъ Телль“—все это драмы того разряда, который начинается „Эмиліей Галотти“ *).

„Эмилія Галотти“ въ поэзіи стоитъ на границѣ между эпохами дѣятельности двухъ различныхъ поколѣній; точно также стоитъ на границѣ между эпохами дѣятельности двухъ различныхъ поколѣній „Гамбургская Драматургія“ въ литературной критикѣ. До сихъ поръ, всѣ ряды, всѣ партіи литературы состояли изъ людей, бывшихъ сверстниками Лессинга или старше его. Онъ, человѣкъ далеко опередившій свое поколѣніе, былъ нравственно одинокъ между ними. Правда, многіе изъ нихъ были воспитаны имъ; почти всѣ остальные сильно были передѣланы его вліяніемъ. Но истинно въ плоть и кровь обращаются идеи воспитателя только у того, кто воспитанъ имъ съ самаго дѣтства. Изъ всѣхъ друзей Лессинга, ближайшимъ былъ Мендельсонъ; его развитіе подвергалось постоянному дѣйствію Лессинга съ болѣе ранней поры, нежели развитіе кого нибудь другаго; до появленія на сцену новыхъ людей, Лессингъ называлъ его „лучшею головою“, какую только знаетъ; по своему исключительному положенію въ обществѣ, Мендельсонъ былъ скорѣе всякаго готовъ къ принятію новыхъ идей. И, однако же, Мендельсонъ, втеченіе многихъ лѣтъ ежедневно бесѣдуя съ нимъ, не понялъ Лессинга такъ хорошо, какъ человѣкъ новаго поколѣнія, Якоби, который провелъ съ Лессингомъ всего только нѣсколько вечеровъ. А между тѣмъ, Якоби, по своей натурѣ, былъ гораздо ниже Мендельсона и, между людьми новаго поколѣнія, былъ однимъ наименѣе способнымъ понимать Лессинга. Между своими сверстниками Лессингъ былъ совершенно одинокъ.

Но вотъ, воспиталось новое поколѣніе,—въ критикѣ появляются Гердеръ, Меркъ, Лихтенбергъ, Гете; въ поэзіи—Гете, Ленцъ, Клингеръ, Лейзевицъ, и, въ одно время съ ними, около начала 1770-тыхъ годовъ, всѣ безчисленные критики и поэты періода „бурныхъ стремленій“. Всѣ они воспитаны преимущественно Лессингомъ, многіе—исключительно Лессингомъ.

*) Мы проводили параллель между фазисами нѣмецкой литературы, ознаменованными появленіемъ „Сары Сампсонъ“ и „Минны фонъ-Барнгельмъ“ и соотвѣтствующими фазисами русской литературы. Появленіемъ „Эмиліи Галотти“ прекращается возможность такого сравненія, потому что въ русской литературѣ подобнаго періода мы не находимъ. Намъ могутъ указать на Гоголя и его продолжателей. Не уступая никому въ уваженіи къ этимъ писателямъ, мы должны, однако же, признаться, что, по широтѣ изображаемыхъ сюжетовъ, сравнивать ихъ произведенія съ произведеніями, названными нами въ текстѣ, невозможно. Когда смотришь на поэзію съ исторической точки зрѣнія, то нельзя не замѣтить, что обстановка, среди которой совершается въ поэтическомъ произведеніи дѣйствіе, есть элементъ чрезвычайно важный для значенія произведенія.

Digitized by Google

Каково-то будетъ отношеніе учителя къ нимъ, каково-то будетъ отношеніе ихъ къ учителю?

Именно тутъ и обнаружилась самымъ яркимъ и рѣдкимъ образомъ его натура, удивительная по своей необыкновенности, совершенно нормальная по своей разумности. Когда они выступили на сцену, онъ совершенно сошелъ съ этой сцены, вполнѣ уступая имъ мѣсто. Онъ пересталъ работать для поэзіи, для литературной критики. „Теперь и безъ меня довольно исправныхъ работниковъ на этихъ поляхъ,—мое дѣло кончено, я сталъ бы только мѣшать имъ; они и безъ меня сдѣлаютъ все, что нужно, —они умѣютъ и хотятъ работать, пусть же трудятся, какъ умѣютъ и какъ хотятъ". Роль воспитателя должна кончаться, когда воспитанники совершенно приготовлены.

Значило ли это, что онъ вполнѣ ими былъ доволенъ? Значило ли это, что онъ увидѣлъ себя безсильнымъ побороть ихъ, если не былъ доволенъ ими? Или это значило, что онъ усталъ работать и радъ былъ случаю бросить работу? Въ извѣстныхъ отношеніяхъ, на всѣ эти вопросы надобно отвѣчать: „да", въ другихъ отношеніяхъ—„нѣтъ".

Новые дѣятели поэзіи и критики сильно возбуждали мысль своего народа, всѣ были проникнуты любовію къ добру и истинѣ, многіе изъ нихъ были чрезвычайно даровиты, нѣкоторые —геніальны: во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Лессингъ могъ быть совершенно доволенъ ими. Еще важнѣе было то, что они были люди независимыхъ мнѣній и самостоятельныхъ стремленій; ихъ нельзя было ни запугать, ни ослѣпить авторитетомъ, они провѣряли самымъ строгимъ образомъ каждый авторитетъ, и скорѣе расположены были, лишь бы только допустила истина, воспротивиться, чѣмъ послѣдовать ему—въ такомъ настроеніи умственной жизни была существеннѣйшая историческая потребность, оно требовалось и натурою самого Лессинга,—въ этомъ отношеніи, онъ могъ гордиться своими наслѣдниками. Каждый изъ нихъ шелъ по тому пути, какой самъ считалъ лучшимъ,—но по какому бы пути ни шелъ кто изъ нихъ, Лессингъ могъ видѣть, что этотъ путь, въ числѣ многихъ другихъ путей, указанъ и проложенъ имъ, Лессингомъ. Каждый изъ нихъ разработывалъ общее поле по своему, но поле это было то самое, которое указалъ Лессингъ, и цѣль у всѣхъ была общая, та самая, для которой трудился и онъ—пробужденіе сознанія въ нѣмецкомъ народѣ, пробужденіе энергіи и прямоты въ умственной жизни народа.

Люди новаго поколѣнія были воспитанники Лессинга и работали, вообще говоря, сообразно примѣру, поданному общимъ учителемъ. Конечно, мы не можемъ здѣсь перечислять всѣ признаки, которыми отразилось изученіе его произведеній на каждомъ изъ этихъ новыхъ дѣятелей,—но пусть представителями родовой связи будутъ два значительнѣйшіе изъ нихъ, Гердеръ и Гете, которые, оставаясь каждый очень многостороннимъ, все-таки какъ бы раздѣлили между собою дѣятельность, обнимавшую у Лессинга равно всѣ стороны литературы, и сдѣлались знамениты, одинъ—по преимуществу теоретическими трудами, другой—осуществленіемъ [illegible] жественныхъ произведеніяхъ.

Гердеръ до такой степени былъ пропитанъ сочи[illegible] изъ теоретическихъ произведеній учителя не ост[illegible]

Digitized by Google

торое не подало бы ученику случая къ сочиненію въ томъ же родѣ, на ту же тему. Лессингъ писалъ „Защищенія“ (Rettungen—изъисканія съ цѣлью возстановить добрую славу о характерѣ и нравственныхъ правилахъ того или другаго знаменитаго стараго писателя, по неосновательнымъ обвиненіямъ прослывшаго дурнымъ человѣкомъ), между прочимъ „Защищеніе Горація“— и Гердеръ написалъ „Защищеніе Горація“; Лессингъ написалъ изслѣдованіе объ эпиграммѣ—и Гердеръ написалъ изслѣдованіе объ эпиграммѣ: Лессингъ написалъ изслѣдованіе о баснѣ—и Гердеръ написалъ изслѣдованіе о баснѣ; различныя разсужденія или отдѣльныя мысли Лессинга породили изслѣдованія Гердера „О знаніи и незнаніи“, „Взгляды на будущность человѣчества“, „Полингенезія“ и т. д. „Литературными письмами“ Лессинга были порождены „Отрывки для нѣмецкой литературы“ Гердера; „Лаокооном“ и „Антикварскими письмами“ Лессинга—„Критическія лѣса“ Гердера и т. д. *). Не даромъ говорилъ Гердеръ, что „какъ онъ ни бьется, а все таки единственный человѣкъ, интересующій его,—Лессингъ“. Мы по необходимости указываемъ только нѣкоторые изъ тѣхъ случаевъ, когда цѣлое сочиненіе Гердера все цѣликомъ возникло изъ сочиненія, написаннаго Лессингомъ; разсматривать связь идей Гердера съ идеями Лессинга было бы слишкомъ долго и неумѣстно здѣсь,—но легко угадать, до какой степени воззрѣнія Гердера обусловливались мыслями, указанными ему Лессингомъ, если большая часть его сочиненій прямо написаны на темы, данныя ему Лессингомъ. И не надобно воображать, чтобы такое отношеніе существовало только въ первый періодъ дѣятельности Гердера,—нѣтъ, оно не измѣнялось до конца его жизни.

Случайно, мы уже приводили нѣсколько сужденій Гете о дѣйствіи нѣкоторыхъ сочиненій Лессинга на развитіе самого Гете,—мы уже видѣли, какъ онъ самъ признавался, что „Лаокоонъ“ „озарилъ его какъ молнія“, и овладѣлъ его мыслью на многіе годы, что „Эмилія Галотти“ „ободрила“ его,—прибавимъ къ этому слова Гете о „Миннѣ фонъ-Баргельмъ“.— „Очень сильно подѣйствовала на насъ эта пьеса. Дѣйствительно, она была блестящимъ метеоромъ въ тѣ темныя времена. Она дала намъ понять, что существуетъ нѣчто высшее всего того, о чемъ знала тогдашняя эпоха“. Мы видѣли также, какой сильный отпечатокъ на манеру Гете положили даже второстепенныя замѣчанія Лессинга, напримѣръ хотя бы о томъ, что описаніе предмета должно въ поэзіи замѣняться разсказомъ его происхожденія и судьбы. Число этихъ примѣровъ легко было бы умножить **). Но мы лучше хотимъ замѣнить ихъ нѣсколькими чертами сходства между Лессингомъ и не однимъ Гете, а всѣми поэтами той эпохи, которой по духу и манерѣ принадлежатъ „Вертеръ“ и „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“.

Лессингъ осмѣялъ знаменитое правило о соблюденіи въ драмѣ трехъ единствъ, указалъ на Шекспира, какъ поэта, произведенія котораго должны вѣчно быть въ памяти каждаго драматурга,—тотчасъ послѣ этого является

*) Гервинусъ.

**) Напримѣръ: Гете, когда былъ въ Италіи, почелъ необходимостью написать изслѣдованіе о статуѣ Лаокоона; перевелъ сочиненія Дидро, на которыя указалъ Лессингъ, и проч.

Digitized by Google

поклоненіе Шекспиру, подражаніе Шекспиру, забота о томъ, чтобы не показаться соблюдающимъ какое нибудь изъ трехъ единствъ; преимущественно вліянію Лессинга надобно приписать и преобладаніе драмы въ тотъ періодъ нѣмецкой литературы: Лессингъ писалъ исключительно драмы, и всѣ начали писать драмы и драмы.

Тоже самое было и съ литераторами, которые дѣйствовали на ученомъ поприщѣ: Лессингъ былъ полигисторъ, и всѣ захотѣли быть полигисторами, трудиться не для одной какой нибудь науки, а для всѣхъ гуманическихъ наукъ за разъ, отъ эстетики и философіи до древностей и теологіи. Лессингъ писалъ все только отрывки, никогда не доканчивая всего сочиненія, какъ сначала хотѣлъ написать его,—и всѣ начали писать отрывки, и явилось въ нѣмецкой литературѣ цѣлое племя „фрагментаристовъ"; Лессингъ возставалъ противъ цеховой учености и педантства,—и всѣ начали возставать противъ цеховой учености и педантства. Наконецъ—общая черта, въ которой соединялись и поэты и мыслители періода, слѣдовавшаго за „Гамбургскою Драматургіею" и „Эмиліею Галотти": Лессингъ говорилъ о самостоятельности, о строжайшемъ переизслѣдованіи всего, что внушается авторитетами, завѣщано преданіемъ, о повѣркѣ собственнымъ анализомъ всѣхъ правилъ, всего, что принято нами съ дѣтства, какъ аксіома,—независимость мнѣній стояла для него выше всего:—и самымъ горячимъ стремленіемъ періода, начавшагося съ 1770 годами, было стремленіе къ провѣркѣ, къ переизслѣдованію всѣхъ правилъ, всѣхъ авторитетовъ, неприниманіе ничего на-слово, общимъ лозунгомъ всѣхъ была самостоятельность и оригинальность.

Сильно было его вліяніе на эту эпоху и всѣхъ лучшихъ ея дѣятелей: если имѣть въ виду только общія черты этихъ людей, то они всѣ сходятся въ томъ, что вышли изъ Лессинга. Но ихъ крикъ о самобытности не былъ пустою претензіею: дѣйствительно, развившись благодаря Лессингу, ни одинъ изъ нихъ не утратилъ черезъ это воспитаніе ни одной черты, принадлежавшей его личности. Укажемъ опять на одного изъ двухъ главныхъ представителей того времени, на Гердера. О Гете нечего и говорить: каждому изъ читателей, конечно, очевидно, что онъ нимало не напоминаетъ собою Лессинга; о подчиненности его, какъ поэта, Лессингу не можетъ быть и рѣчи: онъ несравненно выше своего воспитателя по поэтическому таланту. Но Гердеръ, всѣмъ обязанный Лессингу, напоминаетъ собою, однако же, вовсе не Лессинга, а другаго своего учителя, извѣстнаго полигистора Гаманна, который не долюбливалъ Лессинга и составлялъ рѣшительную противоположность съ нимъ: тотъ же фосфорическій блескъ отдѣльныхъ мыслей, но и тотъ же восточный тонъ восторженной рѣчи, та же безпорядица въ воззрѣніяхъ, тоже фантазерство, таже раздражительность ипохондрическаго самолюбія, тотъ же оттѣнокъ чего-то въ родѣ юнгъ-штиллингизма или лафатерщины,—вообще, въ манерѣ и въ воззрѣніяхъ что-то похожее на Шатобріана. Отчасти превосходствомъ натуры, отчасти вліяніемъ Лессинга значительно сгладились въ Гердерѣ эти недостатки и углова[illegible] все-таки они остались еще очень рѣзки. Вотъ одинъ изъ при[illegible] можно судить о томъ, до какой степени отличались [illegible] вліянія отъ обыкновенныхъ слѣдствій, какими [illegible]

Digitized by Google

подчиненіе чьему нибудь вліянію: Гаманнъ, гораздо менѣе Лессинга содѣйствовавшій развитію Гердера, отразился въ немъ со всѣми своими недостатками; Лессингъ, давшій ему все, не навязалъ ему ничего чуждаго его натурѣ. Не говоримъ уже о томъ, что Гаманну Гердеръ до конца только поддакивалъ, какъ авторитету, а съ Лессингомъ съ самаго начала спорилъ, какъ съ простымъ человѣкомъ, нимало не стѣсняясь,-- а пробужденіе такой независимости и было существенной потребностью исторіи, главною задачею Лессинга.

Итакъ—возвращаемся къ нашимъ вопросамъ—Лессингъ могъ быть вполнѣ доволенъ людьми, которымъ совершенно уступалъ критическое и поэтическое поприще? Быть можетъ, именно потому онъ и сошелъ съ этого поприща, что иного и лучшаго, нежели дѣлали они, и не могъ желать сдѣлать?—Не совсѣмъ.

Всѣ вмѣстѣ, какъ одно цѣлое, люди молодаго поколѣнія были вѣрны Лессингу. Но въ частности, каждый изъ нихъ по кругу своихъ воззрѣній и сочувствій былъ гораздо одностороннѣе его*). Таковъ естественный ходъ историческаго развитія во всѣхъ сферахъ, что первоначальное равновѣсіе различныхъ элементовъ, обнимаемыхъ вновь возникшимъ стремленіемъ, разрушается при дальнѣйшемъ движеніи этого стремленія, такъ что одна сторона его беретъ перевѣсъ надъ другими, и основное единство распадается на множество направленій, изъ которыхъ одно, наиболѣе благопріятствуемое историческими обстоятельствами, становится господствующимъ, оттѣсняя всѣ другія на задній планъ.

Было бы слишкомъ долго и неумѣстно говорить здѣсь, почему сильнѣйшіе люди новаго поколѣнія, Гердеръ и Гете, склонились на ту, а не на другую сторону. Довольно сказать, что сторона, къ которой склонялись они, была антипатична Лессингу. У Гердера слабою стороною было излишнее преобладаніе воображенія надъ разсудкомъ, у Гете (въ ту эпоху, эпоху „Вертера“ и увлеченія поддѣльными оссіановскими пѣснями) сантиментальность. Отсюда происходило пристрастіе Гердера къ Гаманну, пристрастіе Гете къ людямъ, подобнымъ Лафатеру, уживчивость его съ людьми, подобными Юнгу-Штиллингу. Такія предпочтенія казались Лессингу неразумными и вредными, и произведенія, написанныя въ этомъ направленіи, фальшивыми. Чтобы не растягивать нашего разсказа, приведемъ только одинъ примѣръ—сужденіе Лессинга о „Вертерѣ“. Читатели знаютъ, что сюжетъ этого романа данъ Гете дѣйствительнымъ событіемъ—судьбою Іерузалема (сына извѣстнаго теолога), который лишилъ себя жизни. Вотъ знаменитое письмо Лессинга къ Эшенбургу объ этомъ романѣ:

---

*) Мы говоримъ о духѣ, проникавшемъ систему воззрѣній того или другаго изъ новыхъ дѣятелей, а не о широтѣ круга ихъ занятій,—занятія могли бы быть раздѣлены между различными людьми безъ вреда для всесторонности духа, ихъ оживлявшаго,—но эта всесторонность и была утрачена; а кругъ занятій у многихъ изъ людей новаго поколѣнія былъ чрезвычайно многостороненъ. Гете былъ въ этомъ отношеніи даже универсальнѣе Лессинга, обнимая, кромѣ тѣхъ отраслей знанія или мысли, для которыхъ трудился Лессингъ, и естественныя науки, которыя лежали внѣ круга дѣятельности Лессинга, хотя и бывшаго, подобно Шиллеру, въ молодости медикомъ.

Digitized by Google

„Чрезвычайно благодаренъ вамъ, любезный Эшенбургъ, за удовольствіе, которое доставили вы мнѣ, одолживъ романъ Гете. Возвращаю вамъ его днемъ раньше условленнаго срока, чтобы другіе поскорѣе могли насладиться этимъ удовольствіемъ.

„Но какъ вамъ кажется: чтобы не надѣлать больше вреда, нежели пользы, не должно бы это столь теплое произведеніе имѣть коротенькій холодный эпилогъ? Нужно бы нѣсколько словъ о томъ, какъ развился въ Вертерѣ такой странный характеръ; какъ другой юноша съ подобными наклонностями можетъ уберечь себя отъ этого. Вѣдь онъ, пожалуй, можетъ принять поэтическую красоту за нравственную и вообразить, что если этотъ человѣкъ столь сильно возбуждаетъ наше участіе, то значитъ, что онъ былъ *хорошъ*. А онъ вовсе не былъ хорошъ. И если бы нашъ Іерузалемъ*) былъ совершенно въ такомъ душевномъ состояніи, то я... почти что, презиралъ бы его. Скажите, греческій или римскій юноша лишилъ-ли бы себя жизни *такъ* и *изъ-за такой причины?* Навѣрно, нѣтъ. О, они умѣли не поддаваться фантазерству въ любви, и во времена *Сократа* такую ex erôtos katochê (коллизію отъ любви), доводящую до ti tolmâin para physin (до лишенія себя жизни) простили бы развѣ какой-нибудь дѣвченкѣ. Производить такихъ мелко-великихъ, презрѣнно-милыхъ оригиналовъ было предоставлено только нашему ново-европейскому воспитанію, которое такъ отлично умѣетъ превращать физическую потребность въ душевное совершенство. И такъ, любезный Гёте, прибавьте въ концѣ еще маленькую главу, и чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше".

Лессингъ хотѣлъ очистить память своего молодаго друга отъ „презрѣнной слабости", которую взводилъ на него романъ,—для этого онъ издалъ сочиненія Іерузалема сына, съ предисловіемъ, въ которомъ изображалъ покойнаго, какъ человѣка съ мужественнымъ характеромъ и свѣтлой головой. Лессингъ такъ сильно возмущался „Вертеромъ" Гете, что у него однажды мелькнула даже мысль развить эту тему съ здоровой мужественной точки зрѣнія: сохранился листокъ, на которомъ онъ набросалъ въ нѣсколькихъ строкахъ планъ первой сцены для драмы „Werther, der bessere"—„Вертеръ, болѣе достойный уваженія".

Нѣтъ надобности доказывать, что Лессингъ былъ правъ въ своемъ недовольствѣ тенденціею, отразившеюся на „Вертерѣ"; онъ вѣрно предугадалъ, что романъ этотъ будетъ имѣть вредное вліяніе на молодежь, выставляя въ идеальномъ свѣтѣ болѣзненное малодушіе своего героя.

Не былъ доволенъ Лессингъ и тѣмъ направленіемъ, какое получила драма въ періодъ „бурныхъ стремленій". Онъ внушалъ уваженіе къ Шекспиру,—но молодежь, съ обыкновенною своею наклонностью доводить всякое чувство до крайностей, дошла въ энтузіазмѣ къ Шекспиру до нелѣпостей, и старалась какъ можно ближе подражать даже тому, что вовсе не важно въ Шекспирѣ и, скорѣе, составляетъ его недостатокъ, нежели достоинство: эксцентричность выраженій и другія особенности, объясняемыя только вкусомъ вѣка, въ которомъ жилъ Шекспиръ, казались этимъ драматургамъ столько же драгоцѣнными и необходимыми принадлежностями „геніальности", какъ дѣйствительныя достоинства шекспировыхъ драмъ. Тогда-то возникло понятіе о качествахъ поэта и его произведеній, извѣстное намъ по преданіямъ романтизма: только тотъ истинный поэтъ, кто растрепанъ, кто съ пренебреженіемъ смотритъ на людей, ведущихъ себя благоприлично, кто старается каждою строкою своихъ произведеній шокировать разсудительныхъ

*) Лессингъ любилъ этого несчастнаго юношу.

Digitized by Google

людей. Это все называлось „геніальностью“. Такія эксцентричныя замашки сильно не нравились Лессингу, который смотрѣлъ на искусство, какъ древній грекъ.

Молодежь инстинктивно предчувствовала, что Лессингъ не можетъ сочувствовать ея одностороннимъ излишествамъ, и если многіе изъ новыхъ дѣятелей литературы,—напримѣръ, Гердеръ и Лейзевицъ,—лично были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Лессингомъ, то иные какъ-то чуждались его. Любопытное свидѣтельство послѣдняго оставилъ Гете о себѣ и своихъ лейпцигскихъ друзьяхъ въ своей автобіографіи. Весною 1768 года Лессингъ пріѣзжалъ въ Лейпцигъ,—Гете былъ тогда студентомъ Лейпцигскаго Университета (ему было 19 лѣтъ): „Богъ знаетъ, что такое было у насъ тогда въ головѣ, разсказываетъ онъ:—намъ вздумалось не только не искать случая видѣть Лессинга, напротивъ, избѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ могли бы мы встрѣтить его. Это временное дурачество, которое нерѣдко находитъ на самолюбивыхъ и капризныхъ юношей, было впослѣдствіи наказано тѣмъ, что я уже никогда не имѣлъ случая узнать въ лицо этого великаго и чрезвычайно уважаемаго мною человѣка“.

Радуясь вообще пробужденію свѣжихъ и могучихъ силъ, стремившихся вообще къ цѣлямъ, которыя были также и его цѣлями, Лессингъ замѣчалъ въ дѣятельности главныхъ людей молодаго поколѣнія и важныя ошибки, отъ которыхъ предвидѣлъ дурныя слѣдствія, — какъ то и исполнилось на дѣлѣ возникновеніемъ романтической школы: Шлегели, Тикъ и проч. произошли изъ односторонностей, которымъ поддались Гете, Гердеръ и ихъ друзья. Почему же онъ не боролся противъ этихъ уклоненій?

Борьба человѣка стараго поколѣнія противъ молодаго поколѣнія всегда бываетъ безуспѣшна, хотя бы этотъ человѣкъ и говорилъ правду. Историческія увлеченія не могутъ быть побѣждаемы въ самомъ началѣ своемъ отвлеченными разсужденіями, — только тогда они отвергаются обществомъ, когда они принесутъ плоды, по которымъ испытаетъ общество ихъ ошибочность и вредность. Съ успѣхомъ начать борьбу противъ увлеченій сантиментализма и фантазерства можно было только тогда, когда романтизмъ уже выказалъ, каковы послѣдствія этихъ наклонностей, являвшихся въ началѣ идеально-прекрасными, возвышенными и очаровательными,—уже только въ наши времена, а не въ 1770-тыхъ годахъ.

Чего невозможно сдѣлать, за то и не принимался Лессингъ. Духъ вѣка, всѣ живыя симпатіи націи, всѣ даровитые люди молодаго поколѣнія были бы противъ него, еслибъ онъ началъ борьбу противъ направленія, которое наложило свою печать на „Вертера“ и „Геца фонъ Берлихингена“. Напрасны были бы его усилія—а натура его была такова, что онъ не дѣлалъ ничего напраснаго. Не въ его характерѣ было бороться противъ новаго, онъ по природѣ своей былъ расположенъ только приготовлять его. А когда оно было приготовлено его трудомъ, когда онъ видѣлъ своихъ воспитанниковъ, которые были уже въ силахъ осуществить его мысль,—онъ уже терялъ охоту наблюдать за тѣмъ, чтобы эта мысль была во всѣхъ подробностяхъ исполнена именно такъ, какъ ему казалось лучше -- довольно того, что она исполняется—надобно же дать волю людямъ; нравственная опека,

Digitized by Google

предохраняя отъ ошибокъ, убиваетъ и энергію и разумъ, если будетъ простираться далѣе, нежели надлежитъ ей по закону природы. Въ историческомъ развитіи неизбѣжны увлеченія и ошибки— кто хотѣлъ бы непремѣнно воспрещать ихъ, воспрещалъ бы вмѣстѣ съ ними всякое развитіе, хотѣлъ бы убивать жизнь.

Натура Лессинга была такова, что работа становилась для него утомительна, какъ скоро онъ видѣлъ, что она можетъ быть удовлетворительно исполнена другими, какъ скоро онъ чувствовалъ, что поставилъ вопросъ въ надлежащемъ свѣтѣ и вызвалъ людей для его разрѣшенія. Ему скучно стало писать для „Литературныхъ писемъ", когда его трудами были уже достаточно приготовлены люди, могшіе продолжать это дѣло; и теперь, когда были приготовлены люди, могшіе продолжать дѣло, начатое его драмами, „Лаокооном" и „Гамбургскою драматургіею", ему скучно стало писать драмы и заниматься литературною критикою. Эти занятія утомили его, опротивѣли ему—много разъ онъ отказывался отъ всякихъ предложеній вновь заняться при томъ или другомъ театрѣ дѣломъ, которое столь блистательно исполнилъ при гамбургскомъ національномъ театрѣ; послѣ изданія „Эмиліи Галотти", онъ во всѣхъ письмахъ говоритъ, что потерялъ всякое расположеніе и всякую способность писать драмы, и никогда уже ничего не думаетъ писать въ этомъ родѣ. Правда, черезъ нѣсколько лѣтъ написалъ еще драму, которая стоитъ выше всѣхъ прежнихъ, которую нѣмцы ставятъ выше всѣхъ произведеній самого Гете, кромѣ „Фауста", — но она была внушена ему мыслями, уже совершенно чуждыми любви къ театру или желанію трудиться для искусства. У ней была другая цѣль.

Лессингъ усталъ работать — но только для тѣхъ цѣлей, достиженіе которыхъ было теперь обезпечено. Не работать онъ не могъ. Мы знаемъ, что такое называется въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ колонистомъ „Дальняго Запада"—это человѣкъ, которому скучно жить и работать на тѣхъ заселенныхъ поляхъ, обработка которыхъ стала уже доступна силамъ каждаго; онъ уходитъ далеко за границы поселеній, въ невѣдомыя пустыни, прокладываетъ дорогу среди болотъ и лѣсовъ, поселяется одинокъ среди дикихъ звѣрей и враждебныхъ дикарей, прогоняетъ ихъ, очищаетъ землю отъ нихъ и открываетъ для цивилизаціи обширныя, обильныя области. Сколько битвъ выдержалъ онъ, сколько лишеній перенесъ онъ, сколько опасностей и затрудненій преодолѣлъ онъ!—Но вотъ, безопасенъ сталъ занятый имъ округъ, даетъ уже богатую жатву—тогда, привлеченные молвою, приходятъ по проложенной имъ дорогѣ толпы людей, селятся вокругъ него, привольно работаютъ, безъ всякихъ лишеній, въ безопасности начинаютъ веселую и сладкую жизнь. И онъ могъ бы наслаждаться всѣмъ, чѣмъ наслаждаются они,—именно ему больше всѣхъ и должно было бы наслаждаться, потому что все окружающее его благоденствіе возникло благодаря его предпріимчивости, мужеству и силѣ. Но нѣтъ, ему уже скучно и противно жить на этомъ привольномъ, безопасномъ, роскошномъ мѣстѣ,—натура влечетъ туда, куда еще нѣтъ путей, гдѣ каждый шагъ соединенъ съ лишеніями, опасностями и борьбою, — и онъ, покидая спокойное село, опять идетъ въ пустыню, дальше и дальше, прокладывая путь цивилизаціи...

Digitized by Google

Таковъ былъ Лессингъ. Его трудами была открыта и очищена почва, на которой могла возникнуть богатая литература. Его дѣло было совершено въ этой области. Онъ устремился къ завоеванію новыхъ областей для народной жизни.

Одинъ періодъ въ исторіи нѣмецкаго развитія былъ подготовленъ и вызванъ къ жизни его трудами. Онъ началъ работать для подготовленія слѣдующаго періода.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Жизнь Лессинга въ Вольфенбюттелѣ.—Г-жа Кенигъ.—Препятствія къ браку.—Отношенія Лессинга къ Брауншвейгскому Двору.—Поѣздка въ Вѣну и путешествіе по Италіи.—Отношенія Лессинга къ тогдашнимъ нѣмецкимъ нравамъ.—Бракъ.—Кончина супруги.—Лессингъ изнемогаетъ.—Новый періодъ его литературной дѣятельности.—„Отрывки изъ Вольфенбюттельскаго Анонима".—Борьба противъ обѣихъ враждующихъ между собою и съ католиками протестантскихъ партій.—Отрывки изъ полемическихъ статей.—Слѣдствія этой борьбы.—Отношенія Лессинга къ послѣдующей нѣмецкой философіи.—Отношенія къ нравственно-политическимъ наукамъ.—„Разговоры между Эрнстомъ и Фалькомъ".—Общій характеръ дѣятельности Лессинга.—Его личный характеръ.

(1771—1781).

Новому періоду въ литературной дѣятельности Лессинга соотвѣтствовало измѣненіе характера и частной его жизни. До сихъ поръ, онъ былъ скитальцемъ и, едва основавшись въ одномъ городѣ, уже переѣзжалъ въ другой, чтобы также скоро покинуть его. Изъ Лейпцига переселялся онъ въ Берлинъ, изъ Берлина въ Виттенбергъ, изъ Виттенберга снова въ Берлинъ, изъ Берлина въ Бреславль, потомъ опять въ Берлинъ, потомъ въ Гамбургъ. Но, переселившись изъ Гамбурга въ Вольфенбюттель, онъ становится осѣдлымъ человѣкомъ и живетъ въ этомъ городкѣ около одиннадцати лѣтъ, до самой своей смерти. Осѣдлость не была у него слѣдствіемъ довольства Вольфенбюттелемъ; напротивъ, онъ постоянно и, какъ увидимъ, справедливо жаловался на положеніе своихъ дѣлъ и отношеній къ людямъ въ этомъ мѣстѣ. Не была она и слѣдствіемъ неподвижности, которая обыкновенно овладѣваетъ человѣкомъ, достигшимъ зрѣлыхъ лѣтъ: несмотря на то, что, поселяясь въ Вольфенбюттелѣ, Лессингъ былъ уже не молодъ (въ 1770 году ему исполнилось сорокъ-одинъ годъ), онъ сохранялъ всю прежнюю пылкость характера и постоянно порывался переселиться изъ Вольфенбюттеля, то въ Вѣну, то въ Маннгеймъ. Но теперь онъ ужъ не могъ такъ беззаботно, какъ прежде, мѣнять немногое вѣрное, что имѣлъ, на совершенно невѣрное, чтобы совершенно съизнова, „съ-ничего", начинать жизнь въ новыхъ отношеніяхъ. Прежде, не будучи связанъ ничѣмъ, онъ могъ поступать подобно своему дервишу Аль-Хафи (въ „Натанѣ Мудромъ"), который безъ котомки за плечами, только съ посохомъ въ рукѣ, идетъ съ Іордана на Гангесъ. Теперь, онъ долженъ былъ дѣйствовать осторожнѣе.

Въ Гамбургѣ, изъ числа его знакомыхъ, самымъ близкимъ былъ негоціантъ Кенигъ, въ домѣ котораго собирались замѣчательнѣйшіе литераторы и ученые Гамбурга. Уѣзжая по торговымъ дѣламъ въ Австрію и Ит

Digitized by Google

лію, Кенигъ поручилъ свое семейство заботливости Лессинга. Лессингъ свято исполнялъ порученіе друга. Черезъ нѣсколько времени, получено было извѣстіе, что въ Венеціи Кенигъ внезапно умеръ. Коммерческія дѣла его фирмы были, какъ обыкновенно, разстроены этимъ несчастіемъ. Теперь настало время доказать вполнѣ искренность своей дружбы осиротѣвшему семейству. —Лессингъ, разумѣется, былъ не такой человѣкъ, чтобы измѣнить этой обязанности. Такимъ образомъ, онъ все болѣе и болѣе сближался съ г-жею Кенигъ, одною изъ образованнѣйшихъ и лучшихъ женщинъ своего времени. Она чувствовала признательность къ нему особенно за его нѣжную заботливость о ея дѣтяхъ. Дружба эта продолжалась болѣе года. Переселившись въ Вольфенбюттель, Лессингъ почувствовалъ, что дороже всего въ Гамбургѣ была для него г-жа Кенигъ. Осенью 1771 года, онъ поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы сказать ей о своихъ чувствахъ, и узналъ, что она также сильно расположена къ нему. Они дали слово другъ другу, — но каждый изъ нихъ съ своей стороны прибавлялъ, что настоящее затруднительное положеніе его дѣлъ не позволяетъ ему вовлекать любимаго человѣка въ свои непріятности, и что, имѣя теперь согласіе на бракъ, онъ потребуетъ исполненія этого слова только тогда, когда устроитъ свои дѣла. Каждый изъ нихъ говорилъ, что затрудненія, которыми останавливается другой, вовсе не кажутся тяжелыми для него. Г-жа Кенигъ увѣряла, что бѣдность, которую она должна была бы теперь раздѣлять съ Лессингомъ, готова она переносить съ радостью, но не хочетъ обременять его своими дѣтьми, состояніе которыхъ теперь еще невѣрно. Лессингъ говорилъ, что всякія заботы и жертвы для ея дѣтей будутъ ему не обремененіемъ, а радостью, но что онъ не хочетъ заставлять терпѣть нужду любимую женщину. Оба они говорили правду, и доказали это впослѣдствіи, — она дѣйствительно была совершенно довольна его скудными средствами къ жизни, онъ — заботился о ея дѣтяхъ съ такою же любовью, какъ мать. И тогда они были увѣрены въ искренности другъ друга. Но, будучи равно готовы на пожертвованія другъ для друга, равно не могли преодолѣть въ себѣ благородной деликатности, запрещавшей пользоваться этою готовностью, и рѣшились ждать того времени, когда препятствія, полагаемыя взаимною деликатностью, будутъ устранены ихъ энергическими усиліями для устройства своихъ дѣлъ. Оба они думали, что каждый изъ нихъ скоро управится съ своими дѣлами, —но мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, и въ мучительныхъ хлопотахъ прошло около шести лѣтъ.

Это одно изъ тѣхъ положеній, которыя въ вымышленномъ разсказѣ казались бы натянутыми и неправдоподобными, какъ слишкомъ высокая идеализація чувствъ, но которыя нерѣдко встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, и въ хорошемъ, какъ въ дурномъ, далеко превосходящей границы поэтическаго правдоподобія, какъ то испыталъ на себѣ почти каждый. Лессингъ и г-жа Кенигъ, хорошо понимая другъ друга, знали одинъ въ другомъ невозможность поступить иначе, какъ упорно отказываться отъ предлагаемыхъ пожертвованій, хотя бы то стоило отсрочки самаго драгоцѣннаго желанія. Ихъ привязанность другъ къ другу была чрезвычайно сильна, хотя, разумѣется, вовсе не имѣла сантиментальнаго оттѣнка, который не

Digitized by Google

только не былъ бы сообразенъ съ ихъ лѣтами, но и въ молодости былъ чуждъ ихъ характеру. Переписка ихъ сохранилась (они, послѣ отъѣзда Лессинга въ Вольфенбюттель, до самой свадьбы видѣлись всего три-четыре раза,—дѣла удерживали ихъ вдали другъ отъ друга); въ ней нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какого нибудь нѣжничанья,—они даже не говорятъ другъ другу „ты", но зато господствуетъ полное уваженіе и довѣріе другъ къ другу. Содержаніе и тонъ писемъ вообще таковы, какъ между старинными друзьями, которымъ нѣтъ ни нужды, ни охоты увѣрять другъ друга въ своихъ чувствахъ. Рѣчь идетъ о дѣлахъ, предположеніяхъ, важныхъ и мелочныхъ событіяхъ жизни, но въ каждомъ словѣ видна самая нѣжная взаимная заботливость.

Со стороны Лессинга сила привязанности доказывается уже тѣмъ, что свои поступки онъ обыкновенно сообразуетъ съ мнѣніемъ г-жи Кенигъ. До сихъ поръ, никто никогда не имѣлъ вліянія на его образъ дѣйствій. Не только не слушалъ, но и не спрашивалъ онъ ни у кого совѣта, какъ поступить ему въ томъ или другомъ случаѣ. Мы видѣли, что важнѣйшіе шаги въ своей жизни онъ дѣлалъ, не считая нужнымъ заранѣе говорить о своихъ намѣреніяхъ даже самымъ близкимъ друзьямъ. Вейссе узналъ о его отъѣздѣ изъ Лейпцига въ Берлинъ,—иначе сказать, о рѣшимости бросить ученую карьеру для литературной,—потомъ Мендельсонъ узналъ о его отъѣздѣ изъ Берлина въ Бреславль,—иначе сказать, о его рѣшимости испытать, не лучше ли добывать себѣ средства къ жизни служебными, а не литературными занятіями,—только тогда, когда опустѣла квартира уѣхавшаго друга. Отношенія Лессинга къ г-жѣ Кенигъ были не таковы: онъ слушалъ ея совѣты, какъ ему поступить въ томъ или другомъ дѣлѣ, потому что она совершенно понимала его характеръ, и одна изъ всѣхъ его друзей смотрѣла на вещи тѣми же самыми глазами, какъ онъ, но обладала бо̀льшимъ житейскимъ благоразуміемъ, нежели онъ. Онъ слушался ея, потому что она не совѣтовала ему ничего, несогласнаго съ его правилами, какъ то дѣлали другіе, не имѣвшіе чрезвычайно щекотливаго чувства благородной гордости, какимъ отличался онъ. Подчиняясь вліянію г-жи Кенигъ, Лессингъ со времени своего переселенія въ Вольфенбюттель поступалъ въ своихъ отношеніяхъ съ людьми благоразумнѣе прежняго, и главнымъ образомъ ея совѣты удерживали его въ Вольфенбюттелѣ. Она доказывала ему, что трудно гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ найти человѣка, который такъ искренно расположенъ былъ бы къ нему, какъ наслѣдный принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, пригласившій его въ Вольфенбюттель и сохранившій съ нимъ постоянныя сношенія; что если кто нибудь, то скорѣе всѣхъ принцъ Фердинандъ можетъ дать ему положеніе, которымъ устранялось бы важнѣйшее препятствіе ихъ браку — недостаточность средствъ Лессинга для семейной жизни.

Дѣйствительно, принцъ Фердинандъ былъ расположенъ къ Лессингу, и Лессингъ дѣлалъ все, что позволялъ его характеръ, для того, чтобы упрочить и улучшить свое положеніе въ Вольфенбюттелѣ. Г-жа Кенигъ также неутомимо хлопотала о приведеніи своихъ дѣлъ въ порядокъ. И, однако же, около шести лѣтъ прошло прежде, нежели препятствія были устранены.

Digitized by Google

Такая медленность въ достиженіи цѣли, о которой заботилась г-жа Кенигъ, не имѣетъ ничего удивительнаго: привести въ порядокъ запутанныя и разстроенныя коммерческія дѣла — задача, требующая очень много времени. Но страннымъ должно казаться, что Лессингъ, при благосклонности принца Фердинанда, такъ долго не могъ выйти изъ затрудненій, въ сущности ничтожныхъ: все дѣло состояло въ нѣсколькихъ лишнихъ сотняхъ талеровъ жалованья,—этому желанію принцъ Фердинандъ, повидимому, могъ бы удовлетворить безъ всякихъ затрудненій, потому что жалованье, получаемое Лессингомъ по должности библіотекаря, дѣйствительно было скудно, и очевидно нуждалось въ увеличеніи; особенно странно покажется неисполненіе такого справедливаго желанія, когда мы скажемъ, что при Брауншвейгскомъ Дворѣ часто открывались должности, которыя желалъ получить Лессингъ и изъ которыхъ иныя даже безъ всякой просьбы Лессинга предназначалось поручить ему. Но загадка эта очень легко объясняется тѣмъ, что мы уже знаемъ о Лессингѣ: у него былъ характеръ, съ которымъ никогда нельзя было возвыситься при тогдашнемъ нѣмецкомъ порядкѣ дѣлъ, когда все зависѣло отъ умѣнья пользоваться людьми. Гордому бѣдняку не поможетъ никакое благоразуміе, не поможетъ даже никакое благорасположеніе сильныхъ людей. Все, на что Лессингъ имѣлъ полное право, проходило мимо него, обиднымъ и тяжелымъ для него, незамѣтнымъ для принца Фердинанда образомъ, и годъ за годомъ шелъ, ни мало не улучшая его положенія. Утомительно было бы пересказывать всѣ эти мелкія неудачи и разочарованія. Скажемъ только о двухъ-трехъ случаяхъ, соединенныхъ съ единственнымъ біографическимъ фактомъ, о которомъ надобно упомянуть, говоря объ этомъ времени,—именно, съ поѣздкою Лессинга въ Италію.

Положеніе Лессинга въ Вольфенбюттелѣ было тяжело. Въ маленькомъ городкѣ скучно было бы ему, еслибъ даже не стѣснялся онъ недостаточностью своего жалованья. Онъ привыкъ жить въ Берлинѣ и Гамбургѣ, самыхъ большихъ и оживленныхъ городахъ тогдашней Германіи, центрахъ умственной дѣятельности всей страны; привыкъ проводить вечера въ большомъ и разнообразномъ обществѣ. Кромѣ того, и жалованье, получаемое Лессингомъ по должности библіотекаря,—всего 600 талеровъ, было незначительно. Поэтому, большою радостью для Лессинга было извѣстіе, что Іосифъ II, думая учредить въ Вѣнѣ Академію Наукъ, желаетъ знать, приметъ ли онъ мѣсто академика въ Вѣнѣ. Особенно пріятно это предложеніе было для Лессинга потому, что г-жа Кенигъ, по своимъ дѣламъ, тогда жила также въ Вѣнѣ. Но скоро обнаружилось, что намѣреніе Іосифа не одобряется Маріею Терезіею, которая не соглашалась терпѣть въ Вѣнѣ протестантскихъ ученыхъ, опасаясь за католическую религію, которой она была чрезвычайно предана. Однако же, Лессингъ бросилъ бы Вольфенбюттель, еслибъ не удержали его совѣты г-жи Кенигъ, предвидѣвшей, что въ Вѣнѣ Лессингъ не получитъ ничего. Дѣйствительно переговоры объ Академіи тянулись безъ всякаго результата, и наконецъ Іосифъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ то время, когда была еще нѣкоторая надежда, что проектъ основать Академію въ Вѣнѣ исполнится, Лессингъ былъ вызванъ изъ Вольфенбюттеля въ Брауншвейгъ принцемъ Фердинан-

Digitized by Google

домъ. Открылась вакансія брауншвейгскаго исторіографа, и наслѣдный принцъ, управлявшій государственными дѣлами по дряхлости царствующаго герцога, предложилъ Лессингу занять эту должность, съ сохраненіемъ должности библіотекаря въ Вольфенбюттелѣ. „Такимъ образомъ, ваше положеніе при нашемъ Дворѣ упрочится, прибавлялъ принцъ:—и притомъ, отъ васъ самихъ будетъ зависѣть, удовольствуетесь ли вы вашею ученою карьерою, или изберете себѣ другую“.—Этими словами принцъ очевидно выражалъ, что готовъ открыть Лессингу дорогу къ высокимъ государственнымъ почестямъ, какъ черезъ нѣсколько времени была она открыта для Гете герцогомъ Веймарскимъ. Не видно, чтобы Лессингъ желалъ или надѣялся быть министромъ; но по крайней мѣрѣ, несомнѣнно было, что онъ получаетъ мѣсто исторіографа, которое давало бы ему возможность начать семейную жизнь, о чемъ онъ такъ долго мечталъ. Но черезъ нѣсколько дней принцъ Фердинандъ уѣхалъ въ Потсдамъ, для свиданія съ Фридрихомъ II, въ службѣ котораго находился. Недѣли черезъ двѣ онъ хотѣлъ возвратиться,—но прожилъ въ Потсдамѣ около двухъ мѣсяцевъ. Дѣло Лессинга не двигалось впередъ. Принцъ возвратился—оно не двигалось впередъ; и наконецъ Лессингъ увидѣлъ, что не получитъ мѣста, которое безъ всякой просьбы съ его стороны вздумалъ было такъ положительно обѣщать ему принцъ. Его неудовольствіе было очень сильно. Онъ хотѣлъ уѣхать изъ Вольфенбюттеля, и только совѣты г-жи Кенигъ удержали его.—„Я взбѣшенъ, писалъ онъ ей. — Безъ всякаго моего искательства призываютъ меня, даютъ мнѣ нѣжнѣйшія обѣщанія, —и потомъ—поступаютъ такъ, какъ будто ни о чемъ не было и помину. Два раза ѣздилъ я въ Брауншвейгъ; меня видѣли во дворцѣ, я спрашивалъ, въ какомъ положеніи мое дѣло. Отвѣта нѣтъ, или такой отвѣтъ, изъ котораго ничего не поймешь. Я воротился въ Вольфенбюттель и поклялся, что нога моя не будетъ въ Брауншвейгѣ, пока сами они не порѣшатъ этого дѣла. Лишь только я кончу свои начатыя работы, которыхъ не могу кончить безъ Вольфенбюттельской библіотеки, ни что въ мірѣ не удержитъ меня здѣсь. Я думаю, что вездѣ могу найти то, что брошу здѣсь, — а если бы не нашелъ, то лучше буду просить милостыню подъ окнами, чѣмъ позволю поступать съ собою такимъ образомъ!“—Три мѣсяца Лессингъ не выходилъ изъ своей комнаты никуда, кромѣ библіотеки,—такъ велико было его негодованіе и его желаніе скорѣе кончить начатыя работы, чтобы уѣхать изъ Вольфенбюттеля. Но г-жа Кенигъ доказала ему, что все-таки благоразуміе требуетъ остаться въ Вольфенбюттелѣ, пока нѣтъ въ виду ничего лучшаго, чѣмъ надежды на принца Фердинанда. „Со мною поступаютъ нестерпимо, отвѣчалъ Лессингъ г-жѣ Кенигъ: — и только ваше положительное запрещеніе могло удержать меня отъ необдуманнаго шага, рѣшиться на который я однако же каждую минуту чувствую искушеніе. И не долженъ ли я буду наконецъ сдѣлать его? Потому что, клянусь Богомъ, я не могу дольше выносить этого“.—Черезъ полгода онъ пишетъ ей: „Четыре мѣсяца я, можно сказать, безвыходно сидѣлъ въ своемъ проклятомъ замкѣ. Только два раза ѣздилъ въ Брауншвейгъ, и то на нѣсколько часовъ, потому что далъ себѣ зарокъ не ночевать въ Брауншвейгѣ *), гдѣ поступаютъ со мною (вы знаете,

*) Конечно для того, чтобы не быть обязаннымъ являться на придворные вечера.

Digitized by Google

о комъ я говорю) невыносимо для меня; да и не сталъ бы я въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ, ни за что въ мірѣ выносить этого. Потому я и не хочу подвергаться опасности встрѣтить его *). Въ январѣ будетъ годъ, какъ онъ самъ сдѣлалъ мнѣ это предложеніе, — до той поры я подожду, и потомъ напишу ему свое мнѣніе такъ горько, какъ навѣрное никто еще не писалъ ни одному изъ его собратій. Мнѣ ничего не остается, какъ только похорониться подъ своими книгами, чтобы, сколько можно, забыть всѣ мысли о будущемъ. Давно ужъ не писалъ я ни къ кому въ мірѣ, кромѣ васъ, мой другъ, — не отвѣчалъ ни братьямъ, ни матери, никому. Лучше всего было бы мнѣ разослать ко всѣмъ знакомымъ циркуляръ, чтобъ они считали меня умершимъ, потому что, мой другъ, я совершенно не въ силахъ писать". Потомъ четыре мѣсяца не писалъ онъ и къ г-жѣ Кенигъ. Она успѣла однако же убѣдить его не ссориться съ Фердинандомъ, и не отказываться отъ Вольфенбюттельской должности, не имѣя въ виду ничего другаго. Такъ прошелъ еще годъ. Наконецъ, Лессингъ чувствовалъ, что долженъ хотя на время уѣхать изъ Вольфенбюттеля, чтобы сколько нибудь развлечься. Онъ взялъ отпускъ, и черезъ Берлинъ и Дрезденъ проѣхалъ въ Вѣну, гдѣ жила г-жа Кенигъ, — онъ хотѣлъ дождаться совершеннаго окончанія ея дѣлъ, которыя были уже приведены въ порядокъ; потомъ они вступили бы въ бракъ и вмѣстѣ отправились бы въ Вольфенбюттель. Но едва прожилъ Лессингъ нѣсколько дней въ Вѣнѣ, какъ туда пріѣхалъ принцъ Брауншвейгскій Леопольдъ, думавшій сдѣлать путешествіе въ Италію, и сталъ просить Лессинга быть его спутникомъ. Отказаться отъ такого приглашенія значило бы разорвать всѣ связи съ Брауншвейгомъ, и Лессингъ долженъ былъ ѣхать, — такъ, противъ его воли, исполнилась давняя мечта его посѣтить Италію. Путешествіе длилось болѣе полугода, и въ началѣ 1776 года Лессингъ возвратился въ Вѣну, посѣтивъ вмѣстѣ съ принцемъ Леопольдомъ Венецію, Римъ и Неаполь. Между тѣмъ г-жа Кенигъ должна была, по своимъ дѣламъ, переѣхать изъ Вѣны въ Гамбургъ, и Лессингъ черезъ Дрезденъ и Каменецъ, гдѣ провелъ нѣсколько дней съ матерью (отецъ его умеръ въ 1770 году), возвратился въ Вольфенбюттель. Дѣла, которыя г-жа Кенигъ хотѣла привести въ порядокъ прежде, нежели вступить во второй бракъ, приближались къ концу, и Лессингъ торопился устроить свое положеніе въ Вольфенбюттелѣ такъ, чтобы не замедлять свадьбы. Послѣ долгихъ переговоровъ, принцъ Фердинандъ прибавилъ ему 200 талеровъ жалованья, выдалъ 300 талеровъ, которые слѣдовало Лессингу получить въ счетъ жалованья еще за прежніе годы, далъ впередъ въ счетъ жалованья еще отъ 800 до 1.000 талеровъ и назначилъ болѣе просторную квартиру — изъ за этихъ жалкихъ вознагражденій тянулось дѣло около полугода. Наконецъ, Лессингъ имѣлъ въ рукахъ нѣсколько сотъ талеровъ, чтобы обзавестись домашнимъ хозяйствомъ на семейную ногу, назначена была ему и квартира, въ которой могъ онъ помѣститься съ женою и ея дѣтьми отъ перваго брака; все

*) Т. е. Фердинанда, потому что не удержался бы отъ упрековъ при встрѣчѣ съ нимъ.

Digitized by Google

было готово къ свадьбѣ; и 6-го октября 1776 года, Лессингъ пріѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ жила г-жа Кенигъ, а черезъ два дня совершенъ былъ обрядъ бракосочетанія, безъ всякой церемоніальности: Лессингъ не сдѣлалъ себѣ къ свадьбѣ даже новаго платья. Черезъ нѣсколько дней, также тихо, онъ ввелъ жену въ свой Вольфенбюттельскій домъ.

Эти немногіе примѣры довольно показываютъ, каково было положеніе Лессинга въ Вольфенбюттелѣ; а между тѣмъ брауншвейгскій Дворъ очень хорошо понималъ, какую честь приноситъ маленькой брауншвейгской землѣ то, что въ ней поселился писатель, которому удивляется вся Германія. Принцъ Фердинандъ, всегда имѣвшій большое вліяніе на дѣла, а въ послѣднее время управлявшій государствомъ лично, былъ расположенъ къ Лессингу: принцъ самъ пригласилъ его въ Вольфенбюттель, самъ потомъ предлагалъ открыть ему дорогу къ государственнымъ почестямъ; часто бесѣдовалъ съ нимъ дружески, бралъ у него читать различныя рукописи, защищалъ его, когда впослѣдствіи изданіе одной изъ этихъ рукописей навлекло непріятности на Лессинга. Желаніе Фердинанда сдѣлать что нибудь полезное для Лессинга доводило иногда до странныхъ споровъ, изъ которыхъ особенно любопытенъ одинъ: когда передъ свадьбою Лессингъ требовалъ прибавки жалованья, брауншвейгское правительство непремѣнно хотѣло, сверхъ денежныхъ наградъ, наградить его чиномъ гофъ-рата; Лессингъ, вообще не желая носить никакихъ титуловъ, не хотѣлъ принимать этого ранга, почетнаго въ нѣмецкомъ чиноначаліи, и возникли жаркія пренія; наконецъ, доброжелательное правительство восторжествовало, и Лессингъ противъ воли принужденъ былъ сдѣлаться важнымъ чиновникомъ. Послѣ всѣхъ этихъ знаковъ благорасположенія, странно могло казаться, что нѣсколькихъ сотъ талеровъ, которые нужны были Лессингу, онъ долженъ былъ дожидаться нѣсколько лѣтъ, и до конца жизни оставался, съ житейской точки зрѣнія, въ незавидномъ положеніи. Но по отрывкамъ изъ писемъ, которые приведены выше, читатель видитъ уже, что это и не могло быть иначе. У принца Фердинанда было, конечно, много другихъ дѣлъ, кромѣ заботъ о Лессингѣ. Принцъ предложилъ ему мѣсто, потомъ, развлеченный болѣе важными дѣлами, вѣроятно, и забылъ о своемъ обѣщаніи. Лессингъ, какъ видимъ, не сказалъ самъ, или хотя бы черезъ кого нибудь другаго, ни одного слова, чтобы напомнить Фердинанду о его обѣщаніи. Мало того: очень можетъ быть, что кто нибудь другой сказалъ Фердинанду что нибудь, помѣшавшее исполненію обѣщанія,—или похлопоталъ за какого нибудь другаго кандидата на мѣсто исторіографа, или намекнулъ принцу, что Лессингъ не доволенъ этимъ предложеніемъ; послѣднее было тѣмъ легче, что Лессингъ, конечно, принялъ предложеніе Фердинанда, не разсыпаясь въ выраженіяхъ своей радости и благодарности,—таково уже было его правило. Кромѣ того, вообще надобно сказать, что правила и образъ дѣйствій Лессинга совершенно не подходили къ тогдашнему порядку нѣмецкой жизни, тѣмъ менѣе годились для жизни въ придворномъ или аристократическомъ кругу. Уже одно дѣло о титулѣ гофъ-рата можетъ быть доказательствомъ тому, а такихъ анекдотовъ сохранилось довольно много, несмотря на скудость біографическихъ извѣстій о Лессингѣ. Все, что мы знаемъ о немъ, заставляетъ

Digitized by Google

полагать, что подобные случаи, при тогдашнихъ нѣмецкихъ нравахъ, представлялись ему ежедневно. Положительно намъ говорятъ его современники, что онъ чувствовалъ себя хорошо только въ кругу равныхъ ему людей,— сюда принадлежали также всѣ низшіе, потому что онъ обращался съ ними, какъ съ равными, и, дѣйствительно, не считалъ ихъ низшими себя. Мы уже упоминали, что съ своимъ слугою онъ обходится „какъ съ братомъ", по выраженію его біографа. Ему пріятно было держать себя съ людьми низшаго званія такъ, чтобы они забывали разницу его и ихъ состоянія. Это относится не только къ общественному положенію, къ которому еще могутъ быть равнодушны люди, чувствующіе, что главное право ихъ на общее уваженіе—умъ, талантъ или званіе (хотя и они рѣдко возвышаются до такого чувства), но и къ умственному превосходству, отказываться отъ котораго гораздо труднѣе: Лессингу несносно было затмѣвать своего собесѣдника, тяжело было даже, когда начинался ученый или литературный споръ, одерживать верхъ надъ своимъ собесѣдникомъ. Онъ старался, противъ обыкновеннаго правила всѣхъ споровъ, не доказывать, что его противникъ ошибается, а напротивъ, придавать его словамъ самый разумный смыслъ, объяснять ихъ такъ, чтобы они какъ можно ближе подошли къ истинѣ: собесѣдникъ его, мало-по-малу принуждаемый исправлять свое ошибочное мнѣніе, самъ не замѣчалъ того, что исправляетъ свои прежнія слова, при помощи Лессинга: ему казалось, напротивъ, что Лессингъ во всемъ или почти во всемъ долженъ былъ соглашаться съ нимъ. Это не было только слѣдствіемъ рѣдкой мягкости обращенія, которою отличался Лессингъ, по словамъ всѣхъ знавшихъ его: тутъ было и нѣчто другое, именно, желаніе не унизить, а возвысить своего собесѣдника въ глазахъ присутствующихъ, потребность явиться не высшимъ, а только равнымъ ему. Такой характеръ никогда не поведетъ къ особенно выгодной житейской обстановкѣ, но по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ неумѣстнымъ, напримѣръ, въ нынѣшней Франціи или въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ; а въ Германіи XVIII вѣка, онъ совершенно противорѣчилъ всему заведенному порядку общежитія. Въ Лессингѣ жилъ иной духъ, ни мало не подходившій подъ норму нѣмецкихъ отношеній того времени, и это чувствовалось всѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Не то, чтобъ онъ нарушалъ какія нибудь формы общежитія, —напротивъ, онъ соблюдалъ ихъ, какъ только можетъ соблюдать человѣкъ мягкаго, непритязательнаго характера, желающій въ частной жизни одного только—добрыхъ отношеній со всѣми окружающими. Не то, чтобы онъ высказывалъ какія нибудь мнѣнія, несогласныя съ тогдашнимъ порядкомъ гражданскаго устройства въ Германіи: напротивъ, въ его письмахъ къ друзьямъ, нѣтъ ничего относящагося къ современнымъ государственнымъ событіямъ или къ какимъ бы то ни было политическимъ теоріямъ; сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, и разговоры его не касались этихъ предметовъ.

Да еслибъ и не дошло до насъ извѣстій о томъ, какіе вопросы были любимыми предметами разговоровъ Лессинга, всякій, знакомый съ его сочиненіями и перепискою, могъ бы быть увѣренъ, что гражданскія отношенія и государственное устройство не были въ числѣ этихъ предметовъ: къ

Digitized by Google

какимъ бы отраслямъ умственной дѣятельности ни влекли его собственныя наклонности, но говорилъ и писалъ онъ только о томъ, къ чему была устремлена или готова была устремиться умственная жизнь его народа. Все, что не могло имѣть современнаго значенія для націи, какъ бы ни было интересно для него самого, не было предметомъ ни сочиненій, ни разговоровъ его. Приведемъ одинъ примѣръ. Безъ всякаго сомнѣнія, если былъ въ Германіи до Канта человѣкъ, не менѣе одаренный природою для философіи, то это былъ Лессингъ. Самъ Лейбницъ, при всей своей геніальности, при всей своей привычкѣ къ математическому методу, далеко не имѣлъ той необычайно строгой діалектики, той способности опредѣлительно созерцать понятія и точно отличать ихъ другъ отъ друга, какою постоянно удивляетъ своего читателя Лессингъ. Не даромъ Лессингъ особенно любилъ Аристотеля,—онъ былъ родствененъ стагириту по названнымъ нами качествамъ. Прибавимъ, что и та особенность въ ходѣ мысли, которая у немногихъ мыслителей была такъ сильна, какъ у Лессинга,—эта неудержимая наклонность отъ частнаго вопроса переходить въ область общихъ соображеній, каждый фактъ возводить къ основнымъ принципамъ науки, въ паденіи яблока видѣть законъ тяготѣнія, постоянно съ необычайною силою влекла Лессинга отъ спеціальныхъ вопросовъ частныхъ наукъ въ сферу философскаго созерцанія. Если былъ когда нибудь человѣкъ, по устройству головы предназначенный для философіи, то это былъ Лессингъ. А между тѣмъ, онъ почти ни одного слова не написалъ собственно о философіи, ни одной страницы не посвятилъ ей въ своихъ сочиненіяхъ, и въ письмахъ своихъ говоритъ о ней почти только съ Мендельсономъ, да и то только въ отвѣтъ на вопросы, затрогиваемые Мендельсономъ, ограничиваясь тѣмъ, что нужно было для Мендельсона. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лично онъ самъ, наперекоръ своей натурѣ, такъ мало интересовался философіею? Напротивъ: онъ выдалъ намъ, чѣмъ была занята лично его мысль, когда чертилъ на дачѣ Глейма классическое „hen kai pân“ (единое и все)— а между тѣмъ, онъ толковалъ съ Глеймомъ о его „пѣсняхъ Гренадера“, и его поэмѣ „Халладатъ“. Дѣло въ томъ, что не время еще было чистой философіи стать живымъ средоточіемъ нѣмецкой умственной жизни,—и Лессингъ молчалъ о философіи; умы современниковъ были готовы оживиться поэзіею, а не были еще готовы къ философіи,—и Лессингъ писалъ драмы и толковалъ о поэзіи. Не тяжелое ли самоотреченіе было это съ его стороны? Съ перваго взгляда, можетъ показаться такъ. Тому, въ комъ есть философскій духъ и кто разъ увлекся въ область философіи, трудно оторваться отъ ея великихъ вопросовъ для мелочныхъ, сравнительно съ ними, вопросовъ частныхъ наукъ, и если эти науки имѣютъ для него какую нибудь занимательность, то обыкновенно только ради отношеній своихъ къ задачамъ философіи. Но для натуръ, подобныхъ Лессингу, существуетъ служеніе, болѣе милое, нежели служеніе любимой наукѣ,—это служеніе развитію своего народа. И если какой нибудь „Лаокоонъ“ или какая нибудь „Гамбургская Драматургія“ приходится болѣе на пользу націи, нежели система метафизики или онтологическая теорія, такой человѣкъ молчитъ о метафизикѣ, съ любовью разбирая литературные вопросы, хотя съ абсолютной научной точки зрѣнія

Digitized by Google

Виргиліева „Энеида“ и Вольтерова „Семирамида“—предметы мелкіе и почти пустые для ума, способнаго созерцать основные законы человѣческой жизни.

Какъ молчалъ Лессингъ о философіи, точно также молчалъ онъ и о вопросахъ государственной жизни, — потому что умы его современниковъ были еще слишкомъ слабы для того, чтобы возбуждаться къ жизни философіею или государственными науками. Живымъ вопросомъ эпохи до сихъ поръ была для Германіи литература. Лессингъ служилъ ей, и молчалъ о томъ, что не нужно еще было той эпохѣ. Не дѣлая ничего на половину, онъ, если молчалъ, то уже молчалъ. Безъ случайнаго разговора съ Якоби, случайно вызваннаго самимъ Якоби, который и не предчувствовалъ, что съ Лессингомъ можно говорить объ этомъ, и который также случайно вздумалъ сдѣлать этотъ разговоръ эпизодомъ одного изъ своихъ сочиненій, мы только по догадкамъ могли бы судить о томъ, каковъ былъ хотя главный принципъ философской системы, таившейся въ мысли Лессинга—ни въ сочиненіяхъ, ни въ перепискѣ самого Лессинга мы не имѣли бы ясныхъ указаній даже на этотъ принципъ (не говоримъ уже о подробностяхъ системы, до нынѣ остающихся мало извѣстными), —и никто изъ знакомыхъ Лессинга не могъ припомнить, чтобы имѣлъ съ нимъ разговоръ, подобный записанному у Якоби.

Точно также, Лессингъ почти ничего не писалъ и почти никогда не говорилъ о гражданскихъ отношеніяхъ,—почти все, что мы знаемъ положительнаго относительно его понятій объ этихъ предметахъ, основывается на нѣкоторыхъ страницахъ его „Разговоровъ между Эрнстомъ и Фалькомъ“, изданныхъ уже подъ конецъ его жизни, на двухъ-трехъ фразахъ, случайно попавшихся ему подъ перо въ перепискѣ съ друзьями, на нѣсколькихъ мелочныхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ двумя или тремя изъ друзей, писавшихъ о немъ. Только въ послѣдніе годы своей жизни онъ увидѣлъ, что нѣмцы могутъ интересоваться наукою государственнаго устройства; до того времени, говорить объ этихъ вопросахъ ему казалось преждевременно. нѣмецкая нація казалась ему еще недостаточно приготовленной, чтобы живо заниматься теоріями гражданскаго общества, и онъ молчалъ. Но когда убѣжденія человѣка составляютъ его натуру, а не бываютъ мнѣніями, принадлежащими только головѣ и не совпадающими съ его характеромъ, вся личность такого человѣка, какъ бы, повидимому, ни сообразовался онъ съ обычаями, внушаетъ людямъ, имѣющимъ съ нимъ сношенія, тоже самое чувство, какое внушали бы его мысли, которыхъ они не знаютъ и, быть можетъ, не предугадываютъ. Въ Брауншвейгѣ, никто не предполагалъ, чтобы Лессингъ думалъ что нибудь особенное о порядкѣ дѣлъ, существовавшемъ въ Германіи его времени. Но всѣ инстинктивно чувствовали, что Лессингъ, какъ человѣкъ, не приходится къ этому порядку, противъ котораго онъ, повидимому, ничего не имѣетъ даже въ мысли, не только не возстаетъ на дѣлѣ. Никто не могъ указать, почему бы онъ не годился для придворной жизни въ Брауншвейгѣ или какомъ бы то ни было другомъ нѣмецкомъ владѣніи: онъ соблюдалъ обычный этикетъ, онъ соблюдалъ обычаи обращенія, какія господствовали относительно каждаго ранга; онъ одобрялъ, повидимому, все, что могъ одобрять каждый благоразумный человѣкъ, онъ меньше, нежели

Digitized by Google

кто-нибудь, говорилъ о злоупотребленіяхъ и недостаткахъ. — и однако же, всѣ чувствовали, что онъ вообще не подходитъ къ той сферѣ, въ которой живетъ такъ мирно, которою, повидимому, доволенъ точно также, какъ и всѣ. Потому-то, при всемъ своемъ расположеніи къ Лессингу, принцъ Фердинандъ и не могъ ничего сдѣлать для Лессинга.

Вступивъ въ бракъ съ г-жею Кенигъ, Лессингъ и не желалъ никакого измѣненія къ лучшему въ своихъ обстоятельствахъ. Глубокая симпатія, существовавшая между мужемъ и женою, дѣлала ихъ счастливыми. Люди, посѣщавшіе Лессинга въ это время, не могли говорить безъ восторга о характерѣ и качествахъ г-жи Лессингъ, и о тихой жизни въ ихъ домѣ. Осталось любопытное письмо Шпиттлера, впослѣдствіи сдѣлавшагося знаменитымъ историкомъ. Онъ въ 1777 году, готовясь начать свою ученую карьеру, прожилъ нѣсколько времени въ Вольфенбюттелѣ, занимаясь въ тамошней библіотекѣ, и каждый день бывалъ у Лессинга.

„Я пробылъ въ Вольфенбюттелѣ около трехъ недѣль, писалъ Шпиттлеръ Мейзелю, который не принадлежалъ къ числу друзей Лессинга:—„это были три счастливѣйшія и поучительнѣйшія недѣли въ моей жизни. Не знаю, знакомы ли вы лично съ Лессингомъ. Увѣряю васъ, это величайшій другъ человѣчества, снисходительнѣйшій ободритель всякаго знанія. Незамѣтно, съ нимъ сближаешься до того, что неизбѣжно забываешь, съ какимъ великимъ человѣкомъ говоришь. И если бы возможно было найти въ комъ нибудь болѣе любви къ людямъ, болѣе искренней готовности сдѣлать добро каждому, то развѣ въ его супругѣ. Я не надѣюсь никогда въ жизни встрѣтить другую такую женщину. Безъискусственная доброта ея сердца, вѣчно полнаго кроткимъ спокойствіемъ, сообщается очаровательнѣйшею симпатіею всѣмъ, кто имѣетъ счастіе находиться въ ея обществѣ. Знакомство съ этою женщиною высокаго благородства *) безконечно возвысило мои понятія о женщинахъ“.

Но кратокъ былъ счастливый періодъ въ жизни Лессинга: черезъ годъ, жена его умерла отъ родовъ, послѣ тяжелыхъ страданій. Вотъ отрывки писемъ, сохранившихся отъ времени страшнаго удара, которымъ приблизилась могила и для самого Лессинга,—писемъ изъ этого времени, исполненнаго переходовъ отъ радости къ отчаянію, отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ надежды къ нравственному оцѣпенѣнію при роковомъ ударѣ.

(Къ Эшенбургу, 3 января 1778 г.). „Ловлю минуту, когда жена моя лежитъ совершенно безъ памяти, чтобы благодарить Васъ за Ваше доброе участіе. Моя радость была коротка. Грустно мнѣ было терять сына—но онъ былъ слишкомъ умёнъ, —онъ не хотѣлъ рождаться на свѣтъ,—желѣзными щипцами заставили его явиться въ жизнь: онъ чувствовалъ, какъ гнусна жизнь, и разстался съ нею... Но онъ увлечетъ за собою и мать свою. Мало мнѣ надежды сохранить ее. Вздумалъ я: дай же, я буду имѣть радость въ жизни, какъ другіе люди. Но дурно пришлось мнѣ счастіе. Ich wollte es auch einmal so gut haben, wie andere Menschen. Aber es ist mir schlecht bekommen.

(5 января, къ брату). „Четырнадцать печальнѣйшихъ дней въ моей жизни прожилъ я. Была мнѣ опасность потерять жену, потеря которой горько отравила бы весь остатокъ моей жизни. Она родила мнѣ хорошенькаго мальчика, здороваго и бодраго. Но онъ прожилъ только двадцать часовъ,—онъ не перенесъ жестокой операціи,—или онъ мало радости ожидалъ отъ пиршества жизни, къ которому насильно пригласили

*) Шпиттлеръ выражается еще сильнѣе: dieser grossen Frau, — „этою великою женщиною“.

Digitized by Google

его?... Мать лежала безъ памяти цѣлыхъ девять или десять дней, и каждый день, каждую ночь нѣсколько разъ прогоняли меня отъ ея постели, говоря, что мой видъ только дѣлаетъ тяжелѣе послѣднюю минуту ея. Потому что она и въ безпамятствѣ узнавала меня. Наконецъ, миновался кризисъ ея болѣзни, и съ третьяго дня я вѣрно надѣюсь, что сохраню ту, жизнь которой съ каждымъ часомъ становится необходимѣе мнѣ.

(7 января, къ Эшенбургу). „Должно быть, трагическое письмо написалъ я вамъ; не помню, что я писалъ. Стыжусь, если въ немъ было отчаяніе... Надежда на выздоровленіе моей жены опять ослабѣваетъ; я теперь надѣюсь только того, что скоро опять можно будетъ надѣяться.

(Эшенбургу, 10 января). „Жена моя умерла. И этотъ опытъ не миновалъ меня. Радуюсь я, что ужъ не остается мнѣ такихъ опытовъ, и мнѣ легко...

(Брату, 12 января). „Моя жена умерла. Еслибъ ты ее зналъ!.. Не буду ничего говорить о ней. Но, еслибъ ты ее зналъ“!..

Слишкомъ черезъ полгода, въ сентябрѣ 1778, онъ пишетъ Элизѣ Реймарусъ, подругѣ своей покойной жены:

„О, какъ часто готовъ я бываю проклинать то, что хотѣлъ быть счастливъ, какъ другіе люди! Но я слишкомъ гордъ, чтобы считать себя несчастнымъ; я скрежещу зубами и оставляю мой челнокъ плыть, какъ хотятъ вѣтеръ и погода. Довольно того, что я самъ не хочу опрокинуть его“...

Смерть жены нанесла рѣшительный ударъ самому Лессингу. Онъ подряхлѣлъ, казался утомленнымъ, сдѣлался задумчивъ до разсѣянности. Часто въ обществѣ, когда кругомъ шелъ живой разговоръ, въ которомъ прежде онъ былъ бы самымъ живымъ участникомъ, онъ сидѣлъ, до того задумавшись, что казался дремлющимъ, и вдругъ, какъ бы очнувшись, спрашивалъ: „ну, что же такое“? Здоровье его быстро разрушалось. Лѣтомъ 1779 года онъ часто былъ боленъ такъ, что лежалъ въ постели. На слѣдующую зиму (1779—1780) здоровье его было еще хуже. „Эта зима очень печальна для меня, писалъ онъ въ концѣ ея: — изъ одной болѣзни я впадаю въ другую; ни одна изъ нихъ не смертельна, но каждая мѣшаетъ мнѣ владѣть моими душевными силами“. Лѣто не поправило его здоровья.

Но именно къ этимъ послѣднимъ тремъ годамъ жизни Лессинга, когда онъ, сокрушенный потерею жены, изнемогалъ тѣломъ, и жаловался, что отъ болѣзней изнемогаютъ и духовныя силы его, относится самая сильная и блистательная дѣятельность его, какъ писателя. Всѣ прежнія побѣды его, какъ мыслителя, затмѣваются его послѣднимъ торжествомъ, всѣ прежнія его поэтическія произведенія далеко уступаютъ въ художественномъ достоинствѣ и историческомъ значеніи его послѣдней драмѣ.

Начался уже блистательный періодъ нѣмецкой литературы, подготовленный его трудами. Воспитавъ поэтовъ и критиковъ для своего народа, увидѣвъ людей, способныхъ продолжать его литературное дѣло, онъ уступилъ имъ дальнѣйшую разработку очищенной и вспаханной имъ почвы, и пошелъ далѣе съ своимъ плугомъ, принялся очищать и вспахивать новую мѣстность, на которую должна была перенестись послѣ литературной области жизнь нѣмецкаго народа. За Гердеромъ и Гете должны были явиться руководителями нѣмецкаго народа въ историческомъ движеніи Кантъ и Фихте, за поэзіею философія. И тутъ, первымъ человѣкомъ былъ Лессингъ. Приготовивъ періодъ поэзіи, онъ занялся трудами, которые приготовили пері-

Digitized by Google

одъ философіи. За сознаніемъ единства по племени должно было слѣдовать въ нѣмецкомъ народѣ водвореніе единства въ общихъ убѣжденіяхъ,—положивъ основаніе первому, Лессингъ теперь полагалъ основаніе второму. И на сколько второй періодъ былъ выше перваго по историческому содержанію, на столько же труднѣе и блистательнѣе было его приготовленіе, совершаемое теперь Лессингомъ.

Такъ оканчивали мы предъидущую главу. Въ началѣ этой мы упомянули о фактѣ, который повидимому находится въ странномъ противорѣчіи съ мыслью о приготовленіи Лессингомъ философскаго періода въ умственной жизни Германіи: Лессингъ почти ничего не писалъ по собственно такъ называемой философіи, и метафизическая система его (да и то только въ общемъ очеркѣ) положительно сдѣлалась извѣстна уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти, изъ случайно напечатаннаго другимъ ученымъ воспоминанія о случайномъ разговорѣ съ нимъ. И однакожь, дѣйствительно это было такъ: человѣкъ, не писавшій чисто философскихъ сочиненій, дѣйствительно положилъ своими сочиненіями основаніе всей новой нѣмецкой философіи.

Начиная эту біографію, мы сказали, что хотимъ представить эпизодъ изъ исторіи нѣмецкой литературы, а не изъ исторіи нѣмецкой философіи или теологіи, что безмѣрно расширило бы объемъ нашего очерка, и безъ того уже слишкомъ длиннаго. И здѣсь, мы коснемся философско-теологической дѣятельности Лессинга толко вскользь, на сколько это нужно, чтобы дополнить изображеніе личности Лессинга. О самомъ предметѣ его теологической полемики мы не будемъ говорить ничего, и разскажемъ только чисто біографическіе факты, и то какъ можно короче.

Издавая различныя рукописи, найденныя имъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ, Лессингъ, между прочимъ, началъ печатать отрывки изъ сочиненія, авторъ котораго былъ въ то время неизвѣстенъ и которое имѣло предметомъ своимъ евангельскую и отчасти Ветхозавѣтную исторію. Сочиненіе это, принадлежавшее, какъ впослѣдствіи открылось, извѣстному натуралисту и врачу Реймарусу, жившему въ Гамбургѣ и умершему около того времени, когда Лессингъ поселился въ Гамбургѣ, было написано въ духѣ англійскихъ деистовъ XVII вѣка, враждебномъ христіанству. Написано оно было съ такою ученостью, что далеко превосходило въ научномъ отношеніи не только поверхностныя теологическія сочиненія Вольтера, но и англійскихъ деистовъ, изъ которыхъ заимствовалъ свою ученость Вольтеръ. Въ рукописи, оно извѣстно было нѣсколькимъ лицамъ и распространялось все болѣе и болѣе. Англійскій деизмъ, проникавшій въ Германію черезъ протестантскихъ богослововъ, и французскій вольтеріанизмъ, находившій себѣ послѣдователей и въ Германіи, какъ повсюду, между людьми свѣтскаго образованія, приготовляли читавшихъ эту рукопись къ тому, чтобы безусловно соглашаться съ мнѣніями автора. Протестантскіе и католическіе богословы, остававшіеся вѣрными символамъ своихъ исповѣданій, писали множество возраженій противъ Вольтера и англійскихъ деистовъ, но рукописи Реймаруса они не касались, и потому человѣкъ, знавшій ее, естественно приходилъ къ мысли, что мнѣнія, изложенныя Реймарусомъ съ большею ученою силою и полно-

Digitized by Google

тою, нежели какимъ нибудь другимъ противникомъ христіанства, остаются неопровержимы: „Вы опровергаете Вольтера и Толанда, думалъ онъ:—что жь изъ этого? есть другое сочиненіе, гораздо болѣе ученое, нежели Вольтеръ и Толандъ, и, вѣроятно, оно неопровержимо, если вы молчите о немъ".

Лессингъ думалъ вовсе не такъ. Онъ вовсе не считалъ мнѣнія Реймаруса справедливыми,—издавая отрывки изъ его рукописи, онъ снабжалъ каждый отрывокъ предисловіемъ, въ которомъ подробно объяснялъ, въ чемъ и какъ ошибался Реймарусъ, и доказывалъ, что на предметъ разъисканій Реймаруса надобно смотрѣть совершенно съ иной точки зрѣнія, нежели какъ смотрѣли деисты. Зачѣмъ же онъ издавалъ рукопись, выводы которой самъ признавалъ ошибочными? — у него были на то свои причины. Умственная жизнь его націи готовилась отъ литературныхъ вопросовъ перейти къ ученымъ, и изъ нихъ прежде всего и больше всего заняться теологическими (дѣйствительно, во всей послѣдующей нѣмецкой философіи важнѣйшая сторона—та, которая имѣетъ отношеніе къ теологіи). Натура Лессинга требовала, чтобы онъ приготовилъ націю къ этому новому періоду, подалъ бы свой рѣшительный голосъ, который бы и очистилъ поприще для слѣдующихъ трудовъ, и далъ бы имъ точное направленіе. Въ протестантской Германіи приготовлялось развитіе философіи; эта философія должна была имѣть главнымъ предметомъ своимъ теологическіе вопросы,—и Лессингъ началъ говорить о протестантской теологіи, въ которой были тогда двѣ враждебныя школы: старо-лютеранская и раціоналистская.

Какъ ученый, Лессингъ не былъ доволенъ мнѣніями лютеранскихъ богослововъ, слѣпо повторявшихъ каждое слово Лютера и не обращавшихъ вниманія на успѣхи наукъ и цивилизаціи; ему казалось, что они своею закоснѣлостью въ понятіяхъ, которыхъ не сталъ бы защищать самъ Лютеръ, если бы жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка, вредятъ и дѣлу протестантства и успѣхамъ нѣмецкаго развитія. Еще менѣе былъ онъ доволенъ Вольтеромъ, его учителями, англійскими деистами и послѣдователями Вольтера и англійскихъ деистовъ въ Германіи. Ему казалось, что мнѣнія этихъ нововводителей не послѣдовательны, и не могутъ выдержать строгой научной критики. Какъ человѣкъ жизни, онъ, кромѣ ученыхъ побужденій не соглашаться ни съ протестантскими богословами, повторявшими Лютера, ни съ нововводителями, имѣлъ и другія, болѣе живыя причины желать, чтобы оба эти враждующія направленія уступили мѣсто другому, болѣе основательному взгляду, который господствовалъ въ первобытной христіанской церкви.

Реформа Лютера, принесшая много пользы и католической и протестантской Европѣ, имѣла также и свои вредныя слѣдствія для историческаго развитія, которыя особенно тяжело легли на Германію, и въ XVII и XVIII вѣкахъ оказывались уже чрезвычайно пагубными для благосостоянія нѣмецкаго народа. Реформа Лютера раздѣлила Германію на двѣ половины, католическую и протестантскую; этимъ враждебнымъ раздѣленіемъ отнималась всякая возможность національнаго единодушія; оно было сильнѣйшимъ препятствіемъ къ національному единству. Съ этой точки зрѣнія, обѣ партіи протестантской теологіи, о которыхъ мы говорили, равно были виноваты: обѣ онѣ одинаково были враждебны католичеству, обѣ одинаково отталкивали

Digitized by Google

пристрастными насмѣшками надъ католичествомъ почти половину нѣмецкаго народа отъ сочувствія образованнымъ стремленіямъ другой половины, потому что при всякомъ случаѣ кололи католикамъ глаза такъ называвшимся на ихъ языкѣ „католическимъ суевѣріемъ". Цивилизація и національное единство представлялись нѣмецкимъ католикамъ чѣмъ-то враждебнымъ, потому что представлялись чѣмъ-то неразрывно связаннымъ съ лютеранскими предубѣжденіями противъ нихъ самихъ.

Лессингъ рѣшился провозгласить и доказать, что долженъ быть другой взглядъ, при которомъ исчезла бы вражда между католиками и протестантами. Такъ какъ непосредственно онъ имѣлъ дѣло съ протестантскою половиною Германіи, то онъ занялся преимущественно протестантскими предубѣжденіями, и предпринялъ дѣло, которое смутило своимъ величіемъ обѣ протестантскія партіи и послужило залогомъ примиренію католиковъ съ протестантами, и основаніемъ новой науки.

Тѣмъ протестантскимъ теологамъ, которые закоснѣли во мнѣніяхъ Лютера, онъ началъ говорить: „Оружіемъ Лютера вы можете бороться только съ католиками; но есть у васъ другіе, гораздо болѣе сильные противники, отъ которыхъ не защититъ васъ Лютеръ; эти противники — деисты. Вы думаете, что успѣшно опровергаете ихъ нападенія доказательствами, которыя были удовлетворительны для борьбы съ католиками. Вы ошибаетесь; — напротивъ, вы отдаетесь имъ въ руки беззащитными: не послужатъ вамъ въ пользу аргументы, годные противъ католиковъ—напротивъ, всѣ эти аргументы обращаются противъ васъ деистами. Вы уже безсильны противъ Толанда и Вольтера, противъ Михаэлиса и Землера, и эта битва, которой вы теперь уже не можете выдерживать, еще ничтожна въ сравненіи съ тѣми, которыя вскорѣ должны начаться противъ васъ: теперь вы имѣете дѣло еще только съ одними застрѣльщиками, съ одною легкою конницею— за нею двинутся на васъ плотныя колонны строевой пѣхоты съ тяжелою артиллеріею—безсильные при всемъ напряженіи вашихъ силъ въ авангардномъ дѣлѣ, какъ устоите вы въ генеральной битвѣ? Вы воображаете, что всѣ силы противниковъ выставлены противъ васъ Вольтеромъ, Толандомъ и Михаэлисомъ: нѣтъ, деизмъ выведетъ противъ васъ людей, гораздо болѣе сильныхъ и искусныхъ. Вы думаете, что мои предсказанія — робость или обманъ?—вотъ вамъ доказательство, что это будетъ такъ: я издаю отрывки изъ рукописи, которая ходитъ по рукамъ въ протестантской Германіи,— рукописи, о которой до сихъ поръ вы не хотѣли подумать: сравните эти отрывки съ тѣмъ, что казалось вамъ до сихъ поръ замѣчательнѣйшимъ между сочиненіями деистовъ, — вы увидите, что передъ этимъ неизвѣстнымъ авторомъ ея Вольтеръ не болѣе, какъ шаловливый школьникъ, Михаэлисъ— не болѣе, какъ трусливый заика. Лисица и волкъ были сильнѣе васъ— трудно ли будетъ растерзать васъ льву? Но и онъ — не послѣднее слово, не сильнѣйшій ратникъ деизма. Вы дождетесь того, что новыя поколѣнія воспитаютъ еще сильнѣйшихъ. Одна возможность вамъ побѣдить этихъ новыхъ противниковъ лютеранства: мнѣній Лютера не защитить вамъ противъ деистовъ; попробуйте защищать ученіе Христа, проповѣданное рыбакамъ и младенцамъ, и это ученіе защититъ васъ. Оно недоступно никакимъ на-

Digitized by Google

смѣшкамъ остроумія, никакимъ возраженіямъ учености. Оружіе враговъ опустится передъ ученіемъ Христа, и они назовутъ васъ братьями своими, и благословятъ васъ. Но помните, что „тою мѣрою, которою мѣрите вы, будетъ возмѣрено вамъ“, по ученію Христа: то, что деисты возстаютъ противъ васъ, есть только слѣдствіе того, что вы сами возстаете противъ всѣхъ христіанъ, не признающихъ, подобно вамъ, каждое слово Лютера за непогрѣшительное, — напримѣръ, противъ католиковъ. Вы ругаетесь надъ ними—и деисты поругались и поругаются надъ вами; вы устремляете всѣ силы ваши на то, чтобъ уничтожить ихъ—и деисты уничтожаютъ васъ. Вы поднимаете ножъ противъ собратій вашихъ — помните же, что Христосъ сказалъ: „всякій, поднимающій ножъ, ножомъ погибнетъ“. Если вы хотите, чтобы проклятія противъ васъ обратились въ благословленія, сами „благословляйте, а не кляните“—благословлять, а не клясть училъ Христосъ.

„Оставленія вражды противъ католиковъ требуетъ отъ васъ благоразуміе, говорилъ Лессингъ протестантскимъ богословамъ, оставшимся вѣрными ученію Лютера,—требуетъ ученіе Христа; когда вы проникнетесь духомъ этого ученія, вы увидите, что того же требуютъ истина и справедливость; вы все толкуете о томъ, что католики вѣрятъ папѣ, а вы не вѣрите папѣ, вы вѣрите Лютеру, а они не вѣрятъ Лютеру, и забываете, что вы одинаково съ ними вѣрите Христу. До сихъ поръ, вы обращали свое вниманіе на черты различія между исповѣданіями, оставляя въ тѣни черты единства,—а послѣднія гораздо многочисленнѣе и драгоцѣннѣе первыхъ и для васъ и для нихъ. Христосъ не спрашивалъ пришедшаго къ нему юношу, саддукейскую или фарисейскую секту считаетъ онъ справедливою,—онъ требовалъ отъ него любви къ Богу и ближнему,—а въ признаніи этихъ заповѣдей вы совершенно сойдетесь съ католиками“.

Такъ говорилъ онъ одной партіи протестантскихъ богослововъ, закоснѣвшей во мнѣніяхъ Лютера. Противной партіи, партіи деистовъ и раціоналистовъ, онъ говорилъ:

„Вы торжествуете побѣду надъ вашими старо-лютеранскими и іезуитскими противниками,—но побѣда эта достается вамъ легко, слишкомъ легко для того, чтобы можно было вамъ торжествовать ее, чтобы можно было положиться на дѣйствительность ея. Вы видите, что укрѣпленія, воздвигнутыя противъ васъ, разрушаются отъ мелкой дроби, пускаемой въ нихъ вашимъ Вольтеромъ, отъ камней, бросаемыхъ изъ-за угла вашимъ Михаэлисомъ; но вѣдь эти старо-лютеранскіе и іезуитскіе форты воздвигнуты недавно, людьми, плохо знающими свое дѣло, отсталыми по наукѣ, узкими фанатиками по сердцу; а за ними скрывается древній замокъ, котораго строители не были похожи на вашихъ жалкихъ противниковъ,—этотъ замокъ до сихъ поръ оставался внѣ вашихъ выстрѣловъ; его мирные жители—всѣ тѣ милліоны христіанъ, которые не знаютъ ни по-еврейски, ни даже по-латыни, эти младенцы душою, которыхъ признавалъ Христосъ истинными дѣтьми своими,—они и не слышали грома вашихъ битвъ, они не только не побѣждены вами, они даже не знаютъ васъ—рано же вамъ торжествовать побѣду. Нападая на отсталыя мнѣнія нѣсколькихъ старо-лютеранскихъ пасторовъ или іезуитовъ, вы имѣете дѣло только съ ними, а не съ религіею Христа—эту религію, живущую не въ лютеровомъ катехизисѣ и не въ буллахъ папы, а въ сердцахъ мильоновъ людей, не такъ легко поколебать, какъ вы воображаете; она глубже и тверже вашихъ теорій. Но вы не вѣрите тому, что она ближе къ человѣческому сердцу и прочнѣе вашихъ теорій, какъ не вѣрятъ и старо-лютеранскіе пасторы, что ихъ мнѣнія могутъ подвергнуться въ близкомъ будущемъ нападеніямъ людей, болѣе сильныхъ, нежели вы?—Я вамъ докажу, что ваши теоріи и аргументы безсильны противъ религіознаго чувства, и докажу на томъ же самомъ сочиненіи, которое выставляю для усмиренія гордости вашихъ противниковъ. Никогда еще ваша партія не производила ничего столь глубокомысленнаго и

Digitized by Google

ученаго, какъ это сочиненіе,—и никто изъ насъ не въ состояніи изложить въ такой строгой формѣ такихъ сильныхъ доказательствъ въ пользу вашей теоріи. При той методѣ обороны, которой держатся донынѣ ваши противники, они сокрушаются подъ бременемъ неотразимыхъ ударовъ,—я покажу вамъ, что эти удары не только не опасны для религіи Христа, что они даже не касаются ея. Вы увѣрены, что на вашей сторонѣ наука и логика,—я докажу, что логики нѣтъ въ вашей теоріи, что наука, на которую вы, по вашимъ словамъ, опираетесь, свидѣтельствуетъ противъ васъ, что вы или не умѣете или боитесь узнать истину. Я беру сочиненіе, которое далеко оставляетъ за собою всѣ другія ваши сочиненія силою мысли и знанія,—и я докажу, что ни одинъ выводъ этого сочиненія не выдерживаетъ строгой научной критики, что основной взглядъ его противорѣчитъ требованіямъ человѣческаго разума, а толкованія фактовъ, на которые опирается этотъ взглядъ, противорѣчатъ историческимъ аксіомамъ.

„На этомъ рѣшительномъ испытаніи вы увидите, что, если вы легко можете уничтожать нѣсколькихъ отсталыхъ отъ науки педантовъ изъ старо-лютеранскихъ пасторовъ или изъ іезуитскихъ хитрецовъ, то противъ религіознаго чувства мильоновъ вы безсильны и даже неправы, какъ неправы передъ логикою и наукою, что система вашей борьбы не ведетъ васъ къ торжеству. Вы увидите, что благоразуміе требуетъ, чтобы вы оставили эту систему. Но съ тѣмъ вмѣстѣ вы увидите, что того же требуетъ отъ васъ и справедливость. Вы теперь, по чувствамъ своимъ относительно религіи, раздѣляетесь на два разряда: одни изъ васъ, какъ Землеръ, хотя передѣлать протестантство сообразно съ своими теоріями, другіе, какъ англійскіе деисты, враждуютъ къ религіи. Первые убѣдятся, что, на сколько ихъ поправки ученѣе отсталыхъ отъ науки мнѣній старопротестантскихъ пасторовъ и іезуитовъ, на столько же ученіе религіи, исповѣдуемой христіанами, возвышеннѣе и почтеннѣе этихъ нелогическихъ поправокъ, и они потеряютъ всякую охоту передѣлывать его. Вторые убѣдятся, что враждебныя чувства, возбуждаемыя въ нихъ узкими или фанатическими мнѣніями старо-лютеранскихъ пасторовъ и іезуитовъ, нимало не возбуждаются тою религіею мильоновъ христіанъ, невредимость которой отъ всѣхъ деистическихъ и раціоналистскихъ нападеній докажу я, а что, напротивъ, эта религія въ каждомъ безпристрастномъ и любящемъ людей человѣкѣ необходимо возбуждаетъ уваженіе и любовь къ себѣ, какъ скоро онъ пойметъ духъ ея; и они потеряютъ всякую охоту враждовать противъ нея,—напротивъ, будутъ чувствовать влеченіе къ ней, и въ исповѣдующихъ ее увидятъ братьевъ своихъ“.

Чтобы дать читателямъ хотя небольшіе примѣры знаменитыхъ статей Лессинга объ этомъ предметѣ, —статей, съ которыми по силѣ мысли и изложенія могутъ быть сравнены развѣ „Провинціальныя письма“ Паскаля, мы приведемъ по отрывку изъ двухъ его листковъ. Одинъ, называющійся „Завѣщаніе Іоанна“, написанъ въ отвѣтъ на замѣчанія Шуманна и направленъ противъ старо-лютеранскихъ теологовъ, забывавшихъ о христіанской любви въ своей ревности сохранить неприкосновеннымъ каждое слово Лютера. Отрывокъ, приводимый нами изъ другаго листка, озаглавленнаго „Парабола, съ маленькою просьбою и, на случай надобности, прощальнымъ письмомъ къ г. пастору Геце“—направленъ главнымъ образомъ противъ раціоналистовъ, желавшихъ передѣлывать ученіе церкви сообразно своимъ личнымъ теоріямъ.

Digitized by Google

ЗАВѢЩАНІЕ ІОАННА.

— qui in pectus Domini recubuit et de purissimo fonte hausit revilum doctrinarum.

Hieronymus.

(—который на персяхъ Господа возлежалъ и изъ чистѣйшаго источника почерпнулъ потокъ ученій.

Блаж. Іеронимъ).

Разговоръ.

ОНЪ и Я.

Онъ. Очень вы затруднялись этимъ листомъ *), но это и видно по самому листу.

Я. Неужели?

Онъ. Прежде вы писали яснѣе.

Я. Въ наивеличайшей ясности была для меня всегда величайшая красота.

Онъ. Нѣтъ, я вижу, что вы начинаете склоняться на нашу сторону [1]), только вы хотите отдѣлаться намеками на вещи, которыя извѣстны развѣ одному изъ сотни читателей, да и вамъ стали извѣстны, быть можетъ, только за день или за два [2]).

Я. Напримѣръ?

Онъ. Не касаюсь вашей учености.

Я. Напримѣръ?

Онъ. Та загадка, которою оканчивается вашъ листокъ — ваше „Завѣщаніе Іоанна“ [3])—я напрасно искалъ его у себя въ Грабіусѣ и Фабриціусѣ [4]).

Я. Да развѣ кромѣ книгъ нѣтъ ничего на свѣтѣ? [5])

Онъ. Такъ не книга это завѣщаніе Іоанна? Что жь это такое?

---

*) Предъидущею полемическою брошюрою по этому же спору; она называется „О доказательствѣ духа и силы. *Онъ*, т. е. Шуманнъ, воображаетъ, что поставилъ Лессинга въ затруднительное положеніе, и что Лессингу было тяжело разрушить его возраженія.

[1]) Статья Шуманна противъ Лессинга была написана умѣреннымъ тономъ: потому и первый отвѣтъ Лессинга былъ очень деликатенъ; нѣкоторые вообразили, что эта мягкость тона—слѣдствіе слабости, и въ похвалахъ, дѣлаемыхъ Лессингомъ умѣренности своего противника, увидѣли уступки его мнѣніямъ.

[2]) *Онъ* намекаетъ на то, что Лессингъ щеголяетъ ученостью, которую собираетъ наскоро изъ словарей и т. п. справочныхъ книгъ. Со временъ Ланге, противники Лессинга любили твердить, что ученость Лессинга заимствована вся изъ „Словаря“ Бэля и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, тогдашнимъ спеціалистамъ, не занимавшимся ничѣмъ, кромѣ своей спеціальной науки, очень трудно было понять, какимъ образомъ человѣкъ, писавшій о двадцати предметахъ, въ каждомъ предметѣ обладаетъ знаніями, чрезвычайно рѣдкими и въ спеціалистѣ, который всю жизнь трудился надъ однимъ предметомъ. Въ наше время, когда педантство ослабѣло, это понимается легче, и никто не скажетъ о Гумбольдтѣ или лордѣ Брумѣ, что „они наскоро набираются своей мнимой учености“.

[3]) Предшествовавшая брошюра Лессинга, о которой ведется рѣчь, заключается словами: „Оканчиваю, желая: да соединитъ Завѣщаніе Іоанна всѣхъ раздѣленныхъ!“

[4]) Грабіусъ и Фабриціусъ — авторы библіографическихъ сочиненій. Фабриціусовы „Bibliotheca Græca“ и „Bibliotheca latina“ служатъ до сихъ поръ справочными книгами, содержа полнѣйшіе перечни греческихъ и латинскихъ авторовъ и сочиненій.

[5]) Чтобы понять иронію этого оборота, надобно вспомнить, что, по ученію строгихъ лютеранъ, церковное преданіе и ученіе церкви не имѣетъ никакой важности. Они не хотятъ знать ничего, кромѣ Библіи. Католическая церковь, вѣрная въ этомъ случаѣ ученію первобытной церкви (сохранившемуся въ Православной церкви), признавая всю важность Библіи, съ тѣмъ вмѣстѣ говоритъ, что христіанская религія основывается не на одной только Библіи, а „какъ на Библіи, такъ и на ученіи церкви и преданіи церковномъ“. Лессингъ говорилъ, что въ этомъ случаѣ ученіе Католической (и Греческой) церкви вѣрнѣе исторической истины и полнѣе односторонняго протестантскаго ученія.

Digitized by Google

Я. Послѣдняя воля Іоанна;—послѣднія замѣчательныя, много разъ повторенныя слова умирающаго Іоанна,—вѣдь это тоже можетъ называться завѣщаніемъ? Можетъ?

Онъ. Конечно, можетъ.—Но теперь ужь мнѣ не такъ это любопытно.—А, впрочемъ, что жь это за слова? Я мало знакомъ съ Абдіею [6]), и тому подобными сочиненіями, откуда они, конечно, взяты.

Я. Нѣтъ, они взяты у писателя, менѣе подозрительнаго. Іеронимъ сохранилъ ихъ намъ въ своемъ толкованіи на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. Поищите ихъ тамъ. Я не полагаю, чтобъ они вамъ понравились *).

Онъ. Почему знать?—Скажите же, что это за слова.

Я. На память? Съ обстоятельствами, которыя мнѣ теперь памятны или кажутся памятными?

Онъ. Разумѣется.

Я. Іоаннъ, тотъ благой Іоаннъ, который не хотѣлъ никогда разлучаться съ паствой, собранной имъ въ Эфесѣ, которому эта паства казалась достаточно великимъ опрящемъ его поучительныхъ чудесъ и его чудотворнаго ученія—этотъ Іоаннъ сталъ старъ, такъ старъ...

Онъ. Что благочестивое простодушіе думало, что онъ не умретъ.

Я. Хотя каждый съ каждымъ днемъ видѣлъ, что онъ все болѣе приближается къ смерти.

Онъ. Суевѣріе иногда слишкомъ много, иногда слишкомъ мало вѣритъ чувствамъ. Ужь и тогда, когда Іоаннъ умеръ, суевѣріе все полагало, что онъ не можетъ умереть, что онъ спитъ, а не умеръ.

Я. Какъ близко иногда подходитъ суевѣріе къ истинѣ!

Онъ. Продолжайте разсказъ. Мнѣ тяжело слышать, что вы заступаетесь за суевѣріе **).

Я. Неохотно и съ радостью, какъ другъ покидаетъ объятія друга, чтобы поспѣшить въ объятія своей подруги, постепенно, но быстро, видимо разлучалась чистая душа Іоанна отъ столь же чистаго, но изнемогавшаго тѣла. Скоро его ученики едва могли *носить* его даже и въ церковь.

И, однако же, Іоанну не хотѣлось пропустить ни одного собранія, и не пропускалъ онъ ни одного собранія паствы, не сказавъ назиданія паствѣ, которой легче было бы лишиться насущнаго хлѣба, нежели этого назиданія.

Онъ. Въ которомъ, вѣроятно, часто недоставало искусственной обработки.

Я. А вы любите искусственную обработку ***)?

Онъ. Смотря по тому, какова она.

---

[6]) Одна изъ апокрифическихъ книгъ Новаго Завѣта, которая разсказываетъ апостольскую исторію и приписывается Абдіи или Авдію, первому епископу вавилонскому. Извѣстно, что и Греческая, и Католическая, и Протестантская церкви признаютъ подобныя книги не заслуживающими вѣры, какъ подложныя и еретическія. Онъ намекаетъ, что Лессингъ любитъ еретиковъ и самъ еретикъ.

*) Намекъ, который объяснится, когда будутъ сказаны эти слова Іоанна Богослова. Читатель вспомнитъ, что, забывая для догматики о христіанской любви, лютеранскіе богословы должны были чрезвычайно разгнѣваться (и дѣйствительно разгнѣвались), когда Лессингъ сталъ напоминать имъ, какое важное мѣсто въ религіи Христа должна занимать христіанская любовь — за это особенно и стали осыпать его проклятіями обѣ протестантскія партіи.

**) Старо-лютеранскіе богословы, а тѣмъ болѣе раціоналисты, находили, что Лессингъ отдаетъ суевѣрію предпочтеніе передъ просвѣщеніемъ, доказывая, что нѣкоторые католическіе догматы, отвергнутые протестантствомъ, принадлежали первобытной церкви (они сохранились въ Греческой церкви) и содержатъ въ себѣ истины, болѣе глубокія, нежели какія содержатся въ догматахъ, которыми замѣнило протестантство. Напримѣръ, Лессингъ говорилъ это о томъ догматѣ первобытной церкви, что христіанская религія основана не на одной только Библіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ и на преданіи церковномъ.

***) Ироническій намекъ на то, что протестантскіе богословы обработывали догматику по системѣ очень искусственной и, ставя въ томъ величайшую заслугу, забывали оживить свои системы духомъ христіанской любви.

Digitized by Google

Я. Навѣрное, назиданіе Іоанна никогда не имѣло искусственной обработки, потому, что оно все шло отъ сердца; потому, что оно всегда было просто и кратко, и съ каждымъ днемъ становилось проще и короче, до того, что наконецъ сократилось въ нѣсколько словъ.

Онъ. Какихъ же?

Я. „Милыя дѣти мои, любите другъ друга!“

Онъ. Немного словъ, но хорошія слова.

Я. Дѣйствительно, хорошія, по вашему мнѣнію? — Но и хорошее, и наилучшее скоро утомляетъ, когда становится ежедневнымъ. Въ первомъ собраніи паствы, когда Іоаннъ не *могъ* сказать ничего больше, какъ: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ — слова эти чрезвычайно понравились паствѣ. Они еще понравились и во второмъ, и въ третьемъ, и въ четвертомъ собраніи, потому что паства говорила: слабый старецъ не *можетъ* сказать ничего больше этихъ словъ. Но и когда старецъ отъ времени до времени чувствовалъ себя довольно бодрымъ, и, однакожь, не говорилъ ничего больше этихъ словъ и все отпускалъ свою паству только съ назиданіемъ: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ — когда увидѣли, что старецъ не то, чтобы только не могъ сказать ничего больше, что онъ преднамѣренно и не хочетъ сказать ничего больше этихъ словъ, — то эти слова: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ показались слабыми, малозначительными. Братія и ученики стали скучать и наконецъ осмѣлились спросить благаго старца: „Но, учитель, почему же ты вѣчно повторяешь одно и то же“?

Онъ. Ну, чтожь Іоаннъ?

Я. Іоаннъ отвѣчалъ: „Потому, что это повелѣлъ Господь; потому, что это одного, если оно исполняется, довольно, — и достаточно“.

Онъ. Такъ вотъ что! Такъ вотъ въ чемъ ваше Завѣщаніе Іоанна?

Я. Да.

Онъ. Гм! гм!

Я. „Милыя дѣти мои, любите другъ друга!“

Онъ. Да, да!

Я. Это „Завѣщаніе Іоанна“ поставилъ нѣкогда символомъ своего ученія Христъ, Который былъ *соль земли*.

Онъ. Такъ всегда отговариваются отъ бѣды нѣкоторые господа!..

Hieronymus in Epist. ad Galatas, cap. 6.

Beatus Ioannes Evangelista, cum Ephesi moraretur usque ad ultimam senectutem et vix inter discipulorum manus ad Ecclesiam deferretur, nec posset in plura verba contexere, nihil aliud per singulas solebat proferre collectas, nisi hoc: Filioli, diligite alterutrum. Tandem discipuli et fratres, taedio affecti, quod eadem semper audirent, dixerunt: magister, quare semper hoc loqueris? Qui respondit dignam Ioanne sententiam: Quia praeceptum Domini est, et si solum fiat, sufficit**).

---

*) Опять намекъ на то, что не слишкомъ вѣрные духу первобытной церкви протестантскіе богословы, излагающіе систему вѣры въ громадныхъ фоліантахъ, исполненныхъ страшною ученостью, такъ дѣлаютъ вѣроученіе доступнымъ только для спеціальныхъ ученыхъ.

**) Блаженный Іоаннъ евангелистъ дожилъ въ Эфесѣ до глубочайшей старости, такъ что ученики едва могли на рукахъ приносить его въ церковь, и, не имѣя силъ сказать болѣе долгой рѣчи, онъ въ собраніи паствы каждый разъ ничего не говорилъ, кромѣ слѣдующихъ словъ: „милыя дѣти мои, любите другъ друга!“ Наконецъ, ученики и братія, наскучивъ тѣмъ, что вѣчно слышали одно и то же, сказали: „Учитель, почему каждый разъ говоришь ты одно и то же?“ — На то онъ далъ такой отвѣтъ, достойный Іоанна: „Потому, что это заповѣдь Господа, и если ее одну исполнять, то и довольно“.

Digitized by Google

ПАРАБОЛА.

„Мудрый и дѣятельный царь большаго, большаго государства имѣлъ въ своей столицѣ дворецъ неизмѣримаго объема, совершенно особенной архитектуры.

„Неизмѣримъ былъ объемъ, потому что царь собралъ во дворцѣ вокругъ себя всѣхъ, которые были помощниками или орудіями его правленія.

„Странна была архитектура, потому что противорѣчила, можно сказать, всѣмъ принятымъ правиламъ; но она нравилась и соотвѣтствовала цѣли.

„Она нравилась,—преимущественно тѣмъ, что возбуждала удивленіе, которое внушаютъ простота и величіе, когда кажутся скорѣе презрѣвшими богатство и украшенія, нежели не имѣющими ихъ.

„Она соотвѣтствовала цѣли, — прочностью и удобствомъ. Прошло много, много лѣтъ, а весь дворецъ стоялъ все въ той же чистотѣ и цѣлости, въ какой довершенъ былъ строителемъ, снаружи немного непонятный, но внутри повсюду свѣтлый и связный.

„Всякій, кто воображалъ себя знатокомъ въ архитектурѣ, особенно недоволенъ былъ наружными стѣнами дворца, которыя имѣли мало оконъ, разбросанныхъ здѣсь и тамъ, большихъ и маленькихъ, круглыхъ и четырехъ-угольныхъ, но тѣмъ больше за то имѣли дверей и воротъ различной формы и величины.

„Непонятно этимъ людямъ было, какъ черезъ столь малочисленныя окна въ столь многочисленные покои можетъ проходить достаточно свѣта. Что главнѣйшіе изъ этихъ покоевъ получали свой свѣтъ сверху, не приходило почти никому въ голову.

„Они не понимали, зачѣмъ нужно столько и столь разнородныхъ входовъ, когда гораздо красивѣе было бы сдѣлать большой одинъ порталъ съ каждой стороны,—онъ, казалось имъ, удовлетворилъ бы потребности. Потому что почти никому не приходило въ голову, что черезъ многочисленные маленькіе входы самымъ короткимъ и безошибочнымъ путемъ каждый, призываемый во дворецъ, можетъ приходить туда, гдѣ онъ надобенъ.

„И, такимъ образомъ, возникли между мнимыми знатоками многочисленные споры,—споры эти обыкновенно велись жарче всего тѣми, которые всего менѣе имѣли случай ознакомиться съ внутренностью дворца.

„И было одно обстоятельство, о которомъ на первый взглядъ можно было подумать, что оно необходимо очень облегчитъ и сократитъ споры, но которое именно и запутывало ихъ больше всего, которое именно давало имъ богатѣйшую пищу для упорнѣйшаго продолженія. Именно, полагали, что есть различные древніе планы, которые приписывались первымъ строителямъ дворца; но эти планы оказались покрыты словами и знаками, языкъ и значеніе которыхъ было почти совершенно потеряны.

„Потому каждый объяснялъ эти слова и знаки по собственному желанію. Потому каждый, изъ этихъ древнихъ плановъ, составлялъ новый, какой ему хотѣлось, и нерѣдко тотъ или другой составитель такъ увлекался своимъ новымъ планомъ, что не только самъ считалъ его непреложнымъ, но то уговаривалъ, то принуждалъ и другихъ считать его непреложнымъ.

„Только немногіе говорили: „какое намъ дѣло до вашихъ плановъ? — они всѣ для насъ равны. Довольно того, что мы каждую минуту убѣждаемся опытомъ, что преблагою мудростью исполненъ весь дворецъ, и что изъ него разливается по всей странѣ красота, порядокъ и благоденствіе.

„Часто плохо приходилось этимъ немногимъ! Потому что, когда, улыбаясь, они начинали нѣсколько ближе изслѣдовать тотъ или другой изъ отдѣльныхъ плановъ, то люди, считавшіе этотъ планъ непреложнымъ, съ воплемъ объявляли ихъ поджигателями и раззорителями дворца.

„Но они не останавливались этими криками, именно черезъ то становились достойны причисленія къ людямъ, трудившимся внутри дворца, и не имѣвшимъ ни времени, ни охоты вмѣшиваться въ распри, которыя и не касались ихъ.

„Однажды, когда споръ о планахъ не столько былъ примиренъ, сколько ослаб-

Digitized by Google

ленъ утомленіемъ,—однажды около полуночи, раздался внезапно голосъ сторожей: пожаръ! пожаръ во дворцѣ!

„Что же тогда произошло? Каждый вскочилъ тогда съ постели, и какъ будто пожаръ не во дворцѣ, а въ собственномъ его домѣ, схватилъ то, что казалось ему драгоцѣннѣйшимъ изъ своего достоянія,—свой планъ. „Надобно только спасти планъ!—думалъ онъ:—если дворецъ и сгоритъ, то онъ тутъ, какъ есть, сохранится на бумагѣ"!

„И каждый выбѣжалъ съ своимъ планомъ на улицу, и тамъ, прежде того, нежели оказывать помощь дворцу, одинъ сталъ показывать другому на своемъ планѣ, въ какомъ мѣстѣ, по его соображенію, горитъ дворецъ. „Посмотри, сосѣдъ,—вотъ, гдѣ горитъ онъ! Отсюда—вотъ, лучше всего гасить огонь?"—„Нѣтъ, сосѣдъ, вѣрнѣе сказать, что вотъ—здѣсь горитъ онъ!"

Таковъ былъ духъ и характеръ борьбы, начатой Лессингомъ въ одно и то же время противъ закоснѣлыхъ старо-лютеранскихъ пасторовъ, считавшихъ вѣчною истиною каждое слово Лютера, и противъ нелогическихъ нововводителей, вздумавшихъ перетолковывать догматы и факты религіи по своему личному соображенію. Теперь надобно сказать хотя два-три слова о томъ, какъ началась и развилась эта борьба, и къ какимъ результатамъ привела она нѣмецкую націю.

По привычкѣ своей, всегда начинать съ какого нибудь частнаго случая, съ какого нибудь даннаго факта развитіе общихъ мыслей, Лессингъ воспользовался сочиненіемъ Реймаруса, какъ поводомъ для изложенія своихъ мыслей о двухъ боровшихся въ лютеранствѣ партіяхъ. Въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи и литературы изъ сокровищъ Вольфенбюттельской библіотеки" (Beiträge zur Geschichte und Literatur), онъ, въ числѣ многихъ другихъ найденныхъ имъ въ этой библіотекѣ сочиненій, сталъ печатать и отрывки изъ рукописи Реймаруса, къ каждому отрывку прибавляя свое предисловіе, какъ то дѣлалъ при каждомъ сочиненіи, печатаемомъ въ этихъ „Матеріалахъ". Имени автора рукописи онъ не сообщилъ, не имѣя на то разрѣшенія отъ дѣтей, потому и самое сочиненіе Реймаруса осталось извѣстно подъ именемъ „Вольфенбюттельской рукописи" или „Рукописи Вольфенбюттельскаго неизвѣстнаго". Первый отрывокъ былъ напечатанъ въ третьемъ томѣ „Матеріаловъ", въ 1774 году. Онъ не возбудилъ никакихъ воплей противъ Лессинга, потому что никто еще не понялъ цѣли, которую имѣлъ въ виду Лессингъ. Изданіе отрывка изъ сочиненія, написаннаго въ духѣ, враждебномъ христіанству, не могло никого удивить въ Германіи, давно уже познакомившейся съ сочиненіями Бэля, Вольтера, энциклопедистовъ и ихъ нѣмецкихъ послѣдователей. Притомъ, даже тѣ изъ лютеранскихъ теологовъ, которые были закоснѣлыми фанатиками лютеранства, были уже на столько благоразумны, что понимали, что сочиненія, подобныя Реймарусу, теряютъ часть своей опасности для ихъ ученія, когда издаются публично, вмѣсто того, чтобы распространяться въ рукописяхъ: тогда они становятся доступны опроверженіямъ, которымъ недоступны, пока таятся подъ секретомъ. Они помнили примѣръ Іеронима, на котораго впослѣдствіи сослался Лессингъ, и который даже перевелъ самъ на латинскій языкъ сочиненіе Оригена „Peri archòn", и доказалъ, что это дѣло полезно для истинной религіи. „Когда Іеронимъ *перевелъ* съ греческаго чрезвычайно вредное, по

Digitized by Google

его собственному мнѣнію, истинной христіанской религіи сочиненіе Оригена Peri archón, —замѣтьте, *перевелъ!*—а перевесть нѣчто болѣе, нежели просто издать (говорилъ Лессингъ, защищаясь противъ Геце),—когда онъ перевелъ это опасное сочиненіе съ тою цѣлью, чтобы охранить его отъ переправокъ и искаженій другаго переводчика, Руфина, то есть, чтобы сообщить это сочиненіе латинскому міру именно во всей его силѣ и во всей его искусительности,—и когда ему за то нѣкоторые люди стали дѣлать упреки, будто бы онъ взялъ преступный соблазнъ на свою душу—каковъ былъ тогда отвѣтъ Іеронима?—O impudentiam singularem! Accusant medicum, quod venena prodiderit.—„О, удивительное безстыдство! они упрекаютъ врача за то, что онъ обнаружилъ тайный ядъ!"—Зная этотъ примѣръ, многіе изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ стараго лютеранства, которому была особенна враждебна „Вольфенбюттельская рукопись", даже выражали свою признательность Лессингу за то, что онъ началъ знакомить ихъ съ этимъ сочиненіемъ.

Но чувства эти совершенно измѣнились, когда (1777) въ 4-мъ томѣ „Матеріаловъ" Лессингъ издалъ еще пять отрывковъ изъ рукописи Реймаруса, съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ болѣе обнаружились мнѣнія Лессинга. Обѣ протестантскія партіи, враждовавшія между собою, поднялись противъ него.

Прежде всего и съ особенною жестокостью возстали старо-лютеранскіе ревнители, и во главѣ ихъ Геце, имя котораго пріобрѣло несчастное безсмертіе, благодаря его излишней охотѣ вступать въ неравную борьбу. Главнымъ содержаніемъ предисловій Лессинга къ издаваемымъ отрывкамъ было строгое разсмотрѣніе нападеній Реймаруса на христіанство, съ цѣлью доказать, что всѣ эти возраженія не могутъ поколебать той вѣры, которая живетъ въ сердцахъ народовъ,—и, однако же, лютеранскіе ревнители возмутились не жестокими нападеніями Реймаруса на христіанство, а тѣми опроверженіями, которыя противопоставляетъ ему Лессингъ, доказывая непоколебимость религіи съ той точки зрѣнія, которую указали мы выше. Нападать на защитника жесточе, нежели на врага—это казалось безпристрастнымъ людямъ такъ неестественно, что они предполагали безумными или недобросовѣстными этихъ фанатиковъ лютеранства. Однако же, на самомъ дѣлѣ, эти фанатики дѣйствовали очень логично: рукопись нападала на христіанство,—это не касалось ихъ ближайшимъ образомъ; но предисловіе къ рукописи, защищать религію Христа, положительно признавало, что не хочетъ и не можетъ защищать лютеранства,—это уже прямымъ образомъ было нестерпимою опасностью для лютеранъ.

Послѣ закоснѣлыхъ лютеранъ, возстали противъ Лессинга и нововводители—это было совершенно понятно, потому что онъ положительнымъ образомъ доказывалъ несостоятельность ихъ ученыхъ истолкованій.

Горячая полемика закипѣла въ Германіи. Шумъ по[illegible]ный, и опять, какъ въ дѣлѣ Клоца, всѣ сверстники Лес[illegible]синга,—одни за то, что онъ не признаетъ ученіе [illegible] съ ученіемъ Лютера, другіе за то, что онъ пр[illegible] противъ христіанства, какою проникнуты изд[illegible]

Digitized by Google

Лессингъ, не слушая никакихъ предостереженій и совѣтовъ, неуклонно шелъ къ предположенной цѣли. Первыя нападенія на него за его предисловія къ отрывкамъ издаваемой имъ рукописи появились около времени смерти его жены,— и, жестоко пораженный своею утратою, онъ, быстрыми шагами приближаясь къ могилѣ, выказалъ въ этой борьбѣ, что если слабѣло его тѣло, то умъ его сохранилъ всю свѣжесть молодости,—и не только всю свѣжесть,—нѣтъ, и всю юношескую силу идти впередъ и впередъ. Онъ издавалъ одинъ листокъ за другимъ противъ безчисленныхъ статей, брошюръ и книгъ, нападавшихъ на него,—и каждый изъ этихъ листковъ волновалъ умы Германіи, какъ никогда ничто еще не волновало ихъ, и каждый листокъ былъ блистательнымъ торжествомъ его генія.

Среди этой борьбы, онъ вспомнилъ о планѣ драмы, нѣкогда задуманной имъ,—и рѣшился написать эту драму, служащую поэтическимъ воплощеніемъ мысли, которую защищалъ онъ противъ закоснѣлыхъ лютеранъ. Эта драма—„Натанъ Мудрый", выше котораго въ нѣмецкой литературѣ по колоссальному значенію стоитъ только „Фаустъ" Гете, явилась въ 1779 году, за полтора года до кончины Лессинга, и написана имъ среди страданій всякаго рода.

Результаты борьбы, веденной Лессингомъ въ послѣдніе три года его жизни, были громадны. Она приготовила направленіе послѣдующей нѣмецкой философіи, которая только въ послѣднемъ періодѣ своего развитія стала на ту высоту мысли, которая была указана ей Лессингомъ, но съ самаго начала была вѣрна духу, проникавшему его сочиненія, написанныя по поводу „Вольфенбюттельской рукописи" и споровъ, ею возбужденныхъ. По плану нашего очерка, имѣющаго главнымъ предметомъ одну литературную сторону дѣятельности Лессинга, мы только въ двухъ-трехъ словахъ коснемся отношенія между Лессингомъ и послѣдующими нѣмецкими философами.

Прямымъ ученикомъ его не былъ ни одинъ изъ знаменитыхъ философовъ,—всѣ они считаютъ своимъ родоначальникомъ Канта; Фихте говоритъ, что его система—довершеніе системы Канта, Шеллингъ былъ продолжателемъ Фихте, Гегель продолжателемъ Шеллинга, новая философія произошла изъ системы Гегеля. Но если мы сравнимъ всѣ эти системы между собою, то увидимъ, что духъ ихъ совершенно различенъ, — это потому, что у Фихте, Шеллинга и Гегеля были другіе учители, кромѣ Канта. Они сами признаются, что очень многимъ обязаны Гердеру и Гете, подъ вліяніемъ которыхъ воспиталось ихъ воззрѣніе на міръ,—черезъ Гердера и Гете имѣлъ на нихъ вліяніе и Лессингъ, который такъ могущественно господствовалъ надъ развитіемъ Гердера и Гете. Ужъ эта одна сторона его дѣйствія на нихъ имѣетъ чрезвычайную важность. Но еще гораздо сильнѣе было то вліяніе, которое имѣлъ онъ на развитіе нѣмецкой философіи не посредствомъ того или другаго изъ воспитанныхъ имъ знаменитыхъ писателей, а силою направленія, развитаго имъ въ умственной жизни всего народа, среди котораго возникли эти философы. Часто, когда говорятъ объ исторіи философіи, имѣютъ въ виду только связь философскихъ системъ между собою, забывая о связи ихъ съ духомъ времени и общества, въ которомъ онѣ развились,—а между тѣмъ, это забываемое отношеніе обна-

Digitized by Google

руживало всегда самое рѣшительное вліяніе на ихъ характеръ. О философіи, въ которой общія стремленія человѣчества находятъ самое прямое выраженіе, надобно сказать скорѣе, нежели о какой нибудь частной наукѣ, что она всегда бываетъ дочерью эпохи и націи, среди которой возникаетъ.

Изъ многихъ сторонъ родства всѣхъ философскихъ системъ, возникшихъ послѣ Канта въ Германіи, съ духомъ, проникавшимъ сочиненія Лессинга, мы замѣтимъ только двѣ, связь которыхъ съ характеромъ мнѣній Лессинга особенно ясна будетъ послѣ того, что имѣли мы случай сказать выше о его стремленіяхъ.

До Лессинга, нѣмецкая философія вообще имѣла протестантскій характеръ, даже въ случаяхъ, когда являлась враждебною христіанству. Послѣ Лессинга, хотя по прежнему всѣ главные дѣятели ея принадлежали протестантской половинѣ Германіи, она становится въ другое положеніе. Философское міросозерцаніе становится столь же независимо отъ односторонняго протестантскаго оттѣнка, какъ прежде было независимо отъ католическаго. Изъ достоянія протестантской половины Германіи, философія становится дѣломъ общенаціональнымъ.

При всемъ различіи въ своихъ принципахъ и выводахъ, всѣ нѣмецкія философскія системы сходятся въ томъ, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ враждебности противъ христіанства, какою отличались системы нѣкоторыхъ англійскихъ и французскихъ философовъ. Каковы бы ни были понятія того или другаго нѣмецкаго философа объ общей системѣ міра, но каждый изъ нихъ на религію смотритъ съ уваженіемъ, высоко цѣня важность ея. Всѣ они чужды того суроваго ожесточенія противъ религіи, которое замѣтно, напримѣръ, у Гоббеса, или той насмѣшки, которая видна у Вольтера. Всѣ они смотрятъ на религію съ серьезностью, полною уваженія.

Эти двѣ черты сходства уже достаточно показываютъ тѣсное родство послѣдующей нѣмецкой философіи съ тѣми стремленіями, которыми одушевленъ былъ Лессингъ въ своей послѣдней борьбѣ. Но вполнѣ оцѣнить геніальность его взгляда и силу его вліянія можетъ только тотъ, кто знакомъ съ новѣйшими нѣмецкими философскими системами, смѣнившими систему Гегеля: онѣ чрезвычайно близки къ тѣмъ понятіямъ, какія были выражены Лессингомъ. Мы ограничиваемся этими немногими словами, потому что разсмотрѣніе развитія философіи въ Германіи не составляетъ прямаго предмета этой біографіи; но тотъ, кто захотѣлъ бы заняться отношеніями Лессинга къ послѣдующимъ нѣмецкимъ философамъ, нашелъ бы гораздо болѣе признаковъ его сильнаго вліянія на ихъ системы.

Впрочемъ, все это не составляетъ еще главнаго значенія дѣятельности Лессинга въ послѣдніе годы его жизни. Еще важнѣе, нежели вліяніе его на характеръ послѣдующихъ философскихъ системъ, было то, что онъ приготовилъ умъ своего народа для принятія философской мысли. До того времени, философія была дѣломъ школы, котораго чуждалось и пугалось общество, какъ чего то не только таинственнаго, но и ужаснаго,—философскія мысли, какъ скоро изъ тѣснаго [illegible] записныхъ ученыхъ проникали до свѣдѣнія людей, не имѣ[illegible] профессіею, были отвергаемы ими, какъ что-то проти[illegible] условіямъ

Digitized by Google

жизни. Черезъ двадцать лѣтъ не такъ была принята обществомъ философія Фихте и потомъ Шеллинга,—напротивъ, общество встрѣчало философскія ученія съ живымъ сочувствіемъ, они быстро распространялись въ публикѣ и переходили въ ея убѣжденія. Эту перемѣну надобно отнести всего болѣе къ дѣйствію статей, написанныхъ Лессингомъ въ послѣдніе годы его жизни: онѣ пріучили нѣмецкую публику къ духу философскаго изслѣдованія.

Отъ замѣчаній о развитіи умственной жизни въ Германіи обращаясь къ прямому вліянію послѣдняго періода дѣятельности Лессинга на общественную жизнь, надобно сказать, что оно было также рѣшительно: съ той поры начинается замѣтное и постоянное ослабленіе непріязни, существовавшей между католиками и протестантами. Главною причиною, поддерживавшею эту непріязнь, надобно считать презрѣніе протестантовъ къ католикамъ, какъ людямъ, зараженнымъ грубѣйшими суевѣріями. До Лессинга, едва ли кто изъ протестантовъ смотрѣлъ на особенности, которыми отличалось католичество отъ протестантства, иначе, какъ на невѣжественные предразсудки, унизительные для ума человѣческаго. Нововводители, послѣдователи французскихъ энциклопедистовъ и англійскихъ деистовъ, были въ этомъ отношеніи не лучше, а можетъ быть даже хуже другихъ протестантовъ. Лессингъ сталъ говорить о католичествѣ безпристрастно, всегда съ уваженіемъ, иногда съ сочувствіемъ. Это простиралось до того, что многіе изъ его противниковъ обвиняли его въ измѣнѣ лютеранству для католичества, а самъ онъ, когда протестантскіе богословы ему грозили запрещеніемъ писать и юридическимъ осужденіемъ его сочиненій, былъ увѣренъ, что если бы дѣло дошло до такой крайности, то онъ нашелъ бы защиту отъ католиковъ, перенеся дѣло на рѣшеніе Имперскаго совѣта, въ которомъ католическіе члены станутъ на его сторонѣ, когда онъ имъ объяснитъ, что осуждать его значило бы осуждать всѣхъ католиковъ. Примѣръ, авторитетъ и доказательства Лессинга открыли глаза большинству образованныхъ протестантовъ, и съ того времени насмѣшки надъ католиками ослабѣваютъ, ослабѣваетъ и возбуждаемое ими нерасположеніе католиковъ къ протестантамъ, и мѣсто непріязни занимаетъ терпимость и взаимное уваженіе. Мало того: Лессингъ развивалъ передъ нѣмцами воззрѣніе, въ которомъ должны сойтись, какъ братья, и католики и протестанты, и доказывалъ, что это воззрѣніе, будучи одно достойно человѣка по своему благородству, въ то же время одно только и должно считаться справедливымъ, потому что оно одно логично, оно одно внушается потребностями человѣческой природы и одно можетъ выдержать строгую научную критику. Эта сторона вліянія, конечно, казалась самою важною и для Лессинга. Именно, желаніе дать примирительное направленіе народной жизни и руководило Лессингомъ въ выборѣ теологическихъ вопросовъ предметомъ своей дѣятельности.

Но, будучи по преимуществу человѣкомъ жизни, почему не предпочелъ онъ вопросовъ, болѣе близкихъ къ жизни—почему не писалъ юридическихъ и политическихъ сочиненій? По той же самой причинѣ, по которой не писалъ и чисто философскихъ сочиненій,—потому, что умственная жизнь его націи не достигла еще въ его время той зрѣлости, чтобы живо интересоваться этими вопросами. Лѣтъ двадцать прошло послѣ его смерти до той

Digitized by Google

поры, когда насталъ для Германіи періодъ философскихъ интересовъ; еще позднѣе началась для нея пора юридическихъ и гражданскихъ стремленій.

Только въ одномъ мѣстѣ одного изъ своихъ сочиненій и писемъ Лессингъ нѣсколько касается понятій объ общественныхъ отношеніяхъ,—именно во второмъ изъ своихъ „разговоровъ между Эрнстомъ и Фалькомъ", которые издалъ только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Предметъ этихъ разговоровъ—масонство. Эрнстъ, услышавъ, что его пріятель Фалькъ вступилъ въ число масоновъ, начинаетъ разспрашивать его о томъ, что такое масонство, о которомъ всѣ говорятъ, и о которомъ ни отъ кого нельзя добиться правды. Фалькъ, связанный обѣщаніемъ не открывать тайнъ масонства, отвѣчаетъ ему на этотъ вопросъ косвеннымъ образомъ, развитіемъ понятій Эрнста объ общественномъ бытѣ доводя его до заключенія, что собственно цѣлью масонства могло бы быть облегченіе неудобствъ жизни, но что эта цѣль или не понимается масонами, или понимается ребяческимъ образомъ.

„Во всѣ времена, всѣ благородные и гуманные люди", заключаетъ Фалькъ, „заботились объ устраненіи и смягченіи неудобствъ, порождаемыхъ устройствомъ всѣхъ гражданскихъ обществъ".—Эрнстъ, подъ вліяніемъ своей мысли о масонахъ, воображаетъ, что Фалькъ этими словами указываетъ ему главное стремленіе масоновъ. Обольщенный такимъ высокимъ понятіемъ о нихъ, онъ вступаетъ въ орденъ масоновъ—и, совершенно разочаровавшись въ своихъ ожиданіяхъ, возвращается съ упреками къ Фальку. „Я думалъ найти въ масонскихъ ложахъ заботу о благѣ человѣчества, а нашелъ только одну праздную игру въ таинственныя фразы и церемоніи, подъ которыми нѣтъ ровно ничего серьезнаго и полезнаго", говоритъ онъ своему другу.—„Но вѣдь я намекалъ тебѣ объ этомъ, сколько могъ, не нарушая положительнымъ образомъ обѣщанія хранить тайну ордена", отвѣчаетъ Фалькъ:—„вольно же тебѣ было не замѣчать моихъ намековъ, довольно ясныхъ. Но теперь ты человѣкъ, посвященный въ тайны, я могу говорить съ тобою прямо". Фалькъ начинаетъ разсказывать исторію Масонскаго ордена,—на томъ и останавливается пятый разговоръ. Далѣе, какъ мы говорили, слѣдовало бы, конечно, описаніе тогдашняго состоянія масонскихъ ложъ въ Германіи,—и изъ того возникали бы или размышленія о перемѣнахъ, какія должны быть произведены въ организаціи и стремленіяхъ ордена для того, чтобы онъ дѣйствительно приносилъ пользу обществу, или, что вѣроятнѣе, Фалькъ доказалъ бы, что никакія перемѣны и улучшенія не поведутъ ни къ чему дѣльному, потому что истинно великія и полезныя цѣли всегда достигаются только прямымъ и открытымъ образомъ дѣйствій, а не косвенными путями таинственныхъ обществъ, всегда оказывавшихся и долженствующихъ оказываться безсильными, и разговоры кончались бы провозглашеніемъ, что нѣмцы должны, покинувъ пустую игру въ масоны, подумать о пріобрѣтеніи гражданскихъ добродѣтелей и дѣйствительномъ улучшеніи своего національнаго быта. Такъ надобно полагать, судя по ходу первыхъ пяти разговоровъ и дѣйствительному образу мыслей Лессинга о масонахъ, сохраненному нѣсколькими анекдотами. Въ Гамбургѣ, онъ вздумалъ поступить въ масонскій орденъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли справедливы его предположенія о пустотѣ масонства, и скоро вышелъ изъ ордена.

Digitized by Google

совершенно убѣдившись въ томъ. Когда одинъ изъ магистровъ масонской гамбургской ложи, по принятіи Лессинга въ число ея членовъ, спросилъ его: „ну что, не правда ли, вы не нашли въ масонствѣ ничего противнаго государству и церкви?“ — Лессингъ отвѣчалъ: „не только противнаго чему нибудь, но и ровно ничего не нашелъ“. Черезъ нѣсколько времени, Мендельсонъ разспрашивалъ его о масонствѣ и, не слыша отъ своего друга ничего дѣльнаго о цѣляхъ ордена, сказалъ ему: „вы, вѣроятно, боитесь разглашать тайны масонства?“—Лессингъ расхохотался и отвѣчалъ: „О, перестаньте, Мендельсонъ! — въ этомъ отношеніи орденъ совершенно безопасенъ“.

Предметъ, подавшій Лессингу предлогъ къ разговорамъ Эрнста и Фалька, самъ по себѣ былъ незначителенъ въ глазахъ Лессинга, очевидно хотѣвшаго воспользоваться общимъ интересомъ, какой пробуждался въ Германіи толками о масонствѣ, единственно для того, чтобы, обнаруживъ пустоту этой забавы, обратить вниманіе, ею развлеченное, на предметы, болѣе достойные мысли гражданина. Эти разговоры имѣютъ большую важность въ біографіи Лессинга, не по отношеніямъ къ масонству, которое служило ему только предлогомъ и казалось ему, совершенно справедливо, предметомъ незначительнымъ, но какъ сочиненіе, которымъ обнаруживается намѣреніе Лессинга сдѣлать еще новый шагъ въ приготовленіи развитія нѣмецкой жизни, какъ выраженіе намѣренія перейти отъ философско-теологическихъ вопросовъ къ вопросамъ общественнымъ. Только передъ самою кончиною своею Лессингъ увидѣлъ возможность обратить къ этимъ вопросамъ вниманіе нѣмецкой публики, — два послѣдніе разговора Эрнста и Фалька были напечатаны имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины; кончина застигла его раньше, нежели успѣлъ онъ написать объяснительныя и дополнительныя примѣчанія къ пятому разговору, которыми занимался въ послѣднее время жизни, и напечатанные имъ разговоры остались только свидѣтельствомъ того, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни, среди физическихъ страданій и борьбы съ Геце, онъ задумалъ новое дѣло, столь же важное, какъ два прежнія, имъ совершенныя: руководитель нѣмецкой націи сначала въ литературной, потомъ въ научной жизни, онъ передъ кончиною становился уже руководителемъ своей націи въ общественной жизни. Неудержимо стремилась впередъ могущественная мысль этого человѣка.

Границы дѣйствію этой мысли полагались не степенью силы ея, а степенью готовности нѣмецкаго общества живо принимать тѣ или другія впечатлѣнія, интересоваться тѣми или другими вопросами. Другіе писатели говорили о такихъ предметахъ, которыми сами они особенно интересовались или въ которыхъ были особенно сильны. Лессингъ говорилъ о томъ, что было наиболѣе доступно разумѣнію и интересамъ его публики въ данную эпоху. Умственная жизнь его публики была очень тѣсна и слаба. Онъ употреблялъ всѣ силы свои на то, чтобы постепенно расширять кругъ этой жизни, усиливать ея дѣятельность, возводить ее отъ однихъ интересовъ къ другимъ, болѣе живымъ и важнымъ. Смерть застала его при самомъ началѣ одного изъ такихъ фазисовъ, и мы видимъ, что при каждомъ новомъ фазисѣ онъ становился сильнѣе, обнаруживалъ все болѣе геніальности, что

Digitized by Google

могущество его мысли все только яснѣе и полнѣе охватывало предметъ, по мѣрѣ того, какъ предметы его дѣятельности становились выше и значительнѣе. На чемъ остановился бы этотъ процессъ, нельзя знать. Мы видимъ смерть его среди возростанія могущества его мысли, но не видимъ признаковъ того, чтобы какая-нибудь изъ разрѣшенныхъ имъ доселѣ задачъ поглотила всѣ его силы или удовлетворила его. Мы видимъ, что, по мѣрѣ возвышенія важности вопросовъ, за которые онъ брался, ближе къ его сердцу становились эти вопросы,—но не видимъ еще, изъ всѣхъ представлявшихся ему, ни одного вопроса, который бы являлся личнымъ задушевнымъ его вопросомъ, разрѣшеніемъ котораго удовлетворялась бы потребность его личной натуры. Мы знаемъ только, чѣмъ до сихъ поръ позволяла являться Лессингу степень развитія его публики,—поэтомъ, критикомъ, ученымъ. теологомъ, — но не знаемъ, до какой степени исчерпывалась этими проявленіями его натура.

Половины того не сказалъ Лессингъ, что могъ сказать, что сказалъ бы, если бы прожилъ десятью-пятнадцатью годами долѣе. Приближались историческія событія, которыя должны были сильно содѣйствовать пробужденію нѣмецкаго племени. Государственные перевороты во Франціи, потомъ войны германскихъ державъ съ Франціею и владычество Наполеона въ Германіи,—все это сдѣлало нѣмцевъ воспріимчивыми къ многимъ понятіямъ, которыми до тѣхъ поръ не интересовались они. Положеніе Германіи было очень затруднительно; болѣе, нежели когда-нибудь, нуждалась она тогда въ руководителѣ. Почти всѣ извѣстные сверстники Лессинга дожили до этого времени: Рамлеръ до 1798 года, Вейсе до 1804 года, Николаи до 1811 года, Виландъ до 1813; дожили до этихъ событій и люди, бывшіе старше Лессинга: Клопштокъ, родившійся пятью, и Глеймъ, родившійся десятью годами ранѣе Лессинга, дожили до 1803 года. Лессингъ былъ одаренъ отъ природы тѣлосложеніемъ болѣе крѣпкимъ, нежели всѣ эти люди. Но слишкомъ тяжела была его жизнь, и онъ одинъ, въ которомъ болѣе всѣхъ нуждалась Германія, не дожилъ до той поры, когда его ясный умъ и могущественное слово наиболѣе нужны были для его народа. Всего только пятьдесятъ лѣтъ было ему, но его крѣпкій организмъ уже изнемогалъ подъ бременемъ зла, не подозрѣваемаго въ немъ медиками, потому что оно не свойственно было его годамъ, и принадлежитъ только періоду глубокой старости,—источникомъ его болѣзни было отвердѣніе хрящей, какъ узнали врачи послѣ его смерти,—то самое отвердѣніе, которое бываетъ причиною смерти столѣтнихъ стариковъ, когда организмъ совершенно ветшаетъ отъ продолжительной жизни. Онъ въ свои немногіе годы пережилъ и перенесъ слишкомъ много: нравственная сторона его существа выдержала все, оставалась бодра и свѣжа до послѣдней минуты; но физическій организмъ сокрушился.

Со времени кончины своей супруги, Лессингъ изнемогалъ; съ каждымъ годомъ онъ становился хилѣе и хилѣе; симптомы одной болѣзни смѣнялись симптомами другой, все усиливаясь; но оставалась при всѣхъ другихъ болѣзняхъ одна, служившая основаніемъ для всѣхъ другихъ,—тяжелое удушье, становившееся все сильнѣе и сильнѣе. Друзья и доктора его опасались па-

Digitized by Google

ралича. Онъ чувствовалъ тяжесть во всемъ организмѣ, утомленіе, доводившее его до летаргической дремоты. Въ концѣ 1780 и началѣ 1781 годовъ это отяжелѣніе организма усилилось до такой степени, что съ открытыми глазами онъ иногда терялъ сознаніе, не находилъ или забывалъ слово для окончанія фразы въ разговорѣ, не былъ иногда въ состояніи правильно написать двухъ строкъ; зрѣніе его затмѣвалось порою, такъ что онъ не могъ читать, вмѣсто одной буквы писалъ другую. Полагая, что скука одинокой вольфенбюттельской жизни губитъ его, онъ, въ началѣ февраля 1781 года, поѣхалъ въ Брауншвейгъ, чтобы нѣсколько развлечь себя обществомъ. Но въ Брауншвейгѣ болѣзнь усилилась такъ, что друзья увидѣли ея смертельность. До сихъ поръ припадки удушья и летаргіи миновались въ нѣсколько минутъ; но 13-го февраля, рано вечеромъ возвратившись изъ дружеской бесѣды, онъ почувствовалъ чрезвычайно тяжелый и продолжительный припадокъ удушья, такъ что долго не могъ сказать ни слова. Однакоже, онъ не хотѣлъ послать за докторомъ, и велѣлъ прислугѣ оставить его одного въ комнатѣ, которую приказалъ запереть. Ночь провелъ онъ очень дурно; однакоже, на другой день поутру, сталъ одѣваться, чтобы ѣхать домой, въ Вольфенбюттель. Друзьямъ стоило большаго труда убѣдить его, что поѣздка эта была бы выше его силъ въ настоящее время, и уговорить его послать за лейбъ-медикомъ Брикманомъ, его пріятелемъ. Брикманъ тотчасъ же пустилъ ему кровь, и страданія больнаго облегчились. Друзья послали въ Вольфенбюттель за падчерицею Лессинга, Амаліею Кёнигъ. Она поспѣшила пріѣхать. Припадки удушья часто возобновлялись, то сильнѣе, то слабѣе. Иногда казалось, что смерть очень близка, иногда надежда оживлялась въ друзьяхъ. Брикманъ и Зоммеръ, другой докторъ, надѣялись, что побѣдятъ болѣзнь. Но самъ онъ зналъ, что приближается минута смерти. Ночь съ 14-го на 15-е была опять очень тяжела, но поутру Лессингъ сталъ чувствовать себя хорошо. Онъ могъ поддерживать разговоръ съ друзьями, иногда даже начиналъ шутить съ Брикманомъ и другими, даже вставалъ съ постели. Вечеромъ Амалія сидѣла въ залѣ, передъ комнатою больнаго, и плакала,—ее просили уходить изъ его комнаты, когда она не могла удерживаться отъ слезъ. Въ залъ вошли нѣсколько знакомыхъ, чтобы узнать о здоровьѣ Лессинга; ему сказали это. Онъ всталъ,—отворилась дверь его комнаты, онъ вошелъ въ залъ, страшно блѣдный, поклонился, встрѣчая гостей, — молча пожалъ руку дочери, съ выраженіемъ нѣжной любви во взглядѣ,—и упалъ. Его поддержали, отнесли на кровать. Тихо, спокойно закрылъ онъ глаза,—онъ уже скончался; выраженіе любви и спокойной радости еще сохранялось на лицѣ его.

Это было 15-го февраля 1781 года, въ 9 часовъ вечера. Лессингъ скончался на 52 году жизни.

Не пышно было погребеніе, совершенное 20-го февраля, — да и хорошо, что не пышно было оно, потому что издержки, сдѣланныя на этотъ предметъ брауншвейгскимъ придворнымъ вѣдомствомъ, — 154 талера съ нѣсколькими грошами, были потомъ, какъ слѣдуетъ, вычтены изъ суммы, слѣдовавшей въ выдачу отъ казны наслѣдникамъ Лессинга.

Digitized by Google

На берлинскомъ театрѣ 24 февраля, на гамбургскомъ театрѣ 9 марта, потомъ на другихъ нѣмецкихъ театрахъ даны были траурные спектакли по случаю смерти перваго драматурга Германіи. Послѣ траурныхъ прологовъ, играли „Эмилію Галотти“ на сценѣ, обитой чернымъ сукномъ. Актеры выходили на сцену въ траурномъ платьѣ.

Были вырѣзаны двѣ медали въ память покойнаго; одна, въ Брауншвейгѣ, Круллемъ, другая, въ Берлинѣ, Абрамсономъ.

Лицевая сторона обѣихъ медалей одинакова: бюстъ Лессинга; кругомъ бюста „Gotthold Ephraim Lessing“, внизу: „Natus MDCCXXIX“. На оборотѣ брауншвейгской медали: „Poëta, Philosophus, Philologus, Criticus, Germaniae Decus, Musarum et Amicorum dum vivebat amor, nunc desiderium sempiternum“. На оборотѣ берлинской медали—погребальная урна; надъ урною склоняются Истина, съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, и Природа, съ лицомъ, закрытымъ траурною вуалью; кругомъ идетъ надпись: „Veritas Amicum luget, Aemulum Natura“; на пьедесталѣ урны: „Nathan der Weise“; внизу: „Denatus MDCCLXXXI *).

Въ 1853 г. воздвигнутъ, по національной подпискѣ, памятникъ Лессингу въ Брауншвейгѣ.

Лессингъ былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, широкой кости, такъ что казался плотнымъ, хотя никогда не имѣлъ полноты. Ласковое выраженіе проницательныхъ темноголубыхъ глазъ придавало его правильному лицу особенную прелесть. Взглядъ его, обыкновенно кроткій и чрезвычайно спокойный, былъ въ то же время такъ выразителенъ, что, говорятъ, будто не только вблизи, но еще на очень дальнемъ разстояніи собесѣдники чувствовали его силу. Подъ конецъ его жизни распространилась мода носить парики, но онъ никогда не слѣдовалъ ей, жалѣя своихъ густыхъ, прекрасныхъ темнорусыхъ волосъ, въ которыхъ рано начала показываться сѣдина. Походка и манеры его были непринужденны; едва ли не первый изъ нѣмецкихъ ученыхъ и поэтовъ онъ умѣлъ держать себя, какъ свѣтскій человѣкъ. Одѣвался онъ изящно, хотя всегда очень скромно. Одною изъ особенныхъ привычекъ его было то, что зимою никогда не носилъ онъ плаща, и круглый годъ ходилъ въ лѣтнемъ платьѣ, — привычка, свидѣтельствующая о чрезвычайной крѣпости здоровья. Ни въ наружности, ни въ манерахъ Лессинга не было ничего такого, что называется поразительнымъ или особенно замѣчательнымъ. Но каждый, встрѣчаясь съ нимъ, хотя бы не зналъ его имени, чувствовалъ, что видитъ передъ собою человѣка необыкновеннаго. Въ запискахъ Тьебо, француза, долго жившаго въ Берлинѣ и оставившаго намъ очень любопытныя наблюденія о тогдашней жизни въ столицѣ Пруссіи, сохранился анекдотъ, довольно любопытный. „Однажды, говоритъ Тьебо, я пошелъ къ Зульцеру и засталъ его съ другимъ знакомымъ, Бегленомъ, передъ большою, только что конченною картиною. Кар-

*) Надписи: на брауншвейгской медали: „Поэтъ, Философъ, Филологъ, Критикъ, честь Германіи, при жизни любовь, нынѣ вѣчноскорбная утрата музъ и друзей“.— На берлинской: „Истина оплакиваетъ въ немъ друга, природа—соперника.—Натанъ Мудрый.—Скончался 1781“.

Digitized by Google

тина эта произвела на меня замѣчательное впечатлѣніе. Мы сидѣли и говорили, но мои глаза невольно все обращались на картину. На ней была изображена фигура мужчины. „Кажется, эта картина очень занимаетъ васъ? сказалъ Бегленъ—Что вы скажете о ней?“—„Бьюсь объ закладъ, сказалъ я, что это чей-нибудь портретъ, и портретъ должно быть очень похожій“.—„Почему же вы такъ думаете?“—„Потому что въ лицѣ очень много натуры.“—„Въ такомъ случаѣ скажите, какое понятіе составляете вы по этому портрету о человѣкѣ, котораго онъ изображаетъ?“—„Этотъ мужчина долженъ быть человѣкъ большаго ума, дѣятельнаго, очень живаго и пылкаго ума. Тѣ же качества должны отражаться и на его характерѣ. Кромѣ того, въ характерѣ у него должна быть замѣчательная твердость и большая природная веселость. Онъ добродушенъ, любитъ удовольствія и честенъ, но опасно затрогивать его убѣжденія или предубѣжденія“.—„Значитъ, вы знакомы съ этимъ человѣкомъ?“—„Нѣтъ, я никогда не видалъ человѣка, изображеннаго на этомъ портретѣ“.—„А вотъ вы разсказали о его качествахъ такъ вѣрно, какъ будто прожили съ нимъ цѣлую жизнь. Это портретъ г. Лессинга, писанный г. Граффомъ“.—„Это большая честь г. Граффу, потому что я никогда не видывалъ г. Лессинга“.

Домашній образъ жизни Лессинга былъ простъ. любовь къ порядку доходила въ немъ до страсти. Въ кабинетѣ его господствовала чрезвычайная чистота. Въ Вольфенбюттелѣ, когда онъ писалъ, на рабочемъ столѣ обыкновенно сидѣла его любимая кошка, и, если случалось ей разорвать или привести въ безпорядокъ бумаги, онъ не сердился, а начиналъ ухаживать за нею, зная, что эти безпорядки она дѣлаетъ только тогда, когда нездорова.

Въ Вольфенбюттелѣ Лессингъ вставалъ въ шесть часовъ. Черезъ два или три часа пилъ въ кабинетѣ кофе и продолжалъ работать до двѣнадцати часовъ, не выходя изъ кабинета, кромѣ тѣхъ дней, когда ему нужно было заняться въ Библіотекѣ. Въ первомъ часу онъ обѣдалъ (въ Германіи тогда вообще обѣдали очень рано). Часто изъ Библіотеки приводилъ онъ къ обѣду гостей и потомъ очень наивно извинялся въ своемъ хлѣбосольствѣ передъ женою и дочерью, которая занималась хозяйствомъ по смерти жены. „Мнѣ не ловко было не пригласить ихъ, говорилъ онъ. Но если къ обѣду приготовлено мало, такъ я буду ѣсть только закуску“. Обѣдъ былъ очень незатѣйливъ. Никогда не дѣлалъ Лессингъ замѣчанія, если какое нибудь кушанье приготовлено неудачно. Какіе бы гости ни были за обѣдомъ, но разговоръ всегда шелъ за столомъ только о такихъ предметахъ, чтобы въ немъ могло участвовать все семейство: ученые вопросы и споры отлагались до другаго времени дня. Лессингъ говорилъ очень быстро и живо; но никогда не овладѣвалъ разговоромъ одинъ, всегда стараясь, чтобы онъ былъ общимъ. Послѣ обѣда Лессингъ никогда не спалъ; онъ отправлялся съ семействомъ прогуливаться пѣшкомъ или игралъ съ дѣтьми. Участвовать въ играхъ дѣтей было всегда его любимымъ удовольствіемъ. Вечеръ обыкновенно посвящалъ онъ обществу. До женитьбы онъ почти каждый день посѣщалъ театръ или знакомыхъ. Послѣ женитьбы знакомые обыкновенно со-

Digitized by Google

бирались въ его домъ. Въ Бреславлѣ Лессингъ пристрастился къ картамъ. Впослѣдствіи, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, не могъ вести большой игры и долженъ былъ бросить это развлеченіе; тогда наклонность къ азартной игрѣ обратилась у него на лоттерею. Изъ Франціи, гдѣ государственныя лоттереи были однимъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, эта финансовая спекуляція перешла и къ нѣмецкимъ правительствамъ. Лоттереи разъигрывались безпрерывно, съ огромными выигрышами, на очень немногіе изъ безчисленныхъ билетовъ, продававшихся по очень дешевой цѣнѣ. Лессингъ постоянно бралъ лоттерейные билеты, и чрезвычайно занимали его разсчеты вѣроятностей выигрыша на тотъ или другой нумеръ. За нѣсколько часовъ до смерти онъ просилъ одного изъ друзей взять для него три билета, изъ которыхъ особенно разсчитывалъ онъ на одинъ № 52 и доказывалъ, что этотъ нумеръ, по всей вѣроятности, долженъ выиграть. Любовь къ азартнымъ играмъ была у него не слѣдствіемъ жадности къ деньгамъ, которыми онъ очень мало дорожилъ, но слѣдствіемъ страсти его рисковать. Кромѣ картъ и лоттереи, онъ очень любилъ шахматную игру. Шахматы были началомъ сближенія его съ Мендельсономъ. Въ Гамбургѣ онъ особенно любилъ играть въ шахматы съ Клопштокомъ, потому что Клопштокъ очень забавно сердился, когда проигрывалъ.

По своей разговорчивости и блестящему остроумію, Лессингъ былъ очень занимательнымъ собесѣдникомъ. Посреди самаго живаго разговора онъ часто вдругъ останавливался и молчалъ нѣсколько минутъ, увлекшись мыслью куда нибудь далеко отъ предмета бесѣды. Въ обществѣ онъ не давалъ воли своей наклонности къ горькому юмору, и шутки его были очень мягки и веселы. Но въ кругу семейства и близкихъ друзей его знали, какъ человѣка, который, при всей врожденной веселости характера, смотритъ на человѣческую жизнь чрезвычайно печально. При разсказѣ о какомъ нибудь бѣдствіи или пошлости, онъ улыбался такъ горько, что люди, видѣвшіе его въ такія минуты, увѣряютъ насъ, что никогда не видѣли человѣка столь печальнаго. При живости характера, онъ не могъ иногда удерживаться отъ гнѣва, и первый взрывъ негодованія былъ страшенъ холодностью и равнодушіемъ, съ какимъ произносилъ два-три убійственно-саркастическія слова. Но порывъ гнѣва проходилъ быстро, и Лессингъ черезъ минуту становился снова добродушнѣйшимъ изъ людей, осуждая себя за то, что такъ серьезно разсердился на человѣческія глупости, заслуживающія только состраданія. Шутливость была неизмѣнною чертою всѣхъ его разговоровъ. У него, какъ и у всѣхъ добродушныхъ мизантроповъ, она постоянно прикрывала глубокое состраданіе къ бѣдствіямъ человѣческой жизни и глубокую скорбь сердца.

При чрезвычайной мягкости и снисходительности обращенія, домашніе необыкновенно любили его. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Лессинга, Кампе, проѣзжая черезъ Брауншвейгъ и остановившись въ гостинницѣ, спросилъ у кельнера, зналъ ли онъ покойнаго Лессинга? Кельнеръ этотъ нѣкогда служилъ Лессингу. При одномъ имени покойнаго, онъ заплакалъ и долго разсказывалъ Кампе о томъ, какъ добръ былъ Лессингъ, какъ безъ всякой разсчетливости помогалъ каждому нуждающемуся. „Часто выговари-

Digitized by Google

валъ я ему за то, прибавлялъ слуга, но безъ всякой пользы". Для родныхъ и друзей Лессингъ постоянно жертвовалъ собою. Но самою отличительною чертою его характера было великодушіе. Друзьямъ служила источникомъ неистощимыхъ шутокъ его наклонность во что бы то ни стало защищать оскорбляемыхъ или несчастныхъ, какъ бы ни были эти люди виноваты въ своихъ бѣдахъ. Жесточайшему врагу своему онъ прощалъ все, какъ скоро узнавалъ о какой нибудь непріятности, поразившей этого человѣка: тогда всѣ прежнія причины осуждать его или досадовать на него забывались Лессингомъ для желанія, чѣмъ возможно облегчить его судьбу и утѣшить его.

КОНЕЦЪ.

JUN 12 1918

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ IV.

СОВРЕМЕННИКЪ 1858—1859.

(Статьи по крестьянскому вопросу.—Статьи экономическія).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая ул., 27.
1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА

„СОВРЕМЕННИКЪ“ 1858 г.

		Стран.
№№ 1 и 3	Кавеньякъ	1
№ 2	О новыхъ условіяхъ сельскаго быта	50
№ 3	Замѣчаніе г. Провинціала на статью „О поземельной собственности“	86
	Отвѣтъ на замѣчаніе г. Провинціала	92
№ 6	Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № I — Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ	100
№ 7	Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № II — По поводу статьи г. Тройницкаго „О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“. — Библіографія журнальныхъ статей	129
№№ 8 и 9	Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X	154
№ 9	Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, соч. С. Муравьева	220
№ 10	Откупная система	240
	Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № IV — Правительственныя распоряженія. — Библіографія журнальныхъ статей	255
№ 11	Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № V — Правительственныя распоряженія. — О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадебъ	278
№ 12	Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія	304

„СОВРЕМЕННИКЪ“ 1859 г.

№ 1	Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № VI — Труденъ ли выкупъ земли?	334
	Свистокъ. — Вредная добродѣтель	393
№ 2	Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № VII — Библіографія журнальныхъ статей	398
	Экономическая дѣятельность и законодательство	422
№ 5	Г. Чичеринъ, какъ публицистъ	464
№ 6	Вульвичскій арсеналъ и пушка Эрмстронга	487
№ 7	Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № X — Библіографія журнальныхъ статей	500
№ 10	Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № XI — Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса	526
	Суевѣріе и правила логики	549
	Вопросъ о свободѣ журналистики во Франціи	565

Digitized by Google

Digitized by Google

КАВЕНЬЯКЪ.

I.

По случаю смерти Кавеньяка, въ иностранныхъ газетахъ явилось много статей, обозрѣвающихъ его государственную дѣятельность; находя интересными факты, представляемые въ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей, мы приводимъ здѣсь, такъ сказать, сводъ ихъ. Дѣла эти намъ совершенно постороннія, мы не можемъ имѣть никакого особеннаго сочувствія ни къ одной изъ партій, участвовавшихъ въ событіяхъ, которымъ подвергалась Франція въ послѣднее время; мы видимъ только, что каждая изъ этихъ партій надѣлала много ошибокъ, и что вслѣдствіе того событія имѣли гибельный ходъ. Читатель замѣтитъ, что этотъ взглядъ господствуетъ въ представляемой статьѣ; онъ замѣтитъ также, что этотъ взглядъ ни мало не принадлежитъ намъ,—мы только передаемъ то, что находимъ въ источникахъ, которыми руководствовались.

Изгнанный изъ Франціи переворотомъ 2 декабря, черезъ нѣсколько времени тихо возвратившійся на родину, чтобы закрыть глаза умирающей матери, потомъ нѣсколько лѣтъ жившій въ уединеніи, чуждаясь политическихъ дѣлъ, суровый побѣдитель іюньскихъ дней долго оставался почти забытъ молвою. Послѣдніе выборы, на которыхъ его имя было выставлено символомъ начинающагося противодѣйствія декабрьской системѣ, снова привлекли на бывшаго диктатора вниманіе не только Франціи, но и цѣлой Европы; нѣсколько мѣсяцевъ всѣ европейскія газеты наполнялись соображеніями о томъ, какое значеніе имѣетъ выборъ его въ депутаты. Несомнѣнные признаки показали, что приближается время политическаго оживленія для Франціи. Кавеньяку очень многіе предназначали одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ движеніи, близость котораго равно предвидится во Франціи людьми всѣхъ мнѣній. Потому внезапная смерть предводителя „умѣренныхъ республиканцевъ“ Франціи для многихъ его соотечественниковъ была тяжелою потерею, для многихъ другихъ — облегченіемъ опасностей. Друзья Кавеньяка прямо выразили свою печаль, но враги его не отважились обнаружить своей радости: боясь признаться въ шаткости своего положенія тѣмъ, когда выразятъ удовольствіе, что смерть Кавеньяка освободила ихъ отъ одного изъ ихъ страховъ, они поспѣшили принять видъ также огорченный и присоединить свои притворныя сожалѣнія къ искренней скорби друзей покойнаго. „Moniteur“, „Constitutionnel“ и другіе органы декабрьской системы наравнѣ съ „чистыми республиканцами“ превознесли его „великія, безмѣрныя услуги“ Франціи, называя его даже „спасителемъ отечества“.

Но если многочисленны во Франціи друзья и противники партіи, предводи-

Digitized by Google

телемъ которой былъ Кавеньякъ, то еще многочисленнѣе люди, смотрящіе на эту партію со спокойнымъ безпристрастіемъ, какъ на историческое явленіе, уже отжившее свой вѣкъ, какъ на безцвѣтный остатокъ старины, безсильный въ будущемъ и на добро и на зло, обсуждающіе прошлую ея дѣятельность безъ всякаго увлеченія надеждами или опасеніями. Они думаютъ, что въ панегирикахъ надъ гробомъ Кавеньяка, внушенныхъ однимъ искренностью чувства, другимъ—соображеніями приличія и разсчетливости, гораздо больше реторики или ослѣпленія, нежели основательности. Они находятъ, что Кавеньякъ, заслуживавшій полнаго уваженія, какъ частный человѣкъ, качествами своего характера, вовсе недостоинъ ни удивленія, ни даже признательности, какъ государственный человѣкъ; что при всемъ своемъ желаніи быть полезнымъ родинѣ, онъ во время своего диктаторства принесъ ей гораздо больше вреда, нежели пользы, потому что убѣжденіямъ, руководившимъ его дѣйствіями, недоставало практичности, и дѣйствія его не соотвѣтствовали потребностямъ общества, которымъ привелось ему управлять. Его образъ мыслей испортилъ все дѣло. Высокая честность, энергическая воля, добрыя намѣренія—этихъ качествъ совершенно достаточно для почтенной дѣятельности въ размѣренномъ кругѣ частной жизни, гдѣ все опредѣляется обычными отношеніями и объясняется многочисленными примѣрами. Этими достоинствами обладалъ Кавеньякъ; но ихъ мало государственному человѣку, который постоянно находится въ отношеніяхъ очень многосложныхъ, въ положеніяхъ, неразрѣшимыхъ прежними случаями, потому что въ исторіи ничто не повторяется, и каждый моментъ ея имѣетъ свои особенныя требованія, свои особенныя условія, которыхъ не бывало прежде и не будетъ послѣ. Безъ достоинствъ, уважаемыхъ обществомъ въ частномъ человѣкѣ, государственный человѣкъ не будетъ полезенъ родинѣ; но кромѣ ихъ ему нужны еще другія, высшія достоинства. Онъ долженъ вѣрно понимать силы и стремленія каждаго изъ элементовъ, движущихъ обществомъ; долженъ понимать, съ какими изъ нихъ онъ можетъ вступать въ союзъ для достиженія своихъ добрыхъ цѣлей; долженъ умѣть давать удовлетвореніе законнѣйшимъ и сильнѣйшимъ изъ интересовъ общества, какъ потому, что удовлетворенія имъ требуетъ справедливость и общественная польза, такъ и потому, что только опираясь на эти сильнѣйшіе интересы, онъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ власть надъ событіями. Безъ того, его дѣятельность истощится на безславную для него, вредную для общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые имъ, возстанутъ противъ него, и результатомъ будутъ только безплодныя стѣснительныя мѣры, которыя необходимо приводятъ или къ упадку государственной жизни, или къ паденію правительственной системы, чаще всего къ тому и другому вмѣстѣ. Такъ было и съ Кавеньякомъ. Онъ надѣлалъ ошибокъ, которыя дорого стоили Франціи и низвергли его собственную власть. Въ немъ не было качествъ, нужныхъ государственному человѣку.

Не говоря теперь о томъ, хороши или дурны были цѣли Кавеньяка, скажемъ только, что имени государственнаго человѣка заслуживаетъ единственно тотъ правитель, который умѣетъ располагать свои дѣйствія сообразно этимъ цѣлямъ; а у Кавеньяка каждое правительственное дѣйствіе противорѣчило его цѣлямъ, служило въ пользу не ему, а его противникамъ. Вся его государственная дѣятельность обратилась только въ пользу Луи Наполеону. Тотъ плохой государственный человѣкъ, кто работаетъ во вредъ себѣ, въ выгоду своимъ противникамъ.

Digitized by Google

Но отвѣтственность за ошибки Кавеньяка не должна падать исключительно на него. Она падаетъ на всю ту партію, представителемъ которой онъ былъ, потому что онъ дѣйствовалъ не по личнымъ своимъ расчетамъ и выгодамъ, а только какъ служитель извѣстнаго образа мыслей, общаго ему со всею партіею „чистыхъ республиканцевъ"; онъ постоянно руководился мнѣніями этой партіи; ошибки его — не его личныя ошибки, а заблужденія цѣлой партіи; ими обнаруживается несостоятельность для Франціи того образа мыслей, котораго онъ держался. „Чистые республиканцы" забывали, что политическая форма держится только тѣмъ, когда служитъ средствомъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей; они воображали, что слово „республика" само по себѣ чрезвычайно привлекательно для французской націи; они хлопотали о формѣ, не считая нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы форма принесла съ собою исполненіе желаній французскаго народа; они мечтали, что народъ, не получая отъ формы никакихъ существенныхъ выгодъ для себя, станетъ защищать форму ради самой формы. И форма упала, неподдерживаемая народомъ.

Съ начала нынѣшняго вѣка, эта ошибка повторялась всѣми партіями, господствовавшими во Франціи. Каждая, увлекаясь своими формальными пристрастіями, воображала, что и нація раздѣляетъ ея пристрастіе къ извѣстной формѣ ради самой формы, между тѣмъ какъ нація съ восторгомъ привѣтствовала новую форму только потому, что ждала отъ нея блага себѣ; каждая система воображала, что нація не можетъ жить безъ нея, и забывала о томъ, каковы были ожиданія націи. Ни отъ одной системы не дождалась Франція исполненія своихъ надеждъ, и какъ только распространялось въ націи мнѣніе, что система не оправдываетъ надеждъ, на нее возлагавшихся, система падала. Такъ покинутъ былъ сначала Наполеонъ, потомъ покинута Реставрація, потомъ іюльская династія, потомъ и республика Кавеньяка и его друзей. Изъ исторіи всѣхъ націй и всѣхъ эпохъ выводится точно такой же результатъ: форма держится, пока есть мнѣніе, что она приноситъ благо; она падаетъ, какъ скоро распространяется мнѣніе, что она существуетъ только ради самой себя, не заботясь объ удовлетвореніи сильнѣйшихъ интересовъ общества. Форма падаетъ не силою своихъ враговъ, а единственно тогда, когда обнаруживается ея собственная безплодность для общества.

Исторія диктаторства Кавеньяка очень поучительна, потому что въ ней съ особенною ясностью раскрывается эта истина. Не силою своихъ враговъ, не стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ пало правительство Кавеньяка и чистыхъ республиканцевъ: восторжествовавшій противникъ былъ совершенно безсиленъ самъ по себѣ, всѣ обстоятельства благопріятствовали продолженію власти Кавеньяка уже во всякомъ случаѣ не менѣе, нежели возвышенію Луи Наполеона; единственно ошибки Кавеньяка погубили его.

Правленіе Кавеньяка было, какъ мы сказали, правленіемъ партіи чистыхъ или умѣренныхъ республиканцевъ. Онъ сталъ ея предводителемъ, конечно, благодаря отчасти собственнымъ талантамъ; но еще болѣе обязанъ онъ своимъ возвышеніемъ въ этой партіи тому уваженію, которое имѣла она къ его отцу и, особенно, къ его старшему брату.

Отецъ диктатора, Жанъ Батистъ Кавеньякъ, былъ сначала, какъ и многіе другіе политическіе люди Франціи, адвокатомъ. При началѣ первой революціи, онъ сдѣлался жаркимъ ея приверженцемъ, и былъ выбранъ членомъ Національ-

Digitized by Google

наго Конвента, въ которомъ поддерживалъ всѣ рѣшительныя мѣры, казавшіяся тогда нужными для борьбы съ вандейцами, эмигрантами и европейскою коалиціею. Нѣсколько разъ онъ исполнялъ важныя порученія при арміи и въ провинціяхъ, и, всегда дѣйствуя твердо, не запятналъ, однако же, себя жестокостями, которыми повредили общему дѣлу нѣкоторые изъ его товарищей по убѣжденіямъ. Онъ оставилъ дѣтямъ имя, уважаемое французскими республиканцами, но знаменитость этому имени дали блистательные таланты его старшаго сына, Годфруа, который былъ однимъ годомъ старше втораго брата, впослѣдствіи сдѣлавшагося диктаторомъ Франціи.

Годфруа Кавеньякъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ французской республиканской партіи при Луи-Филиппѣ, былъ сперва, подобно отцу, адвокатомъ, и подобно отцу рано оставилъ для политической дѣятельности адвокатуру, которая, при его чрезвычайныхъ талантахъ, обѣщала ему огромныя богатства. Въ іюлѣ онъ сражался противъ Бурбоновъ; былъ очень недоволенъ, когда низверженіе Бурбоновъ послужило только къ возвышенію Луи-Филиппа, и одинъ изъ первыхъ началъ возставать противъ новой конституціонной формы. Черезъ годъ орлеанское правительство уже предало его суду, какъ президента республиканскаго общества „Amis du Peuple". Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы громко объявить себя республиканцемъ,—рѣшимость, которую имѣли тогда очень немногіе, и которая тѣмъ больше доказывала силу его характера, что пылкая рѣчь въ защиту республики была имъ сказана передъ судомъ, уже за одно это признаніе имѣвшимъ власть осудить его. Заключенный потомъ въ тюрьму, онъ бѣжалъ изъ нея подземнымъ ходомъ, который тайкомъ былъ прорытъ въ его комнату изъ сосѣдняго дома. Товарищемъ его по тюрьмѣ и бѣгству былъ, между прочимъ, Арманъ Марра́, впослѣдствіи содѣйствовавшій возвышенію его брата. Пять лѣтъ Годфруа прожилъ въ Англіи изгнанникомъ. Республиканская партія во Франціи была тогда еще очень слаба, и Луи-Филиппъ совершенно неразсчетливо придавалъ ей ожесточенными гоненіями важность, которой она безъ того не имѣла бы. Общественное мнѣніе, возмущенное излишествомъ этихъ гоненій, вынудило, наконецъ, амнистію политическимъ преступникамъ. Годфруа Кавеньякъ долго не хотѣлъ ею пользоваться; но крайніе республиканцы, находившіе, что „National", до той поры важнѣйшій республиканскій журналъ, не довольно демократиченъ, убѣдили Годфруа возвратиться во Францію, чтобы быть главнымъ редакторомъ рѣшительнѣйшаго демократическаго журнала, который онъ вмѣстѣ съ Ледрю-Ролленомъ и сталъ издавать подъ именемъ „La Rèforme". Отличаясь отъ редакторовъ „National'я" бо́льшею рѣзкостью мнѣній, Годфруа Кавеньякъ былъ, однако, и отъ нихъ признаваемъ главою республиканской прессы во Франціи. Дѣйствительно, послѣ смерти Армана Карреля, она не имѣла столь даровитаго публициста. Изнуренный волненіями политической борьбы, Годфруа умеръ въ 1845 году, за три года до февральскихъ событій. Надъ могилою его различныя партіи французскихъ республиканцевъ клялись забыть всѣ раздоры, ихъ раздѣлявшіе. Болѣе, нежели кто-нибудь другой послѣ Армана Карреля, Годфруа Кавеньякъ способствовалъ распространенію республиканскихъ убѣжденій во Франціи при Луи-Филиппѣ, до 1845 года. Всѣ отдѣлы этой партіи чрезвычайно уважали его.

Эженъ Кавеньякъ, младшій его братъ и воспитанникъ по убѣжденіямъ, ро-

Digitized by Google

дился 15 декабря 1802 года. Окончивъ курсъ въ Политехнической школѣ, онъ сдѣлался офицеромъ; при іюльскихъ событіяхъ онъ первый въ своемъ полку объявилъ себя противъ Бурбоновъ; подобно брату, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что іюльская революція кончилась въ пользу Луи-Филиппа, и вообще извѣстенъ былъ въ арміи, какъ ревностный республиканецъ. Думая поставить его въ затруднительное положеніе, полковникъ однажды предложилъ ему оффиціальный вопросъ, прикажетъ ли онъ своимъ солдатамъ стрѣлять по народу, въ случаѣ возстанія противъ Луи-Филиппа. Кавеньякъ, не колеблясь, отвѣчалъ: „нѣтъ". Правительство не могло оставить безъ наказанія офицера, который прямо отказывался защищать его, но съ тѣмъ вмѣстѣ не отваживалось и предать военному суду молодаго штабсъ-капитана, который уже пользовался большимъ уваженіемъ въ арміи. Дѣло кончилось тѣмъ, что полковнику сдѣлали выговоръ за неумѣстный вопросъ, а Кавеньяка перевели въ Алжирію. За республиканскій образъ мыслей и, въ особенности, за то, что страшный Годфруа Кавеньякъ былъ его братъ, Эжену Кавеньяку всячески старались не давать хода, по возможности обходили его чинами, несмотря на блестящіе подвиги. Вотъ одинъ примѣръ. Первымъ замѣчательнымъ дѣломъ Кавеньяка была защита Тлемсена въ 1836—1837 годахъ. Оставленный въ этомъ отдаленномъ передовомъ укрѣпленіи съ однимъ батальономъ, безъ запасовъ провіанта и аммуниціи, онъ цѣлый годъ выдерживалъ блокаду и отбивалъ приступы многочисленныхъ арабскихъ отрядовъ, терпя недостатокъ во всемъ. Продовольствіе доставалось гарнизону только съ битвы. Когда солдаты не могли получать полныхъ порцій, Кавеньякъ самъ бралъ себѣ порціи еще меньше солдатскихъ, своимъ примѣромъ ободряя ихъ терпѣть голодъ. Алжирская армія удивлялась геройской защитѣ форта, но правительство не хотѣло награждать республиканца и его отрядъ; всѣ представленія алжирскаго главнокомандующаго о наградахъ тлемсенскимъ офицерамъ были отвергаемы военнымъ министромъ. Наконецъ, нужно же было наградить Кавеньяка,—ему сказали, что онъ получитъ слѣдующій чинъ; онъ отвѣчалъ, что не приметъ награды, если не будутъ награждены также всѣ офицеры его отряда. Мнѣніе арміи вынудило эту уступку у министерства.

Несмотря на всѣ затрудненія, дѣлаемыя министрами Луи-Филиппа служебной карьерѣ республиканца, бывшаго братомъ ненавистному Годфруа, Эженъ Кавеньякъ, въ началѣ 1848 года, былъ бригаднымъ генераломъ и губернаторомъ Оранской провинціи, потому что равно отличался и военными и административными дарованіями. О благосостояніи своихъ солдатъ онъ чрезвычайно заботился; арабы прозвали его „справедливымъ султаномъ"; въ арміи считался онъ однимъ изъ лучшихъ генераловъ и едва-ли не лучшимъ администраторомъ. Еслибы не опальное его имя и не республиканскія мнѣнія, онъ вѣроятно подвинулся бы гораздо быстрѣе въ продолженіе своей 14-лѣтней воинской дѣятельности. Теперь пока онъ оставался не болѣе, какъ однимъ изъ генераловъ, занимавшихъ въ алжирскомъ управленіи вторыя мѣста послѣ генералъ-губернатора. Въ январѣ, 1848 года, никто не предполагалъ, чтобы скоро ему пришлось сдѣлаться значительнымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Но событія 24-го февраля 1848 года передали управленіе Франціею въ руки республиканцевъ и господствующею во Временномъ [illegible] партіею была именно та партія, къ которой принадлежалъ [illegible]

Digitized by Google

Кавеньякъ,—партія умѣренныхъ или чистыхъ республиканцевъ,—иначе, партія „National'я". Эженъ Кавеньякъ, хотя и чрезвычайно любилъ брата, не былъ такимъ революціонеромъ, какъ Годфруа; онъ былъ, подобно ему, демократомъ. но вовсе не крайнимъ демократомъ. Именно таково было и большинство Временнаго Правительства,—Марра, Мари, Гарнье-Паже, Араго, Кремьё, Дюпонъ де л'Оръ. Всѣ они были друзьями Годфруа Кавеньяка, всѣ сохранили очень сильное уваженіе къ нему, хотя онъ иногда и упрекалъ ихъ за то, что они нѣсколько отставали отъ него.

Алжирская армія, въ которой принцы Орлеанскаго Дома имѣли многихъ людей, лично имъ преданныхъ, и вообще пользовались популярностью, внушала Временному Правительству безпокойство въ первые дни новаго порядка вещей.

Надобно было отдать команду надъ нею испытанному республиканцу; изъ всѣхъ алжирскихъ генераловъ, ни на кого Временное Правительство не могло положиться съ такою увѣренностью, какъ на Кавеньяка, и однимъ изъ первыхъ декретовъ, подписанныхъ новыми правителями Франціи, было назначеніе Кавеньяка генералъ-губернаторомъ Алжиріи.

Онъ имѣлъ столько скромности и прямодушія, что самъ понялъ и откровенно высказалъ причину своего быстраго возвышенія въ прокламаціяхъ, обнародованныхъ имъ при вступленіи въ новую должность. „Вы, точно также какъ и я, говорилъ онъ въ прокламаціи къ жителямъ Алжира, знаете, что память о моемъ благородномъ братѣ, живущая между гражданами, меня избравшими, побудила ихъ вручить мнѣ управленіе дѣлами Алжиріи".—То же самое выражалъ онъ и въ прокламаціи къ жителямъ Орана: „Моимъ назначеніемъ правительство хотѣло отъ имени націи почтить память доблестнаго гражданина, моего брата".

Этимъ прямодушнымъ сознаніемъ очень хорошо опредѣляется и личный характеръ Кавеньяка, и его справедливое понятіе о степени своихъ достоинствъ. Онъ самъ указываетъ, что далеко не имѣетъ генія, какимъ отличался его старшій братъ; что если бы не блескъ, сообщенный его имени дѣятельностью брата, онъ не былъ бы замѣченъ, какъ человѣкъ, котораго надобно выдвинуть впередъ; но только человѣкъ, вполнѣ увѣренный, что своими достоинствами оправдаетъ выборъ, которымъ обязанъ постороннему обстоятельству—увѣренный, что никто не назоветъ его недостойнымъ занятаго имъ мѣста, можетъ такъ прямо и громко говорить, что еще больше, нежели самому себѣ, одолженъ онъ своимъ выборомъ заслугамъ другаго.

Вскорѣ представился Кавеньяку другой случай выказать рѣдкую честность своихъ правилъ. Жители Алжира хотѣли выбрать его своимъ представителемъ въ Національное Собраніе. Онъ рѣшительно отказался отъ этой чести, говоря, что его положеніе въ Алжиріи не позволяетъ ему принимать голоса, подаваемые въ его пользу его подчиненными. Онъ хотѣлъ сохранить себя совершенно чистымъ отъ всякаго подозрѣнія въ искательствѣ, въ честолюбіи, въ желаніи пользоваться данною ему властью для какой-либо личной выгоды.

Парижское Временное Правительство давно знало безкорыстіе его характера, его недоступность никакимъ соблазнамъ. Алжирская армія уже доказала, что вовсе не имѣетъ намѣренія поднимать междоусобныя смуты: она безусловно покорилась правительству, признанному Франціею; Временное Правительство могло оставить Алжирію безъ Кавеньяка, воспользоваться его военными и административ-

Digitized by Google

ными талантами и рѣдкими качествами его характера въ должности, еще болѣе важной. Парижскіе работники, оружіемъ которыхъ восторжествовало возстаніе и въ іюлѣ 1830 и въ февралѣ 1848 года, волновались, не видя исполненія своихъ надеждъ отъ новаго правительства, поставленнаго ихъ содѣйствіемъ. Большинство Временнаго Правительства состояло изъ людей, желавшихъ ограничить переворотъ 24 февраля чисто политическими преобразованіями, безъ измѣненій въ гражданскихъ отношеніяхъ между классомъ капиталистовъ съ одной стороны, классомъ живущимъ наемною работою съ другой стороны,—эти измѣненія казались невозможными большинству Временнаго Правительства, а между тѣмъ ихъ требовали парижскіе работники, поддерживаемые полнымъ сочувствіемъ своихъ сотоварищей по всей Франціи. Для сопротивленія имъ, большинству Временнаго Правительства нужно было имѣть и сильное войско и хорошаго военнаго министра, на котораго могло бы оно положиться. Въ правленіе Луи-Филиппа, система подкуповъ и фаворитизма разстроила военную администрацію, какъ и всѣ отрасли государственнаго управленія; безпорядки военнаго управленія были таковы, что новое правительство не нашло въ концѣ февраля 20,000 человѣкъ, готовыхъ къ открытію кампаніи, въ случаѣ внѣшней войны, хотя армія считала 400,000 солдатъ. Нуженъ былъ хорошій администраторъ для поправленія этихъ безпорядковъ. Но потребность въ арміи, на случай внѣшней войны, была въ глазахъ большинства Временнаго Правительства еще не такою настоятельною нуждою, какъ необходимость приготовиться къ подавленію возстаній въ самомъ Парижѣ. Послѣ 24 февраля, войска, побѣжденныя инсургентами, были выведены изъ Парижа, какъ по требованію побѣдителей, опасавшихся реакціи, такъ и для того, чтобы эти войска, нравственно униженныя своимъ пораженіемъ, могли оправиться духомъ вдали отъ улицъ, напоминавшихъ имъ о ихъ разбитіи. Нужно было теперь снова ввести сильный гарнизонъ въ Парижъ, сосредоточить войска въ окрестностяхъ столицы, сдѣлать заготовленія аммуниціи и т. д. на случай междоусобныхъ смутъ. Это могъ исполнить только такой военный министръ, который вполнѣ раздѣлялъ бы убѣжденія большинства Временнаго Правительства, потому что при малѣйшей нерѣшительности онъ легко могъ быть задержанъ въ своихъ вооруженіяхъ усиліями меньшинства Временнаго Правительства, находившагося въ раздорѣ съ большинствомъ. Кромѣ всего этого, нужно было въ военномъ министрѣ совершенное безкорыстіе, чтобы онъ, имѣя въ своихъ рукахъ фактическую силу, не поддался обольщеніямъ властолюбія, остался вѣрнымъ сановникомъ правительства, а не покушался быть его властелиномъ. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворялъ Кавеньякъ. Характеръ его представлялъ совершенное ручательство, что онъ не употребитъ противъ правительства силы, которую ему дадутъ; онъ былъ извѣстенъ, какъ хорошій генералъ и отличный администраторъ. Нашлись бы и кромѣ него генералы, обладающіе этими качествами, но было еще условіе, которому никто не соотвѣтствовалъ столько, какъ онъ. Много было генераловъ, съ радостью готовыхъ драться противъ „черни“, la canaille; но эти генералы были преданы Орлеанскому Дому и враждебны республикѣ; было нѣсколько и республиканскихъ генераловъ,—но почти всѣ они поколебались бы двинуть войска противъ своихъ соотечественниковъ. Кавеньякъ былъ несомнѣнный республиканецъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ готовъ былъ повести войско противъ гражданъ, сошедшихся принуждать республиканское правительство къ уступкамъ, которыхъ оно не хотѣло дѣлать.

Digitized by Google

Не даромъ, когда жители Алжира выразили желаніе, чтобы въ Алжиріи военное управленіе было замѣнено гражданскимъ, онъ сдѣлалъ имъ строгіе упреки и сказалъ: „Энергія, состоящая въ томъ, чтобы опираться на мнѣніе массъ, не исполняя своихъ обязанностей, —гнусная энергія, я отвергаю ее. Самый дурной законъ лучше безпорядка“. Ему послали назначеніе явиться въ Парижъ, для принятія должности военнаго министра. Онъ сказалъ, что приметъ ее только тогда, если ему позволено будетъ сосредоточить сильную армію около Парижа,—это было еще въ мартѣ, меньшинство Временнаго Правительства было тогда еще довольно сильно; оно воспротивилось этому требованію, соотвѣтствовавшему желаніямъ большинства, и Кавеньякъ отказался отъ министерскаго портфеля. Прошло два мѣсяца; отчасти ошибочныя дѣйствія, еще болѣе нерѣшительность и бездѣйственность очень ослабили вліяніе меньшинства во Временномъ Правительствѣ; выборы въ Національное Собраніе, произведенные подъ впечатлѣніемъ этихъ ошибокъ и бездѣйственности, доставили рѣшительный перевѣсъ партіи умѣренныхъ республиканцевъ; когда Временное Правительство сложило свою власть передъ Національнымъ Собраніемъ, Собраніе передало ее „Исполнительной Коммиссіи“ изъ пяти членовъ, между которыми только одинъ не былъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ; они теперь стали полновластными правителями государства. Требованіе Кавеньяка сосредоточить сильное войско въ Парижѣ, прежде помѣшавшее вступленію его въ министерство, теперь было новою рекомендаціею для него, и когда онъ, избранный въ Національное Собраніе депутатомъ отъ департамента Ло, прибылъ въ Парижъ, Исполнительная Коммиссія тотчасъ же назначила его военнымъ министромъ (17 мая).

Въ Національномъ Собраніи онъ не былъ особенно блестящимъ ораторомъ, то дѣятельность его по управленію министерствомъ соотвѣтствовала надеждамъ, которыя имѣли на него умѣренные республиканцы. Онъ неутомимо заботился о комъ, чтобы имѣть наготовѣ такія силы, съ которыми можно было бы, въ случаѣ возстанія, подавить инсургентовъ.

Случай употребить въ дѣло собранныя силы не замедлилъ представиться. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ началъ Кавеньякъ свои приготовленія, возстаніе вспыхнуло, и вспыхнуло въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, какихъ не достигала еще ни одна междоусобная битва въ Парижѣ, видѣвшемъ такъ много страшныхъ междоусобицъ. Впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ, легкомысленное бездѣйствіе и разнорѣчащія распоряженія Временнаго Правительства и его наслѣдницы, Исполнительной Коммиссіи, раздражали массу, обманываемую въ своихъ надеждахъ, исполненіе которыхъ было ей формально обѣщано. Каковы были эти надежды, разумны или неразумны, все равно; дѣло въ томъ, что ихъ исполненіе было формально обѣщано, дѣло въ томъ, что были формально подтверждены ожиданія,—и когда гнѣвъ овладѣлъ людьми, не видѣвшими исполненія этимъ ожиданіямъ, когда отчаяніе овладѣло людьми, увидѣвшими, что у нихъ отнимается всякая надежда, удивляться тутъ нечему. Неудовольствіе массы росло съ каждымъ днемъ, и, наконецъ, мѣры, принятыя Исполнительною Коммиссіею по повелѣнію Національнаго Собранія для закрытія такъ называемыхъ „Національныхъ Мастерскихъ“ (Atéliers Nationaux) произвели взрывъ.

Исторія Національныхъ Мастерскихъ и трагическаго ихъ окончанія—самый печальный и вмѣстѣ самый нелѣпый эпизодъ въ печальной исторіи столь обильныхъ

Digitized by Google

нелѣпостями событій, послѣдовавшихъ за февральскою революціею. Кого надобно винить за Національныя Мастерскія?—обстоятельства были такъ запутаны, ошибокъ было надѣлано столько всѣми партіями, участвовавшими въ управленіи Франціею послѣ 24 февраля, что ни одна изъ партій этихъ не можетъ похвалиться государственнымъ благоразуміемъ въ дѣлѣ Національныхъ Мастерскихъ, какъ увидимъ ниже. Но если отвѣтственность за гибельную нелѣпость должна падать преимущественно на тѣхъ людей, которыми она была придумана, которые завѣдывали ея исполненіемъ, которые не допускали другихъ сдѣлать ничего для ея отстраненія, то отвѣтственность за Національныя Мастерскія прямымъ образомъ падаетъ на партію чистыхъ республиканцевъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Республика была провозглашена во Франціи по настоянію республиканцевъ и работниковъ. Республиканцы шли впереди, но ихъ требованія не имѣли бы никакой силы, если бы не были поддерживаемы работниками. Но работники увлекались вовсе не теоретическими разсужденіями о качествахъ республиканской формы политическаго устройства,—они хотѣли существенныхъ измѣненій въ своемъ матеріальномъ бытѣ, и когда республиканцы, достигшіе власти ихъ силою, показали видъ, что хотятъ ограничиться измѣненіемъ политической формы, работники потребовали отъ нихъ, на другой же и на третій же день послѣ побѣды, принятія мѣръ къ улучшенію матеріальнаго положенія низшихъ классовъ. Способъ, которымъ работники предполагали улучшить свой бытъ,—учрежденіе промышленныхъ ассоціацій при вспоможеніи правительства, казался республиканцамъ химерою; нелѣпою несообразностью съ ихъ понятіями о государствѣ казалось имъ и то право, которое во мнѣніи работниковъ служило основаніемъ этому способу,—именно, „право на трудъ“ (droit au travail),—право каждаго, не находящаго себѣ работы у частныхъ промышленниковъ, получать эту работу отъ государства, которое такимъ образомъ обезпечивало бы средства для жизни каждому, желающему трудиться. Здравый смыслъ говорилъ, что если республиканцы не считали возможнымъ удовлетворить этимъ требованіямъ, они должны были рѣшительно отвергнуть ихъ. Но отвергнуть ихъ значило бы въ ту же минуту лишиться власти, потому что сами по себѣ республиканцы были безсильны, и держались только тѣмъ, что опирались на работниковъ. Они рѣшились выпутаться изъ затрудненія обѣщаніями, разсчитывая выиграть время проволочками, надѣясь, что настойчивость работниковъ остынетъ мало-по-малу, что дѣла какъ-нибудь уладятся счастливыми случайностями, что Временное Правительство впослѣдствіи пріобрѣтетъ силу воспротивиться работникамъ. Первая уступка состояла въ томъ, что на другой же день послѣ переворота Временное Правительство издало декретъ (25 февраля), которымъ объявляло, что государство обязывается обезпечивать существованіе работника доставленіемъ ему работы въ случаѣ надобности,—„право на трудъ“ было такимъ образомъ формально признано. Черезъ два дня, точнѣе сообразивъ убѣжденія республиканцевъ, работники увидѣли, что не будетъ принято Временнымъ Правительствомъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ исполненію этого обѣщанія, если исполненіе не будетъ предоставлено человѣку, раздѣляющему въ этомъ случаѣ идеи работниковъ,—и снова явились (27 февраля), трабуя, чтобы для этого дѣла было учреждено особенное „министерство прогресса“ и министромъ былъ назначенъ Луи Бланъ, глава той соціальной школы, мнѣнія которой господствовали тогда между парижскими работниками. Луи Бланъ былъ однимъ

Digitized by Google

изъ одиннадцати членовъ Временнаго Правительства, но не имѣлъ въ немъ никакой силы, встрѣчая безусловное сопротивленіе со стороны всѣхъ своихъ сотоварищей, кромѣ одного Альбера, который самъ принадлежалъ къ классу работниковъ. Поручить Луи Блану министерство прогресса значило дать ему власть, значило облечь правительственною силою именно тѣ идеи, которыя девятерымъ изъ одиннадцати членовъ Временнаго Правительства казались гибельною химерою. Оно не могло согласиться на это; но не могло и совершенно отказать работникамъ; и вотъ, оно придумало, вмѣсто министерства прогресса, учрежденіе „Правительственной Коммиссіи“ для работниковъ (Commission du Gouvernement pour les travailleurs), которая подъ предсѣдательствомъ Луи Блана составляла бы проэкты законовъ для предложенія будущему Національному Собранію. Принявъ это порученіе, Луи Бланъ въ свою очередь сдѣлалъ очень важную ошибку. Эта коммиссія, не имѣвшая никакой власти, учреждалась только для проволочки, съ цѣлью замять дѣло; она обманывала работниковъ наружностью безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Нечего уже и говорить о томъ, что, не имѣя административной власти, коммиссія не могла ничѣмъ облегчить состояніе работниковъ въ настоящемъ; очевидно было, что и составлять проэкты законовъ Временное Правительство поручало ей только въ той увѣренности, что они будутъ отвергнуты Національнымъ Собраніемъ,—да и самъ Луи Бланъ зналъ это. Ясно было также, что во всякомъ случаѣ коммиссія вовсе не нужна для составленія законовъ,—ихъ гораздо легче и удобнѣе было бы обработывать безъ такой многосложной обстановки, какую должны были имѣть засѣданія коммиссіи. Луи Бланъ видѣлъ, что коммиссія придумана только для того, чтобы Временному Правительству увернуться отъ требованія работниковъ. Ему слѣдовало отказаться отъ этого обманчиваго порученія. Онъ отказывался и говорилъ, что долженъ выйти изъ Временнаго Правительства, которое считаетъ его участіе во власти невозможнымъ. Но если бы онъ не согласился остаться въ Правительствѣ, если бы не принялъ порученія, работники въ тотъ же часъ поняли бы, что имъ нечего ждать отъ Временнаго Правительства, они возстали бы противъ него, произошли бы новыя смуты, быть можетъ, новое междоусобіе. Это было представлено Луи Блану его товарищами,—и онъ согласился принять порученіе, которое одно могло спасти Правительство отъ разрыва съ работниками. Эту уступку съ его стороны можно приписывать слабости его характера, если думать, что онъ, подобно республиканцамъ, по убѣжденію не отвращался междоусобій. Но его образъ мыслей былъ таковъ, что насиліе ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести ни къ чему хорошему, что все въ мірѣ лучше, нежели быть виновникомъ смутъ,—и потому очень можетъ быть, что онъ уклонился отъ разрыва не по недостатку характера, а напротивъ, по твердому убѣжденію въ томъ, что лучше отказаться отъ успѣха, нежели достигать его путемъ насилія. Въ самомъ дѣлѣ, Луи Блану тогда нечего было бояться разрыва: въ случаѣ борьбы, побѣда несомнѣнно осталась бы на сторонѣ работниковъ, желавшихъ отдать власть въ его руки.

Но каковы бы ни были побужденія, заставившія Луи Блана сдѣлать уступку, онъ уступилъ. Для коммиссіи, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ, былъ отведенъ Люксамбургскій Дворецъ, въ которомъ двѣ недѣли тому назадъ засѣдала Палата Перовъ. Для участія въ совѣщаніяхъ о мѣрахъ, касающихся быта работниковъ, были избраны работниками всѣхъ промысловъ двѣсти пятьдесятъ де-

Digitized by Google

путатовъ. Но составлять проэкты законовъ, которые не имѣли вѣроятности пройти черезъ Національное Собраніе, было безполезно, и коммиссія скорѣе имѣла характеръ государственной аудиторіи, въ которой Луи Бланъ излагалъ свою систему, нежели Законодательнаго Комитета. Главною цѣлью рѣчей Луи Блана было внушить собравшимся около него депутатамъ работниковъ, что насиліемъ они ничего не выиграютъ, и должны надѣяться только на мирныя средства для улучшенія своей участи; что путь убѣжденія и законныхъ выборовъ—единственный вѣрный путь для исполненія ихъ желаній. Пока продолжались Люксамбургскія конференціи, онѣ болѣе нежели что нибудь другое удерживали работниковъ отъ насильственныхъ дѣйствій. Но съ другой стороны, онѣ составляли для работниковъ самое торжественное свидѣтельство обѣщаній правительства позаботиться объ ихъ участи. Мало того, работники необходимо приходили черезъ нихъ къ мысли, что законы и распоряженія, касающіеся положенія рабочаго класса, могутъ составляться не иначе, какъ по совѣщаніи съ этимъ классомъ, съ его одобренія, при его участіи. Легко понять, какое впечатлѣніе послѣ такихъ идей долженъ былъ произвести на нихъ тотъ фактъ, когда потомъ вдругъ имъ объявили, что ни одна изъ ихъ надеждъ не можетъ быть исполнена, что они требуютъ нелѣпости, желая, чтобы правительство заботилось о рабочихъ хотя на половину того, какъ заботится о фабрикантахъ, и что они должны безпрекословно повиноваться всему, что имъ приказываютъ, оставляя ихъ, между прочимъ, безъ средствъ жизни.

Въ то время, какъ на Люксамбургскихъ конференціяхъ работники проникались высокими мыслями о пріобрѣтенномъ ими участіи въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся ихъ быта, и безпрестанно вспоминали декреты Временнаго Правительства, обѣщавшаго доставленіе работы отъ государства тѣмъ рабочимъ, которые останутся безъ работы у частныхъ промышленниковъ, уже оказались естественныя слѣдствія всякаго государственнаго кризиса: торговыя дѣла пріостановились, произошло много банкротствъ, и оттого частные промышленники должны были сократить работу на своихъ фабрикахъ, а нѣкоторые даже вовсе закрыть ихъ. Произойти это должно было неизбѣжно: всегда и вездѣ за каждымъ государственнымъ кризисомъ слѣдуетъ промышленный. И въ Англіи, при гораздо меньшихъ усиліяхъ къ преобразованіямъ гораздо меньшимъ, бываетъ то же: и парламентская реформа, и отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ соединены были съ промышленными кризисами. То же было во Франціи и при началѣ Реставраціи, и послѣ іюльскаго переворота, и послѣ декабрьскаго переворота. Но если при этихъ послѣднихъ кризисахъ французское правительство могло оставлять на волю судьбы работниковъ, лишавшихся работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса, нельзя было этого сдѣлать теперь: декретъ, признававшій право на трудъ, былъ еще у всѣхъ въ рукахъ; работникамъ еще принадлежало фактическое владычество въ Парижѣ, еще не имѣвшемъ гарнизона послѣ февральскихъ событій. Нельзя было не позаботиться о тѣхъ работникахъ, которые остались безъ хлѣба. Временное Правительство никакъ не хотѣло приступить въ самомъ дѣлѣ къ обѣщаннымъ преобразованіямъ экономическаго быта; а все-таки необходимо было сдѣлать то, что должно было, по мнѣнію самихъ работниковъ, быть только уже результатомъ этихъ преобразованій,—пришлось дать работу отъ правительства работникамъ, оставшимся безъ занятія на частныхъ фабрикахъ. Временное Правительство сдѣ-

Digitized by Google

лало это такъ, какъ дѣлается все, дѣлаемое противъ желанія и убѣжденія, безъ знанія и обдуманности, — сдѣлало такъ, что вышла совершенно нелѣпая путаница. Оно поручило одному изъ своихъ членовъ, принадлежавшему къ чисто республиканскому большинству и бывшему министромъ публичныхъ работъ, Мари, учредить „Національныя Мастерскія“ для работниковъ, оставшихся безъ занятія. Имя „Національныя Мастерскія“ было заимствовано изъ системы Луи Блана, и потому люди, не знавшіе о самомъ фактѣ ничего, кромѣ его имени, утверждали потомъ, что „Національныя Мастерскія“ произошли отъ него или его идей. Напротивъ, онѣ были учреждены его непримиримыми противниками, управлялись людьми, нарочно избранными для того за личную вражду противъ него, устроены были совершенно наперекоръ его понятіямъ и, при всей обременительности своей для государства, при всей гибельности для частной промышленности, долго были пріятны Временному Правительству, искавшему въ нихъ опоры противъ Луи Блана. Нелѣпѣе тѣхъ основаній, на которыхъ онѣ были созданы, невозможно ничего и придумать.

Надобно давать средства для жизни работникамъ (такъ разсчитывало Временное Правительство)—не потому, чтобы это было хорошо, напротивъ, это очень дурно; но чтожъ дѣлать, безъ этого произойдетъ возстаніе. Они говорятъ, что хотятъ работать; но если имъ дать занятіе ихъ обыкновенною работою, это будетъ подрывомъ частной промышленности. Потому нельзя ткачамъ давать ткать матеріи, столярамъ дѣлать мёбель: нужно дать имъ занятіе, которое не входило бы въ соперничество съ частною промышленностью.

На этихъ соображеніяхъ были устроены „Національныя Мастерскія“. Единственная работа, которая не подрывала бы частной промышленности, состояла, по мнѣнію умѣренныхъ республиканцевъ, въ томъ, чтобы копать землю,—и всѣхъ этихъ людей: ювелировъ, фортепьянщиковъ, слесарей, портныхъ, ткачей, гравёровъ, наборщиковъ и т. д. обратили въ землекоповъ.

Копать землю — это прекрасно; но гдѣ взять землю, которую нужно копать? Въ Парижѣ производились различныя земляныя работы, особенно по постройкѣ дорогъ, мостовъ, укрѣпленій. Еще больше земляныхъ работъ предполагалось совершить современемъ. Казалось, почему бы не обратить людей „Національныхъ Мастерскихъ“ на эти дѣйствительно нужныя работы, если ужъ они непремѣнно должны копать землю? Администрація Мастерскихъ обратилась къ инженерному вѣдомству, управлявшему всѣми земляными работами въ Парижѣ,—тутъ произошла вещь невѣроятно милая: инженерное вѣдомство постоянно было во враждѣ съ министерствомъ публичныхъ работъ;—бюрократическая ссора не постыдилась проявиться и тутъ, когда дѣло было такъ важно для государства: инженеры отвѣчали, что у нихъ нѣтъ никакихъ работъ для администраціи Національныхъ Мастерскихъ. Что оставалось дѣлать Мари? Вмѣсто того, чтобы призвать на помощь всю силу правительства для усмиренія нелѣпой вражды инженеровъ, онъ началъ придумывать самъ отъ себя работы,—нужныхъ работъ не придумало его министерство никакихъ, и Національныя Мастерскія были заняты совершенно пустымъ пересыпаніемъ земли съ одного мѣста на другое, потомъ опять съ этого втораго на первое,—такъ, единственно для препровожденія времени. Это опять невѣроятно,—но дѣйствительно было такъ. Рабочіе Національныхъ Мастерскихъ сначала вырыли рвы и насыпали террасы на Марсовомъ полѣ, потомъ срыли опять

Digitized by Google

террасы и засыпали рвы, потомъ снова принялись рыть тѣ же рвы и насыпать террасы, и т. д.; подобными же упражненіями занимались они и на всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Парижа, гдѣ только было можно потѣшаться лопатами и заступами.

За это совершеннѣйшее осуществленіе нашей поговорки о пересыпаніи изъ пустого въ порожнее слѣдовало имъ получать плату отъ правительства. Такимъ образомъ умѣренные республиканцы удивительно разрѣшили задачу: содержать рабочихъ и заставлять ихъ трудиться, но такъ, чтобы ихъ трудъ не былъ соперничествомъ частной промышленности.

И сами рабочіе, и администраторы Національныхъ Мастерскихъ очень хорошо чувствовали, что ихъ занятіе—нелѣпая пародія труда. Не глупо ли токарю или каретнику копать землю?—заставлять его дѣлать это, значитъ просто заставлять его бездѣльничать. Да и вообще, заставлять человѣка дѣлать дѣло, совершенно ни для чего не нужное, только затѣмъ, чтобы потомъ онъ могъ заняться раздѣлываніемъ сдѣланнаго—опять таки нелѣпость, которой долженъ совѣститься и работникъ и надзиратель. Потому очень скоро надзиратели бросили требовать отъ рабочихъ труда; рабочимъ стала омерзительна пошлая возня съ лопатами. По общему согласію тѣхъ и другихъ установилось, что весь процессъ „рабочаго дня“ состоитъ лишь въ томъ, чтобы явиться на мѣсто работы, какъ-нибудь провести на этомъ мѣстѣ назначенные часы, и отправиться назадъ по окончаніи ихъ, получивъ квитанцію за свое присутствіе въ назначенномъ мѣстѣ. Оно, дѣйствительно, такъ и слѣдовало по самой мысли учредителей.

Не одни люди рабочаго класса, но и люди всякаго званія предпочтутъ пользоваться деньгами за даромъ, если открывается возможность получать за даромъ столько же денегъ, сколько и за тяжелый трудъ. Когда въ Національныхъ Мастерскихъ стало нужно только прогуляться отъ сборнаго мѣста до какой-нибудь площади по утру, и вечеромъ прогуляться съ этой площади назадъ до сборнаго мѣста, чтобы выдана была квитанція за такъ называемый „рабочій день“, а потомъ за эту квитанцію выдана была плата не менѣе той, какая давалась на фабрикахъ,—когда такимъ образомъ открыты были синекуры для работниковъ, само собою разумѣется, что работники стали покидать частныя фабрики для Національныхъ Мастерскихъ. И безъ того, вслѣдствіе нерѣшительныхъ, двусмысленныхъ дѣйствій Временнаго Правительства, Парижъ волновался страхами всевозможныхъ родовъ, кредитъ падалъ, фабрикъ закрывалось все больше и больше; а тутъ, привлекаемые даровымъ жалованьемъ въ Національныхъ Мастерскихъ, многіе работники уходили и съ такихъ фабрикъ, которыя могли бы выдержать промышленный кризисъ. И вотъ, по обыкновенію, одно бѣдствіе пораждало другое, и само потомъ увеличилось отъ его вліянія. Политическій кризисъ привелъ къ промышленному; промышленный кризисъ окончательно сбилъ съ толку Временное Правительство, и безъ того не слишкомъ мудрое; потерявшіе голову правители въ торопливомъ смущеніи основали широкое дѣло Національныхъ Мастерскихъ для облегченія зла, но основали въ такомъ нелѣпомъ видѣ, что отъ нихъ зло могло лишь увеличиваться; вслѣдствіе превратныхъ мѣръ правительства кризисъ возросталъ, и число людей въ Національныхъ Мастерскихъ увеличивалось съ страшною быстротою: одни шли туда потому, что не имѣли работы на фабрикахъ, другіе своимъ уходомъ принуждали закрывать фабрики и тѣмъ увлекали въ Націо-

Digitized by Google

нальныя Мастерскія новыя толпы людей, лишавшихся работы. Въ началѣ марта, Національныя Мастерскія имѣли 20,000 работниковъ, дѣйствительно не находившихъ занятія на частныхъ фабрикахъ; въ срединѣ іюня Національныя Мастерскія считали уже болѣе 150,000 работниковъ, изъ которыхъ нѣсколько десятковъ тысячъ сами бросили фабрики и тѣмъ лишили работы можетъ быть сотню тысячъ людей, вовсе не желавшихъ быть тунеядцами, но не видѣвшихъ себѣ другаго спасенія, кромѣ Національныхъ Мастерскихъ.

Расходъ государства на ихъ содержаніе былъ громаденъ: каждый мѣсяцъ Національныя Мастерскія поглощали нѣсколько милліоновъ, а работы совершалось ими очень мало, да и та не приносила пользы ни на грошъ, потому что тратилась на предметы вовсе не нужные. Мало того, что расходы эти составляли въ настоящемъ страшную тягость для казны: въ будущемъ они угрожали еще большею раззорительностью, потому что число людей въ Національныхъ Мастерскихъ умножалось съ каждымъ днемъ. Всѣ партіи съ одинаковымъ безпокойствомъ смотрѣли на эту колоссальную нелѣпость.

Всѣ партіи, сказали мы,—это выраженіе не совсѣмъ точно: представители партіи умѣренныхъ республиканцевъ во Временномъ Правительствѣ, наравнѣ со всѣми жалѣя о страшной растратѣ денегъ на Національныя Мастерскія, находили въ этомъ своемъ тупоумномъ порожденіи одну сторону, которая утѣшала ихъ за всѣ расходы. Національныя Мастерскія находились въ завѣдываніи министерства публичныхъ работъ, а министерствомъ этимъ управляли вѣрнѣйшіе люди умѣренно-республиканской партіи, сначала Мари, потомъ Трела. Администраторы мастерскихъ всѣ принадлежали къ той же партіи: Мари, который назначилъ этихъ агентовъ, былъ очень осмотрителенъ въ ихъ выборѣ. Особенно могла умѣренно-республиканская партія положиться на главнаго администратора мастерскихъ,—то былъ Эмиль Тома, чистѣйшій умѣренный республиканецъ, по убѣжденію смертельный врагъ всѣхъ крайнихъ партій, особенно соціалистовъ, сверхъ того личный врагъ Луи Блана, который былъ тогда сильнѣйшимъ изъ предводителей соціалистовъ. Благородный и чрезвычайно гуманный, Эмиль Тома пользовался безграничною любовью людей, находившихся подъ его управленіемъ; онъ былъ очень обходителенъ съ работниками своими, заботливо вникалъ въ ихъ нужды, старался во всемъ помочь имъ на сколько отъ него зависѣло, занимался своими трудными обязанностями съ ревностью, доходившею до самоотверженія; его кроткій характеръ, его ласковая рѣчь, его обязательность привлекали къ нему толпы, находившіяся подъ его начальствомъ. Умѣренные республиканцы могли навѣрное разсчитывать, что его работники пойдутъ за нимъ, куда бы онъ ни повелъ ихъ.

Это служило имъ источникомъ великой отрады. Въ Національныхъ Мастерскихъ умѣренные республиканцы видѣли сильнѣйшую свою опору противъ соціалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, работники—депутаты Люксамбургскихъ конференцій, имѣвшіе громадное вліяніе на всѣхъ другихъ людей своего класса въ Парижѣ, были отвергаемы, осмѣиваемы, преслѣдуемы работниками Національныхъ Мастерскихъ; многіе изъ этихъ депутатовъ были принуждены удалиться изъ мастерскихъ. Словомъ, между Люксамбургомъ и Національными Мастерскими не было и не могло быть ничего общаго. Возстаніе соціалистовъ грезилось умѣреннымъ республиканцамъ каждую ночь, каждый день,—но они съ нѣкоторою самоувѣренностью твердили себѣ: у насъ есть противъ такого возстанія громадная армія.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, Національныя Мастерскія съ тѣмъ и были устроены, чтобы служить арміею противъ соціалистовъ. Сообразно такому назначенію, эти Мастерскія были организованы по военной системѣ: каждыми десятью работниками начальствовалъ десятникъ (piqueur); пять десятковъ составляли взводъ (brigade) съ капраломъ (brigadier); нѣсколько бригадъ соединялось подъ начальствомъ поручика (lieutenant) и т. д.; у бригадъ и отрядовъ, изъ нихъ составлявшихся, были свои знамена; къ сборному мѣсту шли работники изъ своихъ жилищъ военнымъ строемъ, съ знаменами; еще церемоніальнѣе были ихъ марши отъ сборнаго мѣста до мѣста (такъ называемыхъ) работъ и обратно; отъ сборнаго мѣста по домамъ они также расходились военнымъ порядкомъ. Само собой разумѣется, эти марши, знамена, это мелочное распредѣленіе по чиноначальству и проч. было бы совершенно неумѣстно, если бы Національныя Мастерскія устраивались только для прокормленія людей, не находящихъ себѣ работы; но онѣ назначались также доставлять защитниковъ умѣреннымъ республиканцамъ, и этому назначенію совершенно соотвѣтствовала ихъ военная организація.

Но въ срединѣ іюня, умѣренные республиканцы чувствовали себя уже столь сильными, что могли обойтись безъ помощи этихъ союзниковъ. Робость, овладѣвшая среднимъ и высшимъ классами послѣ февральскихъ событій, мало-по-малу разсѣявалась, когда они увидѣли, что низшій классъ въ массѣ ожидаетъ улучшенія своей участи отъ закона, не прибѣгаетъ къ насилію; что предводители этого класса, крайніе республиканцы и соціалисты, не захватываютъ силою диктатуру въ свои руки, а ожидаютъ достичь торжества путемъ порядка и законности. Этому спокойствію предводителей крайнихъ партій было много причинъ: уваженіе къ національной волѣ, выраженіе которой они видѣли въ установленномъ тогда Suffrage universel; надежда, что результатъ этого всеобщаго права участвовать въ выборахъ будетъ благопріятенъ людямъ, которые считали себя защитниками интересовъ массы; неувѣренность въ томъ, что городскіе пролетаріи будутъ поддержаны поселянами, Парижъ будетъ поддержанъ провинціями, если фабричные работники въ Парижѣ вздумаютъ возстать противъ буржуазіи; несогласія между различными школами и главными людьми этихъ школъ. Мы не можемъ рѣшить, какое изъ этихъ соображеній и затрудненій имѣло болѣе силы; противники говорятъ, что эти люди удерживались опасеніемъ возстановить противъ себя всю Францію присвоеніемъ власти; сами они говорятъ, что только добросовѣстное отвращеніе отъ насилій руководило ихъ дѣйствіями; какъ бы то ни было, но они не прибѣгли къ насильственнымъ мѣрамъ, которыхъ ожидали отъ нихъ противники,—мало того, они всѣ свои усилія напрягали къ удержанію массы отъ всякаго насилія. За это противники сочли ихъ людьми, неумѣющими извлекать выгоду изъ обстоятельствъ, людьми неспособными къ практической дѣятельности; дѣйствительно, они безъ всякихъ попытокъ присвоить себѣ власть дали пройти тѣмъ днямъ или недѣлямъ, когда могли быть страшны своимъ противникамъ, и противники ободрились. Нѣкоторыя слабыя движенія, возбужденныя интриганами въ родѣ Бланки, увлекшими вслѣдъ за собою опрометчивыхъ фанатиковъ въ родѣ Барбе и Гюбера, послужили, однако же, поводомъ выставить честолюбцами, опасными для общественнаго спокойствія, и тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ старались предотвратить эти волненія. Нѣкоторыя ошибочныя мѣры, принятыя Временнымъ Правительствомъ противъ ихъ совѣта, были приписаны ихъ теоріямъ

Digitized by Google

или желаніямъ. Такимъ образомъ, предводители крайнихъ партій были осуждаемы, и за волненіе 15 мая, когда клубы вторгнулись въ Національное Собраніе и хотѣли разогнать его, и за возвышеніе поземельнаго налога, декретированное умѣренными республиканцами, и за учрежденіе Національныхъ Мастерскихъ, происшедшее также вопреки ихъ мнѣніямъ и внѣ всякаго ихъ участія.

Такія обвиненія противорѣчили фактамъ, но факты тогда еще не были извѣстны въ истинномъ своемъ видѣ,—напротивъ, они доходили до всеобщаго свѣдѣнія искаженными или преувеличенными. Эти ложные слухи много содѣйствовали упадку меньшинства Временнаго Правительства и укрѣпленію власти большинства, состоявшаго изъ умѣренныхъ республиканцевъ. Но всего болѣе, конечно, произошло это просто вслѣдствіе естественнаго закона, по которому за напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, по которому стремительный порывъ массъ быстро смѣняется обычною для нихъ дремотою, по которому люди неопытные безпечно успокоиваются послѣ перваго, обманчиваго успѣха. Масса, на сочувствіи которой основывалась сила крайнихъ партій, уже воображала себя совершенною побѣдительницею, она воображала, что противники, низвергнутые въ февралѣ, уже безсильны; что умѣренные республиканцы, союзники массы въ февралѣ, будутъ исполнять ея желанія, потому что сдѣлали на словахъ нѣсколько уступокъ этимъ желаніямъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, умѣренные республиканцы рѣшительно восторжествовали на выборахъ въ Національное Собраніе; крайнія партіи, и прежде имѣвшія мало вліянія на управленіе дѣлами, совершенно лишились его, когда съ открытіемъ Національнаго Собранія Временное Правительство сложило съ себя власть, и она была передана Исполнительной Коммиссіи, въ которой уже исключительно господствовали умѣренные республиканцы.

Теперь эта партія, до сихъ поръ стѣснявшаяся въ своихъ дѣйствіяхъ противорѣчіемъ меньшинства Временнаго Правительства, могла безпрепятственно принимать мѣры, казавшіяся ей нужными. Первою изъ этихъ мѣръ было призваніе сильныхъ отрядовъ войска въ Парижъ и его окрестности. Крайнія партіи опирались на парижскихъ работниковъ,—умѣренные республиканцы старались, какъ мы видѣли, подчинить этотъ классъ своему вліянію; но все-таки, онъ имѣлъ другихъ предводителей, его желанія были въ сущности несогласны съ желаніями умѣренныхъ республиканцевъ, его требованія казались имъ гибельными для общества химерами; работники внушали сильное опасеніе умѣреннымъ республиканцамъ. Для обузданія этихъ многочисленныхъ недовольныхъ, необходимо было войско.

Когда сильное войско было сосредоточено въ Поижѣ и его окрестностяхъ, умѣренные республиканцы гораздо прямѣе, нежели прежде, начали говорить, что преобразованія, которыхъ желаютъ работники, нелѣпы, и правительство не можетъ исполнить ихъ. Разочарованіе овладѣло умами и тѣхъ изъ работниковъ, которые, до сихъ поръ, сохраняли надежду на то, что Національное Собраніе постановитъ законы, измѣняющіе матеріальное положеніе рабочаго класса. Предводители крайнихъ партій, по прежнему, убѣждали массу не прибѣгать къ насиліямъ, ожидать исполненія своихъ желаній отъ употребленія средствъ, которыя давались къ тому законнымъ правомъ участвовать въ выборахъ. Судя по всему, эти увѣщанія и собственное благоразуміе удержали бы низшій классъ отъ смутъ, если бы правительство не приступило къ уничтоженію Національныхъ Мастерскихъ

Digitized by Google

способомъ столь же неблагоразумнымъ, какъ неблагоразуменъ былъ способъ ихъ учрежденія.

Правительство теперь твердо опиралось на армію. Ему уже можно было обойтись безъ союза съ защитниками ненадежными,—надобность, для которой до сихъ поръ содержались Національныя Мастерскія, прекратилась. Рѣшено было закрыть ихъ. Работники ихъ будутъ недовольны? Это не важность: при многочисленной арміи, они не посмѣютъ противиться.

И вотъ, для закрытія Національныхъ Мастерскихъ, приняты были быстрыя мѣры,—мѣры, въ которыхъ самонадѣянное легкомысліе страннымъ образомъ смѣшивалось съ трусливою торопливостью, грубая жестокость—съ изворотливымъ коварствомъ.

Самый недальновидный человѣкъ могъ бы, повидимому, понять, что опасно вдругъ отнимать содержаніе у массы въ 150,000 человѣкъ, организованной подобно войску, не предоставивъ этимъ людямъ никакихъ другихъ средствъ къ существованію; но умѣренные республиканцы успокоивались надеждою на силу собранной ими арміи, и безъ всякихъ церемоній, вдругъ объявили, что Національныя Мастерскія уничтожаются, потому что государство не можетъ содержать на свой счетъ огромную толпу тунеядцевъ.

Прекрасно; но въ какомъ положеніи видѣли теперь себя эти 150,000 людей, которыхъ до сихъ поръ кормило правительство? Фабрики были закрыты; промышленный кризисъ продолжался, и не было даже надежды, что онъ скоро прекратится. Благоразуміе требовало бы отъ правительства, чтобы оно помогло фабрикамъ возобновить работу и распускало людей изъ Національныхъ Мастерскихъ только по мѣрѣ того, какъ они могли бы находить себѣ занятіе въ частной промышленности. Это не было сдѣлано. Занятій не могли они найти себѣ никакихъ. Они оставались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Они могли только умирать съ голоду на улицахъ Парижа.

Неужели этого не предвидѣло правительство? Нѣтъ, предвидѣло и потому приняло слѣдующія мѣры: молодымъ и здоровымъ людямъ предложило оно поступать въ солдаты, а тѣхъ, которые неспособны сдѣлаться хорошими солдатами, оно приказало развозить изъ Парижа по провинціальнымъ городамъ.

Легко было предугадать, какой видъ получатъ въ глазахъ работниковъ эти мѣры, которыя начали приводиться въ исполненіе безъ излишняго вниманія къ желанію или нежеланію воспользоваться ими со стороны работниковъ. „Насъ насильно, противузаконно берутъ въ солдаты, насъ насильно развозятъ по разнымъ городамъ, въ которыхъ также закрыты фабрики, въ которыхъ также нѣтъ намъ работы, въ которыхъ также останется намъ только умирать съ голоду, какъ и въ Парижѣ“—иначе не могли думать несчастные. „Насъ развозятъ затѣмъ, что въ соединеніи мы сильны, раздѣливъ насъ, они легче управятся съ нами, какъ хотятъ“.

Ясно было, что Эмиль Тома, при своемъ гуманномъ характерѣ, при своей заботливости объ участи людей, которыми управлялъ, не согласится быть исполнителемъ такихъ мѣръ. Онъ говорилъ, что нельзя такъ круто повернуть этого дѣла, что надобно приготовить занятіе распускаемымъ работникамъ, сокращать Національныя Мастерскія только по мѣрѣ пробужденія дѣятельности на частныхъ фабрикахъ, и т. п. И вотъ придумали новую мѣру, чтобы избавиться отъ него. Его

Digitized by Google

призвали къ министру публичныхъ работъ (министромъ былъ тогда Трела; Мари, прежній министръ, былъ членомъ Исполнительной Коммиссіи, руководившей дѣйствіями министровъ),—министръ сказалъ ему, что для закрытія Національныхъ Мастерскихъ нуженъ администраторъ съ характеромъ болѣе твердымъ, что если работники узнаютъ объ его отрѣшеніи, они могутъ воспротивиться, собраться вокругъ прежняго любимаго начальника, надѣлать безпорядковъ. „Потому немедленно отправляйтесь изъ Парижа, такъ чтобы этого никто не зналъ, оставайтесь въ провинціи, куда я посылаю васъ, пока здѣсь все будетъ кончено. Тогда я возвращу васъ въ Парижъ". Эмиль Тома доказывалъ, что его внезапное удаленіе встревожитъ работниковъ, усилитъ ихъ подозрѣнія,—напрасно. Онъ сказалъ, что по совѣсти не можетъ повиноваться, зная, что его удаленіе изъ Парижа будетъ имѣть гибельныя слѣдствія. Тогда министръ объявилъ, что принужденъ выслать его изъ Парижа насильно,—призвалъ чиновниковъ, которымъ поручилъ взять его подъ стражу и немедленно уѣхать съ нимъ изъ Парижа. Это было исполнено въ ту же минуту, и, для лучшаго сохраненія тайны, даже семейству Эмиля Тома не было сказано, куда онъ исчезъ.

Слѣдствіе было совершенно таково, какъ предсказывалъ онъ.

Любимый начальникъ, которому вѣрили, внезапно исчезъ—онъ пошелъ къ министру и не возвращался болѣе. „Онъ брошенъ въ тюрьму, говорили одни работники,—онъ убитъ министромъ, говорили другіе. Это потому, что онъ не хотѣлъ выдать насъ,—что же хотятъ сдѣлать съ нами?—какъ что, развѣ это не видно? Насъ пошлютъ въ Алжирію, гдѣ мы погибнемъ отъ климата и отъ кабиловъ; кого не пошлютъ въ Алжирію, кого не берутъ въ солдаты, тѣхъ насильно отвозятъ Богъ знаетъ куда, развозятъ по провинціямъ, чтобы легче было поодиночкѣ зажать намъ ротъ, подавить насъ; насъ бросятъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, мы не найдемъ работы ни здѣсь, ни въ провинціяхъ—работъ нѣтъ нигдѣ. Мы обречены погибнуть отъ голода. Погибнуть отъ голода! А давно ли даны намъ обѣщанія, что каждый, не находящій работы въ частной промышленности, получитъ работу отъ правительства? Исполняя этотъ декретъ, правительство содержало насъ, пока не имѣло войскъ,—теперь оно имѣетъ войска, и хочетъ поступить съ нами такъ же, какъ поступалъ Гизо. Предатели, они хотятъ, чтобы мы погибали".

Въ самомъ дѣлѣ, если ни Гизо въ февралѣ, ни Исполнительная Коммиссія и Національное Собраніе въ іюнѣ не хотѣли губить работниковъ для собственнаго удовольствія, то надобно было умѣреннымъ республиканцамъ признаться, что ихъ управленіе сдѣлало для исполненія требованій рабочаго класса ровно столько же, сколько и Гизо. Но Гизо, по крайней мѣрѣ, не давалъ обѣщаній, а теперь дано было формальное обѣщаніе декретомъ Временнаго Правительства, еще за нѣсколько недѣль торжественно подтверждено рѣшеніемъ Національнаго Собранія,—надежды были пробуждены, оффиціально признаны справедливыми,—и вдругъ правительство совершенно отрекается отъ всякихъ обязательствъ, столько разъ данныхъ.

Сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ оставляются безъ всякихъ средствъ съ существованію,—начальникъ, котораго они любили, коварно отнятъ у нихъ — ихъ насильно берутъ и увозятъ изъ Парижа,—имъ измѣнили. А между тѣмъ, они организованы подобно арміи,—неужели они отдадутся на жертву безъ сопротивленія?

Digitized by Google

Ошибки правительства привели къ неизбѣжной междоусобной войнѣ.

Въ тотъ же день, какъ было объявлено рѣшеніе Національнаго Собранія закрыть Національныя Мастерскія, какъ исчезъ Эмиль Тома и начались наборы работниковъ для поступленія въ солдаты и для разсѣянія по провинціямъ (22 іюня), работники послали депутатовъ протестовать противъ этихъ распоряженій. Членъ Исполнительной Коммиссіи, бывшій министръ публичныхъ работъ, Мари, принялъ депутатовъ очень дурно, и сказалъ, что работникамъ остается только одно— безусловно повиноваться.

На слѣдующее утро (23 іюня) вспыхнуло возстаніе. Цѣлый день оно усиливалось и вечеромъ Національное Собраніе передало исполнительную власть Кавеньяку, который, какъ военный министръ, съ самаго начала руководилъ дѣйствіями арміи.

Мы не будемъ разсказывать подробностей отчаянной борьбы, продолжавшейся три дня; насъ, вѣроятно и читателя также, интересуетъ не стратегическая сторона этого страшнаго междоусобія, а причины, его вызвавшія, характеръ его и слѣдствія, къ которымъ оно привело французскую націю.

Причины мы исчислили; нѣкоторымъ читателямъ, быть можетъ, покажется, что наше объясненіе неполно, что мы опустили изъ виду вліяніе клубовъ, интриги такъ называемыхъ демагоговъ, честолюбіе предводителей крайнихъ партій: дѣйствительно, всему этому приписывалъ очень большое участіе въ іюньскихъ событіяхъ отчетъ, составленный докладчикомъ слѣдственной коммиссіи, назначенной по этому дѣлу, Кентеномъ Бошаромъ; но этотъ докладъ, внушенный чувствомъ ненависти, давно отвергнутъ общественнымъ мнѣніемъ, и тогда же отвергался людьми безпристрастными и проницательными. Мы укажемъ одинъ случай и приведемъ одно свидѣтельство, чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ смотрѣли еще тогда основательные и справедливые судьи на содержаніе этого доклада.

Слѣдственная коммиссія, составленная на половину изъ умѣренныхъ республиканцевъ, на половину изъ орлеанистовъ и легитимистовъ, которые ободрились послѣ іюньскихъ дней, главнымъ виновникомъ смутъ, обуревавшихъ Францію со времени провозглашенія республики до іюньскихъ дней, выставила Луи Блана, на котораго сваливали также учрежденіе Національныхъ Мастерскихъ, устроенныхъ будто бы по его плану. Но Луи Бланъ и Коссидьеръ, обвиняемый вмѣстѣ съ нимъ (хотя они были враги между собою), въ то время были представителями націи (членами Національнаго Собранія), а представители могли быть подвергаемы судебному преслѣдованію не иначе, какъ только съ разрѣшенія Собранія. Правительство потребовало этого разрѣшенія,—Собранію былъ предложенъ вопросъ: находитъ ли оно достаточные поводы подозрѣвать участіе Луи Блана въ майскихъ и іюньскихъ событіяхъ и находитъ ли нужнымъ предать его суду. Огромное большинство отвѣчало: „да“. Но въ числѣ меньшинства, находившаго обвиненіе неосновательнымъ и улики фальшивыми, былъ, между прочимъ, и Бастіа, извѣстный экономистъ, который всѣми силами боролся противъ ученій, имѣвшихъ тогда своимъ представителемъ Луи Блана. Партія, къ которой принадлежалъ Бастіа, была скандализирована тѣмъ, что онъ подалъ голосъ въ оправданіе Луи Блана,—но вотъ что онъ писалъ въ тотъ же вечеръ къ ближайшему изъ своихъ друзей, Кудре:

„Нынѣ на разсвѣтѣ рѣшено великое дѣло о докладѣ Слѣдственной Коммиссіи, такъ тяжело безпокоившее и Собраніе и Францію. Собраніе дало согласіе на судебное

Digitized by Google

преслѣдованіе Луи Блана и Коссидьера за участіе въ преступленіе 15 мая. У насъ, быть можетъ, удивятся, что въ этомъ дѣлѣ я подалъ голосъ противъ правительства. Я хотѣлъ было постоянно отдавать моимъ избирателямъ отчетъ въ соображеніяхъ, по которымъ подаю такъ или иначе голосъ по каждому дѣлу; только недосугъ и нездоровье помѣшали мнѣ исполнить это; но настоящій случай такъ важенъ, что я долженъ объяснить причины моего мнѣнія. Правительство считало отдачу подъ судъ этихъ двухъ представителей необходимостью; говорили даже, что только этимъ оно можетъ удержать на своей сторонѣ національную гвардію, — но мнѣ казалось, что даже и это соображеніе не даетъ мнѣ права заглушить въ себѣ голоса совѣсти. Ты знаешь, что ученіе Луи Блана не имѣло, быть можетъ, въ цѣлой Франціи противника болѣе рѣшительнаго, нежели я. Я убѣжденъ, что эти системы имѣли гибельное вліяніе на образъ мыслей и черезъ то на поступки работниковъ. Но развѣ мы должны были рѣшать вопросъ о справедливости его системы? Каждый человѣкъ, имѣющій какое нибудь убѣжденіе, по необходимости считаетъ гибельнымъ противное убѣжденіе. Когда католики жгли протестантовъ, они жгли ихъ потому, что считали ихъ образъ мыслей не только ошибочнымъ, но и опаснымъ. По этому принципу, намъ всѣмъ пришлось бы перерѣзать другъ друга.

„Итакъ, надобно было смотрѣть на то, дѣйствительно ли Луи Бланъ виноватъ въ фактахъ заговора и возстанія? Мнѣ казался онъ не виновнымъ, и никто, прочитавъ его защитительную рѣчь, не можетъ не сказать, что онъ невиненъ. А между тѣмъ, я не могу не помнить, въ какихъ мы теперь обстоятельствахъ: у насъ осадное положеніе, правильная судебная власть отстранена, свобода отнята у журналовъ. Могъ ли я выдать двухъ представителей ихъ политическимъ противникамъ въ такое время, когда нѣтъ никакихъ гарантій?—это дѣло, которому я не могу содѣйствовать, это первый шагъ по пути, на который я не могу вступить.

„Я не осуждаю Кавеньяка за то, что онъ на время отмѣнилъ дѣйствіе всѣхъ законныхъ гарантій, я думаю, что эта печальная необходимость столь же прискорбна ему, какъ и намъ; притомъ, она можетъ быть оправдана тѣмъ, чѣмъ оправдывается все,— спасеніемъ общества. Но для спасенія общества требовалось ли, чтобы двое изъ нашихъ товарищей были преданы на жертву? Я не думаю. Напротивъ, мнѣ кажется, что такое дѣло можетъ только поселить между нами раздоръ, ожесточить ненависть, положить бездну между партіями, не только въ Собраніи, но и въ цѣлой Франціи; мнѣ казалось, что при настоящемъ положеніи внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, когда нація страдаетъ, когда ей нужны порядокъ, довѣріе, прочныя учрежденія, единодушіе, — при такихъ обстоятельствахъ, не время ввергать въ раздоръ представителей націи. Мнѣ кажется, что лучше бы намъ забыть о нашихъ жалобахъ и непріятностяхъ, чтобы позаботиться о благѣ страны; потому я радовался, что нѣтъ ясныхъ фактовъ въ обвиненіе моихъ товарищей и что я не обязанъ выдавать ихъ.

„Большинство думало иначе. Дай Богъ, чтобы оно не ошиблось! дай Богъ, чтобы рѣшеніе, принятое нынѣ, не сдѣлалось гибельнымъ для республики!

„Если ты найдешь нужнымъ, я уполномочиваю тебя послать отрывокъ изъ этого письма въ газеты“.

Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ тому же предмету въ другомъ письмѣ къ Кудре, Бастіа продолжаетъ:

„Говорятъ, что я уступилъ страху; страхъ былъ съ другой стороны. Или эти господа (избиратели департамента, представителемъ котораго былъ Бастіа) думаютъ, что для борьбы противъ страстей, овладѣвающихъ обществомъ, нужно въ Парижѣ менѣе мужества, нежели въ департаментахъ? Намъ грозили гнѣвомъ національной гвардіи, если мы отвергнемъ требованіе судебнаго преслѣдованія. Эта угроза выходила отъ людей, располагающихъ военною силою. Стало быть, страхъ могъ заставлять класть черные шары, но не бѣлые шары. Нужна высокая степень нелѣпости и тупости, чтобы вообразить, будто требуется особенное мужество для подачи голоса въ пользу той стороны, на которой стоитъ насиліе, армія, національная гвардія, большинство Національнаго Собранія, влеченіе обстоятельствъ, правительство.

Digitized by Google

„Читалъ ли ты слѣдственный актъ? читалъ ли ты показаніе бывшаго министра, Трела? Въ показаніи говорится: „Я былъ въ Клиши, я тамъ не видѣлъ Луи Блана, не слышалъ, чтобы онъ былъ тамъ; но въ жестахъ, въ физіономіи, въ самыхъ звукахъ голоса работниковъ я видѣлъ слѣды того, что онъ былъ тамъ". Высказывалась ли когда нибудь политическая ненависть съ болѣе опасными тенденціями? Три четверти слѣдственнаго акта составлены въ такомъ духѣ!

„Словомъ, сказать по совѣсти... я не думаю, чтобы Луи Бланъ принималъ участіе въ майскомъ и іюньскомъ возмущеніяхъ, и этимъ объясняется. почему я подалъ голосъ противъ обвиненія".

Свидѣтельство Бастіа въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать подозрѣнію; онъ былъ самый рѣзкій, самый отважный и самый сильный противникъ тѣхъ людей, которыхъ теперь хотѣлъ защитить отъ обвиненій.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно читать обвинительный актъ, не видя, что онъ составленъ подъ вліяніемъ страха и ненависти. Эти чувства и прежде руководили дѣйствіями чистыхъ республиканцевъ относительно партій, раздѣлявшихъ съ ними власть отъ февраля до іюня; подъ вліяніемъ этихъ чувствъ учредились и потомъ были закрыты Національныя Мастерскія, закрытіе которыхъ было ближайшимъ поводомъ междоусобія. Вліяніемъ этихъ чувствъ было и вообще создано то положеніе государственныхъ дѣлъ во Франціи, неизбѣжнымъ результатомъ котораго было междоусобіе. Другія причины, о которыхъ они такъ много говорили, или вовсе не существовали, или оказывали только ничтожное вліяніе. Предводители партій, благопріятствовавшихъ требованіямъ рабочаго класса, старались всѣми средствами удержать работниковъ въ предѣлахъ законности, старались отвратить ихъ отъ всякихъ попытокъ къ дѣйствію вооруженной силой; многіе клубы дѣйствовали въ противномъ смыслѣ, но вліяніе ихъ на массу было незначительно; наконецъ, ничего подобнаго заговору не было въ междоусобіи іюньскихъ дней: получивъ отказъ 22-го іюня ввечеру, работники условились открыто, на площади, что завтра возьмутся за оружіе.

Именно отсутствіемъ вліяній, чаще всего пробуждавшихъ безпокойства во Франціи, іюньское междоусобіе отличается отъ другихъ парижскихъ междоусобій; въ этомъ отсутствіи обыкновенныхъ элементовъ мятежей и заключается тайна громадной силы, обнаруженной инсургентами іюньскихъ дней, и ужаса, произведеннаго этою рѣзнею. Массы шли на битву безъ всякихъ предводителей; ни одного сколько нибудь извѣстнаго человѣка не было между инсургентами. Чего хотѣли они?—это до сихъ поръ остается смутно для того, кто не считаетъ достаточнымъ объясненіемъ ихъ мятежа перспективу голодной смерти, открывшуюся передъ ними. То не были ни коммунисты, ни соціалисты, ни красные республиканцы,—эти партіи не участвовали въ битвахъ іюньскихъ дней; чего хотѣли они?—улучшенія своей участи; но какими средствами могло быть улучшено положеніе рабочаго класса, если бы онъ одержалъ верхъ? Это было темно для самихъ инсургентовъ, и тѣмъ страшнѣе казались ихъ желанія противникамъ; чего же они хотѣли, если не были даже коммунистами? Отчаяніе—вотъ единственное объясненіе іюньскихъ дней, оно составляетъ отличительный характеръ этого возстанія. Инсургенты сражались не для ниспроверженія или установленія какой нибудь политической формы,—они не имѣли ни опредѣленнаго политическаго образа мыслей, ни опредѣлительныхъ требованій отъ правительства или общества, кромѣ одного требованія: они хотѣли имѣть работу и кусокъ хлѣба, доставляемый работою, и думали, что противники

Digitized by Google

хотятъ истребить ихъ, чтобы не давать ни хлѣба, ни работы, столько разъ торжественно обѣщанной. Оттого-то и дрались они съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ. Ихъ было тысячъ сорокъ; далеко не всѣ работники Парижа, далеко не всѣ работники Національныхъ Мастерскихъ взялись за оружіе: надежды на успѣхъ почти не было, инсургенты шли на погибель, почти несомнѣнную, и потому къ нимъ не присоединялся никто изъ работниковъ, сохранившихъ или хладнокровіе въ своей горести, или вѣроятность имѣть работу на фабрикахъ. За то, отважившіеся на битву почти безнадежную дрались съ энергіею, какой не было ни въ іюлѣ 1830, ни въ февралѣ 1848 года. Противъ нихъ выведены были регулярныя войска, гораздо многочисленнѣйшія, выступила національная гвардія Парижа, еще болѣе многочисленная, выведена была „подвижная гвардія", garde mobile, составленная изъ отчаянныхъ юношей парижской бездомной жизни, выдвиоута была страшная артиллерія тяжелаго калибра,—всего было мало, постоянно прибывали по желѣзнымъ дорогамъ новыя войска и новые отряды національной гвардіи изъ всѣхъ городовъ Франціи, и только на четвертый день это громадное превосходство въ силахъ подавило мятежъ,—да и этою медленною побѣдою противники инсургентовъ были обязаны только новой системѣ борьбы, которую Кавеньякъ примѣнилъ къ дѣлу съ рѣдкимъ искусствомъ и еще болѣе рѣдкою непоколебимостью.

Система эта состояла въ томъ, чтобы сосредоточивать огромныя силы на одномъ пунктѣ, избранномъ для наступательнаго движенія, держась на всѣхъ остальныхъ пунктахъ только въ оборонительномъ положеніи. Наступленіе имѣло первою цѣлью разорвать сообщеніе между различными частями города, бывшими въ рукахъ инсургентовъ; потомъ, когда эти отрѣзанныя одна отъ другой части не могли уже подавать помощи другъ другу, брать постепенно одну часть за другою. Знатоки военнаго дѣла говорятъ, что этотъ планъ былъ превосходно и задуманъ и исполненъ Кавеньякомъ, и что при всякой другой системѣ борьбы инсургенты на нѣкоторое время по всей вѣроятности овладѣли бы всѣмъ Парижемъ. Но и этой системѣ, доставившей побѣду, инсургенты долго противились съ такимъ успѣхомъ, что 25-го іюня, Кавеньякъ еще не ручался за побѣду и считалъ опасность столь великою, что вмѣстѣ съ президентомъ Національнаго Собранія принялъ мѣры перенести Собраніе и резиденцію правительства въ Сенъ-Клу или въ Версаль, еслибы инсургенты восторжествовали въ Парижѣ. Картечь, бомбы и ядра трое сутокъ осыпали кварталы, занятые инсургентами, — и только это страшное дѣйствіе артиллеріи доставляло перевѣсъ регулярному войску. Рукопашныя битвы были чрезвычайно упорны. Число убитыхъ, съ той и съ другой стороны, остается неизвѣстнымъ — правительство должно было уменьшить потерю своихъ защитниковъ и враговъ, но и оно показывало ее въ пять тысячъ; другія извѣстія говорятъ о десяти и болѣе тысячахъ,—и быть можетъ даже эта цифра не достигаетъ еще ужасной дѣйствительной потери. Ветераны наполеоновскихъ временъ говорили, что никакой штурмъ непріятельской крѣпости во времена первой имперіи не былъ такъ кровопролитенъ. Есть положительный фактъ, слишкомъ достовѣрно свидѣтельствующій о вѣрности этого впечатлѣнія: изъ четырнадцати генераловъ, командовавшихъ войсками, шестеро были убиты, пять другихъ были ранены, и только трое уцѣлѣли,—да и изъ этихъ послѣднихъ подъ Ламорисьеромъ были убиты двѣ лошади.

Какъ полководецъ, Кавеньякъ въ эти страшные дни дѣйствовалъ превосходно. Всѣ знатоки военнаго дѣла утверждаютъ это. Кромѣ стратегическихъ талантовъ,

Digitized by Google

онъ выказалъ качество еще болѣе рѣдкое,—непреклонную энергію воли, когда, не смотря ни на какія просьбы, внушаемыя нетерпѣніемъ, твердо слѣдовалъ своему плану, который одинъ могъ вести къ побѣдѣ, и дѣйствуя шагъ за шагомъ, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго движенія. Какъ частный человѣкъ, онъ также велъ себя безукоризненно: напрасно враги его обвиняли, что онъ употребилъ какія нибудь интриги для достиженія диктатуры: это низкая клевета; онъ вѣрно служилъ Исполнительной Коммиссіи, пока она существовала, и когда она была уничтожена Національнымъ Собраніемъ и вся власть передана ему, то было благоразумнымъ рѣшеніемъ самого Собранія, и ни самъ Кавеньякъ, ни его друзья не сдѣлали ни одного шага, чтобы внушить это рѣшеніе. По окончаніи битвы, онъ явился въ Собраніе, возвращая ему власть, которой былъ облеченъ на время битвы, и опять совершенно ничего не искалъ;—когда Собраніе просило его сохранить власть и сдѣлаться главою правительства, онъ, принявъ это высокое порученіе, нимало не утратилъ простоты своихъ правовъ, продолжалъ быть совершенно прежнимъ человѣкомъ и постоянно не только говорилъ, но и дѣйствовалъ совершенно сообразно сущности своихъ обязанностей,—всегда признавая себя только довѣреннымъ лицомъ Собранія, вручившаго ему власть, и ни разу не сдѣлавъ ни одного шага для того, чтобы расширить предѣлы этой власти или отказать въ повиновеніи Собранію, которое совершенно ввѣрилось его честности. Словомъ, какъ частный человѣкъ, онъ выказалъ характеръ, достойный Вашингтона. Но, какъ государственный человѣкъ, Кавеньякъ, къ сожалѣнію, не обнаружилъ ни особенной проницательности, ни особенныхъ дарованій: подобно всей своей партіи, онъ поступалъ вовсе не предусмотрительно и не разсчетливо. Великимъ несчастіемъ для него и всей партіи было уже то, что ея ошибками дѣла были доведены до іюньскаго междоусобія; но въ этомъ не былъ виноватъ Кавеньякъ,—онъ не управлялъ государствомъ, не имѣлъ значительнаго вліянія на ходъ событій до іюня,—онъ ограничивался до той поры почти только своими спеціальными занятіями по должности военнаго министра, и управлялъ этою частью хорошо. Потому теперь, когда управленіе перешло въ руки его, человѣка, непричастнаго прежнимъ ошибкамъ, правительство умѣренныхъ республиканцевъ могло бы явиться передъ націею какъ бы отказавшимся, очищеннымъ отъ прежнихъ гибельныхъ промаховъ и возстановить свою популярность. Для этого, битву слѣдовало бы вести со всевозможною готовностью къ примиренію, и тогда генералъ, принявшій власть среди громовъ междоусобія, представился бы не столько побѣдителемъ одного класса своихъ согражданъ во имя другихъ классовъ, сколько миротворцемъ. Но Кавеньякъ явился не болѣе, какъ только хорошимъ генераломъ, смотрящимъ на гражданскія дѣла глазами своихъ политическихъ друзей; а политическіе друзья его, къ сожалѣнію, во всемъ считая себя правыми относительно прошедшаго, не находили въ самыхъ дѣйствіяхъ своего прежняго управленія объясненій возстанія, и потому считали это возстаніе возникшимъ единственно вслѣдствіе желаній, гибельныхъ для общества; они слишкомъ повѣрили своей фразѣ, которую любили повторять въ апрѣлѣ и маѣ: „варвары у воротъ нашихъ“—les barbares sont à nos portes; они увидѣли въ жалкихъ, голодныхъ работникахъ не несчастныхъ, доведенныхъ до безразсудной дерзости отчаяніемъ, а злодѣевъ, принявшихся за оружіе чисто съ намѣреніемъ грабить и рѣзать. Сообразно такому понятію и повели они борьбу противъ нихъ,—не какъ противъ гражданъ, а будто противъ какихъ нибудь канни-

Digitized by Google

баловъ, безпощадно, безжалостно. Наконецъ, инсургенты потеряли всякую надежду на успѣхъ. Это было на третій день возстанія, на другой день ожесточенной битвы. 25-го іюня. Въ этотъ моментъ возникали для умѣренныхъ республиканцевъ новыя соображенія, которыми долженъ былъ бы измѣниться характеръ слѣдующаго дня, если бы умѣренные республиканцы были предусмотрительны.

Надежды противниковъ уничтожены. Пусть прежде инсургенты заслуживали истребленія, какъ хищные звѣри; но слѣдуетъ ли теперь доканчивать ихъ истребленіе, когда они убѣдились въ неизбѣжности своего пораженія? Продолженіе борьбы, уже ненужной для отвращенія отъ себя опасности,—опасность уже отвращена,—не введетъ ли умѣренныхъ республиканцевъ въ новую опасность?

Съ точки зрѣнія собственныхъ убѣжденій, они должны были принять въ соображеніе слѣдующіе факты. Они, умѣренные республиканцы, хотѣли утвердить во Франціи республиканскую форму правленія. Какой классъ націи былъ единственнымъ преданнымъ защитникомъ этой формы? Только классъ работниковъ: кромѣ работниковъ, искренними республиканцами были только немногіе отдѣльные люди, по своей малочисленности не могшіе удержаться противъ высшихъ классовъ и поселянъ, желавшихъ низверженія республики. Прежде, положимъ, работники увлекались гибельными химерами,—теперь исчезли ихъ надежды на осуществленіе этихъ другихъ желаній; изъ всѣхъ ихъ чувствъ остается имѣющимъ практическую силу только преданность республиканской формѣ. Причины, ожесточившія умѣренныхъ республиканцевъ противъ нихъ, уже не существуютъ, существуетъ только одно общее обѣимъ сторонамъ стремленіе поддержать республику. Ясно было, что умѣренные республиканцы должны были постараться прекратить борьбу съ ними. И каковъ будетъ результатъ, если борьба продолжится до истребленія противниковъ? Подавленъ будетъ классъ, который одинъ преданъ республиканской формѣ, — она останется беззащитна, она падетъ и съ нею умѣренные республиканцы погибнутъ сами.

Продолженіе борьбы было гибельно для нихъ. Они должны были искать примиренія съ укрощенными нынѣ вчерашними противниками.

Они не только не сдѣлали этого, они отвергли просьбу о примиреніи, или хотя просто о пощадѣ, съ которою пришли къ нимъ инсургенты.

Это было въ ночи съ 25 на 26 іюня. Къ президенту Національнаго Собранія Сенару и къ Кавеньяку явилась депутація инсургентовъ; она говорила, что инсургенты сдадутся, если имъ дана будетъ амнистія. Умѣренные республиканцы отвѣчали устами Сенара и Кавеньяка, что это предложеніе—глупость, что покорность отъ инсургентовъ только тогда можетъ быть принята, когда они сдадутся безусловно, на жизнь и на смерть. „Иначе нечего и хлопотать вамъ являться ко мнѣ“, сказалъ Кавеньякъ депутаціи:—„я отвергаю всякія другія предложенія“.

Инсургенты могли ошибаться въ значеніи словъ „безусловная сдача на волю побѣдителей“: быть можетъ, умѣренные республиканцы послѣ этой сдачи оказались бы милостивѣе, нежели были до сихъ поръ; но инсургентамъ, натурально, могъ представляться въ ихъ требованіи только одинъ смыслъ, слишкомъ ясно показанный въ два предыдущіе дня безпощаднымъ употребленіемъ картечи, разстрѣливаніемъ инсургентовъ, попадавшихся въ плѣнъ, убійствами людей безоружныхъ, стариковъ и женщинъ, неистовствами подвижной гвардіи. Они въ отвѣтѣ

Digitized by Google

Сенара и Кавеньяка не могли видѣть ничего иного, какъ требованіе идти подъ военный судъ, по законамъ котораго каждый инсургентъ подвергался разстрѣливанію. Умѣренные республиканцы должны были знать, что иначе не можетъ быть понято ихъ требованіе. Отвергая просьбу о прощеніи, они сами говорили инсургентамъ: „теперь вамъ не остается уже ничего, кромѣ какъ биться до послѣдней капли крови, потому что пощады вамъ не будетъ".

То и случилось, къ чему принуждали они этимъ инсургентовъ. На слѣдующее утро (26 іюня) съ прежнею безпощадностью возобновилась битва, и кончилась въ половинѣ второго часа пополудни совершеннымъ подавленіемъ инсургентовъ.

Истребляемые въ Парижѣ, они бѣжали изъ города, разсѣялись по окрестностямъ. Повсюду были посланы команды ловить ихъ. Ихъ находили попрятавшихся въ лѣсахъ, скитающихся по полямъ, и скоро парижскія тюрьмы переполнились плѣнными, переполнились ими казармы парижскихъ фортовъ, всѣ укрѣпленныя зданія въ Парижѣ, такъ что наконецъ пришлось набить ими даже подземный ходъ, который велъ изъ Тюльери къ Сенѣ и который устроилъ себѣ на случай бѣгства Луи-Филиппъ. Число этихъ военноплѣнныхъ простиралось до 14.000 человѣкъ.

Они всѣ было отданы подъ военный судъ, почти всѣ приговорены къ ссылкѣ, но еще до судебнаго приговора было уже сдѣлано распоряженіе о ссылкѣ ихъ: они были переведены на понтоны для отправленія въ ссылку. Можно вообразить себѣ, каковъ былъ военный судъ при такихъ наклонностяхъ умѣренныхъ республиканцевъ, при такомъ громадномъ числѣ подсудимыхъ,—это было то, что называется по-французски судъ на скорую руку, justice sommaire.

Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе, возмущенное этою ссылкою цѣлой массы народа, массы уже отправленной на понтоны безъ всякой формы суда, скоро принудило умѣренныхъ республиканцевъ къ уступкамъ. Мало-по-малу, стали выпускать съ понтоновъ одну партію плѣнныхъ за другою, но все еще, по прошествіи цѣлаго года, оставалось на понтонахъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Ни Орлеанское, ни Бурбонское правительство не доходило до такого произвола. Съ того времени, какъ Наполеонъ въ началѣ своего владычества безъ суда отправилъ въ ссылку людей, ему опасныхъ, не бывало во Франціи подобныхъ примѣровъ. Но и наполеоновская ссылка была ничтожна передъ этою произвольною мѣрою: тогда подвергнуты были произвольному наказанію всего сто, полтораста человѣкъ,—теперь подвергались многія тысячи людей.

Надобно ли говорить, что въ этой ссылкѣ еще болѣе, нежели даже въ самой безпощадности битвы, выразилась неспособность умѣренныхъ республиканцевъ понимать свое положеніе, ихъ непредусмотрительность и безтактность? Государственнымъ человѣкомъ достоинъ называться только тотъ, въ комъ благоразуміе господствуетъ надъ увлеченіями страстей; но если мы даже извинимъ ослѣпленіе страстью во время борьбы, то по крайней мѣрѣ по достиженіи совершенной побѣды разсудокъ долженъ вступать въ свои права. Пусть умѣреннымъ республиканцамъ казалось нужно не только усмирить, но и совершенно обезсилить работниковъ. 26-го іюня это было сдѣлано, и военныя соображенія должны были уступить мѣсто правительственнымъ. Самое основное правило политическаго благоразумія говоритъ, что при внутреннихъ раздорахъ побѣдоносная сторона можетъ

Digitized by Google

укрѣплять свое господство только снисходительностью къ побѣжденной,—такъ дѣйствовали всѣ истинно государственные люди, отъ Юлія Цезаря до Наполеона. Умѣренные республиканцы не понимали этого. Если бы послѣ своего полнаго торжества они дали амнистію побѣжденнымъ, уже переставшимъ быть для нихъ опасными, они прикрыли бы этою мантіею милосердія многія свои ошибки, привлекли бы къ себѣ многихъ, отчужденныхъ междоусобіемъ. Они этого не сдѣлали, и озлобленіе, вселенное ожесточеніемъ битвы и ужасами побѣды, раздражалось и усиливалось холодною неумѣстностью напраснаго мщенія надъ людьми, которые уже не могли быть вредны побѣдителямъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда умѣренные республиканцы, съ диктатурою Кавеньяка, пріобрѣли безграничную власть во Франціи. Ужасенъ и противенъ всѣмъ понятіямъ,—не говоримъ уже законности, или гуманности, но—всѣмъ понятіямъ обыкновеннаго житейскаго смысла былъ путь, который привелъ ихъ къ этому господству. Все, въ чемъ нѣкогда обвиняли они предшествовавшія правительства, было совершено ими въ громаднѣйшихъ размѣрахъ. Убійства въ Транснонеской улицѣ, апрѣльскія судебныя преслѣдованія, за которыя они такъ осуждали Орлеанское правительство, были ничтожною шуткою сравнительно съ іюньскими убійствами, разстрѣливаніями и ссылкою цѣлыхъ массъ. Если бы кто нибудь сказалъ умѣреннымъ республиканцамъ наканунѣ февральскихъ событій, что они совершатъ такія дѣла для сохраненія власти, которую тогда готовились они пріобрѣсти, они съ негодованіемъ отвергли бы такое предсказаніе, какъ нелѣпый бредъ. А между тѣмъ, все совершившееся въ іюнѣ, было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той системы, которая привела ихъ къ февральскому торжеству. Если бы предусмотрительность ихъ не была помрачена политическою страстью, они въ началѣ 1848 года видѣли бы, что начинаютъ игру слишкомъ двусмысленную и страшную,—игру, которая необходимо приведетъ ихъ, въ случаѣ успѣха, къ звѣрскому истребленію людей, которыхъ они тогда призывали на помощь себѣ.

Сами они были малочисленны и слабы въ началѣ 1848 года. Они одни не могли ничего сдѣлать противъ Орлеанскаго правительства, которое хотѣли низвергнуть. Они вздумали вступить въ союзъ съ работниками, и силою этого класса достигли своей цѣли.

Но чѣмъ они могли возбудить работниковъ? Работники желали не перемѣны политическихъ формъ, а преобразованій, которыми улучшилось бы ихъ общественное положеніе. И вотъ, республиканцы увѣрили ихъ, что эти улучшенія будутъ произведены республикою. Такою цѣною пріобрѣли они союзъ. Но могли ли они въ самомъ дѣлѣ исполнить свои обѣщанія? Нѣтъ, желанія работниковъ признавали они несбыточными, гибельными химерами. При этомъ, благоразуменъ ли былъ союзъ? Онъ основывался на самообольщеніи съ обѣихъ сторонъ. Работники думали получить себѣ удовлетвореніе черезъ людей, которые въ сущности были также враждебны ихъ желаніямъ, какъ Гизо и Дюшатель. Умѣренные республиканцы воображали, что удержать работниковъ имъ будетъ также легко, какъ и возбудить ихъ. Извѣстно, каковы всегда бываютъ результаты союзовъ, основанныхъ на томъ, что одинъ союзникъ надѣется достичь цѣли, которая отвергается другимъ: эти союзы ведутъ къ смертельной враждѣ между союзниками. Такъ было и тутъ. Возбуждая надежды, которыхъ не могли удовлетворить, умѣренные республиканцы должны были знать, что имъ придется отвергать требо-

Digitized by Google

ванія, которымъ они льстили. Въ этихъ требованіяхъ работники видѣли вопросъ о жизни и смерти для себя—нельзя было не угадать, что для отверженія этихъ требованій нужна будетъ смертельная битва противъ работниковъ.

Но формалисты ничего не предвидятъ. Умѣренные республиканцы легкомысленно повели въ февралѣ противъ Орлеанскаго правительства людей, съ которыми еще гораздо менѣе могли ужиться въ согласіи, нежели съ Орлеанскимъ правительствомъ. Если бы они предвидѣли іюнь, они отказались бы отъ вражды противъ Орлеанскаго правительства въ февралѣ.

Исторія возвышенія партіи умѣренныхъ республиканцевъ представляется поразительнымъ примѣромъ того, какъ неизбѣжно осуществляется исторіею правило, внушаемое здравымъ смысломъ и такъ часто забываемое въ увлеченіи политическихъ страстей: нужно подумать о томъ, каковы существенныя желанія людей, прежде, нежели искать ихъ содѣйствія. Если бы работники и республиканцы понимали другъ друга, они ни въ какомъ случаѣ не начали бы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Орлеанскаго правительства, потому что между ними было противорѣчіе, еще болѣе важное, нежели причины ихъ недовольства министерствомъ Гизо.

Союзъ ихъ былъ ненатураленъ, онъ привелъ къ нелѣпости,—нелѣпость въ историческихъ дѣйствіяхъ ведетъ къ событіямъ гибельнымъ для страны.

Правда и то, что противоестественный союзъ между партіями, смертельно враждебными по сущности своихъ желаній, былъ произведенъ столь же противными здравому смыслу дѣйствіями Гизо, его покровителей и партизановъ. Только ихъ самообольщеніе породило самообольщеніе въ противныхъ партіяхъ,—это очевидно для всякаго, кто припоминаетъ исторію временъ, предшествовавшихъ во Франціи февральскимъ событіямъ, и первая вина за ужасы, совершенные послѣ того, падаетъ на людей, которые довели дѣла Франціи до нелѣпаго положенія, породившаго февральскія событія. Здѣсь не мѣсто доказывать это,—мы хотѣли только изложить, какимъ рядомъ обмановъ и насилій умѣренные республиканцы должны были выпутываться изъ того фальшиваго положенія, въ которое стали для низверженія Орлеанской системы,—какія нелѣпости и ужасы были необходимымъ условіемъ утвержденія ихъ власти надъ Франціею. Теперь намъ должно разсказать вторую половину ихъ исторіи;—мы знаемъ, какимъ образомъ достигли они власти, теперь посмотримъ, какимъ образомъ потеряли они власть; за возвышеніемъ ихъ быстро послѣдовало паденіе, и мы увидимъ, что паденіе было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ фальшивыхъ или жестокихъ средствъ, которыми они достигли власти, и той несоотвѣтственности ихъ убѣжденій съ потребностями французскаго общества, которая съ самаго начала дѣлала для нихъ невозможнымъ прямой и самостоятельный образъ дѣйствій.

II.

Іюньская побѣда передала въ руки умѣренныхъ республиканцевъ всю правительственную власть надъ Франціею. Ужаснымъ путемъ достигли они до этого торжества, и мы видѣли, что неизбѣженъ былъ для нихъ этотъ путь послѣ той основной ошибки, которая сдѣлана въ началѣ 1848 года умѣренными республиканцами и парижскими работниками. Двѣ партіи, стремленія которыхъ были непри-

Digitized by Google

миримо противоположны, соединились тогда между собою для низверженія противниковъ, которые по своимъ убѣжденіямъ гораздо менѣе разнились отъ умѣренныхъ республиканцевъ, нежели умѣренные республиканцы отъ своихъ союзниковъ. Результатомъ обманчиваго союза на словахъ, при полнѣйшемъ разногласіи въ желаніяхъ, была неизбѣжная необходимость двумъ на время слившимся партіямъ, тотчасъ послѣ одержанной въ союзѣ побѣды, вступить между собою въ борьбу, гораздо болѣе серьёзную, нежели та, въ которой общими силами они низвергли орлеанскую систему. Фальшивыя историческія положенія всегда дорого обходятся государству, но иногда бываютъ выгодны для тѣхъ, которые ставятъ въ нихъ государство,—это тогда, когда одна изъ партій, вступающихъ въ обманчивый союзъ, хитритъ и коварствуетъ. Но тутъ обѣ партіи дѣйствовали не по хитрому разсчету, а по соображеніяхъ, при всей своей ошибочности, прямодушнымъ, и потому обѣ проиграли отъ ошибки, въ которую одна увлечена была другою. Парижскіе работники за союзъ съ умѣренными республиканцами расплатились тѣмъ, что надолго остались безъ куска хлѣба и тысячами погибли въ битвѣ, тысячами были брошены въ темницы. Умѣренные республиканцы поплатились тѣмъ, что пробудили ненависть къ себѣ во всѣхъ тѣхъ классахъ населенія, любовью которыхъ дорожили.

Очень трудно было положеніе умѣренныхъ республиканцевъ послѣ іюньскихъ дней, хотя вся правительственная власть была въ ихъ рукахъ. Сами по себѣ, они были малочисленны и слабы; они могли держаться только опираясь на другія партіи, которыя тогда всѣ сливались въ два большіе лагеря, почти поровну дѣлившіе между собою все народонаселеніе Франціи.

Съ одной стороны, соединились въ одну массу всѣ тѣ, идеалъ которыхъ былъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Нѣкогда они распадались на враждебныя партіи легитимистовъ и орлеанистовъ, смертельно ненавидѣвшія другъ друга. Но теперь вражда ихъ умолкла подъ грозою, одинаково страшною для всего, чѣмъ дорожили всѣ они одинаково. Въ прежнее время былъ между ними споръ о томъ, классу землевладѣльцевъ или классу капиталистовъ владычествовать во Франціи, фамильнымъ преданіямъ съ придворными нравами и феодальными стремленіями, или промышленной спекуляціи, съ биржевыми правилами и узкимъ либерализмомъ хитраго эгоизма. Теперь тотъ и другой интересъ подвергался одинаковой опасности, и для своего спасенія оба они слились въ одинъ интересъ—интересъ возвращенія господства надъ законами и администраціею тому, что называется превосходствомъ по имуществу или значительностью въ обществѣ. Люди, которымъ лично выгодно это возвращеніе, немногочисленны во Франціи. Но тогда каждый изъ нихъ имѣлъ за собою болѣе или менѣе значительное число кліентовъ, привыкшихъ слушаться или поставленныхъ въ необходимость повиноваться ему. Такъ, за капиталистами шли очень многіе изъ людей, зависѣвшихъ отъ нихъ по промышленнымъ дѣламъ, и голосу ихъ слѣдовало большинство въ сословіи торгующихъ людей и рентьеровъ, хотя эти маленькіе люди, если бы ясно сознавали свои выгоды, могли бы замѣтить, что биржа и банкиры вовсе не представляютъ ихъ интересовъ. За большими землевладѣльцами во многихъ провинціяхъ шли поселяне; по воспоминаніямъ феодальныхъ временъ и по ультрамонтанскимъ стремленіямъ заодно съ большими землевладѣльцами было католическое духовенство, пользовавшееся очень значительнымъ вліяніемъ на поселянъ. Такимъ образомъ, лагерь, желавшій возстановленія стараго порядка, располагалъ очень значительными силами.

Digitized by Google

Съ другой стороны были люди, желавшіе, какъ мы говорили, измѣненія въ матеріальныхъ отношеніяхъ сословій, желавшіе законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія быта низшихъ классовъ. Естественно было бы полагать, что вся масса простолюдиновъ станетъ на этой сторонѣ. Но знаніе о новыхъ мѣрахъ, предполагавшихся въ ихъ пользу, было распространено только между простолюдинами большихъ городовъ. Поселянинъ во Франціи ничего не читалъ, почти не встрѣчалъ образованныхъ людей, которые разсказали бы ему, въ чемъ дѣло. Потому реформаторы имѣли на своей сторонѣ только городскихъ простолюдиновъ; изъ сельскаго населенія, погруженнаго въ совершенное незнаніе, большая половина слѣдовала за своими обычными авторитетами,—землевладѣльцами и духовенствомъ, и только въ немногихъ, ближайшихъ къ большимъ городамъ, округахъ поселяне сочувствовали идеямъ городскихъ простолюдиновъ.

Посрединѣ между этихъ двухъ огромныхъ лагерей стояла немногочисленная армія умѣренныхъ республиканцевъ. Съ тѣмъ и другимъ станомъ были у ней сильныя причины къ несогласію, но съ тѣмъ вмѣстѣ и важныя точки соприкосновенія, подававшія возможность къ сближенію.

Отъ партій, желавшихъ сохраненія общественнаго быта въ прежнемъ его видѣ, умѣренные республиканцы раздѣлялись воспоминаніями жестокой вражды съ конца прошлаго вѣка до низверженія орлеанской системы. Еще важнѣе было разногласіе въ мнѣніяхъ о формѣ правительства. Реакціонеры ужасались слова „республика“,—не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были искренними монархистами, а просто потому, что представляли республику осуществленіемъ безграничной демократіи.

Отъ реформаторовъ умѣренные республиканцы отдѣлялись также воспоминаніями о борьбѣ, которая была менѣе продолжительна, но еще болѣе жестока, нежели борьба съ реакціонерами; притомъ же и воспоминанія эти были свѣжѣе; послѣдній и самый страшный актъ борьбы только что совершился и продолжались еще его послѣдствія: осадное положеніе, арестъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, стѣсненіе газетъ, и т. д. О коренномъ разногласіи въ идеяхъ мы уже говорили: умѣренные республиканцы хотѣли остановиться на измѣненіи политической формы, реформаторы утверждали, что оно ничего не значитъ безъ измѣненія въ сословныхъ отношеніяхъ, которое умѣренные республиканцы вмѣстѣ съ монархистами называли нелѣпою и гибельною химерою.

Причины къ раздору были, какъ видимъ, чрезвычайно важны. Но отношенія между тремя лагерями по матеріальной силѣ были таковы, что ни одинъ самъ по себѣ не могъ управлять Франціею нормальнымъ и прочнымъ образомъ,—получить рѣшительный перевѣсъ въ обществѣ могла каждая изъ трехъ главныхъ партій не иначе, какъ въ союзѣ съ другою. Въ послѣдствіи времени были заключаемы такіе союзы,—значитъ они были возможны, не смотря на всю силу взаимныхъ несогласій. Такъ въ концѣ 1849 года умѣренные республиканцы дѣйствовали дружно съ реформаторами противъ реакціонеровъ, а позднѣе за одно съ монархистами противъ Луи Наполеона. Но тотъ и другой союзъ былъ слишкомъ позденъ. Во время враждебныя партіи не хотѣли и слышать о прекращеніи борьбы, которая поочередно погубила ихъ. Теперь насъ занимаетъ исторія умѣренныхъ республиканцевъ; потому, оставляя въ сторонѣ ошибки, сдѣланныя другими партіями, мы посмотримъ только, какія ошибки были причиною низверженія этой партіи.

Digitized by Google

Въ половинѣ 1848 года всѣ люди всѣхъ партій одинаково чувствовали, что первой необходимостью для Франціи было учрежденіе прочнаго правительства. Прочность не зависѣла тутъ отъ имени и формы, а единственно отъ того, чтобы партія, которая управляла бы государствомъ, имѣла на своей сторонѣ рѣшительное и прочное большинство въ націи. Ни одна изъ партій, взятыхъ въ отдѣльности, не имѣла этого большинства, и всего менѣе могли обольщаться въ этомъ случаѣ умѣренные республиканцы, на каждомъ шагу получавшіе доказательства своей малочисленности. Кратчайшимъ путемъ къ полученію поддержки большинства былъ бы для нихъ прямой союзъ съ одною изъ двухъ многочисленныхъ партій. На какихъ условіяхъ былъ возможенъ тогда этотъ союзъ?

Реакціонеры ужасались слова республика вовсе не потому, чтобы были искренними монархистами: они скоро примкнули къ Луи Наполеону, сопернику Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома. Истинной привязанности къ монархической формѣ у большей части изъ нихъ было такъ мало, что они съ удовольствіемъ согласились бы на республику, если бы только сохранилось въ этой республикѣ преобладаніе высшихъ классовъ. Отъ республиканской формы умѣренные республиканцы не могли бы отказаться ни въ какомъ случаѣ, но этой уступки пока отъ нихъ и не требовалось бы; возможна ли была уступка, которая дѣйствительно требовалась реакціонерами? Умѣренные республиканцы имѣли чрезвычайное пристрастіе называть себя демократами; вотъ именно эта-то прибавка къ слову республиканецъ и возмущала реакціонеровъ; а между тѣмъ былъ ли въ этой прибавкѣ какой нибудь реальный смыслъ? Было ли практическое значеніе? По правдѣ говоря, вовсе нѣтъ. Гордясь именемъ демократовъ, умѣренные республиканцы гнушались именемъ демагоговъ, а демагогами называли всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли дѣйствовать возбужденіемъ массъ для достиженія цѣлей, сообразныхъ съ выгодами массъ. Какой же реальный смыслъ оставался послѣ того за именемъ демократъ? Тотъ, что умѣренные республиканцы не хотѣли допустить такого преобладанія аристократическихъ элементовъ, какое видѣли въ Англіи; имъ больше нравилось устройство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Но во Франціи аристократическіе элементы вовсе не имѣютъ той силы, какъ въ Англіи, и далеко не имѣли въ 1848 году притязанія сдѣлать изъ Франціи Англію; все, чего въ сущности желали они, ограничивалось спокойствіемъ на улицахъ и сохраненіемъ прежнихъ сословныхъ отношеній. Въ сущности того же самаго желали и умѣренные республиканцы. Къ чему же послѣ того было умѣреннымъ республиканцамъ такъ шумно кричать о своемъ демократизмѣ, запугивая этимъ громкимъ словомъ добрыхъ людей, не замѣчавшихъ, что демократъ становится пустѣйшимъ и безсильнѣйшимъ изъ людей, какъ скоро придумываетъ разницу между демократизмомъ и демагогіею? Неразсчетливо было со стороны умѣренныхъ республиканцевъ отталкивать отъ себя реакціонеровъ словомъ безъ реальнаго значенія; неразсчетливо было и со стороны реакціонеровъ изъ-за пустой парадной похвальбы отстраняться отъ людей, у которыхъ за душой не было въ сущности ничего непримиримаго съ тогдашними потребностями реакціонеровъ.

Та и другая партія забывали объ однаковости своихъ настоящихъ желаній изъ-за споровъ объ именахъ и историческихъ воспоминаніяхъ. Онѣ могли бы дѣйствовать дружно, но не хотѣли того. Реакціонеры непремѣнно хотѣли низвергнуть умѣренныхъ республиканцевъ изъ-за ихъ пустой претензіи на демократизмъ. Если умѣренные республиканцы никакъ не рѣшались отказаться отъ пустого слова для

Digitized by Google

привлеченія на свою сторону реакціонеровъ, то не могли ли они вступить въ союзъ съ реформаторами?

Тутъ недоразумѣніе было еще нелѣпѣе. Умѣренные республиканцы, восхищаясь своимъ демократизмомъ, еще съ большимъ усердіемъ кричали, что хоть они и демократы, но презираютъ и ужасаются демагоговъ. Крикъ о демагогахъ былъ такъ шуменъ и производился съ такимъ серьёзнымъ выраженіемъ лица, какъ будто въ самомъ дѣлѣ, въ 1848 году, Франціи угрожали какіе нибудь Іоганны Лейденскіе и Томасы Мюнцеры, или, по крайней мѣрѣ, Дантоны. А на самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были идеи реформаторовъ, но сами реформаторы никакъ не должны были бы внушать ужаса,—справедливы или ошибочны, практичны или неосуществимы были ихъ мнѣнія, но сами по себѣ эти люди ни мало не походили на возмутителей, опасныхъ для спокойствія парижскихъ улицъ. Это были люди не уличныхъ волненій, а ученыхъ разсужденій въ тишинѣ кабинета, заваленнаго головоломными книгами; даже говорить въ многочисленномъ обществѣ очень немногіе изъ нихъ были способны, и почти каждый изъ нихъ былъ силенъ только съ перомъ въ рукѣ, за письменнымъ столомъ. Дѣйствія такимъ людей не могли въ сущности представлять ничего опаснаго для матеріальнаго порядка. Но быть можетъ, ихъ мнѣнія и требованія были неудобоисполнимы или опасны?

О ихъ общихъ теоріяхъ мы не хотимъ здѣсь говорить потому, что не ихъ партія служитъ предметомъ нашей статьи: мы должны показать только ихъ отношенія, въ послѣдней половинѣ 1848 года, къ партіи, главою которой былъ Кавеньякъ. Послѣ іюньскихъ дней, тѣ силы, которыми могли бы осуществляться теоріи реформаторовъ, были сокрушены и надолго уничтожена всякая надежда реформаторовъ имѣть правительственную власть. Дѣла приняли такой оборотъ, что надобно было ждать чрезвычайнаго вліянія реакціонной партіи на ходъ событій. Требованія реформаторовъ не простирались уже до того, чтобъ ихъ теоріи приводились въ исполненіе правительствомъ; они почли бы себя чрезвычайно счастливыми уже и тогда, если бы хотя половина тѣхъ обѣщаній, которыя два-три мѣсяца тому назадъ давались не только умѣренными республиканцами, но и реакціонерами, была исполнена. И тутъ были громкія слова, служившія предметомъ споровъ, напримѣръ „право на трудъ“, но подъ громкими словами скрывались теперь требованія, самыя скромныя: хотя сколько нибудь дѣйствительной заботливости со стороны правительства о помощи стѣсненному положенію низшихъ классовъ, и реформаторы были бы довольны. Не только умѣренные республиканцы, но и всѣ разсудительные люди между реакціонерами были убѣждены въ необходимости позаботиться объ улучшеніи быта низшихъ классовъ. Въ большинствѣ и умѣренныхъ республиканцевъ, и даже реакціонеровъ, это убѣжденіе было не только внушеніемъ разсчета, но и искреннимъ желаніемъ. Кромѣ немногихъ, нравственно-дурныхъ людей, всѣ желали позаботиться о распространеніи образованія между простолюдинами, объ улучшеніи ихъ квартиръ, объ улучшеніи мелкаго кредита, къ которому они прибѣгаютъ, объ избавленіи ихъ отъ ростовщиковъ и т. д. Между умѣренными республиканцами не было ни одного, который не имѣлъ бы этихъ желаній, а серьёзной заботы объ исполненіи этихъ желаній было бы довольно для пріобрѣтенія поддержки со стороны реформаторовъ. Но вмѣсто того, чтобы заботиться о вещахъ, которыя всѣмъ казались и полезны и практичны, умѣренные республиканцы предпочли спорить противъ разныхъ призраковъ и проводили время

Digitized by Google

въ опроверженіи требованій, которыхъ никто не предлагалъ, но существованіе которыхъ предполагалось умѣренными республиканцами. Самая простая, самая легкая мѣра вызывала противъ себя крики о невозможности и опасности, потому что подъ нею всегда предполагалась какая нибудь громадная теорія. Призракъ матерьяльной демагогіи, за которую не хотѣлъ или не былъ способенъ приниматься ни одинъ изъ реформаторовъ, и призракъ утопическихъ теорій, которыхъ никто не хотѣлъ приводить въ исполненіе въ тогдашнее время,—эти нелѣпые призраки не давали умѣреннымъ республиканцамъ и подумать о союзѣ съ реформаторами, которыхъ имъ угодно было воображать себѣ съумасшедшими людоѣдами.

Такимъ образомъ, по существенному положенію серьезнаго дѣла, умѣреннымъ республиканцамъ былъ бы возможенъ союзъ съ какимъ угодно изъ двухъ враждебныхъ лагерей, раздѣлявшихъ между собою населеніе Франціи. Но отчасти воспоминаніе о прежнихъ причинахъ вражды, отчасти громкія слова, пугавшія воображаемымъ значеніемъ, котораго не имѣли, препятствовали сближенію. Вѣроятно, если бы въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ предводители были великими государственными людьми, эти затрудненія были бы устранены своевременно и партія умѣренныхъ республиканцевъ пріобрѣла бы прочную опору себѣ или отъ реакціонеровъ, или отъ реформаторовъ, смотря потому, съ какимъ изъ этихъ лагерей нашла бы она болѣе точекъ одинаковости въ стремленіяхъ. Намъ кажется, что если бы умѣренными республиканцами руководили такіе люди, какъ Ришльё, Штейнъ или Робертъ Пиль, то она предпочла бы сближеніе съ реформаторами. Несмотря на всю жестокость іюньскихъ битвъ и слѣдовавшихъ за ними проскрипцій, реформаторы легче, нежели реакціонеры, согласились бы поддерживать умѣренныхъ республиканцевъ: послѣ іюньскихъ дней, реакціонеры стали такъ самонадѣянны, что внушали уже чрезвычайно серьезныя опасенія реформаторамъ и, такимъ образомъ, самая жестокость пораженія, нанесеннаго реформаторамъ умѣренными республиканцами, заставляла этихъ послѣднихъ быть склонными къ поддержкѣ побѣдителей, за которыми выказывались грозныя полчища людей, одинаково враждебныхъ и побѣжденныхъ, и побѣдителямъ. Но въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ не доставало государственнаго благоразумія на вступленіе въ рѣшительный союзъ ни съ тою, ни съ другой изъ партій, имѣвшихъ наиболѣе существеннаго могущества. Они вздумали держаться собственными силами. Ошибка эта была очень важна; она основывалась на странномъ самообольщеніи относительно своихъ силъ. Умѣренные республиканцы какъ будто не знали, что ихъ образъ мыслей, основанный на теоретическихъ соображеніяхъ, а не на матерьяльныхъ сословныхъ выгодахъ и потребностяхъ, по необходимости можетъ имѣть своими послѣдователями только небольшое число тѣхъ людей, которые дѣйствуютъ въ жизни не по требованію житейскихъ интересовъ, а по правиламъ отвлеченной теоріи; они воображали, что умозаключенія, а не интересы руководятъ людьми. Отъ людей, впадавшихъ въ такое отвлеченное заблужденіе, едва ли можно ожидать ловкаго практическаго образа дѣйствій; но если бы они дѣйствовали практично, то могли бы даже безъ союза съ сильнѣйшими партіями сдѣлать очень многое для утвержденія своихъ идей въ государственной жизни французской націи.

Положимъ, что они были совершенно неисправимы въ основномъ своемъ заблужденіи, въ томъ, что считали себя гораздо болѣе многочисленными, нежели

Digitized by Google

какъ были на самомъ дѣлѣ; но все-таки они очень хорошо знали, что слишкомъ значительная часть народонаселенія Франціи не сочувствуетъ ихъ политическимъ мнѣніямъ. Они должны были употребить всѣ заботы, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ. Пріобрѣтать прозелитовъ своимъ убѣжденіямъ вовсе не такъ легко, какъ находить союзниковъ своимъ интересамъ; но все-таки искусный государственный человѣкъ можетъ довольно быстро распространить свои понятія въ массѣ, если будетъ заботиться объ удовлетвореніи тѣхъ матеріальныхъ потребностей націи, которыя не противны его убѣжденіямъ. Умѣренные республиканцы имѣли въ своихъ рукахъ правительственную власть, и при малѣйшемъ искусствѣ въ парламентской тактикѣ могли вѣрно разсчитывать на поддержку большинства въ Національномъ Собраніи; это было уже очень важное преимущество. Нѣсколько мѣсяцевъ имъ оставалось для того, чтобы укрѣпиться въ занимаемомъ ими положеніи, и если бы они съумѣли воспользоваться этимъ временемъ, они могли бы утвердиться довольно прочно. Люди, которые, управляя дѣлами нѣсколько мѣсяцевъ, не будутъ въ концѣ ихъ гораздо сильнѣе, нежели были въ началѣ, неспособны управлять дѣлами.

Не вступая въ союзъ съ многочисленнѣйшими партіями, умѣренные республиканцы не должны были надѣяться на помощь отъ людей, предводительствовавшихъ этими партіями; но масса никогда не имѣетъ непоколебимыхъ и ясныхъ политическихъ убѣжденій; она слѣдуетъ впечатлѣніямъ, какія производятся отдѣльными событіями и отдѣльными важными мѣрами. Эту массу могли бы привлечь къ себѣ умѣренные республиканцы, если бы позаботились о томъ, чтобы ихъ управленіе производило выгодныя впечатлѣнія на массу и удовлетворяло тѣмъ ея желаніямъ, которыя могли они исполнить не измѣняя своему образу мыслей.

Государственный бюджетъ всегда составляетъ одну изъ самыхъ общихъ и сильныхъ причинъ довольства или недовольства въ массахъ. Франція жаловалась на обременительность податей; особенно силенъ былъ общій ропотъ противъ обременительныхъ налоговъ на соль и на вино и противъ пошлинъ, собираемыхъ въ городахъ съ съѣстныхъ припасовъ (octroi). Съ самаго Наполеона непрерывно шелъ этотъ ропотъ; каждое правительство, заботясь при своемъ началѣ о популярности, обѣщало отмѣнить налоги на соль и вино; ни одно не считало потомъ нужнымъ сдержать это обѣщаніе и при каждомъ переворотѣ одною изъ сильнѣйшихъ причинъ того глухаго неудовольствія, которое предшествовало волненію, былъ ропотъ на эти налоги. Соль и вино участвовали въ паденіи Наполеона, Бурбоновъ и Орлеанской династіи. Уничтожить городскія пошлины съ провизіи было бы не менѣе полезно: пока на нихъ роптали только горожане, но зато отъ горожанъ зависѣла прочность правительства еще больше, нежели отъ поселянъ; при томъ, если существованіе этихъ пошлинъ не безпокоило поселянъ, то уничтоженіе ихъ скоро было бы признано за благодѣяніе и поселянами, потому что увеличилось бы тогда потребленіе мяса, хлѣба и т. д. въ городахъ, стало быть развилась бы торговля сельскими продуктами. Налоги на соль и вино доставляли государству около двухъ сотъ мильоновъ франковъ, и при огромности французскаго бюджета было бы легко произвесть эту экономію; если же не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ, то желанія массы указывали источникъ, изъ котораго было бы легко съ избыткомъ получать эти двѣсти мильоновъ. Какъ обременительны казались налоги на вино и соль, такъ, напротивъ, чрезвычайно попу-

Digitized by Google

лярно было бы учрежденіе подати съ капитала или съ дохода. Ничѣмъ нельзя было бы въ дѣлахъ финансовыхъ такъ угодить массѣ народа, какъ обращеніемъ косвенныхъ налоговъ въ прямые. Пошлины съ съѣстныхъ припасовъ поступали въ городскіе доходы,—эти пошлины также легко было бы замѣнить прямыми налогами.

Кромѣ постоянныхъ налоговъ, чрезвычайный ропотъ былъ возбужденъ нелѣпымъ временнымъ увеличеніемъ поземельнаго налога на 1848 г. Этотъ временный добавочный налогъ равнялся почти половинѣ основнаго налога и по смѣтѣ долженъ былъ доставить до двухъ сотъ мильоновъ франковъ, но на дѣлѣ доставилъ гораздо менѣе, потому что никто не хотѣлъ его платить. Въ первой статьѣ мы уже упоминали, что онъ былъ одною изъ главныхъ причинъ реакціи, обнаружившейся противъ февральскаго переворота. Надобно было отмѣнить эту неудачную мѣру, черезъ нѣсколько дней послѣ февральской революціи придуманную однимъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ, Гарнье-Паже.

Эти облегченія были бы необходимы даже въ томъ случаѣ, если бы умѣренные республиканцы не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ,—въ такомъ случаѣ надобно было бы, какъ мы говорили, замѣнить уничтоженные косвенные налоги прямыми; но народныя желанія требовали значительнаго сокращенія бюджета, который былъ доведенъ до страшныхъ размѣровъ расточительнымъ управленіемъ Луи-Филиппа, при которомъ въ теченіи 18 лѣтъ государственные расходы и вмѣстѣ съ ними подати увеличились вдвое. Изъ 1800 мильоновъ франковъ надобно было бы довести расходы не болѣе какъ до 1200 мильоновъ. Благоразумные политико-экономисты видѣли въ этомъ государственную необходимость. Умѣренные республиканцы признавали справедливость ихъ словъ, но ничего важнаго не сдѣлали для исполненія этой необходимости.

Другимъ общимъ желаніемъ дѣльныхъ людей всѣхъ партій было отмѣненіе тѣхъ излишествъ административной централизаціи, которыя обременяли чиновниковъ и самымъ утомительнымъ образомъ стѣсняли дѣятельность частнаго человѣка, ровно никому не принося пользы и ни для чего не будучи нужны. Чтобы починить какой нибудь дрянный мостъ черезъ ручей въ какомъ нибудь селѣ, надобно было испрашивать разрѣшенія отъ министра. Постройка домовъ, мощеніе улицъ—для всего этого нужны были позволенія и предписанія отъ парижскаго правительства. Умѣренные республиканцы, конечно, понимали неудобства этого порядка, связывавшаго всю Францію, сами реакціонеры говорили объ этомъ благоразумно. Но и тутъ ничего не было сдѣлано.

Стѣснительныя мѣры, казавшіяся необходимостью послѣ іюньскихъ событій, лишали умѣренныхъ республиканцевъ популярности при началѣ управленія Кавеньяка. Ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя мы сейчасъ перечислили, и которыя могли бы уменьшить эту непопулярность, не была принята правительствомъ умѣренныхъ республиканцевъ въ продолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за учрежденіемъ ихъ правительства. Быть можетъ, достаточнымъ извиненіемъ тому могли быть безчисленныя хлопоты и затрудненія, въ которыя впутывалось новое правительство; во всякомъ случаѣ, умѣренные республиканцы надѣялись черезъ нѣсколько времени продолжать свое управленіе лучше, нежели начали его. Они надѣялись раньше или позже пріобрѣсть популярность, которой лишены были лѣтомъ и осенью 1848 года. Такимъ образомъ, по ихъ собствен-

Digitized by Google

ному мнѣнію, весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою власть до той поры, когда пріобрѣтется ими популярность. Выиграть время—для нихъ было бы выиграть дѣло.

Было нѣсколько средствъ для нихъ продлить свою власть. Она вручена была Кавеньяку временнымъ образомъ отъ Національнаго Собранія и Національное Собраніе сначала не хотѣло торопить его прекращеніемъ этого положенія. Зная свою непопулярность въ настоящее время, умѣренные ретпубликанцы могли бы прибѣгнуть къ средству, которое надолго упрочило бы ихъ тогдашнее положеніе и даже сдѣлало бы ихъ любимцами народа. Точно также, какъ и всѣ французы, они чувствовали желаніе, чтобы Франція заняла въ Западной Европѣ то первенствующее положеніе, которымъ пользовалась при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ. Они считали униженіемъ для Франціи трактаты 1815 года. Сосѣднія страны представляли много удобныхъ случаевъ для начатія войны на Рейнѣ или въ Италіи. Италія нуждалась въ помощи французовъ противъ австрійцевъ. Прирейнскія области Пруссіи и всѣ государства западной Германіи находились въ такомъ положеніи, что французская армія могла явиться въ Германію союзницею одной изъ партій, готовившихся вооруженною рукою рѣшать споръ о сохраненіи или измѣненіи порядка дѣлъ въ Германіи.

Но, не принимая никакой рѣшительной мѣры, Кавеньякъ и его друзья давали проходить одному мѣсяцу за другимъ, пока уже поздно было вознаграждать потерянное время. Чего же ждали они и на что надѣялись? Они, кажется, воображали, что все устроится по ихъ желанію однимъ магическимъ дѣйствіемъ тѣхъ громкихъ словъ, въ неотразимую очаровательность которыхъ они вѣрили; они, кажется, предполагали, что Франція находитъ ихъ людьми необходимыми, потому что они сохраняютъ порядокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ защищаютъ слово республика, какъ будто бы слово республика могло восхищать само собою кого нибудь, кромѣ немногочисленныхъ и безсильныхъ теоретиковъ, и какъ будто реакціонеры не считались гораздо лучшими ревнителями порядка, нежели республиканцы.

Наконецъ, былъ еще одинъ путь для удержанія власти: можно было сохранять свое владычество при помощи фактической силы, отстраняя формальное выраженіе національныхъ желаній. Умѣренные республиканцы могли говорить, что партіи, раздѣляющія между собою Францію, находятся въ такой враждѣ между собою, изъ которой снова легко можетъ возникнуть междоусобная война при первомъ поводѣ къ тому (и это было бы правда); что потому оффиціальныя проявленія народной жизни, слишкомъ волнующія массу, какъ, напримѣръ, государственные выборы и особенно выборъ президента республики, должны быть отложены на нѣкоторое время, пока умы успокоятся. Они не сдѣлали этого, не умѣли во-время предвидѣть результата, къ которому приведетъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій при тогдашней перепутанности понятій.

Умѣренные республиканцы не имѣли столько благоразумія, чтобы отсрочить на годъ или на полтора года выборъ президента республики. Но когда обнаружилось, что ихъ кандидатъ Кавеньякъ не имѣетъ вѣроятности быть избраннымъ, у нихъ оставалось еще средство въ значительной степени уменьшить вредныя для нихъ послѣдствія этой ошибки. Они уже предвидѣли, что исполнительная власть перейдетъ въ руки кандидата противныхъ имъ партій. Но въ Національномъ Собраніи, у котораго законодательная власть могла оставаться еще очень на долго,

Digitized by Google

большинство принадлежало имъ. Политическій разсчетъ долженъ былъ говорить имъ, что слѣдуетъ какъ можно болѣе увеличить вліяніе законодательной власти и какъ можно болѣе подчинить ей исполнительную. Они не сдѣлами и этого, пожертвовавъ и собственными выгодами, и спокойствіемъ государства отвлеченному соображенію о томъ, что исполнительная власть должна быть сильна и независима.

При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могла бы удержать за собою власти партія, дѣйствовавшая такъ непредусмотрительно и нерѣшительно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ постепенно исчезло то могущество, которое было утверждено за умѣренными республиканцами іюньскою побѣдою. Напрасно было бы винить въ томъ обстоятельства: если много было въ нихъ затруднительнаго и неблагопріятнаго, то еще больше было выгоднаго для умѣренныхъ республиканцевъ; сами по себѣ они были довольно слабы, но у нихъ въ рукахъ было все то могущество, которое дается государственною властью; при томъ же всѣ другія партіи, хотя и болѣе многочисленныя, были въ то время еще слабѣе умѣренныхъ республиканцевъ; однѣ изъ нихъ были поражены въ іюнѣ, другія въ февралѣ, и ни одна не успѣла еще оправиться послѣ пораженія. Ихъ слабость доходила до безнадежности и ни одна не отваживалась даже и предъявлять притязаній на то, чтобы заступить мѣсто умѣренныхъ республиканцевъ въ управленіи государствомъ. И когда пришло время борьбы за власть, единственнымъ опаснымъ соперникомъ умѣренныхъ республиканцевъ явился кандидатъ, тогда еще не имѣвшій никакого самостоятельнаго политическаго значенія и обязанный своимъ успѣхомъ преимущественно тому, что его поддерживали люди, въ сущности столько же враждебные ему, какъ и умѣреннымъ республиканцамъ,—поддерживали оттого, что считали его еще гораздо болѣе слабымъ, нежели были сами. При такомъ безсиліи соперниковъ, легко было бы надолго удержать за собою власть умѣреннымъ республиканцамъ, если бы они были хотя сколько нибудь практическими людьми. Но за блескомъ и шумомъ своихъ отвлеченныхъ формулъ они не видѣли и не слышали ничего, и каждое событіе было для нихъ неожиданностью, которой они беззащитно уступали до тѣхъ поръ, пока наконецъ были совершенно оттѣснены отъ власти, которою не умѣли пользоваться.

Таковъ общій характеръ событій французской исторіи съ конца іюня до конца ноября 1848 года. Краткій обзоръ этихъ событій подтвердитъ старую истину, что непредусмотрительность и нерѣшительность въ государственныхъ дѣлахъ гибельны бываютъ и для государства и для людей, неумѣющихъ пользоваться властью.

По укрощеніи возстанія, Кавеньякъ явился въ Національное Собраніе и объявилъ, что возвращаетъ ему ту диктаторскую власть, которую получилъ отъ него на время битвы. Собраніе рѣшило, что опасность еще продолжается, и потому просило Кавеньяка оставаться главою правительства, предоставивъ ему право по своему усмотрѣнію составить министерство. Выборомъ министровъ и другихъ важнѣйшихъ сановниковъ Кавеньякъ и умѣренные республиканцы, имъ руководившіе, показали, какими ошибочными соображеніями руководились они, когда рѣшили, что диктатура должна быть продолжена. Большинство министровъ было взято изъ умѣренныхъ республиканцевъ, но нѣкоторые важнѣйшіе посты были ввѣрены людямъ изъ старинныхъ партій, управлявшихъ Франціею съ 1815 до 1848 года.

Digitized by Google

Военнымъ министромъ былъ сдѣланъ Ламорисьеръ, другъ принцевъ Орлеанскаго дома. Этотъ выборъ не былъ впрочемъ опасенъ для республики: человѣкъ честный, Ламорисьеръ не интриговалъ противъ правительства, участникомъ котораго былъ. Гораздо больше опасности представляло назначеніе генерала Шангарнье комендантомъ парижской національной гвардіи: Шангарнье всячески хлопоталъ о возстановленіи системы, разрушенной въ февралѣ, и былъ извѣстенъ неумѣренностію своихъ реакціонныхъ стремленій. Выборъ его на столь важное мѣсто доказывалъ, что умѣренные республиканцы хотятъ опираться на реакціонеровъ, что свою диктатуру они хотятъ направить исключительно противъ реформаторовъ, которыхъ однихъ считаютъ опасными для государственнаго порядка.

Это прямо обнаруживалось рѣчами и дѣйствіями умѣренныхъ республиканцевъ въ Національномъ Собраніи, о которомъ пора намъ сказать нѣсколько словъ, потому что съ іюля до половины ноября отъ его рѣшенія зависѣли всѣ важнѣйшія дѣла.

Изъ девятисотъ „представителей народа“, составлявшихъ Національное Собраніе, до 350 человѣкъ принадлежали разнымъ реакціоннымъ партіямъ. Они сидѣли на правой сторонѣ залы. Около 300 человѣкъ, сидѣвшіе въ центрѣ, нѣсколько ближе къ лѣвой, нежели къ правой сторонѣ, были умѣренные республиканцы. Наконецъ лѣвую сторону занимали крайніе республиканцы и реформаторы, которыхъ находилось въ Собраніи до 250 человѣкъ. При такомъ распредѣленіи, большинство партій составлялось только посредствомъ соединенія двухъ партій изъ числа трехъ. Чтобы проводить свои мѣры, правительство, кромѣ прямыхъ своихъ приверженцевъ, должно было имѣть поддержку или отъ лѣвой стороны, — въ такомъ случаѣ предложенія правительства имѣли бы за себя большинство около 200 голосовъ,—или поддержку отъ правой стороны, и въ такомъ случаѣ большинство доходило бы до 400 голосовъ. Люди, незнакомые съ парламентскою тактикою, могутъ подумать, что при такомъ распредѣленіи голосовъ, для полученія поддержки съ той или другой стороны, центральная партія должна была дѣлать много уступокъ той партіи, голоса которой хочетъ имѣть. Вовсе нѣтъ; ни та, ни другая изъ крайнихъ партій не могла имѣть никакой надежды пріобрѣсть большинство своимъ собственнымъ мѣрамъ, потому что онѣ встрѣчали бы сопротивленіе въ обѣихъ остальныхъ партіяхъ, стало быть могли имѣть большинство только такія мѣры, которыя выходили бы отъ центральной партіи. Она могла по произволу выбрать себѣ поддержку съ той или съ другой стороны, и тутъ должно происходить нѣчто подобное тому, какъ бываетъ при встрѣчѣ двухъ продавцевъ съ однимъ покупщикомъ: тотъ и другой продавецъ наперерывъ другъ передъ другомъ понижаетъ цѣну до послѣдней крайности и радъ довольствоваться самою незначительною выгодою.

Малѣйшее предпочтеніе, оказываемое центральною партіею правой сторонѣ надъ лѣвою, или наоборотъ, уже пріобрѣтаетъ ей голоса этой стороны. Мало того: нужно только, чтобы центральная партія выказывала больше нелюбви, напримѣръ, къ лѣвой сторонѣ, нежели къ правой, и правая сторона будетъ самымъ усерднымъ образомъ поддерживать центръ, хотя бы центръ и съ нею обходился очень сурово. Это преобладаніе центра въ рѣшеніи дѣлъ доходитъ до того, что искусные парламентскіе предводители, съ центральною партіею изъ 50 человѣкъ, могутъ управлять рѣшеніями собранія, состоящаго изъ 500 человѣкъ. И такъ, умѣренные

Digitized by Google

республиканцы, имѣя цѣлую третью часть голосовъ и занимая средину между двумя крайними партіями, почти равносильными, должны были рѣшительно господствовать въ Національномъ Собраніи. Имъ довольно было рѣшительно отталкивать отъ себя одну изъ этихъ партій, чтобы имѣть горячую поддержку со стороны другой. Какую же изъ двухъ партій будутъ они преслѣдовать? вотъ вопросъ, представлявшійся имъ послѣ іюньскихъ дней. Лѣвая сторона была лишена сильнѣйшихъ своихъ предводителей въ Парламентѣ и потеряла свою армію внѣ Парламента. Она не могла теперь быть опасна, какъ бы громко ни выражала свой гнѣвъ. Всякое снисхожденіе отъ центра она приняла бы безъ всякихъ условій. Но центръ не видѣлъ настоящаго; ему все чудились страшные призраки іюньскихъ дней; онъ воображалъ, что завтра, послѣ завтра могутъ снова стать на баррикаду сорокъ тысячъ пролетаріевъ, забывая, что уже не осталось въ Парижѣ пролетаріевъ, способныхъ драться. Умѣренные республиканцы воображали, что черезъ недѣлю послѣ Іены и Ауэрштета, пруссаки могли разбить Наполеона, что Наполеонъ на другой день послѣ Ватерлоо могъ дать новую генеральную битву. Они твердили, что ужасаются страшныхъ замысловъ лѣвой стороны. Этимъ неразсчетливымъ выраженіемъ пустаго страха они лишили себя всѣхъ выгодъ своего центральнаго положенія, объявивъ, что имъ нѣтъ выбора между правою и лѣвою стороною. Естественно, стала черезъ это въ очень выгодное положеніе правая сторона. Центръ объявлялъ, что она ему необходима и она могла дорого продавать свои голоса. Подъ вліяніемъ пустаго страха, центръ такъ сильно погнулся на правую сторону, что потерялъ всякое равновѣсіе и можно было увлекать его все дальше и дальше направо. А между тѣмъ опасность ему была послѣ іюньскихъ дней справа, а не слѣва. Силами реакціонеровъ была выиграна іюньская побѣда, и побѣдители, конечно, были гораздо требовательнѣе, нежели побѣжденные. Никакія уступки со стороны центра не удовлетворяли правую сторону; съ каждымъ днемъ она дѣлалась все настойчивѣе, интриговала смѣлѣе и вынуждала у центра новыя уступки.

Возвращая диктатуру Кавеньяку, центръ прямо говорилъ, что эта диктатура направлена исключительно противъ лѣвой стороны, и что для поддержанія своей власти онъ будетъ опираться исключительно на правую сторону. Онъ давалъ вѣру всѣмъ слухамъ о заговорахъ и замыслахъ лѣвой стороны и отвергалъ, какъ клевету, всѣ подобные слухи о правой сторонѣ, выставлялъ опасными всѣ мелкіе безпорядки, при которыхъ слышались крики, бывшіе лозунгомъ лѣвой стороны, и оправдывалъ всѣ подобные случаи, выходившіе съ правой стороны. Кавеньякъ запретилъ большую часть газетъ лѣвой стороны, хотя онѣ нападали только на людей и отдѣльныя распоряженія, а не на самую форму правительства тогдашней Франціи, и охранялъ всѣ газеты правой стороны, хотя онѣ открыто стремились къ низверженію той формы правительства, представителемъ и защитникомъ которой былъ онъ,—побѣжденная революція представлялась ему болѣе серьёзнымъ врагомъ, нежели побѣдоносная реакція. Скоро для обузданія лѣвой стороны были предложены центромъ три закона: по первому, каждая политическая газета была обязана внести въ казну 24,000 франковъ (6,000 р. с.), какъ обезпеченіе въ уплатѣ штрафовъ, которые могутъ быть на нее наложены; по второму, назначались тяжелыя наказанія за газетныя статьи, противныя общественному порядку; по третьему, клубы подвергались строгому полицейскому надзору.

Этими законами совершенно разрушалось равновѣсіе между правою и лѣвою

Digitized by Google

стороною въ средствахъ политической дѣятельности. Уже и прежде правой сторонѣ было дано гораздо больше простора, нежели лѣвой; теперь послѣдняя была чрезвычайно стѣснена, между тѣмъ какъ до правой стороны новые законы вовсе не касались. Правая сторона была гораздо богаче лѣвой. Газеты правой стороны безъ хлопотъ взяли у своихъ патроновъ требуемыя обезпеченія: вмѣсто 24,000, каждая изъ нихъ, не стѣсняясь, нашла бы и 240,000 франковъ. Тѣ проступки, которые совершались газетами правой стороны, оставались безъ преслѣдованія, между тѣмъ какъ газеты противной партіи безпрестанно отдавались подъ судъ и осуждались на штрафы. Клубы для лѣвой стороны были тѣмъ, чѣмъ балы, большіе обѣды и фойе Оперы и Французскаго Театра для правой: преслѣдуя тѣ собранія, въ которыхъ разсуждали о политикѣ приверженцы лѣвой стороны, полиція предоставляла полнѣйшую свободу всѣмъ совѣщаніямъ правой стороны.

Просимъ читателя не забывать точки зрѣнія, съ которой мы излагаемъ событія. Мы говоримъ вовсе не о томъ, хороши или дурны были убѣжденія той или другой партіи. Наша цѣль вовсе не теоретическій разборъ различныхъ политическихъ убѣжденій, существовавшихъ въ Франціи въ 1848 году; до нихъ намъ нѣтъ никакого дѣла; до нихъ мало дѣла даже и французамъ настоящаго времени: въ десять лѣтъ всѣ эти убѣжденія совершенно устарѣли и нѣтъ теперь во Франціи человѣка, который думалъ бы о вещахъ точно такъ, какъ думалъ въ 1848 году. Но если вопросы и обстоятельства въ различныхъ странахъ и въ разное время бываютъ различны, то правила благоразумія во всѣхъ странахъ вѣчно неизмѣнны. Только эта сторона событій, сохраняющая навсегда интересъ для жизни, интересуетъ насъ здѣсь. Каковы были мнѣнія умѣренныхъ республиканцевъ, намъ нѣтъ дѣла; мы хотимъ только знать, благоразумно ли поступали они; каковы были цѣли, которыя имѣли они въ виду,—вопросъ посторонній для насъ; намъ хочется только показать, что они не умѣли выбирать средствъ для достиженія цѣлей, и изъ ихъ ошибокъ вывесть нѣкоторыя правила, въ родѣ знаменитаго латинскаго стиха, примѣняющагося ко всему, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ:

Quidquid agis, prudenter agas, et respice finem,—

„Что̀ бы ты ни дѣлалъ, поступай благоразумно и разсчитывай послѣдствія своихъ поступковъ“. Быть можетъ, образъ мыслей умѣренныхъ республиканцевъ былъ вреденъ для государства; лично мы даже увѣрены въ этомъ. Быть можетъ, для Франціи было счастьемъ, что вмѣсто Кавеньяка правителемъ Франціи сдѣлался Луи Наполеонъ,—многіе говорятъ это. Мы вовсе не сравниваемъ этихъ двухъ людей по образу мыслей; мы разсматриваемъ только, до какой степени надобно приписать Кавеньяку и умѣреннымъ республиканцамъ торжество Луи Наполеона, и находимъ, что они постоянно дѣйствовали въ пользу ему и во вредъ себѣ; а такъ какъ они хотѣли вовсе не того, то мы и находимъ, что они держали себя неразсчетливо: для того, чтобы обнаружить эту неразсчетливость, мы должны показывать, въ чемъ должны были бы состоять для нихъ внушенія благоразумія. Быть можетъ, правая сторона по образу мыслей была совершенно справедлива; но ея усиленіе вело ко вреду центра, потому и неразсчетливо поступалъ центръ, содѣйствуя [illegible] Онъ долженъ былъ или самъ принятьмнѣнія правой стороны, и[illegible] онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Правая сторона

Digitized by Google

а между тѣмъ продолжала ненавидѣть его, и съ каждымъ днемъ онъ долженъ былъ уступать, шагъ за шагомъ, власть врагамъ, которымъ самъ помогалъ.

Скоро правая сторона не удовольствовалась тѣмъ, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ правительствѣ отданы ей; она стала требовать, чтобы изъ министерства были удалены люди, ей не нравившіеся. Прежде другихъ былъ удаленъ въ угодность ей министръ народнаго просвѣщенія Карно, котораго реакціонеры не любили отчасти за его имя, отчасти за то, что онъ издавна былъ друженъ съ людьми, которые были подозрительны реакціонерамъ. Не прошло двухъ недѣль послѣ іюньской побѣды, какъ правая сторона уже потребовала его удаленія, и мѣсто его отдано человѣку правой стороны, извѣстному историку Волабеллю. Черезъ три мѣсяца, правая сторона снова потребовала отдачи своимъ предводителямъ еще двухъ мѣстъ въ министерствѣ. Сенаръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, бывшій президентомъ Національнаго Собранія въ іюнѣ вмѣстѣ съ Кавеньякомъ, принималъ самыя крутыя мѣры для подавленія инсургентовъ. Тогда реакціонеры превозносили его; но въ началѣ октября уже не хотѣли терпѣть въ министерствѣ человѣка, котораго еще недавно называли однимъ изъ спасителей общества. Сенаръ долженъ былъ уступить мѣсто Дюферу, и его отверженіе правою стороною служило очень яснымъ предсказаніемъ, что скоро будетъ отвергнутъ ею и главный изъ іюньскихъ „спасителей общества“, Кавеньякъ. Дюфоръ, подобно Ламорисьеру, не интриговалъ по крайней мѣрѣ противъ порядка дѣлъ, существовавшаго тогда во Франціи. Но другой членъ правой стороны, вмѣстѣ съ нимъ вступившій въ министерство Кавеньяка, Вивьенъ, явно стремился къ низверженію правительства, въ которомъ сталъ участвовать.

Эту смѣну министровъ правая сторона уже не выпрашивала, какъ прежде: въ октябрѣ она стала такъ смѣла, что уже стала отнимать свои голоса у Кавеньяка, когда хотѣла принудить его къ новой уступкѣ. Она уже открыто говорила, что поддержка ея необходима ему, что она чуть ли не изъ милости держитъ его президентомъ исполнительной власти. При такихъ словахъ было очевидно, откуда грозитъ опасность центру; но онъ оставался непреклоненъ въ своемъ ужасѣ передъ призракомъ новыхъ баррикадъ и дѣлалъ правой сторонѣ одну уступку за другою.

Вмѣстѣ съ преніями объ административныхъ вопросахъ и текущихъ происшествіяхъ, шли въ Національномъ Собраніи пренія о конституціи. Изъ всѣхъ вопросовъ о государственномъ устройствѣ, ближе всего касался судьбы правительства вопросъ объ отношеніи исполнительной власти къ законодательной. Въ теоріи существовало объ этомъ два различныя мнѣнія: одни приписывали частые перевороты, раздиравшіе Францію въ послѣднія 60 лѣтъ, тому, что у правительствъ было будто бы слишкомъ мало силы для сопротивленія инсургентамъ, низвергавшимъ ихъ одно за другимъ. Другіе указывали на то, что постоянно исполнительная власть во Франціи подчиняла себѣ законодательную и, пренебрегая законнымъ контролемъ ея, впадала въ ошибки, которыя и бывали прямою причиною общаго неудовольствія, приводившаго къ насильственнымъ переворотамъ; изъ этого они выводили, что для прочности исполнительной власти и сохраненія государственнаго спокойствія, законодательную власть во Франціи надобно усилить на счетъ исполнительной, такъ, чтобы контроль первой надъ послѣднею былъ дѣйствителенъ. Которое изъ двухъ мнѣній было справедливо въ теоретическомъ отношеніи, мы не станемъ разсматривать. Но очевидно было, къ которому изъ

Digitized by Google

этихъ двухъ мнѣній должны были присоединиться умѣренные республиканцы. Въ Національномъ Собраніи они господствовали; каковы будутъ стремленія исполнительной власти, когда она сдѣлается независимой отъ законодательной, они не знали навѣрное, но могли предполагать, что она не будетъ чужда тѣмъ преданіямъ, какія остались отъ всѣхъ французскихъ правительствъ со временъ Наполеона. Эти преданія были вовсе не въ пользу умѣренныхъ республиканцевъ. Благоразуміе ясно указывало имъ путь. Пусть ихъ теоретическія убѣжденія были бы въ пользу независимости исполнительной власти отъ законодательной; но они должны были понять, что не время имъ проводить въ дѣло чистую теорію и надобно принять въ соображеніе настоящія привычки, отлагая полное осуществленіе теоріи до той поры, когда измѣнившіяся понятія самой исполнительной власти о своихъ обязанностяхъ будутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что она не употребитъ во зло своей независимости. Это было ясно. Но мы должны повторить фактъ, на который уже много разъ приходилось намъ указывать. Умѣренные республиканцы были теоретики, непонимавшіе условій практической жизни. Они во время преній о конституціи постоянно поддерживали всевозможную независимость исполнительной власти отъ законодательной и возвышали ея силы. Кавеньякъ и всѣ министры говорили въ этомъ смыслѣ. Но вотъ дошла очередь до того параграфа, который опредѣлялъ способъ избранія президента республики. Тутъ было два противныя мнѣнія, какъ и обо всемъ въ государственныхъ дѣлахъ, у правой и лѣвой стороны. Правая сторона хотѣла, чтобы президентъ исполнительной власти былъ избираемъ непосредственно націею,—этимъ возвышалось величіе исполнительной власти; лѣвая сторона хотѣла, чтобы онъ былъ избираемъ законодательнымъ собраніемъ, — черезъ это, конечно, онъ становился ниже его. Тутъ Кавеньякъ и министры замѣтили наконецъ, что дѣло идетъ о сохраненіи или низверженіи тогдашняго порядка вещей во Франціи. Они замѣтили, что при общемъ неудовольствіи націи на нихъ, умѣренныхъ республиканцевъ, при разстройствѣ партіи реформаторовъ, легко могутъ восторжествовать при выборахъ президента реакціонеры, если выборъ будетъ предоставленъ націи. Кавеньякъ и министры подали голосъ вмѣстѣ съ лѣвою стороною въ пользу предложенія, чтобы президентъ республики былъ избираемъ Національнымъ Собраніемъ. Но было уже слишкомъ поздно. Умѣренные республиканцы слишкомъ уже пріучены были своими предводителями видѣть на лѣвой сторонѣ смертельныхъ враговъ всякаго общественнаго порядка и вслѣдъ за реакціонерными журналами кричать: Les barbares sont à nos portes! Они до того пріучены были повертываться направо, что когда теперь ихъ предводители вздумали сдѣлать маневръ налѣво, то были покинуты всѣмъ своимъ войскомъ. Большинствомъ четырехсотъ голосовъ было рѣшено, что президентъ республики будетъ выбранъ не Законодательнымъ Собраніемъ, а голосами всей націи.

Этимъ почти рѣшена была судьба умѣренныхъ республиканцевъ, подавшихъ голосъ противъ самихъ себя по неумѣнью соображать результаты своихъ дѣйствій. Трудно было имъ надѣяться на успѣхъ своего кандидата при выборѣ президента голосами всей націи, потому что ничего не сдѣлали они для пріобрѣтенія популярности, а между тѣмъ должны были передъ общественнымъ мнѣніемъ нести отвѣтственность за всѣ тѣ матеріальныя невзгоды, которыми сопровождался февральскій переворотъ.

Digitized by Google

Нельзя отрицать того, что Кавеньякъ и его политическіе друзья искренно желали отвратить всѣ злоупотребленія, облегчить всѣ тяжести, на которыя жаловалась нація. Но еще неоспоримѣе то, что ничего не было сдѣлано ими для исполненія этихъ желаній. Мы уже говорили о тѣхъ преобразованіяхъ, какія надобно было бы сдѣлать въ бюджетѣ, чтобы удовлетворить жалобамъ, которыя сильно содѣйствовали февральскому перевороту, и ожиданіямъ, которыя были возбуждены этимъ переворотомъ. Реформы, нами указанныя, были согласны съ убѣжденіями умѣренныхъ республиканцевъ. Но эта партія была по рукамъ и по ногамъ связана реакціонерами, провозглашавшими непогрѣшительность бюджета прежнихъ лѣтъ и вопіявшими противъ всякой попытки сократить государственные расходы, которыми они пользовались, или замѣнить распредѣленіе налоговъ, благопріятное для нихъ. Воображая себя въ опасности отъ людей убитыхъ, сосланныхъ или изгнанныхъ въ іюнѣ, умѣренные республиканцы не могли энергически приняться и за вопросъ о децентрализаціи, потому что всевозможное натягиваніе административныхъ пружинъ казалось имъ нужно для охраненія общественнаго порядка отъ опасностей слѣва, которыхъ уже не было. Охотно приняли бы они какія нибудь прямыя мѣры для улучшенія положенія низшихъ классовъ, но всѣ эти мѣры уже предлагались реформаторами, каждая мысль которыхъ представлялась умѣреннымъ республиканцамъ чѣмъ-то разрушительнымъ для общества; а если и приходила умѣреннымъ республиканцамъ въ голову какая нибудь маленькая идейка о какомъ нибудь маленькомъ законѣ, который бы нѣсколько полезенъ былъ народу, реакціонеры поднимали вопль, доказывая, что этотъ законъ былъ бы подражаніемъ проэктамъ реформаторовъ,—и дѣйствительно не трудно было доказать это, потому что на самомъ дѣлѣ мысли умѣренныхъ республиканцевъ объ улучшеніи состоянія простолюдиновъ были блѣдными отраженіями понятій, высказанныхъ реформаторами,—и бѣдные умѣренные республиканцы съ испугомъ отступались отъ того изъ своихъ сотоварищей, который былъ обвиняемъ реакціонерами въ потворствѣ реформаторскимъ теоріямъ. Чтобы объяснить нагляднѣе эту нерѣшительность, мы укажемъ на единственную прямую мѣру, принятую Національнымъ Собраніемъ для улучшенія участи работниковъ. Собраніе назначило 3.000.000 франковъ на пособіе учрежденію ассоціацій между фабричными работниками, то есть, для образованія чего-то похожаго на наши промысловыя и ремесленныя артели. Повидимому ничто не могло быть невиннѣе такого назначенія. Но надобно только прочесть доклады и рѣчи, съ которыми даны были эти деньги, чтобы понять, какими чувствами простолюдины должны были встрѣтить этотъ заемъ. Вотъ докладъ, представленный Собранію Корбономъ отъ имени Комитета, разсматривавшаго предложеніе объ этомъ пособіи и рекомендовавшаго Собранію принять его.

„Навѣрное, въ нашемъ Собраніи нѣтъ ни одного члена, который не желалъ бы всѣмъ сердцемъ постепеннаго возвышенія сословій, до сихъ поръ содержавшихся въ низкомъ положеніи. Съ своей стороны, мы искренно убѣждены, что настанетъ время, когда большая часть работниковъ перейдутъ изъ состоянія наемщиковъ въ состояніе сотоварищей, какъ прежде перешли они изъ рабства въ крѣпостное состояніе, изъ крѣпостнаго состоянія въ вольные наемщики. Но эта перемѣна будетъ дѣломъ времени и личныхъ усилій работниковъ. Конечно, государство должно помогать ей; но каково бы ни было его участіе въ медленномъ осуществленіи этого прогресса, участіе государства будетъ въ этомъ дѣлѣ гораздо меньше, нежели участіе, какое въ немъ должны имѣть

Digitized by Google

сами работники. Работникъ долженъ быть сыномъ своего труда, и если онъ нѣкогда тѣмъ или другимъ способомъ получитъ въ собственное распоряженіе средства для производства своего промысла, этими средствами онъ долженъ быть прежде всего обязанъ собственнымъ усиліямъ.

„Мы знаемъ, что такой приговоръ мало удовлетворитъ ту часть рабочаго класса, которую, напротивъ, увѣрили, что государство сдѣлаетъ все, и что работникамъ надобно лишь пользоваться его содѣйствіемъ. Недостойны помощи тѣ, которые не имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ, не имѣютъ истиннаго понятія ни о свободѣ, ни о равенствѣ, ни о братствѣ, тѣ, которые не хотятъ пытаться поднять себя постоянными и терпѣливыми усиліями, а ждутъ, пока ихъ поднимутъ другіе.

„Мы хотимъ, чтобы государство помогало работникамъ только пропорціонально тѣмъ усиліямъ, которыя будутъ дѣлать они сами для пріобрѣтенія въ свое распоряженіе средствъ къ независимому труду.

„Мы не исполнили бы всей своей обязанности, если бы не прибавили, что ассоціаціи, пользующіяся нашей помощью, должны необходимо подчиняться условіямъ соперничества, безъ котораго нѣтъ самой свободы труда. Мы говоримъ это именно потому, что работниковъ увѣрили, будто всѣ ихъ бѣдствія — результаты соперничества. До извѣстной степени это справедливо; но напрасно отъ злоупотребленій соперничества заключать, что надобно уничтожить самое соперничество.

„Для работниковъ полезно будетъ услышать, что уничтожить соперничество — просто невозможность.

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ уничтожить его? Силою власти? Но власть, которая возьмется за это, будетъ немедленно низвергнута. Посредствомъ ассоціаціи, которая послужила бы зерномъ для всеобщей ассоціаціи? Но—(Корбонъ доказываетъ, что это также невозможно).

„Къ счастію настало время, когда эти важные вопросы будутъ обсуждены съ національной трибуны, которая своимъ авторитетомъ предостережетъ работниковъ противъ идей, помрачившихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе умы.

„Наши пренія покажутъ, сколько правды въ тѣхъ ученіяхъ, которыя, прикрываясь формами строгой нравственности, прибѣгая къ языку любви и преданности общему благу, въ сущности взываютъ только къ эгоизму и возбуждаютъ противъ общества ненависть тѣмъ болѣе глубокую, что ими раздражаются всѣ желанія у людей, неимѣющихъ и необходимаго“.

Съ перваго взгляда видно, что этотъ докладъ составленъ не столько подъ вліяніемъ мысли провести мѣру полезную для работниковъ, сколько подъ вліяніемъ заботы не показаться союзниками реформаторовъ, и желанія внушить работникамъ, что ихъ надежды на содѣйствіе государства въ измѣненіи ихъ быта напрасны. Безъ всякой надобности, Корбонъ толкуетъ о неизбѣжности соперничества, о невозможности всеобщей ассоціаціи работниковъ, которой нѣтъ и въ поминѣ, твердитъ, что государство ничего особеннаго не можетъ сдѣлать для работниковъ, и т. д. Могъ ли такой докладъ произвесть на работниковъ хорошее впечатлѣніе? Нѣтъ, онъ представлялся для нихъ выраженіемъ антипатіи къ нимъ. И какъ легко приходили имъ мысли, которыми опроверглись разсужденія доклада. Напримѣръ, при словахъ „недостойны помощи тѣ, которые нъ имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ„ (Ceux-lá ne sont pas dignes d'être aidés qui n'ont pas le courage de s'aider),—при этихъ словахъ, составляющихъ основную мысль доклада, кому изъ нуждавшихся въ содѣйствіи государства не приходило въ голову такое возраженіе: „Но зачѣмъ же и существуетъ государство, какъ не для охраненія человѣка отъ бѣдствій, которыхъ не можетъ отвратить его собственное мужество и сила? Если такъ, полиція должна бы защищать отъ воровъ только того, который самъ и безъ полиціи въ силахъ прогнать или убить вора; если же

Digitized by Google

разбойники нападутъ на труса или больнаго, полиція не должна защищать отъ нихъ этого человѣка, потому что „онъ не имѣетъ мужества помочь себѣ“. Да развѣ помощь нужна сильнымъ и мужественнымъ, а не слабымъ и забитымъ обстоятельствами?“

Но докладъ Корбона былъ еще очень любезенъ, сравнительно съ тѣми рѣчами, какія говорились по этому дѣлу реакціонерами. Корбонъ думалъ, по крайней мѣрѣ, что въ оказываемомъ пособіи есть что-то хоть отчасти справедливое и хотя нѣсколько полезное. Предводитель реакціонеровъ, знаменитый говорунъ Тьеръ, своимъ пискливымъ голосомъ кричалъ, что все это вздоръ, что деньги эти бросаются въ печь, но что онъ съ удовольствіемъ соглашается бросить ихъ въ печь, потому что безуспѣшностію этой нелѣпой попытки помогать учрежденію ассоціацій докажется нелѣпость самой мысли объ ассоціаціяхъ, мысли сумасбродной и безнравственной. „Не три мильона, а двадцать мильоновъ слѣдовало бы вамъ требовать отъ насъ, говорилъ онъ Корбону:—мы дали бы вамъ ихъ. Да, двадцати мильоновъ не пожалѣли бы мы на поразительный опытъ, который долженъ исцѣлить васъ всѣхъ отъ этого колоссальнаго сумасбродства“.

Выдачу этихъ денегъ считали милостынею и прямо говорили, что бросаютъ ихъ совершенно безполезно; изъ этого слѣдовало бы заключать по крайней мѣрѣ, что пособіе оказывается безвозмездно. Вовсе нѣтъ: три мильона назначались вовсе не въ безвозмездное пособіе, а просто въ заемъ ассоціаціямъ, которыя должны были постепенно возвращать въ казну сполна всю полученную ими ссуду. Прилично ли, возможно ли кричать, что даришь деньги, когда даешь ихъ въ займы? Прилично ли тутъ хвастаться своимъ великодушіемъ? прилично ли кричать о пропажѣ денегъ? Заемъ, выдаваемый съ такими рѣчами, оскорбитъ каждаго, въ комъ осталось хоть нѣсколько уваженія къ себѣ.

Наконецъ, не говоря уже обо всемъ этомъ, какое впечатлѣніе должна была производить самая величина ссуды? 700.000 руб. сер. на цѣлое государство, въ пособіе сословію, составляющему гораздо болѣе семи мильоновъ человѣкъ. Скупость доходила тутъ до ироніи. Какое впечатлѣніе должны были производить эти жалкіе 3 мильона франковъ, по сравненію съ десятками мильоновъ, ежегодно выдававшимися отъ казны на покровительство биржевымъ спекуляціямъ? Но банкиры и биржевые спекулянты, какъ будто, отъ природы получили привилегію на поощреніе отъ французскаго правительства. Суммъ, которыя растрачиваются казною для нихъ, не слѣдуетъ сравнивать съ деньгами, назначаемыми въ пособіе черному народу; можно сравнивать по крайней мѣрѣ величину суммъ, назначаемыхъ на разные способы пособія черному народу. Въ то самое время, какъ опредѣлялось три мильона для ассоціацій во Франціи, ассигновалось 50 мильоновъ на переселеніе пролетаріевъ въ Алжирію. Рѣчи и обстоятельства, которыми сопровождался законъ объ этой колонизаціи, дѣлали это переселеніе совершенно подобнымъ ссылкѣ, предпринимаемой для удаленія изъ Франціи опасныхъ людей, изъ которыхъ большинству предстоитъ на новомъ мѣстѣ жительства погибнуть отъ лишеній всякаго рода и кабильскихъ пуль. Въ этомъ смыслѣ и было принято переселеніе простолюдинами; они сочли не результатомъ заботливости о нихъ, а слѣдствіемъ желанія удалить изъ Франціи предпріимчивыхъ, и потому опасныхъ, простолюдиновъ. Какое же впечатлѣніе производилось на работниковъ сравненіемъ трехъ мильоновъ, съ упреками и дурными предсказаніями выдаваемыхъ на исполненіе

Digitized by Google

задушевнаго убѣжденія простолюдиновъ, и 50-ти мильоновъ, назначаемыхъ на ссылку, прикрытую именемъ колонизаціи?

Ссуда на учрежденіе ассоціацій была единственною сколько нибудь важною мѣрою Кавеньяковскаго правительства для пріобрѣтенія популярности. Очень мало было принято даже и незначительныхъ мѣръ съ этою цѣлью, да и тѣ всѣ были обсуждаемы и исполняемы въ такомъ же духѣ, какъ выдача ссуды ассоціаціямъ. Очень натурально, что чувство, съ которымъ народъ смотрѣлъ на Кавеньяка и его партію послѣ іюньскихъ дней, нимало не улучшилось въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ мѣсяцевъ. Умѣренные республиканцы не сдѣлали совершенно ничего для привлеченія къ себѣ народа, и народъ продолжалъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, отъ которыхъ нечего ему ждать.

Политика умѣренныхъ республиканцевъ была очень неудачна въ дѣлахъ внутренняго управленія. Этотъ недостатокъ могъ бы до нѣкоторой степени замѣниться блескомъ и популярностью внѣшней политики. Случаевъ къ тому представлялось много и нѣкоторые изъ нихъ были до того благопріятны, что самый неразсчетливый человѣкъ легко понималъ ихъ драгоцѣнность.

Мы укажемъ только два важнѣйшіе.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ собрался Нѣмецкій Парламентъ съ цѣлью дать нѣмецкому народу государственное единство. По правилу, нами принятому, мы вовсе не будемъ разсматривать, хороша или дурна была эта цѣль, точно такъ, какъ мы вовсе не говорили и о томъ, хороши или дурны были стремленія Кавеньяка и его политическихъ друзей. Мы обращаемъ вниманіе только на то отношеніе, какое существовало между потребностями положенія, въ какомъ находилось правительство Кавеньяка, и дѣлами Франкфуртскаго Парламента, и хотимъ показать, что Кавеньякъ и его партія не умѣли дѣйствовать сообразно съ своими выгодами. Франкфуртскій Парламентъ искалъ дружбы Франціи; онъ былъ проникнутъ тѣми же понятіями, какъ и правительство Кавеньяка,—дѣйствовалъ въ духѣ того демократизма, который противъ такъ называемой демагогіи враждуетъ гораздо сильнѣе, нежели противъ реакціи. Подобно правительству умѣренныхъ республиканцевъ во Франціи, Франкфуртскій Парламентъ вышелъ изъ революціоннаго движенія; подобно умѣреннымъ республиканцамъ Франціи, онъ утвердилъ свое значеніе кровопролитнымъ подавленіемъ революціоннаго движенія, изъ котораго возникъ самъ; подобно умѣреннымъ республиканцамъ, онъ былъ уже въ большой опасности отъ усиливавшейся реакціи (отъ которой скоро и погибъ подобно имъ); и подобно имъ, совершенно не понималъ и не замѣчалъ этой дѣйствительной опасности, воображая, что опасность грозитъ ему совсѣмъ не съ той стороны. Словомъ сказать, по своимъ идеямъ Франкфуртскій Парламентъ занималъ среди нѣмецкихъ партій точно такое же положеніе, какъ правительство Кавеньяка среди французскихъ партій. Союзъ между правительствами столь однородными казался бы неизбѣжнымъ. Франкфуртскій Парламентъ, не находившій поддержки ни въ одномъ изъ иностранныхъ правительствъ, чрезвычайно дорожилъ надеждою на дружбу съ Франціею и готовъ былъ чрезвычайно дорого заплатить за эту дружбу. Тайныя инструкціи, данныя на этотъ случай его агенту въ Парижѣ, не обнародованы; но хорошо извѣстны мнѣнія людей, господствовавшихъ во Франкфуртѣ, и не трудно отгадать, на какія важныя уступки согласились бы они. Но вмѣсто того, чтобы

Digitized by Google

вступить въ выгодный союзъ, французское правительство даже не приняло посланника отъ Франкфуртскаго Парламента.

Еще яснѣе нѣмецкаго вопроса былъ итальянскій, еще очевиднѣе была выгода французскихъ правителей принять въ немъ участіе. Не говоримъ уже о томъ, что итальянцы проникнуты были чрезвычайнымъ сочувствіемъ къ Франціи и выступали съ тѣми же лозунгами, которые находились на знамени тогдашняго парижскаго правительства,—не говоримъ объ этихъ соображеніяхъ, основанныхъ на фактахъ настоящаго: даже дипломатическая рутина требовала, чтобы Кавеньякъ принялъ сторону итальянцевъ противъ австрійцевъ. Австрія была всегда соперницею Франціи, издавна дипломатическія и военныя торжества пріобрѣтались Франціею преимущественно въ борьбѣ противъ этой державы. Но и тутъ правительство Кавеньяка не сдѣлало ровно ничего. Не была подана итальянцамъ матеріальная помощь, когда они нуждались въ ней; а когда послѣ пораженія итальянскихъ армій Франція рѣшилась наконецъ принять посредничество съ цѣлью противодѣйствовать слишкомъ сильному перевѣсу Австріи, дѣло было ведено чрезвычайно слабо и вяло, и кончилось совершенно въ пользу Австріи и въ стыдъ Франціи.

Таковъ общій характеръ управленія Кавеньяка. Внутренніе вопросы настоятельнѣйшимъ образомъ требовали разрѣшенія,—ничего не было сдѣлано для этого, и путь, избранный правительствомъ Кавеньяка во внутренней политикѣ, прямо противоположенъ былъ и смыслу обстоятельствъ, и выгодамъ правительства. Слава внѣшняго могущества, блескъ дипломатическихъ и военныхъ торжествъ могъ бы доставить правительству Кавеньяка ту популярность, которой не могла доставить внутренняя политика,—внѣшняя война отвлекла бы вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ, соединила бы всю націю подъ знаменами правительства, но и этого не поняли, и этимъ не воспользовались умѣренные республиканцы.

Такимъ образомъ, когда настало время выборовъ президента республики, умѣренные республиканцы не могли похвалиться ничѣмъ, кромѣ іюньскаго кровопролитія; ничего не сдѣлали они для смягченія ненависти, возбужденной этими жестокостями въ одномъ изъ двухъ лагерей, и своимъ излишнимъ крикомъ объ ужасныхъ намѣреніяхъ этого лагеря ободрили притязанія предводителей противной партіи. Ничего не сдѣлали они для націи, оттолкнули отъ себя однѣ партіи и сдѣлали надменными другія партіи.

Тѣмъ не менѣе, слабость всѣхъ другихъ партій была такъ велика, что ни одна изъ нихъ не могла выставить своего кандидата съ надеждою на успѣхъ. На это разсчитывали умѣренные республиканцы и ожидали, что всѣ благоразумные люди соединятся около ихъ кандидата за недостаткомъ другаго.

Дѣйствительно, такъ поступали многіе изъ людей, желавшихъ поддержать новыя формы государственнаго устройства. За Ледрю-Роллена подало голосъ только меньшинство изъ тѣхъ, которые принадлежали къ партіямъ, выставившимъ его своимъ кандидатомъ; большинство ихъ политическихъ друзей, видя, что Редрю-Ролленъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ избранъ, подали голосъ за Кавеньяка, для общаго интереса пожертвовавъ своими неудовольствіями противъ него и умѣренныхъ республиканцевъ.

Многіе изъ людей, которыхъ преслѣдовало правительство Кавеньяка, поддерживали его изъ преданности интересамъ Франціи. Не такъ поступили партіи, ко-

Digitized by Google

торымъ оно дѣлало всевозможныя уступки: гордость ихъ возросла до того, что они уже не хотѣли никакихъ сдѣлокъ съ республиканцами; они дали ненависти до того овладѣть собою, что выставили впередъ человѣка, по своимъ стремленіямъ гораздо болѣе враждебнаго имъ, нежели Кавеньякъ, лишь бы только низвергнуть Кавеньяка.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію Луи Наполеона Бонапарте до декабря 1848 года. Мы должны только показать его отношенія къ партіямъ, при тѣхъ выборахъ, которыми рѣшалась участь Франціи.

Партія бонапартистовъ никогда не исчезала во Франціи, но всегда была чрезвычайно слаба, такъ что вовсе не могла считаться серьезною политическою партіею; по своему безсилію, она не могла быть никому опасна. Она пользовалась совершеннымъ просторомъ для дѣйствій, благодаря всеобщему невниманію къ ней.

Первое, что придало бонапартизму нѣкоторую важность, были неблагоразумные поступки реакціонеровъ и умѣренныхъ республиканцевъ, по вопросу о главѣ бонапартистовъ, Луи Наполеонѣ. Въ февралѣ онъ просилъ у новаго правительства разрѣшенія возвратиться во Францію, изъ которой былъ изгнанъ постановленіями прежнихъ правительствъ. Онъ уже тогда считалъ себя претендентомъ на французскій престолъ; но его притязанія были тогда еще безсильны; люди проницательные говорили, что не нужно придавать ему важность, показывая видъ, что его опасаются, и предлагали, чтобы ему было позволено возвратиться. Реакціонеры и умѣренные республиканцы отвергли этотъ совѣтъ. Слѣдствіемъ этого было повтореніе просьбъ и жалобъ съ его стороны. Благодаря отказу, ему удалось возбудить къ себѣ вниманіе и сожалѣніе во многихъ. Если съ перваго раза отказали ему, слѣдовало уже твердо держаться этого рѣшенія; но черезъ нѣсколько времени ему позволили возвратиться. Уже успѣвъ надѣлать шума своими просьбами и жалобами, онъ теперь отважился выставить себя кандадатомъ въ президенты.

Реакціонеры не имѣли кандидата, котораго могли бы противопоставить Кавеньяку. Они распадались на нѣсколько партій, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступить другой перевѣса. При томъ же, всѣ предводители этихъ партій были на дурномъ замѣчаніи у народа. Надобно было выбрать нейтральное имя, на которомъ могли бы соединиться ультрамонтанцы, легитимисты и орлеанисты,—духовенство, аристократы и капиталисты; надобно было отыскать такого кандидата, противъ котораго нація еще не имѣла бы предубѣжденія и кандидатство котораго обозначало бы только протестъ противъ партіи, управлявшей Франціею съ февраля, и не означало бы ничего другаго, потому что въ этомъ одномъ были согласны реакціонеры. Этотъ кандидатъ реакціонеровъ, котораго надобно было найти внѣ реакціонныхъ партій, долженъ былъ не представляться для нихъ опаснымъ по своей силѣ, долженъ былъ получить власть изъ ихъ рукъ, держаться только ихъ поддержкою и безъ нихъ не значить ничего. Именно такимъ человѣкомъ представлялся имъ Луи Наполеонъ. Ничтожность его собственной партіи была причиною, что на немъ остановился выборъ реакціонеровъ, которые думали, что какъ теперь безъ нихъ онъ ничего не значитъ, такъ и потомъ ничего не будетъ значить безъ нихъ, и что они будутъ управлять его именемъ.

Такимъ образомъ, всѣ реакціонеры единодушно стали за Луи Наполеона. Этимъ пріобрѣталась ему почти половина голосовъ на выборахъ.

Тогда масса реформативныхъ партій, увидѣвъ, что остается избирать только между Луи Наполеономъ и Кавеньякомъ, увлеклась ненавистью къ умѣреннымъ

Digitized by Google

республиканцамъ за іюньскія событія и рѣшилась предпочесть Луи Наполеона. Умѣренные республиканцы доказали, что отъ нихъ нельзя народу ждать ничего хорошаго; Луи Наполеонъ будетъ во всякомъ случаѣ не хуже, а быть можетъ окажется и лучше ихъ. Правда, его поддерживаютъ реакціонеры, но онъ самъ не принадлежитъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакой силы, и его выборъ имѣетъ только значеніе переходнаго факта, временнаго перемирія между партіями, изъ которыхъ еще ни одна не довольно сильна, чтобы одной ей побѣдить умѣренныхъ республиканцевъ и всѣ другія партіи. Его власть будетъ только до того времени, какъ мы оправимся отъ іюньскаго пораженія,— пусть же до той поры, когда мы въ состояніи будемъ надѣяться на побѣду, продолжается перемиріе, и пусть будетъ власть въ нейтральныхъ рукахъ человѣка, который не можетъ помѣшать намъ, потому что самъ по себѣ безсиленъ.

Точно также думали и реакціонеры. Правленіе Луи Наполеона каждая изъ ихъ партій принимала только какъ переходную ступень къ собственному торжеству, какъ перемиріе съ другими партіями до того времени, какъ она сама станетъ сильнѣе всѣхъ другихъ.

Для всѣхъ, подававшихъ за него голосъ, онъ казался безопаснымъ орудіемъ для низверженія умѣренныхъ республиканцевъ, казался нейтральнымъ агентомъ, которому поручается временное веденіе дѣлъ до той поры, какъ довѣритель самъ почтетъ удобнымъ взять дѣла изъ его рукъ въ свои.

Такимъ образомъ, при выборахъ президента, партіи стали въ слѣдующее положеніе относительно трехъ кандидатовъ.

За Ледрю-Роллена была только небольшая часть людей лѣвой стороны,— именно только тѣ, которые компрометировали бы свою политическую репутацію, если бы подали голосъ не за оффиціальнаго кандидата своей партіи. Масса этой партіи подала голосъ за Луи Наполеона.

За Кавеньяка были умѣренные республиканцы, и сверхъ того люди, которые никогда не желаютъ никакихъ перемѣнъ,—число послѣднихъ было, въ то время разгара политическихъ страстей, гораздо менѣе обыкновенной пропорціи.

За Луи Наполеона были всѣ реакціонеры и масса приверженцевъ лѣвой партіи, предводители которой по своему положенію передъ общественнымъ мнѣніемъ не могли покинуть Ледрю-Роллена. Всѣ приверженцы реформаторовъ, не имѣвшіе своего кандидата, подали голосъ за Луи Наполеона.

При этомъ расположеніи партій, всѣ болѣе или менѣе предвидѣли результаты выборовъ; всѣ знали, что Кавеньякъ не получитъ большинства, всѣ были увѣрены, что коалиція, избравшая своимъ орудіемъ Луи Наполеона, составитъ большинство голосовъ.

Тутъ умѣренные республиканцы, покидая власть, въ первый разъ приняли образъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ. Дѣла дошли до такого состоянія, при которомъ всѣ мѣры воспрепятствовать выбору Луи Наполеона остались бы напрасными, и правительство Кавеньяка не позволило себѣ ни одной интриги, ни одного незаконнаго дѣйствія во вредъ своему противнику. Честность Кавеньяка и его друзей въ этомъ отношеніи заслужила имъ всеобщее уваженіе, и дѣйствительно, она была безпримѣрна въ исторіи Франціи. Съ незапамятныхъ временъ, въ первый разъ французы видѣли правительство, которое законъ ставитъ выше собственныхъ интересовъ и не хочетъ злоупотреблять своею силою для про-

Digitized by Google

долженія своей власти. Но и тутъ мы не знаемъ, понимали ли умѣренные республиканцы, что всѣ попытки сопротивленія съ ихъ стороны были напрасны; дѣйствовали ли они какъ государственные люди, понимающіе состояніе дѣлъ и сознательно отказывающіеся отъ невозможнаго,—или они еще полагали, что могли бы удержаться, если бы прибѣгли къ интригамъ, стѣснительнымъ мѣрамъ и открытой силѣ. По соображенію всего, что говорили мы о прежней ихъ неспособности понимать обстоятельства, надобно склоняться къ послѣднему предположенію.

Какъ бы то ни было, правительство Кавеньяка оставило полную свободу выборамъ, неблагопріятный исходъ которыхъ предвидѣло, и съ благоговѣніемъ уступило результату выборовъ.

Въ выборахъ приняли участіе 7,324,672 избирателей; изъ нихъ подали голосъ:

За Ледрю-Роллена.	407,039.
— Кавеньяка	1,448,107.
— Луи Наполеона	5,434,226.

20-го декабря результатъ выборовъ былъ провѣренъ Національнымъ Собраніемъ. Кавеньякъ взошелъ на трибуну, въ немногихъ, но прекрасныхъ словахъ выразилъ свою покорность волѣ націи и сложилъ съ себя власть.

Съ этого дня, умѣренные республиканцы потеряли всякое вліяніе на ходъ событій, ихъ политическая роль во Франціи окончилась.

Полугодичное ихъ управленіе Франціею даетъ много уроковъ людямъ, думающимъ о ходѣ историческихъ событій. Изъ этихъ уроковъ важнѣйшій тотъ, на который преимущественно и указываютъ факты, нами изложенные.

Нѣтъ ничего гибельнѣе для людей, и въ частной и въ государственной жизни, какъ дѣйствовать нерѣшительно, отталкивая отъ себя друзей и робѣя передъ врагами. Честный человѣкъ, стремящійся сдѣлать что нибудь полезное, долженъ быть увѣренъ въ томъ, что ни отъ кого, кромѣ людей, дѣйствительно сочувствующихъ его намѣреніямъ, не можетъ онъ ждать опоры, что недовѣріе къ нимъ и довѣріе къ людямъ, желающимъ совершенно противнаго, не приведетъ его ни къ чему хорошему. Напрасно сталъ бы онъ думать, что какими бы то ни было потворствами можетъ онъ смягчить партію, которая не одобряетъ его коренныхъ желаній,—вражда этой партіи къ нему останется непримирима, и для того, чтобы, удержать за собою свои мнимыя выгоды, она всегда готова будетъ погубить человѣка, намѣренія котораго ей противны,—конечно, погибнетъ потомъ и сама, какъ погибли и французскіе реакціонеры при Луи Наполеонѣ,—но ослѣпленная ненавистью, она не разбираетъ средствъ и не предвидитъ будущаго.

Государственный человѣкъ не долженъ ввѣрять веденія дѣлъ, не долженъ оставлять вліянія на ходъ событій врагамъ своихъ намѣреній. Только при этомъ условіи дѣла пойдутъ такъ, какъ онъ того хочетъ.

Digitized by Google

О НОВЫХЪ УСЛОВІЯХЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА.

Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой (Псал. XLV, стих. 8).

Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующій Государь Императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ. Царствованія Петра III и Екатерины II, Александра I и Николая I были ознаменованы многими благодѣтельными для государства мѣрами чрезвычайной важности: жалованная грамота дворянству, устройство областнаго управленія, организація центральнаго правительства учрежденіемъ министерствъ и государственнаго совѣта, изданіе Свода Законовъ,—каждый изъ этихъ правительственныхъ актовъ былъ великимъ шагомъ впередъ и принесъ неисчислимыя блага государству. Но всѣ они далеко не имѣютъ такого всемірно-историческаго значенія, какое принадлежитъ дѣлу уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, начатому рескриптами, названными выше. То были мѣры, безъ сомнѣнія, могущественнымъ образомъ улучшавшія нашу государственную жизнь, но все-таки каждая изъ нихъ касалась только отдѣльной вѣтви ея: корень, изъ котораго возникали почти всѣ наши бѣдствія и недостатки, оставался не тронутымъ. Крѣпостнымъ правомъ парализовались всѣ заботы правительства, всѣ усилія частныхъ людей на благо Россіи. Ни правильный ходъ администраціи, ни вѣрное отправленіе правосудія не были возможны при такомъ порядкѣ вещей, при которомъ положеніе большей части отношеній по имуществу не было сообразно съ принципами разумности и права, при которомъ сословіе, имѣющее своими сочленами почти всѣхъ лицъ, руководящихъ исполненіемъ законовъ, находилось въ условіяхъ быта, рѣшительнѣйшимъ образомъ нарушавшихъ всякую идею справедливости, при которомъ другое сословіе, составляющее почти половину населенія въ Европейской Россіи, стояло (по выраженію, не намъ принадлежащему) внѣ закона. Не могли приносить при такомъ положеніи дѣлъ никакія правительственныя мѣры надлежащихъ плодовъ, не могла даже дѣйствовать сколько-нибудь правильнымъ образомъ государственная организація. Могло ли, напримѣръ, учредиться правосудіе въ такомъ обществѣ, въ которомъ всѣ значительнѣйшіе и вліятельнѣйшіе жители каждой области, съ одной стороны, опредѣляли важнѣйшую часть своего гражданскаго быта, свои доходы и свою власть надъ сотнями и тысячами людей, руководясь единственно произволомъ.—съ другой стороны, сознавали, что строгое исполненіе

Digitized by Google

закона областною администраціею и вниманіе судебныхъ властей къ жалобамъ на нарушеніе закона было бы и стѣснительно, и убыточно, и даже, по господствовавшему у насъ ложному понятію, обидно почти для каждаго изъ нихъ, вліятельныхъ жителей области. Они должны были на все, что дѣлалось вокругъ нихъ, смотрѣть сквозь пальцы, потому что ихъ собственныя дѣйствія нуждались въ подобной же противозаконной снисходительности. Строгая честность администраціи, неукоснительное правосудіе, во всѣхъ странахъ поддерживается сочувствіемъ и содѣйствіемъ людей, владѣющихъ значительною недвижимою собственностью, потому что они болѣе всѣхъ другихъ заинтересованы строгимъ охраненіемъ порядка. У насъ было напротивъ. Ненормальное положеніе владѣльца относительно людей, населяющихъ его землю, нуждалось въ томъ, чтобы и всѣ другія отрасли областной жизни находились въ такомъ же ненормальномъ, безпорядочномъ состояніи. Возьмемъ одну только отрасль этихъ послѣдствій крѣпостнаго права, —состояніе судебной областной власти и Земской полиціи. Всѣ, въ томъ числѣ и дворяне, жалуются на неправильность хода дѣйствій по этимъ частямъ общественной жизни. Повидимому, совершенно отъ дворянъ зависѣло бы отстранить эти неправильности, потому что большинство членовъ (и въ томъ числѣ предсѣдатели) въ уѣздныхъ и губернскихъ судебныхъ мѣстахъ и исправники, руководящіе уѣздною полиціею, избираются помѣщиками. Но эти чиновники и судьи избираются съ тѣмъ, конечно, молчаливымъ условіемъ, чтобы не вмѣшивались въ сельскій бытъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, по необходимости создается положеніе неразумное: если бы избранный чиновникъ вздумалъ строго исполнять обязанности, возлагаемыя на него закономъ и чувствомъ правды, онъ возстановилъ бы противъ себя людей, отъ которыхъ зависитъ его выборъ и въ зависимости отъ которыхъ находится онъ постоянно, во все отправленіе своей должности; стало быть, идутъ на эти мѣста и удерживаются на нихъ только неисполненіемъ и часто прямымъ нарушеніемъ законныхъ обязанностей. Таково положеніе избраннаго. Избиратели же, сами выводя его на путь, идущій мимо закона и часто въ противность закону, не могутъ подвергать его серьёзному отчету за то, что онъ дѣйствуетъ самопроизвольно: только этою произвольностію, по которой онъ постоянно нарушаетъ законъ, когда тò считаетъ удобнымъ для себя, и сохраняется неприкосновенность ихъ собственнаго сельскаго быта. Всѣ неудовольствія съ ихъ стороны на чиновника—мимолетныя слова, лишенныя возможности примѣниться къ дѣлу: правда, каждому горько бываетъ въ ту минуту, какъ чиновникъ, по своему произволу, беретъ съ него взятку или оказываетъ ему противозаконное притѣсненіе; но если отнять у чиновника произволъ, по гораздо многочисленнѣйшимъ и по гораздо важнѣйшимъ дѣламъ помѣщикъ потерпѣлъ бы невыгоду; случайное обстоятельство или временное раздраженіе заставляютъ иногда землевладѣльца скорбѣть о нарушеніи закона, но постоянный интересъ его состоитъ въ томъ, чтобы законъ не былъ исполняемъ. Потворство избранному для того, чтобы самому пользоваться потворствомъ отъ него, — вотъ глубочайшее и инстинктивное стремленіе огромнаго большинства избирателей. Это стремленіе не зависитъ отъ сознательнаго или безсознательнаго желанія: оно влагается въ натуру ненормальностію отношеній, доселѣ существовавшихъ въ сельскомъ бытѣ; оно управляетъ дѣйствіями человѣка независимо отъ словъ, независимо отъ его образа мыслей. Тотъ, чьи домашнія дѣла не могутъ выдерживать контроля, инстинктивно соглашается на всякія уступки, лишь бы избѣжать контроля. Неза

Digitized by Google

висимымъ и твердымъ образомъ можетъ дѣйствовать въ гражданскомъ быту одинъ лишь тотъ, кто чувствуетъ себя совершенно чистымъ и по закону, и по совѣсти въ своемъ быту.

При существованіи крѣпостнаго права, помѣщикъ находился въ такомъ отношеніи къ правосудію и администраціи, которое подобно отношенію къ нимъ человѣка, имѣющаго два процесса: одинъ на очень значительную сумму, по которому законъ противъ него, другой на маловажную сумму, по которому законъ за него; какого суда, какой администраціи будетъ желать этотъ человѣкъ? Конечно, и совѣсть, и выгода заставляли бы его желать по поводу маленькаго процесса, чтобы судъ былъ справедливъ, администрація честна и вѣрна; тогда онъ выигралъ бы свой маленькій процессъ, и по приговору суда взысканіе было бы скоро и точно совершено въ его пользу администраціею. Безъ сомнѣнія, это было бы ему пріятно; но каковъ былъ бы результатъ справедливости въ судѣ, вѣрности въ администраціи для его большой тяжбы? Эта тяжба была бы проиграна и взысканіе по ней быстро и неукоснительно было бы произведено съ него. Пускай же будутъ продажные администраторы, — только ихъ продажность дастъ ему средства уклониться отъ платежа, если судъ будетъ справедливъ, или доставить суду подложныя свѣдѣнія, по которымъ дѣло рѣшилось бы въ его пользу; пускай же будутъ подкупные судьи,—только ихъ продажность можетъ рѣшить тяжбу для него важнѣйшую въ его пользу. Разумѣется этотъ человѣкъ можетъ досадовать на продажность и неправду, по которой проиграетъ онъ свое маловажное правое дѣло, но никакъ не захочетъ онъ изгнать изъ суда и администраціи неправду, которая одна полезна ему по его большому процессу.

Мы коснулись только одного изъ безчисленнаго множества послѣдствій, возникавшихъ отъ крѣпостнаго права. Какую бы отрасль общественной жизни ни взяли мы, въ каждой оказываются точно такія же дѣйствія этого кореннаго зла, какъ въ областномъ судопроизводствѣ и управленіи. Напримѣръ, что можетъ быть ближе къ сердцу людей, пользующихся и досугомъ, и избыткомъ, нежели желаніе дать своимъ дѣтямъ образованіе? — но и въ этомъ случаѣ человѣкъ, богатство котораго основано на крѣпостномъ правѣ, не имѣетъ ни надобности, ни охоты поступать такъ, какъ поступалъ бы онъ, если бы не связанъ былъ ненормальными условіями своего быта. Изъ двухъ сторонъ, по которымъ образованіе составляетъ предметъ человѣческихъ желаній, ни та, ни другая не имѣютъ при крѣпостномъ правѣ того интереса, какой дается имъ всякими другими отношеніями: практическая польза образованности наименѣе чувствительна для отца, оставляющаго своимъ дѣтямъ крѣпостное помѣстье, а идеальная привлекательность просвѣщенія далеко уступаетъ въ его мнѣніи опасностямъ и непріятностямъ, возникающимъ для него отъ науки. Справедливость, уваженіе къ достоинству человѣка—это идеи, непримиримыя съ крѣпостнымъ правомъ, а наука внушаетъ ихъ своему воспитаннику. Въ человѣкѣ просвѣщенномъ доходы и власть, проистекающіе изъ крѣпостнаго права, найдутъ порицателя; такой человѣкъ едва ли будетъ способенъ извлекать изъ своихъ крѣпостныхъ подданныхъ такія выгоды, какъ тотъ, кому и въ голову не приходило, что этотъ бытъ дуренъ. Лучше же не приготовлять себѣ въ сынѣ порицателя, быть можетъ, противника; лучше не лишать этого сына способности пользоваться всѣми выгодами наслѣдства. Но говорятъ, будто образованіе необходимо и для хорошаго устройства житейскихъ дѣлъ, будто человѣкъ съ не-

Digitized by Google

развитою головою не умѣетъ открывать источниковъ для увеличенія своихъ доходовъ? Такъ, если эти доходы зависятъ отъ сообразительности и предпріимчивости; но при крѣпостномъ правѣ вовсе не такъ. Увеличивать господскую запашку или оброкъ—вотъ и весь секретъ къ увеличенію доходовъ; тутъ не нужно никакихъ соображеній, не нужно даже никакихъ разсчетовъ: не хуже перваго мудреца въ мірѣ, круглый невѣжда съумѣетъ сказать своему управляющему или старостѣ: „Я хочу имѣть вмѣсто 10 тысячъ 15; потому приказываю запахивать тяглу на моихъ поляхъ вмѣсто двухъ десятинъ по три, или платить вмѣсто 20 рублей по 30“; этими словами оканчивается все дѣло при крѣпостомъ правѣ: скажите же, къ чему тутъ хлопотать о развитіи головы?

Если таково вліяніе крѣпостнаго права на учрежденія, уже существующія, на потребности, уже пробудившіяся въ обществѣ, то легко заключить, до какой степени затрудняется имъ всякое нововведеніе, къ которому желаетъ приступить правительство для увеличенія государственнаго могущества или благосостоянія. Укажемъ хотя на одинъ частный случай. Постепенное пониженіе нашего тарифа показываетъ, что правительство желаетъ избавить народную жизнь отъ громадныхъ потерь, приносимыхъ крайнимъ развитіемъ протекціонной системы. Скажите же, легко ли объяснить огромность этихъ потерь людямъ, которые основываютъ фабрики и заводы на основаніи обязательнаго труда, чуждаго и противнаго всякому здравому разсчету? Какимъ образомъ, напримѣръ, убѣдить въ невыгодности свеклосахарнаго производства такого заводчика, который или самъ не знаетъ, во сколько обходится трудъ, употребляемый на его заводѣ, или говоритъ: „мнѣ некуда дѣвать рукъ; я построилъ заводъ потому, что иначе не зналъ бы, какъ извлечь изъ нихъ хоть какую-нибудь прибыль“. Это частный случай, маловажный въ сравненіи со многими другими. Вообще, правильное распредѣленіе государственныхъ налоговъ и повинностей невозможно при крѣпостномъ правѣ; оно дѣлаетъ большую часть населенной территоріи государства какой-то привилегированной землей, черезъ это до излишества обременяетъ налогами другую, меньшую, часть и значительно уменьшаетъ государственные доходы. Раціональный бюджетъ невозможенъ при крѣпостномъ правѣ: этимъ однимъ дается уже достаточное понятіе о его вредномъ вліяніи на всѣ безъ исключенія отрасли государственной жизни, потому что разумная финансовая система составляетъ первое условіе всего государственнаго благоустройства.

Духъ сословія, имѣющаго главное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, организація войска, администрація, судопроизводство, просвѣщеніе, финансовая система, чувство уваженія къ закону, народное трудолюбіе и бережливость,—все это сильнѣйшимъ образомъ страдаетъ отъ крѣпостнаго права, все искажается имъ въ настоящемъ и сильнѣйшее препятствіе въ немъ встрѣчается каждымъ нововведеніемъ, каждымъ улучшеніемъ для будущаго. Много говорили мы о нашихъ недостаткахъ и множество всевозможныхъ недостатковъ находили въ себѣ, но общій, главнѣйшій источникъ всѣхъ ихъ—крѣпостное право; съ уничтоженіемъ этого основнаго зла нашей жизни, каждое другое зло ея потеряетъ девять десятыхъ своей силы. Потому-то дѣло, начатое рескриптами 20 ноября, 5 и 24 декабря, представляется столь великимъ, что по сравненію съ нимъ маловажны кажутся всѣ реформы и улучшенія, совершенныя со временъ Петра. Съ царствованія Александра II начинается для Россіи новый періодъ, какъ съ царствованія Петра. Исторія Россіи

Digitized by Google

съ настоящаго года будетъ столь же различна отъ всего предшествовавшаго, какъ различна была ея исторія со временъ Петра отъ прежнихъ временъ. Новая жизнь, для насъ теперь начинающаяся, будетъ на столько же прекраснѣе, благоустроеннѣе, блистательнѣе и счастливѣе прежней, на сколько сто пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ были выше XVII столѣтія въ Россіи.

Блистательные подвиги временъ Петра Великаго и колоссальная личность самого Петра покоряютъ наше воображеніе; неоспоримо громадно и существенное величіе совершеннаго имъ дѣла. Мы не знаемъ, какихъ внѣшнихъ событій свидѣтелями поставитъ насъ будущность. Но уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостнаго права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ.

Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчиваетъ Александра II счастіемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы— счастіемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ. Длинный рядъ великихъ монарховъ во Франціи со временъ Людовика Святаго стремился къ дѣлу освобожденія французскихъ поселянъ, и ни у кого изъ нихъ не достало силы совершить это дѣло. Благороднѣйшій человѣкъ своего времени, Іосифъ II Австрійскій также успѣлъ сдѣлать только первый шагъ къ освобожденію своихъ подданныхъ. Счастливѣе французскихъ королей и великаго чистотою своихъ намѣреній Императора Австрійскаго были короли Прусскіе: благосклонная судьба дала монархическому правленію Пруссіи вполнѣ совершить это благодѣяніе; но слава его раздѣляется между двумя монархами: Фридриху II принадлежитъ честь многихъ законодательныхъ мѣръ, вѣнцомъ которыхъ было окончательное уничтоженіе феодальныхъ отношеній при Фридрихѣ Вильгельмѣ III. Въ русской исторіи вся эта слава будетъ сосредоточиваться на одной главѣ Александра II: его рескрипты и полагаютъ теперь начало величайшему изъ внутреннихъ преобразованій, и опредѣляютъ постепенный ходъ этого преобразованія до самаго конца.

Изъ безчисленныхъ благихъ послѣдствій уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, мы теперь хотимъ разсмотрѣть краткимъ образомъ только одну экономическую сторону дѣла, оставляя до будущихъ статей разсмотрѣніе его въ историческомъ, юридическомъ, административномъ и государственномъ отношеніяхъ. Даже и экономическую сторону его мы не беремся изложить во всей ея полнотѣ; мы коснемся только нѣкоторыхъ изъ вопросовъ, ею возбуждаемыхъ, именно такихъ, которые подвергаются въ обществѣ многоразличнымъ толкамъ и рѣшеніе которыхъ въ пользу освобожденія объявляется сомнительнымъ отъ иныхъ людей, по странному заблужденію воображающихъ, что ихъ выгоды соединены съ сохраненіемъ крѣпостнаго права.

Прежде всего должны мы говорить здѣсь о мнѣніи, будто въ въ настоящей степени развитія русской жизни сохраненіе крѣпостнаго права могло бы быть выгоднымъ для сельскаго хозяйства, будто бы съ уничтоженіемъ обязательнаго труда должно уменьшиться количество пахотныхъ полей. Не удивительно было бы слышать подобныя слова отъ людей, думающихъ, что земной шаръ стоитъ неподвижно, а солнце обращается вокругъ него, или полагающихъ, что мы съ господствующимъ у насъ крѣпостнымъ правомъ богаче всѣхъ другихъ европейцевъ; но изумительно то, что къ стыду науки встрѣчаются люди, которые, повидимому, знакомы съ политическою экономіею, а между тѣмъ имѣютъ рѣшимость говорить о

Digitized by Google

пользѣ крѣпостнаго права для земледѣлія. Между ними особеннымъ авторитетомъ пользуется Тенгоборскій. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли думалъ онъ о крѣпостномъ правѣ такъ, какъ писалъ; мы знаемъ только, что при изданіи его книги въ русскомъ переводѣ, переводчикъ къ сожалѣнію не разсудилъ, что честь науки требовала выбросить дурныя страницы, написанныя Тенгоборскимъ объ этомъ предметѣ, если нельзя было прибавить къ нимъ примѣчаній, которыми бы возстановилась искаженная авторомъ истина; мы можемъ теперь сдѣлать это.

„Многіе иностранные и отечественные экономисты, говоритъ Тенгоборскій, приписываютъ почти исключительно нашей системѣ крѣпостнаго права нерадивость поселянина въ обработкѣ, какъ той земли, которую пашетъ онъ на помѣщика, такъ и той, которую пашетъ онъ на себя, и эту послѣднюю, говорятъ они, не считаетъ онъ своею собственностію. Прежде всего мы должны замѣтить здѣсь, что вообще ошибочно представляютъ себѣ мысли русскаго мужика о крѣпостномъ состояніи и соединенной съ нимъ зависимости, и что крѣпостный крестьянинъ вовсе не такъ равнодушенъ къ данной ему землѣ, какъ предполагаютъ. Каждый, близко знающій нашихъ крестьянъ, имѣлъ довольно случаевъ убѣдиться, что они считаютъ самихъ себя принадлежащими своимъ господамъ, но что въ то же время каждый изъ нихъ считаетъ ту землю, которую пашетъ на себя, своею собственностію, или скорѣе частью собственности своей общины, частью, выдѣленной ему по его праву на такой участокъ, и что, слѣдовательно, онъ не можетъ быть равнодушенъ къ этой землѣ. Если, не смотря на то, русскій крестьянинъ часто очень нерадиво обработываетъ свое поле, это надобно приписать скорѣе другимъ причинамъ, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить *). Крѣпостное право, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ и должно имѣть неблагопріятное вліяніе на земледѣліе, потому что обязательный трудъ всегда менѣе производителенъ, нежели свободный (не съ точки зрѣнія выгодъ владѣльца, потому что есть случаи, въ которыхъ при замѣнѣ обязательнаго труда наемнымъ не вознаградилось бы для собственника происходящее отъ такой замѣны увеличеніе издержекъ производства), но съ общей точки зрѣнія на производительность труда въ создаваніи цѣнностей; потому что обязательный трудъ исполняется всегда болѣе или менѣе небрежно, отчего происходитъ потеря времени и производительныхъ силъ, и стало быть, уронъ въ національномъ хозяйствѣ. Неоспоримо также, что крѣпостныя повинности, когда онѣ слишкомъ обременительны, часто отнимаютъ у крѣпостнаго мужика средства хорошо обработывать свою землю; но вліяніе этой причины на состояніе нашего земледѣлія не такъ громадно, какъ вообще думаютъ. Чтобы судить о степени вліянія крѣпостнаго права на наше сельское хозяйство, надобно сначала принять въ соображеніе числительное отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ свободнымъ сельскимъ сословіямъ“.

Затѣмъ Тенгоборскій начинаетъ вычисленіе, результатомъ котораго оказываются слѣдующія цифры:

	Число душъ муж. пола.
Крѣпостныхъ крестьянъ разныхъ наименованій	11,683,200.
Свободныхъ сельскихъ	11,687,500.

Изъ этой таблицы Тенгоборскій дѣлаетъ такое заключеніе:

*) Эти причины, по мнѣнію Тенгоборскаго, общинное владѣніе и наклонность къ бродячей жизни.—О первомъ можно еще думать такъ и иначе, хотя и тутъ Тенгоборскій, по нашему мнѣнію, сильно ошибся. Но какая наивность въ экономистѣ толковать о наклонности къ бродячей жизни, будто рѣчь идетъ о какихъ-то поэтическихъ бедуинахъ, а не о прозаическомъ русскомъ мужикѣ, у котораго есть поговорка: «отъ добра, добра не ищутъ», [illegible] поговорка: «на одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обрастаетъ», и который потому, [illegible] ныхъ временъ сидитъ всѣмъ своимъ родомъ на одномъ мѣстѣ, если можно [illegible] съ мѣста.

Digitized by Google

„Сравнивая эти два итога, мы видимъ, что число крестьянъ, подверженныхъ обязательному труду, равно числу крестьянъ, свободно располагающихъ своимъ трудомъ, и если принять въ разсчетъ, что у многихъ помѣщиковъ барщина замѣнена оброкомъ, то можно принять, что болѣе двухъ третей производительной земли воздѣлывается не по системѣ обязательнаго труда. Итакъ, онъ не можетъ имѣть на состояніе нашего земледѣлія такого общаго вліянія, какъ думаютъ.

„Какъ ни велики съ общей агрономической точки зрѣнія невыгоды обязательнаго труда, но въ настоящее время для значительной части Россіи онъ еще составляетъ необходимость нашего земледѣльческаго состоянія, потому что: 1) масса свободныхъ капиталовъ, которые надлежало бы обратить на земледѣліе для заведенія раціональнаго хозяйства съ наемнымъ трудомъ, не соотвѣтствуетъ безмѣрной обширности воздѣлываемыхъ земель; 2) во многихъ областяхъ цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не дала бы ренты, достаточной для покрытія издержекъ производства; 3) въ провинціяхъ, бѣдныхъ торговою промышленностію, имѣющихъ мало денегъ въ оборотѣ, мужику гораздо удобнѣе отправлять свою повинность трудомъ, нежели платить какую нибудь ренту наличными деньгами. Поэтому иногда поселяне, находящіеся на оброкѣ, менѣе зажиточны, нежели ихъ сосѣди, отправляющіе барщину, и случается даже, что съ оброка они охотно возвращаются къ барщинѣ. Это замѣтилъ и Гакстгаузенъ при проѣздѣ черезъ Симбирскую губернію. Часто также замѣчаютъ, что мужики, переведенные съ барщины на оброкъ, начинаютъ пренебрегать обработкою своихъ полей и удаляются изъ дому, чтобы заработывать хлѣбъ менѣе труднымъ образомъ. Наоборотъ, есть области, въ которыхъ замѣчаются противоположныя слѣдствія замѣны барщины оброкомъ. Вездѣ, гдѣ работники легко находятъ себѣ наемную работу, какъ, напримѣръ, въ большей части губерній по Волгѣ, мужикамъ бываетъ выгодна такая замѣна; это и служитъ доказательствомъ тому, что подобныя перемѣны удаются только тамъ, гдѣ имъ благопріятствуютъ и, такъ сказать, указываютъ на нихъ мѣстныя обстоятельства. Вообще появленіе желанія и потребности къ замѣнѣ барщины оброкомъ можетъ всегда считаться вѣрнымъ признакомъ успѣховъ благосостоянія и національнаго богатства.

Какую бы впрочемъ степень вліянія на дурное состояніе нашего земледѣлія ни долженъ былъ приписать безпристрастный изслѣдователь, съ одной стороны, барщинѣ, съ другой стороны причинамъ, лежащимъ въ самомъ характерѣ нашего сельскаго населенія, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что въ большей части областей, имѣющихъ плодородную землю, удобный и правильный сбытъ сельскихъ продуктовъ и развитую до извѣстной высоты торговую и промышленную дѣятельность, —что во всѣхъ этихъ бластяхъ, и у различныхъ классовъ свободныхъ земледѣльцевъ, и у крѣпостныхъ крестьянъ состоящихъ на оброкѣ, и у крѣпостныхъ крестьянъ еще находящихся на барщинѣ, мы находимъ порядочно обработанныя поля, наполненные домашнимъ скотомъ дворы и такую степень благосостоянія, какая не часто встрѣчается во многихъ странахъ центральной Европы. Гакстгаузенъ видѣлъ тому много примѣровъ, которые и приводитъ въ своей книгѣ.

„Этотъ ученый изслѣдователь провелъ часть своей жизни въ изученіи земледѣльческихъ отношеній общинныхъ учрежденій и состоянія земледѣльцевъ въ различныхъ странахъ, и напослѣдокъ особенно подробнымъ образомъ изслѣдовалъ нравы и общественный бытъ славянскихъ племенъ. Чрезвычайно уважая его мнѣнія, мы не можемъ не привести здѣсь его словъ въ подтвержденіе того, что сказали мы выше относительно обязательнаго труда.

„Высчитавъ, во сколько обошлась бы въ Россіи въ Ярославской губерніи обработка помѣстья извѣстной величины наемнымъ трудомъ и какъ велики были бы убытки на процентахъ оборотнаго капитала, который оставался бы празденъ въ продолженіе почти всего долгаго зимняго времени по отсутствію производительнаго занятія для людей, служащихъ на фермѣ, и для скота, употребляемаго на земледѣльческую работу, и сравнивъ эти издержки съ доходомъ отъ такой земли въ Россіи, во Франціи и въ Германіи *), Гакстгаузенъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

---

*) Этотъ разсчетъ приведенъ въ нашей статьѣ о книгѣ Гакстгаузена: „Современникъ“ 1857 г. № 7, Критика.

Digitized by Google

„Если-бы кому нибудь предлагали въ Ярославлѣ подарить помѣстье подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ хозяйство въ такомъ же видѣ и по тому же порядку, какъ въ Западной Европѣ, то онъ долженъ бы, поблагодаривъ за такое предложеніе, рѣшительно отказаться отъ него: онъ не только не получилъ бы отъ такого хозяйства никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый годъ въ значительномъ убыткѣ.

„Изъ этого видно, что въ подобныхъ областяхъ владѣлецъ помѣстья не можетъ обработывать его наемнымъ трудомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не можетъ и оставить его. Земледѣліе тутъ не коммерческое предпріятіе, разсчитывающее на выгоду, но обязанность, возлагаемая желѣзною необходимостью (eine eiserne Nothwendigkeit).

„При настоящемъ положеніи дѣлъ я долженъ выразить слѣдующее мнѣніе о сельскомъ хозяйствѣ этихъ областей Россіи. Большія хозяйства могутъ здѣсь поддерживаться только двумя способами, именно: или посредствомъ барщины, такъ чтобы земледѣлецъ не обязанъ былъ самъ содержать своихъ работниковъ, содержать скота и другихъ принадлежностей земледѣлія, иначе сказать, чтобы расходы обработки не лежали на немъ; или посредствомъ введенія такой системы хозяйства, связаннаго съ промышленными предпріятіями, которая доставила бы способъ съ выгодою пользоваться производительными силами, остающимися безъ земледѣльческаго занятія во время долгой зимы, пользоваться въ это время рабочими руками людей и силой домашняго скота. Обстоятельства, благопріятныя послѣднему устройству, встрѣчаются рѣдко.

„Существованіе извѣстнаго числа большихъ помѣстій я считаю для этихъ странъ совершенною необходимостію; потому что безъ нихъ нечего и думать объ успѣхахъ земледѣлія, которые для Россіи гораздо нужнѣе, нежели до сихъ поръ думаютъ.

Итакъ, Россія имѣетъ нужду въ помѣщикахъ, которые жили бы въ селахъ, какъ имѣетъ нужду и въ классѣ людей, населяющихъ города; и земледѣліе не могло бы развиваться, если бы дворянство не владѣло помѣстьями и сельскохозяйственными заведеніями, дѣлающими для него выгоднымъ и необходимымъ жить въ деревнѣ. А если существованіе большихъ хозяйствъ необходимо для успѣховъ сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія, то само собою слѣдуетъ, что въ настоящую минуту крѣпостное право не можетъ быть еще отмѣнено; но оно можетъ быть подчинено болѣе точному порядку, введено въ болѣе нормальныя границы, ограждено законными условіями, которыми съ точностію опредѣлялись бы обязанности крестьянъ для удаленія злоупотребленій и произвола, именно такова цѣль указа 2 сентября 1842 года". (Гакстгаузенъ томъ I, стр. 174 и слѣд.).

„Къ этимъ практическимъ и благоразумнымъ замѣчаніямъ (продолжаетъ Тенгоборскій) мы должны прибавить, что русскій мужикъ не подлежитъ, какъ нѣкогда подлежалъ французскій поселянинъ, безотчетному наложенію произвольныхъ податей и повинностей (taillable et corvèable à volontè), и что если онъ подвергается иногда несправедливымъ повинностямъ, то это можетъ случаться только по злоупотребленію и въ противность существующимъ законамъ. Указъ Императора Павла, данный въ 1797 году, опредѣлилъ тремя днями въ недѣлю высшую степень барщины и послѣдующіе законы постоянно стремились къ правильному опредѣленію всего относящагося до этой повинности.

„Нельзя также не видѣть, что время и нравственный прогрессъ оказываютъ постепенное и неоспоримое вліяніе на смягченіе суровости обязательнаго труда и производятъ все больше и больше добровольныхъ соглашеній, которыми мало-по-малу натуральныя повинности измѣняются въ личную ренту (rente personelle, рента, лежащая не на землѣ, а на самомъ человѣкѣ, иначе сказать оброкъ), которая въ свою очередь можетъ современемъ обратиться въ поземельную ренту; послѣдняя замѣна и начинаетъ уже производиться въ государственныхъ имуществахъ (Тенгоборскій говоритъ о переложеніи податей съ душъ на землю). Но внимательно наблюдая чрезвычайно различныя послѣдствія этихъ отдѣльныхъ случаевъ соглашенія, слѣдствія, измѣняющіяся по различію областей и мѣстностей, легко убѣдиться въ трудности [illegible] общей мѣрѣ, которая имѣла бы въ виду систематически и по [illegible] шенія крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ владѣл[illegible] или

Digitized by Google

другой мѣстности, могла бы имѣть самыя вредныя послѣдствія въ другой, и г. Гакстгаузенъ очень справедливо говоритъ, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи непремѣнно должно быть рѣшаемо по мѣстнымъ условіямъ, а не однообразно по всей имперіи *).

„Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ земля неплодородна и неудобна для обработки, гдѣ ея произведенія не покрываютъ потребностей земледѣльца, гдѣ онъ долженъ въ другихъ занятіяхъ искать вспомогательныхъ средствъ для своего прокормленія и уплаты повинностей, тамъ обращеніе барщины въ личную ренту столько же требуется выгодою крестьянина, какъ выгодою владѣльца; но эта замѣна можетъ быть выгодна тому и другому только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ работнику легко найти себѣ занятія. Этими причинами вызываются и размножаются подобныя добровольныя соглашенія въ мѣстностяхъ, гдѣ мало пахотной земли, и гдѣ излишнія руки и излишнее время легко находятъ выгодныя себѣ занятія. Напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пахотныхъ земель много, гдѣ почва плодородна, гдѣ жатва превышаетъ потребности населенія, гдѣ въ то же время есть удобный сбытъ для земледѣльческихъ произведеній, владѣльцу часто бываетъ выгоднѣе обработывать свои поля барщиною, но зато въ этихъ мѣстахъ барщина не мѣшаетъ благосостоянію земледѣльцевъ, и когда она замѣняется оброкомъ, такая замѣна скорѣе бываэтъ слѣдствіемъ взаимныхъ удобствъ, нежели мѣрою, необходимо требуемою мѣстными обстоятельствами. Потому чрезвычайно трудно закону регламентировать всѣ эти обстоятельства по общимъ принципамъ, заранѣе опредѣленнымъ.

„Независимо отъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для приведенія барщины въ правильныя границы, есть другія мѣры, могущія сдѣлать барщину трудомъ болѣе производительнымъ и въ то же время повинностью менѣе обременительною для крестьянъ, и зависящія всего болѣе отъ самихъ владѣльцевъ. Одна изъ этихъ мѣръ состояла бы въ замѣнѣ поденщины работою по урокамъ, такъ чтобы вспахать поле или выкосить лугъ извѣстной величины считалось за столько-то или столько-то дней барщины. Такимъ образомъ прилежный земледѣлецъ могъ бы скорѣе отправить свою повинность и имѣть больше времени для собственной работы. Это могло бы дѣлаться по полюбовному соглашенію, какъ теперь дѣлается соглашеніе между общиною и владѣльцемъ для замѣны барщины оброкомъ. Отдѣльные примѣры такого положенія уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и Гакстгаузенъ приводитъ одинъ такой случай, встрѣченный имъ въ помѣстьи г. Бунина въ Тамбовской губерніи. Надобно желать, чтобы эти отдѣльные примѣры находили больше подражателей. Барщина, такимъ образомъ видоизмѣненная и сообразованная съ справедливостію, была бы значительнымъ улучшеніемъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Но мы удерживаемся отъ сужденія о томъ, до какой степени повсемѣстна исполнимость такого измѣненія. Каковы бы ни были впрочемъ измѣненія, которымъ можетъ въ будущемъ подвергнуться, и безъ сомнѣнія подвергнется современемъ, система барщины, эти измѣненія будутъ имѣть только второстепенное вліяніе на состояніе нашего земледѣлія, пока не будутъ болѣе или менѣе измѣнены другія условія, въ которыхъ находится наше земледѣліе“ **).

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ разсужденій въ пользу обязательнаго труда, эти страницы Тенгоборскаго представляютъ самый разсудительный сводъ экономическихъ соображеній. Потому мы и выбираемъ этотъ отрывокъ, чтобы видѣть, до какой степени могутъ быть логичны и сообразны съ фактами подобныя соображенія.

„Многіе экономисты думаютъ, что крѣпостное право вредно для обработки полей“.—*Многіе!*—послѣ этого можно сказать, что *многіе* астрономы думаютъ, что земля обращается вокругъ солнца. Почему-жъ бы не сказать точнѣе: за исключеніемъ меня, автора книги Études etc. и Гакстгаузена,—*всѣ* экономисты.

„Нашъ крестьянинъ считаетъ поле, которое обработываетъ на себя, своею собственностью, или лучше сказать собственностью своей общины“. Правда, и

*) Die Leibeigenschaft und ihre Aufhebung oder Umwandlung müsste in Russland stets eine Local-Frage, keine allgemeine Staats sein. (Гакстгаузенъ, примѣчаніе къ стр. 178, томъ I).

**) Études sur les forces productives de la Russie. 1854 г., I, стр. 325—339.

Digitized by Google

этотъ фактъ мы должны запомнить какъ можно тверже; но какой выводъ дѣлается изъ него Тенгоборскимъ? „потому нашъ мужикъ не можетъ дурно обработывать эту землю“.—Да развѣ мнѣніемъ мужика отстраняются причины, препятствующія ему хорошо обработывать эту землю? Во-первыхъ, тутъ надобно исключить всѣхъ поселянъ, состоящихъ на оброкѣ: какъ извѣстно, оброкъ опредѣляется сообразно средствамъ мужиковъ заплатить его. Если деревня не можетъ выплачивать болѣе 20 рублей серебромъ оброку съ тягла, она и будетъ платить 20 руб.; но если является у мужиковъ хотя нѣсколько болѣе денегъ, вы увидите, что оброкъ не замедлитъ возвыситься; исключенія встрѣчаются, какъ извѣстно каждому, но встрѣчаются очень рѣдко. Какъ общее правило, надобно принять, что оброкъ при каждой смѣнѣ владѣльца возвышается, если только есть физическая возможность возвысить его. Каждому извѣстно, что часто возвышеніе оброка происходитъ, иногда по нѣскольку разъ, и при одномъ владѣльцѣ. И вотъ, изъ двухъ способовъ полученія доходовъ при крѣпостномъ правѣ, одинъ способъ, оброкъ, является уже совершенно прямо задерживающимъ старательность поселянина въ обработкѣ своего участка. Обработываетъ онъ его плохо и получаетъ съ него 10 четвертей хлѣба; онъ платитъ, положимъ, 20 руб. серебр. оброку. Начни онъ и другіе крестьяне той же деревни обработывать свои участки лучше, и пусть возвысится сборъ хлѣба до 15 четвертей съ участка,—всѣ крестьяне знаютъ, что вслѣдъ за этимъ оброкъ не замедлитъ возвыситься до 30 и хорошо еще, если только до 30, а не до 40 рублей. Спрашивается теперь, можетъ ли эта перспектива возбуждать ихъ старательность, или скорѣе она повергаетъ ихъ въ апатію, заставляетъ обработывать поле какъ нибудь, лишь бы только прокормиться? Вѣдь имъ извѣстно, что какова бы ни была ихъ старательность, въ результатѣ за уплатою оброка останется имъ на долю одно и то же.

Но если оброкъ и дѣйствуетъ прямѣе, очевиднѣе, то все-таки его дѣйствіе не такъ сильно, какъ вліяніе барщины. Тенгоборскій, заимствовавшій всѣ свои свѣдѣнія о сельскомъ бытѣ нашемъ исключительно изъ книги Гакстгаузена, могъ не знать, какимъ образомъ примѣняется къ дѣлу обычай, утвержденный закономъ, о трехдневной барщинѣ. Есть помѣстья, въ которыхъ исполняется онъ по точному своему смыслу, т. е., напримѣръ, три первые дня недѣли берутся крестьяне на барщину, а послѣдніе три дня оставляются крестьянамъ на свою работу, или своя и барская работа идетъ черезъ день. Но рѣдки случаи, въ которыхъ бы этотъ порядокъ сохранялся неуклонно. Большею частію онъ измѣняется по одному изъ трехъ слѣдующихъ способовъ. Первый способъ: назначеніе того, въ какой день крестьяне отпускаются на свою работу, опредѣляется соображеніями распорядителя господскихъ работъ; напримѣръ, въ понедѣльникъ крестьянамъ слѣдовало бы по очереди дней идти на барскій сѣнокосъ, но помѣщикъ, или управляющій, видитъ, что погода неблагопріятна для сѣнокоса, и потому отпускаетъ крестьянъ въ этотъ день на ихъ работу, а потомъ въ зачетъ этого дня назначитъ барщину въ четвергъ, или въ субботу, когда погода будетъ хороша. То же бываетъ и во время пашни. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ выпалъ дождь,—и вотъ назначается въ этотъ день барщина, хотя бы по очереди дней приходилось и не такъ. Очевидно, что такой порядокъ, нарушая правильность работъ на крестьянскихъ поляхъ, отнимая у крестьянъ возможность дѣлать предусмотрительныя распоряженія для своихъ работъ, наконецъ, перенося эти работы на неудобное время, не

Digitized by Google

можетъ не имѣть вліянія какъ на обработку крестьянскихъ полей, такъ и на самый характеръ работниковъ. Но еще произвольнѣе и неблагопріятнѣе второй способъ, если не ошибаемся, самый употребительный, по которому принимается за правило, что деревня должна сначала окончить господскую работу сплошною барщиною безъ очереди дней, и потомъ ужъ отпускается обработывать свои поля. Соотвѣтственность обычаю, опредѣляющему число дней барщины равнымъ числу дней работы крестьянъ на собственныхъ поляхъ, полагается при такомъ порядкѣ въ томъ, что крестьянскимъ полямъ дается приблизительно такой же размѣръ, какой имѣютъ господскія поля. Очевидно, что невыгоды, чувствительныя въ первомъ способѣ, развиваются здѣсь еще сильнѣе: вообще говоря, и при запашкѣ, и при сѣнокосѣ, и при жатвѣ все наиболѣе благопріятное время занято обработкою господскихъ полей, а для крестьянскихъ остается уже наименѣе выгодное время: на этихъ послѣднихъ при такомъ порядкѣ всѣ работы производятся спустя пору: пашня и посѣвъ дѣлаются поздно, и чаще всего при дурныхъ условіяхъ погоды, когда земля уже слишкомъ много утратила соковъ со времени таянія снѣговъ, а пора весеннихъ дождей обыкновенно уже прошла; уборка хлѣба на крестьянскихъ поляхъ дѣлается очень часто тогда, когда хлѣбъ уже перезрѣлъ и много зерна уже осыпалось изъ колоса на корню; очень часто подоспѣваютъ къ этому осенніе дожди, и хлѣбъ на запоздавшихъ поляхъ поляжетъ отъ нихъ на корню. Къ этимъ неудобствамъ присоединяется неизбѣжно еще та невыгода, что крестьяне приступаютъ къ обработкѣ своихъ полей уже не съ свѣжими силами, а утомленные предъидущею работою, и рабочій скотъ ихъ бываетъ также уже истомленъ. Обѣ эти невыгоды неизбѣжны и постоянны. Но часто присоединяется къ нимъ еще то обстоятельство, что размѣръ господскихъ полей превышаетъ ту норму, которая соотвѣтствовала бы тремъ днямъ барщины. Надобно при томъ сказать, что часто первый способъ соединяется съ вторымъ, т. е. при обработкѣ господскихъ полей раньше крестьянскихъ, дни дурной погоды передаются изъ барщинной въ собственную работу крестьянъ. Нельзя забыть и того, что трехдневная норма, поставленная обычаемъ, не всегда соблюдается: размѣръ господскихъ полей зависитъ отъ разсчетовъ землевладѣльца и достигаетъ иногда такого объема, что требуетъ четырехъ и даже болѣе дней въ недѣлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть третій способъ отправленія барщины: крестьянскія тягла распредѣляются по хозяйствамъ такъ, чтобы въ каждомъ хозяйствѣ было четное число работниковъ, именно: два или четыре. Если въ семьѣ только одинъ работникъ, къ этой семьѣ въ домъ поселяютъ семью батраковъ, имѣющую также одного работника. Тогда изъ двухъ работниковъ одинъ (обыкновенно хозяинъ) все время остается работать на своемъ полѣ, а другой (обыкновенно батракъ, или младшій родственникъ) все рабочее время безсмѣнно отправляетъ барщину. Очевидно, что этотъ способъ имѣетъ новыя стороны невыгоднаго вліянія на характеръ работы: крестьянинъ, постоянно отправляющій барщину, безъ сомнѣнія привыкаетъ къ небрежному, сонному труду; черезъ такую школу проходитъ почти каждый крестьянинъ, прежде, чѣмъ сдѣлается главою семьи, и проходитъ онъ эту школу нерадивости именно въ тѣхъ лѣтахъ молодости, когда формируется характеръ человѣка и пріобрѣтаются привычки на цѣлую жизнь.

Таковы-то способы исполненія барщины, раздѣляющіе между собою почти все количество крѣпостныхъ крестьянъ, состоящихъ на барщинѣ. Кто знаетъ ихъ,

Digitized by Google

тотъ не можетъ сомнѣваться, подобно Тенгоборскому, въ томъ, велика ли степень невыгоднаго вліянія барщины на обработку даже тѣхъ полей, которыя предоставлены крестьянамъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что обязательный трудъ вообще чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на трудолюбіе и энергію, на образованіе привычекъ къ бережливости временемъ и средствами. У каждаго экономиста можно найти превосходные, проникнутые благороднымъ жаромъ страницы объ этой общей чертѣ обязательнаго труда; мы хотимъ обратить вниманіе читателя на то, что способами пользованія обязательнымъ трудомъ, у насъ господствующими, еще въ значительной степени увеличиваются тѣ невыгоды, которыя уже лежатъ въ самой его натурѣ.

Внимательный читатель, конечно, чрезвычайно дивится тому странному направленію, какое принято нашимъ разсужденіемъ о невыгодахъ обязательнаго труда въ обработкѣ полей. „Говоря, что такой трудъ не производителенъ, каждый разсудительный человѣкъ думаетъ преимущественно о тѣхъ работахъ, которыя совершаются этимъ трудомъ, то есть, о работахъ на господскомъ полѣ (готовъ намъ замѣтить читатель); по какому же нелѣпому уклоненію отъ здраваго смысла разсуждаете вы о его вліяніи на крестьянскія поля, когда дѣло должно идти о его вліяніи на господскія поля? Вы совершенно сбились съ дороги“.—Да, дѣйствительно мы совершенно сбились съ дороги, пошедши вслѣдъ за нашимъ авторомъ; это онъ разсудилъ придать такой оборотъ вопросу: ловкость изумительная и смѣлость еще болѣе изумительная!—онъ долженъ опровергнуть мнѣніе всѣхъ безъ исключенія экономистовъ, что барщина—работа самая непроизводительная,—и опровергаетъ онъ эту мысль чѣмъ же? тѣмъ, что на своихъ поляхъ крѣпостный крестьянинъ работаетъ усердно. Ему говорятъ: человѣкъ плохо исполняетъ обязательный трудъ, онъ возражаетъ: „обязательный трудъ не такъ плохъ, какъ вы думаете, потому что свободный трудъ на собственныхъ поляхъ исполняется крестьяниномъ не дурно, стало быть ваша мысль, будто онъ трудится плохо, совершенно неосновательна“. Такая отважная софистика невѣроятна, однако же дѣйствительно къ ней отваживается прибѣгать нашъ авторъ. Пусть припомнитъ читатель его слова: въ нихъ мало рѣчи о господскихъ поляхъ, онъ все возраженіе противъ обязательнаго труда сворачиваетъ на крестьянское поле. „Мы должны замѣтить, что ошибаются, думая, что будто крестьянинъ равнодушенъ къ своему участку. Люди, знающіе нашего крестьянина, знаютъ, что онъ очень дорожитъ своимъ участкомъ и любитъ его и старается воздѣлывать какъ можно лучше, а если иногда воздѣлываетъ плохо, такъ не отъ того, о чемъ вы говорите, а развѣ отъ другихъ какихъ причинъ“. Послѣ такого поворота говорите, если хотите, о добросовѣстности, объ учености и тому подобномъ, мы дивимся только отважности, съ какою тутъ предполагается, что читатель—тупоумный простякъ, провести котораго можно самымъ грубымъ обманомъ.

Но для насъ очень пріятенъ тотъ оборотъ, по мнѣнію автора очень искусный, которымъ онъ думалъ увернуться отъ мысли о невыгодности обязательнаго труда. Этотъ оборотъ заставилъ насъ вникнуть въ ту сторону сельскаго быта, которая на первый взглядъ представляется не подвер[illegible]дѣйствіямъ обязательнаго труда. Мы разсмотрѣли, имѣетъ ли [illegible] работу, которую крестьянинъ совершаетъ [illegible] подлежитъ также обязательному труду, [illegible]

Digitized by Google

но и очень вредно; такимъ образомъ обнаружилось, что даже тотъ уголокъ, въ которомъ вздумалъ укрыться защитникъ обязательнаго труда, не даетъ ему ни малѣйшей защиты, и хитрый оборотъ адвоката неправды послужилъ только къ тому, что вредное дѣйствіе неправды раскрылось въ большемъ объемѣ, нежели какъ представлялось бы съ перваго взгляда; сверхъ того, отъ хитрости, придуманной нашимъ авторомъ, мы получаемъ то преимущество, что она служитъ для насъ признаніемъ съ его стороны невозможности отвергать то вредное вліяніе барщины, которое обыкновенно указывается политическою экономіею. Онъ не отваживается и говорить о томъ, производительна ли обработка господскихъ полей обязательнымъ трудомъ,—значитъ, онъ самъ признаетъ эту невыгоду, и намъ уже не для чего много распространяться объ этомъ; скажемъ только два, три слова.

Помѣстья Замойскихъ, по освобожденіи крестьянъ на нихъ, стали приносить въ три раза болѣе дохода.

Графъ Бернсдорфъ, великій датскій министръ, желая показать датскимъ помѣщикамъ невыгоды обязательнаго труда, приводилъ имъ въ примѣръ свои собственныя помѣстья, въ которыхъ онъ освободилъ крестьянъ; и дѣйствительно, пока его поля обработывались барщиною, средній урожай ржи на нихъ бывалъ самъ 3, а овса самъ $2^2/_3$, а когда онъ сталъ обработывать ихъ по найму, урожай ржи возвысился до самъ $8^1/_3$, а урожай овса до самъ 8.

Датскихъ помѣщиковъ останавливало то, что освобожденіе крестьянъ на первый разъ стоило нѣкоторыхъ пожертвованій, но Бернсдорфъ могъ доказать незначительность этихъ пожертвованій своими приходо-расходными книгами. Освобождая крестьянъ, онъ терялъ сто тысячъ талеровъ капитала; за то доходы съ его помѣстья быстро стали возрастать въ пропорціи еще гораздо большей, нежели какая видна изъ сравненія урожаевъ. Помѣстье съ обязательнымъ трудомъ давало ему три тысячи талеровъ, черезъ 24 года онъ, при свободномъ трудѣ, получалъ съ этого помѣстья двадцать семь тысячъ талеровъ; стало быть, если его земли вмѣстѣ съ крѣпостными работниками могли быть проданными за полтораста тысячъ талеровъ, то теперь, по освобожденіи работниковъ, эти земли стоили въ девять разъ болѣе или 1,350,000 талеровъ,—выигрышъ, кажется, достаточно вознаграждающій за видимую потерю ста тысячъ талеровъ при освобожденіи. Такихъ примѣровъ представляются тысячи всѣми странами, гдѣ совершалось освобожденіе крестьянъ. Повсюду неизмѣнно оно было соединено съ быстрымъ возвышеніемъ доходовъ помѣщика, освободившаго крестьянъ. Да и можетъ ли быть иначе?—нужно только вспомнить, въ какой именно пропорціи наемный трудъ производительнѣе обязательнаго. Негры въ одну послѣобѣденную половину дня успѣваютъ сдѣлать столько же, когда работаютъ на себя, сколько въ цѣлый день на барщинной работѣ. Такова разница между свободнымъ и обязательнымъ трудомъ даже того чемовѣка, энергія котораго подавлена и силы котораго истощены обязательнымъ трудомъ. Но еще значительнѣе становится она, когда человѣкъ успѣетъ отвыкнуть отъ апатіи, свойственной крѣпостному состоянію. Наемный трудъ такого человѣка производитъ въ день слишкомъ въ три раза больше, нежели день барщины крѣпостнаго работника *).

*) Principes d'Economie Politique, par Roscher, traduits par M. Wolowski. Paris. 1857. vol. 1, p. 157—159.

Digitized by Google

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести также нѣсколько примѣровъ изъ множества фактовъ, представляемыхъ превосходнымъ „Статистическимъ описаніемъ Кіевской губерніи“, которое составлено покойнымъ Журавскимъ и издано г. Фундуклеемъ. Мы употребили слово: „удовольствіе“, и дѣйствительно, трудно иначе называть чувство, производимое длиннымъ рядомъ фактовъ, неразумность которыхъ доходитъ до поразительнаго комизма, фактовъ въ родѣ слѣдующаго. Въ помѣстьи, имѣвшемъ около 250 взрослыхъ работниковъ, отправлявшихъ барщину, все число барщинныхъ дней простиралось до 45 тысячъ въ годъ; изъ нихъ на полевыя работы употреблено менѣе 12 тысячъ дней, т. е. около четвертой части всего труда. На что же были потрачены три четверти рабочихъ дней? Нѣкоторое количество изъ нихъ было употреблено на работы производительныя, а другіе дни разошлись въ родѣ слѣдующихъ: 1900 дней потрачено на господскій садъ и огородъ. Этотъ садъ и огородъ доставляли фруктовъ и овощей столько, что иногда было ихъ достаточно для господскаго стола, а иногда и не достаточно (навѣрное, на фрукты и овощи господскому столу, если бы они производились наемною работою, или покупались, не было бы употреблено и той суммы, какой стоютъ хотя 500 рабочихъ дней; а тутъ при 1900 дняхъ нужно было еще прикупать). На починку печей и бѣленье комнатъ и т. п. въ господскомъ домѣ употреблено 950 рабочихъ дней; на выдѣлку холста, кожъ, сапоговъ для господской экономіи употреблено дворовыми людьми и крестьянами слишкомъ 11 тысячъ рабочихъ дней и все-таки не выдѣлано было столько кожъ и холста, чтобы обуть и одѣть,—нужно было много прикупать. Итакъ, почти столько же, сколько на все хлѣбопашество, потрачено было рабочихъ силъ на производство платья для дворовыхъ людей, да и того оказалось мало. Превосходны также факты такого рода: была при господскомъ хозяйствѣ молотильная машина; работа ею заняла около 5800 дней и обмолочено въ эти дни около 4200 копенъ хлѣба, такъ что результатъ рабочаго дня при этой машинѣ давалъ менѣе, нежели три четверти копны обмолоченнаго хлѣба, а надобно замѣтить, что машина приводилась въ движеніе лошадьми, работу которыхъ мы уже не кладемъ въ счетъ. Но въ томъ же хозяйствѣ, просто цѣпомъ, мужикъ обмолачиваетъ болѣе копны хлѣба, и стало быть выходитъ, что при помощи машины работа производилась гораздо медленнѣе, нежели безъ помощи машины. Не много нужно думать о такихъ цифрахъ, чтобъ прійти къ слѣдующему заключенію: три четверти рабочихъ силъ барщины тратились въ этомъ хозяйствѣ совершенно понапрасну, не принося владѣльцу ровно никакого дохода, а часто обращаясь ему въ прямой убытокъ, который приходилось покрывать ему вычетомъ изъ доходовъ, доставлявшихся ему остальною четвертою частью барщины. Такихъ фактовъ въ „Описаніи Кіевской губерніи“ сотни и тысячи. Но, можетъ быть, въ томъ хозяйствѣ, распредѣленіе барщины котораго мы видѣли, и другихъ подобныхъ ему хозяйствахъ, экономія была плохо устроена?—вовсе нѣтъ, это хозяйство было еще изъ самыхъ лучшихъ. Сводя цифры о всѣхъ помѣщичьихъ имѣньяхъ Кіевской губерніи, Журавскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: соображая пространство господскихъ полей съ уроками, которые отработываются въ одинъ день, Журавскій находитъ, что для полной обработки господскихъ полей, вмѣстѣ съ уборкою сѣнокосовъ, требовалось бы въ Кіевской губерніи 17,500,000 рабочихъ дней; между тѣмъ число всѣхъ дней, отбываемыхъ барщиною въ Кіевской губерніи, простирается до

Digitized by Google

65,000,000; такимъ образомъ три четверти барщины растрачиваются такъ себѣ, то туда то сюда; не считая даже вовсе зимнихъ дней, все-таки выходитъ, что и изъ лѣтнихъ дней половина растрачивается самымъ непроизводительнымъ образомъ *).

Теперь читатель не будетъ удивляться слѣдующему расчисленію, основныя цифры котораго мы также заимствуемъ у Журавскаго. Журавскій опредѣляетъ наемную цѣну, какую имѣетъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи лѣтомъ и зимою день работы пѣшаго мужика, мужика съ лошадью, и женщины; по этимъ вычисленіямъ онъ перелагаетъ на деньги всю цѣнность 65 мильоновъ дней барщины, и оказывается, что вся цѣнность работъ, исправляемыхъ барщиною, доходитъ до 7,232,350 рублей серебр. Каковы же теперь всѣ доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи? Каждый производительный трудъ даетъ въ продуктѣ избытокъ противъ того, во сколько обошлось производство. Напримѣръ, фабрикантъ употребляетъ 100,000 рублей на жалованье рабочимъ, на покупку матеріаловъ, на ремонтъ фабрики, на уплату процентовъ съ основнаго капитала, и проч.; а продуктовъ своей фабрики продаетъ онъ на 120,000 тысячъ и болѣе. Если бы обязательный трудъ былъ производителенъ, очевидно, что помѣщики Кіевской губерніи получали бы гораздо болѣе этой суммы, какой стоитъ барщина. Сколько именно получали бы они, трудно сказать, но легко опредѣлить наименьшую величину, ниже которой никакъ не могли бы спускаться ихъ доходы. Барщина замѣняетъ только наемную плату работникамъ. Наемная плата работникамъ въ земледѣліи никакъ не можетъ составлять болѣе половины всего оборотнаго капитала, а по настоящему надобно полагать ее гораздо меньше **). Но если положить этотъ расходъ равняющимся цѣлой половинѣ издержекъ производства, мы все-таки получимъ сумму въ 14,500,000 руб. сер.,—это издержки производства; но производство должно же давать какой нибудь чистый доходъ; положимъ его хотя только въ 10% и мы получимъ 1,450,000 руб. сер. Такимъ образомъ составляется сумма въ 16,000,000 руб. сер., и мы видимъ, что доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи должны были бы простираться по крайней мѣрѣ до этой суммы даже тогда, когда бы расходъ на работниковъ можно было считать вполовину издержекъ производства. Если же считать его только въ третью часть издержекъ, что гораздо ближе къ истинѣ, то надобно ожидать дохода въ 24,000,000 руб. сер. Но вспомнимъ, что работники трудятся не по найму, а обязательно, и мы уже можемъ ожидать, что доходы помѣщиковъ далеко не достигаютъ этой цифры 16,000,000 руб. сер., которая при наемномъ трудѣ была бы слишкомъ низка. Какъ же велики они въ дѣйствительности? Быть можетъ, 12, быть можетъ 10 мильоновъ? Нѣтъ, по вычисленію Журавскаго, всѣ доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи не простираются выше 7,123,380 руб. сер., — то есть, они даже меньше той суммы, которой стоитъ одна рабочая сила барщины.

*) Статистическое описаніе Кіевской губерніи. Часть II, стр. 220 и слѣд. и 372 и слѣд.

**) При урожаѣ самъ 5, одна цѣнность посѣва составляетъ уже 20 процентовъ оборотнаго капитала. Ренту земли, конечно, слишкомъ низко будетъ оцѣнить въ одну четверть валоваго дохода, который долженъ быть больше издержекъ производства, и потому въ издержкахъ производства рента составляетъ болѣе значительную часть, нежели въ немъ. Но положимъ, что она будетъ составлять только одну четверть издержекъ производства. Вотъ цѣна посѣва и рента составляютъ уже 45% издержекъ производства. Прибавимъ расходъ на управленіе, и мы получимъ уже гораздо болѣе 50%. и на жалованье работникамъ останется менѣе 50%. Совершенно близко къ истинѣ было бы сказать, что это жалованье составляетъ въ земледѣліи отъ одной четвертой до одной третьей части издержекъ производства.

Digitized by Google

Чтобы понять всю экономическую несообразность такого порядка дѣлъ, представимъ себѣ, напримѣръ, что существовала бы хлопчато-бумажная фабрика, которая на одно жалованье рабочимъ расходовала бы 10,000 руб. сер., а доходовъ отъ продажи своихъ продуктовъ получала бы 9,500 руб. сер.; вспомнимъ, что фабрикантъ долженъ считать проценты съ основнаго капитала, представляемаго зданіемъ фабрики и машинами, долженъ ежегодно покупать болѣе чѣмъ на 10,000 руб. сер. хлопка,—и мы поймемъ, что его фабрика представляетъ изумительно неразумное явленіе, что ея существованіе противно всякому экономическому разсчету, что кромѣ раззоренія всѣхъ участвующихъ въ дѣлахъ этой фабрики, ничего нельзя ждать отъ нея. Каждый здравомыслящій человѣкъ изъ любви къ самому фабриканту долженъ посовѣтовать ему измѣнить странный порядокъ дѣлъ, существующій на его фабрикѣ.

Точно таково положеніе помѣщиковъ. Одной рабочей силы употребляется ими, напримѣръ, въ Кіевской губерніи на 7,230,000 р. с., а всего дохода получается только 7,130,000 руб. сер. *).

Но мы еще далеки отъ истины, полагая, что весь доходъ помѣщиковъ Кіевской губерніи происходитъ отъ обязательнаго труда. Если бы вся сумма 7,123,000 р. с. возникала изъ работы, стоющей 7,232,000, это было бы уже чрезвычайно неразумно; что же надобно будетъ сказать, когда сообразимъ, что около половины помѣщичьихъ доходовъ въ Кіевской губерніи должны считаться не плодомъ барщины **), а доходами съ различныхъ капиталовъ, кромѣ поземельнаго капитала? Потому доходъ, доставляемый барщиною, слѣдуетъ считать не болѣе какъ въ 4,000,000 р. с., и въ результатѣ окажется, что всѣ продукты, доставляемые барщиною, едва равняются 6% стоимости самой барщины, и параллель съ фабрикою, представленная нами выше, измѣнится такимъ образомъ:

Есть фабрикантъ, который, кромѣ того, что употребляетъ ежегодно болѣе 10,000 р. на покупку сырыхъ матеріаловъ и ремонтъ, одной рабочей силы расходуетъ на 10,000 р., а всѣхъ продуктовъ своей фабрики продаетъ только на 6,000 р.,—спрашивается, разумно ли идетъ его фабрика?

Но чѣмъ поправить ему свои дѣла?—Очевидно, откуда весь недочетъ: работа на его фабрикѣ плоха и ему должно измѣнить порядокъ этой работы, если онъ не хочетъ съ каждымъ годомъ раззоряться все больше и больше. Иначе ему никакъ не избѣжать банкротства.

Этотъ выводъ неоспоримо слѣдуетъ изъ фактовъ, подробно излагаемыхъ Журавскимъ. Люди, незнающіе сельскаго хозяйства въ Кіевской губерніи, могутъ пожалуй подумать, что въ другихъ губерніяхъ дѣла могутъ идти лучше, что по-

---

*) Описаніе Кіевской губерніи. Часть II, стр. 230 и 378.

**) Пропинація и лѣсная продажа даютъ 1,250,000 р. с., тонкорунное овцеводство, фабричная промышленность и винокуреніе даютъ болѣе 1,300,000 р. с., изъ нихъ по крайней мѣрѣ половину, т. е. 650,000, надобно считать доходомъ основнаго и оборотнаго капитала; изъ дохода, доставляемаго хлѣбопашествомъ и свекловицею (3,800,000) по крайней мѣрѣ одну пятую часть надобно считать слѣдствіемъ работы ремапанетнаго скота, господскихъ машинъ и т. п.; это даетъ около 750,000; вотъ у насъ уже насчитано 2,650,000 р. с. дохода, возникающаго не отъ барщинной работы. Прибавивъ къ этой цифрѣ различныя мелкія отрасли доходовъ, исчислять которыя было бы здѣсь слишкомъ длинно и которыя легко отыщетъ внимательный читатель въ изслѣдованіяхъ Журавскаго, мы получимъ тотъ выводъ, что изъ 7,123,000 р. с. общаго дохода, по крайней мѣрѣ 3,000,000, а вѣроятно и болѣе, даются помѣщикамъ Кіевской губерніи не обязательнымъ трудомъ.—Въ статьѣ объ описаніи Кіевской губерніи („Соврем.“ 1856, № 9) этотъ вычетъ даетъ меньшую цифру, но тамъ онъ очень не полонъ.

Digitized by Google

рядокъ помѣщичьяго хозяйства въ Кіевской губерніи хуже, нежели въ великорусскихъ. Напротивъ, въ ней онъ гораздо лучше. Отчетность по хозяйству ведется съ такою точностію, какая совершенно неизвѣстна великорусскимъ помѣщикамъ: экономіи въ употребленіи рабочихъ силъ несравненно больше, небрежной растраты ихъ гораздо меньше въ Кіевской губерніи, нежели въ Великой Россіи, и выводъ, представляемый изслѣдованіемъ Журавскаго для Кіевской губерніи, еще съ гораздо большею силою прилагается къ Великой Россіи, которую мы имѣемъ преимущественно въ виду въ этой статьѣ.

Раззореніе для самихъ помѣщиковъ, вотъ очевиднѣйшее слѣдствіе обязательнаго труда. Отчеты кредитныхъ учрежденій о количествѣ заложенныхъ имѣній и публикаціи о продажѣ этихъ имѣній за неуплату долга, къ сожалѣнію, слишкомъ громко свидѣтельствуютъ о томъ, какъ подтверждается эта научная истина фактами нашей жизни. Недавно ученый, котораго мы не хотимъ называть по имени, вздумалъ было доказывать, что помѣстья наши не такъ обременены долгами, какъ всѣ мы знаемъ,—единодушная горькая улыбка всѣхъ читателей была отвѣтомъ на такую розовую шутку. Помѣщикъ, имѣніе котораго не заложено, представляется у насъ довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Точныя свѣдѣнія о количествѣ всѣхъ долговъ, лежащихъ у насъ на дворянскихъ имѣніяхъ, не собраны, но достовѣрно то, что съ каждымъ годомъ тяжесть этихъ долговъ возрастала и что въ настоящее время изъ всѣхъ имѣній въ Европѣ наиболѣе обременены долгами русскія помѣстья. Тутъ можно говорить о расточительной жизни, о пренебреженіи къ собственнымъ дѣламъ; но во-первыхъ, всѣ эти и т. п. второстепенныя причины недостаточны для накопленія долговъ, столь всеобщихъ и столь громадныхъ; во-вторыхъ, и расточительность и пренебреженіе къ дѣламъ возникаютъ главнымъ образомъ изъ того основнаго зла, которому нынѣ полагается предѣлъ. Можетъ ли экономически вести свои расходы тотъ, доходы котораго получаются способомъ противнымъ экономическому разсчету? Можетъ ли съ усердіемъ заниматься своими дѣлами тотъ, кому представляется, что источникъ его доходовъ, обязательный трудъ, остается неизсякаемъ и безъ всякой заботы съ его стороны?

Потому намъ кажется, что обязательный трудъ раззорителенъ не только для крестьянъ, но и для самихъ помѣщиковъ; потому-то и не можемъ согласиться мы съ словами Тенгоборскаго, что обязательный трудъ, хотя всегда невыгоденъ для государственнаго хозяйства, но бываетъ иногда выгоденъ для помѣщика. Нѣтъ, онъ всегда невыгоденъ и для него. Ниже мы подробно разсмотримъ основаніе, на которомъ опирается мнѣніе Тенгоборскаго, мнѣніе, что издержки землевладѣльца на наемную плату, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, не вознаградятся продажею продуктовъ; теперь замѣтимъ только, что тогда и увеличится количество и возвысится цѣна хлѣба, получаемаго помѣщикомъ съ своихъ полей, и перейдемъ къ слѣдующимъ мыслямъ Тенгоборскаго.

Онъ самъ чувствуетъ, что нельзя сомнѣваться въ невыгодности обязательнаго труда, и потому старается доказать, что масса полей, воздѣлываемыхъ этимъ трудомъ, не такъ велика, чтобы могла имѣть преобладающее вліяніе на дурное состояніе нашего сельскаго хозяйства.

Съ этой цѣлью прежде всего разсчитываетъ онъ, каково отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ числу всего сельскаго населенія. Противъ этого счета замѣтимъ, что напрасно вноситъ онъ въ число крестьянъ, неподлежащихъ крѣпостной

Digitized by Google

работѣ, 816,000 крестьянъ разныхъ наименованій, означенныхъ въ таблицѣ Кеппена нумерами 5 и 6. Исправивъ эту ошибку, мы увидимъ, что количество крестьянъ, подлежащихъ обязательному труду, почти на 2,000,000 душъ мужскаго пола больше числа свободныхъ крестьянъ. Но если даже принять и его разсчетъ, по которому та и другая цифры почти равны, все-таки надобно сказать, что работа цѣлой половины крестьянъ, подлежащая крѣпостному праву, представляетъ уже массу труда, съ избыткомъ достаточную для подчиненія всего народнаго хозяйства, какой принадлежитъ обязательному труду.

Въ тѣхъ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза, гдѣ существуетъ невольничество, весь характеръ и общественнаго быта и національнаго хозяйства опредѣляется трудомъ негровъ; а между тѣмъ число невольниковъ въ этихъ штатахъ далеко не достигаетъ цифры бѣлаго населенія въ тѣхъ же штатахъ. Мы возьмемъ только тѣ штаты, въ которыхъ всего болѣе невольниковъ, именно: Виргинію, Сѣверную и Южную Каролины, Георгію, Флориду, Алабаму, Мисисипи, Луизіану, Техасъ, Арканзасъ, Теннесси, Кентукки и Миссури. Въ этихъ тринадцати штатахъ число невольниковъ простирается до 3,075,000, а число бѣлаго населенія болѣе, нежели до 5,400,000. Мы видимъ, что даже въ этихъ штатахъ, имѣющихъ исключительно невольническій характеръ въ своемъ производствѣ, число свободныхъ почти вдвое превышаетъ цифру невольниковъ; и однакоже этой одной третьей части населенія, подлежащей принужденному труду, уже достаточно для уничтоженія въ народномъ бытѣ и трудѣ всякаго элемента, имѣющаго характеръ свободнаго труда *). Если примѣсь третьей части обязательнаго труда къ двумъ третямъ свободнаго оказываетъ такое громадное вліяніе, что же сказать о томъ, когда цѣлая половина работниковъ подлежитъ обязательному труду?

Но Тенгоборскій не останавливается на томъ, что неправильнымъ счетомъ уравниваетъ число крѣпостныхъ крестьянъ съ числомъ свободныхъ, хотя ему самому извѣстно, что первое больше. Онъ идетъ далѣе и рѣшается утверждать, что такъ какъ „во многихъ помѣстьяхъ барщина замѣнена оброкомъ, то надобно принять, что двѣ трети воздѣлываемыхъ земель обработываются крестьянами, не отправляющими обязательнаго труда". Эта смѣлость очень замѣчательна; во-первыхъ, Тенгоборскій не приводитъ точныхъ свѣдѣній о числѣ крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, и, пользуясь этимъ, онъ отважно предлагаетъ число ихъ гораздо больше, нежели каково оно должно быть въ дѣйствительности: онъ считаетъ ихъ, какъ видимъ, до 4,000,000 **); но едва ли можно считать ихъ и 2,000,000; во-вторыхъ, если-бы даже число оброчныхъ и доходило до 4,000,000, изъ этого еще не слѣдовало бы, что двѣ трети земли населены крестьянами, не отправляющими барщины: на оброкъ отпускаются крестьяне преимущественно въ помѣстьяхъ

*) Если бы мы, слѣдуя примѣру всѣхъ статистиковъ, причислили къ этимъ штатамъ Мериландъ, Делаваръ и т. д., то оказалось бы, что въ невольническихъ штатахъ число негровъ едва превышаетъ четвертую часть всего населенія, и мы могли бы сказать совершенно справедливо, что для сообщенія всему быту и производству страны того характера, какой свойственъ обязательному труду, достаточно уже и того, когда хотя четвертая часть работниковъ подлежитъ обязательному труду. Но мы, предупреждая даже излишнія притязанія противниковъ, ввели въ счетъ только тѣ штаты, въ которыхъ цифры наименѣе благопріятны нашимъ выводамъ: даже и эти цифры уже съ избыткомъ подтверждаютъ нашъ выводъ.

**) Эта цифра необходима, чтобы состоящихъ на барщинѣ осталась одна треть изъ всего числа поселянъ.

Digitized by Google

малоземельныхъ, а у государственныхъ крестьянъ земли вдвое и втрое меньше, нежели у помѣщиковъ по числу душъ; стало быть, если-бы даже только одна треть крестьянъ состояла на барщинѣ, а другія двѣ трети состояли бы изъ свободныхъ и оброчныхъ крестьянъ, то и тогда большая половина воздѣлываемой земли все-таки оставалась бы подъ помѣстьями, отправляющими барщину; въ-третьихъ, оброкъ у насъ довольно мало отличается отъ барщины по своему вліянію на характеръ хозяйства: возвышаясь соразмѣрно возвышенію доходовъ крестьянина, онъ точно такъ же, какъ и барщина, противодѣйствуетъ энергіи труда, потому что стремится постоянно поглощать всѣ избытки, ими производимые. Дѣло иное, если-бы нашъ оброкъ не возвышался произвольно.

Такая цѣпь противорѣчій фактамъ и фальшивыхъ гипотезъ нужна была Тенгоборскому, чтобы придти къ желанному заключенію, будто бы „обязательный трудъ не имѣетъ на наше сельское хозяйство столь преобладающаго вліяніи, какое обыкновенно ему приписывается“. Для такого вывода нужно было слишкомъ отважнымъ образомъ исказить смыслъ мнѣнія о невыгодности обязательнаго труда, поворотивъ рѣчь съ работы, отправляемой барщиною, къ которой рѣчь прямымъ образомъ относится, на работу крестьянъ на своихъ поляхъ; нужно было представить невѣрный счетъ числа крѣпостныхъ крестьянъ; нужно было забыть и о характерѣ нашего оброка, и о малоземельности оброчныхъ имѣній. И однако-же при всѣхъ этихъ смѣлыхъ отступленіяхъ отъ истины, онъ могъ дойти только до такого результата, который совершенно ужъ достаточенъ для разрушенія его мнѣнія. Да, если-бы у насъ только третья часть сельскихъ работниковъ отправляла барщину, уже и тогда все наше сельское хозяйство находилось бы подъ исключительнымъ, подъ совершенно преобладающимъ вліяніемъ крѣпостной работы. Примѣръ южныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза уже говоритъ, что свободная работа двухъ третей населенія совершенно искажается вліяніемъ принудительной работы одной трети населенія. Но по словамъ самого Тенгоборскаго, число крѣпостныхъ крестьянъ равняется числу свободныхъ; въ дѣйствительности же превосходитъ ихъ.

Но, продолжаетъ Тенгоборскій, какъ ни вредна система обязательнаго труда, она въ настоящее время, для значительной части Россіи, необходима. Почему же? Причинъ на это приводится три:

1) „Капиталовъ у насъ недостаточно для раціональнаго хозяйства съ наемнымъ трудомъ при безмѣрной обширности воздѣлываемыхъ земель“. Тутъ сколько словъ, столько и ошибокъ. О томъ, до какой степени безмѣрна обширность нашихъ земель, мы будемъ говорить послѣ; пока здѣсь замѣтимъ прежде всего хитрое слово „раціональный“; оно намекаетъ на плодоперемѣнную систему съ искусственнымъ луговодствомъ, дренажемъ и т. п. Для такой системы, конечно, нужны большіе капиталы, но самъ Тенгоборскій говоритъ, что она еще не нужна и неумѣстна для насъ; а еслибъ и была умѣстна, то наемная плата самый незначительный расходъ, въ сравненіи съ расходами на луговодство, скотоводство, машины и прочее, при такой системѣ, и обязательный трудъ можетъ только помѣшать ея распространенію, потому что при немъ невозможна ни строгая экономія въ жизни самого хозяина, ни старательный и искусный трудъ работниковъ. Но Тенгоборскій хитритъ: онъ только сбиваетъ читателя намекомъ на плодоперемѣнную систему въ словѣ „раціональный“, а самъ и не думаетъ о ней, подробно доказавъ передъ тѣмъ, что для насъ еще надолго выгоднѣе всѣхъ другихъ системъ

Digitized by Google

трехпольное хозяйство. При трехпольномъ хозяйствѣ капиталовъ не очень много нужно. Но если бы у насъ было мало капиталовъ даже и для этой системы, тѣмъ сильнѣе доказывалась бы необходимость отмѣнить обязательный трудъ, потому что онъ составляетъ сильнѣйшее препятствіе образованію и возрастанію капиталовъ. При немъ работа непроизводительна, при немъ нѣтъ ни разсчетливости, ни предпріимчивости. Жалоба на недостатки въ капиталахъ есть требованіе отмѣны обязательнаго труда.

2) „Во многихъ мѣстахъ цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не давала бы ренты, достаточной для покрытія издержекъ производства". Не мѣшаетъ замѣтить тутъ оригинальное употребленіе слова „рента" вмѣсто доходъ: Тенгоборскій забылъ, что рентою называется только та часть дохода, которая вовсе не служитъ къ покрытію издержекъ производства, а составляетъ наемную плату, получаемую землевладѣльцемъ съ арендатора; его фраза подобна слѣдующей: дивидендъ акціонерной фабрики недостаточенъ на покрытіе издержекъ ея. Такія фразы свидѣтельствуютъ о сбивчивости понятій, которая одна впрочемъ и можетъ давать человѣку рѣшимость выступать защитникомъ обязательнаго труда. Тенгоборскій не умѣлъ сказать того, что хотѣлъ сказать, именно, что цѣнностью продуктовъ не будутъ покрываться издержки производства.

Предположимъ сначала, что это возраженіе совершенно справедливо; въ такомъ случаѣ, что изъ него слѣдуетъ по теоріи, принимаемой всѣми безъ исключенія экономистами? Насъ часто упрекали за то, что мы предпочитаемъ основательныя сужденія новой школы ошибочнымъ мнѣніямъ старой; но изъ нашего противорѣчія ошибкамъ старой школы вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы не находили въ сочиненіяхъ Сэ или Росси ни одной страницы справедливой; есть случаи, въ которыхъ всѣ школы согласны; къ нимъ принадлежитъ и тотъ, о которомъ мы должны теперь вести рѣчь. Надѣемся, что самъ Сэ не нашелъ бы въ слѣдующихъ строкахъ ни одного слова, съ которымъ бы не согласился вполнѣ.

Если цѣнность продуктовъ не покрываетъ издержекъ производства, это значитъ, что производство убыточно; національный интересъ и собственная выгода хозяина требуютъ, чтобы такое производство было оставлено.

Если продукты моей фабрики не покрываютъ моихъ расходовъ на фабрику, я долженъ или закрыть, или продать ее. Я не имѣю права требовать, чтобы государство раззорялось для моей фабрики, чтобы, напримѣръ, оно поставляло мнѣ задаромъ или матеріалъ, мною обработываемый, или машины, нужныя мнѣ для обработки, или лошадей, приводящихъ въ движеніе эти машины, или работниковъ, управляющихъ этими лошадьми и машинами.

Положимъ, что я занимаюсь выдѣлкою шляпъ. Если продажа не окупаетъ мнѣ моихъ издержекъ, это происходитъ отъ одной изъ двухъ причинъ: 1) или моя фабрика устроена дурно, и въ такомъ случаѣ я долженъ стараться улучшить ее, а если не умѣю улучшить, то нечего мнѣ и тянуться быть шляпнымъ фабрикантомъ, и пусть я раззорюсь, государство тутъ ничего не проиграетъ; напротивъ, оно выиграетъ, когда однимъ дурнымъ фабрикантомъ будетъ меньше; или 2) я работаю шляпы не хуже и не дороже другихъ,—въ такомъ случаѣ, значитъ, всѣ шляпные фабриканты терпятъ убытокъ, подобно мнѣ; отчего-жъ это? оттого, что шляпныхъ фабрикъ развелось слишкомъ много, и шляпы слишкомъ низко упали въ цѣнѣ: запросъ несоразмѣренъ предложенію. Чѣмъ помочь этому?

Digitized by Google

Всѣ экономисты согласны въ томъ, что изъ этого затруднительнаго положенія нельзя вывесть насъ, шляпныхъ фабрикантовъ, никакими пособіями, нарушающими справедливость. Если бы, напримѣръ, государство стало намъ давать задаромъ матеріалы для выдѣлки шляпъ, мы по прежнему стали бы дѣлать шляпъ больше, нежели требуется; — чтобы сбывать этотъ излишній товаръ, мы стали бы другъ передъ другомъ сбивать цѣну, и сбили-бы опять-таки до того, что продажею шляпъ не покрывались бы наши расходы на ихъ выдѣлку. То же самое было бы, если бы мы получили отъ государства работниковъ, которые дѣлали бы шляпы на нашихъ фабрикахъ по системѣ обязательнаго труда, то есть, или стоили бы намъ дешевле наемныхъ, или вовсе ничего не стоили, — мы продолжали бы выдѣлывать шляпъ больше, нежели требуется, и цѣна ихъ все-таки упала бы до того, что не покрывала бы на нихъ издержекъ.

Такими раззорительными для государства пособіями не прекратилось бы наше затрудненіе. Корень его—излишество выдѣлки шляпъ по сравненію съ требованіемъ на нихъ, и потому лекарство тутъ одно—сократить выдѣлку. Чѣмъ больше будемъ мы раззорять государство пособіями на нашу излишнюю выдѣлку, тѣмъ больше будемъ только сами запутывать свои дѣла; и лучшее для насъ, что можетъ сдѣлать государство—не давать намъ этихъ раззорительныхъ для него и вредныхъ для насъ пособій, или прекратить ихъ выдачу, если ужъ по какой нибудь ошибкѣ они выдавались намъ. Такъ предоставленные собственнымъ силамъ, мы должны будемъ взяться за умъ, и скоро увидимъ, какъ пособить затрудненію.

Пособить ему очень просто: выдѣлка шляпъ невыгодна, — и такъ надобно отказаться отъ нея и заняться чѣмъ нибудь болѣе выгоднымъ.

Между нами, шляпными фабрикантами, найдутся люди дѣльные и предпріимчивые, поймутъ это и, закрывъ свои шляпныя фабрики, займутся, напримѣръ, выдѣлкою мыла или сукна. Тогда дѣла остальныхъ шляпныхъ фабрикантовъ поправятся: шляпъ выдѣлывается меньше прежняго, именно столько, сколько нужно, и цѣна ихъ поднимается на столько, чтобы быть выгодною безъ всякаго обязательнаго труда и другихъ раззорительныхъ для государства привилегій и вспоможеній.

Каждый экономистъ скажетъ, что таково единственно справедливое и единственно возможное рѣшеніе дѣла о шляпныхъ фабрикантахъ.

Точно таково же было бы дѣло землевладѣльцевъ, производящихъ хлѣбъ обязательнымъ трудомъ, если бы вѣрны были слова Тенгоборскаго, что при отмѣнѣ обязательнаго труда не окупались бы издержки ихъ на наемную плату. Это значило бы только, что хлѣба на продажу предлагаютъ они больше, нежели требуется, и что они слишкомъ низко сбили его цѣну.

Ни въ одной изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя предоставлены собственнымъ силамъ, невозможенъ случай, предположенный нами,—именно, что издержки производства при наемной платѣ не покрываются продажею продуктовъ. Если же наше земледѣліе находится въ такомъ ненормальномъ состояніи, то очевидно, что оно введено въ это положеніе обязательнымъ трудомъ, и что единственное средство поднять цѣну хлѣба до нормальной высоты, то-есть до того, чтобы ею окупались издержки производства, состоитъ въ отмѣнѣ обязательнаго труда. Онъ губитъ наше земледѣліе, роняя цѣну на хлѣбъ.

Неоспоримъ, дѣйствительно, тотъ фактъ, всѣми признаваемый, что цѣны на

Digitized by Google

хлѣбъ у насъ сбиваются обязательнымъ трудомъ, ниже того, каковы были бы безъ этой язвы земледѣлія. Но даже и при этихъ цѣнахъ, воздѣлываніе хлѣба по системѣ наемнаго труда не только возможно, даже выгодно. Это извѣстно каждому, знающему русскій бытъ: есть много купцовъ, разночинцевъ, поселянъ, которые воздѣлываютъ большія пространства земли наемнымъ трудомъ и получаютъ отъ того выгоды. Эти очень многочисленные факты доказываютъ совершенную неосновательность мысли, будто помѣщикамъ не будетъ выгодно обработывать свои поля наемнымъ трудомъ. Даже и теперь это дѣлается, какъ мы сказали, купцами и людьми другихъ званій, неимѣющими въ своемъ распоряженіи крѣпостныхъ работниковъ. Тѣмъ выгоднѣе будетъ при уничтоженіи крѣпостнаго права,—когда цѣна хлѣба должна возвыситься.

Дѣло не въ томъ, что наемный трудъ не окупается,—это неправда; дѣло въ томъ, что хозяйство съ наемнымъ трудомъ есть коммерческое предпріятіе, требующее разумной заботы со стороны хозяина. Вотъ отъ этихъ-то условій отвращаются партизаны крѣпостнаго права, которое даетъ имъ даровой трудъ и доставляетъ возможность вести дѣла небрежно, неразсчетливо.

Если партизаны крѣпостнаго права откровенно скажутъ: при отмѣнѣ обязательнаго труда, не будетъ въ состояніи съ выгодою воздѣлывать своихъ полей тотъ, кто не можетъ вести своего хозяйства экономическимъ, разсчетливымъ образомъ, кто умѣетъ только проживать достающееся ему даромъ, и не можетъ сдѣлаться человѣкомъ дѣльнымъ,—если они откровенно скажутъ это, мы вполнѣ согласимся съ такими словами, въ которыхъ и заключается вся сущность вопроса.

Изъ трехъ доводовъ, представляемыхъ Тенгоборскимъ въ подтвержденіе „необходимости“ крѣпостнаго права для Россіи, мы разсмотрѣли два первые,—и оказалось, что они говорятъ вовсе не въ пользу крѣпостнаго права, а свидѣтельствуютъ о его вредѣ; если у насъ мало капиталовъ, виною тому крѣпостное право, мѣшающее развитію свободнаго труда, который одинъ производителенъ, одинъ увеличиваетъ богатства націи; если цѣны на хлѣбъ слишкомъ низки, виною тому опять-таки обязательный трудъ, разрушающій соразмѣрность производства съ потребленіемъ и уничтожающій къ хозяинѣ разсчетливость. Изъ того и другаго одинаково слѣдуетъ „необходимость“ не поддерживать, а какъ можно скорѣе отмѣнить обязательный трудъ. Остается третій доводъ въ пользу крѣпостнаго права,—доводъ, основанный на странномъ смѣшеніи понятій.

3) „Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговля и промышленность слаба, гдѣ мало денегъ въ оборотѣ, тамъ мужику удобнѣе отправлять повинности натурою, нежели выплачивать за наемъ земли деньгами“, говоритъ Тенгоборскій.

Оборотъ очень смѣлый. Да развѣ вопросъ о крѣпостномъ правѣ и наемномъ трудѣ есть вопросъ о томъ, какъ должны производиться уплаты по обязательствамъ: натурою или деньгами? Вѣдь самъ же Тенгоборскій говоритъ, что въ обязательномъ трудѣ, кромѣ отправленія повинности натурою (барщина), бываетъ и уплата за нихъ деньгами (оброкъ); и при вольнонаемномъ трудѣ, уплата иногда производится деньгами, а иногда натурою,—напримѣръ, при системѣ половничества, при нашемъ обычаѣ нанимать людей на извѣстную земледѣльческую работу изъ третьяго, изъ четвертаго снопа; даже на многихъ фабрикахъ жалованье вольнонаемнымъ рабочимъ выдается натурою,—произведеніями фабрики, а не деньгами. Дѣло должно идти о томъ, нужно ли сохранить обязательный трудъ,

Digitized by Google

а Тенгоборскій повертываетъ вопросъ на то, во всѣхъ ли мѣстностяхъ можно замѣнить барщину оброкомъ. Оборотъ очень смѣлый, но оскорбительный для читателя, котораго авторъ предполагаетъ слишкомъ тупоумнымъ простякомъ, воображая, что его можно провести такимъ грубымъ обманомъ.

Вы говорите, что въ малоденежныхъ мѣстахъ при обязательномъ трудѣ уплата работника хозяину удобнѣе производится натурою, нежели деньгами,— что-жъ изъ того? – въ этихъ мѣстностяхъ при вольнонаемномъ трудѣ уплата отъ хозяина работнику можетъ также производиться натурою, а не деньгами.

Но тутъ опять мы должны возвратиться къ вопросу: отчего же въ этихъ мѣстностяхъ мало денегъ въ оборотѣ, отчего слаба торговля и промышленность?— Все отъ той же коренной причины нашей бѣдности,—отъ обязательнаго труда. раззорительнаго для націи.

Но всѣхъ прежнихъ доводовъ еще мало Тенгоборскому, онъ все-таки чувствуетъ, что не защитилъ крѣпостнаго права своими разсужденіями, и пробуетъ опереться на факты. Онъ говоритъ, что поселяне въ Россіи живутъ довольно зажиточно, и полагаетъ доказать этимъ, что вредное вліяніе крѣпостнаго права не такъ велико. какъ всѣ думаютъ. О степени благосостоянія крѣпостныхъ крестьянъ мы не считаемъ нужнымъ и говорить, — какова она, знаетъ каждый; а если-бы вздумали мы здѣсь излагать то, что извѣстно каждому, это заняло бы. слишкомъ, слишкомъ много мѣста. Если же въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы поселяне живутъ не лучше, нежели въ Россіи, хотя въ этихъ странахъ и нѣтъ крѣпостнаго права, изъ этого еще ровно ничего не слѣдуетъ въ пользу крѣпостнаго права. Иванъ худъ и слабъ оттого, что изнуренъ золотухою, говорите вы,—нѣтъ, золотуха болѣзнь не изнурительная, возражаю я, и указываю вамъ на больнаго лихорадкою Петра, съ торжествомъ прибавляя: „Вотъ Петръ не страдаетъ золотухою. а не лучше Ивана, стало быть, въ золотухѣ нѣтъ ничего особенно дурнаго и у Ивана здоровье не страдаетъ отъ нея“. У насъ однѣ причины бѣдности, въ Западной Европѣ другія; и намъ нужно заботиться о томъ, чтобы, уничтожая свои недостатки, не попасть въ тѣ ошибки, которыя ведутъ къ другимъ бѣдствіямъ. Въ чемъ источникъ страданій поселянъ Западной Европы, мы будемъ еще имѣть случай говорить, развивая наши мысли о томъ, какъ намъ предохраниться отъ подобныхъ бѣдствій. Въ Западной Европѣ бѣденъ тотъ земледѣлецъ, который не обработываетъ землю на себя; у насъ каждый, даже крѣпостной земледѣлецъ. имѣетъ свой участокъ,— этимъ до нѣкоторой степени вознаграждаются всѣ другіе наши недостатки, и основнымъ принципомъ своихъ желаній по дѣлу освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ мы должны принять то, чтобы они не остались безъ земли. Этотъ принципъ, слава Богу, поставленъ теперь внѣ опасности Высочайшими рескриптами, опредѣляющими освобожденіе крестьянъ съ усадьбою и раздѣленіе господскихъ земель отъ крестьянскихъ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи.

Но, чувствуя, что съ этой стороны, со стороны послѣдствій обязательнаго труда для благосостоянія крестьянъ, крѣпостное право не можетъ быть защищено, Тенгоборскій опять возвращается къ мысли о необходимости его для обработки господскихъ полей; чувствуя, что умозаключенія его на эту тему мало убѣдительны, онъ думаетъ найти лучшую опору въ авторитетѣ, и приводитъ отрывокъ изъ Гакстгаузена. Въ статьѣ о книгѣ Гакстгаузена („Совр.“ 1857 № VII) приве-

Digitized by Google

дена была часть этого отрывка съ предшествующимъ ему разсчетомъ, на которомъ основывается заключеніе, цитуемое Тенгоборскимъ. Тогда же замѣчено было въ этой статьѣ, что разсчетъ Гакстгаузена о невыгодности наемнаго хозяйства въ Россіи построенъ на фальшивомъ сближеніи и опровергается фактами, приводимыми у самого Гакстгаузена; замѣчено было также, что еслибъ даже принять этотъ фальшивый разсчетъ, изъ него слѣдовало бы вовсе не то заключеніе, какое дѣлаетъ Гакстгаузенъ. Теперь мы можемъ точнѣе развить эти мысли.

Прежде всего повторимъ, что уже было сказано въ настоящей статьѣ: если-бы разсчетъ и выводъ изъ него у Гакстгаузена былъ совершенно справедливъ, если-бы дѣйствительно воздѣлываніе нѣкоторыхъ полей въ Россіи было возможно только при обязательномъ трудѣ, — что̀ слѣдовало бы изъ того? Слѣдовало бы только, что нѣкоторыя поля не окупаютъ работы, на нихъ употребляемой, и что чѣмъ скорѣе прекратится ихъ обработка, невыгодная для государства, тѣмъ лучше будетъ для государства. Если-бы я, пользуясь какими нибудь привилегіями, данными мнѣ отъ государства, вздумалъ разводить лѣсъ въ Вологодской или Вятской губерніяхъ, въ которыхъ и безъ того слишкомъ много лѣса, безъ сомнѣнія мнѣ удалось бы кое-какъ развести нѣсколько десятинъ лѣса на моихъ плантаціяхъ. Но само собою разумѣется, продажа этого лѣса далеко не покрывала бы моихъ расходовъ, и плантаціи мои поддерживались бы только тѣмъ, что государство каждый годъ жертвовало бы мнѣ пособіе, — что слѣдовало бы изъ такого положенія дѣлъ?—только то, что я раззоряю государство для поддержки моего неразсчетливаго производства, — слѣдовало бы, что здравый смыслъ долженъ говорить государству о необходимости прекратить помощь, которую я растрачиваю неразсчетливымъ образомъ, а мнѣ должна говорить совѣсть, чтобы я прекратилъ свое неразсчетливое производство и обратился къ какому нибудь другому занятію, которое было бы не раззорительно, а выгодно для государства.

Основнымъ принципомъ всѣхъ соображеній о государственномъ и частномъ хозяйствѣ должна быть аксіома, несомнѣнная какъ $2 \times 2 = 4$ для каждаго экономиста: производство, не покрывающее при наемномъ трудѣ своихъ издержекъ продажею продуктовъ, раззорительно для государства, и чѣмъ скорѣе оно прекратится, тѣмъ лучше для государственнаго благоденствія.

Кто не принимаетъ этой аксіомы, тотъ обнаруживаетъ совершенную неприготовленность свою къ разсужденію о какихъ бы то ни было экономическихъ дѣлахъ, государственныхъ ли или частныхъ, своихъ ли собственныхъ или чужихъ.

Таковъ былъ бы отвѣтъ на разсчетъ и выводъ Гакстгаузена о невыгодности обработки нѣкоторыхъ полей въ Россіи наемнымъ трудомъ, таковъ, говоримъ мы, былъ бы отвѣтъ, если-бы разсчетъ былъ вѣренъ и выводъ логиченъ. Но разсчетъ Гакстгаузена фальшивъ и выводъ изъ него ошибоченъ.

Прежде всего, припомнимъ точный смыслъ словъ Гакстгаузена. Онъ говоритъ, что если-бы ему давали даромъ землю въ Ярославской губерніи, съ условіемъ воздѣлывать ее наемнымъ трудомъ въ такомъ же родѣ, какъ воздѣлываются земли въ юго-западной Германіи, такое хозяйство было бы убыточно, и онъ отказался бы отъ подарка.

Справедливо. Но въ чемъ тутъ сущность дѣла? По выводу Гакстгаузена, кажется, будто невыгода произойдетъ отъ условія воздѣлывать землю наемнымъ трудомъ; такъ-ли? не отъ другаго ли какого условія? Гакстгаузенъ говоритъ, что ве-

Digitized by Google

сти хозяйство онъ думалъ бы такъ, какъ въ юго-западной Германіи; не довольно ли одного этого обстоятельства для объясненія невыгоды?

Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, земля не удобряется, въ Рязанской удобряется. Если-бы мнѣ даромъ давали землю въ Самарской губерніи съ условіемъ удобрять ее по-рязански, это условіе было бы раззорительно, все равно, обязательнымъ или наемнымъ трудомъ сталъ бы я ее обработывать. Черноземъ не терпитъ рязанскаго удобренія, и урожаи были бы плохи, да и цѣною хлѣба въ Самарѣ не окупаются издержки на удобреніе. Наоборотъ: если-бы я долженъ былъ рязанскую землю воздѣлывать по-самарски, безъ удобренія, я раззорился бы, все равно, и при обязательномъ и при наемномъ трудѣ; урожай безъ удобренія въ Рязани не возвращалъ бы даже сѣмянъ.

Что изъ этого слѣдуетъ? Просто то, что въ каждой области порядокъ хозяйства долженъ быть сообразенъ съ климатомъ, почвою и т. п. Дѣло идетъ о томъ, въ чемъ должны состоять работы, а вовсе не о томъ, обязательнымъ или наемнымъ трудомъ онѣ совершаются.

Въ юго-западной Германіи земледѣлецъ круглый годъ можетъ быть занятъ полевыми работами, сообразно тому онъ и не занимается ничѣмъ другимъ. Если бы у насъ, при нашей длинной зимѣ, земледѣлецъ проводилъ въ бездѣйствіи все то время, когда нѣтъ полевыхъ работъ, это было бы убыточно,—вотъ и все. Потому у насъ поселянинъ зимою и занимается какими-нибудь промыслами, преимущественно извозомъ. Гакстгаузенъ не принимаетъ этого въ разсчетъ; оттого и выходитъ у него недочетъ въ хозяйствѣ. Если-бы онъ считалъ, что наемный работникъ, точно также, какъ крѣпостной крестьянинъ, и точно также, какъ самосостоятельный хозяинъ поселянинъ, половину года занятъ промыслами, результатъ былъ бы иной.

Пусть хозяинъ нанимаетъ работника для полевыхъ работъ только на полгода, или, если нанимаетъ его на цѣлый годъ, употребляетъ наемщика зимой на какой-нибудь промыселъ,—вотъ прямое извѣстное у насъ каждому по опыту слѣдствіе продолжительности нашей зимы. Упускать это изъ виду, значитъ искажать сущность вопроса.

Не менѣе дурное искаженіе состоитъ и въ томъ, что, взявъ обстоятельства, существующія въ Ярославской губерніи, которая одна изъ самыхъ невыгодныхъ у насъ для земледѣлія, и въ которой потому почти все населеніе имѣетъ главнымъ источникомъ дохода не земледѣліе, а промыслы, Гакстгаузенъ, а еще болѣе Тенгоборскій, дѣлаютъ по этой губерніи заключеніе обо всей Россіи. Это похоже на то, какъ если бы изъ невыгодности хлѣбопашества на западномъ берегу Ирландіи дѣлать заключеніе о невыгодности его во всей Западной Европѣ. Добросовѣстна ли такая уловка?

Если бы разсчетъ Гакстгаузена и не былъ фальшивъ, онъ примѣнялся бы только къ Ярославской губерніи и очень немногимъ другимъ мѣстностямъ, которыя извѣстны подъ именемъ промышленныхъ. Добросовѣстно ли брать за образецъ Ярославскую губернію, когда дѣло идетъ о выгодахъ земледѣлія въ Россіи? это все равно, что брать за образецъ Бранденбургъ, когда дѣло идетъ о виноградникахъ Западной Европы. И въ Бранденбургѣ есть виноградники, и тамъ выдѣлываютъ вино, но этотъ промыселъ невыгоденъ и бранденбургское вино очень

Digitized by Google

дурно—слѣдуетъ ли изъ того, что во всѣхъ странахъ Западной Европы виноградники даютъ мало дохода и приносятъ вино дурнаго качества?

Въ Ярославской губерніи земледѣліе менѣе выгодно, нежели въ другихъ русскихъ областяхъ,—итакъ, во всей Россіи земледѣліе можетъ существовать только при обязательномъ трудѣ; русское хозяйство устраивается такъ, что только половину года занято земледѣліемъ, а другую половину года другими промыслами,—итакъ, обязательный трудъ выгоднѣе наемнаго. Какія изумительныя заключенія! „Я плохо играю на скрипкѣ, потому мой братъ хорошо играетъ на гитарѣ“—превосходный силлогизмъ!

Гакстгаузена и Тенгоборскаго занимаетъ вопросъ: возможно ли земледѣліе съ наемнымъ трудомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣлецъ можетъ заниматься воздѣлываніемъ своихъ полей съ выгодою для себя, — этотъ вопросъ представляется уже совершенно нелѣпостью, если вникнуть въ сущность понятій, которыхъ онъ касается.

Если земледѣлецъ, воздѣлывающій на себя свой участокъ, находитъ выгоду обработывать его, это значитъ, что цѣнность производства съ избыткомъ покрывается цѣнностью продуктовъ.

Наемная плата составляетъ только часть расходовъ производства.

Какимъ же образомъ наемная плата не будетъ покрываться цѣнностью продуктовъ, доставляемыхъ трудомъ наемщика?

Изъ этого видно, что повсюду, гдѣ возможно существованіе земледѣльца, воздѣлывающаго на себя свой участокъ, наемный трудъ, и подавно, будетъ окупаться цѣнностью продуктовъ.

Боже мой! не во снѣ ли привидѣлось намъ, будто ученые агрономы усумнились въ возможности воздѣлывать землю въ Россіи наемнымъ трудомъ? на яву едва ли могла прійти кому-нибудь въ голову такая химера. Развѣ неизвѣстно каждому, не только агроному, но и простому человѣку, что увеличеніе числа работниковъ, въ русской земледѣльческой семьѣ, считается благодатью Божіею, что чѣмъ больше работниковъ въ семьѣ, тѣмъ она зажиточнѣе? Развѣ не значитъ это, что содержаніе работника съ избыткомъ, и большимъ избыткомъ, окупается его работою? Развѣ неизвѣстно, что каждый домохозяинъ, если только имѣетъ достаточное количество земли, считаетъ выгоднымъ для себя принять работника? Что же это значитъ, скажите ради Бога, если не значитъ, что наемный трудъ въ русскомъ земледѣліи выгоденъ?

Укажите мѣстность, въ которой земледѣльческая семья, напримѣръ изъ восьми человѣкъ съ тремя работниками, считалась бы бѣднѣе такой же семьи съ двумя работниками,—только въ такой мѣстности трудъ не окупается, стало быть невозможенъ трудъ, но такой мѣстности въ Россіи вы не найдете.

Боже мой, и люди, называющіе себя агрономами-экономистами, отваживаются, при такихъ очевидныхъ фактахъ, говорить о убыточности наемнаго труда! Неужели они не могутъ сообразить, что наемный трудъ только тогда убыточенъ, когда работа не окупаетъ себя? Неужели же они воображаютъ, что доходы, доставлаемые работою мужика земледѣльца, воздѣлывающаго свой участокъ, обращаются въ убытокъ этому мужику? „Наемный трудъ въ русскомъ земледѣліи не окупается“—вѣдь это значитъ, что Россія не можетъ заниматься земледѣліемъ, что земледѣліе для Россіи—убыточное занятіе.

Digitized by Google

Можно ли отважиться высказывать такія нелѣпости? Вѣдь это посрамленіе,— не говоримъ уже для науки,—это посрамленіе для смысла человѣческаго.

Не будемъ же разсуждать о томъ, окупаются ли въ Россіи издержки наемнаго земледѣльческаго труда; сомнѣваться въ этомъ, значитъ сомнѣваться въ томъ, выгодное или убыточное дѣло хлѣбопашество въ Россіи, можетъ ли русскій поселянинъ-земледѣлецъ имѣть выгоду запашки отъ своего участка,—если онъ имѣетъ выгоду, то будетъ имѣть выгоду отъ своего поля и тотъ, кто найметъ работника для его воздѣлыванія.

Тенгоборскій и Гакстгаузенъ въ своей ревности за крѣпостное право зашли слишкомъ далеко, поставили вопросъ такъ, что сомнѣніе въ его положительномъ рѣшеніи представляется очевидною нелѣпостью. Но это они увлеклись излишнею ревностью, — въ сущности имъ слѣдовало говорить не о томъ, возможно ли вести земледѣліе наемнымъ трудомъ,—это не подлежитъ спору, а только о томъ, какимъ образомъ выгоднѣе для помѣщика вести земледѣліе, наемнымъ или обязательнымъ трудомъ. Наемный трудъ не убыточенъ; но быть можетъ, обязательный трудъ въ настоящее время выгоднѣе для помѣщика?

На это положительнымъ образомъ отвѣчаетъ наука. Одно изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ выгодность или невыгодность наемаго труда для помѣщика, сравнительно съ обязательнымъ, есть густота населенія. Чѣмъ меньше населенія въ странѣ, тѣмъ выгоднѣе для земледѣльца обязательный трудъ; чѣмъ гуще населеніе въ странѣ, тѣмъ выгоднѣе для него наемный трудъ. Токеръ (Tucker) занимался изслѣдованіемъ объ этомъ, и нашелъ, что при населеніи въ шестьдесятъ-шесть человѣкъ на квадратную англійскую милю, наемный трудъ для земледѣльца становится уже выгоднѣе обязательнаго. Эта цифра слишкомъ высока, какъ мы увидимъ ниже; и при населеніи менѣе, нежели шестидесяти-шести душъ на англійскую квадратную милю, наемный трудъ уже выгоднѣе обязательнаго,—это мы докажемъ, но попробуемъ примѣнить къ Россіи даже ту цифру, которую находимъ у Токера.

Чтобы примѣнить эту цифру къ Россіи, надобно принять въ соображеніе два обстоятельства,—число городскаго населенія и количество неудобныхъ земель.

Въ тѣхъ странахъ, которыя имѣлъ въ виду Токеръ (Западная Европа и Сѣверная Америка), городское населеніе составляетъ не менѣе одной трети всего числа жителей. Въ Россіи, оно, считая столицы, едва составляетъ десять процентовъ, а въ большей части губерній не составляетъ и десяти процентовъ.

Въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, количество неудобныхъ для хлѣбопашества земель очень не велико,—пять, шесть процентовъ всего пространства территоріи; въ Европейской Россіи неудобныя земли занимаютъ болѣе одной третьей части всей территоріи.

Эти два обстоятельства надобно ввести въ разсчетъ, если примѣнить къ Россіи цифру, показываемую Токеромъ.

66 человѣкъ на англійскую квадр. милю,—это даетъ 1,400 на квадр. географическую милю. Изъ нихъ, въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, на городское населеніе приходится не менѣе $^1/_3$, стало быть для сельскаго населенія остается 966 человѣкъ. Итакъ, тѣ губерніи Россіи, въ которыхъ число сельскаго населенія превышаетъ эту послѣднюю цифру, удовлетворяютъ условію, представляемому Токеромъ.

Digitized by Google

Но неудобной земли, которая не занимаетъ рукъ, нечего считать, когда рѣчь идетъ объ отношеніи числа рабочихъ рукъ къ пространству воздѣлываемой земли. Есть въ Россіи губерніи, напримѣръ Воронежская, Тульская, Подольская, Нижегородская, Тамбовская, въ которыхъ пропорція неудобной земли невелика, всего 3%—8%,—это пропорція въ родѣ той, какую имѣлъ въ виду Токеръ. Но въ губерніяхъ Оренбургской и Херсонской цѣлая половина пространства — наудобная земля; въ Екатеринославской, Ставропольской, Таврической губерніяхъ неудобной земли даже больше, нежели удобной. Несправедливо было бы считать населеніе на обширныя пустыни, немогущія имѣть населенія и не могущія занимать работниковъ. Потому 966 душъ сельскаго населенія мы должны считать на удобныя земли, съ прибавкою 5% неудобныхъ земель, какъ считалъ Токеръ, а излишнее затѣмъ пространство неудобныхъ земель выбрасывать изъ счета — онѣ не занимаютъ рабочихъ рукъ.

Производя примѣненіе Токерова вывода къ Россіи съ соблюденіемъ двухъ этихъ условій, требуемыхъ сущностью дѣла, мы увидимъ, что на всемъ почти пространствѣ Россіи, имѣющемъ крѣпостныхъ крестьянъ, населеніе уже достигло той плотности, при которой наемный трудъ становится для земледѣльца выгоднѣе обязательнаго. Изъ областей, имѣющихъ сельскаго населенія менѣе 966 душъ на квадр. геогр. милю удобной земли съ прибавкою 10% неудобной, о всѣхъ почти мы положительно знаемъ, что малочисленность населенія съ избыткомъ вознаграждается въ нихъ другими обстоятельствами, благопріятствующими развитію выгодности наемнаго труда, и о большей части этихъ областей мы имѣемъ положительные факты, свидѣтельствующіе неоспоримымъ образомъ, что наемный земледѣльческій трудъ въ этихъ областяхъ съ успѣхомъ выдерживаетъ соперничество обязательнаго.

Области Русской Имперіи, неимѣющія и въ настоящее время обязательнаго труда, или по самой плотности своего сельскаго населенія достигшія такого положенія, при которомъ наемный трудъ становится для земледѣльца выгоднѣе обязательнаго, или по другимъ мѣстнымъ условіямъ достигшія такого же экономическаго положенія, обнимаютъ почти все пространство Россіи и населеніе ихъ простирается слишкомъ до 63,000,000. Во всѣхъ этихъ областяхъ обязательный трудъ для самого землевладѣльца менѣе выгоденъ, нежели наемный.

Затѣмъ остаются въ двухъ мѣстностяхъ округи, незначительные по своему объему и населенію въ сравненіи съ пространствомъ Россіи. Пространство этихъ областей составляетъ около 6,000 географическихъ миль, менѣе нежели одну пятнадцатую часть Европейской Россіи, а населеніе простирается не болѣе, какъ до 3,500,000 душъ обоего пола, то есть не составляетъ и одной восемнадцатой части населенія Россіи. Объ этихъ мѣстностяхъ нельзя съ достовѣрностью рѣшить по Токерову правилу, выгоднѣе ли въ нихъ наемный трудъ обязательнаго. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, существуютъ ли въ нихъ, какъ въ другихъ многоземельныхъ областяхъ Россіи, условія, которыми и при малонаселенности придается наемному труду выгодность сравнительно съ обязательнымъ; потому мы не можемъ сказать съ достовѣрностью, что въ этихъ областяхъ замѣна обязательнаго труда наемнымъ будетъ для землевладѣльцевъ выгодною, но еще менѣе основаній имѣетъ кто-либо сказать, что она была бы невыгодна;—объ этомъ вопросѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, и нужно еще собрать ихъ; но судя по примѣру сходныхъ съ этими областями мѣстностей, имѣющихъ выгоду въ наемномъ трудѣ, надобно ожидать,

Digitized by Google

что точнѣйшія свѣдѣнія обнаружатъ выгодность наемнаго труда и для этихъ областей *).

*) Вотъ цифры и факты, на которые ссылаемся мы въ текстѣ. Замѣтимъ, что числа о населенности и о пропорціи неудобныхъ земель взяты нами изъ того же Тенгоборскаго, который говоритъ о невыгодности наемнаго труда, самъ не воображая, что данными изъ его собственной книги опровергается это мнѣніе.

1) Царство Польское, Финляндія, Курляндія, Эстляндія, Лифляндія и Сибирскія губерніи не имѣютъ крѣпостнаго населенія; общее число жителей 10,750,000.

2) Въ губерніяхъ: Архангельской, Вятской, Астраханской, Олонецкой, Таврической, въ Бессарабской области и Закавказскихъ владѣніяхъ, число крѣпостныхъ крестьянъ такъ незначительно, что съ уничтоженіемъ обязательнаго труда не можетъ произойти никакой чувствительной перемѣны въ экономическихъ отношеніяхъ, по которымъ воздѣлывается земля (въ Архангельской губерніи, наименьшая пропорція—крѣпостные люди не составляютъ и одной 15,000-ной части населенія; въ Таврической губерніи, гдѣ пропорція ихъ наиболѣе значительная, они не составляютъ и одной 15-той части населенія). Общее число жителей 6,250,000.

3) Изъ остальныхъ губерній, А) имѣютъ болѣе 1,400 жителей на квадратную милю: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Кіевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская Пензенская, Ярославская, Тамбовская (по Тенгоборскому), также Харьковская (по Кеппену, см. Мѣсяцословъ, 1855 г.). Общее число жителей 19,000,000.

В) За вычетомъ количества неудобной земли, превышающаго 5%-ную пропорцію, имѣютъ болѣе 1,400 жителей на квадр. милю губерніи: Гродненская, С.-Петербурская, Екатеринославская. Общее число жителей 2,750,000.

С) За вычетомъ городскаго населенія, имѣютъ болѣе 1,000 сельскаго неселенія на квадратную милю: Черниговская, Воронежская, Владимірская, Нижегородская, Ковенская, Казанская, Тверская, Волынская, Смоленская. Общее число жителей 13,500,000

D) За вычетомъ неудобныхъ земель, сельскаго населенія приходится болѣе 1,000 душъ на милю въ губерніяхъ: Виленской, Могилевской, Витебской, Херсонской. Общее число жителей 3,250,000.

Губерніи и области, нами исчисленныя, или не имѣютъ обязательнаго труда, или уже по самой плотности своего населенія находятся въ такомъ состояніи, при которомъ для землевладѣльца наемный трудъ выгоднѣе обязательнаго. Число жителей всѣхъ этихъ губерній составляетъ цифру 53,500,000.

Затѣмъ, остаются губерніи: Пермская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Костромская, Ставропольская, Минская, Новгородская, Вологодская, Псковская и Земля Донскихъ Казаковъ, съ общимъ населеніемъ въ 13,250,000.

Эти области не имѣютъ столь густого населенія, чтобы одна плотность его уже указывали на то, что наемный трудъ для воздѣлыванія полей выгоденъ въ нихъ землевладѣльцу. Зато въ большей части изъ нихъ существуютъ другія условія быта, приводящія къ тому же результату,—въ однѣхъ областяхъ—черноземъ, уменьшающій издержки найма, въ другихъ—выгодный сбытъ въ приморскіе порты или въ столицы, съ избыткомъ замѣняющій малочисленность мѣстныхъ потребителей. „Въ большей части этихъ областей", а не во „всѣхъ безъ исключенія этихъ областяхъ" сказали мы только потому, что сельскохозяйственная статистика наша разработана еще очень мало, и о состояніи сельскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ областяхъ нѣтъ у насъ точныхъ свѣдѣній; но о всѣхъ тѣхъ областяхъ, о которыхъ есть точныя свѣдѣнія, извѣстно, что воздѣлываніе хлѣба наемнымъ трудомъ выгодно въ нихъ даже нынѣ,—нѣтъ, напротивъ того, ни одной области, о которой было бы извѣстно, что онъ въ ней невыгоденъ. Исчислимъ же тѣ изъ многоземельныхъ областей, въ которыхъ и нынѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, земледѣльцу выгодно воздѣлываніе полей наймомъ.

Ставропольская губернія, подобно другимъ Новороссійскимъ, съ выгодою воздѣлываетъ поля наемнымъ трудомъ.

Саратовская губернія также,—это доказывается хозяйствомъ колонистовъ, имѣющихъ множество наемныхъ земледѣльческихъ работниковъ; доказывается также множествомъ примѣровъ русскихъ купцовъ, разночинцевъ и поселянъ также воздѣлывающихъ поля наемнымъ трудомъ.

Таковъ же, какъ въ Саратовской губерніи, характеръ хозяйства въ Симбирской.

То же самое въ землѣ Донскихъ Казаковъ

То же самое (по свидѣтельству самого Гакстгаузена) въ Вологодской губерніи.

Въ Пермской губерніи наемный трудъ также выгоденъ.

Въ Оренбургской губерніи также, и притомъ число крѣпостныхъ крестьянъ незначительно.

Самарская губернія, составившаяся изъ уѣздовъ Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Астраханской губерній, можетъ, съ такою же выгодою, какъ и тѣ, воздѣлывать хлѣбъ наемнымъ трудомъ.

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ и областяхъ находится жителей 9,750,000.

Съ прежнимъ итогомъ, эта цифра составляетъ 63,250,000 жителей.

Остаются губерніи: Костромская, Минская, Новгородская, Псковская, о которыхъ мы не знаемъ, воздѣлывается ли въ нихъ съ выгодою хлѣбъ наемнымъ трудомъ,—того, что въ нихъ это не представляло бы выгоды, мы не имѣемъ права сказать. Всѣ эти губерніи, единствен-

Digitized by Google

Теперь спрашивается: могутъ ли всѣ области Русской Имперіи съ громаднымъ населеніемъ въ 63,000,000 человѣкъ,—могутъ ли эти области, въ которыхъ даже для самихъ помѣщиковъ выгодно отмѣненіе крѣпостнаго права,—могутъ ли онѣ подвергаться всѣмъ безчисленнымъ неудобствамъ, вытекающимъ изъ обязательнаго труда, потому только, что въ двухъ или трехъ небольшихъ округахъ, не имѣющихъ и 3,500,000 населенія, для нѣкоторыхъ земледѣльцевъ наемный трудъ *можетъ быть* (не навѣрное, вовсе нѣтъ, и только можетъ быть, да и то едва ли) будетъ менѣе выгоденъ, нежели обязательный? Припомнимъ еще, что даже для этихъ немногихъ землевладѣльцевъ небольшихъ округовъ наемный трудъ безъ сомнѣнія *будетъ* приносить выгоду, и сомнѣніе только въ томъ, будетъ ли онъ приносить имъ *столько* выгоды, сколько обятательный *).

Таковъ результатъ, къ которому приводитъ примѣненіе къ Россіи той нормы, которая поставлена Токеромъ. Но мы замѣтими, что эта норма, подъ которую уже подходитъ почти вся Европейская Россія, слишкомъ высока. Было бы слишкомъ долго здѣсь излагать, почему должно признать слишкомъ высокимъ число 66 жителей на квадратную англійскую милю, при которомъ по Токеру начинается рѣшительная невыгодность обязательнаго труда для землевладѣльцевъ. Довольно будетъ указать одинъ фактъ: сѣверные штаты Американскаго Союза, въ которыхъ нѣтъ обязательнаго труда, процвѣтаютъ, какъ извѣстно, при свободномъ трудѣ, и всѣ жители ихъ, землевладѣльцы и земледѣльцы, капиталисты и работники, одинаково думаютъ, что для всѣхъ ихъ было бы раззореніемъ, если бы существовалъ у нихъ обязательный трудъ. Между тѣмъ, густота населенія въ этихъ штатахъ гораздо меньше нежели въ Европейской Россіи **).

ныя, въ которыхъ недостовѣрна (хотя и вѣроятна) выгодность наемнаго земледѣльческаго труда, едва имѣютъ жителей 3,500,000.

Въ томъ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ менѣе 2,000,000 душъ обоего пола.

Если въ Вологодской и Вятской губерніяхъ, имѣющихъ климатъ болѣе холодный и населеніе не болѣе плотное (Вятка) или даже гораздо менѣе плотное (Вологда), наемный трудъ выгоденъ, то мы имѣемъ всю вѣроятность ожидать, что точныя свѣдѣнія покажутъ его выгодность и для этихъ областей.

*) По Тенгоборскому, число всѣхъ помѣщиковъ въ губерніяхъ: Новгородской, Псковской, Костромской и Минской—12,107; изъ нихъ имѣютъ менѣе 20 душъ, то есть, ни въ какомъ случаѣ не могутъ сколько-нибудь порядочнымъ образомъ жить доходами въ своихъ помѣстьяхъ—6,323. Остается помѣщиковъ, у которыхъ доходы съ помѣстьевъ имѣютъ нѣкоторую важность—5,784. Итакъ, съ одной стороны, благо государства и прямая выгода 63,000,000 человѣкъ (не говоря уже про облегченіе судьбы крѣпостныхъ крестьянъ),—съ другой—*быть можетъ* нѣкоторый убытокъ для 5,784 лицъ,—*быть можетъ*, нѣкоторый убытокъ, а быть можетъ, также и для нихъ самихъ выгода.

**) Вотъ цифры населенія сѣверныхъ (не имѣющихъ обязательнаго труда) штатовъ Американскаго Союза, за 1850 годъ:

1) Штаты Новой Англіи (Мэнъ, Ньюгемпширъ, Верментъ, Массачусетсъ, Родъ-Айлэндъ, Коннектикутъ) 2,727,579 жителей на 63,226 англ. квадр. миляхъ, то-есть 43,07 жителей на квадр. англ. милю или 915 на квадр. геогр. милю. Въ Европейской Россіи гораздо гуще населены губерніи: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Кіевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская, Пензенская, Ярославская, Тамбовская, Черниговская, Воронежская, Владимірская, Нижегородская, Гродненская, Ковенская, Казанская, Харьковская, С.-Петербургская, Тверская, Волынская, Виленская, Смоленская, Область Бессарабская, губ. Могилевская, также Царство Польское, Курляндія и Лифляндія. Равную этимъ штатамъ населенность имѣютъ губерніи: Симбирская и Витебская.

2) Сѣверозападные штаты (Индіана, Иллинойсъ, Мичиганъ, Уисконсинъ и Йова) 5,168,000 жителей на 308,210 квадр. англ. миляхъ, то-есть по 16,75 жителей на квадр. англ. милю или 356 жителей на квадр. геогр. милю; въ Европейской Россіи почти всѣ области гораздо болѣе населены; менѣе 356 жителей на квадр. геогр. милю имѣютъ только губерніи: Архангельская, Астраханская, Олонецкая, Великое княжество Финляндское (во всѣхъ этихъ областяхъ нѣтъ обязательнаго труда) и губерніи Вологодская, Пермская, Оренбургская и Земля Донскихъ Ка-

Digitized by Google

Но зачѣмъ искать за Атлантическимъ океаномъ примѣровъ того, что въ земляхъ, населенныхъ гораздо меньше, нежели русскія области съ крѣпостнымъ правомъ, наемнымъ трудомъ поля воздѣлываются съ выгодою противъ обязательнаго труда? У насъ подъ глазами Финляндія, въ которой населенность гораздо меньше, нежели во всѣхъ нашихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ, въ которой климатъ суровѣе, почва неблагодарнѣе, нежели въ русскихъ областяхъ нашей Имперіи. Мы видимъ, что наемный трудъ финляндскаго земледѣлія приноситъ владѣльцамъ земли болѣе выгодъ, нежели получаютъ наши землевладѣльцы отъ земледѣлія съ обязательнымъ трудомъ.

Но Финляндія населена инымъ племенемъ, съ другими привычками? Есть у насъ примѣръ и въ одноплеменныхъ намъ странахъ. Сибирь съ своимъ чрезвычайно рѣдкимъ населеніемъ превосходно воздѣлываетъ свои поля безъ обязательнаго труда. Впрочемъ, зачѣмъ ходить въ Азію, когда много такихъ примѣровъ и въ Европейской Россіи? Архангельская и Олонецкая губерніи—самыя малонаселенныя страны Европейской Россіи, и однако же вовсе не нуждаются въ обязательномъ трудѣ тамошніе землевладѣльцы для того, чтобы съ выгодою для себя воздѣлывать каждый удобный для хлѣбопашества кусокъ земли.

Если наемный земледѣльческій трудъ во всѣхъ безъ исключенія странахъ Европейской Россіи, допускающихъ по своему климату земледѣліе, выгоденъ, то мы не знаемъ, зачѣмъ послѣ этого нужно существованіе обязательнаго труда. „Затѣмъ, говоритъ Гакстгаузенъ, чтобы издержки производства не падали на землевладѣльца“—а, это хорошо.

Впрочемъ, едва ли не напрасно оспаривали мы выводъ Гакстгаузена о необходимости обязательнаго труда,—онъ самъ отступается отъ этого вывода, говоря, что есть средство съ выгодою вести хозяйство наемнымъ трудомъ: нужно только, чтобы наемные работники не сидѣли сложа руки,—для этого слѣдуетъ или нанимать ихъ только на время полевыхъ работъ, или во время зимы, когда нѣтъ полевыхъ работъ, давать имъ другое занятіе. Если такимъ легкимъ способомъ, по мнѣнію Гакстгаузена, можно сдѣлать наемный земледѣльческій трудъ выгоднымъ, къ чему же толковалъ онъ, и особенно къ чему еще рѣшительнѣе его толковалъ вслѣдъ за нимъ Тенгоборскій, о надобности въ обязательномъ трудѣ? и къ чему опять послѣ того начинаетъ онъ толковать о необходимости того же обязательнаго труда для сохраненія большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ? Вѣдь онъ самъ уже объяснилъ, какимъ образомъ они удобно могутъ поддержаться и безъ обязательнаго труда.

Въ заключеніе всего, надѣлавъ противорѣчій самому себѣ, Гакстгаузенъ говоритъ, что обязательныя повинности должны быть ограничены закономъ, и Тенгоборскій наивно прибавляетъ, что въ дѣйствительности русскій крѣпостной крестьянинъ n'est pas taillable et corvéable à volonté, какъ нѣкогда французскій. Такъ смѣло противорѣчить фактамъ можно только въ книгѣ, писанной на иностранномъ языкѣ, назначенной не для русскихъ читателей, изъ которыхъ каждому слишкомъ хорошо извѣстны слѣдующіе факты:

Замѣнить барщину оброкомъ или ссадить крестьянъ съ барщины на оброкъ

заковъ (во всѣхъ этихъ областяхъ наемный трудъ въ земледѣліи выгоденъ, какъ извѣстно изъ положительныхъ фактовъ). Во всей остальной Европейской Россіи населеніе гуще, нежели въ этихъ штатахъ, и стало быть надобности въ обязательномъ трудѣ еще меньше, нежели въ нихъ.

Digitized by Google

зависитъ отъ воли помѣщика. Надобно ли объяснять, что такія перемѣны чаще всего производятся въ видахъ увеличенія доходности имѣнія?

При оброчномъ положеніи, величина оброка зависитъ совершенно отъ воли помѣщика.

При барщинѣ, воля помѣщика опредѣляетъ:

1) Пространство господской запашки; отъ него зависитъ число рабочихъ дней.

2) Дополнительные къ барщинѣ сборы натурою (полотно, ягоды, куры, яйца, и т. д.).

3) Отправленіе обозной повинности.

При оброкѣ и барщинѣ, воля помѣщика одинаково опредѣляетъ, до какихъ лѣтъ мужикъ несетъ тягло.

Это главныя и общія черты того вліянія, которыя имѣетъ воля помѣщика на величину повинностей.

Надобно ли прибавлять, что отъ воли того же лица зависитъ, останется ли оно вѣрно обыкновенному порядку, какого держится большинство, или вздумаетъ отличаться отъ большинства какими-нибудь особенностями, то-есть, удовольствуется ли этими и другими обыкновенными способами полученія доходовъ отъ обязательнаго труда, или введетъ другіе способы?

Изъ этихъ способовъ, которыхъ не держится большинство помѣщиковъ, но принять которые можетъ каждый желающій помѣщикъ, назовемъ хотя слѣдующія:

1) Учрежденіе завода или фабрики съ обязательнымъ трудомъ.

2) Соединеніе оброка съ барщиною, двумя путями: А) съ преобладаніемъ барщины, причемъ денежный оброкъ есть уже, такъ сказать, сверхкомплектный окладъ (независимый отъ дополнительныхъ сборовъ, упомянутыхъ выше); В) съ преобладаніемъ оброка, при которомъ барщина есть уже, такъ сказать, сверхкомплектный окладъ. Напримѣръ: А) полная барщина во все время полевыхъ работъ, съ оброкомъ въ 5 или 10 рублей съ тягла за зиму; В) оброкъ въ 20 или 30 рублей съ тягла, съ работою по одной или по полуторы недѣли во время запашки и сѣнокоса.

3) Переводъ пахотныхъ крестьянъ всей деревни на мѣсячину.

4) Поставка рекрутовъ сверхъ комплекта.

Этихъ способовъ можно бы назвать гораздо больше, но полнаго списка ихъ никогда, не только намъ, но и никому въ мірѣ, не удалось бы составить, потому что изобрѣтательность человѣческаго ума неистощима.

При всѣхъ своихъ увѣреніяхъ въ необходимости сохранить въ Россіи обязательный трудъ, Тенгоборскій почему-то, вѣроятно вслѣдствіе внутренняго увлеченія ошибочными мнѣніями, которыя такъ основательно опровергъ, начинаетъ говорить о средствахъ уменьшить объемъ и произволъ обязательнаго труда и даже вовсе уничтожить эту повинность. Онъ чрезвычайно восхищенъ, замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ барщина замѣняется оброкомъ, а въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ вводится урочное положеніе, и воображаетъ, что это великій шагъ впередъ, и что оброкъ чуть ли уже не есть превращеніе обязательнаго труда въ поземельную ренту, т. е. уничтоженіе обязательнаго труда; изъ такой прекрасной мечты онъ выводитъ, что можно правительству и не заботиться объ этомъ дѣлѣ,—оно, дескать, совершается само собою, по волѣ самихъ землевладѣльцевъ, по мѣстнымъ

Digitized by Google

удобствомъ, безъ участія правительства, и во всякомъ случаѣ составляетъ мѣстный, а не государственный вопросъ.

Мечта эта прелестна, какъ лучшая изъ идиллій Теокрита. Чтобы вѣрить ей, нужно только два очень легкія условія: не понимать или отвергать факты, и спутывать самыя основныя экономическія понятія.

Барщина иногда замѣняется оброкомъ,—есть ли это уменьшеніе произвола въ наложеніи обязательнаго труда? Вовсе нѣтъ, напротивъ, произволъ увеличивается. Обычай и, въ случаѣ нужды, законъ можетъ мѣшать увеличенію барщины выше трехъ дней; размѣръ оброка не зависитъ ни отъ обычая, ни отъ закона, онъ весь въ произволѣ. Когда барщина обыкновенно замѣняется оброкомъ? Тогда, когда онъ выгоднѣе для помѣщика, нежели барщина; потому результатъ его вообще увеличеніе, а не уменьшеніе обязательныхъ повинностей. Барщина касается только сельско-хозяйственнаго, извознаго и фабрично-заводскаго труда, оброкъ обнимаетъ всѣ промыслы и занятія. Торговецъ изъ крѣпостныхъ людей по системѣ барщины долженъ былъ бы только поставить вмѣсто себя работника,—то есть отправлять повинность цѣною въ 20, 30 р. сер. въ годъ; но онъ платитъ оброкъ въ 50, 100 и болѣе рублей. Мы вовсе не отдаемъ преимущества барщинѣ передъ оброкомъ, мы говоримъ только, что оброкъ ни мало не составляетъ шага впередъ къ уменьшенію произвольности въ наложеніи обязательныхъ повинностей.

При томъ, если барщина иногда замѣняется оброкомъ, то развѣ иногда не сводится деревня, обратно, съ оброка на барщину? Кто считалъ, которое изъ этихъ двухъ направленій имѣетъ перевѣсъ въ общей массѣ?

Урочное положеніе также зависитъ отъ воли помѣщика; и стоитъ ли говорить объ этомъ измѣненіи, которое можетъ быть и удобно для сельскихъ работъ, но ни мало не относится до различія между наемнымъ и обязательнымъ трудомъ? Наемный трудъ точно также, какъ и обязательный, бываетъ поденный или урочный: при наемномъ трудѣ урочное положеніе очень часто выгодно для усиленія производства; при обязательномъ трудѣ это бываетъ далеко не всегда, потому что уроки опредѣляются, подобно величинѣ оброка, одностороннимъ образомъ и размѣръ ихъ часто ведетъ только къ расширенію трехдневной работы на четырехдневную и болѣе, черезъ опредѣленіе такихъ поденнымъ уроковъ, которыхъ нельзя исправить въ день, и черезъ пропажу для мужика дней неудобной погоды; при такомъ порядкѣ, энергія труда можетъ ослабѣвать даже болѣе, нежели при поденной работѣ. То же самое часто бываетъ и слѣдствіемъ оброка.

„Оброкъ есть шагъ къ замѣнѣ обязательнаго труда поземельною рентою“ — вовсе нѣтъ. Оброкъ есть средство получать съ помѣстья больше доходовъ, нежели могла бы доставить барщина; ни къ чему другому ни средствомъ, ни шагомъ онъ не служитъ. Чрезвычайно любопытное сближеніе его съ поземельной рентой: оно совершенно похоже на сближеніе обязательнаго труда вообще съ наемнымъ трудомъ. Рента опредѣляется свободною торговою сдѣлкою между отдающимъ и нанимающимъ землю, точно такъ, какъ плата за работу свободнымъ торгомъ между нанимателемъ и нанимающимся. Оброкъ назначается волею землевладѣльца точно также, какъ и вообще размѣръ обязательнаго труда. Ни на одинъ волосъ не ближе оброкъ къ рентѣ, нежели барщина къ найму.

Правительство можетъ не заботиться объ уничтоженіи обязательнаго труда,—

Digitized by Google

ну да, оброкъ все равно что рента, — ну да, оброкомъ уже уничтожается обязательный трудъ.

„Во всякомъ случаѣ отмѣненіе обязательнаго труда должно быть мѣстнымъ вопросомъ". Умилителенъ ловкій оборотъ, придаваемый дѣлу словами „мѣстный вопросъ". Что это значитъ? то-ль, что по различію мѣстностей, формы и размѣры вознагражденія, опредѣляемые землевладѣльцу за отмѣну обязательнаго труда и передачу части земаль крестьянамъ, должны быть различны? Но въ этомъ смыслѣ все совершающееся въ государствѣ подойдетъ подъ формулу мѣстнаго вопроса. Государство беретъ поземельную подать съ крестьянъ, живущихъ на государственныхъ земляхъ; — величена этой подати не по всему государству одинакова, напротивъ, сообразна мѣстнымъ условіямъ. Десятина земли въ одной губерніи платитъ больше, нежели въ другой, въ одномъ уѣздѣ больше, нежели въ другомъ. Государство даетъ жалованье учителямъ гимназій и армейскимъ офицерамъ; — форма выдачи различна: офицеры получаютъ жалованье по третямъ, учителя гимназій по мѣсяцамъ; и размѣръ жалованья различенъ по мѣстностямъ: тотъ самый учитель латинскаго языка, который въ Петрозаводскѣ получаетъ 500 р. с., въ Пензѣ получаетъ только 400, потому что въ Петрозаводскѣ содержаніе дороже, нежели въ Пензѣ; вопросъ о жалованьѣ рѣшенъ, какъ видимъ, по мѣстныхъ условіямъ. Если это хотѣлъ сказать Тенгоборскій, каждый согласится съ нимъ. Но попробуйте согласиться на выраженіе „мѣстный вопросъ", и черезъ пять минутъ вамъ объяснятъ защитники обязательнаго труда, что умыселъ другой тутъ былъ, и какой именно умыселъ—слишкомъ ясно доказывается всѣми предшествовавшими разсужденіями Тенгоборскаго о томъ, что необходимо сохранить крѣпостное право, а если суждено когда нибудь уничтожиться этого выгодному для насъ учрежденію, то подождемъ того времени, когда барщина сама собою замѣнится оброкомъ, а оброкъ самъ собою обратится въ ренту, отъ которой онъ впрочемъ мало чѣмъ и отличается, а правительству, дескать, хлопотать объ этомъ ничего.

„Съ теченіемъ времени обязательный трудъ облегчается смягченіемъ нравовъ и правительству нѣтъ надобности вмѣшиваться въ эти дѣла". Въ отвѣтъ на это выпишемъ нѣсколько словъ изъ Рошера, котораго никто не назоветъ человѣкомъ мрачнаго взгляда на вещи или любителемъ перемѣнъ, или партизаномъ правительственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія.

„Прогрессъ цивилизаціи отягощаетъ бремя обязательнаго труда. По мѣрѣ того, какъ возрастаютъ требованія роскоши, бездна, отдѣляющая господина отъ слуги или крестьянина, расширяется съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ того, какъ развивается промышленность и торговля, господинъ находитъ все больше и больше выгоды требовать чрезмѣрнаго труда. По мѣрѣ того, какъ, съ развитіемъ общества, покровительство законовъ становится все болѣе и болѣе дѣйствительнымъ, опасеніе насилій—эта послѣдняя узда, которая могла бы удерживать жадность,—становится все болѣе и болѣе слабымъ, а между тѣмъ деморализація и господъ и слугъ все увеличивается соразмѣрно возрастанію роскоши. Съ обѣихъ сторонъ страждетъ чистота нравовъ. Leno древней комедіи былъ хозяинъ невольницъ. Въ Англійскихъ Вестъ-Индскихъ колоніяхъ, когда существовало тамъ невольничество, часто случалось, что посѣтитель, пріѣхавшій въ гости къ плантатору, уходя спать, говорилъ провожавшему его негру, чтобы прислать ему дѣвушку, и говорилъ это стѣсняясь или совѣстясь также мало, какъ если-бы въ Англіи просилъ зажечь въ своей комнатѣ на ночь лампу.

„Этимъ объясняется, почему у всѣхъ почти народовъ, при развитіи цивилизаціи, государственная власть старалась о смягченіи обязательнаго труда. Самодержавная мо-

Digitized by Google

нархія у всѣхъ почти народовъ видѣла себя въ необходимости энергически содѣйствовать уничтоженію обязательнаго труда и вообще улучшенію участи низшихъ классовъ. Въ Италіи Фридрихъ II освободилъ всѣхъ государственныхъ невольниковъ. Въ Англіи, Альфредъ Великій старался, хотя безуспѣшно, объ освобожденіи невольниковъ. Вильгельмъ I имѣлъ болѣе успѣха. Королева Елисавета совершила тоже въ Англіи, что Фридрихъ II въ Италіи. Даже въ Россіи. царь Іоаннъ III возвратилъ крестьянамъ свободу перехода, которой лишились они во время Монгольскаго ига; но они снова потеряли это право въ смутныя времена при началѣ XVII вѣка, когда усилось значеніе вельможъ въ правительственныхъ дѣлахъ. Въ Богеміи, когда при Владиславѣ II усилилось дворянство, было возстановлено крѣпостное право, уничтоженное въ прежнія времена. Датская аристократія, когда усилилась въ государствѣ, также подчинила крѣпостной зависимости свободныхъ поселянъ.

„Наконецъ, при высокой степени развитія цивилизаціи, непреодолимая сила общественнаго мнѣнія приводитъ къ уничтоженію всѣхъ остатковъ рабства“ *).

Кому это объясненіе необходимости правительственныхъ мѣръ къ отмѣненію обязательнаго труда покажется недостаточнымъ, тому, конечно, будетъ пріятно прочесть слѣдующія соображенія, которыми, какъ намъ кажется, совершенно отстраняется всякое сомнѣніе по этому вопросу.

Сдѣлаемъ полнѣйшую уступку теоріи, говорящей, что правительство не должно вмѣшиваться въ политико-экономическія отношенія. Положимъ, что правительство никогда, ни въ какой формѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не должно касаться дѣлъ, совершающихся подъ вліяніемъ политико-экономическихъ принциповъ. Мы выразили правило о независимости экономическаго труда отъ административныхъ мѣръ съ такою безусловною энергіею, отъ которой далеки самые ревностные приверженцы этой системы. Прекрасно, что же изъ того слѣдуетъ? — правительство не должно нарушать независимаго дѣйствія политико-экономическихъ отношеній; такъ; какихъ же принциповъ и отношеній не должно касаться правительство? — политико-экономическихъ. Теперь: обязательный трудъ принадлежитъ ли къ политико-экономическимъ принципамъ, отношенія, имъ порождаемыя, подлежатъ ли правиламъ политико-экономической науки? Нѣтъ. По словамъ Шторха, въ его лекціяхъ, читанныхъ покойному государю Николаю I, тогда бывшему Великимъ княземъ,—по словамъ Шторфа „обязательный трудъ не подлежитъ вѣдѣнію политической экономіи; онъ совершенно чуждъ кругу понятій и отношеній, подлежащихъ этой наукѣ и ея правиламъ“. Всѣ ученые, занимавшіеся политическою экономіею, отъ Адама Смита до Рошера, согласны въ этомъ.

Такимъ образомъ, думайте какъ хотите о зависимости или независимости политико-экономическихъ принциповъ и отношеній отъ правительства,—ваши политико-экономическія теоріи ни мало не прилагаются къ вопросу объ обязательномъ трудѣ. Обязательный трудъ—явленіе совершенно чуждое правиламъ политической экономіи, историческое явленіе совершенно иной сферы. Онъ и возникаетъ и держится въ противность всякимъ экономическимъ принципамъ; это явленіе чисто историческое, возникающее изъ отношеній и событій, подлежащихъ вѣдѣнію политики, военнаго быта, административной власти, но никакъ не политической экономіи. Роль его, относительно политико-экономическихъ принциповъ,— роль препятствія ихъ развитію. Правительство имѣетъ не только право, оно, по требованію всѣхъ экономистовъ, имѣетъ прямую обязанность удалять отъ народной

*) Рошеръ. „Основанія политической экономіи“, переводъ Воловскаго, часть I, §§ 72 и 73.

Digitized by Google

жизни всѣ препятствія дѣйствію экономическихъ принциповъ. Напримѣръ, когда въ государствѣ мало безопасности на дорогахъ—это препятствуетъ развитію экономическихъ принциповъ, и потому государство не только можетъ, но прямымъ образомъ обязано водворить безопасность на дорогахъ. Точно также, по мнѣнію всѣхъ экономистовъ, правительство обязано всѣми своими силами поддерживать правосудіе, наблюдать за исполненіемъ контрактовъ, карать преступленія и т. д. Точно таковы же его обязанности по дѣлу свободнаго труда, который одинъ признается политическою экономіею: прямая обязанность правительства состоитъ въ отстраненіи всѣхъ препятствій къ развитію этого экономическаго принципа.

Какимъ образомъ правительственная власть отстраняетъ препятствія дѣйствію экономическихъ началъ, это дѣло чисто административной науки, дѣло политики, но не политической экономіи. Политическая экономія требуетъ результата; какимъ путемъ политика и администрація достигнутъ этихъ результатовъ,—для политической экономіи все равно.

Этотъ аргументъ совершенно достаточенъ для здраваго смысла. Но, кромѣ здраваго смысла, бываютъ въ людяхъ страсти. Противъ нихъ существуютъ аргументы, еще болѣе точные, и т. д.

Въ этой статьѣ мы говорили вообще о благотворности дѣла, начатаго Высочайшими рескриптами отъ 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года. Въ слѣдующей должны мы говорить въ частности о каждомъ изъ основаній, на которыхъ должна быть, по этимъ рескриптамъ, совершена великая реформа, ими начинаемая.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЕ НА СТАТЬЮ «О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»,

помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ за 1857 г.

(Письмо въ редакцію).

Русскіе журналы имѣютъ огромный авторитетъ у насъ, въ провинціи, — это, конечно, извѣстно вамъ, гг. журналисты. Но, можетъ быть, журналисты не знаютъ всей силы того горячаго сочувствія, которое пробудилось въ насъ (читающихъ и мыслящихъ провинціалахъ) къ журналамъ, особенно въ послѣднее время, когда въ нихъ не только затронуты, но такъ основательно поставлены и значительно уже развиты самые жизненные современные вопросы, болѣе или менѣе къ намъ близкіе.

Выразить это сочувствіе къ русской журналистикѣ вообще, и вмѣстѣ съ этимъ найти въ вашемъ журналѣ органъ для нѣкоторыхъ убѣжденій и мнѣній, истекающихъ изъ этихъ же началъ, которыхъ держится вашъ журналъ, и расходящихся только нѣсколько въ подробностяхъ, или въ практическихъ примѣненіяхъ, вотъ мысль, которая побуждаетъ меня писать къ вамъ.

Если вы, м. г., не поскучаете, изрѣдка, письменною бесѣдою съ однимъ изъ вашихъ провинціальныхъ читателей и (безъ всякаго каламбура) искреннихъ почитателей русской журналистики, то я, безъ всякой опредѣленной программы, по поводу каждой интересующей васъ мысли или мнѣнія, будутъ ли они высказаны въ вашемъ или въ другомъ какомъ періодическомъ изданіи, стану передавать вамъ откровенно собственное свое мнѣніе о тѣхъ же предметахъ, предлагать вопросы и недоумѣнія, которыхъ полное разрѣшеніе можетъ показаться необходимымъ.

Еще признаюсь вамъ въ одномъ самолюбивомъ побужденіи, подкрѣпившемъ мою рѣшимость взяться за перо, которое большею частію упражняется въ однѣхъ агрономическихъ замѣткахъ. Не разъ случалось слышать и мнѣ самому и другимъ, такимъ же мирнымъ, какъ я, землевладѣльцамъ, отзывы столичныхъ бюрократовъ, что есть такого рода современные вопросы, въ которыхъ *мы* не должны и „не можемъ“ быть судьями, потому что мы „не можемъ“ судить безпристрастно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшанъ личный нашъ „интересъ“. Я не взялся бы доказывать ни одному чиновнику, господину, который имѣетъ о всѣхъ насъ такія „интересныя“ понятія, что, можетъ быть, многіе изъ насъ гораздо болѣе многихъ

Digitized by Google

изъ нихъ имѣютъ искренняго сочувствія къ тѣмъ самымъ вопросамъ, на которые намекаютъ бюрократы, чуждые всякихъ поземельныхъ интересовъ; не взялся бы именно потому, что истинное сочувствіе ко всему человѣческому должно выражаться не въ однихъ словахъ, не въ однѣхъ громкихъ фразахъ, которыя ровно ничего не стоятъ рисующемуся резонеру, но на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительныхъ и личныхъ жертвахъ, приносимыхъ общему дѣлу. Одно я легко могъ бы доказать этимъ господамъ, именно то, что мы больше ихъ знакомы съ нѣкоторыми изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ они судятъ слишкомъ высокимъ тономъ, и что мы не совсѣмъ чужды современныхъ убѣжденій. Но пусть лучше нѣкоторыя изъ этихъ убѣжденій выскажутся здѣсь, на болѣе приличномъ и открытомъ поприщѣ, чѣмъ въ праздной рѣчи, между двумя робберами ералаша.

Кстати припомнилось одно обстоятельство, которое можетъ отчасти служить доказательствомъ, что и мы, провинціалы, легко можемъ быть партизанами всего истиннаго и высокаго, независимо отъ мѣстныхъ пристрастій и личныхъ самолюбій. Боже мой! съ какимъ искреннимъ сочувствіемъ, съ какимъ горячимъ энтузіазмомъ, встрѣчали у насъ, въ провинціи, каждую новую строчку Гоголя, въ лучшую эпоху его дѣятельности, и съ какою грустію печалились о томъ несчастномъ переломѣ въ его жизни, который отвлекъ его отъ этой дѣятельности, и погрузилъ въ туманы безплоднаго аскетизма! Мы и тогда уважали въ немъ человѣка, но въ то же время горько сожалѣли о заживо умершемъ великомъ художникѣ, о недоконченныхъ и уже погибшихъ его произведеніяхъ. „Мертвыя Души“ не переставали быть нашею настольною книгою. А между тѣмъ, казалось бы, ближе всего было мелкимъ самолюбіямъ ощетиниться противъ писателя, который заклеймилъ обыденную жизнь неизгладимою печатью пошлости, вынесъ на свѣтъ Божій и на позоръ добрымъ людямъ, изъ нашей же живой среды, типы Ноздрева, Собакевича и прочихъ.

Извините за невольное отступленіе отъ современности. Впрочемъ, и теперь еще дѣятельность Гоголя, какъ первый шагъ къ нашему самосознанію, имѣетъ живую, неразрывную связь со всѣми вновь пробужденными стремленіями къ самоисправленію, къ обновленію. Притомъ, я заранѣе предупредилъ васъ, и еще разъ прошу позволенія: говорить обо всемъ, что вспадаетъ на мысль и на сердце, не подчиняясь никакой предупосланной программѣ, тѣмъ менѣе системѣ, которой не можетъ быть въ моей корреспонденціи, не имѣющей никакихъ претензій, никакихъ притязаній. Но возвратимся къ вашему журналу.

На этотъ разъ я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ къ окончательному разъясненію чрезвычайно важнаго предмета, по поводу напечатанной въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ статьи о поземельной собственности.

Прежде всего скажу, что основная идея, ея развитіе и главные выводы совершенно совпадаютъ съ моимъ собственнымъ убѣжденіемъ. Нѣкоторыя противорѣчія, или недоумѣнія, возникаютъ изъ разсмотрѣнія подробностей, кажется не совсѣмъ оправдываемыхъ опытомъ; но я впередъ увѣренъ, что эти недоумѣнія разрѣшатся при дальнѣйшемъ разъясненіи предмета. Иначе и быть не можетъ, при убѣжденіи въ вѣрности основной мысли и при логическомъ ея развитіи. Я нисколько не спорю; я одинаково убѣжденъ въ сущности дѣла и въ истинѣ основныхъ положеній, и только желаю разъясненія нѣкоторыхъ подробностей, которыя,

Digitized by Google

мнѣ кажется, и въ настоящее время и долго еще будутъ непримѣнимы къ нашей общественной жизни.

Принципъ общиннаго владѣнія непогрѣшителенъ, и мы чрезвычайно счастливы тѣмъ, что онъ не только вполнѣ примѣнимъ къ нашей будущности, но существуетъ уже, какъ фактъ, въ настоящемъ, сроденъ нашему толковому народу и прочно легъ уже въ основаніе нашей общественной жизни. Это такое благо, которому могутъ позавидовать и опередившіе насъ въ развитіи народы: оно въ нашихъ рукахъ, и можетъ въ будущемъ предохранить отъ язвы пролетаріата многіе мильоны русскихъ людей. Это истина, и притомъ истина какъ нельзя болѣе утѣшительная. Дорожить этимъ благомъ, какъ даромъ Провидѣнія, лелѣять его, по возможности развивать болѣе и болѣе,—это наша непремѣнная и отрадная обязанность. Но не надо ласкать себя обманчивой надеждой, что переходъ въ эту будущность изъ настоящаго состоянія возможенъ скоро—и возможенъ безъ переходнаго состоянія. Такихъ скачковъ никогда не дѣлали народы—и мы не можемъ сдѣлать. Развить эту мысль можно бы очень подробно; но здѣсь неумѣстно. Sapienti sat. Я только къ тому веду рѣчь, что и принципъ частнаго владѣнія, хотя бы онъ и вытѣснялся постепенно общиннымъ, будетъ еще долго и долго господствовать и,— какъ переходное состояніе, — неизбѣженъ. Если это такъ, то первый вопросъ, мнѣ кажется, состоитъ только въ томъ, какъ единовременно совмѣстить возможно мирное господство обоихъ способовъ владѣнія, и какъ распоряженіе частною собственностью сдѣлать наивозможно плодотворнымъ и нестѣснительнымъ для соприкасающагося съ нимъ общиннаго владѣнія. За тѣмъ уже можетъ подлежать къ разрѣшенію другой вопросъ: какъ оградить навсегда, благодѣтельное для большинства, общинное владѣніе отъ возможности вторженія въ его область частнаго, и какой лучшій и мирный путь къ постепенному расширенію этой области, съ усовершенствованіемъ самаго распоряженія общественною собственностью. Время сдѣлаетъ остальное.

Если мы согласны съ авторомъ означенной статьи въ томъ, что частные собственники пока неизбѣжны, то почему же нѣтъ спасенія безъ системы фермерства, которую самъ авторъ находитъ слишкомъ неудовлетворительной и даже вредной? Онъ и на первыхъ страницахъ высказываетъ и потомъ, въ приложеніи В, подробно развиваетъ мысль, что собственнику неудобно и почти невозможно самому производить въ имѣніи прочныя улучшенія, при господствѣ системы фермерства. Да, при послѣднемъ условіи, это дѣйствительно справедливо. Но тамъ, гдѣ еще, слава Богу, не развито фермерство, и частные собственники еще не связаны никакими контрактами, почему жь имъ и не заняться самимъ этими улучшеніями? Если соединеніе въ одномъ лицѣ охоты къ труду, знанія дѣла и капитала—очень рѣдко, особенно у насъ, то все-таки возможно. Большее или меньшее знаніе дѣла и *охота по неволѣ* сами собою явятся, вслѣдствіе необходимости обезпеченія и нѣкотораго улучшенія своего состоянія,—не говоря уже о тѣхъ, правда немногихъ, собственникахъ, которые смотрятъ на это дѣло серьезно и имѣютъ къ нему призваніе. Останется одно затрудненіе—въ недостаткѣ капиталовъ. А гдѣ жь у насъ эти фермеры—капиталисты?—и откуда они явятся, если не изъ среды тѣхъ же собственниковъ?—Что же, если силою обстоятельствъ историческихъ, вся наша поземельная собственность распадется на два почти равныхъ отдѣла общинныхъ и частныхъ земель? Вѣдь это, не правда-ли, очень возможно,—

Digitized by Google

даже желательно,—даже неизбѣжно?... Предположимъ, что это уже совершилось. Съ одной стороны, общинныя земли, непремѣнными постановленіями, навсегда уже обезпеченныя отъ возможности отчужденія въ частную собственность, и начинающія организоваться на свойственныхъ имъ началахъ. Съ другой, частные собственники, предоставленные собственному знанію дѣла и собственнымъ своимъ средствамъ. Фермеровъ еще нѣтъ; а капиталы у частныхъ собственниковъ уже появились, вслѣдствіе самаго перехода значительной части поземельныхъ угодій въ общинное владѣніе,—что не могло произойти безъ денежнаго вознагражденія прежнимъ землевладѣльцамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, если не всѣ, то большая часть собственниковъ очень могутъ и должны заняться сами принадлежащимъ имъ дѣломъ, потому что имѣютъ уже къ этому средства и побужденіе въ собственномъ интересѣ. И да избавитъ насъ Богъ, при такихъ, на первый разъ, очень благопріятныхъ данныхъ, отъ развитія фермерства въ томъ видѣ, какъ оно является въ Англіи!—Оно не будетъ уже намъ и опасно, если когда-нибудь приблизительно половина поземельной собственности будетъ уже распредѣляться по принципу общиннаго владѣнія, если область его, въ которую не можетъ уже вторгаться частная собственность, можетъ постепенно раздвигать свои предѣлы: присоединеніемъ (обязательнымъ или добровольнымъ) измельчавшихъ, до извѣстнаго предѣла, чрезъ наслѣдственное дробленіе, участковъ, — къ прилежащей общинѣ; предоставленіемъ права каждому частному собственнику распорядиться, для своего семейства и потомства, землями, на основаніи принципа общиннаго владѣнія, и т. п. Такъ, или иначе, но лишь бы дана была возможность движенія къ расширенію предѣловъ общинной области, вмѣщающей интересы огромнаго большинства, и, съ другой стороны, лишь бы отнята была всякая возможность у частной собственности на незаконное посягательство,—частные собственники, заботясь о своемъ частномъ благѣ, невольно будутъ содѣйствовать общему. — Все это, какъ вы видите, предположительно, — иначе и быть здѣсь не можетъ, — но согласитесь, что все это очень возможно.

Результатъ всего мною сказаннаго тотъ, что я желалъ бы, въ вашей статьѣ, во-первыхъ, не много болѣе уступки въ пользу частной собственности, исторически неизбѣжной, можетъ быть, какъ состоянія переходнаго, и, во-вторыхъ, допущенія возможности разумнаго распоряженія землями частныхъ собственниковъ, независимо отъ системы фермерства, до сихъ поръ намъ совершенно чуждой,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, искренно желалъ бы, чтобы угрожающій намъ въ будущемъ призракъ фермерства не парализировалъ, въ настоящемъ, частныхъ нашихъ усилій къ усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства,—а со временемъ, и совсѣмъ исчезъ предъ поглощающимъ вліяніемъ общиннаго начала. Таковы, по крайней мѣрѣ, мои pia desideria.

Другое, второстепенное замѣчаніе, или недоумѣніе, относится къ примѣрно принятому авторомъ *57-лѣтнему періоду*, для сравненія выгодности прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера. Эта цифра, разумѣется, примѣрная; но чѣмъ она ближе будетъ къ дѣйствительной, тѣмъ убѣдительнѣе, и тѣмъ менѣе можетъ подать повода къ сомнѣнію, для людей противнаго или еще неустановившагося мнѣнія, въ истинѣ принятаго начала. Предполагая, что затрата капитала на улучшеніе состоитъ въ удобреніи земли,—случай самый обыкновенный и наиболѣе общій,—находимъ слѣдующее. По теоріи и на практикѣ признано несо-

Digitized by Google

мнѣннымъ, что это улучшеніе оказываетъ замѣтное дѣйствіе на періодъ очень кратковременный, и, притомъ, съ каждымъ новымъ оборотомъ зерновыхъ посѣвовъ, несмотря на посредствующіе кормовые и на отдыхъ земли въ пару, дѣйствіе это постепенно и быстро ослабѣваетъ. Такъ что, напримѣръ, при обыкновенномъ трехъ-польномъ сѣвооборотѣ, послѣ шести хлѣбныхъ жатвъ, слѣдовательно *въ 9-тилѣтній періодъ*, отъ самаго сильнаго удобренія незамѣтно уже и слѣдовъ, —хотя, разумѣется, вообще говоря, земля, хоть разъ удобренная, все-таки предпочтительнѣе земли равнокачественной, но никогда неудобрявшейся и одинаково истощенной. Дѣло въ томъ, что *избытокъ дохода*, вслѣдствіе удобренія, далеко не будетъ равномѣренъ при слѣдующихъ смѣнахъ и срокахъ, на которые можетъ подраздѣлиться принимаемый періодъ, если даже онъ будетъ 9-тилѣтній, не говоря уже о 57-ми и 60-ти годахъ, о которыхъ земледѣльцамъ страшно и подумать. Слѣдовательно, затрата капитала на удобреніе должна возобновляться въ каждый 9-тилѣтній, и еще вѣрнѣе—въ 60-тилѣтній періодъ. Изъ этого видно, что результатъ сравнительнаго разсчета выйдетъ совсѣмъ иной, если принять цифры, гораздо болѣе приближающіяся къ дѣйствительности. Не говорю уже о томъ, что здѣсь приняты для сравненія выгоды общинника и фермера, а не собственника, производящаго улучшенія, собственнымъ своимъ капиталомъ, на принадлежащей ему землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сравнительный разсчетъ уже видоизмѣнился бы не въ пользу общинника: выгоды могутъ быть между ними почти равномѣрны, въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, затраты на удобреніе, которое принесетъ всю свою пользу, даже разъ возобновившись, гораздо прежде новаго передѣла общинной земли, полагая срокъ его въ 15 лѣтъ. Но это замѣчаніе, повторяю, второстепенное, нисколько не подрывающее истины основнаго положенія, и предлагаемое только для большаго разъясненія такого важнаго предмета.

Въ заключеніе, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, съ опасностью быть обвиненнымъ въ противорѣчіи и въ несостоятельности моей логики, позвольте настоять на увѣреніи, что хотя я и отстаиваю нѣкоторыя права частной собственности, какъ исторической необходимости, однако въ тоже время глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ и плодотворности общиннаго начала. Но между признаніемъ непогрѣшительности принципа и признаніемъ возможности полнаго его приложенія, въ данное время, большая разница. Если бы во мнѣ, къ несчастію, могло быть малѣйшее побужденіе оспаривать истину началъ, принятыхъ въ основаніе авторомъ статьи о поземельной собственности, то довольно было бы, чтобы зажать мнѣ ротъ, одной картины, поразительной своей правдою, распредѣленія поземельной собственности по принятому принципу наслѣдственности (Приложеніе Д.). Противъ этой общественной аномаліи, мнѣ кажется сподручнымъ и радикальнымъ одно средство: замѣна наслѣдственности по частному принципу порядкомъ наслѣдованія, примѣненнымъ къ общинному началу, что ни мало не нарушаетъ интересовъ и правъ частныхъ собственниковъ. Напротивъ, я взялся бы доказать осязательно, что этотъ видоизмѣненный порядокъ наслѣдованія, не выходя изъ области частнаго права, удовлетворяетъ въ одно время и требованію справедливости и родовому, кровному чувству заботливости о судьбѣ своего потомства. Живо представляю, въ своемъ воображеніи, эту картину наслѣдственнаго движенія поземельной собственности, на общинномъ основаніи, картину, которая могла

Digitized by Google

бы служить въ pendant къ начертанной авторомъ, для нагляднаго доказательства той же истины... Но объ этомъ надо говорить или подробно и много, или ограничиться однимъ этимъ указаніемъ. Предпочитаю здѣсь послѣднее.

Вотъ, м. г., на первый разъ все то, что я намѣренъ былъ вамъ высказать, не слишкомъ обременяя ваше вниманіе и не выходя изъ позволительныхъ границъ письменной бесѣды. Если вы пожелаете когда нибудь ея возобновленія, то самымъ яснымъ знакомъ этого желанія будетъ—появленіе моего письма на страницахъ вашего журнала.

Провинціалъ.

Digitized by Google

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЕ Г. ПРОВИНЦІАЛА.

Теперь можно говорить прямѣе, нежели возможно было почтенному автору письма и намъ два или три мѣсяца назадъ, и мы надѣемся, что объясненія, которыя можемъ теперь дать о нашихъ мнѣніяхъ, во многихъ случаяхъ удовлетворятъ почтеннаго корреспондента, показавъ ему, что большая часть сомнѣній, возбужденныхъ въ немъ нашими статьями, произошла не отъ того, чтобы мы въ сущности имѣли образъ мыслей, съ которымъ бы не могъ онъ согласиться, но единственно оттого, что мы или не могли или не умѣли съ достаточною точностью выразить свою мысль о нѣкоторыхъ подробностяхъ предмета.

Почтенный корреспондентъ начинаетъ свои замѣчанія увѣреніемъ, что многіе изъ нашихъ землевладѣльцевъ заботятся о разрѣшеніи крѣпостнаго вопроса съ выгодою для крестьянъ не менѣе, нежели люди, упрекающіе землевладѣльцевъ въ холодности къ этому дѣлу. Мы не знаемъ, насколько авторъ при этомъ увѣреніи обращался лично къ намъ, но, имѣя теперь возможность, мы вообще находимъ полезнымъ точнѣе прежняго выразить наше мнѣніе о классѣ, къ которому принадлежитъ нашъ корреспондентъ. Нѣтъ сословія, которое не имѣло бы своихъ недостатковъ, нѣтъ положенія, при которомъ личныя интересы человѣка не бывали бы часто противоположны справедливымъ выгодамъ многихъ другихъ людей и пользамъ цѣлаго государства. При существованіи крѣпостнаго права это примѣнялось къ положенію помѣщиковъ гораздо болѣе, нежели къ положенію многихъ другихъ сословій,—напримѣръ, не говоря уже о самыхъ поселянахъ, торговецъ, промышленникъ, домовладѣлецъ, даже человѣкъ, живущій процентами съ денежнаго капитала,—даже (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ государственной службы) чиновникъ занималъ относительно требованій справедливости и національнаго благосостоянія болѣе нормальное положеніе, нежели помѣщикъ. Но изъ того, что извѣстный классъ занимаетъ положеніе, несогласное съ этими условіями, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы лица этого класса можно было осуждать за невыгоды, приносимыя государству или другимъ сословіямъ тѣми условіями быта, которыя составляютъ привилегію сословія. Можно желать уничтоженія привилегіи, несогласной съ справедливостью, гуманностью и государственною пользою; но чувства наши относительно самыхъ лицъ, пользующихся существующею привилегіею, совершенно зависятъ отъ чувствъ, которыми проникнуты сами они. Во всякой многочисленной корпораціи бываютъ люди очень различнаго образа мыслей и образованности. Одни изъ привилегированныхъ могутъ желать сохраненія своей привилегіи, другія могутъ желать ея измѣненія. О послѣднихъ поговоримъ послѣ; теперь замѣтимъ, что и первые въ своемъ желаніи, конечно противномъ государственной выгодѣ, могутъ

Digitized by Google

руководиться побужденіями очень различными. Многіе отстаиваютъ свою привилегію только потому, что не понимаютъ другого порядка вещей, просто потому, что вообще боятся покинуть рутину. Это люди мало развитые, и ихъ умственная слабость, какъ всякая слабость, заслуживаетъ сострадательной помощи. Человѣкъ, болѣе развитой, показалъ бы себя недостойнымъ уваженія, если бы вздумалъ враждовать противъ такихъ личностей, вмѣсто того, чтобы просвѣщать ихъ. Есть многіе другіе, для которыхъ прекращеніе привилегіи соединено въ ближайшемъ будущемъ съ такими убытками, которыхъ не могутъ вынести ихъ настоящія средства, хотя въ будущемъ, болѣе отдаленномъ, и для нихъ, какъ для всего государства, прекращеніе привилегіи будетъ выгодно. Относительно такихъ людей мало заботъ о просвѣщеніи ихъ взгляда: имъ нужно матеріальное пособіе, чтобы они могли пережить безъ раззоренія переходный періодъ. Изъ этихъ двухъ разрядовъ можетъ быть состоитъ большинство людей, неблагопріятствующихъ прекращенію привилегіи. И хотя привилегія, продолженія которой они хотѣли бы, несомнѣнно вредна, но столь же несомнѣнно и то, что эти личности не могутъ быть предметомъ вражды со стороны справедливаго поборника улучшеній. Съ одними онъ долженъ доброжелательно бесѣдовать о средствахъ и путяхъ, которыми они могутъ не только не проиграть, а напротивъ выиграть при отмѣнѣ привилегіи; въ пользу другихъ онъ самъ долженъ пріискивать матеріальныя средства, чтобы они въ замѣнъ прежнихъ источниковъ жизни получили новые, если возможно обильнѣйшіе прежнихъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, должны быть чувства просвѣщенныхъ противниковъ крѣпостнаго права относительно большинства нашихъ помѣщиковъ. Не помѣщики, намъ современные, присвоили себѣ вредную для государства привилегію пользоваться обязательнымъ трудомъ. Если тѣ, которые не видятъ выгоднаго для себя выхода изъ этого положенія, желали бы сохранить его, тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Человѣкъ, защищающій свои выгоды, вовсе не есть человѣкъ дурной; нужно только показать ему, что съ уничтоженіемъ привилегіи, его благосостояніе не уменьшится, а увеличится; и онъ не будетъ имѣть ничего противъ улучшеній.

Въ каждой многочисленной корпораціи есть люди нравственно дурные, люди, которымъ дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурнымъ страстямъ: тщеславію, самовластію, лѣности, низкимъ порокамъ и т. п. Для этихъ испорченныхъ людей злоупотребленіе пріятно само по себѣ; они возстаютъ противъ улучшеній не по ограниченности ума или свѣдѣній, не по ошибочному разсчету, не по робости передъ нововведеніями, а изъ пристрастія къ дурному. Въ каждомъ сословіи есть такіе люди, но они не принадлежатъ собственно ни къ какому сословію, кромѣ сословія людей нравственно испорченныхъ. Какое бы оффиціальное имя ни носили они, все равно, они лично, сами по себѣ, вредны для общества, вредны не положеніемъ своимъ, которое бываетъ очень различно, а качествами своего сердца. Но природа человѣческая такъ благородна по своей сущности, что число такихъ людей незначительно. И каковы бы ни были впечатлѣнія, производимыя на общество нравственно дурными рѣчами или поступками нравственно дурныхъ людей, защищающихъ злоупотребленіе изъ пристрастія къ нему,—какъ бы непріятны ни были эти впечатлѣнія, чувство, ими возбуждаемое, не должно относиться къ цѣлому сословію.

Въ каждомъ сословіи есть люди всякаго рода, въ каждомъ

Digitized by Google

прочимъ, и нѣсколько человѣкъ нравственно дурныхъ, за которыхъ не обязано отвѣчать сословіе; но съ другой стороны, въ каждомъ сословіи бываютъ и люди, по своимъ личнымъ качествамъ столько же возвышающіеся надъ большинствомъ, насколько нѣкоторые бываютъ ниже его. Хотя привилегированное положеніе не всегда благопріятствуетъ нормальному развитію человѣка, но съ другой стороны сословіе помѣщиковъ обладаетъ у насъ, по отношенію къ удобствамъ нравственнаго развитія, столькими средствами, недостающими другимъ сословіямъ, что можно предположить въ сословіи помѣщиковъ бо̀льшую пропорцію людей, замѣчательныхъ по особенной развитости ума и чувства, нежели во многихъ другихъ сословіяхъ. Большая половина всего населеннаго пространства Русской имперіи находится во владѣніи этого сословія. Оно вообще пользуется несравненно большимъ благосостояніемъ, нежели всякое другое сословіе, взятое въ массѣ; даже торгующій классъ далеко не имѣетъ такихъ доходовъ, какъ земледѣльцы; классу помѣщиковъ по преимуществу открытъ доступъ во всѣ учебныя заведенія и вообще онъ имѣетъ гораздо больше средствъ, нежели другія сословія, для своего воспитанія. Это вещь извѣстная, но не должно забывать о другомъ обстоятельствѣ, не менѣе важномъ для умственнаго и нравственнаго развитія: всѣ высшія общественныя должности заняты людьми изъ этого сословія; извѣстно, что занятіе важными общественными дѣлами есть наилучшая школа для развитія въ человѣкѣ всѣхъ истинно человѣческихъ достоинствъ; извѣстно, что изъ двухъ людей, одинаково одаренныхъ отъ натуры, тотъ будетъ имѣть болѣе широкій взглядъ на жизнь, кто болѣе привыкъ къ занятіямъ, требующимъ подобнаго взгляда; извѣстно, какъ убійственно дѣйствуетъ и на умъ, и на сердце человѣка такое положеніе, при которомъ всѣ его мысли исключительно прикованы къ мелочнымъ заботамъ о мелочныхъ дѣлахъ; какъ сословіе, одни помѣщики у насъ изъяты отъ этого погруженія исключительно въ мелкіе интересы, они одни заняты широкими заботами о государственныхъ дѣлахъ, нравственно возвышающими человѣка. Надобно думать, что этими благопріятными развитію обстоятельствами вознаграждается невыгодное вліяніе привилегіи на развитіе, и потому должно предполагать, что въ сословіи помѣщиковъ пропорція людей, достигшихъ высокаго нравственнаго и умственнаго развитія, болѣе значительна, нежели во многихъ другихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ, при всемъ возможномъ нерасположеніи къ довѣрчивости похваламъ, безпристрастный человѣкъ едва ли станетъ отрицать, что въ дворянскомъ сословіи находилось и находится много людей, самымъ благороднымъ и полезнымъ образомъ содѣйствовавшихъ разрѣшенію вопроса о крѣпостномъ правѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя забывать того, что изъ людей, наиболѣе заботившихся объ уничтоженіи крѣпостнаго права, большая часть принадлежала и принадлежитъ сословію помѣщиковъ. Почти всѣ дѣльные проекты объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, предшествовавшіе административнымъ мѣрамъ, были составлены людьми изъ сословія помѣщиковъ. Мы не имѣемъ права называть именъ, которыя стали особенно почтенными по заботливости объ этой реформѣ, но эти имена, вѣроятно, извѣстны нашимъ читателямъ и вѣроятно они знаютъ, что всѣ эти лица сами владѣютъ довольно значительными, а нѣкоторые изъ нихъ огромными помѣстьями. Объ этихъ лицахъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Мы совершенно увѣрены, что благоразумно исполненнымъ отмѣненіемъ крѣпостнаго права чрезвычайно возвысится благосостояніе помѣщиковъ, возвысится

Digitized by Google

и важность сословія землевладѣльцевъ. Но какъ бы то ни было, это нововведеніе соединено для помѣщиковъ съ отреченіемъ отъ привилегій, которыя справедливо казались имъ очень важными. Возставать противъ привилегіи, которою самъ онъ пользуется, человѣкъ можетъ только тогда, когда слишкомъ живо проникнутъ стремленіями высокой гуманности: для этого недостаточно разсчета, хотя бы самаго вѣрнаго. Привилегія имѣетъ въ себѣ такую обольстительность, что пристрастіе къ ней сопротивляется даже очевидной выгодѣ. Когда человѣкъ отказывается отъ привилегіи, наше заключеніе о его нравственныхъ достоинствахъ ни мало не зависитъ отъ того, до какой степени выгодно будетъ ему это отреченіе,—во всякомъ случаѣ оно составляетъ высокій нравственный подвигъ, если только оно добровольно. Стремленія тѣхъ лицъ, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, не только были добровольны, но требовали твердости характера и высокой гражданской отважности. Не только не было имъ никакой нужды, никакого разсчета выступать передъ обществомъ съ отреченіемъ отъ своихъ привилегій, напротивъ, всѣ чувства житейскаго разсчета и дюжиннаго благоразумія совѣтывали имъ молчать. Правда, многое зависитъ и отъ того, въ какое отношеніе къ благороднѣйшимъ своимъ представителямъ захочетъ стать сословіе; захочетъ ли оно признавать ихъ своими представителями? Теперь мы знаемъ только, что между помѣщиками коренныхъ Великорусскихъ губерній, первыми вступили на указанный благородный путь помѣщики Нижегородской губерніи.

Послѣ этого предисловія, очень длиннаго, мы можемъ перейти къ замѣчаніямъ, которыя дѣлаетъ почтенный корреспондентъ на наши статьи о поземельной собственности.

Онъ справедливо говоритъ, что между имъ и авторомъ статьи, на которую пишетъ онъ замѣчанія, нѣтъ спора; замѣчанія почтеннаго корреспондента только поясняютъ нѣкоторыя стороны дѣла, безъ достаточной точности изложенныя въ нашей статьѣ,—поясняютъ ихъ совершенно согласно съ духомъ нашихъ собственныхъ мнѣній, и мы принимаемъ ихъ совершенно.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателей на чрезвычайно вѣрное толкованіе, которое мыслями почтеннаго корреспондента придается нашему спору въ защиту общиннаго владѣнія. То, чтобы всѣ наши земледѣльцы имѣли поземельную собственность,—вотъ основное наше желаніе; предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ относительно настоящаго и ближайшаго будущаго преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселянина—хозяина въ званіи поземельнаго собственника. Черезъ тридцать, или двадцать-пять лѣтъ, общинное владѣніе будетъ доставлять нашимъ поселянамъ другую, еще болѣе важную выгоду, открывая имъ чрезвычайно легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли; не можемъ сказать, чтобы это соображеніе не оказывало сильнаго вліянія на нашу приверженность къ общинному владѣнію; но заботы настоящаго всегда бываютъ сильнѣе соображеній о будущемъ, и конечно мы не защищали бы съ такимъ жаромъ общиннаго владѣнія, если бы не побуждала насъ къ тому важность его для настоящаго времени, совершенно справедливо понимаемая почтеннымъ корреспондентомъ.

Если мы дѣйствительно подали нашимъ читателямъ поводъ думать, что мы

Digitized by Google

упускаемъ изъ виду неизбѣжность довольно долгаго переходнаго состоянія отъ настоящихъ способовъ обработки отдѣльныхъ участковъ общинной земли частными силами отдѣльнаго хозяина къ общинной обработкѣ цѣлой мірской дачи,— если мы дали поводъ къ такому мнѣнію о нашихъ понятіяхъ, какъ на то повидимому указываетъ одно изъ замѣчаній, дѣлаемыхъ нашимъ корреспондентомъ, мы выразились неудачно или неполно въ томъ мѣстѣ нашихъ статей, которое подало поводъ къ такому заключенію. Въ подобныхъ недостаткахъ изложенія мы охотно признаемся. Но если вкралось гдѣ нибудь такое упущеніе въ нашемъ изложеніи, въ другихъ мѣстахъ нашихъ статей мы выражались объ этомъ предметѣ съ достаточною ясностью: много разъ положительно и подробно говорили мы о томъ, что при быстромъ развитіи механическихъ и другихъ средствъ для обработки и улучшенія земли, при быстромъ развитіи другихъ промышленностей и торговли, при улучшеніи средствъ сообщенія и т. д., нашему земледѣлію предстоитъ вступить въ новую эпоху, когда потребуются отъ него улучшенные способы производства, въ которыхъ оно еще не нуждается теперь или довольно мало нуждается; къ тому времени относили мы осуществленіе многихъ нашихъ понятій, исполненіе которыхъ вовсе не требуется настоящимъ; также положительно говорили мы о томъ, что всѣ эти улучшенія, относимыя нами къ будущему, будутъ происходить постепенно, сообразно развитію потребности въ нихъ. Изъ этого почтенный корреспондентъ конечно увидитъ, что намъ должны казаться совершенно справедливыми его слова, что полнѣйшее развитіе общиннаго принципа должно быть дѣломъ будущаго, а для настоящаго достаточно желать сохраненія въ общинномъ владѣніи той части земли, которая въ немъ находится.

Признавая вмѣстѣ съ почтеннымъ корреспондентомъ необходимость для настоящаго времени въ томъ, чтобы подлѣ общиннаго владѣнія существовала и частная поземельная собственность, мы, конечно, съ полнымъ согласіемъ принимаемъ его мысли о томъ, что общинное владѣніе, огражденное отъ вторженія частной собственности въ свою область, можетъ и должно расширять эту область сообразно тому, какъ будетъ представляться въ томъ надобность, по мѣрѣ возрастанія населенія и развитія другихъ условій, требующихъ этого расширенія области общиннаго владѣнія. Изъ мѣръ, предлагаемыхъ почтеннымъ корреспондентомъ къ тихому достиженію этой цѣли, особенно полезна, въ агрономическомъ отношеніи, кажется намъ его мысль о присоединеніи къ прилежащей общинѣ тѣхъ клочковъ частной земли, которые черезъ наслѣдственное дробленіе измельчали до извѣстнаго предѣла. Очень важна мысль о передачѣ, по завѣщанію отца, наслѣдственной его земли въ общинное владѣніе его роду; но эта мысль требуетъ точнѣйшаго развитія.

Одобряя изложенную нами мысль Сисмонди и другихъ экономистовъ о раззорительности англійскаго способа фермерства для огромнаго большинства земледѣльческаго населенія, почтенный корреспондентъ не думаетъ, чтобы оно грозило распространиться у насъ. Онъ конечно говоритъ о настоящемъ, и въ такомъ случаѣ мы съ нимъ совершенно согласны: фермеровъ—капиталистовъ у насъ еще почти нѣтъ, и не могли бы они ни въ какомъ случаѣ овладѣть нашимъ сельскимъ хозяйствомъ въ ближайшія десять или пятнадцать лѣтъ. Но говоря о необходимости оградить нашихъ поселянъ отъ земледѣльческой эксплуатаціи по фабричному принципу фермерства, мы имѣли въ виду эпоху экономическаго развитія,

Digitized by Google

при которой становится возможнымъ такое фермерство. Она совпадаетъ съ эпохою, при которой становится выгоднымъ приложеніе къ земледѣлію большихъ оборотныхъ капиталовъ. Эта пора начинается при извѣстной степени развитія торговли сельскими продуктами. У насъ она еще не настала, но каждый вникавшій въ быстроту, съ которой начала развиваться наша экономическая дѣятельность въ послѣдніе годы, хорошо видитъ, что мы развѣ нѣсколькими десятилѣтіями, вѣроятно не болѣе, какъ двадцатью-пятью или двадцатью годами, удалены отъ той эпохи, когда, напримѣръ, англійскому и французскому капиталисту будетъ также выгодно пустить свой капиталъ въ русское земледѣльческое предпріятіе, какъ нынѣ выгодно ему обратить его на наши желѣзныя дороги и облигаціи государственнаго долга; когда и русскіе капиталы найдутъ для себя выгоднѣйшимъ обращаться въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, нежели лежать въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Тогда-то, хотѣли мы сказать, въ странѣ, представляющей удобство для обширныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій на коммерческомъ основаніи, какова Россія,—тогда-то едва ли большинство крупныхъ землевладѣльцевъ удержится отъ искушенія промѣнять на беззаботное полученіе ренты отъ фермера-капиталиста хлопотливую возню съ собственнымъ хозяйствомъ, и хозяйство поселянъ было бы совершенно подавлено соперничествомъ капиталистовъ. Эта будущность отъ насъ не за горами; мы должны предусматривать ее и принимать мѣры къ отстраненію бѣдствій фабричной эксплуатаціи для земледѣльцевъ. Единственнымъ средствомъ противъ этого кажется намъ сохраненіе у поселянъ общиннаго владѣнія. Тогда они, при появленіи нужды въ большомъ оборотномъ капиталѣ для земледѣлія и въ расширеніи размѣровъ хозяйства, найдутъ у самихъ себя, черезъ соединеніе въ товарищества, нужныя денежныя средства и нужный размѣръ полей. Точно также эти товарищества поселянъ будутъ полезны тогда для крупныхъ землевладѣльцевъ. Общины земледѣльцевъ, являясь соперницами капиталистовъ при наймѣ большихъ помѣстій, избавятъ помѣщика отъ зависимости, въ которую поставила бы монополія капиталистовъ, и отъ невыгодныхъ условій контракта, предписываемаго монополіей.

Ясно, что мы говоримъ о будущемъ, и эти соображенія ни мало не отрицаютъ фактовъ настоящаго, на которые указываетъ почтенный корреспондентъ. Правда, теперь еще нѣтъ у насъ фермеровъ-капиталистовъ; правда и то, что съ освобожденіемъ крестьянъ у землевладѣльцевъ явятся значительные капиталы, которые съ перваго раза дадутъ имъ возможность прекрасно повести сельскохозяйственныя предпріятія. Мы говорили только, что такое положеніе дѣлъ непродолжительно; что возникновеніе фермеровъ-капиталистовъ неизбѣжно, какъ скоро страна, неимѣющая общиннаго владѣнія, достигаетъ извѣстной степени экономическаго развитія; съ другой стороны, мы говорили о томъ прирожденномъ человѣческой натурѣ стремленіи, по которому человѣкъ, имѣющій возможность получать, черезъ отдачу своей недвижимой собственности въ наймы, безъ всякихъ хлопотъ ренту, доставляющую ему избытокъ въ жизни, не захочетъ возиться самъ съ скучными хлопотами земледѣльческаго хозяйства; мы говорили также о томъ, что большой собственникъ, говоря вообще, [illegible] свои доходы и скорѣе будетъ имѣть долги, нежели значительн[illegible]ы выводили, что если бы уничтожилось у [illegible] мерства на фабричномъ основаніи, хо[illegible]

Digitized by Google

году, скоро сдѣлалась бы господствующею въ нашемъ сельскомъ бытѣ, и большіе собственники, сами ведущіе свое хозяйство, скоро сдѣлались-бы рѣдкимъ исключеніемъ между собственниками.

Кстати о фермерствѣ на фабричномъ основаніи, какое видимъ въ Англіи. Мы очень жарко говорили противъ него. Но бѣдствія, изъ него возникающія для поселянъ, возможны только при условіи его преобладанія въ земледѣльческомъ быту. Положеніе работника было бы несравненно лучше, если бы поселянинъ могъ свободно выбирать между работою на участкѣ своего семейства и работою на фермѣ; именно этого выбора нѣтъ въ Англіи, потому что вся земля занята фермерами. Но свобода выбора сохраняется, если фермы будутъ занимать гораздо меньшее пространство земли, нежели участки поселянъ. Потому, если сохранится общинное владѣніе въ его настоящемъ размѣрѣ, и даже, согласно мнѣнію нашего почтеннаго корреспондента и нашему, будетъ расширяться, по мѣрѣ надобности, то и введеніе фермерства на земляхъ большихъ собственниковъ не будетъ невыгодно для поселянъ, которые будутъ наниматься тогда въ работники къ фермерамъ не иначе, какъ на выгодныхъ для себя условіяхъ. Выше мы указали, что при сохраненіи общиннаго владѣнія будетъ оно наиболѣе выгодно и для большихъ землевладѣльцевъ.

Потому мы совершенно согласны съ почтеннымъ корреспондентомъ, что даже англійское фермерство не будетъ для насъ опасно, если у насъ сохранится общинное владѣніе.

Затѣмъ остается намъ пополнить одну свою недомолвку, подавшую поводъ къ послѣднему изъ замѣчаній почтеннаго корреспондента. Въ сравнительномъ разсчетѣ выгодъ, приносимыхъ долговременными улучшеніями общиннику и фермеру, мы взяли 60-лѣтній періодъ дѣйствія улучшенія. Ошибка наша при этомъ состояла въ томъ, что мы недостаточно указали именно въ этомъ мѣстѣ статьи различіе между сельско-хозяйственными улучшеніями, дѣйствующими долговременно и дѣйствующими кратковременно, и не упомянули, что въ первыхъ заключается вся сущность вопроса, когда дѣло идетъ о выгодности неотъемлемаго владѣнія участкомъ для развитія сельскаго хозяйства. Итакъ, въ томъ мѣстѣ, къ которому относится замѣчаніе почтеннаго корреспондента, рѣчь идетъ о прочныхъ долговременныхъ улучшеніяхъ, каковы, напр., канавы, машины и т. д. для орошенія или осушенія почвы, разведеніе живыхъ изгородей, очищеніе почвы отъ камней, измѣненіе состава почвы примѣсью глины или песку и т. д.,—словомъ, все то, чему мы дивимся въ Шотландскомъ хозяйствѣ,—эти вещи преимущественно имѣютъ въ виду люди, толкующіе противъ общиннаго владѣнія, потому мы должны были обратить главное вниманіе наше на эти долговременно дѣйствующія улучшенія и показать, что даже они при общинномъ владѣніи должны совершаться удобнѣе, нежели при системѣ, по которой собственность на землю и обработка ея не соединяются въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, то есть при такомъ положеніи, въ которомъ находится большая часть земли при полномъ господствѣ частной поземельной собственности.

Заключимъ этотъ отвѣтъ выводомъ не для нашего корреспондента, а для другихъ читателей, особенно изъ сословія помѣщиковъ.

Возможно ли каждому честному человѣку и всей націи не чувствовать горячаго уваженія къ людямъ, подобнымъ автору замѣчаній на нашу ноябрьскую

Digitized by Google

статью,—къ людямъ, которые, будучи помѣщиками, такъ глубоко сочувствуютъ всему, что можетъ улучшить состояніе поселянина, такъ пламенно желаютъ, такъ твердо рѣшаются содѣйствовать этому улучшенію всѣми возможными мѣрами, безъ всякаго колебанія отодвигая на второй планъ свои собственные интересы, будучи совершенно готовы уступать личные свои разсчеты и выгоды во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то принесетъ пользу поселянамъ? Къ счастію Россіи и къ чести нашихъ помѣщиковъ, такихъ людей въ сословіи помѣщиковъ много. Дай Богъ, чтобы число ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Уступка личныхъ выгодъ общему благу—вотъ девизъ истинно благороднаго человѣка.

И не проиграетъ, а безмѣрно выиграетъ сословіе помѣщиковъ отъ такой системы дѣйствій при разрѣшеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ, потому что всѣ эти уступки въ десять разъ, во сто разъ вознаградятся помѣщикамъ выгодами, которыя приноситъ за собою большимъ землевладѣльцамъ сообразное съ государственнымъ благомъ рѣшеніе этого великаго дѣла.

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ I.

Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Давно уже правительство наше имѣло въ виду необходимость принять мѣры къ устройству и улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Прежде всего вниманіе правительства было обращено на крестьянъ Остзейскихъ губерній, гдѣ отсутствіе патріархальныхъ отношеній, между чуждыми другъ другу по племени и языку дворянами и крестьянами, дѣлало положеніе послѣднихъ наиболѣе тягостнымъ. Въ 1765 году императрица Екатерина II повелѣла генералъ-губернатору Остзейскаго края графу Брауну представить правила, опредѣляющія права лифляндскихъ крестьянъ. Тогда положено было начало цѣлаго ряда мѣръ, которыми постепенно уничтожено было въ Остзейскомъ краѣ крѣпостное состояніе.

Не вдаваясь здѣсь въ подробный разборъ мѣръ этихъ, укажемъ только вкратцѣ на общую систему ихъ.

Правилами, составленными дворянствомъ, по повелѣнію императрицы Екатерины въ 1765 году, упрочено было за крестьянами право собственности на движимое ихъ имущество и ограниченъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ произволъ помѣщиковъ. Въ 1804 году изданы были для Лифляндской и Эстляндской губерній положенія о крестьянахъ, которыми повинности крестьянъ были опредѣлены соразмѣрно съ цѣнностью земли, находившейся въ ихъ пользованіи; учреждено сельское общественное управленіе и особыя присутственныя мѣста, для разбора жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ. Такимъ образомъ крестьяне были ограждены отъ произвола и притѣсненій помѣщиковъ. Но тѣсныя рамки, въ которыхъ были поставлены отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, дѣлались часто стѣснительными для обоихъ сословій. Дворяне наконецъ сами ходатайствовали объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Освобожденіе крестьянъ послѣдовало на основаніи особыхъ положеній, изданныхъ для Эстляндской губерніи въ 1816 году, для Курляндской въ 1817 и Лифляндской въ 1819 году.

Всѣ эти положенія составлены были при участіи самихъ дворянъ: дворянству предлагались главныя основанія предположенной мѣры, положеніе составлялось на мѣстѣ самимъ дворянствомъ и разсматривалось въ С.-Петербургѣ, въ особомъ ко-

Digitized by Google

митетѣ, составленномъ изъ правительственныхъ лицъ и изъ депутатовъ дворянства, которые могли такимъ образомъ защищать предъ правительствомъ свои мнѣнія. Система эта служила ручательствомъ за полноту и удобопримѣнимость принятыхъ мѣръ и дѣйствительно увѣнчалась успѣхомъ въ томъ отношеніи, что освобожденіе совершилось спокойно и безубыточно для помѣщиковъ; напротивъ того цѣнность имѣній значительно возвысилась послѣ освобожденія крестьянъ. Но съ другой стороны, освобожденіе крестьянъ вовсе безъ земли повлекло за собою лишеніе многихъ крестьянъ участковъ земли, состоявшихъ въ ихъ пользованіи, для присоединенія участковъ этихъ къ господскимъ полямъ, и чрезъ то непомѣрное возвышеніе арендной платы, вслѣдствіе совмѣстничества безмѣстныхъ арендаторовъ. Все это, особенно въ Лифляндіи и Эстляндіи, повело къ обѣдненію крестьянъ, бывшихъ и безъ того уже въ незавидномъ положеніи, и вызвало наконецъ необходимость измѣнить и дополнить законы 1816 и 1819 годовъ, предоставленіемъ крестьянамъ извѣстнаго пространства земли въ постоянное пользованіе, особыми мѣрами къ постепенному уничтоженію барщины, учрежденіемъ въ Лифляндіи банка для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу въ собственность арендуемыхъ ими участковъ и наконецъ нѣкоторымъ расширеніемъ общественныхъ правъ крестьянъ. Дополненія и исправленія эти заключаются въ Лифляндскомъ Положеніи 1849 года и въ Эстляндскомъ Положеніи 1856 года. Остается только желать, чтобы новыя положенія успѣли дѣйствительно улучшить бытъ остзейскихъ крестьянъ. А между тѣмъ пусть прежнее ихъ положеніе служитъ для Великороссійскихъ губерній живымъ примѣромъ того, къ чему можетъ привести освобожденіе крестьянъ, безъ всякаго предоставленія имъ права на пользованіе землею.

Послѣ Остзейскихъ губерній, вниманіе правительства было преимущественно обращено на губерніи Литовскія и Бѣлорусскія и на Кіевское генералъ-губернаторство. Въ западномъ краѣ Россіи отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ давно уже, по обычаю, опредѣлялись во многихъ имѣніяхъ такъ называемыми *„инвентарями“*, въ которыхъ, по каждому имѣнію, означены были: повинности крестьянъ, число тягловыхъ работниковъ и количество предоставленной имъ въ пользованіе земли. Но инвентари эти, большею частью установленные самими помѣщиками, не были вовсе для нихъ обязательны; а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ инвентарей вовсе не существовало. Потому они нисколько не могли служить къ обезпеченію крестьянъ противъ произвола владѣльцевъ.

Для разсмотрѣнія и утвержденія существовавшихъ инвентарей и для введенія ихъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ инвентарей еще не было, открыты были, въ 1844 году, въ западныхъ губерніяхъ инвентарные комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ губернскаго предводителя, вице-губернатора, прокурора, одного чиновника отъ генералъ-губернатора, уѣзднаго предводителя губернскаго города и трехъ помѣщиковъ по выбору дворянства.

Въ Виленскомъ гереналъ-губернаторствѣ инвентари введены были въ дѣйствіе въ 1846 году. Въ губерніяхъ же Бѣлорусскихъ и въ генералъ-губернаторствѣ Кіевскомъ, введеніе составленныхъ такимъ порядкомъ инвентарей встрѣтило разныя затрудненія, почему и оказалось необходимымъ указать для введенія инвентарей точныя и подробныя основанія.

Вслѣдствіе этого, 29 декабря 1848 года Высочайше утверждены были, для

Digitized by Google

губерній Кіевской, Подольской и Волынской, особыя правила „для управленія имѣніями, по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ“.

Правила эти заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

1) Вся мірская земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ и подробно означенная въ инвентарѣ, должна была оставаться въ постоянномъ ихъ пользованіи, безъ всякаго измѣненія, за опредѣленныя закономъ повинности. Но помѣщикъ могъ сверхъ того отдавать крестьянамъ въ аренду участки господской земли, по добровольнымъ съ ними условіямъ.

2) Повинности крестьянъ должны были соотвѣтствовать величинѣ отведенныхъ имъ участковъ и соразмѣряться съ одною третью всего ихъ дохода, но съ тѣмъ, чтобы барщина не превышала трехъ рабочихъ дней съ тяглаго двора.

3) Для соразмѣренія повинностей съ землей, въ каждомъ имѣніи опредѣленъ, по мѣстнымъ удобствамъ, нормальный размѣръ полнаго *тяглаго* участка и дозволено выдѣлять инымъ крестьянамъ меньшіе *полутяглые* участки, которые составляли бы однако не менѣе половины нормальнаго тяглаго участка.

4) За пользованіе тяглымъ участкомъ, каждое семейство обязано было исполнять барщину однимъ работникомъ съ парою рабочаго скота, въ теченіе трехъ дней въ недѣлю, и одною работницею, по одному дню въ недѣлю. За полутяглый же участокъ требовались: съ каждаго семейства одинъ пѣшій работникъ, по два дня въ недѣлю, и одна работница, по одному дню въ недѣлю.

5) Въ случаѣ смерти тяглаго хозяина и отсутствія въ его семействѣ работника, который бы могъ пользоваться тяглымъ участкомъ и исполнять за него повинности, помѣщикъ могъ передать тотъ участокъ другому крестьянину, не лишая однако вдовы и непристроенныхъ дѣтей умершаго усадьбы и огорода. Въ случаѣ же размноженія въ семействѣ способныхъ къ работѣ крестьянъ, помѣщикъ могъ, за недостаткомъ тяглыхъ участковъ мірской земли,—давать имъ въ аренду господскую (фольварковую) землю, по добровольному съ ними условію.

6) Объ измѣненіяхъ, какія могли такимъ образомъ послѣдовать, по утвержденіи инвентарей, въ распредѣленіи тяглыхъ участковъ и крестьянскихъ повинностей, помѣщики должны были сообщить уѣздному предводителю, который обязанъ былъ наблюдать за правильностью такихъ измѣненій, равно какъ и вообще за точнымъ исполненіемъ инвентарныхъ правилъ.

7) Для нѣкоторыхъ барщинныхъ работъ постановлены урочныя правила; напримѣръ: крестьянинъ обязанъ въ день вспахать черноземной или глинистой земли одну четверть десятины; песчаной — одну треть десятины; посѣять хлѣбъ на четырехъ десятинахъ; скосить сѣна на перелогахъ полъ-десятины; на лугахъ и низменныхъ мѣстахъ—одну треть десятины; нарубить одну четверть кубической сажени дровъ и т. п. Работникъ, кончившій урокъ ранѣе вечера, былъ уже на тотъ день свободенъ. При безсрочныхъ же работахъ, положено рабочій день считать отъ восхожденія до захожденія солнца, а съ 15 мая до 15 августа—съ 5 часовъ утра до заката, давая крестьянамъ для отдыха, въ это время, лѣтомъ три, а зимою два часа.

8) Кромѣ барщины, крестьяне обязаны были: а) отработать помѣщику, каждое лѣто, по 12 сгонныхъ дней, съ платою въ день мужчинѣ, съ парою рабочаго скота, за урочную работу—15 к. сер., за безурочную—10 коп. сер.; мужчинѣ пѣшему и женщинѣ—отъ 7 съ половиной до 10 коп., смотря по тому, урочная

Digitized by Google

работа или нѣтъ; и б) въ свободное отъ полевыхъ работъ время отбывать помѣщику, съ каждаго семейства, восемь строительныхъ дней въ годъ.

9) Огородники, т. е. крестьяне, пользовавшіеся одною усадебною и огородною землею,—были обложены оброкомъ, опредѣлившимся прежнимъ обычаемъ, а бобыли, непользовавшіеся землей, должны были платить отъ 1 р. 50 коп. до 2 руб. 50 коп.; женщины же—половину.

10) Запрещено посылать крестьянъ съ господскими подводами далѣе 300 верстъ и чаще одного раза въ годъ; притомъ опредѣленъ для этихъ случаевъ способъ вознагражденія крестьянъ и зачета имъ, за каждый проведенный въ проѣздѣ и простоѣ день, по два инвентарныхъ дня.

11) Дозволено помѣщикамъ замѣнять барщинныя работы оброкомъ, по добровольному соглашенію съ крестьянами.

12) За дворовыхъ людей подати платились помѣщикомъ; крестьяне же должны были вносить ихъ сами за себя; если же, по неисправности ихъ, уплата податей была бы обращена на помѣщика, то онъ могъ требовать съ крестьянъ вознагражденія работами, сверхъ положенныхъ въ инвантарѣ.

13) Для точной извѣстности лежащихъ на крестьянахъ повинностей, каждому тяглому и полутяглому хозяину должна была выдаваться особая книжка, за подписомъ владѣльца или управляющаго, въ которой означались лежащія на крестьянинѣ повинности.

14) Расправа между крестьянами и дворовыми людьми и право наказанія ихъ за проступки предоставлены были помѣщикамъ или ихъ управляющимъ, но со внесеніемъ каждаго проступка въ особую штрафную книгу.

Составленные на этихъ основаніяхъ инвентари введены были въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ въ 1852 году.

Въ томъ же году Высочайше повелѣно начала эти распространить и на Литовскія губерніи *), исправивъ, согласно съ ними инвентари 1846 года. Но приведеніе этого въ исполненіе встрѣтило затрудненіе, по неудобопримѣнимости въ Литовскихъ губерніяхъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ. Наконецъ въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ учреждены были изъ дворянъ комитеты, для пересмотра и исправленія инвентарныхъ правилъ и прежнихъ инвентарей. Но комитеты эти, по тщательномъ разсмотрѣніи вопроса, пришли къ убѣжденію, что всего лучше можно было бы устранить всѣ неудобства, проистекающія отъ инвентарныхъ правилъ, уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ.

Между тѣмъ, въ губерніяхъ Могилевской и Витебской, инвентарная система и до сего времени не могла быть введена въ полное дѣйствіе.

Во все это время, въ отношеніи къ прочимъ губерніямъ Россіи, не было еще принято общихъ мѣръ къ устройству крестьянскаго быта; однако съ начала нынѣшняго столѣтія были правительствомъ изданы нѣкоторые частные законы и отдѣльныя правила, клонившіяся къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и къ огражденію ихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ произвола владѣльцевъ.

Постараемся указать здѣсь вкратцѣ на главныя изъ вышедшихъ по этому предмету узаконеній.

---

*) Съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ въ урочныхъ правилахъ.

Digitized by Google

Въ царствованіе Императора Павла I, указомъ 16 февраля 1797 года, запрещено продавать крестьянъ безъ земли, за долги ихъ помѣщиковъ. Манифестомъ 5 апрѣля того же года обязательныя барщинныя работы крестьянъ на помѣщиковъ ограничены тремя днями въ недѣлю; при чемъ воспрещено принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни. Затѣмъ, 16 октября 1798 года запрещено продавать Малороссійскихъ крестьянъ безъ земли.

Въ царствованіе Императора Александра I послѣдовалъ, 20 февраля 1803 года, законъ о дозволеніи увольнять помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе вольныхъ хлѣбопашцевъ. Законъ этотъ, съ нѣкоторыми послѣдующими дополненіями, служитъ и до сего времени руководствомъ при увольненіи крестьянъ; причемъ послѣдніе получаютъ, съ 1848 года, названіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ.

При таковомъ увольненіи крестьянъ должны быть соблюдены слѣдующія главныя правила:

1) Между крестьянами и помѣщикомъ долженъ быть заключенъ законнымъ порядкомъ, съ утвержденія правительства, добровольный договоръ, въ которомъ обозначаются предоставляемыя крестьянами выгоды, земли и угодья и принимаемыя ими на себя за то обязанности въ отношеніи къ помѣщику.

2) Крестьяне должны непремѣнно быть надѣлены въ собственность землей, которая должна быть раздѣлена между ними при самомъ увольненіи ихъ, или же въ самомъ договорѣ долженъ быть назначенъ способъ и срокъ раздѣленія выдѣленной крестьянскому обществу земли, для предоставленія каждому семейству, въ полную личную собственность, соотвѣтственнаго поземельнаго участка.

Мѣра эта принесла уже свои плоды, такъ какъ по означеннымъ правиламъ образовалось къ настоящему времени до 150,000 уволенныхъ такимъ порядкомъ крестьянъ-собственниковъ.

18 октября 1804 года, купцамъ, получившимъ восьми-класные чины, дозволено покупать населенныя имѣнія, но не иначе, какъ на основаніи условій, заключаемыхъ при самой покупкѣ имѣнія съ крестьянами, на основаніи указа 20 февраля 1803 года.

14 декабря 1806 года повелѣно: крестьянъ цѣлыми селеніями увольнять не иначе, какъ на основаніи положенія о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

30 ноября 1821 года воспрещено, подъ какимъ бы то ни было видомъ, возвращать въ крѣпостное состояніе людей, получившихъ однажды свободу, по отпускнымъ отъ владѣльцевъ или по распоряженію правительства.

6 марта 1823 года постановлены правила для наложенія опеки на помѣщиковъ, за жестокое обращеніе съ крестьянами.

14 ноября 1824 года предоставлено крестьянамъ и дворовымъ людямъ право производить гильдейскую торговлю по торговымъ свидѣтельствамъ.

Въ царствованіе Императора Николая I:

15 февраля 1827 года повелѣно брать въ казенное вѣдомство всѣхъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ, за залогомъ или продажею помѣщиками ихъ земли, будетъ оставаться для прокормленія себя менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу.

14 іюля 1827 года воспрещено помѣщикамъ отдавать, по заключаемымъ отъ своего лица условіямъ, крестьянъ своихъ въ горнозаводскія работы.

Digitized by Google

10 января 1828 года повелѣно: даровать свободу крестьянамъ, отдаваемымъ помѣщиками къ разночинцамъ въ услуженіе безъ письменныхъ видовъ.

2 апрѣля 1842 года предоставлено помѣщикамъ заключать съ крестьянами договоры на отдачу имъ участковъ земли въ пользованіе, на опредѣленныхъ по обоюдному согласію условіяхъ, съ принятіемъ крестьянами, заключившими договоръ, названія *обязанныхъ крестьянъ*.

Правило это мало имѣло успѣха, тамъ какъ, сколько извѣстно, только три владѣльца перевели своихъ крестьянъ, по договору съ ними, въ сословіе обязанныхъ. Слабый успѣхъ этой мѣры можно объяснить тѣмъ, что съ одной стороны, помѣщики должны были бы, по этимъ правиламъ, добровольно отречься отъ предоставленной имъ надъ крестьянами власти, а съ другой стороны они не видѣли достаточной гарантіи въ исправномъ исполненіи крестьянами условленныхъ повинностей.

29 декабря 1842 года воспрещено помѣщикамъ, которыхъ имѣнія, за жестокое обращеніе съ крестьянами, состоятъ подъ опекою, держать при себѣ въ услуженіи крѣпостныхъ дворовыхъ людей своихъ.

29 ноября 1842 года, воспрещено пріобрѣтеніе крѣпостныхъ людей безъ земли, съ припискою ихъ къ недвижимымъ имѣніямъ, населеннымъ лицами не крѣпостнаго состоянія.

8 ноября 1847 года крестьянамъ имѣній, продающихся съ публичнаго торга за долги, предоставлено право выкупать себя съ землею. Они въ такомъ случаѣ должны были поступать въ званіе государственныхъ крестьянъ, съ правами собственности на землю.

Но постановленіе это было въ 1849 году отмѣнено и замѣнено новыми правилами объ описи и продажѣ недвижимыхъ имѣній.

Такимъ образомъ, хотя до начала минувшаго 1857 года правительство не принимало еще никакихъ общихъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устройству на прочныхъ основаніяхъ крестьянскаго быта въ Великороссійскихъ губерніяхъ,—однако, во многихъ отдѣльныхъ постановленіяхъ высказывалось стремленіе къ улучшенію положенія крестьянъ и къ обезпеченію ихъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, противъ произвола и злоупотребленій владѣльцевъ. Но всѣ эти разновременныя постановленія были, большею частію, вызваны, каждое особымъ какимъ либо обстоятельствомъ или случаемъ, обратившимъ на себя вниманіе правительства, и не представляли еще въ общей сложности полной и послѣдовательной системы законодательныхъ мѣръ.

3 января 1857 года Государь Императоръ Высочайше соизволилъ учредить въ непосредственномъ Своемъ вѣдѣніи и подъ Своимъ предсѣдательствомъ особый Комитетъ, для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи.

Въ составъ этого Комитета Его Императорское Величество изволилъ назначить: предсѣдателя Государственнаго Совѣта генералъ-адъютанта князя Орлова,—съ тѣмъ, чтобы онъ заступалъ мѣсто предсѣдателя тогда, когда Его Императорское Величество не изволитъ предсѣдательствовать въ ономъ,—и членовъ Государственнаго Совѣта: Его Императорское Высочество Государя Великаго Князя Константина Николаевича, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Блудова, генералъ-адъютанта графа Адлерберга, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: князя Гагарина, Ланскаго, барона Корфа и графа Палена, генералъ-адъютан-

Digitized by Google

товъ: князя Долгорукова и Чевкина, генерала отъ инфантеріи Муравьева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Брока и генералъ-адъютанта Ростовцева.

Производство дѣлъ по Комитету Государь Императоръ изволилъ возложить на Государственную Канцелярію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря, тайнаго совѣтника Буткова, назначивъ ему въ помощь по сему дѣлу исправляющаго должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго.

Существованіе этого Комитета было обнародовано лишь въ февралѣ настоящаго года, при наименованіи онаго *„Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу“*.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія Комитета по крестьянскому дѣлу поступило, со стороны Комитетовъ, учрежденныхъ въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, для пересмотра существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ, ходатайство объ уничтоженіи въ тѣхъ губерніяхъ крѣпостнаго состоянія.

Вслѣдстіе такого ходатайства, послѣдовалъ 20 ноября 1857 года именной Высочайшій рескриптъ, на имя Виленскаго военнаго, Гродненскаго и Ковенскаго генералъ-губернатора, слѣдующаго содержанія:

Высочайшій рескриптъ Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генералъ-губернатору.

Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые Комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

Нынѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ довелъ до Моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими Комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ 3-хъ губерній.

Одобряя вполнѣ намѣренія сихъ представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія Моимъ видамъ и желаніямъ, Я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проэктовъ, на основаніи коихъ предположенія Комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю:

1. Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному Комитету, а потомъ для всѣхъ 3-хъ губерній вмѣстѣ одну общую Коммиссію въ г. Вильнѣ.

2. Каждому Губернскому Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальника оной, и

3. Общей Коммиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ 3-хъ Губернскихъ Комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію; и в) одного члена отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Предсѣдателемъ Коммиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству

Губернскіе Комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проэкта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ

Digitized by Google

оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ 3-хъ означенныхъ губерній предоставляется Губернскимъ Комитетамъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ Комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую Коммиссію. Коммиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія Губернскихъ Комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проэктъ общаго для всѣхъ 3-хъ губерній Положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, Я предоставляю вамъ дать какъ Губернскимъ Комптетамъ сихъ 3-хъ губерній, такъ и общей Коммиссіи нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею Коммиссіею проэктъ вы имѣете съ своимъ мнѣніемъ препроводить къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ Мною началахъ, Я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ
20 ноября 1857.

Вслѣдъ за тѣмъ дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ, почему 5 декабря 1857 года послѣдовалъ на имя С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

Высочайшій рескриптъ, данный 5 декабря 1857 г., въ С.-Петербургѣ, на имя С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

Дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ.

Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, Я предоставляю дворянскому сословію С.-Петербург-

Digitized by Google

ской губерніи приступить къ составленію проэкта Положенія, на основаніи коего подобныя похвальныя намѣренія могутъ быть приведены въ исполненіе, соотвѣтственно Моимъ видамъ и желаніямъ, впрочемъ не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю открыть теперь же въ С.-Петербургской губерніи особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ С.-Петербургской же губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ С.-Петербургской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется Комитету. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить Комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по С.-Петербургской губерніи, Я предоставляю вамъ дать Комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный Комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ С.-Петербургской губерніи изъятіями, или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству С.-Петербургской губерніи средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною твердыхъ началахъ, Я увѣренъ, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вамъ предоставляется строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ навсегда благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Въ дополненіе къ сему рескрипту, министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, по Высочайшему повелѣнію, нѣкоторыя указанія и свои соображенія, по предмету предстоящаго Дворянскому Комитету труда, изложенныя въ отношеніи его отъ 5 декабря за № 41-мъ, слѣдующаго содержанія:

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору сообщенные мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ составленные дворянами Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ проэкты положеній для помѣщичьихъ крестьянъ и предначертанія по

Digitized by Google

тому же предмету собранія предводителей и депутатовъ дворянства всей С.-Петербургской губерніи.

Его Величество, узнавъ съ особымъ удовольствіемъ о благородномъ стремленіи сословія С.-Петербургскихъ дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ, Высочайшимъ рескриптомъ, Вамъ даннымъ, изволилъ Всемилостивѣйше разрѣшить Дворянству, посредствомъ особо учреждаемаго Комитета, приступить къ составленію проэкта надлежащаго по сему предмету Положенія, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ занятій Комитета, такъ и главныя основанія самаго положенія.

Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ рескриптѣ относительно состава и порядка дѣйствій учреждаемаго по настоящему предмету въ С.-Петербургской губерніи Комитета, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть:

1. При выборѣ членовъ въ этотъ Комитетъ отъ каждаго уѣзда, предоставить дворянамъ, если пожелаютъ, выбрать и уѣзднаго предводителя дворянства.

2. Вмѣнить въ обязанность дворянамъ, при выборѣ сихъ членовъ, избирать для каждаго уѣзда одного кандидата, который могъ бы заступать въ Комитетѣ мѣсто того члена уѣзда, который будетъ въ отсутствіи.

3. Членовъ и кандидатовъ, избираемыхъ дворянствомъ, утверждать Вашему Превосходительству.

4. Дозволить Комитету, приглашать, съ Вашего разрѣшенія, въ свои засѣданія, для необходимыхъ совѣщаній, тѣхъ помѣщиковъ С.-Петербургской губерніи, кои могутъ доставить Комитету полезныя для него свѣдѣнія и объясненія.

5. Предоставить дворянству, если оно признаетъ нужнымъ, производить изъ своихъ суммъ пособіе членамъ, имъ избраннымъ, а также издержки на разныя по Комитету надобности.

6. Комитету о ходѣ своихъ работъ постоянно доводить до свѣдѣнія Вашего Превосходительства; въ случаѣ указаній Вашихъ, Комитетъ можетъ, не стѣсняясь прежними своими положеніями, пересматривать оныя вновь.

7. Комитету кончить порученную ему работу въ 6-ти мѣсячный срокъ со дня его открытія. и—

8. Комитету въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ ограничиваться тѣми предметами, кои предоставлены его разсмотрѣнію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить Вашему Превосходительству мои соображенія, могущія служить пособіемъ означенному Комитету при его занятіяхъ.

Въ исполненіе такой Высочайшей воли, сообразивъ подробно всѣ предметы, до настоящаго дѣла относящіеся, я нахожу, что Комитету, учреждаемому въ С.-Петербургской губерніи для составленія проэкта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, необходимо при этой работѣ имѣть въ виду и разсмотрѣть въ подробности, примѣнивъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, слѣдующія правила и предположенія.

I. Будущее, на основаніяхъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ изложенныхъ, устройство сословія помѣщичьихъ крестьянъ должно быть приведено въ дѣйствіе не вдругъ, а постепенно. Для этого крестьяне должны быть сначала въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки землѣ; а потомъ, уже въ окончательномъ, когда Правительство разрѣшитъ имъ выходъ изъ одной мѣстности въ другую съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ по усмотрѣнію Комитета, не свыше 12-ти лѣтъ.

II. На основаніи началъ, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость, пріобрѣтаемая ими въ [illegible] срока въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того [illegible] крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для [illegible] ихъ обязанностей предъ Правительствомъ [illegible] они

Digitized by Google

или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику. При подробномъ развитіи и примѣненіи сихъ основаній необходимо принять къ соображенію слѣдующее:

1. Подъ усадебною осѣдлостью или крестьянскою усадьбою слѣдуетъ разумѣть жилыя хозяйственныя строенія съ землею подъ оными и огородомъ.

2. Права состоянія крестьянъ по окончательномъ ихъ устройствѣ (кромѣ права выхода въ другія мѣстности, которое въ свое время будетъ опредѣлено особымъ распоряженіемъ Правительства) и право собственности на усадьбу пріобрѣтается или цѣлымъ міромъ, или крестьянскими семействами отдѣльно, не иначе, какъ уплатою, въ томъ и другомъ случаѣ, владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока. При выкупѣ міромъ, усадебные участки остаются въ постоянномъ и исключительномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, къ тому міру принадлежащихъ. При отдѣльномъ выкупѣ крестьянскими семействами, семейства сіи, съ выкупленною усадьбою, остаются въ составѣ міра и подчиняются условіямъ мірскаго устройства и управленія.

3 Означенная уплата можетъ быть произведена или деньгами. или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать помѣщику за землю, отводимыя имъ, на основаніи п. 4 сей статьи, въ пользованіе, и за иныя, предоставляемыя помѣщикомъ въ пользу крестьянъ, по его усмотрѣнію, угодья или мѣстныя выгоды.

4. Изъ остальной земли, за отдѣленіемъ усадебной, предоставляется надлежащее по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ, количество земли въ пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ. За пользованіе сею землею крестьяне обязаны или отбывать для помѣщика натуральныя повинности и работы, или же платить помѣщику оброкъ деньгами или произведеніями.

5. Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра, и обмѣнъ ея или части оной, съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ, не можетъ быть допущенъ иначе, какъ по соглашенію съ міромъ и съ утвержденія тѣхъ особыхъ по уѣздамъ Присутствій, кои будутъ учреждены на основаніи новаго положенія.

6. Размѣръ выкупа по 2 п. сей статьи опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ.

7. На этомъ же основаніи установляется и размѣръ оброка и повинностей натуральныхъ за отводимую, по 4 п. сей же статьи, въ пользованіе крестьянъ землю.

8. Выкупъ можетъ возлагаться платежемъ погодно на все время переходнаго состоянія.

9. Не нарушая существующаго мірскаго устройства, слѣдуетъ сохранить каждому семейству право на надѣлъ въ его пользованіе землею, стараясь не допускать частаго передѣла и дробленія полей.

10. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сохранить и опредѣлить: права главы семейства крестьянской, права наслѣдства относительно усадьбъ и условія, при которыхъ допускается раздѣлъ семей.

11. Натуральныя повинности и работы отправляются по особымъ урочнымъ положеніямъ, кои должны быть составлены Комитетомъ на основаніяхъ, сколь возможно простыхъ и несложныхъ.

и 12. Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, крестьянинъ обращается на работы натурою. Независимо отъ сего должны быть опредѣлены, съ надлежащей подробностію, мѣры, обезпечивающія исправное исполненіе крестьянами какъ денежныхъ, такъ и прочихъ повинностей помѣщику.

III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распредѣлены на мірскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ и составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть учреждены особыя, въ каждомъ уѣздѣ, Присутствія.

Digitized by Google

V. По утвержденіи новаго положенія и по введеніи онаго въ дѣйствіе:

1. Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно переселеніе крестьянъ, противъ воли ихъ, въ другія имѣнія и обращеніе въ дворовые, должны быть прекращены; а съ другой стороны крестьянамъ, въ продолженіе переходнаго состоянія, не можетъ быть дозволено оставлять имѣніе безъ согласія міра и безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ коего они водворены.

и 2. Предоставляется помѣщикамъ право, во все время переходнаго состоянія, нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ сдавать въ рекруты или отдавать въ распоряженіе Правительства для переселенія въ другія губерніи, но не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ Присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія.

и VI. Въ проэктѣ, который будетъ составленъ Комитетомъ, должны быть опредѣлены и указаны:

1. Правила отправленія крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрутъ должна быть предоставлена мірскимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщиковъ.

2. Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей.

Для сего было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запашекъ и мірскихъ капиталовъ

3. Мѣры, необходимыя: для утвержденія между крестьянами правилъ вѣры и нравственности, для распространенія между ними грамотности, полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ.

Сообщая о всемъ этомъ Вашему Превосходительству, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, всѣ изложенныя выше соображенія мои передать въ свое время учреждаемому въ С.-Петербургской губерніи Комитету. Если Комитетъ, по мѣстнымъ соображеніямъ, признаетъ неудобнымъ принять которыя либо изъ сихъ соображеній, то я просилъ бы Ваше Превосходительство, поручить ему. въ окончательномъ его мнѣніи, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *С. Ланской*

Скрѣпилъ Товарищъ Министра *С. Левшинъ.*

Такимъ образомъ положено было начало великаго дѣла прекращенія личнаго крѣпостнаго права на помѣщичьихъ крестьянъ.

На основаніи Высочайшихъ рескриптовъ, указаны дворянству главныя непреложныя начала, на которыхъ должны совершиться преобразованія въ настоящемъ устройствѣ крестьянскаго сословія; развитіе же началъ этихъ и примѣненіе ихъ къ различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ предоставлено Дворянскимъ Комитетамъ, составленнымъ изъ помѣщиковъ, людей вполнѣ знакомыхъ съ потребностями своего края. Эта система обезпечиваетъ: съ одной стороны справедливость и необходимое единство въ составляемыхъ для разныхъ губерній Положеніяхъ, а съ другой—полноту и удобопримѣнимость сихъ положеній.

Нечего говорить о превосходствѣ такого способа составленія проэктовъ положеній, передъ способомъ кабинетнымъ, когда важный трудъ этотъ поручается чиновникамъ, часто не довольно знакомымъ съ мѣстными потребностями; дворянство, конечно, сознаетъ и безъ сомнѣнія оправдаетъ оказанное ему Государемъ Императоромъ высокое довѣріе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, необходимо было правительству указать дворянству нѣкоторыя общія для всѣхъ мѣстностей начала. Иначе въ различныхъ направленіяхъ, въ противоположныхъ системахъ, какія могли бы быть приняты разными комитетами, произошла бы пестрота, возникли бы противорѣчія, недопустимыя въ подобномъ дѣлѣ. Наконецъ, въ каждомъ отдѣльномъ комитетѣ явились [illegible], несовмѣстныя другъ съ другомъ, предположенія, и трудно бы[illegible]комитетовъ единогласнаго разрѣшенія вопроса.

Digitized by Google

Начала, указанныя дворянству, заключаются въ слѣдующихъ выраженіяхъ Высочайшихъ рескриптовъ:

„Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику".

Постановленіемъ этимъ,—заключающимъ въ себѣ коренное начало всей системы предстоящихъ мѣръ и законоположеній по предмету устройства крестьянскаго сословія,—помѣщики обезпечены въ настоящее время въ полученіи съ земли своей доходовъ, а крестьяне обезпечены въ средствахъ къ существованію, предоставленными имъ: правомъ пользованія землей за извѣстныя повинности и правомъ выкупа своихъ усадебъ.

Впослѣдствіи сами помѣщики найдутъ, быть можетъ, болѣе удобнымъ предоставить крестьянамъ выкупить въ собственность всю отведенную имъ въ пользованіе землю. Со временемъ и крестьянамъ легче будетъ накопить средства къ такому выкупу, и явится возможность содѣйствовать этому дѣлу устройствомъ кредитныхъ учрежденій, на подобіе лифляндскаго крестьянскаго банка. Дворяне, сохранивъ въ полномъ распоряженіи своемъ свои господскія земли, съ помощью выкупнаго капитала введутъ въ хозяйства свои необходимыя улучшенія и съ выгодою замѣнятъ барщину вольнонаемнымъ трудомъ. Крестьяне, владѣя собственными участками, плоды улучшенія которыхъ будутъ вполнѣ принадлежать имъ и ихъ потомству, станутъ охотно заниматься земледѣліемъ и вводить у себя мало по малу тѣ хозяйственныя усовершенствованія, которыя они увидятъ у сосѣдей-помѣщиковъ. Все это, должно надѣяться, поведетъ къ быстрому развитію народнаго богатства.

Теперь остается только желать, чтобы указанныя правительствомъ начала были правильно развиты и примѣнены дворянствомъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Примѣру губерній западныхъ и С.-Петербургской вскорѣ послѣдовала Нижегородская губернія, дворянство которой представило Государю Императору, составленное 17 декабря 1857 года и подписанное 128 дворянами, постановленіе слѣдующаго содержанія:

1857 года декабря 17 дня, дворянство Нижегородской губерніи въ Губернскомъ Собраніи своемъ, по выслушаніи Высочайшихъ рескриптовъ, данныхъ Виленскому военному, Ковенскому и Гродненскому генералъ-губернатору и С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С.-Петербургской, съ благоговѣніемъ и глубокою признательностію усмотрѣло изъ нихъ то высокое довѣріе, которое Государь Императоръ изволилъ оказать дворянству тѣхъ губерній. Всегда стремясь содѣйствовать высокимъ и благимъ предначертаніямъ возлюбленнаго своего Монарха, дворянство Нижегородской губерніи изъявило единодушное желаніе: принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать.

Digitized by Google

21 декабря 1857 года послѣдовалъ на имя Нижегородскаго военнаго губернатора Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

Дворянство Нижегородской губерніи, въ общемъ, бывшемъ по случаю выборовъ, собраніи, изъявило единодушно желаніе, устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ на основаніяхъ, кои будутъ ему указаны.

Поручаю вамъ объявить сему благородному сословію Мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности Нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній Правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности изъявленіемъ усерднаго желанія способствовать зависящими отъ него средствами успѣху предпринимаемаго нынѣ важнаго и, какъ можно при благословеніи Всевышняго надѣяться, равно полезнаго для всѣхъ въ государствѣ состояній дѣла.

Согласно съ желаніемъ дворянства Нижегородской губерніи, Я разрѣшаю ему приступить къ составленію проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ сей губерніи. Предположенія его по сему предмету должны быть приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства имѣній помѣщичьихъ.

Для сего повелѣваю открыть нынѣ же въ Нижнемъ Новгородѣ особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды своей дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ Нижегородской губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Нижегородской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкуна; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется Комитету. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить Комитету пособіемъ при ихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Нижегородской губерніи, Я предоставляю вамъ дать Комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный Комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Нижегородской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Нижегородской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Digitized by Google

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.
На подлинномъ Собственною Его Императорскаго
Величества рукою написано:

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.
24 декабря 1857 г.

24 декабря послѣдовало на имя Нижегородскаго военнаго губернатора отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, за № 4, слѣдующаго содержанія:

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять Государю Императору отношеніе Вашего Превосходительства отъ 18 декабря и доставленное при ономъ постановленіе Губернскаго Собранія дворянъ Нижегородской губерніи, въ коемъ дворяне, на бывшихъ нынѣ выборахъ выслушавъ Высочайшіе рескрипты, данные 20 декабря Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генералъ-губернатору, и 5 декабря С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С. Петербургской, и видя въ оныхъ знакъ того высокаго довѣрія, которое Его Величество изволилъ доказать дворянству сихъ 4 губерній, единодушно опредѣлили: принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно было указать.

Государь Императоръ, прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ сіе постановленіе дворянства Нижегородской губерніи. Высочайшимъ рескриптомъ, на имя Ваше даннымъ, изволилъ Всемилостивѣйше разрѣшить дворянству—приступить, посредствомъ особо учреждаемаго Комитета, къ составленію проэкта надлежащаго по сему важному предмету Положенія, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ занятій Комитета, такъ и главныя основанія самаго Положенія.

Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ семъ рескриптѣ, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть:

1. Постановленія, заключающіяся въ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ въ отношеніи моемъ, отъ 5 декабря, за № 41, С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, относительно выбора въ Комитетъ членовъ и кандидатовъ, приглашенія въ засѣданія онаго опытныхъ помѣщиковъ, производства расходовъ, наблюденія за ходомъ работъ, срока занятій и вообще дѣйствій Комитета, распространить вполнѣ и на учреждаемый въ Нижегородской губерніи Комитетъ, съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по С.-Петербургскому Комитету утвержденіе и разрѣшеніе предоставляется военному генералъ-губернатору, по Нижегородской губерніи оно было предоставлено Вашему Превосходительству; и

2. По различію мѣстныхъ обстоятельствъ и потребностей разныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, промысловъ и занятій жителей оныхъ предоставить дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ Губернскій Комитетъ, имѣть предварительныя о сихъ обстоятельствахъ и потребностяхъ совѣщанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить Вамъ мои соображенія, могущія служить пособіемъ означенному Комитету при его занятіяхъ. Какъ сіи соображенія уже изложены въ извѣстномъ Вашему Превосходительству отношеніи моемъ къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору отъ 5 декабря, № 11, то я покорнѣйше прошу Васъ предложить ихъ въ свое время на обсужденіе учреждаемаго въ Нижегородской губерніи Комитета. Если онъ, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаетъ неудобнымъ принять которыя-либо изъ сихъ соображеній, то я просилъ бы Ваше Превосходительство поручить ему, въ окончательномъ его мнѣніи объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. Ланской.

Скрѣпилъ: Товарищъ Министра А. Левшинъ.

Digitized by Google

Послѣ того, по ходатайству другихъ 31-й губерній, послѣдовали Высочайшіе рескрипты, разрѣшавшіе открытіе въ этихъ губерніяхъ комитетовъ изъ дворянъ, для составленія проэктовъ Положеній объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія указаны были въ приведенныхъ выше рескриптахъ.

Какъ всѣ рескрипты и сопровождавшіе оные отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ сходны, по содержанію своему, съ приведенными выше, то мы ограничимся перечисленіемъ ихъ, съ указаніемъ времени ихъ подписанія и частныхъ различій въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, а также времени, когда состоялось постановленіе дворянства, коимъ исходатайствовано было разрѣшеніе на открытіе комитета, и числа подписавшихъ постановленія эти дворянъ,—по тѣмъ губерніямъ, по коимъ адресы дворянъ и подписи ихъ были публикованы въ газетахъ.

Постановленіе *Московскаго* дворянства состоялось 7 января 1858 года; дворянъ же, изъявившихъ желаніе упрочить бытъ своихъ крестьянъ, было 514. Высочайшій рескриптъ на имя Московскаго военнаго генералъ-губернатора послѣдовалъ 16 января, а дополнительное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ 17 января 1858 года.

Здѣсь, чтобы не нарушить хронологическаго порядка изложенія правительственныхъ дѣйствій, по предмету устройства крестьянскаго быта, необходимо прервать исчисленіе Высочайшихъ рескриптовъ объ открытіи комитетовъ, чтобы помѣстить, въ подлинникѣ, дополнительное къ прежнему отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому генералъ-губернатору отъ 17 февраля за № 104:

Вмѣстѣ съ Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя Вашего Превосходительства, 5 декабря 1857 г., препровождено къ Вамъ и отношеніе мое отъ того же числа, за № 41.

Государь Императоръ, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ желаніе дворянства Санктпетербургской губерніи приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, соизволилъ явить Свое высокое довѣріе къ благородному стремленію сего сословія, предоставивъ самимъ дворянамъ развить и примѣнить къ различнымъ мѣстностямъ губерніи главныя основанія, въ Высочайшемъ рескриптѣ Его Величества указанныя.

Посему и соображенія, сообщенныя Вашему Превосходительству въ означенномъ моемъ къ Вамъ отношеніи, заключаются лишь въ общихъ чертахъ, дабы подробною программою не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній Губернскаго Комитета.

Нынѣ, нѣкоторые изъ Дворянскихъ Комитетовъ, составленныхъ въ губерніяхъ, изъявившихъ желаніе приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, встрѣчаютъ, какъ мнѣ извѣстно, затрудненія въ своихъ сужденіяхъ, не находя въ отношеніяхъ моихъ къ Вашему Превосходительству и другимъ генералъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній подробнаго разрѣшенія всѣхъ представляющихся имъ вопросовъ: и потому я счелъ нужнымъ присовокупить и сообщить Вашему Превосходительству нѣкоторыя къ симъ отношеніямъ изъясненія.

Прежде всего я здѣсь долженъ повторить, что въ отношеніяхъ моихъ, какъ въ прежнихъ, такъ и въ настоящихъ, не надобно искать подробной для сужденій Комитета программы. Мысли и предположенія мои не должны быть почитаемы какъ бы предрѣшеніемъ предлежащихъ вопросовъ: ихъ слѣдуетъ принимать только за указанія на нѣкоторые существенные вопросы, предстоящіе обсужденію Комитетовъ. Развитіе сихъ вопросовъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлены Высочайшимъ рескриптомъ самому дворянству, безъ стѣсненія тѣми, такъ сказать, совѣтами, изложены въ моихъ отношеніяхъ. О такомъ значеніи моихъ предварительныхъ

Digitized by Google

ній, ясно упомянуто мною и въ первомъ моемъ къ Вамъ отношеніи за № 14, въ коемъ я сказалъ, что если Губернскій Комитетъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаетъ которыя-либо изъ сихъ соображеній неудобными, то можетъ не принять ихъ, объяснивъ только причины, препятствующія ихъ принятію.

Предположенія о способѣ рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ устройству быта крестьянъ, будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній Комитета. Неизмѣнными и неприкосновенными должны остаться лишь главныя начала сего устройства, въ Высочайшемъ рескриптѣ указанныя.

Въ сихъ началахъ, т. е. *въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей*, заключается то незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться и утвердиться предначинаемое великое дѣло

Только въ совокупномъ исполненіи сихъ основныхъ условій Россія будетъ имѣть залогъ и спокойствія и довольства всѣхъ и каждаго, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Указанныя Государемъ Императоромъ начала, неизмѣняемыя въ своей сущности, могутъ и должны подлежать дальнѣйшему развитію въ подробностяхъ и особенно при примѣненіи ихъ къ различнымъ мѣстностямъ, и сіе именно развитіе основныхъ положеній, по силѣ Высочайшаго рескрипта, на имя Ваше даннаго, поручается Губернскому Комитету.

Имѣя въ виду, что дѣйствія Комитетовъ уже начинаются, я счелъ долгомъ, какъ сказалъ выше, присоединить къ прежнимъ моимъ соображеніямъ еще нѣкоторыя указанія на вопросы, подлежащіе обсужденію Комитета:

1. *Выкупъ усадебъ*. Онъ можетъ быть совершенъ различными способами, сообразно съ мѣстными средствами и потребностями. Если при всѣхъ льготахъ, которыя помѣщики стремясь къ улучшенію быта своихъ крестьянъ, не преминутъ, конечно, имъ предоставить, выкупъ сей не успѣлъ бы совершиться въ теченіе переходнаго времени, то срокъ выкупа можетъ быть продолженъ, хотя срокъ вообще переходнаго періода и не долженъ ни въ какомъ случаѣ превышать двѣнадцати лѣтъ. Долговыя обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими всѣхъ личныхъ правъ, съ тѣмъ только, что до окончательнаго за усадьбы платежа крестьяне сіи не будутъ полными ихъ владѣльцами.

2. Относительно владѣнія усадьбами можетъ быть постановлено, что выкупленныя крестьянами усадьбы должны переходить, по наслѣдству ли, или по даренію, или чрезъ продажу, только къ члену того же крестьянскаго мірскаго общества, или къ лицу, въ то общество принимаемому.

3. Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ на другія въ томъ же имѣніи мѣста можетъ быть допускаемо, но не иначе, какъ съ обоюднаго согласія помѣщика и крестьянъ и утвержденія особаго мѣстнаго присутствія.

4. Въ отношеніи отводимыхъ въ пользованіе крестьянскаго мірскаго общества полей и другихъ условій, замѣнъ оныхъ и всякія въ томъ перемѣны, сообразно потребностямъ обоюднаго хозяйства помѣщика и сельскаго общества, могутъ быть дозволены по взаимному ихъ соглашенію; недоумѣнія, могущія при семъ возникнуть, разрѣшаются такъ же вышеозначеннымъ мѣстнымъ присутствіемъ.

Однимъ словомъ, принявъ за основаніе начала, Высочайшею волею указанныя, крестьянству предлежитъ изыскать наиболѣе простые и удобные въ примѣненіи ихъ способы, дабы переходъ крестьянъ къ окончательному устройству ихъ быта совершился въ теченіе опредѣленнаго времени постепенно и правильно, съ соблюденіемъ справедливости и обоюдныхъ пользъ.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *С. Ланской.*

(Такія же отношенія написаны отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Московскому военному генералъ-губернатору, къ Виленскому генералъ-губернатору и къ Нижегородскому военному губернатору).

Digitized by Google

9 марта сего года послѣдовали Высочайшіе рескрипты на имя Кіевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора (объ открытіи комитетовъ въ *Кіевской, Подольской* и *Волынской* губерніяхъ); на имя Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора (объ открытіи комитета въ одной *Самарской* губерніи); и на имя начальниковъ *Симбирской* и *Саратовской* губерній, объ открытіи въ обѣихъ этихъ губерніяхъ комитетовъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ Кіевскому генералъ-губернатору, установленъ, для учрежденія комитетовъ, порядокъ, подобный тому, какой указанъ для западныхъ губерній, т. е. повелѣно учредить сперва въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской по одному приготовительному комитету, а потомъ, для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ, одну общую коммиссію въ Кіевѣ; составъ же комитетовъ и указанныя имъ начала тѣ же, какъ и въ другихъ губерніяхъ. Но въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ Кіевскому военному генералъ-губернатору соображенія, сообщенныя имъ другимъ губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ, дополнены объясненіемъ, что въ Кіевскомъ Генералъ-Губернаторствѣ, при опредѣленіи повинностей крестьянъ, необходимо принять въ основаніе инвентарныя правила, и нѣкоторыми указаніями на порядокъ выкупа крестьянами усадебъ, основанными на приведенномъ выше отношеніи отъ 17-го февраля.

Въ Самарской губерніи учрежденъ одинъ комитетъ, безъ общей коммиссіи для Оренбургской и Самарской губерніи, но съ порученіемъ главнаго наблюденія за дѣйствіями комитета генералъ-губернатору, подобно тому какъ и по С.-Петербургской и Московской губерніямъ. Самыя же постановленія, которыми всѣ поименованныя губерніи ходатайствовали объ учрежденіи комитетовъ, публикованы не были.

16-го марта послѣдовали Высочайшіе рескрипты, разрѣшавшіе открытіе комитетовъ *въ Орловской и Тверской* губерніяхъ. Адресъ, которымъ Орловское дворянство хатайствовало о разрѣшеніи открыть комитетъ, для составленія проэкта Положенія о устройствѣ крестьянскаго быта, составленъ 1-го марта и подписанъ 970-ю дворянами. Постановленія же Тверскаго дворянства публиковано не было.

Послѣ того, по ходатайству дворянства, послѣдовали Высочайшіе рескрипты объ открытіи комитетовъ: 1-го апрѣля въ губерніяхъ *Новгородской, Казанской, Рязанской, Костромской* и *Астраханской;* 5-го апрѣля — въ губерніяхъ *Екатеринославской, Тамбовской, Полтавской, Харьковской и Пензенской;* 20-го апрѣля—въ губерніяхъ *Курской* и *Воронежской;* 3-мая—въ губерніяхъ *Могилевской, Тульской, Псковской, Витебской, Ярославской* и *Вологодской;* 10-мая—въ губерніяхъ *Херсонской* и *Таврической;* 18-го мая—въ губерніяхъ *Минской* и *Черниговской*. Ходатайство по сему предмету дворянства подписано: по Новгородской губерніи — 419-ю дворянами; по Рязанской губерніи — 799-ю дворянами; по Костромской губерніи—320-ю дворянами, и по Екатеринославской губерніи—341-мъ дворяниномъ. Въ Астраханской и Вологодской губерніяхъ, по малочисленности въ оныхъ помѣщиковъ, допущено нѣкоторое отступленіе отъ указаннаго прочимъ губерніямъ общаго порядка, въ отношеніи къ составу комитета; а именно: дозволено избрать въ комитеты по два члена, изъ тѣхъ только уѣздовъ, гдѣ болѣе помѣщичьихъ крестьянъ, а губернатору предоставлено назначить въ члены комитета одного лишь помѣщика вмѣсто двухъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ въ настоящее время открытіе комитетовъ, для составленія проэктовъ Положеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, разрѣшено уже по тридцати шести губерніямъ.

Въ дополненіе къ изложенному выше, мы заимствуемъ изъ мартовской и апрѣльской книжекъ „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" свѣдѣнія объ открытіи и составѣ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ.

По сообщеніямъ, полученнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ Начальниковъ Губерній, Дворянскіе Губернскіе Комитеты по устройству крестьянскаго быта открыты въ 5 губерніяхъ: Санктпетербургской 14 января, Виленской и Нижегородской 19 февраля, день восшествія на престолъ Государя Императора, Гродненской—26 февраля и Ковенской 6 марта.

Комитеты Виленскій, Гродненскій и Ковенскій открыты генералъ-губернаторомъ лично, и тотчасъ по открытіи приступили къ составленію программъ предстоящихъ имъ занятій.

Нижегородскій военный губернаторъ сообщилъ объ открытіи Комитета нѣкотырыя подробности. Въ день открытія, по окончаніи божественной литургіи и молебствія въ Соборѣ, дворянство и чиновники отправились въ дворянскій домъ, гдѣ Преосвященный Антоній, отслуживъ молебенъ, обратился къ членамъ Комитета съ поучительнымъ словомъ. Послѣ сего, члены заняли свои мѣста, начальникъ губерніи открылъ Комитетъ рѣчью, въ которой онъ выставилъ всю важность ввѣреннаго Комитету дѣла и необходимость, искреннимъ стремленіемъ къ общему благу, оправдать довѣріе Государя и ожиданіе Россіи. Губернскій предводитель, капитанъ-лейтенантъ Болтинъ, отвѣчалъ отъ имени дворянства, выразивъ полное сочувствіе Нижегородскихъ дворянъ къ начатому великому дѣлу и искреннее общее стремленіе къ благополучному окончанію его. Первое засѣданіе Комитета было на другой день, 20 февраля. Послѣ вступительной рѣчи губернскаго предводителя, Комитетъ занялся распредѣленіемъ занитій и устройствомъ своей канцеляріи, и затѣмъ, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, перешелъ къ исполненію прямыхъ своихъ обязанностей—къ обсужденію предметовъ, относящихся до устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Виленскій военный, Гродненскій и Ковенскій генералъ-губернаторъ сообщаетъ отъ 21 февраля текущаго года, что въ члены Комитетовъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ и кандидатами ихъ онъ утвердилъ слѣдующихъ лицъ:

По Виленской губерніи.

Отъ Виленскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго секретаря Рудольфа Ясенскаго и кандидатомъ—титулярнаго совѣтника Станислава Сидоровича. Отъ Ошмянскаго уѣзда, членомъ—Ошмянскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ивана Любанскаго и кандидатомъ—коллежскаго ассесора Іосифа Снядецкаго. Отъ Вилейскаго уѣзда, членомъ—Вилейскаго уѣзднаго предводителя дворянства Мечислава Тукалло и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Александра Олендзскаго. Отъ Свенцянскаго уѣзда, членомъ—надворнаго совѣтника Ходзько и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Ксаверія Довгялло. Отъ Трокскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Станислава Ромера и кандидатомъ—отставнаго ротмистра Людвига Еленскаго. Отъ Дисненскаго уѣзда, членомъ—Александра Ширина и кандидатомъ—Кипріана Длужневскаго, и отъ Лидскаго уѣзда, членомъ—б. Лидскаго уѣзднаго судью Нарциза Жоравскаго и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Ѳому Шалевича, а также избранныхъ непосредственно начальникомъ губерніи, по Высочайше предоставленной ему власти, помѣщиковъ Виленской губерніи: статскаго совѣтника Гелинга и помѣщика Вилейскаго уѣзда Константина Гевлича.

По Гродненской губерніи.

Отъ Гродненскаго уѣзда, членомъ—отставнаго поручика Антона Глязера и кандидатомъ—коллежскаго ассесора Франца Богатко. Отъ Сокольскаго уѣзда, членомъ кол-

Digitized by Google

лежскаго регистратора Станислава Карвовскаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Владислава Терпиловскаго. Отъ Бѣлостокскаго уѣзда, членомъ—уѣзднаго предводителя дворянства Якова Саковича и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Северина Михаловскаго. Отъ Бѣльскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Ришарда Дашкевича и кандидатомъ Мартина Заводскаго. Отъ Брестскаго уѣзда, членомъ—уѣзднаго предводителя дворянства Павла Ягмина и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Константина Карловича. Отъ Пружанскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго регистратора Александра Осуховскаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Северина Морачевскаго. Отъ Слонимскаго уѣзда, членомъ—отставнаго подпоручика Вандалина Пусловскаго и кандидатомъ—Флорентина Микульскаго. Отъ Волковыскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго ассесора Ѳаддея Сегеня и кандидатомъ—губернскаго секретаря Игнатія Ширму; отъ Кобринскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго секретаря Ивана Жука и кандидатомъ—отставнаго штабъ-ротмистра Болеслава Жука; а также избранныхъ непосредственно начальникомъ губерніи въ члены Комитета помѣщиковъ Гродненской губерніи: коллежскаго совѣтника Порошина и отставнаго полковника Липхарта.

По Ковенской губерніи.

Отъ Ковенскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго ассесора Клетія Бурбу и кандидатомъ—коллежскаго регистратора Якова Гейштора. Отъ Вилькомирскаго уѣзда, членомъ—надворнаго совѣтника Юліяна Помарнацкаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Медарда Кончу. Отъ Новоалександровскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Эдуарда Ромера и кандидатомъ—отставнаго поручика Франца Ледуховскаго. Отъ Поневѣжскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Карла Гротуза и кандидатомъ—барона Людвига Роппа. Отъ Россіенскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго регистратора Гедговда и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Ивана Гружевскаго. Отъ Шавельскаго уѣзда, членомъ—титулярнаго совѣтника Янчевскаго и кандидатомъ графа Карла Кейзерлинга. Отъ Тельшевскаго уѣзда, членомъ—титулярнаго совѣтника Клеофаса Дымшу и кандидатомъ—отставнаго штабсъ-ротмистра Тита Гадона; а также избранныхъ начальникомъ губерніи въ члены Комитета помѣщиковъ Ковенской губерніи: дѣйствительнаго статскаго совѣтника камергера князя Иринея Огинскаго и коллежскаго ассесора Феликса Сесицкаго.

Для составленія проэкта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, избраны со стороны С.-Петербургскаго дворянства:

Членами Комитета:

1. *С.-Петербургскаго уѣзда:* дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Корфъ, флигель-адъютантъ ротмистръ графъ Левашовъ. 2. *Шлиссельбургскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоглоковъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Безакъ. 3. *Ямбургскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства статскій совѣтникъ баронъ Врангель и сенаторъ тайный совѣтникъ Веймарнъ. 4. *Новоладожскаго уѣзда:* дѣйствит. ст. сов. Лихонинъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Савицкій. 5. *Лугскаго уѣзда:* сенаторъ тайный совѣтникъ Фишеръ *) и генералъ-майоръ Христовскій. 6. *Петергофскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства ротмистръ Зиновьевъ и коллежскій совѣтникъ баронъ Веліо. 7. *Царскосельскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства майоръ Платоновъ и сенаторъ тайный совѣтникъ Донауровъ. 8. *Гдовскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства полковникъ князь Дундуковъ-Корсаковъ и статскій совѣтникъ фонъ-Рейцъ. *Отъ военнаго генералъ-губернатора:* камеръ-юнкеръ статскій совѣтникъ фонъ-Лоде и флигель-адъютантъ полковникъ Шеншинъ.

*) По случаю отказа сенатора Фишера отъ званія члена, въ концѣ минувшаго февраля утвержденъ на его мѣсто С.-Петербургскимъ Военнымъ генералъ-губернаторомъ состоявшій по выбору кандидатомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимофеевъ.

Digitized by Google

Кандидатами:

1. *С.-Петербургскаго уѣзда:* генералъ-майоръ Ольхинъ. 2. *Шлиссельбургскаго уѣзда:* Л. Гв. Конно-Піонернаго эскадрона капитанъ Борщовъ. 3. *Ямбургскаго уѣзда:* коллежскій совѣтникъ Деппъ. 4. *Новоладожскаго уѣзда:* генералъ-майоръ Теляковскій. 5. *Лугскаго уѣзда:* дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимофеевъ. 6. *Петергофскаго уѣзда:* статскій совѣтникъ Пейкеръ. 7. *Царскосельскаго уѣзда:* дѣйствительный статскій совѣтникъ Кандалинцевъ. 8. *Гдовскаго уѣзда:* въ званіи камергера баронъ Фитингофъ.

Списки членовъ и кандидатовъ губернскихъ комитетовъ для составленія проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

МОСКОВСКАГО КОМИТЕТА.

I. Отъ Дворянства, по уѣздамъ:

1) *Московскому:* члены—полковникъ Николай Гавриловичъ Головинъ, надворный совѣтникъ Александръ Митрофановичъ Карепинъ; кандидатъ полковникъ Аполлонъ Петровичъ Щербачевъ. 2) *Коломенскому:* члены—подпоручикъ Яковъ Петровичъ Сеняковъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Ефремовъ; кандидатъ губернскій секретарь Николай Михайловичъ Осиповъ. 3) *Дмитровскому:* члены—чиновникъ 9 класса Николай Васильевичъ Пальчиковъ, штабсъ-капитанъ Василій Ивановичъ Даниловъ; кандидатъ коллежскій секретарь Иванъ Абрамовичъ Зубковъ. 4) *Волоколамскому:* члены—надворный совѣтникъ князь Борисъ Васильевичъ Мещерскій, статскій совѣтникъ Николай Павловичъ Шиповъ; кандидатъ полковникъ Иванъ Николаевичъ Гончаровъ. 5) *Можайскому:* члены—лейтенантъ Николай Александровичъ Замятинъ, коллежскій секретарь князь Петръ Дмитріевичъ Крапоткинъ; кандидатъ гвардіи капитанъ Николай Александровичъ Усовъ. 6) *Звенигородскому:* члены—статскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Ровинскій, штабсъ-капитанъ Владиміръ Сергѣевичъ Гвоздевъ; кандидатъ коллежскій совѣтникъ Дмитрій Андреевичъ Нероновъ. 7) *Серпуховскому:* члены—генералъ-адъютантъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ, коллежскій совѣтникъ Егоръ Васильевичъ Чельцовъ; кандидатъ коллежскій регистраторъ князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ. 8) *Рузскому:* члены—гвардіи поручикъ Алексѣй Алексѣевичъ Валицкій, титулярный совѣтникъ Андрей Ивановичъ Вейденгаммеръ; кандидатъ поручикъ Иванъ Владиміровичъ фонъ-Менгденъ. 9) *Верейскому:* члены—дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Булыгинъ, коллежскій секретарь Ѳедоръ Ѳодоровичъ Мосоловъ; кандидатъ коллежскій ассесоръ Александръ Христіановичъ Штейнъ. 10) *Клинскому:* члены—генералъ-адъютантъ князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Павловичъ фонъ-Визинъ; кандидатъ статскій совѣтникъ Сергѣй Сергѣевичъ Волковъ. 11) *Бронницкому:* члены—надворный совѣтникъ Павелъ Дорофеевичъ Максимовъ, статскій совѣтникъ Павелъ Матвѣевичъ Азанчевскій; кандидатъ коллежскій ассесоръ князь Алексѣй Алексѣевичъ Вяземскій. 12) *Подольскому:* члены—статскій совѣтникъ князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ, губернскій секретарь Михаилъ Александровичъ Поливановъ; кандидатъ коллежскій секретарь князь Василій Андреевичъ Оболенскій. 13) *Богородскому:* члены—коллежскій ассесоръ Викторъ Григорьевичъ Высоцкій, штабсъ-ротмистръ Василій Ивановичъ Можаровъ; кандидатъ коллежскій совѣтникъ князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ.

II. По назначенію военнаго генералъ-губернатора:

Члены: генералъ-адъютантъ князь Владиміръ Александровичъ Меньшиковъ 2, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Аполлоновичъ Волковъ.

НИЖЕГОРОДСКАГО КОМИТЕТА.

I. По назначенію начальника губерніи:

Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Христіановичъ Штевенъ, надворный совѣтникъ Геннадій Николаевичъ Нестеровъ.

Digitized by Google

II. Отъ дворянства по уѣздамъ:

1) *Нижегородскому.* Члены: штабсъ-капитанъ Алексѣй Павловичъ Козловъ, коллежскій ассесоръ Аполлонъ Николаевичъ Саламыковъ; кандидаты: коллежскій секретарь Алексѣй Рафаиловичъ Остафьевъ, Нижегородскій уѣздный предводитель дворянства, титулярный совѣтникъ Иванъ Александровичъ Анненковъ. 2) *Горбатовскому.* Члены: тайный совѣтникъ Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, коллежскій ассесоръ Петръ Дмитріевичъ Стремоуховъ, Горбатовскій уѣздный предводитель дворянства. Кандидатъ штабсъ-капитанъ Петръ Николаевичъ Вонлярлярскій. 3) *Арзамасскому.* Члены: майоръ Евграфъ Ивановичъ Лагода, Арзамасскій уѣздный судья, инженеръ-капитанъ Геннадій Николаевичъ Виноградовъ. Кандидаты: чиновникъ 14 класса Василій Николаевичъ Левашевъ, титулярный совѣтникъ Василій Ивановичъ Ульянинъ. 4) *Лукояновскому.* Члены: коллежскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Яшеровъ, титулярный совѣтникъ Николай Ивановичъ Русиновъ. Кандидатъ поручикъ Дмитрій Сергѣевичъ Сожалѣновъ. 5) *Сергачскому.* Члены: ротмистръ Петръ Алексѣевичъ Кондратьевъ, поручикъ Алексѣй Егоровичъ Крюковъ, Сергачскій уѣздный предводитель дворянства. Кандидатъ прапорщикъ Михаилъ Павловичъ Краснопольскій. 6) *Княгининскому.* Члены: статскій совѣтникъ князь Сергѣй Павловичъ Гагаринъ, Пензенскій вице-губернаторъ (въ отсутствіи), надворный совѣтникъ Александръ Антоновичъ Инсарскій, депутатъ дворянства по Княгининскому уѣзду. Кандидатъ ротмистръ Ипполитъ Аѳанасьевичъ Зыбинъ. 7) *Васильскому.* Члены: капитанъ-лейтенантъ Михаилъ Николаевичъ Сущовъ, Васильскій уѣздный предводитель дворянства, майоръ Аркадій Васильевичъ Демидовъ. Кандидатъ надворный совѣтникъ князь Андрей Петровичъ Чегодаевъ. 8) *Макарьевскому.* Члены: статскій совѣтникъ Владиміръ Андреевичъ Рудневъ, майоръ графъ Николай Сергѣевичъ Толстой (въ отсутствіи). Кандидатъ поручикъ Валерій Николаевичъ Левашевъ. 9) *Балахнинскому.* Члены: полковникъ Михаилъ Ивановичъ Гриневичъ, Балахнинскій уѣздный предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Яковъ Ивановичъ Пятовъ. Кандидатъ статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Голубевъ. 10) *Семеновскому.* Члены: коллежскій совѣтникъ Василій Евдокимовичъ Купріяновъ, коллежскій ассесоръ Валеріанъ Владиміровичъ Аристатовъ. Кандидатъ гвардіи ротмистръ Александръ Александровичъ Обрѣзковъ, Семеновскій уѣздный предводитель дворянства. 11) *Ардатовскому.* Члены: поручикъ Александръ Николаевичъ Карамзинъ, Ардатовскій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Ивановичъ Эйсманъ, кандидатъ гвардіи ротмистръ Александръ Сергѣевичъ Ланской.

III. Правитель дѣлъ канцеляріи Комитета, титулярный совѣтникъ Николай Никитичъ Жадовскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА.

Уволенъ по прошенію изъ числа членовъ Комитета сенаторъ тайный совѣтникъ Донауровъ, во вниманіе къ значительности его прямыхъ служебныхъ занятій,—и на мѣсто его утвержденъ членомъ Комитета состоявшій кандидатомъ отъ дворянъ Царскосельскаго уѣзда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кандалинцевъ.

Въ заключеніе, намъ остается указать на нѣкоторыя особыя распоряженія, послѣдовавшія въ послѣдніе два мѣсяца по дѣлу объ устройствѣ крестьянскаго быта.

По Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, отъ 4-го марта сего года, состоящій при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ центральный статистическій комитетъ раздѣленъ на два отдѣла: собственно статистическій и *земскій*, оба подъ предсѣдательствомъ товарища министра. Вѣдѣнію земскаго отдѣла подлежитъ предварительное обсужденіе и обработка всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи. Въ отдѣлѣ этомъ состоитъ непремѣнный членъ, завѣдующій всѣмъ ходомъ дѣлъ и перепи-

Digitized by Google

скою. Остальные члены назначаются министромъ Внутреннихъ Дѣлъ изъ лицъ служащихъ въ министерствѣ; директоры же департаментовъ министерства состоятъ, по званію своему, совѣщательными членами. Сверхъ того, могутъ быть приглашаемы въ земскій отдѣлъ статистическаго комитета, для совѣщаній, находящіеся въ столицѣ губернаторы, предводители дворянства, извѣстные ученые и помѣщики.

Въ напечатанномъ въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" циркулярѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 15-го апрѣля сего года за № 59, изъяснено Высочайше утвержденное положеніе главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу отъ 29-го марта, по коему правила, какія будутъ установлены для устройства крестьянскаго быта, должны быть распространены на майораты и заповѣдныя имѣнія, гдѣ крестьяне, такъ же какъ и въ другихъ имѣніяхъ, должны выкупить въ свою собственность усадебную осѣдлость.

По важности этого документа, перепечатываемъ его въ подлинникѣ:

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію составлена и въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу разсмотрѣна подробная программа занятій Губернскихъ Комитетовъ, учрежденныхъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Программа сія, по повелѣнію Его Императорскаго Величества, должна быть принята въ руководство Дворянскими Комитетами.

Программа занятій Губернскихъ Дворянскихъ Комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Первоначально обязанность, возложенная на Губернскіе Комитеты, заключается: 1) *въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ*, на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, и 2) *въ начертаніи общаго о семъ Положенія.*

По исполненіи сей обязанности, тѣ же Комитеты будутъ призваны къ приведенію въ дѣйствіе *Высочайше утвержденныхъ Положеній;* затѣмъ имъ же, но въ меньшемъ составѣ, будетъ поручено и *начертаніе проэкта Общаго Сельскаго Устава*, долженствующаго опредѣлить всѣ подробности быта крестьянъ по новому ихъ устройству.

По такому кругу дѣйствій Губернскихъ Комитетовъ, занятія ихъ раздѣляются существенно *на три* періода:

1) Опредѣленіе въ особомъ проэктѣ Положенія главныхъ началъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

2) Дѣйствительное исполненіе *по каждому имѣнію* сего Положенія, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія.

3) Начертаніе Сельскаго Устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или предоставленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для всѣхъ сихъ занятій предлагается слѣдующая общая программа:

Первый періодъ занятій: *изысканіе способовъ къ улучшенію быта крестьянъ и начертаніе проэкта Положенія.*

Занятія перваго періода раздѣляются на *предварительныя* и *окончательныя.*

Къ *предварительнымъ* занятіямъ относятся:

1) Собраніе свѣдѣній, и

2) Уѣздныя совѣщанія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковыя предназначены.

По выборѣ членовъ въ Губернскій Комитетъ порядкомъ, для сего предписаннымъ, губернскій предводитель дворянства, какъ предсѣдатель сего Комитета, составляетъ одну общую программу, по которой должны быть собраны свѣдѣнія о всѣхъ дворянскихъ имѣніяхъ. Программы эти, напечатанныя въ потребномъ числѣ экземпляровъ, разсылаются чрезъ уѣздныхъ предводителей во всѣ дворянскія имѣнія; а членамъ и канди-

Digitized by Google

датамъ Комитета поручается, каждому въ опредѣленномъ для него участкѣ, наблюсти, чтобы свѣдѣнія были составлены со всею вѣрностію и въ самый непродолжительный срокъ.

Мѣстныя обстоятельства каждой губерніи ближе всего укажутъ, какія именно свѣдѣнія будутъ нужны для работъ каждаго Губернскаго Комитета.

Въ общихъ видахъ полезно имѣть возможно близкія данныя по слѣдующимъ предметамъ:

1) Число душъ въ каждомъ имѣніи, по сказкамъ 10 народной переписи.

2) Раздѣленіе крестьянъ, относительно къ отправленію господскихъ повинностей, на тяглы и число тяголъ или работниковъ.

3) Усадебное устройство ихъ, число усадебъ, пространство земли подъ усадьбами.

4) Общее пространство земли въ каждомъ имѣніи: а) особо отмежеванныя земли, б) черезполосныя.

5) Распредѣленіе поземельныхъ угодій между помѣщиками и крестьянами.

6) Отношеніе общаго количества земли десятинами къ массѣ населенія по душамъ.

7) Отношеніе крестьянскаго надѣла десятинами къ массѣ населенія по тяглам или работникамъ.

8) Цѣнность усадебъ: строеній и земли.

9) Цѣнность поземельныхъ угодій разныхъ наименованій: а) ходячая цѣна; б) наемная плата съ десятины; в) стоимость обработки; г) средній валовой доходъ съ десятины

10) Промышленность крестьянъ: а) земледѣльческая; б) ремесленная; в) заводская и фабричная; г) извозы и проч.

11) Повинности крестьянъ: а) подати и оброки, ихъ размѣръ и способы взиманія; б) натуральная повинность. Число рабочихъ дней, урочныя работы, приблизительная оцѣнка рабочаго дня: мужскаго пѣшаго, мужскаго коннаго или воловьяго, женскаго; сгонные дни и уплата за нихъ.

12) Дворовые: а) приписные къ домамъ и капиталамъ; б) причисленные къ населеннымъ имѣніямъ; в) раздѣленіе послѣднихъ на домашнюю прислугу и должностныхъ при хозяйствѣ. Число тѣхъ и другихъ по ревизіи и устройство экономическаго ихъ быта.

13) Изъ крестьянскаго населенія: писаря, конторщики, лѣсничіе, музыканты, пѣвчіе, псари, фельдшера, ветеринары, винокуры, садовники, огородники, сахаровары, селитровары, мельники, пастухи и проч.; число ихъ и устройство экономическаго ихъ быта.

14) Число грамотныхъ крестьянъ въ имѣніи и способы распространенія грамотности, нынѣ существующіе.

15) Экономическія и благотворительныя заведенія: мірскіе капиталы, сельскіе банки, запасные магазины, богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты.

16) Банковые долги и податныя недоимки на имѣніяхъ. Сумма тѣхъ и другихъ къ 1 января 1858 года.

Всѣ сіи свѣдѣнія соединяются въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду и въ этомъ видѣ вносятся въ Губернскій Комитетъ.

Уѣздныя совѣщанія дѣлаются при самомъ выборѣ членовъ и касаются только способовъ исполненія основныхъ началъ, предначертанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, и указаній, содержащихся въ циркулярныхъ предписаніяхъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда. Мнѣнія, на уѣздныхъ совѣщаніяхъ принятыя, представляются Губернскому Комитету *).

Окончательныя занятія Губернскихъ Комитетовъ въ первомъ періодѣ ихъ существованія заключаются:

---

*) Само собой разумѣется, что предварительныя занятія не могутъ имѣть мѣста въ тѣхъ Комитетахъ, которые уже открыты и приступили къ работамъ. Они могутъ, не прерывая своихъ занятій, собрать недостающія имъ свѣдѣнія и соединить всѣ свѣдѣнія въ одинъ общій сводъ.

Digitized by Google

1) Въ составленіи общаго свода о настоящемъ положеніи дворянскихъ имѣній въ губерніи. Сводъ этотъ составляется изъ отдѣльныхъ сводовъ, которые будутъ представлены отъ каждаго уѣзда.

2) Въ составленіи общаго свода предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

3) Въ размотрѣніи и обсужденіи всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ проэкта Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Предметы сіи разсматриваются послѣдовательно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены ниже, и окончательное по каждому постановленіе вносится въ журналъ. Журналы сіи составляются особою редакціонною Коммиссіею, о которой сказано будетъ ниже, и впослѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія занятій Комитета, могутъ быть измѣняемы, но о каждой подобной перемѣнѣ долженъ быть постановленъ журналъ съ подробнымъ объясненіемъ уваженій, вызвавшихъ перемѣну; и наконецъ

4) Въ начертаніи самаго проэкта Положенія. Трудъ этотъ поручается особой редакціонной Коммиссіи, составленной изъ трехъ, и не болѣе четырехъ, членовъ Комитета.

Проэктъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и соображенія въ Главномъ Комитетѣ, имѣетъ по всѣмъ губерніямъ одну общую форму, съ раздѣленіемъ на главы, отдѣленія и параграфы.

Параграфы содержатъ точное и ясное изложеніе установленныхъ правилъ, безъ всякихъ разсужденій и объясненій причинъ, побудившихъ принять то или другое положеніе.

Причины сіи и уваженія, содержащіяся въ журналахъ, излагаются впослѣдствіи въ особой запискѣ (подъ заглавіемъ: обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ) и присоединяются къ проэкту въ видѣ особаго приложенія.

Всѣ работы перваго періода, и предварительныя и окончательныя, продолжаются не болѣе шести мѣсяцевъ.

Самый проэктъ Положенія имѣетъ слѣдующую форму:

ПОЛОЖЕНІЕ.

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ NN ГУБЕРНІИ.

I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные.
II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.
III. Поземельныя права помѣщиковъ.
IV. Усадебное устройство крестьянъ.
V. Надѣлъ крестьянъ землею.
VI. Повинности крестьянъ.
VII. Устройство дворовыхъ людей.
VIII. Образованіе сельскихъ обществъ.
IX. Права и отношенія помѣщиковъ.
X. Порядокъ и способы исполненія.

ГЛАВА I.

О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные.

Прекращеніе личнаго крѣпостнаго права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ.

Дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе сихъ правъ по Своду Законовъ.

Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ *срочно-обязанными.*

ГЛАВА II.

Сущность срочно-обязаннаго положенія.

Оставленіе крестьянъ, временно, крѣпкими къ землѣ.

Digitized by Google

Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами или селеніями.

Дозволеніе перехода въ другія сословій отдѣльно лицу или семейству.

Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), независящій отъ выкупа усадебъ.

ГЛАВА III.

Поземельныя права помѣщиковъ.

Неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на всю землю.

Хозяйственное устройство по усмотрѣнію.

Право залога и продажи.

Право помѣщика на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія, кромѣ выкупленныхъ усадебъ.

ГЛАВА IV.

Усадебное устройство крестьянъ.

Въ чемъ заключается усадьба:

1) Усадебныя строенія, и

2) Усадебныя земли.

Оцѣнка усадьбы.

Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность чрезъ выкупъ.

Право крестьянъ пользованія ими до выкупа.

Выкупъ усадебъ по утвержденной оцѣнкѣ, *вдругъ* или *постепенно*, деньгами или работою.

Удобнѣйшіе способы для выкупа усадебъ.

Пользованіе потомственно усадьбою, съ платежемъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества.

Право продажи или передачи крестьянами усадьбъ только однимъ членомъ сельскаго общества или помѣщику съ согласія общества.

ГЛАВА V.

Надѣлъ, въ пользованіе, крестьянъ землею пахатною и другими угодьями.

Основаніе надѣла по душамъ, тягламъ или работникамъ.

Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ.

Какія имѣнія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаются малоземельными, какія среднеземельными и какія многоземельными.

Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею.

Право возведенія хозяйственныхъ строеній, съ согласія общества и помѣщика.

Случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянамъ земель и правила, для сего постановляемыя *).

ГЛАВА VI.

Повинности крестьянъ.

Раздѣленіе повинностей на двѣ категоріи: казенныя и помѣщичьи.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

КАЗЕННЫЯ ПОВИННОСТИ.

Повинности денежныя.

---

*) Увеличеніе поземельнаго надѣла впослѣдствіи, по мѣрѣ приращенія населенія, зависитъ отъ обоюдныхъ условій помѣщика съ крестьянами, но необязательно для помѣщика.

Digitized by Google

Повинности натуральныя.

Способъ раскладки ихъ: по душамъ, тягламъ, работникамъ или поземельнымъ участкамъ.

Порядокъ взиманія.

Обезпеченіе исправнаго выполненія круговою отвѣтственностію сельскаго общества.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

повинности къ помѣщику.

Повинность денежная (*оброкъ*).

Повинность натуральная (поденная работа).

Повинность смѣшанная (оброкъ и поденная работа).

Размѣръ ихъ, основанный на цѣнности усадебъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности.

Порядокъ отправленія повинностей.

Опредѣленіе и введеніе урочныхъ работъ.

Обезпеченіе исправности отправленія повинностей круговою отвѣтственностію сельскаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ.

Служба крестьянъ, обученныхъ попеченіемъ помѣщиковъ для разныхъ ремеслъ и хозяйственныхъ должностей.

Степень вознагражденія ихъ за излишніе рабочіе они и срокъ ихъ службы.

ГЛАВА VII.

Устройство дворовыхъ людей.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

дворовые люди, приписанные къ домамъ и капиталамъ.

Порядокъ обязательной ихъ службы.

Жалованье и содержаніе ихъ.

Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

дворовые люди, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ.

Дворовые люди, составляющіе домашнюю прислугу.

Дворовые люди должностные при помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Порядокъ обязательной службы тѣхъ и другихъ.

Жалованье и содержаніе ихъ.

Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

Причисленіе дворовыхъ, по возможности, къ сельскимъ обществамъ, съ надѣленіемъ въ такомъ случаѣ землею.

Призрѣніе стариковъ, вдовъ и сиротъ изъ дворовыхъ людей вообще.

ГЛАВА VIII.

Образованіе сельскихъ обществъ.

Общества въ селахъ и деревняхъ единственнаго владѣнія.

Общества въ селахъ и деревняхъ разнопомѣстнаго владѣнія.

Соединеніе мелкопомѣстныхъ населеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ большимъ населеніямъ.

Наименьшій составъ общества, опредѣляемый числомъ душъ или усадебъ.

Распредѣленіе поземельныхъ угодій между членами общества.

Разверстка казенныхъ и господскихъ повинностей.

Полицейское устройство въ обществахъ.

Общественное управленіе, составъ его и предметы занятій.

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

Права и отношенія помѣщиковъ.

Присвоеніе помѣщику званія начальника общества.

Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку;

б) по внутреннему управленію.

в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами;

г) по отправленію крестьянами повинностей;

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

ГЛАВА X.

Порядокъ и способы исполненія новаго Положенія.

Порядокъ исполненія по каждому имѣнію.

Обязанность каждаго помѣщика составить для своего имѣнія письменный актъ, опредѣляющій подробности перехода крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные, на точномъ основаніи Положенія, для каждой губерніи Высочайше утвержденнаго.

Составленіе для подобныхъ актовъ общей формы.

Подпись сего акта помѣщикомъ.

Повѣрка, *на мѣстѣ*, сдѣланнаго помѣщикомъ акта членомъ Губернскаго Комитета.

Разсмотрѣніе и утвержденіе сего акта Губернскимъ Комитетомъ.

Объявленіе его и приведеніе въ исполненіе *самимъ помѣщикомъ*.

Содѣйствіе, въ необходимыхъ случаяхъ, мѣстной полиціи и уѣздныхъ присутствій.

Крайній срокъ для приведенія въ дѣйствіе всего выше означеннаго по всей губерніи.

Строгое сохраненіе существующаго порядка по каждому имѣнію до перехода его въ срочно-обязанное положеніе.

Составленный Комитетомъ, такимъ образомъ, *проэктъ общаго Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ* подписывается всѣми Членами и представляется, установленнымъ порядкомъ, министру Внутреннихъ Дѣлъ. Къ проекту присоединяются, въ видѣ приложеній:

1) Обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи Положенія. Основанія сіи излагаются кратко. Тутъ же, гдѣ будетъ нужно, объясняются причины, по которымъ Комитетомъ не приняты тѣ или другія указанія, содержащіяся въ циркулярахъ министра Внутреннихъ Дѣлъ.

2) Сводъ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

По отправленіи сихъ бумагъ, первая часть занятій Комитета считается конченною; Комитетъ временно закрывается и вся переписка, которая можетъ встрѣтиться до новаго открытія Комитета производится отъ лица губернскаго предводителя, какъ предсѣдателя Комитета.

Второй періодъ занятій Комитета:

Дѣйствительное исполненіе Положенія, Комитетомъ составленнаго, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія.

Немедленно по полученіи въ каждой губерніи Высочайше утвержденнаго Положенія, губернскій предводитель дворянства открываетъ вновь присутствіе Комитета, который въ первыхъ засѣданіяхъ опредѣляетъ весь порядокъ исполненія. Сюда относится:

Разсылка экземпляровъ Положенія и формы акта въ каждый уѣздъ, по числу дворянскихъ имѣній.

Опредѣленіе порядка повѣрки членами Комитета частныхъ актовъ, помѣщиками составленныхъ.

Разсмотрѣніе сихъ актовъ въ Губернскомъ Комитетѣ.

Digitized by Google

Утвержденіе ихъ Губернскимъ Комитетомъ.

Обращеніе ихъ черезъ Уѣздныя Присутствія помѣщикамъ для исполненія.

Надзоръ уѣздныхъ предводителей и Уѣздныхъ Присутствій за дѣйствительнымъ исполненіемъ помѣщиками сихъ актовъ.

Разрѣшеніе случаевъ, которые могутъ встрѣтиться при исполненіи.

Подготовленіе матеріаловъ для составленія подробнаго Сельскаго Устава.

Третій періодъ занятій Комитетовъ:

Начертаніе Сельскаго Устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или представленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для этой части занятій подробныя программы могутъ быть составлены только передъ самымъ приступомъ къ работѣ, когда потребности новаго устройства ближе и яснѣе обозначутся практическимъ дѣйствіемъ новаго Положенія. Посему Губернскіе Комитеты и обязаны внимательно наблюдать за ходомъ всего дѣла и отмѣчать всѣ тѣ случаи и обстоятельства, на которые нужно будетъ обратить вниманіе при составленіи Сельскаго Устава.

Подписали.

Князь Орловъ.
КОНСТАНТИНЪ.
Графъ В. Адлербергъ.
Князь Павелъ Гагаринъ.
Сергій Ланской.
Графъ В. Панинъ.
Князь В. Долгоруковъ.
Михаилъ Муравьевъ.
Константинъ Чевкинъ.
Іаковъ Ростовцовъ.
Александръ Княжевичъ.

Государственный Секретарь *В. Бутковъ.*

Примѣчаніе. Помѣщикамъ предоставляется лично присутствовать въ Губернскомъ Комитетѣ при разсмотрѣніи частныхъ актовъ, ими составленныхъ.

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ II.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ТРОЙНИЦКАГО „О ЧИСЛѢ КРѢПОСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ РОССІИ“.

Въ „Современномъ Обозрѣніи“ настоящаго номера было упомянуто объ учрежденіи Центральнаго Статистическаго Комитета, при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Первымъ самымъ современнымъ плодомъ этого полезнаго учрежденія явилась въ 5 номерѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ статья подъ заглавіемъ: „О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“. Статья эта принадлежитъ г. Тройницкому, непремѣнному члену Центральнаго Статистическаго Комитета, завѣдывающему его статистическимъ отдѣломъ.

Статья эта, какъ по тому предмету, которому она посвящена, такъ и по способу обработки, должна обратить на себя особенное вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто слѣдитъ за развитіемъ и уясненіемъ крестьянскаго вопроса въ нашей литературѣ. Находя, что статья г. Тройницкаго можетъ съ особенною пользою служить для разрѣшенія многихъ какъ общихъ вопросовъ, такъ и мѣстныхъ частностей по крестьянскому дѣлу, мы позволяемъ себѣ воспользоваться прекраснымъ трудомъ г. Тройницкаго для того, чтобы въ краткомъ очеркѣ указать на нѣкоторыя данныя, относящіяся къ крѣпостному сословію въ Россіи.

Статья г. Тройницкаго основана на собранныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „возможно-точныхъ, новѣйшихъ свѣдѣніяхъ“ о численности крѣпостнаго сословія въ Россіи и о числовомъ отношеніи его какъ къ дворянскому сословію, владѣющему крѣпостными людьми, такъ и къ общему населенію имперіи.

Для полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній, по сношенію г. министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ финансовъ, было предписано всѣмъ казеннымъ палатамъ — доставить Центральному Статистическому Комитету свѣдѣнія о числѣ какъ дворянъ и помѣщиковъ, такъ и крѣпостныхъ людей въ каждой губерніи и области, съ подраздѣленіемъ этихъ свѣдѣній на слѣдующіе разряды: а) дворянъ, владѣющихъ крѣпостными людьми *безъ земли;* и б) помѣщиковъ, владѣющихъ землями, населенными крѣпостными людьми: менѣе 21 души, отъ 21 до 100 душъ, отъ 101 до 500, отъ 501 до 1000, и болѣе 1000 душъ.

Digitized by Google

Свѣдѣнія этого рода, какъ видно изъ статьи г. Тройницкаго, доставлены были отъ казенныхъ палатъ въ Центральный Статистическій Комитетъ въ началѣ нынѣшняго года изъ всѣхъ губерній и областей имперіи, исключая Закавказскихъ. Это обстоятельство имѣетъ, по нашему мнѣнію, ту важность, что статистическія данныя, вошедшія въ статью г. Тройницкаго, имѣютъ два главныя достоинства, именно: одновременность ихъ собранія на пространствѣ всей имперіи и, кромѣ того, такую современность, какую только могутъ представить статистическія данныя, собранныя въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какого требовала самая обширность предмета, къ которому онѣ относятся. Понятно, что всѣ эти свѣдѣнія никакъ не могло бы собрать никакое частное лицо, несмотря на всѣ свои усилія; одно только правительственное учрежденіе могло выполнить это.

Но статья г. Тройницкаго богата не одними числовыми данными: она изобилуетъ многими конечными выводами, ясно опредѣляющими тотъ предметъ, которому она посвящена; кромѣ того. въ статьѣ этой мы нашли новую мысль, правда не вполнѣ еще развитую, — прослѣдить образованіе и укорененіе крѣпостнаго права въ Россіи по племенамъ, ее населяющимъ.

Понятно, что ученое сочиненіе, въ основаніе котораго входятъ цифры, требуетъ самой строго-систематической обработки, и притомъ необходимо, для полнаго опредѣленія важности общихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ этихъ цифръ, показать какъ степень достовѣрности, такъ и самое значеніе тѣхъ цифръ, которыми пользуется сочинитель. Въ этомъ отношеніи статья г. Тройницкаго вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ жителей.

Чтобъ поставить читателя на правильную точку зрѣнія, г. Тройницкій дѣлаетъ въ началѣ своей статьи опредѣленія тѣмъ числовымъ даннымъ, которыми онъ воспользовался. Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу этого г. Тройницкимъ, мы узнаемъ: во-первыхъ, что свѣдѣнія, вошедшія въ его статью, относятся только къ мужскому полу, о которомъ одномъ числовыя данныя казенныхъ палатъ и могутъ быть точными, такъ какъ одинъ только мужскій полъ подлежитъ подушному окладу; во-вторыхъ, что въ вѣдомостяхъ казенныхъ палатъ, подъ названіемъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, показаны нераздѣльно, какъ собственно крестьяне, барщинные и оброчные, поселенные на землѣ, такъ и дворовые люди; разумѣется однако-жъ, что въ первомъ разрядѣ, дворовыхъ безземельныхъ, состоятъ только дворовые люди, приписанные къ домамъ или къ денежнымъ капиталамъ; въ-третьихъ, что въ вѣдомостяхъ казенныхъ палатъ числа, какъ владѣльцевъ крестьянъ, такъ и крѣпостныхъ людей, показаны на основаніи 9 ревизіи и, какъ видно изъ отношеній нѣкоторыхъ казенныхъ палатъ, также на основаніи окладныхъ списковъ 1857 года, и что поэтому, какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Тройницкій, эти свѣдѣнія представляютъ настоящую юридическую численность крѣпостнаго сословія въ Россіи, до окончанія производимой нынѣ 10-той народной переписи.

Опредѣляя такимъ образомъ значеніе матеріаловъ, служившихъ для статьи „о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“, почтенный ея авторъ почелъ нужнымъ замѣтить, что къ числу крѣпостныхъ людей присовокуплены, по Пермской губерніи, показанные отдѣльно, по вѣдомостямъ тамошней казенной палаты, крѣпостные заводскіе; а по Орловской губерніи, также показанные отдѣльно крестьяне,

Digitized by Google

приписанные къ заводамъ и фабрикамъ, но состоящіе на полномъ правѣ помѣщичьей собственности.

Надобно однако замѣтить, что, кромѣ крестьянъ помѣщичьихъ, есть еще въ Россіи и другаго рода сельскіе обыватели лично не свободнаго состоянія; они представляютъ сословіе крестьянъ или не вполнѣ, или временно находящихся на крѣпостномъ правѣ. Такіе крестьяне находятся преимущественно въ западныхъ губерніяхъ; тамъ, кромѣ крестьянъ ленныхъ, постуитскихъ, поссессіонныхъ, есть еще крестьяне, принадлежащіе городамъ; такихъ крестьянъ донынѣ имѣютъ еще города Ковно и Вильно. О крестьянахъ этого рода сдѣлана г. Тройницкимъ особая замѣтка, въ концѣ одной изъ таблицъ, присоединенныхъ къ статьѣ, но замѣтка эта не совсѣмъ полна; такъ напримѣръ постуитскіе и ленные крестьяне показаны находящимися только въ Минской и Подольской губерніяхъ, между тѣмъ какъ такого же рода крестьяне находятся и въ другихъ губерніяхъ западнаго края, какъ-то: Виленской и Гродненской; сверхъ того въ числѣ крестьянъ, состоящихъ не вполнѣ на крѣпостномъ правѣ, показаны по Симбирской губерніи крестьяне, принадлежащіе Маріинскому институту въ числѣ 423 душъ, тогда какъ Ярославскому Демидовскому лицею и нѣкоторымъ другимъ учрежденіямъ принадлежитъ гораздо большее число душъ, но они въ упомянутой замѣткѣ не означены.

Впрочемъ подобныя пропуски не составляютъ существенныхъ пропусковъ въ статьѣ г. Тройницкаго и, конечно, произошли отъ несогласившагося еще взгляда казенныхъ палатъ на сословное положеніе крестьянъ; надобно полагать, что одни казенныя палаты почитаютъ крѣпостными только тѣхъ крестьянъ, которыя укрѣплены собственно за помѣщиками, другія же считаютъ крѣпостными и тѣхъ, которые укрѣплены за какими либо вѣдомствами или учрежденіями, во имя своего прежняго владѣтеля.

Предваривъ своихъ читателей о свойствѣ статистическихъ данныхъ, г. Тройницкій указываетъ на тѣ главные выводы, которые онъ сдѣлалъ изъ бывшихъ у него свѣдѣній. Такимъ образомъ онъ говоритъ, что, по сведеніи въ общіе итоги по каждой губерніи числовыхъ данныхъ, полученныхъ отъ казенныхъ палатъ, выведена имъ по каждой же губерніи средняя сложность крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ одному владѣльцу.

Кромѣ того г. Тройницкій опредѣлилъ по каждой губерніи *крѣпостной процентъ*, т. е. показалъ числовое отношеніе крѣпостнаго сословія къ общему населенію губерніи и области. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предъидущемъ, г. Тройницкій воспользовался сколько возможно болѣе вѣрными свѣдѣніями, принявъ за основаніе для опредѣленія числа настоящаго народонаселенія Россіи свѣдѣнія, заключающіяся во всеподданнѣйшихъ отчетахъ начальниковъ губерній за 1856 годъ, какъ новѣйшія оффиціальныя свѣдѣнія по этому предмету для всей имперіи. Къ этимъ даннымъ г. Тройницкій присоединилъ, съ размѣщеніемъ по соотвѣтственнымъ губерніямъ и областямъ, числа о народонаселеніи въ военныхъ поселеніяхъ и въ казачьихъ войскахъ, доставленныя бывшимъ департаментомъ военныхъ поселеній, и числовыя свѣдѣнія о Кавказскомъ краѣ, полученныя изъ Кавказскаго комитета.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ указаній, г. Тройницкій прибавляетъ, что всѣ свѣдѣнія, какъ о крѣпостныхъ людяхъ, такъ и вообще о народонаселеніи, отно-

Digitized by Google

сятся только къ мужскому полу, и полагаетъ, что удвоивъ всѣ собранныя имъ числа какъ крѣпостныхъ людей, такъ и всѣхъ жителей губерніи, можно получить довольно приблизительныя данныя о числѣ тѣхъ и другихъ по обоимъ поламъ. Съ вѣрностію такого разсчета согласиться не трудно, такъ какъ почти повсемѣстно, кромѣ тѣхъ пунктовъ, гдѣ сосредоточены въ особенности военныя силы, число жителей мужскаго и женскаго пола, почти одинаково.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ Центральному Статистическому Комитету, г. Тройницкій составилъ главную таблицу крѣпостнаго сословія по одной Европейской Россіи; такъ какъ число крѣпостныхъ людей въ Сибири весьма незначительно, а за Кавказомъ вовсе ничтожно, и г. Тройницкій, при всемъ желаніи, не имѣлъ бы возможности исполнить это, такъ какъ изъ предъидущаго видно, что со времени составленія его статьи не были еще получены изъ Закавказскихъ областей необходимыя по этому предмету свѣдѣнія. Мы смотримъ на таблицу г. Тройницкаго, какъ на весьма важное пособіе при многихъ слишкомъ разностороннихъ вопросахъ касательно крестьянскаго дѣла; мы признаемъ въ ней не только собраніе оффиціальныхъ и въ настоящее время всего болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, но и результатъ ученой обработки, вслѣдствіе этого мы видимъ въ ней капитальный отдѣльный трудъ и поэтому не считаемъ себя вправѣ представить на страницахъ „Современника“ составленную имъ „Таблицу крѣпостнаго населенія въ Европейской Россіи за 1858 годъ“. Скажемъ только, что таблица эта должна служить настольнымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся крестьянскимъ вопросомъ, какъ въ административномъ, такъ и ученомъ отношеніи, и затѣмъ укажемъ на тѣ данныя, которыя можно почерпать изъ этой таблицы.

Упомянутая таблица заключаетъ въ себѣ 51 административный округъ, по раздѣленію Россіи на губерніи, области и земли (Донскаго и Черноморскаго войскъ). Всѣ эти административныя части Европейской Россіи размѣщены по алфавитному порядку, и по каждой изъ сихъ частей можно найти слѣдующія свѣдѣнія:

а) О дворянахъ, владѣющихъ крѣпостными людьми безъ земли, съ подраздѣленіемъ этихъ свѣдѣній на двѣ рубрики: 1) число такихъ дворянъ и 2) число крѣпостныхъ людей, за ними состоящихъ.

б) О помѣщикахъ, владѣющихъ землею, населенною крѣпостными людьми. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ имѣютъ слѣдующія подраздѣленія: 1) число помѣщиковъ, 2) число крѣпостныхъ людей, за ними числящихся; при этомъ указаны слѣдующія подробности: 1) число помѣщиковъ, владѣющихъ менѣе, нежели 21 душою, 2) число отъ 21 до 100 душъ, 3) отъ 101 до 500 душъ, 4) отъ 501 до 1000 и 5) болѣе 1000 душъ. Таблица эта заключается какъ общимъ числомъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей, такъ и общимъ числомъ послѣднихъ, и выводомъ, сколько именно крѣпостныхъ людей, по каждой губерніи, приходится на каждаго владѣльца. Затѣмъ показано общее число жителей по каждой же губерніи, съ вычисленіемъ крѣпостнаго процента.

Изъ этихъ указаній на таблицу, составленную г. Тройницкимъ, видно то изобиліе статистическихъ данныхъ, которыя она въ себѣ заключаетъ и вслѣдствіе которыхъ она, какъ мы замѣтили, должна служить настольнымъ руководствомъ, во многихъ случаяхъ, для тѣхъ, кто занимается крестьянскимъ вопросомъ въ ученомъ или административномъ отношеніи.

Digitized by Google

Въ числѣ европейскихъ губерній, помѣщенныхъ въ этой таблицѣ, показаны также губерніи, считаемыя обыкновенно принадлежащими не европейской, но азіатской Россіи, именно губерніи Пермская и Оренбургская. Включеніе ихъ въ Европейскую Россію сдѣлано г. Тройницкимъ потому, что встрѣчается крайнее затрудненіе выдѣлить изъ нихъ, при нынѣшнемъ административномъ ихъ устройствѣ, зауральскія ихъ части, которыя собственно принадлежатъ Сибири, оставивъ приуральскія принадлежащими къ Европейской Россіи.

При внимательной обработкѣ данныхъ, бывшихъ у г. Тройницкаго, встрѣтимъ между прочимъ вопросъ на счетъ остзейскихъ губерній и Земли Черноморскаго Войска, при опредѣленіи общаго крѣпостнаго процента относительно всего числа жителей; и г. Тройницкій означилъ по этимъ мѣстамъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, не существуетъ крѣпостнаго сословія, одно только мужское населеніе вообще, такъ какъ эти цифры были необходимы для разрѣшенія предположенной г. Тройницкимъ задачи—касательно общаго вывода о крѣпостномъ процентѣ во всей Европейской Россіи.

Изъ составленной, по упомянутой здѣсь системѣ, г. Тройницкимъ таблицы, онъ во второмъ отдѣлѣ своей статьи дѣлаетъ общіе выводы о крѣпостномъ населеніи въ Европейской Россіи, и таблица объ этомъ населеніи подаетъ г. Тройницкому поводъ къ многимъ общимъ соображеніямъ.

Тамъ между прочимъ оказывается, что во всей Европейской Россіи, при общемъ мужскомъ населеніи въ 28,613,380 душъ, считается нынѣ по вѣдомостямъ казенныхъ палатъ 10,844,902 души крѣпостныхъ людей. На основаніи этихъ двухъ чиселъ г. Тройницкій опредѣляетъ *крѣпостной процентъ* всей Европейской Россіи въ 37,90; т. е. что *изъ ста душъ* общаго ея населенія болѣе третьей части или около *тридцати восьми душъ* находятся въ крѣпостномъ положеніи. При этомъ г. Тройницкій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: по всеподданнѣйшему отчету г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1856 годъ, въ томъ году состояло въ залогѣ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ 6,596,620 душъ, т. е. 60,82%, или три пятыхъ части всего числа крѣпостныхъ людей, по долгамъ владѣльцевъ, простиравшимся до 397,879,459 руб. сер.

Все показанное прежде число крѣпостныхъ людей принадлежитъ 114,967 владѣльцамъ, которыхъ число составляетъ не болѣе 0,40% или двѣ пятыхъ одного процента всего мужскаго населенія Европейской Россіи.

Представляя читателямъ эти данныя, г. Тройницкій весьма основательно замѣчаетъ, что выведенное имъ число владѣльцевъ слѣдуетъ считать нѣсколько болѣе дѣйствительнаго; такъ какъ помѣщики, владѣющіе крѣпостными людьми въ нѣсколькихъ губерніяхъ, показаны по вѣдомостямъ казенныхъ палатъ отдѣльно по имѣніямъ ихъ въ каждой губерніи, и потому зачислены каждый нѣсколько разъ, по числу губерній, въ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Само собою разумѣется, что опредѣлить съ большею точностію число помѣщиковъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ казенныхъ палатъ, нѣтъ никакой возможности; но мы полагаемъ, однако, что болѣе опредѣленныя, по этому важному въ хозяйственномъ отношеніи вопросу, свѣдѣнія можно имѣть отъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Свѣдѣнія эти конечно не могутъ войти въ таблицы, сост[illegible] свѣдѣній, полученныхъ отъ казенныхъ палатъ, но могут[illegible]

Digitized by Google

статистическія таблицы, опредѣляющія во многихъ отношеніяхъ современное развитіе крѣпостнаго права въ Россіи.

Весьма любопытные выводы представляетъ г. Тройницкій, говоря о распредѣленіи крѣпостныхъ людей между ихъ владѣльцами.

Такъ изъ статьи г. Тройницкаго видно, что число крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ дворянамъ, *не владѣющимъ землею* и имѣющимъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ домамъ или денежнымъ капиталамъ, необязанныхъ исполненіемъ рекрутской повинности въ натурѣ—простирается до 15,390 душъ, что составляетъ всего 0,14 процентовъ всего крѣпостнаго населенія.

Между тѣмъ можно сдѣлать слѣдующее распредѣленіе крѣпостныхъ людей между помѣщиками, владѣющими населенною землей въ одной губерніи:

а) Помѣщикамъ, имѣющимъ менѣе 21 души (равнымъ образомъ не отбывающихъ рекрутской повинности въ натурѣ), принадлежитъ въ общей сложности 371,210 душъ, что составляетъ 3,42 процента всего крѣпостнаго населенія.

б) Помѣщикамъ, имѣющимъ отъ 21 до 100 душъ (обязанныхъ, какъ и слѣдующія категоріи, отбываніемъ рекрутской повинности въ натурѣ), принадлежитъ 1,655,824 души, что составляетъ 15,27 процентовъ всего крѣпостнаго народонаселенія.

Затѣмъ распредѣленіе крѣпостныхъ людей между ихъ владѣльцами можно выразить въ слѣдующемъ перечнѣ:

Помѣщикамъ имѣющимъ:

а) отъ 101 до 500 душъ	принадлежитъ	3,903,502 души,	что составляетъ	$35,_{99}$ проц. всего крѣпостнаго населенія
б) отъ 501 до 1000 —	—	1,615,143	—	$14,_{89}$
в) болѣе 1000 —	—	3,283,833	—	$30,_{28}$.

Приводя эти данныя, г. Тройницкій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „по закону не установлено у насъ положительнаго разграниченія между большими, средними и малыми помѣщиками, относительно къ числу состоящихъ въ ихъ владѣніи крѣпостныхъ людей. Если, продолжаетъ г. Тройницкій, назвать *богатыми* помѣщиками владѣльцевъ болѣе 500 душъ крестьянъ, т. е. соединить двѣ послѣднія изъ вышепринятыхъ категорій въ одну; *средними*—владѣльцевъ отъ 100 до 500 душъ, *небогатыми* — владѣльцевъ отъ 21 до 100 и наконецъ *мелкопомѣстными* — помѣщиковъ имѣющихъ менѣе 21 крѣпостной души; то выйдетъ, что изъ всей массы крѣпостнаго населенія Европейской Россіи принадлежатъ *около половины* (4,898,976 душъ или 45,17%) богатымъ помѣщикамъ, немного *болѣе трети* среднимъ помѣщикамъ, не много *болѣе седьмой части* небогатымъ, не много *болѣе тридцатой части* мелкопомѣстнымъ и наконецъ *менѣе одной семисотой части* дворянамъ безземельнымъ.

Конечно, нельзя вполнѣ согласиться, чтобъ количествомъ душъ можно было опредѣлять вообще богатство помѣщика, такъ какъ и то и другое зависитъ главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ условій; но въ тѣхъ, довольно рѣдкихъ разграниченіяхъ, которыя принялъ г. Тройницкій, можно однако допустить, конечно, кромѣ крайнихъ случаевъ раззоренія помѣстій, нѣкоторую вѣрность сдѣланнаго имъ исчисленія.

Затѣмъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ г. Тройницкимъ, оказывается, что въ

Digitized by Google

средней сложности приходится на каждаго дворянина, владѣющаго крѣпостными людьми въ Европейской Россіи, по 94 души, точнѣе по 94,33 души.

Послѣ этого вывода г. Тройницкій представляетъ слѣдующую роспись въ средней сложности:

на	5,510	дворянъ,	не владѣющихъ	землею,			приходится по	2,79	душъ.
—	49,708	помѣщиковъ,	имѣющихъ	менѣе	21	души	—	7,48	—
—	36,024	—	—	отъ	21	до 100	—	45,96	—
—	19,806	—	—	—	101	— 500	—	202,11	—
—	2,468	—	—	—	501	— 1000	—	654,48	—
—	1,449	—	—	—	1000	—	—	2266,27	—

Затѣмъ г. Тройницкій, для избѣжанія дробей и для большей наглядности, эти числовыя отношенія между владѣльцами и принадлежащими имъ крѣпостными людьми выражаетъ въ круглыхъ числахъ, принимая за сравнительную единицу сперва 10,000 для крестьянъ и потомъ 100 для владѣльцевъ. На основаніи этихъ вычисленій, г. Тройницкій представляетъ двѣ особыя росписи, помѣщать которыя здѣсь было бы излишне, тѣмъ болѣе, что всѣ занимающіеся крестьянскимъ вопросомъ обратятся непосредственно къ прекрасной статьѣ г. Тройницкаго.

Въ третьемъ отдѣлѣ этой статьи мы находимъ выводы о крѣпостномъ сословіи по губерніямъ въ Европейской Россіи.

При этихъ соображеніяхъ г. Тройницкій, изъ полнаго числа 48 губерній одной области и двухъ войсковыхъ земель, исключаетъ три остзейскія губерніи — Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую и Землю Войска Черноморскаго, потому что, какъ мы имѣли случай еще и прежде замѣтить, въ этихъ мѣстахъ вовсе не существуетъ, по силѣ законовъ, крѣпостнаго состоянія; кромѣ того онъ замѣчаетъ, что въ Архангельской губерніи нѣтъ имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, и что въ ней считается только 9 дворянъ (въ томъ числѣ 6 лицъ женскаго пола), владѣющихъ 14 крѣпостными людьми безъ земли. Затѣмъ сравнительные выводы, касательно распредѣленія крѣпостнаго сословія, г. Тройницкій дѣлаетъ по 46 губерніямъ, одной области и одной войсковой землѣ.

Приступая къ этимъ выводамъ, г. Тройницкій замѣчаетъ, что число лицъ, владѣющихъ крѣпостными людьми въ Европейской Россіи, весьма неравномѣрно распредѣлилось по отдѣльнымъ губерніямъ. Отъ наибольшей величины, именно отъ 7547 владѣльцевъ, находящихся въ Полтавской губерніи, оно по Астраханской упадаетъ до 98. Затѣмъ г. Тройницкій составилъ перечень всѣхъ 46 губерній, распредѣливъ ихъ по числу находящихся въ нихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей. Разсматривая этотъ перечень, мы могли замѣтить, что по тѣмъ 8 губерніямъ, гдѣ всего менѣе помѣщиковъ, еще не представлены (по крайней мѣрѣ до сего времени не имѣется объ этомъ нужныхъ свѣдѣній) всеподданнѣйшія прошенія дворянъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Относительно этого списка губерній, г. Тройницкій справедливо замѣчаетъ, что онъ не подаетъ повода ни къ какимъ заключеніямъ о распредѣленіи числа владѣльцевъ крѣпостныхъ людей по географическому или этнографическому положенію губерній, которыя весьма перемѣшаны, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи. Дѣйствительно въ числѣ губерній, имѣющихъ отъ 4 до 5 тысячъ владѣльцевъ, мы находимъ и Новгородскую и Харьковскую губернію, а въ числѣ губерній, имѣющихъ владѣльцевъ отъ 1 и до 2 тысячъ, губерніи Гродненскую и

Digitized by Google

Оренбургскую, и наконецъ въ числѣ губерній, имѣющихъ менѣе тысячи владѣльцевъ, мы встрѣчаемъ Астраханскую и Олонецкую, Бессарабскую область и Пермскую губернію.

Но при всей неровности такого распредѣленія, нельзя однако не сдѣлать общаго замѣчанія, что наибольшее число помѣщиковъ, владѣющихъ крѣпостными людьми, находится въ губерніяхъ, населенныхъ малороссійскими и великороссійскими племенами; затѣмъ слѣдуютъ губерніи западной полосы Имперіи; наименѣе такихъ владѣльцевъ числится въ губерніяхъ, составляющихъ окраины Европейской Россіи, съ восточной, сѣверной и южной сторонъ, гдѣ, по ходу историческаго развитія Россіи, позднѣе разселилось русское дворянство.

Что же касается многочисленности владѣльцевъ крѣпостныхъ людей въ губерніяхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, то по поводу этого мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующія объясненія.

Въ губерніяхъ великороссійскихъ помѣщики, и преимущественно мелкопомѣстные, принадлежатъ къ древнему дворянству; предки этихъ помѣщиковъ владѣли помѣстьями, и иногда очень значительными для прежней поры, еще со времени первыхъ царей московскихъ; но не имѣя ни честолюбія, ни охоты наживать себѣ состоянія, они не обращались ни къ службѣ, ни къ торговымъ, ни къ промышленнымъ предпріятіямъ, довольствовались своимъ настоящимъ имуществомъ и оставляли своимъ потомкамъ родовыя, не только не увеличивавшіяся вотчины, а напротивъ все болѣе и болѣе дробившіяся въ каждомъ поколѣніи. Во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ, въ особенности въ одномъ изъ уѣздовъ Костромской, встрѣчается много дворянскихъ фамилій, постоянно, въ нисходящей линіи, владѣющихъ родовою собственностію съ XV вѣка, которая между тѣмъ, безъ увеличенія какими либо новыми пріобрѣтеніями, постоянно дробилась, нерѣдко между десятью поколѣніями, слѣдовавшими одно за другимъ. Среди этихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, имѣющихъ по одной, по двѣ, а много по три души, встрѣчаются имена, сохранившіяся въ исторіи и которыя между тѣмъ считаютъ уже угасшими въ спискахъ древняго русскаго дворянства. Такимъ образомъ древность наслѣдственнаго владѣнія помѣстьями была главною причиною раздробленія ихъ между множествомъ мелкихъ владѣльцевъ. Въ другихъ же мѣстахъ сословіе помѣстныхъ владѣльцевъ образовалось позднѣе и потому, естественно, ихъ вотчины, въ меньшій періодъ времени, не могли еще раздробиться до такой степени, до какой они раздробились въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Относительно малороссійскихъ губерній замѣтимъ, что въ Малороссіи, при гетманахъ, имѣнія, населенныя людьми „посполитыми“, давались во владѣніе не только войсковой и полковой старшинѣ, но и большей части войсковыхъ товарищей. Въ такихъ мелкихъ раздачахъ населенныхъ помѣстій малороссійское правительство видѣло прежде экономическую цѣль. Въ этомъ случаѣ оно подражало Польшѣ, гдѣ большое число незначительныхъ по размѣру сельскихъ хозяйствъ, усиленно укрѣпленными за ними рабочими людьми, считалось нѣкогда успѣхами общаго благосостоянія. Пробѣгая гетманскіе универсалы, данные войсковымъ чинам на недвижимыя имѣнія, нельзя не замѣтить, что имѣнія эти, по обычному въ то пору выраженію, давались „за значныя услуги и для вспартя господарства“, т. е. для поддержанія хозяйства. Еще въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, русское правительство обратило особенное вниманіе на огромное число

Digitized by Google

помѣстныхъ владѣльцевъ въ Малороссіи, и былъ изданъ указъ, по которому требовались отъ малороссійскихъ помѣщиковъ доказательства на право владѣнія помѣстьями. Несмотря однако на строгость подобныхъ требованій, почти всѣ малороссійскіе помѣщики удержали за собою свои владѣнія: кто на основаніи литовскаго статута, кто на основаніи малороссійскихъ привиллегій и договорныхъ грамотъ царей московскихъ съ прежними малороссійскими гетманами, кто на основаніи гетманскихъ универсаловъ, купчихъ и разнаго рода записей. Надобно также замѣтить, что старинный бытъ малороссовъ отличался простотою и отсутствіемъ всякой роскоши, и потому, для поддержанія помѣщичьяго хозяйства, не слишкомъ много требовалось крестьянъ. По этому самому не только войсковые товарищи, но и высшіе малороссійскіе сановники получили во владѣніе самыя незначительныя помѣстья, которыя мельчали еще болѣе, при переходѣ ихъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому.

Значительное число помѣщиковъ въ такъ называемыхъ западныхъ губерніяхъ объясняется прежде огромнымъ числомъ бывшей въ Польшѣ шляхты, т. е. существованіемъ въ этой странѣ чрезвычайно большого числа лицъ, имѣвшихъ право владѣть населенными имѣніями; кромѣ того, число помѣстныхъ владѣльцевъ значительно тамъ увеличивалось, вслѣдствіе существованія такъ называемыхъ *королевщизнъ*. Королевщизны были собственно королевскія имѣнія, дробившіяся на мелкіе участки, которые потомъ раздавались въ пожизненное, а иногда и въ потомственное владѣніе бѣдныхъ шляхтичей. Но и по числу крѣпостныхъ людей, или по абсолютному крѣпостному населенію, не всѣ губерніи представляютъ одинаковую соразмѣрность. Изъ всѣхъ губерній крѣпостныхъ людей всего болѣе находится въ Кіевской губерніи, именно—521,245; за этою губерніею слѣдуютъ смежныя съ нею губерніи: Подольская и Волынская, въ которыхъ крѣпостное населеніе простирается отъ 500 до 400 тысячъ. Всего менѣе крѣпостныхъ людей въ Олонецкой губерніи, гдѣ число ихъ не превышаетъ 5,430 душъ.

Говоря о количествѣ абсолютнаго крѣпостнаго населенія, г. Тройницкій представляетъ въ своей статьѣ особый списокъ губерній: въ этомъ спискѣ губерніи расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ занимаютъ мѣсто по количеству находящагося въ каждой изъ нихъ абсолютнаго крѣпостнаго населенія.

Изъ этого списка между прочимъ видно, что крѣпостное сословіе наиболѣе распространилось и укрѣпилось въ трехъ такъ называемыхъ югозападныхъ губерніяхъ (бывшей Польской Украйнѣ), въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, населенныхъ по преимуществу малороссійскимъ, русинскимъ или руснякскимъ и въ значительной степени польскимъ племенами.

За этими губерніями слѣдуютъ губерніи центральныя, гдѣ господствуетъ великороссійское племя, и въ которыхъ, по исчисленію г. Тройницкаго, число крѣпостныхъ людей приходится вообще отъ 250 до 400 тысячъ душъ на губернію. Къ нимъ, замѣчаетъ г. Тройницкій, примыкаютъ, уступая однакоже въ численности крѣпостнаго населенія, губерніи, населенныя племенами малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ въ смѣшеніи съ великороссійскимъ; а потомъ слѣдуютъ губерніи, въ которыхъ русское населеніе слилось съ первонаселенными тамъ племенами финскаго и тюркскаго происхожденія. Самое меньшее крѣпостное населеніе представляютъ двѣ изъ сѣверныхъ губерній, Вятская и Олонецкая, и самыя крайнія южныя губерніи, Таврическая и Астраханская; въ этихъ губерніяхъ позже

Digitized by Google

другихъ утвердилось преобладаніе русскаго племени надъ населяющими ихъ инородцами — татарами, калмыками, молдо-валахами и пр.

Что же касается числоваго отношенія крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, то насчетъ этого г. Тройницкій замѣчаетъ, что средняя сложность относительной крѣпостной населенности имѣній по губерніямъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе и измѣняется отъ 2,232 крѣпостныхъ людей, приходящихся на одного помѣщика въ Пермской губерніи, до 18 душъ въ Бессарабской области. Подробности этихъ вычисленій г. Тройницкій представляетъ въ особо-составленномъ, на этомъ основаніи, спискѣ, и при этомъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что самыя огромныя, населенныя крѣпостными людьми, имѣнія существуютъ въ Пермской губерніи, гдѣ находятся старинные и богатые горные заводы; затѣмъ слѣдуютъ двѣ изъ сѣверо-восточныхъ же губерній, гдѣ сохранились еще въ большомъ объемѣ старинныя вотчины, обратившіяся въ заводскія и фабричныя имѣнія, и три юго-западныя губерніи, особенно замѣчательныя по богатству старинныхъ же вотчинниковъ и помѣщиковъ и по производству лучшаго въ Россіи зерноваго хлѣба: приведенныя губерніи, продолжаетъ г. Тройницкій, различаются, впрочемъ, между собою въ томъ отношеніи, что въ двухъ изъ показанныхъ сѣверо-восточныхъ губерній, по преимуществу заводскихъ, Пермской и Вятской, число владѣльцевъ большихъ помѣстій не велико, а въ Нижегородской и трехъ западныхъ оно значительно.

Затѣмъ, по размѣру имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, представляются губерніи бѣлорусскія, бывшія литовскія, и большая часть великороссійскихъ; далѣе губерніи, населенныя вполнѣ или въ значительной степени малороссійскимъ племенемъ, и наконецъ тѣ, въ которыхъ крѣпостное сословіе вообще малочисленно и гдѣ оно не могло еще сгруппироваться въ большія имѣнія. Наибольшая раздробительность имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, и наибольшее число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ оказывается въ губерніяхъ Полтавской, Курской, Черниговской и затѣмъ въ Рязанской, Смоленской, Новгородской, Землѣ Войска Донскаго и Харьковской.

Постараемся теперь до нѣкоторой степени историческими замѣтками объяснить выводы, сдѣланные г. Тройницкимъ на основаніи строгихъ вычисленій.

Что касается большой раздробленности и, въ противоположность ей, значительнаго числа большихъ помѣстій въ губерніяхъ великороссійскихъ, то первая, т. е. раздробленность, объясняется тѣмъ, что мы уже имѣли случай сказать, говоря о числѣ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ этихъ губерніяхъ. Послѣднее же явленіе, т. е. значительное число большихъ помѣстій въ великороссійскихъ же губерніяхъ, есть, по нашему мнѣнію, явленіе совершенно случайное, происходящее потому, что нѣкоторымъ изъ тамошнихъ владѣльцевъ приходилось сохранять родовыя вотчины нераздѣльно, по той причинѣ, что въ каждомъ поколѣніи былъ только одинъ представитель мужескаго пола, и такимъ образомъ эти имѣнія какъ бы случайно становились нераздробляемыми майоратами. Такія условія, для поддержанія цѣлости имѣнія въ теченіе долгаго времени, бывшія въ родѣ графовъ Шереметевыхъ, дали возможность этой фамиліи сохранить во многихъ великорусскихъ губерніяхъ нераздѣльно всѣ свои огромныя вотчины. Это же замѣчаніе, если мы не ошибаемся, можетъ бить примѣнено и къ фамиліи князей Юсуповыхъ.

Кромѣ того, нѣкоторымъ быстро развивавшимся дворянамъ или лицамъ другихъ сословій, но только получавшимъ дворянское достоинство и составлявшимъ

Digitized by Google

себѣ огромныя богатства, хотѣлось прежде всего сдѣлаться большими помѣщиками; особенно во второй половинѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, многіе простолюдины быстро разживались откупами, и, по достиженіи этими лицами дворянства, имъ удавалось выгодно скупать мелкія вотчины и составлять изъ нихъ огромныя имѣнія. Нѣкоторыя изъ составленныхъ такимъ образомъ имѣній скоро однако раздробились, какъ напр. имѣніе Я—на, но за то другія во всей своей цѣлости перешли отъ первыхъ пріобрѣтателей къ ихъ наслѣдникамъ, и сохранились въ ихъ владѣніи до настоящаго времени. Конечно, все это было одною только случайностію.

Незначительность же размѣровъ помѣщичьихъ имѣній въ губерніяхъ малороссійскихъ легко объясняется тѣмъ, что мы уже сказали прежде, говоря о мелкопомѣстныхъ помѣщикахъ въ Малороссіи.

Образованіе огромныхъ помѣстій на Волыни и на Подолѣ объясняется тѣмъ, что польскіе магнаты, не встрѣчая въ этихъ мѣстахъ того противодѣйствія, какое они находили въ Малороссіи, стремились пріобрѣтать въ этомъ плодородномъ краѣ маэтности, и поэтому, въ концѣ прошедшаго столѣтія, тамъ образовались огромныя помѣстья князей Сангушко, Потоцкихъ и Браницкихъ; кромѣ того, на Вязьмѣ и на Подолѣ существовали такъ называемыя орбинаціи, родъ майоратовъ, недопускавшій дробленіе помѣстій, которыя такимъ образомъ, не мельчая постепенно, какъ другія, переходили отъ одного поколѣнія къ другому, и изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились дольше въ своемъ прежнемъ размѣрѣ.

Что же касается сѣверо-восточныхъ губерній, называемыхъ г. Тройницкимъ губерніями по преимуществу заводскими, то существованіе тамъ помѣстій въ большихъ размѣрахъ объясняется тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ крестьяне не продавались ни безъ земли, ни съ отдѣльными незначительными поземельными участками. Главнымъ предметомъ владѣнія въ этомъ краѣ былъ заводъ или фабрика; понятно, что ни тотъ, ни другая не могли переходить въ раздѣлъ между наслѣдниками и не могли быть проданы въ раздробь и поэтому самому въ обоихъ случаяхъ и фабрики и заводы, переходя или по наслѣдству или по куплѣ отъ одного владѣльца къ другому, доставались каждому изъ нихъ во всей цѣлости, т. е. со всѣми закрѣпленными при нихъ крестьянами.

Существованіе же большихъ помѣстій въ бѣлорусскихъ и бывшихъ литовскихъ губерніяхъ объясняется какъ тѣми случайными обстоятельствами, на которыя мы указали, говоря о большихъ помѣстьяхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, такъ и тѣмъ, что императрица Екатерина II прямо жаловала нѣкоторымъ изъ своихъ вельможъ значительныя помѣстья въ Бѣлоруссіи; изъ этихъ помѣстій многія не только во всей цѣлости, но даже съ увеличеніемъ перешли, большею частію, не къ наслѣдникамъ тѣхъ, кому они были пожалованы, а къ постороннимъ покупателямъ, пользовавшимся дешевизною имѣній въ этомъ краѣ. Было много особыхъ причинъ, которыя содѣйствовали послѣднему.

Опредѣливъ числовое отношеніе крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, г. Тройницкій переходитъ къ разсмотрѣнію крѣпостнаго процента, т. е. къ относительному числу крѣпостныхъ людей, приходящихся на 100 душъ общаго губернскаго населенія; г. Тройницкій и въ этомъ случаѣ, какъ и въ предшествовавшихъ, располагаетъ губерніи въ особомъ спискѣ по степени крѣпостнаго ихъ процента. Изъ этого списка видно, что крѣпостной процентъ не имѣетъ никакого прямаго

Digitized by Google

отношенія къ абсолютному числу крѣпостнаго населенія въ губерніи. Въ спискѣ, нами упомянутомъ, первое мѣсто занимаетъ губернія Смоленская, тамъ онъ достигаетъ 71,67% или равняется почти тремъ четвертямъ всего губернскаго населенія, самый низшій процентъ—1,18%, т. е. немного болѣе сотой части всего населенія, оказывается въ Бессарабской области. Для удобнѣйшаго обозрѣнія этого, по нашему мнѣнію, едва ли не самаго важнаго предмета въ статистическихъ выводахъ г. Тройницкаго, онъ распредѣляетъ губерніи на четыре группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ выше 50% или болѣе половины всего губернскаго населенія; къ этой группѣ должно причислить 18 губерній, изъ которыхъ почти всѣ принадлежатъ къ мѣстностямъ самымъ населеннымъ; 2-я группа представляетъ тѣ губерніи, въ которыхъ число крѣпостныхъ людей въ отношеніи къ населенію вообще представляетъ отъ 25% до 50%, или отъ четвертой части до половины всего населенія, такихъ губерній находится 18; въ третьей группѣ оно простирается отъ 10% до 25%, т. е. отъ десятой до четвертой части всего населенія; такихъ губерній имѣется 5; и наконецъ 4-я, въ которой число крѣпостныхъ людей ниже 10% или менѣе десятой части губернскаго населенія; въ послѣдней группѣ находится 6.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ, г. Тройницкій дѣлаетъ замѣчаніе: „что въ первую группу входятъ губерніи, преимущественно изъ западной полосы губерній и изъ центральныхъ, во вторую—изъ тѣхъ же полосъ, и отчасти малороссійскихъ и заволжскихъ, въ третью двѣ сѣверныхъ и три восточныхъ, и наконецъ въ послѣднюю группу двѣ изъ сѣверныхъ и четыре крайнія южныя губерніи, съ причисленіемъ къ нимъ Бессарабской области, въ которой вообще незначительны какъ число имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, такъ и абсолютное число крѣпостныхъ, состоящихъ почти исключительно изъ цыганъ, поселенныхъ и дворовыхъ“.

Обозрѣвъ численность крѣпостнаго сословія въ Европейской Россіи и распредѣленіе его по правительственнымъ участкамъ на этомъ пространствѣ имперіи, г. Тройницкій переходитъ къ числу крѣпостныхъ въ Азіатской Россіи, разумѣя подъ этимъ названіемъ пространство имперіи, занятое губерніями и областями сибирскими и закавказскими. Источниками для опредѣленія числа крѣпостныхъ людей въ Азіатской Россіи служили также свѣдѣнія, доставленныя Центральному Статистическому Комитету отъ мѣстныхъ казенныхъ палатъ, Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской и Семипалатинской; для другихъ остальныхъ затѣмъ мѣстъ г. Тройницкій заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ сочиненія г. академика Кеппена, появившагося въ нынѣшнемъ году подъ заглавіемъ: „Девятая ревизія“.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній оказалось, что изъ сибирскихъ губерній въ одной только Тобольской есть помѣщики, принадлежащіе къ разряду владѣльцевъ, имѣющихъ отъ 101 до 500 душъ; выше же этого разряда, т. е. помѣщиковъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, во всей Сибири не существуетъ, а въ Закавказскомъ краѣ число крѣпостныхъ вовсе ничтожно.

Такимъ образомъ оказывается: первое, что во всей Сибири находится 97 дворянъ, владѣющихъ крѣпостными людьми безъ земли, и что число такихъ людей, имъ принадлежащихъ — 254; второе, что помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе 21 души—37, а число крѣпостныхъ людей, имъ принадлежащихъ—254, третье, что число помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 21 до 100 душъ—16, число же при-

Digitized by Google

надлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей—623, и наконецъ четвертое, что помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 101 до 500 душъ—3, и что имъ принадлежитъ 623 души. Изъ этого видно, что общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей въ Сибири, равняется—153, и что имъ въ общей сложности принадлежитъ 1800 душъ, при общемъ числѣ 1,715,330 жителей во всей Сибири, что составляетъ по всей Сибири 0,10 крѣпостнаго процента. При этомъ должно замѣтить, что всѣ вычисленія, по сибирскому краю, дѣлались г. Тройницкимъ точно также, какъ и по Европейской Россіи, по свѣдѣніямъ, относившимся только къ мужскому полу, и что въ Тобольской губерніи во владѣніи двухъ помѣщиковъ состоитъ на посессіонномъ правѣ 163 души, приписанныхъ къ бумажнымъ фабрикамъ.

Относительно крѣпостнаго сословія въ Закавказскомъ краѣ замѣтимъ, что въ пяти губерніяхъ, его составляющихъ, находится 153 владѣльца крѣпостныхъ людей; число же послѣднихъ простирается до 1844 душъ, при 2,818,348 жителей въ Закавказскомъ краѣ, что составляетъ 0,06 крѣпостнаго процента. „Число крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ, замѣчаетъ г. Тройницкій, такъ ничтожно, около двадцати-пяти тысячной доли всего населенія, что не подаетъ повода ни къ какимъ выводамъ“. Изъ всѣхъ вычисленій, сдѣланныхъ г. Тройницкимъ, оказывается, что въ Азіатской Россіи, т. е. въ Сибири и Закавказьѣ, крѣпостной процентъ составляетъ только шесть сотыхъ единицы, или другими словами, на 1530 жителей мужскаго пола приходится только одинъ крѣпостной, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европейской Россіи одинъ крѣпостной приходится на 33 жителя.

Ознакомивъ читателей съ числомъ крѣпостныхъ людей и съ весьма разнообразными числовыми выводами, по этому предмету, г. Тройницкій приступаетъ къ общимъ сравнительнымъ выводамъ по крѣпостному населенію въ Россіи за послѣднія двадцать лѣтъ. Для этого, прежде всего, г. Тройницкій складываетъ вмѣстѣ итоги чиселъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей и общаго мужскаго населенія въ Европейской и Азіатской Россіи, и, присовокупивъ къ тому относительныя числа крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ и къ общему населенію, получаетъ слѣдующія числовыя данныя для *всей Россійской Имперіи* (за исключеніемъ сѣверо-американскихъ владѣній и киргизскихъ кочевьевъ оренбургскаго вѣдомства):

		По Европейской		по Азіатской Россіи.
Въ числѣ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей	а) дворянъ безземельныхъ	5,510	—	97
	б) помѣщиковъ —	109,457	—	56
Числится крѣпостн. людей муж. пола	а) за дворянами безземельн. б) за помѣщиками —	10,844,902	—	1,844
На одного владѣльца приходится крѣпостныхъ. .		94,33	—	12,19
При общемъ числѣ жителей мужскаго пола . . .		28,613,380	—	2,818,948
Крѣпостной процентъ		37,90	—	9,06

Затѣмъ по всей имперіи, за исключеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго и Царства Польскаго, г. Тройницкій полагаетъ: а) 115,120 владѣльцевъ крѣпостныхъ людей (изъ нихъ 5607 принадлежатъ къ числу дворянъ безземельныхъ и 109,513 къ числу помѣщиковъ); этимъ лицамъ принадлежитъ 10,846,746 крѣпостныхъ людей, такъ что на каждаго владѣльца приходится 94,22 крѣпостнаго человѣка, что, при 31,432,328 жителей мужскаго пола составляетъ 34,50 крѣпостнаго процента.

Digitized by Google

Всѣ эти вычисленія представляетъ г. Тройницкій для большей ясности въ круглыхъ числахъ, дѣлая слѣдующее замѣчаніе:

„*На тридцать одинъ съ половиною милліонъ душъ* мужскаго населенія Россіи приходится около *десяти милліоновъ 850 тысячъ крѣпостныхъ людей* мужскаго пола, такъ что на тысячу жителей приходится 345 крѣпостныхъ, или иначе, что крѣпостное сословіе составляетъ не много болѣе трети всего народонаселенія. Все крѣпостное сословіе принадлежитъ *ста пятнадцати тысячамъ владѣльцевъ*, въ числѣ которыхъ *сто девять съ половиною тысячъ помѣщиковъ* и немного болѣе *пяти съ половиною тысячъ дворянъ безземельныхъ*. На каждаго владѣльца въ сложности приходится по 94 крѣпостныхъ; раздѣливъ же владѣльцевъ на помѣщиковъ и на дворянъ безземельныхъ, на каждаго изъ первыхъ придется 99 душъ, и на каждаго изъ послѣднихъ (во владѣніи которыхъ около 15,600 душъ) менѣе 3 душъ“.

Опредѣливъ этими цифрами современное число крѣпостныхъ людей въ Россіи и отношенія ихъ, какъ къ владѣльцамъ вообще, такъ и по двумъ разрядамъ послѣднихъ, а также и къ общему числу народонаселенія Имперіи, г. Тройницкій упоминаетъ, что въ VII томѣ: „Записокъ Императорской Академіи Наукъ“, (Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de S. Petersbourg VI Serie, Sciences politiques etc. т. VII), изданномъ въ 1847 году, напечатана была г. академикомъ Кеппеномъ статья: „О распредѣленіи жителей по сословіямъ“, въ составъ которой вошла и таблица о числѣ крѣпостныхъ людей и владѣльцевъ ихъ въ Европейской Россіи по 8 ревизіи. Свѣдѣнія, вошедшія въ статью г. Кеппена, были основаны на окладныхъ спискахъ 1838 года, хотя самая рявизія, какъ извѣстно, производилась съ 1834 по 1837 годъ, и такъ какъ при этихъ обстоятельствахъ свѣдѣнія г. Кеппена относятся къ 1838 году, а тѣ свѣдѣнія, которыми руководствовался г. Тройницкій, относятся къ 1857 году, то г. Тройницкій нашелъ возможность сдѣлать на счетъ крѣпостнаго сословія въ Россіи, приблизительно, сравнительные выводы за періодъ около двадцати лѣтъ, именно съ 1838 по 1857 годъ.

Мы не считаемъ себя вправѣ представить здѣсь нашимъ читателямъ ту весьма любопытную сравнительную таблицу о крѣпостномъ сословіи, которую г. Тройницкій приложилъ къ своей статьѣ: воспользуемся только ея общими выводами.

Изъ упомянутой таблицы г. Тройницкій вывелъ, между прочимъ, что общее мужское населеніе въ Европейской Россіи увеличилось, въ минувшій 20-лѣтній періодъ, почти на $4^1/_2$ милліона жителей или на 18 процентовъ; крѣпостное же населеніе не только не возросло, но напротивъ уменьшилось на 25 тысячъ душъ или $^1/_5$ часть процента. Главную причину не только застоя, но даже уменьшенія въ численности крѣпостнаго населенія г. Тройницкій находитъ возможнымъ приписать отбыванію этимъ сословіемъ рекрутской повинности въ натурѣ, потому что люди, поступающіе въ рекруты изъ свободныхъ сословій, остаются въ числѣ тѣхъ же сословій, при счетѣ народонаселенія, переходя только развѣ изъ одного сословія въ другое; поступающіе же въ службу изъ крѣпостнаго сословія исключаются изъ него навсегда, причисляясь, по истеченіи срока службы, не только лично, но и съ частію своихъ семействъ, къ какому-либо изъ свободныхъ сословій. Съ справедливостію этого замѣчанія должно согласиться вполнѣ.

Digitized by Google

Кромѣ этой главной причины, г. Тройницкій вычисляетъ еще нѣсколько причинъ, дѣйствующихъ на застой въ численности крѣпостнаго сословія, какъ-то: отпускъ на волю, поступленіе въ свободные хлѣбопашцы, переходъ въ другія сословія и т. п.; но у насъ нѣтъ надлежащихъ данныхъ, присовокупляетъ г. Тройницкій, для точнаго опредѣленія этихъ причинъ.

Вообще же, вслѣдствіе значительнаго увеличенія общаго числа населенія и напротивъ уменьшенія числа крѣпостныхъ людей, общій крѣпостный процентъ въ Европейской Россіи, по вычисленію г. Тройницкаго, понизился съ 44,82, на 37,90, слѣдовательно уменьшился вообще на 6,92.

Изъ этихъ данныхъ, касательно уменьшенія численности крѣпостнаго сословія въ Россіи, приведенныхъ и объясненныхъ г. Тройницкимъ, можно заключить, что, при обыкновенномъ порядкѣ вещей, крѣпостное сословіе единственно по уменьшенію своего процента, безъ всякихъ постороннихъ юридическихъ мѣръ, истребляющихъ совершенно его существованіе, уменьшилось бы въ Россіи, въ теченіе послѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, процентовъ на 17; затѣмъ остальныя, около 83% могли бы уничтожиться, примѣрно въ теченіе около двухъ вѣковъ, если только выводъ г. Тройницкаго принять за норму; отъ чего, несомнѣнно, и самъ почтенный авторъ и другіе пользующіеся его выводами весьма далеки. Замѣчаніе это дѣлается только въ видѣ исчисленія *вѣроятностей*, которыя, конечно, весьма слабо соотвѣтствуютъ естественнымъ событіямъ.

Переходя отъ общихъ замѣчаній къ частнымъ, г. Тройницкій говоритъ, что мужское населеніе уменьшилось только въ 5 и увеличилось въ 46 губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи. Губерніи: Витебская, Гродненская, Новгородская, Симбирская и Ярославская принадлежатъ къ тѣмъ, гдѣ уменьшилось общее населеніе. При этомъ г. Тройницкій замѣчаетъ, что уменьшеніе населенія въ Симбирской губерніи только мнимое и произошло отъ того, что часть этой губерніи отошла въ составъ вновь учрежденной, въ 1851 году, Самарской губерніи, не существовавшей при производствѣ 8 ревизіи.

По поводу этого мы позволяемъ себѣ присовокупить замѣчаніе, что въ теченіе двадцатилѣтняго періода, принимаемаго г. Тройницкимъ, населеніе въ Витебской и Гродненской губерніяхъ могло, очень вѣроятно, уменьшиться отъ бывшихъ тамъ въ сороковыхъ годахъ и нѣсколько позднѣе страшныхъ голодовъ. Мы имѣли случай видѣть таблицы браковъ, смертности и рожденій по этимъ губерніямъ, относящіяся къ несчастнымъ годамъ, и не могли не замѣтить значительнаго, сравнительно съ нѣсколькими предшествовавшими годами, уменьшенія первыхъ и послѣднихъ и напротивъ значительное увеличеніе второй—т. е. смертности. Такимъ образомъ, при большой убыли и при малой производительности народонаселенія, соединенныхъ съ смертностію болѣе обыкновенной, въ общемъ результатѣ необходимо должно было уменьшиться число народонаселенія въ тѣхъ мѣстахъ, на долю которыхъ выпали эти неблагопріятныя условія. Что же касается Ярославской губерніи, то при малоземельности ея сельскихъ обитателей и при ихъ зажиточности, общее число народонаселенія въ этой губерніи, какъ мы полагаемъ, уменьшается выкупомъ и переселеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ въ купеческое или мѣщанское сословіе и зачисленіемъ въ эти же сословія крестьянъ государственныхъ, не по одной только Ярославской, но и другимъ губерніямъ. Для болѣе точнаго опредѣленія, или даже только для подтвержденія нашего мнѣнія, могли бы служить по-

Digitized by Google

собіемъ свѣдѣнія ярославскихъ губернскихъ управленій о переходѣ тамошнихъ крестьянъ въ городскія сословія, какъ Ярославской, такъ и другихъ губерній. Можно сказать утвердительно, то недочетъ крѣпостныхъ людей въ 1857 противъ ихъ числа въ 1838 году, состоящій въ 17,191 душѣ легко объяснится переходомъ ярославскихъ крестьянъ въ городскія сословія, а затѣмъ уменьшеніе общаго итога по всей губерніи, въ теченіи двадцатилѣтняго періода, всего на 5,592 души объясняется перечисленіемъ обывателей Ярославской губерніи въ составъ мѣщанскихъ и купеческихъ сословій другихъ губерній. Касательно же Новгородской губерніи мы полагаемъ, что уменьшеніе въ ней массы народонаселенія нужно отнести прежде всего къ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, именно къ неурожаямъ и увеличившейся смертности.

Опредѣливъ общее увеличеніе и общее населеніе въ Европейской Россіи, г. Тройницкій переходитъ къ разсмотрѣнію безусловнаго или абсолютнаго числа крѣпостныхъ людей, и при этомъ дѣлаетъ выводъ, что безусловное или абсолютное число крѣпостныхъ людей увеличилось въ теченіе двадцатилѣтняго періода въ 19 губерніяхъ и уменьшилось въ 27. При этихъ вычисленіяхъ, какъ и при всѣхъ предшествовавшихъ, г. Тройницкій представляетъ подробный списокъ этихъ губерній.

Изъ этого списка видно, что уменьшеніе крѣпостнаго сословія послѣдовало въ губерніяхъ Оренбургской, Симбирской и Саратовской; по мнѣнію г. Тройницкаго, это должно быть приписано тому обстоятельству, что часть этого населенія отошла во вновь учрежденную, между сроками 8 и 9 ревизій, Самарскую губернію. Другія же губерніи, замѣчаетъ г. Тройницкій, въ отношеніи къ увеличенію или уменьшенію абсолютнаго крѣпостнаго сословія такъ перемѣшаны, что ни въ географическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи нельзя вывести о причинахъ того никакихъ положительныхъ заключеній: и въ томъ и въ другомъ спискѣ есть губерніи центральныя, западныя, восточныя и южныя; только собственно губерніи малороссійскія всѣ три стоятъ въ послѣднемъ спискѣ.

Касательно крѣпостнаго процента, который, какъ мы полагаемъ, долженъ имѣть самое важное значеніе при крестьянскомъ вопросѣ, г. Тройницкій замѣчаетъ, что процентъ этотъ, т. е. числовое отношеніе крѣпостнаго населенія къ общему губернскому населенію, *уменьшился* почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи. Исключенія составляютъ только три губерніи—Гродненская, Новгородская и Таврическая; въ двухъ первыхъ, конечно, только случайно, при общемъ уменьшеніи населенія, увеличился крѣпостной процентъ. Вообще же по поводу этого г. Тройницкій замѣчаетъ, что частные выводы по губерніямъ могли бы увлечь къ ошибочнымъ заключеніямъ.

Сравнительные выводы г. Тройницкаго, касательно крѣпостнаго сословія въ Азіатской Россіи, ограничиваются замѣчаніемъ о неудобствѣ сдѣлать ихъ по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ статьѣ г. академика Кеппена, такъ какъ въ этихъ свѣдѣніяхъ число жителей по 8 ревизіи показано было приблизительно; но вообще число крѣпостныхъ людей и крѣпостной процентъ уменьшились, и притомъ послѣдній въ значительной степени. О населеніи Закавказскаго края по 8 ревизіи, замѣчаетъ г. Тройницкій, мы вовсе не имѣемъ числовыхъ данныхъ для сравненія.

На основаніи же всѣхъ имѣвшихся у Тройницкаго свѣдѣній и на основаніяхъ,

Digitized by Google

принятыхъ центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, г. Тройницкій представляетъ въ сжатомъ видѣ слѣдующую таблицу:

	Въ 1837—1838 г.		Въ 1856—1857 г.	
	Число владѣльцевъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число владѣльцевъ.	Число крѣпостныхъ людей.
Дворянъ безземельныхъ	17,763	62,180	5,508	45,390
Помѣщиковъ, владѣльцевъ менѣе 21 души	58,457	450,037	47,465	357,496
отъ 21 до 100 душъ .	30,417	1,500,357	35,441	1,628,884
отъ 101 до 500 „ .	16,740	3,634,194	19,590	3.857,555
отъ 501 до 1000 „	2,273	1,562,831	2,433	1,591,637
болѣе 1000 „ .	1,453	3,566,959	1.439	3,260,005
Итого.	127,103	10,766,561	111,874	10,711,911

Статью свою г. Тройницкій оканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Изъ этихъ сравнительныхъ данныхъ (разумѣются данныя, помѣщенныя въ приведенной нами таблицѣ) оказывается, что въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Земли Войска Донскаго) общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей уменьшилось на 14,239 или на 12 процентовъ, а обсолютное число принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей на 54,650 или на полпроцента. По принятымъ нами рязрядамъ, продолжаетъ г. Тройницкій, разсматриваемымъ отдѣльно, *уменьшилось:* число владѣльцевъ и крѣпостныхъ людей, по разрядамъ самыхъ мелкихъ владѣльцевъ (т. е. безземельныхъ дворянъ и мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ) и самыхъ богатыхъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ своемъ владѣніи болѣе тысячи душъ; увеличилось же, напротивъ, число всѣхъ вообще помѣщиковъ среднихъ разрядовъ, т. е. имѣющихъ въ своемъ владѣніи отъ 21 до 100, отъ 101 до 500 и отъ 501 до 1000 душъ, равно какъ и число принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ“.

Изъ всего этого г. Тройницкій заключаетъ, что такой результатъ, по крѣпостному сословію, замѣченный въ теченіе почти двадцатилѣтняго періода, ясно обозначаетъ усиленіе и обогащеніе средняго сословія помѣщиковъ, переходомъ въ ихъ владѣніе значительной части крѣпостныхъ изъ рукъ какъ самыхъ мелкихъ владѣльцевъ, такъ отчасти и изъ слишкомъ огромныхъ помѣщичьихъ имѣній.

Представивъ читателямъ нашимъ всѣ тѣ факты, которые такъ систематически свелъ въ своей статьѣ г. Тройницкій, мы должны сказать, что они наводятъ насъ на многія соображенія, которыхъ, конечно, мы и не имѣемъ права искать въ статьѣ г. Тройницкаго, такъ какъ, кажется, и авторъ имѣлъ въ виду разрѣшить вопросъ только „о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“. Цѣль статьи въ этомъ отношеніи достигнута вполнѣ. Для людей незнакомыхъ съ статистическими выкладками не можетъ быть вполнѣ ясна вся громадность труда, исполненнаго г. Тройницкимъ; но мы можемъ сказать, что въ статьѣ г. Тройницкаго, съ виду не слишкомъ объемистой, кроются результаты долгаго и добросовѣстнаго труда.

Изъ данныхъ, находящихся въ статьѣ г. Тройницкаго, можно заключить безошибочно, что въ настоящее время крѣпостное право связано у насъ ближе всего съ правомъ поземельнаго владѣнія и что поэтому для опредѣленія крестьянскаго вопроса со всѣхъ его сторонъ, и слѣдовательно во всей полнотѣ, было бы желательно, чтобъ, въ дополненіе къ прекрасному труду г. Тройницкаго были также систематически обработаны свѣдѣнія о поземельной собственности помѣщиковъ и объ усадьбахъ ихъ крестьянъ. Несомнѣнно, что вопросъ этотъ слишкомъ обширенъ,

Digitized by Google

но объясненіе его, на основаніи сколь можно болѣе важныхъ статистическихъ данныхъ, необходимо для разрѣшенія слишкомъ частыхъ вопросовъ о современномъ положеніи крестьянъ. Подобный трудъ, въ соединеніи съ трудомъ г. Тройницкаго, служилъ бы богатымъ пособіемъ, для опредѣленія взгляда на многія экономическія условія въ быту помѣщичьихъ крестьянъ; а между тѣмъ нельзя не замѣтить, что, къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало данныхъ, на которыхъ можно было бы основывать многія соображенія по этому дѣлу и которыми въ то же время можно бы было опровергать произвольно составленныя воззрѣнія, неимѣющія въ себѣ никакого прочнаго основанія.

Библіографія журнальныхъ статей, по вопросу объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Съ обращеніемъ общаго вниманія въ Россіи на вопросъ объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, появилось въ нашей литературѣ много статей по этому предмету и возникли даже два спеціальные по сему вопросу журнала.

Всѣ вообще сочиненія и статьи такого рода можно, кажется, подвести подъ три главныя категоріи: въ однѣхъ описывается историческое развитіе быта земледѣльческаго сословія въ разныхъ государствахъ, что можетъ имѣть цѣлью указать намъ примѣры, достойные подражанія, или предостеречь насъ отъ ошибочныхъ мѣръ, навлекшихъ бѣдствія на другія страны. Въ другихъ статьяхъ заключаются общія юридическія и административныя разсужденія, клонящіяся къ разъясненію способа примѣненія мѣръ, какія слѣдуетъ принять, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Третьи статьи, наконецъ, болѣе практическаго содержанія, излагаютъ лишь мѣстныя свѣдѣнія о сельско-хозяйственномъ устройствѣ имѣній въ разныхъ краяхъ Россіи и могутъ служить съ одной стороны нѣкоторымъ пособіемъ при опредѣленіи частностей и подробностей въ предполагаемыхъ правилахъ объ устройствѣ крестьянскаго быта, а съ другой стороны могутъ указать частнымъ лицамъ удобнѣйшіе и выгоднѣйшіе способы къ преобразованію хозяйствъ своихъ, сообразно съ потребностями времени.

Въ статьяхъ перваго рода мы находимъ историческое описаніе устройства крестьянскаго сословія во Франціи, въ Пруссіи, въ Польшѣ, въ Остзейскихъ губерніяхъ и, наконецъ, въ самой Россіи.

Исторія *французскихъ крестьянъ* изложена въ статьяхъ гг. Чичерина и П. Ш—ва, напечатанныхъ,—первая въ „Атенеѣ“, а вторая въ 1 № „Русскаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ. Составленіе статей этихъ было авторамъ облегчено изданіемъ въ недавнее время во Франціи нѣсколькихъ сочиненій по этому предмету. Изъ нихъ, по полнотѣ и послѣдовательности изложенія, болѣе замѣчательно сочиненіе Лемари (Leymarie—Histoire des paysans en France), которымъ преимущественно руководствовался г. П. Ш—ъ. Но сочиненіе это доведено лишь до времени революціи; потому, чтобы ознакомиться съ позднѣйшимъ развитіемъ быта французскихъ земледѣльцевъ, слѣдуетъ обратиться ко второй половинѣ второй части сочиненія г. Бонмера (Bonnemére—Histoire des paysans). Къ сожалѣнію,

Digitized by Google

это сочиненіе, все вмѣстѣ взятое, не представляетъ довольно ясной и вѣрной картины исторіи устройства французскихъ крестьянъ. Въ г. Бонмерѣ слишкомъ высказывается стремленіе растрогать читателей изображеніемъ постоянныхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ французскими крестьянами, что вредитъ послѣдовательности и безпристрастію, которыя совершенно необходимы историку. Однимъ словомъ, книгу г. Бонмера правильнѣе было бы назвать Martyrologie des paysans en France.

Изъ приведенныхъ статей и сочиненій видно, что французскіе земледѣльцы, образовавшись частью изъ рабовъ, частью изъ свободныхъ людей, покоренныхъ новыми обладателями Галліи, изъ закабалившихъ себя добровольно, чтобы избавиться отъ притѣсненій и насилій, слились въ первыя времена французской монархіи въ сословіе крѣпостныхъ людей (serfs). Съ развитіемъ феодальной системы, крестьяне получили во многихъ мѣстахъ право потомственнаго пользованія землями, за повинности, опредѣленныя мѣстными обычаями. Наконецъ, крѣпостная зависимость на дѣлѣ почти уничтожилась, такъ какъ она не лишала уже крестьянъ права перехода съ мѣста на мѣсто, а выражалась только въ лежавшихъ на нихъ личныхъ повинностяхъ или услугахъ, считавшихся унизительными. Крестьянинъ могъ продать свою землю другому, принимавшему на себя исправленіе въ пользу господина поземельныхъ повинностей; но крестьянинъ, считавшійся крѣпостнымъ, не освобождался при этомъ отъ личныхъ своихъ повинностей. Помѣщики во второй половинѣ XVIII вѣка мало вмѣшивались въ управленіе крестьянами, а старались только умножать подъ разными предлогами ихъ повинности. Крестьяне, считавшіе уже землю своею и не видѣвшіе отъ господъ ни участія, ни помощи, и не чувствовавшіе даже надъ собою ихъ власти, смотрѣли на нихъ, какъ на чуждыхъ себѣ сосѣдей, которые, по сословному праву рожденія, требуютъ съ нихъ разныхъ поборовъ; потому крестьяне и помѣщики поставлены были между собою въ опасный антогонизмъ. Настала революція, уничтожившая феодальныя права и преимущества. Многіе крестьяне сдѣлались полными собственниками своихъ участковъ. Бытъ ихъ конечно улучшился, но еще не вездѣ. Въ настоящее время благосостоянію французскихъ крестьянъ вредитъ чрезмѣрное размельченіе поземельныхъ участковъ (многіе владѣютъ лишь $^1/_2$ десятины), а въ другихъ мѣстахъ непомѣрное возвышеніе арендной платы на землю.

Объ исторіи крестьянъ въ Пруссіи помѣщена въ 1, 2 и 4-мъ №№ „Сельскаго Благоустройства“ замѣчательная статья г. Самарина, которая, впрочемъ, еще не окончена. Статья эта весьма замѣчательна по полнотѣ, послѣдовательности и правильности своего изложенія. Она представляетъ намъ живую картину не только прежняго положенія прусскихъ крестьянъ и мѣръ, принятыхъ къ улучшенію ихъ быта, но и различныхъ воззрѣній современниковъ на эти мѣры, порядка составленія и приведенія въ исполненіе новыхъ правилъ, послѣдствій примѣненія ихъ и впечатлѣнія, произведеннаго реформою на крестьянъ и на дворянство. Въ первой части статьи, г. Самаринъ описываетъ устройство имѣній въ Пруссіи, подъ вліяніемъ феодальныхъ началъ: тутъ мы видимъ вредныя и невыгодныя послѣдствія прикрѣпленія лица къ лицу, лица къ землѣ и земли къ сословію. Люди, поставленные, по рожденію, въ тѣсную и опредѣленную сословную рамку, стѣснены въ приложеніи къ дѣлу своихъ способностей. Купля и продажа земли подвержены разнымъ ограниченіямъ, понижающимъ поземельную цѣнность и препятствующимъ хозяйственнымъ усовершенствованіямъ. Къ счастію, Пруссія не закоснѣла въ слѣ-

Digitized by Google

ной приверженности къ старому порядку вещей, не стала, подобно Франціи, дожидаться насильственнаго ниспроверженія этого порядка. Явился великій государственный мужъ, Штейнъ, мудрымъ начинаніямъ котораго Пруссія наиболѣе обязана настоящимъ своимъ благоустройствомъ и благосостояніемъ. Описанію государственной дѣятельности Штейна, по крестьянскому вопросу, посвящена вторая часть статьи г. Самарина. Въ 1807 году прусскіе крестьяне пріобрѣли личную свободу, сохранивъ при этомъ право пользованія землею, изстари носившею названіе крестьянской. Личныя повинности крестьянъ, истекавшія изъ крѣпостной зависимости, были упразднены; поземельныя же господскія повинности крестьянъ измѣнены не были. Оставалось опредѣлить справедливый размѣръ сихъ повинностей и облегчить крестьянамъ возможность пріобрѣсти поземельную собственность. Описаніе принятыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ, возбудившихъ сперва сильное сопротивленіе и порицаніе дворянства, но увѣнчавшихся благими для всего края послѣдствіями, заключается въ третьей части статьи г. Самарина. Принято за правило, что повинности крестьянъ въ пользу помѣщика не должны превышать трети всего чистаго дохода съ владѣемыхъ ими участковъ. Крестьяне, владѣвшіе участками своими наслѣдственно за постоянныя повинности, могли выкупить ихъ въ собственность; или, уступивъ помѣщику одну треть своей земли, сохранить въ своей собственности остальную часть. Изъ участковъ, владѣемыхъ крестьянами по срочнымъ условіямъ, они должны были уступить половину помѣщику, для освобожденія себя отъ повинностей. Былъ назначенъ срокъ для добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами, по истеченіи коего регулированіе производилось особо назначенными для того чиновниками. Наконецъ, прусское правительство содѣйствовало выкупу крестьянскихъ земель финансовыми учрежденіями, о которыхъ вѣрно будетъ болѣе подробно говорено въ послѣдней статьѣ г. Самарина.

Что касается исторіи устройства *польскихъ* крестьянъ, то объ этомъ напечатана довольно подробная и дѣльная статья въ послѣднихъ двухъ №№ „Русскаго Вѣстника". Но читатели наши могли уже познакомиться съ этимъ предметомъ, прочитавъ статью г. Карновича, помѣщенную въ іюньской книжкѣ „Современника".

Довольно много статей вышло, относительно устройства крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ,—а именно: 1) Очеркъ исторіи Эстляндскихъ крестьянъ—въ 3 № Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1857 годъ; 2) Очеркъ исторіи Лифляндскихъ крестьянъ—во 2 и 3-мъ №№ Отечественныхъ Записокъ за 1858 годъ; 3) Извлеченіе изъ законоположеній о крестьянахъ Остзейскихъ губерній П. Шульца,—напечатанное сперва въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а потомъ отдѣльной брошюрой; 4) Письма о крестьянахъ прибалтійскаго края, напечатанныя въ le Nord и переведенныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Послѣднее сочиненіе, довольно краткое, но достаточно-полное изложеніе постепеннаго измѣненія устройства крестьянскаго сословія во всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерніяхъ. Все вообще писанное по этому предмету приводитъ къ убѣжденію, что дарованіе крестьянамъ одного только права перехода изъ одного имѣнія въ другое, безъ права собственности или постояннаго пользованія на землю, неминуемо должно имѣть вредное вліяніе на бытъ крестьянъ; потому-то пришлось измѣнить и исправить эстляндское положеніе 1816 года и лифляндское 1819 года, коими не было предоставлено тамошнимъ крестьянамъ такого права.

У насъ нѣтъ еще полной, хорошей исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи;

Digitized by Google

все, что мы имѣемъ, пока заключается въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ le Nord и переведенной съ нѣкоторыми замѣчаніями, дополненіями, возраженіями и цитатами разныхъ документовъ, г. Вельтмана, въ первой книжкѣ „Журнала Землевладѣльцевъ". Статья г. Вельтмана съ полнымъ знаніемъ дѣла разобрана во 2-мъ № „Русской Бесѣды" за нынѣшній годъ.

Перейдемъ теперь къ разбору статей, посвященныхъ разъясненію вопроса о лучшемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Но скажемъ напередъ нѣсколько словъ о самыхъ журналахъ, спеціально посвятившихъ себя этому предмету или открывшихъ для того особые отдѣлы.

Болѣе всего вниманія обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи „Сельское Благоустройство", издаваемое при „Русской Бесѣдѣ". Вотъ какими словами издатель, г. Кошелевъ, объясняетъ назначеніе своего журнала: „У насъ", говоритъ онъ, „объ устройствѣ крѣпостнаго сословія еще не было *общаго сужденія*. Теперь необходимо вознаградить упущенное время. Теперь каждый изъ насъ обязанъ спѣшно пріобрѣтать всѣ нужныя свѣдѣнія, соображать ихъ и придумывать средства къ разрѣшенію предлежащей намъ задачи. Сверхъ того—и это еще важнѣе перваго—мы должны свои мнѣнія высказывать, чужія выслушивать и такимъ образомъ *уяснять и выработывать общее мнѣніе*".

Статьи, помѣщенныя въ первыхъ четырехъ нумерахъ „Сельскаго Благоустройства", довольно разнообразны. Не говоря уже объ упомянутой нами выше статьѣ о прусскихъ крестьянахъ, укажемъ сперва на прекрасно составленныя статьи г. Самарина о теперешнемъ и будущемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ. Г. Самаринъ въ первой статьѣ доказываетъ, что конечная цѣль улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ должна состоять въ образованіи состоянія крестьянъ-собственниковъ, но что внезапный выкупъ всей крестьянской земли посредствомъ финансовой операціи представлялъ бы огромныя затрудненія, что даже общее превращеніе барщинныхъ повинностей въ оброчныя было бы вдругъ невозможно и что потому необходимо переходное состояніе. Издатель журнала, въ примѣчаніи къ этой статьѣ, объяснилъ, что, соглашаясь во многомъ съ мнѣніемъ г. Самарина, онъ считаетъ однако нужнымъ представить въ слѣдующей книжкѣ нѣкоторыя замѣчанія на эту статью. Но г. Кошелевъ, видно, перемѣнилъ намѣреніе, потому что замѣчаній этихъ мы въ слѣдующей книжкѣ Сельскаго Благоустройства не читали.

Во второй статьѣ, помѣщенной въ 4 № „Сельскаго Благоустройства", г. Самаринъ, возбуждаетъ вопросъ: не лучше-ли, вмѣсто немедленнаго обязательнаго выкупа усадебъ, предоставить крестьянамъ усадьбы ихъ въ постоянное неотъемлемое пользованіе вмѣстѣ съ пахатною землею, и дозволить имъ выкупить впослѣдствіи, когда сами пожелаютъ и будутъ имѣть къ тому средства, всю отведенную имъ землю вмѣстѣ съ усадьбами?

Въ третьей книжкѣ „Сельскаго Благоустройства", помѣщенъ проектъ устройства крестьянскаго быта г. Шишкова. По мнѣнію его слѣдовало бы надѣлить крестьянъ землею по двѣ десятины на душу, брать съ нихъ оброку по 4 р. сер. съ десятины, что составитъ 20 руб. съ тягла; затѣмъ крестьяне платили бы въ казначейство, для составленія выкупнаго капитала, по 5 руб. сер. съ души (т. е. $12^1/_2$ руб. сер. съ тягла); чрезъ это въ 18 лѣтъ составилась бы сумма, достаточная для выкупа отведенной крестьянамъ земли, и тогда крестьяне получили бы

Digitized by Google

землю эту въ собственность и избавлены были бы отъ всѣхъ повинностей въ отношеніи къ помѣщику. Хотя конечно трудно опровергать человѣка практическаго, но трудно также понять: какимъ образомъ крестьяне, которые, пользуясь значительнымъ количествомъ земли, могли до сихъ поръ платить только 20 руб. сер. съ тягла,—что составляетъ средній оброкъ у насъ,—будутъ въ состояніи, съ отнятіемъ у нихъ части земли, платить сверхъ оброка еще $12^1/_2$ руб. съ тягла на выкупъ. Едва ли можно также надѣяться, чтобы крестьяне, не бывавшіе прежде на оброкѣ, а исполнявшіе барщинныя работы, могли бы вдругъ сдѣлаться способными къ ежегодной уплатѣ $32^1/_2$ руб. сер., т. е. суммы, превышающей обыкновенные оброки крестьянъ въ самыхъ промышленныхъ и богатыхъ губерніяхъ.

Другія статьи, помѣщенныя въ „Сельскомъ Благоустройствѣ", болѣе практическаго содержанія и указываютъ на способы примѣненія новыхъ правилъ къ отдѣльнымъ мѣстностямъ или особымъ случаямъ.

Такъ, напримѣръ, въ статьѣ г. Кошелева высказаны предположенія объ устройствѣ быта крестьянъ, принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, посредствомъ выкупа мелкихъ имѣній.

Г. К—нъ, въ статьѣ своей, разсматриваетъ вопросы, относящіеся собственно до Рязанской губерніи, а именно: какимъ количествомъ замли слѣдуетъ надѣлить тамъ крестьянъ, какимъ образомъ лучше устроить вотчинное управленіе и обезпечить исправный взносъ податей и повинностей крестьянъ.

Въ другихъ статьяхъ и въ письмахъ, адресованныхъ къ издателю журнала, заключаются разныя мѣстныя свѣдѣнія и соображенія, сообщенныя помѣщиками.

Такія практическія замѣчанія и данныя составляютъ полезное дополненіе къ общимъ предположеніямъ и къ историческимъ изслѣдованіямъ, о которыхъ говорено выше. Все это вмѣстѣ даетъ журналу надлежащую полноту и разносторонность. Нельзя покуда сказать того же о „Журналѣ Землевладѣльцевъ", издаваемомъ г. Желтухинымъ. Тутъ мы находимъ почти исключительно практическія сельско-хозяйственныя данныя и соображенія. Впрочемъ г. Желтухинъ и не имѣетъ, кажется, прямаго намѣренія выработывать, какъ г. Кошелевъ, общественное мнѣніе. Онъ желаетъ соединить въ своемъ журналѣ даже самыя противоположныя мнѣнія, хочетъ самъ быть до того безпристрастнымъ, что журналъ его не будетъ имѣть опредѣленнаго *цвѣта*. Онъ не беретъ на себя соглашать противорѣчій, но „избѣгая голословнаго выраженія собственныхъ мнѣній, постарается выразить ихъ въ подробномъ и откровенномъ разсказѣ о своемъ деревенскомъ хозяйствѣ". За то, независимо отъ вопроса объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, г. Желтухинъ обѣщаетъ намъ статьи, касающіяся разныхъ усовершенствованій въ сельско-хозяйственномъ устройствѣ. Онъ указываетъ, напримѣръ, на недостатокъ у насъ въ ветеринарахъ, землемѣрахъ, хорошимъ мельникахъ, бухгалтерахъ, приказчикахъ и проч. и приглашаетъ практическихъ людей указать на способы къ устраненію этого недостатка; обѣщаетъ помѣщать статьи о гонкѣ смолы, о поташномъ производствѣ, о винодѣліи, о фабрикахъ и т. п., лишь бы статьи эти имѣли отношеніе къ улучшенію быта крестьянъ и усовершенствованію помѣщичьяго хозяйства *).

Послѣ предисловія отъ издателя, слѣдуетъ въ первомъ нумерѣ „Журнала

*) „Журналъ Землевладѣльцевъ" № 1, „Отъ издателя"—стр 7. 11 и 22.

Digitized by Google

Землевладѣльцевъ" статья *„по поводу рѣчей г. Погодина и Кокорева"*. Статья эта замѣчательна по отсутствію всякаго опредѣленнаго цвѣта. Прежде нежели мы прочли ее, мы объ ней слышали отъ двухъ лицъ: одинъ господинъ хвалилъ ее, говоря съ пріятной улыбкой, что это претонкая, но преколкая иронія на счетъ рѣчи г. Кокорева; другой не нашелъ въ ней ничего, кромѣ преувеличенной похвалы нашему Монтекристо. Прочитавъ статью со вниманіемъ, мы не могли вполнѣ разъяснить нашего недоумѣнія и сказать положительно: чего хотѣлось автору, похвалить или посмѣяться. Скорѣе должно принять эту статью за похвалу, но похвалу не совсѣмъ ловкую. Если же самую неловкость эту должно объяснить въ смыслѣ преднамѣренной ироніи, то она такъ тонка, что даже человѣку, заранѣе предупрежденному, трудно ее понять. Гдѣ тонко, тамъ и рвется, гласитъ пословица. Если хвалить въ человѣкѣ то именно, чего въ немъ недостаетъ,—это, пожалуй, будетъ иронія довольно горькая; а тутъ хвалятъ „свѣтлый практическій умъ" г. Кокорева, котораго у него никто не оспаривалъ, даже говоря о его влеченіи къ гласности. Вмѣстѣ комментаріи и дополненія къ рѣчи г. Кокорева, помѣщенныя въ этой статьѣ, кажется, совершенно согласны съ его собственными словами и мнѣніями. Гдѣ же тутъ иронія? Въ одномъ только мѣстѣ авторъ статьи дѣлаетъ что-то въ родѣ возраженія на слова г. Кокорева, что, гдѣ доходы помѣщиковъ, при будущемъ устройствѣ крестьянъ, не возмѣстятъ доходовъ ими получаемыхъ, тамъ нужно *пожертвованіе*. Слово это не нравится автору статьи, но онъ „такъ убѣжденъ въ чувствахъ деликатности и благоразумія г. Кокорева", что онъ объясняетъ это выраженіе слѣдующимъ образомъ: авторъ говоритъ, что г. Кокоревъ имѣлъ въ виду не даровое пожертвованіе въ пользу помѣщиковъ, а ссуду крестьянъ выкупнымъ капиталомъ. Сколько намъ извѣстно, выводъ этотъ совершенно вѣренъ мысли самого г. Кокорева, который могъ думать объ устройствѣ банка, для выкупа крестьянскихъ земель или усадебъ, но, конечно, не предполагалъ выдавать даровыя пособія помѣщикамъ. И тутъ опять нѣтъ ироніи, а просто развитіе собственной мысли г. Кокорева. Съ другой стороны трудно повѣрить, чтобы авторъ статьи этой хотѣлъ просто выразить свое искреннее одобреніе рѣчи г. Кокорева и не умѣлъ сдѣлать это попроще, поестественнѣе, такъ, однимъ словомъ, чтобы не было мѣста истолкованію статьи въ противную сторону. Нѣтъ, это вѣрно иронія! Но если такъ, то въ чемъ она заключается? That is the question, и не легко разрѣшить этотъ вопросъ; развѣ самъ авторъ потрудится написать къ своей статьѣ пояснительные коментаріи.

Мы слишкомъ долго заговорились объ этой статьѣ, увлекшись любопытствомъ, возбуждаемымъ всѣмъ тѣмъ, что остается для насъ неразгаданнымъ.

Изъ другихъ статей „Журнала Землевладѣльцевъ" мы замѣтили, въ 3-мъ нумерѣ, статью г. Протасьева и письмо въ редакцію о бытѣ нынѣшняго харьковскаго крестьянина. Г. Протасьевъ, подтверждая свои выводы подробными числовыми данными, доказываетъ, что если его барщинное имѣніе Рязанской губерніи, заключающее въ себѣ 201 душу крестьянъ и приносящее ему 3,000 р. сер. средняго годоваго дохода, обратить въ оброчное, причемъ отдать крестьянамъ въ аренду всю землю, по существующимъ въ тѣхъ мѣстахъ вольнонаемнымъ цѣнамъ, то имѣніе принесетъ ему 3,300 руб. сер. чистаго дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждое крестьянское семейство будетъ имѣть 45 р. сер. ежегодной чистой прибыли. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ, что онъ потеряетъ часть своего дохода, съ уничтоженіемъ

Digitized by Google

обязательнаго труда, что ему придется содержать вольнонаемную прислугу, покупать провизію и сѣно, рубить и привозить на свой счетъ дрова и т. п., что составитъ въ годъ расходъ до 1,200 р. сер., болѣе противъ того, что издерживается нынѣ на содержаніе дворовыхъ, которыхъ у г. Протасьева мужскаго пола 29. Значительная разница въ расходѣ объясняется тѣмъ, что у г. Протасьева 24 человѣка домашней прислуги обоего пола дворовыхъ, а вмѣсто нихъ вольнонаемныхъ онъ считаетъ необходимымъ имѣть въ услуженіи 16. Показанная сумма 1,200 руб. должна, по мнѣнію г. Протасьева, быть замѣнена процентами съ соотвѣтственнаго капитала, за отходящія отъ помѣщика собственность и рабочую силу. „Конечно, гиворитъ далѣе г. Протасьевъ,—выведенный мною расчетъ „расходовъ, *на удовлетвореніе потребностей*, не можетъ служить нормой для „опредѣленія выкупнаго капитала по имѣніямъ вообще, потому что размѣръ по„требностей не можетъ быть пропорціоналенъ количеству душъ; такъ напримѣръ: „владѣльцу имѣнія въ 2,000 душъ не потребно же 160 человѣкъ прислуги „и т. д.“.

Вотъ новый взглядъ на вещи! Оставимъ въ сторонѣ то, что помѣщикъ, получая, собственно поземельнаго дохода съ имѣнія, болѣе, чѣмъ ему приносилъ обязательный трудъ крестьянъ, не имѣетъ нисколько права требовать выкупной суммы. Положимъ, что отходящая отъ него рабочая сила должна бы быть выкуплена (что не согласно съ смысломъ Высочайшихъ рескриптовъ, по коимъ выкупъ полагается только за отходящую отъ помѣщика недвижимую собственность—крестьянскія усадьбы), и тогда цѣна выкупа должна бы соразмѣряться съ размѣромъ мѣстной вольнонаемной платы, со средствами и мѣстными выгодами крестьянъ, а ужъ никакъ не съ *потребностями помѣщика*. Иначе, можно бы дойти до самыхъ странныхъ выводовъ: потребности помѣщика вещь весьма относительная. Холостой помѣщикъ 1,000 душъ довольствуется иногда пятью человѣками домашней прислуги, а если не живетъ въ деревнѣ, то часто и теперь вовсе не держитъ при себѣ крѣпостныхъ людей, кормитъ лошадей и теперь покупнымъ сѣномъ и т. д., и потому, по системѣ г. Протасьева, не потерпитъ вовсе убытка. Семейному же помѣщику ста душъ, можетъ быть, по прежнимъ привычкамъ его, нужно человѣкъ двадцать прислуги, а вмѣсто нихъ человѣкъ пятнадцать вольнонаемныхъ людей; нужно много разной провизіи, сѣна, дровъ и т. п. Взамѣнъ всего этого, онъ потребуетъ отъ крестьянъ большого вознагражденія. Впрочемъ, ошибочность вывода г. Протасьева такъ очевидна, что нечего болѣе доказывать, къ какимъ явно несправедливымъ, въ отношеніи крестьянъ, результатамъ могла бы привести его система. Не даромъ г. издатель „Журнала Землевладѣльцевъ“ обѣщалъ помѣщать у себя самыя противоположныя мнѣнія!

Письмо изъ Харькова, о коемъ мы упомянули выше, статья совсѣмъ другого рода. Тутъ есть очень интересные факты о прежнемъ бѣдственномъ положеніи тамошнихъ военныхъ поселеній и благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ обращенія военныхъ поселянъ въ государственные крестьяне, и нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о бытѣ харьковскихъ крестьянъ вообще.

Кромѣ этихъ двухъ, издаваемыхъ въ Москвѣ, спеціальныхъ журналовъ по крестьянскому вопросу, „Русскій Вѣстникъ“ посвятилъ этому вопросу особый отдѣлъ.

Въ статьѣ отъ редакціи, помѣщенной въ началѣ сего отдѣла въ 5 № „Рус-

Digitized by Google

скаго Вѣстника“ за 1858 годъ, высказанъ слѣдующій взглядъ на крѣпостной вопросъ: „главною цѣлью предполагаемыхъ мѣръ къ устройству крестьянскаго быта должно быть предоставленіе крестьянамъ полныхъ гражданскихъ правъ. Прежде всего надлежитъ собрать точныя мѣстныя свѣдѣнія, по коимъ слѣдуетъ опредѣлить надѣлъ крестьянъ землею и повинности ихъ, сообразно съ настоящимъ порядкомъ вещей. Дальнѣйшимъ шагомъ должно быть превращеніе барщины въ денежный оброкъ. Окончательною мѣрою, въ послѣдствіи времени, могла бы быть капитализація оброка и выкупъ крестьянскихъ повинностей, съ предоставленіемъ крестьянамъ права собственности на состоящую въ ихъ пользованіи землю. Послѣдняя мѣра, при помощи финансовой операціи, со временемъ, вѣроятно, была бы охотно принята многими помѣщиками.

Изъ статей по крестьянскому вопросу, сообщенныхъ „Русскому Вѣстнику“ и помѣщенныхъ въ 5 и 6-мъ №№ сего журнала, обращаютъ на себя вниманіе статьи: 1) „о необходимости поземельной собственности“—Х. Д., и 2) „о возможности выкупка крестьянскихъ участковъ безъ участія Правительства“ — г. Пушкина. Выкупъ, по мнѣнію г. Пушкина, могутъ произвести дворяне, при участіи другихъ сословій, если согласятся вносить ежегодно $^1/_{100}$ часть оцѣночной суммы земли, уступаемой крестьянамъ. Образующійся такимъ образомъ ежегодно складочный фондъ былъ бы употребляемъ на выкупъ имѣній по очереди; оброкъ съ выкупленныхъ крестьянъ присоединялся бы къ складочному фонду и обращался бы на выкупъ другихъ имѣній. По расчету г. Пушкина, выкупъ по всей Тульской губерніи (о которой собственно онъ говоритъ) продолжился бы 34 года, но взносъ помѣщиками по 1% съ оцѣнки—лишь 31 годъ. При этомъ дворяне внесли бы на 100 руб.—31 руб. въ теченіе 31 года, а получили бы выкупной капиталъ разомъ, т. е. не по частямъ, хотя и не всѣ вдругъ; но всякій, пока до него дойдетъ очередь получить выкупную сумму, сталъ бы по прежнему пользоваться доходами съ имѣнія.

Трудно составить себѣ положительное мнѣніе о такомъ проектѣ, не зная, какъ смотрятъ на него сами Тульскіе помѣщики, до коихъ дѣло касается и которыхъ г. Пушкинъ приглашаетъ къ ежегодному пожертвованію 1% съ цѣнности своихъ имѣній. Очень можетъ быть, что такое временное пожертвованіе оказалось бы впослѣдствіи выгоднымъ и для самихъ помѣщиковъ; но все-таки нужно знать, согласятся ли они сами съ этимъ мнѣніемъ.

Изъ замѣчательныхъ статей, появившихся въ другихъ журналахъ, относительно предметовъ, связанныхъ съ устройствомъ крестьянскаго быта, мы могли бы указать на статьи г. Соловьева „о поземельномъ пользованіи въ Россіи“. Но авторъ представилъ покуда только сводъ мнѣній разныхъ поборниковъ и противниковъ общиннаго владѣнія землею и сравнительныя свѣдѣнія о поземельномъ владѣніи въ Европѣ. Лучше поговорить подробнѣе объ этихъ статьяхъ, когда г. Соловьевъ доведетъ ихъ до конца и выскажетъ собственные свои взгляды и заключенія.

Digitized by Google

БОРЬБА ПАРТІЙ ВО ФРАНЦІИ ПРИ ЛЮДОВИКѢ XVIII КАРЛѢ X.

(Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par Guizot. Tome 4-er. 1858).

I.

Книга Гизо.—Роялисты и либералы во время реставраціи.—Отношеніе этихъ партій къ королевской власти и къ свободѣ.—Истинный характеръ той и другой партіи.—*Chambre introuvable* 1815.—Фуше.—Герцогъ Ришлье.—Амнистія.—Король принужденъ распустить роялистскую палату.—Ожесточеніе роялистовъ противъ короля и Деказа — Новая палата.—Либералы поддерживаютъ деспотизмъ, роялисты защищаютъ свободу.—Либералы усиливаются.—Интриги роялистовъ. — Паденіе Ришлье. — Деказъ торжествуетъ надъ роялистами. — Вильменъ и цензура. — Убійство герцога Беррійскаго — Король принужденъ роялистами удалить Деказа.—Роялисты обѣщаютъ поддерживать министерство Ришлье.—Они измѣняютъ своему слову.—Оскорбительный адресъ.—Король принужденъ ими отказаться отъ участія въ управленіи государствомъ. — Торжество роялистовъ. — Министерство Вильеля.

(1815—1821).

Съ годъ тому назадъ было объявлено, что авторъ „Исторіи цивилизаціи во Франціи" издаетъ записки о своей политической жизни. Всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали обѣщанной книги. Какъ бы ни думалъ кто изъ насъ о государственной дѣятельности Гизо, каждый былъ увѣренъ, что воспоминанія бывшаго министра представятъ очень много новыхъ и важныхъ фактовъ. Еще менѣе можно было сомнѣваться въ томъ, что чрезвычайно сильный талантъ автора придастъ изложенію фактовъ увлекательность, его взгляду на нихъ — обольстительность. Первый томъ заманчивыхъ воспоминаній вышелъ—и оказался, къ великому нашему изумленію, книгою сухою, написанною довольно посредственно, прибавляющею очень мало къ вещамъ, уже давно разсказаннымъ всѣми, писавшими о томъ періодѣ,—словомъ сказать, оказался книгою не замѣчательною ни въ какомъ отношеніи.

На многихъ читателей этотъ отзывъ произведетъ, вѣроятно, дурное впечатлѣніе, потому что онъ рѣшительно не соотвѣтствуетъ мнѣнію почти всѣхъ европейскихъ журналовъ, объявившихъ „Записки" Гизо произведеніемъ высокаго интереса и великаго достоинства. Но благопріятныя сужденія о новой книгѣ Гизо основаны преимущественно на громкой славѣ ея автора. „Написалъ знаменитый человѣкъ, стало быть въ сочиненіи находятся интересъ и мудрость",—умозаключеніе очень удобное для всѣхъ тѣхъ, которые не умѣютъ или не хотятъ оцѣнить книгу по ея содержанію: для нихъ обертка – прекрасная руководительница. Другимъ „За-

Digitized by Google

писки“ Гизо понравились по другой причинѣ. Книга эта проникнута либеральными идеями и служитъ сильнымъ косвеннымъ протестомъ противъ системы Луи-Наполеона, точно такъ же, какъ послѣдніе томы „Исторіи Консульства и Имперіи“ Тьера, какъ послѣднія сочиненія Дювержье де-Горанна, Токвилля, Монталамбера и проч. Но мы признаемся, что либерализмъ гг. Гизо, Тьера, Токвилля и прочихъ имѣетъ для насъ очень мало прелести, и вся эта статья внушена желаніемъ разъяснить причины нашего нерасположенія къ либерализму подобнаго рода. Мы судимъ о книгѣ по самой книгѣ, а не по выставленному на ней имени, и не видимъ особенной пользы въ ея тенденціи; потому-то и показалась намъ она скучною и довольно пустою. Очень вѣроятно, что слѣдующіе томы „Записокъ“ будутъ гораздо любопытнѣе: съ 1830 года Гизо былъ уже предводителемъ партіи, имѣлъ сильное и самостоятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ; его воспоминанія объ этихъ временахъ должны быть интересными. Но въ первомъ томѣ разсказъ доведенъ только до Іюльской революціи, а во весь періодъ Реставраціи Гизо былъ далеко не первымъ человѣкомъ своей партіи; его дѣйствія не имѣли особеннаго вліянія на событія, потому и его воспоминанія о своей личной дѣятельности лишены большой исторической важности; новыхъ фактовъ о другихъ политическихъ людяхъ того времени онъ не представилъ; его разсказъ о событіяхъ кратокъ и сухъ; такимъ образомъ, съ фактической стороны, первая часть его „Записокъ“ не имѣетъ почти никакой цѣны; а что касается мнѣній, которыхъ онъ держится при сужденіи о людяхъ и событіяхъ, эти мнѣнія извѣстны во всей подробности изъ безчисленнаго множества книгъ, давно написанныхъ другими публицистами школы „Journal des Débats“. Потому-то мы и находимъ, что первый томъ „Записокъ“ Гизо не замѣчателенъ ни въ какомъ отношеніи.

Мы ошиблись: въ одномъ отношеніи книга Гизо очень замѣчательна. Поразительна та гордая самоувѣренность, съ которою онъ, одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ во Франціи людей, — онъ, упрямство и грубыя ошибки котораго вовлекли Францію во всѣ бѣдствія, испытанныя ею въ послѣднія десять лѣтъ,—онъ, погубившій династію, которой служилъ, погубившій систему, которую защищалъ, ввергнувшій свою страну въ междоусобія, — онъ, истинный виновникъ желѣзной диктатуры Луи-Наполеона, крестный отецъ всѣхъ Эспинасовъ, говоритъ о своихъ дѣйствіяхъ, какъ будто о непогрѣшительныхъ, о своихъ убѣжденіяхъ, какъ будто о непоколебимо раздѣляемыхъ всѣми разумными людьми во Франціи. Онъ говоритъ такъ, какъ могли говорить развѣ Робертъ Пиль или Штейнъ, какъ будто всѣ соотечественники признаютъ его спасителемъ отечества.

Ни одного слова въ извиненіе своихъ ошибокъ—ошибокъ онъ не дѣлалъ; ни одной фразы, въ которой замѣтно было бы сожалѣніе хотя о чемъ нибудь, исправленіе хоть въ чемъ нибудь. Онъ чистъ и непогрѣшителенъ, онъ мудръ и святъ передъ Богомъ и людьми.

Никакая гордость своимъ личнымъ умомъ, никакая увѣренность въ личной своей правотѣ недостаточны для сообщенія человѣку такого непоколебимаго, самоувѣреннаго спокойствія за всю свою жизнь, за всѣ свои планы и дѣйствія. Нужна для этого другая опора,—Гизо непоколебимъ потому, что онъ схоластикъ. Напрасно ходили люди передъ Зенономъ,—Зенонъ продолжалъ доказывать, что движеніе невозможно; напрасно жестокій господинъ сломалъ ногу философу, непризнававшему бѣдственности физическаго страданія—Эпиктетъ сидѣлъ съ перелом-

Digitized by Google

ленною ногою, доказывая Эпафродиту, что онъ ошибается, воображая, будто ему, Эпиктету, мучительна боль. Ослѣпленіе часто бываетъ источникомъ страннаго мужества.

Мы знали, что доктринеры, во главѣ которыхъ стоялъ Гизо, были схоластики, доходившіе до изумительнаго ослѣпленія своими отвлеченными формулами; но только послѣдняя книга Гизо показала намъ вполнѣ, до какой степени невозмутима никакими фактами была ихъ теоретическая слѣпота и глухота. Въ этомъ смыслѣ Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps — книга очень замѣчательная, какъ психологическій фактъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ первый томъ этихъ мемуаровъ очень мало любопытенъ.

Но если не интересна книга, то очень интересно время, о которомъ она говоритъ,—время съ 1814 до 1830 года, періодъ Реставраціи. У насъ объ этомъ времени почти ничего не было писано, и мы хотимъ воспользоваться книгою Гизо. какъ предлогомъ сказать нѣсколько словъ о внутренней исторіи Французскаго государства при возстановленной династіи Бурбоновъ, – исторіи очень мало извѣстной у насъ, а между тѣмъ заключающей въ себѣ начало и объясненіе многаго. сбивающаго насъ съ толку при сужденіяхъ о нынѣшней Франціи. Отъ временъ Реставраціи досталось въ наслѣдство нашему времени пресловутое и, по правдѣ говоря, превздорное слово „либерализмъ", которое до сихъ поръ порождаетъ столько путаницы въ головахъ, столько глупостей въ политической жизни, и приноситъ столько бѣдъ народу, о благѣ котораго такъ суетливо и такъ неудачно хлопотали либералы отъ Кадикса до Кенигсберга, отъ Калабріи до Нордкапа.

Впрочемъ, не смотря на то, что слово либерализмъ повсюду очень употребительно, его значеніе и въ Западной Европѣ, а тѣмъ болѣе у насъ остается очень сбивчивымъ. Либераловъ совершенно несправедливо смѣшиваютъ съ радикалами и съ демократами. Наша статья осталась бы темною или показалась бы нелѣпою тому, кто привыкъ смѣшивать эти партіи, чрезвычайно рѣзко разнящіяся одна отъ другой. Здѣсь намъ нѣтъ нужды много говорить ни о радикалахъ, ни о демократахъ, потому что они не играли первыхъ ролей въ эпоху Реставраціи и, можно сказать, не составляли еще плотныхъ политическихъ партій во Франціи; довольно будетъ упомянуть о нихъ не болѣе, какъ на столько, чтобы показать ихъ различіе отъ либераловъ, и тѣмъ опредѣлить либерализмъ въ точномъ смыслѣ слова.

У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно. Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно, къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа—наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному—аристократіи; либералъ почти

Digitized by Google

всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы.

Радикализмъ, собственно говоря, состоитъ не въ приверженности къ тому или другому политическому устройству, а въ убѣжденіи, что извѣстное политическое устройство, водвореніе котораго кажется полезнымъ, не согласно съ коренными существующими законами, что важнѣйшіе недостатки извѣстнаго общества могутъ быть устранены только совершенною передѣлкою его основаній, а не мелочными исправленіями подробностей. Радикаломъ былъ бы въ Сѣверной Америкѣ монархистъ, въ Китаѣ—приверженецъ европейской цивилизаціи, въ Остъ-Индіи—противникъ кастъ. Изъ всѣхъ политическихъ партій, одна только либеральная непримирима съ радикализмомъ, потому что онъ расположенъ производить реформы съ помощью матеріальной силы и для реформъ готовъ жертвовать и свободою слова и конституціонными формами. Конечно, въ отчаяніи либералъ можетъ становиться радикаломъ, но такое состояніе духа въ немъ ненатурально, оно стоитъ ему постоянной борьбы съ самимъ собою и онъ постоянно будетъ искать поводовъ, чтобы избѣжать надобности въ коренныхъ переломахъ общественнаго устройства, и повести свое дѣло путемъ маленькихъ исправленій, при которыхъ не нужны никакія чрезвычайныя мѣры.

Такимъ образомъ, либералы почти всегда враждебны демократамъ и почти никогда не бываютъ радикалами. Они хотятъ политической свободы, но такъ какъ политическая свобода почти всегда страждетъ при сильныхъ переворотахъ въ гражданскомъ обществѣ, то и самую свободу, высшую цѣль всѣхъ своихъ стремленій, они желаютъ вводить постепенно, расширять по-немногу, безъ всякихъ, по возможности, сотрясеній. Необходимымъ условіемъ политической свободы кажется имъ свобода печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ. Парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націи въ обширномъ смыслѣ слова, потому либералы принуждены также ограничивать участіе въ парламентѣ тѣми классами народа, которымъ довольно хорошо, или даже очень хорошо, жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ.

Съ теоретической стороны, либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, избавленнаго счастливою судьбою отъ матеріальной нужды: свобода—вещь очень пріятная. Но либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя средства пользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Ни мнѣ, ни вамъ, читатель, не запрещено обѣдать на золотомъ сервизѣ; къ сожалѣнію, ни у васъ, ни у меня нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ средствъ для удовлетворенія этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что ни мало

Digitized by Google

не дорожу своимъ правомъ имѣть золотой сервизъ, и готовъ продать это право за одинъ рубль серебромъ или даже дешевле. Точно таковы для народа всѣ тѣ права, о которыхъ хлопочутъ либералы. Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими,— скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?

Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляющихъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа. Изъ теоретической узкости либеральныхъ понятій о свободѣ, какъ простомъ отсутствіи запрещенія, вытекаетъ практическое слабосиліе либерализма, не имѣющаго прочной поддержки въ массѣ народа, недорожащей правами, воспользоваться которыми она не можетъ по недостатку средствъ.

Не переставая быть либераломъ, невозможно выбиться изъ этого узкаго понятія о свободѣ, какъ о простомъ отсутствіи юридическаго запрещенія. Реальное понятіе, въ которомъ фактическія средства къ пользованію правомъ поставляются стихіею болѣе важною, нежели одно отвлеченное отсутствіе юридическаго запрещенія, совершенно внѣ круга идей либерализма. Онъ хлопочетъ объ отвлеченныхъ правахъ, не заботясь о житейскомъ благосостояніи массъ, которое одно и даетъ возможность къ реальному осуществленію права.

Намъ кажется, что этихъ краткихъ замѣченій будетъ пока достаточно для предварительнаго объясненія читателю, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ слово либерализмъ.

Само собою разумѣется, что теоретическая несостоятельность либерализма чувствуется только тѣми, кому кромѣ юридическаго разрѣшенія нужны еще и матеріальныя средства. А у кого эти средства уже есть, тому, разумѣется, и не приходитъ въ голову хлопотать о нихъ. Оттого либерализмъ очень долго былъ системою, совершенно удовлетворявшею людей съ независимыми матеріальными средствами къ жизни и съ развитыми умственными потребностями. „Сытый голоднаго не разумѣетъ“, и они никакъ не могли теоретическимъ путемъ дойти до соображенія, что потребности народа могутъ состоять въ чемъ нибудь иномъ, нежели либеральныя тенденціи. Они воображали, что являются истинными благодѣтелями народа, стараясь доставить ему свободу слова и парламентское правительство. Горькій опытъ началъ разочаровывать либераловъ. Практическія неудачи мало по малу раскрываютъ благоразумнѣйшимъ изъ нихъ глаза на теоретическіе недостатки ихъ системы, и съ каждымъ годомъ число истинныхъ либераловъ въ Европѣ уменьшается. Но заблужденія партій долговѣчны; да и какъ не быть имъ долговѣчными? Если отдѣльному человѣку для пріобрѣтенія здравыхъ понятій о жизни посредствомъ опыта нужны цѣлые годы, конечно десятки лѣтъ нужны для этого собранію множества людей, взаимно поддерживающихъ одинъ другого въ общихъ заблужденіяхъ. Потому, во Франціи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Западной

Digitized by Google

Европы, продолжаютъ еще существовать и хлопотать либералы, и нельзя сказать, чтобы Франція или вообще Западная Европа была уже внѣ опасности отъ ихъ хлопотъ; да и сами они, къ сожалѣнію, все еще не достигли того благоразумія, чтобы избавить себя отъ бѣдствій и гоненій, совершенно передавъ заботу о народахъ другимъ людямъ. Нѣтъ, они все еще готовы „жертвовать собою для блага свободы".

Нѣтъ ничего грустнѣе, какъ видѣть честныхъ, любящихъ васъ людей, которые лѣзутъ изъ кожи вонъ отъ усердія осчастливить васъ тѣмъ, чего вамъ рѣшительно не нужно, которые съ опасностью жизни взбираются на Монбланъ, чтобы принести оттуда для вашего наслажденія альпійскую розу — бѣдняжки! сколько истрачено денегъ, времени, и сколько честныхъ шей сломано въ этомъ заоблачномъ путешествіи для вашего удовольствія! И не приходило въ голову этимъ людямъ, что не альпійская роза, а кусокъ хлѣба нуженъ вамъ, потому что голодному не до цвѣтковъ природы или краснорѣчія, и дивились они, и осыпали васъ упреками въ неблагодарности къ нимъ, въ равнодушіи къ вашему собственному счастью за то, что вы холодно смотрѣли на ихъ подвиги и не лѣзли за ними черезъ скалы и пропасти, и не поддержали ихъ, когда они съ своей заоблачной вышины падали въ бездну. Жалкіе слѣпцы, они не сообразили, что достать для васъ кусокъ хлѣба было бы имъ гораздо легче,—не сообразили потому, что и не предполагали, будто кому нибудь можетъ быть нужна такая прозаическая вещь, какъ кусокъ хлѣба.

Жаль ихъ потому, что почти всѣ они сломали себѣ шею, почти безъ всякой пользы для націй, о которыхъ хлопотали. Еще больше жаль того, что націи не всегда оставались холодны къ ихъ стремленіямъ, иногда обольщались краснорѣчіемъ и смѣлостью этихъ „передовыхъ людей", шли вслѣдъ за ними и вслѣдъ за ними падали въ пропасти.

Таково наше понятіе о либерализмѣ вообще, но въ каждой странѣ, въ каждую эпоху общая идея принимаетъ особенный характеръ. Французскій либерализмъ въ эпоху Реставраціи, самое блистательное и шумное явленіе въ исторіи либерализма, отличался особенностями, которыя раскроются въ продолженіе нашего разсказа. На первый разъ мы предупредимъ читателя, что если борьба либераловъ съ роялистами составляетъ сущность французской политической исторіи въ то время, это еще вовсе не значитъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ либералы были тогда постоянно защитниками хотя той жалкой свободы, которая признается идеею либерализма. Нѣтъ, далеко не всегда это было,—критика фактовъ приводитъ даже къ заключенію, нимало не согласному съ тѣми ожиданіями, какія можно составить, основываясь на названіяхъ боровшихся партій. Дѣла въ это время перепутались очень странно, и перепутались именно вслѣдствіе того, что имена партій плохо соотвѣтствовали ихъ стремленіямъ. Несоотвѣтственность между именемъ и сущностью привела за собою ненужные союзы, неосновательныя симпатіи и антипатіи. Результатомъ этого было, что Бурбоны безъ всякой надобности подвергли себя изгнанію изъ-за покровительства людямъ, которые вовсе не были ихъ приверженцами, нація подвергла себя множеству бѣдствій изъ-за увлеченія людьми, которые вовсе не были защитниками ея правъ, и династія, надѣлавъ много вреда націи, окончательно оттолкнула ее отъ себя безъ всякой надобности. Если намъ удастся показать, что между такъ называемыми либералами было тогда столько же желанія поддержать королевскую власть, какъ между такъ называемыми роялистами, что такъ называемые роялисты такъ же усердно добивались такъ называемой свободы,

Digitized by Google

какъ и либералы,—если намъ удастся показать, что во Франціи при Бурбонахъ борьба между партіями, шедшая на словахъ будто бы между свободою и королевскимъ полновластіемъ, въ сущности велась вовсе не за свободу одними, не за короля другими,—если мы покажемъ, что свобода оставалась тутъ во всякомъ случаѣ ровно не при чемъ, какая бы изъ двухъ партій ни побѣдила, а королевская династія возбуждала противъ себя такъ называемыхъ либераловъ только потому, что не умѣла понять, какого полновластія могла бы достичь, если бы покровительствовала самымъ крайнимъ либераламъ, или даже пошла бы дальше ихъ,—если намъ удастся показать все это, мы думаемъ, что читатель найдетъ нѣкоторую назидательность въ смѣшномъ и грустномъ ходѣ событій, общій очеркъ котораго мы хотимъ изложить. А событія были дѣйствительно смѣшны и грустны,

Громомъ оружія началось, громомъ оружія кончилось правленіе Бурбоновъ. Шестнадцать лѣтъ, прошедшіе отъ громовыхъ дней Монмартра и Ватерлооской битвы до трескучихъ іюльскихъ дней, исполнены были отважнаго движенія, рѣчей, восторженныхъ криковъ, перерываемыхъ только рѣзкимъ стукомъ барабановъ и трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ; въ чемъ же смыслъ и сущность политической исторіи этихъ шестнадцати лѣтъ? Либералы совершенно ошибались, воображая себя защитниками свободы; роялисты совершенно ошибались, воображая себя защитниками престола; Бурбоны совершенно ошибались, думая, что должны опираться на роялистовъ; народъ совершенно ошибался, воображая, что долженъ ожидать себѣ спасенія отъ либераловъ, — изъ этой четверной ошибки выходила невообразимо безтолковая путаница. Бурбоны отталкивали себя отъ либераловъ, которые одни могли поддержать ихъ, и дружились съ роялистами, которые губили ихъ; народъ, привязываясь къ звонкимъ, но пустымъ рѣчамъ либераловъ, забывалъ самъ заботиться о своихъ интересахъ и, не получая никакой выгоды для себя, терпѣлъ похмѣлье на пиру совершенно чужомъ; либералы при Бурбонахъ оставались безсильными, потому что не умѣли взяться за дѣло, а при Луи-Филиппѣ, когда получили силу, осрамили себя, оказавшись худшими друзьями свободы, нежели сами роялисты; наконецъ роялисты, смѣшавъ народъ съ либералами и думая, что подавить либераловъ, значитъ уже не имѣть враговъ, сами себѣ рыли могилу, потому что не соображали, какое дѣйствіе на народъ производятъ ихъ эволюціи въ борьбѣ съ либералами. Здраваго смысла тутъ, какъ видимъ, очень мало: сущность всей этой путаницы, если разобрать дѣло хладнокровно, чуть ли не выражена заглавіемъ одной изъ пьесъ Шекспира: „Комедія ошибокъ“.

Такое неделикатное понятіе объ исторіи Франціи въ 1814 — 1830 годахъ вовсе несообразно съ тѣми высокими теоріями, подъ которыя обыкновенно подводится исторія. „Потребности народа, сила истины—вотъ основныя силы, которыми движется ходъ событій; прогрессъ не пустое слово. Называть путаницею какой нибудь значительный отдѣлъ исторіи можетъ только тотъ, кто не доучился и не додумался до глубокаго взгляда на исторію“, скажутъ намъ люди, успокоительности взгляда которыхъ мы завидуемъ, не будучи въ состояніи достичь высоты такихъ пріятныхъ міросозерцаній. Намъ представляется, что на ходъ историческихъ событій гораздо сильнѣйшее вліяніе имѣли отрицательныя качества человѣка, нежели положительныя; что въ исторіи гораздо сильнѣе были всегда рутина, апатія, невѣжество, недоразумѣніе, ошибка, ослѣпленіе, дурныя страсти, нежели здравыя понятія о вещахъ, знаніе и стремленіе къ истиннымъ благамъ; что всегда

Digitized by Google

грошовый результатъ достигался не иначе, какъ растратою милліоновъ; что путь, по которому несется колесница исторіи, чрезвычайно извилистъ и испещренъ рытвинами, косогорами и болотами, такъ что тысячи напрасныхъ толчковъ перетерпитъ сѣдокъ этой колесницы, человѣкъ, и сотни верстъ исколеситъ всегда для того, чтобы подвинуться на одну сажень ближе къ прямой цѣли. Кто не согласенъ съ нами, великодушно извинитъ такое наше заблужденіе. Но мы — общая участь людей—воображаемъ, что фактами подтверждается именно нашъ, а не какой нибудь другой взглядъ.

Кто вѣритъ разнымъ либеральнымъ и прогрессивнымъ исторіямъ, въ которыхъ такъ превосходно излагается „неукоснительное развитіе" рода человѣческаго и осуществленіе великихъ идей, руководящихъ чуть ли не каждымъ движеніемъ каждаго изъ безчисленныхъ болѣе или менѣе великихъ людей, въ родѣ Гизо, Тьера, Талейрана, Меттерниха и пр., — кто вѣритъ этимъ исторіямъ, тотъ, конечно, не согласится съ нами: онъ очень твердо знаетъ, что главный смыслъ шумной борьбы французскихъ партій въ 1815 — 1830 годахъ былъ: восторжествуетъ ли во Франціи конституціонное устройство, или королевская власть возвратитъ себѣ безграничную силу, какую имѣла до конца XVIII вѣка. По мнѣнію либеральныхъ историковъ, борьба шла между свободою и престоломъ, и—все по мнѣнію тѣхъ же проницательныхъ людей,—либералы и во снѣ и наяву только то будто бы и видѣли, какъ бы имъ обезсилить королевскую власть до крайней степени, а роялисты будто бы всею душею и всѣмъ сердцемъ преданы были королямъ своимъ, сначала Людовику XVIII, а по смерти его Карлу X. Совершенно такъ же понимаютъ дѣло и реакціонеры, отъ де-Местра до Монталамбера. Удивительная проницательность,—тѣмъ болѣе удивительная, что каждый фактъ противорѣчитъ ея выводамъ, основаннымъ на однихъ именахъ и праздныхъ словахъ, опровергавшихся самымъ дѣломъ. Дѣйствительно, изъ двухъ партій, шумно боровшихся во Франціи съ 1814 до 1830 года, одна называла себя либеральною, а другая роялистскою, одна написала на своихъ знаменахъ „свобода", другая „престолъ". Но нужна проницательность совершенно особеннаго рода, чтобы вѣрить этимъ именамъ и оффиціальнымъ прозвищамъ,—проницательность, которая должна предположить также, что Гвельфы были въ самомъ дѣлѣ не люди, а щенки, какъ доказывается ихъ именемъ, а Тори въ самомъ дѣлѣ занимаются тѣмъ, что жгутъ англійскія деревни, какъ доказывается опять таки ихъ именемъ. Надобно также по этому способу сужденія предполагать, что Наполеонъ, когда двинулся въ 1812 году въ Россію, началъ войну не наступательную, а оборонительную,— онъ самъ такъ говорилъ; а когда Нена Саибъ рѣзалъ англичанъ въ Ханпурѣ, то дѣлалъ это, несмотря на свою мухаммеданскую вѣру, единственно по усердію къ Брамѣ, Вишну и Шивѣ,— онъ самъ это говорилъ.

Изумительна податливость людей обманываться оффиціальными словами. Еще изумительнѣе то, что словамъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли искренности, вѣритъ вполнѣ не только тотъ, для обольщенія котораго они придуманы, но часто и самъ тотъ человѣкъ, кто ихъ придумалъ съ цѣлью придать возвышенность и благовидность своимъ личнымъ разсчетамъ. Такъ случилось, между прочимъ, и во Франціи при Бурбонахъ. Либералы отъ всей души воображали, что ратуютъ за свободу, роялисты не менѣе искренно были убѣждены, что ратуютъ за престолъ. Но этими словами „свобода" и „престолъ" нимало не выражались ихъ дѣйстви-

Digitized by Google

тельныя стремленія, и дѣйствія ихъ вовсе не соотвѣтствовали тостамъ, которые они пили.

Нужно только вникнуть, изъ какихъ людей состояла та или другая партія, чтобы отказаться отъ довѣрчивости къ ея оффиціальному имени.

Начнемъ съ роялистовъ. Основу этой партіи составляли эмигранты, возвратившіеся во Францію вмѣстѣ съ Бурбонами вслѣдъ за побѣдоносными союзными арміями. Нечего говорить о томъ, что если бы любовь къ королю была въ нихъ сильнѣе личныхъ разсчетовъ, не покинули бы они Людовика XVI при началѣ революціи; можно было бы извинить ихъ бѣгство трусостью, не прибѣгая къ сомнѣніямъ въ ихъ расположеніи къ монарху, еслибъ не знали мы, что дѣлали они за границей. Когда разгорѣлись въ Парижѣ народныя страсти, эмигранты прямо говорили, что для блага Франціи надо желать смерти Людовика XVI, который не умѣетъ управлять государствомъ сообразно съ пользами аристократіи; ихъ тайные агенты возбуждали парижскихъ санкюлотовъ требовать казни Людовика XVI. Когда было получено извѣстіе о его смерти, они съ торжествомъ говорили, что смерть была ему справедливымъ наказаніемъ за то, что онъ согласился на уничтоженіе феодальныхъ правъ и на преобразованіе гражданскаго положенія католическаго духовенства. Малолѣтній сынъ Людовика XVI, наслѣдникъ престола, содержался въ плѣну въ Парижѣ, надобно было управлять дѣлами роялистовъ регенту; по неприкосновенному закону старинной монархіи, регентомъ слѣдовало быть старшему изъ дядей малолѣтняго короля; но графъ Прованскій (впослѣдствіи Людовикъ XVIII) не нравился эмигрантамъ, и они упорно требовали, чтобы онъ уступилъ власть младшему брату, графу д'Артуа (впослѣдствіи Карлу X). Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалась борьба, и несмотря на сопротивленіе иностранныхъ дворовъ, признавшихъ права графа Прованскаго, эмигранты вытребовали у него титулъ намѣстника королевства (lieutenant général du Royaume) для своего любимца. Потомъ, при каждомъ случаѣ недовольства представителемъ королевской власти, они дерзко ссорились съ нимъ, постоянно признавая своимъ истиннымъ главою не его, а графа д'Артуа. Въ такомъ положеніи оставались они къ Людовику XVIII и по возвращеніи Бурбоновъ во Францію: постоянно выражая ему свое неудовольствіе, они громко говорили, что повинуются не королю, а графу д'Артуа, и постоянно интриговали противъ всѣхъ тѣхъ, кого Людовикъ XVIII удостоивалъ своимъ довѣріемъ. Хороши монархисты, которые желали насильственной смерти одного короля и не хотѣли повиноваться другому.

Либералы также были преданы свободѣ, какъ роялисты преданы королю. Либеральная партія состояла около 1815 года изъ сліянія трехъ главныхъ оттѣнковъ: изъ людей, служившихъ Наполеону, но не желавшихъ его возвращенія, изъ настоящихъ бонапартистовъ и изъ приверженцевъ англійской конституціи (либераловъ въ точнѣйшемъ смыслѣ слова). Едва-ли нужно говорить, до какой степени могли быть пылки конституціонныя желанія людей, служившихъ Наполеону; еще менѣе могли умирать тоскою о свободѣ записные бонапартисты: система Наполеона, какъ извѣстно, мало походила на конституціонное правленіе. Остаются либералы въ тѣсномъ смыслѣ слова,—тѣ самые люди, которые позднѣе составили партію орлеанистовъ. Мы будемъ имѣть случай видѣть, какъ они защищали свободу, когда самовластіе казалось для нихъ выгодно. Но въ полномъ блескѣ ихъ уваженіе къ свободѣ выразилось послѣ 1830 года, когда они имѣли власть въ

Digitized by Google

своихъ рукахъ. Самые горячіе роялисты 1820 годовъ не заходили такъ далеко, какъ Тьеръ, Гизо и вся ихъ партія въ 1832 и 1835 годахъ.

Было, правда, въ либеральной партіи нѣсколько человѣкъ дѣйствительно горячившихся изъ-за свободы, какъ сами ее понимали, напримѣръ, Лафайетъ, Войе д'Аржансонъ, Манюэль; но они по своей малочисленности не имѣли никакого вліянія на ходъ парламентскихъ преній во время Реставраціи. Были и между роялистами люди, дѣйствительно преданные королевской династіи, напримѣръ, герцогъ Ришлье; но опять таки, во-первыхъ, они не имѣли вліянія на свою партію; во-вторыхъ, между либералами было такихъ людей гораздо больше, — перечислять ихъ всѣхъ, отъ Ройе-Коляра до Гизо, было бы слишкомъ долго.

Въ чемъ же заключались дѣйствительныя стремленія партій, изъ которыхъ одна выдавала себя защитницею монархической власти, другая—свободы? Онѣ заботились объ интересахъ, гораздо болѣе близкихъ имъ, нежели престолъ или свобода. Люди, называвшіеся роялистами, просто хотѣли возстановить привилегіи, которыми до революціи пользовалось дворянство и высшее духовенство; потому что сами эти люди были изъ высшаго дворянства. Либеральную партію составляли люди средняго сословія: купцы, богатые промышленники, нотаріусы, покупщики большихъ участковъ конфискованныхъ имѣній,—словомъ, тотъ самый классъ, который позднѣе сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ буржуазіи; революція, низвергнувъ аристократическія привилегіи, оставила власть надъ обществомъ въ его рукахъ; онъ хотѣлъ сохранить власть.

Въ той и другой партіи этимъ задушевнымъ стремленіямъ были подчинены всѣ другія отношенія, между прочимъ и отношенія къ королевской власти. Стоило королю показать расположеніе къ среднему сословію,—роялисты начинали проклинать короля, кричать противъ деспотизма, а либералы рукоплескали самымъ насильственнымъ распоряженіямъ королевской власти и рвали въ клочки конституцію; разумѣется, когда наоборотъ король поддерживалъ феодальныя стремленія аристократовъ, роялисты начинали кричать о неприкосновенности и неограниченности королевской власти, а либералы говорили, что умрутъ, защищая конституцію.

Разборъ дѣйствій той и другой партіи въ 1815—1830 годахъ, на каждомъ шагу приводитъ къ такому заключенію.

Мы не хотѣли писать полнаго обзора всѣхъ сторонъ историческаго движенія за эти годы; развитіе науки, литературы, экономическія отношенія, судебныя дѣла, дипломатическія сношенія, военныя событія не входятъ въ нашъ разсказъ, потому что иначе слишкомъ расширился бы его объемъ: все вниманіе наше будетъ обращено исключительно на факты, объясняющіе характеръ политическихъ партій, существовавшихъ тогда во Франціи, и сущность внутренней политической исторіи государства. Съ тою же цѣлью, чтобы не увеличивать до чрезмѣрности объемъ этого очерка, мы начинаемъ его съ вторичнаго возвращенія Бурбоновъ во Францію послѣ Ватерлооской битвы, или второй реставраціи, не говоря ни о кратковременномъ періодѣ первой реставраціи, окончившейся возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы, ни о кратковременномъ господствѣ Наполеона во время Ста Дней. Обѣ эти эпохи были только прелюдіями къ длинной драмѣ собственно такъназываемаго періода Реставраціи, начинающагося послѣ Ватерлоо.

Послѣ Ватерлооскаго сраженія Веллингтонъ былъ владыкою Парижа; судьба

Digitized by Google

Франціи зависѣла отъ милости союзныхъ монарховъ. Союзники требовали отъ Бурбоновъ благоразумія и снисходительности къ людямъ, замѣшаннымъ въ событія, слѣдовавшія за возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы. Веллингтонъ громко объявилъ, что не допуститъ Людовика XVIII снова принять власть иначе, какъ если онъ будетъ управлять по совѣтамъ Фуше и сдѣлаетъ его министромъ: по мнѣнію Веллингтона только Фуше могъ предохранить Бурбоновъ отъ новаго изгнанія. Но событія доставили перевѣсъ во Франціи роялистамъ. Либералы, пораженные вмѣстѣ съ Наполеономъ, котораго поддерживали во время Ста Дней, почти безъ борьбы дали восторжествовать роялистамъ на выборахъ въ палату депутатовъ. Посмотримъ же, какъ доказали роялисты свою приверженность къ монархической власти.

Одинъ слухъ о ненависти избранныхъ въ палату роялистовъ къ Фуше заставилъ короля отказаться отъ помощи министра, пользовавшагося довѣріемъ Веллингтона и служившаго представителемъ примиренія Бурбоновъ съ новой Франціей. Роялисты ненавидѣли Фуше не за тѣ гнусныя жестокости, которыми онъ опозорилъ себя во время Терроризма, — они покровительствовали людямъ, не менѣе запятнавшимъ себя въ этомъ отношеніи, напримѣръ, генералу Канюэлю, который такъ свирѣпствовалъ противъ Вандейцевъ, что былъ удаленъ отъ должности коммиссарами Конвента и не былъ потомъ употребляемъ ни на какія порученія Наполеономъ. Коварство Фуше также не было причиною вражды роялистовъ къ нему; они поддерживали многихъ людей, не превосходившихъ Фуше честностью. Но этотъ министръ доказывалъ Людовику XVIII, что Бурбоны не должны быть слѣпыми орудіями эмигрантовъ, что требованія крайнихъ реакціонеровъ противны интересамъ короля; роялисты хотѣли казнить или сослать болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; Фуше доказалъ королю, что такая масса жертвъ возбудитъ общее негодованіе, и настоялъ на томъ, чтобы не болѣе пятьдесяти семи лицъ были преданы суду, говоря, что и это число уже слишкомъ велико. Такого сопротивленія гибельному для самихъ Бурбоновъ мщенію не могли простить эмигранты, и Фуше принужденъ былъ противъ воли короля удалиться изъ министерства.

Тогда главою министерства сдѣлался герцогъ Ришлье, памятный у насъ заботами объ Одессѣ и лично пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ Императора Александра. По своимъ мнѣніямъ, герцогъ былъ ревностный монархистъ; казалось бы, что роялисты должны довѣрять ему. По своимъ отношеніямъ къ Императору Александру, отъ котораго зависѣли тогда рѣшенія европейскихъ державъ о судьбѣ Франціи, онъ былъ человѣкомъ незамѣнимымъ. Если бы роялисты желали избавить народъ отъ унизительныхъ непріятностей въ сношеніяхъ съ Европою, они должны были бы поддерживать Ришлье.

Еще до начала засѣданій палаты депутатовъ роялисты, составлявшіе въ ней огромное большинство, вынудили у короля отставку министра, услуги котораго были чрезвычайно полезны для Бурбоновъ. Но этотъ министръ служилъ республикѣ и Наполеону; быть можетъ, роялисты станутъ соблюдать болѣе умѣренности, выкажутъ себя хорошими подданными теперь, когда король вручилъ правленіе новому министру, который преданностью монархическому началу не уступитъ никому въ цѣлой Франціи.

На словахъ, палата депутатовъ пылала усердіемъ къ королю. Въ ней только и рѣчи было, что о королѣ и безграничной преданности ему; съ неистовымъ во-

Digitized by Google

сторгомъ приняла она слова Воблана: „Огромное большинство палаты хочетъ вѣрно служить королю“. Но палатѣ было извѣстно, что король не можетъ быть слишкомъ строгъ относительно людей, поддерживавшихъ Наполеона; что строгость повредитъ прочности его престола и можетъ поссорить его съ Императоромъ Александромъ и Англіею. Роялисты не хотѣли обращать на то вниманія и, какъ только собралась палата, первымъ дѣломъ ея было представить королю адресъ, требовавшій мщенія. „Мы обязаны, государь, говорила палата, требовать у васъ правосудія противъ тѣхъ, которые подвергли опасности престолъ. Пусть они, донынѣ гордящіеся своею измѣною и ободрямые безнаказанностію, будутъ преданы строгости судовъ. Палата ревностно будетъ содѣйствовать составленію законовъ, необходимыхъ для исполненія этого желанія“. Правительство, повинуясь требованію, черезъ нѣсколько дней представило проэктъ закона о возмутительныхъ крикахъ, рѣчахъ и сочиненіяхъ; по проэкту эти нарушенія порядка объявлялись проступками и наказывались тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, лишеніемъ гражданскихъ и политическихъ правъ и отдачею подъ надзоръ тайной полиціи. Палата вознегодовала. „Какъ могло правительство предложить намъ такой проэктъ? говорили роялисты. Оно называетъ проступками то, что должно называть преступленіями; наказанія назначены слишкомъ легкія, представлять такой проэктъ палатѣ, составленной изъ роялистовъ, —это чистая измѣна“. Коммиссія палаты, разсматривавшая проэктъ, совершенно передѣлала его и усилила всѣ наказанія. „Наказанія должны быть соразмѣрны преступленіямъ, говорилъ въ своемъ рапортѣ палатѣ Пакье, докладчикъ коммиссіи; нужно, чтобы быстрота наказанія внушала спасительный ужасъ людямъ, которые хотѣли бы подражать преступникамъ. Всѣ друзья порядка и тишины желаютъ возстановленія превотальныхъ судовъ*). До той поры пусть люди, подлежащіе этому закону, судятся уголовнымъ судомъ; но наказанія, назначенныя въ проэктѣ, слишкомъ легки для нихъ. Мы думаемъ, что они должны наказываться или изгнаніемъ, или ссылкой. Но простое изгнаніе—наказаніе ничтожное для нихъ. Ихъ должно осуждать на ссылку. Справедливость требуетъ, чтобы они были на вѣки удаляемы изъ той земли, на которой недостойны они жить, и посылались влачить подъ далекимъ небомъ жизнь, которую употребили на бѣдствія отечества и стыдъ соотечественникамъ. Сверхъ того они должны подвергаться строгому денежному штрафу, наказанію для этихъ людей болѣе чувствительному, нежели тюрьма, которая показалась бы для нихъ, незнающихъ стыда, только средствомъ жить въ праздности“. Другой роялистъ, де-Семезонъ, требовалъ, чтобы мѣсто ссылки было назначено непремѣнно за предѣлами Европы, и чтобы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, за поднятіе трехцвѣтнаго знамени, назначалась вмѣсто ссылки смертная казнь. — „Согласенъ на законъ, шутливымъ тономъ сказалъ третій роялистъ Пье, только съ небольшой перемѣной, именно, чтобы вмѣсто ссылки поставлена была смертная казнь, — перемѣна, какъ видите, пустая“. Палата весело захохотала остротѣ. Одинъ изъ депутатовъ отважился было сказать: „Положимъ смертную казнь за поднятіе трехцвѣтнаго знамени вслѣдствіе обдуманнаго заговора, но неужели казнить человѣка, который сдѣлалъ бы это просто подъ пьяную руку?“ Громкій ропотъ перервалъ

*) Старинные суды, дѣйствовавшіе по особеннымъ инструкціямъ, не стѣсняясь ни законами, ни формами судопроизводства, казнившіе людей безъ дальнихъ околичностей полицейскимъ порядкомъ.

Digitized by Google

его. Всѣ ораторы, говорившіе потомъ, обвиняли не только министерскій проэктъ, но и предложеніе коммиссіи въ излишней слабости. Правительство уступило требованіямъ палаты и согласилось на измѣненія, сдѣланныя коммиссіею.

Съ этой минуты палата рѣшительно беретъ въ свои руки верховную власть. Она не довѣряетъ министрамъ короля, передѣлываетъ всѣ ихъ законы. Министры ничтожны передъ ней; король долженъ покоряться ей безпрекословно. Со временъ Конвента не было законодательнаго собранія, которое недовѣрчивѣе смотрѣло бы на исполнительную власть и щекотливѣе выставляло бы при всякомъ случаѣ свои права. Роялисты вынудили у министерства отмѣненіе гарантій, ограждавшихъ личность гражданина отъ полицейскаго произвола, вынудили множество другихъ крутыхъ мѣръ и наконецъ одинъ изъ нихъ, Лабурдонне, подъ ироническимъ именемъ амнистіи предложилъ законъ, страшнымъ образомъ расширявшій разряды лицъ, подвергавшихся отвѣтственности за участіе въ событіяхъ Ста Дней. Это предложеніе было сдѣлано въ тайномъ комитетѣ палаты, поручено разсмотрѣнію тайной коммиссіи, которая не хотѣла открывать предмета совѣщаній самому правительству. Амнистія Лабурдонне подвергала смертной казни или ссылкѣ около тысячи двухъ-сотъ человѣкъ. Члены коммиссіи хотѣли еще увеличить это число. Ужасъ овладѣлъ Парижемъ, до котораго доносились слухи о намѣреніяхъ палаты. Правительство, испуганное путемъ, на который ведетъ его палата, рѣшилось предупредить ее, чтобы не навлечь на династію Бурбоновъ непремиримой ненависти націи. Весь кабинетъ торжественно явился въ палату съ проэктомъ закона, составленнымъ въ духѣ гораздо болѣе кроткомъ. Палата передала проэктъ министерства на разсмотрѣніе прежней коммиссіи, негодуя на преступную снисходительность правительства. Коммиссія передѣлала проэктъ въ духѣ Лабурдонне. „Не слушайте софизмовъ гибельной филантропіи, служащей орудіемъ обмана въ устахъ вашихъ враговъ, говорилъ роялистъ Бодрю, когда начались пренія въ палатѣ послѣ прочтенія доклада коммиссіи: наказывайте, не колеблясь, иначе ошибетесь; предложеніе коммиссіи выше всякихъ возраженій.“ — „Провидѣніе предаетъ наконецъ въ ваши руки злодѣевъ, вскричалъ Лабурдонне, вѣчное правосудіе сберегло ихъ среди опасностей именно для того, чтобы непреложно показать суетность ихъ коварства. Они говорятъ, что они прощены королемъ при его возвращеніи; нѣтъ, это прощеніе, подобно печати отверженія, положенной на челѣ перваго братоубійцы, хотѣло сохранить ихъ отъ человѣческаго суда для предоставленія вѣчному мщенію; но мученіе Каина нечувствительно для ихъ ожесточенныхъ сердецъ: вы, малодушные, непредусмотрительные законодатели, вы видите ковы этихъ людей, ставшихъ позоромъ націи, и не накажете ихъ! Нѣтъ, эта палата, цвѣтъ націи, надежда всѣхъ истинныхъ французовъ, съумѣетъ предупредить новыя преступленія своей энергіей“. По окончаніи преній, докладчикъ коммиссіи, Корбьеръ, объявилъ, что коммиссія не можетъ сдѣлать никакой уступки министрамъ. Министры рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству. Герцогъ Ришлье, бывшій тогда первымъ министромъ, всталъ, попросилъ президента палаты прекратить на время засѣданіе и вышелъ изъ залы въ сопровожденіи своихъ товарищей. Черезъ часъ, возвратившись на трибуну, онъ объявилъ палатѣ, что имѣлъ совѣщаніе съ королемъ, которому изложилъ ходъ преній, и теперь долженъ сообщить палатѣ желанія короля. Онъ соглашается на нѣкоторыя измѣненія, предлагаемыя коммиссіею, но самымъ безусловнымъ образомъ отвергаетъ тѣ многочисленныя исключенія изъ амнистіи, которыхъ требуетъ коммиссія.

Digitized by Google

„Да будетъ мнѣ позволено заклинать васъ не дѣлать закона милости причиною раздора, заключилъ Ришлье свою рѣчь: — послѣ потопа бѣдствій, наводнявшихъ нашу несчастную Францію, пусть законъ объ амнистіи явится на нашемъ политическомъ горизонтѣ, какъ символъ примиренія и спасенія для всѣхъ французовъ“.

Министры прибѣгали къ чрезвычайному способу укротить безразсудную мстительность роялистовъ. Во время преній указывать на прямую волю короля противно обычаямъ парламентской системы. Но министры извинялись отчаянностью своего положенія: роялисты принуждали правительство къ такимъ несвоевременнымъ мѣрамъ, которыя за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ были причиною изгнанія Бурбоновъ и неминуемо должны были вновь привести ихъ къ паденію. Роялисты могли бы негодовать на министровъ, упросившихъ короля вмѣшаться въ пренія; но, если они дѣйствительно были вѣрными подданными короля, имъ оставалось теперь только покориться его волѣ. Они и не думали о томъ. „Конечно, господа, сказалъ Бетизи, намъ очень грустно становиться въ противорѣчіе съ желаніями короля: мы дали ему столько доказательствъ вѣрности, преданности и любви, двадцать пять лѣтъ нашимъ лозунгомъ было восклицаніе: жить для короля, умереть за короля! Но, господа, не забудемъ девиза нашихъ отцовъ: Богъ, честь и король; и если непреклонная честь обязываетъ насъ на время воспротивиться волѣ короля; если недовольный сопротивленіемъ своихъ вѣрныхъ слугъ своему королевскому милосердію, онъ отвращаетъ на время отъ насъ свой милостивый взглядъ, мы скажемъ: ура, король, и противъ его воли! Vive le roi, quand même!“ Министры не нашлись, что возразить ему, и проэктъ закона, противный волѣ короля, былъ почти единодушно принятъ палатою среди громкихъ рукоплесканій. Изъ 366 членовъ только 32 депутата либеральной партіи подали голосъ за министерство и короля.

Точно таково же было отношеніе палаты къ министрамъ и королю по всѣмъ другимъ вопросамъ; въ каждомъ засѣданіи роялисты представляли своими рѣшеніями новыя подтвержденія тому, что не хотятъ обращать никакого вниманія на интересы царствующей династіи, на волю короля, на права королевской власти, и что подъ оффиціальными фразами ихъ о преданности престолу скрывается непреклонная рѣшимость управлять Франціею исключительно въ интересахъ эмигрировавшей аристократіи и постоянно вынуждать у короля безпрекословное повиновеніе ей. Не перечисляя всѣхъ законовъ и распоряженій, выражавшихъ коренное разногласіе между королемъ и роялистами, мы упомянемъ еще только объ избирательномъ законѣ, отъ котораго долженъ былъ зависѣть характеръ власти, управлявшей Франціею. Министры представили проэктъ, по которому королю давалось право причислять къ сословію избирателей нѣкоторое количество лицъ, не имѣвшихъ значительной недвижимой собственности, принимавшейся первымъ условіемъ при составленіи списковъ избирателей. По этому проэкту выборъ депутата производился прямо всѣми избирателями округа. Коммиссія палаты, отвергая проэктъ министерства, составила другой законъ, по которому совершенно устранялось вліяніе правительства при составленіи списковъ, и избиратели каждаго округа выбирали не прямо депутата, а только вторыхъ избирателей изъ числа значительныхъ землевладѣльцевъ департамента. Эти вторые избиратели, собираясь по департаментамъ, выбирали депутатовъ; такимъ образомъ, по проэкту коммиссіи, выборы въ палату депутатовъ отдавались совершенно въ руки аристократіи,

Digitized by Google

становившейся вполнѣ независимою отъ короля. Проэктъ министерства былъ составленъ въ видахъ усиленія королевской власти; вся либеральная партія палаты единодушно поддерживала его. Проэктъ коммиссіи, назначенной роялистскимъ большинствомъ палаты, замѣнялъ монархическое устройство Франціи аристократическою республикою; королю оставалось при такомъ избирательномъ законѣ меньше власти, нежели имѣлъ венеціанскій дожъ; олигархія аристократическаго парламента становилась на мѣсто престола. Всѣ роялисты подали голосъ за проэктъ, уничтожавшій монархическую власть.

Очевидно было, что или долженъ отказаться отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла король, стать слугою палаты депутатовъ, или должна быть распущена эта палата, столь громко вопіявшая о своемъ роялизмѣ и столь непреклонно возстававшая противъ короля. Людовикъ XVIII видѣлъ необходимость распустить палату, и 29 апрѣля 1816 года засѣданія палаты были отсрочены, а 5 сентября явилось королевское повелѣніе, объявлявшее, что палата распускается, и предписывавшее произвести новые выборы.

Семь мѣсяцевъ продолжались засѣданія роялистской палаты. Пока она еще не начинала своихъ дѣйствій, трудно было не обмануться пышными рѣчами ея членовъ, изъявлявшихъ безграничную приверженность къ престолу, и Людовикъ XVIII, при началѣ ея засѣданій, въ порывѣ радости отъ роялистскаго состава палаты, назвалъ ее безпримѣрною палатою (chamrbe introuvable). Это имя оставила за ней исторія, но въ смыслѣ совершенно противномъ тому, съ какимъ въ началѣ было произнесено оно. Палата 1815 года была дѣйствительно безпримѣрна по враждѣ противъ всего того, на чемъ должно было утверждаться правительство Бурбоновъ. Роялисты съ перваго же раза ограничили монархическую власть такъ, какъ ограничилъ ее Долгій Парламентъ въ Англіи. Они также мало довѣряли королю, также упорно противились ему, какъ республиканцы революціонныхъ собраній.

Зато либералы всѣми силами старались поддержать министерство, подвергавшееся постояннымъ оскорбленіямъ и пораженіямъ отъ роялистовъ. Обѣ партіи дѣйствовали въ духѣ, совершенно противномъ своимъ формальнымъ прозвищамъ. Либералы подавали голосъ за короля, роялисты противъ короля.

Но все, что мы видѣли до сихъ поръ, было блѣдно и слабо въ сравненіи съ бурными движеніями, возбужденными королевскимъ повелѣніемъ 5 сентября.

Если бы надобно было смотрѣть на это повелѣніе, какъ на фазисъ борьбы между властью короля и парламентскимъ правленіемъ, то, безъ сомнѣнія, защитники парламентскаго правленія огорчились бы такимъ проявленіемъ королевскаго произвола, какъ распущеніе палаты за несогласіе съ мнѣніями королевскихъ совѣтниковъ. Но они пришли въ восторгъ. Либералы привѣтствовали повелѣніе, распускавшее палату, какъ безсмертное благодѣяніе; они забывали всѣ преслѣдованія, которымъ подвергались отъ министра полиціи, Деказа, энергическаго любимца короля: Деказъ склонилъ короля и своихъ товарищей распустить палату, и либералы провозглашали его спасителемъ Франціи. „Я не буду теперь жаловаться, писалъ Деказу одинъ изъ генераловъ либеральной партіи, шесть мѣсяцевъ уже содержавшійся въ тюрьмѣ по капризу министра: — я согласенъ платить годомъ свободы за каждое повелѣніе, подобное изданному вами“.

Если бы роялисты были приверженцы монархической власти, они радовались

Digitized by Google

бы блистательному доказательству силы короля, выразившемуся распущеніемъ палаты. Напротивъ, они были раздражены до послѣдней степени. Ихъ представитель въ королевской фамиліи, графъ д'Артуа, называлъ Деказа измѣнникомъ. Несмотря на всѣ цензурныя строгости Вильмена, бывшаго потомъ при Гизо министромъ народнаго просвѣщенія, а теперь управляющаго цензурою, журналистика роялистской партіи осыпала проклятіями ненавистное повелѣніе. Шатобріанъ, замѣчательнѣйшій представитель роялистовъ въ журналистикѣ, писалъ: „Какія побужденія склонили министровъ воспользоваться правомъ короля распускать палату? Партія, влекущая Францію къ погибели, боялась, что палата раскроетъ королю истинныя желаніи Франціи. Но пусть не теряютъ мужества добрые французы, пусть они толпою идутъ на выборы, но пусть не довѣряютъ они обману: имъ будутъ говорить о королѣ, о волѣ короля. Не поддавайтесь этой уловкѣ: спасите короля противъ его воли—Sauvez le roi quand même."

Всѣ люди, защищавшіе гражданское равенство французовъ передъ закономъ, противившіеся возстановленію старинныхъ привилегій и феодальныхъ несправедливостей, назывались въ то время у правительства революціонерами; всѣ, принимавшіе какое нибудь участіе въ событіяхъ революціи, были казнены, изгнаны, или заключены въ темницу. Однакоже, роялисты говорили, что король подпалъ вліянію революціонеровъ, заставившихъ его мстить роялистамъ за изгнаніе членовъ Конвента, которыхъ тогда называли цареубійцами, и Шатобріанъ восклицалъ: „Бонапарте имѣлъ на службѣ революціонеровъ, презирая ихъ, нынѣ хотятъ имѣть ихъ на службѣ въ почетѣ. Могли ли ожидать роялисты, что такіе люди будутъ слугами законныхъ королей? Якобинцы, испуская крикъ радости во всеуслышаніе своимъ братьямъ въ остальной Европѣ, вышли изъ своихъ берлогъ, явились на выборы, сами изумляясь тому, что ихъ призываютъ на выборы, что ихъ ласкаютъ, какъ истинныхъ опоръ престола".

Такимъ образомъ герцогъ Ришлье, эмигрантъ и другъ Русскаго Императора, становился якобинцемъ и революціонеромъ; якобинцемъ становился Деказъ, разстрѣлявшій и казнившій въ угодность роялистамъ сотни людей отъ Нэя и Лабедойера до самыхъ безвѣстныхъ простолюдиновъ. Самъ Людовикъ XVIII не избѣжалъ этого обвиненія: „Онъ смолоду имѣлъ наклонность къ якобинству; онъ либеральничалъ еще въ 1788 году, при собраніи нотаблей, предшествовавшемъ конституціонному собранію", говорили роялисты.

Ярость ихъ была очень натуральна: новый законъ о выборахъ, отдававшій власть въ ихъ руки, былъ отвергнутъ палатою перовъ, потому что вышелъ изъ палаты депутатовъ въ редакціи, никуда негодной въ чисто техническомъ отношеніи. Составить другаго закона палата депутатовъ еще не успѣла, когда была распущена, и выборы должны были производиться по правиламъ, существовавшимъ прежде. Правила эти были чрезвычайно односторонни, совершенно исключая отъ участія въ выборахъ не только простолюдиновъ, но и большую часть средняго сословія. Тѣмъ не менѣе они не отдавали всей силы исключительно въ руки аристократовъ; общественное мнѣніе имѣло при нихъ нѣкоторое, хотя и слабое, вліяніе на результатъ выборовъ. Роялисты раздражили своею мстительностью всю Францію, встревожили каждое семейство намеками на конфискацію всѣхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ во время республики и имперіи, и не могли теперь ожидать того успѣха на выборахъ, какой имѣли въ 1815 году. Дѣйствительно, около поло-

Digitized by Google

вины роялистскихъ депутатовъ прежней палаты потерпѣли неудачу. Въ палат 1815 года они имѣли огромное большинство; въ новой палатѣ, изъ 259 членовъ роялистовъ было около 100. Теперь они надолго должны были отказаться от надеждъ возстановить феодальное устройство, о которомъ мечтали. Король отнял у нихъ эту возможность, чтобы самому не лишиться престола; зато король был для нихъ ненавистенъ и они стали нападать на королевскую власть съ яростью которой могли бы позавидовать санкюлоты 1792 года.

При повѣркѣ выборовъ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій новой палаты. Вильель, одинъ изъ предводителей роялистовъ, явился уже горячимъ защитникомъ свободы противъ вмѣшательства административныхъ властей въ выборы. Издатель одного роялистскаго журнала, Роберъ, былъ арестованъ и журналъ его запрещенъ; въ предыдущіе мѣсяцы, когда господствовали роялисты, запрещеніе либеральныхъ журналовъ было дѣломъ ежедневнымъ, и чуть ли не въ каждой тюрьмѣ королевства сидѣли журналисты, арестованные безъ суда роялистами. Но когда власть обратилась противъ роялистовъ, они подняли крикъ о ненарушимыхъ правахъ свободы, и тотъ самой Пье, который съ милой шутливостью требовалъ смертной казни за словесные и печатные проступки, теперь явился пылкимъ Мильтономъ, провозвѣстникомъ свободы слова: „Въ дѣлѣ Робера, говорилъ онъ, я вижу нѣчто болѣе, чѣмъ незаконный арестъ и произвольное запрещеніе журнала; я вижу въ немъ востановленіе пытки“.

Зато либералы, еще недавно кричавшіе о свободѣ, теперь единодушно подавали голоса въ оправданіе всѣхъ произвольныхъ дѣйствій министерства: постоянным большинствомъ 160 голосовъ были отвергаемы всѣ жалобы новыхъ защитниковъ свободы, было оправдано вмѣшательство министровъ при выборахъ, арестъ Робера, и запрещеніе его журнала. Либералы поддерживали всю систему Деказа, систему цензуры и противныхъ конституціи законовъ. Вильменъ противозаконно стѣснялъ роялистскую журналистику и запрещалъ роялистскіе журналы. Знаменитый другъ свободы мышленія и, по тогдашнему мнѣнію либераловъ, великій философъ, Ройе-Коляръ, говорилъ въ отвѣтъ роялистамъ: „Нельзя отрицать того, что, гдѣ есть партіи, тамъ журналы перестаютъ быть органами личныхъ мнѣній и, предаваясь интересамъ партій, становятся орудіемъ ихъ политики, театромъ ихъ битвъ, и свобода журналовъ обращается только въ свободу необузданныхъ партій“.

Правительство не могло не отблагодарить либераловъ за такую безграничную приверженность, и представило палатѣ новый законъ о выборахъ, по которому избирателемъ былъ каждый гражданинъ, платящій 300 франковъ прямыхъ податей, т. е. каждый зажиточный человѣкъ безъ различія въ томъ, движимая или недвижимая собственность составляетъ его имущество. Число избирателей, вслѣдствіе этого закона, возрастало до 90,000 человѣкъ, изъ которыхъ огромное большинство принадлежало къ среднему сословію, враждебному феодальнымъ правамъ. Не нужно и говорить о томъ, что роялисты, рѣшительно убиваемые этимъ проэктомъ, возстали противъ него; но замѣчательно то, что они, недовольные проэктомъ за уничтоженіе привилегіи большихъ землевладѣльцевъ-аристократовъ надъ купцами и землевладѣльцами средняго сословія, вдругъ обратились въ защитниковъ демократіи и упрекали новый законъ за его аристократизмъ: „Вы хотите повергнуть всю націю передъ золотымъ тельцомъ, возка-

Digitized by Google

цалъ Лабурдонне, предводитель роялистовъ: — вы хотите поработить націю самой жестокой, самой наглой аристократіи. Неужели пролито столько крови, принесено столько жертвъ только для того, чтобы прійти къ такому результату, постепенно уничтожить всѣ провозглашенныя вами права и отдать подъ иго политическаго рабства націю, возставшую съ пѣснями свободы? А ты, французскій народъ, слишкомъ легковѣрно служившій орудіемъ для всѣхъ честолюбцевъ, узнай, по крайней вѣрѣ, теперь, кто твои враги, кто твои друзья!" Защита свободы должна быть всегдашнею обязанностью демократовъ, и другой роялистъ, Корне-д'Энкуръ приравлялъ: „Произвольными законами замѣнены постановленія конституціи, потомъ и эти законы замѣнены простыми повелѣніями короля, потомъ и королевскія повелѣнія замѣнены инструкціями отъ министровъ, и эти инструкціи толкуются въ свою очередь по произволу префектами. Министръ полиціи сталъ великимъ избирателемъ королевства. У насъ нѣтъ ни закона объ отвѣтственности министровъ, ни личной свободы, ни свободы печати, ни свободы выборовъ. Проэктъ настоящаго закона не ограждаетъ ни свободы выборовъ, ни независимости палаты; я его отвергаю".

Но роялисты, сдѣлавшіеся страстными защитниками свободы, не убѣдили либераловъ позаботиться о ней и избавить націю отъ порабощенія аристократіею золотаго тельца. Проэктъ былъ принятъ, и 5 февраля 1817 года новый законъ о выборахъ былъ обнародованъ. Либералы въ своемъ ревностномъ усердіи къ правительству пошли еще далѣе. Они приняли два закона, дѣйствительно противорѣчащіе и конституціи и самымъ основнымъ понятіямъ о политической свободѣ.

Первый изъ этихъ законовъ отдавалъ на произволъ администраціи личную свободу, неприкосновенность которой провозглашалась конституціею. Правда, по прежнему закону, составленному въ 1815 году, администраціи предоставлялось еще больше произвола; новымъ закономъ смягчались постановленія прежняго; но все-таки онъ былъ противенъ свободѣ и конституціи. Однако же либералы поддерживали его: это тѣмъ любопытнѣе, что, присоединивъ свои голоса къ голосамъ роялистовъ, противившихся закону, они могли бы отвергнуть его, и тогда конституція вошла бы въ силу, личная свобода была бы ограждена. Но въ такомъ случаѣ потерпѣли бы пораженіе министры, представившіе проэктъ, а для либераловъ сохраненіе министерства, враждебнаго роялистамъ, было важнѣе, нежели возстановленіе свободы. Зато роялисты, годъ тому назадъ постановившіе гораздо болѣе деспотическій законъ, теперь кричали о нестерпимомъ нарушеніи свободы новымъ закономъ.

Та же самая исторія была и съ закономъ, ограничивавшимъ свободу журналистики.

Либералы усердно поддерживали министерство, а между тѣмъ оно продолжало, какъ въ 1815 и 1816 годахъ, подвергать тюремному заключенію и смертной казни самымъ произвольнымъ и противузаконнымъ образомъ множество людей. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ и за что погибали тогда люди во Франціи, мы упомянемъ только объ одномъ случаѣ. Отставной капитанъ кавалеріи, Велю, былъ призванъ въ судъ за то, что назвалъ свою лошадь казакомъ. „Какъ могли вы дать своей лошади имя, драгоцѣнное для всѣхъ добрыхъ французовъ?" спросилъ судья.— „Я купилъ ее у русскаго офицера и назвалъ казакомъ, какъ назвалъ бы нормандцемъ, если бы купилъ у нормандца", отвѣчалъ капитанъ.—

Digitized by Google

„Но вы должны были знать, что вы оскорбляли народъ, мужеству котораго Франція отчасти обязана возстановленіемъ законной власти“. Капитанъ Велю не нашелся, что отвѣчать на такое нелѣпое обвиненіе. Ему объявили, что онъ предается превотальному суду. Тюремное заключеніе такъ подѣйствовало на разстроенное военною службою здоровье капитана, что онъ умеръ. Послѣ этого не нужно говорить, какова была участь людей, обвинявшихся въ нерасположеніи къ правительству, а тѣмъ болѣе въ какихъ нибудь злоумышленіяхъ противъ него, обыкновенно изобрѣтенныхъ усердіемъ шпіоновъ.

По закону, изданному 5 февраля 1817 года, каждый годъ подвергалась новымъ выборамъ одна пятая часть палаты депутатовъ. Прошло два такихъ срока, въ оба раза выборы сильно неблагопріятствовали роялистамъ; они видѣли, что скоро совершенно исчезнутъ изъ палаты, и не имѣли надежды ни при какихъ обстоятельствахъ возвратить себѣ силу въ ней подъ вліяніемъ закона 5 февраля. Въ этомъ отчаянномъ положеніи они прибѣгли къ разнымъ интригамъ, чтобы запугать монарховъ Священнаго Союза; графъ Д'Артуа послалъ къ этимъ государямъ тайную записку, доказывавшую, что если не будетъ отмѣненъ законъ 5 февраля, то Франція снова впадетъ во власть революціонеровъ, массами проникающихъ въ палату при каждыхъ новыхъ выборахъ. Французское министерство получило предостереженія отъ союзныхъ державъ. Герцогъ Ришлье, до той поры совершенно не занимавшійся внутренними дѣлами Франціи, ограничиваясь исключительно дипломатическими заботами, и не знавшій ни положенія, ни духа внутреннихъ партій, пришелъ въ ужасъ и рѣшился послѣдовать предостереженію, которое считалъ личнымъ мнѣніемъ Русскато Императора. Но Деказъ не обманулся уловками роялистовъ: онъ понялъ, что ихъ ложныя извѣстія вовлекли въ ошибку дипломатовъ Священнаго Союза; онъ очень хорошо зналъ, много-ли революціонныхъ опасностей въ либерализмѣ, и понималъ, что гибельны для престола Бурбоновъ могутъ быть только роялисты, но никакъ не либералы. Онъ воспротивился измѣненію прежней системы и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими министрами подалъ въ отставку. Безъ Деказа Ришлье не могъ управлять дѣлами и также подалъ въ отставку. Людовикъ XVIII поручилъ Деказу составить новое министерство.

И такъ герцогъ Ришлье, три года бывшій главою министерства, сдѣлался частнымъ человѣкомъ. Франція была обязана ему тѣмъ, что союзные монархи поступили съ нею въ 1815 году гораздо снисходительнѣе, нежели какъ предполагалось. При извѣстіи о возвращеніи Наполеона съ Эльбы, Талейранъ, бывшій французскимъ уполномоченнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, до того растерялся, что пожертвовалъ всѣми выгодами отечества. По ходатайству герцога Ришлье, императоръ Александръ I убѣдилъ своихъ союзниковъ значительно смягчить условія мира съ Франціею послѣ Ватерлооской битвы. Ришлье, благодаря расположенію русскаго императора, избавилъ Францію отъ платежа многихъ сотенъ милліоновъ франковъ. Потомъ, также по его ходатайству, былъ двумя годами сокращенъ срокъ квартированія союзныхъ войскъ во Франціи. Этимъ Франція избавлялась отъ униженія видѣть себя подъ наблюденіемъ иностранныхъ армій, и снова выигрывала нѣсколько сотъ милліоновъ. Словомъ сказать, не было въ то время человѣка, которому Франція была бы такъ много обязана, какъ герцогу Ришлье. Теперь, переставая быть министромъ, онъ дѣлался бѣднякомъ. Франція должна была обезпечить отъ нищеты старость человѣка, оказавшаго ей безмѣрныя услуги и для службы ей отказавшагося

Digitized by Google

отъ блестящаго и прочнаго положенія въ Россіи. Въ палаты перовъ и депутатовъ было внесено предложеніе „назначить герцогу національное вознагражденіе, соразмѣрное огромности его услугъ и его безкорыстію". Министерство предложило палатамъ назначить ему, въ видѣ пенсіи, майоратъ въ 50,000 франковъ изъ недвижимыхъ государственныхъ имуществъ.

Если роялисты дѣйствительно были преданы престолу, они могли бы сказать противъ этого предложенія развѣ то, что пенсія должна быть назначена гораздо больше. Монархическія чувства герцога были внѣ всякихъ сомнѣній. Услуги его Бурбонамъ были безмѣрны. Не только приверженность къ престолу, но и простое чувство приличій запрещало роялистамъ возставать противъ пенсіи: герцогъ Ришлье вышелъ изъ министерства именно потому, что по желанію роялистовъ хотѣлъ измѣнить законъ о выборахъ. Наконецъ чрезвычайное благородство, съ которымъ онъ, узнавъ о намѣреніи назначить ему пенсію, отказывался отъ нея, должно бы зажать ротъ каждому сколько нибудь благородному человѣку, хотя бы и недовольному герцогомъ. Но Ришлье распустилъ роялистскую палату 1815 года и тѣмъ разрушилъ перевѣсъ роялистовъ: этого не могли они простить ему, и предложеніе о пенсіи подняло съ ихъ стороны самый неприличный крикъ. Они выставляли подобную награду примѣромъ, опаснымъ для будущаго времени; спрашивали, почему же не назначается такая же награда всѣмъ бывшимъ товарищамъ Ришлье по министерству: если дѣйствія министерства заслуживаютъ награды, то несправедливо давать награду одному министру, а не всѣмъ; наконецъ, говорили они, если Ришлье былъ хорошимъ министромъ, то почему же онъ не остался министромъ? онъ вышелъ въ отставку, значитъ, онъ самъ видитъ, что его управленіе не годится для Франціи, и послѣ того, какъ же можно награждать министра, который самъ осудилъ себя своею отставкою?

Рѣчи роялистовъ были такъ обидны, что когда большинство палатъ назначило ему пенсію, онъ пожертвовалъ ее въ пользу Бордосскихъ госпиталей.

Въ то время, какъ роялисты своими оскорбленіями герцогу Ришлье доказывали, что прекрасно умѣютъ цѣнить преданность и услуги престолу, либералы продолжали столь же ясно показывать, какъ ненарушимы для нихъ права свободы. Изъ множества фактовъ мы приведемъ одинъ, въ которомъ самую лестную роль игралъ Вильменъ, до сихъ поръ съ блестящимъ краснорѣчіемъ разсуждающій о любви къ свободѣ и въ своихъ книгахъ, и въ засѣданіяхъ французской академіи. Мы уже упоминали, что онъ тогда управлялъ цензурною частью. При молчаніи, наложенномъ на газеты, довольно сильный интересъ въ публикѣ пробуждали статьи Bibliothèque historique, печатавшей разные документы и рукописи, относившіеся къ прошедшему времени. Издатель ея, Гоке, вздумалъ было помѣстить въ прибавленіи къ одной изъ своихъ книжекъ „Разговоръ между изгнанникомъ и членомъ палаты 1815 года". Статья эта самымъ мягкимъ образомъ намекала, что преслѣдованія 1815 года были слишкомъ суровы. Она была напечатана, но еще до выпуска книжки Гоке рѣшился уничтожить этотъ разговоръ, чтобы не подвергать себя опасности. „Гдѣ же прибавленіе къ этому нумеру?" сказалъ Вильменъ, когда Гоке принесъ ему на разсмотрѣніе книжку. Гоке отвѣчалъ, при прибавленіе уничтожено. Тогда Вильменъ сталъ просить у него двухъ экземпляровъ прибавленія лично для себя. „Дайте ихъ мнѣ, не какъ оффиціальному лицу, для моей частной библіотеки", говорилъ онъ. Гоке долго не соглашался, наконецъ уступилъ прось-

Digitized by Google

бамъ Вильмена и принесъ ему два экземпляра прибавленія; черезъ нѣсколько часовъ, въ типографію Гоке явилась полиція и захватила тѣ экземпляры прибавленія, которыхъ не успѣли еще уничтожить рабочіе, истреблявшіе эту макулатуру. Гоке былъ подвергнутъ суду за то, что далъ два экземпляра Вильмену. Онъ былъ на три мѣсяца заключенъ въ тюрьму; дѣла его въ это время разстроились и, обанкротившись, онъ скоро умеръ отъ печали.

Такіе либералы, разумѣется, не могли служить представителями страстей и интересовъ, двадцать лѣтъ тому назадъ вызвавшихъ французскую революцію. Образованные простолюдины чуждались ихъ почти столько же, сколько и роялистовъ. Не находя себѣ выраженія ни въ партіяхъ, раздѣлявшихъ палаты, ни въ журналистикѣ, революціонныя идеи тѣмъ сильнѣе волновали людей, остававшихся въ сторонѣ отъ публичнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Скоро явились фанатики молчаливые и скрытные, но тѣмъ болѣе рѣшительные. Одинъ изъ нихъ, Лувель, рѣшился убить герцога Беррійскаго, который одинъ изъ всѣхъ Бурбоновъ могъ имѣть потомство и продлить свою династію. 13 февраля 1820 года онъ желѣзною полосою, заостренною въ видѣ кинжала, смертельно поразилъ принца при выходѣ изъ оперы. Этотъ человѣкъ вовсе не былъ либераломъ; онъ не имѣлъ понятія о преніяхъ, которыя съ такимъ шумомъ велись въ палатахъ и возбуждали такія опасенія въ правительствѣ. Лувель былъ простымъ рабочимъ у королевскаго сѣдельщика. „Что васъ побудило совершить преступленіе?“ сказалъ ему Деказъ на допросѣ. — „Я считаю Бурбоновъ злѣйшими врагами Франціи“, отвѣчалъ этотъ человѣкъ.— „Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ покусились на жизнь именно герцога Беррійскаго?“ — „Затѣмъ, что онъ моложе другихъ принцевъ королевскаго дома и, вѣроятно, онъ имѣлъ бы потомство“.— „Раскаяваетесь ли вы въ своемъ поступкѣ?“ — „Нисколько“. — „Возбуждалъ ли васъ кто нибудь, былъ ли кто вашимъ сообщникомъ?“ — „Никто“.

Дѣйствительно, Лувель не имѣлъ сообщниковъ, но за его преступленіе расплатился Деказъ, конечно, столь же гнушавшійся имъ, какъ и самые пылкіе роялисты.

Роялисты обрадовались несчастію, постигшему королевскую фамилію. Оно дало имъ желанный случай низвергнуть ненавистнаго министра. Когда на другой день открылось засѣданіе палаты депутатовъ, Клозель де-Куссергъ, одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ между роялистами, вошелъ на трибуну. „Министры должны быть обвиняемы въ публичномъ засѣданіи предъ лицомъ Франціи, сказалъ онъ: — предлагаю палатѣ составить актъ обвиненія противъ г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщника въ убійствѣ...“ Крики негодованія раздались со стороны министерскихъ членовъ и прервали его рѣчь. Но роялисты достигли своей цѣли черезъ нѣсколько дней. „Безразсудный, вы испортили дѣло, сказалъ Вильмен Клозелю, когда онъ сошелъ съ трибуны: вмѣсто прямого участія въ убійствѣ удобно было обвинять Деказа просто въ измѣнѣ“.

Деказъ былъ обязанъ своею властью чрезвычайному личному расположенію Людовика XVIII. Онъ былъ любимымъ собесѣдникомъ стараго короля; онъ одинъ умѣлъ развлекать его скуку; старикъ толковалъ съ нимъ обо всемъ, чѣмъ интересовался самъ: о городскихъ новостяхъ, о латинскихъ классикахъ, о французской литературѣ, о своихъ сочиненіяхъ. Онъ одного дня не могъ прожить безъ Деказа и называлъ его своимъ сыномъ. Оставшись съ нимъ наединѣ, король залился со

Digitized by Google

зами: „Дитя мое, говорилъ онъ, роялисты начнутъ съ нами страшную войну; они воспользуются смертью моего племянника; они нападутъ не на твою, а на мою систему; не тебя одного ненавидятъ они, а также и меня“. Деказъ отвѣчалъ, что, какъ ни прискорбна была бы ему отставка въ связи съ такимъ страшнымъ случаемъ, но онъ готовъ удалиться изъ министерства для спокойствія короля. „Нѣтъ, нѣтъ, горячо вскричалъ Людовикъ XVIII:—ты не покинешь меня, я требую, чтобы ты остался! Они не разлучатъ насъ“. Вечеромъ былъ созванъ совѣтъ изъ министровъ и нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ для соображеній о мѣрахъ, требуемыхъ обстоятельствами. „Господа, сказалъ Людовикъ XVIII, обращаясь къ собранію:—роялисты наносятъ мнѣ послѣдній ударъ; они знаютъ, что система г. Деказа — моя система и обвиняютъ его, будто онъ убилъ моего племянника! Не первую клевету подобнаго рода взводятъ они на меня. Я хочу, господа, спасти отечество безъ нихъ“.

Но могъ ли дряхлый старикъ выдержать борьбу съ непримиримыми врагами своего любимца, восторженно схватившимися за счастіе, доставленное имъ рукою Лувеля? На другой день, въ засѣданіи палаты депутатовъ, 15 февраля, Клозель де-Куссергъ снова вошелъ на трибуну и объявилъ, что не отступаетъ отъ своего обвиненія. „Я передалъ г. президенту слѣдующее предложеніе, сказалъ онъ: имѣю честь предложить палатѣ составить обвиненіе противъ г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, какъ виновнаго въ измѣнѣ по смыслу 56-й статьи конституціи“. Роялисты не имѣли большинства въ палатѣ, обвиненіе было отвергнуто. Но у нихъ были другіе пути къ достиженію своей цѣли. Сила роялистовъ сосредоточивалась въ тайномъ обществѣ, извѣстномъ подъ именемъ конгрегаціи. Тайные Іезуиты, овладѣвшіе отцомъ убитаго принца и братомъ короля, графомъ д'Артуа, были руководителями этого общества. Оно повсюду имѣло агентовъ, располагало огромными суммами, но скрывало свои дѣйствія такъ искусно, что очень немногимъ людямъ во Франціи были извѣстны даже имена людей, управлявшихъ конгрегаціею; она дѣйствовала такъ хитро, что въ тѣ времена многіе историки и публицисты даже отвергали существованіе ея политическихъ интригъ. Только послѣ 1830 года, когда найдены были тайныя бумаги конгрегаціи, обнаружилась вся обширность ея вліянія на ходъ событій. „Преступленіе Лувеля не повлекло за собою немедленнаго паденія фаворита, писали предводители конгрегаціи своимъ сочленамъ въ департаментахъ:—но не смущайтесь. Мы стащимъ его съ мѣста силой, если самъ король не захочетъ прогнать его; а между тѣмъ организуйтесь; ни въ руководствѣ, ни въ деньгахъ у васъ не будетъ недостатка“. Роялистскіе салоны волновались. „Деказъ, говорили тамъ, продалъ монархію революціонерамъ; кровь герцога Беррійскаго запечатлѣваетъ союзъ его съ либералами. Вы увидите, что слѣдствіе противъ убійцы, которому онъ далъ полную свободу совершить свое дѣло, будетъ заглушено и будутъ приняты всѣ предосторожности, чтобы скрыть отъ Франціи бездну заговора“. Деказъ хотѣлъ бороться, опираясь на либераловъ, и роялисты приходили въ неистовство. „Повѣритъ ли Европа? восклицалъ Journal des Débats, бывшій тогда органомъ роялистовъ. Этотъ министръ, политика котораго ужасаетъ народы и царей, онъ, бывшій до сихъ поръ всемогущимъ противъ вѣрныхъ подданныхъ, безсильны[illegible]мѣнниковъ и убійцъ, онъ, вмѣсто того, чтобы раскаяваться,—гр[illegible] своей совѣсти въ темномъ уединеніи, [illegible]столомъ! Не-

Digitized by Google

ужели принимаетъ насъ за націю идіотовъ этотъ Бонапарте лакейской? Четыре года наша несчастная страна оставлена была игрушкой въ рукахъ блуднаго сына: онъ не умѣетъ держать бразды правленія въ слабыхъ своихъ рукахъ и потому французы соглашаются жить рабами!"

Руководимые конгрегаціею, графъ д'Артуа, герцогъ и герцогиня Ангулемскіе явились къ Людовику XVIII и потребовали удаленія Деказа. „Графъ Деказъ защищалъ мою власть противъ людей, не повиновавшихся закону и принуждавшихъ меня идти путемъ, который я осуждаю, сказалъ Людовикъ. Этимъ онъ исполнялъ обязанность вѣрнаго министра. Онъ не предлагалъ ничего такого, что не было бы сообразно съ моими повелѣніями. Въ палатѣ могутъ отдѣлять волю моихъ министровъ отъ моей воли—это понятно; но могутъ ли дѣлать это различіе, чистосердечно и не оскорбляя меня, члены моего семейства? Объявляю вамъ, заключилъ король, разгорячившись отъ противорѣчія, что я никогда не зналъ человѣка съ сердцемъ болѣе открытымъ и искреннимъ, чѣмъ графъ Деказъ. Я убѣжденъ, что онъ пожертвовалъ бы жизнью за моего племянника, какъ пожертвовалъ бы за меня. Я уважаю заблужденіе вашей скорби; моя скорбь не менѣе мучительна, но она не сдѣлаетъ меня несправедливымъ". Но принцы продолжали настаивать, и слабый старикъ не могъ выдержать борьбы. Утомленный противорѣчіемъ, онъ сказалъ наконецъ: „Вы такъ хотите, постараюсь исполнить ваше желаніе". Но уступка была слѣдствіемъ безсилія, а не согласія. „День разлуки съ тобою печальнѣйшій день моей жизни, сказалъ онъ Деказу, передавая ему требованіе роялистовъ; ахъ, дитя мое, не тебя, а меня хотятъ они погубить!" Роялистамъ мало было лишить короля услугъ преданнаго и любимаго министра,—они требовали непремѣнно, чтобы Деказъ удаленъ былъ изъ Парижа, изъ Франціи. Людовикъ принужденъ былъ уступить: Деказъ отправился посланникомъ въ Лондонъ, въ почетную ссылку. Скорбь короля отъ этой потери была безпредѣльна. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, одна мать, несчастіями разлученная съ дѣтьми, говорила ему о своей тоскѣ по нихъ—глухіе стоны прервали ея разсказъ, она взглянула на короля—у него на глазахъ были слезы: „Ахъ, и у меня отняли сына, проговорилъ онъ, рыдая:—они были безжалостны, они отняли его у меня!" Онъ говорилъ о Деказѣ.

На мѣсто Деказа, Людовикъ XVIII призвалъ Ришлье. Но политическія огорченія были слишкомъ свѣжи въ памяти герцога: два раза онъ отказывался отъ порученія составить новое министерство, не желая вновь подвергаться злобѣ роялистовъ. Наконецъ, Людовикъ XVIII призвалъ къ себѣ вмѣстѣ съ нимъ графа д'Артуа, и этотъ глава роялистовъ далъ „честное слово благороднаго человѣка" (sa parole de gentilhomme), что его партія будетъ поддерживать Ришлье. Только тогда Ришлье согласился. Мы говорили о безграничной преданности герцога Ришлье династіи Бурбоновъ. Его министерство было составлено изъ людей съ монархическими убѣжденіями, столь же несомнѣнными. Если бы роялисты дѣйствительно хлопотали о строго монархическихъ началахъ, они могли бы быть довольны новымъ кабинетомъ. Отъ ихъ имени, съ ихъ согласія, графъ д'Артуа, называвшійся ихъ главою, обѣщалъ поддержать Ришлье. Посмотримъ, какъ они сдержали это слово.

Новое министерство съ самаго начала исполнило всѣ явныя желанія роялистовъ. Оно возстановило цензуру, которой требовали роялисты, потому что находили себя безсильными выдерживать борьбу съ либералами передъ публикою. Оно

Digitized by Google

измѣнило законъ о выборахъ, такъ что большіе землевладѣльцы получили въ свои руки исключительную власть назначать депутатовъ, — это было постоянною цѣлью желанія роялистовъ, потому что значительныя помѣстья почти исключительно принадлежали эмигрантамъ, потомкамъ старинныхъ феодаловъ. При Наполеонѣ три четвертыхъ части богатыхъ землевладѣльцевъ были изъ старинныхъ знатныхъ фамилій; по возвращеніи Бурбоновъ, эта пропорція стала еще гораздо больше. Дѣйствительно, новый законъ сдѣлалъ роялистовъ исключительно господствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Либеральная партія, съ каждымъ годомъ усиливавшаяся въ палатѣ при дѣйствіи прежняго закона, дававшаго участіе въ выборахъ владѣльцамъ помѣстій средней величины и купцамъ, вдругъ почти совершенно исчезла изъ палаты послѣ новыхъ выборовъ. Весь составъ администраціи былъ измѣненъ въ угодность роялистамъ: подозрительныя имъ лица тысячами были отставлены отъ должностей и замѣнены ихъ кліентами. Наконецъ, повидимому, въ составъ самаго министерства были приняты трое предводителей роялистской партіи. Министерство всѣмъ этимъ довольно доказывало свое желаніе управлять государствомъ сообразно съ явными требованіями роялистовъ; нѣтъ нужды говорить, что всѣ второстепенныя дѣла велись въ томъ же духѣ, въ какомъ преобразована была администрація и изданы важнѣйшіе законы. Мало того, уступчивость министерства къ роялистамъ доходила до безпримѣрныхъ границъ: когда роялисты бывали недовольны тою или другою подробностью какого нибудь закона, составленнаго министерствомъ въ ихъ духѣ, министры, если не могли согласиться на перемѣны, предлагаемыя роялистами, то просто молчали и при баллотировкѣ не подавали голоса, чтобы не обидѣть взыскательныхъ союзниковъ даже самымъ мелочнымъ разнорѣчіемъ. Но роялисты, не смягчаясь никакою снисходительностію министерства, продолжали каждый день, на каждомъ шагу, язвить и поражать его. Ихъ горячность противъ министровъ пренебрегала даже основными правилами парламентской благопристойности. Вотъ одинъ случай, могущій дать о томъ понятіе. Однажды, жалуясь роялистамъ на ихъ безпрестанныя выходки противъ министерства, оказавшаго имъ такъ много услугъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Пакье, отважился напомнить про обѣщаніе поддержки, данное роялистами новому кабинету при вступленіи его въ дѣла. „Ораторы, нынѣ нападающіе на насъ и выставляющіе насъ своимъ друзьямъ людьми, незаслуживающими довѣрія, сказалъ онъ, должны были бы говорить это тогда, когда заключался союзъ между ними и нами, а не теперь, когда они получили всѣ выгоды отъ этого союза“. Въ отвѣтъ на это, де-Лабурдонне напалъ на личность самого Пакье за то, что Пакье не былъ эмигрантомъ. Пакье оправдывалъ себя тѣмъ, что вся нація оставалась во Франціи въ эпоху Республики и Имперіи. Удалять отъ дѣлъ людей, служившихъ при Наполеонѣ, значило бы отталкивать отъ правительства девяносто-девять сотыхъ частей націи, сказалъ онъ. „Тогда, по крайней мѣрѣ, мы не видѣли бы въ министерствѣ ни васъ, ни другихъ вамъ подобныхъ“, закричалъ въ отвѣтъ Лабурдонне.— „Достопочтенные члены, конечно, не захотятъ формально обвинять насъ“, сказалъ Пакье. — „Нѣтъ, обвиняемъ“, отвѣчалъ Кастельбажакъ, другой роялистъ. Эти отвѣты казались еще недостаточны для Лабурдонне. Чрезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ прежнему предмету, [illegible] Я спрошу у г-на Пакье, думаетъ ли онъ, что хотя одинъ чес[illegible] политическихъ сношеніяхъ съ нимъ?“ С[illegible] міръ

Digitized by Google

Перье имѣлъ полное право замѣтить: „Странное дѣло, министры не хотятъ видѣть, что партія, владычествующая надъ ними, уже не хочетъ ихъ терпѣть; пусть они сколько хотятъ умоляютъ, унижаются: ихъ послѣдній часъ пробилъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, роялисты Вильель и Корбьеръ, бывшіе членами министерства, объявили намѣреніе удалиться отъ должностей, не дожидаясь конца даже первой сессіи, бывшей послѣ новаго закона о выборахъ, доставившаго перевѣсъ роялистамъ. Напрасно Ришлье и Пакье думали купить ихъ содѣйствіе новою уступкою, предлагали имъ портфели: Вильель и Корбьеръ удалились изъ Парижа, чтобы не участвовать въ совѣщаніяхъ кабинета, и скоро подали въ отставку.

Чего же хотѣли роялисты? чѣмъ были недовольны они, когда Ришлье и его товарищи съ полной готовностью исполняли всѣ ихъ требованія? подумаетъ читатель. Нѣтъ, послѣднее выраженіе не точно; пусть читатель припомнитъ, что мы постоянно употребляли фразу: всѣ явныя требованія роялистовъ, а не говорили просто: всѣ требованія. Дѣло въ томъ, что у этой партіи задушевными желаніями были стремленія, о которыхъ не находила она полезнымъ говорить публично. Каково было отношеніе этихъ задушевныхъ мыслей къ королевской власти, покажетъ пока одинъ примѣръ. Министры внесли законъ о муниципальномъ устройствѣ, т. е. объ организаціи городской и сельской администраціи. Почти всѣ мѣстныя начальства избирались по этому проэкту богатѣйшими землевладѣльцами; администрація почти вся переходила во власть потомства древнихъ феодаловъ; кажется, роялисты могли быть довольны. Но назначеніе префекта предоставлялось королю. Роялисты вскипѣли негодованіемъ на такой деспотизмъ. Они хотѣли до поры до времени кричать, что они роялисты, т. е. люди исключительно преданные царствующей династіи; но уже и теперь находили нужнымъ вести дѣла такъ, чтобы королю не оставлялось ни малѣйшаго участія въ управленіи государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ королю власть, если могутъ отнять ее у него люди, столь преданные ему, какъ роялисты?

Тогда-то Людовикъ XVIII изъ глубины оскорбленной души воскликнулъ: „я отдавалъ имъ права моей короны; они отвергаютъ меня. Это хорошій урокъ“. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему принимать въ подарокъ то, что можно взять по праву собственной силы, или интриги? Уступка стѣснительна, она обязываетъ быть снисходительнымъ; насильственная побѣда лучше: завоеватель не обязанъ быть благодаренъ.

Роялисты, благодаря закону о выборахъ, составленному министерствомъ Ришлье, видѣли себя властелинами Франціи, къ чему же было имъ церемониться съ королемъ? И потому, когда снова собралась палата депутатовъ въ концѣ 1821 года, роялисты, при своемъ огромномъ большинствѣ въ ней могшіе дѣйствовать уже откровеннѣе прежняго, первымъ своимъ долгомъ почли нанести личную дерзкую обиду королю: нужно же было доказать ему, что они сильнѣе его. Каждая сессія палатъ, по общему обычаю всѣхъ парламентскихъ правительствъ, начинается составленіемъ адреса, въ отвѣтъ на рѣчь, произносимую королемъ при открытіи парламента. Правительство, зная враждебный духъ палаты депутатовъ, постаралось до того сгладить тронную рѣчь, чтобы въ ней не осталось ничего, кромѣ общихъ фразъ, и не было ни малѣйшаго предлога къ какой нибудь придиркѣ въ отвѣтномъ адресѣ. Напрасно. Обычной фразы всѣхъ безъ исключенія тронныхъ рѣчей о мирныхъ отношеніяхъ правительства съ иностранными державами было достаточно роялистамъ, чтобы найти случай къ личной обидѣ короля. „Наши отноше-

Digitized by Google

нія съ иностранными державами не переставали быть дружескими и я имѣю твердую увѣренность, что они останутся такими же впредь", сказалъ король въ тронной рѣчи. Коммиссія роялистовъ, составлявшая адресъ, предложила палатѣ отвѣчать на это слѣдующими словами: „Мы радуемся, государь, постоянно дружескимъ отношеніямъ вашимъ съ иноземными державами, въ справедливой увѣренности, что миръ, столь драгоцѣнный, не купленъ пожертвованіями, несовмѣстными съ честью націи и достоинствомъ короны."

Министры ужаснулись, когда докладчикъ коммиссіи, горячій роялистъ Делало, прочелъ палатѣ проэктъ адреса. Пакье тотчасъ же вошелъ на трибуну и потребовалъ уничтоженія параграфа, обиднаго для короля. „Король не можетъ унижать достоинства своей короны, сказалъ онъ: — всякій намекъ объ этомъ непочтителенъ и палата не захочетъ подать такой примѣръ". — „Какъ! вскричалъ де-Серръ, министръ внутреннихъ дѣлъ: — вашъ президентъ пойдетъ сказать королю въ лицо, что палата имѣетъ справедливую увѣренность, что король не надѣлалъ низостей! Это смертельная обида". Но министры ошибались, полагая обязанностью роялистской палаты не наносить оскорбленія королю: она иначе понимала свой долгъ. „Если допустить теорію министровъ, отвѣчалъ Делало отъ имени коммиссіи: — то отвѣты палаты на тронныя рѣчи должны бы ограничиваться простымъ парафразомъ тронныхъ рѣчей, предназначенныхъ скрывать отъ короля всякую истину. Обязанность палаты не такова. Говоря отъ имени страны, палата обязана говорить съ монархомъ такимъ языкомъ, который высказывалъ бы королю о правительственныхъ дѣйствіяхъ не мнѣніе министровъ, а мнѣніе Франціи". Адресъ, составленный коммиссіею, былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій палатою по огромному большинству голосовъ.

Людовикъ XVIII былъ глубоко оскорбленъ. По обычному порядку, аудіэнція для представленія адреса королю назначалась президенту, вице-президентамъ и особенной депутаціи, избираемой палатою на этотъ случай, въ тотъ же самый день, какъ онъ былъ принимаемъ палатою. Теперь король цѣлыхъ три дня не назначалъ этой аудіэнціи; наконецъ было объявлено палатѣ, что король допускаетъ къ представленію адреса только президента палаты съ вице-президентами, не желая принимать депутацію. Президентъ, явившись на аудіэнцію, хотѣлъ по обычаю прочесть адресъ. Людовикъ, сидѣвшій съ гнѣвнымъ лицомъ, остановилъ его, взялъ у него бумагу и, не взглянувъ на нее, сказалъ:

„Я знаю адресъ, представляемый вами.

„Въ изгнаніи, среди преслѣдованій, я поддерживалъ мои права, честь моего дома и французскаго имени. Занимая престолъ и окруженный моимъ народомъ, я негодую при одной мысли, чтобы я могъ когда нибудь пожертвовать честью моей націи и достоинствомъ моей короны.

„Я хочу думать, что большая часть тѣхъ, которые вотировали этотъ адресъ, не взвѣсили всѣхъ его выраженій. Если бы они имѣли время обсудить ихъ, они не допустили бы предположенія, о которомъ я, какъ король, не долженъ говорить, о которомъ я, какъ отецъ, желалъ бы забыть".

Король могъ оскорбляться сколько его душѣ было угодно, но онъ долженъ былъ покоряться. Министерство прибѣгло къ новымъ уступкамъ, чтобы смягчить роялистовъ. Негодованіе короля мало подѣйствовало на нихъ; нужно было гнѣвъ замѣнить смиреніемъ. Министерство представило проэкты двухъ законовъ, которыми

Digitized by Google

думало угодить роялистамъ, кричавшимъ противъ вольнодумства газетъ. Оно предложило усилить и продлить еще на пять лѣтъ временно-существовавшую тогда цензуру. Но роялисты вдругъ обратились въ яростныхъ защитниковъ свободы, и проклинали деспотическія желанія министровъ.

Съ каждымъ днемъ нападенія роялистовъ на кабинетъ становились ожесточеннѣе. Ни одно дѣйствіе, ни одно слово правительства не избѣгало самыхъ бурныхъ порицаній. Король долженъ былъ уступить. Ришлье и его товарищи подали въ отставку. Графъ д'Артуа ввелъ къ королю Вильеля для составленія новаго, чисто-роялистскаго министерства. 15 декабря 1821 года было обнародовано королевское повелѣніе, назначавшее Вильеля министромъ финансовъ, Корбьера министромъ внутреннихъ дѣлъ и другихъ предводителей роялистской партіи министрами другихъ департаментовъ. Изнуренный шестилѣтнею борьбою, король отступился отъ всякаго участія въ управленіи государствомъ. „Наконецъ, г. Вильель торжествуетъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. Я мало знаю людей, входящихъ съ нимъ въ мой кабинетъ; надѣюсь, они будутъ такъ разсудительны, что не послѣдуютъ слѣпо всѣмъ страстямъ роялистовъ. Впрочемъ, я удаляюсь въ ничтожность съ настоящей минуты. Au reste je m'annule dès ce moment".

Дѣйствительно, король былъ принужденъ роялистами отказаться отъ всякой мысли объ участіи въ правленіи. Даже списокъ новаго министерства былъ составленъ безъ малѣйшаго вмѣшательства его воли. Конгрегація выбрала своихъ членовъ въ министры, кого и какъ хотѣла, даже не совѣщаясь съ королемъ.

Такъ держали себя роялисты относительно королевской власти. Не только тогдашніе либералы, умѣренные представители скромныхъ желаній средняго сословія, но самые заклятые республиканцы не могли бы топтать и власть, и личность короля съ такой непреклонной дерзостью. Вступленіе роялистовъ въ кабинетъ короля было, по собственному выраженію короля, аннулированіемъ короля.

Путемъ безпощадной борьбы противъ короля достигли роялисты власти. Посмотримъ теперь, на достиженіе какихъ цѣлей будутъ они употреблять свою власть. Быть можетъ, цѣль не совсѣмъ похожа на средства; быть можетъ, дѣйствія роялистскаго правительства окажутся болѣе согласны съ интересами престола и царствовавшей династіи, нежели способы, которыми роялисты захватили власть.

II.

Министерство Вильеля.—Испанская экспедиція.—Полное владычество роялистовъ.—Они издаютъ законы, противные интересамъ монархической власти.—Ультрамонтанцы и бѣлое духовенство.—Карлъ X.—Выдача вознагражденія эмигрантамъ.—Возстановленіе майоратствъ.—Распаденіе между роялистами; оппозиція Шатобріана и оппозиція Лабурдонне.—Законъ о книгопечатаніи.—Новые выборы.—Паденіе Вильеля.—Умѣренное министерство Мартиньяка.—Оно безпокоитъ іезуитовъ.—Роялисты обращаются противъ Карла X.—Путешествіе Карла X по восточной Франціи.—Роялисты убѣждаютъ его прекратить снисходительность къ либераламъ.—Министерство Полиньяка.—Отношенія партій передъ іюльскими днями.—Политика, наиболѣе выгодная для династіи.—Союзъ династіи съ роялистами совершенно противенъ ея интересамъ.—Отношенія либераловъ къ народу.—Характеръ министерства Полиньяка.—Безпокойство овладѣваетъ Франціею.—Адресъ палаты депутатовъ.—Она распущена.—Новые выборы.—Слухи о насильственныхъ мѣрахъ.—Русскій Императоръ и Меттернихъ хотятъ спасти Карла X.—Іюльскія повелѣнія.—Катастрофа.—Поведеніе роялистовъ.—Крайняя трусость либераловъ.—Безвредность ихъ торжества для королевской власти и безполезность его для народа. (1821—1830).

Первый важный вопросъ, представившійся министерству Вильеля, былъ возбужденъ испанскими дѣлами. Намъ нѣтъ нужды излагать событія, влѣдствіе

Digitized by Google

которыхъ Фердинандъ VII, король испанскій, принужденъ былъ въ 1820 году возстановить конституцію, которую принялъ при своемъ возвращеніи въ Испанію въ 1814 году. Довольно будетъ сказать, что часть аристократіи, а еще болѣе іезуиты, игравшіе до того времени при дворѣ важнѣйшую роль, были страшно недовольны принятіемъ конституціи и во многихъ мѣстахъ пытались поднимать возстаніе, чтобы низвергнуть ее вооруженною рукой. Испанское духовенство, находившееся подъ вліяніемъ іезуитовъ, принимало главнѣйшее участіе въ этихъ возстаніяхъ; архіепископы и епископы были чаще всего предводителями инсургентовъ. Но ихъ усилія были напрасны: инсургенты были побѣждены повсюду и принуждены искать убѣжища въ пиринейскихъ горахъ на французскихъ границахъ.

Во Франціи испанскія событія пробуждали самый живой интересъ: либералы и роялисты видѣли своихъ братьевъ въ испанскихъ приверженцахъ и противникахъ конституціи. Роялистскіе журналы громко требовали, чтобы Франція послала въ Испанію войско на помощь инсургентамъ.

Но Людовикъ XVIII былъ чрезвычайно мало расположенъ тратить деньги и кровь своихъ подданныхъ на возстановленіе безпорядочнаго и чрезвычайно жестокаго управленія, которымъ Фердинандъ VII возстановилъ противъ себя всѣхъ, защищавшихъ его корону противъ Наполеона. Французскій король говорилъ о характерѣ Фердинанда VII въ выраженіяхъ столь рѣзкихъ, что мы не хотимъ здѣсь повторять ихъ, считалъ его человѣкомъ, не заслуживающимъ ни малѣйшаго сочувствія или уваженія.

Мнѣніе Людовика XVIII, конечно, не имѣло тогда большой важности во Франціи: роялисты, какъ мы видѣли, отняли у короля вліяніе на дѣла. Гораздо важнѣе было то, что Вильель, душа министерства, также не хотѣлъ помогать инсургентамъ. Французскіе финансы только еще начинали приходить въ нормальное положеніе послѣ страшныхъ пожертвованій, какихъ стоили наполеоновскія войны, а потомъ примиреніе съ Европой. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Вильель имѣлъ одно достоинство: онъ старался соблюдать экономію въ государственныхъ расходахъ и хотѣлъ возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ. Войною въ Испаніи разстроились бы французскіе финансы, потому Вильель никакъ не соглашался на нее. Отрывки изъ его дружескихъ писемъ къ Шатобріану, бывшему посланникомъ на веронскомъ конгрессѣ, могутъ доказать искренность и твердость его отвращенія противъ испанской экспедиціи. „Въ нынѣшнемъ году за всѣми расходами останется 25,000,000 франковъ, писалъ онъ. Зачѣмъ эти несчастныя иностранныя дѣла мѣшаютъ такому благосостоянію? Война будетъ имѣть гибельное вліяніе на наши фонды, нашу морскую торговлю, нашу промышленность. Не смотря на продажныя декламаціи нѣсколькихъ газетъ (Вильель говоритъ о роялистскихъ газетахъ, требовавшихъ войны), здравое и общее мнѣніе отвергаетъ войну; постарайтесь, мой другъ, всѣми силами отвратить это несчастіе. Да пощадитъ Богъ наше отечество и Европу отъ этой войны, которая, предсказываю съ полнымъ убѣжденіемъ, будетъ гибельна для Франціи“.

Дѣйствительно, при одномъ слухѣ о войнѣ, государственные фонды понизились на девять франковъ; финансовыя операціи для правительства стали затруднительны, торговля упала.

Газеты, поддерживавшія правительство, доказывали неумѣстность войны: но

Digitized by Google

онѣ были малочисленны; огромное большинство роялистскихъ газетъ настойчиво требовало войны, повинуясь внушеніямъ конгрегаціи. Инструкціи этого тайнаго общества произвели въ дѣйствіяхъ французскаго правительства явленія почти безпримѣрныя въ исторіи. На веронскомъ конгрессѣ долженъ былъ обсуждаться испанскій вопросъ. Уполномоченнымъ отъ Франціи былъ посланъ на конгрессъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Монморанси. Министерство, руководимое Вильелемъ, дало ему инструкцію, по которой онъ долженъ былъ всячески стараться избавить Францію отъ обязательства вмѣшиваться въ испанскія дѣла. Конгрегація приказала ему дѣйствовать иначе, и Монморанси придалъ переговорамъ объ Испаніи оборотъ совершенно противный своимъ инструкціямъ. Министерство не могло терпѣть такого нарушенія обязанностей и Монморанси былъ удаленъ. Мѣсто его занялъ Шатобріанъ. Знаменитый поэтъ былъ другъ Вильеля, но поступилъ еще лучше, нежели Монморанси. Первый французскій уполномоченный, дѣйствуя противъ своихъ обязанностей, по крайней мѣрѣ, сообщалъ о томъ главѣ министерства; Шатобріанъ почелъ выгоднѣйшимъ для своихъ цѣлей обманывать кабинетъ. Въ депешахъ къ Вильелю онъ представлялъ въ фальшивомъ свѣтѣ совѣщанія конгресса; запутывая переговоры такимъ образомъ, чтобы Франція получила отъ Европы порученіе послать войско въ Испанію, онъ представлялъ себя кабинету вѣрнымъ исполнителемъ инструкцій министерства и обманулъ Вильеля до такой степени, что, по возвращеніи въ Парижъ, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Мы не говоримъ уже о сопротивленіи роялистовъ желаніямъ короля, — они давно не щадили его, давно лишили его власти; ихъ поступки въ испанскомъ дѣлѣ представляютъ особенность болѣе замѣчательную: правительство было составлено по ихъ желанію изъ вѣрнѣйшихъ предводителей ихъ собственной партіи; они идутъ наперекоръ даже этому министерству, они заставляютъ агентовъ министерства измѣнять ему. Въ исторіи дипломатики интрига и обманъ вовсе не рѣдкость; но до такой степени дипломатической измѣны, какъ Шатобріанъ, не доходили ни пошлые агенты Помпадуръ и Дюбарри, ни самъ Талейранъ. Посланники Людовика XV обманывали свое министерство, но они могли извиняться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что дѣйствуютъ сообразно тайнымъ инструкціямъ короля. У Шатобріана не было и этого извиненія. Онъ обманывалъ и короля, и министровъ вмѣстѣ. Всѣ законныя власти Франціи были преданы имъ за одинъ разъ въ угодность людямъ, не имѣвшимъ никакого права руководить хотя бы самымъ ничтожнымъ дѣломъ, преданы въ угодность людямъ, которые не смѣли даже публично произносить своего имени, скрываясь отъ взоровъ націи. Министры Людовика XV, обманывавшіе другъ друга, были, по крайней мѣрѣ, во враждѣ между собою; притомъ же они и не имѣли притязанія выдавать себя за честныхъ людей; Шатобріанъ обманывалъ своего друга, обманывалъ въ то самое время, когда возвышался въ министры его довѣріемъ и не переставалъ считать себя человѣкомъ благороднымъ. Таковы-то были интриги тайныхъ руководителей роялистской партіи, что даже люди, по природѣ своей честные, не колеблясь, совершали низости по ихъ внушенію. Еслибъ мы не знали, кто управлялъ конгрегаціею, руководившею роялистами, мы уже по этимъ однимъ признакамъ безошибочно отгадали бы іезуитовъ.

Знаменитое іезуитское правило говоритъ, что цѣль оправдываетъ средства: быть можетъ, Шатобріанъ и ему подобные, не пренебрегая никакими средствами для возвращенія произвольной власти надъ Испаніей Фердинанду VII, могли по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ оправдываться сами передъ собою возвышенностію своей цѣли. Нѣтъ, Шатобріанъ думалъ о Фердинандѣ точно также, какъ и Людовикъ XVIII, и очень хорошо зналъ, что его жестокіе капризы были и будутъ стыдомъ для имени Бурбоновъ. Конечно, большая часть роялистовъ думала точно также о человѣкѣ, которому хотѣла помогать.

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они такъ ревностно хлопотали объ испанской экспедиціи?—Предводителями испанскихъ инсургентовъ были іезуиты, управлявшіе Фердинандомъ; руководителями роялистовъ были іезуиты, управлявшіе конгрегаціей. Потому и король, и роялистское министерство должны были отказаться отъ убѣжденія, что испанская экспедиція будетъ вредна для Франціи.

Приближалось время, когда должна была собраться палата депутатовъ. Министры совѣщались о томъ, какая политика по испанскому вопросу будетъ выражена въ тронной рѣчи. Не дальше, какъ за семь мѣсяцевъ передъ тѣмъ, при открытіи предъидущей сессіи, король говорилъ: „только зложелательность можетъ приписывать нашимъ дѣйствіямъ намѣреніе вмѣшаться въ испанскія дѣла“. Теперь Вильель снова утверждалъ, что тронная рѣчь должна отвергать испанскую экспедицію, требуемую большинствомъ роялистскихъ газетъ. Но Корбьеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, показалъ ему письмо отъ одного изъ роялистскихъ депутатовъ, который писалъ: „министры компрометируютъ свое положеніе, замедляя вступленіе нашихъ войскъ въ Испанію. Ихъ колебаніе до того раздражаетъ роялистовъ, что всѣ вновь избранные депутаты показываютъ твердую рѣшимость низвергнуть министерство, если тронная рѣчь не будетъ содержать формальнаго, положительнаго объявленія о немедленномъ вторженіи въ Испанію“. Нѣкоторые другіе министры подтвердили предостереженіе своего товарища. Вильель долженъ былъ уступить. Тронная рѣчь положительно объявила, что сто тысячъ войска готовы вступить въ Испанію. Вся Франція волновалась отъ негодованія; государственные фонды упали еще на четырнадцать франковъ, съ 89 на 75.

Вильелю приходилось теперь играть такую же роль, до какой прежде унижалъ онъ герцога Ришлье. Онъ долженъ былъ трепетать роялистскаго большинства палаты депутатовъ, т. е. трепетать своей собственной партіи.

Испанская экспедиція была удачна въ военномъ отношеніи; крайніе роялисты торжествовали. Вильель долженъ былъ исполнять всѣ ихъ требованія. На первый разъ эти требованія относились къ двумъ предметамъ. Роялисты желали воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобы какъ можно долѣе удержать за собою власть. Они хотѣли, чтобы прежній пятилѣтній срокъ существованія палаты былъ замѣненъ семилѣтнимъ и произведены были новые выборы. Съ тѣмъ вмѣстѣ они требовали, чтобы власть духовенства надъ гражданскими дѣлами была увеличена. Вильель уступилъ въ томъ и другомъ.

Продолжительный срокъ безсмѣннаго существованія одной и той же палаты депутатовъ давалъ ей больше независимости отъ правительства. Это не нуждается въ объясненіяхъ. Но для тѣхъ читателей, которые незнакомы съ положеніемъ французскаго духовенства, нужно сказать нѣсколько словъ о характерѣ той части духовенства, пользамъ которой служили роялисты.

Не смотря на безбрачіе приходскаго духовенства въ католическихъ земляхъ, между приходскимъ или бѣлымъ духовенствомъ и монахами существуетъ въ нихъ коренная разница, которая во Франціи обнаруживается сильнѣе, нежели гдѣ ни-

Digitized by Google

будь. Нѣтъ надобности быть католикомъ, чтобы сочувствовать потребностямъ приходскаго духовенства во Франціи. Большая часть его отличается христіанскими добродѣтелями. Исполняя свои религіозныя обязанности, приходскій священникъ во Франціи вообще чуждается политическихъ интригъ; онъ вѣренъ своей національности и не питаетъ вражды къ свѣтской власти, въ которой, напротивъ, ищетъ себѣ опоры противъ самовластія ультрамонтанцевъ. Совершенно иное дѣло французскіе монахи. Какъ бы ни назывался на бумагѣ ихъ орденъ, почти всѣ они іезуиты; разныя названія, придумываемыя ими для себя, служатъ только къ тому, чтобы скрыть принадлежность ихъ къ іезуитскому ордену. Между тѣмъ какъ приходское духовенство вообще поддерживаетъ національные интересы, іезуиты всѣ поголовно ультрамонтанцы, и интересы Франціи для нихъ ничтожны въ сравненіи съ выгодами ордена и папской власти, которая обыкновенно находится подъ ихъ вліяніемъ. Всѣ проницательныя французскія правительства со временъ Генриха IV, какія бы чувства ни питали относительно католической религіи, находились въ необходимости бороться противъ ультрамонтанцевъ. Отъ этихъ явныхъ, или тайныхъ іезуитовъ происходятъ всѣ скандалы, которыми компрометируется католицизмъ во Франціи. Они заводятъ въ семействахъ интриги, чтобы доставлять своимъ конгрегаціямъ богатыя пожертвованія, изъ которыхъ почти каждая соединена съ отнятіемъ имущества у законныхъ наслѣдниковъ. Ихъ конгрегаціи ведутъ обширныя торговыя спекуляціи всякаго рода, пріобрѣтаютъ огромныя помѣстья и дома, вообще владѣютъ громадными богатствами, между тѣмъ какъ приходское духовенство вообще терпитъ сильную нужду. Почти всѣ французскіе епископы и прелаты выходятъ изъ конгрегацій и остаются подъ ихъ вліяніемъ. Изъ двадцати французскихъ епископовъ едва ли найдется одинъ, который не былъ бы ультрамонтанцемъ, т. е., іезуитомъ, врагомъ французской національности и гражданскаго французскаго правительства, каково бы оно ни было.

Когда говорится о политической силѣ духовенства во Франціи, тутъ всегда разумѣется исключительно ультрамонтанская партія, состоящая изъ различныхъ конгрегацій и владѣющая почти всѣми епископствами. Она враждебна національному приходскому духовенству, но чрезъ епископовъ имѣетъ надъ нимъ полную власть, которой пользуется чрезвычайно притѣснительно.

Такимъ образомъ, когда мы слышимъ о враждѣ или дружбѣ французскаго правительства съ духовенствомъ, вовсе не надобно полагать, чтобы этимъ означалось покровительство или гоненіе со стороны правительства относительно огромнаго большинства французскаго духовенства. Напротивъ, дѣло идетъ только объ отношеніяхъ правительства къ іезуитамъ, располагающимъ конгрегаціями и властью епископовъ, посредствомъ которой они угнетаютъ бѣлое духовенство, т. е., огромное большинство духовнаго сословія во Франціи. Вообще приходское духовенство, достойное всякаго уваженія, отдыхало во Франціи только тогда, когда правительство вооружалось противъ ультрамонтанской партіи, называющей себя исключительно представительницею католическихъ интересовъ, но въ сущности заботящейся вовсе не о пользахъ религіи, а единственно о пріобрѣтеніи богатствъ и о подчиненіи свѣтской власти іезуитскому вліянію.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы улучшить положеніе французскаго духовенства вообще, а исключительно о доставленіи богатствъ и власти членамъ конгрегаціи. Почти всѣ приходскіе священники во

Digitized by Google

Франціи, какъ мы сказали, жили скудно, получая очень небольшое жалованье. Конгрегація, заставляя министерство Вильеля исполнять свои требованія, и не подумала объ улучшеніи состоянія этихъ бѣдняковъ. Она требовала только, чтобы епископамъ, находившимся подъ властью іезуитовъ, было отдано управленіе свѣтскими училищами, какъ было въ старину, и чтобы епископамъ возвращена была гражданская власть, которой пользовались они въ XVIII вѣкѣ. То и другое было исполнено. Іезуиты овладѣли министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ профессора, нерасположенные къ іезуитамъ, въ томъ числѣ Гизо, были удалены отъ чтенія лекцій. Префекты и вся провинціальная администрація должны были повиноваться епископамъ.

Кто хотя нѣсколько знакомъ съ французскою исторіею, тотъ знаетъ, что монархическая власть во Франціи возвысилась борьбою противъ притязаній ультрамонтанизма. Теперь правительство было принуждено подчиниться ему. Свѣтское могущество духовенства, т. е., епископовъ и монастырей, составляло одну основу феодальнаго порядка, враждебнаго монархической власти. Другою основою феодализма было могущество свѣтскихъ аристократовъ, пользовавшихся почти самодержавною властью въ своихъ огромныхъ помѣстьяхъ. Одной цѣли роялисты достигли, надобно было позаботиться о достиженіи другой. Первымъ шагомъ къ тому представлялось вознагражденіе эмигрантовъ за помѣстья, конфискованныя во время революціи.

Пока былъ живъ Людовикъ XVIII, феодалы никакъ не могли исполнить этого желанія. Но теперь счастье было рѣшительно на ихъ сторонѣ. 16-го сентября 1824 года Людовикъ XVIII скончался и на французскій престолъ вступилъ графъ д'Артуа, бывшій до сихъ поръ предводителемъ роялистовъ, по крайней мѣрѣ, по имени, если не на самомъ дѣлѣ, и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ конгрегаціи.

Далеко уступая умственными способностями Людовику XVIII, Карлъ X не замѣчалъ противоположности между желаніями роялистовъ, стремившихся возстановить феодальное устройство, и потребностями королевской власти, которая усилилась во Франціи безпощаднымъ сокрушеніемъ силы феодаловъ и могла поддерживаться только въ такомъ случаѣ, если продолжала защищать отъ нихъ націю. Роялисты могли теперь дѣйствовать отважнѣе прежняго, благодаря іезуитамъ, совершенно ослѣпившимъ новаго короля. Въ минуту смерти Людовикъ XVIII призвалъ ребенка, на которомъ покоились надежды продолженія старшей линіи Бурбоновъ и, благославля его, печально сказалъ: „пусть бережетъ мой братъ корону этого ребенка". Онъ предчувствовалъ, что довѣріе Карла X къ роялистамъ будетъ гибельно для его династіи.

Дѣйствительно быстро послѣдовали одинъ за другимъ законы, возстановлявшіе противъ королевской власти національное чувство, возвышавшіе феодализмъ на счетъ королевской власти. Изъ нихъ мы упомянемъ только о немногихъ важнѣйшихъ.

Первымъ дѣломъ роялистовъ при новомъ королѣ было вытребовать вознагражденіе за помѣстья, конфискованныя у эмигрантовъ. Напрасно самыми точными разсчетами доказывалось, что милости, какими пользовались эмигранты въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ со времени реставраціи, съ избыткомъ вознаграждали всю потерю, понесенную ими прежде. Доходы проданныхъ помѣстій не простира-

Digitized by Google

лись и до 50 милліоновъ франковъ; эмигранты подъ формою жалованья и пенсій уже получали ежегодно отъ государства болѣе 70 милліоновъ. Но дохода имъ было мало: они желали возстановленія владѣній, которыя ставили бы ихъ въ независимость отъ королевской власти. Вильель долженъ былъ предложить законъ о выдачѣ роялистамъ тысячи милліоновъ франковъ за имѣнія, проданныя во время революціи. Повидимому, роялисты могли быть довольны: оцѣнка, составленная ими самими, показывала, что цѣнность проданныхъ имуществъ не превышала этой суммы. Но ревностнѣйшіе роялисты напали на проэктъ Вильеля, за его преступную снисходительность къ революціонерамъ. „Указываютъ на статью конституціи, гарантирующую покупщикамъ конфискованныхъ имѣній неприкосновенность ихъ собственности, говорилъ Лабурдонне:—но эта статья была и могла быть только простою политическою мѣрою; она могла обезпечивать покупщикамъ владѣніе купленными имуществами, но не могла дать имъ права собственности на эти имущества. Право собственности дается только исполненіемъ условій, которымъ подлежитъ всякая продажа имущества по распоряженію государственной власти; именно, тутъ необходима была бы выдача вознагражденія прежнему владѣльцу до вступленія покупщика во владѣніе продающимся имуществомъ. Одно изъ двухъ: или такъ называемыя національныя собранія временъ революціи были собраніями незаконными, и въ такомъ случаѣ всѣ ихъ декреты—только насильственныя мѣры, лишенныя законной силы; этими мѣрами у эмигрантовъ могло быть отнято фактическое пользованіе имуществами, но не могло быть отнято законное право собственности; или же революціонныя собранія были законною властію,—тогда эмигранты, по закону лишившись своихъ имуществъ, не имѣютъ никакого права ни на малѣйшее вознагражденіе. Проэктъ, представленный министрами, обманываетъ всѣ надежды. Онъ не даетъ эмигрантамъ столько, чтобы удовлетворить ихъ и тѣмъ обезпечить покупщиковъ конфискованныхъ имуществъ отъ дальнѣйшихъ требованій со стороны эмигрантовъ. Этотъ проэктъ — чистый обманъ“. Такимъ образомъ Лабурдонне довольно ясно намекалъ, что эмигранты могутъ быть довольны лишь однимъ тѣмъ, когда продажа помѣстій будетъ объявлена неимѣющею законной силы и помѣстья будутъ отняты у настоящихъ владѣльцевъ и возвращены прежнимъ. Другой роялистъ, де-Бомонъ, высказался еще прямѣе: „король не имѣетъ власти утверждать незаконную конфискацію имуществъ цѣлаго класса своихъ подданныхъ, какъ не имѣетъ власти отнимать имущество у отдѣльнаго человѣка. Конституція, гарантируя продажу конфискованныхъ имуществъ, имѣла въ виду только одно то, чтобы оградить покупщиковъ отъ судебнаго преслѣдованія со стороны законныхъ владѣльцевъ за несправедливое пользованіе доходами помѣстій въ прежніе годы. Что же нужно сдѣлать теперь?—возвратить каждому то, что ему принадлежитъ: помѣстья возвратить эмигрантамъ, а покупщикамъ выдать вознагражденіе“. Либералы справедливо утверждали съ своей стороны, что проэктъ, представленный министерствомъ, составляетъ только первый шагъ на пути вознагражденія эмигрантамъ. „Мы теперь только вступаемъ на дорогу вознагражденій, сказалъ генералъ Фуа, одинъ изъ немногихъ либеральныхъ членовъ палаты. Законъ этотъ объявляетъ эмигрантовъ имѣющими право на полученіе всей цѣнности ихъ проданныхъ имѣній. Они скажутъ, что имъ заплатили не всю цѣнность этихъ имѣній, и останутся кредиторами общества, кредиторами тѣмъ болѣе грозными, что овладѣли всѣми правительственными мѣстами. Естественнымъ залогомъ, обезпечивающимъ креди-

Digitized by Google

тору долгъ, служитъ помѣстье, за которое взыскивается долгъ. Какой же покупщикъ заснетъ спокойно подъ страхомъ такого долга?“ Дѣйствительно, покупщики конфискованныхъ имѣній должны были опасаться всего. Даже де-Бомонъ не высказалъ еще послѣдней задушевной мысли роялистовъ. Онъ говорилъ о возвращеніи помѣстій эмигрантамъ, но упоминалъ о вознагражденіи покупщиковъ. Когда пренія разгорячили членовъ палаты, явился ораторъ, высказавшійся откровеннѣе. Дюплесси де-Гренеданъ потребовалъ возвращенія помѣстьевъ эмигрантамъ безъ всякаго вознагражденія покупщикамъ. Давать имъ вознагражденіе, по его словамъ, значило бы признавать ихъ права и дѣлать имъ уступку; а покупка, ими сдѣланная, была незаконна; слѣдовательно они не имѣютъ никакихъ правъ, завладѣли помѣстьями, какъ грабители, и подобно грабителямъ, не могутъ быть вознаграждаемы. „9-ая статья конституціи, прибавлялъ онъ, говоритъ: собственность объявляется неприкосновенною; но тутъ дѣло идетъ только о настоящемъ, а не о будущемъ времени; конституція не говоритъ, что собственность навсегда останется неприкосновенною. Если вникнуть въ истинный смыслъ статьи, мы увидимъ, что она можетъ относиться только къ собственности, пріобрѣтенной законнымъ образомъ. Было слишкомъ нелѣпо перетолковывать законъ такъ, чтобы придавать ему смыслъ о неприкосновенности собственности, даже пріобрѣтенной воровствомъ. Въ 9-ой статьѣ конституціи подразумѣвается слово „законный“, истинный смыслъ ея таковъ: собственность неприкосновенна, когда пріобрѣтена по актамъ, имѣющимъ законную силу“.

Намѣреніе роялистовъ выразилось ясно; трудно описать волненіе, произведенное въ массѣ средняго сословія и даже простолюдиновъ этими преніями. Помѣстья, конфискованныя у эмигрантовъ, были распроданы по большей части мелкими участками; число покупщиковъ было огромно. Со времени конфискаціи прошло около 30 лѣтъ; большая часть купленныхъ тогда земель перешла уже въ другія руки по наслѣдству, или черезъ продажу законнымъ путемъ. Теперь всѣмъ этимъ владѣльцамъ угрожала опасность потерять имущество. Династія подвергалась опасности, для того, чтобы потомки прежнихъ феодаловъ могли возстановить свою независимость отъ короны.

Но для возстановленія феодальнаго права недостаточно было стремиться къ возвращенію феодаламъ ихъ прежнихъ владѣній; надобно было также позаботиться о томъ, чтобы могущество знатныхъ фамилій не уменьшалось отъ раздробленія помѣстій по праву наслѣдства, принятаго французскимъ законодательствомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія закона о выдачѣ эмигрантамъ милліарда франковъ, министерство представило палатѣ перовъ законъ, возстановлявшій право первородства, которымъ въ средніе вѣка поддерживалось феодальное устройство. По гражданскому кодексу, часть отцовскаго имѣнія переходитъ непремѣнно въ наслѣдство дѣтямъ, которыя всѣ получаютъ по-ровну; другая часть предоставлена свободному распоряженію отца и можетъ быть завѣщана имъ кому угодно; если же онъ не сдѣлаетъ распоряженія, она также дѣлится по-ровну между дѣтьми. Роялисты еще не отваживались требовать измѣненія всѣхъ этихъ постановленій. Они требовали, чтобы та часть имущества, которою можетъ располагать отецъ по завѣщанію, не дѣлилась по-ровну между дѣтьми, при отсутствіи завѣщанія, а вся переходила къ старшему сыну въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество состоитъ изъ поземельнаго владѣнія, платящаго не менѣе 300 франковъ прямыхъ податей.

Digitized by Google

Сверхъ того предоставлялось владѣльцу такого помѣстья обращать его въ субституцію, т. е., дѣлать его майоратомъ, который бы уже не подлежалъ при слѣдующихъ поколѣніяхъ раздѣлу и вѣчно оставался бы въ рукахъ одного только старшаго потомка по нисходящей линіи, который притомъ не могъ при своей жизни продать ни всего имѣнія, ни какой либо части его.

Вліяніе права первородства и субституцій на политическое устройство общества извѣстно каждому. Неминуемымъ слѣдствіемъ этихъ учрежденій бываетъ образованіе поземельной аристократіи, быстро пріобрѣтающей больше силы, нежели сколько силы остается у короны. При субституціяхъ и правѣ первородства титулъ короля можетъ сохраняться, но власть его исчезаетъ и государство, нося имя монархіи, въ сущности становится олигархическою республикою.

Проэктъ закона, предлагавшійся теперь, конечно, долженъ былъ служить только первымъ шагомъ къ совершенному отмѣненію раздѣла недвижимой собственности между старшимъ сыномъ и другими дѣтьми, съ предоставленіемъ всего наслѣдства одному старшему сыну. Къ счастію палата перовъ отвергла этотъ проэктъ.

Вильель въ глубинѣ души былъ очень радъ несогласію палаты на проэктъ, представленный отъ его имени. Онъ самъ не одобрялъ этой мѣры, какъ и многихъ другихъ, которыя долженъ былъ принимать, подчиняясь требованіямъ конгрегаціи.

Послѣ смерти Людовика XVIII конгрегація пріобрѣла такое могущество, что уже далеко не каждый роялистъ могъ получить ея покровительство; число прозелитовъ было громадно; іезуиты, руководившіе конгрегаціею, стали очень разборчивы въ раздачѣ своихъ милостей. Многіе изъ роялистскихъ членовъ палаты были обойдены мѣстами, не получили просимыхъ наградъ для своихъ родственниковъ, оттого въ роялистской партіи начались раздоры. Предводителемъ недовольныхъ былъ Шатобріанъ. Вильель не могъ простить ему обмана въ испанскомъ вопросѣ. Тщеславный поэтъ не былъ способенъ заниматься дѣлами въ кабинетѣ министерства, но въ аристократическихъ салонахъ провозглашалъ себя истиннымъ главою министерства, свысока третируя Вильеля; этимъ усиливался раздоръ между двумя министрами. Наконецъ Шатобріанъ, сердясь на Вильеля за собственную свою ничтожность въ дѣловомъ отношеніи, началъ и въ палатѣ говорить двусмысленныя рѣчи. Доведенный до крайности, Вильель отнялъ у него портфель иностранныхъ дѣлъ. Лишившись мѣста, Шатобріанъ вдругъ обратился въ противника стѣснительныхъ мѣръ, которыхъ прежде требовалъ съ большею горячностью, нежели кто нибудь. Онъ сдѣлался журналистомъ и органомъ своимъ избралъ Journal des Débats. Министерство не имѣло болѣе опаснаго врага.

Кромѣ недовольныхъ по личнымъ разсчетамъ, были роялисты, недовольные Вильелемъ по различію въ политическихъ мнѣніяхъ. Съ одной стороны многіе видѣли, что конгрегація заходитъ слишкомъ далеко, что, напримѣръ, угрозы покупщикамъ конфискованныхъ имуществъ и усилія возстановить право первородства приведутъ ихъ партію къ паденію; они требовали политики болѣе осторожной, какой хотѣлъ бы слѣдовать и самъ Вильель, если бы могъ. Съ другой стороны находились роялисты, замѣтившіе, что съ Вильелемъ, отъ природы расположеннымъ къ осмотрительности, никогда не пойдутъ феодальныя преобразованія такъ быстро, какъ хотѣлось бы этимъ фанатикамъ, чуждымъ всякаго благоразумія. Роялисты, бывшіе умѣреннѣе Вильеля, сгруппировались около Шатобріана, который теперь очень любовно толковалъ о конституціи, прежде казавшейся ему источникомъ всѣ-

Digitized by Google

кихъ бѣдствій. Роялисты, осуждавшіе медленность Вильеля, имѣли своимъ предводителемъ Лабурдонне, котораго не любила конгрегація и потому не допускала въ министерство. Обѣ эти партіи постоянно усиливались въ палатѣ и начали думать уже о низверженіи Вильеля.

Конгрегація вынудила министерство составить проэктъ новаго закона о книгопечатаніи. Обѣ партіи роялистовъ, недовольныя Вильелемъ, соединились съ либералами противъ новаго закона, и Лабурдонне, глава самыхъ горячихъ роялистовъ, заговорилъ языкомъ совершенно либеральнымъ; онъ обвинялъ министровъ въ нарушеніи конституціи. „Утомленная политическими волненіями, говорилъ онъ, Франція хочетъ покоя. Надежду достичь и сохранить его она поставила въ союзѣ династіи съ конституціей. Напрасно горсть людей, увлекаемыхъ страстями, или руководимыхъ воспоминаніями, надѣется разорвать связь между этими двумя гарантіями общественнаго порядка. Вся Франція равно отвергаетъ и тѣхъ, которые желали бы конституціи безъ династіи, и тѣхъ, которые желали бы династіи безъ конституціи; Франція желаетъ, Франція поддерживаетъ тѣхъ, которые съумѣютъ неразрывными узами связать эти два блага. Успѣхъ ожидаетъ ихъ, если они открыто пойдутъ подъ знаменемъ конституціоннаго легитимизма. Франціи обѣщаны были конституціонныя учрежденія; Франція поддерживаетъ конституцію во всей ея цѣлости. Я подаю голосъ противъ министерскаго проэкта.“ Два или три года тому назадъ, Лабурдонне призывалъ небесное мщеніе и уголовныя наказанія на людей, защищавшихъ конституцію; теперь онъ самъ объявлялъ, что не хочетъ поддерживать Бурбоновъ иначе, камъ подъ условіемъ соблюденія конституціи. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для министерства. Правда, законъ былъ принятъ, не смотря на оппозицію Лабурдонне; но изъ 367 депутатовъ уже 134 положили черный шаръ, еще недавно въ урнѣ бывало не болѣе 12 или 15 черныхъ шаровъ.

Принятый палатою депутатовъ проэктъ закона былъ перенесенъ въ палату перовъ; она отвергла его большинствомъ 113 голосовъ противъ 43-хъ. Уже давно оппозиція взяла верхъ въ палатѣ перовъ. Министерство должно было прибѣгнуть къ назначенію 70 или 80 новыхъ перовъ, чтобы возвратить себѣ большинство въ верхней палатѣ; но почти всѣ эти назначенія надобно было сдѣлать изъ палаты депутатовъ. Взявъ изъ нея 60 или 70 министерскихъ членовъ, Вильель слишкомъ ослабилъ бы въ ней свое большинство, и безъ того быстро уменьшавшееся. Съ другой стороны Вильель предвидѣлъ, что отсрочивать новые выборы въ палату депутатовъ до истеченія семилѣтняго срока ея существованія было бы очень опасно. Роялисты съ каждымъ днемъ возстановляли противъ себя общественное мнѣніе. Хотя сословіе тогдашнихъ избирателей исключительно ограничивалось большими землевладѣльцами, жаркими роялистами, но и они начинали понимать, что реакція противъ либерализма переходитъ границы благоразумія. Вильель зналъ, что черезъ два года роялисты потерпятъ пораженіе на выборахъ. Онъ надѣялся, что въ настоящую минуту еще успѣетъ привести выборы къ выгодному для роялистовъ результату. Онъ рѣшился распустить палату, въ которой не надѣялся удержать за собою большинство, ожидая, что новые депутаты будутъ благопріятнѣе ему. Дѣйствительно распущеніе палаты оставалось для него единственнымъ средствомъ избѣжать судьбы, которая постигла герцога Ришлье. Давно уже онъ былъ принужденъ слѣпо исполнять даже и тѣ требованія палаты депутатовъ, которыхъ совер-

Digitized by Google

шенно не одобрялъ. Скоро палата низвергла бы его, еслибъ онъ не предупредилъ удара, распустивъ ее.

Разсчетъ Вильеля былъ справедливъ; министръ ошибся только въ одномъ: надобно было распустить палату гораздо раньше; роялисты господствовали въ ней слишкомъ долго. Они успѣли слишкомъ ясно высказать свои намѣренія. Самъ Вильель такъ долго подчинялся ихъ неосторожнымъ желаніямъ, что успѣлъ уже безвозвратно компрометировать свое министерство. Выборы, назначенные въ ноябрѣ 1827 года, произведены были подъ вліяніемъ совершеннаго недовѣрія націи къ людямъ, которымъ покровительствовала конгрегація.

Хотя немногочисленные избиратели составляли среди націи совершенно исключительный кружокъ, но все-таки не могли они не подчиняться до нѣкоторой степени голосу общественнаго мнѣнія. Въ прежней палатѣ изъ десяти членовъ девять были роялисты; въ новой голоса раздѣлялись такъ: около 170 роялистовъ, составлявшихъ правую сторону, около 170 либераловъ, составлявшихъ лѣвую сторону, и въ центрѣ около 50 членовъ, бывшихъ прежде горячими роялистами, но теперь увидѣвшихъ опасность пути, по которому шли роялисты, и начавшихъ дѣйствовать самостоятельно.

На другой же день послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ результатъ выборовъ, Вильель увидѣлъ необходимость выйти въ отставку. Центръ и лѣвая сторона, составлявшіе теперь большинство, не хотѣли и слышать о переговорахъ съ нимъ; но публика долго ждала перемѣны министерства, потому что Карлъ X, соглашаясь съ Вильелемъ въ необходимости перемѣнить министерство, отвергалъ не только либераловъ, не только депутатовъ центра, но и всѣхъ роялистскихъ предводителей, которые въ прошлой сессіи дѣйствовали противъ Вильеля.

Наконецъ необходимо было рѣшиться, потому что засѣданія новой палаты приближались. Душою новаго кабинета былъ Мартиньякъ, роялистъ, близкій по своимъ мнѣніямъ къ Вильелю, но чуждый связямъ съ конгрегаціею, и потому могшій дѣйствовать умѣреннѣе. Остальные члены министерства также всѣ были роялисты, понимавшіе необходимость разорвать связи съ конгрегаціею, погубившею Вильеля. Въ какомъ духѣ начнетъ дѣйствовать палата—это зависѣло отъ небольшаго числа членовъ, составлявшихъ центръ. Ихъ голоса давали большинство лѣвой или правой сторонѣ; во всякомъ случаѣ министерство должно было управлять въ ихъ духѣ.

Первымъ испытаніемъ силы и взаимныхъ отношеній партій служитъ выборъ президента палаты. По тогдашнему правилу, палата выбирала пять кандидатовъ, одного изъ которыхъ король утверждалъ президентомъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали, чьихъ кандидатовъ будетъ поддерживать центръ. Большинство получили два депутата изъ центра и трое изъ лѣвой стороны: центръ вошелъ въ союзъ съ лѣвою стороною. Въ досадѣ на депутатовъ центра, король утвердилъ президентомъ одного изъ кандидатовъ лѣвой стороны, Ройе-Коляра. Министерство увидѣло теперь необходимость дѣлать многочисленныя уступки центру и лѣвой сторонѣ, плотно соединившимся для составленія большинства.

Итакъ либералы пользовались теперь довольно значительнымъ вліяніемъ на рѣшеніе палаты. Въ какомъ духѣ измѣнятся законы и администрація по требованію этой партіи, которую провозглашали враждебной Бурбонамъ? Семь лѣтъ она подвергалась непримиримому преслѣдованію отъ роялистскаго министерства,

Digitized by Google

пользовавшагося большинствомъ въ палатѣ и властью вовсе не по собственной силѣ, а только благодаря покровительству Бурбоновъ: быть можетъ она теперь покажетъ нерасположеніе къ Бурбонамъ? Королемъ былъ теперь тотъ самый графъ д'Артуа, который въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ былъ изъ всѣхъ Бурбоновъ самымъ жесточайшимъ врагомъ либерализма: быть можетъ либералы подумаютъ о стѣсненіи власти, которой располагаетъ ихъ непримиримый гонитель? Читатель едва ли будетъ ожидать этого послѣ тѣхъ фактовъ, какіе представлены въ нашемъ очеркѣ. Либералы теперь видѣли, что министерство не враждебно имъ. Каковы бы ни были чувства Карла X; онъ прежде всего помнилъ обязанности свѣтскаго человѣка, талантами котораго обладалъ въ совершенствѣ; либералы часто являлись теперь во дворецъ по своимъ близкимъ отношеніямъ къ министерству; король принималъ ихъ любезно. Этого было довольно, чтобы они прониклись самыми наивными надеждами. Они воображали, что король понялъ вредъ, какой принесла ему ненужная преданность его крайнимъ роялистамъ; они уже думали, что король раздѣляетъ чувства французскаго общества и готовъ поддерживать новые интересы противъ феодальныхъ стремленій. Заблужденіе было чрезвычайно нелѣпо: люди не мѣняются, имѣя 65 лѣтъ отъ роду. Но забавныя надежды либераловъ показывали, до какой чрезвычайной степени было сильно въ нимъ желаніе дѣйствовать за одно съ королевской властью. Они только о томъ и мечтали, какимъ бы образомъ примирить Бурбоновъ съ французскою націею и упрочить ихъ престолъ.

Въ теченіе полутора года, пока либералы господствовали въ палатѣ, напрасно стали бы мы искать между рѣшеніями палаты хотя одного, сколько нибудь ограничивающаго преимущества королевской власти. Перемѣнъ было произведено много, но ни одна изъ нихъ не касалась правъ престола. Читатель знаетъ, что иначе и не должно было быть. Дѣло шло о томъ, каковы будутъ взаимныя отношенія разныхъ государственныхъ сословій между собою, каковы будутъ законы о наслѣдствѣ, каково будетъ отношеніе свѣтскаго національнаго образованія къ іезуитскому и т. п. Во всѣхъ этихъ спорахъ королевская власть могла бы оставаться совершенно хладнокровною зрительницею; ея собственное положеніе могло ни мало не измѣняться отъ торжества той или другой партіи. Если король участвовалъ въ борьбѣ, то единственно какъ союзникъ той или другой партіи, изъ которыхъ и та, и другая равно нуждалась въ его покровительствѣ и готова была бы самымъ усерднымъ образомъ служитъ его интересамъ, лишь бы только онъ поддерживалъ ея интересы. Мы возвратимся къ этому предмету, а теперь повторимъ только, что чрезвычайно сильно должны были желать либералы союза съ королевской властью, если надѣялись на возможность союза даже съ Карломъ X, который болѣе сорока лѣтъ былъ слѣпымъ орудіемъ феодальной партіи, и если при первомъ ослабленіи его гоненій отказывались отъ всякаго воспоминанія о его враждѣ къ нимъ.

Правда, роялисты кричали, что либералы заставляютъ короля разрушать свою собственную власть, а Карлъ X довѣрчиво слушалъ обвиненія противъ министровъ, будто бы измѣняющихъ интересамъ династіи. Но какими дѣйствіями либераловъ и министерства возбуждались такіе возгласы, лучше всего покажетъ намъ ходъ преній о дѣлѣ, возбудившемъ наибольшее неудовольствіе въ рояли-

Digitized by Google

стахъ. Эти же самыя пренія представятъ намъ новое доказательство того усердія къ королевской власти, которымъ такъ хвалились роялисты.

Если мы скажемъ, что пренія шли о распоряженіи, поразившемъ роялистовъ въ самое сердце, то читателю останется очень небольшой выборъ между разными предположеніями о предметѣ такого распоряженія. Читатель безъ ошибки можетъ сказать, что либералы и министерство коснулись или феодальныхъ правъ свѣтской аристократіи, или господства іезуитовъ надъ французскимъ духовенствомъ: ничто другое не могло бы довести роялистовъ до крайняго ожесточенія. Дѣйствительно, дѣло шло объ іезуитахъ. Коммиссія, назначенная палатою, открыла, что іезуиты, господствуя подъ разными именами надъ университетскимъ правленіемъ, отважились уже безъ всякаго прикрытія взять въ свои руки восемь семинарій, назначенныхъ для образованія приходскихъ священниковъ. Между тѣмъ, по закону, орденъ іезуитовъ былъ изгнанъ изъ Франціи съ конца XVIII вѣка и законы, его уничтожавшіе, не были отмѣнены: сама конгрегація, руководившая Вильелемъ, не отваживалась формально возстановить орденъ и упорно отрицала его существованіе во Франціи. Теперь палата потребовала дѣйствительнаго исполненія законовъ, уничтожавшихъ іезуитскій орденъ. Министры видѣли необходимость исполнить это всеобщее желаніе французскаго общества, потому что никто не могъ отрицать противузаконности допущенія іезуитовъ во Францію. Министры убѣдили короля издать два повелѣнія, которыми отнималось у іезуитовъ управленіе школами, открыто имъ отданными. Іезуиты не изгонялись изъ королевства, какъ слѣдовало бы по закону: либералы, какъ видимъ, были очень уступчивы; они настояли только на томъ, чтобы преподаваніе не дозволялось такимъ лицамъ, которыя принадлежатъ къ какому нибудь изъ орденовъ, недопускаемыхъ французскими законами. Мягкость либераловъ простиралась до того, что даже имя іезуитовъ не было упомянуто въ королевскихъ повелѣніяхъ: министры ограничились деликатнымъ обозначеніемъ ихъ подъ формою общей фразы объ орденахъ, недопускаемыхъ закономъ.

Мало того, королевскія повелѣнія, отнимавшія управленіе надъ школами у іезуитовъ, назначили въ пособіе духовнымъ семинаріямъ 1,200,000 франковъ; казалось бы, такой подарокъ достаточно свидѣтельствовалъ объ отсутствіи нерасположенія къ духовенству въ либералахъ. Прибавимъ, что министромъ духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ человѣкъ изъ духовнаго сословія. Но этотъ человѣкъ, аббатъ Фётрье, епископъ Бовесскій, не былъ іезуитъ, а король, хотя и со всевозможной мягкостью, рѣшился отстрапить іезуитовъ отъ преподаванія. Этого было довольно для того, чтобы всѣ роялисты подняли ожесточенный крикъ противъ личности короля и королевской власти. Роялистскія газеты объявили аббата Фётрье Іуліаномъ-отступникомъ, а Карла X Нерономъ и Діоклитіаномъ. Епископы собрались и обнародовали декларацію, отвергавшую права королевской власти и говорившую слѣдующимъ образомъ: „нижеподписавшіеся епископы въ тайнѣ святилища, предъ лицомъ всемогущаго Судіи, съ мудростью и незлобіемъ, по словамъ Божественнаго Учителя, разсматривали вопросъ о томъ, что они обязаны воздавать кесарю и что обязаны воздавать Богу. Совѣсть отвѣчала имъ, что лучше повиноваться Богу, нежели людямъ, когда повиновеніе, которымъ они прежде всего обязаны Богу, несовмѣстимо съ повиновеніемъ, требуемымъ у нихъ людьми, и по примѣру Апостоловъ они говорятъ: Non possumus, не можемъ

Digitized by Google

повиноваться". Подъ этою декларацiею подписались почти всѣ французскiе епископы.

Повидимому король былъ совершенно въ своемъ правѣ, предписывая исполнить законъ. Роялисты громко объявили, что не могутъ повиноваться королю, и рѣшили напечатать декларацiю епископовъ въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ для раздачи во всѣхъ церквахъ королевства. Правительство принуждено было обратиться къ папѣ; онъ объявилъ королевскiя повелѣнiя совершенно справедливыми. Тогда епископы должны были покориться, по крайней мѣрѣ формальнымъ образомъ; но сопротивленiе роялистовъ волѣ короля не окончилось: съ той поры однимъ изъ лозунговъ роялистской партiи становится непреклонная защита совершенной независимости преподаванiя отъ правительства. Наблюденiе правительства за преподаванiемъ, заговорили роялисты, нарушаетъ свободу совѣсти; оно нарушаетъ конституцiю; оно составляетъ ужасное варварство. Въ теченiе тридцати лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, роялисты ни на минуту не прекращали ожесточенныхъ нападенiй на всякую власть, мѣшавшую iезуитамъ снова овладѣть свѣтскимъ и духовнымъ образованiемъ.

Феодально-iезуитская партiя скоро успѣла снова овладѣть Карломъ X, и король съ нетерпѣнiемъ смотрѣлъ на министерство, не угождавшее всѣмъ ея требованiямъ. Обстоятельство, собственно истолкованное ошибочнымъ образомъ, доставило роялистамъ случай убѣдить его въ томъ, что онъ вовсе не нуждается въ поддержкѣ либераловъ.

Осенью 1828 года Карлъ X вздумалъ присутствовать при маневрахъ кавалерiйскаго корпуса, собраннаго близъ Люневилля. Восточные департаменты наиболѣе проникнуты либеральнымъ духомъ. Масса французскаго населенiя была тогда убѣждена, что Карлъ оставилъ свое прежнее нерасположенiе къ либераламъ. Въ самомъ дѣлѣ, домашнiя сношенiя его съ предводителями роялистовъ оставались придворной тайной; напротивъ, при всѣхъ оффицiальныхъ случаяхъ король былъ очень любезенъ съ либералами; пожаловалъ даже орденъ Почетнаго Легiона одному изъ главныхъ между ними, Казимиру Перье; министерство открыто опиралось на либеральную партiю въ палатѣ. Обманутые этими наружными признаками, жители восточныхъ департаментовъ съ энтузiазмомъ встрѣчали Карла во время его поѣздки, привѣтствуя въ королѣ мнимаго покровителя либеральной партiи. Непроницательный Карлъ X совершенно обманулся въ смыслѣ прiема, какой находилъ повсюду: онъ вообразилъ, что радостныя привѣтствiя свидѣтельствуютъ не объ удовольствiи народа отъ либеральныхъ мѣръ министерства, а просто о безотчетной привязанности нацiи къ Бурбонамъ. Онъ возвратился изъ путешествiя съ преувеличенными понятiями о своемъ могуществѣ надъ умами французовъ и черезъ нѣсколько времени, повинуясь внушенiямъ роялистовъ, рѣшился замѣнить прежнихъ министровъ другими, вполнѣ выражавшими тенденцiю самыхъ опрометчивыхъ роялистовъ. 8 августа 1829 года Мартиньякъ и его товарищи были уволены и власть вручена министерству, предсѣдателемъ котораго явился князь Полиньякъ, представитель партiи неумолимо-враждебной всѣмъ новымъ интересамъ и самымъ жаркимъ образомъ кричавшей о необходимости возстановить старинныя феодальныя учрежденiя. Роялистскiя газеты во всеуслышанiе разтолковали намѣренiя новаго кабинета; [illegible] что Карлъ X безвозвратно и безусловно сдѣлалъ себя испо[illegible] роялисто[illegible]

Digitized by Google

Съ этой минуты политика партій отказывается отъ прежнихъ колебаній между свободою и поддержкою правительства. Либералы становятся рѣшительными противниками, роялисты дѣйствительно приверженцами короля, согласившагося быть слѣпымъ орудіемъ феодальной партіи. Скоро борьба изъ палаты депутовъ переходитъ на улицу и кончается паденіемъ Бурбоновъ вмѣстѣ съ роялистами, увлекавшими ихъ къ погибели ради достиженія цѣлей, не имѣвшихъ никакого интереса для самой династіи и полезныхъ только для феодаловъ.

Здѣсь, передъ послѣдней катастрофой, мы остановимся, чтобы, бросивъ общій взглядъ на прошедшее время, точнѣе объяснить себѣ, какими отношеніями была вызвана и рѣшена эта катастрофа.

Три силы участвовали въ подготовленіи насильственной развязки: королевская власть, либералы и роялисты; исходъ борьбы, ими начатой, былъ рѣшенъ внезапнымъ вмѣшательствомъ четвертой силы, на которую до той поры никто не обращалъ вниманія, никто не разсчитывалъ,—вмѣшательствомъ народа.

Мы ставимъ совершенно различными силами короля и роялистовъ; точно также мы совершенно различаемъ народъ отъ либераловъ. Многіе сливаютъ обѣ побѣжденныя силы въ одно неразрывное цѣлое, обѣ побѣдившія силы также смѣшиваютъ въ одномъ понятіи. Послѣ предыдущаго очерка читатель вѣроятно согласится, что династія и роялисты, дѣйствуя заодно въ послѣднемъ актѣ реставраціи, вступали между собою только въ союзъ, зависѣвшій отъ временныхъ обстоятельствъ, не имѣвшій ничего неизбѣжнаго по существеннымъ интересамъ той и другой силы, совершенно различнымъ. Факты, которые представятся намъ ниже, укажутъ, что и союзъ народа съ либералами былъ явленіемъ только временнымъ. Будемъ же строго различать одинъ отъ другаго эти четыре элемента и, выставивъ сущность каждаго изъ нихъ въ тогдашней Франціи, покажемъ ихъ взаимныя отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ совершились іюльскіе дни.

Начнемъ съ королевской власти, направленіе которой рѣшило ходъ событій. Монархическая власть можетъ существовать въ двухъ формахъ; самодержавной и конституціонной. Всѣ факты прошедшаго говорятъ, что неограниченная форма монархіи возникала изъ борьбы между аристократіею и демократіею, опираясь на демократію. Въ Греціи тюранны были предводителями демократовъ и получили свою власть низверженіемъ аристократическаго устройства обществъ. Императоры въ Римѣ также вышли изъ предводителей демократической партіи. Тоже было во всѣхъ новыхъ государствахъ западной Европы. Особенно рѣзко выражается это въ исторіи Франціи. Вся сила королей была пріобрѣтена борьбою противъ феодаловъ, въ которой короли опирались на массу народа. Людовикъ XI и Ришлье, наиболѣе содѣйствовавшіе утвержденію самодержавія во Франціи, оба ненавидѣли аристократовъ не меньше, чѣмъ Робеспьеръ, и казнили ихъ съ такою же безпощадностью. Самъ Людовикъ XIV, пока еще сохранялъ умственныя силы, держалъ аристократовъ подъ очень суровымъ ярмомъ. Подобное явленіе продолжается до сихъ поръ въ тѣхъ государствахъ западной Европы, гдѣ сохраняется монархія свободною отъ конституціи. Австрія побѣдила конституціонныя стремленія только тѣмъ, что въ 1848 — 49 годахъ была поддержана демократическими славянами своихъ восточныхъ областей противъ аристократическихъ венгровъ, составлявшихъ главную силу конституціонной партіи. Этотъ фактъ очень знаменателенъ. Сербы, кроаты, словаки были демократами вдвойнѣ: и по внутреннему своему устройству,

Digitized by Google

и по своему отношенію къ венграмъ. У нихъ нѣтъ въ самыхъ ихъ племенахъ аристократическаго элемента; съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ ихъ племена въ общей массѣ были подчинены венгерскому племени, какъ будто низшее сословіе высшему. Точно также и венгры были вдвойнѣ аристократами: внутри ихъ племени владычествовали аристократическія учрежденія и преданія, а все племя въ цѣломъ составляло аристократію венгерскаго королевства среди подчиненныхъ славянскихъ племенъ. Такихъ фактовъ, когда абсолютизмъ австрійскій торжествовалъ надъ своими внутренними врагами только силою низшихъ сословій, безчисленное множество въ его исторіи. Припомнимъ еще только два случая. Когда галиційскіе аристократы стали страшны, Вѣна дала нѣкоторый просторъ русинскому простонародію, и радикальное движеніе 1846 года возвратило ей абсолютную власть надъ Галиціею. Черезъ два года Кудличъ на вѣнскомъ сеймѣ отвергалъ всякое примиреніе своего сословія съ тѣмъ классомъ, который всего сильнѣе поддерживалъ конституціонное стремленіе. Съ другой стороны, исторія конституціонныхъ правительствъ показываетъ, что они держались преимущественно силою аристократіи. Классическій примѣръ тому представляетъ Англія. Въ самомъ дѣлѣ, логическая необходимость приводитъ къ возстанію противъ неограниченной формы сословіе богатыхъ и могущественныхъ фамилій. Онѣ находятъ обезпеченіе своей громадной собственности и своему личному достоинству только тогда, когда достигаютъ независимаго управленія государственными дѣлами. Неограниченная власть монарха представляется для нихъ силою, которая можетъ лишить каждую фамилію ея богатствъ, можетъ измѣнить и общественное положеніе всего ихъ сословія. Притомъ же неограниченная монархія всегда управляла государствомъ посредствомъ бюрократіи, подрывающей всѣ основы аристократическаго устройства.

Такимъ образомъ, если бы Бурбоны во время реставраціи заботились о выгодахъ своей власти, они нашли бы самымъ выгоднымъ для себя дѣломъ поддерживать народъ противъ аристократіи. Это стремленіе возвысило бы ихъ надъ обѣими боровшимися партіями, которыя обѣ были ограничены узкимъ кругомъ аристократическихъ понятій. Доказывать аристократизмъ роялистовъ нѣтъ нужды. Но должно привести хотя два три факта, которые показали бы ту же тенденцію и въ либерализмѣ временъ реставраціи. Первымъ и самымъ яснымъ признакомъ аристократическихъ тенденцій можетъ служить симпатія либераловъ къ англійскому устройству, въ которомъ и до сихъ поръ преобладаетъ, а тогда исключительно владычествовала аристократія. Знаменитѣйшими учителями либераловъ были Монтескьё и Бенжаменъ-Констанъ. „Духъ законовъ“ Монтескьё, служившій настольною книгою для либераловъ, съ первой строки до послѣдней внушенъ безграничнымъ удивленіемъ къ англійскому государственному устройству. Бенжаменъ-Констанъ, преемникъ Монтескьё въ дѣлѣ теоретическаго образованія либеральной партіи, также почти всѣ свои мысли заимствовалъ у англичанъ. Даже второстепенные наставники либераловъ, какъ, напримѣръ, Ройе-Коляръ, были всѣ проникнуты тѣмъ же духомъ, котораго и до сихъ поръ держатся представители французской либеральной партіи въ строгомъ смыслѣ слова, отъ Ремюза и Дювержье де-Горанна до Гизо. Иначе быть не могло уже по одному общественному положенію либераловъ. Масса этой партіи состояла изъ людей богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, очень зажиточныхъ. Они были совершенно довольны прежнимъ (1817—1820 г.) избирательнымъ цензомъ въ 300 франковъ прямыхъ податей; при такомъ цензѣ большинство людей

Digitized by Google

ихъ партіи уже дѣлалось избирателями, а этотъ цензъ предполагаетъ капиталъ не менѣе 60,000 франковъ. Либеральныя газеты очень часто прямымъ образомъ высказывали свое отвращеніе отъ мысли опираться на низшіе классы. Приведемъ одинъ примѣръ изъ того времени, когда уже предвидѣлась близость рѣшительной битвы, когда либералы старались собрать всѣ свои силы и дорожили каждымъ союзникомъ: даже и въ то время они рѣзко отвергали призывъ народа къ участію въ политическихъ дѣлахъ. За два или за три дня до объявленія войны знаменитыми іюльскими повелѣніями, одинъ изъ роялистскихъ журналовъ, смѣясь надъ стремленіемъ либераловъ доставить власть торговому сословію, говорилъ: „либералы не хотятъ ни владычества солдатъ, на владычества мужиковъ; они хотятъ владычества купцовъ. Но чѣмъ же мужики хуже купцовъ? Пусть либералы подумаютъ, что противъ купцовъ можно поставить мужиковъ". Угроза была, конечно, далека отъ исполненія; роялисты, увѣренные въ своихъ силахъ, не имѣли еще серьезной мысли обратиться за помощью къ поселянамъ; но въ ихъ журналахъ уже довольно часто являлись тогда намеки о возможности подобной политики. Они уже говорили, что если либералы недовольны тогдашнимъ (1820—1830 г.) избирательнымъ цензомъ въ 1000 франковъ, то можно вмѣсто пониженія ценза совершенно отмѣнить его и предоставить право голоса каждому французу безъ различія состоянія. Такимъ образомъ уже намекалось на политику, слѣдовать которой начали роялисты послѣ 1830 года, когда ихъ лозунгомъ сдѣлался suffrage universel. Теперь пока угроза не была еще серьёзна и либералы могли бы оставить ее безъ отвѣта, если бы сколько нибудь колебались обнаружить свои чувства къ низшимъ сословіямъ. Но они никогда не хотѣли пользоваться содѣйствіемъ простонародья и потому не колеблясь приняли вызовъ роялистовъ высказаться объ этомъ предметѣ. Вотъ что отвѣчалъ роялистамъ „National", бывшій тогда представителемъ крайняго либерализма между большими газетами: „Газета, совершенно сочувствующая министерству, говоритъ намъ: „не хотятъ ни штыковъ, ни деревянныхъ башмаковъ, хотятъ торговыхъ свидѣтельствъ. Чѣмъ же торговыя свидѣтельства лучше деревянныхъ башмаковъ? Совѣтуемъ подумать объ этомъ". Эта черта еще лучше исторіи оратора угольщика (объ этой исторіи мы должны будемъ упомянуть послѣ) характеризуетъ отчаянное положеніе нашихъ реакціонеровъ. Они стали въ противорѣчіе съ общественнымъ мнѣніемъ страны, не могутъ жить въ согласіи ни съ палатами, законными представительницами страны, ни съ газетами, столь же законными ея представительницами, ни съ независимыми судебными властями, подчиненными одному закону; разумѣется, послѣ этого нужно имъ искать націю внѣ той націи, которая читаетъ газеты, которая интересуется преніями палатъ, которая располагаетъ капиталами, управляетъ промышленностью и владѣетъ землею; имъ надобно спуститься до низшихъ слоевъ населенія, гдѣ уже не встрѣчается общественнаго мнѣнія, гдѣ едвали находится хотя какой нибудь политическій смыслъ, гдѣ копошатся тысячи существъ, добрыхъ, прямыхъ, простодушныхъ, но легко обманываемыхъ и ожесточаемыхъ, живущихъ со дня на денъ, проводящихъ каждый часъ своей жизни въ борьбѣ съ нуждою, не имѣющихъ ни времени, ни физическаго и умственнаго отдыха, необходимаго, чтобы хотя иногда подумать о политическихъ дѣлахъ. Вотъ нація, которою окружить престолъ хотѣли бы нѣкоторые изъ нашихъ реакціонеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто отвергаетъ законы, тотъ долженъ броситься въ объятія черни". Такой языкъ былъ обычнымъ у либераловъ, когда за-

Digitized by Google

ходила рѣчь о простомъ народѣ. Онъ достаточно свидѣтельствуетъ, похожи ли были сколько нибудь либералы на демагоговъ. Отношеніе между ними и роялистами было таково же, какъ между вигами и тори въ Англіи. Обѣ враждовавшія партіи отвращались не только демагогіи, но и всякаго демократизма; разница между ними была лишь въ томъ, что одна партія была болѣе исключительна въ своемъ аристократизмѣ, чѣмъ другая; одна хотѣла исключительной аристократіи богатыхъ землевладѣльцевъ изъ старинныхъ фамилій, какъ тори въ Англіи; другая, подобно вигамъ, опиралась на промышленные интересы и, понимая невозможность аристократіи въ смыслѣ XVII вѣка, расширяла кругъ этого понятія на все сословіе, пользующееся фактическимъ перевѣсомъ въ народной жизни. Одна партія хотѣла возвратить власть надъ народомъ сословію, нѣкогда господствовавшему, но утратившему свою силу вслѣдствіе революціи; другая хотѣла сохранить преобладаніе настоящихъ властелиновъ общественной жизни; но та и другая одинаково хотѣла подчиненія народа немногочисленному сословію.

При такихъ обстоятельствахъ, какой путь былъ самымъ выгоднымъ для королевской власти? На какую изъ трехъ существовавшихъ во Франціи силъ должна она была опираться; на массу народа, на либераловъ или роялистовъ? Здравый смыслъ указывалъ на союзъ съ народомъ, какъ на самую выгодную политику. Народъ въ то время еще не думалъ о политическихъ правахъ; забота о его матеріальномъ благосостояніи была бы совершенно достаточной приманкой для пріобрѣтенія его преданности Бурбонамъ. Если Бурбонамъ была противна конституція и свобода книгопечатанія, они только въ народѣ нашли бы союзника, не требовавшаго этихъ вещей. Не имѣя ни въ роялистахъ, ни въ либералахъ покровителей себѣ, оставаясь совершенно безпомощнымъ, народъ очень дешево продалъ бы свой союзъ. Чтобы купить его любовь, довольно было одной той политики, которой слѣдуетъ каждое дѣльное правительство, и въ самодержавныхъ, и въ конституціонныхъ, и въ республиканскихъ государствахъ, довольно было заботы о возвышеніи благосостоянія въ низшихъ классахъ, отъ котораго, какъ извѣстно, зависятъ и увеличеніе государственныхъ доходовъ, и внѣшнее могущество государства. Требуя наименѣе пожертвованій, союзъ династіи съ народомъ приносилъ и наиболѣе выгодъ. Въ ежедневныхъ мелкихъ дѣлахъ правительственной жизни вліяніе народа чувствуется мало. Не только въ самодержавныхъ государствахъ, но и въ Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ правительство можетъ издавать множество законовъ и распоряженій, независимо отъ народнаго желанія или участія, встрѣчая одобреніе или охужденіе только въ партіяхъ высшаго и средняго сословій. Но какова бы ни была государственная политика, она всегда, удовлетворяя одной части этихъ сословій, возбуждаетъ неудовольствіе въ другой, по неизбѣжной противуположности различныхъ общественныхъ интересовъ и теорій. Такимъ образомъ политическая жизнь всегда является тяжбою нѣкоторой части образованныхъ сословій противъ другой части тѣхъ же сословій и противъ правительства, проводящаго интересы этой части. Извѣстно, что тяжба оканчивается въ первой инстанціи только тогда, когда предметъ ея ничтоженъ; когда же проигрышъ одной стороны и выигрышъ другой значителенъ, за рѣшеніемъ первой инстанціи неизбѣжно слѣдуетъ апелляція, какъ въ частномъ, такъ и въ государственномъ процессѣ. Пока недовольная политикою правительства часть образованныхъ сословій не видитъ никакихъ важныхъ мѣръ, или не убѣдилась въ непреклонности на-

Digitized by Google

правленія со стороны другой части, пользующейся силою правительства, процессъ остается, такъ сказать, въ первой инстанціи, ограничиваясь словами и бумагою. Но неизбѣжно идетъ это дѣло къ дальнѣйшему развитію, при которомъ первоначальныя средства веденія тяжбы представляются для проигрывающихъ уже неудовлетворительными и должна быть призвана въ помощь высшая сила. Въ государственномъ процессѣ, послѣ первой инстанціи, послѣ слова и бумаги, этою высшею инстанціею представляется фактическое, физическое могущество, лежащее во всей цѣлости населенія. Такимъ образомъ коренное основаніе всѣхъ государственныхъ отношеній заключается въ расположеніи населенія, какъ при частныхъ отношеніяхъ оно заключается въ законѣ. Я, частный человѣкъ, удерживаю свои права только тѣмъ, что при всякомъ важномъ столкновеніи указываю на законъ. Въ государственномъ процессѣ ту же роль играетъ населеніе, и въ сущности все основано на предполагаемой вѣроятности образа его дѣйствій въ пользу той или другой стороны.

Такимъ образомъ и Бурбоны могли оставаться совершенно спокойными за свою власть, если бы надѣялись, что сила, на апелляцію къ которой переносится дѣло, объявитъ себя въ ихъ пользу при случаѣ апелляціи. Еслибы населеніе было за нихъ, они могли съ равнодушною улыбкою смотрѣть на борьбу парламентскихъ партій, пока имъ хотѣлось смотрѣть на нее, и могли бы легко сокрушить ту или другую партію, или и обѣ партіи разомъ, когда бы имъ то вздумалось; но, къ своему несчастію, они вовсе не думали сдѣлаться покровителями народныхъ интересовъ. Чѣмъ объяснить эту гибельную ошибку? Какъ могли они лишить себя союза, возможнаго за столь дешевую цѣну и ограждавшаго ихъ отъ всякихъ опасностей? На этотъ вопросъ само собою найдется отвѣтъ послѣ, когда разсмотримъ отношенія и интересы двухъ другихъ общественныхъ силъ, либерализма и роялизма; а теперь, занимаясь соображеніемъ о томъ, какіе союзы наиболѣе выгодны были для королевской власти, мы должны поочерено разсмотрѣть отношенія интересовъ ея къ двумъ другимъ силамъ тогдашней Франціи, къ роялизму и либерализму.

Отвергнувъ наивыгоднѣйшій для себя союзъ, оставивъ народъ въ пренебреженіи, династія могла еще избирать между двумя партіями, на которыя раздѣлялись средній и высшій классы. Содѣйствіе той и другой партіи одинаково не могло быть пріобрѣтено иначе, какъ подчиненіемъ правительства конституціонному порядку. Относительно либераловъ, вообще извѣстныхъ за приверженцевъ конституціи, неизбѣжность этой уступки не нуждается въ доказательствахъ; намъ кажется, что читатель видѣлъ ту же самую необходимость относительно роялистской партіи, которая обманывала многихъ своимъ именемъ, говорящимъ о какой-то особенной преданности престолу.

Мы говорили о враждѣ роялистовъ къ тѣмъ королямъ, которые не поддавались безусловно ихъ требованіямъ,—говорили, что они интриговали для отнятія жизни у Людовика XVI, преслѣдовали Людовика XVIII,—что задушевною ихъ мыслью было заставить его отказаться отъ престола. Во всѣ тѣ періоды, когда роялисты не располагали безусловно правительственною властью (при министерствахъ Ришльё, Деказа и Мартиньяка), они энергически требовали уменьшенія правительственныхъ правъ. Когда же они располагали правительственною властью (при министерствѣ Вильеля), они пользовались ею исключительно для доставленія денежнаго и политическаго могущества прежнимъ феодальнымъ классамъ, но не из-

Digitized by Google

дали ни одного закона, которымъ увеличивались бы права короля. Избирательный цензъ въ 1,000 франковъ, возстановленіе майоратствъ, выдача милліарда франковъ эмигрантамъ,—всѣ эти мѣры были выгодны исключительно только старинным аристократическимъ фамиліямъ, не имѣя ровно никакой связи съ интересами королевской власти. Наконецъ, когда роялисты склонили Карла X на изданіе знаменитыхъ іюльскихъ повелѣній, они опять имѣли въ виду только выгоды феодальной партіи, и перемѣны, вводимыя этою экстренною мѣрою въ устройствѣ Франціи, не приносили никакой выгоды королевской власти. Одно изъ этихъ повелѣній измѣняло способъ выборовъ въ палату депутатовъ такъ, чтобы богатые землевладѣльцы безъ всякихъ соперниковъ посылали въ палату своихъ партизановъ. Палата состояла бы исключительно изъ роялистовъ—для нихъ, разумѣется, это было очень пріятно. Но что выигрывала королевская власть? Измѣнялись ли отношенія палаты къ ней? Сущность конституціоннаго правленія состоитъ въ томъ, что король ничего не можетъ дѣлать безъ согласія министровъ, а министрами назначаются тѣ люди, которыхъ желаетъ большинство палаты, низвергающее ихъ, какъ скоро становится недовольно ими,—измѣнялся ли сколько нибудь этотъ порядокъ? Ограничивалось ли вліяніе палаты депутатовъ на министерство, отъ имени короля управляющее государствомъ сообразно волѣ не короля, а палаты? Ни мало. Палата продолжала быть источникомъ и властителемъ правительства, король по прежнему оставался въ зависимости отъ ея желаній. Другое повелѣніе возстановляло цензуру для газетъ, и ставило ихъ въ совершенную зависимость отъ министерства. Тутъ опять очевидно выигрывали роялисты: первое повелѣніе отдавало въ ихъ руки палату депутатовъ и министерство, потому они черезъ министерство владычествовали бы надъ газетами. Не пріобрѣтая власти надъ министерствомъ, король не пріобрѣталъ ничего чрезъ расширеніе министерскаго господства надъ газетами. Не служа къ увеличенію его власти, цензура съ тѣмъ вмѣстѣ вовсе и не нужна была для огражденія его правъ или его личнаго достоинства: газеты и безъ цензуры не могли и не имѣли охоты возставать противъ его личности и его правъ. Не могли, потому что онъ былъ огражденъ отъ ихъ нападеній особенными законами, существовавшими прежде. Не имѣли охоты, потому что полемика въ газетахъ, подобно преніямъ въ палатахъ, относилась вовсе не къ лицу или правамъ короля—онъ былъ выше преній и полемики — а только къ министерству, налагаемому на короля не его волею, а волею палаты депутатовъ, и къ мнѣніямъ партій, которыя, повторяемъ, спорили между собою вовсе не объ интересахъ короля, а о своихъ собственныхъ интересахъ, не имѣвшихъ никакой связи съ интересами династіи. Королю цензура была не нужна, и ея возстановленіе не увеличивало его правъ. Прочитавъ іюльскія повелѣнія, погубившія Бурбоновъ, каждый убѣдится, что король не могъ для себя извлечь изъ нихъ ровно никакой выгоды и что роялисты, заставляя его дѣлать опасную для престола попытку, имѣли въ виду единственно свою пользу. Вообще, какъ мы сказали, если залогомъ союза короля съ либералами могло быть только конституціонное устройство, то роялисты никогда не думали уступать большей ему власти: они были въ этомъ отношеніи требовательны никакъ не менѣе либераловъ.

Напротивъ, они были болѣе требовательны. Союзникъ вообще показываетъ себя тѣмъ уступчивѣе, чѣмъ болѣе убѣжденъ, что наше доброе расположеніе къ нему зависѣло совершенно отъ нашей воли; онъ тѣмъ менѣе цѣнитъ нашу дружбу,

Digitized by Google

чѣмъ сильнѣе убѣжденъ, что мы не можемъ сблизиться съ его врагами, какъ бы ни держалъ онъ себя относительно насъ. Роялисты были увѣрены, что Бурбоны никакъ не вздумаютъ серьёзно отказаться отъ покровительства, то есть въ сущности отъ служенія, ихъ партіи; они считали себя имѣющими какъ бы прирожденное право на королевское благорасположеніе, потому очень равнодушно принимали все, что дѣлали для нихъ Бурбоны, и чрезвычайно обидчиво сердились на династію за малѣйшее невниманіе къ ихъ желаніямъ. Они воображали себя какъ будто благодѣтелями Бурбоновъ, смотрѣли на нихъ будто на своихъ неоплатныхъ должниковъ, обязанныхъ быть предупредительными, любезными до подобострастія къ ихъ партіи вообще и къ каждому изъ нихъ въ особенности. Совсѣмъ иное было положеніе либераловъ. Они видѣли, что Бурбоны имѣютъ гораздо больше наклонности къ роялистамъ, нежели къ нимъ, потому принимали за чрезвычайную уступку, за достойное самой выспренней благодарности самоотреченіе каждую малѣйшую— хотя бы даже только видимую снисходительность Бурбоновъ къ либеральной партіи. Роялисты держали себя въ Тюльери домашними людьми, очень безцеремонными товарищами хозяина, съ которымъ щепетливо считались каждымъ сколько нибудь непріятнымъ для нихъ словомъ. Но стоило королю сказать при какомъ нибудь оффиціальномъ пріемѣ хотя одно мягкое слово либералу, и вся либеральная партія приходила въ восторгъ. Давая королю мѣдныя гроши, роялисты требовали взамѣнъ золотыхъ монетъ; либералы готовы были безвозмездно принести въ жертву и себя и всѣ свои богатства, лишь бы только онъ согласился принять ихъ *). Конечно, либералы жаловались на Бурбоновъ, но ихъ жалобы имѣли тонъ отвергаемой дружбы. Либералы желали не паденія Бурбоновъ, а только обращенія ихъ къ либерализму, для ихъ собственной выгоды. До такой степени чуждалась либеральная партія мыслей враждебныхъ интересамъ династіи, что не хотѣла вѣрить паденію Бурбоновъ даже тогда, когда оно было уже рѣшено битвою на парижскихъ улицахъ, и если въ комъ еще остается сомнѣніе объ искренней преданности либераловъ Бурбонамъ, послѣдніе остатки недовѣрія будутъ разсѣяны разсказомъ о томъ, какъ держали себя либералы въ продолженіе переворота, противъ желанія либеральной партіи произведеннаго парижскимъ населеніемъ.

Союзъ съ либералами долженъ былъ бы казаться Бурбонамъ пріятнѣе дружбы съ роялистами, потому что либералы были меньше требовательны, нежели роялисты.

---

*) Нѣтъ надобности напоминать читателю, что мы говоримъ о массѣ либеральной партіи, о собственно такъ называемыхъ либералахъ. Изъ 221 либераловъ, вотировавшихъ знаменитый адресъ 1829 года (о которомъ будемъ говорить ниже), было пять или шесть человѣкъ, имѣвшихъ другія чувства,—но эти люди исчезали въ массѣ, на которую вовсе не имѣли вліянія. Орлеанская партія до 1830 года не смѣла и думать о близкомъ исполненіи своихъ желаній, и была чрезвычайно малочисленна,—къ Лафиту примкнуло нѣсколько депутатовъ только уже вслѣдствіе іюльскихъ событій, да и то по невозможности найти иное спасеніе своимъ монархическимъ убѣжденіямъ, кромѣ возведенія на престолъ принца Орлеанскаго. Республиканцевъ до 1830 года было во всей Франціи всего нѣсколько человѣкъ, да и тѣ, даже среди іюльскаго торжества инсургентовъ, не считали возможнымъ учрежденіе республики во Франціи,—республика представлялась для нихъ отвлеченнымъ и дальнимъ идеаломъ, въ родѣ того, какъ какому нибудь китайцу нынѣ можетъ представляться обращеніе Китая въ Европейское государство, чего конечно ни одинъ разсудительный человѣкъ въ Китаѣ не можетъ ожидать видѣть при своей жизни. Надобно строго различать теоретическія убѣжденія отъ стремленій, питаемыхъ человѣкомъ относительно практической жизни настоящаго времени, опредѣляемыхъ надеждою на возможность. Теоретически, каждый изъ насъ скажетъ, что лучше было каждому безъ исключенія русскому молодаго поколѣнія учиться въ университетѣ,—на практикѣ, мы восхищались бы уже и тѣмъ, если бы найдена была возможность хотя одному изъ десяти нашихъ молодыхъ соотечественниковъ кончать курсъ въ уѣздномъ училищѣ.

Digitized by Google

Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ былъ бы и гораздо важнѣе для прочности династіи. Конечно, ни роялисты, ни либералы не составляли массу населенія во Франціи; мы уже говорили много разъ, что если бы династія опиралась на народъ, она могла бы господствовать надъ обѣими партіями, изъ которыхъ каждая оставалась бы въ такомъ случаѣ гораздо слабѣе династіи. Но мы также говорили, что династія не озаботилась привлечь къ себѣ массу населенія заботами о ея выгодахъ, и народъ, никѣмъ не призываемый къ участію въ дѣлахъ, не налагалъ еще свою тяжелую руку ни на одну изъ двухъ чашекъ вѣсовъ политическаго могущества. На политической аренѣ были только либералы и роялисты. Которая же изъ двухъ партій сильнѣе? Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Въ рукахъ либераловъ была вся торговля, вся промышленность Франціи, они владычествовали на биржѣ; они располагали кредитомъ. Отъ Лафита, богатѣйшаго банкира тогдашней Франціи, до послѣдняго лавочника или хозяина какой нибудь маленькой мастерской, всѣ буржуа были проникнуты либерализмомъ. На сторонѣ роялистовъ была только большая поземельная собственность; но если каждый роялистскій землевладѣлецъ въ отдѣльности былъ богаче либерала—землевладѣльца, владѣвшаго имѣньемъ средней величины, то массѣ либераловъ, даже и изъ поземельной собственности, принадлежала часть болѣе значительная, нежели массѣ роялистовъ, потому что при раздробленности имѣній вслѣдствіе революціонныхъ продажъ, участки средней величины занимали болѣе значительное пространство территоріи, нежели огромныя помѣстья, уцѣлѣвшія отъ феодальныхъ временъ.

Сами по себѣ, либералы были сильнѣе роялистовъ; но еще гораздо выгоднѣе былъ для династіи союзъ съ ними потому, что онъ обезпечивалъ бы ихъ отъ всякой опасности со стороны массы населенія. Это соображеніе было такъ просто, что не могло бы ускользнуть ни отъ одного изъ друзей династіи, если бы они хотя сколько нибудь знали чувства народа. Къ сожалѣнію, изъ людей, близкихъ къ Бурбонамъ, не было ни одного, знающаго народъ, а были очень многіе безъ всякаго понятія о чувствахъ народа, питавшіе къ нему недовѣріе и передавшіе это недовѣріе Бурбонамъ. По странному сочетанію противорѣчащихъ идей въ одной и той же головѣ, сочетанію, которое такъ часто встрѣчается въ жизни, эти люди и сами Бурбоны, не заботясь объ удовлетвореніи народныхъ желаній и нуждъ, не заботясь даже о томъ, чтобы хотя сколько нибудь ознакомиться съ ними, питая ужасъ къ каждому движенію народа, лелѣяли себя увѣренностью что и безъ всякихъ посредничествъ масса населенія проникнута непоколебимою преданностью къ Бурбонамъ.

Мы видѣли, какой политики требовали со стороны Бурбоновъ ихъ собственныя выгоды, и какъ не нуженъ, какъ противенъ истинному положенію ихъ интересовъ былъ ихъ союзъ съ роялистами; чтобы еще яснѣе убѣдиться въ этомъ, намъ должно теперь посмотрѣть на взаимныя отношенія общественныхъ силъ спустившись на низшую ступень общественной лѣстницы, которую мы обозрѣвали съ вершины ея. Изложивъ интересы королевской династіи, мы теперь попробуемъ изложить чувства и интересы массы населенія.

Она, какъ мы говорили, не принадлежала собственно ни къ роялистамъ, ни къ либераламъ. Необходимость слишкомъ тяжелаго и продолжительнаго физическаго труда для скуднаго поддержанія жизни не оставляла ей въ періодъ реставраціи во Франціи, какъ до сихъ поръ не оставляла нигдѣ и никогда въ новой

Digitized by Google

Европѣ, времени для постояннаго занятія государственными дѣлами. Не имѣя ни навыка къ тому, ни образованія, нужнаго для того, чтобы составить себѣ систему политическихъ убѣжденій, народъ обыкновенно даже не хотѣлъ присматриваться къ вещамъ, которыя дѣлаются и говорятся высоко надъ нимъ въ парламентѣ. въ журналистикѣ и въ административныхъ сферахъ. Но эта масса, обыкновенно остающаяся неподвижною въ политическомъ волненіи, играющемъ на поверхности національной жизни, не лишена совсѣмъ преданій и чувствъ, которыя приводятъ ее въ движеніе, когда затрогиваются.

Во французскомъ народѣ самымъ живымъ преданіемъ было воспоминаніе о національной славѣ, какою блистала Франція при Наполеонѣ. Подъ этимъ воспоминаніемъ таилось еще болѣе сильное чувство привязанности къ новому гражданскому устройству и ненависти къ стариннымъ феодальнымъ правамъ, разрушеннымъ революціею. Народъ дорожилъ новыми учрежденіями потому, что они улучшили его матеріальное положеніе сравнительно съ тою гульбою, какую имѣлъ онъ въ прежнія времена. Но съ другой стороны, улучшеніе, хотя и очень чувствительное, не было такъ велико, чтобы масса народа была очень довольна своимъ настоящимъ.

По сущности своихъ понятій, народъ не имѣлъ сознательнаго предпочтенія къ той или другой политической системѣ. Конституцію или, какъ тогда называли, „Хартію“ (la Charte) онъ едва зналъ по имени, не связывая никакого смысла съ этимъ словомъ. Да и самое слово далеко не каждому городскому работнику было извѣстно,—о поселянахъ нечего и говорить; о томъ, что онъ ни мало не дорожилъ этимъ словомъ, излишне и упоминать.

Королевская власть, говорили мы, очень легко могла привлечь народъ на свою сторону покровительствомъ его матеріальному благосостоянію; но она не позаботилась объ этомъ. Однакоже, когда король являлся въ провинціяхъ или присутствовалъ на торжественныхъ церемоніяхъ въ Парижѣ, толпы народа тѣснились на дорогѣ и привѣтствовали его радостными криками. Это происходило не болѣе, какъ отъ наивнаго уваженія простыхъ людей къ внѣшнему блеску, но перетолковывалось придворными, какъ свидѣтельство глубокой привязанности народа къ династіи. Такое ошибочное пониманіе дѣла погубило Бурбоновъ, ободривъ Карла X рискнуть на рѣшительную битву изданіемъ іюльскихъ повелѣній. Но во всякомъ случаѣ, хорошія встрѣчи, какими обыкновенно привѣтствовалъ народъ короля, доказывали, что масса народа даже въ началѣ 1830 года еще не была рѣшительно враждебна къ Бурбонамъ.

Напротивъ, она была всегда враждебна къ роялистамъ, не потому, чтобы считала ихъ врагами конституціи, о которой сама она не заботилась, а потому, что они были эмигранты, потомки прежнихъ феодаловъ; народъ предполагалъ въ нихъ желаніе возстановить старинное феодальное устройство, вспоминалъ, что они сражались противъ Франціи.

Тѣмъ самымъ, что боролись противъ роялистовъ, либералы пріобрѣтали въ народѣ нѣкоторую популярность, хотя очень мало заслуживали ея. Надобно перечитать пренія палатъ, надобно перечитать сочиненія либераловъ временъ Реставраціи, чтобы постичь всю невѣроятную беззаботность ихъ о выгодахъ массы населенія. Они забывали о народѣ, подобно Бурбонамъ и роялистамъ; а когда и случалось имъ говорить отъ имени низшихъ классовъ, они почти постоянно употребляли его имя понапрасну, не умѣя выразить желаній, понять нуждъ простонародья.

Digitized by Google

Въ программѣ либераловъ не было ни одной фразы, которая касалась бы средствъ или по крайней мѣрѣ выражала бы желаніе улучшить положеніе низшихъ классовъ. Доказательствомъ тому можетъ служить каждое изъ ихъ знаменитыхъ преній въ палатѣ депутатовъ, каждая изъ ихъ знаменитыхъ битвъ на поприщѣ журналистики, каждый ихъ политическій манифестъ. Повсюду провозглашаются отвлеченныя политическія теоріи, имѣющія занимательность только для зажиточныхъ и образованныхъ людей, нигдѣ ни одной фразы о реформахъ, которыми непосредственно улучшался бы простонародный бытъ. Въ примѣръ сошлемся на одинъ изъ этихъ актовъ, могущій быть самымъ поразительнымъ подтвержденіемъ нашего сужденія. Когда войска были принуждены выступить изъ Парижа, когда либералы спѣшили возстановить королевскую власть перенесеніемъ ея на герцога Орлеанскаго, чтобы не дать времени возникнуть въ вооруженной массѣ простонародья требованію республиканской формы, либеральные члены палаты депутатовъ издали прокламацію, въ которой совмѣстили всѣ надежды и желанія, способныя, по ихъ мнѣнію, увлечь побѣдоносныхъ парижанъ на сторону вновь учреждаемаго правительства. Парижское простонародье безусловно владычествовало тогда надъ судьбою Парижа и Франціи,—либеральные депутаты конечно въ эту минуту старались по необходимости самымъ яркимъ образомъ высказать все, что въ ихъ намѣреніяхъ могло быть пріятно простонародью. Каковъ же планъ ихъ правительственной системы? Какія улучшенія они обѣщаютъ народу? Обѣщаній очень много, и они вотъ какого рода: вѣрность конституціоннымъ началамъ; возстановленіе національной гвардіи, избирающей своихъ офицеровъ, она будетъ охранять конституцію; назначеніе городскихъ и областныхъ чиновниковъ по выбору; судъ присяжныхъ по обвиненіямъ противъ газетъ со стороны правительства; точное опредѣленіе отвѣтственности министровъ передъ палатою депутатовъ; отмѣненіе произвола правительства надъ судьбою офицеровъ; ограниченіе средствъ для министерства къ подкупу депутатовъ повышеніемъ въ должностяхъ.

Какъ? только-то? Да, только. Для невѣрящихъ мы сообщимъ самый текстъ прокламаціи,—пусть они увидятъ, что мы не пропустили ни одного обѣщанія *).

*) Вотъ текстъ прокламаціи къ народу, изданной палатою депутатовъ 31 іюля:

„Французы, Франція свободна. Деспотизмъ поднималъ свое знамя. Героическое населеніе Парижа низвергло его. Вызванный нападеніемъ на битву, Парижъ доставилъ своимъ оружіемъ торжество священному дѣлу, которое тщетно торжествовало на выборахъ. Власть, отнимавшая наши права, возмущавшая наше спокойствіе, угрожала и свободѣ, и порядку. Мы снова пріобрѣтаемъ и порядокъ, и спокойствіе. Нѣтъ уже опасности для правъ, пріобрѣтенныхъ прежде; нѣтъ уже преграды между нами и правами, которыя еще остается намъ пріобрѣсти.

„Правительство, которое немедленно обезпечило бы намъ эти блага, составляетъ первую потребность отечества. Французы, тѣ изъ вашихъ депутатовъ, которые находятся въ Парижѣ, собрались и, въ ожиданіи правильнаго дѣйствія Палатъ, пригласили француза, который сражался только за Францію, а не противъ нея, герцога Орлеанскаго, къ принятію на себя обязанностей намѣстника королевства. Они видятъ въ этомъ средство водвореніемъ мира довершить торжество справедливѣйшаго самоотверженія.

„Герцогъ Орлеанскій преданъ національному и конституціонному интересу. Онъ всегда защищалъ его дѣло и исповѣдывалъ его принципы. Онъ будетъ уважать наши права, потому что получитъ отъ насъ свои права. Мы дадимъ себѣ законами прочныя гарантіи, необходимыя для утвержденія непоколебимой свободы:

„Возстановленіе національной гвардіи съ участіемъ гражданъ, ее составляющихъ, въ избраніи ея офицеровъ;

„Участіе гражданъ въ составленіи муниципальнаго и департаментскаго управленія:

„Судъ присяжныхъ для процессовъ газетъ и книгъ;

„Законное опредѣленіе отвѣтственности министровъ и второстепенныхъ агентовъ управленія;

„Законное упроченіе положенія военныхъ;

Digitized by Google

Какую же выгоду получилъ бы народъ если бы даже всѣ эти обѣщанія были исполнены? Разберемъ ихъ пунктъ за пунктомъ. „При герцогѣ Орлеанскомъ будетъ строго соблюдаться конституція“—очень пріятно будетъ это образованнымъ классамъ, обезпеченнымъ въ своемъ существованіи; но мы уже много разъ говорили, что всѣ конституціонныя пріятности имѣютъ очень мало цѣны для человѣка, не имѣющаго ни физическихъ средствъ, ни умственнаго развитія для этихъ десертовъ политическаго рода. „Будетъ возстановлена національная гвардія“—въ скобкахъ надобно читать: съ довольно дорогимъ мундиромъ, который удалитъ отъ участія въ ней простолюдина,—это будетъ удовольствіе, предоставленное людямъ, могу-

---

„Новые выборы для депутатовъ, получившихъ должность отъ правительства.

„По согласію съ главою государства, мы дадимъ нашимъ учрежденіямъ развитіе, въ которомъ они нуждаются.

„Французы, герцогъ Орлеанскій самъ уже высказался языкомъ, приличнымъ свободной странѣ. Онъ говоритъ, что палаты соберутся немедленно. Онѣ примутъ мѣры для упроченія царства законовъ и огражденія правъ націи.

„Конституція отнынѣ будетъ истиною“.

Мы привели этотъ документъ между прочимъ и потому, что онъ написанъ Гизо и былъ первымъ актомъ новаго періода его политической жизни, когда онъ является уже однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи.

Въ коммиссіи, назначенной для составленія прокламаціи, кромѣ Гизо и Вильмена, представителей умѣреннаго оттѣнка либеральной партіи, находились Бенжаменъ-Констанъ и Бераръ, принадлежавшіе къ самыхъ требовательнымъ либераламъ. Такимъ образомъ, прокламація, вышедшая изъ совѣщаній коммиссіи, можетъ считаться самымъ вѣрнымъ выраженіемъ политической программы цѣлой либеральной партіи.

Прокламацію герцога Орлеанскаго, на которую ссылается прокламація депутатовъ, по настоящему, не стоило бы и приводить, потому что въ ней не заключается ничего, кромѣ общихъ фразъ, съ неосновательною похвалою герцога самому себѣ за мужество, котораго онъ не оказывалъ. Однако, приведемъ и ее, чтобы читатель видѣлъ совершенную пустоту этого документа, также рѣшавшаго судьбу Франціи.

„Жители Парижа,

„Депутаты Франціи, нынѣ собравшіеся въ Парижѣ, выразили желаніе, чтобы я прибылъ въ столицу для исполненія обязанностей намѣстника королевства.

„Неколеблясь, явился я раздѣлять ваши опасности, сталъ среди героическаго населенія, чтобы употребить всѣ мои силы для предотвращенія междоусобной войны и анархіи. Вступая въ Парижъ, я съ гордостью надѣлъ славную трехцвѣтную кокарду, которую возстановили вы и которую долго носилъ самъ я.

„Палаты скоро соберутся; онѣ примутъ мѣры для упроченія царства законовъ и огражденія правъ націи.

„Конституція отнынѣ будетъ истиною.

„Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій“.

Мы приведемъ также программу самой крайней изъ партій, игравшихъ замѣтную роль въ іюльскіе дни. Составители этой программы, которая осталась недѣйствительною, потому что показалась всѣмъ благоразумнымъ людямъ слишкомъ уже отважною, были не просто либералы, а республиканцы—то есть горсть людей, ушедшихъ неизмѣримо далеко впередъ отъ либераловъ. Но что же и эта программа обѣщала собственно для народа? ровно ничего дѣльнаго не обѣщала она—вотъ ея текстъ, слишкомъ оправдывающій наше грустное сужденіе:

„Франція свободна.

„Она хочетъ конституціи.

„Она даетъ временному правительству только право призвать ее къ установленію формы правленія.

„Въ ожиданіи того, пока она выразитъ свою волю новыми выборами, уваженіе къ слѣдующимъ принципамъ:

„Отмѣненіе монархической власти;

„Управленіе государства исключительно людьми, получающими власть отъ избранія націи;

„Врученіе исполнительной власти президенту, избираемому на время;

„Прямое или косвенное участіе всѣхъ гражданъ въ избраніи депутатовъ;

„Свобода исповѣданій, отмѣна привилегій, даваемыхъ государствомъ одному исповѣданію предъ всѣми другими;

„Огражденіе армейскихъ и флотскихъ офицеровъ отъ произвольнаго удаленія министрами въ отставку;

„Учрежденіе національной гвардіи по всему пространству Франціи; этой гвардіи ввѣряется охраненіе конституціи;

Digitized by Google

щимъ тратить деньги на маскарадные костюмы. Но хотя бы и безъ дорогаго мундира—что за радость ходить въ караулъ и на смотры человѣку, у котораго не достаетъ времени для отдыха послѣ 14 часовъ работы въ сутки? Это право напоминаетъ разсказъ старика у г. Печерскаго о томъ, какъ Васькѣ дали „особенныя права". „Выборная администрація" — извѣстно, какъ дорожитъ простонародье правомъ выборовъ. „Изъятіе газетъ отъ произвола министровъ" — но простонародье не читаетъ газетъ по своему безденежью и безграмотности, какое ему дѣло до независимости журналистики и свободы преній? „Огражденіе офицеровъ отъ такого же произвола"—объ этомъ нечего и говорить. Затѣмъ слѣдуетъ огражденіе непреклонныхъ убѣжденій либеральныхъ депутатовъ отъ искушенія быть подкупленными, и перечисленіе всѣхъ этихъ благъ кончается комплиментами принцу Орлеанскому—о народѣ и его судьбѣ, какъ видимъ, дѣйствительно нѣтъ ни слова. Какъ нѣтъ? Мы позабыли: вѣдь прокламація начинается комплиментами мужеству парижанъ,—либераламъ, какъ видимъ, не была извѣстна русская поговорка: „соловья баснями не кормятъ"; это бы еще ничего, но жаль, что и народъ не зналъ этой поговорки — иначе съ какой стати было бы ему умирать на баррикадахъ, когда вся награда ему за битву должна была ограничиться комплиментами его мужеству?

Либералы совершенно ничего не дѣлали и не хотѣли дѣлать для народа; но тѣмъ не менѣе, независимо отъ ихъ собственной воли, образовались отношенія, которыя въ случаѣ надобности обезпечивали имъ содѣйствіе народа,—мы старались показать, что эта готовность массы стать за либераловъ была ими не заслужена, далѣе мы увидимъ, что они даже не умѣли предчувствовать ее, — но она существовала.

Самымъ сильнымъ и самымъ общимъ основаніемъ ея было то, что либералы боролись противъ партіи, подозрѣваемой народомъ въ стремленіи возстановить прежній порядокъ дѣлъ и зато ненавистной народу. „Врагъ нашихъ враговъ другъ намъ" — это заключеніе слишкомъ часто ведетъ къ самымъ горькимъ разочарованіямъ; очень часто случается людямъ, руководясь имъ, попадать изъ Сциллы въ

„За эти принципы мы жертвовали жизнью; въ случаѣ нужды мы будемъ поддерживать ихъ законнымъ сопротивленіемъ съ оружіемъ въ рукахъ".

Какъ видимъ, эта программа отличается отъ прокламаціи депутатовъ тремя существенными пунктами: требованіемъ республиканской формы, требованіемъ уничтоженія палаты наслѣдственныхъ перовъ (оно заключается въ выраженіи: управленіе государства исключительно людьми, получающими власть отъ избранія націи), наконецъ, требованіемъ предоставленія избирательныхъ правъ всему населенію Франціи *(suffrage universel)*, а не однимъ болѣе или менѣе зажиточнымъ людямъ.

Спрашиваемъ теперь: какое изъ этихъ требованій имѣетъ цѣлью существенное улучшеніе простонароднаго быта? чѣмъ легче простому народу становится платежъ податей, отправленіе военной повинности, чѣмъ улучшаются его отношенія къ землевладѣльцамъ и хозяевамъ фабрикъ отъ замѣненія слова „король" словомъ „президентъ" и тому подобныхъ, чисто отвлеченныхъ, реформъ государственнаго устройства?

Позднѣе, программа республиканцевъ была не такова. Они трубили не объ однихъ пустыхъ словахъ, имѣющихъ смыслъ для праздныхъ политическихъ споровъ — они требовали также: уничтоженія обременительныхъ для простонародья налоговъ на соль, вино и другія жизненныя потребности, вообще измѣненія системы податей для облегченія простонародья; уменьшенія арміи и измѣненія системы конскрипціи (сокращеніе срока службы, отмѣна увольненій отъ личной службы поставкою наемщика и проч.); они требовали реформы гражданскихъ законовъ, невыгодныхъ для простолюдина; требовали, чтобы образованіе сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ состояній. Надобно впрочемъ прибавить, что всѣ эти требованія въ 1848 году оказались пустыми словами,—республиканцы не умѣли совершить ни одной изъ реформъ, обѣщавшихъ улучшеніе народнаго быта по ихъ программѣ.

Digitized by Google

Харибду, или, по русской поговоркѣ, изъ огня въ полымя; но тѣмъ не менѣе рѣдко успѣваютъ оберечь себя отъ него даже такіе опытные въ политическихъ дѣлахъ, такіе осторожные и недовѣрчивые люди, какъ дипломаты. Что же удивительнаго, если простой народъ мало по малу поддался этой мысли? Феодалы нападали на новыя учрежденія, дорогія народу — либералы защищали эти учрежденія, — чего же больше? Масса стала довѣрчива къ нимъ. Правда, защищались эти учрежденія либералами вовсе не въ томъ духѣ, не съ тѣми цѣлями, съ какими вводились; смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ не былъ въ 1820-тыхъ годахъ таковъ, каковъ былъ тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Но гдѣ же было народу разбирать такія тонкости? Не у него одного, и у большинства людей образованныхъ, сильнѣйшій элементъ въ умственной жизни—рутина; народъ привыкъ любить извѣстныя слова, и не могъ не имѣть симпатіи къ защищавшимъ эти слова.

Кромѣ этого общаго основанія было другое, болѣе частное, но во многомъ съ нимъ сходное и почти столь же сильное. Нападая на новыя учрежденія, реакціонеры позорили и всѣ правительства, существовавшія на этихъ началахъ—въ томъ числѣ, они безпощадно бранили Наполеона. Либералы сами были не очень расположены къ Наполеону—и въ 1814 и въ 1815 годахъ, оба раза ихъ нерасположеніе сильно содѣйствовало паденію его. Но роялисты заходили въ своей ненависти уже слишкомъ далеко,—либералы, разгорячаемые постояннымъ споромъ съ ними о всемъ на свѣтѣ, принялись пылко защищать и Наполеона. А для народа Наполеонъ и трехцвѣтное знамя Имперіи были символами славы Франціи, побѣдъ ея. Либералы явились народу защитниками національной славы. Это было тѣмъ неизбѣжнѣе, что роялисты съ принцемъ Конде сражались въ рядахъ коалиціонныхъ армій противъ Франціи—какъ же было либераламъ не нападать на измѣну родинѣ, когда измѣнниками были ихъ враги?

Наконецъ, очень важную роль во всемъ дѣлѣ, кончившемся іюльскими днями, игралъ Беранже. Едва ли кто имѣлъ такое сильное вліяніе на исходъ тогдашнихъ событій, какъ онъ. Его пѣсни дѣйствительно были любимы народомъ. Онъ ненавидѣлъ Бурбоновъ,—и народъ постепенно привыкалъ къ чувству, которое внушалъ ему пѣвецъ его лишеній, его надеждъ. А Беранже ненавидѣлъ Бурбоновъ за то, что они были орудіемъ реакціонеровъ.

Наши разсужденія вышли очень длинны, и намъ пора было бы ихъ кончить. Но прежде, чѣмъ возвратимся къ разсказу о ходѣ событій, мы хотимъ оправдаться передъ читателемъ въ упрекѣ, котораго не только ожидаемъ, но даже желали бы. Вѣроятно, не за одну длинноту упрекнутъ наше длинное изложеніе возможнаго и разумнаго,—читатель скажетъ также, что оно лишено всякаго реальнаго основанія. Мы говоримъ, что легче и выгоднѣе всего былъ бы для Бурбоновъ союзъ прямо съ народомъ, мимо всякихъ союзовъ съ либералами или роялистами, но что, когда уже не захотѣли Бурбоны этого союза, натуральнѣе всего было бы имъ, если бы только они понимали свои выгоды, соединиться съ либералами;—что всѣ разумныя соображенія о собственныхъ интересахъ, о собственномъ спокойствіи, не говоря уже о славѣ, должны были сдѣлать Бурбоновъ покровителями либераловъ. Все это такъ, скажетъ читатель, но разсуждать о подобныхъ вещахъ значитъ тоже самое, что доказывать выгодность теченія Волги съ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ Камышина къ городу Либавѣ: вещь оно была бы прекрасная, слова нѣтъ, но совершенно несообразная съ законами природы. Бурбоны по своей исторіи,

Digitized by Google

по своей натурѣ, по всей своей обстановкѣ не могли дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовали. Такъ, къ сожалѣнію, совершенно такъ. Напрасно очевиднѣйшая выгода, настоятельнѣйшая необходимость указывала имъ иной путь—въ нихъ не было силъ идти по этому счастливому пути, въ нихъ не было даже способности видѣть этотъ путь. Такъ, разсудокъ чуть ли не совершенно безсиленъ въ исторіи. Напрасно говорить о немъ, это пустая идеологія. Но если такъ, почему же не понимаютъ люди хотя этого? Если ослѣпленіе рутиною и обстановкою сильнѣе собственныхъ выгодъ въ человѣкѣ, почему же мы не принимаемъ этого факта, не соображаемъ съ нимъ нашихъ отношеній къ человѣку?

Есть въ исторіи такія положенія, изъ которыхъ нѣтъ хорошаго выхода,—не оттого, чтобы нельзя было представить его себѣ, а оттого, что воля, отъ которой зависитъ этотъ выходъ, никакъ не можетъ принять его. Правда, но что же въ такихъ случаяхъ остается дѣлать честному зрителю? ужели обманывать себя обольщеніями о возможности, даже о правдоподобности такого принятія? Мы не знаемъ, что ему дѣлать, но знаемъ, чего онъ по крайней мѣрѣ не долженъ дѣлать: не стараться ослѣплять другихъ, остерегаться заражать другихъ идеологическою язвою, если самъ по несчастію подвергся ей, — оставимъ надежды ребятамъ, взрослому человѣку неприлично ожидать виноградныхъ гроздовъ на терновникѣ.

Но возвратимся же наконецъ къ разсказу о событіяхъ.

Назначеніе Полиньяка министромъ было принято всею Франціею, какъ слѣдствіе рѣшимости Карла X выйти изъ границъ законности для упроченія колебавшагося господства роялистовъ. Либералы ужасались, ожидая насильственныхъ мѣръ. Даже многіе роялисты, сохранявшіе нѣкоторое благоразуміе, видѣли необходимость предупредить короля, что совѣты слишкомъ опрометчивыхъ товарищей ихъ могутъ быть для него гибельны.

Въ самомъ дѣлѣ, глава министерства, Полиньякъ, былъ величайшій фанатикъ феодальной партіи. Давно онъ мечталъ о сильныхъ средствахъ къ возстановленію стариннаго порядка. Вильель, опасаясь неосторожныхъ совѣтовъ его Карлу X, отправилъ молодаго придворнаго посланникомъ въ Лондонъ; недовольный умѣренностью Мартиньяка, король сталъ думать о врученіи управленія своему любимцу, который совершенно сходился съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Полиньякъ былъ вызываемъ въ Парижъ для совѣщаній съ королемъ, — результатомъ совѣщаній была рѣшимость идти до послѣднихъ крайностей для поддержанія господства роялистовъ. Средство къ тому найдено было въ 14-мъ параграфѣ конституціи, который давалъ королю право „издавать распоряженія и повелѣнія, нужныя для безопасности государства“. До сихъ поръ, всѣ партіи соглашались, что тутъ разумѣются единственно административныя распоряженія, которыми опредѣлялись бы только мѣры и способы исполненія изданныхъ правильнымъ образомъ законовъ, а никакъ не распоряженія, которыми бы отмѣнялись или нарушались законы. Но конгрегація, управлявшая Карломъ X и Полиньякомъ, убѣдила ихъ въ возможности и необходимости другаго толкованія. Король и его любимецъ приготовились, если не найдутъ покорности въ палатахъ, избираемыхъ законнымъ образомъ, безъ ихъ согласія измѣнить основные законы королевства.

Слухи о такой рѣшимости распространились въ публикѣ. Министерскія газеты подкрѣпляли ихъ, доказывая необходимость крайнихъ средствъ со стороны министерства. „Уступокъ больше не будетъ, восклицали онѣ, битва между прави-

Digitized by Google

тельствомъ и революціею возобновлена". Надобно замѣтить, что подъ именемъ революціи на языкѣ роялистовъ разумѣлись всѣ новыя учрежденія въ гражданскомъ быту; каждый, находившій невозможнымъ полное возвращеніе къ старинѣ, назывался у нихъ революціонеромъ, въ томъ числѣ даже Ройе-Коляръ, при Наполеонѣ постоянно рисковавшій жизнію для Бурбоновъ, и Гизо, бывшій посредникомъ между Бурбонами и остававшимися во Франціи роялистами во время Ста Дней. „Игра началась, восклицали роялистскія газеты, и надобно знать, что поставлено на карту съ той и другой стороны. Мы ставимъ на карту престолъ. Это наша послѣдняя ставка: идетъ ва-банкъ противъ революціи". Но трудно будетъ управлять государствомъ въ противность желанію большинства или съ нарушеніемъ парламентскихъ формъ, возражали осторожнѣйшіе изъ роялистовъ, предвидѣвшіе опасность игры, начинаемой фанатиками. Министерскія газеты отвѣчали на ихъ предостереженія презрительнымъ гнѣвомъ. „Есть люди, говорящіе о большинствѣ палатъ,— они удивляютъ насъ. Скажите, важно или не важно покончить съ революціей? Вы говорите: да. Прекрасно. Но если большинству палатъ придетъ въ голову думать не такъ, неужели слѣдуетъ отказаться отъ спасенія? Это было бы забавно. Когда планъ составленъ, когда онъ необходимъ, слѣдуетъ исполнять его до конца; иначе нельзя спасти общество". Изъ такихъ словъ были очевидны намѣренія министерства. Оно рѣшилось не обращать вниманія на волю парламентскаго большинства.

Доведенные до крайности, либералы ожидали спасенія себѣ и престолу отъ приближавшагося собранія палатъ. Парламентскія каникулы кончались. 2 марта 1830 года начались обычнымъ церемоніаломъ засѣданія палатъ. Тронная рѣчь открыто выразила намѣреніе правительства прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ случаѣ несогласія большинства съ системою министерства. „Перы Франціи, депутаты департаментовъ, сказалъ Карлъ X, я не сомнѣваюсь въ вашемъ содѣйствіи къ совершенію добра, мною желаемаго. Вы съ презрѣніемъ отвергнете коварныя внушенія, распространяемыя зложелательствомъ. Но если бы преступныя интриги противупоставили моей власти препятствія, которыхъ я не долженъ, которыхъ я не хочу предвидѣть, я нашелъ бы силу побѣдить ихъ въ моей рѣшимости охранять общественное спокойствіе".

Вызовъ былъ сдѣланъ. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что министерство хочетъ считать преступленіемъ сопротивленіе палатъ его системѣ и намѣрено прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для подавленія безпорядковъ, которыхъ ожидало само отъ своихъ распоряженій. Указаніе на вооруженную силу было тѣмъ оскорбительнѣе, что не оправдывалось никакимъ предлогомъ. Во всей Франціи господствовалъ ненарушимый порядокъ. Никто изъ противниковъ министерства не думалъ переступать границъ закона. Всѣ осуждали опрометчивость рѣчи. Но министерскія газеты почли нужнымъ комментировать тронную рѣчь слѣдующими словами: „Мы напомнимъ, что Георгъ III англійскій публично благодарилъ солдатъ, стрѣлявшихъ по черни, которая собралась освободить изъ тюрьмы Уилькса, мятежнаго члена палаты общинъ". Мало было общей угрозы вмѣшательствомъ вооруженной силы; надобно было еще пояснить, что она будетъ призвана именно противъ палаты депутатовъ. Большинство палаты хотѣло исполнить свою обязанность, выразивъ королю опасеніе о гибельности политики, принятой его министрами. Коммиссія палаты составила проэктъ адреса, проникнутый тономъ почтительнымъ, но

Digitized by Google

печальнымъ. Она считала обязанностью палаты открыть Карлу X глаза на несогласіе политики его министровъ съ чувствами націи.

„Среди единодушныхъ чувствъ уваженія и привязанности, которыми окружаетъ васъ вашъ народъ (говорилъ адресъ), обнаруживается въ умахъ живая тревога, возмущающая спокойствіе, которымъ Франція начала наслаждаться, изсушающая источники ея благоденствія и, въ случаѣ продленія, могущая сдѣлаться гибельной для ея тишины. Совѣсть, честь, та вѣрность, которой мы поклялись вамъ и которую навсегда соблюдемъ, возлагаютъ на насъ обязанность открыть вамъ причину этой тревоги.

„Государь! конституція, которою мы обязаны вашему августѣйшему предшественнику и упрочить которую твердо намѣрено ваше величество, освящаетъ право участія страны въ обсужденіи общественныхъ интересовъ. Это участіе, какъ и слѣдовало, производится не прямымъ, а посредственнымъ образомъ; степень его мудро измѣрена, оно заключено въ точныя границы, и мы никогда не попустимъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился преступить эти границы; но результатъ его положителенъ, потому что оно дѣлаетъ постоянное согласіе политическихъ видовъ вашего правительства съ желаніями вашего народа необходимымъ условіемъ правильнаго теченія общественныхъ дѣлъ. Государь! наша вѣрность, наша преданность престолу обязываютъ насъ сказать вамъ, что это сочувствіе не существуетъ.

„Высокая мудрость вашего величества да будетъ судьею между тѣми, которые не довѣряютъ націи столь спокойной, столь вѣрной, и между нами, съ глубокой увѣренностью излагающими вашему сердцу скорбь цѣлаго народа, желающаго пользоваться расположеніемъ и довѣріемъ своего короля. Преимущества короны вашего величества даютъ вамъ средство упрочить между государственными властяти гармонію, первое и необходимое условіе силы престола и величія Франціи“.

Коммиссія, составившая проэктъ, старалась избѣжать въ немъ всякаго выраженія, похожаго на требовательность. Она хотѣла только указать на несогласіе большинства съ министрами, оставляя королю совершенную свободу въ выборѣ средствъ для возстановленія согласія. Адресъ не говорилъ даже о необходимости перемѣны министерства. Онъ говорилъ только, что король, сохраняя министерство, долженъ распустить палату, или на оборотъ, сохраняя палату, измѣнить политику министерства.

Умѣренные роялисты согласились на проэктъ адреса вмѣстѣ съ либералами. Онъ былъ принятъ большинствомъ 221 голоса противъ 181.

Незначительность большинства, принявшаго адресъ и составленнаго голосами умѣренныхъ роялистовъ, показывала, какихъ ничтожныхъ уступокъ было бы достаточно для примиренія съ палатою. Довольно было бы министерству отказаться отъ своихъ совершенно излишнихъ угрозъ, не вызываемыхъ ничѣмъ. Но крайніе роялисты были глухи. 18 марта адресъ былъ представленъ; 19 марта засѣданія палаты отсрочены; черезъ нѣсколько времени она была объявлена распущенной и назначены новые выборы. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что эти выборы еще менѣе прежнихъ будутъ благопріятны министерству, которому оставалось тогда или удалиться, или прибѣгнуть къ незаконнымъ средствамъ. Двое изъ министровъ, видѣвшіе безразсудство остальныхъ, вышли въ отставку. Полиньякъ замѣнилъ ихъ другими, болѣе рѣшительными.

Дѣйствительно, всѣ члены прежней палаты, вотировавшіе адресъ, были из-

Digitized by Google

браны вновь; большая часть крайнихъ роялистовъ прежней палаты не попала въ новую. Но и новая палата была проникнута преданностію къ Бурбонамъ. На выборахъ либеральныхъ членовъ это чувство выражалось съ совершенной ясностью; они одобряли адресъ прежней палаты, но понимали его въ томъ самомъ смыслѣ, какой придавалъ ему Дюпенъ старшій: „Коренное основаніе адреса — глубокое уваженіе къ лицу короля; онъ выражаетъ высочайшее благоговѣніе къ древней династіи Бурбоновъ; онъ представляетъ владычество законной династіи не только какъ легальную истину, но и какъ общественную необходимость, которая нынѣ для всѣхъ здравыхъ умовъ является результатомъ опыта и убѣжденія". Словомъ сказать, ни либералы, ни умѣренные роялисты, составлявшіе большинство, не дерзали и въ глубинѣ своихъ мыслей касаться правъ престола. Они находили только, что политика крайнихъ роялистовъ несовмѣстна съ положеніемъ дѣлъ. Крайніе роялисты имѣли теперь выборъ между двумя рѣшеніями: или оставить хотя на время министерство, чтобы дать успокоиться общественному мнѣнію, или подвергнуть престолъ страшной опасности изъ-за желанія удержать власть въ своихъ рукахъ. Они избрали послѣднее.

Палаты должны были собраться 3 августа. Еще въ началѣ іюля, когда сдѣлался извѣстенъ результатъ новыхъ выборовъ, министры окончательно составили планъ своихъ дѣйствій. Они положили, пользуясь четырнадцатымъ параграфомъ конституціи, распустить новую палату прежде, нежели она соберется, измѣнить одною волею правительства законъ о выборахъ и возстановить цензуру. Совѣщанія министровъ хранились въ глубочайшей тайнѣ, но она не могла скрыться отъ придворнаго круга. Всѣ, посѣщавшіе дворецъ, догадывались, что приближается время насильственныхъ мѣръ, о которыхъ давно говорили газеты. Крайніе роялисты съ восторгомъ передавали другъ другу выдуманный анекдотъ объ угольщикѣ, который будто бы сказалъ королю: „Государь! угольщикъ—господинъ въ своемъ хозяйствѣ, будьте господиномъ въ своемъ".

Иностранные посланники, слышавшіе о намѣреніи Полиньяка, единогласно осуждали его; самодержавные государи Европы раздѣляли мнѣнія проницательныхъ дипломатовъ о неблагоразуміи мѣръ, на которыя склонили Карла X его опрометчивые совѣтники. Меттернихъ, конечно, не слишкомъ любилъ конституціонный порядокъ, но и онъ говорилъ французскому посланнику при Вѣнскомъ дворѣ: „Нельзя вашему правительству насильственно измѣнять законовъ, которыми оно не довольно; единственное средство ему для этого—дѣйствовать съ согласія палатъ; другаго пути Европа не можетъ одобрить; насильственныя мѣры погубятъ династію". Люди, желавшіе предупредить бѣдствіе, искали другаго совѣтника, голосъ котораго внушалъ бы еще больше уваженія французскому королю. Они просили русскаго императора не оставить Карла X своими совѣтами, и покойный государь, Николай Павловичъ, имѣлъ съ французскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, Мортмаромъ, разговоръ, послѣ котораго посланникъ долженъ былъ написать Полиньяку: „Мнѣніе императора таково, что, нарушивъ конституцію, французское правительство подвергнется катастрофѣ. Если король захочетъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, онъ понесетъ за нихъ отвѣтственность, прибавилъ императоръ; Карлъ X долженъ помнить, что союники по парижскому трактату приняли на себя ручательство въ сохраненіи французской конституціи". Черезъ нѣсколько времени болѣзнь принудила Мортмара возвратиться во Францію; графиня

Digitized by Google

Нессельроде далае му письмо къ королю, въ которомъ снова напоминалось, что русскій императоръ рѣшительно не одобряетъ никакихъ мѣръ, противныхъ конституціи.

Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ знали о приготовляемыхъ повелѣніяхъ. Но либералы все еще не хотѣли вѣрить въ ихъ исполненіе. Они такъ были преданы династіи, что отталкивали отъ себя мысль о близости катастрофы. Сами за себя они такъ боялись волненій, что и въ министрахъ предполагали такое же отвращеніе отъ поступковъ, могшихъ вызвать мятежъ въ Парижѣ. Они не только не думали воспользоваться насильственными мѣрами министровъ для возбужденія народа, они даже были увѣрены, что народъ не можетъ быть возбужденъ къ сопротивленію. За два дня до изданія повелѣній, одинъ изъ предводителей либеральной партіи, Одилонъ-Барро, отвѣчалъ говорившимъ о возможности волненій: „Вы вѣрите въ возстаніе! О, Боже мой! Если конституція будетъ низвергнута, васъ поведутъ на эшафотъ, а народъ, сложа руки, станетъ смотрѣть на это". За два дня до катастрофы онъ не вѣрилъ ей и не предчувствовалъ ея послѣдствій.

Вечеромъ того дня, когда были подписаны повелѣнія, герцогъ Орлеанскій, которому они давали престолъ, также еще не хотѣлъ вѣрить ихъ возможности. Ревностный роялистъ Витроль, усердію котораго Бурбоны больше всего были обязаны тѣмъ, что по взятіи Парижа въ 1814 году, союзные монархи вспомнили о нихъ, описывалъ герцогу дурные признаки, замѣченные имъ поутру въ Сенъ-Клу. Министры скрывались отъ него, но онъ предполагалъ что-то очень недоброе. „Но что же они хотятъ сдѣлать? съ безпокойствомъ сказалъ герцогъ Орлеанскій:— вѣдь они не могутъ же обойтись безъ палатъ, не могутъ выйти изъ конституціи".

Совѣты Меттерниха и русскаго императора, просьбы Вильеля и всѣхъ роялистовъ, не раздѣлявшихъ ослѣпленія крайней партіи, были напрасны. 24-го іюля министры собрались для окончательнаго просмотра приготовленныхъ ими повелѣній. Одинъ изъ нихъ, Гернонъ Ранвиль, пытался убѣдить короля и своихъ товарищей отложить на нѣсколько времени эти повелѣнія. Другой министръ, д'Оссе, желалъ по крайней мѣрѣ знать, какими силами будутъ они располагать для усмиренія мятежа. „Имѣете ли вы въ Парижѣ хотя тысячъ тридцать войска?" спросилъ онъ Полиньяка.—Не тридцать, а сорокъ двѣ, отвѣчалъ Полиньякъ, перебрасывая черезъ столъ ему списокъ войскъ. — „Какъ, вскричалъ д'Оссе, я вижу здѣсь только тринадцать тысячъ! Тринадцать тысячъ на бумагѣ — это значитъ, что на битву только можно вывести семь или восемь тысячъ". Но Полиньякъ и большинство министровъ никакъ не предполагали серьезнаго возстанія. Въ амомъ дѣлѣ, либералы и осуждали по своимъ убѣжденіямъ всякую попытку мятежа, и боялись волненій; народу не было никакой разумной выгоды вступаться въ распри между двумя партіями, изъ которыхъ ни одна не была его партіей. Если бы народъ не увлекся надеждою на людей, вовсе не заслуживающихъ этой надежды, Полиньякъ былъ бы правъ. Онъ ошибся только тѣмъ, что не принялъ въ разсчетъ бѣдственнаго положенія народа: отчаяніе вовлекло народъ въ опрометчивость.

24 іюля заготовленныя повелѣнія были разсмотрѣны и одобрены министрами. 25 іюля министры снова собрались въ Сенъ-Клу, гдѣ жилъ король. Они собрались подписать эти повелѣнія. Молча сѣли они вокругъ стола. По правую руку Карла X былъ Дофинъ, его сынъ, по лѣвую руку Полиньякъ. Д'Оссе возобновилъ свои вчерашнія замѣчанія. „Вы отказываетесь подписать?" сказалъ Карлъ X, д'Оссе взялъ перо и подписалъ. Экзальтированная рѣшимость, смѣшанная съ безпокой-

Digitized by Google

ствомъ, выражалась на его лицѣ и лицахъ его товарищей. Одинъ Полиньякъ блисталъ радостью. Карлъ X также весело ходилъ по залѣ. „Что вы такъ смотрите?“ сказалъ онъ, проходя мимо д'Оссе, глаза котораго печально обозрѣвали залу. — „Государь, я смотрѣлъ, нѣтъ ли здѣсь портрета Страффорда“, отвѣчалъ министръ.

26 іюля явились въ „Монитёрѣ“ пять повелѣній. Первымъ изъ нихъ отмѣнялась свобода тисненія; вторымъ распускалась палата депутатовъ; третьимъ измѣнялся законъ о выборахъ; четвертымъ назначались новые выборы въ палату депутатовъ по измѣненному закону; пятое содержало нѣкоторыя частныя распоряженія, вытекавшія изъ втораго.

Либералы и умѣренные роялисты были поражены печалью и ужасомъ. Нѣсколько либеральныхъ членовъ распущенной палаты депутатовъ сошлись къ Казимиру Перье, одному изъ своихъ предводителей. Всѣ были въ какомъ-то оцѣпенѣніи. „Что намъ дѣлать, что намъ дѣлать?“ повторяли они другъ другу. Никто не зналъ, что отвѣчать. Одинъ заикнулся было, что должно протестовать. „Нѣтъ, мы теперь не имѣемъ права протестовать, мы уже лишены званія депутатовъ“, отвѣчали ему. Другіе депутаты собрались у де-Лаборда, туда явился Казимиръ Перье и объявилъ, что по распущеніи палаты они уже не имѣютъ званія депутатовъ, что министры ссылаются на конституцію, опираясь на четырнадцатый параграфъ ея, что стало быть остается одна надежда — на самого короля, который раньше или позже увидитъ ошибочность пути, на который увлекли его. Весь этотъ день прошелъ спокойно. Повидимому, министры торжествовали. Но масса медленна въ своихъ движеніяхъ. На другой день началось въ ней броженіе, котораго не замѣчалось наканунѣ. Черезъ два дня войска были принуждены выступить изъ Парижа, послѣ упорнаго сраженія съ простымъ народомъ.

Мы не станемъ разсказывать ходъ этой битвы: она велась не либералами, и намъ нѣтъ нужды упоминать о фактахъ, не относящихся къ цѣли нашего разсказа. Мы хотѣли только разсматривать интересы и дѣйствія двухъ политическихъ партій, вражда которыхъ составляетъ самую замѣтную сторону политической исторіи Франціи въ эпоху Реставраціи. Только ихъ дѣйствія будутъ занимать насъ и въ іюльскіе дни.

Исторія роялистовъ въ эти дни очень коротка и проста: они вовлекли несчастнаго Карла X въ гибельную борьбу, которая, даже при самомъ счастливомъ исходѣ, не могла бы принести ровно никакой пользы для королевской власти,—вовлекли въ борьбу единственно съ цѣлью возстановленія стариннаго устройства, въ сущности враждебнаго интересамъ престола. Не трудно догадаться, какъ должны были поступать такіе друзья. Пока волненіе только что разъигрывалось, они воображали его ничтожнымъ и чрезвычайно радовались ему: теперь-то будетъ на ихъ улицѣ праздникъ! Одною сѣткою прикроютъ они либераловъ! Они уже сочинили распоряженія объ арестованіи тѣхъ, головами которыхъ особенно интересовались (хотя совершенно напрасно, потому что изъ этихъ головъ большая часть не стоили гроша). Но вотъ, дѣло начало принимать сомнительный оборотъ—что тутъ стали дѣлать роялисты? Ни одинъ, разумѣется, не шевельнулъ пальцемъ для защиты короля, ввергнутаго имъ въ погибель. Хотя бы кто нибудь изъ людей, для пользы которыхъ Карлъ X жертвовалъ собою, взялъ ружье для его защиты—не взялъ ни одинъ. Что уже говорить о рискѣ жизнію за престолъ? Хоть бы одинъ изъ роялистовъ подалъ

Digitized by Google

кусокъ хлѣба, чашку воды несчастнымъ солдатамъ, которые сражались въ душныхъ улицахъ, подъ знойнымъ іюльскимъ солнцемъ, изнемогали отъ голода и жажды, — и этого никто изъ роялистовъ не сдѣлалъ. Тѣ, которые были въ Сенъ-Клу, до послѣдней минуты хлопотали только о томъ, чтобы скрыть отъ короля истинное положеніе дѣлъ. Это имъ удалось превосходно: до той минуты, когда измученныя, разбитыя войска, отступая изъ Парижа, пришли въ Сенъ-Клу, Карлъ X былъ увѣренъ, что мятежъ подавляется, что вотъ-вотъ, черезъ часъ, черезъ полчаса явится къ нему депутація Парижа съ просьбой о пощадѣ раскаявшемуся городу. Эта исторія извѣстна, разсказывать ее нечего. А что же дѣлали тѣ роялисты, которые находились на мѣстѣ возмущенія? Немногіе, честнѣйшіе, покрѣпче заперлись въ свои дома, чтобы даже невзначай какъ нибудь не подвергнуться опасности; другіе, поразсчетливѣе, уже завязывали сношенія съ побѣдителями и, напримѣръ, великій референдарій Семонвиль разъѣзжалъ въ коляскѣ по Парижу, непристойными словами ругая безумцевъ, издавшихъ несчастныя повелѣнія. Это исторія также извѣстная.

Исторія либераловъ также хороша, хотя не такъ коротка. Мы уже видѣли ихъ подвиги 26 іюля. На другой день, когда нѣкоторыя отчаянныя головы начали битву, масса либераловъ перетрусила еще больше. „Плохи дѣла! говорилъ одинъ либеральный мануфактуристъ своимъ друзьямъ:—дать народу оружіе—онъ пойдетъ сражаться; не дать — онъ пойдетъ грабить“. Понятія о движеніи народа у либераловъ неотразимо связывались съ понятіемъ грабежа, — такихъ-то людей бѣдный Карлъ X считалъ революціонерами! Но что-то подѣлывалъ, напримѣръ, Лафайетъ, ужасный предводитель республиканцевъ? А вотъ что: по вечеру пришли было къ нему посовѣтоваться нѣсколько воспитанниковъ политехнической школы. Имъ отвѣчали, что Лафайетъ почиваетъ, и будить его нельзя. А что же вообще подѣлывали либеральные депутаты? Они съ похвальною неутомимостью опять-таки собрались у Казимира Перье, доказывать другъ другу, что не имѣютъ никакого права протестовать, а нѣкоторые прибавляли, что надобно написать письмо къ королю—содержаніе письма можно было читать на ихъ лицахъ,—почти всѣ трусили такъ, что даже не старались скрывать своего смятенія. Даже Вильменъ, который не отличался, какъ увидимъ ниже, особенно отважными намѣреніями, говорилъ, оглядывая дрожавшихъ товарищей: „не ожидалъ я найти столькихъ трусовъ въ одной комнатѣ!“ Хозяинъ, Казимиръ Перье, всегда славившійся пылкостью либеральныхъ рѣчей въ палатѣ, дрожалъ чуть ли не больше всѣхъ. У дверей дома, подъ окнами залы, гдѣ совѣщались депутаты, собралось нѣсколько человѣкъ молодежи. На нихъ ринулся отрядъ конницы — напрасно толкались въ запертую дверь безоружные юноши, чтобы укрыться отъ атаки — дверей не велѣли отворять, и несчастные были изрублены подъ глазами депутатовъ,—и дверь не отворилась спасти ихъ. Зато докторъ Тибо, пріятель генерала Жерара (тоже одного изъ предводителей либеральной партіи), явился къ Витролю просить его ѣхать въ Сенъ-Клу, чтобы искать примиренія съ Карломъ X.

Ночью (съ 27 на 28) населеніе Парижа готовится къ битвѣ. Съ ранняго утра начинается она уже въ серьёзныхъ размѣрахъ. Опять являются къ Лафайету воспитанники политехнической школы, которые уже и наканунѣ дрались. Республиканскій вождь проснулся,—теперь они уже не уйдутъ безъ его совѣта: „посовѣтуйте вашимъ товарищамъ держать себя смирно“, говоритъ онъ имъ. Въ

Digitized by Google

12 часовъ утра депутаты опять собрались, на этотъ разъ у Одри де-Пюйраво. одного изъ немногихъ, выказавшихъ мужество въ эти дни. Онъ зналъ, каковы его товарищи, и пригласилъ молодежь собраться на дворѣ своего дома, чтобы уравновѣсить другимъ страхомъ страхъ, внушаемый Полиньякомъ. Могенъ, также отличавшійся мужествомъ, началъ совѣщаніе словами: „Совершается революція, мы должны руководить еюпредлагаю составить временное правительство, требую, чтобы оно было учреждено немедленно“.—„Временное правительство? восклицаютъ въ ужасѣ Себастіани, Шарль Дюпенъ, Казимиръ Перье:—что вы? да вѣдь это значило бы нарушать законный порядокъ! Останемся въ предѣлахъ закона!“ Разумѣется, предложеніе было отвергнуто. Но возстаніе съ того утра охватило уже весь Парижъ; многія части войска дерутся неохотно, нѣкоторые отряды уже колеблются, готовы присоединиться къ инсургентамъ, другіе отряды отступаютъ изъ улицъ, которыя должны были очистить, успѣхъ инсургентовъ вообще становится вѣроятенъ. Депутаты видѣли это, притомъ же со двора слышны крики революціонеровъ. Мужество депутатовъ подъ этими вліяніями возвышается до того. что Гизо читаетъ сочиненную имъ протестацію депутатовъ,—вчера депутаты отвергали мысль о ней, теперь согласились напечатать ее. Зато сколько революціонной отваги было въ этой протестаціи! Инсургенты, вчера крачавшіе только: „да здравствуетъ конституція!“ нынѣ уже сражались при крикахъ „долой Бурбоновъ!“ Протестація депутатовъ была наполнена выраженіями ненарушимой вѣрности къ королю. Уваженіе къ законному порядку простиралось до того, что депутаты даже не называли себя депутатами, а только „правильно избранными въ депутаты“: они признавали этимъ силу повелѣнія, распустившаго палату и лишившаго ихъ званія депутатовъ. Они говорили не о волѣ самого Карла X, а только „о совѣтникахъ, обманувшихъ намѣренія монарха“. Еще два дня назадъ журналисты издали протестацію гораздо болѣе твердую и подписались подъ ней. Депутатамъ, не потерявшимъ разсудка отъ робости, совѣстно было сравнить свою прокламацію съ прокламаціею журналистовъ; но они не отважились подвергать преніямъ проэктъ ея, видя, что при всеобщей робости ихъ товарищей, пренія поведутъ только къ ослабленію выраженій, и безъ того уже трусливыхъ. Они поспѣшили убѣдить собраніе поскорѣе принять проэктъ. Но тутъ возникъ вопросъ о томъ, подписывать ли протестацію. Безъ подписей она не имѣла никакого значенія; но большинство депутатовъ не хотѣло рисковать, и протестація была послана въ типографію газеты „Temps“. Издатель газеты принесъ бумагу обратно, говоря, что онъ не хочетъ напечатать безъ подписей такое трусливое объявленіе, за которое всѣ станутъ смѣяться надъ нимъ, если не будутъ знать имена авторовъ. Это было уже въ четыре часа вечера; инсургенты пріобрѣли много новыхъ успѣховъ; мужество депутатовъ возросло до того, что они послѣ многихъ споровъ отважились согласиться на перечисленіе въ заголовкѣ бумаги всѣхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ, безъ различія присутствовавшихъ и неприсутствовавшихъ на совѣщаніи; штука хорошая: вѣдь это были не подписи, а просто исчисленіе именъ, оставлявшее каждому изъ упомянутыхъ лицъ совершенную свободу сказать потомъ, что его имя помѣщено въ спискѣ безъ его согласія и вѣдома. Всѣхъ депутатовъ на совѣщаніи было только сорокъ одинъ; именъ было выставлено шестьдесятъ три. „Вотъ и прекрасно, съ ироніей сказалъ Лафитъ:—въ случаѣ пораженія никто изъ насъ не подписывалъ, а въ случаѣ побѣды подписали всѣ“.

Digitized by Google

Особенной трусостью по прежнему отличались знаменитый Казимиръ Перье и генералы Себастіани и Жераръ. Большинство собиравшихся депутатовъ слѣдовало примѣру ихъ осторожности. Единственное спасеніе себѣ видѣли они въ переговорахъ съ Карломъ X, которые, при посредствѣ доктора Тибо, велъ Витроль. Въ первый разъ Витроль нашелъ Карла X не расположеннымъ слушать никакихъ предложеній. Когда онъ возвратился съ этими извѣстіями къ вечеру, Тибо снова просилъ его ѣхать въ Сенъ-Клу съ новыми просьбами. „Скажите, что съ готовностью исполнятъ все для охраненія королевскаго согласія отъ оттѣнка принужденности, говорилъ Тибо. Если нужно, высшія корпораціи парижскаго управленія, члены кассаціоннаго суда и апелляціоннаго суда отправятся въ Сенъ-Клу въ мундирахъ; такимъ образомъ снисходительность короны не будетъ казаться уступкою необходимости, а только милостивымъ отвѣтомъ на просьбы". Кромѣ Карла X депутаты обращались съ просьбами къ маршалу Мармону, командовавшему войсками въ Парижѣ. Лафитъ, говорившій съ маршаломъ отъ ихъ имени, соблюлъ достоинство. Онъ прямо сказалъ, что если противозаконныя повелѣнія не будутъ отмѣнены, то онъ „отдастъ свою жизнь и состояніе въ распоряженіе парижанъ". Когда предложенія, переданныя черезъ Мармона, были отвергнуты въ Сенъ-Клу, онъ сдержалъ свое слово. Изъ ста человѣкъ либеральныхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ, человѣкъ десять выказали такую же смѣлость; всѣ остальные были безъ памяти отъ ужаса. Уже предвидѣлось, что завтра ни одного солдата не останется въ Парижѣ. Уже предвидѣлось, что инсургенты провозгласятъ завтра низверженіе Бурбоновъ; но Казимиръ Перье, вѣрнѣйшій представитель большинства либераловъ, все еще повторялъ: „Бурбоны— лучшее правительство для Франціи, лишь бы только они отказались отъ ультрароялистовъ". Два раза собирались депутаты этимъ днемъ, въ двѣнадцать часовъ и въ четыре часа; въ десять часовъ вечера было назначено третье собраніе. Инсургенты пріобрѣли много новыхъ успѣховъ: кромѣ дворцовъ Тьюлерійскаго и Луврскаго и парижской ратуши, почти уже весь городъ былъ въ ихъ власти; войска были изнурены, отступали со всѣхъ позицій, упали духомъ; переговоры съ Сенъ-Клу и съ Мармономъ не привели ни къ чему; ходъ событій требовалъ наконецъ со стороны депутатовъ мѣръ болѣе рѣшительныхъ. Они чувствовали, что совѣщаніе, назначенное въ десять часовъ, не можетъ кончиться одними словами, и что же они сдѣлали? На прежнихъ собраніяхъ изъ ста или больше человѣкъ присутствовало до сорока. Въ десять часовъ явились въ назначенное мѣсто едва десять человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ семь выказывали мужество; другіе трое или четверо явились будто бы только затѣмъ, чтобы показать, каково должно быть состояніе духа у остальныхъ, не отважившихся явиться. Лафайетъ, Лафитъ, Одри де-Пюйраво, де-Лабордъ объявили, что надобно наконецъ прекратить безпорядочное кровопролитіе, и что они рѣшились на завтра руководить движеніями инсургентовъ. Гизо сидѣлъ молча и неподвижно. Себастіани съ волненіемъ объявилъ, что не можетъ присутствовать при такихъ совѣщаніяхъ и, обратившись къ другому депутату, Мешену, сказалъ: „уйдемте". Оба ушли. И остальные разошлись, не рѣшившись ни на что, назначивъ только новое совѣщаніе въ шесть часовъ утра на другой день. При выходѣ Лафайетъ былъ встрѣченъ восклицаніями собравшейся толпы. Когда онъ садился въ карету, одинъ изъ инсургентовъ подошелъ къ нему и сказалъ: „генералъ, я буду говорить отъ вашего имени; я скажу, что

Digitized by Google

вы приняли начальство надъ національной гвардіей". (Замѣтимъ, что національная гвардія, въ случаѣ волненій, собирается для того, чтобы быть посредницей между войсками и инсургентами; такимъ образомъ командованіе ею имѣло бы характеръ не мятежа, а примиренія). „Что вы хотите дѣлать, закричалъ пріятель Лафайета, Карбонель: вы хотите, чтобы генерала разстрѣляли?"

Поутру въ шесть часовъ (29 іюля) явилось въ назначенное мѣсто (въ домъ Лафита) такъ же мало депутатовъ, какъ вечеромъ наканунѣ. Огромное большинство все еще не вѣрило близости побѣды. Ночью инсургенты заняли градскую ратушу: войска, кромѣ двухъ-трехъ казармъ, оставались только во дворцахъ. Но перепуганнымъ либераламъ отступленіе солдатъ казалось ихъ сосредоточеніемъ съ какими-то страшными цѣлями. Многіе уже думали только о средствахъ оправдаться передъ Полиньякомъ. Въ девять часовъ явились къ Лафиту еще не болѣе десяти человѣкъ. Но инсургенты противъ ожиданія либераловъ сохраняли всѣ свои позиціи, съ успѣхомъ нападали на войска; Мармонъ, вчера отвергавшій просьбу депутатовъ о перемиріи, теперь уже самъ предлагалъ его. Понемногу депутаты ободрялись, и къ двѣнадцати часамъ собралось ихъ уже около 30 человѣкъ. Лафитъ открылъ засѣданіе изложеніемъ необходимости принять дѣятельное участіе въ событіяхъ, Лафайетъ наконецъ объявилъ готовность взять начальство надъ національной гвардіей. Въ эту минуту приходитъ извѣстіе, что Луврскій дворецъ занятъ инсургентами. До сихъ поръ депутаты слушали Лафита и Лафайета съ унылымъ молчаніемъ, теперь у нихъ развязывается языкъ, Гизо одобряетъ намѣреніе Лафайета. Но предложеніе Могена составить временное правительство все-таки отвергуто; по предложенію Гизо, депутаты рѣшаютъ составить только муниципальную коммиссію для управленія Парижемъ въ отсутствіе правильныхъ властей: такимъ образомъ, они еще остаются, по своему любимому выраженію, „въ границахъ законности". Большинство все еще трепещетъ отвѣтственности передъ Бурбонами. Но вотъ раздается шумъ у дверей залы: сержантъ Ришмонъ проситъ, чтобы его впустили; прислуга не соглашается: какъ можно войти солдату въ салонъ къ важнымъ сановникамъ? Онъ грозитъ лакеямъ эфесомъ своей сабли и входитъ въ залъ. Офицеры и солдаты 53 линейнаго полка прислали его объявить, что полкъ переходитъ на сторону народа. Депутаты посылаютъ за полкомъ; дворъ Лафитова дома наполняется солдатами. Депутаты въ восторгѣ. Вдругъ раздается залпъ. Невыразимое смятеніе овладѣваетъ ими. Всѣ лица блѣднѣютъ. „Намъ измѣнили, насъ идутъ арестовать! Это королевская гвардія гонитъ инсургентовъ". Всѣ бросаются бѣжать. Въ залѣ, на лѣстницѣ страшная толкотня; многіе депутаты вылѣзаютъ въ окна, чтобы спрятаться въ саду; двоихъ нашли потомъ спрятавшимися въ конюшнѣ. Вмигъ Лафитъ остается въ залѣ одинъ съ своимъ племянникомъ; что же такое случилось? Солдаты 6 линейнаго полка послѣдовали примѣру 53-го и, переходя на сторону народа, выпустили на воздухъ свои заряды. Много времени прошло, пока депутаты оправились отъ страха и собрались вновь; а между тѣмъ одно за другимъ приходили извѣстія о взятіи Тюильри, объ отступленіи королевскихъ войскъ къ Булоньскому лѣсу, о совершенномъ очищеніи Парижа отъ войскъ. Когда депутаты успокоились и воротились въ залу, битва была уже совершенно кончена. Тогда и Казимиръ Перье, снова сдѣлавшійся героемъ, какимъ являлся въ старину на преніяхъ палаты, принялъ назначеніе быть членомъ муниципальной коммиссіи.

Digitized by Google

Въ числѣ депутатовъ, разбѣжавшихся отъ Лафита, уже не было пяти или шести человѣкъ, имѣвшихъ дѣйствительное мужество. Одри де-Пюйраво ушелъ провожать Лафайета въ парижскую ратушу; трое или четверо другихъ съ утра того дня управляли инсургентами. Но и они взялись за дѣло тогда, когда побѣда уже была рѣшена. Быть можетъ, сами по себѣ они рѣшились бы на участіе въ сопротивленіи раньше, но робкіе товарищи господствовали и надъ ними.

Лафайетъ и муниципальная коммиссія явились въ парижскую ратушу уже по окончаніи борьбы. Какъ выигралась побѣда, это ни мало не зависѣло отъ нихъ. Но управлять побѣдоноснымъ дѣломъ они были не прочь. Впрочемъ и въ этомъ занятіи они оказались совершенно несостоятельными. Власть, которой они ничѣмъ не заслужили, скоро была взята изъ ихъ слабыхъ рукъ людьми еще менѣе раздѣлявшими опасности, но болѣе ловкими въ интригахъ. Замѣтимъ, кстати, еще одну черту: на крыльцѣ парижской ратуши Лафайетъ увидѣлъ молодаго человѣка съ трехъ-цвѣтной кокардой и приказалъ снять ее: какъ видимъ, даже и послѣ совершенной побѣды, въ его умѣ еще не было твердой мысли, что бѣлая кокарда — символъ владычества Бурбоновъ—кончила свое существованіе.

Опасности уже не было; даже въ Сенъ-Клу убѣдились, что дальнѣйшая борьба невозможна. Тогда депутаты начали дѣйствовать смѣлѣе. Они видѣли, что парижскіе инсургенты никакъ не хотятъ покориться Бурбонамъ. Первою мыслію либеральныхъ депутатовъ было искать другихъ путей къ скорѣйшему возстановленію монархической власти. Депутація за депутаціей отправлялась отъ нихъ на дачу герцога Орлеанскаго съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя управленіе Франціею и титулъ намѣстника королевства. Изложеніе происковъ, интригъ и хитростей, которыми была достигнута эта цѣль, не входитъ въ границы нашего разсказа. Замѣтимъ только, что еслибы дѣло зависѣло отъ большинства либераловъ, Бурбонская династія не перестала бы царствовать во Франціи. Несмотря на ихъ чрезвычайную робость, находились даже и 30 числа между ними люди, протестовавшіе въ пользу Бурбоновъ противъ герцога Орлеанскаго. Въ собраніи депутатовъ, составившемъ формальное приглашеніе герцогу явиться въ Парижъ для управленія Франціею, Вильменъ говорилъ: „Вы не имѣете права располагать короною“. Только твердость Лафита, искренно преданнаго Луи-Филиппу, удержала депутатовъ отъ новыхъ попытокъ для возстановленія Бурбоновъ.

Таковы-то были люди, которыхъ Бурбоны считали готовыми къ мятежу. Не только приготовить мятежъ, или управлять имъ, но и принять участіе въ немъ никто изъ нихъ не рѣшился. Онъ также ужаснулъ либераловъ, какъ и роялистовъ. Обѣ партіи одинаково не умѣли даже предвидѣть его. Насколько позволила имъ робость, либералы въ продолженіе волненій дѣлали все, чтобы предохранить династію отъ паденія. Они дѣлали ей постоянныя предложенія примириться съ Парижемъ. Когда же инсургенты противъ воли либераловъ низвергли династію, они поспѣшили возстановить монархію при помощи единственнаго принца, пользовавшагося популярностью. Они такъ спѣшили этимъ дѣломъ, что передали ему власть безъ всякихъ условій, и герцогъ Орлеанскій вступилъ на престолъ съ тѣми же самими правами, какими пользовались Бурбоны. Послѣ іюльскихъ дней роялисты лишились всякаго вліянія на правительство, перешедшее исключительно въ руки либераловъ; но, сравнивая власть Луи-Филиппа съ властью Людовика XVIII, мы

Digitized by Google

не замѣтимъ никакого уменьшенія въ ней отъ побѣды либераловъ. Правда и то, что не либералы одержали эту побѣду: они только присвоили ее себѣ.

Либеральные историки могутъ находить чрезвычайный прогрессъ въ Орлеанскомъ правительствѣ сравнительно съ Реставраціею. Нѣкоторыхъ перемѣнъ во многихъ частностяхъ и даже въ общемъ духѣ управленія нельзя не признать. Іезуиты утратили прежнюю силу надъ правительствомъ; газеты, хотя и не могли назвать себя совершенно независимыми отъ произвола, какъ въ Англіи, все-таки сдѣлались нѣсколько самостоятельнѣе; судебное сословіе также пріобрѣло нѣсколько большую независимость отъ произвола министровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣсколько больше прежняго стало подчиняться общественному мнѣнію; оттого правосудіе улучшилось; избирательный цензъ былъ значительно пониженъ. Такихъ частностей можно набрать много. Но главная перемѣна состояла въ томъ, что опасность, грозившая новому гражданскому устройству при Бурбонахъ, теперь миновалась. Впрочемъ, цѣна этого выигрыша значительно понижается тѣмъ, что и при Бурбонахъ опасность ограничивалась только словами; на самомъ же дѣлѣ самые безразсудные ультра-роялисты и даже самъ Полиньякъ не отваживались предпринять ничего существенно важнаго къ возстановленію средневѣковыхъ злоупотребленій. Они мечтали о старинномъ порядкѣ, кричали о немъ, но едва задумывали начать что нибудь важное для исполненія своихъ плановъ, какъ уже отступали передъ дѣйствительностію. Съ 20-го года феодальная партія управляла государствомъ безпрекословно. Чтожъ особеннаго осмѣлилась она сдѣлать для осуществленія своихъ теорій? Она составила законъ о майоратствахъ, но такой робкій законъ, который могъ только раздражать своею несовременностью, а никакъ не измѣнить гражданскихъ отношеній на самомъ дѣлѣ, да и отъ того она отказалась при первой неудачѣ. Важнѣе была выдача вознагражденія эмигрантамъ. Но какъ ни кричали нѣкоторые ораторы о политическомъ значеніи этой мѣры, въ сущности она осталась не болѣе, какъ выдачею пособія членамъ и кліентамъ придворнаго круга. Безспорно, роялисты враждовали противъ новаго гражданскаго устройства; но оно укоренилось уже такъ прочно, что измѣнить его не было возможности, и вражда оставалась безсильна. Во всякомъ случаѣ, разумѣется, имѣла нѣкоторую важность перемѣна, уничтожившая даже угрозы на словахъ тому, что не было никогда въ опасности на дѣлѣ. Хотя очень мало, но все-таки нѣсколько выигралъ новый гражданскій порядокъ черезъ замѣненіе Карла X, Полиньяка и Шатобріана Луи-Филиппомъ, Гизо и Казимиромъ Перье.

Мы не напрасно кончили исчисленіе выгодъ новой системы сопоставленіемъ собственныхъ именъ: въ перемѣнѣ фамилій состояла существеннѣйшая часть переворота. Въ эпоху Реставраціи правительственная власть находилась въ рукахъ старинныхъ феодальныхъ фамилій; при Орлеанской династіи управляли Франціею люди средняго сословія. И прежде управленіе велось въ интересахъ средняго класса: вести его иначе не было физической возможности; но все-таки кое-что успѣвали сдѣлать потомки феодаловъ и для своего сословія. Теперь средній классъ былъ избавленъ отъ этихъ мелочныхъ непріятностей. Самъ управляя всѣми дѣлами, онъ могъ, разумѣется, лучше соблюдать свои интересы, нежели соблюдались они людьми другаго сословія, хотя и не бывшими въ состояніи нарушить выгодъ средняго сословія ни въ чемъ существенно важномъ, но все-таки старавшимися по возможности вредить ему въ пустякахъ.

Digitized by Google

Выигрышъ государства былъ хотя и не великъ, но все-таки несомнѣненъ: оно избавилось отъ опасеній, правда, лишенныхъ фактическаго основанія, но тѣмъ не менѣе тревожившихъ его. Выигрышъ средняго сословія былъ довольно великъ. Королевская власть ничего не проиграла отъ іюльскаго переворота. Что же выигралъ простой народъ, силою котораго среднее сословіе освободилось отъ своихъ противниковъ? Простой народъ сражался безъ всякихъ опредѣленныхъ собственныхъ требованій; онъ увлекся тяжестью своего положенія къ участію въ вопросахъ, чуждыхъ его интересамъ; онъ не озаботился продать свое содѣйствіе, не выторговалъ себѣ никакихъ условій прежде, чѣмъ примкнуть къ той или другой сторонѣ. Разумѣется, онъ не получилъ ничего.

Напрасная борьба династіи противъ новыхъ интересовъ, нимало не враждебныхъ выгодамъ королевской власти; напрасный союзъ ея съ партіею, отъ торжества которой не могла она желать никакой пользы для себя, противъ партіи, искренно желавшей союза съ династіею, выгоднаго для династіи; оставленіе народа беззащитнымъ и безнадежнымъ вслѣдствіе противоестественнаго союза династіи съ феодалами; увлеченіе народа отчаяніемъ къ возстанію, — гибель династіи безъ пользы для народа, — вотъ въ короткихъ словахъ исторія Реставраціи. Реакціонеры понесли наказаніе, котораго заслуживалъ ихъ эгоизмъ; но грустно то, что династія ради удовольствія этихъ бездушныхъ эгоистовъ готовила себѣ не нужную погибель.

Digitized by Google

ТЮРГО.

Его ученая и административная дѣятельность, или начало преобразованій во Франціи XVIII вѣка. Сочиненіе *С. Муравьева*. Москва. 1858 года.

Г. Муравьевъ довольно исключительно держался началъ системы, съ которою мы никогда не соглашались. Знаменитый принципъ Гурне laissez faire, laissez passer, принимаемый за основаніе не только теоріи, но и практики многочисленною школою французскихъ экономистовъ, чуть ли не кажется и ему не только временною потребностью исторіи, развивающейся рѣзкими переходами изъ одной односторонней крайности въ другую, но и вѣчнымъ идеаломъ экономическаго устройства; идеаломъ, держаться котораго будетъ не только возможно когда нибудь по истеченіи столѣтій, по развитіи механическихъ средствъ до того, что отъ безмѣрнаго производства вещи потеряютъ свою мѣновую цѣнность, въ томъ родѣ, какъ нынѣ воздухъ не имѣетъ ея; но котораго можно исключительно держаться и въ настоящее время, когда владычествуетъ золото, торговля, конкурренція, привилегіи и монополіи всякаго рода, когда существуетъ антагонизмъ между излишкомъ у однихъ и нуждою у другихъ. Читатель знаетъ, что мы не раздѣляемъ такого убѣжденія, и если бы мы непремѣнно обязаны были выставлять въ книгѣ г. Муравьева всѣ тѣ мѣста, съ которыми мы несогласны, и объяснять причины, по которымъ находимъ ихъ несовсѣмъ справедливыми, мы должны были бы переписать чуть ли не половину страницъ его труда съ прибавленіемъ замѣчаній, на которыя потребовалось бы вдвое больше страницъ. Но мы не хотимъ дѣлать этого; мы лучше хотимъ просто сказать, что книга г. Муравьева, какъ трудъ одного изъ послѣдователей школы Сэ, подлежитъ всѣмъ тѣмъ возраженіямъ и заслуживаетъ съ другой стороны многихъ изъ тѣхъ похвалъ, которыя примѣняются вообще ко всей школѣ. Этимъ отзывомъ мы ограничимъ сужденіе объ общихъ идеяхъ книги; изложеніе книги мы должны похвалить: у г. Муравьева незамѣтно пустыхъ, самолюбивыхъ претензій, которыми такъ легко щеголять; онъ скромно и внимательно воспользовался матерьялами, какіе могъ имѣть; для человѣка, знакомаго съ французскою литературою политической экономіи, эти матерьялы покажутся очень обыкновенными, но для массы публики Collection des économistes и тому подобные сборники и сочиненія не служатъ настольными книгами; потому въ русской литературѣ трудъ г. Муравьева далеко не безполенъ. Онъ собралъ много фактовъ, разсказалъ ихъ довольно ясно,—будемъ ему благодарны.

Этимъ ограничится нашъ разборъ труда г. Муравьева. Но мы хотимъ, вовсе

Digitized by Google

не споря съ авторомъ, изложить о предметѣ его сочиненія мнѣніе, которое считаемъ подходящимъ къ истинѣ ближе, нежели взглядъ школы Сэ.

Мѣсто не позволяетъ намъ изслѣдовать, по примѣру г. Муравьева, теорію меркантилистовъ; мы сосредоточимъ наше вниманіе исключительно на теоріи физіократовъ и на дѣятельности самого Тюрго, какъ ни хотѣлось бы намъ показать, что напрасно такъ презрительно отзывается о меркантилистахъ школа Сэ, когда сама еще по уши сидитъ въ меркантилизмѣ.

Прежде всего мы хотимъ показать, какъ смотрятъ на Тюрго и физіократовъ экономисты школы, повидимому забываемой г. Муравьевымъ. Съ этой цѣлью мы отказываемся отъ претензіи на оригинальность, и читатель, вѣроятно, не подосадуетъ на насъ за то, что вмѣсто очерка, какой могли бы представить мы сами, онъ прочтетъ очеркъ гораздо краснорѣчивѣйшій.

Надъ комнатами г-жи де-Помпадуръ въ Версалѣ были темныя антресоли; тамъ жилъ докторъ фаворитки, Франсуа Кене, человѣкъ ученый и умный, проводившій свою жизнь въ размышленіяхъ о земледѣліи, въ исчисленіи его произведеній и стремившійся основать на этихъ исчисленіяхъ новую науку. Подъ ногами его переплетались политическія и любовныя интриги, а въ его тѣсной квартирѣ собирались за столомъ философы того времени, Дидро, д'Аламберъ, Эльвесіусъ, Бюффонъ; собирались друзья, скоро ставшіе его учениками, и въ числѣ ихъ человѣкъ, который въ свою очередь сталъ учителемъ,—Тюрго.

Кене выросъ въ деревнѣ, онъ внимательно анализировалъ то, что видѣлъ вокругъ себя, и сохранилъ отъ деревенской жизни воспоминанія, придававшія его бесѣдамъ грацію и колоритъ, которыхъ не находимъ въ его сочиненіяхъ. Авторитетность его рѣчи, его опытность, оплодотворенная размышленіемъ, новость его взглядовъ или, скорѣе, его опредѣленій, систематичность его ума,—все это дало ему прозелитовъ, которыхъ его скромность превратила въ почтительныхъ поклонниковъ. Скоро вокругъ его кресла составилась школа, наполнившая шумомъ и жизнью вторую половину XVIII вѣка. Предвидя адептовъ въ своихъ посѣтителяхъ, онъ то бесѣдовалъ съ однимъ, съ другимъ изъ нихъ наединѣ, то, собирая ихъ вмѣстѣ, излагалъ имъ съ обворожительною серьёзностью теоріи, которыя потомъ имѣли неизмѣримое вліяніе на ходъ событій и сущность которыхъ такова:

Человѣкъ живетъ матерьяльными продуктами. Откуда онъ получаетъ ихъ? Изъ земли. Итакъ существенный характеръ богатства—его матерьяльность, а истинный источникъ его—земля.

Но что нужно, чтобы земля служила человѣку?

Во-первыхъ, нужна годность поля для обработки, нужны строенія для земледѣльца, конюшни для лошадей, магазины для сельскихъ продуктовъ. Это называется поземельными затратами.

Что нужно еще? Нуженъ скотъ, нужны плуги, разныя земледѣльческія орудія, нужны сѣмена. Это называется первоначальными затратами.

Но это еще не все. Нужны также расходы на множество разныхъ работъ, на засѣвъ, на обработку земли, на сборъ жатвы; нужны также расходы на содержаніе земледѣльческихъ работниковъ, на прокормленіе домашнихъ животныхъ. Это называется ежегодными затратами.

Изъ этихъ трехъ родовъ затратъ, равно производительныхъ, потому что ихъ общее содѣйствіе пораждаетъ жатву, поземельныя затраты дѣлаются собственни-

Digitized by Google

комъ; первоначальныя и ежегодныя затраты дѣлаются человѣкомъ, обрабатывающимъ землю.

Теперь предположимъ, что жатва собрана; расходы, сдѣланные вами для того, чтобы получить этотъ сборъ, нужно будетъ снова дѣлать вамъ, чтобы получить новый сборъ; такимъ образомъ на сѣмена, на кормъ для скота, на плату рабочимъ вамъ понадобится сумма, по крайней мѣрѣ, равная той, какая была нужна въ прошедшемъ году. Къ этой суммѣ надо прибавить другую, назначенную на исправленіе повредившагося плуга или на возобновленіе другихъ орудій, испортившихся отъ долгой службы, или на пріобрѣтеніе новой лошади, ставшей неспособной къ работѣ. Такимъ образомъ изъ настоящей жатвы надобно для полученія слѣдующей жатвы вычесть: 1) всю сумму ежегодныхъ затратъ, 2) сумму на ремонтъ первоначальныхъ затратъ. Это вычеты, остающіеся въ рукахъ у воздѣлывающаго землю.

Остатокъ есть процентъ на поземельныя затраты, это доходъ собственника или поземельный доходъ.

Налогъ не можетъ касаться вычетовъ, остающихся у воздѣлывателя, иначе нанесется смертельный ударъ будущей жатвѣ, потому что отъ уменьшенія издержекъ, которыхъ требуетъ обработка, пострадаетъ обработка, а излишнее сокращеніе законныхъ выгодъ воздѣлывателя заставитъ его покинуть деревню и обратиться къ городской промышленности. Такимъ образомъ остается истинно свободнымъ, подлежащимъ произвольному распоряженію только одинъ изъ всѣхъ родовъ дохода, даваемыхъ жатвою,—это доходъ собственника или чистый доходъ. Стало быть на немъ долженъ лежать весь налогъ.

Но если чистый доходъ, слишкомъ угнетаемый налогомъ, потеряетъ ту значительность, чтобы заинтересовать собственника въ воздѣлываніи земли, то капиталъ не замедлитъ покинуть земледѣліе. Тогда воздѣланныя поля замѣнятся пустынями и великій источникъ довольства, богатства національной жизни изсякнетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что увеличеніе чистаго дохода должно составлять высшую цѣль правительственныхъ заботъ. Потому правительство безъ боязни можетъ вызывать дороговизну продовольствія. Высокая цѣна хлѣба обогатитъ собственника. Собственникъ, обогащаясь, будетъ привязываться къ землѣ; земля съ улучшеніемъ обработки умножитъ свои дары и при распространеніи изобилія по всей націи посредствомъ обмѣновъ, мануфактурный работникъ, для уплаты за вздорожавшій хлѣбъ, будетъ имѣть повысившуюся заработную плату *).

Таковы были первые выводы Кене; изъ нихъ легко уже предугадать результатъ ученія повидимому столь простаго и безхитростнаго. Какъ! превозносимымъ спасительнымъ средствомъ представлялось повышеніе цѣны на хлѣбъ! дороговизна продукта, котораго бѣднякъ получаетъ и безъ того въ количествѣ, едва достаточномъ для поддержанія жизни. Теорія говорила народу, что если насущный хлѣбъ его вздорожаетъ, то и работа народа черезъ нѣсколько времени повысится въ цѣнѣ: но какова будетъ судьба народа въ теченіе того времени, пока не возстановится равновѣсіе? да и послѣ того, если мы согласимся, что повышеніе цѣны хлѣба вознаградится совершенно равнымъ повышеніемъ заработной платы (а это подлежитъ

*) Очевидно, что распредѣленіе земледѣльческихъ затратъ на три разряда Кене составилъ сообразно системѣ половничества, почти исключительно господствовавшей тогда во Франціи. По этой системѣ владѣлецъ земли давалъ половнику готовыя зданія; потому Кене и причисляетъ ихъ цѣнность къ поземельнымъ затратамъ.

Digitized by Google

еще сильному сомнѣнію),—если и будетъ такъ, какое же вознагражденіе придется несчастному, который, не находя работы, не получаетъ платы? Какое вознагражденіе придется работнику, постигнутому внезапной болѣзнью? Кене забывалъ, что цифры въ его итогахъ представляютъ людей и что есть положенія, въ которыхъ дороговизна хлѣба бываетъ смертнымъ приговоромъ. Потому поднялось сильное неудовольствіе, когда тайна новой школы наконецъ разгласилась. Народъ, по выраженію Гальяни, плохой изслѣдователь причинъ, но великій знатокъ результатовъ, боялся потерять все то, что по идеямъ новой школы должны были выиграть собственники. Онъ не довѣрялъ теоріи, отрицавшей солидарность человѣчества и выдававшей свою основную мысль неблагоразумными, невозвратными словами: одни земледѣльцы составляютъ производительный классъ; остальныя сословія—классъ безплодный.

Дѣйствительно, таковъ былъ необходимый выводъ изъ основной идеи доктора Людовика XV. Объявивъ землю единственнымъ источникомъ богатствъ, онъ былъ принужденъ признать производительнымъ классомъ однихъ земледѣльцевъ. Ремесленникъ, купецъ, докторъ, философъ, ученый, артистъ — всѣ они принадлежатъ къ безплодному классу (classe stérile) *).

Правда, что у Кене и его школы это выраженіе не совсѣмъ соотвѣтствовало настоящей ихъ мысли; они вовсе не отвергали пользы различныхъ занятій, которыя оказывались какъ будто безполезными по ихъ терминологіи; но съ экономической точки зрѣнія они считали эти занятія имѣющими только второстепенную полезность. Одинъ изъ нихъ, быть можетъ превосходившій всѣхъ другихъ блескомъ ума, Бодо, писалъ къ госпожѣ ***, излагая основныя мысли своей школы: „Садясь за простой завтракъ, вы видите вокругъ себя собраніе произведеній всѣхъ климатовъ и обоихъ полушарій. Эти чашки и этотъ подносъ сдѣланы въ Китаѣ; этотъ кофе родился въ Аравіи; сахаръ, который вы кладете въ него, воздѣланъ въ Америкѣ; металлъ вашего кофейника происходитъ изъ Потози. Этотъ ленъ, привезенный изъ Риги, обработанъ голландской промышленностію; наши деревни доставили на вашъ завтракъ только хлѣбъ и сливки“. И показавши, что весь земной шаръ, посредствомъ чудесъ промышленности и торговли, служитъ завтраку его корреспондентки, авторъ называетъ не болѣе какъ пріятными и считаетъ не болѣе какъ достойными приличнаго вознагражденія всѣ эти услуги, для которыхъ надобно было превозмочь тысячи препятствій, презрѣть безчисленными опасностями, съ мужествомъ, съ энергіею, иногда принимавшею ошибочное направленіе, но все-таки могущественною,—надобно было съ торжествомъ переплыть моря и побѣдить природу.

*) Мы не во всемъ согласны съ очеркомъ, которымъ пользуемся. Не всѣ примѣры выбраны здѣсь удачно. Трудъ доктора, дѣйствительно, самый производительный трудъ; предохраняя или возстановляя здоровье, докторъ пріобрѣтаетъ обществу всѣ тѣ силы, которыя погибли бы безъ его заботъ; точно также ученый трудится производительно, когда занимается предметомъ, могущимъ распространить знаніе природы, или содѣйствовать просвѣтлѣнію ума; но есть много наукъ, подобныхъ геральдикѣ, пустыхъ по своему предмету и затемняющихъ умъ своею фальшивостью. Мы не думаемъ, чтобы труды такихъ ученыхъ, какъ Несецкій (авторъ польскаго генеалогическаго гербовника), могли быть названы производительными, а при нынѣшнемъ состояніи наукъ, большинство ученыхъ трудится надъ подобными предметами. Изъ ремесленниковъ, не производителенъ трудъ всѣхъ тѣхъ, которые производятъ предметы роскоши. Къ сожалѣнію, большая часть художниковъ и артистовъ трудятся для искусства въ такомъ направленіи, которое также не можетъ быть названо производительнымъ. Они обыкновенно служатъ только прихотямъ роскоши. Изъ занятій, допускаемыхъ общественною совѣстью, почти каждое при соблюденіи извѣстныхъ условій можетъ быть производительнымъ, то есть служить на пользу людямъ; но должно признаться, что въ настоящее время находится очень много занятій, производимыхъ въ направленіи совершенно праздномъ, или даже прямо убыточномъ обществу. Мѣриломъ тутъ служитъ классификація общественныхъ потребностей.

Digitized by Google

Если мы спросимъ, на чемъ основывалось безотчетное преимущество, отдаваемое Кене и его учениками земледѣльцамъ, вотъ отвѣтъ:

„Ремесленникъ трудясь, философъ размышляя, купецъ перевозя товары, артистъ доставляя намъ наслажденіе, всѣ они требуютъ средствъ къ существованію. Откуда же получаются ими средства существованія, какъ не изъ земли? Такимъ образомъ земля кормитъ тѣхъ, которые не обработываютъ ее, кормитъ излишкомъ, остающимся отъ пропитанія тѣхъ, которые обработываютъ ее. Этимъ чистымъ доходомъ содержатся всѣ труды промышленности, торговли, умственной дѣятельности. Поземельный собственникъ, владѣлецъ чистаго дохода, вотъ истинный раздаватель щедротъ природы, сокровищъ земли, вотъ истинный кассиръ промышленности. Кто, кромѣ хозяина, воздѣлывающаго землю, создающаго чистый доходъ, имѣетъ право на почетный титулъ производителя? Конечно, ремесленникъ увеличиваетъ цѣнность матеріи, которую переработываетъ; но что изъ того, если въ продолженіи своей работы онъ потребляетъ равную цѣнность? Имя производителя заслуживаетъ одинъ тотъ, кто создаетъ не для себя одного, а также и для другихъ. Это хозяинъ, обработывающій землю, потому что онъ извлекаетъ изъ нея, во-первыхъ, свое продовольствіе, и сверхъ того, во-вторыхъ, чистый доходъ, то есть, средства, на которыя содержатся, источникъ, изъ котораго почерпаютъ торговцы, артисты, мануфактуристы, медики, писатели, адвокаты, ученые, словомъ сказать всѣ, которые, не обработывая земли, составляютъ другую дѣятельную часть человѣчества“.

Такимъ образомъ, ученіе Кене, названное физіократіею, правленіемъ природы, раздѣляло общество на три класса: классъ собственниковъ, составлявшій подраздѣленіе производительнаго класса; классъ земледѣльцевъ или въ собственномъ смыслѣ производительный классъ, наконецъ безплодный классъ, заключавшій въ себѣ ремесленниковъ, купцовъ, артистовъ.

Если бы физіократы, по крайней мѣрѣ, почтили именемъ производителя страдальца, изнемогающаго и умирающаго, проводя борозду, на которой созрѣетъ колосъ! Но они боялись бы оскорбить хозяина, нанимающаго работниковъ, еслибы поставили въ одинъ разрядъ съ ними бѣднаго поселянина, имъ нанимаемаго; и въ ихъ глазахъ даже среди сельскаго населенія отличительнымъ признакомъ производительнаго класса былъ не трудъ а расходованіе денегъ *).

Напротивъ, какъ завидна, какъ блистательна была роль, предоставляемая физіократами собственнику! Возведенный ими на первое мѣсто въ производительномъ классѣ, онъ представлялся облеченнымъ высшею общественною должностію и для исполненія этой высокой должности ему надобно было только пользоваться своимъ имуществомъ. Онъ одинъ сидѣлъ за столомъ пиршества, его роль была спокойно потреблять свои доходы, а ремесленники и другіе члены безплоднаго класса приносили къ его столу плоды своей промышленности и своего таланта въ обмѣнъ за остатки его трапезы.

А между тѣмъ, по странному опасенію, собственники были поражены ужасомъ.

---

*) Въ тогдашней Франціи, какъ мы замѣтили въ одномъ изъ прежнихъ примѣчаній, почти все пространство земли обработывалось по системѣ половничества, изрѣдка по системѣ фермерства. Такимъ образомъ огромное большинство сельскаго населенія было исключено изъ участія въ пользованіи чистымъ доходомъ или рентою. И если полученіе поземельной ренты составляетъ признакъ производителя, то, разумѣется, наемные работники или половники не могли назваться производителями въ строгомъ смыслѣ.

Digitized by Google

Кене, какъ мы видѣли, требовалъ, чтобы всѣ налоги были замѣнены однимъ поземельнымъ налогомъ. Собственники увидѣли только эту сторону теоріи, которая до чрезмѣрности преувеличивала ихъ важность, назначала имъ пышную праздность и стремилась замѣнить деревенской аристократіей прежнюю военную аристократію. Собственники не замѣтили, что посредствомъ возвышенія цѣнности хлѣба, Кене хотѣлъ косвеннымъ образомъ собирать съ промышленности то увеличеніе налога, которымъ, повидимому, грозила его система доходамъ собственниковъ.

Но физіократы пользовались при Дворѣ силою, при помощи которой могли смѣло бороться съ противниками. Г-жа Помпадуръ ограждала ихъ учителя своею могущественною дружбой, а Людовикъ XV защищалъ ихъ своею беззаботностію. Когда въ концѣ 1758 года Кене издалъ свою „Экономическую таблицу", первые оттиски сдѣлалъ король своими руками. Скоро Кене пріобрѣлъ пылкихъ и преданныхъ помощниковъ. Ихъ тяжелыя и темныя сочиненія принесли бы впрочемъ довольно мало пользы новому ученію, если бы оно изъ книгъ не перешло въ летучіе листки. Кене одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ общественное мнѣніе, какъ властелина новыхъ временъ. Когда одинъ сановникъ сказалъ при немъ: „государства управляются аллебардою" онъ отвѣчалъ: „а кто управляетъ аллебардою?" Физіократы поняли важность журналовъ и у нихъ явились журналы.

Въ то же время образовалась другая школа. Гурне, столь же страстный поклонникъ торговли, какъ Кене поклонникъ земледѣлія, наблюдалъ явленія, порождаемыя старою системою запрещеній, таможенъ, привиллегій, цеха. Онъ видѣлъ фабриканта, боровшагося съ фабричными регламентами, торговца боровшагося съ пошлинами, работника, порабощеннаго цехами. Сколько законовъ, статутовъ, регламентовъ нужно было тогда знать и пересмотрѣть, чтобы выткать штуку какой нибудь матеріи! Если она не была правильно разбита на куски по три локтя, если она не имѣла указанной длины и ширины, если въ основѣ было больше указаннаго числа нитей, то грозили штрафы и процессы. И что это были за процессы, въ которыхъ фабрикантъ, неумѣвшій читать, былъ судимъ инспекторомъ, неумѣвшимъ ткать! Давно уже народы по преимуществу коммерческіе, англичане, голландцы сбросили эти путы, казавшіяся имъ послѣдними остатками варварства; Гурне, путешествовавшій изъ любознательности, занимавшійся самъ торговлею, видѣвшій отъ Кадикса до Гамбурга всемірную торговлю въ широкихъ размѣрахъ, извлекъ изъ своей долгой опытности нелюбовь къ вмѣшательству власти въ экономическія отношенія. Нужна была формула для начинавшейся эпохи владычества индивидуализма; Гурне нашелъ ее: laissez faire, laissez passer.

Легко угадать точку естественнаго несогласія школы Гурне съ школою физіократовъ. Мыслители, поклонявшіеся промышленности и торговлѣ, могли ли согласиться на признаніе превосходства за земледѣліемъ? Дѣйствительно, въ этомъ вопросѣ они помирились не безъ труда. Но обѣ школы имѣли одну общую тенденцію,—индивидуализмъ; и общимъ девизомъ ихъ стала формула: laissez faire, laissez passer.

Въ самомъ дѣлѣ, глава физіократовъ свою теорію чистаго дохода завершалъ признаніемъ безграничной свободы собственника. Онъ хотѣлъ, чтобы собственникъ, одинъ подвергаясь налогу, могъ по своему капризу возвышать цѣну хлѣба, держать его въ магазинахъ, не пуская въ продажу, вывозить его за границу,

Digitized by Google

словомъ располагать хлѣбомъ какъ угодно, находя единственное ограниченіе своему произволу въ такомъ же правѣ другихъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, два человѣка, вышедшіе изъ различныхъ точекъ, одинъ воспитанный на фермѣ, другой воспитанный въ купеческой конторѣ, прошедши нѣкоторое пространство на полѣ теоріи различными дорогами, вдругъ встрѣтились на перекресткѣ, гдѣ надписью столба было слово: свобода. Важно было бы хорошенько понять это слово. Сколькихъ бѣдстій избѣжали бы народы, еслибы поняли, что нѣтъ свободы тамъ, гдѣ слабый остается безпомощнымъ. Но прежніе стѣснительные регламенты такъ утомили людей, что почти всѣ мыслители безусловно склонялись къ противоположному принципу, къ простому освобожденію индивидуума отъ всякихъ обязательствъ. Собственникъ и купецъ, богачъ и бѣднякъ, каждый предоставлялся теперь самому себѣ. Думали, что каждый лучше всѣхъ другихъ понимаетъ свою выгоду; будущность открывалась этому гордому чувству. Не нужно болѣе ни надсмотрщиковъ, ни сторожей, ни заставъ; не нужно опеки, хоть бы съ нею уничтожалась и защита.

Потому-то обѣ школы слились въ одну, и подъ общимъ именемъ экономистовъ они пошли, соединивъ свои знамена, къ двоякому торжеству средняго сословія въ земледѣліи и торговлѣ.

Тюрго—тотъ человѣкъ XVIII вѣка, въ которомъ соединились обѣ школы: въ его трактатѣ Sur la Formation et la Distributions des richesses выразились всѣ ихъ ученія. Напрасно стали бы мы искать въ этомъ трактатѣ новыхъ взглядовъ, поразительныхъ открытій могущественнаго генія: Тюрго былъ почтительнымъ ученикомъ Кене; если самъ онъ, какъ мы сказали, былъ почтенъ именемъ учителя, онъ обязанъ тѣмъ исключительно уваженію, какое внушалъ его возвышенный характеръ. Но историческую важность его сочиненія пріобрѣтаютъ именно отъ вѣрности, съ какою воспроизведены въ нихъ стремленія, идеи, софизмы цѣлой школы.

Трактатъ объ образованіи и распредѣленіи богатствъ не говоритъ ничего новаго о раздѣленіи общества на три класса, о преимуществѣ земледѣлія, о сущности и происхожденіи чистаго дохода; онъ только повторяетъ мысли, которыя мы уже видѣли у Кене. Потому мы разсмотримъ въ книгѣ Тюрго только отношенія теоріи экономистовъ къ простолюдинамъ.

Вотъ что говоритъ Тюрго: „Простой работникъ, неимѣющій ничего кромѣ своихъ рукъ и своего промысла, получаетъ что нибудь только чрезъ то, когда ему удастся продать другимъ свой трудъ. Онъ продаетъ его дороже или дешевле; но эта цѣна, болѣе или менѣе высокая, зависитъ не отъ него одного: она проистекаетъ изъ условія, заключаемаго имъ съ нанимающимъ его. Наниматель платитъ ему за работу какъ можно дешевле; имѣя выборъ между большимъ числомъ работниковъ, онъ предпочитаетъ того, который работаетъ дешевле. Итакъ работники принуждены понижать цѣну на перебой одни предъ другими. Во всѣхъ отрасляхъ работы должно происходить и происходитъ, что плата работника ограничивается тою цифрою, какая необходима для доставленія ему его пропитанія".

Да, описаніе феномена очень вѣрно съ фактами. Дѣйствительно, такъ происходитъ при владычествѣ индивидуализма, въ обществѣ, гдѣ каждый имѣетъ въ виду только самого себя, на этой аренѣ, гдѣ, влекомые конкурренціею, несчастные пролетаріи принуждены оспаривать другъ у друга работу какъ будто добычу, съ

Digitized by Google

опасностью губить другъ друга. Но развѣ это не безпорядокъ, не несправедливость, не насиліе? Когда съ одной стороны сильный, съ другой слабый, свобода сильнаго развѣ не угнетеніе слабаго? Глубокіе вопросы, ихъ не предлагаетъ себѣ Тюрго! Принципъ, найденный въ наши времена, безчестная и жестокая формула: „чужихъ дѣлъ знать не хочу, въ мои никто не мѣшайся", chacun pour soi, chacun chez soi, эта формула къ сожалѣнію была принимаема Тюрго; а разъ допустивъ принципъ, какъ остановить выводъ, если выводъ изъ него гибеленъ? „Такъ должно происходить". Да, конечно „должно происходить", что доля работника уменьшается до границъ необходимаго для его существованія, когда мы возьмемъ за точку отправленія право индивидуальности; но такъ ли было бы при системѣ взаимнаго обезпеченія?

Тюрго превосходно доказываетъ, что трудъ рабовъ мало производителенъ, потому что работникъ не достаточно заинтересованъ въ успѣхѣ труда: но онъ позабываетъ это соображеніе, когда рѣчь идетъ о трудѣ работника, свободнаго по имени, на фактѣ раба нищеты. Тюрго не возмущается очевидною и несправедливою неравномѣрностью въ страданіяхъ и выгодахъ при слѣпой диктатурѣ системы laissez faire,—онъ видитъ въ этомъ натуральный порядокъ; онъ описываетъ фактъ и боится судить о немъ.

Чрезвычайно живымъ и проницательнымъ образомъ Тюрго перечисляетъ услуги капитала въ промышленности и показываетъ ихъ важность; но подобно всей школѣ, представителемъ которой онъ является, Тюрго совершенно произвольно и фальшиво смѣшиваетъ капиталъ съ капиталистомъ, изъ необходимости капитала выводя законность владычества капиталиста. И кромѣ того, развѣ трудъ не такъ же необходимъ, какъ и капиталъ? И если капиталъ есть богатство прошедшаго, развѣ не трудъ извлечетъ изъ него богатство будущаго? И когда вамъ говорятъ, что заработная плата должна ограничиваться необходимо-нужнымъ для пропитанія, неужели не дастъ на то отвѣта ваше сердце, если не дала голова? Странныя и печальныя увлеченія логики въ ошибочной или неполной системѣ! Тюрго, человѣкъ благородной души, былъ до того увлеченъ своимъ принципомъ, что теоретически оправдывалъ ростовщиковъ. Понятно еще было бы, если бы онъ, провозглашая право заимодавца, основывалъ его на общественной пользѣ; но нѣтъ, это право казалось Тюрго столь безусловнымъ, столь независимымъ отъ всякой идеи общаго блага, что онъ не хотѣлъ даже, чтобы основаніемъ процентовъ поставляли услугу, оказываемую заимодавцемъ должнику [1]); нѣтъ, чтобы заимодавецъ имѣлъ право требовать всего, что хочетъ, довольно было, по мнѣнію Тюрго, что „онъ хозяинъ своихъ денегъ".

Какое сравненіе съ благородными, достойными возвышеннаго генія, прекрасными словами Лоу: „Деньги въ вашихъ рукахъ только затѣмъ, чтобы вы пользовались ими, давали имъ обращеніе, для удовлетворенія вашихъ нуждъ и же-

[1]) Вотъ собственныя слова Тюрго: „Выгода которую можно извлечь изъ денегъ, полученныхъ въ-займы, безъ сомнѣнія бываетъ одною изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ того, что кредиторъ рѣшается занимать съ платежемъ процентовъ; эта выгода одинъ изъ источниковъ легкости, какую находитъ онъ въ уплатѣ процентовъ; но вовсе не она составляетъ источникъ права заимодавца требовать процентовъ; этому праву достаточнымъ основаніемъ служитъ то, что онъ хозяинъ своихъ денегъ, и это право неразлучно связано съ собственностью. Онъ хозяинъ своихъ денегъ, стало-быть воленъ оставить ихъ у себя, нѣтъ ему никакой обязанности давать ихъ въ заемъ; потому, если онъ даетъ ихъ въ заемъ, онъ можетъ поставлять этому займу какое хочетъ условіе".

Digitized by Google

ланій; если вы не хотите сами пользоваться, ваши сограждане должны пользоваться ими; вы не можете лишать себя и другихъ права ими пользоваться, не совершая несправедливости и преступленія предъ государствомъ".

Сравните эти два ученія, и рѣшите, которое лучше.

Не скроемъ: Тюрго въ великолѣпныхъ выраженіяхъ провозгласилъ: „право работать". Безъ сомнѣнія, это будетъ однимъ изъ правъ его на честь въ потомствѣ. Тогда еще не рушилось устройство, въ которомъ осмѣливались объявлять работу феодальною привилегіею сюзерена,—тогда большою заслугою было поставить право работать въ числѣ неотъемлемыхъ правъ человѣка.

Но не станемъ обманывать себя: Тюрго никогда не достигалъ того, чтобы признать за человѣкомъ „право имѣть работу". Онъ хотѣлъ, чтобы бѣднякамъ была предоставлена свобода развивать свои способности, но онъ не допускалъ того, что общество обязано давать имъ средства достигать развитія. Онъ хотѣлъ, чтобы уничтожены были препятствія, могущія возникать отъ вмѣшательства регламентаціи, но онъ не возлагалъ на общество обязанности служить опорою для бѣдныхъ, слабыхъ, непросвѣщенныхъ. Словомъ, онъ допускалъ право искать работы, а не право имѣть ее—различіе существенное, до сихъ поръ еще не вполнѣ понятое.

Такимъ образомъ право, понимаемое экономистами въ абстрактномъ смыслѣ, было не болѣе какъ призракомъ, способнымъ только держать народъ въ мученіи вѣчно обманываемой надежды. Право въ томъ смыслѣ, какъ опредѣляли его экономисты XVIII вѣка, какъ понималъ и провозглашалъ его Тюрго, могло служить только къ замаскированію несправедливостей, которыя должны были возникнуть изъ господства индивидуализма, къ замаскированію варварства, оставлявшаго бѣдняка въ безпомощности.

Мало того, чтобы сказать: „ты имѣешь право"; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этимъ правомъ.

Мы видѣли, какъ ложно и опасно было ученіе экономистовъ XVIII вѣка. Но не будемъ опрометчиво винить ихъ. Они съ слѣпою страстью приняли принципъ индивидуализма потому, что противоположный принципъ, принципъ власти, вызвалъ противъ себя безусловную реакцію, какъ необходимость той эпохи. Когда палка искривлена въ одну сторону, ее можно выпрямить только искрививши въ противную сторону: таковъ законъ общественной жизни. Будемъ уважать его, хотя онъ прискорбенъ; будемъ признательны даже къ ошибавшимся за ихъ ошибку, если она содѣйствовала исправленію другихъ болѣе важныхъ и гибельныхъ ошибокъ. Но только для тѣхъ сохранимъ наше удивленіе, которые, опережая свою эпоху, имѣли славу предусматривать зорю грядущаго дня, имѣли мужество привѣтствовать его приходъ. Возвышать независимый и гордый голосъ, когда противъ васъ шумитъ мнѣніе современнаго общества; бороться съ силою, которая оклевещетъ васъ, на пользу толпы, которая не понимаетъ или не знаетъ васъ; въ самомъ себѣ находить свое ободреніе, свою силу, свою надежду; съ непреклонной душой, съ святою жаждою справедливости идти къ цѣли, не озираясь, идетъ ли за вами толпа, и достигнуть высотъ, только путь къ которымъ можно указать отставшему своему поколѣнію, и кончить жизнь въ горькомъ одиночествѣ своего ума и своего сердца—вотъ что достойно вѣчнаго удивленія, и въ честь тѣхъ, которые были способны къ такому подвигу, должна возжигать свой ѳиміамъ исторія.

Мы изложили ученіе Тюрго. Дѣятельность его была дѣятельностью добраго

Digitized by Google

гражданина и преданнаго общему благу администратора. Будучи правителемъ (интендантомъ) Лимузенской провинціи въ то самое время, когда писалъ свою книгу, онъ заставилъ любить, благословлять себя. Благороднымъ употребленіемъ своихъ доходовъ, онъ облегчалъ участь бѣдняковъ. Онъ пролагалъ дороги. Онъ научилъ народъ благодѣтельному разведенію картофеля. Онъ уничтожилъ въ своемъ интендантствѣ дорожную повинность. Но замѣтимъ, что добро, внушаемое ему чувствами сердца, Тюрго могъ совершать часто не иначе, какъ поступая противоположно своимъ сочиненіямъ. „Онъ боролся съ эгоизмомъ, говоритъ жаркій его панегиристъ, Деръ, въ біографіи, приложенной къ его сочиненіямъ въ „Collection des économistes“ Гильомена, — онъ энергически боролся съ эгоизмомъ, иногда прибѣгая даже къ понудительнымъ мѣрамъ“,—но вѣдь это значило переступать узкіе принципы, на которыхъ самъ онъ основывалъ право заимодавца. Онъ устроилъ во время голода „благотворительныя мастерскія“ (ateliers de charité)— развѣ это не было вступленіемъ въ систему вмѣшательства государства въ промышленныя отношенія? Въ началѣ инструкціи благотворительнымъ комитетамъ, которые завѣдывали этими мастерскими, онъ написалъ трогательныя, дивныя слова: „Облегченіе бѣдствій страдальцевъ—общая обязанность, общій долгъ“,— развѣ это не значило осуждать теорію конкурренціи, предающей судьбу бѣдняка произволу случая? Да, Тюрго не всегда былъ вѣренъ своимъ принципамъ: не осуждайте его за то, въ томъ слава его.

Сильна была школа, провозглашавшая въ XVIII вѣкѣ индивидуальное право. Но общественное право также находило себѣ защитниковъ, хотя и оставалось въ разнорѣчіи съ общимъ направленіемъ умовъ. Изъ мыслителей, занимавшихся спеціально-экономическими вопросами, такими защитниками были Мабли, Морельи,— но ихъ усилія измѣнить господствующее направленіе оставались напрасны. Напрасно также шли противъ него Жанъ-Жакъ-Руссо въ „Contrat social“, Эльвесіусъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего „Traité de l'homme“, Дидро въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ своихъ сочиненій. Индивидуализмъ непреоборимо овладѣвалъ обществомъ. Мабли самъ чувствовалъ это, и многія страницы его сочиненій показываютъ, что онъ не скрывалъ отъ себя могущества идей, которыя оспаривалъ. Школа экономистовъ съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе, и пришелъ часъ, когда она достигла правительственной власти.

10 мая 1774 года, Людовикъ XVI вступилъ на престолъ; черезъ три мѣсяца, Вольтеръ писалъ: „Если Людовикъ XVI будетъ продолжать, какъ началъ, перестанутъ говорить о вѣкѣ Людовика XIV. Онъ, кажется, благоразуменъ и твердъ, итакъ, онъ будетъ великимъ и добрымъ государемъ. Счастливы тѣ, кому двадцать лѣтъ, какъ ему, — они долго будутъ наслаждаться счастьемъ его царствованія“.

Но царствованіе это началось ошибкою. Людовикъ XVI, человѣкъ строгой нравственности и серьёзнаго характера, взялъ себѣ первымъ министромъ и руководителемъ стараго развратника, въ которомъ легкомысліе служило только прикрасою систематической испорченности. Скоро, по волѣ графа Морепа, всѣ министры замѣнились новыми. Д'Эгильонъ уступилъ мѣсто Верженну; Мюи сдѣлался военнымъ министромъ; Мопу былъ замѣненъ Мироменилемъ; Тюрго, сначала сдѣланный морскимъ министромъ, скоро получилъ должность генералъ-контролера финансовъ, вмѣсто аббата дю-Терре. Въ лицѣ Тюрго, экономисты достигли власти, и не сомнѣ-

Digitized by Google

вались, что, благодаря энергіи и безстрашію новаго генералъ-контролера, ихъ идеи будутъ наконецъ блистательнымъ образомъ примѣнены къ управленію.

Мы видѣли Тюрго писателемъ и администраторомъ: каковъ онъ будетъ министромъ?

Тюрго имѣлъ прекрасную и внушавшую почтеніе наружность. Воспитанный для духовнаго званія, у котораго похитила его философія, онъ принесъ въ свѣтское общество привычки чистой нравственности; облагораживаемыя его гордостью, онѣ заставляли смиряться легкомысліе другихъ сановниковъ. Еслибы довольно было имѣть обширныя знанія для преобразованія и успокоенія больнаго, волнующагося общества, Тюрго былъ бы достойнѣе всѣхъ руководить реформами въ странѣ, угрожаемой бурными потрясеніями: онъ испыталъ свои умственныя силы во всѣхъ отрасляхъ науки и осмотрѣлъ, такъ сказать, всѣ знанія.

Но уму его недоставало широты, недоставало ему мощнаго далекаго взгляда, который разомъ измѣряетъ всѣ результаты принципа. Отсюда его ошибки и противорѣчія. Безспорно, онъ любилъ народъ,—вѣдь онъ разрушилъ монополію цеховыхъ корпорацій и тираннію дорожной повинности; но что же предложилъ онъ взамѣнъ прежняго угнетенія? Давая человѣку достоинство, онъ дѣлалъ его одинокимъ, его величіе онъ основывалъ на эгоизмѣ, онъ провозглашалъ подъ именемъ конкурренціи войну между интересами, подъ именемъ свободы — оставленіе бѣднаго безпомощнымъ; онъ вводилъ для сильныхъ покровительство системы laissez faire, для бѣдныхъ произволъ случая. Не удивляйтесь, если онъ въ своемъ Лимузенскомъ интендантствѣ показывалъ отеческую заботливость о народѣ; если, провозгласивши въ теоріи законность лихоимства, онъ косвенными путями пытался дѣйствовать противъ его унизительнаго и жестокаго владычества; если онъ силою власти организовалъ вспоможеніе бѣднымъ, проповѣдуя въ своихъ книгахъ поклоненіе индивидуальному праву, — этому идолу, которому принесено было потомъ столько человѣческихъ жертвъ. Тюрго былъ человѣкъ, дѣйствительно желавшій добра,—могъ ли онъ, какъ практическій дѣятель, не опровергать часто своими распоряженіями свои теоретическія ошибки? Самая рѣзкая черта его жизни,—это именно противуположность между прекрасными его дѣйстіями и ложными его понятіями.

Каковы бы ни были его теоретическія недостатки, въ то время можно было противопоставить ему только одного соперника. Неккеру не могли простить презрѣнія къ моднымъ тогдашнимъ мыслителямъ, гордой независимости его ума. Онъ изобличилъ лживость пышныхъ фразъ о свободѣ, которыми усыпляли страданія обманутой массы; онъ понялъ и отважился сказать, что право жить и быть счастливымъ - пустой призракъ для человѣка, не имѣющаго средствъ къ тому; что свобода бѣдняка — только особенный видъ рабства; что всѣ притязанія отдѣльной личности должны имѣть мѣриломъ и ограниченіемъ общее благо, а судьею — государство.

По высотѣ мыслей, Неккеръ былъ безъ всякаго сомнѣнія выше Тюрго.

Но идеи Тюрго чрезвычайно облегчали обязанность правителя. Разрушить ограниченія, и потомъ оставить все частному произволу,—вотъ роль правительства, по теоріи Тюрго. Неккеръ напротивъ возлагалъ на правительство обязанность столь же тяжелую, какъ и высокую. Съ бдительнымъ участіемъ слѣдить за тревожнымъ существованіемъ бѣдняка среди запутанныхъ явленій общественной жизни; заботиться

Digitized by Google

о средствахъ существованія для всѣхъ и объ участіи каждаго въ священной области труда; быть сильнымъ за слабыхъ, прозорливымъ за непросвѣщенныхъ; защищать, если не счастіе, то, покрайней мѣрѣ, кусокъ хлѣба для массы противъ бездушнаго царства конкурренціи и безпорядковъ всеобщаго антагонизма,—вотъ какими обязанностями, вотъ какими заботами, по мнѣнію Неккера, заслуживалась честь управлять государствомъ.

Это значило требовать въ министрѣ такихъ качествъ, какихъ не дала природа самому Неккеру; потому, достигнувъ власти, онъ долженъ былъ пасть подъ бременемъ собственной идеи.

Опираясь на безусловный принципъ, имѣя цѣлью только разрушать, предоставляя результаты разрушенія на проницательность частнаго интереса, Тюрго могъ идти впередъ безъ оглядки. Не могъ имѣть этой свободы Неккеръ, проникнутый желаніемъ все устроить и все предусмотрѣть. Вошедши на высоту власти, онъ почувствовалъ, что его силы, его рѣшимость ниже его идеала, въ немъ явилась робость, что онъ самъ не удовлетворитъ своимъ требованіямъ; онъ сталъ колебаться между стыдомъ быть посредственнымъ или безполезнымъ и между страхомъ излишней смѣлости; онъ явился тѣмъ болѣе нерѣшителенъ и смущенъ, чѣмъ дальновиднѣе былъ его взоръ: нерѣшительность—слабая сторона проницательности.

Тюрго явился выше, Неккеръ ниже своихъ сочиненій въ своей министерской дѣятельности.

Какъ только вступилъ въ управленіе финансами, Тюрго ввелъ въ него ученіе экономистовъ, и 13 сентября 1774 года, эдиктъ Совѣта разрѣшилъ свободную торговлю хлѣбомъ во всемъ королевствѣ. Экономисты были въ восторгѣ. Тогда Неккеръ взялся за перо и написалъ книгу, въ которой есть страницы, равно достойныя государственнаго человѣка и поэта, которая вся отъ начала до конца проникнута серьёзнымъ краснорѣчіемъ и силою сдержаннаго чувства. Вопросъ о хлѣбной торговлѣ онъ взялъ только какъ случай возстать, во имя народныхъ пользъ, противъ системы индивидуализма. Неккеръ восходилъ къ основнымъ началамъ общественнаго устройства и подвергалъ ихъ анализу, равно возвышенному и смѣлому.

Неккеръ не нападалъ на право собственности въ его корнѣ, потому что дорожилъ свободою; но мѣриломъ собственности и свободы онъ постановлялъ общую пользу. Прилагая эти принципы къ вопросу о хлѣбной торговлѣ, онъ выводилъ изъ нихъ слѣдствія прямо противуположныя системѣ экономистовъ. Отдѣльному человѣку, говорящему: „я хочу дѣлать то, что мнѣ угодно“ онъ противупоставлялъ общество, говорящее: „я не хочу, чтобы человѣкъ могъ дѣлать то, что мнѣ вредно“.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что заработная плата приходитъ въ соразмѣрность съ цѣною продуктовъ первой необходимости, физіократы утверждали, что дороговизна съѣстныхъ припасовъ вовсе не противна выгодамъ народа. Неккеръ энергически опровергалъ этотъ опасный софизмъ. Хлѣбъ подымается въ цѣнѣ нынѣ, а черезъ два, черезъ три мѣсяца увеличивается моя заработная плата. Въ ожиданіи этого, неужели мнѣ должно умирать съ голоду?

Въ апрѣлѣ 1775 года Неккеръ явился предъ генералъ-контролеромъ съ просьбою о разрѣшеніи напечатать свою книгу. Ихъ свиданіе имѣло торжественную холодность. На гордость банкира министръ отвѣчалъ холодностію. Неккеръ держалъ въ рукѣ свою рукопись и предлагалъ не издавать ее, если она покажется

Digitized by Google

способною нарушить порядокъ. Тюрго съ презрительнымъ равнодушіемъ отвѣчал, что не видитъ неудобства въ обнародованіи подобныхъ теорій и не боится ничего. Собесѣдники разстались врагами.

При смутахъ, возникшихъ въ Парижѣ по случаю дороговизны хлѣба, Тюрго не сохранилъ спокойствіе государственнаго человѣка; но, по крайней мѣрѣ, он выказалъ твердость убѣжденія. И какъ легко забыть этотъ случай, перечисляя множество услугъ, ознаменовавшихъ, или лучше сказать, обезсмертившихъ управленіе Тюрго! Онъ прекратилъ постыдныя выгоды, дававшіяся придворнымъ откупщиками; отмѣнилъ отвѣтственность богатыхъ членовъ общины за исправность платежа податей всѣми остальными; уничтожилъ множество мѣстныхъ сборовъ и частныхъ привилегій, возвышавшихъ цѣну на съѣстные припасы; освободилъ поселянина отъ обязанности выставлять подводы при походѣ войскъ; заслужил одобреніе всего Парижа, отнявъ у госпиталя Hôtel Dieu привилегію продавать мясо въ продолженіи великаго поста; улучшилъ водяные пути сообщенія; заботился объ усовершенствованіи дорогъ и почтовыхъ сообщеній; разрушилъ феодальныя препятствія свободной торговлѣ винами; содѣйствовалъ учрежденію дисконтной кассы, для пониженія процентовъ; уменьшилъ прежній дефицитъ съ двадцати двухъ милліоновъ до 15, и притомъ единственно помощью экономіи: оживилъ кредитъ честнымъ исполненіемъ обязательствъ, — сдѣлать все это въ двадцать мѣсяцевъ значило сдѣлать больше, нежели самые могущественные и сильные министры дѣлали въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Но опираясь на Мальзебра, которому доставилъ мѣсто въ министерствѣ, Тюрго думалъ нанести старому общественному устройству удары еще болѣе рѣшительные. При тогдашнемъ стремленіи публики къ перемѣнамъ, сильное впечатлѣніе произвела брошюра, написанная подъ его вліяніемъ. Она требовала отмѣненія дорожной повинности; имя автора не было выставлено на ней; предполагали, что написал ее Вольтеръ. Въ лагерѣ привилегированныхъ поднялся вопль печали и страха; предводитель аристократіи, принцъ Конти, негодуетъ; пылкій ораторъ парламента д'Эпремениль, произноситъ грозныя рѣчи: парламентъ запрещаетъ брошюру. Это значило дѣлать вызовъ Тюрго; онъ принялъ бой и 3-го февраля 1776 года парламенту былъ сообщенъ эдиктъ, отмѣнявшій дорожную повинность. Министръ замѣнялъ ее поземельнымъ налогомъ, отъ котораго освобождались земли духовенства, по которому подвергались вмѣстѣ съ землями простолюдиновъ дворянскія помѣстья. Можно вообразить себѣ, каковы были ремонстраціи парламента. „Французскій народъ подлежитъ подушнымъ окладамъ безъ всякаго ограниченія (est taillable et corvéable à volonté), восклицаетъ парламентъ, это основный законъ, котораго не можетъ измѣнять король“. Органъ аристократіи, высокомѣрный принцъ Конти, осмѣлился утверждать, что нельзя замѣнять дорожную повинность никакою другою податью, потому что эта повинность, исключительно лежащая на простомъ народѣ, составляетъ признакъ его различія отъ благородныхъ. Какой скандалъ въ подобномъ сопротивленіи, обезчещенномъ подобными основаніями! Тюрго удвоилъ свою твердость. Онъ побѣдоносно отвѣчалъ въ совѣтѣ на возраженія Мирменилля, восторжествовалъ надъ недоброжелательностію Морепа, увлекъ за собою Людовика XVI и въ королевскомъ засѣданіи 12 марта 1776 года парламентъ былъ принужденъ внести въ свой протоколъ эдиктъ, уничтожавшій дорожную повинность и цѣховыя корпораціи.

Digitized by Google

Черезъ два мѣсяца, окруженный союзомъ яростныхъ враговъ, коварно преданный своими товарищами, лишенный помощи Мальзебра, удалившагося въ изнеможеніи изъ министерства, покинутый графомъ Морепа, оставленный безъ защиты Людовикомъ XVI, Тюрго лишился власти и его противники стали хлопотать о возстановленіи того, что онъ разрушилъ.

— Мы привели этотъ очеркъ, чтобы показать, какъ смотрятъ на физіократовъ и на Тюрго ученые той школы, на мнѣнія которой г. Муравьевъ обратилъ, какъ намъ кажется, слишкомъ мало вниманія, слишкомъ довѣрчиво принимая взглядъ противной школы. Теперь намъ легко обозначить разницу физіократовъ отъ людей, которые воображаютъ себя продолжателями ихъ благородныхъ усилій.

Разница вовсе не въ томъ, что физіократы при младенческомъ состояніи науки принимали начало, односторонность котораго обнаружена Адамомъ Смитомъ, а нынѣшніе поклонники выставленной физіократами формулы laissez faire, laissez passer видятъ ошибочность ихъ мнѣнія о томъ, будто бы только одно земледѣліе источникъ производства. На сторонѣ физіократовъ тутъ дѣйствительно ошибка, но эта ошибка состоитъ скорѣе въ неудачномъ выборѣ терминовъ, еще недостигшихъ нынѣшней опредѣлительности, нежели въ существенномъ смыслѣ понятій, которыя они не умѣли только выразить съ достаточною вѣрностью. Если мы не будемъ придираться къ словамъ, въ неудовлетворительности которыхъ каждое предъидущее поколѣніе легко можетъ быть уличаемо послѣдующимъ, если мы захотимъ вникнуть въ основную мысль физіократовъ и выразить ее тою терминологіею, какую приняли бы они сами, если бы располагали учеными пособіями, находящимися въ рукахъ нынѣшнихъ экономистовъ, ихъ знаменитое ученіе объ исключительной производительности земледѣлія можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ.

Земледѣліе и другіе промыслы, состоящіе въ прямомъ отношеніи къ землѣ, извлекаютъ изъ нея продукты; часть этихъ продуктовъ обращается непосредственнымъ образомъ на поддержаніе человѣческой жизни, другая часть передается для обработки такимъ промысламъ, которые уже не извлекаютъ изъ неорганической природы никакихъ новыхъ массъ вещества, а только видоизмѣняютъ различнымъ образомъ вещество, добытое первыми промыслами. Такимъ образомъ очевидно, что размѣръ этихъ вторыхъ занятій зависитъ отъ величины той части продуктовъ, которая передается имъ первыми промыслами. Изъ этого видно также, что первые промыслы служатъ основаніемъ для вторыхъ. Въ главнѣйшемъ изъ этихъ первыхъ промысловъ, имѣющихъ дѣло непосредственно съ землею, именно въ земледѣліи, надобно замѣтить еще двѣ особенныя черты, отличающія его почти отъ всѣхъ другихъ занятій. Оно производитъ почти исключительно предметы первой необходимости, именно: масса его продуктовъ состоитъ въ средствахъ продовольствія. По своему основному характеру оно чуждо стремленія служить прихотямъ роскоши и моды; напротивъ, очень многія изъ занятій, состоящихъ только въ переработкѣ уже извлеченныхъ изъ земли продуктовъ, обнаруживаютъ стремленіе служить не столько необходимости существованія, сколько простому удовольствію, и вообще наклонны подчиняться прихотямъ моды и роскоши. Эта разница обнаружится, если мы сравнимъ земледѣліе даже съ такими необходимыми производствами, какъ напримѣръ, выдѣлка сукна, или домашней посуды. Другая особенность земледѣлія состоитъ въ доставленіи поземельной ренты, которая характеромъ своимъ отличается отъ выгоды, доставляемой затратою капиталовъ.

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ французскихъ экономистовъ школы Сэ не согласятся съ понятіемъ о поземельной рентѣ въ этомъ изложеніи; но въ Англіи и Германіи никто не будетъ спорить и противъ этого послѣдняго пункта. Что же касается до остальныхъ, они и во Франціи не найдутъ противорѣчія. Такимъ образомъ, если физіократы выражали свои мысли неудовлетворительнымъ для нашего времени образомъ, то существенный смыслъ ихъ идей о классификаціи занятій и особенностяхъ земледѣльческаго производства въ основаніи своемъ былъ справедливъ. Намъ кажется, что распространяться о неудовлетворительности выраженія въ старинныхъ книгахъ и изъ этого выводить различіе нынѣшнихъ теорій отъ старинныхъ ученій значитъ утѣшаться своею способностью дѣлать придирки къ словамъ.

Но если мы не находимъ основательнымъ признавать коренную разницу между физіократами и школою Сэ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ находитъ она свое превосходство надъ физіократами, зато съ другой стороны мы видимъ различіе въ самомъ духѣ этихъ двухъ школъ, въ ихъ отношеніяхъ къ недостаткамъ и потребностямъ двухъ эпохъ, имъ современныхъ. Мы находимъ разницу именно въ томъ самомъ, въ чемъ школа Сэ видитъ свое сходство съ физіократами. Подобно нынѣшнимъ послѣдователямъ школы Сэ, физіократы предоставляли все отдѣльному лицу, думая, что общее благо не требуетъ никакихъ особенныхъ гарантій въ экономической сферѣ. Мы находимъ, что смыслъ этого требованія нынѣ совершенно не тотъ, какой принадлежалъ ему во время Кене и Тюрго. Одно и то же слово можетъ быть представителемъ прогресса или отсталости, смотря по различію временъ. Петръ Великій строилъ парусные корабли; это было великимъ прогрессомъ. Но если бы теперь, когда доказана неудовлетворительность парусныхъ кораблей по сравненію съ пароходными, если бы теперь кто нибудь сталъ твердить намъ: „стройте только парусные корабли“, такой человѣкъ былъ бы представителемъ отсталости, регресса. Сорокъ лѣтъ тому назадъ люди, желавшіе улучшить наши пути сообщенія, говорили о необходимости соединить гавани Чернаго моря съ центромъ Россіи посредствомъ шоссе. Кто сталъ бы нынѣ доказывать превосходство сообщенія Ѳеодосіи съ Москвою посредствомъ шоссе, заслужилъ бы только насмѣшку.

Отношенія одного и того же понятія къ потребностямъ различныхъ временъ измѣняются явленіемъ новыхъ усовершенствованій; есть и другой источникъ перемѣны. Очень часто случается, что опытъ обнаруживаетъ неудовлетворительность средства, которое казалось изъятымъ отъ всякихъ недостатковъ, пока не было приложено къ дѣлу. Это фактъ, у романтическихъ юношей извѣстный подъ именемъ разочарованія. Пока во Франціи не былъ приложенъ къ дѣлу suffrage universel, очень умные люди полагали, что при помощи его французское правительство устроится гораздо лучше, нежели было прежде. На дѣлѣ оказалось противное. Пока не было испытано въ приложеніи къ Франціи англійское государственное устройство, почти всѣ умные французы ожидали отъ него исцѣленія правительственныхъ недостатковъ своего отечества. На дѣлѣ опять оказалось противное. Какъ быть при такомъ разочарованіи? Умные люди говорятъ, что оно принуждаетъ къ изслѣдованіямъ двоякаго рода. Во-первыхъ, надобно подумать, вѣрно ли было наше понятіе о принципѣ, которымъ мы очаровывались, и не надобно ли видоизмѣнить формулу, его выражающую; во-вторыхъ, слѣдуетъ подумать, нѣтъ ли другихъ принциповъ, могущихъ служить ему коррективными средствами. Такъ напримѣръ, умные люди находятъ, что suffrage universel понимался одностороннимъ и узкимъ

Digitized by Google

образомъ, и что какимъ бы образомъ ни понимать его, необходимыми коррективными средствами ему должны служить просвѣщеніе и децентрализація.

Когда явились физіократы, принципъ безотвѣтственной свободы индивидуума не былъ еще испытанъ на дѣлѣ; этотъ принципъ, прямо противоположный средневѣковымъ злоупотребленіямъ, казался совершенно достаточнымъ средствомъ для доставленія человѣчеству счастія, отнимавшагося у людей этими злоупотребленіями. Съ той поры опытъ указалъ многое такое, о чемъ не догадывались физіократы. Открылось, что, кромѣ средневѣковыхъ злоупотребленій, человѣчество можетъ страдать и отъ другихъ бѣдствій, противъ которыхъ безсиленъ принципъ индивидуальной независимости. Открылось также, что эта независимость понимаема была узкимъ образомъ. И вотъ, видна теперь изъ опыта необходимость сочетать съ этимъ принципомъ другіе принципы и понимать его иначе, нежели какъ понимался онъ сто лѣтъ тому назадъ.

Непризнаваніе этихъ потребностей у физіократовъ было просто незнаніемъ, и потому не мѣшало имъ оставаться вполнѣ добросовѣстными: они не принимали въ свою теорію нѣкоторыхъ условій истиннаго экономическаго идеала потому только, что въ тѣ времена опытъ еще не указалъ надобности принимать ихъ необходимыми элементами общей теоріи; словомъ сказать, они просто упускали изъ виду, но не систематически отвергали понятія, которыхъ недоставало ихъ теоріи для полнаго соотвѣтствія съ экономическою истиною. Когда же обстоятельства ярко указывали въ какомъ нибудь данномъ случаѣ на пользу мѣръ, не входившихъ въ отвлеченную ихъ систему, они не колеблясь принимали эти мѣры, потому что главнымъ дѣломъ для нихъ было все-таки желаніе общей пользы, а не пристрастіе къ системѣ. Такъ дѣйствовалъ напримѣръ Тюрго во время голода въ Лимузенской провинціи.

Не то съ нынѣшними поклонниками исключительныхъ правъ индивидуальности. Они держатся своего узкаго взгляда не потому, чтобы не знали фактовъ, противорѣчащихъ прежней системѣ: они обсудили уже эти факты со всѣхъ сторонъ, и рѣшили систематически перетолковывать сообразно съ выгодами своей теоріи или отвергать ихъ. Ихъ ошибки не отъ незнанія, а отъ сознательнаго противорѣчія. Въ нихъ система заглушаетъ чувство истины, и самое стремленіе къ добру рѣшили они принимать не болѣе какъ настолько, насколько оно подходитъ подъ ихъ мѣрку. Это не наивный недосмотръ, это закоснѣлость отсталости.

Оттого одни и тѣ же слова: „безусловная независимость индивидуума“, имѣютъ совершенно различный характеръ у физіократовъ и у школы Сэ. Физіократамъ не мѣшали они вести общество впередъ; нынѣшніе поклонники формулы laissez faire, laissez passer — люди старины, неудовлетворяющіе требованіямъ своего времени. То было время, когда человѣкъ рвался изъ средневѣковыхъ узъ, какъ птица изъ клѣтки. Но теперь птица довольно долго уже летала, куда хотѣла, и чувствуетъ, что если хорошъ безпредѣльный просторъ поднебесья, то много въ немъ грозныхъ опасностей, часто бываютъ непогоды, и что если клѣтка плохое гнѣздо и дѣйствительно было нужно вырваться изъ него, то все же плохо быть вовсе безъ гнѣзда, нельзя не позаботиться объ устройствѣ его и нужно думать о томъ, какъ бы получше устроить его.

Отъ теоріи Тюрго перейдемъ къ практической дѣятельности его, какъ министра. За нее хвалятъ его писатели всѣхъ экономическихъ школъ, но намъ кажется,

Digitized by Google

что при многихъ прекрасныхъ сторонахъ есть въ ней одинъ недостатокъ. Тюрго былъ хорошимъ министромъ, но напрасно былъ онъ министромъ.

Мѣсто генералъ-контролера финансовъ давало, говорятъ, болѣе 150.000 р. сер. дохода, узаконеннаго обычаемъ; при отставкѣ, генералъ-контролеръ получал большую пенсію; по вліянію на внутреннія дѣла, онъ былъ важнѣйшимъ министромъ въ королевствѣ: генералъ-контролеръ завѣдывалъ кромѣ финансовъ многими изъ отраслей, принадлежащихъ нынѣ министерствамъ внутреннихъ дѣл. юстиціи, общественныхъ работъ. Если бы Тюрго, принимая мѣсто контролера, имѣл въ виду почетность его, соединенную съ огромными доходами, онъ не сдѣлалъ бы ошибки. Но онъ руководился совершенно иными побужденіями: онъ хотѣлъ ввести порядокъ въ финансы и мирными преобразованіями предотвратить бѣдствія, которыя уже тогда грозили государству. Разсчитывать на возможность этого значит обольщаться несбыточными мечтами.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя нѣсколько присмотрѣвшись къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, каждый могъ убѣдиться въ невозможности произвести какія нибудь существенныя улучшенія.

Характеръ тогдашней правительственной системы извѣстенъ. Совершенно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Франція XVIII вѣка имѣла такое же правленіе, какъ въ началѣ XVII вѣка. Правленіе прежнее существовало только на словахъ, а вовсе не въ дѣйствительности.

Съ начала XVIII вѣка, во Франціи владычествуетъ подъ именемъ короля камарилла. Она овладѣваетъ всею дворцовою жизнью до такой степени, что потомки Людовика XI не могутъ пріобрѣтать знакомства съ государственными дѣлами. Камарилла стоитъ между ними и дѣлами, скрываетъ все, что можетъ скрыть, показываетъ въ извращенномъ свѣтѣ то, чего не можетъ скрыть. Камарилла не допускаетъ развитія воли, она лишаетъ возможности имѣть прочный и отчетливый образъ мыслей.

Ментенонъ, регентъ, Помпадуръ, Дюбарри, всѣ другія личности, имѣвшія главное вліяніе на дѣла французскаго государства въ теченіе трехъ первыхъ четвертей XVIII вѣка, были олицетвореніями камариллы.

Существовало ли достаточное основаніе предполагать, чтобы съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI измѣнилось это положеніе, чтобы вмѣсто управленія камариллы возвратились времена Людвика XI или Ришльё? Обстоятельства не допускали такого предположенія.

Что-же такое важное измѣнилось въ состояніи государства, въ отношеніяхъ между различными сословіями? Все оставалось по прежнему. Правительство не имѣло внутри никакихъ опасныхъ враговъ, ничто не побуждало его отказаться отъ безпечнаго распоряженія государственными дѣлами по личнымъ удобствамъ и склонностямъ. Правда, вообще дѣла шли дурно, — но они шли дурно уже въ теченіе восьмидесяти или больше лѣтъ. Ни порядка въ администраціи, ни правосудія не было—но чтожъ тутъ важнаго? До правительства это не касалось—оно не встрѣчало сопротивленія своей волѣ; будучи довольнымъ этимъ главнымъ обстоятельствомъ, оно не находило нужды быть недовольнымъ администраціею или судебнымъ устройствомъ. Финансы находились въ разстроенномъ положеніи; ежегодно оказывался дефицитъ—но чтожъ и тутъ важнаго? Камарилла имѣла довольно денегъ, о чемъ же было ей хлопотать, изъ-за какихъ благъ думать о серьезныхъ ре-

Digitized by Google

ремѣнахъ? Государственный долгъ возрасталъ—только и всего; но кому до этого дѣло? Какъ нибудь проценты уплачивались при помощи новыхъ займовъ и новыхъ податей. Каждый смотритъ на вещи съ своей точки зрѣнія. Экономисты могли находить налоги тяжелыми, дефициты опасными, филантропы могли горевать о бѣдственномъ положеніи народа, философы жаловаться на дурную организацію государственнаго механизма; но камариллѣ было очень хорошо, и натурально, она вовсе не желала измѣнять такого порядка или отказываться отъ власти,—уже около вѣка она управляла такимъ образомъ, почему жъ ей не оставаться было по прежнему въ управленіи дѣлами?

Вступивъ на престолъ, Людовикъ XVI пожелалъ имѣть человѣка, на котораго могъ бы полагаться во всемъ. Ему рекомендовали разныхъ лицъ, въ томъ числѣ Машо и Морепа; онъ выбралъ Морепа, говорятъ, потому, что приписалъ ему по ошибкѣ тѣ свѣдѣнія, какія доходили до него о дѣльности Машо. Но вѣрнѣе удовлетвориться другою, несомнѣною причиною предпочтенія,—Морепа былъ рекомендованъ ему теткою, принцессою Аделаидою.

Морепа сдѣлался почти всемогущимъ человѣкомъ въ королевствѣ. Только иногда, изрѣдка, какою нибудь хитростью, супруга короля, Марія Антуанетта успѣвала сдѣлать что нибудь мимо этого министра, въ удовольствіе тѣмъ кавалерамъ и дамамъ, которые казались ей особенно пріятны на балахъ и въ маскарадахъ.

Старикъ Марепа былъ знаменитый эпикуреецъ, селадонъ, шутникъ. О государственныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ очень мало понятія, все дѣлалъ по личнымъ отношеніямъ; словомъ, камарилла могла считать его лучшимъ своимъ представителемъ.

Все шло по старому; были перемѣны въ лицахъ, по вліянію разныхъ интригъ между камариллою, но въ дѣлахъ не было никакой перемѣны,—мы видѣли, что она вовсе и не требовалась.

Но эпикуреецъ Морепа любилъ наслажденія всякаго рода,—вдругъ онъ обольстился мечтою, что пріятно было бы пріобрѣсть апплодисменты отъ парижскаго партера—не думайте, чтобы это было фигуральное выраженіе,—вовсе нѣтъ, понимайте буквально, апплодисменты театральнаго партера, тѣ самые апплодисменты, которыми награждаются пѣвицы и танцовщицы. Какимъ бы способомъ заслужить эти апплодисменты? Не знаемъ, какъ разрѣшилась бы такая задача, если бы не подвернулась тутъ жена Морепа. Старый грѣховодникъ былъ женатъ и, по обычаю многихъ старыхъ грѣховодниковъ, сильно трусилъ жены. Это еще не все. У г-жи Морепа былъ пріятель, Аббатъ Вери. И это не все еще: надобно прибавить, что аббатъ Вери учился въ школѣ вмѣстѣ съ Тюрго. Теперь вы угадываете, читатель, какъ попалъ Тюрго въ министры. Аббатъ Вери сказалъ г-жѣ Морепа, что съ ея стороны будетъ очень мило, если она похлопочетъ за его школьнаго пріятеля, Тюрго; г-жа Морепа сказала мужу, что онъ долженъ дать повышеніе отличнѣйшему человѣку, Тюрго, который ужъ давно интендантомъ. „Тюрго! Да вѣдь это отлично! подумалъ Морепа:—во-первыхъ, жена приказываетъ, а во-вторыхъ, Тюрго пріятель съ модными писателями, а модные писатели—любимцы парижскаго партера. Угождая женѣ, я перебиваю апплодисменты въ свою пользу у Вестриса и m-lle Клеронъ!“ Морепа пошелъ въ кабинетъ короля, и Тюрго пригласили быть министромъ.

Такими-то судьбами иногда дѣлаются на свѣтѣ дѣла, читатель.

Digitized by Google

Не огорчайтесь этимъ, а тѣмъ паче не осуждайте Морепа. Не правда ли, вамъ случалось опредѣлять на вакантное мѣсто въ вашей прислугѣ людей, которыхъ вы до той поры въ глаза не знали, основываясь только на рекомендаціи вашей тетушки или кузины, которую просила похлопотать объ этомъ кандидатѣ ея кухарка или горничная? Вѣдь вы поступали въ такомъ случаѣ ничуть не лучше, нежели Морепа. И что тутъ дурнаго? вѣдь изъ числа лакеевъ, поступавшихъ къ вамъ въ услуженіе такимъ образомъ, попадались очень хорошіе люди. Ну вотъ, точно также и г-ну Морепа попался очень хорошій человѣкъ. Но вы скажете, что нанять камердинера или повара вовсе не то, что назначить генералъ-контролера. Такое замѣчаніе заставляетъ меня предположить въ васъ крайнее незнакомство съ ходомъ дѣлъ на бѣломъ свѣтѣ. Повѣрьте, умственныя и нравственныя качества вашего камердинера гораздо интереснѣе для васъ, нежели были качества генералъ-контролера для Морепа. Вѣдь камердинеръ, если онъ плутъ, украдетъ у васъ жилетъ, если плохо знаетъ свое дѣло, то не вычиститъ вашего сюртука, какъ слѣдуетъ. А какой убытокъ былъ бы г-ну Морепа? Развѣ его деньги кралъ бы генералъ-контролеръ, если бы оказался плутомъ? И развѣ не нашлось бы въ управленіи генералъ-контролера опытныхъ счетчиковъ, которые стали бы составлять за него отличнѣйшія смѣты расходовъ и приходовъ, если бы онъ оказался незнающимъ своего дѣла?

Такими-то судьбами, при такой-то обстановкѣ, Тюрго получилъ приглашеніе быть министромъ.

Скажите, чего могъ надѣяться онъ отъ принятія такого предложенія?

Всякій здравомыслящій человѣкъ скажетъ: онъ могъ навѣрное разсчитывать, что будетъ имѣть волю наживаться на своемъ мѣстѣ, какъ его душѣ угодно, и раздавать доходныя мѣста своимъ пріятелямъ.

Нѣтъ, чудакъ не подумалъ объ этомъ, а вообразилъ, что можетъ преобразовать Францію!

И если бы вы знали, какіе великолѣпные планы онъ составилъ! Это любопытно,—онъ задумалъ—извольте-ко прислушать:

Онъ хотѣлъ: отмѣнить феодальныя права; уничтожить привилегіи дворянства: пересоздать систему налоговъ и пошлинъ; ввести свободу совѣсти; передѣлать гражданскіе и уголовные законы; уничтожить большую часть монастырей; ввести свободу тисненія; преобразовать всю систему народнаго просвѣщенія.

Можно ли не посмѣяться надъ простякомъ?

Разумѣется, если бы ему удалось совершить всѣ эти преобразованія, не было бы революціи. Но спрашивается: откуда бы онъ взялъ силу сдѣлать хотя сотую часть того, что хотѣлъ сдѣлать?

Не то ли же это самое, какъ если бы вы, получивъ приглашеніе на партію въ преферансъ, отправились къ вашимъ будущимъ партнерамъ съ надеждою прочесть имъ лекцію астрономіи?

Странныя надежды бываютъ у людей!

Въ числѣ моихъ знакомыхъ,—вѣроятно также и въ числѣ вашихъ, читатель,—есть такіе странные люди. Нельзя не уважать ихъ за чистоту намѣреній, за преданность общей пользѣ, — но, воля ваша, нельзя не улыбнуться, слушая ихъ.

Digitized by Google

Чѣмъ кончились эти смѣшныя грезы, мы знаемъ. Какъ-то въ расплохъ удалось Тюрго провести свои мысли относительно двухъ очень неважныхъ пунктовъ своей великолѣпной программы,—объ отмѣненіи дорожной повинности и уничтоженіи цѣховыхъ корпорацій,—тотчасъ же всѣ увидѣли, что онъ человѣкъ вовсе неспособный быть министромъ, и его попросили удалиться.

Иначе и быть не могло. Къ чему же служили великолѣпныя надежды? Только къ забавному разочарованію.

Digitized by Google

ОТКУПНАЯ СИСТЕМА.

Къ числу особенностей нашей литературы принадлежитъ какое-то особенное ея расположеніе къ повальнымъ припадкамъ накидываться вдругъ, безъ всякихъ новыхъ видимыхъ причинъ, всѣми силами на какой нибудь предметъ, который вчера былъ совершенно таковъ же, какъ нынѣ, и совершенно такимъ же останется завтра, а между тѣмъ ни вчера не занималъ, ни завтра не будетъ занимать ни одной страницы печатной бумаги, а сегодня служитъ цѣлью безчисленныхъ патетическихъ разсужденій. Искони вѣковъ, отъ Рюрика до нашихъ дней, богата была наша Русь взяточниками; въ 1856 году взятки вовсе не были ни безнравственнѣе, ни вреднѣе, чѣмъ въ 1852, или 1851, или 1850. Скажите же, съ какой стати было такъ свирѣпо набрасываться на то, о чемъ можно было до той поры такъ удобно молчать? Что за странные люди! лѣтъ пятьдесятъ очень хладнокровно носили въ груди такъ называемую на высокомъ языкѣ страшную язву и хоть бы кто нибудь, когда нибудь слыхивалъ отъ насъ объ ней,—и вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаемъ съ жаромъ бить себя по этой груди и кричать: „Ахъ, посмотрите, добрые люди, у насъ тутъ глубокая язва".

Сострадательные люди подошли на нашъ отчаянный крикъ и стали смотрѣть: въ самомъ дѣлѣ, у насъ на груди язва довольно вреднаго качества. Но отчего произошла эта язва, мы никакъ не рѣшаемся сказать. Отъ случайнаго ли какого нибудь ушиба явилась она, или отъ врожденнаго худосочія, или отъ нездороваго образа нашей жизни—этого никто изъ насъ не объявляетъ добрымъ людямъ, въ которыхъ старается пробудить показываньемъ свой язвы состраданіе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Подойдутъ добрые люди, покачаютъ головами и пойдутъ прочь: какъ въ самомъ дѣлѣ лѣчить болѣзнь, причины которой упорно скрываетъ больной! Это упорное молчаніе о причинахъ зла составляетъ вторую нашу особенность.

Что случилось со взятками года два тому назадъ, то же самое произошло на сихъ дняхъ съ откупами. Какой новый вредъ стали приносить съ половины нынѣшняго лѣта откупа, мы не знаемъ, да и никто, кажется, не можетъ сказать, чтобы нынѣ позволяли они себѣ какое нибудь злоупотребленіе или налагали бы на страну какую нибудь тяжесть, которой не налагали бы и два и три года и двадцать и тридцать лѣтъ тому назадъ. На какомъ же основаніи вдругъ такъ набросились мы на откупа, съ которыми такъ мирно и молчаливо уживались прежде? За то какою же безграничностью порицаній и вознаграждаемъ мы себя за упущенное для порицанія время! Если послушать насъ теперь, можно подумать, будто откупа величайшее бѣдствіе нашей общественной жизни, будто они что-то въ

Digitized by Google

родѣ той „идеи“ трансцендентальныхъ философовъ, которая, сама ни отъ чего не происходя и не завися, производитъ все. Отъ откуповъ всѣ бѣдствія нашей жизни: и бѣдность народа, и развратъ, овладѣвшій значительною частью народа, и вслѣдствіе бѣдности и разврата наше невѣжество, наше нравственное безсиліе, отсутствіе въ насъ понятій о нашемъ человѣческомъ достоинствѣ.

Словомъ сказать, откупа подверглись тому же самому эпидемическому нападенію, какъ взятки; точно также мы, безъ всякихъ новыхъ основаній, вдругъ начали толковать, что откупа величайшее зло нашей жизни, что съ устраненіемъ этого зла мы стали бы процвѣтать и благоденствовать; точно также мы молчимъ о причинахъ, производящихъ это явленіе, вдругъ ставшее несноснымъ для насъ.

Дѣйствительно, откупа—вещь очень не прекрасная, вещь, защищать которую не рѣшится ни одинъ благонамѣренный человѣкъ. Но признаемся, что намъ становилось какъ-то не ловко при чтеніи большей части статей, направленныхъ противъ откуповъ. Мы чувствовали нѣчто въ родѣ того, какъ если бы человѣкъ, двадцать лѣтъ мирно встрѣчавшійся въ обществѣ съ какимъ нибудь отъявленнымъ шулеромъ, вдругъ безъ всякихъ новыхъ поводовъ началъ на чемъ свѣтъ стоитъ порочить этого шулера и доказывать, что если бы этого негоднаго человѣка изгнать изъ общества, то общество значительно выиграло бы. Другъ мой, ваше негодованіе справедливо, но зачѣмъ же оно такъ долго молчало? Я имѣю дерзость предполагать, что вы слишкомъ наклонны къ прекрасному правилу мудрости— не давать воли языку, если столько лѣтъ скрывали ваше чувство. Видя въ васъ такого совѣстливаго хранителя вышеупомянутаго прекраснаго правила, я не могу защититься отъ мысли, что и теперь оно нарушено вами по какимъ нибудь причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ прямотою и независимостью характера. Вы представляетесь мнѣ человѣкомъ, который не смѣлъ дурнаго слова сказать объ Иванѣ, пока Ивана кто нибудь защищалъ, и осыпаетъ чрезвычайно благородными и отважными укоризнами того же самаго Ивана, увидѣвъ, что отъ Ивана отступились всѣ. Ваше геройство представляется мнѣ усердіемъ вломиться въ отворенную уже дверь. Притомъ же, неужели не слѣдуетъ назвать излишнимъ простодушіемъ той мысли, будто общество, подобно вамъ двадцать лѣтъ терпѣвшее шулера, много выиграетъ, если изгонитъ его? Кто породилъ, кто воспиталъ шулера? То самое общество, которое теперь напало на него. Оно остается неизмѣнно; какъ же вы думаете, что оно въ замѣнъ изгнаннаго не воспитаетъ новыхъ шулеровъ, быть можетъ худшихъ прежняго? Мнѣ кажется, что пока не измѣнится само общество, напрасно ему изгонять шулеровъ или негодовать противъ нихъ. Не противъ нихъ, а противъ самого себя должно оно обратить свое негодованіе. Пока оно не скажетъ: я само хуже этого шулера, который только случайный представитель, только одинъ изъ многихъ вѣрныхъ слугъ моей порочности,—пока оно не пересоздастъ всѣхъ своихъ обычаевъ, порождавшихъ различные виды низкаго обмана и грабежа, до той поры я не буду много радоваться злополучію какого нибудь отдѣльнаго обманщика.

Но эпидемія заразительна. Всѣ стали говорить противъ откуповъ; какъ же намъ отстать отъ моды, какъ же намъ избѣжать повѣтрія? Будемъ и мы нападать на откупа, не отстанемъ отъ другихъ. Хорошо было бы уже и то, еслибъ намъ удалось, подчиняясь повѣтрію, не забыть, что само по себѣ это повѣтріе представляетъ еще очень мало утѣшительнаго; если бы намъ удалось хотя нѣсколько показать слабыя

Digitized by Google

стороны той моды, которой мы сами должны слѣдовать; если бы намъ удалось показать недостаточность нападеній на одни откупа.

Откуповъ защищать нельзя; дѣйствительно, они вообще представляются несовершенною формою взиманія государственныхъ налоговъ или пошлинъ. При системѣ откуповъ государство передаетъ часть своихъ правъ нѣсколькимъ частнымъ лицамъ и чрезъ то отчасти лишается свободы своихъ дѣйствій. Каково бы ни было подчиненіе откупщика мѣстнымъ властямъ по формальнымъ условіямъ откупнаго контракта, откупщикъ все-таки имѣетъ свой кругъ дѣйствія, въ которомъ распоряжается *онъ*. Интересы правительства всегда связаны съ выгодами общества; оно всегда до извѣстной степени сознаетъ эту связь и заботится о національномъ благѣ. Правительство не вчера начало, не завтра кончитъ свои сношенія съ обществомъ, оно считаетъ себя вѣчнымъ его спутникомъ; потому собственная выгода заставляетъ его щадить силы общества нынѣ, чтобы самому не остаться безъ средствъ, если истощитъ ихъ. Совершенно не таково положеніе откупщика: до будущности общества ему нѣтъ никакого дѣла, онъ думаетъ только о томъ, чтобы какъ можно больше собрать съ общества нынѣ; завтра оно увидитъ себя раззореннымъ и съ этимъ вмѣстѣ обѣднѣетъ правительство—какая нужда въ томъ откупщику? Онъ уже кончилъ свои счеты, и знать ни о чемъ не хочетъ. Его девизъ: „послѣ меня, хоть трава не рости". Потому система откуповъ разстроиваетъ націю, истощаетъ средства, которыми можетъ располагать правительство. Правительство—это хозяинъ помѣстья; откупщикъ—это чеченецъ, на нѣсколько часовъ вторгающійся въ помѣстье; можно представить себѣ, каково будетъ состояніе хозяина послѣ того, какъ помѣстье испытаетъ набѣгъ чеченца. Нѣтъ, наше сравненіе еще не полно: раззорительный набѣгъ уничтожаетъ только жатву и уже готовое богатство жителей, онъ не портитъ самой почвы, онъ не портитъ нравственныхъ силъ ея населенія. Откупъ дѣлаетъ и это. Мало того, что онъ стремится какъ можно скорѣе истощить матеріальныя средста населенія,—въ добавокъ, онъ разрушаетъ моральный капиталъ, которымъ могли бы скоро быть возстановлены всѣ потери. Для правительства деньги не составляютъ основнаго и единственнаго предмета его дѣйствій; онѣ представляются ему только средствомъ для достиженія другихъ цѣлей, напримѣръ, для возвышенія своего могущества среди другихъ державъ, для пріобрѣтенія славы, для упроченія извѣстной политической системы, для развитія извѣстныхъ общественныхъ учрежденій, для поддержанія извѣстной законодательной и административной системы. Денежныя соображенія правительства вытекаютъ изъ этихъ желаній и подчиняются имъ. Такимъ образомъ, правительство по самой своей сущности никогда не ограничиваетъ своихъ отношеній къ націи одними финансовыми видами. Въ его дѣятельности всегда есть другая, болѣе нравственная сторона, всегда есть заботливость о національной чести, о нравственномъ благосостояніи націи, о справедливости и правосудіи. Откупъ совершенно чуждъ всѣхъ подобныхъ отношеній по самой своей натурѣ. Единственное основаніе его существованія—чисто денежное, единственная цѣль и забота его—деньги и деньги. Самый дурной чиновникъ все-таки хотя сколько нибудь помнитъ, что онъ представитель власти, поддерживающей благоустройство въ обществѣ; какъ бы превратно ни понималось имъ это благоустройство, какъ бы безсовѣстно ни нарушались имъ эти обязанности, все-таки сознаніе о нихъ даетъ ему въ собственныхъ глазахъ нѣкоторое нравственное достоинство,

Digitized by Google

и все-таки люди, подвергающіеся его рѣшеніямъ или распоряженіямъ, видятъ въ немъ представителя нравственной идеи, — онъ можетъ быть невѣренъ ей, но она все-таки даетъ нѣкоторую возвышенность характеру его власти въ ихъ глазахъ; если будутъ падать упреки, они упадутъ на его личность, но самымъ существованіемъ той обязанности, которая лежитъ на немъ, не возмущается общественная совѣсть, напротивъ, она признаетъ нравственную сторону порученнаго ему дѣла. Совершенно не таково положеніе откупнаго агента: онъ самъ знаетъ, что онъ только орудіе частнаго прибытка, и общество не признаетъ за нимъ другаго значенія; оно не можетъ находить въ немъ другихъ правъ, кромѣ правъ эгоистическаго корыстолюбія, а этому принципу никто не подумаетъ давать въ своей совѣсти правъ на власть надъ обществомъ.—Мы говоримъ пока еще вовсе не о злоупотребленіяхъ, которыя слишкомъ легко возникаютъ изъ откупной системы,— хороша та вещь, въ которой дурны только злоупотребленія,—нѣтъ, мы говоримъ теперь о самомъ принципѣ откупа. Предположимъ, что онъ безукоризненно держится своихъ законныхъ обязательствъ, что онъ ведетъ свои дѣла съ добросовѣстностью честнѣйшаго изъ всѣхъ европейскихъ негоціантовъ; предположимъ, что агенты его по своему личному характеру и поведенію относительно народа образцовые примѣры доброжелательности, мягкосердечія, прямодушія и всевозможной правоты,—все-таки существованіе даже и такого откупа тягостно для нравственныхъ убѣжденій націи, все-таки роль даже и такихъ агентовъ откупа—прямо гибельна для общества, прямо возмутительна для общественнаго сознанія; потому что все-таки откупъ есть не что иное, по самой своей натурѣ, какъ олицетвореніе корыстолюбія, властвующаго надо мною во имя собственное свое, во имя корыстнаго разсчета.

Надобно ли говорить, какими слѣдствіями въ народномъ бытѣ сопровождается паденіе нравственныхъ принциповъ? Ослабленіе любви къ труду, ослабленіе всякой честной энергіи, развитіе преступленій и пороковъ всякаго рода—вотъ эти слѣдствія, слишкомъ извѣстныя каждому.

Каждое правительство знаетъ это, и при первой возможности освободиться отъ столь неудовлетворительной финансовой системы, спѣшитъ освободиться отъ нея. Вредъ, наносимый откупною системою благосостоянію частныхъ лицъ, чувствуется ими еще живѣе.

Самый простой, самый неразвитый человѣкъ понимаетъ разницу между моральнымъ значеніемъ правительства и откупа. Подчиняясь правительству, человѣкъ сознаетъ, что эта власть основана на нравственномъ принципѣ, вытекаетъ изъ потребностей общественой жизни, имѣетъ своею коренною цѣлью охраненіе національныхъ благъ; это подчиненіе не противорѣчитъ совѣсти, напротивъ, требуется ею; оно не унижаетъ, а облагораживаетъ человѣка, возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ. Но требуетъ ли совѣсть, чтобы я подчинялся частному корыстолюбію, вредному не для меня одного, а также и для всѣхъ моихъ согражданъ? Нѣтъ, это унизительно для моего нравственнаго достоинства.

Къ этой нравственной причинѣ отвращенія присоединяется матеріальная, экономическая. По самому существу своему откупъ необходимо долженъ брать съ гражданъ гораздо больше, нежели отдаетъ правительству. Доходъ совершенно вѣрный, несоединенный ни съ какими затрудненіями, ни съ какими шансами дефицита, никакое правительство не отдастъ и не отдавало на откупъ,—что за охота

Digitized by Google

была бы ему лишаться части такого дохода, величина котораго въ точности извѣстна и который весь сполна долженъ поступить въ его распоряженіе? Потому-то на откупъ отдавались всегда только доходы, точную величину которыхъ нельзя впередъ опредѣлить съ достовѣрностью,—цифры, подверженныя риску; и чѣмъ болѣе этотъ рискъ, тѣмъ скорѣе подпадалъ источникъ дохода откупу. Но извѣстно, что рискъ принимается не иначе, какъ съ вычетомъ страховой преміи. Если есть шансъ, что доходъ съ извѣстнаго предпріятія, исчисленный въ 100 рублей, можетъ уменьшиться до 60, я не сниму этого предпріятія за 90 рублей, не соглашусь дать за него больше 70: что за охота была бы мнѣ подвергать свой капиталъ риску за 10% прибыли, которые могу я имѣть въ предпріятіяхъ совершенно вѣрныхъ? Я хочу имѣть 20, 30%, иначе мнѣ не изъ чего рисковать. Но шансъ невыгодный всегда бываетъ связанъ съ другими шансами, болѣе выгодными, нежели вѣроятное исчисленіе: если вмѣсто 100 рублей дѣло можетъ дать только 70, значитъ оно можетъ дать и 130; тогда я получу рубль на рубль. При первой отдачѣ въ откупъ, хозяинъ еще можетъ знать съ нѣкоторою точностью величину дохода и степень правдоподобія разныхъ выгодныхъ и невыгодныхъ шансовъ; но, конечно, у меня вовсе не будетъ охоты отдавать ему точный отчетъ въ ходѣ моей спекуляціи, и чѣмъ дольше существуетъ отдача на откупъ, тѣмъ менѣе становится извѣстнымъ хозяину настоящее положеніе дѣла, такъ что, наконецъ, онъ совершенно не въ состояніи будетъ рѣшить, хотя приблизительнымъ образомъ, какъ велика моя выгода. Эта неопредѣленность съ одной стороны содѣйствуетъ дѣйствительному увеличенію прибыли откупщика, съ другой даетъ возможность къ самымъ баснословнымъ предположеніямъ о ней.

Такимъ образомъ самая сущность откупа основана на громадномъ перевѣсѣ суммы, собираемой откупщикомъ, надъ суммой, уплачиваемой имъ государству. Самый честный откупъ не можетъ существовать иначе, какъ собирая съ народа 20, 30 или больше копѣекъ въ свою выгоду на каждый рубль, доставляемый имъ государству. Общество платитъ гораздо больше, нежели получаетъ правительство, государственныя потребности обращаются въ средство для страшнаго обогащенія частныхъ лицъ, спекулирующихъ на несовершенство финансовой системы. Гражданинъ рѣшительно не знаетъ, сколько копѣекъ изъ рубля, платимаго имъ съ такимъ трудомъ, достанется правительству: онъ знаетъ только, что очень значительная часть этого рубля останется въ рукахъ откупщика, знаетъ только, что платилъ бы гораздо меньше, если бы спекулянтъ не преградилъ прямой дороги между нимъ и правительствомъ. Къ усиленію недовольства, внушаемаго этою лишнею тяжестью, является соображеніе, безмѣрно увеличивающее во мнѣніи народа выгоды, получаемыя откупщикомъ. Правительство не можетъ вычислять вѣроятной величины дохода иначе, какъ на основаніи такого пользованія источникомъ дохода, которое сообразно съ нравственными основаніями, необходимо лежащими въ правительственныхъ отношеніяхъ къ народу. Мы уже видѣли, что откупъ чуждъ этихъ границъ; онъ непремѣнно будетъ пользоваться и такими средствами, какихъ не можетъ принимать правительство. Такимъ образомъ, не говоря уже о выгодѣ, доставляемой рискомъ, онъ имѣетъ новую прибыль, не входящую въ соображенія, которыми опредѣляется величина откупной суммы. Эта новая прибыль, происходящая отъ пренебреженія нравственными условіями, служитъ и къ увеличенію доходовъ откупа и къ увеличенію отвращенія противъ него въ обществѣ.

Digitized by Google

Истощеніе тѣхъ источниковъ, на которыхъ основываются доходы правительства и его могущество, взиманіе съ народа суммы гораздо большей, нежели какая получается правительствомъ, разрушеніе нравственныхъ убѣденій въ народѣ, ослабленіе честнаго труда,—вотъ неизбѣжныя дѣйствія откупной системы вообще, каковъ бы ни былъ предметъ откупа и какъ бы честны ни были его поступки въ смыслѣ формальной законности.

Но послѣдними словами мы дѣлаемъ предположеніе, которому невозможно исполняться въ дѣйствительности. Сущность откупной системы такова, что съ нею несовмѣстно соблюденіе законности. Во-первыхъ, откупъ не есть правильное коммерческое предпріятіе, а рискованная игра, въ которой нѣтъ средины, а есть только или банкротство, или страшный выигрышъ. Богатство откупщика не можетъ оставаться почти въ одинаковомъ положеніи, или увеличиваться мѣрнымъ, довольно медленнымъ образомъ, какъ бываетъ въ правильной торговлѣ. Онъ или раззоряется, или съ каждымъ новымъ ударомъ костей становится вдвое богаче. При такомъ громадномъ рискѣ и выигрышѣ не можетъ быть рѣчи о правильности дѣйствій. Только глупцы играютъ въ штоссъ честно. Никогда не было примѣра, чтобы откупъ держался границъ законности: онѣ несовмѣстны съ самою натурою азартной игры. Притомъ откупъ самъ даетъ свои постановленія; онъ, какъ хозяинъ, считаетъ себя вправѣ дѣлать все, что хочетъ и можетъ. При всякой другой системѣ, злоупотребленія бываютъ возможны или легки вслѣдствіе ея несовершенствъ или постороннихъ обстоятельствъ. При откупѣ они происходятъ изъ самой сущности системы и никакъ не могутъ быть устранены, пока продолжается она.

Общія послѣдствія откупа могутъ быть болѣе или менѣе значительны въ государственной жизни, смотря по важности его мѣста въ бюджетѣ государства и по свойствамъ предмета, ему подвергаемаго. Само собою разумѣется, что чѣмъ значительнѣе отрасль государственныхъ доходовъ, отдаваемая на откупъ, тѣмъ сильнѣе отразятся его результаты на общественной жизни, и чѣмъ щекотливѣе самый источникъ дохода, тѣмъ чувствительнѣе будутъ послѣдствія исключительно-денежныхъ основаній, на которыхъ онъ разрабатывается откупомъ.

У насъ отрасль доходовъ, отдаваемыхъ на откупъ, составляетъ самую значительную статью государственнаго дохода. По приблизительнымъ вычисленіямъ, откупъ доставляетъ слишкомъ вдвое больше, нежели государственныя имущества, и въ два съ половиною раза болѣе, нежели таможенныя пошлины, одинъ доставляя почти третью часть всѣхъ государственныхъ доходовъ. При такой громадной важности этой статьи понятно, что сила, пріобрѣтаемая откупомъ, оказывается непобѣдимою почти во всѣхъ столкновеніяхъ его съ другими общественными интересами.

При такой силѣ, одолѣвающей всякое сопротивленіе, или лучше сказать, не находящей ни въ чемъ серьезнаго сопротивленія, откупъ извлекаетъ свои доходы изъ источника, самаго щекотливаго во всемъ бюджетѣ. Торговля водкою, при самомъ строгомъ надзорѣ самой лучшей въ нравственномъ отношеніи полиціи, легко обращается въ средство развращать народъ и обманывать его; легко понять, какого размѣра должны неизбѣжно достигать злоупотребленія ею при порядкѣ вещей, описанномъ нами. Мы не будемъ подробно говорить объ этихъ злоупотребленіяхъ. Въ той мѣрѣ, въ какой они извѣстны намъ, они извѣстны каждому читателю. Открывать еще какія нибудь тайныя злоупотребленія, неочевидныя

Digitized by Google

для публики, могли бы только лица, сами совершавшія ихъ; притомъ же общеизвѣстные факты сами по себѣ уже такъ разительны, что никакія новыя открытія не могли бы много усилить впечатлѣніе, производимое вещами давно извѣстными. Мы самымъ краткимъ образомъ перечислимъ эти вещи, всѣмъ извѣстныя. Разсыропка, то-есть подливаніе воды въ водку, обмѣръ при продажѣ и страшное возвышеніе цѣны водки, прекрасно раскрыты въ замѣчательной статьѣ г. Бабста, къ которой мы отсылаемъ читателя; г. Бабстъ говоритъ, что, благодаря откупу, народъ покупаетъ водку вмѣсто трехъ рублей за ведро по восьми рублей и при томъ на каждой четверти ведра производится обманъ на половину штофа, вообще въ розничной продажѣ на $^1/_5$ часть продаваемаго количества, кромѣ собственно такъ называемаго обмѣра; сколько воды влито въ продаваемое съ такимъ обманомъ и по такой цѣнѣ вино, трудно и вычислить. Число милліоновъ, получаемыхъ откупомъ отъ этихъ продѣлокъ, разумѣется, не можетъ никто опредѣлить съ точностію, но г. Бабстъ доказываетъ цифрами, что одинъ изъ этихъ способовъ, разсыропленіе, даетъ уже никакъ не меньше 40 милліоновъ рублей серебромъ. Кромѣ денежнаго грабежа надобно обратить вниманіе на уронъ, приносимый откупами сельскому хозяйству, на нравственный и физіологическій вредъ, производимый порчею качества водки.

Въ нашемъ сыромъ и холодномъ климатѣ вино также необходимо простолюдину, какъ кислая капуста и квасъ. Долго смѣялись надъ любовью русскаго мужика къ щамъ и квасу, пока не узнали, что эта пища и это питье служатъ для него единственными предохранительными средствами отъ цынги. Точно также нелѣпы лицемѣрные толки противъ потребности мужика выпить стаканъ вина послѣ работы въ сырости и холодѣ, при малой питательности употребляемой имъ пищи, при неудобствахъ его жилища и недостаточности его одежды. Противники употребленія вина простымъ народомъ были бы правы только тогда, когда въ замѣнъ стакана водки доставили бы ему обильный мясной столъ, которымъ онъ теперь пользуется только по великимъ праздникамъ, доставили бы ему просторное помѣщеніе съ чистою и сухою атмосферою вмѣсто грязной, тѣсной и зловонной избы, доставили бы его ногамъ обувь получше онучъ и лаптей, всему его тѣлу одежду получше дыряваго зипуна или истертаго полушубка. Теперь народъ не можетъ обходиться безъ вина. Слишкомъ высокая цѣна этого необходимаго напитка дѣлаетъ его доступнымъ только въ дни отчаяннаго разгула, отнимая возможность пользоваться имъ въ умѣренномъ количествѣ постоянно. Мужикъ въ теченіе года выпиваетъ гораздо менѣе, нежели было бы нужно для поддержки его силъ постояннымъ умѣреннымъ употребленіемъ вина, за то нѣсколько разъ въ годъ пьетъ его безъ мѣры. Такое пьянство, какъ въ Россіи, едва ли есть гдѣ нибудь, кромѣ Ирландіи,—мы ошиблись, и въ самой Ирландіи только прежде было, а теперь уже нѣтъ такого пьянства. Между тѣмъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ не выпивается въ годъ спиртныхъ напитковъ такъ мало, какъ въ Россіи, особенно въ Великой Россіи, гдѣ откупъ достигъ издавна полнаго развитія. По отчетамъ о распродажѣ водки въ Великой Россіи оказывается, что на каждаго человѣка приходится въ годъ не болѣе полуведра; въ царствѣ Польскомъ пьянства гораздо меньше, а между тѣмъ на каждаго жителя приходится около ведра водки; въ Бранденбургской области, гдѣ пьянства еще меньше, приходится на жителя 1.37 ведра въ годъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ откупъ уменьшаетъ на половину или даже на двѣ трети то количество вина, которое могло бы выкуриваться въ Россіи, и въ десять разъ увеличиваетъ массу пьянства у насъ сравнительно съ другими землями. Развитіе винокуренія, по отзывамъ сельскихъ хозяевъ, было бы лучшимъ средствомъ поднять наше земледѣліе и усилить наше скотоводство. Препятствуя этому, откупъ долженъ считаться одною изъ главнѣйшихъ причинъ стѣсненнаго положенія важнѣйшей отрасли нашего производства.

Медики говорятъ, что чѣмъ хуже качество водки, тѣмъ болѣе располагаетъ она организмъ къ тому, чтобы человѣкъ сдѣлался пьяницею. Извѣстно, что въ западной Европѣ не существуетъ болѣзнь, называемая у насъ запоемъ. Конечно, могутъ быть основаніями для нея и какія нибудь моральныя особенности нашего общества, но несомнѣнно то, что важнѣйшею причиною ея надобно полагать именно дурное качество нашей водки. Это крайняя степень развитія гибельныхъ дѣйствій разныхъ примѣсей, которыми подправляетъ откупъ вкусъ слишкомъ разсыропленнаго вина, чтобы придать ему обманчивую жгучесть. Люди, знакомые по опыту съ употребленіемъ водки, свидѣтельствуютъ, что похмѣлье отъ вина, разбавленнаго водою и приправленнаго для вкуса разными жгучими веществами, гораздо тяжелѣе, нежели отъ хорошей водки, и что позывъ снова налить себя водкою для погашенія тоскливаго жара, оставляемаго прежнимъ пріемомъ, тѣмъ непреодолимѣе, чѣмъ хуже водка.

Но всѣ эти вредныя послѣдствія злоупотребленій откупа, какъ ни тяжелы они и вообще для народнаго хозяйства, и для отдѣльныхъ лицъ, мы считаемъ еще маловажными по сравненію съ самымъ страшнымъ изъ всѣхъ злоупотребленій откупа,— злоупотребленіемъ, столь же неизбѣжно вытекающимъ изъ его сущности, какъ и всѣ остальныя, — и разсыропленіе водки, и подмѣси, и подавленіе земледѣлія и скотоводства,—все это ничтожно по сравненію съ прямою заботою откупа о развращеніи народа. Каждому извѣстно, что если село было зажиточно, пока не существовалъ въ немъ кабакъ, оно неминуемо бѣднѣетъ вслѣдъ за основаніемъ въ немъ кабака. Отчего это? Неужели въ самомъ дѣлѣ только оттого, что явилось подъ руками у мужиковъ мѣсто продажи вина? Неужели самъ по себѣ нашъ мужикъ такъ падокъ на пьянство, что при первой возможности начнетъ пить до тѣхъ поръ, пока весь пропьется? Если такъ, почему же въ югозападныхъ губерніяхъ при вольной продажѣ водки и вольномъ винокуреніи было меньше пьянства, нежели въ восточныхъ и сѣверныхъ, гдѣ былъ откупъ? Нѣтъ, дѣло разрѣшается, если вы перваго встрѣчнаго мужика или мѣщанина спросите, что такое кабакъ. Кабакъ не просто лавка, въ которой продается вино тому, кто приходитъ купить его, — нѣтъ, кабакъ употребляетъ всю изобрѣтательность соблазна и плутовства, чтобы стать притономъ всѣхъ возможныхъ пороковъ. Онъ не ограничивается продажею вина желающимъ, онъ всѣми средствами заманиваетъ покупать его и тѣхъ, которые сами по себѣ вовсе не имѣли этого желанія, — дѣло коммерческое, какъ же вы хотите иначе? Это блаженный азиль всего того, что не можетъ быть терпимо ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Онъ всѣми средствами зазываетъ къ пьянству каждаго окольнаго жителя. Какъ усердно и любезно цаловальникъ заманиваетъ его къ своей стойкѣ посредствомъ своихъ агентовъ! Ни нашъ незабвенный Излеръ, ни великій американецъ Барнумъ не превосходили любого цаловальника изобрѣтательностью въ средствахъ завлекать къ себѣ посѣтителей. Для посѣтителя кабакъ уже приго-

Digitized by Google

товилъ и общество обоего пола. Тутъ уже готовы ободрять новичка своимъ примѣромъ и просьбами несчастные инвалиды пьянства,—кабакъ даромъ содержитъ, кормитъ и поитъ ихъ, чтобы они своею бесѣдою и помощью вели по надлежащему пути мужика, попавшаго въ этотъ вертепъ. Тутъ есть и раздражающія вкусъ къ вину закуски. Тутъ есть и женщины, какія нужны для развитія пьянства, онѣ также состоятъ въ штатѣ кабака, содержатся на его счетъ. У посѣтителя нѣтъ денегъ, чтобы окончательно напиться пьяну? Это не помѣха: кабакъ размѣняетъ ему на вино любую вещь, какую угодно: кафтанъ, полушубокъ, рубашку, сапоги, лошадь, телѣгу, хлѣбъ, баклагу съ дегтемъ, привѣшенную подъ телѣгой, и все, что угодно, что бы ни лежало на телѣгѣ. Этими пріятностями и удобствами, доставляемыми обществу, не ограничивается благодѣтельная роль кабака. Къ чему бы существовали азили, если бы они не давали пріюта людямъ, преслѣдуемымъ злобою человѣческою? Кабакъ вѣренъ этому высокому призванію. Онъ служитъ притономъ воровъ и разбойниковъ, которымъ заблагоразсудится искать его гостепріимнаго крова. Онъ не выдастъ никому своихъ довѣрчивыхъ гостей: ихъ невинность останется неприкосновенна подъ его бдительнымъ охраненіемъ. И тѣ, болѣе счастливые артисты, которые имѣютъ притоны свои внѣ кабака, процвѣтаютъ только благодаря его участію въ ихъ отважномъ промыслѣ. Индустрія упадаетъ, если не находитъ сбыта своимъ продуктамъ; вѣрный рынокъ – важнѣйшее условіе для ея преуспѣянія. Кабакъ подавляетъ земледѣліе — неужели онъ не пойметъ обязанности своей вознаградить общество за потерю въ одной отрасли дѣятельности поддержкою другой отрасли? Это было бы тупою неблагодарностью, а агенты откупа обязательны до великодушія. За вредъ, приносимый земледѣлію, кабакъ съ лихвою вознаграждаетъ націю тою помощью, какую оказываетъ воровству. Краденная или пріобрѣтенная грабежомъ, убійствомъ, вещь всегда найдетъ вѣрный сбытъ въ кабакъ: сюда, къ намъ, пріятели, мы все у васъ купимъ, за все заплатимъ наличными деньгами или водкою, по вашему желанію. Этотъ родъ торговли развитъ до того, что беретъ во многихъ кабакахъ рѣшительный перевѣсъ надъ оффиціальнымъ ихъ промысломъ, продажею водки. Они кабаки только по названію, а на дѣлѣ— исключительно биржи воровскаго промысла. Утѣшительнымъ примѣромъ того, что конкурренція вовсе не такъ убійственна для соперниковъ болѣе счастливаго торговца, какъ увѣряютъ нѣкоторые, служитъ то, что это особенно живое сосредоточеніе воровскихъ вещей въ нѣкоторыхъ кабакахъ ни мало не препятствуетъ очень дѣятельному ходу того же занятія и во всѣхъ другихъ.

Да, и на солнцѣ есть пятна, и въ откупной системѣ есть не совершенно безукоризненныя стороны, которыхъ не можетъ вполнѣ одобрить строгій моралистъ.

Впрочемъ, мало ли чѣмъ бываетъ недоволенъ строгій моралистъ? Намъ кажется, онъ не былъ бы доволенъ и тѣмъ, что русское общество нуждается въ статьяхъ противъ откупа.

Не по этой одной причинѣ намъ было тяжело приниматься говорить противъ откупа. Непріятность дѣла усиливалась тѣми мыслями, которыя мы высказали въ началѣ статьи. Странно, до обидности странно видѣть людей, говорящихъ нынѣ то, чего не говорили они вчера, хотя нѣтъ нынѣ ни одной такой причины воспламеняться этимъ предметомъ, которая не существовала бы въ такой же сильной степени и вчера; обидно видѣть и самого себя въ такомъ нелѣпомъ положеніи. Но есть еще третье обстоятельство, едва ли не болѣе непріятное, чѣмъ два первыя.

Digitized by Google

Мы, кажется, не смягчали слѣдствій откупа,—наше изложеніе не отличалось снисходительностью къ нему. Мы доказывали, что всѣ эти послѣдствія необходимо вытекаютъ изъ самой сущности откупа, не могутъ быть никакою силою отдѣлены отъ нея; что пока будетъ существовать откупъ, онъ будетъ обманывать правительство, обманывать, раззорять и развращать, преднамѣренно, систематически развращать націю. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что единственное средство противъ откупныхъ бѣдствій, — не какія нибудь мѣры для исправленія откупной системы: нѣтъ, она неисправима, она не допускаетъ никакихъ улучшеній, — единственное средство противъ нея уничтоженіе ея, замѣненіе откупа акцизомъ, взимаемымъ прямо казною, безъ всякихъ посредниковъ между правительствомъ и націею, какъ взимаются таможенныя пошлины, налогъ на соль, подушная и поземельная подать. Какъ не скрывали мы отъ себя всей великости бѣдствій, вытекающихъ изъ откупной системы, такъ не станемъ уменьшать въ своемъ мнѣніи выгодъ, которыя будутъ доставлены и правительству, и народу черезъ замѣну откупа акцизомъ, взимаемымъ непосредственно казною. Но при всей неизмѣримой пользѣ такого замѣненія, мы не полагаемъ, чтобы для искоренія бѣдствій и злоупотребленій, которымъ покровительствуетъ откупъ, достаточно было уничтожить его и ввести сборъ виннаго акциза казною.

Такъ, выгоды подобнаго замѣненія громадны, и трудно даже исчислить всѣ полезныя его слѣдствія. Обыкновенно указываются изъ нихъ слѣдующія: увеличеніе государственнаго дохода съ облегченіемъ народа въ уплатѣ его; доставленіе народу дешевой и хорошой водки; развитіе употребленія напитковъ, замѣняющихъ водку,—пива и виноградныхъ винъ; оживленіе земледѣлія и скотоводства. Всѣ эти выгодныя послѣдствія несомнѣнны, и намъ кажется, что даже можно увеличить ихъ списокъ нѣкоторыми другими, также очень важными.

Исчислено, что при взиманіи непосредственно казною акциза въ 1 р. 50 к. съ ведра водки, при разрѣшеніи свободнаго винокуренія и вольной торговли виномъ, казна будетъ получать съ одной водки больше, нежели теперь доставляетъ ей весь откупъ. Если предположимъ при свободной торговлѣ водкою потребленіе только въ 1,05 ведра на человѣка, какъ въ Польшѣ, то для 62,000,000 челов. населенія Россіи (за исключеніемъ Царства Польскаго и Финляндіи) получится расходъ водки въ 65,000,000 в., съ которыхъ акцизъ въ 1 р. 50 к. дастъ 97,500,000 рублей,—сумма, какой не даетъ въ дѣйствительности откупъ. Если же потребленіе дойдетъ до 1,37 ведра, какъ въ Бранденбургѣ, количество водки увеличится до 85,000,000 ведръ, а акцизный сборъ до 127,500,000 р. При такомъ акцизѣ продажная цѣна ведра была бы не выше 2 р. 50 к., вѣроятно не выше 2 р. 30 к.

Этимъ не ограничится выгода казны, простирающаяся съ такимъ акцизомъ до 10 — 15 милліоновъ р. уже при потребленіи только 1 ведра водки на жителя. Откупъ убиваетъ производство пива, расходъ котораго въ Россіи (безъ Царства Польскаго), по Тенгоборскому, не превышаетъ 0,15 ведра на человѣка, между тѣмъ какъ въ Царствѣ Польскомъ онъ доходитъ до 1,55 ведра, во Франціи до 0,94 ведра, въ Англіи до 4,14 ведра. Конечно, у насъ расходъ пива при уничтоженіи откупа не могъ бы не подняться выше той цифры, какой достигаетъ во Франціи, столь богатой дешевымъ винограднымъ виномъ *). Не надѣясь быстраго достиже-

*) По Тенгоборскому, потребленіе винограднаго вина во Франціи простирается до 8,68 ведръ на человѣка.

Digitized by Google

нія англійской (4,14) или баварской (9 ведръ на человѣка) цифры, мы, конечно, останемся ниже дѣйствительности, если предположимъ, что у насъ потребленіе пива скоро поднялось бы до польской цифры. При акцизѣ въ 20 коп. сер. такое потребленіе пива дало бы правительству болѣе 19,000,000 р. сер. дохода.

Нѣсколько лишнихъ милліоновъ были бы также доставлены казнѣ акцизомъ на наши крымскія и кавказскія виноградныя вина и пошлинами съ иностранныхъ винъ дешевыхъ сортовъ, потому что потребленіе виноградныхъ винъ сильно увеличилось бы, когда бы откупъ пересталъ давить торговлю ими въ городахъ и совершенно изгонять ее изъ селъ.

Такимъ образомъ, выигрышъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ (30 — 35 милл.) рублей несомнѣненъ для казны отъ замѣны откупа умѣреннымъ казеннымъ акцизомъ.

Мы не будемъ говорить о томъ, сколько выиграло бы земледѣліе и скотоводство отъ такой перемѣны. Этотъ выигрышъ надобно было бы оцѣнивать не десятками, а сотнями милліоновъ рублей.

Къ выгодамъ, о которыхъ говорятъ всѣ, могутъ быть присоединены еще другія, неменѣе важныя.

Нація не будетъ колебаться въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ зрѣлищемъ учрежденія, присвоивающаго себѣ власть надъ обществомъ исключительно и явно только во имя корыстолюбія, открыто поставляющаго своимъ основаніемъ попраніе всѣхъ моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ государства и народа для корысти нѣсколькихъ частныхъ людей.

Мѣста торговли водкою перестанутъ пользоваться привилегіею безнаказаннаго содержанія всѣхъ воровъ, перестанутъ служить безопасными притонами для нихъ, вѣрными складочными магазинами и готовыми рынками для всѣхъ украденныхъ и заграбленныхъ вещей.

Эти мѣста перестанутъ безпрепятственно употреблять всевозможныя противозаконныя хитрости для развращенія всѣхъ слабыхъ характеровъ, пользоваться всѣми средствами заманивать людей къ безобразному пьянству, разврату всякаго рода и промѣну всего домашняго хозяйства на водку.

Перечисленныя нами выгоды отъ замѣны откупа акцизомъ, взимаемымъ непосредственно казною, дѣйствительно и громадны, и несомнѣнны; списокъ ихъ легко было бы увеличить многими другими важными и полезными послѣдствіями такой реформы. Напримѣръ, съ уничтоженіемъ откуповъ спекулятивная предпріимчивость и огромное количество капиталовъ несомнѣнно обратились бы отъ предпріятія, гибельнаго для народа, къ предпріятіямъ истинно-полезнымъ, оживилась бы правильная торговля, возникли бы многія мануфактуры, въ гораздо большемъ количествѣ возникли бы компаніи, подобныя Черноморской, Амурской и Каспійской. Честный трудъ вообще поднялся бы, неподавляемый наглою надменностію людей, быстро и страшно богатѣющихъ не совсѣмъ хорошимъ дѣломъ. Но эта великолѣпная перспектива все-таки не ослѣпляетъ насъ относительно главнѣйшей выгоды, которую многіе считаютъ удободостижимой посредствомъ одного только уничтоженія откуповъ. Скажемъ прямо: пьянство, составляющее главный порокъ нашего народа, производится не откупомъ. Откупъ, конечно, въ значительной степени усиливаетъ его, но не откупъ его пораждаетъ; уничтоженіе откупа въ довольно значительной степени ослабитъ этотъ порокъ, но, и по уничто-

Digitized by Google

женіи откупа, онъ останется все-таки чрезвычайно сильнымъ, пока не будутъ устранены другія обстоятельства, которыми развивается пьянство.

Едва ли нужно догматическимъ тономъ распространяться о причинахъ, порождающихъ пьянство; всѣ порядочные люди принимаютъ однѣ и тѣже причины этого порока: бѣдность, невѣжество, унизительное положеніе извѣстнаго человѣка среди общества и вслѣдствіе того упадокъ въ немъ самомъ уваженія къ себѣ, безнадежность на поправленіе своихъ обстоятельствъ, безнадежность на полученіе правды въ случаѣ обиды. Указывать эту истину нѣтъ надобности, она извѣстна всѣмъ; намъ кажется только, что въ отвлеченномъ своемъ видѣ она не довольно сильно дѣйствуетъ на образъ сужденій, и потому постараемся оживить ее приведеніемъ фактическихъ примѣровъ, успѣшнѣе дѣйствующихъ на мысль, нежели теоретическія соображенія.

Мы начнемъ исторіей одного молодаго человѣка, которая извѣстна многимъ изъ нашихъ читателей. Онъ говоритъ, что сдѣлался записнымъ пьяницею вслѣдствіе трехъ случаевъ: во-первыхъ, безъ всякой вины онъ былъ подвергнутъ наказанію, которое называется исправительнымъ, но ему показалось позорнымъ, и онъ пошелъ запить свой стыдъ въ кабакѣ. Черезъ нѣсколько времени полюбилась ему дѣвушка, которой и онъ былъ милъ; отецъ дѣвушки отдалъ ее насильно за другаго,— онъ опять пошелъ запивать горе въ кабакъ. Потомъ случилось обстоятельство слѣдующаго рода: ремесломъ нашъ парень былъ печникъ, взялся онъ передѣлать печи въ довольно большомъ домѣ; кончилъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, но когда пришелъ за расплатою, ему стали выдавать не всѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ получить; парень разгорячился, сказалъ, что станетъ жаловаться. „А, ты еще грозить!—отвѣчали ему:—ну такъ ступай, жалуйся; когда присудятъ, тогда и отдадимъ тебѣ деньги, а теперь не хотимъ отдавать тебѣ, грубіяну, за твою дерзость“. Парень жаловался, но денегъ все-таки не получилъ; съ рабочими такимъ образомъ не успѣлъ онъ расплатиться во-время; за это самъ онъ подлежитъ суду съ заключеніемъ въ тюремный замокъ. Раззоренный, онъ видитъ себѣ теперь одно убѣжище—въ кабакѣ. Отъ молодаго человѣка перейдемъ къ разсказу старика, также знакомаго многимъ изъ нашихъ читателей. Этотъ состоялъ на службѣ и не бралъ взятокъ, потому не могъ давать взятокъ и другимъ. Результатомъ было, что его удалили отъ службы. Нѣсколько лѣтъ онъ крѣпился, поддерживаемый разными надеждами. Наконецъ, послѣдній человѣкъ, отъ котораго онъ могъ ждать себѣ защиты, человѣкъ добрый и хорошій, прогналъ его, даже не захотѣвши выслушать; тогда нашъ герой отправился въ кабакъ, жильцомъ котораго и сдѣлался. Скажите, виноватъ ли откупъ въ этихъ случаяхъ?

Отъ исторіи частныхъ лицъ обратимся къ быту цѣлаго народа, славившагося по всему земному шару своимъ пьянствомъ. Мы говоримъ объ Ирландіи до 1848 г. Положеніе Ирландіи, само собою разумѣется, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ нашимъ. Всѣ черты быта, начиная съ климатическихъ, совершенно различны. Тѣмъ интереснѣе прослѣдить жизнь этого народа и его чувства, прямо противуположныя нашимъ. Сходства, мы сказали, нѣтъ ни малѣйшаго, во всемъ прямая противуположность. Русскія нивы чаще всего страдаютъ отъ засухи; дождь среди лѣта у насъ рѣдкость и благословеніе Божіе; въ Ирландіи жатва страдаетъ только отъ излишней дождливости климата, и благословеніемъ Божіимъ тамъ бываетъ уменьшеніе дождей. Какъ различна природа, такъ различенъ и характеръ жите-

Digitized by Google

лей. Мечтательности у русскаго мужика совершенно нѣтъ, онъ самый положительный и разсчетливый изъ всѣхъ европейскихъ поселянъ, онъ превосходитъ въ этомъ не только англичанина, но даже французскаго мужика, славящагося крайнею наклонностію къ скопидомству и отсутствіемъ всякихъ идеальныхъ порывовъ; отъ природы онъ тяжеловатъ, серьёзенъ, немногорѣчивъ, угрюмъ. Ирландецъ веселой живостью характера превосходитъ парижанина, безпечностью о завтрашнемъ днѣ— итальянца; онъ болтунъ, онъ поэтъ. Русское племя безусловно владычествуетъ въ сильнѣйшемъ государствѣ цѣлаго міра; для насъ нелѣпа даже мысль о возможности иноземнаго ига или господства иновѣрной церкви. Ирландецъ живетъ подъ чужеземнымъ ярмомъ, его родная церковь до послѣдняго времени была гонима, онъ и теперь видитъ въ своей странѣ владычество иновѣрной церкви. Словомъ сказать, нѣтъ ни одной черты, общей ирландцамъ и намъ, начиная природою страны и кончая тѣмъ, что у насъ есть откупъ, а въ Ирландіи нѣтъ его,—нѣтъ ни одной черты общей, кромѣ того, что и въ Ирландіи до послѣднихъ годовъ существовало и у насъ существуетъ пьянство въ страшныхъ размѣрахъ. Разсмотримъ же источники этого порока въ странѣ, никогда не знавшей откупа.

Начнемъ съ того, что ирландецъ вообще былъ лишенъ всякой гарантіи въ томъ, что поддержится его благосостояніе, если онъ пользуется имъ; лишенъ почти всякой надежды достичь его, если находится въ бѣдности. По гнусному устройству, отъ котораго мы, слава Богу, были всегда избавлены провидѣніемъ, каждая лишняя копѣйка, пріобрѣтаемая ирландцемъ, шла въ карманъ или лендлорду, или миддельмену; если бы въ 1842 году бѣдному Патрику удалось сберечь какой нибудь фунтъ стерлингъ, единственнымъ результатомъ было бы, что въ 1843 году миддельменъ повысилъ бы на фунтъ стерлингъ ту плату, какую бралъ съ Патрика за землю. Какая же прибыль была Патрику заботиться о своемъ хозяйствѣ, или беречь деньги? Онъ руководился тою увѣренностію, что у него будетъ оставлена только та часть его доходовъ, какая необходима для продолженія его жалкаго существованія, а все остальное будетъ у него отнято. Законы, по которымъ судили ирландца, были ему чужды, администрація и судебныя мѣста смотрѣли на него, какъ на человѣка иной породы, нежели они, администраторы и судьи. Это было натурально, потому что правители происходили дѣйствительно изъ другой породы или изъ ренегатовъ ирландской національности. Нравственной связи между управляемыми и управляющими не было; отчужденіе доходило до такой степени, что возникло въ умѣ ирландца совершенное отрицаніе нравственной обязательности законовъ и справедливости судовъ, которымъ онъ подчинялся. Разбойники, свирѣпствовавшіе противъ ненавистной ирландцу касты, были для него героями. Человѣкъ, приговоренный къ наказанію, казался ему не преступникомъ, а только жертвою несправедливости. И если въ числѣ присяжныхъ, судившихъ ирландца, бывалъ хоть одинъ ирландецъ, онъ никогда не соглашался признать подсудимаго виновнымъ, какъ бы ни были ясны улики въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, совершенномъ противъ ненавистныхъ англичанъ. Свидѣтели отпирались отъ всякихъ показаній незнаніемъ. Теперь ясны причины пьянства ирландцевъ. Ирландецъ былъ доведенъ до безнадежности поборами англичанъ; онъ не признавалъ, что для него существуетъ правосудіе; онъ полагалъ, что всѣ законы составлены только для его угнетенія, что администраторы и судьи существуютъ только для того, чтобы поддерживать угнетеніе, въ которомъ онъ находился.

Digitized by Google

Неопровержимымъ свидѣтельствомъ того, что дѣйствительно и исключительно эти обстоятельства были причиною ирландскаго пьянства, служитъ исторія тѣхъ же самыхъ ирландцевъ послѣ переселенія въ Америку. Мы не хотимъ рѣшать, хороши ли вообще американскіе законы, завиденъ ли вообще американскій гражданскій бытъ. Многіе находятъ, что въ Америкѣ владычествуетъ гнусная анархія; быть можетъ, такое мнѣніе справедливо; мы даже раздѣляемъ его, но не раздѣляетъ ирландецъ. Онъ пріѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ невѣжественнымъ, грязнымъ и лѣнивымъ пьяницею. Онъ нанимается въ чернорабочіе и въ первое время работаетъ очень дурно, и всѣ выработанныя деньги пропиваетъ. Но скоро онъ замѣчаетъ, что сколько бы ни выработалъ онъ денегъ, онѣ всѣ остаются въ его рукахъ и никто не является отнять у него лишнее, то есть, казавшееся лишнимъ бывшему его лендлорду. Онъ начинаетъ работать прилежнѣе, чтобы получать больше денегъ. У него, или его товарищей, происходятъ иногда столкновенія съ людьми, у которыхъ онъ работаетъ. Эти распри рѣшаются американскими властями такъ, что рѣшеніе кажется ирландцу безпристрастнымъ и справедливымъ. Скоро онъ убѣждается, что администрація и судилища не враждебныя ему силы. Онъ перестаетъ опасаться несправедливостей и въ скоромъ времени, черезъ годъ, черезъ полтора года, вы видите его переродившимся. Онъ трудолюбивъ, бережливъ и привычка къ пьянству совершенно исчезла въ немъ. У него есть уже небольшой капиталъ, онъ отправляется въ западные штаты, пріобрѣтаетъ участокъ земли, строитъ домъ, становится примѣрнымъ земледѣльцемъ, онъ заботится дать образованіе своимъ дѣтямъ и самъ онъ, несмотря на свои 40 или 45 лѣтъ, выучивается читать.

Изъ этого факта можно вывесть то заключеніе, что пьянство развивается или исчезаетъ, подобно лѣности, вслѣдствіе различныхъ общественныхъ условій, изъ которыхъ только одно есть откупъ.

Заговоривъ объ условіяхъ общественной жизни, мы не можемъ не припомнить тривіальное сравненіе общественнаго тѣла съ человѣческимъ организмомъ. При худосочіи, человѣкъ занемогаетъ отъ такихъ вліяній, которыя шутя переноситъ другой человѣкъ, кровь котораго здорова. Съ крѣпкою грудью, я могу почти безвредно жить въ сырой комнатѣ, въ которой у другихъ развивается чахотка. Что и говорить, сырость комнаты очень важное неудобство; но не думайте, чтобы, осушивъ комнату, вы уже излечили худосочіе ея жильца. Оно происходитъ также отъ другихъ причинъ, быть можетъ, болѣе сильныхъ: вѣроятно, онъ употребляетъ дурную пищу, вѣроятно, онъ не имѣетъ порядочной одежды; я даже увѣренъ въ этомъ, потому что, если бы онъ пользовался благосостояніемъ, онъ, конечно, нашелъ бы себѣ лучшую квартиру. Это тривіальное сравненіе приводитъ насъ къ мысли, что разныя явленія частной или общественной жизни находятся между собою въ тѣсной связи, или, снова прибѣгая къ сравненію, что дерево достигаетъ роскошнаго роста только на удобной для того почвѣ. Каждый годъ русскія бабы и дѣвки по нѣскольку разъ трудятся надъ полотьемъ сорной травы на своихъ скудныхъ поляхъ, и каждый годъ сорная трава выростаетъ снова. Мы совершенно убѣждены въ необходимости полоть; не даромъ у насъ есть пословица: „дурную траву изъ поля вонъ“; но мы думаемъ, что подобное занятіе вышеупомянутыхъ бабъ и дѣвокъ останется работой Данаидъ, пока ихъ мужья не убѣдятся въ необходимости переработать почву своихъ полей болѣе глубокою пропашкою: на хо-

Digitized by Google

рошо обработанной землѣ меньше остается зеренъ сорной травы, да и та заглушается дружнымъ, сильнымъ ростомъ хлѣба. Но возвратимся къ откупу. Въ началѣ статьи мы употребили выраженіе, что онъ составляетъ принадлежность извѣстнаго періода въ развитіи финансовыхъ учрежденій. Такимъ образомъ, онъ представляется намъ только частью цѣлаго. А это цѣлое, въ свою очередь, составляетъ только часть общей гражданской жизни и необходимо обусловливается другими ея отношеніями.

Разсмотрѣть, какими условіями общественной жизни развивался откупъ, какихъ улучшеній въ ней должно желать для того, чтобы по уничтоженіи откупа не явились въ другой формѣ тѣ же самыя вещи, за которыя осуждается откупъ,— это предметъ гораздо интереснѣйшій и важнѣйшій, нежели разсмотрѣніе откупной системы.

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ IV.

Правительственныя распоряженія по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Губернскіе комитеты по устройству крестьянскаго быта.

Въ помѣщенномъ въ 6-мъ № Современника обозрѣнія мѣръ, принятыхъ до его времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, исчислены тридцать шесть губерній, по коимъ послѣдовали уже въ то время Высочайшіе рескрипты объ учрежденіи Дворянскихъ Губернскихъ Комитетовъ, и пять губерній (Санктпетербургская, Виленская, Нижегородская, Гродненская и Ковенская), гдѣ были уже открыты комитеты по устройству крестьянскаго быта.

Въ настоящее время Высочайшіе рескрипты объ открытіи таковыхъ Комитетовъ послѣдовали, по ходатайству дворянства, уже по всѣмъ губерніямъ, въ которыхъ учреждены дворянскіе выборы и гдѣ слѣдовательно имѣется достаточное число помѣщиковъ, для образованія Комитетовъ*); а именно: Высочайшіе рескрипты послѣдовали:

По землѣ Войска Донскаго (на имя наказнаго атамана) 6 іюля.
По Смоленской губерніи 28 мая.
По Владимірской — 8 іюня.
По Калужской — 24 іюня.
По Оренбургской — 6 іюля.
По Ставропольской (на имя намѣстника кавказскаго) 11 іюля.

Сверхъ пяти губерній, о коихъ упомянуто было ранѣе, въ настоящее время открыты уже Губернскіе Комитеты по устройству крестьянскаго быта въ слѣдующихъ губерніяхъ:

Въ Московской	. . .	26 апрѣля.
— Кіевской	. . . .	24 іюня.
— Симбирской	. . .	25 іюня.
— Витебской	. . .	1 іюля.
— Костромской	. . .	1 іюля.
— Подольской	. . . .	2 іюля.

---

*) Остальныя губерніи, т. е. тѣ, въ которыхъ нѣтъ дворянскихъ выборовъ и не разрѣшено учрежденіе Дворянскихъ Комитетовъ, суть: Архангельская—гдѣ числится 14 душъ крѣпостныхъ крестьянъ; Вятская—гдѣ ихъ 24,077 душъ; Олонецкая—гдѣ ихъ 5,431, и Пермская—гдѣ крѣпостныхъ крестьянъ, по большей части заводскихъ, 256,734. Кромѣ того въ Сибири числится 1,811 душъ крѣпостныхъ людей. (См. статью г. Тройницкаго о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи, пом. въ 7-мъ № Современника).

Digitized by Google

— Харьковской . . . 8 іюля.
— Волыской . . . . 8 іюля.
— Воронежской . . . 13 іюля.
— Черниговской. . . 22 іюля.
— Екатеринославской . 27 іюля.
— Тверской . . . . 7 августа.

Въ заключеніе заимствуемъ изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ списки членамъ и кандидатамъ Дворянскихъ Комитетовъ, по устройству быта мѣщичьихъ крестьянъ, въ слѣдующихъ губерніяхъ:

I. Симбирской губерніи.

По Симбирскому уѣзду. Члены: ротмистръ Александръ Львовичъ Бычковъ, надворный совѣтникъ Дмитрій Николаевичъ Шидловскій: кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Северіанъ Никитичъ Лопатинъ. По Сенгилѣевскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-капитанъ Александръ Ивановичъ Ермоловъ, коллежскій ассесоръ Александръ Николаевичъ Татариновъ; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Андрей Васильевичъ Фатьяновъ. По Сызранскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ, поручикъ Дмитрій Ниловичъ Ребровъ; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Николай Денисовичъ Давыдовъ. По Корсунскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-ротмистръ Николай Петровичъ Ахматовъ, флота лейтенантъ Константинъ Николаевичъ Татариновъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Дмитрій Андреевичъ Бестужевъ. По Алатырскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Мещериновъ, капитанъ князь Николай Андреевичъ Оболенскій; кандидатъ имъ, артиллеріи поручикъ Николай Александровичъ Крыловъ. По Ардатовскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Николай Александровичъ Соловьевъ, капитанъ графъ Александръ Александровичъ Толстой; кандидатъ имъ, артиллеріи капитанъ Иванъ Емельяновичъ Чарыковъ. По Курмышскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Дмитрій Сергѣевичъ Пазухинъ, коллежскій секретарь Алексѣй Ильичъ Пантусовъ; кандидатъ имъ, войсковой старшина Александръ Михайловичъ Сѣченовъ. По Буинскому уѣзду. Члены: подпоручикъ Петръ Степановичъ Есиповъ, титулярный совѣтникъ Василій Егоровичъ Аргамаковъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Герасимовъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: гвардіи штабсъ-ротмистръ Михаилъ Сергѣевичъ Ланской, статскій совѣтникъ, въ званіи камеръ юнкера, Владиміръ Андреевичъ Хвощинскій.

II. Полтавской губерніи.

По Полтавскому уѣзду. Члены: поручикъ Григорій Павловичъ Сулима, подпоручикъ Павелъ Максимовичъ Гудимъ-Левковичъ; кандидатъ имъ штабсъ-капитанъ Петръ Михайловичъ Сулима. По Кременчугскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, майоръ Александръ Александровичъ Остроградскій, штабсъ-капитанъ Дмитрій Петровичъ Бутовскій; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Василій Семеновичъ Капнистъ. По Хорольскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Александръ Степановичъ Алексѣевъ, тайный совѣтникъ Махаилъ Павловичъ Позенъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Провъ Петровичъ Баклановъ. По Золотоношскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, губернскій секретарь Иванъ Яковлевичъ Лукашевичъ, ротмистръ Василій Ивановичъ Гинцъ; кандидатъ имъ коллежскій секретарь Валеріанъ Андреевичъ Ивановъ. По Лубенскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, подпоручикъ Алексѣй Степановичъ Райзеръ, генералъ-лейтенантъ Николай Ивановичъ Ушаковъ; кандидатъ имъ, поручикъ Григорій Степановичъ Кирьяковъ. По Гадячскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Туманскій, коллежскій ассесоръ Иванъ Петровичъ Косинскій; кандидатъ имъ, корнетъ Николай Григорьевичъ Велецкій. По Пирятинскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ и кавалеръ

Digitized by Google

Кириллъ Осиповичъ Катериничъ, уѣздный судья, штабъ ротмистръ Александръ Васильевичъ Богдановичъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Николай Родіоновичъ Лукошевскій. По Переяславскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ князь Николай Павловичъ Голицынъ, чиновникъ 10 класса Василій Ѳедоровичъ Гамалѣя; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Николай Александровичъ Иваненко. По Прилукскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Василій Петровичъ Тарновскій, штабъ-ротмистръ Михаилъ Андреевичъ Маркевичъ; кандидатъ имъ, поручикъ Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества полка Петръ Ивановичъ Скоропадскій. По Роменскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ князь Николай Семеновичъ Кавкасидзевъ, инженеръ-поручикъ Ѳедоръ Васильевичъ Безпальчевъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь князь Владиміръ Семеновичъ Кавкасидзевъ. По Константиноградскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Петръ Степановичъ Джунковскій, надворный совѣтникъ Иванъ Косьмичъ Гриневичъ; кандидатъ имъ титулярный совѣтникъ Александръ Осиповичъ Левченко. По Миргородскому уѣзду. Члены: подполковникъ графъ Морицъ Егоровичъ Оруркъ, титулярный совѣтникъ Василій Васильевичъ Чарнышъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Иванъ Семеновичъ Данилевскій. По Зеньковскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Павелъ Алексѣевичъ Трипольскій, коллежскій совѣтникъ Григорій Степановичъ Лейбинъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Петръ Васильевичъ Лейбинъ. По Лохвицкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства Степанъ Степановичъ Высоцкій, коллежскій секретарь Александръ Павловичъ Гамалѣя, Лохвицкій уѣздный судья: кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Василій Ивановичъ Чижевскій. По Кобелякскому уѣзду. Члены: ротмистръ Иванъ Васильевичъ Сушковъ, коллежскій совѣтникъ Василій Григорьевичъ Даниленко; кандидадъ имъ, коллежскій секретарь Николай Алексѣевичъ Захаровъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ, камергеръ двора Его Императорскаго Величества Бѣлухи-Кохановскій, статскій совѣтникъ Милорадовичъ.

III. Орловской губерніи.

По Орловскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, гвардіи штабсъ-капитанъ Александръ Алексѣевичъ Бурнашевъ, инженеръ-капитанъ Александръ Сергѣевичъ Цуриковъ; кандидатъ имъ, капитанъ Александръ Михайловичъ Бернардъ. По Сѣвскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Григорій Сергѣевичъ Ступинъ, губернскій секретарь Павелъ Кириловичъ Лазаревичъ: кандидатъ имъ, ротмистръ баронъ Петръ Ивановичъ Дальгеймъ. По Елецкому уѣзду. Члены: камеръ-юнкеръ, статскій совѣтникъ Аполлонъ Михайловичъ Рѣдкинъ, коллежскій совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Дмитрій Ивановъ Лаухинъ. По Брянскому уѣзду. Члены: отставной генералъ-маіоръ Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ, поручикъ Василій Андреевичъ Краинскій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Николай Васильевичъ Панютинъ. По Ливенскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Николай Ѳедоровичъ Костромитиновъ, коллежскій регистраторъ Дмитрій Никаноровичъ Башкатовъ; кандидатъ имъ, ротмистръ Луціанъ Ильичъ Константиновъ. По Трубчевскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Андрей Семеновичъ Щегловитовъ, генералъ-маіоръ Андрей Михайловичъ Гулевичъ; кандидатъ имъ уѣздный предводитель дворянства, коллежскій регистраторъ Николай Николаевичъ Дубровольскій. По Мценскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, поручикъ Владиміръ Александровичъ Шеншинъ, штабсъ-капитанъ Дмитрій Петровичъ Чиркинъ: кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Александръ Петровичъ Крашенниковъ. По Карачевскому уѣзду. Члены: поручикъ Александръ Николаевичъ Дубровольскій, коллежскій секретарь Григорій Алексѣевичъ Тепловъ: кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Иванъ Николаевичъ Барманскій. По Болховскому уѣзду. Члены: поручикъ Аркадій Дмитріевичъ Карповъ, поручикъ Дмитрій Павловичъ Матвѣевъ; кандидатъ имъ, штабсъ-ротмистръ Иванъ Васильевичъ Лавровъ. По Кромскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Николаевичъ Жедренскій, депутатъ дворянства 10-го класса Алексѣй Яковлевичъ Венкстернъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Михаилъ Егоровичъ фон-Розенъ. По Дмитровскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, гвардіи полковникъ Иванъ

Digitized by Google

Михайловичъ Хлюстинъ, статскій совѣтникъ Матвѣй Степановичъ Алферовъ; кандидатъ имъ, лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады подпоручикъ князь Петръ Алексѣевичъ Вадбольскій. По Малоархангельскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Потуловъ, губернскій секретарь Василій Дмитріевичъ Пушешниковъ: кандидатъ имъ, ротмистръ Николай Васильевичъ Карташевъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ Владиміръ Константиновичъ Ржевскій, чиновникъ 9-го класса Николай Петровичъ Даниловъ.

IV. Харьковской губерніи.

По Харьковскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Калениченко, штабсъ-капитанъ Епанчинъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Егоръ Гордѣенковъ. По Валковскому уѣзду. Членъ *), подпоручикъ Егоръ Павловъ; кандидатъ, поручикъ Иванъ Бахметьевъ. По Богодуховскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Петръ Нахимовъ, полковникъ Дмитрій Кованько; кандидатъ имъ, артиллеріи подпоручикъ Константинъ Слевицкій. По Ахтырскому уѣзду. Члены **): уѣздный предводитель дворянства поручикъ Ѳаддей Романовъ, губернскій секретарь Василій Экъ. По Лебединскому уѣзду. Члены: подполковникъ Иванъ Даниловъ, подполковникъ князь Сергѣй Щербатовъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Дмитрій Хрущовъ. По Сумскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, флота лейтенантъ Веніаминъ Савичъ, коллежскій регистраторъ Пименъ Лялинъ; кандидатъ имъ, капитанъ Александръ Валковскій. По Зміевскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Дмитрій Замятинъ, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Ильенко; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Григорій Данилевскій. По Изюмскому уѣзду. Члены: штабсъ-ротмистръ Александръ Бантышъ, статскій совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера, Бахметевъ; кандидатъ имъ, полковникъ Иванъ Малиновскій. По Купянскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Александръ Розальонъ-Сошальскій, уѣздный предводитель дворянства, штабсъ-капитанъ Іосифъ Клепацкій; кандидатъ имъ, штабсъ-ротмистръ Владиміръ Розальонъ-Сошальскій. По Волчанскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Шредеръ, гвардіи ротмистръ Захарій Бекарюковъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Алексѣй Головковъ. По Старобѣльскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Николай Гарцевичъ, ротмистръ Михаилъ Горминъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Александръ Чмыховъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Ковалевскій, коллежскій совѣтникъ Помпей Пассекъ.

V. Тамбовской губерніи.

По тамбовскому уѣзду. Члены: артиллеріи полковникъ Иванъ Викторовичъ Комсинъ, поручикъ князь Петръ Николаевичъ Кугушевъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Петровичъ Поповъ. По Козловскому уѣзду ***). Члены: коллежскій секретарь Сергѣй Степановичъ Жихаревъ, подпоручикъ Василій Яковлевичъ Кондыревъ. По Липецкому уѣзду. Члены: поручикъ Филиппъ Михайловичъ Прибытковъ, губернскій секретарь Петръ Борисовичъ Бланкъ; кандидатъ имъ, поручикъ Михаилъ Ивановичъ Бартеневъ. По Лебедянскому уѣзду. Члены: поручикъ Григорій Васильевичъ Наумовъ, губернскій секретарь Николай Ивановичъ Александровъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Дурасовъ По Усманскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Григорій Борисовичъ Бланкъ, титулярный совѣтникъ Иванъ Гавриловичъ Ярцевъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Гавріилъ Дмитріевичъ Гарденинъ. По Борисоглѣбскому уѣзду. Члены:

---

*) Одинъ изъ членовъ, избранныхъ по Валковскому уѣзду, начальникомъ губерніи не утвержденъ.

**) Избранный въ кандидаты по Ахтырскому уѣзду, генералъ-майоръ Шрейдеръ отъ принятія сего званія отказался, а потому сдѣлано распоряженіе объ избраніи вмѣсто него другаго.

***) Избранный въ кандидаты по Козловскому уѣзду, подполковникъ Лихаревъ назначенъ отъ начальника губерніи членомъ въ Комитетъ отъ Правительства, а потому сдѣлано распоряженіе объ избраніи вмѣсто него другаго кандидата.

Digitized by Google

дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Владиміровичъ Кондоиди, инженеръ-подпоручикъ Ѳедоръ Михайловичъ Сальковъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Петръ Осиповичъ Вальгардтъ. По Кирсановскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Антонъ Аполлоновичъ Жемчужниковъ, двора Его Императорскаго Величества камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Ѳедоровичъ Петрово-Саловово; кандидатъ имъ, майоръ Михаилъ Степановичъ Андреевскій. По Шацкому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Константинъ Ивановичъ Савастьяновъ, коллежскій регистраторъ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ; кандидатъ имъ, поручикъ Дмитрій Александровичъ Брюхатовъ. По Спасскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Иларіонъ Ивановичъ Жуковъ, коллежскій совѣтникъ Павелъ Кузьмичъ Крюковскій; кандидатъ имъ, штабсъ-ротмистръ князь Андрей Николаевичъ Енгалычевъ. По Елатомскому уѣзду. Члены: артиллеріи поручикъ Николай Ивановичъ Сумароковъ, поручикъ князь Андрей Александровичъ Кильдишевъ; кандидатъ имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Путиловъ. По Темницкому уѣзду. Члены: камеръ-юнкеръ двора Его Императорскаго Величества, коллежскій ассесоръ князь Николай Ивановичъ Енгалычевъ, гвардіи поручикъ Николай Александровичъ Никифоровъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Стрѣшнемъ. По Моршанскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ Степанъ Павловичъ Козловъ, штабсъ-капитанъ Аркадій Алексѣевичъ Колобовъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь князь Николай Николаевичъ Челокаевъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: подполковникъ Петръ Николаевичъ Лихаревъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Трофимовъ.

Библіографія журнальныхъ статей.

ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Наконецъ въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ вышелъ давно ожидаемый 5-й, майскій, нумеръ журнала „*Сельское Благоустройство*“, съ котораго мы и начнемъ настоящій разборъ.

Книжка эта начинается статьею Е. С. Г—ко, подъ заглавіемъ: „Мысли объ улучшеніи сельскаго хозяйства и быта землевладѣльцевъ“. Авторъ начинаетъ съ описанія различныхъ способовъ владѣнія землею и доказываетъ необходимость точнѣйшаго опредѣленія у насъ права собственности и различія между общинною и личною собственностью. Потомъ онъ выводитъ необходимость законнаго ограниченія дѣлимости имѣній и поземельныхъ участковъ. „Въ Англіи,—говоритъ онъ,—считаютъ наиболѣе выгодными имѣнія отъ 150 до 200 десятинъ. Размѣръ впрочемъ зависитъ отъ мѣстныхъ условій. У насъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, при неизобиліи воды, объемъ этотъ можно опредѣлить отъ 800 до 1000 десятинъ, въ черноземныхъ губерніяхъ“. Предѣла дробимости имѣній въ прочихъ губерніяхъ авторъ вовсе не указываетъ. Объемъ крестьянскаго участка онъ опредѣляетъ по 4 десятины въ клину, кромѣ выгона общиннаго и двухъ десятинъ сѣнокоса. Здѣсь авторъ опять имѣетъ въ виду однѣ многоземельныя губерніи. Жаль, что авторъ не разобралъ этого вопроса болѣе подробно. Если онъ знакомъ съ устройствомъ помѣщичьихъ имѣній въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи (что можно предположить изъ общихъ замѣчаній его о помѣщичьемъ хозяйствѣ), то онъ имѣлъ бы возможность раздѣлить Россію на полосы, сообразно мѣстнымъ условіямъ, и затѣмъ опредѣлить для каждой полосы предѣлъ, до котораго могутъ быть раздроб-

Digitized by Google

ляемы помѣщичьи имѣнія и крестьянскіе участки, безъ нарушенія выгодъ владѣльцевъ, т. е. безъ допущенія такого размѣра владѣнія, при которомъ земледѣліе не вознаграждаетъ уже достаточно трудовъ хозяина. Такая статья—будь она написана добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла—была бы весьма занимательна, а главное практически полезна, особенно, если бы выводы автора были подкрѣплены точными числовыми данными.

Далѣе авторъ дѣлаетъ сравненіе между временнымъ и потомственнымъ владѣніемъ землею и доказываетъ невозможность внезапнаго и насильственнаго уничтоженія общиннаго владѣнія; между тѣмъ онъ предлагаетъ: „образовать особое сословіе фермеровъ или арендаторовъ. Оно можетъ составиться: a) изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, b) изъ чиновниковъ заштатныхъ, c) изъ купцовъ и другихъ лицъ, владѣющихъ капиталами".

Не знаемъ, понимаетъ ли авторъ подъ словами: „*нужно образовать сословіе фермеровъ*"—необходимость принятія, въ этомъ отношеніи, какихъ либо особыхъ правительственныхъ мѣръ. Въ такомъ случаѣ съ нимъ согласиться трудно. Фермерство конечно образуется въ свое время и, можетъ быть, довольно скоро, само собою: найдутся люди, готовые посвятить земледѣлію свои труды и капиталы — и въ земляхъ имъ у насъ недостатка не будетъ. Все, чего можно желать въ этомъ отношеніи, это—содѣйствія правительства и высшихъ сословій къ распространенію между лицами средняго состоянія агрономическихъ свѣдѣній; а возможности принять какія либо правительственныя мѣры собственно для образованія особаго *сословія* фермеровъ—мы не понимаемъ. Притомъ мы желаемъ образованія фермъ лишь въ томъ смыслѣ, чтобы, рядомъ съ нынѣшними крестьянскими хозяйствами, возникли на пустопорожнихъ или вообще на господскихъ или казенныхъ земляхъ, не состоящихъ нынѣ въ пользованіи крестьянъ, фермы, которыя, превосходя способомъ обработки своей, также какъ и самымъ размѣромъ, крестьянскіе участки, могли бы служить сосѣднимъ крестьянамъ живымъ примѣромъ земледѣльческихъ усовершенствованій. Но никакъ нельзя желать, чтобы фермы *замѣнили* крестьянскія хозяйства, т. е. чтобы вмѣсто крестьянъ образовались два сословія: фермеровъ или хозяевъ и бездомныхъ батраковъ. Съ этимъ конечно согласится самъ авторъ разбираемой нами статьи.

За этой статьей слѣдуетъ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ" статья г. *Лободы*, по поводу статьи г. Кошелева „*о мелкопомѣстныхъ дворянахъ*".

Г. Кошелевъ предлагалъ, при устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, принять, для обезпеченія средствъ къ существованію мелкопомѣстнымъ дворянамъ, слѣдующія мѣры: 1) Въ имѣніяхъ, гдѣ хлѣбопашество прибыльно, оставить въ собственности и непосредственномъ распоряженіи помѣщика всю землю, а крестьянамъ доставить прочную осѣдлость на иныхъ земляхъ. 2) Въ такихъ же мѣстностяхъ, гдѣ земля плоха и доходъ доставляется личностью крестьянъ, тамъ крестьянамъ отдать всю землю, а помѣщикамъ дать возможность пріобрѣсти земли въ болѣе хлѣбородныхъ мѣстахъ. Изъ мелкихъ владѣльцевъ этихъ могутъ образоваться впослѣдствіи фермеры. Въ этомъ случаѣ конечно предполагается выкупъ земли крестьянами, при извѣстномъ пособіи.

Г. Лобода разбираетъ невыгоды и неудобства переселенія помѣщиковъ и крестьянъ, выводитъ вредное вліяніе крупнаго фермерства на массу земледѣльческаго сословія, когда большія владѣнія и фермы поглощаютъ мелкія хозяйства, и

Digitized by Google

приходитъ наконецъ къ заключенію, что „состояніе мелкопомѣстныхъ дворянъ будетъ самое прочное только въ такомъ случаѣ, когда они составятъ изъ себя отдѣльныя общины, съ правомъ общиннаго владѣнія землею, или лучше, если войдутъ съ крестьянами въ общій составъ общинъ“.

Чрезъ это, по мнѣнію г. Лободы, устранится надобность переселенія и разъединенія мелкопомѣстныхъ дворянъ и крестьянъ ихъ. Помѣщикъ, получивъ отъ крестьянъ вознагражденіе за усадьбы и нарѣзанную имъ землю, будетъ пользоваться оставшеюся ему землею и войдетъ въ составъ общины, какъ равный. Лишнюю землю онъ можетъ продать; если же ему земли мало, онъ можетъ прикупить на полученныя съ крестьянъ выкупныя деньги. „Къ такому сближенію двухъ различныхъ классовъ нужно,—говоритъ г. Лобода,—откинувъ вкоренившіеся изстари въ насъ предразсудки, стараться всевозможно содѣйствовать. Польза, отъ того проистекающая, нами хорошо оцѣнима и сознаваема еще быть не можетъ (такъ она для многихъ должна показаться дика),—но она вмѣстѣ съ тѣмъ и видима съ перваго же раза“.

Предоставляемъ читателямъ отдать преимущество предположенію г. Кошелева или г. Лободы, статья котораго написана ясно, послѣдовательно и, какъ видно, съ искреннимъ убѣжденіемъ. Мы убѣждены, что статьи, написанныя въ такомъ духѣ,—если бы онѣ и не во всѣхъ отношеніяхъ были практически вѣрны и удобопримѣнимы,—должны однако много содѣйствовать къ уясненію разбираемаго вопроса.

Слѣдующія за этой двѣ статьи о надѣлѣ крестьянъ землею и вознагражденіи, какое слѣдуетъ помѣщикамъ за эту землю, представляютъ практическія и притомъ мѣстныя данныя и соображенія.

Затѣмъ помѣщена въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ статья *г. Кошелева „о дворовыхъ людяхъ“*.

Авторъ въ живомъ и вѣрномъ описаніи настоящаго положенія дворовыхъ людей показываетъ намъ, что содержаніе ихъ въ большей части имѣній невыгодно, а если и приноситъ матеріальную пользу помѣщику, то, у небогатыхъ владѣльцевъ, при низведеніи дворовыхъ до самаго грустнаго положенія. Изъ этого г. Кошелевъ выводитъ: какъ полезна была бы замѣна дворовыхъ вольнонаемными людьми. Для самаго же освобожденія дворовыхъ, онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры:

Допустить выкупъ ихъ на волю, на прежнемъ основаніи, по соглашенію съ помѣщикомъ; но вмѣстѣ опредѣлить высшую норму выкупной суммы для взрослаго мужчины, отъ 20 до 30 лѣтъ, въ 200 р. сер., пропорціонально уменьшая эту сумму для недостигшихъ или перешедшихъ этотъ возрастъ. Женъ и малолѣтнихъ дѣтей откупающихся дворовыхъ увольнять безплатно; дѣвокъ и вдовъ отъ 18 до 30 лѣтъ—за 40 р., также уменьшая эту сумму сообразно возрасту. Если же помѣщикъ издержалъ сумму на обученіе двороваго какому либо мастерству, то, когда это будетъ доказано, допустить требованіе за то вознагражденія сверхъ выкупа на слѣдующемъ основаніи. Издержанная сумма (которая однако не должна быть признана превышающею 200 р. для мужчины и 40 р. для женщины) дѣлится на 20 (считая срокъ службы двороваго отъ 20 до 40 лѣтъ); затѣмъ помѣщикъ можетъ требовать уплаты издержанной на обученіе двороваго суммы по числу лѣтъ, остающихся послѣднему до достиженія сорокалѣтняго возраста; напримѣръ, если за обученіе двороваго заплачено 200 р. и ему отъ роду 28 лѣтъ, то онъ долженъ

Digitized by Google

уплатить помѣщику, сверхъ выкупа, за остающіяся до 40-лѣтняго возраста 12 лѣтъ, по 10 р. за каждый годъ, а всего 120 р.; если же ему 25 лѣтъ, — то 150 р. и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить помѣщикамъ отпускать безвозмездно на волю дворовыхъ людей безъ согласія послѣднихъ, но съ тѣмъ, чтобы при отпускѣ на волю калѣки, больнаго или старика, имѣющаго свыше 50 или 60 лѣтъ, помѣщикъ вносилъ 150 р. въ пользу общества, въ которое отпущенный поступитъ и которое обязано имѣть о немъ попеченіе; за женщинъ, старѣе 40 или 50 лѣтъ, вносить 75 р. Сверхъ того постановить, что всѣ дворовые, рожденные съ 19 февраля 1855 года, уже свободны, а также опредѣлить 12-ти-лѣтній срокъ, по истеченіи коего всѣ не выкупившіеся люди освобождаются уже безплатно.

Конечно, хотя личный выкупъ вовсе нѣтъ необходимости установлять въ отношеніи къ крестьянамъ, но въ отношеніи къ дворовымъ онъ имѣетъ свое основаніе, такъ какъ помѣщикъ очевидно пользовался тутъ доходомъ исключительно съ личности людей, безъ всякаго участія поземельной ренты. Этотъ доходъ помѣщика можетъ быть вознагражденъ или единовременнымъ выкупомъ, или срочною обязательною службою, какъ это было въ Остзейскомъ краѣ. Г. Кошелевъ признаетъ оба способа вознагражденія, такъ какъ онъ, кромѣ выкупа, полагаетъ постановить, что чрезъ 12 лѣтъ всѣ дворовые освобождаются безвозмездно. Съ этимъ нельзя не согласиться, потому что одинъ выкупъ, безъ назначенія срока общаго освобожденія, не достигъ бы своей цѣли, даровавъ свободу однимъ только зажиточнымъ дворовымъ. Съ другой стороны, и при назначеніи срока общаго освобожденія, необходимо опредѣлить норму выкупа для огражденія ремесленныхъ, промышленныхъ и вообще способныхъ къ хорошимъ заработкамъ дворовыхъ отъ вымогательствъ нѣкоторыхъ алчныхъ помѣщиковъ или недобросовѣстныхъ управляющихъ. Мы видали кучеровъ изъ дворовыхъ людей, на обученіе коихъ помѣщикъ не истратилъ ни копѣйки, и которые платили до 60 руб. сер. оброка въ годъ; для иныхъ даже оброкъ не былъ ясно опредѣленъ, а съ нихъ требовали почти все ихъ жалованье, а въ случаѣ малѣйшаго замедленія въ высылкѣ денегъ, не высылали имъ паспортовъ и чрезъ это лишали ихъ мѣстъ. Хорошій человѣкъ легко бы нашелъ хозяина, который заплатилъ бы за него выкупъ въ 200 руб. сер. съ постепеннымъ вычетомъ этой суммы изъ его жалованья. Такимъ образомъ многіе дворовые люди избавились бы отъ грустной необходимости трудиться цѣлые 12 лѣтъ, отдавая господину всѣ плоды трудовъ своихъ и не имѣя возможности улучшить свое положеніе. Потому мы убѣждены, что норма выкупа принесла бы во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ несомнѣнную пользу, уничтоживъ возможность налагать на дворовыхъ отяготительные оброки, но это не привело бы къ общему выкупу дворовыхъ, большинство коихъ освободилось бы не раньше общаго срока. Потому намъ казалось бы достаточнымъ опредѣлить одну высшую цифру выкупной суммы, присоединивъ къ ней, пожалуй, вознагражденіе за издержки на обученіе двороваго мастерству, безъ распредѣленія выкупа по возрастамъ. Вымогательства можно ожидать лишь въ отношеніи къ дворовымъ, платящимъ весьма высокій оброкъ; остальныхъ помѣщики согласятся отпустить и за небольшую сумму, имѣя въ виду, что черезъ 12 лѣтъ они получатъ свободу даромъ.

Еще одно предложеніе г. Кошелева намъ кажется неумѣстнымъ: онъ предлагаетъ признать свободными дворовыхъ, рожденныхъ съ 19 февраля 1855 года. Къ чему это, если черезъ 12-ть лѣтъ онъ предлагаетъ даровать свободу всѣмъ

Digitized by Google

дворовымъ? Неужели мальчику, не достигшему 12 лѣтъ, будетъ легче отъ того, что онъ вольный? Съ другой стороны малолѣтніе эти могутъ осиротѣть; оставаясь дворовыми, они были бы въ теченіе 12 лѣтъ, т. е. до общаго освобожденія, на попеченіи помѣщика; родившись свободными, они будутъ имѣть лишь меньше права на его заботливость. Вотъ все, что мы можемъ замѣтить на статью г. Кошелева, которая, безъ сомнѣнія, не останется въ настоящее время безъ пользы и примѣненія.

Въ статьѣ Г. Д. *Самарина*, подъ заглавіемъ „*баронъ Шульцъ фонъ Ашераденъ и докторъ Меркель*", выставлены двѣ личности, замѣчательныя по вліянію, какое онѣ имѣли на освобожденіе крестьянъ въ Лифляндіи.

Баронъ Шульцъ, человѣкъ въ высшей степени благородный, проникнутый искреннею любовью къ справедливости, далеко опередилъ свой вѣкъ истинно-человѣколюбивыми своими стремленіями и яснымъ, безпристрастнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ на современные ему вопросы. Онъ самъ былъ богатый лифляндскій помѣщикъ, но подчинялъ свои разсчеты попеченіямъ о благосостояніи крестьянъ своихъ. Для доставленія крестьянамъ своимъ надлежащей самостоятельности и тѣхъ льготъ, на которыя они, по его мнѣнію, имѣли полное право, онъ издалъ въ 1764 году для своихъ имѣній особое положеніе, опредѣлявшее въ точности права и обязанности крестьянъ и ограничивавшее произволъ помѣщика. Такимъ образомъ онъ прежде всего выразилъ свое стремленіе къ улучшенію быта крестьянъ собственнымъ примѣромъ, самымъ дѣломъ, а не одними разсужденіями. Потомъ онъ принималъ живое участіе въ преніяхъ ландтага, предшествовавшихъ изданію положенія 1804 года, и подъ конецъ получилъ на ходъ этого дѣла значительное вліяніе, хотя сначала высказанныя имъ либеральныя убѣжденія до того не понравились нѣкоторымъ дворянамъ, что его чуть не выбросили въ окошко!

Честь и слава людямъ, которые, для пользы человѣчества и для поддержанія справедливыхъ убѣжденій, не страшатся ярости и нареканій людей съ узкими и отсталыми понятіями и алчныхъ эгоистовъ. А безъ сопротивленія, безъ нареканій отъ противной стороны, никакая полезная реформа совершиться не можетъ. Чѣмъ менѣе противники реформы могутъ представить въ свою пользу основательныхъ доводовъ, тѣмъ болѣе они горячатся, тѣмъ превратнѣе толкуютъ они значеніе, цѣль и послѣдствія реформы, тѣмъ скорѣе доходятъ до рѣзкихъ выраженій, до брани, даже до насилія, какъ чуть не случилось на лифляндскомъ ландтагѣ, при выслушаніи предположеній барона Шульца. Но вспышки эти истощаютъ послѣднія силы противодѣйствующей партіи, роняютъ окончательно партію эту въ глазахъ людей благомыслящихъ и уступаютъ мѣсто спокойнымъ преніямъ, служащимъ къ уясненію и здравому рѣшенію вопроса. Тогда разливается и растетъ вліяніе людей, подобныхъ барону Шульцу, память коего глубоко уважается теперь между потомками тѣхъ самыхъ дворянъ, которые нѣкогда на него возставали.

Что касается доктора Меркеля, то сочиненія его объ Остзейскихъ крестьянахъ, живо представлявшія несчастное положеніе ихъ и убѣдительно высказывавшія, новыя еще въ то время, мнѣнія о способахъ къ улучшенію крестьянскаго быта, много содѣйствовали къ распространенію по этому предмету болѣе справедливыхъ понятій.

Къ этимъ двумъ, достойнымъ всякаго уваженія, именамъ г. Самаринъ могъ бы еще присоединить имя г. Самсона фонъ Гиммельштирна, который, въ позднѣйшее

Digitized by Google

время, и по сочиненіямъ своимъ, и по участію въ преніяхъ дворянства, также не мало содѣйствовалъ къ улучшенію положенія лифляндскихъ крестьянъ.

За этой статьей помѣщена въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ перепечатанная изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ статья: *о „положеніи крестьянскаго сословія въ Молдавіи, о занятіяхъ нынѣшняго молдавскаго дивана по предмету освобожденія крестьянъ“*.

Издатель присоединилъ къ ней примѣчаніе слѣдующаго содержанія:

„Мы перепечатываемъ статью сію изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, будучи увѣрены, что читатели наши найдутъ весьма любопытныя свѣдѣнія, здѣсь сообщаемыя, о занятіяхъ нынѣшняго молдавскаго дивана по предмету освобожденія крестьянъ. Думаемъ, что изъ сей статьи мы можемъ для себя извлечь нѣсколько полезныхъ предостереженій и уроковъ. Дай Богъ, чтобы наши комитеты не презрѣли плодовъ опытности сосѣднихъ странъ, чтобы они все болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости для крестьянъ прочной, въ собственность переходящей осѣдлости, и чтобы паче всего они воздержались отъ наложенія на одно сословіе, въ пользу другаго, обязанностей многосложныхъ, не строго опредѣленныхъ“.

Изъ статьи этой видно, что въ Молдавіи крестьяне находятся въ нѣкоторой степени крѣпостной зависимости, такъ какъ переходъ ихъ изъ одного имѣнія въ другое затрудненъ множествомъ условій и формальностей и повинности ихъ въ отношеніи къ помѣщикамъ опредѣляются закономъ, а не добровольнымъ договоромъ. Порядокъ этотъ установленъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ и былъ, въ отношеніи къ размѣру повинностей крестьянъ, неоднократно измѣняемъ, однако норма барщины и оброка часто не соотвѣтствуетъ теперь дѣйствительной цѣнности земли и вольнонаемной арендной платѣ. Изъ этого возникаютъ между помѣщиками и крестьянами разныя недоразумѣнія и неудовольствія. Тамъ, гдѣ законная норма повинностей ниже вольной арендной цѣны, помѣщики весьма стѣснены правиломъ, которое обязываетъ ихъ надѣлять землею прибылыхъ крестьянъ за узаконенныя повинности. Теряя чрезъ это часть своего дохода, помѣщики стараются вознаградить свои убытки вымогательствомъ у крестьянъ лишнихъ противъ положенія повинностей всякими неправдами, возбуждающими въ народѣ негодованіе. Крестьяне не могутъ свободно располагать своимъ трудомъ, а помѣщики своею землею. Тѣ и другіе тяготятся своимъ положеніемъ. Все это происходитъ оттого, что воображали возможнымъ постоянное сохраненіе порядка, который могъ быть хорошъ лишь какъ мѣра временная, переходная. Теперь весьма многіе сознаютъ въ Молдавіи, что какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, всего лучше было бы окончательно развязаться съ обязательными взаимными своими отношеніями. Если бы крестьянамъ дали право и открыли бы возможность и средства откупиться отъ своихъ обязательныхъ повинностей и сохранить состоящія въ постоянномъ пользованіи ихъ земли, или хотя часть ихъ, на правахъ полной собственности, то помѣщики, съ помощью выкупнаго капитала, быстро увеличили бы доходъ и цѣнность остальныхъ своихъ земель, которыми они могли бы уже вполнѣ распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Взаимные интересы сблизили бы помѣщиковъ съ крестьянами; теперешній антагонизмъ между ними исчезъ бы, не было бы поводовъ къ спорамъ, жалобамъ, притѣсненіямъ. Все это ясно сознается уже въ Молдавіи большинствомъ; вопросъ въ томъ лишь: какимъ способомъ выкупить крестьянскія повинности и какое количество земли предоставить въ собственность крестьянамъ? Вопросъ этотъ, по

Digitized by Google

разногласію мнѣній и по волненію, возбужденному шумною оппозиціею нѣкоторыхъ бояръ, не могъ быть рѣшенъ диваномъ и представленъ на разсмотрѣніе парижскаго конгресса.

Въ послѣднее время вышелъ еще 6-й, іюньской, нумеръ „Сельскаго Благоустройства". Въ немъ заключаются между прочимъ слѣдующія статьи.

Статья *„о крестьянскихъ усадьбахъ" І. С. Голубцова* имѣетъ значеніе чисто практическое, т. е. не разбираетъ самого вопроса, а указываетъ на способы примѣненія предполагаемыхъ правилъ къ особымъ мѣстнымъ случаямъ. Такія статьи могутъ быть на дѣлѣ весьма полезны, но онѣ все-таки имѣютъ интересъ преимущественно для людей спеціальныхъ; притомъ достоинство и польза ихъ заключаются не въ развитіи новой идеи, но въ точности и вѣрности подробностей, которыхъ въ разборѣ сочиненія передать вполнѣ невозможно. Потому, отдавая полную справедливость подобнымъ статьямъ, мы будемъ вкратцѣ только указывать ихъ содержаніе, не вдаваясь въ подробный разборъ ихъ, который бы утомилъ большинство читателей. Тѣ же, которые хотѣли бы съ практическою цѣлью вникнуть въ подобныя статьи, тѣ должны изучать ихъ въ подлинникѣ: для нихъ недостаточно и самаго полнаго разбора. Итакъ ограничимся насчетъ статьи г. Голубцова указаніемъ, что авторъ въ статьѣ этой разбираетъ значеніе крестьянскихъ усадебъ, составъ ихъ, случаи переноса усадебъ, способъ оцѣнки и выкупа ихъ.

Въ статьѣ *г. Харламова „о надѣлѣ крестьянъ землею и объ ея оцѣнкѣ"* авторъ доказываетъ, что лучше предоставить крестьянамъ въ пользованіе всю владѣемую ими теперь пахатную землю, и опровергаетъ доводы лицъ, предполагающихъ, что выгоднѣе было бы отдѣлить въ постоянное пользованіе крестьянъ возможно меньшее количество земли. Далѣе авторъ примѣрно опредѣляетъ размѣръ оброка, разсчитанный соразмѣрно цѣнности извѣстной части хлѣба и другихъ произведеній, которыя крестьяне могутъ получить съ отданной имъ въ пользованіе земли.

Далѣе помѣщена статья Е. С. Г—ко *„о народныхъ нравахъ и обычаяхъ"* Авторъ выставляетъ лѣность малороссіянъ, склонность ихъ къ пьянству, недостаточное уваженіе къ праву собственности (онъ говоритъ, что хотя въ Малороссіи почти нѣтъ воровъ по ремеслу, но крестьяне не считаютъ грѣхомъ лѣсную порубку или потраву чужаго хлѣба), недостатокъ кредита и взаимнаго довѣрія, отсутствіе людей спеціально, технически образованныхъ и страсть крестьянъ раздроблять свои хозяйства, т. е. страсть сыновей жить отдѣльными домами отъ отцовъ своихъ и другъ отъ друга и т. п. Лѣность крестьянъ конечно происходитъ отчасти отъ зависимаго положенія ихъ. Трудолюбивымъ часто приходится отдавать господину значительную часть добытаго ими; лѣнивыхъ баринъ по неволѣ кормитъ. Когда каждый будетъ самъ отъ себя зависѣть, самъ о себѣ пещись, когда лѣнивому не на кого будетъ надѣяться, а усердный крестьянинъ будетъ увѣренъ, что заработанное имъ пойдетъ въ прокъ ему и его семейству, тогда лѣности вѣрно будетъ меньше. Что касается лѣсныхъ порубокъ и т. п., то мы читали въ сочиненіи г. Сарганта (Economy of the labouring classes), что и во Франціи онѣ не считаются въ народѣ грѣхомъ; это общая черта нравовъ народа не достаточно еще образованнаго, а не исключительно малороссійскихъ крестьянъ. Прочія обличенія автора основательны, но должно надѣяться, что все это годъ отъ году будетъ исправляться. Но не можемъ не замѣтить, что гнѣвъ г. Г—ко на пьянство завле-

Digitized by Google

каетъ его очень далеко: онъ выводитъ, что каждое семейство въ Харьковской губерніи тратитъ ежегодно на водку до 15 руб. сер., и затѣмъ высказываетъ желаніе, чтобы „правительство вовсе запретило употребленіе пѣннаго вина и установило прямой налогъ на каждое семейство по 15 руб. сер. за право пить его!“

Въ статьѣ г. Половцова: „*мысль объ освобожденіи крестьянъ въ XVIII столѣтіи*“, заключается разсказъ о предложенномъ въ 1766 г. С.-Петербургскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ конкурсѣ на тему „о пользѣ для государства отъ развитія крестьянской поземельной собственности“. Премію на конкурсѣ этомъ получило сочиненіе на французскомъ языкѣ доктора правъ Беарде (Béardé de l'Abbaye). Въ сочиненіи этомъ выведены всѣ выгоды, которыхъ должно ожидать, въ государственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, отъ предоставленія крестьянамъ личной свободы и поземельной собственности. Для своего времени, появленіе такого сочиненія и напечатаніе его въ Россіи,—фактъ весьма замѣчательный.

Къ 6-му № „Сельскаго Благоустройства“ приложена составленная И. В. Сабуровымъ „*хозяйственно-статистическая программа для описанія дворянскихъ имѣній*“. Это трудъ весьма полный, обдуманный и во многихъ отношеніяхъ полезный.

Перейдемъ теперь къ обзору вышедшихъ, съ изданія послѣдней нашей библіографической статьи, 4, 5 и 6 нумеровъ „*Журнала Землевладѣльцевъ*“.

Въ 4-мъ № помѣщенъ составленный г. Шульцемъ разборъ сочиненія г. *Сарганта* объ устройствѣ рабочихъ классовъ въ разныхъ государствахъ—Economy of the labouring classes. London 1857. Въ разборѣ этомъ извлечено изъ сочиненія г. Сарганта преимущественно все то, что относится до быта землевладѣльцевъ.

Систему хозяйственнаго устройства земледѣльческаго сословія г. Саргантъ разсматриваетъ въ четырехъ видахъ; а именно: „1) система *патріархальная*, подъ именемъ которой авторъ разумѣетъ отношеніе главы семейства къ домочадцамъ у первобытныхъ кочующихъ племенъ; 2) система *покровительственная* (patronage), существующая тамъ, гдѣ сохраняется еще рабство или крѣпостное состояніе, гдѣ работникъ служитъ господину не по найму, а по обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ находится на его попеченіи; 3) *общинное устройство* и 4) система *личной самостоятельности и личнаго владѣнія*“.

Г. Саргантъ доказываетъ, что каждая изъ системъ этихъ, представляя свои выгоды и неудобства, свойственна извѣстной эпохѣ жизни народовъ, и что каждая въ свое время можетъ быть въ извѣстной степени полезна, хотя послѣдняя система одна только возможна въ государствѣ вполнѣ развитомъ. Затѣмъ г. Саргантъ приводитъ въ примѣръ существующія нынѣ системы устройства земледѣльческаго сословія въ разныхъ государствахъ и разбираетъ послѣдствія различныхъ системъ, выражающіяся въ большемъ или меньшемъ нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи крестьянъ. Примѣры патріархальнаго устройства авторъ находитъ въ Аравіи и на Уралѣ; примѣры крѣпостнаго права у насъ въ Россіи и въ Болгаріи. Положеніе у насъ крѣпостныхъ людей онъ еще видитъ въ довольно розовомъ свѣтѣ, хотя и сознаетъ, что Россія вступаетъ въ тотъ періодъ гражданскаго своего развитія, когда уничтоженіе крѣпостнаго права дѣлается полезнымъ и необходимымъ. Между тѣмъ г. Саргантъ сильно нападаетъ на существованіе невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ и, сравнивая страну эту съ Россіею, гдѣ при-

Digitized by Google

нимаются уже мѣры къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, онъ доказываетъ, что для низшаго класса народа самодержавное правленіе часто благодѣтельнѣе республиканскаго. Общиннаго владѣнія съ передѣломъ земли по тягламъ г. Саргантъ не знаетъ, а подъ этимъ именемъ указываетъ намъ лишь на общинное пользованіе угодьями. Наконецъ изъ странъ, гдѣ развита личная самостоятельность крестьянъ, авторъ выставляетъ наилучшимъ положеніе крестьянъ въ Норвегіи, гдѣ значительно развита мелкая поземельная собственность, а самымъ жалкимъ въ Ирландіи, гдѣ населеніе состоитъ изъ бездомныхъ батраковъ или мелкихъ фермеровъ, нанимающихъ клочки земли съ полуразвалившимися хижинами за огромную цѣну.

Сравнивая положеніе земледѣльцевъ въ разныхъ государствахъ, г. Саргантъ представляетъ довольно любопытные факты о пищѣ, жилищахъ, рабочей платѣ, нравахъ и смертности крестьянъ. Но тѣмъ, кто желалъ бы ближе ознакомиться съ вліяніемъ, которое имѣетъ на крестьянъ развитіе между ними мелкой поземельной собственности, мы можемъ посовѣтовать прочесть сочиненіе Джона Стюарта Милля или по крайней мѣрѣ одну главу сочиненія этого извѣстнаго экономиста, посвященную описанію положенія крестьянъ собственниковъ. Глава эта отдѣльно переведена въ №№ 5—8 „Сына Отечества“ за нынѣшній годъ. Въ 30 № этого журнала начатъ переводъ другой части сочиненія г. Милля, а именно: „о системахъ пользованія землею“. Но возвратимся къ Журналу Землевладѣльцевъ.

Въ 4-мъ же нумерѣ помѣщена статья г. Гелинга: *„объ устройствѣ крестьянъ и помѣщичьихъ имѣній въ Литовскихъ губерніяхъ“*. Описавъ происхожденіе тамъ инвентарей, существо крестьянскихъ повинностей и устройство тамъ отдѣльныхъ ферменныхъ хозяйствъ, авторъ приходитъ къ весьма основательному заключенію, что усадьбы крестьянскія, представляющія отдѣльныя фермы, слѣдовало бы, вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ полевыми участками, отдать въ потомственное пользованіе крестьянъ за умѣренную ренту съ облегченіемъ крестьянамъ средствъ пріобрѣтенія поземельной собственности.

Въ томъ же нумерѣ Журнала Землевладѣльцевъ, еще весьма достойна вниманія статья подъ заглавіемъ: *„крестьянинъ-торговецъ“*. Это вѣрный и во многихъ отношеніяхъ весьма занимательный очеркъ быта промышленныхъ и торговыхъ крестьянъ Калязинскаго уѣзда. Тутъ мы знакомимся не только съ общими характеристическими чертами этого быта, но вникаемъ въ самую внутреннюю, вседневную жизнь крестьянина-торговца, слѣдимъ за нимъ, со вступленія его на поприще торговли, до преклонныхъ лѣтъ его, видимъ хорошую и дурную сторону его образа жизни, видимъ богатство, которое крестьянинъ-торговецъ быстро накопляетъ, благодаря своей сметливости и могучей силѣ воли, и нерѣдко также быстро расточаетъ по разгульной и безпечной своей натурѣ. Не отвергая матеріальныхъ выгодъ, доставляемыхъ краю промышленнымъ и торговымъ направленіемъ его жителей, авторъ жалѣетъ о непрочности богатства въ рукахъ крестьянина-торговца, а еще болѣе объ упадкѣ нравственности торговаго сельскаго населенія, вслѣдствіе столичной жизни молодыхъ людей и разъединенія ихъ съ семействами.

Для отвращенія этого зла, авторъ полагаетъ полезнымъ развить нравственно-религіозное образованіе крестьянъ, воспретить имъ жить на сторонѣ безъ женъ, обязать одного изъ трехъ братьевъ остаться земледѣльцемъ. Нравственно-религіозное образованіе безъ сомнѣнія полезно; но мы не можемъ рѣшиться желать

Digitized by Google

вмѣстѣ съ авторомъ вмѣшательства закона въ семейныя и хозяйственныя отношенія крестьянъ. Неужели хорошо, если бы полиція стала привязываться къ каждому женатому крестьянину, пришедшему въ городъ, отсылать его обратно въ деревню, если онъ не привезъ съ собою жены! Да этого достаточно было бы во многихъ случаяхъ, чтобы удержать крестьянъ отъ брака, а иначе какъ-же исполнить законъ, предлагаемый авторомъ статьи о крестьянахъ-торговцахъ? Обязаніе одного изъ трехъ братьевъ оставаться дома тоже было бы иногда стѣснительно для крестьянъ. Богатому и еще бодрому крестьянину-торговцу, имѣющему трехъ взрослыхъ сыновей, удобнѣе и выгоднѣе можетъ быть отпустить всѣхъ троихъ въ городъ, а завѣдывать хозяйствомъ самому съ помощью наемнаго работника. Намъ кажется, что всѣ подобныя мѣры будутъ не нужны съ распространеніемъ между крестьянами частной поземельной собственности и съ развитіемъ въ нихъ охоты къ пріобрѣтенію ея. Теперь разбогатѣвшій кростьянинъ оставляетъ дѣтямъ лишь капиталецъ да хорошую избу (оставаясь крѣпостнымъ, онъ ничѣмъ болѣе не можетъ обезпечить благосостоянія ихъ); или же онъ откупается на волю и вовсе оставляетъ свое сословіе. Современемъ, близко ли, далеко ли —не знаемъ, расторговавшійся крестьянинъ непремѣнно постарается купить въ полную и потомственную собственность порядочный участокъ земли, гдѣ онъ устроитъ дѣтямъ своимъ прочное хозяйство. Если въ Англіи разбогатѣвшій работникъ, сдѣлавшійся торговцемъ, но никогда не бывшій земледѣльцемъ, почти всегда старается сдѣлаться поземельнымъ владѣльцемъ и, оставивъ торговлю, берется для отдыха за сельское хозяйство, то неужели это стремленіе будетъ слабѣе въ нашемъ крестьянинѣ—торговцѣ, родившемся среди полей? Тогда каждый ловкій и дѣльный крестьянинъ, вступая въ торговлю, будетъ имѣть предъ собою ясную и опредѣленную цѣль: нажить капиталъ и съ помощію его сдѣлаться, вблизи роднаго селенія, маленькимъ помѣщикомъ. Конечно, эта мысль будетъ лестнѣе для него, чѣмъ надежда перейти навсегда въ городъ: тамъ онъ былъ бы мѣщаниномъ, человѣкомъ незначущимъ; у себя, въ своемъ сельскомъ обществѣ, онъ, владѣя порядочнымъ имѣньицемъ, будетъ лицомъ значительнымъ. Удастся это одному, другіе всѣми силами будутъ стараться добиться того же, и тогда нечего бояться, чтобы земледѣліе въ Калязинскомъ уѣздѣ было заброшено. Сыновья разбогатѣвшаго торговца сами, пожалуй, не пойдутъ уже въ городъ, а останутся у себя хозяйничать. Мы вполнѣ убѣждены что именно промышленные и торговые уѣзды Россіи должны быть и современемъ непремѣнно будутъ, даже и безъ вспомогательныхъ къ тому мѣръ, центромъ крестьянской поземельной собственности.

Въ 5-мъ нумерѣ Журнала Землевладѣльцевъ, мы можемъ указать на статью г. Жеребцова: *„о распространеніи знаній въ Россіи“*. Тутъ сравнивается современное состояніе просвѣщенія въ Россіи и въ западныхъ государствахъ Европы. Авторъ доказываетъ, что западная Европа далеко опередила насъ въ этомъ отношеніи, но что это происходитъ отъ нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ государственной жизни Россіи въ послѣдніе полтора вѣка, а не отъ недостатка воспріимчивости русскаго народа, такъ какъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Россія вовсе не уступала Европѣ въ просвѣщеніи и даже шла впереди ея по развитію нѣкоторыхъ государственныхъ понятій.

Далѣе слѣдуетъ небольшая статья: *„о возможности выкупа для крестьянъ не только усадебъ, но и части полевой земли“*. Въ этой статьѣ излагается

Digitized by Google

впрочемъ не система выкупа, а только оцѣнка земель и опредѣленіе цифры ежегоднаго платежа, который слѣдовало бы возложить на крестьянъ. Затѣмъ авторъ полагаетъ предоставить крестьянамъ заключать съ помѣщиками частныя сдѣлки о постепенномъ погашеніи долга за уступленную землю. Мы не споримъ съ авторомъ статьи этой относительно вѣрности его вычисленій и соглашаемся вполнѣ. что крестьяне будутъ въ состояніи и рады выкупить земли по его оцѣнкѣ, погашеніемъ долга въ 33 года; но вопросъ въ томъ: согласятся ли помѣщики отдать землю за постепенно погашаемый капиталъ? Вѣдь имѣніе приноситъ обыкновенно до 7% или хотя 6% съ капитала и при этомъ еще возвышается понемногу въ цѣнѣ. Согласится ли помѣщикъ, вмѣсто постоянныхъ 6% или 7% съ капитала, получать въ теченіе 33 лѣтъ только 5%, а потомъ ничего? Другое дѣло, если бы помѣщикъ могъ получить выкупной капиталъ или значительную часть его разомъ. Тогда бы онъ сумму эту употребилъ или на усовершенствованіе остающейся у него земли и своего хозяйства, или на промышленное предпріятіе, и во всякомъ случаѣ сталъ бы разсчитывать такъ, чтобы получить не менѣе прежняго процентовъ съ капитала своего. На такую сдѣлку многіе помѣщики конечно согласились бы, а крестьяне стали бы платить меньше прежняго (т. е. $5^1/_2$% съ цѣнности земли, а не 6% или 7%) и чрезъ 33 года освободились бы отъ всякаго долга и отъ всякихъ взносовъ, кромѣ казенныхъ податей. Такъ именно дѣлается съ имѣніями, покупаемыми министерствомъ государственныхъ имуществъ; но число ихъ очень ограничено. Гдѣ взять капиталы, чтобы расширить эту мѣру? Будетъ ли небольшое количество земли, какое авторъ статьи полагаетъ отдѣлить крестьянамъ, служить достаточнымъ обезпеченіемъ въ исправности погашенія крестьянами ссуды на выкупъ? Наконецъ возможенъ ли выкупъ крестьянами земли безъ ссуды? Вотъ три существенные вопроса, возбужденные въ насъ чтеніемъ помянутой статьи.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *„въ какихъ имѣніяхъ замѣна крѣпостнаго труда свободнымъ не будетъ убыточна“*,—г. Протасьевъ сравниваетъ стоимость обработки земли барщинными и вольнонаемными крестьянами. Тутъ уже не говорится о вознагражденіи помѣщика, *соразмѣрно потребностямъ его*, за освобожденіе крестьянъ, какъ это было выведено въ прежней статьѣ г. Протасьева, разобранной нами въ іюльской книжкѣ Современника. Но тутъ г. Протасьевъ упускаетъ также изъ виду сдѣланный имъ въ прежней статьѣ разсчетъ, по которому, если обработка земли наймомъ для помѣщика не выгодна, то отдача земли въ аренду по существующимъ вольнымъ цѣнамъ (въ Сапожковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи) еще увеличила бы доходъ помѣщиковъ, если не принимать въ разсчетъ выгоды отъ дворовыхъ и т. п. Теперь г. Протасьевъ сравниваетъ только барщинный трудъ съ вольнонаемнымъ и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Тамъ, гдѣ полевыя земли приносятъ въ средней сложности дохода не менѣе 10 руб. сереб., „владѣльцы ихъ ничего не потеряютъ отъ уничтоженія барщинской работы и могутъ безъ убытка для себя согласиться на безвозмездное увольненіе крѣпостныхъ крестьянъ. Получивъ *въ распоряженіе свое землю, находящуюся теперь въ пользованіи міра*, они, за обработкою ея наймомъ по 5 руб. сер., получатъ еще чистаго барыша по 5 руб. съ десятины, и на этотъ доходъ, *котораго теперь не имѣютъ*, обработаютъ свои поля вольными рабочими“.

Другими словами г. Протасьевъ, вопреки смыслу Высочайшихъ рескриптовъ, соглашается на уничтоженіе крѣпостнаго права безъ личнаго выкупа (и то при

Digitized by Google

извѣстныхъ выгодныхъ для помѣщика условіяхъ), только съ обращеніемъ находящейся въ пользованіи крестьянъ земли въ распоряженіе помѣщика, т. е. съ превращеніемъ всѣхъ крестьянъ въ батраковъ! Такой выводъ и опровергать, кажется, нечего, потому что онъ очевидно примѣненъ къ дѣлу быть не можетъ. Правительство не допуститъ такого оборота дѣла, да вѣрно и весьма немногіе дворяне рѣшились бы желать этого.

Въ имѣніяхъ, гдѣ поземельный доходъ ниже, г. Протасьевъ полагаетъ установить выкупъ рабочей силы; но при этомъ слѣдовало бы посредствомъ кадастра опредѣлить поземельный доходъ и потерю помѣщика отъ уничтоженія обязательнаго труда. Не говоря уже о самомъ принципѣ личнаго выкупа, мы не можемъ не замѣтить, что во всякомъ случаѣ въ имѣніи, которое находится въ условіяхъ имѣнія г. Протасьева, личный выкупъ былъ бы крайне несправедливъ въ отношеніи къ крестьянамъ, такъ какъ, хотя обработка господскихъ полей по вольному найму и обошлась бы дороже барщины, но съ другой стороны, отдача господской земли въ аренду по вольнымъ цѣнамъ, какъ видно изъ прежней статьи г. Протасьева, доставила бы 300 руб. прибыли противъ нынѣшняго дохода. Убытка же въ такомъ случаѣ г. Протасьевъ ожидаетъ главнымъ образомъ отъ освобожденія дворовыхъ людей и отъ найма домашней прислуги. При такихъ обстоятельствахъ можетъ быть рѣчь развѣ о выкупѣ дворовыхъ, а ужъ никакъ не крестьянъ, которые будутъ платить поземельной ренты болѣе, чѣмъ доставлялъ помѣщику ихъ трудъ, и ни въ какомъ случаѣ не обязаны платить за увольненіе дворовыхъ людей.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ г. *Терпигорева* предлагается учредить на акціяхъ земледѣльческое общество, которое брало бы въ аренду помѣщичьи земли, не состоящія въ пользованіи крестьянъ, и вводило бы такимъ образомъ усовершенствованіе въ системѣ хозяйства, старалось бы о размноженіи мелкихъ собственниковъ, способствовало бы разведенію шелководства и другихъ новыхъ отраслей сельской промышленности и къ распространенію въ народѣ полезныхъ свѣдѣній.

Укажемъ еще, въ томъ же 5 № Журнала Землевладѣльцевъ, на статьи: г. Грузинова—*„быть крестьянина Тамбовской губерніи“* и г. А. З—на—*„о причинахъ измельчанія и болѣзненности народа“*. Въ первой статьѣ доказывается, что матеріальное благосостояніе русскаго крестьянина стоитъ на гораздо высшей степени, нежели нѣкоторые полагаютъ, что крестьяне въ хлѣбородныхъ губерніяхъ хотя имѣютъ и худшія жилища противъ промышленныхъ крестьянъ и хуже одѣваются, но ѣдятъ хорошо и вообще нужды не терпятъ. По представленному примѣрному бюджету тамбовскаго крестьянина, который преимущественно не только кормится собственными произведеніями, но и одѣвается домашними же средствами, крестьянское семейство расходуетъ однако ежегодно деньгами 351 руб. 25 коп. (считая въ томъ числѣ уплату казенныхъ и частныхъ повинностей и наемъ земли вмѣстѣ въ 49 руб. 20 коп.), а получаетъ въ приходѣ отъ продажи разныхъ произведеній и отъ извоза зимою 354 руб. $71^1/_2$ коп. Стало быть, удовлетворяя всѣмъ своимъ главнымъ потребностямъ, не отказывая себѣ по праздникамъ въ мясной пищѣ и т. п., крестьянинъ имѣетъ еще въ остаткѣ по окончаніи года 3 р. $46^1/_2$ коп. сер.

Во второй статьѣ, напротивъ, говорится о дурномъ вліяніи на народное здо-

Digitized by Google

ровье въ Россіи неудобныхъ, тѣсныхъ, душныхъ и неопрятныхъ жилищъ крестьянъ и недостаточность сытной пищи. Впрочемъ, авторъ статьи этой кромѣ того признаетъ причинами болѣзненности народа и слишкомъ ранніе браки лицъ, недостигшихъ полнаго развитія, частыя отлучки изъ дому мужей и происходящія отъ того безнравственность и сифилитическія болѣзни, частое употребленіе вина и чаю и наконецъ недостатокъ смѣшенія породъ.

Въ 6 № Журнала Землевладѣльцевъ заслуживаетъ особаго вниманія статья г. Рощаковскаго: *„о примѣненіи основныхъ началъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Новороссійскаго края“*. Статья эта написана ясно, послѣдовательно, просто, безъ пышныхъ фразъ, а главное добросовѣстно. Если и нельзя во всемъ согласиться со взглядомъ автора, все-таки должно сознаться, что онъ писалъ cum bona fide, съ искреннимъ желаніемъ пользы, и если ошибался, то невольно, а не съ намѣреніемъ защищать интересы помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ.

Говоря о надѣлѣ крестьянъ землею, г. Рощаковскій объясняетъ, что надѣлъ этотъ дѣлается *на все время переходнаго состоянія*. Изъ этого выраженія можно бы, пожалуй, вывести, что, по окончаніи срочно-обязаннаго положенія крестьянъ, они уже потеряютъ право на постоянное пользованіе отведенной имъ землей. Но мы скорѣе приписываемъ это недомолвкѣ со стороны автора и не думаемъ, чтобы такова была его мысль. Самый надѣлъ земли онъ полагаетъ сдѣлать по числу всѣхъ ревизскихъ душъ, а не по числу наличныхъ только работниковъ. Выкупъ усадебъ авторъ полагаетъ производить по опредѣленной комитетомъ общей средней цѣнѣ. Вознагражденіе отъ крестьянъ помѣщику за отведенную имъ землю онъ полагаетъ ограничить двумя рабочими днями въ недѣлю, съ тѣмъ, чтобы цѣлому обществу было указано заранѣе количество земли, которое оно должно обработать во весь годъ по числу причитающихся рабочихъ дней. Тогда помѣщику уже не будетъ дѣла до наряда на работу отдѣльныхъ крестьянъ. Крестьяне сдѣлаются между собою и могутъ, если у нихъ есть лишнія руки, отпустить сколькихъ хотятъ изъ среды себя на постороннія заработки. Это уже будетъ не барщина, а лежащій на всемъ обществѣ годовой урокъ работы, по исполненіи коего крестьяне свободны отъ повинностей помѣщику. Пастбища, которыя должны быть въ Херсонской губерніи весьма обширны, г. Рощаковскій полагаетъ отдавать въ наемъ не всему обществу, а отдѣльнымъ крестьянамъ, взимаясь каждаго плату, пропорціонально количеству его скота. Далѣе авторъ доказываетъ необходимость признать неприкосновенною крестьянскую движимую собственность и предоставить крестьянамъ распоряжаться своимъ имуществомъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго вмѣшательства помѣщика. Эта аксіома, казалось бы, и не требовала доказательствъ; потому и самъ авторъ говоритъ, что онъ и не сталъ бы излагать своихъ убѣжденій, „если бы не прочиталъ недавно одной газетной статьи“. Жаль очень, что авторъ не указалъ статьи этой. Любопытно было бы узнать: какая газета рѣшилась оспаривать право крестьянъ распоряжаться собственнымъ имуществомъ.

Далѣе авторъ говоритъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ, о пользѣ замѣнить общественные сельскіе магазины, которые дорого стоятъ и въ которыхъ хлѣбъ постоянно портится, запасными капиталами, на которые, въ случаѣ неурожая, легко было бы, при помощи желѣзныхъ дорогъ, купить привозный хлѣбъ. Къ этому

Digitized by Google

авторъ присовокупляетъ нѣсколько соображеній о способахъ къ распространенію грамотности, къ обученію крестьянъ ремесламъ, къ призрѣнію сиротъ, больныхъ и увѣчныхъ.

Въ статьѣ г. Е. Протасьева—*„о будущемъ положеніи помѣщиковъ и крестьянъ ихъ“* изложены предположенія объ устройствѣ народныхъ школъ и сельскихъ больницъ.

Укажемъ еще на два письма, помѣщенныя въ смѣси того же № Журнала Землевладѣльцевъ.

Помѣщикъ пишетъ изъ Симбирской губерніи, что онъ спрашивалъ крестьянъ: какое впечатлѣніе произвела на нихъ *„Печатная Правда“*; они отвѣтили, что „не мало было смѣху отъ этихъ прибаутокъ“; нѣкоторые сказали, что „не понимаютъ: правда ли это или сказка“. Справедливо все то, что писалъ о „Печатной правдѣ“ г. Жемчужниковъ въ превосходномъ разборѣ, помѣщенномъ въ Русскомъ Вѣстникѣ.

Другое письмо получено редакторомъ Журнала Землевладѣльцевъ отъ Матвѣя Зыбина, вольнаго хлѣбопашца Пензенской губерніи, который прислалъ начало составленной имъ статьи. Начало это, занимающее всего одну печатную страничку, говоритъ покуда только общими словами (и довольно книжными, а вовсе не простонародными выраженіями) о необходимости облегчить сбытъ сельскихъ произведеній, о пользѣ желѣзныхъ дорогъ и обществъ для закупки по губерніямъ хлѣба. Посмотримъ, что будетъ дальше. Мы очень обрадовались, увидя въ печати первую статью русскаго крестьянина, но жалѣемъ, что онъ набрался не русскихъ словъ, отнимающихъ національный колоритъ у его статьи, въ которой вообще есть лишнія мудреныя фразы. Странно звучитъ, напримѣръ, въ устахъ крестьянина выраженіе: „нормальныя цѣны“ и т. под.

Въ послѣднихъ четырехъ книжкахъ Русскаго Вѣстника мы находимъ нѣсколько довольно замѣчательныхъ статей, имѣющихъ связь съ вопросомъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ №№ 11 и 12 помѣщена статья г. Побѣдоносцева подъ заглавіемъ: *„замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи“*. Въ статьѣ этой встрѣчается много дѣльныхъ замѣчаній и указаній на различные древніе документы, которые могутъ уяснить, съ юридической стороны, порядокъ введенія у насъ крѣпостнаго права въ нравы нашихъ предковъ и въ самое законодательство. Изъ этой статьи видно, какимъ образомъ полицейскія мѣры, имѣвшія цѣлью предотвратить бродяжничество и обезпечить казенный интересъ, послужили предлогомъ къ подчиненію одного сословія другому; какимъ образомъ власть господъ надъ крестьянами постепенно расширялась, а правительство, желая положить предѣлы произволу, освящало закономъ то, что до этого времени совершалось самовольно. Это явленіе можно сравнить съ тѣмъ, если-бы владѣлецъ поля, самовольно захваченнаго сосѣдомъ, поставилъ на самой серединѣ поля межевые знаки и сказалъ бы, что по сю сторону знаковъ этихъ сосѣдъ его полемъ владѣть не смѣетъ. Это дѣйствіе, конечно, послужило бы къ узаконенію права сосѣда на владѣніе остальною половиною захваченнаго поля. Если-бы, утвердившись тутъ, сосѣдъ сталъ опять захватывать часть остальнаго поля, а владѣлецъ сталъ бы отодвигать свою границу, кончилось бы тѣмъ, что все поле современемъ сдѣлалось бы полною собственностью сосѣда. Такъ-то и у насъ крѣпостное право вкралось сперва въ

Digitized by Google

дѣйствительную жизнь, а оттуда въ законодательство. Замѣтки г. Побѣдоносцева останавливаются на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и на узаконеніяхъ XVII вѣка; но онъ, подробнымъ разборомъ узаконеній этихъ и даже нѣкоторыхъ современныхъ имъ архивныхъ дѣлъ доказываетъ, что и въ то время „законъ не достигъ еще до понятія о безправности крѣпостнаго человѣка на судѣ, и что это понятіе образовалось уже въ ближайшую къ намъ эпоху!“

Статья г. Побѣдоносцева представляетъ вообще довольно полное юридическое изслѣдованіе разбираемаго имъ вопроса и можетъ потому служить весьма полезнымъ источникомъ для тѣхъ, кому предстоитъ важный и знаменательный трудъ составленія исторіи крѣпостнаго права въ Россіи.

Въ 13 № Русскаго Вѣстника помѣщена статья г. Бутовскаго подъ заглавіемъ: *„общинное владѣніе и собственность“*. Статья эта написана очень безпристрастно и авторъ не увлекается крайними воззрѣніями двухъ партій, изъ коихъ одна желала бы немедленнаго уничтоженія общиннаго владѣнія, а другая — поддержанія его на вѣчное время во что бы то ни стало. Г. Бутовскій сознаетъ, что самый выгодный для государства и для общественнаго благосостоянія способъ владѣнія землею есть дробная, крестьянская, поземельная, личная собственность; но этотъ способъ владѣнія сроденъ государствамъ въ окончательномъ періодѣ ихъ развитія. Эту мысль г. Бутовскій подкрѣпляетъ полной картиной постепеннаго образованія въ государствахъ понятія о собственности, перехода отъ захватнаго способа владѣнія землей къ общинному, а потомъ къ личному. Далѣе онъ доказываетъ невозможность скораго и насильственнаго уничтоженія общиннаго владѣнія и говоритъ, что у насъ земли, которыя будутъ выкуплены общинами, должны принадлежать общинамъ, но что потягольный способъ владѣнія этой землей не долженъ быть сдѣланъ обязательнымъ для крестьянъ навсегда. Такимъ образомъ общинное владѣніе само собою въ свое время уничтожится. Съ возрастаніемъ въ общинѣ числа тяголъ, прибылымъ будутъ сперва давать запасные участки; потомъ, пожалуй, станутъ увеличивать число тягловыхъ участковъ при передѣлахъ; но когда участки дойдутъ до такого размѣра, что ихъ дробить будетъ невозможно, явятся лишніе крестьяне, которые земли уже не получатъ, и передѣлы прекратятся, а участки станутъ переходить по наслѣдству, оставаясь въ одномъ и томъ же семействѣ. Тогда необходимо будетъ опредѣлить: кому оставаться въ общинѣ и кому, за недостаткомъ земли, оставить ее.

Г. Бутовскій признаетъ вредными всякія мѣры, которыя могли бы насильственно остановить такой исходъ дѣла, препятствовали бы образованію личной крестьянской собственности и приковывали бы къ малоземельной общинѣ лишнихъ крестьянъ, стѣсняя ихъ только чрезъ это въ способахъ къ заработкамъ.

Кажется, подобныхъ насильственныхъ мѣръ у насъ опасаться и нечего, когда теперь уже крестьяне имѣютъ право пріобрѣтать земли въ личную собственность и когда крестьяне, увольняемые въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, должны, по закону, или раздѣлить земли между собою при самомъ увольненіи, или опредѣлить въ увольнительномъ договорѣ способъ, по которому они могли бы сдѣлать это впослѣдствіи.

Въ слѣдующемъ 13-мъ № Русскаго Вѣстника находится начало другой статьи объ общинномъ владѣніи, г. Неелова. Онъ сперва, въ опроверженіе коммунистическихъ теорій, пространно доказываетъ законность поземельной собственности; да-

Digitized by Google

лѣе, основываясь на свидѣтельствѣ разныхъ экономистовъ, доказываетъ выгоды крестьянской поземельной собственности и превосходство личнаго владѣнія землей передъ общиннымъ, и наконецъ, для примѣненія своихъ выводовъ къ Россіи, приводитъ факты, относящіеся къ собственному его мнѣнію и представляющіе невыгодныя стороны общиннаго владѣнія. Вообще направленіе статьи этой одностороннѣе, нежели мнѣнія г. Бутовскаго. Г. Нееловъ, безусловный противникъ общиннаго владѣнія.

Возвращаясь къ предыдущему № Русскаго Вѣстника, укажемъ на статью, написанную В. П. Безобразовымъ въ опроверженіе статьи г. Николая Безобразова, защищающаго свое сочиненіе: „объ усовершенствованіи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства". В. П. Безобразовъ смотритъ на г. Николая Безобразова, какъ на замѣчательное физіологическое явленіе, и дѣйствительно разсужденія г. Николая Безобразова представляются намъ какими то не кстати воскресшими призраками давно забытыхъ средне-вѣковыхъ понятій. Кто бы подумалъ, что въ XIX вѣкѣ, когда все сочувствуетъ у насъ благимъ преобразованіямъ, предпринятымъ мудрымъ правительствомъ, когда современная литература наша такъ единодушно содѣйствуетъ развитію въ общественномъ мнѣніи человѣколюбивыхъ и справедливыхъ понятій по крѣпостному вопросу, явится магистръ законовѣдѣнія, человѣкъ стало быть образованный, который станетъ доказывать, что въ государствѣ должно быть два сословія—одно властвующее, а другое подвластное; одно просвѣщенное, предпріимчивое, а другое трудящееся; что такой порядокъ долженъ быть утвержденъ и навсегда обезпеченъ закономъ, и что въ установленіи такого закона и должно состоять предполагаемое устройство быта крестьянскаго сословія. Г. Н. Безобразовъ говоритъ, что пришелъ къ такимъ убѣжденіямъ, посредствомъ изученія историческаго хода нашего законодательства. Это обстоятельство мы можемъ объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ: г. Н. Безобразовъ замѣтилъ, что правительство наше, въ теченіе извѣстнаго времени, постепенно узаконяло расширявшуюся власть помѣщика надъ крестьянами. Принявъ явленія этой эпохи нашего законодательства за непреложный законъ историческій, г. Безобразовъ, отбросивъ все бывшее ранѣе и позже этого времени, заключилъ, что мы должны слѣдовать прежнему пути, т. е. облекать злоупотребленія въ законную форму! Между тѣмъ историческое направленіе законодательства и жизни народной можно бы кажется сравнить съ движеніемъ маятника; уклонившись до извѣстной степени отъ закона справедливости, оно непремѣнно, подъ вліяніемъ непреодолимой силы, возвращается назадъ. Въ постановленіяхъ о крестьянахъ это обратное шествіе къ лучшему началось слишкомъ полвѣка тому назадъ. Теперь Высочайшіе рескрипты объ устройствѣ губернскихъ комитетовъ нанесли уже крѣпостному праву рѣшительный ударъ—и тутъ-то г. Н. Безобразовъ вздумалъ предлагать: остановить настоящій ходъ законодательства и возвратиться къ давно-оставленной, пагубной для настоящаго времени, системѣ.

Понятія нѣсколько сходныя съ этими намъ случилось встрѣтить въ книжкѣ, изданной барономъ Нолькеномъ въ Берлинѣ въ 1857 году, подъ заглавіемъ: „Russland hatt allein noch die Wahl". Авторъ доказываетъ, что европейскія государства погубили себя либеральными преобразованіями и что Россіи одной предстоитъ еще выборъ: идти-ли по стопамъ Европы или возвратиться *къ патріархальнымъ* началамъ, т. е. установить полное подчиненіе одного сословія другому. Авторъ разсматриваетъ вопросъ съ духовной стороны и увѣряетъ, будто-бы самимъ

Digitized by Google

Богомъ такъ установлено, чтобы дворянство властвовало надъ народомъ jure divino. Возрожденіе средняго сословія, распространеніе богатства въ народѣ, всякое правительственное дѣйствіе, клонящееся къ предоставленію народу участія въ управленіи, предоставленіе гражданамъ достаточной самостоятельности, чтобы обезпечить имъ возможность трудиться для улучшенія своего положенія, все это, по мнѣнію барона Нолькена, внушается дьяволомъ, чтобы развить въ людяхъ стремленіе къ матеріальнымъ благамъ, т. е. поклоненіе Мамонѣ. Лучше, говоритъ онъ, оставаться бѣднымъ и терпѣть притѣсненія, съ увѣренностью, что это ниспосылается по волѣ Божіей, нежели возлагать надежды на собственныя силы, на собственный трудъ. Для устройства крестьянъ въ Россіи баронъ Нолькенъ предлагаетъ оставить крестьянъ навсегда крѣпостными; уничтожить деревни, замѣнивъ ихъ отдѣльными фермами и обративъ часть крестьянъ въ батраковъ; запретить оброки и ввести повсемѣстно барщину по опредѣленной закономъ нормѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію его, увѣковѣчится власть и значеніе дворянства.

Пусть тѣ, которые не повѣрятъ возможности существованія такихъ понятій, прочтутъ брошюру г. Нолькена: они увидятъ, что мы не исказили мысли его, а только сгруппировали главные его доводы, которые, конечно, такимъ образомъ рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ разбросанные по всему его сочиненію и прикрытые громкими фразами, цитатами и текстами изъ священнаго писанія.

Что подобныя идеи могутъ еще гнѣздиться и изрѣдка высказываться въ странѣ, гдѣ долго господствовала феодальная система, еще понятно. Однако и тамъ, какъ мы слышали, большинство осудило эту брошюру. Но чтобы подобныя понятія могли привиться въ Россіи, гдѣ ничего феодальнаго никогда не было, этого мы никакъ не ожидали. Несмотря на то, никакъ нельзя сказать, чтобы между брошюрой г. Николая Безобразова и сочиненіемъ барона Нолькена не было ничего общаго. Разница въ томъ, что послѣднее идетъ нѣсколько далѣе, но по тому же направленію. Потому-то книжка барона Нолькена несравненно полезнѣе: она доводитъ свои принципы до такихъ крайнихъ и дикихъ результатовъ, что служитъ имъ самымъ яркимъ опроверженіемъ. Она хоть кого вылечитъ отъ феодальнаго направленія. Это собственно и побудило насъ объ ней разговориться.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ о *„гласности въ крестьянскомъ вопросѣ“*, „Русскій Вѣстникъ“ прекрасно выводитъ несомнѣнную пользу, которую можно ожидать въ такомъ дѣлѣ отъ столкновенія противоположныхъ мнѣній, отъ критики и антикритики каждаго вопроса, отъ искреннихъ и основательныхъ преній, посредствомъ которыхъ вырабатывалось бы общественное мнѣніе.

Въ послѣднемъ 14 № Русскаго Вѣстника опять открытъ для статей по крестьянскому вопросу особый отдѣлъ.

Отдѣлъ этотъ начинается статьей отъ редакціи — въ родѣ profession de foi Русскаго Вѣстника. Тутъ доказывается, что первою цѣлью улучшенія быта крестьянскаго сословія должно быть освобожденіе труда, уничтоженіе современемъ обязательныхъ крестьянскихъ работъ; что и помѣщики при этомъ не потеряютъ, такъ какъ возвышеніе расходовъ на обработку земли вознаградится несомнѣннымъ возвышеніемъ цѣнности произведеній и самой поземельной собственности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ „Русскій Вѣстникъ“ признаетъ необходимымъ предоставить крестьянамъ въ постоянное пользованіе земли, коими они доселѣ владѣли; обмѣнъ земель и переносъ усадебъ онъ полагаетъ допускать только въ видѣ исключеній, въ слу-

Digitized by Google

чаѣ дѣйствительной въ томъ необходимости, а отнюдь не по произволу помѣщика. Уничтоженіе черезполосности можетъ совершиться и впослѣдствіи посредствомъ полюбовныхъ размежеваній и не должно теперь задерживать хода и успѣха главной реформы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія „Русскій Вѣстникъ“ приводитъ весьма замѣчательные факты о томъ, что мѣры къ уничтоженію черезполосности въ Германіи приняты были гораздо позже освобожденія крестьянъ и даже выкупа ими земель; а именно: въ Веймарѣ—въ 1848 году; въ Ангальтъ-Дессау и Ангальтъ-Кетенѣ—въ 1850 году; въ Ганноверѣ, Готѣ, Кобургѣ—въ 1853 году; въ Мейнингенѣ — въ 1855 году; въ Шварцбургъ-Рудольштадтѣ — въ 1856 году; въ Альтенбургѣ—въ 1857 году; и въ нынѣшнемъ лишь году—въ герцогствѣ Гессенскомъ; въ Австріи размежеваніе еще не начиналось. Между тѣмъ въ Германіи существуетъ мѣстами значительная черезполосность въ поземельномъ владѣніи; такъ приведенная Русскимъ Вѣстникомъ въ примѣръ община Кирхгеймъ раздроблена на 5600 полосъ, принадлежащихъ 413 владѣльцамъ; и это не помѣшало выкупу земли.

Конечнымъ, наиболѣе желательнымъ результатомъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ, „Русскій Вѣстникъ“ признаетъ выкупъ владѣемой ими земли въ полную собственность. Но признавая преимущество полной крестьянской поземельной собственности передъ условнымъ пользованіемъ или совладѣніемъ земли помѣщиками и крестьянами (когда послѣдніе будутъ имѣть ее въ постоянномъ пользованіи, а первые получатъ съ нея опредѣленный доходъ), „Русскій Вѣстникъ“ не считаетъ однако нужнымъ повсемѣстнаго, обязательнаго выкупа земли крестьянами, а полагаетъ: предоставить выкупъ этотъ соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами и содѣйствовать оному посредствомъ поземельнаго кредита. „Русскій Вѣстникъ“ полагаетъ, что тогда продажа крестьянамъ земли, отданной имъ въ вѣчное пользованіе, будетъ выгодна для помѣщиковъ, ибо развяжетъ ихъ окончательно съ обязательными отношеніями къ крестьянамъ и доставитъ имъ оборотный капиталъ для улучшенія обработки господской земли, которая остается въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи помѣщика.

Предположеніе это совершенно вѣрно. Мы прибавимъ еще къ этому, что распродажа земли по мелочи такъ выгодна уже сама по себѣ, что, пожалуй, составитъ еще предметъ спекуляціи, какъ это случилось въ Лифляндіи. Когда, послѣ 1849 года, былъ тамъ учрежденъ особый банкъ для выдачи крестьянамъ ссудъ на выкупъ поземельныхъ участковъ, многіе помѣщики (для поддержанія ли своего значенія и вліянія на крестьянъ, или по другимъ соображеніямъ) не захотѣли воспользоваться этимъ случаемъ продать свои земли крестьянамъ; но нашлись люди болѣе разсчетливые, которые покупали цѣлыя имѣнія, собственно съ цѣлью распродать тотчасъ же крестьянскіе участки, и они остались въ барышѣ. Мы слышали про одно имѣніе, которое было куплено за 80,000 руб. сер.; вслѣдъ затѣмъ состоящія въ пользованіи крестьянъ земли были отдѣльно распроданы и съ нихъ выручены всѣ эти 80,000 руб. Впослѣдствіи оставшаяся господская земля тоже продана за 80,000 руб. Такимъ образомъ на этомъ имѣніи, въ довольно короткое время, вырученъ капиталъ на капиталъ!

Остальныя статьи, помѣщенныя въ этомъ отдѣлѣ 14 № Русскаго Вѣстника, не много представляютъ особенно новаго и замѣчательнаго.

Г. *Дмоховскій* въ статьѣ объ усадебномъ устройствѣ крестьянъ, послѣ нѣко-

Digitized by Google

торыхъ общихъ разсужденій, пространно доказываетъ, что желѣзные заводы гг. Шепелевыхъ потерпѣли бы убытокъ и недостатокъ въ рабочихъ отъ предоставленія усадебъ въ собственность приписаннымъ къ симъ заводамъ крестьянамъ.

Г. *Тихменевъ* въ статьѣ о крѣпостномъ правѣ и его стоимости выводитъ, что выкупъ усадебъ долженъ вознаградить помѣщика за убытки, которые онъ можетъ потерпѣть при увольненіи крестьянъ. Потому, для опредѣленія выкупной суммы, слѣдуетъ вычислить нынѣшнюю стоимость имѣнія и вычесть изъ суммы этой стоимость остающейся земли за отдѣленіемъ усадебной; остатокъ должно раздѣлить на число крестьянскихъ дворовъ въ имѣніи и получится сумма, слѣдующая помѣщику за выкупъ каждой усадьбы. Авторъ полагаетъ возможнымъ, по средней стоимости населенныхъ имѣній и собственно земли, опредѣлить для каждаго уѣзда нормальную цѣну крестьянскихъ усадебъ.

Наконецъ небольшія статьи гг. Р—ва и Ланге, опираясь на наше законодательство, доказываютъ несправедливость требованія съ крестьянъ личнаго выкупа. Если бы можно было вполнѣ высказаться по этому предмету, то слѣдовало бы когда нибудь вопросъ о личномъ выкупѣ крестьянъ разобрать по подробнѣе и постараться опровергнуть основательно всѣ доводы, представляемые въ пользу его, если не въ печати, то весьма часто въ разговорахъ.

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ V.

Правительственныя распоряженія по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Высочайшіе рескрипты.

I.

Начальнику Пермской губерніи.

Дворянство Пермской губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія пермскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Пермской губерніи, на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Перми особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ среды себя предсѣдателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Пермской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

Digitized by Google

3) При устройствѣ будущаго отношенія помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Пермской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Пермской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Пермской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

II.

Начальнику Вятской губерніи.

Дворянство Вятской губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія вятскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Вятской губерніи на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Вяткѣ особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ своей среды предсѣдателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Вятской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

Digitized by Google

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету.

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Вятской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Вятской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Вятской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

III.

Начальнику Олонецкой губерніи.

Дворянство Олонецкой губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія олонецкаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Олонецкой губерніи на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Петрозаводскѣ особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными имѣніями и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ среды себя предсѣдателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Олонецкой губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ

Digitized by Google

быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Олонецкой губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитеру надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Олонецкой губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Олонецкой губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Въ Гатчинѣ,
15 октября 1858 г.

Списки членамъ и кандидатамъ Дворянскихъ Комитетовъ, по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

I. *Могилевской губерніи.*

По Могилевскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Василій Королько, коллежскій секретарь Иванъ Сипайло; кандидатъ имъ, депутатъ дворянства поручикъ Константинъ Карницкій. По Быховскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Яковъ Бишевскій, инженеръ-подпоручикъ Эдуардъ Жуковскій; кандидатъ имъ, коллежскій регистраторъ Антонъ Шанявскій. По Рогачевскому уѣзду *). Члены: гвардіи подпоручикъ Людвигъ Осиповъ Случановскій, губернскій секретарь Александръ Фромандіеръ. По Гомельскому уѣзду. Члены: Могилевскій совѣстный судья, штабсъ-ротмистръ Иванъ Пересвѣтъ-Солтанъ, подпоручикъ Іосифъ Усиновичъ; кандидатъ имъ, инженеръ-штабсъ-капитанъ Константинъ Байковъ. По Чериковскому уѣзду. Члены: прапорщикъ Дмитрій Голынскій, засѣдатель Могилевской палаты гражданскаго суда, коллежскій ассесоръ Ѳеофилъ Каменскій; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Иванъ Василевскій. По Сѣннинскому уѣзду. Члены: губернскій секретарь Казиміръ Дунинъ, коллежскій регистраторъ Мечеславъ Свенторжецкій; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Людвигъ Гарновскій. По Оршанскому уѣзду. Члены: предсѣдатель Могилевской палаты гражданскаго суда, статскій совѣтникъ Евстафій Коловратъ-Червинскій, подпоручикъ Павелъ Бржозовскій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Андрей Вируля. По Копыскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Викентій Славинскій, штабсъ-ротмистръ Игнатій Менжинскій; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Витольдъ Славинскій. По Мстиславскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Казиміръ Стаховскій, чиновникъ 10 класса Михаилъ Войничъ-

*) Кандидатъ по Рогачевскому уѣзду начальникомъ губерніи еще не утвержденъ, за неполученіемъ свѣдѣній отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

Digitized by Google

Сяноженскій; кандидатъ имъ, капитанъ Александръ Руцинскій. По Климовицкому уѣзду. Члены: корнетъ Игнатій Комаръ, титулярный совѣтникъ Игнатій Цехановецкій, кандидатъ имъ, Игнатій Зубовичъ. По Чаусовскому уѣзду. Члены: капитанъ Яковъ Ракуса-Сущевскій, коллежскій регистраторъ Антонъ Ходкевичъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Евгеній Маковецкій. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: коллежскій регистраторъ Степанъ Голынскій и подполковникъ Александръ Менжинскій.

II. *Рязанской губерніи.*

По Рязанскому уѣзду. Члены: поручикъ кн. Николай Дмитріевичъ Волконскій, поручикъ Григорій Петровичъ Приклонскій; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Гавріилъ Тверитиновъ. По Данковскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Леонидъ Матвѣевичъ Муромцевъ, прапорщикъ Ѳедоръ Дмитріевичъ Ошанинъ; кандидадъ имъ, подполковникъ Александръ Алексѣевичъ Хонинъ. По Михайловскому уѣзду. Члены: артиллеріи капитанъ Петръ Николаевичъ Сухотинъ, надворный совѣтникъ Сергѣй Платоновичъ Голубцевъ; кандидатъ имъ, поручикъ Петръ Николаевичъ Шепелевъ. По Раненбургскому уѣзду. Члены: поручикъ Василій Михайловичъ Сафоновъ, гвардіи штабсъ-капитанъ князь Сергѣй Васильевичъ Волконскій; кандидатъ имъ, поручикъ Владиміръ Павловичъ Сѣровъ. По Сапожковскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Евгеній Андреевичъ Протасьевъ, коллежскій секретарь Дмитрій Васильевичъ Протасьевъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Михаилъ Дмитріевичъ Галаховъ. По Гронскому уѣзду. Члены: генералъ-майоръ Алексѣй Петровичъ Муратовъ, коллежскій совѣтникъ Ѳедоръ Сергѣевичъ Офросимовъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Николай Михайловичъ Цѣпинъ. По Ряжскому уѣзду. Члены: поручикъ Василій Михайловичъ Ключаревъ, подпоручикъ Андреянъ Семеновичъ Арсеньевъ; кандидатъ имъ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Крапоткинъ. По Касимовскому уѣзду. Члены: флота капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Рыкачевъ, поручикъ Александръ Андреевичъ Павловъ; кандидатъ имъ, поручикъ князь Александръ Николаевичъ Максутовъ. По Спасскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Колеминъ, коллежскій секретарь Петръ Тимофеевичъ Плюсковъ; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Василій Алексѣевичъ Сазоновъ По Зарайскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Николай Михайловичъ Лихаревъ, штабсъ-капатанъ Петръ Николаевичъ Селивановъ, кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Иванъ Львовичъ Злобинъ. По Скопинскому уѣзду *). Члены: коллежскій совѣтникъ Владиміръ Афанасьевичъ Бѣгичевъ, подполковникъ Василій Павловичъ Насакинъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: надворный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Кошелевъ, гвардіи ротмистръ Михаилъ Дмитріевичъ Масловъ. *Примѣчаніе.* Члены и кандидаты отъ Егорьевскаго уѣзда еще не избраны.

III. *Саратовской губерніи.*

По Саратовскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Слѣпцовъ, штабсъ-капитанъ Буковскій; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Зотовъ. По Балашевскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства статскій совѣтникъ Елагинъ, надворный совѣтникъ Барышниковъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Фохтъ. По Кузнецкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Галицкій, коллежскій совѣтникъ Иконниковъ; кандидатъ имъ, полковникъ Немировичъ-Данченко. По Петровскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, поручикъ Аристовъ, ротмистръ Топорнинъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Аристовъ. По Хвалынскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Закревскій, поручикъ Городецкій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Бѣгичевъ. По Камышинскому уѣзду. Члены: штабсъ-ротмистръ Персидскій; кандидатъ имъ, подполковникъ Ершовъ. По Царицынскому уѣзду Члены: гвардіи ротмистръ Мельниковъ, губернскій секретарь Ровинскій. По Волгскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Жарскій, титулярный совѣтникъ Аплечѣевъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Виноградскій. По Аткарскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Слѣпцовъ, губернскій

*) Объ избраніи кандидатовъ отъ Скопинскаго уѣзда сдѣлано начальникомъ губерніи распоряженіе.

Digitized by Google

секретарь Фохтъ; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Вагверъ. По Сердобскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства штабсъ-ротмистръ Ознобишинъ, надворный совѣтникъ Акимовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Акимовъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: титулярный совѣтникъ князь Лобановъ-Ростовскій, коллежскій регистраторъ князь Оболенскій.

IV. *Витебской губерніи.*

По Суражскому уѣзду. Члены: чиновникъ 12 класса Рафаилъ Осиповичъ Богдановичъ, коллежскій регистраторъ Михаилъ Францевичъ Лиссовскій; кандидаты имъ, Данилъ Даниловичъ Водзяницкій, штабсъ-капитанъ Константинъ Ивановичъ Шембель. По Витебскому уѣзду. Члены: Алексѣй Цѣхановскій, Модестъ Осиповичъ Рекецъ; кандидатъ имъ, Станиславъ Дроздовскій. По Рѣжицкому уѣзду. Члены: Казиміръ Венедиктовичъ Водынскій, Юстіанъ Бонифатьевичъ Загорскій; кандидаты имъ, Игнатій Ромуальдовичъ Богомолецъ и Владиславъ Станиславовичъ Солтанъ По Лепельскому уѣзду. Члены: штабсъ-ротмистръ Евгеній Антоновичъ Снарскій, губернскій секретарь Казиміръ Ефстафьевичъ Пржисецкій; кандидаты имъ, коллежскій регистраторъ Яковъ Викентьевичъ Лиссовскій и коллежскій регистраторъ Алоизій Михайловичъ Хрептовичъ. По Новельскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства Игнатій Дементьевичъ Потриковскій, капитанъ гвардіи Алексѣй Михайловичъ Жуковскій; кандидаты имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Евреиновъ и губернскій секретарь Викентій Осиповичъ Лесневскій. По Дризенскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Игнатій Ефстафьевичъ Храповицкій, губернскій секретарь Левъ Владиміровичъ Сулистровскій; кандидатъ имъ, коллежскій регистраторъ Михаилъ Іосифовичъ Щиттъ и губернскій секретарь Валеріанъ Іосифовичъ Гржималовскій. По Себежскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ графъ Густавъ Михайловичъ Вѣльгорскій, коллежскій ассесоръ Іосифъ Дементьевичъ Лабунскій; кандидаты имъ, губернскій секретать Викторъ Осиповичъ Корсакъ и штабсъ-капитанъ Августъ Антоновичъ Торгонскій. По Люцинскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Иванъ Игнатьевичъ Липскій, коллежскій ассессоръ Іосифъ Антоновичъ Родзевичъ; кандидаты имъ, ротмистръ Александръ Ивановичъ Зарембо и коллежскій регистраторъ Кипріанъ Францовичъ Шантырь. По Велижскому уѣзду. Члены: поручикъ Александръ Александровичъ Гернгросъ, подполковникъ Селиванъ Ивановичъ Глинскій; кандидатъ имъ, поручикъ Михаилъ Семеновичъ Кавецкій. По Городскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Богданъ Степановичъ Азанчевскій, Иванъ Людвиговичъ Галіофъ; кандидаты имъ, титулярный совѣтникъ Антонъ Фелиціановичъ Яхимовичъ и капитъ Константинъ Николаевичъ Бессарабскій. По Полоцкому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Петръ Кулешо, штабсъ-ротмистръ Артуръ Рошковскій; кандидаты имъ, коллежскій регистраторъ Эдуардъ Реуттъ и Николай Медунецкій. По Динабургскому уѣзду. Члены: инженеръ-капитанъ графъ Станиславъ Михайловичъ Плятеръ-Зибертъ, майоръ графъ Людвигъ Казимировичъ Плятеръ; кандидаты имъ, коллежскій секретарь Іосифъ Ивановичъ Млодзяновскій и губернскій секретарь Эразмъ Ипполитовичъ Корсакъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: бывшій губернскій предводитель дворянства Николай Денисьевичъ Гребнецкій и полоцкій уѣздный предводитель дворянства Іосифъ Игнатьевичъ Реуттъ.

V. *Псковской губерніи.*

По Псковскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ князь Ѳедоръ Васильевичъ Шаховскій, артиллеріи штабсъ-капитанъ Иванъ Карловичъ фонъ-Стакельбергъ; кандидатъ имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Аничковъ. По Островскому уѣзду. Члены: капитанъ Іосифъ Яковлевичъ Бартошъ, полковникъ Александръ Алексѣевичъ Серебряковъ; кандидатъ имъ, капитанъ-лейтенантъ Петръ Павловичъ Васильевъ. По Опочецкому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Николай Карповичъ Клингенбергъ, артиллеріи подполковникъ графъ Яковъ Карловичъ Сиверсъ; кандидатъ имъ, инженеръ-поручикъ Николай Дмитріевичъ Бизюкинъ. По Новоржевскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Леонидъ Алексѣевичъ Львовъ, надворный совѣтникъ Иванъ Карловичъ Мейеръ; канди-

Digitized by Google

датъ имъ, титулярный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Никитинъ. По Великолуцкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, гвардіи капитанъ Ѳедоръ Дмитріевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, артиллеріи подпоручикъ Петръ Павловичъ Хмѣлевъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Павелъ Петровичъ Гершау. По Торопецкому уѣзду. Члены: поручикъ Генрихъ Густавовичъ Вольтеръ, полковникъ Василій Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Фріезъ. По Холмскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства коллежскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, поручикъ Мираксъ Александровичъ Нащокинъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Андрей Ивановичъ Раздеришинъ. По Порховскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Крекшинъ, коллежскій совѣтникъ Николай Степановичъ Волковъ; кандидатъ имъ, генералъ-майоръ Александръ Петровичъ Бибиковъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: отставной поручикъ Михаилъ Александровичъ Назимовъ, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Николаевичъ Кутузовъ.

VI. *Таврической губерніи.*

По Симферопольскому и Ялтинскому уѣздамъ. Члены: ротмистръ Аристидъ Ревеліоти, штабсъ-ротмистръ Брамсъ; кандидатъ имъ, поручикъ Руссетъ. По Ѳеодосійскому уѣзду. Члены: гвардіи поручикъ Рудзевичъ, поручикъ Дульветовъ; кандидатъ имъ, поручикъ Каламара. По Евпаторійскому и Перекопскому уѣздамъ. Члены: надворный совѣтникъ Делаграматикъ, титулярный совѣтникъ Маценко; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Спиридонъ Лампси. По Днѣпровскому уѣзду *) Члены: надворный совѣтникъ Бурачковъ, гвардіи полковникъ графъ Канкринъ. По Мелитопольскому и Бердянскому уѣздамъ. Члены: коллежскій секретарь Иваненко, штабсъ-ротмистръ Иваненко; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-ротмистръ Поповъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: губернскій секретарь Шатиловъ, отставной поручикъ Давыдовъ.

VII. *Минской губерніи* **).

По Минскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій секретарь Игнатій Степановичъ Богдашевскій, коллежскій регистраторъ Болеславъ Чеславовичъ Свѣнторжецкій. По Борисовскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Викторъ Флоріановичъ Семда, губернскій секретарь графъ Константинъ Піевичъ Тышкевичъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Игнатій Іосифовичъ Бѣлинскій. По Игуменскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Августъ Онуфріевичъ Янишевскій, коллежскій регистраторъ Яковъ Сильвестровичъ Лукашевичъ. По Рѣчицкому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Оттонъ Игнатьевичъ Горватъ, инженеръ-капитанъ Эдмундъ Ѳомичъ Лащъ. По Пинскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Александръ Александровичъ Скирмунтъ, коллежскій секретарь Матвѣй Адамовичъ Тукальскій-Нелюбоемчъ. По Слуцкому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Казиміръ Казиміровичъ Еленскій, прапорщикъ Брониславъ Францовичъ Залѣсскій. По Новгородскому уѣзду. Члены: отставной штабсъ-ротмистръ графъ Александръ Осиповичъ О'Руркъ, отставной штабсъ-ротмистръ Карлъ Осиповичъ Кашицъ. По Бобруйскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Доминиковичъ Лаппо, лейбъ-гвардіи капитанъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ; кандидатъ имъ, коллежскій регистраторъ Евгеній Робертовичъ Прушановскій. По Мозырскому уѣзду. Члены: помѣщикъ Наполеонъ Феликсовичъ Еленскій, коллежскій секретарь Артуръ Даниловичъ Горватъ. *Примѣчаніе.* О членахъ по назначенію правительства затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

VIII. *Новгородской губерніи.*

По Новгородскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, гвардіи штабсъ-ротмистръ князь Николай Евграфовичъ Мышецкій, коллежскій ассесоръ Степанъ Дмитріе-

*) Объ избраніи кандидата отъ Днѣпровскаго уѣзда затребованы свѣдѣнія отъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора.

**) По нѣкоторымъ уѣздамъ кандидатовъ въ семъ спискѣ не показано, ибо о выборѣ ихъ затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

Digitized by Google

вичъ Струговщиковъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Михаилъ Дмитріевичъ Струговщиковъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Михаилъ Дмитріевичъ Бобылевъ. По Крестецкому уѣзду. Члены: уѣздный судья, подпоручикъ Николай Дмитріевичъ Косаговскій, штабсъ-капитанъ Василій Петровичъ Розенбергъ; кандидатъ имъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Кемѣцкій. По Демьянскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Петръ Ѳедоровичъ Пуцинъ, гвардіи штабсъ-ротмистръ Александръ Ѳедоровичъ фонъ-Фрикенъ; кандидатъ имъ, Ришардъ Фаддеевичъ Богуславскій. По Тихвинскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Александръ Александровичъ Дейхманъ. По Череповскому уѣзду. Члены: лейтенантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, поручикъ Иванъ Петровичъ Хорзеевъ; кандидатъ имъ, лейтенантъ Евгеній Николаевичъ Егорьевскій. По Кириловскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Арсеній Арсеньевичъ Богдановичъ, полковникъ Михаилъ Антоновичъ Ѳедоровъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Владиміръ Михайловичъ Скрипицинъ. По Валдайскому уѣзду. Члены: подпоручикъ Павелъ Павловичъ Косаговскій, поручикъ Петръ Ивановичъ Щукинъ; кандидатъ имъ, полковникъ Александръ Францовичъ де-Воланъ. По Боровицкому уѣзду. Члены: капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Ѳедоровичъ Доможировъ, надворный совѣтникъ Ѳедоръ Петровичъ Товаровъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Ѳедоръ Яковлевичъ Мейснеръ. По Бѣлозерскому уѣзду. Члены: полковникъ Петръ Петровичъ Поповъ, чиновникъ 10 класса Владиміръ Александровичъ Владимірскій; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Николай Петровичъ Поповъ. По Устюжскому уѣзду. Члены: поручикъ Аѳанасій Ивановичъ Шилингъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Позенъ *). Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Желѣзновъ, камеръ-юнкеръ двора Его Императорскаго Величества князь Павелъ Васильевичъ Голицынъ.

IX. *Тульской губерніи.*

По Тульскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Коптевъ, флота-капитанъ-лейтенантъ Воейковъ; кандидатъ имъ, поручикъ Сурменевъ. По Алексинскому уѣзду. Члены: гвардіи подпоручикъ Васильчиковъ, коллежскій регистраторъ Новосельскій; кандидатъ имъ генералъ-майоръ Бибиковъ. По Каширскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Норовъ, бывшій Тульскій губернскій предводитель дворянства, гвардіи полковникъ Волоцкой; кандидатъ имъ, маіоръ Золотаревъ. По Веневскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Марковъ, коллежскій ассесоръ Пушкинъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Цѣнинъ. По Епифановскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Карбоньеръ, титулярный совѣтникъ Бибиковъ; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Хрущовъ. По Богородицкому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Ушаковъ, титулярный совѣтникъ фонъ-Менгденъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Ринкъ, инспекторъ Тульской врачебной управы. По Ефремовскому уѣзду. Члены: чиновникъ 12 класса Свѣчинъ, прапорщикъ Игнатьевъ: кандидатъ имъ, артиллеріи штабсъ-капитанъ Шидловскій. По Новосельскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ Глазуновъ, гвардіи капитанъ Кирѣевъ; кандидатъ имъ, поручикъ Сухотинъ. По Чернскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-ротмистръ Мининъ-Чирнскій, уѣздный предводитель дворянства, поручикъ Чижовъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Левицкій. По Крапивинскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Брюковъ, полковникъ Кулешовъ; кандидатъ имъ, гвардіи полковникъ Голиковъ. По Одоевскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Татариновъ, коллежскій ассесоръ Тихмененъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Арбузовъ. По Бѣлевскому уѣзду. Члены: подполковникъ баронъ Черкасовъ, коллежскій секретарь Елагинъ; кандидатъ имъ, гвардіи поручикъ Павловъ. Члены назначенные начальникомъ губерніи: коллежскій секретарь князь Черкасскій, титулярный совѣтникъ Самаринъ.

X. *Ярославской губерніи.*

По Ярославскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Яковъ Николаевичъ Дружининъ, штабсъ-ротмистръ Дмитрій Александровичъ Варенцовъ; кандидатъ имъ, капитанъ

*) Объ избраніи кандидата по Устюжскому уѣзду затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

Digitized by Google

князь Дмитрій Семеновичъ Урусовъ. По Ростовскому уѣзду. Члены: маіоръ Владиміръ Николаевичъ Хомутовъ, титулярный совѣтникъ Сергѣй Ивановичъ Леонтьевъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Николай Дмитріевичъ Полубояриновъ. По Угличскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Псомасъ, подпоручикъ Измаилъ Владиміровичъ Перхуровъ; кандидатъ имъ, поручикъ Дмитрій Лавровичъ Остолоповъ. По Рыбинскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Хомутовъ, чиновникъ 8 класса Александръ Васильевичъ Костылевъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Николай Николаевичъ Сабанѣевъ. по Мышкинскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Ростиславъ Аѳанасьевичъ Башмаковъ, капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Ивановитъ Ниловъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Алексѣй Николаевичъ Тютчевъ. По Мологскому уѣзду. Члены: губернскій секретарь Николай Андреевичъ Чистяковъ, гвардіи ротмистръ Николай Андреевичъ Глѣбовъ; кандидатъ имъ, поручикъ Николай Сергѣевичъ Кругликовъ. По Пошехонскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Иванъ Петровичъ Баркъ-Петровскій, поручикъ Кирилъ Александровичъ Черносвистовъ; кандидатъ имъ, артиллеріи поручикъ Михаилъ Владиміровичъ Берсеневъ. По Любимскому уѣзду. Члены: подпоручикъ Николай Николаевичъ Болотовъ, штабсъ-капитанъ Александръ Григорьевичъ Передковъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Петръ Петровичъ Пановъ. По Даниловскому уѣзду Члены: коллежскій регистраторъ Павелъ Николаевичъ Дубровинъ, поручикъ Павелъ Ивановичъ Кругликовъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Андрей Васильевичъ Шестаковъ. По Романовоборисоглѣбскому уѣзду. Члены: гвардіи ротмистръ Демосѳенъ Васильевичъ Васильевъ; капитанъ-лейтенантъ Александръ Петровичъ Рыкачевъ; кандидатъ имъ, поручикъ Николай Николаевичъ Степановъ.

Примѣчаніе. О членахъ по назначенію Правительства затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

О перемѣнахъ въ личномъ составѣ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ до 11 сентября 1858 года.

По Московскому. Членомъ отъ Клинскаго уѣзда, на мѣсто умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Визина, назначенъ кандидатъ, статскій совѣтникъ Волковъ, а на мѣсто сего послѣдняго избранъ кандидатомъ находящійся въ безсрочномъ отпуску гусарскаго Его Высочества герцога Лейхтенбергскаго полка подполковникъ Иванъ Сергѣевичъ фонъ-Визинъ; членомъ отъ Серпуховскаго уѣзда, вмѣсто генералъ-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, назначенъ кандидатъ, поручикъ князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ.

По Костромскому. Членомъ отъ Юрьевецкаго уѣзда, на мѣсто губернскаго секретаря Кетова, назначенъ кандидатъ штабсъ-капитанъ Петръ Ивановичъ Домашневъ, а на мѣсто сего послѣдняго кандидатомъ поручикъ Всеволодъ Никаноровичъ Кетовъ; членомъ отъ Солигаличскаго уѣзда, на мѣсто титулярнаго совѣтника Бартенева, назначенъ кандидатъ, штабсъ-капитанъ Михаилъ Ксенофонтовичъ Болотовъ; отъ Кинешемскаго уѣзда избранъ 2-й кандидатъ, артиллеріи поручикъ Александръ Гавриловичъ Герасимовъ; назначенъ членомъ отъ Буйскаго уѣзда, вмѣсто полковника Мошкова, кандидатъ, гвардіи прапорщикъ Лермонтовъ.

По Харьковскому. Кандидатомъ отъ Лебединскаго уѣзда избранъ коллежскій ассесоръ Александръ Петровичъ Святогоръ Штепинъ.

По Рязанскому. Отъ Егорьевскаго уѣзда*) избраны членами: статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Риманъ и коллежскій секретарь Александръ Михайловичъ Аѳонасьевъ, а кандидатомъ—коллежскій секретарь Николай Петровичъ Зміевъ. Кандидатомъ отъ Скопинскаго уѣзда назначенъ поручикъ Лихаревъ.

По Минскому. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: генералъ маіоръ графъ Флоріанъ Севериновичъ Ржевускій и поручикъ Александръ Владиславовичъ Оскерко.

---

*) При общихъ выборахъ, членовъ и кандидата отъ Егорьевскаго уѣзда назначено не было.

Digitized by Google

По Новгородскому. Членомъ отъ Кириловскаго уѣзда, вмѣсто предводителя дворянства, коллежскаго ассесора Арсенія Арсеньевича Богдановича, назначенъ начальникомъ губерніи коллежскій регистраторъ Николай Арсеньевичъ Богдановичъ.

По С.-Петербургскому. Членомъ отъ Петергофскаго уѣзда, вмѣсто уѣзднаго предводителя дворянства, ротмистра Зиновьева, назначенъ кандидатъ, статскій совѣтникъ Пейкеръ.

Открыты губернскіе комитеты по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Могилевѣ 16, въ Рязани 26 августа, въ Саратовѣ, Пензѣ и Тамбовѣ 2, и въ Тулѣ 5 сентября.

Слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ представителямъ дворянскаго сословія разныхъ губерній, во время путешествія Его Императорскаго Величества по Россіи.

I.

Въ Вологдѣ, за нѣсколько минутъ до общаго представленія, губернскій предводитель дворянства Баграковъ былъ, черезъ графа Адлерберга 2-го, приглашенъ во внутренніе покои (кабинетъ) Его Величества, и встрѣченъ милостивыми словами: „Я исполнилъ Свое обѣщаніе быть у васъ“. Государь Императоръ продолжалъ: „Вологодское дворянство всегда отличалось своею преданностью къ престолу, а потому Я вполнѣ увѣренъ, что и въ настоящее время, въ общемъ дѣлѣ, оно, по мѣрѣ силъ, будетъ споспѣшествовать исполненію Моихъ предначертаній“. Губернскій предводитель отвѣчалъ: „Вологодское дворянство всегда готово исполнить благія предначертанія Вашего Императорскаго Величества, и въ настоящемъ дѣлѣ не станетъ въ ряду послѣднихъ губерній: мы уже имѣли счастіе доказать любовь къ своему Государю и преданность Его престолу, сформировавъ, въ минувшую войну, полный комплектъ офицеровъ на десять дружинъ изъ трехъ дворянскихъ уѣздовъ“.

Потомъ Государь Императоръ, выйдя въ пріемную залу къ дворянамъ, былъ такъ милостивъ, что каждаго удостоилъ разговоромъ, и въ заключеніе сказалъ: „Господа! Я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете Моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу, и затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общей выгодою“.

II.

Тверскому дворянству, крестьянскій комитетъ котораго только-что приступилъ къ своей дѣятельности, Государь Императоръ изволилъ сказать:

„Господа! Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить Мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало Мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и Мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь Я вамъ поручилъ дѣло, важное для Меня и для васъ—дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое довѣріе. Лицамъ, изъ вашей среды избраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ: обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобъ было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ Моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе Мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы нашихъ крестьянъ: поэтому Я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобъ было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть спокоенъ! вы Меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положеніе комитета поступитъ чрезъ министерство на Мое утвержденіе. Я ужъ приказалъ отдать распоряженіе, чтобъ изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствій и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойдтись нельзя, наша цѣль

Digitized by Google

одна—общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете Мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе, убѣжденъ, что вы Мнѣ будете содѣйствовать, но не препятствовать".

III.

Костромскому дворянству Государь Императоръ изволилъ сказать слѣдующія слова.

„Господа! Костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ, близка Семьѣ Моей, и Мы считаемъ ее родною; поэтому-то Мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ, послѣ прошествія двадцати лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ Меня. Благодарю васъ за готовность, съ какою встрѣтили вы желаніе Мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу Моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ оправдаете вполнѣ Мои ожиданія, примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ удобствамъ и окончите его при помощи Божіей безъ обиды, какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненія вашихъ выводовъ, Я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ, для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Еще благодарю васъ, господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за всѣ пожертвованія".

IV.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ тамошнему дворянству Его Величество изволилъ сказать слѣдующее:

„Я радъ, господа, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество его призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступили добросовѣстно; ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ опять благодарю васъ за то, что вы же первые отозвались на Мой призывъ, въ важномъ дѣлѣ объ улучшеніи крестьянскаго быта. По этому самому Я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ: генерала Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ Мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете цѣль Мою—общее благо; ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общею пользою. Но Я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль; устраните ихъ; Я надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ больше не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудились усердно, что уже многое вами сдѣлано; идите впередъ. Сегодня оканчивается срокъ вашимъ занятіямъ; но зная, что трудъ вашъ еще не готовъ, Я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го октября; но къ октябрю вы кончите, въ этомъ Я не сомнѣваюсь: не такъ ли, господа? Я полагаюсь на васъ, Я вѣрю вамъ, вы Меня не обманете... Путь указанъ; не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ Моемъ рескриптѣ, отъ данной вамъ программы. Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ главномъ комитетѣ, но Я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобы было и вамъ хорошо, и другимъ не худо; думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы Мнѣ еще разъ докажете любовь свою и преданность и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ Нижегородцы всегда отличались!

„Считаю Себя счастливымъ, что послѣ 21 года послѣдняго Моего здѣсь пребыванія опять нахожусь нынѣ посреди васъ".

V.

Московскимъ предводителямъ дворянства Государь Императоръ изволилъ сказать:

Digitized by Google

„Мнѣ, господа, всегда пріятно, когда Я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ Моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда Я два года тому назадъ въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что, рано или поздно, надобно приступить къ измѣненію крѣпостнаго права, и что надобно, чтобъ оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того Я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній, даны Мною рескрипты, Я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется; но отозвалось нижегородское, а Московская губернія, не первая, не вторая, даже не третья. Это Мнѣ было прискорбно, потому что Я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь какъ родную. Я далъ вамъ начала, и отъ нихъ никакъ не отступлю (здѣсь Государь изволилъ повторить главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ). Я люблю дворянство, считаю его первою опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ; но вы, для своей пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда дѣлать для васъ, что могу, дайте же Мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышу, что комитетъ много уже сдѣлалъ, Я читалъ извлеченіе изъ его занятій; многое мнѣ кажется хорошо; одно Я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебною осѣдлостью понимаю не одно строеніе, но и всю усадебную землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы Я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете Мою къ вамъ довѣренность“.

VI.

Депутатамъ смоленскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу и предводителямъ смоленскаго дворянства Государемъ Императоромъ сказаны слѣдующія слова:

„Мнѣ, пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность престолу и отечеству, которую оно неоднократно доказывало, какъ прежде, такъ и въ 1812 г., и въ послѣднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ и за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предмѣстники и въ особенности покойный родитель Мой всегда оказывали вниманіе смоленскому дрорянству: вы имѣете документъ Его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней Его смерти; можно сказать, Онъ на смертномъ одрѣ думалъ о васъ *). Я также люблю васъ. Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери Моей образъ для благословенія Меня въ то время, когда Я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при Мнѣ и служитъ, такъ сказать, новою связью, которая еще крѣпче соединяетъ Меня съ вами **). Теперь вы собраны по

*) Говоря это, Государь Императоръ былъ растроганъ и на глазахъ его были слезы.

**) Поднесеніе сего образа сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: въ 1854 г., когда было получено Высочайшее повелѣніе, о подчиненіи войскъ, охранявшихъ Санкпетербургъ, главному начальствованію государя наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Франціею и Англіею, въ то время дамы смоленскаго общества возымѣли намѣреніе поднести, чрезъ смоленскаго преосвященнаго, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, списокъ Св. иконы Смоленской Божіей Матери Одигитріи, со всеподданнѣйшею просьбою, передать оный отъ Ея Величества въ благословеніе государю наслѣднику цесаревичу, какъ главному начальнику воинства, охраняющаго престольный градъ. Приношеніе это было милостиво принято, и въ рескриптахъ, данныхъ на имя преосвященнаго смоленскаго и дорогобужскаго, 20 и 21 іюля 1854 г., Ея Императорское Величество и его императорское высочество изволили изъявить женамъ гражданъ смоленскихъ свою признательность за сіе духовное приношеніе. Въ памятныхъ книжкахъ Смоленской губерніи на 1855 и 1856 годы подробно описано это событіе и напечатаны имена всѣхъ участницъ въ семъ дѣлѣ.

Digitized by Google

крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и, на указанныхъ въ Моемъ рескриптѣ началахъ. обдѣлайте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Этимъ вы доставите Мнѣ утѣшеніе. Я увѣренъ, вы не обманете Моихъ ожиданій и оправдаете Мою къ вамъ довѣренность.

О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадьбъ.

Мельчайшія юридическія подробности при обсужденіи учреждаемыхъ нынѣ отношеній между помѣщиками и поселянами чрезвычайно занимаютъ общее вниманіе. Каждая изъ нихъ возбуждаетъ по возможности точное и основательное изслѣдованіе. Гораздо больше произвола замѣчается у людей, пишущихъ о крестьянскомъ вопросѣ, когда рѣчь переходитъ къ опредѣленію численной величины того выкупа, который предполагается взимать съ поселянъ за права и имущества. вновь имъ предоставляемыя. Часто намъ случалось послѣ жаркаго спора о какихъ-нибудь второстепенныхъ условіяхъ, касающихся усадьбы или предѣловъ вотчинной власти, слышать или читать, какъ легко уступаетъ лишніе десятки рублей на выкупѣ человѣкъ, упорно стоявшій за какой нибудь малозначущій оттѣнокъ выраженія при формулированіи понятія усадьбы (если только можетъ быть названо что-нибудь маловажнымъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ). „Что касается выкупа. говорилъ одинъ изъ споривших, то я полагаю, что въ нашихъ мѣстахъ выкупъ долженъ быть опредѣленъ въ 300 рублей“.—„По моему счету не слѣдовало бы полагать его больше, какъ въ 200 рублей“, говорилъ его противникъ; „но, пожалуй, я согла енъ принять и вашу цифру“. Третій собесѣдникъ, до той поры бывшій самымъ сгорячимъ адвокатомъ поселянъ, вовсе молчалъ,. какъ будто бы не стоило и хлопотъ провѣрить цифры: быть можетъ, если бы онъ потрудился вывесть счетъ на основаніи защищаемыхъ имъ понятій, то оказалась бы возможность отстоять цицфру гораздо меньшую, нежели 200 рублей; но онъ молчалъ, потому что подобная работа требуетъ кропотливаго труда. Онъ не побоялся бы утомительныхъ вычисленій, если бы зналъ, какъ важенъ для платящаго каждый лишній рубль въ уплатѣ; но онъ не знаетъ, какъ значительно возрастаетъ обременительность уплаты отъ прибавки самой незначительной. Мы хотимъ обратить вниманіе людей, сочувствующихъ благу поселянъ, на громадную важность самаго небольшаго увеличенія въ суммѣ уплачиваемаго капитала при разсроченной уплатѣ.

Еще легче судятъ о величинѣ процентовъ, которые будутъ считаться за остающуюся къ уплатѣ сумму. Три, четыре, даже пять процентовъ—съ одной изъ этихъ цифръ защитникъ поселянъ обыкновенно слишкомъ легко переходитъ на другую высшую, лишь бы не замедлять спора изъ-за такихъ, по его мнѣнію, пустяковъ. Мы постараемся объяснить, какое громадное вліяніе на благосостояніе должника имѣетъ самое незначительное увеличеніе процента.

Если уплата производится немедленно, за одинъ разъ, тутъ не нужно никакихъ соображеній и разсчетовъ, чтобы видѣть, тяжела или легка для должника

Digitized by Google

уплата. Если я имѣю наличныхъ и свободныхъ денегъ тысячу рублей, каждый видитъ, что для меня легко уплатить 200 или 300 рублей; точно также каждый видитъ, что заставить меня уплатить 800 или 900 рублей, значитъ отнять у меня всякое средство къ тѣмъ предпріятіямъ, которыми я хотѣлъ заняться, имѣя 1000 рублей. Если бы выкупъ за права, пріобрѣтаемыя поселянами, поселяне могли уплатить одновременно, ихъ защитники не нуждались бы въ длинныхъ соображеніяхъ для опредѣленія той суммы, какую можно наложить на нихъ безъ существеннаго вреда ихъ благосостоянію.

Но всѣ предполагаютъ такую величину выкупа, которая не можетъ быть уплачена поселянами одновременно,—такъ что, по общему мнѣнію, выкупъ необходимо долженъ быть разсроченъ на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ разсчеты не оканчиваются въ одинъ разъ и поселяне остаются на нѣкоторое время должниками.

При разсроченной уплатѣ надобно обратить вниманіе на три обстоятельства: цифру всей суммы, которая подлежитъ уплатѣ, величину процента и величину ежегоднаго взноса для уплаты процентовъ съ погашеніемъ капитала. Каждый знаетъ, что чѣмъ болѣе капиталъ, тѣмъ дольше будетъ тянуться уплата при одинаковомъ процентѣ и ежегодномъ взносѣ; чѣмъ больше процентъ, тѣмъ продолжительнѣе уплата при одинаковой величинѣ капитала и взноса; наконецъ, чѣмъ больше ежегодный взносъ, тѣмъ скорѣе оканчивается уплата при одинаковой величинѣ капитала и процента. Въ общихъ выраженіяхъ это извѣстно каждому, но не многіе имѣютъ точное понятіе о томъ, въ какой пропорціи затягивается срокъ полной уплаты при извѣстномъ, повидимому, даже незначительномъ возвышеніи капитала и процента. Мы покажемъ эту пропорцію небольшими, но очень знаменательными таблицами.

Сначала разсмотримъ вліяніе возрастанія цифры капитала при одинаковомъ процентѣ и ежегодномъ взносѣ.

Предположимъ, что должникъ ежегодно взноситъ на уплату займа по 100 р.; предположимъ, что капиталъ, постепенно погашаемый этою уплатою, занятъ по 3%; спрашивается, въ какой пропорціи будетъ возрастать или уменьшаться число лѣтъ, нужныхъ для погашенія капитала,—въ той ли самой пропорціи, какъ возрастаетъ или уменьшается капиталъ, или быстрѣе, или медленнѣе?

Капиталъ . . .	1000 р.	1500 р.	2000 р.	2500 р.	3000 р.	3300 р.
Сколько лѣтъ нужно производитъ уплату для погашенія его	12,06	20,22	30,99	46,88	77,89	115,77
Всего на эти уплаты будетъ употреблено	1206 р.	2022 р.	3099 р.	4689 р.	7789 р.	15,577 р.

Во второй строкѣ цѣлое число показываетъ, сколько лѣтъ должна производиться уплата по 100 рублей для погашенія капитала съ причитающимися на него процентами. Десятичная дробь показываетъ, какая часть уплаты должна быть употреблена по окончаніи этихъ лѣтъ для совершеннаго погашенія небольшой части капитала, остающейся невыплаченною послѣ прежнихъ цѣльныхъ уплатъ. Такимъ образомъ для погашенія капитала въ 1500 рублей надобно платить по 100 рублей въ теченіи 20 лѣтъ, а на двадцать первый годъ заплатить еще 22 рубля.

Digitized by Google

Третья строка показываетъ, какая сумма будетъ истрачена на погашен капитала въ сложности во все продолженіе выкупа. Такъ какъ величина уплаты принята у насъ въ 100 руб., то третья строка очень легко составляется изъ второй чрезъ помноженіе на 100.

Теперь, сравнивая вторую и третью строки съ первою, мы легко замѣтимъ, что цифры второй и третьей строкъ возрастаютъ или уменьшаются въ гораздо быстрѣйшей пропорціи, нежели цифры первой. Возьмемъ за основаніе сравнен. капиталъ въ 2000 руб. Если мы уменьшимъ, его только на 500 руб., т. е. на одну четвертую часть, то число лѣтъ, нужныхъ для его уплаты, уменьшится с 30,99 на 20,22, т. е. слишкомъ на третью часть (почти на 35 сотыхъ частей); точно такимъ же образомъ уменьшится и сумма денегъ, которая будетъ уплачена для его погашенія. Иначе сказать, во второй и въ третьей строкахъ облегчен будетъ въ полтора раза больше, нежели уменьшеніе въ первой строкѣ. Если ж капиталъ въ 2000 руб. мы увеличимъ на одну четвертую часть, именно до 2500 руб., то увидимъ, что число лѣтъ, нужныхъ для его уплаты, возрастетъ с 30,99 до 46,89, т. е. слишкомъ на половину (именно, слишкомъ на 51 сотыхъ частей): точно такимъ же образомъ возрастетъ и сумма денегъ, которая пойдетъ на его погашеніе. Иначе сказать, во второй и третьей строкахъ обремененіе будетъ въ два раза больше, нежели увеличеніе въ первой строкѣ.

Сравнивая во второй и третьей строкахъ каждый послѣдующій членъ съ предыдущимъ, мы замѣчаемъ, что чѣмъ далѣе идутъ члены къ концу строки, тѣмъ съ большею несоразмѣрностью возрастаетъ это обремененіе; такъ, прибавляя 500 руб. къ тысячѣ, мы увеличимъ капиталъ на половину; сумма уплатъ возрастетъ съ 1206 руб. на 2022 руб., т. е. возвысится болѣе чѣмъ на двѣ трети (именно, слишкомъ на 67 сотыхъ частей). Приложивъ къ 1500 руб. еще 500 руб., мы увеличимъ капиталъ только на третью часть; а между тѣмъ выплачиваемая сумма съ 2022 руб. возрастетъ до 3,099 руб., т. е. слишкомъ на половину (именно почти на 53 сотыхъ). Приложимъ еще 500 руб.,—капиталъ увеличится на четвертую долю, а выплачиваемая сумма возрастетъ опять слишкомъ на половину (3099 руб. до 4689 руб.), именно, слишкомъ на 51 сотыхъ частей; къ 2500 руб. приложивъ еще 500 руб., мы увеличимъ капиталъ только на пятую часть, а выплачиваемая сумма возрастетъ съ 4689 руб. до 7789 руб., т. е. увеличится почти на двѣ трети (именно, слишкомъ на 62 сотыхъ частей). Наконецъ, если къ 3000 руб. приложимъ еще 300 руб., капиталъ увеличится только на десятую часть, а уплачиваемая сумма возрастетъ вдвое, именно съ 7789 руб. до 15,577 рублей.

Быстро возрастаетъ непропорціональное обремененіе должника съ каждымъ самымъ незначительнымъ увеличеніемъ капитала, котораго требуетъ съ него заимодавецъ. Каждый новый рубль, прибавляемый къ капиталу, составляетъ для кредитора все менѣе и менѣе чувствительную прибавку, сравнительно съ прежнимъ рублемъ, а для плательщика все болѣе и болѣе тяжелое обремененіе.

То же самое очевидно раскрывается другимъ способомъ сравненія разныхъ членовъ.

При 1000 рубляхъ капитала, изъ 1206 рублей, выплаченныхъ должникомъ, 1000 рублей пошли на уплату капитала и только 206 рублей на проценты, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ $20^1/_2$ копѣекъ процентовъ. И

Digitized by Google

1500 рубляхъ капитала должникъ выплатилъ 2022 рубля,—изъ нихъ на проценты пошло 522 рубля, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 35 копѣекъ процентовъ. При 2000 капитала должникъ заплатилъ 3099 р., изъ нихъ на проценты пошло 1099 рублей, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ по 55 коп. При 2500 капитала должникъ выплатилъ 4689 рублей, изъ нихъ, за вычетомъ капитала, остается 2180 рублей, которые идутъ на проценты, и оказывается, что на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ уже $87^1/_2$ коп. процентовъ. При 3000 капитала должникъ заплатилъ 7789 рублей, изъ нихъ 4789 рублей пошло на проценты, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 1 рубль $59^1/_2$ коп. процентовъ. Наконецъ, при 3300 рубляхъ капитала, должникъ заплатилъ 15,577 рублей, изъ нихъ, за вычетомъ капитала, на проценты пошло 12,277 рублей, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 3 рубля 72 копѣйки процентовъ.

Для довершенія этой страшной прогрессіи можно сказать еще, что при 3333 рубляхъ $33^1/_3$ коп., вся сумма уплаты (100 рублей) будетъ идти на проценты, и ни одной копѣйки не останется на уплату капитала, такъ что, хотя бы должникъ платилъ кредитору десять тысячъ лѣтъ по 100 рублей, то все-таки, переплативъ ему въ эти десять тысячъ лѣтъ цѣлый милліонъ рублей, онъ остался бы долженъ ему все тѣ же 3333 рубля $33^1/_3$ коп. и ни одной трети копѣйки не причлось бы изъ этого милліона въ уплату первоначальныхъ 3333 р. $33^1/_3$ коп.

Мы разсмотрѣли, какъ обременительны для плательщика послѣдствія отъ ничтожныхъ для получателя приращеній въ капиталѣ; теперь посмотримъ на послѣдствія отъ возвышенія процентовъ.

Прежде мы принимали опредѣленную величину процента и ежегодной уплаты и брали различныя величины капитала; теперь примемъ опредѣленную величину капитала и ежегодной уплаты и будемъ брать различныя величины процента.

Пусть будетъ капиталъ 1000 р.; пусть будетъ уплата 50 рублей. Посмотримъ, во сколько лѣтъ будетъ уплаченъ капиталъ и сколько въ это время переплатитъ должникъ кредитору при разной величинѣ процента.

Величина процента	4%	4,1%	4,2%	4,3%	4,4%	4,5%	4,6%	4,7%	4,8%	4,9%
Число лѣтъ платежа	41,04	42,69	44,54	46,71	49,24	52,30	56,16	61,24	68,66	82,76
Всего должникъ платитъ	2052	2139	2227	2335	2462	2615	2808	3062	3433	4138

При 4% капиталъ въ 1000 руб. даетъ процентовъ 40 руб.; положимъ, что кредиторъ захотѣлъ бы получать только однимъ рублемъ больше,—должнику пришлось бы заплатить, вмѣсто 2052 руб., 2139 руб., т. е. одинъ лишній рубль для кредитора потянулъ бы съ должника лишнихъ 87 рублей. Прибавимъ еще только одинъ рубль кредитору и должникъ обременится еще на 88 рублей. Но если вмѣсто 42 руб. съ тысячи (4,2%) кредиторъ потребуетъ 43 руб. (4,3%), должникъ обременится еще лишними 108 рублями. Прибавимъ кредитору еще одинъ рубль,—и съ должника сойдетъ лишнихъ 127 руб.; еще одинъ рубль кредитору (4,5%), и должникъ поплатится за то 153 рублями; еще одинъ рубль кредитору,—и съ должника потребуется на этотъ рубль уже 193 руб. лишнихъ. Но если вмѣсто 4,6% кредиторъ захочетъ брать 4,7%, т. е. вмѣсто 46 руб. съ тысячи получать 47 руб., должникъ заплатитъ вмѣсто 2808 руб. уже 3062 р. т. е. 1 рубль прибыли кредитору влечетъ 254 рубля убытка должнику. Чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе растетъ обремененіе для должника отъ каждаго новаго

Digitized by Google

рубля, требуемаго кредиторомъ: если вмѣсто 47 руб. съ тысячи кредиторъ захочетъ получать 48 руб. должникъ заплатитъ вмѣсто 3062 руб.—3433 руб., т. е. для одного рубля выгоды кредитору будетъ обремененъ уплатою лишнихъ 371 руб.; а если, наконецъ, прибавится еще 1 рубль кредитору, изъ кармана должника на этотъ 1 рубль уйдетъ лишнихъ 705 руб.

Возвышеніе процентовъ также сильно отражается несоразмѣрнымъ увеличеніемъ выплачиваемой суммы, какъ и увеличеніе капитала. Повидимому, совершенно ничтоженъ лишній рубль процентовъ на 1000 рублей капитала, повидимому совершенно незначительна эта разница на одну десятую часть процента. Дѣйствительно, для кредитора она совершенно незамѣтна: 40 руб. или 41 руб. — увеличеніе дохода тутъ совершенно ничтожно; но при каждомъ такомъ ничтожномъ увеличеніи доходовъ кредитора съ должника летятъ огромныя суммы: за каждый лишній рубль кредитору, онъ расплачивается сотнями рублей и, чѣмъ больше прибавляется этихъ ничтожныхъ рублей кредитору, тѣмъ страшнѣе растутъ новыя сотни рублей обремененія для должника.

Если такъ быстро возрастаетъ продолжительность лѣтъ нужныхъ для погашенія, и съ нею вмѣстѣ величина суммы, уплачиваемой должникомъ, какъ при увеличеніи капитала, такъ и при увеличеніи процента въ отдѣльности, то можно предвидѣть, что, когда оба эти фактора будутъ увеличиваться вмѣстѣ, обременительность уплаты для должника будетъ возрастать еще въ быстрѣйшей прогрессіи. Нагляднымъ образомъ читатель увидитъ это изъ слѣдующей таблицы.

Предположимъ, что величина ежегоднаго взноса будетъ 125 рублей; предположимъ, что при этой неизмѣнной величинѣ уплаты капиталъ, начиная съ 1000 руб., будетъ увеличиваться постепенными прибавками 200 руб. до 2000 р.; предположимъ, что и проценты съ каждою новою прибавкою къ капиталу будутъ возрастать съ 3 до 6. Мы будемъ тогда имѣть слѣдующую таблицу:

Капиталъ.	Проценты	Число лѣтъ нужныхъ для погашенія.	Сумма выплачиваемая въ эти годы.	Изъ нея, за вычетомъ капитала, идетъ на уплату процент.
1000	3%	9,29	1151 р. 25 к.	151 р. 25 к.
1200	3½%	11,90	1487 „ 50 „	287 „ 50 „
1400	4%	18,05	2250 „ 62 „	850 „ 62 „
1600	4½%	28,95	3618 „ 75 „	2018 „ 75 „
1800	5%	41,64	5205 „ — „	3405 „ — „
2000	6%	74,18	9272 „ 50 „	7272 „ 50 „

Сравнивая между собою разныя строки этой таблицы и пятую колонну ея съ первою, мы видимъ, что сумма, идущая на проценты, возрастаетъ въ страшной несоразмѣрности съ величиною погашаемаго капитала, иначе сказать, выгоды, требуемыя кредиторомъ, несоразмѣрно-малы съ обремененіемъ должника отъ каждой незначительной прибавки въ требуемомъ капиталѣ, и наоборотъ: уступки, незначительныя для кредитора, имѣютъ слѣдствіемъ чрезвычайно большое облегченіе для должника. Основаніемъ сравненія мы возьмемъ четвертую строку таблицы, именно капиталъ въ 1600 рублей и требованіе 4½%. Если кредиторъ захочетъ увеличить свое требованіе на 200 рублей и поднять процентъ только на ½, изъ этого возникаетъ для должника обремененіе на 1586 руб., т. е. почти на половину прежней тяжести, и на проценты пойдетъ изъ уплачиваемыхъ имъ денегъ 1386 руб. лишнихъ сравнительно съ прежнимъ; если кредиторъ подниметъ

Digitized by Google

свои требованія еще на 200 руб. и еще на 1%, изъ этого возникнетъ для должника новая тяжесть въ 4067 руб., и на уплату процентовъ пойдетъ 3867 руб. лишнихъ противъ прежняго. Наоборотъ, если кредиторъ уступитъ изъ 1600 руб. только 200 руб. и только ½%, онъ облегчитъ этимъ должника на 1368 руб.; если онъ уступитъ еще 200 руб. и еще 1%, онъ вновь облегчитъ этимъ должника на 767 рублей.

Особенно важны цифры пятой колонны; онѣ страшно растутъ съ каждымъ незначительнымъ увеличеніемъ требовательности кредитора. Если кредиторъ довольствуется требованіемъ 200 рублей и 3½%, должникъ уплатитъ только 287 руб. 50 коп. лишнихъ противъ требуемаго капитала, т. е. уплатитъ лишнихъ денегъ менѣе, нежели ¼ часть. Но когда кредиторъ возвыситъ свои требованія на 200 руб. и на ½%, должникъ заплатитъ уже втрое большую сумму лишнихъ денегъ и эта сумма (850 руб. 62 коп.) будетъ составлять уже почти ⅔ противъ требуемаго капитала. Пусть повысится требованіе еще на 200 р. и ½% (1600 руб. и 4½%),—съ должника сойдетъ лишнихъ денегъ еще почти въ два съ половиною раза больше и на каждый рубль требуемаго капитала должнику придется заплатить не менѣе, какъ 1 руб. 26 коп. процентовъ. Пусть требованіе возрастетъ еще на одну такую же степень, и обремененіе должника увеличится еще гораздо въ большей пропорціи: на каждый рубль капитала должникъ заплатитъ почти 1 руб. 90 коп. процентовъ. Наконецъ, если кредиторъ потребуетъ 2000 руб. и 6%, должникъ принужденъ будетъ отдать сверхъ капитала 7272 рубля 50 коп., т. е. на каждый рубль капитала заплатить 3 руб. 63 коп. процентовъ.

Итакъ, мы видимъ возможность двухъ отношеній кредитора къ должнику, отношеній, послѣдствія которыхъ съ необыкновенною силою отражаются на благосостояніи должника:—при требовательности кредитора должникъ изнемогаетъ подъ тяжестью лишнихъ уплатъ, далеко превышающихъ величину требуемаго съ должника капитала; при уступчивости кредитора эти лишнія тяжести громадными цифрами сбрасываются съ должника и выплачиваемая сумма приближается именно къ той цифрѣ капитала, какую долженъ получить кредиторъ по дѣйствительной цѣнности проданной вещи.

Отъ этихъ общихъ соображеній переходя къ вопросу о выкупѣ имуществъ, предоставляемыхъ крестьянамъ, мы встрѣчаемся съ двумя особенными обстоятельствами, которыя, по нашему мнѣнію должны были бы рѣшительнымъ образомъ направить сословіе, получающее выкупъ, къ наибольшей возможной умѣренности въ требованіяхъ.

Ростовщикъ или рентьеръ располагаетъ жить процентами, получаемыми отъ должника, самъ отказываясь отъ фактическаго участія въ промышленныхъ предпріятіяхъ; потому интересъ его состоитъ вовсе не въ скорѣйшемъ полученіи капитала, проценты съ котораго уплачиваются должникомъ, а только въ возможномъ увеличеніи получаемыхъ процентовъ. Средствами для этого служатъ оба тѣ источника, вліяніе которыхъ разсмотрѣли мы выше. Ростовщикъ, по возможности, старается увеличить цифру долга, ни мало не стѣсняясь соображеніемъ, что чрезъ это затрудняется уплата капитала.

Когда моему векселю кончился срокъ и я затрудняюсь уплатою, ростовщикъ съ удовольствіемъ возобновляетъ вексель, приписывая къ каждой тысячѣ рублей

Digitized by Google

новыя сотни и тысячи. Если я не могъ уплатить въ срокъ двухъ тысячъ рублей, еще меньше вѣроятности, чтобы черезъ годъ, черезъ два уплатилъ три тысячи: но какое дѣло ростовщику? Вмѣсто 200 рублей онъ сталъ получать по 300 руб. процентовъ, этимъ его цѣль совершенно достигнута.

Совершенно иначе поступаетъ купецъ или фабрикантъ, который самъ непосредственно употребляетъ въ дѣло капиталъ. Онъ соглашается на всякія уступки и въ процентахъ, и даже въ суммѣ капитала, лишь бы скорѣе получить его въ свои руки. Если ему предлагаютъ два условія: или получать по 5% съ суммы въ 10,000 руб., но ждать уплаты этого капитала десять лѣтъ, или вмѣсто того получить только 6,000 руб., но за-то черезъ два года, а въ эти два года брать съ этихъ 6,000 только по 3%,—если предложатъ разсчетливому промышленнику выборъ между двумя такими условіями, онъ безъ всякаго сомнѣнія предпочтетъ брать только по 3% и получить только 6,000 руб., лишь бы срокъ уплаты сократился отъ такой уступки.

По тому употребленію, какое помѣщики должны сдѣлать изъ вознагражденія, они подходятъ подъ разрядъ людей, занимающихся промышленностью, а вовсе не подъ разрядъ ростовщиковъ. Ихъ выгода не въ томъ, чтобы празднымъ образомъ издерживать проценты, уплачиваемые за выкупъ, а въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получить самый капиталъ выкупа и употребить его отчасти на покупку новыхъ недвижимыхъ имѣній, а преимущественно на улучшеніе хозяйства въ своихъ прежнихъ земляхъ. По очевидной необходимости, всѣ дѣльные проэкты измѣненій въ сельскихъ отношеніяхъ, при изложеніи способовъ вознагражденія, принимаютъ не постепенную выдачу каждому помѣщику должное ему вознагражденіе малыми ежегодными частями, а одновременную уплату всего должнаго ему капитала вдругъ, съ платежемъ процентовъ за годы ожиданія этой полной уплаты. Лучшимъ для выгоды самихъ помѣщиковъ и, сколько намъ кажется, единственнымъ практичнымъ путемъ къ тому представляется тиражъ облигацій по извѣстной очереди, въ родѣ того, какъ выплачиваются облигаціи срочныхъ государственныхъ долговъ. Въ краткихъ словахъ планъ этотъ излагается слѣдующимъ образомъ.

Предположимъ, что должно постепенно выплатить капиталъ въ пятьсотъ милліоновъ рублей серебромъ, приносящій кредиторамъ 3%. Предположимъ, что изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ кредиторовъ, которымъ слѣдуетъ эта уплата, каждый имѣетъ одну облигацію на всю сумму, какая слѣдуетъ ему къ уплатѣ; величина этихъ облигацій чрезвычайно различна: нѣкоторымъ кредиторамъ слѣдуетъ получить всего какихъ-нибудь 500 руб., за то другимъ слѣдуетъ получить по сту тысячъ, по пятисотъ тысячъ рублей и даже болѣе. Предположимъ, что съ должниковъ ежегодно получается сумма въ 30,000,000 рублей. Выкупъ облигацій производится по слѣдующему разсчету. Въ первый годъ изъ 30,000,000, уплаченныхъ должниками, 15,000,000 идутъ на уплату процентовъ всѣмъ вообще кредиторамъ. Затѣмъ остается на погашеніе капитала еще 15,000,000 рублей. По жребію вынимается облигацій на эти 15,000,000 и владѣльцы вынутыхъ облигацій немедленно получаютъ весь капиталъ, который имѣли въ долгу. Ко второму году остается неуплаченнаго долга 485,000,000. Изъ новыхъ 30,000,000 ежегоднаго взноса должниковъ обращается на уплату процентовъ по этому долгу 14,550,000 руб., остальные 15,450,000 идутъ на выкупъ обли-

Digitized by Google

гацій. Затѣмъ къ третьему году остается 469,550,000. На нихъ уплачивается процентовъ 14,086,000, а на выкупъ облигацій остается уже 15,913,500 руб. Такимъ образомъ съ каждымъ годомъ все большая и большая часть ежегоднаго взноса остается свободною за уплатою процентовъ и обращается на выкупъ облигацій. При цифрахъ, нами взятыхъ, весь выкупъ оканчивается почти въ 23 года. Къ 24 году остается невыкупленныхъ облигацій съ небольшимъ всего только 10,000,000, и должники въ этотъ годъ взнесутъ уже не 30,000,000, какъ прежде, а всего только около 11,000,000 на выкупъ этихъ облигацій съ уплатою на нихъ процентовъ.

Ясное дѣло, что при такомъ порядкѣ уплаты кредиторы не менѣе должниковъ заинтересованы въ возможномъ сокращеніи выкупнаго періода.

Къ этому обстоятельству присоединяется новое, принимаемое всѣми лучшими планами выкупной операціи. Мы замѣтили, что облигаціи чрезвычайно различны по величинѣ. Мелкопомѣстные владѣльцы должны получить тысячи или даже только сотни рублей выкупа; эти лица, не имѣющія ни большого кредита, ни наличныхъ капиталовъ, всего болѣе нуждаются въ быстрѣйшемъ полученіи должнаго имъ капитала. Потому вообще принимается, что облигаціи будутъ подлежать жеребьевому выниманію не всѣ одновременно, а съ распредѣленіемъ на серіи, такъ что сначала будутъ выниматься облигаціи мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, потомъ владѣльцевъ помѣстій средней величины и наконецъ облигаціи большихъ землевладѣльцевъ. Мы не будемъ здѣсь доказывать справедливости такого порядка,—она ясна для безпристрастныхъ людей. Но при этой очереди серій, именно, самые вліятельные въ обществѣ люди, самые сильные по своему богатству и положенію въ государствѣ имѣютъ наибольшій интересъ въ возможномъ сокращеніи срока выкупной операціи, потому что выкупъ именно ихъ облигацій отлагается до послѣднихъ годовъ выкупной операціи.

Сильнѣйшимъ средствомъ къ достиженію такого результата представляется возможно-большая умѣренность въ требованіяхъ кредиторовъ какъ относительно величины капитала, такъ и относительно процентовъ, слѣдующихъ на него до выкупа облигаціи.

Чтобы осязательнѣе показать всю важность этой умѣренности для выгоды самихъ владѣльцевъ, и особенно значительнѣйшихъ владѣльцевъ, мы представимъ приблизительные разсчеты продолжительности выкупной операціи для разныхъ классовъ землевладѣльцевъ при различной величинѣ выкупнаго капитала и требуемыхъ на него процентовъ. При этихъ разсчетахъ мы будемъ принимать одинъ источникъ дохода для выкупной операціи, именно, взиманіе уплаты исключительно отъ освобождаемыхъ поселянъ. Намъ кажется, что высшій размѣръ платежа на продолжительное число лѣтъ не можетъ быть полагаемъ болѣе какъ на 4 руб. сер. съ души, т. е. отъ 10 до 12 руб. съ средняго тягла. Принять высшій размѣръ было бы обременительно для поселянъ, обязанныхъ сверхъ того уплачивать государственныя подати; результатомъ опредѣленія слишкомъ высокой уплаты были бы только недоимки. Чтобы избѣжать слишкомъ громадныхъ цифръ, мы произведемъ разсчетъ на сто тысячъ душъ, съ приблизительнымъ соблюденіемъ той самой пропорціи между разными категоріями болѣе или менѣе значительныхъ владѣльцевъ, какая оказалась по 9-ой ревизіи. Но для округленія счета и для приближенія его къ пропорціямъ, существующимъ въ дѣйствительности, мы нѣсколько умень-

Digitized by Google

шаемъ процентное количество душъ, принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, и нѣсколько увеличиваемъ его въ высшей категоріи владѣльцевъ. Необходимость такой перемѣны ясна сама собою. Изъ владѣльцевъ, имѣющихъ по 70 или 80 душъ въ извѣстной губерніи, найдутся многіе, владѣющіе помѣстьями сверхъ того въ другихъ губерніяхъ, и по общей цифрѣ принадлежащихъ имъ душъ въ разныхъ губерніяхъ переходящіе изъ категоріи, къ которой отнесены по одной губерніи, въ высшую категорію.

Сообразно этому основанію мы принимаемъ слѣдующую пропорцію: изъ ста тысячъ душъ принадлежитъ:

13,000 душъ владѣльцамъ, имѣющимъ каждый отъ 1 до 20 душъ (категорія А).

15,000 душъ—помѣщикамъ, имѣщимъ каждый отъ 21 до 100 душъ (категорія Б).

35,000 душъ—помѣщикамъ, имѣющимъ каждый отъ 101 до 500 душъ (категорія В).

15,000 душъ—владѣльцамъ, имѣщимъ каждый отъ 501 до 1000 душъ (категорія Г).

32,000 душъ—владѣльцамъ, имѣющимъ каждый болѣе 1,000 душъ (категорія Д*).

Предположимъ различныя величины выкупа за усадьбу и разныя величины процентовъ, возрастающихъ пропорціонально увеличенію выкупа.

I выкупъ. 20 р. сер. съ души (50—60 р. съ тягла) и $2^1/_2$% **).

II выкупъ. 40 р. сер. съ души (100—120 р. съ тягла) и 3%.

III выкупъ. 60 р. сер. съ души (150—180 р. съ тягла) и 4%.

IV выкупъ. 75 р. сер. съ души (187 руб. 50 коп. — 225 руб. съ тягла) и 5%.

Продолжительность выкупной операціи и время ожиданія уплаты по облигаціямъ для разныхъ категорій владѣльцевъ при каждой изъ этихъ разныхъ величинъ будетъ слѣдующее:

I.

При выкупѣ въ 20 руб. сер. и $2^1/_2$%, вся выкупная операція будетъ кончена въ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Всѣ владѣльцы, имѣющіе отъ 100—500 душъ, получатъ выкупъ въ теченіе втораго и третьяго годовъ отъ начала операціи. Въ третій годъ будетъ выкуплено также нѣсколько облигацій помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 500—1000 душъ; всѣ остальные владѣльцы этой категоріи получатъ выкупъ въ четвертый годъ. Также въ четвертый годъ получатъ выкупъ многіе изъ самыхъ большихъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ; остальные владѣльцы этой послѣдней категоріи получатъ выкупъ въ пятый годъ и въ началѣ шестаго года.

---

*) Точная пропорція такова: А. 3,420 душъ, Б. 15,270 душъ, В. 35,990 душъ, Г. [illegible] душъ и Д. 30,280 душъ.

**) Ниже мы постараемся доказать возможность такого, или даже еще меньшаго процента при кратковременномъ продолженіи выкупной операціи.

Digitized by Google

II.

При величинѣ выкупа 40 руб. сер. и съ души и при 3%, выкупная операція будетъ продолжаться слишкомъ 12 лѣтъ. Немедленно получатъ выкупъ мелкопомѣстные владѣльцы (1—20 душъ), а изъ владѣльцевъ второй категоріи только четвертая часть; остальнымъ владѣльцамъ, имѣющимъ 20—100 душъ, придется ждать выкупа два и три года. Соразмѣрно тому увеличится срокъ ожиданія для слѣдующихъ категорій и самые счастливые изъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ, должны будутъ ждать выкупа цѣлыхъ 8 лѣтъ, а менѣе счастливые будутъ ждать 11 и даже 12 лѣтъ.

III.

При выкупѣ въ 60 руб. сер. и 4%, продолжительность выкупной операціи увеличится до 23 лѣтъ слишкомъ. Даже мелкопомѣстные владѣльцы не всѣ получатъ выкупъ немедленно: нѣкоторымъ изъ нихъ придется ждать втораго года. Что же касается до владѣльцевъ слѣдующей категоріи (20—100 душъ), выкупъ ихъ облигацій, начавшись со втораго года, протянется еще на 5 лѣтъ слишкомъ, такъ что послѣдніе изъ нихъ получатъ выкупъ не ранѣе седьмаго года. Что же касается до самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1,000 душъ, самымъ счастливымъ изъ нихъ придется ждать выкупа не менѣе восемнадцати лѣтъ, а другіе будутъ ждать лѣтъ двадцать и болѣе; самые послѣдніе получатъ выкупъ не ранѣе, какъ въ началѣ двадцать четвертаго года.

Тутъ уже чувствуется недостаточность источника, который совершенно удовлетворителенъ при первой величинѣ цифръ и все еще достаточенъ при второй величинѣ. Чувствуется уже нѣкоторая потребность искать въ помощь этому источнику какихъ-нибудь другихъ. Но совершенно неизбѣжна становилась бы эта необходимость при послѣднихъ изъ взятыхъ нами величинъ, какъ покажетъ слѣдующій разсчетъ.

IV.

При выкупѣ въ 75 руб. сер. и при 5%, продолжительность выкупной операціи растягивается почти на 57 лѣтъ, т. е. на цѣлыхъ два поколѣнія; даже изъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ только одна девятая часть получитъ выкупъ немедленно, другимъ придется ждать его по нѣскольку лѣтъ, многимъ по 7 и по 8 лѣтъ, нѣкоторымъ даже по 9 лѣтъ. Раньше девятаго года не достанется получить выкупа ни одному изъ владѣльцевъ второй категоріи (20—100 душъ). Вообще выкупъ облигацій этой категоріи будетъ тянуться цѣлые десятки лѣтъ. Конечно еще дольше придется ждать лицамъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ; чтобы дать понятіе о медленности, съ которой будутъ удовлетворяться ихъ права, скажемъ. что самые счастливые изъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ, не получатъ выкупа ранѣе 51 года отъ начала выкупной операціи, а другимъ придется ждать и 55 и 56, и 57 лѣтъ.

Тутъ, очевидно, уже совершенно недостаточенъ источникъ выкупа, принятый нами. Ждать платежа 40, 50, 55 лѣтъ невозможно. Какіе же могутъ быть источники для усиленія суммы, платимой самими выкупающимися? Очевидно, что госу-

Digitized by Google

дарство было-бы принуждено приступить къ учрежденію какого-нибудь новаго налога. Но промышленность и торговля ужъ несутъ налоги, величина которыхъ не можетъ быть возвышена безъ обремененія этихъ отраслей дѣятельности. Акцизы на предметы потребленія, каковы вино, соль, табакъ, также уже установлены. Наконецъ, простолюдины несутъ очень значительную подушную подать. Такимъ образомъ, предметомъ новаго налога могли-бы сдѣлаться только земли, до сихъ поръ бывшія свободными отъ налога, или платившія налогъ непропорціонально малый. Это простое соображеніе показываетъ, что если-бы требовательность кредиторовъ заставила перенести часть тяжести выкупа, непропорціональнаго силамъ выкупающихся, на другіе органы государственнаго тѣла, то ближайшимъ образомъ весь этотъ избытокъ тяжести легъ бы на имущества, которыя останутся во владѣніи самихъ же кредиторовъ.

Здравый разсчетъ указываетъ, что умѣренность требованій должна считаться единственнымъ средствомъ для самихъ кредиторовъ не подвергнуться усиленнымъ платежамъ съ своихъ имуществъ для удовлетворенія своихъ требованій. Чрезмѣрно возвышая свои требованія, они сами себя принуждали бы платить лѣвою рукою тотъ излишекъ, который захотѣли получать правою рукою.

Но если неумѣренность требованій кредиторовъ становилась бы въ убытокъ имъ самимъ, то съ другой стороны умѣренность въ претензіяхъ кредитора доставляетъ должнику возможность расплачиваться еще быстрѣе, нежели мы принимали выше. Извѣстно, что организмъ человѣка въ теченіе короткаго времени можетъ выносить такія усилія или лишенія, которыя разстроили бы его, если-бы растянулись на долгое время. Тоже самое и съ хозяйственнымъ организмомъ какого-нибудь сословія. Если мы приняли, что на продолжительный срокъ нельзя обложить выкупающихся платежемъ свыше 4 руб. въ годъ, то, безъ сомнѣнія, должники нашли бы возможность произвести уплату нѣсколько большую, если-бы повторять ее потребовалось отъ нихъ небольшое число разъ, напримѣръ, всего только два или три раза. Съ другой стороны, чѣмъ меньше срокъ, остающійся до уплаты кредитнаго знака, тѣмъ менѣе становится величина процента, нужная для поддержанія номинальной цѣнности этого знака. Если при продолжительности выкупной операціи выкупныя облигаціи нуждались бы въ сравненіи по приносимому ими проценту съ билетами государственныхъ кредитныхъ учрежденій (3%), то при близости выкупнаго срока, онѣ не могли бы понизиться въ цѣнѣ и съ меньшимъ процентомъ: кому была бы охота продать по 95 коп. за рубль такую облигацію, которая подлежитъ черезъ два, три мѣсяца тиражу, дающему очень значительную вѣроятность выкупной очереди съ выдачею за нее полной цѣны, и которая при самыхъ неблагопріятныхъ для нея шансахъ тиража будетъ ждать своей очереди очень недолгое время? Сверхъ того, при умѣренности капитала, представляемаго суммою облигацій, онѣ меньше будутъ переполнять рынокъ и слѣдовательно уменьшится ихъ наклонность къ пониженію. Прибавимъ еще одно обстоятельство, которому принадлежало бы рѣшительное вліяніе на величину процента по облигаціямъ короткихъ сроковъ. Вклады суммъ, принадлежащихъ казеннымъ учрежденіямъ, даютъ по новому правилу кредитныхъ учрежденій только $1^1/_2$%. При непродолжительномъ срокѣ выкупа, для такихъ суммъ былъ бы выгоднымъ оборотомъ размѣнъ банковыхъ билетовъ на эти облигаціи, когда бы онѣ приносили даже только 2% или $1^3/_4$%. Такой размѣнъ, безъ всякаго сомнѣнія, поддержалъ бы ихъ обращеніе по номиналь-

Digitized by Google

ной цѣнности. Кромѣ всѣхъ этихъ соображеній, существуетъ много другихъ основаній для достаточности тѣмъ меньшаго процента, чѣмъ кратковременнѣе срокъ всего продолженія выкупной операціи. А если конецъ операціи близокъ, то кредитныя учрежденія могутъ довольно сильно содѣйствовать еще большему его сокращенію ссудами на незначительный срокъ, которыя легки и тогда, когда невозможна ссуда на долгій срокъ.

Такимъ образомъ есть легкая возможность сократить въ значительной степени и тотъ недолгій срокъ уплаты по облигаціямъ при умѣренныхъ требованіяхъ, какой представлялся намъ выше. Мы попробуемъ приблизительно показать это на выкупѣ въ 20 руб. сер. Безъ всякихъ пособій, представляемыхъ финансовыми соображеніями, истекающими изъ его кратковременности, мы нашли его продолжающимся 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Но естественная непродолжительность его открываетъ путь къ сокращенію его до 3 лѣтъ, или даже нѣсколько менѣе. Примемъ цифру 3 лѣтъ и посмотримъ, какъ велики должны быть усилія самихъ поселянъ и кредитныхъ учрежденій для сокращенія ожиданій кредиторовъ этимъ срокомъ.

Во-первыхъ, при умѣренности выкупа, довольно многіе поселяне найдутъ средства взнести его за одинъ разъ. Положимъ, что при цифрѣ 20 руб., одна десятая часть крестьянскихъ семей найдутъ эту возможность. Для остальныхъ будетъ легче въ теченіе двухъ лѣтъ платить по 6 руб., нежели по 4 руб. въ теченіе пяти лѣтъ. Платить по 6 руб. нѣсколько лѣтъ съ ряду было бы, сказали мы, невозможно, но возможно сдѣлать два раза чрезвычайное усиліе, если немедленно затѣмъ начинается льгота.

При срокѣ выкупной операціи въ 5 лѣтъ слишкомъ, полагалось на выкупной капиталъ $2^1/_2$%. Но если тиражъ будетъ продолжаться только три года, то не будетъ надобности раздѣлять облигаціи на категоріи по значительности помѣстьевъ, подлежащихъ выкупу; тогда и самый послѣдній тиражъ отлагается на срокъ столь недалекій, что даже малые владѣльцы (21—100 душъ) могутъ ждать его. Только мелкопомѣстные владѣльцы (1—20) сохранятъ свою привилегію получить выкупъ именно въ первый годъ. Если же тиражъ будетъ происходить не по годичнымъ, а по менѣе продолжительнымъ промежуткамъ, напримѣръ черезъ два мѣсяца или еще лучше ежемѣсячно, тогда едва успѣетъ дойти до провинцій извѣстіе о нумерахъ, вынутыхъ въ первый тиражъ, какъ уже будетъ надобно ожидать новаго тиража, съ сильною вѣроятностью удовлетворенія тѣхъ, которые не попали въ первый тиражъ, и такимъ образомъ облигаціи будутъ совершенно достаточно поддерживаться въ цѣнѣ уже самыми шансами тиража, не нуждаясь въ пособіи процентовъ. Итакъ, мы полагаемъ возможнымъ оставить ихъ безъ процентовъ. Тогда будемъ имѣть слѣдующій ходъ выкупной операціи:

Первый годъ. 10,000 крестьянъ внесли полный выкупъ, по 20 руб.—итого 200,000 р.; остальные 90,000 внесли по 6 р., итого 540,000 руб.; всего въ первый годъ выкупается облигацій на	740,000 р.
Второй годъ. 90,000 душъ вносятъ по 6 р., всего выкупается облигацій	540,000 р.
Итого въ первые два года выкуплено облигацій на . .	1,280,000 р.

Digitized by Google

На третій годъ крестьяне вносятъ только по 3 руб. сер., итого 270,000; недостающія для полнаго выкупа 450,000 ссужаются кредитными учрежденіями, которыя могутъ сдѣлать эту ссуду, потому что, при уплатѣ съ души по 2 р. 25 к., она погашается въ два года. Такимъ образомъ, нужно содѣйствіе кредитныхъ учрежденій менѣе чѣмъ на одну четвертую часть выкупной суммы, чтобы срокъ выкупа сокращался почти на половину.

Выгода для владѣльцевъ очевидна: отказываясь отъ ничтожнаго для нихъ полученія процентовъ, излишнихъ для поддержки цѣны облигацій при столь быстромъ ходѣ выкупа и столь частомъ тиражѣ, они выигрываютъ то, что получаютъ по своимъ облигаціямъ удовлетвореніе вдвое быстрѣе. Каждый разсчетливый хозяинъ съ радостью пожертвуетъ 50 к. въ годъ ($2^1/_2$% на 20 р.), чтобы вдвое скорѣе получить слѣдующіе ему 20 руб. съ души.

Выгода крестьянъ будетъ также довольно значительна. Они платятъ:

	При тиражѣ въ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.	При тиражѣ въ 3 года
1 годъ . .	4 р.	6 р.
2 — . .	4 —	6 —
3 — . .	4 —	3 —
4 — . .	4 —	2 — 50 к.
5 — . .	4 —	2 — 50 к.
6 — . .	1 — 16 к.	„ — „ к.
Итого . .	21 р. 16 к.	Итого 20 р.

Но вообще сокращеніе тиража, о которомъ мы теперь говоримъ, предполагается нами гораздо болѣе въ выгодахъ кредиторовъ, нежели въ выгодахъ должниковъ, потому что $2^1/_2$% при разсрочкѣ платежа на 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ уже не сотавляютъ слишкомъ большаго обремененія (именно, всего только около 6 копѣекъ на рубль, за все продолженіе платежей).

Пожертвованіе кредитныхъ учрежденій для доставленія помѣщикамъ столь значительной выгоды, какъ сокращеніе срока тиража почти на цѣлую половину, будетъ совершенно ничтожна, если ссуда будетъ сдѣлана этими учрежденіями даже безъ процентовъ, какъ мы предположили; именно въ первый годъ они пожертвуютъ 13,500 р. (считая по 3%) и во второй (такъ какъ половина ссуды уже возвратится въ этотъ годъ)—6,750 р. всего 20,250 руб., то есть $4^1/_2$ копѣйки на рубль ссуды. Но и эту потерю мы предположимъ собственно только для упрощенія разсчета: срокъ ссуды такъ незначителенъ, что платить по ней проценты будетъ необременительно для крестьянъ. Именно, полагая на ссуду 3%, прійдется собрать въ 4-й годъ вмѣсто 2 р. 50 к. по 2 р. 65 к., а на 5-ый годъ вмѣсто 2 руб. 50 к. по 2 р. $57^1/_2$ коп. съ души. Такимъ образомъ, если-бы при подобномъ срокѣ уплаты кредитныя учрежденія затруднились принять на себя ту небольшую потерю, которую мы предположили, то легко можно было бы избавить ихъ отъ всякой потери, положивъ на ссуду по 3%,—этимъ не обременились бы чувствительно крестьяне, при кратковременности ссуды.

Digitized by Google

Мы начали свои соображенія о необходимости умѣренной цифры выкупа исключительно въ выгодахъ должника. Но нечувствительно пришли мы къ выводу, что также осязательна эта выгода и для разсчетливаго кредитора. Мы не говоримъ о пожертвованіяхъ со стороны кредиторовъ, — опытъ отучилъ насъ отъ подобныхъ мечтаній. Но ариѳметика показываетъ намъ, что алчность вовсе не есть разсчетливость, что, напротивъ, истинно разсчетливъ только тотъ, кто по возможности умѣренъ въ своихъ требованіяхъ, и мы желали бы теперь хотя только того, чтобы кредиторы какъ можно точнѣе разсчитывали, какіе шансы ихъ ожидаютъ при умѣренности и какіе при неумѣренности требованій.

Digitized by Google

Критика философскихъ предубѣжденій

ПРОТИВЪ ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ.

Wie weh', wie weh', wie wehe,
Göthe. «Faust».

Предисловіе.—Первобытность общиннаго поземельнаго владѣнія свидѣтельствуетъ ли противъ предпочтенія его личной поземельной собственности? – Необходимо ли у каждаго народа каждому учрежденію проходить всѣ логическіе моменты развитія?

Долго молчалъ я въ спорѣ, который былъ поднятъ мною. Равнодушіе, съ которымъ были встрѣчены остальными журналами первыя статьи мои и г. Вернадскаго, служившія на нихъ отвѣтомъ, —это равнодушіе мало по малу смѣнилось чрезвычайно живымъ участіемъ. Вотъ ужъ много времени, какъ не проходитъ ни одного мѣсяца безъ того, чтобъ не явилось въ разныхъ журналахъ по нѣскольку статей объ общинномъ владѣніи. Всѣ говорили объ этомъ вопросѣ,—я молчалъ. Большая часть говорившихъ о немъ нападали на мое мнѣніе и на мою личность очень сильнымъ образомъ,—я молчалъ, хотя въ другихъ случаяхъ не отличался способностью оставлять безъ отвѣта нападенія на то, что считаю справедливымъ и полезнымъ, и хотя даже друзья мои всегда замѣчали во мнѣ чрезвычайную, по ихъ мнѣнію даже излишнюю, любовь къ разъясненію спорныхъ вопросовъ горячею полемикою. Я молчалъ, несмотря ни на интересъ, пріобрѣтенный для публики вопросомъ, который такъ дорогъ для меня лично, несмотря на безчисленные вызовы противниковъ, несмотря на частыя побужденія отъ друзей, упрекавшихъ меня и въ лѣности, и въ позорной апатіи къ общему дѣлу, и въ трусости. И теперь, когда берусь я за перо, чтобы снова защищать общинное владѣніе, я выдерживаю сильную борьбу съ самимъ собою и не знаю самъ, не лучше ли было бы продолжать мнѣ упорное молчаніе.

Дѣло въ томъ, что я стыжусь самого себя. Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою поднялъ я вопросъ объ общинномъ владѣніи. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ,—скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Возобновляя мою рѣчь объ общинномъ владѣніи, я долженъ начать признаніемъ совершенной справедливости тѣхъ словъ моего перваго противника, г. Вернадскаго, которыми онъ объявлялъ съ самомъ возникновеніи спора, что напрасно взялся я за этотъ предметъ, что не доставилъ я тѣмъ чести своему здравому смыслу. Я раскаяваюсь въ своемъ прошломъ неблагоразуміи, и если бы цѣною униженной

Digitized by Google

просьбы объ извиненіи могло покупаться забвеніе совершившихся фактовъ, я не колеблясь сталъ бы просить прощеніе у противниковъ, лишь бы этимъ моимъ униженіемъ былъ прекращенъ споръ, начатый мною столь неудачно.

„Какъ? неужели человѣкъ, такъ громко провозглашавшій непобѣдимость доводовъ въ пользу общиннаго владѣнія, поколебался въ своемъ убѣжденіи возраженіями противниковъ, безсиліе которыхъ такъ высокомѣрно осмѣивалъ въ началѣ битвы?“ подумаетъ читатель: — „неужели онъ чувствуетъ себя побѣжденнымъ тѣми фактами и силлогизмами, которые противупоставлены ему?“ О, если бы мой стыдъ передъ самимъ собою происходилъ изъ этого источника! Быть побѣжденному учеными доводами, конечно, непріятно было бы для самолюбія, особенно когда при этомъ наносятся еще оскорбленія личности побѣждаемаго; но въ такомъ случаѣ скорбь состояла бы въ чувствѣ мелочномъ, пошлость котораго отняла бы силу открыто признаваться передъ публикою въ своемъ стыдѣ. Мой стыдъ другого рода, и какъ ни тяжелъ онъ, онъ не боится огласки.

Но возраженіями противниковъ позорится моя безразсудная надежда на побѣду. Пусть противники многочисленны; пусть возраженія громадны по объему и количеству; пусть даже нѣкоторые изъ противниковъ принадлежатъ къ тѣмъ людямъ, одобреніемъ которыхъ я дорожилъ въ другихъ случаяхъ, порицаніе которыхъ было бы горько для меня въ другихъ дѣлахъ; не ими смущенъ я. Съ самаго начала я говорилъ, что по вопросу объ общинномъ владѣніи противъ меня будетъ огромное большинство русскихъ ученыхъ и мыслителей и тѣ литературныя партіи, которыя уважаются мною выше всѣхъ остальныхъ послѣ той, къ которой принадлежу я самъ. Фактъ, не предвидѣнный и предсказанный мною самимъ, не могъ смутить меня. Напротивъ, я удивлялся, не встрѣтивъ враждебности къ защищаемому мною дѣлу въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ, имѣющихъ наиболѣе авторитета во мнѣніи публики и моемъ собственномъ. Отрадной для меня неожиданностью было, что эти люди или не напали на защищаемое мною мнѣніе, или даже выражали свое сочувствіе къ нему *). Не многочисленностію противниковъ былъ удивленъ я, а тѣмъ, что ихъ не оказалось еще гораздо больше; удивленъ, что въ ихъ рядахъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ ученыхъ, противорѣчіе которыхъ было бы для меня дѣйствительно тяжело. Если не произвела на меня впечатлѣнія огромность числа писателей, возставшихъ противъ общиннаго владѣнія, то еще меньше могли поколебать мое убѣжденіе доводы, ими выставленные. Въ началѣ спора я указывалъ обыкновенные источники возраженій противъ общиннаго владѣнія и книги, руководящія мыслями людей, отъ которыхъ ожидалъ я противорѣчія. Мои предположенія, что противъ меня будутъ повторять чужія слова, давно извѣстныя не мнѣ одному, и давно опровергнутыя не мною, а европейскими писателями, — эти предположенія сбылись даже выше моихъ ожиданій. Ни одного новаго или самостоятельнаго соображенія не было представлено русскими противниками общиннаго владѣнія; всѣ ихъ понятія были цѣликомъ взяты изъ устарѣлыхъ книгъ и даже не примѣнены къ частному вопросу, къ которому большею частію вовсе не шли. Изъ немногихъ фактовъ, на которыхъ опирались эти соображенія, также не было

*) Я говорю не о славянофилахъ, которыхъ я могу уважать за многое, но симпатіи которыхъ не заслуживаю, какъ они сами объявляютъ и какъ я самъ чувствую.

Digitized by Google

почти ни одного, который бы прямо шелъ къ дѣлу; а если которые и шли къ дѣлу, то были подбираемы такъ неосмотрительно, что свидѣтельствовали въ сущности не противъ общиннаго владѣнія, а въ пользу его. Словомъ сказать, возраженія были до того избиты, что, признаюсь, я не имѣлъ интереса прочесть до конца почти ни одной изъ статей противъ общиннаго владѣнія, которыя появлялись послѣ того, какъ я помѣстилъ свою послѣднюю статью противъ г. Вернадскаго въ ноябрской книжкѣ „Современника" прошлаго года: съ первыхъ же страницъ каждаго возраженія я видѣлъ, что безполезно читать эти блѣдныя повторенія того, что уже давно наскучило мыслящему человѣку въ сотняхъ плохихъ французскихъ книжекъ о политической экономіи; даже пріятность читать гнѣвную брань противъ себя,—пріятность, выше которой нѣтъ ничего для писателя, любящаго колебать старые и надменные предразсудки, не могла пересилить скуку, приносимую вялыми повтореніями общихъ мѣстъ старинной экономической школы. Только теперь, рѣшившись возобновить свои статьи объ общинномъ владѣніи, я сталъ читать эти возраженія,—и убѣдился, что не сдѣлалъ ошибки, предположивъ ихъ всѣ незаслуживающими прочтенія.

Итакъ не сила противниковъ заставляетъ меня признать, что я заблуждался, начавъ говорить въ защиту общиннаго владѣнія. Напротивъ, со стороны успѣха именно этой защиты я могу признать за своимъ дѣломъ чрезвычайную удачу: слабость аргументовъ, приводимыхъ противниками общиннаго владѣнія, такъ велика, что безъ всякихъ опроверженій съ моей стороны начинаютъ журналы, сначала рѣшительно отвергавшіе общинное владѣніе, одинъ за другимъ дѣлать все больше и больше уступокъ общинному поземельному принципу. Теперь нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что большинство литературнаго міра считаетъ нужнымъ сохранить отъ вторженія личной частной собственности, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, тѣ части земли, которыя до сихъ поръ оставались собственностью или владѣніемъ общества. Такая уступка послѣ первоначальнаго совершеннаго и рѣзкаго отверженія общественной поземельной собственности во всѣхъ ея видахъ могла бы внушать мнѣ нѣкоторую гордость. Но я стыжусь себя.

Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать это, какъ могу.

Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго владѣнія, но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія низшія гарантіи благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствію простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во-первыхъ принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно также замѣтить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія. Примѣры малой выгодности ея при противномъ условіи часто встрѣчаются у насъ по дворянскимъ имѣніямъ, обремененнымъ долгами. Бываютъ случаи, когда наслѣдникъ отказывается отъ полученія огромнаго количества десятинъ, достающихся ему послѣ какого-нибудь родственника, потому что долговыя обязательства, лежащія на землѣ, почти равняются не одной только рентѣ, но и вообще всей суммѣ доходовъ, доставляемыхъ помѣстьемъ. Онъ разсчитываетъ, что излишекъ, остающійся за уплатою долговыхъ

Digitized by Google

обязательствъ, не стоитъ хлопотъ и другихъ непріятностей, приносимыхъ владѣніемъ и управленіемъ. Потому, когда человѣкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою, если онъ находитъ выгоднымъ для себя вводъ во владѣніе. Только при соблюденіи этого втораго условія, люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученіе ренты.

На предположеніи этихъ двухъ условій была основана та горячность, съ какою я выставлялъ общинное владѣніе необходимымъ довершеніемъ гарантій благосостоянія.

Меня упрекаютъ за любовь къ употребленію параболъ. Я не спорю, прямая рѣчь, дѣйствительно, лучше всякихъ приточныхъ сказаній; но противъ собственной натуры и, что еще важнѣе, противъ натуры обстоятельствъ идти нельзя, и потому я останусь вѣренъ своему любимому способу объясненій. Предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ изъ расположенія собственно къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ столь странныхъ открытіяхъ? „Человѣкъ самолюбивъ“, и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому. „Какъ былъ я глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?“ Вторая моя мысль о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ обстоятельствъ котораго я такъ интересовался: „лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку! лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только раззореніе!“ Досада за васъ, стыдъ за свою глупость, — вотъ мои чувства.

Но довольно мнѣ говорить о своихъ чувствахъ и о собственной личности. Какъ бы то ни было, но пошло въ ходъ глупымъ образомъ начатое мною дѣло объ общинномъ владѣніи. Не всѣ смотрятъ на него съ тѣмъ чувствомъ отвращенія и негодованія, какое внушаетъ оно мнѣ теперь, по разрушеніи надеждъ, въ которыхъ было начато мною. Теперь, я уже сказалъ, я желалъ бы, быть можетъ, чтобы все оно пропало. Другіе напротивъ хлопочутъ о томъ, чтобы привести его къ концу, все больше и больше склоняясь къ тѣмъ мнѣніямъ, какія были выражены мною при началѣ спора объ общинномъ владѣніи. Дѣло это уже не можетъ быть брошено. А если дѣло, которому лучше было бы быть брошену, уже не можетъ быть брошено, то нечего дѣлать, надобно участвовать въ его веденіи.

Рѣзкимъ полемическимъ тономъ былъ начатъ мною споръ объ общинномъ владѣніи. Крикъ этотъ имѣлъ одну цѣль: заставить обратить вниманіе на пред-

Digitized by Google

метъ его. Теперь общее вниманіе обращено на предметъ рѣчи и нѣтъ надобности ей переступать границы спокойнаго изложенія, чтобы быть выслушанной.

Но,—послѣдняя дань полемическому тону, отъ котораго я отказываюсь по вопросу объ общинномъ владѣніи: мало того, что возможно мнѣ обойтись безъ полемики,—было бы недобросовѣстно съ моей стороны пользоваться этимъ оружіемъ тогда, когда нужно не столько обличеніе ошибокъ, сколько пополненіе пробѣловъ, производимыхъ незнаніемъ или забывчивостью. Дозволительно ли полемизировать противъ человѣка, который не соглашается съ вами только потому, что не знаетъ первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики, или не подумалъ о результатѣ, получаемомъ изъ сложенія двухъ съ двумя?—говорить съ нимъ горячимъ тономъ, это и безполезно для него и совѣстно для васъ. Онъ нуждается въ урокѣ изъ „начатковъ ученія",—въ урокѣ, изложенномъ съ такою популярностью, которая была бы доступна его силамъ и пробуждала бы дѣятельность его мысли.

Степень знакомства съ современною наукою и привычки къ самостоятельному мышленію, обнаруженная противниками общиннаго владѣнія, предписываетъ мнѣ стараться о всевозможной популярности при слѣдующемъ изложеніи первоначальныхъ понятій, касающихся вопроса о различныхъ видахъ собственности на землю, владѣнія и пользованія землею. Итакъ, читатель проститъ мнѣ, если найдетъ, что большая часть этихъ страницъ посвящена изложенію фактовъ и соображеній слишкомъ элементарныхъ: при составленіи настоящихъ статей я имѣлъ въ виду не тотъ уровень знаній и сообразительности, какой предполагается въ большинствѣ публики, а только тотъ, какой обнаруженъ противниками общиннаго владѣнія.

Прежде нежели вопросъ объ общинѣ пріобрѣлъ практическую важность съ начатіемъ дѣла объ измѣненіи сельскихъ отношеній, русская община составляла предметъ мистической гордости для исключительныхъ поклонниковъ русской національности, воображавшихъ, что ничего подобнаго нашему общинному устройству не бывало у другихъ народовъ и что оно такимъ образомъ должно считаться прирожденною особенностію русскаго или славянскаго племени, совершенно въ томъ родѣ, какъ напримѣръ скулы болѣе широкія, нежели у другихъ европейцевъ, или языкъ, называющій мужа—мужъ, а не mensch, homo или l'homme и имѣющій семь падежей, а не шесть, какъ въ латинскомъ, и не пять, какъ въ греческомъ. Наконецъ люди ученые и безпристрастные показали, что общинное поземельное устройство въ томъ видѣ, какъ существуетъ теперь у насъ, существуетъ у многихъ другихъ народовъ, еще не вышедшихъ изъ отношеній, близкихъ къ патріархальному быту, и существовало у всѣхъ другихъ, когда они были близки къ этому быту. Оказалось, что общинное владѣніе землею было и у нѣмцевъ, и у французовъ, и у предковъ англичанъ, и у предковъ итальянцевъ, словомъ сказать, у всѣхъ европейскихъ народовъ; но потомъ при дальнѣйшемъ историческомъ движеніи, оно мало по малу выходило изъ обычая, уступая мѣсто частной поземельной собственности. Выводъ изъ этого ясенъ. Нечего намъ считать общинное владѣніе особенною прирожденною чертою нашей національности, а надобно смотрѣть на него какъ на обще-человѣческую принадлежность извѣстнаго періода въ жизни каждаго народа. Сохраненіемъ этого остатка первобытной древности гордиться намъ тоже нечего, какъ вообще никому не слѣдуетъ гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохраненіе старины свидѣтельствуетъ только о медленности и вялости историческаго развитія. Сохраненіе общины въ поземельномъ отно-

Digitized by Google

шеніи, исчезнувшей въ этомъ смыслѣ у другихъ народовъ, доказываетъ только, что мы жили гораздо меньше, чѣмъ эти народы. Такимъ образомъ оно со стороны хвастовства передъ другими народами никуда не годится.

Такой взглядъ совершенно правиленъ: но вотъ наши и заграничные экономисты устарѣлой школы вздумали вывесть изъ него слѣдующее заключеніе: „Частная поземельная собственность есть позднѣйшая форма, вытѣснившая собою общинное владѣніе, оказывавшееся несостоятельнымъ передъ нею при историческомъ развитіи общественныхъ отношеній; и такъ мы, подобно другимъ народамъ, должны покинуть его, если хотимъ идти впередъ по пути развитія".

Это умозаключеніе служитъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ и общихъ основаній при отверженіи общиннаго владѣнія. Едва ли найдется хотя одинъ противникъ общиннаго владѣнія, который не повторялъ бы вмѣстѣ со всѣми другими: „Общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная поземельная собственность — вторичная форма; какъ же можно не предпочитать высшую форму низшей?" Намъ тутъ странно только одно: изъ противниковъ общиннаго владѣнія многіе принадлежатъ къ послѣдователямъ новой нѣмецкой философіи; одни хвалятся тѣмъ, что они шеллингисты, другіе твердо держатся гегелевской школы; и вотъ о нихъ-то мы недоумѣваемъ, какъ не замѣтили они, что, налегая на первобытность общиннаго владѣнія, они выставляютъ именно такую сторону его, которая должна чрезвычайно сильно предрасполагать въ пользу общиннаго владѣнія всѣхъ, знакомыхъ съ открытіями нѣмецкой философіи относительно преемственности формъ въ процессѣ всемірнаго развитія; какъ не замѣтили они, что аргументъ, ими выставляемый противъ общиннаго владѣнія, долженъ напротивъ свидѣтельствовать о справедливости мнѣнія, отдающаго общинному владѣнію предпочтеніе передъ частною поземельною собственностію, ими защищаемою.

Мы остановимся довольно долго надъ слѣдствіями, къ какимъ должна приводить первобытность, признаваемая за извѣстною формою, потому что, по странной недогадливости, именно эта первобытность служила, какъ мы сказали, однимъ изъ самыхъ любимыхъ и коренныхъ аргументовъ нашихъ противниковъ.

Мы не послѣдователи Гегеля, а тѣмъ менѣе послѣдователи Шеллинга; но не можетъ не признать, что обѣ эти системы оказали большія услуги наукѣ раскрытіемъ общихъ формъ, по которымъ движется процессъ развитія. Основной результатъ этихъ открытій выражается слѣдующею аксіомою: „По формѣ, высшая степень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго оно отправляется". Эта мысль заключаетъ въ себѣ коренную сущность шеллинговой системы; еще точнѣе и подробнѣе раскрыта она Гегелемъ, у котораго вся система состоитъ въ проведеніи этого основного принципа чрезъ всѣ явленія міровой жизни отъ ея самыхъ общихъ состояній до мельчайшихъ подробностей каждой отдѣльной сферы бытія. Для читателей, знакомыхъ съ нѣмецкою философіею, послѣдующее наше раскрываніе этого закона не представитъ ничего новаго; оно должно служить только къ тому, чтобы выставить въ полномъ свѣтѣ непослѣдовательность людей, незамѣчавшихъ, что даютъ оружіе сами противъ себя, когда налегаютъ съ такою силою на первобытность формы общиннаго владѣнія.

Высшая степень развитія по формѣ сходна съ его началомъ,—это мы видимъ во всѣхъ сферахъ жизни. Начнемъ съ самой общей формы процесса бытія на на-

Digitized by Google

шей планетѣ. Газообразное и жидкое состояніе тѣлъ,—вотъ исходная точка, отъ которой пошло впередъ образованіе нашей планеты и жизни въ ней. Великимъ шагомъ впередъ было сгущеніе газовъ и отвердѣніе жидкостей въ минеральныя породы. Въ благородныхъ металлахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ планетный процессъ дошелъ до совершенства въ этомъ направленіи. Сравните вѣковую неразрушимость и чрезвычайную плотность золота и платины, еще большую неразрушимость и страшную крѣпость рубина и алмаза съ шаткостью формы, съ быстрымъ процессомъ химическихъ измѣненій въ газѣ и жидкости, вы увидите двѣ противуположныя крайности. Но что же за тѣмъ? Истощилась ли жизнь природы достиженіемъ крайней прочности, плотности и неподвижности въ минеральномъ царствѣ? Нѣтъ, мало по малу на минеральномъ царствѣ возникаетъ растительное. Съ одного шага, природа отъ страшной плотности минераловъ возвращается къ меньшей плотности жидкостей: удѣльный вѣсъ дерева занимаетъ средину между удѣльнымъ вѣсомъ разныхъ жидкостей. Мало этого сходства въ удѣльномъ вѣсѣ: минеральное основаніе дерева (обнаруживающееся пепельнымъ остаткомъ по его разложеніи) принимаетъ въ соединеніе съ собой очень значительную массу матеріи въ жидкомъ состояніи; все дерево проникнуто жидкимъ сокомъ, который и составляетъ двигателя его жизни. Но отъ неподвижности минеральнаго царства осталась въ деревѣ неподвижность на мѣстѣ, которое разъ занято цѣлымъ организмомъ, и неизмѣнность въ расположеніи частей, какое разъ приняли онѣ однѣ относительно другихъ. Внѣшняя форма дерева также тверда; она только нечувствительно расширяется временемъ въ объемѣ, но за этимъ исключеніемъ постоянно сохраняетъ одно и тоже очертаніе. Природа вступаетъ въ новый фазисъ развитія, за растительнымъ царствомъ производитъ животное, и этимъ шагомъ она еще приближается къ формамъ бытія, предшествовавшимъ минеральному царству. Въ организмѣ животнаго жидкіе элементы занимаютъ еще гораздо больше мѣста, нежели въ растеніи. Они даже достигаютъ самостоятельнаго отдѣленія отъ твердыхъ частей, огромными массами собираясь въ жилахъ, въ сердцѣ, въ желудкѣ и другихъ резервуарахъ животнаго организма. Твердая основа, которая въ растеніи представлялась на первомъ планѣ, въ животномъ отступаетъ во внутрь, облекаясь мягкими покровами мяса и жира; теряя наружное значеніе, она теряетъ и ту центральность, какую имѣла въ деревѣ, гдѣ все до самой сердцевины было твердо: въ животномъ центральныя части, важнѣйшія по своему значенію для организма, также не тверды, какъ и наружные покровы остова; твердый остовъ удерживается единственно какъ опора для мягкихъ частей. Мало того, что жидкость изгнала минеральную твердость изъ центральныхъ органовъ; въ эти органы проникли газы: животный организмъ наполненъ воздухомъ, значительными массами сосредоточивающимся въ двухъ основныхъ органахъ центральной жизни, въ легкихъ и въ желудкѣ. Отъ минеральнаго царства въ растеніи сохранялось постоянство внѣшней формы; въ животномъ наружныя очертанія постоянно измѣняются отъ непрерывной смѣны разныхъ положеній тѣла. Не осталось и неподвижности цѣлаго организма на одномъ мѣстѣ: какъ частицы воды по закону тяготѣнія и подъ ударами волнъ атмосферы вѣчно движутся съ мѣста на мѣсто, такъ и животный организмъ вѣчно движется съ мѣста на мѣсто. Животная жизнь становится все интенсивнѣе и интенсивнѣе: проходя отъ лѣниваго молюска, почти прикованнаго къ мѣсту, черезъ высшія формы организа до млекопитающихъ, она достигаетъ своего зенита въ человѣкѣ. Въ чемъ

Digitized by Google

же состоятъ матеріальныя отличія этого высшаго животнаго организма отъ низшихъ? Въ человѣкѣ гораздо болѣе развита нервная система и особенно головной мозгъ. Что же это за масса, развитіе которой составляетъ вѣнецъ стремленій природы? Масса мозга нѣчто такое неопредѣленное по своему виду, что какъ будто бы уже составляетъ переходъ отъ мускуловъ, имѣющихъ столь опредѣлительныя качества по своей формѣ и внутреннему составу, къ какому-то полужидкому киселю въ родѣ тѣхъ, которыми начинается превращеніе неорганической матеріи въ органическую. Этотъ безформенный кисель сохраняетъ извѣстное очертаніе только потому, что удерживается внѣшними костяными оградами; освободившись отъ нихъ, онъ расплывается будто кусокъ жидкой грязи. Въ его химическомъ составѣ самый характеристичный элементъ,—это фосфоръ, имѣющій неудержимое стремленіе переходить въ газообразное состояніе; вѣнецъ животной жизни, высшая ступень, достигаемая процессомъ природы вообще, нервный процессъ состоитъ въ переходѣ мозговой матеріи въ газообразное состояніе, въ возвращеніи жизни къ преобладанію газообразной формы, съ которой началось планетное развитіе.

Иной читатель посмѣется надъ этими геологически-физіологическими разсужденіями въ статьѣ о юридическомъ и спеціальномъ вопросѣ. Мы сами готовы были бы смѣяться надъ обзорами теллурической жизни, служащими подкрѣпленіемъ политико-экономическихъ истинъ, еслибъ не замѣчали, какъ много зависитъ тотъ или другой взглядъ на какой-нибудь, повидимому, чисто практическій и очень спеціальный вопросъ отъ общаго философскаго воззрѣнія. Въ настоящемъ случаѣ, чтеніе статей противъ общиннаго владѣнія убѣдило насъ, что нерасположеніе къ этой формѣ поземельныхъ отношеній основано не столько на фактахъ или понятіяхъ, спеціально относящихся къ данному предмету, сколько на общихъ философскихъ и моральныхъ воззрѣніяхъ о жизни. Мы думаемъ, что истребить предубѣжденіе по частному вопросу, насъ занимающему, можно только изложеніемъ здравыхъ понятій, противуположныхъ отсталымъ философемамъ, или философскимъ и моральнымъ недосмотрамъ, которыми держатся эти предубѣжденія. Потому продолжаемъ философско-физіологическіе очерки отношеній между разными формами жизни, какъ бы ни казались забавны такіе эпизоды въ статьяхъ, которыя собственно должны бы ограничиваться сферою спеціальности. Если такіе эпизоды и дѣйствительно забавны, то мы утѣшаемся мыслію, что они будутъ не безполезны.

Кто не хотѣлъ подумать объ общихъ истинахъ, изложенныхъ въ Гумбольдтовомъ „Космосѣ“, тотъ, конечно, принуждаетъ говорить о нихъ и тогда, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь спеціальномъ вопросѣ.

Отъ общаго теллурическаго процесса перейдемъ къ соотношенію формъ въ болѣе тѣсныхъ сферахъ и прежде всего взглянемъ, напримѣръ, на характеръ животной жизни въ разныхъ ступеняхъ ея развитія. Мы уже видѣли, что высшее произведеніе этой жизни, мозговая масса, характеромъ своимъ напоминаетъ какой-нибудь кисель, почти лишенный тѣхъ формъ и качествъ, какими отличается вообще мясо, составляющее преобладающій элементъ животнаго царства. Низшая ступень животной жизни, проявляющаяся въ молюскахъ и слизнякахъ, имѣетъ совершенно тотъ же характеръ: тѣло устрицы своимъ студенистымъ качествомъ скорѣе сходно съ мозгомъ, нежели съ мясомъ. И такъ мы видимъ опять три формы, изъ которыхъ высшая (мозгъ) представляется какъ будто бы возвращеніемъ отъ второй (мяса) къ первобытной формѣ (студенистое вещество).

Digitized by Google

Возьмемъ еще тѣснѣйшую сферу жизни, именно, два высшіе разряда изъ трехъ обширныхъ классовъ, принимаемыхъ Ламаркомъ, animalia articulata и animalia intelligentia. Съ того момента, какъ проявляется первый признакъ интенсивности въ животной жизни возникновеніемъ членораздѣльности (animalia articulata), мы видимъ, что каждая изъ отдѣльныхъ частей, на которыя подраздѣлился организмъ, имѣетъ какъ будто бы свою самобытную жизнь, кромѣ общей жизни цѣлаго организма. Изъ этихъ низшихъ животныхъ есть такія, которыхъ можно дѣлить на нѣсколько частей и каждая часть преспокойно будетъ жить по отдѣленіи отъ другихъ. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься по лѣстницѣ формъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе общая жизнь цѣлаго организма будетъ брать перевѣсъ надъ жизнью отдѣльныхъ членовъ, и наконецъ въ разрядѣ рыбъ преобладаніе общей жизни цѣлаго организма становится до того громадно, что даже исчезаютъ всѣ отдѣльные члены и цѣлый организмъ сливается въ одинъ плотный кусокъ безъ всякихъ перехватовъ и отростковъ. Но поднимаемся еще выше, и въ разрядахъ птицъ и млекопитающихъ мы уже видимъ возобновленіе прежнихъ формъ организма, у котораго къ основному стержню примыкаютъ отростки съ различными перехватами по внѣшней формѣ. Однако, если по наружности птица и млекопитающее составляютъ какъ будто возвращеніе отъ одного плотнаго куска рыбы къ членораздѣльнымъ формамъ насѣкомыхъ, то внутренняя жизнь, жизнь ощущеній и стремленій, остается въ птицѣ и млекопитающемъ, какъ въ рыбѣ, вся сосредоточенная въ одномъ общемъ органическомъ чувствѣ съ подавленіемъ самобытнаго значенія стремленій, свойственныхъ отдѣльнымъ органамъ. Зрѣніе, слухъ, обоняніе, для млекопитающаго имѣютъ только то значеніе, что служатъ средствами для пріисканія пищи, различенія предметовъ и мѣстностей, удобныхъ и здоровыхъ для цѣлаго организма отъ нездоровыхъ или неудобныхъ, и для избѣжанія опасностей. Даже вкусъ служитъ почти только для разсортировки различныхъ питательныхъ матеріаловъ по степени ихъ здоровости для цѣлаго организма. Конечно, кошка должна чувствовать разницу вкуса между грубою говядиною и пулярдкою; но дайте ей вдругъ два куска того и другаго мяса, она не станетъ дѣлать выборъ между ними и начнетъ ѣсть тотъ, который больше, или который скорѣе попался ей подъ морду. Даже осязаніе очень мало служитъ для животныхъ источникомъ удовольствій, независимыхъ отъ общихъ потребностей жизни цѣлаго организма. Даже половой инстинктъ не занимаетъ ихъ собою, какъ самобытный источникъ ощущеній: его отправленія служатъ только средствомъ для освобожденія организма отъ частицъ, излишнее накопленіе которыхъ разстраиваетъ общій порядокъ въ жизни цѣлаго организма. Можно сказать, что всѣ ощущенія животныхъ и всѣ ихъ стремленія являются только видоизмѣненіями общихъ потребностей и чувствъ цѣлаго организма, именно отправленій желудка и чувства здоровья или болѣзни. Совершенно не такова жизнь человѣка. Каждое изъ его чувствъ достигаетъ самобытнаго интереса для него; глазъ, ухо и каждый изъ другихъ органовъ чувствъ становится въ человѣкѣ какъ будто какимъ-то самобытнымъ организмомъ съ собственной жизнью, съ своими особенными потребностями и удовольствіями. Человѣкъ не только по внѣшней формѣ, какъ млекопитающее, но и по самой сущности своей жизни, представляется какъ будто бы собраніемъ нѣсколькихъ сросшихся самобытныхъ организмовъ, и общая жизнь всего организма удерживаетъ за собою значеніе какъ будто только потому, что служитъ общею поддержкою развитія этихъ

Digitized by Google

отдѣльныхъ жизней. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ въ своемъ развитіи, чѣмъ цивилизованнѣе становится онъ, то есть, чѣмъ человѣчнѣе становится его жизнь, тѣмъ большій и большій перевѣсъ берутъ эти частныя стремленія каждаго органа къ самостоятельному развитію своихъ силъ и наслажденію своею дѣятельностью. Ощущенія, доставляемыя зрѣніемъ, слухомъ и другими физическими чувствами, различныя нравственныя ощущенія, игра фантазіи, дѣятельность мышленія все рѣшительнѣе заслоняютъ собою интересность общаго органическаго процесса для самого индивидуума, и наконецъ этотъ процессъ (питаніе) сохраняетъ только тотъ интересъ, какой придается ему наслажденіями отдѣльнаго органа вкуса и вмѣсто самобытнаго значенія онъ представляется только средствомъ къ удовлетворенію частнаго гастрономическаго интереса, или теряетъ всякую занимательность для индивидуума. Цивилизованный человѣкъ, если развитъ нормально, говоритъ подобно Сократу: „я ѣмъ только для того, чтобы жить сердцемъ и головою"; если развитъ дурнымъ образомъ, говоритъ: „я ѣмъ для того, чтобы наслаждались мой языкъ и нёбо". Но никогда цивилизованный человѣкъ не чувствуетъ, чтобы сама по себѣ, безъ частныхъ гастрономическихъ удовольствій, ѣда представлялась ему очень занимательнымъ процессомъ.

Такимъ образомъ въ концѣ развитія собственно животной жизни, въ жизни цивилизованнаго человѣка, мы видимъ какъ будто возвращеніе той самой формы, какую имѣла животная жизнь при первомъ началѣ своей интенсивности: въ цивилизованной жизни человѣка, какъ въ существованіи артикулированныхъ животныхъ, общая жизнь организма рѣшительно отступаетъ на второй планъ сравнительно съ самобытными отправленіями отдѣльныхъ органовъ.

Мы обозрѣли всѣ сферы матеріальной жизни, начиная общими теллурическими явленіями ея и переходя къ сферамъ все тѣснѣйшимъ и тѣснѣйшимъ, до царства интенсивной животной жизни, и повсюду видѣли неизмѣнную вѣрность развитія одному и тому же закону: высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытному началу развитія. Само собою разумѣется, что при сходствѣ формы, содержаніе въ концѣ безмѣрно богаче и выше, нежели въ началѣ, но объ этомъ мы будемъ говорить послѣ.

Быть можетъ, нашъ очеркъ матеріальнаго развитія отъ теллурическихъ состояній до мозговой дѣятельности былъ слишкомъ длиненъ; но мы хотѣли многочисленными подробностями показать неизмѣнную вѣрность природы тому закону, на рѣчь о которомъ не къ выгодѣ себѣ навели полемику наши противники, съ необдуманнымъ торжествомъ налегая на первобытность осуждаемой ими формы одного изъ общественныхъ учрежденій. Мы хотимъ показать всеобщее господство излагаемаго закона во всѣхъ проявленіяхъ жизни, и, окончивъ обзоръ матеріальныхъ явленій съ этой точки зрѣнія, обратимся къ такому же очерку нравственно-общественной жизни, составляющей другую великую часть планетарнаго развитія.

Нашъ очеркъ растянулся бы на цѣлые томы, если бы мы захотѣли упоминать о каждой сферѣ нравственно-общественнаго развитія, въ процессѣ которой повторяется общій законъ, о которомъ мы говоримъ. Какую бы сторону жизни ни взяли мы, вездѣ увидимъ господство общей нормы, открытой новою нѣмецкою философіею, и приведя на удачу нѣсколько примѣровъ, мы просили бы людей, которые захотѣли бы сомнѣваться въ общемъ владычествѣ этой нормы, указать хотя одинъ фактъ, на развитіи котораго не отпечатлѣвалась бы она.

Digitized by Google

Начнемъ хотя съ общаго органа умственной и общественной жизни, съ языка. Филологія показываетъ, что всѣ языки начинаютъ съ того самаго состоянія, представителемъ котораго служитъ обыкновенно китайскій: въ немъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, вообще никакихъ грамматическихъ видоизмѣненій слова (флексій); каждое слово является во всѣхъ случаяхъ рѣчи, въ одной и той же формѣ: „я идти домъ", говоритъ китаецъ вмѣсто нашего „я иду домой". Но языкъ начинаетъ развиваться, и являются флексіи; число ихъ все возрастаетъ и достигаетъ той гибкости всего внутренняго состава слова, какую видимъ въ семическихъ языкахъ, достигаетъ того страшнаго изобилія грамматическихъ нарощеній, какое видимъ въ татарскомъ языкѣ, гдѣ глаголъ имѣетъ семь или восемь наклоненій, нѣсколько десятковъ временъ, цѣлые десятки дѣепричастій и т. д. Въ нашей семьѣ, на высшей точкѣ этого періода стоитъ санскритскій языкъ. Но развитіе идетъ далѣе, и въ латинскомъ или въ старославянскомъ уже гораздо менѣе флексій, нежели въ санскритскомъ. Чѣмъ дальше живетъ языкъ, чѣмъ выше развивается народъ, имъ говорящій, тѣмъ болѣе и болѣе обнажается онъ отъ прежняго богатства флексій. Нынѣшнія славянскія нарѣчія бѣднѣе ими, нежели старославянскій; въ итальянскомъ, французскомъ, испанскомъ и другихъ романскихъ языкахъ флексій меньше, нежели въ латинскомъ; въ нѣмецкомъ, датскомъ, шведскомъ, голландскомъ меньше, нежели въ старонѣмецкомъ, и наконецъ англійскій языкъ, служащій указаніемъ цѣли, къ которой идутъ по отношенію къ своимъ флексіямъ всѣ другіе европейскіе языки, почти совершено уже отбросилъ всѣ флексіи. Подобно китайцу, англичанинъ буквально говоритъ уже: „я идти домъ". Въ началѣ нѣтъ падажей, въ концѣ развитія также нѣтъ падежей; въ началѣ нѣтъ различія по окончаніямъ между существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ, — въ концѣ развитія тоже нѣтъ различія между ними (like—1. похожій, 2. спрашивать: love—1. любить, 2. любовь).

Въ грамматическомъ устройствѣ языка конецъ сходенъ съ началомъ. То же самое во всѣхъ формахъ общежительной и умственной жизни, общимъ условіемъ для существованія которой служитъ языкъ. Беремъ, прежде всего, внѣшнія черты общежитія, и во-первыхъ ту, для которой языкъ служитъ не только условіемъ, но и матеріаломъ, — способъ выраженія въ обращеніи между людьми.

Внѣ цивилизаціи человѣкъ безразлично говоритъ одинаковымъ мѣстоимѣніемъ со всѣми другими людьми. Нашъ мужикъ называетъ одинаково „ты" и своего брата, и барина, и царя. Начиная полироваться, мы дѣлаемъ различіе между людьми на „ты" и на „вы". При грубыхъ формахъ цивилизаціи „вы" кажется для насъ драгоцѣннымъ подаркомъ человѣку, съ которымъ мы говоримъ, и мы очень скупы на такой почетъ. Но чемъ образованнѣе становимся мы, тѣмъ шире дѣлается кругъ „вы", и наконецъ французъ, если онъ только скинулъ сабо, почти никому уже не говоритъ „ты". Но у него осталась еще возможность, если захочетъ, кольнуть глаза наглецу или врагу словомъ „ты". Англичанинъ потерялъ и эту возможность: изъ живаго языка разговорной рѣчи у него совершенно исчезло слово „ты". Оно можетъ являться у него только въ тѣхъ случаяхъ, когда по русски употребляются слова: „понеже", „очеса" и т. п.; слово „ты" въ англійскомъ языкѣ такъ же забыто, какъ у насъ несторовское „онъ-сиця" вмѣсто „этотъ". Не только слугу, но и собаку или кошку англичанинъ не можетъ назвать иначе какъ „вы". Началось дѣло, какъ видимъ, безразличіемъ отношеній по разговору ко всѣмъ

Digitized by Google

людямъ, продолжалось раздѣленіемъ ихъ на разряды по степени почета (нѣмцы, достигнувшіе апогея въ этомъ среднемъ фазисѣ развитія, ухитрились до того, что устроили цѣлыхъ четыре градаціи почета: 1) Du — это черному народу; 2) Er — это, по выраженію суздальскихъ потомковъ, для средняго рода людей; 3) Ihr — это для чиновниковъ, занимающихъ средину между людьми средняго рода и благорожденными; 4) Sie — для благорожденныхъ потомковъ великороссійскихъ, суздальскихъ и остъ-прейссенскихъ домовъ), приходитъ въ результатѣ снова къ безразличному обращенію со всѣми людьми.

Тоже самое и въ костюмѣ. Въ патріархальномъ народѣ шейхъ носитъ точно такой же бурнусъ, какъ и послѣдній изъ бедуиновъ его племени, и предокъ великороссійскаго потомка суздальской формы носилъ такую же рубашку съ косымъ воротомъ, какую носили тогда люди не только средняго, но и подлаго рода. Мы вступили въ область цивилизаціи и благорожденный суздалецъ надѣлъ сюртукъ, котораго не носятъ люди подлаго рода; но люди средняго рода уже начинаютъ носить такой же сюртукъ и, къ нашему ужасу, всѣ безъ исключенія уже надѣли пальто, которымъ прежде отличался отъ нихъ потомокъ великороссійскаго рода; даже люди подлаго рода многіе надѣли пальто, и мы съ горестью предвидимъ скоро день, когда потомки великороссійскихъ родовъ у себя дома будутъ носить точно такія же блузы, какія уже приняты у петербургскихъ мастеровыхъ, и когда всѣ безъ исключенія люди, даже самаго подлаго рода, будутъ ходить по улицамъ въ пальто такого же покроя, какъ великороссійскіе потомки.

Вмѣстѣ съ личнымъ мѣстоименіемъ втораго лица и костюмомъ проходитъ три фазиса развитія и вся манера держать себя. Человѣкъ нецивилизованный и неученый простъ въ разговорѣ, натураленъ во всѣхъ движеніяхъ, не знаетъ заученыхъ позъ и искусственныхъ фразъ. Но едва помазался онъ лоскомъ образованности школьной и свѣтской, онъ начинаетъ держать себя и говорить такъ, какъ не умѣетъ простой человѣкъ. Развиваясь мало по малу, это искусство достигаетъ блистательнаго цвѣта въ разныхъ педантахъ и педанткахъ науки и свѣтской жизни, précieuses, изображенныхъ Мольеромъ, въ гоголевскихъ дамахъ „пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“ и уѣздныхъ франтахъ. Но человѣкъ истинно ученый и человѣкъ получившій истинно свѣтское образованіе говоритъ и ходитъ, кланяется, садится и встаетъ съ такою же простотою и непринужденностью, какъ совершенно простой человѣкъ въ своемъ кругу.

Надобно ли говорить, что, подобно этимъ чертамъ обращенія, все общественное устройство стремится къ возвращенію отъ ранговъ и разныхъ другихъ подраздѣленій по привиллегіямъ всякаго рода къ тому однообразному составу, изъ котораго выдѣлились всѣ безчисленныя рубрики? Распространяться объ этомъ мы не имѣемъ нужды: люди, непослѣдовательность которыхъ принудила насъ дѣлать этотъ очеркъ, всѣ утверждаютъ о себѣ, что они знакомы съ политическою экономіею; въ какой угодно экономической книгѣ, даже въ Ж. Б. Сэ и Мишелѣ Шевалье найдутъ они подробнѣйшее и прекраснѣйшее объясненіе той цѣли, къ которой идетъ нынѣ общество по отношенію къ выдѣлившимся изъ общаго права элементамъ.

Отъ общаго характера общественной жизни и общественнаго состава перейдемъ ли къ анализу спеціальныхъ отправленій общественнаго организма, повсюду увидимъ тотъ же путь развитія. Возьмемъ въ примѣръ хотя администрацію. Въ

Digitized by Google

началѣ мы видимъ маленькія племена, изъ которыхъ каждое управляется совершенно самостоятельно и соединяется въ общій союзъ съ другими однородными племенами только въ немногихъ случаяхъ, требующихъ общаго дѣйствія, напримѣръ, на случай войны и другихъ отношеній къ инымъ народамъ, также для предпріятій, превышающихъ средства отдѣльнаго племени, каковы, напримѣръ, громадныя постройки въ родѣ вавилонской башни и циклопическихъ стѣнъ. Каждый членъ племени связанъ съ другими не только законодательными обязательствами, но живымъ личнымъ интересомъ по знакомству, родству и сосѣдскимъ общимъ выгодамъ. Каждый членъ принимаетъ личное и активное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся того общественнаго круга, къ которому принадлежитъ. Ученымъ образомъ подобное состояніе называется самоуправленіемъ и федераціею. Мало по малу мелкія племена сливаются и сливаются, такъ что наконецъ исчезаютъ въ административномъ смыслѣ въ громадныхъ государствахъ, каковы, напримѣръ, Франція, Австрія, Пруссія и т. д. Административный характеръ обществъ на этой ступени развитія — бюрократія, составляющая полнѣйшій контрастъ первобытному племенному быту. Административные округи распредѣляются все съ меньшимъ и меньшимъ отношеніемъ къ независимымъ отъ центральнаго источника интересамъ, лежащимъ въ самихъ жителяхъ. Ни въ Пруссіи, ни въ Австріи округъ, соотвѣтствующій нашему уѣзду, не имѣетъ живой связи между своими частями; сохранились живыя связи составныхъ частей только въ болѣе широкомъ разграниченіи провинцій. Но это является уклоненіемъ отъ общаго правила и при первой возможности производится реформа, какую успѣла уже совершить Франція раздѣленіемъ на департаменты, лишенные органическаго единства, въ замѣнъ прежнихъ провинцій. Члены административнаго округа, не имѣя между собою живой связи, ни по своей исторіи, ни по своимъ матеріальнымъ интересамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишены прежняго полновластія въ управленіи дѣлами округа. Всѣмъ завѣдуютъ особенные люди, называющіеся чиновниками и полицейскими, по своему происхожденію и личнымъ отношеніямъ не имѣющіе связи съ населеніемъ округа, передвигающіеся изъ одного округа въ другой чисто только по соображенію центральной власти, дѣйствующіе по ея распоряженію, обязанные отчетомъ только ей. Житель округа по отношенію своему къ администраціи есть лицо чисто пассивное, materia gubernanda. Надобно ли говорить о томъ, что на этой степени общество не можетъ остановиться? Швейцарія и Сѣверо-Американскіе Штаты по административной формѣ представляются совершеннымъ возвращеніемъ отъ бюрократическаго порядка къ первоначальному быту, какой имѣли люди до возникновенія обширныхъ государствъ.

Не касаясь политическаго устройства, исторія котораго также могла бы служить яркимъ подтвержденіемъ доказываемаго нами общаго господства нормы развитія *), мы приведемъ въ примѣръ только еще два общественныя учрежденія.

Сначала общество не знаетъ отдѣльнаго сословія судей: судъ и расправа въ первобытномъ племени творится всѣми самостоятельными членами племени на об-

*) Модерантисты могутъ найти очень недурной очеркъ одной изъ сторонъ политическаго устройства съ этой точки зрѣнія у Гизо, котораго они уважаютъ. Въ *Histoire de la civilisation en France* онъ объясняетъ постепенные фазисы возрастанія и ослабленія правительственной власти.

Digitized by Google

щемъ собраніи (мірской сходкѣ). Мало по малу судебная власть отдѣляется отъ гражданъ, дѣлается монополіей особеннаго сословія; гласность судопроизводства исчезаетъ, и водворяется тотъ порядокъ процесса, который намъ очень хорошо извѣстенъ; — онъ былъ и во Франціи, и въ Германіи. Но вотъ, общество развивается далѣе, вмѣсто судей произнесеніе приговора вручается присяжнымъ, то есть, простымъ членамъ общества, не имѣющимъ никакого ученаго подготовленія къ юридической техникѣ, и возвращается первобытная форма суда (1. судитъ общество; 2. судятъ юристы, назначаемые правительственною властью; 3. судятъ присяжные т. е. чисто представители общества).

Какъ судъ такъ и военное дѣло въ первобытномъ обществѣ составляетъ принадлежность всѣхъ членовъ племени, безъ всякаго спеціализма. Форма военной силы вездѣ сначала одна и та же: ополченія, берущіяся за оружіе съ возникновеніемъ войны, возвращающіяся къ мирнымъ промысламъ въ мирное время. Особеннаго военнаго сословія нѣтъ. Мало по малу оно образуется и достигаетъ крайней самобытности при долгихъ срокахъ службы или вербовкѣ по найму. На нашей памяти еще было то время, когда у насъ солдатъ становился солдатомъ на всю свою жизнь, и кромѣ этихъ солдатъ, никто не зналъ военнаго ремесла и не участвовалъ въ войнахъ. Но вотъ, сроки службы начинаютъ сокращаться, система безсрочныхъ отпусковъ все расширяется. Наконецъ (въ Пруссіи) дѣло доходитъ до того, что рѣшительно каждый гражданинъ на извѣстное время (два, три года) становится солдатомъ, и солдатство не есть уже особенное сословіе, а только извѣстный періодъ жизни каждаго человѣка во всякомъ сословіи. Тутъ особенность его сохранилась только въ условіи срочности. Въ Сѣверной Америкѣ и Швейцаріи нѣтъ уже и того: совершенно какъ въ первобытномъ племени, въ мирное время войско не существуетъ, на время войны всѣ граждане берутся за оружіе. И такъ, опять три фазиса, изъ которыхъ высшій представляется по формѣ совершеннымъ возвращеніемъ первобытнаго: 1) отсутствіе регулярныхъ войскъ; милиція на время войны; 2) регулярныя войска; никто, кромѣ спеціально носящихъ мундиръ, не призывается и не способенъ участвовать въ войнѣ; 3) снова возвращается всенародная милиція, и регулярнаго войска въ мирное время нѣтъ.

Отъ устройства военной силы перейдемъ ли къ ея дѣйствію, увидимъ ту же норму развитія. Въ первобытныхъ битвахъ сражается отдѣльный человѣкъ противъ отдѣльнаго человѣка, сраженіе есть громадное число поединковъ (битвы у Гомера; всѣ битвы дикарей). Но вотъ, составъ бьющейся арміи получаетъ все больше и больше плотности, и дѣйствіе отдѣльныхъ людей смѣняется дѣйствіемъ массы; въ XVII, XVIII столѣтіяхъ этотъ фазисъ достигаетъ своего зенита. Огромныя массы стоятъ другъ противъ друга и стрѣляютъ батальнымъ огнемъ, или идутъ въ штыки,—тутъ нѣтъ отдѣльныхъ людей, есть только батальоны, бригады, колонны. Русскій солдатъ временъ Кутузова стрѣлялъ ли въ отдѣльнаго врага? Нѣтъ, цѣлый полкъ стрѣлялъ только въ цѣлый непріятельскій полкъ. Неужели на этомъ остановилось развитіе? Нѣтъ, появились штуцера, и прежній плотный строй разсыпался цѣпью стрѣлковъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ также противъ одиночнаго врага, и битва снова принимаетъ Гомерическую форму безчисленнаго множества поединковъ.

Мы хотѣли закончить этимъ примѣромъ. Но зачѣмъ же останавливаться на мрачныхъ мысляхъ о битвахъ? Дадимъ для десерта что нибудь болѣе пріятное.

Digitized by Google

Мы пишемъ не для обыкновенныхъ читателей, а для экономистовъ отсталой школы: для нихъ самая интересная вещь — внѣшняя торговля, и для ихъ удовольствія мы займемся этимъ драгоцѣннымъ предметомъ.

У дикарей нѣтъ таможенныхъ пошлинъ, нѣтъ ничего подобнаго протекціонизму; каждый торгуетъ съ иностранцемъ на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ съ одноплеменникомъ, сбываетъ товары за границу и покупаетъ иноземные товары точно съ тою же степенью свободы, съ какою идетъ торговля въ предѣлахъ самого племени туземными произведеніями. Но вотъ, люди цивилизуются, начинаютъ заводить фабрики; черезъ нѣсколько времени у нихъ является протекціонная система. Иноземные товары облагаются высокими пошлинами и подвергаются запрещеніямъ для покровительства отечественной промышленности. Неужели на этомъ остановится прогрессъ? О, нѣтъ, вотъ являются Кобдены, Роберты Пили и за этими дѣйствительно замѣчательными людьми маленькія и миленькія существа въ родѣ Бастіа; они доказываютъ, что протекціонизмъ и несправедливъ и вреденъ, подъ ихъ вліяніемъ тарифы начинаютъ понижаться, понижаться,—и общества стремятся къ тому самому блаженству свободной заграничной торговли, которымъ пользовались въ первобытныя времена своей неразвитости.

Разъ начавши говорить о предметахъ пріятныхъ для экономистовъ отсталой школы, мы не можемъ удержаться отъ желанія еще порадовать ихъ бесѣдою, имъ любезною. Еще больше, нежели о заграничной торговлѣ, любятъ они говорить о биржевыхъ оборотахъ,—каково же будетъ ихъ удивленіе, если мы скажемъ, что и биржа, этотъ предметъ ихъ любви и гордости, возникаетъ именно по закону возвращенія каждаго явленія при высшемъ его развитіи къ его первобытному началу въ формальномъ отношеніи. „Какъ? Вы говорите, что основныя формальныя черты биржевой торговли—повтореніе тѣхъ качествъ, которыми отличается торговля дикарей?“ спросятъ наши противники.—Точно такъ, и вы этому не дивились бы, если бы умѣли понимать смыслъ того, что излагается въ вашихъ же собственныхъ книгахъ, отвѣчаемъ мы. Чѣмъ торговля, являющаяся по возникновеніи биржи, отличается по формѣ отъ торговли періода, предшествовавшаго биржѣ? Она ведется въ извѣстномъ одномъ исключительномъ мѣстѣ, въ извѣстное, одно, исключительное время — неужели вы не замѣчали до сихъ поръ, что это черты, принадлежащія базарамъ и ярмаркамъ? Теперь вы сами можете построить тройственную формулу, васъ удивившую:

У племенъ и народовъ, гдѣ торговое движеніе чрезвычайно слабо, оно недостаточно для того, чтобы поддерживаться постоянно и повсемѣстно, и потому для него удобнѣе сосредоточиваться въ извѣстные сроки въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, оно производится на ярмаркахъ и базарахъ. Но вотъ, торговля развивается. Въ каждомъ городѣ купецъ имѣетъ ежедневно покупщиковъ (потребителей), повсюду являются лавки и магазины, открытыя въ теченіе круглаго года ежедневно. Съ другой стороны, купцовъ такъ много и запросъ ихъ къ производителямъ такъ постояненъ, что производитель можетъ продать имъ свой продуктъ когда и гдѣ ему самому удобнѣе,—зачѣмъ же онъ станетъ дожидаться ярмарки, или базарнаго дня? Такимъ образомъ ярмарки и базары, существовавшіе въ Парижѣ, когда этотъ городъ въ торговомъ отношеніи уподоблялся Козмодемьянску и Царевококшайску, изчезли. Но что же далѣе? Какъ возникаетъ биржа? Покупщиковъ и продавцовъ становится такъ много, у каждаго изъ нихъ такъ много

Digitized by Google

торговыхъ дѣлъ и справокъ, что онъ не успѣлъ бы управиться съ ними, если бы долженъ былъ искать поодиночкѣ каждаго изъ нужныхъ ему людей. Потому необходимо назначить мѣсто и время, гдѣ и когда сходились бы всѣ занятые торговыми оборотами люди. Такимъ образомъ возвращается первобытное ограниченіе торговыхъ сдѣлокъ извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ.

Мы нарочно изложили ходъ этого факта съ нѣкоторою подробностью, чтобы видна была совершенная противоположность причинъ, возстановляющихъ первобытную форму въ концѣ развитія, съ причинами, отъ которыхъ зависѣло ея существованіе при началѣ развитія. Доходя до высокой интенсивности, тѣ самыя обстоятельства, которыя въ менѣе сильной степени были враждебны первобытной формѣ, обращаются въ неизбѣжный вызовъ къ ея возстановленію. Первобытная ограниченность торговли извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ (ярмарки и базары) была слѣдствіемъ малочисленности торговыхъ сдѣлокъ. Когда онѣ становятся довольно многочисленными, эта многочисленность дѣйствуетъ отрицательно, разрушительно на первобытную форму; но вотъ, торговыя сдѣлки, вмѣсто того чтобы быть просто „*довольно* многочисленными", становятся „*чрезвычайно* многочисленными",—первобытная форма возвращается. Избытокъ качества дѣйствуетъ на форму способомъ противоположнымъ тому способу, какимъ дѣйствовала болѣе слабая степень того же качества.

Чтобы эта формула была яснѣе, мы дадимъ грамматическое выраженіе ея терминамъ. Превосходная степень дѣйствуетъ на форму способомъ противоположнымъ тому, какимъ дѣйствуетъ простая положительная степень. Если напримѣръ человѣкъ, имѣющій *нѣкоторую* справедливость („справедливый", просто, въ положительной степени), смотритъ на человѣка, совершившаго преступленіе, какъ на преступника, на человѣка, преданнаго низкому пороку, какъ на человѣка низкаго, гнушается ими обоими, считаетъ достойнымъ казни одного, претерпѣваемыхъ несчастій другаго (степень справедливости, выражаемая поговоркою: „по дѣломъ вору и мука", выражаемая также уголовными законами и тѣмъ „древнимъ" закономъ, который говорилъ: „люби своего друга, ненавидь своего врага"), — то человѣкъ *чрезвычайно* или *совершенно* справедливый относится и къ преступнику или порочному обратнымъ образомъ: онъ видитъ въ немъ несчастнаго, заслуживающаго не презрѣнія или отвращенія и ненависти, а состраданія и помощи:

„Слышасте, яко речено бытсь древнимъ: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ" [1]).

И неужели это есть разрушеніе, отверженіе древняго закона? Нѣтъ, это есть его исполненіе, его завершеніе:

„Не мните, яко пріидохъ раззорити законъ и пророки: не пріидохъ раззорити, но исполнити" [2]).

Да, это не только заповѣдь любви и кротости, — это заповѣдь совершенной справедливости: высшая справедливость не находитъ преступниковъ, она находитъ въ дурномъ человѣкѣ только несчастнаго заблудшаго, не подлежащаго взысканію: summum jus summa injuria, pariter ac nullum jus. При отсутствіи справедли-

[1]) Матѳ. глава V, стих. 43—44.
[2]) Матѳ. глава V, стих. 17.

Digitized by Google

вости, преступникъ избѣгаетъ закона возмездія; при водвореніи законнаго порядка, онъ подвергается возмездію, око за око и зубъ за зубъ; но когда водворяется полная справедливость, преступникъ изъемлется отъ возмездія, fit injuria. никто не подвергается страданію, ни даже во имя справедливости [1]).

Собираясь закончить этотъ очеркъ, мы хотѣли представить въ заключеніе его два примѣра,—и представили четыре или пять, потому только, что не остереглись отъ множества фактовъ, представляющихся въ подтвержденіе общей нашей мысли повсюду, къ какой бы сферѣ бытія мысль ни обратилась. Но довольно, довольно. Нашъ очеркъ никогда не кончился бы, если мы не сдѣлаемъ надъ собою усилія и не остановимся отъ продолженія этихъ подтвержденій, являющихся нашему анализу въ безчисленномъ множествѣ. Общій ходъ планетарнаго развитія, прогрессивная лѣстница классовъ животнаго царства вообще, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическая жизнь человѣка, его языкъ, обращеніе съ другими людьми, его одежда, манера держать себя, всѣ его общественныя учрежденія,—администрація, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля. торговое движеніе вообще, понятіе о справедливости—каждый изъ этихъ фактовъ подлежитъ той нормѣ, о которой мы говоримъ: повсюду высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнялась противоположною на средней степени развитія; повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленію той самой формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ [2]).

Все, изложенное нами, должно было быть знакомо тѣмъ противникамъ общиннаго владѣнія, которые называютъ себя послѣдователями Шеллинга и Гегеля. Какимъ же образомъ не догадались они, что налегая на первобытность этой формы отношеній человѣка къ землѣ, они тѣмъ самымъ указываютъ въ общинномъ владѣніи черту, сильнѣйшимъ образомъ предрасполагающую къ возвышенію общиннаго владѣнія надъ частною поземельною собственностью? Какъ могли они переносить вопросъ на почву, столь не выгодную для нихъ? Тутъ одинъ отвѣтъ возможенъ: Quem Jupiter perdere vult и т. д.—то есть, въ русской болѣе мягкой формѣ: кому по натурѣ вещей нельзя не проиграть дѣла, тотъ въ довершеніе своей бѣды самъ дѣлаетъ гибельные для себя недосмотры.

Неужели въ самомъ дѣлѣ правдоподобно, чтобы одинъ только фактъ поземельныхъ отношеній былъ противорѣчіемъ общему закону, которому подчинено развитіе всего матеріальнаго и нравственнаго міра? Неужели вѣроятно, чтобы для этого одного факта существовало исключеніе изъ закона, дѣйствующаго столь же

---

[1]) Въ латинскомъ языкѣ, который довелъ до крайняго совершенства опредѣленіе юридическихъ понятій, слово *injuria* несправедливость (*injuria est, ubi jus deest*) прекрасно выражаетъ развиваемую нами мысль, что какое бы то ни было страданіе, по какой бы то ни было причинѣ претерпѣваемое человѣкомъ, составляетъ уже несправедливость: *Injuriam passus sum*—это выраженіе имѣетъ два смысла: 1) „я подвергся незаконному лишенію" 2) я подвергся какому бы то ни было лишенію того, чѣмъ пользовался; во второмъ смыслѣ говорится, напримѣръ, *injriae tempestatum, morborum, temporum*—убытки, приносимые моей нивѣ непогодами; лишенія, которымъ подвергается мое здоровье отъ болѣзней; потери и страданія, наносимыя мнѣ неблагопріятными обстоятельствами.

[2]) Повторяемъ, что если кто нибудь не захочетъ согласиться на признаніе всеобщаго и неизмѣннаго господства этой нормы во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ матеріальнаго и нравственнаго, индивидуальнаго и общественнаго бытія, тотъ сдѣлаетъ намъ большое одолженіе, указавъ *хотя одинъ* фактъ, который не былъ бы подчиненъ этому рѣшительно всеобщему закону.

Digitized by Google

неизмѣнно и неизбѣжно, какъ законъ тяготѣнія или причинной связи? *) Неужели при одной фразѣ „общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная собственность вторая, послѣдующая форма“,—неужели при одной этой фразѣ не пробуждается въ каждомъ, кто знакомъ съ открытіями великихъ нѣмецкихъ мыслителей, сильнѣйшее, непреоборимое предрасположеніе къ мнѣнію, что общинное владѣніе должно быть и высшею формою этихъ отношеній?

Дѣйствительно, норма, изложенная нами и несомнѣнная для каждаго, хотя нѣсколько знакомаго съ современнымъ положеніемъ понятій объ общихъ законахъ міра, неизбѣжно ведетъ къ такому построенію поземельныхъ отношеній:

Первобытное состояніе (начало развитія). Общинное владѣніе землею. Оно существуетъ потому, что человѣческій трудъ не имѣетъ прочныхъ и дорогихъ связей съ извѣстнымъ участкомъ земли. Номады не имѣютъ земледѣлія, не производятъ надъ землею никакой работы. Земледѣліе сначала также не соединено съ затратою почти никакихъ капиталовъ собственно на землю.

Вторичное состояніе (усиленіе развитія). Земледѣліе требуетъ затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множествомъ разныхъ способовъ и работъ, изъ которыхъ самою общею и повсемѣстною необходимостью представляется удобреніе. Человѣкъ, затратившій капиталъ на землю, долженъ неотъемлемо владѣть ею; слѣдствіе того—поступленіе земли въ частную собственность. Эта форма достигаетъ своей цѣли, потому что землевладѣніе не есть предметъ спекуляціи, а источникъ правильнаго дохода.

Вотъ двѣ степени, о которыхъ толкуютъ противники общиннаго владѣнія—но вѣдь только двѣ, гдѣ же третья? Неужели ходъ развитія исчерпывается ими?

Промышленно-торговая дѣятельность усиливается и производитъ громадное развитіе спекуляціи; спекуляція, охвативъ всѣ другія отрасли народнаго хозяйства, обращается на основную и самую обширную вѣтвь его—на земледѣліе. Оттого поземельная личная собственность теряетъ свой прежній характеръ. Прежде землею владѣлъ тотъ, кто обрабатывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшеніе (система малыхъ собственниковъ, воздѣлывающихъ своими руками свой участокъ, также система эмфитеозовъ и половничества по наслѣдству, съ крѣпостною зависимостью или безъ нея);—но вотъ является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вслѣдствіе улучшеній, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало, или только въ самой незначительной степени участвовало, своимъ капиталомъ въ улучшеніи земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенія. Такимъ образомъ, личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшеніе земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превышаютъ средства огром-

*) Если кому нибудь мало покажется приведенныхъ нами подтвержденій всеобщности этого закона: „конецъ развитія по формѣ является возвращеніемъ къ его началу“,—для такого скептика мы готовы по первому его желанію показать ту же норму въ развитіи всѣхъ половыхъ и семейныхъ отношеній, политическаго устройства, законодательства вообще, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, налоговъ и податей, науки, искусства, матеріальнаго труда; для всего этого не нужно будетъ намъ ни особенной учености, ни долгихъ соображеній,—нужно только заглянуть, напримѣръ, хотя въ Гегеля: у него все это давнымъ давно уже доказано и объяснено.

Digitized by Google

наго большинства земледѣльцевъ, а земледѣльческое хозяйство требуетъ такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ силы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаютъ (при частной собственности) огромное большинство земледѣльцевъ отъ участія въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства, и обращаютъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими перемѣнами уничтожаются тѣ причины преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прежнее время. Общинное владѣніе становится единственнымъ способомъ доставить огромному большинству земледѣльцевъ участіе въ вознагражденіи, приносимомъ землею, за улучшенія, производимыя въ ней трудомъ. Такимъ образомъ, общинное владѣніе представляется нужнымъ не только для благосостоянія земледѣльческаго класса, но и для успѣховъ самаго земледѣлія: оно оказывается единственнымъ разумнымъ и полнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. А безъ этого соединенія невозможно вполнѣ успѣшное производство.

Таково сильнѣйшее, непреоборимое расположеніе мысли, къ которому приводитъ каждаго, знакомаго съ основными воззрѣніями современнаго міросозерцанія, именно та самая черта первобытности, которую выставляютъ къ рѣшительной невыгодѣ для себя въ общинномъ владѣніи его противники. Именно эта черта заставляетъ считать его тою формою, которую должны имѣть поземельныя отношенія при достиженіи высокаго развитія; именно эта черта указываетъ въ общинномъ владѣніи высшую форму отношеній человѣка къ землѣ.

Дѣйствительно ли достигнута въ настоящее время нашею цивилизаціею та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владѣніе, — этотъ вопросъ, разрѣшаемый уже не помощью логическихъ наведеній и выводовъ изъ общихъ міровыхъ законовъ, а анализомъ фактовъ, былъ отчасти разсматриваемъ нами въ прежнихъ статьяхъ объ общинномъ владѣніи и съ большею полнотою будетъ переизслѣдованъ нами въ слѣдующихъ статьяхъ, которыя обратятся къ изложенію спеціальныхъ данныхъ о земледѣліи въ Западной Европѣ и у насъ. Настоящая статья, имѣющая чисто отвлеченный характеръ, должна довольствоваться только логическимъ развитіемъ понятій, знаніе которыхъ представляется однимъ изъ условій для правильнаго взгляда на дѣло, а искаженіе или незнаніе которыхъ послужило основною причиною заблужденія для лучшихъ между противниками общиннаго владѣнія.

Изъ числа этихъ общихъ понятій, за изложеннымъ нами положеніемъ современной науки о преемственности формъ, непосредственно слѣдуетъ понятіе о томъ, каждое ли отдѣльное проявленіе общаго процесса должно проходить въ дѣйствительности всѣ логическіе моменты съ полной ихъ силою, или обстоятельства, благопріятныя ходу процесса въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, могутъ въ дѣйствительности приводить его къ высокой степени развитія, совершенно минуя средніе моменты или по крайней мѣрѣ чрезвычайно сокращая ихъ продолжительность и лишая ихъ всякой ощущительной интенсивности.

По методу современной науки, разрѣшеніе вопроса относительно многосложныхъ явленій облегчается разсмотрѣніемъ его въ простѣйшихъ проявленіяхъ того же процесса. По этой методѣ всегда стараются начинать анализъ съ физическихъ фактовъ, чтобы перейти къ нравственнымъ фактамъ индивидуальной жизни, ко-

Digitized by Google

торая гораздо сложнѣе, и наконецъ къ общественной жизни, которая еще сложнѣе, а общественную жизнь стараются разсмотрѣть по возможности въ первоначальныхъ ея явленіяхъ, наименѣе сложныхъ, чтобы облегчить тѣмъ анализъ чрезвычайно запутанныхъ явленій цивилизаціи нашихъ странъ.

Итакъ, начнемъ съ процессовъ физической природы,—напримѣръ, съ окисленія, которое, достигнувъ очень высокой интенсивности, становится горѣніемъ. Посмотримъ, какимъ образомъ этотъ процессъ достигаетъ степени горѣнія самъ по себѣ, безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, въ деревѣ.

Вѣтеръ наломалъ огромную кучу высохшихъ деревьевъ. Подъ вліяніемъ сырости, дерево начинаетъ гнить (разлагаться съ поглощеніемъ кислорода). Отъ этого процесса внутри кучи температура все повышается и повышается,—гніеніе все усиливается съ повышеніемъ температуры, и мало по малу достигаетъ той степени окисленія, которая называется броженіемъ. Броженіе усиливается, температура все возвышается; наконецъ, изъ средины кучи начинаетъ идти гнилой паръ,—это значитъ, температура возвысилась до того, что центръ кучи началъ сохнуть отъ собственнаго жара. Вотъ, черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ паромъ изъ однѣхъ частей идетъ изъ другихъ уже дымъ,—центръ кучи началъ обугливаться. Мало по малу изъ чернаго угля образуется раскаленный, красный уголь; масса раскаленнаго угля увеличивается, наконецъ въ прилежащихъ къ ней частяхъ вспыхиваетъ пламя.

Какая длинная постепенность, какъ много степеней: 1) проникновеніе сыростью; 2) гніеніе; 3) броженіе; 4) просыханіе; 5) образованіе чернаго угля; 6) превращеніе чернаго въ раскаленный; 7) появленіе пламени. Этотъ путь такъ длиненъ и труденъ, что мы не знаемъ, удавалось ли разнымъ массамъ дерева достичь горѣнія по такому пути хоть пять или шесть разъ отъ самаго начала лѣсовъ на землѣ до нашего времени.

Каждая изъ этихъ степеней—логическій моментъ въ процессѣ горѣнія дерева. Сколько времени требуетъ такой ходъ процесса, мы не беремся рѣшить, но конечно требуетъ онъ не одну и не двѣ недѣли. Каково же было бы намъ, людямъ, если бы каждый разъ, когда нужно намъ пламя, мы должны были бы ждать, пока успѣемъ пропитать сыростью огромную массу дерева, потомъ она станетъ гнить, начнетъ бродить и т. д. Не только пришлось бы тогда роду человѣческому вымереть всему, не отвѣдавъ ни щей, ни супа, вымереть съ отмерзлыми ушами и пальцами отъ первой суровой ночи,—но и теперь, при одномъ чтеніи нашего разсказа объ этомъ процессѣ, читателю приходится скучно и чуть ли не тошно отъ такихъ длиннѣйшихъ разсужденій, ведущихъ—къ чему?—къ тривіальнѣйшему замѣчанію, что гораздо скорѣе полѣнья, положенныя въ печь, зажигаются прикосновеніемъ горящей спички или свѣчи къ подложенной подъ нихъ бумагѣ, берестѣ или лучинѣ. „Неужели я нуждаюсь въ доказательствахъ къ подобнымъ выводамъ?“ съ гнѣвомъ спрашиваетъ читатель. Нѣтъ, вы не нуждаетесь, спокойно отвѣчаю я, но нуждаются въ нихъ ученые противники общиннаго владѣнія, показывающіе такую сообразительность въ своихъ выводахъ, такую наклонность не признавать тривіальнѣйшихъ истинъ и науки, и обыденной жизни, такую требовательность на доказатель[illegible]ть (какъ говорятъ англичане), такую способность понимать [illegible] что вотъ теперь мы принуждены объяснять [illegible] фактъ, что спички

Digitized by Google

при помощи растопки очень быстро зажигаютъ дрова, положенныя въ печь, а въ слѣдующихъ статьяхъ будемъ объяснять, что иной человѣкъ умираетъ бездѣтнымъ, послѣ другого остается одинъ сынъ, послѣ третьяго человѣкъ пять сыновей или больше, также объяснять и дозывать, что солнечные лучи согрѣваютъ землю и т. д., и т. д. Вы скажете: „глупо и говорить объ этомъ". Совершенная правда, но что же дѣлать? Не изложи и не докажи мы всего этого подробно, ученые противники общиннаго владѣнія сейчасъ закричатъ: „Мы не видимъ, на чемъ основаны ваши выводы!" и „ваши выводы неосновательны!" Мы не лишены надежды, что по поводу общиннаго владѣнія принуждены будемъ написать цѣлую статью въ доказательство существованія желудка у человѣка,—сообразите, каково придется вамъ, читатель, тогда; утѣшьтесь же мыслью, что теперь, сравнительно говоря, ваше положеніе еще довольно сносно. Успокоивъ васъ, продолжаемъ интересное разсужденіе о мѣстѣ, занимаемомъ фосфорною спичкою въ области философскаго міросозерцанія.

Эта фосфорная спичка даетъ намъ слѣдующіе выводы:

1) Когда въ одномъ тѣлѣ извѣстный процессъ достигъ высокой степени развитія (спичка уже зажглась), то при помощи этого тѣла онъ можетъ быть доведенъ до той же степени развитія въ другомъ тѣлѣ гораздо скорѣе, нежели какъ достигъ бы безъ помощи этого опередившаго пособника (дрова въ печи отъ нашей спички зажигаются скорѣе, нежели загорѣлись бы тогда, когда бы процессъ окисленія ихъ остался безъ этого пособія).

2) Это ускореніе совершается посредствомъ соприкосновенія (зажженная спичка прикладывается къ лучинѣ, а лучина положена подлѣ полѣньевъ).

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что процессъ прямо съ первой степени пробѣгаетъ къ послѣдней, не останавливаясь на среднихъ (въ одну секунду по приложеніи спички, лучина уже производитъ изъ себя пламя, черезъ одну минуту производятъ его и полѣнья).

4) Среднія степени, черезъ которыя быстро пробѣгаетъ процессъ, вообще могутъ быть замѣчены только теоретическимъ наблюденіемъ, а не практическимъ чувствомъ (полѣно, загараясь отъ лучины, загорѣвшейся отъ спички, дѣйствительно нѣсколько подвергается гніенію, броженію и т. д., но спросите объ этомъ у вашей кухарки—она никогда не замѣчала, чтобы сухія полѣнья, будучи подожжены, подвергались гніенію и т. д. Она напротивъ видитъ, что они „какъ только подложишь огонь, въ тою же секундую"—простите неграмматичность ея языка—„такъ и вспыхнутъ"). На философскомъ языкѣ это отношеніе выражается такъ: „не достигая реальнаго осуществленія (т. е. имѣющаго практическую осязаемость), эти логическіе мотивы развитія не переходятъ за границы идеальнаго или логическаго бытія".

5) Если же изъ быстро пробѣгаемыхъ моментовъ нѣкоторые и замѣчаются практическимъ ощущеніемъ (напримѣръ, глазъ кухарки замѣчаетъ, что каждая наружная часть полѣна, прежде нежели дастъ пламя, нѣсколько чернѣетъ, то есть, проходитъ степень чернаго обугленія, предшествующаго вспыхиванію), то они въ общемъ итогѣ процесса составляютъ лишь самую ничтожнѣйшую часть (черныя части дерева въ каждую данную секунду по массѣ своей едва ли составляютъ и одну тысячную часть массы, находящейся въ пламени, а по практическому значенію своему въ отношеніи къ ощущеніямъ и дѣйствіямъ, производимымъ топкою печи, играютъ еще менѣе важную роль,—онѣ развѣ гамеопатическою до-

Digitized by Google

зою участвуютъ въ чувствѣ теплоты, осязаемой кухаркою, стоящею у печи, и въ кипяченіи горшка щей, приставленнаго кухаркою къ огню).

Эти выводы, столь новые въ мірѣ науки, мы изложили съ возможною полнотою и съ приведеніемъ элементовъ факта, изъ которыхъ они извлечены нами. Мы опасаемся, что противники общиннаго владѣнія закричатъ: „бездоказательно, неосновательно!“ Мы желали бы предупредить ихъ сомнѣнія и вмѣсто одного факта (зажиганіе печки спичкою) анализировать столь же ученымъ образомъ двадцать, тридцать столь же многотрудныхъ для пониманія фактовъ, напримѣръ, закваску тѣста посредствомъ куска кислаго тѣста или дрождей, отбираніе загнившихъ яблокъ отъ свѣжихъ, чтобы не попортились свѣжія, и т. д. Но нельзя же быть слишкомъ предупредительными, наша статья и безъ того уже черезъ чуръ длинна. Читателю, вѣроятно, слишкомъ довольно и одного анализа растапливанья печки. Перейдемъ же отъ внѣшняго физическаго міра къ человѣческой индивидуальной жизни и посмотримъ, какъ достигаетъ человѣкъ самъ собою, безъ посторонней помощи, до употребленія той же самой фосфорной спички.

Сначала человѣкъ не умѣетъ не только зажигать огня, но и поддерживать зажженнаго: путешественники говорятъ о дикаряхъ, которые, подобно обезьянамъ, любятъ грѣться у дерева, зажженнаго молніею, и горюютъ, когда оно начинаетъ погасать, но не догадываются подбрасывать въ огонь хворосту. Потомъ человѣкъ научается зажигать дерево треніемъ двухъ кусковъ дерева—какое торжество для жизни! Но вотъ, придумываютъ средство ускорять ихъ вспыхиваніе, вставляя между ними кусокъ трута. Далѣе, придумываютъ огниво и кладутъ на кремень трутъ. Но трутъ принимаетъ искру не довольно вѣрно и быстро,—въ немъ усиливаютъ эту воспріимчивость, пропитывая его селитрою. Теперь трутъ превосходенъ; но все еще сколько хлопотъ, чтобы изъ его тлѣющагося состоянія извлечь пламя: надобно „придувать“ его къ угольку, потомъ „придувать“ два уголька къ лучинкѣ, вложенной между ними. Но вотъ, изобрѣтена сѣрная спичка, прямо сама вспыхивающая отъ прикосновенія къ труту: вновь какое великое торжество! Но огниво и кремень кажутся уже слишкомъ хлопотливыми. Вотъ найдено средство облекать сѣрный конецъ спички фосфоромъ и упрочивать фосфоръ въ атмосферной средѣ другими оболочками и примѣсями.

Какой длинный путь! Человѣку нужно было не менѣе 7345 лѣтъ, чтобы пройти его. Каковы же теперь для каждаго отдѣльнаго человѣка результаты того, что нѣкоторые люди дошли столь длиннымъ и труднымъ процессомъ до употребленія фосфорныхъ спичекъ?—Доставленіе возможности всѣмъ другимъ людямъ достичь того же самаго, не мучась прохожденіемъ этого страшно длиннаго пути; и выводы для явленій индивидуальной человѣческой жизни получаются тѣ же самые. какіе были прежде получены нами для явленія физическаго міра:

1) Когда извѣстный процессъ (напр. способъ добыванія огня) достигъ въ извѣстномъ человѣкѣ извѣстной степени развитія (напримѣръ, употребленія фосфорныхъ спичекъ), достиженіе этой степени можетъ быть чрезвычайно ускорено въ другихъ людяхъ (именно, теперь какимъ нибудь дикарямъ, не умѣющимъ зажигать огня, уже нѣтъ нужды тратить 7345 лѣтъ, чтобы достичь до фосфорныхъ спичекъ—употребленію ихъ каждый можетъ выучиться въ двѣ секунды, а приготовленію въ два часа).

2) Это ускореніе совершается черезъ сближеніе человѣка, которому нужно

Digitized by Google

достичь высшей степени процесса, съ человѣкомъ уже достигшимъ ея (именно, изъ Парижа человѣкъ съ фосфорными спичками пріѣзжаетъ въ центральную Африку или дикарь изъ центральной Африки въ одно изъ селеній, гдѣ уже есть фосфорныя спички).

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что процессъ развитія съ чрезвычайной быстротою пробѣгаетъ съ низшей степени всѣ среднія до высшей. (Дикарямъ нѣтъ нужды учиться сначала употребленію огнива, потомъ употребленію сѣрной спички,— они прямо берутся за фосфорную спичку).

4) При этомъ ускореніи процесса, среднія степени открываются только теоріею, достигаютъ только теоретическаго существованія, какъ логическіе моменты, почти не достигая или вовсе не достигая реальнаго существованія. (Дикари, умѣющіе теперь добывать огонь только треніемъ двухъ кусковъ дерева, выучившись прямо употребленію фосфорныхъ спичекъ, вообще будутъ знать только по разсказамъ, что прежде фосфорныхъ спичекъ существовали сѣрныя, съ кремнемъ и огнивомъ).

5) Если же и достигаютъ реальнаго существованія эти среднія степени, опускаемыя ускореннымъ ходомъ развитія, то лишь въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ по своей массѣ и еще въ меньшемъ по практическому значенію своей роли. (Очень можетъ быть, что найдутся между дикарями чудаки, которые вздумаютъ возиться съ огнивомъ и сѣрными спичками и тогда, когда выучатся употребленію фосфорныхъ: но эта причуда будетъ развѣ у одного человѣка изъ десяти тысячъ, да и тотъ будетъ возиться съ огнивомъ и сѣрными спичками лишь отъ бездѣлья и при бездѣльѣ, а чуть встрѣтится ему нужда работать или потребность быстро добыть огонь, онъ броситъ свою причуду и черкнетъ по стѣнѣ фосфорною спичкою).

Читатель, не оскорбляйтесь этими длинными разсужденіями, имѣющими цѣлью доказывать истины, столь же сомнительныя, какъ и то, что человѣкъ видитъ предметы глазами, а не ушами, держитъ карты (когда играетъ въ ералашъ) руками, а не носомъ и т. п.:—изъ-за вопроса, доказываемаго этими трюизмами, велись и ведутся ожесточенные споры, и, повѣрьте, мы дѣйствительно боимся, что о насъ закричатъ: „это неосновательно! это бездоказательно!“ когда мы въ послѣднихъ строкахъ статьи выскажемъ смыслъ этихъ анализовъ философскаго значенія фосфорныхъ спичекъ и способа растапливать печь. Противники, если только предвидятъ этотъ смыслъ (они выказываютъ такую сообразительность, что мы не поручимся, предвидятъ ли они его), безъ сомнѣнія уже возмущаются духомъ и вопіютъ: „Мы этого не знаемъ, мы этому не вѣримъ! Вы говорите неосновательно, бездоказательно!“

Итакъ, въ индивидуальной жизни средніе моменты развитія могутъ быть пропускаемы въ реальномъ процессѣ извѣстнаго явленія, когда человѣкъ, въ которомъ этотъ процессъ стоитъ еще на низкой степени, сближается съ человѣкомъ, въ которомъ онъ достигъ уже гораздо высшей степени.

Мы доказали это анализомъ процесса, принадлежащаго къ механической жизни. Тоже самое мы увидѣли бы въ каждомъ другомъ явленіи всякой другой сферы индивидуальной жизни.

Напримѣръ, письмо, одна изъ первыхъ основъ умственнаго развитія, идетъ слѣдующимъ порядкомъ: 1) изображаются самые предметы (на этомъ остановились мехиканцы); 2) ихъ изображенія сокращаются въ гіероглифы (на этомъ застаетъ исторія египтянъ); 3) гіероглифы сокращаются въ идеографы (на этомъ

Digitized by Google

остановились китайцы); 4) изъ идеографическихъ знаковъ возникаетъ алфавитъ, записывающій одну грубѣйшую часть звуковъ, согласные, съ пропускомъ гласныхъ (семитическая алфавитная система); 5) изъ семитическаго алфавита возникаютъ наши европейскіе (греческая система, происшедшая изъ финикійской), въ которыхъ гласные звуки записываются наравнѣ съ согласными.

Скажите на милость, кому прійдетъ въ голову, что когда европейцы примутся образовывать дикарей, вовсе неумѣющихъ писать, то эти дикари сначала выучатся писать гіероглифами, потомъ китайскими знаками, потомъ еврейскими и только уже прошедши всѣ эти градаціи могутъ начать писать по европейской системѣ?

Или въ школахъ этихъ дикарей надобно будетъ преподавать географію сначала по Гомеровской системѣ (Океанъ есть рѣка, и Балтійское море одно и то же съ Чернымъ моремъ, а вся земля имѣетъ видъ тарелки), а потомъ доказывать, что земля совершенно правильный шаръ, и только потомъ уже открыть имъ, что это шарообразное тѣло — не совершенный шаръ, а нѣсколько раздуто подъ экваторомъ и сплюснуто въ полюсахъ?

Мы выбирали такіе примѣры, которые относились преимущественно къ индивидуальной жизни; но по чрезвычайно тѣсной связи между развитіемъ индивидуума и развитіемъ общества, они въ значительной степени касались и общественной жизни, напримѣръ ея матеріальной обстановки (фосфорная спичка) и умственныхъ успѣховъ (письмо, преподаваніе наукъ). Теперь обратимся къ такимъ явленіямъ, которыя принадлежатъ уже преимущественно общественной жизни, то есть, могутъ осуществляться не иначе, какъ по инстинктивному расположенію или сознательному соглашенію общества. Сюда относятся нравы, обычаи, законы и всѣ такъ называемыя общественныя учрежденія въ обширномъ смыслѣ слова.

Мы сказали, что явленія, за анализъ которыхъ беремся, принадлежатъ собственно общественной жизни. Но общественная жизнь есть сумма индивидуальныхъ жизней, и если въ индивидуальной жизни процессъ явленій можетъ перебѣгать съ низшаго логическаго момента на высшій, пропуская средніе, то изъ этого уже очевидно, что мы должны ожидать встрѣтить ту же возможность и въ общественной жизни. Это простой математическій выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть несокращенный благопріятными обстоятельствами ходъ развитія индивидуальной жизни будетъ выражаться прогрессіею:

1. 2. 4. 8. 16. 32. 64.....

Пусть въ этой прогрессіи каждымъ членомъ обозначается извѣстный моментъ неускореннаго благопріятными обстоятельствами развитія.

Пусть общество состоитъ изъ А членовъ.

Тогда, очевидно, развитіе общества выражается слѣдующею прогрессіею:

1 А. 2 А. 4 А. 8 А. 16 А. 32 А. 64 А.....

Но мы видѣли, что ходъ индивидуальной жизни можетъ перебѣгать съ первой ступени прямо на третью, или четвертую, или седьмую, и положимъ, что относительно извѣстнаго понятія или факта онъ пошелъ по слѣдующему ускоренному пути:

1. 4. 64.

Digitized by Google

Тогда, очевидно, и ходъ общественной жизни относительно этого явленія будетъ:

1 А. 4 А. 64 А.

Кажется, это ясно. Но противники общиннаго владѣнія или притворяются незнающими, или дѣйствительно страждутъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ логическихъ пріемовъ; потому разъяснимъ популярнѣйшимъ примѣромъ эту и безъ того ясную теорему.

Одно изъ общественныхъ учрежденій есть военная сила; одинъ изъ элементовъ ея—вооруженіе. Неускоренное обстоятельствами развитіе вооруженія таково:

1) Обыкновенная дубина; 2) дубина получаетъ каменное или металлическое остріе, т. е. переходитъ въ копье, которымъ или тыкаютъ, держа его въ рукахъ, или бросаютъ въ непріятеля; 3) уменьшенное копье послѣдняго рода начинаютъ бросать помощью тетивы, получаются лукъ и стрѣла; 4) совершенствуясь, лукъ получаетъ линейку съ вырѣзкою для вкладыванія стрѣлы, и образуется самострѣлъ; совершенствуясь, линейка съ вырѣзкою превращается въ трубочку съ продольнымъ разрѣзомъ для тетивы; 5) ударъ тетивы замѣняется ударомъ пороха, лукъ отпадаетъ, остается трубка, въ которой разрѣзъ уничтожается, замѣняясь затравкою, а стрѣла сокращается въ пулю,—вотъ уже и ружье, но первоначально это ружье не имѣетъ замка, а зажигается фитилемъ; 6) изобрѣтается кремневый замокъ; 7) онъ замѣняется пистоннымъ замкомъ; 8) въ стволѣ ружья дѣлаются нарѣзки—мы получаемъ охотничью винтовку; 9) охотничья винтовка не годится для войскъ, пока не изобрѣтены для нея особенныя пули,—онѣ изобрѣтаются, и вотъ войско вооружается штуцеромъ.

Вообразимъ себѣ, что въ Новой Голландіи живутъ еще племена дикарей, незнающихъ никакого оружія, кромѣ дубины. Вотъ, открыты золотыя розсыпи: европейскіе авантюристы (со штуцерами) проникаютъ въ мѣста, еще не посѣщавшіяся европейцами, и находятъ этихъ дикарей: спрашивается, понадобится ли этимъ дикарямъ переходить отъ дубины къ копью, отъ копья къ луку, отъ лука къ самострѣлу, отъ самострѣла къ фитильному ружью и т. д., если они прямо будутъ вымѣнивать у европейцевъ штуцера?

Этимъ не кончилось дѣло.

Съ каждымъ родомъ вооруженія соединены извѣстныя построенія войска. Копье, которое держится въ рукахъ, создаетъ фалангу; кремневому ружью соотвѣтствуетъ сомкнутый строй: штуцеру—разсыпной строй.

Погодите, и этимъ еще не кончилось дѣло.

Различныя построенія требуютъ различныхъ качествъ отъ воина. Напримѣръ, въ сомкнутомъ строю солдатъ, прослужившій всего только одинъ годъ, никуда не годится. Въ разсыпномъ строю онъ ничуть не хуже солдата, прожившаго хотя бы полтораста лѣтъ въ казармахъ.

Что изъ этого слѣдуетъ? То, что у дикарей, о которыхъ мы говоримъ, въ существованіи военной силы будетъ недоставать многихъ періодовъ, черезъ которые прошла она въ Европѣ.

Изъ нестройной дубино-махающей толпы ихъ военная сила прямо обратится въ милицію, подобную сѣверо-американской. Они не будутъ знать ни казармъ, ни регулярныхъ войскъ, ни всего того, что соединено съ этими учрежденіями. А съ

Digitized by Google

этими учрежденіями соединенъ весь тотъ порядокъ вещей, который произвелъ исторію континентальной Европы отъ Карла VII французскаго и Карла V испанско-нѣмецкаго до вчерашняго дня. Изъ блаженнаго общественнаго быта лукіановыхъ скиѳовъ и тацитовыхъ германцевъ, эти дикари перейдутъ прямо къ блаженному быту, о которомъ мы съ вами, читатель, можемъ только мечтать.

Исторія, какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучатъ. Tarde venientibus даетъ она не ossa, а medullam ossium, разбивая которыя Западная Европа больно ошибала себѣ пальцы.

Но мы увлеклись въ диѳирамбъ, заговорили съ читателемъ, —мы забыли, что должны бесѣдовать съ противниками общиннаго владѣнія, то есть заниматься азбукою. Возвратимся же къ азбучнымъ понятіямъ.

Насъ занимаетъ вопросъ: должно ли данное общественное явленіе проходить въ дѣйствительной жизни каждаго общества всѣ логическіе моменты, или можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, переходитъ съ первой или второй степени развитія прямо на пятую или шестую, пропуская среднія, какъ это бываетъ въ явленіяхъ индивидуальной жизни и въ процессахъ физической природы?

Единство законовъ во всѣхъ сферахъ бытія, зависимость общественной жизни отъ индивидуальной, матиматическія формулы, — все заставляетъ рѣшать эту задачу утвердительнымъ образомъ каждаго, имѣющаго хотя какое нибудь понятіе объ исторіи или современной философіи, или хотя о Гегелѣ *), или даже хотя о Шеллингѣ, или даже хотя о здравомъ смыслѣ; — совершенная достаточность даже одного послѣдняго качества для разрѣшенія задачи, вѣроятно, съ достаточною ясностью окажется изъ слѣдующихъ вопросовъ:

Низшая форма религіи, фетишизмъ, не знаетъ вражды къ иновѣрцамъ. Но другія языческія формы религіи болѣе или менѣе наклонны къ преслѣдованіямъ за вѣру. Грубые народы Новой Европы также имѣли инквизицію. Только въ послѣднее время европейская цивилизація достигла того высокаго понятія, что преслѣдованіе иновѣрцевъ противно ученію Христа. Спрашивается теперь: когда какой нибудь народъ, погрязавшій въ грубомъ фетишизмѣ, просвѣщается христіанствомъ, введетъ ли онъ у себя инквизицію, или можетъ обойтись безъ нея? Надобно ли желать и можно ли надѣяться, что у этого народа прямо водворится терпимость, или онъ начнетъ воздвигать костры, и эта средняя степень такъ необходима въ его развитіи, что напрасно и удерживать его отъ гоненій на иновѣрцевъ?

Какой нибудь народъ, живущій въ племенномъ бытѣ, основныя черты котораго самоуправленіе (self governement) и федерація, принимаетъ европейскую цивилизацію; спрашивается, пріймутся ли у него прямо высшія черты этой цивилизаціи, столь сродныя его прежнему быту, или онъ неизбѣжно введетъ у себя бюрократію и другія прелести XVII вѣка?

Этотъ народъ, не имѣя ни фабрикъ, ни заводовъ, не имѣлъ и понятія о протекціонной системѣ; спрашивается, необходимо ли ему вводить у себя протекціонизмъ, черезъ который прошла и отъ котораго отказалась европейская цивилизація.

---

*) Гегель положительно говоритъ, что средніе логическіе моменты чаще всего не достигаютъ объективнаго бытія, оставаясь только логическими моментами. Довольно того, что извѣстный средній моментъ достигъ бытія гдѣ нибудь и когда нибудь, этимъ избавляется процессъ развитія во всѣхъ другихъ временахъ и мѣстахъ отъ необходимости доводить его до дѣйствительнаго осуществленія, прямо говоритъ Гегель.

Digitized by Google

Число такихъ вопросовъ можно было бы увеличить до безконечности: но кажется, что и сдѣланныхъ нами уже достаточно для полученія полнаго убѣжденія въ необходимости примѣнять къ явленіямъ общественной жизни всѣ тѣ выводы, какіе нашли мы прилагающимися къ явленіямъ индивидуальной жизни и матеріальной природы. Не довѣряя ни сообразительности, ни памяти противниковъ общиннаго владѣнія, мы повторимъ въ третій разъ эти выводы, чтобы хотя сколько-нибудь впечатлѣлись они въ мысли этихъ ученыхъ людей, и по правилу первоначальнаго преподаванія, опять-таки къ каждому выводу присоединимъ ссылку на черту факта, представителемъ которой служитъ выводъ. Черты эти мы будемъ брать изъ послѣдняго вопроса, для большей опредѣлительности примѣнивъ ихъ хотя къ новозеландцамъ, съ которыми няньчатся англичане *).

1. Когда извѣстное общественное явленіе въ извѣстномъ народѣ достигло высокой степени развитія, ходъ его до этой степени въ другомъ, отставшемъ народѣ можетъ совершиться гораздо быстрѣе, нежели какъ совершался у передоваго народа. (Англичанамъ нужно было болѣе нежели 1500 лѣтъ цивилизованной жизни чтобы достичь до системы свободной торговли. Ново-зеландцы конечно не потратятъ на это столько времени).

2. Это ускореніе совершается черезъ сближеніе отставшаго народа съ передовымъ. (Англичане пріѣзжаютъ въ Новую Зеландію).

3. Это ускореніе состоитъ въ томъ, что у отставшаго народа развитіе извѣстнаго общественнаго явленія, благодаря вліянію передоваго народа, прямо съ низшей степени перескакиваетъ на высшую, минуя среднія степени. (Подъ вліяніемъ англичанъ, ново-зеландцы прямо отъ свободной торговли, которая существуетъ у дикарей, переходятъ къ принятію политико-экономическихъ понятій о томъ, что свободная торговля—наилучшее средство къ оживленію ихъ промышленной дѣятельности, минуя протекціонную систему, которая нѣкогда казалась англичанамъ необходимостью для поддержки промышленной дѣятельности).

4. При такомъ ускоренномъ ходѣ развитія, среднія степени, пропускаемыя жизнью народа, бывшаго отсталымъ, и пользующагося опытностью и наукою передоваго народа, достигаютъ только теоретическаго бытія, какъ логическіе моменты, не осуществляясь фактами дѣйствительности. (Ново-зеландцы только по книгъ будутъ знать о существованіи протекціонной системы, а къ дѣлу она у нихъ не будетъ примѣнена).

5. Если же эти среднія степени достигаютъ и реальнаго осуществленія, то развѣ только самаго ничтожнаго по размѣру и еще болѣе ничтожнаго по отношенію къ важности для практической жизни. (Люди съ эксцентрическими наклонностями существуютъ и въ Новой Зеландіи, какъ повсюду; изъ нихъ нѣкоторые вѣроятно вздумается быть приверженцами протекціонной системы; но такихъ людей будетъ одинъ на тысячу или на десять тысячъ человѣкъ въ Новозеландскомъ обществѣ, и остальные будутъ называть ихъ чудаками, а ихъ мнѣніе не будетъ имѣть никакого вѣса при рѣшеніи вопросовъ о заграничной торговлѣ).

---

*) На сѣверъ отъ Франціи лежатъ два большіе острова, которые вмѣстѣ составляютъ единное королевство Великобританіи и Ирландіи. Юго-восточная часть восточнаго острова называется Англіею, а жители ея англичанами. Новою Зеландіею называется группа изъ двухъ большихъ островов, лежащихъ не очень далеко отъ Новой-Голландіи, иначе называемой Австраліею. Противники общиннаго владѣнія выказывали такую сообразительность, что мы считаемъ не лишнимъ пояснить употребленныя нами собственныя имена.

Digitized by Google

Сколько намъ кажется, эти выводы довольно просты и ясны, такъ что можетъ быть не превысятъ разумѣнія тѣхъ людей, для которыхъ писана наша статья.

Итакъ, два печатные листа привели насъ къ двумъ заключеніямъ, которыя для читателя, сколько нибудь знакомаго съ понятіями современной науки, достаточно было бы выразить въ шести строкахъ.

1) Высшая степень развитія по формѣ совпадаетъ съ его началомъ.

2) Подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей степени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты.

Какой скудный результатъ разсужденій, занявшихъ цѣлые два печатные листа! Читатель, который не лишенъ хотя нѣкоторой образованности и хотя нѣкоторой сообразительности, скажетъ, что довольно было просто высказать эти основанія, столь же несомнѣнныя до тривіальности, какъ напримѣръ, впаденіе Дуная въ Черное море, Волги — въ Каспійское, холодный климатъ Шпицбергена и жаркій климатъ острова Суматры и т. д. Доказывать подобныя вещи въ книгѣ, назначенной для грамотныхъ людей, неприлично.

Совершенно такъ. Доказывать и объяснять подобныя истины неприлично. Но что же вы станете дѣлать, когда отвергаются заключенія, выводимыя изъ этихъ истинъ, или когда вамъ сотни разъ съ самодовольствомъ повторяютъ, будто непобѣдимое возраженіе, какую нибудь дикую мысль, которая можетъ держаться въ головѣ только по забвенію или незнанію какой нибудь азбучной истины?

Напримѣръ, вы говорите: „Общинное владѣніе землею должно быть удержано въ Россіи“ — вамъ съ побѣдоносною отвагою возражаютъ: „Но общинное владѣніе есть первобытная форма, а частная поземельная собственность явилась послѣ, слѣдовательно она есть болѣе высокая форма поземельныхъ отношеній“. — Помилосердуйте о себѣ, господа возражатели, помилосердуйте о своей ученой репутаціи: вѣдь именно потому, *именно потому*, именно потому, что общинное владѣніе есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему періоду развитія поземельныхъ отношеній нельзя обойтись безъ этой формы.

О томъ, какъ сильно налегали противники общиннаго владѣнія на первобытность его, мы уже говорили въ началѣ статьи. Можно предполагать, что теперь они увидѣли, какъ странно поступали, и поймутъ, что та самая черта, которую они воображали свидѣтельствующею противъ общиннаго владѣнія, чрезвычайно сильно свидѣтельствуетъ за него. Но арсеналъ ихъ философскихъ возраженій еще не истощенъ. Они съ такою же силою налегаютъ и на слѣдующую мысль: „Какова бы ни была будущность общиннаго владѣнія, хотя бы и справедливо было, что оно составляетъ форму поземельныхъ отношеній, свойственную періоду высшаго развитія, нежели тотъ, формою котораго является частная собственность, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что частная собственность составляетъ средній моментъ развитія между этими двумя періодами общиннаго владѣнія; отъ перваго перейти къ третьему нельзя, не прошедши второе. И такъ, напрасно думаютъ русскіе приверженцы общиннаго владѣнія, что оно можетъ быть удержано въ Россіи. Россія должна пройти черезъ періодъ частной поземельной собственности, которая представляется неизбѣжнымъ среднимъ звеномъ“.

Этотъ силлогизмъ постоянно слѣдовалъ за ихъ фразами о первобытности, какъ

Digitized by Google

чертѣ, свидѣтельствующей противъ общиннаго владѣнія. Онъ также выставлялся непобѣдимымъ аргументомъ противъ насъ. Теперь люди, прибѣгавшіе къ нему, могутъ судить сами о томъ, до какой степени онъ сообразенъ съ фактами и здравымъ смысломъ.

Кончивъ дѣло съ предубѣжденіями противъ общиннаго владѣнія, вытекавшими изъ непониманія, забвенія или незнанія общихъ философскихъ принциповъ, мы въ слѣдующій разъ займемся тѣми предубѣжденіями, которыя вытекаютъ изъ непониманія, забвенія или незнанія общихъ истинъ, относящихся къ матеріальной дѣятельности человѣка, къ производству, труду и общимъ его законамъ. Теперь мы говорили о сообразительности философствующихъ мудрецовъ. Въ слѣдующій разъ будемъ говорить о той же способности экономизирующихъ мудрецовъ.

Если вы, читатель, такъ счастливы, что не занимались обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей грамотѣ, вы теперь, пробѣжавъ нашу статью, писанную не для васъ, человѣка съ обыкновеннымъ запасомъ свѣдѣній, а для мудрецовъ, изучавшихъ досконально, кто Шеллинга, кто Гегеля, кто Адама Смита,—если вы не были учителемъ приходскаго училища, то, пробѣжавъ эту статью, можете чувствовать, какъ утомительна, тяжела обязанность этого бѣднаго труженика. Согласитесь, рѣдко приходилось вамъ испытывать такую страшную скуку, какая производится чтеніемъ нашей статьи, весь характеръ которой выражается такою формулою:

бе—а ба, бе—а ба, баба.

Повторимъ еще. Это что?—б. А это?—а. Что̀ же выходитъ?—ба. А это?—тоже б. А это?—тоже а. Что̀ же выходитъ?—тоже ба. Ну, что̀ же выходитъ, если сложить вмѣстѣ?—баба.

Повторимъ еще:

бе—а ба, бе—а ба, баба.

Повторимъ еще... и т. д.

Вамъ было скучно,—а вѣдь вы пробѣжали статью въ полчаса; судите же каково было намъ, написавшимъ ее,—вѣдь мы просидѣли за нею цѣлыхъ три дня.

Но какъ бѣдный труженикъ, приходскій учитель, подкрѣпляетъ свои силы мыслью о высокомъ и великомъ значеніи своего утомительнаго дѣла, такъ пода крѣплялись и мы, припоминая, какое важное значеніе для проясненія всего взгляда на міръ имѣютъ трюизмы, изложеніемъ которыхъ мы занимались. Они, да еще съ десятокъ другихъ подобныхъ трюизмовъ.

Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость,
Вотъ смыслъ философіи всей.

Первый нашъ трюизмъ—не судите о немъ легко: вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія,—кто понялъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто пріучился примѣнять его ко всякому явленію,—о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Digitized by Google

Ich hab', mein Sach auf Nichts gestelt,
Und mir gehöret die ganze Welt,

ъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: „пусть будетъ, о будетъ, а будетъ въ концѣ концовъ все-таки на нашей улицѣ праздникъ".

А второй принципъ—о, второй принципъ чуть ли не интереснѣе даже пер-го. Какъ забавны для человѣка, постигшаго этотъ принципъ, всѣ толки о такъ зываемомъ органическомъ развитіи, о невозможности у насъ того или другаго режденія въ настоящее время, о нашей неопытности, неприготовленности! Все, го добились другіе, готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ лѣзныхъ дорогъ,—мы пользуемся ими. Все хорошее, что сдѣлано какимъ бы ни было народомъ для себя, на три четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ:

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,—
Но то, что жизнью взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VI.

ТРУДЕНЪ ЛИ ВЫКУПЪ ЗЕМЛИ?

I.

Когда палка искривлена въ одну сторону, чтобы исправить ее, надобно перегнуть на другую сторону.

Мальтусъ.

Два мѣсяца тому назадъ мы говорили, какъ сильно и вредно отражается на разсужденіяхъ о крестьянскомъ дѣлѣ непривычка къ точнымъ разсчетамъ. Теперь возвращаемся къ тому же предмету, только примѣняемъ наше замѣчаніе къ вопросу во всей его обширности, а не къ однѣмъ усадьбамъ, какъ прежде.

Выкупъ земли, отходящей во владѣніе крестьянъ, бывшихъ крѣпостными, представляется для многихъ, для очень многихъ, почти для всѣхъ, пишущихъ объ этомъ предметѣ, задачею чрезвычайно трудною. Нѣтъ нужды, что нѣкоторые обманываютъ сами себя, прикрывая затрудненіе, въ которое попадаютъ, фразами: „крестьянинъ легко будетъ уплачивать такой ежегодный взносъ“ и „такимъ образомъ крестьянинъ въ непродолжительное время расплатится съ долгомъ за получаемую землю“; надобно только взглянуть на цифры, которыя одѣты спереди и сзади этими „легко“ и „скоро“, и мы увидимъ, что дѣло въ сущности оказывается вовсе не „легкое“ и очень не „скорое“. Почти у всѣхъ выходитъ, что крестьянамъ пришлось бы платить за выкупъ земли деньги, превышающія оброкъ, которымъ они теперь обложены, и производить такую уплату въ теченіе 30, 35, 40, или даже болѣе лѣтъ. Какое же тутъ „легко“, какое же тутъ „скоро“?— Цифры не похожи на слова, которыми сопровождаются. Но даже эти слова представляются уму не очень многихъ; напротивъ того, большинство разсуждавшихъ о крестьянскомъ вопросѣ прямо говорили, что выкупъ земли въ настоящее время затруднителенъ почти до невозможности или до совершенной невозможности, и лучше отложить его до будущаго времени.

Отложить до будущаго времени! Не поздно-ли будетъ будущему приниматься за то, самая возможность чего станетъ исчезать съ каждымъ годомъ? Когда въ среду крестьянъ пройдетъ мысль, что владѣніе землею, отданною имъ въ пользованіе, не принадлежитъ имъ, не отниметъ ли у нихъ эта новая, доселѣ чуждая крестьянамъ мысль, нравственное основаніе для возможности выкупа? Мнѣ говорятъ:

Digitized by Google

„для удобства и скорости рѣшенія, мы произнесемъ рѣшеніе такого рода, что вамъ слѣдуетъ получить изъ цѣлаго дома, слѣдующаго вамъ, только одну комнатку; объ остальныхъ комнатахъ мы поговоримъ когда нибудь послѣ, черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ, когда это будетъ удобнѣе". Но, принявъ такого рода рѣшеніе, я тѣмъ самымъ уже почти лишусь возможности возобновить вопросъ. Рѣшеніе состоялось, я его принялъ, чего же больше я хочу?

Отложить выкупъ до будущаго времени! Но съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться матеріальная возможность выкупа. Земля быстро возвышается въ цѣнѣ. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ она повсюду будетъ стоить въ полтора раза дороже, чѣмъ теперь; а во многихъ мѣстахъ, можно сказать, въ цѣлой половинѣ губерній съ большимъ процентомъ крѣпостнаго населенія, она будетъ стоить въ три, въ четыре раза дороже, чѣмъ теперь. Это одно. А съ тѣмъ вмѣстѣ населеніе будетъ возрастать, слѣдовательно заработная плата понижаться. Это другое. А съ тѣмъ вмѣстѣ набросятся на покупку земли новые соискатели—чиновники не изъ дворянъ, купцы, зажиточные мѣщане, которые станутъ давать прямо, вдругъ всю цѣну за покупаемый участокъ, между тѣмъ какъ крестьяне въ массѣ имѣютъ возможность покупать ее только съ разсрочкою уплаты по годамъ. У кого не будетъ охоты лучше продать участокъ за 1000 рублей и получить ихъ сполна при совершеніи купчей крѣпости, нежели продать его за 1200 рублей и ждать уплаты по частямъ нѣсколько лѣтъ? Это третье. Можно прибавить и четвертое. Никакая бдительность не въ силахъ услѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне остались много лѣтъ въ пользованіи всею тою землею, какою пользуются теперь, если земля остается въ зависимости отъ интересовъ, желающихъ сократить ея размѣръ. Пути къ обрѣзыванію тутъ безчисленны: разныя сдѣлки съ мелкими властями, отъ которыхъ въ сущности зависитъ все въ судьбѣ мелкихъ людей; нѣсколько ведеръ вина для міроѣдовъ, такъ называемыхъ „добросовѣстныхъ", вообще пребывающихъ у царева кружала; неурожайные годы, въ которые село согласится уступить часть земли за уступку въ оброкѣ, въ выкупѣ за усадьбы и т. д. Можно бы прибавить и пятое и шестое и много другихъ соображеній, но довольно и четырехъ, которыя приведены.

Сведемъ же эти факты: повышеніе цѣны на землю, пониженіе заработной платы, соперничество болѣе крупныхъ покупщиковъ, платящихъ вѣрнѣе и вдругъ, обрѣзыванія всякаго рода, наконецъ, что всего быть можетъ важнѣе, ослабленіе сознанія о неизбѣжной принадлежности земли, находящейся въ пользованіи у крестьянина, самому крестьянину, сведемъ эти факты и мы увидимъ, что если выкупъ земли труденъ въ настоящее время, то чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе онъ будетъ и скоро сдѣлается совершенной невозможностью и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. По нашему, лучше ужъ и не говорить о предоставленіи его будущему, если не дѣлать его въ настоящемъ; лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ.

Точно также, по нашему, лучше ужъ прямо говорить, что выкупъ земли дѣло очень трудное или невозможное, нежели прикрывать благодушными фразами тяжелыя или невыносимыя цифры.

Только позвольте, на меня находитъ сомнѣніе: какимъ же это образомъ вы-

Digitized by Google

купъ земли можетъ быть въ самомъ дѣлѣ затруднителенъ? Какъ онъ можетъ превышать силы народа? Это неправдоподобно. Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ народнаго хозяйства. Политическая экономія прямо говоритъ, что всѣ тѣ матеріальные капиталы, какіе достаются извѣстному поколѣнію отъ предшествовавшихъ поколѣній, составляютъ цѣнность не очень значительную по сравненію съ тою массою цѣнностей, какая производится трудомъ этого поколѣнія. Напримѣръ, вся земля, принадлежащая французскому народу, со всѣми зданіями и всѣмъ находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣмъ скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едва ли представляетъ стоимость во сто милліардовъ франковъ; а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ пятнадцать или болѣе милліардовъ франковъ, т. е. не болѣе какъ въ семь лѣтъ французскій народъ производитъ массу цѣнностей, равную цѣнности цѣлой Франціи, какъ она есть отъ Ламанша до Пиринеевъ. Стало быть, если-бы французамъ нужно бы было выкупить у кого нибудь всю Францію, они могли бы это сдѣлать въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только пятую часть своихъ доходовъ. А у насъ о чемъ идетъ дѣло? Развѣ цѣлую Россію должны мы выкупать со всѣми ея богатствами?—Нѣтъ, только одну землю. И развѣ всю русскую землю?—Нѣтъ, выкупъ относится только къ тѣмъ губерніямъ одной Европейской Россіи, въ которыхъ укоренилось крѣпостное состояніе, т. е. къ пространству, занимающему не болѣе 60 тысячъ географическихъ миль *); да и на этомъ пространствѣ развѣ вся земля подлежитъ выкупу?—Вовсе нѣтъ: на этомъ пространствѣ живетъ почти столько же вольныхъ людей, сколько и крѣпостныхъ крестьянъ. И можно сказать съ достовѣрностью, что развѣ немногимъ менѣе половины изъ этихъ 60 тысячъ квадратныхъ миль принадлежатъ казнѣ, и развѣ съ небольшимъ половина принадлежитъ къ крѣпостнымъ имѣніямъ. И изъ этихъ 30 или 35 тысячъ квадр. миль, развѣ на всѣ мы претендуемъ? Нѣтъ, изъ нихъ развѣ около третьей части находится въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ, и при всемъ увеличеніи надѣла, какое было бы нужно для упроченія благосостоянія освобождаемыхъ крестьянъ, развѣ половина крѣпостныхъ земель отходила бы къ нимъ. Такъ неужели же для великаго Русскаго народа можетъ быть затруднителенъ выкупъ одной шестой части пространства, занимаемаго Европейскою Россіею?

Сдѣлаемъ соображеніе на другомъ основаніи.

Число крѣпостныхъ крестьянъ составляетъ немногимъ меньше одной третьей части всего населенія Русской имперіи. Цѣнность годичнаго сбора, доставляемаго десятиною земли, у насъ немногимъ уступаетъ всей продажной цѣнности этой десятины, а во многихъ мѣстахъ чуть ли не превышаетъ ее **). Какимъ же образомъ для цѣлой націи можетъ быть затруднителенъ выкупъ такого капитала, который развѣ-развѣ въ два раза, да и то едва ли, превышаетъ цѣнность производства, даваемаго трудомъ трехъ дней въ недѣлю одной трети

---

*) Царство Польское, Великое Княжество Финляндское, Остзейскія губерніи, Архангельскъ, Астрахань, Олонецъ, Ставрополь, Вятка, Крымъ, Бессарабія въ этотъ счетъ нейдутъ, потому что въ нихъ или вовсе нѣтъ крѣпостнаго состоянія, или оно существуетъ въ размѣрахъ, не представляющихъ никакой важности для выкупа земли.

**) Пять четвертей хлѣба по три рубля за четверть даютъ пятнадцать рублей валоваго дохода съ десятины; во многихъ мѣстахъ десятина земли не стоитъ этихъ денегъ.

Digitized by Google

ея населенія? Вѣдь это все равно, какъ если-бы вы сказали, что когда изъ трехъ братьевъ, получающихъ каждый по тысячѣ рублей дохода въ годъ, на одномъ братѣ лежитъ долговое обязательство въ двѣ тысячи рублей, то общими силами всѣхъ трехъ братьевъ трудно выкупить этотъ долгъ. По здравому смыслу и по житейскому опыту казалось бы напротивъ, что если всѣ три брата серьезно захотятъ расквитаться съ долгомъ, то въ четыре, много въ пять лѣтъ, они уплатятъ его, нисколько не стѣсняясь, почти нечувствительно.

Что за странность! Политическая экономія, статистика Россіи, здравый смыслъ, все ведетъ къ предположенію, что выкупъ земель, находящихся въ пользованіи у крѣпостныхъ крестьянъ — дѣло легкое, даже очень легкое, а между тѣмъ одна половина разсуждавшихъ объ этомъ выкупѣ признавала его дѣломъ невозможнымъ, а другая половина хотя и говорила о возможности, иной разъ даже о легкости его, но представляла такія цифры, послѣ которыхъ чувствуешь. что лучше было бы и не начинать о немъ рѣчи. Тутъ что нибудь не такъ.

Когда посмотришь на житейскія дѣла, обыкновенно видишь, что если два человѣка, имѣющихъ между собою денежный расчетъ, не могутъ сойтись къ легкому его рѣшенію, то одинъ изъ нихъ ведетъ счетъ по невѣрнымъ основаніямъ. Не то ли же самое и по вопросу о выкупѣ земли? Не знаемъ, на какихъ основаніяхъ стали бы вести счетъ по этому дѣлу крестьяне: они еще не излагали своихъ основаній; стало быть, съ ихъ стороны еще не могло быть невѣрности. Представляла счеты до сихъ поръ исключительно одна сторона — помѣщики *). По ихъ счетамъ оказывалось, что выкупъ земли невозможенъ или соединенъ съ очень большими тяжестями на очень долгое время, то есть, оказывалось, что требованіе не только не совпадаетъ съ мнѣніями людей, подлежащихъ требованію, но и вообще, безъ всякаго отношенія къ понятіямъ этой другой стороны, само по себѣ, уже имѣетъ или просто невозможные или очень затруднительные размѣры.

Ясно, гдѣ тутъ надобно предполагать ошибку. Ее надобно предполагать въ основаніяхъ расчетовъ, приводящихъ къ такому странному результату. Когда нибудь мы просмотримъ эти основанія, и наше предположеніе оправдается фактами. Теперь удовлетворимся однимъ тѣмъ выводомъ, что основаній, представлявшихся другими, намъ не слѣдуетъ принимать безъ критики, если хотимъ достичь положительнаго, а не отрицательнаго рѣшенія, и надобно самостоятельно поискать болѣе точныхъ основаній, приступая къ вопросу, какъ будто бы къ новому, еще незатронутому, и не ожидая себѣ значительной помощи отъ прежнихъ его рѣшеній **).

Начнемъ же дѣло будто новое, начнемъ его съ самаго начала, съ отыскиванія основаній, на которыхъ оно можетъ быть ведено.

Какое неуваженіе къ предшествовавшимъ почтеннымъ трудамъ! Называть новымъ, непочатымъ вопросъ, о которомъ такъ много пишутъ уже цѣлый годъ, пишутъ сотни людей, коротко знакомыхъ съ дѣломъ, оказавшихъ важныя услуги сельскому хозяйству, прекрасно управлявшихъ своими помѣстьями, всѣ съ выго-

*) Изъ числа писавшихъ о крестьянскомъ вопросѣ нѣкоторые, правда, и не были помѣщики, но и тѣ почти всѣ основывались на соображеніяхъ и расчетахъ, представленныхъ помѣщиками; да и вообще по всему образу мыслей и всѣмъ интересамъ тѣсно были связаны съ этою стороною.

**) Кромѣ одного. которое было представлено въ нашемъ журналѣ и съ которымъ въ главныхъ основаніяхъ мы тогда же соглашались.

Digitized by Google

дою для себя, многіе съ благомъ для крестьянъ,—называть непочатымъ вопросъ столь внимательно ими разработываемый, это явная несправедливость.

А вотъ мы сейчасъ увидимъ, справедливы ли наши слова, что вопросъ о выкупѣ земли едва початъ. Первымъ основаніемъ, съ котораго должна начаться его разработка, должно служить опредѣленіе средней цѣнности ревизской души съ надѣломъ землею въ каждомъ округѣ, составляющемъ однородное экономическое цѣлое. Гдѣ же найти эти цифры? Ихъ почти не представлено вновь въ дополненіе къ тѣмъ, какія были извѣстны до начала крестьянскаго дѣла, преимущественно изъ изслѣдованій покойнаго Журавскаго и г. Соловьева. Правда, кое-гдѣ въ журналахъ за прошлый годъ встрѣчаются указанія относительно цѣнности имѣній или дохода съ нихъ въ той или другой мѣстности; но на чемъ основаны приводимыя цифры, мы не видимъ: а степень точности, съ какою дѣлаются потомъ изъ нихъ разные выводы, заставляетъ предполагать, что и основныя цифры выведены не совсѣмъ точно; потому безъ длинной и утомительной провѣрки принимать ихъ нельзя, стало быть и вопросъ не подвинулся ни на шагъ отъ ихъ напечатанія, и достовѣрными цифрами остаются пока только тѣ, которыя выведены покойнымъ Журавскимъ для Кіевской и г. Соловьевымъ для Смоленской губерній.

Мы не надѣемся пріобрѣсть одобреніе отъ всѣхъ помѣщиковъ; но найдутся между помѣщиками многіе столь безпристрастные и гуманные, что во все продолженіе чтенія этой статьи будутъ признавать въ насъ желаніе приблизиться къ истинѣ, какова бы ни была эта истина. Когда же читатель дойдетъ до послѣднихъ страницъ статьи и увидитъ, съ какою цѣлью были выставляемы и защищаемы наши цифры, могущія многимъ показаться слишкомъ низкими, то конечно одобрятъ насъ очень многіе даже изъ тѣхъ, которые сначала могли быть нами недовольны. Мы даже полагаемъ, что, по прочтеніи всей статьи до конца, большинство разсудительныхъ помѣщиковъ убѣдится въ справедливости нашего увѣренія, что цѣль наша—не нападеніе на ихъ выгоды, а напротивъ, охраненіе ихъ собственныхъ интересовъ.

Такъ напримѣръ, основаніемъ для нашихъ приблизительныхъ выводовъ мы беремъ цифру, представляемую покойнымъ Журавскимъ для Кіевской губерніи, принадлежащей къ богатѣйшимъ, и вовсе не хотимъ на этотъ разъ пользоваться цифрами, представленными у г. Соловьева для Смоленской губерніи, потому что она одна изъ бѣдныхъ и соединеніе ея цифръ съ кіевскими значительно понизило бы выводъ. Говоря по строгой правдѣ, губерній похожихъ на Смоленскую у насъ не меньше, чѣмъ похожихъ на Кіевскую, и мы имѣли бы полное право столько же основываться на выводахъ г. Соловьева, сколько и на выводахъ покойнаго Журавскаго. Но повторяемъ, мы хотимъ лучше погрѣшить излишнею высотою цѣнъ, нежели упрекнуть себя въ возможности противнаго.

Какія же основанія мы получаемъ отъ изслѣдованій Журавскаго, которыя, надобно замѣтить, чрезвычайно обширны и точны, наполняютъ собою три огромные тома in quarto и составлены, почти исключительно, по документамъ полученнымъ отъ самихъ помѣщиковъ?

Въ 1834 году, по Журавскому, въ Кіевской губерніи считалось 504.431 душа крѣпостныхъ крестьянъ мужскаго пола. Въ 1846 году общая сумма всѣхъ доходовъ, доставленныхъ крѣпостными помѣстьями, простиралась, по очень точнымъ вычисленіямъ, до 7,123,380 рублей; такимъ образомъ средній доходъ съ

Digitized by Google

души въ Кіевской губерніи, одной изъ богатѣйшихъ, простирался до 14 рублей 12 копѣекъ *). Но тутъ надобно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Во-первыхъ, цифра дохода, принимаемая Журавскимъ, вычислена имъ самимъ и далеко превышаетъ ту цифру, какую показывали помѣщики. По итогамъ, доставленнымъ помѣщиками, весь доходъ простирался бы всего только до 4,020,557 рублей серебромъ, то есть, всего выходило бы по 7 рублей 97 копѣекъ съ души. По строгимъ законамъ справедливости, конечно, мы имѣли бы полное право не цѣнить доходовъ съ имуществъ выше, нежели цѣнили ихъ сами владѣльцы; но мы только предоставляемъ читателю вспоминать въ случаѣ надобности, что каковы бы ни были выводы нами получаемые, все-таки они понизились бы болѣе, чѣмъ на 43%, если-бы мы стали держаться цифръ, какія нравились самимъ помѣщикамъ до возникновенія крестьянскаго вопроса. Мы будемъ до неумѣренности соблюдать ихъ выгоды, будемъ заботиться о ихъ выгодахъ больше, нежели заботились сами они. и вмѣсто ихъ собственныхъ низкихъ цифръ, возьмемъ высшія цифры, выведенныя самимъ Журавскимъ.

Второе наше замѣчаніе состоитъ въ томъ, что доходъ, выведенный Журавскимъ, есть валовой доходъ, а не чистый; изъ него не вычтены ни издержки по управленію, ни страховая премія; а при капитализированіи дохода, конечно, надобно брать въ основу чистый доходъ за вычетомъ изъ валоваго дохода страховой преміи и издержекъ по управленію. Величина этихъ вычетовъ должна быть очень значительна, и мы собственно должны были бы считать ее въ 30—40%; на такую пропорцію ниже средней цифры валоваго дохода средняя арендная плата съ души, представляющая средній чистый доходъ **).

Мы будемъ такъ заботливы о сохраненіи, даже съ нарушеніемъ справедливости, возможно большей цифры, что примемъ этотъ вычетъ только въ 10%. Каждый, хотя нѣсколько знакомый съ сельскимъ хозяйствомъ, скажетъ, что издержки по управленію вмѣстѣ съ страховою преміею берутъ изъ валоваго дохода процентъ гораздо значительнѣйшій. Наконецъ, третье и послѣднее замѣчаніе, самое важное, уже было нами сдѣлано въ первой статьѣ: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“. Тогда мы уже говорили, что доходъ, вычисленный Журавскимъ, далеко не весь получается изъ крѣпостныхъ отношеній и слѣдовательно далеко не весь долженъ входить въ оцѣнку для опредѣленія выкупа этихъ отношеній. Именно изъ 7,123,380 р. общаго дохода помѣщики около 3 милліоновъ получаютъ вовсе не какъ помѣщики, а какъ владѣтели фабрикъ, хозяева тонкорунныхъ стадъ, торговцы лѣсомъ, торговцы виномъ, свеклосахарные заводчики и т. д. ***).

---

*) Число душъ у Журавскаго показано за 1834 годъ; по г. Кеппену, въ 1835 г., было въ Кіевской губерніи 504,589 душъ крѣпостныхъ крестьянъ муж. пола, а въ 1851—511,554 души. Итакъ среднее приращеніе въ годъ 455,3 душъ. На основаніи этого, въ 1846 г., слѣдовало бы считать 509,129 душъ. А если бы мы взяли эту цифру (какъ и слѣдовало бы по точной справедливости), выводъ средняго выкупа понизился бы. Вотъ первое доказательство того, что мы всячески натягиваемъ пропорціи для повышенія выкупной цифры.

**) Журавскій говоритъ: „Обыкновенная арендная плата съ имѣній, отдаваемыхъ въ поссессію, считается здѣсь отъ 8 до 10 руб. сер. съ ревизской души“. Принимая среднюю цифру 9 рублей, мы получимъ, что чистый доходъ составляетъ менѣе 64% валоваго дохода.

***) Вотъ подробный счетъ, который желающіе могутъ провѣрить по книгѣ Журавскаго и который въ такомъ случаѣ найденъ будетъ слишкомъ умѣреннымъ. Пропинація и лѣсная продажа даютъ 1.250,000 р.; изъ 1,350,000 р, даваемыхъ овцеводствомъ и винокуреніемъ, конечно, болѣе половины нужно считать не результатомъ крѣпостнаго труда или вообще крѣ-

Digitized by Google

Къ какой же цифрѣ приводятъ насъ эти факты? На основаніи третьяго замѣчанія, изъ 7,123,380 руб. общаго валоваго дохода, за вычетомъ 3 милліоновъ рублей, получаемыхъ помѣщиками, не какъ помѣщиками, а какъ фабрикантами, заводчиками и торговцами, мы должны признать валовымъ доходомъ, получаемымъ помѣщиками какъ помѣщиками, всего только 4,123,380 рублей. На основаніи второго замѣчанія мы должны изъ этого валоваго дохода вычесть 10% расходовъ по управленію и страховой преміи. За этимъ вычетомъ мы получаемъ въ остаткѣ 3,711,042 рубля, какъ сумму всего чистаго дохода, получаемаго помѣщиками какъ помѣщиками. Это составляетъ (съ 504,431 души) 7 рублей 36 копѣекъ съ души.

Единственно этотъ чистый доходъ долженъ быть принимаемъ основаніемъ при капитализаціи, опредѣляющей цѣнность имѣній, часть которыхъ подвергается выкупу при отмѣненіи крѣпостныхъ отношеній. По какому же проценту надобно разсчитывать капитализацію? Это рѣшить довольно легко. Всѣ, свѣдущіе въ сельскомъ хозяйствѣ люди, утверждаютъ, что дурно управляется то имѣніе, которое даетъ не больше 7%. Обыкновеннымъ процентовъ считается 8. Дѣйствительно, меньшей цифры принять нельзя, потому что дома въ Петербургѣ даютъ 7%, а по извѣстному экономическому закону, та собственность, управленіе которою хлопотливѣе и доходы съ которой подвергаются большей страховой преміи, даетъ и большій процентъ. Кто же не знаетъ, что управлять деревней хлопотливѣе, нежели управлять домомъ въ Петербургѣ, и что на жильцовъ въ Петербургѣ не бываетъ неурожайныхъ годовъ? Итакъ, мы должны были-бы принять по крайней мѣрѣ 8%; но снова поддаваясь своей наклонности къ возможному повышенію выкупнаго капитала, примемъ только $7^1/_2$%. По этому расчету выходитъ, что если-бы выкупу подлежала личность крѣпостныхъ крестьянъ вмѣстѣ со всею землею, которая собственно принадлежитъ къ крѣпостнымъ отношеніямъ, то есть, со всею крестьянскою и со всею господскою землею, то среднимъ числомъ полная выкупная цѣна души мужескаго пола была бы 98 рублей 10 копѣекъ серебромъ.

Но это полная цѣна всей крѣпостной земли вмѣстѣ съ самою личностью крестьянина. А по правилу, установленному Высочайшими рескриптами, и по желанію, выражаемому всѣми благомыслящими помѣщиками, личность не подлежитъ выкупу; подлежитъ выкупу одна только земля. Притомъ и землю предполагается выкупить не всю находящуюся въ дачѣ каждаго крѣпостнаго имѣнія, а только ту часть земли, которая находится въ пользованіи самыхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, чтобы изъ полученной нами цифры, 98 рублей 10 копѣекъ, вывести точную цифру для величины выкупа, надобно было бы опредѣлить, во

постныхъ отношеній, а прямо процентами съ денежныхъ и натуральныхъ капиталовъ, затраченныхъ помѣщиками на эти предпріятія, которыхъ ни мало не касается отмѣненіе крѣпостныхъ отношеній; но мы возьмемъ въ вычетъ только половину, то есть, 675,000 рублей. Изъ дохода, доставляемаго хлѣбопашествомъ и свекловицею (3,800,000), конечно гораздо болѣе, нежели одну пятую часть, надобно считать результатомъ работы реманентнаго (господскаго) скота и господскихъ машинъ, которыхъ также не коснется уничтоженіе крѣпостнаго права, и процентомъ на посѣянное зерно; мы возьмемъ только пятую часть; это составитъ болѣе 750,000 рублей. Сложивъ эти суммы, изъ которыхъ двѣ послѣднія слишкомъ умѣренны, мы получимъ уже 2,675,000 рублей. Остальныя 325 тысячъ слѣдуетъ вычесть изъ чиншей и разныхъ сборовъ, которые составляютъ въ общей суммѣ болѣе 500 тысячъ рублей и изъ которыхъ самая значительная часть получается отъ источниковъ, ни мало не связанныхъ съ отмѣненіемъ крѣпостнаго права (напр. рента съ земли, заселенной разными сословіями городскихъ обывателей и принадлежащей помѣщикамъ).

Digitized by Google

первыхъ, какая именно часть цѣнности придается помѣстью собственно крѣпостнымъ трудомъ, который не подлежитъ выкупу, и какая часть доставляется самою землею; во-вторыхъ, каково отношеніе цѣнности выкупаемой части земли къ цѣнности цѣлой дачи, принадлежащей къ помѣстью. Разумѣется, отвѣты были-бы чрезвычайно разнообразны по разнымъ мѣстностямъ; но все-таки ихъ очень легко можно было-бы свести въ общій итогъ, и тогда можно было-бы сообразить, какая часть общей цѣнности крѣпостныхъ имѣній, получаемой умноженіемъ средней цифры на количество всѣхъ душъ, принадлежитъ исключительно личностямъ, душамъ самыхъ крестьянъ, неподлежащимъ выкупу, и потому должна быть просто вычтена изъ общей суммы. Затѣмъ остатокъ представлялъ бы цѣнность собственно крѣпостныхъ земель, и надобно было-бы узнать, какая часть этихъ земель останется за помѣщиками и какая перейдетъ къ крестьянамъ. Только послѣдняя часть подлежитъ выкупу и только цѣнность одной ея составляетъ итогъ выкупа.

Ни для того, ни для другого обстоятельства не подготовлены общія цифры по всей Россіи, хотя сколько нибудь точныя. Напрасно мы стали бы искать ихъ во всѣхъ безчисленныхъ статьяхъ и запискахъ по крѣпостному вопросу. Не въ правѣ ли были мы сказать послѣ этого, что вопросъ о выкупѣ земли, несмотря на множество основательныхъ статей объ немъ, до сихъ поръ остается непочатымъ въ нашей литературѣ?

Мало того что не собраны въ этихъ цѣнностяхъ общія приблизительныя свѣдѣнія, опредѣленіе которыхъ соединено съ вычисленіями, хотя и не слишкомъ мудреными, но всеже требующими нѣкотораго умственнаго труда; не собраны даже хотя сколько нибудь приблизительныя свѣдѣнія о фактѣ, уже прямо безъ всякихъ вычисленій и соображеній лежащемся подъ перо и обусловливающемъ собою величину обѣихъ, требуемыхъ нашимъ дѣломъ, цифръ. Мы говоримъ о томъ, какое количество крѣпостныхъ крестьянъ состоитъ на барщинѣ и какое на оброкѣ. Извѣстно, что въ оброчныхъ имѣніяхъ часть цѣнности, зависящая прямо отъ личной крѣпостной обязанности, гораздо значительнѣе, а часть цѣнности, принадлежащая самой землѣ, гораздо меньше, нежели въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Извѣстно также, что и вообще доходъ съ оброчныхъ имѣній менѣе, нежели съ состоящихъ на барщинѣ. Мы знаемъ только вообще, что на оброкѣ состоитъ гораздо меньшая часть крестьянъ, нежели на барщинѣ. Но какая именно часть— одна третья, или одна пятая, или еще меньшая часть крестьянъ состоитъ на оброкѣ, этого сказать въ настоящее время никто не можетъ. Мы должны принять эту пропорцію чисто наудачу.

По нашему правилу, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неизвѣстна точная цифра и гдѣ неизбѣжна потому погрѣшность, погрѣшать противъ точной цифры развѣ преувеличеніемъ, а никакъ не уменьшеніемъ, мы предположимъ, что оброчныя имѣнія должны быть цѣнимы точно такъ же, какъ состоящія на барщинѣ. Читатель видитъ, что этимъ явно преувеличивается выкупная сумма выше дѣйствительной величины: мы уже сказали, что оброчныя имѣнія даютъ вообще дохода менѣе состоящихъ на барщинѣ. Но такъ и быть; положимъ, что они даютъ такой же доходъ.

Опять всѣмъ извѣстно, какъ мы уже сказали, что личныя крѣпостныя обязанности, отмѣняющіяся безъ выкупа, составляютъ въ общей цѣнности оброчнаго имѣнія гораздо бо́льшую часть, а земля гораздо меньшую часть, нежели въ бар-

Digitized by Google

щинномъ. Но опять-таки сдѣлаемъ явную натяжку для увеличенія суммы выкупа: положимъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ земля имѣетъ такую же цѣну, какъ въ барщинныхъ.

Послѣ этихъ двухъ явныхъ преувеличеній, очевидно, что чѣмъ больше мы положимъ оброчныхъ имѣній, тѣмъ значительнѣе преувеличится выкупная сумма, выше дѣйствительной цѣны: вѣдь въ сущности, такъ какъ оброчное имѣніе даетъ меньше дохода, нежели барщинное, то и выкупъ за него долженъ быть меньше: онъ будетъ у насъ больше, какъ увидимъ впослѣдствіи. Вѣрные своему правилу, при неизбѣжности погрѣшить противъ точной цифры,—грѣшить только увеличеніемъ, а никакъ не уменьшеніемъ ея,—мы положимъ цифру оброчныхъ душъ самую большую, какую только можно вообразить. Пусть оброчныхъ имѣній будетъ цѣлая третья доля, хотя въ дѣйствительности, навѣрное, ихъ гораздо меньше.

Теперь займемся приблизительнымъ опредѣленіемъ того, какую часть общей цѣнности имѣній составляетъ выкупаемая земля въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Вообще говоря, количество пахотныхъ полей у крестьянъ въ такихъ имѣніяхъ нѣсколько больше, нежели въ господской запашкѣ. За то луговъ, имѣющихъ болѣе цѣны, нежели пахотная земля, находится у помѣщиковъ въ личномъ пользованіи гораздо больше, нежели сколько предоставлено въ пользованіе крестьянъ. Можно сказать, что если взять цѣнность крестьянскихъ луговъ и полей вмѣстѣ, то она едва ли будетъ равняться цѣнности луговъ и полей, оставленныхъ за собою помѣщиками. Затѣмъ остается еще огромное количество разныхъ угодій, собственно считаемыхъ господскими, а не крестьянскими; въ числѣ ихъ есть угодья очень цѣнныя, именно лѣсъ (во всей средней и южной Россіи онъ имѣетъ страшную цѣнность) и рыбныя ловли. Чтобы сколько-нибудь точно опредѣлить эти цифры, мы опять прибѣгнемъ къ даннымъ, собраннымъ объ одиннадцати уѣздахъ Кіевской губерніи *) покойнымъ Журавскимъ.

	Господской.	Крестьянской.	
Пахотной земли	749,021	861,759	десятинъ
Сѣнокосъ	260,124	187,366	„
	1,009,145	1,049,125	„

Затѣмъ остаются съ одной стороны крестьянскія усадьбы, съ другой господскія усадьбы, очень цѣнныя, и 716,580 десятинъ лѣса, который одинъ стоитъ въ пятьдесятъ разъ дороже всѣхъ возможныхъ усадебъ, и сверхъ того еще болѣе 200 тысячъ десятинъ другихъ угодій, отчасти также очень цѣнныхъ. Словомъ сказать, изъ 3,149,702 десятинъ всего пространства крѣпостныхъ земель только 1,194,472 десятины были обращены въ надѣлъ крестьянамъ, а 1,955,230 оставались за помѣщиками; притомъ, вообще говоря, именно лучшія земли и наиболѣе цѣнныя угодья были оставлены въ послѣдней части, такъ что мы оцѣнимъ въ общей сложности десятину крестьянской земли слишкомъ дорого, если положимъ ей цѣнность равную десятинѣ господской земли. Иначе говоря, изъ тысячи десятинъ пахотной земли до сихъ поръ только 379 было предоставлено въ надѣлъ крестьянъ, а 621 десятина оставалась за помѣщиками, и мы преувеличимъ [illegible] части, если скажемъ, что изъ 1000 рублей цѣнности всей крѣпостной [illegible]ли ея приходилось тоже 379 р.

*) [illegible]инскомъ уѣздѣ точныхъ свѣдѣній не было получено.

Digitized by Google

Надѣлъ землею, существовавшій доселѣ, во многихъ мѣстахъ достаточенъ для крестьянъ; въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ не былъ бы достаточенъ для достиженія цѣли, указанной Высочайшими рескриптами, именно, для обезпеченія платы повинностей и податей, и полезно бы было его увеличить. Кромѣ того, безъ сомнѣнія, отдѣлится крестьянамъ часть лѣсовъ, рыбныхъ ловель и другихъ угодій, необходимыхъ для сельскаго быта. Положимъ, что, вслѣдствіе этихъ прибавокъ къ прежнему надѣлу, пространство земли, отходящей къ крестьянамъ, равняется по объему съ землею, которая останется за помѣщиками (для этого нужно въ очень многихъ помѣстьяхъ очень сильно увеличить крестьянскій надѣлъ, такъ чтобы въ общемъ итогѣ онъ увеличился почти на цѣлую треть противъ нынѣшняго); но даже и въ такомъ случаѣ мы все-таки погрѣшимъ противъ дѣйствительности излишнимъ возвышеніемъ цѣны, если положимъ, что пятьсотъ десятинъ, которыя отойдутъ къ крестьянамъ, будутъ стоить столько же, сколько пятьсотъ десятинъ, которыя останутся у помѣщиковъ: послѣдняя половина по качеству гораздо лучше первой.

Мы старались приблизиться къ опредѣленію пропорціи между цѣнностью крестьянскихъ земель, и земель, остающихся за помѣщиками. Но земля въ имѣніи, находящемся на барщинѣ, составляетъ только одинъ элементъ въ общей цѣнности помѣстья, на сколько эта цѣнность относится къ крѣпостному вопросу. Другой элементъ цѣнности заключается въ правѣ на личность. Отношеніе между этими двумя элементами очень трудно опредѣлить, по совершенному недостатку цифръ, заслуживающихъ довѣріе. Если-бы мы захотѣли принять ту оцѣнку выгодъ, доставляемыхъ обязательнымъ трудомъ, какую даютъ намъ сами помѣщики, мы пришли бы къ результату слишкомъ невыгодному для нихъ теперь, когда рѣшено, что личность не выкупается, а подлежитъ выкупу только земля. Одни изъ помѣщиковъ даютъ намъ свѣдѣнія, по которымъ оказывается, что цѣнность обязательнаго труда вдвое и даже втрое превышаетъ чистый доходъ съ земли, предоставленной крестьянамъ. Каковъ оказался бы результатъ, если-бы мы приняли въ расчетъ эти показанія? Результатъ былъ бы вотъ каковъ:

Цѣнность господской земли	621 рубль или	35,5%
— крестьянской земли.	379 рублей или	21,5%
— обязательнаго труда (вдвое противъ цѣнности крестьянской земли) . .	758 рублей или	43%
Итого	1758 рублей или	100%

По этому расчету оказывалось бы, какъ видимъ, что цѣнность настоящаго надѣла крестьянскихъ земель составляетъ только по 215 рублей съ каждыхъ 1000 рублей общей цѣнности имѣнія, и слѣдовательно, если принять, какъ мы нашли, цѣнность души со всею крѣпостною землею господскою и крестьянскою по 98 рублей 10 копѣекъ, то оказалось бы по счету самихъ помѣщиковъ, что выкупъ крестьянскихъ земель за настоящій надѣлъ составлялъ бы всего только 21 рубль съ души въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Таковъ-то былъ бы выводъ, если-бы мы приняли оцѣнку обязательнаго труда, представляемую одними. Еще поразительнѣе былъ бы результатъ, если-бы мы приняли оцѣнку обязательнаго труда, предлагаемую другими помѣщиками: они говорятъ, что обязательный трудъ составляетъ съ каждаго тягла не меньше 30 рублей серебромъ; или даже

Digitized by Google

36 руб., или 42 руб. Будемъ считать на 100 душъ 30 тяголъ и обязательную работу каждаго тягла въ 30 рублей; выходитъ, со ста душъ цѣнность обязательнаго труда 900 рублей. Что же далѣе? Личныя крѣпостныя повинности отмѣняются безъ вознагражденія. Итакъ сто душъ крестьянъ должны выиграть въ ежегодномъ доходѣ 900 рублей. А между тѣмъ мы нашли, что вся годичная цѣнность, доставляемая какъ личнымъ крѣпостнымъ правомъ, такъ и правомъ на крѣпостную землю, не превышаетъ 7 руб. 36 коп. съ души, то есть 736 руб. со ста душъ. Итакъ пожертвованіе, которое долженъ бы принести помѣщикъ, было бы значительнѣе всего дохода, даваемаго ему и личнымъ крѣпостнымъ трудомъ и всею землею, какъ крестьянскою, такъ и господскою, и оказывалось бы, что помѣщикъ долженъ былъ бы не только отдать даромъ всю крѣпостную землю и свою и крестьянскую, но еще и приплачивать на каждую крѣпостную душу по 1 руб. 64 коп. ежегодно, или, капитализируя эту уплату по принятому нами расчету ($7^1/_2$%), приплатить каждой душѣ по 21 руб. 90 коп. Разумѣется, еще больше окажется эта приплата, если мы возьмемъ не очень умѣренныя цифры, а тѣ, которыя выставляются помѣщиками болѣе требовательными, напримѣръ положимъ, согласно съ имъ мнѣніемъ, что на сто душъ слѣдуетъ считать 40 тяголъ и обязательный трудъ каждаго тягла слѣдуетъ цѣнить въ 36 руб. сер. Какія цифры получатся тогда? Вотъ какія:

40 тяголъ по 36 руб. даютъ 1440 руб.; капитализируя эту цѣнность обязательнаго труда по разсчету $7^1/_2$%, мы получимъ, что выгода, приносимая обязательнымъ трудомъ, равняется капиталу въ 19,200 руб.

Между тѣмъ цѣнность всѣхъ крѣпостныхъ земель крестьянскихъ и господскихъ со всѣми поселенными на нихъ душами равняется только 98 руб. 10 коп., то есть все помѣстье, имѣющее 100 душъ, стоитъ только 9,810 руб.

А такъ какъ владѣлецъ этого имѣнія долженъ уступить своимъ крестьянамъ цѣнность 19,200 руб., то стало быть, если онъ откажется въ пользу крестьянъ отъ всего помѣстья, то этимъ еще далеко не исполнится мѣра его уступки: онъ уступитъ имъ только 9,810 руб. и для пополненія уступки онъ долженъ будетъ еще приплатить 9,390 руб.,—только тогда онъ возвратитъ имъ вполнѣ всю цѣнность обязательнаго труда, отъ котораго отказывается.

Что за нелѣпость! Надобно совершенно задаромъ отказаться отъ всего помѣстья и въ добавокъ приплатить еще цѣну почти равную той, какую имѣло цѣлое помѣстье, только тогда составится сумма, равная одной части цѣнности этого самаго имѣнья! Вмѣсто геометрической аксіомы „часть меньше цѣлаго“ мы пришли къ выводу совершенно противнаго рода: „часть почти вдвое больше своего цѣлаго“. Изумительное открытіе! Послѣ этого надобно думать, что въ Петербургѣ больше жителей, нежели въ цѣлой Россіи, что Европа занимаетъ пространство большее, нежели вся поверхность земнаго шара, что одинъ палецъ больше всей руки. А впрочемъ нечего и удивляться подобнымъ выводамъ: каковы основанія, таковъ и выводъ изъ нихъ. Выставить преувеличенную цифру, чтобы дѣлать изъ нея преувеличенные выводы для собственной пользы, вещь очень заманчивая; но только дѣло въ томъ, что изъ каждой цифры можетъ быть выводимо множество различныхъ примѣненій. Вы взяли то приложеніе цифры, какое было выгодно для васъ; но вѣдь также легко

Digitized by Google

сдѣлать и другія приложенія, которыя окажутся для васъ далеко не въ такой степени выгодными, и тогда прійдется вамъ признать, что уклоненіе отъ истины не всегда полезно для самого уклоняющагося; тогда, быть можетъ, ясно станетъ для васъ, что истина безопаснѣе всего.

Мы все это говорили только къ тому, чтобы показать, какими желаніями мы руководимся, не соглашаясь приписать обязательному труду той преувеличенной цѣнности, какую даютъ ему нѣкоторые. Мы видимъ, что преувеличеніе въ этомъ случаѣ повертывается въ невыгоду самихъ владѣльцевъ, и именно для соблюденія ихъ пользы хотимъ держаться самой умѣренной цифры при опредѣленіи того, какая часть цѣнности придается имѣнію обязательнымъ трудомъ. Личность освобождается безъ вознагражденія; потому, чѣмъ ниже мы оцѣнимъ обязательный трудъ, тѣмъ большая часть цѣнности останется на долю земли, подлежащей выкупу, слѣдовательно тѣмъ выгоднѣе для владѣльца будетъ цифра выкупа.

Итакъ положимъ, что цѣнность обязательнаго труда составляетъ только пятую часть цѣнности всего крѣпостнаго имущества въ имѣніехъ, состоящихъ на барщинѣ. На самомъ дѣлѣ обязательный трудъ составляетъ, безъ сомнѣнія, гораздо значительнѣйшую часть общей суммы; но мы принимаемъ меньшую цифру для выгоды владѣльцевъ. Какова же будетъ при этой цифрѣ окончательная величина выкупа въ имѣньяхъ, состоящихъ на барщинѣ?

Вся стоимость крѣпостнаго имущества найдена нами равняющеюся 98 рублямъ и 10 копѣйкамъ серебромъ на душу; изъ этой цифры одна пятая, т. е. 19 рублей 62 копѣйки, отсчитывается на обязательный трудъ, неподлежащій выкупу. Цѣнность земли остается 78 руб. 48 коп. на душу. По нынѣшнему надѣлу, изъ тысячи десятинъ земли крестьянамъ уступлено 379; по этой пропорціи изъ 78 руб. 48 коп. на крестьянскую землю приходится цѣнность 29 руб. 74 коп., — вотъ средняя величина выкупа съ души въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, при нынѣшнемъ надѣлѣ.

Но мы уже замѣтили, что во многихъ помѣстьяхъ настоящій надѣлъ пахотною землею и сѣнокосами недостаточенъ; сверхъ того для крестьянъ необходимъ надѣлъ нѣкоторою частью лѣсовъ и другихъ угодій, не причисляемыхъ нынѣ къ ихъ землѣ. Мы говорили, что вслѣдствіе этихъ необходимыхъ прибавокъ, крестьянскому надѣлу слѣдовало бы въ общей суммѣ возвыситься до половины всей крѣпостной земли. Мы будемъ брать за норму выкупа эту послѣднюю величину надѣла, безъ которой не достигнется цѣль, указанная Высочайшими рескриптами. Тогда выкупъ составитъ ровно половину цѣнности всей крѣпостной земли, то есть 39 рублей 24 копѣйки съ души.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ обыкновенно вся земля находится во владѣніи крестьянъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются оброчныя имѣнія, въ которыхъ часть земли остается за владѣльцами. Во многихъ другихъ оброчныхъ помѣстьяхъ согласное желаніе владѣльца и крестьянъ будетъ состоять въ томъ, чтобы при отходѣ помѣстья отъ владѣльца нѣкоторая часть земли была возвращена ему. Положимъ, что оба эти факта въ сложности произведутъ оставленіе за владѣльцами оброчныхъ имѣній хотя одной восьмой части крѣпостной земли. Въ дѣйствительности эта доля, конечно, будетъ гораздо значительнѣе, но чѣмъ меньше принять вычетъ, тѣмъ больше останется величина выкупа. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы дѣ-

Digitized by Google

лаемъ всевозможныя натяжки для возвышенія выкупной суммы. Такъ мы уже приняли цѣну земли въ оброчныхъ имѣніяхъ за равную цѣнѣ земли въ барщинныхъ, хотя въ оброчныхъ земля гораздо малоцѣннѣе, какъ извѣстно всякому. Точно также мы хотимъ принять, что цѣна личности въ оброчныхъ имѣніяхъ составляетъ, какъ въ барщинныхъ, только одну пятую часть всей цѣнности крѣпостнаго имущества, хотя извѣстно, что въ оброчныхъ имѣніяхъ цѣнность гораздо больше, нежели въ барщинныхъ, проистекаетъ изъ крѣпостнаго права на самую личность, а не на землю, и хотя даже для барщинныхъ имѣній вычетъ изъ общей цѣнности за отмѣняемое безъ вознагражденія право на личность принятъ нами меньше своей дѣйствительной цѣны.

На этихъ основаніяхъ, до крайности выгодныхъ для владѣльца, величина выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ опредѣлится такимъ образомъ.

За вычетомъ 19 руб. 62 коп. изъ общей цифры 98 руб. 10 коп., цѣнность всей крѣпостной земли остается, какъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, 78 руб. 48 коп.: изъ этой земли одна восьмая часть останется за помѣщиками (цѣнность этой доли 9 руб. 81 коп.); за крестьянами остается семь восьмыхъ частей, цѣнность которыхъ 68 руб. 67 коп.

Эта цифра 68 рублей 67 копѣекъ и составляетъ выкупъ оброчной души съ землею.

Теперь совершенно ясно, что мы дѣлали большую натяжку для повышенія общей выкупной суммы по всей имперіи, когда считали, что цѣлая треть крѣпостныхъ крестьянъ находится на оброкѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности пропорція эта гораздо меньше: выкупъ за оброчныхъ больше, чѣмъ за состоящихъ на барщинѣ.

Вотъ мы достигли наконецъ того, что можемъ вывести приблизительную величину выкупа всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлой имперіи съ надѣломъ земли, какой мы принимали выше, то есть съ надѣломъ, увеличеннымъ до цѣлой половины всей крѣпостной земли.

Мы принимали, что изъ 300 душъ 200 находятся на барщинѣ, а 100 на оброкѣ; по принятымъ для того и другаго разряда цифрамъ выкупа имѣемъ:

200 душъ	по 39 руб. 24 коп.	7,848 руб.
100 „	„ 68 „ 67 „	6,867 „
Итого 300 душъ		14,715 руб.

Раздѣляя общую цѣнность 14,715 руб. на 300 душъ, мы получаемъ среднюю цѣнность выкупа за каждую душу 49 руб. 5 коп. *).

Помножая эту среднюю цѣнность выкупа (49 руб. 5 коп.) на все количество крѣпостныхъ душъ въ Европейской Россіи (10,844,902, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ г. Тройницкаго), мы получимъ 531,942,443 р. 10 к.

*) Если-бы мы приняли, что оброчные крестьяне составляютъ только четвертую часть общаго числа, мы имѣли бы:

300 душъ	по 39 руб. 24 коп.	11,772 руб.
100 „	„ 68 „ 67 „	6,867 „
Итого 400 душъ		18,659 руб.

Раздѣляя 18,659 руб. на 400 душъ, получимъ среднюю цѣнность выкупа души съ землей 46 руб. 59¾ коп. на душу.

Digitized by Google

Вотъ вся сумма выкупа съ землею при надѣлѣ, увеличенномъ на цѣлую треть выше настоящаго.

Какъ далеко отъ этой цифры до страшныхъ полутора или двухъ милліардовъ рублей серебромъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ! Цѣлая бездна отдѣляетъ нашъ выводъ отъ этихъ ужасающихъ фантомовъ.

У кого изъ насъ не облегчается сердце при взглядѣ на эту цифру 531,940,000 р., на эту цифру, которая уже сама за себя прямо говоритъ: „Вглядитесь въ меня хорошенько: я вовсе не страшна, какъ васъ пугаютъ; со мною нетрудно будетъ вамъ сладить; я не раззорю васъ, какъ тѣ раздутыя чудовища, которыя ужасали васъ подъ моимъ именемъ. Вглядитесь въ меня хорошенько: есть ли во мнѣ хоть малѣйшій признакъ переполненія государства кредитными знаками, потрясенія кредиту, громадныхъ займовъ, изнурительныхъ усилій, которыми васъ стращали уродливые милліарды, являвшіеся вмѣсто меня въ потьмахъ безразчетности? Они старались представиться вамъ слонами, эти самозванцы-милліарды выкупа: а я, я чуть ли не муха,—такъ легко со мною справиться. Вглядитесь въ меня хорошенько: вѣдь я не больше той цифры, какую вы въ десять лѣтъ истратите на однѣ желѣзныя дороги; вѣдь я въ двое меньше той цифры, какую составитъ въ слѣдующіе десять лѣтъ оборотъ однихъ только Балтійскихъ нашихъ портовъ. И будто бы вамъ не справиться со мною въ самомъ дѣлѣ и легко и быстро?“

Но отчего же въ самомъ дѣлѣ такая громадная разность между нашимъ выводомъ и страшными милліардами, которые являлись подъ перомъ другихъ? Мы старались по возможности держаться ближе къ дѣйствительнымъ даннымъ. Мы принимали за основаніе строго повѣренныя цифры о цѣломъ полумилліонѣ душъ крѣпостнаго населенія. А люди, пугавшіе милліардами, обыкновенно ровно ни на чемъ не основывались, кромѣ приходо-расходныхъ книгъ своего помѣстья,—книгъ, которыхъ никто не провѣрялъ, и которыя, Богу одному извѣстно, по какой бухгалтеріи ведены. Да и то еще было хорошо, когда основывались хоть на какихъ нибудь счетахъ настоящаго дохода; а то безъ церемоніи прямо говорили: „Я, дескать, не знаю, сколько дохода доставляетъ мнѣ мое помѣстье, но полагаю, что оно должно доставлять вотъ столько-то“, или даже еще прямѣе „но желаю, чтобы оно считалось доставляющимъ мнѣ вотъ сколько“; и отъ невѣрныхъ счетовъ по одному имѣнію, или и отъ вѣрныхъ счетовъ, но по одному имѣнію, находящемуся въ исключительно выгодномъ положеніи, или наконецъ и просто отъ соображенія о томъ, сколько дохода могло бы приносить это имѣніе, еслибы приносило дохода гораздо больше, чѣмъ приноситъ теперь, они приходили къ заключенію прямо о цѣлой Россіи. Да и то еще было хорошо, если хоть на такихъ невѣрныхъ или желательныхъ счетахъ по одному своему имѣнію основывали выводъ о цѣлой Россіи; а то и просто, безъ всякихъ разсужденій писали „два милліарда“ и ставили точку, какъ будто меньше этой цифры уже и быть ничего не можетъ.

Итакъ, первая причина разницы между нашимъ умѣреннымъ выводомъ и ужасающими выводами другихъ состоитъ въ томъ, что мы взяли основаніе, хотя и не совершенно достаточное для безусловно точнаго результата, но все-таки очень широкое и прочное, именно добросовѣстныя и очень вѣрныя изслѣдованія о цѣломъ полумилліонѣ душъ мужскаго пола, то есть о цѣломъ милліонѣ душъ обоего пола; а другіе строили свои выводы на одномъ какомъ-нибудь помѣстьи, да и то безъ точной провѣрки его доходовъ, или и вовсе ни на чемъ не основывались, кромѣ

Digitized by Google

собственнаго произвола. Наше широкое и прочное основаніе—вотъ, сказали мы, первая причина умѣренности, какою отличается нашъ выводъ. Другая причина разницы состоитъ въ томъ, что мы стремились уяснить себѣ, какая именно часть помѣстныхъ доходовъ имѣетъ связь съ крѣпостнымъ правомъ, изъ этой части какая именно доля подлежитъ выкупу. Другіе поступали не такъ; они прямо, не разбирая ничего, говорили: „Я получаю (или желаю получать) со всего своего помѣстья столько-то рублей, вотъ вамъ и выкупъ, какого я хочу".—„Но часть этихъ доходовъ получается отъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ оборотовъ и предпріятій, которыя ни мало не пострадаютъ, а напротивъ разовьются отъ уничтоженія крѣпостныхъ отношеній".—„Я ничего знать не хочу, я знаю только, что получаю съ своего помѣстья 10,000 руб.; ну, и давайте мнѣ такой выкупъ, съ котораго проценты составили бы 10,000 руб."—„Но мало того, что изъ вашихъ 10,000 р. почти половина доставляется вамъ источниками, которыхъ не касается крѣпостной вопросъ; изъ остальной половины также значительнѣйшая доля останется у васъ въ рукахъ".—„Опять таки повторяю, я этого ничего знать не хочу; фабрика и заводъ останутся у меня, половина пахотной земли и большая половина сѣнокосовъ, лѣсовъ и другихъ угодій останутся тоже у меня, а все-таки давайте мнѣ выкупъ за цѣлое помѣстье". Отъ такихъ основаній и съ такою логикою не трудно дойти не только до двухъ милліардовъ, но и до двадцати, и до двухсотъ милліардовъ.

„Но, скажутъ намъ, вы принимаете выкупъ только въ 49 рублей за душу, тогда какъ другіе считаютъ, что мало будетъ и 100 руб.; иные думаютъ, что мало будетъ и 200 рублей. Какъ же это можно такъ низко спускать цифру?" Боже мой, именно мы-то и должны спросить наоборотъ: какъ можно было другимъ такъ раздувать эту цифру? Разсужденія наши были длинны, но сущность ихъ очень коротка. Мы взяли за основаніе вывода одну изъ богатѣйшихъ губерній; въ случаяхъ сомнѣнія мы ставили себѣ за правило принимать такія пропорціи, которыя изъ всѣхъ допускаемыхъ здравымъ смысломъ наиболѣе выгодны для возвышенія выкупной цифры, и все-таки не могли вывести ее больше, какъ въ 49 рублей 5 коп. Послѣ этого не имѣемъ ли скорѣе мы право спросить: вѣроятны ли цифры, втрое и вчетверо превосходящія цифру, полученную нами?

И чѣмъ же мала наша цифра? Кажется, нельзя отвергать того, что доходъ, доставляемый чисто крѣпостными отношеніями, безъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, выражается оброкомъ. Оброкъ въ двадцать пять руб. сер. съ тягла возможенъ только въ меньшей половинѣ Россіи; въ гораздо большей половинѣ онъ отъ двадцати руб. спускается до пятнадцати. Считая 33 тягла на 100 душъ, мы получаемъ при 25 рубляхъ оброка только 8 руб. 33 коп. съ души, при 20 руб. оброка только 6 руб. 66 коп. съ души, при 15 руб. оброка только 5 руб. съ души. Вотъ вамъ весь собственно крѣпостной доходъ. Если кто изъ владѣльцевъ получаетъ больше безъ произвольныхъ притѣсненій, онъ получаетъ этотъ излишекъ не какъ собственникъ крѣпостнаго права, а какъ антрепренеръ, не какъ помѣщикъ, а какъ заводчикъ, фабрикантъ, негоціантъ, какимъ останется и по выкупѣ крестьянъ. Беремъ же среднюю цифру собственно крѣпостнаго дохода, 6 руб. 66 коп. съ души, и замѣчаемъ, что онъ получается отъ всей крѣпостной земли, а лучшая половина этой земли и по выкупѣ останется за помѣщикомъ; стало быть, вовсе не будетъ обиды

Digitized by Google

ему положить всю потерю его въ 3 рубля 33 коп. Эти 3 руб. 33 коп. дохода выкупаются по нашему разсчету 49 руб. 5 коп.,—развѣ можно назвать невыгодной капитализацію по такому проценту? Вѣдь по $7^1/_2$% составлялось бы только 44 руб. 44 коп.; вѣдь по нашему разсчету капитализація выходитъ на основаніи менѣе, нежели 7%, а кто не знаетъ, что 7% уже выгодная цифра для капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ?

Можно еще проще обсудить нашу цифру выкупа другимъ образомъ. Каждому извѣстно, что когда имѣніе заложено въ опекунскій совѣтъ, то уплата процентовъ беретъ болѣе половины валоваго дохода у помѣщика; во многихъ помѣстьяхъ она брала (по прежнему разсчету процентовъ на долги кредитныхъ учрежденій) двѣ трети и даже три четверти валоваго дохода; наконецъ извѣстно, что часто помѣстья покупались съ прибавкою самой ничтожнѣйшей суммы къ переводу долга на покупщика; наконецъ извѣстно и то, что при аукціонной продажѣ за неуплату процентовъ, помѣщику приходилось получать изъ продажной цѣны, за вычетомъ опекунскаго долга, иной разъ какихъ-нибудь по десяти рублей остатка съ души. Что же за цифра этотъ опекунскій долгъ, поглощающій почти всю цѣнность имѣнія? Что же за цифра эти проценты опекунскаго долга, поглощающіе большую часть доходовъ съ имѣнія? Опекунскій долгъ составляетъ не больше 80 рублей серебромъ на душу; проценты съ него по прежней высокой нормѣ (6%) составляли всего 4 рубля 50 копѣекъ съ души. Послѣ этого можно ли говорить, что низка оцѣнка, которая только половину крѣпостныхъ земель, составляющихъ только часть всей цѣнности крѣпостнаго имѣнія, полагаетъ въ 49 рублей? Скорѣе надобно сказать, что эта оцѣнка выкупа слишкомъ высока.

Да и какъ не быть ей выше дѣйствительной средней цифры? вѣдь мы взяли за основаніе одну изъ богатѣйшихъ губерній и, выводя выкупную цифру, постоянно принимали такія пропорціи, которыя были выше дѣйствительныхъ, для возвышенія выкупной цифры. Угодно ли знать, къ чему пришли бы мы, если-бы не увлекались желаніемъ возвысить выкупную цифру? Вотъ къ чему. Для Кіевской губерніи вывели мы выкупную цифру барщинныхъ помѣстій 39 руб. 24 коп. Не будемъ перевѣрять этого вывода, который уже основанъ на многихъ возвышеніяхъ пропорцій. Не будемъ вычитать изъ него тѣхъ лишнихъ увеличеній, которыя легко было бы открыть. Обратимъ вниманіе только на одну пропорцію между барщинными и оброчными помѣстьями. Оброкъ въ Кіевской губерніи почти совершенно неизвѣстенъ: почти всѣ имѣнія состоятъ на барщинѣ. Если мы положимъ на оброкѣ одну двадцатую часть крѣпостныхъ крестьянъ Кіевской губерніи, мы все-таки положимъ ихъ больше, нежели сколько ихъ въ дѣйствительности. Какое же вліяніе на общій выводъ будетъ имѣть эта пропорція?

	1,900 душъ	по 39 руб. 24 коп.	74,556 руб.
	100 —	— 68 — 67 —	6,867 —
Итого	2,000 душъ		81,423 руб.

Средній выкупъ за душу по этому итогу оказывается 40 руб. 71 коп.

Но Кіевская губернія — одна изъ богатѣйшихъ; разсчитывать по ней одной несправедливо. Надобно взять также одну изъ бѣдныхъ губерній, и для того обратимся къ цифрамъ, какія собраны г. Соловьевымъ для Смоленской губерніи. Цифры эти вотъ каковы.

Digitized by Google

Всего крѣпостной земли находится въ Смоленской губерніи 3.847,524 десятины. Средняя продажная цѣна земли 5 руб. 47 коп. Итого цѣнность всей земли 21.061.000 рублей. Общее число крѣпостныхъ душъ мужскаго пола 378,038. Раздѣляя на эту цифру цѣнность крѣпостной земли, получаемъ, что вся крѣпостная земля, какъ господская, такъ и крестьянская, даетъ цѣнность 55 руб. 72 коп. на на душу. Если половина ея отойдетъ къ освобождаемымъ крестьянамъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, на душу придется выкупъ въ этихъ имѣніяхъ 27 руб. 86 коп. Число оброчныхъ крестьянъ въ Смоленской губерніи чрезвычайно незначительно, навѣрное меньше одной десятой части всего числа ихъ. Но положимъ одну десятую часть, и положимъ по прежнему правилу, что одна восьмая часть земли въ оброчныхъ имѣніяхъ останется за помѣщиками. Вычетъ за эту восьмую часть составитъ 6 руб. 96 коп.; остается цѣнность выкупаемой земли на оброчную душу 48 руб. 76 коп. Выведемъ же теперь среднюю цифру выкупа для Смоленской губерніи.

	900 душъ по 27 руб. 86 коп.	25,074 руб.
	100 — — 48 — 76 —	4,076 —
Итого	1,000 душъ	29,950 руб.

Раздѣляя 29,950 рублей на 1,000 душъ, мы получаемъ среднюю выкупную цифру Смоленской губерніи 29 руб. 95 коп. за душу.

Теперь мы взяли одну богатую и одну бѣдную губернію. Выводъ, получаемый изъ соединенія обоихъ этихъ основаній, будетъ ближе къ дѣйствительной средней цифрѣ, нежели тотъ, какой былъ полученъ нами прежде на основаніи данныхъ одной только богатой губерніи. Выведемъ же среднюю цифру по двумъ губерніямъ.

Кіевская губернія

504,431 душа по 40 руб. 71 коп. 20.535,386 руб. 1 коп.

Смоленская губернія

	378,038 душъ по 29 руб. 95 коп.	11.322,238 руб. 10 коп.
Итого	882,469 душъ	31.857,624 руб. 11 коп.

Раздѣляя 31.857,624 руб. 11 коп. на 882,469 душъ, мы получаемъ среднюю величину выкупной цѣны за душу 36 руб. 12 коп.

Первоначально полученная нами цифра 49 рублей 5 копѣекъ можетъ нравиться однимъ, можетъ не нравиться другимъ. Кому она нравится, тотъ можетъ успокоиться на ней; но кому она не нравится, тотъ можетъ знать, что всякое переизслѣдованіе съ цѣлью строжайшей провѣрки приведетъ только къ уменьшенію ея. Намъ она нравится, потому что она высшая цифра, какую только можно получить для выкупа со всѣми натяжками къ повышенію, которыя допускаются правдоподобіемъ, и отчасти даже съ такими, которыя превышаютъ правдоподобіе. Мы останавливаемся на ней, счастливые тѣмъ, если не будемъ принуждены возраженіями на нее провѣрять ее и черезъ провѣрку приходить къ величинѣ выкупа менѣе высокой.

49 рублей 5 копѣекъ съ души даютъ въ итогѣ, какъ мы видѣли, около 531,940,000 рублей для выкупа всего крѣпостнаго населенія Россіи съ надѣломъ землею, значительно увеличеннымъ противъ настоящаго.

Digitized by Google

Опредѣливъ цифру выкупа, надобно теперь заняться пріисканіемъ средствъ для уплаты найденной суммы его.

Сумма эта, мы уже замѣчали при первомъ взглядѣ на нее, вовсе негромадна по сравненію съ средствами, которыми можетъ располагать Русская нація. Она едва-ли превышаетъ двухлѣтній государственный доходъ Русской имперіи. Она едва-ли превышаетъ пятилѣтній доходъ, какой будетъ приносить одна винная регалія по уничтоженіи откуповъ. Она едва-ли составляетъ одну пятую часть годичнаго дохода, доставляемаго русскимъ сельскохозяйственнымъ производствомъ. Она едва-ли составляетъ одну седьмую часть годичнаго дохода Русской націи. Съ такою суммою справиться легко.

А дѣло легкое можно сдѣлать всячески, какъ угодно. Поднять пятипудовую гирю есть только одно средство: взяться за нее обѣими руками, собрать всѣ силы организма для преодолѣнія громадной тяжести. Совсѣмъ не то, когда нужно перенести съ мѣста на мѣсто фунтовой разновѣсокъ,—тутъ поступайте какъ хотите, всетаки перенесете: возьмите его въ обѣ руки, если вздумается, а не то возьмите одной правой рукой; пожалуй, можете взять и одной лѣвой, а не то легко поднимете его и однимъ пальцемъ.

Такъ и съ выкупной суммой, которую мы нашли: избирайте какой угодно путь для ея уплаты, все-таки она уплатится легко и быстро. Кажется ли вамъ справедливымъ, чтобы вся нація равномѣрно участвовала въ уплатѣ этой суммы,—нація уплатитъ ее столь-же мало обременяясь этимъ, какъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, которая требуетъ въ десять лѣтъ не меньшей суммы. Находите ли вы удобнѣйшимъ, чтобы главная масса уплаты шла съ одного бывшаго крѣпостнаго сословія, при небольшой только помощи отъ государства, и въ такомъ случаѣ уплата произойдетъ очень быстро и безъ всякаго чувствительнаго обремененія для платящихъ. Думаете ли вы наконецъ, что государство не можетъ принести этому дѣлу никакихъ денежныхъ пожертвованій и должно предоставить освобождаемымъ крестьянамъ произвести уплату исключительно ихъ собственными средствами,—и въ этомъ случаѣ крестьяне заплатятъ все довольно быстро и довольно легко. И такъ можете выбирать любой изъ трехъ путей, и пожалуй, можно здѣсь-же представить хоть по одному способу для производства выкупа каждымъ изъ этихъ трехъ путей. Въ легкомъ дѣлѣ легко давать совѣты, и каждый изъ нихъ удобоисполнимъ.

ПЕРВЫЙ ПУТЬ.

Выкупъ исключительно средствами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ.

Согласно съ единодушнымъ желаніемъ всѣхъ помѣщиковъ, немедленно прекращаются всякія прямыя отношенія между ними и крестьянами. Крестьяне, отошедшіе отъ помѣщиковъ, не платятъ имъ прямо въ руки ровно ничего, а вмѣсто того облагаются государственною податью, подобно государственнымъ крестьянамъ. До сихъ поръ они платили государству почти тремя рублями съ души меньше, нежели государственные крестьяне. Теперь они сравниваются по государственнымъ податямъ съ государственными крестьянами. Этотъ излишекъ (3 рубля съ души) употребляется на уплату выкупа помѣщикамъ чрезъ посредство казны.

Digitized by Google

Подати вносятся въ государственное казначейство; изъ нихъ по 3 рубля съ души отчисляется въ особенную сумму, которая и употребляется на уплату помѣщикамъ.

Помѣщикамъ выдаются облигаціи; каждому помѣщику одна на всю слѣдующую ему сумму выкупа, если эта сумма не превышаетъ 100,000 руб. серебромъ; если же сумма, слѣдующая одному помѣщику, больше 100,000 рублей, она дѣлится на соразмѣрное число облигацій, каждая величиною отъ 50,000 до 100,000 рублей серебромъ. Эти облигаціи приносятъ доходъ равный тому, какъ билеты государственныхъ кредитныхъ учрежденій, то есть 3 процента въ годъ.

Говорятъ о томъ, что облигаціи выкупа переполнятъ рынокъ кредитными знаками. Въ томъ видѣ, какой предлагается здѣсь, онѣ не могутъ имѣть никакого дѣйствія на бумажныя деньги, потому что огромностью своей величины совершенно отличаются отъ нихъ и не могутъ соперничать съ ними въ ежедневномъ обращеніи. Облигація въ 10,000, 20,000, 90,000 рублей серебромъ не можетъ служить средствомъ покупки чая, сахара, платья, расплаты за квартиру и тому подобное. Она переходитъ изъ рукъ въ руки только въ такихъ случаяхъ, когда изъ рукъ въ руки переходитъ домъ, фобрика, участокъ земли, то есть только тогда, когда извѣстный человѣкъ, ею владѣющій, хочетъ ликвидировать свое имущество, или, вмѣсто одного рода занятій, избираетъ совершенно другую экономическую карьеру. Изъ такихъ облигацій, имѣющихъ неподвижность почти недвижимаго имущества, будетъ состоять почти вся масса выкупныхъ облигацій. Въ самомъ дѣлѣ, владѣльцамъ мелкопомѣстнымъ, имѣющимъ менѣе 21 души, принадлежитъ всего только 385,000 душъ, и выкупныхъ облигацій пришлось бы получить имъ менѣе нежели на 20,000,000 р. Только часть этихъ облигацій, имѣющихъ величину отъ 40 руб. до 1600 руб., именно облигаціи въ 40—500 рублей, составляющія сумму вѣроятно менѣе 10,000,000 рублей, и могли бы имѣть сходство съ бумажными деньгами, да и тѣ были бы выкуплены въ теченіе перваго же года, или лучше сказать тотчасъ по выдачѣ, такъ что и не попали бы въ обращеніе. Затѣмъ владѣльцамъ, имѣющимъ отъ 21 до 100 душъ, принадлежатъ около 1,500,000 крестьянъ. Эти помѣщики получили бы облигаціи, величиною примѣрно отъ 800 рублей до 8,000 рублей. Число такихъ владѣльцевъ, а слѣдовательно и число облигацій, было бы съ небольшимъ 35,000. Облигаціи въ 1,000 рублей движутся уже очень медленно, облигація въ 5,000 руб. имѣетъ рѣшительную наклонность лежать неподвижно. Весь итогъ этого разряда облигацій составлялъ бы цѣнность менѣе 75,000,000 рублей; если бы онъ весь вмѣстѣ съ предъидущимъ разрядомъ могъ быть соперникомъ бумажныхъ денегъ, и тогда эти облигаціи, по незначительности своей суммы (менѣе 95,000,000 р. серебромъ), не могли бы имѣть никакого вліянія на цѣнность бумажныхъ денегъ; присутствіе ихъ на рынкѣ не было бы чувствительно. А между тѣмъ уже и изъ этихъ облигацій три четверти не могли бы служить торговымъ средствомъ обмѣна и походили бы на недвижимое имущество. Затѣмъ остальная масса выкупныхъ облигацій, на сумму около 435,000,000 рублей, была бы выдана помѣщикамъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ. Изъ нихъ самая маленькая была бы около 4.000 р. Какое же въ нихъ средство размѣна? Въ томъ числѣ помѣщикамъ, имѣющимъ болѣе 500 душъ, было бы выдано облигацій на сумму болѣе 250,000,000 руб.

Digitized by Google

и самая маленькая изъ этихъ облигацій была бы не менѣе 20,000 руб. сер. *). Такія облигаціи уже рѣшительно обречены, своею огромною величиною, лежать въ сундукахъ по нѣсколько лѣтъ, не показываясь на рынокъ; владѣльцу такой облигаціи разстаться съ ней также трудно, какъ разстаться съ трехъэтажнымъ каменнымъ домомъ. Представимъ для легчайшаго соображенія примѣрную таблицу величины предлагаемыхъ облигацій.

Въ этой таблицѣ, по соображенію, изложенному нами въ статьѣ „О необходимости умѣренныхъ цѣнъ выкупа", мы считаемъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ нѣсколько меньшее количество душъ, нежели какое оказывается въ таблицахъ, составленныхъ по губерніямъ, потому что часто владѣлецъ, имѣющій маленькую деревеньку въ одной губерніи, имѣетъ другую, гораздо большую, въ другой губерніи. Точно также мы нѣсколько уменьшаемъ количество крестьянъ у владѣльцевъ разряда отъ 21 до 100 душъ, и разряда отъ 101 до 500 душъ. Въ самомъ дѣлѣ, если помѣщикъ имѣетъ 60 душъ въ одной губерніи и 70 въ другой, онъ оказывается имѣющимъ уже 130 душъ, и его крестьянъ надобно перенести изъ втораго разряда (21—100 душъ) въ третій (болѣе 100 душъ). Эти, вычитаемыя изъ первыхъ разрядовъ, количества мы переносимъ въ слѣдующіе разряды, чтобы нѣсколько приблизить цифры распредѣленія крестьянъ между помѣщиками къ дѣйствительной пропорціи въ счетѣ по цѣлой имперіи. Наконецъ замѣтимъ, что мы беремъ круглыя числа, потому что настоящая таблица, только примѣрная, служитъ единственно для облегченія соображенія.

Разряды владѣльцевъ.	Число принадлежащихъ имъ душъ (примѣрно).	Сумма всѣхъ выдающихся облигацій (примѣрно).	Величина каждой облигаціи (примѣрно).
1— 20 душъ.	375,000	18,500,000 р.	40— 1,600 р.
21— 100 „	1,500,000	73,500,000 „	840— 8,000 „
101— 500 „	3,600,000	175,000,000 „	4,040— 40,000 „
501—1000 „	1,500,000	73,500,000 „	20,040— 80,000 „
1001 и болѣе.	3,900,000	191,500,000 „	40,040—100,000 „

Выкупныя облигаціи принимаются подобно билетамъ кредитныхъ учрежденій въ залогъ по торгамъ и поставкамъ. Право это дается облигаціямъ только потому, что нѣтъ для казны основаній поступать иначе, а вовсе не потому, чтобы для предохраненія облигацій отъ упадка въ цѣнѣ особенно нужно было такое право. Цѣна облигацій уже достаточно обезпечена идущими на нихъ процентами и довольно быстрымъ выкупомъ ихъ по тиражу.

А выкупъ облигацій производится довольно быстро. Мы принимаемъ для него слѣдующія основанія.

*) Мы говоримъ, что за выкупъ 100 душъ, въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ могли бы быть облигаціи не болѣе 4,000 р., а за выкупъ 500 душъ не болѣе 20,000 р.; потому что, разумѣется, цѣны выкупа въ разныхъ помѣстьяхъ были бы различны, смотря по цѣнности выкупаемой земли. И, для примѣра, мы полагаемъ, что были бы помѣстья, въ которыхъ приходилось бы выкупа на душу не болѣе 40 руб. серебромъ, за то въ другихъ, выкупъ доходилъ бы до 70 или 80 р. на душу. Въ такомъ помѣстьи за 100 душъ выдавалась бы облигація въ 7,000 р. или въ 8,000 р.

Digitized by Google

Тиражъ производится по крайней мѣрѣ три раза въ годъ, если показалось бы слишкомъ хлопотливо производить его чаще, напримѣръ, каждый мѣсяцъ *).

Тиражъ производится для цѣлой имперіи въ одномъ пунктѣ, или въ Петербургѣ, или въ Москвѣ.

Онъ производится, конечно, чрезъ посредство одного изъ кредитныхъ учрежденій. Суммы, отдѣляемыя изъ податей для выкупной операціи, передаются государственнымъ казначействомъ въ кредитное учрежденіе, производящее тиражъ.

Но для удобства владѣтелей облигацій, проценты по облигаціямъ и деньги за вынутыя облигаціи выдаются предъявителю облигаціи, какъ въ центральномъ кредитномъ учрежденіи, гдѣ сосредоточена выкупная операція, такъ и въ приказѣ общественнаго призрѣнія той губерніи, гдѣ находится помѣстье, по которому получается выкупъ.

Каждая облигація нераздѣльна. Уплата за нее не можетъ быть производима по частямъ, а непремѣнно только за всю сполна. Это условіе нужно для того. чтобы сохранить облигаціямъ характеръ, отличающій ихъ отъ кредитныхъ билетовъ, серій и билетовъ кредитныхъ учрежденій. Именно своей огромностью онѣ удерживаются отъ соперничества съ бумажными деньгами. Поэтому можно поставить условіемъ, что облигація съ надписью въ полученіи какой либо части ея цѣнности считается уже недѣйствительною и лишается права на уплату.

Таковы могли бы быть главныя основанія выкупной операціи. При отдѣленіи на нее 3 руб. сер. съ освобожденной души и при производствѣ тиражей по третямъ года весь выкупъ окончился бы въ 67 тиражей, то есть въ теченіе 22 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ.

Для освобождаемыхъ крестьянъ такой способъ выкупа былъ бы вѣроятно необременителенъ. По крайней мѣрѣ навѣрное можно сказать, что обремененіе ни мало не замѣчалось бы ими: они съ перваго же мѣсяца по освобожденіи были бы поставлены относительно податей совершенно въ такое же положеніе, какъ государственные крестьяне.

Но само собою разумѣется, что вѣрность выкупа обусловливается исправнымъ взносомъ подати, идущей на выкупъ, а для этой исправности главнымъ условіемъ служитъ то, чтобы хозяйство крестьянъ не подвергалось разстройству. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть понята людьми, непринадлежащими къ крестьянскому сословію, вся важность вопроса о перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ. Еще больше нежели изъ любви къ крестьянамъ, для выгоды самихъ помѣщиковъ, для обезпеченія имъ вѣрной уплаты выкупа, надобно желать, чтобы перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ ни въ какомъ случаѣ не было поставляемо дѣломъ прину-

*) Чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ успѣшнѣе идетъ выкупъ. Во-первыхъ, если, напримѣръ, тиражъ производится три раза въ годъ, то на облигаціи, вынутыя 1-го мая, идутъ проценты только за 4 мѣсяца, а на облигаціи, вынутыя 1-го сентября, идутъ проценты только за 8 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ на тѣ и другія пришлось бы платить проценты за цѣлый годъ, еслибъ не было тиража въ маѣ и сентябрѣ и облигаціи пролежали бы до января. Черезъ это нѣсколько уменьшается масса денегъ, поглощаемая процентами, и остается больше денегъ на погашеніе капитала. Во вторыхъ, чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ ближе для каждой остающейся облигаціи шансъ попасть къ выкупу въ слѣдующій тиражъ, слѣдовательно тѣмъ прочнѣе поддерживается цѣнность облигацій. Мы даже предполагаемъ, что при очень частыхъ тиражахъ, напримѣръ при двухмѣсячныхъ или ежемѣсячныхъ, можно было бы облигаціямъ довольствоваться меньшимъ процентомъ противъ билетовъ кредитныхъ учрежденій и все-таки удержаться въ цѣнѣ.

Digitized by Google

дительнымъ. Если самъ крестьянинъ, если сама деревня захочетъ переселиться съ прежняго мѣста на другое, пусть переселяются; тогда переселеніе будетъ совершаться только въ такихъ случаяхъ, когда у крестьянъ есть на то достаточныя средства и хозяйство ихъ не разстроивается отъ перенесенія усадьбъ. Въ противномъ же случаѣ, при переселеніи принужденномъ, не будетъ ни числа разстроившимся отъ переселенія крестьянскимъ хозяйствамъ, ни мѣры разстройству, до какого дойдутъ ихъ хозяйственныя дѣла, и тогда недоимки въ податяхъ окажутся громадныя, а оттого въ чрезвычайно значительной степени замедлится весь ходъ выкупной операціи. Мы полагаемъ со временемъ подробнѣе разсмотрѣть вопросъ о перенесеніи усадьбъ и тогда надѣемся вполнѣ раскрыть, какъ разорительно для самихъ помѣщиковъ было бы принужденное переселеніе крестьянъ, о чемъ говоримъ теперь только мимоходомъ. Впрочемъ для каждаго читателя, привыкшаго къ здравымъ экономическимъ соображеніямъ, дѣло это ясно само собою.

Способъ выкупа, изложенный нами, не показался бы обременительнымъ для крестьянъ. На первый взглядъ онъ представляется самымъ лучшимъ и для государственной казны. Она не жертвуетъ на выкупъ ни одной копѣйки. Самая операція происходитъ такъ просто, что не требуется почти никакихъ расходовъ по завѣдыванію ею. Для уѣзднаго казначея совершенно все равно—принять ли отъ освобождаемой деревни, имѣющей 100 душъ, 200 рублей подати, какъ принимаетъ онъ теперь, или 500 рублей, какъ будетъ принимать тогда. Произвести въ одномъ центральномъ пунктѣ три раза въ годъ тиражъ,—не представитъ ровно никакого обремененія для администраціи этого кредитнаго учрежденія. Производить уплату процентовъ по какимъ нибудь 85,000 облигаціямъ, въ первые 2—3 года, также составитъ вовсе неважное обремененіе для чиновниковъ кредитныхъ заведеній, потому что число кредитныхъ бумагъ, по которымъ производятъ они уплату, считается сотнями тысячъ, и прибавка 85,000 нумеровъ не увеличитъ ихъ хлопотъ чувствительнымъ образомъ. А черезъ два—три года всѣ мелкія облигаціи будутъ уже выкуплены и останется всего какихъ нибудь 20,000 крупныхъ облигацій. Словомъ сказать, дѣло такъ просто и легко, что намъ кажется ненужнымъ учреждать для него никакихъ новыхъ банковъ. Центральнымъ мѣстомъ выкупной операціи могъ бы служить государственный заемный банкъ или московскій опекунскій совѣтъ; а губернскими конторами служили бы приказы общественнаго призрѣнія.

Все это такъ, совершенно такъ. Ни для уѣздной и губернской администраціи министерства финансовъ, ни для чиновниковъ самаго министерства, ни для кредитныхъ учрежденій, выкупная операція не была бы ни мало обременительна; не потребовала бы она ни одного новаго учрежденія, а развѣ только назначенія двухъ, трехъ новыхъ экспедиторовъ въ центральномъ кредитномъ учрежденіи и одного новаго столоначальника или контролера въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ. Но нѣкоторые замѣчаютъ въ способѣ, нами изложенномъ, одно очень важное затрудненіе для государства. Это затрудненіе не бросается въ глаза съ перваго взгляда, потому что состоитъ не въ какихъ нибудь расходахъ и не въ надобности устроить какія нибудь новыя административныя мѣста; но во мнѣніи нѣкоторыхъ проницательнѣйшихъ людей оно кажется для государства обременительнѣе, нежели было бы [illegible] цѣлыми десятками милліоновъ. Обратимъ вниманіе на

Digitized by Google

срокъ выкупа. Онъ растягивается на цѣлыхъ 22 года. Во все это время освобожденные крестьяне должны платить извѣстную подать, величина которой не подлежитъ уже уменьшеніямъ. А пока одна половина крестьянскаго сословія будетъ платить по 5 руб. съ души, надобно будетъ, конечно, оставлять въ такомъ же положеніи и другую часть крестьянъ. Такимъ образомъ слишкомъ на 20 лѣтъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, у правительства будутъ связаны руки въ вопросѣ о преобразованіи одной изъ главныхъ частей нашего финансоваго устройства, и притомъ именно такой части, которой наиболѣе полезны были бы улучшенія. Прежняя подушная подать, обратившись въ поземельный налогъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, не освободилась еще отъ одного изъ своихъ прежнихъ неудобствъ. Она еще не достигла соразмѣрности съ требованіями финансовой науки. Она часто разстроиваетъ хозяйство податнаго сословія, и потому невыгодно дѣйствуетъ на развитіе сельскаго хозяйства. Продолжительный срокъ выкупной операціи былъ бы дѣйствительно вреденъ для государства, если бы сталъ представляться затрудненіемъ для задуманныхъ правительствомъ преобразованій въ распредѣленіи государственныхъ налоговъ и повинностей, въ измѣненіи основаній, съ которыхъ они взимаются.

Но это затрудненіе болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Предположимъ, что въ извѣстномъ государствѣ получается 250,000,000 доходу, что изъ нихъ 80 доставляются однимъ извѣстнымъ налогомъ; предположимъ, что изъ доставляемой этимъ налогомъ суммы, на какое нибудь особенное употребленіе въ продолженіе извѣстнаго срока предназначены 30,000,000: можетъ ли въ сущности это послѣднее обстоятельство помѣшать преобразованію системы налоговъ и податей? Развѣ сущность дѣла въ томъ, что извѣстные 30,000,000 получаются именно изъ такого, а не изъ другаго источника? Вовсе нѣтъ, сущность въ томъ, что на одинъ извѣстный спеціальный предметъ нужно 30,000,000, а на всѣ другіе предметы расхода еще 220,000,000. Итакъ, лишь бы съ преобразованіемъ системы налоговъ и податей по прежнему получалось государствомъ 250,000,000, ни одинъ изъ предметовъ расхода не пострадаетъ; не пострадаетъ между прочимъ и тотъ предметъ, на который опредѣлялось прежде 30,000,000: всѣ остальные расходы будутъ по прежнему удовлетворены прежнею суммою 220,000,000 и по прежнему будутъ оставаться 30,000,000 на особенный предметъ срочнаго расхода, хотя бы этотъ излишекъ началъ доставляться и не тѣмъ источникомъ, какимъ доставлялся прежде.

Итакъ, для государства изложенный нами способъ выкупа былъ бы тяжелъ только тогда, если бы послужилъ предлогомъ къ возраженіямъ противъ преобразованій финансовой системы; но мы полагаемъ, что это неудобство только мнимое: что серьёзнымъ препятствіемъ къ преобразованію поземельнаго налога и подушнаго оклада онъ быть не можетъ. Со всѣхъ другихъ сторонъ для государства онъ совершенно легокъ, не требуя ни расходовъ по завѣдыванію выкупной операціи, ни копѣйки прямыхъ пожертвованій на выкупъ. Для освобожденныхъ крестьянъ будетъ представляться онъ совершенно удовлетворительнымъ. Остается теперь взглянуть—благопріятна ли продолжительность его срока для помѣщиковъ.

Ждать выкупа 10 или 15 лѣтъ, а нѣкоторымъ ждать даже 22 года, — это можетъ казаться обстоятельствомъ не совсѣмъ удобнымъ. Надобно ближе вникнуть

Digitized by Google

зъ самыя подробности очереди для облигацій разныхъ разрядовъ, чтобы видѣть, для многихъ ли лицъ будетъ существовать это неудобство.

Въ статьѣ о необходимости умѣренныхъ цѣнъ, мы уже излагали, какой порядокъ очереди тиража для разныхъ категорій помѣщиковъ представляется удобнѣйшимъ и одобряется безпристрастными людьми. Они говорятъ, что выкупъ надобно начинать мелкими облигаціями мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и только постепенно, когда выкуплены малыя облигаціи, переходить къ тиражу крупныхъ. Но въ тѣмъ вмѣстѣ нельзя совершенно исключать отъ участія, даже въ самыхъ первыхъ тиражахъ, и крупныя облигаціи, потому что шансами тиража держится ихъ цѣна. Мы полагали бы при каждомъ тиражѣ половину погашенія употреблять на тѣ облигаціи, разрядъ которыхъ состоитъ на очереди, а другую половину на облигаціи всѣхъ высшихъ разрядовъ, безъ различія. При той величинѣ выкупныхъ средствъ и процента на облигаціи, какую мы приняли, въ первые тиражи на погашеніе капитала можно было бы употреблять по 18,000,000 руб. въ годъ, то есть по 6,000,000 руб. на каждый тиражъ *); изъ нихъ 3,000,000 пойдутъ на облигаціи мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, а другіе 3,000,000 на облигаціи болѣе крупныя. Такимъ образомъ выкупъ мелкопомѣстныхъ облигацій займетъ 6 тиражей, то есть два года. Затѣмъ, по той же пропорціи, выкупъ облигацій по помѣстьямъ отъ 21 до 100 душъ займетъ около семи лѣтъ. Въ теченіе этихъ девяти лѣтъ будетъ выкуплено также болѣе 80,000,000 руб. облигацій высшихъ разрядовъ, то есть четвертая часть помѣщиковъ, имѣвшихъ болѣе 100 душъ, получитъ удовлетвореніе въ первыя девять лѣтъ. Большинству этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ придется ждать гораздо долѣе, среднимъ числомъ по пятнадцати и по восемнадцати лѣтъ. Такое долгое ожиданіе для нихъ вѣроятно покажется скучнымъ, и потому они вѣроятно будутъ желать, чтобы избранъ былъ другой путь выкупа, болѣе быстрый. Число помѣщиковъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, не велико. Таблицы, составленныя по губерніямъ, насчитываютъ 3,917 такихъ владѣльцевъ; но въ то число очень многіе изъ нихъ внесены по 3, по 4 и болѣе разъ, по своимъ помѣстьямъ въ разныхъ губерніяхъ; оттого нельзя полагать, чтобы въ дѣйствительности находилось ихъ болѣе 2,500. Притомъ стѣсненіе отъ продолжительнаго ожиданія для нихъ могло бы скорѣе только казаться непріятностью, нежели быть дѣйствительнымъ затрудненіемъ въ денежныхъ дѣлахъ: они пользуются кредитомъ, какъ люди богатые. Наконецъ замѣтимъ, что выкупныя облигаціи никакъ не могутъ упасть въ цѣнѣ, если выкупная операція будетъ вестись правильно **), слѣдовательно крупныя облигаціи всегда могутъ быть размѣнены

---

*) 3 рубля съ души въ годъ даютъ по 1 рублю для каждой трети, то есть для каждаго тиража. Такъ на каждую треть будетъ приходиться выкупныхъ средствъ 10,844,902 руб. (по числу душъ платящихъ выкупную подать); изъ нихъ 5,319,400 руб. будутъ употреблены на уплату процентовъ за первую треть (три процента въ годъ даютъ одинъ процентъ въ треть; сумма выкупнаго капитала найдена нами 531,940,000 руб.). За этимъ вычетомъ остается свободныхъ денегъ въ первую треть всего только 5,525,502 руб. Но послѣ каждаго тиража, съ уменьшеніемъ числа невыкупленныхъ облигацій, уменьшается и сумма процентовъ, а на выкупъ остается все больше и больше денегъ; стало быть, съ каждымъ тиражемъ быстро уменьшается затрата денегъ впередъ, при первомъ тиражѣ равнявшаяся 475,000 рублямъ. При годичномъ оборотѣ выкупной операціи въ 32,500,000 р., затратить впередъ на годъ 1, 2 или даже 3 милліона,—дѣло не представляющее ни малѣйшихъ затрудненій, какъ извѣстно всѣмъ финансовымъ людямъ.

**) Главное условіе правильности ея мы уже замѣчали: оно состоитъ въ томъ, чтобы крестьянскія хозяйства не подверглись разстройству.

Digitized by Google

своими владѣльцами на наличныя деньги у банкировъ, черезъ биржевыхъ маклеровъ и другихъ посредниковъ оптовой торговли. Такимъ образомъ продолжительность ожиданія для этихъ лицъ не могла бы служить серьезнымъ поводомъ къ недовольству. Не таково положеніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ до 20 или даже до 50 душъ. Кредита они не имѣютъ, до столицъ и портовыхъ городовъ съ биржами, банкирами и маклерами имъ далеко; потому хотя имъ ждать и не такъ долго, но они дѣйствительно могутъ быть приведены въ затрудненіе. Впрочемъ, выручить ихъ изъ него легко, потому что всѣ ихъ облигаціи навѣрное не составятъ и 50,000,000 руб. Ссуда такихъ денегъ, возвращающихся черезъ тиражъ (среднею цифрою) въ два года и шесть мѣсяцевъ, не составитъ важнаго дѣла для нашихъ кредитныхъ учрежденій, годичный оборотъ которыхъ простирается до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ.

Изъ этого видимъ, что нѣтъ серьезной причины признавать неудобнымъ для помѣщиковъ изложенный нами путь выкупа. Крестьяне дѣйствительно могутъ исключительно своими силами выкупить землю, при найденной нами цифрѣ выкупа. Но сокращеніе срока выкупа можетъ казаться привлекательнымъ для помѣщиковъ. Если бы правительство нашло удобнымъ исполнить въ этомъ отношеніи, то есть въ возможномъ сокращеніи продолжительности выкупной операціи, желаніе владѣльцевъ, то оно приняло бы на счетъ цѣлой націи часть уплаты. Такимъ образомъ мы должны разсмотрѣть

ВТОРОЙ ПУТЬ.

Выкупъ соединенными средствами освобождаемыхъ крестьянъ и всего населенія имперіи.

Степень денежнаго участія, принимаемаго цѣлою націею въ уплатѣ выкупа, конечно, можетъ быть чрезвычайно различна. Нація можетъ принять на себя одну сотую, можетъ принять на себя девяносто девять сотыхъ платежа. Изъ этихъ безчисленныхъ степеней мы возьмемъ для примѣра одну. Положимъ, что правительство нашло бы возможнымъ принять на государственныя средства одну третью часть уплаты за выкупъ земли.

Какова бы ни была величина доли, принимаемой на себя націею въ уплатѣ капитала, масса котораго погашается разсроченными взносами, во всякомъ случаѣ представляется вопросъ о томъ, какой изъ двухъ способовъ вспоможенія предпочтительнѣе въ интересахъ самого правительства: немедленное ли, одновременное вспоможеніе значительною суммою, или также разсроченное вспоможеніе менѣе значительными взносами.

Положимъ, напримѣръ, что капиталъ въ 400 милліоновъ, дающій 3%, погашается ежегодными взносами отъ извѣстнаго сословія. Положимъ, что денежныя средства этого сословія не дозволяютъ ему взносить въ годъ болѣе 16,000,000 руб. При такомъ взносѣ (16,000,000), капиталъ выкупается годичными тиражами въ $46,_{891}$ *) лѣтъ. Всего въ эти годы будетъ взнесено должниками

$$(16\ \text{м.} \times 46,_{891}) = 750,260,000\ \text{р.}$$

*) Значеніе десятичныхъ дробей при опредѣленіи продолжительности выкупа объяснено въ статьѣ „О необходимости умѣренныхъ цѣнъ“.

Digitized by Google

Обремененіе для должниковъ тутъ очевидное: на проценты уйдетъ съ нихъ болѣе 35,000,000, то есть на каждый рубль капитала уйдетъ 88 коп. лишнихъ денегъ. Невыгоденъ такой порядокъ уплаты и кредиторамъ, потому что имъ приходится ждать слишкомъ долго.

Если ни сумма капитала, ни величина процентовъ не можетъ быть понижена, остается одно средство облегчить и должниковъ и кредиторовъ: нація можетъ дать помощь должникамъ, и тогда ихъ бремя уменьшится, а уплата долга пойдетъ скорѣе. Теперь, положимъ, что правительство находитъ возможнымъ облегчить это дѣло принятіемъ на себя одной пятой части платежа. Спрашивается, что будетъ менѣе обременительно для правительства, то есть, для націи: производить ли ежегодную прибавку въ 4,000,000 р. къ ежегодному взносу должниковъ (тогда весь взносъ повысится до 20 милл., и 4 милл., которыми въ немъ участвуетъ правительство, составятъ одну пятую часть его), или оказать единовременную помощь непосредственною уплатою 80 милл. рублей (т. е. одной пятой части капитала)?

Человѣку, незнакомому съ финансовыми разсчетами, можетъ показаться, что для правительства менѣе обременителенъ первый способъ, при которомъ пособіе производится ежегоднымъ взносомъ малыхъ суммъ; но въ сущности вовсе не то.

Если правительство будетъ ежегодно давать 4 милл., то ежегоднымъ взносомъ, увеличившимся до 20 милл., капиталъ будетъ уплаченъ въ 30,99 лѣтъ; въ это время будетъ всего (капиталъ и проценты) переплачено 619,800,000 р.; изъ нихъ пятая часть (каждый годъ изъ 20 милл. 4 милл.), то есть 123,960,000 р., будетъ уплачена правительствомъ. Съ этою суммою должны мы сравнивать разные случаи помощи единовременнымъ пособіемъ.

Первый случай былъ бы тогда, если бы правительство имѣло возможность единовременно уплатить 80 милл. изъ наличныхъ денегъ, безъ займа; тогда останется къ уплатѣ силами исключительно однихъ должниковъ 320,000,000 капитала, и ежегоднымъ взносомъ 16 милл. отъ должниковъ эта сумма будетъ уплачена также въ 30,99 лѣтъ, какъ и при первомъ способѣ вспоможенія, и съ должниковъ сойдетъ въ эти годы 495,840,000 р., то есть ровно столько же, какъ и при другомъ способѣ.

Итакъ, для должниковъ рѣшительно все равно, какимъ образомъ дается имъ помощь—единовременнымъ большимъ или ежегодными малыми пособіями. Для кредиторовъ первый способъ предпочтительнѣе, потому что они за одинъ разъ и въ самомъ началѣ выкупной операціи получаютъ при немъ ту принимаемую на себя націею долю выкупа, которая при другомъ способѣ выплачивалась бы постепенно во все продолженіе выкупной операціи. Наконецъ для правительства также первый способъ (единовременный большой взносъ) гораздо менѣе убыточенъ, нежели вспоможеніе малыми ежегодными частями. На 80 милл. сберегаются этимъ способомъ правительству 43,960,000 р. сравнительно съ пожертвованіями, какихъ требовали бы ежегодныя пособія.

Но мы дѣлали выводъ въ томъ предположеніи, что правительство выдаетъ единовременно деньги, которыми свободно располагаетъ, не прибѣгая къ займу для уплаты единовременнаго большого вспоможенія. Спрашивается теперь, до какой степени выгодно будетъ правительству заключить заемъ для такой операціи?

Digitized by Google

Когда бы проценты займа были ниже процентовъ по облигаціямъ, само собою разумѣется, тутъ была бы выгода, хотя бы даже всю выдаваемую сумму пришлось занять. Напримѣръ, если бы заемъ (напримѣръ, у кредитныхъ учрежденій) былъ сдѣланъ по $1^1/_2$%, онъ (при величинѣ 80 милл.) уплачивался бы ежегодными взносами 4 милл. въ $23_{,941}$ года и всего пошло бы на уплату его съ процентами 95,764,000 р., то есть облегченіе для казны было бы 28,196,000 р. *).

Если бы процентъ займа былъ равенъ проценту облигацій, тогда правительство имѣло бы выгоду, если бы могло хотя самую ничтожную часть вспомогательной суммы выдать изъ наличныхъ денегъ, на которыя не считались бы проценты. Напримѣръ, если бы хотя 1,000,000 р. былъ взятъ изъ наличныхъ денегъ, остальные 79,000,000 р. занятые по 3% уплачивались бы (ежегоднымъ взносомъ 4,000,000 р.) въ $30_{,364}$ года и пожертвованіе облегчалось бы на 1,504,000 р. **).

Наконецъ, если заемъ сдѣланъ по проценту высшему, нежели облигаціи, то можно поставить общимъ правиломъ, что единовременное вспомоществованіе бываетъ гораздо легче ежегодныхъ пособій тогда, когда посредствомъ займа получается только такая часть вспомоществованія, сумма процентовъ на которую или меньше или хотя равна суммѣ процентовъ со всего вспомогательнаго капитала. Напримѣръ, на 80 м. по 3% приходится 2,400,000 р. %. Потому при займѣ въ 4% было бы очень выгодно занять 60 м., только 20 м. жертвуя свободными деньгами; при займѣ въ 5%—занять 48 м., только 32 м. жертвуя наличными деньгами и т. д. Тутъ разсчеты были бы слѣдующіе:

1) При 4% заемъ въ 60 м. ежегодными взносами 4 милліоновъ погашается въ $23_{,369}$ лѣтъ; сумма годичныхъ уплатъ 93,476,000 р. сбереженіе 10,484,000 р. ***)

2) При 5% заемъ въ 48,000,000 тѣмъ же взносомъ погашается въ $18_{,789}$ лѣтъ; сумма взносовъ 75,156,000 р.; облегченіе 16,804,000 рублей ****).

3) При 6% заемъ 40 м. (% 2,400,000) погашается въ $15_{,000}$ лѣтъ; сумма взносовъ 60 м., облегченіе 23,960,000 р. *****).

Сличая эти выводы, мы видимъ, что чѣмъ значительнѣе часть единовременнаго вспоможенія, дающаяся изъ свободныхъ денегъ, тѣмъ больше облегченіе.

Кончивъ эти объясненія, возвращаемся къ вопросу о выкупѣ силами освобождаемыхъ крестьянъ съ пособіемъ отъ націи.

Мы положили примѣрно, что это пособіе можетъ равняться одной третьей части всего выкупа.

Мы видѣли, что единовременное вспомоществованіе менѣе убыточно для государства, нежели вспоможеніе ежегодными пособіями. Оно также выгоднѣе и для помѣщиковъ, именно въ интересѣ которыхъ и оказывается желательнымъ пособіе отъ государства.

---

*) 123,960,000 за вычетомъ 95,764,000 р.

**) 30,364 × на 4 м. = 121,456,000 + 1,000,000 = 122.456,000 р.

***) 93.476,000 р. и 20,000,000 р. уплаченные изъ свободныхъ денегъ, составляютъ 113,476,000 р., вотъ весь расходъ правительства. Эту сумму надобно вычесть изъ 123,960,000 р. которые оно израсходовало бы, предпочитая ежегодныя пособія единовременному.

****) 75,156,000 + 32,000,000 = 107,156,000 р. Вычитаемъ эту сумму изъ 123,960,000 р.

*****) 60 м. + 40 м. (которые даны изъ свободныхъ денегъ) = 100 м.

Digitized by Google

Итакъ, предположимъ, что государство приняло бы на себя 176,940,000 р., то есть третью часть всего выкупаемаго капитала. Оставалось бы уплатить крестьянамъ своими силами 355,000,000 р. При ежегодной подати въ 3 р. (съ 10,844,902 душъ 32,534,706 р. въ годъ) этотъ капиталъ выкупался бы въ 39 тиражей или въ 13 лѣтъ.

Для помѣщиковъ было бы тутъ значительное удобство передъ первымъ путемъ выкупа силами однихъ крестьянъ безъ пособія правительства.

Во-первыхъ, немедленно была бы произведена уплата всѣмъ владѣльцамъ, имѣющимъ менѣе 100 душъ, и затѣмъ оставалось бы изъ пособія государства еще 80 или болѣе милліоновъ для уплаты другимъ помѣщикамъ. Изъ этихъ денегъ вѣроятно могъ бы быть уплаченъ весь выкупъ владѣльцевъ до 200 или даже 250 душъ.

Хотя при такомъ размѣрѣ немедленной уплаты оставалось бы ждать очереди выкупа по тиражу только такимъ людямъ, для которыхъ ожиданіе незатруднительно, но и для нихъ срокъ ожиданія чрезвычайно сильно сократился бы сравнительно съ выкупомъ по первому пути. Тогда средній срокъ ожиданія для владѣльцевъ помѣстій болѣе 500 душъ былъ бы около 15 лѣтъ; теперь онъ былъ бы всего только около 7 лѣтъ, то есть, сократился бы слишкомъ вдвое.

Но гдѣ же средства для государства заплатить вдругъ около 177 милліоновъ рублей? Отвѣтъ на это готовъ у каждаго: каждому изъ насъ приходится безпрестанно слышать и читать о трехъ способахъ полученія государствомъ значительныхъ суммъ при недостаткѣ громадныхъ запасовъ свободной звонкой монеты. Эти средства: 1) выпускъ кредитныхъ билетовъ; 2) обмѣнъ долговыхъ обязательствъ правительства на билеты государственныхъ кредитныхъ учрежденій; 3) заемъ. Противъ каждаго изъ этихъ средствъ представляются возраженія, быть можетъ основательныя, если рѣчь идетъ о страшныхъ суммахъ въ $1^1/_2$ или 2 милліарда, но лишающіяся всякаго смысла, если требуется только незначительная цифра какихъ-нибудь 175,000,000 р.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму единовременнаго вспоможенія, конечно, дешевле всего обошелся бы правительству. При немъ государство избавилось бы отъ всего расхода на проценты и жертвовало бы дѣйствительно только однимъ нужнымъ для вспоможенія капиталомъ. Экономія отъ этого, сравнительно съ пособіемъ посредствомъ ежегодныхъ уплатъ, простиралась бы свыше 65,000,000 рублей. Но возможенъ ли выпускъ 177,000,000 р. кредитныхъ билетовъ? Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ этомъ, когда вспомнимъ, что въ теченіе 3 сряду лѣтъ (1853, 54 и 55) выпускалось, среднимъ числомъ въ годъ, болѣе 65,000,000 р. *), а въ непосредственно слѣдовавшемъ за этими выпусками году (1856), было выпущено вновь болѣе 180,000,000 р. **). Замѣтимъ притомъ, что эти выпуски обращались на покрытіе административныхъ

*) По отчету г. министра финансовъ о кредитныхъ учрежденіяхъ за 1852 г., къ 1 января 1853 г. находилось кредитныхъ билетовъ въ обращеніи 311,375,581 р; а по отчету за 1855 годъ, къ 1 января 1856 года находилось 509,181,397 р., слѣдовательно въ три года было выпущено 197,805,816 рублей.

**) По отчету г. министра финансовъ за 1855 годъ къ 1 января 1856 года состояло кредитныхъ билетовъ въ обращеніи 509,181,397 р; а по отчету за слѣдующій годъ къ 1 января 1857 года состояло кредитныхъ билетовъ уже 686,279,844 р. Слѣдовательно въ теченіе одного года было выпущено 189,098,447 руб. сер.

Digitized by Google

издержекъ и на войну, то есть на расходы, называющіеся въ политической экономіи непроизводительными; между тѣмъ какъ предполагаемый выпускъ, не равняющійся даже выпуску 1856 года, обратился бы на расходъ самый производительный, то есть на замѣненіе обязательнаго труда свободнымъ и на пріобрѣтеніе личностью гражданской самостоятельности. А извѣстно, что 3 рубля, выпущенные на производительный расходъ, менѣе обременяютъ рынокъ, нежели 1 рубль, выпущенный на расходъ непроизводительный. Потому 177,000,000 р., поступающіе на рынокъ для выкупной операціи, менѣе обременятъ его, нежели 60,000,000, поступившихъ въ обращеніе для веденія войны.

Надобно думать, что все вспоможеніе (176,940,000 р.) могло бы быть создано выпускомъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, безъ малѣйшаго обремененія рынка. Но положимъ, что такой размѣръ выпуска былъ бы неудобенъ; разсмотримъ же финансовыя послѣдствія другаго средства къ полученію денегъ, вникнемъ въ условія немедленнаго обмѣна нѣкотораго количества выкупныхъ облигацій на долговыя обязательства по залогу помѣстій.

Еслибы вся сумма государственнаго вспоможенія доставлена была выкупной операціи такимъ обмѣномъ, расходы государства были бы таковы:

176,940,000 рублей облигацій, обмѣненные кредитными учрежденіями за долгъ, были бы перенесены на счетъ государства съ уплатою по нимъ $1^1/_2$ процента. Внося по третямъ ежегодно 16,000,000 рублей въ годъ (почти такой размѣръ имѣли бы ежегодныя пособія, если бы правительство посредствомъ ихъ помогало выкупной операціи на одну третью часть) въ кредитныя учрежденія, государство уплачивало бы переведенный на него долгъ въ $12,_1$ лѣтъ, и всего понадобилось бы въ теченіе этихъ лѣтъ уплатить 193,600,000 руб. А если бы вспоможеніе производилось ежегодными взносами, то они продолжались бы $14._{13}$ лѣтъ и составили бы 226,080,000 руб.; слѣдовательно государство сберегало бы черезъ единовременное вспоможеніе посредствомъ кредитныхъ учрежденій 32,580,000 руб.

Но мы тутъ принимали, что рѣшительно вся сумма вспоможенія доставлена обмѣномъ облигацій на долговыя обязательства; а между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы правительство и нашло неудобнымъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму 176,940,000 рублей (хотя и такой размѣръ едва ли представлялъ бы серьезныя неудобства), то никто въ мірѣ не могъ бы сказать ничего противъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ 57,000,000 рублей,—количествѣ, которое меньше средняго годичнаго выпуска ихъ въ 1853, 1854 и 1855 годахъ Такимъ образомъ, даже при самой крайней осторожности въ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, правительству пришлось бы искать содѣйствія кредитныхъ учрежденій только на сумму 120,000,000 рублей, а остальные 56,940,000 рублей единовременнаго вспоможенія были бы покрыты кредитными билетами. Тогда операція имѣла бы слѣдующій разсчетъ:

120,000,000 облигацій, принятыхъ кредитными учрежденіями въ зачетъ долговъ, перенесенныхъ на счетъ государства, съ уплатою $1^1/_2$ процента, были бы погашены третными взносами на сумму 16,000,000 въ годъ въ продолженіи $7,_{96}$ лѣтъ; сумма этихъ взносовъ составила бы 127,360,000 рублей. Прибавивъ къ нимъ 56,940,000 рублей выпущенныхъ билетовъ, получаемъ сумму пожертво-

Digitized by Google

ваній правительства 184,300,000 руб. Сравнительно съ ежегодными пособіями это представляетъ экономію около 52,000,000 рублей.

Намъ казалось бы, что противъ этого способа не можетъ быть уже ровно никакихъ возраженій, не только основательныхъ, но даже и неосновательныхъ, и что при размѣрѣ выкупа, найденномъ нами, и при степени участія на одну третью долю, принимаемаго въ немъ государствомъ, не было бы государству ни малѣйшей надобности прибѣгать къ займу.

Но положимъ, что было бы найдено удобнымъ прибѣгнуть къ займу. По курсу, какой имѣютъ русскіе фонды на лондонской биржѣ (наши $4^1/_2$ процентные фонды въ теченіе всего 1858 года не спускались ниже 98, а большею частію стояли на 100 и поднимались даже выше), надобно полагать, что легко было бы заключить $4^1/_2$ процентный заемъ по курсу 97 рублей 75 копѣекъ, или даже выше. Но положимъ, что заемъ былъ бы заключенъ даже только по курсу 96 руб.

Мы уже приняли, что выпускъ 56,940,000 рублей кредитными билетами не имѣетъ противъ себя никакихъ возраженій. Потому заемъ потребовалось бы заключить только на остальные 120,000,000 рублей. При курсѣ 96 р., полученіе такой суммы требовало бы записи въ капиталахъ долга 125 милліоновъ. Такой долгъ при $4^1/_2$% выкупался бы третными взносами на сумму 16,000,000 рублей въ годъ въ теченіе 9,36 лѣтъ, вся сумма взносовъ составила бы за это время 149,760,000 рублей. Прибавляя къ тому цифру выпущенныхъ билетовъ (56,940,000), мы получаемъ, что вся сумма пожертвованій правительства составляла бы 206,700,000 рублей. Сравнительно съ ежегодными пособіями этотъ способъ обошелся бы государству дешевле почти на 20,000,000 рублей.

Но мы предполагали, что вся сумма вспоможенія, остающаяся за выпускомъ кредитныхъ билетовъ, покрывается посредствомъ займа, безъ призванія кредитныхъ учрежденій къ участію въ операціи. А конечно безъ всякихъ колебаній можно было бы призвать ихъ къ участію хотя на 60,000,000 рублей, если бы даже не захотѣли увеличить это участіе до 120,000,000 рублей. Такая сумма (60,000,000 рублей) уже совершенно ничтожна для учрежденій, имѣющихъ годичный оборотъ въ 20 разъ большій, имѣющихъ болѣе милліарда рублей вкладовъ и болѣе милліарда рублей ссудъ. А если изъ 120,000,000 рублей, не покрываемыхъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, 60,000,000 рублей пріобрѣтаются зачетомъ на долги по кредитнымъ заведеніямъ, то для иностраннаго займа остается только 60,000,000 рублей. Тогда вся операція имѣла бы слѣдующій видъ.

Изъ 16,000,000 ежегоднаго взноса 900,000 отчислялись бы на уплату процентовъ кредитнымъ учрежденіямъ, остальные 15,100,000 рублей шли бы на проценты и выкупъ долга. Третными уплатами этихъ 15,100,000 рублей заемъ въ 60,000,000 рублей по 4,5 процента, требующій, по курсу 96 рублей, записи въ капиталъ 62,500,000 р., выкупался бы въ 18,84 третей года.

По выкупѣ его весь ежегодный взносъ обращался бы къ выкупу долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями на счетъ государства. Эти 60,000,000 выкупались бы въ теченіе 11,585 третей года.

Итого, оба долга вмѣстѣ, иностранный и въ кредитныя учрежденія, выкупались бы въ 25,425 третей года, или въ 8,475 лѣтъ. По 16,000,000 въ годъ,—это

Digitized by Google

составитъ 135,600,000 рублей. Прибавимъ къ тому 56,940,000 выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и сумма 192,540,000 будетъ итогомъ всѣхъ пожертвованій государства. Это составило бы сбереженіе въ 33,500,000 рублей сравнительно съ ежегодными пособіями. Надобно сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Мы говорили о займѣ, совершаемомъ исключительно на биржахъ Западной Европы. Внутренній рынокъ представлялъ бы, безъ сомнѣнія, условія болѣе благопріятныя. Когда кредитныя учрежденія платили по вкладамъ 4 процента, сумма ихъ вкладовъ увеличивалась ежегодно почти на 50,000,000 рублей среднимъ числомъ *). Теперь, когда общество уже нѣсколько привыкло къ полученію изъ кредитныхъ учрежденій 3 процентовъ, конечно не только прежняя цифра 4 процента, но даже и $3^1/_2$ процента были бы очень привлекательны для нашей публики, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы чрезъ посредство кредитныхъ учрежденій былъ открытъ внутренній заемъ по $3^1/_2$ процента, онъ удался бы вполнѣ даже тогда, когда бы размѣръ его былъ выше 75,000,000 рублей. Если бы кредитныя учрежденія могли перенести безъ вреда для своихъ дѣлъ соперничество внутренняго займа по проценту высшему, нежели какой даютъ ихъ вклады, этимъ открывалась бы совершенно новая перспектива для участія государства въ выкупной операціи. Тогда нечего было бы и говорить про выкупныя облигаціи. Ихъ существованіе ограничилось бы нѣсколькими недѣлями, всѣ онѣ были бы обмѣнены на деньги въ три, четыре мѣсяца, и начавшись, напримѣръ, въ мартѣ, вся выкупная операція была бы кончена въ іюлѣ или въ августѣ того же года.

Но могутъ ли обороты кредитныхъ учрежденій безвредно выдержать соперничество внутренняго займа, напримѣръ по $3^1/_2$ процента? Это вопросъ, для рѣшенія котораго нужно знакомство съ положеніемъ нашихъ кредитныхъ учрежденій болѣе подробное, нежели какое имѣетъ публика. Потому мы и не вводимъ въ наши соображенія тѣхъ средствъ, которыя представлялись бы для выкупной операціи возможностью подобнаго займа.

Мы видѣли, что при цифрѣ выкупа, опредѣленной нашими разсчетами, выкупная операція легко и довольно быстро совершается исключительно силами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ. Если потомъ излагали мы способы совершить ее инымъ путемъ, именно при пособіи государства, съ предоставленіемъ однако же главной массы выкупа дѣлу самихъ крестьянъ, то основаніемъ для такого предположенія служила не столько нужда крестьянъ въ помощи, сколько наклонность наша принимать близко къ сердцу интересы помѣщиковъ и даже тѣ ихъ желанія, которыя не имѣютъ особенной экономической основательности. Помѣщики должны находить слишкомъ продолжительнымъ срокомъ разложеніе выкупа на 22 года, хотя въ сущности, при полномъ удобствѣ продавать облигаціи безубыточно, ожиданіе тиража не могло бы стѣснять ихъ въ денежномъ отношеніи. И вотъ, мы въ удовольствіе имъ нашли нѣсколько вовсе не обременительныхъ для государства способовъ устроить дѣло такъ, чтобы всѣ помѣщики, имѣвшіе менѣе 200 душъ, получили выкупъ немедленно, а остальнымъ (изъ 85,000 помѣщиковъ, всего

*) По отчету г. Министра Финансовъ о кредитныхъ учрежденіяхъ за 1855 годъ, къ 1 января 1853 года сумма вкладовъ составляла, 806,083,233 руб. сер. По отчету за 1856 годъ, къ 1 января 1857 года она простиралась до 1,002,639,068 р. с., это составитъ за 4 года 196,555,835 р. с. вкладовъ. Замѣтимъ притомъ, что въ числѣ этихъ 4 лѣтъ были 3 года войны, конечно, дѣйствовавшей очень невыгоднымъ образомъ на возрастаніе національнаго капитала.

Digitized by Google

только 6 или 7 тысячамъ богатымъ) помѣщикамъ срокъ ожиданія тиража сокращался слишкомъ вдвое, и чтобы вся выкупная операція кончалась въ 13 лѣтъ. Для этого нужно только, чтобы государство приняло на себя одну треть выкупа и оказало эту милость помѣщикамъ не ежегодными пособіями, а единовременнымъ вспомоществованіемъ, причемъ пожертвованіе государства простиралось бы, смотря по различію избранныхъ для того способовъ, отъ 176,940,000 р. (при исключительномъ полученіи этой суммы черезъ выпускъ кредитныхъ билетовъ) до 192,500,000 р. (при полученіи части суммы вспомоществованія черезъ заграничный заемъ).

Кажется, что такой срокъ выкупа, съ немедленною выдачею всего выкупа девяти владѣльцамъ изъ десятерыхъ, уже не представляетъ ни малѣйшихъ поводовъ къ жалобамъ съ ихъ стороны на денежныя затрудненія въ ожиданіи выкупа. Да и вообще, хотя бы даже въ меньшемъ размѣрѣ, пособіе со стороны государства будетъ, при найденной нами цифрѣ выкупа, не слѣдствіемъ надобности въ томъ для помѣщиковъ или крестьянъ, а чисто только предупредительностью, любезностью, благосклоннымъ подаркомъ со стороны правительства помѣщикамъ для доставленія имъ льготы, въ сущности излишней. Собственно говоря, правительству не было бы нужды дѣлать ровно никакихъ расходовъ, и если оно пожертвуетъ, при найденной нами цифрѣ выкупа, хотя однимъ рублемъ,—это пожертвованіе будетъ слѣдствіемъ развѣ только благосклонности къ помѣщикамъ и высшихъ государственныхъ соображеній.

Только эти высшія соображенія и могли бы приводить, при найденной нами цифрѣ выкупа, къ соображенію о томъ, до какой степени возможно государству избрать для выкупа—

ТРЕТІЙ ПУТЬ,

при которомъ выкупъ въ цѣломъ размѣрѣ своемъ принимался бы на счетъ государства.

Пока государственные крестьяне остаются обложены податью, которая на сумму около 3 руб. съ души выше подати, собиравшейся съ крѣпостныхъ крестьянъ, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, которые безъ сомнѣнія будутъ обложены (по крайней мѣрѣ по окончаніи выкупа, если до окончанія его обязаны были бы платить болѣе) податями наравнѣ съ государственными крестьянами, будетъ оказываться операціею, дающею около 32,500,000 руб. прибавки въ государственныхъ сборахъ. Этою суммою, вновь прибывающею въ государственный доходъ, покрывается весь выкупъ въ $22^1/_3$ года, двѣ трети его въ 13 лѣтъ. Итакъ, если правительство не преднамѣрено измѣнять податей съ государственныхъ крестьянъ въ теченіе этихъ сроковъ, ему достаточно сравнять съ ними освобождаемыхъ крестьянъ, и тогда оно, если бы даже и хотѣло, не можетъ сдѣлать того, чтобы силами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ не были уплачены двѣ трети выкупа (если подати съ государственныхъ крестьянъ останутся неуменьшенными 13 лѣтъ) или вся сумма выкупа (если подати съ государственныхъ крестьянъ останутся неуменьшенными въ теченіе $22^1/_3$ лѣтъ). Тутъ государство могло бы только сказать: „я принимаю на себя весь выкупъ“, могло бы только сократить разными переносами суммъ изъ

Digitized by Google

однѣхъ кассъ въ другія финансовую операцію, но сущность операціи осталась бы одна и та же: выкупъ производился бы на деньги, получаемыя съ освобожденныхъ крестьянъ, и притомъ именно на тотъ излишекъ этихъ денегъ, который получается вслѣдствіе освобожденія и который не получался казною прежде.

Но мы уже говорили, что правительство можетъ найти возможность къ преобразованію той финансовой системы, по которой двумя главнѣйшими источниками доходовъ служили два налога, равно невыгодные для государства въ экономическомъ отношеніи: винный откупъ и подушная подать съ крестьянъ. Если преобразованіе коснется и второго налога раньше окончанія выкупной операціи, подобно тому, какъ уже рѣшено правительствомъ отмѣнить винный откупъ, тогда конечно отношеніе выкупной операціи къ сборамъ съ освобожденныхъ крестьянъ и къ источникамъ государственныхъ доходовъ должно будетъ измѣниться. Въ такомъ случаѣ представятся два вопроса: возможно ли было бы для государства принять весь выкупъ на свой счетъ, и если это было бы возможно, то справедливо ли было бы это?

Относительно возможности сомнѣній не должно существовать. Преобразованіе податей и налоговъ, несогласныхъ съ экономическими разсчетами, въ налоги, болѣе соотвѣтствующіе условіямъ финансовой науки, всегда сопровождается увеличеніемъ государственнаго дохода. Потому, если бы даже, при настоящемъ размѣрѣ государственныхъ доходовъ, принятіе всей выкупной операціи на счетъ государства казалось затруднительнымъ для казны, то послѣ улучшеній, о которыхъ мы говоримъ, оно должно было бы стать дѣломъ болѣе легкимъ, или даже могло бы стать дѣломъ совершенно легкимъ. Но мы посмотримъ, могло ли бы оно быть труднымъ даже при настоящемъ размѣрѣ государственныхъ доходовъ.

Предположимъ, что въ настоящее время доходы государства простираются до 275,000,000 рублей. Этими доходами, при помощи разныхъ финансовыхъ операцій (напримѣръ займовъ и т. д.), покрываются расходы. Пусть все останется попрежнему. Но съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ государственные доходы увеличиваются на 32,500,000 рублей, а расходы остаются прежніе. Ясно, что государство имѣетъ 32,500,000 рублей, которыми можетъ располагать на выкупную операцію. Съ улучшеніемъ финансовой системы, то есть главнѣйшимъ образомъ съ замѣненіемъ подушной подати и виннаго откупа другими, болѣе выгодными для государственнаго хозяйства, налогами,—прежняя сумма доходовъ должна необходимо увеличиться, слѣдовательно и та часть ихъ, которая можетъ быть обращена на выкупъ, должна необходимо возрасти. Но если мы даже возьмемъ только прежнюю ея величину, и тогда выкупъ совершился бы легко. Разница только въ томъ, что эти 32,500,000 р. получались бы вмѣсто подушной подати изъ другихъ, болѣе выгодныхъ для народнаго хозяйства, источниковъ. Мы уже видѣли при изложеніи перваго и второго пути выкупа, что годичный доходъ этого размѣра совершенно достаточенъ для совершенія выкупной операціи. Разница между третьимъ и первыми двумя путями состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, будетъ ли преобразована финансовая система современно выкупной операціи, или нѣтъ. Если будетъ преобразована, то вмѣсто прежнихъ источниковъ государственнаго дохода открываются новые, болѣе обильные, и между прочимъ та часть подушнаго оклада, на которую прежде совершался выкупъ, замѣняется другимъ налогомъ, болѣе выгоднымъ для государства. Слѣдовательно цифры выкупныхъ средствъ или остаются прежнія, или, вѣрнѣе сказать, возрастаютъ.

Digitized by Google

Мы положимъ, что онѣ остаются прежними. Тогда, если бы государство не захотѣло дѣлать никакихъ пожертвованій, оно оставило бы на выкупъ только 32,500,000 рублей, которыми при новой системѣ замѣнились прежніе 32,500,000 рублей, получавшихся отъ прибыли въ подушной подати, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. Тогда выкупъ попрежнему совершился бы въ $22^1/_3$ года, и расходъ правительства былъ бы номинальный, въ родѣ того, какъ частный человѣкъ, получивъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ ренту въ 500 рублей, принялъ бы на себя уплату его кредиторамъ 500 рублей въ годъ.

Но отъ имени многое зависитъ. Государство, назвавъ тогда выкупную операцію своимъ дѣломъ, конечно захотѣло бы и оказать ей нѣкоторое содѣйствіе, то есть, съ разницею въ названіи, прибѣгло бы къ тѣмъ средствамъ, какія уже изложены при объясненіи второго пути. Мы не будемъ излагать всѣхъ постепенностей того пособія, какое оно могло оказывать выкупной операціи безъ обремененія себя,— они болѣе или менѣе сходны съ принятыми у насъ при изложеніи второго пути. Возьмемъ только крайнюю степень пособія, именно немедленную выдачу всего выкупа.

Даже для этого были бы достаточны два первыя средства къ полученію денегъ, т. е., выпускъ кредитныхъ билетовъ и зачетъ выкупа за долги кредитнымъ учрежденіямъ, и не было бы нужды заключать иностраннаго займа.

Примѣръ 1856 года показываетъ возможность выпуска кредитныхъ билетовъ болѣе, нежели на 180,000,000 рублей. Итакъ, положимъ, что будетъ выпущено для выкупа 181,940,000 рублей кредитныхъ билетовъ.

Затѣмъ изъ общей цифры выкупа (531,940,000 рублей) остается 350,000,000 рублей. Долги по помѣстьямъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ простираются на сумму гораздо высшую этой цифры. Итакъ, они были бы слишкомъ достаточны для покрытія части выкупа, остающейся за выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Тогда взносомъ по третямъ 32,500,000 рублей въ годъ выкупались бы 350,000,000 рублей долга, зачтеннаго за выкупленныя облигаціи, въ $11,_{75}$ лѣтъ. Сумма пожертвованій за всѣ эти годы составляла бы 381,875,000 рублей.

Если же правительство, при увеличеніи своихъ доходовъ вслѣдствіе преобразованія финансовой системы, нашло бы возможность усилить этотъ взносъ отдѣленіемъ, напримѣръ, 7,500,000 рублей въ годъ изъ прибыли дохода, доставленной финансовыми преобразованіями, то взносомъ 40 милліоновъ рублей въ годъ по третямъ весь долгъ, перенесенный кредитными учрежденіями на счетъ государства, погашался бы менѣе, нежели въ $9^1/_2$ лѣтъ, именно въ $28,_{161}$ третей, и вся сумма расходовъ на его выкупъ простиралась бы до 375,480,000 рублей, то есть правительство, чрезъ усиленіе взноса на 2,500,000 рублей въ треть, сокращало бы свои расходы въ теченіе 9 лѣтъ почти на 6,400,000 рублей. Эта выгода, по нашему мнѣнію, уже не стоила бы усилій на увеличеніе взноса; иначе сказать, выкупныя средства сами по себѣ представляли бы уже столь выгодную пропорцію къ величинѣ долга, что совершенно не нужно было бы и желать особенныхъ усилій казны для увеличенія доходовъ выкупной кассы.

Въ иностранномъ займѣ не было бы необходимости даже и при этомъ крайнемъ размѣрѣ, когда правительство принимало бы на себя весь выкупъ и уплачивало бы его помѣщикамъ немедленно, безъ всякаго отлагательства. Но, разумѣется, если бы правительство нашло удобнѣйшимъ прибѣгнуть и къ этому

Digitized by Google

средству, ничто не помѣшало бы заключить заемъ въ 50, въ 75, или болѣе милліоновъ, сколько показалось бы нужнымъ. Надобно только помнить, что чѣмъ больше былъ бы размѣръ займа, тѣмъ сильнѣе возрастали бы расходы по выкупной операціи.

Разсчеты, которыми наполнена вся наша статья, конечно, были утомительны для читателя и, разумѣется, еще утомительнѣе были для насъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней перебрасывать косточки на счетахъ—занятіе ни мало не веселое. И для насъ было бы гораздо легче не громоздить цифръ на цифры, и публикою статья наша прочлась бы легче, еслибъ не была набита цифрами. Но въ такомъ случаѣ мы, по примѣру другихъ, должны бы ограничиться общими фразами, изъ которыхъ не слѣдуетъ ничего положительнаго, и также по примѣру другихъ, вѣроятно, увлеклись бы произволомъ, не пришли бы къ выводамъ, за достовѣрность которыхъ ручается ариѳметика. Теперь мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ полное право сказать:

Выкупъ крѣпостныхъ крестьянъ съ землею не только по настоящему надѣлу, но и по надѣлу, значительно увеличенному до той мѣры, при которой онъ дѣйствительно удовлетворялъ бы потребностямъ ихъ благосостоянія,—такой выкупъ вовсе дѣло не трудное; мало сказать: дѣло не трудное,—нѣтъ, надобно сказать: онъ дѣло очень легкое, до такой степени легкое, что какъ ни поведите его. хотя бы и не самымъ легкимъ путемъ, онъ все-таки будетъ очень легокъ. Если весь онъ будетъ предоставленъ исключительно силамъ крестьянъ, крестьяне съ небольшимъ въ 20 лѣтъ уплатятъ его, сами не замѣчая, что платятъ выкупъ. Если правительство найдетъ возможнымъ, чтобы государство помогло крестьянамъ, то пожертвованіемъ всего только отъ 175 до 195 милліоновъ онъ сократится до 13 лѣтъ; и само правительство можетъ избрать при вспоможеніи любой изъ многихъ способовъ, между которыми ни одинъ не былъ бы обременителенъ для государства, требуя лишнихъ расходовъ всего по нѣскольку милліоновъ рублей въ годъ въ теченіе 12 или 10, или даже менѣе лѣтъ. Наконецъ, если правительство захотѣло бы принять весь выкупъ на себя, такое великодушіе или, лучше сказать, такая благородная и вмѣстѣ разсчетливая рѣшимость была бы соединена съ увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе финансовыхъ улучшеній. значительными суммами, отъ которыхъ, вѣроятно, оставался бы большой излишекъ на другія государственныя надобности, даже и въ продолженіе выкупной операціи, и которыя, по ея окончаніи, всѣ оставались бы въ распоряженіи казны.

II.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Русская поговорка.

Когда человѣкъ запуганъ страшнымъ сномъ, онъ, очнувшись отъ него. еще не смѣетъ въ первую минуту вѣрить, что страшный сонъ дѣйствительно былъ вздорнымъ, нелѣпымъ сномъ; онъ мысленно колеблется, вѣрить ли ему въ истину

Digitized by Google

явившейся глазамъ его отрадной дѣйствительности. Такъ, вѣроятно, найдутся люди до того запуганные чудовищными милліардами, о которыхъ твердилось имъ сотнями писателей, что будутъ, бѣдные, смущены исчезновеніемъ этихъ милліардовъ отъ прикосновенія къ нимъ ариѳметики.

Куда же дѣвались эти милліарды? и какъ объяснить такое изумительное различіе между чрезвычайно легкимъ выкупомъ, о которомъ теперь прочли мы, и тѣми выкупами, о которыхъ нельзя подумать безъ ужаса?—спросятъ они.

Найдутся люди, которые дадутъ отвѣтъ такого рода: „Мы полагали 150 или 200 рублей выкупа за душу; а онъ, авторъ статьи, находитъ выкупъ равнымъ только 50 рублямъ. Онъ говоритъ вздоръ. Вѣдь мы основывались на юридическихъ претензіяхъ. Мы разбирали, во сколько долженъ цѣнить крѣпостное право и крѣпостную землю помѣщикъ,—стало быть, цифры, несогласныя съ нашими—вздоръ".

Ахъ, вы держались юридической стороны вопроса! Это прекрасно. Но вѣдь и мы держались ея, и даже строже, нежели вы. Мы также берегли каждую копѣйку, дѣйствительно получаемую помѣщикомъ отъ крѣпостнаго права; мы также не хотимъ, чтобы пропала хотя одна копѣйка изъ того, что онъ получаетъ теперь. Но только знаете ли, въ чемъ сущность вопроса? Вотъ въ чемъ.

Есть юридическія отношенія, убыточныя для обѣихъ участвующихъ въ нихъ сторонъ. Въ примѣръ мы приведемъ случай неправдоподобный, но дѣйствительно происходившій на нашихъ глазахъ.

У московскаго купца Саввы Филимонова былъ отъ первой жены сынъ Захаръ; по смерти первой жены, Савва Филимоновъ женился на вдовѣ, у которой былъ отъ перваго мужа сынъ Терентій. Старикъ любилъ и пасынка, но еще больше любилъ сына. Тутъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Случилось Саввѣ Филимонову впасть въ какое-то нравственное разслабленіе, и, воспользовавшись имъ, Захаръ, мужчина уже въ лѣтахъ, выпросилъ у отца право распоряжаться младшимъ сводным братомъ, Терентьемъ, какъ вздумается ему, Захару, и заставилъ Терентья служить себѣ, Захару. И тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго. Но вотъ что странно: Захару вздумалось заставлять Терентья носить ему воду изъ рѣки не въ ведрѣ, а въ рѣшетѣ. Какъ объяснить такую фантазію, я не знаю; но дѣло было такъ, и Захаръ требовалъ отъ Терентья, чтобы воды въ рѣшетѣ приносилъ онъ столько, сколько нужно ему, Захару, и его женѣ по домашнему хозяйству. Бѣдняжка Терентій долженъ былъ круглыя сутки безъ отдыха бѣгать по лѣстницѣ брата и мучился до крайности; а Захаръ съ женою все-таки сидѣли безъ воды, кромѣ развѣ той, которую, тоже съ трудомъ, могли собрать въ грязныхъ лужахъ, остававшихся единственнымъ результатомъ трудовъ ихъ неусыпнаго водовоза. Терентій съ самаго начала замѣчалъ нелѣпость положенія, въ которое поставленъ. Но что ему было дѣлать? Однако же, вотъ оправился, наконецъ, Савва Филимоновъ, то есть старикъ отецъ, и велѣлъ Захару прекратить это дикое отношеніе. Какъ тутъ было разсчитываться Захару съ Терентьемъ? Захаръ, который жилъ особымъ домомъ, началъ утверждать, что его хозяйство разстроится, если онъ лишится дарового работника, и представилъ дѣло съ юридической стороны въ слѣдующемъ видѣ: „Терентій работалъ на меня круглыя сутки безъ отдыха: освобождая его, я возвращаю ему все его время, слѣдовательно—могу требовать въ вознагражденіе, чтобы онъ заплатилъ мнѣ всѣ тѣ деньги, какихъ стоитъ

Digitized by Google

капитализированная цѣнность его труда". Разумѣется, счетъ вышелъ страшный. Терентій, возя воду въ бочкѣ, можетъ навозить воды въ мѣсяцъ на 30 рублей серебромъ, стало быть, въ годъ на 360. Капитализируя эту цѣнность по $7^1/_2$%, Захаръ сосчиталъ, что за освобожденіе водовоза Терентья ему, Захару, слѣдуетъ получить съ него, Терентья, 4,800 рублей. Разсчетъ очень милый. Но не очень мило для Захара было то, что Терентій чуть ли не вѣрнѣе его производилъ разсчетъ такимъ манеромъ: „Въ рѣшетѣ я въ цѣлый годъ успѣлъ бы принести тебѣ развѣ нѣсколько капель воды. Оцѣнимъ эти капли,—и я, пожалуй, заплачу тебѣ ихъ цѣнность. Она равняется нулю; получи же его,—и ты не останешься въ убыткѣ. Вѣдь ты и прежде сидѣлъ безъ воды, такъ за что же тебѣ получать деньги? Что ты теряешь, когда я избавлюсь отъ совершенно напраснаго изнуренія, не приносящаго тебѣ ровно никакой пользы?"—Какъ тутъ разсудить? Пришли оба къ отцу. Старикъ говоритъ: „Эхъ, братъ, Захаръ, не ожидалъ я отъ тебя этого! Видно ты его братомъ себѣ не считаешь, да и меня старика не уважаешь. Не хочу же я надъ тобою и суда имѣть, коли ты непочтителенъ; а ступайте вы судиться къ чужимъ людямъ,—пусть они васъ разсудятъ". Что вы думаете, какъ разсудятъ посторонніе люди?

Крѣпостное право—это истинное подобіе рѣшета, въ прорѣхи котораго вытекаетъ рѣшительно вся цѣнность, находящаяся въ немъ. Мужикъ трудится на васъ цѣлый годъ—это правда, земли у васъ много—и это правда. Но вы все-таки разоряетесь съ каждымъ годомъ больше и больше; ваша земля и съ мужиками заложена и перезаложена, и какъ хотите высоко цѣните стоимость обязательнаго труда и земли, уступленной крестьянамъ,—цѣните ихъ хоть въ 10,000 рублей на душу, а въ результатѣ все-таки оказывается, что съ земли, уступленной крестьянамъ, вы не получаете ни копѣйки: она служитъ только къ прокормленію крестьянъ; а прокормленіе крестьянъ служитъ только къ тому, чтобы они работали на васъ; а изнурительная работа ихъ на васъ служитъ только къ тому, что вы съ вашихъ господскихъ полей получаете съ десятины по 20 руб., вмѣсто того, что получали бы по 40 или 50 руб., если бы крѣпостнаго права не было. Такъ вотъ оно, каково дѣло: половина полей вашего помѣстья служитъ только къ тому, чтобы другая половина приносила вамъ гораздо меньше дохода, нежели получалось бы вами съ нея тогда, когда бы другая половина не принадлежала къ вашей собственности. Что же вы теряете, лишаясь этой другой, убыточной для васъ половины? Ровно то же самое, что теряетъ больной, лишаясь ревматизма, недающаго ему владѣть правой рукой, или мозолей, мѣшающихъ ему ходить.

Взявъ за основаніе разсчетовъ одну изъ сторонъ крѣпостнаго права, неопровержимую съ юридической точки зрѣнія, многіе выводятъ громадныя цифры выкупа. Они забываютъ, что есть въ томъ же правѣ другія стороны, столь же неопровержимыя съ юридической точки зрѣнія,—такія стороны, которыя приводятъ къ отрицательнымъ цифрамъ, и что если взять эти стороны и приложить ихъ къ первымъ, то въ результатѣ разсчета, веденнаго строгимъ юридическимъ путемъ, окажется нуль или много, много $1^1/_2$ копѣйки серебромъ.

Опредѣлять юридически величину выкупа,—дѣло очень невыгодное для помѣщиковъ. Мы еще едва касались этой стороны вопроса, и то съ великою бережливостью, потому что она чрезвычайно невыгодна для той стороны, интересы которой для насъ кажутся интересами просвѣщенія.

Digitized by Google

Мы желали бы, чтобы помѣщики получили какъ можно больше выкупа; но замѣтимъ тутъ слово *можно*. Когда я съ бѣднаго человѣка буду требовать по очень сомнительному векселю десятки тысячъ рублей, то самое выгодное для меня, что можетъ случиться, это то, что бѣднякъ окончательно разорится на веденіе дѣла противъ меня, и потомъ его посадятъ, какъ несостоятельнаго должника, въ тюрьму, и я принужденъ буду самъ же платить деньги за его содержаніе, не получивъ ни копѣйки изъ требуемой мною страшной суммы. А если бы я соразмѣрилъ свое требованіе съ его средствами, я все-таки что-нибудь получилъ бы безъ всякихъ хлопотъ и проволочекъ, и получилъ бы, можетъ быть, даже больше, нежели мнѣ слѣдуетъ. „Больше, нежели мнѣ слѣдуетъ", потому что вексель очень сомнительнаго качества, и бѣднякъ признаетъ себя моимъ должникомъ собственно потому, что не любитъ тягаться по уѣзднымъ и всякимъ другимъ судамъ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ рѣшать государственные вопросы по правиламъ юридической казуистики. Она мѣрка слишкомъ узкая для нихъ. Теперь вы накладываете ее на меня, и мнѣ приходится отъ нея очень тѣсно; но вѣдь точно также она можетъ быть наложена и на васъ, тогда вамъ будетъ тоже непріятно.

Лучше оставимъ эту мѣрку. Она годится только для кляузничества. Важныя дѣла надобно рѣшать по совѣсти и по здравому смыслу.

Здравый смыслъ говоритъ, что разореніе освобождаемыхъ крестьянъ отзовется самыми невыгодными слѣдствіями на всемъ государственномъ организмѣ, и болѣе всего на самихъ помѣщикахъ. При слишкомъ высокой оцѣнкѣ выкупа, ежегодные взносы съ крестьянъ будутъ слишкомъ высоки. Слишкомъ высокими ежегодными взносами въ два-три года крестьяне разорятся. Разорившись, они не будутъ въ состояніи платить не только высокаго, но и ровно никакого выкупа. Вся выкупная операція разстроится, когда помѣщики не успѣютъ еще получить и десятой части выкупа, и въ результатѣ окажется у помѣщиковъ, въ дѣйствительномъ полученіи, много—по 25 р. съ души; а между освобожденными крестьянами окажется всеобщее разореніе и неоплатныя недоимки. Отъ этого предостерегаетъ здравый смыслъ, говоря, что величина выкупа должна быть сообразна съ силами крестьянъ.

Совѣсть говоритъ, что человѣкъ не долженъ, при полученіи вознагражденія за свой доходъ, цѣнить доходъ выше его дѣйствительной величины.

Здравый смыслъ говоритъ, что вредъ и себѣ и другимъ дѣлаетъ тотъ, кто смущаетъ государство неумѣренностью своихъ претензій.

Совѣсть говоритъ, что дурно поступаетъ тотъ, кто не старается миролюбиво и ко взаимному удовольствію кончить взаимными уступками дѣло, которое очень можетъ кончиться миролюбиво и ко взаимному удовольствію, но которое не можетъ кончиться ничѣмъ хорошимъ, если не будетъ ведено миролюбиво къ общему удовольствію, со взаимными уступками.

Мы подадимъ первый примѣръ уступокъ и съ перваго же раза сдѣлаемъ ихъ въ полномъ размѣрѣ, доведемъ ихъ до самой той границы, дальше которой не позволяетъ идти здравый смыслъ.

Digitized by Google

III.

Одинъ рубль въ карманѣ лучше двухъ рублей въ долгу.
Афоризмъ умныхъ людей

Величину выкупа, найденную нами, мы считаемъ самой высшей изъ тѣхъ, какія могутъ быть выведены точнымъ разсчетомъ. 49 руб. 5 коп. выкупа съ души, среднимъ числомъ,—больше этого ни одного рубля, ни одной копѣйки не выйдетъ въ счетѣ, если станете считать вѣрно.

А меньше этого можетъ выйти, и даже гораздо меньше. Вѣдь мы дѣйствительно возвышали всѣ пропорціи сверхъ правдоподобія, для увеличенія выкупной цифры.

Наша цифра не совершенно точная, а только приблизительная, заключающая въ себѣ погрѣшность противъ дѣйствительной величины. Но достовѣрно то, что погрѣшность въ ней вся исключительно съ одной стороны: ни на одну сотую часть копѣйки она не можетъ быть меньше того, что выйдетъ по совершенно точному разсчету; но насколько рублей она больше точной величины,—этого мы не знаемъ и не совѣтуемъ узнавать никому, кто заинтересованъ возможно высокою цѣною выкупа.

Хорошо же, мы готовы отказаться отъ этой цифры для миролюбиваго соглашенія и принять норму выкупа въ полтора раза большую.

Прочь всѣ вычеты и учеты. Прочь всѣ ариѳметическія тонкости. Поставимъ дѣло прямо на судъ здраваго смысла помѣщиковъ и попробуемъ,—нельзя ли рѣшить его въ двухъ словахъ.

Средній доходъ съ крѣпостной души нельзя цѣнить выше 12 руб. сер.,—это извѣстно каждому. Сколько изъ него надобно вычесть на доходы, чуждые крѣпостнаго права, на заботы по управленію, на страховую премію,—этого всего мы теперь не хотимъ говорить, это все мы оставляемъ въ сторонѣ. Беремъ весь доходъ какъ онъ есть, 12 руб. съ души.

По капитализаціи въ $7^1/_2$%, это составитъ цѣнность всего крѣпостнаго имущества, 150 руб. на душу.

Изъ этого имущества, даже при увеличенномъ противъ настоящаго надѣлѣ, какого мы желали бы, все-таки за помѣщиками останется и большая по пространству, и лучшая по качеству часть крѣпостнаго имущества.

А мы все-таки положимъ выкупъ равнымъ цѣлой половинѣ всей цѣнности крѣпостнаго имущества.

Будемъ считать его среднимъ числомъ въ 75 рублей на душу.

Разумѣется, въ барщинныхъ имѣніяхъ онъ будетъ среднимъ числомъ нѣсколько ниже, въ оброчныхъ среднимъ числомъ довольно много выше, именно въ первыхъ около 70 рублей, во вторыхъ около 90 рублей, считая оброчныхъ имѣній одну четвертую часть.

Считая около 10,000 душъ такихъ крестьянъ (заслуженныхъ старостъ, дворецкихъ, камердинеровъ, дядекъ и т. п.), за которыхъ помѣщики сами не захо-

Digitized by Google

тятъ взять выкупа, мы получимъ, что вся сумма выкупа будетъ простираться, приблизительно, до 812,500,000 рублей.

Пользуясь такою огромною уступкою, какъ произвольное повышеніе выкупа на цѣлую половину, помѣщики, безъ сомнѣнія, согласятся, что несправедливо было бы ихъ землямъ оставаться изъятыми отъ податей.

Это тѣмъ неизбѣжнѣе, что право покупать землю, оставшуюся за помѣщиками, предоставляется всѣмъ сословіямъ. Неужели было бы возможно, чтобы одна и та же земля то избавлялась отъ податей, то подвергалась податямъ, смотря по имени и отчеству лица, ею владѣющаго?

Притомъ подать, платимая съ земли, вовсе не уменьшитъ дохода нашихъ землевладѣльцевъ. Она только подниметъ цѣну сельскихъ произведеній и, слѣдовательно, ляжетъ не на владѣльца земли, а на потребителей, точно такъ, какъ, напримѣръ, акцизъ, уплачиваемый табачнымъ фабрикантомъ, лежитъ собственно не на немъ, а на потребителяхъ табака. Подобно фабриканту, землевладѣлецъ не самъ подвергнется подати, а только будетъ служить посредникомъ между казною и потребителями, дѣйствительно платящими подать.

Крестьянскія земли слишкомъ обременены податью, и мы уже говорили, что надобно желать ихъ облегченія. Потому мы и не думаемъ предлагать, чтобы подать съ дворянскихъ земель была также велика. Но если она будетъ почти втрое меньше, она будетъ доставлять навѣрное половину того, что доставляютъ земли государственныхъ крестьянъ, потому что за дворянами останется больше земли, нежели сколько находится въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, или сколько отрѣзано будетъ освобожденнымъ крестьянамъ, и притомъ земля, остающаяся за помѣщиками, вообще лучше качествомъ, нежели крестьянская.

Такимъ образомъ источниками выкупа будутъ служить:

Подать съ освобожденныхъ крестьянъ . . .	32,500,000 р.
Подать съ дворянскихъ земель	16,250,000 „
Итого	48,750,000 р.

При такихъ средствахъ, выкупъ безъ всякихъ пожертвованій со стороны государства, безъ выпуска кредитныхъ билетовъ, безъ обмѣна выкупныхъ облигацій на долги кредитнымъ учрежденіямъ, окончился бы третными тиражами въ 23 года и 3 мѣсяца (точнѣе въ $69_{,69}$ тиражей или въ $23_{,23}$ лѣтъ).

Если бы правительство нашло удобнымъ помочь выкупной операціи вспоможеніемъ, напримѣръ, на 175,000,000 р., то есть на одну пятую часть всего выкупа, то выкупная операція кончилась бы въ 16 лѣтъ и восемь мѣсяцевъ (точнѣе $50_{,07}$ тиражей, или въ $16_{,69}$ лѣтъ). При этомъ, если бы сумма вспоможенія составлялась черезъ выпускъ 75,000,000 р. кредитныхъ билетовъ и зачетъ 100,000,000 долговъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и если бы на погашеніе этихъ долговъ употреблялось потомъ, третными взносами по 11,250,000 руб. въ годъ, долгъ правительства кредитнымъ учрежденіямъ (100,000,000 р.) былъ бы погашенъ въ $6_{,54}$ лѣтъ, и вся сумма пожертвованій правительства, разсроченная на $9^1/_2$ лѣтъ, простиралась бы до 182,325,000 руб.

Если бы правительство нашло возможнымъ принять на счетъ государства одну третью часть выкупа, то есть 272,500,000 руб., то остающіеся 540,000,000

Digitized by Google

облигацій были бы выкуплены въ $13^1/_2$ лѣтъ (точнѣе въ $40_{,607}$ тиражей или въ $13_{,539}$ лѣтъ). При этомъ, если бы сумма вспоможенія составилась черезъ выпускъ 122,500,000 кредитныхъ билетовъ и черезъ зачетъ 150,000,000 р. долговъ въ кредитныя учрежденія, то при третныхъ взносахъ по 11,250,000 въ годъ. перенесенный на государство долгъ кредитныхъ учрежденій выкупался бы въ $14_{,886}$ лѣтъ, требуя взносовъ на сумму 167,467,500 р. Но при этомъ должно замѣтить, что государство платило бы на его погашеніе взносы изъ собственныхъ средствъ только въ продолженіе $13_{,539}$ лѣтъ, пока выкупаются облигаціи по тиражамъ, а по окончаніи тиражей всѣ выкупныя средства дѣлались бы свободными, - изъ нихъ по $11^1/_4$ милл. въ годъ было бы обращено на окончаніе погашенія долга въ кредитныя учрежденія, а остальные 37,500,100 руб. поступили бы уже въ распоряженіе казны. Такимъ образомъ государство заплатило бы за долгъ по обмѣну облигацій только 152,313,750 руб. (въ теченіе первыхъ $13_{,539}$ лѣтъ, остальные 15,153,750 рублей были бы потомъ уплачены уже средствами выкупнаго дохода, изъ котораго притомъ еще втрое больше осталось бы за это время въ казнѣ), и все пожертвованіе государства простиралось бы только до 274,813,750 руб., изъ которыхъ почти половина ничего бы не стоила государству (кредитные билеты), а взносъ другой былъ бы разсроченъ на тринадцать съ половиною лѣтъ.

Наконецъ, предположимъ, что правительство нашло возможнымъ принять на счетъ государства половину выкупа, или даже нѣсколько болѣе. именно. 412,500,000 руб., составивъ эту сумму, напримѣръ, черезъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на 162,500,000 и черезъ зачетъ 250,000,000 р. долговъ по кредитнымъ учрежденіямъ. Тогда счетъ былъ бы слѣдующій: остальные 400 милліоновъ облигацій были бы выкуплены въ $28_{,452}$ тиражей или $9_{,484}$ лѣтъ. Погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ потребовало бы (при прежнихъ взносахъ $11^1/_2$ милліоновъ рублей въ годъ) $27_{,05}$ лѣтъ; но изъ нихъ только въ первые девять съ половиною лѣтъ правительство уплатило бы изъ своихъ средствъ 106,695,000 рублей (послѣ того, выкупныя средства оставались бы свободными и частью ихъ былъ бы выкупленъ остальной долгъ въ теченіе слѣдующихъ $17_{,566}$ лѣтъ, на что пошло бы 197,617,500 р.). Такимъ образомъ, все пожертвованіе государства простиралось бы только до 269,195,000 р. (162,500,000 кредитныхъ билетовъ и 106,695,000 р. взносами, разсроченными на девять съ половиною лѣтъ).

Кажется, болѣе краткаго срока выкупа всѣхъ 812,500,000 р. никто даже изъ самыхъ нетерпѣливыхъ помѣщиковъ не сталъ бы требовать,—вѣдь послѣдняя облигація выкупается не далѣе какъ черезъ девять съ половиною лѣтъ отъ начала выкупной операціи. Кажется, и обремененіе для правительства вовсе не велико.

Итакъ для личныхъ своихъ удобствъ никто изъ помѣщиковъ не могъ бы желать болѣе значительнаго участія государства въ выкупѣ, какъ на половину выкупа.

Но посмотримъ, чего требуютъ выгоды самого правительства.

Человѣку, не привыкшему къ финансовымъ разсчетамъ, конечно представляется, что чѣмъ меньшую часть выкупа беретъ на себя государство, тѣмъ выгоднѣе для казны, а чѣмъ большую часть выкупа возьметъ казна на себя, тѣмъ больше должна будетъ принести пожертвованій. Но сравнимъ сумму пожертвованій казны при участіи въ выкупа на одну третью часть и на половину выкупа,—и такое мнѣніе поколеблется.

Digitized by Google

Взявъ на себя только одну треть выкупа, казна должна будетъ израсходовать изъ собственныхъ средствъ . 274,813,750 р.
Взявъ цѣлую половину, изъ собственныхъ средствъ ей нужно будетъ израсходовать только . . . . . 269,195,000—

то есть облегченіе выкупа на цѣлую половину будетъ стоить казнѣ цѣлыми 5,618,750 рублями дешевле, нежели облегченіе его на одну третью часть. Что за странность! и отчего это?

Отчего это—мы показывали въ статьѣ о необходимости умѣренныхъ цѣнъ. Когда уменьшается капиталъ, выкупаемый съ разсрочкою, проценты, задаромъ сходившіе съ должника громадными массами безъ пользы для кредитора, облегчаются гораздо въ быстрѣйшей пропорціи, нежели какъ уменьшается дающій проценты капиталъ. Это дѣйствіе производится въ настоящемъ случаѣ, потому что часть капитала, обременяющаго должниковъ не столько собою, сколько своими процентами, уплачивается безъ разсрочки кредитными билетами. Точно также, когда понижается процентъ, сумма разсроченныхъ платежей уменьшается гораздо въ большей пропорціи, нежели понижается процентъ. Это дѣйствіе производится тѣмъ. что другая часть выкупа изъ облигацій, требующихъ трехъ процентовъ, переводится въ ссуду кредитныхъ учрежденій, требующихъ только полтора процента.

Нужно только подумать внимательно объ этихъ общихъ правилахъ разсроченной уплаты, и самъ собою рождается вопросъ: такъ ужъ не пріобрѣтаетъ ли государство тѣмъ большей экономіи, чѣмъ большую часть выкупа принимаетъ на себя?

А какъ же бы вы думали? Оно точно такъ и есть. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только сравнить, какія суммы при разныхъ степеняхъ участія въ выкупѣ останутся въ излишкѣ у казны отъ доходовъ съ источниковъ для выкупной операціи за все время, обнимаемое самымъ продолжительнымъ изъ различныхъ сроковъ выкупной операціи.—мы увидимъ, что чѣмъ быстрѣе выкупаются облигаціи, тѣмъ больше выгоды для казны; — а такъ какъ облигаціи выкупаются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большую часть выкупа беретъ на себя казна, то и слѣдуетъ, что чѣмъ больше пожертвованій захочетъ принести казна выкупному дѣлу, тѣмъ больше она получитъ пользы себѣ.

Дѣлаемъ же сравненіе, къ которому обращали вниманіе читателей.

Изъ всѣхъ встрѣчавшихся у насъ сроковъ самый длинный былъ 27,05 лѣтъ. Беремъ же, для легкости вычисленій, періодъ въ круглое число 27 лѣтъ, и считаемъ.

Выкупные источники даютъ въ годъ 48,750,000 р.,—всего въ 27 лѣтъ даютъ $1316^1/_4$ милліоновъ рублей: сколько же изъ этой суммы будетъ оставаться чистаго дохода въ распоряженіи казны при разныхъ степеняхъ ея участія въ выкупѣ?

1) Если казна вовсе ничѣмъ не жертвуетъ на выкупъ, предоставляя его исключительно дѣйствію выкупныхъ источниковъ, выкупъ поглощаетъ эти источники въ продолженіе 23,23 лѣтъ, то есть на него уходитъ 1,132,462,500 рублей; за вычетомъ ихъ остается свободныхъ денегъ въ распоряженіи казны . . . . . 183,787,500 р.

Digitized by Google

2) Если бы правительство приняло на себя около одной пятой части выкупа (175 милліоновъ), выкупъ облигацій продолжался бы 16,69 лѣтъ и поглотилъ бы изъ выкупныхъ источниковъ 813,637,500 р.; сверхъ того правительство израсходовало бы въ теченіе 9,54 лѣтъ на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ 107,325,000 рублей и выпустило бы кредитныхъ билетовъ на 75,000,000 р. *), всего 182,325,000. Слагая эти суммы, видимъ, что всего поглотилъ бы выкупъ 995,962,500 рублей; затѣмъ оставалось бы у казны. . . 320,287,500 р.

3) Если государство приметъ на себя одну третью часть выкупа ($272^1/_2$ милліона), выкупъ облигацій займетъ 13,539 лѣтъ и поглотитъ 660,026,250 рублей; сверхъ того на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ изъ тѣхъ же выкупныхъ источниковъ пойдетъ 15,153,750 рублей. Казна пожертвуетъ на то же погашеніе 152,313,750 рублей и выпуститъ **) кредитныхъ билетовъ на 122,500,000 рублей, всего израсходуетъ 274,813,750. Слагая всѣ эти суммы, видимъ, что выкупъ будетъ стоить 949.993,750 рублей, а казнѣ останется . . . . . 366,256,250 р.

4) Если государство пріиметъ на свой счетъ половину выкупа ($412^1/_2$ милліоновъ); тогда остальные 400 милл. облигацій выкупаются въ 9,484 лѣтъ; этимъ поглощается 462,345,000 руб.; изъ тѣхъ же выкупныхъ источниковъ идетъ потомъ на погашеніе долга кредитныхъ учрежденій 197,617,500 рублей. Сверхъ того, казна расходуетъ на ихъ погашеніе 106,695,000 рублей и выпускаетъ на $16^1/_2$ милліона кредитныхъ билетовъ ***); всего расходуетъ 269,197,500 р. Итого, весь выкупъ требуетъ 929,157,500 рублей, а казнѣ остается . . . . . 387,092,500 р.

Чѣмъ большую часть выкупа принимаетъ на себя государство, тѣмъ выгоднѣе для него. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса: можетъ ли оно и при размѣрѣ выкупа въ 75 рублей на душу принять весь выкупъ на свой счетъ, какъ могло бы принять выкупъ въ 49 рублей?

Вопросъ предлагается не для облегченія крестьянъ, — имъ довольно легко будетъ уплатить выкупъ и каждымъ изъ способовъ изложенныхъ нами выше; онъ предлагается и не для доставленія помѣщикамъ болѣе быстрой уплаты по облигаціямъ; — она уже очень быстра и при нѣкоторыхъ изъ способовъ изложенныхъ нами выше. Наприм., при третьей изъ представленныхъ нами комбинацій немедленно получали бы выкупъ владѣльцы до 100 или 150 душъ; облигаціи остальныхъ выкупались бы въ $13^1/_2$ лѣтъ, — это было бы уже очень удовлетворительно, это уже превзошло бы ожиданія большей части помѣщиковъ; а при четвертой комбинаціи немедленно получали бы выкупъ владѣльцы до 200 или

*) Этого выпуска, собственно говоря, и неслѣдовало бы считать за расходъ.
**) Этого выпуска, собственно говоря, и не слѣдовало бы считать за расходъ.
***) Этого не слѣдовало бы и считать за расходъ.

Digitized by Google

50 душъ, для остальныхъ же облигацій выкупъ оканчивался бы всего въ $9^1/_2$ ѣтъ,—лучшаго никто не только требовать, но и предполагать не могъ. Что же, сли мы увидимъ, что государству не только возможно, но и выгодно принять уму выкупа на себя и выдать выкупъ немедленно или всѣмъ помѣщикамъ, или очти всѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ сотъ богатѣйшихъ владѣльцевъ?

Смотря по различію въ количествѣ наличныхъ денегъ, которыми могло бы равительство усиливать средства, доставляемыя выкупными источниками, ходъ ыкупной операціи могъ бы быть очень различенъ; но она можетъ обойтись и езъ всякаго усиленія выкупныхъ средствъ собственно казенными пособіями. Наобно только вообще помнить, что чѣмъ усиленнѣе производится уплата разсроеннаго долга, чѣмъ скорѣе кончается она, тѣмъ меньше денегъ идетъ на проенты и слѣдовательно тѣмъ выгоднѣе оказывается операція для казны, производящей уплаты.

Въ этомъ соображеніи мы сначала предположимъ, что правительство, принявъ перацію на свой счетъ, найдетъ возможнымъ усилить выкупныя средства 48,750,000 рублей), прибавкою изъ своихъ собственныхъ средствъ еще на оловину этой суммы, такъ чтобы доходы выкупной кассы простирались до 75 милліоновъ въ годъ.

Но что, если правительство найдетъ, что казна не можетъ расходовать въ одъ по 26 милліоновъ, какъ мы предполагали бы? Нѣтъ нужды; государство се-таки удобно можетъ принять выкупъ на свой счетъ; выигрышъ его отъ выкупной операціи сократится на нѣсколько десятковъ милліоновъ, но все-таки остается еще огроменъ. Мы представимъ разсчетъ выкупа, совершаемаго правительствомъ исключительно на средства, доставляемыя выкупными источниками, только ля круглаго счета прибавляя къ нимъ 1,250,000 рублей въ годъ; такая прибавка конечно уже не можетъ затруднить казну, какъ бы ни мало находилось у ея свободныхъ денегъ.

Вотъ счетъ по выкупной операціи на основаніи обѣихъ цифръ. Одною изъ ыгоднѣйшихъ комбинацій будетъ слѣдующая:

Выпускается 162,500,000 р. кредитныхъ билетовъ. Назначается зачетъ блигацій за долги до суммы 400 милліоновъ, переносимыхъ на счетъ государства ъ уплатою $1^1/_2$ процента. Заключается иностранный заемъ (примѣрно по 4,5 роцента по курсу 96 руб.) на 100 милліоновъ. Это потребуетъ записи въ капиалъ $104^2/_3$ милліоновъ рублей; мы для круглаго счета положимъ 104,8 милл. За гими немедленными уплатами и обмѣномъ остается 150 милліоновъ выкупныхъ блигацій (по три процента).

Каковъ бы ни былъ размѣръ средствъ, служащихъ для выкупа, экономія ребовала бы обратить ихъ сначала главнымъ образомъ на погашеніе займа, по оторому платится самый высшій, то есть самый убыточный процентъ (4,5 проента, между тѣмъ какъ по облигаціямъ только три процента). Но эта уплата олжна производиться звонкою монетою, которой въ государствѣ бываетъ мало. Потому мы и полагаемъ на погашеніе долга и уплату процентовъ его только по милліона въ треть, чтобы не подать повода къ возраженіямъ о возможности платы,—12 милліоновъ въ годъ звонкой монеты, кажется, всегда уже можно айти.

Digitized by Google

Затѣмъ главныя средства выкупа обращаются на тиражъ облигацій,—процентъ ихъ выше процента по долгу кредитныхъ учрежденій, да и владѣльцы ихъ будутъ чувствовать тѣмъ болѣе удовольствія, чѣмъ быстрѣе онѣ будутъ выкупаться.

Если выкупныя средства будутъ усилены до 75 милл. въ годъ, то есть до 25 милл. въ треть, то вся операція будетъ имѣть такой видъ:

1) Иностранный заемъ уплачивается взносами 4 милліоновъ въ треть въ $33,_{51}$ трети. Процентовъ за него въ это время (по 1,5 процента въ треть) пойдетъ 29,240,000 рублей, всего съ уплатою капитала (104,8 милліоновъ) эта статья потребуетъ 134,040,000 руб.

2) Облигаціи (150 милл.) будутъ выкуплены взносами 19 милл. въ треть (за отчисленіемъ 4 милл. на уплату займа и 2 милл. на проценты кредитнымъ учрежденіямъ, остается сначала изъ 25 милл. въ треть 19 милл. на уплату облигацій) въ $8,_{266}$ тиражей, то есть, въ 2 года и 9 мѣсяцевъ. Процентовъ на нихъ (три процента въ годъ, то есть 1% въ треть) пойдетъ 7,054,000; всего эта статья потребуетъ 157,054,000 руб.

3) Долгъ кредитныхъ учрежденій выкупается по выкупѣ облигацій; на это требуется при взносахъ 21 милл. въ треть (за отчисленіемъ 4 милл. на уплату иностраннаго долга, остается на уплату долга кредитнымъ учрежденіямъ вся остальная сумма изъ 25 милл. въ треть, потому что облигаціи уже выкуплены) $20,_{032}$ третей года. Въ это время идетъ на уплату процентовъ 20,672,000 р., да въ прежнія $8,_{266}$ третей (во время выкупа облигацій, пока по долгу кредитныхъ учрежденій только уплачивались проценты) было уплачено процентовъ 16,532,000 рублей. Всего расходовъ по этой статьѣ: погашеніе капитала 400 милл., и на проценты 37,204,000 р., итого 437,204,000 р.

Итого расходовъ:

По иностранному займу	134,040,000	руб.
„ облигаціямъ	157,054,000	„
„ долгу въ кредитныя учрежденія .	437,204,000	„
Выпущено кредитныхъ билетовъ на .	162,500,000	„
Всего . .	890,798,000	руб.

Если же нельзя усилить выкупныхъ средствъ до 75 милл. и они остаются ограничены доходами изъ выкупныхъ источниковъ, то есть ограничены цифрою 50 милліоновъ руб. въ годъ ($16,666,666^2/_3$ р. въ треть),—выкупъ пойдетъ такъ:

1) Погашеніе иностраннаго займа—по прежнему.

2) Выкупъ облигацій третными взносами по 32 милліона въ годъ (изъ 50 милл. годичныхъ средствъ, за вычетомъ 12 милл. на уплату иностраннаго займа и 6 милл. въ годъ на проценты кредитнымъ учрежденіямъ, остается та цифра) оканчивается въ $15,_{255}$ тиражей, то есть, въ $5,_{085}$ лѣтъ. На проценты уйдетъ 12,740,000 руб., а всего 162,720,000 руб.

3) На выкупъ долга въ кредитныя учрежденія идетъ потомъ 38 милл. въ годъ третныти взносами. Этими взносами долгъ уплачивается въ $34,_{392}$ третей, и на проценты идетъ въ это время 35,632,000 руб., да прежде, пока выкупались

Digitized by Google

облигаціи, на проценты по этому долгу было израсходовано 30,510,000 р., всего по этой статьѣ расхода: на уплату процентовъ 66.142,000 р. и на погашеніе капитала 400 милл., итого 466,142,000 р.

Счетъ расхода по всей выкупной операціи таковъ:

По иностранному займу	134,040,000	руб.
„ облигаціямъ	162,720,000	„
„ долгу кредитныхъ учрежденій. .	466,142,000	„
Выпущено кредитныхъ билетовъ . .	162,500,000	„
Всего .	925,402,000	руб.

Сравнивая итоги, мы видимъ, до какой степени было бы выгодно государству по возможности усилить выкупные источники свободными деньгами отъ казны.

При усиленныхъ средствахъ погашеніе долга кредитныхъ учрежденій почти кончается 28-ю третью (первою третью 10-го г.); далѣе требуется уже только около 12 милліоновъ въ годъ на иностранный заемъ. Стало быть, приплачивать по 25 милл. р. пришлось бы только $9^1/_2$ лѣтъ; и всего понадобилось бы на это около 240 милліоновъ—а черезъ это усиленіе средствъ государство сберегало бы въ общемъ ходѣ операціи около 35 милліоновъ рублей.

Комбинаціи, нами изложенныя, мы назвали довольно экономными потому только, что выгодно распредѣлена въ нихъ единственная пропорція, зависящая отъ воли: пропорція употребленія выкупныхъ средствъ на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ и выкупъ облигацій.

Напротивъ того, выкупъ иностраннаго займа расположенъ вовсе не экономично: мы сказали, что его требовалось бы погашать быстрѣе другихъ статей, а онъ погашается медленнѣе всѣхъ, потому что требуетъ звонкой монеты, въ которой не только Россія, но и ни одна изъ западныхъ державъ не имѣетъ избытка. Потому иностранный заемъ изъ всѣхъ трехъ, принятыхъ нами, способовъ пріобрѣтенія денегъ, самый убыточный по высотѣ своего процента, оказывается еще болѣе убыточнымъ оттого. что требуетъ излишне долгой разсрочки въ уплатѣ *). Спрашивается: нельзя ли обойтись безъ этого слишкомъ дорогаго источника?

Отвѣтъ ясенъ для каждаго: средство есть; оно въ томъ, чтобы до крайнихъ предѣловъ усилить зачетъ долга въ кредитныя учрежденія.

Итакъ, если правительство захочетъ дѣйствовать экономно, ему выгодно будетъ принять основанія такого рода:

Выпускъ возможно большаго количества кредитныхъ билетовъ (выпустить ихъ можно болѣе 162,500,000 р., нисколько не обременяя рынка; но мы возьмемъ только эту цифру). Зачетъ по выкупу всѣхъ долговъ въ кредитныя учрежденія. Мы полагаемъ, что это составило бы до 450 милл. А если бы зачетъ долговъ кредитнымъ учрежденіямъ не достигъ этой цифры, то слѣдуетъ на недостающіе до нея милліоны (которые во всякомъ случаѣ не превышаютъ количества нѣсколькихъ десятковъ) разрѣшить переносъ на счетъ государства нѣкотораго количества

*) Онъ поглощаетъ своими процентами лишнихъ 28 коп. на рубль, между тѣмъ какъ облигаціи берутъ $7^1/_2$ коп. (безъ усиленія средствъ платежа) или даже только 5 коп. (при усиленіи средствъ), а долгъ по кред[illegible]деніямъ 16 коп. [illegible]ія средствъ) или только 9 коп. (при усиленіи с[illegible]

Digitized by Google

частныхъ долговъ по помѣстьямъ, до наполненія суммы 450 милліоновъ. Такой переносъ, производимый по соглашенію кредитора и должника, былъ бы выгоденъ для обоихъ, и всѣ разсчетливые люди воспользовались бы съ радостью этимъ средствомъ. Должникъ избавлялся бы отъ уплаты тяжелыхъ процентовъ, а кредиторъ, который отчаявался въ возвращеніи своего капитала, вѣрно и быстро получалъ бы уплату. На остальную сумму (200 милліоновъ) выдаются облигаціи. Иностраннаго займа не нужно.

По этимъ основаніямъ, безъ усиленія выкупныхъ средствъ изъ другихъ доходовъ, т. е. при оставленіи выкупной кассѣ только 50 милл. р. въ годъ, выкупная операція имѣла бы такой видъ:

Выкупъ облигацій (200 милл.) производится въ первыя 16 третей тиражами по 8 милл., далѣе тиражами по 9 милл. и оканчивается въ 24 тиража (8 лѣтъ). Всего расходуется: на проценты 25,640,000 р., а съ уплатою капитала 225,640,000 р.

Погашеніе долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями на счетъ государства, производится въ первыя 15 третей (5 лѣтъ) выкупомъ по 5 милл.; далѣе 9 третей (3 лѣтъ) по 6 милл., послѣ 24 трети (съ 9 года), когда облигаціи уже всѣ выкуплены, выкупныя средства идутъ уже исключительно на долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и вносится на выкупъ по 16 милліоновъ въ треть до 43 трети (1-й трети 15-го года), т. е. въ теченіе 19 третей, и къ 44 трети остается только 17 милл., которые и выкупаются. Всего расходуется на проценты 63,820,000, а съ уплатою капитала 513,820,000 р.

Итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи:

По облигаціямъ	225,640,000
„ долгу въ кредитныя учрежденія	513,820,000
Выпускъ кредитныхъ билетовъ	162,500,000
Всего	901,960,000

Изъ этого видимъ, что если бы правительство даже не нашло возможнымъ усилить выкупныя средства, то, благодаря экономичности основаній для уплаты, оно пріобрѣтало бы сбереженія надъ прежнею комбинаціею съ соотвѣтственнымъ размѣромъ выкупныхъ средствъ около 24 милл.

Но если бы нашлась возможность усилить выкупныя средства до 75 милл., экономія была бы гораздо значительнѣе. Тогда:

Облигаціи выкупались бы тиражами по 15 милл. въ первыя 12 третей и по 10 милл. въ слѣдующія двѣ (13 и 14) трети. Ихъ выкупъ кончался бы въ 4 года и 8 мѣсяцевъ. На проценты израсходовалось бы 14,400,000 р.; всего съ уплатою капитала 214,400,000 р.

Долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ выкупался бы въ первыя 14 третей взносами по 8 милл., въ 15-ю треть взносомъ 18 милл. Далѣе взносилось бы по 24 милл., до 28-й трети включительно. Затѣмъ осталось бы только 8 милл. капитала, которые и уплачивались бы въ 29-ю треть. Весь выкупъ занялъ бы 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. На проценты израсходовалось бы 31,030,000 р., всего съ уплатою капитала 481,030,000 р.

Digitized by Google

Итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи:

По облигаціямъ.	214,400,000 р.
„ долгу въ кредитныя учрежденія.	481,030,000 „
Выпускъ кредитныхъ билетовъ	162,500,000 „
Всего	857,930,000 р.

Слѣдовательно экономія надъ выгоднѣйшею изъ всѣхъ другихъ комбинацій была бы болѣе 32 милліоновъ рублей.

Ограничивается ли этимъ экономія въ расходахъ, которая можетъ быть сохранена государству веденіемъ выкупной операціи сильнымъ, рѣшительнымъ образомъ?

Мы принимали выпускъ кредитныхъ билетовъ только въ $162^1/_2$ милліона; мы ограничивали его этою цифрою, чтобы отвратить сомнѣніе въ его возможности и у самыхъ закоснѣлыхъ рутинистовъ. Безопасность такого выпуска доказывается примѣромъ 1856 года, когда было выпущено кредитныхъ билетовъ на цифру гораздо бо̀льшую.

Но человѣкъ, соображающій смыслъ словъ, которыя читаетъ въ книгахъ, легко замѣтитъ, что предостереженіе противъ выпуска бумажныхъ денегъ большими суммами, встрѣчаемое у экономистовъ и совершенно справедливое по отношенію къ обыкновеннымъ предметамъ расходованія этихъ огромныхъ выпусковъ, едва ли примѣняется къ настоящему случаю. Большія количества бумажныхъ денегъ почти всегда выпускались въ европейскихъ государствахъ за тѣмъ, чтобы получить средства на войну, на дипломатическія и придворныя издержки и другіе предметы непроизводительнаго расхода. Въ этихъ дѣлахъ и расходованіе звонкой монеты не лучше выпуска кредитныхъ билетовъ дѣйствуетъ на народное хозяйство и потомъ на государственные финансы. И тогда, когда бумажныхъ денегъ не существовало, и тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ нѣтъ, война и расточительность точно также разоряли народъ, а слѣдствіемъ разоренія, все равно, была чрезмѣрная дороговизна однихъ предметовъ, чрезмѣрный упадокъ цѣны другихъ, разстройство промышленности, упадокъ торговли, коммерческіе кризисы, потрясеніе промышленнаго, торговаго и потомъ государственнаго кредита, оскудѣніе государственныхъ доходовъ. Бумажныя деньги бываютъ не причиною этихъ бѣдствій,— нѣтъ, онѣ бываютъ сами вмѣстѣ съ этими бѣдствіями только результатомъ основного зла, ихъ обыкновенно порождающаго,—только симптомомъ болѣзни, корень которой кроется не въ нихъ, а гораздо глубже. Смыслъ предостереженій противъ громаднаго выпуска бумажныхъ денегъ въ сущности таковъ: берегитесь войны и расточительности. Въ этомъ нельзя не сочувствовать вполнѣ благимъ совѣтамъ экономистовъ. Бережливость въ расходахъ первѣйшее, необходимѣйшее условіе государственнаго благосостоянія. Какими бы средствами ни прикрывались отступленія отъ бережливости—возвышеніемъ ли налоговъ, займами ли, бумажными ли деньгами,—всѣ эти средства бываютъ равно дурными въ такихъ случаяхъ, потому что служатъ для дурной цѣли.

Но бываютъ случаи исключительные, когда государству вдругъ нужны громадныя деньги, не для прихоти честолюбія или роскоши, а для дѣлъ, требуемыхъ совѣстью, здравымъ смысломъ и разсчетливостью. Въ такихъ случаяхъ разсчетли-

Digitized by Google

вость требуетъ не скряжничества,—оно только помѣшало бы надлежащему успѣху дѣла,—нѣтъ, оно требуетъ рѣшительнаго, безбоязненнаго употребленія всей суммы, нужной на честное и выгодное дѣло. Моралисты и экономисты совершенно правы, когда предостерегаютъ меня отъ выдачи векселей на удовлетвореніе какимъ-нибудь моимъ прихотямъ; впрочемъ, расходованіе наличной звонкой монеты на эти вещи также невыгодно. Но осудятъ ли они меня, когда я даю вексель на очень выгодныхъ условіяхъ и единственно за тѣмъ, чтобы полученныя чрезъ него средства употребить на честное и очень выгодное коммерческое дѣло, прибыль отъ котораго несомнѣнна?

Съ бумажными деньгами бываетъ обыкновенно то же самое, что часто случается съ векселями, служащими не для однихъ коммерческихъ оборотовъ, но и для мотовства. Но осуждая мотовство, слѣдуетъ ли осуждать и въ хорошихъ коммерческихъ дѣлахъ употребленіе векселей въ томъ количествѣ, какое требуется сущностью дѣлъ?

Экономія, строжайшая экономія! Каждый рубль бумажныхъ денегъ, выпущенный на расходы непроизводительные, долженъ возбуждать сильнѣйшее безпокойство, глубочайшую горесть, потому что онъ симптомъ дурного веденія хозяйства. Но когда, въ противность обыкновеннымъ случаямъ, понадобились государству вдругъ огромныя суммы на чрезвычайное, вѣковое дѣло, — на такое дѣло, подобныхъ которому, даже со стороны необыкновенной финансовой выгодности для государства, не бывало и не будетъ, — тогда не бойтесь бумажныхъ денегъ, выпускайте ихъ не колеблясь полную сумму, какая только нужна, разумѣется, по строгому разсчету въ размѣрѣ надобности. Не платите 200 руб. за то, что не стоитъ больше 75,—это было бы расточительностью, слѣдовательно вредомъ для народнаго хозяйства; но если дѣйствительно нужны 75 руб.. не колеблясь давайте вексель, не колеблясь выпускайте бумажныя деньги на всю сумму, какая дѣйствительно нужна для благороднаго и выгоднаго дѣла.

Мы увѣрены, что на всѣ тѣ 362,500,000 руб., которые останутся къ уплатѣ за вычетомъ 450,000,000 долга, перенесенныхъ кредитными учрежденіями съ помѣщиковъ на государство, что на всѣ эти 362,500,000 руб. можно было бы совершенно безопасно выпустить кредитные билеты; мы увѣрены, что вся эта масса ихъ менѣе повредила бы цѣнѣ бумажныхъ денегъ и кредиту, нежели одна десятирублевая бумажка, выпущенная на войну или другой непроизводительный расходъ.

Тогда производство выкупной операціи было бы произведено дѣйствительно съ полнымъ приложеніемъ здравыхъ началъ государственнаго хозяйства, способомъ самымъ бережливымъ. Тутъ экономія расходовъ была бы такъ велика, лишнихъ денегъ на проценты истрачивалось бы такъ мало, что не нужно было бы и желать того усиленія выкупныхъ средствъ заимствованіями изъ другихъ государственныхъ доходовъ, которое, при всѣхъ другихъ комбинаціяхъ выкупа, представлялось намъ большою выгодою.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы за основаніе выкупной операціи былъ принятъ выпускъ 362,500,000 кредитныхъ билетовъ, при зачетѣ за выкупъ 450,000,000 долга въ кредитныя учрежденія, тогда, при средствахъ доставляемыхъ одними выкупными источниками (50,000,000 руб.), безъ всякихъ пожертвованій со стороны государства, весь долгъ, перенесенный кредитными учрежденіями на счетъ государства, погашался бы въ 9,674 лѣтъ, и все погашеніе потребовало бы

Digitized by Google

483,700,000 руб; а если бы выкупныя средства усилены были до 75,000,000, операція оканчивалась бы въ 6,292 лѣтъ и требовала бы 471,900,000 руб. Такимъ образомъ отъ усиленія выкупныхъ средствъ цѣлыми 25,000,000 руб. въ годъ, операція сокращалась бы только на 11,800,000 руб.,—результатъ почти въ четыре раза меньше выгоды, получаемой вслѣдствіе подобнаго усиленія при другихъ системахъ выкупа, гдѣ сокращеніе простиралось до 40,000,000 руб. Эта разница показываетъ, что и безъ усиленія выкупныхъ средствъ проценты уже не составляютъ при послѣдней комбинаціи значительнаго обремененія. Въ самомъ дѣлѣ уплатить 483,7 за капиталъ 450 составляетъ лишнюю уплату за проценты всего только $7^1/_2$ коп. на рубль.

Эта чрезвычайно выгодная комбинація, не представляющая рѣшительно ни милѣйшей надобности ни въ какихъ усиліяхъ со стороны казны, требуетъ строжайшей экономіи въ государственномъ хозяйствѣ. Только въ томъ случаѣ, если не будетъ выпуска бумажныхъ денегъ на расходы непроизводительные, если на рынкѣ будетъ господствовать совершенная увѣренность въ томъ,—выпускъ громадной массы бумажныхъ денегъ на расходъ производительный ни мало не поколеблетъ рынка.

Но какъ ни выгоденъ этотъ планъ, мы не отваживаемся думать о его исполненіи, потому что, кромѣ всѣхъ другихъ затрудненій, онъ встрѣтитъ слишкомъ сильное неодобреніе со стороны рутинистовъ, непризнающихъ разницы между выпускомъ бумажныхъ денегъ на расходы производительные и выпускомъ ихъ на расходы непроизводительные. Опасаясь такихъ затрудненій, мы считаемъ практичными только предшествующія комбинаціи: онѣ, хотя менѣе выгодны, за то представляются болѣе вѣрными, не могутъ возбуждать противъ себя слишкомъ сильныхъ сомнѣній и потому, не настаивая на практическомъ осуществленіи комбинаціи самой раціональной по теоріи, мы представляемъ другія, совершенно практичныя комбинаціи. для легчайшаго обозрѣнія результатовъ ихъ, въ слѣдующей краткой таблицѣ, цифры которой означаютъ милліоны рублей.

Digitized by Google

Сравнительная таблица выгодъ, представляемыхъ государственной казнѣ различными системами выкупной операціи.

Основаніе системы.	Правительство даетъ на усиленіе выкупныхъ средствъ.			Итого всѣхъ расходовъ на выкупную операцію.	Въ теченіе первыхъ 27 лѣтъ отъ начала выкупной операціи, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, у казны остается чистой прибыли отъ освобожденія крестьянъ.	Сравнительно съ системою безучастія правительства, участіе въ ней даетъ прибыльную выгоду.
	Единовременнымъ выпускомъ новыхъ кредитныхъ билетовъ.	Заимствованіями изъ государственныхъ доходовъ или (хотя отчасти) постепеннымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ.				
		въ годъ по	Итого.			
Выкупныя средства. Подать (съ души или съ земли) на освобожденныхъ крестьянъ, въ размѣрѣ равномъ съ податью государственныхъ крестьянъ. Подать съ дворянскихъ земель въ три раза болѣе легкая, нежели съ крестьянскихъ. То и другое вмѣстѣ даютъ не менѣе 48,750,000 р. въ годъ, а вѣроятно болѣе. Разсчетъ сдѣланъ на 48,750,000 р. въ годъ.						
1) Государство не принимаетъ участія въ выкупѣ: онъ производится исключительно выкупными средствами	—	—	—	21135	183,7	—
2) Государство принимаетъ на себя одну пятую часть выкупа. Выпускъ 75 милл. кр. билетовъ, зачетъ 100 милл. за долги по кредитнымъ учрежденіямъ . . .	75	11¼	107,3	995,9	320,3	136,6
3) Государство принимаетъ третью часть выкупа. Выпускъ кр. бил. на 122,5 м., зачетъ 50 м.	122,5	11¼	152,3	950,0	366,2	182,5
4) Государство принимаетъ половину выкупа. Выпускъ кр. бил. 162,5 м., зачетъ 250 м.	162,5	11¼	106,7	929,1	387,1	203,4
5) Государство принимаетъ на себя весь выкупъ. Выпускъ кред. бил. на 162,5 милл., зачетъ долговъ на 400 милл., иностранный заемъ въ 100 м., нѣтъ усиленія выкупныхъ средствъ .	162,5	1¼	20	925,4	390,8	207,1
6) Основанія тѣже; но выкупныя средства усиливаются	162,5	26	245	890,8	425,6	241,9
7) Государство также принимаетъ весь выкупъ на себя. Но долговъ зачисляется на 450 м., займа не нужно; выкупныя средства не усиливаются	162,5	1¼	19	902	414,2	230,5
8) Основанія тѣже; но выкупныя средства усиливаются	162,5	26	247	857,9	458,4	274,9

Digitized by Google

IV.

Заботьтесь прежде всего о справедливости, и все остальное прійдетъ къ вамъ само собою.

Слова, сказанныя нѣкогда устами, дававшими много хорошихъ совѣтовъ.

„Вмѣсто одного плана, цѣлыхъ восемь! Вмѣсто того, чтобы затрудняться открытіемъ хотя одного способа къ легкому и быстрому выкупу, вы затрудняете читателя колебаніемъ между множествомъ способовъ, которые, по вашему мнѣнію, всѣ легки и удобны",—скажутъ вамъ. „Неужели вы сами не предпочитаете ни одной комбинаціи всѣмъ прочимъ? А если предпочитаете, то почему не ограничились изложеніемъ ея одной?"—спросятъ насъ.

Почему не ограничились мы изложеніемъ одной только той системы, которую предпочитаемъ другимъ,—отвѣтъ на это уже данъ послѣдними строками предъидущаго отдѣла. Мы не знаемъ ни намѣреній правительства, ни средствъ его, потому не можемъ сказать, какая система удобнѣе для него при данныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, и хотимъ только показать, что каковы бы ни были обстоятельства, выкупъ все-таки не затруднителенъ при томъ размѣрѣ, какой допускается нами, т. е. въ размѣрѣ, среднимъ числомъ, 75 р. на душу. О томъ, какъ близко за границами этой крайней цифры возникаетъ затруднительность его, о томъ, какъ невысокъ надъ этою цифрою предѣлъ, при которомъ затруднительность обращается уже въ невозможность, читатель легко сообразитъ, припомнивъ нашу статью: „О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цѣнъ". Мы показывали тамъ цифрами, что при разсроченной уплатѣ каждый лишній рубль прибавки къ капиталу увеличиваетъ десятками рублей массу процентовъ, подъ которыми безъ пользы для кредиторовъ изнемогаетъ должникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаемъ напримѣръ опытъ разсчитать выкупную операцію по первой системѣ (безъ всякаго участія государства, исключительно выкупными средствами) при величинахъ выкупа въ 100, 125 и 150 руб. на душу.

Размѣры выкупа на душу.	Итогъ выкупной суммы въ милліонахъ р.	Число лѣтъ нужное для выкупа.	Количество денегъ, которое сойдетъ на уплату выкупной суммы въ милліонахъ р.
75 р.	812	23,37	1,132
100 „	1083	73,5	3,583
125 „	1355	119,7	5,835
150 „	1624	493,37	24,050

Не ясно ли изъ этой таблицы, что средства, совершенно достаточныя для выкупа въ 75 руб. на душу, становятся уже совершенно неудовлетворительными при выкупѣ въ 100 руб., и для кредиторовъ, которымъ пришлось бы ждать слишкомъ втрое дольше, и для должниковъ, которымъ пришлось бы переплатить также втрое больше? Растянуть выкупъ облигацій на 70 лѣтъ, значило бы со-

Digitized by Google

вершенно уронить ихъ цѣну при 3%; чтобы поддержать цѣну облигацій, нужно было бы тогда разсчитывать уже не на шансы тиража, а единственно на доход, доставляемый ихъ процентомъ, и оказалось бы нужнымъ возвысить ихъ проценты по крайней мѣрѣ до 5, а когда процентъ возвысился бы до 5, то всѣхъ выкупныхъ средствъ не достало бы на уплату однихъ процентовъ, и тогда весь планъ выкупа разлетѣлся бы впрахъ. Еще нелѣпѣе представляется несоразмѣрность выкупа въ 125 руб., при которомъ операція растягивается уже слишкомъ на пять столѣтіе; а совершенной ироніею ариѳметики представляется разсчетъ выкупа въ 150 руб., при которомъ операція растянулась бы чуть не на 500 лѣтъ, а должники принуждены были бы за капиталъ въ 1,624,000,000 заплатить слишкомъ 24,000 милліоновъ, т. е. на каждомъ рублѣ капитала уплатить еще по 13 руб. 80 коп. процентовъ.

Подобнымъ превращеніямъ подвергаются при увеличеніи выкупнаго капитала и всѣ остальныя системы. Та, которая была легка при 75 рубляхъ, становится очень затруднительна при 100 руб., невозможна при 125 и обращается въ насмѣшку надъ человѣческимъ смысломъ при 150 рубляхъ. При такихъ оцѣнкахъ нужны совершенно другіе размѣры выкупныхъ средствъ,—размѣры раззорительные для крестьянъ, изнурительные для государства,—нужны совершенно иныя комбинаціи выкупнаго оборота, комбинаціи тягостныя для помѣщиковъ, тяжелыя для государственнаго кредита.

Да и чего иного можетъ ожидать читатель, знакомый съ разсчетами банковыхъ операцій, или по крайней мѣрѣ пробѣжавшій нашу статью: „О необходимости умѣренныхъ цѣнъ“? Будьте вы человѣкомъ богатымъ, но если вамъ придется платить за каждую вещь въ полтора раза дороже дѣйствительной цѣны, то вы скоро почувствуете недостатокъ въ деньгахъ; а попробуйте поднять еще и лишнюю переплату денегъ, и вы немедленно увидите себя раззореннымъ. Да это еще ничего, если вы платите наличными деньгами; а попробуйте-ка подписывать векселя съ накладкою рубля на рубль къ дѣйствительной суммѣ и, получа 1000 руб., выдавать вексель на 2000 руб.,—будьте вы богаты, какъ Ротшильдъ, скоро продадутъ съ аукціона имущество ваше все до послѣдняго перстня съ руки, и вы увидите себя въ тюрьмѣ. А тутъ съ кого будутъ идти деньги? Съ мужиковъ, у которыхъ и безъ того не слишкомъ много денегъ. Вѣдь мы, положивъ 75 руб. выкупа, уже увеличили его на цѣлую половину противъ самой высокой оцѣнки, какую только можно сдѣлать, натягивая всѣ пропорціи къ ея повышенію: удивительно ли, что послѣ увеличенія еще и этой оцѣнки на цѣлую половину, мы достигли очень близко къ тому предѣлу, за которымъ уже слѣдуетъ и практическая раззорительность и теоретическая нелѣпость.

Впрочемъ не было нужды намъ ни въ этихъ объясненіяхъ, ни въ ссылкѣ на прежнюю нашу статью: надобно было только повторить сказанное въ началѣ этой статьи о тѣхъ страшныхъ цифрахъ, которыми пугаютъ здравый смыслъ всѣ разсчеты выкупа, основанные на цифрахъ, значительно превышающихъ нашу. По этимъ счетамъ мужику приходилось бы платить въ теченіе 30 или 40 лѣтъ за освобожденіи гораздо больше, нежели онъ платитъ теперь; иначе сказать,—слова „ты освобождаешься“ имѣли бы смыслъ: „ты раззоряешься, будутъ раззорены твои дѣти, и развѣ при внучатахъ твоихъ начнетъ приходить въ порядокъ твое хозяйство“.

Digitized by Google

Совсѣмъ не то при нашей цифрѣ: съ нею выкупъ настолько легокъ, что безъ обремененія совершается при какой угодно системѣ выкупной операціи.

Только это и хотѣли мы показать, излагая множество различныхъ системъ. Мы говоримъ: „Онѣ всѣ возможны на практикѣ. Возьмите ту, которая сообразна съ вашими намѣреніями". Это еще не значитъ, чтобы въ нашемъ мнѣніи одна изъ нихъ не казалась рѣшительно лучше всѣхъ другихъ.

Какую же лично мы предпочитаемъ?—Развѣ и на это не служитъ уже отвѣтомъ все наше изложеніе? Развѣ не довольно взглянуть на сравнительную таблицу выгодъ, приносимыхъ государству разными системами, чтобы видѣть, какой изъ нихъ мы отдаемъ предпочтеніе?

За много страницъ передъ этимъ, начиная говорить о принятіи государствомъ на себя всей суммы выкупа, мы ставили два вопроса: возможно ли это? и справедливо ли это? Но изъ нихъ мы разсмотрѣли только одинъ—о возможности. Неужели забытъ нами второй—о справедливости? Теперь, когда мы нашли, что принять на себя весь выкупъ государству не только возможно, но и удобно; не только легко, но и выгодно; теперь мы припомнимъ нашъ второй вопросъ. Доказывать справедливость дѣла успѣшнѣе всего можно, доказавши сначала, что оно и легко, и выгодно.

Спрашивается, одни ли освобождаемые крестьяне выиграютъ отъ того, что уничтожается крѣпостное право? Нѣтъ, возродится отъ этого все государство, выиграютъ всѣ—отъ правительства до послѣдняго солдата, отъ финляндца, незнавшаго о крѣпостномъ правѣ между своихъ скалъ, до сибиряка, забывшаго о немъ между своихъ тундръ. Увеличатся государственные доходы, облегчится администрація, возникнетъ правосудіе, разовьется промышленность и торговля, пріобрѣтетъ небывалую доселѣ безопасность собственность и личность каждаго, смягчатся нравы, ослабѣютъ пороки, все государство и каждый человѣкъ въ государствѣ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ и богаче, и лучше, и счастливѣе, чѣмъ теперь. А кто выигрываетъ отъ какого-нибудь дѣла, тотъ долженъ платить и расходы по этому дѣлу. Выигрываетъ вся нація, слѣдовательно и расходы должна нести вся нація.

„Но крѣпостные крестьяне выигрываютъ больше всѣхъ, слѣдовательно они и должны платить, если не всю сумму, то, по крайней мѣрѣ, большую часть ея". Во-первыхъ, не такъ легко рѣшить, какое именно сословіе больше выигрываетъ отъ освобожденія крестьянъ. Объ этомъ нужно еще подумать. И если хорошенько вникнуть въ дѣло, то окажется, что больше всего выиграютъ сами помѣщики, потомъ купцы и промышленники. Увеличатся ли вдвое доходы крестьянъ черезъ 10 лѣтъ,—этого мы еще не знаемъ; но въ томъ, что каждый сколько-нибудь разсчетливый помѣщикъ черезъ 10 лѣтъ будетъ получать вдвое больше доходу, чѣмъ теперь,—нѣтъ никакого сомнѣнія. Во-вторыхъ, если и дѣйствительно освобождаемые крестьяне выигрывали бы больше всѣхъ сословій, то вѣдь и по нашему проэкту они одни даютъ правительству цѣлыхъ двѣ трети в[illegible]мъ, на которыя совершается правительствомъ выкупъ. Кажется, эта [illegible]ія очень достаточна. Принятіе правительствомъ на себя всей суммы [illegible] къ тому, чтобы снять съ освобождаемаго сословія [illegible]на выкупную операцію: правительство только беретъ

Digitized by Google

въ свои руки эти суммы и служитъ посредникомъ. Этимъ посредничествомъ чрезвычайно облегчается и сокращается выкупная операція. Какъ же отказаться отъ посредничества, когда оно выгодно и для посредника, и для обѣихъ сторонъ, между которыми становится посредникъ? Но ясно ли, что справедливость въ этомъ случаѣ согласна съ выгодою самой казны?

Выгоды, получаемыя казной черезъ то, что она приметъ на себя совершеніе всей выкупной операціи,—огромны. Если правительство найдетъ возможнымъ усилить выкупныя средства, на каждый израсходованный рубль оно получитъ рубль выгоды въ теченіе первыхъ же 27 лѣтъ; если оно не найдетъ возможности дѣлать этихъ выгодныхъ затратъ, все-таки выгода ему будетъ огромная уже и отъ одного того, что оно употребитъ на облегченіе выкупной операціи силу своего кредита, не жертвуя ничѣмъ изъ собственныхъ доходовъ.

Но главнѣйшая выгода и для казны и для націи состоитъ не въ томъ, что расходы по выкупной операціи значительно сокращаются и въ казнѣ остается болѣе 200,000,000 руб. сбереженія отъ принятія правительствомъ всего выкупа на счетъ государства. Главная выгода состоитъ въ томъ, что, принимая всю операцію на счетъ государства, правительство развязываетъ себѣ руки для преобразованій финансовой системы. Мы уже говорили, что оба эти дѣла тѣсно связаны одно съ другимъ.

Эти соображенія заставляютъ насъ думать, что лучше всѣхъ другихъ практическихъ системъ та, которая занимаетъ два послѣднія мѣста въ нашей сравнительной таблицѣ. Повторимъ здѣсь ея основанія.

Производится выпускъ кредитныхъ билетовъ на 162,500,000 р. Возможность его доказана примѣрами прошлыхъ лѣтъ. Прибавимъ здѣсь, что подобный выпускъ на такое дѣло явился бы самымъ прочнымъ ручательствомъ за бережливость въ выпускахъ бумажныхъ денегъ на другіе расходы, менѣе производительные, явился бы сильнѣйшимъ ручательствомъ за твердое намѣреніе сохранять балансъ бюджета и, слѣдовательно, не понизилъ бы, а, напротивъ, возвысилъ бы государственный кредитъ.

Затѣмъ производится зачетъ долговъ по помѣстьямъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ за приходящійся владѣльцамъ выкупъ, на сумму 450,000,000 руб. Если нужно, для пополненія этой цифры, допускается до предѣловъ ея перенесеніе частныхъ долговъ по помѣстьямъ, съ согласія кредитора и должника, на счетъ государства, черезъ посредство кредитныхъ учрежденій. Такого зачета желаютъ сами помѣщики, справедливо находя въ немъ двойную выгоду для себя: капиталъ выкупа, дающій только 3%, служитъ уплатою за капиталъ долга, по которому платятъ они 4 процен.,—въ этомъ одна выгода. Другая въ томъ, что посредствомъ зачета чрезвычайно ускоряется полученіе владѣльцами остальныхъ денегъ за выкупъ.

За выпускомъ кредитныхъ билетовъ и зачетомъ долга, на остальные 200,000.000 р. выкупной суммы выдаются облигаціи, приносящія три процента. Онѣ выкупаются третными тиражами, а еще лучше, если тиражами еще болѣе частыми, двухмѣсячными или даже ежемѣсячными.

Судя по пропорціи между облигаціями, зачетомъ и выпускомъ кредитныхъ билетовъ, надобно считать, что владѣльцы до 400 или даже до 500 душъ по-

Digitized by Google

лучать немедленно и сполна наличными деньгами всю часть выкупа, какая слѣдуетъ имъ послѣ зачета долга.

Итакъ, ждать нѣсколько времени удовлетворенія по своимъ облигаціямъ придется только немногимъ богатымъ людямъ,—и то очень недолго.

Срокъ выкупа облигацій и вообще продолженія выкупной операціи зависитъ отъ того,—найдетъ ли правительство удобнымъ усилить выкупныя средства заимствованіями изъ другихъ источниковъ дохода, или оставитъ выкупную операцію исключительному дѣйствію собственныхъ средствъ выкупа.

Если эти средства останутся безъ усиленія вспоможеніями изъ другихъ источниковъ, будучи только доведены небольшою прибавкою $1^1/_4$ милліона рублей въ годъ до круглой цифры 50 милліоновъ въ годъ, то выкупъ всѣхъ облигацій кончается въ 24 тиража или 8 лѣтъ, а выкупъ долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями съ помѣстій на счетъ государства,—въ 14 лѣтъ и два мѣсяца. Выкупъ обѣихъ этихъ статей (всего 650 милл. капитала) съ уплатою по нимъ процентовъ 739,460,000 руб., а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ весь итогъ выкупной операціи простирается до 901,960,000 руб. Сравнительно съ выкупомъ на тѣ же средства, но безъ могущественныхъ облегченій, доставляемыхъ ему правительствомъ черезъ содѣйствіе государственнаго кредита, казна выигрываетъ болѣе 230 милліоновъ, безъ всякихъ денежныхъ усилій со стороны казны.

Если же правительство найдетъ возможность возвысить прибавкою собственныхъ средствъ ежегодный оборотъ выкупной операціи, напримѣръ, до 75 милл., казна черезъ это усиліе еще выиграетъ болѣе 44 милл рублей; при этомъ выкупъ облигацій весь кончается въ 14 тиражей или 4 года и 8 мѣсяцевъ, а выкупъ долга по кредитнымъ учрежденіямъ—въ 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

Для лучшаго объясненія, прилагаемъ таблицы выкупа на принимаемыхъ нами основаніяхъ при томъ и другомъ размѣрѣ выкупныхъ средствъ. Вотъ краткій перечень этихъ основаній:

Таблицы выкупа въ 75 рублей на душу (812,500,000 р.), съ немедленною выдачею всей причитающейся суммы владѣльцамъ до 450 душъ и съ выкупомъ всѣхъ остальныхъ выкупныхъ облигацій въ 4 года и 8 мѣсяцевъ (по таблицѣ А) или въ 8 лѣтъ (по таблицѣ В), въ томъ и другомъ случаѣ безъ иностраннаго займа. Выкупъ покрывается выпускомъ на 162,500,000 р. кредитныхъ билетовъ, зачетомъ 450,000,000 р. помѣстнаго долга, переносимаго кредитными учрежденіями на счетъ государства (за этотъ долгъ правительство платитъ полтора процента кредитнымъ учрежденіямъ), и выпускомъ 3-хъ-процентныхъ выкупныхъ облигацій на 200,000,000 р. сер.

Digitized by Google

А.

Таблица выкупа съ усиленіемъ выкупныхъ средствъ до 75,000,000 р. посредствомъ прибавки изъ средствъ казны.

	Долгъ въ кредитныя учрежденія				Облигаціи.		
	Счетъ годамъ и третямъ года.	Проценты за треть на капиталъ, остававшійся къ началу трети (въ тысячахъ рублей).	Взносится на погашеніе капитала (въ милліонахъ).	Остается долга къ слѣдующей трети (въ милліонахъ).	Проценты на оставшіяся отъ предъидущей трети облигаціи (въ тысячахъ руб.).	Посредствомъ тиража выкупается облигацій (въ милліонахъ).	Послѣ тиража остается не выкупленныхъ облигацій (въ милліонахъ).
1 и 2 годы.	1	2250	8	442	2000	15	185
	2	2210	8	434	1850	15	170
	3	2170	8	426	1700	15	155
	4	2130	8	418	1550	15	140
	5	2090	8	410	1400	15	125
	6	2050	8	402	1250	15	110
3 и 4 годы.	7	2010	8	394	1100	15	95
	8	1970	8	386	950	15	80
	9	1930	8	378	800	15	65
	10	1890	8	370	650	15	50
	11	1850	8	362	500	15	35
	12	1810	8	354	350	15	20
5 и 6 годы.	13	1770	8	346	200	10	10
	14	1730	8	338	100	10	—
	15	1690	18	320			
	16	1600	24	296			
	17	1480	24	272			
	18	1360	24	248			
7 и 8 годы.	19	1240	24	224			
	20	1120	24	200			
	21	1000	24	176			
	22	880	24	152			
	23	760	24	128			
	24	640	24	104			
9 и 10 годы.	25	520	24	80			
	26	400	24	56			
	27	280	24	32			
	28	160	24	8			
	29	40	8	—			
Итого		31030	450		14400	200	

Итого по обѣимъ статьямъ уплачено капитала 650,000,000 р., процентовъ 45,430,000 р., всего 695,430,000 р., а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ (162,500,000 р.) весь расходъ на выкупную операцію составитъ 857,930,000 р.

Digitized by Google

B.

аблица выкупа, производимаго безъ всякихъ усилій со стороны правительства ключительно выкупными средствами, годичная сумма выкупныхъ средствъ принимается въ 50 милліоновъ рублей.

	Долгъ въ кредитныя учрежденія				Облигаціи.		
	Счетъ годамъ и третямъ года.	Проценты за треть на капиталъ, остававшійся къ началу трети (въ тысячахъ рублей).	Износится на погашеніе капитала (въ милліонахъ).	Остается долга къ слѣдующей трети (въ милліонахъ).	Проценты на невыкупленныя отъ прошлой трети облигаціи (въ тысячахъ руб).	Выкупается посредствомъ тиража облигацій (въ милліонахъ).	Послѣ тиража остается невыкупленныхъ облигацій (въ милліонахъ).
1 и 2 годы.	1	2250	5	445	2000	8	192
	2	2225	5	440	1920	8	184
	3	2200	5	435	1840	8	176
	4	2175	5	430	1760	8	168
	5	2150	5	425	1680	8	160
	6	2125	5	420	1600	8	152
3 и 4 годы.	7	2100	5	415	1520	8	144
	8	2075	5	410	1440	8	136
	9	2050	5	405	1360	8	128
	10	2025	5	400	1280	8	120
	11	2000	5	395	1200	8	112
	12	1975	5	390	1120	8	104
5 и 6 годы.	13	195	5	385	1040	8	96
	14	192	5	380	960	8	88
	15	190	5	375	880	8	80
	16	187	6	369	800	8	72
	17	184	6	363	720	9	63
	18	185	6	357	630	9	54
7 и 8 годы.	19	175	6	351	540	9	45
	20	175	6	345	450	9	36
	21	175	6	339	360	9	27
	22	165	6	333	270	9	18
	23	165	6	327	180	9	9
	24	165	6	321	90	9	—
9 и 10 годы.	25	155	16	305			
	26	155	16	289			
	27	145	16	273			
	28	135	16	257			
	29	135	16	241			
	30	105	16	225			

Digitized by Google

	Счетъ годамъ и третямъ года.	Долгъ въ кредитныя учрежденія: Проценты за треть на капиталъ, остававшійся къ началу трети (въ тысячахъ рубл.)	Взносится на погашеніе капитала (въ милліонахъ).	Остается долга къ слѣдующей трети (въ милліонахъ).	Облигаціи: Проценты на невыкупленныя отъ прошлой трети облигаціи (въ тысячахъ руб.).	Выкупается посредствомъ тиража облигацій (въ милліонахъ).	Послѣ тиража остается невыкупленныхъ облигацій (въ милліонахъ).
11 и 12 годы.	31	1125	16	209			
	32	1045	16	193			
	33	965	16	177			
	34	885	16	161			
	35	805	16	145			
	36	725	16	129			
13 и 14 годы.	37	645	16	103			
	38	565	16	97			
	39	485	16	81			
	40	405	16	65			
	41	325	16	49			
	42	245	16	33			
15 г.	43	165	16	17			
	44	85	17	—			
Итого		63820	450		25640	200	

Итого по обѣимъ статьямъ уплачено капитала 650,000,000 р., процентовъ 89,460,000 р., а всего 739,460,000, а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ (162,500,000,) весь расходъ на выкупную операцію составитъ 901,960,000 р.

Digitized by Google

СВИСТОКЪ.

ВРЕДНАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ.

„Прочелъ я въ газетахъ, что ковенскіе мужики перестали пить водку. Я порадовался, да и отъ всѣхъ простыхъ людей, съ которыми обращеніе имѣю, слышалъ тоже: и купцы, и мѣщане, и ремесленники, всѣ, кто о ковенскихъ мужикахъ самъ въ газетахъ читалъ или отъ другихъ слышалъ, всѣ въ одинъ голосъ твердили: „хорошо, хорошо: дай Богъ, чтобы остались въ своей доброй мысли". Я такъ и полагалъ, что иначе судить объ этомъ дѣлѣ нельзя. Что же вы думаете? Вотъ какое дѣло со мною было.

„Случился у насъ въ городѣ небольшой подрядъ: перекрыть кровлю на присутственныхъ мѣстахъ. Я этимъ ремесломъ промышляю. Пришелъ поторговаться. Человѣкъ неважный;—сказали мнѣ: а вотъ подождите, батюшка, часокъ другой; кончимъ свои дѣла, переговоримъ и съ вами. Отчего не подождать; обошлись со мной, однако, очень деликатно, велѣли даже подать стулъ: видно, что люди образованные, да и порядки нынѣ начинаютъ перемѣняться. Я присѣлъ. Они подписываютъ бумаги да между собой разговоръ ведутъ. Чего я тутъ не наслушался!—и все очень хорошо разсуждаютъ. Надобно злоупотребленія искоренять (и точно—подрядъ потомъ мнѣ отдали, ни копѣйкой сами не попользовавшись); гласность необходима: желѣзныхъ дорогъ надобно побольше проводить; объ освобожденіи крестьянъ очень много хорошаго говорили. О своихъ городскихъ дѣлахъ разсуждали тоже очень хорошо. Все такъ; но подвернись имъ на грѣхъ подъ языкъ ковенскіе крестьяне, тутъ мнѣ какъ-то страшно стало ихъ слушать: это, говорятъ, вопросъ очень щекотливый. Пьянство нашъ народъ разоряетъ,—спору нѣтъ, говорятъ:—но тутъ не о пьянствѣ дѣло идетъ; тутъ надобно принимать въ соображеніе государственный интересъ. Откуповъ одобрять нельзя, но вѣдь тутъ и не въ откупѣ дѣло: пусть его замѣнятъ казеннымъ акцизомъ. Но что же будетъ, если въ самомъ дѣлѣ народъ перестанетъ пить водку? Вѣдь винная регалія составляетъ самую главную часть государственнаго дохода. Государство пострадаетъ, если потребленіе водки уменьшится; притомъ ужь не новая ли секта это какая? Какъ можно допустить, чтобы мужикъ самъ собою бросилъ пить вино?—тутъ надобно предполагать какое-нибудь наущеніе. Это фанатизмъ".

Digitized by Google

„Что вы думаете? нашелся изъ членовъ даже такой одинъ, что сталъ говорить: „этого нельзя позволить, противъ этого надобно мѣры принять; надобно отыскать виновныхъ и наказать, чтобы не заводили сектъ“.

„Съ этимъ не согласились другіе.—„Вы, говорятъ, одностороннимъ образомъ „смотрите на дѣло. Если бы только секта, это бы еще ничего. Но государственные „доходы уменьшаются,—это другое дѣло. Вотъ именно съ этой стороны и надобно „принять мѣры. Думать они пусть думаютъ, какъ хотятъ, но чтобы вреда госу„дарству отъ этого не было. Мѣры принять надобно, это такъ. Только не противъ „сектантовъ мѣры надобно принять, а противъ тѣхъ, которые цѣлыми селами и „уѣздами отказываются отъ употребленія водки, будь они сектанты или не сек„танты,—все равно“.

„Я, присмотрѣвшись къ членамъ и увидѣвъ, что они люди снисходительные, даже съ простымъ человѣкомъ грубо не обходятся и все такъ гуманно разсуждаютъ, осмѣлился въ ихъ разговоръ свое слово вставить: надѣялся, что не примутъ въ обиду. „Какъ же, говорю, мѣры будутъ принимать? не зазорно ли будетъ насильно людямъ водку въ ротъ лить? Кабы дурное что они дѣлали, можно власть употребить. А то за непитіе наказывать,—можно ли это?“

„Точно—не обидѣлись. Ласково мои слова приняли, однако не согласились.

„Вы, говорятъ, совершенно ошибаетесь. Мы никакъ не полагаемъ. чтобы „именно за непитіе, по вашимъ словамъ, наказывать. Наказаніе не за то должно „быть, а за безпорядки. Этого не можетъ быть, чтобы нельзя было тутъ безпоряд„ковъ найти“.

— „Какъ же, говорю я, вы безпорядки найдете? Безпорядки больше въ „хмѣлю дѣлаются. Безъ пьянства смертоубійствъ не будетъ, потому что драки „въ хмѣлю происходятъ. Когда пьяницъ не будетъ, ни воровъ, ни грабителей не будетъ“.

„Это вы опять не то говорите, отвѣчаютъ мнѣ. Вы говорите о преступленіяхъ, а мы говоримъ о безпорядкахъ. Преступленія уголовная палата судитъ; ей точно дѣла меньше будетъ. А безпорядковъ нечего до уголовнаго суда доводить. За безпорядками должна полицейская власть смотрѣть. Она сама съ ними управится. Зачѣмъ уголовное наказаніе? Исправникъ отечески посѣчетъ—и того довольно“.

— „Да за что же онъ посѣчетъ?“ я спрашиваю.

„Какъ за что? за безпорядки, вамъ говорятъ“.

— „Да за какіе же безпорядки?“ я все-таки пристаю.

„Какъ за какіе? за всякіе, говорятъ: это ужь его дѣло безпорядки открыть. Земская полиція всегда можетъ безпорядки открыть, если захочетъ. Вотъ, напримѣръ, недоимку найди хоть маленькую,—и взыскивай. Опять посмотри: дороги исправны ли,—и тоже взыщи. Да мало ли какихъ случаевъ въ уѣздѣ бываетъ? Цаловальникъ пожалуется, что его обижаютъ, житья ему не даютъ,—изслѣдуй и взыщи. Неповиновеніе властямъ открой. Собери мужиковъ, да тутъ же при нихъ, кто побойчѣе,—стало быть непокорнѣе,—и накажи. Они съ дуру еще ропотъ подымутъ, станутъ говорить, что невиннаго наказывать хотите,—ну тогда и скажи: это что? ропотъ противъ начальства? Неповиновеніе? бунтъ? такъ вы бунтовать хотите? Стало быть всѣ кругомъ ужь и есть виноваты. Ну и накажи, чтобы безпорядковъ не было“.

— „Вотъ, господа, говорю я:—какъ вы умно да доброжелательно обо всемъ

Digitized by Google

другомъ говорили. А теперь—гдѣ же у васъ справедливость? Можно ли такъ разсуждать, чтобы безпорядки находить, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ?"

„Позвольте, батюшка! они мнѣ говорятъ:—вы этого дѣла не понимаете. Какъ же возможно государству своего главнаго дохода лишиться? Этому быть нельзя. Что же будетъ, если откупъ лопнетъ? Вѣдь это казнѣ убытокъ. Мы о томъ собственно и говоримъ. Государство не можетъ потерпѣть, чтобы невѣжественный фанатизмъ отнималъ у него доходы".

„Такъ я съ ними и сговорить не могъ. Разумѣется и противорѣчить-то сильно я не осмѣливался, чтобы ихъ не разсердить: вѣдь у меня до нихъ дѣло было. Пожалуй и подряда бы мнѣ не отдали.

„Неужели въ самомъ дѣлѣ образованные люди могутъ такихъ вещей не понимать, которыя и намъ извѣстны, хоть мы на мѣдные гроши учились? Какое же тутъ можетъ быть обѣднѣніе государству, когда народъ въ уѣздѣ или въ цѣлой губерніи перестаетъ пить вино, отъ котораго разорялся? Развѣ отъ бѣдности мужиковъ казна можетъ богатѣть? Помѣщикъ хорошій, и тотъ знаетъ, что съ разореннаго помѣстья немного возьмешь; и тотъ заботится, чтобы у него мужики были зажиточнѣе, потому что онъ самъ черезъ это богаче будетъ. Умный помѣщикъ въ нашихъ губерніяхъ ни за какія деньги не соглашался, чтобы у него въ селѣ кабакъ поставили. А если отъ села больше доходовъ бываетъ, когда въ немъ кабака нѣтъ, стало быть и съ уѣзда доходовъ больше будетъ, и съ губерніи тоже. если въ уѣздѣ или въ цѣлой губерніи перестанутъ пить вино. Цѣлая губернія хочетъ отстать отъ вина,—дай Богъ, чтобы такъ и было; дай Богъ, чтобъ и другія губерніи по ея примѣру пошли. По нашему такъ.

„Говорилъ я потомъ объ этомъ еще не разъ съ разными образованными господами. Есть такіе, что тоже по нашему говорятъ, а другіе тоже гнутъ, что я отъ членовъ слышалъ въ присутствіи. Неужели по господскому, по образованному, не то выходитъ, что по нашему?

„Отчего это въ журналахъ о ковенскомъ дѣлѣ мало пишутъ? Хоть бы они намъ сказали, какъ съ тѣми образованными господами сговорить, которые пустое объ этомъ дѣлѣ толкуютъ? Что они пустое толкуютъ, это и простому человѣку видно, а какъ имъ растолковать, что государству отъ ковенскихъ мужиковъ убытка не будетъ,—вотъ этого-то растолковать имъ и не умѣешь".

Мы получили это письмо съ подписью „Тихвинскій купеческій сынъ Бадейкинъ".

Оно обязываетъ насъ сказать нѣсколько словъ.

Мы до сихъ поръ молчали о ковенскомъ дѣлѣ, потому что не получали о немъ разсказовъ болѣе подробныхъ, нежели какіе помѣщены были въ газетахъ. Объяснять же самый фактъ мы считали ненужнымъ. Мы, признаемся, и не предполагали, чтобы кому-нибудь нужно было объясненіе: хорошо ли сдѣлали ковенскіе поселяне, переставъ пить водку, и выгодно ли для государства ихъ намѣреніе. Намъ казалось, что никому и въ голову не можетъ придти сомнѣніе объ этомъ. Мы думаемъ, что молчаніе другихъ журналовъ объясняется тѣмъ же мнѣніемъ. Письмо г. Бадейкина рузрушаетъ его. Оно открываетъ передъ нами фактъ невѣроятный: люди, называющіеся просвѣщенными, разсуждающіе о желѣзныхъ доро-

Digitized by Google

гахъ, объ освобожденіи крестьянъ, объ искорененіи злоупотребленій и даже не берущіе взятокъ съ подрядчика, и даже предлагающіе купцу, какъ видно, очень небогатому, стулъ въ комнатѣ присутствія,—эти люди, усвоившіе себѣ лоскъ образованности, даже форму гуманности, не совѣстятся имѣть тѣ страшныя мысли, тѣ гнусныя понятія, которыя записаны ихъ простодушнымъ слушателемъ! Да и то сказать: какъ имъ совѣститься подобныхъ мыслей? Они очевидно ничего не смыслятъ въ дѣлахъ, о которыхъ разсуждаютъ. Съ чужого голоса они могутъ говорить о пользѣ желѣзныхъ дорогъ, о необходимости освобожденія крестьянъ, — вѣдь объ этомъ нынѣ и глухой слышитъ на каждомъ шагу. Но ясно, что ихъ голова осталась неразвита, что все въ этой головѣ, кромѣ навѣяннаго вѣтромъ, все дико и тупо. Они могутъ быть прекрасные люди по сердцу, но они дурно воспитаны, они слишкомъ мало учились.

Неужели въ самомъ дѣлѣ надобно оправдывать ковенскихъ мужиковъ? Неужели надобно доказывать, что они имѣютъ полное право не пить водку? Неужели надобно доказывать, что этимъ геройскимъ рѣшеніемъ, до котораго могъ довести ихъ только слишкомъ тяжелый опытъ, они приносятъ пользу государству и честь русской націи передъ Европой?

Мы не враги употребленія водки простымъ народомъ, мы думаемъ, что умѣренное употребленіе ея даже полезно въ нашихъ климатахъ; но надобно знать, кто пьетъ, какъ пьетъ, почемъ пьетъ и что пьетъ?

Если зажиточный мужикъ, имѣющій теплую избу, теплую одежду, сытный столъ и нѣсколько лишнихъ рублей въ карманѣ, выпиваетъ каждый день передъ обѣдомъ по стакану водки,—съ Богомъ: ему это здорово, и пьетъ онъ на деньги, которыми имѣетъ право располагать. За этотъ стаканъ не могутъ упрекнуть его жена и дѣти. Но таковъ ли ковенскій мужикъ и таковъ ли не только ковенскій, но и какой бы то ни было мужикъ? Гдѣ у него лишнія деньги? Остается ли у него хоть одна копѣйка, отчета въ растратѣ которой не должна была бы потребовать у него семья, живущая въ плохой избенкѣ, едва прикрытая рубищемъ, подобно ему,—питающаяся, подобно ему, по выраженію г. Шевырева, „скудною и неудобоваримою пищею“. Бѣднякъ дѣлаетъ дурно, когда тратитъ деньги на что нибудь, кромѣ улучшенія быта своей семьи.

И какъ онъ пьетъ! Развѣ такъ, какъ мы съ вами, читатель, столовое вино? Нѣтъ, онъ пьетъ, когда дорвется къ вину, до безчувствія. Питье водки у бѣдняка всегда бываетъ пьянствомъ.

И почемъ онъ покупаетъ водку? и какую водку продаютъ ему? объ этомъ нечего и говорить.

Или въ самомъ дѣлѣ надобно доказывать, что никому, кромѣ идіота не можетъ придти въ голову видѣть сектантство въ томъ, когда разоренные бѣдняки видѣли необходимость исправиться отъ порока, ихъ разорявшаго? Или надобно говорить о томъ, выигрываетъ ли государство или, пожалуй, казна, когда бѣднякъ отказывается отъ единственнаго наслажденія, чтобы поправить свои дѣла? Развѣ трудно разсудить, что каждый рубль, который получается отъ водки, разоряющей народъ,—что каждый такой рубль отзывается десятью рублями недочета въ другихъ податяхъ и сборахъ? Въ Россіи больше населенія, нежели въ Англіи и Франціи взятыхъ вмѣстѣ; пространство плодородной и населенной земли, служащей главнымъ источникомъ богатства, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ больше. Получаетъ

Digitized by Google

ли русская казна хотя двѣ трети того дохода, какой получаетъ одна французская или одна англійская? Нѣтъ, и того далеко не получаетъ. Отчего же это? Какъ отчего? Много ли вы возьмете съ бѣднаго народа? А въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ бѣдности народа? Въ водкѣ. Кажется, разсчетъ ясенъ? Пусть водка доставитъ вдвое меньше дохода; за то мы отпустимъ за границу вдвое больше товаровъ, потому что меньше ихъ пропьемъ и больше наработаемъ. Въ замѣнъ за эти товары мы купимъ вдвое больше заграничныхъ, и одна прибыль въ таможенныхъ пошлинахъ — съ двойнымъ, съ тройнымъ избыткомъ покроетъ недочетъ виннаго сбора; и кромѣ того, въ податяхъ будетъ меньше недоимокъ, промышленные сборы станутъ давать гораздо больше прежняго и стало быть, если уже думать о государственныхъ доходахъ, то надобно благодарить ковенскихъ мужиковъ за то, что они приняли рѣшеніе, отъ котораго надобно ожидать такого же поправленія нашему бюджету, какъ и ихъ домашнему хозяйству.

Но, Боже мой! Какая сила самоотверженія нужна была этимъ бѣднякамъ, чтобы отказаться отъ чарки водки, этой единственной, гибельной, разорительной, но единственной отрады въ ихъ несчастной жизни! Вотъ ужъ почти цѣлый вѣкъ образованный міръ на всѣхъ языкахъ превозноситъ силу самоотверженія Сѣверо-Американцевъ, отказавшихся отъ употребленія чаю. Но что за важность отказаться отъ чаю зажиточному человѣку? Развѣ не замѣнитъ онъ двадцатью другими пріятностями пріятность пить чай? И развѣ чай былъ ему забвеніемъ, единственнымъ забвеніемъ отъ невыносимо-тяжелой жизни, исполненной обидъ и лишеній? Но бѣдняку мужику отказаться отъ чарки водки!.. Это геройство, — другаго имени нѣтъ для такой рѣшимости!

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VII.

Библіографія журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу.

—

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 7.

Статья г. И. Капниста: „Нѣсколько данныхъ, на основаніи которыхъ можно улучшить положеніе крестьянъ въ Южной Россіи". Авторъ начинаетъ ссылкою на статьи Свода Законовъ, на основаніи которыхъ въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи должно быть земли не менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на ревизскую душу, а крестьяне обязаны работать на помѣщика три дня въ недѣлю, половину всего рабочаго времени. Изъ этого г. Капнистъ выводитъ, что нормальный надѣлъ крестьянъ землею, по смыслу законовъ, составляетъ $2^1/_4$ десятины на душу, что однако же вовсе не слѣдуетъ изъ приводимыхъ имъ статей, потому что въ имѣніяхъ, заключающихъ въ себѣ minimum допускаемаго по закону количества земли, часть тяглъ обыкновенно сажалась на оброкъ, а слѣдовательно господское хозяйство устраивалось не по полному числу тяглъ, а въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, и занимало менѣе половины земли. Затѣмъ, полагая тяглое семейство въ три души, авторъ считаетъ, что каждое семейство будетъ имѣть $6^3/_4$ десятинъ, которыя распредѣлятся слѣдующимъ образомъ: $^3/_4$ десятины подъ усадьбою и огородомъ, 3 десятины подъ посѣвомъ хлѣба (слѣдовательно по $1^1/_2$ десятины въ полѣ; не маловато ли это: по $1^1/_2$ десятины въ полѣ на продовольствіе цѣлой семьи изъ 3 душъ муж. пола, т. е. 6 душъ обоего пола?), $1^1/_2$ дес. подъ сѣнокосомъ и полторы подъ паромъ. Относительно тѣхъ имѣній, въ которыхъ вся земля составляетъ менѣе 4 дес. на душу, или гдѣ за выдѣломъ этой пропорціи осталось бы слишкомъ мало земли для помѣщика, авторъ полагаетъ, что владѣльцамъ слѣдуетъ обратиться къ Государю Императору со всеподданнѣйшею просьбою о дозволеніи излишнимъ крестьянамъ переселиться на пустопорожнія казенныя земли, или на земли другихъ владѣльцевъ. (Не легче ли помѣщику, если онъ имѣетъ охоту заниматься непремѣнно сельскимъ хозяйствомъ, купить себѣ землю на тѣ деньги, которыя онъ получитъ за отданную крестьянамъ землю? Вѣдь ему разсчетъ одинъ и тотъ же—остаться при прежнихъ 100 десятинахъ, стоющихъ по 50 р., или, получивъ за нихъ деньги, купить 100 десятинъ по 50 р. въ другой дачѣ. Онъ тутъ не теряетъ ничего, а для крестьянъ переселеніе очень убыточное дѣло.

Digitized by Google

Но объ этомъ послѣ). За каждую десятину отведенной крестьянскому обществу земли оно должно поставлять одного рабочаго на 30 дней по урочному положенію, съ раздѣленіемъ ихъ на четыре времени года, считая рабочій день женщинъ и мальчиковъ до восемнадцати лѣтъ въ половину противъ дня взрослаго мужчины, и съ предоставленіемъ крестьянамъ отбывать рабочіе дни, по произволу, натурою или деньгами. (Почему же 30 рабочихъ дней за десятину, почему не 50, или вѣрнѣе сказать, почему не 15 или не 12? Этого мы не видимъ, а видимъ только— но и объ этомъ послѣ). Подати и земскіе сборы должны быть раскладываемы не подушно, а по рабочимъ силамъ (40 проц. всего лежащаго на обществѣ оклада) и по имуществу (остальные 60 процентовъ), облагая податью силы всѣхъ крестьянъ отъ 14 до 60-ти-лѣтняго возраста, а податью съ имущества всѣхъ безъ исключенія, пропорціонально количеству земли, которою они владѣютъ. Помѣщикамъ авторъ полагаетъ предоставить право самимъ обработывать свою землю или отдавать ее въ арендное содержаніе, вмѣстѣ съ слѣдующими отъ крестьянъ днями, по контрактамъ, утверждаемымъ уѣзднымъ комитетомъ и подъ наблюденіемъ его. Мы полагали бы, что уже довольно и того, если барщина останется принадлежностью самого помѣщика,—обязательный трудъ не такая вещь, чтобы его можно было продавать по контрактамъ изъ рукъ въ руки, да еще арендатору. Если остается обязательный трудъ, помѣщикъ остается не просто собственникомъ земли, а по прежнему лицомъ, которому правительство ввѣрило извѣстную степень власти надъ людьми. Извѣстно, что гражданское право не допускаетъ власть надъ людьми, т. е. обязанность, ввѣряемую правительствомъ, передавать по контрактамъ изъ рукъ въ руки.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ разсчетъ доходовъ, которые надѣленное по принятой имъ нормѣ семейство можетъ получать съ своей земли, и исчисляетъ, что съ трехъ десятинъ, полагая 15 копъ съ каждой, умолотомъ по четыре мѣры или по четыре пуда зерна, получится 45 копъ или 180 пудъ, изъ которыхъ на годовое продовольствіе потребуется 140 пудъ, а остальные 40 могутъ быть проданы и принесутъ 8 р. сер., сумму достаточную для уплаты лежащихъ на семействѣ податей; притомъ получится соломы достаточно для прокормленія трехъ штукъ крупнаго скота и шести овецъ. За отведенную семейству землю оно обязано дать помѣщику около 200 мужскихъ рабочихъ дней, а такъ какъ хозяинъ имѣетъ въ годъ 300 дней, жена его, считая ея работу въ половину противъ мужской, 150, и остальные члены семейства, которыхъ полагается примѣрно четыре, принимая ихъ день за $^1/_4$ дня, еще 300, всего 750, для обработки же собственно земли достаточно 200 дней, то остается 350 дней, въ которые посредствомъ постороннихъ заработковъ могутъ быть пріобрѣтены средства, достаточныя на одежду, обувь и прочія крестьянскія надобности.

Помѣщикъ, имѣющій 450 десят. земли, на которыхъ поселены 100 душъ крестьянъ, употребляя изъ числа слѣдующихъ ему отъ крестьянъ 7,750 рабочихъ дней только 3,948, по разсчету автора, можетъ продавать хлѣба примѣрно на 1,209 р. 60 коп., шерсти и овецъ на 500 руб., и свехъ того получать за остальные 2,802 дня по 10 коп. сер. за день, что составитъ всего дохода съ имѣнія 1,989 р. 80 коп.

Въ разсчетахъ г. Капниста прежде всего поражаетъ насъ огромное количество барщиннаго труда, которое онъ считаетъ возможнымъ положить на крестьянъ за

Digitized by Google

отводимую въ пользованіе ихъ землю: по существовавшему при крѣпостномъ состояніи порядку, помѣщикъ не имѣлъ права требовать болѣе 150 или даже 140 мужскихъ и столько же женскихъ рабочихъ дней съ тягла, а на практикѣ получалъ обыкновенно значительно меньше, какимъ бы количествомъ земли крестьяне ни владѣли; и этотъ размѣръ работы нынѣ почти всѣми признается преувеличеннымъ и превышающимъ цѣнность отдаваемыхъ крестьянамъ земель, такъ что общее мнѣніе требуетъ уменьшенія рабочихъ дней, по крайней мѣрѣ до двухъ въ недѣлю. Между тѣмъ г. Капнистъ полагаетъ еще большее число мужскихъ дней, примѣрно до 200 съ тягла; правда, что онъ зато вовсе не предполагаетъ женскихъ рабочихъ дней, которые слѣдовательно могутъ отчасти замѣнять собою мужской трудъ, но считаясь въ половину противъ мужскаго дня, весьма мало облегчатъ отбываніе наложенной на семейство барщины, такъ что хозяинъ, чтобы уменьшить число своихъ барщинныхъ дней, хотя пятьюдесятью, до прежняго размѣра, долженъ послать на господскую работу свою жену на 100 дней. Притомъ самое назначеніе земли не по тягламъ, а по душамъ, и рабочихъ дней по количеству земли требуетъ усвоенія крестьянами общиннаго понятія до крайнихъ его послѣдствій, такъ какъ барщинные дни должны будутъ отбываться по особому, сдѣланному внутри самой общины, распредѣленію, совершенно независимо отъ количества отведенной каждому семейству земли; иначе крестьянинъ, имѣющій много дѣтей и получившій по числу ихъ самый большой участокъ, отбывалъ бы столько барщинныхъ дней, что веденіе собственнаго хозяйства и прокормленіе семьи сдѣлались бы для него невозможными. Происходящая отъ этого сложность разсчетовъ необходимо должна производить частые споры и несогласія между крестьянами. Что же касается до самаго размѣра, въ которомъ ихъ должно надѣлить землею, то по нашему мнѣнію едва ли не лучше всего было бы, не принимая никакой общей нормы, оставить надѣлъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сдѣланъ тогда, когда интересы крестьянъ были ближе связаны съ выгодами владѣльца.

Замѣчательна еще обыкновенно дешевая оцѣнка крестьянскаго труда, по 10 коп. за мужской рабочій день, безъ различія работы пѣшей или на волахъ. Весьма сомнительно, чтобы въ Полтавской губерніи существовала такая средняя цѣна, между тѣмъ какъ въ пограничныхъ съ нею уѣздахъ Харьковской (ст. г. Данилевскаго въ томъ же нумерѣ „Харьковскій поселянинъ въ настоящее время") лѣтній мужской день стоитъ отъ 20 до 30 коп. сер., а зимній отъ 10 до 20-ти.

Что касается до предположенія г. Капниста о переселеніи нѣкоторыхъ изъ крестьянъ малоземельныхъ имѣній на казенныя земли другихъ владѣльцевъ, то оно съ одной стороны нарушило бы общій порядокъ оставленія крестьянъ на тѣхъ же мѣстахъ, а съ другой стороны, при отводѣ имъ, конечно на общихъ правахъ государственныхъ крестьянъ, земель изъ казенныхъ дачъ, могло бы подать поводъ къ неудовольствію тѣмъ, которые остались бы на земляхъ помѣщика, съ обязанностью такъ или иначе выкупить усадьбы и отбывать барщину. Проще было бы въ подобныхъ имѣніяхъ или оставить весьма значительную по количеству остающейся земли городскую запашку, или даже раздѣлить всю землю крестьянамъ, съ обложеніемъ ихъ соотвѣтственнымъ оброкомъ.

Эту статью мы потому разобрали такъ подробно, что хотя и невозможно согласиться съ основными положеніями автора ея, но она заключаетъ довольно

Digitized by Google

полное и со всѣхъ сторонъ обработанное предположеніе о будущемъ устройствѣ поземельныхъ отношеній.

Статья г. Николая Чарыкова „Объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Пензенской губерніи“ заключаетъ въ себѣ много жалобъ на лѣность крестьянъ и расположеніе ихъ къ нищенству, которымъ многіе изъ нихъ, по удостовѣренію автора, занимаются систематически: нанимаютъ для прошенія милостыни мальчиковъ, съ которыми отправляются въ болѣе или менѣе далекія путешествія и возвращаются съ нѣсколькими сотнями рублей. Какіе странные люди! Имѣютъ расположеніе къ нищенству! Не имѣютъ ли они также расположенія къ голоду, холоду или лежанію больными? Предположеніе г. Чарыкова о будущемъ устройствѣ крестьянъ заключается въ томъ, чтобы имъ, для образованія осѣдлости, дать, конечно съ выкупомъ чрезъ какое либо кредитное учрежденіе или банкъ, усадьбы и по возможности выгонъ, и сверхъ того по десятинѣ на душу полевой земли, съ тѣмъ, чтобы они за нее работали на помѣщика $1^1/_2$ дня въ недѣлю и обработывали ее міромъ для уплаты государственныхъ податей, процентовъ за выкупъ и образованія капитала. Этотъ оборотъ авторъ разсчитываетъ такимъ образомъ. Полагая на 100 душъ 100 десятинъ пашни въ трехъ поляхъ, въ каждомъ полѣ будетъ $33^1/_3$ дес.; при хорошей обработкѣ, уродится, сверхъ сѣмянъ, ржи 6 четвертей и овса 10 четв. на десятинѣ, итого 200 четв. ржи и 330 четв. овса; изъ этого количества въ первые три года слѣдуетъ исключать, для образованія хлѣбнаго мірскаго запаса, по четверти ржи и овса на душу; поступитъ въ продажу ржи 100 четв. по 2 р. сер. и овса 233 по 1 руб., всего на 433 р. На уплату податей потребуется 200 руб. сер. и столько же на проценты и погашеніе долга въ кредитное мѣсто, уплатившее за выкупъ усадебъ: останется такимъ образомъ въ первые три года 100 руб. сер., а затѣмъ въ слѣдующіе 9 лѣтъ, къ окончанію переходнаго времени, за вычетомъ ежегоднаго расхода въ 400 руб., составится капитала съ наростающими на него процентами 4,368 р. 76 коп. сер. — сумма, достаточная на покупку значительнаго участка земли въ собственность общины. Для обработки означенной мірской земли весьма достаточно $1^1/_2$ дня въ недѣлю, такъ что крестьяне имѣли бы для прокормленія себя съ семействами, посредствомъ наемной работы у помѣщика, или воздѣлыванія снятыхъ у него по добровольнымъ условіямъ земель, остальные три дня.

Въ заключеніе г. Чарыковъ говоритъ, что можно бы было обществу дать и болѣе земли, но пришлось бы ему тогда гораздо больше работать на помѣщика— до трехъ дней и болѣе; работа, какъ принужденная, исполнялась бы небрежно, возникали бы съ обѣихъ сторонъ жалобы, и вслѣдствіе того отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ сдѣлались бы враждебными. На это мы можемъ возразить, что если бы кредитное учрежденіе, давшее капиталъ на выкупъ усадебъ, выкупило и достаточное для прокормленія крестьянъ количество полевой земли, то они, заработывая сверхъ доходовъ отъ своей земли, для воздѣлыванія которой достаточно бы было половины тяглъ, довольно значительныя по ихъ быту деньги наемною работою у помѣщиковъ, могли бы, посредствомъ мірской запашки или ежегодныхъ взносовъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ погасить долгъ, и тогда безъ принужденной работы, о которой говоритъ авторъ, сдѣлались бы независимыми собственниками отведенной имъ земли. Вообще же, хотя многіе опровергаютъ всѣ проэкты, основанные на мірскихъ запашкахъ, тѣмъ, что мірскія земли будутъ

Digitized by Google

скупо удобряться и плохо обработываться, а потому не принесутъ ожидаемыхъ урожаевъ,—предположенія г. Чарыкова можно было бы признать довольно практичными, если бы крестьяне могли понять освобожденіе съ сохраненіемъ барщины. А если необходимо отмѣнить барщину, то конечно надобно нѣсколько измѣнить разсчетъ. Во всякомъ случаѣ, назначаемый крестьянамъ размѣръ работы на помѣщика, $1^1/_2$ дня въ недѣлю, за землю, отведенную въ количествѣ одной десятины на душу, слѣдовательно отъ $2^1/_2$ до 3-хъ десятинъ на тягло, намъ кажется преувеличеннымъ.

Статейка помѣщика Старобѣльскаго уѣзда, г. Гаршина, заключаетъ въ себѣ развитіе одной весьма справедливой мысли, а именно: что если земли, отводимыя крестьянамъ, не будутъ выкуплены, и крестьяне должны будутъ за нихъ работать на помѣщика, то лучше, вмѣсто опредѣленнаго оклада работъ, назначить оброчную плату, съ предоставленіемъ помѣщикамъ и крестьянамъ, по обоюдному соглашенію, замѣнять денежную плату работой, отчего эта работа потеряетъ характеръ принужденнаго труда.

Статья г. Ильи Никифорова „Объ усадьбахъ“ заключаетъ въ себѣ отвѣты на нѣкоторые вопросы, предложенныя въ № 1 „Журнала Землевладѣльцевъ“. Такъ какъ между этими вопросами большая часть такихъ, которые общественнымъ мнѣніемъ уже рѣшены окончательно, то мы обратимъ вниманіе только на одинъ изъ нихъ, о которомъ до сихъ поръ происходятъ нерѣдко горячіе споры.

О пространствѣ усадебныхъ земель, которыя должны быть отведены крестьянамъ, авторъ говоритъ, что, какъ извѣстно ему на практикѣ, въ настоящее время усадьбы среднею мѣрою простираются отъ 1,400 до 1,600 саженъ, и что первая изъ этихъ цифръ могла бы быть принята за норму. А какъ въ настоящее время многіе хозяева, чтобы имѣть особое обезпеченіе къ исправной уплатѣ крестьянами податей, прибавляютъ въ каждой усадьбѣ 1,000 саж. земли, которая за неуплату отбирается, то г. Никифоровъ предлагаетъ принять эту мѣру и при переходѣ крестьянъ въ срочно-обязанное состояніе.

Предполагаемый авторомъ размѣръ усадебъ, основанный на свѣдѣніяхъ о нынѣ принятомъ среднемъ пространствѣ ихъ, намъ кажется почти достаточнымъ; что же касается до прирѣзанія къ каждой усадьбѣ добавочнаго участка, то главное неудобство, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что если такъ или иначе выкупятся полевыя земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ и окружающія деревню со всѣхъ сторонъ, то эти мелкіе участки, данные имъ для обезпеченія уплаты податей, но принадлежащіе собственно помѣщику, будутъ находиться посреди крестьянской земли, и слѣдовательно образуютъ чрезполосное владѣніе.

Въ статью г. Персіанова „Оцѣнка вознагражденія за трудъ крестьянина въ барщинномъ помѣщичьемъ имѣніи Тульской губерніи“, авторъ дѣлаетъ разсчетъ, по которому оказывается, что крестьянинъ, надѣленный на тягло 6 десятинами полевой земли, $1^1/_2$ десятины сѣнокоса и усадьбою въ $^1/_4$ дес., получаетъ примѣрнаго валоваго дохода 71 руб. 20 коп., а за исключеніемъ того, что стоитъ обработка земли по наемнымъ цѣнамъ—29-ти руб. 98-ми коп., остается чистой прибыли 41 руб. 22 коп., слѣдовательно вознагражденіе его землею составляетъ ровно половину дѣйствительной цѣнности его работы. Этотъ результатъ былъ бы поразителенъ, если бы изъ разсчета г. Персіанова не было видно, что онъ принялъ за норму господской запашки $2^1/_4$ десят. на тягло въ каждомъ полѣ; мы не можемъ

Digitized by Google

не усомниться, чтобы въ большей части имѣній Тульской губерніи дѣйствительно существовали такія огромныя запашки, требующія по самому разсчету автора 200 мужскихъ и столькихъ же женскихъ дней, а по нашему мнѣнію едва ли не болѣе, слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 50 мужскими и 50 женскими днями болѣе дозволеннаго закономъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 8.

Статья г. Кривцова „Мнѣніе Орловскаго и Саратовскаго помѣщика" заключаетъ въ себѣ мысли автора по поводу нѣкоторыхъ §§ предложеній г. министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній объ открытіи комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ; такъ напримѣръ по поводу § 1, въ которомъ сказано: „устройство крестьянъ должно быть произведено не вдругъ, а постепенно, для того крестьяне должны быть въ переходномъ состояніи",—авторъ говоритъ, что „ни въ какомъ случаѣ не должно допускать крестьянъ къ участію въ составленіи какихъ бы то ни было условій,... такъ какъ отъ столкновенія интересовъ, по невѣжеству крестьянъ, могутъ произойти разныя непріятности и безпорядки". Мы полагали, что по Своду Законовъ только тѣ дѣла считаются правильно веденными, въ которыхъ одинаково выслушивались обѣ стороны, и только тѣ контракты признаются дѣйствительными, въ которыхъ условія не продиктованы одною стороною безъ согласія другой. Относительно натуральныхъ повинностей, которыми крестьяне должны быть обложены на землю, авторъ находитъ, что прежняго порядка трехдневной работы не должно измѣнять ни ограничивать никакими *инвентаріями*, развѣ только для *того, чтобы поравнять общіе интересы*, назначить въ тягла всѣхъ безъ исключенія крестьянъ и, заведя запашку по числу этихъ новыхъ тяглъ (которыхъ будетъ болѣе прежняго по крайней мѣрѣ въ полтора раза), отдѣлить половину земли для помѣщика, съ тѣмъ, чтобы изъ каждыхъ двухъ тяглъ одно постоянно находилось на барщинѣ, которая такимъ образомъ составитъ гораздо большее число рабочихъ дней, чѣмъ могло быть при прежнемъ порядрѣ (замѣтить должно при этомъ, что говоритъ помѣщикъ многоземельной губерніи Саратовской, гдѣ количество пашни большею частію ограничивается только числомъ рукъ),—и сверхъ того еще предоставить помѣщику право требовать на 12 дней каждый годъ всѣ тягла сгономъ, въ уплату долга за усадьбы, который такимъ образомъ долженъ быть платимъ въ теченіе 12-ти лѣтъ. Предоставляемъ читателямъ оцѣнить мысли г. Кривцова.

Статья г. Кичеева „Мысли по крестьянскому дѣлу" заключаетъ въ себѣ почти тѣ же предположенія. Авторъ сверхъ того признаетъ справедливымъ обработывать господскія и крестьянскія поля сообща, и урожай дѣлить попаламъ, а въ оброчныхъ имѣніяхъ мѣру крестьянской повинности предоставить опредѣлять помѣщикамъ, съ правомъ измѣнять ее при каждой ревизіи и съ тѣмъ, чтобы даже тѣ изъ крестьянъ, которые уже выкупили свои усадьбы (выкупъ предполагается отдѣльный по семьямъ), не имѣли права отказываться отъ лежащихъ на нихъ повинностей, а за отказъ облагались двойнымъ оброкомъ. Эти предположенія, кромѣ ограниченія права прибавлять оброкъ, временемъ ревизій, ничѣмъ не разнятся отъ порядка, существующаго при крѣпостномъ правѣ.

Статья г. Бэля „А что сдѣлать съ крестьянами нищими" начинается описа-

Digitized by Google

ніемъ состоянія двухъ имѣній, доведенныхъ до совершеннаго разоренія: одно необдуманными нововведеніями, безполезными постройками и т. д., а другое постояннымъ выжиманіемъ изъ него крайнихъ возможныхъ выгодъ всѣми средствами, въ числѣ которыхъ была поголовная барщина по пяти дней въ недѣлю, съ вычетомъ ненастныхъ дней и наверстываніемъ ихъ въ хорошую погоду. Отъ положенія самыхъ имѣній авторъ переходитъ къ нравственному состоянію крестьянъ, которые, по его мнѣнію, такъ унижены и убиты духомъ, такъ сроднились съ своею нищетою, что не только по бѣдности своей не имѣютъ никакой возможности выкупить усадьбы, или безъ посторонняго пособія обзавестись всѣмъ нужнымъ для успѣшнаго хозяйства, но даже, и при оказаніи имъ помощи, неспособны употребить ее въ пользу, безъ учрежденія надъ ними строжайшей опеки. Въ примѣръ трудности, которую представляетъ улучшеніе состоянія подобныхъ крестьянъ, г. Баль приводитъ одно небольшое имѣніе въ Московской губерніи, которое послѣ нѣсколькихъ владѣльцевъ, разорявшихъ его, наконецъ досталось благонамѣренному человѣку: несмотря на неусыпные труды и значительныя пожертвованія помѣщика, едва въ десять лѣтъ удалось ему нѣсколько улучшить состояніе крестьянъ; а до тѣхъ поръ все, что онъ давалъ имъ для поправки ихъ хозяйства, пропивалось въ Москвѣ. Въ видѣ перваго шага къ улучшенію состоянія нищихъ крестьянъ и вознагражденія ихъ за понесенныя сверхъ законной мѣры труды, авторъ предлагаетъ отдать имъ усадьбы безвозмездно.

На это редакторъ „Журнала Землевладѣльцевъ“ въ сдѣланной имъ выноскѣ возражаетъ, что хотя конечно помѣщикъ, посредствомъ злоупотребленія крѣпостнаго права доведшій крестьянъ своихъ до нищенства, еще весьма немного вознаградитъ ихъ, если отдастъ имъ усадьбы даромъ, но сдѣлать такое пожертвованіе обязательнымъ невозможно, по самой невозможности доказать, что разореніе крестьянъ произошло именно отъ этого злоупотребленія, а не отъ другихъ причинъ: относительно же имѣній, переходившихъ въ разныя руки,—доказать, что настоящій владѣлецъ разстроилъ имѣніе, а не одинъ изъ его предшественниковъ; и если бы даже это было вполнѣ доказано, то какъ разувѣрить сосѣднихъ крестьянъ, что они не имѣютъ права на такое же снисхожденіе?

Отвѣта на это возраженіе,—сознаемся съ прискорбіемъ, — мы не находимъ, кромѣ того, который можетъ быть найденъ въ Сводѣ Законовъ, именно въ тѣхъ статьяхъ, которыя говорятъ о превышеніи и злоупотребленіи власти и о взысканіяхъ за то. Но единственнымъ средствомъ къ открытію истины могли бы быть показанія сосѣдей: можно ли ожидать отъ нихъ безпристрастія? Намъ кажется, что возможно, потому что было бы оскорбительно для помѣщиковъ предполагать въ большинствѣ сосѣднихъ помѣщиковъ расположеніе давать фальшивыя показанія: притомъ о фальшивыхъ показаніяхъ есть статьи въ XV томѣ „Свобода Законовъ“. Не забудемъ также, что и сосѣдніе крестьяне также сосѣди. Притомъ могутъ быть свидѣтелями разные чиновники, купцы и разночинцы; въ каждомъ уѣздѣ можно найти множество людей разнаго званія, хорошо знакомыхъ съ бытомъ окрестныхъ деревень и хозяйствомъ помѣщиковъ. А по закону достаточно показаніе двухъ свидѣтелей. Можно бы также спросить: какъ, не говоря уже о лицахъ, *спокойно* умершихъ,—привлечь къ отвѣтственности тѣхъ, которые, выжавъ изъ крестьянъ послѣдній сокъ (техническое выраженіе) и составивъ иногда такимъ образомъ значительные капиталы, продали выгодно имѣнія, хотя и за нѣсколько меньшую цѣну

Digitized by Google

противъ благоустроенныхъ, и наслаждаются теперь плодомъ своихъ *праведныхъ* трудовъ? На это въ Сводѣ Законовъ также есть правила, которыя были бы достаточны для большей части подобныхъ случаевъ (о вознагражденіи лица, потерпѣвшаго убытокъ по взысканію съ имущества, проданнаго ему другимъ и подвергшагося взысканію). А если бы нѣкоторые немногіе изъ лицъ, продавшихъ такія имущества, и могли ускользнуть отъ взысканія, то эти исключенія не могли бы служить препятствіемъ дѣйствію общаго постановленія: нѣтъ такого проступка, по которому нѣкоторые виновные не успѣвали бы укрыться отъ дѣйствія закона. Надобно впрочемъ вообще сознаться, что еще не скоро могутъ быть излечены всѣ язвы, нанесенныя Россіи крѣпостнымъ состояніемъ. Но во всякомъ случаѣ излеченіе самой глубокой между этими язвами—нравственнаго униженія крестьянъ, подъ гнетомъ нищеты потерявшихъ сознаніе человѣческаго достоинства,—должно ожидать отъ благотворнаго дѣйствія времени и новыхъ, истинно человѣческихъ отношеній, въ которыя они будутъ поставлены, а не отъ предполагаемой г. Бэлемъ опеки, которая въ глазахъ крестьянъ составила бы продолженіе крѣпостнаго состоянія, въ то время, какъ вокругъ себя они видѣли бы другихъ свободными. Въ высокой степени желательно было бы, чтобы нашлось средство подкрѣпить этихъ несчастныхъ на пути къ исправленію только дѣйствительнымъ, хорошо разсчитаннымъ пособіемъ, а не опекою— да и кому поручить эту опеку? Лучше предоставить ихъ собственнымъ силамъ, предполагая конечно, что имъ была бы дана въ ссуду, съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ, сумма, нужная на выкупъ усадебъ и необходимаго количества полевой земли, такъ какъ мы и вообще считаемъ это единственнымъ хорошимъ способомъ къ прочному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. При этомъ выкупѣ владѣльцамъ раззоренныхъ имѣній, отъ которыхъ отошли бы во владѣніе крестьянъ раззоренныя также усадьбы и истощенныя поля, могло бы быть назначено вознагражденіе въ меньшемъ противъ другихъ помѣщиковъ размѣрѣ, и слѣдовательно крестьянамъ пришлось бы уплачивать меньшую сумму. Затѣмъ можно надѣяться, что сначала опомнятся между ними самыя энергичныя натуры и, при свойственной русскому крестьянину практичности, поймутъ, что положеніе ихъ уже не безвыходно, а нашедши счастливый исходъ, покажутъ примѣръ и подадутъ руку помощи остальнымъ. Извѣстно на практикѣ, что иногда обогащеніе одного двора въ деревнѣ распространяло благодѣтельное вліяніе на цѣлую общину, такъ что многіе помѣщики нарочно не отпускали на волю семейство, могущее заплатить за себя значительный выкупъ, чтобы съ удаленіемъ его не изсякъ источникъ выгодныхъ занятій для остальныхъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 9.

Въ этомъ нумерѣ между прочимъ находится статья г. Данилова „Практическія замѣчанія на статью о новыхъ условіяхъ сельскаго быта, помѣщенную въ февральской книжкѣ Современника“. Не желая вдаваться въ полемику, мы не станемъ въ подробности разбирать опроверженія, приводимыя г. Даниловымъ противъ выраженныхъ въ помянутой статьѣ мыслей, предоставивъ сужденіе объ нихъ читающей публикѣ, а ограничимся тѣмъ, что бросимъ взглядъ на самыя главныя изъ этихъ возраженій.

Г. Даниловъ находитъ несправедливымъ мнѣніе, что избранные дворянствомъ

Digitized by Google

въ разныя должности по мѣстному управленію чиновники хотя и знали о происходящихъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, но большею частью не вступались, чтобы не возстановить противъ себя людей, отъ которыхъ зависитъ ихъ выборъ и въ зависимости отъ которыхъ они находятся постоянно, во все время отправленія своихъ должностей. Авторъ говоритъ, что зависимость этихъ чиновниковъ отъ избирателей съ окончаніемъ баллотированія ихъ также оканчивается, — вѣроятно потому, что отъ избирателей не зависитъ смѣнять чиновниковъ до окончанія срока ихъ службы. Смѣнять ихъ конечно избиратели не могутъ, но перестанутъ посылать имъ почти окладныя пособія птицей, масломъ, овсомъ и пр., на которыя низшіе между выборными чиновниками привыкли также разсчитывать, какъ на свое жалованье, а потомъ ни за что не выберутъ въ другой разъ: послѣднее опасеніе, равно какъ и увѣренность, за безпристрастный разборъ крестьянскихъ жалобъ быть поставленными на враждебную ногу не только съ лицами, злоупотребляющими помѣщичьею властью, но и съ большинствомъ другихъ дворянъ, которые по сословному самолюбію примутъ ихъ сторону, и имѣть вслѣдствіе того непріятности на слѣдующихъ выборахъ, удерживало и многихъ предводителей. Такія объясненія мы сами неоднократно слышали отъ благонамѣренныхъ, но слабыхъ характеромъ людей, служащихъ по выборамъ.

Не соглашается еще г. Даниловъ и съ тою мыслью, что практическая польза образованности наименѣе чувствительна для отца, оставляющаго своимъ дѣтямъ крѣпостное состояніе,—и дѣлаетъ для опроверженія ея сильнѣйшее нападеніе на людей (исключительно?) свѣтски образованныхъ и схоластически ученыхъ. Но спросимъ мы, если бы крѣпостное состояніе не существовало, то было ли бы возможно наше рутинное, невѣжественное хозяйство? не сдѣлалось ли бы для помѣщика необходимостью знаніе науки сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и другихъ естественныхъ наукъ? Наконецъ возможно ли предположить, чтобы человѣкъ, пріобрѣтшій основательныя познанія въ этихъ наукахъ, остался бы совершеннымъ невѣждой въ другихъ предметахъ?

Далѣе г. Даниловъ возстаетъ противъ того мнѣнія, что обязательный трудъ, или что то же, крѣпостное состояніе было одною изъ главныхъ, а можетъ быть и самою главною причиною накопленія долговъ на дворянскихъ имѣніяхъ; авторъ приписываетъ это явленіе исключительно расточительной жизни помѣщиковъ и пренебреженію ихъ къ собственнымъ дѣламъ. Но мы убѣждены, что ни при какой другой организаціи сельскаго труда это разстройство дѣлъ не могло сдѣлаться столь всеобщимъ. Или помѣщики сами вынуждены были бы болѣе или менѣе заниматься своими имѣніями и, встрѣчая постоянную нужду въ капиталахъ для затрачиванія ихъ на хозяйство, зная, что безъ чистыхъ денегъ и полученіе текущихъ доходовъ для нихъ невозможно, тѣмъ самымъ были бы останавливаемы отъ истощенія своихъ денежныхъ средствъ безполезными издержками,—или можетъ быть водворился бы у насъ какой либо порядокъ, сходный съ фермерствомъ на западѣ: тогда строгая опредѣленность доходовъ, не увеличивающихся ни при какомъ урожаѣ, полагала бы предѣлъ расточительности. Между тѣмъ, при крѣпостномъ состояніи крестьянъ, помѣщикъ, имѣющій нормальнаго дохода, положимъ, около 5,000 р. сер., въ неурожайный годъ получалъ иногда менѣе трети—какихъ нибудь 1,500 р.,—и долженъ былъ кормить 300 или 400 душъ. А по-

Digitized by Google

добныхъ годовъ бывало иногда въ теченіе пяти лѣтъ три. Прибавьте къ этому убѣжденіе, свойственное людямъ, не привыкшимъ разсчитывать, и никогда впрочемъ не оправдывавшееся на дѣлѣ, что одинъ годъ хорошаго урожая все вознаградитъ, и что какъ бы ни были разстроены денежныя дѣла владѣльца имѣнія, хозяйство, движущееся единственно обязательнымъ трудомъ, будетъ идти своимъ порядкомъ,—и вы получите цѣлый рядъ причинъ разоренія нашего дворянства, которыхъ общій корень крѣпостное право.

Опровергать одно за другимъ всѣ возраженія г. Данилова противъ статьи „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", значило бы съ одной стороны доказывать давно признанныя всѣми истины, съ другой—далеко перейти за предѣлы настоящаго обозрѣнія. Скажемъ только, что цѣль этихъ доводовъ одна: доказать, во что бы то ни стало, необходимость, хотя относительную, обязательнаго труда. Не имѣя уже явно никакой возможности отстаивать этой мысли для цѣлаго государства, авторъ опирается на мнѣніе Тенгоборскаго, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ торговля и промышленность слабы, крестьянину удобнѣе отбывать свои повинности работой, нежели деньгами. Раздѣливъ подобныя мѣстности, обыкновенно называемыя глухими сторонами, на два вида: на хлѣбородныя, но очень удаленныя отъ торговыхъ пунктовъ, и на не хлѣбородныя и вмѣстѣ не мануфактурныя, авторъ говоритъ, что въ первыхъ хлѣбопашество, при отмѣнѣ обязательнаго труда, должно значительно уменьшиться въ размѣрѣ, а въ другихъ оно можетъ существовать только при этомъ условіи, и съ уничтоженіемъ его вовсе прекратится. Если бы это даже было справедливо, то кажется жалѣть не объ чемъ, такъ какъ уменьшиться при отмѣнѣ неестественныхъ условій можетъ только производство, искусственно развитое сверхъ должной мѣры, а уничтожиться совершенно излишнее; но мы и съ тѣмъ не согласны, такъ какъ мѣстности перваго рода съ улучшеніемъ путей сообщенія, которое мы надѣемся увидѣть въ весьма непродолжительномъ времени, перестанутъ быть глухими сторонами, а сдѣлаются житницами Россіи; въ краяхъ же, отнесенныхъ ко второму роду, гдѣ земледѣліе и теперь производится преимущественно женщинами для прокормленія ихъ самихъ, дѣтей и стариковъ, между тѣмъ какъ мужчины находятся на заработкахъ въ столицахъ, оно въ настоящемъ видѣ своемъ обусловливается не крѣпостнымъ правомъ, а необходимостью, и несмотря на уничтоженіе этого права, будетъ существовать въ томъ же видѣ.

Статья г. Клеофаса Дымши „О необходимости введенія ипотекарной системы" заключаетъ въ себѣ, кромѣ доводовъ объ этой необходимости, въ которой всѣ болѣе или менѣе убѣждены, нѣкоторыя предположенія о самомъ способѣ введенія ипотекъ. Для этого авторъ предлагаетъ:

1) Чтобы всѣ кредитныя учрежденія, правительственныя и судебныя мѣста и наконецъ частныя общества и лица въ назначенный срокъ дали знать надлежащимъ уѣзднымъ судамъ о всѣхъ числящихся на каждомъ имѣніи взысканіяхъ и претензіяхъ, причемъ помѣщики, владѣющіе нѣсколькими имѣніями въ разныхъ уѣздахъ, должны указать, на которое изъ нихъ они желаютъ отнести обезпеченіе каждаго изъ своихъ долговъ, а если не пожелаютъ это сдѣлать, то немедленно бы уплатили долгъ.

2) Чтобы въ то же время всѣ помѣщики предъявили судамъ актовое право [illegible] имѣніями, со всѣми относящимися къ нимъ нужными свѣдѣніями.

Digitized by Google

3) Чтобы судьи, заведя алфавитныя долговыя книги и внося въ нихъ полученныя свѣдѣнія, дополняли ихъ извлеченіемъ изъ дѣлъ своихъ и мѣстной гражданской палаты, внося въ эти книги выписки о всѣхъ производящихся по имѣніямъ спорахъ и тяжбахъ.

4 и 5) Чтобы впредь до составленія общей оцѣнки имѣніямъ владѣльцы не имѣли полнаго права отвѣтственной ипотеки, но получали изъ суда выписки, удостовѣряющія только мѣру свободности ихъ имѣній; въ самой же капитальной цѣнности имуществъ частныя лица, желающія вступить въ какія либо сдѣлки съ владѣльцами, могутъ удостовѣряться сами, а казенныя мѣста и кредитныя учрежденія—принимать ее на основаніи установленныхъ правилъ.

Эти предположенія намъ кажутся совершенно соотвѣтствующими своей цѣли и вполнѣ заслуживающими вниманія. Только введеніе ипотекарной системы можетъ положить твердое основаніе столь шаткому у насъ частному кредиту.

Въ двухъ статьяхъ своихъ „Земля въ пользованіе“ и „Назначеніе работъ по оцѣнкѣ за землю“ г. Н. Никифоровъ сначала доказываетъ, что при существовавшихъ до сихъ поръ условіяхъ хозяйства ни наемная, ни продажная цѣна земель не могутъ дать вѣрнаго понятія объ истинной цѣнности ихъ, которая можетъ быть выведена только изъ средняго дохода; потомъ, полагая, что чистый доходъ отъ хлѣбопашества можно съ нѣкоторою вѣрностью принять въ половину валоваго, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи земли отдаются подъ обработку изъ половиннаго урожая, авторъ исчисляетъ, что помѣщичій крестьянинъ въ центральныхъ губерніяхъ, надѣленный на тягло $1^1/_2$ десят. въ полѣ, $^1/_4$ десят. конопляника, 1 дес. луга и сверхъ того пользующійся выгономъ, получаетъ всего дохода съ пахатной земли 71 р. 64 коп., половина которыхъ составляетъ 35 р. 82 коп., а прибавивъ за лугъ наемной платы 3 р. 50 коп. и за выгонъ 1 р., всего 40 р. 34 коп. Принимая же во вниманіе, что къ цѣнѣ барщинныхъ работъ, которыя крестьянинъ отбываетъ за право пользованія этимъ доходомъ, слѣдуетъ прибавить стѣсненіе въ употребленіи свободныхъ дней, происходящее для него отъ необходимости работать на помѣщика въ назначенное время, авторъ считаетъ справедливымъ по примѣру Остзейскихъ губерній убавить за это одну шестую, вслѣдствіе чего изъ 40 р. 34 коп. слѣдуетъ отчислить 6 р. 62 коп., и останется 33 р. 62 коп. На основаніи этой цифры, считая мужской день

лѣтній конный въ	25	коп.
„ пѣшій „	20	„
зимній конный „	15	„
„ пѣшій „	10	„
Женскій день въ жниво „	20	„
лѣтній и весенній, кромѣ жнива, въ	10	„
зимній по короткости времени „	5	„

г. Никифоровъ полагаетъ справедливымъ обложить крестьянина, владѣющаго угодьями въ предположенномъ у него размѣрѣ, барщинной работой по 134 лѣтнихъ конныхъ дня, замѣняя нѣкоторое число этихъ дней пѣшими, зимними и женскими днями, соразмѣрно съ цѣнностью ихъ, такъ что выходитъ всего мужскихъ дней 120, въ томъ числѣ конныхъ 79, и женскихъ 123. Въ доказательство же справедливости своего разсчета, г. Никифоровъ приводитъ нынѣ существующее

Digitized by Google

въ Эстляндіи положеніе о барщинныхъ работахъ, исполняемыхъ крестьянами за землю, и, переводя употребляемые въ немъ размѣры угодій на русскіе, выводитъ, что отношеніе между количествомъ земли и числомъ рабочихъ дней въ немъ то-же самое.

Кромѣ нѣсколько уменьшенной оцѣнки крестьянскихъ рабочихъ дней (въ большей части мѣстностей центральной Россіи конный день въ рабочую пору стоитъ 35 коп.), разсчетъ г. Никифорова кажется намъ не совсѣмъ вѣренъ уже и по своему главному основанію, полагающему чистый доходъ равнымъ цѣлой половинѣ валоваго. Извѣстно, что чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ больше часть дохода, остающаяся на долю ренты. Въ Англіи и Франціи климатъ теплѣе, нежели въ Россіи. Но по де-Лаверню (Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre, 3-е изданіе. Парижъ, 1858, стр. 98) чистый доходъ составляетъ менѣе одной третьей части валоваго дохода, именно только 30%. Какимъ же образомъ у насъ можно считать его въ цѣлую половину? Одинъ изъ сотрудниковъ самого „Журнала Землевладѣльцевъ", г. Волковъ (Ж. З. № 12-й, отдѣленіе IV, стр. 99) находитъ, что одна только наемная плата за обработку, не считая процента и другія статьи оборотнаго капитала (т. е. не считая сѣмянъ, ремонта, амбаровъ, издержекъ по управленію) поглотитъ *болѣе двухъ третей* валоваго дохода: стало быть мы должны считать чистый доходъ менѣе чѣмъ въ одну треть валоваго. А если такъ, то разсчетъ г. Никифорова совершенно измѣняется, и по его собственнымъ основаніямъ слѣдуетъ считать на крестьянинѣ вмѣсто 33 р. 82 к., только 23 р. 20 коп., или еще менѣе. Это значитъ, что и число рабочихъ надобно, по его же основаніямъ, уменьшить на третью долю. Изъ этого мы видимъ, что если увеличить крестьянскій надѣлъ, хотя до двухъ десятинъ въ полѣ, то все-таки, согласно съ замѣченною нами разницею въ цѣнѣ рабочаго дня, итогъ барщинной работы нужно уменьшить на третью часть противъ того, что кладетъ г. Никифоровъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 10.

Изъ числа статей, помѣщенныхъ въ этомъ нумерѣ, мы замѣтимъ статью г. Протасьева „Предположенія объ устройствѣ крестьянъ Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи". За надѣлъ землею, примѣрно по семи десятинъ на тягло, авторъ полагаетъ назначить барщинной работы 93 дня или 28 руб. сер. оброка, съ обезпеченіемъ помѣщика круговою порукою міра, имѣющаго право принимать противъ неисправныхъ членовъ своихъ понудительныя мѣры, изъ которыхъ первая — принужденіе ихъ заработывать недоимочныя деньги въ свободное время, по опредѣленной таксѣ; сверхъ того авторъ считаетъ нужнымъ постановить, чтобы при рекрутскомъ наборѣ, на второй очереди послѣ штрафныхъ, состояли недоимщики, конечно за исключеніемъ тѣхъ, которые пострадали отъ какихъ нибудь несчастныхъ случаевъ: пожара, падежа скота и т. п., а совершенно неисправные отдаваемы были въ солдаты или въ распоряженіе правительства, съ продажею всего ихъ имущества на покрытіе недоимки, и чтобы отказывающіеся отъ установленной работы подвергались наказанію, какъ ослушники закона. Помѣщикамъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ по возможности устранять себя отъ столкновеній съ отдѣльными лицами, а стараться дѣйствовать на нихъ посредствомъ мірскаго управленія, которое не должно безусловно подчиняться власти помѣщика, а только состоять подъ

Digitized by Google

его контролемъ, въ родѣ того, какъ присутственныя мѣста второй инстанціи подчинены начальнику губерніи; только въ важныхъ поступкахъ противъ своего лица помѣщикъ долженъ имѣть право представлять крестьянъ въ уѣздное присутственное мѣсто для отдачи въ рекруты или удаленія изъ имѣнія. Подати должны быть взыскиваемы особымъ, избраннымъ крестьянами, сборщикомъ, а помѣщикъ совершенно освобождается отъ отвѣтственности за нихъ. Въ случаѣ такого требованія со стороны помѣщика, которое покажется крестьянину неправильнымъ, онъ можетъ обратиться въ мірское управленіе съ просьбою указать ему статью устава, на которой требованіе основано, и если статьи не окажется, то ему предоставляется жаловаться уѣздному правленію, а на опредѣленія этого присутствія апеллировать высшему начальству, но независимо отъ жалобы онъ долженъ исполнить требованіе, за неправильность котораго помѣщикъ отвѣчаетъ уплатою убытковъ втрое.

Крестьяне каждаго прихода составляютъ общество, подвѣдомственное одному мірскому или вотчинному правленію, состоящему, если въ приходѣ около 1,000 душъ, изъ трехъ, а если около 1,500, изъ пяти членовъ, избираемыхъ сходкою хозяевъ и носящихъ названіе старшинъ, которые при вступленіи въ должность приводятся къ присягѣ и изъяты на все время службы отъ рекрутства и тѣлеснаго наказанія, а жалованья получаютъ 30 руб. сер. въ годъ. Тому же правленію присвоивается и судебная власть: оно имѣетъ право подвергать крестьянъ за проступки наказанію розгами не свыше 40 ударовъ, налагать на нихъ штрафы работою или деньгами до 5 руб. и отдавать ихъ въ смирительные дома и арестантскія роты, срокомъ до 6 мѣсяцевъ. Впрочемъ дѣла, касающіяся собственно хозяйственнаго порядка, обсуживаются отдѣльно обществомъ крестьянъ каждаго помѣщика. Участіе въ дѣлахъ мірскаго управленія принадлежитъ изъ числа владѣльцевъ прихода только одному, избираемому прочими дворянами на три года и называемому помѣщикомъ-расправникомъ или вотчиннымъ начальникомъ, который утверждаетъ членовъ вотчиннаго правленія и обязанъ наблюдать за ходомъ дѣлъ, но безъ права рѣшительнаго голоса, такъ что, въ случаѣ его несогласія съ старшинами, дѣло переходитъ въ уѣздное правленіе, составляющее вторую инстанцію. Оно состоитъ изъ трехъ членовъ отъ крестьянъ, избираемыхъ на три года предварительно выбранными, по одному отъ каждаго прихода, представителями, и столькихъ же отъ дворянъ, и собирается, если нѣтъ особенно спѣшныхъ дѣлъ, разъ въ недѣлю; почему дворяне, не отвлекаясь этою службою отъ управленія своими имѣніями, могутъ служить безъ жалованья, а крестьяне получаютъ по пятидесяти руб. Если же по многочисленности дѣлъ признано будетъ нужнымъ установить ежедневныя засѣданія съ тѣмъ, чтобы члены жили въ городѣ, то дворянамъ назначается содержаніе по 500, а крестьянамъ по 120 руб. въ годъ. Въ порядкѣ судебномъ уѣздное правленіе никакому другому мѣсту не подчиняется и даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, по апелляціи же дѣла правленія переходятъ къ начальнику губерніи.

Дворовыхъ людей авторъ раздѣляетъ на три разряда. Къ первому относятся собственно слуги и должностные, никакому мастерству не обученные, которые могутъ быть или отпущены на волю безъ земли и безъ всякихъ ограниченій, или съ ихъ собственнаго согласія обращены въ крестьянъ. Ко второму—мастеровые, за обученіе которыхъ платилъ помѣщикъ: они должны оставаться въ обязанномъ состояніи, если помѣщикъ того пожелаетъ, пока не внесутъ уплаченной за нихъ

Digitized by Google

суммы или *соразмѣрнаго* съ нею выкупа; годъ службы, по выходѣ изъ ученія, зачисляется мужчинамъ за 25 руб., а женщинамъ за 15 руб. Дворовые третьяго разряда—земледѣльцы увольняются на тѣхъ же условіяхъ, какъ крестьяне. Старики свыше 55 л. остаются на попеченіи владѣльцевъ, равно и сироты, которыхъ они обязаны стараться обучить ремесламъ безъ платежа денегъ, посредствомъ отдачи на года, съ тѣмъ, чтобы по выходѣ изъ ученія молодые люди могли приписаться къ мѣщанскимъ или сельскимъ обществамъ.

Относительно всего этого мы должны замѣтить: за неуплату повинностей отдавать въ солдаты, съ продажею всего имущества, не мало ли такое наказаніе? Не лучше ли было колесовать или по крайней мѣрѣ ссылать въ каторгу? По мягкости сердца, мы готовы были бы согласиться на назначеніе каторги; но справедливость, какъ намъ кажется, требуетъ колесованія. Боже мой! неужели мы до сихъ поръ не совѣстимся не понимать, что по гражданскому иску уголовныя наказанія не могутъ быть назначаемы.

Для распространенія грамотности г. Протасьевъ полагаетъ сначала обязать сельскихъ священниковъ принять на себя обученіе хотя двухъ мальчиковъ на каждыя 100 душъ въ приходѣ и обратить особенное вниманіе на трехъ, четырехъ изъ способнѣйшихъ съ тѣмъ, чтобы они могли со временемъ быть хорошими учительскими помощниками, а въ вознагражденіе назначить священникамъ около 60 руб. въ годъ. Авторъ не опредѣляетъ, изъ какихъ средствъ должны производиться эти расходы, но повидимому полагаетъ отнести ихъ на особый сборъ съ крестьянъ, такъ какъ далѣе онъ говоритъ, что черезъ семь или восемь лѣтъ, когда взносы крестьянъ облегчатся, можно будетъ учредить училища въ большомъ размѣрѣ. На тотъ же источникъ повидимому предполагается отнести и расходъ по содержанію при каждомъ приходѣ богадѣльни, а въ каждомъ стану больницы: послѣдній долженъ простираться до 1,600 руб. сер. Хорошо, если все это дѣйствительно должно быть содержимо на счетъ крестьянъ. Мы, люди образованные, желаемъ просвѣтить ихъ,—такъ пусть они платятъ деньги. Кажется, прежде всего надобно бы сообразить: тяжелы или легки для нихъ повинности и подати и безъ этихъ прибавокъ.

Въ заключеніе своей статьи г. Протасьевъ говоритъ, что тогда только бытъ крестьянъ можно будетъ считать приведеннымъ въ удовлетворительное состояніе, когда:

1) въ каждомъ селѣ будетъ училище, въ которомъ всѣ безъ исключенія могутъ получать умственное и нравственное образованіе;

2) въ каждомъ приходѣ будетъ больница и богадѣльня;

3) застрахуются крестьянскія строенія отъ огня, скотъ отъ болѣзней. поля отъ града;

4) подъ рукою у крестьянъ будутъ фермы, гдѣ они могли бы научиться на опытѣ улучшенному хозяйству, и заведенія для обученія ремесламъ и мастерствамъ;

5) когда уничтожатъ кабаки, губящіе ихъ нравственно и матеріально. или по крайней мѣрѣ разрѣшатъ вольную продажу вина, которая доставитъ имъ средства безъ большихъ расходовъ удовлетворять столь сильной въ народѣ наклонности къ пьянству, что она можетъ казаться врожденною. Въ доказательство пагубнаго вліянія кабаковъ можно указать на государственныхъ крестьянъ.

При всемъ нашемъ сочувствіи къ первымъ четыремъ желаніямъ г. Протасьева,

Digitized by Google

мы однако же не можемъ раздѣлить мысль, выраженную въ пятомъ: по нашему мнѣнію, не кабакъ вреденъ, а происходящія въ продажѣ питей злоупотребленія, и если съ отмѣною откупной системы и введеніемъ вольной продажи вина онъ сдѣлается просто мѣстомъ розничной торговли хлѣбнымъ виномъ, гдѣ крестьянинъ будетъ имѣть возможность за сходную цѣну удовлетворять не страсти къ пьянству а естественной потребности сѣвернаго жителя, то пускай кабакъ продолжаетъ свое существованіе. Что же касается до упоминаемой авторомъ страсти, то она, при такомъ пониженіи цѣнъ на вино, которое дастъ возможность крестьянину употреблять его ежедневно, будетъ встрѣчаться гораздо рѣже, а при постепенномъ распространеніи въ народѣ образованія даже сдѣлается исключеніемъ.

Г. Протасьевъ, говоря о барщинной или оброчной повинности крестьянъ за занимаемую ими землю, ничего не говоритъ о выкупѣ усадебъ; вѣроятно онъ думаетъ, что при взиманіи платы за пахатную землю и полевыя угодья платежъ за усадьбу былъ бы двойнымъ взиманіемъ за одну цѣнность. Мы не можемъ не одобрить такого мнѣнія. Нѣкоторыя изъ его предположеній объ устройствѣ мірскаго управленія намъ кажутся довольно основательными. Тѣмъ не менѣе при этой организаціи, какъ и при всякой другой, крестьяне обрабатывающіе чужую землю не по добровольному, а по опредѣленному извнѣ договору, неминуемо будутъ поставлены въ непріязненныя отношенія къ землевладѣльцамъ; для этого не нужно ни особенныхъ притязаній со стороны помѣщика, ни большаго своеволія со стороны крестьянъ; враждебность отношеній явится необходимымъ послѣдствіемъ сложности и неопредѣленности ихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно нѣсколько вникнуть, при разсмотрѣніи всевозможныхъ проэктовъ такого рода, въ смыслъ статей, опредѣляющихъ степень зависимости мірскаго управленія крестьянъ отъ помѣщика. Единственное средство, могущее устранить эту запутанность отношеній—выкупъ земли, чрезъ посредство кредитной операціи погашеніемъ долга въ болѣе или менѣе продолжительное время,—который сразу обезпечитъ прочнымъ образомъ благосостояніе помѣщиковъ и поставитъ общину въ независимое и совершенно опредѣленное положеніе.

Къ статьѣ г. Протасьева приложено составленное имъ, по примѣненію къ мѣстнымъ условіямъ края, урочное положеніе и дополнительная записка объ обработкѣ земли наймомъ, изъ которой видно, что наемный работникъ съ работницей, которые замѣнятъ собою два полныхъ мужскихъ и женскихъ тягла, со всѣми причитающимися расходами на содержаніе и ремонтъ лошадей, орудій, строеній и пр., будутъ стоить помѣщику 88 р. сер.; при поденномъ же наймѣ обработка полевой десятины съ обмолотомъ хлѣба и доставкой на пристань, принимая въ кругломъ счетѣ и паровую десятину, обойдется въ 5 р. 14 к., а уборка луговой въ 1 р. 60 к.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 11.

Статья г. П. Сумарокова „Данныя для поземельнаго кредита въ хлѣбородныхъ губерніяхъ Россіи“, въ числѣ разныхъ свѣдѣній объ иностранныхъ и русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, заключаетъ въ себѣ весьма любопытную таблицу курса закладныхъ листовъ, выданныхъ обществами Силезскимъ, Бранденбургскимъ Померанскимъ, Западной Пруссіи, Восточной Пруссіи и Познанскимъ, съ 1807 по 1848 годъ. Изложивъ вообще недостатки нашей системы поземельнаго кредита,

Digitized by Google

авторъ обращается къ вопросу о выкупѣ крестьянской земли и указываетъ на удобства, представляемыя лучшею организаціею кредита, для пріобрѣтенія крестьянами, съ весьма незначительными чистыми деньгами, участковъ, достаточныхъ для обезпеченія ихъ благосостоянія.

Изъ другихъ статей этого нумера замѣтимъ статью „По крестьянскому вопросу", князя Шаховскаго. Авторъ, выразивъ свое полное сочувствіе къ мысли о выкупѣ земель, находящихся во владѣніи крестьянъ, въ собственность ихъ, съ немедленнымъ освобожденіемъ ихъ отъ власти помѣщиковъ, изъявляетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы они, при многолѣтней привычкѣ къ постоянному за ними наблюденію и при недостаткѣ энергіи, произведенномъ въ нихъ крѣпостнымъ состояніемъ, были способны настолько усвоить себѣ свое новое положеніе, чтобы, ведя свое хозяйство совершенно самостоятельно, безнедоимочно уплачивать проценты и капиталъ лежащаго на нихъ за выкупленную землю долга. Для избѣжанія недоимокъ и доставленія имъ возможности пріобрѣтать самостоятельность по мѣрѣ развитія въ нихъ трудолюбія и надлежащей разсчетливости, князь Шаховской полагаетъ: оцѣнивъ всѣ состоящія въ пользованіи крестьянъ земли и угодья и составивъ подробную таксу на всѣ полевыя работы, обложить сначала каждое тягло барщинными работами въ такомъ размѣрѣ, чтобы стоимость ихъ, считая не по днямъ, а по обработанной землѣ, составила на цѣнность состоящей въ пользованіи тягла земли семь процентовъ. Изъ числа этихъ семи процентовъ авторъ полагаетъ шесть собственно въ доходъ помѣщика, какъ нормальный размѣръ нынѣ получаемаго дохода съ населенныхъ имѣній, и одинъ на составленіе выкупнаго капитала. За работы, составляющія седьмой процентъ, помѣщикъ обязанъ вносить приходящуюся сумму въ губернское присутственное мѣсто, которое будетъ учреждено для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ. Между тѣмъ крестьянамъ должно быть объявлено что кто изъ нихъ желаетъ освободиться отъ барщинной работы, тотъ долженъ къ 1 марта внести сполна, впередъ за годъ, оброкъ, равный цѣнности причитающихся съ него работъ. Съ переходомъ на оброкъ соединяются всѣ права свободнаго состоянія; только за накопленіе значительной недоимки крестьянинъ опять переводится на барщину. Естественно, что первые воспользуются этимъ предложеніемъ самые зажиточные между крестьянами; но затѣмъ и другіе, побуждаемые ихъ примѣромъ, будутъ стараться также освободиться отъ барщины; а для того, чтобы въ имѣніяхъ, гдѣ много зажиточныхъ крестьянъ, отъ внезапнаго перехода слишкомъ большаго числа тяголъ на оброкъ, не произошло затрудненія въ работахъ, предоставляется помѣщику право перечислять съ каждымъ годомъ на оброкъ не болѣе одной двѣнадцатой полнаго числа: такимъ образомъ авторъ надѣется, что въ нѣсколько лѣтъ большая часть тяголъ перейдутъ на оброкъ, на барщинѣ же останутся только самые бѣдные и неспособные, но и тѣ, постоянно побуждаемые желаніемъ освободиться отъ нея, наконецъ найдутъ средства достигнуть этого. Изъ оброка, такъ же какъ изъ цѣны работъ, помѣщикъ обязуется вносить седьмую часть на составленіе выкупнаго капитала, и изъ этихъ ежегодныхъ взносовъ, составляющихъ одинъ процентъ съ цѣнности всѣхъ крестьянскихъ земель, будутъ составляться значительныя суммы. Губернское мѣсто, завѣдывающее ими, будетъ ежегодно вызывать желающихъ къ полученію капитальной суммы. Если явится желающихъ больше противъ количества собранныхъ денегъ, то преимущество отдается тому, кто сдѣлаетъ противъ оцѣнки большую уступку. Получившій сполна

Digitized by Google

всю оцѣночную сумму теряетъ всякое право на крестьянъ и земли ихъ, а они продолжаютъ платить по прежнему до окончательнаго выкупа всѣхъ земель въ губерніи. Не разобранныя владѣльцами деньги могутъ быть отдаваемы для приращенія процентами въ Опекунскій Совѣтъ. При самыхъ благопріятныхъ для этого денежнаго оборота условіяхъ, то есть если вносимыя на выкупъ суммы будутъ каждый годъ разбираться, всѣ крестьянскія земли могутъ быть выкуплены черезъ 33 года, а при самыхъ худшихъ, предполагая приращеніе 3-мя процентами, въ 47 лѣтъ. 4-мя въ 41 годъ. По окончаніи этого срока останутся невыкупленными только тѣ земли, которыхъ владѣльцы не захотятъ ихъ продать. Крестьяне такихъ имѣній могутъ или положить составившійся для нихъ капиталъ въ кредитное учрежденіе, тогда процетны будутъ почти достаточны для уплаты владѣльцу ренты, а при болѣе выгодномъ употребленіи даже превзойдутъ ее, или купить земли въ другомъ мѣстѣ и перейти на нихъ, причемъ имѣютъ право перенести съ собою всѣ свои постройки.

Если бы мы раздѣляли съ княземъ Шаховскимъ его недовѣріе къ практическимъ способностямъ русскаго крестьянина и если бы считали возможнымъ растягивать существованіе барщины и обременительныхъ уплатъ за выкупъ на 33 или болѣе года, то можетъ быть и нашли бы въ его проэктѣ какія нибудь стороны преимущества передъ нѣкоторыми другими проэктами подобнаго рода; но и въ этомъ случаѣ мы признали бы необходимымъ сдѣлать уступку этихъ земель, за уплату стоимости ихъ по оцѣнкѣ изъ крестьянскаго капитала, обязательною для помѣщиковъ, такъ какъ крестьяне, выплативъ эту сумму деньгами или работой и сверхъ того платя столько лѣтъ на нее обременительный процентъ, неоспоримо пріобрѣтаютъ право на воздѣлываемую ими землю, тѣмъ болѣе, что къ истеченію выкупнаго срока цѣны на землю должны значительно возвыситься, вслѣдствіе чего крестьяне съ своимъ капиталомъ не будутъ въ состояніи пріобрѣсти тогда такое количество земли, какъ нынѣ, и сочтутъ себя (впрочемъ весьма справедливо) обиженными противъ сосѣдей.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 12.

Статья г. Селиванова „Объ усадьбахъ". Авторъ начинаетъ исчисленіемъ различныхъ неудобствъ, могущихъ оказаться при отводѣ усадебъ и полевыхъ земель крестьянамъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ домъ помѣщика и всѣ хозяйственныя строенія его находятся посреди деревни. До сихъ поръ, говоритъ г. Селивановъ, три поля, принадлежащія крестьянамъ, располагались около деревни такимъ образомъ, чтобы къ каждому изъ нихъ можно было проѣхать, не переѣзжая другаго, и чтобы, во время нахожденія его въ пару, скотъ могъ быть прогоняемъ безъ потравы другихъ полей. Но земли ближайшія къ деревнѣ, будучи ежегодно лучше другихъ удобряемы, пріобрѣли большую цѣнность, и потому нельзя ожидать, чтобы помѣщикъ нашелъ возможнымъ эти земли отдать крестьянамъ, а вѣроятно будутъ отдѣлены имъ другія, болѣе отдаленныя. Такимъ образомъ не только уничтожится прежнее удобство особаго проѣзда къ каждому полю, но еще усадьбы крестьянъ будутъ отдѣляться отъ выдѣленныхъ имъ полевыхъ земель землями помѣщика, по которымъ они должны будутъ ежедневно и сами проѣзжать и прогонять скотъ.

Digitized by Google

Сверхъ того при слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ лицъ, ведущихъ совершенно различный образъ жизни, могутъ безпрерывно отъ всевозможныхъ мелочей встрѣчаться поводы къ столкновеніямъ, имѣющитъ чисто личный характеръ. Для избѣжанія этихъ неудобствъ авторъ предлагаетъ, чтобы въ подобныхъ имѣніяхъ помѣщику предоставлено было право отвести крестьянамъ мѣсто для усадебъ внѣ деревни, гдѣ окажется удобнѣе, и непремѣнно къ тѣмъ полямъ, которыя будутъ отведены имъ въ пользованіе,—но за то безъ всякаго вознагражденія и съ принятіемъ на его счетъ всѣхъ издержекъ по переселенію. Принятіе этого пожертвованія, гдѣ помѣщикъ пожелаетъ его сдѣлать, авторъ полагаетъ признать для крестьянъ обязательнымъ, а самый выборъ мѣстъ предоставить добровольному соглашенію.

Мы должны сдѣлать объ этомъ слѣдующія замѣчанія. Если слишкомъ близкое сосѣдство помѣщичьей усадьбы съ крестьянскими окажется для кого нибудь неудобнымъ, когда крестьяне будутъ освобождены, недовольному сосѣдствомъ будетъ полная воля переселяться куда ему угодно; разумѣется, если онъ хочетъ, онъ будетъ имѣть полное право испытывать и другое средство: онъ можетъ убѣждать непріятныхъ ему сосѣдей переселиться отъ него,—разумѣется, тутъ будетъ уже полюбовная сдѣлка, которая тогда будетъ дѣйствительно добровольною,—качество, котораго не имѣла бы она при переселеніи крестьянъ до освобожденія. Во всякомъ случаѣ, мы не находимъ, чтобы въ предполагаемой безденежной уступкѣ крестьянамъ мѣстъ для усадебъ заключалось дѣйствительное пожертвованіе, потому что помѣщикъ, взамѣнъ приходившагося ему вознагражденія, которое за какія нибудь 1,400—1,600 кв. саж. полевой земли не можетъ быть слишкомъ значительно, пріобрѣтаетъ не только старую селитьбу, составляющую нѣсколько десятинъ превосходно удобренной земли, которая стоитъ въ пять или шесть разъ дороже, чѣмъ такой же участокъ въ другомъ мѣстѣ, но еще сверхъ того лучшія изъ крестьянскихъ полей. Въ имѣніяхъ, расположенныхъ такимъ образомъ, какъ описываетъ г. Селивановъ, обыкновенно примыкаютъ къ селенію съ одной стороны господскія, съ другой крестьянскія поля, и потому намъ казалось бы что черезполосности тутъ еще нѣтъ. Невыгодность предполагаемаго авторомъ обмѣна видна уже и изъ того, что онъ предлагаетъ сдѣлать принятіе его для крестьянъ обязательнымъ. Вообще переселеніе крестьянъ съ воздѣланныхъ ими мѣстъ на невоздѣланныя мы полагали бы допустить не иначе, какъ по освобожденіи крестьянъ. Если же дѣлать переселеніе принудительнымъ для крестьянъ при самомъ освобожденіи, крестьянскія хозяйства разстроятся отъ принужденнаго переселенія.

Г. Башкатова „Предположенія о будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и густо населенныхъ". Авторъ находитъ, что для сохраненія хорошихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами надобно, чтобы они были какъ можно менѣе связаны искусственнымъ образомъ, и потому полагаетъ развязать настоящія отношенія ихъ способомъ простымъ, но невозможнымъ въ исполненіи, по своему рѣшительному несогласію съ національными обычаями и всѣмъ бытомъ нашимъ; а именно, онъ полагаетъ: надѣлить крестьянъ на душу такимъ количествомъ земли, которое бы вмѣстѣ съ усадебною составило на душу цѣнность въ 50 р. сер.; немедленно заложить эту землю на 33 года въ кредитномъ учрежденіи въ полную цѣну и удовлетворить за нее помѣщика, обязавъ крестьянъ уплачивать проценты и погашать долгъ; перевести ихъ на новыя мѣста,

Digitized by Google

гдѣ окажется нужнымъ, съ пособіемъ отъ владѣльца по назначенію комитета, и затѣмъ прекратить всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. При этомъ авторъ полагаетъ цѣнить старую усадебную землю, гдѣ она останется за крестьянами, 50 процентами дороже полевой, и надѣется, что переходъ ихъ въ новое положеніе могъ бы быть совершенно оконченъ въ три года. Но если выкупается полевая земля, то за усадьбы уже не должно полагать еще особенной платы: вѣдь онѣ собственно не приносятъ никакого дохода помѣщику отдѣльно отъ земли, да и сами по себѣ не имѣютъ для него никакой продажной цѣнности. Сверхъ того, если надѣлъ по 50 р. на душу предполагается авторомъ менѣе настоящаго надѣла, такое освобожденіе было бы для крестьянъ хуже крѣпостнаго права; отбирать у крестьянъ часть той земли, которою они теперь пользуются, значило бы не улучшать, а сдѣлать худшимъ прежняго ихъ быть. Но быть можетъ авторъ полагаетъ, что и за настоящій надѣлъ вмѣстѣ съ усадьбами не надобно полагать болѣе 50 р. на душу? Если такъ, онъ дѣйствительно желаетъ пользы крестьянамъ, да и самимъ помѣщикамъ, которые останутся сами въ убыткѣ, если освобожденіе станетъ производиться невыгоднымъ для крестьянъ образомъ. Что касается его мысли о необходимости развязать всякія обязательныя отношенія между помѣщикомъ и крестьянами, этотъ взглядъ есть единственный справедливый и практичный взглядъ.

Статья г. С. Волкова „Объ отдачѣ земель въ аренду и о вольнонаемномъ трудѣ“ начинается весьма справедливыми соображеніями о невыгодахъ барщины, на которой, по мнѣнію автора, ежедневно пропадаетъ по крайней мѣрѣ четвертая часть употребляемыхъ на хлѣбопашество рабочихъ силъ, что составляетъ въ годъ ничѣмъ не вознаградимаго убытка до 28.600,000 р. сер. Затѣмъ авторъ исчисляетъ неудобства, могущія встрѣтиться при отдачѣ земель крестьянамъ въ аренду: изъ нихъ главное, по его мнѣнію, и служащее корнемъ всѣмъ прочимъ, есть отдаленность полей, нынѣ составляющихъ запашку помѣщика, отъ крестьянскихъ дворовъ, вслѣдствіе которой крестьяне не будутъ имѣть возможности унаваживать ихъ, и земли, истощаемыя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, совершенно потеряютъ цѣну. Что же касается до обработки наймомъ, то она, по мнѣнію г. Волкова, не для всѣхъ возможна, потому что требуетъ затраты значительныхъ капиталовъ и независимо отъ того поглотитъ двѣ трети валоваго дохода, до 25 р. сер. съ десятины,—цѣна до такой степени огромная, что она можетъ относиться развѣ только къ самымъ промышленнымъ уѣздамъ Московской губерніи. По всѣмъ этимъ причинамъ авторъ полагаетъ, что самымъ выгоднымъ способомъ хозяйства какъ для Московской губерніи, такъ и для всего сѣвернаго края, слѣдуетъ признать половщину, или половничество, между прочимъ и потому, что при этой организаціи сельскаго труда работникъ, который долженъ получить половину урожая, имѣетъ прямой интересъ трудиться добросовѣстно. Стоимость этого способа обработки для землевладѣльца та же, что при наемной обработкѣ, такъ какъ кромѣ земли онъ дастъ и удобреніе; но за то онъ избавляется отъ большой части предварительныхъ расходовъ. Впрочемъ авторъ сознается, что въ настоящее время еще нѣтъ возможности безошибочно судить, какъ о стоимости наемной обработки вообще, такъ и о томъ, что будетъ выгоднѣе: содержаніе ли постоянныхъ батраковъ или наемъ поденщиковъ.

Половничество—система вовсе несправедливая въ нашихъ сѣверныхъ зем-

Digitized by Google

ляхъ; оно обременительно даже и въ Южной Франціи. У насъ чистый доходъ, какъ мы уже замѣчали, едва ли составляетъ и 30 процентовъ валоваго дохода. Какъ бы то ни было, въ промышленныхъ и сильно населенныхъ губерніяхъ, каковы Московская, Владимірская и Ярославская, половничество, по нашему мнѣнію, можетъ быть только скоро переходящимъ фазисомъ сельскаго хозяйства, какъ бы переходомъ отъ обязательнаго труда къ совершеннѣйшимъ формамъ земледѣлія. Мы не сомнѣваемся, что съ измѣненіемъ условій сельскаго быта капиталы, до сихъ поръ никогда почти не обращавшіеся у насъ къ хозяйству, въ числѣ другихъ путей исхода направятся и на этотъ, одинъ изъ самыхъ выгодныхъ; по самому признанію г. Волкова суммы, употребленныя имъ на хозяйственныя улучшенія, приносятъ ему 15 процентовъ. Тогда указываемое авторомъ затрудненіе къ успѣшному арендованію крестьянами земель—отдаленность помѣщичьихъ полей отъ деревень уничтожится устройствомъ среди самыхъ отдаваемыхъ въ аренду земель нужнаго числа отдѣльныхъ дворовъ или фермъ, которыя конечно не останутся безъ съемщиковъ; съ другой стороны и самая обработка обширныхъ дачъ наймомъ, со введеніемъ улучшенныхъ способовъ хозяйства и при существующихъ уже теперь высокихъ цѣнахъ на всѣ естественныя произведенія, распространится повсемѣстно и будетъ приносить значительныя выгоды предпріимчивымъ капиталистамъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 13-й.

Г. И. Сабурова „Соображенія, касающіяся до улучшенія быта крестьянъ“. Изъ этихъ соображеній мы узнали, что комитетамъ невозможно будетъ отчетливо окончить свое дѣло безъ точнаго объясненія того хозяйственнаго положенія, въ которомъ находятся помѣщики и крестьяне; что дворянство не должно считать этого дѣла легкимъ; что оно повсемѣстно будетъ имѣть самое сильное вліяніе на земледѣліе, и нѣсколько другихъ столь же несомнѣнныхъ истинъ. Изъ мыслей, не принадлежащихъ къ этому разряду, мы замѣтили одну, также весьма справедливую, что крѣпостное право, въ отношеніи къ земледѣльческимъ имѣніямъ, тягостно не *столько* по юридическому, политическому и хозяйственному своему значенію, *сколько* по тѣмъ злоупотребленіямъ, которымъ оно служитъ опорою. Дѣйствительно по злоупотребленіямъ крѣпостное право нерѣдко составляло зло рѣшительно *невыносимое*; а тамъ, гдѣ они не доходили до высшей степени, *могло* быть вынесено, что самымъ очевиднымъ образомъ доказывается огромнымъ числомъ людей, его выносившихъ.

Статья г. Н. Волкова „Соображенія объ устройствѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи“. Эта статья начинается изображеніемъ, и должно отдать автору справедливость, весьма вѣрнымъ, безчисленныхъ неудобствъ и затрудненій, сопряженныхъ съ барщинною организаціей сельскаго труда во время переходнаго состоянія. „Положимъ, говоритъ авторъ, — крестьянинъ дурно пашетъ, не ровно сѣетъ, высоко коситъ, и т. д., —нужно тотчасъ бѣжать въ присутствіе, звать члена; иначе черезъ нѣсколько часовъ не будетъ уже никакой возможности поправить дѣло и взыскать съ виновнаго. Явится членъ, крестьянинъ станетъ оправдываться, отнѣкиваться, сваливать вину на другаго и т. д. Что тогда дѣлать?“ Если допустить безконтрольное право взыскивать по жалобѣ помѣщиковъ—это значитъ оста-

Digitized by Google

вить крестьянъ въ прежней или еще худшей зависимости; если же члены правленія будутъ находиться подъ вліяніемъ крестьянъ, помѣщикъ не только лишится всего, предоставленнаго ему по новому положенію, дохода, но постоянно будетъ играть жалкую и смѣшную роль человѣка, не получающаго удовлетворенія на свои справедливыя жалобы. Наконецъ, предположивъ даже невозможное, составъ присутствія изъ членовъ совершенно добросовѣстныхъ, какія же взысканія установить за дурно исполненные рабочіе уроки? Тѣлесное наказаніе можетъ быть допущено только за уголовныя преступленія по суду, а примѣнять его къ упущеніямъ въ исполненіи обязательной работы безчеловѣчно, безнравственно и несовременно. Денежный штрафъ также непримѣнимъ: у большей части крестьянъ, особенно у нерадивыхъ, нѣтъ гроша за душой. Объ арестѣ даже и говорить смѣшно: какого размѣра нуженъ былъ бы домъ, чтобы ввести систему одиночнаго заключенія? А ввести нужно было бы именно эту систему, иначе лѣнивые крестьяне будутъ стараться попасть подъ арестъ. Послѣдній способъ наказанія—принужденіе за дурно исполненную работу отработать лишнее число дней, надавалъ бы помѣщикамъ, при неизбѣжномъ вліяніи ихъ на присутствіе, столько штрафныхъ дней, что число ихъ далеко превзошло бы размѣръ трехдневной барщины, слѣдовательно улучшеніе быта крестьянъ осталось бы одною мечтой.

Единственнымъ средствомъ къ избѣжанію такихъ ложныхъ и неестественныхъ отношеній авторъ признаетъ выкупъ и, переходя къ опредѣленію слѣдующаго помѣщикамъ вознагражденія, говоритъ, что безразсудно было бы требовать уплаты, соразмѣрной съ количествомъ получавшагося, при крѣпостномъ правѣ и злоупотребленіяхъ его, дохода отъ имѣній, и потому разсчетъ слѣдуетъ дѣлать единственно на основаніи продажной стоимости ихъ. Для примѣра г. Волковъ беретъ имѣніе въ 100 ревизскихъ душъ, съ 450 десятинами земли, которое, по настоящимъ среднимъ цѣнамъ—240 рубл. сер. за душу, стоитъ 24,000 рубл.; если въ этомъ имѣніи надѣлить крестьянъ по $1^1/_2$ десят. на душу, то у помѣщика останется 300 десят., цѣною по 40 руб., всего на 12,000 рубл., слѣдовательно, чтобы быть вознагражденнымъ за понесенную имъ потерю, онъ долженъ получить 12,000 рубл. или по 120 рубл. за ревизскую душу, вмѣсто которыхъ правительство можетъ выдать четырехпроцентныя облигаціи по 125 рубл. сер., съ погашеніемъ ихъ крестьянами по банковому разсчету и съ выдачею капитала по тиражу. Для ускоренія уплаты авторъ полагаетъ даже на первое время употреблять на нее капиталы, внесенные въ кредитныя установленія съ благотворительными цѣлями, и всѣ дворянскія суммы, съ возвратомъ израсходованныхъ денегъ изъ поступающаго съ крестьянъ сбора,—и сверхъ того предоставить помѣщикамъ облигаціями взносить установленный въ привилегированныхъ губерніяхъ акцизъ за винокуреніе, и платить за работу крестьянамъ, для чего долженъ быть установленъ размѣнъ облигацій на извѣстное число контрмарокъ.

Насколько вѣрна, по нашему мнѣнію, начертанная г. Н. Волковымъ картина затрудненій и безпорядковъ, сопряженныхъ съ барщиною во время срочно-обязаннаго состоянія, настолько же пристрастнымъ кажется намъ разсчетъ вознагражденія помѣщикамъ. Хотя авторъ и говоритъ, что это вознагражденіе должно быть соображено не съ получаемыми при крѣпостномъ правѣ доходами, а съ продажною цѣною имѣній, но на чемъ основана эта продажная цѣна, если не на получавшихся до сихъ поръ доходахъ? Въ приведенномъ здѣсь примѣрѣ, владѣлецъ 450 дес.,

Digitized by Google

стоящихъ по словамъ самого автора по 40 р. сер. за дес., за отходящія отъ него 150 дес. долженъ бы былъ получить, по цѣнности земли, не 12,000 р., какъ разсчитываетъ г. Волковъ, а 6,000 р. сер., съ нѣкоторою прибавкою за усадебныя земли, если только онѣ не заключаются въ предположенномъ надѣлѣ $1^1/_2$ дес. на душу, остальные же 6,000 р. составили бы выкупъ личности крестьянъ, котораго въ настоящее время перестали требовать и самые настойчивые приверженцы крѣпостнаго права. Притомъ и самый надѣлъ по $1^1/_2$ дес. на душу, слѣдовательно $3^3/_4$ дес. примѣрно на тягло, слишкомъ малъ, чтобы обезпечить надлежащимъ образомъ не только благосостояніе крестьянъ, но и платежъ по 6 р. 25 коп. съ души, составляющій 5% на сумму, вдвое большую противъ цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Что же касается до предположеній автора о платежѣ виннаго акциза въ казну облигаціями и задѣльной платы крестьянамъ контрмарками, то первое, кажется намъ, могло бы быть принято, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями и, въ особенности при повсемѣстной отмѣнѣ откупной системы, значительно бы ускорило непосредственное удовлетвореніе помѣщиковъ, а второе едва ли оказалось бы удобнымъ на практикѣ, по самому неудобству примѣненія къ мелкимъ суммамъ процентнаго разсчета, составляющаго главное условіе обращенія всякаго рода облигацій.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 14-й.

А. Потулова „Общая формула для оцѣнки поземельныхъ угодій и крестьянскихъ повинностей". Основною единицею, для опредѣленія поземельнаго дохода, авторъ принимаетъ доходъ съ десятины, засѣянной рожью, и сравнительно съ нимъ опредѣляетъ цѣнность сѣнокосовъ, вагоновъ, усадебной и огородной земли.

Отношеніе этихъ цѣнностей, также и цѣнности урожая яроваго хлѣба къ доходу отъ ржи, зависитъ отъ мѣстности имѣнія и отъ мѣстныхъ промысловъ, и авторъ, по разнообразію этихъ условій, раздѣляетъ имѣнія: во-первыхъ, на исключительно земледѣльческія, земледѣльческія и промышленныя; во-вторыхъ, на подгороднія, близгороднія и дальнія; и затѣмъ еще подраздѣляетъ промышленныя имѣнія на такія, въ которыхъ крестьяне занимаются промыслами дома или по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ мѣстностяхъ, и такія, изъ которыхъ они для промысловъ отлучаются въ дальнія мѣста и на продолжительные сроки. Для каждаго изъ этихъ разрядовъ г. Потуловъ полагаетъ особую норму отношенія дохода отъ земель, состоящихъ подъ усадьбами, лугами и проч., къ доходу отъ ржи. Основная идея автора относительно оцѣнки усадебъ состоитъ въ томъ, что отъ какихъ бы промысловъ или занятій крестьянинъ ни получалъ свой доходъ, его всеже слѣдуетъ считать поземельнымъ доходомъ, такъ какъ полученіе его обусловливается владѣніемъ землею, или по крайней мѣрѣ усадьбою, а потому и часть, приходящаяся на долю помѣщика, должна быть принимаема за доходъ отъ земли. Какъ на самый яркій примѣръ осуществленія этой идеи, авторъ указываетъ на нѣкоторыя имѣнія въ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне вовсе не занимаются земледѣліемъ, но живутъ весьма зажиточно, платя по 10, по 15 и болѣе рублей оброка съ тягла, такъ что, по получаемому съ него помѣщикомъ доходу, полудесятинный участокъ усадебной земли стоитъ отъ 400 до 600 руб. сер. Въ такихъ имѣніяхъ, считая валовой доходъ съ полудесятины ржи въ 10 рубл., ренту рав-

Digitized by Google

ною $^1/_3$ этой суммы—3 р. 33 к. сер., а оброкъ съ тягла въ 20 рубл., по разсчету г. Потулова, доходъ съ усадебной земли въ 6 разъ болѣе получаемаго отъ ржи—высшая мѣра этого дохода. Напротивъ въ селеніяхъ исключительно земледѣльческихъ и притомъ отдаленныхъ отъ городовъ, доходъ съ усадебной земли принимается только въ полтора раза противъ дохода отъ ржи, а остальные разряды селеній находятся между двумя крайностями.

Обращаясь затѣмъ къ распредѣленію валоваго дохода между владѣльцами и крестьянами, авторъ говоритъ, что самой справедливой нормы для него надобно искать въ мѣстномъ обычаѣ осносительно найма земель, съ нѣкоторымъ пониженіемъ цѣны въ пользу крестьянъ, платящихъ ренту деньгами. Такимъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ наемщики обрабатываютъ землю за $^1/_3$ произведеній, крестьяне должны быть обложены оброкомъ въ $^4/_7$ (не много менѣе $^2/_3$) получаемаго ими дохода, а гдѣ наемщики отдаютъ половину урожая, оброкъ долженъ быть $^3/_7$ (нѣсколько менѣе $^1/_2$).

Чтобы лучше объяснить примѣненіе этихъ положеній, авторъ беретъ въ примѣръ промышленное имѣніе въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ, по его мнѣнію, доходъ съ усадебной земли въ 6 разъ болѣе получаемаго отъ ржи, отъ яроваго поля равенъ ему, а съ луга и выгона составляетъ $^3/_4$ его; крестьяне надѣлены $^1/_2$ дес. земли подъ усадьбами, 1 дес. въ каждомъ полѣ, и $^1/_2$ дес. луга съ выгономъ,—всего 5 дес. Урожай ржи, за исключеніемъ сѣмянъ по три четверти съ десятины, а цѣна ржи 4 руб. 50 коп., слѣдовательно доходъ съ ржаной десятины 14 руб., оброкъ съ тягловой земли предположенъ въ $^1/_3$ валоваго дохода.

Валовой доходъ съ тягловаго участка:

Съ $^1/_2$ дес. усадебной и огородной земли	42 р.	
„ десятины ржи	14 „	
„ десятины яроваго	14 „	
„ $^1/_2$ десятины луга и выгона . . .	15 „	75 к.
Итого . . .	85 р.	75 к.
Оброкъ съ тягла	28 р.	60 к.

Для опредѣленія стоимости исполняемыхъ крестьянами земледѣльческихъ работъ, авторъ предполагаетъ, что хотя она въ дѣйствительности менѣе дохода, получаемаго отъ тягловой земли, но ее слѣдуетъ считать равною этому доходу, съ тѣмъ, чтобы крестьяне имѣли копѣйку на черный день и работали на помѣщика не по точному разсчету стоимости работъ, а нѣсколькими процентами выше: при этомъ условіи, по мнѣнію автора, трудъ ихъ во время переходнаго состоянія не будетъ ниже свободнаго труда. Согласно съ этимъ положеніемъ, г. Потуловъ считаетъ, что самая справедливая цѣна рабочаго дня получится, если цифру валоваго дохода, получаемаго крестьяниномъ отъ тягловаго участка, раздѣлить на все число рабочихъ дней, необходимое ему для исполненія какъ барщинныхъ, такъ и своихъ домашнихъ работъ.

Мы не видимъ, къ чему бы послужило на практикѣ предположеніе автора объ опредѣленіи дохода съ каждаго рода земель по сравненію съ доходами отъ земли, находящейся подъ рожью, такъ какъ эти доходы могутъ быть всего лучше опредѣлены дѣйствительною цѣнностью средняго урожая; принятіе же особой, неизмѣнной формулы для каждаго рода имѣній невозможно, по безконечному разно-

Digitized by Google

разію мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, и по невозможности провести опредѣ-
нную черту раздѣла, напр. между имѣніями, исключительно земледѣльческими,
просто земледѣльческими, слѣдовательно заключающими въ себѣ нѣкоторые на-
тки промышленности, и между этими имѣніями и промышленными. Что же ка-
ется до огромной цѣнности земель тамъ, гдѣ крестьяне хлѣбопашествомъ вовсе
занимаются, основанной на получаемыхъ ими промысловыхъ выгодахъ отъ уса-
бъ, то эту цѣнность мы признаемъ дѣйствительно только въ такомъ случаѣ,
ли будетъ доказано, что посторонніе наемщики дали бы за эти усадьбы плату,
вную получаемому отъ крестьянъ оброку, и притомъ эта плата приходилась бы
за возведенныя крестьянами, большею частію на свой счетъ, строенія, а соб-
венно за мѣстныя выгоды. Если же оброкъ много превышаетъ могущую полу-
ться съ постороннихъ наемщиковъ плату, то онъ есть налогъ на промышленныя
особности крѣпостныхъ людей, подобный взыскиваемому нѣкоторыми помѣщи-
ми оброку, по 100 и болѣе рублей серебромъ, съ особенно даровитыхъ крестьянъ
и дворовыхъ людей, занимающихся ремеслами или торговлею въ столицѣ, ни-
го не получающихъ отъ своего владѣльца кромѣ освобожденія отъ полевыхъ
и домашнихъ работъ, развѣ только обученныхъ ремеслу на его иждивеніи, и то
льшею частію посредствомъ отдачи на года, слѣдовательно почти безплатно.
одобный оброкъ вовсе не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе при опредѣ-
леніи цѣнности крестьянскихъ угодій.

Способъ, придуманный авторомъ, для опредѣленія цѣнности рабочаго дня
средствомъ раздѣленія получаемаго крестьянами дохода на сумму барщинныхъ
домашнихъ рабочихъ дней, намъ кажется весьма неудобнымъ, потому что
машнія работы крестьянъ исполняются кромѣ тягловыхъ людей и полура-
чими, а при нѣсколько усиленной барщинѣ, почти исключительно лежатъ на
лурабочихъ, которыхъ отношеніе къ числу тяглъ во дворѣ совершенно случайное:
кимъ образомъ въ одномъ дворѣ оказалось бы одно число рабочихъ дней, а въ
угомъ совершенно иное.

Digitized by Google

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Благопріятна ли для личной свободы теорія *laissez faire, laissez passer?* — Можетъ ли государство, если бы и захотѣло, не имѣть чрезвычайно сильнаго вліянія на экономическую дѣятельность частнаго лица?—При какихъ условіяхъ прямое вмѣшательство законодательства въ экономическія отношенія бываетъ полезно для личной свободы.

Мы бесѣдовали съ экономистами отсталой школы о ихъ философскихъ предубѣжденіяхъ противъ общиннаго владѣнія; теперь побесѣдуемъ съ ними о тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя проистекаютъ изъ основнаго принципа ихъ собственно экономической теоріи. Принципомъ этимъ служитъ, какъ извѣстно, знаменитый девизъ: „невмѣшательство государства, полнѣйшая свобода частной дѣятельности". Они утверждаютъ, что, кто желаетъ прямаго участія законодательства въ опредѣленіи экономическихъ отношеній, тотъ отдаетъ личность въ жертву деспотизму общества. Мы постараемся показать, что ихъ собственная теорія именно и ведетъ къ этому, а потомъ изложимъ тѣ понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности, которыя кажутся намъ болѣе благопріятными для личной свободы индивидуума и болѣе справедливыми.

Эта статья раздѣляется на двѣ половины. Въ первой мы бесѣдуемъ съ экономистами отсталой школы, пробуемъ принять ихъ теорію и смотримъ, къ чему она ведетъ. Убѣдившись въ томъ, что эта теорія повертывается рѣшительно въ невыгоду для личности, ищемъ для личности гарантій, болѣе практичныхъ и вѣрныхъ.

Счастливы люди, у которыхъ есть „абсолютный принципъ". Имъ не нужно ни наблюдать фактовъ, ни думать: у нихъ заранѣе готово лекарство для всякой болѣзни, и для всякой болѣзни одно и то же лекарство, какъ у знаменитаго доктора, каждому паціенту говорившаго: „принять слабительнаго и поставить клистиръ", purgare et clystirizare. Иванъ сломилъ ногу,—дать ему слабительнаго, поставить клистиръ, онъ будетъ здоровъ,—другихъ средствъ не нужно. У Петра обнаружилась золотуха,—все-таки другихъ средствъ не нужно, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ, тоже выздоровѣетъ. Наконецъ у Павла нѣтъ никакой болѣзни,—нужды нѣтъ, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ: purgare et clystirizare—будетъ еще здоровѣе. Purgare et clystirizare,—какъ упрощается теорія медицины, какъ облегчается медицинская практика этимъ талисманомъ!

Digitized by Google

Подобными талисманами владѣютъ многіе. Для „значительнаго лица“, къ которому Акакій Акакіевичъ обратился по поводу пропажи своей шинели, талисманомъ было „распечь“. Для экономистовъ отсталой школы такимъ же талисманомъ служитъ прелестный девизъ „невмѣшательство государства“. Девизы противоположны, но съ равнымъ удобствомъ примѣняются ко всему. Три четверти англійской націи состоятъ изъ бездомныхъ бѣдняковъ,—какъ помочь ихъ бѣдственному положенію? Экономисты отсталой школы говорятъ: „пусть государство перестанетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, пусть уничтожитъ сборъ въ пользу бѣдныхъ“; значительное лицо гоголевской повѣсти говоритъ: „распечь ихъ!“ Французы увлеклись биржевыми спекуляціями до разорительной и безнравственной крайности,—какъ отвратить это зло? „Пусть государство не вмѣшивается въ экономическія отношенія“, говорятъ отсталые экономисты; „распечь ихъ!“ говоритъ значительное лицо.

Purgare et clystirizare,—какъ спокойна совѣсть при такомъ девизѣ! Золотуха у Петра мало по малу проходитъ,—это отъ того, что онъ ставилъ клистиръ и принималъ слабительное. Нога Ивана, оставленная безъ леченія, подверглась гангренѣ, и бѣдняга умираетъ,—это отъ того, что онъ мало принималъ слабительнаго и недовольно часто ставилъ клистиръ. Совѣсть доктора чиста, тишина его души невозмутима.

Мы не имѣемъ счастья обладать такимъ всеисцѣляющимъ средствомъ. Правда, есть у насъ общая норма для оцѣнки всѣхъ фактовъ общественной жизни и частной дѣятельности, „благо человѣка“,—но эта формула указываетъ только цѣль, а не даетъ готовыхъ средствъ къ ея достиженію; такъ для разсудительнаго медика есть одна общая норма дѣйствій,—„здоровье организма“, но она также указываетъ только цѣль, а еще не опредѣляетъ средствъ.

Какъ всѣ односторонніе люди, отсталые экономисты школы невмѣшательства государства очень полезны въ случаяхъ столкновенія съ какою нибудь другою односторонностью. Докторъ Санградо, имѣвшій универсальнымъ средствомъ кровопусканіе, могъ бы съ пользою для паціента найти сильное противорѣчіе своей нелѣпой исключительности въ другой столь же нелѣпой исключительности—purgare et clystirizare. Школа невмѣшательства государства оказывается очень благодѣтельною для общества въ спорахъ со школою, для которой универсальнымъ лекарствомъ служитъ гоголевское правило „распечь ихъ“.

Мы не отвергаемъ того, что въ старину принципъ laissez faire, laissez passer былъ чрезвычайно полезенъ, что и теперь во многихъ странахъ и во многихъ случаяхъ онъ является благотворнымъ, какъ ни одинъ разсудительный докторъ не отвергаетъ чрезвычайной пользы purgandi et clystirizandi въ очень многихъ случаяхъ. Мы только думаемъ, что не во всѣхъ болѣзняхъ пригодны и достаточны англійская соль и промывательное, что медицина не должна ограничивать своихъ средствъ ложкой касторового масла и бутылкою молока съ чеснокомъ; мы только думаемъ и постараемся доказать, что принципъ laissez faire, laissez passer не заключаетъ въ себѣ одинъ полнаго и готоваго отвѣта на всевозможные экономическіе вопросы, не можетъ считаться исключительнымъ рѣшеніемъ всѣхъ общественныхъ задачъ.

Не легко удерживать другихъ и самому удерживаться отъ односторонности въ практикѣ, гдѣ часто одинъ какой нибудь фактъ, рѣжущій глаза своею нелѣ-

Digitized by Google

постью, заставляетъ человѣка забывать обо всемъ остальномъ, кромѣ средства, служащаго противоядіемъ именно противъ этого факта. Когда у васъ передъ глазами откупъ и пьянство, трудно вамъ удержаться отъ проклятія вину; и напримѣръ французу или пруссаку, каждый шагъ котораго стѣсненъ путами мелочной бюрократіи, трудно помнить въ столкновеніяхъ практической жизни, что только дурная и утрированная форма государственнаго вмѣшательства въ частныя дѣла должна быть отвергаема, а не самый принципъ, и что противная односторонность была бы не менѣе вредна и даже не менѣе стѣснительна. На практикѣ трудно бываетъ иногда щадить принципъ въ спорѣ противъ формы. Но теперь мы только пишемъ статью, вы, читатель, будете перелистывать ее; мы оба въ своей комнатѣ, наединѣ, незанятые никакимъ практическимъ дѣломъ, никто намъ не мѣшаетъ, нѣтъ подлѣ насъ никакого ландрата или префекта, мы ушли на нѣсколько часовъ въ теоретическую жизнь, забыли о всѣхъ дрязгахъ, которые ждутъ насъ за порогомъ нашей комнаты, или даже ворвутся въ нее черезъ часъ, черезъ два; мы заняты теперь только отвлеченною теоріею, а въ теоріи критика односторонностей чрезвычайно легка.

Въ теоріи критика односторонностей такъ легка, что не бываетъ даже надобности спорить съ противникомъ объ основаніяхъ его системы. Можно сказать ему для скорѣйшаго окончанія дѣла: я впередъ принимаю за истину всѣ ваши принципы, каковы бы они ни были; потрудитесь высказать ихъ, и тогда я попрошу васъ только не отказываться отъ того, что̀ вы разъ сказали. Мы спорить не будемъ; я буду развивать только собственныя ваши мысли и вы увидите, что эти принципы ведутъ къ тому самому, противъ чего вы возстаете. Помните только одно условіе: мы предположимъ, что ваши слова совершенно справедливы и что принципы, вами высказанные, выше всякаго сомнѣнія. Я предоставляю вамъ право имѣть какой угодно образъ мыслей и требую только одного: считайте вашъ образъ мыслей справедливымъ и не отказывайтесь отъ него. Мы скоро увидимъ, захотите ли вы сами хвалить его.

Мы на время вполнѣ принимаемъ за совершенную истину всю теорію laissez faire, laissez passer въ самомъ точномъ и безусловномъ ея выраженіи. Вотъ она:

„Экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода. Общество не имѣетъ права налагать на нее никакихъ стѣсненій. Государство не имѣетъ права заниматься ни однимъ изъ тѣхъ предметовъ дѣятельности, которые осуществляются или могутъ быть осуществлены силами отдѣльнаго лица. Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности. Иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ; иначе сказать, государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ; безусловная свобода для дѣятельности частнаго лица есть верховный принципъ общества, и государство должно имѣть существованіе и дѣятельность только въ той мѣрѣ, какая нужна для осуществленія этого верховнаго принципа. Иначе сказать, идеалъ государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе можетъ оно подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества“.

Мы выразили теорію laissez faire, laissez passer съ такою полнотою и точ-

Digitized by Google

ностью, что всѣ отсталые экономисты отъ Бастіа до г. Воловскаго (мы надѣемся скоро сообщить читателю о томъ, до какой безумной крайности дошелъ г. Воловскій въ крестьянскомъ вопросѣ по ослѣпленію принципомъ laissez faire, laissez passer) обѣими руками готовы были бы подписать изложенную нами теорію и провозгласили бы ее чистѣйшей эссенціей своего собственнаго ученья.

Итакъ мы становимся послѣдователями системы laissez faire, laissez passer; постараемся же вникнуть въ мысль, нами безусловно принятую и поставленную выше всякаго спора.

„Экономической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должна быть предоставлена совершенная свобода". Напримѣръ, если бы я хотѣлъ открыть лавку, положимъ, для торговли стеклянною посудою, общество не должно мѣшать мнѣ открыть ее; и если кто нибудь захочетъ помѣшать мнѣ въ этомъ, государство обязано отстранить полагаемое моей свободѣ стѣсненіе. Быть можетъ, существуетъ корпорація, присвоившая себѣ монополію торговли стеклянной посудой. Государство обязано отмѣнить монополію и уничтожить привилегированную корпорацію. Но быть можетъ, корпорація придумала поддерживать монополію не привилегіею, этимъ грубымъ средствомъ простаковъ, а другими болѣе хитрыми и удачными способами. Напримѣръ, располагая огромными денежными средствами, она могла бы закупить на стеклянномъ заводѣ всю посуду, или, что еще вѣрнѣе, обязать хозяина завода контрактомъ, чтобы онъ не смѣлъ продавать посуду съ завода никому, кромѣ этой самой корпораціи,—тогда я также былъ бы лишенъ возможности открыть лавку стеклянной посуды; для моей экономической свободы было бы тоже стѣсненіе какъ и прежде, и государство также было бы обязано позаботиться о средствахъ возвратить мнѣ свободу, уничтоженную коварнымъ дѣйствіемъ корпораціи. Быть можетъ, средства достаточныя и пригодныя для прекращенія монополіи, основанной на привилегіи, были бы непригодны и недостаточны противъ этого болѣе тонкаго образа дѣйствій; но мы здѣсь говоримъ не о томъ, каковы должны быть средства, употребляемыя государствомъ для исполненія своей обязанности, а только о томъ, какова обязанность государства: она остается одна и та же,—отстранить стѣсненіе, мѣшающее мнѣ заняться извѣстнымъ родомъ торговли. Вы скажете, можетъ быть, что вовсе нѣтъ средствъ отвратить монополію во второмъ случаѣ,—я этого пока не знаю; но если это такъ, я говорю, что бываютъ случаи, въ которыхъ государство не имѣетъ возможности исполнить свою обязанность; а неисполненіе обязанности есть ея нарушеніе,—и я говорю, слѣдовательно, что бываютъ случаи, когда государство вынуждается необходимостью нарушать приписанную нами ему обязанность. Итакъ одно изъ двухъ: или нельзя приписывать государству исключительной обязанности—охранять свободу экономической дѣятельности, или всегда могутъ быть найдены государствомъ средства для ея охраненія. Мы уже согласились приписать государству эту обязанность, потому должны предположить, что всегда могутъ быть найдены средства для ея исполненія.

Согласны ли вы со мною? Если не согласны, то откажитесь, какъ отъ нелѣпой невозможности, отъ вашей первой мысли: „экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода". Но мы уже поставили условіемъ, что ваши мысли безусловно справедливы и что вы не имѣете права отъ нихъ отказываться. Если вы не хотите соблюдать этого условія,—

Digitized by Google

опять-таки полная вамъ воля; но въ такомъ случаѣ я объявляю, что вы сами не знаете, что говорите, что у васъ нѣтъ прочнаго образа мыслей, что я не только не обращаю, но и не имѣю права обращать ровно никакого вниманія на ваши мнѣнія.

Разумѣется, вы этого не захотите. Вы думаете, что у васъ есть образъ мыслей, что онъ заслуживаетъ вниманія, что вы остаетесь ему вѣрны, и вы не откажетесь отъ вашихъ словъ. Помните же, въ чемъ мы теперь съ вами согласились: на государствѣ лежитъ обязанность охранять совершенную свободу экономической дѣятельности отдѣльнаго лица. Помните же, что какой ни представился бы намъ случай, мы должны будемъ отыскивать средства къ охраненію такой свободы, и если кто нибудь станетъ жаловаться на стѣсненія, мы не можемъ отказать ему въ нашемъ содѣйствіи подъ предлогомъ, что нѣтъ способовъ устранить это стѣсненіе. Согласны ли? Я предчувствую, что васъ начинаетъ коробить; но что дѣлать? Вѣдь мы сами объявили вашъ образъ мыслей справедливымъ; вы убѣдили меня принять его; вы не имѣете права жаловаться на непрактичность моихъ словъ: они только повтореніе вашихъ собственныхъ словъ, которыя мы съ вами уже признали совершенно истинными. Изслѣдуемъ же далѣе вашу истину.

„Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій". Вы не думайте, что я поступлю съ вами коварно, что я стану придавать вашей теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ вашемъ умѣ, напримѣръ выводить изъ нея, будто общество не имѣетъ права налагать податей и повинностей, или дѣлать полицейскихъ распоряженій для охраненія порядка. Я знаю, что вы хотѣли понимать вещи разсудительно и что вы другъ порядка, что, говоря „никакихъ стѣсненій", вы подразумѣвали: „кромѣ стѣсненій, дѣйствительно нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій". Правда-ли, я угадалъ вашу мысль? Но въ такомъ случаѣ къ чему мы пришли? Мы ужъ не можемъ отвергать какую нибудь мѣру однимъ восклицаніемъ: „она стѣснительна!" Нѣтъ, мы ужъ обязаны всматриваться, не полагаетъ ли общество, что этимъ стѣсненіемъ оно предотвращаетъ какое нибудь другое стѣсненіе, болѣе тяжелое, или охраняетъ порядокъ. И если общество скажетъ, что оно такъ думаетъ, мы остаемся безгласны. Въ какое мы положеніе стали? Если бы, напримѣръ, обществу вздумалось постановить правиломъ, чтобы люди по улицамъ не могли ходить иначе, какъ заложивъ руки за спину, что могли бы мы возразить противъ этого? Общество сказало бы, что полагаетъ стѣснительнымъ для людей ходить не заложивъ руки за спину: во-первыхъ, когда руки болтаются или локти выставлены, прохожіе безпрестанно задѣваютъ другъ друга,—это стѣснительно, и лучше заложить руки за спину, чтобы меньшимъ стѣсненіемъ избѣжать большаго; во-вторыхъ, когда руки заложены за спину, грудь выставляется впередъ, дыханіе становится легче и шире, легкія развиваются и укрѣпляются, и черезъ нѣсколько времени человѣкъ освобождается отъ стѣсненія въ груди, которымъ всѣ городскіе жители болѣе или менѣе страждутъ; стало быть опять таки меньшимъ стѣсненіемъ отвращается большее. Мы съ вами могли бы находить, что все это глупо, но не могли бы сказать, что общество превысило тѣ границы власти, которыя мы съ вами сами предписали ему. Да что еще? Общество тогда могло бы принуждать насъ съ вами рѣшительно ко всѣмъ

Digitized by Google

что ему вздумается, напримѣръ, хотя бы ходить вверхъ ногами во время грязи. Оно сказало бы, что ноги можно промочить, а руки не боятся сырости, да и кромѣ того таскать калоши на ногахъ очень стѣснительно, а во время грязи, если ходить на ногахъ, то необходимо таскать калоши, если же ходить вверхъ ногами— на рукахъ, вмѣсто ногъ, то отъ стѣсненія калошами человѣкъ избавляется. „Но послушайте, это однакожъ явная безсмыслица. Нужно же имѣть хоть каплю здраваго смысла". Вотъ оно куда пошло! Такъ ужъ понадобился здравый смыслъ? Я всегда предполагалъ надобность въ немъ; но теперь, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права ссылаться на него: вѣдь мы уже поставили принципомъ нашихъ разсужденій извѣстную теорію, сказали, что признаемъ ее безусловно справедливою,— что жъ намъ теперь дѣлать съ здравымъ смысломъ, если онъ возстаетъ противъ того или другаго приложенія нашей теоріи? Онъ мѣшается не въ свое дѣло, мы обязаны прогнать его. Вѣдь мы уже сказали, что общество можетъ налагать на дѣятельность частнаго лица меньшее стѣсненіе, чтобы избѣжать большаго. Кто налагаетъ? общество. Слѣдовательно, въ чьихъ понятіяхъ опредѣляется, что больше и что меньше?—въ понятіяхъ общества. Стало быть, кто судья о томъ, какимъ стѣсненіямъ должна подвергнуться наша съ вами жизнь? опять таки общество. Стало быть, общество имѣетъ право сдѣлать съ нами совершенно все, что ему угодно,—вотъ къ чему привела насъ наша теорія. Если, напримѣръ, общество вздумало бы, что указательный палецъ стѣсняетъ мою дѣятельность, и велѣло бы отрѣзать его, или вздумало бы, что смотрѣть двумя глазами для меня не такъ удобно, какъ смотрѣть однимъ правымъ, и велѣло бы выколоть мнѣ одинъ глазъ,— я не могъ бы сказать, что оно превышаетъ свои права надо мной. „Но это возмутительно, это безчеловѣчно!"—Почему же?—„Да это гнусно!"—Почему же гнусно?—„Да это возмутительно и безчеловѣчно!"—Ну вотъ опять за старое. Я спрашиваю, почему же возмутительно?—„Потому что это противно чувству справедливости!"—Вотъ какъ... Ну, а почему же безчеловѣчно?—„Да какъ же не безчеловѣчно рѣзать палецъ и выкалывать глазъ невинному человѣку? Вѣдь этимъ нарушаются священныя права человѣческой личности!"—Вотъ оно куда пришло! Справедливость, священныя права человѣческой личности... Я всегда предполагалъ, что эти вещи не мѣшаетъ принимать въ соображеніе; но къ сожалѣнію, теперь мы не можемъ этого сдѣлать: мы уже взяли извѣстную теорію за безусловную истину, и если справедливость будетъ ею нарушаться, если священныя права человѣческой личности будутъ ею разрушаться, мы можемъ только пожимать плечами и говорить: жаль, а нечего дѣлать; теорія справедлива, слѣдовательно все противное ей ложь. А другіе утѣшатъ насъ, объяснивъ, что это только такъ кажется, будто справедливость и человѣческія права нарушаются нашей теоріей: а въ самомъ дѣлѣ нарушенія тутъ никакого нѣтъ.

Вы догадываетесь, что прибавкою къ словамъ „общество не имѣетъ права налагать на отдѣльнаго человѣка никакихъ стѣсненій" вашей милой оговорки: „кромѣ стѣсненій, нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій," вы обратили вашу теорію свободы въ теорію безграничнаго произвола общественной влас[illegible] отдѣльною личностью, предали личность связанною по рука[illegible]ртву необ[illegible]тѣйшаго деспотизма. Вы раскаеваетесь в[illegible] бы [illegible]зад,—это вы можете, вѣдь она была [illegible] Вы сна-

Digitized by Google

чала одобрили догадку, потомъ мы съ вами увидѣли, что она нелѣпа, такъ бросимъ ее. Возвратимся къ вашей теоріи безъ всякихъ догадокъ о ея смыслѣ. Въ теоріи говорилось: „общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій". Только этихъ словъ вы не можете брать назадъ по нашему уговору, отъ всякихъ дополненій вы можете отказываться. Итакъ—„никакихъ стѣсненій". Ну, и прекрасно. Пусть такъ и будетъ, безъ всякихъ ограниченій и исключеній. Я чувствую наклонность къ огородничеству. Прохожу по Обводному Каналу, вижу огородъ, вижу заступъ у одной гряды, начинаю копать, душа моя въ восторгѣ, моя дѣятельность полезна обществу, намѣренія мои чисты. Но приходитъ сторожъ, видитъ незнакомаго человѣка, подозрѣваетъ во мнѣ намѣреніе воспользоваться его огурцами, призываетъ будочника и будочникъ соглашается съ нимъ, что я не смѣю заниматься работою на его огородѣ безъ его согласія. Что же мнѣ дѣлать? (Если меня не посадили подъ арестъ за подозрѣніе въ намѣреніи похитить чужую собственность). Общество говоритъ: „ты наймись въ работники у огородника". Но если огородникъ предлагаетъ мнѣ условія стѣснительныя для моей свободы? Напримѣръ, если онъ требуетъ, чтобы я каждый день приходилъ работать къ нему? Я этого не могу. Итакъ, моя дѣятельность стѣснена. Я не возстаю противъ огородника, онъ можетъ быть и правъ; но по нашей съ вами теоріи общество должно найти средство для меня заниматься огородничествомъ безъ стѣсненія моей свободы. Я предполагаю, что единственное средство къ тому: устроить общественный огородъ, въ которомъ работалъ бы каждый, когда хочетъ и сколько хочетъ. Можетъ быть, это неудобоисполнимо; по нашей теоріи я не хочу и не долженъ знать этого. Вѣдь мы уже видѣли: теорія ставитъ насъ въ необходимость предполагать, что способы къ доставленію полной свободы экономической дѣятельности отдѣльнаго лица всегда могутъ быть найдены. Мы съ вами вовсе не возстаемъ противъ собственности,—сохрани насъ Богъ!—но примѣръ огородника показываетъ намъ, что принадлежность извѣстной собственности извѣстному одному лицу можетъ налагать стѣснительныя условія на экономическую дѣятельность другихъ лицъ, и наша теорія показываетъ, что на обществѣ лежитъ обязанность пріискать средства для отстраненія этихъ стѣсненій. Я предложилъ одно средство: завести общественный огородъ. Если оно вамъ не нравится, пріищите другія средства, но пожалуйста пріищите, потому что иначе вся наша теорія laissez faire, laissez passer разлетѣлась бы въ пыль,—а вѣдь мы уже согласились съ вами, что она безусловно справедлива. Продолжаемъ же вникать въ ея истины.

„Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности". Только для этого, больше ни для чего. Но и тутъ хлопотъ ему будетъ довольно. „Огражденіе безопасности",—въ старину, когда люди были глупы, они думали, что безопасность можетъ быть достаточно ограждена карательными средствами. (Это я говорю какъ отсталый экономистъ, а еслибъ я не былъ связанъ уговоромъ держаться отсталыхъ мнѣній, я полагалъ бы, что въ старину люди не были слишкомъ глупы, и никогда этого не думали); но теперь каждый знаетъ, что этого мало. Напримѣръ, экономическая дѣятельность чрезвычайно страждетъ отъ поддѣлки бумажныхъ денегъ. Во всѣхъ государствахъ есть очень строгіе законы противъ этого преступленія. Но въ старину, когда наши ас-

Digitized by Google

сигнаціи имѣли очень грубую гравировку, все-таки чуть ли не въ каждой губерніи находилось по нѣскольку артистовъ, успѣшно производившихъ поддѣлку при помощи деревянной доски, гвоздя и шила: болѣе замысловатыхъ орудій не было нужно, и рука набивалась къ этому дѣлу очень легко. Что-жъ вы думаете? Нашли противъ доморощенныхъ артистовъ средство болѣе дѣйствительное, нежели строгость наказаній: нынѣшніе кредитные билеты имѣютъ такую тонкую гравировку, что гвоздемъ и шиломъ нельзя ихъ поддѣлать, и развѣ самый искусный граверъ можетъ вырѣзать порядочную форму для нихъ; при томъ и бумага для кредитныхъ билетовъ употребляется совершенно особенная, такъ что мало быть отличнымъ граверомъ, нужно имѣть еще отличную бумажную фабрику, чтобы поддѣлывать бумажныя деньги сноснымъ образомъ. Кому изъ отличныхъ граверовъ, получающихъ большія деньги за честную работу, прійдетъ охота рисковать собою, и какой хозяинъ отличной бумажной фабрики захочетъ помогать ему? Ремесло поддѣлки, сильно упавшее, исчезло бы совершенно, если бы не одно обстоятельство: есть много безграмотныхъ людей, которые не могутъ прочесть на оборотѣ кредитной бумажки бисернаго шрифта и не догадываются смотрѣть кредитный билетъ на свѣтъ, чтобы видѣть—имѣетъ ли бумага надлежащіе знаки. Ясно, что распространеніе грамотности убьетъ и послѣдніе слабые остатки ремесла, прежде процвѣтавшаго, несмотря ни на какія наказанія. Изъ этого мы видимъ, что для огражденія безопасности мало однихъ карательныхъ законовъ; нужно также, чтобы нарушеніе безопасности перестало быть выгоднымъ и нужнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Для доморощенныхъ артистовъ, работающихъ гвоздемъ и шиломъ, поддѣлка бумажныхъ денегъ перестала быть выгодною, потому что прекратился сбытъ ихъ грубымъ издѣліямъ; для отличныхъ граверовъ и хозяевъ бумажныхъ фабрикъ поддѣлка не нужна, потому что у нихъ и безъ того довольно денегъ. Приложимъ эти правила къ обыкновеннѣйшимъ случаямъ нарушенія безопасности: къ убійству, грабежу и воровству. Воровствомъ обыкновенно занимаются люди, дошедшіе до нищеты. Стало быть, если государство обязано ограждать безопасность, оно обязано заботиться, чтобы никто не доходилъ до нищеты. Какъ это сдѣлать? Я полагалъ бы, что слѣдовало бы принимать мѣры къ устройству такого общественнаго порядка, при которомъ каждый человѣкъ имѣлъ бы нѣкоторую собственность и находилъ бы всегда удобства заработывать безбѣдныя средства для жизни честнымъ трудомъ. Я полагалъ бы также, что нужно заботиться объ отнятіи привлекательности у пороковъ, доводящихъ до нищеты. Наконецъ, я полагалъ бы, что можно было бы позаботиться о смягченіи нравовъ. Согласны ли вы на это? Если такъ, государству будетъ очень много дѣла. Напримѣръ, возьмемъ изъ трехъ задачъ хоть только одну вторую: отнятіе привлекательности у пороковъ, и возьмемъ хотя только одинъ порокъ, напримѣръ расточительность. Каждый знаетъ, что она бываетъ причиною множества бѣдствій, а экономисты, всматривавшіеся въ жизнь поглубже отсталыхъ людей, мнѣнія которыхъ мы приняли на время, находятъ, что эта слабость производитъ гораздо болѣе бѣдствій, нежели самые ужасные пороки. Какъ же ослабить ее? Вы помните исторію Маши и ея мужа:

Бѣлый день занялся надъ столицей...

Конечно, грѣхъ и говорить о расточительности бѣдной молодой женщины, которая, какъ видно, не [illegible]еты, ни даже ложи въ Итальянской Оперѣ,

Digitized by Google

хотя бы въ четвертвомъ ярусѣ; но все-таки къ чему приходитъ дѣло? Чтобы не огорчать жену отказами, мужъ трудится выше силъ и скоро долженъ умереть отъ чахотки. Вотъ вамъ и великая бѣда. Что̀ станетъ дѣлать несчастная вдова? Ее ожидаетъ нищета, быть можетъ, развратъ. Притомъ какъ хотите, а все-таки она—убійца мужа. Впрочемъ, такая развязка рѣдкій случай. Мужъ Маши—человѣкъ слишкомъ твердаго характера, слишкомъ высокаго нравственнаго развитія, какихъ немного:

Человѣкъ онъ былъ странной породы,
Исключительно честь понималъ.

Изъ цѣлой сотни людей развѣ двое имѣютъ такую твердость характера и мыслей; остальные, извѣстно, какъ поступаютъ для пріобрѣтенія нужныхъ денегъ: они не отвергаютъ „прекраснаго средства", представляемаго находящимся „подъ рукою казеннымъ сундукомъ" и тому подобными источниками. Тутъ ужъ погибаетъ не одно семейство, а страдаетъ цѣлая нація. Какъ же ослабить расточительность? Что надобно сдѣлать, чтобы Маша не убивала мужа и не заставляла его подумывать о казенномъ сундукѣ? Надобно посмотрѣть, отчего происходитъ, чѣмъ поддерживается ея слабость къ нарядамъ.

Завтра Машѣ подруга покажетъ
Дорогой и красивый нарядъ.—
Ничего ему Маша не скажетъ,
Только взглянетъ... убійственный взглядъ!

Значитъ, покуда не переведутся подруги, у которыхъ много лишнихъ денегъ на пустые наряды, нельзя вылечить и Машу. Да эта ли одна бѣда? Мужъ думаетъ иногда поговорить съ Машей, что надобно жить скромнѣе,—

Да обидится гордая теща.

Нельзя жить скромно, иначе перессоришься съ родными. Значитъ, плохо будетъ дѣло, пока извѣстный размѣръ расходовъ считается обязанностью, налагаемою на человѣка его именемъ. Да и это еще не все. Въ самой Машѣ третья бѣда, съ которой всего труднѣе справиться—

Все бы вздоръ.... только съ Машей не сладишь;
Не втолкуешь....

Маша дурно воспитана. Пока не измѣнится характеръ воспитанія, ничего порядочнаго нельзя ожидать.

Посмотрите же теперь: изъ одного случая, касающагося только одного изъ многихъ вопросовъ, представляемыхъ только одною изъ трехъ задачъ, какія уже обширныя обязанности найдены нами для государства. Оно должно позаботиться объ уменьшеніи числа людей, имѣющихъ возможность сорить деньги, которымъ счета не знаютъ; оно должно позаботиться о прекращеніи чванства именами; оно должно позаботиться объ улучшеніи воспитанія. Какія мѣры оно приметъ къ тому, мы не знаемъ; теперь мы не даемъ совѣтовъ объ употребленіи власти, а разсматриваемъ только предѣлы власти, опредѣляемые обязанностію правительства заботиться о безопасности. Что̀ бы ни предприняло государство для достиженія най-

Digitized by Google

денныхъ нами цѣлей, оно останется въ предѣлахъ своей власти, если мы будемъ принимать теорію, поставляющую исключительнымъ долгомъ правительства заботу объ одной безопасности. Можно было бы разсуждать о томъ, приведутъ ли къ желаемому результату, т. е. къ искорененію расточительности предпринятыя государствомъ мѣры, но нельзя было бы сказать, что оно превысило мѣру власти, предоставляемой ему теоріею отсталыхъ экономистовъ, предписывающихъ ему ограничиваться однимъ наблюденіемъ за общественной безопасностью. Нарушается ли безопасность преступленіями? Нарушается. Служитъ ли расточительность одною изъ причинъ преступленій? Служитъ. Въ правѣ ли государство принимать мѣры для отстраненія фактовъ вредныхъ для безопасности? Не только въ правѣ, но и обязано по принятой на время нами теоріи. Послѣ этого не остается никакихъ разсужденій. Мы говоримъ не о томъ, какія мѣры благоразумны, какія нѣтъ, какія человѣчны, какія безчеловѣчны,—мы говоримъ только о томъ, какія будутъ законны по нашей теоріи. Быть можетъ, вы теперь думаете, что напрасно мы допускали ее безусловно, что напрасно не сдѣлали мы оговорки о правахъ здраваго смысла и человѣческой личности. Быть можетъ,—но ужъ выдержимъ на минуту характеръ, соблюдемъ свое обѣщаніе твердо держаться теоріи и просмотримъ всю ее до конца. А потомъ, когда пресытимся этою прелестью, посмотримъ,—много ли останется изъ нашей теоріи, если мы подчинимъ ее требованіямъ здраваго смысла и правамъ человѣческой личности. Быть можетъ, вы пресытились ею даже и теперь; но мы наслышались о ней столько хорошаго, что непремѣнно хотимъ разсмотрѣть всѣ ея красоты. Почему знать? можетъ быть въ концѣ найдется что нибудь новенькое.

Мы уже знаемъ, что государство существуетъ только для огражденія безопасности. Этотъ основной принципъ теоріи развивается и поясняется нѣсколькими перифразами, имѣющими, повидимому, тотъ же самый смыслъ. Первый перифразъ таковъ: „иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ“. Прекрасно; по этому правилу на обязанности государства лежитъ содержать армію и флотъ, безъ которыхъ нѣтъ безопасности и которые не могутъ быть содержимы частными лицами. Но что, если я скажу, что напримѣръ доставленіе каждому члену общества возможности жить честнымъ трудомъ (условіе также необходимое для общественной безопасности, потому что кто не можетъ жить честнымъ трудомъ, по необходимости берется за дурныя средства) также достигается только общественною волею (закономъ) и общественною дѣятельностью, а не дѣятельностью частныхъ лицъ? Вы предчувствуете, куда ведутъ такія слова. Впрочемъ не бойтесь. Я имѣю въ виду пока не простолюдиновъ, не черныя работы,—нѣтъ, мы приняли теорію людей богатыхъ, и будемъ говорить прежде всего о такъ называемыхъ высокихъ потребностяхъ и занятіяхъ. Напримѣръ, при нынѣшнемъ состояніи мореходства нужна астрономія. Для астрономіи нужны между прочимъ каталоги звѣздъ. Можетъ ли составленіе каталога звѣздъ окупиться распродажею этой книги, какъ окупаются вздорныя повѣстушки и пустыя статейки? Составленіе звѣзднаго каталога требуетъ многихъ годовъ,—чѣмъ будетъ жить составит[illegible] окончанія своей работы? По ея окончаніи книга разойдется въ 50 экзе[illegible] и вмѣсто выгоды, ея напечатаніе дастъ страшный недочетъ. Что же [illegible] слѣдуетъ? Полезный трудъ долженъ обезпечивать жизнь труд[illegible]

Digitized by Google

вѣздъ полезенъ. Но частные люди, въ отдѣльности каждый, не обезпечиваютъ должнаго вознагражденія за него. Ясно, что государство обязано дать средства для этого труда. Беремъ другой примѣръ. Предположимъ, что маленькому мальчику или человѣку страждущему помѣшательствомъ ума достался домъ; предположимъ, что у бѣдняжки нѣтъ близкихъ родственниковъ, или что они люди недобросовѣстные. Вы прерываете меня и говорите, къ чему тянуть дѣло? ясно, что домъ надобно взять въ опеку. Ясно ли? Предупреждаемъ, что выводы изъ этого довольно важны. Но ни одинъ изъ отсталыхъ экономистовъ не думалъ еще отвергать необходимость опеки въ подобномъ случаѣ. Стало быть, дѣло можно считать безспорнымъ. Теперь спрашивается, на чемъ основана необходимость опеки? На неспособности взятаго въ примѣръ человѣка управлять своими дѣлами. На чемъ же основана его неспособность? На недостаточномъ или болѣзненномъ развитіи его ума. Отчего же у маленькаго ребенка слабъ умъ? отчего помѣшанный лишился разсудка? „Какое мнѣ дѣло, отвѣчаете вы. Мы говоримъ не о физіологіи и занимаемся не сплетнями, мы рѣшаемъ практическій вопросъ, для рѣшенія котораго все равно, каковы бы ни были причины слабоумія. Общество знаетъ только, что извѣстное лицо не имѣетъ способности управлять своимъ домомъ, и больше ничего знать не обязано, а обязано учредить опеку". Помните же, до чего мы дошли: кто не способенъ оберегать свои выгоды, выгоды того должны оберегаться обществомъ. Такъ ли? Если не такъ, то общество не имѣетъ права учреждать опеки надъ дѣтьми и лишенными разсудка.

Подведемъ же итогъ къ результатамъ полученнымъ нами: общество должно доставить приличное вознагражденіе за трудъ человѣку, желающему и умѣющему заниматься честнымъ и полезнымъ трудомъ, если безъ вмѣшательства общества онъ не находитъ для себя вознагражденія. Общество обязано принимать на себя заботу о дѣлахъ такихъ людей, которые не могутъ сами охранять своихъ интересовъ.

Принимаете ли вы эти выводы? Если не принимаете, вы отказываетесь отъ собственной вашей теоріи, а мы уже согласились не отказываться отъ нея. Кромѣ того, вы не признаете за обществомъ такихъ правъ, или, лучше сказать, обязанностей, какъ напримѣръ учрежденіе опеки надъ дѣтьми-сиротами.

Если же вы принимаете эти выводы, ими разрушается вся первая половина вашей теоріи: на общество налагаются обязанности гораздо болѣе обширныя, нежели простая забота о безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нарушится безопасность, если жильцы дома, принадлежащаго ребенку, не станутъ ничего платить ему за квартиру, а просто возьмутъ его на прокормленіе себя, хоть бы съ цѣлью сдѣлать его своимъ слугою, когда онъ выростетъ? Безопасность лица тутъ неприкосновенна.—„Но страдаютъ его экономическіе интересы". Вотъ именно о томъ мы и говоримъ: стало быть общество обязано оказывать защиту всякому, чьи интересы пострадали бы безъ вмѣшательства общества. Вѣдь это уже принципъ гораздо болѣе обширный, нежели охраненіе безопасности. Послѣ этого, значитъ, если я заключилъ невыгодный для меня контрактъ, то общество можетъ объявить этотъ контрактъ недѣйствительнымъ? Вѣдь мои интересы пострадали бы безъ этого?

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какимъ образомъ одни и тѣ же люди, т. е. отсталые экономисты, за одинъ пріемъ высказываютъ два правила, будто бы совершенно согласныя: „государство должно заботиться только объ огражденіи без-

Digitized by Google

опасности“ и „государство обязано дѣлать то, что не достигается дѣятельностью частныхъ лицъ“. Какъ не замѣчали они, что вторая обязанность несравненно обширнѣе первой? Вѣдь потребности общества и частныхъ лицъ не ограничиваются одной безопасностью; есть также потребности матеріальнаго благосостоянія, нравственнаго и умственнаго развитія, потребности сердца,—и мало ли какихъ другихъ законныхъ потребностей? Ясно, что кто говоритъ вторую фразу, тотъ въ первой фразѣ слово „только“ долженъ замѣнить словомъ „между прочимъ“.

Послѣ этого не нужно намъ и говорить о слѣдующемъ объясненіи „государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ“; его смыслъ зависитъ отъ слова „только“, а мы сейчасъ видѣли, что оно должно замѣниться словомъ „между прочимъ“. Но любопытно послѣднее объясненіе. „Идеалъ государственной дѣятельности есть нуль, и чемъ ближе можетъ она подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества“. Опять какъ не видѣть, что это объясненіе совершенно разрушаетъ всю прежнюю теорію, по которой забота государства ограничивалась одною безопасностью. Вмѣшательство государства требуется тѣмъ чаще, чѣмъ больше совершается преступленій, чѣмъ чаще нарушается порядокъ. Каждому извѣстно, что бѣдность, невѣжество, грубость нравовъ и развратъ — главные источники преступленій и нарушеній порядка; слѣдовательно, чѣмъ больше заботъ будетъ употреблять государство на искорененіе бѣдности, невѣжества, грубости нравовъ и разврата, тѣмъ менѣе будетъ ему хлопотъ, тѣмъ менѣе будетъ сумма его вмѣшательствъ.

Мы уже говорили объ этомъ, приводя въ примѣръ Машу и ея мужа. Если самостоятельность общества дѣйствительно должна быть цѣлью общественной теоріи, то очевидно, что этой цѣли можно достигнуть только покровительствомъ всему, что содѣйствуетъ развитію самостоятельности, — именно, заботою объ истребленіи бѣдности, распространеніи просвѣщенія, о смягченіи нравовъ и объ истребленіи тѣхъ причинъ, отъ которыхъ портится характеръ и получаютъ фальшивое направленіе человѣческія наклонности.

Въ странномъ видѣ излагается теорія невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Къ ней прилагаются объясненія, прямо ей противорѣчащія. Мы не можемъ осуждать ученыхъ, бывшихъ первыми ея основателями: они жили въ другія времена, они не видѣли многихъ фактовъ, которые теперь передъ глазами у каждаго. Притомъ же Адамъ Смитъ и ближайшіе его послѣдователи вовсе не доходили до той односторонности, противъ которой возстаемъ мы. Но непростительно нашимъ современникамъ не хотѣть замѣчать того, что каждому бросается нынѣ въ глаза; непростительно искажать для поддержки ветхаго тѣ мысли, которыя въ свое время были двигательницами прогресса.

Теорія, провозглашавшая невмѣшательство правительства въ экономическія отношенія, возникла въ тѣ времена, когда самая Англія, не говоря уже о континентальныхъ государствахъ, страдала больше всего отъ обветшалыхъ средневѣковыхъ регламентацій. Эти регламентаціи поддерживались общественною властью. Какъ же было не говорить тогда умнымъ и честнымъ людямъ, что вмѣшательство общественной власти въ экономическія отношенія вредитъ развитію промышленныхъ силъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ большей части случаевъ оно было вредно: въ самомъ дѣлѣ, первой потребностью общества было—избавиться отъ мелочной и неразсудительной опеки. Съ той поры обстоятельства во многомъ перемѣнились.

Digitized by Google

Какъ и въ чемъ именно, объ этомъ мы говорили уже много разъ, да и каждому это больше или меньше извѣстно. Замѣтимъ только одинъ общій результатъ перемѣны. Читатель знаетъ, что мы имѣемъ въ виду исключительно исторію Западной Европы. На чемъ основываются теперь почти всѣ стѣснительныя мѣры, принимаемыя западными правительствами? Для всѣхъ ихъ представляется исключительнымъ оправданіемъ общественная безопасность. Зачѣмъ, напримѣръ нужны паспорты при въѣздѣ въ Папскую Область, въ Ломбардію, въ Богемію, въ Галицію? „Для общественной безопасности". Зачѣмъ нуженъ стѣснительный надзоръ за жизнью частнаго лица въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Миланѣ? „Для общественной безопасности". Зачѣмъ содержится страшная армія въ Австріи, которая едва ли имѣетъ пять гульденовъ звонкой монеты? „Для общественной безопасности". Словомъ сказать, какая бы прицѣпка ни задѣла васъ на континентѣ Западной Европы, нечего и спрашивать: откуда она и зачѣмъ она?—Знайте напередъ, что отвѣтъ на все одинъ: „это нужно для поддержанія порядка и общественной безопасности".

Поэтому намъ кажется, что теорія, поставляющая исключительною заботою правительства охраненіе общественной безопасности, не сообразна съ обстоятельствами настоящаго времени для Западной Европы. Фактическая сила правительства надъ обществомъ не зависитъ отъ теорій, она опредѣляется правами общества и его потребностями. Теорія можетъ только опредѣлять предметы, на которые слѣдуетъ обращаться этой силѣ. Каждому извѣстно, какое дѣйствіе производится сосредоточеніемъ силы въ извѣстномъ направленіи, обращеніемъ ея дѣятельности на меньшее число предметовъ: чѣмъ меньше будетъ ихъ, тѣмъ съ большею энергіею станетъ охватывать ихъ данная сила. Отсталые экономисты совершенно ошибаются, воображая, что измѣняютъ пропорцію вообще между количествомъ правительственнаго вмѣшательства и количествомъ самодѣятельности общества, когда настаиваютъ на томъ, чтобы правительство занималось исключительно однимъ предметомъ, не касаясь другихъ: сумма административнаго вмѣшательства остается все та же самая, только прилагается къ одному предмету, Изъ пяти единицъ составляется одна цифра пять, только въ томъ и разница. Но нѣтъ, мы ошиблись, чрезмѣрнымъ и одностороннимъ сосредоточеніемъ силъ на одномъ предметѣ нарушается прежній общественный балансъ. На что бы ни была обращена дѣятельность правительства, все-таки она постепенно измѣняетъ своимъ вліяніемъ нравы и потребности общества. Теперь спрашивается, одинаковы ли бываютъ результаты этого вліянія, на какой бы предметъ ни была обращена главная масса дѣятельности? Само собою разумѣется, не все равно—гнуть ли на ту сторону, на которую и безъ того искривленъ предметъ, или на ту, отъ которой онъ уклонился.

Недостатокъ иниціативы со стороны частной дѣятельности,—вотъ, по словамъ всѣхъ экономистовъ, даже и отсталыхъ, главный порокъ всѣхъ обществъ. Въ какихъ же сферахъ этотъ порокъ наиболѣе силенъ и въ какихъ частная иниціатива наиболѣе сильна? Всѣ мы жалуемся на недостатокъ самостоятельности, предпріимчивости, неослабнаго контроля со стороны частныхъ лицъ въ экономической дѣятельности. Жалоба справедлива, но все-таки изъ десяти человѣкъ девятеро своею головою думаютъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ, о своихъ экономическихъ разсчетахъ. То ли въ административныхъ, судебныхъ, вообще политическихъ дѣлахъ? Какое вліяніе и какую заботу имѣетъ частный человѣкъ на континентѣ З[illegible]ой

Digitized by Google

Европы относительно полицейскихъ распоряженій, административныхъ мѣръ, судебныхъ рѣшеній? Все это дѣлается безъ его воли, безъ его участія, да и вниманіе его пробуждается тутъ развѣ къ тѣмъ случаямъ, отъ которыхъ терпятъ его экономическіе интересы, да и то на минуту, безъ постоянства, безъ энергіи. Потому надобно думать, что важнѣйшій недостатокъ общественныхъ нравовъ на континентѣ Западной Европы состоитъ именно въ отсутствіи самостоятельности по дѣлу общественной безопасности. Не будь полиціи, ни одинъ кварталъ не справился бы съ ворами; не будь своей арміи, вторженіе небольшого чужестраннаго войска было бы достаточно для покоренія огромной области. Говорятъ, будто когда-то, въ IV или V вѣкѣ, толпа изъ 300 германскихъ дикарей прошла всю нынѣшнюю Францію и чуть ли не всю Испанію, и всѣ города на дорогѣ платили ей дань; да кромѣ того перерѣзала она нѣсколько десятковъ тысячъ поселянъ. Теперь конечно не то; но однакоже послѣ Ватерлоосской битвы цѣлая Франція покорилась нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ изнуренныхъ солдатъ Веллингтона и Блюхера. Величайшій негодяй, вредящій десяткамъ людей, подсмѣивается надъ ихъ негодованіемъ, пока не попадется въ руки полиціи какимъ нибудь неловкимъ поступкомъ.

Не знаемъ, удалось ли намъ передать читателю нашу мысль. Но мы хотѣли сказать, что какова бы ни была степень иниціативы частной дѣятельности въ экономической сферѣ, все же она безмѣрно больше, нежели та степень самостоятельности, какую внушаютъ нравы Западной Европы частнымъ людямъ относительно огражденія безопасности.

Поэтому надобно думать, что теорія, сосредоточивающая на одномъ огражденіи безопасности всю дѣятельность государства, ослабляя иниціативу частной дѣятельности въ этомъ отношеніи, стремится отнять у частнаго человѣка возможность и надобность въ развитіи его силъ именно по тому направленію, въ которомъ онѣ наименѣе развиты. Говоря сравненіемъ, эта теорія связываетъ именно тѣ органы индивидуальной дѣятельности, которые и безъ того уже слишкомъ хилы отъ бездѣйствія.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать индивидуальную иниціативу въ экономическихъ дѣлахъ, при современномъ положеніи нравовъ, гораздо полезнѣе было бы говорить о необходимости ея по исполненію задачъ общественной безопасности. Усиливая опеку по этимъ задачамъ черезъ ограниченіе правительственной дѣятельности исключительно ими, теорія невмѣшательства государства въ экономическую дѣятельность отвлекаетъ отъ нихъ индивидуальную иниціативу и безъ того слишкомъ слабую для нихъ.

Правда, самоправленіе составляетъ предметъ желанія даже и отсталыхъ экономистовъ. Но они, обращая всѣ свои мысли на его усиленіе въ экономической дѣятельности, гдѣ оно и безъ того сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ, поддерживаютъ апатію общества въ томъ направленіи, гдѣ она всего замѣтнѣе и вреднѣе.

Изъ этого читатель видитъ, что мы недовольны теоріею невмѣшательства власти въ экономическія отношенія вовсе не потому, чтобы были противниками личной самостоятельности. Напротивъ, именно потому и не нравится намъ эта теорія что приводитъ къ результатамъ совершенно противнымъ своему ожиданію. Желая [illegible] дѣятельность государства одною заботою о безопасности, она между

Digitized by Google

тѣмъ предаетъ на полный произволъ его всю частную жизнь, даетъ ему полное право совершенно подавлять личность. Въ самомъ дѣлѣ, чего нельзя оправдать подъ предлогомъ охраненія порядка, и какія мѣры изъ всѣхъ, кажущихся стѣснительными въ глазахъ просвѣщеннаго человѣка, не представляются нужными для охраненія общественной безопасности людямъ менѣе просвѣщеннымъ? Реакція всегда являлась для поддержанія общественной безопасности. Деспотизмъ, открытый нами въ теоріи, видѣнъ на практикѣ въ обществахъ Западной Европы: повсюду были найдены необходимыми террористическія мѣры для возстановленія порядка. Надобно только вспомнить о послѣдней половинѣ 1848 и слѣдующихъ годахъ во Франціи, Германіи, Италіи. Народныя массы были взволнованы, и оказалось, что нечѣмъ укротить ихъ, кромѣ физической силы. Почему же оказалось это? Потому что для удовлетворенія ихъ требованій нужно было энергическое вмѣшательство западныхъ правительствъ въ экономическія отношенія, а теорія отсталой экономической школы, господствовавшая въ образованныхъ классахъ, не допускала такого вмѣшательства.

При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Западной Европѣ, эта теорія ведетъ къ подавленію личности, къ замѣненію законнаго порядка произвольными мѣрами, къ превращенію всей законодательной и административной силы въ полицейскій и военный надзоръ для усмиренія и наказыванія. Кромѣ Англіи, ни одно изъ государствъ Западной Европы не могло бы сохранить своего настоящаго устройства, если бы не опиралось на вооруженную силу. „Но по крайней мѣрѣ въ Англіи общественное устройство поддерживается не вооруженною силою?“ Такъ, но за то англійскія понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности частныхъ лицъ не похожи на теорію, которая господствуетъ на континентѣ. Обыкновенно говорятъ, что въ Англіи правительство оставляетъ частному лицу гораздо болѣе самостоятельности, нежели на континентѣ. Это правда, но говоря о размѣрѣ власти, забываютъ о распредѣленіи ея дѣятельности между разными отраслями общественной жизни. Полиція, администрація, судъ,—во всемъ этомъ государство на Великобританскихъ островахъ имѣетъ гораздо менѣе власти, нежели на континентѣ. Но въ экономическихъ отношеніяхъ оно оставило за собою гораздо больше власти, нежели сколько оставляется ему теоріею laissez faire, laissez passer на континентѣ. Укажемъ одинъ фактъ, безусловно осуждаемый всѣми отсталыми экономистами,—налогъ для пособія бѣднымъ. Мы согласны, что форма употребленія этой подати нелѣпа; что же дѣлать? она сохранилась отъ среднихъ вѣковъ, а въ среднихъ вѣкахъ не было ничего соотвѣтствующаго нынѣшнимъ потребностямъ. Но мы говоримъ о принципѣ этой подати: „государство обязано давать средства для жизни каждому изъ своихъ членовъ“. Тамъ, гдѣ могъ сохраниться этотъ принципъ, несмотря даже на нелѣпость формы, въ которую облеченъ, тамъ конечно понятія объ отношеніи государства къ экономической дѣятельности должны быть совершенно не таковы, какъ теорія безусловнаго невмѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе экономисты не совсѣмъ похожи на тѣхъ отсталыхъ французовъ, изъ которыхъ обыкновенно почерпаются наши понятія о политической экономіи. Эти англичане, въ своемъ государствѣ считающіеся людьми совершенно мирными, могутъ удивить человѣка, начитавшагося однихъ только книжекъ школы Сэ. Въ примѣръ мы укажемъ на Милля, который теперь считается первымъ экономистомъ въ Англіи. Мы слышали, что сочиненіе Милля перевод[illegible]

Digitized by Google

русскій языкъ и отъ души желаемъ скораго исполненія этой полезной мысли. Тогда русская публика увидитъ, что одностороннія доктрины, противъ которыхъ мы вооружаемся, не составляютъ сущности строгой экономической науки и должны считаться принадлежностью не всѣхъ вообще экономистовъ, а только отсталыхъ французскихъ писателей. Милль человѣкъ совершенно спокойный, врагъ всякихъ фантазій и утопій, и никто въ Англіи не считаетъ его ни врагомъ порядка, ни врагомъ науки, напротивъ каждый находитъ, что онъ оказалъ ей больше услугъ, нежели какой бы то ни было другой экономистъ настоящаго времени. Каковы же понятія этого спокойнаго и серьезнаго ученаго? Онъ говоритъ о рентѣ, о наслѣдствѣ такія вещи, которыя совершенно противорѣчатъ послѣдователямъ системы laissez faire, laissez passer. Онъ говоритъ, напримѣръ, что наслѣдство, даже по прямой линіи, можетъ быть ограничено закономъ безъ нарушенія собственности; онъ говоритъ, что рента составляетъ собственность государства, а не частныхъ лицъ, и если частныя лица пользуются ею, то это монополія, уступленная имъ государствомъ. Наконецъ, угодно ли знать, что говоритъ онъ вообще о нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ? Вотъ что. Мы переводимъ нѣсколько страницъ изъ 1-й главы 2-й книги его сочиненія.

„Противники принципа индивидуальной собственности могутъ быть раздѣлены на два класса: теорія однихъ предлагаетъ безусловное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ къ жизненнымъ наслажденіямъ; другіе допускаютъ неравенство, но только такое, которое было бы основано на принципѣ справедливости или общей пользы, а независѣло бы только отъ случая, какъ многія изъ нынѣшнихъ общественныхъ неравенствъ.

„Каковы бы ни были достоинства или недостатки этихъ различныхъ теорій, но справедливости нельзя назвать ихъ непрактичными. Обыкновенно представляютъ противъ системы общинной собственности и равнаго распредѣленія произведеній то выраженіе, что при ней каждый постоянно старался бы отвиливать отъ своей доли работы. Но люди, дѣлающіе такое возраженіе, забываютъ, въ какомъ громадномъ размѣрѣ существуетъ то же самое неудобство при системѣ, по которой производятся нынѣ девять десятыхъ частей труда. Возраженіе предполагаетъ, что честнаго и плодотворнаго труда должно ожидать только отъ людей, которые лично сами пользуются результатомъ своихъ усилій. Но какая ничтожная часть всего труда, производимаго въ Англіи, производится людьми трудящимися въ собственную свою пользу? Отъ человѣка, получающаго самое низкое, до человѣка получающаго самое высокое жалованье, отъ ирландскаго жнеца или носильщика до верховнаго судьи или государственнаго министра, почти всѣ люди трудящіеся въ обществѣ, вознаграждаются за работу поденной платой или опредѣленнымъ содержаніемъ. Фабричный рабочій имѣетъ въ своей работѣ менѣе личнаго интереса, нежели членъ ассоціаціи, потому что не трудится подобно ему для товарищества, въ которомъ самъ участвуетъ. Скажутъ, что хотя большая часть работниковъ и не имѣютъ личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за ними надзираютъ, управляютъ ихъ трудомъ и исполняютъ умственную часть труда люди, имѣющіе въ немъ личный интересъ. Нѣтъ, и это можно сказать далеко не обо всѣхъ дѣлахъ. Во всѣхъ общественныхъ и во многихъ, самыхъ большихъ и самыхъ успѣшныхъ, частныхъ предпріятіяхъ не только черная работа, но также контроль и управленіе ввѣрены наемнымъ людямъ. Я высоко цѣню одушевленіе, придаваемое труду тою перспективою, когда вся выгода или значительная часть выгоды отъ усердія въ работѣ достается работнику. Но при настоящей системѣ производства это побужденіе не существуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Если бы общинный трудъ и былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ поселянина-собственника или ремесленника, трудящагося въ свою собственную выгоду, то вѣроятно онъ былъ бы болѣе энергиченъ, нежели трудъ наемнаго работника, вовсе неимѣющаго личной выгоды въ дѣлѣ. Небрежность работниковъ составляетъ самую рѣзкую черту въ нынѣшнемъ устройствѣ общества.

Digitized by Google

„Но недостовѣрно еще и то, чтобы трудъ общиннаго работника былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ человѣка, работающаго въ собственную выгоду, какъ полагаютъ люди, непривыкшіе простирать мысль за границы того порядка вещей, который у нихъ подъ глазами. Люди способны проникаться усердіемъ къ общему дѣлу въ гораздо большей степени, нежели какъ представляется возможнымъ въ настоящее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ огромныя массы людей могутъ быть направляемы къ тому, чтобы каждый изъ нихъ считалъ общественный интересъ своимъ собственнымъ. Самою удобною почвою для развитія такого чувства была бы ассоціація: все честолюбіе, вся физическая дѣятельность, обращенныя теперь на эгоистическія цѣли, должны были бы тогда искать себѣ занятія въ другой сферѣ, и натурально нашли бы его въ заботѣ объ общественной пользѣ. И независимо отъ этого общественнаго побужденія, каждый членъ ассоціаціи возбуждался бы вліяніемъ самаго всеобщаго и самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій—вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Никто не отрицаетъ силу этого побужденія въ отвращеніи людей отъ поступковъ, положительно осуждаемыхъ обществомъ, и отъ пренебреженія правилами, соблюденія которыхъ оно требуетъ. Сила соревнованія возбуждающая къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія отъ другихъ, также очень велика,—это свидѣтельствуется опытомъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, при которыхъ бываетъ публичное соревнованіе между людьми, даже и въ дѣлахъ пустыхъ, или не приносящихъ пользы обществу.

Болѣе серьезнымъ затрудненіемъ представляется хорошее распредѣленіе труда между членами ассоціаціи. По какой нормѣ будутъ соразмѣряться различные роды труда? Кто будетъ судить, напримѣръ, какое количество ткацкой работы будетъ равномѣрно извѣстному количеству пахотной работы? Да и въ одномъ родѣ трудно ввести равномѣрность. Номинальное равенство было бы въ сущности неравенствомъ, возмутительнымъ для справедливости. Не каждый одинаково способенъ ко всякому труду и одинаковое количество труда ложится неровнымъ бременемъ на слабаго и сильнаго, бойкаго и медленнаго. Эти затрудненія дѣйствительно существовали бы, но можно побѣдить ихъ. Распредѣленіе труда соразмѣрно силѣ и способности каждаго отдѣльнаго лица, смягченіе общаго правила для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ оно было бы тяжело,—это не такія задачи, съ которыми не могъ бы справиться человѣческій умъ, руководимый чувствомъ справедливости. Притомъ самое неудачное и самое несправедливое разрѣшеніе этихъ задачъ при системѣ, стремящейся къ равномѣрности, было бы такъ далеко отъ того неравенства или несправедливости, съ которою нынѣ распредѣляется даже самый трудъ (не говоря уже о распредѣленіи вознагражденія), что сравнительно съ неудобствами нынѣшней системы объ этихъ несовершенствахъ не стоило бы и говорить“.

Онъ заключаетъ свой обзоръ слѣдующими словами:

„Даже изъ нашего краткаго очерка должно быть очевидно, что эта система не нарушаетъ ни одного изъ общихъ законовъ, которымъ подчиняется человѣческая дѣятельность, даже при настоящемъ несовершенствѣ нравственнаго и умственнаго развитія; и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать, будто она не можетъ имѣть успѣха, или не можетъ осуществить значительной части надеждъ, основываемыхъ на ней ея послѣдователями“ *).

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ только для того, чтобы показать, какъ далеко истинно современные экономисты расходятся въ своихъ понятіяхъ съ узколобою школою разныхъ отсталыхъ французиковъ, изъ книжонокъ которыхъ обыкновенно почерпаются пышныя рѣчи нашими доморощенными противниками общиннаго владѣнія. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы отвергаемъ „научныя истины“: помилосердуйте надъ этимъ серьезнымъ терминомъ, милостивые государи, скажемъ мы въ отвѣтъ; не профанируйте его приложеніемъ его ко вся-

*) *Principles of Political Economy by John Stuart Mill. London.* 1857. Часть первая, страницы 246—254 и 263.

Digitized by Google

кой ветхой дряни, которую провозглашаетъ какой нибудь поверхностный или недоучившійся французскій пустословъ. Какой науки хотите вы искать у Коклена и Гильйомена? Какая наука согласится имѣть своими представителями Бодрильяра или Гарнье? Успокойтесь, милостивые государи! вовсе не надъ наукою мы смѣемся, а только надъ ветхою дребеденью, которая вовсе не пользуется одобреніемъ истинно ученыхъ экономистовъ, думающихъ своею головою, а не головою стародавнихъ учителей, которые жили въ другія времена, были представителями другихъ обстоятельствъ и другихъ потребностей.

Если мы споримъ противъ теоріи laissez faire laissez passer, то споримъ противъ нея главнымъ образомъ, какъ противъ утопіи, недостижимой при нынѣшнемъ положеніи общественныхъ нравовъ, при которомъ государство по необходимости имѣетъ очень значительную силу надъ частною жизнью. Главнымъ источникомъ такой силы мы считаемъ непривычку частныхъ людей къ иниціативѣ. Печальнѣе всего этотъ недостатокъ частной иниціативы проявляется именно въ той отрасли жизни, которая отдается подъ безусловную опеку государства теоріей его невмѣшательства въ экономическія отношенія: частная иниціатива слабѣе всего въ дѣлѣ охраненія безопасности. Мы думаемъ, что если государственная забота будетъ раздѣляться на всѣ отрасли жизни, а не сосредоточиваться на одной этой, частная иниціатива будетъ имѣть болѣе побужденій къ развитію той своей функціи, которая до сихъ поръ оставалась особенно слаба. Мы думаемъ, что дѣятельность государства въ экономической сферѣ вовсе не такъ опасна для личной самостоятельности, какъ въ дѣлѣ охраненія безопасности, потому что въ экономической сферѣ частная иниціатива чрезвычайно сильна и не можетъ быть подавлена никакимъ вмѣшательствомъ. Словомъ сказать, мы также сильно хлопочемъ о развитіи личной самостоятельности, какъ самые рьяные приверженцы отсталой школы; мы думаемъ только, что нашъ принципъ для развитія личной самостоятельности благопріятнѣе, нежели система laissez faire, laissez passer. Мы уже показали, что въ теоріи она ведетъ къ поглощенію личности государствомъ, а на практикѣ служитъ оправданіемъ для реакціоннаго терроризма. Именно поэтому мы отвергли ее, и теперь пора намъ заняться изложеніемъ тѣхъ понятій, которыя кажутся намъ менѣе опасными для личной самостоятельности и болѣе разсудительными.

Первое правило разсудительности—принимать въ соображеніе факты. Итакъ, мы выходимъ отъ того факта, что государство существуетъ и пользуется огромной силой. Каковы наши идеалы, теперь не объ этомъ рѣчь. Мы только разсматриваемъ, какое распредѣленіе государственной власти по разнымъ отраслямъ жизни неизбѣжно при данномъ состояніи общественныхъ нравовъ; мы принимаемъ государство и его огромную силу, какъ фактъ, и должны только объяснить себѣ происхожденіе и смыслъ этого факта.

Для чего возникаетъ государство и правительство, служащее органомъ его? Нѣкоторые предполагаютъ для государства цѣль болѣе высокую, нежели потребности отдѣльныхъ лицъ,—именно осуществленіе отвлеченныхъ идей справедливости правды и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ такого принципа очень легко выводить для государства права болѣе обширныя, нежели изъ другой теоріи, которая говоритъ только о пользѣ частныхъ лицъ; но вообще мы держимся послѣдней, и выше человѣческой личности не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего. Будемъ же говорить объ обязанностяхъ государства съ этой точки зрѣнія, которую принимаютъ

Digitized by Google

почти всѣ экономисты, и въ томъ числѣ всѣ экономисты отсталой школы. Государство, по нашему мнѣнію, существуетъ только для блага частныхъ лицъ; въ этомъ не станутъ спорить съ нами люди, осуждающіе насъ за привязанность къ общинному владѣнію. Теперь предложимъ нѣсколько вопросовъ. Въ чемъ поставили мы источникъ и цѣль правительства? Въ пользахъ индивидуальнаго лица. Какихъ же именно мѣръ могутъ требовать эти пользы и къ какимъ отраслямъ жизни могутъ относиться обязанности содѣйствовать этимъ пользамъ? Само собою разумѣется, тутъ a priori ничего нельзя опредѣлить, все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Мало ли какъ измѣняются надобности и желанія человѣка! Тутъ границъ разнообразію не можетъ быть опредѣлено никакихъ, кромѣ самого слова „польза". Какъ же теперь и опредѣлить обязанности государства какимъ нибудь другимъ терминомъ? Всякое другое опредѣленіе не будетъ соотвѣтствовать самому понятію о сущности государства: зачѣмъ оно существуетъ, если не для пользы людей? А если существуетъ оно для этой цѣли, то конечно должно удовлетворять всему, что требуется понятіемъ пользы.

Есть разныя теоріи о томъ, что полезно для людей. Смотря потому, какую теорію вы примете, будутъ измѣняться ваши понятія объ обязанностяхъ государства. Но разница между заслуживающими вниманія теоріями человѣческихъ потребностей состоитъ не въ томъ, чтобы одна исключала какія либо честныя средства или дѣятельности изъ сферы жизни, а другая принимала ихъ; нѣтъ, разница только въ томъ, что, перечисляя разныя потребности человѣка, одна теорія выше ставитъ однѣ, другая другія; напримѣръ, по одной теоріи на первомъ мѣстѣ стоитъ матеріальное благосостояніе, по другой нравственное развитіе, и такъ далѣе.

Намъ кажется, что теоретическіе споры объ этомъ не совсѣмъ разсудительны: есть довольно много потребностей одинаково важныхъ съ общей точки зрѣнія, и та или другая беретъ перевѣсъ надъ остальными только на время, по стеченію обстоятельствъ, а съ измѣненіемъ ихъ уступаетъ первенство какой нибудь другой: слѣдовательно рѣшеніе принадлежитъ уже только практикѣ, зависящей отъ обстоятельствъ, а вовсе не теоріи.

„Но по крайней мѣрѣ въ практикѣ для настоящаго времени какую потребность считаете вы самой настоятельной?" Едва ли разсудительно было бы сказать, что слѣдуетъ считать только одну; скорѣе можно думать, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ равно настоятельны три потребности: улучшеніе матеріальнаго быта массы, расширеніе просвѣщенія и увеличеніе индивидуальной самостоятельности. Однакоже, чтобы приблизиться къ желаніямъ экономической школы, отсталыя мнѣнія которой мы опровергаемъ, и чтобы показать необходимость нашего вывода даже при отправленіи съ точки зрѣнія повидимому самой невыгодной для него, мы согласимся, что потребность индивидуальной самостоятельности составляетъ главную черту нынѣшняго положенія дѣлъ.

Будемъ же разсуждать, основываясь на принципѣ развитія индивидуальной самостоятельности. Пусть кругъ дѣйствій государства будетъ опредѣляться преимущественно этою потребностью. Каково будетъ въ такомъ случаѣ отношеніе государства къ экономической дѣятельности? Будетъ ли отвергнута иниціатива со стороны государства въ экономической сферѣ?

Нынѣ каждый говоритъ, что всѣ отрасли жизни тѣсно связаны. Открытіе сдѣланное ученымъ производитъ переворотъ въ матеріальномъ бытѣ; увеличеніе

Digitized by Google

благосостоянія поднимаетъ науку; постройка желѣзныхъ дорогъ измѣняетъ общественные нравы. Толковать объ этомъ даже скучно, потому что эту мудрость найдете вы въ каждомъ пустѣйшемъ фельетонѣ. Но изъ этого ясно, что какая бы сфера жизни ни должна была служить кореннымъ поприщемъ какой нибудь иниціативы, все-таки не останется ни одной сферы жизни, которая могла бы укрыться отъ дѣйствія этой иниціативы. Возьмемъ, напримѣръ, случай, относящійся прямо къ вопросу о личной юридической самостоятельности. Въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія дѣло идетъ кореннымъ образомъ о возвращеніи гражданскихъ правъ людямъ, которые до сихъ поръ не признавались самостоятельными членами общества. Сомнѣніе тутъ невозможно: сущность дѣла состоитъ въ пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ, въ пріобрѣтеніи самостоятельности бывшими крѣпостными крестьянами; основаніе вопроса чисто юридическое. Но что же мы видимъ? Съ перемѣною юридическихъ отношеній неразрывно соединена экономическая перемѣна; въ юридическомъ вопросѣ является экономическая сторона и оказывается столь важною, что совершенно заслоняетъ собою юридическую сторону отъ вниманія общества. И не думайте, чтобы одно это дѣло было таково; нынѣ во всѣхъ дѣлахъ экономическая сторона очень важна. Напримѣръ, хотя бы дипломатическія отношенія. Никто не станетъ отнимать у правительства власти давать аудіенціи иностраннымъ посланникамъ и говорить съ ними; но десять словъ, сказанныхъ Наполеономъ III Гюбнеру на новый годъ, отняли у европейскихъ капиталистовъ въ одну недѣлю четыреста милліоновъ руб. Не двинулся еще ни одинъ французскій солдатъ къ австрійскимъ границамъ, произнесена была только одна фраза,— и курсы фондовъ понизились настолько, что тысячи людей сдѣлались богачами, десятки тысячъ разорились, сотни тысячъ потеряли пятидесятую, двадцатую или даже пятую часть своего состоянія. Не употребляйте тутъ, если не хотите, слово конфискація, но результатъ фразы, въ которой не было ни малѣйшаго намека о промышленности или торговлѣ, или о какомъ нибудь имуществѣ, равнялся результату, какой могла бы имѣть только самая колоссальная конфискація.—„Но это случай чрезвычайный“.—Обратимся къ обыденнымъ административнымъ и законодательнымъ мѣрамъ, которыя возникаютъ каждый день,—мы также увидимъ, что каждая изъ нихъ производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ. Положимъ, напримѣръ, что въ Петербургѣ рѣшено ввести газовое освѣщеніе на всѣхъ улицахъ. Навѣрное ни одинъ экономистъ не скажетъ, что городское начальство или центральное правительство выйдетъ изъ круга прямыхъ своихъ обязанностей, заботясь объ освѣщеніи города. Но если освѣтятся газомъ Коломна и Выборгская сторона, безъ всякаго сомнѣнія цѣна квартиръ тамъ нѣсколько поднимется: полицейское распоряженіе подарило домохозяевамъ этихъ частей выигрышъ на доходѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ, а на капиталѣ въ нѣсколько милліоновъ. Кончилось ли тѣмъ дѣло? Нѣтъ. Число квартиръ осталось прежнее, число жителей Петербурга также, слѣдовательно пропорція между запросомъ и предложеніемъ квартиръ, по цѣлому городу, осталась одна и та же; но въ нѣкоторыхъ частяхъ запросъ усилился; очевидно, что онъ долженъ въ соотвѣтственной степени ослабѣть въ другихъ частяхъ. И дѣйствительно, каждый, вновь желающій поселиться въ Коломнѣ или на Выборгской сторонѣ, выбываетъ изъ числа желающихъ оставаться въ первой Адмиралтейской или въ Литейной части. Уменьшеніе запроса производитъ пониженіе цѣнности. Сумма уплатъ за

Digitized by Google

квартиры осталась въ цѣломъ Петербургѣ прежняя. Ясно, что она уменьшилась въ нѣкоторыхъ частяхъ, если увеличилась въ другихъ. Освѣщеніе газомъ Коломны и Выборгской стороны имѣетъ тотъ же экономическій результатъ, какой имѣла бы передача домохозяевамъ этихъ частей нѣсколькихъ милліоновъ, взятыхъ у домохозяевъ тѣхъ частей, которыя уже и прежде имѣли хорошее освѣщеніе. Другой примѣръ. Предположимъ, что правительство упрощаетъ формы дѣлопроизводства. Мы не говоримъ уже о томъ, что черезъ это уменьшается масса чиновниковъ: положимъ, что люди служащіе, по необходимости находясь въ прямой экономической зависимости отъ каждой административной мѣры, не должны приниматься въ разсчетъ; но каково вліяніе упрощенія переписки на экономическій бытъ частныхъ людей, не находящихся въ службѣ? Вести дѣла стало легче, рѣшаются они скорѣе, ходъ ихъ понятнѣе, стало быть меньше расходовъ и меньше хлопотъ каждому, имѣющему какое нибудь дѣло съ полиціею, администраціею или судилищемъ. А изъ десяти человѣкъ девятеро имѣютъ въ годъ хотя одно какое нибудь дѣло до власти. Слѣдовательно всѣ они что нибудь выигрываютъ въ денежномъ отношеніи. Кончилась ли этимъ экономическая перемѣна? Опять таки нѣтъ. Если дѣла ведутся яснѣе, проще и короче, уменьшается надобность въ ходатаяхъ, слѣдовательно теряютъ всѣ тѣ, которые прежде жили запутанностью и медленностью дѣлопроизводства. Вы скажете: „это и прекрасно; пусть уменьшаются выгоды людей, живущихъ на счетъ другихъ“. Я согласенъ, но замѣчаю во-первыхъ, что именно таковъ смыслъ всѣхъ доктринъ, желающихъ разумнаго участія государства въ экономическихъ дѣлахъ и отвергающихъ формулу laissez faire, laissez passer. Во-первыхъ, какъ бы то ни было, а все-таки упрощеніемъ дѣлопроизводства передавалась бы одному разряду людей очень значительная масса доходовъ, теряемыхъ другимъ разрядомъ людей.

Но едва ли не напрасно мы говорили о томъ, что каждое дѣйствіе государственной власти, къ какой бы сферѣ ни относилось оно прямымъ образомъ, къ военной или дипломатической, къ полицейской или судебной, непремѣнно производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ, непремѣнно сопровождается передачею извѣстной массы дохода и слѣдовательно капитала изъ рукъ однихъ частныхъ людей въ руки другихъ частныхъ людей,—напрасно выставляли мы эту сторону всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ дѣйствій въ доказательство того, что экономическая сторона частной дѣятельности никакъ не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства. Есть другой фактъ, прямымъ образомъ установляющій эту зависимость. Никто еще никогда не сомнѣвался въ неизбѣжной связи идеи государства съ идеею налоговъ и податей. Формы государственной власти могутъ быть чрезвычайно различны, составъ бюджета также, но всегда и вездѣ государственная власть имѣла съ своемъ распоряженіи бюджетъ, вездѣ она опредѣляла налоги и подати, вездѣ опредѣляла предметы ихъ расходованія. Въ этомъ отношеніи все равно,—неограниченный ли монархъ, или конституціонный парламентъ, или собраніе всего народа называется государственной властью: во всякомъ случаѣ, каждый частный человѣкъ долженъ платить налоги и подвергаться пошлинамъ, какія установитъ государственная власть. Надобно ли говорить, въ какую великую зависимость отъ государства ставится черезъ это имущество каждаго частнаго человѣка и вся его экономическая дѣятельность? Конфискація слово ненавистное; но что въ ней ненавистнаго и

Digitized by Google

несправедливаго? То, что извѣстное лицо подвергается исключительной мѣрѣ, не касающейся другихъ; ненавистно и несправедливо то, что съ однимъ поступаютъ не такъ, какъ со всѣми другими. Конфискація—обратная сторона привилегіи. Но если государство поступитъ несправедливо, предоставивъ мнѣ одному право пользоваться выгодами, напримѣръ, торговли съ Англіею или съ Франціею, то поступаетъ ли оно дурно, предоставляя каждому своему подданному право вести заграничную торговлю и пользоваться ея выгодами? Ненавистны и несправедливы всякія исключительныя мѣры, обращенныя на одно лицо въ его выгоду, или невыгоду, все равно. Но когда налогъ одинаково ложится на всѣхъ, до кого можетъ касаться, въ немъ нѣтъ несправедливости, это всѣми признано. А между тѣмъ, что такое дѣлаетъ налогъ? Онъ беретъ у частнаго лица въ пользу государства извѣстную долю доходовъ, т. е. извѣстную долю капитала. Если у меня триста десятинъ земли, дающихъ каждая по четыре рубля дохода, до для меня все равно, будетъ ли учрежденъ налогъ въ одинъ рубль на десятину или прямо была бы взята у меня четвертая часть моей земли: за уплатою налога изъ 1,200 руб. у меня останется дохода девятьсотъ рублей; если бы у меня прямо было взято 75 десятинъ, результатъ былъ бы тотъ же: 225 десятинъ, оставшіяся у меня и избавленныя отъ налога, давали бы также 900 рублей. Доходъ былъ бы одинаковъ, слѣдовательно и капиталъ былъ бы одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, давая мнѣ такую цѣну, чтобы получать съ купленнаго имущества 5 процентовъ, покупщикъ далъ бы мнѣ за каждую десятину только по 60 руб., когда остается дохода по 3 руб. съ десятины, т. е. за триста десятинъ далъ бы мнѣ только 18,000 руб.; а если съ десятины остаются всѣ 4 рубля дохода, онъ далъ бы за десятину по 80 руб., т. е. мои 225 десятинъ имѣли бы ту же самую цѣнность, 18,000 руб. Въ экономическомъ отношеніи налогъ совершенно равняется тому, какъ если бы соотвѣтственная доля имущества была обращена изъ частной собственности въ государственную.

Если государство безпрекословно пользуется правомъ присвоивать себѣ посредствомъ налога такую часть имущества, какую почтетъ удобнымъ, то возможно ли разсудительному человѣку, понимающему экономическую сущность налога, сомнѣваться въ правѣ государства обращать на экономическія отношенія дѣйствіе своей власти гораздо болѣе медленное, и далеко не столь рѣзкое, именно принимать законодательныя мѣры, какія требуются улучшеніемъ быта массы?

Мы говорили о бюджетѣ доходовъ. Еще поразительнѣе экономическое дѣйствіе бюджета расходовъ. Многія лица, не имѣющія никакого состоянія, получаютъ изъ государственнаго бюджета богатыя средства для жизни. Мало того, что бюджетъ даетъ содержаніе по нѣскольку тысячъ, или по нѣскольку десятковъ тысячъ въ годъ тѣмъ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ достойными такого содержанія, — бюджетъ во всѣхъ государствахъ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ возникновенія наслѣдственныхъ колоссальныхъ богатствъ. Подрядчики, поставщики, — все это созданія бюджета. Въ Западной Европѣ, почти всѣ громадныя богатства пріобрѣтены частными людьми или прямо отъ бюджета, или по крайней мѣрѣ благодаря покровительству государства. Почти вся безъ исключенія поземельная собственность въ Западной Европѣ произошла изъ пожалованій правительства. Но что говорить о недвижимой собственности, когда въ прямой зависимости отъ бюджета находится даже промышленная дѣятельность множества

Digitized by Google

лицъ? Возьмемъ въ примѣръ хотя суконныя фабрики. Что, если бы государству вздумалось одѣвать солдатъ вмѣсто суконнаго платья въ бумажное? Кажется, тутъ не можетъ быть спора о границахъ его власти: форма мундира конечно зависитъ отъ правительства. Но отъ замѣны суконной шинели плисовою шинелью на ватѣ прямо погибли бы многіе суконные фабриканты. Возьмите какую угодно другую статью государственнаго расхода, и вы увидите, что на ней держится экономическая дѣятельность множества людей, и что перемѣна въ ней будетъ прямымъ уничтоженіемъ многочисленныхъ состояній, прямымъ прекращеніемъ цѣлыхъ отраслей прежней экономической дѣятельности.

Если бы государство совершенно не хотѣло вмѣшиваться въ экономическія отношенія, оно никакъ не могло бы избѣжать чрезвычайно сильнаго вліянія на нихъ: бюджетъ расходовъ развиваетъ экономическую дѣятельность въ извѣстныхъ направленіяхъ, бюджетъ доходовъ ставитъ въ прямую зависимость отъ государства всѣ безъ исключенія частныя имущества и доходы, и наконецъ всякое законодательное постановленіе, всякое измѣненіе судоустройства, всякая административная или судебная мѣра имѣетъ своимъ послѣдствіемъ перенесеніе извѣстной суммы имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія. Это фактъ неизбѣжный, неотвратимый никакою теоріею науки, никакими желаніями самаго правительства. Послѣ того люди, толкующіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія, не похожи ли на того господина, который толковалъ о букашкахъ, не замѣчая слона? Если государство имѣетъ право вести войну, выбирать источники для состоянія бюджета своихъ доходовъ, употреблять, какъ ему покажется нужнымъ, собираемыя имъ суммы,—если оно такимъ образомъ имѣетъ власть надъ сотнями и тысячами милліоновъ, то какая тутъ можетъ быть рѣчь о независимости частной экономической дѣятельности отъ государства? Будемъ говорить откровенно: значительнѣйшая часть всей экономической дѣятельности общества находится въ прямой зависимости отъ правительства. Будутъ ли понимать экономисты, будетъ ли думать само государство, что оно должно имѣть сильное вліяніе на частную экономическую дѣятельность, это все равно: во всякомъ случаѣ всѣ имущественныя отношенія частныхъ лицъ будутъ зависѣть, какъ всегда зависѣли, отъ государственной власти.

Но есть большая разница въ томъ, сознано ли значеніе факта, или онъ происходитъ безсознательно. Если бы браминъ сознавалъ, что онъ въ каждомъ глоткѣ воды поглощаетъ милліоны живыхъ существъ, онъ вѣроятно не остановился бы опасеніемъ наступить на какую нибудь букашку своею ногою, когда нужно спѣшить, чтобы вытащить утопающаго изъ воды. Если бы экономисты отсталой школы понимали неизбѣжность вліянія государства на экономическія отношенія, они вѣроятно, вмѣсто пустыхъ толковъ объ утопической системѣ невмѣшательства, занялись бы опредѣленіемъ истинно полезныхъ предметовъ и дѣйствительно разумныхъ границъ для неизбѣжнаго вмѣшательства. Мы попробуемъ сдѣлать это, принимая за основу тотъ фактъ, что государство существуетъ для блага индивидуальной личности. Прежде всего мы разсмотримъ, въ какомъ направленіи должно производиться вліяніе государства на распредѣленіе имущества въ обществѣ для принесенія людямъ наибольшей выгоды.

Предположимъ, что у Ивана есть доходъ въ 50 рублей; предположимъ, что у Петра есть доходъ въ 500 рублей; предположимъ, что кто и[illegible]

Digitized by Google

поручить другому лицу дѣло, дающее 100 руб. дохода: кому изъ двухъ—Ивану или Петру, будетъ выгоднѣе такая прибыль? Черезъ прибавку 100 рублей доходъ Петра увеличится всего только на пятую долю, а доходъ Ивана увеличится въ три раза. Ясно, что поручить это дѣло Ивану—значитъ принести человѣку гораздо болѣе пользы, нежели поручить Петру. Беремъ другой случай. Предполагаемъ, что существуетъ десять человѣкъ, имѣющихъ каждый по 50 рублей дохода; предположимъ, что есть дѣло, дающее 500 рублей дохода; спрашивается, лучше ли будетъ сдѣлать участниками въ этомъ дѣлѣ всѣхъ десятерыхъ, или поручить его одному? Если поручить одному, онъ выиграетъ чрезвычайно много, но выиграетъ онъ одинъ; если сдѣлать участниками всѣхъ десятерыхъ, состояніе каждаго улучшится вдвое. Положимъ, что мы еще не можемъ изъ этого рѣшить, который способъ лучше, и поручили все дѣло одному. Но вотъ встрѣчается опять подобное дѣло: если мы поручимъ его одному тому, кому поручали прежнее дѣло, его положеніе улучшится менѣе, нежели вдвое (онъ имѣлъ уже 550 рублей, теперь будетъ имѣть 1050); если же поручить дѣло остальнымъ девяти, состояніе каждаго изъ нихъ улучшится болѣе, чѣмъ вдвое (каждый имѣлъ по 50, теперь будетъ имѣть по $105^1/_2$ рублей). Ясно, что лучше дать девятерымъ слишкомъ вдвое, нежели дать одному менѣе, нежели чѣмъ вдвое; ясно, значитъ, что и въ первый разъ полезнѣе было бы призвать къ участію всѣхъ десятерыхъ, а не сосредоточивать выгоду на одномъ. Мы говорили о выгодахъ, теперь подумаемъ объ убыткахъ. Предположимъ опять Ивана съ 50 рублями дохода и Петра съ 450 рублей; предположимъ, что намъ нужно получить 100 рублей и что мы имѣемъ право взять ихъ съ того и съ другаго въ какой намъ угодно пропорціи. Если мы раздѣлимъ требованіе на обоихъ поровну, то оказалось бы, что, взявъ съ Ивана 50 рублей, мы оставили его рѣшительно безъ копѣйки, а между тѣмъ у Петра взяли только одну девятую часть его доходовъ. Тутъ явная неравномѣрность въ обремененіи. Справедливѣе будетъ взять съ обоихъ въ равной пропорціи, т. е. съ Ивана только 10, а съ Петра 90 рублей. Быть можетъ, если бы мы ближе всмотрѣлись въ необходимыя надобности того и другаго, мы увидѣли бы, что можно найти пропорцію еще болѣе справедливую; но пока довольно для насъ и того: мы уже видимъ, каково должно быть вообще вліяніе государственнаго участія на экономическія отношенія. Оно должно стремиться къ тому, чтобы выгоды общественной жизни распредѣлялись между членами общества какъ можно равномѣрнѣе, а убытки ложились на тѣхъ, кто легче можетъ вынести. Только въ этомъ направленіи можно доставлять людямъ, при данномъ размѣрѣ національнаго богатства, наибольшую сумму благосостоянія.

Въ этомъ согласны съ нами даже экономисты отсталой школы; но теперь мы должны перейти къ предмету, въ которомъ расходимся съ ихъ теоріей. Опредѣливъ направленіе непосредственнаго участія государства въ частныхъ дѣлахъ, надобно рѣшить вопросъ: нуждается ли экономическая дѣятельность частныхъ людей въ прямомъ содѣйствіи государственной власти?

„Какъ это можно? кричатъ экономисты отсталой школы:—такое вмѣшательство нарушило бы естественный ходъ вещей. Пусть вещи идутъ естественнымъ порядкомъ. Насиловать природу нельзя. Всякая искусственность вредна. Искусственными средствами вы ничего не достигнете. Оставьте дѣйствовать природу вещей; [illegible]е васъ знаетъ, какъ и что дѣлать. Неужели вы хотите свой огра-

Digitized by Google

ниченный умъ поставить судьею природы и передѣлывать ее по вашимъ теоріямъ?"

Слова эти очень громки и милы, а главное—очень успокоительны. Смыслъ ихъ таковъ: будьте людьми, которые, по выраженію Гоголя, смотрятъ на міръ, ковыряя пальцемъ въ носу. Но дѣло въ томъ, что они основаны на гипотезѣ, которую мы не обязаны принимать безъ провѣрки. „Невозможно и вредно передѣлывать природу вещей". Почему же такъ? „Потому, что въ природѣ все устроено наилучшимъ образомъ, такъ что потребности человѣческой природы находятъ себѣ наилучшее возможное удовлетвореніе въ случайномъ сцѣпленіи обстоятельствъ, такъ что разсудку не остается надобности и хлопотать объ измѣненіи этихъ обстоятельствъ для приведенія ихъ въ лучшее соотвѣтствіе съ потребностями человѣка". Мы посмотримъ, вѣрна ли эта гипотеза.

Все въ природѣ устроено наилучшимъ образомъ,—не знаю, съ какой точки зрѣнія это справедливо; а съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей и удобствъ оказывается вовсе не то. Напримѣръ, теперь хлопочутъ о прорытіи Суэзскаго и Панамскаго перешейковъ,—ясно, что эти перешейки чему-то мѣшаютъ. Французы сверлятъ въ южной половинѣ Алжиріи артезіанскіе колодцы,—надобно полагать, что воды въ тѣхъ мѣстахъ меньше, нежели нужно человѣку. Да что говорить о такихъ мелочахъ! Риттеръ и Гумбольдтъ давно доказали, что расположеніе Алтайскихъ горъ на югѣ Сибири вовсе неудобно для Сибиряковъ, которымъ было бы лучше защищаться горами отъ полюса; они же говорятъ, что если бы море раздробляло Азію на такіе же мелкіе куски, какъ раздроблена Европа, то для Азіатцевъ было бы гораздо лучше. Африкою они рѣшительно не довольны: и еслибъ только дать имъ волю, они всю бы ее исполосовали длиннѣйшими и широчайшими заливами, устроили бы въ ней по крайней мѣрѣ два или три Средиземныхъ и Балтійскихъ моря. Нельзя сказать, чтобы они во всемъ были довольны и Европой: по ихъ мнѣнію, жаль, что горы у ней на югѣ, а не на сѣверѣ. Еслибъ ихъ воля, они перенесли бы Балканы въ Олонецкую губернію. Это конечно не скоро удастся сдѣлать; но что могутъ, то дѣлаютъ люди, чтобы переработать природу по своему. Гдѣ могутъ, они стараются осушать болота, поправлять теченіе рѣкъ, очищать ихъ устья, строить плотины, проводить каналы,—и мало ли чего они не дѣлаютъ. Имъ, видите ли, безъ этихъ передѣлокъ неудобно жить. Да и что такое вся экономическая дѣятельность, какъ не переработка природы для удовлетворенія человѣческимъ потребностямъ? Надобно человѣку ѣсть,—ему приходится пахать землю; да еще мало того что пахать, надобно удобрять ее, надобно передѣлывать почву. Хочется человѣку укрыться отъ непогоды, опять оказывается, что природа не приготовила для него ничего, кромѣ пещеръ, и приходится опять таки передѣлывать природу, строить себѣ жилище. И до чего доходитъ человѣкъ!—отвратительно и подумать: даже тѣ вещи, которыя въ природномъ видѣ могли бы быть для него полезны, онъ находитъ все еще неудовлетворительными и старается улучшить ихъ по своимъ узкимъ соображеніямъ. Напримѣръ, есть на овцѣ натуральное руно, онъ этою шерстью не доволенъ: говоритъ, будто она груба; начинаетъ перевоспитывать овецъ, разводитъ искусственную породу мериносовъ. Можно питаться говядиной,—онъ опять таки находитъ, что надобно передѣлать коровью породу, чтобы мяса было больше и чтобы оно было вкуснѣе. Словомъ сказать, до чего ни дотронется человѣкъ, все

Digitized by Google

не по немъ, все не такъ, все надобно передѣлывать. Одно изъ двухъ: или весь родъ человѣческій, съ той поры, какъ началъ пахать землю, сумасбродствуетъ и куралеситъ, или въ самомъ дѣлѣ внѣшняя природа неудобна для его потребностей, и надобно ему сильно ее передѣлывать. Вотъ вамъ уже и создается „искусственный порядокъ вещей", котораго не хотятъ допускать отсталые экономисты. По нашему, если вооружаться противъ искусственности, пусть бы воевали не противъ системы Овэна или Луи-Блана, а противъ утопистовъ, удобряющихъ свои поля, или хотя бы и безъ удобренія пашущихъ землю,—вѣдь это тоже „насилованіе натуральнаго порядка".

Человѣческое общество развилось подъ вліяніемъ внѣшней природы. Мы уже видѣли, что устройство внѣшней природы не совсѣмъ удовлетворительно для человѣческихъ потребностей; изъ этого прямо слѣдуетъ, что развитіе, происшедшее подъ вліяніемъ невыгодной обстановки, не можетъ вполнѣ удовлетворять потребностямъ человѣка и нуждается въ исправленіяхъ, предписываемыхъ разсудкомъ. Самымъ общимъ слѣдствіемъ неполной сообразности устройства природы съ потребностями человѣка является недостаточность средствъ, предлагаемыхъ природою для удовлетворенія его потребностей. По натурѣ своей человѣкъ склоненъ къ доброжелательству относительно другихъ людей; но себя каждый любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Каждый хочетъ удовлетворить своимъ потребностямъ; а средства, предлагаемыя природою, для удовлетворенія всѣхъ людей не окажутся достаточными; изъ этого возникаетъ вражда между людьми, разстройство лежащаго въ человѣческой природѣ взаимнаго доброжелательства. Столкновеніе интересовъ приводитъ къ необходимости установить, съ общаго согласія, правила, опредѣляющія отношенія между людьми въ разныхъ сферахъ ихъ дѣятельности. Въ каждомъ обществѣ необходимы правила для государственнаго устройства, для отношеній между частными людьми, для огражденія тѣхъ и другихъ правилъ. Такимъ образомъ возникаютъ законы политическіе, гражданскіе и уголовные. Духъ и размѣръ этихъ законовъ могутъ быть, при различныхъ состояніяхъ общества, чрезвычайно различны; но безъ законовъ, въ томъ или другомъ духѣ, въ томъ или другомъ размѣрѣ устанавляемыхъ разсудкомъ и измѣняющихся сообразно съ обстоятельствами, не можетъ обойтись общество, пока существуетъ несоразмѣрность между средствами удовлетворенія человѣческихъ потребностей и самыми потребностями.

Для каждой сферы общественной жизни существуютъ свои особенные законы: есть правила, опредѣляющія семейную жизнь (законы о бракѣ, объ отношеніяхъ мужа и жены, родителей и дѣтей); есть правила для развитія умственной жизни (законы о воспитаніи и преподаваніи); есть правила для отношеній между независимыми людьми въ государственной ихъ дѣятельности (законы о правахъ личности и о степени ея участія въ государственной жизни); есть законы для политической дѣятельности (законы о государственныхъ учрежденіяхъ, о формахъ законодательства и администраціи). Каждая изъ этихъ сферъ жизни имѣетъ свои особенные законы, установляемые разсудкомъ, зависящіе отъ воли общества, измѣняющіеся сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ: какъ же не имѣть такихъ законовъ самой важной изъ всѣхъ дѣятельностей, какъ не имѣть ихъ экономическому производству? Еслибъ она не имѣла ихъ, этимъ нарушилась бы аналогія ея съ другими дѣятельностями, нарушался бы основной принципъ существованія об-

Digitized by Google

щества, который одно и тоже съ существованіемъ законовъ. Мы видѣли, что для каждой дѣятельности не только должны существовать законы, но именно должны существовать спеціальные законы, относящіеся только къ ней и не касающіеся другихъ дѣятельностей. Для семейнаго быта неудовлетворительны законы, опредѣляющіе вообще отношенія между частными людьми по ихъ политическимъ правамъ; и наоборотъ, для политическихъ отношеній между независимыми людьми неудовлетворительны семейные законы. Опять было бы страннымъ нарушеніемъ и аналогіи съ другими дѣятельностями, и основнаго общественнаго принципа, если-бы экономическая дѣятельность не нуждалась въ своихъ спеціальныхъ законахъ, могла бы удовлетвориться тѣми правилами, какія существуютъ для другихъ дѣятельностей.

Мы видѣли первую причину для необходимости экономическихъ законовъ— несоразмѣрность средствъ, предлагаемыхъ внѣшнею природою, съ потребностями человѣка. Дисгармонія между условіями общей планетной жизни и частными нуждами человѣческой жизни представляется первымъ обстоятельствомъ, требующимъ вмѣшательства разсудка для облегченія этой дисгармоніи, для смягченія этихъ столкновеній. Вторымъ источникомъ является дисгармонія въ самой человѣческой природѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по сущности своей природы человѣкъ есть существо стройное и согласное въ своихъ частяхъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и аналогія съ другими животными организмами, которые не носятъ въ себѣ противорѣчій, и самый принципъ единства органической жизни въ каждомъ организмѣ. Но подъ вліяніемъ противныхъ потребностямъ человѣка условій внѣшней природы самая жизнь человѣка подвергается уклоненіямъ и развиваются въ ней самой противорѣчія. Различныя потребности, разжигаемыя недостаткомъ нормальнаго удовлетворенія, достигаютъ крайностей, вредныхъ для самого человѣка. Всѣ эти крайности еще болѣе искажаются и преувеличиваются вліяніемъ тщеславія, составляющаго искаженіе основнаго чувства человѣческой природы, чувства собственнаго достоинства. Такимъ образомъ человѣкъ подвергается внутреннему разстройству отъ пороковъ и экзальтированныхъ страстей. Условія, въ которыхъ мы живемъ, такъ неблагопріятны для коренныхъ потребностей человѣческой природы, что самый лучшій изъ насъ страдаетъ этими недостатками. Не забудемъ, что коренной источникъ ихъ—несоразмѣрность средствъ къ удовлетворенію съ потребностями, имѣетъ чисто экономическій характеръ; изъ этого уже легко сообразить, что пороки и экзальтированныя страсти должны самымъ прямымъ образомъ отражаться въ экономической дѣятельности, да и самыя дѣйствительныя средства противъ нихъ должны заключаться въ экономической области: вѣдь надобно обращаться противъ зла въ самомъ его корнѣ, иначе не истребишь зла. Теперь, если эти противные человѣческой природѣ элементы усиливаютъ необходимость законовъ для каждой сферы общественныхъ отношеній, то какимъ же образомъ могли бы оставаться чужды подобной необходимости экономическія отношенія?

Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на вопросъ съ общей теоретической точки зрѣнія, то мнѣніе, будто бы экономическая дѣятельность не нуждается ни въ какихъ положительныхъ законахъ, когда остальныя дѣятельности нуждаются въ нихъ, представится намъ чистою нелѣпостью, нарушеніемъ всякой аналогіи

Digitized by Google

тельныя издержки по производству своихъ опытовъ; но всѣ мои расходы были уплачены правительствомъ, когда оно испытало годность моей пушки. Я долженъ сказать, что генералъ Пиль, лордъ Пэмюръ, герцогъ Ньюкэстль, словомъ сказать, всѣ люди, бывшіе военными министрами, когда я производилъ свои опыты, постоянно оказывали мнѣ всякое содѣйствіе, какого только я могъ желать. Тоже я долженъ сказать обо всѣхъ несмѣняющихся начальствахъ военнаго вѣдомства. Въ началѣ прошлаго года былъ назначенъ комитетъ для полнаго изслѣдованія вопроса о нарѣзныхъ пушкахъ. Комитетъ состоялъ изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ съ обширными знаніями и съ опытностью въ артиллерійскомъ дѣлѣ и, употребивъ большую часть своего времени, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, на изслѣдованіе пушекъ, ядеръ и бомбъ, представленныхъ мною, они дали единодушное рѣшеніе въ пользу моей системы.

„Относительно вѣрности и дальности выстрѣловъ изъ этихъ пушекъ, я могу мало прибавить къ тому, что было сказано генераломъ Пилемъ; но замѣчу, что съ той поры, какъ онъ говорилъ, мы успѣли достичь значительно улучшенныхъ результатовъ. На дистанціи 600 ярдовъ (255 саженъ) предметъ, не превосходящій своею величиною дуло непріятельской пушки, можетъ быть поражаемъ почти каждымъ выстрѣломъ. На 3,000 ярдовъ (2 версты 300 саж.) мишень, имѣющая въ квадратѣ 9 футовъ и кажущаяся на этомъ разстояніи маленькимъ пятнышкомъ, въ тихій день была поражаема девятью ядрами изъ десяти. Корабль на гораздо большей дистанціи представляетъ гораздо большую цѣль, а въ городъ или въ цитадель ядра могутъ быть бросаемы съ разстоянія болѣе 5 миль (около 8 верстъ). Но чтобы орудіе приносило всю свою пользу на далекихъ дистанціяхъ, артиллерійскіе солдаты должны получать гораздо лучшее научное образованіе, чѣмъ нынѣ. И я полагаю, что морское и военное министерства примутъ необходимыя мѣры для надлежащаго образованія офицеровъ и солдатъ. Интересенъ вопросъ о томъ, каково было бы вліяніе общаго введенія этихъ орудій на различныя условія военныхъ дѣйствій. Если встрѣтятся простые деревянные корабли на открытомъ морѣ, то, мнѣ кажется, они должны быстро уничтожить другъ друга. Прошло то время, когда люди одѣвались въ латы; но мнѣ кажется, что подходитъ время одѣвать въ латы корабли. Къ нашему счастію, нѣтъ страны, которая могла бы выдержать въ этомъ уровень съ Англіею. Мы имѣемъ безграничныя средства производить и употреблять въ дѣло желѣзо, изъ котораго будутъ дѣлаться корабельныя латы. Если будетъ простой корабль противъ батареи, большая выгода будетъ на сторонѣ батареи, потому что она имѣетъ для пушекъ неподвижную платформу и сдѣлана изъ матеріала болѣе прочнаго, чѣмъ деревянный корабль. Напротивъ при бомбардированіи крѣпостей, арсеналовъ и верфей, представляющихъ цѣль большаго размѣра, корабли могутъ дѣйствовать съ очень далекой дистанціи, на которой будутъ пренебрегать выстрѣлами сухопутныхъ укрѣпленій. Въ случаѣ высадки (этотъ случай, быть можетъ, самый интересный для насъ) для защищающагося важность такихъ пушекъ безмѣрна. Надобно полагать, что невозможно было бы произвести высадку, если бы обороняющійся дѣйствовалъ даже только полевыми батареями изъ такихъ пушекъ; а если бы высадка была произведена, то отступающее войско вообще могло бы дѣйствовать подъ какимъ нибудь прикрытіемъ, между тѣмъ какъ нападающіе должны были бы подвигаться по открытой мѣстности, на которой подверглись бы страшному истребленію.

Digitized by Google

„Теперь я скажу нѣсколько словъ о личныхъ условіяхъ, заключенныхъ между мною и правительствомъ. Съ самаго начала я рѣшительно не думалъ брать съ правительства какое нибудь вознагражденіе за усовершенствованія, которыя надѣялся произвести. Потому сначала я и не бралъ привиллегіи. Но скоро я увидѣлъ надобностъ взять привиллегію, не для того, чтобы присвоить себѣ монополію, но чтобы оградить себя отъ узурпаціи. Наконецъ, когда рапортъ комитета былъ представленъ, я написалъ къ правительству письмо, въ которомъ предоставлялъ въ распоряженіе службы ея величества всѣ сдѣланныя мною усовершенствованія. На это письмо правительство отвѣчало мнѣ объясненіемъ, что оно готово сдѣлать мнѣ денежное вознагражденіе; я отказался брать его. Но возникли два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ правительство выучится дѣлать такія пушки; во-вторыхъ, какимъ образомъ поступать относительно будущихъ моихъ усовершенствованій, потому что все это дѣло находится еще въ развитіи и нельзя предполагать, чтобы оно остановилось въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Для устраненія затрудненій я предложилъ, что если правительство будетъ платить мнѣ жалованье по 2,300 фунтовъ въ годъ, начиная за три года до настоящаго времени, и потомъ еще въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ, то я отдамъ въ его пользу всѣ свои знанія и опытность и предоставлю ему всѣ свои будущія усовершенствованія. Это совершенно не то, что полученіе вознагражденія, отъ котораго я отказался. Это договоръ, относящійся къ службѣ, и если моя служба прекратится смертью или другимъ образомъ, то и жалованье прекратится. Я глубоко цѣню милостивое признаніе моихъ заслугъ ея величествомъ, но договоръ свой съ правительствомъ цѣню только какъ средство успѣшнѣе заниматься своимъ дѣломъ для государственной пользы и моего собственнаго удовольствія; и если бы правительству раньше или позже показалось, что моя служба не стоитъ получаемаго мною жалованья, мнѣ будетъ довольно самаго легкаго намека, чтобы освободить правительство отъ этого условія. Конечно, я никогда и не думалъ отказываться отъ своихъ нынѣшнихъ занятій; напротивъ, въ условіи положительно сказано, что мнѣ оставляется свобода вести промышленныя предпріятія, какія хочу я. Не знаю, согласно ли это съ прежними примѣрами: но я увѣренъ, что по моему образу дѣйствій публика можетъ быть увѣрена, что я имѣю въ виду не свои собственныя выгоды. Мое честолюбіе состоитъ только въ томъ, чтобы усовершенствовать дѣло, которымъ я занимаюсь; о денежныхъ выгодахъ отъ него я мало думаю“.

Эрмстронгъ ссылался на слова, сказанныя объ его изобрѣтеніи генераломъ Пилемъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ. Мы переведемъ этотъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной Пилемъ въ Палатѣ Общинъ 4 марта, при обсужденіи бюджета военнаго министерства.

„Палата много слышала о новой пушкѣ сэра Уильяма Эрмстронга. Невозможно и предсказать, какія огромныя послѣдствія будетъ имѣть общее введеніе этого орудія въ нашу армію. Прошедшимъ лѣтомъ былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія разныхъ нарѣзныхъ пушекъ, представленныхъ правительству. Заключеніе комитета было рѣшительно въ пользу орудія изобрѣтеннаго сэромъ Уильямомъ Эрмстронгомъ. Эта пушка заряжается съ казенной части, сдѣлана изъ кованаго желѣза по особенному способу и бросаетъ снарядъ, который употребляется какъ плотное ядро, какъ бомба или какъ картечь. Онъ примѣняется также къ употребленію на корабляхъ и имѣетъ чрезвычайную силу при разрывѣ. Пушка

Digitized by Google

эта очень прочна. Я самъ видѣлъ такую, изъ которой было сдѣлано 1,300 выстрѣловъ и которая послѣ того не представляла ни малѣйшихъ поврежденій. Важныя преимущества этой пушки—ея легкость, дальность ея выстрѣла и вѣрность стрѣльбы. Эрмстронгова пушка, стрѣляющая 18-ти фунтовымъ ядромъ, вѣситъ въ три раза легче обыкновенной пушки, имѣющей ядро такого же калибра. 32-хъ фунтовая пушка при зарядѣ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ядро на $5^1/_4$ миль. Вѣрность ея стрѣльбы еще болѣе удивительна. На 3,000 ярдовъ она стрѣляетъ въ 7 разъ вѣрнѣе, чѣмъ обыкновенная пушка стрѣляетъ на 1,000 ярдовъ; а на дистанціи 1,000 ярдовъ она попадаетъ каждымъ ядромъ въ такую мишень, въ которую обыкновенная пушка попадаетъ только однимъ ядромъ изъ 57; итакъ можно сказать, что по вѣрности стрѣльбы она превосходитъ обыкновенную пушку въ 57 разъ".

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ X.

БИБЛІОГРАФІЯ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ", НОЯБРЬ, КНИЖКА ВТОРАЯ.

Въ этой книжкѣ между прочимъ находится статья Покорскаго-Жоравко, предводителя дворянства Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи: „Что стоило намъ крѣпостное право". Авторъ, не признавая безправности крѣпостнаго состоянія, котораго законность, по мнѣнію его, родилась въ Россіи велѣніемъ Бориса Годунова, разсматриваетъ это учрежденіе сначала съ нравственной стороны, и весьма справедливо выводитъ изъ него почти все, что мы находимъ дурнаго, какъ въ существующихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, такъ и въ отдѣльномъ характерѣ обоихъ сословій: съ одной стороны ложное пониманіе цѣнности труда и безотчетное употребленіе его; затѣмъ раздражительность, презрѣніе къ подвластному сословію и жестокость; съ другой стороны, вслѣдствіе отсутствія права распоряжаться своимъ трудомъ и непрочности самой собственности, отвращеніе отъ работы, всевозможные обманы для уклоненія отъ нея и лѣность, не оставляющая крестьянина и на домашней работѣ. Затѣмъ, обращаясь къ цѣнѣ, въ которую обходился помѣщику трудъ крѣпостнаго крестьянина, г. Покорскій-Жоравко говоритъ, что за эту цѣну мы бы могли купить правильный, честный и хорошо вознагражденный трудъ, и распоряжаться имъ съ чистымъ сердцемъ и неповинными руками, а въ подтвержденіе такого сужденія дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ.

Въ имѣніи, состоящемъ изъ 200 душъ, поселенныхъ въ 75 дворахъ, и выставляющемъ ежедневно на господскую работу 50 мужчинъ и 50 женщинъ, помѣщикъ даетъ крестьянамъ:

1) Топливо.

2) По двѣ десятины на дворъ (то-же, что въ великороссійскихъ губерніяхъ тягло) пахотной земли.

3) По двѣ десятины сѣнокосной земли, и

4) По одной десятинѣ огорода.

Помѣщику это вознагражденіе стоитъ:

Digitized by Google

Топливо на 75 печей, по 1 сажени въ мѣсяцъ, цѣною въ 2 руб. сереб. . . . . 1800 руб.

Пахатная земля по 2 р. 50 к. за десятину, принимая плату только за четыре десятины изъ шести . . . . . 750 —

Сѣнокосная земля по 6 р. 70 к. за десятину . . . . . 1005 —

Огородная земля по 30 р. сер. за десятину . . . . . 2250 —

Итого . . . . . 5805 руб.

Между тѣмъ, по существующимъ цѣнамъ для вольнаго найма, 50 работниковъ и 50 работницъ стоили бы, полагая на мужчину платы по 30 руб., а на женщину по 20 руб. сер. въ годъ, и на харчи каждому лицу по 18 руб. сер., не болѣе 4300 руб. сер., такъ что по этому разсчету помѣщикъ переплачиваетъ за крѣпостной трудъ, сравнительно съ свободнымъ, 1505 руб., т. е. по 15 руб. на каждаго работника и работницу. Отъ этого излишка платы, по мнѣнію автора, происходитъ убыточность большей части промышленныхъ предпріятій нашего дворянства, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, такъ какъ въ хозяйствѣ земледѣльческомъ дефицитъ маскируется невыдачею денегъ, а въ фабричномъ выражается очевиднымъ убыткомъ и вслѣдствіе того упадкомъ заведенія.

При внимательномъ разсмотрѣніи разсчета, сдѣланнаго г. Покорскимъ-Жоравко, оказывается, что не только его нельзя признать правильнымъ выраженіемъ стоимости крѣпостнаго труда вообще въ земледѣльческихъ имѣніяхъ Россіи, но и для Черниговской губерніи сомнительно, чтобы принятыя въ немъ основанія могли быть признаны вѣрными. Конечно, въ имѣніи, подобномъ приведенномму авторомъ, хотя и было бы по великороссійской нормѣ отъ 70 до 90 тяглъ, изъ которыхъ ежедневно исправляла бы пригонъ только половина, но съ лишними или сгоновыми днями, существовавшими во всѣхъ почти хазяйствахъ, составилось бы кругомъ немногимъ менѣе 50 человѣкъ рабочихъ каждаго пола; за то въ другихъ цифрахъ, выражающихъ получаемое крестьянами вознагражденіе за обязательный трудъ, при сравненіи приводимыхъ авторомъ условій съ существующими въ другихъ краяхъ, оказывается огромная разница. Снабженіе крестьянъ дровами, по сажени на дворъ или на тягло въ мѣсяцъ, авторъ оцѣниваетъ въ огромную сумму 1800 р. сер., между тѣмъ какъ въ большей части имперіи 900 саж. дровъ полѣнныхъ могутъ быть куплены на городскихъ рынкахъ, слѣдовательно со включеніемъ въ продажную цѣну стоимости привоза,—за сумму отъ 500 до 800 руб. сер. Весьма сомнительно, чтобы въ Черниговской губерніи отопленіе крестьянскихъ избъ производилось столь цѣнными дровами, такъ какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ для этого употребляется валежникъ, сухіе сучья, въ совершенно безслѣсныхъ—солома, бурьянъ и приготовляемые изъ навоза кирпичи. Равнымъ образомъ и за луговую землю авторъ полагаетъ такую наемную плату, которая за пустошные луга, какими большею частію владѣютъ крестьяне, почти нигдѣ не получается, и едва не доходитъ до платы за поемные луга. Наконецъ за десятину огородной земли и наемъ усадьбы г. Покорскій-Жоравко назначаетъ примѣрную плату по 30 руб. сер. на томъ основаніи, что за огороды, отдаваемые въ наемъ постороннимъ лицамъ, землевладѣльцы получаютъ иногда до 60 рублей серебромъ съ десятины; но въ настоящее время почти всѣ согласны съ тѣмъ, что огородныя земли крестьянъ, какъ по-

Digitized by Google

лучившія высшую противъ полевыхъ земель цѣнность единственно отъ потребленнаго ими труда и удобренія, безъ всякаго участія помѣщика, должны быть цѣнимы по размѣру пространства наравнѣ съ полевыми,—слѣдовательно, и при оцѣнкѣ вознагражденія за крѣпостной трудъ огороды должны быть принимаемы съ тою только цѣнностью, которую они имѣли, когда были отведены крестьянамъ. Что же касается до строеній, то ихъ можно было бы считать полною собственностью помѣщика, отдаваемою крестьянамъ въ наемъ, только въ такомъ случаѣ, если бы помѣщикъ прежде заплатилъ крестьянину за употребленный на возведеніе ихъ трудъ,—чего, разумѣется, никогда не бывало,—или по крайней мѣрѣ на соотвѣтствующее число дней уволилъ его отъ барщины,—что хотя и встрѣчалось, но весьма рѣдко.

Измѣнивъ, согласно съ этими замѣчаніями, выведенныя авторомъ цифры, мы нашли бы итогъ получаемаго крестьянами вознагражденія за крѣпостной трудъ несравненно меньшій противъ цѣнности самого труда, и этотъ итогъ подтвердилъ бы мнѣніе, нынѣ всѣми принятое, что при крѣпостномъ состояніи крестьяне, даже въ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ, давали работою несравненно болѣе цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Въ извѣстной степени равновѣсіе могло возстановиться обязанностью помѣщика кормить своихъ крестьянъ въ неурожайные годы, но мы знаемъ, какъ эта обязанность исполнялась: въ такіе годы, благодаря всеобщей безрасчетливости, помѣщикъ большею частію находился въ невозможности даже удовлетворить нуждамъ своего семейства—и только разрѣшаемыя правительствомъ ссуды выручали бѣдствующій край, вовлекая его въ то же время въ неоплатимыя недоимки на будущіе годы. Если, кромѣ вредныхъ нравственнныхъ послѣдствій, крѣпостное состояніе имѣло вредное вліяніе и на матеріальное благосостояніе класса помѣщиковъ, то это произошло черезъ посредство нравственныхъ причинъ, такъ какъ возможность вести хозяйства почти безъ всякихъ расходовъ и растрачивать безрасчетно время и трудъ человѣческій произвела въ помѣщикахъ безпечность и расточительность, а эти пороки, какъ естественное послѣдствіе, привели за собою почти всеобщее разстройство денежныхъ дѣлъ и самыхъ имѣній.

Во второй декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ помѣщена между прочимъ статья г. Ржевскаго: „Опытъ разрѣшенія вопроса о выкупѣ земли“. Прежде изложенія своего проэкта, авторъ считаетъ необходимымъ разрѣшить четыре вопроса:

1) Желаютъ ли крестьяне купить, а помѣщики согласны ли продать землю, предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе?

2) Какимъ образомъ опредѣлить размѣръ и цѣну этой земли?

3) Гдѣ взять капиталовъ на ссуду крестьянамъ для покупки земли?

Чѣмъ можно обезпечить возвратъ этой ссуды, то есть, какимъ образомъ устроить, чтобы крестьяне исправно уплачивали проценты и капиталъ въ тѣ сроки, которые будутъ назначены?

Обращаясь сначала къ первому изъ этихъ вопросовъ, авторъ говоритъ, что крестьяне будутъ желать пріобрѣтенія въ собственность предоставленной имъ въ пользованіе земли только въ такомъ случаѣ, если отъ этого не увеличится сумма ежегодныхъ повинностей или платежей, и если они увидятъ на самомъ дѣлѣ примѣры удобства подобной сдѣлки. Помѣщики же будутъ желать продажи крестьянамъ означенныхъ земель въ такомъ только случаѣ, если имъ будетъ п[illegible]

Digitized by Google

талъ, относящійся къ получаемому отъ этихъ земель доходу такъ, какъ относится обыкновенно покупной капиталъ къ получаемымъ въ видѣ дохода процентамъ. На основаніи этихъ соображеній, г. Ржевскій полагаетъ необходимымъ поставить правиломъ, чтобы за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, была принимаема та сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія вносить ежегодно въ видѣ уплаты процентовъ и капитала, чтобы эта сумма могла быть уменьшаема только въ такомъ случаѣ, если они пожелаютъ купить земли менѣе, нежели сколько предоставлено имъ будетъ въ пользованіе, чтобы ни покупка, ни продажа не были обязательны.

Въ опредѣленіе размѣра и цѣны земель, имѣющихъ перейти въ собственность крестьянъ, правительству, по мнѣнію автора, вступаться не слѣдуетъ: оно должно только удостовѣриться въ томъ, что договоръ дѣйствительно заключается съ полнаго согласія обѣихъ сторонъ, для чего г. Ржевскій предлагаетъ постановить, чтобы повѣрка производилась на мѣстѣ нѣсколькими лицами, другъ отъ друга независящими, и чтобы утвержденныя условія публиковались и могли быть обсуживаемы въ журналахъ.

Затрудненіе въ пріисканіи капиталовъ для уплаты помѣщикамъ за кресьянскія земли, по мнѣнію автора, частію устранится тѣмъ, что выкупъ будетъ производиться постепенно, и потому однѣ и тѣ же деньги, оборотившись, могутъ послужить къ выкупу болѣе нежели одного селенія,—или можетъ быть избѣгнуто выдачею помѣщикамъ, вмѣсто денегъ, свидѣтельствъ, по которымъ они будутъ получать проценты до уплаты капитала. Для доставленія же помѣщикамъ возможности удобнѣйшимъ образомъ продавать выданныя имъ свидѣтельства, которыя г. Ржевскій называетъ выкупными листами, онъ полагаетъ раздробить ихъ на небольшія суммы въ 1,000 или 500 р. сер., принимать ихъ въ залоги по казеннымъ подрядамъ и допустить залогъ ихъ въ мѣстныхъ банкахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія въ $^4/_5$ номинальной цѣны.

Обращаясь наконецъ къ 4 вопросу—о томъ, чѣмъ можетъ быть обезпеченъ возвратъ ссуды, г. Ржевскій сначала опровергаетъ примѣръ, на которомъ многіе основываютъ свое убѣжденіе, что крестьяне неспособны исправно уплачивать проценты на ссужаемый имъ капиталъ, а именно: накопленіе недоимокъ на крестьянахъ государственныхъ имуществъ. По мнѣнію автора, недоимки накопляются неизбѣжно въ слѣдующихъ случаяхъ: a) если мѣста и лица, обязанныя взыскивать срочные платежи, не исполняютъ своей обязанности, или по какимъ бы то ни было причинамъ находятъ дли себя выгоднымъ допускать накопленіе недоимокъ; b) если сроки платежей слишкомъ отдалены одинъ отъ другаго, а потому и суммы, требуемыя къ уплатѣ въ одинъ срокъ, слишкомъ значительны; и наконецъ c) если взысканіе производится по правиламъ круговой поруки, которая представляетъ какъ бы премію за несостоятельность въ платежѣ податей, и притомъ можетъ служить болѣе или менѣе дѣйствительнымъ обезпеченіемъ исправнаго поступленія только въ соединеніи съ временнымъ рабствомъ—кабалой, или съ крѣпостнымъ состояніемъ.

По нашему мнѣнію, круговая порука, въ особенности при предстоящей нынѣ самостоятельной организаціи сельскихъ мірскихъ обществъ, не можетъ имѣть того вреднаго вліянія, котораго ожидаетъ отъ нея г. Ржевскій. На первый взглядъ можетъ пока[illegible] [illegible]годнымъ для ка[illegible] [illegible]тдѣльнаго крестьянина, чтобы

Digitized by Google

другіе уплачивали за него подати; но въ дѣйствительности положеніе недоимщика до такой степени незавидно, что едва ли кто, за исключеніемъ людей совершенно порочныхъ, которыхъ не исправитъ и никакая личная отвѣтственность, себя поставитъ въ это положеніе, если только имѣетъ какую нибудь возможность его избѣгнуть. Обмануть помѣщика притворною бѣдностью было возможно, и во многихъ случаяхъ даже легко; но обмануть міръ, знающій о каждомъ приходѣ и расходѣ своихъ членовъ, невозможно. Притомъ дѣйствительный, безвозвратный платежъ исправныхъ крестьянъ за недоимщиковъ можетъ встрѣтиться лишь весьма рѣдко: въ большинствѣ случаевъ міръ безъ сомнѣнія найдетъ возможнымъ принудить неплательщиковъ какими нибудь общественными работами, напримѣръ отбываніемъ за все селеніе дорожной повинности и т. п., вознаградить сдѣланное для нихъ пожертвованіе, а между тѣмъ отъ подобнаго обязательнаго труда по мірскому приговору весьма далеко до кабалы. Самъ авторъ, считая необходимымъ устранить круговую поруку, говоритъ, что ее должно замѣнить нѣсколько усиленною личною отвѣтственностью, не прибѣгая однакоже ни къ мѣрамъ жестокости, ни къ такимъ, которыя могли бы привести къ пролетаріату; но при полной личной отвѣтственности, съ человѣкомъ, накопившимъ неоплатныя недоимки и не старающимся объ очищеніи ихъ, невозможно принять другую окончательную мѣру, кромѣ лишенія его поземельнаго участка и слѣдовательно обращенія въ пролетаріатъ, или, что почти тоже, насильственнаго переселенія. Предположить же, какъ дѣлаетъ г. Ржевскій, отдѣльную отъ мірскаго управленія власть, которая имѣла бы право распорядиться принятіемъ строгихъ мѣръ противъ неплательщика или взятіемъ въ свое вѣдѣніе его поземельнаго участка,—неизбѣжное послѣдствіе отмѣны круговой поруки,—значило бы окончательно уничтожить всякую надежду на самостоятельное развитіе сельскихъ обществъ. Впрочемъ и г. Ржевскій, такъ горячо возстающій противъ круговой поруки, не могъ обойтись безъ того, чтобы не ввести въ свой проэктъ, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя мѣры, отчасти основанныя на этомъ началѣ.

Самый проэктъ г. Ржевскаго состоитъ въ слѣдующемъ:

По введеніи срочно-обязаннаго положенія, крестьянамъ и помѣщикамъ предоставляется заключать между собою добровольныя условія о цѣнѣ и количествѣ покупаемой земли. Совершеніе подобныхъ сдѣлокъ ни для той, ни для другой стороны не обязательно. Условіе излагается на бумагѣ, по возможности въ краткихъ и понятныхъ крестьянамъ выраженіяхъ, и разсматривается уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, начальникомъ губерніи, предсѣдателемъ палаты государственныхъ имуществъ и наконецъ приказомъ общественнаго призрѣнія. Получивъ условія и планы къ 1-му сентября, приказъ, не позже 1-го декабря, объявляетъ, согласенъ ли онъ сдѣлать ссуду или нѣтъ, и по какимъ причинамъ; затѣмъ, разсчитавъ ссуду съ 1-го января наступающаго года, выдаетъ помѣщику слѣдующее ему вознагражденіе пыкупными листами въ 500 р. сер. каждый, а сумму, меньшую 500 р., деньгами; если имѣніе заложено въ кредитномъ учрежденіи, то приказъ уплачиваетъ долгъ и удерживаетъ соотвѣтствующую часть выкупныхъ листовъ. Срокъ займа—33-лѣтній; крестьяне платятъ 4% интереса, $1^1/_2$% на погашеніе капитала и $^1/_2$% въ пользу приказа, на усиленіе его состава. При самомъ заключеніи условія, крестьяне обязаны представить въ обезпеченіе сумму, равняющуюся годовому платежу, а затѣмъ вносятъ проценты помѣсячно.

Digitized by Google

за каждый мѣсяцъ впередъ; по окончаніи же заемнаго срока взнесенная предварительно сумма зачитается въ уплату послѣдней части капитала. Наблюденіе за платежемъ крестьянами процентовъ возлагается ближайшимъ образомъ на самый приказъ общественнаго призрѣнія, который, между тѣмъ, независимо отъ поступающихъ къ нему платежей, ежегодно послѣ 1-го января выдаетъ по 4% предъявителямъ закладныхъ листовъ, и сверхъ того, изъ полученныхъ имъ процентовъ погашенія уплачиваетъ по извѣстному числу этихъ листовъ капиталъ, руководствуясь старшинствомъ нумеровъ, а для предварительнаго извѣщенія владѣльцевъ публикуетъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ списокъ нумерамъ, назначеннымъ къ уплатѣ; такой же списокъ выставляется и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи. Проценты на билеты, заложенные владѣльцами въ приказѣ (какъ выше сказано за $^4/_5$ капитальной суммы), зачисляются въ пользу приказа, а когда эти листы поступятъ на очередь къ уплатѣ, то приказъ доплачиваетъ на нихъ владѣльцамъ остальные сто рублей.

Слѣдующіе отъ крестьянъ взносы распредѣляются помѣсячно и зачисляются приказомъ по каждому селенію отдѣльно, сначала въ уплату процентовъ до составленія полной годовой суммы ихъ, а потомъ въ погашеніе капитала; въ самыхъ же селеніяхъ назначаются изъ крестьянъ, по выбору общества и съ утвержденія окружнаго начальника, особые сборщики, которымъ чрезъ окружное правленіе выдаются ежегодно контромарки для раздачи лицамъ, внесшимъ причитающіяся съ нихъ части платежа; о неплательщикахъ окружной начальникъ обязываетъ сельскій сходъ сдѣлать приговоръ, для побужденія ихъ къ платежу зависящими отъ него мѣрами. Приказъ ежемѣсячно сообщаетъ палатѣ о всѣхъ недоимкахъ по сбору, и если къ 1-му января наступающаго года на какомъ либо селеніи останется за истекшій годъ недоимка, то онъ пополняетъ ее изъ суммы обезпеченія, а когда она истощится, то увѣдомляетъ объ этомъ палату, для принятія болѣе строгихъ мѣръ взысканія. Палата предписываетъ волостному начальству отдать наиболѣе неисправныхъ плательщиковъ въ заработки къ частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ ихъ взять, съ уплатою всей условленной за работу суммы впередъ. Срокъ отдачи въ заработки не долженъ быть болѣе одного года, а за побѣгъ отъ хозяина до окончанія срока работникъ наказывается по военнымъ законамъ, о чемъ ему объявляется при самой отдачѣ. Въ случаѣ недостаточности этой мѣры къ пополненію недоимки, палатѣ предоставляется отдать часть угодій селенія въ наемъ постороннимъ лицамъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, а если количество недоимокъ накопится до общей суммы сдѣланной первоначально ссуды, то приказъ имѣетъ право назначить половину всей земли въ продажу съ публичнаго торга, которая признается дѣйствительною и утверждается только тогда, когда предложенная сумма будетъ равняться двумъ третямъ всей ссуды; остальная же часть обезпечивается остальною половиною земли, и платежи за нее назначаются прежнимъ порядкомъ. Если наконецъ за продажею половины земли селеніе окажется слишкомъ малоземельно, то палата государственныхъ имуществъ дѣлаетъ распоряженіе о выселеніи въ дальнія губерніи тѣхъ изъ крестьянъ, которые были наиболѣе виновны въ накопленіи недоимокъ.

На первый изъ предлагаемыхъ авторомъ настоящей статьи вопросовъ—желаютъ ли помѣщики продать, а крестьяне купить землю, г. Ржевскій отвѣчаетъ

Digitized by Google

за обѣ участвующія стороны: „да, если только цѣна будетъ безобидная". Мы полагаемъ, что согласіе, кромѣ справедливаго назначенія цѣны, можетъ зависѣть и отъ другаго обстоятельства, по вліянію котораго или помѣщикъ можетъ быть вынужденъ взять за извѣстное количество земли гораздо менѣе дѣйствительной стоимости его, или крестьяне могутъ согласиться дать гораздо болѣе. Это обстоятельство есть будущая организація срочно-обязаннаго положенія. Смотря по тому, въ пользу которой стороны на самомъ дѣлѣ сложится эта организація, та или другая сторона будетъ имѣть явное преимущество въ переговорахъ объ окончательной сдѣлкѣ. Далѣе авторъ говоритъ, что за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, должна быть принята сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія ежегодно платить, въ видѣ уплаты процентовъ и капитала,—и хотя онъ не договариваетъ, но какъ мысль безъ этого добавленія не полна, то мы полагаемъ, что означенная сумма, въ мысли г. Ржевскаго, должна быть признаваема нормою справедливаго вознагражденія за количество земли, вполнѣ обезпечивающее благосостояніе крестьянъ. По нашему мнѣнію, эта норма слишкомъ неопредѣленна, понятіе о затрудненіи совершенно относительное (въ нѣкоторыхъ, богатыхъ промышленностью, мѣстностяхъ, крестьяне могутъ, безъ слишкомъ большаго стѣсненія, платить ежегодно, какъ и платятъ нынѣ, суммы, далеко превосходящія цѣнность отведенныхъ имъ угодій) и по невозможности во всѣхъ тѣхъ краяхъ, которыхъ населеніе живетъ не исключительно земледѣліемъ, опредѣлить, какое именно количество земли составитъ достаточное обезпеченіе. Проще было бы принять за основаніе доходъ, дѣйствительно получающійся отъ отдачи внаймы разнаго рода земель и по разсчету процентовъ, какъ говоритъ нѣсколько выше самъ г. Ржевскій, вычислить продажную цѣну,

Относительно денежныхъ средствъ, необходимыхъ для выкупа, г. Ржевскій полагаетъ, что сумма ихъ должна значительно уменьшиться отъ того, что выкупъ будетъ не понудительный, а основанный на добровольныхъ сдѣлкахъ, и слѣдовательно дастъ время возврату и обороту капиталовъ. Намъ кажется, что подобный оборотъ могъ бы произойти въ такомъ только случаѣ, если бы назначеніе ссудъ раздѣлено было на нѣсколько десятковъ лѣтъ; но такое предположеніе едва ли возможно допустить, а надобно полагать, напротивъ, что если только сопряженныя съ выкупомъ повинности не будутъ слишкомъ стѣснительны, и въ особенности, если онѣ, какъ вѣроятно и будетъ, не превысятъ установленныхъ по срочно-обязанному положенію, то въ теченіе какихъ нибудь трехъ или четырехъ лѣтъ во всѣхъ имѣніяхъ крестьяне, обязанные и безъ того выкупить усадьбы и пробыть 12 лѣтъ въ срочно-обязанномъ состояніи, изъявятъ желаніе выкупить землю, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ исключительно промышленныхъ селеній, которыхъ жители и теперь не занимаются земледѣліемъ, да и тѣ, если бы отказались отъ выкупа земли, то сдѣлали бы весьма вредную для будущности ихъ самихъ и ихъ потомства ошибку. Къ изъявленію этого желанія побудитъ крестьянъ даже и самое, сопряженное съ полученіемъ ссуды, освобожденіе отъ личной зависимости. Конечно могутъ быть, и дѣйствительно есть, въ селеніяхъ отдѣльныя личности, которымъ, по особенной способности ихъ къ ремесламъ или торговлѣ, вообще къ промысламъ городскимъ, выгодно какъ можно скорѣе и проще разорвать связь, прикрѣпляющую ихъ къ землѣ; но чтобы цѣлому селенію могло быть полезно отказаться отъ выкупа земель, могущаго положить прочное основаніе благосостоя-

Digitized by Google

нію его на нѣсколько поколѣній, — мы никакъ допустить не можемъ. Весьма трудно также предположить, чтобы крестьяне, отказавшись отъ выкупа той земли, которая имъ была отведена въ пользованіе, безъ пособія кредита, пріобрѣли землю въ другомъ, болѣе выгодномъ для нихъ мѣстѣ; такъ что вопросъ заключается единственно въ томъ: выкупить имъ эти земли, или остаться вовсе безъ поземельной собственности? Между тѣмъ даже въ тѣхъ краяхъ, гдѣ теперь земля имѣетъ весьма малую цѣнность и гдѣ хлѣбопашество почти исключительно производится женщинами и дѣтьми, пріобрѣтеніе земли весьма важно для крестьянъ, такъ какъ оно доставитъ имъ возможность, отправляясь на заработки въ столицу, самымъ дешевымъ образомъ обезпечивать свои семейства, которыхъ содержаніе въ городѣ стоило бы несравненно дороже, а со временемъ, при увеличеніи населенія, земля должна пріобрѣсти еще большую цѣнность; разумѣется, однакоже, что въ этихъ краяхъ выкупная цѣна ея будетъ несравненно ниже, чѣмъ въ губерніяхъ земледѣльческихъ.

На сколько, по нашему мнѣнію, крестьянамъ выгоденъ въ настоящее время выкупъ отводимыхъ имъ полевыхъ земель, — конечно за умѣренную цѣну, — настолько же выгодно было бы помѣщикамъ оставить ихъ за собою, совершенно независимо отъ той цѣны, которая можетъ быть за нихъ получена. Удержаніе земель въ рукахъ помѣщиковъ, въ особенности въ густо населенныхъ губерніяхъ, и если бы на это рѣшились нѣсколько самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, совершенно измѣнило бы то отношеніе, которое должно образоваться между сословіями помѣщиковъ и крестьянъ, и поставило бы послѣднихъ въ столько же почти стѣснительную зависимость отъ произвола первыхъ, какая существовала при крѣпостномъ состояніи. Поэтому, хотя конечно отъ выкупа земель стало бы уклоняться только меньшинство помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы произволъ одного лица, движимаго своекорыстными разсчетами, не могъ лишить нѣсколько семей, а можетъ быть и нѣсколько тысячъ человѣкъ, тѣхъ прочихъ основъ благосостоянія, которыя доставляются всему сословію, намъ казалось бы справедливымъ сдѣлать уступку полевыхъ земель въ какомъ нибудь опредѣленномъ размѣрѣ, составляющемъ minimum надѣла, и за опредѣляемую посредниками изъ обѣихъ сословій цѣну обязательною для помѣщика.

Для удержанія предполагаемыхъ г. Ржевскимъ выкупныхъ листовъ въ надлежащей цѣнности, онъ между прочимъ считаетъ возможнымъ допустить залогъ ихъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія, съ выдачею чистыхъ денегъ, въ $^4/_5$ нарицательной ихъ цѣны, но едва ли средства приказовъ окажутся достаточными какъ для этого оборота, такъ и для уплаты другимъ кредитнымъ установленіямъ за всѣ заложенныя въ нихъ имѣнія. Впрочемъ и безъ этого права, если только взиманіе процентовъ на выкупной капиталъ будетъ хорошо организовано и платежи будутъ поступать безнедоимочно, нѣтъ причины предполагать, чтобы выкупные листы, принимаемые въ залогъ правительствомъ, не сохранили своей цѣны и въ сдѣлкахъ между частными лицами, подобно облигаціямъ разныхъ земскихъ банковъ въ Германіи, въ числѣ которыхъ многія выпущены были для той же цѣли, т. е. для выкупа крестьянскихъ повинностей.

Главную черту въ предполагаемой г. Ржевскимъ организаціи взысканія съ крестьянъ выкупныхъ платежей составляетъ непосредственное участіе въ дѣлахъ сельской общины мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ. Намъ кажется,

Digitized by Google

что при образованіи общины болѣе всего надобно стараться о томъ, чтобы поставить ее по возможности въ самостоятельное положеніе и оградить ее не только отъ произвола помѣщика, у котораго для нея выкупаются земли, но и отъ всякаго излишняго вмѣшательства мѣстной администраціи. Что такого рода self-governement у насъ возможенъ, доказывается примѣрами многихъ оброчныхъ имѣній, въ которыхъ владѣльцы и управители не бываютъ по нѣскольку лѣтъ, а между тѣмъ крестьяне, подъ управленіемъ выбираемыхъ ими самими старостъ, которые только для формы утверждаются помѣщикомъ, безнедоимочно уплачиваютъ какъ подати, такъ и лежащій на нихъ оброкъ, иногда довольно тяжелый, и сверхъ того не рѣдко достигаютъ значительной степени благосостоянія. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ для подобныхъ имѣній бываетъ то, если владѣлецъ занимаетъ болѣе или менѣе значительное мѣсто въ службѣ или носитъ особенное громкое имя, такъ какъ въ этомъ случаѣ имя его ограждаетъ крестьянъ отъ притѣсненія мѣстныхъ властей, которымъ иногда бывало довольно одного какого нибудь повода,—совершеннаго въ деревнѣ преступленія или даже найденнаго на землѣ ея мертваго тѣла,—чтобы обременить всю деревню. Если при крѣпостномъ состояніи крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, умѣли такъ хорошо вести свои дѣла тамъ, гдѣ имъ никто не мѣшалъ, то тѣмъ болѣе можно ожидать счастливаго результата отъ самоуправленія ихъ, когда, сдѣлавшись членами самостоятельной общины, они почувствуютъ свое достоинство и поймутъ, что лица, ими избранныя въ представители, назначаются не къ тому, чтобы быть безотвѣтными орудіями въ рукахъ непосредственно надъ ними стоящей власти и въ случаѣ нужды отвѣчать за міръ спиною или карманомъ, а къ тому, чтобы дѣйствительно управлять мірскими дѣлами для общей пользы. Это убѣжденіе заставитъ крестьянъ совершенно иначе смотрѣть на право выбора должностныхъ лицъ, чѣмъ до сихъ поръ смотрѣли тѣ изъ нихъ, которымъ это право было предоставлено. Старшинами, старостами, вообще подъ какимъ бы то ни было названіемъ представителями общины—будутъ самые умные и дѣятельные люди ея, и если бы даже міръ когда нибудь ошибся въ выборѣ, то необходимость отдавать отчетъ мірской сходкѣ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствовать съ ея утвержденія, пресѣчетъ въ самомъ началѣ могущія произойти злоупотребленія. Слишкомъ близки всѣмъ этимъ людямъ интересы, которые будутъ поручены выборнымъ, чтобы можно было предположить равнодушіе общины къ дурному управленію ими. Такое равнодушіе является только тогда, когда или дѣла, поручаемыя избраннымъ лицамъ, не до всѣхъ избирателей равно касаются, или когда избиратели увѣрены, что кого ни назначь, никто не будетъ въ состояніи принести истинную пользу; а это убѣжденіе вселяется въ нихъ только тогда, когда надъ выборными лицами слишкомъ близко стоитъ другая, чуждая общинѣ власть. Конечно, для самоуправленія, покрайней мѣрѣ при томъ положеніи, въ которое будутъ поставлены наши сельскія общины, необходимо существованіе въ томъ или другомъ видѣ круговой поруки; но мы старались доказать, что это начало въ дѣйствительности не имѣетъ тѣхъ дурныхъ сторонъ, которыя въ немъ находятъ нѣкоторые теоретики. Болѣе того, мы даже убѣждены, что при хорошей организаціи мірскаго управленія,—а первою чертою такой организаціи мы признаемъ самостоятельность его внутри самой общины,—и при умѣренномъ размѣрѣ платежей за выкупъ земли, вовсе не представится надобности въ тѣхъ крайнихъ мѣрахъ, какія предполагаетъ г. Ржевскій относительно селеній, на которыхъ

Digitized by Google

накопятся значительныя недоимки, и что міръ самъ съумѣетъ справиться съ недоимщиками. Необходимо только, *чтобъ ему не мѣшали.*

„БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ“ 1858, ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ оконченъ начавшійся еще въ іюнѣ рядъ статей г. Тернера, подъ заглавіемъ „Очерки современныхъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ“. Въ этихъ очеркахъ, раздѣленныхъ на 13 отдѣловъ, авторъ сначала обозрѣваетъ и обсуживаетъ по каждому изъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается общій вопросъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, мнѣніе другихъ писателей, а потомъ излагаетъ свои мысли о спорномъ предметѣ. Мы не будемъ слѣдовать за г. Тернеромъ въ этомъ обозрѣніи, заключающемъ въ себѣ довольно полный сводъ всего, что было писано въ послѣднее время о крестьянскомъ вопросѣ, а ограничимся извлеченіемъ изъ всего ряда очерковъ главныхъ его мнѣній.

Необходимою предварительною мѣрою къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости г. Тернеръ признаетъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, которое, по его мнѣнію, должно имѣть весьма важное нравственное значеніе: оно пріучитъ обѣ учавствующія въ немъ стороны къ почитанію взаимныхъ правъ и исполненію своихъ обязанностей, увеличитъ приверженность крестьянина къ отводимой ему землѣ и сдѣлаетъ его достойнымъ предстоящаго ему новаго положенія. Независимо отъ того, срочно-обязанное состояніе предотвратитъ—какъ необходимость въ единовременномъ выкупѣ, такъ и недостатокъ рабочихъ рукъ, могущій произойти отъ внезапнаго прекращенія барщины.

Необходимую принадлежность этого положенія составляетъ выкупъ усадебъ и отводъ крестьянамъ полевыхъ земель въ пользованіе; для достиженія же при томъ и другомъ должной правильности, нужны справедливыя оцѣнки—какъ съ одной стороны усадебъ и полевыхъ земель, такъ съ другой стороны и самой работы. Относительно оцѣнки усадебъ, г. Тернеръ полагаетъ, что строенія должны быть включаемы въ нее только въ такомъ случаѣ, если они возведены съ помощью денежной ссуды отъ помѣщика, если на купленный имъ за свои деньги лѣсъ—тогда къ оцѣнкѣ усадебной земли можетъ быть прибавлено отъ 30 до 90%; самую же землю авторъ считаетъ нужнымъ цѣнить значительно выше полевой, уже и потому, что она на дѣлѣ въ настоящее время стоитъ гораздо дороже. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ усадьбы имѣютъ промысловое значеніе, по мнѣнію г. Тернера, для правильной оцѣнки слѣдуетъ отдѣлить отъ получаемаго нынѣ помѣщиками оброка часть, приходящуюся на полевыя земли,—она будетъ большею частію весьма незначительна,—а остальное капитализировать, или даже, для сокращенія разсчетовъ, капитализировать вмѣстѣ весь оброкъ, и обязать крестьянъ, примѣрно въ теченіе 30 лѣтъ, платежемъ сверхъ оброка или процентовъ интереса одного процента погашенія, выплатить составившійся капиталъ. (Хорошо улучшеніе быта: заставить крестьянина, платящаго нынѣ 25 руб. въ годъ, платить въ продолженіе тридцати лѣтъ—цѣлаго поколѣнія—по 29 рублей!). Для оцѣнки полевыхъ земель авторъ считаетъ лучшимъ способомъ исчислять три главные элемента, а именно: 1) продажную цѣну десятины или наемную плату при непринужденномъ договорѣ; 2) могущій получаться съ десятины доходъ натурою, и 3) средній об-

Digitized by Google

рокъ или среднюю норму барщинной повинности; средній результатъ, выведенный изъ всѣхъ трехъ исчисленій, будетъ ближе всѣхъ къ дѣйствительной цѣнѣ земли. Что касается до оцѣнки барщиннаго труда, то г. Тернеръ для исчисленія ея предлагаетъ употребить слѣдующій способъ: взять цифру платимаго въ извѣстной мѣстности средняго оброка и раздѣлить ее на число барщинныхъ дней,—отъ этого получится оцѣнка самая низкая; потомъ—цифру средней наемной платы въ той же мѣстности и умножить ее на дробь, выражающую отношеніе работы барщинника къ наемной работѣ (такъ напр. если 5 барщинниковъ въ день сдѣлаютъ столько же, сколько 3 наемныхъ работника, а поденная плата каждому батраку 40 коп., то на каждаго изъ первыхъ приходится въ день $40 \times {}^{3}/_{5} = 24$); наконецъ сложить это произведеніе съ прежде полученною цифрою и суммы раздѣлить на 2,—послѣдняя цифра и будетъ приблизительно вѣрная цѣна барщиннаго дня.

Независимо отъ этихъ исчисленій, г. Тернеръ признаетъ заслуживающимъ уваженія и предлагаемый многими писателями способъ оцѣнки земель и причитающагося за нихъ вознагражденія по сравненію съ цѣнностью четверти ржи (одно изъ подобныхъ предположеній мы разсмотрѣли въ библіографіи, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Современника")—и сверхъ того, совѣтуетъ комитетамъ обратить особенное вниманіе на произведенный министерствомъ государственныхъ имуществъ, при переложеніи податей съ душъ на землю, такъ называемый народный кадастръ. Этотъ способъ, составляющій нѣчто среднее между ученою кадастраціею и эмпирическими средствами оцѣнки, при весьма значительной стоимости—по 8 коп. сер. съ десятины—далъ возможность министерству оцѣнить весьма скоро и довольно вѣрно всѣ земли государственныхъ имуществъ въ 13 губерніяхъ.

Обращаясь къ конечной цѣли настоящаго преобразованія, г. Тернеръ говоритъ, что при совершеніи его необходимо преимущественно имѣть въ виду:

1) Не развивая бродяжничества—облегчить переселеніе;

2) Развить классъ крестьянъ-собственниковъ.

Для достиженія первой цѣли авторъ считаетъ совершенно достаточнымъ средствомъ выкупъ усадебныхъ осѣдлостей, который, привязавъ въ извѣстной степени крестьянъ къ землѣ, заставитъ ихъ рѣшаться на переселеніе только при очевидной и весьма вѣрной выгодѣ, а притомъ еще дастъ имъ возможность, чрезъ продажу усадебъ, пріобрѣтать денежныя средства на подъемъ. Что же касается до второй цѣли, то г. Тернеръ, признавая, какъ мы видѣли выше, весьма полезнымъ, чтобы въ мѣстностяхъ исключительно промышленныхъ, гдѣ полевыя земли имѣютъ весьма малую цѣнность, выкупъ ихъ начался одновременно съ выкупомъ усадебъ, для другихъ краевъ считаетъ достаточнымъ въ настоящее время ограничиться послѣднимъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда экономическое состояніе крестьянъ улучшится, выкупъ полевыхъ земель былъ ими произведенъ или на собственныя средства, или съ помощью мѣстныхъ банковъ. Относительно существующаго нынѣ почти повсемѣстно общиннаго владѣнія землями, мнѣнія г. Тернера, какъ онъ ихъ кратко выразилъ въ въ 13-мъ отдѣлѣ своихъ очерковъ, слѣдующія:

1) Общинное владѣніе (отъ котораго впрочемъ совершенно независимо общинное устройство) не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, и потому постепенно должно перейти въ частную собственность.

2) Этотъ переходъ долженъ совершиться естественнымъ путемъ постепеннаго

Digitized by Google

преобразованія, а потому нельзя и думать о насильственномъ превращеніи общиннаго владѣнія въ личную собственность.

3) Также вредно было бы сдерживать общинное владѣніе насильственными законодательными мѣрами тамъ, гдѣ оно по мѣстнымъ обстоятельствамъ уже стало выраждаться въ личную собственность.

4) Въ большей части мѣстъ переходъ этотъ начнется нескоро и будетъ совершаться цѣлымъ рядомъ переходовъ; но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже теперь показываются симптомы перехода къ личной собственности.

5) Сдерживать эти переходы значило бы сдерживать естественное развитіе Россіи, потому что производительность земли при общинномъ владѣніи не можетъ быть такъ сильна, какъ при личной собственности; между тѣмъ богатство жителей страны прямо пропорціонально ея производительности, распредѣленіе же богатствъ играетъ только вторую роль, слѣдующую за производствомъ.

Согласно съ этими убѣжденіями г. Тернеръ предлагаетъ, для примѣненія ихъ на практикѣ, принять слѣдующія правила:

1) Поля должны быть выкупаемы тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, сообща всѣмъ міромъ.

2) По совершеніи выкупа, общинники могутъ переходить постепенно, по собственному желанію, къ системѣ личной собственности на землю;—такой постепенный переходъ можетъ совершиться и до окончательной уплаты долга, если помѣщикъ или кредитное учрежденіе изъявятъ на то согласіе, замѣнивъ круговую поруку поземельною гипотекою.

3) Усадьбы, съ принадлежащею къ нимъ землею, должны выкупаться въ личную собственность крестьянъ, по состоянію ихъ въ настоящее время большею частію въ личномъ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ семей.

4) Въ случаѣ, если выкупъ усадебъ происходитъ при посредствѣ кредитнаго учрежденія, при встрѣтившемся неплатежѣ со стороны собственника, круговая порука опять возлагается на міръ; но затѣмъ міру отдается половина огородовъ, коноплянниковъ и вообще всей усадьбы должника на пользованіе, пока доходы съ нея не окупятъ его долга, причемъ эта половина можетъ оставаться въ пользованіи міра или того крестьянина, который внесъ деньги за несостоятельнаго должника, и послѣ окончательнаго выкупа земли отъ помѣщика, до уплаты частнаго долга міру за внесенныя имъ помѣщику или банку выкупныя за нее деньги (на уплату этого долга идетъ только половина усадьбы, чтобы никогда не оставить крестьянина безъ крова и безъ всякихъ средствъ къ существованію).

5) По окончательномъ выкупѣ усадебъ, собственники имѣютъ право продать ихъ даже постороннему лицу, но только съ согласія міра (впрочемъ произвольные отказы должны быть ограничены) и при согласіи со стороны покупателя подчиниться всѣмъ условіямъ общиннаго устройства и жизни, связаннымъ съ этими клочками земли.

За исходную точку своихъ предположеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ г. Тернеръ взялъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, о неудобствахъ котораго мы уже неоднократно высказывали свое мнѣніе и потому не считаемъ нужнымъ его здѣсь повторять. Относительно оцѣнки усадебныхъ земель мы полагаемъ, что включать въ нее стоимость строенія, на томъ основаніи, что помѣщикъ на свои деньги купилъ лѣсъ, изъ котораго они построены, было бы то же самое, что взыскивать съ крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости

Digitized by Google

всѣ деньги, употребленные на прокормленіе ихъ въ неурожайные годы, или отъ дворовыхъ людей требовать возвращенія суммъ, истраченныхъ на содержаніе ихъ во все время ихъ службы. Помѣщикъ въ той же мѣрѣ былъ обязанъ помогать крестьянамъ въ обстройкѣ усадебъ, какъ и кормить ихъ во время голода, или содержать дворовыхъ людей. Равнымъ образомъ не имѣетъ онъ никакого права на особое вознагражденіе за пріобрѣтенную усадебными землями, безъ всякаго труда и пожертвованія съ его стороны, высшую цѣнность противъ полевыхъ. Что же касается до опредѣленія цѣнности усадебъ въ промышленныхъ краяхъ посредствомъ капитализаціи получаемаго нынѣ оброка, то о невѣрности этого мѣрила не стоитъ и говорить. Не упоминая уже о томъ, что въ этихъ именно краяхъ и взимаются тѣ чудовищные оброки, которые мы иначе не можемъ характеризовать, какъ назвавши ихъ *налогомъ на способности*, и слѣдовательно составились бы по многимъ имѣніямъ громадныя оцѣнки:—но чѣмъ виноватъ помѣщикъ, который при крѣпостномъ состояніи, не желая стѣснить своихъ крестьянъ, довольствовался умѣреннымъ оброкомъ, а теперь долженъ быть наказанъ за свою умѣренность полученіемъ меньшаго вознагражденія? Чѣмъ виноваты съ другой стороны крестьяне, платившіе до сихъ поръ оброкъ въ преувеличенномъ размѣрѣ и осужденные именно за это заплатить несоразмѣрный выкупъ,—развѣ только потому, что за освобожденіе отъ большаго зла и заплатить можно дороже?

Объ русской сельской общинѣ авторъ говоритъ, что она не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, а потому должна перейти въ личную собственность, и будто бы даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это преобразованіе началось. По нашему мнѣнію, это заключеніе весьма преждевременно: если до сихъ поръ община не выказала на самомъ дѣлѣ таящихся въ ней началъ высокаго развитія, то это нисколько не доказываетъ, что по снятіи тяготящихъ ее оковъ, она не пойдетъ къ этому развитію быстрыми шагами. При томъ не очень блистательны вообще и результаты стоящаго рядомъ съ общиной помѣщичьяго хозяйства, которое однако же имѣетъ основою совершенно отдѣльную, личную собственность. Если намъ укажутъ на нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ помѣщичьихъ хозяйствъ, доведенныхъ до высокой степени процвѣтанія, то мы съ своей стороны готовы назвать не мало деревень, въ которыхъ, при общинномъ владѣніи землею, хозяйство крестьянъ находится въ такомъ положеніи, какого только можно желать при настоящихъ экономическихъ условіяхъ земледѣлія. Скажемъ болѣе,—почти вездѣ, гдѣ бремя крѣпостнаго состоянія замѣтно облегчалось, крестьяне, если они только не были совершенно убиты духомъ отъ предшествовавшаго угнетенія, въ скоромъ времени приводили свое хозяйство въ порядокъ и достигали весьма удовлетворительныхъ результатовъ: общинное владѣніе землею повидимому имъ не мѣшало. Почему же невозможно было бы дальнѣйшее развитіе общины въ этомъ направленіи? Если теперь, при мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ, хозяйство крестьянъ-общинниковъ не уступаетъ помѣщичьему, то почему съ развитіемъ вообще экономическихъ понятій въ нашемъ народѣ не могли бы привиться къ его хозяйству и дальнѣйшія улучшенія, въ особенности если бы крестьяне увидѣли вокругъ себя примѣры удачнаго примѣненія этихъ улучшеній? Общинное владѣніе совсѣмъ не требуетъ такихъ частыхъ передѣловъ земли, какъ хотятъ доказать противники его; во всякомъ случаѣ они не могутъ быть довольно часты, чтобы служить препятствіемъ къ тому, чтобы крестьянинъ хорошо унавоживалъ и тщательно обработывалъ свою

Digitized by Google

о тѣхъ чувствахъ, какія внушаетъ намъ восхитительное зрѣлище подвиговъ нашей литературы за прошлый годъ. Проницательные люди опять таки не замедлили понять истинный смыслъ нашего грустнаго сарказма. Мы говорили, что литература едва-едва, да и то спотыкаясь на каждомъ шагу, плелась вслѣдъ за людьми, не видящими, куда они идутъ, но желающими по возможности идти назадъ, и въ этомъ шествіи получила нѣсколько изрядныхъ пинковъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не желаемъ добра литературѣ. Мы говорили, что обсужденіе важныхъ вопросовъ, умалчивающее о существенной сторонѣ ихъ, касающееся только мелочей, да и то съ какою-то вялою слабостью, никакъ не можетъ назваться удовлетворительнымъ обсужденіемъ, ничего не разъясняетъ, ни къ чему, кромѣ пошлостей и нелѣпостей, не приводитъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не сочувствуемъ свободѣ печатнаго слова (терминъ „гласность" мы не рѣшаемся употреблять,—до того онъ опошлился). Былъ въ нашихъ словахъ и тотъ смыслъ, что каково бы наконецъ ни было безотносительное достоинство совѣтовъ и объясненій, нечего ожидать отъ нихъ никакой пользы дѣлу, когда совѣтниковъ и объяснителей просто считаютъ злонамѣренными, презираютъ ихъ, гнушаются ими; проницательные люди тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и сильно обидѣлись: они сообразили, что мы уважаемъ ихъ менѣе, нежели людей, чувства которыхъ изобличали передъ ними; они сообразили также, что мы хвалимъ обскурантовъ и глупцовъ, и вознегодовали на насъ.

Какъ вы полагали, читатель: можно ли было ожидать, чтобы люди умные, ученые и отчасти знаменитые, оказались одаренными такою проницательностью?

Но къ чему это предисловіе? А хотя бы, на первый разъ, къ тому, чтобы доказать необходимость еще другаго предисловія.

Мы хотимъ быть строгими къ г. Чичерину. Для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ обыкновенный, не одаренный изумительною проницательностью, причины строгости ясны сами по себѣ, безъ всякихъ объясненій. Г. Чичеринъ пользуется громкою извѣстностью, а люди, пользующіеся извѣстностью, должны быть разбираемы строго; когда рѣчь идетъ о нихъ, общественная польза требуетъ не комплиментовъ, а серьёзной критики. Г. Чичеринъ человѣкъ умный и ученый. Отъ умнаго и ученаго человѣка надобно требовать многаго; если онъ говоритъ пустяки, его можно по всей справедливости упрекать за это, — снисходительность, на которую имѣютъ право простяки, была бы относительно его неумѣстна. Это все ясно для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Вы сами догадались бы, что мы строги къ г. Чичерину потому, что онъ знаменитость, и успокоились бы на этомъ, и не осудили бы насъ за строгость порицанія, если бы оказалось, что порицаніе основательно.

Но люди проницательные тотчасъ сообразятъ, что этими простыми причинами не слѣдуетъ ограничиваться ихъ догадливости. Г. Чичеринъ знаменитость, стало быть, если его порицаютъ, то порицаютъ по какимъ нибудь личнымъ разсчетамъ; вѣдь безъ особыхъ личныхъ побужденій нельзя порицать знаменитостей, по мнѣнію проницательныхъ людей. И они нападутъ на насъ за г. Чичерина съ такимъ же восхитительнымъ негодованіемъ, какъ за Поэріо, и за статью о прошлогодней литературѣ.

Нечего дѣлать, надобно покаяться передъ проницательными людьми, отъ догадливости которыхъ никогда не утаишь самыхъ сокровенныхъ своихъ мыслей.

Digitized by Google

Да, наша строгость къ г. Чичерину происходитъ изъ личныхъ побужденій. Каковы эти побужденія, мы должны объяснить,—не ради васъ, читатель, человѣкъ обыкновенный, а ради людей проницательныхъ.

Г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ заблужденій. Этого нет. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на мудрую непогрѣшимость. Кто пишетъ не такъ, какъ приказываетъ онъ, тотъ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ, подъ страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему, что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать, онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: „Вы, другъ мой, человѣкъ прекрасной души, но вы глупы. Я одинъ понимаю вещи, вы всѣ ничего не смыслите; слушайтесь, слабоумные друзья мои, меня, единственнаго умнаго человѣка между вами“.

Изъ этого факта родилась наша статья. Безъ этого факта, не только быть строгими къ г. Чичерину, но и говорить о немъ мы не захотѣли бы, потому что не стоило бы труда разбирать его книгу. Положимъ, что она наполнена странными понятіями, но мало ли у насъ книгъ, наполненныхъ странными понятіями. Почему же именно ему мы стали бы вмѣнять въ упрекъ то, въ чемъ столько же виноваты десятки другихъ писателей, также пользующихся извѣстностью умныхъ и ученыхъ людей? Его книга не хуже многихъ другихъ, такъ пусть бы оставался онъ съ своимъ авторитетомъ, довольно безвреднымъ по ограниченности круга людей, имѣющихъ охоту соглашаться съ нимъ.

Но онъ взялъ на себя высокомѣріе приказывать и наказывать, онъ взялъ на себя высокомѣріе объявлять вредными людьми или глупцами тѣхъ, кто не покоряется ему,—а это уже другое дѣло. Надобно посмотрѣть, что это такой за мудрецъ и владыка появился между нами. Онъ предписываетъ намъ, какія понятія должны мы имѣть. Посмотримъ, имѣетъ ли онъ самъ понятіе о томъ, чему учить взялся насъ.

Во-первыхъ, онъ учитъ, каковъ долженъ быть публицистъ. Это любопытно. Кстати же, онъ и самъ публицистъ. Посмотримъ, какъ понимаетъ онъ дѣло, за которое взялся.

„Когда вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ государства развивается въ ущербъ другимъ, тогда общественное мнѣніе, чувствуя невыгоды исключительнаго направленія, естественно влечется въ противоположную сторону. Рѣдко при этомъ сохраняется должное чувство мѣры. Болѣзненный опытъ, ежечасно ощущаемый гнетъ дѣлаютъ болѣе живыми представленія о темныхъ сторонахъ извѣстнаго порядка и заставляютъ забывать его существенныя и благія послѣдствія. Общественное мнѣніе, заходя за предѣлы разумныхъ требованій, идетъ къ полному отрицанію тяготѣющаго надъ нимъ элемента. Такъ, при анархическомъ разгулѣ свободы, общество воздвигаетъ надъ собою власть, которая стѣсняетъ дѣятельность гражданъ даже въ самыхъ умѣренныхъ ея проявленіяхъ, и на оборотъ, когда рука сдерживающей власти чувствуется слишкомъ сильно, общество естественно видитъ себѣ спасеніе только въ возможно большемъ ограниченіи вѣдомства правительственныхъ органовъ.

„Публицистъ, который не старается льстить современному увлеченію умовъ, который имѣетъ въ виду не успѣхъ, основанный на поклоненіи современному кумиру, а безпристрастное изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія, не долженъ подчиняться подобнымъ требованіямъ. Онъ за случайнымъ не забываетъ существеннаго; злоупотребленія не скрываютъ отъ него благихъ началъ, на которыхъ основывается то или другое учрежденіе

Digitized by Google

И взглядъ свой, добытый внимательнымъ изученіемъ исторіи современной жизни, онъ обязанъ высказать прямо и откровенно, хотя бы онъ противорѣчилъ временному настроенію общества. Могутъ говорить о такъ называемыхъ практическихъ цѣляхъ, о необходимости ярче выставить недостающую сторону общежитія и не дать противоположному мнѣнію орудія, которое можетъ быть употреблено во зло. Не думаю, чтобы практическія цѣли должны были вести къ намѣренному искаженію истины. Извѣстный порядокъ можно исправить не утаеніемъ существенныхъ его сторонъ, не стараніемъ наложить слишкомъ густыя краски на невыгодныя его послѣдствія, а разумнымъ его пониманіемъ и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ естественныхъ его границъ. Одностороннее отрицаніе ведетъ со стороны противоположнаго начала къ отрицанію столь же одностороннему. Вмѣсто правильнаго развитія, основаннаго на взаимномъ пониманіи, на взаимномъ уваженіи различныхъ общественныхъ силъ, въ обществѣ водворяется борьба, и чѣмъ рѣзче высказывается каждое направленіе, чѣмъ болѣе оно вдается въ крайности, тѣмъ упорнѣе взаимное недоброжелательство, тѣмъ болѣзненнѣе столкновенія, тѣмъ болѣе жертвъ и страданій въ общественномъ организмѣ. Повинуясь безусловно временному влеченію, общество быстро приходитъ къ разочарованію; слишкомъ напряженныя силы преждевременно ослабѣваютъ, и люди съ грустью окидываютъ взоромъ свое прошедшее, жалѣя о неудавшихся попыткахъ, объ утраченныхъ силахъ, объ обманутыхъ надеждахъ". (Предисловіе, стр. IX и X).

Все это будетъ совершенно вѣрно, если вмѣсто слова публицистъ поставимъ слово ученый: мы часто слыхивали, что главнымъ достоинствомъ ученаго должно быть служеніе наукѣ, неподдающейся минутнымъ увлеченіямъ общественнаго мнѣнія. Но въ этомъ ли должно состоять главное качество публициста? на его ли спеціальной обязанности лежитъ изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія? Нѣтъ, онъ выражаетъ и поясняетъ тѣ потребности, которыми занято общество въ данную минуту. Служеніе отвлеченной наукѣ не его дѣло; онъ не профессоръ, а трибунъ или адвокатъ. Г. Чичеринъ не имѣетъ понятія о качествахъ той роли, какую беретъ на себя. Онъ не замѣчаетъ, что публицистъ, воображающій себя профессоромъ, также страненъ, какъ профессоръ, воображающій себя фельетонистомъ.

Въ каждомъ человѣкѣ, для котораго главное дѣло живые люди, а не отвлеченная наука, главнымъ качествомъ должна быть способность понимать, въ какомъ положеніи находится его публика, его слушатели или читатели. Если онъ начнетъ проповѣдывать истины, которыя вовсе не относятся къ его слушателямъ, онъ будетъ смѣшонъ. Лѣность—дурной порокъ; но предположимъ, что въ Англіи или въ Сѣверной Америкѣ является господинъ, начинающій ораторствовать противъ лѣности: онъ будетъ нелѣпъ, потому что изъ его слушателей, вся жизнь которыхъ неутомимая дѣятельность, ни одинъ не нуждается въ предостереженіяхъ противъ лѣности. Но еще смѣшнѣе, когда ораторъ начинаетъ предостерегать отъ исключительнаго увлеченія какимъ нибудь хорошимъ качествомъ, которое едва-едва, самымъ слабымъ образомъ, начинаетъ возникать въ его слушателяхъ. Что мы подумали бы о человѣкѣ, который сталъ бы говорить о вредѣ исключительнаго пристрастія къ общественной тишинѣ въ кругу нынѣшнихъ мехиканцевъ, каждый годъ сочиняющихъ по три революціи? Отвлеченныя истины могутъ быть умѣстны въ ученомъ трактатѣ, но слова публициста должны прежде всего сообразоваться съ живыми потребностями извѣстнаго общества въ данную минуту. Что же мы слышимъ отъ г. Чичерина? Онъ предостерегаетъ насъ отъ односторонняго увлеченія какимъ-то отрицаніемъ чего-то будто бы хорошаго, существующаго у насъ,—чего именно, предоставляемъ читателю отъискать въ отрывкѣ, нами вы-

Digitized by Google

писанномъ изъ него. Вѣроятно наше общество страдаетъ необыкновенною живостью и силою чувствъ, кажущихся г. Чичерину вредными. Вѣроятно мы похожи на какихъ нибудь сѣверо-американцевъ, непризнающихъ вмѣшательства центральной власти въ ихъ дѣла? Вѣроятно большинство читателей г. Чичерина ужасные анархисты, которымъ надобно проповѣдывать о необходимости нѣкотораго сохраненія государственной власти, совершенно ими отвергаемой? Кажется, г. Чичеринъ былъ бы готовъ доказывать готтентотамъ вредъ односторонняго увлеченія учеными занятіями, доказывать рыбамъ опасность излишней болтливости, предостерегать бѣлаго медвѣдя отъ пристрастія къ тропическому климату.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что г. Чичеринъ проникнутъ прекраснѣйшими намѣреніями, но насъ изумляетъ прелестный тактъ, съ которымъ онъ берется за дѣло, -- изумляетъ вѣрность его взгляда на коренные недостатки нашего общества. Онъ пишетъ по русски и ему кажется нужнымъ объяснять, что онъ не намѣренъ потворствовать анархическимъ стремленіямъ. Ему кажется, будто наше общество до излишества живо чувствуетъ вредную сторону принциповъ, господствующихъ въ немъ. Мы, видите ли, страдаемъ избыткомъ односторонняго отрицанія и насъ надобно предостерегать отъ расположенія къ борьбѣ, къ упорству въ столкновеніяхъ. Странное понятіе о нашемъ обществѣ.

Для публициста, кромѣ знанія потребностей общества, нужно также пониманіе формъ, по которымъ движется общественный прогрессъ. До сихъ поръ исторія не представляла ни одного примѣра, когда успѣхъ получался бы безъ борьбы. Но, по мнѣнію г. Чичерина,—борьба вредна. До сихъ поръ мы знали, что крайность можетъ быть побѣждаема только другою крайностью, что безъ напряженія силъ нельзя одолѣть сильнаго врага; по мнѣнію г. Чичерина, слѣдуетъ избѣгать напряженія силъ: онъ не знаетъ, что, одержавъ побѣду, войско всегда бываетъ утомлено, и что если оно боится утомленія, то не зачѣмъ ему выходить въ поле.

Еще одно любопытное понятіе. Г. Чичеринъ говоритъ объ искаженіи истины въ угодность современному кумиру общественнаго мнѣнія. Боже ты мой милостивый! Мы, русскіе писатели, по мнѣнію г. Чичерина, можемъ искажать истину изъ раболѣпства передъ общественнымъ мнѣніемъ! Въ какомъ удивительномъ положеніи онъ видитъ насъ! Читатель! знали ли вы до сихъ поръ, кто заставляетъ меня часто лгать передъ вами? Вы сами, читатель. Я, видите ли, могъ бы говорить съ вами обо всемъ, что̀ хочу и какъ хочу, но вы, читатель, связываете мнѣ языкъ вашимъ деспотизмомъ. Нѣтъ, книга г. Чичерина написана не по-русски, издана не въ Москвѣ: онъ вѣроятно имѣлъ въ виду сѣверо-американскую публику, которая дѣлаетъ все, что̀ захочетъ, и заставляетъ всѣхъ преклоняться передъ своею волею. Надобно полагать, что г. Чичерину нуженъ былъ необыкновенный запасъ мужества, чтобы защищать бюрократію и централизацію, эти драгоцѣнности, совершенно изгнанныя изъ нашего общества и безпощадно преслѣдуемыя въ немъ. Надобно предполагать, что онъ писалъ для общества, надъ которымъ владычествуютъ ультра-республиканцы, сажающіе въ тюрьму каждаго, кто замолвитъ слово въ пользу монархическаго порядка.

Итакъ главный порокъ нашего общества состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ страстно, слишкомъ непреклонно, слишкомъ круто проводитъ свои стремленія, и публицистъ, пишущій по-русски, обязанъ говорить намъ, что мы должны соблюдать умѣренность въ борьбѣ, которую ведемъ такъ энергически. По его мнѣнію,

Digitized by Google

надобно публисту вразумлять насъ, чтобы мы оставили хотя какіе нибудь слѣды старинныхъ нашихъ учрежденій;—главное, чего долженъ остерегаться публицистъ,—это потворство „современному кумиру нашего временнаго увлеченія“. Изумительно, изумительно!

„Изъ всего предъидущаго выходитъ, что публицистъ долженъ становиться на точку зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя, который изучаетъ исторію и современную жизнь во всей ихъ многосторонности, не исключая и не осуждая безусловно ни одного изъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ. Такое требованіе, выраженное въ видѣ общей формулы, конечно не встрѣтитъ возраженій; но нельзя скрывать отъ себя, что какъ скоро дѣло доходитъ до частностей, такъ неизбѣжны не только разногласія, но и прямыя уклоненія отъ принятаго начала. Людямъ, которые увлекаются извѣстнымъ направленіемъ, или слишкомъ живо ощущаютъ на себѣ бремя общественныхъ недостатковъ, не нравится всякое слово, сказанное въ пользу того, что болѣзненно на нихъ отзывается. Признавая въ теоріи необходимость безпристрастнаго воззрѣнія, они ропщутъ на него, когда оно является передъ ними въ осязательной формѣ. Это можно ожидать въ особенности у насъ, гдѣ гражданская жизнь мало развита и общественные вопросы до сихъ поръ не обсуждались гласно. Мы не привыкли еще обозрѣвать ихъ съ различныхъ сторонъ; мы даже не умѣемъ еще подмѣчать въ сужденіяхъ мѣру и границы. Слыша похвалу или порицаніе, мы склонны считать ихъ за выраженіе мнѣнія безусловнаго, и не обращаемъ вниманія на то, что они высказываются въ извѣстныхъ предѣлахъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Еще хуже, когда эта непривычка къ теоретическимъ преніямъ соединяется съ недостаткомъ общественной дѣятельности. Практическія столкновенія лучше всего показываютъ естественныя границы того или другого общественнаго начала и необходимость восполнить одно другимъ. Тамъ, гдѣ граждане не принимаютъ живаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, неизбѣжно господствуетъ односторонность взглядовъ, и это ведетъ иногда къ прискорбнымъ явленіямъ. Нѣтъ ничего печальнѣе общества, которое, чувствуя себя не въ силахъ исправить гнетущее его зло, тратитъ время въ безплодныхъ воздыханіяхъ, въ ожесточенной критикѣ, которое, оставаясь въ бездѣйствіи, ожидаетъ, чтобы чужая рука сняла тяготѣющее надъ нимъ бремя. Общество, которое хочетъ что нибудь сдѣлать, должно глядѣть на вещи прямо и трезво. Первый признакъ разумной силы есть спокойствіе, а спокойствіе ведетъ къ ясному и всестороннему пониманію жизненныхъ явленій, безъ прикрасъ, безъ утайки и безъ раздраженія“. (Предисловіе, стр. XVIII, XIX и XX).

На все это объясненіе въ пользу безпристрастія мы будемъ отвѣчать только сближеніемъ двухъ мыслей самого г. Чичерина. Онъ совѣтуетъ нашему обществу имѣть всесторонній взглядъ, чуждый раздраженія, а между тѣмъ самъ говоритъ, что въ немъ „неизбѣжно“ должна господствовать односторонность взглядовъ. Не безполезенъ ли совѣтъ удерживаться отъ того, что неизбѣжно? И если кто нибудь станетъ совѣтовать человѣку не быть раздраженнымъ, когда самъ признаетъ раздраженіе неизбѣжнымъ, не показываетъ ли онъ самъ своимъ совѣтомъ, что лишенъ способности понимать условія дѣйствительной жизни? Очень жаль, что эти совѣты не обращены, напримѣръ, къ французамъ, сардинцамъ и австрійцамъ: они ведутъ войну, въ войнѣ неизбѣжны сраженія, въ сраженіяхъ неизбѣжны выстрѣлы; но мы думали бы посовѣтовать имъ, чтобы они сражались, не стрѣляя изъ пушекъ. Дѣло другое, если вы совѣтуете имъ кончить войну и разойтись по домамъ; но нѣтъ, г. Чичеринъ не противъ развитія, онъ только хочетъ, чтобы развитіе совершалось безстрастнымъ образомъ, по рецепту спокойствія и всесторонности. Къ сожалѣнію, этого никогда не бывало. Человѣка душитъ разбойникъ, и по рецепту г. Чичерина этотъ человѣкъ въ то самое время, когда старается отбиться отъ разбойника, долженъ спокойно разсуждать о томъ, что разбойникъ возникаетъ изъ

Digitized by Google

исторической необходимости, имѣетъ историческое право существованія; что великая римская имперія была основана разбойниками; что если должно уважать римское право, то должно уважать и разбойниковъ, безъ которыхъ его не было бы,— помилуйте, до того ли человѣку, чтобы помнить обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещахъ.

Изъ этихъ совѣтовъ, быть холодными, безстрастными, подавлять въ себѣ всякое раздраженіе, мы заключаемъ, что г. Чичеринъ знаетъ только, какъ пишутся ученыя книги, но не знаетъ, какими силами развивается общественная жизнь. Онъ думаетъ быть публицистомъ, но является школьнымъ учителемъ, у котораго главная забота та, чтобы ученики смирно сидѣли по своимъ мѣстамъ и слушали его наставленія. Первымъ дѣломъ у него выставляется то, чтобы общество отказалось отъ всякихъ живыхъ чувствъ изъ боязни нарушить теоретическое безстрастіе.

Мы думаемъ, что г. Чичеринъ напрасно взялся быть публицистомъ, если нѣтъ у него въ груди живаго сердца. Намъ кажется, что въ немъ слишкомъ сильна наклонность къ схоластикѣ. Быть можетъ мы ошибаемся, и дай Богъ, чтобы мы ошиблись; но намъ кажется, что живой человѣкъ, при нынѣшнемъ положеніи нашего общества, не вздумалъ бы говорить противъ „мечтательныхъ отрицателей существующаго порядка", противъ „слишкомъ отважныхъ нововводителей", противъ „болѣзненнаго нетерпѣнія". Быть можетъ въ этихъ неумѣстныхъ усиліяхъ подавить то, что̀, право, вовсе не нуждается въ подавленіи со стороны г. Чичерина, виновата не натура его, а случайная односторонность его развитія; но какъ бы то ни было, г. Чичеринъ въ настоящее время рѣшительно не понимаетъ, какому обществу онъ даетъ свои совѣты, не умѣетъ судить о томъ, что̀ умѣстно и что̀ неумѣстно въ статьяхъ, имѣющихъ претензію руководить нашею общественною жизнью. Только человѣкъ одержимый схоластикою можетъ воображать, что русскому публицисту надобно быть защитникомъ бюрократіи.

Но если г. Чичеринъ неспособенъ теперь быть публицистомъ, которому нужно живое сочувствіе къ современнымъ потребностямъ общества, то быть можетъ онъ имѣетъ качества, нужныя для школьнаго учителя. Будемъ сидѣть смирно, по его приказанію, и слушать его лекціи.

Обязывая школьниковъ сидѣть смирно, школьный учитель самъ обязанъ по крайней мѣрѣ быть порядочно знакомъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ читаетъ онъ лекцію. Главные предметы въ лекціяхъ г. Чичерина: демократія, централизація и бюрократія. Посмотримъ, какое понятіе онъ имѣетъ объ этихъ вещахъ.

„.... относительно гражданскаго устройства и управленія абсолютизмъ и демократія именно потому и сходятся между собою, что въ этой сферѣ прочнѣе всего утвердились результаты всей новѣйшей исторіи Западной Европы, независимо отъ боренія партій, независимо отъ того, куда переносится источникъ власти. Уничтоженіе самостоятельныхъ союзовъ, корпораціонныхъ правъ, сословныхъ привилегій, вообще уничтоженіе средневѣковыхъ формъ жизни, основанныхъ на дробности общественнаго быта, и созданіе единаго государственнаго тѣла—вотъ великое дѣло, начало которому положили абсолютные государи и которое преемственно перешло и къ новой демократіи. Въ этой системѣ народъ представляетъ единую, естественно расчленяющуюся массу, въ которой ни одна часть искусственнымъ образомъ не перевѣшиваетъ другой, въ которой ни одинъ членъ не вытягиваетъ изъ другаго жизненныхъ соковъ. Государственныя учрежденія съ цѣлою системою чиновниковъ составляютъ общую связь этого тѣла, общее его строеніе, по которому совершаются его общественныя отправленія, а централизація сводитъ это устрой-

Digitized by Google

ство къ единству, установляя центральный пунктъ, отъ котораго исходитъ и къ которому притекаетъ правительственное движеніе. Конечно, и здѣсь могутъ быть невыгодныя стороны, злоупотребленія; неоживленная народнымъ духомъ, эта форма можетъ превратиться въ мертвую машину. Но что касается до самой сущности этихъ установленій, то нѣтъ сомнѣнія, что они придаютъ народной жизни такое единство, какого бы она безъ того никогда не имѣла. Въ ней создается общая среда, господствующая надъ всѣми частными стремленіями и интересами; въ ней чувствуется единое біеніе пульса, разливающаго кровь по всѣмъ членамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая часть свободно занимаетъ то мѣсто, къ которому она тяготѣетъ по своей природѣ. Народъ перестаетъ быть собраніемъ разнородныхъ частей; онъ дѣлается общественною единицею, онъ становится особью, которая живетъ единою жизнью" (Стр. 7 и 8).

Въ дополненіе къ этому мѣсту приводимъ еще слѣдующее:

„Демократическія начала проникаютъ и во внутреннее управленіе Англіи. Здѣсь они являются въ видѣ усиленія центральной власти на счетъ мѣстныхъ. Независимость послѣднихъ основана на преобладаніи аристократическаго элемента въ государствѣ. Поэтому всѣ мѣры, которыя клонятся къ уменьшенію ихъ значенія, къ замѣнѣ даровыхъ должностей, замѣщаемыхъ богатыми землевладѣльцами, бюрократіею, доступною всѣмъ и каждому, ведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ уничтоженію общественнаго неравенства и преобладанію одного элемента надъ другимъ. Конечно, успѣхи централизаціи и бюрократіи въ Англіи чрезвычайно медленны; однако они не подлежатъ сомнѣнію. Въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія очевидныя злоупотребленія показали необходимость преобразовать и подчинить высшему правительству управленіе общественнымъ призрѣніемъ, поставить подъ надзоръ центральной власти медицинскую полицію, тюрьмы, воспитательныя заведенія, наконецъ въ недавнее время и самую полицію городовъ. Каждый новый законъ объ администраціи, представляемый парламенту, имѣетъ цѣлью усилить центральную власть. Правда, это стремленіе встрѣчаетъ себѣ сильное противодѣйствіе, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ, какъ въ правительствѣ, такъ и въ народѣ. Вопросъ о бюрократіи поднятъ былъ въ послѣднее время съ особенною силою. Война выказала въ яркомъ свѣтѣ недостатки управленія, основаннаго на привилегіяхъ одного сословія. Въ то самое время, какъ раздались вопли общественнаго мнѣнія по случаю бѣдствій англійской арміи въ Крыму, составилась лига въ пользу административной реформы. Цѣль ея — уничтожить въ управленіи преобладаніе аристократіи и сдѣлать его доступнымъ способностямъ и талантамъ, въ какой бы сферѣ они ни проявлялись. Сами государственные люди Англіи признаютъ въ нѣкоторой степени необходимость преобразованія, вслѣдствіе чего этотъ вопросъ стоитъ теперь на первомъ планѣ въ дѣлахъ внутренней политики". (Стр. 24 и 25).

Пусть насъ извинитъ г. Чичеринъ, но мы должны сказать, что его понятія о формахъ государственнаго устройства чрезвычайно сбивчивы. Основнымъ принципомъ его понятій оказывается бюрократическое устройство, и ему представляется, будто демократія похожа на абсолютизмъ въ томъ отношеніи, что очень любитъ бюрократію и централизацію. Но какую централизацію и бюрократію найдетъ онъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ или въ Швейцаріи? По существенному своему характеру демократія противоположна бюрократіи; она требуетъ того, чтобы каждый гражданинъ былъ независимъ въ дѣлахъ, касающихся только до него одного; каждое село и каждый городъ независимы въ дѣлахъ, касающихся его одного; каждая область—въ своихъ дѣлахъ. Демократія требуетъ полнаго подчиненія администратора жителямъ того округа, дѣлами котораго онъ занимается. Она хочетъ, чтобы администраторъ былъ только повѣреннымъ той части общества, которая поручаетъ ему извѣстныя дѣла, и ежеминутно можетъ требовать у него отчета о веденіи каждаго дѣла. Демократія требуетъ самоправленія и доводитъ его до федераціи. Демократическое государство есть союзъ республикъ, или, лучше

Digitized by Google

сказать, образуется изъ нѣсколькихъ постепенныхъ наслоеній республиканскихъ союзовъ, такъ что каждый довольно значительный союзъ состоитъ въ свою очередь изъ союза нѣсколькихъ округовъ,—таково устройство Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ каждая деревенька есть особенная республика; изъ соединенія нѣсколькихъ деревень образуется приходъ, который опять-таки составляетъ самостоятельную республику; изъ соединенія нѣсколькихъ приходовъ образуется новая республика—графство; изъ нѣсколькихъ графствъ — республиканскій штатъ; изъ союза штатовъ—государство. Неужели это сколько нибудь похоже на бюрократію? Въ Швейцаріи каждый кантонъ можетъ имѣть у себя даже особенное войско. Откуда же взялось у г. Чичерина мнѣніе о бюрократіи, какъ формѣ демократическаго устройства? Это просто слѣдствіе той путаницы, какую слишкомъ довѣрчивый ученый можетъ цѣлыми ковшами черпать изъ великихъ мыслителей французской мнимо-либеральной, а въ сущности реакціонной школы. Есть на свѣтѣ разные мелкіе французы, которые многимъ изъ насъ кажутся великими людьми и которые разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: Англія страна аристократическая. и въ ней нѣтъ ни централизаціи, ни бюрократіи; Франція страна демократическая, и въ ней есть централизація и бюрократія. Слѣдовательно централизація и бюрократія суть принадлежности демократіи. Это умозаключеніе точно такого же рода, какъ напримѣръ; ученые греки, пріѣхавшіе въ Римъ, были развратные трусы: слѣдовательно просвѣщеніе ведетъ къ разврату и трусости. Франція болѣе 200 лѣтъ имѣла абсолютное правительство; въ теченіе этого долгаго времени абсолютизмъ успѣлъ выработать соотвѣтствующія себѣ формы управленія, бюрократію и централизацію, и успѣлъ пріучить къ нимъ французовъ. Вѣковыя привычки исчезаютъ нелегко и нескоро. Демократія не имѣетъ такой волшебной силы, чтобы одинъ звукъ этого слова могъ перерождать нравы народовъ въ нѣсколько лѣтъ; потому французы до сихъ поръ не успѣли отдѣлаться отъ бюрократіи и централизаціи, введенной у нихъ стариннымъ порядкомъ дѣлъ, какъ не успѣли отдѣлаться отъ многихъ другихъ привычекъ, привитыхъ къ нимъ тою же стариною. Французы, напримѣръ, до сихъ поръ мечтаютъ о завоеваніяхъ, до сихъ поръ страшно любятъ щегольство, франтовство, блескъ и тому подобныя пошлости: неужели все это принадлежности демократіи? — нѣтъ, это просто догнивающіе остатки того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ 100 и 200 лѣтъ тому назадъ. Именно потому, что эти старинныя привычки еще не достаточно ослабѣли между французами, демократическая форма до сихъ поръ не могла утвердиться у нихъ. Наполеонъ I и реставрація старались воскресить аристократію; Орлеанская династія всячески старалась поддержать ее; Наполеонъ III въ третій разъ старается воскресить ее. У французовъ еще недостаетъ привычки къ демократическому устройству, и всѣ ихъ правительства, возникавшія изъ погибели кратковременныхъ попытокъ къ созданію демократическаго устройства, ни мало не могутъ служить образцами приверженности къ тѣмъ новымъ формамъ, на подавленіи которыхъ основывали они свою власть. Наполеонъ I, Бурбоны, Луи-Филиппъ, Луи-Наполеонъ, всѣ они одинаково держались опорою партіи застоя, или даже чистой реакціи. Удивительно ли, что при всѣхъ этихъ управленіяхъ поддерживалась форма администраціи, принадлежащая французской старинѣ? Но всѣ тѣ французы, которые дѣйствительно, а не на словахъ только, привязаны къ демократическому принципу,—всѣ они до одного враждебны теперь бюрократіи и централизаціи. Въ ненависти къ этимъ формамъ они не усту-

Digitized by Google

пятъ самому заклятому англійскому аристократу. Правда, до сихъ поръ не успѣли они водворить во Франціи того устройства, какое желали бы дать своему отечеству; но изъ этого слѣдуетъ только, что Франція до сихъ поръ не успѣла получить учрежденій, соотвѣтствующихъ ея демократическимъ стремленіямъ, а вовсе не то, чтобы централизація и бюрократія были принадлежностями демократическаго принципа. Французы похожи на гражданина, недавно переселившагося въ деревню и прогуливающагося по полю въ палевыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ. Должны ли мы заключать по этимъ принадлежностямъ его костюма, что палевыя перчатки и лакированные сапоги составляютъ принадлежность истинно-деревенскаго образа жизни? Надобно полагать, что, поживши въ деревнѣ, онъ отвыкнетъ отъ этой великосвѣтской дряни.

Г. Чичеринъ, воображающій себѣ демократію по неразвившимся французскимъ ея формамъ, искаженнымъ сильною примѣсью старыхъ учрежденій, которыя уцѣлѣли со временъ абсолютизма, имѣетъ самое фальшивое понятіе о демократіи. Не менѣе фальшиво его понятіе о существенномъ характерѣ абсолютизма, который представляется ему чѣмъ-то столь же враждебнымъ аристократіи, какъ демократическій принципъ. Такой взглядъ опять-таки почерпнулъ онъ изъ французскихъ книжекъ, восхваляющихъ Мазарини или Ришльё, будто бы благодѣтелей Франціи. Штука въ томъ, что французскіе короли старались завоевать области, принадлежавшія могущественнымъ феодальнымъ правителямъ, и наконецъ успѣли покорить ихъ. Разумѣется, пока шла война—была и вражда. Разумѣется, обѣ воевавшія стороны прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы достичь побѣды. Но если теперь австрійское правительство было бы радо произвести революцію въ Парижѣ, лишь бы сбыть съ рукъ Наполеона III и сохранить Миланъ и Венецію, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы австрійское правительство отличалось сочувствіемъ къ республиканскому устройству и ненавидѣло деспотизмъ. Напротивъ, можно думать, что по своимъ принципамъ оно очень мало разнится отъ своего противника. Точно такъ герцогъ бургундскій, герцогъ бретаньскій ничѣмъ не разнились въ своихъ принципахъ отъ короля французскаго, съ которымъ враждовали. Вражда шла только изъ-за того, что разнымъ герцогамъ и графамъ не хотѣлось потерять своихъ владѣній, а королю французскому хотѣлось пріобрѣсти эти области. Чтобы склонить къ измѣнѣ подданныхъ своего врага, король французскій могъ покровительствовать притѣсненнымъ горожанамъ его областей, но за то и какой-нибудь герцогъ бургундскій помогалъ учрежденію демократической республики въ Парижѣ. Все это было военною тактикою въ родѣ того, какъ монголы могли для упроченія своего господства поднимать рязанскихъ князей противъ московскихъ, или московскихъ противъ тверскихъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь Мамай или Узбекъ огорчались отъ притѣсненій, которымъ какой-нибудь Всеволодъ или Георгій подвергалъ сосѣднее княжество?

Но вотъ побѣда была рѣшена, вся Франція соединилась подъ властью короля, отдѣльныхъ владѣній не осталось. Каковъ принципъ извѣстнаго учрежденія, мы можемъ видѣть, когда оно одержитъ побѣду и получитъ полную силу перестроить жизнь по своему духу. Являются ли французскіе абсолютные короли, начиная съ Людовика XIII, или даже Генриха II, сколько нибудь расположенными къ „уничтоженію сословныхъ привилегій“, какъ думаетъ г. Чичеринъ? Напротивъ, они устраиваютъ цѣлое государство такимъ образомъ, чтобы весь

Digitized by Google

народъ жилъ исключительно для содержанія двора и придворной аристократіи. Всѣ подати лежатъ на простолюдинахъ, почти вся масса простолюдиновъ обязана сверхъ того личными повинностями дворянству. Одни дворяне имѣютъ значеніе, они одни пользуются покровительствомъ государственной власти. Съ Людовика XI или, пожалуй, съ Филиппа Прекраснаго до самаго конца XVIII вѣка ни одна изъ привилегій дворянства не была отмѣнена королевскою властью; напротивъ съ каждымъ поколѣніемъ расширяется ихъ покровительство дворянству, и въ администраціи, и въ богатствѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ оффиціальной жизни. Центръ всей жизни есть дворъ; дворъ состоитъ исключительно изъ аристократовъ,—какая же тутъ противоположность принципа между абсолютизмомъ и аристократіею? Напротивъ, французскій король есть представитель и глава аристократическаго принципа. Онъ все государство устраиваетъ въ духѣ самой исключительной аристократіи. Не понимать этого можетъ только тотъ, кто не имѣетъ правильнаго понятія ни объ одномъ изъ фактовъ французской исторіи XVI, XVII и XVIII столѣтій.

Но отъ Франціи г. Чичеринъ переходитъ къ Англіи. Онъ видитъ, что въ послѣднее время замѣтно стала падать въ ней аристократія и быстро усиливается демократическій элементъ. Какъ вы думаете, въ чемъ полагаетъ онъ сущность этого движенія? Онъ до того занятъ своею теоріею неразрывной связи бюрократіи съ демократіею, что воображаетъ, будто бы сущность развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій въ наше время состоитъ въ развитіи бюрократическаго начала, которое до сихъ поръ было въ Англіи слабо, къ великому сожалѣнію г. Чичерина. Это просто забавно. Изъ 28 милліоновъ англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ найдется ли хотя одинъ человѣкъ, отъ самаго отсталаго ультра-тори до самаго горячаго хартиста, который бы не гнушался бюрократіею, не пришелъ въ неистовство отъ одной мысли, что бюрократія когда-нибудь можетъ быть введена въ Англіи? Англійскіе аристократы очень щедро осыпаютъ своихъ враговъ демократовъ всяческими упреками, но никто въ цѣлой Европѣ никогда не слыхивалъ, чтобы они приписывали имъ наклонность къ бюрократіи. Каждому ребенку извѣстно, что англійскіе демократы съ состраданіемъ и презрѣніемъ смотрятъ на французское бюрократическое устройство, и если сочувствуютъ какимъ нибудь учрежденіямъ, то единственно австралійскимъ и сѣверо-американскимъ, въ которыхъ бюрократіи еще гораздо меньше, нежели въ англійскихъ. Разсужденія г. Чичерина объ усиленіи бюрократіи въ Англіи отъ усиленія демократіи могутъ служить самымъ восхитительнымъ примѣромъ того, до какого уклоненія отъ очевидной истины можетъ доводить схоластика, отправляющаяся отъ фальшиваго основанія и безбоязненно шагающая кривыми силлогизмами съ полнымъ пренебреженіемъ къ смыслу фактовъ. „Бюрократія есть принадлежность демократіи. Въ Англіи развивается демократія, слѣдовательно Англія вводитъ у себя бюрократію“. Отъ Пальмерстона до Эрнеста Джонса, отъ Росселя до Ферджуса О'Коннора, всѣ нововводители,—и умѣренные либералы, и радикалы, и хартисты Англіи кричатъ въ одинъ голосъ: „мы гнушаемся бюрократіей“: но г. Чичеринъ мужественно поучаетъ ихъ: „я лучше васъ знаю, кто вы таковы: всѣ вы отчаянные бюрократы“. Начитавшись его книги, мы думали даже предложить Пальмерстону должность исправника въ городѣ Туруханскѣ: это мѣсто совершенно соотвѣтствовало бы его наклонностямъ, по изображенію г. Чичерина:

Digitized by Google

съ какимъ удовольствіемъ писалъ бы онъ: „На отношеніе вашего высокородія за № 15,217 имѣю честь отвѣтствовать, что безпаспортной солдатской жонки Авдотьи Никитиной на жительствѣ въ Туруханскомъ уѣздѣ не оказалось“.

Впрочемъ очень можетъ быть, что г. Чичеринъ воображаетъ себѣ бюрократію не въ такомъ видѣ, какъ представляется она намъ. Быть можетъ и абсолютизмъ, и аристократія, и демократія представляются ему вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ привыкли представлять ихъ себѣ мы. Дѣйствительно, это очень можетъ быть: по крайней мѣрѣ надобно предполагать, что если бы эти понятія не представлялись ему совершенно различнымъ отъ обыкновеннаго пониманія способомъ, то онъ не наговорилъ бы объ нихъ такихъ странныхъ вещей, какими наполнена его книга.

Мы вполнѣ выписывали изъ книги г. Чичерина длинные отрывки, на которыхъ основываемъ свое заключеніе, что онъ дѣйствительно не имѣетъ понятія о существенномъ смыслѣ тѣхъ формъ государственнаго устройства, объясненію которыхъ посвящена вся его книга. Читатели могли убѣдиться, что мы не взводимъ на него небылицъ, когда говоримъ, что онъ не знаетъ ни демократіи, ни абсолютизма, ни аристократіи, ни бюрократіи, ни централизаціи. Получивъ такіе результаты, мы можемъ прекратить выписки, потому что вся остальная запутанность понятій въ его книгѣ составляетъ уже естественное слѣдствіе отсутствія правильнаго взгляда на эти основные предметы его разсужденій. Пересмотримъ же коротко содержаніе его книги.

Первая статья, „О политической будущности Англіи“, написанная по поводу книги Монталамбера, начинается утѣшительнымъ увѣреніемъ, что вопросы, волнующіе Западную Европу, „не имѣютъ для насъ жизненнаго значенія“. Утѣшительно это потому, что очень благопріятствуетъ смотрѣть намъ на событія Западной Европы „безъ гнѣва и пристрастія“. Мы готовы были бы думать, что это увѣреніе просто избитая мысль, употребляющаяся многими изъ насъ по условному правилу, имѣющему свою внѣшнюю выгоду; но отрывки о роли публициста, выписанные нами изъ предисловія, убѣждаютъ насъ, что г. Чичеринъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, будто это такъ и будто это очень утѣшительно. Это удивительно. Кому неизвѣстно, что вотъ уже очень много лѣтъ наша судьба связана съ судьбою Западной Европы и каждое важное событіе въ ней отражается на насъ? Фридрихъ II ограбилъ Марію Терезію,—и вотъ мы были запутаны въ семилѣтнюю войну. Европа стала покланяться Вольтеру, и у насъ началась комедія гуманныхъ возгласовъ въ угодность Вольтеру, лицемѣрное хвастовство либерализмомъ; но Вольтеръ имѣлъ у насъ много и такихъ приверженцевъ, которые не были лицемѣрами. Вспыхнула французская революція, и характеръ администраціи у насъ сдѣлался рѣшительнѣе, прямѣе и пружины дѣйствія перестали прикрываться философскими украшеніями. Изъ революціи вышелъ Бонапарте, и мы были запутаны въ продолжительныя войны, кончившіяся удачно, но разорившія Россію и присоединившія къ ней Варшаву. Потомъ Меттернихъ основалъ Священный Союзъ, и кому не извѣстно вліяніе этого учрежденія на судьбу Россіи? Продолжать ли этотъ перечень? Намъ кажется, перечисленныхъ фактовъ довольно, чтобы отказаться намъ отъ возможности равнодушно смотрѣть на западно-европейскія событія. „Перевѣсъ либерализма или демократіи, успѣхи революціи или удача диктатуры въ Западной Европѣ,—все это вопросы, не имѣю-

Digitized by Google

ціе для насъ жизненнаго значенія",—этихъ словъ уже достаточно, чтобы показать совершенное отсутствіе способности понимать положеніе Россіи. Впрочемъ, напрасно мы останавливались на этомъ: мы уже знали, что г. Чичеринъ неспособенъ быть публицистомъ, а способенъ быть только ученымъ схоластикомъ. Для схоластика нѣтъ надобности понимать отношенія своего общества къ фактамъ, которыми онъ занимается; ему только нужно знать факты.

Но и фактовъ г. Чичеринъ не знаетъ самъ, а принимаетъ ихъ на вѣру отъ другихъ, которые не заслуживали его довѣрія. Гнилая оппозиція французскихъ академиковъ называетъ Монталамбера великимъ ораторомъ, а его книгу замѣчательнымъ произведеніемъ; г. Чичеринъ смотритъ на вещи не такъ, какъ французскіе академики, потому могъ бы думать о Монталамберѣ и его книгѣ иначе. Но онъ принимаетъ этого реакціоннаго болтуна очень серьёзно за защитника свободы, за представителя либерализма, и серьёзно разсуждаетъ о его понятіяхъ, будто бы о мысляхъ дѣльнаго человѣка. Монталамберъ говоритъ объ Англіи вздорныя общія мѣста, въ родѣ того, что „привязанность къ старинѣ составляетъ отличительную черту англійскаго народа", что англичане „отличаются отъ другихъ народовъ любовью къ разоблаченію своихъ собственныхъ недостатковъ". что англійская аристократія „невраждебна никакому прогрессу"; г. Чичеринъ очень серьёзно повторяетъ эти пустыя слова, или несправедливыя, или ровно ничего не выражающія: по всему видно, что Монталамберъ для него кажется драгоцѣннымъ источникомъ свѣдѣній объ Англіи. Человѣкъ ученый не долженъ былъ бы принимать дрянную брошюру за что нибудь значительное. Онъ споритъ съ Монталамберомъ очень важно, какъ будто бы съ противникомъ, заслуживающимъ уваженія.

Такое же чрезмѣрное уваженіе къ пустымъ репутаціямъ видно въ слѣдующей его статьѣ „Промышленность и государство въ Англіи", составленной по поводу книги Леона Фоше. Леонъ Фоше былъ человѣкъ довольно трудолюбивый, но вовсе не даровитый. Либерализмъ его всегда былъ очень узокъ и сильно отзывался консерватизмомъ. Г. Чичерину кажется, что онъ испортился только съ 1848 года. Онъ думаетъ, что только тогда Леонъ Фоше „покинулъ точку безпристрастнаго наблюдателя и сдѣлался членомъ партіи", что только тогда „примкнулъ онъ къ тому близорукому большинству французскаго законодательнаго собранія, которое не умѣло основать новыхъ учрежденій". Напрасное прискорбіе. Леонъ Фоше всегда принадлежалъ къ близорукимъ людямъ, которые враждовали противъ новыхъ учрежденій. Г. Чичеринъ не имѣетъ вѣрныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ партій при Орлеанской династіи; онъ не знаетъ характера той оппозиціи, которая признавала своимъ предводителемъ Тьера, и характера той экономической школы, которая называлась тогда либеральною, но либерализмъ которой ограничивался хлопотами о пониженіи тарифа. Впрочемъ книга Леона Фоше не есть пустая болтовня, какъ памфлетъ Монталамбера: въ ней собрано много фактовъ. Мы не осуждаемъ г. Чичерина за то, что онъ вздумалъ серьёзно пользоваться ею. Но любопытенъ выводъ, къ которому клонятся всѣ его выписки изъ Леона Фоше и Лаверня. Мы уже говорили объ этомъ выводѣ. Г. Чичеринъ воображаетъ, что сущность реформъ, произведенныхъ парламентомъ въ экономическомъ устройствѣ Англіи, ведетъ къ усиленію бюрократіи; а между тѣмъ изъ этихъ реформъ всѣ важнѣйшія состоятъ въ робкомъ, неполномъ, иногда нелѣпомъ удовлетвореніи нѣкоторымъ изъ экономи-

Digitized by Google

ческихъ потребностей англійскихъ простолюдиновъ; и если эти реформы принадлежатъ къ какой нибудь системѣ понятій, то развѣ къ системѣ тѣхъ экономистовъ, которые думаютъ прикрасить ветхое рубище своей теоріи нѣкоторыми лоскутками соціализма. Напримѣръ, въ Англіи запретили держать дѣтей на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ день; потомъ запретили нанимать женщинъ для работы въ рудникахъ; потомъ предписали, чтобы дѣти, работающія на фабрикахъ, непремѣнно посѣщали школу; потомъ запретили держать женщинъ на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ сутки. По мнѣнію г. Чичерина, это—бюрократія и централизація, а по мнѣнію каждаго экономиста эти постановленія принадлежатъ къ тому, что г. Чичеринъ называетъ „безумными проявленіями соціализма". Такихъ недоразумѣній въ статьѣ о промышленности Англіи находится множество. Но вотъ мѣсто, которое показываетъ, что г. Чичеринъ не знаетъ не только того, къ какому порядку идей принадлежатъ перечисляемые имъ факты, но не знаетъ даже того, къ какому порядку идей принадлежатъ его собственныя мысли. Онъ начинаетъ говорить о томъ, что расширеніе центральной власти или вмѣшательство правительства должно въ Англіи усилиться еще значительнѣе, нежели насколько усилилось всѣми произведенными реформами. Тутъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее соображеніе:

„Правительству должны подлежать, говоритъ г. Чичеринъ, всѣ тѣ общественныя установленія, которыя не требуютъ личной предпріимчивости и энергіи. Таково, напримѣръ, застрахованіе. Въ наше время оно производится частными компаніями, но нѣтъ сомнѣнія, что оно съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть предпринято правительствомъ. Настоящее мѣсто частнаго капитала тамъ, гдѣ онъ является орудіемъ личной дѣятельности; здѣсь же капиталъ цѣлаго общества служитъ обезпеченіемъ риска, которому подвергается каждый изъ его членовъ. Потому мы думаемъ, что съ большимъ и большимъ развитіемъ системы застрахованія, оно поступитъ наконецъ въ вѣдомство правительственной власти. Самое государство можно въ нѣкоторомъ отношеніи разсматривать, какъ общество взаимнаго застрахованія, составленное цѣлымъ народомъ: каждый гражданинъ удѣляетъ часть своего достоянія въ общую кассу для того, чтобы получить отъ государства обезпеченіе личной своей дѣятельности".

Мы не станемъ разбирать, самъ ли г. Чичеринъ написалъ это мѣсто, или заимствовалъ его изъ Милля; онъ не отмѣчаетъ, что заимствовалъ его, слѣдовательно представляетъ какъ свою собственную мысль. Намъ остается только поздравить централизацію съ пріобрѣтеніемъ такого новаго характера. Встарину подобныя вещи назывались регаліями или монополіями казны, но никакъ не централизаціею или бюрократіею; нынѣ называются онѣ иначе; какъ именно называются нынѣ онѣ и къ какому порядку идей принадлежатъ, мы не станемъ говорить. Но скажемъ, что присвоеніе государству страхованія, до понятіямъ нынѣшнихъ экономистовъ, ничѣмъ не отличается отъ присвоенія государству исключительнаго права имѣть желѣзныя дороги, отъ наложенія на него обязанности давать работу рѣшительно каждому неимѣющему работы, принимать на общественное содержаніе каждаго бѣднаго и т. д. Если мы не ошибаемся, всѣ эти мысли составляютъ принадлежность теоріи, которая заслужила отъ г. Чичерина названіе безумной. Намъ остается только жалѣть, что г. Чичеринъ повидимому незнакомъ съ этою теоріею, а лишь слыхивалъ о ней отъ людей подобныхъ Монталамберу, Токвилю, Сюдру, Луи-Ребо. Не дурно было бы ему замѣтить вредъ, происходящій отъ этого про-

Digitized by Google

бѣла въ знакомствѣ его съ произведеніями современной мысли: онъ украшаетъ свои статьи лоскутками той самой теоріи, которую упрекаетъ въ безумствѣ.

Точно также онъ имѣлъ бы совершенно другое понятіе о смыслѣ демократическаго движенія въ Англіи, если бы изучалъ его по достовѣрнымъ источникамъ, напримѣръ по парламентскимъ преніямъ, по рѣчамъ и сочиненіямъ представителей этого движенія, а не по книжкамъ, писаннымъ отсталыми людьми, въ родѣ Леона Фоше, или реакціонерами, въ родѣ Монталамбера.

Третья статья, „Старая французская монархія и революція", написана по поводу книги Токвиля. Начинается она объясненіемъ, что дурно поступаютъ тѣ историки, которые пишутъ подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ событій, что историкъ не долженъ вносить страстей настоящаго въ изображеніе прошедшаго. Словомъ сказать, г. Чичеринъ очень подробно и хорошо перефразируетъ извѣстную характеристику лѣтописца въ „Борисѣ Годуновѣ":

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пушкинъ, былъ вѣроятно правъ, изображая такими нашихъ лѣтописцевъ, людей чуждыхъ всякаго понятія о жизни, сущихъ книжниковъ и притомъ чрезвычайно мало образованныхъ; но г. Чичеринъ напрасно хочетъ, чтобы нынѣшніе историки подражали имъ. Онъ, повидимому, не знаетъ истиннаго смысла тѣхъ возгласовъ объ историческомъ безпристрастіи, которыми наполнены всѣ реакціонныя книги. Реакціонеры называютъ историка безпристрастнымъ тогда, когда онъ доказываетъ, что старинный порядокъ вещей былъ хорошъ. Напротивъ, напримѣръ книгу г. Чичерина „Областныя учрежденія" всѣ реакціонеры называютъ пристрастною и несправедливою за то, что авторъ совершенно справедливо изобразилъ въ ней старинную систему управленія не въ розовомъ свѣтѣ. Живой человѣкъ не можетъ не имѣть сильныхъ убѣжденій. Отъ этихъ убѣжденій не отдѣлается онъ, что бы ни сталъ дѣлать: писать исторію или статистику, фельетонъ или повѣсть; все написанное имъ будетъ написано для оправданія и развитія какой-нибудь мысли, кажущейся ему справедливою. Если вы раздѣляете эту мысль, вамъ будетъ казаться, что писатель изображаетъ жизнь безпристрастно; если вы враждуете противъ его образа мнѣній, вамъ будетъ казаться, что онъ изображаетъ жизнь пристрастно и несправедливо. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, проводитъ ли историкъ свои убѣжденія въ своей книгѣ. Не проводить убѣжденій могутъ только тѣ, которые не имѣютъ ихъ; а не имѣть убѣжденій могутъ только или люди необразованные, или люди неразвитые, или люди тупые, или люди безсовѣстные; дѣло только въ томъ, хороши ли убѣжденія, проводимыя историкомъ, т.е. возникаютъ ли они изъ желанія добра, справедливости и благосостоянія людямъ, или изъ какихъ нибудь принциповъ, противныхъ благосостоянію общества, и ясно ли понимаетъ историкъ, какія учрежденія и событія содѣйствовали, какія мѣшали осуществленію такого порядка дѣлъ, который пользуется его сочувствіемъ. Если убѣжденія историка честны и если онъ понимаетъ вліяніе изображаемыхъ имъ событій и учрежденій на судьбу народа, тогда заслуживаетъ онъ уваженіе; и кромѣ честности убѣжденій, другаго безпристрастія никогда не бывало ни въ какомъ

Digitized by Google

историкѣ, если онъ былъ одаренъ человѣческимъ смысломъ, а не писалъ какъ безсмысленная машина. Откуда же взялось у г. Чичерина мнѣніе, что историкъ долженъ походить на пушкинскаго лѣтописца? Опять-таки оно возникло отъ необдуманнаго принятія чужихъ словъ на вѣру. Если бы онъ самъ подумалъ о томъ, были ли равнодушны Ѳукидидъ, Тацитъ, Маккіавели, де-Ту, Тьерри, Шлоссеръ, Гиббонъ, или даже хотя такіе историки, какъ Гизо, Тьеръ, Маколей, къ тѣмъ событіямъ и людямъ, о которыхъ писали, онъ увидѣлъ бы, что ни одинъ, сколько нибудь сносный историкъ, не писалъ иначе, какъ для того, чтобы проводить въ своей исторіи свои политическія и общественныя убѣжденія.

Но, принявъ на вѣру чужія слова, лишенныя положительнаго смысла, г. Чичеринъ вздумалъ, будто бы Токвиль пишетъ дурно только потому, что проводитъ въ своей книгѣ политическія убѣжденія извѣстной партіи, а не потому, что его убѣжденія во многомъ реакціонны, во многомъ вздорны. Мы сочувствуемъ Токвилю гораздо меньше, нежели г. Чичерину, но должны сказать, что и въ его нападеніяхъ на Токвиля такъ же мало яснаго понятія о вещахъ, какъ въ книгѣ Токвиля, и притомъ главныя нападенія обращены именно на ту сторону, которая одна только и хороша у Токвиля. Среди множества разнаго вздора, въ книгѣ Токвиля проводится одна вѣрная мысль, что абсолютизмъ надѣлалъ Франціи несравненно больше вреда, нежели пользы. Но абсолютизмъ учредилъ бюрократію, а по мнѣнію г. Чичерина бюрократія — вещь очень хорошая, и вотъ онъ считаетъ своею обязанностью вступиться за французскій абсолютизмъ противъ Токвиля. Онъ надѣется защитить дѣло французскихъ королей, взявъ образцовымъ временемъ ихъ принципа періодъ раньше того, къ которому относится характеристика Токвиля. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ онъ, абсолютный принципъ уже испортился; чтобы оцѣнить его, надобно посмотрѣть, каковъ онъ былъ прежде. Но сколько мы ни смотримъ, никакъ не можемъ замѣтить, чтобы когда нибудь защищаемый г. Чичеринымъ принципъ не былъ точно таковъ же, какъ въ XVIII вѣкѣ. Нравственные и политическіе принципы Екатерины Медичи очень хорошо извѣстны; человѣкъ безъ сильнаго воображенія никакъ не предположитъ, чтобы она могла сдѣлать сама или допустила другихъ дѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное для государства. Съ того времени до XVIII вѣка господствовала та же самая политика. Ришльё и Мазарини навѣрное не много принесли пользы націи, хотя быть можетъ, что они умѣли хорошо вести дипломатическія интриги и выбирать хорошихъ генераловъ. Но быть можетъ и въ концѣ XVI, и въ XVII вѣкѣ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ, былъ уже „испорченъ". Если такъ, очень жаль, потому что и Карлъ VIII и Людовикъ XII ничѣмъ не отличались въ своихъ тенденціяхъ отъ Генриха II или Людовика XIV. Но г. Чичеринъ смотритъ на дѣло, вѣроятно, съ иной точки зрѣнія. Главнымъ благодѣяніемъ для французской націи онъ считаетъ то, что она получила политическое единство. О, если завоевывать области и по возможности увеличивать свои владѣнія значитъ быть благодѣтелемъ, то почему же не предполагать, что Аттила и Батый были представителями благодѣтельнѣйшаго принципа: они хотѣли доставить всему европейскому человѣчеству то благо, которымъ обязаны были французы Филиппу Прекрасному, Людовику XI и другимъ собирателямъ земли французской. Результатъ завоевательной политики, правда, оказался недуренъ въ томъ отношеніи, что французская нація соединилась въ одно государство. Но людей, занимавшихся этимъ дѣломъ,

Digitized by Google

не стоитъ называть благодѣтелями націи, потому что они имѣли въ виду вовсе не пользу націи, а только удовлетвореніе собственному эгоизму, и одинаково вели всевозможныя войны, не разбирая того, полезны ли эти войны для національнаго единства, или нѣтъ. Походы на Бургундію, на Бретань проистекали изъ того же самаго принципа, какъ и походы Карла VIII въ Италію или Людовика XIV въ Германію; разница была не въ мысли, а только въ томъ, что одни походы кончались удачно, другіе—нѣтъ. Нѣмецкій Эльзасъ былъ покоренъ на томъ же самомъ основаніи какъ и французская Нормандія. Если завоеваніе Страсбурга не было внушено высокою идеею народнаго блага, то не было внушено ею и завоеваніе Дижона.

Но все-таки надобно же благодарить кого-нибудь за то, что Франція собралась въ одно цѣлое изъ раздробленныхъ герцогствъ, графствъ и виконтствъ. Чтобы узнать, кого должно благодарить за это, надобно только сдѣлать себѣ вопросъ, почему Шампань осталась во владѣніи французскихъ королей, а Италія, нѣсколько разъ завоеванная французами, все-таки постоянно отрывалась отъ французскаго государства. Отвѣтъ ясенъ: Шампань была населена французами, которые стремились составить одно цѣлое съ остальными французами, а въ Италіи жили итальянцы, которымъ не было охоты присоединяться къ французамъ. Теперь, кажется, не трудно сообразить, какой силѣ обязаны французы тѣмъ обстоятельствомъ, что соединились въ одно государство. Надобно предполагать, что они были обязаны этимъ своему собственному стремленію соединиться въ одно государство. Потому надобно думать, что если французы должны кого благодарить за могущество, пріобрѣтенное Франціею, то должны благодарить за это только самихъ себя, и больше никого. Тотъ или другой эгоистъ, тотъ или другой честолюбецъ могъ находить выгоднымъ для себя стремленіе къ національному единству, врожденное французамъ, но не онъ создалъ его, онъ только пользовался имъ и пользовалъ почти всегда вреднымъ для самихъ французовъ образомъ. За что же французамъ благодарить его, называть представителемъ какихъ-то высокихъ идей, когда все, что̀ было въ результатѣ хорошаго, произошло благодаря только ихъ собственному національному чувству? Если мы станемъ благодарить французскихъ Валуа за то, что при нихъ произошло возсоединеніе французскихъ провинцій, всегда стремившихся къ единству, то не должны ли мы благодарить Елизавету англійскую за то, что при ней Шекспиръ написалъ Гамлета? Намъ кажется, что за Гамлета слѣдуетъ благодарить Шекспира, за французское единство французы должны благодарить самихъ себя.

Такимъ образомъ надобно смотрѣть на степень заслуги абсолютнаго принципа въ дѣлѣ соединенія французской земли. Этотъ принципъ только эгоистически пользовался силою, существовавшею независимо отъ него; и если оцѣнивать достоинство этого принципа, надобно смотрѣть не на то, что̀ пріобрѣталъ онъ, потому что пріобрѣтенія дѣлались не его заслугами, а національнымъ чувствомъ,—нѣтъ, надобно смотрѣть только на то, что̀ онъ дѣлалъ съ пріобрѣтенными провинціями. Тутъ отвѣтъ опять коротокъ: искони вѣковъ, съ самого Гуго-Капета до Людовика XIV, главною заботою представителей абсолютнаго принципа было полученіе возможно большаго количества доходовъ, какими бы то ни было средствами, начиная съ постояннаго разоренія всей націи законными и незаконными поборами до нарушенія контрактовъ, продажи должностей и дѣланія фальшивой монеты. Начиная съ X и кончая XVII или XVIII вѣкомъ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ,

Digitized by Google

бралъ съ французской націи все, что только могъ взять, и почти постоянно только этимъ да веденіемъ войнъ ограничивалась вся государственная дѣятельность этого принципа. Само собою разумѣется, что безъ исключеній ничего на свѣтѣ не бываетъ. Въ теченіе 800 лѣтъ Франція имѣла двухъ государей, дѣйствительно думавшихъ о благѣ народа: Людовика Святаго и Генриха IX, и нѣсколько геніальныхъ министровъ. Но даже Генрихъ IV былъ занятъ своею Габріэлью и военными планами гораздо больше, нежели народными нуждами, а Людовикъ IX не имѣлъ успѣха ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій, конечно потому, что его характеръ и его нравственныя правила совершенно не соотвѣтствовали качествамъ, какихъ требуетъ положеніе, доставшееся ему на долю. Что же касается до великихъ французскихъ министровъ, то мы знаемъ, что Сюлли былъ отосланъ въ деревню за неуживчивость характера, а Кольберъ долженъ былъ всѣ свои усилія напрягать къ тому, чтобы доставлять Людовику XIV какъ можно болѣе денегъ на веденіе войнъ. И такъ остаются только Ришльё и Мазарини. Они дѣйствительно управляли государствомъ, какъ хотѣли; но при извѣстныхъ качествахъ этихъ людей кто отважится сказать, чтобы когда-нибудь приходила тому или другому изъ нихъ въ голову мысль о пользѣ націи?

Мы не надѣемся, чтобы г. Чичеринъ удостоилъ прочтеніемъ нашу статью; мы даже не думаемъ, чтобы это было нужно, потому, какъ непогрѣшительный мудрецъ, онъ, конечно, не могъ бы извлечь никакой пользы изъ нашихъ замѣчаній; но если бы онъ прочелъ эту статью, онъ сказалъ бы, что мы смотримъ на исторію французскаго абсолютизма и предшествовавшаго ему феодальнаго королевства очень пристрастнымъ образомъ, забываемъ все хорошее и выставляемъ на видъ только дурное. Мы точно также говоримъ о его взглядѣ, что онъ преувеличиваетъ все хорошее, приписываетъ своему любимому принципу многое такое, чѣмъ Франція вовсе не ему обязана. Г. Чичеринъ скажетъ, что мы пристрастны, а онъ безпристрастенъ; мы, наоборотъ, говоримъ, что мы безпристрастны, а онъ пристрастенъ. Какъ разобрать—кто изъ насъ правъ, кто нѣтъ? Каждый читатель рѣшитъ это сообразно своему образу мыслей. Кому нашъ образъ мыслей кажется справедливымъ, тотъ скажетъ, что и взглядъ нашъ на французскую исторію безпристрастенъ. Кто, напротивъ, раздѣляетъ убѣжденія г. Чичерина, тотъ назоветъ наши понятія о французской исторіи чрезвычайно пристрастными. Но мы и не претендуемъ казаться безпристрастными въ глазахъ каждаго. Г. Чичеринъ претендуетъ, но можетъ быть увѣренъ, что изъ 10 человѣкъ едва ли хотя одинъ признаетъ за нимъ то безпристрастіе, о которомъ онъ такъ хлопочетъ. Какую же выгоду передъ нами, прямо говорящими, что любимъ однихъ, не любимъ другихъ историческихъ дѣятелей, доставила ему его забота казаться равнодушнымъ ко всѣмъ и ко всему? Этою фальшивою претензіею можетъ каждый изъ насъ обольщать самъ себя, но другіе все-таки не будутъ обмануты его самообольщеніемъ. И напримѣръ о г. Чичеринѣ каждый говоритъ, что любовь къ бюрократіи и централизаціи заставляетъ его страннымъ образомъ преувеличивать все хорошее и уменьшать все дурное въ исторіи французскаго абсолютизма.

Четвертая и послѣдняя статья въ книгѣ г. Чичерина, „О французскихъ крестьянахъ“, была гораздо менѣе замѣчена публикою, нежели три первыя статьи. Это даетъ намъ возможность не говорить о ней подробно. Замѣтимъ только одно мѣсто, интересное для опредѣленія нынѣшняго направленія симпатій г. Чичерина.

Digitized by Google

Изъ трехъ книгъ, выставленныхъ въ заглавіи этой статьи, г. Чичеринъ обращаетъ вниманіе особенно на двѣ, Дареста и Бонмера. Онъ характеризуетъ ту и другую. Дарестъ самъ объясняетъ свое направленіе слѣдующими довольно странными словами: „Тамъ, гдѣ поверхностные историки видѣли между рабочими классами и высшими сословіями противоборство, существовала, напротивъ, тѣсная связь, скажу болѣе, полное почти общеніе чувствъ и интересовъ". Изъ этого видно, что книга Дареста написана съ цѣлью доказать, что мятежи французскихъ крестьянъ противъ дворянъ и страшная ненависть поселянъ къ феодальнымъ господамъ была явленіемъ мимолетнымъ, неосновательнымъ, и, собственно говоря, жалобы крестьянъ были неосновательны. Самъ г. Чичеринъ прибавляетъ: „Авторъ представляетъ многія средневѣковыя учрежденія съ слишкомъ выгодной стороны. Онъ нерѣдко старается объяснить общественною пользою такія права, которыя были явнымъ послѣдствіемъ права сильнаго". Бонмеръ, напротивъ того, живо раскрываетъ всю тяжесть положенія поселянъ и постоянно сочувствуетъ имъ, не оказывая потворства средневѣковымъ гнусностямъ. Г. Чичеринъ сочувствуетъ даже французскому абсолютизму, который кажется ему союзникомъ демократіи, и не любитъ самоправленія за то, что въ Англія имѣетъ оно аристократическій характеръ. Послѣ этого можно было бы ожидать, что къ Бонмеру у него будетъ больше сочувствія, нежели къ Даресту, защитнику феодализма. Но нѣтъ: Дареста онъ не лишаетъ своей милости, но Бонмера казнитъ онъ нещадно.

„Г. Дарестъ и г. Бонмеръ могутъ служить представителями двухъ противоположныхъ направленій науки: одинъ слишкомъ старается оправдать все прошедшее, другой слишкомъ старается его унизить. Нельзя не сказать, однако, что первый показалъ несравненно болѣе историческаго и критическаго такта, нежели послѣдній. И не мудрено: несмотря на нѣкоторую односторонность, онъ стоитъ на истинной дорогѣ и смотритъ на исторію не съ точки зрѣнія современной страсти, а какъ ученый наблюдатель, который изучаетъ лежащія передъ нимъ явленія. Книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ для изученія исторіи французскихъ крестьянъ" (Стр. 281).

„....Сочиненіе Бонмера написано съ крайне-односторонней точки зрѣнія. Г. Бонмеръ, повидимому, принадлежитъ къ тому разряду французскихъ демократовъ-соціалистовъ, которые, подводя всѣ эпохи подъ исключительную мѣрку настоящихъ своихъ требованій, видятъ въ исторіи не постепенное развитіе народа, а постоянную несправедливость, отъ которой слѣдуетъ отдѣлаться. Это — направленіе вполнѣ отрицательное. Автору нельзя отказать въ начитанности, но пріобрѣтенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею крестьянъ, сколько повѣствованіемъ объ испытанныхъ ими притѣсненіяхъ. Къ несчастію, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь разсказъ преисполненъ декламаціею, реторическими выходками и преувеличеніемъ, которыя невольно заставляютъ заподозрѣвать самую фактическую вѣрность изображеній, и т. д." (Стр. 280).

Изъ этого мы можетъ видѣть, что, несмотря на всѣ свои разсужденія о прогрессѣ, несмотря на всю нелюбовь къ англійскимъ аристократическимъ учрежденіямъ, г. Чичеринъ не колеблется отдавать преимущество приверженцамъ старины надъ людьми, которые кажутся ему слишкомъ живо сознающими вредную сторону старинныхъ учрежденій. Дарестъ оставляетъ безъ вниманія жизненную сторону учрежденій и вноситъ въ средневѣковыя учрежденія понятія новаго времени съ цѣлью показать законность беззаконія, пользу насилія; изъ этого, повидимому, надобно было бы г. Чичерину заключить, что онъ лишенъ всякой способности быть историкомъ; но нѣтъ, „онъ стоитъ на истинной дорогѣ и книга его можетъ слу-

Digitized by Google

жить лучшимъ руководствомъ, показывая въ немъ историческій и критическій тактъ". Изъ этого заключенія г. Чичеринъ самъ на себѣ можетъ видѣть, что такое скрывается подъ фразою объ историческомъ безпристрастіи, которою онъ обольстился: подъ нею просто скрывается требованіе, чтобы историкъ старался оправдывать беззаконіе и выставлять хорошія качества феодальныхъ и тому подобныхъ учрежденій.

Мы кончили разборы, и намъ остается объяснить странныя качества, найденныя нами въ книгѣ г. Чичерина. Мы сначала будемъ говорить вообще.

Демократія, готовая скорѣе согласиться на оправданіе феодализма, нежели на его порицаніе, либерализмъ, состоящій въ пристрастіи къ бюрократіи, публицистика, равнодушная къ вопросамъ ею излагаемымъ, ученость, не знающая характера событій и людей, извѣстныхъ каждому,—какимъ образомъ объяснить эти сочетанія каждаго качества съ признаками рѣшительно неумѣстными въ немъ, эту холодность жара, обскурантизмъ просвѣщенія, реактивность прогресса, безсмысліе мысли? Мы приведемъ сначала общія причины, не относящіяся къ лицу. Мы видѣли, почему французская демократія является съ формами бюрократіи: она еще слишкомъ слаба, чтобы отвергнуть въѣвшуюся въ нее старину, противную ея собственной натурѣ. Она похожа на одного изъ недавно уволенныхъ нашихъ кантонистовъ, которые все еще по старой привычкѣ дѣлаютъ подъ козырекъ проходящему офицеру, хотя человѣкъ, уволенный изъ военной службы, не долженъ уже дѣлать подъ козырекъ. Всѣ мы воспитаны обществомъ, въ которомъ владычествуетъ обскурантизмъ и застой; потому, какими понятіями ни пропитываемся мы потомъ изъ книгъ, все-таки большая часть изъ насъ сохраняютъ привычное расположеніе къ обскурантизму и застою. Мы похожи на ту ворону, обращенную въ соловья, которая часто, по разсѣянности, каркала по вороньему. Если бы мы всѣ были таковы, нельзя было бы ожидать обществу ничего хорошаго при нашемъ поколѣніи.

Но есть и въ западной Европѣ люди, у которыхъ подъ либерализмомъ скрывается обскурантизмъ; ихъ образъ мыслей нелѣпъ и дуренъ, но онъ имѣетъ нѣкоторую связность, въ немъ нѣтъ рѣжущихъ глаза логическихъ несообразностей. Монталамберъ, напримѣръ, не станетъ хвалить Робеспьера, не будетъ восхищаться Кромвелемъ. Зачѣмъ же у нашихъ просвѣщенныхъ обскурантовъ такая путаница въ понятіяхъ? Почему русскій человѣкъ способенъ на одной и той же страницѣ восхищаться Жанною Д'Аркъ и хвалить руанскій трибуналъ, который сжегъ ее за сношенія съ бѣсами? Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Наши либеральные обскуранты набираются, напримѣръ, своихъ понятій изъ отсталыхъ французскихъ книжекъ; въ этихъ книжкахъ все такъ хорошо, гладко, связно; но онѣ набиты узкими національными предубѣжденіями, нелѣпость которыхъ слишкомъ замѣтна каждому иностранцу. Русскій ученикъ по необходимости отбрасываетъ этотъ вздоръ въ родѣ того, что Наполеонъ въ 1812 году не былъ побѣжденъ, что бюллетени его не содержали безстыдной лжи, что французы—единственная великая нація въ свѣтѣ, и въ этомъ качествѣ никогда не грабили Германію и Италію, а должны, для счастія самихъ нѣмцемъ, владѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна, и т. д. Отъ этихъ выпусковъ оказываются въ системѣ большіе пробѣлы, и русскій ученикъ наполняетъ ихъ, какъ умѣетъ, лоскутами фактовъ и понятій, набран-

Digitized by Google

ными откуда Богъ дастъ. Но мало того, что онъ самъ надѣлалъ пробѣлов
ходимыми выпусками: и въ полномъ своемъ иностранномъ видѣ отсталая
не касалась многихъ вопросовъ, спеціально важныхъ для русской жизни и
бѣжно представляющихся мысли русскаго ученика. Онъ также старается при
для нихъ отвѣты, ввести ихъ въ чужую систему. По этимъ двумъ причи
жилетъ изъ французскаго атласа покрываетъ нашивками изъ англійскаго
ленкора, сѣро-нѣмецкаго сукна и русской выбойки. Всѣ эти заплаты не
водили бы арлекинскаго вида, если бы цвѣтомъ своимъ подходили къ
ной ткани. Но главная нелѣпость состоитъ именно въ томъ, что цвѣтъ
платъ совсѣмъ не тотъ, какой нуженъ для гармоніи. Первоначальная теорія
составлена, какъ мы сказали, людьми застоя или реакціи съ цѣлью охра
и защиты старины. Намъ, русскимъ, нечего жалѣть въ нашей старинѣ и
охоты защищать ее. Потому приставки наши имѣютъ обыкновенно совер
не ту тенденцію, какъ первоначальная теорія. До сихъ поръ мы говорили
обще, теперь сошлемся въ частности на дѣятельность самого г. Чичерина
подтвержденіе послѣднему обстоятельству. Мы видѣли, какого оттѣнка иноз
ные писатели, изученіемъ которыхъ онъ занятъ, изъ которыхъ онъ почер
основныя понятія свои о европейской жизни, съ которыми онъ, если
ритъ, то не какъ съ противниками своими по принципу, а какъ съ лю
имѣющими только частные недостатки. Эти люди: Токвиль, Леонъ Фоше
вернь, Гизо, Маколей и т. п. господа, то есть все это люди такъ назы
маго умѣреннаго и спокойнаго прогресса, иначе сказать, люди, которымъ
гораздо милѣе всякаго смѣлаго историческаго движенія. Онъ споритъ съ н
но и въ спорахъ видно, что онъ чрезвычайно уважаетъ ихъ, и вообще,
мы сказали, ихъ книги, ихъ теоріи служатъ ему главнымъ резервуаромъ
рости. Но есть отрасль знаній, о которой они, къ несчастію, не писали
торою занимается г. Чичеринъ. Эта отрасль—русская исторія. И г. Чичер
написалъ превосходную книгу о русской администраціи въ Московскій пер
Прочтите эту книгу, и вы почувствуете надобность протерѣть глаза и
заглянуть на обертку, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли эта книга
писана тѣмъ же г. Чичеринымъ, который написалъ „Очерки Англіи и Фр
ціи“. Тотъ ли это человѣкъ, который предпочитаетъ Дареста Бонмеру? В
объ его „Областныхъ учрежденіяхъ“ всѣ умѣренные западно-европейцы
вально сказали бы то самое, что сказалъ онъ о книгѣ Бонмера:

„Направленіе г. Чичерина вполнѣ отрицательное. Автору нельзя отказать въ
танности, но пріобрѣтенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и
нымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею русской администр
сколько повѣствованіемъ о притѣсненіяхъ, ею оказывавшихся. Къ несчастію, даже
одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь разсказъ преисполненъ пр
личеніемъ, которое невольно заставляетъ заподозрѣвать самую фактическую вѣр
изображеній. Авторъ тщательно выбираетъ изъ источниковъ всякую частность, к
можетъ сгустить краски на его картинѣ, и чѣмъ мрачнѣе событіе, хотя бы оно
лось въ какомъ нибудь углу государства, тѣмъ ярче оно выставляется на видъ,
характеристическая черта цѣлой эпохи“.

Эти слова списаны нами съ 280—281 стр. книги г. Чичерина; чита
можетъ сравнить ихъ съ отрывкомъ, который представили мы выше из
сужденій о Дарестѣ и Бонмерѣ. Нужно было только перемѣнить фами

Digitized by Google

пустить два-три слова, относящіяся къ характеристикѣ слога,—и то самое, должно служить осужденіемъ Бонмеру, буквально примѣнилось къ самому Чичерину, которому впрочемъ мы вовсе не ставимъ въ упрекъ всѣхъ тѣхъ ествъ, какими можетъ возбуждаться подобный отзывъ о его книгѣ со сто- ы умѣренныхъ прогрессистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ легко г. Чичерину овергнуть ихъ упрекъ! Онъ можетъ сказать, и дѣйствительно говорилъ: вы одозрѣваете фактическую вѣрность моихъ изображеній. Провѣрьте цитаты, и найдете, что я пользовался источниками совершенно добросовѣстно. Вы го- ите, что я выбралъ однѣ мрачныя черты,—пересмотрите источники, я пред- ю вамъ найти какія нибудь другія черты, кромѣ найденныхъ мною. Вы рите, что я преувеличиваю. Я прошу васъ показать хотя одно мѣсто, въ ромъ я сказалъ бы что нибудь, кромѣ того, о чемъ единогласно свидѣ- ствуютъ всѣ источники. Г. Чичеринъ говорилъ это, и оказалось, что онъ ршенно правъ, оказалось, что не онъ, а самые источники, самая жизнь на- ъ предковъ виновата въ томъ, если все содержаніе его изслѣдованія сво- я къ однообразному результату: что дѣлала администрація въ XIII вѣкѣ?— ила. Что дѣлала она въ XV вѣкѣ?—Грабила. Что дѣлала она въ XVII ?—Грабила. Что жъ было дѣлать г. Чичерину, если такъ говорили источ- ? Онъ былъ честенъ, добросовѣстенъ, и если у него не вышла идиллія, нъ виноватъ.

И вотъ эта примѣсь собственной честной мысли, собственнаго добросовѣст- взгляда къ цѣлой массѣ понятій, на вѣру принятыхъ изъ теоріи застоя, ціи, изъ теоріи, отвергающей всѣ тѣ живыя силы, безъ которыхъ невоз- нъ прогрессъ, изъ теоріи людей, думающихъ взойти на гору безъ труда, щихъ въ болотѣ, чтобы не подвергнуться одышкѣ отъ усилій выйти изъ га,—вотъ эта смѣсь собственной честности и собственнаго благородства съ ю пошлостью производитъ тотъ безсвязный хаосъ не клеящихся одно съ имъ понятій, который отпечатлѣлся на каждой страницѣ „Очерковъ Англіи анціи". Это сочетаніе противоестественно, разнородные элементы хаоса лѣ- прочь одинъ отъ другаго. Нельзя долго служить Еговѣ и Ваалу вмѣстѣ. бно отказаться отъ Еговы или сжечь Ваала. Мы смѣло предсказываемъ, . Чичеринъ скоро выйдетъ изъ той путаницы понятій, въ которой нахо- теперь.

Но въ какую сторону онъ выйдетъ изъ нея? Онъ человѣкъ честный,—это видимъ, и потому слѣдовало бы ему, когда онъ двинется съ распутія, на ромъ стоитъ теперь, пойти по той дорогѣ, по которой идутъ честные люди, природа не обдѣлила ихъ умомъ, какъ не обдѣлила г. Чичерина. Быть гникомъ притѣсняемыхъ, или защитникомъ притѣсненій,—выборъ тутъ не нъ для честнаго человѣка.

Но мы начали съ того, что г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ цомъ. Ему трудно будетъ сознаться,—ни передъ нами, ни передъ публи- —для людей съ благородной гордостью не трудно сознаваться въ своихъ кахъ передъ другими,—нѣтъ, передъ самимъ собою ему трудно будетъ со- ся, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе обманчивымъ благозвучіемъ лож- словъ; что именемъ безпристрастія прикрывалась вражда противъ новаго охраненія старинныхъ бѣдствій, именемъ справедливости прикрывалось эго-

Digitized by Google

истическое равнодушіе къ чужимъ страданіямъ. Успѣетъ ли онъ одержать эту побѣду надъ самолюбіемъ, успѣетъ ли онъ стать тѣмъ, чѣмъ долженъ бы стать по своей честной натурѣ,—этого мы не знаемъ. А если г. Чичеринъ не успѣетъ одержать побѣды надъ чуждыми его благородству понятіями, онъ не замедлитъ сдѣлаться мертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построеніями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земской полиціи, сообразно теоріи безпристрастія. Потомъ историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность.

Digitized by Google

ВУЛЬВИЧСКІЙ АРСЕНАЛЪ И ПУШКА ЭРМСТРОНГА.

Говорятъ, что нейтральныя державы, предвидя изгнаніе австрійцевъ изъ Ломбардіи въ нынѣшнюю кампанію, приготовились настаивать и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ о начатіи мирныхъ переговоровъ тотчасъ же по вступленіи французовъ въ Миланъ. Трудно полагать, чтобы эти усилія прекратить войну имѣли успѣхъ, пока силы враждующихъ сторонъ еще не истощены до послѣдней крайности. А если война не кончится однимъ походомъ, то при нынѣшней дипломатической системѣ она не можетъ не вовлечь въ свой водоворотъ тѣ государства Западной Европы, которыя имѣютъ претензію возвышать голосъ во всѣмъ политическихъ столкновеніяхъ. Пруссія очевидно желала бы не начинать войны; но она такъ тѣсно связана съ Нѣмецкимъ Союзомъ, а Нѣмецкій Союзъ такъ тѣсно связанъ съ Австріею, что каждая новая побѣда французовъ приближаетъ минуту, когда Германія подъ предводительствомъ Пруссіи вступится за Австрію. Когда же война вспыхнетъ на Рейнѣ, Англія въ свою очередь не удержится отъ участія въ ней. Силы континентальныхъ державъ измѣряются очень легко: нужно только заглянуть въ какія нибудь статистическія таблицы, чтобы сосчитать количество солдатъ, которыхъ можетъ поставить подъ ружье Пруссія, Нѣмецкій Союзъ, Австрія, Франція. Нужно вычесть изъ нихъ то число, какое должно остаться дома для охраненія внутренняго порядка, и мы знаемъ силу, какую каждое изъ этихъ государствъ можетъ выказать въ войнѣ. Могущество Англіи опредѣляется не такъ легко. По числительности ея арміи передъ началомъ войны нельзя судить о томъ, сколько людей будетъ имѣть она подъ знаменами во время войны. Можно только знать по примѣрамъ всѣхъ прежнихъ войнъ, что съ каждымъ новымъ годомъ армія Англіи на театрѣ войны увеличивается въ числѣ, между тѣмъ какъ числительность другихъ армій обыкновенно уменьшается съ каждымъ походомъ. Но количество солдатъ, которымъ можетъ располагать Англія, вовсе не составляетъ главнаго элемента ея военной силы. Давно извѣстно, что деньги, въ которыхъ она никогда не будетъ чувствовать недостатка, придавали ей военное могущество гораздо болѣе значительное, нежели какого слѣдовало бы ожидать, судя только по числу ея солдатъ. Но теперь есть еще третій источникъ военной силы, которымъ особенно превосходитъ Англія всѣ другія государства. Техническія усовершенствованія въ оружіи, развивающіяся

Digitized by Google

передъ нашими глазами, утроиваютъ силу того войска, которое распологаетъ ими. Теперь сознали вездѣ необходимость вооружить штуцерами всю пѣхоту. Но ни Австрія, ни Франція, ни Пруссія не имѣютъ средствъ дать хорошіе штуцера каждому своему пѣхотинцу; эту возможность имѣетъ только Англія. Еще важнѣе соотвѣтственное измѣненіе въ устройствѣ артиллерійскихъ орудій. Послѣ крымской войны найдено средство дѣлать нарѣзныя пушки, какъ незадолго передъ тѣмъ было придумано средство дать воину нарѣзное ружье, которымъ прежде пользовался только охотникъ. Какъ простое ружье безсильно противъ штуцера, такъ артиллерія, употреблявшаяся до сихъ поръ, становится безсильна противъ нарѣзныхъ орудій. У французовъ есть теперь нѣсколько пушекъ нарѣзной системы, и хотя онѣ очень малы калибромъ и очень дурны по своему устройству, онѣ уже были одною изъ главнѣйшихъ причинъ побѣды при Монтебелло. Каково же должно быть дѣйствіе нарѣзныхъ орудій несравненно лучшаго устройства и несравненно большаго калибра, которыми владѣютъ теперь одни только англичане? Арсеналы и литейные заводы всегда обнаруживали очень сильное вліяніе на ходъ войны, но только теперь начинается эпоха совершеннаго перевѣса артиллерійскихъ средствъ государства надъ всѣми другими элементами военнаго могущества. Поэтому, чтобы знать, какую роль будетъ играть въ начинающейся войнѣ Англія, надобно познакомиться съ положеніемъ ея артиллерійскихъ средствъ. Съ этою цѣлью мы переводимъ изъ Times'а двѣ статьи: во-первыхъ, описаніе Вульвичскаго арсенала; во-вторыхъ, разсказъ Эрмстронга, изобрѣтателя знаменитой новой пушки, объ устройствѣ и дѣйствіи его орудія. По прочтеніи этихъ статей остается неизгладимое впечатлѣніе, что всѣ военныя дѣйствія до вмѣшательства англичанъ будутъ только прелюдіею къ тѣмъ событіямъ, которыя должны произойти въ случаѣ вмѣшательства англичанъ. Англія не желаетъ воевать, но если ошибки континентальныхъ дипломатовъ принудятъ ее воевать, страшное истребленіе ждетъ тѣ несчастныя арміи, которыя вызовутъ противъ себя англійское войско съ его энфильдскими штуцерами и эрмстронговыми баттареями. И что страннѣе всего, это справедливая увѣренность англичанъ, что источникъ ихъ военнаго могущества огражденъ отъ всякаго соперничества со стороны другихъ націй не какимъ нибудь секретомъ, а просто тѣмъ, что другія націи не могутъ съумѣть приготовить для себя тѣ ужасныя орудія, передъ которыми всѣ континентальныя ружья и пушки ничтожны, какъ дубина дикаря передъ штыкомъ европейца.

Мы помѣщаемъ сначала описаніе Вульвичскаго арсенала, напечатанное въ Times'ѣ, 12 мая. Въ нѣмецкихъ и нашихъ газетахъ были нѣкоторыя извлеченія изъ этой статьи, но намъ кажется, что съ нею стоитъ познакомиться вполнѣ.

„Въ Вульвичѣ, великомъ центрѣ производства разрушительныхъ оружій и военныхъ запасовъ всякаго рода, всѣ отдѣленія арсенала кипятъ чрезвычайной дѣятельностью, которая отличается отъ дѣятельности, бывшей во время самаго разгара крымской войны, только тѣмъ, что работа еще не производится по ночамъ. Въ Вульвичѣ думаютъ, и можетъ быть справедливо, что эта дѣятельность болѣе направлена заботою о сохраненіи мира, нежели намѣреніемъ вести войну. Но каковъ бы ни былъ предметъ, средства для его достиженія одинаковы, и мы увѣрены, что публикѣ пріятно будетъ узнать объ этой дѣятельности, которая съ

Digitized by Google

каждымъ днемъ укрѣпляетъ оборонительное положеніе нашей страны, такъ что черезъ два или три мѣсяца Англія будетъ въ состояніи съ совершеннымъ равнодушіемъ смотрѣть на вопросъ о войнѣ и мирѣ, на сколько онъ зависитъ отъ степени приготовленности къ войнѣ. Вульвичскій арсеналъ есть самое огромное депо и самая огромная мануфактура своего рода не только въ Англіи, но и въ цѣломъ мірѣ, и то, что происходитъ въ немъ теперь, можетъ служить вѣрнымъ образцомъ того, что происходитъ на всѣхъ арсеналахъ и верфяхъ Великобританскаго королевства.

„Новая пушечная литейная въ Вульвичѣ пока не участвуетъ въ общихъ приготовленіяхъ. Недѣли двѣ тому назадъ работа на ней остановлена для того, чтобы пристроить добавочные горны. По первоначальному плану, эту литейную предназначалось устроить на пять паръ горновъ; но во внезапномъ припадкѣ бережливости рѣшено было построить на первое время только двѣ пары горновъ. Въ этихъ четырехъ горнахъ въ прошедшемъ году было отлито 197 пушекъ 32-фунтоваго и 68-фунтоваго калибра; среднимъ числомъ пушка обходилась въ 50 ф. ·. (320 рублей). Недѣли двѣ или три тому назадъ получено было приказаніе построить еще два прибавочные горна и теперь новая пушечная литейная можетъ приготовлять каждую недѣлю по 10 пушекъ 68-фунтоваго калибра; но въ случаѣ надобности, работая день и ночь, она легко можетъ изготовлять вдвое болѣе, то есть, до 1000 орудій въ годъ.

„Въ прошедшемъ финансовомъ году правительство заказало частнымъ заводчикамъ 1335 чугунныхъ орудій, вѣсившихъ вмѣстѣ 4800 тоннъ (300,000 пудовъ). Изъ этихъ орудій было 312 пушекъ 68-фунтоваго калибра; 460 мортиръ 10-дюймоваго калибра; 300 пушекъ 32-фунтовыхъ; 10 гаубицъ 10-дюймовыхъ; 44 гаубицы 8-дюймовыхъ; 200 пушекъ 10-дюймовыхъ и 19 полевыхъ гаубицъ 10-дюймовыхъ. Эти орудія обошлись отъ 19 до 21 фунта за тонну (почти ровно 2 рубля за пудъ). Въ нынѣшнемъ году заказано на частныхъ заводахъ около 1000 чугунныхъ пушекъ разныхъ калибровъ, перечисленныхъ выше; но заводчики легко сдѣлаютъ, въ случаѣ надобности, тройное количество орудій. Такимъ образомъ при помощи новой казенной литейной пушечной въ Вульвичѣ, Англія безъ малѣйшаго затрудненія можетъ приготовлять отъ 4 до 5 тысячъ самыхъ лучшихъ орудій самаго большаго калибра.

„Но и безъ прибавки этого громаднаго производства, Англія даже въ настоящую минуту достаточно снабжена орудіями на цѣлые годы европейской войны. Въ вульвичскихъ кладовыхъ находится теперь около 12,000 чугунныхъ орудій; и если мы выключимъ изъ этого числа старыя и 24-фунтовыя орудія, которыя теперь не употребляются ни на корабляхъ, ни въ крѣпостяхъ, все-таки останется болѣе 7000 пушекъ самой лучшей новой системы и самаго тяжелаго калибра, для употребленія хотя нынѣ же. Въ этотъ счетъ, разумѣется, не входятъ запасы на нашихъ большихъ верфяхъ, въ каждой изъ которыхъ хранится отъ 1000 до 1500 тяжелыхъ орудій новѣйшей системы. Вульвичскій арсеналъ можетъ теперь приготовлять къ выпуску по 200 орудій въ недѣлю, а въ случаѣ надобности это число могло бы быть увеличено почти до 500. Въ настоящее время приказано приготовлять къ отправленію на службу по 100 этихъ тяжелыхъ орудій въ недѣлю; и они отправляются въ Мальту, на Корфу, въ Гибральтаръ и на другіе посты Средиземнаго моря съ чрезвычайною быстротою. Орудія самаго тяжелаго

Digitized by Google

калибра отправляются также въ канадскіе форты и перевозятся моремъ для замѣщенія малыхъ пушекъ въ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ самой Великобританіи, особенно на восточномъ берегу Англіи. Въ Четемскихъ и Ширнесскихъ фортахъ прежнія орудія старой системы и малаго калибра также со всевозможною быстротою замѣняются новыми орудіями самаго тяжелаго калибра. То же происходитъ въ Тильбёрійскомъ фортѣ, гдѣ кромѣ того устраивается нѣсколько новыхъ баттарей 68-фунтоваго калибра. Работы въ Тильбёрійскомъ фортѣ можно считать примѣромъ чрезвычайной предусмотрительности правительства, потому что едвали какой нибудь флотъ можетъ дойти до этой цитадели *). Намъ было бы пріятно видѣть такую же заботливость объ укрѣпленія Портсмута и Плимута. Особенно о Портсмутѣ надобно замѣтить, что большая часть орудій въ немъ очень стары и многія баттареи вооружены только короткими 18 и 24-фунтовыми пушками 1800 года. Вооруженіе Плимутскихъ укрѣпленій не такъ дурно, но и они нуждаются въ орудіяхъ болѣе тяжелаго калибра, а главное, число ихъ должно быть больше.

„По старой системѣ подрядовъ, всѣ ядра и артиллерійскіе снаряды дѣлались частными заводчиками по цѣнѣ около 13 фунтовъ за тонну (около 1 руб. 25 коп. за пудъ). Въ крымскую войну страшный расходъ на эти матеріалы заставилъ наконецъ правительство заняться этимъ предметомъ, и была устроена въ Вульвичѣ литейная для приготовленія артиллерійскихъ снарядовъ. Успѣхъ, которымъ сопровождался этотъ опытъ, повелъ къ постепенному его расширенію, и теперь наконецъ всѣ ядра и бомбы, которыя понадобились бы въ войнѣ самаго колоссальнаго размѣра, могли бы легко быть доставлены текущимъ производствомъ въ Вульвичскомъ арсеналѣ и притомъ со сбереженіемъ для націи отъ 6 до 7 фунтовъ на тонну. Теперь это отдѣленіе арсенала работаетъ съ чрезвычайной дѣятельностью, производя въ недѣлю по 26,000 снарядовъ,—ядръ, бомбъ и картечи. Работая день и ночь, литейная можетъ производить до 40,000 снарядовъ въ недѣлю. Вмѣстѣ съ нѣсколькими стами тысячъ запасныхъ снарядовъ, находящихся въ кладовой, этого количества достаточно на покрытіе всѣхъ надобностей въ случаѣ войны, въ чемъ легко можно убѣдиться, сравнивъ размѣръ недѣльнаго Вульвичскаго производства съ размѣромъ потребленія артиллерійскихъ снарядовъ во время Севастопольской осады. По офиціальнымъ отчетамъ, представленнымъ артиллерійскому департаменту, въ бомбандировку, начавшуюся 17 октября 1854 года, дѣйствовали 72 осадныя орудія, которыя выпустили всего 21.881 снарядъ; въ бомбардировку, начавшуюся 9 апрѣля 1855 г., 123 орудія выпустили 30,633 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 6 іюня, 155 орудій выпустили 32,883 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 17 іюня, 166 орудій израсходовали 22,684 снаряда; бомбардировка 17 августа, произведенная 196 орудіями, потребовала 26,270 снарядовъ. Въ послѣднюю бомбардировку 8 сентября, 208 орудій сдѣлали 28,472 выстрѣла. Кромѣ того было сдѣлано 88,640 выстрѣловъ случайно или для отраженія ночныхъ нападеній, и 405 выстрѣловъ было сдѣлано свѣтящимися ядрами. Такимъ образомъ во все продолженіе осады, съ перваго до послѣдняго ея дня, англичане израсходовали 251,872 артиллерійскихъ снаряда; а эта цифра даетъ средній расходъ по 6000 выстрѣловъ

*) Онъ лежитъ на берегу Темзы на восточномъ концѣ Лондона.

Digitized by Google

въ недѣлю, т. е. менѣе чѣмъ одну шестую часть того количества, какое можетъ еженедѣльно приготовляться въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ. Надобно, однакоже, замѣтить, что расходъ артиллерійскихъ снарядовъ въ морской войнѣ почти удвоиваетъ цифру выстрѣловъ, какую нашли мы въ осадѣ Севастополя. Такъ въ бомбардировку 17 октября, когда союзные флоты содѣйствовали сухопутнымъ баттареямъ, „Агамемнонъ" въ продолженіе 4 часовъ выпустилъ болѣе 3000 снарядовъ, а „Родни", „Sanspareil" и „Bellerophont" израсходовали почти по столько.

„Подлѣ новой пушечной литейной устраивается теперь другая, еще болѣе новая, для выдѣлки пушекъ сэра Уильяма Эрмстронга. Новая постройка не будетъ очень велика, потому что для этой литейной передается также обширный рядъ мастерскихъ, построенныхъ для выдѣлки ланкастеровыхъ пушекъ и ядеръ, которыя теперь оказываются ненужными. Ланкастерская литейная, имѣющая 13 большихъ горновъ и 9 паровыхъ молотовъ и стоившая 250,000 фунтовъ, теперь, наконецъ, будетъ употреблена съ пользою, и менѣе чѣмъ въ годъ Вульвичъ получитъ средства производить ежегодно по крайней мѣрѣ 300 этихъ великолѣпныхъ орудій. Разумѣется, мы никакъ не захотимъ сказать, чтобы военное начальство нашего королевства казалось намъ когда нибудь смѣшнымъ; но если бы могло оно казаться смѣшнымъ, то всего скорѣе смѣшно было бы оно въ своей претензіи щеголять тѣмъ видомъ, какъ будто бы оно содержитъ въ тайнѣ какое нибудь новое изобрѣтеніе и будто бы эта тайна можетъ быть сохранена. Такъ оно дѣйствуетъ съ эрмстронговой пушкой: оно бережетъ ее, прячетъ ее, какъ будто бы каждый праздношатающійся, взлянувшій на эту пушку, можетъ не только отгадать всѣ таинства ея чрезвычайно сложной выдѣлки, но тотчасъ же и самъ будетъ способенъ приготовлять такія пушки для иностранныхъ державъ. Въ эрмстронговой пушкѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ секретовъ, которыми бы стоило дорожить, кромѣ одного того великаго секрета, котораго нельзя ни продать, ни разгласить; этотъ секретъ—наше великое превосходство въ механическихъ работахъ. Если бы въ каждый изъ иностранныхъ арсеналовъ послать по эрмстронговой пушкѣ, иностранные артиллеристы и литейщики, разумѣется, могли бы и захотѣли бы дѣлать такія пушки, но ихъ усилія кончались бы только тѣмъ, что они, истративъ много времени и громадныя суммы денегъ, наконецъ прислали бы къ намъ заказы дѣлать для нихъ эти орудія. Очень распространено въ публикѣ ошибочное мнѣніе, что если устройство дѣлаемаго нами оружія станетъ извѣстно за границею, то во французскихъ, русскихъ, австрійскихъ или прусскихъ арсеналахъ можно будетъ въ какомъ угодно количествѣ дѣлать такое же оружіе; но это совершенная ошибка. Въ доказательство надобно только вспомнить о судьбѣ штуцера Минье. Его великое превосходство давно извѣстно, но все-таки ни одна армія, кромѣ нашей, не вооружена въ полномъ своемъ составѣ штуцерами. Читатели наши очень удивятся, когда мы скажемъ, что во Франціи, Ростіи, Пруссіи и Австріи штуцерами вооружены только отдѣльныя стрѣлковыя команды, а линейная пѣхота остается при старыхъ ружьяхъ. Притомъ девять десятыхъ того количества штуцеровъ, какое находится въ австрійской, прусской и русской арміяхъ, сдѣлано для нихъ въ Люттихѣ, а люттихскія мастерскія могутъ выдѣлывать штуцера въ количествѣ 500 въ недѣлю. Французы сами дѣлаютъ себѣ штуцера; но невозможно представить себѣ оружія столь тяжелаго и столь

Digitized by Google

затруднительнаго въ дѣлѣ, какъ штуцера ихъ стрѣлковъ, хотя дальностью и вѣрностью выстрѣла они почти равняются штуцерамъ Минье. Эти факты показываютъ, что мы не должны бояться ни того, чтобы иностранныя державы быстро вводили усовершенствованное оружіе въ своихъ арміяхъ, ни того, чтобы онѣ могли принимать даже тѣ усовершенствованія, польза которыхъ хорошо извѣстна. Императоръ французовъ дѣлалъ великій секретъ изъ своихъ полевыхъ нарѣзныхъ пушекъ, но какъ ни велики его средства охранять секретъ, все-таки наше правительство имѣло свѣдѣнія о каждой пушкѣ, которую онъ дѣлалъ. Мы полагаемъ, что не ошибаемся, утверждая, что у него не сдѣлано еще и ста нарѣзныхъ пушекъ, и что эти пушки—маленькія полевыя орудія съ четырьмя нарѣзами и что они стрѣляютъ цилиндрическими ядрами, обвернутыми свинцомъ, чтобы плотно входить въ нарѣзы. Конечно, ихъ слѣдуетъ назвать усовершенствованіемъ сравнительно съ обыкновенными пушками, но онѣ на столько же ниже эрмстронговой пушки, на сколько карманный пистолетъ ниже энфильдскаго штуцера.

„Но возвратимся къ эрмстронговой пушкѣ. Принципъ, по которому она построена, и способъ ея постройки,—все это хорошо извѣстно въ сосѣдствѣ съ мастерскою сэра Уильяма въ Ньюкэстлѣ, и кажется навѣрно можно сказать, что хорошіе рисунки этого изобрѣтенія уже находятся въ Парижѣ и въ Петербургѣ;—но что касается практическаго употребленія, какое могутъ извлечь изъ нихъ въ тѣхъ странахъ, пользы отъ рисунковъ будетъ столько же, какъ еслибъ они оставались въ Англіи. Сэръ Уильямъ Эрмстронгъ въ нынѣшнемъ году долженъ сдѣлать 200 полевыхъ пушекъ 9-ти фунтоваго, 12-ти фунтоваго и 18-ти фунтоваго калибра; этого числа совершенно достаточно для снабженія ими одними всѣхъ баттарей нашей полевой артиллеріи. Скоро мы надѣемся видѣть эрмстронговы пушки вѣсомъ въ 50 центнеровъ (150 пудовъ), которыя будутъ стрѣлять 90-фунтовымъ или 100 фунтовымъ ядромъ на разстояніе 5 миль ($7^1/_2$ верстъ). Каждая пушка дѣлается изъ кусковъ длиною въ три фута, по тому же самому способу, какъ дѣлаются ружейные сволы изъ проволоки. Тонкія полосы лучшаго кованаго желѣза, толщиною въ два дюйма, разогрѣваются до бѣлаго каленія и въ этомъ состояніи онѣ сковываются спиральными свивками около стальнаго стержня, діаметръ котораго нѣсколько меньше предполагаемаго калибра пушки. Когда этотъ слой остынетъ, онъ покрывается другимъ слоемъ, спираль котораго идетъ въ противномъ направленіи, и такимъ образомъ кладется другъ на друга три или четыре слоя, смотря по калибру пушки и требуемой толстотѣ ея стѣнокъ. Потомъ весь этотъ цилиндръ снова разогрѣвается и въ послѣдній разъ куется паровымъ молоткомъ. Послѣ того концы трехъ-футовыхъ цилиндровъ срѣзываются такъ, какъ нужно для ихъ соединенія; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соединяются цилиндры, пушка связывается толстыми кольцами изъ кованаго желѣза, которые надѣваются на нее раскаленные до бѣла, и охлаждаясь сжимаютъ связи цилиндра такъ сильно, что пушка выходитъ крѣпче того, чѣмъ былабы изъ цѣльнаго куска. Въ казенной части прорѣзывается отверстіе въ камору. Сама казенная часть отдѣляется отъ пушки и соединяется съ ней сильнымъ винтомъ. Когда пушку надобно заряжать, задняя часть отводится, и вкладывается зарядъ, который вталкивается въ пушку поворотомъ большаго винта, приводящаго заднюю часть вплоть къ пушкѣ. Это соединеніе задней части съ пушкою производится одним

Digitized by Google

оборотомъ рукоятки, и пушка готова къ выстрѣлу. Операція заряжанія и выстрѣла, сколько мы знаемъ, можетъ производиться три раза въ минуту. Кромѣ этого простого, но вѣрнаго механизма, устроеннаго для заряжанія, великое достоинство пушкѣ придается способомъ ея составленія изъ спиральныхъ кованыхъ полосъ, который увеличиваетъ крѣпость стѣнъ до такой степени, что онѣ имѣютъ только половину обыкновенной толщины. Такъ, напримѣръ, обыкновенная 32-фунтовая пушка вѣситъ 57 центнеровъ и требуетъ 10-ти фунтоваго заряда, чтобы бросить ядро на дальнѣйшее, возможное для нея разстояніе—3,000 ярдовъ ($2^1/_2$ версты); 32-фунтовая пушка Эрмстронга вѣситъ только 26 центнеровъ (81 пудъ), и зарядъ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ея ядро на $5^1/_2$ миль ($8^1/_4$ верстъ), или почти на 10,000 ярдовъ. Въ этой 32-фунтовой пушкѣ дѣлается не менѣе 41 нарѣза; нарѣзы эти имѣютъ полный оборотъ въ 10-ти футовъ, т. е. для того, чтобы нарѣзъ описалъ полный кругъ, стволъ пушки долженъ былъ бы имѣть десять футовъ длины. Если бы оборотъ нарѣза былъ круче, то безъ сомнѣнія ядро пріобрѣтало бы большую силу полета, но опасность, что свинцовая одежда ядра не выдержитъ такого тренія, была бы очень велика, и потому дѣлать нарѣзы круче признали неудобнымъ. Ядра эрмстронговой пушки желѣзныя, имѣющія форму цилиндра, и сначала изобрѣтатель совершенно покрывалъ ихъ свинцомъ; но теперь эта система измѣнена и снарядъ имѣетъ только два свинцовыя кольца, каждое толщиною въ одну четверть дюйма и шириною въ полтора дюйма; одно кольцо идетъ по заднему концу цилиндра, а другое въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяется съ цилиндромъ конусъ, составляющій переднюю часть ядра. Оба эти кольца врѣзаны такъ сказать въ желѣзную массу ядра, такъ что наружу выступаютъ на одну десятую дюйма, для того чтобы входить въ нарѣзы. Такимъ образомъ, когда зарядъ воспламеняется, онъ вталкиваетъ ядро изъ каморы впередъ въ стволъ орудія, который нѣсколько тѣсенъ для свинцовыхъ колецъ, и они врѣзываются въ нарѣзы такъ плотно, что ни малѣйшая часть газа не можетъ пролетать мило ядра и вся сила заряда обращается на выталкиваніе ядра.

„Пушка, которая нѣсколько мѣсяцевъ испытывалась правительствомъ, въ Шубёринессѣ, выдержавъ 3,500 выстрѣловъ, осталась столь же невридимою, какъ вышла изъ мастерской. Точность выстрѣла изъ орудія этой системы такова, что на дистанціи 4,000 ярдовъ (3 версты 200 саженъ) мишень, имѣющая по 10 футовъ въ ширину и высоту, получаетъ изъ 100 выстрѣловъ 90.

„Таковы артиллерійскія средства Вульвичскаго арсенала. Относительно ручнаго огнестрѣльнаго оружія запасы его имѣютъ такой же размѣръ. Въ кладовыхъ арсенала находится отъ 80 до 90 милліоновъ зарядовъ для штуцера Минье, и машины изготовляютъ коническія пули для этого штуцера въ количествѣ двухъ милліоновъ въ недѣлю; если на этихъ машинахъ будутъ работать и ночью, онѣ легко станутъ приготовлять по 3 милліона. О томъ, сколько милліоновъ пистоновъ находится въ запасѣ и сколько сотенъ тысячъ можно дѣлать ихъ каждый день, въ случаѣ надобности, мы не будемъ говорить,—цифры эти покажутся невѣроятны читателю.

„Даже изъ этого краткаго перечня запасовъ и средствъ, находящихся въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ, читатели могутъ видѣть, что наши приготовленія имѣютъ довольно почтенный размѣръ и что если говорить о средствахъ нашихъ къ оборонѣ, то характеръ этихъ средствъ можетъ внушить спокойный сонъ самому

Digitized by Google

робкому человѣку. Но оборонительную или наступательную войну мы будемъ вести, все равно, и успокоительно, и ново для публики будетъ знать, что въ настоящее время мы приготовлены ко всему, что бы ни случилось, и что если по несчастію Англія будетъ принуждена принять участіе въ войнѣ, она будетъ воевать, имѣя такія силы и запасы, которые изумятъ міръ. Крымская кампанія была суровымъ и горькимъ урокомъ; но если этотъ опытъ купленъ нами дорого, то онъ остался не безполезенъ въ своемъ родѣ".

Итакъ важнѣйшимъ залогомъ своей безопасности въ оборонительной войнѣ и ручательствомъ за успѣхъ въ наступательной войнѣ съ какою бы то ни было державою, англичане считаютъ пушку Эрмстронга и увѣрены, что никакой другой народъ не въ состояніи сдѣлать для себя подобныхъ орудій. Чтобы ближе познакомиться съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ, мы переводимъ рѣчь, которую изобрѣтатель произнесъ на обѣдѣ, данномъ ему въ началѣ мая въ Ньюкэстлѣ-на-Тайнѣ его согражданами. Читатели наши конечно знаютъ, что Эрмстронгъ членъ фирмы, которая имѣетъ пушечный заводъ, что за свое изобрѣтеніе онъ возведенъ въ баронеты, что его литейному заводу сдѣланъ заказъ приготовить 200 новыхъ пушекъ и что самъ Эрмстронгъ, продолжающій управлять своимъ заводомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ назначенъ начальникомъ литейной, которая устраивается теперь въ Вульвичѣ для выдѣлки новыхъ пушекъ и о которой упоминаетъ переведенная нами статья Times'а. Вотъ рѣчь Эрмстронга.

„Трудно, невозможно мнѣ выразить чувство, съ какимъ я смотрю на честь, оказанную мнѣ вашимъ приглашеніемъ на этотъ обѣдъ. Эту честь, сдѣланную мнѣ жителями города, въ которомъ я родился, въ которомъ я провелъ почти всю свою жизнь, я считаю выраженіемъ не одного общественнаго сочувствія, но и личнаго добраго расположенія ко мнѣ; и во всю свою жизнь я буду вспоминать о немъ съ гордостью и благодарностью. Благодарю васъ всѣхъ отъ всей души. Предметъ, вызвавшій эту демонстрацію отъ васъ, можетъ считаться предметомъ, имѣющимъ направленіе къ увеличенію кровопролитія; и если бы я думалъ, что сдѣланное мною благопріятствуетъ войнѣ или можетъ вредить интересамъ человѣчества, то я горько жалѣлъ бы о своей дѣятельности. Но я не имѣю такого опасенія. Могущество, даваемое знаніемъ, будетъ ли употреблено оно въ войнѣ или въ мирѣ, всегда будетъ на сторонѣ цивилизаціи; а распространеніе цивилизаціи необходимо должно уменьшать войну и дѣлать ее менѣе свирѣпою. Наша нація имѣетъ мало лишнихъ людей, чтобы тратить ихъ на войну. Намъ нужны всѣ пособія, какія можетъ дать знаніе, чтобы оградить насъ отъ нашествій. О моей пушкѣ, возбудившей столько толковъ, нелѣпо было бы предполагать, что есть какой нибудь секретъ въ ея общемъ устройствѣ, которое уже извѣстно сотнямъ лицъ и которое приблизительно уже описано во множествѣ изданій. Но есть въ ней много подробностей, которыя не легко сдѣлаются общеизвѣстными и которыми надобно вполнѣ овладѣть другимъ націямъ прежде, чѣмъ съумѣютъ онѣ сдѣлать такую пушку. Не раскрывая такихъ подробностей, я могу въ достовѣрной формѣ сообщить вамъ общія свѣдѣнія объ этомъ орудіи.

„Начну съ того, что моя пушка вся сдѣлана изъ кованаго желѣза. Первоначально я дѣлалъ ее отчасти изъ стали; но теперь я не употребляю ничего, кромѣ кованаго желѣза. Она составная, т. е. составляется изъ отдѣльныхъ частей такой умѣренной величины, чтобы каждую изъ нихъ можно было удобно выковывать безъ

Digitized by Google

нутреннихъ пустотъ. Такой способъ построенія придаетъ ей большую прочность слѣдовательно большую легкость. Были слухи, что двѣ изъ моихъ пушекъ разорвались, но это не имѣетъ никакого основанія, подобно многимъ другимъ разказамъ объ этомъ предметѣ. Говоря о томъ, что пушка заряжается съ казенной части, всѣ писавшіе о ней упоминали о большомъ винтѣ, дѣйствующемъ въ задней части пушки и нажимающемъ поршень для закрытія отверстія. Но они или не знали, что этотъ винтъ имѣетъ внутри пустоту, или не понимали цѣли такого устройства. Операція, ежедневно производимая теперь артиллеріею, не составляетъ секрета и потому я могу сказать, что моя пушка и заряжается, и чистится черезъ тотъ пустой винтъ, и что было бы большою ошибкою предполагать, будто бы возможно вкладывать ядро или зарядъ въ разрѣзъ, гдѣ находится поршень. Поршень этотъ имѣетъ небольшой размѣръ, совершенно не похожій на изображеніе той части орудія въ разныхъ фантастическихъ рисункахъ его, которые сообщались публикѣ; онъ прикованъ къ пушкѣ, чтобы какъ нибудь не потерялся. Есть много особенностей въ лафетахъ, въ прицѣлахъ и въ другихъ принадлежностяхъ этихъ пушекъ. Не наскучая вамъ подробностями, замѣчу только, что въ станкѣ морской или крѣпостной пушки есть наклонная плоскость, по которой пушка откатывается при выстрѣлѣ и потомъ приходитъ въ первоначальное положеніе дѣйствіемъ тяжести. Это приспособленіе имѣетъ много важности при пушкахъ тяжелаго калибра, потому что избавляетъ отъ надобности въ большомъ количествѣ прислуги для подкатыванія пушки послѣ каждаго выстрѣла.

„Теперь скажу вамъ о снарядахъ. Они во всѣхъ случаяхъ дѣлаются изъ литаго чугуна, одѣтаго тонкимъ слоемъ свинца, и будучи діаметромъ нѣсколько болѣе, нежели калибръ орудія, снарядъ съ свинцовою одеждою вдавливается въ нарѣзы, чѣмъ и производится необходимое вращеніе снаряда, а съ тѣмъ вмѣстѣ устраняется всякое колебаніе его и зазоръ. Снарядъ для полевыхъ орудій можетъ служить и плотнымъ ядромъ, и бомбою, и картечнымъ выстрѣломъ. Онъ состоитъ изъ раздѣльныхъ частей, которыя такъ крѣпко сплочены, что снарядъ пролетаетъ черезъ дубовую стѣну въ девять футъ толщины, не разбиваясь. Если онъ употребляется какъ бомба, онъ разрывается на 49 правильныхъ частей и около 100 неправильныхъ обломковъ. Онъ соединяетъ въ себѣ качества шрапнеля и ударной бомбы, то есть можетъ разрываться или при приближеніи къ предмету или отъ удара о предметъ. Между друзьями онъ такъ безопасенъ, что упадетъ съ кровли дома на землю не разрываясь; но среди враговъ онъ такъ чувствителенъ и злобенъ, что разрывается отъ прикосновенія къ нему пальцемъ. Причина разницы та, что толчокъ, получаемый имъ въ пушкѣ при выстрѣлѣ, приводитъ ударную машинку при снарядѣ въ особенное положеніе, все равно, какъ бы сказать, взводитъ курокъ ружья, и тогда снарядъ становится такъ чувствителенъ, что разрывается отъ удара въ мѣшокъ съ опилками, какъ было испытано въ Шубёринессѣ. Кромѣ того можно сдѣлать, что онъ будетъ разрываться въ минуту вылета изъ пушки, и тогда куски разлетаются въ видѣ вѣера и производятъ дѣйствіе картечи. Словомъ сказать, снарядъ можетъ разрываться по произволу на далекой или близкой дистанціи, отъ удара о предметъ или отъ дѣйствія гильзы, а когда разрывается, то дѣйствуетъ подобно картечи. Я могъ бы представить вамъ сотни примѣровъ того, какъ дѣйствовали эти бомбы на опытахъ, произведенныхъ комитетомъ нарѣзныхъ пушекъ; но я ограничусь однимъ примѣромъ, который выбираю

Digitized by Google

собственно потому, что тутъ присутствовало чрезвычайное множество лицъ, въ томъ числѣ герцогъ Кембриджскій со многими извѣстными офицерами. Двѣ мишени, каждая въ девять футовъ вышины и ширины, были поставлены въ дистанціи 1,500 ярдовъ (650 саженъ) отъ пушки и было брошено въ нихъ 7 бомбъ. Дѣйствіе этихъ 7 бомбъ было таково, что въ двухъ мишеняхъ оказалось 596 пробоинъ. Подобное дѣйствіе въ другихъ случаяхъ было производимо на дистанціяхъ до 3,000 ярдовъ (болѣе $2^1/_2$ верстъ); потому предоставляю вамъ судить, съ какимъ успѣхомъ эти бомбы могли бы держать непріятеля въ должномъ отдаленіи.

„Для дѣланія брешей, для разрушенія зданій, для пробиванія стѣнъ корабля употребляется другое устройство бомбы, цѣль котораго та, чтобы вложить въ нее какъ можно больше пороха. Почти всѣ писатели, хотѣвшіе объяснять публикѣ качества моей пушки, говорили, будто бы большой недостатокъ моего снаряда то, что онъ вмѣщаетъ мало пороха. Нѣтъ, если бы эти писатели сказали, что большая выгода моего снаряда въ томъ, что онъ вмѣщаетъ много пороха, они были бы гораздо ближе къ истинѣ. Да, бомба моей 32-фунтовой пушки содержитъ вдвое больше пороха, чѣмъ бомба обыкновенной 32-фунтовой пушки. Ставили также въ недостатокъ моему снаряду то, что проходя сквозь стѣну корабля, онъ дѣлаетъ слишкомъ малую диру. Если говорить о дѣйствіи плотнаго ядра, тутъ была бы нѣкоторая правда; но что касается до бомбы, то именно того и нужно отъ нея, чтобы дира была мала. Моя бомба разрывается въ тотъ моментъ, когда проходитъ черезъ дерево, и чѣмъ меньше дира ею пробиваемая, тѣмъ стѣсненнѣе будетъ взрывъ, стало быть тѣмъ сильнѣе будетъ его разрушительное дѣйствіе. Вообще о моей пушкѣ надобно судить не столько по отношенію къ плотному ядру, сколько по отношенію къ бомбѣ, снаряду несравненно болѣе страшному, которымъ мои пушки и будутъ дѣйствовать почти исключительно.

„Но возвращусь къ самому началу своихъ опытовъ. Я долженъ сказать вамъ, что они начались болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ. Я началъ дѣлать свою первую пушку въ декабрѣ 1854 и кончилъ ее рано весною слѣдующаго года; хотя она была устроена по тому же самому принципу, какъ нынѣшнія мои пушки, но сначала не давала удовлетворительныхъ результатовъ. Тѣ изобрѣтатели, открытія которыхъ остаются только на бумагѣ, не знаютъ всѣхъ трудностей, встрѣчаемыхъ людьми, приводящими мысль въ дѣло. Я вполнѣ испыталъ всѣ эти затрудненія и мнѣ понадобилось около трехъ лѣтъ постояннаго труда, чтобы побѣдить ихъ. Лѣтомъ опыты мои производились большею частію на морскомъ берегу между тремя и шестью часами утра, потому что позднѣе люди просыпаются и ихъ движеніе могло бы мѣшать дѣлу. Зимою я пользовался пустынными болотами въ Олленгедѣ, принадлежащими моему другу мистеру Бомонту; тамъ у меня была изба, построенная на горѣ въ 2,000 футахъ надъ уровнемъ моря. Мишени свои я ставилъ на противоположной сторонѣ глубокой долины, гдѣ выстрѣлы не могли никому вредить. Я построилъ инструментъ для поддержанія огня по предмету, погрузившемуся въ ночную темноту, и будилъ дичь этой пустыни, стрѣляя по своей далекой мишени среди ночи, и замѣчу мимоходомъ, что когда этотъ инструментъ былъ доведенъ до надлежащаго совершенства, онъ далъ мнѣ средства въ самую темную ночь поражать отдаленный предметъ съ такою же вѣрностью, какъ при дневномъ свѣтѣ. Въ концѣ трехъ лѣтъ я успѣлъ довести до хорошаго устройства и пушку и ядро. На свой счетъ я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ пушекъ и вошелъ въ значи-

Digitized by Google

тельныя издержки по производству своихъ опытовъ; но всѣ мои расходы были уплачены правительствомъ, когда оно испытало годность моей пушки. Я долженъ сказать, что генералъ Пиль, лордъ Пэмюръ, герцогъ Ньюкэстль, словомъ сказать, всѣ люди, бывшіе военными министрами, когда я производилъ свои опыты, постоянно оказывали мнѣ всякое содѣйствіе, какого только я могъ желать. Тоже я долженъ сказать обо всѣхъ несмѣняющихся начальствахъ военнаго вѣдомства. Въ началѣ прошлаго года былъ назначенъ комитетъ для полнаго изслѣдованія вопроса о нарѣзныхъ пушкахъ. Комитетъ состоялъ изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ съ обширными знаніями и съ опытностью въ артиллерійскомъ дѣлѣ и, употребивъ большую часть своего времени, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, на изслѣдованіе пушекъ, ядеръ и бомбъ, представленныхъ мною, они дали единодушное рѣшеніе въ пользу моей системы.

„Относительно вѣрности и дальности выстрѣловъ изъ этихъ пушекъ, я могу мало прибавить къ тому, что было сказано генераломъ Пилемъ; но замѣчу, что съ той поры, какъ онъ говорилъ, мы успѣли достичь значительно улучшенныхъ результатовъ. На дистанціи 600 ярдовъ (255 саженъ) предметъ, не превосходящій своею величиною дуло непріятельской пушки, можетъ быть поражаемъ почти каждымъ выстрѣломъ. На 3,000 ярдовъ (2 версты 300 саж.) мишень, имѣющая въ квадратѣ 9 футовъ и кажущаяся на этомъ разстояніи маленькимъ пятнышкомъ, въ тихій день была поражаема девятью ядрами изъ десяти. Корабль на гораздо большей дистанціи представляетъ гораздо большую цѣль, а въ городъ или въ цитадель ядра могутъ быть бросаемы съ разстоянія болѣе 5 миль (около 8 верстъ). Но чтобы орудіе приносило всю свою пользу на далекихъ дистанціяхъ, артиллерійскіе солдаты должны получать гораздо лучшее научное образованіе, чѣмъ нынѣ. И я полагаю, что морское и военное министерства примутъ необходимыя мѣры для надлежащаго образованія офицеровъ и солдатъ. Интересенъ вопросъ о томъ, каково было бы вліяніе общаго введенія этихъ орудій на различныя условія военныхъ дѣйствій. Если встрѣтятся простые деревянные корабли на открытомъ морѣ, то, мнѣ кажется, они должны быстро уничтожить другъ друга. Прошло то время, когда люди одѣвались въ латы; но мнѣ кажется, что подходитъ время одѣвать въ латы корабли. Къ нашему счастію, нѣтъ страны, которая могла бы выдержать въ этомъ уровень съ Англіею. Мы имѣемъ безграничныя средства производить и употреблять въ дѣло желѣзо, изъ котораго будутъ дѣлаться корабельныя латы. Если будетъ простой корабль противъ батареи, большая выгода будетъ на сторонѣ батареи, потому что она имѣетъ для пушекъ неподвижную платформу и сдѣлана изъ матеріала болѣе прочнаго, чѣмъ деревянный корабль. Напротивъ при бомбардированіи крѣпостей, арсеналовъ и верфей, представляющихъ цѣль большаго размѣра, корабли могутъ дѣйствовать съ очень далекой дистанціи, на которой будутъ пренебрегать выстрѣлами сухопутныхъ укрѣпленій. Въ случаѣ высадки (этотъ случай, быть можетъ, самый интересный для насъ) для защищающагося важность такихъ пушекъ безмѣрна. Надобно полагать, что невозможно было бы произвести высадку, если бы обороняющійся дѣйствовалъ даже только полевыми батареями изъ такихъ пушекъ; а если бы высадка была произведена, то отступающее войско вообще могло бы дѣйствовать подъ какимъ нибудь прикрытіемъ, между тѣмъ какъ нападающіе должны были бы подвигаться по открытой мѣстности, на которой подверглись бы страшному истребленію.

Digitized by Google

„Теперь я скажу нѣсколько словъ о личныхъ условіяхъ, заключенныхъ между мною и правительствомъ. Съ самаго начала я рѣшительно не думалъ брать съ правительства какое нибудь вознагражденіе за усовершенствованія, которыя надѣялся произвести. Потому сначала я и не бралъ привиллегіи. Но скоро я увидѣлъ надобность взять привиллегію, не для того, чтобы присвоить себѣ монополію, но чтобы оградить себя отъ узурпаціи. Наконецъ, когда рапортъ комитета былъ представленъ, я написалъ къ правительству письмо, въ которомъ предоставлялъ въ распоряженіе службы ея величества всѣ сдѣланныя мною усовершенствованія. На это письмо правительство отвѣчало мнѣ объясненіемъ, что оно готово сдѣлать мнѣ денежное вознагражденіе; я отказался брать его. Но возникли два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ правительство выучится дѣлать такія пушки; во-вторыхъ, какимъ образомъ поступать относительно будущихъ моихъ усовершенствованій, потому что все это дѣло находится еще въ развитіи и нельзя предполагать, чтобы оно остановилось въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Для устраненія затрудненій я предложилъ, что если правительство будетъ платить мнѣ жалованье по 2,300 фунтовъ въ годъ, начиная за три года до настоящаго времени, и потомъ еще въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ, то я отдамъ въ его пользу всѣ свои знанія и опытность и предоставлю ему всѣ свои будущія усовершенствованія. Это совершенно не то, что полученіе вознагражденія, отъ котораго я отказался. Это договоръ, относящійся къ службѣ, и если моя служба прекратится смертью или другимъ образомъ, то и жалованье прекратится. Я глубоко цѣню милостивое признаніе моихъ заслугъ ея величествомъ, но договоръ свой съ правительствомъ цѣню только какъ средство успѣшнѣе заниматься своимъ дѣломъ для государственной пользы и моего собственнаго удовольствія; и если бы правительству раньше или позже показалось, что моя служба не стоитъ получаемаго мною жалованья, мнѣ будетъ довольно самаго легкаго намека, чтобы освободить правительство отъ этого условія. Конечно, я никогда и не думалъ отказываться отъ своихъ нынѣшнихъ занятій; напротивъ, въ условіи положительно сказано, что мнѣ оставляется свобода вести промышленныя предпріятія, какія хочу я. Не знаю, согласно ли это съ прежними примѣрами; но я увѣренъ, что по моему образу дѣйствій публика можетъ быть увѣрена, что я имѣю въ виду не свои собственныя выгоды. Мое честолюбіе состоитъ только въ томъ, чтобы усовершенствовать дѣло, которымъ я занимаюсь; о денежныхъ выгодахъ отъ него я мало думаю“.

Эрмстронгъ ссылался на слова, сказанныя объ его изобрѣтеніи генераломъ Пилемъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ. Мы переведемъ этотъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной Пилемъ въ Палатѣ Общинъ 4 марта, при обсужденіи бюджета военнаго министерства.

„Палата много слышала о новой пушкѣ сэра Уильяма Эрмстронга. Невозможно и предсказать, какія огромныя послѣдствія будетъ имѣть общее введеніе этого орудія въ нашу армію. Прошедшимъ лѣтомъ былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія разныхъ нарѣзныхъ пушекъ, представленныхъ правительству. Заключеніе комитета было рѣшительно въ пользу орудія изобрѣтеннаго сэромъ Уильямомъ Эрмстронгомъ. Эта пушка заряжается съ казенной части, сдѣлана изъ кованаго желѣза по особенному способу и бросаетъ снарядъ, который употребляется какъ плотное ядро, какъ бомба или какъ картечь. Онъ примѣняется также къ употребленію на корабляхъ и имѣетъ чрезвычайную силу при разрывѣ. Пушка

Digitized by Google

та очень прочна. Я самъ видѣлъ такую, изъ которой было сдѣлано 1,300 выстрѣловъ и которая послѣ того не представляла ни малѣйшихъ поврежденій. Важныя преимущества этой пушки—ея легкость, дальность ея выстрѣла и вѣрность стрѣльбы. Эрмстронгова пушка, стрѣляющая 18-ти фунтовымъ ядромъ, вѣситъ въ три раза легче обыкновенной пушки, имѣющей ядро такого же калибра. 32-хъ фунтовая пушка при зарядѣ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ядро на $5^1/_4$ миль. Вѣрность ея стрѣльбы еще болѣе удивительна. На 3,000 ярдовъ она стрѣляетъ въ 7 разъ вѣрнѣе, чѣмъ обыкновенная пушка стрѣляетъ на 1,000 ярдовъ; а на дистанціи 1,000 ярдовъ она попадаетъ каждымъ ядромъ въ такую мишень, въ которую обыкновенная пушка попадаетъ только однимъ ядромъ изъ 57; итакъ можно сказать, что по вѣрности стрѣльбы она превосходитъ обыкновенную пушку въ 57 разъ".

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ X.

БИБЛІОГРАФІЯ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“, НОЯБРЬ, КНИЖКА ВТОРАЯ.

Въ этой книжкѣ между прочимъ находится статья Покорскаго-Жоравко, предводителя дворянства Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи: „Что стоило намъ крѣпостное право“. Авторъ, не признавая безправности крѣпостнаго состоянія, котораго законность, по мнѣнію его, родилась въ Россіи велѣніемъ Бориса Годунова, разсматриваетъ это учрежденіе сначала съ нравственной стороны, и весьма справедливо выводитъ изъ него почти все, что мы находимъ дурнаго, какъ въ существующихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, такъ и въ отдѣльномъ характерѣ обоихъ сословій: съ одной стороны ложное пониманіе цѣнности труда и безотчетное употребленіе его; затѣмъ раздражительность, презрѣніе къ подвластному сословію и жестокость; съ другой стороны, вслѣдствіе отсутствія права распоряжаться своимъ трудомъ и непрочности самой собственности, отвращеніе отъ работы, всевозможные обманы для уклоненія отъ нея и лѣность, не оставляющая крестьянина и на домашней работѣ. Затѣмъ, обращаясь къ цѣнѣ, въ которую обходился помѣщику трудъ крѣпостнаго крестьянина, г. Покорскій-Жоравко говоритъ, что за эту цѣну мы бы могли купить правильный, честный и хорошо вознагражденный трудъ, и распоряжаться имъ съ чистымъ сердцемъ и неповинными руками, а въ подтвержденіе такого сужденія дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ.

Въ имѣніи, состоящемъ изъ 200 душъ, поселенныхъ въ 75 дворахъ, и выставляющемъ ежедневно на господскую работу 50 мужчинъ и 50 женщинъ, помѣщикъ даетъ крестьянамъ:

1) Топливо.

2) По двѣ десятины на дворъ (то-же, что въ великороссійскихъ губерніяхъ тягло) пахотной земли.

3) По двѣ десятины сѣнокосной земли, и

4) По одной десятинѣ огорода.

Помѣщику это вознагражденіе стоитъ:

Digitized by Google

Топливо на 75 печей, по 1 сажени въ мѣсяцъ, цѣною въ 2 руб. сереб. . . . . 1800 руб.

Пахатная земля по 2 р. 50 к. за десятину, принимая плату только за четыре десятины изъ шести . . . . . 750 —

Сѣнокосная земля по 6 р. 70 к. за десятину . . . . . 1005 —

Огородная земля по 30 р. сер. за десятину . . . . . 2250 —

Итого . . . . . 5805 руб.

Между тѣмъ, по существующимъ цѣнамъ для вольнаго найма, 50 работниковъ и 50 работницъ стоили бы, полагая на мужчину платы по 30 руб., а на женщину по 20 руб. сер. въ годъ, и на харчи каждому лицу по 18 руб. сер., не болѣе 4300 руб. сер., такъ что по этому разсчету помѣщикъ переплачиваетъ за крѣпостной трудъ, сравнительно съ свободнымъ, 1505 руб., т. е. по 15 руб. на каждаго работника и работницу. Отъ этого излишка платы, по мнѣнію автора, происходитъ убыточность большей части промышленныхъ предпріятій нашего дворянства, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, такъ какъ въ хозяйствѣ земледѣльческомъ дефицитъ маскируется невыдачею денегъ, а въ фабричномъ выражается очевиднымъ убыткомъ и вслѣдствіе того упадкомъ заведенія.

При внимательномъ разсмотрѣніи разсчета, сдѣланнаго г. Покорскимъ-Жоравко, оказывается, что не только его нельзя признать правильнымъ выраженіемъ стоимости крѣпостнаго труда вообще въ земледѣльческихъ имѣніяхъ Россіи, но и для Черниговской губерніи сомнительно, чтобы принятыя въ немъ основанія могли быть признаны вѣрными. Конечно, въ имѣніи, подобномъ приведенномму авторомъ, хотя и было бы по великороссійской нормѣ отъ 70 до 90 тяглъ, изъ которыхъ ежедневно исправляла бы пригонъ только половина, но съ лишними или сгоновыми днями, существовавшими во всѣхъ почти хазяйствахъ, составилось бы кругомъ немногимъ менѣе 50 человѣкъ рабочихъ каждаго пола; за то въ другихъ цифрахъ, выражающихъ получаемое крестьянами вознагражденіе за обязательный трудъ, при сравненіи приводимыхъ авторомъ условій съ существующими въ другихъ краяхъ, оказывается огромная разница. Снабженіе крестьянъ дровами, по сажени на дворъ или на тягло въ мѣсяцъ, авторъ оцѣниваетъ въ огромную сумму 1800 р. сер., между тѣмъ какъ въ большей части имперіи 900 саж. дровъ полѣнныхъ могутъ быть куплены на городскихъ рынкахъ, слѣдовательно со включеніемъ въ продажную цѣну стоимости привоза,—за сумму отъ 500 до 800 руб. сер. Весьма сомнительно, чтобы въ Черниговской губерніи отопленіе крестьянскихъ избъ производилось столь цѣнными дровами, такъ какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ для этого употребляется валежникъ, сухіе сучья, въ совершенно безлѣсныхъ—солома, бурьянъ и приготовляемые изъ навоза кирпичи. Равнымъ образомъ и за луговую землю авторъ полагаетъ такую наемную плату, которая за пустошные луга, какими большею частію владѣютъ крестьяне, почти нигдѣ не получается, и едва не доходитъ до платы за поемные луга. Наконецъ за десятину огородной земли и наемъ усадьбы г. Покорскій-Жоравко назначаетъ примѣрную плату по 30 руб. сер. на томъ основаніи, что за огороды, отдаваемые въ наемъ постороннимъ лицамъ, землевладѣльцы получаютъ иногда до 60 рублей серебромъ съ десятины; но въ настоящее время почти всѣ согласны съ тѣмъ, что огородныя земли крестьянъ, какъ по-

Digitized by Google

лучившія высшую противъ полевыхъ земель цѣнность единственно отъ потребленнаго ими труда и удобренія, безъ всякаго участія помѣщика, должны быть цѣнимы по размѣру пространства наравнѣ съ полевыми,—слѣдовательно, и при оцѣнкѣ вознагражденія за крѣпостной трудъ огороды должны быть принимаемы съ тою только цѣнностью, которую они имѣли, когда были отведены крестьянамъ. Что же касается до строеній, то ихъ можно было бы считать полною собственностью помѣщика, отдаваемою крестьянамъ въ наемъ, только въ такомъ случаѣ, если бы помѣщикъ прежде заплатилъ крестьянину за употребленный на возведеніе ихъ трудъ,—чего, разумѣется, никогда не бывало,—или по крайней мѣрѣ на соотвѣтствующее число дней уволилъ его отъ барщины,—что хотя и встрѣчалось, но весьма рѣдко.

Измѣнивъ, согласно съ этими замѣчаніями, выведенныя авторомъ цифры, мы нашли бы итогъ получаемаго крестьянами вознагражденія за крѣпостной трудъ несравненно меньшій противъ цѣнности самого труда, и этотъ итогъ подтвердилъ бы мнѣніе, нынѣ всѣми принятое, что при крѣпостномъ состояніи крестьяне, даже въ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ, давали работою несравненно болѣе цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Въ извѣстной степени равновѣсіе могло возстановиться обязанностью помѣщика кормить своихъ крестьянъ въ неурожайные годы, но мы знаемъ, какъ эта обязанность исполнялась: въ такіе годы, благодаря всеобщей безрасчетливости, помѣщикъ большею частію находился въ невозможности даже удовлетворить нуждамъ своего семейства—и только разрѣшаемыя правительствомъ ссуды выручали бѣдствующій край, вовлекая его въ то же время въ неоплатимыя недоимки на будущіе годы. Если, кромѣ вредныхъ нравственныхъ послѣдствій, крѣпостное состояніе имѣло вредное вліяніе и на матеріальное благосостояніе класса помѣщиковъ, то это произошло черезъ посредство нравственныхъ причинъ, такъ какъ возможность вести хозяйства почти безъ всякихъ расходовъ и растрачивать безрасчетно время и трудъ человѣческій произвела въ помѣщикахъ безпечность и расточительность, а эти пороки, какъ естественное послѣдствіе, привели за собою почти всеобщее разстройство денежныхъ дѣлъ и самыхъ имѣній.

Во второй декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ помѣщена между прочимъ статья г. Ржевскаго: „Опытъ разрѣшенія вопроса о выкупѣ земли“. Прежде изложенія своего проэкта, авторъ считаетъ необходимымъ разрѣшить четыре вопроса:

1) Желаютъ ли крестьяне купить, а помѣщики согласны ли продать землю, предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе?

2) Какимъ образомъ опредѣлить размѣръ и цѣну этой земли?

3) Гдѣ взять капиталовъ на ссуду крестьянамъ для покупки земли?

Чѣмъ можно обезпечить возвратъ этой ссуды, то есть, какимъ образомъ устроить, чтобы крестьяне исправно уплачивали проценты и капиталъ въ тѣ сроки, которые будутъ назначены?

Обращаясь сначала къ первому изъ этихъ вопросовъ, авторъ говоритъ, что крестьяне будутъ желать пріобрѣтенія въ собственность предоставленной имъ въ пользованіе земли только въ такомъ случаѣ, если отъ этого не увеличится сумма ежегодныхъ повинностей или платежей, и если они увидятъ на самомъ дѣлѣ примѣры удобства подобной сдѣлки. Помѣщики же будутъ желать продажи крестьянамъ означенныхъ земель въ такомъ только случаѣ, если имъ будетъ предложенъ капи-

Digitized by Google

талъ, относящійся къ получаемому отъ этихъ земель доходу такъ, какъ относится обыкновенно покупной капиталъ къ получаемымъ въ видѣ дохода процентамъ. На основаніи этихъ соображеній, г. Ржевскій полагаетъ необходимымъ поставить правиломъ, чтобы за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, была принимаема та сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія вносить ежегодно въ видѣ уплаты процентовъ и капитала, чтобы эта сумма могла быть уменьшаема только въ такомъ случаѣ, если они пожелаютъ купить земли менѣе, нежели сколько предоставлено имъ будетъ въ пользованіе, чтобы ни покупка, ни продажа не были обязательны.

Въ опредѣленіе размѣра и цѣны земель, имѣющихъ перейти въ собственность крестьянъ, правительству, по мнѣнію автора, вступаться не слѣдуетъ: оно должно только удостовѣриться въ томъ, что договоръ дѣйствительно заключается съ полнаго согласія обѣихъ сторонъ, для чего г. Ржевскій предлагаетъ постановить, чтобы повѣрка производилась на мѣстѣ нѣсколькими лицами, другъ отъ друга независящими, и чтобы утвержденныя условія публиковались и могли быть обсуживаемы въ журналахъ.

Затрудненіе въ пріисканіи капиталовъ для уплаты помѣщикамъ за кресьянскія земли, по мнѣнію автора, частію устранится тѣмъ, что выкупъ будетъ производиться постепенно, и потому однѣ и тѣ же деньги, оборотившись, могутъ послужить къ выкупу болѣе нежели одного селенія,—или можетъ быть избѣгнуто выдачею помѣщикамъ, вмѣсто денегъ, свидѣтельствъ, по которымъ они будутъ получать проценты до уплаты капитала. Для доставленія же помѣщикамъ возможности удобнѣйшимъ образомъ продавать выданныя имъ свидѣтельства, которыя г. Ржевскій называетъ выкупными листами, онъ полагаетъ раздробить ихъ на небольшія суммы въ 1,000 или 500 р. сер., принимать ихъ въ залоги по казеннымъ подрядамъ и допустить залогъ ихъ въ мѣстныхъ банкахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія въ $^4/_5$ номинальной цѣны.

Обращаясь наконецъ къ 4 вопросу—о томъ, чѣмъ можетъ быть обезпеченъ возвратъ ссуды, г. Ржевскій сначала опровергаетъ примѣръ, на которомъ многіе основываютъ свое убѣжденіе, что крестьяне неспособны исправно уплачивать проценты на ссужаемый имъ капиталъ, а именно: накопленіе недоимокъ на крестьянахъ государственныхъ имуществъ. По мнѣнію автора, недоимки накопляются неизбѣжно въ слѣдующихъ случаяхъ: a) если мѣста и лица, обязанныя взыскивать срочные платежи, не исполняютъ своей обязанности, или по какимъ бы то ни было причинамъ находятъ для себя выгоднымъ допускать накопленіе недоимокъ; b) если сроки платежей слишкомъ отдалены одинъ отъ другаго, а потому и суммы, требуемыя къ уплатѣ въ одинъ срокъ, слишкомъ значительны; и наконецъ c) если взысканіе производится по правиламъ круговой поруки, которая представляетъ какъ бы премію за несостоятельность въ платежѣ податей, и притомъ можетъ служить болѣе или менѣе дѣйствительнымъ обезпеченіемъ исправнаго поступленія только въ соединеніи съ временнымъ рабствомъ—кабалой, или съ крѣпостнымъ состояніемъ.

По нашему мнѣнію, круговая порука, въ особенности при предстоящей нынѣ самостоятельной организаціи сельскихъ мірскихъ обществъ, не можетъ имѣть того вреднаго вліянія, котораго ожидаетъ отъ нея г. Ржевскій. На первый взглядъ можетъ показаться весьма выгоднымъ для каждаго отдѣльнаго крестьянина, чтобы

Digitized by Google

другіе уплачивали за него подати; но въ дѣйствительности положеніе недоимщика до такой степени незавидно, что едва ли кто, за исключеніемъ людей совершенно порочныхъ, которыхъ не исправитъ и никакая личная отвѣтственность, себя поставитъ въ это положеніе, если только имѣетъ какую нибудь возможность его избѣгнуть. Обмануть помѣщика притворною бѣдностью было возможно, и во многихъ случаяхъ даже легко; но обмануть міръ, знающій о каждомъ приходѣ и расходѣ своихъ членовъ, невозможно. Притомъ дѣйствительный, безвозвратный платежъ исправныхъ крестьянъ за недоимщиковъ можетъ встрѣтиться лишь весьма рѣдко: въ большинствѣ случаевъ міръ безъ сомнѣнія найдетъ возможнымъ принудить неплательщиковъ какими нибудь общественными работами, напримѣръ отбываніемъ за все селеніе дорожной повинности и т. п., вознаградить сдѣланное для нихъ пожертвованіе, а между тѣмъ отъ подобнаго обязательнаго труда по мірскому приговору весьма далеко до кабалы. Самъ авторъ, считая необходимымъ устранить круговую поруку, говоритъ, что ее должно замѣнить нѣсколько усиленною личною отвѣтственностью, не прибѣгая однакоже ни къ мѣрамъ жестокости, ни къ такимъ, которыя могли бы привести къ пролетаріату; но при полной личной отвѣтственности, съ человѣкомъ, накопившимъ неоплатныя недоимки и не старающимся объ очищеніи ихъ, невозможно принять другую окончательную мѣру, кромѣ лишенія его поземельнаго участка и слѣдовательно обращенія въ пролетаріатъ, или, что почти тоже, насильственнаго переселенія. Предположить же, какъ дѣлаетъ г. Ржевскій, отдѣльную отъ мірскаго управленія власть, которая имѣла бы право распорядиться принятіемъ строгихъ мѣръ противъ неплательщика или взятіемъ въ свое вѣдѣніе его поземельнаго участка,—неизбѣжное послѣдствіе отмѣны круговой поруки,—значило бы окончательно уничтожить всякую надежду на самостоятельное развитіе сельскихъ обществъ. Впрочемъ и г. Ржевскій, такъ горячо возстающій противъ круговой поруки, не могъ обойтись безъ того, чтобы не ввести въ свой проэктъ, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя мѣры, отчасти основанныя на этомъ началѣ.

Самый проэктъ г. Ржевскаго состоитъ въ слѣдующемъ:

По введеніи срочно-обязаннаго положенія, крестьянамъ и помѣщикамъ предоставляется заключать между собою добровольныя условія о цѣнѣ и количествѣ покупаемой земли. Совершеніе подобныхъ сдѣлокъ ни для той, ни для другой стороны не обязательно. Условіе излагается на бумагѣ, по возможности въ краткихъ и понятныхъ крестьянамъ выраженіяхъ, и разсматривается уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, начальникомъ губерніи, предсѣдателемъ палаты государственныхъ имуществъ и наконецъ приказомъ общественнаго призрѣнія. Получивъ условія и планы къ 1-му сентября, приказъ, не позже 1-го декабря, объявляетъ, согласенъ ли онъ сдѣлать ссуду или нѣтъ, и по какимъ причинамъ; затѣмъ, разсчитавъ ссуду съ 1-го января наступающаго года, выдаетъ помѣщику слѣдующее ему вознагражденіе выкупными листами въ 500 р. сер. каждый, а сумму, меньшую 500 р., деньгами; если имѣніе заложено въ кредитномъ учрежденіи, то приказъ уплачиваетъ долгъ и удерживаетъ соотвѣтствующую часть выкупныхъ листовъ. Срокъ займа—33-лѣтній; крестьяне платятъ 4% интереса, $1^1/_2$% на погашеніе капитала и $^1/_2$% въ пользу приказа, на усиленіе его состава. При самомъ заключеніи условія, крестьяне обязаны представить въ обезпеченіе сумму, равняющуюся годовому платежу, а затѣмъ вносятъ проценты помѣсячно.

Digitized by Google

за каждый мѣсяцъ впередъ; по окончаніи же заемнаго срока взнесенная предварительно сумма зачитается въ уплату послѣдней части капитала. Наблюденіе за платежемъ крестьянами процентовъ возлагается ближайшимъ образомъ на самый приказъ общественнаго призрѣнія, который, между тѣмъ, независимо отъ поступающихъ къ нему платежей, ежегодно послѣ 1-го января выдаетъ по 4% предъявителямъ закладныхъ листовъ, и сверхъ того, изъ полученныхъ имъ процентовъ погашенія уплачиваетъ по извѣстному числу этихъ листовъ капиталъ, руководствуясь старшинствомъ нумеровъ, а для предварительнаго извѣщенія владѣльцевъ публикуетъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ списокъ нумерамъ, назначеннымъ къ уплатѣ; такой же списокъ выставляется и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи. Проценты на билеты, заложенные владѣльцами въ приказѣ (какъ выше сказано за $^4/_5$ капитальной суммы), зачисляются въ пользу приказа, а когда эти листы поступятъ на очередь къ уплатѣ, то приказъ доплачиваетъ на нихъ владѣльцамъ остальные сто рублей.

Слѣдующіе отъ крестьянъ взносы распредѣляются помѣсячно и зачисляются приказомъ по каждому селенію отдѣльно, сначала въ уплату процентовъ до составленія полной годовой суммы ихъ, а потомъ въ погашеніе капитала; въ самыхъ же селеніяхъ назначаются изъ крестьянъ, по выбору общества и съ утвержденія окружнаго начальника, особые сборщики, которымъ чрезъ окружное правленіе выдаются ежегодно контромарки для раздачи лицамъ, внесшимъ причитающіяся съ нихъ части платежа; о неплательщикахъ окружной начальникъ обязываетъ сельскій сходъ сдѣлать приговоръ, для побужденія ихъ къ платежу зависящими отъ него мѣрами. Приказъ ежемѣсячно сообщаетъ палатѣ о всѣхъ недоимкахъ по сбору, и если къ 1-му января наступающаго года на какомъ либо селеніи останется за истекшій годъ недоимка, то онъ пополняетъ ее изъ суммы обезпеченія, а когда она истощится, то увѣдомляетъ объ этомъ палату, для принятія болѣе строгихъ мѣръ взысканія. Палата предписываетъ волостному начальству отдать наиболѣе неисправныхъ плательщиковъ въ заработки къ частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ ихъ взять, съ уплатою всей условленной за работу суммы впередъ. Срокъ отдачи въ заработки не долженъ быть болѣе одного года, а за побѣгъ отъ хозяина до окончанія срока работникъ наказывается по военнымъ законамъ, о чемъ ему объявляется при самой отдачѣ. Въ случаѣ недостаточности этой мѣры къ пополненію недоимки, палатѣ предоставляется отдать часть угодій селенія въ наемъ постороннимъ лицамъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, а если количество недоимокъ накопится до общей суммы сдѣланной первоначально ссуды, то приказъ имѣетъ право назначить половину всей земли въ продажу съ публичнаго торга, которая признается дѣйствительною и утверждается только тогда, когда предложенная сумма будетъ равняться двумъ третямъ всей ссуды; остальная же часть обезпечивается остальною половиною земли, и платежи за нее назначаются прежнимъ порядкомъ. Если наконецъ за продажею половины земли селеніе окажется слишкомъ малоземельно, то палата государственныхъ имуществъ дѣлаетъ распоряженіе о выселеніи въ дальнія губерніи тѣхъ изъ крестьянъ, которые были наиболѣе виновны въ накопленіи недоимокъ.

На первый изъ предлагаемыхъ авторомъ настоящей статьи вопросовъ—желаютъ ли помѣщики продать, а крестьяне купить землю, г. Ржевскій отвѣчаетъ

Digitized by Google

за обѣ участвующія стороны: „да, если только цѣна будетъ безобидная". Мы полагаемъ, что согласіе, кромѣ справедливаго назначенія цѣны, можетъ зависѣть и отъ другаго обстоятельства, по вліянію котораго или помѣщикъ можетъ быть вынужденъ взять за извѣстное количество земли гораздо менѣе дѣйствительной стоимости его, или крестьяне могутъ согласиться дать гораздо болѣе. Это обстоятельство есть будущая организація срочно-обязаннаго положенія. Смотря по тому, въ пользу которой стороны на самомъ дѣлѣ сложится эта организація, та или другая сторона будетъ имѣть явное преимущество въ переговорахъ объ окончательной сдѣлкѣ. Далѣе авторъ говоритъ, что за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, должна быть принята сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія ежегодно платить, въ видѣ уплаты процентовъ и капитала,—и хотя онъ не договариваетъ, но какъ мысль безъ этого добавленія не полна, то мы полагаемъ, что означенная сумма, въ мысли г. Ржевскаго, должна быть признаваема нормою справедливаго вознагражденія за количество земли, вполнѣ обезпечивающее благосостояніе крестьянъ. По нашему мнѣнію, эта норма слишкомъ неопредѣленна, понятіе о затрудненіи совершенно относительное (въ нѣкоторыхъ, богатыхъ промышленностью, мѣстностяхъ, крестьяне могутъ, безъ слишкомъ большаго стѣсненія, платить ежегодно, какъ и платятъ нынѣ, суммы, далеко превосходящія цѣнность отведенныхъ имъ угодій) и по невозможности во всѣхъ тѣхъ краяхъ. которыхъ населеніе живетъ не исключительно земледѣліемъ, опредѣлить, какое именно количество земли составитъ достаточное обезпеченіе. Проще было бы принять за основаніе доходъ, дѣйствительно получающійся отъ отдачи внаймы разнаго рода земель и по разсчету процентовъ, какъ говоритъ нѣсколько выше самъ г. Ржевскій, вычислить продажную цѣну,

Относительно денежныхъ средствъ, необходимыхъ для выкупа, г. Ржевскій полагаетъ, что сумма ихъ должна значительно уменьшиться отъ того, что выкупъ будетъ не понудительный, а основанный на добровольныхъ сдѣлкахъ, и слѣдовательно дастъ время возврату и обороту капиталовъ. Намъ кажется, что подобный оборотъ могъ бы произойти въ такомъ только случаѣ, если бы назначеніе ссудъ раздѣлено было на нѣсколько десятковъ лѣтъ; но такое предположеніе едва ли возможно допустить, а надобно полагать, напротивъ, что если только сопряженныя съ выкупомъ повинности не будутъ слишкомъ стѣснительны, и въ особенности, если онѣ, какъ вѣроятно и будетъ, не превысятъ установленныхъ по срочно-обязанному положенію, то въ теченіе какихъ нибудь трехъ или четырехъ лѣтъ во всѣхъ имѣніяхъ крестьяне, обязанные и безъ того выкупить усадьбы и пробыть 12 лѣтъ въ срочно-обязанномъ состояніи, изъявятъ желаніе выкупить землю, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ исключительно промышленныхъ селеній, которыхъ жители и теперь не занимаются земледѣліемъ, да и тѣ, если бы отказались отъ выкупа земли, то сдѣлали бы весьма вредную для будущности ихъ самихъ и ихъ потомства ошибку. Къ изъявленію этого желанія побудитъ крестьянъ даже и самое, сопряженное съ полученіемъ ссуды, освобожденіе отъ личной зависимости. Конечно могутъ быть, и дѣйствительно есть, въ селеніяхъ отдѣльныя личности, которымъ, по особенной способности ихъ къ ремесламъ или торговлѣ, вообще къ промысламъ городскимъ, выгодно какъ можно скорѣе и проще разорвать связь, прикрѣпляющую ихъ къ землѣ; но чтобы цѣлому селенію могло быть полезно отказаться отъ выкупа земель, могущаго положить прочное основаніе благосостоя-

Digitized by Google

нію его на нѣсколько поколѣній, — мы никакъ допустить не можемъ. Весьма трудно также предположить, чтобы крестьяне, отказавшись отъ выкупа той земли, которая имъ была отведена въ пользованіе, безъ пособія кредита, пріобрѣли землю въ другомъ, болѣе выгодномъ для нихъ мѣстѣ; такъ что вопросъ заключается единственно въ томъ: выкупить имъ эти земли, или остаться вовсе безъ поземельной собственности? Между тѣмъ даже въ тѣхъ краяхъ, гдѣ теперь земля имѣетъ весьма малую цѣнность и гдѣ хлѣбопашество почти исключительно производится женщинами и дѣтьми, пріобрѣтеніе земли весьма важно для крестьянъ, такъ какъ оно доставитъ имъ возможность, отправляясь на заработки въ столицу, самымъ дешевымъ образомъ обезпечивать свои семейства, которыхъ содержаніе въ городѣ стоило бы несравненно дороже, а со временемъ, при увеличеніи населенія, земля должна пріобрѣсти еще большую цѣнность; разумѣется, однакоже, что въ этихъ краяхъ выкупная цѣна ея будетъ несравненно ниже, чѣмъ въ губерніяхъ земледѣльческихъ.

На сколько, по нашему мнѣнію, крестьянамъ выгоденъ въ настоящее время выкупъ отводимыхъ имъ полевыхъ земель, — конечно за умѣренную цѣну, — настолько же выгодно было бы помѣщикамъ оставить ихъ за собою, совершенно независимо отъ той цѣны, которая можетъ быть за нихъ получена. Удержаніе земель въ рукахъ помѣщиковъ, въ особенности въ густо населенныхъ губерніяхъ, и если бы на это рѣшились нѣсколько самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, совершенно измѣнило бы то отношеніе, которое должно образоваться между сословіями помѣщиковъ и крестьянъ, и поставило бы послѣднихъ въ столько же почти стѣснительную зависимость отъ произвола первыхъ, какая существовала при крѣпостномъ состояніи. Поэтому, хотя конечно отъ выкупа земель стало бы уклоняться только меньшинство помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы произволъ одного лица, движимаго своекорыстными разсчетами, не могъ лишить нѣсколько семей, а можетъ быть и нѣсколько тысячъ человѣкъ, тѣхъ прочихъ основъ благосостоянія, которыя доставляются всему сословію, намъ казалось бы справедливымъ сдѣлать уступку полевыхъ земель въ какомъ нибудь опредѣленномъ размѣрѣ, составляющемъ minimum надѣла, и за опредѣляемую посредниками изъ обѣихъ сословій цѣну обязательною для помѣщика.

Для удержанія предполагаемыхъ г. Ржевскимъ выкупныхъ листовъ въ надлежащей цѣнности, онъ между прочимъ считаетъ возможнымъ допустить залогъ ихъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія, съ выдачею чистыхъ денегъ, въ $^4/_5$ нарицательной ихъ цѣны, но едва ли средства приказовъ окажутся достаточными какъ для этого оборота, такъ и для уплаты другимъ кредитнымъ установленіямъ за всѣ заложенныя въ нихъ имѣнія. Впрочемъ и безъ этого права, если только взиманіе процентовъ на выкупной капиталъ будетъ хорошо организовано и платежи будутъ поступать безнедоимочно, нѣтъ причины предполагать, чтобы выкупные листы, принимаемые въ залогъ правительствомъ, не сохранили своей цѣны и въ сдѣлкахъ между частными лицами, подобно облигаціямъ разныхъ земскихъ банковъ въ Германіи, въ числѣ которыхъ многія выпущены были для той же цѣли, т. е. для выкупа крестьянскихъ повинностей.

Главную черту въ предполагаемой г. Ржевскимъ организаціи взысканія съ крестьянъ выкупныхъ платежей составляетъ непосредственное участіе въ дѣлахъ сельской общины мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ. Намъ кажется,

Digitized by Google

что при образованіи общины болѣе всего надобно стараться о томъ, чтобы поставить ее по возможности въ самостоятельное положеніе и оградить ее не только отъ произвола помѣщика, у котораго для нея выкупаются земли, но и отъ всякаго излишняго вмѣшательства мѣстной администраціи. Что такого рода self-governement у насъ возможенъ, доказывается примѣрами многихъ оброчныхъ имѣній, въ которыхъ владѣльцы и управители не бываютъ по нѣскольку лѣтъ, а между тѣмъ крестьяне, подъ управленіемъ выбираемыхъ ими самими старостъ, которые только для формы утверждаются помѣщикомъ, безнедоимочно уплачиваютъ какъ подати, такъ и лежащій на нихъ оброкъ, иногда довольно тяжелый, и сверхъ того не рѣдко достигаютъ значительной степени благосостоянія. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ для подобныхъ имѣній бываетъ то, если владѣлецъ занимаетъ болѣе или менѣе значительное мѣсто въ службѣ или носитъ особенное громкое имя, такъ какъ въ этомъ случаѣ имя его ограждаетъ крестьянъ отъ притѣсненія мѣстныхъ властей, которымъ иногда бывало довольно одного какого нибудь повода,—совершеннаго въ деревнѣ преступленія или даже найденнаго на землѣ ея мертваго тѣла,—чтобы обременить всю деревню. Если при крѣпостномъ состояніи крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, умѣли такъ хорошо вести свои дѣла тамъ, гдѣ имъ никто не мѣшалъ, то тѣмъ болѣе можно ожидать счастливаго результата отъ самоуправленія ихъ, когда, сдѣлавшись членами самостоятельной общины, они почувствуютъ свое достоинство и поймутъ, что лица, ими избранныя въ представители, назначаются не къ тому, чтобы быть безотвѣтными орудіями въ рукахъ непосредственно надъ ними стоящей власти и въ случаѣ нужды отвѣчать за міръ спиною или карманомъ, а къ тому, чтобы дѣйствительно управлять мірскими дѣлами для общей пользы. Это убѣжденіе заставитъ крестьянъ совершенно иначе смотрѣть на право выбора должностныхъ лицъ, чѣмъ до сихъ поръ смотрѣли тѣ изъ нихъ, которымъ это право было предоставлено. Старшинами, старостами, вообще подъ какимъ бы то ни было названіемъ представителями общины—будутъ самые умные и дѣятельные люди ея, и если бы даже міръ когда нибудь ошибся въ выборѣ, то необходимость отдавать отчетъ мірской сходкѣ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствовать съ ея утвержденія, пресѣчетъ въ самомъ началѣ могущія произойти злоупотребленія. Слишкомъ близки всѣмъ этимъ людямъ интересы, которые будутъ поручены выборнымъ, чтобы можно было предположить равнодушіе общины къ дурному управленію ими. Такое равнодушіе является только тогда, когда или дѣла, поручаемыя избраннымъ лицамъ, не до всѣхъ избирателей равно касаются, или когда избиратели увѣрены, что кого ни назначь, никто не будетъ въ состояніи принести истинную пользу; а это убѣжденіе вселяется въ нихъ только тогда, когда надъ выборными лицами слишкомъ близко стоитъ другая, чуждая общинѣ власть. Конечно, для самоуправленія, покрайней мѣрѣ при томъ положеніи, въ которое будутъ поставлены наши сельскія общины, необходимо существованіе въ томъ или другомъ видѣ круговой поруки; но мы старались доказать, что это начало въ дѣйствительности не имѣетъ тѣхъ дурныхъ сторонъ, которыя въ немъ находятъ нѣкоторые теоретики. Болѣе того, мы даже убѣждены, что при хорошей организаціи мірскаго управленія,—а первою чертою такой организаціи мы признаемъ самостоятельность его внутри самой общины,—и при умѣренномъ размѣрѣ платежей за выкупъ земли, вовсе не представится надобности въ тѣхъ крайнихъ мѣрахъ, какія предполагаетъ г. Ржевскій относительно селеній, на которыхъ

Digitized by Google

накопятся значительныя недоимки, и что міръ самъ съумѣетъ справиться съ недоимщиками. Необходимо только, *чтобъ ему не мѣшали.*

„БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ“ 1858, ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ оконченъ начавшійся еще въ іюнѣ рядъ статей г. Тернера, подъ заглавіемъ „Очерки современныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ“. Въ этихъ очеркахъ, раздѣленныхъ на 13 отдѣловъ, авторъ сначала обозрѣваетъ и обсуживаетъ по каждому изъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается общій вопросъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, мнѣніе другихъ писателей, а потомъ излагаетъ свои мысли о спорномъ предметѣ. Мы не будемъ слѣдовать за г. Тернеромъ въ этомъ обозрѣніи, заключающемъ въ себѣ довольно полный сводъ всего, что было писано въ послѣднее время о крестьянскомъ вопросѣ, а ограничимся извлеченіемъ изъ всего ряда очерковъ главныхъ его мнѣній.

Необходимою предварительною мѣрою къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости г. Тернеръ признаетъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, которое, по его мнѣнію, должно имѣть весьма важное нравственное значеніе: оно пріучитъ обѣ учавствующія въ немъ стороны къ почитанію взаимныхъ правъ и исполненію своихъ обязанностей, увеличитъ приверженность крестьянина къ отводимой ему землѣ и сдѣлаетъ его достойнымъ предстоящаго ему новаго положенія. Независимо отъ того, срочно-обязанное состояніе предотвратитъ—какъ необходимость въ единовременномъ выкупѣ, такъ и недостатокъ рабочихъ рукъ, могущій произойти отъ внезапнаго прекращенія барщины.

Необходимую принадлежность этого положенія составляетъ выкупъ усадебъ и отводъ крестьянамъ полевыхъ земель въ пользованіе; для достиженія же при томъ и другомъ должной правильности, нужны справедливыя оцѣнки—какъ съ одной стороны усадебъ и полевыхъ земель, такъ съ другой стороны и самой работы. Относительно оцѣнки усадебъ, г. Тернеръ полагаетъ, что строенія должны быть включаемы въ нее только въ такомъ случаѣ, если они возведены съ помощью денежной ссуды отъ помѣщика, если на купленный имъ за свои деньги лѣсъ—тогда къ оцѣнкѣ усадебной земли можетъ быть прибавлено отъ 30 до 90%; самую же землю авторъ считаетъ нужнымъ цѣнить значительно выше полевой, уже и потому, что она на дѣлѣ въ настоящее время стоитъ гораздо дороже. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ усадьбы имѣютъ промысловое значеніе, по мнѣнію г. Тернера, для правильной оцѣнки слѣдуетъ отдѣлить отъ получаемаго нынѣ помѣщиками оброка часть, приходящуюся на полевыя земли,—она будетъ большею частію весьма незначительна,—а остальное капитализировать, или даже, для сокращенія разсчетовъ, капитализировать вмѣстѣ весь оброкъ, и обязать крестьянъ, примѣрно въ теченіе 30 лѣтъ, платежемъ сверхъ оброка или процентовъ интереса одного процента погашенія, выплатить составившійся капиталъ. (Хорошо улучшеніе быта: заставить крестьянина, платящаго нынѣ 25 руб. въ годъ, платить въ продолженіе тридцати лѣтъ—цѣлаго поколѣнія—по 29 рублей!). Для оцѣнки полевыхъ земель авторъ считаетъ лучшимъ способомъ исчислять три главные элемента, а именно: 1) продажную цѣну десятины или наемную плату при непринужденномъ договорѣ; 2) могущій получаться съ десятины доходъ натурою, и 3) средній об-

Digitized by Google

рокъ или среднюю норму барщинной повинности; средній результатъ, выведенный изъ всѣхъ трехъ исчисленій, будетъ ближе всѣхъ къ дѣйствительной цѣнѣ земли. Что касается до оцѣнки барщиннаго труда, то г. Тернеръ для исчисленія ея предлагаетъ употребить слѣдующій способъ: взять цифру платимаго въ извѣстной мѣстности средняго оброка и раздѣлить ее на число барщинныхъ дней,—отъ этого получится оцѣнка самая низкая; потомъ—цифру средней наемной платы въ той же мѣстности и умножить ее на дробь, выражающую отношеніе работы барщинника къ наемной работѣ (такъ напр. если 5 барщинниковъ въ день сдѣлаютъ столько же, сколько 3 наемныхъ работника, а поденная плата каждому батраку 40 коп., то на каждаго изъ первыхъ приходится въ день $40 \times {}^{3}/_{5} = 24$); наконецъ сложить это произведеніе съ прежде полученною цифрою и суммы раздѣлить на 2,—послѣдняя цифра и будетъ приблизительно вѣрная цѣна барщиннаго дня.

Независимо отъ этихъ исчисленій, г. Тернеръ признаетъ заслуживающимъ уваженія и предлагаемый многими писателями способъ оцѣнки земель и причитающагося за нихъ вознагражденія по сравненію съ цѣнностью четверти ржи (одно изъ подобныхъ предположеній мы разсмотрѣли въ библіографіи, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Современника“)—и сверхъ того, совѣтуетъ комитетамъ обратить особенное вниманіе на произведенный министерствомъ государственныхъ имуществъ, при переложеніи податей съ душъ на землю, такъ называемый народный кадастръ. Этотъ способъ, составляющій нѣчто среднее между ученою кадастраціею и эмпирическими средствами оцѣнки, при весьма значительной стоимости—по 8 коп. сер. съ десятины—далъ возможность министерству оцѣнить весьма скоро и довольно вѣрно всѣ земли государственныхъ имуществъ въ 13 губерніяхъ.

Обращаясь къ конечной цѣли настоящаго преобразованія, г. Тернеръ говоритъ, что при совершеніи его необходимо преимущественно имѣть въ виду:

1) Не развивая бродяжничества—облегчить переселеніе;

2) Развить классъ крестьянъ-собственниковъ.

Для достиженія первой цѣли авторъ считаетъ совершенно достаточнымъ средствомъ выкупъ усадебныхъ осѣдлостей, который, привязавъ въ извѣстной степени крестьянъ къ землѣ, заставитъ ихъ рѣшаться на переселеніе только при очевидной и весьма вѣрной выгодѣ, а притомъ еще дастъ имъ возможность, чрезъ продажу усадебъ, пріобрѣтать денежныя средства на подъемъ. Что же касается до второй цѣли, то г. Тернеръ, признавая, какъ мы видѣли выше, весьма полезнымъ, чтобы въ мѣстностяхъ исключительно промышленныхъ, гдѣ полевыя земли имѣютъ весьма малую цѣнность, выкупъ ихъ начался одновременно съ выкупомъ усадебъ, для другихъ краевъ считаетъ достаточнымъ въ настоящее время ограничиться послѣднимъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда экономическое состояніе крестьянъ улучшится, выкупъ полевыхъ земель былъ ими произведенъ или на собственныя средства, или съ помощью мѣстныхъ банковъ. Относительно существующаго нынѣ почти повсемѣстно общиннаго владѣнія землями, мнѣнія г. Тернера, какъ онъ ихъ кратко выразилъ въ въ 13-мъ отдѣлѣ своихъ очерковъ, слѣдующія:

1) Общинное владѣніе (отъ котораго впрочемъ совершенно независимо общинное устройство) не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, и потому постепенно должно перейти въ частную собственность.

2) Этотъ переходъ долженъ совершиться естественнымъ путемъ постепеннаго

Digitized by Google

преобразованія, а потому нельзя и думать о насильственномъ превращеніи общиннаго владѣнія въ личную собственность.

3) Также вредно было бы сдерживать общинное владѣніе насильственными законодательными мѣрами тамъ, гдѣ оно по мѣстнымъ обстоятельствамъ уже стало выраждаться въ личную собственность.

4) Въ большей части мѣстъ переходъ этотъ начнется нескоро и будетъ совершаться цѣлымъ рядомъ переходовъ; но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже теперь показываются симптомы перехода къ личной собственности.

5) Сдерживать эти переходы значило бы сдерживать естественное развитіе Россіи, потому что производительность земли при общинномъ владѣніи не можетъ быть такъ сильна, какъ при личной собственности; между тѣмъ богатство жителей страны прямо пропорціонально ея производительности, распредѣленіе же богатствъ играетъ только вторую роль, слѣдующую за производствомъ.

Согласно съ этими убѣжденіями г. Тернеръ предлагаетъ, для примѣненія ихъ на практикѣ, принять слѣдующія правила:

1) Поля должны быть выкупаемы тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, сообща всѣмъ міромъ.

2) По совершеніи выкупа, общинники могутъ переходить постепенно, по собственному желанію, къ системѣ личной собственности на землю;—такой постепенный переходъ можетъ совершиться и до окончательной уплаты долга, если помѣщикъ или кредитное учрежденіе изъявятъ на то согласіе, замѣнивъ круговую поруку поземельною гипотекою.

3) Усадьбы, съ принадлежащею къ нимъ землею, должны выкупаться въ личную собственность крестьянъ, по состоянію ихъ въ настоящее время большею частію въ личномъ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ семей.

4) Въ случаѣ, если выкупъ усадебъ происходитъ при посредствѣ кредитнаго учрежденія, при встрѣтившемся неплатежѣ со стороны собственника, круговая порука опять возлагается на міръ; но затѣмъ міру отдается половина огородовъ, коноплянниковъ и вообще всей усадьбы должника на пользованіе, пока доходы съ нея не окупятъ его долга, причемъ эта половина можетъ оставаться въ пользованіи міра или того крестьянина, который внесъ деньги за несостоятельнаго должника, и послѣ окончательнаго выкупа земли отъ помѣщика, до уплаты частнаго долга міру за внесенныя имъ помѣщику или банку выкупныя за нее деньги (на уплату этого долга идетъ только половина усадьбы, чтобы никогда не оставить крестьянина безъ крова и безъ всякихъ средствъ къ существованію).

5) По окончательномъ выкупѣ усадебъ, собственники имѣютъ право продать ихъ даже постороннему лицу, но только съ согласія міра (впрочемъ произвольные отказы должны быть ограничены) и при согласіи со стороны покупателя подчиниться всѣмъ условіямъ общиннаго устройства и жизни, связаннымъ съ этими клочками земли.

За исходную точку своихъ предположеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ г. Тернеръ взялъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, о неудобствахъ котораго мы уже неоднократно высказывали свое мнѣніе и потому не считаемъ нужнымъ его здѣсь повторять. Относительно оцѣнки усадебныхъ земель мы полагаемъ, что включать въ нее стоимость строенія, на томъ основаніи, что помѣщикъ на свои деньги купилъ лѣсъ, изъ котораго они построены, было бы то же самое, что взыскивать съ крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости

Digitized by Google

всѣ деньги, употребленные на прокормленіе ихъ въ неурожайные годы, или отъ дворовыхъ людей требовать возвращенія суммъ, истраченныхъ на содержаніе ихъ во все время ихъ службы. Помѣщикъ въ той же мѣрѣ былъ обязанъ помогать крестьянамъ въ обстройкѣ усадебъ, какъ и кормить ихъ во время голода, или содержать дворовыхъ людей. Равнымъ образомъ не имѣетъ онъ никакого права на особое вознагражденіе за пріобрѣтенную усадебными землями, безъ всякаго труда и пожертвованія съ его стороны, высшую цѣнность противъ полевыхъ. Что же касается до опредѣленія цѣнности усадебъ въ промышленныхъ краяхъ посредствомъ капитализаціи получаемаго нынѣ оброка, то о невѣрности этого мѣрила не стоитъ и говорить. Не упоминая уже о томъ, что въ этихъ именно краяхъ и взимаются тѣ чудовищные оброки, которые мы иначе не можемъ характеризовать, какъ назвавши ихъ *налогомъ на способности*, и слѣдовательно составились бы по многимъ имѣніямъ громадныя оцѣнки: — но чѣмъ виноватъ помѣщикъ, который при крѣпостномъ состояніи, не желая стѣснить своихъ крестьянъ, довольствовался умѣреннымъ оброкомъ, а теперь долженъ быть наказанъ за свою умѣренность полученіемъ меньшаго вознагражденія? Чѣмъ виноваты съ другой стороны крестьяне, платившіе до сихъ поръ оброкъ въ преувеличенномъ размѣрѣ и осужденные именно за это заплатить несоразмѣрный выкупъ, — развѣ только потому, что за освобожденіе отъ большаго зла и заплатить можно дороже?

Объ русской сельской общинѣ авторъ говоритъ, что она не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, а потому должна перейти въ личную собственность, и будто бы даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это преобразованіе началось. По нашему мнѣнію, это заключеніе весьма преждевременно: если до сихъ поръ община не выказала на самомъ дѣлѣ таящихся въ ней началъ высокаго развитія, то это нисколько не доказываетъ, что по снятіи тяготящихъ ее оковъ, она не пойдетъ къ этому развитію быстрыми шагами. При томъ не очень блистательны вообще и результаты стоящаго рядомъ съ общиной помѣщичьяго хозяйства, которое однако же имѣетъ основою совершенно отдѣльную, личную собственность. Если намъ укажутъ на нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ помѣщичьихъ хозяйствъ, доведенныхъ до высокой степени процвѣтанія, то мы съ своей стороны готовы назвать не мало деревень, въ которыхъ, при общинномъ владѣніи землею, хозяйство крестьянъ находится въ такомъ положеніи, какого только можно желать при настоящихъ экономическихъ условіяхъ земледѣлія. Скажемъ болѣе, — почти вездѣ, гдѣ бремя крѣпостнаго состоянія замѣтно облегчалось, крестьяне, если они только не были совершенно убиты духомъ отъ предшествовавшаго угнетенія, въ скоромъ времени приводили свое хозяйство въ порядокъ и достигали весьма удовлетворительныхъ результатовъ: общинное владѣніе землею повидимому имъ не мѣшало. Почему же невозможно было бы дальнѣйшее развитіе общины въ этомъ направленіи? Если теперь, при мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ, хозяйство крестьянъ-общинниковъ не уступаетъ помѣщичьему, то почему съ развитіемъ вообще экономическихъ понятій въ нашемъ народѣ не могли бы привиться къ его хозяйству и дальнѣйшія улучшенія, въ особенности если бы крестьяне увидѣли вокругъ себя примѣры удачнаго примѣненія этихъ улучшеній? Общинное владѣніе совсѣмъ не требуетъ такихъ частыхъ передѣловъ земли, какъ хотятъ доказать противники его; во всякомъ случаѣ они не могутъ быть довольно часты, чтобы служить препятствіемъ къ тому, чтобы крестьянинъ хорошо унавоживалъ и тщательно обработывалъ свою

Digitized by Google

полосу, а тѣмъ болѣе когда, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на землю, обработка ея вообще будетъ несравненно лучше настоящей. Недостатокъ кредита также не составитъ препятствія къ улучшенію хозяйства, потому что, при надлежащемъ развитіи его, круговая порука цѣлаго общества достаточныхъ землевладѣльцевъ будетъ достаточнымъ обезпеченіемъ для довольно значительной ссуды, которая притомъ, по мірскому приговору, можетъ быть обезпечена даже гипотекой на какой-нибудь отдѣльный участокъ земли. Вообще мы полагаемъ, что зло, къ которому пришли западные народы, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія личной собственности и неизбѣжно слѣдующаго за нею пролетаріата, такъ велико, что для избѣжанія его,—если бы мы и не имѣли столькихъ причинъ, какъ имѣемъ теперь, вѣрить въ будущность нашей сельской общины, — все же слѣдовало бы сдѣлать попытку, и не прежде отчаяться въ успѣхѣ, какъ тогда, когда несостоятельность этого порядка была бы доказана несомнѣннымъ опытомъ.

Что же касается до начавшагося уже, по мнѣнію г. Тернера, перехода отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, котораго признаки авторъ находитъ въ образованіи въ малоземельныхъ селеніяхъ болѣе или менѣе значительнаго числа затяглыхъ, то мы полагаемъ, что этому факту совсѣмъ не слѣдуетъ придавать такого значенія. Затяглые, хотя и не владѣютъ непосредственно землею, но все-таки принадлежатъ къ общинѣ, и по самой принадлежности своей къ семействамъ, которыхъ другіе члены владѣютъ землею, не могутъ считаться пролетаріями, точно такъ, какъ не долженъ быть отнесенъ къ этому разряду неотдѣленный сынъ достаточнаго землевладѣльца. Притомъ, независимо отъ возможности для каждаго затяглаго, при будущемъ передѣлѣ, получить во владѣніе особый участокъ земли, — если, съ распространеніемъ лучшихъ понятій о хозяйствѣ, окажется возможнымъ на томъ же количествѣ земли, посредствомъ увеличенія суммы труда прокормить большее число людей, то затяглые могутъ вступать въ непосредственный составъ общины, какъ полноправные ея члены, а не какъ бездомные батраки. Однѣ уже эти черты различія, по нашему мнѣнію, достаточны, чтобы рѣзко отдѣлить положеніе нашихъ затяглыхъ отъ безотраднаго и безъисходнаго положенія западныхъ пролетаріевъ, а слѣдовательно и образовавшуюся въ селеніяхъ, къ которымъ затяглые приписаны, организацію поземельнаго владѣнія—отъ полной личной собственности, обусловливающей существованіе пролетаріата.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ“. 1858 Г. ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ помѣщена весьма любопытная статья, составленная чиновниками министерства гг. Колошинымъ, фонъ-Шульцемъ 1-мъ, барономъ Штакельбергомъ, фонъ-Шульцемъ 2-мъ и фонъ Брадке „Объ устройствѣ уѣзднаго управленія и полиціи и о кругѣ дѣйствій мирныхъ судей во Франціи, Англіи и Пруссіи“. Эта статья, вообще весьма добросовѣстно и по лучшимъ источникамъ составленная, между прочимъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи общинъ въ означенныхъ трехъ государствахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ должностнымъ лицамъ, завѣдывающимъ мѣстнымъ управленіемъ. Считаемъ неизлишнимъ привести ихъ въ краткомъ извлеченіи.

Во Франціи пространство общинъ опредѣлено въ 1789 году, на основаніи прежняго раздѣленія на приходы и муниципалитеты. Число жителей въ общинахъ

Digitized by Google

весьма неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ менѣе 500, а въ другихъ болѣе 10,000 жителей. Каждая община, въ томъ числѣ и города, за исключеніемъ Парижа и Ліона, управляется мэромъ, назначаемымъ въ главныхъ городахъ и значительныхъ общинахъ императоромъ, а въ прочихъ—префектомъ департамента. Завѣдыванію мэра предоставлена часть исполнительная, а гдѣ нѣтъ особаго полицейскаго комиссара,—и полицейская. Кромѣ того, учрежденъ въ каждой общинѣ муниципальный совѣтъ изъ членовъ, избранныхъ жителями ея на 5 лѣтъ, числомъ отъ 10-ти до 36-ти. Этотъ совѣтъ, въ которомъ мэръ по званію своему занимаетъ предсѣдательское мѣсто, разрѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся до управленія общественными имуществами, составляетъ общинный бюджетъ и повѣряетъ отчеты мэра о ввѣренныхъ его завѣдыванію суммахъ. Попечителемъ всѣхъ общинъ въ департаментѣ считается префектъ, на разсмотрѣніе котораго восходятъ всѣ дѣла ихъ, даже тѣ, по которымъ муниципальный совѣтъ имѣетъ право давать окончательныя разрѣшенія; въ случаѣ возникновенія жалобъ, которыя префектъ признаетъ справедливыми, онъ имѣетъ право эти разрѣшенія своею властью отмѣнять. Вторую административную инстанцію составляетъ подпрефектъ, съ окружнымъ совѣтомъ изъ 9 членовъ по выбору, къ которому онъ стоитъ, за исключеніемъ права предсѣдательства, почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ мэръ къ муниципальному совѣту. Третья инстанція—префектъ, съ совѣтомъ префектуры, состоящимъ изъ совѣтниковъ отъ короны, и главнымъ департаментскимъ совѣтомъ, котораго члены избираются всѣмъ департаментомъ по одному отъ каждаго кантона (кантонъ состоитъ изъ нѣсколькихъ общинъ, около 10-ти). Судебная власть въ низшей инстанціи поручается мирному судьѣ, назначаемому правительствомъ изъ числа трехъ кандидатовъ, которыхъ представляетъ президентъ мѣстнаго гражданскаго суда. На каждый кантонъ назначается одинъ мирный судья.

Въ Англіи должности мѣстнаго управленія раздѣляются на исполнительныя и судебно-полицейскія. Къ первому разряду принадлежатъ должности: 1) шерифа, который назначается королемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ собраніемъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, и считается первымъ лицомъ въ графствѣ, а на этомъ основаніи предсѣдательствуетъ въ народномъ собраніи его; 2) коронэра, избираемаго народнымъ собраніемъ графства и имѣющаго главнымъ атрибутомъ власть слѣдственную, и наконецъ 3) констэблей, которые раздѣляются на сотскихъ и десятскихъ и избираются общинами; впрочемъ сотскіе констэбли (high constables) нерѣдко назначаются собраніями мирныхъ судей; обязанность констэблей заключается въ ближайшемъ надзорѣ за полицейскимъ порядкомъ и въ сборѣ податей. Составляющіе второй разрядъ должностей, мирные судьи назначаются особою королевскою грамотою; каждый земледѣлецъ, имѣющій не менѣе 100 фунтовъ стерлинговъ (625 р. сер.) дохода съ собственной или состоящей въ пользованіи его земли, имѣетъ право изъявить желаніе быть мирнымъ судьею. Комплектъ судей не ограниченъ и потому отказа не бываетъ иначе, какъ по какимъ либо особенно важнымъ причинамъ. Кругъ дѣйствія мирнаго судьи двоякій: когда онъ дѣйствуетъ одинъ, то сущность его обязанностей, по объясненію нѣмецкаго юриста Финке, составляетъ общая полиція, вспомоществуемая судебною властью настолько, сколько того требуетъ полное и успѣшное выполненіе полицейскихъ обязанностей; впрочемъ эта власть простирается до права заключать праздныхъ и безпорядочныхъ людей (idle and disorderly persons) въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ.

Digitized by Google

а негодяевъ и бродягъ (rogues and vagabonds) до слѣдующаго главнаго засѣданія. Конечно въ статутахъ съ точностью опредѣлено, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ этими названіями. Въ главныхъ засѣданіяхъ, имѣющихъ, кромѣ весьма обширной судебной власти, также и административный характеръ, собраніе всѣхъ мирныхъ судей графства разсматриваетъ отчеты разныхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляетъ сумму общаго налога на удовлетвореніе потребностей графства и распредѣляетъ его между общинами пропорціонально доходу, получаемому ими съ земли. Община, которая почтетъ распредѣленіе неправильнымъ, представляетъ объ этомъ главному засѣданію, или приносить жалобу одному изъ государственныхъ судей, при чемъ она должна представить сто фунтовъ стерлинговъ въ залогъ уплаты судебныхъ издержекъ, на случай, если жалоба будетъ признана неправильною. Главныя засѣданія также завѣдываютъ расходованіемъ общаго сбора и имѣютъ надзоръ за всѣми содержимыми на счетъ его общественными заведеніями. Сборы на нужды прихода, въ числѣ которыхъ находится подать на содержаніе бѣдныхъ, и всѣ распоряженія, относящіяся къ управленію приходскимъ общественнымъ имуществомъ, опредѣляются собраніемъ всѣхъ прихожанъ, которое избираетъ для завѣдыванія имуществомъ особыхъ старостъ. Вообще выборы производятся не по сословіямъ, а по общинамъ, и всякій землевладѣлецъ, лордъ ли онъ, купецъ или крестьянинъ,—одинаково участвуетъ въ народномъ собраніи. Способъ, употребляемый для самаго акта выборовъ, есть такъ называемый poll, открытое наименованіе избираемаго лица или написаніе его имени.

Пруссія въ административномъ отношеніи раздѣляется на провинціи, которыя подраздѣляются на округи и уѣзды. Части уѣздовъ составляютъ общины. Главное лицо въ уѣздномъ управленіи ландратъ, избираемый изъ числа владѣльцевъ дворянскихъ имѣній собраніемъ представителей уѣзда, которое состоитъ изъ всѣхъ помѣщиковъ, нѣсколькихъ городскихъ и трехъ сельскихъ депутатовъ. Завѣдываніе полицейскимъ управленіемъ города или селенія принадлежитъ самимъ обществамъ, которыя избираютъ изъ своей среды бургомистровъ, членовъ магистрата, шульцовъ и шеппеновъ; въ важнѣйшихъ городахъ, крѣпостяхъ и въ общинахъ, имѣющихъ болѣе 10,000 жителей, мѣстная полиція можетъ быть поручена, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, чиновнику государственной службы, которому и назначается жалованье отъ правительства, всѣмъ же прочимъ лицамъ оно производится изъ собственныхъ средствъ общины. Власти, завѣдывающія мѣстною полиціею, по совѣщанію съ представителями общины, имѣютъ право обнародовывать полицейскія распоряженія и за неисполненіе ихъ налагать штрафы до трехъ талеровъ, а съ разрѣшенія окружнаго правленія и до 10 талеровъ. Всякое распоряженіе мѣстной полиціи можетъ быть отмѣнено окружнымъ правленіемъ, которое при этомъ обязано только въ предписаніи своемъ объяснить причины, побудившія его къ отмѣнѣ. Жалобы на полицію могутъ быть приносимы тому присутственному мѣсту, которому она непосредственно подчинена; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ которымъ относится между прочимъ нарушеніе правъ собственности, дѣйствія полиціи могутъ быть предметомъ гражданскаго иска. Слѣдствія о совершенныхъ въ общинѣ преступленіяхъ и проступкахъ начинаются мѣстною полиціею и затѣмъ передаются особымъ чиновникамъ, называемымъ повѣренными государства (Staatsanwalt), которыхъ обязанность преслѣдовать виновныхъ предъ уѣзднымъ судомъ (Landgericht); для предварительнаго же разсмотрѣнія дѣлъ,

Digitized by Google

равно какъ и для разрѣшенія маловажныхъ споровъ, назначаются въ Рейнской провинціи мирные судьи отъ короны, а въ восточныхъ провинціяхъ чиновники отъ выбора, съ нѣсколько меньшимъ кругомъ дѣйствія, называемые посредниками (Schiedsmänner).

Разсмотрѣвъ эти три различныя организаціи мѣстнаго управленія, мы находимъ въ каждой изъ нихъ свои особенные недостатки. Во Франціи, гдѣ даже предсѣдатель общины, мэръ, назначается отъ короны и всякое постановленіе общиннаго совѣта должно быть разсмотрѣно и утверждено префектомъ, община совершенно задавлена административною централизаціей. Въ Англіи, при превосходно развитомъ самоуправленіи въ каждой волости, присвоено слишкомъ сильное преобладаніе классу значительныхъ землевладѣльцевъ, и если бы не либеральный духъ, которымъ проникнуты всѣ учрежденія государства, то это преобладаніе перешло бы въ совершенное самовластіе. То же самое замѣчаемъ и въ сферѣ политической: нѣсколько десятковъ лѣтъ вліяніе землевладѣльцевъ съ успѣхомъ противилось отмѣнѣ законовъ о пошлинѣ на иностранный хлѣбъ, неоднократно подвергавшихъ бѣдное населеніе государства гнету страшной дороговизны на всѣ съѣстные припасы. Въ Пруссіи мы находимъ смѣшеніе обоихъ элементовъ: съ одной стороны ландраты, представители уѣздной власти, избираются собраніемъ всѣхъ владѣльцевъ дворянскихъ имѣній, въ которомъ участвуютъ только три депутата сельскихъ общинъ, съ другой стороны не только общины, но и ландраты совершенно подчинены окружнымъ правленіямъ, состоящимъ изъ коронныхъ чиновниковъ, и даже для завѣдыванія мѣстною полиціею въ значительныя общины назначаются чины отъ короны.—Должно желать, чтобы мы, позже всѣхъ народовъ Европы ставшіе на стезю общественнаго развитія, основаннаго на полноправности всѣхъ гражданъ, избѣжали въ равной мѣрѣ всѣхъ означенныхъ недостатковъ и показали примѣръ административной организаціи, вполнѣ обезпечивающей эту полноправность.

„СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО“ № 10-й.

Рекрутская повинность, подати, обезпеченіе народнаго продовольствія и распространеніе грамотности въ крестьянствѣ. Г. Голубцова.

Статья эта касается вопросовъ, которые имѣютъ несомнѣнную важность въ дѣлѣ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ и теперь особенно выдвигаются впередъ, когда главныя основанія этого дѣла (надѣлъ крестьянъ землею за выкупъ или въ постоянное пользованіе, впредь до выкупа, за опредѣленныя повинности) уже, можно сказать, почти рѣшены общественнымъ мнѣніемъ. Вопросы о преобразованіи рекрутской повинности и порядка взиманія податей г. Голубцовымъ только слегка затронуты; точнѣе онъ разбираетъ недостатки нынѣшней системы обезпеченія народнаго продовольствія, которые заключаются, по мнѣнію г. Голубцова, въ томъ, что въ сельскіе запасные магазины хлѣбъ засыпается по числу только душъ ревизскихъ, не считая женщинъ, и что ежегодные взносы хлѣба въ магазинъ прекращаются по достиженіи въ магазинѣ извѣстной пропорціи хлѣба, а именно по одной четверти ржи и по получетверти яроваго на каждую душу. Г. Голубцовъ думаетъ, что правильнаго обезпеченія народнаго продовольствія

Digitized by Google

можно бы достигнуть установленіемъ постояннаго, ежегоднаго взноса хлѣба въ магазины съ каждой души, или устройствомъ мірской запашки. Съ этимъ трудно вполнѣ согласиться. Если пропорція хлѣба, указанная въ настоящее время, мала (г. Голубцовъ доказываетъ, что ея можетъ быть достаточно, въ случаѣ голода, на прокормленіе крестьянъ лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ), то можно доказывать необходимость увеличить ее; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно отмѣнить всякое указаніе нормальнаго количества хлѣба, какое должно накопиться въ магазинахъ для достиженія предположенной цѣли, а сбирать хлѣбъ постоянно, сколько бы его ни накопилось и хотя бы количество его и превышало уже дѣйствительную надобность. Намъ случилось, года два тому назадъ, лично убѣдиться въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ такого порядка. Въ одной губерніи, по какому-то административному недоразумѣнію, сборъ хлѣба въ магазины продолжается ежегодно, хотя въ магазины давно уже засыпано указанное его количество. Что же выходитъ? Крестьяне, не видя конца сбору, не понимая, къ чему ведетъ такое накопленіе хлѣба, когда имъ въ ссуду выдаютъ все-таки не болѣе четверти наличнаго хлѣба, а остальной лежитъ такъ, смотрятъ на взносъ хлѣба, какъ на новую повинность, и стараются подъ всѣми возможными предлогами и всѣми законными и незаконными путями избѣжать исполненія ея. Мѣрные магазины, построенные соотвѣтственно законной пропорціи хлѣба, не могутъ вмѣщать лишняго засыпа, который ссыпается въ амбарахъ, гдѣ повѣрить количество его невозможно; а какъ по магазиннымъ книгамъ весь хлѣбъ, засыпанный какъ въ магазинѣ, такъ и въ амбарахъ, записывается вмѣстѣ, то повѣрить по книгамъ наличное количество хлѣба тоже невозможно. Въ магазинѣ хлѣба мало: вамъ скажутъ, что сверхъ того въ амбарахъ столько-то (а правда это или нѣтъ—неизвѣстно) и что магазинный хлѣбъ розданъ въ ссуду крестьянамъ... Вообще всякое требованіе, основанное на здравыхъ соображеніяхъ и на справедливости, должно быть опредѣленно и ясно; неопредѣленное требованіе всегда представится произвольнымъ.

По нашему мнѣнію, одно изъ главныхъ неудобствъ нынѣшней системы запасныхъ магазиновъ заключается въ затрудненіяхъ и формальностяхъ, съ которыми сопряжено, для крестьянъ, полученіе въ ссуду хлѣба. Тамъ, гдѣ законъ строго соблюдается, гдѣ въ дѣйствительности, а не на бумагѣ только, магазины наполнены указнымъ количествомъ хлѣба (то есть далеко не вездѣ), тамъ, какъ мы лично имѣли случай убѣдиться, крестьяне считаютъ запасный магазинъ неприкосновеннымъ казеннымъ имуществомъ. Ссуды получать изъ него такъ трудно, что независимо отъ такъ называемаго крестьянами *казеннаго* магазина крестьяне сами устраиваютъ свой *общественный* магазинъ, куда засыпаютъ хлѣбъ добровольно, но за то и получаютъ оттуда ссуды безъ всякаго правительственнаго контроля. Это мы видѣли въ нѣсколькихъ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были ввѣрены собственному своему управленію и дѣлали это безъ всякаго побужденія со стороны помѣщика. Стало быть, крестьяне легко могутъ понять пользу *общественныхъ* запасныхъ магазиновъ, а не любятъ собственно *казенныхъ*.

На это могутъ сказать, что предоставленіе распоряженія хлѣбными запасами крестьянскимъ обществамъ, безъ правительственнаго надзора, не можетъ обезпечить народнаго продовольствія на случай общаго голода, что крестьяне будутъ заботиться объ удовлетвореніи ежегодныхъ своихъ нуждъ, будутъ брать хлѣбъ

Digitized by Google

весною и засыпать осенью, но не заботятся о составленіи большаго запаса на случай совершеннаго неурожая. Это можетъ быть и справедливо; но тогда лучше всего отдѣлить обезпеченіе народнаго продовольствія въ крайнихъ случаяхъ (что должно составлять предметъ заботливости правительства) отъ обезпеченія ежегодныхъ нуждъ крестьянъ, что можетъ быть вполнѣ предоставлено обществамъ, съ указаніемъ имъ только нѣкоторыхъ правилъ, для устройства сельскихъ магазиновъ, но безъ обремененія крестьянъ, при выдачѣ ссудъ, обязанностью испрашивать разрѣшенія у начальства... На случай же голода могутъ быть устроены правительствомъ, въ извѣстныхъ пунктахъ, особые запасные магазины, которые должны находиться подъ постояннымъ надзоромъ начальства и откуда ссуды должны допускаться лишь во время голода. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, общественное продовольствіе можетъ быть значительно обезпечено запасными капиталами, съ помощью которыхъ, при мѣстныхъ неурожаяхъ, можно будетъ выписывать хлѣбъ изъ другихъ губерній.

Г. Голубцовъ вполнѣ сознаетъ необходимость распространенія между крестьянами грамотности. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ вмѣнить въ обязанность каждому сельскому обществу дѣлать ежегодно денежный сборъ, опредѣленный заранѣе мірскимъ приговоромъ и достаточный на устройство сельской школы. На это, по мнѣнію г. Голубцова, потребуется незначительная сумма. Изба, нужная для сельской школы, легко найдется; бумаги и чернилъ потребуется не много; учителя за 25 руб. въ годъ можно найти въ сельскомъ священникѣ или его причтѣ. Многія жены, сестры и дочери помѣщиковъ, какъ полагаетъ г. Голубцовъ, съ готовностью примутъ современемъ на себя обязанности сельскихъ учительницъ. Курсъ обученія будетъ начинаться осенью, послѣ уборки полей, и кончаться великимъ постомъ, потому что весною и лѣтомъ даже дѣти нужны и полезны въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Отвѣты по устройству быта помѣщиковъ и крестьянъ. Г. Шепелева.

Характеръ и направленіе статьи этой будутъ достаточно ясны, если мы приведемъ изъ нея буквально нѣкоторыя мѣста. Буквально мы считаемъ нужнымъ привести ихъ для того, чтобы насъ не заподозрили (какъ то сдѣлалъ разъ г. Протасьевъ по поводу разбора его статьи) въ преувеличеніи несправедливыхъ въ отношеніи къ крестьянамъ предположеній автора-помѣщика; да и въ самомъ дѣлѣ, выраженіе подобныхъ идей въ настоящее время довольно неправдоподобно: le vrai quelquefois n'est pas vraisemblable.

„Теперь наши крестьяне поселены, по большей части, подлѣ помѣщичьихъ усадебъ, что было весьма удобно при крѣпостномъ правѣ; но, поосвобожденіи крестьянъ, близость эта только послужитъ поводомъ къ частымъ непріятнымъ столкновеніямъ и тяжбамъ. Помѣщику должно быть предоставлено право указать крестьянамъ мѣста для ихъ новаго поселенія; а никакъ нельзя при этомъ основываться на обоюдномъ соглашеніи помѣщика и крестьянъ. Конечно, крестьяне пожелаютъ остаться на теперешнихъ своихъ мѣстахъ, ибо помѣщики, для поселенія крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ, а не свободныхъ, избирали лучшія мѣста въ своихъ дачахъ; но помѣщики не могутъ согласиться уступить эти мѣста свободнымъ крестьянамъ и перейти съ своими, часто многоцѣнными, усадьбами въ мѣста, не столь удобныя. Можно положить за правило, чтобы помѣщикъ назначилъ для новаго поселенія крестьянъ два или три мѣста, изъ которыхъ крестьянамъ предоставить право выбора“.

Digitized by Google

„Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ вообще должно совершиться на счетъ самихъ крестьянъ, коимъ помѣщики даруютъ свободу“.

„Собственно осѣдлость крестьянскую въ нашихъ мѣстахъ составляютъ не болѣе 200 кв. саж. на душу; но кромѣ того крестьянину нужно имѣть выгонъ и полезно имѣть хотя небольшую полевую запашку. Для всего этого, въ нашихъ мѣстностяхъ, достаточно одной десятины на ревизскую душу, больше чего помѣщики удѣлить и не могутъ. Такое количество земли обезпечитъ крестьянское продовольствіе и выполненіе обязанностей предъ правительствомъ“.

„Половина крестьянъ можетъ уходить для заработковъ въ дальнія мѣстности, а другая половина будетъ наниматься въ батраки у ближайшихъ помѣщиковъ. Такимъ способомъ они пріобрѣтутъ для своихъ домовъ до 1,400 р. въ годъ. 40 тягловыхъ работницъ, въ нашихъ мѣстностяхъ, нанимаясь жать и вязать хлѣбъ, какъ это и теперь дѣлается, выработаютъ болѣе 100 четвертей ржи; ихъ поля и огороды легко обработаются затяглыми“.

Короче сказать,—г. Шепелевъ предлагаетъ сдѣлать изъ крестьянъ-земледѣльцевъ не землевладѣльцевъ, а батраковъ. Хорошее улучшеніе быта! И какая польза крестьянамъ въ ихъ усадьбахъ и огородахъ, если цѣлая половина ихъ, для снискиванія себѣ пропитанія, должна, по отзыву самого автора, уходить ежегодно въ дальнія мѣста? Ужъ тогда лучше бы не навязывать имъ и усадебъ; тогда эта половина крестьянъ совсѣмъ переселилась бы въ тѣ дальнія мѣста и пріобрѣла бы тамъ осѣдлость на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Понятно еще, что можно говорить о надѣленіи однѣми усадьбами батраковъ тамъ, гдѣ они теперь есть (напр. въ тѣхъ уѣздахъ Витебской губерніи, гдѣ землею пользуются не всѣ крестьяне, а только хозяева, или фермеры, обработывающіе свои 20-десятинные участки съ помощью батраковъ); но рѣшиться предлагать образованіе батрачества тамъ, гдѣ его не было, отнятіе у крестьянъ той земли, которою они пользовались и которую они орошали своимъ потомъ не одно столѣтіе, и присоединеніе земли этой къ господскимъ полямъ, для образованія какихъ-то огромныхъ плантацій—это ужъ что-то слишкомъ странно! А что, если помѣщику вздумается запустить часть этихъ плантацій подъ лѣсъ: куда дѣнутся тогда крестьяне съ своимъ трудомъ и съ своими дорого выкуплеными усадьбами? При фермерномъ хозяйствѣ, батраку перейти отъ одного фермера къ сосѣднему не далеко, да и фермеръ, обязанный платить ренту, не можетъ сократить своего хозяйства. А помѣщику, имѣющему 20,000 десятинъ земли, не трудно отдѣлить изъ нихъ подъ лѣсъ хоть 300 и оставить безъ работы соотвѣтственное число крестьянъ, которымъ придется или бросить усадьбы, или ходить далеко на заработки, разлучаясь безпрестанно съ семьею. А г. Шепелевъ остается своимъ предположеніемъ совершенно доволенъ и говоритъ еще, что помѣщики приносятъ великую жертву, освобождая личность крестьянъ. Хороша жертва! Всякому извѣстно, что свободный и голодный ирландецъ работаетъ лучше и стоитъ дешевле, чѣмъ негръ, работающій изъ подъ палки.

Странно было намъ увидѣть подобную статью въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“. Впрочемъ издатель помѣстилъ ее съ оговоркою, что онъ вполнѣ не согласенъ съ авторомъ.

Соображенія по улучшенію быта крестьянъ. Г. Еремѣева.

Въ небольшой статьѣ этой авторъ весьма основательно доказываетъ, что въ Кіевской губерніи уменьшеніе существующаго надѣла крестьянъ землею не только

Digitized by Google

будетъ разорительно для крестьянъ, но и для всѣхъ другихъ сословій. Далѣе г. Еремѣевъ представляетъ оцѣнку рабочихъ дней и дѣлаетъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію невполнѣ развитыя, предположенія о превращеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя.

О поземельномъ кредитѣ въ царствѣ Польскомъ. Главы II и III.

Первая глава статьи этой, излагающая сущность и значеніе гипотечныхъ постановленій, дѣйствующихъ въ царствѣ Польскомъ, была помѣщена въ 9 № „Сельскаго Благоустройства" и разобрана нами въ ноябрьской книжкѣ „Современника" прошлаго года. Во второй и третьей главахъ изложены довольно подробно правила о производствѣ обезпеченій по гипотечной системѣ и о порядкѣ, по которому удовлетворяютъ права, обезпеченныя гипотекою.

„СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО" № 11.

Предположеніе объ устройствѣ быта крестьянъ. Н. П.

Въ примѣчаніи къ этой статьѣ издатель „Сельскаго Благоустройства" объясняетъ, что подъ буквали Н. П. скрывается имя опытнаго хозяина, извѣстнаго своими многосторонними свѣдѣніями.

Разсказавши, въ началѣ статьи, неудавшуюся ему попытку перевести крестьянъ своихъ съ поденной барщины на круговое обязательство всего міра обработать въ его пользу извѣстное пространство земли, г. опытный хозяинъ Н. П. излагаетъ слѣдующія предположенія.

За выкупъ усадебъ онъ полагаетъ назначить съ тягла по 105 р. сер.; потому для выкупа усадебъ въ теченіе переходнаго двѣнадцатилѣтняго срока, крестьянамъ пришлось бы уплачивать ежегодно по 7 руб. 75 коп. съ тягла; а какъ такая уплата была бы для нихъ слишкомъ обременительна, то авторъ предлагаетъ предоставить усадьбы крестьянамъ въ постоянное пользованіе, пока они будутъ оставаться въ составѣ общества, съ уплатою за то по 2 руб. въ годъ; сверхъ того взимать съ каждаго двора по 2 руб. страховой преміи; деньги эти вносить въ уѣздное казначейство, которое, обращаясь такимъ образомъ въ страховое отъ огня общество, обязано было бы выдавать по 100 руб. на каждый сгорѣвшій дворъ. Крестьянъ надѣлить землею въ пользованіе въ количествѣ двухъ десятинъ на ревизскую душу въ многоземельныхъ имѣніяхъ, $1^1/_2$ десят. въ среднеземельныхъ и 1 десят. въ малоземельныхъ. Этотъ нормальный надѣлъ назначить въ тѣхъ видахъ, чтобы крестьяне имѣли право пріобрѣсти его въ полную собственность, когда правительство сочтетъ возможнымъ совершить выкупъ земли; на переходное же время оставить въ пользованіи крестьянъ всю ту землю, какою они владѣли до настоящаго времени. Землю раздѣлить по числу наличныхъ тяголъ, съ оставленіемъ нѣсколькихъ запасныхъ тягольныхъ участковъ для прибылыхъ душъ.

Всѣ казенныя, денежныя и натуральныя повинности распредѣлить не по душамъ, а по поземельнымъ участкамъ, кромѣ рекрутской повинности, которая должна лежать на крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ и исполняться по очередному порядку, по каждому селенію особо. Для уравненія между семействами тягости

Digitized by Google

рекрутскаго набора, которая вся ложится на тѣ семьи, гдѣ есть рослые и здоровые мужики, и не касается тѣхъ, гдѣ члены семейства имѣютъ какіе-либо тѣлесные недостатки, авторъ предлагаетъ: при объявленіи набора взимать со всѣхъ тяголъ денежный сборъ на сумму, которая составила бы по 300 руб. сер. на каждаго слѣдующаго съ общества рекрута. Изъ этой суммы производить всѣ расходы при сдачѣ рекрутъ; затѣмъ четвертую часть суммы вручать отданнымъ въ военную службу, а остальное ихъ семействамъ.

При надѣлѣ земли по 7 десятинъ на тягло, требовать съ крестьянъ барщину по три дня въ недѣлю, т. е. по 140 дней въ году, или оброкъ въ 30 руб. сер.; при меньшемъ же надѣлѣ соотвѣтственно уменьшать повинности. Работы отправлять по урочному положенію и обезпечить исправное выполненіе повинностей круговою порукою міра. Дворовымъ выдавать, во время обязательной службы ихъ, сверхъ пищи и одежды, жалованье по состоянію и быту ихъ; срокъ обязательной службы дворовыхъ ограничить 60-ти-лѣтнимъ возрастомъ; но новорожденныхъ послѣ IX ревизіи считать уже свободными; если же помѣщикъ приметъ на себя попеченіе о нихъ въ малолѣтствѣ, то они должны прослужить ему отъ 5 до 6 лѣтъ по обоюдному согласію.

Мірское полицейское управленіе составить изъ старосты съ помощникомъ. Распредѣленіе повинностей и разрѣшеніе разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, касающихся общества, производить на мірскихъ сходкахъ. Для разбора жалобъ и проступковъ крестьянъ учредить мірской судъ изъ старосты и двухъ выборныхъ. Полицейскую власть, начальство надъ обществомъ и право утвержденія мірскихъ приговоровъ предоставить помѣщику.

Вполнѣ признавая, что статья эта изобличаетъ въ авторѣ опытнаго хозяина и помѣщика, мы не можемъ не замѣтить, что онъ весьма справедливо и основательно назвалъ свою статью предположеніями *объ устройствѣ* быта крестьянъ, а не вздумалъ, какъ нѣкоторые другіе помѣщики, называть статьи подобнаго содержанія предположеніями объ *улучшеніи* быта крестьянъ. Гдѣ же тутъ въ самомъ дѣлѣ улучшеніе? Прежде крестьяне пользовались усадьбами даромъ; г. Н. П. предлагаетъ имъ платить за пользованіе усадьбами по 2 р. въ годъ. Прежде крестьяне работали по три дня въ недѣлю безъ уроковъ и круговой поруки; по предложеніямъ г. Н. П. они должны впредь работать тѣ же три дня, но по урокамъ и съ круговою порукою, что будетъ стоить добрыхъ четырехъ дней. Дворовые остаются на обязательной службѣ до 60 лѣтъ, а освобождаются отъ нея только родившіеся послѣ 9-й ревизіи. Г. Н. П. забываетъ, что по истеченіи 12-лѣтняго срока всѣ дворовые и недостигшіе 60-лѣтняго возраста освободятся, по волѣ правительства, отъ обязательной службы; немедленное же освобожденіе рожденныхъ послѣ IX ревизіи составляло бы только освобожденіе помѣщиковъ отъ обязанности призрѣвать малолѣтнихъ, потому что къ концу переходнаго срока едва ли кто изъ дворовыхъ, рожденныхъ послѣ IX ревизіи, т. е. послѣ 1851 года, успѣетъ достигнуть совершеннолѣтія.

О крестьянскомъ поземельномъ надѣлѣ. Г. Троцины.

Болѣе, нежели самая статья эта, заслуживаетъ вниманіе напечатанное, въ выноскѣ къ ней, письмо, при которомъ статья доставлена къ издателю „Сельскаго Благоустройства“.

Digitized by Google

Приводимъ небольшую выписку изъ этого письма, гдѣ весьма мѣтко очерчены тѣ побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ составляются помѣщиками предположенія о возможно меньшемъ надѣлѣ крестьянъ землею:

„Въ прежнее время, надѣляя крестьянина средствами къ жизни, въ видѣ ли земли или чего иного, мы не принимали строго въ разсчетъ ни труда крестьянина, ни его услугъ; собственныя наши соображенія были мѣриломъ въ этихъ случаяхъ; назначалось такому-то столько, такому-то столько; большею частью было общее убѣжденіе, что крестьянину нужно очень мало, и если, вслѣдствіе недостаточнаго обезпеченія, крестьянинъ вынужденъ бывалъ обращаться къ помѣщику съ просьбой о пособіи, то мы смотрѣли на оказываемую ему помощь, не какъ на свою обязанность въ отношеніи къ нему, а какъ на актъ великодушія. Обязанностей своихъ къ крестьянину помѣщикъ не признавалъ почти никакихъ, развѣ какихъ-то общихъ, въ которыхъ не отказывается и всякому постороннему человѣку. Отъ этой-то старой привычки смотрѣть на крестьянина, какъ на обязываемаго нами, а не какъ на имѣющаго права, мы и теперь не можемъ вполнѣ освободиться. При рѣшеніи многихъ вопросовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, мы все еще отчасти дѣйствуемъ подъ вліяніемъ прежнихъ взглядовъ и убѣжденій. Напримѣръ, при опредѣленіи количества земли, которымъ крестьяне должны быть надѣлены, мы прежде всего разсчитываемъ, довольно ли ея останется у насъ. Съ этимъ бы еще можно согласиться; естественно, что собственный интересъ ближе всего; но бѣда въ томъ, что насъ трудно удовольствовать; намъ все кажется, что сколько ни удѣляй себѣ, для крестьянъ останется слишкомъ много; не легко успокоить насъ въ этомъ опасеніи: правда, до сего времени мы предоставляли крестьянамъ гораздо болѣе земли, чѣмъ сколько теперь мы хотимъ имъ дать, но тогда крестьяне были наши, говоримъ мы, а теперь не то. Основываясь на какомъ-то внутреннемъ чувствѣ, котораго я не умѣю назвать, большинство склоняется въ пользу самаго ограниченнаго надѣла. Такому соглашенію много помогаетъ недостатокъ сознанія,—каковы тѣ нужды крестьянина, которыя должны быть обезпечены землею. Многіе даже хорошо расположенные къ вопросу люди опасаются, что крестьяне при достаточномъ количествѣ земли, удовлетворясь ею, не будутъ имѣть побужденія къ заработкамъ, отчего мы лишимся рабочихъ; такъ, всѣ соглашаются въ томъ, что обязательной работы будетъ недостаточно. Посреди такого-то довольно распространеннаго расположенія къ надѣлу, по моему мнѣнію, недостаточному, я написалъ прилагаемую статью“.

Въ началѣ своей статьи, г. Троцина доказываетъ, что улучшенія быта крестьянъ должно стараться достигнуть: во 1-хъ, надѣленіемъ крестьянъ землею въ количествѣ, достаточно ихъ обезпечивающемъ; во 2-хъ, установленіемъ правильной соразмѣрности между трудомъ крестьянъ и предоставляемымъ имъ за него вознагражденіемъ, и въ 3-хъ, предоставленіемъ имъ болѣе свободнаго времени для собственныхъ работъ.

Послѣ всего этого можно было ожидать отъ автора безобидныхъ для крестьянъ предположеній о размѣрѣ поземельнаго надѣла. Между тѣмъ,—выводя подробными вычисленіями, что $1^3/_4$ десятины на душу едва ли будетъ достаточно для полнаго прокормленія крестьянина и обезпеченія его обязанностей передъ правительствомъ, и что такой размѣръ надѣла можетъ быть принятъ лишь за minimum,—авторъ приходитъ къ заключенію, что надѣлъ въ 2 десят. на душу можетъ быть принятъ за норму и будетъ совершенно достаточенъ. Но неужели такая слабая прибавка къ наименьшему, *едва ли достаточному*, надѣлу можетъ привести къ общей, вездѣ достаточной нормѣ надѣла? Для опредѣленія размѣра надѣла мало общихъ теоретическихъ вычисленій, надо принять въ разсчетъ и существующій надѣлъ. Если оставить при прежнетъ надѣлѣ крестьянъ, у которыхъ было по 5 десятинъ на тягло, то они конечно будутъ въ относительно

Digitized by Google

лучшемъ положеніи, нежели тѣ, у которыхъ прежде было 10 десятинъ и у которыхъ отняли бы половину. Большій размѣръ надѣла рѣдко происходитъ безъ основанія, по одному произволу помѣщика. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ земля вообще хуже; притомъ, такъ какъ ее слишкомъ много, то на всю не хватаетъ навоза. Скоро ли многоземельные крестьяне, у которыхъ бы отняли часть ихъ земли, успѣли бы довести свои поля до той степени плодородія, до какой по необходимости доведены поля у малоземельныхъ крестьянъ; а покуда — чѣмъ стали бы питаться лишенные части своихъ угодій крестьяне? Уменьшать существующій надѣлъ можно только въ крайнихъ случаяхъ, т. е. тогда, когда въ пользованіи крестьянъ числилось болѣе земли, нежели они дѣйствительно могли обработать. Это правило принято было правительствомъ при составленіи инвентарныхъ правилъ; напримѣръ, въ инвентарныхъ правилахъ, введенныхъ въ Витебской губерніи (въ пунктѣ 5 отдѣла I) сказано, что если крестьяне имѣли при введеніи правилъ, земли менѣе $4^3/_4$ десят. на тягло, то имъ долженъ быть дополненъ надѣлъ до этого количества (вотъ справедливое значеніе наименьшаго надѣла, который, по выводамъ г. Троцины, можно опредѣлить для Полтавской губерніи въ 2 десят. на душу); если же крестьяне имѣли отъ $4^3/_4$ до 9 десятинъ на тягло, то надѣлъ остается прежній; излишнее же количество земли, противъ 9 десятинъ на тягло, помѣщикъ можетъ или отдѣлить себѣ, или оставить въ пользованіи крестьянъ по добровольному съ ними условію,

Если бы примѣнить подобныя правила къ Полтавской губерніи и принять за наименьшій надѣлъ по 2 десят. на душу, то высшимъ нормальнымъ надѣломъ слѣдовало бы назначить по крайней мѣрѣ $4^1/_2$ десят. на душу, т. е. норму, принятую въ извѣстныхъ случаяхъ существующими законами..

О цѣнности крестьянскихъ усадебъ, г. Раковича

Въ этой небольшой статьѣ авторъ доказываетъ, что крестьянскія усадьбы de facto и по обычаю всегда почитались собственностью крестьянина, что онѣ помѣщику прежде никакого дохода не приносили и въ цѣну не ставились, а что если „уже непремѣнно надобно положить цѣну пріобрѣтенію этой мнимой собственности“,—то нельзя цѣнить десятину усадебной земли дороже, чѣмъ вдвое противъ полевой.

Упраздненіе крестьянскаго права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи. Ю. Ѳ. Самарина. Статья IV.

Первыя три статьи замѣчательнаго сочиненія г. Самарина о крѣпостномъ правѣ и поземельныхъ отношеніяхъ въ Пруссіи помѣщены были въ 1, 2 и 4 №№ „Сельскаго Благоустройства“ за 1858 годъ. Мы довольно пространно говорили уже, въ прошлогодней іюльской книжкѣ „Современника“, объ этихъ статьяхъ, гдѣ такъ живо и вѣрно представлены были мѣры, принятыя Штейномъ къ установленію между помѣщиками и крестьянами правильныхъ и справедливыхъ отношеній.

Въ настоящей, не менѣе занимательной и поучительной статьѣ, г. Самаринъ говоритъ о мѣрахъ, принятыхъ въ Пруссіи, по крестьянскому дѣлу, въ позднѣйшее время.

Digitized by Google

Любопытно прослѣдить, какъ законодательство о поземельныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ въ Пруссіи, безпрестанно дополняемое и измѣняемое послѣ 1814 года, подъ вліяніемъ измѣнившагося политическаго направленія и болѣе успѣшной оппозиціи дворянъ, постепенно усложнялось и запутывалось, и вмѣсто того, чтобы привести, посредствомъ правильнаго выкупа крестьянскихъ повинностей, къ удовлетворительному для обѣихъ сторонъ разрѣшенію вопроса, къ устраненію, для общей пользы, всѣхъ обвѣтшалыхъ остатковъ феодальныхъ преимуществъ, стѣснявшихъ и раздражавшихъ крестьянъ, не принося помѣщикамъ соотвѣтственной выгоды,—послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ смутамъ 1848 года. Вслѣдствіе этихъ смутъ, 20-го апрѣля 1848 г. обнародованъ манифестъ къ поселянамъ, которымъ правительство принимало на себя обязательство, въ самомъ непродолжительномъ времени, пересмотрѣть законы объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, съ цѣлью ускорить и удешевить упраздненіе повинностей. Опасность была такъ очевидна, что тѣ самые помѣщики, которые прежде всѣхъ успѣшнѣе противодѣйствовали мѣрамъ правительства, теперь сами просили порѣшить вопросъ о повинностяхъ и удовлетворить крестьянъ.

Въ государственной конституціи, обнародованной въ 1850 году, объявлено крестьянамъ право неограниченнаго распоряженія недвижимою собственностью и выкупа повинностей, безвозмездное управленіе вотчинной юрисдикціи и полицейской расправы, а также и сохраненныхъ нѣкоторыми владѣльцами вотчинныхъ правъ, основанныхъ на феодальной подчиненности имъ сельскихъ обывателей. 2-го марта 1850 года утверждено, замѣнявшее собою всѣ прежнія постановленія, новое положеніе: вмѣстѣ съ тѣмъ указана финансовая операція, для окончательнаго освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости и предоставленія имъ полной поземельной собственности, посредствомъ выкупа поземельныхъ повинностей, лежавшихъ на владѣемыхъ ими участкахъ. Съ этою цѣлью учреждены въ каждой провинціи, за исключеніемъ лѣваго берега Рейна, *рентные банки*.

„СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО“ № 12.

Мысли о крестьянскомъ дѣлѣ, г. Ладыженскаго.

Въ статьѣ этой авторъ излагаетъ весьма дѣльныя мысли и соображенія о томъ, что для обезпеченія благосостоянія крестьянъ необходимо:

1) По возможности сократить переходное время, для скорѣйшаго освобожденія труда и личности крестьянина отъ зависимости помѣщика и дозволенія крестьянамъ свободно выбирать мѣста и занятія для своего труда, не стѣсняя ихъ, при переходахъ, излишними формальностями.

2) Соразмѣрить повинности крестьянъ съ предоставленными имъ въ пользованіе угодьями; при чемъ уравнять барщинныя работы съ оброкомъ, а не оброкъ съ работами, потому что трехъ-дневная барщина и сгоны, произвольно прежде налагаемые, не могутъ служить мѣриломъ для оброка, иначе настоящій оброкъ долженъ вдвое увеличиться, а это не покажется улучшеніемъ для крестьянъ.

3) Надѣлить крестьянамъ всей земли не менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу, предоставивъ имъ, по собственному усмотрѣнію, принять эту землю въ общинное пользованіе или раздѣлить ее по участкамъ въ личное пользованіе отдѣльныхъ семействъ.

Digitized by Google

4) Обезпечить крестьянъ противъ притѣсненія и несправедливостей властей, назначенныхъ для ихъ управленія.

5) Принять мѣры для распространенія между крестьянами грамотности.

Баронъ Шульцъ фонъ Амерадeнъ и докторъ Меркель, г. Самарина.

Начало этой статьи, гдѣ описана замѣчательная и заслуживающая полнаго уваженія дѣятельность барона Шульца по вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ Лифляндіи, помѣщено въ 5 № „Сельскаго Благоустройства". Мы уже говорили о статьѣ этой въ библіографіи, помѣщенной въ 10 № „Современника" за прошлый годъ. Во второй части своей статьи, г. Самаринъ говорилъ о докторѣ Меркелѣ, который своими сочиненіями много содѣйствовалъ развитію въ Лифляндіи мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Будучи сыномъ сельскаго пастора, Меркель съ дѣтства насмотрѣлся на возмутительные примѣры злоупотребленій помѣщичьей власти. Накипѣвшее въ немъ справедливое негодованіе отразилось въ его сочиненіяхъ. Сперва онъ выражалъ свое сочувствіе крестьянамъ стихотвореніями. Но вскорѣ онъ почувствовалъ необходимость серьёзно заняться вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ; изучивъ на мѣстѣ бытъ несчастныхъ латышей, онъ отправился въ Германію и тамъ напечаталъ замѣчательное сочиненіе, въ которомъ ярко выставилъ вредное вліяніе и жалкія послѣдствія крѣпостной зависимости, и въ то же время разобралъ постановленіе лифляндскаго ландтага 1765 года, указавшаго только полумѣры, которыя не въ состояніи были обезпечить благосостояніе крестьянъ. Сочиненіе это произвело глубокое впечатлѣніе въ Германіи, подѣйствовало на многихъ находившихся тамъ молодыхъ лифляндцевъ и подготовило будущихъ дѣятелей для предстоящей реформы. Въ самой же Лифляндіи оно, разумѣется, было принято дворянствомъ очень неблагосклонно. Но сѣмена здравыхъ идей были все-таки посѣяны и принесли, со временемъ, свой плодъ. Этимъ и послѣдующими сочиненіями докторъ Меркель возбудилъ въ литературѣ живое участіе къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права; въ этомъ отношеніи докторъ Меркель своими литературными трудами не менѣе содѣйствовалъ освобожденію крестьянъ, чѣмъ баронъ Шульцъ, который дѣйствовалъ своими рѣчами на дворянскихъ ландтагахъ и собственнымъ примѣромъ.

Digitized by Google

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ XI.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РѢШЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА.

Очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ прошедшемъ году.—Національное чувство, явившееся основаніемъ для рѣшенія этого дѣла.—Пересмотръ главныхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу.

Почти всегда въ исторіи бывало, что дѣло при своемъ осуществленіи обнаруживало такія стороны, которыхъ не замѣчалось въ немъ прежде, когда только начинали браться за его осуществленіе. Иногда возникаютъ затрудненія, которыхъ не предусматривали; иногда открывается, что вопросъ въ дѣйствительности гораздо шире, нежели какъ представлялся въ теоріи; иногда оказывается, что люди, которыхъ онъ касается, думаютъ о своихъ правахъ и потребностяхъ не совсѣмъ такъ, какъ предполагалось теоріею. Результатомъ, во всякомъ случаѣ, бываетъ то, что дѣло исполняется не совершенно по тому плану, по какому предполагалось исполнить его.

Когда у насъ думали, какъ приступить къ освобожденію крестьянъ, большинству разсуждавшихъ представлялось, что главная сторона дѣла состоитъ именно въ освобожденіи личности. Правда, многіе и тогда уже предвидѣли, что очень большую важность имѣетъ также вопросъ о землѣ. Но почти никто не предугадывалъ, какой рѣшительный оборотъ всему дѣлу дастъ на практикѣ связь личности съ землею.

До послѣдней минуты предполагалось, что помѣщики наши въ своей массѣ представляютъ сословіе, мало развитое, мало способное къ обсужденію государственныхъ вопросовъ. Когда созывались губернскіе комитеты, почти всѣ мы, и въ томъ числѣ сами помѣщики, полагали, что совѣщанія комитетовъ будутъ имѣть ребяческій характеръ.

Появились Высочайшіе рескрипты. Давно уже носился въ массахъ глухой говоръ о приближеніи такого рѣшенія. Тревожное ожиданіе было возбуждено до чрезвычайной степени. Наконецъ, дѣло началось. Оно заняло націю въ такой степени, что все остальное перестало обращать на себя вниманіе. Какъ же держатъ себя мужики, волненія между которыми опасались? Они держатъ себя такъ спокойно, какъ никогда еще не держали. Вотъ уже два года ждутъ они такъ терпѣливо, такъ благоразумно, что дай Богъ самымъ образованнымъ людямъ съ

Digitized by Google

самыми мягкими нравами выказать столько разсудительности и терпѣливости. Число безпокойствъ и преступленій, возникающихъ изъ крѣпостнаго права, въ послѣдніе два года было несравненно меньше, нежели въ предшествовавшіе годы.

Собрались губернскіе комитеты, въ которыхъ всѣ ожидали увидѣть неспособность, невѣжество, безтолковость. Но безтолковости нигдѣ нѣтъ и слѣда; совѣщанія ведутся правильно, основательно. Въ провинціальныхъ захолустьяхъ нашлось множество людей чрезвычайно образованныхъ, привыкшихъ думать, хорошо приготовленныхъ къ обсужденію задачъ, имъ предложенныхъ. Въ каждомъ комитетѣ явилось нѣсколько человѣкъ чрезвычайно замѣчательныхъ по уму и таланту.

Благодаря губернскимъ комитетамъ, крестьянское дѣло получило направленіе гораздо лучшее, нежели какого можно было ожидать прежде, чѣмъ обнаружилось ихъ вліяніе.

Вопросъ о личности былъ отдѣленъ отъ вопроса о землѣ. Землю должна была замѣнить усадьба. Даже и это опредѣленіе возбудило сильный ропотъ, такъ что подвергалось ослабленію. Начались софистическія истолкованія, по которымъ было открыто, что усадьба — только строеніе безъ земли, къ нему принадлежащей. Ободренные этимъ успѣхомъ, софисты пошли далѣе и начали перетолковывать правила о выкупѣ усадебъ даже въ этомъ урѣзанномъ видѣ. Было открыто, что подъ выкупомъ понимается не необходимость выкупа, а только разрѣшеніе согласиться на него. Для этого согласія были придуманы условія, при которыхъ согласіе оказывалось невозможнымъ въ большей части случаевъ. Отдѣленная отъ земли личность отдѣлилась даже и отъ усадьбы. Все это говорилось подъ предлогомъ выгоды помѣщиковъ.

Когда нашлись граждане, забывшіе о личномъ спокойствіи для охраненія государственнаго спокойствія, когда они сказали, что дѣло получаетъ неправильное истолкованіе, они подвергались преслѣдованію, будто противники намѣреній правительства. Просвѣщенными людьми овладѣло уныніе.

Но вотъ собрались комитеты. Они составились изъ людей, жившихъ по деревнямъ, знавшихъ русскій народъ не по наслышкѣ, знавшихъ національныя чувства. Они нашли, что отдѣлить личность отъ земли—дѣло невозможное; они показали своимъ свидѣтельствомъ, что производить такое раздѣленіе подъ предлогомъ сохраненія выгоды помѣщиковъ значитъ жестоко обманываться. Они поняли и доказали, что подобная попытка была бы гибельна для помѣщиковъ. Они, выборные отъ сословія помѣщиковъ, объявили, что помѣщики не хотятъ отдѣленія личности отъ земли и не могутъ хотѣть этого, потому что, иначе, вредя народу, они сами подвергались бы опасности.

Такимъ образомъ, вліяніе губернскихъ комитетовъ на ходъ крестьянскаго вопроса оказалось очень полезнымъ. Но, отдавъ имъ должную справедливость, нельзя намъ скрывать отъ себя и того, что комитеты не сдѣлали и не могли сдѣлать всего, что нужно для успѣшнаго рѣшенія этой задачи. Одною изъ причинъ такой недостаточности надобно считать обстоятельства, при которыхъ были созваны комитеты. Вопросъ тогда представлялся еще очень смутно и, по своимъ программамъ, губернскіе комитеты не могли разсматривать нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сторонъ его въ той широтѣ, какая должна принадлежать имъ. Еще важнѣе

Digitized by Google

было вліяніе самаго состава комитетовъ: они были представителями исключительно только одной стороны, интересовъ которыхъ касается крестьянскій вопросъ. Было бы напрасно доказывать, что для удовлетворительнаго рѣшенія надобно ближе узнать мысли и интересы другой стороны, именно самихъ поселянъ. Польза, принесенная дѣлу приглашеніемъ помѣщиковъ къ участію въ веденіи вопроса, должна служить доказательствомъ того, что было бы очень полезно выслушать и мнѣнія поселянъ, которыхъ предполагается освободить отъ крѣпостной зависимости. Въ статьяхъ, рядъ которыхъ мы теперь начинаемъ, мы хотимъ самымъ умѣреннымъ и спокойнымъ образомъ обозначить, какое рѣшеніе вопроса могло бы, хотя до нѣкоторой степени, соотвѣтствовать идеямъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ въ поселянахъ.

Отлагая до слѣдующаго раза вопросы объ административномъ устройствѣ и о государственныхъ повинностяхъ, мы теперь будемъ говорить только о той части экономической стороны дѣла, которая касается отношеній освобождаемыхъ крестьянъ къ частнымъ владѣльцамъ. Въ этой части дѣла важнѣйшими задачами должны считаться слѣдующія:

1) Неразрывная связь усадьбы съ землею и съ личностью, слава Богу, уже рѣшена. Но очень многіе говорятъ, что, при раздѣленіи крестьянской земли отъ господской, нынѣшнее положеніе крестьянскихъ усадебъ въ большей части случаевъ окажется неудобнымъ для помѣщиковъ. Что-жь тутъ дѣлать? Очень многіе говорятъ: надобно перенести крестьянскія усадьбы на новыя мѣста.

2) Неотъемлемая принадлежность земли къ личности, слава Богу, рѣшена. Но каковъ долженъ быть надѣлъ, это еще не рѣшено.

3) Что помѣщики должны получить вознагражденіе, этого никто изъ образованныхъ людей не отвергаетъ. Но на какомъ основаніи долженъ производиться разсчетъ вознагражденія?

4) Долженъ ли выкупъ земли быть совершенъ немедленно и быть объявленъ обязательнымъ или можетъ быть отложенъ до будущаго времени и предоставленъ добровольному соглашенію?

5) Какимъ способомъ можетъ быть производима уплата вознагражденія — исключительно деньгами или также и обязательнымъ трудомъ?

1) Можно ли поставить принудительнымъ правиломъ перенесеніе усадебъ.

Извѣстна чрезвычайная привязанность крестьянъ къ мѣстамъ своихъ жилищъ. Сами помѣщики знаютъ, что принуждать крестьянъ къ переселенію значило бы итти противъ ихъ чувствъ. По закону, принужденное переселеніе составляетъ одинъ изъ видовъ наказанія за уголовныя преступленія: возможно ли подвергать такой судьбѣ милліоны людей по произволу? Переселеніе само по себѣ, хотя бы и добровольное, соединено съ разрушеніемъ всего хозяйственнаго обзаведенія переселяющихся. Нѣтъ такихъ пособій, которыя были бы достаточны для покрытія убытковъ переселенія, когда оно должно совершаться огромными массами. Ни у помѣщиковъ, ни у правительства не достанетъ средствъ на вознагражденіе крестьянъ за потерю времени и имущества при переселеніи. Притомъ, для многихъ эгоистовъ принужденное переселеніе послужило бы поводомъ къ пріобрѣтенію при-

Digitized by Google

тѣснительныхъ выгодъ. Переселяющимся крестьянамъ были бы отведены поселенія въ мѣстахъ неудобныхъ, на участкахъ самыхъ дурныхъ; вмѣсто удобренной земли, занимаемой усадьбами, крестьяне получили бы песокъ, солончакъ, болота. Мы уже слышали предположенія о постройкѣ деревень на такихъ мѣстахъ, гдѣ даже нѣтъ текучей воды. Два переселенія равняются пожару, по народной поговоркѣ. Принужденное переселеніе было бы раззореніемъ для крестьянъ, было бы нарушеніемъ гражданскаго права, возмутило бы самыя завѣтныя привязанности человѣка: привязанность къ родовому жилищу и къ мѣсту, гдѣ схоронены отцы.

Каковы были бы слѣдствія такого факта? Раззореніе крестьянъ отняло бы у нихъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нанеся громадные убытки крестьянамъ, истративъ огромныя суммы на вспоможенія имъ (впрочемъ, далеко недостаточныя для покрытія ихъ убытковъ), помѣщики сами отняли бы у себя возможность получить вознагражденіе. Пробудивъ противъ себя вражду въ окружающей ихъ массѣ, помѣщики надолго подорвали бы возможность мирныхъ отношеній своихъ къ поселянамъ. Надобно ли говорить о степени пріятности и безопасности, и даже выгодности житейскихъ дѣлъ человѣка, который одинъ остался бы среди сотенъ и тысячъ недовольныхъ имъ людей?

Принужденное перенесеніе усадебъ было бы очень плохимъ разсчетомъ со стороны помѣщиковъ.

Говорятъ о неудобствахъ черезполосности, о неудобствахъ имѣть свой домъ среди чужихъ участковъ. Но если терпѣли черезполосицу въ теченіе сотенъ лѣтъ, можно потерпѣть ее два-три года. пока она, сама собою, вслѣдствіе частныхъ добровольныхъ соглашеній, уничтожится тамъ, гдѣ будетъ представлять дѣйствительное неудобство.

Говорятъ: „до сихъ поръ можно было терпѣть черезполосицу потому, что помѣщикъ имѣлъ власть надъ крестьянами и ихъ недоброжелательство обуздывалось страхомъ; а когда власть прекратится и недоброжелательство останется, неудобства черезполосицы будутъ невыносимы“. Но отъ образа дѣйствій самихъ помѣщиковъ будетъ зависѣть, останется ли недоброжелательство къ нимъ у поселянъ, или оно увеличится, или, напротивъ, исчезнетъ, замѣнившись признательностью и преданностью. Привязанность людей бѣдныхъ и угнетенныхъ пріобрѣтается легко. Будьте только справедливы къ нимъ, хотя даже не совсѣмъ справедливы, а лишь нѣсколько справедливы, и они станутъ обожать васъ. Не дѣлайте имъ напрасныхъ убытковъ и обремененій безъ всякой выгоды для самихъ васъ, и ихъ любовь станетъ ограждать васъ отъ всякихъ непріятностей; вы будете не только спокойны, но и сильны, какъ никогда еще не были. Обуздывать страхомъ— неудачное средство. И не думайте, чтобы опасности, среди которыхъ жили помѣщики, зависѣли только отъ безпорядковъ нашего административнаго и полицейскаго устройства; когда масса не расположена къ извѣстному человѣку, никакая полиція не оградитъ его отъ множества непріятностей. Примѣромъ того пусть послужитъ Ирландія. На Британскихъ островахъ полиція и судъ лучше, нежели гдѣ нибудь; но безопасны ли ирландскіе землевладѣльцы?

И не только безопасность, но и денежныя выгоды основаны на доброжелательствѣ массы. Превосходныя ирландскія земли не даютъ и третьей части дохода, не стоятъ и третьей части тѣхъ денегъ, какъ англійскія земли далеко худшаго качества. Главная причина тутъ опять нерасположеніе массы населенія къ земле-

Digitized by Google

владѣльцамъ. Пусть не ищетъ расположенія поселянъ, пусть пробуждаетъ въ нихъ вражду къ себѣ тотъ, кто ничего не понимаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсудительный сельскій хозяинъ знаетъ, что любовь поселянъ—лучшее ручательство за успѣхи его хозяйства.

Но какъ же избѣжать невыгодъ черезполосицы, если не переносить усадебъ поселянамъ? О, Боже мой! пусть только освобожденіе произойдетъ на основаніяхъ льготныхъ для поселянъ, и вы увидите, что они будутъ вѣрнѣйшими хранителями вашихъ интересовъ, и сосѣдство ихъ усадебъ, котораго вы такъ боитесь, послужитъ для васъ источникомъ чрезвычайныхъ удобствъ и выгодъ. Отъ сохраненія усадебъ на нынѣшнихъ мѣстахъ почти нигдѣ не произойдетъ никакихъ неудобствъ, если отношенія будутъ хороши; а если отношенія будутъ дурны, ваше хозяйство все-таки будетъ терпѣть множество невыгодъ, хотя бы на двадцать верстъ отъ вашего дома не было ни одного крестьянскаго жилища. Неудобство черезполосицы окажется только въ очень немногихъ селеніяхъ, гдѣ нынѣшняя прирѣзка земли къ крестьянскимъ усадьбамъ произведена была помѣщиками безъ знанія мѣстныхъ удобствъ. Эти немногія исключенія не стоятъ того, чтобы ставить изъ-за нихъ общее правило для государства. Да и для нихъ не будетъ нужно никакихъ принудительныхъ мѣръ: если нынѣшнее расположеніе усадебъ представитъ гдѣ-нибудь дѣйствительныя неудобства, черезъ годъ, черезъ два эти неудобства отстранятся сами собой, посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла, кромѣ жителей самаго села.

Если крестьянское дѣло покончится хорошо, всѣ толки о неудобствахъ нынѣшняго расположенія усадебъ окажутся пустыми, вздорными опасеніями и сосѣдство деревни съ господскимъ домомъ будетъ выгодно помѣщику. Но было бы великимъ бѣдствіемъ, если бы крестьянское дѣло не кончилось хорошо, то есть если бы оно кончилось поселеніемъ неудовольствія въ поселянахъ. А неудовольствіе въ поселянахъ было бы непремѣннымъ слѣдствіемъ раззорительныхъ условій освобожденія. Принужденное перенесеніе крестьянскихъ усадебъ было бы страшнымъ источникомъ раззоренія. Разсчетливый человѣкъ долженъ отвергнуть всякую мысль о принужденіи въ этомъ случаѣ: опасенія, приводящія къ этой мысли, пусты; но ея исполненіе вело бы къ послѣдствіямъ очень дурнымъ. Изъ нихъ мы указали только одно: разстройство крестьянскихъ хозяйствъ отняло бы у крестьянъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нѣтъ нужды подробно говорить о другихъ, еще гораздо худшихъ.

2) *Опредѣленіе надѣла землею.*

Мы слышимъ много разныхъ предложеній о томъ, сколько дать земли крестьянамъ. Многіе говорятъ, что каждой мѣстности надобно дать на душу, или на тягло, извѣстную пропорцію земли, которая почти всѣми такими проектами опредѣляется въ объемѣ гораздо меньшемъ нынѣшняго надѣла. Полагаютъ, напримѣръ, дать, считая вмѣстѣ съ усадьбою, всего 1 или $1^1/_2$ десятины на душу, или 3—4 десятины на тягло. Зачѣмъ же такое уменьшеніе размѣра до величины, явно недостаточной къ пропитанію крестьянъ? У нѣкоторыхъ есть желаніе присвоить себѣ часть крестьянской земли. Но число такихъ своекорыстныхъ людей, надобно сказать къ чести помѣщиковъ, очень невелико. Обыкновенно предпола-

Digitized by Google

гаютъ уменьшить крестьянскій надѣлъ для того, чтобы у крестьянина была необходимость наниматься для обработки господскихъ полей. „Нашъ крестьянинъ лѣнивъ и безпеченъ. Если вы ему дадите столько земли, чтобы она кормила его и давала уплату податей, онъ, обработавъ ее, все остальное время пролежитъ на боку и ни за какія деньги не пойдетъ на работу. Мы не найдемъ работниковъ для своихъ полей, которыя запустѣютъ. Потому-то и нельзя оставить крестьянамъ столько земли, сколько теперь есть у нихъ“.

Не обманываютъ ли насъ глаза и уши? Дѣйствительно ли мы читали и слышали подобныя мысли? О комъ это говорится, что онъ лѣнивъ? О какомъ нибудь итальянцѣ или арабѣ? Нѣтъ, о русскомъ мужикѣ. Почемужъ бы не говорить также, что у русскаго мужика бѣлыя руки съ изящно обточенными ногтями, что онъ любитъ играть въ преферансъ, что онъ обыкновенно обѣдаетъ на фарфоровомъ сервизѣ? Почему бы также не говорить, что онъ исповѣдуетъ магометанскую вѣру или читаетъ книги на англійскомъ языкѣ? Вѣдь это было бы менѣе нелѣпо, нежели говорить о его лѣности. Нѣтъ въ Европѣ народа болѣе усерднаго къ работѣ, потому что нѣтъ народа, который жилъ бы въ климатѣ болѣе суровомъ, требующемъ больше труда для огражденія существованія. Развѣ только въ сѣверныхъ частяхъ Швеціи зимы такъ суровы, какъ у насъ, даже далеко на югъ отъ Москвы. Если бы русскій мужикъ работалъ не усерднѣе француза или нѣмца, вся Россія замерзла бы, умерла бы съ голода. Кому изъ европейскихъ поселянъ нужно денегъ больше, нежели русскому мужику? Кому изъ европейскихъ поселянъ нуженъ тулупъ? Наша суровая природа не потворствуетъ лѣни.

Наши учрежденія таковы, что вольному мужику нужно работать безъ отдыха круглый годъ, чтобы хоть какъ нибудь свести концы съ концами. У кого на рукахъ болѣе многочисленная семья? У какого народа изъ каждыхъ двухъ братьевъ одинъ кормитъ двѣ семьи, потому что другой взятъ рекрутчиной? Грѣхъ намъ и стыдно говорить о недостаткѣ охоты къ работѣ у русскаго мужика. Мы, просвѣщенные люди, точно, руководимся пословицей: „дѣло не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ“; мы, точно, просиживаемъ изо дня въ день, чуть не съ обѣда, чуть не до утра, за картами. Правда, гдѣ же и понять такимъ людямъ, какъ мы, русскаго мужика? Мы напрасно сказали, что грѣхъ и стыдно намъ считать его лѣнивымъ: въ нелѣпой сказкѣ объ его лѣни выразилось только то, что мы понимаемъ качества другихъ классовъ сообразно нашей собственной натурѣ. Другаго объясненія нѣтъ нашей клеветѣ.

Но если наши привычки лѣнивы и испорчены, то должна же оставаться въ насъ, по крайней мѣрѣ, хоть капля здраваго смысла. И должны же мы, хоть по себѣ судя, знать, что отъ денегъ никто не отказывается. Что за нелѣпость воображать, будто не будетъ работниковъ сколько угодно на всякое честное дѣло, за которое предлагаютъ деньги? Гоголевская Коробочка, вѣроятно, предположила бы, что если ея Фетинья отойдетъ на волю, то не найдется для нея наемной прислужницы. Какъ бы умны и образованы ни казались люди, опасающіеся, что мужикъ не пойдетъ работать, если ему земли дать сколько слѣдуетъ, эти люди не лучше Коробочки.

Нынѣшній надѣлъ крестьянъ таковъ, что они кончаютъ обработку своихъ полей не больше, какъ въ три дня, а часто и меньше, потому что во многихъ помѣстьяхъ не оставляютъ имъ и трехъ законныхъ дней. Что же они станутъ

Digitized by Google

дѣлать въ остальные три дня? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лежать на печи? Полноте! вѣдь вы не дѣти и говорите не съ дѣтьми.

Уменьшать нынѣшній крестьянскій надѣлъ для того, чтобы не остаться помѣщику безъ работниковъ, нѣтъ никакой надобности. Ни въ одномъ изъ тѣхъ селеній, гдѣ нынѣ есть господская запашка, не останется она безъ работниковъ, хотя бы не только оставить нынѣшній надѣлъ, но и увеличить его. „Былъ бы хлѣбъ, зубы будутъ". Была бы надобность въ работникахъ, найдется ихъ вдоволь, найдется ихъ гораздо больше, нежели нужно. Кромѣ надобности въ работникахъ, другихъ причинъ для уменьшенія крестьянскаго надѣла никто не отваживался выставлять. Уменьшать нынѣшній надѣлъ крестьянъ нѣтъ нужды; посмотрим, есть ли возможность уменьшить его.

Если я не смотрю на послѣдствія, я могу сдѣлать все, что захочу. Я могу взять ножъ и зарѣзать кого мнѣ угодно; я могу взять дубину и прибить кого мнѣ угодно. Но что хорошаго будетъ изъ этого для меня? Мнѣ самому прійдется очень плохо. Потому, когда говорятъ, что мнѣ нельзя дѣлать того или другаго, это значитъ только, что если я хочу сберечь свою шкуру, то я не сдѣлаю того или другаго.

Почему комитеты признали невозможнымъ освобожденіе безъ земли? Потому, что національное чувство было бы возмущено такимъ освобожденіемъ, потому что оно непреклонно хочетъ сохраненія земли за крестьяниномъ. Какую же землю хочетъ сохранить оно за крестьяниномъ? Ту, которой онъ теперь владѣетъ.—то самую землю, въ томъ самомъ объемѣ, тѣ самые участки. Національное чувство не принимаетъ тутъ никакихъ тонкостей и подраздѣленій, никакихъ обрѣзываній и переносовъ. Одно изъ двухъ: если можно итти противъ него, такъ нечего было говорить, что освобожденіе безъ земли невозможно. А если раздражать національное чувство нельзя, то нельзя и уменьшать нынѣшняго надѣла, нельзя и переносить крестьянскихъ участковъ принудительнымъ образомъ съ одного мѣста на другое: эти уменьшенія и перемѣны были бы точно такъ же противны національному чувству, какъ и освобожденіе безъ земли. Не стоитъ дѣлать дѣла на половину; не стоитъ пожимать человѣку руку правой рукой и въ то же время давать ему толчки лѣвой: вѣдь все равно, вы раздражите его, такъ ужъ лучше или бейте его обѣими руками безъ всякихъ дипломатичностей, или сохраните съ нимъ доброе согласіе. Если освобождать крестьянъ съ землею, то сохраняйте нынѣшній надѣлъ: иначе, не достигнете своей цѣли, не удовлетворите національному чувству.

„Но, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, могутъ встрѣчаться неудобства отъ черезполосицы". Подобное возраженіе мы уже видѣли при вопросѣ о переносѣ усадебъ. Но тутъ черезполосица, сколько нибудь неудобная, встрѣчается еще гораздо рѣже, нежели въ расположеніи усадебъ. Будемъ же смотрѣть на это дѣло сообразно дѣлу объ усадьбахъ. Если освобожденіе крестьянъ совершится способом сколько нибудь удовлетворительнымъ для національнаго чувства, признательность поселянъ къ помѣщикамъ будетъ безгранична. Тотъ не знаетъ человѣческаго сердца, кто не увѣренъ, что поселяне станутъ охранять тогда помѣщика и его имущество какъ вѣрнѣйшія дѣти. Тогда, если гдѣ и останется черезполосица, она будет скорѣе выгодна, нежели убыточна помѣщику. Крестьянскій участокъ, входящій клиномъ въ господское поле, будетъ только привлекать поселянина къ болѣе старательной обработкѣ этого поля за сходнѣйшую цѣну. А если гдѣ будетъ дѣйстви-

Digitized by Google

тельное неудобство, оно будетъ одинаково для обѣихъ сторонъ; крестьяне сами безъ всякаго принужденія убѣдятся въ немъ такъ же легко, какъ и помѣщикъ. Русскій мужикъ человѣкъ не глупый и не безразсчетный. Онъ самъ предложитъ вамъ обмѣнъ участка, когда потребуетъ обмѣна его удобство. А дѣло тутъ такого рода, что неудобство для помѣщика бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть неудобство и для мужика. Итакъ, эти случаи вовсе не нуждаются въ принудительныхъ правилахъ: всѣ они очень легко отстранятся добровольнымъ соглашеніемъ послѣ освобожденія. Надобно заботиться только о томъ, чтобы освобожденіе сдѣлалось безъ проволочекъ и удовлетворило національному чувству.

Если смотрѣть на дѣло съ этой стороны, которая одна практична, то надобно не пожалѣть части лѣса, потребной для снабженія крестьянъ всѣмъ нужнымъ. Вѣдь до сихъ поръ, если былъ у помѣщика лѣсъ, крестьяне пользовались имъ, и лишить ихъ этой выгоды значило бы въ сущности обрѣзать настоящій размѣръ ихъ пользованія угодьями. На самомъ дѣлѣ потери помѣщику не будетъ тутъ никакой: вѣдь до сихъ поръ не въ его пользу, а въ пользу крестьянъ росла и стояла та часть лѣса, которая шла на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Сказать, что я не буду пользоваться тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ пользовались другіе, а не я,—тутъ нѣтъ никакого уменьшенія моему прежнему пользованью.

Какъ надобно рѣшить дѣло о той части лѣса, которою пользовались крестьяне, такъ надобно рѣшить его и о другихъ угодьяхъ, которыми они пользовались, во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ кромѣ пахатной земли, луговъ и лѣса, есть другія угодья. Въ серьёзныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ играть словами; не слѣдуетъ толковать ихъ въ иномъ смыслѣ, кромѣ дѣйствительнаго. Что̀ такое въ сущности разумѣлось до сихъ поръ подъ надѣломъ крестьянъ? Разумѣлась вся та сумма угодій, которыми они пользовались. Смыслъ дѣла лежитъ въ размѣрѣ пользованія, а не въ томъ, какъ называются извѣстныя угодья—государственными, господскими или крестьянскими. Пользовался угодьемъ тотъ, кто имъ пользовался. Такъ и должно остаться относительно лѣсовъ, рыбныхъ ловлей и т. п.; иначе, сумма пользованія уменьшилась бы, то есть уменьшился бы надѣлъ.

Если вести освобожденіе крестьянъ съ цѣлью удовлетворить національное чувство, надобно вести его такъ, чтобы національное чувство дѣйствительно было удовлетворено. Въ большей части помѣстьевъ крестьяне не жалуются на нынѣшній надѣлъ, и потому-то надобно принимать его общею нормою. Но былъ бы нарушенъ смыслъ дѣла, то есть удовлетвореніе національному чувству, если бы надѣлъ не былъ приведенъ къ соотвѣтствію съ нимъ въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ нынѣшній надѣлъ служилъ причиною справедливыхъ жалобъ по своей недостаточности. Впрочемъ, повторяемъ, что это частный случай, и нетрудно рѣшить его въ справедливомъ смыслѣ, если все дѣло вообще будетъ ведено съ желаніемъ достичь справедливости.

Въ частномъ случаѣ, о которомъ мы упомянули, особеннаго вниманія заслуживаютъ луга. Надѣлъ ими крестьянъ чаще бывалъ неудовлетворителенъ, нежели надѣлъ другими угодьями. И тутъ справедливость со стороны помѣщиковъ должна обратиться въ ихъ собственную пользу. Благосостояніе поселянъ—необходимое условіе для того, чтобы цѣны хлѣба установились выгодныя для помѣщиковъ. Достаточное снабженіе лугами—самая важная вещь для лучшаго устройства крестьянскихъ хозяйствъ. Уступая десятину луга крестьянину, помѣщикъ избавляетъ

Digitized by Google

его отъ необходимости спускать на полтину цѣну четверти хлѣба; а съ цѣною крестьянскаго хлѣба понижается или повышается и цѣна господскаго. Выгода отъ лишней полтины за четверть далеко перевыситъ для помѣщика цѣну льготы, которую онъ оказалъ поселянину въ надѣлѣ землею.

Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на размѣръ крестьянскаго надѣла со стороны выгодъ помѣщика, выводъ окажется точно такой же, какъ и тогда, какъ если смотрѣть на это дѣло со стороны требованій національнаго чувства. Если только помѣщики захотятъ сообразить истины, доказанныя политической экономіей, они сами не захотятъ уменьшать крестьянскаго надѣла. Дѣло рѣшенное, что въ Россіи невозможно уничтожить крестьянскія земледѣльческія хозяйства, невозможно сдѣлать такъ, чтобы простолюдины не были сами производителями хлѣба на своихъ участкахъ, а были только наемными батраками, какъ въ Англіи. А если уже крестьянинъ необходимо остается производителемъ хлѣба, то выгода другихъ производителей, т. е. помѣщиковъ, требуетъ, чтобы ему не было необходимости сбивать цѣну на хлѣбъ вообще. А если крестьянинъ будетъ въ нуждѣ, онъ станетъ продавать свой хлѣбъ въ убытокъ себѣ, стало быть подрывать цѣну и на помѣщичій хлѣбъ. Только обезпечивъ крестьянина, помѣщики обезпечатъ и свое хозяйство. Разсчитывать иначе было бы очень недальновиднымъ разсчетомъ.

3. Основанія и размѣръ вознагражденія.

Крѣпостное право такъ противно здравому экономическому разсчету, что приводитъ къ цифрамъ, рѣшительно не согласнымъ одна съ другою. Возьмемъ одинъ примѣръ. Намъ говорятъ, что въ губерніяхъ, гдѣ средняя пропорція земли у помѣщиковъ 11 десятинъ на душу, земля продается по 40 руб. за десятину. Попробуйте же спросить, за сколько можно купить помѣстье въ этихъ сторонахъ. Вамъ отвѣчаютъ: по 250, много по 300 руб. за душу. Скажите же, что это за нелѣпость? При 100 душахъ находится 1,100 десятинъ земли, каждая десятина стоитъ 40 руб., стало быть, вся земля стоитъ 44,000 руб.: за сколько же можно купить это помѣстье? Его можно купить за 25,000 руб., и дороже 30,000 никто не дастъ. Какъ объяснить такую несообразность? А вотъ какъ. Вся ли дача находится въ пользованіи у помѣщика? Нѣтъ, далеко не вся: десятинъ 400, или даже 500 отданы въ пользованіе крестьянамъ, и съ этихъ десятинъ помѣщикъ не получаетъ ни одного зерна хлѣба. Если онъ захочетъ отнять у крестьянъ ту или другую десятину, она будетъ имѣть цѣну для него; но пока она у крестьянъ, онъ не владѣетъ ею, не получаетъ съ нея дохода. Стало быть, при продажѣ цѣлаго помѣстья, сколько десятинъ идутъ въ цѣну? Идутъ въ цѣну только тѣ десятины, которыя остаются въ пользованіи помѣщика, а крестьянскій надѣлъ въ цѣну помѣстья вовсе и нейдетъ; эта часть земли, отданная крестьянамъ, какъ будто лежитъ подъ секвестромъ, она безполезна для самого помѣщика. Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣстьяхъ, которыя на барщинѣ: вся ихъ цѣнность ограничивается цѣною земли, остающейся въ пользованіи помѣщика, да степенью пользы, какую онъ получаетъ отъ обязательнаго труда. Теперь, слава Богу, помѣщики поняли, что обязательный трудъ приносилъ имъ не пользу, а чистый убытокъ: если, напримѣръ, при немъ оборотнаго капитала на десятину господскаго поля нужно было имѣть 3 руб., за то и дохода съ десятины получалъ помѣщикъ только

Digitized by Google

12 руб., т. е. чистой выгоды оставалось ему только 9 р.; а если бы земля обрабатывалась вольнымъ трудомъ, тогда, съ прибавкою 4 р. расхода на наемъ работниковъ, обработка десятины обходилась бы въ 7 р., за то десятина давала бы дохода, по крайней мѣрѣ, 20 р., т. е. чистой выгоды оставалось бы 13 р. Такимъ образомъ, обязательный трудъ, производя сбереженіе въ 4 руб. на расходѣ, производитъ 8 р. уменьшенія въ доходѣ, т. е. въ концѣ концовъ даетъ чистаго убытка помѣщику 4 р. Этотъ убытокъ производится небрежностью обработки, безрасчетностью въ употребленіи труда и во всемъ хозяйствѣ и, наконецъ, низкостью цѣны земледѣльческихъ продуктовъ,—все это необходимыя принадлежности обязательнаго труда. Слава Богу, помѣщики поняли это, и, кромѣ немногихъ, слишкомъ недальновидныхъ людей, всѣ находятъ прямую выгоду себѣ въ отмѣнѣ крѣпостнаго права на личность безъ всякаго вознагражденія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выгоднѣйшая разсчетливость совпадаетъ со справедливостью и благородствомъ. Итакъ, право на личность въ барщинныхъ имѣніяхъ, по согласію самихъ помѣщиковъ, рѣшено отмѣнить безъ всякаго вознагражденія. Въ чемъ же остается вся цѣнность имѣній? Она остается въ той части земли, которая до сихъ поръ находилась въ пользованіи помѣщика. Увеличивается или уменьшается эта цѣнность черезъ отмѣну другаго элемента, которымъ уменьшался чистый доходъ? Конечно, увеличивается: теперь помѣщикъ будетъ получать съ каждой десятины своихъ полей на цѣлую треть или даже на половину больше того, что получалъ прежде. Ясно, что и продажная цѣнность этой земли увеличится соразмѣрно тому. Возвратимся къ прежнему примѣру. Цѣнность помѣстья, имѣвшаго 1,100 дес., была 25,000 руб., а каждая дес. стоила 40 руб. Это значитъ, что у помѣщика было въ пользованіи 625 дес. и только онѣ однѣ составляли цѣну; а остальныя 475 дес., отданныя во владѣніе крестьянамъ, ничего не прибавляли къ цѣнности другой половины *). Но цѣна части, остававшейся у помѣщиковъ и составлявшей всю стоимость помѣстья, была сообразна доходу, получавшемуся при обработкѣ крѣпостнымъ трудомъ. Положимъ, что главный доходъ состоялъ въ земледѣліи и что господской запашки въ трехъ поляхъ было 220 дес. (около двухъ дес. въ полѣ на тягло). Съ этихъ 220 дес., по 9 руб. чистаго дохода отъ дес., получалось 1,980 руб. Это значитъ, что продажная цѣна помѣстья (25,000 руб.) опредѣлялась капитализаціею дохода въ 8 проц. Съ отмѣною обязательнаго труда десятина запашки будетъ давать 13 руб. Это значитъ, что отъ земледѣлія въ прежнемъ размѣрѣ получится дохода 2,860 руб.; при капитализаціи въ 8 проц. это составило бы цѣнность помѣстья въ 35,650 руб. Такимъ образомъ, хотя число десятинъ въ помѣстьѣ номинально уменьшилось черезъ освобожденіе крестьянъ, но часть помѣстья, оставшаяся у помѣщика, получаетъ гораздо большую цѣнность, нежели по какой можно было продать все помѣстье до освобожденія крестьянъ.

Если брать предметъ только съ этой стороны, то очевидно, что въ земледѣльческихъ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, помѣщики прямо выигрывали бы, отказываясь безъ всякаго вознагражденія и отъ крѣпостнаго труда и отъ всей части помѣстья, употреблявшейся исключительно на пропитаніе этого обязательнаго

*) Точно также и усадьбы въ барщинныхъ имѣніяхъ не даютъ помѣщику ни гроша дохода, слѣдовательно ни на одинъ рубль не входятъ въ цѣнность помѣстья. Уже по одному этому не слѣдуетъ класть за нихъ выкупа, не говоря о томъ, что онѣ построены вообще самими крестьянами.

Digitized by Google

труда, т. е. освобождая крестьянъ съ нынѣшнимъ надѣломъ безъ всякаго вознагражденія; слѣдовательно, они, по справедливости, могли бы требовать съ крестьянъ вознагражденія только тогда, когда бы при освобожденіи надѣлъ увеличивался противъ размѣра, въ которомъ нынѣ крестьяне пользовались пахотною землею, лѣсомъ и другими угодьями. За эти прибавки, составляющія вычетъ изъ продажной цѣны помѣстья, конечно, слѣдовало бы брать настоящую продажную цѣну. Дай Богъ, чтобы такихъ прибавокъ было больше. Но мы говоримъ не о нихъ— онѣ все-таки будутъ только исключеніемъ изъ общаго правила —мы говоримъ о выкупѣ при освобожденіи съ настоящимъ надѣломъ, который не входитъ въ продажную цѣну: съ его отпаденіемъ цѣнность имѣнья не уменьшается, а развѣ увеличивается. Погрязнувъ въ крѣпостномъ правѣ, мы всосали такъ много фальшивыхъ понятій; мало и плохо учившись, мы остались такъ чужды самымъ простымъ экономическимъ истинамъ, что взглядъ, здѣсь изложенный, можетъ показаться новъ или сомнителенъ для нѣкоторыхъ. „Какъ же можно, чтобы помѣстье, имѣвшее 1,100 дес., не потеряло ни копѣйки изъ своей продажной цѣны, когда межа его уменьшается на столько, что остается въ немъ всего только 625 дес.?" А вотъ какъ это бываетъ. Если бы, напримѣръ, остальныя 475 дес. были заняты трясиннымъ болотомъ, то цѣнность помѣстья не уменьшилась бы, а, напротивъ, увеличилась, если бы вся эта трясина провалилась сквозь землю: тогда она, по крайней мѣрѣ, не заражала бы своими тлетворными міазмами моей земли, въ ней не пропалъ бы мой скотъ. Крѣпостное право—это гнусная, тлетворная трясина, которая не только совершенно отняла изъ цѣнности имѣнья всю землю, отданную подъ прокормленіе крѣпостнаго населенія, но и значительно понизила цѣнность остальной земли, которая взята въ личное пользованіе помѣщикомъ.

Или вотъ еще что: умные люди говорятъ, что владѣніе Ломбардскимъ королевствомъ не усиливало, а ослабляло Австрію. А вѣдь въ Ломбардскомъ королевствѣ нѣсколько милліоновъ десятинъ превосходнѣйшей земли и нѣсколько милліоновъ жителей; между тѣмъ все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что Австрія, отказавшись отъ Ломбардіи, стала богаче и сильнѣе. Ясно-ли, что не всякое расширеніе межи выгодно, не всякое уменьшеніе пространства, называющагося моимъ, будетъ убыточно для меня? Какая мнѣ польза называться господиномъ того участка, съ котораго не получаю ни зерна?

Если смотрѣть только на эту сторону дѣла, нѣтъ надобности для помѣщика земледѣльческаго имѣнія ни въ какомъ выкупѣ за нынѣшній крестьянскій надѣлъ.

Но есть другая сторона въ этомъ дѣлѣ. Мы говорили, что чистый доходъ помѣщику отъ земледѣлія увеличится съ отмѣною крѣпостнаго труда; но долженъ увеличиться и размѣръ оборотнаго капитала, нужнаго на обработку каждой десятины. При крѣпостномъ трудѣ, для этого довольно было капитала въ 3 р., заключавшагося главнымъ образомъ въ цѣнности посѣва; теперь понадобится еще 4 р. на плату рабочимъ. Если спросить у любого экономиста: кто обязанъ доставить оборотный капиталъ на улучшеніе предпріятія, когда это предпріятіе приноситъ выгоду исключительно мнѣ и находится въ полномъ моемъ хозяйствѣ?— отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: достать оборотный капиталъ — личное дѣло хозяина; никто другой не обязанъ доставлять ему капитала, отъ котораго выгоду получитъ онъ одинъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помѣщикъ легко можетъ полу-

Digitized by Google

чить взаймы незначительныя деньги, какія понадобятся на наемную работу, если не имѣетъ ихъ въ наличности. Такимъ образомъ, заботу о полученіи 880 рублей, которые потребуются для обработки наймомъ 220 десятинъ въ помѣстьѣ, служащемъ для насъ примѣромъ, слѣдуетъ оставить на самомъ помѣщикѣ; смѣшно было бы сказать, что владѣльцу 625 десятинъ, имѣющихъ цѣну по 40 рублей, трудно достать взаймы какіе нибудь 900 рублей. Но мнѣніе очень многихъ добросовѣстныхъ помѣщиковъ расходится съ кореннымъ понятіемъ науки: они думаютъ, что именно выкупъ долженъ доставить имъ деньги на обзаведеніе новымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ пожалуй, можно сдѣлать уступку предубѣжденію, потому что, какъ ни ясно свидѣтельствуетъ противъ него наука, ея доводы не перешли еще въ непреодолимое національное чувство и оно не возмутится отступленіемъ отъ точной справедливости, если государство согласится, что выкупъ долженъ доставить деньги, нужныя помѣщикамъ на введеніе наемной платы за обработку господскихъ полей. Можно полагать, что надобность эта простирается отъ 5 до 6 рублей на каждую десятину яроваго и озимаго полей господской запашки, то есть отъ 3 р. 50 коп. до 4 р. на каждую десятину въ трехъ поляхъ.

Есть еще другое обстоятельство, гораздо болѣе значительное въ денежномъ отношеніи. Помѣстья, болѣе чѣмъ на половину, обременены долгами, между которыми важнѣйшую часть составляетъ долгъ въ кредитныя учрежденія. Есть мнѣніе, что въ вознагражденіе за уступку крестьянамъ нынѣшняго надѣла помѣщики должны быть вознаграждены перенесеніемъ части опекунскаго долга на освобождаемыхъ крестьянъ. Многіе разсчетливые помѣщики полагаютъ сами, что этого вознагражденія будетъ очень достаточно и никакого другого не нужно требовать помѣщикамъ. Но наука опять говоритъ, что долгъ по справедливости остается на томъ лицѣ, которое воспользовалось для своей выгоды или своего удовольствія деньгами, полученными въ долгъ. Если мы разсмотримъ употребленіе ссудъ, полученныхъ помѣщиками изъ кредитныхъ учрежденій, мы найдемъ, что большая часть, двѣ трети или больше изъ этихъ денегъ пошли на удовлетвореніе личнаго расхода самихъ помѣщиковъ, желавшихъ вести образъ жизни, для котораго недоставало ихъ дохода; затѣмъ значительная часть была употреблена на покупку новыхъ помѣстій или на основаніе промышленныхъ заведеній, то есть опять-таки въ личную выгоду помѣщиковъ. Исключивъ эти двѣ статьи изъ суммы долга, мы увидимъ, что едва ли одна пятнадцатая, или, много, много одна двѣнадцатая часть его была обращена на пособіе крестьянамъ. По точному требованію науки, только эта часть долга, которою воспользовались крестьяне, должна быть перенесена на нихъ.

Но, говорятъ, если почти весь долгъ останется на той части помѣстья, которая собственно принадлежитъ помѣщику, а не крестьянамъ, эта господская половина не будетъ служить для кредитныхъ учрежденій достаточнымъ обезпеченіемъ по долговому взысканію. Такое мнѣніе неосновательно въ отношеніи къ землевладѣльческимъ помѣстьямъ, состоящимъ на барщинѣ. Мы видѣли, что вся ихъ цѣнность зависѣла исключительно отъ одной той части земли, которая оставалась въ пользованіи помѣщика, а земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала собою цѣнности помѣстья; слѣдовательно, если бы даже цѣна земли не поднялась по освобожденіи крестьянъ, часть помѣстья, остающаяся за владѣльцемъ, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, представляла бы залогъ столь же достаточный, какъ

Digitized by Google

прежде все помѣстье. Слѣдовательно, для обезпеченія уплаты кредитнымъ учрежденіямъ вовсе нѣтъ нужды переносить долгъ на крестьянъ.

Представляется еще другое основаніе для такого переноса. Говорятъ, что при заведеніи новаго хозяйства, съ наемною работою, доходы помѣщиковъ на годъ или на два могутъ подвергнуться затрудненіямъ отъ переходнаго состоянія и что поэтому было бы тяжело для помѣщиковъ взносить уплату въ кредитныя учрежденія въ это время хлопотливыхъ передѣлокъ по хозяйству. Безпристрастный человѣкъ едва ли признаетъ много основательности въ этомъ соображеніи. Въ большей части земледѣльческихъ губерній доходы помѣщика не только на два года, но и на одинъ день не подвергнутся никакому разстройству или замедленію отъ передѣлки хозяйства; напротивъ, съ перваго же года дадутъ противъ прежняго излишекъ, если освобожденіе совершится хорошо. Впрочемъ, если бы и принять это соображеніе въ полной его силѣ, оно вело бы вовсе не къ тому заключенію, какое дѣлаютъ изъ него произвольнымъ образомъ. Въ чемъ сущность соображенія? На два года доходы помѣщиковъ подвергаются нѣкоторому замедленію отъ передѣлки хозяйства; въ эти годы будетъ затруднительно дѣлать взносъ по долгамъ въ кредитныя учрежденія. Теперь спрашивается: какая-же льгота была бы совершенно достаточною для устраненія этой трудности во всѣмъ ея предполагаемомъ размѣрѣ? О чемъ говоритъ само возраженіе? О трудности уплаты за два года. Итакъ, если дастся помѣщикамъ два года полной льготы въ уплатѣ, вся трудность уже устранена, вся жалоба уже удовлетворена въ полномъ своемъ размѣрѣ. Какъ дать эту двухлѣтнюю льготу, зависитъ уже отъ состоянія кредитныхъ учрежденій. Если они могутъ выдержать отсрочку платежей на два года, не о чемъ и говорить. Если же не могутъ, то, пожалуй, можно наложить за эти два года взносъ кредитнымъ учрежденіямъ на крестьянъ, хотя мы не видимъ, почему бы именно крестьяне должны были удовлетворять надобность кредитныхъ учрежденій по уплатѣ такого займа, которымъ воспользовались не они. Наложить на нихъ эту тяжесть мы соглашаемся только потому, что она, по незначительности своего размѣра, вѣроятно, не возбудила бы споровъ.

Сведемъ же теперь весь итогъ выкупа по тому помѣстью, которое служитъ для насъ примѣромъ. Замѣтимъ при этомъ, что средняя величина опекунскаго долга составляетъ около 60 руб. на душу.

Пособія помѣщику на заведеніе хлѣбопашества съ наемной платой по 4 рубля на десятину господскихъ пахатныхъ полей, всего 220 десятинъ	880 руб.
Одна двѣнадцатая часть займа помѣщика изъ кредитныхъ учрежденій, употребленная въ пользу крестьянъ, т. е. изъ 60 рублей съ души 5 рублей, а съ 100 душъ	500 —
Въ пособіе помѣщику два годичные взноса въ кредитныя учрежденія, по 6% съ остальныхъ 55 руб. долга, съ души по 3 рубля 30 к., за два года 6 р. 60 коп., а со 100 душъ	660 —
Итого.	2,040 руб.

Вотъ весь итогъ выкупа, какой, по нашему счету, приходилось бы взять отчасти казнѣ (660 рублей) съ крестьянъ вмѣсто помѣщика, отчасти помѣщику

Digitized by Google

(1,380 рублей) съ крестьянъ деревни, имѣющей 100 душъ и состоящей на барщинѣ.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Теперь посмотримъ на оброчныя имѣнія. Въ нихъ доходъ получается помѣщикомъ не отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, а отъ прямой уплаты денегъ крестьянами; слѣдовательно, и продажная цѣнность помѣстья возникаетъ изъ капитализаціи денежныхъ уплатъ, производимыхъ крестьянами, а не изъ земледѣльческаго дохода. Иначе сказать, основаніемъ для опредѣленія выкупа долженъ служить оброкъ. Итакъ, мы должны разсмотрѣть юридическую сущность оброка. По закону, оброкъ есть плата, взимаемая помѣщикомъ съ крестьянъ за увольненіе ихъ отъ обязательнаго воздѣлыванія господскихъ полей, по три дня въ недѣлю; иначе сказать, сущность оброчнаго положенія состоитъ въ томъ, что помѣщикъ передаетъ крестьянамъ ту часть земли, какая могла бы остаться въ собственномъ пользованіи, за надѣломъ крестьянъ землею по нормѣ барщинныхъ помѣстій, и беретъ съ нихъ сумму чистаго дохода, приносимаго этою собственно-господскою частью земли. Спрашивается теперь: чѣмъ должна опредѣляться величина законнаго оброка? Величиною земледѣльческой прибыли съ такого числа десятинъ, какое могли бы крестьяне обработать на господскихъ поляхъ. Какова же величина этого дохода? Крестьяне при барщинѣ должны бы работать на себя такіе же три дня, какъ и на барина; слѣдовательно, величина дохода съ господскихъ полей никакъ не могла бы превышать половины того, что они получаютъ отъ земледѣльческихъ работъ, пользуясь всею землею и всѣми днями. Итакъ, если при освобожденіи вся земля, находящаяся въ дачѣ оброчнаго помѣстья, остается, по нынѣшнему, за крестьянами, то выкупъ этого помѣстья долженъ опредѣляться по слѣдующей нормѣ:

Во-первыхъ, надобно опредѣлить, сколько земли могло бы оставаться для господской запашки, за достаточнымъ надѣломъ земли крестьянамъ. Для этого надобно изъ всего пространства полей вычесть пространство, которое можетъ быть обработано въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянъ. Остатокъ покажетъ, какой размѣръ могла бы имѣть въ томъ селѣ господская запашка. Положимъ, напримѣръ, что тягло обработываетъ во всѣ 6 дней по 4 десятины въ полѣ, то есть, что въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянина, тягло могло бы обработать 2 десятины: ясно, что остальныя двѣ десятины могли бы составлять господскую запашку. Мы взяли такой примѣръ, когда земли у деревни вдоволь и крестьяне обработываютъ ея столько, на сколько у нихъ силъ хватитъ. Въ такомъ случаѣ господская запашка могла бы имѣть размѣръ запашки, производимой въ 3 дня, т. е. могла бы составлять ровно половину всего количества земли, обработываемой въ 6 дней. Если же земли недостаточно, то, за вычетомъ пространства, которое должны обработывать крестьяне на себя въ три дня, остатокъ будетъ, конечно, менѣе половины. Напримѣръ, если вся запашка цѣлыхъ 6 дней составляетъ только $3^1/_2$ десятины на тягло, то, за вычетомъ 2 десятинъ, приходящихся на 3 крестьянскіе дня, остается только $1^1/_2$ десятины.

Опредѣливъ такимъ образомъ пространство возможной господской запашки, надобно опредѣлить чистый доходъ съ нея. Для этого надобно изъ валоваго дохода вычесть всѣ расходы на обработку, т. е. цѣнность посѣва, цѣнность удобренія, ремонтъ земледѣльческихъ орудій и наемную плату работникамъ. За этими вычетами изъ валоваго дохода останется, какъ мы сказали, чистый доходъ, какой

Digitized by Google

могло бы доставлять, по закону, это имѣніе своему помѣщику. Капитализируя эту законную величину по проценту, принимаемому въ данной мѣстности за процентъ средняго дохода съ помѣстій, мы получимъ законную цѣнность оброчнаго имѣнія.

Для ясности произведемъ такое дѣйствіе надъ селомъ, которое принималось у насъ состоящимъ на барщинѣ. Положимъ теперь, что оно состоитъ на оброкѣ, и сдѣлаемъ оцѣнку выкупа.

При оброчномъ положеніи, вся земля отдана крестьянамъ и всѣ шесть дней они работаютъ на себя. Въ три дня они успѣвали обработать въ трехъ поляхъ 220 десятинъ, слѣдовательно въ шесть дней обработаютъ 440 десятинъ. Чистый доходъ съ каждой десятины при нынѣшнемъ положеніи 9 рублей; итого крестьяне получаютъ отъ земледѣлія чистаго дохода 3,960 рублей. Господская запашка тутъ имѣетъ такой же размѣръ, какъ крестьянская, то есть изъ всего дохода половина составляетъ оброкъ. Итакъ, законная величина оброка 1,980 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получаемъ 24,750 руб., какъ законную величину выкупа; а капитализируя по $7^1/_2$ проц., получаемъ 26,400 р. Продажная цѣнность всего помѣстья была около 25,000 руб. Итакъ, цифра вознагражденія, принятая нами, какъ нельзя точнѣе соотвѣтствуетъ продажной цѣнности имѣнія. Такъ и слѣдуетъ быть, когда все имѣніе остается въ рукахъ у крестьянъ. Изъ этого соотвѣтствія мы видимъ, что способъ для опредѣленія законной величины оброка принятъ нами совершенно правильный.

Но мы предположили состоящимъ на оброкѣ имѣніе съ 11 десятинами хлѣбородной земли на душу. Такихъ оброчныхъ имѣній едва ли найдется въ цѣлой Россіи десятка полтора. Извѣстно, что, за исключеніями, чрезвычайно немногочисленными, имѣніе переводится съ барщины на оброкъ только тогда, когда земли слишкомъ мало или когда она неудобна для хлѣбопашества. Подъ тотъ или другой изъ этихъ случаевъ подходятъ 99 изъ 100 оброчныхъ имѣній. Въ нихъ цифры законнаго выкупа совершено не таковы, какъ въ приведенномъ нами исключительномъ случаѣ оброчнаго имѣнія съ достаточнымъ количествомъ хлѣбородной земли. Если, напримѣръ, земля хлѣбородна, но количество ея мало, напримѣръ, всего 5 десятинъ на душу, какой выводъ получится тогда? За вычетомъ усадебъ, луговъ и такъ далѣе, остается пахатныхъ полей всего только 250 десятинъ или даже меньше. Изъ этой земли для надѣла крестьянамъ, считая менѣе $1^1/_2$ десятины въ полѣ на тягло—надѣлъ не совсѣмъ удовлетворительный,—и, считая въ 100 душахъ 40 тяголъ, понадобилось бы 180 десятинъ. Значитъ, для господскихъ полей оставалось бы едва ли 70 десятинъ. Съ нихъ, по 9 руб., чистаго дохода было 630 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получили бы всю величину выкупа только въ 7,875 руб. Спросимъ теперь: много ли найдется оброчныхъ имѣній, которыя имѣли бы $2^1/_2$ десятины запашки хлѣбородной земли на душу, то есть болѣе 6 десятинъ на тягло? А если запашка меньше, то и мѣста для господскихъ полей останется меньше, а слѣдовательно меньше останется земли, съ которой бы могъ считаться законный оброкъ.

Это хорошій случай, когда есть хоть сколько нибудь хлѣбородной земли: тутъ для законнаго оброка можетъ оказаться нуль, по крайней мѣрѣ не получится отрицательныхъ цифръ. Напротивъ, если земля въ помѣстьи такова, что обработка ея не даетъ чистаго дохода, или даже доходомъ не окупаются издержки производства, то получаются отрицательныя цифры. Напримѣръ, если [illegible]

Digitized by Google

производства 15 руб. на десятину, а весь валовой доходъ 13 руб., то съ каждой десятины получается 2 руб. убытка, и если бы помѣщикъ нашего примѣрнаго села въ 100 душъ вздумалъ на такой землѣ получать доходъ отъ земледѣлія, то есть держать крестьянъ на барщинѣ, то съ его полей не осталось бы ему ни зерна хлѣба на продажу, за прокормленіемъ крестьянъ, и, сверхъ того, онъ долженъ былъ бы давать изъ своего кармана еще 880 руб. на прокормленіе крестьянъ, потому что со всѣхъ 440 десятинъ господскихъ и крестьянскихъ полей получалось бы валоваго дохода только 5,740 руб. (по 13 руб.); а на прокормленіе крестьянъ было бы нужно 6,600 руб. (эта сумма, разложенная на десятины, даетъ 15 руб. на десятину издержекъ производства). Какова цѣнность имѣнія, законный оброкъ съ котораго равняется ежегодному убытку въ 880 руб.? Считая по 8 проц., мы увидимъ, что этотъ ежегодный убытокъ равняется одновременной уплатѣ 11,000 руб. Иначе сказать, помѣщику было бы выгодно не только задаромъ отказаться отъ такого помѣстья, но и заплатить изъ своего кармана довольно значительную сумму, лишь бы отвязаться отъ него.

Не каждый изъ насъ привыкъ переводить математическія уравненія на языкъ житейскаго разговора; но кто привыкъ, тотъ знаетъ, какой смыслъ имѣютъ отрицательныя цифры, оказывающіяся для выкупа большей части оброчныхъ имѣній. Что такое означаетъ отрицательный выкупъ, то есть платежъ отъ помѣщика крестьянамъ? Мы скажемъ, что онъ означаетъ, и замѣтимъ, что смыслъ нашихъ словъ очень важенъ, потому что они очень серьезны:

Крѣпостное право состоитъ въ присвоеніи владѣльцу земли власти принуждать поселенныхъ на этой землѣ крестьянъ къ земледѣльческой работѣ въ личную его пользу. Замѣтимъ слова: „къ земледѣльческой работѣ". Да, только къ ней, ни къ какой другой. Даже по судебной и полицейской практикѣ изъ крѣпостнаго права вытекаетъ только земледѣльческая работа, — никакая другая. Доказать это легко. Предположимъ, что портной или сапожникъ изъ крѣпостныхъ людей, жившій въ городѣ и платившій оброкъ, является въ деревню и говоритъ помѣщику: „Я не хочу заниматься своимъ ремесломъ и платить оброкъ". Можетъ ли помѣщикъ сказать, что этотъ крестьянинъ не исполнитъ своихъ крѣпостныхъ обязанностей, если будетъ исправно ходить на барщину? Спросите исправника, становаго, уѣзднаго судью: всѣ скажутъ, что если крестьянинъ готовъ идти на барщину, онъ исполняетъ свою обязанность, и помѣщикъ не можетъ жаловаться на него за то, что онъ только земледѣлецъ, а не ремесленникъ. Слѣдовательно, если оброкъ получается съ какого нибудь другаго занятія, кромѣ земледѣлія. онъ является только произвольною замѣною земледѣльческой барщины, которая одна установлена закономъ какъ принадлежность крѣпостнаго права. Что же теперь? Если есть помѣстья, въ которыхъ, или по малоземелью, или по безплодію почвы, веденіе земледѣльческаго хозяйства на основаніи крѣпостнаго права или не можетъ давать порядочнаго дохода помѣщику, или даже не можетъ прокармливать крестьянъ и, слѣдовательно, обращается въ убытокъ помѣщику,—если есть такія помѣстья, что изъ того слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что законное крѣпостное право, то есть обработка земли обязательнымъ трудомъ, не примѣняется къ такимъ помѣстьямъ: они не имѣютъ экономической возможности существовать при немъ; они выходятъ за границы, которыми законъ опредѣляетъ крѣпостное право. Какъ бы [illegible]ъ кто изъ насъ о крѣпостномъ правѣ, но въ этихъ помѣстьяхъ происхо-

Digitized by Google

дитъ нѣчто противное даже крѣпостному праву. А кромѣ крѣпостнаго права нашъ законъ не признаетъ другихъ основаній для права на личность. Итакъ, если есть въ какихъ нибудь оброчныхъ помѣстьяхъ такой оброкъ, который выше дохода, доставляемаго въ тѣхъ помѣстьяхъ земледѣліемъ, этотъ оброкъ есть нарушеніе крѣпостнаго права, и весь излишекъ оброка надъ земледѣльческимъ доходомъ не имѣетъ юридическаго основанія и существуетъ только какъ злоупотребленіе. Только земледѣльческій трудъ подлежитъ крѣпостному праву, въ законномъ смыслѣ слова; только на цѣнности, доставляемыя земледѣльческимъ трудомъ, простирается крѣпостное право. За этимъ предѣломъ денежные сборы лишены юридическаго основанія.

Изъ этого мы видимъ, какъ незначительны должны оказаться законныя цифры выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣльческимъ трудомъ едва могли бы кормиться сами поселяне, крѣпостное право въ законномъ размѣрѣ своемъ не давало бы почти никакого дохода, слѣдовательно и цѣнность помѣстій, при законномъ пользованіи ими, представлялась бы ничтожнѣйшею цифрой.

Мы ошиблись, во многихъ оброчныхъ помѣстьяхъ цифры были бы значительны, очень значительны, но имѣли бы отрицательный знакъ, что мы уже видѣли.

Впрочемъ, мы до сихъ поръ еще не объяснили именно того, что взялись объяснить—не объяснили смысла отрицательныхъ величинъ въ переводѣ ихъ съ ариѳметическаго языка на разговорный. Вотъ каковъ этотъ смыслъ. Человѣкъ, принимающій дѣло убыточное въ своей законной формѣ, или неразсчетливъ (и за неразсчетливость свою долженъ нести убытки), или намѣренъ вести дѣло какимъ нибудь другимъ путемъ, мимо законнаго (слѣдовательно, долженъ подвергнуться отвѣтственности по закону).

Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, оброкъ почти всегда есть превышеніе крѣпостнаго права; онъ есть пользованіе правомъ надъ личностью при такихъ обстоятельствахъ, которыя противорѣчатъ основному характеру крѣпостнаго права.

Какія юридическія послѣдствія возникаютъ изъ такого отношенія, мы не хотимъ разбирать здѣсь; но читатель вообще замѣтитъ, что дѣло идетъ о цѣнностяхъ, которыхъ не знаетъ и не признаетъ законъ. Если мы не ошибаемся, пользованіе цѣнностями, не имѣющими законнаго существованія, не можетъ ожидать для себя благопріятныхъ результатовъ, въ случаѣ разсмотрѣнія по закону.

Повторимъ кратко результаты этого изслѣдованія.

Въ имѣньяхъ, состоящихъ на барщинѣ, цѣнность помѣстья опредѣлялась исключительно тою частью помѣстья, которая оставалась въ личномъ пользованіи помѣщика. Земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала продажной цѣнности имѣній; слѣдовательно, съ отдѣленіемъ крестьянской части отъ помѣстья, цѣнность помѣстья не уменьшается.

Отъ вознагражденія за право на личность помѣщики сами отказались и поступили справедливо, потому что въ барщинныхъ имѣніяхъ это право было для нихъ источникомъ не выгодъ, а убытковъ.

Digitized by Google

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ почти весь оброкъ или даже и весь оброкъ вытекалъ изъ нарушенія законныхъ основаній крѣпостнаго права.

Зачѣмъ мы дѣлали этотъ выводъ? Неужели затѣмъ, чтобы отказывать помѣщикамъ въ вознагражденіи? Вовсе нѣтъ. Мы хотѣли только показать, что юридическихъ основаній для вознагражденія нѣтъ и что если идетъ о немъ рѣчь, то должна идти на основаніи государственной пользы и житейской справедливости.

Государственная польза требуетъ, чтобы ни одно сословіе не терпѣло напрасныхъ убытковъ.

Справедливость требуетъ, чтобы выкупъ не превышалъ мѣры дѣйствительной надобности въ немъ для помѣщиковъ.

На этомъ основаніи размѣръ выкупа можетъ быть опредѣленъ такой, что національное чувство останется довольно.

Если въ барщинныхъ имѣніяхъ, имѣющихъ довольно земли, размѣръ выкупа опредѣлится такой, чтобы, за вычетомъ долговъ въ кредитныя учрежденія, приходилось помѣщику получить сумму, достаточную для устройства земледѣльческаго хозяйства съ наемною платою, помѣщики не останутся въ убыткѣ; напротивъ, они очень много выиграютъ, потому что освободятся отъ долговъ, которыми угнетены, сохранятъ всю часть помѣстья, отъ которой зависѣла его цѣнность, и устроятъ хозяйства болѣе выгоднымъ образомъ.

Они будутъ получать доходовъ больше прежняго. Они избавятся отъ обременительныхъ уплатъ въ кредитныя учрежденія. Поэтому продажная цѣнность ихъ помѣстій значительно увеличится, хотя число десятинъ будетъ считаться менѣе, нежели было.

Въ такихъ помѣстьяхъ каждый рубль выкупа есть чистый выигрышъ для помѣщика.

Средній долгъ въ кредитныя учрежденія составляетъ отъ 55 до 60 рублей на душу.

На устройство хозяйства съ наемными работниками нужно наличныхъ денегъ не болѣе 4 рублей на десятину господской запашки, то есть, считая, среднимъ числомъ, 33 тягла въ 100 душахъ и $1^3/_4$ десятины въ полѣ господской запашки на тягло, всего около 175 десятинъ господской запашки на 100 душъ, нужно не болѣе 700 рублей для передѣлки земледѣльческаго хозяйства въ помѣстьѣ, имѣвшемъ 100 душъ.

Такимъ образомъ, выкупъ отъ 62 до 67 руб. былъ бы совершенно достаточенъ для того, чтобы помѣщики заложенныхъ имѣній не потерпѣли никакого разстройства въ своемъ хозяйствѣ; а чистымъ выигрышемъ было бы для нихъ освобожденіе отъ долга въ кредитныя учрежденія, или, въ имѣньяхъ чистыхъ отъ этого долга, полученіе суммы, равной среднему размѣру долга заложенныхъ помѣстій.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ справедливость требовала бы принять основаніемъ оцѣнки для вознагражденія такую величину оброка, которая считается въ тѣхъ мѣстахъ необременительною для крестьянъ. Во многихъ губерніяхъ эта цифра не выше 15 рублей, въ нѣкоторыхъ еще ниже; въ немногихъ она доходитъ до 25 рублей. Среднюю величину для цѣлой имперіи можно положить около 20 рублей.

Digitized by Google

Считая 33 тягла на 100 душъ и капитализируя по $7^1/_2$%, это составитъ около 89 рублей за душу.

Само собой разумѣется, что если эти 89 рублей употребить на дѣланіе обѣдовъ, баловъ, покупку каретъ и браслетъ, этихъ денегъ окажется мало для жизни. Точно также не для всѣхъ достаточенъ будетъ доходъ, если положить деньги въ кредитныя учрежденія, лечь на диванъ и курить трубку съ длиннымъ чубукомъ, получая по 5% на свой капиталъ. Но въ нашъ вѣкъ никакого капитала не будетъ достаточно для человѣка, желающаго жить сложа руки. А кто захочетъ пустить свой капиталъ въ оборотъ, тотъ легко получитъ съ него 8% и больше. Значитъ, изъ помѣщиковъ, владѣвшихъ оброчными, не останется въ убыткѣ никто, если самъ не захочетъ оставаться въ убыткѣ.

Мы не выставляемъ своихъ цифръ за непремѣнныя и окончательныя; мы просимъ только подумать, что, при этихъ или близкихъ къ нимъ цифрахъ выкупа, помѣщики оброчныхъ имѣній не останутся въ убыткѣ, а помѣщики тѣхъ имѣній, гдѣ существовала господская запашка, будутъ имѣть уже очень значительную выгоду.

Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣщикахъ, которые не злоупотребляли своею властью, не разоряли крестьянъ противозаконнымъ увеличеніемъ барщины или такими оброками, отъ которыхъ возмущались сосѣдніе честные помѣщики. Мы говоримъ о помѣщикахъ честныхъ, совѣстливыхъ, которые честнымъ и разсудительнымъ способомъ дѣйствія въ губернскихъ комитетахъ уже оказали и себѣ, и крестьянамъ, и государству великую услугу, доказавъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли невозможно.

Просимъ ихъ подумать о величинѣ выкупа такъ же разсудительно, какъ подумали они объ освобожденіи съ землею или безъ земли. Просимъ ихъ подумать о томъ, есть ли для нихъ надобность въ такихъ страшныхъ выкупахъ, какіе опредѣляются нѣкоторыми софистами, разсчитывающими на остзейскій манеръ? Есть ли честному помѣщику земледѣльческаго имѣнія надобность, оставляя у себя всю ту землю, которая составляла цѣну помѣстья, требовать съ крестьянъ выкупа, который чуть ли не превышаетъ всей цѣны помѣстья? Просимъ ихъ подумать о томъ, останутся ли они въ убыткѣ, освободившись отъ долговъ въ кредитныя учрежденія и получивъ, сверхъ того, деньги, какія нужны для заведенія хлѣбопашества съ вольнонаемнымъ трудомъ? Просимъ ихъ также подумать о томъ, что, при той величинѣ выкупа, которую сами они, по совѣсти, вѣроятно, признаютъ за безубыточную для себя, при этой величинѣ выкупа отъ 70 до 90 рублей за душу, очень легко произвесть выкупъ на такихъ основаніяхъ, которыми національное чувство останется довольно. Просимъ ихъ также подумать о томъ, признается ли національнымъ чувствомъ хотя какой нибудь выкупъ? Русскій народъ состоитъ не изъ экономистовъ, онъ не читалъ Адама Смита. Но пусть честные люди прислушаются къ голосу народа, и они узнаютъ, что̀ нація думаетъ о выкупѣ. Хотите ли знать, что думаетъ нація? Нація споритъ о томъ, что̀ должно быть съ господскими полями и лугами: останутся ли они за помѣщикомъ, или также отойдутъ къ крестьянамъ? И, замѣтьте, о выкупѣ не бываетъ въ этихъ спорахъ и помина. Просимъ прислушаться къ голосу націи и провѣрить, правду ли мы говоримъ. При такомъ расположеніи національнаго чувства, что остается дѣлать людямъ, которые желали бы, чтобы помѣщики получили выкупъ не на бумагѣ только, а

Digitized by Google

на самомъ дѣлѣ? Остается думать о томъ, такова ли удовлетворительная для помѣщиковъ величина выкупа, чтобы этотъ выкупъ былъ заплаченъ незамѣтно для крестьянъ, иначе сказать, такую ли величину имѣетъ этотъ выкупъ, чтобы онъ могъ быть уплаченъ податью въ 3 рубля, то есть тѣми рублями, которые составляютъ разницу между нынѣшнею казенною податью крѣпостныхъ крестьянъ и тою, которою они по освобожденіи были бы обложены наравнѣ съ государственными крестьянами. Намъ кажется, что выкупъ такой величины безубыточенъ для помѣщиковъ оброчныхъ имѣній и составляетъ огромный выигрышъ для помѣщиковъ имѣній съ господскою запашкою. Просимъ подумать о такой величинѣ выкупа, потому что только она можетъ быть примирена съ національнымъ чувствомъ. Мы говоримъ о національномъ чувствѣ: почему не сказать и о наукѣ? Почему не замѣтить, что она съ своей стороны говоритъ то же самое, что говоритъ національное чувство, хотя оно и не знаетъ о ней. Нашъ взглядъ на юридическую величину выкупа не согласенъ съ предубѣжденіями, которыя всосаны многими изъ насъ отъ крѣпостнаго права, или, лучше сказать, отъ его злоупотребленій (потому что законное крѣпостное право, то право, которое можетъ требовать себѣ вознагражденія по Своду Законовъ, приводитъ къ такимъ же соображеніямъ, какія изложены у насъ); но спросите у любого экономиста, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, какого угодно: каждый скажетъ о размѣрѣ юридическаго вознагражденія то же самое, что должны были сказать мы для ослабленія фальшивыхъ и непрактичныхъ претензій, предъявляемыхъ нѣкоторыми. Сводъ законовъ, національное чувство, политическая экономія,—все приводитъ къ тому, что *требовать* выкупа едва ли выгодно и даже едва ли можно; но можно *получить* выкупъ въ такомъ размѣрѣ, который допускается состояніемъ государственныхъ финансовъ и національнымъ чувствомъ. Этотъ размѣръ мы старались опредѣлить. При выкупѣ отъ 70 до 90 рублей съ души, національное чувство не будетъ возмущено; государство не потерпитъ разстройства; одна треть помѣщиковъ (помѣщики оброчныхъ имѣній) останутся не въ убыткѣ; двѣ другія трети помѣщиковъ (помѣщики имѣній съ господскою запашкою) будутъ имѣть огромный выигрышъ.

А если требовать выкупа въ 150 рублей, народъ изнеможетъ подъ такою тяжестью, и что тогда будетъ? Чего ждетъ теперь крестьянинъ? Онъ ждетъ воли. Чего ждетъ онъ отъ воли? Облегченія своей судьбѣ. Какое же почувствуетъ онъ облегченіе и пойметъ ли онъ волю, если его заставятъ платить оброкъ не меньше, или даже больше нынѣшняго, или заставятъ, по прежнему, ходить на барщину? Какъ пойметъ онъ такое освобожденіе? Онъ не пойметъ его, онъ почтетъ себя обманутымъ,—и что тогда будетъ?

4) *Долженъ ли выкупъ земли быть произведенъ немедленно обязательнымъ образомъ?*

Человѣкъ, привыкшій разсуждать о житейскихъ дѣлахъ практическимъ образомъ, никакъ не можетъ самъ собою дойти до того, чтобы даже вообразить возможность этого вопроса. Его уму представляются только два способа освобожденія: или крестьяне освобождаются безъ земли, и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ самомъ терминѣ „выкупъ“—если крестьяне, освобождаемые безъ земли,

Digitized by Google

впослѣдствіи пріобрѣтутъ ее, это будетъ обыкновенною покупкою въ томъ самомъ смыслѣ, какъ нынѣ какой-нибудь мѣщанинъ или купецъ покупаетъ домъ или садъ у другаго; если же крестьяне освобождаются съ землею, этимъ самымъ уже говорится, что выкупъ соединенъ съ актомъ освобожденія, и какъ освобожденіе производится общею, обязательною мѣрою, то и переходъ земли долженъ быть одновремененъ съ самымъ освобожденіемъ и имѣть характеръ обязательности. Таково понятіе людей практическихъ. Только идеализмъ, чуждый реальнаго взгляда на житейскія дѣла и лишенный возможности практическаго осуществленія, можетъ обольщать среднимъ рѣшеніемъ, которое, говоря, что крестьяне освобождаются съ землею, прибавляетъ: „но выкупъ ея предоставляется добровольному соглашенію и можетъ быть отсроченъ". Дѣйствительно, эта прибавка въ сущности значитъ, что крестьяне освобождаются безъ земли.

Добровольное соглашеніе только тогда можетъ быть добровольнымъ, когда обѣ стороны находятся въ полной независимости одна отъ другой. Положеніе крестьянъ, хотя бы и освобожденныхъ, не таково относительно помѣщика. Во-первыхъ, крестьянъ въ уѣздѣ десятки тысячъ, а помѣщиковъ—только десятки или сотни; притомъ, даже и эти немногочисленные продавцы привыкли уже сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ двумя или тремя богатѣйшими изъ своихъ сотоварищей: каждому извѣстно, что въ цѣломъ уѣздѣ, а иногда и въ нѣсколькихъ уѣздахъ, общество дворянъ слѣдуетъ обыкновенно руководству одной, двухъ, много трехъ фамилій. Крестьянамъ, по ихъ многочисленности и разрозненности, нѣтъ возможности дѣйствовать такимъ же способомъ. Слѣдовательно, при такъ называемыхъ добровольныхъ сдѣлкахъ по выкупу земли, одна сторона пользовалась бы преимуществомъ монополіи, то есть вмѣсто свободной сдѣлки было бы совершенное диктованіе условій выкупа одною стороною. Само собою разумѣется, что условія диктовались бы самыя невыгодныя для желающихъ купить, и земля осталась бы въ рукахъ помѣщиковъ.

Говорятъ, что можно постановить какія нибудь правила, которыми предотвращалось бы произвольное диктованіе выкупной цѣны, напримѣръ: опредѣлить высшую норму выкупа, взносъ котораго передавалъ бы землю крестьянамъ и безъ согласія помѣщика. Но постановить высшую норму значитъ опредѣлить цѣну очень высокую, по которой могли бы безъ убытка быть выкуплены лишь немногіе участки земли, самые дорогіе въ данной мѣстности. Дѣйствительная цѣна всѣхъ остальныхъ участковъ была бы по необходимости гораздо ниже этой нормы, и они остались бы не выкуплены. Притомъ, какъ бы точны ни были правила, которыми опредѣлялись бы условія взноса денегъ по нормальной цѣнѣ, все-таки невозможно будетъ въ этихъ правилахъ предусмотрѣть всѣхъ мелочей и подробностей практическаго ихъ примѣненія, и всегда могутъ быть найдены предлоги и отговорки для уклоненія отъ нихъ, если осуществленіе выкупа будетъ поставлено частнымъ дѣломъ между отдѣльнымъ помѣщикомъ и крестьянами каждаго села. Напримѣръ, если деньги должны будутъ взноситься прямо въ руки помѣщика, онъ просто можетъ отказываться брать ихъ, когда несогласенъ на выкупъ, и, вмѣсто выкупа, возникнетъ просто тяжебное дѣло о томъ, дѣйствительно ли помѣщику предлагался такой выкупъ, отъ котораго не долженъ былъ онъ отказываться; само собою разумѣется, что эта тяжба можетъ длиться до безконечности, по обыкновенному порядку нашихъ процессовъ. Если положено будетъ взносить выкупъ въ руки извѣстнаго чинов-

Digitized by Google

ника, онъ можетъ также отказываться принять его: кому не извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ казначействахъ иногда не соглашаются принимать у поселянъ денегъ, приносимыхъ ими даже въ уплату государственныхъ податей, за своевременнымъ взиманіемъ которыхъ такъ бдительно слѣдитъ правительство? Гораздо легче отказаться чиновнику отъ пріема денегъ, предназначенныхъ для передачи частному лицу, когда само это лицо проситъ его не принимать денегъ. Посредствомъ подобныхъ проволочекъ, выкупъ можетъ быть оттягиваемъ очень долго, въ случаѣ несогласія на него помѣщика, а выигрышъ времени рѣшитъ весь ходъ дѣла. Имѣя время, можно и обрѣзать крестьянскіе участки, и перенести ихъ съ одного мѣста дачи на другое. Что тогда будутъ дѣлать крестьяне? Жаловаться, начинать процессы? Но сколько лѣтъ будутъ тянуться и сколькихъ денегъ стоитъ крестьянамъ процессы, и какъ будутъ рѣшаться, если когда нибудь подойдутъ къ рѣшенію?

Кто знаетъ состояніе нашей администраціи и нашего судопроизводства, тотъ очень хорошо понимаетъ, что у насъ рѣшительно непрактичны такія идеальныя гипотезы, какъ предположеніе добровольныхъ соглашеній о выкупѣ земли между помѣщиками и освобождаемыми ихъ крестьянами. Такія гипотезы требуютъ отъ судопроизводства и администраціи такого совершенства, какого мы еще не находимъ вокругъ себя. Опредѣлять, что выкупъ земли предоставляется добровольнымъ сдѣлкамъ, значило бы у насъ опредѣлять, что крестьяне въ результатѣ увидятъ себя освобожденными безъ земли.

Само собою разумѣется, что предположеніе предоставить выкупъ земли добровольнымъ сдѣлкамъ могло возникнуть только вслѣдствіе сомнѣній о возможности безотлагательно произвести его обязательнымъ образомъ. Но если величина выкупа будетъ принята справедливая, то произвести его обязательнымъ образомъ будетъ очень легко. Мы подробно доказывали это въ статьѣ „Труденъ ли выкупъ земли", гдѣ предлагали къ осуществленію его множество разныхъ способовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы легокъ. Государство можетъ принять или не принять на себя производство этой операціи; она можетъ быть произведена съ помощью или безъ помощи внѣшняго займа и кредитныхъ билетовъ,—словомъ сказать, каковы бы ни были положеніе государственныхъ финансовъ и финансовые планы правительства, все-таки легко найти способъ обязательнаго выкупа, соотвѣтствующій характеру этихъ условій, легкій и быстрый.

5) *Можно-ли поставить обязательный трудъ принудительнымъ способомъ уплаты выкупа?*

На этотъ вопросъ отвѣтъ легко найти въ самомъ имени того дѣла, часть котораго составляетъ вопросъ о выкупѣ. Крестьяне освобождаются отъ крѣпостной зависимости: въ чемъ же состояла крѣпостная зависимость? Основною и единственною законною чертою ея былъ обязательный трудъ. Итакъ, сохранить обязательный трудъ значило бы въ сущности сохранить крѣпостное право. Народъ не могъ бы понять этого иначе и былъ бы правъ. Нѣтъ надобности говорить, какія послѣдствія были бы произведены, если бы народъ остался при убѣжденіи, что крѣпостное право уцѣлѣло.

Digitized by Google

При несообразности своей съ ожиданіями народа, сохраненіе обязательнаго труда было бы противно и требованіямъ науки. Экономическая сторона, конечно, самая важная въ крѣпостномъ вопросѣ. Въ чемъ же состоитъ сущность крѣпостнаго права по объясненію политической экономіи? Точно такъ же, какъ и по мнѣнію народа, въ обязательномъ трудѣ. Если политическая экономія признаетъ крѣпостное право гибельнымъ для націи, убыточнымъ для самихъ владѣльцевъ, она поставляетъ источникомъ всѣхъ его такихъ дѣйствій обязательный трудъ. Пока онъ не прекратится, политическая экономія не будетъ признавать прекратившимся и крѣпостнаго права.

Digitized by Google

СУЕВѢРІЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ.

Позволительна ли по правиламъ логики гипотеза о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія на земледѣліе.—Что такое называется азіатствомъ и въ чемъ заключаются дѣйствительныя препятствія успѣхамъ нашего земледѣлія.

Намъ, людямъ просвѣщеннымъ, чрезвычайно смѣшны кажутся деревенскіе простяки, вѣрящіе въ знахарство и заговоры. Пропадетъ у бабы холстъ, который разостлала она бѣлить за огородомъ,—баба отправляется къ знахарю, главѣ всѣхъ окрестныхъ мошенниковъ, и знахарь объявляетъ ей, что холстъ найдется въ такомъ-то овинѣ или хлѣвѣ. Долго бьетъ мужика неотвязна-лихорадка: призываютъ знахарку,—она поитъ его виномъ, къ которому примѣшанъ мышьякъ, сопровождая лѣченіе причитываніемъ разныхъ заговоровъ, и лихорадка проходитъ, если больной не умретъ отъ мышьяка. И баба, нашедшая свой холстъ, и мужикъ, выздоровѣвшій отъ лихорадки, остаются въ твердомъ убѣжденіи, что дѣйствіе произведено причитываніями и таинственными жестами, съ которыми знахарь гадалъ о потерянной вещи и знахарка давала лѣкарство. Какое нелѣпое, тупоумное суевѣріе! Но если, вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ нимъ, мы захотимъ разобрать, отчего произошло дикое заблужденіе, мы найдемъ, что сущность его состоитъ въ предположеніи, будто-бы результатъ произведенъ фактомъ, только случайно совпадающимъ съ другими фактами, обратить вниманіе на которые не хотятъ суевѣрные простяки, и которые сами по себѣ уже очень достаточны для объясненія дѣла. Знахарь имѣетъ сношенія съ ворами—это извѣстно всѣмъ въ селѣ; не было ли бы довольно этого, чтобы понять, какъ можетъ онъ указать мѣсто украденной вещи, подѣлившись оброкомъ отъ простодушной крестьянки съ своими агентами—ворами? Мышьякъ лѣкарство слишкомъ вредное, но радикальное лѣкарство отъ лихорадки: не было ли бы довольно этого, чтобы объяснить излѣченіе мужика? Но деревенскіе невѣжды, пренебрегая причинами положительными, непремѣнно хотятъ строить гипотезы о мнимомъ вліяніи такихъ фактовъ, которые ровно ничѣмъ не участвовали въ совершеніи дѣла.

Если мы не захотимъ забывать найденной нами существенной черты суевѣрія, то безъ всякаго затрудненія мы найдемъ слово, которымъ надобно характеризовать мнѣніе отсталыхъ экономистовъ о томъ, будто бы плохое состояніе нашего земледѣлія имѣетъ какую нибудь связь съ общиннымъ владѣніемъ. Это мнѣніе, точно такъ же какъ вѣра въ силу таинственныхъ жестовъ знахарства, основывается исключительно на томъ, что отсталые экономисты непремѣнно хотятъ придумать гипотезу для объясненія факта, слишкомъ достаточно объясняемаго дѣйствіемъ причинъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ. Въ одной статьѣ

Digitized by Google

мы говорили о возраженіяхъ противъ общиннаго владѣнія, проистекающихъ отъ незнакомства съ философіею, въ другой—о возраженіяхъ, проистекающихъ изъ незнакомства съ характеромъ дѣльнаго законодательства, изъ неумѣнія отличить его отъ безтолковой регламентаціи; теперь мы будемъ говорить о предразсудкѣ, возникающемъ изъ незнакомства съ основными правилами логики.

Когда мы хотимъ изслѣдовать, можетъ ли какое-нибудь обстоятельство считаться причиною извѣстнаго факта, логика предписываетъ намъ, во-первыхъ, разсмотрѣть, нужна ли гипотеза о какой бы то ни было лишней причинѣ, или тотъ фактъ, происхожденіе котораго мы хотимъ узнать, совершенно достаточно объясняется дѣйствіемъ причинъ уже извѣстныхъ. Если окажется, этихъ несомнѣнныхъ причинъ уже совершенно достаточно, и что нѣтъ надобности придумывать новую причину, логика велитъ намъ испытать, нѣтъ ли положительныхъ указаній, что фактъ, происхожденіе котораго мы объясняемъ, возникаетъ исключительно отъ этихъ причинъ, совершенно независимо отъ обстоятельства, которому наше суевѣріе приписывало вліяніе на него. Для этого логика велитъ внимательнѣе обозрѣть природу и исторію, чтобы видѣть, не повторяется ли этотъ фактъ въ полной своей силѣ и тамъ, гдѣ не существуетъ обстоятельства, которое суевѣрнымъ образомъ ставится въ связь съ нимъ. Для человѣка разсудительнаго бываетъ обыкновенно довольно первой половины изслѣдованія; но тотъ, кто ослѣпленъ суевѣріемъ, принужденъ бываетъ сознаться въ своемъ заблужденіи только по приложеніи къ спорному вопросу и втораго способа,—способа отрицательной повѣрки. Положимъ, напримѣръ, что я вздумалъ бы утверждать, будто поднятіе ртути въ барометрической трубкѣ зависитъ отъ свойствъ стеклянной массы, составляющей стѣнки этой трубки. Какъ узнать, основательно ли мое мнѣніе? Каждому извѣстно, что ртуть поднимается въ трубкѣ давленіемъ атмосферы, и логика велитъ прежде всего изслѣдовать, достаточно ли вліянія одной этой причины для поднятія ртути на ту высоту, какой она достигаетъ въ барометрѣ. Если окажется, что достаточно одного давленія атмосферы для произведенія этого факта, разсудительные люди уже увидятъ неосновательность моего мнѣнія о связи этого явленія съ качествами стекла; но я въ упорствѣ своего ослѣпленія все еще могу твердить: „такъ, ртуть поднимается давленіемъ атмосферы; но почему знать, не поднимается ли она отчасти также и какимъ нибудь свойствомъ стекла?“ Чтобы отнять у меня возможность такого пустословія, надобно сдѣлать барометръ изъ желѣза, кости или какого нибудь другаго матеріала: когда въ роговой или глиняной трубкѣ ртуть будетъ подниматься точно такъ же, какъ въ стеклянной, нелѣпость моей гипотезы обнаружится такимъ осязательнымъ способомъ, что, не отказавшись отъ нея, я представляюсь уже просто или человѣкомъ недобросовѣстнымъ, или тупоумнымъ суевѣромъ. Упрямство отсталыхъ экономистовъ таково, что необходимо довести изслѣдованіе о предполагаемой связи между низкимъ состояніемъ земледѣлія и общиннымъ владѣніемъ до этого послѣдняго результата. Для нихъ мало будетъ простаго указанія на то, что предположеніе объ этой связи гипотеза совершенно лишняя, потому что и безъ нея фактъ слишкомъ достаточно объясняется такими причинами, вліяніе которыхъ на состояніе земледѣлія несомнѣнно.

Развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи слабо. Но могло ли оно достичь высокой степени, какова бы ни была у насъ система владѣнія землею? Существовало ли у насъ до сихъ поръ хотя одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ на-

Digitized by Google

виситъ усиленное развитіе земледѣлія? Не очевидно ли, напротивъ, что всѣ данныя, которыми обусловливается положеніе сельскаго хозяйства, находились у насъ до сихъ поръ на ступени, чрезвычайно неблагопріятной его успѣхамъ? Пересмотримъ поочередно главнѣйшія изъ этихъ данныхъ, чтобы видѣть, какого развитія могло достигать у насъ сельское хозяйство при какомъ бы то ни было способѣ владѣнія землею.

Статистика говоритъ, что степень успѣховъ сельскаго хозяйства вездѣ соотвѣтствуетъ густотѣ населенія. Лучше всего въ Европѣ земля обработывается въ Англіи, въ Рейнской Германіи и въ Ломбардіи: эти страны имѣютъ отъ 5 до 6,000 населенія на квадратную милю. Во Франціи, гдѣ населеніе простирается до 4,000 человѣкъ на квадратную милю, земля обработывается далеко не съ такой заботливостью. Въ восточныхъ частяхъ Австрійской имперіи, гдѣ населеніе еще рѣже, обработка земли еще хуже. Въ собственной Венгріи, гдѣ на квадратную милю считается 2,500 населенія, сельское хозяйство до сихъ поръ остается подъ господствомъ методовъ обработки совершенно первобытныхъ. Еще меньше усовершенствованій имѣетъ сельское хозяйство въ Трансильваніи, гдѣ приходится на квадратную милю по 2,000 человѣкъ. Венгрія и Трансильванія до такой степени отстали въ методахъ сельскаго хозяйства отъ прочихъ земель Западной Европы, что статистика, говоря о земледѣліи въ Западной Европѣ, никакъ не думаетъ и вспоминать о восточныхъ областяхъ Австріи, какъ о странахъ сколько нибудь похожихъ въ этомъ отношеніи на земли болѣе населенныя, которыя служатъ исключительнымъ мѣстомъ усовершенствованій въ земледѣліи. У насъ нѣтъ ни одной губерніи, которая густотою своего населенія равнялась бы хотя Венгріи, и, за исключеніемъ одной Московской, нѣтъ ни одной губерніи, которая превосходила бы въ этомъ отношеніи Трансильванію. Если мы возьмемъ даже только однѣ такъ называемыя земледѣльческія наши губерніи, то есть западную часть центральной Россіи, Малороссію и землю черноземной полосы, все-таки, въ общей сложности, мы не получимъ болѣе 1,200 человѣкъ на квадратную милю въ этомъ пространствѣ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено наше земледѣліе *). Скажите же, какихъ усовершенствованныхъ методовъ, при какомъ бы то ни было способѣ населенія, можно ожидать въ сельскомъ хозяйствѣ такой страны, которая имѣетъ населенія въ два раза меньше, чѣмъ Венгрія и Трансильванія, гдѣ, по многоземелію, нѣтъ надобности въ усовершенствованныхъ методахъ? Если Франція, имѣющая около 4,000 жителей на квадратную милю, до сихъ поръ держится трехпольнаго хозяйства, если она до сихъ поръ остается почти совершенно чужда усовершенствованнымъ способамъ производства, то не безумно ли приписывать мистическому вліянію общиннаго владѣнія то обстоятельство, что мы, подобно французамъ, держимся трехпольной системы и подобно французамъ плохо удобряемъ свою землю? Кто, сравнивши, густоту населенности въ Европейской Россіи и въ Западной Европѣ, будетъ нуждаться еще въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, тотъ, по нашему мнѣнію, долженъ, въ случаѣ болѣзни, ле-

*) Мы отбрасываемъ губерніи Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Астраханскую и другія, въ которыхъ населеніе несравненно меньше. Читатель знаетъ что если считать эти громадныя пустыни, то средняя густота населенія въ Европейской Россіи едва достигаетъ 650 человѣкъ на квадратную милю. Но мы беремъ только ту половину Европейской Россіи, въ которой населеніе по нашей русской нормѣ считается уже довольно густымъ и которая пр[illegible]мѣется въ виду, когда рѣчь идетъ о земледѣліи.

Digitized by Google

читься не у докторовъ, а у знахарей: дѣйствіе медицинскихъ средствъ ему должно казаться тоже недостаточнымъ, и онъ долженъ искать помощи себѣ въ какомъ нибудь заговорѣ колдуна.

Зависимость усовершенствованныхъ способовъ обработки земли отъ густоты населенія яснѣе всего выказываютъ Соединенные Штаты. Они въ высокой степени обладаютъ всѣми другими условіями, вызывающими усовершенствованное сельское хозяйство: и громаднымъ развитіемъ городовъ, и превосходными путями сообщенія, и страшнымъ богатствомъ капиталовъ,—всѣми этими условіями, которыхъ лишена Россія; они отличаются отъ Англіи только тѣмъ, что густота населенія въ нихъ невелика, и отъ разницы въ этомъ одномъ обстоятельствѣ происходитъ то, что сѣвероамериканецъ пренебрегаетъ усовершенствованными методами сельскаго хозяйства. Спросите его, почему онъ не употребляетъ на улучшеніе акра земли въ какомъ нибудь Огайо по 100 долларовъ, между тѣмъ какъ англичанинъ тратитъ на улучшеніе своей земли гораздо больше,— онъ или захохочетъ, считая васъ помѣшаннымъ, или разсердится, думая, что вы принимаете его за дурачка, надъ которымъ можно потѣшаться. Но если вы объясните ему, что вы спрашиваете серьезно, и докажете, что вы человѣкъ не глупый, а только черезчуръ начитавшійся отсталыхъ экономистовъ, то онъ растолкуетъ вамъ, въ чемъ дѣло. Онъ скажетъ: если я буду обработывать свою землю по англійской усовершенствованной методѣ, я не обработаю и третьей части того количества, какое находится у меня теперь подъ посѣвомъ. Земля у насъ такъ дешева, что тратить много денегъ на ея улучшеніе еще невыгодно.

Отсталые экономисты вообще такъ сообразительны, что, пожалуй, тотчасъ же придумаютъ новую гипотезу, все во вредъ тому же непостижимому для нихъ общинному владѣнію. Надобно поскорѣе сдѣлать оговорку, чтобы предупредить ихъ остроумную догадку. Хорошо, скажутъ они, затрачивать много денегъ на улучшеніе земли у насъ нельзя потому, что земля слишкомъ дешева и населеніе не имѣетъ такой густоты, какъ въ Англіи. Но причиною малой населенности и дешевизны нашихъ земель не должно ли считаться общинное владѣніе? Мы не сами выдумали это остроумное соображеніе, послѣ котораго остается только предположить, что нерасчищенность фарватера нашихъ рѣкъ происходитъ также отъ общиннаго владѣнія. Отсталые экономисты дѣйствительно говорили, что развитіе населенія у насъ задерживается общиннымъ владѣніемъ; но это показываетъ только, что они не читали даже извлеченія изъ русской исторіи Карамзина, которое приложено къ нѣмецкой грамматикѣ г. Таппе, для упражненія въ переводахъ. Иначе они знали бы, что до половины XVII вѣка вся Европейская Россія была театромъ такихъ событій, при которыхъ можно дивиться развѣ тому, что уцѣлѣли въ ней хотя тѣ малочисленные жители, которыхъ имѣла она при Петрѣ. Татарскіе набѣги, нашествіе поляковъ, многочисленныя шайки разбойниковъ, походившія своею громадностью на цѣлыя арміи,—все это постоянно дотла раззоряло русскія области. Онѣ опустошались также страшною неурядицею управленія. Мы знаемъ, что вольные люди записывались за помѣщиковъ, лишь бы найти себѣ какую нибудь защиту, потому что законъ былъ совершенно безсиленъ оградить ихъ,—это фактъ, говорящій о такомъ положеніи вещей, соотвѣтствіе которому въ исторіи Западной Европы представляютъ лишь тѣ мрачныя времена среднихъ вѣковъ, когда аллодіальные владѣльцы принимали на себя феодальную зависимость. Удивительно ли,

Digitized by Google

что, при такомъ положеніи дѣлъ, народонаселеніе оставалось чрезвычайно малочисленнымъ? Только съ XVIII вѣка внѣшніе раззорители были обузданы и внутренняя администрація стала нѣсколько улучшаться; съ тѣхъ поръ, въ теченіе 160 лѣтъ, она постоянно улучшалась, но, по нынѣшнему ея состоянію, можно судить о томъ, какова была она лѣтъ 70 тому назадъ. Если теперь производятся вещи, тысячной доли которыхъ не могъ описать Щедринъ, то разсказы нашихъ отцовъ и дѣдовъ свидѣтельствуютъ, что въ ихъ времена господствовалъ произволъ, невѣроятный даже для насъ. Не будетъ ли явнымъ безразсудствомъ отыскивать какихъ-нибудь другихъ причинъ къ объясненію того факта, что Россія заселена еще очень слабо? Мы удивляемся не тому, что теперь наше населеніе еще слишкомъ мало; напротивъ, скорѣе требовало бы объясненія то обстоятельство, какимъ образомъ могло оно увеличиться хотя до настоящей цифры при извѣстной намъ судьбѣ русскаго народа въ этотъ періодъ. Сравнивая цифру населенія собственно русскихъ областей въ наше время съ населеніемъ ихъ за полтораста лѣтъ, мы должны приписать натурѣ русскаго человѣка чрезвычайную переносливость—черта, которая обнаруживается также всею нашею исторіею и всѣми особенностями нашего быта.

Мы сказали только объ одной причинѣ неразвитости нашего сельскаго хозяйства, и эта одна причина—малая населенность даже самыхъ населенныхъ нашихъ земель—уже могла бы служить очень удовлетворительнымъ объясненіемъ тому, что наше земледѣліе еще не вышло изъ-подъ господства первобытныхъ методовъ обработки; но сколько есть еще другихъ несомнѣнныхъ причинъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи. Замѣчено, напримѣръ, что развитіе сельскаго хозяйства идетъ въ уровень съ развитіемъ городовъ. Дѣло очень понятное: методы производства улучшаются тогда, когда нужно усиленное производство; усиленіе производства возможно только тогда, когда есть сбытъ для продуктовъ. Въ большой странѣ города-собственнаго государства должны служить важнѣйшимъ мѣстомъ сбыта сельскихъ продуктовъ. Потому, чѣмъ значительнѣе пропорція городскаго населенія въ общемъ числѣ жителей страны, тѣмъ высшаго развитія достигаетъ въ ней земледѣліе. Противники общиннаго владѣнія восхищаются англійскимъ сельскимъ хозяйствомъ; но вѣдь въ Англіи болѣе двухъ третей населенія живетъ въ городахъ. Одинъ Лондонъ, съ принадлежащими къ нему мѣстечками, представляетъ массу покупщиковъ хлѣба едва-ли не бо́льшую, чѣмъ всѣ города Русской имперіи отъ Петербурга до Якутска*).

Въ Англіи болѣе двухъ третей населенія сосредоточено въ городахъ. Въ Пруссіи городскіе жители все еще составляютъ около третьей части всего населенія; даже въ Австріи въ городахъ живетъ восьмая часть населенія. У насъ оно составляетъ едва двѣнадцатую часть. Итакъ, не сравнивая Россіи съ Англіей, ни даже съ Франціей и Пруссіей, довольно будетъ замѣтить, что по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ русское земледѣліе находится въ положеніи, въ полтора раза неблагопріятнѣйшемъ, чѣмъ земледѣліе Австріи, самой отсталой западной державы по методамъ сельскаго хозяйства.

---

*) Въ Лондонѣ съ окрестными мѣстечками считается до 3 милліоновъ жителей, а во всѣхъ городахъ Русской имперіи до 5 съ половиною милліоновъ. Но почти во всѣхъ нашихъ уѣздныхъ и даже во многихъ губернскихъ городахъ большинство населенія занимается хлѣбопашествомъ. Эти люди горожане только по имени, а въ самомъ дѣлѣ они такіе же поселяне, какъ и деревенскіе мужики, несмотря на свой титулъ мѣщанъ. Нѣтъ надобности говорить, что въ Лондонѣ, напротивъ того, каждый житель не производитъ, а только потребляетъ хлѣбъ.

Digitized by Google

Отсталые экономисты могутъ въ чемъ угодно обвинять общинное владѣніе. Можетъ быть, оно причиною того, что климатъ нашъ суровъ, что часты у насъ засухи; но едва ли даже они дойдутъ до мысли приписывать ему неразвитость нашихъ городовъ. А, между тѣмъ, странно сказать, какъ ни малы наши города, они почти не увеличиваются, какъ будто бы нѣтъ у насъ и потребности въ нихъ. Одесса, Харьковъ, еще два, три города—и конченъ списокъ всѣхъ центровъ, развивающихся замѣтнымъ образомъ. Даже столицы наши увеличиваются далеко не такъ быстро, какъ большіе города Западной Европы. Въ Москвѣ, напримѣръ, съ незапамятныхъ временъ, чуть ли еще не при Иванѣ III Васильевичѣ, а навѣрно при Елисаветѣ Петровнѣ, считали 300,000 жителей. По прошлогоднему календарю считалось въ ней 354,927 жителей. Надобно будетъ справиться въ календарѣ за нынѣшній годъ, не вознаградился ли въ послѣдніе десять мѣсяцевъ застой цѣлаго столѣтія. Шутки въ сторону. Какихъ успѣховъ можно ожидать при какомъ бы то ни было способѣ землевладѣнія отъ сельскаго хозяйства такой страны, гдѣ послѣ двухъ столичныхъ губерній и Херсонской губерніи съ ея полуиностранною Одессою первое мѣсто, по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, занимаютъ провинціи, недавно завоеванные отъ Турціи, какъ будто бы самыя передовыя въ экономическомъ развитіи *).

Наши города оставались до сихъ поръ какими-то пародіями на города. Но если они представляли для сбыта сельскихъ произведеній рынокъ столь ничтожный, что не могли поднять земледѣлія, за то есть у насъ другой источникъ сбыта—заграничная торговля. Мы кричимъ очень много объ отправляемомъ нами за границу хлѣбѣ. Но въ цѣлыя десять лѣтъ, съ 1844 до 1853 включительно, мы вывезли изъ всѣхъ нашихъ гаваней, всѣхъ сортовъ хлѣба вмѣстѣ, всего 57 милліоновъ четвертей, по 5,700,000 четвертей въ годъ, то есть, считая по полуторы четверти на продовольствіе одного потребителя, весь нашъ заграничный отпускъ равнялся присутствію четырехъ милліоновъ потребителей. Изъ этого слѣдуетъ, что если мы соединимъ размѣръ внутренняго рынка (городскіе потребители) съ продажею на заграничные рынки, мы получимъ, что все поощреніе нашего земледѣлія къ усиленному производству равнялось потребности 8 милліоновъ потребителей **). Итакъ, оба рынка, внѣшній и внутренній, едва могутъ производить у насъ на земледѣліе столько возбуждающаго вліянія, сколько производится въ Австріи однимъ внутреннимъ рынкомъ.

---

*) Для курьеза—именно для курьеза, потому что цифры эти восхитительны,—выписываемъ верхнюю часть таблицы городскаго населенія изъ Тенгоборскаго.

На 1,000 человѣкъ населенія считается городскихъ жителей:

Губерніи:

1. С.-Петербургская	517
2. Московская	258
3. Херсонская (Одесса)	237
4. Таврическая (турецкая цивилизація)	172
5. Бессарабія (турецкая цивилизація)	163
6. Астраханская (калмыцкая цивилизація)	140
7. Курляндія (нѣмцы)	121
8. Харьковская (слава Богу, вотъ и мы наконецъ)	114

**) Мы полагаемъ, изъ 5 съ половиною милліоновъ городскаго населенія, до 4,000,000 человѣкъ покупающихъ хлѣбъ,—цифра слишкомъ высокая,—и къ нимъ прибавляемъ 4,000,000 потребителей, которыхъ мы продовольствуемъ за границей.

Digitized by Google

Отсталые экономисты могутъ приписать все это общинному владѣнію; но дѣло извѣстное, что слабое развитіе нашихъ городовъ имѣетъ своею причиною неразвитость нашей промышленности и торговли, а отпускъ хлѣба за границу стѣсняется отсутствіемъ сносныхъ путей сообщенія. Надобно ли говорить, что обѣ причины, кромѣ косвеннаго вреда, приносимаго ими земледѣлію черезъ ограниченіе заграничнаго сбыта и городскаго потребленія, страшно вредятъ сельскому хозяйству и прямымъ образомъ? Надобно ли говорить, что, каково бы ни было число жителей въ городахъ, земледѣліе не можетъ дѣлать успѣховъ въ странѣ, гдѣ слаба промышленность и торговля? Надобно ли говорить, что всякое производство, а въ особенности земледѣльческое производство нуждается для своего развитія въ удобныхъ путяхъ сообщенія? Кому неизвѣстно, что Псковская губернія можетъ умереть съ голоду прежде, чѣмъ получить хотя четверть хлѣба изъ Малороссіи, которая въ то же время будетъ страдать отъ невозможности сбыть куда бы то ни было свой хлѣбъ? Или надобно говорить о томъ, что наша торговля находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, а пути сообщенія до послѣдняго времени находились еще въ худшемъ?

Есть еще одно важное коммерческое обстоятельство, спеціальнымъ образомъ тяготѣющее надъ нашимъ земледѣліемъ. Изъ всѣхъ отраслей производства, въ сельскомъ хозяйствѣ всего ощутительнѣе важность оборотнаго капитала. Фабрика или заводъ обыкновенно или создается или покупается тѣмъ самымъ человѣкомъ, который бываетъ хозяиномъ производства. При покупкѣ или устройствѣ своего заведенія, онъ обыкновенно разсчитываетъ, чтобы нужное количество капитала оставалось у него для оборота. Не то въ сельскомъ хозяйствѣ. Земля чаще всего достается по наслѣдству, и владѣлецъ, не получивъ вмѣстѣ съ нею оборотнаго капитала, обыкновенно и не понимаетъ нужды въ немъ. Земля у него есть, работа даромъ и справляется крѣпостными людьми: о чемъ же еще думать владѣльцу? Если у него есть деньги, онъ пускаетъ ихъ въ другія предпріятія, или, чаще всего, проживаетъ, а земледѣльческое производство совершается у него рѣшительно безъ всякихъ затратъ оборотнаго капитала. Между тѣмъ, извѣстно, что успѣхи земледѣлія находятся въ прямой зависимости отъ величины затратъ на оборотный капиталъ. Какихъ успѣховъ можно ожидать тамъ, гдѣ нѣтъ понятія о надобности въ оборотномъ капиталѣ?

Это положеніе приводитъ насъ къ одному изъ основныхъ источниковъ нашей отсталости во всѣхъ отношеніяхъ—къ крѣпостному праву. Кореннымъ образомъ крѣпостное право принадлежитъ сферѣ сельскаго хозяйства, и само собою разумѣется, что если оно обезсиливало всю нашу жизнь, то съ особенною силою должны были отражаться его результаты на земледѣліи, которое полнѣе всего подчинялось его силѣ. Неумѣстно было бы здѣсь распространяться объ этомъ предметѣ,—о немъ довольно наговорено въ послѣднее время безчисленными писателями, которые вдругъ обнаружили благороднѣйшее негодованіе противъ бѣдствія, имѣвшаго привиллегію столь долго не вызывать никакихъ порицаній. Мы сами грѣшили этими внезапными вспышками благородства.

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,

и теперь не можемъ не краснѣя вспоминать о тогдашнихъ нашихъ подвигахъ.

Digitized by Google

Итакъ, довольно будетъ сказать, что цѣна хлѣба зависѣла отъ той части его, которая производилась крѣпостнымъ трудомъ, то есть не имѣла ровно никакой цѣны въ глазахъ владѣльца, и что крѣпостное право, передѣлавши въ своемъ духѣ всѣ наши обычаи, конечно, не могло содѣйствовать ни развитію духа предпріимчивости, ни поддержанію трудолюбія въ нашемъ племени. Если бы не было никакихъ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, одного крѣпостнаго права было бы достаточно, чтобы объяснить жалкое положеніе нашего земледѣлія.

Крѣпостное право было однимъ изъ учрежденій, ослаблявшихъ народную энергію. Но не одному ему надобно приписывать страшный упадокъ ея. Крѣпостное право было только однимъ изъ множества элементовъ, имѣющихъ такое же вліяніе на силу націи. Мы не хотимъ теперь перечислять всѣхъ этихъ вредныхъ учрежденій: для нашей цѣли довольно будетъ обратить вниманіе только на результатъ ихъ. Русскій народъ жилъ, или, лучше сказать, прозябалъ или дремалъ въ тяжелой летаргіи, немногимъ отличающейся отъ расположенія духа, владычествующаго надъ азіатцами. Энергія труда подавлена въ насъ вмѣстѣ со всякою другою энергіею. Историческіе обстоятельства развили въ насъ добродѣтели чисто пассивныя, какъ, напримѣръ, долготерпѣніе, переносливость къ лишеніямъ и всякимъ невзгодамъ. Въ сантиментальномъ отношеніи эти качества могутъ быть очень хороши, и нѣтъ сомнѣнія, что они очень удобны для людей, пользующихся ими къ своей выгодѣ; но для развитія экономической дѣятельности пассивныя добродѣтели никуда не годятся.

Мы сказали, что не хотимъ перечислять причинъ, подавляющихъ энергію труда въ русскомъ народѣ. Это перечисленіе было бы слишкомъ огорчительно для нашего съ вами патріотизма, читатель (мы надѣемся, что вы такой же яростный патріотъ, какъ и мы; что вы, подобно намъ, восхищаетесь нашимъ общественнымъ устройствомъ во всѣхъ его подробностяхъ, начиная съ петербургскихъ и кончая сельскою администраціею). Но мы должны обратить вниманіе на одну сторону народной жизни, которая, сама обусловливаясь благосостояніемъ и свободою народа, служитъ кореннымъ источникомъ всѣхъ успѣховъ его экономической дѣятельности. Каждое человѣческое дѣло успѣшно идетъ только тогда, когда руководится умомъ и знаніемъ; а умъ развивается образованіемъ, и знанія даются тоже образованіемъ; потому только просвѣщенный народъ можетъ работать успѣшно. Въ какомъ же положеніи наше образованіе? Въ цѣлой Западной Европѣ, имѣющей около 200 милліоновъ жителей, не найдется столько безграмотныхъ людей, какъ въ одной нашей родинѣ; въ какой-нибудь Бельгіи, или хотя бы даже Баваріи, при всей отсталости Баваріи отъ другихъ земель Западной Европы, на 5 милліоновъ населенія считается столько же учащихся въ школахъ, сколько въ цѣлой Россіи, и число всѣхъ грамотныхъ людей въ Россіи таково, что едва ли бы достало его на одну провинцію въ Прусскомъ королевствѣ *). О томъ, насколько распространено у насъ высшее образованіе, нечего и говорить: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ

*) По самымъ щедрымъ разсчетамъ предполагается, что изъ 65 или 70 милліоновъ жителей Русской имперіи, людей, умѣющихъ читать, набирается до 5 милліоновъ. Но эта цифра, по всей вѣроятности, слишкомъ высока. Большинство грамотныхъ людей сосредоточено въ городахъ; въ селахъ едва ли наберется половина того, сколько находится въ городахъ. Но и въ городахъ гораздо больше половины жителей еще не знаютъ грамотѣ. Судя поэтому, едва ли мы ошибемся, положивъ число грамотныхъ людей въ Россіи не превышающимъ 4 милліоновъ.

Digitized by Google

цифры изданій Гоголя, Пушкина, Тургенева и число экземпляровъ, въ какомъ издаются наши газеты и журналы *).

Какъ изъ неуспѣшности русскаго человѣка въ матеріальной работѣ провинціальные люди вывели, что онъ отъ природы расположенъ къ лѣнности, такъ изъ слабаго развитія нашей образованности они заключаютъ, что русское племя мало имѣетъ охоты къ просвѣщенію. Обѣ эти клеветы одинаково тупоумны и нелѣпы. Стремленіе въ народѣ чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишкомъ не благопріятствуютъ его осуществленію.

Мы перечислили много причинъ, имѣющихъ гибельное вліяніе на наше земледѣліе: отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ, упадокъ его энергіи, крѣпостное состояніе, недостатокъ оборотнаго капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояніе путей сообщенія, слабое развитіе городовъ, незначительная степень населенности,—все это такія причины, изъ которыхъ каждая сама по себѣ и безъ содѣйствія другихъ бываетъ въ состояніи задержать сельское хозяйство на низкой степени развитія. Изъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, у котораго хотя одинъ изъ этихъ фактовъ, враждебныхъ успѣхамъ земледѣлія, имѣлъ бы такой обширный размѣръ, какъ у насъ, и нѣтъ въ Европѣ ни одного народа, у котораго бы соединялись всѣ эти факты, соединенные у насъ. Что-жъ удивительнаго, если земледѣліе у насъ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ у западныхъ народовъ? Когда есть такъ много и столь сильныхъ несомнѣнныхъ причинъ, производящихъ данное положеніе, позволяютъ ли правила логики придумывать еще гипотетическія и мистическія причины? При видѣ фактовъ, нами перечисленныхъ, говорить, что наше земледѣліе задерживается общиннымъ владѣніемъ, значитъ подражать той дамѣ, которая зимою поѣхала на балъ, накинувъ на голыя плечи только легкую мантилью, а потомъ, выдержавъ горячку, приписывала свою болѣзнь тому обстоятельству, что забыла взять съ собою вѣйеръ. Мы не знаемъ, имѣетъ ли вѣйеръ свойство предохранять отъ простуды; но можно думать, что еслибъ онъ и былъ у ней въ рукахъ, онъ не замѣнилъ бы для нея шубы и теплыхъ ботинокъ. Можно полагать, что, каковъ бы ни былъ способъ землевладѣнія въ странѣ, гдѣ населеніе мало, города не развиты, путей сообщенія нѣтъ, торговли и промышленности почти нѣтъ, оборотнаго капитала въ земледѣліи нѣтъ, гдѣ не развита въ народѣ энергія и нѣтъ простора умственной дѣятельности,—можно думать, что, каковъ бы ни былъ способъ владѣнія землею въ такой странѣ, земледѣліе не могло бы достичь въ ней никакихъ успѣховъ.

Говорить о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія на земледѣліе въ Россіи значитъ приписывать цвѣту волосъ или величинѣ усовъ неподвижность человѣка, у котораго поражены параличемъ руки и ноги. Насъ такъ восхищаетъ гипотеза о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, что мы предложимъ рядъ вопросовъ, ко-

*) Всѣ наши ежедневныя газеты, вмѣстѣ взятыя, расходятся въ числѣ 30 или много 35 тысячъ экземпляровъ: всѣ большіе журналы, вмѣстѣ взятые, далеко не достигаютъ этой цифры. Предположимъ для каждаго экземпляра даже по 10 человѣкъ читателей, мы увидимъ, что все наше образованное общество едва ли простирается до полумилліона человѣкъ. Во Франціи, гдѣ чтеніе распространено меньше, нежели въ Германіи и Англіи, однѣ только парижскія ежедневныя газеты печатаются въ числѣ болѣе 200.000 экземпляровъ (провинціальныхъ газетъ [illegible]). Итакъ, во Франціи приходится одинъ экземпляръ газеты на 180 человѣкъ, [illegible] экземпляръ на 2.200 человѣкъ Но всего прелестнѣе цифры изданій нашихъ [illegible] изъ людей сколько-нибудь образованныхъ не читалъ Гоголя? [illegible]ній Гоголя не простирается и до 10 тысячъ.

Digitized by Google

торые всѣ могутъ быть разрѣшены посредствомъ вреднаго вліянія общиннаго владѣнія съ такимъ же успѣхомъ, какъ и вопросъ о слабомъ развитіи нашего земледѣлія.

Почему наши города такъ плохо развивались до сихъ поръ? Общинное владѣніе мѣшало ихъ развитію, препятствуя купцамъ развивать свои дѣла покупкою земель у поселянъ. Почему неизмѣримые лѣса нашихъ сѣверныхъ губерній гніютъ на корню, между тѣмъ какъ средняя и южная Россія нуждается въ лѣсѣ? Общинное землевладѣніе останавливаетъ потокъ колонизаціи, который безъ него устремился бы въ благодатную Олонецкую губернію и пустилъ бы въ торговлю ея лѣса. Почему ярославскіе мужики имѣютъ рыжія бороды? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, пряпятствущее ярославцамъ походить на французовъ, имѣющихъ бороды темнаго цвѣта. Почему русскіе экономисты отсталой школы не въ состояніи понимать самыхъ простыхъ и ясныхъ фактовъ? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, задерживающее успѣхи русскихъ людей какъ въ ототношеніи матеріальномъ, такъ и въ отношеніи умственномъ.

Задерживая умственное развитіе русскихъ экономистовъ отсталой школы, общинное землевладѣніе препятствуетъ имъ удовлетворяться предъидущими доказательствами, совершенно достаточными для обыкновеннаго здраваго смысла. Потому мы считаемъ недостаточнымъ для нихъ предшествующее положительное указаніе на факты, которые свидѣтельствуютъ, что нѣтъ надобности въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія для объясненія неразвитости нашего земледѣлія: надобно прибѣгнуть также къ отрицательному методу повѣрки гипотезъ, чтобы показать еще очевиднѣйшимъ образомъ неумѣстность ихъ предположенія.

На земномъ шарѣ находится очень много странъ, въ которыхъ состояніе земледѣлія не лучше, или немногимъ лучше, или даже гораздо хуже, чѣмъ въ Россіи, но которыя имѣютъ способъ землевладѣнія, могущій по мнѣнію отсталыхъ экономистовъ, поднять наше сельское хозяйство, будто бы убиваемое общиннымъ землевладѣніемъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ этихъ странъ, чтобы видѣть, въ состояніи ли господство частной поземельной собственности помочь у насъ тому дѣлу, плохое положеніе котораго занимаетъ насъ. Въ Испаніи положеніе сельскаго хозяйства едва ли лучше, чѣмъ у насъ; многія изъ условій, не благопріятствующихъ нашему земледѣлію, существуютъ и тамъ, хотя далеко не въ такой степени. Населеніе въ полтора раза гуще нашихъ земледѣльческихъ губерній, пропорція городскаго населенія гораздо значительнѣе. Средиземное море и Атлантическій океанъ представляютъ удобный путь сбыта для продуктовъ и цѣлой половины страны; но все-таки сходство съ нашимъ положеніемъ довольно велико: населеніе, хотя и больше нашего, все-таки не довольно густо, развитіе городовъ все-таки неудовлетворительно, пути сообщенія плохи, оборотныхъ капиталовъ въ земледѣліи нѣтъ, торговля и промышленность очень слабы и общественныя учрежденія подавили прежнее просвѣщеніе и прежнюю энергію испанскаго племени. Сходства по этимъ основнымъ условіямъ достаточно для того, чтобы земледѣліе производилось чрезвычайно небрежно, хотя испанцы не имѣютъ и понятія объ общинномъ владѣніи. Дайте имъ общинное владѣніе или уничтожьте его у насъ, положеніе сельскаго хозяйства ни у насъ, ни у нихъ не измѣнится, если перечисленныя нами условія останутся въ прежнемъ видѣ. Точно таково же положеніе вещей въ Неаполѣ и въ Папской области, хотя и они не знаютъ общиннаго владѣнія.

Digitized by Google

Но если мы хотимъ видѣть въ Европѣ страну, гдѣ обстановка земледѣльческаго производства представляетъ наибольшее сходство съ нашей, мы должны взглянуть на Турцію. Не надобно и говорить, что и въ ней успѣхи земледѣлія задерживаются общиннымъ владѣніемъ.

Слово Турція пробуждаетъ въ насъ новую мысль, которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не приходила намъ въ голову: иначе, были бы излишни всѣ наши прежнія разсужденія. Европейская Турція до сихъ поръ остается въ сущности азіатскимъ государствомъ, хотя и лежитъ въ Европѣ, неправда ли? Итакъ найденъ нами ключъ къ объясненію всего, о чемъ толковали мы съ подробностями, которыя теперь оказываются ненужны. Азіатская обстановка жизни, азіатское устройство общества, азіатскій порядокъ дѣлъ,—этими словами сказано все, и нечего прибавлять къ нимъ. Можетъ ли земледѣліе получить европейскій характеръ при азіатскомъ порядкѣ дѣлъ? Въ самомъ дѣлѣ, Азія *) представляетъ обширнѣйшій прототипъ того земледѣльческаго положенія, о которомъ мы говоримъ, со всѣми причинами, производящими его, т. е. мѣшающими ему замѣниться чѣмъ нибудь лучшимъ; а, между тѣмъ, Азія точно также не знаетъ общиннаго владѣнія землею, какъ и Западная Европа. Анатолія, Сирія, Месопотамія, Персія, Кабулъ, Бухара, Хива, Коканъ,—всѣ эти страны точно также имѣютъ личную поземельную собственность, какъ и Англія, Бельгія, Рейнская Германія. Изъ этого, кажется, можно заключить, что личная поземельная собственность вовсе не служитъ ручательствомъ за высокое развитіе земледѣлія, что порядокъ землевладѣнія, будучи необыкновенно важенъ по своему вліянію на распредѣленіе имущества между разными сословіями, не имѣетъ ровно никакого вліянія на развитіе технической стороны сельскаго хозяйства. Въ чьи руки идетъ сборъ хлѣба, доставляемый десятиною земли,—вотъ это рѣшается способомъ землевладѣнія. Но какъ обработывается эта десятина и какъ великъ сборъ хлѣба ею даваемый, это зависитъ отъ совершенно другихъ условій, важнѣйшія изъ которыхъ мы перечислили. Теперь мы знаемъ также, какъ надобно называть совокупность тѣхъ условій, при которыхъ обработка земли бываетъ плоха и сборъ хлѣба малъ: совокупность этихъ условій, враждебныхъ развитію сельскаго хозяйства, называется просто — азіатствомъ.

Мы чувствуемъ, что наши слова объ азіатствѣ рѣшительно неудовлетворительны. Но что же дѣлать! нашъ языкъ не выработался настолько, чтобы можно было удовлетворительно выражать имъ серьёзныя понятія. Недаромъ всѣ ученые жалуются на бѣдность нашей терминологіи. Если бы мы писали по-французски или по-нѣмецки, мы вѣроятно, писали бы лучше. Но, не удостоившись отъ судьбы получить такое счастіе, мы должны писать на языкѣ, который, по какому-то за-

*) Подъ „Азіею“ мы разумѣемъ здѣсь не всю ту часть свѣта, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ географіи, а только тѣ земли въ этой части свѣта, которыя издавна знакомы нашему народу и по которымъ составилъ онъ себѣ понятіе объ азіатствѣ. Это—страны, лежащія на западъ отъ Китая и на сѣверъ отъ Индіи, собственно только мусульманская часть Азіи. Столь ученое примѣчаніе мы сочли необходимымъ сдѣлать, имѣя въ виду обыкновенную сообразительность отсталыхъ экономистовъ, иначе они тотчасъ возразили бы: „не явное ли невѣжество говорить о томъ, что земля въ Азіи воздѣлывается дурно, когда извѣстно, что въ Китаѣ она обработывается самымъ тщательнымъ образомъ?“ Сдѣлавъ такое возраженіе, они остались бы очень довольны собою. Къ сожалѣнію, наша статья имѣетъ въ виду не Китай, гдѣ, по крайней мѣрѣ, прочность обычая служитъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за слабость закона, а только страны, имѣющія порядокъ дѣлъ подобный турецкому, персидскому, хивинскому и коканскому.

Digitized by Google

гадачному случаю, устроенъ такъ, что никакъ не съумѣешь излагать на немъ своихъ мыслей связно и ясно. Нашъ языкъ, орудіе слишкомъ непокорное мысли и истинѣ, безпрестанно увлекаетъ писателя въ такія уклоненія отъ его идеи, которыя могутъ быть непріятны не только читателю, но и самому автору, но которыя долженъ извинять великодушный читатель. Удержаться на прямой дорогѣ развитія идеи нѣтъ возможности, когда пишешь по-русски, и писателю остается только, когда онъ замѣтитъ, что уклонился отъ своей идеи слишкомъ далеко, дѣлать крутые повороты, чтобы взяться опять за дѣло, ускользнувшее изъ-подъ его пера по сбивчивости нашего языка. Мы такъ и сдѣлаемъ. Забывая нашъ неудовлетворительный эпизодъ объ азіатствѣ, мы беремся опять за логику и смотримъ, что̀ велитъ она дѣлать при разсужденіи о неосновательныхъ гипотезахъ, каково разбираемое нами предположеніе отсталыхъ экономистовъ о вредномъ вліяніи, будто бы оказываемомъ на земледѣліе нашею системою общиннаго владѣнія.

Логика говоритъ, что не довольно опровергнуть ошибочное мнѣніе, а надобно также показать, какимъ образомъ могло оно произойти, потому что иначе ошибка оставалась бы дѣломъ произвольнымъ, не имѣющимъ достаточныхъ причинъ, то есть загадочнымъ. Чтобы исполнить это послѣднее требованіе логики, намъ нужно только разсмотрѣть посылку, изъ которой отсталые экономисты выводятъ свое ошибочное мнѣніе. „Наше земледѣліе, говорятъ они, задерживается въ своемъ развитіи тѣмъ, что поземельная собственность не имѣетъ у насъ достаточной безопасности“. Мысль совершенно справедливая, и ошибка заключается только въ томъ, что причиною небезопасности поземельной собственности принимается отсталыми экономистами общинное владѣніе. Въ статьѣ „Законодательство и регламентація“ мы подробно доказывали, что общинное владѣніе землею изъ всѣхъ формъ поземельной собственности форма самая прочная, безопасная, самая свободная отъ всякихъ придирокъ и юридическихъ столкновеній. Но мы оканчивали нашу статью согласіемъ въ томъ, что общинное владѣніе, при всемъ своемъ юридическомъ превосходствѣ, далеко не оказываетъ у насъ всѣхъ полезныхъ дѣйствій, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ его существеннаго характера. Мы обѣщались въ нынѣшней статьѣ разобрать причины такого несоотвѣтствія между сущностью принципа и его результатами. Къ тому же самому дѣлу приводитъ насъ и надобность показать причину, вовлекающую отсталыхъ экономистовъ въ ихъ фальшивую гипотезу.

Отыскать причину ихъ ошибки очень легко. Они сравниваютъ поземельное владѣніе у насъ и въ Западной Европѣ; они замѣчаютъ, что въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, у насъ не имѣетъ безопасности; они видятъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что на Западѣ существуетъ одна форма поземельнаго владѣнія, у насъ—другая. И вотъ они дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ слѣдующее заключеніе: „въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, а форму ея тамъ составляетъ присвоеніе собственности частному лицу; итакъ присвоеніе поземельной собственности частному лицу даетъ ей безопасность. У насъ напротивъ того, поземельная собственность лишена безопасности и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ форму общиннаго владѣнія. Итакъ, форма общиннаго владѣнія служитъ причиною небезопасности поземельной собственности“.

Эта форма умозаключенія очень обыкновенная у людей, не привыкшихъ къ логическимъ пріемамъ: видя два факта извѣстнаго рода соединенными въ одномъ мѣстѣ и два факта другаго рода соединенными въ другомъ мѣстѣ, неопытное въ

Digitized by Google

логикѣ умы тотчасъ же заключаютъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, что въ каждой парѣ фактовъ существуетъ между двумя явленіями причинная связь. Если бы этотъ родъ умозаключеній былъ пригоденъ для ученыхъ изысканій, наука уже давно постигла бы всѣ тайны природы и общественной исторіи. Но, къ сожалѣнію, логика заклеймила такой легкій способъ отысканія истины знаменитою фразою cum hoc, ergo propter hoc и объявила, что подобныя умозаключенія рѣшительно никуда не годятся. Еслибы отсталые экономисты были знакомы съ логикою, они знали бы, что всѣ нелѣпости суевѣрія были основаны на этой самой формѣ умозаключенія, и знали бы, какое множество примѣровъ приводится этому въ логикѣ.

Напримѣръ, на чемъ были основаны ауспиціи древнихъ римлянъ? Однажды передъ битвою они слышали ворону, каркающую съ правой стороны, и проиграли битву; въ другой разъ слышали ворону, каркающую съ лѣвой стороны, и выиграли битву. Дѣло ясное: cum hoc, ergo propter hoc — совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь. Итакъ, карканье вороны съ правой стороны приноситъ войску гибель, карканье съ лѣвой—даетъ ему побѣду.

Всѣ суевѣрія основаны на этой формѣ умозаключенія. Доказывать его нелѣпость было бы скучно; довольно будетъ сказать, что суевѣрную привычку дѣлать заключенія по формѣ, нами указанной, логика велитъ замѣнять строгимъ изслѣдованіемъ положительныхъ причинъ, прибавляя, что очень часто могутъ совпадать между собою факты, тенденціи которыхъ противоположны, и что въ такомъ случаѣ результаты слабѣйшаго факта подавляются противоположными ему результатами сильнѣйшаго факта.

Положительно извѣстно, напримѣръ, что просвѣщеніе облагороживаетъ человѣка, а благородство противоположно, напримѣръ, хоть взяточничеству. Между тѣмъ, сколько мы видимъ у насъ взяточниковъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По способу умозаключенія, котораго держатся отсталые экономисты, выводъ изъ этого совпаденія фактовъ таковъ: человѣкъ, кончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ заведеній, беретъ взятки—итакъ, ученье дѣлаетъ человѣка взяточникомъ. Логика велитъ судить объ этомъ иначе. Она говоритъ: если даже люди образованные становятся взяточниками, несмотря на противорѣчіе между образованностью и взяточничествомъ, то надобно полагать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь могущественно влекущія къ взяточничеству, что противоположное направленіе, внушаемое образованностью, можетъ изнемогать подъ силою этихъ обстоятельствъ.

Другой примѣръ. Свѣтское воспитаніе, хорошо оно или дурно въ другихъ отношеніяхъ, но имѣетъ ту несомнѣнную хорошую тенденцію, что дѣлаетъ человѣка деликатнымъ въ обращеніи, отучаетъ его отъ низкихъ, грязныхъ манеръ. Но сколько у насъ есть людей, получившихъ свѣтское воспитаніе, которые чрезвычайно грубы въ обращеніи съ своими подчиненными, которые невѣжливо обращаются съ мелкими чиновниками, если бываютъ въ гражданской службѣ, которые ругаютъ солдатъ, если бываютъ офицерами. По умозаключенію отсталыхъ экономистовъ, опять выходилъ бы такой силлогизмъ: люди, получившіе свѣтское воспитаніе, унижаются до пошлыхъ грубостей—итакъ, свѣтское воспитаніе отнимаетъ у человѣка вѣжливость. Логика опять говоритъ напротивъ: если даже люди, получившіе свѣтское воспитаніе, бываютъ невѣжливы, грубы, пошлы въ обращеніи

Digitized by Google

съ другими, то надобно думать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь сильно располагающія къ нахальному попиранію всякой слабой личности, что даже вѣжливость, даваемая свѣтскимъ воспитаніемъ, подавляется этими обстоятельствами.

Въ подобныхъ случаяхъ логика велитъ, вмѣсто того, чтобы останавливаться на тупоумномъ предположеніи „совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь", пристальнѣе всматриваться въ обстоятельства, среди которыхъ происходитъ явленіе, чтобы отъискать истинныя причины его. Такъ поступимъ и мы. Отъискать истинныя причины небезопасности нашей поземельной собственности очень нетрудно. Можно даже сказать, что онѣ извѣстны каждому, кромѣ остальныхъ экономистовъ.

Собственность принадлежитъ къ числу общественныхъ учрежденій. Чѣмъ же ограждается безопасность общественныхъ учрежденій?—Законами.—Прекрасно. Какими способами проявляется въ обществѣ дѣйствіе законовъ? Опять каждому извѣстно, что, для приведенія законовъ въ дѣйствіе, общество имѣетъ два органа: администрацію и судебную власть. Итакъ, если мы разсуждаемъ о безопасности какого-нибудь общественнаго учрежденія въ извѣстномъ обществѣ, то не долженъ ли намъ прежде всего приходить въ голову вопросъ о томъ, какое состояніе администраціи и судебной власти въ этомъ обществѣ?

Мы не имѣемъ намѣренія подробно отвѣчать здѣсь на такой вопросъ. Сколько бы ни наговорили мы о качествахъ нашей администраціи и судебной власти, мы не сказали бы ничего такого, что не было бы не хуже насъ извѣстно каждому изъ нашихъ читателей. Доказывать истину было бы тутъ не для кого и спорить не съ кѣмъ. Мы полагаемъ, что даже отсталые экономисты, такъ мало понимающіе нашу жизнь, понимаютъ, каково положеніе администраціи и судебной власти у насъ.

Мы нашли коренную причину не только явленія, объясненіемъ котораго спеціально занимаемся въ этой статьѣ, но и всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые представлялись намъ ближайшими причинами его. Не только слабость успѣховъ нашего земледѣлія, но и медленность въ развитіи нашего населенія вообще, нашего городскаго населенія въ частности, неудовлетворительное состояніе нашихъ путей сообщенія, торговли, промышленности, недостатокъ оборотнаго капитала въ земледѣліи,—все это, и не только это, но также и крѣпостное право, и упадокъ народной энергіи, и умственная наша неразвитость,—всѣ эти факты, подобно всѣмъ другимъ плохимъ фактамъ нашего быта, коренную, сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти.

Даже другая сильнѣйшая причина нашей бѣдности—крѣпостное право произошло нѣкогда отъ дурнаго управленія и поддерживалось имъ. О происхожденіи крѣпостнаго права мы замѣтимъ только, что это учрежденіе развилось отъ безсилія нашей старинной администраціи охранить прежнія свободныя отношенія поселянъ, жившихъ въ извѣстной дачѣ, къ владѣльцу дачи, и удержать постепенное расширеніе произвольной власти, захватываемой владѣльцемъ надъ населявшими его землю людьми; замѣтимъ еще, что возможность учредить крѣпостное состояніе происходила только оттого, что вольные люди, слишкомъ плохо защищаемые управленіемъ, терпѣли слишкомъ много притѣсненій, такъ что переставали дорожить своею свободою и не видѣли слишкомъ большой потери для себя отъ записки въ

Digitized by Google

принадлежность сильному человѣку. Излагать подробнѣе этотъ предметъ, относящійся къ старинѣ, было бы неумѣстно въ статьѣ, говорящей о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. Мы хотѣли сказать, что если крѣпостное право держалось до сихъ поръ, но оно было обязано такою продолжительностью своего существованія только дурному управленію. Дѣйствительно, каковы бы ни были законы, опредѣлявшіе права помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми, но еслибъ даже эти законы соблюдались, то, во-первыхъ, всѣ помѣщики давно бы перестали находить выгоду въ крѣпостномъ правѣ, во-вторыхъ, почти во всѣхъ помѣстьяхъ крѣпостное право было бы прекращено частными судебными рѣшеніями по процессамъ о злоупотребленіи власти.

Метода леченія знахарей и знахарокъ представляетъ драгоцѣнную параллель съ тою системою, по которой отсталые экономисты думаютъ поправить непріятное для нихъ явленіе экономическаго быта,—напримѣръ, помочь жалкому положенію нашего земледѣлія. Появился какой-нибудь вередъ на ногѣ: знахарь, не задумываясь, прикладываетъ къ нему какую-нибудь лепешку и ожидаетъ, что болѣзнь уступитъ этому мѣстному медикаменту. О томъ, отчего произошелъ вередъ, онъ не думаетъ. Онъ не думаетъ видѣть въ немъ только симптомъ общаго худосочія, только ничтожное обнаруженіе болѣзни, нѣдрящейся въ цѣломъ организмѣ, проистекающей отъ испорченности основнаго процесса организма, отъ испорченности крови, отъ разстройства питанія. Наука, напротивъ, говоритъ, что какое-нибудь, повидимому, мѣстное пораженіе очень часто не можетъ быть исцѣлено никакими припарками и прижиганіями собственно больнаго мѣста, что для исцѣленія болѣзни, обнаруживающейся этимъ мѣстнымъ симптомомъ, больной долженъ измѣнить весь образъ жизни, чтобы исправился разстроившійся основной процессъ организма.

Потому-то и отвратительно намъ слышать разсужденія отсталыхъ экономистовъ о томъ, какъ дурное состояніе нашего земледѣлія можетъ быть исправлено приложеніемъ мѣстной припарки — уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія и введеніемъ на его мѣсто частной поземельной собственности. Не потому отвратительно слышать намъ эти тупоумныя, суевѣрныя разсужденія, что мы приверженцы общиннаго землевладѣнія: нѣтъ, все равно, мы негодовали бы на нихъ и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше общиннаго владѣнія. Каково бы ни было полезное или вредное вліяніе извѣстной системы землевладѣнія на успѣхи сельскаго хозяйства, все-таки это вліяніе совершенно ничтожно по сравненію съ неизмѣримымъ могуществомъ тѣхъ условій нашей общественной жизни, въ которыхъ нашли мы истинныя причины жалкаго положенія нашего земледѣлія. Больной чувствуетъ лихорадочный ознобъ оттого, что гнилой климатъ и изнурительный образъ жизни развиваютъ въ немъ чахотку; а вы, милостивые государи, совѣтуете ему лечиться порошкомъ изъ раковыхъ жерновокъ. Я не знаю, дѣйствительно ли помогаютъ раковыя жерновки отъ лихорадки. Медицина говоритъ, будто бы это средство совершенно вздорное Но все равно. Пусть оно будетъ и превосходнымъ средствомъ отъ лихорадки, оно все-таки никуда не годится въ нашемъ случаѣ. Болѣзнь не та, какъ вы думаете, милостивые государи. Она произошла не отъ легкой простуды, которую вы хотите лечить вашими милыми раковыми жерновками, и какія лекарства ни употребляйте противъ озноба, который одинъ замѣтенъ вамъ изъ всѣхъ симптомовъ страшной болѣзни, вы не уничтожите нетолько общей болѣзни организма, но даже и этого частнаго ея проявленія.

Digitized by Google

Вы только губите больнаго, заставляя его терять время на пустяки, когда каждый день увеличиваетъ опасность его положенія. Всмотритесь получше въ состояніе организма, и вы найдете, что лихорадочный ознобъ производится причинами, противъ которыхъ необходимо употребить средства, совершенно различныя отъ рекомендуемыхъ вами суевѣрныхъ пустяковъ. Вся обстановка жизни больнаго должна измѣниться для того, чтобы прекратилось гніеніе основнаго органа его тѣла. А когда его легкія будутъ здоровы, самъ собою, безъ всякихъ раковыхъ жерновокъ, исчезнетъ и мнимый лихорадочный ознобъ. Позаботьтесь о томъ, чтобы мы получили хорошую администрацію и справедливый судъ, тогда вы увидите, что не нужно будетъ нашему земледѣлію прибѣгать къ вашимъ раковымъ жерновкамъ—къ раздѣленію общинныхъ земель на потомственные участки—тогда вы увидите, что общинное владѣніе не будетъ мѣшать успѣхамъ сельскаго хозяйства, потому что тогда будетъ исчезать наша бѣдность и явятся тѣ условія, которыхъ теперь нѣтъ и безъ которыхъ ни при какой системѣ землевладѣнія сельское хозяйство не можетъ придти въ удовлетворительное состояніе.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ О СВОБОДѢ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ФРАНЦІИ.

Часто говорятъ, что мы мало знакомы съ бытомъ и учрежденіями Западной Европы. Но, что̀ еще хуже, надобно прибавить, что и тѣ немногія понятія, какія мы имѣемъ объ этихъ предметахъ, чаще всего бываютъ фальшивы. Обыкновенно мы и хвалимъ учрежденія Западной Европы неудачно, и осуждаемъ ихъ несправедливо. Объ ошибочности похвалъ случалось намъ говорить очень часто, а теперь мы хотимъ обратить вниманіе на неосновательность порицаній. Примѣры ея встрѣчаются на каждомъ шагу. Начнемъ мы, напримѣръ, порицать французскую централизацію, и, чуть дѣло дойдетъ до задора, готовы мы бываемъ на основаніи одного этого факта объявить, что французы ни къ чему порядочному непригодны. Но, какова бы ни была чрезмѣрность французской централизаціи, все-таки она ничего не значитъ по сравненію съ тѣмъ, какъ живемъ мы сами. У французовъ, напримѣръ, нѣтъ и понятія о томъ, что если въ какомъ нибудь Кальвадосскомъ департаментѣ подрались двѣ государственныя крестьянки (употребляемъ этотъ терминъ, какъ болѣе привычный намъ для обозначенія того, что обѣ эти женщины были свободнаго состоянія, а не крѣпостныя), то дѣло объ ихъ дракѣ, не стоющее выѣденнаго яйца, можетъ дойти до высшихъ инстанцій парижскаго правительства и раза три возвращаться къ мѣстному начальству для дополненія справками, чтобы каждый разъ являться опять въ Парижъ въ новомъ и толстѣйшемъ видѣ. Французы также не имѣютъ понятія о томъ, что если какой нибудь дижонскій мѣщанинъ или разночинецъ вздумаетъ перемѣнить двѣ доски въ кровлѣ своего домика, протекающей отъ дождя, то предварительно должно ему испросить на это разрѣшеніе отъ дижонской строительной коммиссіи, и дѣло пойдетъ на разсмотрѣніе самого префекта. Мало ли о чемъ не имѣютъ понятія французы! Если не ошибаемся, они не имѣютъ понятія даже о строительныхъ коммиссіяхъ, и мы употребили этотъ терминъ только для удобопонятности.

Изъ всѣхъ странъ Западной Европы особенно много самыхъ горькихъ изобличеній перепадаетъ отъ насъ на долю Австріи и Франціи. Мы справедливо и очень сильно соблазняемся необыкновенной стѣсненностью австрійской жизни, и деспотизмъ, подъ которымъ изнемогаютъ благодатныя страны дунайскаго царства, возбуждаетъ въ насъ сильнѣйшее негодованіе; мы даже краснѣемъ отъ мысли, что столь унизительныя для человѣка учрежденія безславятъ собою ту часть свѣта, въ которой живутъ такіе просвѣщенные народы. Впрочемъ, для Австріи все-таки

Digitized by Google

еще извинительно терпѣть такую участь, какой она подвержена: по нашему мнѣнію, это государство никогда не знало болѣе легкихъ временъ. Но вотъ, посмотрите на французовъ. У нихъ, не говоря ужъ о временахъ слишкомъ дальнихъ, на нашей памяти былъ Людовикъ-Филиппъ съ палатою пэровъ и съ палатою депутатовъ; о самомъ Людовикѣ-Филиппѣ слышали мы въ тѣ времена очень мало (только потомъ догадались мы, что втихомолку распоряжался онъ во Франціи всѣмъ, какъ хотѣлъ); палата пэровъ тоже вела жизнь не шумную; но за то палата депутатовъ! вотъ въ ней какіе были ораторы и какимъ вольнымъ языкомъ обо всемъ разсуждали! Всходитъ, бывало, на кафедру Гизо и говоритъ: „Могущество Франціи основано на ея свободѣ, и правительство ничего не дѣлаетъ иначе, какъ по свободному согласію свободныхъ представителей страны". Каково! вѣдь первый министръ, а въ двухъ фразахъ три раза произнесъ слово свобода. Палата восхищается, и мы тоже. Только что сходитъ онъ съ кафедры, карабкается на нее маленькій Тьеръ и даетъ окрикъ на Гизо своимъ пискливымъ голосомъ: „Что ты тамъ толкуешь о свободѣ? Ты вотъ бери примѣръ съ меня: вотъ я такъ ужъ можно сказать другъ свободы; а ты мало ее любишь!" Вся палата апплодируетъ. и вся Европа восхищается горячностью любви Тьера къ свободѣ. Но Гизо не дался въ несправедливую обиду: онъ уже опять на кафедрѣ и говоритъ: „Тьеръ утверждаетъ, что я мало люблю свободу. Нѣтъ, я очень ее люблю; я долженъ сказать, что жить безъ нея не могу". Палата апплодируетъ больше прежняго, и Европа дивится великости любви Гизо къ свободѣ. Вотъ какія были времена, а теперь что?

Мы вспомнили все это по случаю недавнихъ статей во французскихъ газетахъ, жалующихся на свое нынѣшнее угнетеніе, вспоминающихъ о блаженныхъ временахъ своей свободы и требующихъ ея возстановленія. Читая эти статьи, мы подумали, что счастливы были бы, напримѣръ, австрійскіе журналисты, если бы подвергались точно такому же угнетенію, какъ французскіе.

Читателю извѣстно, что, вмѣстѣ со многими другими конституціонными правами общественнаго мнѣнія, послѣ 2 декабря 1851 года была уничтожена во Франціи также и существовавшая въ ней свобода журналистики. Шума по этому поводу было очень много, и ниже мы увидимъ, кто собственно былъ виноватъ въ этой потерѣ: дѣйствительно ли вина падаетъ главнымъ образомъ на тогдашняго президента республики, нынѣшняго императора Наполеона III, или, скорѣе, на людей, хвалящихся тою любовью къ свободѣ, которую будто бы выказывали, когда были правителями государства при Людовикѣ-Филиппѣ; а теперь прежде всего, чтобы понять жалобы и требованія, надобно взглянуть на законы, которымъ подчинено печатное выраженіе мнѣній во Франціи.

У насъ многіе полагаютъ, что во Франціи теперь, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ свободы печатнаго слова. Какъ сказать объ этомъ? Оно, если хотите, ея дѣйствительно нѣтъ во Франціи по сравненію съ свободою печатнаго слова въ Англіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи, въ Соединенныхъ Штатахъ. Но если сравнить Францію даже съ Пруссіей, то окажется, что во Франціи печатное слово едва ли не свободнѣе. Во-первыхъ, всѣ стѣсненія, какія только есть во Франціи, относятся единственно къ газетамъ, да и то не ко всѣмъ, а лишь исключительно къ политическимъ. Для книгъ рѣшительно никакихъ стѣсненій не существуетъ. Мы видывали людей, разумѣется, русскихъ, которые до того высоко образованы и, можно

Digitized by Google

сказать, учены, что для всѣхъ своихъ знакомыхъ кажутся оракулами, и которые, между тѣмъ, очень пріятно удивлены были появленіемъ книги Токвиля о французской революціи, книги, которая, подъ предлогомъ исторіи, содержитъ памфлетъ противъ нынѣшней правительственной системы во Франціи. Если бы они лучше знали нынѣшніе французскіе законы о книгопечатаніи или, по крайней мѣрѣ, помнили бы, какія книги безпрепятственно издавались въ Парижѣ постоянно съ самаго учрежденія самодержавной власти Наполеона, они сами посмѣялись бы своему восхищенію по случаю напечатанія въ Парижѣ книги Токвиля. Правительство Наполеона III, какъ ни сурово смотритъ оно на политическую литературу, никогда не считало удобнымъ присвоивать себѣ власть просматривать книги до ихъ напечатанія. Въ формѣ книги французскіе писатели всегда могли издавать все, что хотѣли, да и не могли встрѣчать въ этомъ затрудненія, потому что, какъ мы сказали, правительство никогда не брало на себя права останавливать печатаніе какой бы то ни было книги. Дѣйствительно, Прудонъ издавалъ свои новыя сочиненія въ Парижѣ такъ же безпрепятственно, какъ издавалъ бы ихъ въ Брюсселѣ или Лондонѣ, хотя основная мысль его постоянно одна и та же—мысль, что всякое правительство, въ какой бы то формѣ ни было, противно общественному благу, и хотя эта мысль, по его обычаю, выражается у него всегда самымъ рѣзкимъ, эфектнымъ, часто циническимъ образомъ, съ постоянными обращеніями къ Наполеону III въ томъ духѣ, что способъ его дѣйствій подрываетъ во французской націи всякое довѣріе къ правительству. Постоянно также печатались въ Парижѣ новые томы „Исторіи французской революціи“ Луи Блана, хотя Луи Бланъ изгнанникъ, осужденный на вѣчное заключеніе въ крѣпости, и хотя вся его исторія написана въ доказательство того, что единственная правительственная форма, пригодная для Франціи, есть республиканская, а всѣ другія правительства могутъ держаться во Франціи только насиліемъ, обманомъ, развращеніемъ народа и инквизиціонными средствами. Эти книги печатались въ Парижѣ, и подобныя имъ продолжаютъ печататься такъ же свободно, какъ будто какія-нибудь учебники ариѳметики или алгебры. Мы упомянули только о двухъ писателяхъ, которые особенно извѣстны своимъ крайнимъ республиканскимъ образомъ мыслей и непримиримымъ ожесточеніемъ противъ Наполеона III и которые могли бы казаться опаснѣе всѣхъ другихъ по своему вліянію на публику. Но просмотрите списки книгъ, издаваемыхъ въ Парижѣ: вы увидите между ними десятки и сотни республиканскихъ сочиненій. Точно также вы увидите и множество сочиненій, написанныхъ въ пользу Бурбоновъ или въ пользу Орлеанскаго дома. Правительство Наполеона III никогда не рѣшалось и не могло стѣснять той части литературы, которая имѣетъ форму книгъ.

Всѣ жалобы на стѣсненіе свободы печатнаго слова во Франціи относятся исключительно къ политическимъ газетамъ и къ той части журналовъ, которые посвящены политикѣ. Но и тутъ напрасно было бы думать, что правительство Наполеона III присвоило себѣ какія-нибудь прямыя средства помѣшать напечатанію какой бы то ни было статьи, въ какомъ бы то ни было духѣ. Оно узнаетъ о содержаніи нумера газеты только уже по его напечатаніи. Итакъ, кто отваживается на рискъ, можетъ и въ газетѣ напечатать, что ему угодно. Въ чемъ же состоитъ стѣсненіе? Статьи, содержаніе которыхъ было бы по французскимъ законамъ преступно, подвергались бы судебному преслѣдованію, которое и начинается,

Digitized by Google

и производится людьми, независимыми по своему положенію отъ администраціи. Но не это называется во Франціи стѣсненіемъ; напротивъ, газеты только того и требуютъ, чтобы ихъ преслѣдовали судебнымъ порядкомъ, опредѣливъ какія угодно строгія правила о томъ, что должно считаться преступнымъ въ печати. Стѣснены газеты совершенно другимъ средствомъ, которое предоставило себѣ правительство знаменитымъ декретомъ 17 февраля 1852 года. Этотъ законъ даетъ министру внутреннихъ дѣлъ власть дѣлать газетамъ замѣчанія или выговоры (avertissements), и прибавляетъ, что изданіе газеты, получившей два выговора, можетъ быть пріостановлено на два мѣсяца министромъ; по прошествіи этого срока, газета продолжаетъ выходить, но если еще разъ подвергнетъ себя замѣчанію, то можетъ быть запрещена. Нѣтъ надобности говорить, что замѣчанія дѣлаются публично, печатаются въ получающей ихъ газетѣ и во всѣхъ другихъ газетахъ.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію то, что подобный способъ наносить матеріальный вредъ газетамъ чрезъ временную остановку или запрещеніе ихъ рѣшеніемъ одной административной власти, безъ правильнаго суда съ свободною и полною защитою, долженъ очень значительно стѣснять свободу политическихъ преній въ газетахъ, и мы нимало не думаемъ находить удовлетворительнымъ положеніе, въ которое поставлены французскія газеты введеніемъ системы замѣчаній. Но все-таки было бы ошибочно мѣрить какимъ-нибудь австрійскимъ или неаполитанскимъ масштабомъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ и при этой системѣ. Обратимъ вниманіе хотя на то обстоятельство, что замѣчанія дѣлаются публично, съ указаніемъ мѣстъ, вызвавшихъ замѣчаніе. Всякое замѣчаніе, перепечатываясь во всѣхъ газетахъ, становится предметомъ разсужденій цѣлой публики, возбуждаетъ сильные толки; поэтому было бы неосновательно сказать, что административная власть можетъ дѣйствовать тутъ безотчетно: напротивъ, она должна дѣйствовать очень осмотрительно, чтобы не навлечь на себя насмѣшекъ или раздраженія публики неосновательностью или мелочностью повода къ данному ею замѣчанію; мало того: она не можетъ быть щедра на раздачу замѣчаній, потому что иначе шумъ, возбужденный однимъ замѣчаніемъ, превратился бы въ сильный ропотъ, оживляясь новыми столкновеніями: необходимо бываетъ ждать, пока затихнутъ толки по одному поводу, чтобы сдѣлать новое замѣчаніе,—и, дѣйствительно, самые суровые къ политическимъ преніямъ министры, каковъ былъ Эспинасъ, прибѣгали къ замѣчаніямъ очень рѣдко.

Но еще важнѣйшимъ обезпеченіемъ для очень широкаго простора газетной критики служитъ самая цѣль, для которой введены замѣчанія. У насъ многіе, мѣряя, какъ мы выразились, французскія отношенія на масштабъ вовсе не французскій, воображаютъ, будто-бы правительство Наполеона III стѣсняетъ газеты для того, чтобы избавить свои распоряженія отъ печатной критики. Вовсе нѣтъ: какъ-бы ни судилъ кто о принципахъ этого правительства, но нельзя отказать ему въ сообразительности и просвѣщенности. Потому оно, при всемъ своемъ полновластіи, никогда не забывало, что предоставленіе его дѣйствій свободному разбору публики приноситъ пользу ему самому. Оно знаетъ, что самый сильный источникъ могущества есть популярность, а популярность предполагаетъ живое участіе общества въ государственныхъ дѣлахъ, а безъ свободы судить о нихъ угасаетъ всякая охота интересоваться ими. Итакъ, предоставлять свои дѣйствія кри-

Digitized by Google

тикѣ оно считаетъ необходимымъ для собственнаго могущества. Этого мало: оно, какъ правительство просвѣщенное, понимаетъ, что ошибки приносятъ больше всего вреда тому, кто ихъ дѣлаетъ, и что исправленіемъ своихъ ошибокъ можетъ оно возстановлять свои выгоды, потерпѣвшія отъ ошибокъ; потому оно никогда не теряло,—не скажемъ просто: готовности... нѣтъ, надобно сказать сильнѣе: никогда не теряло искренняго желанія слышать какъ можно больше разсужденій о своихъ дѣйствіяхъ, видѣть всѣ свои ошибки обнаруживаемыми. Это въ немъ нельзя назвать терпимостью: это—внушеніе собственнаго его интереса. Итакъ, вовсе не желаніе прикрыть свои дѣйствія отъ критики заставляетъ правительство Наполеона III держаться нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ относительно газетъ: оно никогда не имѣло этого недальновиднаго желанія. Причина стѣснительныхъ мѣръ совершенно иная, не существующая нигдѣ, исключая одной Франціи: кромѣ царствующей бонапартовской династіи, Франція имѣетъ двѣ династіи претендентовъ: бурбонскую и орлеанскую. Мы знаемъ, что всѣ другія европейскія державы избавлены отъ этого страннаго и жалкаго положенія. Въ добавокъ, Франція, также только одна изъ всѣхъ европейскихъ монархій, имѣетъ сильную партію республиканцевъ. Наши слова, что ни одинъ престолъ въ Европѣ не имѣетъ такого отношенія къ идеѣ республики, какъ французскій престолъ, нуждаются въ объясненіи. У насъ привыкли думать, что республиканцы существуютъ не въ одной Франціи, а также напримѣръ и въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи. Да, дѣйствительно, есть въ этихъ странахъ люди, горячо говорящіе въ пользу республиканской формы; но съ ними такое практичное и сообразительное правительство, какъ правительство Наполеона III, поладило бы легко, потому что существенную идею всѣхъ этихъ республиканцевъ составляютъ стремленія, весьма и весьма совмѣстныя съ монархическою формою, и за идею республики берутся они только изъ-за того, что находятъ невозможнымъ ожидать осуществленія этихъ стремленій отъ своихъ государей. Напримѣръ, въ Германіи жизненный вопросъ—національное единство, и если бы, напримѣръ, нѣмецкіе республиканцы увидѣли, что прусское правительство энергически стремится къ исполненію общаго желанія, они стали бы самыми горячими приверженцами этого монархическаго правительства. Еслибъ королемъ прусскимъ былъ теперь Фридрихъ Великій, не существовало бы ни одного республиканца въ Германіи: онъ съумѣлъ бы воспользоваться стремленіемъ, которое теперь только съ отчаянія приходитъ къ республиканству, но при такомъ правителѣ, какъ Фридрихъ II, привело бы только къ расширенію владѣній прусскаго короля на всю Германію. Маццини вообще причисляется къ самымъ непреклоннымъ республиканцамъ, какіе только существуютъ въ Европѣ; онъ оракулъ многочисленныхъ республиканцевъ Италіи. Что же сдѣлалъ онъ теперь, когда явилась надежда, что король сардинскій станетъ предводителемъ итальянской націи въ осуществленіи ея независимости и единства? Онъ объявилъ, что всѣми силами своими будетъ поддерживать сардинскаго короля, и разослалъ къ итальянскимъ республиканцамъ циркуляръ, предписывающій имъ дѣлать то же самое. Это показываетъ, что для него и для нихъ республиканская форма также служитъ только средствомъ къ учрежденію національной независимости и единства при нерасположеніи монархическихъ правительствъ Италіи серьёзно стремиться къ этому, и, какъ только одно изъ этихъ правительствъ выказало такое стремленіе, они обнаружили полную готовность отбросить мысль о республикѣ и быть самыми жаркими привержен-

Digitized by Google

цами монархическаго правительства. Таковы республиканцы и во всей остальной Западной Европѣ, кромѣ Франціи: у нихъ сущность желаній состоитъ не въ учрежденіи республиканской формы, а въ осуществленіи національныхъ потребностей, которыя сами по себѣ не только совмѣстны съ монархическою формою, но которыя даже придали бы небывалое съ той поры могущество монархическому правительству, взявшемуся за ихъ исполненіе. Эти люди хотятъ республиканской формы только изъ отчаянія, только потому, что монархическія правительства не хотятъ взяться за исполненіе національныхъ потребностей. Если бы, сказали мы, Франція имѣла только такихъ республиканцевъ, правительство Наполеона III умѣло бы поладить съ ними, сдѣлать ихъ самыми ревностными своими приверженцами, потому что оно готово удовлетворять всѣмъ національнымъ стремленіямъ, совмѣстнымъ съ монархическою формою. Но, говорили мы, изъ всѣхъ европейскихъ монархій въ одной Франціи есть республиканцы иного рода, — люди, которые хотятъ прежде всего не какихъ-нибудь частныхъ преобразованій, а именно учрежденія республиканской формы; въ одной Франціи есть люди, которые дѣйствительно и въ сущности республиканцы. Вотъ поэтому-то правительство Наполеона III принуждено бороться противъ нихъ, они и оно непримиримы по принципу.

Итакъ, мы находимъ во Франціи три партіи: бурбонскую, орлеанскую и республиканскую, которыя непріязнены не какимъ нибудь дѣйствіямъ Наполеона III, а самому существованію его правительства, которыя хотятъ исключительно низверженія имперіи. Только необходимость мѣшать этому ихъ стремленію заставляетъ правительство Наполеона III имѣть контроль надъ политическими газетами. Тѣ газеты, которыя не хотятъ именно низверженія нынѣшней династіи, имѣютъ полную свободу; администрація стѣсняетъ только тѣ газеты, которыя служатъ представительницами партій, непримиримо стремящихся къ низверженію династіи. Но и тутъ мы ошиблись бы, если бы стали судить о размѣрѣ стѣсненія по не-французскимъ понятіямъ. Правительство есть фактъ, а не теорія; его дѣятельность состоитъ въ практическихъ распоряженіяхъ, а не въ метафизическихъ размышленіяхъ. Правительство Наполеона III очень хорошо понимаетъ это и потому въ самомъ контролѣ своемъ надъ газетами обращаетъ вниманіе только на практику, а не на теорію. Всѣмъ извѣстно, и ему лучше всѣхъ, что такая-то газета защащаетъ дѣло Бурбоновъ, другая—дѣло орлеанской династіи, третья—дѣло республики. Каждая изъ нихъ открыто называетъ себя принадлежащею къ той партіи, которой держится: Siècle, напримѣръ, нимало не скрываетъ своихъ республиканскихъ убѣжденій. Правительству до этого дѣла нѣтъ: оно не считаетъ нужнымъ заниматься теоретическими предпочтеніями и отвлеченными разсужденіями; оно не хочетъ только того, чтобы прямымъ образомъ приглашали публику отвергать его власть. Такимъ образомъ, положеніе журналистики во Франціи имѣетъ слѣдующія главныя черты.

Газеты, подобно книгамъ, издаются безъ всякой зависимости отъ правительства: онѣ могутъ печатать все, что хотятъ. Но книги подлежатъ только судебному преслѣдованію въ случаѣ своей преступности, въ отношеніи ихъ существуетъ полная свобода слова; газеты, напротивъ, подлежатъ еще административному стѣсненію посредствомъ замѣчаній и слѣдующихъ за замѣчаніями временныхъ остановокъ и запрещеній изданія. Но система замѣчаній имѣетъ своею цѣлью не стѣснять га-

Digitized by Google

зеты въ разборѣ правительственныхъ дѣйствій, а только ограждать существованіе царствующей династіи отъ прямаго возбужденія публики къ ея низверженію. Итакъ, системѣ замѣчаній подлежатъ только спеціально политическія газеты; тѣ изъ нихъ, которыя признаютъ царствующую династію, никогда не могутъ бояться замѣчаній, что̀ бы ни говорили о правительственныхъ дѣйствіяхъ, какъ бы сильно ни указывали на ихъ ошибочность. Въ этихъ границахъ пользуются свободою критики и тѣ газеты, которыя не признаютъ нынѣшней династіи: онѣ могутъ сколько имъ угодно разбирать дѣйствія правительства и подвергаются опасности получить замѣчаніе лишь тогда, когда, не довольствуясь теоретическимъ защищеніемъ своихъ принциповъ, враждебныхъ нынѣшнему правительству, хотятъ возбуждать публику къ низверженію нынѣшней династіи. Да и въ такихъ случаяхъ замѣчанія даются очень рѣдко, только въ крайности, когда полемика противъ династіи заходитъ уже слишкомъ далеко. Однакожъ, мы постоянно слышимъ жалобы французскихъ газетъ на стѣснительность такого положенія, а въ послѣднее время эти жалобы усиливались до того, что недѣли двѣ или три составляли главный предметъ газетной полемики. Правда, французы могутъ находить, что у нихъ теперь журналистика стѣснена гораздо больше, нежели какъ привыкли они при Луи-Филиппѣ; но даже изъ тѣхъ наполненныхъ жалобами статей, которыя мы приведемъ, читатель увидитъ, какъ великъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ.

Надобно разсказать, какимъ образомъ началась усиленная полемика французскихъ газетъ противъ стѣснительнаго положенія, въ которое поставлены онѣ системою замѣчаній. Въ одномъ изъ нашихъ политическихъ обозрѣній было замѣчено, что неудовольствіе, возбужденное во Франціи условіями виллафранкскаго мира, заставило правительство сдѣлать разныя уступки общественному мнѣнію, для смягченія порицаній за одно дѣло вызовомъ похвалъ за другія распоряженія. Самою важною изъ этихъ уступокъ было обнародованіе амнистіи. Она простиралась не только на людей, но и на изданія. Кромѣ того, что дано было позволеніе возвратиться во Францію всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, объявлено было, что уничтожается дѣйствіе всѣхъ замѣчаній и судебныхъ штрафовъ, которые лежали на газетахъ. Это облегченіе вмѣстѣ съ общимъ понятіемъ о необходимости уступокъ произвело слухи, что правительство готовитъ измѣненіе законовъ о тисненіи для освобожденія журналистики отъ прежнихъ стѣсненій. Около того времени, когда усилились слухи объ отмѣненіи декрета 17 февраля 1852 г., происходило открытіе департаментскихъ совѣтовъ. Президентами департаментскихъ совѣтовъ назначаются почетнѣйшія лица государства, которыя пользуются этимъ случаемъ для произнесенія политическихъ рѣчей, излагающихъ положеніе государства и намѣренія правительства. Графъ Морни, предсѣдатель одного изъ совѣтовъ, произнесъ рѣчь, въ которой нашлись два мѣста, подтверждавшія слухъ объ освобожденіи журналистики. Графъ Морни доказывалъ, что англичане напрасно подозрѣваютъ французское правительство въ непріязненныхъ планахъ противъ Англіи, основываясь на враждебномъ тонѣ газетъ, служащихъ полуоффиціальными органами французскаго правительства. О томъ, что газеты, нападающія на Англію, состоятъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ правительству, графъ Морни, конечно, не захотѣлъ говорить; но за то доказывалъ, что французскія газеты могутъ писать что̀ имъ угодно, потому что цензуры во Франціи нѣтъ, и заключалъ, что правительство не должно быть подвергаемо отвѣтственности за мнѣнія журналистовъ, которые пользуются полною свободою. Зная положеніе фран-

Digitized by Google

цузской журналистики, читатель видитъ, что графъ Морни утрировалъ ея независимость. Но само собою выводилось изъ его словъ, что правительство находитъ выгоду быть освобожденнымъ отъ отвѣтственности за мнѣнія газетъ и, стало быть, не безусловно отвергаетъ мысль возвратить имъ часть отнятой независимости. Кромѣ того, графъ Морни употребилъ въ своей рѣчи общую фразу, которую истолковали въ смыслѣ расширенія свободы вообще: онъ сказалъ, что амнистія служитъ вступленіемъ въ новую эпоху.

Утвержденные этою рѣчью въ довѣріи къ слухамъ объ отмѣненіи стѣснительной системы замѣчаній, всѣ больше или меньше либеральныя французскія газеты занялись этимъ вопросомъ и начали помѣщать статьи, доказывавшія вредъ, приносимый стѣснительною системою. Начиная съ 10 сентября новаго стиля, явился цѣлый потокъ статей подобнаго содержанія. Изъ нихъ мы выбираемъ ту, которая была помѣщена въ Journal des Débats 14 сентября и носила подпись Камюса, секретаря редакціи, въ знакъ того, что всѣ редакторы выражаютъ въ ней свое общее мнѣніе. Она интересна не столько сама по себѣ, сколько потому, что послужила предлогомъ для болѣе мужественнаго развитія той же основной идеи въ Presse. Вотъ статья Journal des Débats:

„Говорятъ, и даже позволяютъ говорить, что въ намѣренія императора входитъ въ скоромъ времени освободить журналистику отъ стѣсненій, вынужденныхъ обстоятельствами, къ счастію, временными. Нѣкоторые скромно радуются этому, другіе до чрезвычайности тревожатся. Что касается насъ, мы, конечно, были бы рады принять снова обычаи свободы журналистики, если эта свобода должна быть намъ возвращена, и мы поспѣшимъ успокоить насчетъ насъ тѣхъ, которые боятся, что возстановленіе свободы журналистики поведетъ ко всевозможнымъ безпорядкамъ. Мы не злоупотребимъ правомъ, которое будетъ намъ возвращено. Мы не злоупотребляли имъ, когда оно было безспорнымъ правомъ, торжественно признаннымъ всѣми государственными властями, подчиненнымъ только контролю законовъ и надзору судебной власти. Точно также мы не злоупотребимъ имъ, когда оно будетъ намъ возвращено, потому что мы не забудемъ, что можемъ опять потерять его; что общія учрежденія страны созданы не въ видахъ защиты свободы печати; что общественное мнѣніе довольно равнодушно въ этомъ дѣлѣ; что администрація, привыкшая къ комфорту общаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защитника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ, который, не побоявшись амнистіи и давъ ее наперекоръ многимъ, конечно, не побоится свободы печати. Но этотъ всемогущій защитникъ не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо ознакомленъ съ дѣломъ. Итакъ, мы знаемъ, что если намъ будутъ возстановлены права, то мы будемъ вновь подвержены и опасностямъ. Однакожъ, мы не колеблемся. Опасность рѣчи мы предпочитаемъ болѣзни молчанія.

„Болѣзнь молчанія... мы расположены думать, что если есть побужденіе, могущее склонить императора къ возстановленію свободы печати, это побужденіе должно состоять въ томъ, что онъ видитъ и понимаетъ, какъ распространилась въ нашей странѣ эта болѣзнь. Для главы великаго государства должно быть самымъ тяжелымъ чувствомъ видѣть, что общество, имъ управляемое, впадаетъ въ летаргію, находитъ себя, такъ сказать, окруженнымъ пустотою, находитъ себя одного дѣйствующимъ, себя одного мыслящимъ, себя одного говорящимъ въ толпѣ, отвыкшей отъ заботы думать и дѣйствовать. Я не то хочу сказать, чтобы французское общество дошло до такого состоянія, — далеко нѣтъ: нашъ общественный организмъ во многихъ отношеніяхъ полонъ жизни и силы. Что можетъ быть сильнѣе, могущественнѣе и энергичнѣе нашего военнаго общества? что можетъ имѣть болѣе здороваго демократизма? Еслибъ во Франціи, по дѣйствію какой нибудь пневматической машины, жизнь постепенно удалилась почти изъ всѣхъ частей общественнаго организма, эта жизнь, вся вполнѣ, сохранилась бы [illegible]

Digitized by Google

Армія такъ популярна у насъ потому, что мы чувствуемъ это. Мы восхищаемся тѣмъ, что̀ живетъ, что̀ чувствуетъ, что̀ обнаруживаетъ во внѣ живую силу Франціи.

„Я не стану также обвинять въ летаргіи наше промышленное и торговое общество: оно дѣятельно, трудолюбиво, предпріимчиво, и хотя рѣзкіе переходы отъ мира къ войнѣ нарушаютъ иногда равновѣсіе, но жизненность французской промышленности изумительна. Чего же вамъ нужно еще, если ваши солдаты храбры и ваши работники дѣятельны и развиты?—скажутъ намъ приверженцы безусловнаго спокойствія. Эти честные квіетисты забываютъ, что не мы возвратимъ свободу печати. Императоръ, верховный наблюдатель, дѣлая медицинскій осмотръ общественнаго организма, находитъ, что есть у насъ такая часть нравственной и политической жизни, которая страдаетъ; находитъ, что эта болѣзнь, принимающая форму паралича, принуждаетъ его возвратить дѣятельность великому ослабѣвающему тѣлу, держать его въ постоянномъ моціонѣ, не давать ему дремать. Скажемъ болѣе: бываютъ минуты, когда это великое дѣло не слѣдуетъ удовлетворительно тому направленію, какое получаетъ, утомляетъ своимъ безсиліемъ руку, имъ движущую.

„Мы знаемъ, какъ затруднительно приводить на это примѣры; но мы приведемъ ихъ, дѣлая опытъ обѣщанной намъ свободы съ готовностью остановиться, если опытъ окажется неудачнымъ.

„Въ январѣ 1859 императоръ рѣшился на войну. Франція не была къ ней приготовлена. Не было публичныхъ и свободныхъ споровъ, которые показали бы Франціи, что есть итальянскій вопросъ, что этотъ вопросъ достигъ кризиса, что нужна развязка, или посредствомъ европейскаго конгресса, или посредствомъ итальянской войны. Императоръ могъ чувствовать тогда, какъ слаба поддержка общественнаго мнѣнія; онъ могъ жаловаться на его апатію. Только революціонный духъ, думавшій найти себѣ просторъ въ Италіи, попытался нѣсколько гальванизировать общественное мнѣніе. Тогда къ апатіи общественнаго мнѣнія присоединился страхъ, и война стала еще менѣе популярна въ значительной части французскаго общества.

„Мы слышали тогда, какъ нынѣшніе консерваторы доходили въ своемъ гнѣвѣ до сожалѣнія, что уничтожилось парламентское правленіе, какъ они говорили, что двадцать бурныхъ преній произвели бы менѣе потрясенія и пробудили бы менѣе безпокойствъ, чѣмъ одно слово, произнесенное въ Тюильри 1 января 1859. Разрушительность этому слову придавало то, что оно раздалось среди общаго молчанія. Еслибъ оно было началомъ или продолженіемъ совѣщанія, оно все-таки сохранило бы свою важность, оно все-таки было бы рѣшеніемъ, какъ и должно быть, но оно не было бы неожиданнымъ и потрясающимъ ударомъ.

„Мы можемъ сказать о мирѣ то же самое, что̀ сказали о войнѣ: онъ также былъ неожиданностью. Онъ явился среди множества воинственныхъ и довольно декламаторскихъ статей, а что̀ еще важнѣе—эти статьи не встрѣтили сопротивленія, опроверженія и повѣрки ни отъ какого спора въ пользу шансовъ, благопріятныхъ для мира: потому виллафранкскій трактатъ былъ истинно театральнымъ эффектомъ, — эффектомъ, къ которому не былъ приготовленъ даже никто изъ дѣйствующихъ лицъ. Что̀ касается до насъ, никогда мы не видѣли театральнаго эффекта болѣе удачнаго и умѣстнаго. Правда и то, что мы смотрѣли на него преимущественно съ французской точки зрѣнія. Мы имѣли на это право. Мы видѣли, что въ два мѣсяца войны Франція пріобрѣла перевѣсъ, который признавался и упрочивался миромъ и который отъ продолженія войны подвергался бы риску, не вознаграждаемому надеждою на какія-нибудь новыя выгоды для Франціи. Итакъ, мы очень горячо одобряли миръ и защищали бы его гораздо жарче и тверже, если бы было свободное преніе или въ газетахъ, или на трибунѣ. Но недовольные миромъ не были тогда въ состояніи свободно выразить своего неудовольствія, какъ не могли за полгода передъ тѣмъ выражать своего неудовольствія недовольные войною; потому намъ казалось, что молчаніе, будучи необходимостью для порицающихъ, составляетъ обязанность приличія для одобряющихъ. Притомъ, мы думали, что въ рѣчахъ президентовъ великихъ государственныхъ учрежденій миръ будетъ не только одобренъ, но и объясненъ. Объясненіе исчезло подъ одобреніемъ. Уже самъ императоръ, восполняя общее молчаніе, объяснилъ виллафранкскій миръ съ величайшею

Digitized by Google

прямотою и величайшею твердостью, сказавъ то, что хотѣли бы высказать недовольные миромъ, давъ на эти возраженія отвѣтъ, очень справедливый, по нашему мнѣнію, одинъ принявъ на себя роль всѣхъ въ столь важномъ преніи, высказавшись за всѣхъ, даже за тѣхъ, которые думаютъ неодинаково съ нимъ.

„Не въ первый разъ императоръ показывалъ эту смѣлую иниціативу. Мы помнимъ, что, когда родился наслѣдный принцъ, онъ самъ съ большимъ тактомъ высказалъ то, что всѣ думаютъ, и никто не говорилъ объ этомъ четвертомъ наслѣдникѣ престола, родившемся въ Тюильри, объ этомъ наслѣдникѣ престола, о которомъ неизвѣстно, тамъ ли онъ умретъ, гдѣ родился.

„Эти порывы къ свободѣ мысли дѣлаютъ честь государю; ему прилично не обольщаться словами, съ которыми являются къ нему, и искать за стѣнами дворца общественную, народную мысль, чтобы отвѣчать ей, просвѣщать ее, умѣрять ее и направлять ее. Но этотъ даръ говорить одному недостаточенъ для государя во Франціи. Его мысль должна встрѣчать отголоски, которые не были бы льстивыми; а для этого нужно, чтобы она могла встрѣчать и противорѣчія. Эти условія необходимы для того, чтобы составлялось общественное мнѣніе и чтобы страна принимала участіе въ событіяхъ своей исторіи. Безъ того страна впадаетъ въ дремоту и разслабленіе. Благодаря превосходной военной организаціи, она можетъ быть способна на великое и удачное усиліе; но самъ государь чувствуетъ, что это усиліе не могло бы быть продолжительнымъ, а въ особенности, что оно нуждается въ поддержкѣ успѣхомъ, что ему трудно было бы перенести испытаніе неудачи. Государи думаютъ справедливо, когда полагаютъ, что всеобщая апатія—дурной пьедесталъ для нихъ: ихъ величіе основывается на величіи и силѣ ихъ опоръ; а хороши только тѣ опоры, которыя не подгибаются, а выпрямляются отъ ударовъ.

„Мы привели два примѣра невыгоды молчанія и для войны, и для мира. Мы показали, какъ самъ императоръ могъ почувствовать эти невыгоды, и какъ онъ помогъ имъ. Мы приведемъ третій примѣръ. Онъ будетъ взятъ изъ сферы менѣе высокой; онъ показываетъ, какъ болѣзнь молчанія тревожитъ также нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ сановниковъ и администраторовъ имперіи.

„Теперь собраны департаментскіе совѣты, и одинъ изъ бывшихъ депутатовъ, графъ д'Оссонвиль, написалъ для нихъ письмо, которое они прочтутъ съ пользой для себя. Г. д'Оссонвиль убѣждаетъ департаментскіе совѣты высказывать ихъ политическія мнѣнія. Намъ не удивительно слышать такой совѣтъ отъ г. д'Оссонвиля, принадлежащаго такой школѣ и такой эпохѣ, которая любила пренія. Но рѣчи, произнесенныя гг. де-Морни и де-ла-Героньеромъ при открытіи пюй-де-домскаго и верхне-вьенскаго департаментскихъ совѣтовъ, показываютъ намъ, какъ просвѣщенные сановники и администраторы имперіи, подобно императору, желаютъ, чтобы обычай преній нѣсколько возвратился въ умы. Эти обѣ рѣчи чисто политическаго содержанія, которое натурально вызывало къ пренію. Если онѣ не вызвали его, это потому, что нынѣ въ выборныхъ корпораціяхъ трудно встрѣчать людей, способныхъ противорѣчить. Мы даже убѣждены, что префектамъ нужны будутъ нѣкоторыя усилія въ смыслѣ противномъ ихъ прежнимъ усиліямъ, чтобы имѣть въ департаментскихъ совѣтахъ людей, которые противорѣчили бы.

„Если бы мы имѣли честь быть членомъ пюй-де-домскаго или верхне-вьенскаго департаментскихъ совѣтовъ, мы отвѣчали бы на одобрительный вызовъ къ пренію, сдѣланный гг. де-Морни и де-ла-Героньеромъ. Дѣйствительно, много можно сказать объ этихъ рѣчахъ, напримѣръ о высказанномъ г. де-Морни мнѣніи, что наша журналистика въ настоящее время не подлежитъ никакимъ мѣрамъ предупрежденія, какъ будто бы не должно было назвать самою строгою системою предупредительныхъ мѣръ такую систему, которая принуждаетъ писателя избѣгать возможности не понравиться администраціи подъ страхомъ замѣчаній, временной остановки и даже совершеннаго прекращенія газеты, въ которую онъ пишетъ. Но мы не имѣемъ притязанія вести пренія вмѣсто членовъ департаментскихъ совѣтовъ. Мы хотимъ только показать, что люди, наиболѣе посвященные въ мысли императора, дѣлаютъ похвальныя усилія для оживленія духа преній и для противодѣйствія болѣзни молчанія. Возстановленіе свободы печати есть одно [illegible]

Digitized by Google

которыя можно испытать противъ этой болѣзни. Мы ожидаемъ этого опыта и обѣщаемъ наше смиренное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ.

„Мы не хотимъ кончить этой статьи, не сдѣлавъ замѣчанія, которое, быть можетъ, сдѣлали бы многіе изъ нашихъ читателей и которое лучше сдѣлать намъ самимъ. Въ нынѣшнихъ размышленіяхъ мы часто говорили объ императорѣ—это противно нашимъ прежнимъ привычкамъ. Въ прежнія времена мы всегда говорили только о министрахъ, потому что министры въ прежнія времена были отвѣтственны; теперь они отвѣтственны только передъ императоромъ, то есть отвѣтственность лежитъ теперь на одномъ императорѣ. Итакъ, преніе должно относиться къ нему. Намъ эта новая метода не представляется непріятной; она—мы твердо убѣждены — не уменьшаетъ нашей свободы, — быть можетъ, даже увеличиваетъ ее, а естественная почтительность, ею возлагаемая на пренія, есть такая обязанность, которую мы принимаемъ съ полною охотою и искренностью“.

Въ сущности статья довольно ѣдка, но, по обыкновенію Journal des Débats, написана съ дипломатической тактикой, сущность которой состоитъ въ льстивомъ противоположеніи либеральныхъ тенденцій императора съ реакціонными мнѣніями его совѣтниковъ. Еслибъ не они, не эти обскуранты, окружающіе императора Наполеона, Франція, по словамъ Journal des Débats, давно пользовалась бы гораздо большею степенью свободы, чѣмъ теперь, потому что только реакціонныя мнѣнія окружающихъ людей мѣшаютъ императору вполнѣ предаться своей любви къ либеральнымъ учрежденіямъ. Journal des Débats очень хорошо знаетъ, что взводитъ на императора ложь, утверждая, будто бы онъ такъ подчиняется мнѣнію своихъ совѣтниковъ и будто бы не его желанія управляютъ Франціею. Но Journal des Débats и вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе либералы полагаютъ, что подобное искаженіе фактовъ можетъ быть полезно: они воображаютъ, будто могутъ обмануть Наполеона III своими похвалами его либерализму, какъ будто бы онъ не знаетъ своего образа мыслей и не находитъ, что желанія Journal des Débats несовмѣстны съ его политическою системою. Дальнѣйшій ходъ дѣла послужитъ новымъ подтвержденіемъ той очевидной истинѣ, что ребяческіе обманы совершенно безполезны: какъ ни сладко говоритъ Journal des Débats о либерализмѣ Наполеона III, онъ все-таки не успѣлъ обольстить императора.

Кромѣ этой тонкой, но совершенно ребяческой тактики—заставить человѣка сдѣлать то, чего онъ не хочетъ, приписывая ему образъ мыслей, котораго онъ не имѣетъ,—кромѣ этой уловки мелкаго либерализма, мы должны обратить вниманіе и на проглядывающее въ статьѣ самохвальство прежними временами, когда партія Journal des Débats управляла государствомъ. Послушать этого самохвальства—а его наслушались и ему повѣрили очень многіе—такъ подумаешь, что при Луи-Филиппѣ Франція, въ самомъ дѣлѣ, пользовалась конституціоннымъ правленіемъ. Кто вѣритъ этому, тотъ никакъ не понимаетъ возможности перехода отъ Луи-Филиппа къ Наполеону III, и такому человѣку остается только толковать о глубокомъ паденіи Франціи, что̀ и дѣлаютъ чрезвычайно многіе. На самомъ дѣлѣ перемѣна въ дѣйствительномъ порядкѣ дѣлъ вовсе не такъ огромна. При Луи-Филиппѣ конституція оставалась одною формою, а въ сущности господствовало „личное управленіе“. Формою безъ сущности могутъ дорожить только техники-спеціалисты, а толпа не придаетъ ей особенной важности, и потому-то послѣ Луи-Филиппа возможенъ былъ Наполеонъ III: для этого стоило только отбросить форму. Что̀ и говорить, личное управленіе дѣйствуетъ теперь сильнѣе,

Digitized by Google

нежели въ орлеанскій періодъ; но разница въ степени фактической зависимости дѣйствій правительства отъ общественнаго мнѣнія тогда и теперь далеко не такъ огромна, какъ думаютъ поверхностные люди, ослѣпляющіеся формою. Мы здѣсь укажемъ только на одну отрасль конституціонной жизни, составляющую прямой предметъ этой статьи—на свободу политическихъ газетъ. Напрасно хвалятся бывшіе правители орлеанскаго періода и Journal des Débats, ихъ органъ, будто бы они покровительствовали полной свободѣ политической журналистики. На бумагѣ свобода существовала тогда, но и теперь на бумагѣ она существуетъ; а на самомъ дѣлѣ орлеанское правительство придумало всѣ, возможныя тогда, средства для ея стѣсненія. Основаніе новыхъ газетъ было очень затруднено требованіемъ огромнаго денежнаго залога въ обезпеченіе уплаты штрафовъ, которымъ могла подвергнуться газета; враждебныя правительству газеты систематически убивались наложеніемъ множества огромныхъ штрафовъ. Такая свобода политическихъ преній, какая пріобрѣтена англійскими газетами, не принадлежала французской журналистикѣ и при Луи-Филиппѣ. Важнѣйшій изъ сентябрьскихъ законовъ, знаменитыхъ въ лѣтописяхъ реакціи и изданныхъ съ одобренія нынѣшнихъ защитниковъ свободы, былъ направленъ противъ свободы газетъ. Кромѣ законовъ и штрафовъ, правительство постоянно старалось убить оппозиціонныя газеты полицейскими мѣрами. Такимъ образомъ, Наполеонъ III собственно не внесъ новаго принципа въ отношенія французскаго правительства къ политическимъ газетамъ: и при Луи-Филиппѣ, какъ при немъ, правительство дѣлало все, что могло, для стѣсненія свободы враждебной ему журналистики. Вся разница въ томъ, что реакція послѣ 1848 года получила гораздо больше силы, нежели сколько имѣла послѣ 1830; только потому и стѣсненіе журналистики стало значительнѣе. Чтобы держать себя подобнымъ образомъ, у правительствъ орлеанскаго періода недоставало не охоты, а только силы. Они не дали французскому обществу привыкнуть къ полной свободѣ журналистики; а если уже существовало правило стѣснять, по возможности, газеты, то натурально, что, при усиленіи реакціи, легко было ей больше прежняго стѣснить ихъ. Теперь Journal des Débats жалуется; но его собственная партія виновна въ томъ, что французы остались способны жить безъ полной свободы печатнаго слова. Нѣсколько больше стѣсненія, нѣсколько меньше стѣсненія—это уже просто зависитъ отъ обстоятельствъ, когда не было допущено укорениться въ умахъ понятію о совершенной несовмѣстности стѣсненія съ принципомъ участія общества въ правительственныхъ дѣлахъ. Не Наполеонъ III, а люди, выставляющіе нынѣ себя либералами, должны считаться истинными виновниками того положенія, въ которое нынѣ поставлены французскія газеты. Даже и теперь, когда они открыто составляютъ непримиримую оппозицію, стало быть должны доводить до крайнихъ предѣловъ всю ту либеральность понятій, къ которой способны, даже и теперь они не умѣютъ говорить о свободѣ печатнаго слова языкомъ, соотвѣтствующимъ защищаемому ими требованію. Этотъ недостатокъ былъ хорошо раскрытъ въ статьѣ Presse (15 сентября), которая воспользовалась статьею „Journal des Débats“, чтобы развить требованіе въ болѣе мужественной формѣ:

„Г. де-Морни (говорила Presse), въ своей рѣчи при открытіи пюй-де-домскаго департаментскаго совѣта, объявилъ, что амнистія составляетъ „вступленіе къ новой системѣ, въ которую мы теперь входимъ“. Но такъ какъ онъ не почелъ нужнымъ объяс-

Digitized by Google

ниться точнѣе, то явился вопросъ, въ чемъ же состоитъ эта система, предназначенная довершить „дѣло успокоенія и примиренія“. Journal des Débats, повидимому справлявшійся объ этомъ, извѣщаетъ насъ, что правительство, пораженное вредомъ, какой наноситъ общественному духу „болѣзнь молчанія“, хочетъ попытаться излѣчить эту болѣзнь, возвращеніемъ свободы печати. Онъ ожидаетъ, по его словамъ, этого опыта, обѣщаетъ свое „смиренное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ“, и обязывается не злоупотреблять правомъ, которое будетъ ему возвращено.

„Это обѣщаніе мы считаемъ излишнимъ, чтобы не употребить болѣе сильнаго слова, и, быть можетъ, читатель найдетъ, что говорить о свободѣ подобнымъ образомъ значитъ говорить о ней очень дурно. Journal des Débats имѣетъ свои причины быть скромнымъ: онъ не забываетъ, что „общія учрежденія страны созданы не въ видахъ защиты „свободы печати; что общественное мнѣніе довольно равнодушно къ этому дѣлу; что „администрація, привыкшая къ комфорту всеобщаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защитника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ“. Все это столь же странно, какъ и невѣрно.

„Во-первыхъ, очень странно утверждать, что глава государства единственный либеральный человѣкъ въ цѣломъ правительствѣ и что теперь исключительно къ нему одному должно „относиться преніе“. Journal des Débats признается, что это противно его прежнимъ привычкамъ; но, прибавляетъ онъ, „теперь одинъ императоръ отвѣтственное лицо“. Объ этомъ было бы можно сказать много, очень много; но все равно: согласимся, что, будучи одинъ отвѣтственнымъ лицомъ, какъ единственный властитель, онъ захочетъ отдать всѣ свои дѣйствія на разборъ газетамъ. Прочнѣе ли оградится чрезъ это свобода? Journal des Débats признается, что этотъ всемогущій защитникъ „не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо ознакомленъ съ дѣломъ“. Итакъ, единственнымъ результатомъ было бы, что смѣлыя слова, внушаемыя этимъ покровительствомъ, правда, всемогущимъ, но невѣрнымъ, невнимательнымъ или нехорошо ознакомленнымъ или ознакомленнымъ съ дѣломъ въ превратномъ видѣ, отдали бы газеты на произволъ администраціи, которая будетъ къ нимъ тогда еще строже и не проститъ имъ того, что онѣ нарушили „комфортъ всеобщаго молчанія“. Мы не понимаемъ, чѣмъ утѣшительна такая перспектива для Journal des Débats

„Благорасположеніе, поддержавшее журналистику нынѣ, можетъ покинуть ее завтра,— и въ чемъ тогда найдетъ она безопасность себѣ? А что такое свобода безъ безопасности, составляющей сознаніе свободы? Кромѣ законовъ, которые гарантировали бы намъ свободу пользоваться нашими правами, ни въ чемъ другомъ нельзя найти никакой безопасности. Впрочемъ, намъ надобно только указать нынѣшнему Journal des Débats на вчерашній Journal des Débats, указать г. Камюсу, секретарю редакціи, на г. Прево-Парадоля, который опредѣлительно и справедливо говоритъ: „Свобода печати не можетъ „опираться на терпимость администраціи. Она существуетъ только подъ условіемъ, чтобы „она была ясно опредѣлена репрессивными законами, которые обозначали бы точно указанныя преступленія и наказанія за нихъ и не оставляли бы никакого мѣста произволу. Всякое другое положеніе для журналистики непрочно, и просторъ, которымъ она „по временамъ можетъ пользоваться при отсутствіи этихъ существенныхъ гарантій, никакъ не заслуживаетъ названія свободы“.

„Вотъ истинные принципы, вотъ языкъ истины, опыта, здраваго смысла и благородства! Свобода печати остается пустымъ словомъ, пока не составляетъ части свободной конституціи. Мы не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ, который заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія.

„Но мы не хотимъ также оставить безъ протестаціи того, что Journal des Débats говоритъ о мнимомъ равнодушіи общественнаго мнѣнія къ свободѣ печати. Этого равнодушія, слава Богу, нѣтъ. Волнуемое или экзальтируемое съ 1848 года революціями и быстрыми перемѣнами власти, общественное мнѣніе могло имѣть временные пароксизмы утомленія и неудовольствія; но никогда оно не бывало равнодушно къ общественнымъ дѣламъ. Мысль націи никогда не отвращалась отъ принциповъ нравственности и здравой политики и, слѣдовательно, свободы.

„Доказательства этой утѣшительной истины особенно теперь поражаютъ всѣ вни-

Digitized by Google

мательные умы. Не подлежитъ спору то, что всѣ политическія, экономическія или философскія истины, произносимыя людьми, заслуживающими уваженіе, падаютъ на почву, готовую принять и оплодотворить ихъ. Народная мысль открыта всякому полезному наставленію; она стремится къ талантамъ, способнымъ управлять ею, и въ этомъ стремленіи очищается и укрѣпляется. Изучая это стремленіе и руководя имъ, газеты должны стараться воспитать общественный духъ, составляющій силу, величіе и достоинство свободныхъ народовъ.

„Утверждать, подобно Journal des Débats, что Франція равнодушна къ свободѣ, значитъ говорить, что у ней недостаетъ существеннаго элемента, великаго двигателя національной жизни; значитъ оправдывать тѣхъ, которые, утверждая, что свободою печати интересуются только журналисты, устраиваютъ стѣснительными мѣрами „комфортъ всеобщаго молчанія". Прискорбно видѣть, что уважаемые писатели, друзья всякой свободы, доставляютъ такимъ образомъ предлогъ для претензій и дурныхъ наклонностей произвольной власти.

„Если правительство расположено, какъ утверждаютъ г. де-Морни и Journal des Débats, возвратить свободу газетамъ, причинами его рѣшенія должно служить, во-первыхъ, то, что общественное мнѣніе не равнодушно къ этой свободѣ; во-вторыхъ, то, что власть для собственной твердости должна быть постоянно оживляема національнымъ голосомъ, который передается ей газетами. Безъ этого голоса все повергается въ молчаніе, и когда онъ заглушенъ, государственныя власти становятся отдѣленными отъ націи, безжизненными, безсильными, безславными. Шестьдесятъ лѣтъ бурь, поочередно ломавшихъ всѣ наши старыя и новыя учрежденія, достаточно показываютъ, что безъ свободы общественное зданіе опирается на основахъ слишкомъ непрочныхъ.

„Англичане приписываютъ свободѣ печати всѣ хорошіе результаты своей конституціи. Они считаютъ ее столь же полезною для власти, какъ и для оппозиціи. Она умѣряетъ, направляетъ и исправляетъ ходъ ихъ правительства, и они скорѣе повѣрятъ тому, что островъ ихъ погибнетъ, чѣмъ возможности лишиться этой свободы. Мы еще не дошли до такого убѣжденія, далеко не дошли,—но дойдемъ".

Полемика подобнаго рода продолжалась нѣсколько дней съ большимъ одушевленіемъ. Наконецъ правительство увидѣло надобность положить конецъ ошибочнымъ надеждамъ, которыя иначе, укоренившись въ умахъ, поставили бы его въ затруднительное положеніе. 18 сентября „Монитёръ" напечаталъ слѣдующее извѣщеніе:

„Многіе газеты объявляли о скоромъ обнародованіи декрета, измѣняющаго законодательство 1852 года о политической журналистикѣ.

„Это извѣстіе совершенно неосновательно.

„Политическая журналистика во Франціи имѣетъ свободу подвергать разбору всѣ дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію. Нѣкоторыя газеты сдѣлавшись, незамѣтно для самихъ себя, органами враждебныхъ партій, требуютъ большей свободы, которая имѣла бы цѣлью только облегчить имъ нападенія на конституцію и основные законы общественнаго порядка. Императорское правительство не отступитъ отъ системы, которая, оставляя достаточный просторъ духу критики, пренія и разбора, предотвращаетъ гибельныя послѣдствія лжи, клеветы и ошибки".

Это извѣщеніе произвело неблагопріятное впечатлѣніе на публику, и газеты подвергли его строгому разбору. Для примѣра мы приведемъ статью, которую въ тотъ же самый день напечатала Presse.

„Монитёръ произнесъ рѣшеніе. Новаго декрета о журналистикѣ не будетъ: въ законодательствѣ 1852 года не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ. Газеты имѣютъ достаточно свободы для того, чтобы подвергать критикѣ дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію; тѣ, которыя требуютъ большей свободы, служатъ, сами того не зная, органами враждебныхъ партій, хотящихъ низвергнуть конституцію и основные законы общественнаго порядка. Вотъ что „Монитёръ" объявляетъ газетамъ.

Digitized by Google

Мы не хотимъ спрашивать, не придастъ ли слишкомъ много важности и журналистикѣ и враждебнымъ партіямъ предположеніе, что журналистика можетъ вооружить враждебныя партіи силою, способною стремиться къ такимъ результатамъ.

„Если бы мы говорили отъ имени правительства, мы не захотѣли бы посредствомъ такихъ словъ представлять его существованіе зависящимъ отъ нѣсколькихъ перьевъ. Но говорить отъ имени правительства не наша обязанность, и „Монитёръ“ лучшій судья того, что онъ говоритъ и хочетъ говорить. Но такъ какъ за нами признаютъ свободу обсуждать дѣйствія правительства и такъ какъ нынѣшнее объявленіе „Монитёра“ неоспоримо есть правительственное дѣйствіе, то мы замѣтимъ, что никто не просилъ правительство открывать просторъ „для лжи, для клеветы и ошибки“. Ложь и клевета составляютъ проступки, подлежащіе суду трибуналовъ, и даже ошибка, сдѣланная непреднамѣренно, есть проступокъ, не ускользнувшій отъ вниманія законодателя. Мы, кажется, прочли рѣшительно все написанное объ этомъ предметѣ въ недолгій періодъ надежды, прекращаемый нынѣ объявленіемъ „Монитёра“; но изъ тѣхъ желаній, которыя мы находимъ въ газетахъ, не было ни одного несовмѣстнаго съ конституціею и основными законами общественнаго порядка.

„Была ли бы опасность для конституціи, была ли бы опасность для общественнаго порядка, если бы газетамъ возвращена была общая свобода, принадлежащая труду и промышленности, черезъ уничтоженіе предварительнаго разрѣшенія, если бы чрезъ уничтоженіе замѣчаній онѣ возвращены были въ обыкновенное вѣдомство юридической подсудности? Мы не думаемъ этого и, пользуясь свободою, оставшеюся намъ по „Монитёру“, говоримъ, что не думаемъ этого. Нетрудно было бы доказать наше мнѣніе, но безполезно ратовать аргументами противъ факта, а фактъ здѣсь то, что „Монитёръ“ не раздѣляетъ нашего мнѣнія. Этимъ рѣшается вопросъ. Положеніе дѣлъ остается прежнее, и газеты должны ладить съ нимъ, какъ знаютъ. Стѣсненіе падаетъ на нихъ, но отвѣтственность и—не побоимся сказать—важнѣйшая часть вреда упадетъ на другихъ“.

Правительству показалось нужнымъ нѣсколько смягчить впечатлѣніе, произведенное безусловнымъ характеромъ объявленія „Монитёра“ о томъ, что правила, которыми стѣснены газеты, не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ. На другой день явился въ „Монитёрѣ“ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ, дополнявшій объявленіе „Монитёра“ разъясненіями, которыя могли бы нѣсколько уменьшить неудовольствіе. Циркуляръ начинался тѣмъ, что изъ амнистіи, освободившей газеты отъ наказаній, полученныхъ ими по закону 17 февраля 1852, напрасно выводили заключеніе, будто бы самый этотъ законъ отмѣняется,—напротивъ, амнистія была только милостью, а прежній законъ сохраняетъ свою силу.

„Декретъ 17 февраля 1852 г. (продолжалъ циркуляръ) не былъ, какъ утверждали, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе, мѣрою временною, порожденною общественнымъ кризисомъ и непригодною для обыкновенныхъ временъ. Безъ сомнѣнія, какъ всѣ политическіе законы, онъ можетъ подлежать улучшеніямъ, польза которыхъ была бы доказана опытомъ; но принципы, на которыхъ основанъ этотъ законъ, тѣсно связаны съ возстановленіемъ правительственной силы во Франціи и съ учрежденіемъ единства власти на основаніи всеобщаго вотированія.

„Императорское правительство не опасается добросовѣстнаго разбора своихъ дѣйствій: оно такъ сильно, что не боится никакихъ нападеній (и т. д., въ этомъ родѣ). Но если неоспоримая его сила даетъ ему возможность безвредно переносить даже злоупотребленія свободы, то соображенія, не зависящія отъ боязни и основанныя исключительно на общественномъ благѣ, налагаютъ на него обязанность не отказываться отъ законныхъ средствъ защиты, составляющихъ гарантію, а не стѣсненіе для общества при правительствѣ, которое служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ національной воли.

„Право излагать и обнародовать свои мнѣнія, принадлежащее каждому французу, есть пріобрѣтеніе 1789 года и не можетъ быть отнимаемо отъ націи, столь просвѣщенной, какъ французская. Но это право не должно быть смѣшиваемо съ свободою періодическихъ изданій.

Digitized by Google

„Газеты суть организованныя въ государствѣ коллективныя силы и при всѣхъ правительствахъ подлежали особеннымъ правиламъ *). Итакъ, государство имѣетъ права и обязанности предосторожности и надзора, исключительно относящіяся къ газетамъ, и когда оно оставляетъ за собою власть прямо наказывать ихъ проступки административнымъ путемъ, оно не стѣсняетъ свободы мысли, оно только пользуется способомъ охраненія общественныхъ интересовъ. Пользованіе этимъ способомъ охраненія, безспорно ему принадлежащимъ, должно совершаться въ духѣ великой справедливости, умѣренности и твердости.

„Прибавлю, что умѣренность особенно необходима въ административномъ судѣ относительно газетъ. Я самымъ сильнѣйшимъ образомъ обращаю ваше вниманіе на это. Правительство имѣетъ рѣшимость и обязанность не давать принципу своей власти ослабѣвать; но именно поэтому самому оно должно вводить въ свободу пренія только тѣ ограниченія, которыя предписываются уваженіемъ къ конституціи, къ законности императорской династіи, интересами порядка, общественной нравственности и религіи.

„Такимъ образомъ, правительство, далекое отъ мысли требовать раболѣпнаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ допускать серьёзное противорѣчіе. Оно не будетъ смѣшивать права контроля съ систематическою оппозиціею и разсчитаннымъ зложелательствомъ. Правительство самымъ сильнымъ образомъ желаетъ того, чтобы его власть была просвѣщаема преніемъ; но оно никогда не потерпитъ, чтобы общество было тревожимо преступными возбужденіями или враждебными страстями.

„Содѣйствуя мнѣ, г. префектъ, вы будете равно удаляться и отъ слабости, допускающей злоупотребленія свободы, и отъ излишества, стѣсняющаго свободу“.

Циркуляръ, какъ видимъ, очень щедръ на увѣренія, которыми могла бы смягчаться существенная мысль его о томъ, что административная опека надъ газетами должна продолжаться. Онъ содержитъ очень много либеральныхъ фразъ и даже даетъ косвенное обѣщаніе, что правила, которымъ нынѣ подлежитъ журналистика, будутъ раньше или позже измѣнены. Около того же времени, правительство вздумало прибѣгнуть къ новому способу останавливать газетную оппозицію, и первый примѣръ этого новаго средства опеки показало на двухъ газетахъ, которыя нарочно были выбраны изъ числа незначительныхъ. Вмѣсто „замѣчаній“ (avertissements), которыя посылались для напечатанія въ виновную газету, подвергавшуюся опасности временной остановки изданія послѣ двухъ такихъ замѣчаній, были только напечатаны въ „Монитёрѣ“ „сообщенныя объясненія“ (communiqués), выражающія порицаніе, но не имѣющія никакихъ юридическихъ послѣдствій. Это было косвеннымъ указаніемъ, что если правительство и не хочетъ формальнымъ образомъ отмѣнить систему замѣчаній, то вообще на практикѣ расположено слѣдовать болѣе умѣренной системѣ относительно журналистики. Газеты, поддерживающія нынѣшнее правительство, конечно, распространились въ похвалахъ умѣренности его и „либеральнымъ тенденціямъ“ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. Но другія газеты не измѣнили своего мнѣнія. Полемика противъ декрета 17 февраля 1852 года естественно стала ослабѣвать, когда журналистика увидѣла изъ объясненія „Монитёра“ 18 сентября, что критика этого декрета не достигнетъ успѣха, не поведетъ къ его отмѣнѣ. Но все-таки, постепенно ослабѣвая, полемика эта продолжалась еще довольно долго. Нѣкоторыя изъ статей, особенно въ „Presse“, отличались прежнею рѣзкостью. Въ примѣръ приводимъ статью изъ „Presse“ 23 сентября:

---

*) Вотъ мы видимъ, что само нынѣшнее правительство приводитъ оправданіемъ для нынѣшняго положенія политической журналистики тѣ отношенія, въ которыхъ старались держать ее прежнія французскія правительства.

Digitized by Google

„Два „сообщенныя замѣчанія“, напечатанныя нынѣ „Монитёромъ“ (говоритъ Presse), вновь обращаютъ наше вниманіе на циркуляръ, посланный къ префектамъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыя газеты, не замѣчая существеннаго его характера, подвергаютъ разбору разныя его подробности. Такъ, Patrie, нынѣ во второй разъ радующаяся „либеральнымъ тенденціямъ“ этого циркуляра, жалѣетъ, что оставили въ прежней силѣ правила относительно замѣчаній, даваемыхъ газетамъ, и къ довершенію своего довольства требуетъ, чтобы эти административныя замѣчанія были сравнены съ судебными приговорами, то есть, чтобы они теряли свою силу черезъ два года, чтобы замѣчаніе не было нескончаемымъ наказаніемъ. Сохраняя питаемое нами достодолжное уваженіе къ Patrie, мы осмѣлимся сказать, что она занимается мухами, не замѣчая слона. Министръ внутреннихъ дѣлъ понялъ смыслъ вопроса гораздо лучше, и надобно возстановить вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представилъ его съ откровенностью, за которую мы ему безконечно благодарны.

„Нѣкототорыя рѣчи, произнесенныя при открытіи департаментскихъ совѣтовъ, подали надежду на перемѣну въ нынѣшнихъ законахъ о журналистикѣ, и г. де-Морни формально сказалъ: „Амнистія служитъ вступленіемъ къ системѣ, въ которую мы входимъ“. Объявленіе г. министра внутреннихъ дѣлъ прекращаетъ эти химерическія предположенія. „Амнистія была просто свидѣтельствомъ доброжелательства къ французской журналистикѣ“; но она нимало не измѣнила декрета 17 февраля 1852. Этотъ декретъ не есть временная мѣра: „какъ утверждали, къ сожалѣнію, многіе“, это по выраженію, которое повторяетъ нынѣ „Монитёръ“, печатая фразу курсивомъ,—это *органическій законъ*, принципы котораго „тѣсно связаны съ характеромъ императорской власти“.

„Вотъ вещи, которыя намъ важно было знать. Мы были убѣждены въ нихъ: но другіе, въ особенности Constitutionnel, имѣли по этому вопросу сомнѣнія, которыя быстро разсѣяны словами министра. Хотя и обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они поспѣшили объявить, что они совершенно свободны, и доказали это, принявъ чрезвычайную отвагу безусловно хвалить объявленіе „Монитёра“ и циркуляръ министра.

„Эта гибкая логика, которая умѣетъ проповѣдывать всякую господствующую систему и вѣчно держаться принциповъ, которые угодно выражать правительству, не составляетъ рѣдкости, и если мы теперь обратили на нее вниманіе, такъ это потому, что она безполезна. „Правительство, говоритъ циркуляръ, будучи далеко отъ мысли требовать раболѣпнаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ терпѣть серьезныя противорѣчія. Оно само желаетъ получать отъ преній полезныя указанія для своей власти“. Если дѣло только за нами, оно при всякомъ случаѣ будетъ получать эти указанія, и, чтобы начать нынѣ же, мы перечитываемъ циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, и такъ какъ г. министръ въ двухъ нынѣшнихъ сообщенныхъ объясненіяхъ снова говоритъ намъ, что мы имѣемъ „право подвергать критикѣ правительственныя дѣйствія“ и что мы можемъ пользоваться этимъ правомъ „безъ всякой опасности“—такъ какъ онъ говоритъ это, то мы ему скажемъ, что его циркуляръ не вездѣ достаточно ясенъ.

„Правительство обѣщаетъ „не стѣснять обсужденія ничѣмъ, кромѣ ограниченій, „налагаемыхъ уваженіемъ къ конституціи, законностью императорской династіи, интересами порядка, общественной нравственности и религіи“. Это выраженія очень неопредѣленныя и вовсе неуспокоительныя. Не могутъ ли сказать, напримѣръ, что мы нападаемъ на конституцію, если, поддавшись фантазіи разсмотрѣть ее, мы замѣтили бы въ ней недостатки и предложили бы нѣкоторыя измѣненія? Могли ли бы мы, не нарушая уваженія „къ законности императорской династіи“, разсуждать общимъ образомъ о политическихъ принципахъ? Наши отвлеченныя размышленія, могущія приводить къ примѣненіямъ, не были ли бы сочтены за нападенія? Если бы намъ случилось похвалить у другаго народа политическую систему, различную отъ той, подъ которой мы живемъ, не были ли бы мы обвинены въ косвенномъ возбужденіи презрѣнія къ конституціи? Историческіе вопросы, такъ или иначе, почти всегда касаются прошедшихъ и нынѣшнихъ учрежденій, и потому не могутъ ли намъ быть воспрещены историческія воспоминанія, которыя покажутся опасными по сближенію? Не надобно ли будетъ оставлять во тьмѣ прошедшее изъ страха, чтобы оно не [illegible] свѣта на настоящее? Можемъ ли мы безнаказан[illegible] о бѣдствія [illegible]овъ и о тѣхъ, которыя пере-

Digitized by Google

несли мы сами? Вотъ наши недоумѣнія. Мы просимъ г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить ихъ.

„Неопредѣленность становится ужасна, когда циркуляръ говоритъ объ общественной нравственности и религіи. Оскорбленіе благопристройности—вещь понятная; но что такое оскорбленіе общественной нравственности и религіи, — этого нельзя понять, или это можно понимать тысячью разныхъ способовъ, что одно и то же. Говорить, что какая-нибудь религія ложна, конечно, значитъ нападать на нее самымъ сильнымъ образомъ; а, между тѣмъ, въ странахъ, имѣющихъ свободу исповѣданій, каждому принадлежитъ право доказывать, что его религія одна только истинная и что, слѣдовательно, всѣ остальныя ложны. Что касается до общественной нравственности, то г. министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, намѣренъ понимать подъ нею только принципы, общіе всѣмъ религіямъ, и въ такомъ случаѣ мы просимъ его замѣтить, что онъ обращаетъ столы своего министерства въ мѣста метафизическихъ состязаній.

„Циркуляръ утверждаетъ, что „газеты суть коллективныя силы, организованныя въ государствѣ“, и что онѣ „должны подлежать особеннымъ правиламъ“. Вотъ, по нашему мнѣнію, заблужденіе, хроническое заблужденіе, внушавшее столько ошибочныхъ мѣръ французскимъ правительствамъ. Газеты только средство обнаруживать врожденную способность; это—машины, и, подобно всѣмъ другимъ машинамъ, должны быть свободны въ своемъ правильномъ дѣйствованіи и подлежать суду только тогда, когда ими совершается преступленіе. По этому опредѣленію, которое мы считаемъ и справедливымъ, и благотворнымъ, нѣтъ надобности создавать для газетъ особенные проступки и преступленія—онѣ должны подлежать общимъ законамъ: въ этомъ и состоитъ единственное ихъ требованіе, которое столь рѣдко было исполняемо. Законъ, общій для всѣхъ, говоритъ, что человѣкъ, злоупотребившій орудіемъ для совершенія преступленія, долженъ быть наказанъ; но справедливость требуетъ, чтобы наказывался только тотъ, кто дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ преступности своего дѣла, т. е. совершилъ преступленіе предусмотрѣнное, опредѣленное закономъ, внесенное въ законъ. Мы очень твердо знаемъ теперь, что декретъ 17 февраля 1852 г. есть законъ и, притомъ, органическій законъ; но опредѣлены ли въ немъ ясно всѣ проступки, за которые газеты могутъ подвергаться замѣчаніямъ, временной остановкѣ изданія и запрещенію? Безспорно, неопредѣлены,—и вотъ почему мы считаемъ снисходительность правительства единственнымъ обезпеченіемъ, какое въ сущности имѣемъ.

„Важность, придаваемая правительствомъ стѣснительнымъ мѣрамъ — великое самообольщеніе. Правительство думаетъ находить въ стѣсненіи источникъ силы,—оно обманывается. Единственный источникъ силы для правительства—признательность, внушаемая его благодѣяніями, уваженіе, внушаемое его справедливостью. Уклоняться отъ испытанія посредствомъ безусловно свободной критики, когда имѣешь сознаніе быть властью благотворною и необходимою, значитъ унижать и ослаблять себя.

„Сдѣлаемъ еще только одно замѣчаніе. Правительство обѣщаетъ обнаруживать въ наказаніяхъ „духъ великой справедливости, умѣренности и твердости“. Мы хотимъ вѣрить, что его намѣреніе таково; но отъ этого мы не подвигаемся ни на одинъ шагъ впередъ, пока мы не имѣемъ яснаго опредѣленія различныхъ проступковъ, которые можемъ мы совершать. Стѣсненіе остается въ умѣ писателя, если даже не находится въ намѣреніяхъ правительства. Иго тогда тяжеле, чѣмъ хотятъ налагающіе его. Чувство безопасности не внушается по произволу, и пока журналы не будутъ имѣть другихъ гарантій, кромѣ снисходительности правительства, къ нимъ можно примѣнять фразу великаго оратора: „Посмотрите, каковы они стали, благодаря снисходительности.

„Къ счастію, жизненность ихъ очень велика. Всѣ французскія правительства ихъ преслѣдовали, нѣкоторыя пытались убить ихъ, и извѣстно, каковъ былъ результатъ этой безсильной попытки, напримѣръ, для реставраціи. Съ 1789 года не разъ шпага владычествовала надъ перомъ, своимъ вѣчнымъ соперникомъ; но перо, презирая бури, всегда могло сказать шпагѣ, какъ тростникъ говорилъ дубу: „я гнусь, но не сломлюсь“. Если мы не безусловно свободны, то мы независимы, и этого довольно, — по крайней мѣрѣ, для читателя; а что касается до журналистовъ, мы имъ напомнимъ для ихъ

Digitized by Google

ободренія слова, которыми 63 года назадъ Портали заключилъ свою прекрасную рѣчь о свободѣ печати":

„Пусть не унываютъ просвѣщенные и благородные писатели. Мы имъ скажемъ: „идите впередъ, вы, могущіе разлить потоки свѣта на всѣ важные вопросы, обсуждаемые „въ совѣтахъ націи; идите впередъ вы, имѣющіе мужество провозглашать истину и „бороться съ несправедливостями и злоупотребленіями власти; идите впередъ вы, по „своей проницательности и патріотизму заслуживающіе быть участниками въ дѣлѣ зако„нодательства, хотя бы ваше положеніе и не позволяло вамъ быть членами законодательной „власти,—вы, достойные подготовлять наши труды и раздѣлять славу за нихъ, — вы, „ежедневно посѣевающіе въ обществѣ благія мысли просвѣщенія и планы, достойные „отечества и лучшихъ вѣковъ. Вы занимаете самую независимую изъ общественныхъ „должностей".

Интересъ, съ какимъ общество слѣдило за преніями о законахъ, которымъ теперь подчинена французская журналистика, конечно, уменьшался съ каждымъ днемъ, когда открылось, что эти пренія не поведутъ ни къ какому непосредственному практическому результату, и, такимъ образомъ, правительство увидѣло наконецъ возможность выступить энергичнѣе прежняго для прекращенія полемики, ему непріятной. Въ „Монитёрѣ" 27 сентября явилось слѣдующее объявленіе:

„Подъ предлогомъ доказать, что журналистика не свободна, многія газеты производили на декретъ 17 февраля 1852 года нападенія, выходящія изъ крайнихъ предѣловъ права разбора.

„Уваженіе къ закону нераздѣльно съ пользованіемъ законною свободою.

„Противъ писателей, забывающихъ это уваженіе, правительство могло бы воспользоваться властью, ему принадлежащею. Оно не хочетъ дѣлать этого послѣ недавней, добровольно принятой имъ мѣры, освободившей періодическія изданія отъ замѣчаній, которымъ они подверглись.

„Правительство, оставаясь вѣрно своимъ принципамъ умѣренности, не можетъ также не исполнять лежащей на немъ обязанности охранять уваженіе къ закону.

„Итакъ, оно добросовѣстно предупреждаетъ газеты, что оно рѣшилось не допускать болѣе полемическихъ излишествъ, которыя должны считаться интригою партій".

Но и это объявленіе не произвело всего дѣйствія, какого ожидало отъ него правительство. Тѣ изъ газетъ, которыя особенно сильно полемизировали противъ декрета 17 февраля, помѣстили на другой день статьи, говорившія, что онѣ не хотятъ принимать такого истолкованія ихъ прежнихъ статей и должны еще разъ повторить, что остаются при своемъ мнѣніи. Siècle, напримѣръ, объявилъ, что объявленіе „Монитёра" не относятся къ нему, потому что онъ никогда не допускалъ „излишествъ" въ своей полемикѣ, и потому онъ считаетъ себя сохраняющимъ право продолжать свои требованія объ измѣненіи законовъ, опредѣляющихъ положеніе журналистики. Presse объявила, что объясненіе „Монитёра" не измѣняетъ положенія дѣлъ, потому что все-таки должны сохранять силу прежнія увѣренія правительства о томъ, что журналистика имѣетъ право подвергать контролю правительственные акты.

Полемика продолжалась еще нѣсколько времени, и даже осторожный „Journal des Débats" отважился вновь помѣстить двѣ или три статьи, по прежнему доказывавшія неудобство нынѣшнихъ законовъ о журналистикѣ. Но, давно потерявъ свой практическій интересъ, полемика постепенно и незамѣтно наконецъ прекратилась.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большаго формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

Содержаніе: т. I.—Критика и библіографія. (Отеч. Зап. 1853—1858; Атенеей 1858; Соврем. 1853—1855).—Портретъ автора 1853 г.

„ II.—Критика и библіографія.—Очерки Гоголевскаго періода русск. литературы. — Замѣтки о журналахъ 1856 г. (Соврем. 1856).

„ III.—Критика и библіографія.—Замѣтки о журналахъ 1857 г.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Лессингъ (Соврем. 1857 г.).

„ IV.—Статьи по крестьянскому вопросу. — Статьи экономическія (Соврем. 1858—1859).

„ V.—Отдѣлъ „Политика" изъ Современника 1859 г.

„ VI.—Критика и библіографія. — Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика" (Соврем. 1860).

„ VII.—Милль, политическая экономія, переводъ и примѣчанія (Соврем. 1860—1861).—Портретъ 1859 г.

„ VIII—Критика и библіографія. — Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика" (Соврем. 1861).

„ IX.—Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика". — Романъ „Что дѣлать?" (Соврем. 1862—1863). Портретъ 1864 г.

„ X.—Отдѣльныя статьи.—Статьи послѣдняго времени.—(Эстет. отношенія искусства къ дѣйствительности. — Прологъ пролога.—Записка о дѣлѣ старообрядцевъ.—Повѣсть „Вечера у княгини Старобѣльской".—Замѣтки о Некрасовѣ и др.).—Портретъ 1888 г.

ПОДПИСКА — принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; **Москва** — Моховая ул., д. Баженова; **Варшава** — Новый Свѣтъ, 69; **Вильна** — Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА — по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги: 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА — подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) для городскихъ подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ—по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальныя 4 книжки выдаются безплатно.

2) для иногороднихъ: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р. за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую — 1 р. а всего 20 р.—Десятая книжка выдается безплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Первую книжку (т. VII, Милль) предполагается выпустить 1 ноября 1905 г. и затѣмъ каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

(Вышли томы VII, VI, VIII, III и IV).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большаго формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

Содержаніе: т. I.—Критика и библіографія. (Отеч. Зап. 1853—1858; Атенеей 1858; Соврем. 1853—1855).—Портретъ автора 1853 г.

„ II.—Критика и библіографія.—Очерки Гоголевскаго періода русск. литературы. — Замѣтки о журналахъ 1856 г. (Соврем. 1856).

„ III.—Критика и библіографія.—Замѣтки о журналахъ 1857 г.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Лессингъ (Соврем. 1857 г.).

„ IV.—Статьи по крестьянскому вопросу. — Статьи экономическія (Соврем. 1858—1859).

„ V.—Отдѣлъ „Политика" изъ Современника 1859 г.

„ VI.—Критика и библіографія. — Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика" (Соврем. 1860).

„ VII.—Милль, политическая экономія, переводъ и примѣчанія (Соврем. 1860—1861).—Портретъ 1859 г.

„ VIII—Критика и библіографія. — Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика" (Соврем. 1861).

„ IX.—Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика". — Романъ „Что дѣлать?" (Соврем. 1862—1863). Портретъ 1864 г.

„ X.—Отдѣльныя статьи.—Статьи послѣдняго времени.—(Эстет. отношенія искусства къ дѣйствительности. — Прологъ пролога.—Записка о дѣлѣ старообрядцевъ.—Повѣсть „Вечера у княгини Старобѣльской".—Замѣтки о Некрасовѣ и др.).—Портретъ 1888 г.

ПОДПИСКА — принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; **Москва** — Моховая ул., д. Баженова; **Варшава** — Новый Свѣтъ, 69; **Вильна** — Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА — по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги: 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА — подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) для **городскихъ** подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ—по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальныя 4 книжки выдаются безплатно.

2) для **иногороднихъ**: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую — 1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается безплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Первую книжку (т. VII, Милль) предполагается выпустить 1 ноября 1905 г. и затѣмъ каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

(Вышли томы VII, VI, VIII, III и IV).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

BOUND
OCT 29 1923
UNIV. OF MICH.
LIBRARY

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02753 7375

Digitized by Google